(45-й годъ изданія).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907

9.

Стр.

5. Заботы **Екатерины Великой** о Лифляндской губерніи. Письма ея къ графу Ю. Ю. Броуну.

11. Пять лѣтъ въ Россіи при Екатеринѣ Великой. Записки **графа Л. Ф. СЕГЮРА. 1785 — 1789. Новый полный** переводъ, съ примѣчаніями.

119. Ужасы крѣпостного права въ царствованіе Александра Благословеннаго (1824). Донесеніе Курскаго губернатора **А. С. Кожухова** о помѣщицѣ Денисьевой и ея супругѣ.

136. Изъ записныхъ книжекъ масоновъ, **графа М. Ю. Вельегорскаго и Ѳ. Н. Глинки.** Съ предисловіемъ **Т. О. Соколовской.**

139. **Михаилъ Никитичъ Муравьевъ** (къ столѣтію его кончины) **Д. М. Щепкина.**

141. Письма **И. С. Аксакова** къ сестрѣ его М. С. Томашевской. (О Константинополѣ и о жизни въ Крыму).

Внутри сорочки: о книгахъ **Н. Новомбергскаго:** „Врачебное настроеніе въ до-Петровской Руси“ и **И. Г. Попруженка:** „Къ исторіи безумнаго года (1848)“.—Еще о загробномъ самозванствѣ.

Приложены листы **Предметной Росписи** „Русскаго Архива“ за 1863—1907 годы (царствованія Павла Петровича и Александра Павловича).

РУССКІЙ АРХИВЪ“ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1908-М ГОДУ НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи
на Страстномъ бульварѣ.
1907.

Библиотека "Руниверс"

Н. Новомбергскій. Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси. Томскъ. 1907. 8-ка. VII+387+XCIX+V. Цѣна 2 р.

Къ превосходнымъ трудамъ покойнаго Л. Ѳ. Зміева и М. Ю. Лахтина объ исторіи Русской медицины присоединяется и вѣско пополняетъ ихъ книга г-на Новомбергскаго.

Изслѣдованіе это написано человѣкомъ много трудившимся надъ исторіей медицины въ Россіи, на основаніи старинныхъ рукописей, изъ которыхъ многія впервыя имъ же найдены въ архивахъ и обнародованы въ его „Матеріалахъ“ (4 тома, 1905—1907).

По мнѣнію почтеннаго изслѣдователя, колыбелью народнаго врачебнаго знанія было вѣдовство (колдовство). Первые врачи дѣйствовали лишь для царскаго обихода и не были доступны населенію. Благодаря военнымъ потребностямъ, образовалась полковая военная медицина и началось врачебное образованіе Русскихъ людей. Судебныя испытанія повели къ развитію врачебныхъ освидѣтельствованій; больницы возникли на почвѣ монастырской благотворительности, а благодаря климатическимъ условіямъ, создался санитарно-карантинный арсеналъ: вотъ фундаментъ Русскаго врачебнаго дѣла.

Но еще въ XVI столѣтіи врачебнымъ искусствомъ занимался одинъ изъ именитыхъ людей, предокъ нынѣшнихъ графовъ Строгановыхъ, и въ Петербургѣ, въ извѣстномъ домѣ у Полицейскаго моста, можетъ быть, найдутся бумаги, до него относящіяся. Въ XVII вѣкѣ царь Алексѣй Михайловичъ былъ большой любитель ботаники, и разнаго рода лечебныя травы собирались для него въ село Измайловѣ по всей тогдашней Россіи.

Съ большою убѣдительностью въ книгѣ Новомбергскаго опровергается распространенная ошибка, вошедшая даже въ Полное Собраніе Законовъ („О новомъ образованіи медицинскаго управленія“), будто бы Аптекарскій Приказъ не сдѣлалъ ничего къ основанію врачебной науки.

Въ до-Петровскій періодъ Московское правительство выработало при борьбѣ людей и животныхъ съ повальными болѣзнями вполнѣ разумныя положенія, далѣе которыхъ, собственно говоря, мы не пошли и теперь.

Много страницъ посвящено въ книгѣ Новомбергскаго доказательству, что и на Руси въ до-Петровское время, вопреки утвержденію профессора Лешкова, бывали процессы противъ колдуновъ. Въ приложеніяхъ приводятся выписки изъ Архива Министерства Юстиціи, этого неисчерпаемаго кладезя матеріаловъ для исторіи стараго Русскаго быта. Наша Русь, по милости Божіей, никогда не рисовалась и думала она свою „крѣпку думу безъ пуму“.

Отрадно видѣть изслѣдованія подобныя труду г-на Новомбергскаго; они свидѣтельствуютъ, какъ еще много можно и плодотворно работать надъ архивными матеріалами. И пока не будутъ произведены подробныя и обстоятельныя изслѣдованія по всѣмъ отраслямъ внутренней народной жизни, мы будемъ оставаться въ области голословныхъ утвержденій и повторять старыя ошибки.

И. Г. Попруженко. Къ исторіи „безумнаго года 1848“. Варшава. 1907. 8-ка. 126 стр. Ц. 1 р.

Книжка состоитъ изъ двухъ живо и со знаніемъ дѣла составленныхъ статей. „Эпизодъ изъ исторіи Польскаго крестьянства“ (появилось первоначально въ „Историческомъ Вѣст-

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ПЯТЫЙ.

1907.

III.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Даръ небесный, воспоминаніе: это тѣнь благополучія, какого больше не имѣемъ. Послѣ всѣхъ утратъ оно служитъ намъ какъ бы утѣшеніемъ.

Графъ Сегюръ.

1907.

КНИГА ТРЕТІЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1907.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЗАБОТЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ О ЛИФЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Пять писемъ ея къ Рижскому генералъ-губернатору графу Ю. Ю. Броуну *).

1.

Herr General Couverneur von Liefland. Wor einiger Zeit iſt mir ein Buch zu hände gekommen aus welchen ich die auf der dritten ſeite dieſes Blats abgeſchriebene Paſſage gefunden. Ich ſchicke ihnen dieſes zu, weil es villeicht was nützliches für ihre Sandigte gegenden in ſich hält. Wenn dieſe art den Treibſand zu fixiren in ihren Gegenden noch nicht bekannt iſt, und ſie keine beſſere nicht kennen, ſo käm es auf eine Probe einer wärts an, um die ſache in der mode zu bringen: die Binne trägt nach den Binnenſtock allerley Blumenſaft

Ich verbleibe mit vieler gewogenheit

Caterina

St: P: den 29 Mars
1781.

Переводъ.

Господинъ генералъ-губернаторъ Лифляндіи. Нѣсколько времени назадъ мнѣ въ руки попалась книга въ которой я нашла мѣсто, списанное на третьей страницѣ этого письма. Я посылаю вамъ его, такъ какъ, можетъ быть, оно содержитъ что нибудь полезное для вашихъ песчанныхъ мѣстностей. Если этотъ способъ закрѣплять сыпучій песокъ еще неизвѣстенъ въ вашихъ краяхъ и другихъ не знаютъ, то слѣдовало бы попробовать ради одного того уже, чтобы всѣ обратили на это вниманіе: пчела несетъ въ улей всякаго рода цвѣтной сокъ.

Пребываю весьма благорасположенная Катерина.

С.Пб. 29 Марта 1781.

---

*) Изъ VI-й книги Сборника П. И. Щукина, въ Музеѣ котораго хранятся эти своеручныя письма. Они напечатаны съ сохраненіемъ ея правописанія. Удѣлѣло очень мало писемъ Екатерины на ея природномъ языкѣ. Какъ и Фридрихъ II, она писала преимущественно на Французскомъ, и на всѣхъ трехъ языкахъ правописаніе ея было невѣрно; но вѣдь и Ришелье, напримѣръ, писалъ какъ лавочникъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

2.

Herr General Gouverneur von Liefland. Für die geſchickte Pflaumen dancke ich ihnen, auch für den verſprochnen Rewenüen des Gartens. Meine Beyde Groß=Söhne ſeynd Gott ſey Danck gantz friſch und munter und die Pocken fangen an abzufallen, ſie ſeynd auch ohne alle gefahr von anfang an geweſen. Der Alexander hat eine gute Portion von Pocken gehabt, der jünſte aber ſehr wenig. Im übrigen verbleibe wie jederzeit mit vieler gewogenheit und Freundſchaft

Caterina,

Czarskoselo d. 14. Sep: 1781.

(На оборотѣ письма: Лифляндскому Генералъ-Губернатору Генералу Графу Броуну).

Переводъ.

Господинъ генералъ-губернаторъ Лифляндіи, благодарю васъ за присланныя сливы, а также и за обѣщанные доходы съ сада. Оба внука мои, слава Богу, бодры и веселы, и оспины начинаютъ отпадать. Они и съ начала болѣзни были внѣ опасности; у Александра оспа высыпала очень сильно, у младшаго же очень слабо. А впрочемъ пребываю, какъ всегда, весьма къ вамъ расположенная и дружественная Катерина.

Царское Село, 14 Сентября 1781.

3.

Moscou, ce 10 Mars (1785).

Monsieur le General Broun, ich habe ihre zwey Briefe vom 19 und 25 Feb: wohl erhalten, und antworte ihnen iezt nur vorläufig (weil die große menge Geſchäften mir noch nicht erlaubt die beylagen gantz durch zu leſen). Die Arenden habe dem Senat befohlen vorzunehmen mit ihren Vorſtellungen ſie zu accordiren und einige habe ich ſelber befohlen in der liſte zu ſetzen. Über ihrer dispute mit dem Iustitz Collegium kann noch nicht ſprechen, weil ich nur von einer Seit die Sache noch geſehen. Es ſcheint mir aber der Herr Couverneur ſchreibt nicht ohne Grund. Mit vielen Vergnügen werde ich ihnen zu Petersb: ſehen wo ich gedencke ausgang May oder anfangs Junii (wenn Gott will) zu reiſen. Ich habe durch dem Senat befohlen von ihnen zu fordern eine Copie der Swediſchen Regierungsannordnung in Liefland die Hof und Land Gerichte betreſend um darnach nach möglichkeit die einrichtung derer innerlichen im Reiche gerichts Orte einzurichten welche mir viel zu ſchaffen machen und weit von meinen Abſichten noch entfernet ſeyn, aber dennoch werde ich den Muth wohl nicht fallen laßen. Meine geſundheit läßt ſich nichts anfechten, ich ſtehe an ſpäteſten um 6 Uhr auf und bleibe wohl bis um 11 in meinen Cabinet und komt zu mir nicht der in faveur iſt, aber wohl wer nach ſeinem Platze mit mir zu thun hat und öffters leute ſo ich faſt mit nahmen nicht kenne; die in faveur ſeynd habe ich gewöhnt heraus zu geben wenn die Sachen ihnen nicht angehen. Des Nachmittags

Библиотека "Руниверс"

komt nichts vor, wenn es nicht außers notwendige Sachen sayn, und des Abends sehen ich diejenigen die da kommen und gehe am spätesten um halb eilf schlafen. Also wird meine gesundheit wohl nicht so angegrifen wie sie es aus freundschaft vor mir fürchten; ich wünsche von der ihrigen das selbige zu hören. Ich habe befohlen sogleich als ihr Brief mir zu Händen gekommen das ins künftige die Generalitet und die Truppen möchten beßer bezahlt werden damit sie nicht nöhtig hätten an verhaste подрядамъ und откупы zu dencken. Ich bin sehr intentioniret Englische Offizirs in der flotte anzunehmen und noch lieber wäre es mir wenn ich einem geschickten oder auch mehrer Flagmänner von dieser Nation bekommen könte und also bitte ich ihnen ohne Zeit zu verlieren die hand anzulegen an dieser Sache Plan und execution. Die Zufridenheit der liefländerer ist mir sehr angenehm; ich werde warhaftig ihnen nichts abnehmen, wohl aber ihre Wohlfart jederzeit befördern im übrigen verbleibe ich ihre wohl

affectionirte
Caterina

Переводъ.

Москва, сего 10 Марта (1785).

Господинъ генералъ Броунъ. Я исправно получила ваши оба письма отъ 19 и 25 Февраля и сейчасъ отвѣчаю вамъ лишь предварительно (такъ какъ большое количество дѣлъ мнѣ пока не позволяетъ прочесть вполнѣ приложенія къ нимъ). Сенату я велѣла заняться арендами, согласовать ихъ съ ихъ представленіями, а нѣкоторыя я сама приказала внести въ списокъ. О спорѣ ихъ съ Юстицъ-коллегіей я еще ничего не могу сказать, ибо разсмотрѣла это дѣло пока лишь съ одной стороны; но мнѣ кажется, что господинъ губернаторъ пишетъ не безъ основанія. Очень рада буду видѣть васъ въ Петербургѣ, куда я думаю (коли на то будетъ Божья воля) отправиться въ концѣ Мая или въ началѣ Іюня. Я приказала Сенату потребовать отъ васъ копію съ распоряженій Шведскаго правительства въ Лифляндіи, касающихся надворныхъ и земскихъ судовъ, дабы по нимъ, насколько это возможно, устроить внутри имперіи судебныя мѣста, которыя причиняютъ мнѣ много хлопотъ и еще далеки отъ моихъ предположеній, но я все таки духомъ падать не буду. Здоровье мое меня нисколько не тревожитъ; я встаю, самое позднее, въ 6 часовъ и сижу до 11 въ моемъ кабинетѣ, куда ко мнѣ приходитъ не тотъ, кто у меня въ милости, но кому, по его званію, есть до меня дѣло, и часто приходятъ лица, которыхъ я еле знаю по имени. Кто у меня въ милости, тѣхъ я пріучила уходить, если дѣло ихъ не касается. Послѣ обѣда нѣтъ ничего, а вечеромъ я вижусь кому охота придти, и отправляюсь спать, самое позднее, въ половинѣ одиннадцатого. Стало быть, мое здоровье не столько уже страдаетъ, какъ вы, изъ дружбы ко мнѣ, того опасаетесь. Какъ только ваше письмо попало мнѣ въ руки, я немедленно приказала впредъ платить больше генералитету и войскамъ, дабы имъ не было надобности помышлять

Библиотека "Руниверс"

о ненавистныхъ подрядахъ и откупахъ. Я имѣю твердое намѣреніе пригласить Англійскихъ офицеровъ во флотъ, а еще пріятнѣе было бы мнѣ заполучить, если можно, одного или нѣсколько искусныхъ Англійскихъ *) флагмановъ; а посему я прошу васъ, не теряя времени, приняться за сей планъ и исполненіе его. Мнѣ очень пріятно, что Лифляндцы довольны; я, право, у нихъ ничего не отыму, но постоянно буду умножать ихъ благосостояніе. Въ прочемъ пребываю благорасположенная къ вамъ Катерина.

4.

Ich wünſche ihnen gute und geſunde Oſterfeſtage. Was macht die Düna? Will ſie ſtille und fromm ſich befreien von dem Eiſe oder iſt ſie böſe. Dis Jahr wir haben hier zwey arſchinen weniger ein werſchock Eis auf der Neva.

Der Profeſſor Habermaaß wagte 1732 zu erſt dem alles überziehenden Flugſande (um Berlin), welcher damahls alle umliegende Garten und Gegenden verderbte und dem niemand Gränzen ſetzen wollte, einen ſchmalen damm entgegen zu ſetzen, auf welchem Erlen etwas dicht ſtanden. Der Profeſſor Gledíſch als er 1733 nach Berlin kam, rieth ihm, allerhand wuchernde Grasarten, deren Wurzeln ſich in dieſen dürren Sande am beſten erhalten, zu wählen, und zeigte ſie ihm an dem Orte, wo ſie wuchſen. Beſonders empfal er ihm das ſogennante Guniken-Gras (um Berlin Päden gennant) von der um Panko gelegenen Fläche holen zu laſſen, wo es jährlich in großer Menge ausgepflüget, abgeharket und verbrannt wurde, ohne daß man ſeinen werth zu Dämpfung des Flugſandes kannte. Dieſes Gras rieth er, zur Herbſtzeit, vornemlich im Oktober, da die Nächte beginnen länger und kühler zu werden, zuſammen bringen, friſch oder eingeweicht auf einer? (wegen des anhanhenden Sandes) Fingers lang ſchneiden, mit etwas Erde, Sägeſpänne oder auch kurzum Miſte vermengen und Sackweiſe auf den Sand hinführen zu laſſen. Wenn dieſer vorher gegen die Stoßwinde aus Nordweſt, einigen Schutz erhalten hätte, und nur leichte mit oder vor dem einfallenden Regen wäre geflüget und eben gemacht worden. In dieſen Morgenweiſe abgetheilten und gantz friſch geflügte Acker ſolte er ſogleich bey einer ſolchen naſſen Herbſtzeit dieſe Graswurtzeln ausſäen, und überwalzen laſſen, um den Sand derb zu machen, und in einiger Zeit die Schaafe darauf nicht treiben laſſen, bis ſich alles wohl bewurzelt habe. Die erſten Verſuche geriethen recht gut, die Wurzeln waren dicke genug geſäet und nach vierzehn Tagen aus geſchlagen, daß die Beeten mit einer grünen Gras Blättern über und über ſo bedeckt waren, als ob man junge Nelkenpflantzen darauf ſähe. Herr Habermaß dachte der Sache nach; Herr Gleditſch gab ihm weitern guten Rat. Er erhielte zu ſeinem Verſuche die gantze hüglichſte Sandwüſte von dem Könige geſchenckt, die er theils durch Schutz gegen die Windſtöße mit den Weidenſtecken, theils durch die vorgeſchlagene Beſtellungsart, zum großen

*) Въ подлинникѣ собственно: „изъ этой націи“, или „этой національности“.

Библиотека "Руниверс"

Vortheil der gantzen Gegend urbar zu machen gesucht hat und worauf nach der Zeit unter andern die gantze sehr wichtige Wirthschaft des Invalidenhauses angelegt, und durch dieses Beyspiel zu vielen andern Verbesserungen gelegenheit gegeben worden.

Переводъ.

Желаю вамъ хорошихъ и здоровыхъ пасхальныхъ праздниковъ. Что подѣлываетъ Двина? Намѣрена ли она тихо и благонравно освободиться ото льда, или она гнѣвна въ нынѣшнемъ году? Здѣсь у насъ, на Невѣ, ледъ въ два аршина безъ вершка.

Профессоръ Габермасъ, первый, попытался въ 1732 году (около Берлина) противопоставить узкую плотину, на которой были нѣсколько тѣсно посажены ольхи по переносному песку, заносившему тогда все и портившему всѣ близъ лежащіе сады и окрестности и съ которымъ никто не могъ сладить. Профессоръ Гледичъ, пріѣхавъ въ Берлинъ въ 1733 году, посовѣтовалъ ему набрать разныхъ ползучихъ растеній, корни коихъ лучше всего сохраняются въ этомъ сухомъ пескѣ, и указалъ ихъ ему въ мѣстахъ, гдѣ они росли. Особенно же онъ совѣтовалъ ему велѣть привезти такъ называемую Гуникенъ-грассъ (въ окрестностяхъ Берлина называемую Феденомъ), съ равнины около Панко, гдѣ ее ежегодно въ большомъ количествѣ выпахивали, вытаскивали граблями и сожигали, не зная о ея пригодности для задержанія переносныхъ песковъ. Эту траву онъ совѣтовалъ ему собирать осенью, лучше всего въ Октябрѣ мѣсяцѣ, когда ночи становятся длиннѣе и прохладнѣе, разрѣзать, въ свѣжемъ или размоченномъ видѣ (состояніи), по причинѣ приставшаго къ ней песка, на куски, въ палецъ длиною, смѣшивать съ небольшимъ количествомъ земли, опилковъ, а то просто съ навозомъ, и въ мѣшкахъ вывозить на песокъ, лишь бы послѣдній предъ этимъ былъ нѣсколько защищенъ отъ порывистыхъ вѣтровъ съ Сѣверо-запада и слегка вспаханъ и выравненъ во время дождя или передъ дождемъ. Въ такого рода, на подобіе моргеновъ, разбитыя и свѣже-вспаханныя поля должно высѣять въ сырую осеннюю пору эти корни травы, забороновать и укатать катками для сплоченія песка, и нѣкоторое время не пускать на нихъ овецъ, пока корни всѣ не укрѣпятся, какъ слѣдуетъ. Первые опыты были весьма удачны, корни были посѣяны достаточно густо и дали ростки черезъ двѣ недѣли такъ, что грядки были густо покрыты зелеными листьями, по виду точно молодыми гвоздиками. Г. Габермасъ обдумывалъ дальнѣйшіе шаги; г. Гледичъ преподалъ ему хорошіе совѣты и на будущее время. Для своего опыта онъ получилъ отъ короля въ подарокъ всю холмистую, песчаную равнину, которую онъ и постарался сдѣлать плодоносною, къ великой выгодѣ всѣхъ окрестностей, частью защищая ее отъ бурь посадкою ивовыхъ деревьевъ, частью же выше предложеннымъ способомъ посѣва и на которой впослѣдствіи было между прочимъ устроено все хозяйство дома инвалидовъ, и этотъ примѣръ повелъ ко многимъ другимъ улучшеніямъ.

Библиотека "Руниверс"

5.

Herr General Gouverneur von Liefland. Ihr докладъ über der eſelſchen revision iſt wohl angekommen, ich habe befohlen die darzu nöhtigen instrumenten zu prepariren und hoffe in kurtzen hirmit fertig zu werden. Ihre Meinung über den Arende Contract iſt mir auch geſtern zu Händen gekommen; es iſt mir leyd das ich ohne dem zwey mahl tentiret geweſen ihnen die Vertheilung der Arenden da ſie noch in der Arbeit waren, zur durchſicht zu ſchicken, das ich dieſes nicht gethan habe, nun aber iſt es zu ſpät da die Ukase hierüber ſchon ſeit Neujahr im Senat iſt. Die Arende-Commission hat mir ihren Plan über der Vergebung in Original bey dem Plan gelegt und die meiſten Arenden ſeynd darnach vergeben, einige habe ich für gut befunden ſelber zu Disponiren; was dem Arende-Contract betrifft, ſo werde mir informiren wie das komt das ſie mir nicht ihren ſondern meinen alten Plan geſchickt haben. Im übrigen verbleibe wie jederzeit.

Caterina.

(На оборотѣ письма: Лифляндскому Генералъ-Губернатору Генералу Броуну).

Небольшая красная сургучная печать съ изображеніемъ порфиры, увѣнчанной императорской коропой и посреди порфиры круглый щитокъ съ Россійскимъ двуглавымъ орломъ. Щитокъ окруженъ Андреевской цѣпью.

Переводъ.

Господинъ генералъ губернаторъ Лифляндіи. Вашъ докладъ объ Эзельской ревизіи исправно прибылъ, я приказала приготовить нужные для него документы и надѣюсь вскорѣ съ нимъ покончить. Ваше мнѣніе относительно контракта аренды также попало мнѣ вчера въ руки. Я жалѣю, что я два раза покушалась послать вамъ на просмотръ распредѣленіе арендъ, когда объ нихъ еще шло дѣло и что я сего не сдѣлала; теперь же уже поздно, ибо указъ объ нихъ уже съ новаго года находится въ Сенатѣ. Комиссія объ арендахъ приложила мнѣ свой планъ раздачи въ оригиналѣ, при планѣ, и большая часть арендъ розданы согласно съ нимъ, а нѣкоторыя я заблагоразсудила распредѣлить сама; что же касается контракта аренды, то я справлюсь, какъ это случилось, что они прислали мнѣ не ихъ проектъ, а мой прежній. Впрочемъ пребываю какъ всегда *) Катерина.

*

Героя Семилѣтней войны, раненаго въ голову въ сраженіи при Гросъ-егердорфѣ и съ тѣхъ поръ прожившаго до глубокой старости съ золотою накладкой на черепѣ, графа Ю. Ю. Броуна, Екатерина знала еще въ 1744 году, когда ѣхала съ своею матерью въ Россію, невѣстою наслѣдника Русскаго престола. Графъ Броунъ былъ Ирландецъ родомъ, Католикъ. Онъ почти все царствованіе Екатерины управлялъ Лифляндской губерніей. П. Б.

*) Въ подлинникѣ пропущено „благорасположенная“ или что либо въ этомъ родѣ.

Библиотека "Руниверс"

ПЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ РОССІИ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.

Записки графа Л. Ф. Сегюра.

(1785—1789)

Графъ Людовикъ-Филиппъ Сегюръ (р. 1753 г. † 1830), сочиненія котораго, историческія, политическія, стихотворныя, изданы еще при его жизни въ 36 томахъ, принадлежалъ къ старинному Французскому дворянству, которое такъ цѣнила Екатерина и представители котораго до временъ недавнихъ служили образцами искусственно-созданному ею у насъ Русскому дворянскому сословію. Служба военная и придворная была главнымъ ихъ назначеніемъ. Отецъ графа Сегюра († 1801) боевой, израненный генералъ, пользовался во Франціи такимъ почетомъ, что у него однажды обѣдалъ Людовикъ XV-й. Какъ почти вся знать тогдашней Франціи, сынъ его тоже служилъ въ кавалерійскомъ полку и нѣсколько времени воевалъ съ Англичанами въ освобождавшейся отъ нихъ Сѣверной Америкѣ. Возвратившись домой, онъ разсчитывалъ продолжать военную службу, которая сулила ему большіе успѣхи, такъ какъ отецъ его былъ тогда военнымъ министромъ. Назначеніемъ его въ Россію Франція угодила Екатеринѣ: Сегюръ съ ранней молодости находился въ сношеніяхъ не только съ главными дѣйствующими лицами Французскаго правительства, но и съ представителями Французскаго просвѣщенія и самъ уже былъ писателемъ. Даже Вольтеръ посѣщалъ его родителей, а Людовикъ XVI зналъ его чуть ли не съ его дѣтства.

Записки его вышли въ свѣтъ, когда онъ еще былъ живъ и вѣроятно напечатаны не вполнѣ, такъ какъ при Карлѣ X-мъ Россія находилась въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Франціею, и гр. Сегюръ, престарѣлый въ то время членъ Палаты Перовъ, конечно, не считалъ возможнымъ высказывать все, что́ было ему извѣстно. Подлинная рукопись вѣроятно сохраняется у его наслѣдниковъ. Въ трехъ книгахъ Записокъ его разсказана почти вся его политическая жизнь; что́ относится до Россіи писано послѣ 1812 года. Вотъ полное заглавіе Записокъ: Mémoires, ou souvenirs et anecdotes, par m. le comte de Ségur, de l'Académie française, pair de France.

Русскій переводъ Записокъ графа Сегюра сдѣланъ по второму ихъ изданію 1826 года. Въ 1865 году Записки Сегюра о пребываніи его въ Россіи были напечатаны въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: „Записки графа Сегюра о пребываніи его Россіи въ царствованіе Екатерины II. (1785—1789). Переводъ съ Французскаго съ примѣчаніями переводчика“ (8-ка, 386 и III

Библиотека "Руниверс"

стр.). Неизвѣстный переводчикъ предпослалъ имъ дѣльно составленное свѣденіе; но самый переводъ весьма небреженъ и далеко не полонъ, по условіямъ тогдашней цензуры. Примѣчанія переводчика здѣсь удержаны, а переводъ исправленъ и пополненъ.

Сегюръ поѣхалъ въ Россію зимою 1785 года и на пути заѣхалъ къ герцогу Двумостному (Des-deux-ponts, Цвейбрюкенскому), которому предстояло наслѣдовать его дядѣ и сдѣлаться Баварскимъ курфюрстомъ и на счетъ котораго замышляла тогда усилиться Австрія, чему содѣйствовала Екатерина и что̀ было невыгодно для Франціи. Тутъ графу Сегюра пришлось перевѣдаться съ будущимъ Русскимъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцовымъ и начать свою дипломатическую службу.

П. Б.

*

Я поѣхалъ въ Россію въ сопровожденіи моей жены, проводившей меня до Форбаха. Тутъ я разстался съ нею и, спустя нѣсколько часовъ, отправился ко двору герцога Двумостнаго.

Онъ почтилъ меня, отведя мнѣ помѣщеніе во дворцѣ. Онъ былъ любимъ и уважаемъ въ своемъ маленькомъ государствѣ, которымъ управлялъ мудро. Однако народъ роптalъ на него за небреженіе, въ которомъ онъ оставлялъ герцогиню, свою жену: въ то время она печально прозябала въ маленькомъ городкѣ, не имѣя другого общества, кромѣ служившихъ у нея барынь и незначительнаго числа придворныхъ, которые, удаляясь отъ благоволенія, возвышали тѣмъ свое званіе. Изъ тихой своей долины она слышала шумъ празднествъ и концертовъ, въ которыхъ, на вершинѣ горы, въ замкѣ герцога, блистала фаворитка, надменно захватившая ея мѣсто. Нѣмецкій почтдиректоръ, котораго я вызвалъ на разговоръ, наивно выразилъ свою мысль по этому поводу и сказалъ мнѣ, говоря о дамѣ и о герцогинѣ: «это свѣтъ перевернутый вверхъ дномъ; одна помѣщена слишкомъ высоко, а другая— слишкомъ низко».

Выѣзжая изъ Франціи, я думалъ, что проѣду черезъ Европу въ качествѣ путешественника и что дипломатическія занятія мои начнутся лишь въ Россіи; но я ошибся. Несмотря на любезный пріемъ, оказанный мнѣ герцогомъ, я замѣтилъ съ первой же минуты, въ особенности во время обѣда, что онъ былъ печаленъ, озабоченъ и до того разсѣянъ, что иногда, казалось, не слышалъ что̀ отвѣчали ему гости его на вопросы, которые онъ имъ предлагалъ. Я приписывалъ такое мрачное настроеніе какому-либо душевному безпокойству, такъ часто тревожащему человѣка между долгомъ и его заботами.

Послѣ обѣда и по окончаніи игры я удалился въ свои покои. Спустя нѣсколько часовъ, раздѣвшись и погрузившись въ чтеніе одного

Библиотека "Руниверс"

политическаго сочиненія, я увидѣлъ, что кто-то отворяетъ мою дверь; это былъ герцогъ, онъ пришелъ ко мнѣ очень взволнованъ.

Почти безъ предисловій, съ жаромъ онъ сообщилъ мнѣ извѣстіе, которое смутило и раздражило его: графъ Николай Румянцевъ, Русскій посланникъ, состоявшій при немъ и еще при нѣсколькихъ владѣльцахъ того же округа, сдѣлалъ ему недавно самое неожиданное предложеніе. Этотъ молодой посредникъ, болѣе умный, нежели смѣтливый, объявилъ ему, что необходимо ему согласиться на сдѣлку, которую представляли ему какъ очень для него выгодную и которую его дядя-курфюрстъ хотѣлъ заключить съ императоромъ *). Онъ долженъ былъ уступить Баварію Вѣнскому двору, а взамѣнъ получить Австрійскіе Нидерланды съ титуломъ короля. «Ваше высочество, говорилъ герцогу Русскій посланникъ, корона сіяетъ достаточнымъ блескомъ, чтобы сгладить неравенство, которое можно бы найти въ этомъ обмѣнѣ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, сопротивленіе вашего высочества было бы излишнимъ; потому что, при всемъ желаніи, чтобы вы подписали этотъ договоръ, въ случаѣ, если вы отъ этого откажитесь, его исполнятъ безъ вашего согласія».

«Будучи оскорбленъ столь высокомѣрной рѣчью, сказалъ мнѣ герцогъ, я отвѣчалъ Румянцеву весьма сухо, объявивъ ему, что скорѣе допущу раздавить себя, чѣмъ соглашусь видѣть себя ограбленнымъ въ малѣйшей части моего наслѣдства».

Не трудно понять, насколько изумило меня это неожиданное признаніе, такъ какъ я впервыя услыхалъ объ этомъ, не имѣя никакого полномочія обсуждать подобное дѣло съ герцогомъ и очутившись лишеннымъ всякой основы для отвѣта по этому вопросу. Между тѣмъ герцогъ горячо настаивалъ, чтобы узнать отъ меня, былъ ли Французскій дворъ освѣдомленъ объ этомъ намѣреніи и какъ на него посмотритъ.

Я увѣрялъ его, что нахожусь въ этомъ отношеніи въ полномъ невѣдѣніи, зная намѣренія короля только относительно двора, при которомъ я былъ уполномоченъ. «Со всѣмъ тѣмъ, ваше высочество, прибавилъ я, извѣстный образъ дѣйствій Франціи долженъ успокоить васъ относительно намѣреній, могущихъ касаться васъ, и вы можете разсчитывать на сохраненіе и выполненіе договоровъ, за которые Франція поручилась».

Умъ его былъ слишкомъ взволнованъ и угнетенъ, чтобы столь неопредѣленный отвѣтъ могъ его успокоить; онъ настаивалъ, но я не могъ сказать ему ничего болѣе.

---

*) (Съ Іосифомъ II-мъ, который владѣлъ Нидерландами, гдѣ готовилось возстаніе за его непрошенныя нововведенія). Наши примѣчанія—въ скобкахъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Съ одной стороны я, конечно, думаю, что подобный обмѣнъ, дѣлающій Австрію болѣе сильной и округленной, былъ слишкомъ противоположенъ выгодамъ Франціи, чтобы король его одобрилъ, и мнѣ казалось въ особенности трудно допустить, чтобы мы, защитники князей Рейнскихъ, пренебрегая ихъ выгодами, позволили Австріи и Россіи угрожать имъ и заставить согласиться на раздробленіе ихъ достоянія. Но съ другой стороны, зная гибельную слабость, доведшую нашъ кабинетъ до того, что онъ допустилъ раздѣленіе Польши, покореніе Крыма и способствовалъ Австріи въ ея разрушительныхъ замыслахъ относительно Прусской монархіи, я чувствовалъ, что было бы неблагоразумно говорить слишкомъ опредѣленно о столь важномъ дѣлѣ, о которомъ г. Вержень *) хранилъ со мною такое глубокое молчаніе, въ то время, какъ Русскій посланникъ говорилъ объ этомъ съ увѣренностью человѣка, убѣжденнаго въ томъ, что не встрѣтитъ препятствій. Поэтому я ограничился тѣмъ, что, по мѣрѣ возможности, общими мѣстами, успокаивалъ герцога, восхваляя его храбрость и напоминая ему о томъ, что во всѣ времена слабость влекла за собой притѣснителей, а твердость—поддержку.

На слѣдующій день я простился съ герцогомъ и быстро проѣхалъ въ Майнцъ. Тамъ я остановился у графа Окелли, королевскаго посланника, который представилъ меня курфюрсту. Видъ этого духовнаго двора навелъ меня на важное размышленіе о непослѣдовательности людской, о причудливости нашихъ старыхъ установленій и о странномъ уклоненіи, которое съ теченіемъ вѣковъ претерпѣваютъ наиболѣе твердо установленныя начала и самыя очевидныя истины. Каково, думалъ я, было бы удивленіе св. Петра, св. Павла и св. Іоанна, если бы они увидали своихъ преемниковъ коронованными, могущественными на землѣ и все-таки проповѣдующими ихъ строгія правила изъ глубины дворцовъ, сидя за великолѣпнымъ столомъ и окруженные войсками, ихъ охраняющими! Посохъ пастырей принялъ совсѣмъ иной видъ. Подобно жезлу Моисея, онъ подвергся многочисленнымъ превращеніямъ; но пасомые въ теченіе двухъ вѣковъ постепенно претерпѣваютъ гораздо болѣе удивительное превращеніе: они обратились въ орловъ, львовъ, иногда въ волковъ; новый свѣтъ, поразивъ зрѣніе, развилъ ихъ умъ; чувствуя свою силу, они порою злоупотребляли ею; а пастыри, въ свою очередь слѣпые, не предусмотрѣли во-время, что для управленія паствою въ дни свѣта нужны были иныя средства чѣмъ тѣ, которыя безпрепятственно употреблялись во времена мрака.

*) (Тогдашній первый министръ во Франціи).

Библиотека "Руниверс"

Подготовлялась неминуемая революція. Не будучи болѣе прозорливъ, чѣмъ остальные, я не предвидѣлъ въ Майнцѣ, въ 1784 году, что нѣсколько лѣтъ спустя не будетъ больше въ Германіи ни архіепископовъ-курфюрстовъ, ни духовныхъ дворовъ.

Въ Готѣ я былъ принятъ съ особеннымъ почтеніемъ, чему былъ обязанъ письмамъ барона Гримма, посланника этого двора во Франціи, внушившаго герцогу и герцогинѣ самое лестное обо мнѣ мнѣніе. Тотъ и другая показались мнѣ очень удивленными сдержанностью, которою я отвѣчалъ на ихъ вопросы о промѣнѣ, предложенномъ Русскимъ министромъ.

Я нашелъ торговое сословіе въ Лейпцигѣ взволнованнымъ: тамъ только и говорили о честолюбивыхъ видахъ Австріи и объ угрозахъ Россіи; думали, что Франція, Голландія и Пруссія воспротивятся такому расширенію Австрійскаго могущества и что вслѣдствіе этого возгорится общая война.

Я надѣялся найти въ Берлинѣ, куда я скоро пріѣхалъ, нашего посла, графа Э. Эстернò, болѣе меня освѣдомленнымъ о намѣреніяхъ нашего кабинета относительно столь неожиданнаго и невыгоднаго предложенія обмѣна и столь важнаго спора; но его оставляли въ такомъ же невѣдѣніи относительно этого, какъ и меня; а это дѣлало очень стѣснительнымъ его положеніе при дворѣ, постоянно безпокоившемся относительно видовъ на расширеніе своихъ владѣній Австрійскаго кабинета, широкихъ замысловъ Россіи и слишкомъ испытанной слабости Версальскаго кабинета: ибо, несмотря на наши успѣхи въ Американской войнѣ, несмотря на твердость, какую мы только что показали, дабы поддержать Голландію противъ Императора, все же прежнія впечатлѣнія, произведенныя бездѣятельностью министровъ Людовика XV, еще не совсѣмъ изгладились.

Эстерно представилъ меня всѣмъ принцамъ королевской фамиліи, министрамъ короля, графамъ Финку, Гарденбергу и Шулембургу. Эти господа сказали мнѣ, что такъ какъ король въ Потсдамѣ, то слѣдуетъ мнѣ написать непосредственно ему самому и просить его величество о милостивомъ назначеніи мнѣ частной аудіенціи, что̀ я и не замедлилъ сдѣлать, ибо испытывалъ горячее желаніе увидѣть этого славнаго монарха, который, будучи въ одно и тоже время воиномъ, литераторомъ, завоевателемъ, законодателемъ и философомъ, въ продолженіе всего своего царствованія умѣлъ въ удачахъ, какъ и въ неудачахъ, повелѣвать судьбой и развивать политику столь же великую, какъ его геній. Его адъютантъ, Гольцъ, написалъ мнѣ, по приказанію короля, что его величество приметъ меня на слѣдующій день въ 7 часовъ утра. Это

Библиотека "Руниверс"

меня не удивило, такъ какъ у людей подобнаго закала, враговъ отдыха, ночи коротки, а дни долги.

Къ счастію обстоятельства были благопріятны для меня; Фридрихъ досадовалъ на Россію: союзъ съ Австріей безпокоилъ его; онъ былъ раздраженъ мыслію о промѣнѣ Баваріи, предложенною обоими императорскими дворами; равнодушіе Англіи къ ссорѣ Голландцевъ съ императоромъ не нравилось ему. Наши успѣхи въ войнѣ за независимость и препятствіе, которое мы противопоставили честолюбію Іосифа II, поддерживая Голландцевъ противъ него, вернули ему надежду снова войти съ Франціей въ прежнія связи и такимъ образомъ мало-по-малу разсорить насъ съ Австріей, союзъ которой съ нами чуть было не довершилъ его гибели. Вслѣдствіе этого онъ былъ расположенъ хорошо обходиться съ Французами вообще и особенно принять хорошо посланника, которому дано важное порученіе на Сѣверъ.

Вотъ, несомнѣнно, почему мнѣ былъ оказанъ тогда столь благосклонный пріемъ и дана такая продолжительная ауденція; вотъ почему въ долгой бесѣдѣ онъ показалъ столько пріятности, я почти могъ бы сказать кокетства ума, которое онъ лучше чѣмъ кто-либо умѣлъ употреблять, когда изволилъ желать нравиться и когда ему хотѣлось умножить число своихъ почитателей.

Никогда никто не умѣлъ такъ хорошо, какъ онъ, поперемѣнно льстить, мучить, ласкать и ущемлять самолюбіе своего ближняго. Вольтеръ два раза подвергся опыту въ этомъ; онъ поперемѣнно ощутилъ на себѣ бархатную лапку кота и коготь льва. Характеръ этого короля былъ настолько хорошо извѣстенъ, что Вальполю легко удалось одурачить Жанъ-Жака Руссо посылкою къ нему подложнаго отъ Фридриха письма, кончавшагося слѣдующими словами: «если преимущества, которыя я вамъ предлагаю, для васъ недостаточны и если вашему воображенію нужны знаменитыя несчастія, то, будучи королемъ, предоставлю вамъ ихъ вдоволь».

Пріѣхавъ на другой день въ назначенный часъ въ Потсдамъ, одно мгновеніе я могъ думать, что мнѣ предстоитъ посѣтить не великаго монарха, а простого полковника. У его двери стоялъ всего одинъ солдатъ на часахъ. Пройдя корридоръ, я очутился въ большой залѣ, гдѣ Гольцъ одинъ сидѣлъ у огня. Онъ всталъ, сказавъ мнѣ, что пойдетъ увѣдомить короля о моемъ приходѣ. Я спросилъ его, слѣдуетъ ли соблюсти какой-нибудь особенный этикетъ при моемъ представленіи? «Этикетъ? сказалъ онъ смѣясь; ахъ, мы здѣсь почти не знаемъ этого слова. Если король пожелаетъ васъ принять, какъ принимаетъ большинство иностранцевъ, онъ выйдетъ изъ своего кабинета, дверь въ который вы отсюда видите, и придетъ говорить съ вами въ эту гостиную.

Библиотека "Руниверс"

Если же, въ виду вашего посланничьяго сана, онъ сочтетъ должнымъ принять васъ у себя кабинетѣ, то позоветъ насъ обоихъ. Наконецъ, если онъ имѣетъ намѣреніе оказать вамъ особенный почетъ, то вы останетесь съ нимъ одни».

Послѣ этихъ немногихъ словъ онъ пошелъ къ королю и почти тотчасъ вернулся бесѣдовать со мной. Черезъ четверть часа, я увидѣлъ, что дверь полурастворилась, и король сдѣлалъ намъ знакъ идти къ нему. Но, едва мы вошли, какъ король сказалъ Гольцу, чтобы онъ вышелъ. И такъ я очутился, не безъ нѣкотораго замѣшательства, съ глазу на глазъ съ этимъ великимъ человѣкомъ, славное имя котораго наполняло весь міръ.

Я поблагодарилъ его величество за оказанную мнѣ милость столь быстрымъ разрѣшеніемъ ауденціи и исполненіемъ такимъ образомъ столь нетерпѣливаго желанія моего засвидѣтельствовать почтеніе монарху, предъ геніемъ котораго благоговѣла Европа и дружба котораго была драгоцѣнна королю, моему повелителю. Фридрихъ отвѣчалъ, что онъ искренно желалъ бы поддерживать и даже укрѣпить дружескія узы существующія между нимъ и Людовикомъ XVI, и сталъ подробно разспрашивать меня о королѣ, королевѣ, принцѣ и ихъ семействахъ.

Рѣчь зашла о покойномъ уже тогда Вольтерѣ. «Въ Россіи вы увидите большую его почитательницу, сказалъ Фридрихъ; на его нѣсколько льстивое благоговѣніе и язвительныя насмѣшки надъ Турками она отвѣчала нѣжными, заманчивыми ласками. Со мной она не такъ хорошо обошлась, и стоило Императору одинъ разъ къ ней съѣздить, какъ отнялась у меня ея дружба. Впрочемъ напрасно я этому удивляюсь: женщины прихотливы какъ счастіе; да, эта женщина никогда не отличалась особенной вѣрностью; она славна иною доблестью».

Видя его въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, я отважился сказать нѣсколько словъ о честолюбіи этой Государыни, которая любила, воспитала, короновала, поработила и обобрала Польскаго короля. Я тотчасъ почувствовалъ, что въ данную минуту поступилъ нѣсколько не кстати: Фридрихъ, имѣя свои причины лишь слегка коснуться положенія Станислава и раздѣла его владѣній, вернулся къ разговору объ Императрицѣ и, будучи весьма ѣдкимъ относительно тѣхъ, на кого считалъ себя въ правѣ сѣтовать, разсказалъ мнѣ нѣсколько скоромныхъ анекдотовъ про здоровье Екатерины, про ея дворъ и ея любимцовъ.

Я сказалъ ему, что мнѣ очень любопытно узнать столь славную Государыню, въ которой нельзя отвергать генія; ибо, будучи женщиной и иностранкой, она сумѣла мирно царствовать послѣ столькихъ смутъ, сумѣла пріобрѣсти любовь многолюднаго народонаселенія, едва выходящаго изъ мрака, безъ жестокости подавить нѣсколько заговоровъ, по-

Библиотека "Руниверс"

бѣдить Порту, сжечь флотъ у Босфора и сдѣлать такъ, что величайшіе государи Европы добиваются стать ея союзниками. «Прискорбно, прибавилъ я, что царствованіе, во многихъ отношеніяхъ столь славное, началось такой трагической сценой или катастрофой».

«Ахъ! возразилъ мнѣ король, хотя мы съ ней теперь почти въ ссорѣ, но тутъ я долженъ отдать ей справедливость. По этому поводу господствуетъ заблужденіе: нельзя вмѣнить именно Императрицѣ *ни честь, ни преступленіе въ этомъ переворотѣ;* она была молода, слаба, иностранка, наканунѣ развода съ мужемъ и своего заточенія. Все сдѣлали Орловы; княгиня Дашкова изъ чванства вмѣшалась въ это дѣло. Рюльеръ сказалъ неправду: Екатерина еще не могла ничѣмъ руководить, она прибѣгла къ помощи желавшихъ ее спасти. Ихъ заговоръ былъ безуменъ и плохо составленъ. Петра III погубило то, что, не смотря на совѣтъ храбраго Миниха, въ немъ не оказалось достаточно мужества; онъ позволилъ свергнуть себя съ престола какъ ребенокъ, котораго посылаютъ спать. Екатерина, коронованная *) и свободная, вообразила, какъ молодая неопытная женщина, что все кончено; столь малодушный непріятель казался ей неопаснымъ. Но Орловы, болѣе смѣлые и болѣе прозорливые, боясь, какъ бы не возстановили этого государя противъ нихъ, покончили его. Императрица не вѣдала объ этомъ злодѣяніи и узнала о немъ съ непритворнымъ отчаяніемъ; она именно предчувствовала то обвиненіе, которое теперь всѣ бросаютъ въ нее; ибо несправедливость этого обвиненія неизбѣжна и должна быть таковою, такъ какъ въ своемъ положеніи она приняла плоды этого преступленія и, чтобы имѣть поддержку видѣла себя обязанною не только пощадить, но даже оставить при себѣ виновниковъ дѣла, которые только одни и могли ее спасти. Чтобы разслѣдовать это событіе, совѣтую вамъ увидать очень почтеннаго старика, который теперь живетъ, кажется, въ Митавѣ; это г. Кайзерлингъ. Онъ все видѣлъ и все слышалъ; въ то время онъ былъ близкимъ наперсникомъ Императрицы, и она повѣряла ему сокровенныя свои горести».

«Ваше величество, сказалъ я ему, ваше мнѣніе имѣетъ большое значеніе и утѣшаетъ меня, ибо тяжело мнѣ было восхищаться Государыней, взошедшей на престолъ по столь кровавымъ ступенямъ. Мнѣ такъ ее превозносили, и мнѣ тяжело было видѣлъ такое пятно въ *Сѣверномъ Свѣтилѣ*, какъ называли ее Вольтеръ и Даламберъ».—«Это было ужъ слишкомъ большой лестью, когда они говорили, *что теперь просвѣщеніе идетъ къ намъ съ Сѣвера*». «Ваше Величество, возразилъ я, однакожъ и Берлинъ на

*) (Король долженъ былъ сказать: провозглашенная. Екатерина короновалась черезъ два слишкомъ мѣсяца по кончинѣ своего супруга).

Библиотека "Руниверс"

Сѣверѣ». Онъ сдѣлалъ довольное лицо и сказалъ мнѣ: «какой путь вы изберете, чтобы ѣхать въ Петербургъ, кратчайшій?»—«Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ я, хочу проѣхать черезъ Варшаву, чтобы видѣть Польшу». «Это любопытная страна, прибавилъ король, страна свободная, гдѣ народъ въ неволѣ, республика при королѣ, обширный край почти безъ населенія, народъ воинственный, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ воюющій со славою и безъ укрѣпленныхъ городовъ, а вмѣсто войска имѣющій всеобщее ополченіе, пламенное, но не управленное; народъ всегда раздробленный на партіи и союзы и до такой степени восторгающійся свободой безъ закона, что въ ихъ собраніяхъ достаточно несогласія одного Поляка, чтобы не исполнить всеобщаго желанія. Поляки храбры, духъ въ нихъ рыцарскій, но они непостоянны и, за малымъ исключеніемъ, легкомысленны. Однѣ женщины обнаруживаютъ тамъ удивительную твердость характера; эти женщины—настоящіе мужчины» *).

Въ подтвержденіе послѣднихъ словъ, король разсказалъ мнѣ нѣсколько изумительныхъ примѣровъ неустрашимости, постоянства и геройства нѣсколькихъ Польскихъ барынь. Затѣмъ онъ сдѣлалъ знакъ головой, чтобъ отпустить меня; но тотчасъ, подозвавъ меня снова, сказалъ: «прошу васъ, благоволите передать пакетъ моему послу въ Петербургѣ графу Гёрцу». Я обѣщалъ, что исполню порученіе въ точности.

«Послушайте, продолжалъ онъ, меня интересуютъ ваши успѣхи въ Россіи. Императрица съ давнихъ поръ плохо ладитъ съ вашимъ дворомъ, и вы въ своемъ порученіи встрѣтите препятствія, которыя будетъ трудно устранить. Мои выгоды того требуютъ, и я желалъ бы, чтобы вашъ кабинетъ, какъ онъ самъ того желаетъ, опять имѣлъ нѣкоторое вліяніе въ Петербургѣ и уравновѣсилъ бы тамъ вліяніе Австріи. Тутъ наша выгода общая. Надѣюсь, у васъ будутъ нѣкоторыя связи съ моимъ посломъ. Гр. Гёрцъ человѣкъ умный, опытный и уже давно усердно мнѣ служитъ. Но такъ какъ за время его полномочія Императрица перемѣнила свой образъ дѣйствій, и вліяніе Императора замѣнило мое вліяніе на нее, то вы найдете графа Гёрца, у котораго очень горячій нравъ, сильно раздраженнымъ, недовольнымъ и излишне склоннымъ принимать за правду всѣ новости, которыя ему передаютъ противники правительства и всѣ обиженные Императрицею. Будьте на сторожѣ противъ его преувеличенія. Я считаю полезнымъ дать вамъ этотъ совѣтъ для руководства; онъ нуженъ для успѣха, котораго я вамъ желаю».

Я поблагодарилъ его за этотъ знакъ милости, который удивилъ меня, однакоже, гораздо меньше, чѣмъ можно было думать, такъ какъ,

*) (Покойный С. М. Соловьевъ любилъ говорить, что страна, въ которой женщины тверже волею мужчинъ, всегда близка къ паденію). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

со времени происшествія въ Голландіи, нашъ кабинетъ охладѣвалъ къ Вѣнскому кабинету, мало-по-малу склонялся измѣнить свою политику и втихомолку сближаться съ Пруссіей. Я даже имѣлъ въ своихъ инструкціяхъ приказъ наружно быть въ задушевной дружбѣ съ Австрійскимъ посломъ, графомъ Кобенцелемъ, но тайно выказывать болѣе дѣйствительное довѣріе Прусскому послу.

Отпуская меня, король сказалъ: «Прощайте г. де-Сегюръ; очень былъ радъ узнать васъ; если я буду еще живъ, когда, исполнивъ возложенное на васъ порученіе, вы поѣдете назадъ во Францію [1]), вернитесь черезъ Берлинъ и оставайтесь здѣсь подольше. Я повидаю васъ снова съ истиннымъ удовольствіемъ».

Оставшись въ Берлинѣ нѣсколько дней, Сегюръ часто бесѣдовалъ съ братомъ короля, принцемъ Генрихомъ. Приводимъ касающееся до Россіи. П. Б.

Онъ много говорилъ мнѣ о Россіи и объ Екатеринѣ II. «Она пользуется большой славой, сказалъ онъ мнѣ; ее восхваляютъ и обезсмертили еще при жизни. Въ иномъ мѣстѣ она бы, конечно, блистала гораздо менѣе; но въ своемъ государствѣ она обладаетъ бо́льшимъ умомъ, чѣмъ все ее окружающее. На такомъ тронѣ легко быть великимъ: сосѣдями она имѣетъ только Китайцевъ, отъ которыхъ ее раздѣляетъ пустыня, Татаръ, не имѣющихъ просвѣщенія, тупоумныхъ Турокъ, Шведскаго короля, который бѣденъ и можетъ противопоставить ей лишь горсть солдатъ, наконецъ Поляковъ, хотя и храбрыхъ, но несогласныхъ и у которыхъ войско, какъ и правительство, въ полномъ разстройствѣ. Дидро́ сказалъ, что Россія колоссъ на глиняныхъ ногахъ; но у этого огромнаго колосса, на котораго нельзя напасть, потому что онъ покрытъ ледяной броней, очень долгія руки. Онъ можетъ вытянуться и ударить куда ему угодно. Способности и сила его, когда онъ ихъ хорошо познаетъ и будетъ умѣть ими пользоваться, могутъ быть гибельны для Германіи».

«Ваше высочество, возразилъ я ему, мнѣ уже теперь кажется, что честолюбію Россіи мало границъ. Покоривъ Лифляндію, истребивъ Запорожцевъ, прогнавъ Татаръ изъ Крыма, отнявъ большое владѣніе у Турокъ и раздѣливъ недавно Польшу, она, кажется, хочетъ объявить намъ новое и роковое нашествіе Сѣверныхъ народовъ на Западъ» [2]).

«Ахъ, что́ касается раздѣла Польши, замѣтилъ принцъ, честь его принадлежитъ не Императрицѣ, ибо могу сказать, что дѣло это мое. Я съѣздилъ въ Петербургъ и по возвращеніи оттуда сказалъ своему брату-королю: Ты былъ бы очень удивленъ и обрадованъ, если бы я вдругъ сдѣлалъ тебя владѣтелемъ большой части Польши? «Удивленъ, да, отвѣ-

[1]) (Второе свиданіе не состоялось: Фридрихъ II-й умеръ въ Августѣ 1786 года).

[2]) (Таково и въ наше время мнѣніе Западныхъ Европейцевъ).

Библиотека "Руниверс"

чалъ мой братъ, но доволенъ, нисколько; такъ какъ, чтобы сдѣлать это завоеваніе и чтобы сохранить его, мнѣ нужно было бы еще выдержать ужасную войну противъ Россіи, Австріи и, можетъ быть, противъ Франціи. Я одинъ разъ рискнулъ уже вступить въ эту великую борьбу, которая меня чуть не погубила. На этомъ и остановимся; мнѣ достаточно славы, я старъ и нуждаюсь въ покоѣ». Тогда, дабы разсѣять его опасенія, я разсказалъ ему, что, разговаривая однажды съ Екатериной II, когда она завела рѣчь о буйномъ духѣ Поляковъ, объ ихъ безпорядкахъ и крамолѣ, имѣющихъ рано или поздно обратить ихъ страну въ позорище войны, въ которую неминуемо будутъ увлечены окружающія ихъ державы, мнѣ пришла мысль, которую я ей и сообщилъ, о раздѣлѣ, на который Австрія конечно должна будетъ легко согласиться, такъ какъ тѣмъ расширятся владѣнія ея.

Мои слова живо заняли Императрицу. Это свѣтлая мысль, сказала она; и если король, вашъ братъ, раздѣляетъ ее, то, при нашемъ согласіи, намъ нечего бояться: Австрія либо будетъ содѣйствовать этому раздѣлу, либо мы легко сумѣемъ заставить ее допустить оный. Итакъ, государь, ты видишь, что такое расширеніе владѣній зависитъ только отъ твоей воли. Братъ поцѣловалъ меня, поблагодарилъ и скоро вступилъ въ переговоры съ Екатериной и Вѣнскимъ дворомъ. Императоръ колебался, вывѣдывалъ намѣренія Франціи; но, видя, что слабость кабинета Людовика XV не даетъ ему никакой надежды на помощь, онъ уступилъ и потихоньку взялъ свою часть. Такимъ образомъ, не сражаясь, не теряя ни крови, ни денегъ, Пруссія благодаря мнѣ, расширилась, и Польша раздѣлена [1]).

Въ виду успѣховъ, которыхъ я желалъ достигнуть въ Россіи, мнѣ казалось полезнымъ отвѣчать услужливостью на учтивую предупредительность, оказанную мнѣ посломъ Екатерины въ Варшавѣ [2]).

Это былъ человѣкъ ума и опыта. Императрица доказала ему свое довѣріе, давъ ему столь важное порученіе, которое при званіи посла дѣлало его на самомъ дѣлѣ правителемъ Польши.

Между тѣмъ, опасаясь его дарованій и вліянія [3]), министры Государыни подъ разными предлогами держали его всегда вдали отъ нея; поэтому вначалѣ я нашелъ его немного раздраженнымъ противъ нихъ.

---

[1]) О Польшѣ Сегюръ замѣтилъ: „Все въ этой странѣ несообразно: пустыни и дворцы, рабство крестьянъ и буйная свобода дворянъ, которые издавна одни составляли настоящій Польскій народъ; большое богатство хлѣбомъ, мало денегъ и почти никакой торговли, если не считать дѣятельную толпу жадныхъ Евреевъ, которыхъ князь Потемкинъ въ шутку называлъ мореходствомъ Польши“.

[2]) Графомъ Штакельбергомъ.

[3]) (Такая же участь была позднѣе кн. Г. И. Гагарина и Д. П. Северина).

Библиотека "Руниверс"

Онъ безпрестанно приглашалъ меня къ себѣ, часто запирался со мной на нѣсколько часовъ и въ своихъ бесѣдахъ выказывалъ мнѣ довѣріе, весьма для меня выгодное, но странно поражавшее меня своимъ обиліемъ. Я не разсчитывалъ бы получить и отъ стараго и близкаго друга болѣе подробныхъ и полезныхъ свѣдѣній, чѣмъ тѣ, какія онъ мнѣ давалъ относительно самыхъ знатныхъ и самыхъ вліятельныхъ лицъ при Русскомъ дворѣ и даже относительно характера Императрицы. Въ особенности онъ ознакомилъ меня съ достоинствами, недостатками и слабостями князя Потемкина, въ то время всемогущаго. Онъ описалъ мнѣ всѣхъ членовъ министерства остроумными, своеобразными чертами, способными заставить меня думать, что это описаніе правдиво, хотя немного и преувеличено. Все, что́ онъ мнѣ говорилъ, доказывало, что въ данномъ мнѣ порученіи я встрѣчу препятствія, мною предвидѣнныя, но что найду и помощь, которой я не ожидалъ.

Этотъ посолъ говорилъ мнѣ довольно откровенно о роли исполняемой имъ въ Польшѣ, мало отличавшейся отъ роли первыхъ министровъ при нашихъ старинныхъ королях. Его власть имѣла только тѣ границы, какія желала ей ставить мягкость его характера; онъ не сокрушалъ этотъ несчастный народъ, но не давалъ ему встать на ноги, поддерживалъ его безсиліе, разжигалъ его несогласія и старательно способствовалъ продолженію его неурядицы.

Видя, что Штакельбергъ далекъ отъ желанія облечься въ таинственный дипломатическій покровъ, которымъ старательно окружаютъ себя столь многіе педантическіе и посредственные люди, дабы скрыть мелочность и часто свое ничтожество, видя, говорю я, что этотъ посолъ самъ старается продлить наши бесѣды и на всѣ, самые щекотливые вопросы политики того времени отвѣчаетъ почти съ полной откровенностью, я отважился говорить съ нимъ про обмѣнъ Баваріи на Нидерланды.

«Могу васъ увѣрить, отвѣчалъ онъ, что въ Петербургѣ смотрятъ на эту сдѣлку какъ на недопустимую и химерическую; однако Императрица не сочла возможнымъ отказать Императору, своему союзнику, которымъ она очень довольна, въ услугѣ болѣе кажущейся, чѣмъ дѣйствительной, такъ какъ она заключается лишь въ томъ, чтобы вывѣдать намѣренія Франціи и герцога Двухмостнаго на этотъ счетъ. Правда, что молодой графъ Румянцевъ слишкомъ опрометчиво тѣснилъ своего противника и на много превысилъ данныя ему инструкціи».

Сестра короля, графиня Краковская, женщина, столь же извѣстная своею добродѣтелью, какъ и пріятностью характера, совѣтовала мнѣ и убѣждала отложить отъѣздъ, такъ какъ шелъ снѣгъ, и она предвидѣла, что чрезъ нѣсколько дней дороги сдѣлаются непроѣздны. «Подождите,

Библиотека "Руниверс"

говорила она, пока установится санный путь; тогда вы быстро наверстаете подаренное намъ время».

Необходимость прибыть къ моему мѣсту послѣ столь долгаго пребыванія въ Майнцѣ, Берлинѣ и Варшавѣ, не позволяла мнѣ слѣдовать этому совѣту, благоразуміе котораго мнѣ довелось скоро признать. Первый день прошелъ безъ происшествій, второй былъ затруднителенъ; на третій ужъ не было видно дорогъ; земля покрылась снѣгомъ на четыре фута. Въ деревняхъ этого снѣга навалило въ уровень съ дверьми, такъ что видны были лишь крыши избъ, издали походившихъ на палатки, разбросанныя въ долинѣ. Всѣ наши усилія еле достигали того, чтобы заставить лошадей отъ времени до времени идти шагомъ и вытаскивать ихъ изъ сугробовъ, въ которые онѣ часто падали. Пришлось остановиться въ очень маленькой деревушкѣ и оставить тамъ мои три кареты.

Я купилъ крестьянскія сани и деньгами склонилъ одного Русскаго курьера, проѣзжавшаго въ этомъ мѣстѣ, уступить мнѣ его кибитку. Такъ какъ снѣгъ не твердѣлъ, то, несмотря на легковѣсность этихъ саней, я съ большимъ трудомъ доѣхалъ до Бѣлостока.

Я устроился какъ можно лучше въ плохой гостинницѣ, гдѣ, по Польскому обычаю, путешествующимъ недоставало только самаго необходимаго для пищи и сна. Но едва я пробылъ въ этомъ печальномъ убѣжищѣ четверть часа, какъ въ мою комнату вошелъ Польскій офицеръ и сказалъ, что графиня Краковская, на службѣ у которой онъ состоитъ, прислала ему приказаніе пригласить меня помѣститься въ ея замкѣ, гдѣ она велѣла все приготовить для моего пріема.

Никогда любезное приглашеніе не являлось болѣе кстати. Слѣдуя за своимъ проводникомъ, я отправился въ это жилище, дѣйствительно достойное сестры короля. Я увидѣлъ обширный вельможный замокъ, вполнѣ и великолѣпно меблированный. Моя свита помѣстилась тамъ; но, къ моему великому удивленію, я увидѣлъ, что, благодаря тончайшему вниманію, графиня послала туда дворецкаго, поваровъ, лакеевъ и большое число прислуги, пришедшихъ ко мнѣ за приказаніями. Я получилъ отъ нея также письмо, которымъ она предоставляла замокъ въ мое распоряженіе, прося меня оставаться въ немъ сколько мнѣ будетъ угодно и оказывать гостепріимство путешественникамъ, которымъ какія либо злоключенія могли доставить случай остановиться тамъ. И вотъ я превратился въ Польскаго вельможу, и никогда никакой странствующій рыцарь не встрѣчалъ въ своихъ приключеніяхъ болѣе подобающаго жилища и болѣе учтиваго пріема. Не доставало только самой владѣтельницы замка, и невозможно мнѣ было не жалѣть объ ея отсутствіи.

Библиотека "Руниверс"

Снѣгъ продолжалъ идти въ изобиліи и дороги были непроѣздны. И такъ я оставался нѣсколько дней въ Бѣлостокѣ, куда пріѣхали укрыться нѣсколько Польскихъ баръ и барынь, остановленныхъ, какъ и я, этой холодной метелью. Предупрежденный дворецкимъ графини объ ихъ пріѣздѣ, я исполнилъ ея гостепріимное желаніе и пригласилъ ихъ поселиться въ замкѣ, гдѣ принялъ ихъ какъ могъ лучше, такъ что въ теченіе недѣли, вмѣсто того, чтобы быть заключеннымъ въ своей маленькой прокуренной гостинницѣ, я жилъ какъ пышный воевода, имѣя прекрасный столъ, любезное общество и проводя вечера попеременно то въ бесѣдахъ, то въ играхъ съ музыкою и танцами.

Между тѣмъ поднялся очень холодный сѣверный вѣтеръ; снѣгъ затвердѣлъ; устанавливался санный путь. Снова сѣлъ я въ свои сани и продолжалъ путь, увозя съ собою неизгладимыя воспоминанія о Бѣлостокскомъ замкѣ, о добротѣ графини Краковской и объ ея любезномъ гостепріимствѣ.

Пока дорога была сносна только для легкихъ саней. Одинъ изъ моихъ слугъ, оставшійся съ моими каретами, долженъ былъ возможно скорѣе привезти мнѣ ихъ въ Петербургъ; но видно, мнѣ надлежало быть наказану за то, что не послушался данныхъ мнѣ совѣтовъ. Снѣгъ и огонь соединились, чтобы наложить на меня за это кару: первый заточилъ мои кареты, а огонь сжегъ ихъ.

На пути до Риги я не встрѣтилъ ничего замѣчательнаго. Это городъ укрѣпленный, многолюдный, торговый, болѣе похожій на Нѣмецкій или на Шведскій, нежели на Русскій. Я пробылъ въ немъ нѣсколько часовъ и скоро проѣхалъ 250 миль, отдѣляющихъ его отъ С.-Петербурга. Дорога была прекрасная; я миновалъ нѣсколько красивыхъ городовъ и много селеній; вездѣ на станціяхъ были покойныя гостинницы и давали хорошихъ лошадей. Подъ сѣрымъ небомъ, при стужѣ, доходившей до 25°, повсюду можно было видѣть слѣды сильной власти и памяти о геніи Петра Великаго. Счастливо и отважно побѣдивъ природу, преобразилъ онъ эти холодныя страны въ богатыя области и надъ этими вѣчными льдами распространилъ плодотворные лучи гражданственности. Словомъ, былъ я пріятно пораженъ, когда въ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда были лишь обширныя, безплодныя и смрадныя болота, увидѣлъ красивыя зданія города, основаннаго Петромъ и сдѣлавшагося менѣе, чѣмъ въ сто лѣтъ, однимъ изъ богатѣйшихъ, замѣчательнѣйшихъ городовъ въ Европѣ.

10-го Марта 1785 года я прибылъ въ домъ, нанятый для меня г. де-ла-Колиньеромъ*). Немедленно стали мы съ нимъ обдумывать, что

*) Французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

нужно сдѣлать, чтобы скорѣе увидѣть эту необыкновенную женщину, знаменитую Екатерину, которую князь Делинь оригинально и своеобразно называлъ *Екатериной Великимъ* (Catherine le Grand).

Освѣдомившись, когда могъ принять меня вице-канцлеръ графъ Остерманъ [1]), я отвезъ ему депешу, которую поручилъ мнѣ передать ему Вержень [2]), и попросилъ его исходатайствовать мнѣ аудіенцію у Императрицы, чтобы представить мои кредитивныя грамоты ея величеству. Государыня приказала мнѣ сказать, что приметъ меня на слѣдующій день. Но она тогда была нездорова; болѣзнь ея продолжилась дней на 8 или на десять и отсрочила мнѣ аудіенцію. Поэтому я имѣлъ болѣе досужаго времени, нежели хотѣлъ, чтобы перетолковать съ Колиньеромъ о положеніи дѣлъ и о разныхъ лицахъ, дѣйствовавшихъ на томъ обширномъ поприщѣ, на которое я долженъ былъ вступить.

Я получилъ нѣсколько писемъ отъ графа Верженя [3]). Онъ обстоятельно судилъ о предполагавшемся обмѣнѣ Баваріи и о мѣрахъ короля для воспрепятствованія этому дѣлу. Онъ предписывалъ мнѣ стараться вывѣдать настоящія намѣренія Императрицы по этому вопросу и, согласно со мною, полагалъ, что она не слишкомъ желаетъ успѣха этому предпріятію, хотя министръ ея Румянцевъ [4]) довольно рѣшительно поступилъ отъ ея имени. Вѣроятно Государыня, въ этомъ случаѣ, имѣла цѣлью тѣснѣе сблизиться съ императоромъ, помогая ему однако не столько дѣйствительными мѣрами, сколько увѣреніями, обѣщаніями и объявленіями о вооруженіи войскъ. Скоро узналъ я, что наборъ въ 40,000 рекрутъ, о которомъ такъ шумѣли, необходимъ для пополненія арміи, и что это былъ обыкновенный наборъ по одному крестьянину съ пятисотъ. Если бы думали о войнѣ, то это число было бы удвоено. Я узналъ также, что эскадра, снаряженная въ Кронштадтѣ, назначалась къ показному пребыванію въ Балтійскомъ морѣ, для морскихъ упражненій. Но что̀ дѣйствительно могло заботить нашъ кабинетъ — такъ это дѣятельныя мѣры, принятыя Русскимъ министерствомъ, чтобы отдалить отъ насъ императора и Голландію и сблизить ихъ съ Англіею.

---

[1]) Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ былъ вице-канцлеромъ съ 21 Апрѣля 1773 г. по 9 Ноября 1796 г., когда пожалованъ въ канцлеры и уволенъ, согласно желанію, отъ службы; умеръ въ Москвѣ 18 Апрѣля 1811 года (въ великолѣпной усадьбѣ своей, гдѣ нынѣ Московская Духовная Консисторія).

[2]) Графъ Вержень (ум. 1787 г.) министръ иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ XVI.

[3]) Около этого времени Австрійскіе дипломаты, руководимые желаніемъ округлить владѣнія Габсбургскаго дома, хлопотали о присоединеніи Баваріи къ Австріи и о предоставленіи вмѣсто нея Баварскому курфюрсту Австрійскихъ Нидерландовъ, то-есть Бельгіи. Людовикъ XVI противился этому плану.

[4]) Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ во Франкфуртѣ на Майнѣ, съ 1781 по кончину Императрицы.

Библиотека "Руниверс"

Несогласіе между Голландскими штатами и Іосифомъ совершенно утихло только къ концу 1785 года, завязались переговоры, и наше посредничество было принято; но Екатерина старалась не дать намъ воспользоваться ими и желала быть единственною посредницею между Вѣнскимъ кабинетомъ и Голландцами. Я не раздѣлялъ удивленія Верженя по этому поводу. Мнѣ казалось довольно естественнымъ, что Императрица старалась вездѣ ослаблять наше вліяніе. Уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, отношенія между Версальскимъ и Петербургскимъ дворами были довольно холодны. Герцогъ Шуазель [1]) не щадилъ самолюбія Екатерины II. Въ Россіи полагали, что злорѣчивое сочиненіе аббата Шаппа [2]) было внушено этимъ министромъ. Кромѣ того, въ Польшѣ мы противились избранію короля Станислава Августа. Послѣ того, во время перваго раздѣла Польши, министерство Людовика XV, хотя и вялое, дѣйствовало непріязненно въ отношеніи Россіи. Наконецъ, такъ какъ стремленія Императрицы были направлены къ разрушенію Оттоманской имперіи, открытое покровительство, которое мы оказывали султану, служило препятствіемъ ея намѣреніямъ. Тайна ея политики объяснялась этою мечтою, и, чтобы удовлетворить ей, Екатерина расторгла давній союзъ свой съ Фридрихомъ II и постоянно старалась

---

[1]) Шуазель нѣкогда былъ Французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ (1758 г.), а потомъ военнымъ (1761 г.) и морскимъ (1763 г.).

[2]) Здѣсь разумѣется великолѣпно-изданное путешествіе по Сибири ученаго аббата Шаппа, Voyage en Sybérie, par l'abbé Chappe d'Auteroche. 3 vols. Paris, 1763, in 4°, съ рисунками. Членъ Парижской Академіи Наукъ, Шаппъ отправленъ былъ въ Сибирь, чтобы наблюдать прохожденіе Венеры передъ солнцемъ. Въ своихъ Запискахъ онъ вмѣстѣ съ учеными наблюденіями сообщаетъ извѣстія о нашихъ нравахъ, обычаяхъ, образѣ нашего правленія и частію касается нашей исторіи,—описаніе невѣрное, одностороннее и легкомысленное, такъ какъ путешественникъ рѣшительно судитъ и рядитъ о томъ, чего не могъ осмотрѣть порядочно въ торопливой поѣздкѣ своей отъ Петербурга до Иркутска. Народные Французскіе предразсудки мѣшали ему находить что-либо хорошее въ той странѣ, которая такъ непохожа на его отечество, и которую онъ считалъ варварскою. Книга его подверглась осужденію со стороны Гримма и Дидро, но болѣе важная критика ея содержанія издана была отъ Русскаго правительства подъ заглавіемъ: Antidote ou examen du mauvais livre, superbement imprimé, intitulé: Voyage en Sybérie. Эта критика, опровергая невѣрныя показанія аббата, раскрываетъ съ тѣмъ вмѣстѣ недостатки Французскаго общества. Главная мысль ея состоитъ въ томъ, что Франція, подъ скипетромъ Людовика XV, не имѣетъ права гордиться передъ современной Россіей, управляемой творцомъ Наказа. Первое изданіе Antidote вышло въ Петербургѣ, а второе при Амстердамской перепечаткѣ путешествія Шаппа (1771 г.). Нѣкоторые, какъ Сегюръ, считаютъ Екатерину авторомъ этого возраженія, а другіе, какъ Карьеръ, говорятъ, что оно было написано кн. Дашковой при содѣйствіи скульптора Фальконета. См. ст. А. Аѳанасьева, въ Отеч. Зап. 1860 г., № 3: Литературные труды кн. Дашковой. (Нынѣ несомнѣнно доказано, что Антидотъ написанъ Екатериной. Его Русскій переводъ, сдѣланный довольно-неудачно покойнымъ С. А. Рачинскимъ, напечатанъ въ IV книгѣ „Восемнадцатаго Вѣка“).

Библиотека "Руниверс"

укрѣпить связи, соединявшія ее съ Англіей и въ особенности съ Іосифомъ II, отъ котораго ожидала она полезнаго содѣйствія въ широкихъ своихъ замыслахъ.

Колиньеръ разсказалъ мнѣ, что Государыня не принимала меня потому, что въ это врамя была опечалена смертью генералъ-адъютанта Ланского [1]). Она была къ нему очень привязана, и, говорятъ, онъ того стоилъ по искренности и вѣрности, чуждой честолюбія. Онъ убѣдилъ ее, что, не смотря на разницу положенія и возраста любилъ Екатерину, а не Императрицу.

Все, что̀ я зналъ о высокихъ достоинствахъ этой Государыни, все, что̀ мнѣ говорилъ о ней самъ Фридрихъ, умножало во мнѣ желаніе узнать ее лично; однако первый ея шагъ при вступленіи на престолъ, охлаждалъ во мнѣ иногда мое рвеніе. Но многія достойныя довѣрія лица не могли сказать, какое именно участіе принимала Екатерина въ послѣднемъ дѣйствіи этой трагедіи. Кромѣ того, я всегда думалъ, что непротивно нравственному чувству, въ сужденіи о великихъ людяхъ и славныхъ монархахъ, взвѣшивать обстоятельства, въ которыхъ они находились, а качества и недостатки ихъ пріурочивать къ ихъ времени, къ ихъ положенію, и къ нравамъ народа, которымъ они управляли. Всякому же извѣстно, что Россія долѣе всѣхъ другихъ странъ Европы оставалась во мракѣ и что въ теченіе XVII вѣка и даже до царствованія Петра III, варварство не только не смягчалось, но продолжало окровавлять ступени царскаго престола. Русскіе государи, свергая съ себя Татарское иго, становились кровавыми деспотами, и каждый изъ нихъ какъ будто не могъ подняться на высшую ступень иначе, какъ раздавивъ своего предшественника [2]). Иванъ IV убилъ одного изъ своихъ сыновей и умеръ въ монастырѣ. Ѳедоръ I царствовалъ, заколовъ Димитрія. Лжедмитрій, монахъ Отрепьевъ, задушилъ и свергъ съ престола Ѳедора II; Василій, обязанный ему жизнью, закололъ его въ свою очередь. Этотъ же Василій кончилъ дни свои въ монастырѣ, когда царскій скипетръ перешелъ въ руки Михаила Романова. Этотъ государь, происхожденіемъ изъ Пруссіи, былъ основателемъ нынѣшней династіи. Внукъ его, Ѳедоръ III, оставилъ сыновьямъ своимъ Ивану и Петру

---

[1]) Ланской, Александръ Дмитріевичъ, род. 8 Марта 1758 года, въ 1780 г. пожалованъ во флигель-адъютанты, потомъ былъ генералъ-поручикомъ и генералъ-адъютантомъ и находился въ случаѣ по самую смерть, 25 Іюня 1784 года. (О болѣзни его, кончинѣ и о своемъ горѣ по немъ Екатерина подробно писала Гримму. Когда Сегюръ пріѣхалъ въ Петербургъ, она все еще находилась подъ впечатлѣніемъ этой утраты; но въ Маѣ 1785 году мѣсто его заступилъ Ермоловъ).

[2]) (Таково невѣжество въ Русской исторіи одного изъ образованнѣйшихъ Французовъ. Оно лишь недавно началò ослабѣвать).

Библиотека "Руниверс"

престолъ, возбудившій между ними распрю. За Иваномъ удержалось только имя царя, а скипетръ перешелъ къ его безсмертному брату Петру I. Этотъ государь, могучій на войнѣ и глубокій въ политикѣ, былъ одаренъ великимъ геніемъ. Но (какъ онъ самъ откровенно выражался), будучи преобразователемъ своей державы, онъ не могъ преобразовать самого себя. Жестокій съ дворомъ своимъ, варваръ въ семьѣ, онъ отдалъ на смерть сына своего Алексѣя и приказавъ уничтожить восемь тысячъ стрѣльцовъ, составлявшихъ его гвардію, поощряя грубыхъ палачей собственнымъ примѣромъ въ этой кровавой работѣ ихъ. Прогнавъ первую свою жену Евдокію, Петръ женился на Екатеринѣ I, самаго низкаго происхожденія, бывшей въ объятіяхъ у многихъ. По смерти его Екатерина, нарушивъ права Алексѣева сына, завладѣла скипетромъ. Умирая, она назначала его своей старшей дочери; но Меньшиковъ посадилъ на престолъ великаго князя, сына несчастнаго Алексѣя, подъ именемъ Петра II. Царствовалъ онъ недолго. Ему наслѣдовала Анна, герцогиня Курляндская и, будучи подъ властью своего любимца Бирона, перевѣшала многихъ и населила Сибирь сосланными. Передъ смертью она завѣщала свою власть ребенку, именемъ Ивану, по матери его Брауншвейской *) герцогинѣ, происшедшему отъ брата Петра Великаго; но другая царевна, происходившая отъ Петра Великаго, Елисавета взяла маленькаго Ивана изъ его колыбели, заключила его въ крѣпость и провозгласила себя императрицею. Двадцать лѣтъ царствовавъ, Елисавета, вмѣсто того, чтобы положить конецъ бѣдствіямъ Ивана и возвратить ему престолъ, призвала на него своего племянника, герцога Голштейнъ-Готторпскаго. Онъ царствовалъ подъ именемъ Петра III и вскорѣ былъ низверженъ съ престола своею супругою Екатериною II, въ то время, какъ намѣревался прогнать ее и предать нескончаемому заточенію.

Съ сожалѣніемъ написавъ бѣглыми чертами эту страшную картину, отворочусь отъ нея и посмотрю, какъ Екатерина II, законодательница своей имперіи, сумѣла, благодаря великимъ качествамъ, дарованіямъ и счастію, покрыть пальмами и лаврами первыя печальныя страницы своей исторіи. Попробую въ немногихъ словахъ сдѣлать очеркъ жизни столь славной, женщины, которая вызывала строгія осужденія, но заслуживаетъ также и великихъ похвалъ потомства; ибо государыня великой имперіи, какъ бы ни хулили ея честолюбивую политику, все же достойна похвалъ, коль скоро голосъ цѣлаго народа свидѣтельствуетъ, что она любима.

---

*) (Не Брауншвейгской, а Мекленбургской).

Библиотека "Руниверс"

Екатерина, дочь князя Ангальтъ-Цербстскаго, въ дѣтствѣ носила имя Софіи-Августы-Доротеи Ангальтской. Она получила имя Екатерины, принявъ Греческое вѣроисповѣданіе и выходя замужъ за своего двоюроднаго брата (cousin) Карла Фридриха, герцога Гольштейнъ-Готторпскаго, котораго Елисавета назначила своимъ преемникомъ и назвала великимъ княземъ. Ни одинъ союзъ не былъ болѣе несоразмѣренъ: природа, скупая на свои дары молодому князю, осыпала ими Екатерину. Казалось, судьба, по странной прихоти, хотѣла дать супругу малодушіе, непослѣдовательность, безталанность человѣка подначальнаго, а его супругѣ умъ, мужество и твердость мужчины, рожденнаго для трона. И дѣйствительно, Петръ только мелькнулъ на тронѣ, а Екатерина на немъ держалась блистательно.

Екатерина отличалась великими дарованіями и тонкимъ умомъ; въ ней дивно соединились качества, рѣдко встрѣчаемыя въ одномъ лицѣ. Склонная къ удовольствіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ трудолюбивая, она была проста въ домашней жизни и скрытна въ дѣлахъ политическихъ. Честолюбіе ея было безпредѣльно, но она умѣла направлять его къ благоразумнымъ цѣлямъ. Страстная въ увлеченіяхъ, но постоянная въ дружбѣ, она предписала себѣ неизмѣнныя правила для политической и правительственной дѣятельности; никогда не оставляла она человѣка, къ которому питала дружбу, или предположенія, которое обдумала. Она была величава предъ народомъ, добра и даже снисходительна въ обществѣ; къ ея важности всегда примѣшивалось добродушіе, веселость ея всегда была прилична. Одаренная возвышенной душою, она не обладала ни живымъ воображеніемъ, ни даже блескомъ разговора, исключая рѣдкихъ случаевъ, когда говорила объ исторіи или о политикѣ: тогда личность ея придавала вѣсъ ея словамъ. Это была величественная монархиня и любезная простая женщина. Высокій лобъ, нѣсколько откинутая назадъ голова, гордый взглядъ и благородство осанки, казалось, возвышали ея невысокій ростъ. У ней были орлиный носъ, прелестный ротъ, голубые глаза и черныя брови, чрезвычайно мягкій (когда хотѣла) взглядъ и привлекательная улыбка. Чтобы скрыть полноту, которою надѣлило ее всеистребляющее время, она носила широкія платья съ пышными рукавами, напоминавшими старинный Русскій нарядъ. Бѣлизна и блескъ кожи служили ей украшеніемъ, которое она долго сохраняла.

Слишкомъ удовлетворяя другимъ наклонностямъ, была она однако воздержна въ пищѣ и питьѣ, и нѣкоторые пріѣзжіе сатирики грубо ошибались, утверждая, будто она употребляла много вина. Они не знали, что красная жидкость, обыкновенно налитая у нея въ стаканѣ, была ничто иное, какъ смородинная вода. Эта Государыня никогда не ужи-

Библиотека "Руниверс"

нала; въ шесть часовъ утра вставала и сама затопляла свой каминъ. Сначала занималась она съ своимъ полиціймейстеромъ, потомъ съ министрами. За ея столомъ обыкновенно было не болѣе восьми человѣкъ. Обѣдъ былъ простъ, какъ въ частномъ домѣ, и за столомъ, какъ у Фридриха II, этикетъ былъ изгнанъ, и допускалась непринужденность въ обращеніи.

Личныя ея мнѣнія были философскія, но, какъ государыня, она обнаруживала уваженіе къ религіи. Никто не умѣлъ съ такою непостижимою легкостью переходить отъ развлеченій къ трудамъ. Предаваясь увеселеніямъ, она никогда не увлекалась ими и среди занятій не переставала быть любезною. Сама диктуя своимъ министрамъ важнѣйшія бумаги, она обращала ихъ въ простыхъ секретарей; она одна одушевляла и руководила своимъ совѣтомъ.

Екатерина была въ ранней молодости перенесена невзначай въ чуждую ей страну, языкъ, законы и нравы которой она должна была изучать. Заря судьбы ея была окружена самыми мрачными облаками. Нелюбимая супругомъ, не прощавшимъ ей превосходства ея надъ собою, она находилась въ зависимости отъ императрицы, которая, по своей лѣности, чувственности и подозрительности, не оказывала ей покровительства, а только стѣсняла ее [1]). Екатерина ожидала для себя заточенія, ссылки или смерти; но она была слишкомъ умна, слишкомъ даровита и слишкомъ горда, чтобы довольствоваться спокойною безызвѣстностью въ опалѣ. Опасности, угрожавшія Екатеринѣ, умножались разслабленіемъ, въ которое впала Елисавета вслѣдствіе позорныхъ излишествъ. Великій князь, ея племянникъ, внушалъ ей отвращеніе; достоинствамъ великой княгини она завидовала и любила только ихъ сына. Дворъ былъ преданъ происканъ: каждый день честолюбцы составляли новые замыслы; одни, надѣясь пріобрѣсть вліяніе на наслѣдника, другіе, стараясь овладѣть умомъ великой княгини. Наконецъ, одинъ ловкій и смѣлый министръ [2]) задумывалъ похитить скипетръ у великаго князя и, передавъ его въ руки его малолѣтняго сына, отъ имени ребенка управлять государствомъ, освободить дворянство и превратить Московское самодержавіе въ монархію аристократическую и Европейскую.

Передъ смертью, Елисавета, со всѣхъ сторонъ осаждаемая различными совѣтами, помирилась съ Екатериной и ея супругомъ. Послѣ ея кончины, Петръ III вступилъ на престолъ. Сперва этотъ государь, пораженный тяжестью бремени, которое было ему не по плечамъ, сбли-

---

[1]) (Лишь за два года до своей кончины Елисавета Петровна оцѣнила и полюбила Екатерину).

[2]) (Графъ Н. И. Панинъ).

Библиотека "Руниверс"

зился съ Екатериной, охотно принималъ ея совѣты и, казалось, хотѣлъ побѣдить свое расположеніе къ недѣятельности и свои порочныя склонности; но вскорѣ его тайное отвращеніе къ супругѣ, происки любовницы и подлость нѣкоторыхъ придворныхъ, погасили эти слабые проблески разсудительности, несовмѣстимой съ его безхарактерностью; Императрица же своимъ поведеніемъ заслуживала справедливыхъ упрековъ и, огорчаемая равнодушіемъ супруга, утѣшала себя непростительными связями. Охлажденіе Петра быстро перешло въ ненависть; бракъ тяготилъ его, онъ захотѣлъ вступить въ другой, и гибель Екатерины была рѣшена. Между тѣмъ она, поставленная среди столькихъ опасностей и вынуждаемая ими прибѣгнуть съ своей стороны къ пріемамъ честолюбивой политики, нашла возможность составить себѣ большой кругъ приверженцевъ. Вельможи были очарованы ея привѣтливостью; народъ полюбилъ ее и возымѣлъ къ ней почтеніе, за ея доступность, кротость, благотворительность, усердіе къ исполненію предписаній вѣроисповѣданія. Все духовенство разсчитывало при ней господствовать. Войску она воздавала ободряющую хвалу, и оно усердствовало ей, получая отъ нея щедрыя подарки. Такимъ образомъ, въ то самое время какъ ея вялый и чудачный супругъ хотѣлъ ее заточить съ тѣмъ, чтобы жениться на графинѣ Воронцовой и провозгласить ее императрицею, самъ онъ лишенъ былъ престола. Увѣряли, что онъ имѣлъ въ виду объявить сына своего Павла Петровича незаконнорожденнымъ, происшедшимъ отъ преступной связи. Такимъ насильственнымъ рѣшеніемъ умножилось число сторонниковъ Екатерины. Къ нимъ присоединились и тѣ, которые, не любя ея, стояли за августѣйшаго ребенка, опасаясь для себя гибели отъ честолюбивой любовницы. Петръ же III-й нажилъ себѣ опаснѣйшихъ враговъ незаслуженнымъ презрѣніемъ Русскаго войска и унизительнымъ восхваленіемъ войска Прусскаго и его героическаго вождя. Онъ до того простеръ свое восхищеніе имъ, что принялъ чинъ въ полкахъ Фридриха, котораго нерѣдко величалъ своимъ генераломъ и повелителемъ. Однако при немъ состояли старикъ-фельдмаршалъ Минихъ и довольно большое число вѣрныхъ солдатъ. Нескромность и вѣтренность нѣсколькихъ молодыхъ офицеровъ, замышлявшихъ спасти Екатерину отъ угрожавшей ей бѣды, послужила къ открытію ихъ плохо устроеннаго заговора. Съ самою малою рѣшимостью легко было потушить его. Немногіе мятежники увезли молодую Екатерину изъ Петергофскаго дворца и въ Петербургѣ провозгласили Государынею; если бы Петръ, подъ руководствомъ Миниха и во главѣ солдатъ своихъ, двинулся противъ нея, онъ легко бы восторжествовалъ; но малодушіе погубило его. Онъ бѣжалъ въ Кронштадтъ, куда его не пустили; мѣняя ежеминутно свои намѣренія, переходя безпрестанно отъ

Библиотека "Руниверс"

гнѣва къ унынію и отъ угрозъ къ мольбамъ, онъ возвратился оттуда, и твердость Миниха не вызвала въ немъ ни одной искры рѣшимости. Вскорѣ всѣ его покинули. Онъ самъ отослалъ солдатъ, готовыхъ сразиться за него. Онъ опоздалъ вступить въ переговоры, далъ себя обезоружить, подчинился, подписалъ отреченіе отъ престола, заявивъ свою неспособность занимать его и отдался въ руки мятежниковъ. Императрица отказала ему въ свиданіи и отослала на одну изъ дачъ. Шесть дней заговорщики обдумывали свой страшный замысель, дали ему яду, и когда ядъ не подѣйствовалъ, задушили его. Никто не повѣрилъ объявленію, приписавшему эту насильственную смерть волѣ Промысла и болѣзни, припадкамъ которой яко бы подверженъ былъ этотъ несчастный государь.

Благодаря такому странному стеченію обстоятельствъ, дочь мелкаго Нѣмецкаго князя сдѣлалась Государынею великой имперіи. Избѣгнувъ развода и заточенія, Екатерина сѣла на престолъ, благодаря ловкости развитаго ума и покушеніямъ нѣсколькихъ смѣлыхъ заговорщиковъ, и сумѣла удержаться на этомъ опасномъ престолѣ, проявляя на немъ осторожность просвѣщенной геніальности и твердость великаго характера.

Царствованіе ея такъ блистательно, что пятенъ не видать. Если развернешь одну страницу въ книгѣ ея жизни, то поймешь принца Делиня, который говорилъ про нее, что она, будучи народна и великодушна, какъ Генрихъ IV, была величава, добросердечна и побѣдоносна какъ Людовикъ XIV и соединяла въ себѣ великія свойства обоихъ государей. Фридрихъ Великій, когда еще былъ съ нею въ пріязненыхъ отношеніяхъ, часто подольщался къ ней. «Многія государыни, говорилъ онъ, заслужили славу: Семирамида оружіемъ, Елисавета Англійская ловкою политикою, Марія-Терезія—удивительною твердостью въ опасностяхъ, но одна только Екатерина заслужила наименованіе законодательницы.»

Истина, отъ которой историкъ не долженъ никогда уклоняться, требуетъ признать, не скрывая порицаемаго нравственнымъ чувствомъ, что великія дарованія, великій успѣхъ, благородныя и великодушныя свойства, которыя служатъ Екатеринѣ оправданіемъ въ глазахъ свѣта, снискали ей любовь ея народа и славу.

Новая Императрица не замедлила доказать своимъ подданнымъ, что она выше всѣхъ опасеній,—вѣрнѣйшее средство удалить отъ себя всякую опасность. Ея управленіе было мирное и мягкое. Она какъ бы родилась на тронѣ, какъ будто наслѣдовала его спокойно. Одно только возмущеніе временно нарушило внутреннюю тишь Россіи: дерзкій разбойникъ, Донской казакъ Пугачевъ, принявъ имя Петра III, поднялъ бунтъ, завлекъ толпу невѣжественныхъ мужиковъ, перевѣшалъ множе-

Библиотека "Руниверс"

ство дворянъ, былъ преслѣдуемъ, пораженъ и наконецъ собственными сообщниками отданъ генераламъ Екатерины. Такъ какъ смертная казнь была изгнана изъ Русскаго законодательства, то трудно было уговорить Екатерину, чтобъ она подписала ее Пугачеву. Императрица не была ни слаба, ни подозрительна, и каждый въ ея царствованіе безопасно пользовался своимъ положеніемъ и саномъ; для происковъ не было цѣли и мѣста при ея дворѣ. Вслѣдствіе того она могла спокойно заниматься дѣлами внѣшней политики и исполненіемъ обширныхъ замысловъ своего геніальнаго честолюбія. Вскорѣ умѣла она отстранить Саксонцевъ отъ избранія герцоговъ въ Курляндіи. Давъ короля Польшѣ и видя, что онъ ни довольно силенъ, чтобы удерживать за собою королевскій санъ, ни довольно уступчивъ, чтобы оставаться какъ бы ея помощникомъ, она искусно сочетала честолюбіе другихъ государей съ своимъ собственнымъ, раздѣлила съ своими союзниками эту несчастную страну и неправеднымъ захватомъ расширила свое государство *). Съ другой стороны, успѣшно шествуя по пути, предначертанному Петромъ Великимъ, она побѣдила Турокъ, невѣжественный народъ, нѣкогда грозный для Европы, неизбѣжное паденіе котораго было задержано только злосчастнымъ несогласіемъ христіанскихъ монарховъ. 500,000 Турокъ были вооружены противъ нея; половина этого войска истреблена славными побѣдами Румянцева и Репнина. Изумленная Европа видѣла, какъ Русскій флотъ прошелъ черезъ океанъ и Средиземное море, пробудилъ покоившуюся во прахѣ Спарту, возвѣстилъ Грекамъ будущую ихъ свободу и взорвалъ мусульманскій флотъ въ Чесменскомъ заливѣ; наконецъ, великій визирь былъ осажденъ Румянцевымъ въ Шумлѣ, и тѣнь Петра Великаго отомщена. Султанъ, побѣжденный и принужденный согласиться на постыдный миръ, уступилъ Русскимъ новую Сербію, Азовъ, Таганрогъ, свободное плаваніе по Черному морю и призналъ независимость Крыма. Позднѣе Екатерина отняла у Шагинъ-Гирея этотъ полуостровъ, овладѣла Кубанью и островомъ Таманью. На пути къ этимъ завоеваніямъ, войска ея неожиданно встрѣтили Запорожцевъ, которые обитали на островахъ, у Днѣпровскихъ пороговъ. Они составляли общину изъ казаковъ-выходцевъ и жили грабежемъ и добычею, захваченною то у Турокъ, то у Поляковъ, то у Татаръ. Казаки эти грабили иногда и Русскихъ, хотя признавали надъ собою власть Русскаго царя и, со времени знаменитой измѣны ихъ вождя Мазепы, который былъ роковымъ союзникомъ Карла XII, принуждены были имѣть

*) Какъ извѣстно, инициатива раздѣла принадлежала не Екатеринѣ II, а Фридриху II. Мы не сочли нужнымъ входить въ подробное опроверженіе какъ этого указанія Сегюра, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, касающихся фактовъ общеизвѣстныхъ.

Библиотека "Руниверс"

гетмановъ, назначаемыхъ царями. Въ этой своеобразной и воинственной общинѣ не было женщинъ. Плѣнницы, захваченныя въ набѣгахъ, бережно охранялись въ станахъ, внѣ Сѣчи, и не могли выходить за черту Запорожья. Когда эти несчастныя жертвы насилія рождали дѣтей, то отцы брали къ себѣ на острова мальчиковъ, а дѣвочекъ прогоняли, вмѣстѣ съ ихъ матерями. Такую республику легче было истребить, нежели покорить. Русскіе уничтожили часть этихъ воинственныхъ дикарей и до 60,000 разселили по берегамъ Чернаго моря. Изъ нихъ образовались матросы для Черноморскихъ судовъ, заведенныхъ при Екатеринѣ.

Таковы были счастливыя войны и возрастающія завоеванія Императрицы, когда я прибылъ къ ея двору. Послѣ того, и уже въ послѣдніе годы ея царствованія, снова торжествуя надъ Турками, она сожгла ихъ флотъ въ устьѣ Днѣпра, отняла у нихъ Очаковъ, покорила Грузію, покрыла войсками Молдавію, взяла Хотинъ, Бендеры, Измаилъ и одержала нѣсколько побѣдъ, въ которыхъ погибло болѣе 40,000 Турокъ. По Ясскому миру въ 1792 году, Днѣстръ былъ назначенъ границею, и за Россіею упрочено владѣніе Кавказомъ. Екатерина, подчинивъ себѣ Грузію, распространила свои владѣнія до предѣловъ Персіи. Польша послѣ вторичнаго раздѣла потеряла свою независимость. Курляндія стала Русскою областью.

Въ продолженіе этого длиннаго ряда торжествъ и пріобрѣтеній только одно обстоятельство могло нѣкоторое время тревожить ея спокойствіе. Несчастный князь Иванъ *) еще жилъ въ крѣпости, куда былъ помѣщенъ при Елисаветѣ. Однажды, одинъ Русскій офицеръ, служившій въ гарнизонѣ этой крѣпости, во главѣ нѣсколькихъ солдатъ, бросается къ комнатѣ Ивана, вламывается въ дверь и, возвращая ему свободу, провозглашаетъ его императоромъ. Тогда комендантъ крѣпости, пораженный случившимся, исполняетъ давнишнее распоряженіе Елисаветы относительно Ивана и лишаетъ его жизни. Возмутившійся офицеръ смущенъ, обезоруженъ, задержанъ, подвергнутъ суду и осужденъ. Тѣмъ не менѣе кончина несчастнаго Ивана тоже была приписана Императрицѣ; но всѣ достойныя вѣры лица, говорившія мнѣ объ этомъ событіи въ Россіи, называли это обвиненіе клеветою.

Между тѣмъ какъ генералы Екатерины распространяли ея славу и владѣнія, она дѣятельно занималась мѣрами преобразованій въ управ-

*) Іоаннъ Антоновичъ, заключенный въ Шлиссельбургѣ. Событіе, о которомъ здѣсь сообщено, подробно разсказано въ извѣстномъ сочиненіи А. Вейдемейера: Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія, т. I, стр. 32—33. Здѣсь же указаны и другіе источники по этому предмету. См. также „Русскій Архивъ", издаваемый при Чертковской Библіотекѣ. т. I. М. 1863.

Библиотека "Руниверс"

леніи государствомъ и развитіемъ образованности, во сколько нравы ея народа допускали это Русскіе законы представляли хаосъ: каждый государь издавалъ новые законы, не отмѣняя старыхъ; судьи, не имѣя ни правилъ, ни началъ, которыми бы могли руководствоваться, судили произвольно. Екатерина, желая устранить этотъ безпорядокъ, учредила правильные суды и старалась ввести единство въ судопроизводствѣ. Движимая великодушіемъ, созвала она въ Москву выборныхъ со всѣхъ областей своей обширной имперіи, чтобы совѣщаться съ ними о законахъ, которые намѣревалась издать. Когда они собрались, имъ прочтено было введеніе къ уложенію, предположенному Императрицею. Эта книга, пользующаяся такою извѣстностью, была переведена на Русскій языкъ, но первоначально написана по французски, рукою Екатерины. Мнѣ показывали ее въ Петербургской библіотекѣ, и я удивился, увидѣвъ, что это было довольно полное изложеніе началъ нашего безсмертнаго Монтескьё. Собраніе депутатовъ, столь новое и неожиданное, не оправдало тѣхъ надеждъ, которые оно пробудило. Рѣчь, возвѣстившая о царскихъ намѣреніяхъ, сопровождалась единодушными восклицаніями; но когда начались совѣщанія, большее число выборныхъ воспротивилось предположенію объ освобожденіи крестьянъ; другіе слишкомъ рѣзко предъявляли желаніе ограничить императорскую власть или говорили слишкомъ въ пользу аристократіи. Выбранные отъ Самоѣдовъ, дикаго племени, подали мнѣніе, замѣчательное простодушною откровенностью. «Мы люди простые, сказали они, мы проводимъ жизнь, пася оленей; мы не нуждаемся въ уложеніи. Установите только законы для нашихъ Русскихъ сосѣдей и нашихъ начальниковъ, чтобъ они не могли насъ притѣснять; тогда мы будемъ довольны, и больше намъ ничего не нужно». Между тѣтъ, вслѣдствіе слуховъ о преніяхъ, крѣпостные нѣкоторыхъ вельможъ, побуждаемые надеждою на свободу, начали во многихъ мѣстахъ волноваться. Собраніе было распущено [1]), и Императрица должна была одна заняться составленіемъ законовъ [2]) Она издала нѣсколько законоположеній, имѣвшихъ предметомъ правосудіе и управленіе, но не могла совершить тѣхъ великихъ преобразованій, для успѣха которыхъ нужна благопріятная среда, обычаи, сообразные цѣли законодателя, и стеченіе многихъ особенныхъ обстоятельствъ. Нерѣдко Екатерина, съ гордостью удовлетвореннаго самолюбія, говорила мнѣ о

---

[1]) Комиссія для составленія проекта новаго уложенія была учреждена 14 Декабря 1766 г., открыта 31 Іюля 1767 г., а распущена 28 Декабря 1768 г.

[2]) (Не только Сегюръ, но и у насъ до самаго послѣдняго времени не знали, что Екатерина въ своихъ законоположеніяхъ справлялась съ голосами тогдашнихъ выборныхъ людей, призванныхъ только для совѣщанія).

Библиотека "Руниверс"

двухъ указахъ, которые она высоко цѣнила: одинъ изъ нихъ—дворянская грамота, а другой—объ отмѣнѣ поединковъ. Цѣль обоихъ указовъ была и благородна, и нравственна; но первый изъ нихъ не предоставлялъ дворянству полной свободы, а второй былъ часто нарушаемъ изъ предразсудка.

На одной изъ Петербургскихъ площадей Екатерина воздвигла бронзовое изваяніе Петра Великаго. Этотъ памятникъ, работы талантливаго Фальконета, имѣетъ подножіемъ огромную гранитную скалу.

Дѣятельность Екатерины была безпредѣльна. Она основала академію [1]) и общественные банки въ Петербургѣ и даже въ Сибири. Россія обязана ей введеніемъ фабрикъ стальныхъ издѣлій, кожевенныхъ заводовъ, многочисленныхъ мануфактуръ, литеенъ и разведеніемъ шелковичныхъ червей въ Украйнѣ. Показывая своимъ подданнымъ примѣръ благоразумія и неустрашимости, она, при введеніи въ Россію оспопрививанія, сама первая подверглась ему. По ея повелѣнію министры ея заключили торговые договоры почти со всѣми Европейскими державами. Въ ея царствованіе Кяхта, въ отдаленной Сибири, стала рынкомъ Русско-Китайской торговли. Въ Петербургѣ учреждены были училища военнаго и морского вѣдомствъ для образованія воинской молодежи офицеровъ. Училище, основанное для Грековъ, ясно изобличало виды и надежды Государыни. Она дала въ Бѣлоруссіи пріютъ Іезуитамъ, которыхъ въ то время изгоняли изъ всѣхъ христіанскихъ странъ [2]). Она полагала, что при содѣйствіи ихъ быстрѣе распространится обученіе, и водвореніе этого ордена казалось ей безвреднымъ, такъ какъ въ обширныхъ владѣніяхъ своихъ она провозгласила полнѣйшую вѣротерпимость. Государыня снаряжала морскія экспедиціи въ Тихій океанъ, въ Ледовитое море, къ берегамъ Азіи и Америки.

Лакомая до всяческой славы, она пожелала также снискать извѣстность на Парнассѣ и въ часы досуга сочинила нѣсколько комедій. Когда аббатъ Шаппъ, въ изданномъ имъ путешествіи въ Сибирь, высказалъ злыя клеветы на нравы Русскаго народа и правленіе Екатерины, она опровергла его въ сочиненіи подъ заглавіемъ Antidote. Почти всѣ съ удовольствіемъ читали ея умныя письма къ Вольтеру и Дидеро. Удивленіе возросло, когда эта гордая Монархиня обратилась

---

[1]) Россійскую въ 1763 году, по докладу княгини Е. Р. Дашковой.

[2]) (Въ письмѣ къ Гримму отъ 15 Апрѣля 1785 г. Екатерина, приравнивая Гернгутеровъ къ Іезуитамъ, говоритъ, что первые гонимы ревностными послѣдователями грѣховъ Мартина (т. е. Лютера), такъ какъ Іезуиты маринзомъ Петромъ (т. е. папою Климентомъ); но все это пріемлется матерью святою Греческою церковью, которая видитъ тутъ людей и вѣротерпима безъ исключеній).

Библиотека "Руниверс"

къ философіи и вздумала призвать въ Россію Даламбера, чтобы поручить ему образованіе наслѣдника престола, и когда философъ отказался отъ такого случая распространять свои начала вліяніемъ на такого питомца. Напротивъ того, Дидро съ самодовольствомъ прибылъ ко двору Екатерины; она восхищалась его умомъ, но отвергла его теоріи, заманчивыя, но неприложимыя къ дѣлу. Императрица, сама усердно слѣдя за воспитаніемъ своихъ внучатъ, Александра и Константина, сочинила для нихъ нравоучительныя сказки и сокращенную исторію древней Россіи [1]). Ее скоро узнаютъ во Франціи, переведенную и помѣщенную въ сочиненіи, которое намѣревается издать мой сынъ Филиппъ Сегюръ и въ которомъ онъ сдѣлаетъ очеркъ объ этихъ далекихъ временахъ по Русскимъ лѣтописямъ.

Екатерина въ продолженіе своего царствованія превратила болѣе 300 селеній въ города и установила судебный и правительственный порядокъ въ сорока областяхъ. Дворъ ея былъ мѣстомъ свиданія всѣхъ государей и всѣхъ знаменитыхъ лицъ ея вѣка. До нея Петербургъ, построенный въ предѣлахъ стужи и льдовъ, оставался почти незамѣченнымъ и, казалось, находился въ Азіи. Въ ея царствованіе Россія стала державою Европейскою. Петербургъ занялъ видное мѣсто между столицами образованнаго міра, а царскій престолъ возвысился на чреду престоловъ самыхъ могущественныхъ и значительныхъ.

Такова была славная Монархиня, при которой я находился въ качествѣ посла. Послѣ этого короткаго очерка нетрудно представить себѣ, съ какимъ тревожнымъ чувствомъ я ожидалъ дня, когда долженъ былъ предстать предъ этой необыкновенной Государыней и знаменитой женщиной.

За нѣсколько дней предъ тѣмъ, я узналъ, что Императрицу уже постарались предубѣдить противъ меня. Колиньеръ бывалъ у графини Брюсъ, супруги Петербургскаго генералъ-губернатора [2]). Она была

---

[1]) Подъ названіемъ нравоучительныхъ сказокъ Сегюръ разумѣетъ Сказку о царевичѣ Февеѣ и Сказку о царевичѣ Хлорѣ, дѣйствительно составленныя Екатериной для своихъ внуковъ въ 1782 году; что же касается сокращенной Русской исторіи, то онъ ошибается: Екатерининны „Записки касательно Россійской исторіи“ (6 т., 1787—94) не имѣли учебной цѣли, но должны были, какъ „Antidote“, изображеніемъ древнихъ доблестей и судебъ Русскаго народа уронить клеветы, взведенныя на него иностранными писателями“ (Ист. Р. Слов., Галахова, т. I, стр. 543). Къ числу педагогическихъ сочиненій Екатерины принадлежатъ еще Выборныя Россійскія пословицы (1782), Записки первой части, содержащія въ себѣ разсказы и разговоры (1783) и Гражданское начальное ученіе (1783).

[2]) (Т. е. позднѣе Петербургскаго генералъ-губернатора; весною 1785 года онъ занималъ эту должность въ Москвѣ, гдѣ графиня Брюсъ и скончалась, о чемъ Екатерина увѣдомляла Гримма въ одномъ письмѣ 1785 г.). Статсъ-дама гр. Прасковья Александровна

Библиотека "Руниверс"

тетка графа Николая Петровича Румянцева, извѣстна своею миловидностью и умомъ и пользовалась благосклонностью Екатерины долгое время, пока не послѣдовало охлажденія въ слѣдствіе ревности. Графиня горячо жаловалась Колиньеру на меня, на мое обращеніе въ Маинцѣ съ ея племянникомъ, который въ своихъ письмахъ и депешахъ изобразилъ меня дерзкимъ, высокомѣрнымъ и задорнымъ молодымъ Французомъ и обвинялъ меня въ томъ, что я будто бы невѣжливо отнялъ у него мѣсто за столомъ курфирста. Слухъ объ этомъ уже распространился по городу. Прусскій посланникъ графъ Гёрцъ говорилъ мнѣ объ этомъ и даже приписывалъ отсрочку моей аудіенціи неудовольствію Императрицы по этому случаю. Я видѣлъ, что мнѣ нужно поторопиться оправданіемъ по случаю этихъ неосновательныхъ жалобъ: онѣ могли надолго вооружить противъ меня Императрицу. Для этого Колиньеръ отправился къ гр. Брюсъ и объявилъ ей отъ моего имени, что если она не перестанетъ распускать обо мнѣ ложные слухи, то повредитъ только своему племяннику. Такъ какъ между нами не было гласной ссоры и объясненій, то не зачѣмъ было напрасно прибѣгать къ выдумкамъ; если же предположить, что былъ поводъ къ размолвкѣ, то всякій обвинилъ бы скорѣе Румянцева, нежели меня; потому что, если онъ считалъ себя обиженнымъ (хотя бы и не имѣлъ достаточнаго повода), то долженъ былъ объясниться со мною, а онъ этого не сдѣлалъ. По всегдашнему благоразумію своему, графиня поняла истину этихъ доводовъ и постаралась потушить эти слухи, неосторожно распущенные. Но въ этомъ случаѣ мнѣ еще болѣе помогъ Потемкинъ, который, говоря съ Императрицею объ этомъ, выразилъ свое неудовольствіе по поводу депеши графа Румянцева и находилъ, что графъ напрасно перетревожился изъ-за пустяковъ и могъ бы лучше объясниться со мною, нежели жаловаться своему двору.

Наконецъ я былъ допущенъ къ аудіенціи и въ самомъ началѣ чуть было не испыталъ неудачи. По обыкновенію, я представилъ вицеканцлеру копію съ рѣчи, которую долженъ былъ произнести. Когда я пріѣхалъ во дворецъ, въ пріемной комнатѣ, гдѣ я дожидался, встрѣтилъ меня графъ Кобенцель, Австрійскій посланникъ. Его живой, одушевленный разговоръ и важность предметовъ этого разговора заняли мое вниманіе и развлекли меня совершенно, такъ что, когда мнѣ объявили, что Императрица готова меня принять, я замѣтилъ, что совершенно позабылъ свою привѣтственную рѣчь. Напрасно старался я вспомнить

Брюсъ (род. 7 Октября 1729 г., умерла 7 Апрѣля 1786 г.), родная сестра графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, была замужемъ за генералъ-аншефомъ гр. Яковомъ Александровичемъ Брюсомъ (1741—91), который съ 1784 по 1786 годъ былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, а послѣ того Выборгскимъ губернаторомъ.

Библиотека "Руниверс"

ее, проходя чрезъ рядъ комнатъ, какъ вдругъ отворилась дверь, и я предсталъ предъ Императрицею. Въ богатомъ одѣяніи стояла она, облокотясь на колонну. Ея величественный видъ, важность и благородство осанки, гордость ея взгляда, ея нѣсколько искусственная поза, все это поразило меня, и я окончательно все позабылъ. Къ счастью, не стараясь напрасно понуждать свою память, я рѣшился тутъ же сочинить рѣчь; но въ ней уже не было ни слова, заимствованнаго изъ той, которая была сообщена Императрицѣ и на которую она приготовила свой отвѣтъ. Это ее нѣсколько удивило, но не помѣшало тотчасъ же отвѣчать мнѣ чрезвычайно привѣтливо и ласково и высказать нѣсколько словъ, лестныхъ для меня лично *).

Потомъ, когда я получилъ и отдалъ вице-канцлеру мои кредитивныя грамоты, она обратилась ко мнѣ съ вопросами о Французскомъ дворѣ и о моемъ пребываніи въ Берлинѣ и Варшавѣ. Она упомянула также о Гриммѣ и его письмахъ къ ней, вѣроятно желая намекнуть, что изъ этихъ писемъ получила выгодное мнѣніе обо мнѣ. Впослѣдствіи, когда Государыня болѣе ознакомилась со мною, она однажды вспомнила объ этой аудіенціи: «Что такое случилось съ вами, графъ, сказала она мнѣ, когда вы представлялись мнѣ въ первый разъ, и почему вы вдругъ измѣнили рѣчь, которую должны были сказать мнѣ? Это меня удивило и заставило тоже измѣнить мой отвѣтъ». Я признался ей, что видъ славы и величія привелъ меня въ смущеніе. «Но, Государыня, я тотчасъ подумалъ, что это смущеніе, позволительное частному человѣку, неприлично представителю Франціи, и потому рѣшился, не утруждая свою память, высказать въ первыхъ попавшихъ мнѣ на умъ выраженіяхъ чувства моего монарха къ вашему величеству и нѣсколько мыслей, внушенныхъ мнѣ вашей славой и вашей личностью.»—«Вы очень хорошо сдѣлали, сказала на это Императрица: всякій имѣетъ свои недостатки, и я склонна къ предубѣжденію. Я помню, что одинъ изъ вашихъ предшественниковъ, представляясь мнѣ, до того смутился, что могъ только произнести: «Король, государь мой...» Я ожидала продолженія; онъ снова началъ: «Король, государь мой...», и дальше ничего не было. Наконецъ, послѣ третьяго приступа, я рѣшилась ему помочь и сказала, что всегда была увѣрена въ дружественномъ расположеніи его государя ко мнѣ. Всѣ увѣряли меня, что этотъ посланникъ былъ ученый человѣкъ; но его робость навсегда поселила во мнѣ несправедливое предубѣжденіе противъ него, и я въ этомъ каюсь, хотя, какъ видите, немного поздно».

*) (Сегюръ явился къ Екатеринѣ представителемъ Французскаго доблестнаго дворянства, а Екатерина именно въ это время издала жалованную грамоту Русскому дворянству).

Библиотека "Руниверс"

Въ этотъ же день я былъ представленъ великому князю Павлу Петровичу, великой княгинѣ и сыну ихъ великому князю Александру Павловичу, который впослѣдствіи взошелъ на престолъ и скончался послѣ славнаго царствованія. Великій князь, тогда семилѣтній ребенокъ, въ первый разъ принималъ посланника и слышалъ рѣчь. Мнѣ всегда казался очень страннымъ этотъ обычай обращаться съ важною рѣчью къ ребенку, почему я и ограничился нѣсколькими словами о его воспитаніи и о надеждахъ, на него возлагаемыхъ.

Одинъ изъ нашихъ славныхъ судей поступилъ однажды много лучше (кажется, это былъ Малербъ). Ему надлежало сказать рѣчь младенцу-наслѣднику престола, умѣвшему для выраженія своихъ желаній и неудовольствій только кричать и плакать. Онъ сказалъ ему: «Да пребудетъ ваше королевское высочество, для блага своего и Франціи, навсегда также нечувствительны и глухи къ лести, какъ теперь относительно той рѣчи, которую я имѣю честь произнести передъ вами».

Великій князь и его супруга приняли меня очень привѣтливо. Почести, съ какими они недавно встрѣчены были во Франціи, расположили ихъ къ Французамъ. Когда я былъ ближе допущенъ въ ихъ общество, то имѣлъ случай узнать ихъ рѣдкія свойства, которыми они въ то время снискали всеобщее уваженіе. Я говорю, что допущенъ былъ *въ ихъ общество*, потому что въ самомъ дѣлѣ, исключая торжественныхъ дней, кругъ ихъ, хотя довольно многочисленный, походилъ болѣе на частное общество, нежели на церемонный дворъ, особенно, когда они жили на дачѣ. Никогда семейство частныхъ лицъ не принимало своихъ гостей съ большею любезностью, простотой и непринужденностью; обѣды, балы, спектакли и празднества, все было запечатлѣно благородствомъ, достоинствомъ и вкусомъ. Великая княгиня, величавая, ласковая и простая, прекрасная безъ желанія нравиться, непринужденно любезная, давала собою понятіе о разукрашенной добродѣтели *). Павелъ Петровичъ желалъ нравиться; онъ былъ образованъ; въ немъ замѣтна была большая живость ума и благородная возвышенность нрава. Но вскорѣ, безъ труда можно было замѣтить въ немъ и особенно въ его разговорахъ о настоящемъ и будущемъ его положеніи безпокойство, неустойчивость, недовѣрчивость, чрезвычайную щекотливость, странность, которыя впослѣдствіи были причиною его недостатковъ, его несправедливостей и бѣдствій.

Во всякомъ другомъ положеніи этотъ государь могъ бы другихъ счастливить и самъ быть счастливъ; но престолъ, а особенно престолъ Русскій, долженъ для такого человѣка быть страшною скалою,

*) (Лукаво-вѣрное выраженіе).

Библиотека "Руниверс"

подняться на которую онъ не могъ безъ ожиданія, что его скоро и насильственно съ нея свергнутъ. Безпрестанно увлекаясь, онъ со странною порывистостью влюблялся въ кого нибудь и потомъ съ равною скоростью покидалъ и забывалъ. Въ немъ засѣла и никогда его не оставляла мысль о низверженныхъ или убіенныхъ царяхъ. Они являлись ему какъ привидѣніе, тревожили ему разсудокъ и помрачали умъ.

Не приступая еще къ переговорамъ и не имѣя къ тому настоятельнаго повода, я старался только узнать лица, имѣвшія вѣсъ при дворѣ, и изучать нравы и обычаи жителей этой сѣверной столицы, еще недавно основанной, малоизвѣстной для большей части моихъ соотечественниковъ, и куда я былъ перенесенъ судьбою на нѣсколько лѣтъ. Путешественники и составители разныхъ словарей подробно описали дворцы, храмы, каналы и богатыя зданія этого города, служащаго дивнымъ памятникомъ побѣды, одержанной геніальнымъ человѣкомъ надъ природой. Всѣ описывали красоту Невы, величіе ея гранитной набережной, прекрасный видъ Кронштадта, унылую прелесть дворца и садовъ Петергофскихъ, расположенныхъ по берегу Финскаго моря и вдвойнѣ наводящихъ путешественника на грустныя мысли, такъ какъ его въ одно и тоже время занимаетъ мысль объ опасностяхъ и отъ шумнаго моря съ его скалами, и отъ безграничнаго деспотизма съ его колоссальнымъ, но безъ ограды, престоломъ: ибо, вопреки всѣмъ обаяніямъ роскоши и художества, тамъ, гдѣ власть ничѣмъ не ограничена, навсегда будутъ только господинъ и рабъ, какъ бы красиво ни именовали ихъ. Великій и добрый государь можетъ пролить на такое государство нѣсколько лучей свѣта и счастія; но такой государь, по сказанному императоромъ Александромъ госпожѣ Сталь, есть ничто иное, какъ счастливая случайность. Дорога отъ Петергофа въ Петербургъ живописна. Она идетъ между красивыми дачами и прекрасными садами, гдѣ Петербургское общество ежегодно проводитъ короткое лѣто и въ нѣсколько теплыхъ дней забываетъ о жестокости суроваго климата, наслаждаясь постоянною зеленью деревъ и луговъ, которая на болотистой почвѣ поддерживается, пока безпощадная стужа не покроетъ ее снѣжнымъ саваномъ.

Петербургъ представляетъ уму двойственное зрѣлище; здѣсь въ одно время встрѣчаешь просвѣщеніе и варварство, X и XVIII вѣка, Азію и Европу, Скиѳовъ и Европейцевъ, блестящее, гордое дворянство и невѣжественный народъ. Съ одной стороны модные наряды, богатыя одежды, роскошные пиры, великолѣпныя торжества, зрѣлища, подобныя тѣмъ, которыя увеселяютъ избранное общество Парижа и Лондона; съ другой, кущы въ Азіатской одеждѣ, извозчики, слуги и мужики въ

Библиотека "Руниверс"

овчинныхъ тулупахъ, съ длинными бородами, съ мѣховыми шапками и рукавицами и иногда съ топоромъ, заткнутымъ за ременнымъ поясомъ. Эта одежда, шерстяная обувь и что-то вродѣ грубаго котурна на ногахъ, напоминаютъ Скиѳовъ, Даковъ, Роксолановъ и Готовъ, нѣкогда грозныхъ для Римскаго міра. Изображенія дикарей на барельефахъ Трояновой колонны въ Римѣ какъ будто оживаютъ и движутся передъ вашими глазами. Слышишь тотъ же языкъ, тѣже крики, которые раздавались въ Балканскихъ и Альпійскихъ горахъ и передъ которыми обращались вспять полчища Римскихъ и Византійскихъ цезарей. Но когда эти люди на баркахъ или на возахъ поютъ свои мелодическія, хотя и однообразно-грустныя пѣсни, то вспомнишь, что это уже не древніе независимые Скиѳы, а Москвитяне, потерявшіе свою гордость подъ гнетомъ Татаръ и Русскихъ бояръ, которые однако не истребили ихъ прежнюю мощь и врожденную отвагу.

Ихъ сельскія жилища напоминаютъ простоту первобытныхъ нравовъ; они построены изъ сколоченныхъ бревенъ; маленькое отверстіе служитъ окномъ; въ узкой комнатѣ, со скамьями вдоль стѣнъ, стоитъ широкая печь. На виду икона святаго, въ широкой металлической рамѣ, странно и грубо написанная или изваянная, и ей кланяются входящіе прежде, чѣмъ привѣтствуютъ хозяевъ. Каша и жареное мясо служитъ имъ обыкновенною пищею; они пьютъ квасъ и медъ; къ несчастью, они кромѣ этого много употребляютъ хлѣбную водку, которую не проглотитъ горло Европейца. Богатые купцы въ городахъ любятъ угощать съ безмѣрною и грубою роскошью; они подаютъ на столъ огромнѣйшія блюда говядины, дичи, рыбы, яицъ, пироговъ, подносимыхъ безъ порядка, некстати и въ такомъ множествѣ, что самые отважные желудки приходятъ въ ужасъ. Такъ какъ у низшаго класса народа въ этомъ государствѣ нѣтъ всеоживляющаго и подстрекающаго двигателя—*самолюбія*, нѣтъ желанія возвыситься и обогатиться, чтобы пріумножить свои наслажденія, то ничего не можетъ быть однообразнѣе ихъ жизни, проще ихъ нравовъ, ограниченнѣе ихъ нуждъ и постояннѣе ихъ привычекъ. Нынѣшній день у нихъ всегда повтореніе вчерашняго; ничто не измѣняется; даже ихъ женщины, въ своей восточной одеждѣ, съ румянами на лицѣ (у нихъ даже слово *красный* означаетъ *красоту*), въ праздничные дни надѣваютъ покрывала съ галунами и повойники съ бисеромъ, доставшіеся имъ по наслѣдству отъ матушекъ и украшавшіе ихъ прабабушекъ. Русское простонародье, погруженное въ рабство, незнакомо съ нравственнымъ благосостояніемъ; но оно пользуется нѣкоторою степенью внѣшняго довольства, имѣя всегда обезпеченное жилище, пищу и топливо; оно удовлетворяетъ своимъ необходимымъ потребностямъ и не испытываетъ страданій нищеты,

Библиотека "Руниверс"

этой страшной язвы просвѣщенныхъ народовъ. Помѣщики въ Россіи имѣютъ почти неограниченную власть надъ своими крестьянами; но, надо признаться, почти всѣ они пользуются ею съ чрезвычайною умѣренностью; при постепенномъ смягченіи нравовъ, подчиненіе ихъ приближается къ тому положенію, въ которомъ нѣкогда были въ Европѣ крестьяне прикрѣпленные къ землѣ. Каждый крестьянинъ платитъ умѣренный оброкъ за землю, которую обработываетъ, и распредѣленіе этого налога производится старостами, выбранными изъ ихъ среды.

Когда переходишь отъ этой невѣжественной части Русскаго населенія, еще коснѣющей во тьмѣ среднихъ вѣковъ, къ сословію дворянъ богатыхъ и образованныхъ, то вниманіе поражается совершенно инымъ зрѣлищемъ. Здѣсь я долженъ напомнить, что изображаю Русское общество такъ, какъ оно было за сорокъ лѣтъ передъ этимъ. Съ тѣхъ поръ оно измѣнилось, улучшилось во всѣхъ отношеніяхъ. Русская молодежь, которую война и жажда познаній разсѣяли по всѣмъ Европейскимъ городамъ и дворамъ, показала, до какой степени усовершенствовались искусства, науки и вкусъ въ государствѣ, которое въ первую пору царствованія Людовика XV считалось необразованнымъ и варварскимъ.

Когда я прибылъ въ Петербургъ, въ немъ подъ покровомъ Европейскаго лоска еще видны были слѣды прежнихъ временъ. Среди небольшаго, избраннаго числа образованныхъ и видѣвшихъ свѣтъ людей, ни въ чемъ не уступавшихъ придворнымъ лицамъ блистательнѣйшихъ Европейскихъ дворовъ, было немало такихъ, въ особенности стариковъ, которые, по разговору, наружности, привычкамъ, невѣжеству и пустотѣ бесѣды принадлежали скорѣе времени бояръ, чѣмъ царствованію Екатерины. Но это различіе оказывалось только по тщательномъ наблюденіи; во внѣшности оно не было замѣтно. Съ полвѣка уже всѣ привыкли подражать иностранцамъ, одѣваться, жить, меблироваться, ѣсть, встрѣчаться и кланяться, вести себя на балѣ и на обѣдѣ, какъ Французы, Англичане и Нѣмцы. Все, что̀ касается до обращенія и приличій, было перенято превосходно. Женщины ушли далѣе мужчинъ на пути совершенствованія. Въ обществѣ можно было встрѣтить много нарядныхъ дамъ, дѣвицъ, замѣчательныхъ красотою, говорившихъ на четырехъ и пяти языкахъ, умѣвшихъ играть на разныхъ инструментахъ и знакомыхъ съ твореніями извѣстнѣйшихъ романистовъ Франціи, Италіи и Англіи. Между тѣмъ мужчины, исключая какую-нибудь сотню придворныхъ, каковы напримѣръ Румянцевы, Разумовскіе, Строгоновы, Шуваловы, Воронцовы, Куракины, Голицыны, Долгорукіе и пр., большею частью были не общительны и молчаливы, важны и хо-

Библиотека "Руниверс"

лодно-вѣжливы и, повидимому, мало знали о томъ, что происходило за предѣлами ихъ отечества. Впрочемъ, обычаи, введенные Екатериною, придали такую пріятность жизни Петербургскаго общества, что измѣненія, произведенныя временемъ, могли только вести къ худшему. Кромѣ праздничныхъ дней, обѣды, балы и вечера были немноголюдны, но общество въ нихъ было непестрое и хорошо выбранное; они не были похожи на пышные наши рауты, гдѣ царствуютъ скука и безпорядокъ. Одежда, похожая на придворную Версальскую, была менѣе покойна, чѣмъ фраки, сапоги и круглыя шляпы; но она поддерживала приличіе, любезность и благородство въ обращеніи. Такъ какъ всѣ обѣдали рано, то время послѣ полудня было посвящено исполненію общественныхъ требованій, обычнымъ визитамъ и съѣздамъ въ гостиныхъ, гдѣ умъ и вкусъ образовывались пріятнымъ и разнообразнымъ разговоромъ. Это напоминало мнѣ то веселое время, которое я проводилъ въ Парижскихъ гостиныхъ. Но слишкомъ частые и обязательные праздники не только при дворѣ, но и въ обществѣ, показались мнѣ слишкомъ пышными и утомительными. Было введено обычаемъ праздновать дни рожденія и имянинъ всякаго знакомаго лица, и не явиться съ поздравленіемъ въ такой день было бы невѣжливо. Въ эти дни никого не приглашали, но принимали всѣхъ, и всѣ знакомые съѣзжались. Можно себѣ представить, чего стоило Русскимъ барамъ соблюденіе этого обычая; имъ безпрестанно приходилось устраивать пиры.

Другого рода роскошь, обременительная для дворянъ и грозящая имъ раззореніемъ, если они не образумятся, это—многочисленная прислуга ихъ. Дворовые люди, взятые изъ крестьянъ, считаютъ господскую службу за честь и милость; они почитали бы себя наказанными и разжалованными, если бы ихъ возвратили въ деревню. По странному предразсудку, у нихъ есть свои рабы. Эти люди вступаютъ между собою въ браки и размножаются до такой степени, что нерѣдко встрѣчаешь помѣщика, у котораго 400 и до 500 человѣкъ дворовыхъ всѣхъ возрастовъ, обоихъ половъ, и всѣхъ ихъ онъ считаетъ долгомъ держать при себѣ, хотя и не можетъ занять ихъ всѣхъ работою. Не менѣе того удивилъ меня другой обычай, введенный тщеславіемъ: лица, чиномъ выше полковника, должны были ѣздить въ каретѣ въ четыре или шесть лошадей, смотря по чину, съ длиннобородымъ кучеромъ и двумя форрейторами. Когда я въ первый разъ выѣхалъ такимъ образомъ съ визитомъ къ одной дамѣ, жившей въ сосѣднемъ домѣ, то мой форрейторъ уже былъ подъ ея воротами, а моя карета еще на моемъ дворѣ!

Зимою снимаютъ съ каретъ колеса и замѣняютъ ихъ полозьями. Зимній санный путь по гладкимъ, широкимъ улицамъ всегда хорошъ, такъ ровенъ и твердъ, какъ будто убитъ мельчайшимъ пескомъ: ничто

Библиотека "Руниверс"

не можетъ сравниться съ быстротой, съ которою ѣдешь или, лучше сказать, катишься по улицамъ этого прекраснаго города.

Я уже говорилъ, съ какою умѣренностью Русскіе помѣщики пользуются своею, по закону неограниченною, властью надъ своими крѣпостными. Во время моего долгаго пребыванія въ Россіи, многіе примѣры привязанности крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ доказали мнѣ, что я на счетъ этого не ошибся. Въ числѣ многихъ подобныхъ примѣровъ, на какіе я бы могъ указать, ограничусь однимъ. Оберъ-камергеръ графъ Шуваловъ, надѣлавъ большихъ долговъ, вынужденъ былъ для ихъ уплаты продать имѣніе, находившееся въ трехъ или четырехстахъ верстахъ отъ столицы. Однажды утромъ, проснувшись, онъ слышитъ ужасный шумъ у себя на дворѣ; шумѣла толпа собравшихся крестьянъ; онъ ихъ призываетъ и спрашиваетъ о причинѣ этой сходки. «До насъ дошли слухи, говорятъ эти добрые люди, что вашей милости приходится продавать нашу деревню, чтобы заплатить долги. Мы спокойны и довольны подъ вашею властью, вы насъ осчастливили, мы вамъ благодарны за то и не хотимъ оставаться безъ васъ. Для этого мы поспѣшили сдѣлать складчину и пришли поднести вамъ деньги, какія вамъ нужны; умоляемъ васъ принять ихъ». Графъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, принялъ даръ, съ удовольствіемъ сознавая, что его хорошее обращеніе съ крестьянами вознаградилось такимъ пріятнымъ образомъ *). Тѣмъ не менѣе эти люди достойны сожалѣнія, потому что ихъ участь зависитъ отъ измѣнчивой судьбы, которая, по своему произволу, подчиняетъ ихъ хорошему или дурному владѣльцу. Эта истина не нуждается въ доказательствахъ. Однако, я не могу не вспомнить кстати анекдотъ, который показалъ мнѣ, до какой степени неограниченная власть помѣщика, предающагося своимъ страстямъ, можетъ оскорблять невинность, слабость и добродѣтель людей, не имѣющихъ никакой опоры въ законахъ. Случай этотъ покажетъ, какой опасности могутъ подвергаться даже иностранцы свободные, но неизвѣстные и по несчастнымъ обстоятельствамъ принужденные служить въ странѣ, гдѣ господствуетъ рабство. Они неожиданно могутъ стать на ряду съ самыми угнетенными рабами и не найдутъ защиты въ самомъ сильномъ покровителѣ. Марія-Фелисите Ле-Ришъ (Le-Riche) дѣвушка молодая, хорошенькая и сердечная, пріѣхала въ Россію вмѣстѣ съ отцомъ, котораго молодой Русскій баринъ вызвалъ для управленія своей фабрикой. Предпріятіе это не удалось, и раззоренный старикъ не въ состояніи былъ содержать себя и дочь. Марія была влюблена въ молодого работника, но вмѣстѣ съ тѣмъ она возбудила сильную страсть въ Русскомъ офицерѣ, въ зависимости отъ котораго она находилась. Этотъ господинъ,

*) (Это былъ не графъ, а оберкамергеръ И. И. Шуваловъ).

Библиотека "Руниверс"

стремясь къ удовлетворенію своихъ желаній, легко склонилъ отца Маріи отказать бѣдному ея жениху и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ старику, что одна изъ его родственницъ желаетъ имѣть при себѣ молодую дѣвушку, и что это мѣсто было бы выгодно для его дочери. Несчастный отецъ принялъ съ благодарностью это предложеніе. Марія, разлученная съ своимъ женихомъ, отправилась въ Петербургъ, гдѣ была помѣщена подъ присмотръ хитрой старухи, въ маленькой квартиркѣ; здѣсь она имѣла все необходимое, кромѣ свободы, покровительства, на которое она надѣялась, и возможности видѣться и переписываться съ своимъ женихомъ. Марія была въ порѣ надеждъ, терпѣла и положилась на будущее. Но скоро разразилось надъ ней горе. Ложный ея благодѣтель пріѣзжаетъ, сбрасываетъ съ себя личину притворства и является низкимъ соблазнителемъ. Она противится ему съ двойною силою любви и добродѣтели. Убѣжденный въ безполезности всѣхъ средствъ къ обольщенію до тѣхъ поръ, пока молодая дѣвушка сохранитъ малѣйшую надежду принадлежать хоть когда нибудь любимому человѣку, похититель обманываетъ ее ложною вѣстью о смерти ея жениха. Она впадаетъ въ отчаяніе и меланхолію. Ея преслѣдователь пользуется ея безпомощнымъ положеніемъ, съ неистовствомъ довершаетъ свое преступленіе и потомъ безсовѣстно бросаетъ ее. Несчастная изнемогаетъ и теряетъ разсудокъ; добрые сосѣди сжалились надъ ней и помѣстили ее въ больницу. Два года спустя послѣ этого происшествія, я видѣлъ эту несчастную жертву преступленія и любви. Она была блѣдна, слаба; въ ея лицѣ замѣтны были слѣды прошлой красоты; она молчала, потому что не находила словъ, чтобы выразить свое страданіе. Съ недвижнымъ взоромъ, съ рукою на сердцѣ, она стояла въ томъ же самомъ оцѣпененіи и безмолвіи, какъ въ ту минуту, когда узнала о смерти своего милаго. Только тѣло ея жило, душа же ея какъ будто искала того, который могъ бы составить счастье ея жизни. Эта грустная картина никогда не изгладится изъ моей памяти. Г-нъ Дагесо, мужъ моей сестры, находившійся въ то время въ Петербургѣ, былъ, подобно мнѣ, тронутъ видомъ этой молодой дѣвушки и набросалъ ея портретъ. Я сохранилъ этотъ рисунокъ, и онъ часто напоминаетъ мнѣ бѣдную Марію и ея судьбу.

Обычай наказывать за проступки безъ всякаго разбирательства и пересуда вводитъ въ ужасныя ошибки даже самыхъ кроткихъ помѣщиковъ. Вотъ примѣръ такого недоразумѣнія, кончившійся довольно забавно, благодаря дѣйствующимъ лицамъ, хотя начало было очень печально и даже жестоко. Разъ утромъ торопливо прибѣгаетъ ко мнѣ какой-то человѣкъ, смущенный, взволнованный страхомъ, страданіемъ и гнѣвомъ, съ растрепанными волосами, съ глазами красными и въ слезахъ; голосъ его дрожалъ, платье въ безпорядкѣ. Это былъ Фран-

Библиотека "Руниверс"

цузъ. Я спросилъ его, отчего онъ такъ разстроенъ? «Графъ, отвѣчалъ онъ, прибѣгаю къ вашему покровительству; со мной поступили страшно несправедливо и жестоко: по приказанью одного вельможи, меня сейчасъ оскорбили безъ всякой причины. Мнѣ дали сто ударовъ кнутомъ». «Такое обращеніе, сказалъ я, даже въ случаѣ важнаго проступка, непростительно; если же это случилось безъ всякаго повода, какъ вы говорите, то это даже непонятно и совершенно невѣроятно. Кто же это могъ сдѣлать?» «Его сіятельство, графъ Брюсъ, бывшій генералъ-губернаторъ. «Вы съ ума сошли, возразилъ я; невозможно, чтобы человѣкъ такой почтенный, образованный и всѣми уважаемый, позволилъ себѣ такое обращеніе съ Французомъ. Вѣроятно вы сами осмѣлились его оскорбить?» «Нѣтъ, возразилъ онъ, я даже никогда не зналъ графа Брюса. Я поваръ. Узнавъ, что графъ желаетъ имѣть повара, я явился къ нему въ домъ, и меня повели на верхъ къ нему въ комнаты. Только что доложили обо мнѣ, онъ приказалъ мнѣ дать сто ударовъ, что̀ сейчасъ же и было исполнено. Вы не повѣрите, что это такъ случилось, однако это правда; если хотите, я могу представить вамъ доказательство и показать мою спину». «Слушайте же, сказалъ я ему наконецъ, если, вопреки всякому вѣроятію, вы сказали правду, я буду требовать удовлетворенія за это оскорбленіе. Я не потерплю, чтобы обращались такимъ образомъ съ моими соотечественниками, которыхъ я обязанъ защищать. Если же то, что̀ вы сказали, неправда, то я сумѣю наказать васъ за такую клевету. Снесите сами письмо, которое я сейчасъ напишу графу; кто-нибудь изъ моихъ людей пойдетъ съ вами».

Я дѣйствительно тотчасъ написалъ графу Брюсу о странной жалобѣ повара и, между прочимъ, замѣтилъ, что хоть я и не вѣрю всему этому, однако обязанъ оказать защиту моему Французу и прошу его объяснить мнѣ это странное дѣло. Очень могло быть, что кто-нибудь изъ его слугъ недостойно воспользовался его именемъ для такого насилія. Я его предупреждалъ, что съ нетерпѣніемъ ожидаю его отвѣта, чтобы принять нужныя мѣры для наказанія того, кто принесъ жалобу, въ случаѣ, если онъ солгалъ, и чтобы удовлетворить его, если онъ, противъ всякаго вѣроятія, говоритъ правду.

Прошло два часа; я не получалъ никакого отвѣта. Наконецъ, я сталъ терять терпѣніе и хотѣлъ уже ѣхать самъ за объясненіемъ, котораго требовалъ, какъ вдругъ опять явился поваръ, но въ совершенно другомъ настроеніи: онъ былъ спокоенъ, улыбался и смотрѣлъ весело. «Ну, что же, принесли вы мнѣ отвѣтъ?» спросилъ я его. «Нѣтъ, графъ; его превосходительство самъ доставитъ вамъ его вскорѣ; а мнѣ уже больше не на что жаловаться, я доволенъ, совершенно доволенъ, тутъ

Библиотека "Руниверс"

вышла ошибка. Мнѣ остается только поблагогарить васъ за вашу милость». «Какъ? Развѣ слѣды ста ударовъ исчезли?» «Нѣтъ, они еще на моей спинѣ и очень замѣтны; но ихъ очень хорошо залѣчили и меня совершенно успокоили. Мнѣ все объяснилось; вотъ какъ было дѣло. У графа Брюса былъ крѣпостной поваръ, родомъ изъ его вотчины; нѣсколько дней тому назадъ, онъ бѣжалъ и, говорятъ, обокравъ его. Его сіятельство приказалъ отыскать его и, какъ только приведутъ, высѣчь. Въ это-то самое время я явился, чтобы проситься на его мѣсто. Когда меня ввели въ кабинетъ графа, онъ сидѣлъ за столомъ, спиной къ двери, и былъ очень занятъ. Меня ввелъ лакей и сказалъ графу: «ваше сіятельство, вотъ поваръ». Графъ, не оборачиваясь, тотчасъ отвѣчалъ: «свести его на дворъ и дать ему сотню ударовъ!» Лакей тотчасъ запираетъ дверь, тащитъ меня на дворъ и, съ помощью своихъ товарищей, какъ я уже вамъ говорилъ, отсчитываетъ на спинѣ бѣднаго Французскаго повара удары, назначенные бѣглому Русскому. Его сіятельство сожалѣетъ обо мнѣ, самъ объяснилъ мнѣ эту ошибку и потомъ подарилъ мнѣ вотъ этотъ кошелекъ съ золотомъ».

Я отпустилъ бѣдняка, но не могъ не замѣтить, что онъ слишкомъ легко утѣшился послѣ побоевъ.

Всѣ эти выходки, то жестокія, то странныя и рѣдко забавныя, происходятъ отъ недостатка твердыхъ учрежденій и обезпеченій. Въ странѣ безгласнаго послушанія и безправности владѣлецъ самый справедливый и разумный долженъ остерегаться послѣдствій необдуманнаго и поспѣшнаго приказанія.

Приведу случай, можетъ быть, немного странный, но достовѣрность его мнѣ подтвердили многіе Русскіе, а одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, теперь членъ Палаты Перовъ, не разъ слышалъ о немъ въ Россіи. Замѣтьте, что это случилось въ царствованіе Екатерины II, которая, какъ прежде, такъ и теперь, считается у всѣхъ подданныхъ своей пространной имперіи образцомъ мудрости, благоразумія, кротости и доброты.

Одинъ богатый иностранецъ, Сутерландъ, принявъ Русское подданство, сталъ придворнымъ банкиромъ. Онъ пользовался расположеніемъ Императрицы. Однажды ему говорятъ, что его домъ окруженъ солдатами и что полиціймейстеръ Рылѣевъ желаетъ съ нимъ побесѣдовать. Рылѣевъ съ смущеннымъ видомъ входитъ къ нему и говоритъ: «Господинъ Сутерландъ, я съ прискорбіемъ получилъ порученіе отъ Императрицы исполнить приказаніе ея, строгость котораго меня пугаетъ; не знаю, за какой проступокъ, за какое преступленіе вы подверглись гнѣву ея величества». «Я тоже ничего не знаю и, признаюсь, не менѣе васъ удивленъ. Но скажите же наконецъ, какое это наказа-

Библиотека "Руниверс"

ніе?» «У меня, право, отвѣчаетъ полиціймейстеръ, не достаетъ духу, чтобъ вамъ объявить его». «Неужели я потерялъ довѣріе Императрицы?» «Если бъ только это, я бы не такъ опечалился; довѣріе можетъ возвратиться, и мѣсто вы можете получить снова». «Такъ что же? Не хотятъ ли меня выслать отсюда?» «Это было-бъ непріятно, но съ вашимъ состояніемъ вездѣ хорошо». «Господи, воскликнулъ испуганный Сутерландъ, можетъ быть, меня хотятъ сослать въ Сибирь?» «Увы, и оттуда возвращаются». «Въ крѣпость меня сажаютъ, что-ли?» «Это бы еще ничего; и изъ крѣпости выходятъ». «Боже мой, ужъ не иду ли я подъ кнутъ?» «Истязаніе страшное, но отъ него не всегда умираютъ». «Какъ, воскликнулъ банкиръ рыдая, моя жизнь въ опасности? Императрица, добрая, великодушная, на дняхъ еще говорила со мной такъ милостиво; неужели она захочетъ... но я не могу этому вѣрить. О, говорите же скорѣе. Лучше смерть, чѣмъ эта неизвѣстность!» «Императрица, отвѣчалъ уныло полицмейстеръ, приказала мнѣ сдѣлать изъ васъ чучелу»... «Чучелу? вскричалъ пораженный Сутерландъ, да вы съ ума сошли, и какъ же вы могли согласиться исполнить такое приказаніе, не представивъ ей всю его жестокость и нелѣпость?» «Ахъ, любезный другъ, я сдѣлалъ то, что̀ мы рѣдко позволяемъ себѣ дѣлать; я удивился и огорчился, я хотѣлъ даже возражать, но Императрица разсердилась, упрекнула меня за непослушаніе, велѣла мнѣ выйти и тотчасъ же исполнить ея приказаніе; вотъ ея слова, они мнѣ и теперь еще слышатся: ступайте и не забывайте, что ваша обязанность исполнять безпрекословно всѣ мои приказанія».

Невозможно описать удивленіе, гнѣвъ и отчаяніе бѣднаго банкира. Полицмейстеръ далъ ему четверть часа сроку, чтобъ привести въ порядокъ его дѣла. Сутерландъ тщетно умолялъ его позволить ему написать письмо Императрицѣ, чтобъ прибѣгнуть къ ея милосердію. Полицмейстеръ наконецъ, однако со страхомъ, согласился, но, не смѣя везти письмо во дворецъ, взялся доставить его графу Брюсу. Графъ сначала подумалъ, что полицмейстеръ помѣшался и, приказавъ ему слѣдовать за собою, немедленно поѣхалъ къ Императрицѣ; входитъ къ Государынѣ и объясняетъ ей въ чемъ дѣло. Екатерина, услыхавъ этотъ странный разсказъ, восклицаетъ: «Боже мой, какія страсти! Рылеевъ точно помѣшался! Графъ, бѣгите скорѣе сказать этому сумасшедшему, чтобы онъ сейчасъ поспѣшилъ утѣшить и освободить моего бѣднаго банкира».

Графъ выходитъ и, отдавъ приказаніе, къ удивленію своему видитъ, что Императрица хохочетъ. «Теперь, говоритъ она, я поняла причину этого забавнаго и страннаго случая. Мою маленькую собачку, которую я очень любила, звали Сутерландомъ, потому что

Библиотека "Руниверс"

я получила ее въ подарокъ отъ банкира. Недавно она околѣла, и я приказала Рылееву сдѣлать изъ нея чучелу; но, видя, что онъ не рѣшается, я разсердилась на него, приписавъ его отказъ тому, что онъ изъ глупаго тщеславія считаетъ это порученіе недостойнымъ себя. Вотъ вамъ разрѣшеніе этой странной загадки».

Впрочемъ, я считаю нужнымъ повторить, что общественные нравы и мудрыя намѣренія Екатерины и двухъ ея преемниковъ сдѣлали уже для образованія почти столько же хорошаго, сколько могли произвесть дѣльные законы. Во время пятилѣтняго моего пребыванія въ Россіи, я не слыхалъ ни одного случая жестокости и угнетенія. Крестьяне дѣйствительно живутъ въ рабскомъ состояніи, но съ ними хорошо обращаются. Нигдѣ не встрѣтишь ни одного нищаго, а если они попадаются, ихъ отсылаютъ къ владѣльцамъ, которые обязаны ихъ содержать; сами же дворяне, хотя и подчинены неограниченной власти, но пользуются, по своему положенію и уваженію къ нимъ общества, гораздо бо̀льшимъ значеніемъ, чѣмъ во всѣхъ прочихъ, даже конституціонныхъ, странахъ Европы. Екатерина дала дворянству право выборовъ, и каждая губернія выбираетъ своихъ предводителей и судей. Всѣ военныя и гражданскія должности находятся въ ихъ рукахъ. Не достаетъ только прочныхъ законовъ, которые обезпечивали бы спокойствіе престола, права̀ дворянства и постепенное улучшеніе быта крестьянъ.

Всѣ иностранцы яркими красками изображали печальныя дѣйствія деспотическаго управленія въ Россіи; но слѣдуетъ признать, что въ тѣ времена и мы не имѣли полнаго права осуждать произволъ, тяготѣвшій надъ Московскимъ государствомъ. Развѣ нѣтъ у насъ Венсена, Бастиліи, Пьеръ-анъ-Сциза и запечатанныхъ писемъ? Россія вполнѣ заслуживаетъ благорасположеніе иностранцевъ, которые нигдѣ ни встрѣтятъ болѣе вѣжливаго гостепріимства. Никогда я не забуду пріема, не только любезнаго, но и радушнаго, сдѣланнаго мнѣ блестящимъ Петербургскимъ обществомъ. Въ короткое время знакомство съ истинно-достойными людьми и съ любезными дамами заставило меня забыть, что я у нихъ чужой. Поэтому, не смотря на время, разстояніе и на измѣнчивость обстоятельствъ, приведшихъ наши войска въ Москву, а Русскія въ Парижъ, я вспоминаю о счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ мною въ этой странѣ, съ чувствомъ, похожимъ на то, какое испытываешь находясь вдали отъ своей родины. Трудно было бы встрѣтить женщину добродушнѣе и умнѣе графини Салтыковой; какъ искренно и непритворно добры были графини Остерманъ, Чернышова, Пушкина, госпожа Дивова; въ Парижѣ всѣ любовались бы красотою и прелестью княжны Долгорукой и ея матери, княгини Барятинской, дѣвицы Чернышовой, прелестной графини Скавронской, головка кото-

Библиотека "Руниверс"

рой могла бы служить для художника образцомъ головы Амура. Молодыя Нарышкины, графиня Разумовская (уже немолодая фрейлина) украшавшія собою дворецъ Императрицы, привлекали къ себѣ взгляды и похвалы. Бывало, нехотя покидаешь умный разговоръ графини Шуваловой и своеобразную и острую бесѣду госпожи Загряжской *). Графы Румянцевъ, Салтыковъ, Строгоновъ, Андрей Разумовскій, извѣстный своими блестящими успѣхами въ политикѣ и у женщинъ Андрей Шуваловъ, своимъ Épître à Ninon занявшій мѣсто въ ряду Французскихъ поэтовъ, братья графы Воронцовы, отличавшіеся одинъ на поприщѣ правительственномъ, другой въ дипломатіи, графъ Безбородко, скрывавшій тонкій умъ подъ довольно тяжелою наружностью, князь Репнинъ, вѣжливый царедворецъ и вмѣстѣ храбрый генералъ, прямодушный Михельсонъ, побѣдитель Пугачева, фельдмаршалъ Румянцевъ, обезсмертившійся своими побѣдами, даже Суворовъ, который лаврами прикрывалъ свои странности, забавныя ужимки и едва позволительныя причуды, наконецъ множество молодыхъ полковниковъ и генераловъ, которые доказывали, что Россія идетъ впередъ на пути славы и просвѣщенія: всѣ, почередно, привлекали мое вниманіе и уваженіе. Я бы могъ включить въ число этихъ лицъ имена Голицына, Куракина, Кушелева и другихъ, если бы меня не удерживали тѣсные предѣлы моего разсказа. Но я не могу умолчать о старухѣ-графинѣ Румянцевой, матери фельдмаршала. Разрушавшееся тѣло ея одно свидѣтельствовало объ ея преклонныхъ лѣтахъ; но она обладала живымъ, веселымъ умомъ и юнымъ воображеніемъ. Такъ какъ у нея была прекрасная память, то разговоръ ея имѣлъ всю прелесть и поучительность хорошо изложенной исторіи. Она присутствовала при заложеніи города Петербурга, и потому наша поговорка: *стара, какъ улицы* (vieille comme les rues) могла вполнѣ быть примѣнена къ ней. Будучи во Франціи, она присутствовала на обѣдѣ у Людовика XIV и описывала мнѣ наружность, манеры, выраженіе лица и одежду г-жи Ментенонъ, какъ будто бы только вчера ее видѣла. Она передала мнѣ любопытныя подробности о знаменитомъ герцогѣ Мальборо, котораго посѣтила въ его лагерѣ. Въ другой разъ она представила мнѣ вѣрную картину двора

*) Обо всѣхъ упомянутыхъ здѣсь лицахъ свѣдѣнія можно найти въ Россійской Родословной книгѣ, сост. кн. П. В. Долгоруковымъ, 4 ч., въ Спискѣ замѣчат. лицъ Русскихъ, помѣщенномъ въ Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и Др. Р., 1860, кн. I, и въ сочиненіи Вейдемейера: Дворъ и замѣч. люди во время имп. Екатерины II. Спб. 1846. Елисавета Петровна Дивова, супруга сенатора, тайнаго совѣтника Андріана Ивановича Дивова, ум. 8 Мая 1814 г., урожденная графиня Бутурлина, извѣстна, между прочимъ, тѣмъ, что подверглась слѣдствію Шишковскаго, поводомъ къ чему было то, что г-жа Дивова, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, сочинила карикатуру на дворъ. См. Записки Л. Н. Энгельгардта, М. 1859, стр. 46.

Библиотека "Руниверс"

Англійской королевы Анны, которая осыпала ее своими милостями; наконецъ, она разсказывала о томъ, какъ за нею ухаживалъ Петръ Великій, и мнѣ казалось даже, что она не противилась его желаніямъ.

Но всего любопытнѣе и важнѣе для меня было знакомство съ знаменитымъ и могущественнымъ княземъ Потемкинымъ. Если представить очеркъ этой личности, то можно быть увѣрену, что никто не смѣшаетъ его съ кѣмъ нибудь другимъ. Никогда еще ни при дворѣ, ни на поприщѣ гражданскомъ или военномъ не бывало царедворца болѣе великолѣпнаго и дикаго, министра болѣе предпріимчиваго и менѣе трудолюбиваго, полководца болѣе храбраго и вмѣстѣ нерѣшительнаго. Онъ представлялъ собою самую своеобразную личность, потому что въ немъ непостижимо смѣшаны были величіе и мелочность, лѣнь и дѣятельность, храбрость и робость, честолюбіе и беззаботность. Вездѣ этотъ человѣкъ былъ бы замѣчателенъ своею самобытностью. Но за предѣлами Россіи и безъ особенныхъ обстоятельствъ, доставившихъ ему благоволеніе Екатерины II, онъ не только не могъ бы пріобрѣсть такую извѣстность и достигнуть до такого высокаго сана, но едва ли бы дослужился до сколько нибудь значущаго чина. По своей странности и непослѣдовательности въ мысляхъ, онъ не пошелъ бы далеко ни на военномъ, ни на гражданскомъ поприщѣ.

Князю Потемкину было 18 лѣтъ, когда Екатерина лишила Петра III-го престола *). Увлеченный прелестями молодой принцессы, онъ одинъ изъ первыхъ рѣшился защищать ее; но какъ тогда онъ былъ только унтеръ-офицеромъ, то рвеніе его осталось незамѣченнымъ. Счастливый случай привлекъ къ нему вниманіе Государыни. Она держала въ рукахъ шпагу, и ей понадобился темлякъ. Она ищетъ его. Потемкинъ подъѣзжаетъ къ ней и вручаетъ ей свой; онъ хочетъ почтительно удалиться, но его лошадь, пріученная къ строю, заупрямилась и не захотѣла отойти отъ лошади Государыни. Екатерина замѣтила это, улыбнулась и между тѣмъ обратила вниманіе на молодого унтеръ-офицера, который противъ воли все стоялъ подлѣ нея; потомъ заговорила съ нимъ, и онъ ей понравился своею наружностью, осанкою, ловкостью, отвѣтами. Освѣдомившись о его имени, Государыня пожаловала его офицеромъ и вскорѣ назначила своимъ камеръ-юнкеромъ. И такъ упрямство непослушной лошади повело его на путь почестей, богатства и могущества. Онъ самъ разсказывалъ мнѣ этотъ анекдотъ.

Потемкинъ обладалъ счастливою памятью при врожденномъ живомъ, быстромъ и подвижномъ умѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ безпеченъ и

*) (Сегюръ ошибается. Лѣтъ] Потемкину было тогда больше. Годъ его рожденія и обстановка дѣтства не обозначаются до сихъ поръ точно).

Библиотека "Руниверс"

лѣнивъ. Любя покой, онъ былъ однако ненасытимо сластолюбивъ, властолюбивъ и склоненъ къ роскоши, и потому счастье, служа ему, утомляло его; оно не соотвѣтствовало его лѣни и, при всемъ томъ, не могло удовлетворить его причудливымъ и пылкимъ желаніямъ. Этого человѣка можно было сдѣлать богатымъ и сильнымъ, но нельзя было сдѣлать счастливымъ. У него были доброе сердце и ѣдкій умъ. Будучи и скупъ, и расточителенъ, онъ раздавалъ множество милостыни и рѣдко платилъ долги свои. Свѣтъ ему надоѣлъ; ему казалось, что онъ въ обществѣ лишній; но, не смотря на то, онъ дома окружилъ себя какъ бы дворомъ. Любезный въ тѣсномъ кругѣ, онъ являлся высокомѣрнымъ и почти неприступнымъ въ большомъ обществѣ; впрочемъ онъ стѣснялъ другихъ только потому, что самъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ. Въ немъ была какая-то робость, которую онъ хотѣлъ скрыть или побѣдить холоднымъ, гордымъ обращеніемъ. Чтобы скоро снискать его расположеніе, нужно было не бояться его, обходиться съ нимъ просто, первому начинать съ нимъ разговоръ, стараться ничѣмъ не затруднять его и быть съ нимъ какъ можно развязнѣе.

Хотя онъ и воспитывался въ университетѣ, но онъ меньше научился изъ книгъ, чѣмъ отъ людей; лѣнь ему мѣшала учиться, но любознательность его повсюду искала пищи. Онъ чрезвычайно любилъ разспрашивать, и такъ какъ по сану своему онъ сходился съ людьми различныхъ сословій и званій, то толками и разспросами обогащалъ себѣ память и пріобрѣлъ такія свѣдѣнія, что уму его дивились всѣ, не только люди государственные и военные, но и путешественники, ученые, литераторы, художники, даже ремесленники. Любимый предметъ его было богословіе. Будучи честолюбивъ и сладострастенъ, онъ былъ не только человѣкомъ вѣрующимъ, но даже суевѣрнымъ. Мнѣ случалось видѣть, какъ онъ по цѣлымъ утрамъ занимался разсматриваніемъ образцовъ драгунскихъ киверовъ, чепчиковъ и платьевъ для своихъ племянницъ, митръ и священническихъ облаченій. Бывало, непремѣнно привлечешь его вниманіе и удалишь его отъ другихъ занятій, если заговоришь съ нимъ о распряхъ Греческой церкви съ Римскою, о соборахъ Никейскомъ, Халкедонскомъ или Флорентинскомъ. До мечтательности честолюбивый, онъ воображалъ себя то Курляндскимъ герцогомъ, то королемъ Польскимъ, то задумывалъ основать духовный орденъ или просто сдѣлаться монахомъ. То, чѣмъ онъ обладалъ, ему надоѣдало; чего онъ достичь не могъ—возбуждало его желанія. Онъ былъ вполнѣ любимецъ счастья, и также подвиженъ, непостояненъ и прихотливъ, какъ само счастье.

Почти во всѣхъ столицахъ Европейскихъ, исключая однако Парижъ и Лондонъ, ввелось въ странный обычай, что иностранные послы

Библиотека "Руниверс"

и министры (которыхъ не знаю почему разумѣютъ подъ именемъ *дипломатическаго корпуса*, тогда какъ члены этого *корпуса* (тѣла) всегда разъединены и несогласны между собою), дѣлаются почти членами общества, среди котораго живутъ. Они обыкновенно дѣятельнѣе, нежели мѣстные вельможи, оживляютъ общество, потому что держатъ открытые дома и часто даютъ роскошные обѣды, блистательные пиры и многолюдные балы. Въ то время, какъ я находился въ Петербургѣ, дипломатическій корпусъ составляли люди достойные уваженія во многихъ отношеніяхъ. Они оживляли и веселили Петербургское общество. Австрійскій посолъ, *графъ Кобенцель*, впослѣдствіи заслужившій извѣстность въ Парижѣ при Наполеонѣ, заставлялъ всѣхъ любезностью, живымъ разговоромъ и постоянною веселость юзабывать его необыкновенно невзрачную наружность. Прусскій министръ, *графъ Гёрцъ*, болѣе важный, но едва ли не болѣе пылкій, заставлялъ любить и уважать себя за чистосердечіе и живость, благодаря которой его глубокая ученость никогда не доходила до педантства; его оживленный разговоръ всегда былъ занимателенъ и никогда не истощался. *Фитцъ-Гербертъ*, впослѣдствіи лордъ Сентъ-Еленсъ, съ чувствительной душою и Британскою причудливостью соединялъ всю прелесть самаго образованнаго ума. Искусный и тонкій дипломатъ, постоянный въ своихъ чувствахъ, всегда благородный и великодушный, онъ былъ лучшій другъ и вмѣстѣ опаснѣйшій соперникъ. На политическомъ поприщѣ мы въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ старались вредить другъ другу; но, какъ частные люди, были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ между собою, что̀ равно удивляло и Русскихъ, и нашихъ соотечественниковъ. *Баронъ Нолькенъ*, Шведскій министръ, и *Сенъ-Сафоренъ*, Датскій, пользовались также всеобщимъ уваженіемъ, какъ люди скромные, общительные и образованные. Неаполитанскій министръ, *герцогъ Серра-Капріола*, нравился всѣмъ своимъ добродушіемъ и веселостью. Красавицу жену его убилъ суровый климатъ, къ которому онъ самъ однако такъ привыкъ, что поселился въ Россіи и женился на дочери князя Вяземскаго, одного изъ значительнѣйшихъ лицъ при дворѣ Екатерины. Я не буду распространяться о Голландскомъ посланникѣ, *баронѣ Вассенаерѣ*: его пребываніе въ Петербургѣ было кратковременно и незамѣтно и кончилось разстроившимся сватовствомъ съ довольно скандальными подробностями.

Съ самаго начала моего пребыванія при Русскомъ дворѣ я нашелъ здѣсь тѣже скучныя затрудненія при соблюденіи этикета, которыя мнѣ надѣлали столько хлопотъ въ Майнцѣ. Вержень увѣрилъ меня, что въ Петербургѣ въ дипломатическомъ церемоніалѣ господствуетъ совершенная свобода. Колиньеръ сказалъ мнѣ, что точно Императрица

Библиотека "Руниверс"

допустила эту свободу, но что въ дѣйствительности она не существовала. Каждое Воскресенье Государыня, выходя изъ церкви и вступая въ свои покои, встрѣчала представителей иностранныхъ дворовъ, стоявшихъ въ два ряда вдоль зала. По старому ли обыкновенію или по странному невниманію моихъ предшественниковъ, но, вслѣдъ за посланниками Австрійскимъ и Голландскимъ, которые по праву становились впереди, Англійскій министръ становился на первое мѣсто, а за нимъ уже Французскій. Не желая слѣдовать этому неприличному обычаю и, съ другой стороны, боясь усилить невыгодное обо мнѣ мнѣніе Государыни, такъ какъ послѣ исторіи въ Майнцѣ *) ей внушили, что я надмененъ и обидчивъ, я принужденъ былъ прибѣгнуть къ хитрости, чтобы не потерять расположенія двора, который желалъ сблизить со своимъ, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не выказать неумѣстной уступчивости. Для этого въ первый пріемный день я отправился во дворецъ пораньше; но какъ я ни спѣшилъ, однако нашелъ Фитцъ-Герберта уже занявшимъ первое мѣсто. Одна очень милая Парижская дама поручила мнѣ передать ему письмо, и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы исполнить ея порученіе. Когда я сказалъ ему имя дамы, онъ поспѣшно взялъ у меня письмо и отошелъ къ окну, чтобы прочитать его; тогда я занялъ его мѣсто, и онъ уступилъ его безъ спора, потому что завладѣлъ имъ не по праву, а только по привычкѣ. На слѣдующее Воскресенье я опять собрался пораньше и занялъ первое мѣсто. При третьей аудіенціи, замѣтивъ, что Шведскій посланникъ и другіе сторонятся и даютъ мнѣ дорогу, я сказалъ имъ: «Нѣтъ, господа, вы пришли прежде меня, и я стану послѣ васъ; здѣсь принято за правило не соблюдать строго дипломатическаго этикета, и теперь мы именно стоимъ не по чинамъ.»

Недѣли двѣ употребилъ я на то, чтобы познакомиться съ обыкновеніями Петербургскаго общества и съ главнѣйшими его представителями. Послѣ того принялся я за мои служебныя дѣла, которыя на первыхъ порахъ были немногочисленны и неважны. Холодность въ отношеніяхъ между нашимъ и Русскимъ дворами не давала намъ никакого вѣса въ Россіи; всѣмъ извѣстно было предубѣжденіе Екатерины противъ Версальскаго кабинета. Министры и царедворцы, пользовавшіеся ея милостью, были весьма холодны въ обращеніи и разговорахъ со мною. Чтобы дать понятіе о нашемъ политическомъ значеніи, достаточно будетъ изложить содержаніе инструкціи, полученной мною отъ Верженя предъ моимъ отъѣздомъ въ Россію. Министръ, между прочимъ, писалъ:

*) Съ графомъ Румянцевымъ.

Библиотека "Руниверс"

«Составляя эту инструкцію и перечитывая инструкціи, данныя вашимъ предшественникамъ, я съ сожалѣніемъ усмотрѣлъ, что прежнія распоряженія нынѣ не могутъ идти къ дѣлу. Наше сопротивленіе видамъ Императрицы на Турцію совершенно измѣнило отношенія нашего монарха къ ней. До тѣхъ поръ, пока графъ Панинъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на умъ Екатерины, этотъ умный и миролюбивый министръ умѣлъ побѣдить въ Императрицѣ недоброжелательство къ Франціи. Въ его министерство мы сблизились съ Россіею и способствовали водворенію согласія между нею и Турціею. Мы поддерживали столь славное для Императрицы учрежденіе вооруженнаго нейтралитета. Англичане уже теряли въ Петербургѣ прежнее вліяніе и опасались за ненарушимость своихъ торговыхъ преимуществъ. Но со времени немилости и смерти гр. Панина важнѣйшія государственныя дѣла поручены Потемкину. Пылкій и честолюбивый князь совершенно предался Англо-Австрійской партіи, надѣясь при ихъ содѣйствіи устранить препятствія, которыя встрѣчали виды Екатерины на Турцію. Правда, что мы союзники Австрійцевъ; но двадцати-восьми-лѣтній опытъ доказалъ намъ, что, не смотря на этотъ союзъ, Вѣнскій дворъ не внушалъ своимъ представителямъ у другихъ державъ оставить свой старый обычай противудѣйствовать намъ. Графъ Кобенцель довелъ этотъ образъ дѣйствія до крайности, всячески потворствовалъ Англіи и укрывалъ самыя явныя ея несправедливости. Наконецъ, не смотря на то, что Екатерина оставила Прусскаго короля, соединилась съ Австріею и потому, казалось бы, должна была сблизиться и съ нами, мы видимъ однако, что Вѣнскій и Петербургскій кабинеты обращаются съ нами такъ недоброжелательно, какъ будто мы составили противъ нихъ союзъ съ Пруссіею. А между тѣмъ монархъ нашъ поступилъ такъ снисходительно и, можетъ быть, даже слишкомъ опрометчиво, что далъ согласіе на занятіе Крыма. Но эта уступка доставила намъ только холодное выраженіе признательности со стороны Екатерины, и мы даже не могли получить отъ Русскаго кабинета должнаго возмѣщенія нѣсколькихъ важныхъ нанесенныхъ намъ ущербовъ, котораго давно испрашиваемъ. Вотъ въ какомъ положеніи найдете вы Императрицу. Опасаются, чтобы въ предстоящей борьбѣ Голландіи съ Іосифомъ II она не приняла сторону императора. Ея вѣроятною цѣлью будетъ дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы, сообща съ Англіею, принудить Голландцевъ просить ея покровительства, и чтобы императоръ остался обязаннымъ ей за ихъ уступки. Наконецъ, я увѣренъ, что всѣ попытки снискать намъ дружественное расположеніе Императрицы будутъ напрасны, и что король долженъ будетъ въ сношеніяхъ съ нею ограничиться однимъ лишь строгимъ исполненіемъ приличій. Впрочемъ, я вамъ совѣтую стараться понравиться Государынѣ и лицамъ, имѣющимъ вѣсъ при дворѣ. Мы не имѣемъ никакой надежды на заключеніе торговаго договора съ Россіею; но если, противу чаянія, представятся къ тому благопріятныя обстоятельства, то воспользуйтесь всякимъ удобнымъ случаемъ и постарайтесь увѣрить Русскихъ министровъ, что преимущества, данныя Англичанамъ, вредны для Россіи, между тѣмъ какъ мы гораздо скромнѣе въ нашихъ требованіяхъ и просимъ только, чтобы съ нами обходились также, какъ со всѣми прочими промышленными странами».

Библиотека "Руниверс"

Министръ полагалъ, что главнымъ образомъ мнѣ нужно было имѣть въ виду—открыть настоящіе замыслы Екатерины, разузнать характеръ и значеніе ея отношеній къ императору и къ Англіи, извѣдать ея намѣренія относительно Швеціи и попытки пріобрѣсть вліяніе на Неаполь. Въ особенности я обязанъ былъ различать вѣроятное отъ дѣйствительно существующаго, угрозы отъ настоящихъ дѣйствій и ложные слухи отъ дѣйствительныхъ намѣреній. Полагая, что главнѣйшею цѣлью Императрицы было разрушеніе Отоманской имперіи и возстановленіе Греческой державы, и чтобы заставить замолчать льстецовъ, предсказывавшихъ скорый и легкій успѣхъ этому колоссальному предпріятію, министръ приказалъ мнѣ всѣми возможными способами стараться убѣдить Русскихъ министровъ въ томъ, что этому перевороту воспротивятся всѣ значительныя Европейскія державы. Переходя къ болѣе частнымъ предметамъ, министръ предписывалъ мнѣ отвѣчать вѣжливостью на вѣжливость графа Кобенцеля, но не довѣряться ему, между тѣмъ какъ съ Прусскимъ министромъ онъ совѣтовалъ мнѣ быть откровеннымъ. Вообще, съ представителями дружественныхъ державъ мнѣ велѣно было обходиться дружелюбно и даже не пропускать случая сблизиться съ министрами непріязненныхъ къ намъ государствъ; сверхъ того мнѣ велѣно было переписываться съ нашими посланниками и министрами въ Константинополѣ, Берлинѣ, Стокгольмѣ и Копенгагенѣ и доводить до ихъ свѣдѣнія все, что̀ имъ нужно было знать.

Изъ очерка этихъ инструкцій можно видѣть, что я не могъ расчитывать на какой-либо значительный успѣхъ; обязанность моя ограничивалась внимательнымъ наблюденіемъ хода дѣлъ при дворѣ, на который мы не имѣли никакого вліянія, и единственное прямое порученіе состояло въ томъ, чтобы, послѣ многолѣтнихъ, напрасныхъ требованій, добиться справедливаго удовлетворенія Марсельскимъ торговцамъ, у которыхъ Русскіе каперы захватили и ограбили суда во время Турецкой войны.

Мнѣ нетрудно было узнать расположеніе главныхъ министровъ: Воронцовъ, Остерманъ и Безбородко не скрывали своей приверженности къ Англичанамъ, и мои попытки сблизиться съ ними ограничились чиннымъ пріемомъ и внѣшними выраженіями вѣжливости. Къ тому же, желаніе и необходимость угождать Государынѣ пріучили ихъ сообразовать свои дѣйствія съ ея намѣреніями и показывать ей, что они въ политикѣ, какъ и во всемъ другомъ, раздѣляютъ ея мнѣніе. Но такъ какъ царедворцы въ этомъ подобострастіи доходятъ до крайности, то они выражали свое благорасположеніе и недоброжелательство съ бо̀льшею рѣшительностью, нежели сама Государыня. Императрица благоволила къ посту Австрійскому и къ министру Англійскому, а по-

Библиотека "Руниверс"

тому и ея ближайшіе совѣтники были съ ними въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Такъ какъ министры знали нерасположеніе Государыни къ Французскому двору и неудовольствіе ея по поводу поступковъ и насмѣшекъ Прусскаго короля, то не сближались съ графомъ Гёрцемъ и со мною и были всегда скорѣе готовы вредить намъ, нежели услужить. Общество также отчасти слѣдовало ихъ примѣру. Однако въ Петербургѣ было довольно лицъ, собственно дамъ, которыя предпочитали Французовъ другимъ иностранцамъ и желали сближенія Россіи съ Франціею. Это расположеніе было мнѣ пріятно, но не послужило въ пользу. Петербургъ въ этомъ случаѣ далеко не походитъ на Парижъ: здѣсь никогда въ гостиныхъ не говорили о политикѣ, даже въ похвалу правительства. Недовольные изъ жителей столицы высказывались только въ тѣсномъ, дружескомъ обществѣ; тѣ же, кому это было стѣснительно, удалялись въ Москву, которую однако нельзя назвать центромъ оппозиціи (ея нѣтъ въ Россіи), но которая дѣйствительно была столицею недовольныхъ *).

Прежде всего мнѣ надо было познакомиться съ княземъ Потемкинымъ, а потомъ уже съ прочими министрами. Къ сожалѣнію, мнѣ трудно было побѣдить въ немъ предубѣжденіе противъ Франціи. Онъ былъ совершенно противныхъ мнѣній съ графомъ Панинымъ, раздѣлялъ и возбуждалъ честолюбивые замыслы Екатерины II, а во Франціи видѣлъ препятствіе своимъ намѣреніямъ и ненавидѣлъ насъ, какъ защитниковъ Турокъ, Поляковъ и Шведовъ. Онъ придумывалъ всевозможныя средства, чтобы во вредъ намъ и Пруссіи снискать довѣріе, расположеніе и содѣйствіе кабинетовъ Австрійскаго и Англійскаго. Поэтому онъ былъ холоденъ съ нами и чрезвычайно ласковъ съ Кобенцелемъ и Фитцъ-Гербертомъ, равно какъ съ Австрійскими и Англійскими купцами и путешественниками. Но эти препятствія не останавливали меня. Мнѣ передали обстоятельныя свѣдѣнія о характерѣ, свойствахъ и слабостяхъ этого министра, и я попытался употребить эти свѣдѣнія въ дѣло, что̀ мнѣ и удалось, хотя съ начала попытки мои казались безуспѣшны. Потемкинъ, какъ военный министръ, главнокомандующій войсками, правитель вновь завоеванныхъ южныхъ областей имперіи, всесильный по неограниченному довѣрію къ нему Императрицы, былъ предметомъ лести и ухаживанья всего дворянства и даже знатнѣйшихъ вельможъ. Въ торжественныхъ случаяхъ и въ праздники онъ одѣвался очень пышно и обвѣшивалъ себя орденами, представляя изъ себя вельможу рѣчью, осанкою и движеніями временъ Людовика XIV; но въ обыкновенной домашней жизни онъ снималъ съ себя эту личину и, какъ истый ба-

*) Ср. въ Запискахъ Л. Н. Энгельгардта. М. 1859. Стр. 52.

Библиотека "Руниверс"

ловень счастья, принималъ всѣхъ безъ различія, среди восточной роскоши, которую многіе ошибочно приписывали его высокомѣрію. Когда, бывало, видишь его небрежно лежащаго на софѣ, съ всклокоченными волосами, въ халатѣ или шубѣ, въ шальварахъ, съ туфлями на босу ногу, съ открытой шеею, то невольно вообразишь себя передъ какимъ-нибудь Турецкимъ или Персидскимъ пашею; но такъ какъ всѣ смотрѣли на него, какъ на раздавателя всякихъ милостей, то и привыкли подчиняться его страннымъ прихотямъ.

Холодностью онъ отвратилъ отъ себя почти всѣхъ иностранныхъ министровъ. Они считали его неприступнымъ, видѣлись съ нимъ неиначе какъ въ обществѣ. Только Кобенцель да Фитцъ-Гербертъ были съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ. Англійскій посолъ еще въ отечествѣ своемъ ужъ свыкся съ чудаками и не удивлялся выходкамъ князя. Какъ умный и ловкій человѣкъ, онъ умѣлъ быть съ нимъ запросто, никогда не нарушая приличій и всегда сохраняя собственное свое достоинство. Не таковъ былъ графъ Кобенцель. Не смотря на свой умъ и санъ, которымъ былъ облеченъ, онъ держался того мнѣнія, что въ политикѣ всѣ средства дозволены, лишь бы цѣль была достигнута, и потому въ угожденіи и внимательности къ князю превзошелъ самыхъ усердныхъ и преданныхъ его прислужниковъ. Я не могъ подражать ему. Къ тому же, я полагалъ, что чѣмъ менѣе мы были друзьями, тѣмъ болѣе должны были избѣгать развязности въ сношеніяхъ: кто насъ не любитъ, долженъ по крайней мѣрѣ уважать насъ. Свобода въ обращеніи хороша между людьми коротко знакомыми, иначе она смѣшна.

Я письменно просилъ князя дать мнѣ аудіенцію. Въ назначенный мнѣ день и часъ я явился, велѣлъ доложить о себѣ и сѣлъ въ пріемной залѣ, гдѣ со мною дожидалось нѣсколько Русскихъ вельможъ и графъ Кобенцель. Мнѣ было непріятно дожидаться. Прошло съ четверть часа, а дверь все еще не отворялась; я еще разъ велѣлъ доложить о себѣ. Мнѣ объявили, что князь еще не можетъ меня принять; тогда я сказалъ, что мнѣ некогда ждать, вышелъ къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ и преспокойно отправился домой. На другой день я получилъ отъ Потемкина письмо, въ которомъ онъ извинялся въ своей неисправности и назначалъ мнѣ новое свиданіе. Я явился къ нему и, на этотъ разъ, только что я вошелъ, какъ былъ тотчасъ же встрѣченъ княземъ; онъ былъ напудренъ, разодѣтъ, въ кафтанѣ съ галунами, и принялъ меня у себя въ кабинетѣ. Онъ обратился ко мнѣ съ обычными привѣтствіями и нѣсколькими незначительными вопросами. Въ его обращеніи замѣтна была какая-то принужденность. Когда я хотѣлъ было удалиться, онъ удержалъ меня. Ища предмета для разговора, онъ, по своему обыкновенію, началъ меня разспрашивать и, между прочимъ, съ

Библиотека "Руниверс"

особеннымъ любопытствомъ заговорилъ объ Американской войнѣ, о важнѣйшихъ событіяхъ этой великой борьбы и о будущности новой республики. Онъ не вѣрилъ въ возможность существованія республики въ такихъ огромныхъ размѣрахъ. Его живое воображеніе безпрестанно переходило отъ предметовъ важныхъ къ самымъ незначительнымъ. Такъ какъ онъ очень любилъ ордена, то нѣсколько разъ бралъ въ руки, перевертывалъ и разсматривалъ мой орденъ Цинцинати и хотѣлъ непремѣнно знать, что̀ это за орденъ, какого братства или общества, кто его учредилъ и на какихъ правилахъ. Заговоривъ о любимомъ предметѣ, онъ цѣлый часъ почти толковалъ со мною о разныхъ Русскихъ и Европейскихъ орденахъ. Бесѣда наша не имѣла никакого особеннаго значенія; но такъ какъ она тянулась довольно долго (что̀ было противъ правилъ князя), то въ городѣ объ этомъ заговорили, особенно дипломаты; они всегда въ такихъ случаяхъ пускаются въ догадки и рѣдко попадаютъ на правду. Впрочемъ они скоро нашли поводъ къ основательнѣйшимъ и болѣе справедливымъ толкамъ.

Въ Петербургѣ былъ тогда домъ, непохожій на всѣ прочіе: это былъ домъ оберъ-шталмейстера Нарышкина, человѣка богатаго, съ именемъ, которое прославлено родствомъ съ царскимъ домомъ. Онъ былъ довольно уменъ, очень веселаго характера, необыкновенно радушенъ и чрезвычайно страненъ. Онъ и не пользовался довѣріемъ Императрицы, но былъ у нея въ большой милости. Ей казались забавными его странности, шутки и его безпорядочный образъ жизни. Онъ никому не мѣшалъ; оттого ему все прощалось, и онъ могъ дѣлать и говорить многое, что̀ инымъ не прошло бы даромъ. Съ утра до вечера въ его домѣ слышались веселый говоръ, хохотъ, звуки музыки, шумъ пира; тамъ ѣли, смѣялись, пѣли и танцовали цѣлый день; туда приходили безъ приглашеній и уходили безъ поклоновъ; тамъ царствовала свобода. Это былъ пріютъ веселья и, можно сказать, мѣсто свиданія всѣхъ влюбленныхъ. Здѣсь, среди веселой и шумной толпы, вѣрнѣе удавалось тайкомъ пошептаться, чѣмъ на балахъ и въ обществахъ, связанныхъ внѣшнимъ приличіемъ. Въ другихъ домахъ нельзя было избавиться отъ вниманія присутствующихъ; у Нарышкина же за шумомъ нельзя было ни наблюдать, ни осуждать, и толпа служила покровомъ тайнѣ.

Я, вмѣстѣ съ другими дипломатами, часто ходилъ смотрѣть на эту забавную картину. Потемкинъ, который почти никуда не выѣжалъ, часто бывалъ у шталмейстера; только здѣсь онъ не чувствовалъ себя связаннымъ и самъ никого не безпокоилъ. Впрочемъ, на это была особая причина: онъ былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей Нарышкина. Въ этомъ никто не сомнѣвался, потому что онъ всегда сидѣлъ съ нею

Библиотека "Руниверс"

вдвоемъ и въ отдаленіи отъ другихъ *). За ужиномъ онъ тоже не любилъ быть за общимъ столомъ, со всѣми гостями. Ему накрывали столъ въ особой комнатѣ, куда онъ приглашалъ человѣкъ пять или шесть изъ своихъ знакомыхъ. Я скоро попалъ въ число этихъ избранниковъ. Однако прежде нужно было удалить препятствія, мѣшавшія нашему сближенію. Съ своей стороны, Потемкинъ сталъ строже наблюдать правила вѣжливости, которыя иногда забывалъ, а я рѣшился требовать отъ него уваженія, должнаго моему сану. Разъ, напримѣръ, онъ пригласилъ меня на большой обѣдъ. Я и всѣ гости были парадно одѣты, а онъ явился попросту, въ сюртукѣ на мѣху. Мнѣ это показалось страннымъ, но такъ какъ никто не обращалъ на это вниманія, то и я не далъ замѣтить своего недоумѣнія. Однако, черезъ нѣсколько дней послѣ того, я въ свой чередъ пригласилъ его обѣдать и отплатилъ ему тѣмъ же, объяснивъ заранѣе прочимъ моимъ гостямъ, что̀ подало мнѣ поводъ къ тому. Князь тотчасъ понялъ, почему я такъ сдѣлалъ и послѣ этого обращался со мною такъ, какъ я желалъ. Я узналъ его нравъ: онъ любилъ, чтобы угождали его прихотямъ, но отплачивалъ за это высокомѣріемъ и презрѣніемъ, между тѣмъ какъ легкимъ сопротивленіемъ можно было снискать его уваженіе.

Не прошло мѣсяца, какъ исчезла холодность, водворившаяся между нами отъ взаимной осторожности въ обращеніи. Разъ, на вечерѣ у Нарышкина, прохаживаясь съ нимъ по комнатамъ, я навелъ разговоръ на два предмета, совершенно различные, но которыми я увѣренъ былъ, что займу его вниманіе. Сперва я говорилъ ему о новыхъ завоеваніяхъ Императрицы, о южныхъ областяхъ, подчиненныхъ его управленію, о прекрасномъ его намѣреніи довести торговлю на Югѣ до той степени, до какой она достигла на Сѣверѣ. Это составляло главную цѣль его честолюбія, и князь съ такимъ жаромъ предался разговору, что продлилъ его сверхъ моего ожиданія. Въ другой разъ, когда рѣчь зашла о Черномъ морѣ, Архипелагѣ и Греціи, мнѣ уже не трудно было, минуя вопросы политическіе, навести его на любимый предметъ и заговорить о причинахъ отдѣленія церкви Западной отъ Восточной. Тогда онъ повелъ меня въ кабинетъ, подсѣлъ ко мнѣ и съ видимымъ удовольствіемъ сталъ высказывать мнѣ свои обширныя свѣдѣнія о давнишнихъ, пресловутыхъ преніяхъ папъ съ патріархами, о соборахъ и мѣстныхъ, и вселенскихъ, наконецъ о всѣхъ этихъ преніяхъ, то важныхъ, то забавныхъ, а порой и кровавыхъ, которыя велись съ такимъ ожесточе-

*) Потемкинъ ухаживалъ за Марьей Львовной Нарышкиной, которая потомъ была за мужемъ за княземъ Любомирскимъ. Она пѣла и играла на арфѣ. Державинъ посвятилъ ей свою оду къ Эвтерпѣ. (Соч. его, изд. Академіи, т. I, стр. 300).

Библиотека "Руниверс"

ніемъ, что паденіе Греческой имперіи и взятіе Константинополя Турками не могли ихъ прекратить, и что они длились среди грабежа и разгрома столицы *). Разговоръ этотъ продолжался до глубокой ночи. Я узналъ слабую струну князя, и съ этихъ поръ, казалось, онъ сталъ нуждаться во мнѣ. Часто приглашалъ онъ меня побесѣдовать съ нимъ о разныхъ дѣлахъ и особенно о проектахъ, предлагаемыхъ ему Французскими купцами; они старались доказать ему пользу и удобство торговыхъ сообщеній между Марселемъ и Херсономъ. Рѣшившись изгнать изъ бесѣдъ нашихъ всякое принужденіе, онъ разъ написалъ мнѣ, что желаетъ переговорить со мною кое-о-чемъ, но что болѣзнь мѣшаетъ ему встать и одѣться. Я отвѣчалъ, что немедленно явлюсь къ нему и прошу принять меня запросто, безъ чиновъ.

Въ самомъ дѣлѣ, я нашелъ его лежащимъ на постели, въ одномъ халатѣ и шальварахъ. Извинившись передо мной, онъ прямо сказалъ: «Любезный графъ, я искренно расположенъ къ вамъ, и если вы сколько-нибудь любите меня, то будемте друзьями и бросимъ всякія церемоніи». Тогда я присѣлъ на кровать, у его ногъ, взялъ его за руку и сказалъ: «Я съ удовольствіемъ соглашаюсь на это, любезный князь. Новое знакомство всегда нѣсколько связываетъ; но вы говорите о дружбѣ, а въ такомъ случаѣ должно устранить все, что можетъ насъ связывать и обременять».

Всѣхъ удивило это неожиданное сближеніе, эта короткость между первымъ министромъ Екатерины и представителемъ двора, къ которому Императрица была явно нерасположена. Въ особенности дипломаты не знали, что подумать объ этомъ. Безпокойный, пылкій графъ Гёрцъ напрасно старался вывѣдать поводъ и цѣль этого сближенія. Я ему откровенно объяснилъ въ чемъ дѣло; но онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы вопросы богословскіе или дѣла какихъ-нибудь купцовъ могли быть настоящими предметами нашихъ долгихъ, частыхъ бесѣдъ. Онъ былъ убѣжденъ, что дѣло шло о какихъ-либо важныхъ сдѣлкахъ между Австріею, Франціею и Россіею, во вредъ Пруссіи. Недоумѣніе и догадки этихъ искателей тайнъ тамъ, гдѣ тайны не было, часъ-отъ-часу возрастали. Потемкинъ, вѣроятно, сообщилъ Императрицѣ самое выгодное мнѣніе обо мнѣ. День-ото-дня Императрица принимала меня съ бо́льшею любезностью и внимательностью; исчезла холодность министровъ; придворные брали съ нихъ примѣръ. Хотя остуда между нашимъ кабинетомъ и Петербургскимъ нисколько не прекращалась, но общество обманулось на этотъ счетъ, когда замѣтило, что Француз-

*) (Т. е. Константинополя Крестоносцами).

Библиотека "Руниверс"

скаго посла осыпаютъ похвалами, ласками, внимательностью, которыми прежде исключительно пользовались представители дружественныхъ державъ, Кобенцель и Фитцъ-Гербертъ.

Скоро почувствовалъ я вліяніе этой перемѣны сперва въ незначительныхъ, потомъ и въ болѣе важныхъ дѣлахъ. Незадолго до моего пріѣзда, изъ Россіи были высланы три Француза, и Русское правительство даже не извѣстило объ этомъ Колиньера, тогдашняго нашего повѣреннаго въ дѣлахъ. Онъ, по долгу своему, выразилъ Русскому правительству сожалѣніе, но въ осторожныхъ выраженіяхъ, зная, что эта мѣра строгости имѣла свои достаточныя причины. Министры отвѣчали ему неопредѣленно и неудовлетворительно; въ то время они какъ будто нарочно пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы сдѣлать намъ непріятность. Правда, что тогда въ Россію пріѣзжало множество негодныхъ Французовъ, развратныхъ женщинъ, искателей приключеній, служанокъ, лакеевъ, которые ловкимъ обращеніемъ и умѣньемъ изъясняться скрывали свое званіе и невѣжество. Но этому не было виною наше правительство. Всѣ эти люди никѣмъ не были покровительствуемы, не имѣли никакихъ бумагъ, кромѣ паспортовъ, которые повсюду выдаются лицамъ низшихъ сословій, если они не преступники и покидаютъ отечество съ тѣмъ, чтобы торгомъ или трудомъ добыть въ чужомъ краю средствъ существованія. Скорѣе можно было винить Русскихъ, потому что они съ непонятною безпечностью принимали къ себѣ въ домà и даже довѣряли свои дѣлà людямъ, за способности и честность которыхъ никто не ручался. Любопытно и забавно было видѣть, какихъ странныхъ людей назначали учителями и наставниками дѣтей въ иныхъ домахъ въ Петербургѣ и особенно внутри Россіи. Если иногда обманъ открывался, и такихъ господъ выгоняли, сажали въ тюрьму или ссылали, то они не могли жаловаться Французскому посланнику: онъ не обязанъ былъ оказывать имъ покровительство. Но другое дѣло было съ тремя изгнанными тогда Французами; всѣ трое были люди извѣстные и достойные, и въ томъ числѣ, племянникъ герцога де Г. былъ даже представленъ ко двору. Одинъ изъ этихъ Французовъ, чрезвычайно вспыльчивый и взбалмочный, въ припадкѣ гнѣва, обругалъ и прибилъ другого, который отомстилъ ему низкимъ доносомъ о предметѣ, нисколько не касавшемся ихъ спора и подписаномъ, по преступной слабости, третьимъ, о которомъ я упомянулъ выше. Императрица, узнавъ черезъ оберъ-полицмейстера объ этой дракѣ и ложномъ доносѣ, велѣла выслать всѣхъ троихъ изъ Россіи. Этотъ приговоръ былъ строгъ, но справедливъ, и я бы не могъ вмѣшаться въ это дѣло, если бы Колиньеру не отказали сообщить требуемаго имъ объясненія. Поэтому я счелъ нужнымъ представить Русскимъ министрамъ неприличіе этого

Библиотека "Руниверс"

поступка, противнаго взаимному вниманію, которое оказываютъ другъ другу два двора для поддержанія согласія между собою. Затѣмъ я требовалъ, чтобы жалоба моя была представлена Императрицѣ. Спустя нѣсколько дней послѣ того, Государыня удовлетворила меня вполнѣ, приказавъ вице-канцлеру объяснить мнѣ причины ея строгой мѣры и увѣрить меня, что впредъ не будетъ рѣшать такихъ дѣлъ, не предваривъ меня. Въ самомъ дѣлѣ, съ этихъ поръ слова ея были исполняемы въ точности.

Кстати я разскажу исторію объ одномъ ловкомъ и нагломъ плутѣ, чтобы показать степень неблагоразумія Петербуржцевъ, людей самыхъ гостепріимныхъ въ мірѣ, принимавшихъ безъ разбору иностранцевъ. Этотъ смѣлый обманщикъ называлъ себя, помнится, *графомъ де-Вернелемъ*. Онъ, повидимому, былъ богатъ и нѣсколько лѣтъ путешествовалъ. Онъ увѣрялъ, что, не имѣвъ прежде намѣренія быть въ Россіи, не взялъ съ собою никакихъ бумагъ, нужныхъ для предъявленія нашему посольству, и показывалъ только какія-то неважныя письма, будто бы писанныя къ нему какими-то Нѣмецкими или Польскими дамами. Онъ хорошо говорилъ, былъ недуренъ собою, забавенъ, мило пѣлъ и игралъ и потому, какъ мнѣ разсказывали, втерся въ лучшее Петербургское общество. Ему все удавалось, и все шло успѣшно. Но скоро въ одномъ домѣ замѣтили пропажу столовыхъ приборовъ, въ другомъ пропали часы, тамъ табакерки и драгоцѣнныя вещицы. Такъ какъ эти вещи исчезали именно въ тѣхъ домахъ, гдѣ бывалъ этотъ модный плутъ, то его стали подозрѣвать; объ немъ стали поговаривать; наконецъ на него донесли, хотѣли его схватить, но онъ скрылся. Тогда въ Россіи паспорты предъявлялись только при переѣздѣ черезъ границу; внутри же Россіи всякій могъ безпрепятственно и свободно разъѣзжать отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отъ Борисѳена и Двины до Амура, отдѣляющаго Китай отъ Россіи, и до самой Камчатки. Только, если кто-либо хотѣлъ выѣхать въ чужіе края изъ Петербурга, то долженъ былъ свой паспортъ вытребовать за восемь дней до отъѣзда, чтобы между тѣмъ можно было объявить о выѣзжающемъ кредиторамъ и предохранить ихъ отъ обмана. Самозванецъ-графъ, разумѣется, не могъ исполнить этихъ правилъ. Онъ о нихъ и не заботился и, поѣхавъ наавось, достигъ границы безо всякаго вида. Тутъ онъ остановился въ гостиницѣ, пѣшкомъ отправился къ мѣстному начальнику, сказалъ свое имя и велѣлъ о себѣ доложить. Лакей отвѣчалъ ему, что генералъ только-что всталъ, одѣвается и проситъ его подождать. Черезъ нѣсколько минутъ графъ нашъ начинаетъ сердиться, кричать и браниться, называетъ губернатора невѣжею и объясняетъ, что онъ не выѣхалъ бы изъ Польши, если бы зналъ, что въ Россіи встрѣтитъ только

Библиотека "Руниверс"

варваровъ, грубыхъ лакеевъ и невоспитанныхъ губернаторовъ. Лакей тотчасъ же отправился къ его превосходительству и разсказалъ ему, что пришедшій иностранецъ расходился и бранитъ его такъ и такъ. Губернаторъ, вышедшій изъ себя, велѣлъ схватить дерзкаго незнакомца, посадить его немедленно въ кибитку и высадить на Польскую землю, о которой онъ такъ сожалѣлъ. Приказаніе немедленно было исполнено; а не прошло трехъ часовъ, какъ курьеръ изъ Петербурга привезъ губернатору повелѣніе захватить мошенника.

Теперь возвратимся къ политикѣ. Исполняя данныя мнѣ наставленія, я дѣятельно старался разузнать настоящія намѣренія Русскаго правительства относительно дѣлъ, важныхъ для нашего двора. Все, что говорилъ мнѣ Штакельбергъ *) въ Варшавѣ, оправдывалось совершенно. То, что я слышалъ отъ многихъ лицъ, достойныхъ довѣрія, послужило мнѣ доказательствомъ, что Императрица, несмотря на участіе, съ которымъ она, казалось, приняла предложеніе объ обмѣнѣ Баваріи, нисколько не желала способствовать распространенію Австрійскихъ владѣній и ослабить черезъ это вліяніе свое на Германію. О несогласіяхъ Іосифа II съ Голландіею думали иначе; Потемкинъ желалъ, чтобы они продлились долѣе: онъ надѣялся между тѣмъ исполнить преднамѣренныя имъ завоеванія въ Турціи. Онъ предвидѣлъ ясно, что Франція, начавъ войну съ императоромъ, уже не можетъ препятствовать честолюбивымъ видамъ Екатерины на Востокѣ.

Скоро стало извѣстно, что Императрица снаряжаетъ въ Черномъ морѣ пять линейныхъ кораблей и восемнадцать фрегатовъ. Она была недовольна Англичанами, потому что они не раздѣляли ея политическихъ плановъ. Питтъ былъ лично нерасположенъ къ ней; онъ не могъ допустить владычества великой морской державы на Востокѣ. Къ тому же Императрица провозглашеніемъ началъ вооруженнаго нейтралитета посѣяла сѣмена раздора между Англіею и Россіею. Англичане уже стали опасаться потерять торговыя выгоды, исключительно имъ предоставленныя въ Россіи. Посланникъ ихъ дѣятельно старался удалить опасность; Англійскіе купцы, расточая подарки и услуги, нашли возможность увеличить въ Петербургѣ количество вывоза товаровъ и уменьшить привозъ ихъ; съ другой стороны, они грозили Русскимъ министрамъ и купцамъ, что если стѣсненія будутъ продолжаться, то они замедлятъ ходъ торговли и лишатъ сбыта Русскіе товары. Въ самомъ дѣлѣ, Англійскіе негоціанты образовали въ Петербургѣ цѣлую

*) Графъ Отто Магнусъ Штакельбергъ, род. 6 Февраля 1786 г., ум. 1799 г., въ то время Русскій посолъ въ Варшавѣ.

Библиотека "Руниверс"

грозную колонію. Разбогатѣвъ торговыми оборотами и находясь подъ покровительствомъ своего благоразумнаго правительства, которое не потворствуетъ частнымъ выгодамъ, а имѣетъ всегда въ виду общее благо, они до того размножили свои заведенія и домà, что занимали въ Петербургѣ цѣлый кварталъ называемый Англійскою линіею [1]). Ихъ, соединяла общая выгода; они имѣли правильныя совѣщанія старшинъ хорошій уставъ и всегда другъ друга поддерживали. Они сообща устанавливали на цѣлый годъ смѣту торговыхъ оборотовъ, опредѣляли цѣнность товаровъ и даже вексельный курсъ. При продажѣ товаровъ своихъ Русскимъ, они предоставляли имъ кредитъ на восемнадцать мѣсяцевъ, а сами покупали у нихъ на чистыя деньги пеньку, мачтовый лѣсъ, сало, воскъ и пушной товаръ. Вотъ какова была сила, съ которою я долженъ былъ бороться въ странѣ, гдѣ было лишь нѣсколько одинокихъ нашихъ купцовъ и одинъ значительный торговый домъ Рембера (Raimbert), который съ трудомъ и ловкостью держался среди нападокъ и препятствій всякаго рода. Русскіе считали торгъ съ Англичанами необходимымъ для сбыта своихъ произведеній и находили мало выгодъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Французами, которые покупали у нихъ мало, а продавали много и дорого.

Когда Англичане, пугая Русскихъ, остановили запросъ на пеньку, я, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, присовѣтовалъ нашимъ министрамъ потребовать пеньки на большую сумму. Но мой совѣтъ исполненъ поздно и невполнѣ. Петербургскіе Англичане вредили намъ даже во Франціи. Купцы Нантскіе и Бордосскіе, обманутые ихъ выгодными предложеніями и опасаясь переѣздовъ и таможень, поручали Англичанамъ и Голландцамъ перевозку своихъ товаровъ въ Россію. Мы почти исключительно снабжали Россію кофеемъ, сахаромъ и виномъ; но, пользуясь нашею безпечностью, иностранцы лишали насъ большой прибыли и вмѣстѣ съ тѣмъ умножали свои морскія силы, которыя впослѣдствіи обратили противъ насъ же. Этою перевозкою занято было ежегодно до 2.000 судовъ, между тѣмъ какъ въ Русскіе порты входило не болѣе 20 Французскихъ. Выгоды положенія Англичанъ дѣлали ихъ иногда до того требовательными, что они начали надоѣдать графу Воронцову [2]), что̀ я замѣтилъ изъ его разговора. Но онъ былъ еще сильно къ нимъ приверженъ, и я выжидалъ благопріятнѣйшихъ обстоя-

---

[1]) Здѣсь разумѣется, вѣроятно, Англійская набережная.

[2]) Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, братъ извѣстной княгини Е. Р. Дашковой, род. 4 Сентября 1744 г., былъ министромъ въ Англіи въ 1762 г., а послѣ того въ Голландіи; потомъ сенаторомъ и президентомъ коммерцъ-коллегіи; при императорѣ Александрѣ канцлеромъ, ум. 2 Декабря 1805 г.

Библиотека "Руниверс"

тельствъ, чтобы разочаровать его. Мнѣ легче было преклонить къ себѣ князя Потемкина, потому что Англичане явно противодѣйствовали его видамъ относительно торговаго сообщенія между Херсономъ и Марселемъ.

Со дня на день Императрица становилась со мнѣ благосклоннѣе. На большомъ балу у графа Разумовскаго [1]), она пригласила меня играть съ нею, долго говорила и была особенно ласкова. Это меня ободрило, и я сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Я жаловался Безбородку и Остерману [2]) на проволочку дѣла объ удовлетвореніи Марсельскихъ купцовъ. Я повторилъ имъ, въ чемъ состоятъ наши требованія, и доказалъ имъ основательность ихъ. Потомъ я старался объяснить имъ, что если они откажутъ намъ въ справедливомъ удовлетвореніи или замедлятъ его, что̀ будетъ равносильно отказу, то нарушатъ высокія правила, начертанныя Государынею при объявленіи вооруженнаго нейтралитета. Министры извинялись въ общихъ выраженіяхъ, ссылаясь на то, что разстоянія огромны, и что поэтому трудно получать вѣрныя свѣдѣнія и произвести надлежащую оцѣнку, что много и другихъ затрудненій. Впрочемъ, они обѣщали рѣшить это дѣло вскорѣ, но это обѣщаніе было не разъ сдѣлано и моимъ предшественникамъ. Я написалъ Верженю и предложилъ ему принять болѣе дѣйствительныя мѣры для окончанія этого дѣла и даже грозить возмездіемъ, если Русское правительство не вознаградитъ насъ выгодами, какія могъ бы намъ доставить торговый трактатъ съ Россіею. Я старался даже довести до свѣдѣнія министровъ мое собственное мнѣніе по этому дѣлу и впослѣдствіи узналъ, что моя настойчивость нисколько не возбудила негодованія Императрицы, но, напротивъ того, понравилась ей. Впрочемъ, зная Государыню, я былъ въ этомъ увѣренъ заранѣе.

Находясь по этому случаю въ частыхъ сношеніяхъ съ Русскими министрами и познакомясь съ нѣсколькими приближенными къ нимъ лицами, я имѣлъ возможность развѣдать ихъ образъ мыслей, который они тщательно скрывали. Они не раздѣляли политическихъ мнѣній князя Потемкина и не любили его. Они искренно желали мира, потому что война и завоеванія не представляли имъ никакихъ личныхъ выгодъ, напротивъ того затрудняли ходъ ихъ дѣлъ и были гибельны для всего государственнаго состава. Воронцовъ опасался, чтобы война не прервала торговыхъ сношеній; Безбородко предвидѣлъ многочисленныя препятствія въ дѣлахъ дипломатическихъ, и всѣ онѣ боялись возрастанія могущества Потемкина. Дворяне, нисколько не желая завоеванія

---

[1]) Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, род. 1728 г., ум. 1808 г.

[2]) Какъ лицамъ, завѣдывавшимъ иностранными дѣлами.

Библиотека "Руниверс"

какихъ-нибудь степей, знали только, что понесутъ новыя тяжкія повинности, необходимыя для умноженія арміи. Только нѣкоторые генералы и молодые офицеры желали войны, сулившей имъ славу и награды. Большинство скрывали свои мысли, опасаясь лишиться благосклонности Государыни. Приближенные къ ней особы боялись представить ей откровенно, какъ опасенъ былъ тогда ея химерическій замыселъ возстановленія Греческой имперіи.

Я скоро замѣтилъ, что хотя министры видимо оказывали болѣе вниманія къ Кобенцелю и Фитцъ-Герберту, чѣмъ ко мнѣ, они однако же рады были моей пріязни съ княземъ Потемкинымъ. Они были увѣрены, что, слѣдуя политикѣ моего двора, я воспользуюсь этою пріязнію, чтобы умѣрить пылъ князя и постараюсь расположить его къ миру, представивъ ему на видъ, что первенствующія Европейскія державы будутъ дружно сопротивляться исполненію его замысловъ, грозившихъ нарушить всеобщее спокойствіе Европы. Прусскій министръ, хотя и не могъ дѣйствовать въ мою пользу своими настояніями, однако долженъ бы былъ помогать мнѣ совѣтами и сообщеніемъ разныхъ свѣдѣній; но нравъ его былъ таковъ, что онъ больше вредилъ мнѣ, чѣмъ помогалъ. Своею поспѣшностью и безпокойствомъ онъ совершенно оправдывалъ то, что̀ король Фридрихъ сказалъ мнѣ о немъ: онъ безъ разбора вѣрилъ всѣмъ ложнымъ извѣстіямъ, какія ему удавалось слышать отъ людей недовольныхъ. Вмѣсто того, чтобы радоваться моему сближенію съ Потемкинымъ, онъ сталъ меня подозрѣвать и вообразилъ себѣ, что мы хотимъ предать Голландію императору, а Турокъ Екатеринѣ. Ежеминутно ожидалъ онъ объявленія всеобщей войны. Съ другой стороны, Потемкинъ, объясняя въ пользу своихъ замысловъ высказанное мной желаніе сблизить Францію съ Россіею, надѣялся завлечь насъ въ свою систему и изрѣдка намекалъ мнѣ о раздѣлѣ земель, которыми владѣютъ мусульмане или, лучше сказать, которыя они опустошаютъ.

Я не могъ соглашаться съ этими предположеніями, потому что они были совершенно противны мирнымъ намѣреніямъ моего короля, и, не давая дѣльнаго отвѣта, обращалъ намеки князя въ шутку. Незамѣтнымъ образомъ отклонилъ я его вниманіе отъ этого предмета и разговаривалъ о средствахъ къ оживленію торговли полуденной Россіи. Получивъ почти неограниченную власть надъ южными областями имперіи и желая сравнять ихъ съ сѣверными, онъ не могъ не признать несомнѣнной истины, что мы одни только можемъ открыть пути для сбыта произведеній этого огромнаго, но почти пустыннаго края, который Государыня поручила ему населить, просвѣтить, обогатить и подчинить правильному устройству. Со дня на день онъ говорилъ мнѣ объ

Библиотека "Руниверс"

этомъ все съ бо́льшимъ жаромъ, откровенностью и довѣрчивостью. Наконецъ, онъ выразилъ даже готовность, если бы я этого пожелалъ, заключить частный договоръ о торговлѣ между южными областями Россіи и Франціи. Но чѣмъ охотнѣе выказывалъ онъ свою готовность заключить такой частный договоръ, тѣмъ упорнѣе отклонялъ я это намѣреніе. Вержень былъ слишкомъ тонокъ, чтобы согласиться на это; потому что, если бы мы дались въ обманъ, то лишились бы надежды заключить общій торговый договоръ: Потемкинъ, удовлетворивъ требованіямъ подвѣдомыхъ ему областей, не сталъ бы много заботиться о прочихъ и оставилъ бы меня безъ помощи, а безъ его содѣйствія я бы встрѣтилъ непреодолимыя препятствія и не сладилъ бы съ ловкимъ Фитцъ-Гербертомъ и дѣятельными Англійскими купцами. Было бы слишкомъ невыгодно для Франціи, при невозможности пользоваться сѣверною торговлею, которою овладѣли Англичане, довольствоваться южнымъ краемъ, гдѣ ничего еще не было устроено.

Мнѣ нужно было доказать князю, что торговое развитіе подвѣдомственныхъ ему южныхъ областей зависитъ отъ союза съ нами и отъ заключенія торговаго трактата, и тогда я могъ надѣяться, что, при первомъ удобномъ случаѣ, онъ поможетъ мнѣ своимъ вліяніемъ. Вотъ что я ему говорилъ: «Такъ какъ вы сознаете пользу всеобщаго обмѣна и невыгоду исключительныхъ преимуществъ въ торговлѣ, то зачѣмъ же вы допускаете монополію нѣкоторыхъ народовъ, такъ что Россія, а равно и Франція, получаютъ изъ вторыхъ рукъ товары, которые можно было бы обмѣнивать непосредственно? Мы желаемъ только, чтобы формальный общій договоръ установилъ равенство взаимныхъ правъ и преимуществъ: тогда купцы наши, въ увѣренности найти праведный судъ и вознагражденіе въ случаѣ убытковъ, были бы поощрены и не опасались гибельнаго для нихъ превосходства народа, который пользуется исключительнымъ покровительствомъ».

«Но какъ же вы хотите, возражалъ князь, чтобы мы пошли наперекоръ насущныхъ нуждъ нашихъ купцовъ и помѣщиковъ? Требованія Англичанъ на наши товары очень велики, а съ вашей стороны они незначительны, и потому у насъ вообще полагаютъ, что союзъ съ вами скорѣе послужитъ намъ во вредъ, чѣмъ въ пользу, и что намъ некуда будетъ сбывать наши товары, если прервутся сношенія съ Англіею. Британское правительство поддерживаетъ, оживляетъ, поощряетъ свою торговлю и нашу; ваше правительство въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ вяло, беззаботно. Ваши купцы робки, непредпріимчины, у васъ здѣсь всего одинъ надежный торговый домъ, и народъ нашъ почти не знаетъ вашихъ негоціантовъ».

Библиотека "Руниверс"

На это я старался доказать ему, что незначительность нашей торговли въ Россіи есть необходимое послѣдствіе невыгодныхъ для нея учрежденій. «Безразсудно было бы, прибавилъ я, нашимъ купцамъ пускаться въ торговлю въ странѣ, гдѣ правительство своимъ тарифомъ доставляетъ до 12½ процентовъ прибыли ихъ соперникамъ. Давая такія несправедливыя преимущества во вредъ намъ и самимъ себѣ, вы подражаете Португальцамъ и въ отношеніи къ Англіи ставите себя въ положеніе колоніи, зависящей отъ своей метрополіи. Преимуществами которыя вы ей предоставляете, вы до такой степени подчиняетесь ей, что ваши купцы и помѣщики, какъ вы сами сказали, не могутъ обойтись безъ нея. Но рѣшитесь разорвать эти роковыя преграды, и вы увидите, какія выгоды доставитъ вамъ соревнованіе народовъ, которые станутъ покупать ваши произведенія. Вы напрасно считаете нашу торговлю незначительною: она сильна и обширна въ Индіи, Америкѣ, Африкѣ, во всѣхъ портахъ Европы, кромѣ Русскихъ, гдѣ не даютъ ей ходу ваши торговыя постановленія».

Эти доводы, кажется, подѣйствовали на князя, но еще не убѣдили его окончательно. Однако мы условились переговорить объ этомъ дѣлѣ основательнѣе и тайкомъ, потому что въ ту минуту обстоятельства еще не довольно выяснились. Съ другой стороны я не могъ предпринимать рѣшительныхъ мѣръ, потому что, въ случаѣ отказа, потерпѣло бы достоинство короля. На всякій случай я извѣстилъ Верженя объ этомъ разговорѣ и, чтобы знать, какъ мнѣ дѣйствовать впередъ, просилъ его увѣдомить меня предварительно, согласится ли король, въ случаѣ заключенія договора, принять правила вооруженнаго нейтралитета, сбавить пошлины на Русскія кожи, освободить Русскія суда въ Марсели отъ двадцатипроцентнаго сбора, закупать ежегодно значительное количество пеньки, конопли и солонины для Французскаго флота, и захотятъ ли наши генеральные арендаторы (fermiers-généraux) забрать на большую сумму Украинскаго табаку, за доброту котораго здѣсь поручатся; наконецъ, если соглашеніе будетъ основываться на утвержденіи взаимныхъ преимуществъ, то уполномочитъ ли меня его величество заключить договоръ, на возможность котораго я уже разсчитываю до нѣкоторой степени?

Въ концѣ Апрѣля 1786 года я испросилъ себѣ у Императрицы аудіенцію, чтобы вручить ей письмо короля, съ извѣстіемъ о рожденіи герцога Нормандскаго, несчастнаго ребенка, второго сына короля, который, по смерти старшаго, едва лишь сталъ наслѣдникомъ престола, какъ былъ заключенъ въ темницу, гдѣ смерть сразила его въ цвѣтѣ лѣтъ *). Императрица на этотъ разъ снова была ко мнѣ весьма благо-

*) Въ 1793 году, послѣ казни Людовика XVI, Французскіе эмигранты и Европей-

Библиотека "Руниверс"

склонна и удостоила довольно продолжительнымъ разговоромъ. Вскорѣ послѣ того вице-канцлеръ объявилъ мнѣ отъ имени Государыни, что она желаетъ, чтобы съ Французами обращались въ Россіи также, какъ обращаются съ ея подданными, что она противъ воли должна была строго наказать троихъ изъ моихъ соотечественниковъ, и что если впредъ представится такой же непріятный случай, то меня немедленно предувѣдомятъ о томъ. Въ тоже время пришло извѣстіе, что Турки подвигали войска къ Силистріи и Украйнѣ; это встревожило Русскихъ и дало основательный поводъ къ жалобамъ со стороны Австрійцевъ. Графъ Остерманъ говорилъ мнѣ объ этомъ съ недовольнымъ видомъ и сказалъ, что дѣятельность этихъ варваровъ ясно доказываетъ, что имъ *подаютъ совѣты и подстрекаютъ*. Я увѣрялъ его, что политика нашего правительства миролюбива и пряма, что мы никогда никого *не подстрекаемъ*, а стараемся только удерживать алчныхъ къ завоеваніямъ и угрожающихъ спокойствію Европы. «Я желалъ бы повѣрить этому, отвѣчалъ вице-канцлеръ, потому что мы не можемъ понять, для чего Франція старается образовывать, обучать и сдѣлать опасными варваровъ, издавна бывшихъ грозою Европы?» Я отвѣчалъ, улыбаясь, что, при безсиліи ихъ, мы только желаемъ имъ покоя, и если кто-нибудь его нарушитъ, то возникнутъ раздоры между Европейскими державами.

Графъ Остерманъ не имѣлъ большого вѣса, стало быть и слова его немного значили. Но вскорѣ самъ Потемкинъ сказалъ мнѣ почти тоже: «Дивлюсь, сказалъ онъ, какимъ образомъ просвѣщенные, тонкіе, любезные Французы съ такою настойчивостью поддерживаютъ варварство и чуму? Какъ вы полагаете: если бы такіе сосѣди ежегодно вторгались къ вамъ, грабили, заносили язву и уводили бы сотни христіанъ въ рабство, а мы бы стали препятствовать ихъ изгнанію, каково бы вамъ это показалось?»

Чтобы соединить мое собственное мнѣніе съ чувствомъ долга, я отвѣчалъ, что, разумѣется, должно желать разсѣянія невѣжества и распространенія просвѣщенія по всему земному шару. «Но, присовокупилъ я, варварство и чума не единственные бичи человѣчества; я могу на-

---

скія державы провозгласили герцога Нормандскаго (род. 27 Марта 1786 г.) королемъ Франціи подъ именемъ Людовика XVII; въ 1795 г. онъ умеръ въ тюрьмѣ. (Екатерина послала для него Маріи Антуанетѣ дѣтское платье, которое было ею придумано, когда Александръ Павловичъ былъ младенцемъ. Такое же было ею послано въ Швецію для будущаго Густава IV-го, и такое же получила отъ нея графиня А. В. Браницкая для своего сына; оно хранится въ Одессѣ, въ приморскомъ домѣ графини Е. А. Воронцовой-Дашковой, въ той комнатѣ, гдѣ бумаги „Архива Князя Воронцова“).

Библиотека "Руниверс"

звать другіе, не менѣе разрушительные—это честолюбіе и алчность къ завоеваніямъ. Если бы главнѣйшія Европейскія державы, дѣйствуя совокупно и безъ всякой корыстной цѣли, имѣли въ виду лишь общее благо, захотѣли водворять просвѣщеніе по берегамъ Африканскимъ, въ Тунисѣ и Алжирѣ, въ странахъ, которыя нѣкогда процвѣтали, а теперь опустошаются дикими магометанами, это былъ бы подвигъ, достойный похвалы. Но объ этомъ нечего и думать; это также несбыточно, какъ вѣчный миръ, воображаемый аббатомъ Сенъ-Пьерромъ *). Правительство наше старается обезпечить спокойствіе Турокъ для того только, чтобы не нарушить равновѣсія Европы».

«Такъ зачѣмъ же они насъ тревожатъ? возразилъ князь; по моему мнѣнію, если видимо, что сосѣди заняты грозными приготовленіями къ войнѣ, то должно предупредить зло, напасть на нихъ и обезсилить по крайней мѣрѣ лѣтъ на двадцать».

Это возраженіе было бы хорошо, если бы оно было искренно. Но вспомнимъ, что въ то время Русскіе уже владѣли Крымомъ, перешли на Кавказъ, приближались къ Турціи черезъ Грузію и потому, не безъ причины, внушали опасеніе Турецкому правительству. Впрочемъ, такъ какъ изъ Вѣны было получено извѣстіе о дипломатическихъ совѣщаніяхъ въ Парижѣ для примиренія Голландіи съ Австріей, поводъ къ войнѣ устранился и Прусскій король былъ успокоенъ, то Екатерина оставила или, по крайней мѣрѣ, отложила на время намѣреніе безпрепятственно завоевать Турцію.

Съ этой поры Потемкинъ, въ частыхъ разговорахъ со мною, высказывалъ скорѣе опасеніе, чѣмъ желаніе войны. Онъ сказалъ мнѣ, что Русская армія состояла изъ 230.000 человѣкъ строевого и 300.000 вольнаго войска. Но я узналъ изъ довольно достовѣрныхъ источниковъ, что она далеко не достигала такой полноты, что подчиненность въ ней и обученіе были въ небрежности, что, при беззаботности князя, полковые командиры наживались, такъ что даже не скрывали этого и считали дѣломъ совершенно естественнымъ и законнымъ получать такимъ способомъ отъ 20 до 25 т. ежегодной прибыли. Наконецъ, еще одно обстоятельство должно было, повидимому, умѣрить честолюбіе Екатерины: торговля и земледѣліе не были еще довольно производительны, потому и доходы недостаточны, и Россія въ этомъ году должна была сдѣлать заемъ въ Голландіи.

---

*) Аббатъ Сенъ-Пьерръ (Saint-Pierre) род. 1658 г., ум. 1743 г., замѣчательный публицистъ и филантропъ, написалъ, между прочимъ Projet de paix universelle, изд. въ 1713 году.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ маршалъ де-Кастри *) предупреждалъ меня о скоромъ прибытіи въ Кронштадтъ фрегата съ нѣсколькими королевскими судами, чтобы купить въ Россіи и доставить во Францію разные запасы для флота. По этому случаю меня ожидали новые переговоры и хлопоты, такъ какъ за годъ предъ тѣмъ такіе же суда, прибывъ въ Ригу, отказались отъ платежа требуемыхъ пошлинъ и уѣхали, не внеся ихъ. Но впослѣдствіи, несмотря на сопротивленіе консула, заставили Французскихъ купцовъ выплатить требуемую сумму. Другіе народы берутъ товары только на торговыя суда; мы же ошибочно полагаемъ, что наши казенныя суда съ товарами могутъ пользоваться исключительными правами, въ сущности подобающими только военнымъ судамъ.

Вержень, сообразуясь съ ходомъ дѣлъ, предписывалъ мнѣ при встрѣчѣ съ Потемкинымъ по возможности избѣгать толковъ о политикѣ; онъ желалъ, чтобы предметомъ нашихъ разговоровъ были дѣла торговыя. Но мнѣ совершенно невозможно было предписать себѣ въ этомъ отношеніи тѣсныя границы; переходъ отъ одного предмета къ другому неизбѣженъ. Напримѣръ, я жаловался князю на невниманіе другихъ Русскихъ министровъ къ нашимъ торговымъ дѣламъ. На это онъ сказалъ мнѣ: «Холодность эта происходитъ оттого, что они не увѣрены въ искренности вашего желанія сблизиться съ нами; они совершенно увѣрены, что вы подстрекаете Турокъ къ войнѣ». «Мы вовсе ихъ не подстрекаемъ, отвѣчалъ я; но мы можемъ потерять всякое политическое вліяніе, если, зная о вашихъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ и въ Грузіи, о дѣятельномъ вооруженіи войскъ и недружелюбномъ поведеніи вашихъ консуловъ въ Архипелагѣ, мы не станемъ совѣтовать Портѣ думать объ оборонѣ и не довѣряться слѣпо вашимъ мирнымъ увѣреніямъ».

«Намъ приписываютъ предпріятія, о которыхъ мы и не помышляемъ, отвѣчалъ князь; я знаю, что распускаютъ ложные слухи о возстановленіи Греческой имперіи, о будущемъ назначеніи и судьбѣ великаго князя Константина. Меня представляютъ какимъ-то алчнымъ завоевателемъ, вѣчно возбуждающимъ къ войнѣ. Все это выдумки. Я очень хорошо знаю, что разрушеніе Турецкой имперіи есть дѣло безумное; оно потрясетъ всю Европу. Къ тому же, если бы въ самомъ дѣлѣ мы имѣли такое намѣреніе, то развѣ не согласились бы прежде съ Франціею? Но будьте увѣрены, что теперь мы ничего не желаемъ, кромѣ мира. Можете ли вы сказать тоже, дѣйствуя за Турокъ даже и тогда, когда ихъ еще не трогаютъ. Для чего недавно еще вы послали въ

*) Charles de la Croix, marquis de Castries (1727—1802), былъ Французскимъ военнымъ министровъ и съ 1783 г. маршаломъ.

Библиотека "Руниверс"

Константинополь инженера и офицеровъ Французской арміи, которые только и толкуютъ, что о войнѣ?»

Я отвѣчалъ: «Ваши грозныя приготовленія въ Крыму, вооруженіе эскадры, которая въ тридцать шесть часовъ можетъ явиться подъ Константинополемъ, такъ же какъ ваши дѣйствія въ Азіи, заставляютъ насъ, какъ союзниковъ Турокъ, совѣтывать имъ предпринять нужныя мѣры, чтобы стать въ оборонительное и грозное положеніе». «Хорошо, сказалъ Потемкинъ; я готовъ письменно завѣрить васъ, что мы не затронемъ Турокъ; но помните, что если они нападутъ на насъ, то быть войнѣ, и мы пойдемъ какъ можно далѣе». «Если вы хотите только мира, возразилъ я, то имѣете вѣрное средство достигнуть его сближеніемъ съ нами. Когда мы станемъ дѣйствовать согласно, то нашего вліянія будетъ достаточно, чтобы поддержать спокойствіе въ Европѣ».

Между тѣмъ какъ я, по долгу своему, старался указывать министрамъ Екатерины тѣ неодолимыя препятствія, которыя Государыня ихъ должна будетъ встрѣтить прежде, нежели овладѣть Константинополемъ, Потемкинъ, не переставая увѣрять, что Императрица не желаетъ войны, доказывалъ мнѣ, что если она вынуждена будетъ начать ее, то легко и скоро достигнетъ своей цѣли. «Вы хотите, говорилъ онъ мнѣ, поддерживать государство, готовое къ паденію, громаду, близкую къ разстройству и разрушенію. Изнѣженные, развращенные Турки могутъ убивать, грабить, но не могутъ сражаться. Для побѣды надъ ними не нужно даже много искусства; въ продолженіе сорока лѣтъ въ каждую войну они впадаютъ въ тѣже ошибки и терпятъ постоянный уронъ. Они не умѣютъ пользоваться уроками опыта. Въ суевѣрной гордости приписываютъ они наши побѣды какому-то злому духу, который передаетъ намъ свое знаніе, свои изобрѣтенія и умѣнье вести войну; причиною же ихъ пораженій—одинъ Аллахъ, карающій ихъ за грѣхи. При первомъ воззваніи къ войнѣ толпы ихъ выступаютъ изъ Азіи, приближаются въ безпорядкѣ и истребляютъ въ одинъ мѣсяцъ весь запасъ продовольствія, заготовленный на полгода. Пятисотъ-тысячное войско стремится, какъ рѣка, выступившая изъ береговъ. Мы идемъ на нихъ съ арміею изъ 40 или 50 тысячъ человѣкъ, расположенныхъ въ три и четыре арміи, съ пушками по сторонамъ и конницею въ промежуткахъ. Турки нападаютъ на насъ, оглашая воздухъ криками; обыкновенно они строятся треугольникомъ, въ вершинѣ котораго становятся отважнѣйшіе изъ нихъ, упитанные опіумомъ; прочіе ряды, до самаго послѣдняго, замѣщены менѣе храбрыми и наконецъ—трусами. Мы подпускаемъ ихъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла, и тогда нѣсколько картечныхъ залповъ производятъ безпорядокъ и страхъ въ этой нестройной толпѣ. Нѣсколько головорѣзовъ, разгоряченныхъ опіумомъ,

Библиотека "Руниверс"

бросаются на наши пушки, рубятъ ихъ и падаютъ подъ нашими штыками. Когда эти погибли, прочіе пускаются бѣжать. Наша конница преслѣдуетъ ихъ и производитъ страшную рѣзню; она гонится за ними до ихъ стана и овладѣваетъ имъ. Оставшіеся изъ нихъ, ошеломленные, прячутся за городскими стѣнами, гдѣ ихъ ждетъ чума и часто истребляетъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ сдѣлать приступъ. Этого довольно, чтобы дать понятіе о всякомъ другомъ походѣ, потому что всегда они оказываются такими же трусами и невѣждами, и мы поражаемъ ихъ всегда одними и тѣми же средствами. Они храбры только за своими окопами; да и тутъ, при осадахъ, какъ глупо они дѣйствуютъ! Они дѣлаютъ безпрестанныя вылазки, и вмѣсто того, чтобы стараться насъ обмануть, безразсудствомъ своимъ обнаруживаютъ всѣ свои намѣренія. Во-первыхъ, мы уже всегда заранѣе знаемъ, что они нападутъ на насъ въ полночь. Къ тому же они въ тотъ день непремѣнно выставляютъ на стѣнѣ съ той стороны, откуда намѣрены выйти, столько лошадиныхъ хвостовъ, сколько отрядовъ наряжено для вылазки. Поэтому мы знаемъ напередъ часъ нападенія, число нападающихъ, ворота, изъ которыхъ они выйдутъ, и направленіе, по которому они двинутся».

Разумѣется, этотъ разсказъ былъ нѣсколько преувеличенъ; но въ основаніи его была истина: инженеръ Лафитъ, посланный отцомъ моимъ въ Константинополь, чтобы дать Туркамъ нѣсколько наставленій и помочь имъ обороняться, передалъ въ письмахъ своихъ ко мнѣ нѣсколько случаевъ, доказывающихъ безразсудство Турокъ. Посланный Турецкими властями на берега Чернаго моря, чтобы обезопасить отъ высадки тѣ мѣста, гдѣ высадиться всего легче, Лафитъ хотѣлъ поставить батареи на вершинѣ склона, спускавшагося къ рѣкѣ, какъ и было нужно; но мѣстный паша, не смотря на всѣ уговоры, не согласился. Этотъ паша, невѣжа и упрямецъ, долженъ былъ, какъ заведено въ Турціи, платить за работу собственными деньгами, и потому не хотѣлъ тратиться на провозъ тяжестей и строжайше приказалъ Лафиту строить редуты и воздвигать батареи далеко отъ моря и на мѣстѣ ровномъ, откуда не видать вдаль. Тщетно Лафитъ представлялъ ему, что непріятель можетъ высадиться незамѣтно и нападетъ на него неожиданно, обезпеченный тѣмъ, что его не замѣтили. Все таки отвѣчалъ му паша-фаталистъ, ставьте ваши пушки гдѣ я вамъ предписалъ; все зависитъ отъ Аллаха, и если онъ захочетъ, то ваши снаряды будутъ такъ же гибельны для непріятеля, какъ и со всякаго другого мѣста.

Императрица, имѣя предъ собою такихъ безсильныхъ и безразсудныхъ враговъ, откладывала свои намѣренія только потому, что опасалась оружія Швеціи, Пруссіи и Франціи, а вѣроятно и Англіи. Поэтому я довѣрялся, по крайней мѣрѣ на время, мирнымъ увѣреніямъ ея.

Библиотека "Руниверс"

Въ это время, въ Маѣ 1785 года, Императрица издала знаменитый указъ о дворянствѣ [1]). Изложеніе этого законоположенія заняло бы здѣсь слишкомъ много мѣста. Скажу только, что особенно замѣчательно показалось мнѣ распредѣленіе дворянъ по классамъ, такъ что старинное дворянство причислено было къ шестому, дворянство завоеванныхъ областей къ четвертому, а пожалованное грамотами къ двумъ первымъ. Вѣроятно это было сдѣлано съ цѣлью показать, что пріобрѣтенное заслугами отличіе предпочтительнѣе наслѣдственнаго. Этимъ же указомъ дворянамъ предоставлено было право заводить фабрики, собираться для совѣщаній и подавать заявленія Государю.

Около этого же времени я совершенно неожиданно получилъ отъ Императрицы знакъ ея благоволенія. Она предложила мнѣ сопутствовать ей въ поѣздкѣ, которую она намѣревалась совершить, чтобъ осмотрѣть работы, предпринятыя для окончанія канала, соединяющаго Каспійское море съ Балтійскимъ черезъ Ладожское озеро, Волховъ, озеро Ильмень, Мсту, Тверцу и Волгу. Ея Величество объявила мнѣ, что во время путешествія правила этикета будутъ отмѣнены, и что только немногія лица удостоятся чести слѣдовать за нею [2]). Я поручилъ Колиньеру замѣнять меня въ совѣщаніяхъ съ министрами и по заведенному порядку отправлять депеши нашему кабинету. До отъѣзда моего я получилъ письмо отъ Верженя, пріятное для меня, потому что онъ предписывалъ мнѣ отвѣчать Потемкину о Туркахъ, нашей торговлѣ и политикѣ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ я говорилъ съ ними. Вскорѣ замѣтилъ я въ обращеніи Русскихъ министровъ со мною нѣкоторую перемѣну, произведенную явнымъ благоволеніемъ ко мнѣ Императрицы. Въ разговорахъ со мною они уже стали поговаривать о пользѣ взамности между нашими дворами.

Когда я пріѣхалъ въ Царское Село, Императрица была такъ добра, что сама показывала мнѣ всѣ красоты этого великолѣпнаго загороднаго дворца. Свѣтлыя воды, тѣнистая зелень, изящныя бесѣдки, величественныя зданія, драгоцѣнная мебель, комнаты, покрытыя порфиромъ, лазоревымъ камнемъ и малахитомъ, все это представляло волшебное зрѣлище и напоминало удивленному путешественнику дворцы и сады Армиды. Императрица сказала мнѣ, что, узнавъ о порученіи нашего правительства Ла-Перузу пополнить наблюденія, сдѣланныя знаменитымъ Кукомъ по Русскимъ берегамъ Тихаго океана, и предвидя, что

---

[1]) Дворянская грамота, данная 1785 года Апрѣля 21-го (ст. ст.), въ день рожденія Императрицы.

[2]) Подробности этой поѣздки, изъ записокъ гр. Сиверса, Новгородскаго губернатора въ біографіи послѣдняго, въ соч. Блума: Ein russischer Staatsmann. Leipzig. 1857—1859.

Библиотека "Руниверс"

по приближеніи къ Сѣверу онъ можетъ встрѣтить Русскаго капитана[1]), которому велѣно обогнуть Чукотскій мысъ и осмотрѣть сѣверные берега Америки, она приказала этому моряку, въ случаѣ встрѣчи съ королевскими судами, отдать имъ должный почетъ. Я увѣрилъ ее, что Ла-Перузъ, безъ сомнѣнія, получитъ соотвѣтственныя приказанія относительно императорскихъ судовъ. При этомъ я сказалъ ей, что легко и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно предвидѣть, сколько союзъ двухъ могущественныхъ монарховъ можетъ придать славы ихъ вѣку; что, видя ихъ соревнованіе въ дѣлахъ, касающихся блага человѣчества, нельзя не предполагать, что они не замедлятъ сблизиться и въ своихъ политическихъ началахъ.

При совершенной свободѣ, веселой бесѣдѣ и полномъ отсутствіи скуки и принужденія, одинъ только величественный дворецъ напомнилъ мнѣ, что я не просто на дачѣ у самой любезной, свѣтской женщины. Кобенцель былъ неисчерпаемо веселъ; Фитцъ-Гербертъ высказывалъ свой образованный, тонкій умъ, а Потемкинъ свою оригинальность, которая не оставляла его даже въ нерѣдкія минуты задумчивости и хандры. Императрица свободно говорила обо всемъ, исключая политики; она любила слушать разсказы, любила и сама разсказывать. Если бесѣда случайно умолкала, то оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ [2]) своими шутками непремѣнно вызывалъ на смѣхъ и остроты. Почти цѣлое утро Государыня занималась, и каждый изъ насъ могъ въ это время читать, писать, гулять, однимъ словомъ дѣлать, что̀ ему угодно. Обѣдъ, за которымъ бывало немного гостей и немного блюдъ, былъ вкусенъ, простъ, безъ роскоши; послѣобѣденное время употреблялось на игру или на бесѣду; вечеромъ Императрица уходила довольно рано, и мы собирались у Кобенцеля, у Фитцъ-Герберта, у меня или у Потемкина.

Однажды, помню я, Императрица сказала мнѣ, что у нея околѣла маленькая левретка *Земира*, которую она очень любила и для которой желала бы имѣть эпитафію. Я отвѣчалъ ей, что мнѣ невозможно воспѣть Земиру, не зная ея происхожденія, свойствъ и недостатковъ. «Я полагаю, что вамъ достаточно будетъ знать, возразила Императрица, что она родилась отъ двухъ Англійскихъ собакъ: *Тома* и *Леди*, что она имѣла множество достоинствъ и только иногда бывала немножко зла». Этого мнѣ было довольно, я исполнилъ желаніе Императрицы и

---

[1]) Въ 1785 году была совершена географическая и астрономическая экспедиція капитановъ Биллингса и Сарычева по сѣверо-восточной Сибири и моремъ отъ устья Колымы до Американскаго берега.

[2]) Левъ Александровичъ Нарышкинъ, р. 1733, ум. 1799 года.

Библиотека "Руниверс"

написалъ слѣдующіе стихи, которыя она, конечно, расхвалила больше, нежели они стоятъ.

Epitaphe de Zémire.

Ici mourut Zémire, et les Graces en deuil
Doivent jeter des fleurs sur son cercueil.
Comme Tom, son aïeul, comme Lady, sa mère,
Constante dans ses goûts, à la course légère,
Son seul défaut était un peu d'humeur;
Mais ce défaut venait d'un si bon coeur!
Quand on aime, on craint tant! Zémire aimait tant celle
Que tout le monde aime comme elle!
Voulez-vous qu'on vive en repos,
Ayant cent peuples pour rivaux?
Les dieux, témoins de sa tendresse,
Devaient à sa fidélité
Le don de l'immortalité,
Pour qu'elle fût toujours auprès de sa maîtresse [1]).

Императрица велѣла вырѣзать эти стихи на камнѣ, который былъ поставленъ въ Царскосельскомъ саду [2]).

Третьяго Іюня мы оправились въ путь. Поѣздъ состоялъ изъ двадцати каретъ. Въ экипажѣ Императрицы попеременно садились Потемкинъ и Кобенцель или Фитцъ-Гербертъ и я. Постоянно же пользовалась этою честью всегда находившаяся при ней г-жа Протасова [3]), тетка графини Растопчиной (которую въ Парижѣ цѣнили за ея умъ, образованность и добродѣтель), и любимецъ Императрицы, флигель-адъютантъ Ермоловъ [4]); кромѣ того, иногда она приглашала къ себѣ обершталмейстера. Екатерина, будучи много разъ обманута легкомысліемъ и завистливостью нѣкоторыхъ знатныхъ дамъ, которыхъ она удостоивала своего довѣрія, принимала въ свой тѣсный кругъ только г-жу

---

[1]) „Здѣсь пала Земира, и опечаленныя Граціи должны набросать цвѣтовъ на ея могилу. Какъ Томъ, ея предокъ, какъ Леди, ея мать, она была постоянна въ своихъ склонностяхъ, легка на бѣгу и имѣла одинъ только недостатокъ—была немножко сердита но сердце у нея было доброе. Когда любишь, всего опасаешься, а Земира такъ любила ту которую весь свѣтъ любитъ, какъ она. Можно ли быть спокойнымъ при соревнованіи такого множества народовъ? Боги, свидѣтели ея нѣжности, должны были бы наградить ее за вѣрность безсмертіемъ, чтобы она могла находиться неотлучно при своей повелительницѣ".

[2]) Надпись эта и теперь еще видна, хотя неявственно, на каменной плитѣ за пирамидальнымъ мавзолеемъ.

[3]) Протасова, Анна Степановна, камеръ-фрейлина, получила графское достоинство въ 1801 году, Сентября 17, ум. 12 Апрѣля 1826 года.

[4]) Ермоловъ, Александръ Петровичъ, впослѣдствіи генералъ-поручикъ, родился 1754 г., былъ въ случаѣ съ начала 1785 года, а въ Іюнѣ 1786 года поѣхалъ за границу

Библиотека "Руниверс"

Протасову, которой былъ порученъ надзоръ за фрейлинами. Кромѣ нея, она изрѣдка допускала къ себѣ одну изъ племянницъ Потемкина, графиню Скавронскую [1]).

Императрица ѣхала безъ всякаго конвоя, она напоминала стихъ Вольтера про Лая:

> Comme il était sans crainte, il marchait sans défense
> (Безстрашный, онъ шелъ безъ охраны).

Мы трогались съ мѣста по утрамъ, въ восемь часовъ. Около второго часу останавливались для обѣда въ городахъ или селахъ, гдѣ все уже было приготовлено такъ, чтобы Императрица нашла тѣже удобства, что̀ въ Петербургѣ. Мы всегда обѣдали съ Государыней. Въ восемь часовъ пополудни мы останавливались, и вечеръ Императрица, по обыкновенію, проводила въ игрѣ и разговорахъ. Каждое утро, поработавъ съ часъ, Екатерина, передъ отъѣздомъ, принимала являвшихся къ ней чиновниковъ, помѣщиковъ и купцовъ того мѣста, гдѣ останавливалась; она допускала ихъ къ рукѣ своей, а женщинъ цѣловала и послѣ этого должна была уходить въ туалетную, потому что, по общему обыкновенію въ Россіи, всѣ женщины, даже мѣщанки и крестьянки, румянились, и по окончаніи такого пріема все лицо Государыни было покрыто бѣлилами и румянами. Въ каждомъ городѣ Императрица, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, считала первымъ долгомъ отправиться въ мѣстную церковь и помолиться; иначе остудилась бы любовь къ ней народа не только вѣрующаго и богомольнаго, но и суевѣрнаго до такой степени, что св. Николай чтится у него какъ бы Самъ Богъ. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Императрица останавливалась, устраивалась охрана.

Черезъ четыре или пять дней мы доѣхали по дорогѣ, незамѣтно отлогой, до Вышняго-Волочка, самаго возвышеннаго мѣста на огромномъ пространствѣ между Сѣвернымъ и Чернымъ морями, не пересѣкаемомъ поперечными горами. Здѣсь, на этомъ высокомъ мѣстѣ, мы видѣли знаменитыя шлюзы, которыя сдерживаютъ теченіе нѣсколькихъ рѣкъ и передаютъ воду въ каналы Тверцы и Мсты для сообщенія съ Каспіемъ по Волгѣ и для сплава къ Петербургу произведеній Юга; этотъ судоходный путь поддерживаетъ и обогащаетъ цѣлыя огромныя области. Работы, предпринятыя для устройства этихъ шлюзъ, могутъ сдѣлать честь самому искусному инженеру. Между тѣмъ они были сооображены и исполнены въ царствованіе Петра I простымъ крестьяниномъ Сердюковымъ [2]), который никогда не путешествовалъ и ничему

---

[1]) Урожденную Энгельгардтъ, мать которой была родная сестра кн. Потемкина.

[2]) Михайло Ивановичъ Сердюковъ (ум. 1748 г.), родомъ Мунгалъ, былъ Новгородскимъ купцомъ, когда принялъ на себя поставку матеріаловъ для Ладожскаго канала.

Библиотека "Руниверс"

не учился; онъ едва умѣлъ читать и писать. Умъ большей частью дается воспитаніемъ, но геній бываетъ врожденнымъ. Преемники Петра Великаго не радѣли объ усовершенствованіи этого великаго и полезнаго дѣла, но Императрица дѣятельно о немъ позаботилась. Она велѣла замѣнить деревянныя постройки каменными, провести къ каналу нѣсколько новыхъ притоковъ и предположила прорыть еще два канала, одинъ—для соединенія Каспійскаго моря съ Чернымъ, и другой для соединенія Чернаго съ Балтійскимъ черезъ Днѣпръ и Двину.

На пути нашемъ мы вездѣ видѣли осушенныя болота, строящіяся селенія, города, вновь основанные или обновленные. Повсюду народъ, какъ будто торжествуя свои побѣды надъ природою, добываемыя безъ крови и слезъ, усердно выражалъ своей повелительницѣ чувства искренной преданности. Толпы крестьянъ падали предъ нею на колѣни, вопреки ея запрещенію, потомъ поспѣшно вставали, подходили къ ней и, называя ее *матушкою*, радушно говорили съ нею. Чувство страха въ нихъ исчезло, и они видѣли въ ней свою покровительницу и защитницу.

Послѣ небольшаго роздыха мы предполагали проѣхать по берегу Мсты, чтобы миновать пороги, затрудняющіе плаваніе по этой рѣкѣ до самыхъ Боровичей, гдѣ мы должны были сѣсть на суда. Но Екатерина подготовила намъ неожиданную перемѣну: не предупредивъ никого и не давъ никакихъ предварительныхъ приказаній, она измѣнила путь нашъ и поѣхала на Москву. Тамошній губернаторъ узналъ объ этомъ только за нѣсколько часовъ до нашего прибытія.

Видъ этого огромнаго города, обширная равнина, на которой онъ расположенъ, и его огромные размѣры, тысячи золоченыхъ церковныхъ главъ, пестрота колоколенъ, ослѣпляющихъ взоръ отблескомъ солнечныхъ лучей, это смѣшеніе избъ, богатыхъ купеческихъ домовъ и великолѣпныхъ палатъ, гдѣ жило много гордыхъ баръ, это кишащее населеніе, представлявшее собою самые противуположные нравы, различные вѣка, варварство и образованіе, Европейскія общества и Азіатскіе базары, все это поразило насъ своею необычайностью. Впрочемъ въ эту первую мою поѣздку въ Москву я успѣлъ только вскользь осмотрѣть ее: мы пробыли въ ней только три дня. Екатерина показала намъ свои дворцы въ Петровскомъ, Коломенскомъ и Царицынѣ, городскіе сады и чудный водопроводъ, устроенный по ея распоряженію. Послѣ этого мы снова отправились до Боровичей черезъ Тверь, Торжокъ и Вышній-Волочекъ. Императрица, желая ознаменовать свое краткое пребываніе

и Вышневолоцкихъ шлюзъ, и надзиралъ за устройствомъ этихъ шлюзъ. Петръ зналъ и

Библиотека "Руниверс"

въ Москвѣ благодѣяніемъ, увеличила городской доходъ на 50 т. франковъ и дала еще значительную сумму для учрежденія больницы въ зданіи, гдѣ прежде, при Аннѣ и Елисаветѣ, помѣщалась кровавая тайная канцелярія. Въ Твери она также оставила память по себѣ своими пожертвованіями. Тверь очень красивый городъ. При взглядѣ на толпу горожанокъ и крестьянокъ въ ихъ кичкахъ съ бусами, въ ихъ длинныхъ, бѣлыхъ фатахъ, обшитыхъ галунами, богатыхъ поясахъ, золотыхъ кольцахъ и серьгахъ, можно было вообразить себѣ, что находишься на какомъ-нибудь древнемъ Азіатскомъ празднествѣ.

Въ Боровичахъ мы пересѣли на красивыя галеры; особенно великолѣпна была галера Императрицы. Въ той, гдѣ помѣстили Кобенцеля, Фитцъ-Герберта и меня, были три изящно убранныя комнаты и хоръ музыкантовъ, будившихъ и усыплявшихъ насъ тихой музыкой.

Еще до этого плаванія, когда мы ѣхали берегомъ въ каретахъ, князь Потемкинъ и я вздумали изъ любопытства, не спрашивая позволенія Императрицы, проѣхать и спуститься черезъ пороги на маленькой лодкѣ. Говорили, что проѣздъ опасенъ, что здѣсь пошло ко дну нѣсколько судовъ. Императрицѣ понравилась эта шалость, хотя она и пожурила насъ за наше неблагоразуміе.

При въѣздѣ на Ильменское озеро, которымъ проѣхали мы къ Новгороду, мы насладились зрѣлищемъ совершенно новымъ для насъ: все озеро, подобное тихому, свѣтлому морю, было покрыто множествомъ шлюбокъ, всѣхъ величинъ, разукрашенныхъ пестрыми парусами и цвѣтами. Рыбаки, крестьяне и крестьянки, находившіеся на нихъ, наперерывъ старались приближаться къ нашимъ великолѣпнымъ судамъ. Вокругъ насъ раздавались звуки музыки, оживленные клики и подъ вечеръ мелодичное, простое и заунывное пѣніе.

Во время этого недолгаго плаванія, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, я рѣшился на попытку, которая не осталась безъ послѣдствій и осуществила мою доселѣ слабую надежду заключить съ Россіею выгодный торговый договоръ, послѣ столькихъ тщетныхъ попытокъ къ тому съ нашей стороны, въ продолженіи сорока лѣтъ. Однажды, сойдя съ галеры, на которой мы обѣдали съ Государыней на этотъ разъ, противъ обыкновенія своего, задумчивой и молчаливой, я пошелъ съ Потемкинымъ, тоже что-то неразговорчивымъ, на его галеру. Послѣ небольшого, безсвязнаго разговора, въ продолженіе котораго онъ обнаруживалъ какое-то внутреннее безпокойство, хмурилъ брови и говорилъ сухо и отрывисто, я сказалъ ему: «Любезный князь, вы нынче вовсе не такъ любезны, какъ обыкновенно; вы задумчивы, разсѣяны; мнѣ кажется, будто вы на меня сердитесь. Нельзя ли мнѣ узнать причину этой перемѣны, которую я также замѣтилъ въ холодномъ обра-

Библиотека "Руниверс"

щеніи Императрицы? Не кроется ли тутъ какая нибудь придворная сплетня?» «Да, отвѣчалъ Потемкинъ, Императрица сегодня не въ духѣ, и я также; но поводомъ къ тому ни вы, ни ваше правительство, а Англійскіе министры: они дѣйствуютъ наперекоръ нашимъ дружественнымъ увѣреніямъ и разстраиваютъ всѣ наши намѣренія. Я уже давно говорилъ Императрицѣ, да она мнѣ не вѣрила, что Питтъ не любитъ ея. Онъ всячески старается возбудить противъ нея вражду въ Германіи, Польшѣ и Турціи. Прусскій король, всегда подозрительный, не можетъ намъ простить, что мы промѣняли его ненадежную дружбу на полезный союзъ съ Іосифомъ II; онъ тревожится, хлопочетъ и вмѣстѣ съ другими курфюрстами составляетъ довольно опасный союзъ противъ Австріи. Онъ такимъ образомъ готовитъ новую войну въ центрѣ Европы, тогда какъ мы находимъ выгоднымъ поддерживать тамъ миръ. Мы поступали заодно съ императоромъ и потому неслишкомъ безпокоились о козняхъ Пруссіи. Но теперь мы узнали изъ достовѣрнаго источника, что Англійскій король, на котораго Императрица и императоръ полагались, безъ всякаго повода начинаетъ дѣйствовать во вредъ намъ и, въ качествѣ курфюрста Ганноверскаго, приступаетъ къ политической системѣ Фридриха и къ его союзу. Эта перемѣна разстроиваетъ всѣ наши предположенія. Все это продѣлки Англичанъ. Меня это ужасно сердитъ, и я не знаю, что̀ бы далъ, лишь бы отомстить имъ».

Негодованіе князя обнаружило мнѣ его задушевную мысль, и я, пользуясь этимъ случаемъ, сказалъ ему: «Если вы хотите отплатить имъ, то можете сдѣлать это скоро и легко, и притомъ вы въ правѣ это сдѣлать: лишите ихъ исключительныхъ преимуществъ въ торговлѣ, которыми они пользуются въ Россіи на зло другимъ народамъ и во вредъ вамъ самимъ». «Я васъ понимаю, возразилъ онъ тотчасъ, оживляясь и улыбаясь; но слушайте, я буду говорить съ вами, какъ съ другомъ. Дворъ вашъ давно ужь желаетъ заключить торговый договоръ съ нами; теперь пр́испѣло время, пользуйтесь имъ; вы увидите, что Императрица уже оставила прежнія свои предубѣжденія противъ Франціи; она теперь недовольна Англичанами. Не пропускайте такого благопріятнаго случая; предложите ей рѣшительно условія договора и союза, и я даю вамъ слово, что буду помогать, чѣмъ могу.» «Я охотно послѣдую вашимъ совѣтамъ, сказалъ я на это, но между нашими дворами давно уже водворилась такая холодность, что меня еще не уполномочили офиціально къ подобной попыткѣ, и хотя успѣхъ въ этомъ дѣлѣ обрадовалъ бы нашъ дворъ, но успѣхъ этотъ не вѣренъ, а потому я и не рѣшусь дѣйствовать наобумъ; я боюсь оскорбить достоинство короля такимъ смѣлымъ предложеніемъ отъ его имени».

Библиотека "Руниверс"

Князь помолчалъ нѣсколько минутъ и потомъ сказалъ: «Ваши опасенія неосновательны. Впрочемъ, вы уже до того осторожны, то послушаетесь моего совѣта. Мы съ вами не разъ толковали о торговлѣ; теперь предположите, что у меня память слаба, напишите мнѣ то, что вы мнѣ часто изъясняли, какъ личное ваше мнѣніе; только изложите ваши мысли въ видѣ довѣрительной записки; можете даже не подписывать своего имени. Такимъ образомъ вы ничѣмъ не рискуете. Вы можете бытв увѣрены въ моей скромности и въ томъ, что прочіе министры узнаютъ объ этомъ уже тогда, когда вы получите удовлетворительный отвѣтъ, на основаніи котораго вамъ можно будетъ безъ затрудненія представить записку гласнымъ порядкомъ, въ обычной формѣ. Такимъ образомъ вы можете получить отвѣтъ, не дѣлая еще предложенія. Но, повторяю вамъ: куйте желѣзо, пока оно горячо; принимайтесь за дѣло скорѣе; мнѣ бы хотѣлось, чтобы оно уже было сдѣлано».

На это я ничего не возражалъ и поспѣшилъ на свою галеру, убѣжденный, что надо скорѣе пользоваться этимъ дружелюбнымъ расположеніемъ князя, потому что оно, вѣроятно, порождено гнѣвомъ и можетъ скоро охладиться. Я вхожу въ свою комнату, ищу чернильницы, но она была заперта въ комодѣ, а ключъ отъ него мой камердинеръ унесъ и отправился кататься на шлюпкѣ. Раздосадованный, вошелъ я въ комнату Фитцъ-Герберта и, кажется, нашелъ его играющимъ въ кости съ Кобенцелемъ. Я объявилъ имъ, что хотѣлъ бы воспользоваться тѣмъ временемъ, покуда суда наши на якорѣ, и написать нѣсколько писемъ, но что слуга мой ушелъ, и я не могу достать ни пера, ни бумаги. Тогда Фитцъ-Гербертъ одолжилъ мнѣ все, что мнѣ было нужно, и я отправился къ себѣ. Не знаю для чего, нѣкоторыя лица, которымъ позднѣе я разсказывалъ подробности моего путешествія, впослѣдствіи напечатали о томъ въ видѣ анекдота, приписывая шалости то, что было дѣломъ случая. Мнѣ было весьма досадно, если бы распространеніе этого анекдота могло не понравиться Фитцъ-Герберту, котораго я всегда уважалъ за умъ и дарованія, платилъ за его расположеніе дружбою и сохраню ее во всю мою жизнь. Дѣло въ томъ, что легкомысленнымъ людямъ показалось забавнымъ разсказать, что я подписалъ торговый договоръ перомъ Англійскаго посла, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ я написалъ имъ только простую записку.

Нижеслѣдующую ноту я написалъ въ теченіе двухъ часовъ и отнесъ къ Потемкину. Считаю нужнымъ привести здѣсь эту невзначай-бумагу, потому что, по счастливому случаю, она имѣла такое важное вліяніе на успѣшный ходъ моихъ дѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

Довѣрительная записка.

Если когда либо двѣ державы должны были заключить торговый договоръ, такъ это Россія и Франція: этого требуютъ ихъ положеніе, ихъ произведенія, ихъ взаимная польза. Онѣ слишкомъ отдалены, чтобы вредить одна другой и чтобы между ними могъ возникнуть поводъ къ войнѣ или враждѣ. По числу жителей и богатству, онѣ могли бы властвовать въ Европѣ, если бы ихъ политическіе виды были сходны. Между тѣмъ какъ огромныя страны, ихъ раздѣляющія, отдаляютъ отъ нихъ причины къ несогласіямъ, моря Средиземное, Черное и Балтійское, наконецъ океанъ открываютъ имъ поприще для сбыта ихъ произведеній. Было бы слишкомъ долго исчислять причины, по которымъ торговля между этими странами была всегда такъ слаба и шла по ложному направленію вмѣсто того, чтобы идти по естественному пути, указанному положеніемъ этихъ странъ и ихъ взаимными выгодами. Французы принуждены были получать товары отъ Русскихъ и посылать имъ свои чрезъ посредство болѣе счастливыхъ Англичанъ, которые пользовались двойными выгодами на счетъ обоихъ народовъ и все болѣе и болѣе утверждали свои преимущества, такъ что стали неизбѣжными покупателями. Они должны были сдѣлаться почти единственными дѣятелями, потому что неравенство въ платежѣ пошлинъ и разныя преимущества необходимо устраняли всякое соревнованіе. Нынѣ царствующая Императрица, правленіе которой достопамятно столькими улучшеніями и уничтоженіемъ вредныхъ предразсудковъ, кажется, намѣрена оживить торговлю возбужденіемъ соревнованія и уничтоженіемъ исключительныхъ преимуществъ и признаетъ свободу и равенство основою успѣха въ торговлѣ. Мнѣнія короля Французскаго совершенно согласны съ мыслями ея величества. Онъ полагаетъ, что теперь время устранить препятствія, мѣшавшія заключенію торговаго договора. Это тѣмъ нужнѣе для обоихъ государствъ, что Императрица имѣетъ нынѣ порты на Черномъ морѣ. Мы находимся въ самомъ выгодномъ положеніи для того, чтобы открыть мѣста сбыта для южныхъ областей имперіи, отправляющихъ свои произведенія по дальнему, трудному пути къ Балтійскому морю. Французскіе порты на океанѣ, по положенію своему, могутъ быть въ сношеніяхъ съ Ригою, Архангельскомъ и Петербургомъ. Съ другой стороны, между нашими портами на Средиземномъ морѣ и Херсономъ могутъ возникнуть дѣятельныя сношенія. Россія всегда будетъ потреблять въ большомъ количествѣ Французскія вина, сахаръ и кофе нашихъ колоній. Франція, нуждаясь въ разныхъ предметахъ, необходимыхъ для содержанія флота, всегда охотнѣе будетъ покупать ихъ въ Россіи, нежели въ Америкѣ. Она потребуетъ также много пеньки (хотя имѣетъ свою). Солонину она также лучше добудетъ изъ южнорусскихъ областей, нежели изъ Ирландіи. Кожами, саломъ, воскомъ, селитрой природа надѣлила Украйну и другія южныя области. Огромная имперія изобилуетъ тысячами иныхъ произведеній, и было бы долго исчислять всѣ предметы, могущіе увеличить собою количество вывоза и доходы Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ доставлять пользу Франціи, которой выгоднѣе торговать непо-

Библиотека "Руниверс"

средственно съ Россіею, чѣмъ платить другимъ народамъ великія суммы за Русскіе товары. Такая взаимная мѣна такъ нужна Франціи и Россіи, что порты ихъ немедленно наполнятся купеческими судами обѣихъ странъ, лишь только будутъ устранены препятствія, удерживающія благоразумныхъ капиталистовъ отъ торга, въ которомъ они должны опасаться соперниковъ, пользующихся преимуществами. Однако уничтоженіе оныхъ и открытіе всеобщаго соревнованія еще недостаточны для купцовъ, если между обоими народами не будетъ заключенъ договоръ для оживленія торговли. Будетъ ли договоръ заключенъ для удовлетворенія существенныхъ потребностей, или только для удовлетворенія желаній купцовъ, во всякомъ случаѣ онъ дастъ имъ покровительство правительства. Только этимъ путемъ можно внушить имъ довѣріе, побуждающее къ обширнымъ торговымъ предпріятіямъ. Пока не предпримутъ такихъ поощрительныхъ мѣръ въ пользу нашихъ купцовъ, они будутъ обращать свою дѣятельность на торгъ съ нашими колоніями, съ Индіею, съ Малою Азіею и съ тѣми государствами, съ которыми мы заключили договоры. Русскіе товары они получаютъ изъ третьихъ рукъ: отъ этого возвышается ихъ цѣна, и уменьшается сбытъ ко вреду нашей и Русской торговли. Нѣсколько Французскихъ купцовъ, безъ денегъ и безъ кредита, водворяются въ Петербургѣ, но не только не скрѣпляютъ торговыхъ сношеній обѣихъ державъ, а напротивъ ослабляютъ ихъ своими неудачами и неосторожными поступками. Но лишь только торговымъ договоромъ возникнетъ соперничество и равенство правъ, сюда пріѣдутъ купцы, достойные довѣрія, образуются торговыя общества, и взаимныя выгоды возрастутъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ требованій. Теперь, когда, повидимому, и Петербургскій, и Версальскій кабинеты сознали эти истины, нужно, кажется, сдѣлать объ этомъ болѣе рѣшительное предложеніе Русскому правительству, и должно надѣяться, что такая полезная сдѣлка не встрѣтитъ препятствій, и что оба кабинета, для ускоренія дѣла, сообщатъ другъ другу свои мнѣнія объ этомъ важномъ предметѣ. Чтобы такой договоръ между Франціей и Россіей былъ проченъ, нужно основать его на равенствѣ правъ. Вслѣдствіе этого, Русскіе во Франціи должны пользоваться всѣми возможными преимуществами, какія имѣютъ другіе народы; они будутъ судимы въ тѣхъ же судахъ, ихъ товары будутъ обложены тѣми же пошлинами, и выплачивать ихъ они станутъ тою же монетою, какъ нація, пользующаяся во Франціи самыми большими выгодами. Таковы въ общихъ чертахъ предположенія, которыя мнѣ дозволено высказать, если къ тому представится удобный случай".

Намѣренія Потемкина не измѣнились по прочтеніи этой бумаги. Онъ расхвалилъ ее и не хотѣлъ мнѣ ее возратить, какъ я его ни просилъ. «Я возьму это, сказалъ онъ съ усмѣшкою, покажу только Императрицѣ и обѣщаю послѣ того тотчасъ же возвратить ее вамъ.»

Въ самомъ дѣлѣ, на другой день, лишь только онъ увидѣлъ меня, тотчасъ отдалъ мнѣ мое писаніе и сказалъ: «Мнѣ поручено передать вамъ отвѣтъ, вѣроятно, пріятный для васъ; Государыня сама скоро

Библиотека "Руниверс"

подтвердитъ его. Она приказала сказать вамъ, что съ удовольствіемъ прочитала вашу записку и находитъ ваши замѣчанія справедливыми; ей нравится ваша довѣрчивость, она даже расположена къ заключенію желаемаго вами договора и, когда пріѣдетъ въ Петербургъ, дастъ министрамъ своимъ нужныя приказанія, послѣ чего вамъ уже можно будетъ дѣйствовать открыто, безъ всякихъ опасеній; она даетъ вамъ обѣщаніе, что предложенія ваши будутъ приняты». Князь передалъ мнѣ совершеную правду. Когда мнѣ случилось быть у Императрицы, она отвела меня въ сторону и сказала: «Вы уже знаете мой отвѣтъ. Увѣренія въ дружбѣ, которыя я недавно получила отъ вашего короля, побуждаютъ меня охотно заключить договоръ, который насъ сблизитъ еще болѣе. Ваше довѣріе мнѣ понравилось; мнѣ весьма пріятно видѣть васъ при себѣ, и я бы желала, чтобы переговоры объ этомъ дѣлѣ, важномъ для обоихъ государствъ, были бы ведены и окончены вами.» Можно себѣ представить, какъ я былъ радъ, что смѣлая попытка моя кончилась такъ удачно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того мы проѣхали Ладожскій каналъ и прибыли въ Петербургъ 28 Іюня. Такимъ образомъ въ теченіе мѣсяца совершили мы самую занимательную и пріятную поѣздку.

Я получилъ письмо отъ Верженя, который предписывалъ мнѣ воспользоваться расположеніемъ ко мнѣ графа Гёрца, чтобы успокоить его кабинетъ и доказать ему, что союзъ курфюрстовъ и старанія Прусскаго короля усилить этотъ союзъ послужатъ только къ укрѣпленію связи между Австріей и Россіей.

Въ это время я часто бывалъ у Императрицы въ Царскомъ Селѣ. Она съ жаромъ передавала мнѣ ложные слухи, распускаемые въ Европѣ объ ея честолюбіи, эпиграммы, на нее направленныя, и забавные толки объ упадкѣ ея финансовъ и разстройствѣ ея здоровья. «Я не обвиняю вашъ дворъ, говорила она, въ распространеніи этихъ бредней; ихъ выдумываетъ Прусскій король изъ ненависти ко мнѣ, но вы иногда вѣрите имъ. Ваши соотечественники, не смотря на мое расположеніе къ миру, вѣчно приписываютъ мнѣ честолюбивые замыслы, между тѣмъ какъ я рѣшительно отказалась отъ всякихъ завоеваній и имѣю на это важныя причины. Я желаю одного мира и возмусь за оружіе въ томъ только случаѣ, если меня къ тому принудятъ. Одни неугомонные Турки да Пруссаки опасны для спокойствія Европы; а между тѣмъ мнѣ не довѣряютъ, а имъ помогаютъ.» Въ отвѣтахъ моихъ было болѣе вѣжливости, нежели убѣжденія; потому что хотя Потемкинъ говорилъ мнѣ точно тоже, я замѣчалъ, что онъ только на время отложилъ свои честолюбивыя намѣренія, но еще не отказался отъ нихъ.

Библиотека "Руниверс"

Разъ какъ-то, разсказывая о грабежахъ Кубанскихъ Татаръ и жестокостяхъ визиря, онъ сказалъ мнѣ: «Согласитесь, что Турки—бичъ человѣчества. Если бы три или четыре сильныя державы соединились, то было бы весьма легко отбросить этихъ варваровъ въ Азію и освободить отъ этой язвы Египетъ, Архипелагъ, Грецію и всю Европу. Не правда ли, что такой подвигъ былъ бы и справедливымъ, и богоугоднымъ, и нравственнымъ, и геройскимъ подвигомъ? Къ тому же, присовокупилъ онъ съ усмѣшкой, если бы вы согласились способствовать этому дѣлу, и если бы на долю Франціи досталась Кандія или Египетъ то вы были бы достойно награждены».

Я возразилъ, что такая приманка на меня не дѣйствуетъ. И въ самомъ дѣлѣ, неловкій намекъ этотъ мнѣ не понравился и придалъ мнѣ въ эту минуту твердости, чтобы исполнить долгъ, несогласный ни съ моими чувствованіями, ни съ моимъ личнымъ убѣжденіемъ. Дѣйствительно, я никогда не постигалъ и теперь еще ни понимаю этой странной и безнравственной политической системы, вслѣдствіе которой упрямо поддерживаютъ варваровъ, разбойниковъ, изувѣровъ, опустошающихъ и обливающихъ кровью обширныя страны въ Азіи и Европѣ. Можно ли повѣрить, что всѣ государи христіанскихъ державъ помогаютъ, посылаютъ подарки и даже оказываютъ почести правительству невѣжественному, безсмысленному, высокомѣрному, которое презираетъ насъ, нашу вѣру, наши законы, наши нравы и нашихъ государей, унижаетъ и поноситъ насъ, называя христіанъ собаками? Но въ качествѣ посланника я долженъ былъ слѣдовать даннымъ мнѣ инструкціямъ и дѣйствовать сообразно съ ними. Дѣлая видъ, что принимаю слова князя за шутку, несогласимую съ его постояннымъ расположеніемъ къ миру, я сказалъ ему: «Любезный князь, вы, безъ сомнѣнія, увлеклись, и потому не буду вамъ отвѣчать тѣмъ же. Вы, человѣкъ разсудительный, безъ сомнѣнія, поймете, что нельзя разрушить такое государство, какъ Турція, не раздѣливъ ея на части, а въ такомъ случаѣ нарушатся всѣ торговыя связи, все политическое равновѣсіе Европы. Раздоры замѣнятъ согласіе, такъ медленно водворенное послѣ долгихъ, жестокихъ войнъ, которыя возникли и длились вслѣдствіе яростныхъ споровъ за вѣру, обременительнаго владычества Карла V ни его вторженія въ Италію, соперничества Франціи и Англіи, завоеваній Людовика XIV и безпрестанныхъ честолюбивыхъ замысловъ Австрійскаго дома на счетъ Германіи. Окончить полюбовно этотъ раздѣлъ также невозможно, какъ найти философскій камень. Одного Константинополя довольно, чтобы разъединить державы, которыя вы хотите заставить дѣйствовать за одно. Повѣрьте мнѣ, что главнѣйшій союзникъ вашъ, императоръ Австрійскій, никогда не допуститъ васъ овладѣть

Библиотека "Руниверс"

Турціей. Мнѣ кажется, онъ даже какъ-то сказалъ, что *хотя онъ и не забудетъ страха, какой навели на Вѣну Турецкія чалмы, но онъ сталъ бы еще болѣе опасаться, если бы имѣлъ въ сосѣдствѣ войска въ киверахъ и шляпахъ*». «Вы правы, воскликнулъ поневолѣ князь, но мы всѣ въ этомъ виноваты. Мы всегда дѣйствуемъ слишкомъ дружно для дурныхъ цѣлей и никогда для пользы человѣчества».

Не передавая всѣхъ этихъ подробностей своему правительству, я написалъ однако Верженю о моихъ разговорахъ по этому поводу съ Потемкинымъ и другими министрами. Онъ вполнѣ одобрилъ меня въ томъ, что я успѣлъ показать Русскимъ столько препятствій къ разрушенію Турецкой имперіи и разсѣять подозрѣнія Екатерины, полагавшей, что мы только и думаемъ, какъ бы возбудить смуты въ ея имперіи и умножить число ея враговъ.

Императрица день ото дня все чаще доставляла мнѣ случай видѣть ее: я встрѣтилъ ее на дачѣ у оберъ-мундшенка и у оберъ-шталмейстера. Она предложила мнѣ сопутствовать ей въ поѣздкѣ, которую намѣрена была сдѣлать для осмотра оружейнаго завода въ Систербекѣ. Во время этой прогулки, я помню, она много шутила по поводу толковъ о чрезвычайныхъ издержкахъ нашего двора и о безпорядкахъ въ отчетности этихъ расходовъ. Мнѣ хотѣлось представить какія нибудь оправданія на этотъ счетъ, хотя это и было довольно затруднительно. Не столько защищаясь, сколько возражая, я сказалъ: «Такова уже участь великихъ монарховъ, занятыхъ болѣе государственными, нежели своими дѣлами и не вынуждаемыхъ подражать Карлу Великому, который, на диво всѣмъ, самъ считалъ произведенія своихъ полей, хлѣбъ, сѣно, даже огородныя овощи и яица. Но за то, ограниченный одними лишь доходами со своихъ владѣній, онъ не могъ покрывать своихъ расходовъ податями, тогда еще неизвѣстными и во Франціи. Правда, государей нашихъ обманываютъ; но позвольте мнѣ сказать вамъ, что, судя по слухамъ, и васъ, Государыня, не рѣдко обкрадываютъ. Это и неудивительно, потому что ваше величество не можете же сами заглядывать въ кухню и конюшню и заниматься хозяйственными мелочами».

«Вы отчасти правы, отчасти нѣтъ, любезный графъ, возразила она; что меня обкрадываютъ, какъ и другихъ, съ этимъ я согласна. Я въ этомъ увѣрилась сама, собственными глазами, потому что разъ утромъ рано видѣла изъ моего окна, какъ потихоньку выносили изъ ворца огромныя корзины и, разумѣется, не пустыя. Помню также, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проѣзжая по берегамъ Волги, я распрашивала побережныхъ жителей про ихъ жизнь. Большею частью они питались рыболовствомъ. Они говорили мнѣ, что могли бы довольствоваться плодами трудовъ своихъ и въ особенности ловлею стерлядей,

Библиотека "Руниверс"

если бы у нихъ не отымали части улова, принуждая ихъ ежегодно доставлять для моей конюшни значительное число стерлядей, которыя стоятъ хорошихъ денегъ. Эта тяжелая дань обходилась имъ въ 2000 рублей каждогодно. Хорошо вы сдѣлали, что сказали мнѣ объ этомъ, отвѣчала я смѣясь; я не знала, что мои лошади ѣдятъ стерлядей. Эта странная повинность была уничтожена. Однако я постараюсь доказать вамъ, что есть разница между кажущимся безпорядкомъ, который вы замѣчаете здѣсь, и безпорядкомъ дѣйствительнымъ и несравненно опаснѣйшимъ, господствующимъ у васъ. Французскій король никогда не знаетъ въ точности, сколько онъ издерживаетъ; у него ничто не распредѣлено и не назначено впередъ. Я, напротивъ того, дѣлаю вотъ что: ежегодно опредѣляю извѣстную, всегда одинаковую, сумму на расходы для моего стола, меблировки, театровъ, конюшни, однимъ словомъ для содержанія всего дома; я приказываю, чтобы за столомъ въ моихъ дворцахъ подавали такія-то вина, столько-то блюдъ. Тоже самое дѣлается и по другимъ частямъ хозяйства. Когда мнѣ доставляютъ все въ точности, въ требуемомъ количествѣ и качествѣ, и если никто не жалуется на недостатокъ, то я довольна, и мнѣ совершенно все равно, если изъ отпускаемой суммы сколько-нибудь украдутъ. Для меня важно то, чтобы эта сумма не была превышаема. Такимъ образомъ я всегда знаю что̀ издерживаю. Это такое преимущество, которымъ пользуются немногіе государи и даже немногіе богачи изъ частныхъ лицъ».

Въ другой разъ, когда она хотѣла знать, что̀ меня всего болѣе удивило съ тѣхъ поръ, какъ я находился при ея дворѣ, я, пользуясь добрымъ расположеніемъ ея ко мнѣ, осмѣлился сказать: «Меня всего болѣе удивляетъ ненарушимое спокойствіе, которымъ ваше величество пользуетесь на тронѣ, издавна обуреваемомъ грозами. Трудно постигнуть, какимъ способомъ, какими тайными средствами, прибывъ изъ чужихъ странъ молодою женщиною, въ страну, столь привычную къ заговорамъ и переворотамъ, вы царствуете такъ спокойно и не бываете принуждены тушить внутреннія смуты, бороться съ домашними врагами и препятствіями.»

«Средства къ тому самыя обыкновенныя, отвѣчала она; я установила себѣ правила и положила какъ мнѣ царствовать; по нимъ я дѣйствую, управляю и никогда не отступаю. Воля моя, разъ выраженная, остается неизмѣнною. Такимъ образомъ все опредѣлено, и каждый день походитъ на вчерашній. Всякій знаетъ на что онъ можетъ разсчитывать и не тревожится по пустому. Если я кому-нибудь назначила мѣсто, онъ можетъ быть увѣренъ, что сохранитъ его, если только не сдѣлается преступникомъ. Такимъ путемъ я устраняю всякій поводъ къ безпокойствамъ, доносамъ, раздорамъ и совмѣстничеству.

Библиотека "Руниверс"

За то вы у меня и не замѣтите происковъ. Пронырливый человѣкъ старается столкнуть должностное лицо, чтобы самому замѣстить его но въ моемъ правленіи такія каверзы безполезны».

«Я согласенъ, Государыня, отвѣчалъ я, что такія благоразумныя правила ведутъ къ хорошимъ послѣдствіямъ. Но позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе: вѣдь и при обширномъ умѣ невозможно иногда не ошибиться въ выборѣ людей. Что̀ вы сдѣлали бы, ваше величество, если бъ, напримѣръ, вдругъ замѣтили, что назначили министромъ человѣка неспособнаго къ управленію и недостойнаго вашего довѣрія?»

«Такъ что же? возразила Императрица; я бы его оставила на мѣстѣ. Вѣдь не онъ былъ бы виноватъ, а я, потому что выбрала его. Но только я поручила бы дѣла̀ одному изъ его подчиненныхъ; а онъ остался бы на своемъ мѣстѣ, при своихъ титулахъ. Вотъ вамъ примѣръ. Однажды, я назначила министромъ человѣка неглупаго, но недостаточно образованнаго и неспособнаго къ управленію довольно значительною отраслью государственныхъ дѣлъ; однимъ словомъ, ни въ какомъ правительствѣ не нашелся бы министръ менѣе даровитый. Что̀ изъ этого вышло? Онъ удержалъ свое мѣсто; но я предоставила ему только незначительныя дѣла̀ по его вѣдомству, а все, что̀ было поважнѣе, поручила одному изъ его подчиненныхъ. Помню, однажды ночью курьеръ привезъ мнѣ извѣстіе о славной Чесменской побѣдѣ и истребленіи Турецкаго флота; мнѣ показалось приличнымъ передать эту новость моему министру прежде, нежели онъ узна̀етъ ее со стороны. Я послала за нимъ въ четыре часа утра; онъ явился. Надо вамъ сказать, что въ это время онъ былъ чрезвычайно занятъ ссорою между своими подчиненными и, по случаю ея, даже забылся и сдѣлалъ несправедливость. Поэтому онъ вообразилъ себѣ, что я собираюсь пожурить его за это. Когда онъ вошелъ ко мнѣ, то, не давъ мнѣ сказать ни слова, началъ меня упрашивать: Умоляю васъ, Государыня, повѣрьте мнѣ; я не виноватъ ни въ чемъ, я въ этомъ дѣлѣ непричастенъ и проч. Я въ этомъ совершенно увѣрена, отвѣчала я съ усмѣшкой; потомъ сообщила ему о блистательномъ успѣхѣ, увѣнчавшемъ предпріятіе, задуманное мною съ Орловымъ отправить флотъ мой изъ Кронштадта, вокругъ Европы, черезъ Средиземное море и уничтожить Турецкій флотъ въ Архипелагѣ».

«Примѣръ этотъ, Государыня, сказалъ я улыбаясь, немногимъ можетъ пригодиться. Мало такихъ государей, которые умѣютъ достаточно владѣть собою, чтобы дѣлать великія дѣла при посредственныхъ и даже плохихъ министрахъ.»

Верженю было извѣстно, что я успѣлъ снискать благосклонность и довѣріе Императрицы. Однакоже, когда онъ получилъ мою депешу

Библиотека "Руниверс"

и узналъ, что, по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ и въ увѣренности получить удовлетворительный отвѣтъ, я намѣреваюсь представить Русскому правительству гласную записку и предложить начать сношенія о торговомъ договорѣ, онъ счелъ мой поступокъ слишкомъ поспѣшнымъ и упрекалъ меня, что я такъ легко убѣдился въ возможности такого неожиданнаго оборота дѣлъ. Ему казалось, что я былъ обольщенъ вниманіемъ Императрицы, которое относилось только къ моему лицу, что я съ излишней самоувѣренностью приступилъ къ дѣлу и сдѣлалъ предложеніе, можетъ быть, во вредъ своему правительству.

Съ другой стороны, еще страннѣе показалось мнѣ, что вице-канцлеръ графъ Остерманъ, отъ котораго Императрица, вѣрная своему слову, скрыла все, что̀ слажено было во время нашей поѣздки, былъ чрезвычайно удивленъ, когда я ему вручилъ свою ноту. Она была извѣстна только Императрицѣ и Потемкину и то лишь, какъ выраженіе моего личнаго мнѣнія. Не приготовленный къ этому, Остерманъ сказалъ мнѣ съ важностью: «Я представлю ваше предложеніе на благоусмотрѣніе Императрицы, потому что могу принять его только для доклада. Признаюсь даже, что это меня нѣсколько удивляетъ; я не былъ приготовленъ къ этому предварительными условіями, какія обыкновенно предлагаются въ такихъ случаяхъ, и потому позвольте замѣтить вамъ: обдумали ли вы хорошенько ваше намѣреніе и увѣрены ли вы въ томъ, что оно теперь будетъ своевременно?» Я сказалъ на это, что предложеніе союза благовиднаго и выгоднаго для обоихъ дворовъ, по моему мнѣнію, вѣроятно, принято будетъ Императрицею съ тѣмъ же чистосердечіемъ, съ какимъ оно сдѣлано королемъ, и что сходство общихъ имъ чувствъ и мнѣній даетъ мнѣ возможность надѣяться на успѣхъ.

Однако министры въ продолженіе цѣлой недѣли не сообщали мнѣ ничего по этому важному дѣлу. Это меня нѣсколько обезпокоило. Я зналъ, что Императрица не медлила въ своихъ соображеніяхъ, планахъ и приказаніяхъ, но что иногда, по неусердію ея исполнителей, дѣла̀ затягиваются до безконечности.

Я ѣздилъ въ Петергофъ, гдѣ давались пышные праздники. Тамъ, на маскарадѣ, графъ Безбородко сказалъ мнѣ на ухо, что ему приказано немедленно вступить въ переговоры со мною. Въ самомъ дѣлѣ, только что возвратился я въ столицу, какъ графъ Остерманъ пригласилъ меня къ себѣ и, поздравивъ меня съ успѣхомъ, сказалъ: «Ея императорское величество приказала мнѣ сказать вамъ, что она съ большимъ удовольствіемъ прочла вашу записку; что, не дожидаясь возвращенія графа Воронцова, отправленнаго для обзора таможень, она послала ее къ нему, чтобы онъ могъ скорѣе приступить къ переговорамъ, и что она искренно желаетъ успѣшнаго окончанія этому дѣлу». Затѣмъ я полу-

Библиотека "Руниверс"

чилъ офиціальный отвѣтъ Русскихъ министровъ на мою записку и изложеніе правилъ, которыми Императрица постоянно руководствуется при заключеніи торговыхъ договоровъ. Сверхъ того мнѣ объявили, что Императрица назначитъ своихъ уполномоченныхъ, когда я съ своей стороны буду уполномоченъ къ этому дѣлу.

Я отослалъ всѣ эти бумаги въ Версаль съ курьеромъ, и они послужили къ моему оправданію. Вержень, получивъ приказанія короля, похвалами своими вознаградилъ меня за нѣсколько строгій выговоръ, полученный мною незадолго предъ тѣмъ. Изъявляя ему свою благодарность, я предупреждалъ его, что хотя Императрица выразила свои намѣренія и увѣрена въ невыгодахъ привилегій и благахъ соревнованія въ торговлѣ, однако министры ея издавна свыклись съ запретительной системой, и потому, вѣроятно, пройдетъ много времени въ толкахъ объ уменьшеніи пошлинъ. Я предвидѣлъ, что особенно графъ Воронцовъ будетъ настойчиво защищать необходимость запрещеній и высокихъ пошлинъ и не убѣдится въ томъ, что они производятъ застой въ промышленности, а только поощряютъ тайный провозъ товаровъ. Къ тому же я былъ увѣренъ, что если намъ сбавятъ пошлины съ нашихъ винъ и предоставятъ право платить пошлины на Русскія деньги, то взамѣнъ этого съ насъ потребуютъ значительнаго уменьшенія съ пошлинъ на Русскіе товары, ввозимые къ намъ.

Стѣснительныя мѣры поддерживались даже наперекоръ желаніямъ Императрицы и Потемкина. Они, въ видахъ пользы для южныхъ областей имперіи, хотѣли сбавить одну четвертую со стоимости пошлинъ, платимыхъ всѣми на таможняхъ и въ портахъ этихъ областей. Даже императоръ Австрійскій, союзникъ Екатерины, принужденъ былъ сдѣлать значительныя уступки, когда заключалъ торговый договоръ съ Россіею. Россія, нуждаясь въ мѣстахъ для сбыта своихъ товаровъ и отыскивая ихъ, всегда наблюдала свои выгоды. Особенно добивалась она значительныхъ преимуществъ для своего торговаго судоходства. Послѣднее было незначительно, потому что, при 25 вооруженныхъ военныхъ корабляхъ, она имѣла не болѣе 50 купеческихъ судовъ. По этому поводу Гаррисъ (впослѣдствіи лордъ Мальмсбёри), замѣтилъ, что Русскій купеческій флотъ—самый сильный въ мірѣ, потому что въ немъ на два торговыхъ корабля приходится во одному военному для обороны.

Мои предположенія оправдались: прошло болѣе девятнадцати мѣсяцевъ, прежде чѣмъ я могъ заключить договоръ и кончить совѣщанія, къ которымъ приступлено было такъ рѣшительно и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Я послалъ также Верженю мои замѣчанія

Библиотека "Руниверс"

на записку, заключавшую въ себѣ основныя правила, установленныя и соблюдаемыя Екатериною II при заключеніи торговыхъ договоровъ.

Мой разсказъ сдѣлался бы слишкомъ обширенъ и сухъ, если бы я вздумалъ помѣстить здѣсь всѣ предположенія и возраженія, которыя я дѣлалъ самъ и получалъ впродолженіе этихъ девятнадцати мѣсяцевъ, или если бы захотѣлъ подробно разсказывать о различныхъ препятствіяхъ, замедлявшихъ это дѣло и едва не прервавшихъ его совершенно. Тѣ изъ моихъ читателей, которые готовятъ себя къ дипломатическому поприщу и которымъ могло бы быть полезно узнать все это дѣло, пусть ищутъ его въ архивахъ; прочимъ же я бы скоро надоѣлъ, если бы занялъ ихъ толками о политическихъ сплетняхъ. Они охотнѣе послѣдуютъ за мною по пути болѣе разнообразному и удобному, быстро переходя отъ одного предмета къ другому, отъ Петербургскихъ праздниковъ къ горамъ Кавказа, отъ сераля Татарскихъ хановъ и береговъ Крыма въ Украинскія степи, отъ разсказовъ о придворныхъ интригахъ къ описаніямъ сраженій Русскихъ съ Турками, со Шведами и Поляками, предпринявшими послѣднюю попытку, чтобы возвратить свою независимость.

Въ это время Императрица была нѣсколько встревожена извѣстіемъ объ уронѣ, который потерпѣло ея Кавказское войско послѣ нѣсколькихъ битвъ съ Чеченцами и Кабардинцами. Полковникъ Пьерри сжегъ нѣсколько ауловъ, былъ окруженъ горцами и погибъ вмѣстѣ со своимъ отрядомъ.

Тогда же сдѣлалось извѣстнымъ, что король Прусскій останавливаетъ торговыя сообщенія города Данцига по каналу между Вислой и Нейссой, учрежденіемъ таможень и фортовъ по этому пути, привлекаетъ такимъ образомъ въ свои владѣнія всю торговлю этого вольнаго города и сверхъ того тревожитъ его жителей разными угрозами и враждебными поступками. Екатерина покровительствовала гражданамъ Данцигскимъ и обѣщала обезпечить ихъ спокойствіе. Она написала Фридриху письмо и просила его не разстроивать ихъ взаимнаго согласія и не нарушать безопасности, которою пользовались жители Данцига и Поляки подъ ихъ общимъ покровительствомъ. Императрица поручила графу Безбородко сообщить мнѣ это, и онъ сказалъ мнѣ, что такая откровенность должна служить доказательствомъ Французскому королю, какъ искренно Императрица желаетъ дѣйствовать сообща съ нимъ для утвержденія мира въ Европѣ. Откровенность Государыни въ этомъ случаѣ убѣдила меня, что, опасаясь безчисленныхъ препятствій къ исполненію своихъ замысловъ, она начинала освобождаться отъ предубѣжденій противъ насъ и была уже расположена содѣйствовать намъ въ утвержденіи мира.

Библиотека "Руниверс"

Знаки довѣрія Государыни ко мнѣ произвели на разныя лица различное дѣйствіе. Министры сдѣлались ко мнѣ внимательнѣе. Графъ Гёрцъ уже не скрывалъ своей враждебности. Великій князь, всегда хорошо расположенный ко мнѣ, даже до пристрастія, пересталъ со мною говорить. Наконецъ, графъ Кобенцель старался тѣснѣе сблизиться со мною, но больше какъ придворный, нежели какъ посланникъ. Черезъ Кобенцеля узналъ я, что слаженный имъ торговый договоръ не приводится къ окончанію за споромъ о первенствѣ въ подписяхъ акта, потому что Императоръ хотѣлъ подписаться первый, а Императрица не хотѣла поставить имя свое послѣ него. Мнѣ сказали, что дѣло это должно было уладиться такимъ образомъ, что въ Вѣнѣ напишутъ актъ на Нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ первымъ подпишется Іосифъ II, а въ Петербургѣ—на Русскомъ, гдѣ поднись Екатерины будетъ выше, а потомъ соединятъ эти двѣ бумаги.

Я былъ предувѣдомленъ, что нѣсколько Французскихъ габаръ*) пристанутъ къ Кронштадту. Онѣ прибыли, и снова начались толки о платежѣ пошлинъ. Въ другое время изъ-за этого вышли бы неудовольствія; но такъ какъ на меня уже смотрѣли другими глазами, то и обѣщали кончить это дѣло полюбовно. Императрица прекрасно приняла нашихъ морскихъ офицеровъ; они веселились въ столицѣ и были приглашены на спектакль въ Царское Село. Между тѣмъ какъ въ Петербургѣ со мною обходились такъ дружелюбно, графъ Шуазель писалъ мнѣ изъ Константинополя, что дѣйствія Русскаго посланника вовсе несогласно со вниманіемъ, которое мнѣ оказывалось, и съ дружелюбными увѣреніями, мнѣ данными. Онъ извѣщалъ меня, что Булгаковъ старается возбудить въ Туркахъ недовѣрчивость къ намъ; что онъ не допускаетъ ихъ согласиться на пропускъ нашихъ судовъ въ Черное море и подстрекаетъ Русскихъ агентовъ въ Архипелагѣ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ насъ. Поэтому, съ одной стороны казалось, что Русское правительство сближалось съ нами и покидало замыслы о завоеваніяхъ, съ другой стороны, въ Константинополѣ и Греціи, подготовляло все для исполненія своихъ намѣреній, на случай разрыва съ Портою, что могло произойти вскорѣ. Однакоже, Потемкинъ, казалось, исключительно занятъ былъ дѣлами торговыми, а не военными. По указу Императрицы, онъ получилъ восемнадцать милліоновъ для скорѣйшаго совершенія предпріятій, начатыхъ имъ въ южномъ краѣ. Иностранцамъ, которые пожелали бы селиться въ тѣхъ мѣстахъ, обѣщана была свобода отъ платежа податей на пять лѣтъ.

Въ это время Прусскій король гласно сообщилъ Екатеринѣ II,

*) Габара—грузное судно.

Библиотека "Руниверс"

что союзъ курфирстовъ окончательно составился съ цѣлью поддерживать и защищать Германскихъ князей отъ честолюбивыхъ намѣреній Іосифа II. Это извѣстіе возбудило неудовольствіе Екатерины и вмѣстѣ съ тѣмъ усилило ея желаніе соединиться съ нами, чтобы нашимъ посредничествомъ предотвратить войну, повидимому, готовую вспыхнуть тогда въ Германіи. Я воспользовался этимъ положеніемъ дѣлъ и повторилъ свои жалобы о томъ, что Русское правительство медлило исполнить свое обѣщаніе и удовлетворить Марсельскихъ купцовъ за убытки, понесенные ими въ послѣднюю войну. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, 6 Сентября 1785 г., графъ Безбородко извѣстилъ меня письмомъ, что это дѣло окончено, и что при первомъ совѣщаніи вицеканцлеръ, по приказанію Государыни, сообщитъ мнѣ судебный приговоръ по этому дѣлу, равно какъ и обо всѣхъ распоряженіяхъ, какія будутъ сдѣланы для исполненія этого приговора. Вознагражденіе было скудное. Купцы наши получили только часть того, что̀ требовали по праву. Но такъ какъ нѣкоторые изъ ихъ исковъ не были подкрѣплены достаточными доказательствами, то они могли считать за счастье, что возвратили хотя долю имущества, которое уже давно считали потеряннымъ.

Въ это время Екатерина, болѣе щедрая на подарки, чѣмъ министры ея въ своихъ платежахъ, блистательнымъ образомъ изъявила свою милость естествоиспытателю Палласу *). Она была такъ добра и великодушна, что вошла въ его домашнія нужды. Палласъ искалъ случая продать свое собраніе произведеній природы, чтобы составить приданое дочери своей. Императрица, узнавъ объ этомъ, велѣла спросить его, во сколько онъ цѣнилъ свои вещи, и онъ назначилъ 15,000 рублей. Когда Императрицѣ сообщили это, она написала ученому академику, что онъ весьма свѣдущъ въ естественныхъ наукахъ, но не умѣетъ накопить приданаго, и прибавила, что беретъ его собраніе за 25,000 рублей, предоставляя ему право пользоваться имъ по смерть.

Конецъ этого года прошелъ безъ особенныхъ происшествій, за исключеніемъ мира между императоромъ и Голландіею, заключеннаго посредствомъ нашего двора. Извѣстіе о подписаніи предварительныхъ бумагъ объ этомъ мирѣ обрадовало Императрицу и ея министровъ, и удовольствіе ихъ, казалось, было искреннее, чего я не ожидалъ прежде. Военныя дѣйствія на Кавказѣ продолжались. Черкесы, въ одномъ жаркомъ дѣлѣ, были разбиты и потеряли до 1000 человѣкъ. Австрійскій посолъ сообщилъ мнѣ свой торговый договоръ, написанный, по взаимному соглашенію, въ двухъ экземплярахъ. Договоромъ этимъ Импера-

*) Академикъ Петръ Симонъ Палласъ, извѣстный ученый и путешественникъ, род. 1741, ум. 1811 г.

Библиотека "Руниверс"

торъ и Императрица уменьшили на ¼ пошлины, взимаемыя на таможняхъ обоихъ государствъ. Съ Кронштадтскихъ доковъ спущены были два корабля: одинъ 100 пушечный, другой 74 пушечный. Я присутствовалъ при этомъ торжествѣ вмѣстѣ съ Императрицею. Благоволеніе ея ко мнѣ до тѣхъ поръ было неизмѣнно.

Но скоро совершенно непредвидѣнный случай подалъ Русскому правительству поводъ къ неудовольствію и сомнѣніямъ на счетъ искренности нашихъ дружелюбныхъ увѣреній. Одинъ Русскій чиновникъ, посланный въ Персію съ подарками шаху, былъ тамъ обиженъ и ограбленъ. Тогдашній шахъ оказывалъ покровительство Кавказскимъ и Дагестанскимъ племенамъ во вредъ Россіи. Другой чиновникъ, болѣе счастливый, былъ милостиво принятъ шахомъ. Съ помощью нѣсколькихъ Англичанъ онъ успѣлъ перехватить переписку Феррьера-Совбёфа, Французскаго агента, будто-бы посланнаго для того, чтобы вооружать Персіянъ противъ Русскихъ. Потемкинъ въ сердцахъ обратился ко мнѣ съ жалобой на этотъ поступокъ, несогласный съ дружественными увѣреніями нашего двора. Мы жарко поспорили. Напрасно старался я доказать ему, что чиновники, не имѣющіе главныхъ дипломатическихъ порученій, обязаны только сообщать свѣдѣнія о положеніи страны, куда они посланы; что они не заслуживаютъ никакого довѣрія, когда выходятъ изъ границъ даннаго имъ порученія съ цѣлію придать себѣ болѣе вѣса и не имѣя на то никакого полномочія. Я сказалъ ему, что у насъ болѣе причинъ жаловаться на безпрестанныя козни и непріязненное поведеніе не только тайныхъ лазутчиковъ, но самихъ Русскихъ консуловъ въ Архипелагѣ. «А, такъ вотъ что! Вы опять почувствовали слабость къ Туркамъ, сказалъ Потемкинъ, голосомъ болѣе ласковымъ; согласитесь, что я не безъ основанія величаю васъ иногда *Сегюръ-ефендіемъ*. Впрочемъ вѣдь я сообщу вамъ перехваченныя письма, и посмотримъ, каковы-то будутъ объясненія вашего правительства».

Не смотря на шуточную выходку, заключившую этотъ разговоръ, вслѣдъ за тѣмъ однако со мною стали обращаться холоднѣе, что̀ нѣсколько замедляло ходъ моихъ дѣлъ. Я отослалъ графу Верженю перехваченныя и переданныя мнѣ бумаги и предупредилъ объ этомъ Шуазеля. Оба они, вслѣдствіе этого происшествія, увидѣли необходимость умѣрять тревожное рвеніе нашихъ тайныхъ агентовъ и осторожнѣе вести свою переписку. Впрочемъ, опрометчивый поступокъ этого посланца, который не удовольствовался ролью простаго наблюдателя, былъ скоро забытъ. Персидскій тронъ занялъ другой шахъ, болѣе расположенный къ Россіи.

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ, я былъ уполномоченъ на заключеніе договора. Императрица, съ своей стороны, назначила уполномоченными графовъ Остермана, Безбородку, Воронцова и г. Бакунина [1]). Мы начали совѣщаться, но на первый разъ еще далеко не установили основныхъ условій договора. Главная остановка была за нашими винами: ихъ не хотѣли уравнять, относительно пошлинъ, съ винами Испанскими и Португальскими. Мы согласились только, какою монетою платить пошлины и какъ рѣшать тяжбы, но никакъ не могли установить тарифъ. Министры обѣщали мнѣ по возможности скоро передать актъ договора, ими составленный. Мѣжду тѣмъ я препроводилъ въ Версаль записку, содержащую мнѣнія Русскихъ уполномоченныхъ, присоединивъ къ нимъ мои замѣчанія.

Императрица объявила мнѣ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Крымъ. Съ обычною своею любезностью она прибавила, что если эта поѣздка для меня будетъ любопытна, то она съ удовольствіемъ согласится имѣть меня своимъ спутникомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, она дала мнѣ, для библіотеки короля, экземпляръ книги Flora Rossica [2]).

Императрица была очень довольна, когда узнала о заключеніи мира Іосифа II съ Голландскими штатами, но неравнодушно встрѣтила извѣстіе о союзномъ актѣ Франціи съ этою республикою. Союзъ этотъ возбудилъ неудовольствіе Императрицы потому, что лишалъ ее надежды поддержать вліяніе свое на Голландію. Казалось даже, что холодность ея къ Англичанамъ съ этого времени нѣсколько уменьшилась. Фитцъ-Гербертъ воспользовался этимъ случаемъ и предложилъ Русскимъ министрамъ переговорить о возобновленіи торговаго договора съ Англіею, которому наступалъ срокъ въ концѣ 1786 года.

Одинъ новый указъ перетревожилъ тогда всѣхъ Петербургскихъ купцовъ. Указомъ этимъ предписывалось всѣмъ торгующимъ лицамъ вписываться въ гильдіи и объявлять правительству свои капиталы. Эта мѣра многимъ не понравилась, и они жаловались Императрицѣ. Нѣсколько Французовъ имѣли по этому случаю неудовольствія съ полиціею, но я все уладилъ.

На восточномъ и южномъ краяхъ имперіи дѣла принимали дурной оборотъ. И въ Европѣ, и въ Азіи опасались войны. Ахалцихскій паша напалъ на Грузію. Новый пророкъ, Мансуръ, возбуждалъ къ войнѣ

---

[1]) Тайный совѣтн. Петръ Васильевичъ Бакунинъ, членъ Иностранной Коллегіи, ум. 1786 г.

[2]) Flora Rossica, сочиненіе Палласа, великолѣпно изданное С.-Пб. Акад. Наукъ въ двухъ томахъ въ 1785—1790 годахъ. Вслѣдъ за Латинскимъ подлинникомъ изданъ былъ и Русскій переводъ этого сочиненія; экземпляры каждаго были разосланы по губерніямъ.

Библиотека "Руниверс"

жителей Кавказа; Кубанскіе Татары готовились вмѣстѣ съ Лезгинами и Турками сдѣлать набѣгъ на Имеретію. Наконецъ, Турецкій гарнизонъ Очакова производилъ грабежи въ предѣлахъ Россіи. Потемкинъ снова сталъ недовѣрчивъ и считалъ насъ зачинщиками этихъ смутъ. Въ пылу негодованія онъ приказалъ всѣмъ офицерамъ быть при своихъ полкахъ, усилилъ войска на Кавказской линіи и объявилъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ самъ приметъ начальство надъ арміей и выступитъ за Кубань. Таковы были зловѣщія предзнаменованія, которыя въ концѣ 1785 года указывали на скорый, почти неизбѣжный разрывъ съ Портою.

Въ этихъ обстоятельствахъ удалось мнѣ достать весьма подробную и весьма любопытную записку о разныхъ племенахъ, населявшихъ Кавказъ, о силѣ, нравахъ, законахъ этого разнообразнаго и многочисленнаго народонаселенія, которое почти все говорило на разныхъ языкахъ и въ которомъ сохраняются еще обычаи и имена многихъ древнихъ народовъ, какъ напр. Оссовъ, Аваровъ, нѣкогда могущественныхъ. Въ скалахъ Кавказа живутъ еще ихъ остатки, которыхъ не истребили послѣдовательные набѣги Гунновъ и Татаръ, опустошавшихъ равнины Скиѳіи прежде, чѣмъ навести страхъ на Европу и простирать свои набѣги до средоточія двойной имперіи цезарей.

Если бы весьма важная записка эта о странѣ, совершенно неизвѣстной на Западѣ, не была слишкомъ длинна, мнѣ слѣдовало бы привести ее всю; но этимъ замедлилось бы мое изложеніе. Для любопытства моихъ читателей, можетъ быть, достаточно будетъ извлечь страницу-другую о довольно странныхъ нравахъ Кабардинцевъ, племени Черкасскаго. Записка показалась мнѣ тѣмъ болѣе важною, что она тайная и составлена генераломъ Павломъ Потемкинымъ съ замѣтками генерала Апраксина на поляхъ.

Кавказъ, у древнихъ мѣстность казни Прометея, это хребетъ горъ отдѣляющій Европу отъ Азіи. На Востокѣ у него Каспійское море, на Западѣ Черное, на Сѣверѣ двѣ рѣки, Терекъ и Кубань; на Югѣ рѣка Кура, которая течетъ во всю длину его высокаго хребта. Ущелья этихъ горъ были когда-то укрѣплены. Еще видны развалины стѣнъ и воротъ, называемыхъ нѣкогда *воротами Каспійскими*. Новое укрѣпленіе, построенное Русскими, получило названіе Георгіевскаго, въ память имени Потемкина.

Населяющія Кавказъ племена вообще подчинены властямъ мусульманскимъ и Русскимъ, но болѣе на словахъ, нежели на дѣлѣ; по большей части они возстаютъ и нерѣдко возвращаютъ себѣ свободу оружіемъ. Кубанскіе Татары и Лезгины почти постоянно защищали свою независимость. Абхазцы, по ненависти къ Русскимъ, были болѣе вѣрны

Библиотека "Руниверс"

Туркамъ. Чеченцы довольно часто дрались съ Московскимъ войскомъ, но изо всѣхъ этихъ племенъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Черкесовъ, кажется самыя замѣчательныя пространствомъ, которое они занимаютъ нравами, правленіемъ, отвагою и, наконецъ плодородностью своихъ пастбищъ и полей—двѣ Кабарды. Стада у нихъ многочисленны. Они снабжаютъ хлѣбомъ Оссовъ и Аваровъ. Ихъ земля производитъ лошадей отличной породы. Цѣна ихъ лошади въ Петербургѣ отъ 300 до 1000 рублей. Онѣ малорослы, но за то до чрезвычайности рѣзвы и невѣроятно выносливы. Ихъ гибкость такова, что я видалъ въ Петербургѣ, какъ Кабардинскіе князья, сидя на нихъ, вертѣлись въ кругу на половину меньшемъ того мѣста, которое бы они заняли, если бы легли. Главная сила Кабардинцевъ ихъ конница. Эти вояки носятъ кольчугу, художественно сдѣланную; она у нѣкоторыхъ покрываетъ голову, спускается до колѣнъ. Иногда у нихъ ружье, но чаще стрѣлы которыми они дѣйствуютъ съ чудесною ловкостью. Генералъ Апраксинъ разсказывалъ, что, въ одномъ очень жаркомъ бою, Кабардинцы причинили его войску болѣе вреда своими стрѣлами, нежели пулями-стрѣла, пущенная издалека, вонзалась до самаго пера въ человѣческое и конское тѣло. Съ перваго натиска, они убили или повалили семьдесятъ Русскихъ всадниковъ изъ четырехсотъ.

Вообще Черкесы выражали подчиненіе Императрицѣ только для того, чтобъ получать отъ нея подарки. Признательность ихъ кратковременна, и приходилось почти постоянно воевать съ ними. Однако Екатерина, рѣшившись подчинить себѣ всѣ эти племена и утвердить свою надъ ними власть, чтобы обезопасить Грузію, отъ ихъ и Лезгинскихъ вторженій учредила въ то время, какъ я пріѣхалъ въ Россію, новую губернію Кавказскую съ главнымъ городомъ Екатеринодаромъ. Эта губернія должна, говорятъ, простираться отъ Дона до границъ Арменіи и отъ Кубани до Урала. Въ ея вѣдѣніи будутъ двѣ страны съ многочисленнымъ населеніемъ.

Кабардинцы состоятъ изъ трехъ Черкасскихъ племенъ, одной и той же породы, происшедшей, какъ говорили, отъ князя Кесса, нѣкогда пришедшаго изъ Аравіи и подчинившаго себѣ всѣ Кавказскіе народы. Династія этого князя была многочисленна; всѣ ея вѣтви находились долго подъ властью семейнаго главы; но въ концѣ прошедшаго столѣтія другіе князья возмутились противъ него и убили его самаго, также и его дѣтей. Эти князья, необыкновенно плодовитые, размножились, и до того обѣдняли, что имъ осталось жить только разбойничествомъ, которое скоро вошло въ общій обычай и признано какъ бы законнымъ правомъ.

Библиотека "Руниверс"

Когда у князя родится мальчикъ, онъ поручаетъ его *узденю* или благородному Черкесу, который раститъ его на свой счетъ, пріучаетъ къ военному дѣлу и къ смѣлому хищничеству, дабы онъ могъ потомъ обогатиться и прославиться. Въ свой чередъ, выросшій воинственный питомецъ, въ награду за трудъ наставника, отдаетъ ему большую часть добычи, а себѣ оставляетъ только десятую.

Прежде воля главы народа заступала мѣсто закона, управленіе было военное и неограниченное. Потомъ оно перешло во что-то въ родѣ республики и раздѣлено на князей и благородный людъ; наконецъ, въ угоду недовольному народонаселенію, на общемъ большомъ совѣтѣ, избраны старики для поддержанія порядка. Рѣшенія собранія служили закономъ, но этотъ законъ былъ кратковременный. Самый священный обѣтъ для Кабардинца есть клятва на Алькоранѣ, но рѣдко онъ остается вѣренъ ей долѣе года. Черкесы, нѣкогда идолопоклонники, потомъ христіане и недавно обратившіеся въ магометанству, не очень чтутъ эти различныя вѣроисповѣданія и еще менѣе ихъ нравственныя предписанія. Недавно князья благородные и выборные отъ народа рѣшили единогласно не допускать въ Кабарду Армянъ; прошло немного мѣсяцевъ, и они призвали ихъ къ себѣ. Будучи магометанами, народы эти питаютъ по привычкѣ особенное благоговѣніе къ мѣсту, называемому *Татарлуфъ*, гдѣ видны еще развалины древней Греческой церкви. Эти развалины суть мѣсто священнаго убѣжища, и при всемъ ихъ легкомысліи, они почти никогда не нарушаютъ клятвы, данной съ названіемъ *Татарлуфа*.

Пища этихъ горцевъ состоитъ обыкновенно изъ вареной баранины и каши. Генералъ Потемкинъ утверждаетъ что иногда между двумя Кабардинскими князьями возникаютъ изъ-за куска баранины такія же важныя пререканія, которыя были между Агамемнономъ и Ахиллесомъ и которыя такъ поэтически облагорожены геніемъ Гомера.

Женщины у нихъ, столь же воинственныя какъ ихъ мужья, возбуждаютъ, поддерживаютъ и воспламеняютъ ихъ отвагу. Генералъ Апраксинъ былъ свидѣтелемъ насмѣшекъ надъ мужьями, вернувшимися домой послѣ испытаннаго пораженія.

Тѣже нравы у Чеченцевъ, Аваровъ, Каракалпаковъ, Андовъ, Алагиновъ, Гребенщиковъ, Ингушей, Оссовъ, Сигоровъ, и др. Особымъ управленіемъ отличаются Кумоники, происходящіе отъ Огровъ или Маджарскихъ Венгровъ. Развалины Маджаръ существуютъ еще въ степи на пути изъ Черкаска въ Моздокъ. Судя по ихъ пространству, видно, что Маджары были нѣкогда значительнымъ городомъ.

Война Русскихъ на Черкесовъ, предпринятая сначала для прекращенія разбоевъ, до моего пріѣзда въ Петербургъ, повидимому, не

Библиотека "Руниверс"

имѣла важности. Нѣсколько Кавказскихъ князей поселились даже въ Россіи и служили въ Русской арміи. Я встрѣчалъ при дворѣ Екатерины и принималъ у себя Кабардинскихъ князей, прибывшихъ для того, чтобы испросить у Императрицы пощады своему народу. Они показывали мнѣ свое оружіе, которымъ они владѣли съ большимъ искусствомъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ на всемъ скаку и въ значительномъ разстояніи они сшибали стрѣлою шапку, повѣшенную на шестѣ. Я сохранилъ рисунки, гдѣ они изображены въ своей военной одеждѣ со стальной сѣткой. Тогда какъ они въ столицѣ только и твердили, что о своей покорности, единоплеменники ихъ нападали на Русскихъ. Борьба съ ними со дня на день становилась затруднительнѣе, потому что силы ихъ росли при содѣйствіи другихъ народовъ, Лезгинъ и даже Турокъ, которые подъ предводительствомъ Ахалцихскаго паши вторгались въ Имеретію и Грузію.

Въ тоже время на краю Азіи возникли раздоры между Русскими и Китайцами, за то, что послѣдніе завладѣли островомъ на Амурѣ и выстроили крѣпость. Китайскій императоръ написалъ Екатеринѣ обидное письмо, и она была принуждена, съ большими издержками, посылать въ глубь Сибири войско и пушки. Я, можетъ быть, былъ единственный Европеецъ, котораго могли занимать и тревожить эти смуты: графъ Воронцовъ, президентъ Коммерцъ-Коллегіи, изъявилъ намѣреніе ѣхать на Китайскую границу; а отъѣздъ его могъ бы пріостановить наши торговыя совѣщанія, можетъ быть, на цѣлый годъ. Давно уже высокомѣрный владыка Китая оскорблялъ самолюбіе Императрицы, привыкшей внушать уваженіе. Въ началѣ ея царствованія многочисленное Калмыцкое племя, населявшее сѣверо-восточныя прибрежныя равнины Каспійскаго моря, вздумало освободиться отъ тяжолыхъ для нихъ налоговъ и законовъ, установленныхъ Русскимъ правительствомъ. Вдругъ, въ одинъ день и въ тотъ же часъ, сто пятьдесятъ Калмыцкихъ семействъ складываютъ свои шатры, навьючиваютъ ихъ на кибитки, сѣдлаютъ коней, собираютъ стада и уходятъ на Востокъ. Послѣ двухлѣтняго перехода они достигли границы Китая и отправили къ Китайскому императору посланіе, съ просьбою дать имъ пристанище. Это неожиданное посѣщеніе двухъ-трехъ сотъ тысячъ пришельцевъ нисколько не встревожило, а напротивъ польстило Китайскому императору. Онъ далъ имъ земли и посреди ихъ поселенія воздвигъ пирамиду съ надписью, провозглашавшей его владыкою монарховъ всего свѣта. Въ ней сказано было: «иные завоевываютъ золотомъ и мечемъ, истощаютъ всѣ силы свои, чтобы съ большими издержками и затрудненіями овладѣть нѣсколькими городами, нѣсколькими мѣстечками; насъ же боятся и уважаютъ, наши законы мудры, подданные счастливы, и мы видимъ,

Библиотека "Руниверс"

что цѣлые народы, изъ самыхъ дальнихъ странъ, приходятъ и покоряются нашей власти». Хотя Императрица порою и смѣялась надъ этими выходками Азіатскаго хвастовства, однако самая насмѣшка эта обнаруживала ея скрытую досаду.

Впрочемъ, среди этихъ политическихъ хлопотъ, Русскіе министры, по приказанію Государыни, продолжали вести переговоры со мною и Фитцъ-Гербертомъ. Хотя возобновленіе прежняго договора легче составленія новаго, однако соглашеніе съ Фитцъ-Гербертомъ подвигалось также медленно, какъ со мною. Съ одной стороны, царскіе уполномоченные были ужасно осторожны, даже до мелочности, съ другой же обвиняли насъ въ упрямствѣ и излишней щекотливости. Они привыкли, чтобы все дѣлалось, какъ они хотѣли, и потому наша твердость имъ не нравилась. Когда я явился на первое совѣщаніе, то къ удивленію замѣтилъ, что, наперекоръ правилу учтивости, требующему уваженія къ иноземцамъ, они усѣлись за длиннымъ столомъ на главномъ концѣ [1]) и по бокамъ, а мнѣ оставили мѣсто на другомъ концѣ. Чтобы избѣгнуть непріятностей, я не подалъ вида, что замѣтилъ это. Но на слѣдующій разъ я поспѣшилъ войти въ залъ вмѣстѣ съ другими и сѣлъ на диванъ, стоявшій у главнаго конца стола. Кажется, это удивило, но было замолчено. Зато, во время переговоровъ уполномоченные выказали свою досаду: спорили о каждой статьѣ и передали мнѣ составленную ими записку, гдѣ пошлины на наши вина не были убавлены ни на копѣйку. Впрочемъ, урокъ, который я имъ далъ, удался совершенно, потому что при всѣхъ послѣдовавшихъ за тѣмъ совѣщаніяхъ мы садились за круглый столъ, и потому всѣ мѣста были равны.

Нравъ четырехъ уполномоченныхъ особенно затруднялъ меня. Графъ Остерманъ, человѣкъ благонамѣренный, но простоватый, никакъ не могъ забыть успѣха, съ которымъ Вержень дѣйствовалъ противъ него, когда они были вмѣстѣ послами въ Швеціи. Съ тѣхъ поръ онъ былъ нерасположенъ къ намъ. Графъ Воронцовъ, человѣкъ способный, но придирчивый и упрямый, держалъ себя строго и возставалъ противъ роскоши. Онъ, кажется, хотѣлъ, чтобы Русскіе пили только медъ и одѣвались въ платье домашняго издѣлія. Потемкинъ его ненавидѣлъ, товарищи его боялись. Императрица не слишкомъ любила его, но уважала и почти безусловно предоставила на его волю торговыя дѣла. Такъ какъ его братъ [2]) былъ весьма любимъ въ Англіи и

---

[1]) Въ дипломатическихъ собраніяхъ конецъ стола, удаленный отъ входа, считается почетнымъ, и обычай, по которому помѣщаются дипломаты на первыя мѣста, называется правомъ предсѣдательства (la préséance).

[2]) Графъ Семенъ Романовичъ, род. 1744 г., ум. 1832, съ 1784 по 1806 годъ былъ посломъ въ Лондонѣ.

Библиотека "Руниверс"

пользовался тамъ большимъ вѣсомъ, то онъ охотнѣе покровительствовалъ Англичанамъ, чѣмъ намъ. Что касается до Бакунина, то онъ былъ совершенно преданъ Англичанамъ. Другіе министры не слишкомъ-то уважали его. Онъ когда-то очернилъ себя такимъ неблагодарнымъ поступкомъ въ отношеніи къ графу Панину [1]), что великій князь не хотѣлъ принимать его къ себѣ [2]). Всю свою надежду полагалъ я на графа Безбородко. Умный, ловкій и уступчивый, но отчасти слабый, онъ нѣсколько помогалъ мнѣ въ моихъ дѣлахъ съ тѣхъ поръ, какъ ему показалось, что Императрица желаетъ имъ успѣха. Но онъ не могъ устоять противъ продѣлокъ Бакунина и рѣшительности Воронцова, желавшаго разными запрещеніями и пошлинами уменьшить ввозъ въ Россію всевозможныхъ иностранныхъ произведеній.

Въ борьбѣ съ такими препятствіями Потемкинъ служилъ мнѣ твердою опорою. Врагъ мелочныхъ расчетовъ, съ широкимъ взглядомъ на торговлю, онъ твердо защищалъ меня противъ Воронцова, который мѣшалъ ему и кололъ глаза своимъ вѣсомъ. Но чудакъ-князь, порою столь геніально-проницательный, часто оказывался непостояннымъ, какъ дитя. Обширныя предпріятія подстрекали его дѣятельность, мелочныя заботы его утомляли. Никто не соображалъ съ такою быстротою какой либо планъ, не исполнилъ его такъ медленно и такъ легко не забывалъ. Вдругъ заводилъ онъ фабрики и такъ же скоро покидалъ ихъ. Онъ всегда былъ готовъ продать то, что̀ купилъ, и разорить то, что̀ создалъ. Случалось, что онъ оставлялъ бумагу, касающуюся политики или торговли, для какой нибудь музыкальной пьесы или стиховъ и часто изъ легкомыслія упускалъ изъ виду дѣла, требующія постоянства и труда. Вотъ почему дѣятельность его соперниковъ и собственная лѣнь иногда мѣшали его вліянію на Государыню умную, проницательную и умѣвшую справедливо цѣнить какъ его достоинства, такъ и недостатки.

Чтобы лучше представить живость его ума, твердость памяти и легкомысліе, я разскажу одинъ его поступокъ, который въ то время меня очень разсердилъ и чуть было не поссорилъ съ нимъ. Однажды я попросилъ у него свиданія, чтобы переговорить съ нимъ объ одномъ торговомъ заведеніи, основанномъ по его желанію г. Антуаномъ, Марсельскимъ уроженцемъ (нынѣ барономъ) Сенъ-Жозефомъ, близъ Херсона. Князь принялъ меня и попросилъ прочесть толстую, полную

---

[1]) Графъ Никита Ивановичъ, дѣйств. тайн. сов. 1-го кл., первенствующій министръ, род. 1718 г., ум. 1783 г.; былъ воспитателемъ в. кн. Павла Петровича, который всегда сохранилъ къ нему благосклонныя отношенія.

[2]) Болѣе снисходительныя извѣстія о Бакунинѣ въ соч. кн. Вяземскаго: „Фонъ-Визинъ“.

Библиотека "Руниверс"

расчетовъ и цифръ тетрадь, представленную мнѣ этимъ негоціантомъ, извѣстнымъ по своему кредиту, богатству, свѣдѣніямъ и честности; въ трудѣ своемъ онъ жаловался на мѣстное начальство, всячески мѣшавшее ему, и предлагалъ мѣры для устраненія препятствій, замедлявшихъ успѣхъ его предпріятій. Но каково было мое удивленіе, когда я замѣтилъ, что пока я читалъ эту записку, безъ сомнѣнія достойную вниманія, къ князю входили одинъ за другимъ священникъ, портной, секретарь, модистка, и что всѣмъ имъ онъ давалъ приказанія. Когда я хотѣлъ остановиться, онъ настоятельно просилъ меня продолжать. Эта странная невѣжливость меня бѣсила, и я спѣшилъ дочитать. Когда я кончилъ, и онъ хотѣлъ взять у меня тетрадь, я удержалъ ее и сказалъ ему довольно сухо, что не привыкъ къ такому невниманію и безпечности, когда дѣло идетъ о важномъ предметѣ, и что въ подобныхъ случаяхъ впередъ буду относиться къ графу Воронцову. Онъ улыбнулся и сказалъ, что хорошо все выслушалъ; я не повѣрилъ, ушелъ и довольно долго не говорилъ съ нимъ о дѣлахъ. Не прошло трехъ недѣль, какъ я получилъ отъ г. Антуана письмо, гдѣ онъ меня благодарилъ за скорое исполненіе его порученія. Онъ писалъ мнѣ, что Потемкинъ отвѣчалъ ему обстоятельно на всѣ пункты его донесенія и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, чтобы облегчить его и упрочить успѣхъ его предпріятія. Я тотчасъ же поспѣшилъ къ князю. Только что вошелъ я, какъ онъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями и сказалъ: «Ну что, *батюшка*, развѣ я васъ не выслушалъ, развѣ я васъ не понялъ? Повѣрите ли вы наконецъ, что я могу вдругъ дѣлать нѣсколько дѣлъ, и перестанете ли дуться на меня». Я поцѣловалъ его и благодарилъ, крайне удивляясь живости его способностей.

Чѣмъ благосклоннѣе князь становился ко мнѣ, тѣмъ болѣе я опасался его отсутствія. Онъ все еще сбирался принять начальство надъ Кавказскою арміею. Къ счастію, подоспѣло извѣстіе, измѣнившее его намѣреніе. Фанатикъ *Мансуръ*, лжепророкъ, во имя Магомета вооружилъ Кабардинцевъ и другія Черкесскія племена, и они толпами врывались въ Русскія области съ изувѣрствомъ, которое усиливало ихъ природную отвагу. Они ждали себѣ вѣрной побѣды. Ихъ предводитель поклялся Аллахомъ, что пушки христіанъ не подѣйствуютъ противъ нихъ. Но при первой же стычкѣ, пушки, не слишкомъ-то уважающія пророковъ, не оправдали предсказанія и истребили множество мусульманъ. Тогда Мансуръ вздумалъ передъ каждымъ отрядомъ выставлять подвижные брустверы, утвержденные на дрогахъ съ четырьмя колесами и сплоченные изъ досокъ, между которыми былъ фашинникъ. Горцы, въ восторгѣ отъ этого необыкновеннаго изобрѣтенія и увѣренные, что за этою слабою защитою они пройдутъ невредимы, двинулись впе-

Библиотека "Руниверс"

редъ. Но скоро Русская артиллерія разгромила эти преграды, и Черкесскія колонны были окружены, разбиты, уничтожены совершенно. Знамя пророка съ надписями изъ Алкорана было захвачено, и пророкъ погибъ или бѣжалъ. Я поспѣшилъ сообщить эту новость графу Шуазелю, котораго Турки обманывали тогда ложными извѣстіями о мнимыхъ побѣдахъ, будто бы одержанныхъ ими на Кавказѣ и въ Грузіи. Тогда же Вержень доставилъ мнѣ средства разсѣять сомнѣнія Потемкина на счетъ бумагъ, перехваченныхъ у нашего лазутчика въ Персіи. Онъ преступилъ данныя ему приказанія и получилъ за это выговоръ. Мнѣ нетрудно было доказать, что наши жалобы на дѣйствія Русскихъ консуловъ въ Архипелагѣ гораздо основательнѣе. Такимъ образомъ разсѣялись сомнѣнія, которыя этотъ случай возбудилъ въ умѣ Императрицы. Потемкинъ съ своей стороны также старался оправдать поступки Русскихъ консуловъ. Онъ доказывалъ мнѣ, что нужно готовиться къ войнѣ, что ее нельзя избѣжать, если Турки не перестанутъ снабжать оружіемъ Лезгинъ и Кавказскіе народы.

Екатерина II была ко мнѣ попрежнему благосклонна. Разъ, утромъ рано, входитъ ко мнѣ оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ съ толстой пачкой писемъ, журналовъ, книжечекъ и листковъ въ рукахъ и говоритъ мнѣ: «Ея величество поручила мнѣ передать вамъ эту посылку, присланную вамъ изъ Парижа на ея имя. Она велѣла вамъ сказать, что если ей еще пришлютъ такую же, то она пожелаетъ, чтобъ я купилъ маленькаго лошака для перевозки вашихъ вещей». Я чрезвычайно удивился, поблагодарилъ его, а онъ, безъ дальнихъ объясненій, вышелъ отъ меня, громко смѣясь. Я поспѣшно распечаталъ письма и въ одномъ изъ нихъ, отъ моей жены, нашелъ объясненіе всего этого. «Тебѣ, вѣроятно, покажется страннымъ, писала она, что я такъ легкомысленна и осмѣливаюсь адресовать на имя Императрицы большой пакетъ, который я тебѣ посылаю. Но виною этому баронъ Гриммъ: это сдѣлано по его желанію. Онъ знаетъ, какъ благосклонна къ тебѣ Государыня, и увѣрилъ меня, что она меня не осудитъ». Несмотря на это объясненіе, въ тотъ же вечеръ, на эрмитажномъ спектаклѣ, я подошелъ къ Императрицѣ и съ замѣтнымъ смущеніемъ началъ было извиняться; но она сказала мнѣ, улыбаясь: «Напишите отъ меня вашей супругѣ, что она можетъ впередъ пересылать вамъ черезъ мои руки все, что̀ хочетъ. По крайней мѣрѣ вы тогда можете быть увѣрены, что вашихъ писемъ не станутъ распечатывать». Императрица сказала правду: въ ея имперіи, какъ и вездѣ, чиновники раскрывали всякія письма и депеши. Это обыкновеніе не только безнравственное, но и опасное по злоупотребленіямъ, къ которымъ оно можетъ подать поводъ. Съ другой стороны, оно довольно безполезно, потому что всѣ это знаютъ и слѣд-

Библиотека "Руниверс"

ственно пишутъ осторожно, а иные даже пользуются этимъ, чтобы понравиться разными обманчивыми похвалами *). Но такъ какъ Императрица вовсе не желала, чтобы министры задерживали жалобы ея подданныхъ, ей приносимыя, и заглушали голосъ правды, то она наказала бы со всею строгостію министра, который вздумалъ бы открыть письмо или какую-либо бумагу, посланную на ея имя.

Въ этомъ 1786 году Императрица истребила старинный обычай, по которому просьбы или бумаги на высочайшее имя подписывались такъ: *бьетъ челомъ рабъ твой такой-то*. Новымъ указомъ запрещено было употреблять это выраженіе и велѣно слово *рабъ* замѣнить словомъ *подданный*. Екатерина никогда не дѣйствовала такъ произвольно, какъ ея министры. Особенно Потемкинъ миловалъ и наказывалъ помимо законовъ, даже такихъ, которыхъ строгое исполненіе необходимо для общественной пользы. Нѣкто Кюмильякъ, представленный Потемкину мною и принятый въ Петербургскомъ обществѣ, такъ понравился князю, что когда ему вздумалось проѣхаться въ Константинополь и обратно, то онъ получилъ отъ князя разрѣшеніе *миновать карантинъ*.

Изъ этого видно, что съ Французами обходились ласково, хотя и завидовали ихъ успѣхамъ на поприщахъ военномъ и политическомъ и усиленію ихъ вліянія. Петербургскій кабинетъ былъ такъ недоволенъ извѣстіемъ, что Швеція приступила къ нашему союзу съ Голландіей, что запретилъ Шведамъ вывозить изъ Россіи хлѣбъ и лошадей. По той же причинѣ Русскіе министры выразили свое неудовольствіе Испанскому послу, но онъ съ достоинствомъ защищалъ нашъ мирный союзъ. На самомъ дѣлѣ союзъ этотъ возбуждалъ въ Русскомъ правительствѣ болѣе зависти, нежели опасенія.

Въ этомъ же году Императрица издала три новыхъ указа: первые два обрадовали купцовъ и дворянъ, третій огорчилъ Украинское и Малороссійское духовенство, потому что ставилъ его въ одинаковое положеніе съ прочимъ духовенствомъ имперіи, чѣмъ причинилъ ему убытки и лишилъ 200,000 душъ крестьянъ, перешедшихъ въ казенное вѣдомство. По части торговли была учреждена комиссія изъ пяти Русскихъ и пяти иностранныхъ негоціантовъ, для разсмотрѣнія и удовлетворенія жалобъ, представленныхъ купцами правительству. Еще одинъ указъ касался дворянъ. Назначенъ былъ выпускъ 33 милліоновъ банковыхъ билетовъ, изъ коихъ 22 милліона разрѣшено было раздать заимообразно

*) Екатерина, зная, что распечатываніе производится и другими правительствами, и посылая письма къ Вольтеру, Циммерману и др., прибѣгала къ этому средству, чтобы какимъ нибудь намекомъ встревожить тотъ или другой дворъ или польстить ему.

Библиотека "Руниверс"

дворянству за восемь процентовъ [1]) и на двадцатилѣтній срокъ, до погашенія долга. Къ этимъ 22 милліонамъ присоединены были еще четыре милліона, составлявшіе фондъ прежняго заемнаго банка. Остальные 11 милліоновъ назначены были для займа купцамъ наравнѣ съ дворянами [2]), первымъ—подъ залогъ домовъ, вторымъ подъ залогъ земель. Банку разрѣшено было чеканить въ свою пользу мѣдную монету и мѣнять ее за границею на золото и серебро. Онъ долженъ былъ имѣть во всякое время достаточное количество этой монеты, чтобы мѣна дѣлалась въ пользу Россіи и чтобы ослаблять несоотвѣтствіе между билетами и монетою. Всѣхъ банковыхъ билетовъ указано выпустить не болѣе, какъ на сто милліоновъ. Князь Вяземскій [3]), говорятъ, горячо возставалъ противъ этой мѣры и написалъ по этому предмету цѣлое разсужденіе, но оно не понравилось Императрицѣ. Меня увѣряли, будто въ этой запискѣ онъ старался доказать, что чрезмѣрное умноженіе ассигнацій подорветъ кредитъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ассигнаціи прежняго банка уже не принимались либо ходили съ пониженіемъ. Князь представлялъ, что дворянству, уже и безъ того обѣднѣвшему, представлялся новый поводъ къ разоренію. Наконецъ онъ утверждалъ, что, распредѣливъ уплату на двадцатилѣтній срокъ, правительство потворствуетъ ростовщикамъ, потому что они скупятъ эти билеты и пустятъ ихъ впослѣдствіи въ оборотъ въ свою пользу. Но представленія князя не были уважены, потому что всѣ члены совѣта ея величества ожидали себѣ выгодъ отъ успѣха этого установленія, такъ какъ съ помощью его они могли уплатить свои долги. Вообще порицали этотъ указъ всѣ иностранные негоціанты. Они считали его не ясно составленнымъ и почти невозможнымъ къ исполненію.

Событія, предвѣщавшія войну, скоро отвлекли Государыню отъ ея законодательныхъ трудовъ. Шуазель полагалъ, что война неизбѣжна. Англійское правительство, имѣя въ виду разрушить нашъ торговый союзъ съ Россіею, подстрекало Турокъ помогать Татарамъ, Лезгинамъ и Ахалцыхскому пашѣ въ ихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи. Подготовляя разрывъ, Англія надѣялась уменьшить наше вліяніе въ

---

[1]) Пять процентовъ вмѣсто прежнихъ шести указныхъ и еще 3%, въ уплату капитала.

[2]) То есть городскимъ обывателямъ. Турецкая война 1787 г. помѣшала этому обороту, и деньги эти обращены были на военныя издержки. Объ этомъ подробнѣе см. въ „Дѣяніяхъ Екатерины II", Колотова, ч. III., стр. 52—67.

[3]) Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій, род. 1727 г., ум. 1793 г., по самую смерть занималъ должность генералъ-прокурора, въ которой соединялись нынѣшнія должности министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

Петербургѣ или даже совершенно уничтожить наше значеніе въ Константинополѣ.

Всѣ эти продѣлки снова пробуждали въ Императрицѣ прежнюю недовѣрчивость къ намъ, и со мною стали рѣже совѣщаться. Но въ личныхъ отношеніяхъ ко мнѣ Императрица была попрежнему любезна. Она пригласила меня отобѣдать съ нею въ новомъ дворцѣ, построенномъ княземъ Потемкинымъ. Въ этомъ дворцѣ была такая длинная галлерея съ колонадою, что столъ на пятьдесятъ приборовъ, накрытый въ одномъ концѣ, былъ едва замѣтенъ для входящихъ съ другого конца. За нею находился зимній садъ, столь обширный, что посрединѣ построена была бесѣдка, гдѣ могли свободно помѣститься пятьдесятъ человѣкъ, а между тѣмъ она вовсе не казалась слишкомъ огромною по величинѣ сада. Здѣсь князь далъ намъ самый необыкновенный концертъ. Это былъ хоръ роговой музыки, въ которомъ каждый трубачъ могъ брать только одну ноту. Несмотря на это, они легко и отчетливо исполняли самыя трудныя пьесы *).

Вице-канцлеръ также далъ большой ужинъ для Императрицы. На ту пору пріѣхалъ въ Петербургъ графъ Кюстинъ, и мнѣ хотѣлось, чтобы его тоже пригласили. Но такъ какъ онъ не былъ еще представленъ ко двору, то графъ Остерманъ не смѣлъ просить его къ себѣ. Я сообщилъ свое желаніе Государынѣ, и графъ тотчасъ же былъ приглашенъ.

Съ пышностью отпраздновавъ въ Петергофѣ Петровъ день, Императрица по обыкновенію воспользовалась этимъ торжественнымъ случаемъ, чтобы излить на многихъ свои милости. Графу Безбородку подарила она 4,000 душъ, графу Воронцову бриліанты къ ордену и 50,000 рублей. Шесть человѣкъ были пожалованы сенаторами, нѣсколько сановниковъ назначены губернаторами, и роздано много орденовъ.

Къ удивленію всего двора любимецъ Ермоловъ началъ тогда дѣйствовать противъ Потемкина и явно вредить ему во мнѣніи Императрицы. Крымскій ханъ Шагинъ-Гирей, оставляя свою власть, получилъ отъ Императрицы обѣщаніе, что его вознаградятъ и дадутъ ежегодное жалованье. Не знаю почему, уплата этой пенсіи была отложена. Ханъ, подозрѣвая Потемкина въ утайкѣ этихъ денегъ, написалъ жалобу и, чтобы она вѣрнѣе дошла къ Государынѣ, обратился къ любимцу ея

*) Хоръ роговой музыки былъ изобрѣтенъ Чехомъ Марешомъ и заведенъ оберъ-шталмейстеромъ Нарышкинымъ. Итальянскіе капельмейстеры, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, удивлялись этому необыкновенному оркестру и сочиняли для него пьесы. Хоръ, принадлежавшій Потемкину и состоявшій изъ 50 человѣкъ, былъ купленъ имъ за 40,000 рублей у фельдмаршала Разумовскаго.

Библиотека "Руниверс"

Ермолову, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы возбудить Государыню противъ могущественнаго министра. Онъ думалъ, что успѣетъ свергнуть его. Всѣ недовольные высокомѣрнымъ княземъ присоединились къ Ермолову. Скоро Императрицу обступили съ жалобами на дурное управленіе Потемкина и даже обвиняли его въ кражѣ. Императрицу это чрезвычайно встревожило. Гордый и смѣлый Потемкинъ, вмѣстѣ того, чтобы истолковать свое поведеніе и оправдаться, рѣзко отвергалъ обвиненія, отвѣчалъ холодно и даже отмалчивался. Наконецъ онъ не только сдѣлался невнимательнымъ къ своей повелительницѣ, но даже выѣхалъ изъ Царскаго въ Петербургъ, гдѣ проводилъ дни у Нарышкина и, казалось, только и думалъ какъ бы веселиться и разсѣяться. Негодованіе Государыни было очень замѣтно. Казалось, Ермоловъ все болѣе успѣвалъ снискать ея довѣріе. Дворъ удивленный этой перемѣной, какъ всегда, преклонялся предъ восходящимъ свѣтиломъ. Родные и друзья князя уже отчаявались и говорили, что онъ губитъ себя своею неумѣстною надменностью. Паденіе его казалось неизбѣжно всѣ стали отъ него удаляться, даже иностранные министры. Фитцъ-Гербергъ велъ себя всѣхъ благороднѣе, хотя собственно и онъ радъ былъ паденію министра, который въ то время болѣе держалъ сторону Французовъ, нежели Англичанъ. Что касается до меня, то я нарочно сталъ чаще навѣщать его и оказывалъ ему свое вниманіе. Мы видались почти ежедневно, и я откровенно сказалъ ему, что онъ поступаетъ неосторожно и во вредъ себѣ, раздражая Императрицу и оскорбляя ея гордость.

«Какъ, и вы тоже хотите, говорилъ Потемкинъ, чтобы я склонился на постыдную уступку и стерпѣлъ обидную несправедливость послѣ всѣхъ моихъ заслугъ? Говорятъ, что я себѣ врежу; я это знаю, но это вздоръ: будьте покойны, не мальчишкѣ свергнуть меня; не знаю, кто бы посмѣлъ это сдѣлать». «Берегитесь, сказалъ я; прежде васъ и въ другихъ странахъ многіе знаменитые любимцы царей говорили тоже: кто смѣетъ? однако послѣ раскаевались». «Меня трогаетъ ваша пріязнь, отвѣчалъ мнѣ князь, но я слишкомъ презираю враговъ своихъ, чтобы ихъ бояться. Лучше поговоримте о дѣлѣ. Ну что вашъ торговый договоръ?» «Подвигается очень тихо, отвѣчалъ я; полномочные Государыни настойчиво отказываютъ мнѣ сбавить пошлины на вина». «Такъ стало быть, сказалъ Потемкинъ, это главная точка преткновенія? Ну, такъ потерпите, это затрудненіе уладится».

Мы разстались, и меня, признаюсь, удивили его спокойствіе и увѣренность. Мнѣ казалось, что онъ себя обманываетъ. Въ самомъ дѣлѣ гроза, повидимому, усиливалась. Ермоловъ принялъ участіе въ уп-

Библиотека "Руниверс"

равленіи и занялъ мѣсто въ банкѣ вмѣстѣ съ графами Шуваловымъ [1]), Безбородкомъ, Воронцовымъ и Завадовскимъ [2]). Наконецъ повѣстили объ отъѣздѣ Потемкина въ Нарву. Родственники потеряли всякую надежду, враги запѣли побѣдную пѣснь, опытные политики занялись своими расчетами, придворные перемѣняли свои роли.

Я терялъ главнѣйшую свою опору и, зная, что Ермоловъ скорѣе мнѣ повредитъ, чѣмъ поможетъ, потому что считалъ меня другомъ князя, я уже опасался за успѣхъ моихъ дѣлъ, которыя и безъ того подвигались туго. Однако министры пригласили меня на совѣщаніе, послѣ короткихъ переговоровъ и нѣсколькихъ неважныхъ возраженій согласились на уменьшеніе пошлинъ съ нашихъ винъ высшаго разбора и даже подали мнѣ надежду на болѣе значительныя уступки. Обѣщанія князя исполнились, и я не зналъ, какъ сообразить это съ его паденіемъ, въ которомъ всѣ были увѣрены. Черезъ нѣсколько дней все объяснилось: отъ курьера изъ Царскаго Села узналъ я, что князь возвратился побѣдителемъ, что онъ приглашаетъ меня на обѣдъ, что онъ въ большей милости, чѣмъ когда либо, и что Ермоловъ получилъ 130,000 рублей, 4,000 душъ, пятилѣтній отпускъ и позволеніе ѣхать за границу. На подвижной придворной сценѣ зрѣлища перемѣняются какъ будто по мановенію волшебнаго жезла. Екатерина II назначила къ себѣ новаго флигель-адъютанта, молодого гвардейскаго офицера Мамонова [3]), человѣка отличнаго по наружности и по уму.

Когда я явился къ Потемкину, онъ поцѣловалъ меня и сказалъ: «Ну что, не правду ли я говорилъ, *батюшка?* Что, уронилъ меня мальчишка? Сгубила меня моя смѣлость? А ваши полномочные все такъ же упрямы, какъ вы ожидали? По крайней мѣрѣ, на этотъ разъ, господинъ дипломатъ, согласитесь, что въ политикѣ мои предположенія вѣрнѣе вашихъ».

Новый адъютантъ Государыни, покровительствуемый Потемкинымъ, дѣйствовалъ съ нимъ заодно. Онъ скоро показалъ мнѣ свое желаніе сблизиться со мною. Императрица дозволила ему принять приглашеніе, которое я ему сдѣлалъ. Чтобы показать намъ свое особенное внима-

---

[1]) Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ род. 1743 г., ум. 1780 г.

[2]) Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, впослѣдствіи дѣйств. тайн. сов. и министръ нар. просвѣщенія, род. 1738 г. ум. 1812 г.

[3]) Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ род. 19 Сентября 1758 г., былъ при дворѣ съ Августа 1786 до половины 1789 года, достигъ званія генералъ-адъютанта и генералъ-лейтенанта, 9 Мая 1788 г. возведенъ въ графы Римской имперіи; женатъ былъ на княжнѣ Дарьѣ Ѳеодоровнѣ Щербатовой, умеръ 29 Сентября 1803 г. Любопытныя подробности объ его отношеніяхъ см. въ Запискахъ Храповицкаго.

Библиотека "Руниверс"

ніе, она, въ то время, какъ мы выходили изъ-за стола, тихонько проѣхала въ каретѣ мимо моихъ оконъ и милостиво намъ поклонилась.

Въ это время я получилъ письмо отъ принца Нассау-Зигена [1]), изъ Варшавы. Онъ просилъ меня выхлопотать ему дозволеніе провезти произведенія своихъ помѣстій подъ Русскимъ флагомъ черезъ Черное море въ Архипелагъ и Францію. Я передалъ его просьбу князю Потемкину, и онъ объявилъ мнѣ, что этого исполнить невозможно, что Русскаго флага не даютъ иностранцамъ, развѣ только, если они вступятъ въ Русское подданство и пріобрѣтутъ землю въ Россіи. Потемкинъ прибавилъ, что Императрица не расположена къ принцу, и не безъ причины, потому что, незадолго предъ тѣмъ онъ ѣздилъ въ Константинополь и былъ весьма расположенъ воевать съ Турками противъ Русскихъ. Когда, несмотря на этотъ отвѣтъ, я продолжалъ упрашивать князя, то моя настойчивость его удивила, и онъ спросилъ, отчего я такъ ревностно защищаю человѣка, не связаннаго со мною родствомъ. «Нассау, по настоящему, даже не соотечественникъ вашъ, говорилъ князь; по происхожденію онъ не Французъ, женился въ Польшѣ, и тамъ теперь его отечество». Тогда я разсказалъ ему о моемъ знакомствѣ съ принцемъ, о нашей ссорѣ, страшной дуэли и о томъ, какъ мы послѣ того поклялись во взаимной дружбѣ. Потемкинъ ничего не отвѣчалъ на это, но черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ мнѣ, что Императрица, въ доказательство своего вниманія ко мнѣ, поручаетъ мнѣ написать принцу Нассау, что она жалуетъ ему землю въ Крыму и позволяетъ выставить Русскій флагъ на его судахъ. Можно представить себѣ изумленіе и радость Нассау, когда онъ получилъ это неожиданное извѣстіе. По моему совѣту онъ написалъ Потемкину и просилъ его довершить милость, ему оказанную, и испросить ему дозволеніе лично благодарить Государыню.

Императрица уже публично объявила о своемъ намѣреніи ѣхать въ Крымъ, и я долженъ былъ сопровождать ее. Въ Кіевѣ Нассау присоединился къ намъ. Князь Делинь [2]), который тоже долженъ былъ ѣхать съ Императрицею, прибылъ въ Петербургъ. Во всѣхъ Европейскихъ дворахъ его принимали и ласкали. Его любили за добродушіе и обходительность, за оригинальный умъ и живое воображеніе; онъ могъ оживить самое бездушное общество. Онъ отличался рыцарскою храбростью на войнѣ, обладалъ обширными свѣдѣніями въ военныхъ наукахъ, исторіи и литературѣ, былъ внимателенъ, ласковъ со стариками,

---

[1]) Принцъ Карлъ Нассау-Зигенъ, род. 1745 г., служилъ въ военной службѣ сперва во Франціи, Испаніи и Австріи, а съ 1788 г. въ Россіи вице-адмираломъ; ум. 1808 г.

[2]) Принцъ Делинь, Австрійскій фельдмаршалъ, род. 1735 г., ум. 1814 г.

Библиотека "Руниверс"

перещеголялъ молодежь своею живостью, участвовалъ во всѣхъ забавахъ своего времени, во всѣхъ войнахъ, во всѣхъ торжествахъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ сохранилъ свою мужественную красоту. Умомъ своимъ онъ былъ еще двадцатилѣтній юноша. Вѣжливый съ равными, ласковый съ низшими, развязный съ высшими и монархами, онъ умѣлъ обойтись со всякимъ, ни передъ кѣмъ не терялся, писалъ стихи всѣмъ дамамъ. Обожаемый своею семьею, онъ дѣтямъ своимъ былъ скорѣе товарищъ, чѣмъ отецъ. Повидимому всегда откровенный, онъ однако свято хранилъ повѣренную ему тайну. Другой старикъ съ такимъ безпечнымъ нравомъ показался бы смѣшнымъ, но Делинь былъ такъ разнообразенъ, любезенъ, остроуменъ и притомъ такъ добродушенъ, что нравился даже своими недостатками. Онъ былъ въ большой милости у Императрицы. Едва онъ пріѣхалъ, какъ она объявила ему, что жалуетъ его имѣніемъ въ Крыму, на берегу Чернаго моря, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, находился храмъ, въ которомъ царевна Ифигенія была жрицею. Я уже нѣсколько лѣтъ былъ друженъ съ Делинемъ и потому болѣе другихъ наслаждался пріятною мыслью, что буду имѣть въ пути такого милаго товарища.

Съ приближеніемъ времени отъѣзда, я долженъ былъ стараться покончить свои дѣла, потому что съ отъѣздомъ нашимъ все могло остановиться. Политическій барометръ всегда почти стоитъ на перемѣнномъ, и при моемъ тогдашнемъ положеніи долгая отсрочка могла бы повести къ совершенной неудачѣ. Торжественное шествіе Екатерины на Югъ, сборъ многочисленныхъ войскъ къ берегамъ Днѣпра, до самаго Чернаго моря, все это легко могло встревожить Турокъ, пробудить въ нихъ опасенія и подать поводъ къ несогласіямъ, которыя мы всячески старались предупредить. Поэтому я удвоилъ свою дѣятельность. Вержень помогъ мнѣ очень удачно: Булгаковъ получилъ приказаніе откровенно объясниться съ Шуазелемъ, и такимъ образомъ, хотя на время, прекратился споръ о Грузіи. Диванъ обѣщалъ не оказывать впредь содѣйствія Леагинамъ и Черкесамъ. Ахалцихскому пашѣ запрещено поощрять разбои Кубанскихъ Татаръ и дѣлать набѣги на владѣнія Грузинскаго царя Ираклія, данника Императрицы. Повелѣнія эти въ самомъ дѣлѣ были отданы, но худо исполнялись; паша Ахалцихскій, нѣкогда христіанинъ, возставалъ уже не разъ и усмирился съ условіемъ, чтобы его пашалыкъ сдѣлали наслѣдственнымъ въ его родѣ. Поэтому на повиновеніе его нельзя было надѣяться, а смѣнить его было нелегко.

Споръ о взысканіяхъ, которыя слѣдовали съ Французскихъ судовъ, прибывшихъ въ Петербургскій портъ, все еще продолжался по упрямству графа Воронцова. Г. Галисоньеръ, командиръ нашей эскадры, велъ

Библиотека "Руниверс"

себя въ этомъ дѣлѣ съ отличнымъ благоразуміемъ и твердостью, такъ что заслужилъ одобреніе человѣка предубѣжденнаго противъ насъ, Англичанина Грейга, адмирала Русскаго флота [1]). Наконецъ мы согласились на сдѣлку, по которой положена была легкая пошлина на товары, привезенные нашими судами. Что же касается до нашего фрегата, то рѣшено было, что онъ будетъ принятъ въ Русскихъ портахъ на одинаковыхъ правахъ съ Англійскимъ фрегатомъ, который привезъ въ Россію лорда Каткарта, Англійскаго посла при Русскомъ дворѣ. Не смотря на этотъ уговоръ, Кронштадтскіе таможенные чиновники затѣяли споръ съ нашими моряками. Даль, завѣдывавшій таможенными дѣлами, человѣкъ грубый [2]), хотѣлъ непремѣнно освидѣтельствовать наши габары. Узнавъ объ этомъ, я рѣшился пожаловаться прямо Государынѣ помимо медлительнаго и пристрастнаго графа Ворощова. Она тотчасъ же объявила мнѣ, что чрезвычайно недовольна поведеніемъ Даля и немедленно прикажетъ ему удовлетворить всѣмъ нашимъ требованіямъ. Такимъ образомъ, всѣ препятствія были устранены, и эскадра наша отправилась обратно во Францію. Эта скорая и удачная развязка послужила мнѣ доказательствомъ того значенія, которымъ я пользовался, и немало способствовала къ облегченію сношеній моихъ съ министрами.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, Императрица позволила мнѣ отобѣдать съ нею у Потемкина и потомъ поѣхать съ нею же на Охтенскій пороховой заводъ и въ Пеллу [3]), новый загородный дворецъ, воздвигаемый для нея. Въ тоже время я и Кобенцель получили приказанія въ нашихъ сношеніяхъ дѣйствовать со взаимною откровенностью. Императоръ хотѣлъ вмѣстѣ съ нами способствовать сохраненію мира между Россіей и Турціей. Тогда министры Англійскій, Прусскій и Португальскій сдѣлались нашими постоянными и дѣятельными противниками. Данія и Швеція также выказывали свою недовѣрчивость, которой впрочемъ было основаніе по нѣкоторымъ свѣжимъ еще воспоминаніямъ и по честолюбію обоихъ императорскихъ дворовъ. Наше сближеніе съ этими дворами, хотя и съ миролюбивою цѣлію, внушало

---

[1]) Самуилъ Карловичъ Грейгъ, род. 1736 г., перешелъ въ Русскую службу изъ Англійской въ 1764 г., ум. 1788 г.

[2]) Германъ Юрьевичъ Даль, дѣйств. ст. сов., совѣтникъ гражданской палаты для таможенныхъ дѣлъ. (Этотъ старый холостякъ завѣщалъ деньги Воспитательному Дому съ тѣмъ, чтобы воспитавшіеся на нихъ мальчики носили его имя. Онъ не имѣлъ ничего общаго съ В. И. Далемъ; но въ наши дни одинъ изъ воспитанниковъ, пользуясь незнаніемъ властей, получилъ высокое мѣсто, яко бы родственникъ славнаго лексикографа).

[3]) Начатый въ 1784 г. и неоконченный дворецъ, строенный академикомъ И. Е. Старовымъ, въ 35 верстахъ отъ Петербурга, по Шлиссельбургской дорогѣ, при впаденіи р. Тосны въ Неву.

Библиотека "Руниверс"

Швеціи и Даніи опасенія. Онѣ помнили, что Русское правительство увѣряло въ дружбѣ Прусскаго короля и между тѣмъ вступило въ союзъ съ Австріею, что оно тоже самое сдѣлало съ Польскимъ королемъ, когда обѣщало ему защиту его владѣній, тогда какъ готовилось къ ихъ раздѣлу, и наконецъ съ султаномъ, съ которымъ утвердило торговый договоръ, когда овладѣло Крымомъ. Эти воспоминанія и меня нѣсколько тревожили; но Шуазель прислалъ мнѣ утѣшительныя вѣсти. Съ другой стороны я узналъ черезъ Кобенцеля, что Іосифъ II разскаевался, что способствовалъ Екатеринѣ пріобрѣсти Крымъ, не получивъ взамѣнъ того помощи въ спорахъ своихъ съ Голландіею и Баваріею, и потому рѣшился впередъ болѣе не поддерживать Императрицу въ ея завоевательныхъ намѣреніяхъ.

Принцъ Делинь объявилъ Императрицѣ, что Іосифъ II встрѣтитъ ее на берегахъ Днѣпра, а графъ Комажерскій, посланникъ Польскаго короля, просилъ назначить Кіевъ мѣстомъ свиданія со Станиславомъ. Императрица выразила свое согласіе. Между тѣмъ прибылъ курьеръ изъ Константинополя. Тотчасъ же потребовали во дворецъ Англійскаго посланника; онъ болѣе часа пробылъ тамъ съ Императрицею и Потемкинымъ, и это всполошило всѣхъ дипломатовъ. Я вмѣстѣ съ другими терялся въ догадкахъ. Одинъ Богъ вѣдаетъ, сколько шифрованныхъ депешъ разошлось по Европейскимъ кабинетамъ, и сколько родилось различныхъ предположеній и догадокъ. Къ счастью, въ тотъ же вечеръ я видѣлъ Государыню въ Эрмитажѣ и узналъ отъ нея, что единственнымъ предметомъ этого совѣщанія было разсмотрѣніе любопытныхъ рисунковъ, привезенныхъ кавалеромъ Ворслеемъ изъ Египта.

Время приближалось къ отъѣзду. Наши совѣщанія замедлились; наконецъ меня позвали на конференцію. Но на этотъ разъ мнѣ отказывали въ уменьшеніи тарифа. Мнѣ возражали, что дешевизна нашихъ винъ сдѣлаетъ подрывъ Испанцамъ и Португальцамъ, которые привозятъ въ Россію много денегъ, а вывозятъ ихъ мало, между тѣмъ какъ по заключеніи нашего договора множество Русскихъ денегъ уйдетъ на предметы роскоши, доставляемые Французами въ большомъ количествѣ. Наконецъ, министры оправдывали свою медленность тѣмъ, что они завалены дѣлами. Они увѣряли меня, что дѣло о торговыхъ договорахъ съ Англіею, Неаполемъ и Португаліею подвигается еще медленнѣе. Воронцовъ заключилъ конференцію обѣщаніемъ сообщить мнѣ свое окончательное мнѣніе, но при этомъ объявилъ, что пошлина будетъ сбавлена на одно только наше Шампанское. Я всего могъ опасаться въ странѣ, гдѣ все начинаютъ и ничего не оканчиваютъ. Къ тому же Воронцовъ намѣревался ѣхать въ Финляндію, и мнѣ казалось,

Библиотека "Руниверс"

что министры, нерасположенные ко мнѣ, нарочно тянутъ дѣло, чтобы оно осталось неоконченнымъ до нашего отъѣзда въ Крымъ. Я обратился съ своими жалобами къ Потемкину. Онъ также находилъ эти проволочки несправедливыми, но не могъ мнѣ помочь, потому что долженъ былъ ѣхать въ Кіевъ. Тогда, не видя другихъ средствъ, я рѣшился избрать себѣ новаго посредника въ лицѣ Мамонова. Онъ былъ хорошъ со мною и всегда увѣрялъ, что желаетъ мнѣ счастливаго окончанія моихъ дѣлъ. Въ письмѣ къ нему, описывая всѣ свои непріятности, я, между прочимъ, выразился такъ: «Въ то время, какъ Императрица желаетъ успѣшнаго окончанія торговаго договора между Россіею и Франціею, ея приказанія худо исполняются, и она этого не знаетъ. Изъ потворства ли Англіи, изъ нерасположенія къ Франціи, по другимъ ли какимъ причинамъ, но только министры ея дѣлаютъ мнѣ безпрестанныя затрудненія. Они какъ будто хотятъ только протянуть это дѣло до отъѣзда нашего въ Крымъ. Если до тѣхъ поръ они его не покончатъ, то нельзя уже будетъ выполнить повелѣнія Государыни. Такимъ образомъ не удастся сдѣлка, по своимъ послѣдствіямъ полезная для обѣихъ сторонъ».

Мамоновъ отвѣчалъ, что всѣ эти отсрочки и ему непріятны, но къ несчастію ему нельзя помочь такъ, какъ бы онъ желалъ; потому что ея величеству можетъ не понравиться, если онъ заговоритъ съ нею о дѣлахъ, въ которыя вступаться она ему не дала позволенія.

Я это зналъ и не ожидалъ другого отвѣта; но въ тоже время для меня было несомнѣнно, что онъ въ подтвержденіе своей скромности покажетъ Государынѣ какъ мое, такъ и его письмо. Этого только мнѣ было нужно, и успѣхъ не замедлилъ оправдать мое ожиданіе. Вержень прислалъ мнѣ свою записку о договорѣ, въ которой съ великимъ искусствомъ все было изложено въ умномъ и согласительномъ видѣ. Я попросилъ у министровъ новаго совѣщанія, и на другой же день они мнѣ назначили его.

Мнѣ не трудно было догадаться, что какая-то негласная, но властная сила подѣйствовала на расположеніе уполномоченныхъ. Воронцовъ сталъ уступчивѣе, Безбородко дѣятельнѣе, Остерманъ любезнѣе; одинъ только Морковъ *), замѣстившій между тѣмъ Бакунина, еще упрямился. Проектъ Верженя разобрали по статьямъ и видимо желали согласиться. Всѣ почти перемѣны, какія желалъ нашъ дворъ, были сдѣланы. Оставалось только рѣшить нѣсколько незначительныхъ статей, относительно

*) Аркадій Ивановичъ Морковъ, род. въ 1747 г., служилъ сперва въ посольствахъ, а съ 1786 г. при Иностр. Коллегіи; въ 1796 г. пожалованъ графомъ Рим. имп., ум. 1829 г.

Библиотека "Руниверс"

вознагражденій, требуемыхъ Россіей за обѣщанное мнѣ уменьшеніе пошлинъ съ нашихъ винъ.

Я послалъ окончательное изложеніе договора Верженю и совѣтовалъ ему не настаивать на мелочныхъ требованіяхъ, а имѣть въ виду великія выгоды, какія предоставляются намъ. Въ самомъ дѣлѣ: намъ дозволяли платить пошлины на Русскія деньги. Такимъ образомъ мы уравнены были въ правахъ съ Англичанами и другими народами, которые до этого времени платили 12% менѣе насъ. Договоръ этотъ утверждалъ за нами всѣ преимущества, уступки и права, какіе имѣли другіе народы, пользовавшіеся въ Россіи особенными выгодами. Пошлины на наши вина были уменьшены на четвертую долю въ южныхъ областяхъ и на пятую въ сѣверномъ краѣ имперіи. Мыло наше допущено къ привозу наравнѣ съ Венеціанскимъ и Турецкимъ. Вообще пошлины на всѣ наши товары были сбавлены на одну четверть. Исключенію изъ этого подлежали соль и водка; но это исключеніе относилось и къ прочимъ народамъ, потому что соль составляла значительную отрасль торговли въ Крыму, а хлѣбное вино, выкуриваемое въ Россіи и отдаваемое на откупъ, приносило казнѣ до 50 милліоновъ годоваго дохода. Я писалъ министру, что мы очень можемъ довольствоваться уступками, сдѣланными относительно нашихъ винъ, потому что потребленіе ихъ, не смотря на высокія цѣны, увеличивается, тогда какъ запросъ на Португальскія и Испанскія вина уменьшается. Къ тому же нужно взять въ соображеніе, что Ноябрь мѣсяцъ близокъ, что Императрица ѣдетъ въ первыхъ числахъ Января, и что если мнѣ вскорѣ не сообщатъ окончательнаго рѣшенія, то противники наши употребятъ въ свою пользу упущенное время; тогда дѣло наше прервется продолжительнымъ путешествіемъ, а можетъ быть, и совсѣмъ разстроится, потому что хотя и Шуазелю, и Булгакову удалось заключить выгодныя условія съ Портою, политическій горизонтъ однако довольно сумраченъ. «Меня увѣряютъ, писалъ я, что желаютъ мира, однако на Югѣ собирается огромная армія, будто бы для того, чтобы придать болѣе пышности торжественной поѣздкѣ Императрицы. Министры Прусскій и Шведскій утверждаютъ, что хотя Императрица отложила намѣреніе завоевать Турцію, однако она предполагаетъ положить основаніе новой имперіи; что, будучи обладательницей нѣкоторыхъ частей древней Греческой имперіи, именно Тавриды, Босфора Киммерійскаго и Иверіи, она намѣревается короновать въ Херсонѣ внука своего Константина, въ надеждѣ возбудить этимъ въ Грекахъ желаніе свергнуть Турецкое иго. Вслѣдствіе этого громадная Оттоманская имперія рано или поздно должна рушиться среди ужасовъ продолжительной войны. Планъ этотъ казался мнѣ несбыточнымъ, но онъ могъ встревожить Турокъ, и этого

Библиотека "Руниверс"

достаточно, чтобы повести къ раздору. Мы въ такомъ случаѣ возбудили бы противъ себя Россію и лишились бы надежды когда-либо заключить торговый договоръ.

Дѣла Фитцъ-Герберта шли успѣшно; но въ то самое время, какъ онъ уже полагалъ заключить договоръ, встрѣтилось неожиданное и непреодолимое препятствіе. Надобно знать, что Русскіе уполномоченные предложили мнѣ помѣстить въ договорную грамоту статью о томъ, что король нашъ признаётъ начало вооруженнаго нейтралитета. Я на это согласился, но только съ условіемъ, чтобы Императрица торжественно обѣщала не заключать и не возобновлять никакого договора съ другими державами, не истребовавъ отъ нихъ такого же признанія. Когда объявили объ этомъ Фитцъ-Герберту, онъ, разумѣется, отклонилъ эти требованія и настаивалъ на отмѣнѣ этой статьи, утверждая, что его правительство никогда не согласится на такое предложеніе. Уполномоченные отвѣчали, что невозможно исполнить его требованія, потому что Императрица по этому предмету заключила съ нѣкорыми значительными державами обязательства, которыхъ нельзя нарушить. Послѣ этого совѣщанія прекратились, и договоръ не состоялся. Согласились только прежній договоръ, которому выходилъ срокъ, оставить въ силѣ еще на три мѣсяца, для того, чтобы Англійское правительство въ теченіе этого времени могло изъявить свое рѣшительное мнѣніе по этому предмету.

Императрица была тогда огорчена семейными непріятностями. Она хотѣла взять съ собою на Югъ внуковъ своихъ Александра и Константина. Великій князь и его супруга не должны были участвовать въ путешествіи и потому горячо жаловались на эту разлуку. Пререканія становались горячими. Но молодые князья заболѣли корью, и Императрица должна была оставить ихъ при родителяхъ.

Въ тоже время при дворѣ произошла совершенно неожиданно довольно непріятная сцена. Однажды послѣ представленія въ Эрмитажѣ, принцесса Виртембергская, невѣстка великой княгини, вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, послѣдовать за нею, прошла въ комнаты Императрицы, бросилась къ ея ногамъ и стала умолять ее о защитѣ отъ мужа, который, по ея увѣреніямъ, обращался съ нею самымъ жестокимъ образомъ. Она объявила, что не можетъ болѣе сносить обиды и насилія, которыя могли усилиться по отъѣздѣ Императрицы. По всей вѣроятности, вмѣстѣ съ жалобами она высказала какія-нибудь важныя извѣстія и подробности; ибо въ тотъ же вечеръ, послѣ этой сцены, Государыня написала строгое письмо принцу и повелѣла ему оставить службу и выѣхать изъ Россіи въ Германію. Принцесса оставалась въ Эрмитажѣ, гдѣ ей отвели покои. Великій князь и великая княгиня бы-

Библиотека "Руниверс"

ли очень огорчены, потому что принцесса, сестра ихъ, оказала въ этомъ случаѣ свое нерасположеніе къ нимъ.

Декабрь прошелъ, и я не получалъ никакихъ извѣстій отъ своего правительства. Англичане и приверженцы ихъ, желавшіе, чтобы договоръ не состоялся, торжествовали. Наконецъ 6-го Января [1]) прибылъ курьеръ отъ Верженя. Я тотчасъ же написалъ статьи, въ которыхъ нужно было, по мнѣнію министра, сдѣлать измѣненія и дополненія. 7-го просилъ я совѣщанія, и оно состоялось 8-го. Я прочелъ уполномоченнымъ бумагу, написанную съ тою цѣлью, чтобы доказать имъ справедливость и умѣренность тѣхъ новыхъ требованій, которыя мнѣ приказано было предложить имъ. Мнѣ сдѣлали нѣсколько незначительныхъ, краткихъ возраженій. Замѣтно было, что дипломаты получили негласное предписаніе скорѣе покончить дѣло. Однако они настоятельно требовали, чтобы пошлина на Русское желѣзо была сбавлена въ сравненіи съ желѣзомъ, привозимымъ изъ другихъ странъ, и объявили, что безъ этого невозможны уступки въ отношеніи къ нашимъ винамъ и мылу. Вержень предварительно уполномочилъ меня согласиться на эти требованія, но только въ крайнемъ случаѣ. Увидѣвъ, что Русскіе уполномоченные спѣшатъ окончить переговры, я рѣшился воспользоваться этимъ. Вмѣсто того, чтобы объявить имъ о полученномъ мною разрѣшеніи, я рѣшительно отказывался сбавить пошлину съ желѣза ко вреду другихъ державъ, особенно Швеціи, нашей союзницы. Я даже объявилъ, что эти требованія могутъ послужить достаточнымъ поводомъ къ моему отказу подписать договоръ. Эта смѣлая выходка мнѣ удалась. Русскіе члены конференціи, чтобы предупредить разрывъ, удовольствовались условіемъ, что для продажи имъ будутъ предоставлены тѣже выгоды, какими пользуются народы, платящіе меньшія пошлины. Въ вознагражденіе за это уравненіе правъ, они согласились на сбавку пошлинъ съ нашего винà и мыла, какъ было условлено прежде. Такимъ образомъ, при обоюдномъ желаніи скорѣе совершить этотъ актъ, мы, послѣ двухчасового совѣщанія, окончательно составили всѣ статьи договора. 9-го Января (н. ст.) были написаны грамоты, и наконецъ $\frac{31\text{ Декабря }1786}{11\text{ Января }1787}$ года договоръ былъ скрѣпленъ подписями [2]), а $^2/_{13}$ я отослалъ его съ курьеромъ къ Верженю.

---

[1]) Новаго стиля.

[2]) Договоръ этотъ былъ утвержденъ Императрицею въ Кіевѣ 3-го Апрѣля 1787

Библиотека "Руниверс"

УЖАСЫ КРѢПОСТНОГО ПРАВА.

Въ царствованіе Александра Благословеннаго.

Записка о жестокихъ поміщика 7-го (что нынѣ 6-го) класса Денисьева и жены его поступкахъ съ крестьянами ихъ.

По доходившимъ нѣсколько разъ до меня свѣдѣніямъ о жестокостяхъ г. Денисьевой, о побѣгахъ людей ея во множествѣ и о изнурительномъ и бѣдственномъ положеніи ея крестьянъ, я говорилъ неоднократно бывшему губернскому предводителю Заикину внушить Денисьевымъ, который увѣщевалъ ихъ, но сіе ни къ чему не послужило болѣе, какъ къ дальнѣйшимъ ожесточеніямъ. Почему поручилъ я Курскому губернскому уголовныхъ дѣлъ стряпчему Тимченку съѣхать на мѣсто, удостовѣриться въ истинѣ и мнѣ въ подробности донести.

Тимченко представилъ крѣпостныхъ ея людей, найденныхъ имъ въ тяжкихъ оковахъ (кучера Емельяна Теплова въ кирпичномъ сараѣ, а лакея Аѳанасья Киселева запертаго во флигелѣ большимъ висячимъ замкомъ), которые подтвердили мнѣ лично, что они вынуждены были бѣжать отъ таковыхъ истязаній господъ ихъ, которые ихъ бьютъ и мучатъ немилосердно. Лакей Аѳанасій будто по наказаніи его привязывали за пальцы, а брата его, привязавъ за пальцы, на вѣсу били нещадно; а кучеръ Емельянъ, что связавъ бичевой пальцы, вѣшали чрезъ кольцо, пробитое въ проходѣ, и сѣкли двѣ недѣли каждый день, и что господинъ или госпожа сами всегда присутствуютъ, а иногда и сами бьютъ, что дѣвокъ горничныхъ также вѣшаютъ и сѣкутъ, и что онѣ большею частью острижены.

Сверхъ того въ тоже самое время Курскій полицмейстеръ представилъ мнѣ, что содержащіеся въ тюремномъ замкѣ за побѣгъ дворовая женка помѣщицы Денисьевой Надежда Дубинина и крѣпостной мужа ея человѣкъ Егоръ Кузнецовъ принесли жалобу, что причиною учиняемыхъ ими и прочими Денисьевой людьми побѣговъ есть несносное и жестокое госпожи ихъ съ ними обхожденіе, нещадные побои и мученія. Показывала Дубинина на себѣ знаки боевыхъ ранъ на рукѣ отъ битья ее самою г. Денисьевою желѣзною кочергою и когда раны сіи у нея болѣли, то она нарочито для мученія заставляла ее мыть полы и, коль скоро она жаловалась, что не можетъ сего исполнить по болѣзни рукъ, то она ее вновь била (причемъ при-

Библиотека "Руниверс"

ложила и медицинское свидѣтельство); что прочихъ людей бьетъ нещадно, связываетъ веревками пальцы, вѣшаетъ къ потолку или стѣнѣ и потомъ сѣчетъ жестоко, что и по сей часъ одинъ человѣкъ безъ пищи содержится въ погребѣ въ желѣзахъ и что она сама, г. Денисьева, связавъ мальчику руки и ноги, сѣкла своими руками; что людей и женщинъ держитъ въ желѣзныхъ рогаткахъ и проч.

По долгу званія моего и по человѣчеству, желая болѣе удостовѣриться въ истинѣ сихъ показаній, отъ 20-го Августа 1824-го года предписывалъ я г. Тимченку произвести строгое изслѣдованіе при членѣ Земскаго Суда; но какъ Денисьевъ самъ меня просилъ, дабы при слѣдствіи находился предводитель дворянства, то по выбору его я предлагалъ находиться Курскому уѣздному предводителю дворянства Шагарову; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и депутатъ со стороны военной, по поводу состоянія тогда на службѣ Денисьева оберъ-кригсъ-коммисаромъ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса.

Послѣ того губернскій стряпчій Тимченко отъ 25 Августа донесъ мнѣ, что, при произведеніи имъ изслѣдованія Курскаго уѣзда въ селѣ Толмачевѣ Денисьевыхъ, кучеръ Емельянъ Тепловъ объявилъ ему, что Денисьевъ, проѣзжая Курскаго уѣзда въ деревню его Петровку и оттоль на другой день обратно чрезъ хуторъ Ворожбенскій, находившагося тамъ для господскихъ работъ изъ села Дурновки Тимскаго уѣзда крестьянина Ивана Козьмина безчеловѣчно наказывалъ два раза самъ, а въ третій разъ управляющій имѣніемъ крестьянинъ его Егоръ Буркуновъ, за то, что теленки и лошади выскочили на загонъ овса, и что Козьминъ, не стерпя таковыхъ жестокихъ побоевъ, ушелъ изъ хутора домой въ село Дурновку, тамъ, испросивъ священника, умеръ и погребенъ 22-го числа того же Августа. Къ раскрытію сего обстоятельства во всей подробности командированъ былъ мною Курскій уѣздный стряпчій Байцуровъ.

Изъ произведенныхъ сими чиновниками слѣдствій обнаружилось, какъ видно изъ допросовъ дворовыхъ людей и крестьянъ Денисьевыхъ, а именно.

I) Кучеръ Тепловъ. Въ бытность его кучеромъ Денисьевъ безъ всякой вины наказывалъ его три раза палками и одинъ разъ веревкою и потомъ въ теченіе одного года въ первый разъ за то, что, при подвозѣ крестьянами отъ дождя коляски подъ сарай, мѣдная на откидныхъ дверцахъ ручка, толкнувшись нечаянно объ соху, отломилась, камердинеромъ Глѣбомъ былъ битъ по нагому тѣлу до тѣхъ поръ, пока безъ чувствъ упалъ на землю. Въ другой разъ при провожаніи рядного вина за то, что не взялъ изъ господского дома дегтя, тогда какъ тамъ онаго не было, по приказанію Денисьева управитель его Буркуновъ тамъ же на дорогѣ билъ его кнутомъ и палкою до тѣхъ поръ, пока также упалъ на землю. Въ третій разъ вскорѣ послѣ того однимъ днемъ два раза бѣжавшій камердинеръ наказалъ толстою плетью при священникѣ, бывшемъ въ горницѣ, за то, что въ одной обвѣнчанной крестьянской парѣ женихъ былъ моложе невѣсты, тогда какъ самъ Денисьевъ

Библиотека "Руниверс"

просилъ священника о перевѣнчаніи оной. Потомъ, когда при провожаніи въ домъ жениха невѣсты, шедшія за нею родственницы, женщины и дѣвки, по заведенію плакали, коихъ всѣхъ онъ Денисьевъ приказалъ ему Теплову забрать на господскій дворъ, но онъ, выбѣжавши, захватилъ только двухъ, а прочія разбѣжались, то за то, для чего не всѣхъ женщинъ и дѣвокъ привелъ. Въ четвертый разъ за то только, что онъ весною, копавши землю, безъ всякаго умысла сказалъ, что земля мерзлая, въ двѣ палки до тѣхъ поръ приказывалъ бить, пока безъ чувствъ упалъ на землю. Въ пятый разъ въ деревнѣ Камышевкѣ Денисьеву показалось, что тамошніе крестьяне мало вывезли навоза въ поле. Денисьевъ билъ его за то, что ему показались удары при наказаніи десятскаго якобы слабыми, почему Денисьевъ вырвалъ у него изъ рукъ палку и сказалъ, что не такъ, а вотъ какъ бьютъ, самъ наказывалъ его тою палкою. Другихъ же мелкихъ побоевъ, которые каждый почти день по щекамъ и за волосы отъ самого Денисьева наносимы были, не могъ подробно разсказать потому, что оные были не такъ чувствительны. Напослѣдокъ, видя, что всѣ дворовые и крестьяне несутъ такую же участь отъ Денисьева и жены его, такъ что во время ихъ жительства въ Лебяжьемъ рѣдкій день проходилъ, чтобы не былъ кто наказанъ, и не стерпя жестокихъ побоевъ, прежде его бѣжали четыре ямщика, четыре кучера, камердинеръ, два лакея и женщина, а въ бытность его того года въ Коренной ярмаркѣ и онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ камердинеромъ Семеномъ и лакеями Мартыномъ, Прокофіемъ и Аѳанасьемъ. При побѣгѣ его изъ Коренной товарищи его не знаетъ куда отдѣлились, а онъ съ Аѳанасьемъ прямо пришли Малоархангельскаго уѣзда въ деревню Костину и ожидали тамъ товарищей, но не дождавши ихъ и не зная куда идти, возвратились назадъ, чтобы явиться къ господину и просить помилованія. На девятый послѣ побѣга день по приходѣ въ Курскъ товарищъ его взятъ въ полицію, а онъ самъ взятъ въ Лебяжье на господскій дворъ, гдѣ кучеръ Михайло доложилъ о приходѣ его Денисьеву, который тогда же велѣлъ сковать его въ конскія желѣза и отданъ былъ на руки брату Родіону подъ караулъ. На другой день дворникомъ Семеномъ и дворовымъ Архипомъ, который по жестокому исполненію приказанія господъ именуется заплечнымъ мастеромъ, приведенъ къ Денисьеву. Начально въ верхней, потомъ въ нижней комнатѣ самимъ Денисьевымъ былъ вспрашиванъ о камердинерѣ Семенѣ и по незнанію его мѣстопребыванія Денисьевъ, не принявъ въ резонъ и клятвы, велѣлъ наказывать его палками; кучеръ Михайло держалъ, а Архипъ билъ палками стоячаго, а послѣ положа на полъ по пятамъ. Въ продолженіе сего наказанія Денисьевъ, не знаетъ зачѣмъ, ходилъ въ верхнія комнаты; возвратясь оттоль, не смотря на продолжительный по пятамъ бой и что онъ прежде кричалъ, а въ приходъ его отъ мучительнаго наказанія и немощи въ силахъ не могъ кричать, сказалъ Архипу, что бьетъ не по тѣлу, а по дереву, велѣлъ бить больнѣй; послѣ сего бой кончился пятью ударами, и тѣми Архипомъ и Михайлою отведенъ на кирпичный заводъ, гдѣ былъ закованъ сперва въ конскія желѣза, а потомъ въ тяжкія кандалы и на шею надѣта желѣзная рогатка

Библиотека "Руниверс"

Въ такомъ положеніи подъ присмотромъ кирпичнаго мастера пробылъ онъ три дня; на четвертый утромъ по приказанію Денисьева приведенъ былъ къ нему, который повторилъ тотъ же о камердинерѣ вопросъ и получа отъ него отвѣтъ, что не знаетъ, приказалъ кучеру Михайлѣ отвести его въ кузницу и надѣть на руки кандалы. Потомъ, когда было исполнено, съ приказанія Денисьева, заперли его въ погребъ, въ которомъ и пробылъ онъ *безъ пищи до ночи*, а ночью лакей Семенъ отдалъ его на кирпичный заводъ, гдѣ пробылъ день и другую ночь. Утромъ, за отъѣздомъ Денисьева въ Медвенку, по приказанію жены сто лакеемъ Филиппомъ былъ приведенъ къ ней, которая, также разспрашивая о камердинерѣ Семенѣ, по незнанію его, ожесточилась, била его своими руками по щекамъ и усмотря, что гвоздь при заклепаніи рогатки надломился, разорвала рогатку, колола шипами ему шею, призвала туда кузнеца, который, что рогатка показалась ей тонкою, былъ битъ поваромъ Исаемъ до тѣхъ поръ, пока сломалась палка, и тогда же по приказанію Денисьевой заклепана на его шеѣ другая новая съ шестью шипами рогатка, и отведенъ былъ въ нижнюю мастерскую подъ флигелемъ комнату, гдѣ привязанъ былъ къ станку и въ семъ положеніи также безъ пищи простоялъ съ утра до вечера, а вечеромъ лакей Семенъ отвязалъ его и при приводѣ въ кирпичный сарай сжалился, что ничего не ѣлъ, завелъ къ матери, которая накормила его. На другой день утромъ Денисьевъ по пріѣздѣ самъ былъ на кирпичномъ заводѣ, гдѣ мастеръ завода Журавлевъ докладывалъ Денисьеву, что за наручнями не можно ему Емельяну работать кирпича, но онъ, сказавъ: въ Сибири всѣ такъ работаютъ, пошелъ съ завода. Послѣ его вскорѣ пришелъ мальчикъ Ѳедька и сказалъ ему, что по словамъ господина, уѣхавшаго въ Курскъ, чтобы госпожа нашла ему работу, и онъ Ѳедька, по ея приказанію, отвелъ его съ кирпичнаго сарая въ сажелку, что̀ въ саду, гдѣ онъ въ водѣ чистилъ оную цѣлый день, а ночью, не видя за собою караульнаго, пошелъ къ матери и ночевалъ; а на другой день утромъ лакей Семенъ сказалъ ему, что приказала госпожа копать грядки для малины, а чтобъ лучше копалъ приказала дать ему 25 ударовъ въ спину палкою, послѣ чего онъ во весь тотъ день копалъ и носилъ на грядки землю. Ночевалъ у матери. На другой день устилалъ въ саду дерномъ дорожку. Утромъ Денисьева, вышедши на балконъ, приказала лакею Филиппу въ глазахъ ея дать ему въ спину еще 25 ударовъ палкою. Предъ обѣдомъ и въ ея же глазахъ при вновь опредѣленномъ управителѣ штабсъ-ротмистрѣ Макшеевѣ, стоявшемъ на балконѣ подлѣ госпожи, лакей Филиппъ повторилъ ему тѣже 25 ударовъ. При наступленіи ночи, съ приказанія Денисьевой, управитель приказалъ каменщику Дибесову, чтобы онъ, *покормя его*, отдалъ ночевать на кирпичный заводъ, а поутру вывелъ бы опять на туже работу, что̀ и исполнено. Денисьева тѣмъ же утромъ, вышедши на балконъ, вмѣсто завтрака приказала каменщику Зараю вновь дать ему 25 ударовъ палкою, что̀ въ глазахъ ея исполнено, при чемъ Денисьева кричала на Зарая: бей крѣпче! А на ночь посаженъ былъ въ погребъ, гдѣ приставленъ былъ караульный, дабы онъ отъ жестокаго мученья не лишилъ

Библиотека "Руниверс"

себя жизни. А утромъ чуть свѣтъ ключница Степанида, отомкнувши дверь, караульщика выпустила, а чрезъ часъ вновь отперлась дверь и вошелъ деревни Дурновки крестьянинъ Григорій и принеся съ собою двѣ толстыя палки, сказалъ, что Денисьевна приказала привязать его за персты вверхъ къ кольцу, что въ сводахъ, и бить до тѣхъ поръ, пока обѣ палки сломаются и сломанныя палки показалъ бы ей Григорій. Надѣвъ на персты рукъ его мо́тики и притянувъ ихъ къ кольцу такъ высоко, что онъ едва могъ стоять на землѣ одними перстами ногъ, и укрѣпивши его такимъ образомъ, Григорій, и самъ страшась подобнаго наказанія, билъ его до тѣхъ поръ палками, пока обѣ поломались, и тѣ изломанныя палки носилъ на показъ къ Денисьевой. Возвратясь оттоль, отвязалъ обѣ его руки отъ кольца, отвелъ паки въ садъ на работу, куда во время обѣдовъ хотя приходилъ и самъ Денисьевъ, пріѣхавшій съ Медвенки, но ничего не сказалъ ему, кромѣ, что Степанъ Ивчаровъ объявилъ, дабы онъ по приказанію его взялъ лопатку и копалъ бы въ звѣринцѣ канаву, которую онъ и копалъ до вечера вмѣстѣ съ крестьяниномъ Аѳанасьемъ Буденковымъ. Работою сею занимался еще два дня. На третій, подъ самыя именины меньшой дочери Денисьева, Ольги, отведенъ онъ паки на кирпичный заводъ, такъ какъ слышалъ онъ, что въ день именинъ въ звѣринцѣ будутъ прогуливаться господа, то что ему тамъ въ кандалахъ не можно быть. На другой день, въ самыя именины, называемый заплечнымъ мастеромъ Архипъ, съ приказанія Денисьева, сбилъ съ него ручныя кандалы, надѣлъ на другого Тимскаго уѣзда, деревни Черновца, крестьянина Ивана. На другой или на третій день (истинно за мученіемъ его не припомнитъ) тотъ же Архипъ съ кирпичнаго завода привелъ его въ звѣринецъ. Пришелъ туда лакей Семенъ, принесъ съ собою и бичеву, сказалъ, что Денисьевъ приказалъ его вновь допрашивать до тѣхъ поръ, пока скажетъ гдѣ камердинеръ Семенъ. Сняли съ него рубашку, связали просто спереди обѣ руки, Архипъ избилъ объ него обѣ палки. Пришелъ туда и самъ Денисьевъ. Услышавши, что онъ по незнанію не говоритъ, гдѣ укрывается камердинеръ, велѣлъ было Архипу, чтобы онъ, надѣвши на тайный его удъ бичевку, притянулъ вверхъ къ перекладинѣ той, которую Тимченко лично осматривалъ и которая отъ земли аршина на три съ половиною; но Архипъ отвѣчалъ ему, Денисьеву, что сего сдѣлать не можно, потому что не будетъ живъ. Тутъ Денисьевъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Архипъ, съ приказанія его, заворотилъ ему назадъ обѣ руки, по три перста каждой руки бичевкою связавъ въ одно мѣсто. Подставя его противъ самой перекладины, Архипъ поднялъ его вверхъ къ перекладинѣ, а лакей Семенъ концы бичевки переложилъ чрезъ перекладину, руки его сзади за персты завязанныя подтянулъ вверхъ къ перекладинѣ; завязавъ бичевку около перекладины, Архипъ бросилъ его держать. Онъ, привязанный, согнулся почти вдвое и, не доставая ногами земли на аршинъ, повисъ; лакей Семенъ, чтобы не качался, держалъ за ноги, Архипъ билъ по подошвамъ ногъ палкою, Денисьевъ билъ по щекамъ, рвалъ за волосы, на Архипа кричалъ: бей больше! Начально, когда такимъ образомъ былъ

Библиотека "Руниверс"

повѣшенъ, начали его бить по подошвамъ ногъ. Онъ раза три только крикнулъ, послѣ захватило ему дыханіе, такъ что никакъ не могъ кричать, пробылъ въ такомъ положеніи съ четверть или полчаса, чего какъ видно они испугались. Архипъ съ приказанія Денисьева приподнялъ его кверху, Семенъ развязалъ бичевку, опустили на землю, отъ каковаго мученія и тяжкой боли въ рукахъ, что оныя совсѣмъ почти были выворочены съ суставовъ, не могши стоять и на ногахъ отъ битія по подошвамъ, въ совершенномъ безпамятствѣ упалъ на землю. Денисьевъ, усмотря, что онъ живъ, за волосы поднялъ его и говорилъ: стой, не шатайся; но какъ онъ никакимъ образомъ не могъ стоять на ногахъ, то Денисьевъ приказалъ Архипу бить вновь его по подошвамъ, послѣ сего онъ уже не былъ наказываемъ до самаго начатія слѣдствія, но каждый день находился на работѣ въ кирпичномъ сараѣ, а на ночь приводимъ былъ въ погребъ.

II) Лакей Аѳанасій Киселевъ. Что въ теченіе десяти лѣтъ, видя безпрерывныя наказанія отъ Денисьева и жены его, чинимыя лакеямъ, музыкантамъ и крестьянамъ, бѣжали десять человѣкъ каменщиковъ, переведенныхъ изъ одного съ нимъ селенія, одинъ лакей, два музыканта, крестьянинъ Захаръ и другіе многіе крестьяне, коихъ онъ не знаетъ. Потому и онъ, не имѣя отъ господъ къ себѣ ни малѣйшаго сожалѣнія, назадъ тому четыре года бѣжалъ было вмѣстѣ съ тремя каменщиками, въ намѣреніи укрыть себя отъ жестокаго наказанія господъ, но подъ Ромнами пойманъ. По доставленіи его къ Денисьеву, пробылъ онъ въ кандалахъ недѣль пять и наказанъ розгами, послѣ же сего, сколько онъ ни старался заслужить милость господъ, но никакое усердіе не избавляло его отъ жестокости ихъ. По приказанію самой Денисьевой и въ глазахъ ея онъ былъ наказанъ самымъ жестокимъ образомъ палками 1824-го года великимъ постомъ два раза въ третій разъ Свѣтлаго праздника на третій или четвертый день начально за то, что купилъ якобы нехорошую просольную рыбу, потомъ за то, что бѣжавшій музыкантъ Тюлинъ якобы ночью прошелъ чрезъ господскій дворъ какъ онъ спалъ съ дворникомъ Черловскимъ, который также наказанъ; а въ послѣдній разъ за то, что не взялъ билетовъ въ театръ, когда оныхъ не засталъ. По привозѣ въ Лебяжье лакей Семенъ остригъ ему на головѣ волоса. Чернышевъ, чтобы не видали его бывшіе тогда гости, провелъ его коноплями въ кузницу. Вскорѣ за ними пришелъ и Денисьевъ, который, не спрашивая его ни о чемъ, пока поспѣютъ дѣлаемыя кандалы, приказалъ связать ему ноги веревкою. Кузнецу Родіону разбилъ до крови носъ, что меньшой его братъ ушелъ и унесъ съ собою шейную рогатку. Потомъ Денисьевъ приказалъ Родіону дѣлать кандалы какъ можно крѣпче и ушелъ къ гостямъ. Вскорѣ послѣ того крестьянинъ Марей приходилъ за кузнецомъ, который, возвратившись оттоль, сказалъ, что Денисьева призывала его для того, чтобы кандалы были какъ можно потѣснѣй, дабы обошлись только около одной нагой ноги, но онъ убѣдилъ кузнеца сдѣлать кандалы такія, чтобъ можно было около ноги подвернуть какую-либо кожу. Къ ве-

Библиотека "Руниверс"

черу поспѣли кандалы, кои, по снятіи веревки, заклепаны на его ногахъ. Чернышевъ привелъ его къ погребу, а ключница Степанида, отомкнувъ оный, накормила его, послѣ чего опустился онъ въ тотъ погребъ. Ключница заперла замкомъ дверь. Чрезъ полчаса тою же ночью и въ тотъ же погребъ приведенъ кучеръ Емельянъ, у коего были заклепанныя на рукахъ и ногахъ кандалы, а на шеѣ рогатка, замкнутая замкомъ, гдѣ съ нимъ Емельяномъ переночевали. На другой день утромъ отперли двери погреба, и Емельянъ, не знаетъ куда, пошелъ на работу, и погребъ опять заперли. Чрезъ часъ отворили двери, и спустился къ нему Чернышевъ, сказалъ, что Денисьева до прихода ея приказала связать ему назадъ руки, кои онъ Яковъ связалъ бичевою, куда вскорѣ пришла къ погребу Денисьева. Замѣтя, что нѣтъ у него на рукахъ кандаловъ, закричала на Якова, для чего онъ наканунѣ того дня не надѣлъ наручнѣй, что она ему самому за это прикажетъ дать сто палокъ. Чернышевъ, павши на колѣни, просилъ помилованія, послѣ чего Денисьева, оставя бранить Якова, пошла, не знаетъ куда, и Яковъ, запря дверь погреба, также пошелъ. Чрезъ часъ вновь отворила оную Денисьева, съ коею пришли лакей Семенъ и крестьянинъ Григорій, кои по приказанію Денисьевой опустились въ погребъ и, развязавъ завязанныя сзади руки, привязали оныя къ кольцу за персты, точно такъ, какъ былъ привязанъ кучеръ Емельянъ. Укрѣпивши его такимъ образомъ къ кольцу, плотникъ Григорій стоялъ, а лакей Семенъ, поднимая обѣ его ноги, одну за другою, билъ по подошвамъ его палками, сломалъ двѣ палки, каковой бой продолжалъ болѣе по лѣвой ногѣ, которая и при семъ его показаніи была опухшая, кожа на подошвѣ отстала, имѣлась рана. Послѣ боя по подошвамъ, продолжавшагося минутъ двадцать, Денисьева приказала Семену спустить съ него портки и бить по сѣдалищу и ногамъ. Семенъ и сіе наказаніе исполнилъ въ точности при Денисьевой, отчего также на ногахъ и сѣдалищѣ хотя имѣлись боевые знаки, но какъ наказаніе тому прошло семь недѣль, то оные истребились. Кончивши же бой, спустя портки, Денисьева приказала оставить его привязаннаго въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, а Семену и Григорію приказала вылѣзти изъ погреба, а ключница оный заперла. Въ половинѣ дня отперли вновь погребъ, и влѣзъ въ оный обучавшійся поварству мальчикъ Александръ, по приказанію Денисьевой надѣлъ на него портки. Чрезъ часъ съ ключницей пришла и Денисьева; стоя на дверяхъ погреба, вспрашивала, гдѣ остались Мартинъ и камердинеръ Семенъ; онъ отвѣчалъ на Москвѣ. Тутъ она, Денисьева, замѣтя, какъ видно, что изнемогъ въ силахъ, велѣла ключницѣ отвязать отъ кольца одну только руку, дать кусокъ хлѣба и воды, но какъ не могъ онъ ѣсть, Денисьева пошла отъ погреба, а ключница, сжалясь надъ нимъ, привязала руку къ кольцу не такъ крѣпко, а потому онъ перстами могъ шевелить и такимъ образомъ находился привязаннымъ съ утра до вечера. Ночью пришелъ плотникъ Григорій, отвязалъ ему руки на перстахъ, а узлы веревки, крѣпко затянувшіеся, не могъ развязать, принужденъ обрѣзать ножичкомъ. Ночевалъ съ нимъ запертый въ погребѣ. Поутру онъ же, Григорій, бичевкою связалъ

Библиотека "Руниверс"

ему назадъ руки и, оставя его въ такомъ положеніи по приказанію Денисьевой, вышелъ изъ погреба и часу до осьмаго стоялъ связанный. Въ осьмомъ часу тотъ же Григорій развязалъ ему руки, вывелъ на лугъ, гдѣ находившаяся Денисьева велѣла работать ему земляную работу. Часа чрезъ два крестьянскій староста Кусаковъ вмѣстѣ съ дворовымъ Мелиховымъ привезъ въ Курскъ на господскій домъ и, продержавши въ немъ три дня, перевезенъ обратно въ Лебяжье, и по приказанію Денисьевыхъ посаженъ въ погребъ, гдѣ пробылъ два дня и двѣ ночи. 12-го Іюля, какъ совершенно помнитъ, на другой день именинъ меньшой дочери Денисьевыхъ, Ольги, Денисьевымъ и секретаремъ Булгаковымъ былъ допрашиванъ, какъ значится въ показаніи кучера Емельяна; когда же Емельянъ за Архипомъ поползъ, то онъ не помнитъ кѣмъ былъ отведенъ въ садъ и работалъ около бесѣдки, Вечеромъ лакеемъ Филиппомъ отведенъ въ тотъ же погребъ и запертой ночевалъ въ немъ съ бондаревымъ сыномъ Петромъ. Пробылъ въ погребѣ еще двѣ ночи. Послѣ допроса въ Курскомъ Земскомъ Судѣ недѣли три безъ выпуска пробылъ въ погребѣ. Емельянъ же только ночевалъ съ нимъ, а днемъ работалъ кирпичъ. За пятый день до пріѣзда Тимченки выведенъ изъ погреба, а напослѣдокъ дня три пробылъ запертый въ кладовой. До побѣга, какъ выше значится, былъ онъ нѣсколько разъ наказываемъ, и по приказанію Денисьевыхъ наказывалъ и онъ многихъ крестьянъ и дворовыхъ и сѣнныхъ дѣвокъ, коихъ не припомнитъ, а совершенно знаетъ, что въ прошломъ году зимою, когда Денисьевою въ спальнѣ ея были привязаны за пальцы вверхъ прачки Анисья и Матрена (изъ коихъ одна Анисья совсѣмъ почти умерла было), то онъ съ дворецкимъ Чернышевымъ и лакеемъ Семеномъ, вырвавъ изъ стѣны гвоздь, къ коему была привязана, вытащили на дворъ, куда выбѣжала Денисьева съ столовою ложкою и, разнявши зубы, вливала въ ротъ квасъ, чрезъ что Анисья пришла въ чувство. Ввели ее въ дѣвичью и положили. Денисьева, при выходѣ во дворъ, и сама, какъ примѣтно, испугалась; хотя говорила, что это Анисьѣ сдѣлалось отъ родовъ, но несправедливо, потому что оное случилось отъ мученья, такъ какъ кто оное испыталъ, есть самое мучительнѣйшее.

III) Крестьянская женщина Катерина Васина объявила. Въ самое время уборки хлѣба украдено изъ лѣса неизвѣстно кѣмъ вырытыхъ пеньевъ возовъ пять, о чемъ Денисьева, узнавши и призвавъ ее Катерину къ себѣ, приказала лакею Семену отвести ее въ яму кирпичнаго сарая и тамъ навазать палками. На дорогѣ нагналъ ихъ другой лакей Филиппъ и объявилъ приказаніе госпожи бить больнѣй и чтобъ по наказаніи привести къ ней для показанія побоевъ. Семенъ по приводѣ Катерины въ яму обнажилъ ее, билъ по всему тѣлу палками жестоко, отъ чего она кричала и просила помилованія, на что онъ ей сказывалъ, что и радъ бы не наказывать больно, но что сама она слышала, что барыня приказывала привесть ее къ ней на показъ и что когда больно ея не накажетъ, то ему больше достанется, такъ какъ прежде по ея же приказанію, когда наказывалъ прачку Матрену и ей

Библиотека "Руниверс"

показалось не больно, то за то она его въ одинъ день наказывала три раза; и тутъ же онъ, Семенъ, видя, что хотя все тѣло отъ пятъ и сѣдалище избилъ до опухоли и сдѣлалось синебагровымъ, но какъ на правой только ляшкѣ мѣстахъ въ трехъ просѣкъ до крови, а на лѣвой не пробилъ, то онъ, Семенъ, изъ состраданіи къ ней, чтобы больше не мучить, оставя ее бить, не знаетъ у кого, взялъ иглу, коею (сказавши: чего дѣлать, старуха, барыня любитъ, чтобы наказанный былъ въ крови, у ней же съ одной стороны нѣтъ оной, то чтобы оная была на лѣвой) на лѣвой ногѣ отъ сѣдалища до колѣна во многихъ мѣстахъ распоролъ кожу, отчего пошла кровь и текла по пятамъ. Тогда Семенъ привелъ ее къ господскому дому, и Денисьева, стоя на балконѣ, примѣтила текущую по пятамъ кровь, такъ какъ она была босая, и болѣе не осматривала. Браня ее за украденные пни, сказывала, что дура ты, старая чертовка, развѣ ты не знаешь, что ея царское имѣніе нигдѣ не пропадаетъ; и для того грозила за тѣ пни продать собственную ея корову; потомъ приказала ей носить землю засыпàть ровъ и чистить дорожку, что̀ она дѣлала весь тотъ день безъ пищи. При исполненіи работы сей отъ наказанія хотя чувствовала мучительную боль, но до послѣдняго издыханія работала, страшась вновь наказанія, такъ какъ Денисьева о томъ ей уже грозила. Ночью уже поѣла хлѣба, а на другой день новый управитель Макшеевъ отослалъ ее въ лѣсъ, гдѣ она и находилась до взятія ея. Мужа ея Трофима съ начала весны на одной недѣлѣ три раза наказывала палками за то, что мало, какъ показалось ей, вспахано земли. Мужъ ея хотя и просилъ помилованія, потому у него одна только лошадь и та самая хворая, но Денисьева не приняла ничего въ резонъ, кричала: бей больше! Отъ сего, а особливо по разнесшейся молвѣ, что дворовыхъ и крестьянъ наказываютъ въ погребѣ и въ другихъ мѣстахъ, привязавши за пальцы, на всѣхъ на нихъ напалъ страхъ и ужасъ, что и теперь, ежели отдана будетъ господамъ, то должна безвозвратно погибнуть.

IV) Противу таказаній сихъ дворовые люди и крестьяне, всего 84 человѣка, утвердивъ единогласно жестокое обращеніе съ ними Денисьевыхъ, показали, что они и всѣ вообще крестьяне не имѣютъ отдохновенія, въ праздничные и воскресные дни употребляются въ господскія работы, что тягловымъ крестьянамъ для себя работать давалось въ недѣлю по одному только дню, иногда по два, а иногда ни одного, что многіе отрываются отъ семейства въ другія имѣнія на господскія работы по году и болѣе, что въ бытность Денисьева содержателемъ почтъ и поставщикомъ съ его завода вина, у многихъ забраты собственныя лошади на станціи, другіе сами съ лошадьми находились на оныхъ и въ винокуренномъ заводѣ. За недачею корма, лошади пали, кожи съ нихъ побралъ къ себѣ Денисьевъ, и хозяева лошадей возвращались въ домы свои съ одними кнутами. Во время нахожденія на господскихъ работахъ крестьянамъ, дворовымъ людямъ, даже и сѣннымъ дѣвкамъ, отпускается одинъ только хлѣбъ, соль же и крупа никогда не отпускались. Всѣ почти крестьяне находятся въ самой крайней

Библиотека "Руниверс"

бѣдности, терпятъ въ пропитаніи и одеждѣ величайшую нужду. Многіе дворовые и крестьяне, не стерпя жестокихъ наказаній, чинятъ побѣги, такъ что однихъ ловятъ, другіе бѣгутъ. Что сверхъ того Денисьевы, всегда когда живутъ въ Лебяжьемъ, рѣдкій день проходилъ, чтобъ кого не наказали; бывало и то, что однимъ днемъ, утромъ и вечеромъ, перебьютъ человѣкъ пять-шесть; изъ нихъ сѣнныхъ дѣвокъ Василису Кузнецову, крестьянскую жену Ефимью Кондратову вѣшали къ кольцу, къ коему были привѣшиваемы кучеръ Емельянъ и лакей Аѳанасій. Авдотью Кузнецову, Наталью Щеглову три дня часа по два къ потолочной перекладинѣ, Авдотью Гусеву, прачекъ Анисью и Матрену, приставя къ стѣнѣ къ гвоздямъ, женщину Анну Подушкину въ сѣняхъ къ столбику, сѣнную дѣвку Екатерину Уткину въ дѣвичьей къ пробою дверной притолоки сама Денисьева, а крестьянскую женку Пелагею Денисьева въ звѣринцѣ къ перекладинѣ, поднявши вверхъ руки, за персты бичевою привѣшивала. Изъ числа сихъ же сѣнныхъ дѣвокъ Василису наказывали у воротъ господскаго двора въ Лебяжьемъ, Настасью Киселеву на балконѣ, привязанную назадъ руками къ столбу, Ефимью Кондрашову и сестру ея Пелагею привѣсивши подъ балкономъ. Однѣхъ совсѣмъ нагихъ, другихъ, поднявши рубашки до грудей, палками и кнутомъ жестоко наказывали по всѣмъ частямъ тѣла и по подошвамъ, каковое наказаніе производили, какъ сами мущины показали при наказаніи Настасьи Киселевой, привязанной къ столбу. Наказывавшему молодому крестьянину Петру Богданову Денисьева приказывала, чтобы онъ доставалъ кнутомъ по тайному мѣсту, сказывая: бей по курвѣ, блядѣ; но что онъ не могъ бить по тѣмъ частямъ тѣла затѣмъ только, что ноги были вмѣстѣ. Словомъ, по показаніямъ, Денисьевы производили наказаніе безчеловѣчное, сама же Денисьева сѣнной своей дѣвкѣ Авдотьѣ Гусевой, которая ходитъ за нею, начально прошлаго года зимою за то только, что живущая у нихъ малолѣтняя Ползикова безъ бытности ея Авдотьи въ комнатѣ, игравши переливала изъ графинчика въ пузырекъ и обратно въ графинчикъ сладкую водку, подсвѣчникомъ пробила голову, въ спальнѣ привязала одну руку вверхъ къ гвоздю, а другую, спустя внизъ, наискось, къ кровати; другой разъ тою же зимою, поднявши вверхъ обѣ руки, къ ширмамъ; въ третій разъ послѣ праздника Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла за то только, что якобы нечисто въ горницѣ, рвала за уши, остригла волосы и привязала къ пробою дверей, и въ такомъ положеніи она пробыла въ первый разъ съ вечера до обѣдни другого дня. Ночью, стоя въ голокахъ Денисьевой кровати, отъ мучительной боли, не смѣя кричать, визжала. Денисьева приказала ей молчать. Хотя и сама всю ночь не спала, но не оказала никакой милости. А въ другой разъ, бывши привязанною къ ширмѣ, отъ изнеможенія въ силахъ, упала вмѣстѣ съ ширмою на полъ. Денисьева и въ семъ случаѣ, не отвязывая отъ ширмы, вмѣстѣ съ оною приказала поставить къ стѣнѣ, въ какомъ положеніи простояла всю ночь, что̀ отъ жестокости госпожи жизнь ея Авдотьи кажется мучительнѣе всѣхъ, потому что она всегда возлѣ нея и на кого разсердится, то прежде всѣхъ доставалось ей, бьетъ чѣмъ попадя

Библиотека "Руниверс"

безъ всякой вины. Случалось и то, что Денисьева нарочито выискивала случай, дабы къ чему либо придраться, чтобы только побить кого. Меньшой Аѳанасьевъ братъ по приказанію Денисьевой въ погребѣ къ кольцу, а въ саду на ракитѣ былъ за персты привѣшенъ, и Денисьева, подходя къ нему, толкала своими руками, чтобы Аѳанасій качался. Изъ числа прописанныхъ дѣвокъ Анисья послѣ родовъ недѣли черезъ три съ прачкою Матреною и дѣвка Настасья, бывъ привязанными ввверхъ руки, сдѣлались безъ чувствъ и приведены въ оное литьемъ въ ротъ квасомъ. Въ Августѣ мѣсяцѣ Денисьева, бывши въ Дурновкѣ, при наказаніи многихъ крестьянъ, не пощадила и беременной женщины Настасьи Богомазовой, которая по наказаніи на третій день преждевременно родила двухъ мужеска пола людей, одного мертваго, а другого, хотя и живого, но и тотъ при рожденіи бывшій синяго цвѣта, умеръ. Крестьянскую старостиху Карпушкину за то, что дыни по ея приказанію, бывъ положенными въ муку, начали портиться, кромѣ другихъ разновременныхъ побоевъ, завязавши на головѣ рубашку, въ теченіе трехъ дней наказывала палками и кнутомъ. Аввакума Жаркова за то, что упоминаемый Аѳанасій Киселевъ, содержавшійся въ шейной рогаткѣ, ушелъ, призвалъ къ конюшнѣ и приказалъ кучеру Михайлѣ завязать бичевою волоса всей его бывшей большой бороды, бичеву, переложа чрезъ перекладину, тащить его за бороду вверхъ такъ, чтобы онъ висѣлъ. Кучеръ Михайло, исполняя приказаніе Денисьева, потянулъ Аввакума вверхъ, отъ чего и отъ мучительной боли сдѣлался онъ безъ чувствъ; помнитъ только, что когда при поднятіи его вверхъ захватило ему дыханіе и онъ запищалъ, отпустили его книзу; то тутъ уже онъ, придя въ чувство, видѣлъ, что отъ того поднятія пошла у него изъ носа кровь. Бичевка въ волосахъ бороды столько запуталась, что вмѣстѣ съ волосами отрѣзана, послѣ чего онъ же, Денисьевъ, на головѣ его съ уха на ухо остригъ волосы, подровнялъ бороду, какъ напротивъ того жена Денисьева тѣмъ же днемъ въ саду вырѣзала волоса на бородѣ при наказаніи кучера Михайла Карманова палками и кнутомъ. Однимъ днемъ кучеръ Михайло зимой въ кладовой раздѣтый содержанъ былъ на холодѣ съ утра до вечера. Бывшіе на бородѣ его волоса по приказанію Денисьева выщипаны и вырваты крестьяниномъ Алексѣемъ. Самъ Архипъ, по жестокимъ наказаніямъ именуемый заплечнымъ мастеромъ, показалъ, что при наказаніи кучера Теплова въ компатѣ, когда Денисьевъ, приказавши продолжать наказаніе, самъ ходилъ въ верхнія комнаты, то онъ, Архипъ, видя, что Емельянъ и такъ уже больно избитъ, безъ бытности Денисьева не билъ Теплова, дабы же Денисьевъ по возвращеніи въ комнату не примѣтилъ того, вмѣсто наказанія по подошвамъ производилъ удары по чулку, лежавшему на полу. И его большею частью наказывали за то, ежели кого не больно билъ, и такъ жестоко, что всѣхъ тѣхъ палокъ, кои на немъ переломали, нельзя набрать на двѣ воловьихъ фуры, отъ каковыхъ побоевъ бѣжали многіе, бѣжала и его жена, и что родная ихъ, Денисьевыхъ дочь Александра, какъ и находящаяся при ней въ услугахъ десятый годъ дѣвка Наталья Киселева показали, что въ теченіе всего служенія Денисьевы, хотя

Библиотека "Руниверс"

наказывали ее, но барышня, рѣдкій день проходилъ, чтобы не наказывала ее, Наталью, либо за волосы, либо щипала за лицо и тѣло, или за уши, палкою, аршиномъ или колола въ тѣло ея булавкою и ножницами; однимъ словомъ, что̀ попадало въ руки, тѣмъ ее и бивала. 1824 года великимъ постомъ на одной недѣлѣ два раза наказывала розгами. Наказаніе сіе производилъ, по приказанію барышни, лакей Семенъ, заворотя платье, рубашку выше сѣдалища, за то, что сшитый ею салопъ якобы нехорошо сидитъ на ней. Что и за недѣлю до прибытія Мимченки она же, Александра, сердясь на нее, Наталью, за платье, что также будто сдѣлано не по вкусу ея, тогда какъ при самой ей и во всемъ по ея распоряженію сшиты оные салопъ и платье, начально била руками по щекамъ, потомъ ножницами пыряла сквозь платье и рубашку въ правую ногу повыше колѣна, въ груди и лицо, на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ проколола до крови. Знаки, бывшіе на лицѣ, зажили, а на лѣвой рукѣ и грудяхъ видны были и по приказанію ея, кои знаки, какъ Тимченко потребовалъ ее съ прочими людьми, начально осмотрѣла сама барышня Александра; потомъ на лицѣ бывшіе примѣтила и ея родительница, которыя, какъ видно для того, чтобы всѣ знаки сошли безъ освидѣтельствованія, приказали ей, дабы она съ крестьянскою женкою Агаѳьею шла бы до Дурновки проселочною дорогою и по приходѣ туда, не казавшись никому, до востребованія ихъ жила бы въ крестьянскомъ дворѣ у Натальи, гдѣ ее нашелъ Курскій уѣздный стряпчій.

V) Форейторъ Митрофанъ Подушкинъ показалъ, что того года послѣ Спасова поста Денисьевъ въ проѣздъ чрезъ Медвенку находившагося въ хуторѣ Ворожбенскомъ для господской работы крестьянина Ивана Козьмина за то, что господскіе теленки вскочили на загонъ овса, самъ Денисьевъ разъ пять своими руками рвалъ за бороду, билъ кулаками, по лицу, подойдя къ тому билъ его по спинѣ притужиною, отошедши отъ тока вновь его Ивана ухватилъ обѣими руками за волосы, ударилъ объ землю, билъ уступами лежачаго на землѣ, отъ чего Иванъ съ великою нуждою поднялся съ земли. На другой день по возвращеніи изъ Медвенки Денисьевъ тотъ же часъ, когда не откладывали лошадей, выскочилъ изъ кареты озлобясь на того Ивана, ухватилъ за бороду, дотащилъ до кареты и кричалъ до Митрофана: дай палку, который какая попалась ему подалъ дубовую толстую палку и по приказанію Денисьева снялъ съ Ивана рубашку, связалъ ему руки и принесенною палкою ударилъ разъ 30 по спинѣ. Но Денисьеву показалось, что небольно билъ, и онъ вырвалъ изъ рукъ палку, ударилъ оною по спинѣ разъ 15 Митрофана и сказалъ: вотъ какъ бьютъ. Отдавши палку, велѣлъ въ другой разъ бить Ивана. Тутъ онъ, самъ страшась наказанія, билъ его, Ивана и со всей его силой сбилъ его съ ногъ, билъ и лежащаго на землѣ по чему попадя, отъ чего Иванъ самъ не могъ подняться, поднялъ его Митрофанъ. Послѣ того, бывши на хуторѣ Ворожбенскомъ, слышалъ отъ тамошней старостихи, что и приказчикъ Егоръ Барсуковъ билъ Ивана, который на другой день пошелъ въ Дурновку и тамъ умеръ.

VI) Кучеръ Осипъ Кортуновъ, крестьянская старостиха Анна Кузнецова и жена умершаго Ивана, подтверждая показаніе форейтора Митрофана, по-

Библиотека "Руниверс"

полнили. Старостиха Кузнецова, что она лично видѣла, какъ Денисьевъ за однаками и за половнемъ наказывалъ Ивана, который довольно долго кричалъ. На другой день, въ Пятницу, видѣла она его ходившаго раскорячась, согнувшись почти вдвое, и на вопросъ ея отъ чего онъ такъ худо ходитъ, объявилъ онъ Иванъ, что при наказаніи его господиномъ перебили ему....., такъ что ступить ему нельзя, что отъ того пришлось ему пропасть; а на другой день, въ Субботу, онъ Иванъ, оставя ключики отъ амбаровъ, изъ хутора отлучился въ село Дурновку и такъ, какъ она слышала, послѣ померъ. Жена умершаго Ивана пояснила, что мужъ ея 16-го Августа поздно вечеромъ пришелъ къ ней въ домъ больной, съ опухшимъ животомъ и сказалъ ей, что онъ изъ хутора Ворожбенскаго отлучился недѣли на три или болѣе по причинѣ болѣзни, чувствуемой имъ отъ причиненныхъ побоевъ Денисьевымъ и приказчикомъ Бурсуковымъ, и что онъ, идучи изъ хутора въ Дурновку, чувствуя безпрерывно боль и слабость, по два и по три дня для отдыха лежалъ въ полѣ и въ деревняхъ, лежащихъ по тракту. Боль жестокую почувствовалъ онъ тогда, когда при наказаніи его въ хуторѣ зацѣпили по луку, которая мучаетъ его безпрерывно, и тутъ же просилъ, чтобы отвезла она его къ священнику для исповѣди и пріобщенія Святыхъ Тайнъ, и по совершеніи сего обряда 17 Августа, 21 по 22-е число того же мѣсяца умеръ. По смерти его при обмытіи тѣла вмѣстѣ съ крестьянкою Анною Максимовою, вдовою Левшаковою и Секлитою Рыханковою, видѣли съ задней стороны выше сѣдалища боевые знаки, причиненные палками, но объ оныхъ не объявляла никому по боязни господъ Денисьевыхъ.

Курское Губернское Правленіе, разсмотрѣвъ произведенныя Курскимъ губернскимъ уголовныхъ казенныхъ дѣлъ стряпчимъ изслѣдованія учиненнымъ 27 Ноября 1824 года журналомъ заключило, что всѣ таковыя дворовыхъ людей и крестьянъ показанія не могли бы быть современно обвинительными для г.г. Денисьевыхъ по узаконенію, запрещающему давать имъ вѣру и не уважать доносовъ отъ крѣпостныхъ людей на господъ своихъ, но они ясно подтверждаются обстоятельствами, показаніями дворовыхъ людей, найденными орудіями, медицинскими чиновниками, повсемѣстными свѣдѣніями о ихъ жестокостяхъ, а особливо злобѣ противу человѣчества жены его (о чемъ даже самый мужъ ея приносилъ какъ мнѣ, такъ и губернскому предводителю дворянства неоднократно жалобы), и тѣмъ положеніемъ людей ихъ Денисьевыхъ, въ коемъ они находятся, какъ то:

а) Подъ господскимъ домомъ найденъ погребъ, въ коемъ сдѣлано кольцо, къ которому люди привѣшивались за персты и наказываемы безчеловѣчно. Достовѣрность сего подтверждаетъ отставной штабсъ-ротмистръ Макшеевъ подъ присягою, который нанимался у нихъ въ управители, но, видя ужасные поступки Денисьевыхъ, остаться у нихъ не рѣшился. Изъ его показанія видны и прочія ихъ Денисьевыхъ невѣроятныя дѣйствія, подтверждающія во многомъ показанія людей ихъ, несообразныя ни съ званіемъ дворянъ, ни съ обязанностью помѣщиковъ, долженствовавшихъ пещись о благосостояніи своихъ подданныхъ.

Библиотека "Руниверс"

б) По свидѣтельству Курскаго уѣзднаго штабсъ-лѣкаря Столяровскаго оказалось. У женщины Надежды Дубининой на лѣвой рукѣ ниже локтя два знака отъ прежде бывшихъ ранъ, кои повидимому произошли отъ нанесенія какимъ-либо орудіемъ. У лакея Аѳанасія Киселева какъ верхняя, такъ и подошвенная поверхность стороны лѣвой ноги распухши, на подошвѣ около перстовъ кожа отъ тѣла вершка на три отдѣлилась и имѣется сухой струпъ длиною въ полвершка, отъ онаго же струпа до окончанія самой пятки покрыто темноватою опухолью, что̀ дѣйствительно есть слѣдствіемъ какихъ-либо жестокихъ побоевъ по подошвамъ, стопа же правой ноги, хотя и не опухла, но на подошвѣ оной также имѣются желтоватыя пятна, доказывающія явно, что и оныя произошли отъ побоевъ по пяткамъ. На тѣлѣ женщины Екатерины Васиной задняя часть обѣихъ ногъ отъ самыхъ пятъ до поясницы жестоко изсѣчена плетьми или палками, отъ каковыхъ ударовъ довольно еще примѣтны продолговатыя жестокія поперечныя синебагровыя пятна, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ имѣются гноевидные струпья, происходящіе отъ такого же наказанія, а на лѣвой ногѣ и на лѣвой половинѣ задницы между таковыми же синебагровыми знаками и на оныхъ имѣются во множествѣ продолговатые поперечные кровавые знаки; по медицинскому свидѣтельству оказалось, что оные произведены на сихъ мѣстахъ иглою. На крестьянахъ Михайлѣ Уточкинѣ задняя часть обѣихъ ногъ, какъ-то икры и ляшки, задница, поясница и спина жестоко плетьми или палками изсѣчены, отъ чего довольно примѣтны большіе продолговатые синебагровые знаки, а на тѣлѣ Ивана Богомазова задняя часть ляшекъ обѣихъ ногъ и поясница также плетьми или палками изсѣчены, отъ чего во множествѣ имѣются синебагровые и кровавые знаки. На крестьянинѣ Иванѣ Кондратовѣ сынѣ Никитинѣ по ляшкамъ, на задницѣ и плечахъ продолговатые и синебагровые, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ желтоватые знаки, доказывающіе явно, что оные нанесены были жестокими ударами палками или плетьми. На дворовой дѣвкѣ Василисѣ Кузнецовой на обѣихъ ногахъ по колѣна продолговатые весьма примѣтные во множествѣ синебагровые знаки, нанесенные плетьми или палками, а на подошвахъ обѣихъ ногъ имѣются желтоватыя пятна, происшедшія отъ таковаго же наказанія, но желтоватый знакъ имѣющія отъ долгопрошедшаго времени. На крестьянинѣ Яковлевѣ сынѣ Уточкинѣ вся спина до задницы плетьми или палками жестоко изсѣчена, отъ чего имѣются во множествѣ весьма примѣтные продолговатые знаки. У дворовыхъ дѣвокъ Натальи Ефимовой дочери Киселевой на грудяхъ два кровавые продолговатые и сухіе струпа и на ляшкѣ правой ноги выше колѣна до 10 струпьевъ таковой же величины и очертанія, каковые знаки повидимому нанесены какимъ-либо острымъ орудіемъ (изъ дѣла видно, ножницами). У Авдотьи Матвѣевой дочери Кузнецовой обѣ ноги ниже колѣнъ и ступни припухшія, на оныхъ примѣтны синеватыя и желтоватыя пятна, доказывающія, что оныя произошли отъ какихъ-либо побоевъ. У Анисьи Андреевой дочери Софроновой волосы на головѣ всѣ острижены. У Натальи Ивановой дочери Щегловой стопа правой ноги хотя гораздо менѣе опухла, на оной

Библиотека "Руниверс"

имѣются болѣе примѣтные синеватые знаки и пятна, на икрахъ обѣихъ ногъ также имѣется нѣсколько синеватыхъ и желтоватыхъ пятенъ, происшедшихъ отъ прежде бывшихъ какихъ-либо побоевъ. У Авдотьи Яковлевой дочери Гусевой волоса на лбу острижены и на серединѣ головы отъ прежде бывшей раны, нанесенной какимъ-либо острымъ и твердымъ орудіемъ, примѣтенъ продолговатый знакъ длиною въ ½ вершка. На крестьянинѣ Иванѣ Андріановѣ сынѣ Арининѣ на подошвѣ правой ноги кожа отъ тѣла отстала и на пяткѣ той же ноги имѣется желтоватое пятно величиною въ мѣдный грошъ, на подошвѣ же лѣвой ноги кожа также неплотно соединяется съ тѣломъ, но желтоватыхъ пятенъ гораздо больше, кои, равно какъ и слабое соединеніе кожи съ тѣломъ, произошли отъ какого-либо по онымъ мѣстамъ наказанія.

в) Живущіе въ сосѣдствѣ села Толмачева дворяне почти всѣ единогласно утверждаютъ, что они слышали о жестокостяхъ г.г. Денисьевыхъ; нѣкоторые изъ нихъ видѣли жестоко наказанныхъ ими людей, другіе слышали вопль наказываемыхъ, дополняя притомъ, что по праздникамъ крестьяне Денисьевыхъ всегда работаютъ и находятся въ нищенскомъ положеніи, испрашивая милостынею себѣ пропитаніе.

г) Тоже подтвердили священно и церковнослужители того села, при чемъ священникъ дополнилъ, что по причинамъ вышеобъясненнымъ и въ церкви крестьяне ихъ Денисьевыхъ никогда не бываютъ.

д) Близъ живущіе помѣщика Анненкова крестьяне тоже подтвердили, что слышали стонъ и крикъ наказываемыхъ, а нѣкоторые видѣли бывшія жестокія наказанія и находившихся въ кандалахъ и рогаткахъ крестьянъ Денисьевыхъ, работавшихъ и просившихъ милостыню, и что дворовые люди и крестьяне работаютъ господскую работу по праздникамъ и воскреснымъ днямъ, обувь и одежду имѣютъ весьма худую, живутъ въ крайней бѣдности многіе изъ нихъ бѣжали, и хотя имъ извѣстно, что дворовые и крестьяне Денисьевыхъ поведенія хорошаго, но за что переносятъ такое наказаніе, неизвѣстно.

е) Деревни большой Звегинцевой 12 человѣкъ однодворцевъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Денисьевыхъ, состоящемъ въ деревнѣ Петровкѣ, показали, что дворовые и крестьяне всегда почти работаютъ господскую работу по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, избавляются отъ оной въ недѣлю Свѣтлаго Христова Воскресенія дня три, да на Рождество Христово по одному дню. Во все время полевой работы тягловымъ крестьянамъ на себя работать въ недѣлю давалось иногда дня по два, но большею частью по одному дню, а иногда бывали и такія недѣли, что не было имъ давано и одного дня, отъ чего они въ худомъ положеніи; а потому они, а особливо живущіе на мѣсячномъ мужчины и женщины, ходили нищенскимъ образомъ и просили хлѣба, да и тѣ, у коихъ на огуменникахъ есть хлѣбъ, не имѣютъ время смолотить онаго. Изъ нихъ 4 человѣка, бывши разъ на сходѣ, слышали необыкновенный сильный крикъ одного человѣка, самимъ Денисьевымъ на господскомъ дворѣ наказываннаго, каковой бой продолжался съ часъ.

Библиотека "Руниверс"

ж) Подобно сему и въ Тимскомъ уѣздѣ всѣ крестьяне показали, что Денисьевы въ каждый пріѣздъ ихъ въ село Дурновку наказываютъ ихъ жестоко и изнуряютъ господскою работою, не исключая и праздничныхъ дней, въ рабочее время не даютъ имъ дней для уборки хлѣба, осенью и зимой высылаютъ всѣхъ мужиковъ пѣшихъ и съ лошадьми на винокуренный заводъ, лошадей всѣхъ поморили на содержимыхъ прежде почтовыхъ станціяхъ и при перевозкѣ мѣдной монеты, и хлѣбъ у нихъ весь отобранъ. Достовѣрность сего подтверждаютъ подъ присягою сторонніе разныхъ селъ и деревень, а изъ 67-ми 63 человѣка показываютъ, что крестьяне Денисьевыхъ, живущіе въ селѣ Дурновкѣ и Черновецкомъ хуторѣ, по покупкѣ имъ Денисьевымъ разстроены и находятся нынѣ въ самомъ бѣдномъ положеніи и не имѣютъ даже одежды нужной; притомъ большая часть изъ нихъ отозвались, что они слышали о всѣхъ тѣхъ изнуреніяхъ, какія значатся въ допросахъ крестьянъ Денисьевыхъ; другіе удостовѣряютъ, что они сами видѣли, какъ Денисьевъ и жена его наказывали крестьянъ, третьи же слышали крикъ, произносимый крестьянами во время наказанія.

з) Обстоятельства смерти крестьянина Барсукова не менѣе того подаютъ поводъ мыслить о жестокомъ наказаніи его и что самая смерть была слѣдствіемъ онаго (изъ дѣла видно, что Денисьевъ его наказывалъ сильно, ибо по вынутіи уже его изъ могилы было распухшее лицо и синебагроваго цвѣта животъ вздутый, мошна у тайнаго уда съ правой стороны вспухшая и наполненная воздухомъ, происходящимъ отъ пораженія гнилостью тѣла, туловище и вообще все тѣло покрыто синебагровыми пятнами, происходящими отъ сильнаго пораженія гнилостью тѣла, и издаетъ смердящій запахъ, между коимъ однакожъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣтны боевые знаки въ видѣ полосъ, какъ будто отъ побоевъ палками).

и) Свидѣтельствовавшему тѣло сего крестьянина Тимскому лѣкарю Зикунечко не безъ намѣренія обѣщано было со стороны Денисьевыхъ отъ приказчика Алпатова сто рублей; имъ же Алпатовымъ дано бывшему при семъ случаѣ засѣдателю Бунину 11 серебряныхъ рублей и чрезъ десятника отъ него же Алпатова доставлено стряпчему Байцурову ассигнаціями 300 рублей, кои ими представлены и отъ меня препровождены въ Губернское Правленіе.

і) Личное обозрѣніе Курскаго уѣзднаго предводителя дворянства Шагарова, коего г. Денисьевъ самъ выпросилъ у меня быть при слѣдствіи, удостовѣряетъ въ истинѣ всего вышеписаннаго, ибо онъ лично видѣлъ свидѣтельствованныхъ Курскимъ штабъ-лѣкаремъ людей и нашелъ всѣ тѣ раны, кои по истинѣ описаны, лично видѣлъ остриженныя головы, не исключая и сѣнныхъ дѣвокъ; сверхъ оказавшихся на людяхъ бывшихъ заклепанными въ кандалы, видѣлъ онъ отысканныя наручни и рогатки въ кладовой Денисьевыхъ.

к) Забранныя губернскимъ стряпчимъ изъ Палаты уголовнаго суда свѣдѣнія даютъ также весьма невыгодное заключеніе о поведеніи Денисьевыхъ, по коимъ показаніе дворовaго человѣка Алексѣя Кречетова, что помѣщикъ

Библиотека "Руниверс"

Денисьевъ за отлучки его Алексѣя въ домъ купца Дружинина къ матери своей за рубашкою приказывалъ дворецкому Егору Карцеву сѣчь его Алексѣя безщадно розгами и драть иголками, на коемъ тогда, по свидѣтельству штабъ-лѣкаря Коквинскаго въ присутствіи полиціи, оказались знаки. Сверхъ же того Кречетовъ въ сдѣланномъ ему полиціею допросѣ показалъ, что онъ, бывши у Денисьева два раза на винномъ заводѣ и исправляя тамъ трудную работу, не имѣлъ ни одежды, ни обуви, и для прокормленія его отпускалось ему въ мѣсяцъ только по 25 фунтовъ ржи. За отдачею его въ военную службу осталось безъ дальнѣйшихъ со стороны его доказательствъ покрытымъ неизвѣстностью, а потому токмо и Денисьевъ, какъ не доказанный тогда въ жестокостяхъ, учиненъ свободнымъ.

л) Г-жа Денисьева, хотя и сама поданнымъ мнѣ 12 Сентября прошеніемъ просила по извѣтамъ на нее людей произвести изслѣдованіе, но при производствѣ онаго не только она и мужъ ея уклонялись отъ объясненія, но даже старались скрыть отъ слѣдователей ими наказанныхъ и сдѣлать имъ препону въ изысканіи справедливости.

Съ прописаніемъ всѣхъ вышеозначенныхъ обстоятельствъ Курское Губернское Правленіе сообщило 24 Декабря 1824 года въ Курское Дворянское Депутатское Собраніе съ тѣмъ, дабы оное, на основаніи указа 3 Марта 1822 года, объ учрежденіи надъ всѣмъ имѣніемъ Денисьевыхъ опеки сдѣлало немедля положеніе и оное доставило въ Правленіе для представленія Правительствующему Сенату.

Общее собраніе Курскаго губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства съ депутатами, по выслушаніи 16 Генваря 1825 года онаго отношенія Губернскаго Правленія, положили: что по обстоятельствамъ дѣла сего въ ономъ сообщеніи описаннымъ и по указу 4 Апрѣля 1817 года имѣніе означенныхъ помѣщиковъ Денисьевыхъ въ опеку взять долженствуетъ.

Губернское Правленіе, получа о семъ изъ онаго собранія отъ 7 Февраля 1825 года отзывъ, представляло на благоразсмотрѣніе Правительствующаго Сената съ объясненіемъ всѣхъ обстоятельствъ сего дѣла и что оное отослано на разсмотрѣніе и законное рѣшеніе въ Курскій Уѣздный Судъ; а дабы съ одной стороны положить преграду жестокимъ дѣйствіямъ Денисьевыхъ, а съ другой обезопасить страждущее человѣчество, предписало Курскому и Тимскому Земскимъ Судамъ указами имѣнія принять въ свое владѣніе и къ присмотру назначить благонадежныхъ дворянъ и до разсмотрѣнія высшимъ правительствомъ положенія г.г. предводителей и депутатовъ въѣздъ имъ Денисьевымъ въ деревни воспретить, доставляя имъ чрезъ тѣхъ назначенныхъ дворянъ содержаніе. Правительствующій Сенатъ указомъ отъ 30 Апрѣля 1826 года далъ знать Губернскому Правленію, что оный Сенатъ полагаетъ какъ распоряженіе Губернскаго Правленія, такъ и положеніе собранія г.г. предводителей съ депутатами, оставить въ ихъ силѣ.

(Изъ бумагъ Курскаго губернатора Алексѣя Степановича Кожухова сообщено его внукомъ Сергіемъ Евгеніевичемъ Кожуховымъ).

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЗАПИСНЫХЪ КНИЖЕКЪ МАСОНОВЪ ГРАФА М. Ю. ВІЕЛЬГОРСКАГО И Ѳ. Н. ГЛИНКИ.

Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій (1787—1856) былъ однимъ изъ главныхъ Русскихъ масоновъ, занимая должность великаго провинціальнаго мастера въ Александровское время. По отцу онъ былъ Полякъ, по матери же (дочери оберъ-гофмейстерины графини Анны Алексѣевны Матюшкиной), Русскій. Ф. Ф. Вигель, характеризуя Віельгорскаго (Р. Арх., 1892, 7, 154), говоритъ: „Віельгорскій по вѣрѣ и по сердцу принадлежалъ Россіи; двойное происхожденіе его, двойная природа образовали изъ него человѣка весьма примѣчательнаго; въ немъ была пропасть ума, но съ недостатками обоихъ народовъ; Польская живость всегда ослабляема была въ немъ лѣностію, безпечностію, совершенно-Русскими, неосмотрительность Польская умѣряема Русскимъ здравомысліемъ; вся же эта смѣсь была прелесть. Какими талантами не надарила его природа? Родись онъ безъ состоянія, безъ извѣстнаго имени, изъ него вышелъ бы славный министръ, или извѣстный писатель, или знаменитый композиторъ". Віельгорскій жилъ духовною жизнью, работая надъ усовершенствованіемъ самого себя, надъ созиданіемъ внутренняго храма.

Ѳедоръ Николаевичъ Глинка (1786—1880) былъ, по выраженію князя Н. С. Голицына (Р. Стар., 1890, Іюль), „духовный стихотворецъ". Замѣшанный въ движеніи Декабристовъ, Глинка былъ сосланъ въ Петрозаводскъ. Въ высочайшемъ приказѣ 7 Іюня 1826 г. было изложено: „состоящій по арміи полковникъ Глинка 1-й отставляется отъ службы и ссылается на жительство въ городъ Петрозаводскъ; во уваженіе же прежней его службы и недостаточнаго состоянія дозволяется употребить его тамъ по гражданской части съ чиномъ коллежскаго совѣтника". Глинка одно время состоялъ вторымъ надзирателемъ, а затѣмъ намѣстнымъ мастеромъ въ Петербургской масонской ложѣ Избраннаго Михаила. Въ спискѣ членовъ на 1820—1821 г.г. великой ложи Астреи, къ союзу которой принадлежала ложа Избраннаго Михаила, указаны званія Глинки: „гвардіи Измайловскаго полка полковникъ и кавалеръ; предсѣдатель высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества любителей Россійской словесности; дѣйствительный членъ Московскаго Общества любителей Россійской словесности, С.-Петербургскаго Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ и Общества любителей военныхъ наукъ при гвардейскомъ штабѣ; помощникъ предсѣдателя общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія".

Типа Соколовская.

Изъ книжки графа М. Ю. Віельгорскаго.

Все знать есть ничего не знать.

Божество произвело все изъ бездны ничего; если желаешь все знать, учи ничто.

Желать сильно о чемъ есть приблизить то, о чемъ желаешь.

Въ первые годы христіанства сосуды были деревянные, что и послужило сказать, что когда сосуды были деревянные, то попы были золотые, а нынѣ сосуды золотые, а попы за то деревянные.

Библиотека "Руниверс"

Prier pour les personnes qui se trompent vaut mieux que de les refuter *).

Тотъ, кто сидитъ, не падаетъ, а тотъ, кто идетъ.

Кусокъ хлѣба толико же сладокъ и вкусенъ для бѣднаго, какъ дорогія и искусно изготовленныя явства для богача; послѣ одного и послѣ другого остается умѣть.

Натуральный разумъ есть та небольшая искра свѣта, которая осталась въ человѣкѣ послѣ паденія его.

Легко умствовать въ изобиліи о нищетѣ Іисусовой, въ честяхъ о поруганіи Его, въ похвалахъ о поношеніи Его. Весьма нѣжное и горестное сострадание и набожность къ святымъ ранамъ Іисуса, токмо бы никто не укололъ ихъ булавками.

Извѣстный Dutoi утверждалъ, что въ насъ нѣтъ жизни, ибо, сжавъ ротъ и носъ, мы задыхаемся; слѣдовательно жизнь не въ насъ, но мы черпаемъ ее извнѣ, изъ воздуха вещества, непрестанно насъ окружающаго и притомъ намъ невидимаго.

Нѣкто сказалъ, что любовь къ врагамъ совсѣмъ для человѣка неестественна, ибо какъ можетъ любить враговъ, когда не умѣетъ любить еще и друзей, и такъ совѣтывалъ научиться сперва любить друзей и не ненавидѣть враговъ, а потомъ научиться любить друзей и враговъ.

Должно любить добро для самаго добра, а не для слѣдствій онаго, не останавливаться на радіусахъ, а стремиться къ цѣли.

Вѣчная любовь ищетъ въ чемъ нибудь сойтись съ человѣкомъ, предлагая ему всякія благодѣянія.

Человѣкъ видитъ только видимую руку, подающую ему блага, и благодаритъ ее, а забываетъ невидимую, пославшую ему видимую, которая есть только ея орудіе.

Геометрія находится всюду и во всемъ, но вещественно не существуетъ.

Человѣку несравненно удобнѣе учиться въ здѣшнемъ мірѣ нежели въ будущемъ, гдѣ ученіе производить будетъ въ безпокойномъ для него положеніи, въ холодѣ и голодѣ.

Цѣломудріе есть внутренняя красота; съ нею соединены скромность, стыдливость, ласковость, качества, нравящіяся всякому. Потому цѣломудренные люди, живущіе въ мірѣ, болѣе подвержены опасности прельщенія, ибо всякій ищетъ понравиться имъ и заставить любить себя.

Изъ книжки Ѳ. Н. Глинки.

Молюся—къ Богу стремлюся, каюсь—отъ стараго отступаюся, люблю—благодать ловлю.

Мудрость древнихъ была проста, какъ и древніе люди. Оттого въ Ветхомъ Завѣтѣ тысячекратно поминается «сердце»; въ новомъ, особенно у апостоловъ, говорится чаще объ «умѣ».

Суета есть шумъ отъ колесъ той колесницы, на которой ѣздитъ сатана этотъ шумъ оглушаетъ, одуряетъ, шутитъ, кипятится. Оттого

*) Молиться за людей, которые ошибаются, лучше, нежели опровергать ихъ.

Библиотека "Руниверс"

и сказано въ молитвѣ: отъ дьявольскаго поспѣшенія избави насъ, Господи!

Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія были мужи, которыхъ можно назвать музыкантами Божьими. Эти мужи: Эккартсгаузенъ, г-жа Крюденеръ, особенно Юнгъ-Штиллингъ и пр. составили оркестръ. Когда заигралъ этотъ оркестръ, люди, ощутя сладость голосовъ Божьихъ, пали на колѣни и стали молиться. Заигралъ потомъ другой оркестръ (ужъ не Божій), оркестръ нынѣшней литературы, и люди пошли плясать. Массы, охваченныя буйнымъ чувствомъ разгула, пляшутъ до упада. Жаль только что изъ преклонившихъ колѣна и молившихся нѣкоторые пошли также въ общую народную пляску. Видно, великое отступленіе уже наступаетъ.

Самый неукладистый товаръ изъ всѣхъ, угадайте какой? Это—наши страсти. Часто не лѣзутъ ни въ коробъ, ни изъ короба. Страсти—наши рога. Сами-то мы кой какъ мѣстимся, да рога не помѣщаются. У иного самолюбіе выросло въ такой рогъ, что и короба по немъ не приберешь. Другіе страсти дѣлаютъ насъ ежами. Пока поджимаешь ихъ, иглы свои, ладишь со всѣми; распустишь—всѣхъ около себя колешь.

Сердце наше есть сухарь, который всякій день надобно размачивать въ молитвѣ и ученіи Христовомъ; иначе онъ слишкомъ зачерствѣетъ и, пожалуй, еще сгніетъ.

Еропопрателя: такъ называетъ г-нъ де-Сангленъ тѣхъ, которые въ правописаніи отмѣняютъ букву ъ.

Нынѣ много страданія, но мало состраданія.

Отъ страха рубаха на тѣлѣ выгорѣла.

Дальше отъ моря, дальше отъ горя.

Въ эту яму надо много хламу.

Курица не можетъ проглотить капли воды, чтобъ не поднять глазъ къ небу.

Человѣкъ общественный есть звѣрь ручной.

Колокольчикъ, сбитень и блинъ, три представителя (можно сказать, три благодѣтеля) Руси уже оставляютъ Русь. Новое поглощаетъ старое. Кулакъ, топоръ и борода долѣе поживутъ на Руси: эти принадлежности сами стоятъ за себя.

Слабость характера есть главнымъ недостаткомъ нашего времени, и сей-то недостатокъ есть источникъ большей части бѣдствій, опечаливших свѣтъ. То, о чемъ мы выше сказали, происходитъ отъ двухъ причинъ: отъ упадка нравственности и просвѣщенія. Первая породила эгоизмъ, другая—невѣжество. И сими-то двумя орудіями наиболѣе вооружалась и поражала революція.

Бѣшенная страсть къ подражаніямъ и нововведеніямъ имѣетъ источникомъ своимъ невѣжество и слабость характера.

Кто любитъ жизнь, тотъ не долженъ тратить времени, ибо жизнь составлена изъ времени.

Со времени революціи дѣти стали тыкать отцамъ своимъ, они говорятъ кучеру—вы и отцу—ты.

Библиотека "Руниверс"

М. Н. МУРАВЬЕВЪ.

(род. 25 Октября 1757 † 29 Іюля 1807 г.).

28 Іюля исполнилось сто лѣтъ со дня кончины Михаила Никитича Муравьева, дѣятельность котораго по справедливости составитъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи Русской образованности. Широко и всесторонне образованный, отличаясь выдающимися познаніями въ древней филологіи и литературѣ, онъ соединялъ въ себѣ лучшія стороны просвѣщенія конца XVIII столѣтія. Муравьевъ пользовался большимъ вліяніемъ среди современныхъ ему писателей и ученыхъ и отличался готовностью идти на помощъ всему, что содѣйствовало успѣху Русской словесности, научному движенію и народному воспитанію. Домъ Муравьева писалъ М. П. Погодинъ, былъ „сосредоточіемъ всего возвышеннаго, лучшаго въ обществѣ и литературѣ, сборнымъ мѣстомъ всѣхъ достоинствъ, заслугъ, дарованій“....

Писатель, общественный и государственный дѣятель, наставникъ императора Александра I Муравьевъ былъ и однимъ изъ главныхъ руководителей тѣхъ широкихъ преобразованій на пользу просвѣщенія, которыми отмѣчены первые годы царствованія его ученика. Съ образованіемъ въ 1802 г. Министерства Народнаго Просвѣщенія Муравьевъ назначается товарищемъ министра и попечителемъ Московскаго Университета.

Любовь къ просвѣщенію и вѣра въ его благотворную силу отличали всѣ начинанія министерства. Составляется полная система народнаго образованія, открываются училища, гимназіи, лицеи. Особое вниманіе обращено на вопросъ объ университетахъ: преобразованы существующіе и открыты новые въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ. Въ этомъ дѣлѣ Муравьевъ принимаетъ самое живое участіе, привлекаетъ къ нему научные авторитеты Европы, поддерживаетъ съ ними оживленную переписку и заботится о снабженіи университетовъ живыми силами Европейскаго ученаго міра.

Имя Муравьева неразрывно связано съ преобразованіемъ и возрожденіемъ Московскаго Университета, вступавшаго тогда въ полустолѣтіе въ жалкомъ, полуразрушенномъ состояніи. Муравьевъ вводитъ въ дѣйствіе дарованный новый уставъ, замѣщаетъ пустующія профессорскія каѳедры, вызываетъ въ Москву выдающихся иностранныхъ профессоровъ, стремясь въ то же время подготовить поколѣнія Русскихъ молодыхъ ученыхъ. При универ-

Библиотека "Руниверс"

ситетѣ возникаютъ кабинеты, лабораторіи, музеи вспомогательно-учебныя учрежденія, необходимыя для правильнаго научнаго преподаванія.

Муравьевъ старается создать связь общества съ университетомъ, при его содѣйствіи учреждены ученыя общества и организованы при университетѣ публичныя лекціи.

Дѣятельность Муравьева вызывала восторженныя похвалы за границей, гдѣ его славили, какъ поборника просвѣщенія. Иностранная печать предсказывала Московскому университету блестящую будущность, полагая, что онъ можетъ превзойти университеты другихъ странъ Европы.

Современники глубоко чтили Муравьева и ставили его на ряду съ основателемъ Московскаго университета И. И. Шуваловымъ. Смерть Муравьева, какъ невознаградимая утрата, была оплакана университетами и всѣми, кому дорого было его благосостояніе.

Несмотря на крупныя заслуги Муравьева и то значеніе, которое представляетъ для историка личность этого дѣятеля, имя его забыто. До сего времени не имѣется его полной біографіи и не изслѣдованы оставшіяся послѣ него бумаги. Настоящей замѣткой мы хотѣли лишь напомнить о дѣятели достойномъ памяти Русскаго общества и въ особенности Московскаго Университета.

Д. М. Щепкинъ.

*

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, отецъ двухъ Декабристовъ и родной дядя Декабриста Лунина, умеръ всего 50 лѣтъ отъ роду. Онъ оставилъ по себѣ свѣтлую память и какъ частное лицо, и какъ дѣятель общественный. Это былъ человѣкъ благоволенія, какъ послѣ него Александръ Ивановичъ Тургеневъ (имя котораго долго будетъ поминаться въ потомствѣ и переживетъ въ благодарной памяти Русскихъ людей имя его однофамильца Ивана Сергѣевича) или какъ еще позднѣе Петръ Александровичъ Плетневъ, любившій повторять святыя слова: „Плодъ правды сѣется въ мирѣ“ и посѣявшій столько добра между тогдашнимъ юношествомъ, въ учебныхъ женскихъ заведеніяхъ и между царскою семьею. М. Н. Муравьевъ дорогъ также какъ покровитель и воспитатель поэта Батюшкова. Благодаря ему, Карамзину даны должность исторіографа и возможность трудиться безъ заботы о завтрашнемъ днѣ. Сочиненія М. Н. Муравьева были изданы по кончинѣ его въ трехъ книгахъ. П. А. Плетневъ передавалъ намъ, что онъ и Дельвигъ перечитывали эти сочиненія, учась въ нихъ простотѣ и благородству слога. Надо надѣяться, что будутъ обнародованы бумаги, служащія къ его жизнеописанію. Намъ извѣстно, что сохранилось немало его писемъ къ любимой сестрѣ Ѳедосьѣ Никитишнѣ Луниной. У покойнаго Михаила Ларіоновича Бибикова (женатаго на его внучкѣ Софьѣ Никитишнѣ Муравьевой) случалось намъ любоваться прекраснымъ мраморнымъ бюстомъ Михаила Никитича. Портретъ его гравированъ Уткинымъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ДВА ПИСЬМА

Ивана Сергѣевича Аксакова.

Настоящія два подлинныхъ письма Ив. С. Аксакова писаны имъ къ своей родной сестрѣ, Маріи Сергѣевнѣ Аксаковой, по мужу Томашевской [1]). Не смотря на свое происхожденіе, по обстоятельствамъ совершенно частнаго характера, письма эти имѣютъ немаловажный интересъ, особенно въ томъ, что̀ очень хорошо характеризуетъ самого И. С. Аксакова, какъ отличнаго патріота и „славнаго“ Славянофила. Значеніе этихъ писемъ въ данномъ отношеніи тѣмъ болѣе, что они писаны отнюдь не для печати, и никто доселѣ не намѣренъ былъ ихъ издавать въ свѣтъ; слѣдовательно, они дороги для насъ совершенно неподдѣльною искренностію, такою, съ какой могъ писать такой образованный и откровенный братъ своей родной и любимой сестрѣ, каковымъ былъ незабвенный Иванъ Сергѣевичъ. Вотъ эти письма.

I.

С. Спасское, 24 Іюля 1885 г.

Ну молодецъ ты, милый другъ, Марихенъ. Прочелъ нынче твое письмо съ береговъ Босфора, присланное мнѣ Соничкой [2]). Вотъ такъ дача! И у кого ты тамъ нанимаешь? У какого Франека? У какой помѣси Грека, Итальянца, Еврея, Француза изъ неучей Франціи, Армянина, однимъ словомъ Перота или Левантина,—этого типа Европейцевъ-космополитовъ съ Запада, въ восточной окраскѣ, во второмъ и третьемъ поколѣніи? И кто у тебя дворникомъ? Не Черногорецъ ли какой? Или Арнаутъ? Хочешь—нашлю на тебя весь экзархатъ Болгарскій съ секретаремъ Шоповымъ? Гдѣ же, собственно, Терапія, ближе къ Буюкъ-Дере или дальше за нимъ?

Да, Константинополь, гдѣ Европа и Азія почти смыкаются,—мѣсто вселенское, мѣсто всесвѣтное. Если, съ одной стороны, я выражаю чувство обиды, что нашему войску не дали увѣнчать себя славой

---

[1]) Письма эти переданы намъ самою М. С. Томашевской и въ настоящее время хранятся въ Тульской Палатѣ Древностей. *Н. Тр.*

[2]) Софья Сергѣевна Аксакова, родная сестра Ив. Сер., извѣстная благотворительница и основательница пріюта своего имени (въ Москвѣ).

Библиотека "Руниверс"

вступленія въ Царь-градъ: то, съ другой, я въ тайнѣ души сознаю, что не пришелъ еще часъ и что для насъ выгоднѣе сохранить тамъ Султана, что мы не доросли до владѣнія Константинополемъ даже въ сознаніи. Взять его силою оружія не велика трудность; ну, а потомъ что? Обратить его въ губернскій городъ нельзя. Это мѣсто царственное. Начиная съ Олега, прибившаго щитъ къ вратамъ Царь-града, до Александра II, мы отворачивались отъ этого «града», убоявшись великости задачъ, сознавая свое внутреннее духовное безсиліе. Мы еще—въ періодѣ Петербургскомъ, а Петербургъ и Константинополь, это—ни вещественно, ни духовно—несовмѣстимо. Лучше Султанъ, чѣмъ Набоковъ или Ив. Дав. Деляновъ; лучше Турка, чѣмъ вся наша казенщина и пошлость. Мы, безъ сомнѣнія, наслѣдники Византіи, но вступимъ ли когда въ обладаніе наслѣдствомъ, Богъ вѣсть; во всякомъ случаѣ, мы не доросли до совершеннолѣтія. Мы призваны; но, по стихамъ Хомякова, еще «недостойны призванія».

Лѣзетъ въ Константинополь Австріецъ. Константинопольскій патріархъ, изъ ненависти къ Россіи, ведетъ переговоры съ Римомъ. Константинополь однажды былъ занятъ крестоносцами и былъ столицею Латинской Имперіи. Можетъ быть, и въ наше время совершится нѣчто подобное, если Россія допуститъ.

Восточная окраина, которою ты артистически плѣняешься, хороша для проходящихъ, и именно теперь, когда на ней лежитъ печать чего-то *гонимаго* и *смиреннаго*, и въ противоположности съ бездушіемъ и пошлостью Европейской цивилизаціи. Хороша она—въ картинѣ. Но пока не были уничтожены янычары, пока гаремы не перестали наполняться христіанскими невольницами, и рынки въ Стамбулѣ не перестали предлагать въ продажу живой товаръ (плѣнныхъ христіанъ), такой картинностью даже трудно было плѣняться. Вотъ ты будешь осматривать городъ: загляни въ старый Стамбулъ, Турецкую часть города, съ его базарами и узкими улицами, съ его вонью и грязью, и ты убѣжишь оттуда. Тѣмъ не менѣе, Турокъ самъ по себѣ и Арабъ (Аравитянинъ) благороднѣе и симпатичнѣе всякаго Нѣмца, по крайней мѣрѣ—мнѣ, и мнѣ пріятнѣе чувствовать въ своихъ жилахъ Турецкую кровь, чѣмъ если бъ, напримѣръ, текла въ моихъ жилахъ кровь Нѣмецкая или Англійская *).

*) Выраженіе „въ моихъ жилахъ Турецкая кровь“ объясняется тѣмъ, что бабушка Ивана Сергѣевича по матери, Ольгѣ Семеновнѣ—Турчанка, Игель-Сюма, взятая 12-ти лѣтъ, при осадѣ Очакова. Она изъ рода эмировъ, производящихъ себя отъ Магомета, имѣющихъ право носить зеленую чалму. Игель-Сюма попала въ семейство генерала Войнова. Она была замѣчательная красавица. Ее окрестили, выучили читать и писать по русски.

Библиотека "Руниверс"

Авось либо письмецо это дойдетъ къ тебѣ на Босфоръ, милый мой другъ! Купается ли въ водахъ его Егоръ Антоновичъ? [1]) Крѣпко васъ обоихъ, милыхъ оргиналовъ, цѣлую и обнимаю на вашей дачѣ; тоже дѣлаетъ и Анна [2]).

Получили письмо отъ Гриши [3]). Къ нему пріѣхалъ неожиданно Сережа' [4]). Сережа весь проникся мыслью, что ему надо бѣжать изъ Петербурга, и теперь ищетъ мѣста на службѣ гдѣ-нибудь въ провинціи.

Ив. Аксаковъ.

II.

Ну вотъ какъ мы встрѣтились и одновременно почувствовали побужденіе написать другъ къ другу: Вы оба—ко мнѣ съ береговъ Босфора, я къ вамъ—на берега Босфора! Радуюсь вашему чувству довольства, что́ доказывается и премилыми стишками твоими, Егоръ Антоновичъ. Ничего лучше, конечно, этой вашей оригинальной затѣи и придумать было нельзя. Только вы ошибаетесь на счетъ моихъ впечатлѣній. Во 1-хъ, разница: въ качествѣ туриста, путешественника или въ видѣ виллежіатуры—наслаждаться красотою мѣста, или же обратиться въ осѣдлаго жителя. До послѣдняго моего пребыванія въ Крыму, я посѣтилъ его два раза, даже верхомъ въ 1856 г., изъѣздилъ его не только вдоль всего южнаго берега, отъ Байдаръ до Алушты, но и отъ Симферополя, по горнымъ тропинкамъ, до Байдаръ. И въ оба раза наслаждался его красотами. Но поселиться на мѣстѣ на долгій срокъ, да еще у самой Ялты, да еще на самомъ берегу, въ пяти саженяхъ отъ моря, да еще въ Мартѣ, когда море тамъ называется «Мартовскимъ», да еще въ окруженіи многочисленнаго общества, которое не оставляетъ васъ въ покоѣ и накладываетъ на все кругомъ печать пошлости, какъ это бываетъ во всякомъ пунктѣ, обратившемся въ модный Kurort,—слуга покорный! Во 2-хъ, чего недостаетъ Крыму, это—мѣстной національной жизни и окраски. Татары изъ Крыма ушли почти всѣ; оставшіеся обратились въ цивилизованныхъ эксплуататоровъ. А что́ я люблю, такъ это, именно, сочетаніе *мѣстной* человѣческой жизни съ

Она понравилась молодому Заплатину, и онъ женился на ней. При окончаніи войны Турки требовали ее; даже одинъ изъѣздилъ всю Курскую губернію, а ея не нашелъ. Ея имя было Марія. Она очень скучала по родинѣ и умерла 30-ти лѣтъ.

[1]) Егоръ Антоновичъ Томашевскій, мужъ Марьи Сергѣевны, бывшій предсѣдатель Одесской Судебной Палаты.

[2]) Анна Ѳедоровна, жена И. С. Аксакова.

[3]) Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ, родной братъ Ивана Сергѣевича.

[4]) Сергѣй, сынъ Григорія Сергѣевича.

Библиотека "Руниверс"

природой. Особенно же дѣйствуетъ на меня сильно, когда въ *вѣчно-неизмѣнныя* рамки природной красоты вставляются *времена историческія*, съ ихъ превратностью,—историческая жизнь человѣчества. Тотъ же Босфоръ катилъ свои синія воды и при Константинѣ Великомъ, и при Крестоносцахъ, и при Султанахъ: судьба Востока, со всею его историческою сущностью, витаетъ надъ этими водами. Я не видалъ Константинополя, но видѣлъ несчетное множество его изображеній, и самое лучшее, это—Айвазовскаго картина. Но такія впечатлѣнія я испытывалъ въ Италіи, особенно, начиная съ Рима и вдоль Неаполитанскихъ береговъ, съ Везувіемъ, Геркуланумомъ, Помпеею, омываемыми *все тою же* вѣчно-прекрасною голубою волною,—все тотъ же надъ ними вѣчно сіяющій, небесный куполъ. Тутъ даже дыханіе спирается отъ впечатлѣній... Есть и въ пустыняхъ Океана дивныя мѣста, съ сотворенія міра пустынно-священнодѣйствующія своей красотой, Богъ знаетъ, для кого и зачѣмъ; можетъ быть, въ ожиданіи человѣка. Но жить тамъ я не согласенъ.

Вотъ почему Крымъ, именно, современный, способенъ надоѣсть, хотя, быть можетъ, и не надоѣлъ бы во времена Ифигеніи или даже при ханахъ.

Справедливо замѣчаетъ Егоръ Антоновичъ, что мы, Русскіе, менѣе всего умѣемъ стирать мѣстный колоритъ, особенно, если онъ силенъ; но ничто не устоитъ предъ демоническою силою цивилизаціи Запада. А Западъ къ Константинополю ближе, чѣмъ мы.

Прощайте. Анна очень тѣшится вашими письмами. Ея здоровье относительно-порядочно, хотя есть и недобрые признаки ея неизлѣчимой болѣзни. Я скоро впрягаюсь въ свой грузный экипажъ и *пока* чувствую себя въ силахъ. Вашъ Ив. Аксаковъ.

27 Іюля. 1885. С. Спасское.

Письмо ваше шло семь или восемь дней. Это письмо пойдетъ, вѣроятно, завтра. Поглядите на штемпель.

Надписывая конвертъ, вспомнилъ, что чуть ли я, по разсѣянности, не написалъ на прежде посланномъ письмѣ: m-me Aksakoff. Если не получили, то нельзя ли его потребовать на почтѣ?

Сообщилъ **Н. Троицкій.**

(Изъ Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 1907 года).

Библиотека "Руниверс"

ніяхъ Воспитательнаго Дома), **1868**. (1), 1—24.

1440. Письма Маріи Ѳеодоровны къ кн. А. М. Голицыну Сообщ. М. В.. Олсуфьевой. **1878**. II, (6), 129—143.

1441. Письма и записочки Маріи Ѳеодоровны къ С. К. Вязмитинову. Сообщ. А. А. Титовымъ. **1895**. I, (4), 519—528.

1442. Письмо Маріи Ѳеодоровны къ бар. Будбергу (о неприкосновенности приданаго Россійскихъ великихъ княженъ) **1891**. III, (12), 578—580.

1443. Письма Маріи Ѳеодоровны къ Н. И. Баранову. **1870**. (8—9), 1441—1521.

1444. Письма Маріи Ѳеодоровны къ гр. Н. И. Панину. **1882**. I, (2), 398—404.

1445. Письмо къ Маріи Ѳеодоровнѣ, послѣ нашествія Французовъ отъ аптекаря Шереметевскаго Странноприимнаго дома. Сообщ. Я. К. Гротомъ. **1871**. (1)‘ 191—197.

1446. Записка о мартинистахъ, представл. гр. Ростопчинымъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. **1875**. III, (9), 75—81.

1447. Высочайшіе рескрипты преосвящен. Амвросію. Сообщ. Н. Ѳ. Дубровинымъ. **1892**. I, (4), 393—494.

1448. Генералъ Бонапартъ — оборонитель Грековосточнаго вѣроисповѣданія. Съ предисл. кн. М. А. Оболенскаго. **1868**. (1), 108—112.

1449. Письмо (изъ ссылки) кн. Дашковой къ императору Павлу. **1871**. (9), 1486—1487.

1450. Письмо гр. Г. И. Кушелева къ адм. Макарову. **1875**. I, (1), 10—11

1451. Письмо Евгенія Болховитинова къ Г. А. Петрову. Сообщ. А. Г. Петровымъ. **1873**. I, (3), 388—392.

1452. Бумага кн. Лопухина и два рескрипта имп. Павла къ Руничу о Зубовыхъ. Сообщ. гр. Д. Н. Толстымъ. **XVIII В.** IV, 474—475.

1453. Изъ временъ Павла Петровича. Сообщ. П. Степановымъ. **1873**. I, (4), 644—645. О чудакѣ Иванѣ Лузинѣ.

1454. По поводу писемъ И. М. Муравьева-Апостола къ гр. С. Р. Воронцову. Д. Д. Рябинина. **1876**. I, (3), 377—383.

1455. Е. И. Нелидова. (Біографическій очеркъ). Кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго. **1873**. II, (11), 2160—2172.

1456. Изъ бумагъ Е. И. Нелидовой. **XVIII В.** III, 422—459. Письма Е. И. Нелидовой къ Павлу, письмо Павла къ Екатеринѣ объ Е. И. Нелидовой. Письма Павла къ Нелидовой. Переписка Е. И. Нелидовой съ Маріей Ѳеодоровной. Некрологъ Е. И. Нелидовой, Комовскаго.

1457. Письмо Н. И. Неплюева къ преосв. Амвросію. Сообщено Н. Ѳ. Дубровинымъ. **1892**. I, (4), 494 496.

1458. Письмо гр. А. Г. Орлова къ гр. Н. И. Салтыкову. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. **1873**. I, (4), 0468—0470.

1459. Переписка митроп. Платона съ гр. И. П. Салтыковымъ и Ю. А. Головкинымъ. Сообщ. С. Д. Муретовъ. **1697**. II, (5), 108—109.

1460. О взысканіи съ наслѣдниковъ кн. Потемкина-Таврическаго казенныхъ денегъ. Сообщ. Г. Н. Александровъ. **1873**. II, (12), 2322—2325.

1461. Письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. Ѳ. В. Ростопчину. Съ примѣч. гр. А. Ѳ. Ростопчина. **1872**. (11), 2174—2246.

1462. Изъ писемъ Я. И. Булгакова къ И. А. Алексѣеву. **1898**. II, (1), 50—55.

1463. Письмо князя А. Б. Куракина къ кн. Ѳ. Н. Голицыну (о Сперанскомъ). Съ замѣт. Я. К. Грота. **1863** (5—6), 442—444. (Поправка Я. К. Грота. (8—9), 720).

Библиотека "Руниверс"

1464. Извѣстіе о присылкѣ А. К. Булгаковымъ, въ даръ Чертковской библіотекѣ, собранія подлинныхъ писемъ кн. Н. В. Репнина къ И. А. Алексѣеву. **1865.** (3), 392.

1465. Письма кн. Репнина къ кн. А. Б. Куракину. **1876.** Ш, (10), 167—169.

1466. Мелочи изъ прошлаго (о братѣ Робеспьера. **1865.** (12), 1537—1538.

1467. Семейство Робеспьеровъ. М. Ѳ. Шугурова. **1867.** (4), 516—520.

1468. Ростопчинскія письма къ гр. С. Д. Воронцову. — Гр. Марковъ.—Гр. Кутайсовъ.—Кн. Горчаковъ. **1887.** I, (2), 149—185.

1469. Записка гр. Ростопчина о политическихъ отношеніяхъ Россіи въ послѣдніе мѣсяцы Павловскаго царствованія (съ замѣтками императора Павла Петровича). Сообщ. гр. А. Ѳ. Ростопчинымъ. **1878.** I, (1), 103—110.

1470. Записочка графа Ростопчина къ Я. И. Булгакову о морскомъ путешествіи Павла Петровича. Сообщ. П. С. Киселевымъ. **1875.** I, (1), 6.

1471. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла. Письма гр. Ростопчина къ гр. С. Р. Воронцову. **1876.** II, (5), 81—90. Ш, (9), 65—103. (12), 412—429. Принцъ Конде.—Кн. Лопухинъ. —Тугутъ.— Суворовъ.—Гр. Н. П. Панинъ.—Браки великихъ княженъ.—Маркизъ Галло.—Флаксландеръ.—Англійская политика.

1472. Разсказъ о Н. С. Свѣчинѣ. Т. Толычевой. **1871.** (9), 1532—1535. Поправка къ этой статьѣ. **1872.** (12), 2599.

1473. Усердіе Москвичей къ славѣ Суворова. Сообщ. С. А. Панчулидзевымъ. **1898.** I, (1), 84—85.

1474. Письмо Суворова въ Военную Коллегію. **1900.** II, (7), 403.

1475. Записка Суворова подполковнику Клинтону. Изъ архива кн. М. А. Мещерской. **1879.** I, (2), 267—268.

1476. Письмо Суворова къ С. А. Колычеву. Сообщ. М. Розановымъ. **1889.** I, 3, 398.

1477. Переписка Суворова съ Нельсономъ. Съ предисл. б. Ѳ. А. Бюлера. **1872.** 3—4, 738—751.

1478. Письмо князя А. А. Суворова къ графу Д. И. Хвостову. **1900.** II, 7, 404.

1479. Письмо княгини Суворовой къ имп. Павлу. **1900.** I, (7), 404.

1480. О Францѣ Германѣ Лафермьерѣ. **1869.** 10, 1727—1728.

1481. Еще о Лафермьерѣ. Кн. М. А. Оболенскаго. **1869.** 12, 2090—2092. Къ замѣткѣ присоединено письмо Лафермьера, 1786 г

1482. Изъ бумагъ кн. И. Л. Шаховскаго. **1884.** II, (3), 207—208.

1483. Изъ бумагъ гр. Н. П. Шереметева. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ. **1897.** II, (8), 497—521. Ш, (10), 157—172. (12), 501—516. Отмѣтки и указы Павла.—Указъ Екатерины Великой придворной Конторѣ. Доклады гр. Н. П. Шереметева. Примѣчанія Д. П. Трощинскаго на доклады гр. Н. П. Шереметева. Письмо Д. Н. Неплюева къ гр. Н. П. Шереметеву. Письма гр. Н. П. Шереметева къ Павлу и къ кн. А. Б. Куракину. Письма къ гр. Н. П. Шереметеву: кн. П. М. Волконскаго, гр. А. Н. Самойлова, Н. П. Архарова, И. И. Шувалова, А. А. Аракчеева, гр. Тизенгаузена, камерфрейлины Валуевой, архитектора Бренны, Сергѣя Крылова, Н. И. Неплюева, Г. Р. Державина, Д. И. Хвостова, гр. П. А. Палена, гр. Ю. М. Віельгорскаго, княг. Елены Вяземской, Мих. Изъѣдинова, Авдотьи Нелединской, Петра Валуева, адъютанта Нелидова, Григорія Кушелева, кн. Репнина, гр. Румянцова, Ал-дра Протасова, кн. Петра Урусова. Переписка съ гр. А. Е. Мусинымъ-Пушкинымъ и съ А. Ѳ. Малиновскимъ.

Библиотека "Руниверс"

1484. Письмо гр. Н. П. Шереметева къ гр. П. А. Палену (передъ кончиною Павла). **1895.** I, (3), 326—327.

1485. Переписка между графами Н. П. Шереметевымъ и С. Р. Воронцовымъ. 1799, **1897.** I, 2, 181—186.

1486. Рескриптъ Павла г. маіору Лаврову. Сообщ. П. Л. Юдинымъ. **1897.** III, (11), 373.

1487. Описаніе Михайловскаго дворца 1801 г. Августа Коцебу. **1870.** (4—5), 969—998.

1488. Письма Маріи Ѳеодоровны къ кн. С. И. Гагарину. (О поселеніяхъ Воспитательного Дома). **1868.** (1), 1—24.

1489. Письма в. кн. Павла къ гр. И. Г. Чернышову. Сообщ. кн. П. А. Вяземскимъ. **1867.** (2), 197—203.

Царствованіе Александра Павловича.

1490. Обозрѣніе жизни и царствованія Александра Перваго. Н. В. Путяты. **XIX в** I, 426—494.

1491. Записка Екатерины II-й о младенчествѣ в. кн. Александра Павловича (составленная для Густава III-го). Съ примѣч. А. Брикнера. **1871.** (9), 1519—1524.

1492. Записка Александра Павловича о военной исторіи. Съ послѣсл. Г. Н. Александрова. **1874.** I. (1), 201—204.

1493. Письмо в. кн. Александра Павловича къ С. И. Плещееву. (Сообщ. В. М. Еропкинымъ). **1878.** II, (6), 269.

1494. Замѣтки А. Я. Протасова объ Александрѣ Павловичѣ. (Сообщ. М. П. Погодинымъ). **1866.** (1), 94—111.

1495. Учебная тетрадь Александра Павловича. **1866.** (1), 111—113.

1496. Письма Александра Павловича къ кн. Н. И. Салтыкову. Сообщ. княжною Е. А. Салтыковою-Головкиною. **1878.** I, (2), 150.

1497. Письмо Александра Павловича къ И. П. Салтыкову (о Каразинѣ). **1876.** I, (1), 59.

1498. Рескриптъ Александра Перваго гр. Салтыкову. Сообщ. Н. Д. Извѣковымъ. **1900.** II, (8), 448.

1499. Письмо Александра Павловича къ кн. Н. И. Салтыкову. **1904.** III, (11), 464.

1500. Письмо Александра Павловича къ гр. Н. П. Румянцову. Сообщ. Н. А. Дивовъ. **1869.** (4), 609—614.

1501. Встрѣча съ Александромъ Павловичемъ. Изъ воспоминаній княжны В. Н. Репниной. **1888.** II, (5), 94—96.

1502. Указъ Александра I-го, чтобы не прославлять чрезмѣрно Государя. **1870.** (7), 1389.

1503. Рѣчь Александра Павловича при открытіи перваго Польскаго сейма. **1905.** III, (10), 201—204.

1504. О мнимомъ обращеніи Александра Павловича въ католичество. **1887.** II, (5), 107.

1505. Письмо Александра Павловича къ в. кн. Аннѣ Ѳеодоровнѣ. **1902.** II, (5), 81—84.

1506. Письмо Александра Павловича къ гр. Аракчееву. Съ примѣч. М. И. Семевскаго. **1869.** (10), 1660—1662.

1507. Рескриптъ Александра Павловича Беклешову (о памятникѣ П. Д. Еропкину). (1805). Сообщ. В. В. Ильинымъ. **1874.** II, (8), 459.

1508. Письмо Александра Павловича къ б. Будбергу о неприкосновенности приданаго Россійскихъ великихъ княженъ. **1891.** III, (12), 580—582.

1509. Письма и указы Александра Павловича къ Державину. Сообщ. В. С. Корсаковымъ. **1863.** 460—466.

Библиотека "Руниверс"

1510. Рескрипты Александра Павловича О. П. Козодавлеву. Сообщ. А. А. Титовымъ. **1895.** (10), 129—139. Дополненіе. (11), 412.

1511. Рескриптъ Александра I-го. Д. С. Ланскому. Сообщ. кн. А. А. Трубецкимъ. **1880.** (II), 220.

1512. Письма Александра Павловича къ адм. Макарову. **1875.** I. (1), 11—12.

1513. Письмо Александра Перваго къ княг. Софіи Сергѣевнѣ Мещерской. Съ примѣч. Н. П. Барсукова. **1886.** Ш. (11), 403—408.

1514. Письмо Александра Павловича къ гр. М. А. Милорадовичу. Сообщ. А. А. Милорадовичъ. **1897.** III, (11), 374 и 1864 (5—6) 623.

1515. Письма Александра Павловича. **1877.** I, (2), 145—146. Къ А. Н. Нарышкиной и къ кн. М. Г. Голицыной.

1516. Письмо Александра Павловича къ Обрѣзкову. **1898.** I, (1), 86.

1517. Письма императора Александра Павловича къ маркизу Паулуччи (о фонъ-Бокѣ и г-жѣ Криднеръ). **1886.** II, (5), 112—118.

1518. Письмо Александра Павловича къ папѣ Пію VII. Съ замѣткою Ю. П. Б(артенева). **1899.** I, (4), 685.

1519. Изъ писемъ Александра Павловича къ митр. Платону. **1887.** II, (7), 286—287.

1520. Изъ переписки Александра Павловича съ В. С. Поповымъ. (По поводу книги Стройновскаго). **1864.** (3), 319—321.

1521. Рескрипты Александра Павловича кн. А. А. Прозоровскому. Сообщ. кн. М. А. Голицыной-Прозоровскою. **1899.** II, (7), 363—367.

1522. Письмо вел. кн. Александра Павловича къ А. Я. Протасову. **1877.** II, (7), 265.

1523. Кн. Меттернихъ объ Александрѣ Павловичѣ. **1892.** II. (6), 197—201.

1524. Александръ Павловичъ въ Финляндіи. С. Грипенберга. Сообщ. Бирг. Ярлов. Лундалемъ. **1877.** Ш, (12), 343—356.

1525. Изъ путешествій по Россіи Александра Павловича. Замѣтки Д. А. Деменкова, съ объясн. Н. Добротворскаго. **1887.** I, (3), 305—314.

1526. Посѣщеніе Александромъ Павловичемъ Смоленскаго кладбища въ Петербургѣ. Н. И. Григоровича. **1869.** (4), 075—076.

1527. Послѣднее путешествіе Александра Павловича. А. Танкова. **1901.** II, (7), 337—338.

1528. Александръ Павловичъ и кн. Чарторыжскій. **1871.** (4—5), 697—945.

1529. Три бесѣды съ Александромъ Павловичемъ. Изъ Записокъ кн. Чарторыжскаго. **1890.** Ш, (9), 41—57.

1530. Свиданіе съ Александромъ Павловичемъ. (По поводу Семеновской исторіи). Ѳ. И. Тимирязевъ. **1873.** II, (7), 01319—01331.

1531. Поццо-ди-Борго про Александра Павловича. Письмо къ К. Я. Булгакову. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ. **1896.** III, (10), 200—204.

1532. Пребываніе Александра Перваго въ Севастополѣ. (Изъ дневника И. Х. Сиверса). Сообщ. А. Сиверсъ. **1902.** I, (2), 263—267.

1533. Александръ Павловичъ въ Кіевѣ. Изъ письма іером. Антонія Смирницкаго съ замѣткою А. А. Титова. **1884.** Ш, (5), 115—117 и **1892.** (12), 465—468.

1534. Александръ Павловичъ въ Вилляновѣ. Изъ Записокъ гр. Потоцкаго. **1900.** Ш, (12), 549—550.

1535. Письма императрицы Елисаветы Алексѣевны къ графу Витгенштейну и его супругѣ. Сообщ. М. П. Зиновьевой. **1906.** I, (3), 338—340.

1536. Письма Александра Павловича и императрицы Елисаветы Але-

Библиотека "Руниверс"

ксѣевны къ Р. С. Стурдзѣ (гр. Эдлингъ). Сообщ. кн. М. А. Гагариною. **1888.** Ш, (11), 373—381.

1537. Рескриптъ Александра Павловича (Тейльсу и Макарову по дѣлу Обуховой). Сообщ. Ал-дрою Ив. Юракъ. **1877.** II, (7), 266—267.

1538. Записочки Александра Павловича къ адм. П. В. Чичагову. **1875.** I, (1), 76.

1539. Поэтъ Батюшковъ объ Александрѣ Павловичѣ. **1891.** I, (2), 330.

1540. Письмо (Даніила Бабкина) о кончинѣ Александра Павловича. **1889.** Ш, (11), 380—381.

1541. Изъ письма А. Мансурова. **1898.** II, (8), 654. О кончинѣ Александра Павловича въ бумагахъ Е. И. Ястребовой, ур. Вельяминовой-Зерновой.

1542. Разсказы о кончинѣ импер. Елисаветы Алексѣевны. **1904.** I, (4), 622—624.

1543. Анекдоты изъ временъ Александра Павловича. Съ примѣч. Д. Д. Рябинина. **1875.** I, (3), 329—335. Актриса Жоржъ.—А. Л. Нарышкинъ. — Фельдм. Румянцовъ, какъ семьянинъ.—Гр. Н. П. Румянцовъ и директоръ Львовъ.

1544. 1812 г. Изъ семейныхъ воспоминаній А. Ѳ. Кологривовой, ур. Вельяминовой-Зерновой. **1886.** II, (7), 338—346.

1545. Донесенія сенатора Каверина Александру Павловичу о Смоленской губ. въ 1812 г. **1871.** (10), 1612—1636.

1546. Память о 1812 г. М. М. Евреинова. **1874.** I, (1), 95—110. (2), 451—461.

1547. Изъ воспоминаній о 1812 г. Н. А. Дивова. **1873.** II, (7), 01331—01338.

1548. Записки кн. Н. Б. Голицына. **1884.** II, (4), 338—374. Подвигъ ген. Эмануеля.—Французскіе плѣнники. — Вступленіе во Францію.

1549. По поводу статьи старожила города Москвы. **1869.** (12), 2021—2023.

1550. Разсказы и воспоминанія Московскихъ Французовъ о 1812 г. Гадарюэля (Ладрага). **1869.** (9), 1399—1404.

1551. Воспоминанія о 1812 г. кн. П. А. Вяземскаго. **1869.** (1), 181—016.

1552. Объ исторіи Отечественной войны, сочиненіи Богдановича. И. П. Липранди. **1865.** (10—11), 1327—1340.

1553. Разсказы изъ исторіи 1812 г. В. А. Брокера. **1868.** (11), 1866—1872.

1554. Пѣсни эпохи 1812—1814 гг., которые пѣлись Русскими офицерами. Сообщ. А. П. Сазоновичъ. **1887.** II, (6), 243—244.

1555. Надпись на колоннѣ въ городѣ Ригѣ въ память 1812—1814 гг. Сообщ М. А. Зиновьевымъ. **1886.** Ш, (10), 268—269.

1556. Возвращеніе изъ арміи въ Смоленскъ иконы Смоленской Божіей Матери. **1894.** III, (10), 240—242.

1557. Переправа черезъ Березину. Изъ записокъ Чичагова. Переводъ съ примѣч. В. В. Ильина. **1869.** (7—8), 1147—1178.

1558. Великое отступленіе. Изъ Записокъ Французскаго гвардейца Ж. Ф. Бургонья. **1897.** I, 248—266.

1559. Приказы Барклая-де-Толли. I, (2), 306—314.

1560. Изъ воспоминаній Э. М. Арндта о 1812 годѣ. **1872.** (2), 076—0120.

1561. 1812 г. **1899.** Ш, (10), 251—280. Разсказъ священника Успенскаго собора І. С. Бажанова. Кн. Ю. В. Долгорукій. Ю. Н. Бартеневъ.

1562. Къ исторіи 1812 года. **1882.** II, (4), 167—204. Дипломатическія депеши о ссылкѣ Сперанскаго. Сообщ. княг. Е. Э. Трубецкою. —Письмо Н. М Лонгинова къ гр. С. Р. Воронцову.—Разсказъ аб. Сюрюга.—Письмо его къ

Библиотека "Руниверс"

своему другу аб. Николю (переводъ съ Французскаго) съ автобіографическимъ предисловіемъ В. Стратонова.

1563. Современные разсказы, письма, анекдоты, стихотворенія. **1876.** II, (7), 302—320. (8), 387—409. Солдатская пѣсня Ив. Кованько. —Библіотека гр. Бутурлина.— Рескриптъ гр. Ростопчину. — Письма старосты Григ. Андреева къ помѣщику его. — Еврей. — Полковникъ Энгельгардъ. — Вас. Вас. Нероновъ.—Посланіе къ гр. Платову. — О вшествіи Французовъ въ Москву (разсказы Корбелецкаго). —Лодеръ. —Сраженіе Русскаго повара Семенова съ кирасиромъ Наполеоновой гвардіи.

1564. Память о 1812 г. въ обсерваторіи Московскаго Университета. Сообщ. Ѳ. А. Бредихинымъ. **1884.** II, (4), 337.

1565. Расписаніе особамъ, составлявшимъ Французское правленіе въ Москвѣ. **1864.** (4), 412—416.

1566. У Французовъ въ Московскомъ плѣну 1812 г. П. А. Волконскаго. Сообщ. А. А. Титовымъ. **1905.** III, (11). 351—359.

1567. Лордъ Байронъ о пожарѣ Москвы, въ переводѣ И. И. Х(аненки). **1885.** I, (3), 415.

1568. Изъ разореной Москвы. Письма М. И. Снегирева въ П. В. Побѣдоносцеву. **1897.** I, (1) 110—112.

1569. Медаль на занятіе Москвы Французами. **1876.** II, (8), 409.

1570. По поводу медали на занятіе Москвы. **1876.** III, (11), 378—379. Здѣсь и рѣчь Наполеона про Русскихъ крестьянъ.

1571. Французъ-ходатай за Русскихъ простолюдиновъ (1812). Съ предисловіемъ А. Булыгина. **1903.** I, (1), 141.

1572. Письмо прикащика Максима Сокова къ И. Р. Баташову о Московскомъ пожарѣ 1812 г. Сообщ. кн. Л. С. Голицынымъ. **1871.** (1), 0218—0228.

1573. Наполеонъ о пожарѣ Москвы. **1891.** I, (2), 301.

1574. Письмо Алексѣя Ѳедоровича Мерзлякова къ Ѳедору Михайловичу Вельяминову-Зернову, о Москвѣ послѣ пожара 1812 года (1813). (Сообщено М. А. Дмитріевымъ). **1865.** (1). 109—116.

1575. Дѣло о должностныхъ лицахъ Московскаго правленія, учрежденнаго Французами, въ 1812 году. Н. С. Киселева. **1868.** (6), 881—903.

1576. Московскій Воспитательн. Домъ въ 1812 г. Сообщено П. И. Щукинымъ. **1900.** III, (11), 457—475. Письмо И. А. Тутолмина къ И. Н. Баранову. Донесен.е И. А. Тутолмина импер. Маріи Ѳеодоровнѣ.

1577. Московскій университетъ послѣ 1812 г. Нила Попова. **1881.** I, (2), 386—421. Созваніе университетскаго Совѣта и Правленія. Претензіи магистра военныхъ наукъ Мягкова.

1578. Бумаги изъ эпохи 1812—1814 г. съ предисл. Г. Н. Александрова. **1871** (10), 1537—1612. Письма Александра Павловича къ кн. Кутузову и гр. Барклаю де-Толли.

1579. Записки А. Д. Бестужева-Рюмина. **1896.** II, (7), 341—385.

1580. Воспоминанія Московскаго жителя о пребываніи Французовъ въ Москвѣ въ 1812 г. Шевелье д'Изарна. **1869.** (9), 1405—1462.

1581. Изъ дневника о Московскомъ разореніи. П. В. Побѣдоносцева. **1895.** I, (2), 213—224.

1582. Изъ Записокъ гр. В. А. Перовскаго. (Сообщ. Б. А. Перовскимъ). **1865.** (3), 257—286.

1583. Стендаль о походѣ въ Россію въ 1812 г. **1892.** III, (10), 234—236.

1584. Москва въ первые два дня вступленія въ нее Французовъ. Изъ дневника Стендаля, съ предисловіемъ В. Горленка. **1891.** II, (8), 490—495.

1585. Разсказъ о 1812 г. (Е. А. Соймонова). **1871.** (1), 0198—0217.

Библиотека "Руниверс"

1586. Русскіе люди въ 1812 г. Письмо Г. Ѳ. Фабера. **1902.** I, (1), 31—41.

1587. Письма профессоровъ во время Московскаго разоренья. Съ предисловіемъ Д. М. Щепкина. **1904.** I, (1), 43—50. М. Г. Гавриловъ къ ректору И. А. Гейму. Письма къ Т. А. Каменецкой. Л. Л. Цвѣткова. А. В. Болдыревъ. И. И. Давыдовъ. Л. Г. Сидорацкій.

1588. Къ исторіи 1812 г. Дневникъ поруч. Фоссена. Перевелъ съ Нѣмецк. А. И. Станкевичъ, **1903.** Ш, (11), 467—479.

1589. Бѣлорусскія преданія о 1812 г. Бѣлорусса Максима Шамшура. **1890.** II, (7), 321—330.

1590. Французская афиша 1812 г. **1864.** (4), 408—418.

1591. Записки марк. Пасторѐ о 1812 г. **1900.** Ш, (12), 481—548.

1592. Разсказы изъ исторіи 1812 г. А. Н. Оленина. Сообщ. В. А. Олениной. **1888.** (12), 1983—2000.

1593. 1812 г. Посланіе Тамбовскаао губернатора (Нилова) ко всѣмъ головамъ, сотскимъ, десятскимъ и православнымъ христіанамъ. **1889.** II, (5), 153—154.

1594. Къ исторіи 1812 г. Сообщ. гр. А. Ѳ. Ростопчинымъ и Н. С. Киселевымъ. **1866.** (5), 689—735. Поправка кн. П. А. Вяземскаго. (10), 1506. Ордеръ Вороненку (отъ гр. Ростопчина). Письмо Я. В. Виліе къ гр. Ростопчину. Предписаніе гр. Ростопчина Броницкому исправнику Давыдову. Письма г.-м. Миллера къ г.-м. Н. И. Богданову. Письмо къ гр. Ростопчину г.-м. Иловайскаго 4-го. Замѣтки на память А. Я. Булгакова и его письма. Рапортъ протоіерея Гратинскаго, сообщ. А. А. Мартыновымъ.

1595. Бородино. Гр. С. Д. Шереметева. **1891.** II, (6), 161—166.

1596. О памятникѣ на Бородинскомъ полѣ. Ш, (10), 198—199.

1597. Отзвукъ Бородинскаго боя. Д. В. Губерти. **1900.** II, (6), 236—238.

1598. Поминки по Бородинской битвѣ. Посв. Д. Г. Бибикову. Стих. кн. П. А. Вяземскаго. **1869.** (1), 175—182.

1599. Переписка С. А. Маслова съ Н. Х. Граббе о подвигѣ Ермолова въ Бородинской битвѣ **1869.** (4), 061—064.

1600. Ссыльные 1812 г. въ Оренбургскомъ краѣ. П. Л. Юдина. **1896.** Ш, (9), 5—33. Профессоръ Годфруа —Автобіографія Б. М. Реута.

1601. Осмотръ Н. А. Бекетовымъ Смоленскихъ училищъ по нашествіи Наполеона. Сообщ. Н. А. Поповъ. **1879.** Ш, (9), 63—87.

1602. Изъ Записокъ адм. Чичагова. Дѣла съ Турціею въ 1812 г. Проектъ диверсіи противъ Наполеона. Переведено В. В. Ильинымъ. **1870.** (8—9), 1522—1551.

1603. Изъ дневника Ѳ. Я. Мирковича. **1888.** I, (1), 43—70. (2), 215—234.

1604. Два разсказа изъ исторіи 1812 г. М. Н. Лонгинова. **1868.** (10), 1675—1676.

1605. Письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ фельдмаршалу кн. М. И. Кутузову-Смоленскому. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. **1875.** Ш (12), 456—460.

1606. Четыре письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ гр. П. А. Толстому. **1885.** Ш, (11), 409—414.

1607. Москва въ 1812 году. А. Н. Попова. **1875.** II, (7), 269 — 324. (8), 369—402. Ш, (9), 4 — 46. (10), 129—197, (11), 257—288. Докторъ Сальваторъ. — В. кн. Екатерина Павловна. — Бернадотъ.—Константинъ Павловичъ. —Переписка о Ключаревѣ.— Поваръ гр. Ростопчина.—Г-жа Сталь.—Исторія Лепиха.—Переписка Маріи Ѳеодоровны съ Ю. А. Нелединскимъ —Разсказъ Шнейдера. — Письмо гр. Н. П. Румянцева къ Алопеусу.—Донесеніе Обрѣзкова государю отъ

Библиотека "Руниверс"

27 Мая 1812 г.—Левенштернъ. —Лезеръ.—Платовъ въ Москвѣ. —Письмо Ростопчина къ государю объ оставленіи Москвы.— Ермоловъ о Кутузовѣ.

1608. Французы въ Москвѣ въ 1812 г. А. Н. Попова. **1876.** I, (2), 223—247. Поправка (3, 392), (3), 316—345. (4), 440—463, II. (5), 53—80, (6), 161—167. (7), 285—301. (8), 369—387. Наполеонъ и типографщикъ Латуръ. — Мюратъ въ Баташевскомъ домѣ.—Гр. Салтыкъ.—Абб. Сюрюгъ. — Актриса Фюзиль. — Оберъ-Шальме. — Донесеніе Ивашкина.— Д'Орреръ.— Г. Н. Кольчугинъ. — Маршалъ Викторъ. — Сенъ-Сиръ и Макдональдъ.—Разговоры Наполеона съ Тутолминымъ и И. А. Яковлевымъ. — Мнѣніе Тьера объ отступленіи Наполеона.

1609. Эпизоды изъ исторіи 1812 г. А. Н. Попова. Сообщен. П. Н. Цуриковымъ. **1892.** I, (2), 145—184. (3), 341—378. (4), 417—445. II, (5). 5—34, (6), 159—196. (8), 399—418. Отзывъ Дюрока о Полякахъ.—Виньонъ въ Варшавѣ.—Донесеніе Чернышова изъ Парижа.—Гр. Огинскій.— Кн. Багратіонъ.— Толь. —Маркизъ Паулуччи.—Гр. Нарбоннъ.—А. Д. Балашовъ.—Сенъ-При.—Клаузевицъ.—Ген. Пфуль. — Гр. Остерманъ-Толстой. — Пособничество Бернадота. — Бломъ.—Чичаговъ.— Каннингъ. Гр. Местръ и іезуиты въ Россіи.—Опала Сперанскаго.— Книга Баррюеля.—Гр. А. К. Разумовскій.—Ростопчинъ о Сперанскомъ.

1610. Народная война въ Смоленской губерніи въ 1812 г. Александра Слезскинскаго. **1901.** II. (5), 5—26.

1611. Мои воспоминанія о 1812 г. П. А. Тучкова. Сообщ. А. П. Тучковымъ. **1873.** II, (10), 1928—1968.

1612. Замѣтка о 2 Сентября 1812 г. М. Ѳ. Шугурова. **1867.** (2), 304—307.

1613. 1812-й годъ. Херсонскій помѣщикъ Скаржинскій. Л. **1906.** Ш, (11), 467—470.

1614. 1812 г. Воспоминанія кн. А. А. Шаховскаго. **1886.** Ш, (11), 372—402. Музыканты бар. Фитингофа.—Бар. Винцингероде.—Гр. Д. И. Хвостовъ.— Художникъ Тончи.

1615. 1812 г. въ Сибири. Предписаніе ген. Глазенапа Кипченкову съ предисл. Н. Палибина. **1892.** I, (2), 267—269.

1616. Баронъ Штейнъ о состояніи Россіи въ 1813 г. **1871.** (2), 0126—0128.

1617. Сочувствіе Англичанъ къ Русскому народу. Изъ протоколовъ Англійскаго Парламента 1812 г. Сообщ. Ральстономъ. **1876.** Ш, (12), 496—498.

1618. Къ исторіи 1812 г. Дѣло о фальшивыхъ Русскихъ ассигнаціяхъ. **1865,** (4), 491—494.

1619. Еще о фальшивыхъ ассигнаціяхъ 1812 г. И. П. Липранди. **1865.** (7), 873—882.

1620. Новыя подлинныя черты изъ исторіи войны 1812 г. **1864.** (11—12), 1190—1245. Донесеніе аптекаря Дорнберга.—Маіоръ Франц. службы, А. Шмидтъ, Записка А. Я. Булгакова для гр. Нессельроде.

1621. Описаніе моего пребыванія въ Москвѣ во время Французовъ. **1896.** II, (8), 521—540.

1628. Московскіе монастыри во время нашествія Французовъ. (Изъ поддинныхъ донесеній Александру Павловичу). **1869.** (9), 1387—1399.

1623. Описаніе, что̀ происходило во время нашествія непріятеля въ Донскомъ монастырѣ 1812 г. Сообщ. С. П. Тимофѣевымъ. **1891.** Ш, (10), 265—269.

1624. Московскій Новодѣвичій монастырь въ 1812 г. Разсказъ очевидца Семена Климыча. (Со-

Библиотека "Руниверс"

общ. Н. П. Гиляровъ-Платоновъ). **1864.** (4), 416—434.

1625. Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ 1812 г. Съ предисл. бар. Ѳ. А. Бюлера. **1875.** Ш, (11), 289 — 296. Переписка Н. Н. Бантышъ-Каменскаго съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ.

1626. Разсказъ Смоленскаго дьякона о нашествіи 1812 г. Изъ воспоминаній К. Н. Леонтьева. **1881.** Ш, (6), 404—411. Помѣщикъ Коробановъ.

1627. Письма изъ Москвы въ Нижній 1813 г. И. М. Муравьева-Апостола. **1876.** Ш, (10), 129—154. Замѣтка къ этой статьѣ. **1877.** I, (1), 556.

1628. Разговоръ Шишкова съ кн. Кутузовымъ о походѣ 1813 г. **1876.** Ш, (12), 498—499.

1629. Какъ былъ взятъ городъ Соассонъ. Извлечено изъ дневника И. П. Липранди. **1868.** (6), 903—921.

1630. Нѣсколько словъ о значеніи Соассона въ кампанію 1814 г. И. П. Липранди. **1868.** (6), 921—925.

1631. Первая мысль о построеніи храма Спасителя въ Москвѣ. Письмо къ А. С. Шишкову отъ П. А. Кикина. Сообщено П. А. Кикинымъ. **1880.** II, 228—232.

1632. Изъ дневника свитскаго офицера С. Г. Хомутова. **1870.** (1), 161—174.

1633. Дневникъ свитскаго офицера. 1813 г. С. Г. Хомутова. Съ предисл. Е. И. Розе. **1869.** (2), 219—304.

1634. Изъ дневниковъ Русскаго офицера о заграничномъ походѣ 1813 г. Съ замѣткою Ю. П. Бартенева. **1900.** II, 7, 278—293.

1635. По поводу разсказа М. Ѳ. Орлова о взятіи Парижа. Н. А. Дивова. **1878.** I, (1), 127—128.

1636. Письмо на другой день по вступленіи въ Парижъ. Отъ Н. А. Дивова къ его брату въ Россію. **1888.** Ш, (11), 382—384.

1637. Донесенія гр. М. А. Дмитріева-Мамонова Александру Павловичу. (Недружелюбіе Нѣмцевъ къ Русскимъ войскамъ). Сообщено А. Н. Поповымъ. **1871.** (2), 0121—0126.

1638. Чего стоила война съ Французами 1812—1814 г. Сообщено Н. П. Розановымъ. **1874.** II, (9), 735—736.

1639. Празднество въ Павловскѣ 27 Іюля 1814 г. М. Веневитинова. **1887.** II, 7, 341—363. Здѣсь стихи: Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, кн. Вяземскаго, К. Н. Батюшкова, Г. Р. Державина.

1640. Письма изъ эпохи 1812—1815 г. Сообщ. С. Д. Полторацкимъ. **1871.** (1), 150—162. Письма кн. Ю. В. Долгорукаго кн. А. И. Горчакову, къ нему же Егора Жукова, гр. Растопчина, гр. Платова. Письмо гр. Аракчеева къ гр. Растопчину, письма Барклая де-Толли къ гр. Растопчину. Письмо Кутузова къ Калужскому градскому головѣ.

1641. Письмо къ издателю „Русскаго Архива“ (по поводу романа гр. Толстаго: Война и миръ“). Гр. А. Ѳ. Ростопчина. **1869.** (5), 935—936.

1642. Замѣтка о произведеніи гр. Л. Н. Толстаго „Война и Миръ“. **1868.** (2), 334.

1643. Новыя подробности изъ молодой жизни А. П. Ермолова. **1878.** II, 8, 475—482. Письма А. П. Ермолова къ А. М. Каховскому, и къ П. С. Дегтяреву. —Всеподданнѣйшій докладъ генералъ-прокурора Лопухина.— Объясненіе А. П. Ермолова, собственноручно имъ писанное.

1644. Къ біографіи гр. Ланжерона. П. Л. Юдина. **1895.** Ш, (11), 401—404.

1645. Письмо принца Карла Мекленбургскаго къ кн. Аѳимьѣ Алексѣевнѣ Туркестановой, съ за-

Библиотека "Руниверс"

мѣткою кн. Н. Н. Туркестанова. **1866**. (6), 928.

1646. Тайная переписка о бракѣ Наполеона съ в. княжною Анной Павловной. Съ предисл. С. П. Татищева. **1890**. Ш. (9), 5—40.

1647. Посольство кн. А. Б. Куракина къ Наполеону. **1877**. Ш, 11, 228—236.

1648. О внутреннемъ управленіи въ Россіи. Записка гр. С. Р. Воронцова. **1881**. II, (3), 155—162.

1649. Записка гр. С. Р. Воронцова о Русскомъ войскѣ. **1876**. Ш, (11), 345—361.

1650. Славянскіе выходцы. Л. **1906**. Ш, (10), 304—309.

1651. О возстановленіи новаго Славяно-Сербскаго государства. Записка митроп. Стратимировича. Сообщ. А. И. Малиновскимъ. **1868**. (1), 112—120.

1652. Записка о вольныхъ земледѣльцахъ и о пенсіонахъ съ командорственныхъ доходовъ. Изъ бумагъ гр. С. П. Румянцова. **1869**. (11), 1953—1966.

1653. Записка, кн. А. Б. Куракина. Александру Павловичу послѣ Аустерлицкаго сраженія. **1869**. (7—8), 1125—1138.

1654. Къ исторіи вторичнаго пребыванія въ Митавѣ Людовика XVIII. Е. В. Чешихина. **1888**. II, (7), 269—282.

1655. Письма изъ Россіи въ Ирландію. (Дѣвица Вильмотъ къ ея сестрѣ. **1873**. II. (10), 1825—1908. Импер. Елисавета и гр. Воронцова. Село Троицкое. Платонъ).

1656. Народное ополченіе 1806 г. Высочайшіе указы и инструкціи. Сообщ. А. А. Титовымъ. **1895**. II, (8). 401—420.

1657. Сто лѣтъ назадъ. І. А. Горновскій. **1904**. II, (8), 534—554. Милиція 1806—1807.

1658. Гибель Корвета „Флоры“ и приключенія людей на немъ бывшихъ. Клемента. **1897**. II, (8), 464—489. Подвиги Д. Н. Синявина. Себастіани. Дервиши.

1659. Борьба просвѣтителей въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Н. И. Соловьева. **1898**. I, (3), 449—462. Въ Вязникахъ и Елабугѣ.

1660. Изъ исторіи Комитета Министровъ. Своеручныя отмѣтки Александра и Николая Павловичей. **1902**. (12), 486—494.

1661. Пернатый батальонъ при Аракчеевѣ. **1889**. II, (8), 562—563.

1662. Замѣтка о бывшихъ военныхъ поселеніяхъ. Г. Н. Александрова. **1873**. II. (9), 1716—1722.

1663. Еще нѣсколько словъ о военныхъ поселеніяхъ. (Отвѣтъ Г. Н. Александрову Н. В. Путяты). **1874**. I, (4), 1042—1047.

1664. Подвиги Русскихъ солдатъ въ царствованіе Александра I-го. Г. Н. Александрова. **1876**. Ш, (11), 373—378.

1665. Проектъ о усиленіи Россійской Верхнею Азіею торговли чрезъ Хиву и Бухарію, Винскаго, посланъ къ г. министру отъ П. Е. Велички, начальника Оренбургскаго Таможеннаго Округа. Сообщ. Н. Петровскимъ. **1878**. I, (4), 400—403.

1666. О запискѣ Карамзина „Мнѣніе Русскаго гражданина“. **1869**. (2), 303—304.

1667. Изображеніе происшествій въ духовенствѣ Западнаго послѣдованія. Митропол. Сестренцевича-Богуша. Сообщ. А. Н. Поповымъ. **1870**. (10), 1745—1768.

1668. О торговлѣ Русскими книгами между Австрійскими Сербами. Н. А. Попова. **1873**. I. (2), 159—163.

1669. Грузія. Историческій очеркъ. А. Хаханова. **1899**. II, (6), 61—169.

1670. По поводу столѣтія съ присоединенія Грузіи къ Россіи. Гульбата. **1900**. I, (4), 649—651.

1671. Тоже. А. А. Титова. **1901**. I, (4), 691—694. О имуществѣ католикоса Антонія.

Библиотека "Руниверс"

1672. Какъ поняли въ Балтійскихъ губерніяхъ указъ объ отмѣнѣ пытокъ. Е. В. Чешихина. **1887.** III, (II), 449—452.

1673. Балтійская Финляндія и Финляндская Балтика. Г. Абовъ. **1894.** I, 4, 611—633.

1674. Начало Финляндскихъ притязаній. Мих—ъ. **1890.** II, (7), 289—304.

1675. Чего достигли и чего домогаются достигнуть Финляндцы? Ѳ. П. Еленева. **1898.** II, 5, 147—170. (6), 206—274. (7), 337—357.

1676. Къ исторіи разграниченія Россіи съ Норвегіей. N. и Н. Чулкова. **1901.** I, (1), 141—157.

1677. Турецкій документъ изъ эпохи Греческаго возстанія. Анифа-паши. Переводъ съ Турецкаго. Съ предисл. М. А. Гамазова. **1886.** II, (6), 170—180.

1678. Картина Франціи 1823 года гр. Ѳ. В. Растопчина. (Ѳ. И. Тимирязева). **1872.** (5), 965—985.

1679. Воспоминаніе о наводненіи въ Петербургѣ 7-го Ноября 1824 года. Б. (К. К. Боянуса). **1870.** (8—9), 1559—1566.

1680. Человѣколюбіе Петербургскихъ Англичанъ. Г. Т. **1901.** III, (9), 126.

1681. Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ. Д. В. Дашкова. **1905.** II, (6), 262—282.

1682. Къ исторіи нашей духовной миссіи въ Китаѣ А. Можаровскаго. **1886.** II, (7), 405—407. Переписка съ Россіею. Письмо отца Веніамина. Архим. П. Каменскій на покоѣ.

1683. Объ отношеніи Александра Павловича къ католичеству. Д. Н. Свербѣева. **1870.** (10), 1811—1818.

1684. Высочайшій указъ 31 Августа 1825 г. объ одеждѣ духовенства. Сообщ. П. Знаменскій. **1901.** II, (8), 587—589.

1685. Два эпизода изъ бытовой исторіи кавалергардовъ. М. К Соколовскаго. **1905.** III, (11), 456—457.

1686. Отголосокъ Аустерлица. Мнѣніе Маевскаго о Сухотинѣ и Хатовѣ, уклонившихся отъ боя. Сообщ. М. К. Соколовскій. **1905.** III, (9), 99—101.

1687. Послѣ грома Побѣдъ. М. К. Соколовскаго. **1906.** III, (12), 549—560.

1688. Русская гвардія. М. К. Соколовскаго. **1905.** III, (9), 5—68.

1689. Русская военная старина. М. К. Соколовскаго. **1906.** II, (8), 616—617.

1690. Изъ прошлаго Русской военной журалистики. М. К. Соколовскаго. **1905.** I, (4), 690 — 691.

1691. Правила для обхожденія съ нижними чинами. (Приказъ гр. М. С. Воронцова). Сообщ. Н. Н. Мурзакевичемъ. **1877.** II, (6), 167—171.

1692. „Сѣверная Почта“ или „Новая С.-Петербургская Газета“ въ Ярославской губерніи. Л. Н. Трефолева. **1899.** III, (11,) 413—422.

1693. Изъ исроріи цензуры временъ Александра Павловича. Сообщ. бар. М. В. Дризенъ. **1897.** II, (5), 117—122.

1694. Мнѣнія А. С. Шишкова о цензурѣ. **1865.** (10—11), 1339—1358.

1695. Картинки прошлаго вѣка.—Дѣвица Ярышкина. — Богадѣльни въ Юрьевѣ-Польскомъ.— Донесеніе гр. И. П. Салтыкова Александру Павловичу. **1902.** III, (10), 236—244.

1696. Письмо Француза-винодѣла Моета къ Русскому г.-майору Р. Е. Ренни. Сообщ. А. В. Протасовой. **1898.** III, (11), 413—416.

1697. Свѣдѣнія о княжнѣ Варварѣ Ильинишнѣ Туркестановой. Кн. Н. Н. Туркестанова. **1882,** III, (6), 20—206.

1698. Справка о князѣ Сакенѣ. Въ дополненіе къ Запискамъ Н. Н. Муравьева-Карскаго. **1894,** III, (11), 454.

Библиотека "Руниверс"

1699. Прорицатель Авель, изъ дѣла о немъ. **1878.** II, (7), 353—363.

1700. Къ исторіи Московской Синодальной типографіи. **1903.** I, (2), 275—278. Покупка дома для типографіи. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ.

1701. Мнѣніе А. С. Шишкова объ „Обществѣ Соревнователей Просвѣщенія и Благотворенія" Сообщ. И. И. Курисъ. **1885.** III, (10), 283—286.

1702. Къ исторіи цензуры. Письмо А. П. Тормасова къ кн. А. П. Оболенскому. Сообщ. Д. М Щепкинъ. **1902.** I, (4), 499.

1703. Къ исторіи цензуры. Д. М. Щепкина. **1902.** III, (12), 522—524.

1704. Ученое привѣтствіе С.-Петербургскаго университета отъ Казанскаго университета. Изъ бумагъ Н. И. Греча. **1871.** (10), 1728—1729.

1705. Зубриловскій пансіонъ. — Учитель Саратовской гимназіи Арнольдъ. Сообщ. Д. А. Столыпинымъ. **1873.** II, (11), 2202—2204.

1706. Изъ исторіи Виленскаго учебнаго округа. (Борьба Польскихъ и Русскихъ началъ). С. Бархатцева. **1874.** I, (5), 1149—1292.

1707. Студенческія безчинства въ Дерптѣ. Е. К. Чешихина. **1887.** III, (10), 265—281. Донесеніе Хотунцова гр. Буксгевдену. — Объясненіе Клингера.

1708. Къ исторіи Пажескаго Корпуса. Гр. Г. А. Милорадовича. **1875.** I, (4), 494.

1709. Исторія Евреевъ въ Россіи. М. Ѳ. Шугурова. **1903.** III, (9), 5—34. Общество Израильскихъ христіанъ.—Мѣры Канкрина.

1710. Докладъ о Евреяхъ Александру Павловичу. Съ предисл. М. Ѳ. Шугурова. **1903.** I, (2), 253—274.

1711. Исторія Евреевъ въ Россіи. Посмертное сочиненіе М. Ѳ. Шугурова, съ его біографіей, составл. Анною Ал-др. Шугуровой. **1894.** I, (1), 55—93. (2), 129—181. (3), 289—349. (4), 465—500. II, (5), 44—102. **1894,** (1): I—VII. При Іоаннѣ Грозномъ.—Петръ Великій о Евреяхъ.—При Аннѣ Іоанновнѣ. — Липманъ.—При Елисаветѣ Петровнѣ.—Докторъ Саншесъ.—**1894,** (2): VIII—XIV. Мнѣніе о Евреяхъ Вольтера.—Г.-прок. Глѣбовъ.—Екатерина Вторая.—Полу-Евреи.—Гр. М. В. Каховскій.—Послѣ Коліивщины. — Въ Прибалтійскомъ краѣ.—П. Б. Пассекъ.—Высылка ихъ изъ Москвы.—Указъ Тутолмину. **1894,** (3): XV. Въ Курляндіи.—Выкрестъ Крыжановскій.—XVI. Державинъ.—Мендельсонъ.—Нотка. **1894,** (4): XXIV. Записка гр. Н. П. Румянцова. — Д. О. Барановъ. — Сужденіе Брафмана. **1894.** (5). XXIX. Мѣры Наполеона. — XXXVIII. Записка Сташича.

1712. Къ статьѣ „Исторія Евреевъ въ Россіи". Д. В. Коломійцева. **1894.** II. (5), 152.

1713. Къ исторіи Еврейства. Н. С. Граве. **1893.** II, (5), 59 — 104. (6), 196 — 246, (7), 369 — 390, (8), 543—560.

1714. Старинная сатира. **1896.** II, (7), 403—407. На министровъ Александра Павловича.

1715. Разгадка одного намёка въ „Старинной сатирѣ". **1896.** II, (8), 540.

1716. Дѣло по отношенію Смоленскаго губернатора (бар. Аша), объ Отдѣленіи въ Смоленскѣ Библейскаго Общества. Сообщ. Г. К. Рѣпинскимъ. **1868.** (9), 1395—1403.

1717. Къ исторіи Библейскихъ обществъ. М. Я. Морошкина. **1888.** (6), 940—951. Письма митроп. Серафима къ Александру I-му о сектѣ духоносцевъ.—Письмо Иннокентія къ Фотію.—Письмо Фотія къ архим. Герасиму.—Письмо митроп. Серафима къ гр. Аракчееву.—Письмо гр. Аракчева къ архим. Фотію.

Библиотека "Руниверс"

1718. Черты Русской политики въ 1819 г. М. Ѳ. Шугурова. **1867.** (5—6), 861—903.

1719. Семеновская исторія 1820 г. Д. Кропотова. **1870.** (10), 1777—1784.

1720. Къ исторіи Семеновскаго полка. Записка В. И. Рачинскаго о возмущеніи 1820 г. **1902.** III, (11), 410—423. Письмо П. П. Карцова къ В. И. Рачинскому.

1721. Мнѣніе кн. И. В. Васильчикова о Семеновскомъ возмущеніи. **1870.** (10), 1784—1812.

1722. Частное письмо о Семеновскомъ возмущеніи. Сообщ. кн. В. И. Баюшевымъ. **1868.** (11), 1820—1828.

1723. Бумаги кн. И. В. Васильчикова, Съ предисл. кн. А. Васильчикова. **1875.** I, (3), 339—359. II, (5), 44—98. (6), 126—140. (7), 325—338. (8), 419—465. III. (12), 401—420. I. Письма: Александра I, кн. Волконскаго. Донесеніе кн. И. В. Васильчикова Александру I. Секретныя замѣчанія Александра Павловича. Письма гр. А. Х. Бенкендорфа. Письма кн. И. В. Васильчикова къ вел. кн. Николаю Павловичу, кн. Волконскому, кн. А. С. Меньшикову, гр. В. П. Кочубею. Письма къ кн. И. В. Васильчикову тайнаго агента Грибовскаго. Письмо кн. Паскевича. Русскіе переводы сдѣланы В. Д. Давыдовымъ.

1724. Записка о разныхъ предположеніяхъ по предмету освобожденія крестьянъ. Сообщ. Н. А. Милютинымъ. **XIX Вѣкъ.** II, 145—208. Проекты графа Стенбока, Берга, графа Аракчеева, А. Ѳ. Малиновскаго, адмир. Мордвинова, дворянства Динабургскаго уѣзда, ст.-секретаря Муравьева, Сперанскаго, сенат. Шипова, кн. Друцкаго-Соколинскаго, г. м. Баратынскаго.

1725. Записка объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости, составленная въ 1818 г., по повелѣнію Александра Павловича. Переводъ съ Франц. (гр. Е. Ф. Канкрина). Сообщ. С. А. Соболевскимъ. **1865.** (10—11), 1360—1373. Замѣтка объ этой статьѣ 1866. (1), 126.

1726. Мнѣніе Смоленскаго помѣщика объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Сообщ. Н. В. Путятою. **1865.** 10—11, 1373—1379.

1727. Государственная уставная грамота Россійской Имперіи 1818 года. Съ предисл. кн. Д. Д. Оболенскаго. **1905.** III, (9), 102—128.

1728. Списокъ членамъ ложи св. Георгія Побѣдоносца на Востокѣ Мобёжа. Сообщ. С. И. Колокольцевымъ. **1865.** (4), 495—500.

1729. Пензенскіе духоборцы. Н. Евграфова. **1889.** II, (7), 389—395.

1730. Записка о тайныхъ обществахъ въ Россіи, 1821 г. **1875.** III, (12), 423—430.

1731. Приложеніе къ докладу слѣдственной комиссіи о тайныхъ обществахъ, 1825. **1875.** III, 12, 434—438.

1732. Дополнительныя свѣдѣнія о Татариновой и о членахъ ея духовнаго союза. Статскій совѣтникъ Іоанновъ (К. П. Коссовичъ). **1872.** (12), 2334—2354. Татаринова. Кондр. Ив. Селивановъ, кн. Ал-дръ Ник. Голицынъ. М. С. Пилецкій. Е. А. Головинъ. П. Ф. Буксгевденъ. В. М. Поповъ.

1733. Масонскія бумаги. Сообщ. Н. М. Соковнинымъ и С. М. Соловьевымъ. **XVIII вѣкъ,** II, 368—376. Письмо И. П. Тургенева къ А. П. Соковнину. Письма Кауница-Ритберга къ кн. Ал. Б. Куракину. Съ прим. М. Н. Лонгинова. Изъ донесенія кн. Прозоровскаго о масонахъ.

1734. Братья Златорозоваго креста. Т. О. Соколовской. **1906.** III, (9), 89—93.

Библиотека "Руниверс"

1735. Изъ масонскихъ пѣсень. Ея же. **1905.** Ш, (10), 285—288.

1736. Ложа Сѣверной Звѣзды въ Вологдѣ. Ея же. **1906.** II, (5), 114—125.

1737. Масонская тайнопись. Ея же. **1906.** II, (7), 399—400.

1738. Масонскія пѣсни. Ея же. **1906.** II, (8), 555—560.

1739. Московская масонская ложа „Ищущихъ Манны". Ея же. **1906.** Ш, (11), 408—411.

1740. Къ статьѣ о Кіевскихъ и Полтавскихъ масонахъ. Ея же. **1906.** Ш, (12), 609.

1741. О Кіевскихъ масонахъ. Сообщ. Н. М. Затворницкій. **1906.** Ш, (11), 412—416.

1742. Жильберъ Роммъ и гр. П. А. Строгановъ. **1887.** I, (1), 5—38, съ портретами. Поправка къ этой статьѣ. II, (8), 541.

1743. Къ исторіи Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона. (Изъ бумагъ А. А. Прокоповича-Антонскаго). **1897.** II, (5), 113—116. Письмо кн. А. П. Оболенскаго. Списокъ бывшихъ воспитанниковъ. Записка А. А. Прокоповича-Антонскаго. Письма П. Г. Кутузова и гр. А. К. Разумовскаго. Сообщ. Н. В. Дризенъ.

1744. Исторія изданія сочиненія Коцебу: „Свитригайло, Великій князь Литовскій". Сообщ. б. М. А. Корфомъ. **1869.** (4), 613—628.

1745. Изъ хроники Московскихъ чудачествъ. Лошадь въ очкахъ. Сообщ. А. А. Мартыновымъ. **1876.** Ш, (11), 379—380.

1746. Выдача изъ казны денегъ за уродцевъ. **1906.** I, (1), 165.

1747. Къ исторіи Московскаго Англійскаго клуба. **1889.** II, (5), 85—98.

1748. Митрополитъ Амвросій Подобѣдовъ. К. Я. Лаврова. **1904.** I, (2). 193—231.

1749. Автобіографическія замѣтки гр. Аракчеева на прокладныхъ Евангелія. (Сообщ. М. И. Богдановичемъ). **1866.** (6), 922—927.

1750. Замѣчанія на статью г. Богдановича гр. Аракчеева. И. Липранди. **1866.** (7), 1031—1046.

1751. Объ Аракчеевѣ. **1895.** Ш, (12), 501—502. Письма гр. Аракчеева къ кн. А. Н. Голицыну.

1752. Мытищенская встрѣча, или 30-го Ноября 1825 г. (о замыслѣ на жизнь гр. Аракчеева). Изъ Записокъ А. Я. Булгакова. Сообщ. гр. Б. А. Перовскимъ. **1873.** II, (8), 1529—1552.

1753. Предсмертные дни и кончина гр. Аракчеева. (Изъ разсказа Евгенія Михайловича Романовича). Сообщ. П. А. Мусатовскимъ. **1868.** (2), 283—289.

1754. Народное сказаніе о смерти Аракчеева. И. П. Мордвинова. **1892.** II, (7), 391.

1755. Опроверженіе разсказа о кончинѣ гр. Аракчеева. А. П. Бровцына. **1868.** (6), 951—958.

1756. Два духовныя завѣщанія графа Аракчеева. Доставилъ А. Сергѣевъ. **1872.** (10), 2037—2042.

1757. Дополненіе Ивана Европеуса. **1872.** (12), 2505—2506.

1758. Приказъ гр. Аракчеева, съ предисл. Александрова. **1875.** Ш, (11), 314.

1759. Письмо гр. Аракчеева къ Д. А. Булыгину. **1872.** (10), 2036—2037.

1760. Письмо гр. Аракчеева къ кн. Д. В. Голицыну и черновой отвѣтъ. Сообщ. Д. Ѳ. Самаринымъ. **1872.** II, (4), 646—648. О постройкѣ крестьянскихъ избъ.

1761. Письмо гр. Аракчеева къ гр. Е. З. Канкриной. Съ примѣч. кн. П. А. Вяземскаго. **1868.** (2), 281—283.

1762. Письмо гр. Аракчеева къ А. П. Малиновской. **1864.** (11—12), 1186—1188.

1763. Письмо гр. Аракчеева къ импер. Николаю. **1866.** (7), 1049—1052.

1764. Переписка гр. Аракчеева съ митрополитомъ Платономъ. **1877.** Ш, (12), 406—410.

Библиотека "Руниверс"

1765. Письма гр. Аракчеева къ И. А. Пукалову. Сообщ. Валеріаномъ Платонов. Пукаловымъ. **1891.** I, (1), 130—144.

1766. Письмо гр. Аракчеева къ кн. А. А. Прозоровскому. **1898.** II, (7), 368.

1767. Письмо гр. Аракчеева къ Олонецкому губернатору Ушакову. Сообщ. Н. Ѳ. Бутеневымъ. **1866.** (7), 1047—1049.

1768. Описаніе столовыхъ часовъ, изображ. гр. Аракчеева, у могилы Александра Павловича О. Пашкевича. **1869.** (7—8), 1183—1192, съ нотами.

1769. Надпись на иконѣ, принадл. гр. Аракчееву. Сообщ. Е. Мегорскій. **1869.** (4), 076.

1770. Изъ воспоминаній о селѣ Грузинѣ. А. Языкова. **1869.** (9), 1462—1484.

1771. Гр. Аракчеевъ по разсказамъ В. А. Сухово-Кобылина. Т. Толычевой. **1906.** II, (7), 432—438.

1772. Къ разсказамъ В. А. Сухово-Кобылина объ Аракчеевѣ. М. К. Соколовскаго. **1906.** III, (9), 146.

1773. Гр. А. А. де-Бальменъ. **1868.** (3), 462—473. Письмо Александра Павловича къ гр. Шарлотѣ-де-Бальменъ.

1774. Изъ бумагъ гр. де-Бальмена, Русскаго пристава при первомъ Наполеонѣ. **1868.** (4—5), 699—734. (12), 1924—1984. **1869.** (4), 647—731. (5), 765—838.

1775. Приказы Барклая-де-Толли. Сообщ. Г. Н. Александровымъ и М. К. Соколовскимъ. **1876.** III, (12), 517—521; **1905**, II, (5), 97—104.

1776. Юрій Никитичъ Бартеневъ. Статья Ю. П. Бартенева. **1897.** III, (11), 395—432. (12), 614—659. **1898.** I, (1), 100—124. II, (5), 67—80. III, 516—546. Поправка. **1898.** I, (1), 176).

1777. Изъ бумагъ Ю. Н. Бартенева. **1898.** I, (4), 628—631. Письмо его къ гр. Е. П. Растопчиной.

1778. Русская могила въ Германіи. А. Бедряги. **1889.** III, (10), 260—262.

1779. Изображеніе Русской часовни въ Туринѣ. Письмо А. И. Станкевича. **1888.** II, (6), 0256.

1780. Графъ Л. Л. Бенигсенъ. Сообщ. кн. В. И. Баюшевымъ. **1868.** (11), 1837—1860.

1781. О службѣ гр. Бенигсена. Сообщ. кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ. **1874.** I, (3), 826—832.

1782. Бабушка Екатерина Александровна Бибикова. (Изъ воспоминаній внучки). **1883.** II, (4), 352—360.

1783. Прохожденіе службы Д. Г. Бибикова. Сообщ. кн. Д. Д. Оболенскимъ. **1897.** III, (9), 139—143.

1784. Письма В. Ф. Боголюбова къ кн. А. Б. Куракину. Сообщ. кн. Ѳ. А. Куракинымъ. **1893.** III, (10), 233—246. (11), 257—316.

1785. Два письма гр. Александры Васильевны Браницкой къ импер. Маріи Ѳеодоровнѣ. **1892.** I, (4), 475—480.

1786. Графъ де-Бріона къ гр. Эммануилу Сенъ-При. Сообщ. бар. Ѳ. А. Бюлеромъ, съ письмомъ бар. Левенштерна. **1889.** III, (11), 376—378.

1787. Адамъ Ѳомичъ Брокеръ. (Его Записки). **1868.** (9), 1413—1436.

1788. Письмо С. Броневскаго къ Г. Г. Ломоносову (объ Аустерлицкой битвѣ). Сообщ. Я. К. Гротомъ. **1864.** (11—12), 1188—1190.

1789. Письмо б. Будберга къ Тутолмину. Сообщ. А. Ѳ. Бычковымъ. **1871.** (7—8), 1093—1096.

1790. Изъ писемъ А. Я. Булгакома въ Москву къ его отцу. **1899.** II, (8), 600—643. III, (9), 120—143. (10), 223—244. (11), 378—412 (12), 468—486. **1899.** I, (1), 167—180. (2), 246—252. (3), 396—409. (4), 545—622.

1791. Письма А. Я. Булгакова къ брату его. Сообщ. Н. П. Всеволожскою. **1899.** II, (5), 5—46. (8), 473—514. III, (9), 48—88. (10), 177—189. **1900.** I, (4),

Библиотека "Руниверс"

493—518. II, (5), 5—36. (6), 208—235. (7), 294—329. (8), 451—476. III, (9), 105—135. (10), 197—234. (11), 321—370. (12), 551—576. **1901**. I, (1), 46—94. (2), 260—315. (3), 398—469. (4), 545—608. II, (5), 27—94. (6), 161—236. (7), 339 437. III, (9), 5—43. (10), 129—207. (11), 284—383. (12), 477—553. **1902**. I, (1), 42—157. (2), 269—325. (3), 507—562. (4), 577—626. (Поправка. **1901**. II, (5), 160).

1792. Изъ писемъ К. Я. Булгакова къ брату его. **1902**. II, (8), 609—632. III, (9), 108—131. (10), 214—231. (11), 330—394. (12), 495—521. **1903**. I, (1), 47—94. (2), 201—215. (3), 289—330. (4), 449—491. II, (5), 51—81. (6), 167—219. (7), 416—444. (8), 550—564. II, (9), 109—152. (10), 315—352. (11), 399—432. (12), 545—589. **1904**. I, (1), 70—94. (2), 244—282. (3), 407—442. (4), 555—587. **1904**. II, (6), 200—223. (7), 342—370. (8), 581—593. III, (9), 17—26. (10), 184—203. (11), 340—370.

1793. Изъ писемъ А. Я. Булгакова къ дочери его кн. О. А. Долгорукой. **1906**. I, (1), 136 — 154. (3), 350—365. II, (5), 47—80. (7), 223—258. (7), 401—431. (8), 525—554. III, (9), 94—131. (10), 218—245. (11), 431—466. (Поправки. III, (11), 470.

1794. Изъ бумагъ Я. И. Булгакова. Сообщ. гр. Б. А. Перовскимъ. **1905**. II, (7), 337—408. Письма Я. И. Булгакова къ Екатеринѣ Великой и переписка съ кн. Потемкинымъ.

1795. Изъ писемъ Я. И. Булгакова къ старшему его сыну Александру. **1898**. I, (1), 358—387. (4), 523 556. II, (5), 41—66. (6), 289—302. (7), 365—387.

1796. Изъ писемъ Я. И. Булгакова къ сыну его Константину. **1898**. I, (1), 56—76. (2), 191—222, съ портретомъ. Поправка (3), 478.

1797. Воспоминанія лицеиста (о профессорѣ Французскаго языка де-Будри). Я. К. Грота. **1866**. (1), 131.

1798. Два письма гр. Д. П. Бутурлина къ А. Н. Оленину, съ примѣч. гр. М. Д. Бутурлина. **1870**. (7), 1201—1214.

1799. Увольненіе отъ службы Дмитрія Валуева. Съ замѣч. Г. Н. Александрова. **1874**. I, (2), 499—504.

1800. В. В. Вергинъ. В. Н. Лясковскаго. **1882**. II, (3), 97—122, съ портретомъ.

1801. Къ статьѣ о В. В. Варгинѣ. Н. Колмакова. **1882**. II, (4), 304—308.

1802. Варлаамъ Шишацкій. Сообщ. А. А. Титовъ. **1903**. II, (6), 290—291.

1803. Предписаніе И. А. Вельяминова Ладинскому (о поимкѣ царевича Александра). **1878**. II, (7), 300 и **1883** II, (3) 204.

1804. Изъ частныхъ писемъ Русскаго офицера Вепрейскаго на родину. **1890**. III, (11), 349—352.

1805. Замѣтка о смерти Верещагина. Д. Н. Свербеева. **1870**. (2), 518—522.

1806. Миссъ Вильмотъ и кн. Дашкова. М. Ѳ. Шугурова. **1880**. (3), 150—217.

1807. Масонская грамота гр. М. Ю. Віельгорскому. **1905**. III, (12), 531.

1808. Письма 1812 г. М. А. Волковой къ. В. И. Ланской. Перев. М. П. Свистуновой. **1872**. (12), 2372—2435. Поправки къ этимъ письмамъ. Тамъ же, 2599.

1809. Письма изъ эпохи 1812—1813 гг. къ М. А. Волковой. Сообщ. М. В. Волковой. **1887**. I, (2), 186—193. Отъ бурмистра Шохина. Отъ Ивана Кульмана.

1810. Поѣздка кн. Н. Г. Волконскаго къ Наполеону I въ 1808 году. Сообщ. кн. А. Н. Волконскій. **1874**. I, (4), 1047—1050.

1811. Письмо кн. П. М. Волконскаго къ А. А. Закревскому о кон-

Библиотека "Руниверс"

никѣ“ за 1894 годъ) и „Общественно-политическія броженія въ Царствѣ Польскомъ въ 1848 году“ (напечатано въ „Недѣлѣ Окраины“ за 1906 годъ).

Первая повѣствуетъ о томъ, какъ въ Польшѣ чуть было не повторилась Галиційская рѣзня 1846 года. Извѣстно, что Австрійское правительство, предупреждая возстаніе въ Царствѣ Польскомъ, натравило крестьянъ на помѣщиковъ, и они произвели поголовное избіеніе пановъ.

Въ 30—40 годахъ многіе Польскіе эмигранты объясняли неуспѣхъ возстанія 1830 года тѣмъ, что-де въ немъ не принимали дѣятельнаго участія крестьяне, по Наполеоновской конституціи 1807 года освобожденные отъ крѣпостной зависимости. Но они были освобождены *безъ земли* и находились въ самой тяжкой зависимости отъ господъ. Не даромъ говорилось: „свѣтлое царство Поляковъ есть царство небесное для пановъ, рай для Жидовъ и адъ для крестьянъ“. Послѣднихъ было поднять нетрудно, и повидимому работа центральнаго демократическаго Польскаго комитета въ Версали шла успѣшно. Однако Польскіе крестьяне не прислушивались къ политической проповѣди и жадно ловили извѣстія изъ Галиціи. Нѣпремѣнно повторилась бы Галиційская бойня и въ Царствѣ Польскомъ, если бы Русское правительство не приняло рѣшительныхъ мѣръ къ обузданію помѣщичьяго произвола и жестокости пановъ. Успѣшное введеніе *инвентарей* подъ руководствомъ Кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова успокоило отчасти измученныхъ хлоповъ и подготовило населеніе къ дѣйствительному раскрѣпощенію.

Мѣсто не позволяетъ намъ передать содержаніе второй статьи.

Усердно обращаемъ вниманіе читателей на книгу г. Попруженка. Написанная съ большою обстоятельностью, она проникнута любовью къ Россіи и вѣрою въ ея будущее.

Теперь всѣ мы болѣе или менѣе обязаны принимать участіе въ заботахъ о „бѣгѣ роднаго корабля“ и должны сознательнѣе относиться къ мелямъ и подводнымъ камнямъ, лежащимъ на его пути. Книжка Попруженка помогаетъ отчасти разбираться въ сложномъ вопросѣ Польскомъ.

*

Матерйалия за история-та на България. Издава министерство-то на народное просвѣщение. Томъ I. Документя за дѣйность-та на Руситѣ по уредба-та на гражданско-то управление въ България. 1877—1879 год. Събралъ и коментиралъ бывшии-то чиновникъ въ канцелария-та на императорския Руски комисаръ въ България, статски совѣтникъ Муратовъ. София. Държавна печатня за 1905. Большая 8-ка, 404 стр. Цѣна 5 лева.

Только заглавіе по-болгарски, вся книга написана хорошимъ, толковымъ Русскимъ языкомъ. Это настоящій памятникъ дѣятельности князя В. А. Черкасскаго.

*

Въ № 244-мъ Парижской газеты Figaro князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (библіотекою котораго украшенъ Московскій Историческій Музей) сообщаетъ со словъ своего полковаго товарища Плаутина подтвердительное показаніе нашей статьѣ о Ѳедорѣ Кузьмичѣ (въ 8-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ сего года). Отецъ Плаутина, генералъ-адъютантъ императора Николая Павловича, не задолго до своей кончины, говорилъ сыну: „Кто тебѣ скажетъ, что императоръ Александръ Павловичъ удалился въ Сибирь, тотъ солжетъ, такъ какъ я въ Таганрогѣ самъ клалъ его въ гробъ“. Плаутинъ былъ однимъ изъ флигель-адъютантовъ Александра Павловича.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907 года.

(Годъ 45-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1907 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 50 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Отдѣльныя книги „Русскаго Архива“ *прежнихъ* годовъ можно получать по **пятидесяти** копѣекъ за книжку съ пересылкою 75 к. Прилагаемая нынѣ „Предметная Роспись даетъ возможность находить желаемую статью.

Московскіе подписчики 1907 года, покупая вмѣстѣ и весь 1906 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

Библиотека "Руниверс"

(45-й годъ изданія).

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1908-МЪ ГОДУ НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907

10.

Стр.

145. Изъ Записокъ преосвященнаго **Леонида**. 1864 и 1865 годы.
163. Письма **И. С. Аксакова** къ К. П. Побѣдоносцеву. 1876—1885.
192. Пять лѣтъ въ Россіи при Екатеринѣ Великой. Записки **графа Л. Ф. Сегюра**. (Крымское путешествіе).
267. Мѣра ко взысканію недоимокъ съ крестьянъ.
268. Волкъ полвѣка назадъ. **П. Н. Столпянскаго**.
273. Подражаніе Данту. Сатирическіе стихи на писателей сороковыхъ годовъ. 1848.
281. Письма къ Гоголю по поводу его „Переписки съ друзьями“. А. А. Григорьева и **М. Т. С.**
293. Достопамятная надпись на иконѣ. (Сообщено **Н. В. Трескиной**).
294. Могила Н. П. Барсукова.
— Марья Сергѣевна Томашевская (†).
295. Дополненія, поправки, мелочи (Стихи **В. А. Пушкина** князю П. А. Вяземскому).

Внутри сорочки: о книгѣ Оловянишникова. „Исторія колоколовъ“.

Приложены листы **Предметной Росписи** „Русскаго Архива“ за сорокъ пять лѣтъ изданія, 1863—1907 (царствованія Александра и Николая Павловичей).

Отдѣльныя книжки „Русскаго Архива“ *прежнихъ* (до 1905) годовъ можно получать по **пятидесяти** копѣекъ за книжку съ пересылкою 75 к. Прилагаемая нынѣ „Предметная Роспись“ даетъ возможность находить въ какой книжкѣ находится искомая статья.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи
на Страстномъ бульварѣ.
1907.

Библиотека "Руниверс"

Н. Оловяннишниковъ. Исторія колоколовъ. (Колокололитейное дѣло на заводѣ товарищества И. И. Оловяннишникова Сыновья. Ярославль (годъ не означенъ). Большая 8-ка, 52 стр. со многими рисунками.

Весьма замѣчательная книжка, написанная, какъ надо полагать, не для зазыва только къ заказу колоколовъ, а изъ потребности опознаться исторически въ своемъ дѣлѣ. Заводъ товарищества „И. И. Оловяннишникова Сыновья" находится въ Ярославлѣ, въ древней области Ростова Великаго, испоконъ вѣка отличающейся сознательнымъ, трезвымъ благочестіемъ своего населенія, со многими монастырями и обиліемъ златоглавыхъ храмовъ Божіихъ. Заводъ существуетъ уже полтора столѣтія. Колокола его издѣлія появлялись на выставкахъ за границею, въ Новомъ Орлеанѣ, въ Парижѣ и въ Чикаго; Россію же они оглашаютъ на всемъ ея пространствѣ: въ книгѣ приведенъ долгій списокъ городовъ, имѣющихъ съ этого завода колокола не менѣе ста пудовъ вѣсу.

Составитель излагаетъ на двухъ страницахъ иностранныя и Русскія сочиненія, которыми онъ пользовался для своего труда, содержащаго въ себѣ свѣдѣнія о колоколахъ не въ одной Россіи, но и въ другихъ странахъ Европы и Азіи; на оберткѣ помѣщенъ рисунокъ Ассирійскаго колокольчика временъ Саламанасара IX вѣка до Р. Х. изъ дворца Ниневея. Первоначально у насъ для созываній народа въ церковь и на общую церковную трапезу употреблялись била и клепала, т. е. деревянныя и металлическія колотушки. (Въ Геесиманскомъ скиту, по влеченію митрополита Филарета къ древней простотѣ, повѣшано било). Колокола завелись позднѣе и притомъ, по изслѣдованію г. Оловяннишникова, изъ Западной Европы, гдѣ, въ средніе вѣка, они служили и наоатомъ для оповѣщенія жителей о приближеніи баронскихъ дружинъ и хищниковъ. Въ Англіи до сихъ поръ изготовленіе колоколовъ есть народное, благочестивое дѣло. Значеніе колокола для міра протестантскаго выражено Шиллеромъ въ его безсмертной Пѣснѣ о немъ. У католиковъ нѣкогда крестили колокола, приглашали кума и куму, надѣвали крестильную рубашку и за тѣмъ пировали. Далеко отъ этого православное отношеніе къ колоколу. На освященіи колокола читается: „О еже гласомъ звѣненія его утолитися и утишитися и престати всѣмъ вѣтромъ зельнымъ, бурямъ же, громомъ и молніямъ и всѣмъ вреднымъ безведріямъ и злорастворенным воздухомъ. О еже отгнати всю силу коварства и навѣта невидимыхъ враговъ отъ всѣхъ вѣрныхъ своихъ, глась звука его слышащихъ. Кампанъ сей благослови и освяти и влей въ онь силу благодати Твоея, яко да услышавше вѣрніи раби Твои глась звука его, въ благочестіи и вѣрѣ укрѣпятся и мужественно всѣмъ діавольскимъ навѣтомъ сопротивостанутъ". Колоколъ сдѣлался принадлежностью Русской благочестивой жизни. Въ народномъ стихѣ Егорій Храбрый, уводимый въ плѣнъ, поетъ:

Не увижу я свѣта бѣлаго,
Не услышу звону колокольнаго.

Г-нъ Оловяннишниковъ приводитъ изъ Записокъ вполнѣ достовѣрнаго лица, А. М. Ѳадѣева („Русскій Архивъ" 1891) знаменательный случай съ коло-

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА.

1864 годъ.

Октября 6. Дровяникъ говоритъ: «Шесть сыновей умерло, и слава Богу; нонче дѣти отцовъ бьютъ» Кто виноватъ? «Не смѣю сказать: тотъ, кто все распустилъ».—Императрица перестала читать *Московскія Вѣдомости*. Наслѣдникъ чуть не поссорился съ к. Горчаковымъ, который не хотѣлъ допустить мысли о поѣздкѣ Наслѣдника въ Римъ. Фонъ-Визинъ [1]), вице-губ., кормилъ обѣдомъ Фиркса [2]). Всѣ взываютъ ко Владыкѣ [3]). Онъ пишетъ записки и проекты постоянно; но его не слушаютъ, дѣлаютъ наперекоръ. Изумительна дѣятельность его: съ утра до вечера пріемъ, а вотъ въ Пятницу читалъ намъ и чинъ освященія плащаницы съ прекрасною молитвою его пера, и отношеніе къ начальнику Палаты Государственныхъ Имуществъ въ защиту сельскаго законоучителя. Возникъ вопросъ, а упоминается ли въ церковномъ уставѣ о плащаницѣ, тотчасъ велѣлъ принести книгу и справился. Сегодня служилъ онъ въ Успенскомъ соборѣ и напутствовалъ святыню до Лобнаго мѣста и до Иверской [4]). Я былъ у Владыки послѣ вечерни; я радъ, когда имѣю поводъ быть у него вечеромъ воскреснаго дня: праздникъ какъ-то законченнѣе и свѣтлѣе. Я говорю Владыкѣ: «съ неожиданнымъ подвигомъ».—«И этотъ подвигъ, отвѣчаетъ онъ, и для меня былъ неожиданъ; хотѣлъ я

---

[1]) Про этого Фонъ-Визина (внучатнаго племянника Денису Ивановичу) у гр. Соллогуба, въ извѣстныхъ шуточныхъ стихахъ его, сказано:

Фонъ-Визинъ, древній литераторъ,
Въ раю пришельца вопрошалъ:
Ужели внукъ мой губернаторъ?
Благодарю, не ожидалъ.

Онъ пользовался покровительствомъ министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева.

[2]) Инженера-Курляндца, написавшаго книгу въ пользу Поляковъ, подъ именемъ Шедоферотти. По словамъ барона А. И. Дельвига, товарищи Фиркса смѣялись надъ его простоватостью.

[3]) Т. е. къ м. Филарету, изъ котораго викарій его Леонидъ, по своему художественному чувству, „сотворялъ себѣ кумира“, тогда какъ товарищъ его по викаріатству, Савва относился ко Владыкѣ трезвенно.

[4]) На крестномъ ходу въ память освобожденія отъ Французовъ.

Библиотека "Руниверс"

идти до Лобнаго мѣста, а потомъ почувствовалъ, что могу идти и дальше. Передъ литургіею я имѣлъ время отлежаться и получилъ силы. Но странно: когда обращаюсь отъ страны къ странѣ для осѣненія, то кажется, что упаду».—«Владыка, не надобно все это приписывать возрасту, а также и необыкновенной жизни вашей».—«Какой необыкновенной жизни»?—«Въ постоянномъ сидячемъ трудѣ, безъ движенія и безъ воздуха».—«Что же мнѣ дѣлать? Иного способа нѣтъ по множеству дѣлъ». Владыка жаловался на слабѣющую память и сказалъ: «Трудно такъ жить. Вчера, чтобы не забыть сегодня, я взялъ и положилъ листъ съ молитвою (молитва довольно длинная и прекрасная, составлена Владыкою на освященіе плащаницы) поверхъ другихъ бумагъ; но на этотъ листъ попалъ другой, и я вспомнилъ объ этомъ на дорогѣ. Тотчасъ посылаю одного изъ служителей (Владыка всегда ѣздитъ въ шорахъ, на шести вороныхъ коняхъ, съ двумя лакеями), чтобы сказалъ Данилову найти листъ и очки, и прислать. Но я не сказалъ ему, чтобы нанялъ извозчика, и листъ ко времени не поспѣлъ, и такъ молитву я говорилъ наизустъ». О Владыка! Забылъ листъ и заключаетъ, что память ослабѣла, а прочиталъ наизустъ длинную молитву—за это память не похвалилъ. Владыка сказалъ, что Спасскій, оберъ-секр., былъ въ Коломнѣ его учителемъ, позже за взятки отставленъ. Хвалилъ Англичанъ за серьезный умъ государственный. Гладстонъ говоритъ, что связь между правительствомъ и народомъ крѣпнетъ.—Вечеръ кончилъ у родныхъ. Братъ сказывалъ, что Финляндскіе депутаты на сельско-хозяйственной выставкѣ ведутъ дѣло свое примѣрно.

12-го Гр. Бобринскій [1]) говоритъ, что Аксаковъ написалъ: «государство Россійское и Русская земля одно и тоже». Цензоръ вычеркнулъ эти слова, а редакторъ напечаталъ и только того и ждетъ, чтобы наложили на него штрафъ; но боятся это сдѣлать, ибо онъ грозитъ подать въ такомъ случаѣ жалобу въ Сенатъ, чтобы такимъ образомъ Сенатъ рѣшилъ: одно ли и тоже Россійское государство и Русская земля?—Пожары Симбирскіе испугали все Поволжье, и общая опасность сближаетъ помѣщиковъ и крестьянъ.—Мы рѣшили, что нѣсколько лицъ, желающихъ заняться переводомъ статей изъ Church-Journal, станутъ трудиться въ тиши и, можетъ быть, послужатъ основою для общества къ сближенію съ Американскою епископальною церковью.—Долго сидѣла у меня вечеромъ Н. П. Киреевская [2]), а въ 8 часовъ поѣхалъ я къ графу Толстому [3]) и просидѣлъ до 10.

[1]) Графъ Алексѣй Васильевичъ, позднѣе губернскій предводитель Московскаго дворянства.

[2]) Ур. Арбенева, вдова И. В. Кирѣевскаго, охотница до архіерсевъ. Кто-то про нее сказалъ, что она успѣшно кокетничала съ Господомъ-Богомъ.

[3]) Къ графу Александру Петровичу.

Библиотека "Руниверс"

У Владыки докладъ около 5 часовъ. Я читалъ дѣла 4 часа ровно. Владыка началъ смѣясь: «Прошу прощенія у в. п—ства! Въ вашей резолюціи я произвелъ революцію». Онъ вспомнилъ книгу средневѣковую XI вѣка съ пророчествомъ о папахъ: послѣ нынѣшняго будетъ еще десять. Теперешняго символъ: крестъ за крестомъ. Въ монастырѣ, гдѣ теперь Берлинъ, тоже въ XV и XVI в. были пророчества о Пруссіи, но не сбылись на нынѣшнемъ королѣ: протестантство падетъ, но не падаетъ. Какъ это понимать? Міръ духовный такъ устроенъ, что оттуда сверху къ намъ все видно, а туда отсюда не видно».

15. Экзаменъ въ Екатерининскомъ Институтѣ. Хорошо, говорятъ. Кн. Лобановъ-Ростовскій [1]) сказалъ: «нынче барство исчезаетъ, а чванство усиливается». Это очень вѣрно. Ему Императрица сказала: «старайтесь, чтобы ученицы имѣли хорошій Французскій выговоръ», а онъ отвѣтилъ: «постараюсь особенно о томъ, чтобы они были хорошими Русскими женщинами».

20. Вечеромъ опять Владыка заговорилъ о юбилеѣ. «Синодъ въ денежныхъ наградахъ отказываетъ, желая, чтобы онѣ замѣнены были другими. Я говорю, что по обстоятельствамъ нѣкоторыя награды замѣнены быть не могутъ: напримѣръ, профессору Бѣляеву [2]), у котораго въ семьѣ болѣе 16 человѣкъ, и потому прошу, чтобы Св. Синодъ утвердилъ награды, а *деньги дамъ я*».—«Думаю, Владыка, что такого представленія со времени учрежденія Синода въ Синодъ не поступало», замѣтилъ я.

28. Отъ 10 до 3 посѣтители. Между прочимъ к. Волконскій, почти молодой человѣкъ, пять разъ битый параличомъ; лѣто и зиму проживаетъ въ Вологодскомъ имѣніи, весну и осень при Лаврѣ; онъ женатъ и богатъ, почитаетъ себя учникомъ Н. А. Жеребцова. Находитъ подкрѣпленіе въ вѣрѣ и особенно чтитъ пр. Сергія. Генералъ Шванебахъ разсказалъ. Въ В. Училищѣ у него было между юнкерами 7 Поляковъ, нынче 27, и онъ сталъ замѣчать, что они обособляются. Взявъ во вниманіе, что они остаются безъ надзора, пока православные у всенощной, онъ созвалъ всѣхъ иновѣрцевъ и сказалъ: «Православіе господствующее вѣроисповѣданіе, мы съ вами иновѣрцы, но душей и сердцемъ мы Русскіе; поэтому намъ неприлично не знать обрядовъ православія и надобно оказывать ему уваженіе; когда будете офицерами, то должны будете участвовать во всѣхъ торжественныхъ молитвенныхъ собраніяхъ

[1]) Почетный опекунъ Иванъ Александровичъ славился и умомъ и остроуміемъ.

[2]) Ильѣ Васильевичу, человѣку даровитому.

Библиотека "Руниверс"

православныхъ; наконецъ, порядокъ и единство дѣйствій заведенія требуютъ, чтобы особняковъ не было. Итакъ, г.г., станемте же ходить въ церковь съ православными всѣ: и католики, и лютеране, и Армяне, и вы, магометанинъ.—Но въ первомъ корпусѣ для католиковъ есть церковь особая, возразилъ кто-то.—А здѣсь ея нѣтъ, отвѣтилъ генералъ. Тамъ католики не ходятъ въ православную, ибо ходятъ въ свою, а здѣсь католической нѣтъ; поэтому всѣ мы, диссиденты, пойдемъ въ православную. — Ваше ли распоряженіе или свыше? — Я не обязанъ на это отвѣчать; но скажу вамъ, что это самое распоряженіе пока мое. Но дѣло идетъ не о томъ, чтобы разсуждать, а о томъ, чтобы взять вамъ во вниманіе: 1, хотите ли жить со мною подъ одною кровлею или не хотите. 2, чтобы вы не боялись пропаганды, я вамъ рѣшительно говорю, что если бы кто изъ васъ изъявилъ мнѣ желаніе перемѣнить вѣру, я выгоню изъ училища. Въ тоже время генералъ призвалъ ксендза и сказалъ ему, что приличіе и порядокъ требуютъ, чтобы всѣ юнкера безъ различія исповѣданій были у всенощной, и поэтому онъ проситъ отца-ксендза, чтобы онъ внушилъ юнкерамъ-католикамъ необходимость съ полною готовностію подчиняться этому распоряженію. Слыша часто Польскій языкъ, онъ укорилъ Поляковъ за худой выговоръ и выразилъ желаніе, чтобы они чисто говорили по-русски: Польскій языкъ не слышится. Ксендзу онъ сказалъ, чтобы въ классѣ употребляемъ былъ Русскій языкъ. Онъ знаетъ, что ксендзъ иногда говоритъ по польски, но не боится этого. У нихъ принято, чтобы къ приходу начальника все оставалось въ такомъ видѣ, какъ было; противное сему дѣйствіе заклеймено именемъ лицемѣрія; не естественно, чтобы ксендзъ, говорящій по польски, при входѣ въ классъ начальника, заговорилъ по русски: этимъ онъ самъ себя будетъ ронять въ глазахъ юнкеровъ и, безъ усиліи начальства, потеряетъ авторитетъ.—Что въ церкви?—Ходятъ всѣ, стоятъ, какъ вкопанные; изъ католиковъ двое въ пѣвчихъ, магометанинъ готовъ креститься.

Вечеромъ Комитетъ Тюремнаго Общества у Владыки: 2½ часа. Владыка былъ добръ, разговорчивъ, внимателенъ, говорилъ то строго, то любезно. Засѣданіе было оживленное, но мирное.

30. Докладъ продолжался 5½ часовъ. Владыка говорилъ, что когда онъ еще былъ студентомъ, передъ окончаніемъ курса, его приглашали въ Коломну во священники къ церкви (Воскрес.). Онъ отвѣчалъ: спросите у начальства. Ректоръ отозвался, что я еще слишкомъ молодъ, и меня оставили. Тогда спрашивали меня, какъ рѣшался я

Библиотека "Руниверс"

идти въ Коломну, когда могъ занять мѣсто въ Москвѣ? Я отвѣчалъ: нѣтъ, Москвы я боюсь; священники тамъ такіе страшные, недоступные, въ бархатныхъ рясахъ.

Ноября 1 (Воскр.). Въ Московской семинаріи 50-лѣтній юбилей. Всенощную наканунѣ служилъ въ семинарской церкви пр. Можайскій [1]) съ ректорами академіи, обѣихъ семинарій и инспекторомъ. Сегодня въ 9½ началось служеніе литургіи. Совершалъ Владыка съ еп. Дмитровскимъ, ректоромъ и инспекторомъ семинаріи и 4 священниками изъ наставниковъ. Владыка былъ въ золотомъ глазетѣ, я въ малиновомъ бархатѣ съ омофоромъ изъ сѣтки серебряной, архимандриты въ ризахъ, сдѣланныхъ еще мною [2]), а 4 іерея въ серебряныхъ съ крестами въ голубыхъ кругахъ (жертва старосты). Проповѣдь говорилъ, и очень хорошо, прот. Алексинскій. На молебенъ вышли и пр. Евгеній, и пр. Савва, и много іереевъ. Приложены были прошенія, къ случаю сему составленныя (они и въ академіи читаны были). Въ заключеніе многолѣтіе сказано было Государю и дому его, Св. Синоду и Владыкѣ, первому ректору семинаріи архіепископу Евгенію и наставникамъ и воспитанникамъ оной. Вѣчная память: императорамъ Александру I и Николаю I, преосвященнѣйшимъ Августину, Парѳенію, Виталію, наставникамъ и воспитанникамъ. Застегивая мантію, Владыка подозвалъ меня и сказалъ: «съ пр. Евгеніемъ войдите въ комнату, гдѣ приготовленъ чай, а я пойду къ ректору; когда я собирался ѣхать, пришли гостинцы изъ Петербурга». Въ классѣ были приготовлены чай и закуска. Послѣ мы перешли въ богословскій классъ, обращенный въ актовую залу. Каѳедра стояла направо отъ дверей лицомъ къ больницѣ. Противъ нея между оконъ кресло для митрополита и отъ него по обѣ стороны полукруженъ кресла для посѣтителей. Передъ владыкинымъ кресломъ столъ и на немъ, на блюдѣ, икона Спасителя, покрытая пеленою. Вскорѣ вошелъ Владыка въ лиловой рясѣ, имѣя, между прочими знаками, и докторскій крестъ. Какъ только мѣста были заняты, секретарь прочиталъ указъ о дозволеніи юбилея. Затѣмъ проф. Цвѣтковъ (вмѣсто автора, Бѣляева, слабаго грудью) читалъ историческую записку и читалъ долго, но по мѣстамъ занимательно.

3. На докладѣ, который длился 4 часа, я узналъ, что утромъ Владыка былъ въ подвигѣ: служилъ въ Грузинахъ и освящалъ прибѣжище для престарѣлыхъ іереевъ, устроенное въ домѣ гр. Толстой [3]), подлѣ

---

[1]) Т.-е. преосвященный Савва.

[2]) Преосвященный Леонидъ передъ тѣмъ былъ ректоромъ Московской Семинаріи.

[3]) На Грузинской площади, противъ церкви.

Библиотека "Руниверс"

ея новаго дома. Говорилъ, что Перовскіе [1]) искали развода, Петербургская консисторія пропустила; въ Синодѣ Владыка остановилъ по невѣроятности показаній. Оберъ-прокуроръ кн. Мещерскій сталъ его просить, говоря: у Перовскаго жена развратная, но, чтобы спасти дочь, онъ принимаетъ позоръ на себя. Тогда, говоритъ Владыка, я подписалъ протоколъ.

4. Въ 10½ пріѣхалъ изъ Кіева А. Н. Муравьевъ и по обычаю у меня остановился. Былъ гр. А. П. Толстой и выражалъ опасенія, что А. П. Ахмамовъ, по болѣзни, откажется [2]). Говоритъ, что Владыка нашъ—послѣдняя плотина: подними ее, воды хлынутъ, заревутъ и все потопятъ. Тѣмъ страшнѣе, что гибельныя идеи проникаютъ и въ архіереевъ. А. Н. Муравьевъ говоритъ: Россія цвѣла пока жила своею жизнію, а жизнью ея было благочестіе при глубокомъ уваженіи къ церкви, ея іерархіи, ея постановленіямъ. Когда лишили ея основъ, то она и повисла въ воздухѣ.

6. Владыка служилъ въ память родителя своего, протоіерея Михаила; угощалъ обѣдомъ А. Н. М-ва и принималъ насъ обоихъ [3]). Побывавъ у пр. Можайскаго, съ нимъ возвратился я ко Владыкѣ къ 8 час., и 4½ продолжался докладъ. «Нужно ли послать образъ Каткову?»—Необходимо, отвѣчалъ я, зная, что объ этомъ Владыка рѣшилъ въ умѣ своемъ и даже кому-то высказывалъ.

8. Исповѣдался, сподобился пріобщиться Св. Таинъ, послалъ Михаилу Никифоровичу просфору и икону пр. Саввы, съ надписью на серебропозлащенной рамкѣ: «О Христѣ возлюбленному Михаилу Никифоровичу усердный его богомолецъ Леонидъ, еп. Дм. Москва, 8 Ноября 1864 г.». Пр. Можайскій, вмѣсто меня, сослужилъ Владыкѣ въ Архангельскомъ соборѣ и сказалъ, что икона св. Ахистратига Михаила стояла на престолѣ, послѣ служенія окроплена Владыкою и отослана къ Каткову.—Когда дали первый духовный концертъ, который не понравился кн. Ник. Ив. Трубецкому, тогда меня стали обвинять, что я ввелъ въ это Владыку. Я говорилъ, что иниціатива не моя; но я убѣжденъ, что концертъ дѣло не худое, только надлежитъ умно обставить дѣло, и послѣ концерта прямо сказалъ Владыкѣ, что сожалѣю объ одномъ, что на концертѣ этомъ не былъ. Теперь Н. В. Сушковъ выдумалъ, что я, въ качествѣ политическаго агитатора, подбилъ Владыку

---

[1]) Левъ Алексѣевичъ Перовскій и его супруга, ур. кн. Горчакова?

[2]) Т.-е. отъ должности Синодальнаго об.-прокурора.

[3]) Т. е. обоихъ своихъ викаріевъ, Леонида и Савву.

Библиотека "Руниверс"

послать Каткову образъ, что онъ самъ (Сушковъ) хлопоталъ объ адресѣ, но Владыкѣ не слѣдовало участвовать въ демонстраціи. Я убѣдилъ его, что тутъ нѣтъ демонстраціи, а пастырское благословеніе къ человѣку изъ его паствы, коего достоинства ему извѣстны и любезны.— Катковъ избранъ почетнымъ членомъ Кіевскаго университета.

9. Пока я служилъ вечерню, пріѣхалъ Катковъ. Онъ очень доволенъ сочувствіемъ многихъ, но въ отчаяніи отъ порядка вещей, и если такъ продлится, то хочетъ уйти за границу. Пр. Савва просилъ передать Владыкѣ, что и Катковъ, который хвалитъ движеніе западныхъ іереевъ, которые собираются для разсужденія о церковныхъ дѣлахъ, называетъ ихъ нашими передовыми борцами, и Катковъ удивленъ тѣмъ, что іереи имѣютъ право собираться, а епископы не имѣютъ. Впрочемъ у насъ такъ распорядились дѣломъ церковнаго управленія, что ему никогда не возстать, по мнѣнію А. Н. М—ва.

13. На докладѣ былъ и Андрей Н—чъ. Мы всѣ нападали на Владыку, такъ что онъ уже замолчалъ: умоляли его, чтобы устроилъ областное и соборное управленіе. «Цѣлыя поколѣнія епископовъ будутъ на васъ сѣтовать, если этого не сдѣлаете», сказалъ я. — «Я напишу нѣсколько листовъ, тѣмъ и ограничится».—Пр. Можайскій возразилъ: «вы оставите идею».—Раскольники хотятъ соединить, по возможности, всѣ толки и учредить законнаго происхожденія іерархію и вывести ее изъ-подъ всякаго вліянія церкви и Синода, такъ что будетъ въ Россіи два православія. Владыка уговорилъ единовѣрцевъ просить, чтобы съ нихъ *сняли патріархи клятву* 1667 года, и уже подъ просьбою много собрано подписей. Народъ начинаетъ узнавать, что Владыка благословилъ Каткова образомъ, и этому дается высокое значеніе.

15. Кн. А. Валент. Шаховскій заѣхалъ прямо съ дороги; онъ съ А. Н. Муравьевымъ ѣздилъ къ Троицѣ и сказываетъ, что тамъ нынче заведены на воскресные и предпраздничные дни всенощныя бдѣнія Очень это жаль: изъ человѣкоугодія древній обычай нарушается.

17. Владыка торжественно праздновалъ день пр. Никона: наканунѣ выходилъ на величаніе, въ самый день совершилъ литургію дома, въ 2 часа кормилъ обѣдомъ обоихъ викаріевъ и А. Н. Муравьева. «Садитесь ближе, потому что будете далеко», сказалъ онъ Муравьеву. Владыка былъ веселъ и много говорилъ.

24. Записка отъ Владыки: «Не посѣтите ли, ваше преосвященство, меня больного, предъ полуднемъ, не отлагая до вечера? Ф. М. М.

Библиотека "Руниверс"

Ноябр. 24. 1864». Это меня встревожило и, разумѣется, я поспѣшилъ. Владыка служилъ дома и 21, и 22 и схватилъ простуду съ болью въ головѣ, ознобомъ, кашлемъ и насморкомъ. Онъ прочиталъ, сократилъ, исправилъ мою записку о проектѣ трехъ членовъ духовенства насчетъ женскаго училища на Заборовскомъ подворьѣ. Вечеромъ велѣлъ пріѣхать: «это меня отвлечетъ отъ постояннаго чтенія». Докладъ продолжался до $8\frac{1}{2}$; сидѣли въ кабинетѣ, жаръ нестерпимый.

Декабря 1-го *). На литургіи, какъ въ этотъ день, такъ же точно въ день своего посвященія, я употребляю омофоръ, поручи, сулокъ, жалованные Владыкою. На омофорѣ по моему желанію вышито золотомъ: «возложенъ на в—шаго Филарета, м. М., при посвященіи его во епископа въ С.-Петербургѣ, 5 Авг. 1817 года (годъ моего рожденія). Къ этому я присоединяю золотую мою ризницу и приказываю, чтобы употреблено было все наилучшее, какъ въ великій праздникъ.

6. Вечеромъ ѣздилъ я ко Владыкѣ и гр. А. Толстой. Упала со стола книга; я поднялъ ее. Владыка сказалъ: «Догматическое богословіе преосвященнаго Черниговскаго. Я думалъ, что онъ гнѣвается, однако нѣтъ». Владыка уже успѣлъ просмотрѣть ее, и вотъ его отзывъ: «Много учености, много мыслей, и въ 2-хъ томахъ этихъ содержится конечно не менѣе, чѣмъ въ 5 томахъ Богословія Макаріева; но все въ этой книгѣ безпорядочно, неосмотрительно, небрежно. Мысли сыплются у него какъ табакъ (пр. Черниговскій много и неопрятно нюхаетъ). Ветхій и Новый Завѣты—это одно тѣло, а преосвященный думаетъ, что сдѣлалъ великое дѣло, показавъ усиліе раздѣлить ихъ рѣзкою чертою. Такъ, онъ говоритъ, будто Богъ въ Ветхомъ Завѣтѣ не называется Духомъ. Неправда; кромѣ другихъ многихъ мѣстъ, у пр. Исаіи говоритъ Мессія: *Духъ Господень на Мнѣ, Его же ради помаза Мя.* Какой же это духъ, посвящающій его на служеніе, какъ не Духъ Божій и Богъ? —«Въ Ветхомъ Завѣтѣ антропоморфическое представленіе о Богѣ». Неправда: *небо небеси не довлѣютъ Ти*, или *небо престолъ Твой, земля подножіе ногъ Твоихъ.* Неужели это антропоморфическія выраженія? «Ветхій Завѣтъ внушаетъ человѣку благоговѣніе и страхъ къ Божеству, а не любовь». Неправда: *возлюбихъ, яко услышалъ еси молитвы моя; возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и пр.* Указать бы ему на недостатки. Надобно написать новую книгу; на каждыхъ 4 страницахъ ихъ найдешь».

---

*) День именинъ м. Филарета.

Библиотека "Руниверс"

11. Заѣзжалъ я къ Каткову. «Нельзя не поздравить побѣдителя въ день побѣды», сказалъ я; ибо сегодня напечатанъ уставъ о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ такою основою классицизма, что реальная гимназія не даетъ права на вступленіе въ университетъ. М. Н—чъ въ уныніи. Валуевъ, говоритъ онъ, соединился съ Головинымъ, и ихъ противодѣйствіе таково, что устоять одному человѣку невозможно; но что̀ пріятно: сердце его скорбями все болѣе и болѣе смягчается: онъ былъ религіозенъ болѣе умомъ, а теперь и сердцемъ *).

17. Поѣхалъ я ко Владыкѣ по дѣламъ. Была снѣжная вьюга, очень сильная, и на высокомъ и открытомъ дворѣ Сухаревскаго подворья едва могли подвигаться впередъ. Менѣе часа сидѣлъ я у Владыки, но когда вышелъ къ подъѣзду, вьюги не было, и звѣзды блистали. Онъ все еще нездоровъ и принималъ въ кабинетѣ, гдѣ жаръ нестерпимый для свѣжаго человѣка. Заѣзжалъ къ Бахметевымъ. Она печатаетъ новое изданіе Житій; по совѣту моему каждаго дня святой, которому служба, будетъ имѣть жизнеописаніе.

18. По словесному моему представленію, Владыка далъ распоряженіе открыть могилу Александра Н—ча Муравьева, для поставленія надъ его гробомъ гроба сына его Іоанна. Владыка тронутъ былъ моимъ разсказомъ о его кончинѣ. Отъ простуды болѣзнь изъ ногъ поднялась къ сердцу, разстроила органы сердца, расширила его, и больной, посреди страданій великихъ, но въ полномъ сознаніи умеръ на 55-мъ году, въ день годовщины смерти своего родителя 18 Дек. Пріобщался онъ 16, какъ и родитель, и погребенъ 21, въ день похоронъ отца. Также передъ смертію слушалъ Евангеліе, сожалѣлъ, что боль не даетъ сосредоточить мыслей, говорилъ, что умирать не страшно, но надобно *заго̀дя* приготовлять себя къ смерти, надѣялся скоро яснѣе видѣть то, о чемъ благовѣствуетъ Евангеліе, и сожалѣлъ, что не подѣлится впечатлѣніями съ оставшимися; наконецъ онъ сказалъ: «вотъ я уже оглохъ, уложите меня, вотъ свѣтъ въ глазахъ меркнетъ, вижу только зеленыя полосы».... Черезъ пять минутъ души уже не было въ тѣлѣ.

21. Вечеромъ былъ у Владыки. Тамъ пр. Можайскій дочитывалъ мнѣніе комитета о проектѣ устава семинарій. Проектъ дышетъ идеальнымъ аскетизмомъ, а комитетъ демократизмомъ самымъ наглымъ. Владыка сказалъ: «Я не ожидалъ этого отъ Московскаго духовенства; или

*) Помню, что однажды М. Н. Катковъ, желавшій сотрудничества въ Московскихъ Вѣдомостяхъ Н. П. Гиларова (тогда профессора въ Московской Духовной Академіи) поручалъ мнѣ сказать ему, что въ дѣлахъ вѣры онъ Катковъ человѣкъ положительный.

Библиотека "Руниверс"

исправьте, или я противъ этого напишу въ Синодъ». Я рѣшился сказать о правдѣ: свѣтское общество далеко не имѣетъ такого предубѣжденія противъ монашества, какъ бѣлое духовенство; оно съѣло бы всѣхъ монаховъ, если бы могло.

1865 годъ.

Января 1. Былъ у М. Н. Каткова. Вчера готова была въ *Вѣдомостяхъ* статья объ отказѣ редакціи отъ продолженія *Вѣдомостей*; но ректоръ съ деканами пріѣзжали просить его обождать рѣшеніемъ. Онъ согласился; номеръ былъ перепечатанъ и вышелъ уже въ 4 часа. Сегодня въ засѣданіи экстраординарномъ Совѣта составленъ адресъ къ Государю. Благодаря Государя за милости къ университету, представляя достоинства и заслуги редакціи, Совѣтъ проситъ, чтобы ему предоставлено было отвѣтствовать предъ правительствомъ за Каткова и Леонтьева по изданію *М. В.* У Каткова народу было много. Н. В. Сушковъ извѣстилъ Каткова при мнѣ, что онъ уговорилъ Владыку написать о заслугахъ его Государю. Ректоръ университета и деканы были при мнѣ у Каткова съ объявленіемъ ему рѣшенія Совѣта. Отстраняя все политическое, я горю сочувствіемъ къ тому направленію газеты, которое содѣйствуетъ духовному начальству въ заботахъ его о добромъ, христіанскомъ, нравственномъ преспѣяніи православной паствы. Поэтому я радъ, что многіе видѣли у Каткова викарія Московскаго, притомъ въ новый годъ, въ лентѣ, какъ поздравителя, и какъ сочувственника въ тяжелую для М. Н. минуту *).—Отъ 5¼ до 8½ продолжался докладъ. Говорено было и о томъ, должно ли Владыкѣ входить въ дѣло Каткова. Я говорилъ, что непремѣнно должно, такъ какъ Владыка изволитъ признавать благотворность вліянія Каткова на общество; но надобно, чтобы вопросъ разсматривался въ представленіи Владыки съ чисто-церковной, религіозно-нравственной стороны, совершенно устраняя политику.—Пришлось между прочимъ услышать отъ Владыки, что въ Лаврскую семинарію изъ Коломенской перешелъ онъ 17 лѣтъ, что черезъ два года родитель его отъ Троицкой Ямской церкви переведенъ былъ въ соборъ, что Троицкая холодная церковь осталась въ прежнемъ видѣ, а теплая передѣлана, что тамъ были два изображенія рѣзныя, которыя по указу внесены въ алтарь, а потомъ, когда онъ сталъ Мо-

*) Позднѣе, преосвященный Леонидъ простеръ до того свое усердіе, что когда императоръ Александръ Николаевичъ осматривалъ приготовляемый къ освященію храмъ Христа-Спасителя, онъ успѣлъ сказать Государю, что, будучи духовникомъ профессора Леонтьева, онъ Леонидъ завѣряетъ о согласіи классицизма съ православною вѣрою.

Библиотека "Руниверс"

сковскимъ, увидѣлъ ихъ опять въ церкви, но не хотѣлъ изъ-за этого воевать; что въ дѣтствѣ замѣтилъ въ холодной церкви вверху надъ окномъ на полотнѣ писанныя Небесныя Силы и полустертую надпись: «Силы Небесныя съ нами нынѣ невидимо служатъ», и эти послѣднія слова нескоро разобралъ. При прощаніи я сказалъ Владыкѣ: сегодня исполнилось 15 лѣтъ, какъ я призванъ къ начальствованію, день посвященія меня въ архимандриты. Прошу вашихъ молитвъ на продолженіе служенія.—«Желаю, отвѣчалъ Владыка, дальнѣйшаго возвышенія по всѣмъ степенямъ, какія есть въ церкви».—Помолитесь, Владыко, о моихъ духовныхъ исправленіяхъ.

Письмо отъ Владыки. «Да проститъ меня ваше преосвященство, что не даю вамъ покоя. Если можно, побывайте у меня сегодня въ четвертомъ часу или въ четыре. Ф. м. М.». Генв. 2. 1865 г.».

Владыка изъявилъ желаніе, чтобы я собралъ данныя для сужденія о томъ, что̀ и какъ можно сдѣлать для Каткова; выслушалъ проектъ адреса университета къ Государю и одобрилъ его; выслушалъ и мое поученіе. Мѣстахъ въ двухъ сдѣлалъ тонкія поправки и сказалъ: «Очень хорошо, благодарю», а прощаясь прибавилъ: «да дастъ вамъ Богъ глаголъ силою многою!» Отъ полноты сердечной я преклонился до земли. Я читалъ по черновой писанной кое-какъ, то перомъ, то карандашемъ; теперь идетъ переписываніе.

3. (Воскр.). Въ 10½ час., въ Чудовѣ началось богослуженіе; генералъ-губернаторъ прибылъ во время чтенія 3-го часа, а за нимъ и прочее дворянство въ мундирахъ. Въ концѣ литургіи, мною совершенной (облаченіе бѣлое второе, сослужащ. Сергій, Знаменскій архим.) сказалъ я слово и утѣшился, что, за молитвами Владыки, оно произвело доброе впечатлѣніе; были даже влажные глаза, слушали всѣ, приступивъ къ каѳедрѣ, съ совершеннымъ вниманіемъ. Когда шелъ я съ посохомъ на средину церкви для молебна, слышалъ слово: «*сильно!*» По окончаніи молебна началась присяга; каждый цѣлуетъ слова Христовы, крестъ и пріемлетъ благословеніе; нѣкоторые незнакомые меня благодарили, благодарили съ чувствомъ; кн. Мещерскій *) сказалъ почти въ слезахъ: «вы насъ подкрѣпили и поддержали». Нѣкоторые ждали, пока я, надѣвъ мантію, пошелъ черезъ церковь, и сказали: «мы почли долгомъ благодарить васъ за ваши слова» и еще что-то. По возвращеніи моемъ, вслѣдъ за мною пріѣхали Нат. Григ. Муравьева-Карская

*) Князь Николай Петровичъ, внукъ Карамзина, стихотворецъ и усерднѣйшій почитатель Каткова, попечитель Московскаго учебнаго округа.

Библиотека "Руниверс"

съ дочерью, а за ними гражд. губернаторъ, который вошелъ, чтобы поблагодарить меня, и сказалъ, что мною произнесено собственно то, чего требуютъ обстоятельства; ибо отъ образа дѣйствій дворянъ зависитъ, остаться дворянству почетнымъ сословіемъ или потерять всякое значеніе. Думаю, что Матерь Божія, чрезъ Свою икону, поднесенную мнѣ дѣтьми А. Б. Нейдгартъ [1]), много помогла мнѣ: теперь и я имѣю опытъ сообщенной ею благодатной силы. Пріѣзжалъ кн. Ник. Петр. Мещерскій, говоритъ, что слово произвело сильное и благопріятное впечатлѣніе на людей разныхъ партій и оттѣнковъ; всѣ самые безчувственные тронуты; нѣкоторые, можетъ быть, поражены, но скрываютъ зло.

Былъ у Владыки. У него архіеп. Евгеній. Онъ дозволилъ отдать въ печать, если станутъ просить, о чемъ я и не упоминалъ. Не мнѣ судить о достоинствахъ моего слова; но думаю, что громкое, отчетливое произношеніе и сердца слушателей благодушно настроенныя легко приняли впечатлѣніе отъ произведенія несильнаго, какъ бы отъ сильнаго.

4. Только что вышелъ я изъ церкви отъ поздней обѣдни, какъ вошелъ ко мнѣ предводитель Дмитровскаго дворянства Петръ Влад. Бахметевъ, который говоритъ, что не хотѣлъ лишить себя удовольствія поблагодарить меня за вчерашнее слово и т. д.—О. ректоръ семинаріи Игнатій приглашаетъ служить въ навечеріе Богоявленія, въ Богоявленскомъ монастырѣ. Раздумавъ, я отказался; да и просьба была не усердная. Нат. П. Бреверн [2]) говоритъ, что всѣ отъ слова моего въ восхищеніи, даже ея мужъ, даже Гончаровъ [3]).—У Владыки до 8. О себѣ говорилъ онъ, что, отправляясь на ревизію семинарій въ первый разъ, испросилъ у пр. м. Амвросія рекомендательныя письма. Во Владимирѣ пр. Ксенофонта (особа важная, съ длинной бородой, высокаго роста, широковѣщателенъ, но безтолковъ) онъ не засталъ: чтобы не сойтись съ ревизоромъ, уѣхалъ по епархіи. Ревизоръ пробылъ два дня и уѣхалъ въ Лавру, къ празднику пр. Сергія, куда прибылъ въ самый праздникъ въ 2 часа пополуночи. Дня черезъ два сидитъ онъ въ Академіи на экзаменѣ, на которомъ присутствовалъ и пр. Августинъ, какъ священникъ изъ пограничнаго села Глинкова извѣщаетъ, что преосвященный Ксенофонтъ въ Глинковѣ и желаетъ съ нимъ видѣться, т.-е. потому, что оставленное мною письмо м. Амвросія онъ прочиталъ по отъѣздѣ ревизора, что въ Лавру пріѣхать не смѣетъ, ибо это не въ его епархіи.

---

[1]) Анна Борисовна Нейгардъ, ур. кн. Черкасская, письмами которой украшены Записки архіепископа Саввы, бабушка супруги П. А. Столыпина, женщина достопамятная.

[2]) Урожденная Глѣбова-Стрѣшнева, мать кн. Е. Ѳ. Глѣбовой-Стрѣшневой-Шаховской.

[3]) Сергій Николаевичъ, шуринъ А. С. Пушкина, тогда старшина Московскаго дворянства.

Библиотека "Руниверс"

Ревизоръ предложилъ пр. Августину тѣмъ порѣшить, что Лавра не подлежитъ епархіальному управленію, слѣдовательно пр. Ксенофонтъ если и не своей, то и не въ чужой епархіи будетъ. Такъ Ксенофонтъ и пріѣхалъ въ Лавру.

Былъ я у кн. Оболенскаго. Княгиня-старушка *) всегда бываетъ рада меня видѣть; она нездорова. Тутъ Карамзины. Въ ея имѣніи двѣ монахини въ больницѣ уже другой годъ, и теперь она съ докторомъ думаетъ, какъ бы могла существовать больница безъ этихъ инокинь, а больница уже лѣтъ 20 существуетъ. И тутъ о словѣ. Возвратился домой въ 10 ч. М. Н. Катковъ три раза присылалъ за словомъ; но я не далъ, просилъ не упоминать; если же это невозможно, то ограничиться словами: «предъ окончаніемъ литургіи викаріемъ произнесено было слово». Катковъ обѣщалъ. Во-первыхъ, слово въ произношеніи сдѣлается другимъ въ печати; во-вторыхъ, если бы дворянство дѣйствительно нашло бы его достойнымъ печати, то дворянство и просило бы меня о напечатаніи его; въ-третьихъ, секретарь Каткова сказалъ откровенно, что, упоминая или приводя рѣчь генералъ-губернатора, считаетъ неприличнымъ промолчать о моемъ словѣ, *считаетъ неприличнымъ*, не болѣе, а онъ хорошій цѣнитель; отъ меня многаго, значитъ, не ожидаетъ; 4-е, дворянство мнѣ оказало сочувствіе, Катковъ расположенъ хорошо; но духовенство, исключая немногихъ, если не ошибаюсь, не терпитъ меня и презираетъ, слѣдовательно оно будетъ по волоску разбирать мое слово и позорить меня.

Владыка рѣшилъ вопросъ о исповѣди заочно. Онъ говоритъ, что въ крайнемъ случаѣ, когда нѣтъ священника вблизи и нестрашно довѣрить бумагѣ искреннюю, полную исповѣдь, можно писать къ духовнику, и духовникъ, прочитавъ все положенное при исповѣди, прочитаетъ и разрѣшительную молитву, на томъ основаніи, что за больныхъ отсутствующихъ молятся же. Но разумѣется, что это касаться можетъ лишь самыхъ крайнихъ случаевъ.

Часу въ пятомъ пополудни, совершенно внезапно, докладываютъ мнѣ о пріѣздѣ губернскаго предводителя съ дворянами. Надѣваю рясу, панагію, камилавку бархатную и вышелъ въ гостиную. Что же? Губернскій предводитель кн. Гагаринъ, полк. кн. Мещерскій (зять гр. С. Г. Строгонова, его же проектъ о дворянскомъ банкѣ), гр. Бобринскій, оба брата Нейдгарта и Б. С. Шереметевъ, всѣ въ мундирахъ, въ орденахъ, прямо изъ собранія—выразить свою признательность и просить, чтобы напечатано было слово. Довольно долго сидѣли они,

*) Мать тогдашняго Московскаго губернаторя князя Алексѣя Васильевича Оболенскаго, кн. Екатерина Алексѣевна, ур. гр. Мусина-Пушкина, женщина доблестная.

Библиотека "Руниверс"

говорили о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ дворянства. Я говорилъ, что дворянство можетъ сохранить свое значеніе путемъ основательнаго образованія и участіемъ дѣятельнымъ ко всѣмъ нуждамъ народа; что въ изолированномъ состояніи своемъ оно можетъ быть выработаетъ то, что̀ будетъ весьма благотребно для новой общенародной жизни.—Нужно ли заявленіе сочувствія Каткову?—Этотъ вопросъ рѣшается посредствомъ другого вопроса: полезна ли дѣятельность Каткова? Она полезна, но чѣмъ? Между прочимъ, и прежде всего, тѣмъ, что онъ всегда поддерживаетъ дворянство какъ элементъ народной жизни почтенный и необходимый, и тѣмъ, что вынесъ на свѣтъ, поставилъ на ноги и укрѣпилъ народное образованіе высшихъ сферъ на чистоклассической серьезной основѣ и тѣмъ упрочилъ для дворянства, которое этимъ первое воспользуется, упрочилъ прекрасную надежду имѣть изъ среды своей все болѣе и болѣе членовъ основательно приготовленныхъ на службу дворянству и отечеству. Катковъ—герой гражданской доблести. Жалѣю, что неожиданность привела меня въ смущеніе, и рѣчь не очень вязалась. По отбытіи ихъ я тотчасъ написалъ М. Н., что теперь, согласно желанію дворянства и изволенію Владыки, я готовъ воспользоваться его предложеніемъ. Въ заключеніе дня, столь примѣчательнаго, изъ Ниццы отъ почтеннѣйшей Е. А. Задонской большое письмо, самое дружественное и изящное.

Послѣ всенощной былъ у меня Митчель, секр. Англійскаго посольства. По моему посредству онъ представлялся Владыкѣ въ Воскр., въ 6 ч. вечера; былъ очарованъ Владыкой, и особенно восхитило его то, что Владыка у него, какъ у члена посольства, спросилъ о здоровьѣ королевы. О этомъ знакѣ почтенія старѣйшаго и знаменитѣйшаго Русскаго іерарха къ лицу ея Британскаго величества Митчель тотчасъ телеграфировалъ въ Лондонъ.

18. Катковъ опять въ Петербургѣ, гдѣ яснѣе и яснѣе опредѣляются партія Русская и Нѣмецкая, и Катковъ—яблоко спора *). Вечеромъ былъ я у Владыки, который о рѣчи гр. Ѳ. Давыдова говоритъ, что онъ и не ожидалъ этого, что рѣчь сильная и смѣлая, но наивно прибавилъ сегодня: «послѣ я думалъ и нахожу, что стройность нарушена, гдѣ онъ говоритъ объ авторитетахъ, о Гизо̀ и обо мнѣ. Развѣ хотѣлъ показать свою ученость?» Но въ Англіи въ рѣчахъ политическихъ очень часто обсуждаются кстати вопросы соціальные.

19. У Владыки былъ я до 8, а потомъ у Сушковыхъ часа полтора; разговоры вездѣ одни тѣже—*дворянское дѣло.* У себя въ кел-

*) Въ этотъ же 1865 годъ, Государь, находясь въ Москвѣ, вызывалъ Каткова къ себѣ, сказалъ ему свое ободрительное слово, прибавивъ, что слѣдуетъ оставить въ покоѣ Прибалтійскихъ Нѣмцевъ и завѣрилъ въ своемъ покровительствѣ его дарованіямъ.

Библиотека "Руниверс"

ліяхъ я нашелъ Леонида Матвѣевича Муромцова. Онъ говоритъ, что умирающая кн. Анна Петровна Голицына [1]) тревожится и желаетъ мнѣ что-то сказать, то чтобы я пріѣхалъ завтра. Я обѣщалъ. Онъ уѣхалъ, я легъ въ постель. Скрипъ кареты у крыльца. Л—дъ Матв—чъ снова. Проситъ ѣхать немедля. Поѣхали. Меня ввели въ спальню. Въ углу большая кіота съ старинными родовыми образами, подлѣ нея кровать, на которой больная сидѣла въ подушкахъ. Ей было очень худо; она постоянно изъявляла желаніе видѣть меня. Съ чувствомъ облобызала мою руку; и когда всѣ изъ комнаты вышли, она опять взяла мою руку, лицо ея горѣло предсмертнымъ жаромъ, голова была опущена, прядь волосъ спускалась на грудь. Она стала благодарить меня, но я не могъ разобрать хорошенько за что; слышалъ слова «духовные совѣты» и т. под.; говорила, что она желаетъ оставить память сестрамъ Е. В., О. В., Т. В. [2]), поминала, кажется, Ал. В—ча; говорила, что распорядилась давно всѣмъ состояніемъ, что теперь остался у нея только домъ, и она уже сдѣлать много не можетъ, но проситъ меня принять и распорядиться какъ знаю, такъ какъ «вы лучше знаете. Я пришлю съ Нат. Петр. пакетецъ; послѣ смерти моей сдѣлайте, не откажите», и она начала кланяться, опуская руку къ землѣ съ кровати. Я говорю ей: возведите умъ свой къ горнему. Она отвѣчаетъ: «тутъ ничего нѣтъ земнаго» и подтвердила это отрицательнымъ сильнымъ движеніемъ руки. «Сердце мое чисто, и духъ правъ; но страшусь предстать предъ Господомъ». И она опять стала просить, чтобы я все исполнилъ, какъ она желаетъ. Отчасти по щекотливости свойственной болѣе мірянину, нежели духовному лицу, а еще и по охраненію чести монашества, я принялъ ея волю съ огорченіемъ и, сошедъ по узкой лѣсенкѣ въ залу, сказалъ Муромцову о томъ, чего она отъ меня требуетъ, и былъ я въ такомъ смущеніи, что онъ долженъ былъ меня уговаривать. Между тѣмъ пріѣхалъ протоіерей Николо-Явленскій отецъ Павелъ; началась исповѣдь; она говорила такъ громко, что мы затворились, чтобы не слышать. Потомъ вошли, она пріобщилась очень хорошо. Вскорѣ послѣ этого она вспомнила о дочери Елисаветѣ, которую ожидала; но ея не было, хотя уже нѣсколько телеграфовъ послано въ Рыбинскъ; спросила шкатулку и считала деньги. Потомъ я простился съ нею и уѣхалъ. Былъ второй часъ пополуночи.

---

[1]) Урожд. Босйкова, сестра губернскаго предводителя дворянства Петра Петровича и мать Екатерины Николаевны Муромцовой и Елисаветы Николаевны Михалковой, супруга того князя Н. С. Голицына, котораго воспоминанія о дядѣ его, извѣстномъ „другѣ царевѣ", напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ".

[2]) Т.-е. сестрамъ и брату преосвященнаго Леонида.

Библиотека "Руниверс"

20. Послѣ поздней литургіи прибылъ Леонидъ Матв. Муромцовъ и просилъ убѣдительно, чтобы я пріѣхалъ, ибо она обо всемъ сказала Ек. Н—нѣ; всѣ родные просятъ меня исполнить волю ея и пріѣхать поскорѣе, ибо она очень смущена, что не можетъ исполнить. Я поѣхалъ уже въ три часа. Больная была болѣе въ забытьи, однакоже приходила по временамъ въ сознаніе. Она держала пакетецъ, и когда всѣ вышли, отдала его мнѣ; взяла въ руки панагію: «дайте—полюбуюсь; какой это образъ?» Рождество Христово. Вспомнила, что это ея подарокъ и стала съ удовольствіемъ цѣловать его, потомъ пришла въ безпамятство и опять очнулась; я читалъ Евангеліе, XV главу Іоанна. Она спросила, что̀ ей поутру прочитать и пожелала на утро пріобщиться, пожелала видѣть сестру и брата моего, послали карету, сестра пріѣхала, долго ея не узнавала, но вдругъ, раскрывъ глаза, посмотрѣла и сказала: «Татьяна Васильевна». Велѣла всѣхъ поить чаемъ и сама захотѣла пить. Вспоминала о дочери Елисаветѣ; я попросилъ, чтобы она ее благословила образомъ. Подали образъ Спаса Нерукотвореннаго. Она взглянула и сказала: «этотъ образъ чудотворный, трижды спасалъ меня; но это не тотъ, тамъ записанъ», такъ и не нашли, какой ей хотѣлось имѣть. Вспоминала о мощахъ неизвѣстныхъ святыхъ. Искала въ иконахъ.—Не то.—Въ бархатномъ мѣшечкѣ двѣ костяныя коробочки. Нашли; она вынула, велѣла мнѣ взять одну, а другую себѣ оставила. Сестру мою просила остаться, такъ какъ у нея готова карета; ей же сказала она: «зять мой золотой человѣкъ» и, указывая на него и на меня: «вотъ двое, и...». Къ 6 час. я возвратился.

21. Послѣ обѣда дома я опять поѣхалъ къ больной; она, говорили мнѣ, узнала и благословила дочь Елисавету. Дѣти умирающей еще не обѣдали. Я просилъ ихъ идти обѣдать, а самъ остался у постели; скоро присоединилась ко мнѣ игуменія Митрофанія, близкая къ семейству. Въ комнатѣ тихій полусвѣтъ отъ лампады и отъ обручальною красною лентою перевязанной свѣчѝ передъ двумя золотыми иконами на столикѣ, такъ поставленномъ, чтобы взглядъ больной всегда на нихъ падалъ. Но къ 7 часамъ я былъ уже на подворьѣ въ засѣданіи тюремнаго комитета. Владыка далъ понять, что ему очень ясна интрига партіи, и онъ наложилъ порядкомъ печать молчанія на уста этой партіи, т.-е. на ея предводителя и, кажется, порядокъ водворился. По окончаніи присутствія, уже въ гостиной, я благодарилъ Владыку и поцѣловалъ ему руку отъ радости, ибо душа была въ смущеніи отъ этой неурядицы. Владыка улыбнулся и сказалъ: *потише стали*. Вечеръ докончилъ я у пресвященнаго Можайскаго.

Библиотека "Руниверс"

22. Еще и нынѣ продолжали поминать и молиться о здравіи княгини Анны. Но въ полдень пріѣхалъ Леонидъ Матв.: «Благодарю васъ, владыко, за все. Все кончено. Въ 10 безъ 10 минутъ княгиня скончалась». Я тотчасъ прочиталъ молитву: *Боже духовъ*, и мы оба положили земной поклонъ. Такъ почила женщина, нѣкогда блиставшая въ свѣтѣ и наконецъ какъ свѣча догорѣвшая тихо предъ иконой. Ея обручальная свѣча—эмблема ея жизни. Она каждый праздникъ и Воскресенье была у всенощной и литургіи, также всѣ Среды и Пятницы, обыкновенно на Саввинскомъ подворьѣ, и скончалась въ Пятницу въ концѣ литургіи. Она была характера несообщительнаго, своеобразна, но благородна и благотворительна. Въ лицѣ ея было сходство съ имп. Маріей Александровной; она держала себя прямо съ аристократическимъ достоинствомъ и скончалась въ прямомъ достоинствѣ христіанки. Муромцевъ сказывалъ мнѣ: мы не могли понять, почему она никакъ не хочетъ выѣхать изъ своего дома: одна занимаетъ большой домъ и внизъ сходитъ только для гостей, а живетъ въ двухъ-трехъ тѣсныхъ комнаткахъ наверху. Теперь открылось. Домъ этотъ составлялъ до 12 года флигель большого дома кн. С. Голицына, въ 12 году большой сгорѣлъ; семья поселилась во флигелѣ. К. Николай влюбился въ дѣвицу Воейкову (Анну Петровну); но родственники и той и другой стороны не хотѣли этого брака. Влюбленный выстрѣлилъ себѣ въ горло, но только раздробилъ челюсть и худо выговаривать сталъ слова. Они обвѣнчались, дядя Александръ Николаевичъ полюбилъ ихъ обоихъ, и у ногъ княгини бывали послы иностранныхъ державъ. Она послѣ мужа жила то здѣсь, то заграницей, но здѣсь всегда въ этомъ домѣ и именно въ этихъ двухъ комнаткахъ, потому что именно въ той, въ которой она и скончалась, едва было не застрѣлился князь. Онъ была ея спальнею и вмѣстѣ моленною.—Ко мнѣ пріѣзжалъ кн. С. М. Голицынъ. Проситъ на освященіе музеума. Анненскій приготовлялъ его въ юнкера, потомъ въ офицеры и наконецъ сдѣлался его главнымъ управляющимъ. Онъ хочетъ поправить въ обществѣ репутацію юности и поднимаетъ его на разные пьедесталы, съ которыхъ онъ виденъ въ пріятномъ свѣтѣ.

29. Въ 2 часа были у меня Муромцевъ и Михалковъ. Говорили о княгинѣ. Лѣтъ за 10 Французскій докторъ сказалъ и написалъ, какихъ болѣзней она должна остерегаться. Тѣ самыя болѣзни и пришли.

Морозъ до 25°, однако я выѣзжалъ ко Владыкѣ. Передъ всенощнымъ бдѣніемъ была у меня иг. Митрофанія, и я говорю ей: покончила ли дѣло о крестахъ, а то мнѣ Владыка велѣлъ передать наслѣдницамъ его мнѣніе.—Нѣтъ, еще не окончила. Она показала мнѣ кресты и просила, чтобы я написалъ обѣимъ сестрамъ письмо, что̀ я и сдѣлалъ

Библиотека "Руниверс"

послѣ всенощной. «Екатеринѣ Николаевнѣ и Елисаветѣ Николаевнѣ духовное привѣтствіе мира Христова. Отъ архипастыря Московскаго имѣю къ вамъ слово, которое передаю черезъ письмо, потому что не имѣю возможности видѣть васъ, а откладывать не смѣю».

Сегодня дѣла службы привели меня ко Владыкѣ, и онъ, послѣ служебныхъ распоряженій, сталъ говорить мнѣ о крестѣ родовомъ въ семействѣ кн. Голицыныхъ и сказалъ: «Недоумѣніе о томъ, который изъ трехъ крестовъ искомый царственный даръ, рѣшительно и просто разрѣшается тѣмъ, что на золотомъ (или позлащеномъ) крестѣ въ двухъ мѣстахъ гербъ царскій—двуглавый орелъ. Другое недоумѣніе, которой изъ двухъ наслѣдницъ кн. Анны Петровны хранить эту родовую святыню. Ихъ двоюроднаго дѣда, кн. Александра Николаевича, я почитаю своимъ благодѣтелемъ и воспоминаю его какъ истиннаго христіанина [1]). Поэтому въ настоящемъ случаѣ я и говорю, и если мое мнѣніе можетъ имѣть для нихъ какое-нибудь значеніе, то оно таково. По общепринятому обычаю, несомнѣнно-согласно и съ желаніемъ покойной ихъ родительницы, крестъ этотъ долженъ переходить для храненія по старшей линіи рода. Младшая наслѣдница пріобрѣтаетъ себѣ благословеніе Божіе чрезъ послушаніе. Скажите имъ это отъ меня». До этой минуты я ничего не слыхалъ ни о царскомъ крестѣ, ни о недоумѣніи на счетъ его; но тутъ, признаюсь, подивился.

О крестѣ. Во время стрѣлецкаго бунта кн. Юрій Голицынъ вбѣгаетъ въ комнату царицы Наталіи Кирилловны и требуетъ, чтобы она ему ввѣрила Петра. Она въ испугѣ требуетъ, чтобы онъ поклялся надъ крестомъ, висѣвшимъ тогда на шеѣ Петра, и говоритъ: «если ты вѣрный и спасешь Петра, то этотъ крестъ въ благословеніе тебѣ и роду твоему, а если измѣнишь, то да будетъ на тебѣ клятва». Голицынъ не измѣнилъ. Крестъ остался въ его родѣ и вошелъ въ руки кн. Анны Петровны. Крестъ наперсный златой или позлащенный; старинной формы, внутри его мощи, на дскахъ надписи мощей и на обѣихъ сторонахъ по клейму: двуглавый орелъ. Вверху ушко для шнурка.

---

[1]) Въ гостиной комнатѣ у митрополита Филарета находился свѣчной щитокъ съ портретомъ князя А. Н. Голицына.

[2]) Этотъ крестъ долженъ находиться въ селѣ Баловневѣ (Данковскаго уѣзда) принадлежавшемъ Е. Н. Муромцевой (нынѣ художнику Волкову).

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА И. С. АКСАКОВА КЪ К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВУ [1]).

1.

11 Марта (1876) вечеръ.

Не знаю, дошелъ до тебя № Современныхъ Извѣстій, посланный мною къ тебѣ подъ бандеролемъ, въ которомъ помѣщена моя рѣчь, сказанная въ засѣданіи Славянскаго комитета 6 Марта. Все обстояло благополучно, рѣчь появилась одновременно въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и въ Современныхъ Извѣстіяхъ, какъ вдругъ, уже послѣ того, какъ газеты были разнесены по домамъ и сданы на почту, полиція появилась во всѣхъ трактирахъ, магазинахъ и даже частныхъ жилищахъ съ требованіемъ этихъ №№. Можешь представить себѣ, какой вышелъ скандалъ. У всѣхъ моихъ знакомыхъ перебывали квартальные и городовые, даже у лицъ, занимающихъ высокое офиціальное положеніе, у барона Боде, у Ив. Ив. Маслова [2]) и пр. Разумѣется, они вездѣ получили отказъ.

Другой фортель: одинъ (профессоръ) сдалъ свой №, свернувъ его и предварительно вырѣзавъ изъ него всю рѣчь! Переполохъ во всей Москвѣ былъ страшный. Ты знаешь, какое впечатлѣніе, какое нервное раздраженіе производитъ появленіе въ домѣ полиціи, une descente de la police. Я ничего не зналъ самъ до вечера (ко мнѣ, разумѣется, полиція не показывалась), какъ вдругъ появляется Екатерина Ѳеодоровна [3]), встревоженная, дрожащая отъ негодованія, и сообщаетъ мнѣ о томъ, что происходитъ по домамъ и на улицахъ.

Говорятъ, что цензора утромъ телеграфировали министру внутреннихъ дѣлъ, который и сдѣлалъ распоряженіе о конфискаціи.

Поводомъ служитъ якобы нарушеніе предписанія Главнаго Управл. по дѣламъ печати, запрещавшаго печатать какое-либо «объявленіе» отъ Главнаго Комитета безъ цензуры Главнаго Управленія. Такое

---

[1]) Съ подлинниковъ, сообщенныхъ К. П. Побѣдоносцевымъ.

[2]) Тогдашняго начальника Московской Удѣльной Конторы.

[3]) Тютчева, сестра супруги И. С. Аксакова.

Библиотека "Руниверс"

предписаніе было въ Іюлѣ прошлаго года, *секретное* и *намъ необъявленное* (я его даже не читалъ); но оно не помѣшало однако появиться въ печати моей рѣчи 24 Октября (той самой, которая была переведена О. А. Новиковой), не мѣшаетъ появляться и теперь въ печати, и очень часто, постановленіямъ Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета. Разумѣется, весь этотъ скандалъ объявляется только тѣмъ, что правительство, желая демобилизаціи или вообще согласное на всякія постыдныя уступки, находитъ неумѣстнымъ какое либо заявленіе Русскаго чувства и мысли въ настоящую минуту.

Если когда-либо существовало въ Россіи уже не «общественное, только а народное» мнѣніе, такъ именно теперь, и именно по вопросу о восточныхъ Христіанахъ. И народное чувство не ослабло. Надобно видѣть и знать, какое сочувствіе возбуждаетъ каждая телеграмма о сопротивленіи князя Черногорскаго миру съ Турціей. Такъ и знаешь съ утра: добрая телеграмма, пойдутъ рублевыя приношенія. Именно вчера же я получилъ и отправилъ къ князю Черногорскому въ подлинникѣ письмо на его имя изъ дѣвичьяго монастыря г. Свіяжска Казанской губерніи, отъ проживающей въ ономъ дворянки Александры Лихачевой, съ 15 рублями «благовѣрному князю Черногоріи». Эти 15 рублей изъ г. Свіяжска цѣннѣе всякихъ богатыхъ приношеній... Куда же все это дѣвать, эту любовь, это сочувствіе? Можетъ ли это быть попираемо ногами? Можно ли не считаться съ убѣжденіями народными? Можно ли такъ помыкать честью Россіи и своею собственною?

Твой Ив. Аксаковъ.

2.

Москва, 6 Августа 1876.

Во 1-хъ, посылаю тебѣ адресъ, мною написанный, принятый и подписанный здѣшнею думою. Не знаю, отправилъ ли его генералъ-губернаторъ по назначенію; это уже не наше дѣло. Наше дѣло стучать въ дверь. Впрочемъ, какъ и самъ ты увидишь, адресъ самаго скромнаго свойства. Можетъ быть, онъ нѣсколько длиненъ (хотя обстоятельства такія, что можно даже употребить на чтеніе адреса Москвы лишнюю минуту); есть, можетъ быть, нѣкоторыя отвлеченности. Дѣло въ томъ, что ко мнѣ пріѣхали поздно вечеромъ наканунѣ засѣданія думы, усадили писать, нужно было торопиться, созывать наскоро людей, готовыхъ поддержать предложеніе объ адресѣ, прочесть имъ, переписать и пр. и пр., такъ что я не имѣлъ времени его отдѣлать. Но такъ или иначе, все же желаніе выражено точно, формулировано. Мо-

Библиотека "Руниверс"

сковскій большой колоколъ заблаговѣстилъ, авось раздастся благовѣстъ и по всей Россіи. Надѣюсь, что Петербургъ не отстанетъ.

Во 2-хъ, прими искреннѣйшую благодарность за твое горячее и дѣятельное содѣйствіе, послѣдовавшее на мои просьбы. Признаюсь, меня нѣсколько покоробило, что ты послалъ мое письмо, писанное съ плеча, въ подлинникѣ. Ну да тебѣ лучше это знать, было ли то удобно или нѣтъ. Третьяковъ *) возвратился въ совершеннѣйшемъ отъ тебя восторгѣ.

Дѣло это въ ходу. Мы устроили комиссію, выяснили положеніе заказа, двинули грузы. Черезъ нѣсколько времени сообщу о немъ обстоятельно.

Въ 3-хъ, Письмо Висковатаго съ учиненною на немъ надписью я возвратилъ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ, которую самъ рѣдко успѣваю видѣть лично. Странный онъ человѣкъ. Получилъ отъ него телеграмму, что онъ согласенъ на условія и ѣдетъ, т.-е. на дняхъ будетъ въ Москву

Теперь Сербіи, Сербскому правительству и Русскимъ, тамъ воюющимъ, нужнѣе всего деньги, но деньги въ размѣрѣ, превышающемъ средства всѣхъ Комитетовъ и Комиссій, для сбора учрежденныхъ почти во всѣхъ городахъ Россіи. Нужны милліоны. Имъ и обѣщали было дать 4 милліона взаймы, а дали только одинъ, какъ бы авансъ подъ облигаціи Сербскаго займа, и хотятъ выдать слѣдующій милліонъ только по продажѣ этихъ облигацій на одинъ милліонъ. Но это нелѣпость. Я еще лѣтомъ, будучи въ Петербургѣ, доказывалъ кому слѣдуетъ, что толку изъ облигацій не будетъ. Хотятъ *жертвовать*, а не помѣщать деньги якобы съ выгодой. Охотнѣе дадутъ 15 р. такъ, «изъ *усердія* къ Христіанской вѣрѣ», какъ выражаются крестьяне, являющіеся иногда (какъ вчера напримѣръ) изъ за тысячи верстъ записываться въ добровольцы, нежели заплатятъ эти же 15 р. за облигаціи, и испортятъ сомнительною прибылью чистое дѣйствіе любви. Затѣмъ понимаютъ, что всякая купленная облигація ложится долгомъ на Сербію. Иной купецъ дастъ на благотворительное дѣло 100 т. р., а въ коммерческомъ дѣлѣ держится коммерческой точки зрѣнія и не сбавитъ копейки съ аршина ситца. Съ точки же зрѣнія коммерческой, облигація Сербская и 10-ти коп. не стоитъ. Дѣло Сербское стало теперь Русскимъ дѣломъ, льется Русская кровь, воюютъ Русскіе и не могутъ положить оружія безъ порухи Русской чести, пока не добьются чего-нибудь для Сербіи. Кажется, что Русское правительство нѣсколько солидарно

*) Сергѣй Михайловичъ, тогдашній Московскій голова.

Библиотека "Руниверс"

съ интересами Русской чести и совѣсти, по крайней мѣрѣ должно бы считать себя солидарнымъ, и не можетъ же оно отречься отъ 10 т. Русскихъ, находящихся теперь въ Сербіи и изнемогающихъ отъ денежнаго безсилія страны.

Твой Ив. Аксаковъ.

3.

20 Сентября 1876.

Дорогой другъ Константинъ Петровичъ.

Пишу спѣшно по дѣлу, касающемуся весьма важныхъ интересовъ какъ славянства, такъ и близкаго тебѣ лица, именно Цесаревича.

Три мѣсяца тому назадъ, Фадѣевъ представилъ Наслѣднику записку, въ которой объяснялъ необходимость заняться Болгаріей въ виду возможной войны Россіи съ Турціей, именно, впередъ образовать и подготовить Болгарскіе батальоны съ Русскими кадрами, напередъ перевезти туда оружіе, пушки и пр. Проектъ написанъ остроумно, хотя мнѣ тогда же показался фантастичнымъ; ибо не указана была почва, на которой все это должно секретно производиться. Впослѣдствіи Фадѣевъ указалъ на Сербію, пользуясь Сербскою войною съ Турками. Весь планъ разсчитанъ на то, что Россія добьется перемирія на нѣсколько мѣсяцевъ, а *весною* объявитъ войну. Наслѣднику планъ, по словамъ Фадѣева, понравился, и Государю также; только Государь сказалъ, что денегъ на это не дастъ, а пусть дѣлаютъ на частныя средства. Вслѣдствіе сего Фадѣевъ убѣдилъ Наслѣдника обратиться къ Московскому купечеству. Фадѣевъ пріѣхалъ въ Москву, былъ у меня, и какъ ни гадокъ онъ лично, какъ ни очевидно было, что ему хотѣлось интриговать, послѣ неудачи Египта *), на болѣе широкомъ полѣ, но я долженъ отдать ему справедливость, что онъ большой мастеръ интриги и слова. Отъ участія въ этомъ дѣлѣ Славянскаго Комитета я отклонился. Фадѣевъ созвалъ представителей купечества, объявилъ о желаніи

*) Братъ Блаватской (Радда-Бай) и Желиховской, родной дядя графа Витте, Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ, начавшій свое поприще тѣмъ, что, когда отецъ его былъ губернаторомъ въ Саратовѣ, онъ досталъ изъ его канцеляріи паспортъ сосланному туда графу Мечиславу Потоцкому, за что былъ сосланъ въ Архангельскъ; но у графа Мечислава одна сестра была за гр. П. Д. Киселевымъ, а другая Нарышкина въ дружбѣ съ кн. Воронцовымъ. Можетъ быть, поэтому и отецъ Фадѣева, Андрей Михайловичъ (его Записки въ „Русскомъ Архивѣ" 1891), послѣ Саратова начальникъ Колмаковъ (у которыхъ его внучка могла насмотрѣться Буддистическихъ фокусовъ) получилъ мѣсто управляющаго Палатою Государственныхъ Имуществъ въ Закавказьи. У Египетскаго хедива Фадѣевъ занималъ нѣсколько времени должность военнаго министра.

Библиотека "Руниверс"

Наслѣдника и пригласилъ немедленно явиться къ Его Высочеству, якобы съ просьбою о разрѣшеніи подписки въ пользу Болгаръ. Сергѣй Михайловичъ Третьяковъ, старшина купечества, отправился, видѣлся съ Наслѣдникомъ; тотъ подтвердилъ и объявилъ прямо, что все, собранное купечествомъ, пойдетъ на вооруженіе Болгаріи. Купцы собрали денегъ 160 т. р., да въ Нижнемъ обѣщано 40 т. р. Фадѣевъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ ничего не сдѣлалъ; устраивалъ въ Петербургѣ общество изъ высокопоставленныхъ лицъ—не удалось; Наслѣдникъ принялъ его однажды, онъ ему не понравился, и его запрещено принимать. Въ этотъ 3-хмѣсячный срокъ изъ купеческихъ денегъ даны были задатки за 20 т. ружей и двѣ батареи за границею. Между тѣмъ личность Фадѣева стала возбуждать къ себѣ недовѣріе; особенно не понравился онъ въ Нижнемъ тѣмъ, что издѣвался надъ Черняевымъ, ругая его, превозносилъ себя и уговаривалъ не помогать Сербіи и Черняеву, а все употреблять на его проектъ.

Не желая быть орудіемъ интриги, зависти, личнаго честолюбія и видя, что наступаетъ осень, Россія не собирается вести войны, а Сербія нуждается въ оружіи; разсуждая, что если сомнутъ Сербію, тогда самый проектъ Фадѣева неисполнимъ, ибо негдѣ будетъ формировать и подготовлять Болгарскихъ солдатъ въ размѣрѣ 30 батальоновъ, купцы возмутились, тѣмъ болѣе, что Фадѣевъ въ Нижнемъ ничего не дѣлалъ, а только пировалъ. Оказалось, что кромѣ заказа оружія ничего не сдѣлано; что Черняевъ не желаетъ появленія Фадѣева въ Сербіи и соглашается на формированіе Болгарскихъ дружинъ только съ условіемъ, чтобы дѣло было поручено ему, а не велось противъ него. Третьяковъ поѣхалъ опять въ Петербургъ, видѣлся съ Наслѣдникомъ, откровенно передалъ ему недоумѣніе купечества. Наслѣдникъ со всѣмъ согласился, признавъ и со своей стороны, что теперь надо помогать тамъ, гдѣ настоятельная нужда, а не работать на осуществленіе проектовъ генерала Фадѣева. Купцы выразили желаніе, чтобы всѣ суммы и распоряженіе оными были сосредоточены въ *моихъ* рукахъ, на что Наслѣдникъ съ удовольствіемъ согласился. Получивъ офиціальное предложеніе отъ купечества, я со своей стороны принялъ ихъ порученіе, составилъ особый Комитетъ изъ главныхъ представителей купечества и тотчасъ же распорядился, чтобы грузы съ оружіемъ были направляемы не въ Одессу, а въ Румынію для Сербіи; однимъ словомъ, приняты всѣ мѣры, телеграфировано куда слѣдуетъ, а отъ Фадѣева съ нарочнымъ затребованы всѣ приходорасходные документы.

Этому прошло только нѣсколько дней. Вчера Третьяковъ получилъ отъ Фадѣева телеграмму, сегодня я отъ моего нарочнаго, и графъ Кел-

Библиотека "Руниверс"

леръ съ Вульфертомъ привезли мнѣ слышанное ими отъ Зиновьева, что, вслѣдствіе поданной чрезъ послѣдняго Наслѣднику записки Фадѣева, Наслѣдникъ приказалъ вновь отдать все дѣло Фадѣеву.

Не говорю уже о томъ, какой выйдетъ изъ этого ералашъ: ordre, contreordre, désordre; но такое отношеніе къ купеческимъ пожертвованіямъ взорвало и ихъ долготерпѣніе. Очевидно, что цѣль Фадѣева теперь не устройство Болгарскаго возстанія, а просто напакостить и Черняеву, и купцамъ, на которыхъ онъ обиженъ. Но не компрометируется ли самъ Наслѣдникъ, сегодня объявляя старшинѣ купечества одно, и черезъ четыре дня, не предувѣдомляя его, дающій приказаніе совершенно въ противномъ смыслѣ?

Я лично тоже одураченъ, ибо принялъ формальное предложеніе отъ Московскаго купеческаго общества и Московскаго Биржевого общества и сдѣлалъ разныя распоряженія о направленіи грузовъ, далъ знать Черняеву и пр.

Третьяковъ завтра ѣдетъ въ Петербургъ и будетъ просить ауді-енціи у Наслѣдника. Вѣроятно Фадѣевъ будетъ добиваться, чтобы не допускали Третьякова.

Хорошо бы ты сдѣлалъ, если бы взошелъ въ это дѣло. Поговори съ Зиновьевымъ и съ самимъ Наслѣдникомъ. Фадѣевъ такъ скомпрометировалъ себя, что дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ для купцовъ нравственное насиліе. Я же просто откажусь, и конецъ. Обнимаю тебя. Письмо это поручаю полк. Вульферту. Прощай! Ив. Аксаковъ.

4.

21 Ноября 1876.

Спасибо тебѣ, любезный другъ Константинъ Петровичъ, за твои хлопоты и за письмо. Совершенно съ тобою согласенъ, что нечего противъ рожна прать: можно совсѣмъ напороться. Надобно будетъ выждать. Вѣрно замѣтила Екатерина Ѳедоровна, что лучше молчаніе, чѣмъ грубо прерванная рѣчь. Я думаю быть на дняхъ въ Петербургѣ по дѣламъ Славянскаго Комитета. Надобно выяснить, насколько кончается наша, т. е. Славянскаго Комитета, дѣятельность въ Сербіи; здѣсь она кончается, въ Болгаріи начинается. Думаю, что теперь во всякомъ случаѣ она пойдетъ болѣе стройнымъ и правильнымъ образомъ, хотя съ меньшею самостоятельностью. Но этою самостоятельностью я нисколько не дорожу, ибо единственно прочный залогъ успѣха лежитъ въ

Библиотека "Руниверс"

правильно понятой и направленной дѣятельности самого правительства, а не Комитета.

Сербскіе добровольцы наши возвращаются массами, и съ ними немало хлопотъ, потому что всѣ они являются въ Комитетъ, и все это голь, которую приходится разсылать на родину во всѣ концы Россіи, одѣвать и надѣлять пособіемъ. Средствъ пока у насъ есть довольно.

Надѣюсь до скораго свиданія, любезный другъ. Еще разъ благодарю тебя за хлопоты и дружески тебя обнимаю, а Екатеринѣ Александровнѣ *) прошу передать мой низкій поклонъ. Жена вамъ обоимъ дружески кланяется. Твой Ив. Аксаковъ.

5.

11 Февраля 1878.

Любезный другъ Константинъ Петровичъ.

Знаю, что ты очень занятъ и рѣшаюсь съ трудомъ тебя безпокоить, на сей разъ по дѣлу жены. Мнѣ чрезвычайно хочется, чтобъ ей удалось дѣло устройства пріюта, застрявшее въ лѣнивыхъ водахъ благотворительныхъ канцелярій. На бѣду вышла путаница. Въ Петербургѣ имѣется Главное Попечительсто о семействахъ и пр.; въ газетахъ было объявлено, что В. Кн. Сергій Александровичъ назначается Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Попечительства, тоже о семействахъ. Вообразивъ, что это одно и тоже, Анна Ѳедоровна снеслась съ Великимъ Княземъ, предложила назвать пріютъ его именемъ и, получивъ немедленно его согласіе, отправила формальное прошеніе или заявленіе за своею подписью и подписью другой учредительницы (Морозовой) къ Великому Князю—именно о желаніи ихъ приписать свой пріютъ къ Попечительству, состоящему подъ его предсѣдательствомъ; о томъ же написала и Гроту. Затѣмъ оказалось, что Гротъ и Великій Князь въ двухъ разныхъ учрежденіяхъ, и что̀ за Попечительство, въ которомъ Великій Князь принялъ почетное предсѣдательство, сложилось ли оно и утверждено ли Правительствомъ, неизвѣстно, и добиться свѣдѣній не отъ кого. Болѣе мѣсяца отправлены бумаги къ Великому Князю. Поздравляя Анну Ѳедоровну 3 Февраля по телеграфу съ именинами, Великій Князь упомянулъ, что бумаги сданы въ канцелярію.

Между тѣмъ полиція начинаетъ приставать, по какому праву проживаетъ дѣвочка (пока еще одна, имѣется въ виду въ скоромъ времени еще четыре) въ помѣщеніи, нанятомъ подъ пріютъ. «Приписаться» куда нибудь «къ какому нибудь вѣдомству» необходимо. Къ

*) Супругѣ К. П. Побѣдоносцева, урожденной Энгельгардъ.

Библиотека "Руниверс"

купеческому милліону приписаться оказалось невозможнымъ, потому что купцы хотя и учредили комитетъ для распоряженія симъ милліономъ, однакоже съ тѣмъ, чтобы, по раздачѣ милліона, Комитетъ *тотчасъ* разошелся. Ни производства пенсій, ни устройства какихъ-либо заведеній этотъ милліонъ въ виду не имѣетъ: задача только въ томъ, чтобы разсовать милліонъ, съ такимъ трудомъ собранный, въ формѣ единовременныхъ пособій и—разойтись, чего и надѣются достигнуть года въ два, а не то и раньше.

Да и вообще «приписка» не легка по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

Во 1-хъ, это учрежденіе временное, расчитывающее только на 8 лѣтъ существованія, по срокъ достиженія дѣтьми 10-ти лѣтняго возраста, когда ихъ удобно будетъ размѣстить по казеннымъ учебнымъ заведеніямъ.

Во 2-хъ, оно нуждается въ гарантіи, что дѣти будутъ приняты въ казенныя заведенія на казенный счетъ. Это обѣщано лично Аннѣ Ѳедоровнѣ Императрицею, но не выражено на бумагѣ, и въ этомъ отношеніи покровительство Великаго Князя было бы полезно. Впрочемъ безъ сомнѣнія дѣтямъ всѣхъ убитыхъ и изувѣченныхъ въ настоящей войнѣ будетъ, общимъ распоряженіемъ правительства, предоставлено право на вакансіи въ казенныхъ заведеніяхъ.

Въ 3-хъ, оно не имѣетъ *наличнаго капитала* въ *полномъ* его размѣрѣ, обезпечивающаго существованіе пріюта въ теченіе 8 лѣтъ. Капиталъ составляется изъ ежегодныхъ взносовъ общею суммою въ *2300* рублей въ годъ. Изъ нихъ, впрочемъ, *какъ скоро пріютъ будетъ утвержденъ правительствомъ*, 1500 рублей или даже 1650 рублей будутъ обезпечены формально. Именно: г-жа Морозова, обѣщавшая 1000 рублей въ годъ, отдаетъ разомъ 8000 рублей; Анна Ѳедоровна (по 150 рублей въ годъ) также всю сумму сполна, и милліонный комитетъ, назначившій пріюту по 500 рублей въ годъ, передаетъ соотвѣтственную сумму Купеческой Управѣ для ежегодной выдачи. Вѣроятно и другіе на остальную сумму 650 рублей въ годъ болѣе или менѣе обезпечатъ.

Но все это выходитъ изъ общаго шаблона и вѣроятно смущаетъ. Я не отрицаю возможности и даже нѣкотораго основанія затрудниться при утвержденіи Пріюта на подобныхъ условіяхъ. «Ну какъ не заплатятъ?»... Но дѣло въ томъ, что вѣдь это учрежденіе временное. Теперь неудобно реализировать наличность капитала, пока существованіе Пріюта не признано правительствомъ. Да и во всякомъ случаѣ нужно бы

Библиотека "Руниверс"

знать именно: что̀ затрудняетъ, какія гарантіи надобны, чѣмъ смущаются. А то ни слуху ни духу. Между тѣмъ Пріютъ устроенъ, дѣвочка одна уже живетъ и процвѣтаетъ, квартира нанята, надзирательница, прислуга—все это на лицо, деньги тратятся...

Ты обѣщалъ разузнать въ подробности отъ Арсеньева, въ чемъ дѣло. Нельзя ли тебѣ понаперетъ на него? Теперь, полагаю, ты ознакомился со всѣми особенностями предпріятія Анны Ѳедоровны. Конечно, будь у нея 20 т. р. свободныхъ, нечего было бы много и толковать. Но во всякомъ случаѣ вовсе не лишнее, въ видахъ правительства, оказывать содѣйствіе *посильной* частной благотворительной иниціативѣ.

Обнимаю тебя. Твой Ив. Аксаковъ.

Все праздничное и свѣтлое отпало какъ-то отъ ожидаемаго мира, послѣ такой достославной войны. Вмѣсто торжественнаго заключительнаго аккорда—вдругъ замямлили.

6.

16 Іюня 78. Москва.

Да что тамъ творится у васъ, любезный другъ Константинъ Петровичъ? Въ Царскомъ Селѣ, въ Ораніенбаумѣ и даже въ самомъ Петербургѣ вы, должно быть, живете подъ какимъ-то стекляннымъ колпакомъ, своимъ особымъ міромъ; не знаете, не слышите, не видите, что̀ переживаетъ теперь Россія. Иначе не только сгорѣли бы вы дотла отъ стыда, но и страхъ объялъ бы васъ.

Вы, которые числитесь въ сонмѣ сановниковъ, государственныхъ людей, близки къ престолу, какъ можете вы допускать безъ противодѣйствія, на сколько оно вамъ возможно, такое поруганіе, такое публичное изнасилованіе Россіи?... И вѣдь это не я такъ говорю. Ты только бы послушалъ, что̀ говорятъ купцы, о чемъ толкуютъ въ рядахъ, что̀ смекаетъ себѣ народъ. Точно будто каждый лично подвергся осрамленію. Но первое впечатлѣніе стыда начинаетъ уступать мѣсто другому нравственному движенію: «Неужели мы будемъ безмолвствовать? Россію распинаютъ, а мы? Мы нѣмы какъ рыба, мы не смѣемъ даже и возопить громкимъ сердечнымъ голосомъ».

Послушай: ты искренно, честно преданъ Великому Князю. Прими же къ свѣдѣнію, что теперь всѣ взоры обращены къ нему, на него единственная надежда всѣхъ массъ народныхъ. Трудно даже и представить, до какой степени популярно его имя, не смотря на то, что онъ съ

Библиотека "Руниверс"

своей стороны никогда не искалъ популярности. Подвигъ скромности, совершенный имъ при командованіи Рущукскимъ отрядомъ, былъ до тонкости оцѣненъ всякимъ Русскимъ человѣкомъ, болѣе всѣхъ въ мірѣ способнымъ цѣнить скромность, простоту и смиреніе. Но именно потому, что въ его душѣ слышатся Русскія струны, народъ убѣжденъ, что эти струны звучатъ въ ладъ и съ народной душой въ настоящія страшныя минуты. Сегодня на улицѣ мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать вопросъ: «Да что же Наслѣдникъ?» На возраженіе, что, это вѣдь не его дѣло, онъ тутъ сторона, отвѣчаютъ: «да нѣтъ; коли бы горячо принялъ къ сердцу, такъ отстоялъ бы насъ...»

Мнѣ кажется, что въ Петербургѣ не отдаютъ себѣ отчета въ настоящемъ настроеніи народныхъ чувствъ и мыслей, не вѣдаютъ что творятъ. Иначе не стали бы подвергать такой пыткѣ народное долготерпѣніе. Именно потому, что негодованію нѣтъ покуда выхода наружу, оно *вгоняется внутрь*, ну и произведетъ рано или поздно опасный взрывъ. Рискованная, опасная игра идти наперекоръ историческому инстинкту и оскорблять чувство народной чести! Онъ не желаетъ войны, конечно, но еще менѣе желаетъ позорнаго мира, особенно послѣ войны, въ которой онъ принималъ такое живое, неослабное участіе во всю свою ширь сердечную... Но стать посмѣшищемъ въ мірѣ, оплеваннымъ публично, сознавать, что всѣ жертвы его принесены напрасно, что онъ обманулся въ своихъ надеждахъ на верховную власть—полагаю, что такая потеря обаянія можетъ имѣть только самыя вредныя послѣдствія и для власти, и для всей Россіи.

Подумай только: вѣдь телеграммы печатаются и распространяются всюду, проникаютъ до послѣднихъ Русской Земли. Вѣдь эти телеграммы не опровергаются Русскою властью. Вѣдь отъ каждой изъ нихъ кровь у каждаго Русскаго бросается въ голову. Развѣ такія ощущенія могутъ проходить безслѣдно? Вѣдь это своего рода революціонная проповѣдь. Сегодня, завтра, вотъ уже около двухъ недѣль ежедневно доводится до всеобщаго свѣдѣнія: «Съ согласія Русскаго правительства нанесено сегодня такое-то оскорбленіе Русскому имени», на другой день новое поруганіе и т. д.

Но у васъ тамъ навѣрное признали за благо не читать никакихъ Русскихъ газетъ и «игнорировать» Россію. Оно и спокойнѣе. Спокойнѣе теперь; а какъ бы не вышло безпокойства впослѣдствіи.

Какъ вы имѣете еще духъ принимать эти пожертвованія на крейсерство, такъ добродушно, такъ довѣрчиво присылаемыя вамъ изъ глу-

Библиотека "Руниверс"

бины Россіи?! Вѣдь не на устройство коммерческаго флота присылаются деньги, а на созданіе мстителей за Русскую честь, въ часѣ войны.... Нельзя шутить съ народными чистыми порывами. Впередъ онъ вѣрить не станетъ.

Господи, да неужели все это не кошмаръ, не галлюцинація? Такого позора не испытывала Русь во всю свою многострадальную исторію.

Обнимаю тебя сердечно. Твой Ив. Аксаковъ [1]).

7.

24 Іюня 1876.

Я не успѣлъ написать тебѣ при отправкѣ экземпляра моей рѣчи. Признаться сказать, я вручилъ ее одному господину, собиравшемуся въ тотъ же день ѣхать въ Петербургъ и потомъ узналъ, что онъ не поѣхалъ, а пакетъ послалъ по почтѣ. Впрочемъ рѣчь была произнесена публично въ узаконенномъ собраніи, слѣдовательно нѣтъ и повода послать ее не по почтѣ. Скажу тебѣ откровенно, что я желаю и прошу, если это только возможно, довести ее до свѣдѣнія—ты самъ знаешь кого; довести не отъ себя, а отъ меня, по моему порученію, за которое и несу отвѣтственность. Знаю, что практическаго результата изо всего этого ничего не выйдетъ. C'est un coup d'épée dans l'eau [2]) и т. п.: такъ будутъ говорить очень многіе, благоразумные люди. Но я стою на иной точкѣ зрѣнія. Успѣхъ не наше дѣло, внѣшнее дѣйствіе не наше призваніе: намъ принадлежатъ только мнѣніе и слово. Слово, обличеніе, протестъ—вотъ орудіе, которымъ, въ интересахъ правды, не смѣетъ не пользоваться честный человѣкъ. И если бы нашлось хоть триста-четыреста людей, которые бы послѣдовали моему примѣру и предъявили, въ той или другой формѣ, свой протестъ: дѣла бы у насъ вѣроятно

[1]) 29 Іюня этого 1878 года, въ Петербургѣ, встрѣтилъ меня на улицѣ тогдашній тамошній градоначальникъ М. Н. Барановъ (знакомый мнѣ по Москвѣ, гдѣ въ Англійскомъ клубѣ давали ему обѣдъ, въ честь его подвиговъ въ Черномъ морѣ). Онъ подвезъ меня до гостинницы, гдѣ я остановился, и зашелъ ко мнѣ побесѣдовать. Утромъ этого дня былъ онъ въ Царскомъ Селѣ и на вопросъ Государя о состояніи умовъ въ столицѣ отвѣчалъ, что у всѣхъ повисли головы отъ извѣстій съ Берлинскаго конгресса. „Какой вздоръ!" замѣтилъ Государь: все еще въ моихъ рукахъ". 3 Іюля кончился конгресъ. Увѣряли, что Государь выразился потомъ: „Je suis totalements dupé (я вполнѣ обманутъ). Однако Бисмаркъ въ Запискахъ своихъ свидѣтельствуетъ, что къ нему два раза пріѣзжалъ графъ П. А. Шуваловъ съ выраженіемъ желанія Государя обсудить положеніе дѣлъ на особомъ совѣщаніи.

[2]) Ударъ сабли въ воду.

Библиотека "Руниверс"

пошли иначе... У насъ очень много, или вѣрнѣе не у насъ, а въ Петербургѣ, толкуютъ о конституціи... Не конституція нужна, а честность. Ея-то у насъ и недостаетъ. И ея-то отсутствіе въ душѣ съ присутствіемъ или трусости, или любви къ нравственному комфорту, прикрываютъ афоризмами дешевой мудрости «лбомъ стѣны не расшибешь» и т. п. А можетъ быть стѣна-то картонная?!

Я не могъ молчать уже какъ предсѣдатель Славянскаго Общества передъ Славянами. Нѣкоторые то и дѣло посылаютъ ко мнѣ и адресы и письма. Не могъ молчать и какъ «Славянофилъ», чуть не послѣдній изъ того круга людей, который чуть не 40 лѣтъ сряду служилъ дѣлу, нынѣ въ лоскъ разрушаемому. Не говорю уже о томъ, что не могъ молчать, какъ Русскій; это уже общее для всѣхъ Русскихъ, не спеціальное побужденіе. Если когда-то было сказано: tout est perdu hors l'honneur, то теперь наоборотъ: rien n'est perdu hors l'honneur [1]). Конгресъ можетъ оказаться практически-безплоднымъ, можетъ повести къ войнѣ; но уступки, нами сдѣланныя, уже наложили на насъ неизгладимое клеймо.

Знаю всѣ возраженія: армія наша таетъ отъ болѣзней, денегъ нѣтъ и пр. Все это соображенія мелкодонныхъ, слабыхъ душъ и крайне близорукихъ политиковъ. Вѣдь все же придется воевать, только при худшихъ условіяхъ. Конгресъ создаетъ положеніе невозможное, при которомъ мира не будетъ, а протянется до войны, можетъ быть немалое время, вооруженный миръ: состояніе самое разорительное для финансовъ, самое пагубное для торговли, самое вредное въ санитарномъ отношеніи для арміи, самое деморализующее для духа.

Наконецъ есть la raison majeure [2]), предъ которымъ все умолкаетъ: это вопросъ чести и совѣсти....

Просто жить стыдно. Нѣтъ мужика въ Россіи, который бы не негодовалъ. Хоть бы это приняли въ соображеніе! Особенной выгоды для правительства отъ скопленія негодованія въ народной душѣ я не усматриваю. Обнимаю тебя сердечно. Ив. Аксаковъ [3]).

---

[1]) Все утрачено кромѣ чести. Ничто не утрачено кромѣ чести.

[2]) Высшій поводъ.

[3]) Рѣчь Аксакова о Берлинскомъ конгрессѣ, нынѣ напечатанная въ собраніи его сочиненій, разошлась, въ самый день ея произнесенія, во многихъ спискахъ и черезъ самое короткое время попалась за границей въ переводахъ на разные языки. Самъ онъ оставался въ Москвѣ, гдѣ расположился на новой квартирѣ (въ домѣ Бѣлкиной, на углу Молчановки и Борисоглѣбскаго переулка). Въ концѣ Іюля или въ началѣ Августа пріѣхалъ

Библиотека "Руниверс"

8.

15 Февраля 1884.

Нѣтъ, любезный другъ, статьѣ Соловьева[1]) я не могу сочувствовать, и только что писалъ Кирѣеву, выражая мнѣніе, что въ органѣ цѣлаго учрежденія, подобнаго Славянскому Обществу, въ которомъ не предполагается *раздѣленія на ся*, помѣщать такой статьи не слѣдовало. Я отказалъ ему въ нынѣшнемъ году въ помѣщеніи статей и вообще совсѣмъ махнулъ на него рукою, но намѣренъ, если успѣю, написать о немъ въ слѣдующемъ № статью, какъ по поводу его статьи въ «Извѣстіяхъ», такъ и по поводу помѣщенныхъ въ «Руси». Онъ человѣкъ совершенно отвлеченный, діалектикъ; для него важенъ только формально-логическій выводъ, а тамъ pereat mundus[2])! Въ концѣ концовъ его широкій и возвышенный идеалъ выходитъ и крайне *узокъ*, и *дешевъ*. Идеалъ сходитъ на представленіе о *внѣшнемъ* единствѣ, о внѣшней *дисциплинѣ* во образѣ *холопства* папѣ, даже современному, т. е. носителю идеи средневѣковаго папизма; дешевъ же идеалъ потому, что въ сущности у него нѣтъ живого, сердечнаго, бытоваго и личнаго отношенія къ вѣрѣ православной и Церкви, нѣтъ и живаго чувства народности: разсчитываться ему не съ чѣмъ, и ничѣмъ жертвовать ему не приходится.

Леонтьевъ очень большой его пріятель и съ нимъ ежедневно видится у графини Толстой. Дѣло вѣдь тамъ идетъ о томъ, чтобы Вла-

---

я къ нему и, не заставъ дома, отправлялся назадъ, какъ увидѣлъ его возвращавшаго домой *прямо отъ генералъ-губернатора, сообщившаго ему, что онъ не можетъ дольше жить* въ Москвѣ и что ему предоставляется выбрать себѣ мѣсто жительства. Онъ и супруга его приняли это извѣстіе съ полнымъ спокойствіемъ и благодушіемъ. На станцію Троицкой желѣзной дороги собралось много почитателей Аксакова проводить его. Дорога находилась въ распоряженіи Саввы Ивановича Мамонтова, который предоставилъ отъѣзжавшимъ особый поѣздъ, дабы оградить ихъ отъ соглядатайства и подслушанія разговоровъ. Аксаковы поселились въ имѣніи Екатерины Ѳедоровны Тютчевой, селѣ Варваринѣ, близъ города Юрьева Владимирской губерніи. Деревенская жизнь была по душѣ изгнаннику, и поэтическое вдохновеніе снова его осѣнило: изъ Варварина присылалъ онъ мнѣ прекрасныя свои стихотворенія. Позднею осенью этого же года, Государь, возвращавшійся изъ Крыма, спросилъ выѣхавшаго къ нему на встрѣчу въ Клинъ князя В. А. Долгорукаго (въ вѣдѣніи котораго была и Владимирская губернія): Ну что нашъ enfant terrible? и получивъ отвѣтъ, что онъ живетъ себѣ спокойно, приказалъ объявить ему свободу. Въ Крыму слышали отъ него слова: „Докажу, что умѣю держать знамя Россіи и не въ Аксаковской рукавицѣ". П. Б.

[1]) Владиміръ Сергѣевичъ. Онъ, по кончинѣ своего родителя (ненавидившаго Славянофиловъ, какъ видно изъ его Записокъ) нѣкоторое время сближался съ Аксаковыми, и Анна Ѳедоровна даже благословила его иконою. Позднѣе, въ Петербургѣ прочиталъ онъ рѣчь въ память Ѳ. И. Тютчева. Бабушка его по матери Бржестская—Католичка. П. Б.

[2]) Т. е. гибни свѣтъ! П. Б.

Библиотека "Руниверс"

димиру Сергѣевичу поять пущеницу [1]). Жалокъ онъ. Потомъ Леонтьевъ, при всемъ своемъ дарованіи, такого рода человѣкъ, который своимъ фанаріотствомъ способенъ компроментировать и Бога, и Церковь, и вѣру. Они оба помѣшаны на «политикѣ» и «икономіи» въ области религіи; одинъ хлопочетъ о папѣ, другой о патріархѣ, въ которомъ видитъ Восточнаго папу.

Прощай, любезный другъ. Прочти мою статью въ № 15 Февраля о судахъ: въ качествѣ правовѣда я вспоминаю старые уголовные. Твой Ив. Аксаковъ.

Ужъ не Иванъ ли Давыдовичъ Деляновъ [2]) сдѣлалъ распоряженіе, чтобы попечители Виленскій и Кіевскій, Сергіевскій и Голубцовъ не дозволяли въ округѣ выписывать «Русь»? Мнѣ пишутъ оттуда и жалуются. А это вѣдь 10 губерній.

9.

3 Февраля 1885.

Спасибо тебѣ, любезный другъ Константинъ Петровичъ, за скорый отвѣтъ на мои письма, а также и за исполненіе нѣкоторыхъ просьбъ моихъ. Если посланіе отъ Синода къ Рыльской паствѣ по поводу Кирилла и Меѳодія будетъ написано тобою, то оно будетъ хорошо написано, можетъ быть слишкомъ тонкимъ перомъ, но во всякомъ случаѣ тепло и искренно. Если же оно будетъ написано, ну какъ послѣднее посланіе о штундѣ изъ Кіева, то это будетъ мѣдь звенящая и кимволъ брящающій.

Что мнѣ дѣлать съ твоимъ Никаноромъ [3])? Лѣзетъ на меня и задираетъ; я изъ уваженія къ его святительному сану молчу, деликатничаю, а онъ мое молчаніе торжествуетъ какъ побѣду. Онъ безспорно человѣкъ замѣчательный и ученостью, и искренностью убѣжденій, и даже своеобразною талантливостью; но онъ не только чудакъ, но съ придурью.

Четыре года назадъ упомянулъ я въ «Руси», что очень смущаетъ многихъ форма присяги: «клянусь *Богомъ*» и что желаютъ вставки слова *передъ*. Я въ то время и тебѣ писалъ объ этомъ. По этому поводу, но года черезъ два (1 Марта 1883 г.) держалъ Никаноръ рѣчь въ Уфѣ,

---

[1]) Супругу М. А. Хитрова.

[2]) Находившійся не только подъ вліяніемъ, но и подъ давленіемъ своего университетскаго товарища М. Н. Каткова, также какъ и графъ Д. А. Толстой подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ П. М. Леонтьева, который былъ ему товарищемъ по Дворянскому въ Москвѣ Институту. П. Б.

[3]) Коего Записки украшаютъ собою „Русскій Архивъ“ 1906 года. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

гдѣ разными филологическими справками и всяческою ученою рухлядью доказывалъ, что клясться Богомъ велѣлъ самъ Богъ, и не клясться Богомъ величайшій грѣхъ. Прислалъ мнѣ кто-то эту рѣчь (мнѣ показалось, что ты), я прочелъ, пожалъ плечами, подумалъ: «ради чего гибель сія бысть?» т. е. гибель эрудиціи, логики, философіи, и оставилъ дѣло въ покоѣ.

13 сего Января дернуло неугомоннаго Никанора выступить на публичномъ актѣ въ Одессѣ опять съ этою самою рѣчью «противъ *лжеученія* Аксакова», къ великому общему скандалу (какъ мнѣ пишетъ сестра Марья Сергѣевна, жена предсѣдателя Судебной Палаты Гражданской). Затѣмъ «Новороссійскій Телеграфъ» излагаетъ съ восторгомъ эту «бесѣду», перепечатываетъ въ подлинникѣ слова Никанора о томъ, что я своимъ «лжеученіемъ, самоумнымъ и невѣжественнымъ», «смущаю совѣсть Русскаго народа въ глубинѣ] ея отношеній къ церковно-государственной присягѣ», и прибавляетъ, что «лучшимъ доказательствомъ несостоятельности лжеученія Аксакова служитъ, что экземпляръ рѣчи былъ доставленъ г. Аксакову, *но никакого возраженія противъ доводовъ пр. Никанора не послѣдовало, нападки же на формулу присяги прекратились.*» Положеніе выходитъ преглупое.

Мнѣ все нездоровится, надорвался немного отъ работы. Начинаю страдать удушьемъ отъ недостатка гимнастики легкихъ, какъ говорятъ доктора, и все отъ неподвижной жизни (не отъ сидячей, ибо я никогда не сижу, а работаю стоя, нагнувшись). Доктора требуютъ, чтобы я отдохнулъ, и я намѣренъ въ концѣ Марта пріостановить изданіе мѣсяца на 3 или 4 и отправиться съ женою въ Крымъ. На будущее же время буду издавать газету 8-ми мѣсячную, прекращая ее на 4 мѣсяца лѣтнихъ.

Такъ какъ газета не даетъ мнѣ ни *полушки* барыша, и вся забота моя въ томъ, чтобъ она сама собою окупалась, то мнѣ такія распоряженія дѣлать возможно, пока не будетъ уже прямаго дефицита.

Твой Ив. Аксаковъ.

10.

Москва, 25 Февр. 85.

На дняхъ, въ концѣ недѣли, 2 Марта не позднѣе, уѣзжаемъ мы съ женою въ Крымъ. Доктора опрѣдѣляли мою болѣзнь какимъ-то припадкомъ «ангинознаго свойства», называли также амфиземой, но теперь острое состояніе прошло; даже сердце, которое, по свидѣтельству

Библиотека "Руниверс"

ихъ молотковъ, сдвинулось съ мѣста, расширилось, ослабѣло въ дѣятельности, теперь, благодаря лѣкарствамъ, поспѣшно ретируется въ свои предѣлы. Такъ или иначе, но я могу теперь, не по прихоти, а по приговору докторовъ, стало быть съ покойною совѣстью, вкусить покоя и предаться законному far niente [1]).

Ты не испыталъ этой муки, а потому не можешь знать и цѣны этой сластолюбивой нѣгѣ: *не* писать передовыхъ статей въ урочные часы, къ сроку, не писать когда писать не хочется, не горячиться обязательно и періодически, когда на сердцѣ совсѣмъ ледъ или хочется спать! Обо мнѣ теперь жалѣть нечего: я самый счастливѣйшій изъ смертныхъ. Правда и то, ничего такого кругомъ и не совершается, что̀ настолько бы отъ тебя *зависѣло*, что не принимать въ немъ участіе было бы тяжко для совѣсти.... Очень забавно положеніе здѣшняго Германскаго консула Бартельса (человѣка къ тому же ограниченнаго). Ему велѣно проникнуть въ смыслъ пріостановки «Руси». За границей нѣтъ газетъ, которыя были бы только *личными* органами редакторовъ, всѣ онѣ—органы партій; какъ же это «Русь» объявляетъ себя *личнымъ органомъ*? Вѣдь она органъ «du vieux parti moscovite [2]), панславизма и пр.

Я уѣзжаю, но въ Москвѣ вдругъ спохватились, что она, Москва, совершенно выключена изъ общаго Всероссійскаго празднества 6 Апрѣля. Митрополитъ Іоанникій—какой-то чудакъ, сухой аскетъ, *празаикъ*, даже не поэтъ и не идеалистъ; ему и горя мало, исторія вообще для него цѣны не имѣетъ. На него возлагать надежды на церковную и историческую честь Москвы нечего. Какой-то гласный изъ купцовъ поднялъ сей вопросъ въ Думѣ. Предлагаютъ поставить часовыхъ на Красной площади. Любители стáриннаго пѣнія хотятъ пропѣть обѣдню именно IX вѣка. Образуется комитетъ для организаціи празднества, и сей комитетъ думаетъ вызвать чрезъ газеты бывшихъ членовъ Славянскаго Общества съ тѣмъ, чтобъ ходатайствовать о возобновленіи Общества. Такъ какъ меня въ Москвѣ не будетъ въ это время, да и «Руси» нѣтъ, то предполагаютъ, М-во Ин. Дѣлъ противиться не будетъ. А ты пособи. Вообще, любезный другъ, постарайся внушить митрополиту значеніе этого дня и значеніе Москвы; растолкуй ему, что мы, *Россія*, существеннѣйшій плодъ дѣла Кирилло-Меѳодіева, ими созданное *единство*, единство высшаго качества, не племенное лишь, а *словесное* и религіозное или церковное. Наши ученыя общества—историческія, филологическія, уни-

[1]) Т. е. ничего недѣланью. П. Б.

[2]) Т. е. старой Московской партіи. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

верситеты, академіи, всѣ должны бы чествовать насадителей просвѣщенія, творцовъ письменности Русской. Дураки! Празднуютъ юбилей 50-ти лѣтній статеекъ Бѣлинскаго! Объ этомъ журналы писали. Вообще, любезный другъ, ты постарайся, чтобы Москва не опозорилась. Это не для Москвичей нужно (они большею частію дрянь), а это требуется историческимъ чувствомъ, сохраненіе и воспитаніе котораго въ сердцахъ—условіе нашего спасенія.

Отыми твою покровительственную руку отъ творца «Разбойника Чуркина»... Неужели вы тамъ и въ самомъ дѣлѣ сопричисляете N. и N. N. къ факторамъ консервитизма, политической ассенизаціи и т. д.? Во время оно Тимашевъ видѣлъ цѣленіе противъ нигилизма въ танцовальныхъ классахъ и кафе-шантанахъ. N. N.—это истинная гадина, цѣлующая публично руки у генералъ-губернатора и кадящая печатно Каткову, за что вами въ Петербургѣ признанъ спасителемъ отечества. Я имѣлъ доказательство, что онъ шантажистъ. Истинно, вы себя срамите въ Петербургѣ покровительствомъ, оказываемымъ N—ву. Посылаю тебѣ Чуркина. Онъ первоначально появился у N. (и имъ составленъ), а потомъ, съ его разрѣшенія, воспроизведенъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ: есть пространное въ 5 рублей и есть маленькое въ 25 к. Обнимаю тебя. Твой И. Аксаковъ.

11.

12 Апрѣля 1885. Ялта.

Пишу тебѣ сидя на балконѣ, хотя вѣроятно я единственный изъ здѣшнихъ жителей и посѣтителей, который такъ спѣшитъ воспользоваться благосклонностью здѣшней весенней погоды. Теперь утро, довольно тихо, небо безоблачно, и солнце такъ еще не жгуче, что подъ его лучами сидѣть только пріятно *). Боюсь только, что теперешнее вёяніе разыграется въ вѣтеръ, и настолько прохладный, что подобныя фамильярныя отношенія къ природѣ окажутся неудобными.

Получилъ вчера разомъ два твоихъ письма и преисполнился благодарности, хотя и знаю, что нѣтъ человѣка въ мірѣ, которому бы такъ легко давался самый процессъ писанія, равно какъ и чтенія, который бы такъ легко успѣвалъ дѣлать не только при множествѣ обязательныхъ работъ, но и при суетѣ неразлучной съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ и вообще со столичной жизнью. Нельзя не придти въ умиленіе, читая описанія совершавшихся празднествъ. Скуднѣе всего было оно въ Москвѣ, т. е. какъ спеціальное празднованіе: крестные

*) Покойный Великій Князь Константинъ Николаевичъ находилъ, что весна въ Крыму еще лучше осени. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ходы въ ней дѣло обыкновенное, и ходъ въ Апрѣлѣ мало чѣмъ отъ нихъ отличался. У насъ въ Москвѣ все скрашиваетъ масса простонародья—это море головъ! Но общество блистало своимъ отсутствіемъ. Кромѣ дочери князя Ник. П. Мещерскаго, которой письмо къ матери сюда я читалъ, не было ни одной дамы; лавки (и кабаки тоже) закрыты не были. За то въ Кіевѣ, по описанію моей сестры Софьи Серг., учинившей собственоручно цѣлое облаченіе митрополиту Михаилу и посохъ съ вышитыми изображеніями Кирилла и Меѳодія, въ Кіевѣ было чудно. Я могу судить объ этомъ по крестному ходу къ памятнику Владимира, бывающему 15 Іюля. Тамъ участвовали и войска, и знамена полковъ по пути присоединялись къ крестному ходу. А путь по Кіевскимъ горамъ, при свѣжей зелени, при полноводьѣ Днѣпра, подъ безоблачнымъ сіяющимъ небомъ!

Я имѣлъ намѣреніе съѣздить на этотъ день въ Херсонесъ, не смотря на скверную, т. е. на холодно-вѣтреную погоду (вѣтеръ былъ ужасный съ моря), но по совѣту здѣшняго священника снесся съ архимандритомъ, который меня извѣстилъ, что въ Херсонѣ ни архіерейской службы, никакого съѣзда и никакого особаго торжества не полагается. Поэтому ѣхать туда за 80 в. было бы уже слишкомъ сентиментально, хотя графиня А. Д. Блудова вѣрно бы это учинила. Здѣсь въ Ялтѣ, среди пестраго населенія, отпраздновали сколько могли торжественнѣе: тоже процессію учинили къ часовнѣ на набережной, въ прогимназіи актъ съ рѣчами учителей (и очень недурными). и т. д.

Отрадна была мнѣ вѣсть о присутствіи Царя на молебнѣ. Это произведетъ сильнѣйшее впечатлѣніе на міръ Славянскій. Наша правда вышла наружу сама собою и посрамила Латинскую ложь. Да и какъ посрамила! Думаю, что для самой Россіи день этотъ не пройдетъ даромъ. Праздникъ этотъ—праздникъ самосознанія, вновь напомнившій и утвердившій, по крайней мѣрѣ въ области мысли и знанія, основы нашей національной жизни, духовную сущность нашей народности. Дивное дѣло: народное самосознаніе преподано намъ въ очищенномъ, освященномъ, оправданномъ видѣ, какъ бы въ скорлупѣ высшаго сознанія христіанскаго, стало органически-нераздѣльно съ понятіемъ и чувствомъ всечеловѣческаго о Христѣ братства. Оттого въ Русскомъ народѣ никто и не называетъ себя «Русскимъ», а «хрестьянинъ»*) или «православный»; оттого она и «Святая Русь», оттого въ ея поэзіи звучатъ такіе мотивы, какихъ нѣтъ въ поэзіи иноплеменной. Когда-

*) Покойный Н. М. Павловъ производилъ это слово отъ „хрести“, указывалъ на Санскритскій его корень и отожествлялъ его со словомъ пахарь. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

нибудь печатно я укажу на явленія, постоянно пропускаемыя нашей критикой, хотя они собственно и представляются наиболѣе оригинальными явленіями Русскаго поэтическаго слова. Укажи ты мнѣ, въ какой поэзіи иноплеменной призывается страна къ покаянію, къ смиренію, и призывъ этотъ внушенъ духомъ великаго патріотизма? Въ какой литературѣ поэтъ остерегаетъ свое отечество не обольщаться своимъ вселенскимъ величіемъ и силой и говоритъ ему, какъ Хомяковъ:

Не вѣрь, не слушай, не гордись....

Гдѣ поэтъ ставитъ своей землѣ такіе идеалы:

Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится...

Гдѣ поэтъ воспѣваетъ *смиреніе*, подобно какъ въ этой строфѣ:

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ красотѣ твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной, и проч.

Ничего оригинальнѣе этихъ мотивовъ нѣтъ во всей Русской поэзіи, и этою оригинальностью отличается она отъ поэзіи иновѣрной.

12.

15 Апр. 1885. (Ялта).

Сейчасъ прочиталъ въ «Новомъ Времени» свою телеграмму Петербургскому Славянскому Обществу, въ искаженномъ видѣ, такъ что и смысла не выходитъ. Неужели такъ ее и прочли въ торжественномъ засѣданіи?! У меня было сказано: «привѣтствую съ настоящимъ торжествомъ» нашего Славянскаго самосознанія, «воздвигнутаго (описка моя, вмѣсто: созижденнаго) подвигомъ св. Кирилла и Меѳодія на основѣ сознанія высокаго, на основѣ вселенскаго христіанскаго братства». Напечатали «воздвигнутаго». Выходитъ, что подвигъ воздвигнутъ или торжество воздвигнуто. Впрочемъ, еслибъ я зналъ, что телеграммы будутъ читаться, я бы постарался сильнѣе выразиться.

Относительно Училища Правовѣдѣнія, можетъ быть, я и не совсѣмъ правъ, т. е. сужу по субъективнымъ впечатлѣніямъ. Моимъ постояннымъ однолавочникомъ, бокъ-о-бокъ, былъ будущій извѣстный шулеръ... нахалъ страшный. Немного лучше его были и... Вообще я чувствовалъ себя нравственно съеженнымъ. Первый годъ я со всѣми ими дрался, потомъ сталъ соблюдать политику. Ну да теперь можно отнестись и объективно.

Библиотека "Руниверс"

Нынче чудный день. Море словно ластится къ берегу. Ничего я такъ не люблю, какъ море, когда оно становится кроткимъ, его мощь и величіе—ласковыми. Прощай... Неужели быть *теперь* войнѣ? Она неизбѣжна, но хорошо, еслибъ можно было ее отстрочить; ибо мы не готовы, ибо эта война съ Англіей обратится въ войну со всей Европой. Твой Ив. Аксаковъ.

13.

6 Мая 1885. Ялта.

Спасибо тебѣ, что, какъ ты ни занятъ, ты все-таки находишь время написать мнѣ, да еще помнишь о такомъ обстоятельствѣ, которое, хотя оно не лишено для меня интереса, само по себѣ болѣе чѣмъ не важно. Разумѣется, мнѣ любопытно было бы взглянуть на альбомъ Церпинскаго, сохраняющійся у О. И. Квиста (котораго я не видалъ со времени Училища) и на мой первый литературный опытъ, должно быть ужаснѣйшій вздоръ! Но какъ же это сдѣлать? Согласится ли онъ переслать его мнѣ въ Москву? А самъ я едва ли попаду скоро въ Петербургъ. Жаль, что бумаги Церпинскаго оставались до сихъ поръ не разобраны. Онъ писалъ и по-русски, и по-польски; по-русски, кажется, только шуточное. Еще въ училищѣ ходили по рукамъ его поэмы, и въ памяти моей остались два стиха:

Погибшій братъ, погибшій братъ,
Ты скоро будешь чорту сватъ! *) и т. д.

и также «Афоризмы Свѣчина», несчастнаго Свѣчина, который былъ мишенью для его насмѣшекъ. Но вполнѣ задушевны и наиболѣе содержатъ въ себѣ таланта, полагаю, его Польскія произведенія. Ихъ стоило бы показать какому-нибудь Поляку. Я сужу по той драмѣ, содержаніе которой онъ мнѣ разсказывалъ. Тутъ тотъ же мистицизмъ, фантастичность, страстно-религіозное вѣрованіе въ Польшу, какъ въ послѣдніе годы у Мицкевича, какъ у Красинскаго, и отождествленіе католицизма съ полонизмомъ. Все это носило на себѣ характеръ болѣзненности, но и сильной талантливости, такъ что, не уступая ничего изъ нашей Русской правды, я невольно проникался чувствомъ искренняго участія и соболѣзнованія.

Дня черезъ три мы оставляемъ Крымъ, къ великому утѣшенію моей жены, которая сильно его не валюбила (о чемъ и проситъ передать твоей супругѣ, будто бы, по словамъ Анны Ѳедоровны, также не благоволящей къ Крыму). Но женѣ моей, по причинѣ ея нервности, близкое наше помѣщеніе къ морю было дѣйствительно вредно. Она

*) Это, если не ошибаюсь, относилось къ Шнейдеру, профессору Римскаго права.

Библиотека "Руниверс"

истинно страдала отъ этого вѣчнаго стона волнъ. Я и самъ радъ оставить брега Тавриды, гдѣ чувствуешь себя не дома, а на какой-то станціи, гдѣ поневолѣ празденъ и становишься добычей праздныхъ и полубольныхъ знакомыхъ, словно на какихъ-либо водахъ. Даже и Оріанда не оставляетъ меня въ покоѣ *). Тяжелое впечатлѣніе производитъ, à la longue, пустынность и безжизненность — въ смыслѣ *мѣстной*, такъ сказать натуральной жизни. Ея совсѣмъ почти нѣтъ; безлюдны, унылы и сиры тянутся десятки верстъ: Массандры, Верхняя и Нижняя, Ливадія, Эрикликъ, Гаспра, Верхняя Оріанда, Алупка и т. д., эти роскошные сады, созданные артистическою барскою прихотью и теперь заброшенные, а между тѣмъ вытѣснившіе мѣстную жизнь, завладѣвшіе всѣми горными ручьями къ ущербу природнаго населенія, также очень скуднаго, рѣдкаго. Богатые бары смѣняются богатыми купцами, которые даже артистическаго ничего не вносятъ, а накладываютъ на все пошлую печать *своей* цивилизаціи, *своего* вкуса, современнаго. Ну, повадились сюда ѣздить Московскіе купцы, такъ хоть бы церковь въ городѣ поставили: это было бы выгоднымъ для нихъ отличіемъ отъ кн. Воронцова, построившаго мечеть. Нѣтъ, Губонинъ строитъ гостинницу по типу казармы (не для пріѣзжихъ вообще, а только для своихъ знакомыхъ).

У насъ есть предположеніе на возвратномъ пути, если здоровье Анны Ѳедоровны позволитъ, завернуть на Святыя Горы. Отъ Лозовой по Харьковско-Азовской дорогѣ всего три часа до Славянска, гдѣ, такъ какъ это мѣсто лѣчебное, есть и гостинницы, и экипажи (и на лѣтній сезонъ даже газеты). Отъ Славянска до Св. Горъ верстъ около 30. Говорятъ, это мѣсто дивное. Но надо спѣшить, чтобы, отбывъ весну здѣшнюю, успѣть захватить нашу Русскую весну съ ея сиренью, ландышами, соловьями. Такъ какъ войны теперь не будетъ, то я ранѣе Августа или Сентября не возобновлю газеты. Твой Ив. Аксаковъ.

14.

26 Мая 1885 года. С. Спасское.

Сегодня утромъ пріѣхалъ ко мнѣ М. Н. Лопатинъ изъ Волынскаго по сосѣдству и привезъ твое письмецо, любезнѣйшій другъ Константинъ Петровичъ. Очень тебѣ благодаренъ буду, если вышлешь мнѣ мои литературные опыты 1846 г. (если только они точно мои: до такой степени всякій слѣдъ ихъ исчезъ изъ моей памяти). Уже не брата ли моего Константина это статьи, такъ какъ онъ, будучи семью годами меня старше и въ то время уже магистрантъ, т. е. выдержавшій экза-

*) Великій Князь Константинъ Николаевичъ изволилъ угощать И. С. Аксакова трапезою въ скромномъ домикѣ своемъ возлѣ сгорѣвшей Оріанды. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

менъ на магистра, но еще не написавшій диссертаціи, писалъ и печаталъ кое-какія статейки? Если пошлешь, то адресуй ихъ на мое имя *въ редакцію «Руси»*. Адресъ этотъ, извѣстный почтамту, теперь самый надежный, такъ какъ квартиру у Троицы въ Зубовѣ мы покинули (срокъ вышелъ, и хозяйка приступила къ перестройкѣ дома), наняли новую во флигелѣ дома кн. Голицына *) противъ самаго Храма Христа-Спасителя, окнами на самый храмъ. Но новая квартира еще отдѣлывается, красится и т. д., и мы въ обладаніе ею еще не вступили, а переѣхали прямо на дачу, которую удалось намъ тотчасъ же нанять. Это впрочемъ не дача, а усадьба села Спасскаго, принадлежавшаго когда-то боярину *Артамону Матвѣеву*. Имъ и церковь выстроена, въ ней и старинный образъ Св. Мученика Артамона. Тутъ останавливался и завтракалъ Наполеонъ, когда шелъ въ Москву. Она на 10-й верстѣ по Дорогомиловскому шоссе; да кромѣ того можно ѣхать и по желѣзной дорогѣ, Московско-Брестской, до Кунцевскаго полустанка, оттуда ¼ ч. ѣзды до Спасскаго по шоссе. Тутъ такая роскошь двухсотлѣтнихъ липъ, окаймляющихъ аллеи, предъ которою тускнѣютъ всѣ прелести Крымской растительности. Письма и телеграммы посылаются прямо на Кунцевскій полустанокъ Московско-Брестской жел. дороги и по условію со сторожемъ тотчасъ мнѣ доставляются.

У меня къ тебѣ имѣются просьбы или ходатайства или нѣчто въ родѣ докладныхъ записокъ.

Во 1-хъ, на счетъ Севастополя. Мы были тамъ въ Троицынъ день. Анна Ѳедоровна хотѣла непремѣнно отслужить панихиду на Братскомъ кладбищѣ (гдѣ церковь выстроенная Авдѣевымъ); но это можно было исполнить не иначе, какъ пригласивъ священника изъ города съ причетникомъ и перевезя ихъ съ собою черезъ бухту въ катерѣ. Это и хлопотно, и дорого стоитъ. А между тѣмъ первое побужденіе всякаго Русскаго пріѣзжаго *изъ простонародья* помолиться «за убіенныхъ». Этимъ еще и памятенъ Севастополь въ народѣ, что сотни тысячъ Русскихъ легли здѣсь его защищая, и нужно, чтобы память ихъ продолжала чтиться въ народѣ; такая память пользуетъ народной душѣ. Но нужно народу и облегчить сохраненіе такой памяти. Церковь есть, и прекрасная, которая видиѣется за много верстъ; при церкви имѣется и домъ для причта, но никто въ немъ не живетъ. По нѣкоторымъ праздникамъ совершаютъ здѣсь службу, но не по всѣмъ; а между тѣмъ, будь здѣсь постоянно причтъ—служить панихиды войдетъ въ обычай для пріѣзжихъ. Вся бѣда отъ того, что церковь состоитъ не въ епархіальномъ

*) Надъ конюшнями. Тутъ Аксаковъ и скончался 27 Января слѣдующаго 1886 г. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

вѣдомствѣ. Прежде она принадлежала Морскому вѣдомству, а потомъ В. Кн. Константиномъ передана Инженерному вѣдомству. У Инженернаго же вѣдомства своихъ священниковъ лишнихъ нѣтъ, а морскіе считаютъ для себя службу тамъ необязательною, хотя, впрочемъ, они же отправляютъ тамъ службу по праздникамъ. Все это такъ дико слышать. А какое сильное впечатлѣніе производитъ этотъ некрополь спеціальнаго рода, эта усыпальница *храбрыхъ*, которые *всѣ* погибли за насъ, за Россію, отстаивая ея честь и цѣлость, исполняя священный долгъ; какъ краснорѣчиво говорятъ эти общія *братскія* могилы, гдѣ похоронено столько *нижняго чина*, этихъ безымянныхъ жертвъ, которыхъ имена вѣдомы лишь Богу! Благодаря Тотлебену, разведенъ здѣсь садъ и быстро принялся. Когда я былъ тамъ, молодая *живая* зелень вилась и благоухала около могилъ.

Нельзя ли этому горю пособить?

Во 2-хъ, по пріѣздѣ узналъ я, что митрополитъ Сербскій Михаилъ, по приглашенію твоему, готовъ былъ бы принять въ свое вѣдѣніе Сербское подворье и пріѣхалъ бы сюда, но онъ счелъ приличнымъ предварительно написать о томъ Іоанникію и вотъ уже мѣсяцъ, какъ не получаетъ отъ послѣдняго никакого отвѣта. Я этого самъ не провѣрялъ, но думаю, что отъ Іоанникія этого станетъ. При всѣхъ своихъ достоинствахъ аскета и дѣльца, онъ куда какъ не пригожъ для Москвы: никакой исторической фибры въ себѣ не имѣетъ. Да я полагаю ему и его викаріямъ вовсе и нежелательно присутствіе митрополита Сербскаго. Все же вѣдь митрополитъ! Ты бы хоть Ив. Никол. Рождественскому препоручилъ Михаила.

3. По письмамъ, получаемымъ Давидовичемъ [1]) отъ директоровъ учительскихъ семинарій и народныхъ училищъ Кіевскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ, видно, что они находятъ сочиненія Наумовича въ высшей степени полезными для своего края. Я говорилъ Давидовичу, чтобы онъ послалъ въ Ученый Комитетъ свою книжку для того, чтобъ Министерство занесло ее въ разрядъ одобренныхъ или даже «рекомендованныхъ». Не можешь ли, при случаѣ, сказать Делянову, чтобъ онъ рекомендовалъ ее отъ себя попечителямъ округовъ? Прилагаю письмо директора Учительской Семинаріи въ г. Острогѣ, Богатинова [2]).

4. И еще прилагаю письмо казака Ашинова. Когда удосужишься, прочти. Онъ проситъ меня вновь просить тебя о заступничествѣ. Дѣло

[1]) Давидовичъ—сотрудникъ И. С. Аксакова по изданію „Руси“. П. Б.

[2]) См. Воспоминанія Н. Д. Богатинова въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 года. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

о заселеніи казаками Кавказскаго побережья все не выгораетъ. На дняхъ Катковъ упомянулъ о томъ съ негодованіемъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Вѣдь это, право, стыдно. Война у насъ на носу, не сегодня, такъ завтра, а мы по прежнему оставляемъ побережье беззащитнымъ. Знаю, что Ашиновъ плутъ, но плутъ умный и во всякомъ случаѣ Русскій, историческаго склада. Но знаю и то, что «высокая цивилизація» нашего Генеральнаго Штаба весьма презрительно относится къ казачеству. Письмо это писано подъ диктовку Ашинова и имъ подписано.

Вотъ какое длинное письмо! Прощай, обнимаю тебя. Я совсѣмъ поправился, сталъ лучше, чѣмъ годъ назадъ, но женѣ Крымъ былъ не въ пользу. Твой Ив. Аксаковъ.

Если посылка по почтѣ тебя затруднитъ, то можно бы переслать ее мнѣ черезъ Дарью Ѳедоровну *), пока она еще въ Петербургѣ.

15.

12 Іюня 1885.

Спасибо тебѣ, любезный другъ за доставку пакета отъ Квиста. Точно, оказалось четыре моихъ произведенія, изъ которыхъ объ одномъ, именно о «разговорѣ» на счетъ народной литературы, я совершенно забылъ. Онъ отражаетъ въ себѣ зачинавшіеся въ Москвѣ толки Славянофильскаго характера, а съ Москвою я не переставалъ быть въ живыхъ отношеніяхъ. Но все это выражено дѣтски-наивно. Изъ Горація я дѣлалъ много переводовъ и переложеній, отчасти даже изъ Овидіева Ars amandi, что̀ не мѣшало мнѣ получать большей частію посредственный балъ у Брамма. Стихотвореніе въ классномъ альбомѣ, подписанное «не отъ міра сего», также мое. Были написаны двѣ комедійки, одна со стихами изъ классной жизни, уничтоженная мною, когда ея у меня потребовалъ Бераръ, за что мнѣ сбавили балъ въ поведеніи («за скрытность») вслѣдствіе чего только неимовѣрными усиліями въ послѣднемъ классѣ удалось мнѣ выйти 9-мъ классомъ, наверставъ итогъ высокими балами за ученіе. Тутъ, въ классномъ альбомѣ, есть недурной отрывокъ записокъ 1862 г. князя Дмитрія Оболенскаго, представляющаго во что̀ имѣютъ обратиться черезъ 20 лѣтъ многіе изъ правовѣдовъ: изображенъ лѣнивый, обрюзгшій, сладострастный тунеядецъ-помѣщикъ. Но черезъ 20 лѣтъ уже было совершено освобожденіе крестьянъ!.. Изъ авторовъ, произведенія которыхъ присланы, въ живыхъ только я, да, кажется, Кудрявцевъ. Пожалуйста, скажи О. И. Квисту, что я благодарю его отъ всей души.

*) Тютчеву, вторую свояченицу И. С. Аксакова. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Митрополитъ Михаилъ пишетъ (не мнѣ, впрочемъ), что получилъ самое любезное и «деликатное» письмо отъ Іоанникія, къ которому онъ, по правиламъ іерархической вѣжливости, призналъ нужнымъ обратиться спеціально «за благословеніемъ». Но Михаилъ прибудетъ не ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ, такъ какъ пьетъ Эмсъ и отправился для сего въ Китаевскую пустынь. Поясняютъ, что доктора предписали ему мясной бульонъ, который вкушать въ Кіевѣ онъ не дерзнетъ. Ужасно жаль этихъ архіереевъ: не смѣй ходить пѣшкомъ, не смѣй ѣхать въ пролеткѣ, а непремѣнно въ каретѣ! А держать карету въ Москвѣ на 3 т. р. жалованья развѣ можно? Подворье же въ долгу какъ въ шелку.

Наше Спасское дѣйствительно то самое, подлѣ котораго дача Ровинскаго. Онъ ее продалъ Барановской, урожденной Сабашниковой, женѣ Александра Ивановича, оставивъ себѣ лишь 4 десятины, на которыхъ строитъ новый домъ. Твой Ив. Аксаковъ.

16.

30 Іюня 1885.

Очень тебѣ благодаренъ, любезный другъ, за указаніе на статьи «Вѣра и Разумъ»; непремѣнно прочту ихъ. «Русь» мѣнялась на этотъ журналъ, какъ обыкновенно водится въ редакціяхъ, но по случаю пріостановки «Руси» Редакція «Вѣры и Разумъ» перестала присылать свое изданіе. Приходится на 1-ое полугодіе подписаться, т. е. заплатить деньги, а на 2-ое потребовать обмѣна, что̀ я и велѣлъ сдѣлать.

Митрополитъ Михаилъ, какъ мнѣ пишутъ изъ Кіева, остается на Іюль еще тамъ ради лѣченія. Оно и лучше для Москвы; еще лучше, если бы онъ отложилъ пріѣздъ до Сентября, а то теперь никого нѣтъ. Лѣтомъ, ты знаешь, всѣ эгоисты, особенно по такой жарѣ, какая теперь. А съ нимъ надобно быть осторожнымъ. Оскорбленный до мозга въ костяхъ своею судьбою, онъ сталъ еще чувствительнѣе, чѣмъ прежде, готовъ видѣть всюду пренебреженіе, и если не станетъ жаловаться, то еще глубже затаитъ въ душѣ чувство обиды, еще вдвое будетъ несчастливъ. Пріемъ равнодушный, холодный или недостаточно внимательный огорчилъ бы его до глубины души. Сестра мнѣ пишетъ, что онъ хилѣетъ и слабѣетъ тѣлесно, вѣроятно отъ нравственнаго состоянія. Ну, а отъ нашихъ поповъ и іерарховъ деликатности ожидать нечего. Насчетъ помѣщенія въ Новоспасскомъ монастырѣ Нейдгардтъ говоритъ, что тамъ есть помѣщеніе прекрасное, въ бель-этажѣ, но оно принадлежитъ или предназначено настоятелю, а Іоанникій желаетъ помѣстить Михаила въ помѣщеніи *надъ* настоятелемъ, которое и выше, и тѣснѣе, и по мнѣнію самого Нейдгардта для *митрополита*, который *все таки* выше саномъ

Библиотека "Руниверс"

архимандрита, едва ли прилично. Какъ же ты это не раскроешь горизонты узкому уму Іоанникія, хотя бы и препочтеннаго во многихъ отношеніяхъ? Говорили мнѣ здѣсь, будто Михаилъ въ глубинѣ души желалъ бы занять въ Чудовомъ тѣ комнаты, которыя назначены для пріѣзжихъ, въ которыхъ жили и Болгарскіе епископы нѣсколько лѣтъ назадъ, въ которыхъ жилъ и самъ Михаилъ, когда былъ въ Москвѣ и гдѣ я самъ у него бывалъ; и потому будто бы Михаилъ этого желаетъ, что у него тогда завязались дружескія отношенія съ нѣкоторыми Чудовскими монахами, особенно съ однимъ кѣмъ-то. Оно было бы и лучше, по моему. Здѣсь удобно его навѣщать, а въ Новоспасскій нелегко и попасть. Здѣсь можно и не держать постоянныхъ лошадей, а всегда, когда хочешь, удобно нанять карету.

Да вотъ что еще. Нашъ великій политикъ князь В. А. Долгоруковъ, говорятъ, не желаетъ пріѣзда сюда митрополита, опасаясь, что это повредитъ отношеніямъ нашимъ съ *Австріей*. Онъ же и отъ Австрійскаго императора имѣетъ какой-то высшій орденъ. Такъ нельзя ли будетъ ему шепнуть, что добрый пріемъ митрополиту Михаилу согласенъ съ желаніемъ *Государя* *)?

Прошеніе о Московскомъ Славянскомъ Обществѣ препровождено Долгоруковымъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Если случится тебѣ видѣть И. Н. Дурново, нельзя ли его попросить, чтобы не задерживали. Твой Ив. Аксаковъ.

17.

26 Іюля 1885.

Получилъ письмо Галагана съ твоею надписью, любезный другъ Константинъ Петровичъ, и успѣлъ даже написать ему по этому поводу нѣсколько строкъ. Не Поляки намъ опасны, а сами Русскіе. Не знаю теперь точно, какого оттѣнка украинофильство самого Антоновича; но онъ все же дружитъ съ Пыпинымъ, а покойный профессоръ Кистяковскій самъ мнѣ говорилъ, не задолго до смерти проѣзжая черезъ Москву, что его воззрѣнія вполнѣ выражаются Галицкой газетой «Діло». А это

*) Также относился князь Владиміръ Андреевичъ и къ Франціи: когда послѣдній посолъ Наполеона III-го собирался посѣтить Москву, князь поручилъ А. А. Гатцугу составить на Французскомъ языкѣ путеводитель по Москвѣ и приказалъ, чтобы не было въ немъ и помину о 1812 годѣ. Въ такомъ угодливомъ видѣ и вышелъ Guide de Moscou (но послу не пришлось имъ пользоваться, такъ какъ скоро наступилъ Седанъ). Много позднѣе тотъ же князь противился наряду войсковыхъ командъ для участія въ Октябрьскомъ крестномъ ходу въ память избавленія отъ Французовъ, что̀ повело его къ невыгодному для него столкновенію съ Побѣдоносцевымъ (обыкновенно пріѣзжавшимъ въ Москву для участія въ этомъ крестномъ ходу), котораго онъ сталъ звать „глистою“. У князя былъ свой домъ въ Виши, и умереть пришлось ему въ Парижѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Дѣло, равно какъ и Пыпинъ и Вѣстникъ Европы, самые яростные враги Наумовича и всей партіи «Слова» и «Н. Пролома» и какъ постыдно держали себя во время Гнилицкаго процесса. Вообще нѣтъ у насъ хуже враговъ, какъ мы сами.

Я думалъ, что ты поѣдешь за границу.

Мнѣ пишутъ изъ за границы и просятъ довести до твоего свѣдѣнія, что между Австрійскими Сербами образовалась партія, которая, въ случаѣ если на предстоящемъ у нихъ церковномъ соборѣ Анджевичъ не сдѣлаетъ уступокъ или выскажется за Унію, хочетъ подать просьбу въ Русскій Синодъ о томъ, чтобы церковь въ Сербіи сдѣлать зависимой отъ Синода. Думаю, что Австрія избѣжитъ крутой постановки вопроса, да вообще это мечта разгоряченныхъ головъ; но все это свидѣтельствуетъ, какъ обстоитъ тамъ дѣло Православія. Слухи о томъ, что Миланъ будто бы склоняется къ Уніи, все усиливаются. А въ Македоніи и даже въ Восточной Румеліи католическая пропаганда свирѣпствуетъ. Жалобъ и воплей я получаю по этому случаю немало, да что тутъ подѣлаешь? Патріархъ Константинопольскій совсѣмъ ускользнулъ изъ нашихъ рукъ, а церковному раздору между Болгарами и Греками не видать конца.

Никогда такъ не проявлялось всюду наше духовное и политическое безсиліе, какъ въ настоящую минуту. Страхъ войны заставляетъ насъ еще сильнѣе сближаться съ союзниками Скерневицкаго свиданія, т. е. и съ Австріей, и предоставлять ей полную свободу дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ.

Повергли меня также въ уныніе и всѣ послѣднія финансовыя мѣропріятія. Вотъ, ругали на чемъ свѣтъ стоитъ «свѣдущихъ людей», а что же правительственный законъ, недавно выпущенный о кабакахъ, развѣ лучше? А этотъ выкупъ оброчной подати, замѣна ея выкупными платежами, это «раскрѣпощеніе крестьянина отъ государства?» А новый проектъ о золотой валютѣ?

Получилъ письмо отъ Наумовича. Онъ теперь въ Грубешовѣ у зятя. Онъ ничего не проситъ, письмо писано по частному случаю (рекомендація), но я слышалъ стороною, что ему не безопасно жить у себя дома и что никакихъ иныхъ доходовъ, кромѣ какъ отъ «Науки», онъ теперь не имѣетъ. Что бы ему дать казенной земли хоть бы въ Холмщинѣ, если дѣйствительно ему въ Галиціи оставаться нельзя.

Вотъ ты пишешь объ утѣшительныхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ Казани. Дай-то Богъ! Твой Ив. Аксаковъ.

Библиотека "Руниверс"

18.

27 Сентября 1885. Москва.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Петровичъ. Я получилъ всѣ твои письма изъ Зальцбурга и на основаніи ихъ сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ тебѣ туда «Руси». Думаю, признаться, что въ виду событій всѣ г.г. министры поспѣшатъ возвратиться въ Петербургъ. Казалось бы, теперь властямъ надо бы быть на мѣстѣ, у себя дома, такъ какъ событія эти не могутъ не тревожить общественнаго мнѣнія въ Россіи, и вовсе не «интеллигенціи» исключительно... Отъ души благодарю тебя за сдѣланныя распоряженія. Радъ, что задержки со стороны канцеляріи не представилось и съ нетерпѣніемъ ожидаю разрѣшенія изъ Копенгагена. Съ нетерпѣніемъ потому, что изъ Кіева меня торопятъ, такъ какъ въ церкви, гдѣ стоитъ гробъ сестры, предстоятъ какія-то передѣлки, теперь откладываемыя. Еще разъ. прошу немедленно дать мнѣ знать по телеграфу, какъ скоро получится разрѣшеніе, да и митрополиту бы также въ Кіевъ. Какъ печально извѣстіе объ Эдитѣ Ѳедоровнѣ! Жена моя глубоко скорбитъ. Господи, какъ спѣшно мы всѣ подбираемся!

На 2-й страницѣ этого письма ты найдешь сдѣланную мною для тебя копію съ циркуляра, недавно всѣми редакторами полученнаго. Что это такое? У меня сердце захолонуло при одной мысли: ну что если такой циркуляръ попадетъ за границу и будетъ напечатанъ въ переводѣ на всѣ языки! *Не смѣть вспоминать о томъ, что въ будущемъ году исполнится четверть вѣка со дня освобожденія крестьянъ!* т. е. воспрещать законный, естественный процессъ сознанія исторической страны; да на что бы она годилась, если бы жизнь мысли была въ ней такъ скудна, что великое событіе, съ котораго положительно начинается новая эра нашей исторіи, не вызывало насъ на размышленіе, на повѣрку пройденнаго пути? Четверть вѣка—ужъ порядочный кусокъ времени. Положимъ, что много было бы написано вздора, но вѣдь это неизбѣжно, разъ существуетъ печать. Можно было бы еще пригласить редакторовъ къ нѣкоторой осторожности, дабы не волновать крестьянъ и т. п., но воспрещать всѣмъ всякое разсужденіе, это позорно. И какой же отзывъ вызвалъ этотъ циркуляръ въ средѣ пишущихъ: это-де «дворянская эра!» Я пошелъ на справки и узналъ, что Толстой представлялъ будто бы даже всеподд. докладъ, что не удобно въ теченіе одного года праздновать *дворянскій юбилей* и юбилей того дня, когда у дворянъ была отобрана земля: это-де непріятное для дворянъ воспоминаніе!.. Да не писалось ли на всѣ лады, не гордилось ли дворянство именно тѣмъ, что оно само добровольно уступило свои земли, что оно въ лицѣ Комитетовъ и Редакціонныхъ Комиссій соору-

Библиотека "Руниверс"

дило этотъ актъ 19 Февр. 1861 г.? Не величайшая ли пощечина дворянству подобный циркуляръ, если онъ вызванъ «деликатнымъ вниманіемъ къ дворянству». Да я публично и печатно отрекусь отъ того сословія, которое отрекается отъ акта 19 Февраля, преслѣдуетъ самую память о днѣ прекращенія крѣпостного права. Я самъ стараго дворянскаго рода и тѣмъ живѣе чувствую обиду. Я буду агитировать среди дворянъ въ губерніяхъ, чтобъ дворянскія корпораціи сами затѣяли празднованіе этого дня. Можно бы подумать, право, что графъ Толстой самый злой врагъ дворянства и хочетъ упразднить антагонизмъ между крестьянами и дворянствомъ. О дураки, дураки! Прими это къ сердцу. О Болгарскихъ событіяхъ не пишу. Питаю надежду, что авось либо Государь, видя, куда завела Россію политика Гирса, его прогонитъ.

*

Главное Управленіе по дѣламъ печати. 18 Сентября 1885 г. № 3184.

Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ появляются замѣтки и извѣстія о предстоящемъ будто бы празднованіи дня 25-тилѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Такъ какъ подобнаго рода празднованія событій, имѣющихъ государственный интересъ, могутъ происходить не иначе, какъ съ разрѣшенія высшаго правительства, а таковаго разрѣшенія не было: то *періодическія изданія*, по распоряженію г. управляющаго М—вомъ Внутр. Дѣлъ, на основаніи ст. 56 прилож. къ ст. 4 (примѣч.) Уст. Цензур. Св. Зак. Т. XIV, по продолженіи 1876 г.), *приглашаются не печатать не только никакихъ разсужденій, но даже и извѣстій касающихся предстоящаго дня 25-тилѣтія освобожденія крестьянъ*. При этомъ Гл. Управленіе по дѣламъ печати считаетъ нужнымъ указать г.г. редакторамъ, что всякое нарушеніе настоящаго распоряженія не можетъ быть терпимо, и виновное изданіе подвергнется, на основаніи вышеуказанной статьи, карательнымъ мѣрамъ.

Н. Г. У. по д. печати Е. Ѳеоктистовъ.

19.

12 Октября 1885.

Прежде всего приношу тебѣ сердечную благодарность за исходатайствованіе высочайшаго разрѣшенія. Въ самый 40-день тѣло сестры моей Софьи предано было землѣ у самой церкви Верхнихъ Пещеръ, близъ алтаря; при этомъ была моя сестра Марья Сергѣевна съ мужемъ. Я же не могъ отлучиться изъ Москвы, не только по дѣламъ, но и потому, что жена моя какъ-то особенно плохо себя чувствовала эти дни, отчасти встревоженная ожиданіемъ кончины Э. Ѳ. Раденъ. Сегодня, въ день погребенія ея, были мы въ храмѣ, гдѣ на заупокойной обѣднѣ, всегда по Субботамъ здѣсь совершаемой (по усопшимъ царямъ, строителямъ, Кутузовѣ, Багратіонѣ и по убіеннымъ воинамъ) помянули

Библиотека "Руниверс"

безпрепятственно (а потомъ и на панихидѣ) имя «новопреставленной рабы Божіей Эдиѳи» (Іудиѳи?). Я сказалъ въ 15 № Руси о ней нѣсколько строкъ. Ты бы конечно написалъ лучше и теплѣе. Не напишешь ли *)?

Видаюсь съ митрополитомъ Сербскимъ.

Такъ онъ кротокъ и смиренъ, что его присутствіе въ Москвѣ и незамѣтно. Онъ ни на что не жалуется, никому не докучаетъ, и именно поэтому держится здѣшнею церковною властію въ черномъ тѣлѣ. Живетъ въ мизерномъ помѣщеніи Сербскаго подворья; подъ его помѣщеніемъ мясная лавка, гдѣ рубятъ говядину и возятся съ самаго ранняго утра, но ничего не подѣлаешь, такъ какъ лавка снята по контракту на 4 года. Не знаю, выслали ли ему наконецъ деньги, слѣдовавшія еще съ Іюля мѣсяца? Знаю, что недѣли двѣ назадъ высланы еще не были, что Саблеръ, передъ отъѣздомъ за границу, хлопоталъ о скорѣйшей высылкѣ ихъ у Влангали. Совѣстно спросить у митрополита, получилъ ли наконецъ? Ему приходится возиться съ Кредитнымъ Обществомъ, гдѣ заложены и перезаложены зданія подворья и коекакъ строжайшей экономіей упорядочить правильность взносовъ процентовъ по огромному долгу, надѣланному и бывшими Сербскими архимандритами, и Московской Консисторіей.

Іоаникій ему не враждебенъ, но вовсе имъ не интересуется, такъ сказать, не вѣдаетъ его. Приглашалъ разъ на сослуженіе въ царскомъ молебнѣ, но никакого разрѣшенія, какъ Платонъ, не далъ на служеніе въ церквахъ.

Митрополитъ желаетъ побывать въ Петербургѣ и чуть ли не писалъ тебѣ объ этомъ. Пожалуйста, не откажи ему: никакихъ хлопотъ и возни и шума и осложненій отъ того не будетъ.

Увы, Москвы теперь въ Москвѣ нѣтъ, и если вы тамъ уничтожите еще Контору Св. Синода и *Всероссійскій приходъ*, Успенскій соборъ, каѳедру Всероссійской церкви, обратите въ мѣстную губернскую, то отнимется и послѣдній внѣшній атрибутъ столичности у Москвы. Такъ и хочется въ Петербургѣ развѣнчать Москву и обратить въ губернскій городъ. И Государь уже третій годъ не посѣщаетъ Москвы.

Прощай, любезный другъ; еще разъ благодарю.

Твой Ив. Аксаковъ.

*) К. П. Побѣдоносцевъ помянулъ Эдиту Ѳедоровну Раденъ особою статьею. Изъ Французской ея переписки съ Ю. Ѳ. Самаринымъ слѣдовало бы перевести ея письмо о нашей литургіи. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ РОССІИ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.

Записки графа Л. Ф. Сегюра [1]).

(1785—1789)

Въ Крымъ [2]) я уѣзжалъ совершенно довольный тѣмъ, что успѣлъ заключить выгодный договоръ между королемъ и Государыней, которая оказывала такую искреннюю пріязнь и была такъ добра ко мнѣ. Я предпринималъ это любопытное и великолѣпное путешествіе при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, потому что мнѣ удалось тогда согласить требованія моего долга съ чувствомъ моей признательности. Только что окончилъ я продолжительные, важные и трудные переговоры и устранилъ разныя препятствія, которыя мнѣ предстояли, съ одной стороны въ происках завистливыхъ Англійскихъ купцовъ, съ другой—въ нерасположеніи ко мнѣ Русскихъ министровъ, когда мнѣ открылось новое поприще. Предназначенный судьбою на самыя различныя роли, я долженъ былъ на этотъ разъ слѣдовать за торжественной колесницей Екатерины, проѣхать по ея огромному царству, посѣтить Тавриду, славную въ миѳологіи и въ исторіи и нынѣ смѣло исторгнутую женщиною у дикихъ сыновъ Магомета Мнѣ суждено было видѣть, какъ на пути принесутъ ей дань лести и похвалъ толпы иностранцевъ, привлеченныхъ блескомъ власти и богатства; увидѣть Польскаго короля, возведеннаго на престолъ и недавно лишеннаго части своихъ владѣній этою могущественною Государыней; наконецъ, наслѣдника цесарей, императора Запада, который, сложивъ на

---

[1]) См. выше, стр. 11.

[2]) Въ дополненіе къ разсказамъ Сегюра объ этомъ путешествіи можно указать на составленное А. В. Храповицкимъ офиціальное описаніе путешествія (С.Пб. 1788 г.), на замѣтки въ частныхъ его Запискахъ, на замѣтки князя Делина и на отрывки изъ мемуаровъ одной Польской дамы, переведенные подъ заглавіемъ *Записки о пребываніи Императрицы Екатерины II-й въ Кіевѣ въ1787 г.* С.Пб. 1843, отдѣльно и въ Сынѣ Отечества того же года. Кромѣ того, существуютъ въ рукописи Записки объ этомъ путешествіи Н. А. Львова (родственника Державина), служившаго тогда при Безбородкѣ (см. Изв. II отд. Ак. Н., т. VIII).

Библиотека "Руниверс"

время вѣнецъ и багряницу свою, станетъ въ ряды царедворцевъ побѣдоносной Государыни, чтобы закрѣпить съ нею связи союза, грозившаго нарушить свободу Польши, безопасность Пруссіи и миръ всей Европы. Будучи вмѣстѣ придворнымъ и дипломатомъ, я долженъ былъ, снискивая благорасположеніе Екатерины, въ тоже время дѣятельно слѣдить за предпріятіями и дѣйствіями честолюбивой Государыни, которая тогда, покрывая многочисленными войсками берега Днѣпра и Чернаго моря, казалось, грозила вмѣстѣ съ Іосифомъ II разрушить Турецкую имперію. Для исполненія этой странной обязанности я не имѣлъ ни чиновниковъ, ни канцеляріи, ни секретаря. Я долженъ былъ участвовать въ безпрестанно смѣнявшихся поѣздкахъ, празднествахъ, публичныхъ ауденціяхъ, собраніяхъ и забавахъ, не имѣя достаточной свободы для наблюденій, ни довольно времени, чтобы давать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ могло поразить мой взоръ и мой умъ.

Путешествія двора нисколько не походятъ на обыкновенныя путешествія, когда ѣдешь одинъ и видишь людей, страну, обычаи въ ихъ настоящемъ видѣ. Сопровождая монарха, встрѣчаешь всюду искусственность, поддѣлки, украшенія. Нѣтъ ничего естественнаго, все офиціально; въ словахъ, какъ и въ поступкахъ, встрѣчаешь не больше правды, чѣмъ въ манифестахъ, продиктованныхъ политикой. Напрасно объявляютъ, что въ этихъ величественныхъ увеселительныхъ прогулкахъ будетъ изгнанъ всякій этикетъ; тамъ, гдѣ царитъ такое неравенство положенія, всегда существуетъ стѣсненіе: нельзя остановиться гдѣ хочешь, нельзя заняться тѣмъ, что̀ привлекаетъ вниманіе и вникнуть въ то, чего васъ заставляютъ коснуться лишь слегка. Впрочемъ почти всегда очарованіе привлекательнѣе дѣйствительности; поэтому волшебныя картины, которыя на каждомъ шагу представлялись взорамъ Екатерины и которыя я постараюсь изобразить, будутъ по новости своей для многихъ любопытнѣе, нежели во многихъ отношеніяхъ полезные разсказы иныхъ ученыхъ, объѣхавшихъ и изслѣдовавшихъ философскимъ взглядомъ это огромное государство, которое недавно лишь выступило изъ мрака и вдругъ стало мощно и грозно, съ перваго своего движенія къ просвѣщенію.

За мѣсяцъ до нашего отъѣзда въ Крымъ, князь Делинь, къ сожалѣнію моему, оставилъ насъ, чтобы отвезти Іосифу II маршрутъ Императрицы. Мы съѣхались съ нимъ уже въ Кіевѣ, гдѣ онъ снова явился, какъ былъ всегда, непринужденно веселый и остроумный, полный благородства и естественности въ обращеніи, всегда въ одинаковомъ расположеніи духа, какъ человѣкъ умный и благонамѣренный, съ тѣмъ творческимъ разнообразнымъ воображеніемъ, которое всегда находитъ

Библиотека "Руниверс"

пищу для разговора и, не смотря на придворный этикетъ, разгоняетъ скуку.

1787 года Января 17-го Фитцъ-Гербертъ, графъ Кобенцель и я, отобѣдавъ въ С.-Петербургѣ у Австрійскаго консула, отправились въ Царское Село, гдѣ мы нашли Императрицу молчаливою и задумчивою противъ ея обыкновенія. Ее огорчала невозможность взять съ собою великихъ князей Александра и Константина; кромѣ того, графъ Мамоновъ чувствовалъ лихорадочные припадки. Екатерина ощущала то, что̀ обыкновенно чувствуютъ люди, которымъ судьба постоянно благопріятствуетъ: малѣйшее стѣсненіе составляетъ для нихъ предметъ неожиданнаго горя. Она приняла насъ ласково, но мало говорила и посадила за лото, хотя, сколько мнѣ извѣстно, играла въ эту игру довольно рѣдко. Она скоро замѣтила, какую скуку наводила на меня эта забава: я нехотя дремалъ. Нѣсколько разъ она шутила надо мною. Чтобы отшутиться, я сказалъ ей стихи, сочиненные мною въ Парижѣ для супруги маршала Люксанбурга, женщины, извѣстной своимъ умомъ и тѣмъ не менѣе любившей это скучное средство препровожденія времени.

Le loto, quoique l'on en dise,
Sera fort longtemps en crédit;
C'est l'excuse de la bêtise
Et le repos des gens d'esprit.
Ce jeu vraiment philosophique
Met tout le monde de niveau;
L'amour-propre, si despotique,
Dépose son sceptre au loto.
Esprit, bon goût, grâce et saillie
Seront nuls tant qu'on y jouera.
Luxembourg, quelle modestie!
Quoi! vous jouez à ce jeu-là? *)

Мы сидѣли недолго: въ восемь часовъ всѣ разошлись. Мы сошлись снова у графа Кобенцеля, но и тамъ не было веселѣе. Съ любопытствомъ приняли мы приглашеніе участвовать въ этомъ путешествіи и ожидали его, но передъ отъѣздомъ намъ было какъ-то тягостно. Это было какъ бы предчувствіе тѣхъ долгихъ бурь и страшныхъ переворотовъ, которые за тѣмъ послѣдовали. Никто изъ насъ не предвидѣлъ, что это торжественное шествіе Сѣверной Клеопатры будетъ при-

*) Чтобы ни говорили, а лото долго будетъ въ почетѣ; это убѣжище для глупыхъ и отдыхновеніе для умныхъ. Эта истинно-философская игра уравниваетъ всѣхъ; деспотъ-самолюбіе слагаетъ скипетръ свой предъ нею. Умъ, вкусъ, красота, остроуміе ничтожны во время этой игры. Герцогиня, какъ вы скромны! Неужели вы играете въ эту игру?"

Библиотека "Руниверс"

близительно временемъ такого же великаго потрясенія, какимъ было путешествіе Египетской Клеопатры, послѣ котораго наступили паденіе Римской республики, возникновеніе Имперіи, гражданская война, потрясшая весь міръ и основаніе долгой, кровавой тираніи.

Въ обѣ эти эпохи, столь отдаленныя одна отъ другой, гибельныя послѣдствія были одинаковы, хотя причины ихъ очень различны, и кровь одинаково залила землю въ первую изъ за порабощенія народовъ, а во вторую изъ за ихъ освобожденія. Впрочемъ величественная и вмѣстѣ ужасная будущность была сокрыта отъ насъ непроницаемымъ покровомъ, и наша мгновенная грусть объяснилась самыми простыми, обыкновенными обстоятельствами и нисколько не зависѣла отъ какихъ либо дальновидныхъ предположеній.

Фитцъ-Гербертъ, склонный къ задумчивости и уединенію, не могъ освоиться съ придворною жизнью; ему жаль было разставаться съ одною Русскою дамою, которую онъ страстно любилъ, и съ искреннимъ другомъ своимъ, прелюбезнымъ Англичаниномъ, г. Еллисомъ. Я былъ чрезвычайно озабоченъ письмами, полученными мною изъ Франціи. Волшебная повязка, которую навязалъ намъ на глаза министръ Калонь, спала; все предвѣщало Франціи великій переворотъ, а смѣлый и легкомысленный министръ только ускорялъ его крутыми мѣрами, которыми думалъ его предупредить. Къ тому же во время долгаго пути въ 400 миль до Крыма и другихъ 400 миль обратно до Петербурга, я долженъ былъ ограничить свою переписку и только изрѣдка могъ получать извѣстія о моей женѣ, моихъ дѣтяхъ, моемъ отцѣ, моемъ правительствѣ, обо всемъ, къ чему я былъ привязанъ. Это обстоятельство усиливало горесть. Изъ насъ троихъ одинъ графъ Кобенцель оставался неизмѣнно веселъ. Дворъ былъ его стихіею, и чувство зависимости имѣло для него свою прелесть. Впрочемъ мы были еще молоды. Заботы въ пору жизненной весны не оставляютъ слѣдовъ въ сердцѣ и морщинъ на лбу; наша задумчивость была лишь легкое облачко: на другое утро оно исчезло, какъ сонъ.

18-го Января, 1787 года мы отправились въ путь. Императрица посадила къ себѣ въ карету фрейлину Протасову, графа Мамонова, графа Кобенцеля, оберъ-шталмейстера Нарышкина и гофмаршала Шувалова. Во вторую карету помѣстили Фитцъ-Герберта, меня, графа Чернышева [1]) и графа Ангальта [2]). Поѣздъ состоялъ изъ четырнадцати

[1]) Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, род. 24 Ноября 1726 г., вице-президентъ Адмиралтействъ-коллегіи, при восшествіи на престолъ Павла I пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ по флоту и президентомъ Адмиралтействъ-коллегіи; умеръ 12 Февраля 1797 г.

[2]) Графъ Ѳедоръ Евстафьевичъ Ангальтъ, генералъ-поручикъ, генералъ адъютантъ

Библиотека "Руниверс"

каретъ и 124 саней съ 40 запасными. На каждой станціи насъ ожидало 560 лошадей.

Было 17 градусовъ мороза, дорога прекрасная, и мы ѣхали славно. Наши кареты на высокихъ полозьяхъ какъ будто летѣли. Чтобы защищаться отъ холода, мы закутались въ медвѣжьи шубы, надѣтыя сверхъ другой болѣе нарядной и богатой, но тоже мѣховой одежды; на головахъ у насъ были собольи шапки. Такимъ образомъ мы не замѣчали стужи, даже когда она доходила до 20 градусовъ. На станціяхъ вездѣ было такъ хорошо натоплено, что скорѣе мы могли подвергнуться излишнему жару, чѣмъ холоду. Въ это время самыхъ короткихъ дней въ году солнце вставало поздно, и чрезъ шесть или семь часовъ наступала уже темная ночь. Но для разсѣянія этого мрака восточная роскошь доставила намъ освѣщеніе: на небольшихъ разстояніяхъ, по обѣимъ сторонамъ дороги горѣли огромные костры изъ сваленныхъ въ кучи сосенъ, елей, березъ, такъ что мы ѣхали между огней, которые свѣтили ярче дневныхъ лучей. Такъ величавая властительница Сѣвера среди ночнаго мрака изрекала свое: *пусть будетъ свѣтъ!* Въ 72 верстахъ отъ Петербурга мы остановились отобѣдать въ маленькомъ, новомъ и красивомъ городкѣ Рожественскѣ [1]). Здѣсь ея величество, возвратившись къ своей обычной веселости, съ крайнею любезностью выразила мнѣ удовольствіе по поводу заключенія торговаго договора, подписаннаго за нѣсколько дней передъ тѣмъ ея министрами и мною.

Этотъ разсказъ былъ бы однообразенъ, если бы я, какъ черезъчуръ добросовѣстный путешественникъ, сталъ говорить о всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, чрезъ которые мы проѣзжали или гдѣ останавливались на этомъ длинномъ пути. Я упомяну только о тѣхъ, которые по своему объему, древности, богатству и исторіи могутъ быть достойны вниманія [2]).

Въ это время года вся Россія мало отличалась отъ холодной Сибири; домашній скотъ стоялъ въ своихъ закутахъ, люди сидѣли по домамъ у печекъ. Только быстрые сани бороздили во всѣхъ направ-

---

происходилъ изъ Ангальтъ-Дессаускаго герцогскаго дома, род. 1732 г., ум. 1794 г., былъ главнымъ начальникомъ Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса.

[1]) Сегюръ разумѣетъ село Рожествено (нѣкогда царевича Петра Петровича).

[2]) Мы опускаемъ большую часть этихъ описаній, совершенно незначительныхъ и замедляющихъ ходъ разсказа. Наблюденія Сегюра изъ оконъ кареты не могли быть дѣльны; при томъ оказывается, что онъ заимствовалъ свои историческія и географическія свѣдѣнія изъ путеводителя, изданнаго для этого путешествія (см. Роспись Смирдина, № 8801). Эта книга вѣроятно передана была иностранцамъ, сопутствовавшимъ Государынѣ во Французскомъ переводѣ, изъ котораго Сегюръ дѣлалъ извлеченія, иногда даже не из-

Библиотека "Руниверс"

леніяхъ эти пустынныя замерзшія равнины, перевозя во всѣ города съ Востока на Западъ и съ Юга на Сѣверъ различные продукты земледѣлія и промышленности. Безчисленное количество саней, подобно флоту легкихъ барокъ, съ неимовѣрной быстротой пересѣкали эти безконечныя равнины, имѣвшія въ то время видъ замерзшаго моря.

Первая часть этого путешествія, начатаго холодною зимою, не можетъ быть обильна описаніями. Достаточно сказать, что мы проѣзжали по обширнымъ снѣжнымъ равнинамъ, чрезъ лѣса сосенъ и елей, которыхъ вѣтви, опушенныя инеемъ, порою при солнечномъ освѣщеніи, блистали брильянтами и кристаллами. Можно себѣ представить, какое необычайное явленіе представляла на этомъ снѣжномъ морѣ дорога, освѣщенная множествомъ огней, и величественный поѣздъ Царицы Сѣвера со всѣмъ блескомъ самаго великолѣпнаго двора. Въ городахъ и деревняхъ этотъ одинокій путь покрывался толпами любопытныхъ горожанъ и поселянъ: они, не замѣчая стужи, громкими криками привѣтствовали свою Государыню.

Обычный порядокъ, который Императрица ввела въ свой образъ жизни, почти не измѣнялся во время ея путешествія. Въ шесть часовъ она вставала и занималась дѣлами съ министрами, потомъ завтракала и принимала насъ. Въ девять часовъ мы отъѣзжали и въ два останавливались для обѣда; и затѣмъ снова останавливались въ семь часовъ. Вездѣ она находила дворецъ или хорошій домъ, приготовленный для нея. Мы ежедневно обѣдали съ нею. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, посвященныхъ туалету, Императрица выходила въ залу, разговаривала, играла съ нами; въ девять часовъ уходила къ себѣ и занималась до одиннадцати. Въ городахъ намъ отводили покойныя квартиры въ домахъ зажиточныхъ людей. Въ деревняхъ мнѣ приходилось спать въ избахъ, гдѣ иногда отъ нестерпимой жары нельзя было уснуть.

Маленькое узкое окошечко слабо освѣщаетъ низкую комнату, которую почти всю занимаетъ огромная печь; кругомъ по стѣнамъ и у перегородки стоятъ деревянныя скамьи. На этой-то печкѣ спятъ крестьянинъ, его жена и дѣти, лишенные воздуха, и освѣщеніемъ для нихъ служитъ горящая лучина.

Крѣпостной человѣкъ, котораго чувство гордости не поддерживаетъ и не возбуждаетъ самолюбія, низведенный почти до положенія животнаго, знаетъ лишь физическія и самыя ограниченныя потребности; его желанія не превышаютъ самаго необходимаго для поддержанія его жалкаго существованія и уплаты хозяину возложенной на него подати.

Библиотека "Руниверс"

Во второй день странствія я съ Фитцъ-Гербертомъ сидѣлъ въ каретѣ Императрицы. Разговоръ былъ живъ, веселъ, разнообразенъ и не умолкалъ. Она, между прочимъ, разсказала намъ, какъ однажды, узнавъ, что ее хулили за данное ею согласіе на бракъ одного морского офицера съ Негритянкою; она на это сказала: «Видите, что это согласно съ моими честолюбивыми видами на Турцію, потому что я дозволила торжественно отпраздновать союзъ Русскаго флота съ Чернымъ моремъ.» Часто говорила она о варварствѣ, вялости, невѣжествѣ мусульманъ, о глупой жизни ихъ султановъ, которыхъ дѣятельность ограничивалась стѣнами гарема. «Эти слабоумные деспоты, говорила она, изнѣженные наслажденіями сераля, управляемые улемами и покорные янычарамъ, не умѣютъ ни разсуждать, ни говорить, ни управлять, ни вести войну, и вѣчно остаются дѣтьми». Она увѣряла, что евнухи, стоящіе ночью на стражѣ у ложа султана, доводятъ свою глупую и раболѣпную внимательность до того, что будятъ своего владыку, когда имъ покажется, что онъ видитъ дурной сонъ. Это внимательность, менѣе опасная, но столь же благоразумная, какъ услуга, оказанная медвѣдемъ своему другу въ забавной баснѣ Лафонтена. Когда разговоръ шелъ объ огромности Русской имперіи, о разнообразіи ея обитателей и о множествѣ препятствій, которыя должны были преодолѣть Петръ и его наслѣдники для просвѣщенія столькихъ разнообразныхъ племенъ, то Государыня разсказала намъ о своей поѣздкѣ по берегамъ Волги. «Въ тѣхъ мѣстахъ, говорила она, такое изобиліе всего, что успѣхи промышленности по необходимости должны быть медленны; тамъ не знаютъ нужды, которая одна только можетъ подстрекнуть народъ къ труду. Если даже прибрежные жители этой большой рѣки будутъ пренебрегать обработываніемъ своихъ полей и многочисленными стадами, то и тогда одна рыбная ловля не дастъ имъ умереть голодною смертью. Мнѣ случилось видѣть, что сто двадцать человѣкъ наѣдались досыта стерлядями, которыя всѣ вмѣстѣ стоили не болѣе 35 копѣекъ.»

Мѣста, которыя мы проѣзжали въ началѣ путешествія, представляли мало пищи вниманію: повсюду лѣса и замерзлыя болота. Въ одной Петербургской губерніи заключалось 72,000 десятинъ лѣса. Но потребленіе его, вынуждаемое климатомъ, увеличилось до такой степени, что замѣтно стало уменьшеніе этихъ лѣсовъ, и Государыня запретила указомъ вырубать болѣе 30-й части его въ годъ. Исключая предметы политическіе, разговоръ шелъ обо всемъ, что могло оживить бесѣду, и Государыня поддерживала его съ чрезвычайною непринужденностью, умомъ и веселостью, такъ что дни мелькали незамѣтно, и мы не видали, какъ пріѣхали въ Порховъ, замѣчательный городъ, гдѣ Псковскій

Библиотека "Руниверс"

г.-губернаторъ князь Репнинъ *) принялъ насъ торжественно и пышно. Князь Репнинъ, пріобрѣтшій нѣкоторую извѣстность на полѣ брани, былъ нелюбимъ въ Польшѣ за свою гордость. Достаточно одной черты. однажды въ Варшавѣ король Станиславъ былъ въ театрѣ; первый актъ пьесы былъ уже сыгранъ, когда Русскій посолъ вошелъ въ свою ложу. Замѣтивъ съ досадою, что его не дождались, онъ велѣлъ опустить занавѣсъ и снова начать пьесу.

Русскіе такъ привыкли къ такому обхожденію съ Поляками, что графъ Стакельбергъ, который былъ гораздо любезнѣе и обходительнѣе князя Репнина, игралъ однако въ Варшавѣ роль скорѣе короля, чѣмъ дипломата. Мнѣ разсказывали, что когда баронъ Тугутъ, будучи проѣздомъ въ Польшѣ и пожелавъ представиться Станиславу, вошелъ въ залу аудіенцій, то увидѣлъ человѣка, обвѣшаннаго орденами и окруженнаго высшими сановниками двора; онъ принялъ его за короля и сдѣлалъ передъ нимъ три обычныхъ поклона. Окружавшіе его замѣтили ему, что онъ ошибся, и указали на короля, который сидѣлъ въ углу и запросто разговаривалъ съ двумя-тремя лицами.

Благодаря подобнымъ оскорбленіямъ, въ сердцахъ Поляковъ вкоренилась глубокая ненависть къ Россіи. Народъ гордый можетъ примириться съ тѣмъ, что онъ побѣжденъ, но никогда онъ не примирится съ своимъ униженіемъ. Побѣдить можно силою, но нравственно порабощаются только мягкостью, справедливостью и великодушіемъ. Г. Тугутъ, нѣсколько обиженый повторяемыми шутками по поводу его ошибки, отомстилъ за нихъ довольно забавно: будучи принятъ вечеромъ въ партію съ королемъ и посломъ, онъ прикинулся, будто ошибся, и два раза бросилъ на столъ валета, когда слѣдовало класть короля; когда партнёръ упрекнулъ его за это, онъ воскликнулъ: «извините меня; не знаю что со мной сегодня дѣлается; вотъ ужъ третій разъ я принимаю валета за короля».

Порховъ старинный городъ на рѣкѣ Шелони; въ началѣ XIV вѣка онъ былъ населенъ Литовцами. Въ XV вѣкѣ Новгородцы окружили его крѣпкими стѣнами и построили для защиты его сильную крѣпость. Въ 1606 г. Шведы захватили его, но спустя нѣкоторое время отдали Русскимъ. Въ этомъ городѣ было около 6 тысячъ жителей и четыреста купцовъ, отправлявшихъ въ Петербургъ ленъ и хлѣбное зерно по Шелони и Ильмену.

---

*) Князь Николай Васильевичъ Репнинъ (род. 1734, ум. 1801), бывшій полномочнымъ посломъ въ Польшѣ (1763) и возведшій Станислава Понятовскаго на престолъ Польскій, отличился въ первую Турецкую войну, былъ посломъ въ Константинополѣ (1775), губернаторомъ въ Смоленскѣ (1777), генералъ-губернаторомъ Псковскимъ (1781) и фельдмар-

Библиотека "Руниверс"

Считаю нелишнимъ передать случай, который самъ по себѣ мало важенъ, но тѣмъ не менѣе можетъ дать довольно вѣрное понятіе объ умѣ Екатерины. Однажды, когда я сидѣлъ противъ нея въ каретѣ, она высказала мнѣ желаніе послушать нѣкоторыя мелкія стихотворенія, которыя я сочинялъ.

Свобода обращенія, которую она позволяла лицамъ, сопровождающимъ ее въ путешествіи, присутствіе ея молодого любимца, воспоминаніе о тѣхъ, которые ему предшествовали, ея философія, веселость, переписка съ принцемъ Делинемъ, Вольтеромъ и Дидеротомъ, все это не давало мнѣ повода думать, что ее можетъ непріятно поразить вольность въ любовной сказкѣ; я и сказалъ ей наизустъ одно стихотвореніе, дѣйствительно немного игриваго содержанія, впрочемъ, настолько приличное въ выраженіяхъ, что въ Парижѣ оно было хорошо принято герцогомъ де-Нивернэ, принцемъ де-Бово и дамами, столь же безупречными, сколь любезными.

Къ великому своему удивленію, я увидѣлъ, что веселая Путешественница вдругъ приняла опять видъ величавой Государыни и прервала меня совершенно постороннимъ вопросомъ, перемѣнивъ такимъ образомъ содержаніе разговора.

Нѣсколько минутъ спустя, чтобы дать ей почувствовать, что я понялъ урокъ, я попросилъ ее послушать другое стихотвореніе, совсѣмъ въ другомъ родѣ; она выслушала его съ самымъ любезнымъ вниманіемъ: желая заставить уважать свои слабости, она старательно облекала ихъ наружнымъ приличіемъ и достоинствомъ. Это приключеніе напоминало мнѣ то, что̀ такъ справедливо и своеобразно сказалъ мой братъ, говоря о снисходительности женщинъ, вполнѣ добродѣтельныхъ, и о мнимой строгости менѣе добродѣтельныхъ изъ нихъ. «Тамъ, сказалъ онъ, гдѣ царитъ добродѣтель, приличіе излишне».

Независимо отъ большого числа деревень, на этомъ пространствѣ въ 170 миль мы проѣхали черезъ очень немного городовъ: Софію, Рождественскъ, Лугу, Порховъ, Великіе-Луки и Велижъ.

Такъ какъ я не намѣренъ предлагать здѣсь скучный курсъ географіи, то поспѣшу достигнуть Смоленска, будучи увѣренъ, что никому нелюбопытно слѣдить за мною чрезъ села и деревни, въ которыхъ мы останавливались по два раза въ день, и которыя совершенно нежданно дѣлались мѣстопребываніемъ величественнаго двора. Бѣдные поселяне, съ заиндевѣвшими бородами, не смотря на холодъ, толпами собирались и окружали маленькіе дворцы, какъ бы волшебною силою воздвигнутые посреди ихъ хижинъ, дворцы, въ которыхъ веселая свита Императрицы, сидя за роскошнымъ столомъ и на покойныхъ широкихъ диванахъ, не замѣчала ни жестокости стужи, ни бѣдности окрестныхъ мѣстъ; вездѣ

Библиотека "Руниверс"

находили мы теплые покои, отличныя вина, рѣдкіе плоды и изысканныя кушанья. Даже скука, эта вѣчная спутница однообразія, была изгнана присутствіемъ любезной Государыни. Иногда по вечерамъ мы забавлялись играми, сочиненіемъ шарадъ, загадокъ, стиховъ на заданныя риѳмы. Разъ Фитцъ-Гербертъ предложилъ мнѣ слѣдующія риѳмы: *amour*, *frotte*, *tambour*, *note*. Я написалъ на нихъ слѣдующіе стихи:

De vingt peuples nombreux Catherine est *l'amour:*
Craignez de l'attaquer, à qui s'y *frotte!*
La renommée est son *tambour*,
Et l'histoire son garde-*note* *).

Эта бездѣлушка поправилась и заслужила себѣ болѣе похвалъ, чѣмъ иная ода. При дворѣ и притомъ въ дорогѣ все сходитъ съ рукъ.

Кто постоянно счастливъ и достигъ славы, долженъ бы, кажется, сдѣлаться равнодушнымъ къ голосу зависти и къ злымъ, насмѣшливымъ выходкамъ, которыми мелкіе люди дѣйствуютъ противъ знаменитостей. Но въ этомъ отношеніи Императрица походила на Вольтера. Малѣйшія насмѣшки оскорбляли ея самолюбіе; какъ умная женщина, она обыкновенно отвѣчала на нихъ улыбкою, но въ этой улыбкѣ была замѣтна нѣкоторая принужденность. Она знала, что многіе, особенно Французы, считали Россію страною Азіатскою, бѣдною, погрязшею въ невѣжествѣ, во мракѣ варварства; что они съ намѣреніемъ не отличали обновленную, европеизированную Россію отъ Азіатской и необразованной Московіи. Сочиненіе аббата Шаппа, изданное, какъ думала Императрица, по распоряженію герцога Шуазеля, еще было ей памятно, и ея самолюбіе безпрестанно уязвлялось остротами Фридриха II-го, который часто съ злою ироніею говорилъ о финансахъ Екатерины, о ея политикѣ, о дурной тактикѣ ея войскъ, о рабствѣ ея подданныхъ и о непрочности ея власти. За то Государыня очень часто говорила намъ о своей огромной имперіи и, намекая на эти насмѣшки, называла ее своимъ *маленькимъ хозяйствомъ*. «Какъ вамъ нравится *мое маленькое хозяйство?* Не правда ли, оно по немножку устраивается и увеличивается? У меня немного денегъ, но, кажется, они употреблены съ пользою». Другой разъ, обращаясь ко мнѣ, она сказала: «Я увѣрена, графъ, что ваши Парижскія красавицы, модники и ученые теперь глубоко сожалѣютъ о васъ, что вы принуждены путешествовать по странѣ медвѣдей, между варварами, съ какой-то скучною царицей. Я уважаю вашихъ ученыхъ,

*) „Екатерина—предметъ любви двадцати народовъ. Не нападайте на нее: бѣда тому, кто ее затронетъ. Слава—ея барабанщикъ, а исторія—памятная книжка".

Библиотека "Руниверс"

но лучше люблю невѣждъ; сама я хочу знать только то, что̀ мнѣ нужно для управленія моимъ *маленькимъ хозяйствомъ*».

«Ваше величество изволите шутить на нашъ счетъ, возразилъ я; но вы лучше всѣхъ знаете, что̀ думаетъ о васъ Франція. Слова Вольтера какъ нельзя лучше и яснѣе выражаютъ вашему величеству наши мнѣнія и наши чувства. Скорѣе же вы можете быть недовольны тѣмъ, что необычайное возрастаніе вашего *маленькаго хозяйства* внушаетъ нѣкоторымъ образомъ страхъ и зависть даже значительнымъ державамъ». «Да, говорила она иногда смѣясь, вы не хотите, чтобы я выгнала изъ моего сосѣдства вашихъ дѣтей, Турокъ. Нечего сказать, хороши ваши питомцы; они дѣлаютъ вамъ честь. Что если бы вы имѣли въ Піемонтѣ или Испаніи такихъ сосѣдей, которые ежегодно заносили бы къ вамъ чуму и голодъ, истребляли и забирали у васъ въ плѣнъ по 20,000 человѣкъ въ годъ, а я взяла бы ихъ подъ свое покровительство, что̀ вы тогда сказали бы? О, какъ вы стали бы упрекать меня въ варварствѣ!»

Мнѣ трудно было отвѣчать въ такихъ случаяхъ. Я отдѣлывался, какъ умѣлъ, общими мѣстами объ утвержденіи мира, о сохраненіи равновѣсія Европы и т. д. Впрочемъ, такъ какъ это были отрывочные разговоры, шутки, а не политическія совѣщанія, то я не приходилъ въ замѣшательство, и нѣсколько шуточныхъ выходокъ выводили меня изъ затруднительнаго положенія защищать пышными словами дурное дѣло. Мнѣ кажется постыдною эта ложная и близорукая политика, по которой сильныя державы вступаютъ въ союзы и дѣлаются почти данниками грубыхъ и жестокихъ Мавровъ, Алжирцевъ, Аравитянъ и Турокъ, въ разныя времена бывшихъ бичемъ и ужасомъ образованнаго человѣчества.

Въ шесть дней мы проѣхали около 200 миль. Императрица устала. Впрочемъ, трудно было бы въ такую холодную пору ѣхать съ бо̀льшимъ удобствомъ, скоростью, роскошью и удовольствіемъ. Противъ стужи взяты были разныя предосторожности; быстрота санной ѣзды дѣлала большія разстоянія незамѣтными, а свѣтъ огромныхъ костровъ на каждыхъ 30 саженяхъ дороги разсѣвалъ мракъ долгихъ ночей. Но такъ какъ вездѣ Императрица должна была дѣлать пріемы и выходы, осматривать заведенія, давать совѣты и поощрительныя награды, то на отдыхъ ей оставалось немного времени. Даже сидя въ своей каретѣ и оставляя заботы правленія, Императрица употребляла досугъ свой на то, чтобы плѣнять насъ и была неистощимо умна, любезна и весела. Это занятіе, конечно, пріятное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и утомительное.

Екатерина рѣшилась остаться три дня въ Смоленскѣ. Это отдалило наше прибытіе въ Кіевъ, гдѣ насъ ожидало множество пріѣзжихъ со

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ сторонъ Европы. Государыня, помолившись въ соборѣ, удалилась въ свой дворецъ. Но на другой день она принимала дворянство, городскія власти, купечество, духовенство, а вечеромъ дала пышный балъ, на которомъ было до трехъ сотъ дамъ, въ богатыхъ нарядахъ; онѣ показали намъ, до какой степени внутри имперіи возросло подражаніе роскоши, модамъ и пріемамъ, которые встрѣчаешь при блистательнѣйшихъ дворахъ Европейскихъ. Наружность во всемъ выражала образованіе, но за этимъ легкимъ покровомъ внимательный наблюдатель могъ легко открыть слѣды старобытной Московіи.

Архіепископъ Могилевскій *) явился къ Императрицѣ. Съ виду онъ болѣе походилъ на военнаго человѣка, чѣмъ на пастыря. «Не удивляйтесь, сказала мнѣ Императрица: онъ долго былъ драгунскимъ капитаномъ; я бы совѣтовала вамъ поисповѣдаться у него». Добрый пастырь показалъ намъ, что онъ не забылъ еще того поприща, на которомъ прежде дѣйствовалъ: онъ проводилъ насъ до Кіева верхомъ, скача по 35 верстъ въ день и не жалуясь ни на усталость, ни на гололедицу.

Я обрадовался, когда миновали эти три дня, которые Императрицѣ угодно было величать днями отдыха, между тѣмъ какъ они употреблены были на безпрестанные пріемы и представленія и показались мнѣ утомительнѣе дней проведенныхъ въ дорогѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не пріятнѣе ли быстро катиться по снѣгу въ просторной, покойной каретѣ, въ теплой одеждѣ, среди пріятнаго, образованнаго, веселаго общества, чѣмъ стоять въ пышномъ нарядѣ цѣлое утро, въ огромныхъ залахъ, присутствовать при пріемѣ разныхъ депутацій и выслушивать длинныя и вычурныя рѣчи, да въ Греческой церкви однообразное пѣніе? Замѣтьте, что въ этихъ церквахъ не существуетъ короткой обѣдни безъ пѣнія, а во время службы запрещается сидѣть, что, впрочемъ было бы и невозможно, такъ какъ не имѣется ни скамей ни стульевъ. Нужно сознаться, что католики, для слѣдованія по пути къ спасенію, принимаютъ нѣсколько больше удобствъ, чѣмъ православные. Церковныя службы по Греческому обряду гораздо длиннѣе чѣмъ наши; и наконецъ, у насъ всего одинъ постъ, а они соблюдаютъ ежегодно четыре поста.

Мы снова пустились въ путь и послѣ десятидневной ѣзды, 29 Января (8 Февраля) 1787 года, пріѣхали въ Кіевъ, древнюю столицу первыхъ Русскихъ князей. Городъ этотъ лежитъ на Днѣпрѣ и отстоитъ отъ Петербурга почти на 400 миль. Это былъ предѣлъ первой части нашего

*) Римско-католическій архіепископъ Сестренцевичъ-Богушъ, род. въ 1731 г. служилъ въ военной службѣ съ 1756 до 1761 года; въ 1763 г. вступилъ въ духовное званіе, былъ архіепископомъ съ 1774 г., а съ 1798 г. митрополитомъ Римскихъ церквей въ Россіи; ум. въ 1826 г. (Записки его сгорѣли въ Петербургскій пожаръ Апраксина двора).

Библиотека "Руниверс"

путешествія, и мы должны были остаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока рѣка освободится ото льда, и откроется плаваніе; а этого нельзя было ожидать ранѣе Апрѣля. Отъ Смоленска до Кіева, не смотря на то, что густой снѣгъ застилалъ намъ виды, замѣтно было, что по мѣрѣ нашего приближенія къ Югу, селенія попадались все чаще и были обширнѣе. До Кіева мы проѣхали десять городовъ: Мстиславль, Чериковъ, Новое Мѣсто, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Сосницу, Березну, Черниговъ, Нѣжинъ и Козелецъ. Въ Мстиславѣ мы видѣли два католическихъ монастыря и большую Іезуитскую школу. Изгнанный изо всѣхъ Европейскихъ государствъ, этотъ орденъ сохранилъ себѣ убѣжище въ Россіи, гдѣ не думали, чтобы происки этихъ монаховъ могли быть опасны, такъ какъ они не смѣли выѣзжать изъ двухъ трехъ-городовъ, назначенныхъ имъ для жительства. Кромѣ того, какъ было думать, что ихъ политическое или религіозное вліяніе можетъ распространиться въ странѣ, гдѣ государь, дворъ, дворянство и народъ такъ сильно привязаны къ Церкви, которая въ теченіи столькихъ вѣковъ отдѣлена отъ церкви Римской? Но, послѣ смерти Екатерины, перестали слѣдовать ея предусмотрительной осторожности: Іезуиты, путемъ хитрости и происковъ, добились разрѣшенія проникнуть во внутрь Имперіи; они основались даже въ Петербургѣ и Москвѣ; а такъ какъ ничто не можетъ остановить честолюбія этого неугомоннаго воинства, столь пагубнаго для всѣхъ правительствъ, которыя ему покровительствовали, то оно нашло средство, тайными происками и скрытой ревностью къ обращенію въ вѣру, посѣять разладъ во многихъ семьяхъ и доставить правительству основательныя безпокойства. Наконецъ императоръ Александръ Павловичъ потерялъ терпѣніе и за нѣсколько лѣтъ до своей смерти выгналъ изъ своего государства это вредное и неисправимое духовное общество. Въ Чериковѣ Императрица позволила Евреямъ содержать школу и имѣть синагогу.

Императрица, не ограничиваясь обычными привѣтствіями, вездѣ подробно разспрашивала чиновниковъ, духовныхъ, помѣщиковъ и купцовъ о ихъ положеніи, средствахъ, требованіяхъ и нуждахъ. Вотъ чѣмъ она пріобрѣтала себѣ любовь своихъ подданныхъ. Она допытывалась правды, чтобы обнаружить злоупотребленія, которыя многіе старались скрыть отъ нея. Однажды она сказала мнѣ: «Гораздо болѣе узнаешь, бесѣдуя съ простыми людьми о дѣлахъ ихъ, чѣмъ разсуждая съ учеными, которые заражены теоріями и изъ ложнаго стыда, съ забавною увѣренностью, судятъ о такихъ вещахъ, о которыхъ не имѣютъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Жалки мнѣ эти бѣдные ученые. Они никогда не смѣютъ сказать: *я не знаю*, а слова эти очень просты для насъ невѣждъ и часто избавляютъ насъ отъ опасной рѣ-

Библиотека "Руниверс"

шимости. Когда сомнѣваешься въ истинѣ, то лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать дурно».

По этому поводу она разсказала мнѣ забавную исторію про Мерсье-де-ла-Ривіера, писателя съ замѣчательнымъ талантомъ, издавшаго въ Парижѣ сочиненіе «*О естественномъ и существенномъ порядкѣ политическихъ обществъ*». Книга эта пользовалась блестящимъ успѣхомъ по соотвѣтствію содержавшихся въ ней мыслей съ началами экономистовъ. Такъ какъ Екатерина хотѣла познакомиться съ этою политико-экономическою системою, то она пригласила нашего публициста въ Россію и обѣщала ему за это приличное вознагражденіе. Это было въ то время, когда Государыня приготовлялась къ торжественному въѣзду въ Москву *) и потому просила Ривіера дождаться ее въ этой столицѣ.

«Господинъ де-ла-Ривіеръ, разсказывала Императрица, недолго сбирался и по пріѣздѣ своемъ немедленно нанялъ три смежныхъ дома, тотчасъ же передѣлалъ ихъ совершенно и изъ парадныхъ покоевъ подѣлалъ пріемныя залы, а изъ прочихъ—комнаты для присутствія. Философъ вообразилъ себѣ, что я призвала его въ помощь мнѣ для управленія имперіею и для того, чтобы онъ сообщилъ намъ свои познанія и извлекъ насъ изъ тьмы невѣжества. Онъ надъ всѣми этими комнатами прибилъ надписи пребольшими буквами: *Департаментъ внутреннихъ дѣлъ, департаментъ торговли, департаментъ юстиціи, департаментъ финансовъ, отдѣленіе для сбора податей и пр.* Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приглашалъ многихъ изъ жителей столицы, Русскихъ и иноземцевъ, которыхъ ему представили, какъ людей свѣдущихъ, явиться къ нему для занятія различныхъ должностей, соотвѣтственно ихъ способностямъ. Все это надѣлало шуму въ Москвѣ, и такъ какъ всѣ знали, что онъ пріѣхалъ по моей волѣ, то нашлись довѣрчивые люди, которые уже заранѣе старались къ нему поддѣлаться. Между тѣмъ я пріѣхала и прекратила эту комедію. Я вывела законодателя изъ заблужденія. Нѣсколько разъ поговорила я съ нимъ о его сочиненіи, и разсужденія его, признаюсь, мнѣ понравились, потому что онъ былъ не глупъ, но только честолюбіе немного помутило ему разумъ. Я, какъ слѣдуетъ, заплатила за всѣ его издержки, и мы разстались довольны другъ другомъ. Онъ оставилъ намѣреніе быть первымъ министромъ и уѣхалъ довольный, какъ писатель, но нѣсколько пристыженный, какъ философъ, котораго честолюбіе завело слишкомъ далеко».

На этотъ же случай намекала Екатерина, когда писала къ Вольтеру: «Г. де-ла-Ривіеръ пріѣхалъ къ намъ законодателемъ. Онъ полагалъ, что мы ходимъ на четверенкахъ, и былъ такъ любезенъ, что

*) Въ 1767 году, во время собранія комиссіи для составленія новаго уложенія.

Библиотека "Руниверс"

потрудился пріѣхать изъ Мартиники, чтобы учить насъ ходить на двухъ ногахъ». Знаменитый Дидро внушилъ Екатеринѣ желаніе познакомиться съ де-ла-Ривіеромъ. Дидрò самъ пріѣзжалъ въ Петербургъ *); Екатеринѣ понравилась въ немъ живость ума, своеобразность способностей и слога и его живое, быстрое краснорѣчіе. Этотъ философъ (можетъ быть, недостойный этого названія, потому что былъ нетерпимъ въ своемъ безвѣріи и до забавнаго фанатикъ въ идеѣ небытія) былъ однако одаренъ пылкою душею и потому, казалось бы, не долженъ былъ сдѣлаться матеріалистомъ. Впрочемъ, имя его, кажется, пережило большую часть его сочиненій. Онъ лучше говорилъ, нежели писалъ; трудъ охлаждалъ его вдохновеніе, и сочиненіями своими онъ далеко отстоитъ отъ великихъ нашихъ писателей; но пламенная рѣчь его была увлекательна, сила выраженій, которыя онъ всегда находилъ безъ труда, предупреждала судъ о вѣрности или пустотѣ его мыслей; рѣчь его поражала, потому что была блестяща и картинна; это былъ геній на парадоксы и проповѣдникъ матеріализма.

«Я долго съ нимъ бесѣдовала, говорила мнѣ Екатерина, но болѣе изъ любопытства, чѣмъ съ пользою. Если бы я ему повѣрила, то пришлось бы преобразовать всю мою имперію, уничтожить законодательство, правительство, политику, финансы и замѣнить ихъ несбыточными мечтами. Однако, такъ какъ я больше слушала его, чѣмъ говорила, то со стороны онъ показался бы строгимъ наставникомъ, а я скромной его ученицею. Онъ, кажется, самъ увѣрился въ этомъ, потому что, замѣтивъ наконецъ, что въ государствѣ не приступаютъ къ преобразованіямъ по его совѣтамъ, онъ съ чувствомъ обиженной гордости выразилъ мнѣ свое удивленіе. Тогда я ему откровенно сказала: «Г. Дидрò, я съ большимъ удовольствіемъ выслушала все, что̀ вамъ внушалъ вашъ блестящій умъ; но вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, дѣйствовать же по нимъ плохо. Составляя планы разныхъ преобразованій, вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы трудитесь на бумагѣ, которая все терпитъ: она гладка, мягка и не представляетъ затрудненій ни воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ какъ я, несчастная Императрица, тружусь для простыхъ смертныхъ, которые чрезвычайно чувствительны и щекотливы». Я увѣрена, что послѣ этого я ему показалась жалка, а умъ мой узкимъ и обыкновеннымъ. Онъ сталъ говорить со мною только о литературѣ, и политика была изгнана изъ нашихъ бесѣдъ».

Не смотря на эту неудачу, авторъ «*Отца семейства*», «*Жизни*

*) Объ этомъ см. соч. кн. Вяземскаго „Фонъ-Визинъ", гдѣ приведены разсказы Дидрò о его пребываніи въ Россіи.

Библиотека "Руниверс"

Сенеки» и основатель великаго памятника, *«Енциклопедіи»*, болѣе обязанъ Россіи, чѣмъ Франціи. Въ отечествѣ своемъ онъ былъ заключенъ въ тюрьму, тогда какъ Императрица пріобрѣла за 50,000 франковъ его библіотеку, предоставивъ ему право пользоваться ею до смерти, и сверхъ того купила ему домъ въ Парижѣ. Полагаю, что здѣсь будетъ кстати привести отрывки изъ двухъ писемъ Екатерины къ Вольтеру и отвѣтъ Вольтера.

«Милостивый государь, моя голова также тверда, какъ имя мое неблагозвучно. Я буду отвѣчать дурною прозою на ваши прелестные стихи. Сама я никогда не писала стиховъ, но тѣмъ не менѣе восхищалась вашими. Они меня такъ избаловали, что я почти не могу читать другихъ. Я ограничусь своимъ огромнымъ ульемъ; нельзя же приниматься вдругъ за нѣсколько дѣлъ. Никогда я не думала, что пріобрѣтеніе библіотеки доставитъ мнѣ такія похвалы, какими всѣ осыпаютъ меня по случаю покупки книгъ Дидрò. Вы, кому человѣчество обязано защитою невинности и добродѣтели въ лицѣ Каласа, согласитесь, что было бы жестоко и несправедливо разлучать *ученаго съ его книгами»*.

Другое письмо Екатерины: «Блескъ сѣверной звѣзды—только сѣверное сіяніе. Благодѣянія, распространяющіяся на нѣсколько сотъ верстъ и о которыхъ вамъ угодно было упомянуть, не принадлежатъ мнѣ. Каласъ обязанъ тѣмъ, что̀ имѣетъ, друзьямъ своимъ, такъ же какъ Дидрò продажею своей библіотеки—своему другу. Ничего не значитъ помочь ближнему отъ своего избытка; но быть ходатаемъ человѣчества и защитникомъ угнетенной невинности—значитъ заслужить безсмертіе.

Отвѣтъ Вольтера: «Прошу извинить меня, ваше императорское величество! Нѣтъ, вы не сѣверное сіяніе: вы—самая блестящая звѣзда Сѣвера, и никогда не бывало свѣтила столь благодѣтельнаго. Всѣ эти звѣзды оставили бы Дидрò умереть съ голоду. Онъ былъ гонимъ въ въ своемъ отечествѣ, а вы взыскали его своими милостями».

Всѣ государи этого времени видѣли, какъ наши парламенты обвиняютъ и осуждали смѣлыя произведенія философовъ, и въ тоже время ухаживали за философами, которыхъ считали раздавателями славы. Екатерина и Фридрихъ въ особенности жаждали ея и, какъ боги Олимпа, съ наслажденіемъ упивались ея благоуханіемъ. Чтобы заслужить ее, они расточали мйлости Вольтеру, Руссо, Райналю, Д'Аламберу и Дидрò. Люди противъ своей воли живутъ среди атмосферы своего вѣка, невольно увлекаются ея вихремъ; и тѣ именно, которые болѣе всего огорчались ея развитіемъ, первые содѣйствовали его ускоренію. Дворяне слѣдовали ихъ примѣру, и только послѣ такого участія въ укрѣпленіи этого зданія новаго общественнаго порядка тѣ и другіе позабыли, что разумъ

Библиотека "Руниверс"

человѣческій, какъ время, постоянно идетъ впередъ и никогда не отступаетъ, и задумали неисполнимую вещь—разрушить этотъ новый порядокъ. Можно устраивать настоящее, украшать будущее, все въ мірѣ можетъ измѣняться, но прошедшее возродиться не можетъ; это не что иное для насъ, какъ тѣнь, которая существуетъ только въ нашихъ воспоминаніяхъ. Благоразумный страхъ, который обнаруживала Екатерина передъ всѣмъ, что могло увлечь ее на опасный путь нововведеній, напоминаетъ мнѣ, съ какимъ гнѣвомъ разсказывала она, какъ одинъ Русскій лѣкарь, Самойловъ, вздумалъ было лѣчить чуму, какъ оспу, и хотѣлъ для постепеннаго ослабленія заразы прививать ее. Онъ сдѣлалъ опытъ на себѣ и нѣсколько разъ зачумлялся. Онъ просилъ дозволенія распространить этотъ страшный опытъ; но добродушный докторъ вмѣсто дозволенія отъ правительства получилъ добрый выговоръ за свое безсмысленное человѣколюбіе.

Фельдмаршалъ Румянцевъ, въ качествѣ мѣстнаго губернатора *), принялъ Государыню на границѣ губерніи. Лицо этого маститаго и знаменитаго героя служило выраженіемъ его души; въ немъ видна была и скрытность, и гордость, признаки истиннаго достоинства; но въ немъ былъ и оттѣнокъ грусти и недовольства, возбужденнаго преимуществами и отмѣннымъ значеніемъ Потемкина. Соперничество во власти разъединяло этихъ двухъ военачальниковъ: они шли, борясь между славою и милостью, и, какъ всегда почти бываетъ, восторжествовалъ тотъ кто былъ любимцемъ Государыни.

Фельдмаршалъ не получалъ никакихъ средствъ для управленія должностью; труды его подвигались медленно, солдаты его ходили въ старой одеждѣ, офицеры напрасно домогались повышеній. Всѣ милости, всѣ поощренія падали на армію, надъ которою начальствовалъ первый министръ.

Введенная въ заблужденіе, Императрица приписывала нерадивости фельдмаршала то печальное состояніе, въ которомъ она нашла его войска, дѣла и управленіе; между тѣмъ она съ восхищеніемъ расхваливала цвѣтущее положеніе губерній, состоящихъ въ управленіи князя, и волшебную быстроту, съ которой онъ все созидалъ.

Къ тому же Екатерина была Императрицей и женщиной: давнишній любимецъ восхвалялъ ее и безпрестанно благодарилъ, тогда какъ старый побѣдитель на поляхъ сраженій все сѣтовалъ: поэтому она нетерпѣливо ждала, чтобы пріѣхалъ тотъ, а другого выслушивала съ досадою.

*) Кіевскимъ губернаторомъ былъ тогда генералъ-поручикъ Ширковъ. Румянцевъ принималъ Государыню въ своемъ селѣ Вишенкахъ 24-го Января; онъ былъ тогда генералъ-губернаторомъ Малороссіи.

Библиотека "Руниверс"

Подъѣзжая къ Кіеву, испытываешь то особенное чувство уваженія, какое всегда внушаетъ видъ развалинъ. Да и живописное положеніе этого города придаетъ прелесть первому впечатлѣнію; смотря на него, вспоминаешь, что здѣсь колыбель огромной державы, долго пребывавшей въ невѣжествѣ, отъ котораго она освободилась не болѣе, какъ лѣтъ за сто, и теперь стала такъ огромна и грозна.

Когда мы осмотрѣли эту древнюю столицу съ ея окрестностями, Императрица захотѣла узнать, какое впечатлѣніе она произвела на меня, Кобенцеля и Фитцъ-Герберта, и послѣ съ усмѣшкою замѣтила, что различіе нашихъ мнѣній даетъ довольно вѣрное понятіе о характерѣ трехъ народовъ, которые мы представляли. «Какъ нравится вамъ Кіевъ?» спросила она у графа Кобенцеля. «Государыня, воскликнулъ графъ съ выраженіемъ восторга, это самый дивный, самый величественный, самый великолѣпный городъ, какой я когда-либо видѣлъ». Фитцъ-Гербертъ отвѣчалъ на тотъ же вопросъ: «Если сказать правду, такъ это незавидное мѣсто; видишь только развалины, да избушки». Когда съ такимъ же вопросомъ обратились ко мнѣ, я сказалъ: «Кіевъ представляетъ собою воспоминанія и надежды великаго города».

Для Государыни построили дворецъ просторный, красивый и богато убранный. Она принимала въ немъ духовенство, правительственныхъ лицъ, представителей дворянства, купцовъ и иностранцевъ, пріѣхавшихъ во множествѣ въ Кіевъ, куда привлекли ихъ величіе и новость зрѣлища, здѣсь ихъ ожидавшаго. Въ самомъ дѣлѣ, имъ представлялся великолѣпный дворъ, побѣдоносная Императрица, богатая и воинственная аристократія, князья и вельможи, гордые и роскошные, купцы въ длинныхъ кафтанахъ съ огромными бородами, офицеры въ различныхъ мундирахъ; знаменитые Донскіе казаки въ богатомъ Азіятскомъ нарядѣ, которыхъ длинныя пики, отвагу и удальство Европа узнала недавно; Татары, цѣкогда владыки Россіи, теперь подданные женщины и христіанки; князь Грузинскій, повергшій къ трону Екатерины дань Фазиса и Колхиды; нѣсколько посланцевъ отъ безчисленныхъ ордъ Киргизовъ, народа кочевого, воинственнаго, часто побѣждаемаго, но никогда еще не покореннаго; наконецъ дикіе Калмыки, настоящее подобіе Гунновъ, своимъ безобразіемъ нѣкогда наводившихъ ужасъ на Европу, вмѣстѣ съ грознымъ мечемъ ихъ жестокаго владыки Атиллы. Весь Востокъ собрался здѣсь, чтобы увидать новую Семирамиду, собиравшую дань удивленія всѣхъ монарховъ Запада. Это было какое-то волшебное зрѣлище, гдѣ казалось, сочиталась старина съ новизною, просвѣщеніе съ варварствомъ, гдѣ бросалась въ глаза противуположность нравовъ, лицъ, одеждъ самыхъ разнообразныхъ.

Библиотека "Руниверс"

Императрица, всегда вѣрная своимъ привычкамъ, дала въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ городахъ, великолѣпный балъ. Я надѣялся, что, будучи въ свитѣ Императрицы, увижу на этомъ длинномъ пути разныя заведенія и постройки въ мѣстахъ, гдѣ мы останавливались. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, я въ порывѣ негодованія необдуманно высказалъ, что мнѣ досадно проѣхать такъ далеко для того только, чтобы видѣть вездѣ тотъ же дворъ, слушать все тѣже Греческія обѣдни и присутствовать на балахъ. Екатерина узнала объ этомъ и сказала: «Я слышала, будто вы порицаете меня за то, что я во всѣхъ городахъ устраиваю аудіенціи и празднества; но вотъ почему это такъ: я путешествую не для того только, чтобъ осматривать мѣстности, но чтобы видѣть людей; я довольно знаю этотъ путь по планамъ и по описаніямъ, и при быстротѣ нашей ѣзды я бы немного успѣла разсмотрѣть. Мнѣ нужно дать народу возможность дойти до меня, выслушать жалобы и внушить лицамъ, которыя могутъ употреблять во зло мое довѣріе, опасеніе, что я открою всѣ ихъ изъяны, ихъ нерадѣніе и несправедливости. Вотъ какую пользу хочу я извлечь изъ моей поѣздки; одно извѣстіе о моемъ намѣреніи поведетъ къ добру. Я держусь правила, что лошади жирѣютъ отъ хозяйскаго глаза» (l'oeil du maître engraisse les chevaux).

Такъ какъ мы, Кобецель, Фитцъ-Гербертъ и я, предвидѣли, что, можетъ быть, придется намъ прожить въ Кіевѣ мѣсяцъ или два, то приказали нашимъ людямъ пріѣхать къ намъ, чтобы намъ можно было устроиться порядочно и принимать знатныхъ особъ здѣшнихъ и пріѣзжихъ. Но всѣ наши приготовленія и сборы были напрасны, и мы должны были отослать нашу прислугу; Императрица непремѣнно хотѣла, чтобы, въ продолженіе всей дороги, мы жили на ея счетъ. Я помѣстился въ прекрасномъ домѣ, назначенномъ для меня и снабженномъ всѣмъ, что мнѣ было нужно. Императрица прислала мнѣ дворецкаго, камердинеровъ, поваровъ, офиціантовъ, гайдуковъ, кучеровъ, форрейторовъ, чудесное серебро, бѣлье и фарфоровый сервизъ, прекрасныя вина, такъ, что у меня было все, чтобы жить роскошно. Она запретила принимать отъ насъ какую либо плату, такъ что въ продолженіе всего путешествія единственно-дозволенною намъ издержкою были подарки, какіе бы намъ заблагоразсудилось дѣлать хозяевамъ домовъ, въ которыхъ насъ помѣщали. Мы соображались съ волею Императрицы, и какъ нѣкогда въ Польшѣ я прожилъ нѣсколько дней настоящимъ Польскимъ паномъ, такъ и въ Кіевѣ жилъ своимъ дворомъ, словно любой Русскій бояринъ или какой нибудь потомокъ Рюрика или Владимира. Когда Императрица не приглашала насъ къ своему столу, что случалось раза два въ недѣлю, мы давали обѣды у себя. Но скоро намъ

Библиотека "Руниверс"

надоѣло жить раздѣльно, и мы согласились съѣзжаться у графа Кобенцеля, потому что домъ его былъ просторнѣе и покойнѣе и могъ свободно вмѣщать большее число гостей, что̀ для насъ было пріятнѣе. Сообща намъ было легче нести тягостную обязанность принимать множество иностранцевъ, прибывшихъ въ Кіевъ. По этому распорядку, мнѣ приходилось обѣдать дома только тогда, когда я былъ нездоровъ или хотѣлъ принять у себя только своихъ пріятелей.

Мнѣ было очень пріятно свидѣться съ прибывшимъ изъ Варшавы графомъ Стакельбергомъ. Онъ радовался моимъ успѣхамъ, которыми, по правдѣ сказать, я былъ отчасти обязанъ ему. Но какую перемѣну замѣтилъ я въ немъ! Это былъ другой человѣкъ: гордый и важный вице-король въ Польшѣ превратился въ Россіи въ придворнаго, едва замѣтнаго въ толпѣ; мнѣ казалось, что я вижу развѣнчаннаго монарха. Впрочемъ, хотя Потемкинъ и другіе Русскіе министры добились того, что Императрица обращалась съ нимъ холодно, онъ довольно удачно выпутывался изъ этого непріятнаго положенія. Привычка властвовать придала нѣкоторую важность его движеніямъ и медленность его рѣчи, что̀ казалось страннымъ при дворѣ, но обличало въ немъ сильнаго человѣка, привыкшаго внушать уваженіе и заставлять молчать.

Поляки явились толпами, разумѣется болѣе изъ страха, чѣмъ по привязанности къ владычицѣ Сѣвера. Между ними были графы Браницкій, Потоцкій, Мнишекъ, князь Сапѣга, княгиня Любо́мирская. Въ это время распространился слухъ, что десять Русскихъ полковъ вступятъ въ Польскую Украйну, и это извѣстіе немало напугало Поляковъ.

По случаю глупостей, надѣланныхъ недавно въ Россіи нѣсколькими молодыми Французами и также изъ опасенія, чтобы это не повредило моимъ намѣреніямъ сближать Россію съ Франціею и разсѣять предубѣжденіе Императрицы противъ насъ, я принужденъ былъ просить г. Верженя и отца моего, чтобы они рѣже и осторожнѣе дозволяли нашей молодежи выѣзжать въ Россію. Они меня поняли, и поэтому въ Кіевъ прибыли только два Француза, оба достойные люди: Александръ Ламетъ и графъ Эдуардъ Дильонъ. Лафайетъ тоже объявилъ свое намѣреніе явиться ко двору Екатерины, но такъ какъ онъ былъ выбранъ въ члены собранія государственныхъ чиновъ, то и не могъ исполнить своего намѣренія. Императрица сожалѣла объ этомъ: она очень желала познакомиться съ нимъ. Такъ какъ въ то время восторгъ по поводу освобожденія Америки захватилъ всѣхъ, до коронованныхъ особъ включительно, то Лафайетъ казался имъ героемъ только потому, что сражался за свободу въ другомъ полушаріи; но какъ только онъ захотѣлъ защитить тоже дѣло въ Европѣ, всѣ монархи признали его виновнымъ и бунтовщикомъ.

Библиотека "Руниверс"

Выгода заставляетъ людей быстро мѣнять мнѣнія: когда я былъ въ Россіи, океанъ еще раздѣлялъ новую богиню (свободу) отъ старой (неограниченной власти), и я помню, что орденскій знакъ Цинцината, который я тогда носилъ и который теперь, въ глазахъ многихъ, считался бы чуть не знакомъ анархіи, въ то время возбуждалъ зависть всѣхъ молодыхъ царедворцевъ. Императрица съ отличнымъ благоволеніемъ приняла Эдуарда Дильона и особенно Александра Ламета. Умная, славолюбивая Государыня любила завоевывать себѣ вниманіе людей, особенно достойныхъ такой побѣды; она знала, что люди, извѣстные по имени, достоинствамъ, подвигамъ, талантамъ, сочиненіямъ или успѣхамъ въ свѣтѣ, распространяютъ славу монарховъ, польстившихъ ихъ самолюбію. Разъ ей случилось очень забавно обмолвиться въ разговорѣ съ Ламетомъ. У нихъ какъ-то зашелъ разговоръ о дядѣ Ламета, маршалѣ де-Брольи (de-Broglie). Отдавъ справедливость подвигамъ и способностямъ этого извѣстнаго полководца, она сказала: «Да, мнѣ всегда было жаль за Французовъ, что этотъ знаменитый маршалъ, слава и украшеніе своего отечества, не имѣетъ дѣтей, которые наслѣдовали бы славу его имени и были бы также извѣстны въ лѣтописяхъ войны». На это Ламетъ отвѣчалъ: «Замѣчаніе это было бы очень лестно для маршала, но къ счастью, оно ошибочно. Ваше величество имѣете о немъ невѣрныя свѣдѣнія: дядя мой такъ же счастливъ въ женитьбѣ, какъ и на военномъ поприщѣ; у него большое семейство: онъ отецъ двадцати двухъ дѣтей».

Въ Кіевѣ увидалъ я многихъ генераловъ, съ которыми не былъ знакомъ въ Петербургѣ, потому что они были постоянно на службѣ или жили въ своихъ помѣстьяхъ, въ удаленіи отъ двора. Двое изъ нихъ особенно меня удивляли, одинъ рѣзкостью нрава, а другой странностью и оригинальностью, которою онъ обыкновенно прикрывалъ свои дарованія, возбуждавшія зависть въ его соперникахъ. Первый былъ генералъ Каменскій *), человѣкъ живой, суровый, буйный и вспыльчивый. Одинъ Французъ, напуганный его гнѣвомъ и угрозами, пришелъ ко мнѣ искать себѣ убѣжища; онъ сказалъ мнѣ, что, опредѣлившись въ услуженіе къ Каменскому, онъ не могъ довольно нахвалиться его обхожденіемъ, покуда они были въ Петербургѣ, но что скоро господинъ увезъ его въ деревню, и тогда все перемѣнилось. Вдали отъ столицы образованный Русскій превратился въ дикаря; онъ обходился съ людьми своими, какъ съ невольниками, безпрестанно ругался, не платилъ жалованья и билъ за малѣйшій проступокъ иногда и тѣхъ, кто не былъ виноватъ. Не стер-

*) Каменскій, графъ Михаилъ Ѳедотовичъ, фельдмаршалъ, род. въ 1738 году; убитъ въ своей деревнѣ 12 Августа 1809 года.

Библиотека "Руниверс"

пѣвъ такого своеволія, Французъ убѣжалъ и пріѣхалъ въ Кіевъ; но и здѣсь клевреты генерала его преслѣдовали. Одинъ изъ нихъ, который былъ добродушнѣе прочихъ, предупредилъ его, что генералъ поклялся отдѣлать его хорошенько, если онъ попадетъ ему въ руки. Разсказъ этотъ возмутилъ меня. Я отправился къ его гонителю и объявилъ ему, что не потерплю такого обхожденія съ Французомъ. Мы горячо поспорили. Каменскій находилъ страннымъ, что я вмѣшиваюсь въ дѣла его слугъ и защищаю мерзавца, и объявилъ, что, несмотря на меня, раздѣлается съ нимъ. «Если такъ, генералъ, сказалъ я, то я имѣю полное право взять вашу жертву подъ защиту. Я посолъ и Французъ. Если вы рѣшительно не захотите дать мнѣ обѣщаніе прекратить преслѣдованіе человѣка свободнаго по законамъ своего отечества и съ которымъ вы не можете поступать, какъ съ рабомъ: то я, какъ посолъ, сейчасъ же иду жаловаться къ Императрицѣ, а потомъ, какъ Французскій офицеръ, потребую отъ васъ удовлетворенія за обиды, которыя буду считать лично мнѣ нанесенными, потому что я беру этого человѣка подъ свое покровительство».

Частное столкновеніе со мною не устрашило бы генерала; но, боясь прогнѣвать Императрицу, онъ усмирился. Онъ обѣщалъ исполнить мои требованія, и мы разстались. По прошествіи многихъ лѣтъ, этотъ же самый Каменскій доказалъ мнѣ свое злопамятство самымъ грубымъ образомъ. Въ первую войну Французовъ съ Русскими, завершенную славнымъ Тильзитскимъ миромъ, сынъ мой, генералъ Филиппъ Сегюръ, послѣ блистательнаго дѣла, слишкомъ далеко погнался за отступавшимъ непріятелемъ, былъ окруженъ и схваченъ; его привели къ генералу Каменскому. Каменскій, спросилъ его имя и хотѣлъ получить отъ него свѣдѣнія о положеніи и числѣ Французскихъ армій. За его отказъ онъ отплатилъ ему самымъ неприличнымъ обращеніемъ. Онъ хотѣлъ заставить его пройти двадцать льё въ снѣгу по колѣна, не давъ ему времени оправиться и перевязать свои раны. Но Русскіе офицеры, возмущенные жестокостію генерала, дали моему сыну кибитку, и чрезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ въ главную квартиру Апраксина, который своею любезностью и внимательностью заставилъ забыть дурное обращеніе мстительнаго Москвитянина. Впослѣдствіи мнѣ разсказывали, что этотъ же самый Каменскій, подъ старость нисколько не сталъ мягче и что одинъ изъ его крестьянъ, доведенный имъ до отчаянія, разсѣкъ топоромъ ему голову.

Генералъ Суворовъ въ другомъ отношеніи возбуждалъ мое любопытство. Своею отчаянною храбростью, ловкостью и усердіемъ, которое онъ возбуждалъ въ солдатахъ, онъ сумѣлъ отличиться и выслужиться,

Библиотека "Руниверс"

хотя былъ небогатъ, незнатнаго рода и не имѣлъ связей. Онъ бралъ чины саблею. Гдѣ предстояло опасное дѣло, трудный или отважный подвигъ, начальники посылали Суворова. Но такъ какъ съ первыхъ шаговъ на пути славы онъ встрѣтилъ соперниковъ завистливыхъ и сильныхъ на столько, что они могли загородить ему дорогу, то и рѣшился прикрыть свои дарованія личиною странностей. Его подвиги были блистательны, мысли глубоки, дѣйствія быстры; но въ частной жизни, въ обществѣ, въ своихъ движеніяхъ, обращеніи и разговорѣ онъ являлся такимъ чудакомъ, даже можно сказать сумасбродомъ, что честолюбцы перестали бояться его, видѣли въ немъ полезное орудіе для исполненія своихъ замысловъ и не считали его способнымъ вредить и мѣшать имъ пользоваться почестями, вѣсомъ и могуществомъ. Чтобы возвыситься и достигнуть славы, этотъ герой деспотизма употреблялъ туже личину, какою въ царствованіе Тарквинія прикрывался герой свободы, Брутъ. Суворовъ, почтительный къ своимъ начальникамъ, добрый къ солдатамъ, былъ гордъ, даже невѣжливъ и грубъ съ равными себѣ. Незнавшихъ его онъ поражалъ, закидывая ихъ своими частыми и быстрыми вопросами, какъ будто дѣлалъ имъ допросъ; такъ онъ знакомился съ людьми. Ему непріятно было, когда приходили въ замѣшательство; но онъ уважалъ тѣхъ, которые отвѣчали опредѣлительно, безъ запинокъ. Это я испыталъ, будучи еще въ Петербургѣ: я понравился ему моими лаконическими отвѣтами, и онъ не разъ у меня обѣдывалъ во время краткаго своего пребыванія въ столицѣ. Помнится, что однажды я спросилъ его, правда ли, что въ походахъ онъ почти не спитъ, принуждая себя къ тому даже безъ надобности, ложится не иначе какъ на солому и никогда не снимаетъ сапогъ. «Да отвѣчалъ онъ, я ненавижу лѣнь. Чтобы не разоспаться, я держу у себя въ палаткѣ пѣтуха, и онъ безпрестанно, будитъ меня; если я вздумаю иногда понѣжиться и полежать покойнѣе, то снимаю одну шпору». Когда ему дали чинъ фельдмаршала, онъ, въ ознаменованіе этого событія, устроилъ престранную церемонію, въ присутствіи своихъ солдатъ. Онъ велѣлъ поставить въ церкви вдоль стѣны столько стульевъ, сколько было генераловъ старше его по службѣ и, въ курткѣ, началъ перепрыгивать черезъ каждый стулъ, какъ школьники играющіе въ чехарду; показавъ этимъ, что онъ обогналъ своихъ соперниковъ, онъ надѣлъ фельдмаршалскій мундиръ, со всѣми своими орденами, и съ важностью приказалъ священнику отслужить молебенъ. Разсказываютъ, что, получивъ отъ императора почетнѣйшій изъ Австрійскихъ орденовъ, онъ самъ совершилъ посвященіе въ кавалеры его передъ огромнымъ зеркаломъ, съ самыми странными причудами. Извѣстно, что во время похода въ Швейцаріи, будучи при-

Библиотека "Руниверс"

нужденъ, по ошибкѣ Корсакова *), отступить передъ Массеною, онъ приказалъ вырыть яму и, ставъ въ нее, закричалъ солдатамъ, что если они хотятъ бѣжать и не станутъ грудью противъ непріятеля, то пусть прежде зароютъ его и попрутъ прахъ его ногами. Въ бытность мою въ Россіи Суворовъ еще не достигъ высшихъ военныхъ чиновъ. Мы видѣли въ немъ славнаго воина, генерала, отважнаго въ арміи и весьма страннаго при дворѣ. Когда Суворовъ встрѣтился съ Ламетомъ, человѣкомъ не слишкомъ мягкаго нрава, то имѣлъ съ нимъ довольно забавный разговоръ, который я поэтому и привожу здѣсь. «Ваше отечество?» спросилъ Суворовъ отрывисто. «Франція». «Ваше званіе?» «Солдатъ». «Вашъ чинъ?» «Полковникъ». «Имя?» «Александръ Ламетъ». «Хорошо». Ламетъ, не совсѣмъ довольный этимъ краткимъ допросомъ, въ свою очередь обратился къ генералу, смотря на него пристально: «Какой вы націи?» «Должно быть Русскій». «Ваше званіе?» «Солдатъ». «Вашъ чинъ?» «Генералъ». «Имя?» «Александръ Суворовъ». «Хорошо». Оба расхохотались и съ тѣхъ поръ были очень хороши между собою.

Князь Потемкинъ постоянно почти находился въ отсутствіи, занятый приготовленіями великолѣпнаго зрѣлища, которое намѣревался представить взорамъ своей Государыни при вступленіи ея въ области, ему подчиненныя. Даже заочно не смѣли гласно осуждать его; лишь тайкомъ безсильная зависть подкапывалась подъ его славу. Порою до слуха Императрицы доходили легкія жалобы и намеки на своевольное управленіе, гордость и несправедливость могущественнаго любимца. Одинъ только фельдмаршалъ Румянцевъ высказывалъ прямо и благородно свое мнѣніе и свое неудовольствіе. Скоро князь пріѣхалъ. Тогда снова послышались однѣ похвалы, снова стали оказывать ему однѣ почести, съ самою усердною лестью. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ и принцъ Нассау-Зигенъ, и мы встрѣтились, какъ старые товарищи по службѣ. Я представилъ его Императрицѣ, и онъ благодарилъ ее за подаренную ему землю въ Крыму и за дозволеніе выставить Русскій флагъ на своихъ судахъ. Ея величество пригласила его путешествовать съ нею. Въ ожиданіи разрѣшенія отъ нашего двора, я уполномочилъ его носить мундиръ, присвоенный Русскимъ дворянамъ. Наконецъ и князь Дашинь возвратился изъ Вѣны. Своимъ присутствіемъ онъ оживилъ все наше общество, разсѣялъ скуку и придалъ жизни нашимъ увеселеніямъ. Тогда намъ стало казаться, что жестокая стужа не такъ сильна, и что скоро пробудется веселая весна.

---

*) Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 13 Авг. 1753 г., ум. 13 Мая 1840 г.

Библиотека "Руниверс"

Разъ или два въ недѣлю Императрица имѣла собранія при дворѣ и давала большой балъ или прекрасный концертъ. Въ прочіе дни столъ ея накрывался на восемь или на десять приборовъ. Трое пословъ, ее сопровождавшихъ, были ея постоянными гостями, также князь Делинь и иногда принцъ Нассау. Вечера мы всегда проводили у нея; въ это время она не терпѣла принужденія и этикета; мы видѣли не Императрицу, а просто любезную женщину. На этихъ вечерахъ разсказывали, играли въ биліардъ, разсуждали о литературѣ. Однажды Государынѣ вздумалось учиться писать стихи. Цѣлыхъ восемь дней я объяснялъ ей правила стихосложенія. Но когда дошло до дѣла, то мы замѣтили, что совершенно напрасно теряли время. Нѣтъ, я думаю, слуха столько нечувствительнаго къ созвучію стиха. Умъ ея, обширный въ политикѣ, не находилъ образовъ для воплощенія мечты: онъ не выдерживалъ утомительнаго труда приглаживать рифмы и стихи. Она увѣряла, что попытки ея въ этомъ родѣ будутъ такъ же неудачны, какъ попытки славнаго Малебранша, который говорилъ, что, сколько ни старался, не могъ сочинить болѣе двухъ стиховъ:

Il fait le plus beau temps du monde
Pour aller à cheval, sur la terre et sur l'onde [1]).

Безуспѣшность этихъ опытовъ, казалось, раздосадовала Государыню. Фитцъ-Гербертъ сказалъ ей: «Что же дѣлать! Нельзя же въ одно время достигать всѣхъ родовъ славы, и вамъ должно довольствоваться вашимъ двустишіемъ, посвященнымъ вашей собачкѣ и вашему доктору:

Ci-gît la duchesse Anderson,
Qui mordit monsieur Rogerson [2]).

Итакъ, я отказался отъ этихъ уроковъ поэзіи и объявилъ августѣйшей моей ученицѣ, что ей надо ограничиться одной прозою.

Князь Делинь не допускалъ, чтобы скука хоть на минуту водворялась въ нашемъ маленькомъ кружкѣ. Онъ безпрестанно разсказывалъ разные забавные анекдоты и сочинялъ на разные случаи пѣсенки и мадригалы. Пользуясь исключительнымъ правомъ говорить, что ему вздумается, онъ вмѣшивалъ политику въ свои загадки и разсказы. Хотя веселье его доходило иногда до дурачества, но порой, подъ ви-

[1]) „Теперь отличная погода, чтобы ѣздить верхомъ и по землѣ, и по водѣ".

[2]) „Здѣсь похоронена герцогиня Андерсонъ (любимая собачка Императрицы), укусившая господина Родмерсона" Родмерсонъ, Иванъ Самойловичъ, лейбъ-медикъ Императрицы.

Библиотека "Руниверс"

домъ шутки, онъ высказывалъ прямыя и колкія истины. Онъ былъ привычный царедворецъ, разсчетливый льстецъ, добрякъ сердцемъ, мудрецъ умомъ. Его насмѣшки забавляли, но никогда не оскорбляли. Однажды онъ презабавно подшутилъ надо мною и Кобенцелемъ. Страдая вмѣстѣ съ нами легкою лихорадкою, онъ какъ-то вздумалъ укорять насъ, что мы напрасно не лѣчимся, и что мы ужасно перемѣнились въ лицѣ, жалѣлъ о насъ и наконецъ объявилъ, что рѣшится показать намъ примѣръ, будетъ лѣчиться и употребитъ всѣ средства, чтобы поскорѣе выздоровѣть и быть въ состояніи продолжать путь. Убѣжденный его доводами Кобенцель, у котораго болѣло горло, пустилъ себѣ кровь; я также принялъ какія-то лѣкарства. Нѣсколько дней спустя, мы сошлись у Императрицы, и она сказала князю: «У васъ сегодня совсѣмъ здоровый видъ; я думала, что вы больны. Былъ у васъ мой докторъ?» «О, Государыня, мои болѣзни не бываютъ продолжительны; у меня есть особенное средство лѣчиться: какъ только я занемогу, я тотчасъ обращаюсь къ своимъ двумъ друзьямъ, пущу кровь Кобенцелю, а Сегюру даю слабительнаго, и послѣ этого я здоровъ».

Императрица похвалила его средство, намѣревалась его испробовать и вдоволь посмѣялась надъ нашею покорностью.

Общество въ Кіевѣ представляло три различныя картины. У Императрицы можно было видѣть то великолѣпнѣйшій дворъ, то самый тѣсный кружокъ. Домъ, гдѣ жили Кобенцель, Фитцъ-Гербертъ и я, и гдѣ мы принимали и Русскихъ, и иностранцевъ, принялъ видъ какой-нибудь Европейской кофейни, которая была всегда полна и въ которой сходились разноплеменные люди; здѣсь раздавалась рѣчь на различныхъ языкахъ и употреблялись блюда, фрукты и вина разныхъ странъ, шла всякаго рода игра. Время проходило въ общей бесѣдѣ или въ частныхъ толкахъ о разныхъ предметахъ отъ важнѣйшихъ до самыхъ обыкновенныхъ. Напротивъ того, если кто подымался въ Печерскій монастырь (чтобы посѣтить Потемкина, который тамъ расположился) тому приходило въ голову, что онъ присутствуетъ при аудіенціи визиря въ Константинополѣ, Багдадѣ или Каирѣ. Тамъ господствовали молчаніе и какой-то страхъ. По врожденной ли склонности къ пѣгѣ, или изъ притворнаго высокомѣрія, которое онъ считалъ умѣстнымъ обнаруживать, этотъ могущественный и прихотливый любимецъ Екатерины, изрѣдка показываясь въ фельдмаршалскомъ мундирѣ, покрытомъ орденами съ брилліантами, весь въ шитьѣ и галунахъ, расчесанный, напудренный, какъ кто-либо изъ нашихъ стариковъ-царедворцевъ, чаще всего ходилъ въ халатѣ на мѣху, съ открытой шеей, въ широкихъ туфляхъ на босу ногу, съ распущенными и нечесанными волосами. Обыкновенно онъ лежалъ развалясь на широкомъ диванѣ, окруженный

Библиотека "Руниверс"

множествомъ офицеровъ и значительнѣйшими сановниками имперіи; рѣдко приглашалъ онъ кого-нибудь садиться и почти всегда усердно игралъ въ шахматы, а потому не считалъ себя обязаннымъ обращать вниманіе на Русскихъ или иностранцевъ, которые посѣщали его.

Мнѣ знакомы были эти странности. Но такъ какъ большая часть присутствовавшихъ не знали объ искренней взаимности, которая водворилась между нами, то, признаюсь, мое самолюбіе иногда страдало, когда мнѣ приходило на мысль, что иностранцы увидятъ посла Французскаго короля принужденнымъ подчиняться, вмѣстѣ съ прочими, высокомѣрію и причудамъ Потемкина. Но, чтобы не возбудить ложныхъ толковъ, я поступилъ слѣдующимъ образомъ: когда я пріѣхалъ къ нему, и обо мнѣ доложили, я вошелъ и, видя, что князь сидитъ за шахматами, не удостоивая меня взглядомъ, я прямо подошелъ къ нему, обѣими руками взялъ и приподнялъ ему голову, поцѣловалъ его и попросту сѣлъ подлѣ него на диванъ. Эта фамиліярность немного удивила зрителей; но такъ какъ Потемкину она не показалась неумѣстною, то всѣ поняли мои отношенія къ нему. Изъ уваженія ли ко мнѣ, или къ достоинствамъ Ламета и Дильона, которыхъ ему расхвалили, онъ принялъ ихъ довольно любезно и вѣжливо.

Вскорѣ послѣ того прибылъ въ Кіевъ одинъ Испанецъ, котораго имя впослѣдствіи получило жалкую извѣстность въ политическомъ мірѣ; онъ назывался *Миранда*. Это былъ человѣкъ образованный, умный, вкрадчивый и смѣлый. Рожденный въ Америкѣ, онъ былъ въ родственныхъ отношеніяхъ съ семействомъ Аристегитта, которое я узналъ въ бытность мою въ Каракасѣ и о которомъ упоминалъ въ началѣ Записокъ. Во время войны *) Испанское правительство открыло, что Миранда, измѣнивъ своему долгу, передалъ Англійскимъ адмираламъ планы и карты Кубы и другихъ Испанскихъ колоній. Его хотѣли захватить; онъ убѣжалъ, но былъ лишенъ чиновъ и преслѣдуемъ Испанскими властями. Онъ получалъ отъ Англичанъ жалованье, бродилъ по Европѣ, замышляя отмщеніе за неудачу своихъ честолюбивыхъ плановъ и выжидая удобнаго случая, чтобы возвратиться въ Каракасъ и поднять тамъ возстаніе. Я тогда не зналъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ. Но такъ какъ Миранда явился ко мнѣ безъ всякихъ рекомендательныхъ писемъ, то я не захотѣлъ представить его Императрицѣ. Однако это его не остановило. Въ Константинополѣ онъ познакомился съ принцемъ Нассау, который ввелъ его къ Потемкину; очаровавъ

*) За независимость Американскихъ штатовъ, когда Испанія вмѣстѣ съ Франціею дѣйствовала противъ Англіи.

Библиотека "Руниверс"

умомъ своимъ, онъ черезъ него добился негласной аудіенціи у Императрицы.

Явясь предъ Государыней, онъ прикинулся угнетеннымъ философомъ, жертвою инквизиціи и успѣлъ снискать ея вниманіе, такъ что, когда онъ уѣхалъ въ Петербургъ, Императрица приказала своему вицеканцлеру принять его достойнымъ образомъ какъ человѣка, котораго она уважаетъ. Изъ дальнѣйшаго разсказа видно будетъ, сколько хлопотъ доставило мнѣ его присутствіе по возвращеніи моемъ въ столицу.

Въ тѣ дни, въ которые князь Потемкинъ не принималъ гостей или, лучше сказать, не разыгрывалъ роль Азіатскаго владыки, я любилъ бывать у него по домашнему, видѣть его окруженнаго любезными племянницами и друзьями. Это былъ другой человѣкъ, правда, всегда причудливый, но остроумный и умѣвшій всегда придать занимательность разговорамъ самымъ разнообразнымъ.

Правила Русскихъ таможень были тогда чрезвычайно стѣснительны, строги и соблюдались съ чрезмѣрной точностью. Даже посланники принуждены были давать курьерамъ своимъ посылки опредѣленной величины, чтобы ни подъ какимъ видомъ, вмѣстѣ съ депешами, не замѣшались какіе-либо запрещенные товары. Но тѣ, которые писали законы и должны были наблюдать за исполненіемъ ихъ, чаще другихъ ихъ нарушали. Привожу для доказательства слѣдующій довольно странный случай. Когда мой камердинеръ Евраръ, котораго я послалъ курьеромъ въ Версаль съ подписаннымъ торговымъ договоромъ, возвратился съ этимъ актомъ по утвержденіи его нашимъ дворомъ, то Русское правительство, ради того, что онъ везетъ подарки короля Русскимъ министрамъ, дало приказаніе пограничной таможнѣ пропустить его безъ осмотра. Зная объ этомъ распоряженіи, онъ воспользовался имъ и, безъ моего вѣдома, пріѣхалъ въ Кіевъ въ каретѣ, набитой кружевами и разными запрещенными вещами. Разъ, завтракаю я у Потемкина съ его племянницами и нѣсколькими посторонними лицами и вдругъ замѣчаю, что нѣкоторые изъ присутствующихъ безпрестанно уходятъ въ сосѣднюю комнату и тщательно притворяютъ за собою двери. Всякій разъ, какъ я пытался тоже войти туда, одна изъ племянницъ князя задерживала меня подъ какимъ-либо предлогомъ. Это еще болѣе подстрекло мое любопытство; я при удобномъ случаѣ ускользнулъ, поспѣшно отворилъ дверь и увидѣлъ на большомъ столѣ, окруженномъ любопытными и покупателями, цѣлую огромную кучу разныхъ запрещенныхъ товаровъ, которые мой камердинеръ показывалъ, всячески выхваляя ихъ достоинство и объявляя цѣну. Мое появленіе поразило всѣхъ. Князь, любопытные зрители, покупатели, всѣ были виновны и пойманы на дѣлѣ. Мой торговецъ, озадаченный, началъ поскорѣе сбирать свои ве-

Библиотека "Руниверс"

щи. Я принялъ на себя гнѣвный видъ, выбранилъ контрабандиста и объявилъ ему, что отказываю ему отъ мѣста. Напрасно дамы старались меня уговорить и упрашивали простить его; я цѣлый часъ крѣпился, но наконецъ долженъ былъ уступить, когда самъ князь, первый министръ, просилъ у меня помилованія виновному. «Что же дѣлать, сказалъ я, когда, къ удивленію моему, вы сами въ числѣ виновниковъ и укрывателей?»

Среди всѣхъ этихъ веселыхъ собраній, праздниковъ, баловъ, забавъ, торжествъ, политика не оставалась въ бездѣйствіи, и со стороны Константинополя поднималась буря, предвѣстница тѣхъ, которыя почти цѣлыя тридцать лѣтъ волновали и тревожили Европу. Всѣ тогдашніе политики боялись, чтобы разрывъ Россіи съ Портою, возбудивъ соперничество прочихъ державъ, не произвелъ всеобщей Европейской войны. Въ самомъ дѣлѣ, казалось ясно, что если императоръ и Императрица попытаются нарушить политическое равновѣсіе и увеличить свои государства обширными Турецкими владѣніями въ Европѣ, то Франція, Пруссія и Швеція всѣми силами воспротивятся этимъ завоеваніямъ, даже если бы Англія соединилась съ двумя имперіями въ надеждѣ воспользоваться этимъ переворотомъ и овладѣть Архипелагомъ.

Уму человѣческому не суждено предвидѣть происшествій самыхъ близкихъ. Въ то время никто не думалъ о послѣдствіяхъ легкихъ смутъ, тогда волновавшихъ Францію. Всѣ, напротивъ того, полагали, что ея внутреннія безпокойства, происшедшія отъ дурного состоянія финансовъ, ослабятъ вѣсъ ея въ Европейскихъ дѣлахъ, такъ что всѣхъ тревожилъ одинъ лишь Востокъ. Дворъ Екатерины становился средоточіемъ политики; къ нему обращены были взоры всѣхъ государственныхъ людей. Екатерина II, при всей проницательности своего ума, жестоко ошибалась тогда насчетъ положенія Французскаго правительства, которому предвѣщала она славу и счастіе.

Въ Кіевѣ получилъ я послѣднее письмо отъ Верженя. Онъ поручалъ мнѣ сообщить Императрицѣ рѣшеніе короля собрать государственные чины всего королевства. Узнавъ объ этомъ, Императрица выразила мнѣ свое удовольствіе и съ увлеченіемъ выхваляла эту мѣру; она видѣла въ ней несомнѣнный залогъ будущаго возстановленія нашихъ финансовъ и учрежденія общественнаго порядка. «Я, право, не нахожу довольно словъ, сказала она, чтобы похвалить молодого короля, который для Франціи является достойнымъ соперникомъ Генриха IV». Всѣ иностранцы, находившіеся въ Кіевѣ, какой бы націи они ни были, поздравляли меня по этому случаю. Чувство человѣколюбія, благородство мысли, желаніе искоренить злоупотребленія и предразсудки, ослабить самовластіе и достигнуть свободы, которая въ собственномъ смыслѣ

Библиотека "Руниверс"

есть справедливость, тайно волновали тогда всѣ души, окрыляли всѣ умы, оживляли всѣ сердца. Для личныхъ побужденій тогда еще не предвидилось ударовъ, ожидавшихся впослѣдствіи, и только одно общее благо было въ виду и на умѣ у каждаго. Счастливые дни, которые миновались навсегда! Какія благородныя мечтанія лелѣяли мы въ ту пору нашей неопытности! И для чего взрывъ страстей и ярость духа партій съ той поры изсушили души, отравили самыя естественныя чувства и далеко отдалили благополучіе, къ которому мы всѣ, казалось, стремились, единодушно озаренные свѣточами разума и истины, вскорѣ превратившимися въ факелы раздора? Я тогда чистосердечно раздѣлялъ блестящія надежды большей части моихъ современниковъ и не понималъ темныхъ предчувствій, которыя созваніе членовъ внушало моему отцу.

Въ письмахъ своихъ онъ говорилъ мнѣ о грядущихъ несчастіяхъ и о переворотахъ, почти неизбѣжныхъ. Онъ писалъ мнѣ: «Когда король пожелалъ узнать мое мнѣніе о намѣреніи созвать выборныхъ изъ народа, я посовѣтовалъ ему обсудить хорошенько всѣ возможныя послѣдствія такой мѣры; потому что въ настоящихъ обстоятельствахъ, при всеобщемъ волненіи умовъ, созваніе чиновъ можетъ послужить подготовкою къ народному сейму, а кто могъ взвѣсить послѣдствія этого?» Происшествія оправдали предсказанія стараго министра. Но тогда они показались мнѣ внушенными духомъ старины и предразсудковъ, который противится всякимъ нововведеніямъ, даже полезнымъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я узналъ о смерти графа Верженя. Это было несчастіе для Франціи и, можно сказать, потеря для всей Европы, на которую онъ оказывалъ благотворное вліяніе духомъ соглашенія, дальновидностью и благоразуміемъ. Графъ Монморенъ, заступившій его мѣсто, изъявилъ мнѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благоволеніе короля къ моей дѣятельности въ Россіи. Его величество поручилъ ему сказать мнѣ, что онъ доволенъ мною во всѣхъ отношеніяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было предписано утотребить всевозможныя старанія, чтобы развѣдать причины важныхъ недоразумѣній, возникшихъ въ Константинополѣ между Шуазелемъ и Булгаковымъ по поводу новыхъ споровъ, которые могли причинить войну, несмотря на всѣ наши старанія. Въ тоже время Шуазель писалъ мнѣ, что Булгаковъ грозилъ Турецкому министерству, безумно разжигая раздоръ, прекращенный нашимъ посредничествомъ, и притомъ еще не сообщалъ Французскому послу извѣстій о своихъ дѣйствіяхъ. Я зналъ, что Шуазель обыкновенно видѣлъ во всемъ только дурную сторону и часто тревожился напрасно. Но въ этомъ случаѣ его жалобы были основательны. Онъ въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ велъ себя съ достоинствомъ, ловко и благоразумно. Его объясненія были скромны

Библиотека "Руниверс"

и благородны; онъ высказывалъ свои мнѣнія дивану рѣшительно и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожно. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ не устранялъ возможности примиренія въ случаѣ искренности со стороны Русскихъ. Если же Россія захотѣла разрыва, то онъ уничтожалъ всякій основательный предлогъ къ начатію войны, и вслѣдствіе этого несправедливыя притязанія выказались бы ясно, со всей ихъ постыдной наготѣ.

Мое положеніе становилось щекотливо. Съ одной стороны, будучи въ свитѣ и въ близкихъ сношеніяхъ съ Императрицей, едва заключивъ выгодный торговый трактатъ съ ея министрами, я легко могъ навлечь на себя подозрѣніе въ потворствѣ выгодамъ Россіи, повидимому жертвуя для нея долгомъ изъ чувства благодарности. Съ другой стороны, я долженъ былъ избѣгать увлеченія въ разговорахъ, чтобы не оскорбить чѣмъ нибудь гордости Русскихъ и не выйти изъ роли согласителя, которую мнѣ задали. Наконецъ, мнѣ надобно было пользоваться временемъ, не дожидаясь наставленій моего двора; дѣло было спѣшное, молчаніе или медленность могли повредить ему. Побуждаемый такими обязанностями къ мѣрамъ рѣшительнымъ, каковы бы ни были послѣдствія ихъ, я избралъ тѣ, которыя мнѣ казались сообразными съ достоинствомъ моего монарха и моего отечества. Поэтому, испрося совѣщанія съ графомъ Безбородкомъ, который завѣдывалъ иностранными дѣлами, я объявилъ ему рѣшительно, что король не можетъ остаться равнодушнымъ, когда Русское правительство, испрося нашего посредничества (помощію котораго оно достигло удовлетворенія всѣхъ своихъ требованій), вдругъ, не извѣстивъ насъ, начинаетъ снова прежній споръ и слѣдовательно не ставитъ ни во что недавній, формальный договоръ, утвержденный подписью ея величества. Я между прочимъ напомнилъ также о данномъ мнѣ положительномъ обѣщаніи, что Русское правительство не будетъ требовать отъ Порты торжественнаго признанія правъ Императрицы на Грузію. Я сказалъ, что требовать этого признанія теперь, безъ особеннаго предлога и безъ нашего вѣдома, значитъ поступать наперекоръ пріязни, существующей между двумя государями, и что я приписываю это дѣйствіе одной неблагоразумной поспѣшности Булгакова, который, вѣроятно, не понялъ или нарушилъ свою обязанность. Наконецъ, я объявилъ, что буду ждать рѣшительнаго отвѣта, чтобы разсѣять сомнѣнія короля на счетъ этого непредвидѣннаго происшествія.

Въ отвѣтъ на это Русскій министръ сказалъ мнѣ вотъ что: «Императрица готова повторить королю увѣреніе въ своей дружбѣ. Она осталась совершенно довольна уговоромъ, состоявшимся въ Константинополѣ при посредничествѣ его величества, и требуетъ только его исполненія, напрасно и давно ею ожидаемаго. Порта, вмѣсто того, чтобы, по обѣщанію своему, послать Ахалцихскому пашѣ фирманъ, приказала

Библиотека "Руниверс"

ему вступить въ переговоры съ Грузинскимъ царемъ Ираклiемъ, котораго продолжаетъ называть своимъ данникомъ. Она обѣщаетъ Ираклiю свое покровительство и защиту отъ Лезгинъ, а между тѣмъ позволяетъ ему держать въ своихъ владѣнiяхъ лишь небольшой отрядъ Русскихъ войскъ, да и то совѣтуетъ отдать ихъ въ распоряженiе Турецкимъ властямъ. Ираклiй, недовольный этими стѣсненiями, прекратилъ всякiе переговоры съ Турцiею и извѣстилъ насъ о своихъ дѣйствiяхъ. Вслѣдствiе того Булгакову повелѣно было, не посылая официальной ноты, жаловаться словесно и ускорить отсылку фирмана къ пашѣ, соотвѣтственно уговору. Императрица ни въ какомъ случаѣ не уступитъ правъ своихъ на Грузiю, хотя и запретила Булгакову требовать гласнаго признанiя зависимости этой области отъ Россiи. Что же касается Закубанскихъ Татаръ, которые безпрестанно дѣлаютъ набѣги на наши владѣнiя, то мы весьма скромно говоримъ Туркамъ: «Если это ваши подданные, то накажите ихъ; если нѣтъ, то предоставьте намъ съ ними справиться». Порта получила разрѣшенiе взять изъ Крыма соли на продовольствiе 100,000 человѣкъ; она забираетъ на цѣлый милiонъ. Запорожскiе казаки, поселенные на земляхъ султана, должны были оставаться за Бугомъ, а имъ дозволили селиться близъ Очакова. Впрочемъ послѣднiя два обстоятельства могутъ быть устранены частными сдѣлками съ Турецкими властями и не послужатъ поводомъ къ важнымъ несогласiямъ. Что касается до Булгакова, то онъ получитъ приказанiе оказывать должное вниманiе Французскому послу, и если онъ нарушитъ долгъ свой, то я его извѣщу о неудовольствiи Императрицы».

Вслѣдъ за тѣмъ я узналъ, что настоящею причиною этихъ внезапныхъ недоразумѣнiй съ обѣихъ сторонъ была неоткровенность во взаимныхъ отношенiяхъ. Турки точно старались увернуться отъ исполненiя своихъ обѣщанiй относительно фирмана.

Русское министерство, осторожное въ своихъ инструкцiяхъ, приказало Булгакову только жаловаться словесно и въ умѣренныхъ выраженiяхъ. Но въ тоже время посолъ получалъ другого рода наставленiе отъ Потемкина, который въ тайнѣ желалъ войны. Онъ надѣялся предводительствовать войскомъ и имѣть такимъ образомъ возможность получить Георгiевскую ленту, которой одной только недоставало, чтобы удовлетворить его тщеславiе.

Боялся ли Булгаковъ могущественнаго министра, или думалъ исполнить тайные замыслы Императрицы, но онъ послѣдовалъ увѣщанiямъ Потемкина, увлекся, принялъ грозный и высокомѣрный тонъ. Наконецъ, боясь сопротивленiя со стороны нашего посла, Булгаковъ скрылъ отъ него свои дѣйствiя и отъ пустыхъ переговоровъ дошелъ до важнаго спора,

Библиотека "Руниверс"

который усиливался при дѣятельныхъ интригахъ со стороны Англіи и Пруссіи. Эти двѣ державы, недовольныя торговымъ договоромъ, который я заключилъ между Франціею и Россіею, представили его Турецкому правительству, какъ одно изъ слѣдствій союза противъ него.

Но крайнее раздраженіе возбуждалось великимъ числомъ войскъ, которыя князь Потемкинъ подвинулъ къ Черному морю, желая будто бы придать тѣмъ болѣе величія и пышности зрѣлищу, представленному Европѣ въ видѣ торжественнаго поѣзда Императрицы. Султанъ съ яв-нымъ безпокойствомъ замѣчалъ, что его пограничныя съ Россіею обла-сти полны пѣхотой и конницей и снабжены артиллеріею, что войска эти превосходно обмундированы, что заготовленъ знатный запасъ денегъ и продовольствія, и что все было готово къ начатію войны и взятію Очако-ва при первомъ знакѣ, поданномъ Екатериною. Впрочемъ мое нѣсколько пылкое вмѣшательство послужило въ пользу: передо мною оправдывались. Къ тому же Австрійскій императоръ, казалось, не одобрялъ разрыва съ Портою. Пруссія и Англія ясно выражали свое сопротивленіе честолю-бивымъ видамъ Россіи. По всему видно было, что тогда Императрица, будучи благоразумнѣе своего перваго министра, еще не желала войны и отложила до другаго времени исполненіе своего задушевнаго и об-ширнаго предпріятія, котораго цѣлью было не покореніе Константино-поля, но созданіе Греческой державы изъ завоеванныхъ областей, съ присоединеніемъ Молдавіи и Валахіи для того, чтобы возвести на новый престолъ великаго князя Константина.

Какъ бы то ни было, но Екатерина, при первомъ свиданіи съ Потемкинымъ, съ такою живостью укоряла его за поспѣшность, что онъ счелъ должнымъ извиниться передо мною. «Я согласенъ, сказалъ онъ мнѣ, что, при первомъ извѣстіи о переговорахъ Турокъ съ Иракліемъ и о набѣгѣ Татаръ, которые побили до 300 нашихъ казаковъ, я, можетъ быть, увлекся въ минуту негодованія и ввелъ Булгакова въ ошибку,ославъ ему слишкомъ рѣшительныя предписанія. Впрочемъ, могу васъ увѣрить, что нашъ посолъ, не увѣдомивъ о своихъ дѣйствіяхъ г. Шуазёля, поступилъ несообразно съ моими наставленіями, и я уже писалъ ему, чтобы онъ поправилъ ошибку и не утаевалъ бы ничего отъ вашего посла».

Я немедленно увѣдомилъ Шуазёля объ этихъ заявленіяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ я извѣстилъ его о дѣятельныхъ вооруженіяхъ Русскихъ войскъ въ Херсонѣ и Севастополѣ. «Не смотря на склонность къ миру, въ чемъ меня увѣряютъ, писалъ я ему, опасности, грозящія Оттоманской имперіи, увеличиваются. Кажется, нельзя ей предвѣщать спокойствія болѣе году. Дѣйствуя политично и справедливо, мы должны разсѣять недовѣрчивость, внушенную Туркамъ нашими врагами. Намъ не слѣ-

Библиотека "Руниверс"

дуетъ успокоивать ихъ въ то время, когда Русскіе такъ грозно укрѣпляются въ ихъ сосѣдствѣ на Черномъ морѣ, но должно посовѣтовать имъ также стать въ оборонительное положеніе и принять грозный видъ».

Съ нѣкотораго времени въ политикѣ императора замѣтна была видимая перемѣна. Вовсе не отвѣчая видамъ своей союзницы, Екатерины II, онъ приказалъ графу Кобенцелю соединиться со мною и помогать мнѣ въ моихъ попыткахъ отдалить Русское правительство отъ опаснаго намѣренія вторгнуться въ предѣлы Турціи. Императоръ поступилъ въ этомъ случаѣ чистосердечно. Впрочемъ, по многимъ причинамъ я полагалъ, что если онъ не соглашался на совершенное изгнаніе Турокъ и взятіе Константинополя, однакоже не воспрепятствовалъ бы Екатеринѣ занять Очаковъ и Аккерманъ и такимъ образомъ безъ затрудненія овладѣть торговлею Чернаго моря и устьями Днѣпра и Днѣстра.

Мнѣніе Шуазёля на этотъ счетъ совершенно сходилось съ моимъ, и онъ старался оживить сонливыхъ Турокъ, побуждалъ ихъ снаряжать флотъ, усилить крѣпости, послать войска къ Дунаю и наконецъ совѣтовалъ имъ отвѣчать на угрозы Булгакова въ умѣренныхъ, но прямыхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ.

Переговоры по поводу фирмана, Татаръ и Запорожцевъ шли своимъ чередомъ. Императрица, вновь сообщивъ мнѣ свои жалобы на Порту, объявила мнѣ, что, жертвуя всѣмъ для достиженія мира, она намѣрена оставить въ покоѣ Турокъ за ихъ переговоры съ Ираклiемъ и будетъ терпѣливо ждать, пока Порта сама сознаетъ неприличіе и несправедливость отказа исполнить уговоръ, заключенный и скрѣпленный при посредничествѣ Франціи.

Всѣ эти увѣренія, равно какъ и дѣйствія Австріи, могли бы совершенно успокоить меня при другихъ обстоятельствахъ. Но нельзя было полагаться на будущее въ государствѣ, гдѣ первый министръ имѣлъ столько силы и смѣлости, что могъ предписывать враждебный образъ дѣйствій послу, могъ подвигать войска въ Польшу и снова возвращать ихъ по своему усмотрѣнію, не дожидаясь разрѣшенія Государыни и не извѣщая о томъ другихъ министровъ.

Между тѣмъ я получилъ отъ моего двора депешу, въ которой мнѣ предписывался именно тотъ образъ дѣйствія, какому я слѣдовалъ по поводу Турецкихъ дѣлъ. Вскорѣ послѣ того Монморень, по приказанію короля, выразилъ мнѣ его благоволеніе за то, что я отгадалъ ихъ намѣренія въ такихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ.

Князь Потемкинъ, которому не нравились мои и Кобенцеля дѣйствія, не могъ болѣе удержаться и высказалъ мнѣ свое неудовольствіе. «Стало быть рѣшено, сказалъ онъ, что ваша нація, самая образован-

Библиотека "Руниверс"

ная въ мірѣ, будетъ всегда защитницею изувѣровъ и невѣждъ. И все это подъ предлогомъ торговыхъ выгодъ, которыя могли бы быть вполнѣ замѣнены для васъ пріобрѣтеніями въ Архипелагѣ. Вся Европа въ правѣ обвинять Францію, которая упорно охраняетъ въ нѣдрахъ ея варварство и чуму».

Я всегда затруднялся опровергать это мнѣніе, которое не могъ не оправдывать внутренно. Но, чтобы исполнить долгъ свой, я отвѣчалъ, что Потемкинъ, какъ человѣкъ просвѣщенный, можетъ лучше другого понять и оцѣнить причины, по которымъ Французскій король, видя свое государство цвѣтущимъ, спокойнымъ и сильнымъ, не можетъ не желать сохраненія всеобщаго мира Европы. «Надежды на пріобрѣтенія, продолжалъ я, которыхъ выгоды болѣе мнимыя, нежели дѣйствительныя, не заставятъ его рѣшиться возмутить благоденствіе его подданныхъ и общественное спокойствіе, захватить владѣнія давняго своего союзника, наконецъ возобновить времена крестовыхъ походовъ, и все это для того, чтобы произвести дѣлежъ, который возбудилъ бы честолюбіе, алчность и зависть прочихъ державъ. Европа сдѣлалась бы тогда позорищемъ всеобщей войны, которая, подобно тридцатилѣтней, длилась бы долго и разрушительно».

Почти въ это же время Фитцъ-Гербертъ получилъ депеши отъ Лондонскаго кабинета, который отказывался подписать окончательный договорный актъ, посланный Русскимъ правительствомъ. Съ тѣхъ поръ переговоры о возобновленіи торговаго договора между Англіею и Россіею были окончательно прерваны. Между тѣмъ произошелъ обмѣнъ подписанныхъ обоими государями актовъ договора, который я заключилъ незадолго предъ тѣмъ. Каждый изъ Русскихъ уполномоченныхъ получилъ отъ короля по 40,000 франковъ и портретъ его величества осыпанный брилліантами и стоившій почти тоже; Русская и Французская канцеляріи получили каждая по 1,000 червонцевъ. Мнѣ Императрица тоже подарила свой портретъ, осыпанный брилліантами, прекрасные мѣха и 40,000 франковъ. Такъ какъ вскорѣ послѣ того ее написали въ дорожномъ нарядѣ, она мнѣ дала другой портретъ, отличавшійся большимъ сходствомъ.

Сообразно съ полученными мною приказаніями, я выразилъ Императрицѣ удовольствіе короля по случаю заключенія дружественныхъ связей съ ея величествомъ. «Король, сказалъ я, желаетъ усилить и утвердить довѣренность, залогомъ которой служитъ этотъ договоръ, желаетъ скрѣпить болѣе и болѣе этотъ союзъ, столь полезный для спокойствія Европы, въ увѣренности, что равновѣсіе ея удобно можетъ быть поддержано двумя великими державами, которыя въ настоящихъ обстоятельствахъ должны быть руководимы одинакими цѣлями».

Библиотека "Руниверс"

Отвѣтъ Императрицы былъ любезенъ, обязателенъ и совершенно сообразенъ моимъ миролюбивымъ ожиданіямъ. Но недостаточно было утвержденіе торговаго договора. Нужно было привести его въ дѣйствіе. Я совѣтовалъ Монмореню условиться съ государственнымъ контролёромъ, какими способами можно было бы поощрить водвореніе Французскихъ торговыхъ домовъ въ Русскихъ портахъ. Это было дѣло необходимое, безъ котораго весь договоръ становился безполезнымъ. При этомъ я напомнилъ Монмореню о благоразумномъ устройствѣ Англійскихъ факторій. Для поощренія нашего мореплаванія на Черномъ морѣ я предлагалъ сбавить нѣкоторыя взысканія и пошлины, которымъ подлежатъ и наши суда, тогда какъ ими слѣдовало облагать только суда иностранныя. Я требовалъ также заведенія въ нашихъ портовыхъ городахъ школъ для обученія языкамъ Англійскому и Нѣмецкому, чтобы наши купцы не были принуждены предпочитать своимъ наемныя арматорскія суда Англичанъ, Голландцевъ и Гамбургцевъ. Эти предостереженія и совѣты были однако напрасны. Волненіе во Франціи тогда уже слишкомъ усилилось, и наши министры исключительно занялись мѣрами предупрежденія переворота, котораго приближеніе они предчувствовали. Чѣмъ болѣе страшились смутъ внутреннихъ, тѣмъ болѣе старались отклонить всякій поводъ къ войнѣ. Поэтому нашъ министръ снова писалъ ко мнѣ, чтобы я извѣдалъ обстоятельно настоящія намѣренія двухъ императорскихъ дворовъ. Для этого мнѣ надо было преодолѣть множество препятствій. Лица, годныя для того, мелкіе чиновники, чрезъ которыхъ я узналъ многое, были въ отсутствіи. Я былъ окруженъ придворными, ничего не знавшими. Политическія тайны того времени оставались въ вѣдѣніи Екатерины, Потемкина и Безбородки. Никогда я не былъ такъ близокъ къ особѣ Государыни и такъ удаленъ отъ дѣлъ.

Однако, наблюдая новое и двуличное направленіе Австрійской дипломаціи, нетрудно было понять, что императоръ, хотя наружно и принялъ видъ искренняго друга Императрицы, чувствовавшій такую же, какъ и она, ненависть къ Туркамъ, однако готовъ былъ поддержать насъ въ стараніи предупредить несогласіе съ Портою. Основываясь на этомъ, я надѣялся, что графъ Кобенцель, по пріѣздѣ императора, объяснитъ мнѣ многое, такъ какъ политическое согласіе, водворившееся между императоромъ и Императрицею, могло давать ему возможность узнавать тайны мнѣ недоступныя. Воображеніе Екатерины не могло оставаться въ покоѣ; отъ того ея предначертанія были болѣе смѣлы, нежели обдуманны. Эта быстрота ума, казалось, нерѣдко подавляла въ зародышѣ нѣкоторые изъ ея творческихъ замысловъ. Она въ одно и тоже время хотѣла образовать среднее сословіе, привлечь

Библиотека "Руниверс"

иностранную торговлю, заводить фабрики, распространить земледѣліе, утвердить кредитъ, умножить ассигнаціи, возвысить курсъ монеты и уменьшить лажъ, строить города, основывать академіи, населять степи, покрыть Черное море обширнымъ флотомъ, обезсилить Татаръ, вторгнуться въ Персію, расширить свои завоеванія въ Турціи, обуздать Польшу и распространить свое вліяніе на всю Европу. Все это были огромныя предпріятія, и хотя много дѣла предстояло въ едва просвѣщенномъ государствѣ, однако было бы полезнѣе ограничить предметы преобразованій или, по крайней мѣрѣ, отказавшись отъ замысловъ завоеваній, заняться внутреннимъ благосостояніемъ, которое одно лишь доставляетъ истинную славу монархамъ. Впрочемъ Екатерина уже пользовалась нѣкоторыми плодами своихъ трудовъ. Кроткое правленіе ея способствовало быстрому умноженію населенія; многія фабрики шли успѣшно; земледѣліе усиливалось быстро; вновь основанныя школы постепенно смягчали нравы и разливали свѣтъ просвѣщенія; суды рѣшали справедливѣе и сообразнѣе съ законами всѣ дѣла, если только они не касались сильныхъ особъ, крѣпостная зависимость смягчилась, пожалованіе дворянству правъ собираться, выбирать предводителей и судей и приносить жалобы монарху оживило дѣятельность помѣщиковъ, пріучало ихъ къ занятіямъ и приготовляло такимъ образомъ правительству полезныхъ дѣятелей, а вмѣстѣ съ тѣмъ предотвращало вредное вліяніе обѣихъ столицъ, изнурявшихъ Россію сосредоточеніемъ всей промышленности, всего богатства и всей производительности имперіи.

Не смотря на то, что мнѣ высказывали желаніе сохранить миръ, я замѣчалъ однако какую-то мнительность и безпокойство, несогласныя съ этими миролюбивыми намѣреніями. Такъ напримѣръ всѣмъ иностранцамъ, желавшимъ ѣхать въ Херсонъ, Крымъ и вообще въ области, подвѣдомыя управленію Потемкина, отказывали въ выдачѣ паспортовъ и лошадей. Ламетъ изъявилъ желаніе ѣхать въ Константинополь черезъ Херсонъ. Ему не дали рѣшительнаго отказа, но князь просилъ, чтобы я уговорилъ его отложить это намѣреніе. «При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, сказалъ онъ мнѣ, эта поѣздка можетъ не понравиться Императрицѣ. Она повѣрила бы тогда ложнымъ подозрѣніямъ, которыя ей внушаютъ на счетъ Французовъ, и это повредитъ нашимъ стараніямъ склонить ее къ дружбѣ съ вашимъ дворомъ. Между Портой и нами, по настоящему, нѣтъ разрыва; но такъ какъ обѣ стороны вооружаются, то Императрицѣ было бы непріятно знать, что Французскій полковникъ, котораго она обласкала, проѣхалъ черезъ всѣ наши военные посты прямо въ Турецкій лагерь. Разумѣется, въ качествѣ министра, я готовъ выдать вамъ нужныя бумаги, если вы непремѣнно

Библиотека "Руниверс"

этого потребуете; но, какъ другъ, я совѣтую вамъ избѣгать всего, что можетъ повредить взаимному согласію, только что утвердившемуся».

Я отвѣчалъ, что думать такъ значитъ уже слишкомъ много придавать значенія поѣздкѣ молодого Француза, путешествующаго для удовольствія и изъ любознательности; я увѣрялъ князя, что если бы намъ грозила война съ Англіею, и какой-нибудь Русскій генералъ случился тогда во Франціи, то мы безъ всякаго опасенія пустили бы его изъ Бреста въ Портсмутъ. Я однако исполнилъ его желаніе, потому что всегда старался водворять согласіе и предотвращать ссоры. Хотя Ламета изумила такая недовѣрчивость, но онъ изъ дружбы ко мнѣ рѣшился снести эту непріятность. Мнѣ казалось страннымъ, что Шуазёль не переставалъ тревожиться и жаловаться и усердно побуждалъ Турокъ къ вооруженію, между тѣмъ какъ я уже послалъ ему депеши, чтобы успокоить его. Графъ Безбородко объяснилъ мнѣ въ чемъ дѣло: онъ сказалъ, что курьеръ, посланный мѣсяцъ тому назадъ съ его депешами къ Булгакову и съ моими къ Шуазёлю, былъ захваченъ и ограбленъ на границѣ. Впослѣдствіи будетъ объяснено, какимъ образомъ этотъ случай помѣшалъ успѣху нашихъ стараній успокоить Порту и предотвратить разрывъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого князь Потемкинъ намекнулъ мнѣ о союзѣ, который, по его мнѣнію, можно и должно было заключить между Россіею и Франціею. Пользуясь этимъ случаемъ, я сказалъ ему: «Прежде всего нужно бы увѣриться въ настоящихъ намѣреніяхъ Русскаго двора и узнать, откажется ли онъ искренно отъ мысли о разрушеніи государства, котораго безопасность важна для многихъ значительныхъ державъ».

«Пусть такъ, отвѣчалъ Потемкинъ, если ужъ вы непремѣнно хотите сохранить чуму и полагаете, что христіанское государство или Греческія республики будутъ менѣе благопріятны для вашей торговли, нежели гордые, своевольные и высокомѣрные мусульмане. Но, по крайней мѣрѣ, вамъ бы слѣдовало согласиться на то, что Турокъ должно стѣснить въ болѣе естественныхъ, подобающихъ имъ границахъ для избѣжанія безпрестанно ожидаемыхъ войнъ».

«Понимаю, отвѣчалъ я. Вамъ нужны Очаковъ и Аккерманъ: это почти тоже, что̀ требовать Константинополя. Это значитъ объявить войну будто бы для того, чтобы доказать, что вы желаете сохранить миръ».

«Вовсе нѣтъ, возразилъ онъ; но если на насъ нападутъ, мы возмемъ вознагражденіе такое, какое захотимъ. Если бы вы только захотѣли, есть возможность безъ всякой войны объявить Молдавію и

Библиотека "Руниверс"

Валахію независимыми и освободить эти христіанскія страны отъ меча злодѣевъ и отъ грабежей разбойниковъ».

«Безъ войны? воскликнулъ я, никогда! Турки не согласятся на такую уступку, пока не будутъ побѣждены».

Разговоръ тѣмъ и кончился. Онъ послужилъ мнѣ доказательствомъ, что если могущественный министръ такъ думаетъ, то графу Безбородку трудно поддержать въ Императрицѣ мирное расположеніе, къ которому она склонялась и которое тогда, повидимому, было чистосердечно и непритворно. Курьеръ изъ Константинополя привезъ Потемкину извѣстія, которыя возбудили негодованіе Императрицы. Булгаковъ писалъ, что нѣсколько Французскихъ офицеровъ, назвавшись купцами, отправились въ Очаковъ. Я сказалъ князю, что такъ какъ границы Турціи въ опасности, то пусть онъ не удивляется, что Франція, ея союзница, употребляетъ для ея защиты офицеровъ, посланныхъ нашимъ правительствомъ въ Константинополь, но что я не понимаю, для чего они скрывались подъ видомъ купцовъ, потому что мы дѣйствуемъ прямо и открыто. Англичане воспользовались этимъ случаемъ, чтобы возбудить подозрѣніе Императрицы, и въ продолженіе нѣкотораго времени расположеніе ея ко мнѣ измѣнилось въ явную холодность.

Въ это время оппозиціонная Польская партія старалась воспользоваться пребываніемъ Императрицы въ Кіевѣ, чтобы унизить въ ея мнѣніи короля Станислава. Потоцкій, своимъ доносомъ, и генералъ Браницкій, чрезъ свою жену, племянницу Потемкина, увѣряли князя, что король не соглашается на уступки, которыя Русскіе хотѣли пріобрѣсть въ Польшѣ. Но принцъ Нассау и графъ Штакельбергъ уничтожили ихъ продѣлки и помирили короля съ первымъ министромъ. Князь Делинь писалъ по этому случаю: «Знаете ли, что̀ дѣлаютъ здѣсь эти паны великой и малой Польши? Они обманываются, ихъ обманываютъ, и они въ свою очередь обманываютъ. Жены ихъ льстятъ Императрицѣ и полагаютъ, что она не знаетъ, какъ ее осуждали подъ шумокъ послѣдняго сейма. Всѣ ловятъ взглядъ Потемкина, а взглядъ этотъ не легко поймать, потому что князь не то близорукъ, не то косъ. Прекрасныя Полячки добиваются Екатерининской ленты, чтобы кокетничать ею и возбуждать зависть своихъ родственницъ и знакомыхъ. Императрица недовольна посланниками Англійскимъ и Прусскимъ за то, что они подстрекаютъ Турокъ, между тѣмъ, какъ сама не даетъ имъ покою. Здѣсь желаютъ и боятся войны. Сегюръ всячески старается предотвратить ее. Я ничѣмъ не рискую, а скорѣе могу достигнуть славы, и потому! искренно желаю войны; пріятель мой ставитъ мнѣ въ укоръ такое опасное желаніе, и я отказываюсь отъ него;

Библиотека "Руниверс"

но иногда вновь взволнуется кровь, и я опять возвращаюсь къ моей мечтѣ». Изъ этого видно, что этотъ другъ, хотя и пользовался довѣріемъ Екатерины, не могъ содѣйствовать мнѣ, чтобы утвердить въ умѣ Государыни мысль о мирѣ.

Станиславъ предложилъ Императрицѣ вспомогательное войско. Она не приняла его. Дѣла шли благопріятно для короля, но онъ не умѣлъ ими пользоваться. Глава буйнаго народа, легкомысленный, добродушный и хлéсткій, тогда какъ нужно было выказывать твердость и благоразуміе, Станиславъ тяготился легкимъ вѣнцомъ своимъ; его притѣсняли сосѣди и презирали подданные.

Зима миновала. Днѣпръ освободился изъ ледяныхъ оковъ своихъ; природа, сбросивъ траурный покровъ и засіявъ блескомъ весны, подавала Екатеринѣ знакъ къ отъѣзду. Мы отпраздновали день ея рожденія. Помолясь усердно въ Печерскомъ монастырѣ, Императрица раздала много наградъ, лентъ, брилліантовъ и жемчугу. Делинь сказалъ: «Кіевская Клеопатра не глотаетъ жемчуговъ, а раздаетъ ихъ во множествѣ». Наконецъ, 22 Апрѣля 1787 Императрица пустилась въ путь на галерѣ *), въ сопровожденіи великолѣпнѣйшей флотиліи, которая когда либо шла по широкой рѣкѣ. Она состояла изъ 80 слишкомъ судовъ съ 3,000 человѣкъ матросовъ и солдатъ. Впереди шли семь нарядныхъ галеръ огромной величины, искусно расписанныхъ, съ множествомъ ловкихъ матросовъ въ одинаковой одеждѣ. Комнаты, устроенныя на палубахъ, блистали золотомъ и шелками. Одна изъ тѣхъ галеръ, которыя слѣдовали за царскою, была назначена Кобенцелю и Фитцъ-Герберту; другая Делиню и мнѣ; прочія были отданы князю Потемкину и его племянницамъ, оберъ-каммергеру, шталмейстеру, министрамъ и сановникамъ, которые удостоились чести сопровождать Императрицу. На остальныхъ судахъ помѣстились разные служители, пожитки, провизія. Г-жа Протасова и графъ Мамоновъ находились на галерѣ ея величества. Каждый изъ насъ имѣлъ комнату и еще нарядный и роскошный кабинетъ, съ покойными диванами, съ чудесною кроватью подъ штофною занавѣсью и съ письменнымъ столомъ краснаго дерева. На каждой изъ галеръ была своя музыка. Множество лодокъ и шлюпокъ носилось впереди и вокругъ этой эскадры, которая, казалось, создана была волшебствомъ.

Мы подвигались медленно, часто останавливались и, пользуясь остановками, садились на легкія суда и катались вдоль берега, вокругъ зеленѣющихъ островковъ, которыми усѣяна рѣка. Множество народа громкими кликами привѣтствовало Императрицу, когда, при громѣ пушекъ, матросы мѣрно ударяли по волнамъ Борисѳена своими блестя-

*) Галера Императрицы называлась *Днѣпръ*.

Библиотека "Руниверс"

щими, расписанными веслами. По берегамъ появлялись толпы любопытныхъ, которые безпрестанно мѣнялись и стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы видѣть торжественный поѣздъ и поднести въ даръ Императрицѣ произведенія различныхъ мѣстностей. Порою на береговыхъ равнинахъ Днѣпра маневрировали легкіе отряды казаковъ. Города, деревни, усадьбы, а иногда простыя хижины такъ были изукрашены цвѣтами, расписанными декораціями и тріумфальными воротами, что видъ ихъ обманывалъ взоръ, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебно созданными замками, великолѣпными садами. Снѣгъ сталъ; земля покрылась яркою зеленью; луга запестрѣли цвѣтами; солнечные лучи оживляли, одушевляли и украшали всѣ предметы. Гармоническіе звуки музыки съ нашихъ галеръ, всякаго рода наряды побережныхъ зрителей разнообразили эту роскошную и живую картину. Когда мы подъѣзжали къ большимъ городамъ, то передъ нами на опредѣленныхъ мѣстахъ выравнивались строемъ превосходные полки, блиставшіе красивымъ оружіемъ и богатымъ нарядомъ. Противуположность ихъ щегольскаго вида съ наружностью Румянцовскихъ солдатъ уже доказывала намъ, что мы оставляемъ области этого маститаго, знаменитаго воина и вступаемъ въ мѣста, которыя судьба подчинила власти Потемкина. Стихіи, весна, природа и искусство, казалось, соединились для торжества этого могучаго любимца. Окружая Императрицу такими дивами, когда она проѣзжала страны, недавно покоренныя ея оружіемъ, онъ надѣялся воспламенить ея самолюбіе и внушить ей желаніе и смѣлость рѣшиться на новыя завоеванія.

Мы были свободны только по утрамъ и пріятно проводили ихъ въ чтеніи, въ разговорахъ, въ переходахъ съ одной галеры на другую и въ прогулкахъ по берегамъ. Въ часъ мы отправлялись на царскую галеру и обѣдали съ Императрицей. Столъ ея, какъ всегда, былъ накрытъ на десять приборовъ. Только разъ въ недѣлю она сзывала всю свиту, имѣвшую честь сопровождать ее. Тогда столъ устраивался на огромномъ суднѣ, гдѣ помѣщалось до 60 человѣкъ.

Чрезъ пять дней по отъѣздѣ нашемъ мы остановились въ Канёвѣ, гдѣ насъ ожидалъ Польскій король. Здѣсь было назначено свиданіе Станислава съ Екатериною. Оба они за 25 лѣтъ предъ тѣмъ связанные взаимною любовью блистали любезностью и красотою и съ тѣхъ поръ немало измѣнились и въ наружности, и въ чувствахъ своихъ. Принцу Девиню и мнѣ предстояло быть свидѣтелями изъявленія этой театральной признательности, въ которой политика значила больше, нежели дружба. Мы едва сдерживались, чтобы не улыбнуться, глядя на молодого любимца, который испытывалъ или дѣлалъ видъ что испытываетъ муку горести и ревности передъ свиданіемъ, сдѣлавшимся столь

Библиотека "Руниверс"

чуждымъ любви. Было очевидно, что Станиславъ, съ ненадежною короною на головѣ, выпросилъ изъ страха и расчета краткое свиданіе у своей высокой покровительницы; согласіе на это дипломатическое свиданіе было дано, какъ уступка приличіямъ.

Я никогда не видалъ Императрицы болѣе любезною, какъ въ первый день нашего плаванія. За обѣдомъ было очень весело; мы всѣ рады были, что выѣхали изъ скучнаго Кіева, гдѣ льды держали насъ цѣлые три мѣсяца. Весна молодила наши умы. Прекрасная погода, великолѣпіе нашего флота, величественная рѣка, движеніе, радость зрителей, толпившихся по берегу, Азіатская или воинственная пестрота въ разнообразныхъ нарядахъ тридцати различныхъ народовъ, наконецъ увѣренность видѣть каждый день новые, любопытные предметы, все это возбуждало и подстрекало воображеніе, которое въ стремленіи своемъ опережало насъ самихъ. Не останавливаясь долго на одномъ предметѣ, мы въ разговорахъ нашихъ безпрестанно переходили отъ одного къ другому. Мы сравнивали прежнія времена съ новыми, Францію съ Греціей, Англію съ Карѳагеномъ, Пруссію съ Македоніею, имперію Екатерины съ Кировою, разсказывали анекдоты старые и новые. Императрица сообщила намъ нѣсколько случаевъ изъ жизни Петра Великаго и Елисаветы. Когда мы дивились скорости, съ какою она успѣла смягчить нравы, недавно еще столь грубые и суровые; она сказала намъ: «Правда, наши старики должны находить различіе при сравненіи ихъ времени съ нынѣшнимъ. Я не могу безъ ужаса думать о положеніи народа въ правленіе императрицы Анны или, лучше сказать, ея министра Бирона: этотъ жестокій человѣкъ, которому она довѣрялась, лишилъ жизни и сослалъ болѣе семидесяти тысячъ человѣкъ».

Мы говорили о дикихъ племенахъ, населявшихъ отдаленные края ея имперіи. «Потокъ времени еще не коснулся до этихъ кочующихъ народовъ, сказала Государыня; они издавна сохраняютъ первоначальную простоту нравовъ: живутъ подъ шатрами, питаются мясомъ и скопами отъ своихъ стадъ, подчинены начальникамъ, которые скорѣе отцы ихъ, нежели владыки. Можно считать ихъ счастливыми, потому что нужды ихъ ограничены и легко удовлетворимы. Если бы по прежнимъ намѣреніямъ моимъ я ихъ образовала, то это, можетъ быть, послужило бы къ ихъ развращенію. Небольшая дань мѣхами не обремепяетъ ихъ, потому что они охотятся по привычкѣ и по страсти».

Въ одномъ только отношеніи эти древнія орды Гунновъ, Киргизовъ, Татаръ, извѣстныя прежде подъ многими названіями, значительно измѣнились. Долго онѣ наводили страхъ своими кочеваньемъ, набѣгами и грабежами; но теперь образованные народы лишили ихъ возможности дѣлать новыя завоеванія, и эти племена потеряли прежній воин-

Библиотека "Руниверс"

ственный духъ свой. Когда зашелъ разговоръ о ихъ вѣрѣ, шаманахъ или волхвахъ и идолахъ, Императрица сказала намъ, что иныя изъ этихъ племенъ придерживаются какихъ-то непонятныхъ вѣрованій, что жрецы ихъ сохранили древнѣйшій сборникъ молитвъ, притчъ и духовныхъ пѣсней, писанныхъ на языкѣ, совершенно неизвѣстномъ, и которыя они читаютъ по преданію, не понимая смысла ихъ. «Это возбудило мое любопытство, сказала она; я обратилась съ запросами къ ученымъ, но они объ этомъ предметѣ, какъ и о многихъ иныхъ, оказались ничего не знающими. Я однако приказала навести основательныя справки. Наконецъ, недавно уже открыли, впрочемъ еще не наѣрно, что эти молитвы писаны на древнемъ, священномъ языкѣ Индусовъ, на Санскритскомъ».

Такъ какъ въ продолженіе этой бесѣды Императрица въ бѣгломъ очеркѣ изобразила ученія законодателей Греціи, Азіи, Рима и Аравіи, то я замѣтилъ ей, что она послѣ этого, кажется, потеряла право смѣяться надъ учеными, по старой своей привычкѣ.

«Точно, прибавилъ Делинь, послѣ всего, что̀ мы слышали, мы, по совѣсти, принуждены включить васъ въ число тѣхъ ученыхъ, на которыхъ вы такъ нападаете».

«Да, я знаю, сказала Императрица, я вообще вамъ нравлюсь, и вы хвалите меня *«цѣликомъ»*, но разбирая меня подробнѣе, осуждаете во мнѣ многое. Я безпрестанно дѣлаю ошибки противъ языка и правописанія. Сегюръ знаетъ, что у меня иногда претупая голова, потому что ему не удалось заставить меня сочинить шесть стиховъ. Кромѣ шутокъ, я думаю, не смотря на ваши похвалы, что если бы я была частною женщиною во Франціи, то ваши милыя Парижскія дамы не нашли бы меня довольно любезною для того, чтобы отужинать съ ними».

«Прошу васъ вспомнить, Государыня, возразилъ я, что я здѣсь представитель Франціи и не долженъ допускать клеветъ на ея счетъ». Но Императрица, бывшая въ духѣ, продолжала въ томъ же тонѣ: «Какъ вы полагаете, чѣмъ бы я была, если бы родилась мужчиною и частнымъ человѣкомъ?» Въ отвѣтъ на это Фитцъ-Гербертъ сказалъ, что она была бы мудрымъ законовѣдцемъ, Кобенцель полагалъ, что она бы сдѣлалась великимъ министромъ, а я увѣрялъ ее, что она сдѣлалась бы знаменитымъ полководцемъ. «На этотъ разъ вы ошибаетесь, возразила она: я знаю свою горячую голову; я бы отважилась на все для славы и въ чинѣ поручика въ первую кампанію не снесла бы головы».

Въ другой разъ мы говорили о предположеніяхъ, которыя тогда дѣлались въ Европѣ по поводу ея путешествія. Мы всѣ были одинаковаго мнѣнія и увѣряли, что вездѣ будутъ думать, будто она съ импе-

Библиотека "Руниверс"

раторомъ хочетъ завоевать Турцію, Персію, даже можетъ-быть, Индію и Японію, наконецъ, что странствующій кабинетъ Екатерины занимаетъ и тревожитъ всѣ прочіе. «Стало быть, сказала она, этотъ Петербургскій кабинетъ, находящійся теперь на водахъ Днѣпра, кажется весьма значительнымъ, если онъ такъ тревожитъ другіе?»

«Точно такъ, Государыня, сказалъ тогда Делинь; а между тѣмъ я не знаю ни одного, который былъ бы такъ малъ: онъ и весь-то въ нѣсколько дюймовъ, потому что простирается отъ одного виска до другаго и отъ переносицы до волосъ».

Намъ предстояло проплыть 446 верстъ отъ Кіева до Кайдака, гдѣ начинаются пороги, и гдѣ мы должны были пересѣсть въ кареты и ѣхать до Херсона.

Флотъ нашъ, распустивъ всѣ паруса, остановился подъ Канёвымъ, на вершинѣ и внизу котораго выстроились Польскія войска въ богатыхъ мундирахъ, съ блестящимъ оружіемъ. Пушки съ кораблей и изъ города возвѣстили прибытіе обоихъ монарховъ. Екатерина послала на прекрасной шлюпкѣ нѣсколько человѣкъ своихъ генераловъ привѣтствовать короля Польскаго. Король, чтобы избавиться отъ затруднительнаго этикета, хотѣлъ сохранить инкогнито, несогласимое, впрочемъ, съ торжественностію встрѣчи, и сказалъ посланнымъ, которые его сопровождали: «Господа, король Польскій поручилъ мнѣ представить вамъ графа Понятовскаго».

Когда онъ вступилъ на Императрицину галеру, мы окружили его, желая замѣтить первыя впечатлѣнія и слышать первыя слова двухъ державныхъ лицъ, которыя находились въ положеніи, далеко несходномъ съ тѣмъ, въ какомъ они были нѣкогда, сопряженные любовью, разлученные ревностью и гонимые ненавистію. Но мы обманулись въ нашихъ ожиданіяхъ, потому что, послѣ взаимнаго поклона, важнаго, гордаго и холоднаго, Екатерина подала руку королю, и они вошли въ кабинетъ, въ которомъ пробыли съ полчаса. Они вышли къ намъ, и мы, не имѣвъ возможности узнать, о чемъ у нихъ шла рѣчь, старались прочитать ее на ихъ лицахъ, но въ нихъ ничего не высказалось ясно. Черты Императрицы выражали какое-то необычное для нея безпокойство и принужденность, а въ глазахъ короля виднѣлся отпечатокъ грусти, которую не могла скрыть его принужденная улыбка.

Онъ учтиво обращался ко всѣмъ тѣмъ изъ насъ, которыхъ зналъ; прочихъ представила ему Императрица. Со мною онъ былъ очень любезенъ. Все было расчислено, чтобы наполнить день, который съ обѣихъ сторонъ желали провести скорѣе. Всѣ пересѣли въ красивыя шлюпки, чтобы переправиться на галеру, гдѣ долженъ былъ происходить обѣдъ. Трудно было представить себѣ судно великолѣпнѣе, изящ-

Библиотека "Руниверс"

нѣе и роскошнѣе. За столомъ по правую руку Императрицы сидѣлъ король, по лѣвую — Кобенцель; князь Потемкинъ, Фитцъ-Гербертъ и я помѣстились противъ ихъ величествъ.

За обѣдомъ мало ѣли, мало говорили, только смотрѣли другъ на друга, слушали прекрасную музыку и пили за здравіе короля, при грохотѣ пушечнаго залпа. По выходѣ изъ-за стола, король взялъ изъ рукъ пажа перчатки и вееръ Императрицы и подалъ ей. Послѣ того онъ сталъ искать и никакъ не могъ найти свою шляпу; Императрица, замѣтивъ это, велѣла принести шляпу и подала ее королю. Принимая ее, Станиславъ сказалъ: «Когда-то, ваше величество, вы пожаловали мнѣ другую шляпу, которая много лучше этой» *).

Мы возвратились на царскую галеру. Король пробылъ еще немного времени и въ восемь часовъ уѣхалъ въ Капёвъ.

Когда наступила ночная темнота, Капёвская гора зардѣлась огнями; по уступамъ ея была прорыта канава, наполненная горючимъ веществомъ; его зажгли, и оно казалось лавою, текущею съ огнедышащей горы, и сходство было тѣмъ разительнѣе, что на вершинѣ горы взрывъ болѣе 100,000 ракетъ озарилъ воздухъ и удвоилъ свѣтъ, отразившись въ водахъ Днѣпра. Флотъ нашъ тоже былъ великолѣпно освѣщенъ, такъ что на этотъ разъ для насъ не было ночи. Король пригласилъ насъ къ себѣ, и мы отправились. Онъ далъ великолѣпный балъ, но Императрица отказалась участвовать въ немъ. Напрасно Станиславъ упрашивалъ ее остаться еще хоть сутки: пора милостей для него миновала! Екатерина сказала ему, что боится опоздать на встрѣчу Императора, который долженъ былъ съѣхаться съ нею въ Херсонѣ. Мы уѣхали на другое утро. Такъ минуло это свиданіе, которое, при всей своей великолѣпной театральности, займетъ мѣсто скорѣе въ романѣ, нежели въ исторіи. Въ нѣкоторомъ отношеніи оно было выгодно для короля: онъ успѣлъ разрушить замыслы партіи, вредившей ему. Князь Потемкинъ даже пытался помирить съ нимъ племянника своего, генерала Браницкаго; но Браницкій такъ неохотно склонился къ тому и велъ себя такъ неприлично гордо, что они разстались, еще болѣе недовольные другъ другомъ, чѣмъ прежде. Такъ какъ король выразилъ совершенную покорность волѣ Императрицы, то она, во уваженіе этого, рѣшилась защищать его отъ враговъ. Она пожаловала ему Андреевскую ленту, и съ ея дозволенія король надѣлъ орденъ

*) (Въ дневникѣ Храповицкаго: 26 Апрѣля 1787 г. „Были довольны, что избавились вчерашняго безпокойства. Князь Потемкинъ ни слова не говорилъ; принуждена была говорить безпрестанно; языкъ засохъ. Почти осердили, прося остаться. Король торговался на три, на два дня, или хотя для обѣда на другой день“).

Библиотека "Руниверс"

Бѣлаго орла на генерала Энгельгардта, племянника Потемкина. По отъѣздѣ изъ Канева Станиславъ-Августъ поспѣшилъ на встрѣчу императору Іосифу II, надѣясь снискать его расположеніе и отвратить опасность, грозившую ему со стороны могучаго и честолюбиваго сосѣда, уже обнаружившаго желаніе распространить предѣлы Галиціи. Императоръ принялъ его ласково и увѣрялъ, что не только не замышляетъ гибели Польши, но что будетъ противиться другимъ державамъ, въ случаѣ покушеній ихъ на эту страну. Тщетныя обѣщанія! Въ глазахъ самыхъ строгихъ къ себѣ государей политика рѣдко подчиняется нравственнымъ законамъ: польза руководитъ ихъ дѣйствіями. Станиславъ, на время успокоенный, не замѣчалъ опасностей своего положенія. Одна лишь сила упрочиваетъ независимость; она уже пропала, коль скоро ея надежда возложена на чужое покровительство. Только готовностью къ борьбѣ можно внушить уваженіе къ себѣ и найти союзниковъ, вмѣсто покровителей.

Наше плаваніе было успѣшно. Иногда только насъ задерживали противные вѣтры. 10 Мая*) мы благополучно прибыли въ Кременчугъ.

Скучное пребываніе въ Кіевѣ, зима и въ особенности недовольный видъ Румянцова располагали къ грусти веселонравную Императрицу. По высадкѣ въ Кременчугъ иная картина представилась взорамъ ея: весна, ожививъ природу, придала предметамъ праздничный видъ, и свѣтлая, прелестная зелень украшала все, даже болота. Домъ обширный, красивый, построенный и расположенный по вкусу Екатерины; Англійскій садъ, въ которомъ волшебнымъ образомъ князь Потемкинъ насадилъ огромнѣйшія деревья; прекрасный видъ, украшенный тѣнистой зеленью, цвѣтами и водою; 12,000 вновь снаряженнаго войска; собраніе всего дворянства губерніи, въ богатыхъ нарядахъ, и купцовъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ имперіи; наконецъ, повсемѣстное движеніе послѣ трехмѣсячнаго покоя и близость къ цѣли этой необыкновенной поѣздки, занявшей вниманіе Европы: вотъ чѣмъ открылись для меня эти новыя зрѣлища. Удовольствіе Екатерины, при ежедневномъ видѣ новыхъ, занимательныхъ предметовъ, высказывалось ясно. Потемкинъ, необыкновенный всегда и во всемъ, явился здѣсь столько же дѣятельнымъ, сколько былъ лѣнивъ въ Петербургѣ. Какъ будто какими-то чарами умѣлъ онъ преодолѣвать всѣ возможныя препятствія, побѣждать природу, сокращать разстоянія, скрывать недостатки, обманывать зрѣніе тамъ, гдѣ были лишь однообразно-песчаныя равнины, давать пищу уму на пространствѣ долгаго пути и сообщать видъ жизни

*) (По новому стилю).

Библиотека "Руниверс"

степямъ и пустынямъ. Станціи были размѣщены такимъ образомъ, что путешественники не могли утомиться: флотъ останавливался всегда въ виду селеній и городовъ, расположенныхъ въ живописныхъ мѣстностяхъ. По лугамъ паслись многочисленныя стада; по берегамъ располагались толпы поселянъ; насъ окружало множество шлюпокъ съ парнями и дѣвушками, которые пѣли простонародныя пѣсни; ничего не было забыто.

Надобно согласиться, что хотя Потемкинъ былъ плохой полководецъ, своенравный дипломатъ и далеко невеликій государственный человѣкъ, но за то самый необыкновенный, самый ловкій царедворецъ. Впрочемъ, если бы и снять искусственную оболочку съ его созданій, осталось бы все-таки много существеннаго. Когда онъ принялъ въ управленіе эти обширныя области, въ нихъ было только 200,000 жителей; а при немъ въ нѣсколько лѣтъ населеніе возросло до 800,000, число, впрочемъ, еще незначительное для пространства на 800 миль въ длину и 100 въ ширину.

Приращеніе это составляли колонисты Греческіе, Нѣмецкіе, Польскіе, инвалиды, уволенные солдаты и матросы *). Одинъ Французъ, поселившійся здѣсь за три года до нашего пріѣзда, сказалъ мнѣ, что, проѣзжая ежегодно эту страну, онъ находилъ новопостроенныя, богатыя селенія тамъ, гдѣ за годъ была пустыня.

Въ Кременчугѣ Потемкинъ далъ намъ зрѣлище большихъ маневровъ, въ которыхъ участвовали 45 эскадроновъ конницы и многочисленная пѣхота. Я рѣдко видывалъ такое прекрасное и блестящее войско. Движенія ихъ могли дать намъ понятіе объ этой тактикѣ, страшной для Турокъ, хотя, можетъ быть, и недостаточной противъ другихъ войскъ. Впослѣдствіи мы дали имъ славные уроки, которыми они прекрасно воспользовались. Вся ихъ тактика въ то время, какъ я ихъ видѣлъ, состояла въ движеніи четырьмя колоннами съ цѣпью стрѣлковъ впереди, предшествуемыхъ казачьимъ отрядомъ. Предположивъ, что непріятель приближается въ значительныхъ силахъ, колонны строились въ четыре большія трехшеренговыя карре; казаки отступали за колонны и, построясь фронтомъ въ одну шеренгу, становились въ ихъ промежутки такимъ образомъ, что весь боевой порядокъ имѣлъ видъ четырехъ бастіоновъ и двухъ куртинъ; артиллерія становилась въ углахъ карре. Въ эту минуту, предполагая, что карре окружены непріятелемъ (какъ обыкновенно бываетъ въ сраженіяхъ съ Турками), вдругъ открывался сильный огонь, послѣ котораго, если непріятель

*) (C'est un tas de canailles (толпа мошенниковъ), какъ однажды, уже по смерти Потемкина, выразилась Екатерина).

Библиотека "Руниверс"

приведенъ въ замѣшательство, карре двигалось, стрѣлки высылались впередъ, а казаки, опустивъ пики, съ гикомъ бросались на опрокинутаго непріятеля, чтобы довершить его пораженіе.

Послѣ блистательнаго смотра войскъ, Императрица, чтобы выразить князю свое удовольствіе, сказала ему: въ порывѣ искренней радости: «Отъ Петербурга до Кіева мнѣ казалось, что пружины моей имперіи ослабли отъ употребленія; здѣсь онѣ въ полной силѣ и дѣйствіи».

Слѣдуя непремѣнной привычкѣ своей, Императрица и здѣсь принимала духовенство, мѣстное начальство и купцовъ, потомъ пригласила все дворянство на вечеръ, кончившійся баломъ, и вслѣдъ за тѣмъ возвратилась на свою галеру.

Несмотря на то, что рѣка становилась все шире, плаваніе наше затруднялось. Часто противные или слишкомъ слабые вѣтры прибивали насъ къ островамъ или останавливали на мели; иногда мы принуждены были стоять на якорѣ цѣлые сутки. Но видъ незнакомыхъ мѣстъ, пріятность поѣздки по странѣ, гдѣ недавно еще жили Запорожскіе казаки, разбойники и враги всякаго труда, а теперь поселились люди мирные и трудолюбивые, наконецъ уютность нашихъ галеръ, пріятное чтеніе и бесѣда, все это сокращало время такъ, что незначительныя остановки на этомъ дальнемъ пути доставляли намъ развлеченіе. Даже Императрица, казалось, была такъ довольна собой и нами, что не безъ досады ожидала скораго окончанія нашего плаванія. Она должна была спѣшить, чтобы не пришлось долго дожидаться ея императору, который, по дошедшимъ къ намъ извѣстіямъ, уже прибылъ въ Херсонъ.

Делинь, будучи двадцатью годами старше меня, удивлялъ меня живостью своего воображенія и юношескимъ умомъ. Рано утромъ будилъ онъ меня стукомъ въ тонкую перегородку, которая отдѣляла его кровать отъ моей, и читалъ экспромты въ стихахъ и пѣсенки, только что имъ сочиненныя. Немного погодя, его егерь приносилъ мнѣ письмо въ 4 и 5 страницъ, гдѣ остроуміе, шутка, политика, любовь, военные анекдоты и эпиграммы мѣшались самымъ оригинальнымъ образомъ. Онъ требовалъ немедленнаго отвѣта. Ничего не могло быть послѣдовательнѣе и точнѣе этой странной, ежедневной переписки, которую вели между собою Австрійскій генералъ и Французскій посолъ, лежа стѣна объ стѣну въ галерѣ, недалеко отъ Повелительницы Сѣвера, на волнахъ Борисѳена, въ землѣ казаковъ и на пути въ страны Татарскія. Множество разнообразныхъ забавъ, любопытные и остроумные разсказы Екатерины, дѣльныя хотя нѣсколько грустныя разсужденія Фитцъ-Герберта, шутки Нарышкина и неутомимая веселость Кобенцеля, ко-

Библиотека "Руниверс"

торый заставилъ насъ разыгрывать пьески въ спальнѣ Государыни, все это пріятно разнообразило нашъ досугъ.

Между тѣмъ, препятствія и задержки на пути умножались, нетерпѣніе Государыни возрастало, какъ вдругъ мы получили извѣстіе, что императоръ, на другой день по пріѣздѣ въ Херсонъ, уѣхалъ оттуда и поспѣшилъ въ Кайдакъ, отъ котораго мы были недалеко. Императоръ намѣревался выѣхать на встрѣчу царской галерѣ; но Потемкинъ, который отправился впередъ въ Кайдакъ, предварилъ объ этомъ Императрицу, вслѣдствіе чего она вышла на берегъ, оставила почти всѣхъ насъ на галерахъ, сѣла въ карету, поспѣшила на встрѣчу императору и встрѣтила его близъ одинокаго казацкаго хуторка, гдѣ монархи пробыли нѣсколько часовъ и вмѣстѣ отправились въ Кайдакъ, куда и мы пріѣхали на слѣдующій день, 19 Мая утромъ.

Императрица собралась въ путь съ такою поспѣшностью, что даже не взяла достаточной прислуги, и потому нелегко было приготовить обѣдъ для двухъ державныхъ особъ. Князь Потемкинъ, генералъ Браницкій и принцъ Нассау весело состряпали обѣдъ, какъ умѣли и, разумѣется, плохо; иного нельзя было и ожидать отъ такихъ сановитыхъ поваровъ.

Мы пробыли въ Кайдакѣ весь день 19 числа, чтобы дождаться если не всѣхъ судовъ (потому что многія изъ нихъ сѣли на мель) то по крайней мѣрѣ тѣхъ, на которыхъ находились люди и вещи, необходимыя для продолженія нашего путешествія. 20 Мая мы расположились въ палаткахъ, въ восьми верстахъ отъ Кайдака, на мѣстѣ, гдѣ Императрица хотѣла построить Екатеринославъ. Въ царскомъ шатрѣ отслужили молебенъ, и государи, въ присутствіи архіепископа, совершили закладку собора новаго города въ чрезвычайно красивой мѣстности. Онъ долженъ былъ возникнуть на высотѣ, съ которой далеко виденъ извивающійся Днѣпръ, съ его лѣсистыми островками, оживляющими его теченіе въ этомъ мѣстѣ. Послѣ этого мы обѣдали на дачѣ мѣстнаго губернатора. Она была расположена по берегу рѣки, въ виду главнѣйшаго порога, который долго считался непреодолимымъ препятствіемъ для прохода торговыхъ судовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Днѣпръ въ этомъ мѣстѣ во всю свою ширину загроможденъ цѣпью скалъ, изъ которыхъ однѣ равны съ водою, а другія высятся надъ ея уровнемъ и мѣстами образуютъ нѣсколько до того шумныхъ водопадовъ, что мы не могли разслышать слова другъ друга. Потокъ здѣсь съ яростью и пѣною бьется о скалы. Съ перваго взгляда кажется, что невозможно проѣхать между этими скалами на самомъ легкомъ челнѣ и съ самыми отважными гребцами. Однакоже невдалекѣ стояло на якорѣ большое судно и лодка, назначенныя для проѣзда черезъ пороги. Князь По-

Библиотека "Руниверс"

темкинъ, принцъ Нассау и я хотѣли было отважиться на эту поѣздку, но насъ остановило рѣшительное запрещеніе Императрицы. Суда въ виду насъ счастливо прошли опасный проливъ съ быстротою стрѣлы; но ихъ такъ сильно качало, что, казалось, они ежеминутно могутъ разбиться или исчезнуть въ волнахъ; особенно мелкія лодки безпрестанно пропадали изъ виду. Намъ сказали, что при полной водѣ проѣздъ этотъ удобнѣе, особенно при помощи ловкихъ старыхъ Запорожцевъ, привыкшихъ къ такимъ опаснымъ подвигамъ. Князь Потемкинъ такъ полагался на ихъ опытность и увѣреніе, что предположилъ спустить до Херсона всѣ суда, на которыхъ мы плыли изъ Кіева до Кайдака.

Изъ Екатеринослава мы выѣхали въ степь; такъ называются въ Россіи обширныя пустынныя равнины, совершенно лишенныя деревьевъ и только прорѣзанныя черезъ большіе промежутки совсѣмъ голыми холмами, у подножья которыхъ извиваются мелкіе ручьи. Сплошь и рядомъ приходится проѣхать 20, 30 верстъ не встрѣтивъ ни одного человѣка, ни дома, ни деревца. Въ Африкѣ пустыни песчаныя, на Востокѣ онѣ менѣе безплодны и представляютъ собою травяныя пастбища.

Огромныя стада овецъ и многочисленные табуны лошадей одни оживляютъ эти безконечныя степи, гдѣ ихъ оставляютъ бродить круглый годъ. При первомъ взглядѣ этотъ необъятный зеленѣющій горизонтъ, гдѣ ничто не останавливаетъ взора, производитъ тоже впечатлѣніе какъ океанъ; точно онъ придаетъ мыслямъ больше глубины и величія, но по мѣрѣ движенія впередъ, это однообразіе нагоняетъ грусть, и вскорѣ затѣмъ является страшное утомленіе отъ невозможности увидѣть что либо надъ собой и вокругъ себя кромѣ неба и безграничной степи. Единственное разнообразіе доставляютъ многочисленныя возвышенія, которыя кажутся воздвигнутыми человѣческими руками. Долгое время мнѣнія объ ихъ происхожденіи раздѣлялись: одни думали, что это древнія могилы, а другіе увѣряли, что эти курганы были сдѣланы Скиѳами и Татарами для того, чтобы можно было издали замѣтить непріятелей, могущихъ иначе застигнуть ихъ врасплохъ. Правдивость перваго изъ этихъ мнѣній уже окончательно доказана.

Все пространство, тянущееся въ Европѣ отъ Буга до Азовскаго моря, а въ Азіи отъ Кавказа до границъ Китая, представляетъ огромное море степи. Та часть ея, гдѣ мы находились, похожа на гладкое полотно, на которомъ художникъ началъ писать картину, изобразивъ нѣсколько рощицъ и обработанныхъ полей; но такъ какъ работа эта подвигается медленно, то въ теченіи долгаго вѣка степь будетъ имѣть видъ пустыни.

Наканунѣ нашего пріѣзда въ Херсонъ, мы переѣхали рѣку Каменку, нѣкогда служившую рубежемъ между Ногайскими Татарами и

Библиотека "Руниверс"

казаками. Послѣ поѣздки по 400 верстному степному пространству насъ неожиданно и пріятно поразилъ видъ Херсона. Но и безъ этого обстоятетьства мы не могли не дивиться при видѣ столькихъ новыхъ, величественныхъ зданій. Мы увидѣли почти уже оконченную крѣпость, казармы на 80,000 человѣкъ, адмиралтейство со всѣми принадлежностями, арсеналъ, заключающій въ себѣ до 600 орудій, два военные корабля и фрегатъ, снаряженные къ спуску, публичныя зданія, воздвигаемыя въ разныхъ мѣстахъ, нѣсколько церквей прекрасной архитектуры, наконецъ цѣлый городъ, уже торговый, съ 2000 домовъ и лавками, полными Греческихъ, Константинопольскихъ и Французскихъ товаровъ; въ гавани его заходило и стояло до 200 купеческихъ судовъ. Если присоединить къ этому 18,000 рабочихъ, блестящее войско, присутствіе нѣсколькихъ иностранныхъ дипломатовъ и путешественниковъ, въ странѣ, пріобрѣтенной Россіею только со времени Кайнарджійскаго мира, которою занялись недавно и только три года предъ тѣмъ освободили отъ Татарскихъ странѣ набѣговъ: то можно себѣ представить, въ какой степени зрѣлище это льстило самолюбію Императрицы, и понятно удивленіе присутствующихъ и восторгъ, съ какимъ они превозносили дарованія и подвиги Потемкина.

Правда, что очарованіе было мимолетное, и удивленіе наше нѣсколько охладилось размышленіемъ. Разсмотрѣвъ Херсонъ вблизи и подробно, мы замѣтили, что его мѣстоположеніе дурно выбрано, что корабли вообще не могутъ подыматься по Днѣпру иначе, какъ безъ груза, а военныя суда, здѣсь построенныя, не могутъ свободно спускаться по рѣкѣ безъ помощи камелей *). Не было ни набережной, ни пакгаузовъ для товаровъ; судебныя мѣста были худо устроены и отправляли дѣла медленно и дурно; наконецъ, испаренія болотъ и островковъ поросшихъ тростникомъ возлѣ города вредно дѣйствовали на здоровье жителей.

Я рѣшился сообщить Потемкину эти замѣчанія, которыя я слышалъ отъ многихъ купцовъ. Чтобы поправить дѣло, князь предполагалъ устроить портъ въ 30 верстахъ ниже по Днѣпру, учредить карантинъ, построить набережную и магазины, преобразовать суда и осушить окружныя болота. Онъ уже истребовалъ и получилъ деньги нужныя для нѣкоторыхъ изъ этихъ работъ. Но высушка болотъ мнѣ казалась невозможною: для этого нужно было истребить весь тростникъ, необходимый для топки и покрышки домовъ въ этомъ краю, гдѣ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ не было лѣсу.

*) (Въ подлинникѣ chameaux. Это камели, по словарю Даля: пара плоскодонныхъ судовъ, съ выкатомъ для подводки подъ корабль, подъема и проводки по мелководью).

Библиотека "Руниверс"

Первые дни нашего пребыванія въ Херсонѣ были употреблены на разъѣзды по городу, на парадные пріемы, обѣды, на которыхъ бывало до 120 приборовъ, концерты и балы. Императрица пригласила насъ обѣдать съ нею на дачѣ, верстахъ въ 15 отъ Херсона *). На слѣдующій день мы присутствовали съ нею при спускѣ 80 пушечнаго корабля, другого 66 пушечнаго и одного фрегата. На слѣдующій день при дворѣ былъ парадный балъ, во дворцѣ, построенномъ не слишкомъ прочно, но изящно.

Императрица намѣревалась отправиться въ Кинбурнъ, въ виду Очакова; но это было похоже на военный осмотръ Турецкой территоріи и уже черезчуръ смѣло. Прибытіе Турецкой эскадры, состоявшей изъ 4 кораблей и 10 фрегатовъ и вошедшей въ Лиманъ близъ Очакова, отстранило намѣреніе Екатерины, и эта неудача произвела на нее непріятное впечатлѣніе. Намъ уже не для чего было медлить въ Херсонѣ, и мы отправились въ Крымъ, вслѣдъ за двумя державными предводителями нашего каравана.

Говоря о Херсонѣ, кстати сообщить полученныя нами тогда извѣстія о ходѣ военныхъ переговоровъ въ Константинополѣ. Неожиданное появленіе Турецкой эскадры въ устьѣ Днѣпра и пріѣздъ нѣсколькихъ Французскихъ офицеровъ въ Очаковъ возбудили въ Русскихъ министрахъ и придворныхъ неудовольствіе, возраставшее до негодованія. «Какъ понять это, говорили они, что именно въ то время, когда только что подписанъ былъ дружественный договоръ съ Франціею, и Французскій посолъ сопровождаетъ Императрицу, которая оказываетъ ему вниманіе и довѣріе, мы видимъ, что Французскіе инженеры занимаются устройствомъ артиллеріи, флота и приготовленіями къ войнѣ у враговъ нашихъ?»

Князь Потемкинъ нѣсколько разъ съ жаромъ и негодованіемъ говорилъ мнѣ объ этихъ мнимыхъ козняхъ Французскаго правительства и упрекалъ меня въ томъ, что я поднялъ пустую тревогу и только подстрекнулъ этимъ Турокъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ, которыя могли повести къ войнѣ. Если бы я хотѣлъ прибѣгнуть къ хитрости, притвориться, будто ничего не знаю, и осудить эти дѣйствія, исполненныя по моимъ же совѣтамъ, то не успокоилъ бы негодующаго князя и только потерялъ бы уваженіе, которое снискалъ своею прямотою. Поэтому я отвѣчалъ не какъ царедворецъ, а какъ министръ, что Турки имѣютъ поводъ безпокоиться, что поступки Булгакова въ отношеніи къ Шуазёлю отняли у насъ всякую возможность успокоить ихъ далѣе; въ заключеніе я прибавилъ даже, что мы бы должны были по-

*) Въ слободѣ Бѣлозеркѣ, принадлежавшей графу Александру Андреевичу Безбородкѣ

Библиотека "Руниверс"

ощрять, одобрять и поддерживать оборонительныя мѣры Порты: «Нашъ образъ дѣйствій откровененъ и неизмѣненъ. Мы всегда объявляли, что хотя король всячески старается объ удовлетвореніи справедливыхъ жалобъ Россіи, однакоже, руководясь высокими цѣлями, рѣшился употребить съ своей стороны всѣ возможныя средства, чтобъ охранить безопасность Оттоманской имперіи. Не чему удивляться, что, несмотря на ваши мирныя увѣренія, которыя, конечно, искренни, Порта принимаетъ благоразумныя предосторожности. Поставьте себя на ея мѣстѣ. Если бы султанъ пріѣхалъ въ Очаковъ съ своими визирями, съ могущественнымъ союзникомъ, съ грознымъ флотомъ и 150,000 арміею, то, разумѣется это васъ бы нѣсколько обезпокоило; вы стали бы на-сторожѣ и принялись бы укрѣплять Херсонъ и собирать войска».

Мои доводы были неоспоримы; князь мнѣ не возражалъ. Откровенная рѣчь моя успѣшнѣе подѣйствовала, чѣмъ неловкая скрытность. Холодность Императрицы въ обращеніи со мною исчезла мало-по-малу *).

Въ Канёвѣ видѣлъ я короля, лишеннаго власти и значенія, но окруженнаго величіемъ и блескомъ, свойственнымъ великимъ монархамъ; по странной противоположности, въ Херсонѣ увидѣлъ я могущественнаго императора, отличавшагося простотою внѣшности, скромнаго и привѣтливаго, врага всякой принужденности. Онъ допускалъ и самъ заводилъ разговоръ обо всемъ, безъ всякихъ притязаній блистать чѣмъ-либо, кромѣ обширныхъ познаній, основательныхъ сужденій и образованнаго ума. Когда Екатерина хотѣла представить меня Іосифу II, онъ сказалъ ей: «Здѣсь я только графъ Фалкенштейнъ, а потому мнѣ самому слѣдуетъ представиться послу Франціи». Іосифъ пріѣхалъ въ Россію въ простой коляскѣ, въ сопровожденіи одного генерала и двухъ служителей. При строгомъ соблюденіи инкогнито, онъ имѣлъ выгоду и удовольствіе лучше все видѣть и слышать; поэтому онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы его принимали не какъ монарха, а какъ обыкновеннаго путешественника. Каждое утро приходилъ онъ къ Императрицѣ передъ ея выходомъ и, вмѣшавшись въ толпу, вмѣстѣ съ прочими ожидалъ ея появленія. Днемъ гулялъ онъ по окрестностямъ, и такъ какъ я имѣлъ счастіе ему понравиться, онъ дѣлалъ далекія прогулки вмѣстѣ со мною запросто, взявъ меня подъ руку. Въ разговорахъ со мною онъ далъ мнѣ понять, что мало сочувствовалъ честолюбивымъ замысламъ Екатерины. Въ этомъ отношеніи политика Франціи ему нравилась. «Константинополь, говорилъ онъ, всегда будетъ предметомъ зависти и раздоровъ, вслѣдствіе которыхъ великія державы никогда не согласятся насчетъ

*) (Однакоже, въ Дневникѣ Храповицкаго записано, что депеши Сегюра подвергались тайному досмотру).

Библиотека "Руниверс"

раздѣла Турціи». Его не поражали быстрые успѣхи Русскихъ предпріятій. «Я вижу болѣе блеска, чѣмъ дѣла, говорилъ онъ; Потемкинъ дѣятеленъ, но онъ болѣе способенъ начать великое предпріятіе, чѣмъ привести его къ окончанію. Впрочемъ, все возможно, если расточать деньги и не жалѣть людей. Въ Германіи или во Франціи мы не посмѣли бы и думать о томъ, что здѣсь производится безъ особенныхъ затрудненій.» Въ другой разъ разговоръ зашелъ о Потемкинѣ. Іосифъ сказалъ, между прочимъ: «Я понимаю, что этотъ человѣкъ, несмотря на свои странности, могъ пріобрѣсти вліяніе на Императрицу. У него твердая воля, пылкое воображеніе, и онъ не только полезенъ ей, но необходимъ. Вы знаете Русскихъ и согласитесь, что трудно сыскать между ними человѣка, болѣе способнаго управлять и держать въ рукахъ народъ еще грубый, недавно лишь тронутый просвѣщеніемъ, и обуздать дворъ слишкомъ издавна привыкшій къ заговорамъ». Кобенцель, видя вниманіе ко мнѣ Императора, тоже сталовился со мною откровеннѣе и довѣрчивѣе. Но хотя онъ искренно увѣрялъ меня, что ему предписано содѣйствовать мнѣ въ утвержденія мира, онъ боялся, чтобы императоръ не склонился къ войнѣ, если Императрица, ограничиваясь предположеніемъ занять Очаковъ и Аккерманъ, отстранитъ мысль о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ. Но Кобенцель говорилъ мнѣ, что императоръ крайне неохотно согласится на это, потому что будетъ опасаться разрыва съ Пруссіею и Франціею въ случаѣ такой уступки въ пользу своей союзницы.

Между тѣмъ изъ Константинополя пріѣхали Булгаковъ и Гербертъ, интернунцій императора, и между ними, графомъ Безбородкою и мною начались переговоры. Мнѣ сказали, что дѣла все болѣе и болѣе запутываются, что въ Кандіи чернь предалась неистовствамъ и сорвала флагъ съ дома Русскаго консула. Также носились слухи, что въ Родосѣ, вслѣдствіе возмущенія, Русскій консулъ убитъ. Мы сговорились, съ согласія Императрицы, изложить письменно нѣсколько предложеній и тутъ же условились о главныхъ пунктахъ.

Проводивъ насъ до Севастополя, Булгаковъ долженъ былъ отправиться въ Константинополь и представить эти предложенія Портѣ, сообщить ихъ однако напередъ Французскому послу и Австрійскому интернунцію, и дѣйствовать согласно съ ними.

Графъ Безбородко увѣрялъ меня, что онъ немало упрекалъ Булгакова за его отношенія къ Шуазёлю, отъ чего начались всѣ тревоги Турокъ. Такъ какъ Безбородко говорилъ совершенно тоже, что Кобенцель, то я не могъ сомнѣваться въ его чистосердечіи. Основные пункты предложеній, нами составленныхъ сообразно съ прежними договорами, были слѣдующіе. Порта должна выдать требуемый фирманъ,

Библиотека "Руниверс"

споры о зависимости Грузіи прекращаются; Порта должна принудить Алжирцевъ возвратить захваченныя ими Русскія суда, дозволить Русскимъ наказать Кубанскихъ Татаръ, которые тогда взяли въ плѣнъ до 1000 Русскихъ, и удерживать за предѣлами Буга Запорожцевъ, поселившихся на ея земляхъ; за тѣмъ Турки должны обязаться впередъ не забирать соли въ Крыму болѣе установленнаго количества, не возобновлять требованій о выдачѣ господаря Маврокордато *), бѣжавшаго въ Россію, и наконецъ наказать бунтовщиковъ, которые нанесли обиду консуламъ Императрицы въ Родосѣ и Кандіи. Эти требованія были справедливы. Но, несмотря на это, легко могло случиться, что въ случаѣ неискренности въ дѣйствіяхъ послѣдовалъ бы отказъ; стоило только, вручая этотъ актъ, принять высокомѣрный и грозный видъ. Князь Потемкинъ могъ отважиться на это, имѣя подъ руками готовую армію, состоявшую изъ 153,000 человѣкъ, совершенно снаряженныхъ и расположенныхъ въ Кременчугѣ, Херсонѣ, Елисаветградѣ, Полтавѣ и Крыму. Новое обстоятельство подтвердило однако надежды на миръ. Іосифъ II получилъ непріятное извѣстіе изъ Нидерландовъ, гдѣ возникали безпокойства. Эти смуты, разумѣется, отвлекли его отъ мысли содѣйствовать Императрицѣ, если бы она захотѣла начать войну съ Турками. Въ это же время прибылъ въ Херсонъ Неаполитанскій дипломатическій агентъ г. Галло подъ предлогомъ изъявить Императрицѣ дружественное расположеніе своего двора; но собственно онъ имѣлъ цѣлью осмотрѣть Херсонъ и извѣдать средства къ выгоднѣйшему употребленію торговыхъ льготъ, которыя Неаполитанское правительство упрочило договоромъ. 29 Мая мы отправились изъ Херсона въ Кизикермень, находящійся на правомъ берегу Днѣпра, въ 75 верстахъ отъ Херсона къ Сѣверовостоку... Здѣсь мы переправились черезъ Днѣпръ. По выходѣ на противоположный берегъ Императрица была встрѣчена семьями знатныхъ Татаръ, явившихся съ привѣтствіемъ и послѣдовавшихъ за Государынею. Отсюда до Перекопа мы поѣхали Ногайскою степью. На этой безлѣсной равнинѣ только въ одномъ мѣстѣ видны слѣды человѣческаго труда: это древній бѣлокаменный мостъ, надъ небольшою рѣчкою, называемою Каленчакомъ. Татары, какъ и Арабы, состоятъ изъ нѣсколькихъ ордъ, изъ которыхъ однѣ живутъ по Крымскимъ городамъ, а другія кочуютъ по степи. Когда страна эта была завоевана Русскими, большая часть этихъ кочующихъ ордъ покинули ее и двинулись на Кубань, и потому мы застали только небольшіе станы ихъ; шатры, табуны лошадей, стада и верблюды нѣсколько оживляли однообразный видъ.

*) (Гдѣ теперь прекрасный портретъ этого Маврокордато, виденный нами во Всесвятскомъ подъ Москвою, у Софьи Александровны Эбернъ, урожд. Санти?)

Библиотека "Руниверс"

Прежде этотъ городъ принадлежалъ Ногайскимъ Татарамъ, а теперь онъ составляетъ часть Новороссіи. Греки, основавшіе его, сначала назвали Ольвіополемъ; цари переименовали его въ Бѣлую Вѣжу, затѣмъ въ Берисла́вль, а Татары назвали его Кизикермень, что̀ на ихъ языкѣ означаетъ *городъ дѣвушекъ*. Онъ дѣлался попеременно добычей Козаровъ, Печенѣговъ и Татаръ. Солончаки и окаменѣлости, въ изобиліи встрѣчающіеся въ окружающей его равнинѣ, даютъ поводъ думать, что нѣкогда эта область находилась подъ водой.

Потемкинъ, всегда старавшійся преодолѣвать препятствія, разнообразить величественныя картины, представлявшіяся взорамъ Императрицы, и оживлять даже пустыню, устроилъ станъ изъ 30 нарядныхъ и богато убранныхъ шатровъ; вокругъ нихъ нежданно передъ глазами Екатерины появилось 50 эскадроновъ Донскихъ казаковъ. Ихъ живописный Азіатскій нарядъ, быстрота движеній, легкость лошадей, ихъ гарцованіе, гиканіе, пики, все это дало намъ возможность позабыть, что мы въ степи, и пріятно провести время, которое иначе показалось бы долгимъ и скучнымъ.

Императрица, будучи недовольна мною, не говорила со мною въ продолженіи нѣсколькихъ дней, но здѣсь она обратилась ко мнѣ съ прежней ласкою. Кто-то усердно постарался увѣрить ее, что я намѣреваюсь воспользоваться отпускомъ, который мнѣ присланъ Монморенемъ, и отправиться во Францію. Поэтому, въ Кизикерменѣ, садясь въ карету, она сказала мнѣ: «Напрасно вы связываете себя, графъ. Если вамъ скучно въ степи, то кто же вамъ мѣшаетъ ѣхать въ Парижъ, гдѣ васъ ожидаетъ столько удовольствій?» И затѣмъ она сѣла въ карету, не дождавшись моего отвѣта.

Понятно, что я горѣлъ нетерпѣніемъ получить объясненіе этихъ странныхъ, неожиданныхъ словъ. Только что она расположилась въ своемъ шатрѣ, я подошелъ къ ней и попросилъ истолковать мнѣ смыслъ этой непонятной для меня шутки.

Императрица сказала мнѣ: «Это вовсе не шутка. Я ужъ не разъ вамъ говорила, что ваши Парижскія красавицы, безъ сомнѣнія, сожалѣютъ васъ, что вы должны проѣхать полторы тысячи миль по варварской странѣ, по степямъ, со скучной царицей. А потому, узнавъ, что вы просили отпуска, я не хотѣла съ своей стороны задерживать васъ, хотя мнѣ и не хотѣлось бы васъ отпускать».

Я съ жаромъ опровергалъ ея неосновательное мнѣніе обо мнѣ и моихъ чувствахъ къ ней. «Стало быть, ваше величество, отвѣчалъ я, вы считаете меня человѣкомъ слѣпымъ, неблагодарнымъ, безразсуднымъ и съ грубымъ вкусомъ. Я даже, къ моему горю, принужденъ видѣть въ этомъ остатокъ вашего предубѣжденія вообще противъ всѣхъ Фран-

Библиотека "Руниверс"

цузовъ, но они не заслуживаютъ такого неосновательнаго осужденія. Нигдѣ васъ такъ не уважаютъ и не цѣнятъ, какъ во Франціи, и въ этомъ отношеніи я вѣрный представитель своихъ соотечественниковъ. Къ искреннему моему сожалѣнію, я долженъ буду на время уѣхать по возвращеніи вашемъ въ Петербургъ; но если вамъ угодно, чтобы я ѣхалъ ранѣе, то это будетъ для меня тоже, что́ ссылка».

«Я этого вовсе не хочу, сказала она съ улыбкою; напротивъ того, мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы всегда могли быть при мнѣ, и вы это очень хорошо знаете. Хоть я немножко и посердилась на васъ по случаю недавняго посѣщенія, которымъ меня удостоили ваши умные ученики, бородатые Турки, но теперь моя досада прошла совершенно». Послѣ этого она стала говорить о предложеніяхъ, сдѣланныхъ ею Портѣ, и между прочимъ сказала: «Король увидитъ, что я уступчива, искренно желаю мира и вовсе не такъ честолюбива, какъ обыкновенно полагаютъ». Затѣмъ Государыня стала со мною снова очень любезна и привѣтлива.

Вечеромъ, когда мы разошлись отъ Императрицы, Іосифъ II, желая воспользоваться прекрасною ночью, взялъ меня подъ руку и отправился со мною гулять. Мы довольно долго ходили по этой обширной равнинѣ, гдѣ взоръ не находитъ преградъ. При видѣ нѣсколькихъ верблюдовъ и Татарскихъ пастуховъ, бродившихъ въ степи, императоръ сказалъ мнѣ: «Какое странное путешествіе! Кто бы могъ подумать, что я вмѣстѣ съ Екатериною II, Французскимъ и Англійскимъ послами буду бродить по Татарскимъ степямъ! Это совершенно новая страница въ исторіи. «Мнѣ скорѣе кажется, отвѣчалъ я, что эта страница изъ «Тысячи и одной ночи», что меня зовутъ Джафаромъ, и что я прогуливаюсь съ халифомъ Гаруномъ-Аль-Рашидомъ, по обыкновенію его, переодѣтымъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того императоръ вдругъ остановился и, протирая себѣ глаза, сказалъ: «Право, я не знаю, на яву ли это, или ваши слова о «Тысячѣ и одной ночи» подѣйствовали на мое воображеніе: посмотрите въ ту сторону».

Я обернулся, и предметъ, поразившій его, показался и мнѣ не менѣе страннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, шагахъ въ 200 отъ насъ высокая, огромная палатка сама собою двигалась по землѣ и приближалась къ намъ. Несмотря на высокую траву, мы тотчасъ же побѣжали, чтобы поближе посмотрѣть на это диво. Палатка остановилась, и изъ нея вышло до 30 человѣкъ Калмыковъ. Императоръ приказалъ мнѣ войти и вѣроятно знаками объяснилъ Калмыкамъ, чтобъ они вошли за мною и опустили занавѣсъ, который закрывалъ входъ въ палатку; такимъ образомъ императоръ, въ шутку, сдѣлалъ меня плѣнникомъ Калмыковъ.

Библиотека "Руниверс"

Тогда я понялъ все. Вотъ устройство ихъ жилищъ: изъ планокъ дѣлается рѣшотка и составляется круглая загородка, около 4 футовъ вышиною, сдерживаемая сверху деревяннымъ обручемъ, который образуетъ карнизъ. На этомъ кругѣ утверждаютъ длинные шесты, футовъ въ 30, которые на вершинѣ скрѣпляются деревяннымъ кружкомъ. Вся эта рѣшотка затягивается ремнями. Этотъ остовъ накрывается верблюжьей кожею до земли. Покрывало подымаютъ съ той стороны, которая защищена отъ вѣтра и солнца. Куски той же кожи служатъ вмѣсто постели и диванов. Вверху оставляютъ отверстіе для дыма. Въ такомъ шатрѣ удобно помѣщается до 30 человѣкъ, а вокругъ нихъ располагается ихъ скотъ. Когда они оставляютъ мѣсто кочевья, то снимаютъ покрывало, разбираютъ подставки, складываютъ рѣшотку въ связки, и все это сваливаютъ на телѣгу. Но если Калмыки хотятъ только перемѣнить мѣсто для того, чтобы найти лучшее пастбище скоту, то, не разстраивая своего жилья, стоя внутри палатки и обращаясь всѣ въ одну сторону, приподымаютъ на себѣ рѣшотку и такимъ образомъ переносятъ эти легкіе дома. Именно этотъ переносъ и послужилъ причиною нашего удивленія, когда мы вдругъ увидѣли движущійся шатеръ, между тѣмъ какъ не видно было ни людей, ни животныхъ, двигавшихъ его. Послѣ того какъ я прошелъ нѣсколько шаговъ подъ шатромъ, меня выпустили, и я увидѣлъ императора, смѣявшагося надъ моимъ заключеніемъ. Онъ самъ вошелъ въ шатеръ и согласился со мной, что это жилье довольно уютно для тѣхъ, кто привыкъ къ нему, и что оно можетъ служить хорошею защитою отъ всякихъ непогодъ, во всякое время года.

30 Іюня мы достигли узкаго Перекопскаго перешейка, отдѣляющаго Черное море отъ Азовскаго. Онъ перерѣзанъ отъ одного моря къ другому стѣною и рвомъ. Здѣсь видно каменное четыреугольное укрѣпленіе и поселеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ домишекъ. Перекопъ есть ключъ и ворота ко входу въ Крымскій полуостровъ, которому новая владычица его возвратила старинное названіе Тавриды.

Государыня-побѣдительница имѣла пріятную возможность торжественно вступить въ Тавриду и занять престолъ Татарскихъ хановъ, которыхъ предки не разъ заставляли Русскихъ князей являться съ поклонами къ высокомѣрнымъ предводителямъ Золотой Орды. 30 Іюня мы проѣхали черезъ знаменитую Перекопскую линію, которая, несмотря на выгодное положеніе и глубину рвовъ, никогда не могла остановить непріятелей и теперь осталась только, какъ предметъ любопытства. Мы осмотрѣли также и защищающую ее крѣпость Оръ *). При

*) Перекопъ назывался по-турецки Оръ-Капи.

Библиотека "Руниверс"

выѣздѣ нашемъ мы увидѣли довольно значительный отрядъ Татарскихъ всадниковъ, богато одѣтыхъ и вооруженныхъ; они выѣхали навстрѣчу Государынѣ, чтобы сопровождать ее на пути.

Монархиня, съ мыслями всегда возвышенными и смѣлыми, пожелала, чтобы во время ее пребыванія въ Крыму ее охраняли Татары, презиравшіе женскій полъ, враги христіанъ и недавно лишь покоренные ея власти. Этотъ неожиданный опытъ довѣрчивости удался, какъ всякій отважный подвигъ.

«Согласитесь, любезный Сегюръ, сказалъ мнѣ смѣясь Делинь, что 1200 тысячъ Татаръ, которыми мы окружены, могли бы надѣлать тревоги на всю Европу, если бы вздумали вдругъ потащить насъ къ берегу, посадить на суда августѣйшую Государыню и могущественнаго Римскаго императора и увезти ихъ въ Константинополь, къ великому удовольствію его величества Абдулъ-Гамета, владыки и повелителя правовѣрныхъ! И эта шутка не была бы вовсе преступленіемъ съ ихъ стороны: они въ правѣ захватить двухъ монарховъ, которые овладѣли ихъ стороною, свергнули ихъ хана и уничтожили ихъ независимость». Къ счастію, эти мысли не пришли на умъ честнымъ сынамъ Магомета.

Мы очень спокойно ѣхали подъ ихъ защитою и остановились переночевать въ урочищѣ Айбаръ, гдѣ для насъ расположенъ былъ станъ, а для Императрицы выстроенъ довольно красивый домикъ. Меня и Фитцъ-Герберта помѣстили въ одну изъ тѣхъ Татарскихъ палатокъ, которыя я уже описалъ. Русскимъ казалось страннымъ видѣть Французскаго и Англійскаго пословъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ, несмотря на противоположность ихъ политическихъ дѣйствій. Если бы кто вздумалъ отозваться дурно объ одномъ, другой бы, конечно, вступился за него. Императрицу забавляла эта необыкновенная дружба, и безъ сомнѣнія, она, ради шутки, заставила насъ спать въ одной палаткѣ и писать на одномъ столѣ депеши, разумѣется, совершенно разногласныя.

Переѣхали мы черезъ Салгиръ и, оставивъ за собою степи, вступили въ гористую мѣстность. Здѣсь, къ удовольствію нашему, мы снова увидѣли тѣнистую зелень, живописныя поля, красивые домики, поселянъ дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ; во всемъ, наконецъ, мы замѣчали присутствіе движенія и жизни, которыхъ и слѣда не было въ пустынной, безлюдной степи. Вечеромъ мы прибыли въ Бахчисарай, и весь дворъ помѣстился во дворцѣ прежнихъ хановъ. Бахчисарай расположенъ въ узкой долинѣ или, лучше сказать, въ ущельѣ рѣки Чурука. Отъ основанія въ XVI в. Татарами. Его плохіе домишки размѣщены полукружіемъ на покатостяхъ окружныхъ горъ,

Библиотека "Руниверс"

которые висятъ надъ ними и ежеминутно, кажется, грозятъ завалить ихъ своими огромными скалами. Это странное мѣстоположеніе представляетъ крайне любопытное зрѣлище для путешественника. Въѣздъ въ городъ не безопасенъ, и едва не испытала этого сама Императрица въ то время, какъ, завидѣвъ Бахчисарайскіе минареты, она уже приближалась къ цѣли своей и заранѣе наслаждалась удовольствіемъ возсѣсть на мусульманскій престолъ, завоеванный ея оружіемъ. Въ Бахчисарай въѣзжаютъ или, лучше сказать, спускаются по чрезвычайно крутому отвѣсу, между скалъ. Карета Государыни была грузна; ретивыя лошади, почувствовавъ бремя непривычной для нихъ тяжести, понесли и помчались по скаламъ съ такою быстротою, что мы ежеминутно ожидали, что карета свернется на бокъ и разобьется въ дребезги. Напрасно Татары силились удержать лошадей; на лицѣ Екатерины, какъ я слышалъ отъ императора, не видно было ни малѣйшаго слѣда страха *). Наконецъ лошади, счастливо проѣхавъ по камнямъ, при въѣздѣ въ одну улицу, остановились разомъ, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ упали. При этомъ карета наѣхала на нихъ и опрокинулась бы, если бъ Татары ея не поддержали.

Не смотря на то, что Бахчисарай опустѣлъ послѣ войны, въ немъ было 9,000 жителей, большею частію все мусульманъ. Новое правительство не препятствовало имъ торговать и отправлять богослуженіе; они ненарушимо сохранили свои прежніе обычаи, такъ что мы какъ будто находились въ какомъ-нибудь Турецкомъ или Персидскомъ городѣ, съ тою только разницею, что мы свободно могли осматривать его, не подвергаясь притѣсненіямъ, какимъ христіане подвергаются на Востокѣ. Прежде всего меня поразили лѣнь, спѣсь и притворное или врожденное равнодушіе Татарскихъ и Персидскихъ купцовъ. Старые и молодые Татары и Турки сидѣли молча у дверей своихъ домовъ или въ лавкахъ, не выражая ни удивленія, ни любопытства, ни хоть какого-нибудь признака радости или неудовольствія при видѣ новаго для нихъ и пышнаго поѣзда, который во всей красѣ представлялся ихъ взорамъ; они были неподвижны, не вставали, не обращали на насъ ни малѣйшаго вниманія, иногда даже отворачивались. Эти изувѣры, считая себя всегда выше насъ и называя насъ невѣрными и собаками, даже побѣжденные сохраняютъ свое глупое высокомѣріе. Они никогда не сознаютъ своего невѣжества и потери на войнѣ приписываютъ одному предопредѣленію.

---

*) (Также какъ въ переѣздъ изъ Петергофа въ Петербургъ 28 іюня 1762 г., когда она во всю роковую дорогу была весела и даже шутила надъ Е. И. Широгородскою, не успѣвшую въ попыхахъ пріодѣться).

Библиотека "Руниверс"

Намъ сказали, что ханскій дворецъ, въ которомъ мы помѣстились, былъ построенъ по образцу Константинопольскаго сераля, только въ меньшомъ размѣрѣ. Онъ на берегу рѣки, вдоль которой Татары устроили набережную. Къ дворцу подъѣзжаютъ черезъ небольшой каменный мостъ и широкій дворъ. На лѣвой сторонѣ мечеть, подалѣе—конюшни, направо—самый дворецъ, одноэтажный и состоящій изъ нѣсколькихъ зданій различной величины; онъ окруженъ садомъ, раздѣленнымъ на четыре части. Близъ мечети — кладбище, гдѣ хоронили хановъ, вельможъ и духовенство; оно весьма живописно, какъ и вездѣ на Востокѣ, разнообразіемъ гробницъ и красотою деревъ, ихъ осѣняющихъ.

Ихъ императорскія величества заняли бывшіе ханскіе покои. Фитцъ-Гербертъ, Кобенцель, Делинь и я помѣстились въ комнатахъ сераля; къ нимъ примыкалъ прекрасный садъ, окруженный высокою стѣною. Единственною мебелью въ этихъ комнатахъ были широкіе диваны вдоль всей стѣны. Средину комнаты занимало вмѣстилище для воды изъ бѣлаго мрамора съ фонтаномъ, безпрерывно струившимъ потокъ чистой, свѣжей воды. Комната была полуосвѣщена, стекла въ окнахъ расписаны; когда мы отворили окно, то и тогда лучи солнца едва проникали чрезъ густыя вѣтви розовыхъ, лавровыхъ, жасминныхъ, гранатовыхъ и померанцовыхъ деревъ, закрывавшихъ окна зеленью и замѣнявшихъ намъ занавѣси.

Я помню, что разъ лежалъ я у себя на диванѣ, разслабленный чрезвычайнымъ жаромъ и наслаждаясь журчаніемъ фонтана, прохладою тѣни и запахомъ цвѣтовъ. Я предался восточной лѣнѣ и замечтался, какъ истый паша. Вдругъ вижу предъ собою маленькаго старичка, въ длинной одеждѣ, съ бѣлою бородою и съ красной шапочкою на лысой головѣ. Наружность его, видъ покорности и Азіатскій поклонъ дополнили мое очарованіе, и я на нѣсколько минутъ вообразилъ себя совершеннымъ мусульманскимъ владыкою, къ которому какой-нибудь ага или бастанджи явился за приказаніями. Такъ какъ этотъ человѣкъ зналъ немного языкъ Франковъ, т.-е. болталъ поиталіански, то я узналъ отъ него, что онъ былъ садовникомъ хана Сагимъ-Гирея. Я взялъ его себѣ вожатымъ, и онъ провелъ меня по всѣмъ извилистымъ переходамъ восточнаго дворца, котораго расположеніе трудно было бы описать. Покорепные магометане не смѣли ни въ чемъ намъ отказывать, и мы вошли въ мечеть въ молитвенное время. Намъ представилось грустное зрѣлище: 30 или 40 восторженныхъ дервишей, называемыхъ поарабски вертящимися, быстро кружились, какъ спущенные волчки, крича изо всей мочи «аллахъ-гу» и притомъ съ такимъ изступленіемъ, что наконецъ падали ницъ, обезсиленные и едва дышащіе....

Библиотека "Руниверс"

Недалеко отъ города, на горѣ, находится поселеніе Евреевъ-Караимовъ; они принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ обитателей Крымскаго полуострова. Они одни изъ числа Евреевъ придерживаются закона Моисеева, не признавая притомъ Талмуда. Пять верстъ подалѣе есть еще гора, одиноко стоящая и высокая, называемая Тіапъ-каирменъ. Въ ея каменистомъ грунтѣ въ три ряда вырыты пещеры. Въ окрестностяхъ Бахчисарая множество прекрасныхъ дачъ, принадлежавшихъ нѣкогда Татарскимъ князьямъ и ихъ женамъ.

Императрица провела въ Бахчисараѣ только пять дней. Удовольствіе выражалось во всѣхъ чертахъ лица ея: она наслаждалась гордостью государыни, женщины и христіанки при мысли, что заняла тронъ хановъ, которые нѣкогда были владыками Россіи и еще не задолго до своей гибели вторгались въ Русскія области, препятствовали торговлѣ, опустошали вновь завоеванныя земли и мѣшали утвержденію Русской власти въ этихъ краяхъ. Мы наслаждались почти наравнѣ съ нею новостью нашего положенія, которое позволяло намъ безпрепятственно и обстоятельно осмотрѣть внутренность знаменитыхъ гаремовъ, въ другихъ мѣстахъ недоступныхъ христіанскому глазу. На первыхъ порахъ послѣ завоеванія этаго края множесто Татаръ стало выселяться; но кротость и терпимость Екатерининскаго правительства вскорѣ умѣрили негодованіе гордыхъ мусульмамъ и внушили имъ довѣріе. 50,000 изъ нихъ не только рѣшились остаться на мѣстѣ, но многіе изъ выселившихся просили позволенія возвратиться; однако просьбы ихъ удовлетворяли неохотно, ибо по опыту извѣстно было, что они не будутъ дѣятельными земледѣльцами.

Разставшись съ Бахчисараемъ, мы поѣхали по роскошнымъ долинамъ, черезъ рѣку Кабарту; берега ея такъ живописны, что всѣ прилежащія селенія походятъ на сады. Къ обѣду мы прибыли въ Инкерманъ, называвшійся у Грековъ Ѳеодорой, а у Татаръ—Ахтіаромъ *). Здѣсь высокія горы полукружіемъ огибаютъ широкій и глубокій заливъ, гдѣ нѣкогда стояли древніе города Херсонесъ и Евпаторія. Эту знаменитую пристань полуострова Херсонеса Таврическаго, позже называвшагося Гераклейскимъ, Императрица назвала Севастополемъ. Видъ береговъ Тавриды, посвященныхъ Геркулесу и Діанѣ, напомнилъ намъ миѳическія времена Грековъ и уже болѣе историческую эпоху Босфорскихъ царей и Митридата.

Между тѣмъ какъ ихъ величества сидѣли за столомъ, при звукахъ прекрасной музыки, внезапно отворились двери большого балкона, и

*) Ахтіаромъ собственно называлось мѣстечко, гдѣ построенъ Севастополь, а Инкерманъ въ семи верстахъ оттуда.

Библиотека "Руниверс"

взорамъ нашимъ представилось величественное зрѣлище: между двумя рядами Татарскихъ всадниковъ мы увидѣли заливъ верстъ на 12 въ даль и на 4 въ ширину; посреди этого залива, въ виду царской столовой, выстроился въ боевомъ порядкѣ грозный флотъ, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный въ два года. Государыню привѣтствовали залпомъ изъ пушекъ, и грохотъ ихъ, казалось, возвѣщалъ Попту Евксинскому о присутствіи его владычицы и о томъ, что не болѣе, какъ черезъ 30 часовъ, флаги ея кораблей могутъ развѣваться въ виду Константинополя, а знамена ея арміи—водрузиться на стѣнахъ его. Мы спустились въ заливъ. Екатерина обозрѣвала корабли свои и дивилась глубинѣ и ширинѣ залива, вырытаго природою, будто съ намѣреніемъ устроить здѣсь прекраснѣйшую пристань въ мірѣ. Проѣхавъ заливъ, мы пристали къ подножію горы, на которой полукружіемъ возвышался Севастополь, построенный Екатериною. Нѣсколько зданій для складки товаровъ, адмиралтейство, городскія укрѣпленія, 400 домовъ, толпы рабочихъ, сильный гарнизонъ, госпиталь, верфи, пристани, торговая и карантинная, все придавало Севастополю видъ довольно значительнаго города. Намъ казалось непостижимымъ, какимъ образомъ въ 2000 верстахъ отъ столицы, въ недавно пріобрѣтенномъ краю, Потемкинъ нашелъ возможность возвести такія зданія, соорудить городъ, создать флотъ, утвердить портъ и поселить столько жителей: это дѣйствительно былъ подвигъ необыкновенной дѣятельности.

Три корабля, спущенные при насъ въ Херсонѣ, и другіе изъ Таганрога, должны были прибыть сюда вскорѣ. Но между тѣмъ въ заливѣ уже стояла эскадра изъ 25 военныхъ кораблей, совершенно вооруженныхъ, снабженныхъ всѣмъ нужнымъ и готовыхъ по первому мановенію Екатерины тотчасъ же стать подъ паруса.

Входъ въ заливъ спокоенъ, безопасенъ, защищенъ отъ вѣтровъ и достаточно узокъ, такъ что съ береговыхъ батарей можно открыть перекрестный огонь, и даже ядра могутъ долетать съ одной стороны на другую. Естественно было думать, что видъ такихъ силъ на морѣ и на сушѣ воспламенитъ воображеніе Императрицы и пробудитъ ея честолюбіе. Лесть и похвалы придворныхъ, воинственныя рѣчи и порывы любимаго министра, князя Делиня и Нассау-Зигена могли отвратить Императрицу отъ миролюбивыхъ намѣреній, передъ тѣмъ выраженныхъ ею. Но, повидимому, она оставалась непреклонною. Инструкціи, посланныя по окончаніи Херсонскихъ совѣщаній, остались неизмѣнными, и Булгакова отослали обратно въ Константинополь съ порученіемъ представить Портѣ предложенія о миролюбивомъ соглашеніи въ томъ видѣ, какъ эти предложенія были составлены.

Библиотека "Руниверс"

Императрицѣ хотѣлось узнать мое мнѣніе о новыхъ преобразованіяхъ во флотѣ. «Ваше величество, сказалъ я, загладили тяжкое воспоминаніе о Прутскомъ мирѣ, Запорожскихъ разбойниковъ вы превратили въ полезныхъ подданныхъ и подчинили Татаръ, прежнихъ порабoтителей Россіи. Наконецъ, основаніемъ Севастополя вы довершили на Югѣ то, что̀ Петръ началъ на Сѣверѣ. Вамъ остается одинъ только славный подвигъ—одержать побѣду надъ природою, населить и оживить всѣ эти завоеванныя земли и обширныя степи, чрезъ которыя мы недавно проѣзжали». Въ самомъ дѣлѣ, ничто уже не могло помѣшать Екатеринѣ спокойно наслаждаться совершеніемъ такого подвига, развѣ бы она захотѣла, вмѣсто занятій этимъ полезнымъ дѣломъ, отважиться на новыя завоеванія и, можетъ быть, тѣмъ повредить своей славѣ, потому что нерѣдко нежданныя неудачи разстроиваютъ самыя обдуманныя предпріятія и внезапно омрачаютъ царствованія самыя славныя. Неудачи Людовика XIV въ старости, потери Карла XII, затруднительное положеніе Петра Великаго при Прутѣ, истребленіе арміи Наполеона, это великіе уроки; но геніи, къ несчастію, не внимаютъ имъ, полагаясь на свою силу и счастіе. Вѣроятно, подобныя мысли останавливали рѣшимость Екатерины и боролись въ умѣ ея съ внушеніями ея честолюбія, ея министровъ и царедворцевъ.

Близъ монастыря св. Георгія, въ мѣстности, полной воспоминаній и очарованій, Императрица пожаловала землю князю Делиню. Едва ли она могла сдѣлать приличнѣйшій подарокъ этому отличному, умному человѣку, который, при своемъ воинственномъ нравѣ, скорѣе являлся какимъ-то сказочнымъ и романтическимъ витяземъ, нежели лицомъ историческимъ.

Мы съ Нассау-Зигеномъ проѣхались вдоль по южному берегу и видѣли портъ Символъ *). Здѣсь, какъ и во всѣхъ почти пристаняхъ Херсонеса Гераклійскаго, встрѣчаются часто пещеры, комнатки, часовни, кельи и надгробные камни съ Греческими надписями. Грустно смотрѣть на эти скалы, эти крутыя горы, глубокія пещеры и страшныя ущелья. Это мѣста, поистинѣ, достойныя служить жилищами Таврамъ и ихъ доброму царю Тоанту. Полные мрачныхъ впечатлѣній, мы не могли разсѣяться видомъ Балаклавы, прежняго Симболона. Это торговый городъ, почти исключительно населенный Греками, Армянами и Жидами, сохранявшими полную свободу богослуженія и обычаевъ подъ Русскимъ, также какъ и подъ Татарскимъ, владычествомъ. Какъ во всѣхъ старинныхъ Греческихъ или Восточныхъ городахъ, здѣсь улицы узки, дома

*) Греческій *Символонъ*, у Генуезцевъ — *Цембало*, теперь по турецкому имени

Библиотека "Руниверс"

низки и мостовая изъ разноцвѣтныхъ камней. Дѣятельные, промышленные жители здѣшніе, чтобы украсить это скучное мѣсто, стараются разводить сады на склонѣ черныхъ, высокихъ горъ, ихъ окружающихъ.

Присоединясь снова ко двору, мы вмѣстѣ отправились изъ Севастополя обратно въ Бахчисарай. На этомъ пути мы не встрѣтили ничего примѣчательнаго, кромѣ высокой горы Бякля-Коба, съ верху до низу изрытой пещерами. Когда здѣсь господствовало самовластіе, то люди лишь въ нѣдрахъ земли находили убѣжище и покой. Въ Бахчисараѣ князь Делинь разъ приходитъ ко мнѣ смѣясь и говоритъ: «Знаете ли, чѣмъ заняты теперь наши царственные путешественники, могущественный императоръ Римскій и знаменитая самодержица всея Россіи? Я уловилъ нѣсколько словъ изъ разговора двухъ великихъ монарховъ. Кто бы могъ подумать, любезный другъ? Они откровенно бесѣдуютъ о прекраснѣйшемъ предпріятіи—о возстановленіи Греческихъ республикъ. «Вы меня не такъ удивляете, какъ думаете, отвѣчалъ я. Нельзя не жить духомъ своего времени: его впитываешь въ себя невольно. Въ нашемъ вѣкѣ вѣетъ философіею и свободою и въ дворцахъ, и въ хижинахъ. Нельзя удержать этого стремленія, и если захотятъ это сдѣлать, то подымутъ бурю, какъ Англичане въ Америкѣ».

Делинь сталъ смѣяться надъ моими мечтами. Мы и не думали тогда, что слова эти сдѣлаются предсказаніемъ.

Естественно, что когда мы жили въ сералѣ ханскомъ, наружность, самый воздухъ этихъ сладострастныхъ покоевъ возбуждали наше воображеніе. Любопытство Делиня, который былъ моложавѣе въ пятьдесятъ лѣтъ, нежели я въ тридцать, вовлекло меня въ шалость, къ счастію, не имѣвшую тѣхъ послѣдствій, какихъ можно было ожидать; однако мы получили строгій и заслуженный урокъ. Мусульманину нельзя сдѣлать злѣйшей обиды, какъ знакомствомъ съ его женою. Въ этомъ отношеніи всякое сообщеніе, даже взглядами, запрещено всѣмъ кромѣ мужа. Это запрещеніе подстрекло любопытство князя, и онъ сказалъ мнѣ: «Какая польза намъ гулять по огромному саду, если намъ запрещено любоваться цвѣтами? По крайней мѣрѣ, до отъѣзда изъ Крыма, надобно хоть увидѣть какую нибудь Татарку безъ покрывала; я на это рѣшился: хотите быть моимъ товарищемъ въ этомъ предпріятіи?» Я не устоялъ противъ искушенія, и мы пошли бродить по долинамъ. Но надежда долго насъ обманывала. Наконецъ, не подалеку отъ уединеннаго домика, на опушкѣ маленькаго лѣса, мы увидѣли трехъ женщинъ, сидя мывшихъ себѣ ноги въ свѣтломъ ручьѣ. Приблизившись какъ можно тише между деревьями, мы наконецъ успѣли помѣститься противъ нихъ, подъ прикрытіемъ куста. Такъ какъ покрывала этихъ женщинъ лежали подлѣ нихъ на землѣ, то мы прекрасно могли ихъ

Библиотека "Руниверс"

разсмотрѣть. Но, увы, какое разочарованіе! Изъ нихъ не было ни одной молодой и хорошенькой, даже сносной. Мой товарищъ не кстати вскрикнулъ: «Признаюсь, Магометъ не дурно сдѣлалъ, что велѣлъ имъ закрываться!»

Услышали ли насъ, или насъ выдалъ шелестъ листьевъ, только наши три мусульманки выскочили и съ криками побѣжали. Мы было за ними, чтобы ихъ успокоить, какъ вдругъ видимъ Татаръ, бѣгущихъ съ горъ, тоже съ криками, бросающихъ въ насъ каменьями и грозящихъ кинжалами. Такъ какъ мы не приготовились къ битвѣ, то, не дожидаясь ихъ приближенія, пустились бѣжать и укрылись отъ преслѣдователей въ чащѣ лѣса. До тѣхъ поръ дѣло было еще неважно по ложному правилу, что скрытый грѣхъ въ половину прощенъ. Но мой неблагоразумный соучастникъ не удовольствовался этимъ. На другой день за столомъ мы замѣтили, что Императрица грустна и молчалива, императоръ погруженъ въ думы, Потемкинъ пасмуренъ и разсѣянъ. Разговоръ какъ-то не клеился или совсѣмъ замолкалъ. Вдругъ Делинь, естественный врагъ скуки, чтобы разсѣять Императрицу и развеселить собесѣдниковъ, вздумалъ разсказать нашу шалость и вчерашнее происшествіе. Какъ ни подталкивалъ я его, онъ смѣло продолжалъ свой разсказъ. Слушатели уже начали было смѣяться, чего онъ и ожидалъ, какъ вдругъ Екатерина, взглянувъ на насъ величаво и строго, сказала: «Господа, эта шутка весьма неумѣстна и можетъ послужить дурнымъ примѣромъ. Вы посреди народа, покореннаго моимъ оружіемъ; я хочу, чтобы уважали его законы, его вѣру, его обычаи и предразсудки. Если бы мнѣ передали эту исторію и не назвали дѣйствовавшихъ лицъ, то я никакъ не подумала бы на васъ, а стала бы подозрѣвать моихъ пажей, и они были бы строго наказаны».

Намъ нечего было возражать на это. Делинь замолкъ такъ же, какъ и я, досадуя на свою неумѣстную болтливость. Наше смиреніе понравилось Императрицѣ, и она снова развеселилась; даже чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, назначивъ аудіенцію одной мусульманской княжнѣ, племянницѣ Сагимъ-Гирея, она позволила намъ спрятаться такъ, чтобы мы могли ее увидѣть, оставаясь сами незамѣченными. Княжна была красивѣе нашихъ трехъ Татарокъ, однакожъ чернёныя брови и лоснящееся румянами лицо придавали ей видъ куклы, вопреки ея прекраснымъ глазамъ.

Мы недолго пробыли въ Бахчисараѣ и, покинувъ его скалы и ханскій дворецъ съ сералемъ, пріѣхали къ берегамъ Салгира, въ городъ Ахмечеть, названный Екатериною Симферополемъ. Теперь это главный городъ полуострова; онъ лежитъ посреди равнины, окруженной пригорками, между которыми долины, полныя свѣжею зеленью, прекрас-

Библиотека "Руниверс"

ными садами, величественными, остроконечными тополями. Богатые Татары, населяющіе эти долины, выбираютъ отличныя деревья съ широко раскинувшимися вѣтвями и посреди этой древесной чащи строятъ красивыя бесѣдки. Яркіе, пестрые цвѣта этихъ воздушныхъ, висячихъ павильоновъ придаютъ имъ необыкновенно привлекательный видъ для взора путешественника. Ахмечеть служилъ мѣстопребываніемъ *калга-султановъ* *), первыхъ военныхъ чиновниковъ и полководцевъ у Крымскихъ хановъ. Въ этомъ городѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, гдѣ мы останавливались въ продолженіе нашего пути, для Императрицы былъ приготовленъ покойный, красивый и просторный домъ. Въ Симферополѣ мы пробыли только одинъ день. Оттуда мы отправились въ Карасубазаръ, который у Грековъ назывался Мавромъ-Кастронъ. Этотъ городъ, въ широкой долинѣ, на берегу рѣки Карасу, былъ одинъ изъ значительнѣйшихъ въ Тавридѣ. Мы могли только любоваться прекраснымъ его мѣстоположеніемъ: въ немъ не было замѣчательныхъ зданій или древнихъ развалинъ. Дома, какъ всѣ Татарскіе, неправильно построены, низки и расположены безъ всякой соразмѣрности. До завоеванія городъ этотъ, такъ же какъ Симферополь, принадлежалъ калга-султану. Крымскія горы, которыя начинаются отъ береговъ Салгира, не образуютъ стройной гряды до самаго Карасу-базара. Но отъ этого города онѣ цѣпью идутъ съ одной стороны къ Бахчисараю, съ другой до Стараго Крыма.

Если природа въ этихъ мѣстахъ не представляла августѣйшимъ путешественникамъ предметовъ, достойныхъ ихъ любопытства, то неутомимая дѣятельность князя Потемкина дополнила этотъ недостатокъ. Кромѣ прекрасной широкой дороги, которую онъ пробилъ и выровнялъ трудами своихъ солдатъ, онъ съ ихъ же помощію развелъ на берегу Карасу обширный Англійскій садъ и посреди его выстроилъ изящнѣйшій дворецъ. Здѣсь уже не Армида чаровала Ринальда; напротивъ, Русскій Ринальдъ совершилъ диво для своей Армиды. Когда вечеромъ Екатерина вышла изъ дворца, чтобы насладиться прохладною тѣнью, свѣжестью воды и запахомъ цвѣтовъ, между тѣмъ какъ солнце скрывалось за темными долинами, всѣ пригорки на десять верстъ кругомъ вспыхнули тремя рядами разноцвѣтныхъ огней. Посреди этого горящаго круга возвышалась конусообразная гора, на которой яркими чертами блисталъ вензель Императрицы. Изъ вершины горы вспыхнулъ прекрасный фейерверкъ, завершенный взрывомъ трехъ сотъ тысячъ ракетъ. На слѣдующій день послѣ этого праздника, котораго пышность, кажется, расшевелила гордыхъ и равнодушныхъ мусульманъ, Екатерина, сдѣлавъ

*) Калга-султанъ—наслѣдникъ ханскій.

Библиотека "Руниверс"

смотръ большому корпусу войскъ, уѣхала, въ сопровожденіи обычныхъ своихъ Татарскихъ тѣлохранителей, черезъ горы, въ направленіи къ Судаку. На пути мы проѣхали черезъ Греческое поселеніе Топли и Татарскую деревню Елбузи.

Судакъ довольно изрядная пристань для судовъ. Городъ, въ 55 верстахъ отъ Карасу-базара, выстроенъ на высокой и одинокой скалѣ, близъ моря. Скала съ трехъ сторонъ окружена горами и весьма глубокими пропастями; видъ этотъ понравился мнѣ своимъ разнообразіемъ и величавостью.

Судацкій виноградъ почитается лучшимъ въ Крыму; онъ разросся по долинѣ почти на 12 верстъ. Плодовитыя лозы растутъ вмѣстѣ со множествомъ фруктовыхъ деревъ и такимъ образомъ составляютъ естественный садъ, который пріятно поражаетъ взоръ, особенно противоположностью своей съ окрестными высокими горами, шумящими водопадами и мрачными рощами. Мы продолжали путь по восточному берегу Тавриды и прибыли въ Старый Крымъ, въ 20-ти верстахъ отъ Судака и столькихъ же отъ Ѳеодосіи. Старый Крымъ, извѣстный съ VI вѣка, въ XIII сталъ значительнымъ городомъ по торговлѣ. Торговля эта упала послѣ нашествія Татаръ; однако нѣкоторые изъ ихъ хановъ имѣли здѣсь свое мѣстопребываніе. Греки называли его Каркой, а Татары—Эски-Крымомъ, т. е. старою крѣпостью. Императрица дала ему наименованіе Левкополя. Мы проѣхали по обширной долинѣ, окруженной горами, привлекающими вниманіе разнообразіемъ уступовъ и извилинъ. Между ними есть высокая гора, съ которой видны Черное и Азовское моря и Сивашъ. Мы останавливались недолго и въ нѣсколько часовъ достигли стѣнъ или, лучше сказать, развалинъ несчастной и знаменитой Ѳеодосіи.

Она носила это благозвучное имя во времена своего величія. Татары, пораженные ея великолѣпіемъ, назвали ее Керимъ-Стамбули, т. е. Крымскимъ Константинополемъ. Со времени ея разрушенія ее звали Кафою. Екатерина возвратила ей древнее названіе, но, вѣроятно, безъ намѣренія возвратить ей прежнее величіе. Когда Екатерина сдѣлалась владѣтельницею Крыма, сохранялись только остатки этого знаменитаго города. Мы нашли въ немъ едва 2000 жителей, бродившихъ среди развалинъ храмовъ, дворцовъ, пышныхъ зданій; здѣсь царствовало безмолвіе разрушенія. При взглядѣ на эту мрачную картину, столь противоположную съ волшебными созданіями, доселѣ поражавшими взоры Императрицы, она не могла удержать грусти. Казалось, сама судьба хотѣла въ концѣ этой торжественной поѣздки умѣрить восторгъ ея печальнымъ видомъ этихъ краснорѣчивыхъ свидѣтелей человѣческой превратности и разрушенія, которому должны подвергнуться цвѣтущіе города и кото-

Библиотека "Руниверс"

раго не избѣгнутъ величайшія государства. Чтобы разсѣять впечатлѣніе, произведенное этими развалинами и этою пустынею, мы проѣхались по Керченскому полуострову... Императрица прежде намѣревалась обогнуть его по берегу въ направленіи къ Сѣверу, чтобы затѣмъ увидѣть Арабатъ, Маріуполь, Таганрогъ, Черкаскъ, главный городъ Донскихъ казаковъ и наконецъ Азовъ. Но ненастное время, вредный береговой климатъ и важность дѣлъ, призывавшихъ ее въ столицу, заставили ее перемѣнить это намѣреніе. Итакъ, Ѳеодосія была предѣломъ нашего долгаго путешествія.

Передъ отъѣздомъ изъ края этихъ печальныхъ развалинъ со мною случилось странное приключеніе, которое однако я бы не счелъ нужнымъ разсказывать, если бы оно, по моему мнѣнію, не давало настоящаго понятія о странѣ, гдѣ господствуетъ неволя, и вмѣстѣ съ тѣмъ не выказывало бы оригинальности Потемкина. Мы уже готовы были къ отъѣзду, Императрица уже сѣла въ карету, и я, чтобы послѣдовать за нею, быстро спускался по наружной лѣстницѣ дворца. Вдругъ вижу я молодую женщину въ Азіатской одеждѣ; ея станъ, походка, глаза, лобъ, ротъ, словомъ всѣ черты отличались непостижимымъ сходствомъ съ чертами моей жены. Я онѣмѣлъ отъ удивленія; я думалъ, не во снѣ ли я; въ первыя минуты я предположилъ, что жена моя пріѣхала ко мнѣ изъ Франціи, что отъ меня это скрыли и вздумали приготовить мнѣ нечаянную встрѣчу. Вѣдь воображеніе живо, а я находился въ странѣ чудесъ. Однако Потемкинъ, замѣтивъ, что я онѣмѣлъ, какъ статуя, и не отвѣчаю на его зовъ, пошелъ сказать объ этомъ Императрицѣ. Молодая женщина удалилась; короткій сонъ мой разсѣялся; въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ я его князю.

«Неужели она до такой степени похожа»? сказалъ онъ мнѣ. «Похожа до невѣроятности», отвѣчалъ я. «Такъ что же, батюшка, сказалъ онъ смѣясь, эта молодая Черкешенка принадлежитъ человѣку, который отдастъ ее мнѣ, и только что мы пріѣдемъ въ Петербургъ, я вамъ ее подарю». «Благодарю васъ, сказалъ я въ свою очередь; я не приму ея и полагаю, что этотъ порывъ чувства покажется неприличнымъ моей женѣ».

Мы разстались, и я думалъ, что тѣмъ дѣло и кончится. Но вскорѣ князь далъ мнѣ почувствовать, что мой отказъ ему не понравился, и ему показалось, что я черезъ чуръ спѣсивъ и не хочу принять отъ него подарка. Я сказалъ ему, что докажу ему противное и согласенъ принять все, что̀ ему вздумается мнѣ подарить. Онъ не позабылъ этого и, по возвращеніи своемъ въ столицу, послѣ взятія Очакова, далъ мнѣ Калмыцкаго мальчика, котораго звали Нагуномъ и у котораго была преоригинальная Китайская рожица. Я занялся имъ нѣсколько времени,

Библиотека "Руниверс"

училъ его читать; но передъ отъѣздомъ моимъ во Францію графиня Кобенцель, которой онъ понравился, такъ усердно стала упрашивать меня оставить его у нея, что я согласился. Изображеніе этого Калмычонка я сохранилъ.

Мы выѣхали изъ Кафы, чтобы начать обратный путь въ Петербургъ. Проѣхавъ снова Крымскія пустыни, Перекопскій перешеекъ и Ногайскія степи, мы прибыли въ Кизикирмень, гдѣ Іосифъ II и Екатерина разстались, возобновивъ взаимныя увѣренія въ дружбѣ, скрѣпленной еще тверже этою долгою поѣздкой. Оттуда мы отправились въ Кременчугъ, гдѣ Императрица отдохнула.

Императоръ объявилъ мнѣ передъ своимъ отъѣздомъ, что онъ, посѣтивъ Кинбурнъ, Галицію и свою столицу, соберетъ потомъ свою армію на большіе маневры, и приглашалъ меня къ себѣ, когда я оставлю Петербургъ и поѣду въ отпускъ. Въ послѣднее время нашего путешествія, когда мы возобновили съ нимъ наши обычныя прогулки по степи, этотъ государь, разговаривая со мною о Константинопольскихъ дѣлахъ, довольно откровенно высказалъ мнѣ политическія намѣренія свои и Екатерины. Я считаю нелишнимъ въ нѣсколькихъ словахъ передать этотъ разговоръ, чтобы показать его сужденія о личности Императрицы, ея учрежденіяхъ, замыслахъ и могуществѣ.

«Надѣюсь, что вы теперь довольны, сказалъ онъ мнѣ однажды: Булгаковъ и Гербертъ представятъ Портѣ предложенія, которыя составлены съ вашего согласія. Увѣрены ли вы теперь въ возможности мира?» «Графъ, отвѣчалъ я (онъ не на шутку сердился, когда въ разсѣянности ему говорили: государь или ваше величество), теперь все зависитъ отъ того, какъ Императрица смотритъ на эти предложенія, и какъ ихъ представятъ Турецкому правительству. Можетъ быть, она видитъ въ нихъ только готовый матеріалъ для манифеста. Я боюсь, что зрѣлище военныхъ силъ, собранныхъ Государыней на морѣ и на сушѣ, разсѣетъ въ умѣ ея опасенія на счетъ препятствій, которыя могутъ встрѣтить ея властолюбивые замыслы. Все готово, и если она вздумаетъ воспользоваться предлогомъ, что Турки медлятъ удовлетворить ея требованіямъ, то часть ея войска можетъ осадить Очаковъ и Аккерманъ. Эти укрѣпленія не могутъ долго держаться; ихъ возмутъ безъ затрудненій. Въ тоже время другая часть арміи, переправясь на Севастопольскомъ флотѣ, можетъ выйти на берегъ между Варною и Константинополемъ, угрожать Турецкой столицѣ и даже взять ее, если страхъ овладѣетъ умами суевѣрныхъ мусульманъ. Напротивъ того, Турки, лишившись Крыма, если захотятъ напасть на Русскихъ, должны будутъ пройти черезъ Болгарію, Бессарабію, Молдавію, Валахію и Новую Сербію, гдѣ съ трудомъ можетъ держаться регулярное войско. Къ

Библиотека "Руниверс"

тому же 500.000 Русскихъ достаточно, чтобы задержать ихъ на Бугѣ или на Днѣстрѣ. Одни только политическія затрудненія могутъ остановить Государыню, и вы лучше меня знаете, до какой степени она должна опасаться препятствій съ этой стороны».

«Я очень хорошо васъ понимаю, отвѣчалъ императоръ; моя уступчивость во время завоеванія Крыма заставляетъ васъ думать, что я соглашусь на новыя завоеванія. Вы ошибаетесь: я искренно желаю сохраненія мира. Занятіе Крыма Русскими меня не потревожило; единственнымъ послѣдствіемъ этого было умиреніе Турокъ: у нихъ отнята была возможность начать наступательную войну. Къ тому же я находилъ въ этомъ свои выгоды. Во первыхъ, мои владѣнія защищены отъ нападенія Турокъ, такъ какъ Турки должны опасаться Русскихъ войскъ и флота, которые изъ Крыма могутъ напасть на нихъ съ тыла. Далѣе, я имѣлъ увѣренность, что разъединю дворъ Петербургскій съ Берлинскимъ и лишу Прусскаго короля могущественнаго его союзника. Вотъ что собственно побудило меня заставить Турокъ уступить Екатеринѣ Крымъ. Но теперь совсѣмъ другое дѣло. Я не допущу Русскихъ утвердиться въ Константинополѣ. Для Вѣны, во всякомъ случаѣ, безопаснѣе имѣть сосѣдей въ чалмахъ, нежели въ шляпахъ. Впрочемъ, этотъ замыслъ, возникшій въ пламенномъ воображеніи Императрицы, неисполнимъ; если бы даже достаточно было одного ея указа, чтобы занять Константинополь и короновать внука ея Константина, то ей невозможно будетъ устоять противъ Турецкихъ силъ, сосредоточенныхъ въ Малой Азіи, и противъ другихъ государствъ, если они возмутъ сторону мусульманъ. Въ такомъ случаѣ, она вынуждена будетъ сосредоточить въ одномъ мѣстѣ всю свою армію, оставить безъ войска почти половину своей имперіи и даже перемѣстить столицу».

«Въ самомъ дѣлѣ, замѣтилъ я, мнѣ кажется, что можно успокоиться на счетъ безопасности Константинополя, котораго сохраненіе одинаково важно для Вѣнскаго, какъ и для Французскаго двора. Но въ тоже время, при видѣ всѣхъ этихъ огромныхъ предпріятій, нельзя не подозрѣвать другого, болѣе правдоподобнаго предпріятія, именно распространенія Русскихъ предѣловъ до Днѣстра. Если эта попытка осуществится, то необходимо возгорится война, чрезвычайно вредная для насъ. Но я надѣюсь, прибавилъ я, что, по благоразумію своему и по дружбѣ къ королю, императоръ будетъ продолжать дѣйствовать миролюбиво и приметъ нужныя мѣры для предупрежденія несогласій. Думаю, что король можетъ на него положиться, потому что если, во время завоеванія Крыма, онъ убѣждалъ Порту уступить этотъ полуостровъ Россіи, то дѣлалъ это для спокойствія и политическихъ выгодъ своего зятя и союзника».

Библиотека "Руниверс"

«Я сдѣлалъ, что̀ могъ, сказалъ императоръ; но вы сами видите: Государыня увлекается. Надобно, чтобы Турки уступили требованіямъ, имъ предложеннымъ. Если они отказомъ вооружатъ противъ себя Императрицу, то кто можетъ воспрепятствовать ей отомстить и взять у нихъ нѣсколько городовъ? У нея огромное, бодрое, неутомимое войско. Оно пройдетъ, куда она захочетъ. Вдали отъ столицы пробиваютъ дороги, устроиваютъ пристани, строятся на болотахъ, воздвигаютъ дворцы, разводятъ парки среди степей, и все это дѣлается безъ платы, безъ постелей, иногда безъ пищи и всегда безъ ропота. Изъ всѣхъ монарховъ Европы Императрица одна только дѣйствительно богата. Она много повсюду издерживаетъ и не имѣетъ долговъ; ассигнаціи свои она оцѣниваетъ во сколько хочетъ; если бы ей вздумалось, она могла бы ввести кожаныя деньги. Между тѣмъ Англія обременена своими бумажными деньгами, Франція публично признала разстроенное положеніе своихъ финансовъ, а я едва могу покрыть издержки на поселенія въ Галиціи и новыя крѣпости, которыя тамъ строятся». «Всѣ эти затруднительныя обстоятельства, отвѣчалъ я, тѣмъ болѣе должны побудить императора всячески стараться избѣгнуть разорительной войны».

Мы часто разговаривали о томъ же предметѣ, и я всегда старался доказать ему, что могущество Россіи болѣе кажущееся, нежели твердое. «Здѣсь болѣе блеска, чѣмъ прочности, говорилъ я; за все берутся, ничего не довершаютъ. Потемкинъ легко бросаетъ то, за что принялся съ жаромъ; на мѣстѣ Екатеринослава онъ заложилъ городъ, который будетъ необитаемъ, и огромный храмъ, въ которомъ, можетъ быть, не будутъ никогда молиться. Для постройки этой новой столицы онъ выбралъ мѣсто высокое, видное, но совершенно безводное. Херсонъ построенъ на неудобномъ мѣстѣ и окруженъ болотами. Корабли не могутъ входить туда съ грузомъ. Въ послѣднія десять лѣтъ степи опустѣли болѣе прежняго. Крымъ лишился болѣе двухъ третей своего населенія. Кафа разорена и не поднимется. Одинъ Севастополь теперь уже довольно значителенъ; но нужно много времени, чтобы онъ сталъ настоящимъ городомъ. Позаботились все украсить, нарядить, оживить на срокъ, на показъ Императрицѣ; но лишь только Екатерина уѣдетъ, то вмѣстѣ съ нею исчезнутъ всѣ прикрасы этого обширнаго края. Я знаю князя Потемкина. Онъ произвелъ театральный эффектъ; занавѣсъ опускается, а онъ займется новыми представленіями въ Польшѣ или Турціи. Управленіе и все что̀ требуетъ постоянства несовмѣстно съ его нравомъ. Начни онъ войну, и война бы ему скоро надоѣла; дождавшись Георгіевской ленты, онъ съ такимъ же жаромъ будетъ домогаться мира, какъ теперь старается его нарушить».

Библиотека "Руниверс"

«Я съ этимъ согласенъ, сказалъ императоръ. Насъ здѣсь отвлекали отъ одного очарованія къ другому, въ сущности же здѣсь многаго недостаетъ; внѣшность дѣйствительно блестяща... Въ Россіи приказаніе исполняется немедленно. Если бы какой нибудь Карлъ XII былъ во главѣ этого народа, онъ бы съ 600,000 человѣкъ заставилъ трепетать всю Европу».

Судя по мнѣніямъ императора, можно было предполагать, что онъ не станетъ твердо сопротивляться волѣ Екатерины и позволитъ склонить себя къ войнѣ, если его поставятъ между необходимостью содѣйствовать Императрицѣ и опасностью потерять могущественную союзницу. Тѣмъ не менѣе справедливо, что въ то время Россія, какъ говорилъ превыспренній Дидрò, была *колоссомъ только съ глиняными ногами*; но этой глинѣ дали окрѣпнуть, и она превратилась въ бронзу. Императоръ, посмѣиваясь надъ пороками Потемкина, хорошо понималъ вліяніе, которое тотъ пріобрѣлъ на Екатерину. Онъ находилъ, что Государыня, которая въ сущности была гораздо мягче характеромъ, чѣмъ думали люди, не знавшіе ея близко, простираетъ до излишества свою снисходительность къ странностямъ князя Потемкина, къ шалостямъ своего оберъ-шталмейстера и къ разсѣянности Мамонова. Но это нѣсколько насмѣшливое замѣчаніе императора теряло много значенія въ его устахъ, такъ какъ самъ Іосифъ, черезъ чуръ стараясь понравиться Екатеринѣ, расточалъ ея молодому любимцу очень частые знаки вниманія и благосклонности, терпѣлъ даже прихотливое высокомѣріе Потемкина и не разъ, подобно придворнымъ Императрицы, довольно долго ожидалъ выхода князя въ его пріемной....

Императрица, простившись съ императоромъ въ Кизикирменѣ, снова пустилась въ путь и 16-го Іюня прибыла въ Кременчугъ. Она была очень довольна тѣмъ, что самая занимательная часть ея поѣздки была совершена благополучно. «Меня всячески старались отклонить отъ этой поѣздки, говорила она; всѣ увѣряли, что я встрѣчу на пути множество затрудненій и непріятностей; меня пугали тѣмъ, что дорога меня утомитъ, что степи неспосны, что на Югѣ вреденъ климатъ. Эти люди меня слишкомъ мало знаютъ; они не понимаютъ, что противорѣчить мнѣ значитъ меня возбуждать, и что всякое затрудненіе, которое мнѣ представляютъ, придаетъ мнѣ болѣе рѣшимости».

Мы только два дня пробыли въ Кременчугѣ и выѣхали 18-го въ Полтаву, гдѣ насъ ожидало 50,000 Русское войско, расположенное на томъ самомъ полѣ, гдѣ счастіе измѣнило Карлу XII и даровало побѣду Петру Великому, и гдѣ рѣшилась участь Сѣвера и Востока Европы. Въ Кременчугѣ Екатерина доказала мнѣ, что, не смотря на мои попытки поставить Турокъ въ оборонительное положеніе, она не измѣни-

Библиотека "Руниверс"

ла искренняго расположенія ко мнѣ. Я собирался отправиться погулять по окрестностямъ города, когда мнѣ сказали, что Императрица требуетъ меня къ себѣ. Я тотчасъ же отправился къ ней и нашелъ ее въ кабинетѣ съ княземъ Делинемъ.

«Я увидѣла васъ изъ моего окна, сказала она мнѣ; мнѣ показалось, что вы грустите или скучаете. Я надѣюсь, что не обезпокою васъ, если попытаюсь васъ разсѣять, такъ какъ, повидимому, вы не очень веселы». «Да, прибавилъ, улыбаясь, Делинь, мы шагали медленно и важно, точно вице-канцлеръ ея величества. Впрочемъ, не совѣтую слишкомъ разсчитывать на любезное вниманіе, которое намъ оказываютъ, потому что, какъ человѣкъ откровенный, признаюсь вамъ, мы только что наговорили много дурного на вашъ счетъ».

«Это правда, возразила Императрица. Я увѣрена, что, не смотря на все мое желаніе удержать васъ при себѣ, вы скоро насъ покинете, и навсегда. Впрочемъ, князь подшутилъ надъ вами и утаилъ истину: дѣло въ томъ, что онъ хвалилъ вашъ характеръ и способности, а я совершенно съ нимъ соглашалась и прибавила съ своей стороны, судя о другихъ по себѣ, что король, безъ сомнѣнія, скоро дастъ вамъ мѣсто въ своемъ совѣтѣ, и потому мы, вѣроятно, не увидимъ васъ въ Россіи».

Разумѣется, я всячески старался выразить свою признательность. «Я послѣдую примѣру вашего величества и тоже осмѣлюсь позлословить на вашъ счетъ. У вашего величества есть одинъ явный недостатокъ, который происходитъ отъ вашего превосходства и состоитъ въ томъ, что вы слишкомъ добры, слишкомъ снисходительны и пристрастны къ тѣмъ, кого удостоиваете вашею благосклонностію. Впрочемъ, я могу увѣрить ваше величество, что такая похвала, какъ ваша, кажется мнѣ высочайшей наградой, какой только можетъ искать благородно-честолюбивый человѣкъ».

Государыня, продолжая разговоръ съ привычной ей любезностью, сказала мнѣ, что она послала во всѣ сѣверные и южные порты имперіи нужныя приказанія, чтобы дать намъ возможность пользоваться выгодами, предоставленными намъ послѣднимъ торговымъ договоромъ.

Въ Кременчугѣ принцъ Нассау-Зигенъ разстался съ нами и отправился во Францію. Я поручилъ ему свои депеши и предупредилъ Монморена, что принцъ лучше всякаго другого можетъ доставить ему свѣдѣнія о военныхъ силахъ Россіи и намѣреніяхъ князя Потемкина, съ которымъ онъ, до пріѣзда къ намъ въ Кіевъ, нѣсколько мѣсяцевъ былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ.

Библиотека "Руниверс"

МѢРА КО ВЗЫСКАНІЮ НЕДОИМОКЪ СЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Курскаго Земскаго Суда дворянскаго засѣдателя Гуторова, удаленнаго отъ должности ревизовавшимъ Курскую губернію его сіятельствомъ г. тайнымъ совѣтникомъ сенаторомъ и кавалеромъ княземъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ объясненіе.

Удаленіе отъ должности послѣдовало по объявленію Курскаго уѣзда деревни Безобразовой отъ однодворцевъ не болѣе какъ отъ трехъ или пяти человѣкъ, что при взысканіи накопившейся на жителяхъ оной деревни казенной недоимки я, Гуторовъ, будто бы сажалъ въ воду въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ неплательщиковъ.

Со вступленія моего къ отправленію должности, съ Генваря мѣсяца 1825 года, я первою поставилъ для себя обязанностію употреблять все мое ревностное стараніе, чтобы всѣ подлежащія казенныя подати взносимы были въ казну въ свое время и чтобъ прежде запущенная доимка податей очищена была взносомъ въ казну, при каковомъ моемъ неусыпномъ попеченіи и взыскано до немалаго количества доимки. Но сіе количество по увеличенному запущенію оной не могло быть удовлетворительнымъ для правительства, а потому, имѣя отъ онаго самострожайшее предписаніе о взысканіи сполна всей доимки, я усиливалъ ко взысканію всевозможное мое попеченіе.

Между прочими Курскаго уѣзда селеніями, состоявшими въ отдѣльной моей части, на жителяхъ коихъ состояла доимка казенныхъ податей, поселяне деревни Безобразовой болѣе другихъ не озабочивались платежомъ оной, и когда безпрестанныя мои побужденія о взносѣ, при всѣхъ имъ внушеніяхъ наистрожайшихъ отъ начальства предписаній (съ угроженіемъ преданія меня строгому сужденію и конфискованія моего имѣнія) не могли возбудить ко взносу доимки, я вынужденнымъ себя нашелъ рѣшиться на принятіе мѣры къ пристыженію (закономъ установленной въ проектѣ новаго уложенія) неплательщиковъ.

Мѣра сія употреблена мною въ побужденіе пристыженіемъ слѣдующая. Въ наѣздъ мой въ деревню Безобразову 2-го Мая 1826 г., когда нашелъ, я большую часть поселянъ не въ домахъ ихъ, а въ питейномъ домѣ пьянствующихъ: то, выведши ихъ изъ питейнаго дома, приказалъ раздѣтыхъ посадить на грязь (бывшую въ тотъ день отъ шедшаго дождя) въ коей они просидѣли не болѣе получасу, а въ воду и въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ никого не сажалъ.

(*Сообщено С. Е. Кожуховымъ*).

Библиотека "Руниверс"

ВОЛКЪ ПОЛВѢКА НАЗАДЪ.

Среди различныхъ казенныхъ объявленій, составлявшихъ долгое время почти исключительно содержаніе нашихъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, среди всевозможныхъ „справокъ о бѣглыхъ“, „о приставшемъ скотѣ“, „о продажѣ имѣній“ и пр., не рѣдко можно было встрѣтить вѣдомость убитыхъ волковъ и выраженіе благодарности охотникамъ. Иногда даже печаталось и описаніе облавы и охотничьихъ подвиговъ, совершенныхъ какимъ либо помѣщикомъ или офицеромъ изъ квартировавшей въ губернскомъ городѣ воинской части. Описаніе эти писались „высокимъ“ штилемъ и заканчивались стереотипною фразою: населеніе не знаетъ чѣмъ выразить свою благодарность охотникамъ, освободившихъ ихъ отъ лютыхъ хищниковъ.

Въ настоящей замѣткѣ я хочу познакомить читателя съ происхожденіемъ этихъ „вѣдомостей“ о убитыхъ волкахъ и этихъ благодарностей отечественнымъ Нимвродамъ. Извѣстно, что въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія у насъ почти ничего не дѣлалось безъ полученія соотвѣтствующей бумаги за номеромъ и за подлежащимъ подписаніемъ. Каждое самое, незначительное дѣло должно было получить высшую санкцію и потому доходило до царскаго трона. На все существовала извѣстная форма, и отступленія отъ нея были невозможны. Особыя строительныя комиссіи вырабатывали планы и фасады домовъ, и обыватели должны были строить себѣ дома лишь по этимъ планамъ. Въ настоящее время почти невозможно представить себѣ, какъ могли затруднить всякое дѣло, всякое начинаніе, требуя представленія его на утвержденія высшей инстанціи, и въ каждой сторонѣ жизни сейчасъ же находили какой-нибудь предлогъ для того, чтобы создать „новое дѣло“ и тѣмъ обнаружить свое усердіе. Какому-то военному человѣку, напримѣръ, пришла въ голову мысль: „А на какой лошади долженъ ѣздить адъютантъ?“ Началась переписка, потребовались объясненія, разъясненія и пр. и, наконецъ, военный министръ объявилъ главнокомандующему гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусомъ слѣдующую резолюцію Государя Императора Николая Перваго: „Государь Императоръ въ разрѣшеніи вопроса, какой *именно масти* лошадей должны имѣть въ конномъ строю полковые адъютанты, Высочайше повелѣть соизволилъ: адъютантамъ симъ имѣть лошадей по мастямъ присвоеннымъ полкамъ, не воспрещая впрочемъ, если кто изъ нихъ пожелаетъ имѣть и *сѣрыхъ* лошадей“ (Полное Собраніе законовъ, второе собраніе № 21379).

Библиотека "Руниверс"

Вопросъ о волкахъ былъ однимъ изъ жгучихъ вопросовъ Русской дѣйствительности. Хищниковъ этихъ было слишкомъ много, и дерзость ихъ была прямо поразительна. Въ Апрѣлѣ 1843 года волкъ вбѣжалъ въ Симбирскъ и перекусалъ трехъ солдатъ и трехъ женщинъ. Но Симбирскъ все таки были глухимъ губернскимъ городомъ, и появленіе волка въ немъ не могло произвести особаго волненія; но въ Мартѣ того же года волкъ ворвался въ Харьковъ, въ университетскій городъ, пробѣжалъ чуть ли не по всѣмъ улицамъ и изранилъ пять человѣкъ. Въ деревняхъ, селахъ и прочей глуши нашей безпредѣльной родины волки чувствовали себя чуть ли не хозяевами. Въ Московской губерніи, въ одномъ помѣщичьемъ селѣ, гдѣ крестьяне, по окончаніи полевыхъ работъ, возвращались къ себѣ домой, волкъ, выбѣжавъ изъ конопляниковъ, напалъ сначала на крестьянку и крестьянина, коимъ перекусалъ руки и ноги; когда же на ихъ крикъ явилось еще трое крестьянъ, то волкъ, перекусалъ и ихъ, бросился на *шестого* крестьянина, котораго встрѣтилъ уже въ селеніи, сшибъ его съ ногъ и искусалъ ему лицо и горло; въ это время сторожъ господскаго дома, услышавъ крикъ, поспѣшилъ съ четырьмя человѣками на помощь, но волкъ, попавшись имъ на встрѣчу, бросился на грудь сторожу и, ранивъ его, скрылся; преслѣдуемый толпою онъ удалился въ другой уѣздъ, гдѣ перекусалъ еще четырехъ человѣкъ *). Конечно, это былъ *бѣшеный* волкъ, но тѣмъ хуже, такъ какъ Пастёръ въ то время еще не сдѣлалъ своего открытія, медицина была безсильна въ борьбѣ съ водобоязнію, и люди гибли въ страшныхъ мученіяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ безпрестанное повтореніе подобныхъ несчастій наводило на жителей такой страхъ, что даже отъ полиціи внушаемо было обывателямъ не выходить со двора безъ оружія и не выпускать дѣтей изъ дому. Волкъ, такимъ образомъ, наводилъ ужасъ на цѣлыя селенія.

Статистикой тогда занимались мало. Точныя свѣдѣнія получать было, по словамъ министерства, очень трудно „отчасти по невниманію поселянъ, частію же по упущеніи земскихъ полицій“, а отъ этого „многія жертвы сего рода остались *въ совершенной неизвѣстности* высшему начальству; но все таки оно, на основаніи вѣроятностей, предполагало, что въ годъ бѣшеные волки искусываютъ до 120 человѣкъ. Конечно еще болѣе вреда наносятъ домашнему скоту, какъ это всякому извѣстно“. Все это побуждало принять какія нибудь мѣры противъ волковъ. А, можетъ быть, тутъ увлекало и желаніе не отстать отъ Запада. „Просвѣщенныя правительства Западной Европы, говоритъ авторъ правительственной записки, съ давняго времени обратили на сей предметъ должное вниманіе. Англія успѣла истребить у себя волковъ поголовно. Во Франціи положена закономъ особая награда за всякую голову волка и сверхъ того опредѣлены коронные ловчіе (louvetiers) съ помощниками, кои содержатъ охотничьихъ собакъ на счетъ казны, занимаясь исключительно истребленіемъ въ своихъ округахъ волковъ и другихъ хищныхъ животныхъ“.

*) Полнаго Собранія законовъ № 20044.

Библиотека "Руниверс"

Понятно, что и мы должны были начать рѣшительную борьбу съ хищникомъ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ составило проектъ мѣръ для повсемѣстнаго преслѣдованія и истребленія волковъ. Проектъ заключался въ слѣдующихъ распоряженіяхъ: 1) Поощреніемъ къ сему жителей посредствомъ выдачи денежныхъ наградъ. 2) Назначеніемъ отъ правительства общихъ, и повсемѣстныхъ облавъ и охотъ, 3) Опредѣленіемъ отъ короны особыхъ людей, исключительно съ тою же цѣлью, т. е. для преслѣдованія и истребленія волка.

Первыя двѣ мѣры существовали и раньше, но какъ исключенія; теперь же ихъ хотѣли, такъ сказать, узаконить, ввести въ обыкновеніе. Именно, въ трехъ губерніяхъ Новороссійскихъ, въ Могилевской, Смоленской и области Бессарабской, вслѣдствіе ходатайства мѣстнаго начальства, для поощренія обывателей къ истребленію волковъ, по соглашенію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ Министерствомъ Финансовъ, дозволено выдавать постоянно денежныя награды за каждаго убитаго волка по 3 рубля и молодого (волченка) по 1 р. 50 к. серебромъ, изъ остатковъ земскаго сбора. Цифра награды была громадна по тѣмъ временамъ. (За поимку бѣглаго солдата уплачивалось лишь 5 рублей серебромъ). Послѣдняя изъ проектируемыхъ министерствомъ мѣръ, являлась нововведеніемъ: „назначеніе особыхъ людей“. Отъ этой мѣры министерство ждало очень много пользы, а потому и занялось подробною разработкою своего проекта. Полагалось, что въ уѣздѣ будетъ въ крайнемъ случаѣ по одному ловчему, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и большее число. За свою обязанность ловчій получалъ въ годъ опредѣленное жалованіе, 60 р. серебр., и кромѣ того за каждый представленный имъ волчій хвостъ 4 рубля, а за волчонка 2 р. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ставилось слѣдующее условіе: ловчій долженъ былъ убить непремѣнно въ годъ 15 волковъ или 30 волчатъ; если же онъ доставитъ въ годъ меньше 15 волковъ, то за каждаго изъ недостающихъ вычитать у него изъ жалованія по 4 р. серебромъ.

Старыя мѣры, уже ранѣе примѣнявшіяся, были упорядочены, обставлены нѣкоторыми правилами. Общихъ охотъ или облавъ было назначено двѣ: весенняя и осенняя. Для первой предполагалось отвести Субботу Святой Недѣли, Ѳомино Воскресеніе и слѣдующія Субботу и Воскресеніе; для осенней послѣдніе три дня Августа мѣсяца: Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, св. князя Александра Невскаго и Положеніе пояса Богородицы. Эти дни, по мнѣнію записки, удобны потому, что являются такими праздничными днями, въ которые крестьяне не работаютъ. Впрочемъ, на усмотрѣніе мѣстнаго начальства предоставлялось перемѣнять эти дни, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Это же начальство должно было заранѣе извѣстить объ охотѣ помѣщиковъ и „давать знать начальству квартирующихъ въ губерніи войскъ, дабы и они могли участвовать въ сей охотѣ“.

Награда за убитого звѣря ловчему была назначена нѣсколько больше, чѣмъ простому обывателю. Ловчій, какъ мы видѣли, получалъ 4 р. и 2 р.,

Библиотека "Руниверс"

(за волка и волченка), простой же обыватель получалъ 3 р. и 1 р. 50 к. Умеиьшеніе этой суммы было сдѣлано вотъ на какихъ основаніяхъ. „Сверхъ того, полагая за каждого убитаго кѣмъ либо волка извѣстную плату, *полезно* представлять въ этомъ отношеніи ловчему нѣкоторое преимущество, то есть, выдавать ему въ награду нѣсколько болѣе чѣмъ прочимъ жителямъ: тогда ловчій безъ всякаго сомнѣнія будетъ не только самъ охотиться, но, что̀ еще важнѣе, онъ будетъ заботиться о томъ, чтобы крестьяне преслѣдовали этого звѣря повсемѣстно, будетъ скупать у нихъ шкуры, выдавать имъ для сего, какъ это водиться у промышленниковъ, задатки и поощрять ихъ къ тому всѣми средствами".

Весьма понятно, что на данное объясненіе можно было возразить слѣдующимъ образомъ. Ловчій будетъ получать свое жалованіе 60 р. въ годъ и палецъ о палецъ не ударитъ, ни разу не выйдетъ на охоту за волкомъ, а лишь обяжетъ мѣстныхъ жителей доставить ему въ годъ 15 волчихъ шкуръ, которыя онъ и повезетъ къ губернскому начальству въ знакъ своего усердія, и такимъ образомъ ловчій превратится въ дѣйствительнаго скупщика волчьихъ шкуръ, но къ тому же состоящаго на государственномъ жалованіи.

Чтобы облегчить крестьянамъ полученіе награды, было дозволено представлять не цѣлыя шкуры, а лишь хвосты (полѣна какъ они зовутся въ простонародьи). Но чтобы и въ этомъ случаѣ не допустить обмана, шкурки волчьихъ щенятъ предписывалось доставлять цѣликомъ, такъ какъ не всегда можно было отличить хвостъ волчаго щенка отъ собачьяго. Но этого мало: уѣздныя казначейства могли принимать эти хвосты или полѣна въ счетъ подушныхъ и другихъ казенныхъ сборовъ, относя расходъ этотъ также на счетъ земскихъ сборовъ. Затѣмъ для учета и возможнаго предупрежденія злоупотребленій, общее присутствіе, составляемое ежемѣсячно для освидѣтельствованія суммъ казначейства, должно было повѣрить расходъ по выдачѣ помянутыхъ наградъ съ наличными знаками (волчьими хвостами), сжигая сіи послѣдніе при себѣ.

Наконецъ, проектировалась еще и слѣдующая мѣра поощренія: „печатать въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ съ изъявленіемъ благодарности отъ губернскаго начальства имена тѣхъ охотниковъ, коими въ теченіе года будетъ убито наибольшее число волковъ".

Послѣдняя мѣра, какъ я и указалъ выше, приводилась въ исполненіе очень точно; относительно же большихъ облавъ и охотъ министерство встрѣтило затрудненіе, совершенно непредусмотрѣнное.

Всѣ эти мѣры предполагалась сначало ввести въ видѣ опыта въ 16 губерніяхъ, составляющихъ западную полосу Имперіи, гдѣ наичаще повторяются несчастные случаи отъ сихъ животныхъ, а именно въ губерніяхъ: Ковенской, Виленской, Гродненской, Минской, Смоленской, Новгородской,

Библиотека "Руниверс"

Тверской, Московской, Могилевской, Черниговской, Волынской, Кіевской, Подольской, Херсонской, Таврической и области Бессарабской.

Со временемъ полагали распространить эту мѣру, конечно, и на всю Россію, за исключеніемъ Сибири, и тогда по приблизительнымъ расчетамъ могло быть истреблено въ годъ до 7200 волковъ.

Комитетъ Министровъ призналъ эти мѣры хотя полезными, но затруднялся разрѣшить ввести ихъ въ западныя губерніи, въ которыхъ „воспрещаются многолюдныя сборища и существуютъ особыя правила на счетъ самаго оружія". Министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ войти въ сношенія съ мѣстнымъ начальствомъ, и на усмотрѣніе послѣдняго было предоставлено разрѣшать эти мѣры или нѣтъ. Относительно же Русскихъ губерній, Тверской, Московской и другихъ, Комитетъ Министровъ находилъ возможнымъ допустить въ видѣ опыта эти мѣры, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи двухъ лѣтъ министръ внутреннихъ дѣлъ снова вошелъ съ представленіемъ о признаніи этихъ мѣръ не временными, а постоянными и обязательными не только для части Россіи, но и для всей Имперіи.

Эта мѣра была предложена въ 1846 году. Подошелъ тяжелый 1848 годъ, вниманіе правительственныхъ сферъ было обращено совсѣмъ на иное и (на сколько мнѣ удалось прослѣдить) министерство не поднимало больше вопроса о волкахъ.

П. Столпянскій.

Библиотека "Руниверс"

ПОДРАЖАНІЕ ДАНТУ.

Сатира на писателей сороковыхъ годовъ.

Тогда пришли къ высокой мы стѣнѣ
И уперлись въ огромные ворота;
Ихъ отворить велѣлъ Виргилій мнѣ.

Къ сему труду не чувствуя охоты,
Я за кольцо слегка рванулъ рукой,
Но болѣе предвидѣлось работы.

И сталъ тянуть я съ силою большой,
Но тихо, тихо подвигался къ цѣли;
Какъ вдругъ онѣ раскрылись предо мной

И на пятахъ тяжелыхъ заскрипѣли.
Такъ иногда скрипятъ въ лѣсу густомъ
Въ ненастный день высокоствольны ели.

Тутъ, потъ съ лица стеревши рукавомъ,
Въ ворота я лѣнивою стопою
Прошелъ, моимъ сопутствуемъ вождемъ,

И увидалъ пустыню предъ собою.
Вдали шумѣлъ и двигался народъ.
Съ Виргиліемъ дорогою прямою

По степи той мы тронулись впередъ.
Не разлучаясь, долго шли мы рядомъ
И отошли далеко отъ воротъ.

Тутъ грѣшники сидѣли по разрядамъ,
И каждый дѣломъ занятъ былъ своимъ
И выполнялъ наказанное адомъ.

Съ моимъ вождемъ приблизился я къ нимъ.
Что́ видѣлъ тамъ своими я глазами,
Все разскажу соотчичамъ моимъ,

„Русскій Архивъ“ 1907.

Библиотека "Руниверс"

Да тронутся правдивыми словами!
Сначала тамъ узрѣлъ я одного,
Котораго горячими щипцами

Самъ Сатана и аггелы его
То за языкъ, то за губы тянули.
Страдалецъ выл ъ и прыгалъ отъ того.

Въ бараній рогъ потóмъ его согнули,
И Сатана велѣлъ своимъ чертямъ,
Чтобъ грѣшника того они отдули

Свинцовыми бичами по ушамъ.
А я: „скажи, за что́ такія муки?“
Виргилій мнѣ: „то, сынъ мой, по дѣлàмъ!

Его недаромъ черти взяли въ руки;
Родной языкъ сей грѣшникъ искажалъ
И подливалъ въ него чужіе звуки.

На свѣтѣ томъ живетъ еще журналъ,
Въ который онъ рукою дерзновенной
Свинцовые стихи свои стругалъ,

А тотъ пускалъ по цѣлой ихъ вселенной;
И били всѣхъ тѣ рифмы по ушамъ.
За все сіе предъ огненной геенной

Казнится онъ, казнится по грѣхамъ!“
Потомъ узрѣлъ я рослаго дѣтину.
Изображалъ художника онъ тамъ,

Малюя все какую-то картину.
Лѣниво кисть ходила у него
И устилала красками холстину,

Но не рождали краски ничего.
Тутъ я сказалъ: „повѣдай мнѣ, учитель,
Про жалкаго художника сего“.

Виргилій мнѣ: „сей грѣшникъ—сочинитель!
На свѣтѣ томъ и перьевъ, и чернилъ
Онъ вѣчно былъ усердный потребитель,

И Вельзевулъ за то опредѣлилъ
Такую казнь для глупой сей скотины:
Чтобъ цѣлый вѣкъ онъ мазалъ и чертилъ,

Библиотека "Руниверс"

И не намазалъ ни одной картины.
Конца не будетъ тяжкому труду:
Едва дойдетъ лишь онъ до половины,

Какъ Сатана и шасть тутъ на бѣду
И все хвостомъ замажетъ трехъ-аршиннымъ!"
Сказалъ, и вновь мы были на ходу.

Прямой тропой по тѣмъ краямъ пустыннымъ
Безъ отдыха мы долго, долго шли.
Смотрю: сидитъ съ лицомъ предлиннымъ-длиннымъ

Какой-то грѣшникъ въ потѣ и въ пыли,
Въ большомъ котлѣ разваривалъ онъ что-то
Надъ пламенемъ, что̀ било изъ земли;

Да не спорилась трудная работа,
Хоть протекло уже довольно лѣтъ.
И я подумалъ: вотъ варить охота!

Онъ стряпаетъ, а толку нѣтъ какъ нѣтъ.
„Учитель мой! За что̀ такая мука,
И для кого готовитъ онъ обѣдъ?"

Виргилій мнѣ: „впередъ имъ всѣмъ наука!
Узнай, мой сынъ. Сей поваръ—докторъ Пуфъ *),
Мудреная, прехитросная штука!

На свѣтѣ томъ онъ былъ журнальный буфъ;
Редактора искусной болтовнею
И фразами курьозными надувъ,

Галиматью съ начинкою сырою
Въ его листы онъ смѣло посылалъ,
И непотребной всякой чепухою

Чреватъ у нихъ нелѣпый былъ журналъ.
За все сіе межъ грѣшными душами
Онъ въ повара̀ безсмѣнные попалъ.

Варитъ, глядя безсонными очами
Въ котелъ и зелья разныя кроша.
И суждено премудрыми судьбами,

Чтобъ вѣкъ сыра была его лапша,
И чтобъ конца работѣ онъ не вѣдалъ."
Тутъ начала варившаго душа

*) Князь Одоевскій? П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Меня просить, чтобъ я лапши отвѣдалъ.
Я ложку взялъ, лизнулъ, но ѣсть не могъ,
Хотя уже недѣлю не обѣдалъ.

Опять я ложку бросилъ въ котелокъ,
И дальше въ путь дорогою прямою,
Я за собой учителя увлекъ.

Смотрю: стоитъ съ короткой бородою
И съ шляпою à la Pamela хватъ;
Онъ потѣшалъ какою-то игрою

Толпу живыхъ и рѣзвыхъ бѣсенятъ,
Переливалъ искусно изъ пустова
Въ порожнее; не видывалъ и адъ

Еще ни разу фокуса такова!
Тутъ за фигляромъ сталъ я наблюдать,
И началъ онъ при насъ потѣху снова:

Махнулъ рукою три раза—и глядь—
Ужъ перелилъ! Какъ было это дѣло,
Теперь не въ силахъ я растолковать,

И вся толпа едва ли бы сумѣла.
Тогда сказалъ вождю я своему:
„Повѣдай мнѣ про этого пострѣла!“

„Казнится такъ сей грѣшникъ потому,
Что цѣлый вѣкъ на томъ фигляpилъ свѣтѣ
И помогалъ журналу одному

(Который тамъ и нынче въ полномъ цвѣтѣ).
Премножество безсмысленныхъ статей
Онъ влилъ въ него; но потонуло въ Летѣ

Все что́ у васъ настрянулъ грѣшникъ сей“ *).
Окончилъ вождь, и далѣе въ дорогу.
Мы долго шли среди нагихъ степей.

Глядимъ: стоятъ палаты. У порогу,
Съ лицомъ прежалкимъ, блѣднымъ, испитымъ,
Валялся грѣшникъ; страшную тревогу

Онъ поднималъ, какъ будто бы надъ нимъ
Ужасное свершалось наказанье.
Всѣхъ распугалъ стенаньемъ онъ своимъ.

*) Бѣлинскій? П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Онъ все твердилъ, что терпитъ поруганье,
Не зная самъ за что̀ и отъ чего;
Что погубить несчастное созданье

Хотятъ, что бьютъ и мучаютъ его.
Увидѣвъ насъ, упалъ онъ на колѣни
И за́ полу кафтана моего

Тянулъ и больно бился о ступени.
Тогда Виргилій тихо мнѣ сказалъ:
„Послушай, сынъ: сіи мольбы и пени—

Напраслина, и дерзкій сей нахалъ
Все плачется и пристаетъ къ прохожимъ,
А самъ подлецъ какого не видалъ

Никто изъ насъ. Во вѣки мы не сможемъ
Ему помочь. Пойдемъ отъ скверны сей,
А то его мы больше растревожимъ!“ *)

Послушался премудрыхъ я рѣчей.
И по ступенямъ кверху мы взбѣжали.
Тамъ шелъ спектакль подземный у чертей,

И грѣшники для нихъ комедь ломали.
Народомъ ложи были всѣ полны,
И мы едва мѣста себѣ достали.

Пришлось глядѣть съ ужасной вышины.
Ужъ подъ-конецъ была у нихъ піеса.
Какой-то вздоръ въ театрѣ Сатаны

Играли. Я не понялъ ни бельмеса.
Собакою прикинулся актеръ
И лаялъ тутъ. Слегка сосѣда-бѣса

Толкнувши, съ нимъ я началъ разговоръ:
„Бѣсъ, растолкуй комедіи значенье!“
А онъ: „скажу я людямъ не въ укоръ:

Нѣтъ подъ землей безъ смысла представленья.
Узнай: актеръ, что̀ пса теперь игралъ,
При жизни грызъ чужія сочиненья

И на полъ-свѣта горло страшно дралъ,
Хоть не было ни толку въ томъ, ни проку.
А вонъ, гляди: что́ плетью замахалъ,

*) Н. А. Полевой? П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Отъ крикуна стоитъ не подалеку:
Онъ издавалъ у васъ журналъ пустой
(Гдѣ добраго немного было соку.)

И критика-собаку подъ рукой
Всегда держалъ, и по его наказу
Тотъ поднималъ ужасный гамъ и вой,

Самъ отъ себя не тявкнувши ни разу.
И здѣсь надъ нимъ хозяинъ все блюдетъ
Съ нагайкою и не спускаетъ съ глазу;

И если песъ ворчать перестаетъ
И потѣшать компанію честную,
Тотчасъ къ нему хозяинъ подойдетъ

И подъ носъ плеть покажетъ золотую,
Крича: „ну что же, братецъ, ты умолкъ?“
И если тотъ молчитъ на рѣчь такую,

То тутъ же онъ его нагайкой щелкъ.
Намъ весело, что лаютъ то и дѣло;
Комедія такая бѣсу въ толкъ,

А вамъ, я чай, давно ужъ надоѣла;
Но вотъ сейчасъ окончится она!“
И въ самомъ дѣлѣ сцена опустѣла.

„Довольно, братцы!“ крикнулъ Сатана,
И занавѣсъ огромную спустили.
Тогда и та, и эта сторона

Крикъ подняли; всѣ черти забурлили.
Одинъ пищалъ: „послушайте, друзья,
Актеры много нынче пропустили!

Вѣдь въ первый разъ комедія сія
Иначе шла. „—Да точно, это диво!
Другой поддакнулъ“. „Правда, вотъ и я

Скажу“, прибавилъ третій горделиво:
„Все лай да лай; хоть похвалилъ бы песъ
Кого-нибудь изъ этихъ . . . . . особливо

(Затѣмъ еще онъ что-то произнесъ,
Я не слыхалъ и словъ не повторяю)
„Такъ было бы потѣхи намъ до слезъ!“

Библиотека "Руниверс"

—А вотъ по мнѣ, съ другаго крикнулъ краю
Какой-то бѣсъ въ прическѣ l'homme m'emporte,
Пріятнѣе критическаго лаю,

Какъ истинный и благородный чортъ,
Нѣтъ ничего, клянусь моей пятою!....
И Сатана вѣдь любитъ этотъ сортъ".

Тутъ заболтали бѣсы межъ собою,
Но ничего не могъ я разслыхать
Изъ ихъ рѣчей, и началъ той порою
Оркестру я подземному внимать.

Изъ оперы Фра-Дьявола играли,
Все на свою обдѣлывая стать,
На весь театръ волторны горло драли;

Кларнетъ ревѣлъ, какъ лютый ураганъ,
Свистѣли флейты, скрипки распѣвали,
И яростно вавакалъ барабанъ,

Гармонію на время заглушая.
Тогда иной бѣсенокъ-меломанъ
Крпчалъ, хвостомъ расчесаннымъ виляя:

„C'est très joli! C'est une charmante musique!"
Но вотъ игра утихнула лихая'
И подняли ужасный черти крикъ,

Рукоплеща и восклицая: bravo!
Тамъ зашумѣла занавѣсь и вмигъ
Взвилась. Другая, хитрая забава

Для публики бѣсовской началась.
Пришелъ актеръ, налѣво и направо
Раскланялся; потомъ въ желѣзный тазъ,

Наполненный какою-то водою,
Макнулъ трубу и, вынувши тотчасъ,
Поставилъ онъ ее передъ собою

И началъ дуть. Гляжу: вскочилъ пузырь.
Сперва онъ былъ въ арбузъ величиною,
А тамъ пошелъ все вверхъ да вширь, да вширь,

Пока на весь театръ не распустился.
Тутъ я подумалъ: „Эка, богатырь!
Не виденъ самъ, а вишь какъ отличился!"

Библиотека "Руниверс"

И въ тотъ же мигъ я бѣса въ бокъ толкнулъ.
„Скажи: кто сей и къ вамъ отколь явился?“ *)
Въ отвѣтъ на то бѣсенокъ болтонулъ:

„На свѣтѣ томъ есть нѣкая столица,
Гдѣ пузыри господчикъ этотъ дулъ
И тѣшилъ тѣмъ различныя тамъ лица.

Онъ надувалъ шесть тысячъ каждый годъ,
И потому—вотъ высохъ точно спица;
За то имѣлъ порядочный доходъ

И пузырями славился по свѣту.
И здѣсь теперь онъ учитъ нашъ народъ
Такому же высокому предмету;

Но кажется, не будетъ толку въ томъ.
Ужъ много лѣтъ мы смотримъ штуку эту,
А все никакъ ея не переймемъ!“

Тутъ бѣсъ ногой съ досады о земь топнулъ,
И закрутивъ мохнатый хвостъ кольцомъ,
Вернулъ его и въ воздухѣ имъ хлопнулъ;

Бѣсовскій хвостъ, какъ будто бы на грѣхъ,
Задѣлъ пузырь, пузырь надъ нами лопнулъ,
И брызгами кругомъ онъ обдалъ всѣхъ.

Тутъ хлынула вся публика рѣкою
Изъ залы вонъ; поднялся крикъ и смѣхъ,
И шумъ, и гамъ; казалось, подо мною

Высокія подмостки затряслись.
Тогда мой вождь, схвативъ меня рукою,
Сказалъ: „пойдемъ!“ и мы сбѣжали внизъ.

„Еремѣй Разумѣйко“

25 Апрѣля 1848.

---

*) С. А. Масловъ?

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА КЪ Н. В. ГОГОЛЮ.

По поводу его „Переписки съ друзьями“.

I.

Простите меня, что я поднимаю вопросъ, теперь уже старый (ибо въ наше время съ невѣроятною быстротою все новое дѣлается уже старымъ), но тѣмъ не менѣе далеко-далеко перѣшенный вопросъ о вашей книгѣ, надѣлавшей столько шуму, навлекшей на васъ столько неправыхъ обвиненій и, къ сожалѣнію, столько постыдныхъ похвалъ отъ вашихъ прежнихъ порицателей. За исключеніемъ немногихъ дѣльныхъ отзывовъ (Шевырева, напримѣръ) все остальное писанное о вашей „Перепискѣ съ друзьями“ отличается невѣроятною дикостью, поразительною чуждостью (sic) къ тѣмъ *страшнымъ* духовнымъ интересамъ, которые составляютъ ея содержаніе, или добросовѣстнымъ, но неистово-фанатическимъ противоположеніемъ. Не дивитесь, что я зову добросовѣстнымъ это противоположеніе: напомню вамъ о покойномъ Бѣлинскомъ и о его письмахъ къ вамъ (непечатныхъ) *). Этотъ человѣкъ понималъ, хотя односторонне, но глубоко ваше значеніе въ литературѣ, любилъ васъ съ дѣтскимъ обожаніемъ. Представьте же себя на его мѣстѣ: человѣкъ страдалъ дѣйствительными душевными недугами, болѣзненно воспитывалъ идеи въ своей душѣ, мечталъ разгадать пути генія сообразно съ этими идеями, и вдругъ мечта его разбита въ дребезги; обоготворенное имъ предстало ему въ совершенно иномъ видѣ, лучшая опора его сокрушена, „Не судите да не судимы будете“: пожалѣйте объ этой бѣдной, томившейся въ узахъ страданія, мракѣ и скорби, но благородной, хотя и заблуждавшейся, душѣ; не скажу—простите ее, ибо что̀ такое человѣкъ, что бы прощать?.. Негодованіе, злость и грусть, которыя дышатъ въ его письмѣ къ вамъ, проистекали не изъ мутнаго источника; грѣхъ есть преступленіе закона, а не заблужденіе въ законѣ. Миръ памяти страдавшаго брата, слово мира и любви да произнесется надъ этимъ бѣднымъ прахомъ! Я не сочувствовалъ ему никогда; но не осмѣлюсь вмѣнить ему въ вину его неистовыхъ выходокъ въ письмѣ къ вамъ, на которыя сами вы, сколько я знаю, отвѣчали словомъ мира, любви и смиренія.

Совершенно иное чувство одушевляло другихъ вашихъ противниковъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ разумѣется; то было раздраженіе мелочнаго самолюбьица, то было негодованіе на смѣлый гласъ вопіющаго въ пустынѣ, дерзнувшій серьезно заговорить о значеніи жизни; то было озлобленіе не противъ васъ, а противъ самой Божьей правды, *„ея же міръ не*

*) Отрывки напечатаны у Н. П. Барсукова въ VIII томѣ его сочиненія о М. П. Погодинѣ, стр. 598 и слѣд. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

можетъ пріять"; книга ваша была здѣсь только поводомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта книга стала „*Іудеомъ соблазнъ, Эллиномъ безуміе*", разумѣя подъ Іудеями, книжниками и фарисеями всѣхъ устарѣлыхъ ханжей и лицемѣровъ, которые, подъ прикрытіемъ священныхъ для человѣка словъ, ловятъ въ мутной водѣ рыбу, а подъ Эллинами, нашихъ смѣшныхъ Западниковъ, отчаянныхъ нововводителей. Соблазномъ стала эта книга, украшенная похвалами Булгарина и компаніи; безуміемъ представили ее тѣ, которые не хотѣли видѣть, какъ далека ея возвышенная искренность отъ этой грязи, отъ этого подлаго пресмыканія, которое хотятъ намъ выдать за любовь къ отечеству и проч.

Тотъ, кто имѣетъ честь писать къ вамъ эти строки, принялся читать вашу книгу, находясь самъ въ болѣзненномъ душевномъ состояніи, и притомъ принялся читать ее съ предубѣжденіемъ противъ нея. Два странныхъ чувства обладали имъ сначала; глубокое, сознательное поклоненіе творцу „Мертвыхъ Душъ" и вмѣстѣ съ тѣмъ невольное негодованіе, впрочемъ скорѣе извнѣ пришедшее, чѣмъ внутреннее. Скоро первое впечатлѣніе уступило мѣсто серьезному, внутреннему процессу, процессу болѣзненному, тяжкому, гдѣ, можетъ быть, принесено было въ жертву много личнаго самолюбія, ибо почти все въ книгѣ вашей оскорбительно для этого личнаго самолюбія: тяжело разставаться съ тѣмъ, за что мы всѣ, чада волнующагося вѣка, держимся какъ за доску спасенія, съ этими хотя и призрачными, но тѣмъ не менѣе блестящими опорами. Вы, вѣроятно, и сами знаете, какъ это тяжело; но я думаю, что тотъ, кто былъ скептикомъ серьезно, не для виду только, не остановится ни передъ какою бездною. Сомнѣваться, такъ сомнѣваться уже во всемъ, даже въ самомъ сомнѣніи; отъ этого-то, мнѣ кажется, въ скептицизмѣ лежитъ зачатокъ вѣры: ибо для того, чтобы усумниться въ самомъ себѣ, надобно повѣрить во что-нибудь выше себя. Остроумный, хотя и поверхностный Искандеръ сравниваетъ гдѣ-то послѣдній, безвозвратный шагъ мышленія съ послѣднимъ, отчаяннымъ шагомъ игрока, который самого себя ставитъ на карту. Пожалуй это такъ; да только, шагъ считаемый И—ромъ за послѣдній, далеко не послѣдній. Современное мышленіе не само себя, но только свое прошедшее приноситъ въ жертву; иначе оно было бы христіанскимъ мышленіемъ, ибо христіанство есть альфа и омега міросозерцанія... Но, я отбился отъ своего собственнаго нравственнаго процесса, который привожу я только въ поясненіе моихъ писемъ къ вамъ, а вовсе не потому, чтобы придавалъ ему какое-либо важное значеніе. Повторяю вамъ: много и тяжело было передумано надъ вашею книгою, и вѣроятно, не однимъ мною; я же лично, можетъ быть, былъ приготовленъ къ ней моимъ собственнымъ душевнымъ настройствомъ (sic). Не скрою отъ васъ и того, что, не смотря на все негодованіе, навѣянное на меня слухами о вашей книгѣ, меня лично неотразимо влекло къ ней именно то, что она всѣхъ почти привела въ ярость, всѣхъ—даже людей согласныхъ, повидимому, съ вами въ основахъ мышленія (какъ то Павлова), одно убѣжденіе, что истина есть только то, что̀ сознается немногими, нѣсколькими, однимъ, можетъ быть; что истина всегда гонима и всегда на сторонѣ гонимаго. Результатомъ всего

Библиотека "Руниверс"

этого была статья моя по поводу вашей книги въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ“; вы, говорятъ, отозвались о ней благосклонно. Благодарю васъ, но эта была статья недосказанная, несмѣлая, ничего почти несказавшая; дорожу я въ ней только ея основною мыслію и добросовѣстностью попытки. Можетъ быть, многіе, кого я любилъ, съ досадою отвергнулись отъ меня изъ-за этой статьи; можетъ быть, другіе сочли ее желаніемъ угодить господствующимъ началамъ—что̀ нужды? Этою статьею я примирился съ собой за всю свою прежнюю литературную дѣятельность; она была первымъ шагомъ къ выполненію того, что „*Обращаться съ словомъ нужно честно*“. Но, повторяю вамъ, въ этой статьѣ несказано ничего; все или обойдено, или сказано темно, неопредѣленно. Шевыревъ былъ правъ, назвавши ее *стремленіемъ сочувствовать Гоголю*. Опредѣлительно тамъ одно: это второй параграфъ, бѣглый анализъ созданій великаго поэта.

Долго носилъ я въ себѣ мысль написать цѣлую книгу по поводу вашей книги; но остановила меня мысль, что этотъ комментарій ничего къ ней не прибавитъ, что все же онъ, болѣе или менѣе, будетъ носить на себѣ слѣды болѣзненности, что не мнѣ разрѣшить всѣ эти тяжкіе вопросы, что дерзко выставить только вопросы же съ своей стороны. Притомъ же, многое пало мнѣ на сердце изъ этой книги, а въ особенности слова: „Нужно подумать теперь о томъ всѣмъ намъ, какъ на своемъ собственномъ мѣстѣ сдѣлать добро..... Богъ не даромъ повелѣлъ каждому быть на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ теперь стоитъ и т. д.“ Не считаю себя призваннымъ выходить изъ предѣловъ того скромнаго круга дѣятельности, которымъ я ограниченъ; но мнѣ хотѣлось бы бесѣдовать съ вами о многомъ и о многихъ изъ тѣхъ вопросовъ, на которые навела меня ваша книга; для васъ ли, для меня ли,—изъ этого выйдетъ что-нидудь доброе. Разумѣется, что письма эти не для печати, покрайней мѣрѣ въ той безцеремонной формѣ, въ которой они будутъ къ вамъ писаны. Имѣю честь быть поклонникъ вашего генія А. Г. *).

II.

Васъ упрекали въ особенности за предисловіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ литературѣ, потерявшей всякое важное значеніе, подобный религіозный актъ долженъ былъ привести въ изумленіе; стараясь придать ему смѣшной и даже подлый характеръ, хотѣли только отстранить отъ себя тяжкій и ненавистный вопросъ. Вопросъ этотъ вотъ какой: „Обязанъ ли и въ какой степени обязанъ отвѣтственностью за всѣ дѣйствія человѣкъ вообще и человѣкъ духа въ особенности?“ Какъ нарочно, вмѣстѣ почти съ вашей книгою явилась другая книга, надѣлавшая чрезвычайно много шуму.... По крайней мѣрѣ въ

*) Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ. Погодинъ познакомилъ его съ Гоголемъ. Къ нему еще точнѣе можетъ быть отнесено выраженіе Филарета про первые шаги дѣятельности Гиларова: „Возбужденный, но неуправленный!“ Покойный Александръ Николаевичъ Костылевъ говорилъ: „Когда войдетъ въ комнату Григорьевъ, хочется спросить, гдѣ пожаръ? Второе и третье письма къ Гоголю, конечно, принадлежатъ Григорьеву же. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

своемъ приходѣ, книга дѣйствительно блестящая, остроумная, рѣзко, парадоксальная, profession de foi въ извѣстномъ отношеніи. Я говорю о *„Кто виноватъ?“* Въ ней романистъ высказалъ въ образахъ или, лучше сказать, въ призракахъ тоже, что̀ еще прежде высказывалъ въ парадоксахъ мыслитель, ту основную мысль, что виноваты не мы, а та ложь, сѣтями которой опутаны мы съ самаго дѣтства. Сколько ума, расточеннаго на отрицаніе высшаго двигателя человѣческой дѣятельности—свободы и сопряженной съ нею отвѣтственности; сколько мѣткой злости, потраченной на то, что̀ злости не стоитъ, сколько грусти, но не любовной, а эгоистической грусти, грусти не за святыню человѣческаго духа, а скорѣе за мелочное самолюбіе! Но эта книга важный фактъ, крайняя исповѣдь убѣжденій. Изъ нея слѣдуетъ: 1) что человѣкъ, глубоко чувствующій и горящій жаждою дѣятельности, долженъ обречь себя на бездѣйствіе, что слѣдственно честный человѣкъ—синонимъ съ безплоднымъ человѣкомъ. 2) что женщина, единственная задача жизни для мужчины и наоборотъ, и что внѣ этой задачи для того и другой остается только умирать *въ безмолвномъ и гордомъ страданіи*, какъ выразился поэтъ этого направленія. 3) что никто и ни въ чемъ не виноватъ, что все условлено предшествующими данными и что эти данныя опутываютъ человѣка, такъ что ему нѣтъ изъ нихъ выхода, ибо „привычка есть цѣпь на человѣческихъ ногахъ. Однимъ словомъ, человѣкъ-рабъ, и изъ рабства ему исхода нѣтъ. Это стремится доказывать вся современная литература, это явно и ясно высказано въ *„Кто виноватъ“*?.... Странно, въ высшей степени странно было совмѣстное появленіе этихъ двухъ книгъ, такъ противоположныхъ по тону и по направленію. Жизнь, общество и литературу, размѣнявшіяся на мелочь, должны были нежданно изумить и строго-искренній тонъ, и содержаніе вашего предисловія. Помнится, предисловіе къ 2-му изданію „Мертвыхъ Душъ“ произвело такое же изумленіе. И дѣйствительно, какъ же не изумиться? Художникъ придаетъ общественную важность своему дѣлу, чуть не приглашаетъ всѣхъ и каждаго къ совѣту, соучастію въ своемъ дѣлѣ... Да какъ же это? Да что же это? спрашивала *Русская литература* съ наивнымъ изумленіемъ, не подозрѣвая, бѣдная, что въ этомъ самомъ изумленіи сказывается какое-то циническое презрѣніе къ самой себѣ, какое-то отрицаніе къ самой себѣ всякаго важнаго, общественнаго значенія. Въ отношеніи къ себѣ она можетъ быть права, да не въ правѣ была она считать своимъ главою и представителемъ поэта, который еще прежде въ своихъ сценахъ „Разъѣзда послѣ представленія“ прямо объявилъ, какъ онъ смотритъ на свой подвигъ, какъ онъ дорожитъ тѣмъ, чтобы сѣмена, имъ брошенныя, приносили плодъ въ народѣ. Но ей, этой литературѣ (евнуху или, что̀ хуже еще, развратницѣ), что̀ за дѣло до плода? Для однихъ, какъ для Булг. и прочихъ, литература—дойная корова или развратный домъ; для другихъ мечтательное самообольщеніе или умственная онанія. Съ одной стороны утрачена вѣра въ поэта, какъ въ пророка, какъ въ провозвѣстника правды; съ другой стороны принято, что если и явится пророкъ, то онъ непремѣнно долженъ явиться со словомъ ненависти и вражды. Ясно-

Библиотека "Руниверс"

почему смѣшнымъ хотѣли сдѣлать ваше откровенное признаніе. Давно уже сказано:

„Es liebt die Welt das Strahlende zu schwärzen
Und das Erhabene in den Staub zu ziehen“ [1]),

какъ давно уже сказаны всѣ правды; но въ томъ-то и бѣда, что за невозможностью и безсиліемъ враждовать съ неправдой показалось остроумнымъ ратовать противъ правды.

Еще вопросъ: имѣли ли вы, какъ человѣкъ, право обнажать передъ другими людьми внутреннѣйшія и сокровеннѣйшія тайны вашей души?.. Въ этомъ вопросѣ опять выказывается циническое пренебреженіе современнаго человѣка къ высшему значенію своей личной жизни. Замѣчательно, что подобное неуваженіе къ высшей задачѣ личнаго бытія многіе вывели изъ вашихъ же, только ложно понятыхъ, данныхъ. Какъ великій мастеръ, вы глубоко проникли натуру всякой мелкой твари или всякаго грустнаго отпаденія человѣка отъ образа Божія, и вы первый обратили вниманіе всѣхъ на незамѣтныя существованія Акакіевъ Акакіевичей. Но во 1-хъ) вы знали, гдѣ остановиться въ этомъ безграничномъ анализѣ личности, 2) вы указали на опасность рабскаго воспроизведенія дѣйствительности въ вашемъ фантастически-понятномъ „Портретѣ“. Читали ли вы „*Двойника*“ даровитаго Достоевскаго? Вотъ вамъ осуществленіе въ дѣйствительности фантастической основы „Портрета“. Тяжело становится на душѣ отъ этого произведенія, но не такъ возвышенно-тяжело, какъ отъ „*Шинели*“: нѣтъ. Вы, вчитываясь въ это чудовищное созданіе, уничтожаетесь, мелѣете, сливаетесь съ его безмѣрно-ничтожнымъ героемъ, и грустно становится вамъ быть человѣкомъ, и вы убѣждаетесь, какъ будто, что человѣкъ только таковъ и можетъ быть. Какая же тутъ вина, отвѣтственность, какой судъ надъ собою? Жилъ червемъ и умеръ червемъ, и дѣло кончено: „Une foi mort, on est bien mort“ [2]). А вы осмѣлились говорить: „замираетъ отъ ужаса душа при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ высшихъ твореній Бога, передъ которыми пыль все величіе Его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой, чуя исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся“... Еще бы старый Сведенборгъ всталъ и началъ съ простотою разсказывать о чудесахъ царствія Божія господину Голядкину старшему!

Ноября 17. 1848 года.

III.

Отъ васъ лично, отъ вашего предисловія и отъ вашего завѣщанія, тѣсно связанныхъ впрочемъ съ самымъ содержаніемъ вашей книги, перехожу

---

[1]) Міръ любитъ чернить сіяющее и тянуть къ землѣ возвышенное.

[2]) Разъ умеръ, такъ хорошо и умеръ.

Библиотека "Руниверс"

къ этому содержанію. Но прежде всего отвѣтъ на ваше письмо. Не требуйте отъ меня положенія стройнаго и строгаго, оно покамѣстъ не въ моей власти; недостатокъ его одна изъ причинъ, по которымъ я, на время, а, можетъ быть, и навсегда, отрекся отъ всякой литературной дѣятельности, и безъ всякаго сомнѣнія недостатокъ этотъ въ связи съ моимъ внутреннимъ настройствомъ. Можетъ быть, потому еще ваша книга такъ сильно на меня подѣйствовала, что въ вышей степени страдаю я недугомъ, на который преимущественно она нападаетъ, недугомъ распущенности, слѣдствіемъ ранняго пресыщенія жизнью. Отсюда сознаніе идеала и сознаніе своего собственнаго безсилія сообразоваться идеалу, состояніе души, можетъ быть, самое безотрадное, самое скорбное состояніе вѣры и разума и апатіи сердца.

Первый вопросъ, котораго вы коснулись, это вопросъ о значеніи женщины. Васъ упрекали, помнится, что въ этомъ, по признанію всѣхъ, высокопоэтическомъ письмѣ, вы не сказали ничего положительнаго. Это не правда: больше вы и не могли и не должны были сказать. Вы возвели этотъ вопросъ къ его высшему началу, возвратили красотѣ ея таинственное и небесное значеніе, и довольно! Еще больше; вы указали на средства, которыми владѣетъ женщина. Но, мнѣ кажется только, что вы забыли коснуться темной стороны вопроса.

Вся современная литература есть не что иное, какъ, выражаясь ея языкомъ, протестъ въ пользу женщинъ, съ одной стороны, и въ пользу бѣдныхъ, съ другой; однимъ словомъ, въ пользу слабѣйшихъ. Вы не фанатикъ, это доказываютъ многія изъ вашихъ же писемъ; вы не близорукій и не ограниченный человѣкъ, слѣдовательно вы не можете закрыть глаза и не видать, что въ основѣ своего протеста литература и мышленіе современное правы: ошибаются они въ средствахъ, да и не могутъ не ошибаться. Думаю я, что въ каждомъ великомъ міровомъ событіи есть двѣ стороны: дѣло Божье и дѣло человѣческое; точно такъ и въ этомъ болѣе и болѣе приводимомъ въ ясность вопросѣ... Подозрѣваю, что вы не въ числѣ гонителей Запда и не станете называть ее сукой и другими милыми именами, на которыя такъ щедры поборники патріархальнаго быта. Чего хочется Зандъ, если дѣйствительно можетъ что-либо опредѣленно хотѣться поэту, дѣйствительно носящему въ себѣ страданія, страсти и стремленія цѣлой эпохи? Вѣроятно не того, чего хотѣли бы для женщины фурьеристы, т. е. четырехъ законныхъ мужей и способности двадцать разъ на день удовлетворять похотямъ тѣла. Возьмите самыя молодыя изъ ея созданій; ни въ одномъ изъ нихъ не найдете вы ничего кромѣ той печальной истины, что людскимъ эгоизмомъ осквернены самыя святыя отношенія мужчины и женщины; что подъ святымъ знаменемъ брака выступаютъ всего чаще самыя гнусныя, самыя богохульныя отношенія и что на конецъ нельзя слишкомъ строго судить нарушеніе подобныхъ отношеній, но вездѣ и повсюду проглядываетъ мысль о святости истинно-брачнаго союза, о значеніи женщины какъ помощницы и сообщницы мужа во всемъ благородномъ и великомъ: то Ральфъ и Индіана, двѣ души, понявшія наконецъ свое родство и заключившія неразрывный союзъ передъ лицемъ дѣвственной при-

Библиотека "Руниверс"

роды; то Фіамма, являющаяся Симону какъ возбудительница ко всему доброму и возвышенному; то Изельта, поднимающая до себя Пьера Гюгенепа; то Консюэло, рука объ руку идущая трудною стезею съ Трисмегистомъ Альберомъ. Вездѣ и повсюду женщина является тѣмъ, чѣмъ она должна быть въ Христовомъ царствѣ: стихіею умягчающею, важною вездѣ, и повсюду бракъ святыня. Не отвергнете вы и того также, что современный бытъ семейный, и нашъ Русскій семейный бытъ въ особенности, куда какъ далеки отъ Христова идеала. Не мнѣ доказывать это великому поэту, который создалъ матушку въ „*Отрывкѣ*“, семейный бытъ Манилова и Собакевича, который вложилъ въ уста Чичикова горькое размышленіе при встрѣчѣ съ блондинкою. Увы! большая часть нашихъ женщинъ-*бабы*; остальная, меньшая, почти вся изъ Круциферскихъ. Кто жъ виноватъ въ этомъ? Неужели уже такъ-таки никто? Взгляните попристальнѣе, какимъ образомъ создаются бабы и какимъ образомъ образуются Любовь Александровны. Знаете ли что? Въ вашемъ письмѣ о томъ, „*Чѣмъ можетъ быть жена для мужа въ простомъ домашнемъ быту?*“ чуть ли вы не давали совѣтовъ излишнихъ. Наши женщины средняго и низшаго круга едва ли не исключительно воспитываются для хозяйства, едва ли не во вредъ всѣмъ человѣческимъ сторонамъ заняты домашнимъ порядкомъ: кругозоръ ихъ слишкомъ тѣсенъ, понятіе о долгѣ слишкомъ ограничено или опошлено. Писавши ваше письмо, вы имѣли, кажется, въ виду чисто-свѣтскую женщину, т. е. болѣе или менѣе страдающую недугомъ распущенности. О! для нея всѣ средства вами совѣтуемыя превосходны, а нашимъ женщинамъ средняго кружка нужно совѣтовать чуть ли непротивное. Можетъ быть, это вамъ покажется парадоксомъ, но прошу васъ обратить вниманіе на вашъ же принципъ, т. е. на вѣчный принципъ собиранія и сосредоточенія самого себя. Собираться въ себя значитъ познавать Бога; познавать же Бога значитъ отрѣшиться отъ тварей и отъ всего тварнаго; отрѣшиться же отъ тварнаго не значитъ быть аскетомъ, но только сознавать тварное за тварное, возводить его къ источнику Свѣта и употреблять во славу Его, однимъ словомъ, жить на землѣ, но не забывать, что, по слову Апостола, *житіе наше въ небѣ*, что все возможно и дозволено, но все должно быть считаемо пометомъ въ сравненіи со Христомъ по тому же слову: ибо все должно существовать только *во Христѣ*. А наши женщины слишкомъ похожи на *Марѳу, пекущуюся и молвящую о многъ*; слишкомъ мало въ нихъ энтузіазма къ великому и человѣческому; лучшія изъ нихъ думаютъ, что, ведя хорошо домашнія дѣла, исполняя обязанности рачительной хозяйки, онѣ уже все сдѣлали. О! не все, далеко не все по идеалу Христова брака; чтобы быть христіанином, вообще слишкомъ мало быть честнымъ человѣкомъ; чтобы быть женою и матерью христіанина, слишкомъ мало быть честною женщиною. Тотъ, Кого исповѣдуемъ мы, кротко взглянулъ на ятую въ прелюбодѣяніи, ибо она много возлюбила, но съ строгою укоризною *) обратился къ домохо-

*) Не съ укоризною, а съ внушительнымъ указаніемъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

зяйкѣ Марьѣ... Взгляните на воспитаніе нашихъ женщинъ средняго и низшаго круга; съ немногими оттѣнками, оно одинаково направлено къ истребленію вѣры въ жизнь и въ лучшія блага жизни; оно замыкаетъ бѣдную дѣвочку въ тѣсный кругъ обиходныхъ домашнихъ понятьицъ, и нѣтъ ея душѣ выхода изъ этой печальной сферы, ибо всякій выходъ сопряженъ съ опасностью, а презирать опасности во имя правды она не пріучилась, да и не вѣритъ даже въ возможность такого презрѣнія. И вотъ, со временемъ изъ этой дѣвочки дѣлается или *нѣжная* Манилова или г-жа Собакевичъ, однимъ словомъ, баба. Она вѣрна мужу, она ведетъ приходъ и расходъ; да лучше бы была она невѣрна мужу, не вела приходо-расходной книги. Еще печальнѣе, если ея природа благодатна и не могла быть вовсе подавлена: тогда она несчастна, она, Крупиферская; но, къ сожалѣнію, страшно пошлы основы ея страданій. Наши Жоржъ-зандистки и Крупиферскія клевещутъ на Зандъ и, право, не стоятъ того участія, которымъ исполнена къ нимъ современная литература. Невѣріе въ великое и благородное у нихъ такое же, какъ и у бабъ; но разные господа втолковываютъ имъ, что нельзя жить безъ того, чтобы не любить „долго и нѣжно, съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной“, и вотъ онѣ пускаются любить и страдать, обыкновенно, впрочемъ, весьма дешево; жертвы и самопожертвованій отъ нихъ не ждите. Кромѣ того, васъ поразитъ въ нихъ какое-то смѣшное и возмутительное отрицаніе всего религіознаго и т. д. Понятія ихъ и господъ, втолковывающихъ имъ великія истины, достойны внимательнаго изученія.... Еще покойный Пушкинъ намекнулъ на идеалъ современной женщины, „кометы въ кругу расчисленномъ свѣтилъ“; но никто такъ не объидеалпзировалъ ее, какъ Лермонтовъ. Все это было когда-то хорошо, все это теперь надоѣло страшно. Не преходитъ только истинное и прекрасное, не прейдутъ идеалы Шиллера и Занда, вѣчно свѣтлы образы Офеліи, Дездемоны, Миранды, Миньйоны, Гретхенъ, Анунціаты.

До свиданія! Простите мнѣ мои отступленія и не забудьте, великій художникъ, что я только вашъ ученикъ и ревностный поклонникъ.

IV.

Къ числу друзей автора принадлежу и я. Однакожъ это не препятствуетъ мнѣ говорить объ его сочиненіи прямо, искренно, безпристрастно. Кто знакомъ лично съ авторомъ, тотъ не можетъ не примѣтить, что это сочиненіе есть самая точная копія съ своего оригинала, что это—тотъ же авторъ, но только въ письмени. Въ самомъ дѣлѣ, немногіе, кажется, изъ писателей такъ ярко, такъ выпукло, такъ осязательно выразили свою личность въ своемъ сочиненіи, какъ она выражена здѣсь. Но въ томъ-то и достоинство, въ томъ-то и заслуга литератора, если онъ говоритъ прямо, искренно, если онъ высказываетъ то, что̀ у него лежитъ на сердцѣ, а не принимаетъ на себя какую-нибудь личину для угожденія публики.

Съ тою же искренностью рѣшился и я высказать свои мысли насчетъ его сочиненія. Этимъ мнѣ хотѣлось, съ одной стороны, исполнить просьбу

Библиотека "Руниверс"

самого автора (стр. 5), а съ другой стороны, по поводу этого сочиненія и самому сказать нѣсколько словъ о такихъ предметахъ, о которыхъ самъ авторъ говоритъ кратко.

Содержаніе сочиненія съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, едва ли не безпримѣрнымъ. Читая первыя страницы его, иной даже, быть можетъ, съ усмѣшкой скажетъ самому себѣ: „Что за странная мысль пришла въ голову автора печатно говорить о такихъ предметахъ? Не боленъ ли онъ нервною горячкою или Англійскимъ сплиномъ?“ Словомъ, его сочиненіе можетъ показаться для многихъ безумiемъ, юродствомъ. Но это взглядъ близорукій. Кто кружится въ вихрѣ суеты житейской и не имѣетъ времени или не хочетъ по временамъ уединяться и размышлять о самомъ себѣ, о своей религіи, о своей судьбѣ за гробомъ, для того сужденія автора покажутся дикими, странными. Но кого болѣзни и нужды житейскія заставляли подумать о своей жизни настоящей и будущей, тотъ можетъ хорошо понимать г. Гоголя. Притомъ, кто входилъ въ нѣкоторое соприкосновеніе съ его душой, тотъ не могъ не изумиться ея оригинальности, тотъ даже могъ подумать, что онъ родился и жилъ не на земномъ шарѣ, а на какомъ-нибудь Сиріусѣ. „Стыдно тому“, говоритъ авторъ, „кто привлечется какимъ-нибудь вниманiемъ къ гніющей персти, которая уже не моя“ (стр. 8). Какъ понимать эти слова? Если здѣсь говорится о тѣлѣ его, погребенномъ уже въ землѣ, то ужели авторъ думаетъ, что кто-нибудь разроетъ его могилу и полюбопытствуетъ взглянуть на бренные его останки? Если же здѣсь рѣчь идетъ о тѣлѣ, лежащемъ еще во гробѣ до погребенія и при погребеніи, то нѣтъ никакого стыда смотрѣть на него всякому христіанину, тѣмъ болѣе православному. Только Неаполитанецъ, по смерти своего друга или родственника, бѣгаетъ отъ его трупа, какъ отъ заразы и не видитъ его до самаго погребенія, а предоставляетъ чужимъ рукамъ положить его въ гробъ, отвезти на кладбище и опустить въ яму. Напротивъ, православный Русскій человѣкъ съ уваженіемъ смотритъ на бренные останки усопшаго. Ибо, что̀ такое тѣло человѣческое, какъ не храмъ Духа Святаго? Что̀ такое трупъ человѣка, какъ не сѣмя, которое въ нѣдрахъ своего тлѣнія заключаетъ источникъ жизни будущей, воскресенія? Но эта персть „уже не моя“, и это несправедливо. Она твоя была, есть и будетъ. Авторъ думаетъ, что когда душа разлучалась съ тѣломъ, то тѣло, какъ добыча червей, уже не принадлежитъ ему, потому-де что оно сгніетъ, истлѣетъ и обратится въ первобытный прахъ, а душа навсегда освободится отъ него. Неправое мудрованіе! Ты никогда не избавишься отъ своего тѣла. Ты съ собою за гробъ уносишь основу его, а въ день всеобщаго воскресенія воспріимешь его вполнѣ.

Говоря о вліяніи, какое можетъ произвести на всѣхъ Одиссея Гомера въ переводѣ г. Жуковскаго, авторъ замѣчаетъ, что „Греческое многобожіе не соблазнитъ нашего народа“ (стр. 46). Въ этомъ мы несогласны съ авторомъ. Конечно, Одиссея не можетъ увлечь народъ къ многобожію, но можетъ поселить въ немъ множество гибельныхъ суевѣрій. Самъ же авторъ въ слѣдующемъ за симъ письмѣ замѣчаетъ, что мы не знаемъ своей церкви.

Библиотека "Руниверс"

Если же люди образованные не знаютъ церкви, то что̀ сказать о простомъ народѣ? А не зная церкви, какъ онъ можетъ удержаться на той высотѣ мыслей, которую усвоилъ ему авторъ? Не столько надобно опасаться за народъ, сколько за такихъ вельможъ, которые имѣютъ самое ограниченное понятіе о Православной Церкви и Вѣрѣ (а такихъ людей немало) и которые по тому самому готовы сказанія Гомера (о, ужасъ!) сравнивать со сказаніями Библейскими. Вообще авторъ въ указанномъ мѣстѣ слишкомъ идеально смотритъ на состояніе Вѣры въ Россіи. Обратись онъ къ жалкой дѣйствительности, онъ сказалъ бы совершенно не то, что̀ теперь сказалъ: ибо даже въ высшемъ обществѣ онъ встрѣтилъ бы такое невѣжество истинъ религіи, что и самъ закрылъ бы глаза отъ стыда.

„Напрасно смущаетесь вы нападеніями, которыя теперь раздаются на нашу Церковь въ Европѣ“ (стр. 58). Это совершенно справедливо; потому, что нѣтъ еще ни одного сочиненія въ Европѣ о Православной Церкви, въ которомъ не было бы насчетъ ея весьма значительныхъ промаховъ. Не очень давно M. Teiner издалъ въ свѣтъ огромную книжку о Русской Церкви, основываясь въ своихъ изслѣдованіяхъ, какъ самъ онъ говорилъ въ своемъ предисловіи, на офиціальныхъ документахъ и стараясь всѣми силами говорить о нашей Церкви сущую правду; и однакожъ, что̀ онъ говоритъ о ней? Такую дичь, что уши вянутъ. Иные даже боятся и имя своего выставить на своемъ сочиненіи, и весьма справедливо поступаютъ: ибо, наполнивъ цѣлую книжку грубыми ошибками относительно изслѣдуемаго предмета, кто отважится выставить на ней свое имя? Напротивъ, кто ближе знакомъ съ нашею Церковію, какъ наприм., Бадеръ, тотъ не можетъ не говорить въ ея пользу. Слѣдовательно, опровергать иностранныя сочиненія о Русской Церкви значитъ сражаться съ тѣнями. Кто же рѣшится на это? Православная Церковь въ этомъ отношеніи подражаетъ своей Главѣ Іисусу Христу, Который на всѣ несправедливыя обвиненія Своихъ враговъ предъ Пилатомъ и особенно предъ Иродомъ отвѣчалъ молчаніемъ. Но это молчаніе краснорѣчивѣе безконечнаго многословія защищало Его невинность, потому что за нее ручалась праведная Его жизнь. Такъ точно должны поступать и мы. Подлинно, для насъ возможна одна только пропаганда — жизнь наша (стр. 60), какъ прекрасно замѣтилъ авторъ. Это надобно твердо держать въ памяти, особенно тѣмъ, которые путешествуютъ за границей.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ письмѣ авторъ опровергаетъ тѣ причины, которыми обыкновенно объясняютъ слабость у насъ власти церковной. Но опровергши эти ложныя причины, авторъ, однакожъ, не показалъ истинныхъ, а онѣ предъ глазами; сто̀итъ только обратить вниманіе на пастырей и на паству. Пастыри опасаются, чтобы чрезъ свою твердость не лишить себя житейскихъ выгодъ, почестей и отличій, и потому раболѣпствуютъ паствѣ; а паства, особенно великіе и сильные земли, воображая, что они также велики и сильны и предъ религіей, предъ лицомъ Божіимъ, злоупотребляютъ смиреніемъ пастырей и малозначительностію ихъ въ сравненіи съ чинами и достоинствами общественными.

Библиотека "Руниверс"

Далѣе, мы уже въ половину только сочувствуемъ автору относительно законныхъ поприщъ (стр. 63), на которыхъ должны священники встрѣчаться съ своими прихожанами. Извѣстно, что исповѣдь не можетъ быть продолжительна, потому что много бываетъ желающихъ исповѣдываться. Извѣстно также, какимъ вниманіемъ награждаютъ проповѣдниковъ въ воскресные дни и какую пользу отъ проповѣди получаютъ въ это время вѣрующіе. Извѣстно, наконецъ, и то, что самъ Основатель христіанства и Его сподвижники благовѣствовали слова спасенія не съ одной каѳедры церковной и не предъ однимъ судилищемъ совѣсти. По всему этому очень необходимо, чтобы руководители наши ко спасенію какъ можно чаще могли бесѣдовать съ своими руководимыми о предметахъ вѣры. Этими домашними бесѣдами они едва ли не легче, нежели поученіями съ каѳедры, могутъ разогнать тотъ мракъ невѣдѣнія относительно Вѣры и Церкви Православной, который господствуетъ, къ сожалѣнію, даже въ самыхъ свѣтлыхъ домахъ; изъ этихъ бесѣдъ православные узнаютъ, что духовенство вовсе не такъ грубо и невѣжественно, какъ обыкновенно его себѣ представляютъ, хотя оно и не говоритъ пофранцузски и понѣмецки. Даже одно частое явленіе священника въ одинъ и тотъ же домъ благотворно тѣмъ, что напоминаетъ собою о религіи, что можетъ искоренить пагубный предразсудокъ, по которому всякая встрѣча съ священникомъ считается предзнаменованіемъ неудачи, а приходъ въ домъ безмолвною проповѣдью *горя тому дому*. Отъ чего предки были счастливѣе насъ? Отъ того, что они сближались съ служителями алтаря, отъ того, что они ничего не начинали безъ церковнаго молитвословія, отъ того, что священникъ былъ вмѣстѣ для нихъ и другъ и совѣтникъ, которому они безпрекословно повиновались; словомъ, отъ того, что церковь они вводили въ свою жизнь *). А теперь къ священнику обращаются лишь въ такихъ случаяхъ, когда сего требуетъ законъ гражданскій и, стало быть, обращаются только по тому побужденію, чтобы не быть виновными предъ закономъ гражданскимъ. O tempora! O mores! Несправедливо по этому авторъ отказываетъ священникамъ въ возможности входить въ общества. Эту мысль свою подтверждаетъ онъ примѣромъ „свѣтскихъ людей, которые толкаются вѣчно среди свѣта *и при всемъ томъ всѣхъ* пустѣе“; но это происходитъ, надобно сказать, отъ того, что они только именно *толкаются*, т.-е. пріѣдутъ на полчаса, на часъ, поговорятъ о здоровьѣ, о погодѣ, о театрѣ и т. п., и уѣдутъ. Само собою разумѣется, что такъ никто и никогда не изучитъ свѣтъ. Ужели же такъ должны поступать и священники? Ничуть. Въ опроверженіе автора, мы можемъ указать, въ свою очередь, также на примѣръ тѣхъ свѣтскихъ людей, которые на все смотрятъ наблюдательнымъ взоромъ и которые поэтому очень хорошо знаютъ свѣтъ. Авторъ говоритъ: „найди только прежде ключъ къ своей собственной душѣ, когда же найдешь, тогда этимъ же самымъ ключемъ отопрешь души всѣхъ“ (стр. 65). Сдѣлалъ бы я его духовникомъ и

*) Въ городахъ и селахъ Малороссіи доселѣ удержалось это первобытное счастіе народа.

Библиотека "Руниверс"

посмотрѣлъ бы, какъ бы онъ ключемъ своей души началъ отпирать души всѣхъ!

Нѣтъ, другъ мой, нельзя однимъ ключемъ отпирать тысячи замковъ. Глубоко сердце человѣка, а еще глубже оно при исповѣди. Искренно, искренно говорю тебѣ, что, обращаясь среди общества, священникъ можетъ узнать недуги общества, а въ особенности недуги частныхъ лицъ, гораздо лучше, нежели какъ они высказываются на исповѣди, такъ что предъ нимъ нужно будетъ имъ исповѣдываться для того только, чтобы самимъ признать за собою тѣ грѣхи, которые еще прежде исповѣди извѣстны священнику, и принять отъ него разрѣшеніе и врачевство.

Далѣе авторъ крайне превозноситъ Русскихъ лирическихъ поэтовъ, считая источникомъ ихъ лиризма самого *Бога* (стр. 68 и 81). Эта мысль весьма соблазнительна. Иной подумаетъ, что поэтъ есть боговдохновенное лицо и наоборотъ! Въ письмѣ о существѣ Русской поэзіи авторъ мастерски излагаетъ историческое ея развитіе и вездѣ высказываетъ глубоко-проницательный свой взглядъ на каждаго Русскаго поэта.

Послѣднее письмо, о Свѣтломъ Воскресеніи Христовомъ, не чуждо мистицизма, который особенно ясно выразился на послѣдней страницѣ, гдѣ авторъ говоритъ: „это не мысль, выдуманная въ головѣ; такія мысли не выдумываются, но рождаются онѣ разомъ“ (стр. 286)...

Въ заключеніе благодарю автора за искренность и назидательность его писемъ: отъ нихъ вѣетъ истинно-христіанскимъ чувствомъ. И вмѣстѣ прошу объяснить мнѣ тираду отъ словъ: „Церковь наша должна святиться въ насъ“ и далѣе, до слова: „какъ намъ защищать“ (стр. 59)... По моему разумѣнію, здѣсь или понятіе о Церкви смѣшано съ понятіемъ о Вѣрѣ, или же Церковь признается обществомъ только внутреннимъ, невидимымъ; но въ послѣднемъ случаѣ такой взглядъ на Православную Церковь будетъ одностороненъ и невѣренъ.

Св. М. Т. С.

*

Вопреки неоднократно выраженному желанію Гоголя, чтобы ему не воздвигали памятника, наше чужедуміе, оставивъ въ небреженіи могилу его въ Даниловскомъ монастырѣ, воздвигаетъ неудачно исполненное изображеніе его на Пречистенскомъ бульварѣ въ Москвѣ. Вспоминается двустишіе Баратынскаго про кажденіе мертвецу, съ цѣлью другихъ задѣть кадиломъ. Не удаются у насъ памятники писателямъ: на Ломоносова, на университетскомъ дворѣ въ Москвѣ, смотрѣть жалко. Пушкинъ глядитъ какимъ-то нигилистомъ, и ему же, когда памятникъ былъ готовъ, дана, вмѣсто обыкновенной круглой шляпы, другая мятая, про которую одинъ изъ его современниковъ сказалъ, что Пушкинъ былъ слишкомъ приличный человѣкъ, чтобы носить такую, да шляпъ такихъ въ его время и не носили. Памятники Державину въ Казани, Карамзину въ Симбирскѣ (Муза Исторіи, Кліо) тоже неудачны. Одинъ Крыловъ не грѣшитъ противъ художественности и служитъ украшеніемъ прекраснаго лѣтняго сада въ Петербургѣ. Нѣкоторые изъ старообрядцевъ не ставятъ даже и надгробій на могилахъ, какъ знаковъ гордыни и похвальбы. Гоголь—обличитель недавней Русской жизни. Пожелаемъ, чтобы народился обличитель современной. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ДОСТОПАМЯТНАЯ НАДПИСЬ НА ИКОНѢ.

Это надпись на иконѣ св. Василія Великаго, которою благословилъ отца моего, Василія Николаевича Ушакова, его отецъ, мой дѣдъ Николай Васильевичъ Ушаковъ, сынъ Екатерины Петровны, рожденной княжны Тюфякиной, послѣдней въ родѣ князей Тюфякиныхъ (Рюриковичей).

„Въ нещастный 1812 г., по приближеніи арміи злочестиваго злодѣя роду человѣческаго къ Москвѣ, служилъ я при главномъ управленіи путей сообщенія въ Твери, откуда, по волѣ главнаго начальника, 19-го Августа отправился въ Рыбинскъ; но прежде заѣхалъ къ матушкѣ въ село Никитское, куда пріѣхалъ 22-го числа. Всячески старался матушку уговорить, чтобъ съ нами ѣхала. Положивъ упованіе на Всевышняго, осталась она въ деревнѣ. 9-го Сентября со всѣмъ своимъ семействомъ я поѣхалъ въ Рыбинскъ, куда прибылъ 12-го, гдѣ явился къ начальству, отъ коего получилъ паспортъ до востребованія. Изъ Рыбинска поѣхалъ въ Завидово, деревня Ярославской губ., куда прибылъ 16-го и прожилъ по 3-е Октября. 6-го прибылъ въ Ярославль. 15-го даровалъ мнѣ Богъ сына Василія. По выздоровленіи вѣрнаго друга *), 17-го Декабря выѣхалъ въ Калязинъ къ матушкѣ, куда прибылъ 22-го, а 29-го отправился въ Тверь. Все недвижимое имѣніе матушки и мое уцѣлѣло отъ лютости нечестиваго врага, кромѣ Московскаго дому, который сожженъ и разграбленъ. Сей образъ сдѣланъ по обѣщанію... и благословляю онымъ Васю. Господи, надѣющіеся на Тя да не погибнутъ!“

(*Сообщено Натальею Васильевною Трескиною, рожденною Ушаковою*).

Князья Тюфякины, колѣно XX отъ Рюрика.

№ 12. Князь Ѳедоръ Григорьевичъ, стольникъ царицы Прасковьи Ѳедоровны (1692), Маіоръ Пѣхотинецъ Кокенгаузенского полка (1721).

13. Петръ Ѳедоровичъ жилъ въ Москвѣ въ своемъ домѣ на Козьемъ болотѣ въ приходѣ ц. Спиридонія. (*„Руск. Арх.„. 1894, кн. № 6*).

14. Иванъ Петровичъ, д. т. совѣтникъ, жена княжна Марія Александровна Долгорукая, племянница князя Долгорукаго-Крымскаго и графини Анастасіи Михаиловны Брюсъ.

— Княжна Екатерина Петровна за Василіемъ Ѳедоровичемъ Ушаковымъ, *дѣдомъ моего отца*.

— Княжна *Настасья* Ѳедоровна за Петромъ Ивановичемъ Свѣчинымъ, адъютантомъ Измайловскаго полка.

15. Петръ Ивановичъ, бездѣтный, послѣдній въ родѣ. Женатъ на Екатеринѣ Осиповнѣ Хорватъ, племянницѣ князя Зубова.

---

*) Т. е. своей супруги. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПАМЯТНИКЪ НА МОГИЛѢ Н. П. БАРСУКОВА.

Великій труженикъ Русской исторіографіи, Николай Платоновичъ Барсуковъ покоится на Смоленскомъ кладбищѣ, старѣйшемъ въ Петербургѣ. Памятникъ на его могилѣ потребовалъ большихъ приспособленій ради опасности отъ паводненій. Онъ поставленъ на рельсы. Получилось нѣчто несокрушимое. Все пространство внутри рѣшетки, какъ и могила, уложены дерномъ. Травка такъ и веселитъ зрѣніе. Рядомъ съ памятникомъ красуется пихта (Abies Sibirica), присланная изъ Кускова. На сторонѣ памятника, обращенной къ чудной церкви во имя Воскресенія Христова, вырѣзана надпись:

„Подобаетъ тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе. Пожерта бысть смерть“.

На противуположной сторонѣ: *„Болѣзную о тебѣ, брате мой, красный ми зѣло“ (2-я книга Царствъ).*

На лицевой сторонѣ, имя покойника, время рожденія (8 Ноября 1838) и кончины (23 Ноября 1906). Слова Апостола Павла: *«Подвигомъ добрымъ подвизахся».*

На задней сторонѣ: *„Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ“.*

Русскій человѣкъ, дорожащій памятью предковъ, съ чувствомъ глубокой благодарности кладетъ поклонъ предъ этою могилою.

*

Въ томъ же 1906 году, 22 Марта, скончалась въ Одессѣ Марья Сергѣевна Томашевская. Это младшая изъ дѣтей Сергѣя Тимофѣевича и Ольги Семеновны Аксаковыхъ, вѣрная высокимъ обѣтамъ своихъ родителей, сестеръ и братьевъ. Теперь отъ Аксаковскаго поколѣнія, столь достолюбимаго и достопамятнаго, остались только дѣти и внуки Григорія Сергѣевича.

Библиотека "Руниверс"

ДОПОЛНЕНІЯ, ПОПРАВКИ, МЕЛОЧИ.

Въ 4-мъ примѣчаніи къ Завѣщанію Екатерины Великой („Р. Архивъ" 1907, II), читаемъ относительно словъ ея „буде я умру въ *Пеллѣ*, то перевезите (тѣло) водой въ Невскій монастырь", что это распоряженіе сдѣлано въ память Потемкина. Между тѣмъ, въ книгѣ Пыляева „Забытое прошлое окрестностей Петербурга", на стр. 86—87, разсказано, что на берегу Невы, гдѣ лежитъ село Ивановское и стоятъ развалины бывшаго дворца Пелла, былъ при Неплюевѣ (владѣльцѣ Ивановскаго) домъ на 50 саженяхъ, оранжереи и обширные сады.

Имѣніе Неплюева было куплено Императрицею Екатериною въ 1784 г. въ годъ смерти Ланскаго. Здѣсь Екатерина, въ грустныя минуты, подъ „впечатлѣніемъ мизантропической фантазіи", въ дикой, лѣсистой мѣстности, на берегу Невы, задумала построить замокъ, чтобы жить въ пустынѣ. Государыня, проживая здѣсь съ сестрою Ланскаго, Кушелевою, вела уединенную жизнь. Купивъ мызу Неплюева, Императрица возвратила ей названіе Пеллы.

Есть преданіе, что это имя дано Петромъ мѣстности въ память залива Пеллы на Ладожскомъ озерѣ, а Илья Яковкинъ, авторъ „Описанія Царскаго Села", говоритъ: „Пеллой назвала эту мѣстность Екатерина въ память рожденія перваго возлюбленнаго ея внука, названнаго Александромъ, потому что Александръ Македонскій родился въ Пеллѣ". Послѣднее преданіе, замѣчаетъ Пыляевъ, надо думать, вѣрнѣе.

Бывшее имѣніе князя Потемкина „Островки" лежитъ въ трехъ верстахъ отъ Пеллы.

*

Въ 8-й тетради нынѣшняго года на стр. 566-й допущена грубая ошибка, искажающая слова митрополита Филарета. Вмѣсто *овцы бодущія* слѣдуетъ *овны бодущіе* (т.-е. бараны). Это слово *овны* употреблено и въ псалмахъ, напр., въ 64, 113 и др.

*

На стр. 564-й г. Соколовскій напрасно упрекаетъ А. П. Салтыкову въ неточности при описаніи памятника Николаю Павловичу на Маріинской площади въ Петербургѣ. Почтенная милитаристка (какъ ее называетъ г. Со-

Библиотека "Руниверс"

коловскій) родилась, выросла и постоянно вращалась въ военномъ кругу. Поэтому къ ней никакъ нельзя отнестись съ упрекомъ, который дѣлала себѣ, съ нѣкоторымъ самодовольствомъ, безсмертная Анѳиса Павловна Хлестова въ „Горѣ отъ ума“:

„Не мастерица я полки-то разбирать“.

Умная и красивая дочка всесильнаго тогда начальника штаба гвардіи и гренадеръ отлично въ нихъ разбиралась и совершенно сознательно и правильно назвала форму, въ которой сидитъ на конѣ Николай Павловичъ, — *кирасирскою*. Эта форма была тогда общею для всѣхъ четырехъ полковъ тогдашней кирасирской гвардейской (нынѣ 1-й гвардейской) дивизіи. Полки эти различались тогда, какъ и теперь, только цвѣтомъ воротниковъ и выпушекъ и приборомъ. Разумѣется, это различіе не могло быть обозначено въ бронзовомъ изваяніи. Поэтому кирасиры Его Величества и кавалергарды, точно такъ же, какъ конногвардейцы, могутъ думать, что Императоръ въ ихъ мундирѣ. Мундиръ своихъ кирасиръ, лейбъ-гвардіи Его Величества полка, Государь носилъ такъ же часто, какъ и конногвардейскій, а въ Царскомъ Селѣ, мѣстѣ расположенія этого полка, почти всегда.

*

A eux la balle (въ Разговорѣ портретовъ Чесменскаго дворца, стр. 521). Эта поговорка взята изъ игры въ мячъ, распространенной во Франціи (въ особенности въ южной ея части). Поговорку эту нельзя переводить *имъ-шаръ*, такъ какъ она ничего общаго съ балотировкой не имѣетъ. Смыслъ ея: мячъ передается имъ, ихъ черёдъ, имъ играть. Въ настоящемъ случаѣ она вложена Екатериною въ уста Петра II-го и обозначаетъ, что онъ передаетъ право и обязанность отвѣчать на относящіяся къ нему пререканія дѣду и мачихѣ-бабкѣ своимъ.

Тамъ же, стр. 516, brin d'esprit переведено невѣрно. Это „трясило“ на головныхъ уборахъ нашихъ прабабушекъ. Тутъ попрёкъ Маріи Антуанетѣ за ея парядливость.

*

На книгѣ „Стихотворенія В. Пушкина“ (1822 г.) сдѣлана такая надпись Васильемъ Львовичемъ Пушкинымъ князю Петру Андреевичу Вяземскому:

Чѣмъ мнѣ дарить тебя, другъ милый и собратъ
Въ день твоего рожденья?
Прими сей слабый даръ, мои стихотворенья,
И будь счастливѣе ихъ автора сто кратъ.

Сочинитель.

12 Іюля 1823 года.

Библиотека "Руниверс"

чинѣ Александра Павловича. Сообщ. А. Ѳ. Бычковымъ. **1870.** (3), 627—630.

1812. Обращеніе въ католичество гр. М. А. Воронцовой. Гр. М. Д. Бутурлина. **1869.** (10), 1712—1714.

1813. Графы Воронцовы, отецъ и сынъ. (Изъ архива б. Николаи). **1890.** Ш, (9), 104.

1814. Два письма гр. М. С. Воронцова изъ похода 1806 г. **1895.** Ш, (12), 481—483.

1815. Кн. М. С. Воронцовъ и Э. С. Андріевскій. Е. И. Козубскаго. **1898.** I, (4), 625.

1816. Письмо М. С. Воронцова къ гр. Д. Н. Блудову. **1905.** Ш, (9), 130—131. О Бессарабіи.

1817. Письмо къ гр. Бальменъ отъ гр. С. Р. Воронцова. (О медикахъ въ Россіи). **1877.** Ш, (9), 112.

1818. Письмо гр. С. Р. Воронцова къ герцог. Девонширской. **1884.** II, (3), 131—132.

1819. Два письма гр. С. Р. Воронцова: къ гр. Н. П. Панину и къ импер. Александру. **1874.** II. (12), 971—1025.

1820. Гавріилъ (Бодони). В. Жмакина. **1898.** Ш, (11), 309—377. 12, 487—512.

1821. Подвигъ мѣщанина Герасимова. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. **1875.** Ш, (9), 106.

1822. Е. П. Глѣбова-Стрѣшнева. По воспоминаніямъ внучки ея Н. П. Бреверна. Баронессы В. Лепель. **1895.** I, (1), 91—104.

1823. Воспоминанія о кн. М. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ. Н. П. Шишкова. **1866.** (3), 460—474.

1824. О кн. М. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ-Смоленскомъ. П. М. Голенищева-Кутузова-Толстаго. **1883.** II. (4). 361—364.

1825. Письма къ кн. А. Н. Голицыну. **1905.** Ш, (12), 488—495. Негоша, Сперанскаго, гр. Аракчеева, архим. Фотія, великихъ княженъ Ольги и Александры Николаевенъ.

1826. Князь А. Н. Голицынъ, въ его письмахъ (къ Александру Павловичу, къ бар. Криднеръ, къ А. С. Голициной, къ Беркгеймъ). **1905.** Ш, (11), 360—455.

1827. Два письма кн. А. Н. Голицына къ Е. А. Энгельгарту. **1868.** (4—5), 873—877.

1828. Переписка кн. А. Н. Голицына съ З. Я. Карнѣевымъ. Сообщ. Г. Г. Примо. **1893.** II, (5), 129 134

1829. Письмо кн. А. Н. Голицына къ А. Ѳ. Лабзину. **1895.** Ш, (12), 491—492.

1830. Письма кн. А. Н. Голицына къ гр. А. А. Орловой-Чесменской. **1869.** (9), 943—958.

1831. Письмо кн. А. Н. Голицына къ Московскому митроп. Серафиму. (1822). **1873.** II, (12), 2325—2330.

1832. Очеркъ жизни Е. А. Головина. Ю. В. Толстаго. **XIX вѣкъ.** (I), 1—64.

1833. Объ Е. А. Головинѣ и жестокостяхъ военнаго быта. **1871.** (7—8), 1253—1272.

1834. О пасторѣ Госнерѣ. Изъ Записокъ Н. И. Греча. Сообщ. Евг. Ив. Гречъ. **1868.** (9), 1403—1413.

1835. Современныя бумаги о погребеніи патріарха Григорія. 1821. Сообщ. Ю. В. Толстымъ. **1871.** (11), 1920—1939. Секретное письмо А. Ѳ. Ланжерона кн. А. Н. Голицыну. Показанія шкипера Николо Склаво, кн. Ганджери и Сутцо.

1836. О князѣ Е. А. Грузинскомъ и переводѣ Макарьевской ярмарки въ Нижній. А. Н. Шишкова. **1899.** II, (7), 453—455. (Поправка. Ш, (9), 176).

1837. Письмо кн. Е. Р. Дашковой къ гр. Н. П. Шереметеву. **1873.** II, (10), 1908—1909.

1838. Д. В. Дашковъ. Его письма къ Е. Г. Пушкиной. **1905.** II, (6), 251—261.

1839. Письма гр. Дмитріева-Мамонова. **1896.** I, (1), 51—60. Къ С. П.

Библиотека "Руниверс"

Фонвизину, А. Я. Булгакову и священн. Симеону.

1840. Духовное завѣщаніе кн. В. С. Долгорукаго. **1888.** III, (10), 187—192.

1841. Письма кн. М. П. Долгорукаго (съ примѣч. Ю. В. Толстаго). **1865.** (10—11), 1305—1327.

1842. Доможировъ. Д. С. Протопопова. **1898.** I, (1), 96.

1843. Санъ-Донато. Хроника. **1903.** II, (8), 585—592. Демидовы во Флоренціи.

1844. Письма Д. С. Дохтурова къ его супругѣ. **1874.** I, (5), 1089—1131.

1845. А. П. Дубовицкій и его жизнь по разнымъ монастырямъ. В. Жмакина. **1894.** II, (6), 175—208.

1846. Письма митр. Евгенія къ В. Г. Анастасевичу. Съ предисл. Н. Полетаева. **1889.** II, (5), 21—84. (6), 161—236. (7), 321—388.

1847. Письмо митр. Евгенія къ неизвѣстному лицу. **1903.** I, (3), 433—434.

1848. Письма митр. Евгенія В. И. Мекедонцу, съ примѣч. Н. Е. Сѣвернаго. **1870.** (4—5), 769—870. Поправка (6), 1199.

1849. Замѣтка на письма Евгенія къ Мекедонцу и Н. И. Зиновьева къ его сыну. Я. К. Грота. **1870.** (10), 1768—1776.

1850. Письма митр. Евгенія къ Парѳенію. Съ послѣсл. Л. Н. Майкова и Д. Д. Рябинина **1875.** III, (11), 315—316 и **1889,** III, (11), 379.

1851. Письма митр. Евгенія къ В. М. Перевощикову. **1890.** III, (12), 425—557. Приложенія: кн. Дашкова о сочиненіи Рюльера. Изъ записокъ гр. Сегюра и Штелина.

1852. Письмо митроп. Евгенія къ пріятелю (со стихами). **1903.** (I), 433.

1853. О митрополитѣ Евгеніи и его письмахъ. Н. Е. Сѣвернаго. **1870.** (4—5), 871—880.

1854. Письма великой княгини Екатерины Павловны къ Ф. П. Дсволану. **1870.** (11), 1967—2014.

1855. Къ біографіи А. П. Ермолова. Е. И. Козубскаго. **1894.** III, (9), 23—30. Изъ Воспоминаній Э. В. Бриммера.

1856. Замѣтка о А. П. Ермоловѣ. Е. И. Козубскаго. **1894.** I, (2), 275—276.

1857. Разговоръ съ А. П. Ермоловымъ. **1863.** 436—441.

1858. Замѣтки А. П. Ермолова объ его молодости. Сообщ. М. П. Погодинымъ. **1867.** (3), 366—376.

1859. Землянка А. П. Ермолова. Изъ Записокъ Н. Н. Муравьева. **1888.** III, (10), 247—248.

1860. Изъ анекдотовъ объ А. П. Ермоловѣ. **1893.** I, (2), 179—180.

1861. Два письма А. П. Ермолова къ гр. М. С. Воронцову (1814). **1905.** I, (2), 314—319.

1862. Дагестанскія воспоминанія объ А. П. Ермоловѣ. Е. И. Козубскаго. **1900.** III, (9), 37—142.

1863. О П. Д. Еропкинѣ, Д. Ѳ. Еропкинѣ и В. Д. Лаптевѣ, В. В. Ильина. **1874.** II, (8), 460.

1864. Подымовское дѣло. А. М. Жемчужникова. **1881.** II, 3, 141—154.

1865. Воспоминаніе о гр. А. А. Закревскомъ. (Н. В. Путяты). **1865.** (3), 371—380.

1866. Инзовъ въ Южной Бессарабіи. Съ портр. А. П. К. **1900.** III, (12), 596—599.

1867. Воззваніе къ Грекамъ кн. Ипсиланти (1821), съ запискою Шульгина къ вел. кн. Константину Павловичу. Сообщ. Г. Н. Александровъ. **1868.** (2), 293—297.

1868. Дѣло о Калининѣ и Боришевскомъ-Честнѣйшемъ (1814). Сообщ. С. А. Панчулидзевъ. **1905.** I, (2), 370.

1869. Письма гр. М. Ѳ. Каменскаго къ сыну его. **1868.** (10), 1489—1528.

Библиотека "Руниверс"

1870. Театръ гр. Каменскаго въ Орлѣ. Гр. М. Д. Бутурлина. **1869.** (10), 1708—1712.

1871. Гр. Е. Ф. Канкринъ. Гр. Кейзерлинга. **1866.** (1), 113—126. Замѣтка М. Н. Логинова, (2), 272.

1872. Письмо П. М. Капцевича къ Д. Н. Бантышу-Каменскому. Съ предисл. Н. Г. Путинцова. **1898.** III, (12), 513—515.

1873. М. М. Карніолинъ-Пинскій. Н. Христофорова. **1876.** II, (8), 454—459.

1874. Замѣтка о Карніолинѣ - Пинскомъ. А. Ф. Томашевскаго. **1876.** II, (8), 460.

1875. Петръ Александровичъ „Капитанская дочка". ***. **1900.** II, (6), 166—170. Это-Грузинъ П. А. Клопитоновъ.

1876. Два письма Ѳ. П. Ключарева къ А. Д. Балашову. Сообщ. И. Ф. Дюмушелемъ. **1889.** II, 311—312.

1877. Записка Г. Н. Кольчугина о 1812 г. Сообщ. И. И. Кольчугинымъ. **1879.** III, (9), 45—62.

1878. Святая могила. Замѣтки о С. В. Колычевѣ. А. А. Голомбіевскаго, съ портретами. **1904.** III, (12), 564—579.

1879. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. М. К. Соколовскаго. **1905.** II, (7). 409—414. Переписка о судѣ надъ Иловайскимъ.

1880. Письма къ цесаревичу Константину Павловичу. **1868.** II, (2) 289—293. Гр. Аракчеева и Н. М. Карамзина.

1881. Переписка Константина Павловича съ гр. А. Х. Бенкендорфомъ. **1884.** III, (6), 245—328. Трупъ кн. А. Ѳ. Меншикова. Собаньская. Ермоловъ, Нейманъ, Лубинскій, Валевскій, Готесманъ. О Пушкинѣ и кн. Вяземскомъ. Сильвестровичъ.

1882. Письма Константина Павловича къ графу В. Ѳ. Васильеву. **1882.** I, (1), 126—159.

1883. Письма Константина Павловича къ маркизѣ Де-Кюбьеръ. **1870.** (2), 409—430.

1884. Письмо В. П. Кочубея къ Френсдорфу. **1886.** II, (6), 263—264.

1885. А. И. Красовскій. **1890.** III, (10), 144.

1886. Ferdinand Christin et la princesse Tourkestanow. Особое приложеніе къ 1882—1883 годамъ.

1887. Письмо И. Ѳ. Крузенштерна къ О. М. Рибасу. (На случай войны съ Англіею). **1878.** I, (4), 490—493.

1888. Бар. Крюднеръ и ея переписка съ кн. А. Н. Голицынымъ. В. Н. **1885.** I, (3), 305—330.

1889. По поводу статей о госпожѣ Крюденеръ. Кн. Н. Н. Голицына. **1870.** (4—5), 901—908.

1890. Письмо кн. Кутузова къ импер. Маріи Ѳеодоровнѣ. Сообщ. Е. С. Шумигорскій. **1890.** I, (4), 570.

1891. Письма кн. А. Б. Куракина къ гр. Н. П. Румянцову. **1870.** (1), 135—162.

1892. Изъ писемъ кн. Кутузова къ его дочери П. М. Толстой. **1891.** I, (2), 302—303.

1893. Письмо кн. А-ра Б. Куракина къ Александру Павловичу. Сообщ. кн. Ѳ. А. Куракинымъ. **1896.** II, (5), 129—131.

1894. Донесенія кн. А. Б. Куракина Александру Павловичу о бесѣдахъ съ Наполеономъ. **1870.** (1), 1—136.

1895. Письма А. Б. Куракина къ Маріи Ѳеодоровнѣ. **1868.** (1), 23—86. (2), 161—240. **1869.** (3), 385—517. (Поправки (2), 334—335. (3), 527—528.

1896. Приказъ кн. А. Б. Куракина Надеждинской вотчинной конторѣ. **1893.** III, (11), 387—393.

1897. Письма кн. А. Б. Куракина къ гр. Н. П. Румянцову. **1873.** III, (3), 392—410.

1898. Депеши кн. А. Б. Куракина къ гр. Н. П. Румянцову. **1877.** III, (11), 229—256.

1899. Частное письмо кн. Алексѣя Борисовича Куракина къ гр. Н. П.

Библиотека "Руниверс"

Румянцову. **1877**. Ш, (11), 256—257.

1900. И. А. Кусковъ. С. Ковалева. **1898**. Ш, (10), 261—262.

1901. Письмо гр. Г. Г. Кушелева къ его крестнику гр. Д. Н. Шереметеву. **1898**. II, (5), 97—99.

1002. Поднесеніе масконскихъ перчатокъ А. Е. Лабзиной. **1907**. Ш, (12), 532—535.

1903. Замѣтка о Ладинскомъ. А. Л. Зиссермана. **1888**. Ш, (10), 294.

1904. Письмо В. С. Ланскаго къ Александру Павловичу. **1863**. (10—11), 830—932.

1905. Письмо Д. С. Ланскаго къ кн. И. Н. Трубецкому Сообщ. кн. А. А. Трубецкимъ. **1880**. II, 221.

1906. Баронъ К. Ѳ. Левенштернъ. Письма къ нему в. кн. Михаила Павловича, гр. Аракчеева, гр. Кутайсова, бар. Меллера-Закомельскаго и Грейга. Съ прим. М. И. Семевскаго. **1869**. (10), 1649—1660.

1907. Княгиня Ловичъ. **1906**. II (сорочка 6-го вып.).

1908. Изъ письма королевы Луизы къ б-сѣ Крюднеръ. Сообщ. Е. П. Подчасскою. **1874**. I, (3), 709—712.

1909. Письмо Людовика XVIII къ гр. Румянцову. Сообщ. гр. М. Д. Бутурлинымъ. **1872**. (1), 186—197. Проситъ о пенсіи гр. Даваре.

1910. Встрѣча съ Голандскимъ королемъ Людовикомъ-Наполеономъ. (Изъ Записокъ А. С. Лашкарева). **1878**. II, (5), 117—119.

1911. Л. Ѳ. Людоговскій. Б. Л. Модзалевскаго. **1905**. I, (3), 505—514. Здѣсь письма Н. С. Мордвинова, П. И. Голенищева-Кутузова, кн. А. П. Оболенскаго и Д. П. Рунича.

1912. Разсказъ архим. Макарія Глухарева о переѣздѣ его изъ Екатеринославля въ Кострому. Съ предисл. К. В. Харламповича. **1904**. I, (1), 51—69.

1913. О гр. Дмитріевѣ-Мамоновѣ. **1868**. (6), 962—969. Письма къ И. И. Дмитріеву, къ Д. В. Голицыну; о болѣзни гр. Мамонова, доктора В. Малиновскаго.

1914. Существуютъ ли Записки гр. М. А. Мамонова? Н. С. Киселева. **1868**. (1), 87—91.

1915. Письмо в. кн. Маріи Павловны къ кн. В. А. Репниной. (Сообщ. О. П. Орловою). **1877**. I, (3), 301—304.

1916. По поводу разсказа гр. Саліаса („Генералъ Маховъ"). **1894**. Ш, (5), 150—151.

1917. Кн. А. С. Меньщиковъ. (Некрологъ). **1869**. (6), 1067—1076.

1918. Гарлибъ Меркель и его книга о Латышахъ. **1870**. (6), 1009—1124 (поправка 1120).

1919. Письмо гр. Іосифа де-Местра къ кн. П. Б. Козловскому. **1866**. (10), 1492—1504.

1920. Письма изъ Петербурга въ Италію гр. Жозефа де-Местра къ Сардинскому королю Виктору Эмануилу I-му. **1871**. (1), 53—148—0191—0192.

1921. Письмо гр. Жозефа де-Местра къ марк. Паулуччи. **1886**. II, (5), 109—111.

1922. О гр. М. А. Милорадовичѣ. Гр. Г. А. Милорадовича. **1873**. I, (2), 0220—0221.

1923. Къ біографіи гр. М. А. Милорадовича. М. К. Соколовскаго. **1905**. I, (3), 515—518.

1924. Къ 75-тилѣтію со дня смерти гр. М. А. Милорадовича. **1900**. II, (6), 171.

1925. Письма Настасьи Ѳедоровой Минкиной къ гр. А. А. Аракчееву. Сообщ. Н. Г. Богословскимъ. **1868**. (10), 1656—1673.

1926. Путешествіе вел. кн. Михаила Павловича по Россіи. Донесенія Г. А. Глинки. Сообщ. Б. Г. Глинкою-Мавринымъ. **1877**. II, (7), 241—264.

1927. Письмо И. И. Михельсона къ кн. А. А. Прозоровскому съ отвѣтомъ. Сообщ. кн. М. А. Голицыной-Прозоровскою. **1899**. II, (7), 367—368.

Библиотека "Руниверс"

1928. Письмо гр. Н. С. Мордвинова къ А. А. Столыпину. Сообщ. Н. Н. Столыпинымъ. **1889.** II, (6), 313—314.

1929. Письма и приказы гр. Н. С. Мордвинова по управленію села Пушкина. Съ предисл. Д. А. Столыпина. **1874.** I, (3), 772—800.

1930. Донесенія гр. А. И. Моркова Александру Павловичу. Сообщ. кн. М. А. Оболенскимъ. **1873.** II, (12), 2329.

1931. Какъ я сдѣлался „Апостоломъ.“ Разсказъ И. М. Муравьева-Апостола. Сообщ. Авг. Павл. Сазоновичъ. **1887.** I, (1), 39—46.

1932. Письма Декабриста С. И. Муравьева-Апостола (къ отцу своему и зятю Л. М. Бибикову). **1887.** I, (3), 315—320.

1933. Два письма И. М. Муравьева-Апостола къ С. Р. Воронцову. Сообщ. кн. С. М. Воронцовымъ. **1876.** I, (1), 121—128.

34. Наполеонъ и кн. А. М. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій. Сообщ. кн. Е. Э. Трубецкою. **1888.** I, (2), 211—214.

1935. Отзывы Наполеона. Е. И. Козубскаго. **1895.** II, (4), 529.

1936. Анекдоты А. Л. Нарышкина (М. Н. Лонгинова). **1864.** (7—8), 872.

1937. Изъ письма гр. Нессельроде къ б. Тюилю (въ Римъ о соединеніи церквей). Сообщено С. М. Соловьевымъ. **1879.** I, (2), 255.

1938. О пребываніи в. кн. Николая Павловича въ Англіи. Изъ письма леди Пемброкъ къ гр. М. В. Де-Бальменъ. Сообщ. В. А. Олсуфьевымъ. **1877.** III, (11), 292.

1939. Путешествія в. кн. Николая Павловича и Михаила Павловича. 1816 и 1817. **1877.** III, (6), 172—181.

1940. Путешествіе в. кн. Николая Павловича по Россіи и за границей. 1816—1817. Изъ Записокъ Г. А. Глинки. **1877.** II, (6), 182—220.

1941. Объ опрокинувшейся коляскѣ съ в. кн. Николаемъ и Михаиломъ Павловичами. Сообщено П. И. Щукинымъ. **1904.** II, (7), 444—449.

1942. Письмо в. кн. Николая Павловича къ архіепископу Августину. **1896.** III, (12), 639 и **1905** III, (9), 129.

1943. Письма в. кн. Николая Павловича къ фонъ-Фёрстеру. Сообщ. К. П. Яновскимъ. **1899** II, (5), 80—82.

1944. Бумаги о поединкѣ Новосильцова съ Черновымъ. IX-й Вѣкъ. I, 333—335.

1945. Записка о поединкѣ Новосильцова съ Черновымъ. (Писана Рылѣевымъ). XIX-й Вѣкъ. I, 336—337.

1946. Гр. Михаилъ Огинскій и его отношенія къ Александру Павловичу. Изъ его Записокъ извлечено А. Подвысоцкимъ. **1874.** I, (3), 637—710.

1947. Письма гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго къ его прикащику Кабанову. Съ предисл. В. И. Коптева. **1877.** I, (4), 507—510.

1948. О Казанскомъ архіеп. Павлѣ Зерновѣ. Аполлона Можаровскаго. **1886.** II, (7), 347—349.

1949. Два письма гр. Н. П. Панина о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича. **1874.** II, (9), 709—725.

1950. Вице-адмир. Г. А. Папо-Христо. **1904.** III, (11), 422—425.

1951. Письма разныхъ лицъ къ преосв. Парѳенію. Съ предисл. И. Н. Корсунскаго. **1899.** II, (6), 185—217. Серафима Новгородскаго. Обоихъ митр. Филаретовъ. Симеона, архіеп. Ярославскаго. Авраама, архіеп. Ярославскаго. Никодима, еп. Орловскаго.

1952. Отрывокъ изъ жизни Василія Пассека, имъ самимъ сочиненный. **1863.** (5—9), 353—383. (7), 497—536. (8—9), 577—659.

1953. Изъ Записокъ кн. Паскевича. Съ портр. **1889.** I, (3), 407—424.

1954. Эпизодъ изъ дѣятельности Пестеля. Неизданное мѣсто въ За-

Библиотека "Руниверс"

пискахъ А. С. Пушкина. **1881.** II, (4), 495.

1955. Останки атамана графа Платова. В. К. Истомина. **1877.** II, (5), 109—112.

1956. Письмо гр. Платова къ Вилье. Сообщ. В. К. Истоминымъ. **1877.** II, (5), 109.

1957. Донской атаманъ гр. Платовъ лейбъ-медику Вилье. **1890.** I, (1), 82.

1958. Письма митр. Платона къ Маріи Оеодоровнѣ. Сообщ. Е. С. Шумигорскимъ. **1890.** II, (5), 15—16.

1959. Изъ писемъ О. А. Поздѣева къ его друзьямъ. Съ предисл. Е. С. Некрасовой. **1872.** (10), 1853—1886. Къ гр. А. К. Разумовскому, С. С. Ланскому, П. С. Лихонину.

1960. Письма В. С. Попова къ Александру I (о Екатеринѣ II). (Сообщ. А. И. Ставровскимъ). **1864.** (4), 447—448.

1961. Неизданная ода 1803 г.(гр. Потоцкому о правахъ дворянства). Съ объясненіями М. Н. Лонгинова. **1869.** (9), 1377—1383.

1962. Прошеніе Никифора Пушкина къ В. С. Попову. **1906.** II, (8), 561—562.

1963. Василій Григорьевичъ Рагозинъ, дьячекъ-партизанъ С Уклонскаго. **1902.** III, (9), 132—134.

1964. Гр. Е. П. Ростопчина и ея приверженность къ католицизму. Н. И. Кедрова. **1888.** I, (4), 489—490.

1965. Для біографіи гр. Ѳ. В. Ростопчина. М. Н. Лонгинова. **1868.** (10), 1674—1675.

1966. Какъ умиралъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ. Письмо А. Я. Булгакова къ гр. М. С. Воронцову. **1893.** I, (1). 39—41.

1967. Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ. Письма его къ своей супругѣ, 1812—1814 г. Письма къ старшей дочери. Замѣтки о 1812 г. Сообщ. гр. Вѣрою Анатол. Татищевой. **1901.** III, (8), 461—507.

1968. Новонайденныя бумаги гр. Ѳ. В. Ростопчина. Сообщ. гр. А. Ѳ. Ростопчинымъ. **1881.** III, (5), 215—227. (6), 412—419.

1969. Письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ Александру Павловичу. **1892.** II, (8), 419—565.

1970. Два письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ кн. Багратіону 1812 г. Сообщ. гр. М. В. Толстымъ. **1896.** I, (4), 562—563.

1971. Письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ А. Ѳ. Брокеру. Сообщ. В. А. Брокеромъ. **1868.** (12), 1873—1924.

1972. Письмо гр. Ѳ. В. Ростопчина къ кн. А. Н. Голицыну. **1895.** III, (12), 483—485.

1973. Три письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ в. кн. Екатеринѣ Павловнѣ. Сообщ. А. А. Васильчиковымъ. **1869.** (5), 759—762, **1876,** I, (3), 374—375 и **1878,** II, (6), 270—271.

1974. Письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ Д. И. Киселеву, съ примѣч. Н. С. Киселева. **1863.** (12), 881—893.

1975. Два письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ Константину Павловичу. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. **1869.** (5), 763—766.

1976. Письмо гр. Ѳ. В. Ростопчина къ министру юстиціи (объ А. Т. Болотовѣ). Сообщ. И. Ф. Дюмушелемъ. **1875.** II, (8), 489.

1977. Письмо гр. Ѳ. В Ростопчина къ управителю его Орловскихъ деревень. **1864.** (4), 407—408.

1978. Письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ кн. П. Д. Циціанову. XIX Вѣкъ, II, 1—114.

1979. Два письма гр. Н. П. Румянцова къ Н. М. Зиновьеву. **1891.** I, (1), 129.

1980. Письма Н. П. Рязанова къ И. И. Дмитріеву. Сообщ. М. А. Дмитріевымъ. **1866.** (8—9), 1331—1335.

1981. Князь Сакенъ и его записки, съ примѣч. Ю. П. Б(артенева). **1900.** I, (1), 5—41. (2), 161—180.

1982. Гр. И. П. Салтыковъ. **1899.** III, (9), 21—23.

Библиотека "Руниверс"

1983. Донесеніе гр. И. П. Салтыкова импер. Александру о надв. сов. Свищовѣ. **1900.** I, (8), 450.

1984. Къ біографіи гр. П. И. Салтыкова. (Его завѣщаніе). Съ предисл. Н. П. Барсукова. **1900.** III, (12), 636—639.

1985. Письмо гр. А. Н. Самойлова къ его сыну. **1897.** II, (2), 187—188.

1986. Разговоръ вице-адмирала Д. Н. Сенявина съ гр. Кочубеемъ. **1875.** III, (12), 431—433.

1987. Изъ писемъ партизана А. Н. Сеславина. Сообщ. Д. Н. Сеславинымъ. **1896.** II, (5), 132—142.

1988. Біографическія свѣдѣнія о Сиверсѣ. А. А. Сиверса. **1902.** I, (2), 267—268.

1989. П. И. Слатвинскій. В. В. Ильина. **1876.** I, (2), 264.

1990. Сперанскій. М. П. Погодина. **1871.** (7—8), 1097—1252.

1991. Сперанскій и его государственная дѣятельность. Ѳ. М. Дмитріева. **1868.** (10), 1527—1656.

1992. Изъ бумагъ о гр. Сперанскомъ. Сообщ. б. М. А. Корфомъ. **1867.** (3), 432—455. (Поправка, (4), 671).

1993. Письмо б. М. А. Корфа къ М. П. Погодину (съ поправками свѣдѣній о Сперанскомъ). **1872.** (1), 214—216.

1994. Мои воспоминанія о гр. Сперанскомъ. Г. Н. Александрова. **1904.** III, (11), 371—375.

1995. Черта въ частной жизни Сперанскаго. Изъ письма гр. М. А. Корфа къ издателю „Русскаго Архива". **1884.** III, (5), 55—57. Дочь Маріанны Злобиной.

1996. Къ біографіи Сперанскаго. Письмо М. Погодина. **1871.** (11), 1942—1948. Здѣсь письмо Сперанскаго къ Самборскому.

1997. Сперанскій. Съ предисловіемъ Н. К. Шильдера. **1892.** I, (1), 50—80. Пермское письмо и оправдательная записка.

1998. Семинарскій характеръ Сперанскаго. (Изъ письма къ акад. Гроту). Д. С. Протопопова. **1876.** II, (6), 225—230.

1999. Къ исторіи ссылки Сперанскаго. Я. К. Грота. **1871.** (12), 2073—2078.

2000. Изъ записокъ библіофила. Автографъ гр. М. М. Сперанскаго. В. М. Остроглазова. **1906.** III, (12), 603—608.

2001. Письма Сперанскаго. **1904.** III, прил. къ 12-му вып. Къ П. С. Руничу. Къ Пензенской помѣщицѣ.

2002. Письмо Сперанскаго о духоборцахъ. Съ предисл. Г. Кунцевича. **1901.** III, (12), 472—476.

2003. Письмо Сперанскаго къ С. М. Броневскому. **1870.** (3), 199—202.

2004. Письмо М. М. Сперанскаго къ И. В. Лопухину. Сообщ. А. Ѳ. Бычковымъ. **1870.** (3), 623—626.

2005. Письмо М. М. Сперанскаго къ П. А. Словцову. **1900.** II, (7), 403.

2006. Письма Сперанскаго къ его дочери. **1868.** (7—8), 1103—1212. (11), 1681—1811.

2007. Письмо Сперанскаго къ А. А. Столыпину. Сообщ. б. М. А. Корфомъ. **1869.** (5), 919—920.

2008. Письма Сперанскаго къ А. А. Столыпину. Съ примѣч. Д. А. Столыпина. **1869.** (10), 1682—1708. (11), 1966—1984. **1870.** (4—5), 880—893. (6), 1125—1156. (Поправка. **1870.** (6), 1120) и **1871** (2), 431—484.

2009. Письма Сперанскаго къ Ф. И. Цейеру. **1870.** (1), 174—200.

2010. Еще о Сперанскомъ и Воейковѣ. Я. К. Грота. **1871.** (12), 2121—2124.

2011. Унтеръ-офицеръ Старичковъ. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. **1877.** II, (6), 166.

2012. Объ Аркадіи Алексѣевичѣ Столыпинѣ. Сообщ. кн. П. А. Вяземскимъ. **1893.** II, (6), 190—195.

2013. О бракѣ сына великаго Суворова. **1885.** II, 584.

2014. Суворовскій Прошка по кончинѣ своего барина. **1901.** II, (5), 134—136.

Библиотека "Руниверс"

2015. По поводу книги великаго князя Николая Михаиловича о гр. П. А. Строгановѣ. **1904**. I, (3), 502—511.

2016. Письма протоіерея Сырохнова къ Анастасію Братановскому. Сообщ. Платонъ Горючко. **1904**. II, (8), 598—602.

2017. О духовномъ союзѣ Е. Ф. Татариновой. Ю. В. Толстаго. XIX Вѣкъ. I, 220—234.

2018. Поѣ[illegible]ки Саввы Текели въ Рос[illegible]и. А. Попова. **1882**. 167—175.

2019. Письмо сенатора Теплова къ Александру Павловичу послѣ Тильзитскаго мира. Сообщ. С. А Петровскій. **1886**. II, (6), 165—169.

2020. Письмо В. Ѳ. Тимковскаго. Съ предисл. М. Л. Максимовича. **1871**. (12), 2118—2120.

2021. Поправка о гр. Ѳ. И. Толстомъ. **1873**. I, (6), 1102—1104.

2022. Загробное опроверженіе. Письмо гр. К. Ѳ. Толя къ Д. П. Бутурлину. **1873**. I, (3), 411—415.

2023. Докладная записка Д. П. Трощинскаго импер. Александру о скопцѣ Селивановѣ. Сообщ. протоіер. Н. Д. Извѣковымъ. **1900**. II, (8), 449.

2024. Письма И. П. Тургенева къ Д. П. Трощинскому. Сообщ. Н. Д. Извѣковымъ. **1900**. II, (8), 444—447.

2025. Journal tenu par la princesse Barbe Tourkestanow. Lettres adressées au comte et à la comtesse de Litta. **1884**. I, (2), 1—23. II, (3), 33—80. II, (4), 81—116.

2026. Письмо митропол. Филарета къ его родителю о построеніи храма Христа-Спасителю въ Москвѣ. **1882**. II, (3), 153—154.

2027. Письма Филарета, митр. Московскаго. **1868**. (1), 137—141. Къ А. А. Полторацкой, Д. Б. Мертваго и Варварѣ Марковнѣ Мертваго.

2028. Филаретъ подъ цензурою. Два письма его къ митр. Серафиму (съ отвѣтомъ). **1905**. I, (2), 306—311.

2029. Автобіографическое прошеніе (Александру Павловичу) ротмистра Николая Флячки-Карпинскаго. **1878**. I, (1), 81—102. Тамбовскій губернаторъ Лаптевъ. Сенаторъ Леонтьевъ. Разговоръ съ кн. А-емъ Куракинымъ. Ген.-прокуроръ Обольяниновъ.

2030. Отн[illegible]
по разсказу доктора Соколовскаго. Ф. Горбунова. **1870**. (4—5), 901.

2031. Письма Фотія къ брату и роднымъ. Сообщ. Е. Е. Добронравовою. **1871**. (1), 239—255.

2032. Письмо Фотія къ кн. А. Н. Голицыну. Сообщ. гр. Д. Н. Толстымъ. **1870**. (6), 1159—1162 и **1875**, III (12), 486—489.

2033. Письмо Фотія къ Д. А. Державиной объ А. И. Тургеневѣ. **1863**. 345—348.

2034. Изъ писемъ Фотія гр. А. А. Орловой-Чесменской. Сообщ. Д. Д. Благово. **1878**. II, (7), 292 - 300.

2035. Фотина Павловна.(Послушница). П. С. Казанскаго. **1870**. (4—5), 893—900.

2036. Замѣтка о Францѣ Ивановичѣ Цейерѣ. **1870**. (2), 518.

2037. Письма кн. П. Д. Цицianова и А. П. Тормасова къ кн. Нинѣ Георгіевнѣ Мингрельской. Сообщ. А. С. Хахановъ. **1899**. III, (6), 169 - 184.

2038. Записка кн. Адама Чарторыжскаго. Сообщ. гр. С. Г. Строгоновымъ. **1876**. I, (4), 418—436.

2039. Письмо кн. Адама Чарторыжскаго къ гр. Матусевичу, съ замѣткою Н. В. Сушкова. **1863**. (10—11), 866—879.

2040. Три письма кн. Адама Чарторыжскаго къ Н. Н. Новосильцову. Сообщ. Н. Я. Макаровымъ. **1875**. I, (3), 325—328 и **1884**, I (2), 280—282; см. III, 113 (6), 448.

Библиотека "Руниверс"

2041. А. И. Чернышевъ въ Парижѣ 1811 и 1812 (по книгѣ Вандаля). С. П. Бартенева. **1905.** Ш, (12), 477—487.

2042. Изъ замѣтокъ кн. П. А. Вяземскаго на письма адм. Чичагова къ Александру Павловичу. **1903.** II, (2), 287.

2043. Изъ переписки Шатобріана съ герцогиней Дюрасъ. **1899.** I, (2), 365—366. О Веронскомъ конгрессѣ и Александрѣ Павловичѣ.

2044. О командирѣ Семеновскаго полка Шварцѣ. А. Смирнова. **1903.** I, (2). 279—283.

2045. Гр. Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ. **1899.** Ш, (9), 24—38.

2046. Письма разныхъ лицъ къ гр. Н. П. Шереметеву. **1898.** I, (3), 425—438. Письма: Н. А. Львова, архіеп. Ѳеоктиста, Е. А. Кушелева, кн. П. Ю. Гагариной, кн. Н. Н. Трубецкого, А. Ѳ. Малиновскаго, Ѳ. А. Малиновскаго, Ювеналія Воейкова, Д. А. Олсуфьева, Д. Л. Похвиснева, А. Похвисневой, гр. П. В. Завадовскаго, Е. Г. Юрьевой, С. И. Муханова, А. А. Самборскаго, Д. А. Гурьева, кн. Е. Р. Дашковой, гр. Генріеты Разумовской, кн. А. Н. Голицына, А. Воейковой, Я. Вилье, Д. А. Олсуфьевой.

2047. Изъ бумагъ гр. Д. Н. Шереметева. **1898.** I, (3), 439—444.

2048. Дополненія къ „перепискѣ графа Н. П. Шереметева". **1896.** Ш, (12), 526—535. Письма гр. Палена и И. Б. Пестеля, гр. Н. П. Шереметева къ императору Павлу и кн. Куракину.—Записка гр. Н. П. Шереметева о своей должности.

2049. Бар. Штейнъ. (Изъ книги Life and Times of Stein by I. R. Seeley). **1880.** II, 426—466. Штейнъ въ Россіи. Арндтъ въ С.-Петербургѣ. Пожаръ Москвы. Аренштильдъ. Герцогъ Ольденбургскій. Гр. Н. П. Румянцовъ. Дювернуа.

2050. Письмо гр. Р. С. Эдлингъ къ гр. И. А. Каподистріи. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. **1801.** Ш, (11), 420—423.

2051. Изъ записной книжки „Русскаго Архива" Отъ В. Е. Энгельгарда. **1906.** Ш, (10), 320. Энгельгардъ и Александръ Павловичъ.

2052. Сектантъ Юшковъ. Е. В. Чешихина. **1888.** II, (2), 313—314.

Николай Павловичъ.

2053. Дѣтство и отрочество Николая Павловича. А. Н. Корсакова. **1896** II, (6), 278—290.

2054. Николай Павловичъ и Карамзинъ. Ихъ переписка. **1906.** I, (1), 122—127.

2055. Письмо Николая Павловича къ гр. Е. П. Потемкиной. 1872. (2), 425—426.

2056. Николай I-й въ Св. Синодѣ. Н. И. Григоровича. **1869.** (5), 739—752.

2057. Черта къ біографіи Николая Павловича. В. С. Арсеньева. **1905.** Ш, (11), 471—472. Изъ воспоминаній А. Я. Скарятина.

2058. Еще черта для характеристики императора Николая. М. В. Юзефовича. **1870.** (8—9), 1727—1728.

2059. Воспоминанія о Николаѣ Павловичѣ. Врача И. Соколова. **1886.** I, (2), 207—211.

2060. Николай Первый въ южной Бессарабіи. А. П. К. **1901.** II, (4), 638—645.

2061. Николай Павловичъ (Изъ разсказовъ бар. Ѳ. Ѳ. Торнау). **1881.** II, (3), 228—248. Ногайскій князь Тенбулатъ Карамурзинъ.

2062. Митроп. Платонъ о Николаѣ Павловичѣ. И. У. Палимпсестова. **1893.** I, (4), 435—439. Поправка. II, (6), 304.

2063. О Николаѣ Павловичѣ. А. Л. Зиссермана. **1896.** Ш, (12), 639—640.

Библиотека "Руниверс"

2064. Гизо о Николаѣ Павловичѣ и его отношеніяхъ къ Людовику Филиппу. Сообщ. А. А. Чумиковъ. **1880.** I, 480—489. Мезонъ.—Барантъ.—Герцогъ Орлеанскій.

2065. Маркизъ Кастельбажакъ о Николаѣ Павловичѣ. Сообщ. А. А. Ч(умиковъ). **1893.** II, (7), 421—426.

2066. Эпизодъ изъ жизни Николая Павловича. В. Шимана. **1901.** II, (8), 508—513.

2067. Николай Павловичъ. (Изъ воспоминаній В. Шимана). **1902.** I, (4), 459—475.

2068. Поправка. *** **1902.** II, 367—368.

2069. Изъ воспоминаній разныхъ лицъ о Николаѣ Павловичѣ. **1895.** II, (6), 179—187.

2070. Николай Павловичъ и Петербургскіе старообрядцы. **1884.** I, (1), 190—191.

2071. Спасеніе жизни Николая Павловича. Записка Н. И. Надеждина съ предисл. П. И. Мельникова. **1879.** I, (1), 140—141.

2072. Николай Павловичъ въ Вѣнѣ въ 1835 г. **1882.** I, (1), 198—205.

2073. Николай Павловичъ и Александра Ѳеодоровна въ Кусковѣ. **1901.** II, (2), 325.

2074. Письма Александры Ѳеодоровны къ В. А. Жуковскому. **1897.** I, (4), 493—512.

2275. Письма Николая Павловича къ гр. А. Х. Бенкендорфу. **1884.** I, (1), 181—189. Поправка къ 2-му письму. (2), 474.

2076. Изъ записокъ гр. А. Х. Бенкендорфа (о пребываніи Николая Павловича въ Чембарѣ съ предисл. бар. М. А. Корфа). **1865.** (2), 129—140.

2077. Инструкція Николая Павловича Козловскому (объ охранѣ Кавказа). **1904.** III, (9), 138—139.

2078. Письмо Николая Павловича къ сыну его вел. кн. Николаю Николаевичу. **1896.** I, (3), 401.

2079. Письмо Николая Павловича къ вел. княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Сообщено О. Н. Шереметевой. **1896.** I, (4), 605—606.

2080. Николай Павловичъ и Александра Ѳеодоровна въ Дипабургѣ. В. Шимана. **1902.** III, (6), 365—367.

2081. Первый проѣздъ Николая Павловича по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. В. Шимана. **1901.** III, (9), 120—124.

2082. Письма Николая Павловича къ гр. Ф. В. Сакену. **1884.** III, (6), 241—244.

2083. Письма Николая Павловича къ гр. П. А. Клейнмихелю. **1895.** I, (4), 461—464.

2084. Николай Павловичъ въ его письмахъ къ кн. Паскевичу. **1897.** I, (1), 5—44.

2085. Изъ преданій о Николаѣ Павловичѣ. **1892.** II, (8), 479—481.

2186. Поправки. **1892.** III, (12), 469—470.

2087. Ген.-ад. Дмитрій Мордвиновъ. О путешествіи Николая Павловича. **1880.** I, 499.

2088. Письмо несчастнаго отца къ Николаю Павловичу. **1894.** II, (5), 158.

2089. Анекдоты о Николаѣ Павловичѣ. **1884.** III, (5), 235. Слышано отъ М. Н. Галкина-Враскаго. **1896.** III, (12), 640.

2090. За Богомъ молитва не пропадаетъ. Сообщ. арх. Леонидъ. **1885.** I, (4), 638—640. Николай Павловичъ и крестьянка-мать.

2091. Николай Павловичъ, охранитель древности Русской. А. А. Мартынова. **1897.** II, (6), 336.

2092. Любознательность Николая Павловича. **1896.** II, (6), 292.

2093. Отмѣтки Николая Павловича на представляемыхъ ему бумагахъ Сообщ. К. П. Побѣдоносцевымъ. **1895.** II, (5), 28—29.

2094. Мнѣніе Николая Павловича о холерѣ. Л. Ѳ. Змѣева. **1888.** III, (10), 295.

2095. Объ императорѣ Николаѣ (По поводу памятника тысячелѣтію

Библиотека "Руниверс"

Россіи). М. В. Юзефовича. **1870.** (4—5), 999—1008.

2096. Рѣчь Николая Павловича Петербургскому дворянству. **1884.** III, (5), 181.

2097. Николай Павловичъ. Записка гр. А. Д. Блудовой. **1893.** I, (1), 89—96.

2098. Ночь съ 17-го на 18-е Февраля 1855 г. Разсказъ доктора Мандта. **1884.** I, 192—198.

2099. Докторъ Мандтъ о послѣднихъ недѣляхъ Николая Павловича. **1905.** II, (7), 479—480.

2100. Подробности о кончинѣ Николая Павловича. **1906.** III, (9), 143—145.

2101. Донесеніе слѣдственной комиссіи. **1881.** II, (4), 277.

2102. Четырнадцатое Декабря 1825 г. (Д. Н. Блудова). (Изъ прибавленія къ № 100 „Спб. Вѣдомостей" 1825 г.). **1881.** II, (4), 337—340.

2103. Четырнадцатое Декабря 1825 г. на площадяхъ Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской. Пармена Деменкова. **1877.** III, (11), 258—267.

2104. Къ сказаніямъ о Декабрьской смутѣ 1825 года. Д. В. Коломійцева. **1894.** I, (3), 453—455.

2105. Частное письмо о происшествіи 14 Декабря. А. Н. Оленина. **1869.** (4), 731—053.

2106. Элегія И. М. Муравьева-Апостола на Греческомъ языкѣ о 14 Декабря 1825, съ переложеніемъ въ Русскіе стихи Ѳ. И. Глинкою. **1886.** I, (2), 227—228.

2107. Нѣсколько замѣчаній по поводу книгъ и статей о событіи 14-го Декабря и Декабристахъ. П. Н. Свистунова. **1870.** (8—9), 1633—1668.

2108. 14-е Декабря. Изъ воспоминаній П. М. Голенищева-Кутузова-Толстого. **1882.** III, (6), 229—232.

2109. Разсказъ очевидца о 14 Декабря. **1899.** II, (6), 290—291.

2110. Декабристы. Сообщ. М. К. Соколовскій. **1905.** II, (6), 305—323. Письма кн. Оболенскаго-отца, атамана Иловайскаго. Поимка Кюхельбекера. Память о Пестелѣ въ Вятскомъ полку.

2111. Казнь Декабристовъ. Разсказы современниковъ. Н. Рамазанова. **1881.** II, (4), 341—346. Шницлера, Н. В. Путяты, В. И. Беркопфа.

2112. О состояніи Россіи при воцареніи Николая Павловича. Письмо бар. В. И. Штенгеля. Сообщ. К. П. Побѣдоносцевымъ. **1895.** I, (2), 161—176.

2113. Мнѣніе кн. И. А. Лобанова Ростовскаго (объ упрощеніи управленія въ Россіи). Сообщ. кн. Я. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ. **1871.** (11), 1914—1919.

2114. Донскіе атаманы за послѣдніе полвѣка. А. А. Карасева. **1899.** II, (5), 106—116. М. Г. Хомутовъ. П. Х. Граббе. А. Л. Потаповъ. М. И. Чертковъ. Н. А. Святополкъ-Мирскій.

2115. Замѣтка (о Московской присягѣ 1825 г.). С. Комовскаго. **1868.** (6), 1038—1040.

2116. О состояніи Русскаго войска въ 1825 г. (Изъ бумагъ гр. А. Х. Бенкендорфа). М. К. Соколовскаго. **1904.** III, (9), 82—86.

2117. Дарованіе правъ гвардіи ротѣ Черниговскаго полка. Приказъ ген. Воинова. Сообщ. М. К. Соколовскимъ. **1906.** II, (5), 126.

2118. Бунтъ Черниговскаго полка. Съ предисловіемъ М. Ѳ. Шугурова. **1871.** (1), 257—288. Изъ воспоминаній М. И. Муравьева-Апостола о бунтѣ Черниговскаго полка. **1871.** (1), 0229—0238.

2119. О бунтѣ Черниговскаго полка. Посмертная статья М. Ѳ. Шугурова (переписка вел. кн. Константина Павловича). **1902.** II, (6), 270—309.

2120. Разсказы С. П. Шипова. Записаны В. Д. Давыдовымъ. **1875.** III, (12), 421—422.

2121. Стихи Ѳ. Н. Глинки о бывшемъ Семеновскомъ полку. Сообщено

Библиотека "Руниверс"

В. Д. Давыдовымъ. **1875**. Ш, (12), 422—423.

2122. О Русской кавалеріи. Письмо гр. Г. И. Ностица къ бар. Жомини. **1897**. II, (5), 167—171.

2123. Наваринскій бой. В. К. Истомина съ приложеніемъ современныхъ бумагъ. **1877**, Ш, (11), 268—277.

2123. Наваринскій бой. М. П. Погодина. **1900**. III, (10), 161—189.

2124. Изъ воспоминаній о Турецкой кампаніи 1828 г. В. Епопкинъ. **1877**. Ш, (12), 411—413.

2125. Къ исторіи первой Турецкой войны при Николаѣ Павловичѣ. Изъ донесеній И. П. Липранди. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. **1877**. II, (8), 470—473.

2126. Первое взятіе Русскими войсками города Карса. Изъ Записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго. **1877**. I, (3), 315—351.

2127. Медаль на объявленіе войны Туркамъ (1828). А. А. Сиверса. **1901**. Ш, (12), 581.

2128. Персидское посольство въ Россіи 1829 г. (По бумагамъ гр. П. П. Сухтелена). Съ предисл. М. Розонова. **1889**. I, (2), 209—240.

2129. О чумномъ возмущеніи въ Севастополѣ. Протоіерей Софроній Гавриловъ, съ предисл. М. Ѳ. Шугурова. **1867**. (11), 1375—1384.

2130. Замѣтки о Польскомъ возстаніи 1830 г. И. Ульянова. **1867**. (5—6), 695—712.

2131. Поляки о Польшѣ. Теобальда (Роткирха). **1885**. Щ, (12), 548 552.

3132. Записки Н. В. Берга о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ 1831—1862. **1870**. (1), 201—268. (2), 431—502. (3), 631—674. (10), 1821—1928. **1871**. (3), 509—576. (12), 1985—2038. Ш, (3—4), 622—706. **1873**. II, (7), 1222—1317. (Поправка. **1873**. II, (12), послѣд. стр.).

2133. Заявленіе (по поводу „Записокъ о Польскихъ заговорахъ"). Сообщ. Н. В. Бергомъ. **1871**. (1), 181—182.

2134. Замѣтка (на Записки Н. В. Берга о послѣднемъ Польскомъ возстаніи) О. А. Пржецлавскаго. **1872**. (5), 1053—1055.

2135. Отвѣтъ на замѣтку О. А. Пржецлавскаго. Н. В. Берга. **1872**. (6), 1210—1213.

2136. По поводу „отвѣта" г. Берга на мои замѣчанія на его „Записки о Польскихъ заговорахъ". О. А. Пржецлавскаго. **1872**. (7 — 8), 1553—1576.

2137. Апологія гр. Ѳ. Ѳ. Берга отъ Польскихъ навѣтовъ. Матеріалы для исторіи. Теобальда (Роткирха). **1885**. Ш, (11), 433—442.

2138. Замѣтка о Польскомъ катихизисѣ. Н. Бицина (Н. М. Павлова). **1873**. I, (2), 200—203.

2139. Отвѣтное слово г. Пржецлавскому. М. В. Юзефовича. **1873**. I, (2), 0201—0218.

2140. Замѣчанія на нѣкоторыя мѣста Записокъ о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ. (Великаго князя Константина Николаевича). **1873**. II, (7), 01345—01348.

2141. Кн. П. А. Вяземскій о Россіи послѣ Польскаго мятежа въ 1831 г. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ. **1899**. I, (1), 181—183.

2142. На взятіе Варшавы. Стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева. **1879**. I, (3), 385—386.

2143. Обозрѣніе Кіевской, Подольской и Волынской губерній. 1838—1850 г. Д. Г. Бибикова. Сообщ. П. И. Саввантовымъ. **1884**. Ш, (5), 7—42.

2144. Изъ воспоминаній отца Іоанна Скульскаго на Волыни. Сообщ. Н. И. Стуковенковымъ. **1895**. Ш, (9), 91—99.

2145. Кавказъ Николаевскаго времени въ письмахъ Б. Г. Чиляева. Съ примѣч. Б. Л. Модзалевскаго. **1904**. I, (1), 115—174. Письма кн. И. Н. Абхазова, кн. Д. О. Бебутова, кн. В. О. Бебутова, кн. М. З. Аргутинскаго-Долгорукаго, С. Г. Стишинска-

Библиотека "Руниверс"

го, Е. М. Эспéхо, И. А. Прибиля, Ѳ. А. Юрьева. П. С. Котляревскаго, Л. Л. Альбрандта, Г. Е. Шварца, А. А. Колюбакиной, Н. П. Колюбакина, кн. М. С. Воронцова, кн. Л. И. Меликова, П. Е. Коцебу, Э. С. Андріевскаго, И. И. Гогеля, М. Е. Чиляева, кн. Г. Д. Орбеліани, Н. И. Лоренца, кн. С. Чавчавадзе, кн. И. К. Багратіонъ-Мухранскаго, Н. А. Грибоѣдовой.

2146. Къ исторіи покоренія Кавказа. Письмо Александра Марлинскаго. 1877. Ш, (9), 106—109.

2147. Къ исторіи покоренія Восточнаго Кавказа. Бар. А. П. Николаи. 1889. II, (8), 531—535.

2148. Нѣсколько словъ о покореніи Восточнаго Кавказа. А. Л. Зиссермана. 1889. Ш, (11), 415—420.

2149. Записка о Турціи, поданная гр. А. Х. Бенкендорфу въ 1833 г. Сообщ. кн. П. Г. Волконскій. 1895. Ш, (12), 417—422.

2150. Зимній походъ въ Хиву. По разсказамъ и запискамъ очевидцевъ. И. Захарьина. 1891. I, (4), 513—598.

2151. Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву. В. И. Даля. 1867 (3), 402—431. (4), 606—639. (Дополненіе В. И. Межова). (5—6), 991—992.

2152. Изъ писемъ къ издателю „Р. Архива“. Н. В. Ханикова (о Хивинскомъ походѣ). Г. Д. Щербачевъ (объ офицерѣ-героѣ Мецгерѣ). 1892. I, (1), 141—144. (Поправка. (2), 272).

2153. Гергебиль. (Бар. Ѳ. Ѳ. Торнау). 1881. II, (4). 425—470. Клуке и Аргутинскій. Д. В. Пассекъ, бар. Гиллеръ. Гр. Евдокимова, А. И. Нейгардтъ. Р. К. Фрейтагъ.

2154. Россія и Германія. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ издателю „Всеобщей Аугсбургской Газеты“, г. Кольбу. 1873. II, (10), 1993—2042.

2155. Два съ половиною года въ плѣну у Чеченцевъ. Иванъ Клингеръ. 1869. (6), 964—1006.

2156. Къ исторіи пріобрѣтенія Амура. Сношенія съ Китаемъ. 1848—1860 г. П. В. Шумахера. 1878. Ш, (11), 257—342. Гр. Несельроде. Миддендорфъ. Муравьевъ и Ахте. Л. Г. Сенявинъ. Полковн. Корсаковъ. Гр. Путятинъ. Перовскій. Будогоскій. Н. П. Игнатьевъ. Лихачевъ. Су-и-Жуй.

2157. Венгерская война. А. Алексѣенка. 1890. Ш, (10), 161—198. Сестры Пальсовичъ. Капит. Раковичъ. Императоръ Францъ-Іосифъ. Ген. Шликъ.

2158. Изъ воспоминаній о Венгерской кампаніи. Д. П. Солнцова XIX Вѣкъ. I, 256—281.

2159. Венгерскій походъ. Воспоминанія А. Л. Верниковскаго. 1885. II, (2), 510. 538. Прелатъ Рихтеръ. Гёргей кладетъ оружіе.

2160. Дѣло Венгерское. А. А. Карасева. 1895. II, (2), 265—275.

2161. Воспоминаніе 1849 г. (О Полякѣ-полковникѣ, погубившемъ Русскихъ солдатъ). 1877. Ш, (12) 441—442.

2162. Походныя замѣтки Н. А. Обнинскаго. Съ предисл. П. Н. Обнинскаго. 1891. Ш, (11), 329—412.

2163. Записки о войнѣ 1853—1856. Н. И. Ушакова. XIX Вѣкъ. II, 01—0242.

2164. Оборона Петропавловска. Изъ письма Е. С. Завойки съ прим. Ю. П. Бартенева. 1898. II, (7), 465—471.

2165. Оборона Петропавловска. Частное письмо 1901. II, (2), 326 337.

2166. Оборона Камчатки и Восточной Сибири. Сообщ. П. В. Шумахеръ. 1878. II, (8), 393—425.

2167. По поводу Записки г.-л. Рыжова о Балаклавскомъ сраженіи. С. Д. Кожухова. 1870. (8—9), 1668—1678.

2168. Зимній переходъ черезъ Кавказскія горы. А. В— въ. 1885.

Библиотека "Руниверс"

III, (11), 498—509. Кн. и кн. Воронцовы.

2169. Побѣда при Башкадиклярѣ. Письмо Э. В. Бриммера. Сообщ. В. Н. Максимовичемъ. **1904.** Ш, (9), 125—137.

2170. Сраженіе при Курюкъ - Дара. Н П. Поливанова. **1904.** Ш, (10), 275—293. Солдатъ Озорниковъ. Юнкеръ Шнаубертъ.

2171. Пѣсня Курюкъ-Дарскаго сраженія. **1904.** Ш, (10), 294.

2172. Даргинскій походъ. Бар. А. П. Николаи. **1890.** II, (6), 248—278.

2173. Изъ исторіи Крымской войны. (Перевозка казенной аптеки). Ѳ. Мильгофа. 1891. II, (8), 496—500.

2174. О бомбардированіи Одессы въ 1854 г. Княжны В. Н. Репниной. **1891.** Ш, (11) 113—418.

2175. „Холмъ чести". Изъ моихъ воспоминаній. М. Я. Ольшевскій. **1885.** III, (9), 85—88.

2176. На появленіе Англійскаго флота подъ Петербургомъ. (Стихи Ѳ. И. Тютчева). Сообщ. В. Я. Брюсовымъ. **1899.** III. (12), 609.

2177. Казацкая пѣсня въ память сраженія при Курюкъ-Дара. Гр. В. А. Сологуба. **1904.** III, (10), 294—295.

2178. Бомбардировка Таганрога. (Письмо дворового человѣка А. И. Скоркина къ Ф. Е. Мартынову), съ замѣткою М. И. Успенскаго. **1903.** III. (9), 83—86.

2179. Изъ личныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ. (Дѣло на Черной). Д. А. Столыпина. **1874.** I, (5), 1358 1368.

2180. Синопскій бой. **1878.** Ш, (11), 399—404.

2181. Изъ Записокъ Севастопольца. (Н. В. Берга). **1867.** (12), 1579—1637. Нахимовъ и Корниловъ.

2182. Письмо по поводу „Записокъ Севастопольца". Н. Краббе. **1868.** (4 – 5), 877—878.

2183. По поводу „Записокъ Севастопольца". **1868.** (3), 336.

2184. Еще о Севастополѣ. (Корниловъ и Тотлебенъ). В. Андреевъ. **1868.** (10), 1676—1680. По поводу книги Кинглека.

2185. Севастополь. Записки кн. В. И. Васильчикова. **1891.** II, (6). 167—256.

2186. О доблестномъ образѣ дѣйствій кн. М. Д. Горчакова. Кн. В. И. Васильчикова. **1874.** I, (6), 1520—1582.

2187. Илъ воспоминаній Севастопольца. Д. В. Ильинскаго. **1892.** III, (12), 447—464. **1893.** I, (1). 49—88. (3), 249—383. (4), 323—336.

2188. Летучія воспоминанія Севастопольца. Д. В. Ильинскаго. **1893.** II, (5), 23—32.

2189. Дѣло на Черной рѣчкѣ. М. Д. Горчаковъ. И. И. Красовскаго. **1864.** II. (7), 207—222.

2190. О томъ, кто послѣдній оставилъ Севастополь. **1875.** II, (6). 217—225. Письма Д. Е. Остенъ-Сакена къ И. И. Красовскому и кн. С. С. Урусова.

2191. Кто послѣдній оставилъ Севастополь. И. И. Красовскаго. **1875.** I, (3), 360—363.

2192. О статьѣ „Кто послѣдній оставилъ Севастополь"). Гр. П. Е. Коцебу. **1875.** I, (4), 478.

2193. Крымская война. Изъ дневника кн. Г. А. Долгорукаго. Сообщ. Н. Г. Малиновскою. **1900.** I, (3), 451—460. (Поправка. (4), 655).

2194. Конецъ геройской эпопеи. А. Н. Супонева. **1896.** III, (9), 78—87.

2195. Послѣ Крымской войны. А. Н. Супонева. **1897.** II, (5), 95—107.

2196. Изъ Кавказскихъ воспоминаній. А. Л. Зиссермана. **1896.** II, (2), 311—313. Но поводу воспоминаній А. Н. Супонева.

2197. Изъ стихотвореній въ Крымскую войну. Сообщ. Н. П. Поливановымъ изъ бумагъ А. С. Норова. **1882.** II, (3), 155—166.

2198. Стихотворенія во время Крымской войны. Сообщ. Александромъ Можаровскимъ. **1905.** II, (8), 535—542.

Библиотека "Руниверс"

2199. Сороковая годовщина Севастополя. А. Н. Супонева. **1895.** III, (11) 257—268.

2200. О размѣнѣ въ Одессѣ плѣнниковъ войны. Кн. А. В. Мещерскаго. **1899.** I, (3), 441—504. Кап. Монтегю. Адмир. Дундасъ. Гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ.

2201. Изъ Крымскихъ воспоминаній. С. Д. Кожухова. **1869.** (2). 381 026.

2202. Храмъ въ память Крымской войны въ Путивлѣ. А. Танкова. **1898.** I, (1), 97—99.

2203. Воззваніе вел. кн. Александра Александровича (о собираніи свѣдѣній касательно Севастопольской обороны). **1870.** (12), 2349—2352.

2204. Не очень давняя старина. **1881.** III, (6), 454—455. О мундирахъ въ праздничные дни.

2205. Случай скораго суда при Николаѣ Павловичѣ. І. У. Палимпсестова. **1888.** III, (12), 599—600. Поправка ***. **1889.** I, (1), 471—472.

2206. Объ учрежденіи Андреевскаго ордена. П. М. Майкова. **1898.** II, (8), 595—599. Письмо Д. Н. Блудова къ М. М. Сперанскому.

2207. Изъ бумагъ В. П. Барышникова. **1901.** II, (8), 568—575. Дибичъ кн. Д. В. Голицыну. Цинскій. Разговоръ Иннокентія съ Филаретомъ. Кн. Д. В. Голицынъ къ В. П. Барышникову.

2208. Переѣзды съ Александромъ Гумбольтомъ по Сибири. **1865.** (8), 1011—1030.

2209. Изъ бумагъ гр. М. Н. Муравьева-Виленскаго о Могилевской губерніи. Сообщ. С. М. Шереметевой. **1878.** II, (8), 499—512.

2210. Записка Булгакова о сформированіи Репнинымъ казачьихъ войскъ. Сообщ. княжной В. Н. Репниной. **1872.** (5), 853—965.

2211. Письма изъ Оренбурга В. З. Ворониной. Сообщ. Б. Н. Алмазовымъ. **1902.** II, (8), 643—660.

2212. О Полякахъ въ Оренбургѣ. И. С. Шукшинцева. **1902.** II, (8), 661—666.

2213. Воронцовскій „периплъ“ Чернаго моря. Съ предисл. А. Л. Зиссермана. **1894.** II, (6), 215—235. Гр. М. С. Воронцовъ. Гр. А. И. Чернышовъ къ М. М. Брискорну.

2214. Изъ депешей б. Баранта. **1896.** I, (1), 120—140. (2), 241—256. (3), 433—448. Карлъ X. Гр. Д. П. Татищевъ.

2215. Записка о Литовскихъ Татарахъ г . Х. Бенкендорфу. Сообщ. . С. Граве. **1893.** III, (10), 247—254. А. Х. Бенкендорфъ къ Д. В. Дашкову.

2216. Историографическія мелочи. Сообщ. М. К. Соколовскій. **1905.** I, (4), 692—695. Разрѣшеніе кн. П. Д. Салтыкову взять сына за границу. Ѳ. Ѳ. Бартоломей А. Ѳ. Львову.

2217. Бабъ и Бабиды. О. А. Баратынской. **1896.** II, (8), 595—596.

2218. Прибалтійскій край. Гр. Д. Н. Т(олстаго) - Знаменскаго. **1881.** III, (5), 85—112. Бар. Фиркъ. Гр. Л. А. Перовскій. Крузенштернъ.

2219. Изъ воспоминаній о Грузіи. Дѣло ген. Шварца. В. С. Толстаго. **1877.** II, (5), 37—41.

2220. Изъ воспоминаній В. С. Толстаго. Поѣздка въ Осетію. **1875.** II, (7), 265—268.

2221. Взглядъ на революціонное движеніе въ Европѣ. В. А. Абазы. **1887.** II, (5), 82—109. Меттерниxъ. Николай Павловичъ.

2222. Россія и революція. Записка Ѳ. И. Тютчева. **1873.** I, (5), 895—0931.

2223. Разсказъ П. М. Садовскаго о Французской революціи 1848 г. Сообщ. М. П. Садовскимъ. **1873.** I, (2), 155—158.

2224. Письма П. Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара къ Н. И. Надеждину. Съ предисл. Н. А. Попова. **1873.** II, (7), 1131—1221.

Библиотека "Руниверс"

2225. Отзывъ Русскаго старообрядца о Вѣнской революціи 1848 г. Письмо Павла Великодворскаго. **1875.** II, (5), 112—0114.

2226. Изъ жизни каторжныхъ Илгинскаго и Александровскаго заводовъ. И. В. Ефимова. **1900.** I, (1), 79—107. (2), 246—272. Лазарька. Довѣріе къ каторжнымъ. Осетинъ Тотурбекъ. Н. Н. Муравьевъ - Амурскій. Кацарупенко. О книгѣ А. П. Чехова.

2227. Русская и Англійская политика. Письмо В. А. Жуковскаго къ гр. И. Ѳ. Паскевичу. Сообщ. П. А. Ефремовымъ. **1878.** II, (8), 426—436.

2228. Полузабытыя черты недавней старины. **1876.** III. (10), 178—201. Кончина владыки Петра II Нѣгоша. Перо Нѣгошъ. Д. С. Левшинъ. Дѣла Черногорскія. Ковалевскій. Александръ Карагеоргіевичъ.

2229. Ле-Плѐ о Русскихъ помѣщичьихъ крестьянахъ при Николаѣ Павловичѣ. **1900.** I, (4), 643—644.

2230. Изъ памятной книжки В. А. Муханова. **1900.** I, (4), 595—642. Лекціи Филарета Шаля́. Балъ у Людовика-Наполеона. Изъ лекцій Бланки́ и Шевалье. Монталаберъ. Я. А. Дружининъ.

2231. Эпизодъ изъ крѣпостного права. Евгеній Деларю́. **1882.** II, (4), 231—240. Наталья Васильевна Свирская.

2232. Изъ жизни Русскихъ людей въ Римѣ въ 1853—1856 гг. М. И. Успенскаго. **1906.** III, (10), 302 304.

2233. Переселеніе Болгаръ въ Россію. Н. Лорана. **1897.** II, (6), 317—328. А. П. Озеровъ.

2234. Объ упраздненіи военныхъ поселеній въ Новороссіи. Изъ воспоминаній Д. А. Столыпина. **1874.** I, (3), 765—772.

2235. Къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ. **1887.** III,(10), 282—296.

2236. Наша Китайская миссія полвѣка назадъ. Письмо Аввакума Честнаго изъ Пекина въ Архангельскъ. **1884.** III, (5), 152—160.

2237. О возсоединеніи Греко - Уніятскаго духовенства и народа. Записка архіеп. Василія. Сообщ. Ю. В. Толстымъ. **1881.** II, (4), 380—387.

2238. Православные Латыши. Очеркъ Ю. Ѳ. Самарина. **1869.** (7—8), 1224—1361.

2239. О православіи на Востокѣ. Сообщ. А. Д. Свербеевымъ. **1878.** I, (1), 111—124.

2240. Записка И. С. Аксакова о Бессарабскихъ раскольникахъ. Съ предисл. С. Звѣрева. **1888.** III, (11), 434—451.

2241. Секта Радаева въ Нижегородской г. Ѳ. Кудринскаго. **1901.** I, (3), 513—516.

2242. Какъ прихожане искали себѣ батюшку. Н. И. Соловьева. **1899.** II, (6), 287—289.

2243. Россійское купечество на обѣдѣ у Николая Павловича. И. Н. Рыбникова. **1891.** III, (12), 563—569.

2244. Добыча золота въ Россіи. (В. А. Кокорева). **1882.** I, (2), 333—354.

2245. Къ исторіи торговыхъ сношеній Москвы съ Закавказьемъ (1841—1845). Д. Рязанова. **1892.** I, (1), 81—85. Поправка къ этой статьѣ. (2), 272.

2246. Къ исторіи нашей торговли съ Китаемъ. П. Галаховскаго. **1904.** III, 426—432.

2247. О Сибирской торговлѣ. Записка митроп. Иннокентія. Съ предисл. И. П. Барсукова. **1894.** I, (2), 202—208.

2248. Россія и Сербія въ концѣ Николаевскаго царствованія. Сообщ. А. П. Озеровымъ. **1878.** I, (3), 366—369.

2249. Бенкендорфовскіе „шалуны" (Черты изъ Николаевскаго времени). Л. Н. Трефолева. **1896.** II, (8), 583—594. Кн. Ливенъ. Дворянинъ Романовъ.

Библиотека "Руниверс"

колоколъ Тифлисскаго Сіонскаго собора. Передъ тѣмъ, какъ солдаты собрались нести его къ собору, подошелъ къ намѣстнику князю Воронцову литейщикъ, бородатый мужикъ, и просилъ освѣдомиться, нѣтъ ли между солдатами Евреевъ, такъ какъ, по его опыту, тутъ можетъ грозить бѣда. Князь не обратилъ вниманія на это предупрежденіе. Одинъ изъ солдатъ поскользнулся и былъ раздавленъ колоколомъ. Впечатлѣніе было страшное. Князь послалъ къ экзарху Исидору съ просьбой распорядиться о томъ, чтобы солдата погребли въ самомъ соборѣ, какъ жертву усердія ко храму Божіему; но солдатъ оказался Евреемъ. Другой трагическій случай неизвѣстенъ составителю „Исторіи Колоколовъ". Великимъ постомъ 1855 г., въ день присяги императору Александру Николаевичу въ Кремлѣ, съ колокольни Ивана Великаго оборвался одинъ изъ колоколовъ и задавилъ свыше десяти человѣкъ; ихъ перенесли въ Патріаршую Палату. Густая толпа народа смутилась, и намъ пришлось слышать немало зловѣщихъ толковъ.

Въ книжкѣ сообщается много любопытныхъ подробностей о литьѣ колоколовъ; оказывается, что примѣсь серебра не улучшаетъ колокольнаго звука, который находится въ зависимости отъ того, въ какомъ отношеніи поперечникъ съ вышиною и толщиною колокола, но ни чего не сказано о такъ называемой *дразнилкѣ*: это щепка, отбирающая къ себѣ соръ и нечистоты при отливкѣ (Погодинъ звалъ этимъ именемъ нашихъ библіографовъ). На стр. 47 сказано: „Можетъ быть, Новгородскій вѣчевой колоколъ перелитъ былъ въ Московскій набатный или вседолошной 1673 года. По указу царя Ѳеодора Алексѣевича, онъ сосланъ былъ въ 1683 г. въ Корельскій Николаевскій монастырь за то, что звономъ своимъ испугалъ царя"; а тутъ же приведена надпись отлитая на этомъ колоколѣ, въ которой значится, что колоколъ былъ „данъ къ морю, въ Никольскій Корельскій монастырь, за государское многолѣтнее здравіе". Замѣтимъ, что послѣдній вѣчевой колоколъ, созывавшій народъ для обсужденія городскихъ дѣлъ, снятъ былъ въ Волховѣ только въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія.

У насъ ударяютъ языкъ о колоколъ, а на Западѣ качаютъ колоколъ, и онъ ударяется объ языкъ, отчего сила удара много слабѣе нашего. Помнимъ, что въ Петербургѣ, во вторую половину царствованія Николая Павловича и позднѣе, колокольни звонили какъ-то застѣнчиво, и на Невскомъ (который служитъ наглядньмъ свидѣтельствомъ нашей вѣротерпимости) громкій звонъ раздавался только отъ Армяно-грегоріанской церкви. Увѣряютъ, что это ослабленіе колокольнаго звона было дѣломъ человѣкоугодія: чтобъ не пугать болѣзненную Государыню. Конечно императрица Александра Ѳеодоровна огорчилась бы, узнавъ о томъ, такъ какъ она отличалась живымъ православнымъ благочестіемъ, и въ ея спальнѣ находились портреты Филарета и Серафима Саровскаго.

Съ воцареніемъ Александра Александровича развязаны колокольные языки, а на церкви Аничкова дворца колокола звонятъ по старинѣ, музыкально.

Колокольный благовѣстъ зоветъ насъ къ молитвѣ о прощеніи нашихъ „невѣжествій", отъ которыхъ нынѣ страдаетъ Святая Русь. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907 года.

(Годъ 45-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1907 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 50 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Московскіе подписчики 1907 года, покупая вмѣстѣ и весь 1906 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

Библиотека "Руниверс"

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1908-МЪ ГОДУ НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907

11.

Стр.

407. Секретные ордера **Д. И. Чичерина** во время Пугачовщины.

498. Пять лѣтъ въ Россіи при Екатеринѣ Великой. Записки графа **Л. Ф. Сегюра**. (Окончаніе).

417. **Суворовъ**. Его своеручныя неизданныя рукописи: 1) Какъ проводить войскамъ дни Страстной недѣли и Св. Пасхи, 2) Приказы передъ Кинбурнскимъ боемъ.

421. Письмо **И. Ѳ. Паскевича** къ Н. М. Сипягину о взятіи Эривани.

423. Студенты Московскаго Университета въ былое время. (Воспоминанія **Н. Н. Калугина**).

230. Два письма Ю. Ѳ. Самарина къ С. П. Шевыреву.

433. Письмо **графини Е. В. Саліасъ** къ М. А. Максимовичу о кончинѣ Гоголя съ предисловіемъ **В. В. Данилова**.

442. Библіографія сочиненій **В. И. Вешнякова**.

Внутри сорочки: о Сказаніяхъ Рейтенфельса.

Приложены листы **Предметной Росписи** „Русскаго Архива“ за сорокъ пять лѣтъ изданія, 1863—1907 (царствованія Николая Павловича и Александра Николаевича).

Отдѣльныя книжки „Русскаго Архива“ *прежнихъ* (до 1906) годовъ можно получать по **пятидесяти** копѣекъ за книжку съ пересылкою 75 к. Прилагаемая нынѣ „Предметная Роспись“ даетъ возможность находить въ какой книжкѣ находится искомая статья.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1907.

Библиотека "Руниверс"

Яковъ Рейтенфельсъ. Сказанія о Московіи. Съ Латинскаго перевелъ Алексѣй Станкевичъ. Москва 1905—1907. Большая 8-ка, X и 228 стр.

Библіотекарь Историческаго Музея въ Москвѣ А. И. Станкевичъ оказалъ большую услугу нашему возрастающему знакомству съ до-Петровскою стариною. Послѣ превосходной книги Д. И. Иловайскаго о царствованіи Алексѣя Михаиловича, мы не знаемъ другого сочиненія, которое бы такъ живо и во многихъ отношеніяхъ такъ ново изображало намъ время, приготовившее Петра Великаго, какъ эта книга.

Неясно, кто Рейтенфельсъ родомъ, Полякъ или Нѣмецъ (на стр. 106-й онъ называетъ нѣкоего дворянина Адольфа Евершильда своимъ родственникомъ); но былъ онъ ревностный католикъ, усвоившій себѣ всѣ хитрые пріемы Іезуитства. Уже послѣ появленія его книги въ Русскомъ переводѣ, Пирлингъ нашелъ новыя о немъ показанія, которыя (въ Чтеніяхъ общ. Ист. и Др. 1907, кн. 1), свидѣтельствуютъ, что Рейтенфельсъ, прилежно изучая Россію, имѣлъ сокровенною цѣлью уловить наше правительство къ признанію Папы. Оттого напечаталъ онъ свою книгу о Россіи въ самомъ маломъ числѣ оттисковъ, и теперь книга эта чрезвычайно рѣдка. Какъ таковую, поднесъ ее книгопродавецъ Трюбнеръ Герцену, а тотъ подарилъ ее пишущему эти строки, и такимъ образомъ она поступила въ Чертковскую библіотеку, которою, вмѣстѣ съ другими библіотеками Историческаго Музея, нынѣ завѣдуетъ достопочтенный переводчикъ ея. Тщательно исполненный трудъ А. И. Станкевича (съ примѣчаніями и указателемъ) заслуживаетъ большой признательности отъ лицъ, занимающихся Русской исторіей. Переводъ читается легко именно потому, что переводившій, кромѣ отличнаго знанія обоихъ языковъ, близко знакомъ и съ предметомъ книги.

Уловитель душъ въ жертву „волку“, (какъ Іоаннъ Грозный назвалъ Папу въ бесѣдѣ съ Поссевиномъ) безсознательно оказалъ намъ услугу: наблюденія его за двухлѣтнее пребываніе въ Москвѣ въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михаиловича содержатъ въ себѣ много цѣннаго. Это обозрѣніе всей Русской исторіи и подробное описаніе народонаселенія.

Въ особенности любопытны черты бытовыя, изъ которыхъ нѣкоторыя сохранились до сихъ поръ. По словамъ его, простолюдины держатъ за щеками мелкую монету и зачастую, имѣя во рту сотню копѣекъ, разговариваютъ однако совершенно свободно. Упоминаніе его о поднесеніи царю въ даръ мѣстныхъ произведеній приводитъ на память старинный, сохранившійся до послѣдняго времени, обычай Галицкихъ Костромитянъ посылать къ царскому двору слоеный большой пирогъ съ боковинками ершей изъ Галицкаго озера, которое славится вкусомъ этой рыбы. Нынѣ, кажется, подобныя приношенія ограничиваются икрою съ Урала. Рейтенфельсъ разсказываетъ, что при совершеніи таинства крещенія младенцу, кромѣ стрижки волосъ

Библиотека "Руниверс"

ДВА СЕКРЕТНЫХЪ ОРДЕРА Д. И. ЧИЧЕРИНА, 1774 ГОДА *).

I.

По секрету.

Ордеръ.

Рапортъ вашъ отъ 19 сего Февраля подъ № 189-мъ я получилъ, при которомъ прислана женка Михаилова, которой за тѣ непристойныя и вредныя рѣчи наказаніе плетьми публично учинено и обратно отпущена. Февраля 24 числа 1774 году. Д. Чичеринъ.

II.

По секрету

Ордеръ.

Отъ генералъ порутчика, лейбгвардіи примеръ-маіора, Сибирскаго губернатора и кавалера Чичерина господину капитану и Верхотурскому комисару Борзову.

На рапортъ вашъ отъ 19-го ч. Февраля о еромонахѣ Гаѣ въ резолюцію предлагаю: получа сіе, имѣете онаго, яко разглашателя вредныхъ и возмутительныхъ рѣчей, безъ всякаго письменнаго требованія взять и заковавъ отправить ко мнѣ, да и впредъ въ такихъ важныхъ дѣлахъ поступать весма строго, не упуская ни малѣйшихъ случаевъ, кто бъ какова чина и состоянія ни былъ, сколь скоро доказано будетъ таковое зло, тотъ часъ брать подъ караулъ и отправлять ко мнѣ. Февраля 24 ч. 1774 году. Д. Чичеринъ.

---

*) Эти два ордера писаны въ самый разгаръ Пугачевщины. Подлинники хранятся въ Музеѣ П. И. Щукина въ Москвѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ РОССІИ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.

Записки графа Л. Ф. Сегюра *).

Не останавливаясь въ Константиноградѣ, Императрица проѣхала въ Полтаву, и здѣсь пребываніе ея ознаменовалось зрѣлищемъ, не менѣе блистательнымъ и любопытнымъ, чѣмъ прежнія, видѣнныя нами.

Полтава, небольшой городокъ, худо укрѣпленный и мало населенный, не представляя вниманію ни одного замѣчательнаго зданія или памятника, былъ бы только принятъ къ свѣдѣнію людьми учеными; но въ 1709 году блистательная побѣда и страшное пораженіе обратили на него вниманіе Европы и увѣковѣчили его имя. Равнина, окружающая городъ, превращенная въ поле сраженія, была свидѣтельницей рѣшенія судьбы Швеціи, Польши и Россіи. Тамъ палъ съ своей тріумфальной колесницы герой-опустошитель; и тамъ же, наконецъ, укрѣпился престолъ законодателя Россіи. Если бы Петръ не устоялъ, вся обширная имперія, быть можетъ, вернулась бы къ мраку варварства; но онъ побѣдилъ и, вскорѣ послѣ того, Россія возвысилась и стала на ряду съ самыми великими державами міра.

Въ этотъ знаменательный день оба доблестные монарха Сѣвера сражались одновременно, какъ генералы и какъ солдаты. Петръ Великій, по обыкновенію, дабы научить своихъ воиновъ, что, прежде чѣмъ командовать, нужно умѣть слушаться и выслуживать каждый чинъ съ бою, отдалъ командованіе своей арміей Бауеру. Флангами арміи командовали Меньшиковъ и Шереметевъ, а Царь служилъ подъ ихъ начальствомъ, какъ генералъ-маіоръ: съ жаромъ подвигаясь въ схваткѣ, онъ увидѣлъ, что мундиръ его пробитъ нѣсколькими пулями.

Карлъ, раненый въ началѣ дѣла, велѣлъ нести себя на носилкахъ, которыя разбило ядромъ; нѣсколько копій составили его новыя носилки,

---

*) См. выше, стр. 193.

Библиотека "Руниверс"

на которыхъ онъ продолжалъ долгое время презирать опасность отъ вражескихъ мечей и огня; такіе примѣры внушаютъ храбрость и твердость самымъ робкимъ солдатамъ.

Шведскій король окружилъ Полтаву двадцатью-семью тысячами человѣкъ. Тогда Петръ, укрѣплявшій въ то время Таганрогъ, поспѣшилъ сразиться съ нимъ во главѣ шестидесяти-тысячнаго войска.

Рѣка Ворскла раздѣляла Русскихъ отъ осаждавшихъ, лагерь которыхъ былъ укрѣпленъ редутами. Императоръ, ловкимъ маневромъ, сдѣлалъ видъ, что удаляется, перешелъ рѣку, окопался и затѣмъ неожиданно ринулся на Шведовъ.

Тогда эти взялись за оружіе, отбросили непріятеля и со свойственной имъ стремительностью атаковали Русскіе окопы.

Вотъ тутъ-то, благодаря чудесамъ храбрости съ обѣихъ сторонъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ было неизвѣстно, на чьей сторонѣ побѣда.

Наконецъ, численность войска взяла верхъ. Карлъ былъ обойденъ; будучи отбита, его кавалерія бросилась на свою же пѣхоту и привела ее въ безпорядокъ.

Герой Швеціи былъ принужденъ отступить передъ соперникомъ, котораго онъ такъ долго побѣждалъ и презиралъ. Отступленіе превратилось въ бѣгство; рѣзня была ужасная и окончилась полнымъ несчастіемъ. Карлъ, потерявъ большую часть своей арміи, своихъ министровъ, генераловъ, лучшихъ офицеровъ, артиллерію и обозъ, былъ принужденъ бѣжать и искать убѣжища въ Турціи.

Только что набросанный мною разсказъ сдѣлался для насъ, въ Полтавѣ, живымъ изображеніемъ, живой картиной съ движущимися фигурами, однимъ словомъ, почти дѣйствительностью. Мы увидали Русскую армію, раздѣленную на два отряда, изъ которыхъ одинъ занималъ Русскіе окопы, а другой—Шведскіе редуты. На глазахъ у Императрицы князь Потемкинъ заставилъ произвести съ большою стройностью, точностью и быстротою всѣ движенія, могущія намъ воскресить эту знаменитую битву, изображеніе которой представлено Императрицѣ.

Развертываніе четырехъ колоннъ кавалеріи, ихъ быстрая атака, жаркая и выдержанная пальба пѣхоты, въ то время какъ лѣвый флангъ дѣлалъ видъ, что атакуетъ рощу и огибаетъ правый флангъ непріятеля, все это не оставляло желать лучшаго въ смыслѣ правдивости изображенія.

Полтавское сраженіе явилось передъ нами въ живой, движущейся, одушевленной картинѣ, близкой къ дѣйствительности. Русская армія раздѣлилась на двѣ половины, изъ коихъ одна заняла Русскіе окопы, другая Шведскіе редуты. По распоряженію Потемкина, чрезвычайно со-

Библиотека "Руниверс"

гласно, отчетливо и скоро, передъ взорами Царицы произведены были всѣ тѣ маневры, какіе могли представить намъ подобіе этой рѣшительной битвы. Движеніе впередъ кавалеріи, развернувшей фронтъ изъ четырехъ колоннъ, стремительная атака, живой и сильный огонь пѣхоты въ то время, какъ лѣвое крыло вело фальшивую атаку на лѣсъ и обходило правый флангъ непріятеля, всѣмъ этимъ чрезвычайно вѣрно изображалось сраженіе.

Удовольствіемъ и гордостью горѣлъ взоръ Екатерины. Казалось, кровь Петра Великаго струилась въ ея жилахъ. Это величественное и великолѣпное зрѣлище достойно увѣнчало наше романическое и вмѣстѣ историческое путешествіе. Князь Потемкинъ поднесъ Императрицѣ чудесное жемчужное ожерелье; она осыпала его подарками и щедро раздавала чины и ордена генераламъ и офицерамъ. Ничто болѣе не задерживало Императрицу, и она выѣхала изъ Полтавы въ Харьковъ. Здѣсь Потемкинъ простился съ нею и уѣхалъ въ Кременчугъ съ порученіемъ ускорить приготовленія къ войнѣ, въ случаѣ невозможности сохранить миръ... Послѣ того мы проѣзжали богатыя и обильныя области, Курскую и Орловскую.

Курскъ, главный губернскій городъ, былъ богатъ и населенъ. Его перестроили по новому плану. Мѣстные жители показывали намъ Знаменскій монастырь, названный такъ въ память бѣгства чужеземной арміи, нѣкогда осаждавшей этотъ городъ. Легковѣріемъ Русскихъ это бѣгство было принято за чудо.

Въ Курскѣ насчитывалось двѣ тысячи домовъ, двѣ школы, изъ которыхъ одна для дѣтей дворянъ, а другая для дѣтей купцовъ и мѣщанъ; было нѣсколько кожевенныхъ заводовъ и нѣсколько фабрикъ. Городъ славится красотой выдѣлываемыхъ тамъ кожъ; онъ отправляетъ нѣкоторыя произведенія своей почвы въ Польшу и даже въ Преславль; наконецъ, Курскъ получаетъ изъ Сибири и даже изъ Кяхты, съ границы Китая, большое количество пушнаго товара. Татары, нѣкогда бывшіе властителями Россіи, напали на Курскъ даже въ семнадцатомъ вѣкѣ и подъ его стѣнами потеряли два большихъ сраженія.

Не доѣзжая Курска, мы видѣли города Бѣлгородъ и Обоянь, въ которыхъ замѣтны были быстрые успѣхи образованности. Прежде, между плохо построенными и дурно расположенными домами, взоръ изрѣдка останавливался на нѣсколькихъ церквахъ или монастыряхъ; нынѣ же Императрица воздвигла больницы, зданія присутственныхъ мѣстъ, школы. Я не замѣтилъ въ Курскѣ другихъ развалинъ кромѣ остатковъ крѣпости, ненужной съ тѣхъ поръ, какъ оружіе Екатерины расширило предѣлы имперіи... Изъ Курска Императрица отправилась въ Орелъ, гдѣ мы остановились. Здѣсь мы были еще въ 1097

Библиотека "Руниверс"

верстахъ отъ Петербурга и въ 369 верстахъ [1]) отъ Москвы. Екатерина украсила Орелъ изящными зданіями, назначенными для судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ. Орловское юношество доставило Императрицѣ пріятное развлеченіе: дѣти изъ знатнѣйшихъ семействъ сыграли передъ Государыней очень согласно и умно комедію, кажется, довольно забавную [2]). Хотя она была сочинена на случай, но въ ней не было слишкомъ приторныхъ похвалъ. Внутреннія области имперіи въ плодородной мѣстности, при дѣятельной торговлѣ и подъ благотворнымъ правленіемъ Екатерины, ежегодно обогащались болѣе и болѣе, и потому здѣсь похвалы были искренни: Императрицу встрѣчали, какъ мать; народъ, который она защищала отъ злоупотребленій господской власти, выражалъ восторгъ, внушенный ему единственно чувствомъ признательности.

На пути до Москвы мы не встрѣчали ничего замѣчательнѣе города Тулы, который можно бы почесть за одно изъ созданій Екатерины: такъ она его украсила. Большая часть деревянныхъ домовъ уже уступила мѣсто каменнымъ строеніямъ. Кромѣ другихъ заведеній, мудростью Императрицы воздвигнуты здѣсь воспитательный домъ и пріютъ для инвалидовъ. Тула издавна извѣстна производствомъ оружія, которымъ она снабжаетъ всю Русскую армію. Здѣсь дѣлаются также стальныя вещи, и эта отрасль промышленности, поощреніемъ Императрицы, доведена до такой степени совершенства, что смѣло можетъ соперничать съ Англійскими фабриками. Ея величество раздарила намъ произведенія Тульскихъ заводовъ, очень искусно выдѣланныя. Первый врачъ Императрицы г. Рожерсонъ получилъ отъ нея прекрасную шпагу; когда онъ мнѣ ее показалъ, я сказалъ ему: «Поздравляю васъ, докторъ, вы теперь имѣете новое сильное и вѣрное медицинское средство...» Онъ поморщился на мой комплиментъ, чего я никакъ не ожидалъ, потому что его громкая извѣстность казалась достаточною защитою отъ самыхъ злыхъ насмѣшекъ...

До прибытія въ Москву мы проѣхали черезъ незамѣчательные города Серпуховъ и Подольскъ. 4-го Іюля мы прибыли въ Коломенское, гдѣ есть хорошенькій загородный дворецъ, въ 2-хъ миляхъ отъ Москвы. Императрица отдыхала здѣсь три дня, потомъ переѣхала въ Московскій Кремль и передъ отъѣздомъ въ Петербургъ побывала еще въ Петровскомъ, въ двухъ верстахъ отъ Москвы, гдѣ тоже есть загородный дворецъ.

Въ эту послѣднюю поѣздку я имѣлъ съ Екатериною небольшой разговоръ, который считаю нужнымъ привести, потому что онъ въ

---

[1]) По тогдашнему счету.

[2]) „Солиманъ II“ и оперу „Ворожея“.

Библиотека "Руниверс"

нѣсколькихъ чертахъ изображаетъ пылкую душу этой необыкновенной женщины.

Я сидѣлъ у нея въ каретѣ съ Фитцъ-Гербертомъ. Мы были утомлены чрезвычайнымъ жаромъ, и разговоръ шелъ вяло. Екатерина заснула, или, по крайней мѣрѣ, намъ такъ показалось. Фитцъ-Гербертъ говорилъ со мною. Между прочимъ мы коснулись Американской войны и революціи, которая лишала Англію тринадцати цвѣтущихъ областей.

Фитцъ-Гербертъ увѣрялъ, что эта потеря болѣе выгодна, нежели убыточна для его отечества. Этотъ парадоксъ поразилъ меня. Но онъ поддерживалъ свое мнѣніе стойко и умно и силился доказать мнѣ, что Англія, освободившись отъ значительныхъ издержекъ, нужныхъ для управленія колоніею, вступитъ съ нею въ торговыя сношенія и легко извлечетъ изъ нихъ огромныя выгоды, достаточныя для вознагражденія за потерю лишнихъ владѣній. Мы долго спорили, и Императрица открыла глаза въ минуту, когда уже надо было выходить изъ кареты. На другой день, когда я былъ у нея вмѣстѣ съ Делилемъ, она сказала мнѣ: «Вчера у васъ съ Фитцъ-Гербертомъ былъ престранный разговоръ, и я не постигаю, какъ такой умный человѣкъ можетъ поддерживать такое странное мнѣніе». «Какъ, Государыня, вы слышали все, тогда какъ намъ казалось, что вы преспокойно почивали?« «Я нарочно не открывала глазъ, возразила она; мнѣ слишкомъ любопытно было выслушать продолженіе вашего разговора. Я не знаю, одного ли мнѣнія Англійскій король съ своимъ посланникомъ; что касается до меня, то я знаю, что если бы я потеряла невозвратно одну изъ тринадцати областей, которыхъ онъ лишился, то пустила бы себѣ пулю въ лобъ».

«Мнѣ кажется, Государыня, что вы заключили тайный договоръ со счастіемъ», сказалъ я.

«Я этого не знаю, вмѣшался съ живостью Делинь; но вѣрно то, что съ подобною твердостью души, которую толпа почла бы сумасбродствомъ, завоевываютъ чужія владѣнія и сохраняютъ свои собственныя».

Я не буду много говорить о Москвѣ. Это меня наводитъ на слишкомъ грустныя воспоминанія. Притомъ же тысячу разъ описывали эту огромную и славную столицу. Немного у насъ семействъ, гдѣ бы не нашлось вдова, покрытаго славою и ранами, и котораго разсказы не изобразили бы намъ дворцы, башни, храмы, избушки, поля, Кремль, Китай-городъ, золотыя главы церквей Москвы, представившихся нашимъ глазамъ въ странной совокупности дворцовъ и домовъ, какъ будто расположенныхъ среди окружающихъ ихъ деревень. Пламя разрушило большую часть строеній. Но съ тѣхъ поръ новый городъ возникъ изъ пепла, и нашимъ путешественникамъ придется посѣтить и описать его снова.

Библиотека "Руниверс"

Можно себѣ представить, какъ великолѣпны были празднества, устроенныя для Царицы многочисленнымъ, знатнымъ и богатымъ дворянствомъ. Но если скучно было участвовать въ нихъ, то еще скучнѣе ихъ описывать. Эти пышныя торжества всегда одни и тѣже. Скучные балы, незанимательныя зрѣлища, пышные стихи на случай, блистательные фейерверки, послѣ которыхъ остается только дымъ, много потерянаго времени, денегъ и силъ; всѣ это знаютъ, всѣ это говорятъ и будутъ говорить о подобныхъ торжествахъ, и, не смотря на то, они все таки будутъ устраиваться, и на нихъ будутъ стекаться толпою. Въ Москвѣ, впрочемъ, эти торжества были тогда настоящими праздниками для купцовъ и народа; потому что Императрица, желая достойнымъ образомъ ознаменовать двадцатипятилѣтіе своего царствованія, простила имъ часть податей, взносимыхъ ими въ казну.

Государыня дала мнѣ, равно какъ и всѣмъ спутникамъ своимъ, медаль, которую тогда велѣла выбить. На одной сторонѣ былъ профиль Екатерины, на другой карта ея путешествія. Русская надпись свидѣтельствуетъ, что свершилось двадцатипятилѣтіе ея царствованія и что она совершила путешествіе въ видахъ общественной пользы. Не смотря на мое равнодушіе къ этимъ празднествамъ, я однако не пройду молчаніемъ одного, даннаго въ честь Императрицы графомъ Шереметевымъ [1]), въ одномъ изъ его подмосковныхъ помѣстій [2]). Дорога туда была освѣщена блестящимъ образомъ. Огромный графскій садъ, насажденный съ большимъ искусствомъ, былъ освѣщенъ разноцвѣтными огнями. На прекрасномъ его театрѣ сыграли большую Русскую оперу [3]); всѣ, кто понималъ ея содержаніе, находили, что она была очень занимательна и хорошо написана. Я могъ только судить о музыкѣ и танцахъ, и меня удивило изящество мелодій, богатство нарядовъ, ловкость и легкость танцовщиковъ и танцовщицъ. Но болѣе всего меня поразило то, что авторъ словъ и музыки оперы, архитекторъ, построившій театръ, живописецъ, который его расписалъ, актеры и актрисы, кордебалетъ и самые музыканты оркестра, все были крѣпостные люди графа Шереметева. Этотъ помѣщикъ, одинъ изъ богатѣйшихъ въ Россіи, позаботился воспитать ихъ и обучить; ему обязаны они были своими талантами. Ужинъ былъ также роскошенъ, какъ представленіе; никогда я не видывалъ такого множества золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, столько фарфора, мрамора и порфира. Наконецъ (что̀ многимъ покажется невѣроятнымъ) весь хрусталь на столѣ на сто приборовъ былъ

[1]) Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, оберъ-камергеръ, род. 1713 г., ум. 1788 г.

[2]) Въ Кусковѣ.

[3]) „Самнитскіе браки“.

Библиотека "Руниверс"

изукрашенъ и осыпанъ дорогими каменьями, всѣхъ цвѣтовъ и родовъ и самой высокой цѣны.

Такъ-то Русскіе вельможи, лишь только вступили на путь просвѣщенія, какъ уже начали подражать патриціямъ Рима; въ то время въ Москвѣ можно было встрѣтить не одного Лукулла.

Екатерина въ свою очередь хотѣла дать въ Кремлѣ балы и торжества, которыхъ пышность соотвѣтствовала бы ея величію. Но все было отложено, когда она узнала, что въ нѣсколькихъ областяхъ имперіи губернаторы не исполнили ея распоряженій, не наполнивъ, согласно ея повелѣнію, хлѣбомъ запасныхъ магазиновъ, и что народъ страдаетъ отъ непредвидѣннаго, сильнаго неурожая. «Неприлично было бы явиться мнѣ среди увеселеній и празднествъ, когда мои подданные страдаютъ отъ бѣдствія, которое я бы должна была предотвратить», говорила Государыня. Я былъ при ней, когда ей донесли, что явился одинъ изъ губернаторовъ, обнаружившихъ оплошность. «Я надѣюсь, сказалъ графъ Безбородко, что ваше величество сдѣлаете ему публично строгій выговоръ, какъ онъ того заслуживаетъ». «Нѣтъ, отвѣчала Екатерина, это было бы для него слишкомъ унизительно; я дождусь, когда мы будемъ съ нимъ наединѣ, потому что я люблю хвалить и награждать во всеуслышаніе, а журить потихоньку».

Императрица, отдохнувъ нѣсколько дней въ Петровскомъ, отправилась въ С.-Петербургъ. 22-го Іюля мы прибыли въ Царское Село. Мы снова видѣли хорошенькій городокъ Тверь, Вышній-Волочокъ, Валдай и Новгородъ-Великій, нѣкогда знаменитую общину, владычицу Сѣвера, прославленную побѣдами и счастливую въ своей независимости....

Наконецъ кончилось это долгое и странное путешествіе, которое послѣдовательно представило намъ рядъ картинъ самыхъ разнообразныхъ и новыхъ. Простившись съ Императрицею, я возвратился въ С.-Петербургъ, чтобы снова заняться моими дипломатическими дѣлами, которыя на первыхъ порахъ показались мнѣ немного сухи и однообразны; я переходилъ отъ оживленной, разнообразной дѣятельности романа къ медленному, важному дѣлу. Покинувъ волшебную среду, я уже не могъ встрѣчать, какъ въ нашемъ торжественномъ и романическомъ поѣздѣ, на каждомъ шагу новые предметы: флоты, внезапно созданные, отряды казаковъ и Татаръ, являвшихся изъ нѣдръ Азіи, освѣщенныя дороги, горы въ огнѣ, волшебные замки, сады насажденные въ одну ночь, глухія дикія пещеры, храмы Діаны, прелестные гаремы, кочующія племена, верблюдовъ, бродящихъ въ пустынѣ, Валашскихъ господарей, свергнутыхъ съ престоловъ, Кавказскихъ князей, угнетенныхъ царей Грузіи, искавшихъ вниманія и покровительства Императрицы. Нужно было снова приняться за сухіе политическіе расчеты, диплома-

Библиотека "Руниверс"

тическія пренія, въ которыхъ часто на крохотныхъ и не очень вѣрныхъ вѣсахъ взвѣшиваются великіе міровые интересы, участь государствъ и кровь народовъ.

На Востокѣ меня занимали все тѣже обычныя дѣла, важныя сдѣлки, слаженныя мелкими происками, и тѣ методическія войны, которыя уже два вѣка тревожили міръ, не измѣняя его положенія. Но съ Запада получено было извѣстіе, видимо указывавшее мнѣ приближеніе одного изъ тѣхъ сильныхъ государственныхъ переворотовъ, которые совершенно измѣняютъ образъ мыслей, законы, права и связи человѣческихъ обществъ. Это былъ предметъ для размышленій, надеждъ и опасеній поважнѣе и глубже впечатлѣній, внушенныхъ мнѣ этимъ быстрымъ и блистательнымъ видѣніемъ Тавриды, этимъ отрывкомъ изъ «Тысячи и одной ночи», котораго очарованіе исчезло для меня такъ недавно.

Императрица, не менѣе меня разочарованная послѣ путешествія, въ началѣ своего пребыванія въ Царскомъ Селѣ заботилась о мѣрахъ, которыя нужно было принять, чтобы помочь народу, удрученному страшнымъ неурожаемъ. Въ богатѣйшихъ областяхъ имперіи не было хлѣба, и большая часть помѣщиковъ, не получая вовсе доходовъ, должны были кормить своихъ несчастныхъ крестьянъ. Это бѣдствіе и положеніе Австрійскаго императора, вынужденнаго послать войско въ возмущенные Нидерланды, охладили честолюбивыя мечты, возбужденныя Потемкинымъ въ умѣ Императрицы зрѣлищемъ ея прекрасной арміи и морскихъ силъ, собранныхъ на Севастопольскомъ рейдѣ. Императоръ прислалъ курьера съ депешами. Онъ извѣщалъ Императрицу о намѣреніи своемъ вызвать изъ Нидерландъ губернатора и своего министра и приказать штатамъ покориться и прислать къ нему депутацію. Онъ грозилъ употребить противъ нихъ военную силу, если они не согласятся на перемѣны въ управленіи, пользу и справедливость, которыхъ онъ надѣялся имъ доказать. Это извѣстіе еще болѣе удалило Русскихъ министровъ отъ побужденій къ войнѣ. Безбородко говорилъ мнѣ объ этомъ откровеннѣе, нежели когда-нибудь. Желая убѣдить меня, что онъ хочетъ еще большаго сближенія нашихъ дворовъ, онъ сказалъ мнѣ, что Лондонскій кабинетъ, думая мстить Голландіи и намъ, послалъ съ лордомъ Гаррисомъ значительную сумму штатгальтеру, чтобы поддержать его. Воронцовъ писалъ изъ Лондона, что тамъ хлопотали о прикрытіи этого дѣла, потому что курсъ упалъ по случаю высылки такой большой суммы денегъ. Судя по этому извѣщенію, болѣе или менѣе основательному, и подобнымъ же сообщеніямъ Кобенцеля явно оказывалось, что императоръ и Императрица хотѣли возбудить насъ противъ Англіи и заставить насъ дѣйствовать согласно съ ними. Пользуясь этимъ расположеніемъ, я старался убѣдить министровъ Русскихъ, что нужно из-

Библиотека "Руниверс"

мѣнить положенія послѣдняго договора относительно Молдавіи и Валахіи. «Вы всегда будете наканунѣ войны, говорилъ я имъ, если вы не опредѣлите точнѣе права обоюднаго покровительства Порты и Россіи надъ этими княжествами. Надо окончательно опредѣлить значеніе, различіе и границы этихъ правъ на покровительство или, лучше сказать, владычество надъ этими странами». Кромѣ того я просилъ, чтобы не затрудняли совѣщаній настойчивыми спорами о способахъ изложенія фирмана, который султанъ обязанъ былъ дать Ахалцыхскому пашѣ, и въ особенности, чтобы дѣйствовали прямо и оставили опасеніе о вторженіи со стороны Турокъ. «Ваши успѣхи въ переговорахъ и войнѣ, говорилъ я Русскимъ, лишили Турокъ возможности вести наступательную войну; но если вы ихъ очень стѣсните, то усилите этимъ ихъ средства къ защитѣ и сосредоточенію ихъ силъ». Всѣ эти разговоры кончались увѣреніями о мирѣ, выраженіями признательности за расположеніе короля, и я могъ убѣдиться, что въ то время Петербургскій кабинетъ искренно желалъ и ожидалъ успѣха отъ совѣщаній, начатыхъ въ Константинополѣ Шуазёлемъ, Булгаковымъ и Гербертомъ. Но воля превратилась въ слабое хотѣніе; было забыто, что только чистосердечіе и твердость составляютъ правоспособность правительства. Внутри страны и за предѣлами ея сопротивлялись вяло, уступки дѣлали неохотно и безъ достоинства; планы, нарушаемые тотчасъ по ихъ составленіи, не имѣли никакой послѣдовательности; тутъ-то страсти почуяли, что нѣтъ на нихъ больше узды. Управляемое кормчими неискусно и не предусмотрительно, государство было предоставлено на произволъ судьбы.

Въ Европѣ наши соперники перестали насъ бояться, а друзья не только перестали разсчитывать на насъ, но даже вообще считаться съ нами. Въ самой Франціи старые предразсудки сталкивались съ новыми началами. Мы попали на подводные камни, которые насъ и разбили.

Наконецъ въ той безднѣ, куда насъ влекло теченіе, мы увидѣли свое спасеніе и возрожденіе единственно въ революціи, ставшей неизбѣжною, въ революціи, вызванной всѣми, несмотря на почти всеобщее недовольство ею, въ революціи, которая, подобно Медеѣ, не могла насъ обновить иначе, какъ растерзавъ и затопивъ въ крови.

Въ краткомъ повѣствованіи я изложу печальный рядъ событій, предшествовавшихъ тѣмъ ужаснымъ толчкамъ, которые потрясли всю Европу и сотрясенія отъ которыхъ будутъ чувствоваться еще долгое время.

Я встрѣтилъ въ Петербургѣ Миранду. Онъ поссорился съ Испанскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, который хотѣлъ заставить его снять

Библиотека "Руниверс"

полковничій мундиръ или показать свои патенты. Императрицѣ очень хотѣлось, чтобы уладили этотъ споръ. Испанскій повѣренный показалъ мнѣ письмо довольно сухое, которое онъ написалъ этому воину, и отвѣтъ его. Послѣдній былъ не только неумѣстенъ, но грубъ и написанъ въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Я объяснилъ повѣренному, что такъ какъ дѣло дошло до личностей, то мнѣ нечего тутъ давать совѣты и вмѣшиваться; но черезъ нѣсколько дней онъ показалъ мнѣ формальное повелѣніе своего двора просить Императрицу выдать Миранду, какъ измѣнника, осужденнаго за политическія преступленія и измѣну. Я отказывался помогать ему въ его исканіяхъ, потому что въ этомъ случаѣ изгнаніе мнѣ казалось несправедливымъ и неполитичнымъ. Однако, я обѣщалъ ему прекратить всякія сношенія съ Мирандою, съ которымъ такъ часто видался въ Кіевѣ. Такъ какъ министры, чтобы понравиться Императрицѣ, оказывали уваженіе этому Испанцу, приглашали его на званые обѣды и принимали вмѣстѣ съ дипломатическимъ корпусомъ, то я имъ объявилъ, вмѣстѣ съ Неаполитанскимъ министромъ Серра-Капріола, что такое обращеніе съ человѣкомъ, обидѣвшимъ Испанскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, показываетъ пренебреженіе къ дворамъ Мадритскому, Неаполитанскому и Версальскому, и что наши съ ними сношенія могутъ отъ этого измѣниться. Это твердо высказанное мнѣніе сперва разсердило Императрицу. Ея флигель-адъютантъ Мамоновъ сблизился съ Мирандою, и Императрица это знала. Но, наконецъ, черезъ нѣсколько дней она успокоилась и посовѣтовала Мирандѣ уѣхать, одаривъ его щедрымъ образомъ. Онъ уѣхалъ. Въ послѣдствіи я видѣлъ его во Франціи. Онъ командовалъ лѣвымъ крыломъ нашей арміи подъ Нервинденомъ [1]), и нашъ генералъ Девалансъ (de Valence), раненый въ этомъ дѣлѣ, публично приписывалъ ему неуспѣхъ нашъ въ этомъ сраженіи, въ которомъ храбрость праваго крыла, неустрашимость Валанса, и блистательная отвага герцога Шартрскаго, нынѣ принца Орлеанскаго [2]), въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ готовили намъ побѣду. Въ 1806 году Миранда, осуществляя давнишнія свои предположенія, высадился въ Каракасѣ съ пятью стами Испанскихъ выходцевъ. Нѣсколько блистательныхъ подвиговъ дали ему, хотя и не надолго, диктаторство въ Венесуэлѣ. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ дѣятелей страшной революціи, которая освободила колоніи отъ Испанскаго владычества и послужила къ основанію республики Колумбіи. Но конецъ поприща Миранды былъ несчастный: послѣ безславной сдачи,

---

[1]) Подъ Нервинденомъ (Nerwinden), деревнею близъ Лувеня въ Бельгіи, въ 1793 г. Дюмурье былъ разбитъ Австрійцами подъ предводительствомъ принца Кобургскаго.

[2]) Лудовикъ-Филиппъ, впослѣдствіи король Французовъ.

Библиотека "Руниверс"

выданный врагамъ своими согражданами, онъ былъ отвезенъ въ Испанію и умеръ въ 1816 году въ тюрьмѣ, въ Кадиксѣ.

Дѣла приходили въ замѣшательство. Чтобы объяснить положеніе ихъ, надо обратиться къ исторіи. Нѣсколько разъ званіе штатгальтера Голландіи уничтожалось и возстановлялось, и наконецъ, въ 1748 году, стало наслѣдственнымъ въ лицѣ принца Оранскаго Вильгельма IV. Но не были утверждены границы между правительственною властію и правами народа. Власть пользовалась безграничными преимуществами; права же не были опредѣлены достаточными постановленіями, которыя утверждали бы народную независимость и въ тоже время удовлетворяли бы требованіямъ принца. Вильгельмъ V, женатый на сестрѣ Фридриха Вильгельма II, короля Прусскаго, не имѣлъ ни умѣренности, соглашающей разнородные интересы, ни твердости души, властвующей надъ умами. Въ немъ высказывались и слабость воли, вызывающая возмущенія и дающая имъ усилиться, и склонность къ мести, уничтожающая всякія средства къ уступкамъ и примиренію.

Однако, внимательно читая исторію страны, надъ которою онъ былъ поставленъ, онъ могъ бы ясно уразумѣть свое назначеніе, свой долгъ и свои настоящіе интересы. Въ другихъ странахъ происхожденіе и усиленіе власти правителя могли быть неопредѣленны и сомнительны; но въ Голландіи правитель долженъ былъ убѣдиться, что власть дана была его предшественникамъ для того, чтобы освободиться отъ Испанскаго ига и завоевать независимость страны. Стало быть, стоя во главѣ республиканскаго народа, гордаго своею независимостью, правитель обязанъ былъ имѣть въ виду одну цѣль: утвердить спокойствіе націи, поощрить ея торговлю и вселить уваженіе къ ея войскамъ. Таково было назначеніе штатгальтера. Вильгельмъ V упустилъ изъ виду эту цѣль. Исканіе славы могло бы внушить любовь къ нему; слишкомъ сильное стремленіе къ власти лишало его народной любви. Обстоятельства были въ его пользу. Поставленному между Англіею и Франціею, ему слѣдовало держаться строгаго нейтралитета и противиться лишь тому государству, которое хотѣло затронуть независимость или торговыя выгоды республики.

Тогда Англія открыто стремилась къ владычеству на моряхъ; Франція, напротивъ того, не могла внушить опасеній Голландцамъ. Стало быть, армія ихъ могла быть незначительна, между тѣмъ какъ нужно было увеличить морскую силу для того, чтобы Голландцы могли противостать Англичанамъ. Въ этомъ смыслѣ высказалось общее мнѣніе въ Голландіи. Штатгальтеръ не послушалъ его. Армія давала ему средства усилить его власть, и онъ занялся ею исключительно забывая про флотъ. Это заблужденіе, выгодное для Англіи, было ею поощряемо.

Библиотека "Руниверс"

Вильгельмъ V предался Лондонскому кабинету и сдѣлался ревностнымъ непріятелемъ Версальскому.

Между тѣмъ Голландцы все болѣе и болѣе расходились съ Англичанами и чувствовали нужду сблизиться съ Франціею, которая не только не была имъ опасна, какъ прежде, но желала имъ спокойствія и силы для опоры противъ Англіи. Когда возгорѣлась война между Франціею и Англіею, штаты рѣшили принять нейтральное положеніе; но Англійское правительство, вопреки народному праву, овладѣло нѣсколькими Голландскими судами. Оно разсчитывало на слабость и пристрастіе штатгальтера и не боялось отплаты; оно и не обманулось. Тогда штаты, подъ вліяніемъ негодованія, рѣшились обратиться къ Екатеринѣ II и просить ея защиты. Въ это время Императрица только что устроивала на Сѣверѣ союзъ для охраненія нейтральнаго флага отъ воюющихъ державъ. Штатгальтеръ не смѣлъ противиться, и къ сожалѣнію его и Англія, Голландія приступила къ акту вооруженнаго нейтралитета. Вслѣдъ за тѣмъ Лондонскій кабинетъ объявилъ войну республикѣ. Такимъ образомъ Вильгельмъ принужденъ былъ присоединиться къ Франціи, которую ненавидѣлъ, и стать противъ Англіи, на которую смотрѣлъ, какъ на опору своего правленія. Съ этой поры несправедливая досада повела его къ забвенію правилъ его предшественниковъ и къ бездѣйствію, въ которомъ враги его видѣли или указывали измѣну.

Люди пылкіе, умы недовольные, которые вездѣ, какъ буря, готовы разломать дурно управляемое судно, постарались превратить въ ненависть недовѣрчивость народа; они обвинили штатгальтера въ томъ, что онъ не собираетъ морскихъ силъ республики. Однако, несмотря на его нерѣшительность, два Голландскіе адмирала, Зутеманъ и Кинсбергъ, смѣло презирая инструкціи, соединились и побили Англичанъ у Даггерсбанка. Вильгельмъ дурно принялъ побѣдителей, а между тѣмъ это была единственная побѣда Голландцевъ во время этой войны. Англичане завладѣли нѣсколькими ихъ колоніями (которыя имъ возвращены были уже впослѣдствіи побѣдоноснымъ оружіемъ Франціи). Вмѣсто того, чтобы успокоить умы послѣ этой войны, Вильгельмъ возбуждалъ ихъ своими попытками дѣйствовать на выборы депутатовъ и судей. Онъ думалъ этимъ путемъ соединить въ себѣ и законодательную, и исполнительную власть. Его замыслы возбудили до крайности недовольство оппозиціи. Незначительный случай, пустой споръ за мѣста, подалъ поводъ къ распрѣ, которой уже ожидали съ обѣихъ сторонъ.

Скоро взялись за оружіе, и отъ возмущенія было недалеко до битвы. Нельзя было ожидать примиренія между партіями, изъ кото-

Библиотека "Руниверс"

рыхъ одна, казалось, хотѣла уничтожить свободу, а другая—самое достоинство штатгальтера. Принцъ имѣлъ за себя войско, а генеральные штаты могли ему противопоставить одну только милицію изъ гражданъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи они прибѣгли къ покровительству Людовика XVI, поддержавшаго ихъ прежде противъ Іосифа II и недавно заключившаго съ республикою дружественный договоръ. Нашему двору слѣдовало поддерживать штаты противъ штатгальтера, преданнаго Англіи. Дѣйствительно, кабинетъ нашъ обѣщалъ имъ содѣйствіе; но внутреннія безпокойства и плохое состояніе финансовъ помѣшали исполнить это обѣщаніе. Скорая помощь, конечно, прекратила бы распрю; но нерѣшительность съ нашей стороны отдала побѣду врагамъ, открыла тайну нашей немощи и послужила признакомъ того политическаго паденія, отъ котораго мы впослѣдствіи оправились только послѣ трудной, разрушительной революціи.

Англія, униженная послѣ отпаденія Америки, раздражалась тѣмъ, что мы умалили ея вліяніе въ Голландіи, Россіи и Австріи и боролись съ нею въ Берлинѣ и Константинополѣ. Положеніе Французской политики было тогда блистательно и славно; но Людовикъ XVI недолго могъ наслаждаться этимъ блескомъ. Лондонскій кабинетъ, быстро пользуясь обстоятельствами, умѣлъ искусными происками возбудить новаго Прусскаго короля Фридриха-Вильгельма противъ Голландіи и уговорилъ его отомстить за сестру свою, принцессу Оранскую, оскорбленную народомъ. Фридрихъ Вильгельмъ принялъ сторону штатгальтера; выждавъ нѣкоторое время и убѣдившись, что Франція еще не готова его встрѣтить, онъ ворвался во владѣнія республики, возстановилъ власть штатгальтера и возвратилъ Англіи ея вліяніе.

Напомнивъ въ немногихъ словахъ начало этого переворота, я передамъ впослѣдствіи, гдѣ будетъ нужно, нѣкоторыя подробности о неважныхъ происшествіяхъ, послужившихъ поводомъ къ большимъ перемѣнамъ, и о вліяніи ихъ на наше политическое положеніе.

Когда мы возвратились изъ Крыма, безпокойства въ Голландіи только еще начинались; но никто не могъ предвидѣть ихъ страшнаго исхода.

Дѣятельность и твердость Французскаго правительства во время Американской войны и благородныя мѣры принятыя имъ противъ Іосифа II, не давали возможности думать, что это же правительство въ такое короткое время сдѣлается слабымъ и потеряетъ свое значеніе, пріобрѣтенное блестящими успѣхами.

Одно только обстоятельство могло тогда внушить безпокойство: это было несогласіе, возникшее между Россіею и Портою. Но и на

Библиотека "Руниверс"

этотъ счетъ и имѣлъ основанія не тревожиться: затруднительныя для императора обстоятельства въ Брабантѣ, неурожай въ Россіи и мирныя увѣренія ея министровъ, наконецъ, успокоительныя депеши отъ графа Шуазёля и отъ Булгакова изъ Константинополя, все это подавало надежду на продолженіе мира. Однако я зналъ также, что великій визирь, слѣдуя внушеніямъ Прусскаго и Англійскаго министровъ, не соглашался съ Булгаковымъ и высокомѣрно отвѣчалъ на его предложенія. Но графъ Шуазёль надѣялся, что это затрудненіе устранится и что можно будетъ удалить визиря, котораго заблужденіе было гибельно для Порты.

Среди такихъ обстоятельствъ, не видя особенной нужды оставаться долѣе въ Россіи, я рѣшился воспользоваться отпускомъ, мнѣ даннымъ. Пріѣздъ въ Петербургъ кавалера Сенъ-Круа (Saint-Croix), посланнаго Монморенемъ для исправленія должности повѣреннаго въ дѣлахъ въ мое отсутствіе, ускорилъ мою рѣшимость. Поэтому, пятаго Сентября 1787 года я простился съ Императрицею и оставилъ Сенъ-Круа записку о положеніи нашихъ дѣлъ въ Россіи. Въ заключеніи этой записки я, нѣкоторымъ образомъ, представлялъ нашему правительству отчетъ о томъ, что происходило во время моего посольства, о моихъ стараніяхъ сдѣлать наше посредничество нужнымъ для Императрицы и полезнымъ для Порты и, наконецъ, на нѣсколькихъ страницахъ, представилъ краткій обзоръ нашихъ споровъ и соглашеній съ Русскимъ правительствомъ со времени вступленія Екатерины на престолъ.

Съ тою тревожною радостію, которую ощущаешь передъ свиданіемъ съ родиною и семействомъ послѣ долгой разлуки, я уже готовился къ отъѣзду, когда получилъ письмо отъ Императрицы. Она меня звала къ обѣду, хотя я уже простился съ нею, и просила меня отложить отъѣздъ мой на нѣсколько дней. Я явился на приглашеніе и, выходя изъ-за стола, послѣдовалъ за нею въ эрмитажъ. По окончаніи спектакля Императрица, отойдя со мною въ сторону, сказала мнѣ: «Знаете-ли вы, графъ, что я скоро, можетъ быть, нехотя буду вовлечена въ войну съ Турціею? Моему послу грозили Семибашеннымъ замкомъ, а это обычная выходка этихъ варваровъ, когда они хотятъ объявить войну».

«Я точно зналъ, отвѣчалъ я Государынѣ, что нѣкоторые изъ иностранныхъ министровъ давали враждебные совѣты Портѣ; но Шуазёль полагаетъ, что эта минутная непріязнь скоро разсѣется твердою и мудрою умѣренностію вашего величества и справедливыми предложеніями, которыя вы сдѣлали визирю; эти предложенія усердно поддерживаются императорскимъ интернунціемъ и нашимъ посломъ».

Библиотека "Руниверс"

«Правда, возразила Императрица, что г. Шуазёль старательно дѣйствуетъ въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ пишутъ, что онъ ужасно сердится на Турокъ, полагаетъ, что они сошли съ ума, и всячески хлопочетъ, чтобы привести ихъ въ разсудокъ».

Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы увѣрить Государыню въ искреннемъ расположеніи къ ней короля, который всегда готовъ употребить свое вліяніе на Порту, чтобы быть полезну видамъ Императрицы и содѣйствовать къ удовлетворенію ея жалобъ и сохраненію мира между обѣими державами. «Теперь, прибавилъ я, головы мусульманъ возбуждены опасными внушеніями Англійскаго и Прусскаго министровъ, завладѣвшихъ великимъ визиремъ, и покуда этотъ визирь не будетъ удаленъ, до тѣхъ поръ успѣхъ предложеній Булгакова, Шуазёля, и Герберта сомнителенъ».

«Это правда, сказала Государыня; но не довольно свергнуть визиря. Рейсъ-еффенди также дурно расположенъ къ намъ, какъ и тотъ. Они столько потратили на вооруженіе войскъ, что боятся вражды народа, который будетъ думать, что эти деньги пропали, если миръ еще будетъ длиться; поэтому я нисколько не удивляюсь, если первый курьеръ привезетъ мнѣ извѣстіе про объявленіе войны. Я ея не желаю, однако и не боюсь».

«Точно, ваше величество, отвѣчалъ я, нельзя навѣрно предвидѣть рѣшеніе такого правительства, какъ Турецкое. Но время теперь ужъ позднее, неудобное; можетъ быть, Турецкіе министры еще одумаются и убѣдятся, что глупо тратиться вновь для того только, чтобы оправдать прежнія траты. Если бы они, подобно мнѣ, видѣли войска и флотъ вашего величества, то не торопились бы воевать съ вами».

На другой день я видѣлся съ Русскими министрами. Они говорили: «Дивану надо совсѣмъ потерять голову для того, чтобы, перейдя отъ робости къ отвагѣ, объявить Россіи войну; вѣроятно, зима пройдетъ въ переговорахъ». Чтобы увѣрить меня въ искренности Императрицы, они прибавили: «Императрица, рѣшаясь доказать королю и Европѣ свое намѣреніе поддержать миръ, постарается забыть неумѣстное высокомѣріе въ дѣйствіяхъ Турокъ и дерзость, съ которою они назначили срокъ для удовлетворенія своихъ неосновательныхъ жалобъ; поэтому Булгакову приказано уступать вездѣ, гдѣ только это можно, не роняя достоинства имени Императрицы, и принять предложенія, сдѣланныя Шуазелёмъ для выгоды Турокъ и удаленія затрудненій».

Такимъ-то образомъ мы въ Петербургѣ хлопотали о средствахъ отвратить бурю, грозившую намъ уже четыре года. Но курьеръ, прибывшій двѣнадцатаго Сентября, разсѣялъ наши надежды и извѣстилъ насъ, что гроза уже разразилась, и именно съ той стороны, съ кото-

Библиотека "Руниверс"

рой ея наименѣе ожидали. Не Россія наступала на Турцію, а Турція напала на Россію. Наущенія Англіи и Пруссіи подѣйствовали. Султанъ приказалъ заключить Булгакова въ Семибашенный замокъ и объявилъ Императрицѣ войну.

Узнавъ объ этомъ происшествіи, я отложилъ свой отъѣздъ и послалъ курьера къ Монморену за новыми наставленіями. Я писалъ ему слѣдующее: «Дѣла усложнились болѣе, нежели мы могли ожидать. Пруссія и Англія бросили первую искру огня, который можетъ охватить всю Европу. Какъ ни нуженъ мнѣ былъ отпускъ, который я испросилъ и получилъ, но я имъ не воспользуюсь и считаю его недѣйствительнымъ. Я остаюсь при своей должности и буду радъ, если король приметъ этотъ знакъ моего усердія».

Изъ писемъ Шуазёля и депешъ Австрійскаго интернунція къ графу Кобенцелю я скоро узналъ обстоятельства этой внезапной перемѣны въ дѣйствіяхъ дивана. Никогда́ миръ не казался болѣе прочнымъ, какъ въ это время, и вдругъ Турки рѣшились объявить войну. Вѣрная своему слову, Императрица уполномочила Булгакова послѣдовать указаніямъ нашего посла; она дѣлала уступку по вопросу о фирманѣ Ахалцихскому пашѣ и довольствовалась обѣщаніями Турціи усмирить Закубанскихъ Татаръ. На неправое дѣло о Крымской соли и Запорожцахъ смотрѣли снисходительно. Правда, что отказались выдать Туркамъ Маврокордато; но за то и не требовали отъ нихъ выдачи Русскихъ плѣнныхъ. Порта получала вознагражденіе за убытки, причиненные ей консулами въ Архипелагѣ, съ условіемъ, чтобы она возвратила Русскія суда, захваченныя на ея Африканскомъ берегу. Вотъ чего мы съ Кобенцелемъ успѣли добиться у Императрицы. Курьеры должны были уже везти эти удовлетворительныя предложенія въ Константинополь, Версаль и Вѣну, когда курьеръ отъ Герберта извѣстилъ насъ о насильственномъ поступкѣ султана съ Русскимъ министромъ, вопреки предстательству Французскаго посланника и императорскаго интернунція, которые уговаривали Турецкое правительство дождаться отвѣта изъ Петербурга.

Вице-канцлеръ, передавая мнѣ, по приказанію Императрицы, это извѣстіе, выразилъ мнѣ ея живѣйшую признательность за посредничество моего двора въ этихъ обстоятельствахъ. Императрица изъявляла надежду, что король оцѣнитъ какъ ея старанія сохранить миръ, такъ и готовность, съ которой она соглашалась на всѣ мѣры, предложенныя королемъ для предупрежденія разрыва. Къ сожалѣнію, она принуждена была идти съ силою противъ силы; но, по крайней мѣрѣ, она успѣла доказать королю, что наступленіе сдѣлано не съ ея стороны. Графъ Безбородко, пригласивъ меня къ обѣду, повторилъ мнѣ тѣже увѣренія.

Библиотека "Руниверс"

Онъ говорилъ: «Тогда какъ мы сообща съ вами всячески старались сохранить миръ, министры Прусскій и Англійскій подрывали наши усилія своими кознями и пугали великаго визиря и рейсъ-эффенди личными для нихъ опасностями. Они указывали на нашъ торговый договоръ, какъ на дѣло оборонительнаго союза съ вами, на наши вооруженія на Югѣ, какъ на признакъ скораго нападенія. Наконецъ, они пользовались всѣми поводами, чтобы вовлечь Турокъ въ войну съ нами и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряли ихъ въ счастливомъ исходѣ ея, представляя имъ въ преувеличенномъ видѣ затруднительныя обстоятельства императора въ Брабантѣ и нашъ неурожай. Поэтому, къ нашему удивленію, только что Булгаковъ пріѣхалъ изъ Севастополя въ Константинополь, Порта, вмѣсто того, чтобы продолжать переговоры о спорныхъ пунктахъ, дерзко потребовала возвращенія Крыма, угрожая нашему министру заключеніемъ, если въ самый короткій срокъ не получится удовлетворительнаго отвѣта. Вы видите, что никогда нападеніе не было такъ явно и, не смотря на это, я теперь еще могу увѣрить васъ, что Императрица, хотя и обижена, однако не думаетъ о разрушеніи Оттоманской имперіи. Она хочетъ только удовлетворенія за нанесенную обиду; чтобы достигнуть этого она полагается на дружбу короля, и, если благодаря его посредничеству, Порта отвергнетъ злые совѣты, возвратитъ свободу Булгакону и извинится въ своемъ поступкѣ, то Государыня согласится возобновить переговоры на тѣхъ же основаніяхъ, какія предложены были до разрыва».

Не зная намѣреній короля въ случаѣ такого оборота дѣлъ, я отвѣчалъ только, что передамъ его величеству предложенія, мнѣ сдѣланныя, и увѣренія въ постоянномъ расположеніи Императрицы къ сохраненію мира. Я объявилъ графу, что остаюсь въ Петербургѣ, чтобы дождаться рѣшенія моего двора. Я сказалъ ему, что могу предвидѣть, какъ непріятно будетъ королю узнать о разрывѣ, который онъ такъ желалъ предупредить, и что онъ всегда будетъ готовъ употребить свои старанія для водворенія мира и прекращенія войны, которая можетъ сдѣлаться опасною для спокойствія Европы.

Ясно было, что Оттоманское правительство, обманутое дурными совѣтами, впало въ непонятное заблужденіе и подвергало себя безъ всякой нужды бѣдствіямъ, которыхъ могло бы избѣгнуть. Но надо также согласиться, что Англія и Пруссія никогда бы не успѣли такъ далеко увлечь невѣжественныхъ и высокомѣрныхъ мусульманъ, если бы Потемкинъ не напугалъ ихъ, а потомъ не разсердилъ пышною и безполезною выставкою военныхъ силъ, собранныхъ для обстановки торжественнаго поѣзда Императрицы, и тѣмъ, что предписалъ Булгакову дѣйствовать путемъ угрозъ. Впрочемъ, становилось ясно, что Англія,

Библиотека "Руниверс"

узнавъ о разстойствѣ нашихъ домашнихъ дѣлъ, сочла время удобнымъ, чтобы унизить насъ и возстановить свое вліяніе въ Европѣ. Поэтому она вездѣ старалась противупоставить намъ препятствія и враговъ. Она увѣрена была въ побѣдѣ въ томъ случаѣ, если наши плохіе финансы посѣятъ въ насъ робость, или если мы примемъ участіе во всеобщей войнѣ и тѣмъ умножимъ свои бѣдствія. Съ этою цѣлію, успѣвъ привлечь на свою сторону новаго Прусскаго короля, она поставила насъ въ затруднительное положеніе или разойтись съ Портою, если мы ея не поддержимъ, или разорвать нашу связь съ Россіею, если мы будемъ продолжать покровительствовать Туркамъ. Въ тоже время, по Голландскимъ дѣламъ, она насъ ставила въ необходимость или сопротивляться Пруссіи, за которую стояла, или оставить Голландію въ ея власти. Наконецъ, она навлекла на насъ непріязнь императора мыслью, что мы перестанемъ дѣйствовать съ нимъ за одно, между тѣмъ какъ кабинеты Лондонскій и Берлинскій сильно заподозрѣны были въ возбужденіи смутъ въ Брабантѣ. Наше положеніе становилось критическимъ. Пора было нашему двору сдѣлать рѣшительный шагъ. Дѣйствія энергическія и опредѣленныя, вѣроятно, обезоружили бы нашихъ враговъ, успокоили бы Голландію, сдержали бы Пруссію, угомонили бы Порту и направили бы за предѣлы государства то безпокойное движеніе умовъ, которое волновало тогда Францію и стремилось найти себѣ исходъ внѣ государства или произвести взрывъ внутри его. Тогда легко было заключить четвертной союзъ между нами, Испаніею и двумя императорскими дворами; выгоды ихъ клонились къ этому. Мысль объ этомъ пришла на умъ королю, равно какъ моему отцу и де-Кастри, но эти министры не удержались на своихъ мѣстахъ. Вліяніе новаго министра, архіепископа Тулузскаго [1]), повело наше правительство къ узкому взгляду на дѣло и ограничило нашу политику происками...

Война между Россіею и Турціею была объявлена; нужно было знать, какія мѣры приметъ каждая изъ Европейскихъ державъ. Образъ дѣйствій императора легко было предвидѣть: онѣ опредѣлялись нападеніемъ со стороны Турокъ и условіями договора его съ Императрицею. Іосифу II-му пришлось соединить свои силы съ Русскими. Англія возбудила Порту къ войнѣ единственно въ надеждѣ, что воюющія державы будутъ искать ея посредничества для примиренія, и что этимъ уничтожится наше вліяніе въ Константинополѣ и Петербургѣ. Намѣренія

[1]) Loménie, comte de Brienne, архіепископъ Тулузы и Санса (Sens), былъ въ 1789 году назначенъ государственнымъ контролеромъ (contrôleur général des finances) на мѣсто Калона.

Библиотека "Руниверс"

Пруссіи были менѣе извѣстны. Въ предыдущемъ году она лишилась геніальнаго монарха, давшаго ей и силу, и славу. Его племянникъ Фридрихъ-Вильгельмъ не успѣлъ еще показать, сумѣетъ ли онъ достойно поддержать тяжелую ношу, имя и наслѣдіе великаго человѣка. Можно было видѣть только, что вліяніе совѣтовъ Лондонскаго кабинета брало верхъ въ умѣ его надъ всѣми прочими. Министры его получили приказаніе дѣйствовать согласно съ Англійскими. Поэтому они тоже стремились подорвать въ Константинополѣ наши старанія о мирѣ и отрекались отъ своихъ дѣйствій въ Петербургѣ. Баронъ Келлеръ*) повторилъ увѣреніе, что его монархъ желаетъ Императрицѣ успѣха въ войнѣ. Она отвѣчала на это иронически, что «королю не трудно было бы доказать свое сочувствіе, честно исполнивъ условія прежняго союзнаго договора, срокъ котораго еще не истекъ». Извѣстно было напередъ, что Испанія, Неаполь, Данія и Сардинія сохранятъ строгій нейтралитетъ, сообразный съ ихъ положеніемъ и средствами На счетъ Швеціи никто не безпокоился: никто не могъ ожидать, что Густавъ III, съ 30.000 арміею, скоро нападетъ на Русскаго великана.

Петербургскому кабинету особенно нужно было узнать, будемъ мы за или противъ него, или останемся въ нейтралитетѣ. Желали нашего союза, но не разсчитывали на него, зная наши старинныя связи съ Портою. Разочарованіе на счетъ насъ еще не наступало: память объ успѣхахъ въ Америкѣ придавала еще вѣсу нашему могуществу. Но неопредѣленность нашихъ дѣйствій указывала на слабость ихъ. Наказы мнѣ данные не давали возможности ни внушать опасеніе Русскимъ министрамъ, ни обнадеживать ихъ. Мы даже не объявили нейтралитета, хотя, конечно, онъ былъ необходимъ, если мы хотѣли удержать за собою право на посредничество, сохранить наше вліяніе и отвратить сближеніе Англіи съ Россіею. Находясь въ такомъ ложномъ положеніи, я принужденъ былъ дѣйствовать крайне осторожно и не высказываться рѣшительно. Моя дѣятельность ограничивалась исполненіемъ приказанія слѣдить за поступками Императрицы и вліяніемъ, которое производили на ея политику смѣлыя дѣйствія Пруссіи и Англіи, умѣренность императора, вовлеченнаго въ войну противъ его желанія, и наконецъ трудно-объяснимая нерѣшительность нашего двора.

Я узналъ, что Англичане просили Русское правительство поддержать штатгальтера въ Голландіи и за это предлагали свое посредничество, чтобы принудить Турокъ къ миру, будто бы нарушенному, по ихъ забавнымъ увѣреніямъ, нами. Императрица слишкомъ недовольна была ихъ происками и потому не хотѣла принять эти предложенія.

*) Представитель Пруссіи въ Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

Однако они отчасти подѣйствовали, потому что черезъ нѣсколько дней послѣ того Безбородко и Морковъ упрекали меня за то, что я, еще будучи въ Кіевѣ, поощрялъ вооруженія Турокъ. «Вотъ откуда, говорили они, начались затрудненія, которыя, раздражая умы, содѣйствовали разрыву».

«Эти вооруженія, отвѣчалъ я, были чисто-оборонительныя и возбуждены были приготовленіями съ вашей стороны. Если уже нужно обращаться къ прошлому, то гораздо естественнѣе приписать враждебность Турціи страху отъ собранія вашихъ военныхъ силъ на Черномъ морѣ, отъ торжественнаго путешествія Императрицы, отъ рѣзкихъ выраженій Булгакова и той надписи, которую намъ показали въ Херсонѣ: *Здѣсь путь въ Византію*. И я не понимаю одного, прибавилъ я, какимъ образомъ совѣты Англіи и Пруссіи въ столь короткое время могли такъ внезапно взволновать Порту и превратить ея страхъ въ смѣлость».

Скоро узналъ я черезъ министровъ и черезъ депеши Герберта подробности этой неожиданной перемѣны. Султанъ былъ прежде расположенъ къ миру. Онъ хотѣлъ заняться дѣлами, присутствовалъ въ совѣтѣ и торопилъ ходъ переговоровъ. Вдругъ великій визирь пробуждаетъ въ немъ двѣ страсти, непреодолимыя для Турка: фанатизмъ, отуманивающій умъ, и страхъ, вовлекающій въ погибель. Августа 13, собравъ большой совѣтъ или мушавертъ, султанъ преписываетъ членамъ его хранить тайну и неосторожнымъ угрожаетъ карою. Вслѣдствіе совѣщанія, въ которомъ разсудокъ заглушенъ былъ гордостью, яростью и невѣжествомъ, Булгаковъ приглашается на совѣщаніе.

Интернунція встревожило это неожиданное приглашеніе; онъ спросилъ о поводѣ къ тому. Ему отвѣчали, что это до него не касается. «Не забудьте, сказалъ Гербертъ, что Булгаковъ представитель союзницы императора, и что выгоды обоихъ монарховъ одинаковы». «Олсунъ (пусть такъ), отвѣчалъ мусульманскій чиновникъ съ презрѣніемъ; только самъ великій визирь можетъ объяснить свои намѣренія». Тогда интернунцій обратился прямо къ великому визирю Юссуфъ-пашѣ и поѣхалъ къ нему. Но его не приняли и послали къ рейсъ-еффендію. Шуазёль дѣйствовалъ согласно съ интернунціемъ. Они написали въ рѣшительныхъ выраженіяхъ рейсъ-еффендію, который не удостоилъ ихъ отвѣтомъ, и имъ оставалось только протестовать противъ этихъ поступковъ, заявивъ о томъ, къ какимъ дурнымъ послѣдствіямъ они могли повести.

Булгаковъ одинъ отправился на аудіенцію. Великій визирь, послѣ сильныхъ упрековъ, предложилъ ему немедленно согласиться на возвращеніе Крыма. Для написанія отвѣта ему даже не дали съѣздить до-

Библиотека "Руниверс"

мой, а отвели только въ особую комнату. Русскій министръ, по долгу своему отказавшись исполнить такое несбыточное предложеніе, хотѣлъ удалиться. Но великій визирь напомнилъ ему, что прошлою зимою онъ грозилъ Турціи вторженіемъ 60,000 войска, собраннаго Потемкинымъ, и объявилъ, что теперь всѣ договоры уничтожены, и что султанъ рѣшился посадить его въ Семибашенный замокъ съ лицами его свиты, по его назначенію. Булгаковъ избралъ секретаря, трехъ драгомановъ и двухъ слугъ. Остальная свита возвратилась въ Перу. Порта назначила плѣнному министру содержаніе, офицера для услугъ ему, позволила взять свои мебели и пожитки и построила ему изящный кіоскъ, чтобы онъ могъ пользоваться воздухомъ.

Напрасно Шаузёль и Гербертъ вновь протестовали противъ этого нарушенія народнаго права. Ихъ хлопоты, настоянія и угрозы были безполезны. Булгакова повезли въ тюрьму на богато убранномъ конѣ, въ сопровожденіи многочисленнаго отряда солдатъ.

Вскорѣ послѣ этого удавили въ Родосѣ стараго Крымскаго хана Сагимъ-Гирея въ наказаніе за его потворство Россіи. Между тѣмъ въ Константинополѣ держали брата его Арслана; онъ былъ какимъ-то призракомъ хана и, покровительствуя ему, хотѣли поддержать надежды и храбрость Татаръ.

Турки, не слушая совѣтовъ нашего посланника, сдѣлали все, что только могло послужить къ ихъ осужденію. Ихъ манифестъ былъ безсмысленъ; вмѣсто того, чтобы выставить основательныя опасенія, они выставили поводомъ къ войнѣ небывалыя предложенія со стороны Россіи объ утвержденіи за нею Тавриды и Бессарабіи. Но первая была уже давно укрѣплена за нею договоромъ, а о второй никогда не было рѣчи. Наконецъ диванъ, чтобы напасть на Россію еще рѣшительнѣе, велѣлъ послѣ заключенія Булгакова, Турецкому флоту въ лиманѣ захватить Русскій фрегатъ *Скорый*. Этотъ фрегатъ, подкрѣпляемый бригомъ, отбился отъ Турокъ, прошелъ мимо флота, самъ нанесъ вредъ нѣсколькимъ Турецкимъ судамъ и невредимый вошелъ въ Севастопольскую гавань.

Съ одной стороны, сборъ множества войскъ, сформированныхъ Россіею въ теченіе восьми мѣсяцевъ, съ другой сила Турецкаго фанатизма предвѣщали скорую борьбу и быстрый ходъ дѣла. Но случилось не такъ. Турки потеряли много времени въ сборахъ войскъ, разсѣянныхъ по Малой Азіи, а чудакъ князь Потемкинъ также медлилъ идти на нихъ, какъ спѣшилъ ихъ раздражить. Сорокъ тысячъ было послано противъ Закубанскихъ Татаръ и горскихъ народовъ. Тридцать тысячъ защищали Крымъ. Сорокъ тысячъ расположено было на пространствѣ отъ Херсона до Буга. Князь-главнокомандующій назначилъ главною квартирою своею

Библиотека "Руниверс"

Елисаветградъ; онъ дождался резервовъ, ему назначенныхъ. Наконецъ Румянцевъ собралъ близъ Кіева 70,000 человѣкъ войска. Къ удивленію моему, я услышалъ отъ Императрицы, что во всю зиму армія будетъ въ оборонительномъ положеніи по случаю выступленія 380,000 Турокъ къ Бессарабіи.

Великій визирь уже утвердился въ Адріанополѣ. Порта поручила Мансуру призывать къ оружію всѣ Татарскія орды. Въ такихъ обстоятельствахъ Румянцевъ и Потемкинъ, забывъ свои несогласія, помирились. Князь сдѣлалъ первый шагъ, написалъ фельдмаршалу, что, какъ ученикъ его, проситъ его совѣтовъ и приказаній. Императрица обнародовала свой манифестъ. Онъ былъ написанъ благородно и умѣренно; глупость Турокъ сдѣлала составленіе его очень легкимъ.

Императрица съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстій о намѣреніяхъ Франціи. Наконецъ втораго Октября пріѣхалъ изъ Версаля курьеръ: онъ думалъ найти меня уже въ Вѣнѣ и привезъ мнѣ приказаніе возвратиться въ Петербургъ. Можно себѣ представить, какъ я былъ радъ, что не уѣхалъ и такимъ образомъ предугадалъ мысль моего правительства. Эта поспѣшность нашего министерства произвела на Русскій кабинетъ неожиданное дѣйствіе. Повѣрили тому, на что надѣялись, а надѣялись, что мы станемъ противъ Турокъ, которые пренебрегли нашими совѣтами и послушались Англіи. Но, къ сожалѣнію, дѣло было нетаково: наше правительство оставалось въ нерѣшимости и предписывало мнѣ молчаніе, которое должно было имѣть видъ благоразумія, но на самомъ дѣлѣ происходило отъ слабости. На всѣ вопросы я отвѣчалъ, что такъ какъ курьеръ выѣхалъ въ то время, когда король только что узналъ о заключеніи Булгакова, то и Монморень успѣлъ послать мнѣ только одно повелѣніе, предписывавшее мнѣ сообщить министрамъ Императрицы, что король былъ пораженъ при извѣстіи объ этомъ страпномъ поступкѣ и тотчасъ же послалъ Шуазёлю приказаніе выхлопотать свободу Булгакову.

Столь холодное сообщеніе удивило Императрицу. Она однако надѣялась еще, что козни Англіи и Пруссіи въ Турціи, въ Голландіи и даже въ Россіи, съ цѣлію уничтожить наше вліяніе, надоѣдятъ намъ и побудятъ насъ заключить союзъ для сопротивленія грозной стачкѣ, противъ насъ направленной.

Но такъ какъ нельзя же долго говорить съ людьми, которые рѣшились молчать, то Русскіе министры перестали вынуждать меня къ объясненіямъ. Поэтому, въ теченіе нѣкотораго времени, я заботился только о томъ, чтобы поддержать благоволеніе ко мнѣ Императрицы. Чаще, нежели когда нибудь, я былъ въ ея обществѣ. Она часто при-

Библиотека "Руниверс"

глашала меня къ обѣду и почти ежедневно дозволяла присутствовать на эрмитажныхъ спектакляхъ.

Видъ этого эрмитажа не совсѣмъ соотвѣтствовалъ его названію, потому что при входѣ въ него глаза поражались обширностью его залъ и галлерей, богатствомъ обстановки, множествомъ картинъ великихъ мастеровъ и пріятнымъ зимнимъ садомъ, гдѣ зелень, цвѣты и пѣніе птицъ, казалось, перенесли Итальянскую весну на снѣжный Сѣверъ. Избранная библіотека доказывала, что пустынникъ этихъ мѣстъ предпочитаетъ свѣтъ философіи монашескимъ упражненіямъ. Тамъ былъ и курсъ исторіи почти что въ лицахъ: полнѣйшее собраніе медалей всѣхъ народовъ и вѣковъ. Въ концѣ дворца находилась прекрасная театральная зала, въ маломъ видѣ устроенная на подобіе древняго театра въ Виченцѣ. Она была полукруглая, безъ ложъ, съ лѣстницею скамеекъ, расположенныхъ амфитеатромъ.

Два раза въ мѣсяцъ Императрица приглашала къ спектаклю дипломатическій корпусъ и особъ, имѣвшихъ входъ ко двору. Въ другіе дни число зрителей не превышало двѣнадцати. Обыкновенно приглашались великій князь съ супругою, флиг.-адъютантъ Мамоновъ, оберъ-шталмейстеръ, оберъ-камергеръ, графъ Строгановъ, вице-канцлеръ графъ Безбородко, князь Потемкинъ, его племянница графиня Скавронская, дѣвица Протасова, посланникъ графъ Кобенцель, Делинь и я. (Фитцъ-Гербертъ былъ тогда въ отсутствіи). Для моихъ политическихъ отношеній это было выгодно, потому что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ былъ бы мнѣ противникомъ опаснымъ по своему уму, ловкости и расположенію, которое снискалъ у Императрицы. Однако я жалѣлъ, что его не было, потому что искренно и нѣжно полюбилъ его.

Великій князь и великая княгиня рѣдко пользовались дозволеніемъ быть въ эрмитажѣ. Еще рѣже въ немъ появлялась княгиня Дашкова: ея рѣзкій и надменный нравъ удалялъ ее отъ Государыни. Эта гордая женщина была какъ бы ошибкою природы: она болѣе казалась мужчиною, чѣмъ женщиною. Преувеличивая участіе свое въ восшествіи Императрицы на престолъ она приписывала исключительно себѣ успѣхъ этого дѣла и хвасталась этимъ, когда ѣздила по Европѣ. Въ первую пору царствованія Государыни, въ безграничномъ своемъ честолюбіи, она хотѣла командовать гвардейскимъ полкомъ и, можетъ быть, думала о министерскомъ мѣстѣ. Но Екатерина II, не желая давать ей власти, какъ мнѣ говорилъ Потемкинъ, встрѣтила насмѣшкой эти неумѣстныя требованія и, назначивъ ей мѣсто, болѣе свойственное ея способностямъ, сдѣлала ее президентомъ основанной ею академіи *).

*) Т. е. Россійской; кромѣ того Дашкова была директоромъ Академіи Наукъ.

Библиотека "Руниверс"

По распоряженію Императрицы выписана была изъ Франціи хорошая труппа актеровъ. Она представляла соединеніе достойныхъ талантовъ: здѣсь былъ знаменитый актеръ Офренъ, нѣсколько извѣстныхъ композиторовъ и виртуозовъ, сперва Паезіелло, потомъ Чимароза, Сàрти, пѣвецъ Маркези и госпожа Тоди, которая услаждала пѣніемъ своимъ не Государыню, нечувствительную къ музыкѣ, но князя Потемкина и многихъ любителей. Екатерина II хотѣла познакомиться со всѣмъ нашимъ театромъ; каждый вечеръ играли какую нибудь пьесу Мольера или Реньяра. Трудно представить, въ какомъ затрудненіи были наши актеры въ началѣ, будучи принуждены играть на большомъ театрѣ, въ виду великолѣпнаго и свѣтлаго зала, но почти безъ зрителей или передъ десятью или двѣнадцатью человѣками. Аплодисменты, даже всеобщіе, были негромки и неободрительны.

Императрица упросила меня прочесть ей трагедію «Коріоланъ», которую я написалъ на кораблѣ во время переѣзда изъ Америки. Она была такъ снисходительна къ этому произведенію, что непремѣнно хотѣла поставить его на сцену. Какъ я ни противился этому, она настояла на своемъ. Я выпросилъ только, чтобы спектакль былъ данъ передъ маленькимъ кружкомъ Императрицы. Это мнѣ было обѣщано, и «Коріоланъ» былъ сыгранъ два или три раза передъ двѣнадцатью зрителями, между которыми не могло быть недоброжелателей. Одобреніе было единогласное, и авторъ вызванъ. Однако извѣстно, что при дворѣ обѣщанія даются легко, но нельзя на нихъ разчитывать. Меня обманули, но совершенно втайнѣ. Въ одинъ изъ Четверговъ меня, какъ и весь дипломатическій корпусъ и дворъ, приглашаютъ на большой эрмитажный спектакль. Являюсь. Императрица зоветъ меня къ себѣ и сажаетъ на скамью ниже себя. Подымается занавѣсъ, выходятъ актеры и, къ удивленію моему, я вижу, что даютъ мою пьесу. Никогда я не бывалъ въ подобномъ замѣшательствѣ; актеры играли отлично, и публика, въ слѣдъ за Императрицею, аплодировала усердно. Мнѣ было неловко; я молчалъ, неподвижный, какъ статуя и опустя глаза. Вдругъ Императрица, сидѣвшая за мною, беретъ одною рукою мою правую руку, другою—лѣвую и такимъ образомъ заставляетъ меня самого аплодировать. Послѣ этой любезной шутки надобно было придать себѣ бодрости и, по окончаніи пьесы, выслушать множество похвалъ, отъ которыхъ ради вѣжливости никто не могъ воздержаться. На другой день Императрица, [illegible] надъ моею робостью, стала расхваливать мою пьесу. Тогда я счелъ нужнымъ приняться самъ за критику и показать ея недостатки. «Я вамъ докажу, сказала Государыня съ тою любезностью, которая была такъ въ ней привлекательна, что вы заслужили эту похвалу если не за прекрасные стихи, которымъ я

Библиотека "Руниверс"

плохая цѣнительница, то по крайней мѣрѣ по благородству чувствъ и мыслей. Доказательство на это вотъ какое: вы знаете, что у меня ухо не создано для поэзіи, и однако вотъ стихи, которые я затвердила». И она мнѣ прочитала слѣдующіе:

Une honteuse paix n'est qu'un affront sanglant,
Que le peuple vaincu supporte en frémissant.
Elle aigrit son courroux; jamais il ne l'endure
Que le temps qu'il faut pour guérir sa blessure;
Il l'accepte par crainte, il la rompt sans remords,
Et les dieux qu'il parjure approuvent ses efforts.
Alors, des deux côtés, une fureur cruelle
Rend la guerre sanglante et la haine immortelle,
Porte l'épuisement, l'effroi, l'oppression,
L'esclavage, l'opprobre et la destruction.
Voilà les tristes fruits de toute paix honteuse.
Loi toujours sans effet, trêve toujours trompeuse *).

Ясно, что политическіе намеки пришлись по вкусу Императрицы и, при благосклонности ко мнѣ, возвысили въ ея глазахъ талантъ поэта-дипломата.

Изрѣдка Императрица насмѣшливою улыбкою спрашивала меня: получилъ ли я извѣстія изъ Франціи? Наконецъ, однажды она мнѣ объявила, что Прусскія войска вступили въ Голландію и, казалось, сильно опасалась, что наши войска не поспѣютъ во время, чтобы становить этотъ походъ.

Ея опасенія были вполнѣ основательны. Послѣ долгихъ совѣщаній въ Совѣтѣ короля, твердость министровъ военнаго и морскаго, казалось, побѣдила осторожную медлительность архіепископа Тулузскаго, назначеннаго тогда предсѣдателемъ совѣта финансовъ (chef du conseil des finances), и Людовикъ XVI, по природѣ храбрый, хотя и миролюбивый, рѣшился содѣйствовать Голландцамъ своею военною силою. Вслѣдствіе того онъ приказалъ отцу моему (военному министру) принять мѣры къ сосредоточенію арміи въ Живе́ (Givet) и предоставить ему смѣту суммъ, нужныхъ для ускоренія похода. Это скоро было исполнено. Но напрасно отецъ мой входилъ объ этомъ съ докладомъ

*) „Постыдный миръ—кровавая обида, которую побѣжденный народъ терпитъ негодуя. Его гнѣвъ распаляется, и онъ сноситъ его только, покуда излѣчиваются его раны. Онъ соглашается на него изъ страха, разрываетъ его безъ раскаянія, и боги, коихъ онъ заклинаетъ, одобряютъ его рѣшимость. Тогда съ обѣихъ сторонъ, при взаимной ярости, война становится жестокою и ненависть ненасытимою; онѣ приносятъ за собою изнеможеніе, ужасъ, угнетеніе, рабство, стыдъ и разрушеніе. Вотъ грустные плоды всякаго постыднаго мира: это законъ безъ дѣйствія, это мнимый отдыхъ". (Примѣчаніе донынѣ).

Библиотека "Руниверс"

при каждомъ собраніи Совѣта. Несмотря на содѣйствіе маршала Деластри, всякій разъ откладывали рѣшеніе, которое должно было дать ходъ дѣлу. Во Франціи и въ сосѣднихъ странахъ только и говорили тогда, что о движеніи Французской арміи; однако въ Живе все еще не появлялось знаменъ ея. Впослѣдствіи слышалъ я отъ отца моего анекдотъ, который можетъ объяснить эту непостижимую медлительность и научить писателей, изображающихъ міровыя событія, не зная дѣятелей ихъ и не видя ихъ за кулисами, какія ничтожныя причины иногда имѣютъ вліяніе на ходъ самыхъ важныхъ дѣлъ. Дебріеннь, архіепископъ Тулузскій, не имѣя достоинствъ ни почтеннаго прелата, ни государственнаго человѣка, обладалъ тѣмъ легкимъ, тонкимъ и подвижнымъ умомъ, который всегда даетъ успѣхъ въ обществѣ. Къ несчастію, въ то время блестящее и избранное общество, величающееся *высшимъ* или *лучшимъ*, раздавало извѣстность и значительныя мѣста. Оно было такъ легкомысленно, что не видѣло существеннаго за наружностью и не различало происковъ отъ политики, обманывалось призраками и любезность принимало за настоящее достоинство. Архіепископъ Тулузскій въ молодости былъ друженъ съ Тюргò и нѣкоторыми приверженцами системы экономистовъ, а потомъ отличился на провинціальномъ Лангедокскомъ собраніи своимъ краснорѣчіемъ, важностью и умѣренностью. Въ Парижскихъ гостиныхъ онъ отлично говорилъ о дѣлахъ съ людьми, которые ихъ не понимали, но воображали себя дѣловыми. Нѣсколько умныхъ женщинъ, каковы госпожи Тессé, Де-Бово, Монтессонъ составили извѣстность его административнымъ способностямъ. Друзья Неккера противопоставляли его Калонну. Въ собраніи государственныхъ чиновъ (notables) онъ снискалъ одобреніе духовенства, поддерживая его привилегіи и нѣкоторое время, сопротивляясь министерству, пользовался довѣріемъ нѣсколькихъ патріотовъ и даже Лафаета, котораго обманывалъ.

Съ другой стороны, несмотря на нерасположеніе короля къ первымъ министрамъ и въ особенности къ духовнымъ въ гражданскихъ должностяхъ, онъ надѣялся достигнуть цѣли черезъ одного пріятеля, аббата Дебермона. Нѣкогда онъ убѣдилъ Шуазёля послать этого аббата въ Вѣну для преподаванія Французскаго языка герцогинѣ Маріѣ Антуанеттѣ. Герцогиня, сдѣлавшись королевою, продолжала оказывать вниманіе къ аббату. Архіепископъ воспользовался его положеніемъ, и этотъ вѣрный приспѣшникъ безпрестанно восхвалялъ его въ бесѣдахъ съ королевою. Такими-то средствами онъ устранилъ всѣ препятствія своему честолюбію и вступилъ въ министерство, когда Калонъ побѣжденный парламентами и нотаблями, увидѣлъ, что его волшебный жезлъ разбитъ, и удалился. Затрудненія, возникающія вмѣстѣ съ вой-

Библиотека "Руниверс"

ною, казались министру финансовъ непреодолимыми, и онъ, не думая объ унизительной роли, которую онъ навязывалъ нашему двору, сталъ хлопотать только о томъ, какъ бы возможно долѣе отсрочить и расходы, и войну. Вотъ странный и даже забавный способъ, который онъ употребилъ для этого съ полнымъ успѣхомъ. Людовикъ XVI, по сочувствію своему къ достоинствимъ и добротѣ, очень любилъ министра Мальзерба, тогда призваннаго въ Совѣтъ. Мальзербъ, какъ большая часть великихъ людей, имѣлъ одну слабость, именно ужасно любилъ безъ умолку разсказывать анекдоты, которыхъ зналъ множество. Въ своихъ разсказахъ онъ плѣнялъ всѣхъ умомъ, добродушіемъ и тонкою насмѣшливостью. Когда онъ, бывало, начнетъ, то его не скоро остановишь, да никто изъ слушателей и не думалъ объ этомъ. Я уже сказалъ, что отецъ мой, ожидая рѣшенія и подписи по своему предложенію, докладывалъ о немъ въ каждомъ засѣданіи Совѣта; тогда Дебріенн ловко подстрекалъ Мальзебра запросомъ о какомъ-нибудь давнемъ происшествіи, имѣвшемъ сходство съ тогдашними, и разсказъ начинался. Напрасно маршалы пытались остановить его: король заслушивался. Разсказъ длился, время проходило. Было ужъ поздно, когда начиналось разсмотрѣніе дѣла, и оно отлагалось до слѣдующаго раза. Трудно повѣрить, что такимъ образомъ прошло четыре засѣданія, то-есть двѣ недѣли. Только что кончили разсужденіе о принятіи нужныхъ мѣръ, какъ узнали о быстромъ походѣ герцога Брауншвейгскаго, объ ужасѣ Голландцевъ, о неудачѣ князя Сальма, который предводительствовалъ ихъ войскомъ, и о занятіи ихъ городовъ и контръ-революціи, которая передавала республику во власть штатгальтера и Англіи. Можно судить, до какой степени неоснователенъ былъ страхъ архіепископа, если вспомнить, что̀ говорилъ герцогъ Брауншвейгскій почти публично: «Прусскій король, сказалъ онъ, боялся впутаться въ войну съ Франціею, которая могла бы возбудить противъ него Австрію, ея союзницу. Поэтому мнѣ предписана была особенная осторожность. Я послалъ двухъ офицеровъ моего штаба къ Живе. Если бы тамъ было войско, я бы остановился. Но такъ какъ тамъ не было ни одного знамени, ни одной палатки, то я поспѣшилъ походомъ, и Голландія была занята».

Остается только жалѣть, что насъ вовлекали въ такія ошибки. Прелатъ, бывшій причиною нашего униженія, былъ возведенъ въ санъ перваго министра, и маршалы, которые стояли за неприкосновенность нашей славы, подали въ отставку, не рѣшившись служить подъ начальствомъ архіепископа. Надо однако сказать правду, что, когда услышали о завоеваніи Голландіи вслѣдствіе непростительной медленности съ нашей стороны, Французская честь проснулась, и во дворцѣ

Библиотека "Руниверс"

раздались возгласы: «Къ оружію!» Хотя Англичане объявили, что вооружаются за штатгальтера, наши корабли были приготовлены, и Менморенъ запялся пріисканіемъ средствъ, чтобы мы могли противустать Англо-прусскому союзу. Было еще время, и все могло измѣниться. Война въ это время произвела бы счастливую диверсію, возстановила бы наше вліяне и вмѣстѣ съ тѣмъ дала бы внѣшній исходъ юношескимъ силамъ Франціи, которыя своею живостью усиливали въ ней волненіе умовъ.

Частнымъ образомъ, черезъ лицо, преданное Франціи, узналъ я, что Императрица болѣе и болѣе недовольна была Англичанами. «Невозможно, говорила она, чтобы Франція не приняла участія въ войнѣ, возбужденной Англіею и Пруссіею. Эти державы произвели смуты въ Брабантѣ и разрывъ въ Константинополѣ, съ цѣлью потревожить Австрію и отнять у Людовика XVI ея содѣйствіе. Но король можетъ разсѣять ихъ козни своею твердостью, и если онъ не будетъ раздражать Россію защитою Турокъ, то можетъ разсчитывать на мою дружбу и на помощь императора и Испанскаго короля».

Но лицо, которому были сказаны эти слова, отвѣчало, что Франція повредитъ своимъ торговымъ выгодамъ, если допуститъ разгромъ Турецкой имперіи. «Я и не предполагаю этого, возразила Императрица: если бы я хотѣла гибели Турціи, то слабая помощь Французскихъ судовъ, артиллеристовъ и инженеровъ не помѣшала бы мнѣ. Впрочемъ, пусть они остерегаются: стоитъ мнѣ захотѣть, и я тотчасъ привлеку на свою сторону Англію».

Я передалъ все это Монморену, равно какъ и рѣшительныя выраженія Англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ *). Онъ объявилъ Русскимъ министрамъ, что Англія немедленно начнетъ войну съ Франціею, если эта держава помѣшаетъ Прусакамъ въ ихъ дѣйствіяхъ, и что если Императрица, повѣривъ нашимъ клеветамъ на Англійскаго посланника въ Константинополѣ, будетъ такимъ образомъ сближаться съ Французами, давнишними союзниками Турокъ, и возстановлять противъ себя Англію, ея двадцатилѣтнюю союзницу: то Англія можетъ легко найти въ Швеціи тѣ торговыя выгоды, которыхъ лишится въ Россіи. Такъ какъ по этому случаю Императрица однажды сказала мнѣ, что Англичане стоятъ на своемъ и увѣряютъ, что они не давали Туркамъ враждебныхъ совѣтовъ, то я напомнилъ Государынѣ, что ея же министры въ Кіевѣ и Булгаковъ въ Херсонѣ открывали мнѣ съ доказательствами и подробностями замыслы Англо-прусскихъ клевретовъ противъ переговоровъ Шуазёля и Австрійскаго интернунція въ пользу мира.

*) Мѣсто Фитцъ-Герберта временно замѣнялъ Фразеръ.

Библиотека "Руниверс"

Я надѣялся, что эти извѣстія подстрекнутъ дѣятельность нашего министерства. Надежда моя, казалось, сбывалась: оно выходило изъ апатіи. Пріѣхалъ курьеръ съ давно ожиданными мною наказами. Въ нихъ все еще были какая-то нерѣшительность и мнительность, несоотвѣтствовавшія важности обстоятельствъ. Монморень, напоминая мнѣ давнишнія предубѣжденія Императрицы противъ Франціи и всегдашнее расположеніе къ Англіи, писалъ, что онъ не предполагаетъ, чтобы она хотѣла войти съ нами въ тѣсныя сношенія; что такимъ образомъ честь короля можетъ пострадать, если ему откажутъ, и тѣмъ увеличатся затрудненія нашего положенія и дерзость нашихъ враговъ. Но, не смотря на это, онъ предписывалъ мнѣ ловкимъ образомъ и не замѣпивая еще короля, дѣйствовать такъ, чтобы заключенъ былъ противъ Англіи и Пруссіи четвертной союзъ между Россіею, Испаніею и Франціею.

Желая дѣйствовать въ смыслѣ этой робкой политики нашего правительства, явно боявшагося зайти слишкомъ далеко, я воспользовался случаемъ сообщить Русскому правительству извѣстія графа Шуазёля, который упрекалъ Турокъ за ихъ нападенія. Я отправился къ графу Безбородку, тому изъ министровъ Императрицы, который болѣе другихъ пользовался ея довѣріемъ, и, поговоривъ съ нимъ о дѣлахъ Константинопольскихъ, о вступленіи герцога Брауншвейгскаго въ Голландію и о замѣшательствахъ, возбужденныхъ Пруссіею въ Брабантѣ, высказалъ ему мое собственное мнѣніе, что нужно наконецъ противудѣйствовать замысламъ кабинетовъ Лондонскаго и Берлинскаго, которые хотятъ посѣять раздоръ на Югѣ и на Сѣверѣ Европы.

«Ясно, что ихъ дѣйствія, говорилъ я, направлены противъ выгодъ Франціи въ Голландіи, противъ Австріи въ Нидерландахъ и противъ спокойствія Императрицы: ея вліяніе мѣшаетъ имъ, и они хотятъ лишить ее Крыма. Кажется, наступило время намъ соединиться и сблизиться, чтобы поддержать спокойствіе Европы, которое хотятъ нарушить эти честолюбивыя державы». «Я согласенъ съ вами, отвѣчалъ министръ; но имѣете ли вы основанія думать, что ваше правительство того же мнѣнія? Вотъ что намъ нужно знать прежде всего, прежде чѣмъ сообщатъ что нибудь Императрицѣ».

«Депеши, которыя я получилъ, сказалъ я, не заключая въ себѣ ничего положительнаго, выказываютъ однако желаніе короля узнать на этотъ счетъ мнѣніе ея величества. Но такъ какъ все это еще весьма неопредѣленно, то, кажется, ради достоинства обоихъ монарховъ, это дѣло надо пока держать въ тайнѣ. Поэтому я говорилъ о немъ только съ вице-канцлеромъ, а мысли свои сообщаю только вамъ, потому что,

Библиотека "Руниверс"

знаю вашу разсудительность, осторожность и какое довѣріе оказываетъ вамъ Императрица».

Хитрость и осторожность не долго удаются съ монархами высокаго ума, твердыми и рѣшительными. На другой день послѣ моего совѣщанія съ министромъ, когда я былъ въ эрмитажѣ, Императрица отвела меня въ сторону, въ конецъ галереи. Глаза ея блистали удовольствіемъ, отражавшимся во всѣхъ чертахъ лица ея. Она сказала мнѣ: «Вы вчера говорили съ графомъ Безбородкою. Все, что онъ мнѣ передалъ, мнѣ очень понравилось. Я вижу, что король угадываетъ настоящія средства для того, чтобы разрушить козни, которыя затѣваются противъ насъ. Я весьма расположена къ полезному съ нимъ союзу. Король, надѣюсь, можетъ разсчитывать на участіе Испаніи, а я совершенно полагаюсь въ этомъ случаѣ на императора. Въ 1756 году уже оказалась польза такого союза; тогдашній договоръ можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ новому. Стало быть, вы видите, что все зависитъ отъ вашего кабинета, и я рада буду, когда онъ возметъ верхъ надъ своими соперниками».

Послѣ того Государыня сообщила мнѣ, что ея войска одержали подъ Кинбурномъ побѣду надъ Турками, которые потеряли въ этомъ дѣлѣ пять тысячъ человѣкъ, что она ожидаетъ подробнаго донесенія отъ Потемкина и что императоръ собралъ уже свою армію и долженъ былъ идти на Бѣлградъ.

На слѣдующій день графъ Безбородко пригласилъ меня къ себѣ. Онъ былъ очень доволенъ намѣреніями Императрицы. «Кажется, говорилъ онъ, ей очень хочется, чтобы этотъ союзъ скрѣпился вашимъ посредничествомъ. Она такъ рѣшительно выразила желаніе скорѣе уладить это дѣло, что, по моему мнѣнію, теперь вамъ можно будетъ поговорить о немъ съ вице-канцлеромъ. Вы можете быть увѣрены, что ему предписана будетъ строжайшая тайна. Императоръ, вѣроятно, предупрежденъ о намѣреніяхъ вашего кабинета?»

Я отвѣчалъ ему, что это еще мнѣ неизвѣстно, что это только предположеніе, о которомъ, можетъ быть, король хотѣлъ знать мнѣніе Императрицы прежде чѣмъ сообщать о немъ своему союзнику. Но такъ какъ мнѣ приказано было довѣряться Кобенцелю, то я сообщилъ ему все подъ секретомъ, и хотя онъ еще не получилъ наставленій на этотъ счетъ, однако оказался не менѣе меня расположеннымъ къ заключенію этого важнаго дѣла.

Наконецъ я поѣхалъ къ вице-канцлеру, графу Остерману. Онъ не зналъ ни о чемъ, и предложенія мои удивили его. Онъ отвѣчалъ глухо, что сообщитъ объ этомъ немедленно Императрицѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ, видимо удивленный, отвѣчалъ мнѣ, что Императрица,

Библиотека "Руниверс"

сочувствуя желанію короля сблизиться съ нею, вскорѣ прикажетъ начать совѣщанія по этому предмету и желаетъ, чтобы наше правительство дало мнѣ полномочіе дѣйствовать и прислало начертаніе договора.

Я отвѣчалъ, что для скорѣйшаго хода дѣла, какъ мнѣ казалось, нужно было, чтобы Русское правительство сообщило мнѣ главнѣйшія статьи, которыя оно желаетъ начертать, но что, впрочемъ, я сообщу его предложенія нашему двору.

Вслѣдъ затѣмъ я послалъ курьера въ Версаль, считая себя счастливымъ, что въ такое короткое время успѣлъ подвинуть дѣло выше ожиданій короля и разсѣялъ сомнѣніе на счетъ союза съ Россіею, которая, казалось, сама не менѣе желала его. По всему видно было, что переговоры, такъ удачно начатые, при обоюдномъ желаніи успѣха, не представятъ затрудненій и кончатся прежде, нежели враждебныя державы успѣютъ узнать о нихъ и помѣшать. Между тѣмъ, къ удивленію моему, я узналъ что Прусскій министръ баронъ Келлеръ и Англійскій повѣренный въ дѣлахъ тоже отправили курьеровъ къ своимъ дворамъ, и въ такое еще время, когда къ тому не было особенныхъ поводовъ. Я не долго оставался въ невѣдѣніи. Старый Голландскій резидентъ, подъ благоразумною умѣренностью скрывавшій республиканскія чувства и, стало быть, противникъ штатгальтеру, Англіи и Пруссіи, явился ко мнѣ тайкомъ и сказалъ мнѣ: «Вы затѣваете четвертной союзъ, которому я желаю успѣха, и который конечно помѣшаетъ тѣмъ, кто возмутилъ мою родину».

Я сперва отвергалъ справедливость слуха. «Напрасно, говорилъ онъ: тайна ваша открыта, и я все знаю. Вотъ въ чемъ дѣло. Одинъ изъ чиновниковъ *) графа Остермана выдалъ васъ; черезъ него баронъ Келлеръ узналъ, въ какомъ положеніи дѣло, и тотчасъ же сообщилъ Англійскому повѣренному Фразеру. Оба они поспѣшили извѣстить объ этомъ свои кабинеты, и я даже могу вамъ передать содержаніе депеши Фразера, потому что она составлена со словъ Келлера, который, не зная моихъ мнѣній, показалъ мнѣ ее».

Я извѣстилъ объ этой продѣлкѣ Императрицу. Она очень разсердилась, и виновный чиновникъ былъ наказанъ и удаленъ со службы. Но наша тайна была открыта и черезъ три недѣли сдѣлалась извѣстна публикѣ. Я сначала не безпокоился, что эта публичность, разоблачивъ намѣренія нашего министерства, не дастъ ему возможности отступиться отъ нихъ. Впослѣдствіи окажется, что я еще не постигалъ тогда, до какой степени нерѣшительности доходили наши правители.

---

*) (Надо бы доискаться, кто этотъ чиновникъ; вѣроятно, Нѣмецъ).

Библиотека "Руниверс"

Судьба продолжала благопріятствовать оружію Екатерины. Государыня сообщила мнѣ о новой побѣдѣ надъ Турками на Кавказѣ, но къ ея сожалѣнію, въ тоже время она узнала, что въ дѣлѣ подъ Кинбурномъ найдены были между мусульманскими трупами три тѣла Французскихъ инженеровъ. На это я сказалъ: «Вамъ извѣстно, ваше величество, что они посланы были въ Очаковъ въ такое время, когда скорѣе ожидали нападенія со стороны Русскихъ, нежели со стороны Турокъ. Числа показываютъ, что они еще не успѣли получить приказанія возвратиться, которое имъ конечно было послано. Вамъ извѣстно также, что съ тѣхъ поръ отношенія измѣнились, и что теперь мы искренно желаемъ вамъ успѣховъ для скорѣйшаго возстановленія мира».

Она отвѣчала очень любезно и довольно громко, такъ что слова ея могли быть услышаны лицами, которыя воспользовались было этимъ случаемъ, чтобы возбудить ее противъ насъ. «Я увѣрена, графъ, сказала она, что вы искренни; вы не можете желать успѣха этимъ варварамъ и врагамъ моимъ. Я даже убѣждена, что, выражая ваше сочувствіе, вы столько же исполняете порученіе короля, сколько слѣдуете вашимъ собственнымъ побужденіямъ».

Послѣ этого Государыня заговорила со мною о сопротивленіи нашихъ парламентовъ, которые отказывались утверждать нѣкоторыя постановленія министровъ. «Я не могу понять, сказала она, какимъ образомъ въ такое критическое время, великодушная и просвѣщенная нація можетъ сопротивляться дѣйствіямъ монарха, который одушевленъ любовью къ народу, недавно окончилъ славную войну честнымъ миромъ, изъ участія къ своимъ подданнымъ рѣшается на жертвы и предпринимаетъ смѣлыя пробразованія».

Я отвѣчалъ, что это волненіе есть неизбѣжное слѣдствіе дѣятельности и образованности Французовъ, что часто народъ, при поспѣшномъ просвѣщеніи, увлекается своими сужденіями и страстями. «Впрочемъ я надѣюсь, прибавилъ я, что благоразумный государь сумѣетъ не только потушить волненіе, но даже воспользоваться имъ, чтобы разрушить замыслы людей, желающихъ возвыситься среди внутреннихъ смутъ».

«Повѣрьте, отвѣчала Государыня, одна только война можетъ измѣнить направленіе умовъ, согласить ихъ, дать страстямъ другую цѣль и возбудить прямой патріотизмъ. Эта необходимая война покуда еще не начинается. Однако я не полагаю, чтобы вы могли обойтись безъ нея. Пруссія и Англія васъ вызываютъ на борьбу, и я знаю, что Шведскій король явно склоняется на ихъ сторону».

Перемѣна въ нашемъ министерствѣ лично для меня была чувствительна. Я узналъ, что, послѣ разрыва Порты съ Россіею, принцъ Нас-

Библиотека "Руниверс"

сду выѣхалъ изъ Парижа, уполномоченный архіепископомъ Тулузскимъ отправился къ Потемкину и вступилъ съ нимъ въ тайные переговоры Я тотчасъ написалъ ему и осуждалъ его дѣйствія. Вслѣдъ за тѣмъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ оправданіемъ. «Сознаюсь въ моей винѣ, сказалъ онъ мнѣ: я на козни не мастеръ, и вы мнѣ открыли глаза. Я думалъ оказать вамъ услугу, дѣйствуя на Потемкина въ пользу заключенія союза, о которомъ вы здѣсь хлопочете. Я долженъ былъ догадаться, что Брієнь, поссорившись съ отцомъ вашимъ, вздумалъ употребить меня для того, чтобы лишить васъ чести устроить этотъ договоръ. Но довольно было одного вашего слова вашему сотоварищу по оружію, и вотъ я къ вашимъ услугамъ. Я не сдѣлаю ни шага, не скажу ни слова безъ вашего согласія».

Я узналъ его въ этихъ словахъ и расцаловалъ. Я предупредилъ его, что Государыня будетъ, вѣроятно, говорить ему о Французскихъ дѣлахъ и разспрашивать его, въ какомъ положеніи они были при его отъѣздѣ, и указалъ ему, о чемъ надо умолчать и что сказать. Онъ оправдалъ мою довѣрчивость благородствомъ и искренностью. Императрица, какъ я ожидалъ, объявила ему о предполагаемомъ нашемъ союзѣ и сказала, что, вопреки своему желанію, она не можетъ высказываться болѣе, не зная въ точности нашихъ намѣреній. «Какъ вы думаете, спрашивала она, исполнитъ ли Французское правительство свои предположенія?»

Его отвѣтъ былъ прямой; да онъ и не могъ допустить нерѣшительности и робости. Онъ увѣрилъ Императрицу, что мы рѣшились поддержать Голландію, такъ несправедливо притѣсненную Англіею и Пруссіею и, по моему совѣту, прибавилъ, что во Франціи особенно желаютъ, чтобы Государыня закрыла Англичанамъ свои порты. «Я не отказываюсь отъ этого, отвѣчала Императрица; но прежде, чѣмъ рѣшиться, нужно, чтобы моя эскадра, которая скоро будетъ готова, вошла въ Средиземное море». Объ всемъ этотъ я донесъ нашему двору и, не жалуясь на тайное порученіе, данное принцу Нассау, далъ однако понять архіепископу, что его мелкія козни не удались. Почти въ тоже время принцъ и принцесса Оранскіе извѣстили Императрицу объ успѣшномъ возстановленіи ихъ власти. Отвѣтъ Государыни, какъ мнѣ сказали, былъ сухой и даже слегка колкій.

Итакъ, во всѣхъ отношеніяхъ намѣренія Государыни могли придать мнѣ надежды и увѣренности. Нужно было только получить отъ двора моего болѣе ясныя и положительныя повелѣнія, и я наконецъ дождался ихъ. Курьеръ привезъ мнѣ депеши, которыя крайне меня удивили и лишили всякой надежды. Монморень, вмѣсто того, чтобы поздравлять меня съ успѣхомъ, упрекалъ меня въ строгихъ выраже-

Библиотека "Руниверс"

міяхъ за то, что я слишкомъ поспѣшилъ и зашелъ такъ далеко. Это было несправедливо: нисколько не удаляясь отъ того, что̀ мнѣ было приказано, я, въ силу предписанія, только выразилъ желаніе сблизить оба кабинета, и не моя была вина, что это предложеніе, сдѣланное въ то время, когда Англичане отваживались на дѣйствія самыя смѣлыя и опасныя, было хорошо принято Императрицею, и что она увидѣла въ немъ явное предложеніе союза. Не позволяя себѣ рѣшительнаго шага, я только былъ въ ожиданіи. Къ тому же, независимо отъ меня, принцъ Нассау, втайнѣ уполномоченный, говорилъ съ Потемкинымъ въ томъ же смыслѣ. Какихъ еще нужно было доказательствъ, что я не нарушилъ наставленій, мнѣ данныхъ? Впрочемъ все объяснилось. Финансовыя затрудненія и противодѣйствіе парламентовъ всѣмъ мѣрамъ, которыя предлагало министерство, чтобы выйти изъ бѣды, вотъ что охладило воинственный пылъ, на мгновеніе охватившій наше правительство. Страхъ побѣдилъ чувство вражды, и мы пошли на соглашеніе съ Англичанами, вслѣдствіе котораго прекратили наши вооруженія. Переговоры о предположеніи союза четырехъ державъ шли вяло, только для виду и, разумѣется, были совершенно безполезны для насъ.

Графъ Воронцовъ писалъ Государынѣ изъ Лондона, что Англія обманула архіепископа Тулузскаго, обѣщавъ ему за невмѣшательство въ Голландіи не препятствовать намъ дѣйствовать въ Турціи, т.-е. иначе уничтожить ваше вліяніе въ Вѣнѣ, Гагѣ, Берлинѣ и Петербургѣ; она дозволяла намъ предпринимать безполезныя попытки для защиты Турокъ, которыхъ защитить не было возможности. Грустно было мнѣ узнать объ этой слабости нашего правительства и побѣдѣ нашихъ соперниковъ. Всѣ мои надежды исчезли, и съ той поры я увидѣлъ ту пропасть, въ которую безсильные совѣты и неудержимыя страсти должны были вовлечь мое отечество и моего монарха. Я принужденъ былъ скрывать эти тяжелыя предчувствія и принять на себя спокойный видъ, несогласный съ моимъ внутреннимъ состояніемъ. Однажды, на спектаклѣ въ эрмитажѣ, я во время собранія старался скрыть свою грусть, чтобы не доставить удовольствія другимъ, т.-е. министрамъ Прусскому, Голландскому, Португальскому и даже Шведскому. Но когда началось представленіе, я задумался и предался невольно самымъ мрачнымъ мыслямъ. Я былъ весь погруженъ въ думу, какъ вдругъ услышалъ голосъ подъ самымъ ухомъ. Это былъ голосъ Императрицы, которая, склонившись ко мнѣ, говорила мнѣ тихо: «Зачѣмъ грустить? Къ чему ведутъ эти мрачныя мысли? Что̀ вы дѣлаете? Подумайте, вѣдь вамъ не въ чемъ упрекать себя!»

Умная, любезная и проницательная Государыня угадала мои мысли. Впрочемъ, такъ какъ она была также высока умомъ, какъ тверда

Библиотека "Руниверс"

душою, то долго еще думала, что слабость нашего правительства не есть зло неисправимое. Австрійскій посланникъ поддерживалъ въ ней эту мысль. Онъ получилъ отъ своего двора приказаніе всячески мѣшать сближенію Англіи съ Россіею и ускорить переговоры о союзѣ четырехъ державъ. Разумѣется, надо было полагать, что Іосифъ II, дѣйствуя такимъ образомъ, навѣрное зналъ намѣренія своей сестры и Французскаго короля, своего зятя и союзника... *)

Печально было положеніе Франціи, когда я получилъ упрекъ въ поспѣшности предложеній моихъ о четвертномъ союзѣ, который могъ бы придать нашему правительству нѣкоторую силу, нѣкоторое вліяніе за границею и спокойствіе у себя, обративъ къ войнѣ молодые, буйные умы, осуждавшіе злоупотребленія власти и самую власть потому только, что они не имѣли другого дѣла и другого противника. Вся Франція взволнована была тревогою. Головамъ честолюбивымъ и жаждущимъ славы нужна была борьба; ловкіе министры сумѣли бы дать имъ цѣль иную, чѣмъ та, къ которой они устремились.

Впрочемъ наши смуты еще не ослабили въ Европѣ, особенно въ Россіи, воспоминанія о нашихъ побѣдахъ и убѣжденія въ нашей силѣ. Монархи начинали нѣсколько безпокоиться; но народы съ радостною надеждою смотрѣли на страну, гдѣ заботились объ облегченіи ихъ участи. Во многихъ странахъ дворяне, вспоминая прежнюю силу свою, ослабленную правительствами, съ удовольствіемъ смотрѣли на сопротивленіе власти и министерству, не предвидя для себя опасности въ преобразованіяхъ, и втайнѣ имъ сочувствовали. Только одно духовенство страшилось философскаго движенія, противнаго ему; но оно было гордо крѣпостью своихъ основъ и совершенно полагалось на ихъ непоколебимость.

Екатерина II, судя по себѣ о другихъ, видѣла величіе въ добротѣ Людовика XVI. Она надѣялась, что король, соединя твердость съ добродѣтелями, сокрушитъ тѣ препятствія, которыми встрѣчены были его любовь къ народу и его благія намѣренія, съ одной стороны въ малодушныхъ придворныхъ, врагахъ преобразованій, съ другой, въ парламентахъ и безмѣрной горячности нововводителей, которые, вмѣсто того, чтобы поправлять дѣло, могли все разстроить. Наконецъ, Государ-

*) Здѣсь слѣдуетъ у Сегюра очеркъ тогдашняго состоянія Франціи, не относящійся до Россіи и притомъ очень блѣдный; поэтому мы пропускаемъ его. Въ немъ говорится о тогдашнихъ безпорядкахъ въ администраціи и при дворѣ, о разстройствѣ финансовъ, неудачномъ министерствѣ Калонна, безуспѣшномъ созваніи государственныхъ чиновъ, собранныхъ 22 Февраля и распущенныхъ 28 Мая 1787 г., объ оппозиціи парламентовъ, недовольствѣ и волненіяхъ всѣхъ сословій и слабости правительства, отозвавшейся и на сношеніяхъ его съ Россіею.

Библиотека "Руниверс"

рыня, хотя и удивляясь слабости нашего кабинета, думала, что это временное разстройство, которое не можетъ быть продолжительно. Убѣжденная въ этомъ, она всячески старалась о заключеніи союза съ нами, Австріею и Испаніею. Таковъ былъ ея образъ мыслей, къ которому прежде наше правительство и не надѣялось ее обратить. Когда же мы успѣли въ этомъ, нашъ первый министръ, къ несчастью, располагавшій нашею судьбою, почувствовалъ скорѣе затрудненіе, чѣмъ удовольствіе. Мы предложили заключить этотъ союзъ, боясь Англіи, и потому теперь неловко и смѣшно было бы отказываться отъ него. Съ другой стороны, страхъ передъ той же Англіею мѣшалъ и заключенію этого союза, такъ какъ за нимъ, вѣроятно, послѣдовала бы война, и Англичане нарочно исподтишка грозили намъ. Бріенн, какъ всѣ слабые люди, не рѣшаясь ни довести это дѣло до конца, ни остановить его, выбралъ средство самое дурное, именно задумалъ протянуть переговоры, чтобы выиграть время.

Если бы Монморень не былъ связанъ, онъ дѣйствовалъ бы откровеннѣе. Но, принужденный слѣдовать чужой системѣ, онъ писалъ мнѣ, что прежде, чѣмъ рѣшиться на сближеніе, нужно было узнать настоящія намѣренія Екатерины относительно Турціи и то, какія границы она полагаетъ своимъ замысламъ. Узнать это мнѣ было не только трудно, но просто невозможно. Императрица на этотъ счетъ еще не имѣла твердыхъ мыслей. Такъ какъ вознагражденія зависятъ отъ успѣха или неудачи, то при началѣ войны невозможно было знать условія, на которыхъ заключится миръ. Къ тому же (хотя это и странно, но совершенно вѣрно) тогда не было даже опредѣленнаго плана кампаніи. Императоръ убѣдительно просилъ Потемкина прислать ему свой, а князь все обѣщалъ и не посылалъ его. Въ мирное время онъ замышлялъ обширнѣйшіе планы завоеваній, а во время войны, казалось, застигнутъ былъ врасплохъ. По ея объявленіи, онъ недѣли двѣ былъ молчаливъ, нерѣшителенъ, испуганъ и не зналъ, какъ прокормить армію и какія сдѣлать распоряженія. Когда онъ наконецъ успокоился, и приготовленія были сдѣланы, у него не могли добиться свѣдѣній для соображенія плана кампаніи вмѣстѣ съ Австріею. Согласились только, что Русскіе осадятъ Очаковъ, а Австрійцы Бѣлградъ. Такимъ образомъ Турки имѣли довольно времени, чтобы укрѣпиться для защиты. Завладѣніе Крымомъ было ихъ главною цѣлью, и они приступили къ этому, высадивъ 8,000 отборнаго войска къ сѣверозападной части полуострова, чтобы занять Кинбурнъ. Суворовъ командовалъ Русскими; бой былъ упорный и кровавый: два раза мусульмане наступали и отбивали Русскихъ. Суворовъ, распоряжаясь, какъ полководецъ, и сражаясь, какъ солдатъ, сосредоточилъ свои войска. Не смотря на рану, онъ продолжалъ

Библиотека "Руниверс"

битву, рѣшилъ дѣло, прогналъ Турокъ и, преслѣдуя ихъ, получилъ еще рану. Потеря Турокъ состояла въ 4,000 убитыми и множествѣ плѣнныхъ, потеря Русскихъ была незначительна. Императрица праздновала побѣду молебствіемъ.

Съ неудовольствіемъ встрѣтила она извѣстіе, что переговоры о союзѣ четырехъ державъ хотятъ перенести въ Парижъ. Графъ Кобенцель, по приказанію императора, хлопоталъ объ ускореніи дѣла. Мое положеніе затруднялось. Русскіе министры, недовольные моими нерѣшительными отвѣтами, полагали, что я самъ причиною этой медлительности, особенно потому, что я все настаивалъ, чтобы мнѣ заранѣе объяснили условія, на которыхъ Россія помирится съ Турками. Я могъ только получить неопредѣленный отвѣтъ, что обстоятельства рѣшатъ цѣну вознагражденія. Министры увѣряли меня, что и не думаютъ о разрушеніи Турціи, а хотятъ только честнаго и прочнаго мира.

Между тѣмъ какъ наша медлительность возбудила недовѣріе Русскаго правительства, Пруссія усилила это недовѣріе, распространяя слухъ о предполагаемомъ будто бы сближеніи Франціи съ нею. Англичане, съ своей стороны, извѣщали Императрицу о содѣйствіи Туркамъ Французскихъ офицеровъ, которые работали въ Константинопольскомъ арсеналѣ. Потемкинъ упрекалъ меня за это. Англія, ободряемая нашею нерѣшительностью, въ довольно сильныхъ выраженіяхъ высказала Русскому правительству сожалѣніе по случаю предполагаемаго союза Россіи съ Франціею. На это Императрица отвѣчала съ достоинствомъ и удивлялась неумѣстнымъ упрекамъ. Она считала себя въ правѣ искать себѣ союзниковъ, гдѣ ей нужно. «Я не вмѣшиваюсь, прибавила она, въ связи Лондонскаго кабинета съ Пруссіею и Голландіею. Впрочемъ я буду поступать какъ другіе поступаютъ въ отношеніи ко мнѣ».

Передавая извѣстія объ этомъ Монмореню, я настаивалъ на необходимости принять рѣшительныя мѣры и увѣрялъ, что иначе наши враги усилятся, а друзья охладѣютъ. Въ особенности я требовалъ точныхъ объясненій по случаю обвиненій за наше содѣйствіе Туркамъ. Нужно было воспользоваться предложеніями, которыя намъ сдѣланы. До этого времени Императрица была умѣренна въ своихъ намѣреніяхъ; но такъ какъ она не была связана союзомъ съ нами, то первая блистательная побѣда могла подстрекнуть ея честолюбіе и возродить ея замыслы о занятіи Константинополя. Находясь въ такихъ обстоятельствахъ, я радъ былъ отсутствію Фитцъ-Герберта: его ловкость меня бы гораздо болѣе затруднила, чѣмъ странная откровенность Фразера, Англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. На вопросъ Русскихъ дипломатовъ, почему его кабинетъ дѣйствуетъ такъ враждебно и возбуждаетъ

Библиотека "Руниверс"

въ Турціи и въ Швеціи ненависть къ Россіи, онъ прямо отвѣчалъ: «Что же дѣлать? Намъ приказано поступать во всемъ противъ желаній Франціи. Она хотѣла мира между вами и Портою, мы произвели войну; если бы Франція желала войны, мы хлопотали бы о мирѣ». Императрицу очень позабавило это недипломатическое объясненіе; но прямой Англичанинъ говорилъ чистую истину. Несмотря на это откровенное признаніе, Англія и Пруссія предложили свое посредничество для мирнаго соглашенія; но Императрица встрѣтила его неблагосклонно, такъ какъ не считала его искреннимъ.

Я совершенно напрасно хлопоталъ, стараясь по приказанію нашего двора представлять доводы о томъ, чтобы перевести переговоры въ Парижъ. Несмотря на то, что и Кобенцель поддерживалъ меня, Императрица приказала Симолину *) представить нашему министерству неудобство этого перенесенія и трату времени, котораго оно потребуетъ. Отъѣздъ Русскаго курьера былъ остановленъ на нѣкоторое время по случаю несогласій, возникшихъ въ министерствѣ: Морковъ и Остерманъ поссорились и имѣли между собою довольно горячія объясненія. Впрочемъ медленность была обычнымъ зломъ у Русскаго кабинета: графъ Кобенцель шесть недѣль дожидался бумагъ, съ которыми ему надо было послать курьера къ императору. Во время раздѣла Польши, въ министерство Панина, Русскій посолъ въ Варшавѣ написалъ семнадцать нужныхъ депешъ и не получилъ на нихъ отвѣтовъ.

Дѣла на Сѣверѣ не только не прояснились, но все запутывались. Императрица, узнавъ, что Прусскій король намѣренъ присоединить Данцигъ къ своимъ владѣніямъ, объявила рѣшительно, что она отстоитъ этотъ городъ. Умѣренность Государыни, по словамъ многихъ, была только временная. Когда донесенія ея полководцевъ передавали ей вѣсть о какой-нибудь важной побѣдѣ, она начинала думать о завоеваніяхъ въ Морећ и Архипелагѣ. Однако курьеръ во Францію отправился. Мнѣ передали содержаніе депешъ, которыя онъ везъ. Отвѣтъ Государыни королю былъ дружественный и полный довѣрія; она выразила желаніе сблизиться съ нами и, хотя не могла предвидѣть событій, которыя должны опредѣлить мѣру ея требованій, основанныхъ на ея правѣ, но все-таки просила насъ высказаться; съ своей стороны она впрочемъ прямо объявляла, что желаетъ только, чтобы мы остались нейтральными между нею и Турками, а сама обѣщала остаться нейтральною между нами и Англичанами въ случаѣ войны на морѣ. Такимъ образомъ все, что я предвидѣлъ, осуществлялось, оправдывало

*) Иванъ Матвѣевичъ Симолинъ, тайный совѣтникъ, былъ съ 1784 года нашимъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Парижѣ; онъ былъ отозванъ во время революціи.

Библиотека "Руниверс"

меня и вмѣстѣ съ тѣмъ служило доказательствомъ, что я не вышелъ изъ предѣловъ данныхъ мнѣ предписаній. Это меня обнадежило. Совѣщанія становились чаще. Россія хотѣла вовлечь Данію въ нашъ союзъ, но наши прежнія отношенія къ Швеціи препятствовали этому.

Въ это время мой секретарь посольства г. Колиньеръ долженъ былъ уѣхать, и, по желанію королевы, мнѣ дали молодого человѣка, пользовавшагося ея покровительствомъ, г-на Женѣ (Genet), брата г-жи Кампанъ. Онъ былъ уменъ, образованъ, зналъ нѣсколько языковъ, талантливъ, но только очень пылокъ. Впослѣдствіи онъ былъ увлеченъ революціею и назначенъ партіею Жирондистовъ министромъ въ Американскіе штаты. Тамъ его кипучая дѣятельность оборвалась въ попыткѣ пошатнуть авторитетъ знаменитаго Вашингтона и дать Американскому правительству еще болѣе демократическій характеръ.

Апатія князя Потемкина весьма не нравилась Государынѣ: самъ ничего не предпринимая, онъ обвинялъ Австрійцевъ за то, что они ничего не дѣлаютъ. Единственнымъ его желаніемъ, единственной цѣлью было взятіе незначительнаго Очакова, и онъ дѣлалъ такія большія для того приготовленія какъ будто долженъ былъ брать Люксамбургъ. Между тѣмъ инженеръ Лафитъ писалъ мнѣ, что крѣпость эта не устоитъ противъ сильной атаки. Но время, потерянное Потемкинымъ, было употреблено съ пользою Турками, чтобы усилить гарнизонъ, подвинуть работы и поставить крѣпость въ оборонительное положеніе. Если бы Турки были болѣе свѣдущи въ тактикѣ и дисциплинѣ, они могли бы еще успѣшнѣе воспользоваться медлительностью своего непріятеля. Но я зналъ ихъ слѣпой фанатизмъ, ихъ упорство въ привычкѣ вести неправильную войну и потому 14 Марта 1788 года писалъ своему двору, что Очаковъ, Бѣлградъ, Хотинъ будутъ взяты, и что успѣхи Русскихъ и Австрійскихъ войскъ заставятъ Турокъ подчиниться условіямъ, которыя имъ предпишутъ.

Несмотря ни на что, Потемкинъ не двигался изъ Елисаветграда, снѣдаемый тревогой, мучимый неосновательнымъ страхомъ, надоѣдалъ Государынѣ жалобами, не указывая ни причины своего злоключенія, ни средства къ его устраненію. Румянцевъ, напротивъ того, оставаясь спокойнымъ въ Украйнѣ, но работая мыслью и дѣломъ, подвигалъ дружно и скоро войска свои въ Польшу. Событія не пугали его; онъ предвидѣлъ успѣхъ и еженедѣльно посылалъ Государынѣ донесенія подробныя и удовлетворительныя. Эта противоположность въ образѣ дѣйствій обоихъ полководцевъ, разумѣется, видна была Императрицѣ, но не измѣняла ея чувствъ, и ея довѣріе попрежнему различало обоихъ соперниковъ: одинъ заслужилъ ея уваженіе и снискалъ ея признательность, другой не переставалъ пользоваться ея привязанностію. Потем-

Библиотека "Руниверс"

кинъ былъ, такъ сказать, созданіе Екатерины. Она предсказала, что онъ сдѣлается великимъ человѣкомъ, изъ самолюбія помнила это предсказаніе и хотѣла его исполненія во что бы ни стало. О бездѣятельности князя можно судить по слѣдующему. Принцъ Делинь въ Декабрѣ 1787 г. въ Елисаветградѣ началъ письмо ко мнѣ и окончилъ его только 15 Февраля 1788 г.: «У насъ нѣтъ новостей, писалъ онъ мнѣ, съ тѣхъ поръ, какъ я началъ письмо, наконецъ, отправляемое. Мнѣ кажется, что Татары, которыхъ все ждутъ, никогда не явятся. Но за то къ намъ пріѣхалъ изъ Парижа принцъ Нассау, который васъ отвадилъ отъ Татаръ *), уговоривъ вашего Монморена отозвать Лафита и оставить систему покровительства Туркамъ. Настойчивость принца въ совѣщаніяхъ, какъ и на полѣ битвы, всегда поведетъ его къ успѣху. Его извѣстность и логика, которою онъ владѣетъ, хоть и не имѣлъ времени изучить ее, послужили къ исполненію вашихъ желаній въ этихъ важныхъ обстоятельствахъ. Не онъ ли, съ саблею въ рукѣ, спасъ мнѣ жизнь на дняхъ? У него одинъ день не похожъ на другой. Вотъ какъ это было. Я выздоравливалъ отъ лихорадки, потому что, къ счастію, у насъ здѣсь нѣтъ докторовъ. Мнѣ сказали, что солнце на восходѣ, а этого я и ждалъ, чтобы оправиться. Нассау выводитъ меня изъ скучной крѣпости, которая и вся-то съ ладонь; люди мои несутъ меня на рукахъ и кладутъ на траву. При первыхъ лучахъ солнца я засыпаю. Толстая, отвратительная змѣя, которую солнце оживило вмѣстѣ со мною, хочетъ меня ужалить или задушить въ своихъ кольцахъ. Я просыпаюсь отъ шума и вижу, что Нассау что̀ есть силы рубитъ по змѣѣ; онъ разрѣзалъ ее на части, которыя долго еще двигались. Сегодня намъ привели нѣсколько плѣнныхъ Турокъ; они такъ же скучны, какъ тѣ, что̀ являются на маскарадахъ въ оперѣ. Трудно было мнѣ убѣдиться, что это не маски, и что дѣйствительно мы воюемъ съ ними».

Впрочемъ, какъ бы строго мы ни судили Потемкина, надобно согласиться, что въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ странности мѣшались съ высокими, рѣдкими достоинствами. Делинь прекрасно очертилъ его въ письмѣ ко мнѣ изъ-подъ Очакова: «Я вижу здѣсь предводителя арміи, который, кажется, лѣнивъ, но въ безпрестанной работѣ, которому колѣни служатъ письменнымъ столомъ, а пальцы гребнемъ; онъ все лежитъ, но не спитъ ни днемъ, ни ночью, потому что усердіе къ обожаемой Государынѣ, не даетъ ему покою, и каждый пушечный выстрѣлъ тревожитъ его мыслью, что это вѣсть о гибели какого-нибудь солдата. Онъ боится за другихъ, а самъ храбръ; онъ становится

*) „Qui vous a détartarisés"; непереводимо буквально.

Библиотека "Руниверс"

подъ огнемъ батарей, чтобы спокойно отдавать приказанія. Тѣмъ не менѣе, онъ скорѣе Улиссъ, чѣмъ Ахиллъ; онъ тревожится передъ опасностію и беззаботенъ, когда она наступила; онъ скучаетъ во время увеселеній, несчастливъ отъ избытка счастья, пресыщенъ всѣмъ, скоро разочаровывается, мраченъ и непостояненъ; это важный философъ, это ловкій министръ, это десятилѣтнее дитя. Онъ немстителенъ, проситъ прощенія, если опечалилъ кого, и награждаетъ, если сдѣлалъ несправедливость; онъ воображаетъ, что любитъ Бога, и боится чорта, про котораго онъ думаетъ, что онъ еще выше и больше чѣмъ князь Потемкинъ. Одною рукою онъ манитъ къ себѣ женщинъ, которыя ему нравятся, другою творитъ крестное знаменіе». Но довольно. Этотъ портретъ занималъ слишкомъ много мѣста въ письмѣ Делиня, который не скоро останавливался, когда его уносило живое его воображеніе *).

Дипломація была тогда дѣятельнѣе, чѣмъ войско. Даже Порта, выходя изъ обычнаго своего бездѣйствія, съумѣла посредствомъ Пруссіи уговорить Шведскаго короля вооружить свой флотъ для того, чтобы помѣшать Русской эскадрѣ выйдти и снова перенести Русскій флагъ въ Архипелагъ. Фридрихъ-Вильгельмъ Прусскій успѣлъ набрать въ Данцигѣ себѣ сторонниковъ. Онъ двинулъ войско къ этому городу; между тѣмъ посланцы его представляли пылкимъ и стѣсненнымъ Полякамъ надежду свергнуть Русскую власть. Всѣ эти событія, предвѣстники грозы, тревожили, но не пугали Императрицу, а извѣстіе о союзномъ трактатѣ между Англіею, Голландіею и Пруссіею еще болѣе возбудило ея желаніе составить четвертной союзъ, необходимость котораго день ото дня становилась яснѣе. Но напрасно она просила насъ высказать наши намѣренія, напрасно старалась проникнуть въ тайну нашей политической системы: у насъ ея, къ несчастію, и не было, и нельзя было разгадать планы кабинета, не рѣшающагося ни на что по слабости и трусости. Мнѣ все-таки приказывали продолжать переговоры, но странный случай на время прервалъ ихъ. Испанскій посланникъ въ Россіи былъ человѣкъ образованный, честный, умный. Сѣверлый климатъ оказался ему вреденъ, и онъ подвергся недугу, который медики называютъ *ипохондрическою меланхоліею*. Эта странная болѣзнь повела его къ частному помѣшательству; впрочемъ онъ сохранялъ разсудокъ. Его депеши, которыя я читалъ, были умны и краснорѣчивы, въ разговорѣ его ничто не обличало умственнаго разстройства; и на совѣщаніяхъ, и въ обществѣ онъ оставался, какъ былъ. Немногіе

*) Замѣтимъ, что эти письма находятся въ полномъ собраніи сочиненій Делиня и въ книжкѣ избранныхъ писемъ его, изданныхъ г-жею Сталь и переведенной на Русскій

Библиотека "Руниверс"

только изъ друзей замѣтили его помѣшательство, которое состояло въ томъ, что онъ воображалъ себѣ, что его ненавидятъ, что онъ окруженъ врагами. Онъ мнѣ одному изъ первыхъ высказалъ свое горе, предметомъ котораго была мнимая вражда къ нему Гёрца, Прусскаго министра. Онъ воображалъ, что Гёрцъ подкупаетъ его слугъ и нанимаетъ людей, которые каждую ночь возлѣ его дома подымаютъ ужасный шумъ и не даютъ ему спать. Я принималъ въ немъ участіе, скрывалъ его состояніе, но всѣ мои попытки вразумить его были напрасны. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я самъ сдѣлался предметомъ его тревогъ: если я говорилъ съ кѣмъ-нибудь тихо, онъ думалъ, что я говорю о немъ дурно и упрекалъ меня. Разъ какъ-то Императрица вздумала дать въ эрмитажѣ старинную комедію: «*Странный человѣкъ*»; мой Испанецъ былъ убѣжденъ, что я вставилъ въ нее нѣсколько стиховъ съ насмѣшками на его счетъ. Изъ сожалѣнія къ нему я старался утѣшить его, показавъ ему старое изданіе этой комедіи, но разувѣрить его было невозможно. Скоро графъ Кобенцель и герцогъ Серра-Капріола, Неаполитанскій министръ, заслужили его довѣріе, а потомъ неудовольствіе: онъ упрекалъ одного за то, что онъ отвлекаетъ отъ него всѣхъ Петербургскихъ красавицъ, а другого за то, что онъ запретилъ всѣмъ часовщикамъ продавать ему вѣрные часы. Мы жалѣли объ этомъ хорошемъ человѣкѣ, объ его недугѣ, отъ котораго не могла его спасти наша дружба. Но его положеніе еще болѣе обезпокоило насъ, когда мы получили приказаніе сообщить ему секретныя подробности о предполагаемомъ союзѣ. Впрочемъ, такъ какъ мы замѣтили, что во время совѣщаній и въ своей перепискѣ онъ сохранялъ разумъ, то успокоились и полагали, что его болѣзнь не помѣшаетъ ходу дѣла. Однако наша увѣренность была непродолжительна. Мало-по-малу, удаляясь отъ насъ, онъ перешелъ на сторону Пруссіи, Англіи и Португаліи, и мы узнали, что, считая своего секретаря за своего врага, онъ заперъ его на цѣлые сутки и взялъ у него шифры *). Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, чтобы избѣжать непріятностей, мы, по совѣту Кобенцеля, сговорились посовѣтоваться съ вице-канцлеромъ. «Нѣсколько дней тому назадъ, сказалъ онъ намъ, несмотря на все мое уваженіе къ вамъ, я съ трудомъ бы вамъ повѣрилъ, потому что лицо, о которомъ вы говорите, было мнѣ извѣстно за человѣка благоразумнаго и дѣятельнаго. Къ тому же нѣкоторые члены дипломатическаго корпуса распускали слухъ, что противъ него подкапываются, чтобы смѣнить его; объ этомъ

*) То есть азбуку съ ключемъ, употребляемую для тайной дипломатической переписки.

Библиотека "Руниверс"

даже говорили во всеуслышаніе при дворѣ великаго князя [1]). На третьяго дня онъ попросилъ меня побесѣдовать съ нимъ съ глазу на глазъ, и, оставшись наединѣ со мною, сталъ жаловаться на общую вражду противъ него, на несправедливость нашихъ министровъ, которые будто бы строжайше приказали слѣдить за его поступками и подкупали его слугъ. Со слезами на глазахъ онъ увѣрялъ, что ему даже отравляютъ питье, и что онъ никакъ не можетъ, какъ ни старается, достать Невской воды. Я донесъ Императрицѣ объ этомъ странномъ случаѣ, и она полагаетъ, что нужно будетъ принять мѣры, чтобы его отозвали отсюда. Врачъ его увѣряетъ, что въ южномъ климатѣ эта ипохондрія разсѣется».

Мы трое согласны были съ этимъ мнѣніемъ и потому, пригласивъ секретаря Испанскаго посольства и доктора, написали донесеніе, скрѣпили его своими подписями и свидѣтельствами и послали эту бумагу къ г. Гальвецу, Испанскому министру въ Берлинѣ. Мы надѣялись, что такимъ образомъ удаленіе нашего сотоварища произойдетъ безъ шуму. Но неизвѣстно, какимъ образомъ вышло, что тотъ человѣкъ, о которомъ мы такъ осторожно заботились, узналъ о нашихъ совѣщаніяхъ. Онъ потребовалъ отъ насъ объясненій, но получилъ отказъ; онъ пожаловался своимъ новымъ друзьямъ, и они подняли шумъ о нашихъ мнимыхъ козняхъ. Это еще болѣе раздражило больного, и у него открылись такіе симптомы недуга, что нужно было принять мѣры противъ него. Гальвецъ, получивъ приказаніе замѣстить его въ Петербургѣ, прибылъ по назначенію. Больного послали на Югъ, гдѣ онъ мало-по-малу образумился, выздоровѣлъ, и такимъ образомъ мы избавились отъ хлопотъ и непріятностей.

Императрица старалась возбудить дѣятельность въ своихъ полководцахъ. Съ удовольствіемъ узнала она, что Салтыковъ [2]) соединился съ Австрійцами, которыми предводительствовалъ принцъ Кобурскій, и направился къ Хотину. Въ это же время я передалъ Государынѣ извѣстіе отъ Шуазёля, что Англичане почти обѣщали Портѣ не пропускать Русскую эскадру; поэтому Государыня очень холодно приняла увѣренія Англійскаго министра въ томъ, что суда ея будутъ впущены въ Англійскіе порты. Русская эскадра между тѣмъ живо готовилась къ отплытію, не смотря на то, что Швеція тоже дѣятельно снаряжала свои суда, и

---

[1]) (Который и супруга его дѣятельно помогали происканъ Берлинскаго двора, находясь съ нимъ и въ масонской связи).

[2]) Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, род. 1730, ум. 1805 г. фельдмаршаломъ. Въ началѣ этой Турецкой войны былъ командиромъ праваго фланга въ Украинской арміи графа Румянцева.

Библиотека "Руниверс"

ея вооруженія и грозныя рѣчи показывали, что она замышляетъ что-то недоброе. Когда въ Петербургѣ спросили у меня свѣдѣній объ этомъ, я сказалъ, что въ Версалѣ еще ничего не знаютъ, и что мнѣ только приказано увѣрить Государыню, что король употребитъ все свое вліяніе, чтобы удержать Шведскаго короля въ мирномъ расположеніи, которое соотвѣтствуетъ его отношеніямъ къ намъ и къ Россіи и собственнымъ его выгодамъ.

Потемкинъ все еще молчалъ. Принцъ Нассау исходилъ отъ нетерпѣнія. Императрица, весьма недовольная, строго приказала доставлять ей срочныя донесенія. Англійскій кабинетъ, видя, что его неоткровенныя объясненія плохо дѣйствуютъ въ Петербургѣ, сталъ довольно открыто высказывать свое недоброжелательство; онъ объявилъ Русскому правительству, что не дозволитъ Русскимъ адмираламъ нанимать въ Англійскихъ портахъ транспортныя судна и добывать военные запасы. Но это не обезпокоило Русскихъ, потому что они могли найти въ Даніи то, въ чемъ имъ отказывали Англичане. Наконецъ кампанія открылась: Русскіе перешли Бугъ и стали подъ Очаковымъ. Принцъ Нассау спустился по Днѣпру съ эскадрою галеръ и летучихъ батарей для обстрѣливанія Очакова съ лимана, отдѣляющаго крѣпость отъ Крымскаго полуострова. Не смотря на неуспѣхъ многихъ попытокъ, министры Англійскій и Прусскій не переставали возбуждать противъ насъ Императрицу ложными извѣстіями. Они увѣряли, будто Франція хочетъ, сообща съ Испаніею, уничтожить Русскій флотъ въ Средиземномъ морѣ, а такъ какъ Испанія не раздѣляетъ ея видовъ, то поэтому и представила Испанскаго резидента въ Петербургѣ сумасшедшимъ, чтобы замѣнить его другимъ, болѣе уступчивымъ и склоннымъ къ ея предложеніямъ. Эти ухищренія меня не тревожили: они падали передъ настоящимъ дѣломъ. Секретарь Булгакова находился въ Петербургѣ, и Императрица была увѣдомлена обо всѣхъ происках министровъ Англіи и Пруссіи въ Турціи, Энслея и Дица, имѣвшихъ цѣлью возбуждать Турокъ къ упорству и войнѣ. Всего непріятнѣе для меня было, что нашъ дворъ все откладывалъ заключеніе договора, зависѣвшаго только отъ его утвержденія, потому что Императрица обѣщала уже ограничиться въ требованіяхъ вознагражденія отъ Турокъ; даже на случай продолженія войны, она объявила королю, что только посовѣтовавшись съ нимъ, усилитъ свои требованія, сообразно съ тѣмъ, во что обойдутся расходы на войну. Чего лучше можно было желать? Однако, я не получилъ никакихъ приказаній по этому предмету; мнѣ только велѣно было объявить Русскому правительству, что наши пристани открыты для судовъ Русской эскадры.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ прибылъ въ Россію знаменитый Американецъ Поль-Джонсъ *), ища, какъ и всегда, приключеній и войны. Этотъ морякъ прославился рѣдкою неустрашимостію: находясь на небольшомъ суднѣ, онъ навелъ страхъ на Англичанъ и захватилъ у нихъ фрегатъ и военный корабль. Онъ не привезъ съ собой никакихъ рекомендательныхъ писемъ ко мнѣ. Сѣверо-Американскіе штаты, не признанные еще Россіею, не имѣли въ ней резидента; но я участвовалъ въ войнѣ за Америку, и всякій Американецъ казался мнѣ ратнымъ товарищемъ; при томъ Джонсъ былъ, подобно мнѣ, членъ общества Цинцината, и поэтому я считалъ себя въ правѣ представить его Государынѣ. Она приняла его очень ласково, позволила мнѣ пріѣхать съ нимъ къ ея столу, назначила его контръ-адмираломъ и дала ему должность на Черномъ морѣ. Это происшествіе встревожило Петербургскихъ Англичанъ, и они подняли ужасный шумъ. Англійскіе офицеры, служившіе въ Русскомъ флотѣ, собрались, совѣщались и положили оставить Русскую службу. Адмиралъ Грейгъ долженъ былъ употребить свой умъ, вліяніе и власть, чтобы остановить ихъ: такъ они разсердились за назначеніе на военный постъ человѣка, котораго они считали измѣнникомъ, мятежникомъ и морскимъ разбойникомъ. Поль-Джонсъ, вступая въ Русскую службу, объявилъ, что не будетъ сражаться противъ Французовъ.

Милость и довѣренность Государыни ко мнѣ выказывались болѣе, чѣмъ когда нибудь. Вѣрная своему слову, она въ точности изложила императору свои намѣренія, свои мысли, свои виды и основанія предполагаемаго съ нами союза. Графъ Кобенцель и Русскіе министры считали дѣло рѣшеннымъ, и развѣ одинъ я во всемъ Петербургѣ зналъ, что союзъ еще не заключенъ. Въ проектѣ нашемъ было немного разницы съ договоромъ 1756 года; только число войскъ, назначаемыхъ на случай вспомоществованія, было уменьшено. Все соотвѣтствовало выгодамъ нашей торговли, нашей безопасности, нашихъ совокупныхъ силъ, нашего достоинства, и успѣхъ мой былъ выше моихъ надеждъ. Оставалось получить одно слово; но это слово было рѣшимость, и я не получилъ его. Наша неподвижность возбуждала дѣятельность нашихъ соперниковъ. Прусскій король тревожилъ Польшу. Густавъ Шведскій, избѣгая нашего вліянія и поддерживаемый Англіею, надѣялся обезсмертить себя возвращеніемъ областей, уступленныхъ Карломъ XII. Дворы двухъ имперій напрасно настаивали на нашемъ согласіи. Я получилъ,

*) John Paul Jones, контръ-адмиралъ, род. въ Шотландіи въ 1747 г., ум. 1792 г., прославившійся въ Американской войнѣ, служилъ одинъ годъ въ Русскомъ флотѣ, съ начала 1788 года.

Библиотека "Руниверс"

наконецъ, депеши изъ Франціи; но это были любезныя письма, похвалы, щедрыя награды, а не полномочіе, котораго я ожидалъ.

Между тѣмъ пришла вѣсть, что капитанъ-паша показался въ Лиманѣ съ сильною эскадрою. Въ тоже время пріѣздъ курьера изъ Швеціи встревожилъ дворъ и столицу. Узнали, что Густавъ вооружаетъ свой флотъ, собираетъ въ Финляндіи тридцать тысячъ войска, которыми хочетъ самъ начальствовать, и поручаетъ командованіе флотомъ брату своему, герцогу Зюдерманландскому. Графъ Разумовскій *) доложилъ своему правительству объявленіе короля Сенату, что вооруженія и поступки Россіи заставляютъ его приготовляться къ войнѣ, чтобы предупредить удары, которые хотятъ нанести ему; что, приказавъ резиденту своему Нолькену потребовать объясненій отъ Русскаго правительства, онъ получилъ отвѣты высокомѣрные, съ угрозами и, почти предписаніе обезоружить Шведскія силы, что въ такихъ обстоятельствахъ честь и безопасность націи требуютъ немедленнаго вооруженія, чтобы предотвратить угрожающую бѣду. Это объявленіе увлекло даже самыхъ миролюбивыхъ. Къ этому графъ Разумовскій прибавлялъ, что король старается увѣрить всѣхъ, что онъ дѣйствуетъ сообразно видамъ Франціи.

Русскіе министры говорили мнѣ объ этомъ съ неудовольствіемъ и, выражая довѣріе къ нашей политикѣ, дали мнѣ однако понять, что вѣдь никто не сочтетъ Густава до такой степени неосторожнымъ, чтобы рѣшиться на такой шагъ безъ поддержки какой-либо изъ первостепенныхъ державъ. Подозрѣнія ихъ еще болѣе возбуждались министрами Пруссіи и Англіи, которые, притворяясь, громко осуждали дѣйствія короля. Въ такомъ положеніи дѣлъ, не имѣя на этотъ случай наставленій, я долженъ былъ отвѣчать крайне осторожно и увѣрялъ министровъ, что во всякомъ случаѣ Императрица можетъ положиться на дружбу моего короля. Я говорилъ, что не предполагаю возможности войны, что если бы Густавъ намѣренъ былъ начать ее, то подождалъ бы отплытія Русскаго флота, когда море будетъ для него открыто. Я выразилъ мысль, что онъ принялъ воинственный видъ только для того, чтобы, не подвергаясь опасности, оказать услугу Портѣ, задержать Русскую эскадру, назначенную въ Архипелагъ. Впрочемъ депеша Симолина, Русскаго резидента въ Парижѣ, разсѣяла предубѣжденіе противъ насъ: онъ передавалъ своему двору довольно рѣзкій

*) Графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій былъ съ 1784 по 1786 г. полномочнымъ министромъ въ Копенгагенѣ, а съ 1786 по 1788 г. въ Стокгольмѣ, въ 1790 г. опредѣленъ въ помощь кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну и съ 1793 г. до кончины Екатерины былъ тамъ полномочнымъ министромъ.

Библиотека "Руниверс"

разговоръ Монмореня со Сталемъ, Шведскимъ посланникомъ, и такимъ образомъ доказалъ, что король далеко не оправдывалъ неожиданное вооруженіе и грозный характеръ рѣчи Густава III.

Императрица никакъ не хотѣла вѣрить, что государь страны, незначительной по своей силѣ, по войскамъ и средствамъ, могъ вооружиться противъ такой мощной державы, какъ Россія. Однако, по совѣту своихъ министровъ, Екатерина приказала сосредоточить 26,000 войска около Фридрихсгама и поручила непосредственное начальство надъ нимъ графу Мусину-Пушкину [1]), а за нимъ Михельсону [2]), побѣдителю знаменитаго разбойника Пугачева.

Къ несчастію, трудно было исполнить ея приказаніе: могли собрать только шесть тысячъ человѣкъ. Вслѣдствіе неблагоразумной довѣрчивости сѣверную часть имперіи оставили безъ войскъ, и князь Потемкинъ забралъ всѣ ихъ къ себѣ. Онъ болѣе хлопоталъ о томъ, чтобы увеличивать свою армію, нежели о томъ, чтобы приводить ея въ дѣйствіе. Медлительность Потемкина дала возможность капитану-пашѣ вновь появиться въ Черномъ морѣ съ сотнею судовъ большихъ и малыхъ, впустить четвертую часть своего флота въ Лиманъ и усилить Очаковскій гарнизонъ 6,000-ми человѣкъ. Принцъ Нассау, никогда не сомнѣваясь въ своемъ успѣхѣ, выступилъ противъ Турецкаго адмирала съ 80-тью легкими судами, изъ которыхъ самыя большія были парядныя галеры, служившія Императрицѣ для путешествія по Днѣпру. Я даже не понимаю, какимъ образомъ Англійскій инженеръ Бентамъ, человѣкъ смѣлый и ловкій, могъ вооружить ихъ орудіями значительнаго калибра. Адмиралъ Поль-Джонсъ, командуя кораблемъ и фрегатомъ, долженъ былъ защищать Нассау-Зигена; но за недостаткомъ простора онъ съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ. Геройскій подвигъ одного Русскаго офицера Сакена послужилъ открытіемъ кровавой брани. Онъ командовалъ канонерскимъ судномъ и, слѣдя за Турками, былъ окруженъ ими. Лишенный средствъ къ спасенію и бѣгству, онъ написалъ адмиралу, чтобы тотъ не безпокоился на его счетъ, и что ни онъ, ни экипажъ его не попадутъ въ руки Турокъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, когда наступили на него три Турецкихъ корабля, онъ взорвалъ свою лодку и съ нею непріятельскіе корабли. Императрица могла только наградить щедрою пенсіею вдову его.

Со дня на день съ нетерпѣніемъ ожидали мы курьера отъ Потемкина. Графъ Безбородко шутя увѣрялъ, что съ такими четырьмя

---

[1]) Графъ Валентинъ Платоновичъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, род. 6 Декабря 1735, ум. 8 Іюля 1804 г.

[2]) Генералъ-поручикъ Иванъ Ивановичъ, род. 1739 г., ум. 1807 г. (родомъ Эстонецъ).

Библиотека "Руниверс"

головами, какъ Нассау, Джонсъ, Суворовъ и капитанъ-паша, трудно сомнѣваться, чтобы скоро не произошло чего-нибудь необычайнаго. Въ это время я выпросилъ у Императрицы полковничій чинъ одному Французскому артиллеристу Превò и отправилъ его къ Нассау-Зигену. Служа въ Голландіи, онъ одинъ только дѣйствовалъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ противъ Прусаковъ. Его изобрѣтательность помогла Нассау-Зигену: онъ сдѣлалъ фузеи, наполненныя составомъ, жидкимъ и воспламеняющимся, напоминающимъ Греческій огонь; фузеи эти были съ отверстіями, заклепанными воскомъ, съ проволоками и острыми крючками. Будучи брошены въ непріятельскій корабль, они цѣплялись за снасти и разливали на судно пламя, которое трудно было потушить. Князь Делинь, скучая своимъ бездѣйствіемъ, отправился къ Румянцеву, котораго авангардъ прогналъ довольно значительный Турецкій отрядъ. Съѣздивъ съ Румянцевымъ на рекогносцировку Хотина, мой неутомимый другъ возвратился въ армію Потемкина.

Въ тогдашней Европейской политикѣ господствовали мелочныя козни, неизвѣстность и тьма. Воронцовъ писалъ, что Лондонскій кабинетъ возбуждаетъ Шведскаго короля къ войнѣ, а Монморень этому не вѣрилъ; Нолькенъ, Шведскій министръ, все оставался въ дружбѣ со мною, но былъ откровененъ только съ Англичанами и Прусаками. Боевой огонь долженъ былъ разсѣять этотъ туманъ, закрывавшій взоры политиковъ. Густавъ прибылъ въ Финляндію, подошелъ къ Русской границѣ съ 30,000 человѣкъ, а эскадра его крейсировала въ заливѣ. Датское правительство объявило Шведскому королю, что оно останется нейтральнымъ въ томъ только случаѣ, если Русскіе нападутъ на Густава; если же самъ онъ начнетъ войну, то и Данія возмется за оружіе. Но нельзя было долѣе сомнѣваться насчетъ намѣреній Шведскаго короля. Императрица, впервыя испуганная, приказала первымъ гвардейскимъ батальонамъ каждаго полка готовиться къ походу. Эти непріятности были нѣсколько разсѣяны пріѣздомъ курьера съ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной надъ Турками Джонсомъ и Нассау-Зигеномъ. Не сообщали еще подробностей, но говорили, что разбиты три Турецкихъ корабля. Скоро узнали мы, подъ какимъ предлогомъ Густавъ III старался скрыть свое явное нападеніе. Съ нѣкотораго времени онъ нарочно все твердилъ о воинственномъ настроеніи Россіи и навелъ тревогу на всю Швецію; графъ Разумовскій, чтобы разсѣять эту тревогу, представилъ Шведскому правительству оффиціальную ноту, въ которой объяснилъ причины вооруженій, предпринимаемыхъ въ Россіи. Объяснивъ настоящую цѣль ихъ намѣреніемъ побороть Турокъ въ Архипелагѣ, онъ напоминалъ и приводилъ всѣ доказательства дружелюбнаго расположенія Императрицы къ Швеціи: Россія недавно помогла Фин-

Библиотека "Руниверс"

ляндіи во время неурожая; будучи поставлена въ необходимость вооружить флотъ, она объ этомъ тотчасъ же извѣстила Шведскаго короля, такъ же, какъ и монарховъ другихъ державъ, состоявшихъ съ нею въ дружественныхъ отношеніяхъ. Разумовскій объявилъ, что такъ какъ король, основываясь на ложныхъ слухахъ, снаряжалъ свои сухопутныя и морскія силы, то Императрица вынуждена была принять мѣры для защиты границъ своей имперіи; что между тѣмъ, какъ Шведское правительство, повидимому, довѣряется слухамъ, приписывающимъ Государынѣ враждебные замыслы, она хочетъ убѣдить короля, министровъ *и вообще лица, принимающія участіе въ правленіи, и Шведскій народъ*, что она къ нимъ дружелюбно расположена. Она надѣется доказать имъ, что никогда не думала нападать на Швецію, что вооруженія ея имѣютъ значеніе оборонительное, и что она только желаетъ сохранить согласіе свое съ королемъ. Густавъ, связанный конституціею, которая не дозволяла ему начать войну безъ согласія государственныхъ чиновъ, хотѣлъ, нападая, не имѣть вида зачинщика; поэтому нота Русскаго министра не только не успокоила, но раздражила его. По его приказанію, церемоніймейстеръ двора объявилъ Разумовскому, что, употребивъ выраженія: «лица, участвующія въ правленіи, и Шведскій народъ», министръ заговорилъ языкомъ прежнихъ Русскихъ пословъ, и что выраженіе это неприлично теперь, потому что правитъ король одинъ, и конституція измѣнена. «Слѣдовательно, говорилось въ Шведской нотѣ, король, не полагая, чтобы Русскій министръ былъ уполномоченъ своей Государынею къ такому образу дѣйствія, не признаетъ болѣе графа Разумовскаго въ качествѣ посланника и запрещаетъ своимъ министрамъ входить въ сношенія съ нимъ. Только изъ уваженія къ его сану онъ даетъ ему восемь дней на сборы къ отъѣзду; по истеченіи этого срока для него приготовлены будутъ суда, на которыхъ онъ можетъ отправиться въ Россію». Разумовскій, доставъ съ трудомъ копію съ этой ноты, отвѣчалъ, что относительно своего отъѣзда онъ не можетъ исполнить предписаній короля, потому что не смѣетъ оставить своего поста безъ приказанія Государыни.

Въ тотъ день, когда извѣстіе объ этомъ пришло въ Петербургъ, я былъ въ эрмитажѣ. Императрица съ горячностію говорила о выходкѣ Густава и спрашивала моего мнѣнія. «Въ этомъ дѣлѣ, сказалъ я, самое замѣчательное то, что посолъ самодержавной Государыни оказываетъ такое вниманіе къ самостоятельной націи, и что ея король этимъ обижается».

Я однако узналъ, что Русскіе упрекали Разумовскаго въ поспѣшности его въ этомъ дѣлѣ, потому что ему приказано было представить ноту только въ томъ случаѣ, когда Шведское министерство потребуетъ

Библиотека "Руниверс"

у него объясненій. Онъ, можетъ быть, выказалъ излишнее усердіе, но упрекъ все-таки былъ несправедливъ. Имѣя въ виду всѣ ложные слухи, которые разсѣвались, чтобы тревожить Швецію, онъ вынужденъ былъ объявить громко не только королю, но и націи и даже всей Европѣ, что намѣренія Государыни клонились къ миру. Теперь однако война со Швеціею сдѣлалась неизбѣжною; только Императрица еще сомнѣвалась въ этомъ. Напрасно министры единодушно убѣждали ее задержать флотъ для защиты береговъ: уже три Русскихъ корабля и три фрегата вышли въ море. Они встрѣтились съ Шведскою флотиліею, которая потребовала у нихъ салюта. Русскій адмиралъ отказалъ въ этомъ на основаніи Абовскаго трактата, запрещающаго отдавать военныя почести внѣ портовъ. Но когда Шведскій адмиралъ объявилъ, что герцогъ Зюдерманландскій на своемъ кораблѣ, то Русскій адмиралъ отвѣчалъ, «что охотно отдаетъ салютъ брату короля», и салютовалъ. Императрица поступила, какъ требовали ея благоразуміе и достоинство, перестала считать барона Нолькена акредитованнымъ при ней и стала обращаться съ нимъ такъ же, какъ Густавъ съ Разумовскимъ.

Хотя графъ Безбородко и сказалъ мнѣ, что онъ ожидаетъ оборонительнаго союза между Англіею, Пруссіею и Швеціею, но Прусскій и Англійскій министры открыто объявили, что дворы ихъ осуждаютъ поступокъ Шведскаго короля. Я, не зная въ точности, а только угадывая настоящія намѣренія моего двора, ограничивался мирными увѣреніями. Наконецъ, буря разразилась. Къ удивленію Европы, Густавъ III, который во все правленіе свое и особенно послѣ того, какъ усилилъ свою власть, ослабленную его отцомъ, показалъ такъ много благоразумія, умѣренности и великодушія, отправилъ черезъ курьера и велѣлъ передать черезъ секретаря Шлаффа Русскому правительству самую грозную, рѣзкую ноту и сдѣлалъ такія дерзкія и неприличныя предложенія, что они казались безумными, тѣмъ болѣе, что они истекали отъ главы государства второстепеннаго и были обращены къ такой громадной имперіи, какова Россія. Конецъ этой ноты такъ любопытенъ, что привожу его здѣсь.

„Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ король отправился въ Финляндію во главѣ своей арміи и требуетъ опредѣленнаго и рѣшительнаго отвѣта, который опредѣлитъ: быть ли миру, или войнѣ. Король предлагаетъ Императрицѣ миръ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) чтобы графъ Разумовскій былъ примѣрно наказанъ за всѣ козни, которыя онъ затѣвалъ въ Швеціи, впрочемъ, безуспѣшно, и которыя нарушали дружбу, довѣріе и согласіе, существовавшія между обѣими державами, и чтобы его преемники навсегда отказались вмѣшиваться во внутреннія дѣла независимаго государства;

Библиотека "Руниверс"

2) чтобы для вознагражденія короля за расходы и вооруженія, вынужденные Россіею и которые народъ Шведскій оплачивать не обязанъ, Императрица уступила королю и Швеціи навсегда часть Финляндіи и Кареліи, съ областью Кекгольмскою, такъ какъ онѣ были отданы по Ништадскому и Абовскому трактатамъ, и чтобы граница шла на Систербекъ;

3) чтобы Императрица приняла посредничество короля на миръ съ Оттоманскою Портою и уполномочила его отдать Туркамъ Крымъ и возстановить границы по трактату 1774 года, или, въ случаѣ несогласія Порты возстановить границы такъ, какъ онѣ были до войны 1768 года, для обезпеченія этихъ уступокъ, Императрица должна была заблаговременно обезоружить флотъ свой, отозвать корабли, выступившіе въ Балтійское море, удалить войска отъ новой пограничной линіи и позволить королю сохранить вооруженное положеніе свое до заключенія мира Россіи съ Портою.

Король желаетъ знать: *да* или *нѣтъ*? и не можетъ принять никакихъ измѣненій въ этихъ условіяхъ, не нарушая интересовъ и достоинства своего народа. Вотъ что нижеподписавшійся имѣетъ честь объявить, по приказанію короля, господину вице-канцлеру, котораго проситъ представить этотъ актъ наискорѣйшимъ образомъ Императрицѣ, чтобы онъ могъ, не медля, передать отвѣтъ королю, его государю. С.-Петербургъ, 1-го Іюля 1788 года. Подписано Г. фонъ Шлаффъ, *секретарь посольства, единственный чиновникъ миссіи короля при императорскомъ Русскомъ дворѣ*.

Легче понять, чѣмъ выразить удивленіе, произведенное чтеніемъ столь странной деклараціи. Султанъ едва ли бы послалъ нѣчто подобное слабому Молдавскому господарю. Императрица, отозвавшись о ней съ насмѣшкой и негодованіемъ, спросила меня, какъ мнѣ нравится слогъ ея? «Мнѣ кажется, Государыня, отвѣчалъ я, что Шведскій король, очарованный обманчивымъ сномъ, вообразилъ себѣ, что уже одержалъ три значительныя побѣды». «Если бы онъ въ самомъ дѣлѣ одержалъ три значительныя побѣды, возразила Императрица горячо, если бы даже овладѣлъ Петербургомъ и Москвою, я бы ему показала еще, что можетъ сдѣлать, во главѣ храбраго и преданнаго народа, рѣшительная женщина на развалинахъ великой имперіи». Разумѣется, Шведскій король, даже въ случаѣ успѣха, нападая одинъ на Россію, долженъ былъ ожидать, что будетъ подавленъ силою мощной монархіи. Но съ другой стороны, были для него и благопріятныя обстоятельства. Вслѣдствіе непостижимой беззаботности Русскихъ, онъ заставалъ ихъ врасплохъ, и ему довольно удобно было хоть не надолго овладѣть Петербургомъ и Лифляндіею. Весь этотъ край былъ защищенъ только двумя полками. Предполагаемый 26,000 корпусъ собственно состоялъ изъ 6,000 солдатъ, и со всевозможными усиліями нельзя было удвоить это число скорѣе двухъ недѣль. Шведамъ слѣдовало смѣло и быстро идти на удачу: но Густавъ, рѣшительный на словахъ, былъ медлителенъ на дѣлѣ.

Однакожъ мы ежеминутно ожидали его прихода. Слышно было, что онъ заранѣе пригласилъ Стокгольмскихъ дамъ на балъ въ Петергофъ и на молебенъ, который собирался отслужить въ Петербургскомъ

Библиотека "Руниверс"

соборѣ въ назначенный имъ день, въ очень скоромъ времени. Въ столицѣ было смутно, тревожно. Готовились, снаряжали войско и учили новобранцевъ изъ слугъ и ремесленниковъ, молодыхъ и старыхъ. У меня еще хранится каррикатура того времени, на которой представлены смѣшные, косолапые рекруты, обучаемые дѣтьми изъ кадетскаго корпуса: кадеты становятся на скамьи и на стулья, вытягиваютъ, мунштруютъ этихъ неотесанныхъ, длиннобородыхъ великановъ и вздѣваютъ имъ ружья на плеча. Скоро пришла вѣсть, что король подошелъ къ Нейшлоту и обстрѣливаетъ фортъ, что армія его идетъ на Фридрихсгамъ, который не можетъ быть защищенъ противъ сильнаго нападенія. Разнесся слухъ, что во дворцѣ тревога, что укладываютъ серебро, драгоцѣнности, бриллианты, бумаги изъ кабинета, вездѣ подготовлены лошади, и Государыня, испуганная и безъ средствъ защиты, уѣдетъ ночью въ Москву *).

Въ эту критическую минуту затруднительно было положеніе иностранныхъ министровъ. Каждый изъ нихъ держалъ наготовѣ курьера, боясь еще послать извѣстіе ложное; съ другой стороны, странно бы было не извѣщать своего правительства о такомъ происшествіи и ждать, чтобы оно совершилось. Находясь въ подобной неизвѣстности, я отправился въ эрмитажъ, въ надеждѣ, что неосторожное слово или счастливый случай разсѣятъ мои сомнѣнія. Такъ и случилось. Только что Императрица меня увидѣла, какъ подозвала къ себѣ. Поговоривъ сперва о вещахъ ничтожныхъ, она сказала мнѣ потомъ: «Дипломаты, вѣроятно, теряются теперь въ предположеніяхъ; много слышно толковъ въ городѣ?» Отвѣчая на этотъ вопросъ, я постарался замѣтить впечатлѣніе, какое произведутъ мои слова. «Разнесся слухъ, ваше величество, сказалъ я, слухъ очень важный, очень странный, но передаваемый за вѣрное, что вы въ эту или слѣдующую ночь уѣдете въ Москву». «Чтожъ, вы повѣрили, графъ?» сказала Императрица съ невозмутимымъ равнодушіемъ. «Государыня, источникъ этого слуха даетъ ему нѣкоторую вѣроятность; но, зная васъ, я сомнѣваюсь». «И хорошо дѣлаете, замѣтила Государыня. Слушайте: я приказала выставить на всѣхъ станціяхъ по дорогѣ въ Москву по 500 лошадей, чтобы перевести сюда войска, которыя вытребовала: вотъ изъ чего вышли эти толки. Я не ѣду, будьте увѣрены. Я знаю, что ваши товарищи - дипломаты теперь въ немаломъ затрудненіи и не знаютъ на что рѣшиться, писать имъ или молчать? Я хочу вывести васъ изъ затрудненія. Вамъ дѣло виднѣе, чѣмъ другимъ. Пишите же вашему двору,

*) (Сл. Дневникъ Храповицкаго. Имъ подтверждаются правдивость и точность Сегюра, который, конечно, имѣлъ дневныя отмѣтки и по нимъ впослѣдствіи писалъ свои Записки).

Библиотека "Руниверс"

что я остаюсь въ столицѣ, и что если я выйду отсюда, такъ только навстрѣчу королю». Я повѣрилъ этой самоувѣренности и въ особенности по высокомѣрію, съ которымъ она была мнѣ выражена. Однако потомъ довелось мнѣ узнать отъ лицъ самыхъ приближенныхъ, что въ эти немногіе дни были минуты, когда героическая гордыня Императрица уступала мысли о возможности попасть въ руки непріятеля, что приказано было поспѣшно укладываться, дѣлали приготовленія къ отъѣзду, и слухъ о томъ быстро разнесся.

Какъ бы то ни было, она осталась. Нолькенъ, Шведскій министръ, получилъ приказаніе удалиться; но онъ отвѣчалъ, какъ Разумоскій, что ожидаетъ предписаній короля.

22 Іюля Русскій флотъ встрѣтился и сразился со Шведскимъ. Бой былъ кровавый, каждый изъ флотовъ лишился по кораблю и приписывалъ себѣ побѣду. Адмиралъ Грейгъ былъ слегка раненъ, но оставался на морѣ, между тѣмъ какъ герцогъ Зюдерманландскій долженъ былъ удалиться въ Шведскіе порты. Эта битва, подъ Гохландомъ, показалась достаточно выгодною Русскимъ, такъ что было отслужено молебствіе, на которомъ и я присутствовалъ. Густавъ III, неизвѣстно почему медлившій, потерялъ, стоя подъ Фридрихсгамомъ, три недѣли драгоцѣннаго времени. Великій князь Павелъ Петровичъ отправился въ Финляндскую армію, стоявшую у Выборга; армія эта, усиленная, состояла уже изъ 12,000 человѣкъ. Великому князю пришлось быть свидѣтелемъ только легкихъ сшибокъ: съ обѣихъ сторонъ много грозили, но мало дрались. Торжеству столицы нѣсколько помѣшало возвращеніе въ Кронштадтъ трехъ военныхъ кораблей, весьма пострадавшихъ.

Монморень писалъ мнѣ, что король нашъ рѣшительно осуждаетъ дѣйствія Шведскаго короля. По его мнѣнію, можно было заранѣе ждать того; извѣстно было, что онъ какъ-то публично сказалъ: «Нужна война, чтобы дать значеніе царствованію». Ложные слухи и дурные совѣты подстрекнули Густава къ смѣлому нападенію. Годъ предъ тѣмъ, онъ, при посредствѣ Пруссіи и Англіи, заключилъ условіе съ Портою, въ которомъ ему обѣщаны были 14 милліоновъ піастровъ вспоможенія на случай войны. Кромѣ того его увѣрили, что неурожай и война съ Турціею поставятъ Россію въ невозможность защититься отъ него. Говорили, что Русскій флотъ плохо вооруженъ, что матросы новобранцы. Онъ тѣмъ легче вѣрилъ этимъ извѣстіямъ, что имъ вѣрили вездѣ, даже у насъ. Нашъ дворъ, не смотря на мои депеши, полагалъ, что Русская армія сильна болѣе по наружности, нежели на самомъ дѣлѣ. Въ своихъ депешахъ я старался возстановить истину. Правда, что на Сѣверѣ Русскія силы были незначительны; но онѣ были размѣщены по переходамъ удобнымъ для вторженія, и потому останавливали Шведовъ.

Библиотека "Руниверс"

Если Шведскій король своими угрозами, своимъ хвастовствомъ и торжествами, объщанными прежде побѣды, нарушалъ приличіе, то и Государыня поступила почти также и не сохранила того уваженія, которымъ взаимно обязаны коронованныя лица. Она приказала сочинить и представить на своемъ театрѣ шуточную оперу, въ которой Густавъ III былъ выведенъ въ смѣшномъ видѣ: онъ явился тутъ какимъ-то удальцомъ, заносчивымъ владыкою. Этотъ искатель приключеній, по совѣту злой волшебницы, взялъ въ какой-то старой кладовой вооруженіе древняго, знаменитаго великана; огромный шлемъ его спускался у него до живота, а сапоги хватали до пояса; изъ этого выходила голова съ двумя ногами безъ туловища. Въ такой бронѣ онъ приступаетъ къ какой-то ничтожной крѣпости, изъ которой выходитъ комендантъ-инвалидъ съ тремя солдатами и своею деревяшкою прогоняетъ героя-шута [1]).

Этотъ спектакль не позабавилъ меня, а напротивъ, опечалилъ, и Императрица, наслушавшись разныхъ неловкихъ и пошлыхъ комплиментовъ по этому случаю, могла замѣтить по моему молчанію и виду, что я страдалъ за великую, благородную Государыню [2]).

Вскорѣ объяснилась причина колебаній Густава. Пользуясь недовольнымъ настроеніемъ Финляндской и даже Шведской арміи, нѣсколько

---

[1]) Либретто этой оперы, называвшейся *Горе-богатырь Косометовичъ*, сочинено было самой Императрицей при помощи ея статсъ-секретаря А. В. Храповицкаго, а музыка —придворными музыкантами Мартини и Ванжурой; опера была играна въ первый разъ на эрмитажномъ театрѣ 20 Января 1789 г.; на публичномъ театрѣ въ Петербургѣ давать ее не рѣшились, но въ Москвѣ позволили поставить, потому что тамъ не было иностранныхъ дипломатовъ. Въ пьесѣ Горе-богатырь осматриваетъ и примѣряетъ шишакъ Еруслана Лазаревича, мечъ-кладенецъ Ивана Ахридѣича, палицу двѣнадцати-пудовую Петра Златыхъ Ключей и довольствуется потомъ доспѣхами изъ картузной бумаги и т. п. Вообще, сочиняя свои оперы, Екатерина не разъ пользовалась разными мотивами Русскихъ народныхъ сказокъ и съ ними соединяла намеки на современность, l'histoire du temps, какъ говорила она. При постановкѣ „Горе-богатыря“ на эрмитажномъ театрѣ, Екатерина сказала: „Она бюрлескъ; надобно играть живѣе и развязнѣе, и въ томъ костюмѣ, какъ играютъ „Мельника“. (См. Пам. Зап. А. В. Храповицкаго, М. 1862 г., стр. 143; здѣсь нѣсколько замѣтокъ о томъ, какъ писалась, ставилась и игралась эта опера).

[2]) Записки Храповицкаго обличаютъ неправду словъ Сегюра въ этомъ случаѣ: и онъ не воздержался отъ комплиментовъ Императрицѣ. Вотъ что пишетъ Храповицкій: „30 Января. Съ удовольствіемъ отзываться изволила (Государыня) о представленіи „Горе-богатыря“ (бывшемъ наканунѣ); я заявилъ трусость свою, когда увидѣлъ на театрѣ Кобенцеля и Сегюра. „Нѣтъ, имъ графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ сказалъ, что спектакли въ эрмитажѣ одинаковы, и они пріѣхать могутъ. Кобенцель заводилъ къ разнымъ уподобленіямъ, но я будто не примѣчала, и когда спрошенъ былъ Сегюръ, то отвѣчалъ искренно: qui se sent morveux, se mouche, et que c'est bien délicat de répondre par des plaisanteries à des manifestes et déclarations impertinentes“ (у кого насморкъ, тотъ и сморкается; очень любезно—шутками отвѣчать на невѣжливые манифесты и деклараціи). (См. Зап. Храповицкаго, стр. 168).

Библиотека "Руниверс"

безпокойныхъ и пылкихъ головъ возмутили ихъ: опѣ не хотѣли идти на войну наступательную и начатую однимъ королемъ, безъ согласія народа. Подстрекатели увѣрили ихъ даже, что казаки, будто бы начавшіе боевыя стычки, были не кто иные, какъ Шведскіе же солдаты, которыхъ король переодѣлъ казаками въ платья, взятыя въ Стокгольмскомъ театрѣ. Постоянныя сношенія между Финляндіею Русскою и Финляндіею Шведскою усилили довѣріе къ этимъ внушеніямъ: вездѣ узнали, что на сѣверо-западной границѣ Россіи мало войска, что въ Петербургѣ всѣ озадачены неожиданною войною. Тогда стало ясно, что король—явный зачинщикъ.

Напрасно Густавъ надѣялся, что появленіе его флота у береговъ Лифляндіи возбудитъ въ этой провинціи (нѣкогда Шведской,) движеніе въ его пользу. Ошибка на морѣ тоже была безуспѣшна для него, и ничто не пробуждало мужественнаго духа въ его войскахъ. Неудовольствіе росло: Шведскія и Финскія войска, безъ всякаго распоряженія начальства, отступили на 25 верстъ за Фридрихсгамъ. Шведскій король, озадаченный, удалился послѣ безполезной попытки высадиться на Финляндскомъ берегу, и съ двѣнадцатью тысячами преданнаго войска заперся въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Кюменгардомъ, гдѣ защищенъ былъ озерами, рѣкою, лѣсомъ, моремъ и флотиліею галеръ. Положеніе его было недоступное, но довольно странное для короля, который выступилъ съ притязаніями завоевателя. Два письма короля къ искреннѣйшему изъ его друзей, барону Армфельду, докажутъ лучше всякаго разсказа, какъ онъ былъ увѣренъ въ себѣ, выѣзжая изъ Стокгольма, и какъ пріунылъ, когда несчастіе и безпорядки въ арміи разочаровали его.

Письмо Густава III къ барону Армфельду.

Съ корабля *Амфіонъ*, на якорѣ подъ Фидельгормерна (Fiedelhormerna) 24 Іюня 1788 г.

Наконецъ мы вышли въ море, милый другъ, и хоть мы не далеко ушли, но намъ нуженъ только порядочный попутный вѣтеръ, чтобы достигнуть Финляндіи. Мой выѣздъ великолѣпенъ. Я сказалъ тебѣ, что буду спокоенъ и одолѣю природу, которая брала свое въ минуту моего отъѣзда. И что же, милый другъ? Оказалось, что это обойдется еще легче, нежели я думалъ! Мысль о великомъ предпріятіи, которое я затѣялъ, весь этотъ народъ, собравшійся на берегъ, чтобы проводить меня и за который я выступалъ мстителемъ, увѣренность, что я защищу Оттоманскую имперію и что мое имя сдѣлается извѣстнымъ въ Азіи и Африкѣ, всѣ эти мысли, которыя возникли въ моемъ умѣ, до того овладѣли моимъ духомъ, что я никогда не былъ такъ равнодушенъ при разлукѣ, какъ теперь, когда иду на грозящую гибель. Вотъ какъ прошелъ день. Въ шесть часовъ я отправился въ Сенатъ и назначилъ правителями государства графовъ Дибена и Розена. Графу Ди-

Библиотека "Руниверс"

бену поручены покуда иностранныя дѣла, за отсутствіемъ Оксенштирны. Потомъ я отдалъ имъ мои инструкціи. Я сказалъ имъ нѣсколько словъ, и Сенатъ выразилъ мнѣ свою благодарность. Сенаторы встали и поцѣловали мнѣ руку. Между тѣмъ, мой церемоніймейстеръ, г. Бедуаръ, отправился къ Русскому посланнику, который былъ предупрежденъ о его посѣщеніи запискою Оксенштирны, но не зналъ о причинѣ посѣщенія и полагалъ, что цѣль его, вѣроятно, назначить часъ аудіенціи, которую онъ желалъ получить, чтобы вручить мнѣ письма съ извѣстіями о рожденіи дочери у великой княгини *). Бедуаръ объявилъ ему, что я очень оскорбленъ выраженіями его министерской ноты, представленной имъ въ прошлую Середу и въ которой онъ меня какъ бы отчуждаетъ отъ государства; но что такъ какъ я не полагаю, чтобы Императрица могла внушить ему этотъ образъ выраженій, то и приписываю его ему одному, тѣмъ болѣе, что тонъ этотъ согласенъ вообще съ поступками посланника въ продолженіе зимы; что съ этой минуты я не признаю его болѣе посланникомъ и приказываю ему выѣхать изъ Стокгольма черезъ восемь дней; что я велѣлъ приготовить корабль, на которомъ его перевезутъ въ Петербургъ, и что на ноту, которую онъ мнѣ представилъ, я буду отвѣчать черезъ моего министра въ Петербургѣ, когда приму начальство надъ моимъ войскомъ. Рубиконъ перейденъ. Я объявилъ Сенату это рѣшеніе, и всѣмъ девяти иностраннымъ министрамъ объ этомъ разослана подробная нота. Послѣ засѣданія я вошелъ въ залу, гдѣ собраны были кавалеры и командоры всѣхъ орденовъ; я сдѣлалъ распоряженіе о веденіи дѣлъ каждаго ордена въ моемъ отсутствіи. Послѣ того я объявилъ, что учреждаю новую степень ордена Меча, которая будетъ раздаваться только въ военное время и въ случаѣ войны въ самой Швеціи. Статутъ его будетъ изданъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я объявилъ, что я и братья мои надѣнемъ этотъ знакъ воинской доблести только тогда, когда заслужимъ его по приговору арміи. Изъ капитула я возвратился къ себѣ и передалъ Совѣту на храненіе коронные и мои брилліанты. Вечеромъ, въ ¾ девятаго было у меня собраніе. Всѣ лица, имѣющія входъ въ бѣлый залъ, были представлены мною королевѣ. Послѣ того я обошелъ общество и простился со всѣми дамами. Тогда двери открылись, и мы вышли въ галерею, гдѣ было обыкновенное собраніе; послѣ того я вышелъ въ сопровожденіи оруженосцевъ, пажей, двора и Сената, ведя королеву за правую руку, между тѣмъ, какъ съ другой стороны шелъ принцъ Остроготскій; жена его шла съ моимъ сыномъ; прочія дамы со всѣмъ дворомъ шли безъ порядка между двухъ рядовъ многочисленной публики разныхъ сословій и лѣтъ. Такимъ образомъ мы спустились на берегъ, гдѣ насъ ожидала шлюпка. Королева остановилась на площадкѣ лѣстницы, и я поцѣловалъ ее, сына и невѣстку. Эта минута была тяжела для меня. Я раскланялся со всѣми дамами и, взявъ брата подъ руку, спустился по лѣстницѣ, на которой стояли сенаторы: предсѣдатель на верхней ступени и прочіе за нимъ. Они подошли къ рукѣ моей. Потомъ я вступилъ на шлюпку, съ бра-

*) (Это была великая княжна Екатерина Павловна).

Библиотека "Руниверс"

томъ, тремя капитанами гвардіи, тремя старшими камергерами, старшимъ шталмейстеромъ, полковникомъ гвардіи и маленькимъ Вреде, и отъѣхалъ отъ берега при всеобщихъ кликахъ народа; когда они раздались, я остановилъ шлюпку и отвѣчалъ троекратнымъ: *ура!*

Такимъ образомъ я проѣхалъ гавань до *Амфіона*, который стоялъ у Корабельнаго острова. Я далъ сигналъ къ отъѣзду; но такъ какъ было очень тихо, и цѣпь двадцати восьми галеръ была длинная, то я оставался на мѣстѣ, покуда онѣ проходили, ожидая вмѣстѣ съ тѣмъ мою сестру, которая спѣшила ко мнѣ. По случаю штиля, я простоялъ до пяти часовъ утра, когда пріѣхала сестра. Такимъ образомъ я имѣлъ удовольствіе ее видѣть.

Другое письмо отъ того-же къ тому-же.

5 Августа 1788, изъ Гусуллы.

Не буду говорить вамъ о моемъ горѣ и отчаяніи; вы ихъ раздѣляете со мною. Пусть слабодушные жалуются; другіе скрываютъ горести въ глубинѣ души и ищутъ средствъ ободриться. Я еще не нахожу способовъ къ отвращенію зла и прекращенію войны, но найду ихъ для поддержки нашей славы. Когда заготовлены будутъ магазины въ Ангелѣ, надо будетъ идти къ Вильманстранду съ остаткомъ вѣрнаго войска, сразиться и побѣдить генерала Михельсона. Если мы будемъ разбиты, все кончено; но за нами останется слава храбрыхъ воиновъ. Если же я буду побѣдителемъ, то могу предложить миръ и явиться безъ стыда въ Швецію. Сегодня, въ три часа пополудни, мы вступаемъ въ Сумму и ожидаемъ васъ. Тамъ мы остановимся, если будетъ нужно, чтобы не разставаться съ вами, и потомъ расположимся подъ Югфортомъ и Кюменгардомъ. Сдерживайте ваше усердіе, милый другъ: подумайте, что надо съ достоинствомъ переносить неудачи и съ умѣренностью пользоваться счастіемъ. Служа преданно мнѣ и отечеству, вы не можете безъ сожалѣнія смотрѣть на наше положеніе; но, какъ частный человѣкъ, вы должны быть довольны, что вы одни во всей арміи имѣли успѣхъ, устояли на своемъ мѣстѣ и нанесли вредъ непріятелю. Прощайте; надѣюсь увидѣть васъ сегодня вечеромъ. Мнѣ легче, когда я излилъ свое горе въ преданное сердце; милосердное Небо дало мнѣ эту возможность: оно разитъ, но порою и утѣшаетъ.

*

Я изложилъ все, что въ моемъ положеніи могъ узнать о неожиданной войнѣ, такъ самонадѣянно начатой Шведскимъ королемъ. Но изъ уваженія къ знаменитому монарху и по безпристрастію, которому не хочу измѣнить, я, при воспоминаніи объ отважности Густава, внушенной ему рыцарскимъ характеромъ и жаждою славы, не долженъ изобразить его только такимъ, какимъ его описывали мнѣ враги его. Немного нужно словъ, чтобы оправдать короля, который, оправившись послѣ первыхъ ударовъ, твердостью духа поборолъ неудачи, козни и возмущеніе, спасъ свою славу, ободрилъ унывавшихъ, возстановилъ преданность къ себѣ, храбро сражался, заслужилъ похвалы среди не-

Библиотека "Руниверс"

взгодъ и честнымъ миромъ окончилъ войну, неблагоразумно начатую. Густавъ III въ наше время игралъ такую важную роль въ Европѣ, что послѣ упрековъ, высказанныхъ его врагами, не могъ не заслужить справедливыхъ похвалъ за свой умъ, великодушіе, любовь къ отечеству и многія достоинства, которыми онъ привязалъ къ себѣ почетнѣйшихъ людей Швеціи. Какъ авторъ Записокъ, а не историкъ, я не буду распространяться и постараюсь только показать его такимъ, какимъ мнѣ изобразили его другъ и любимецъ его баронъ Армфельдъ и г. Ренштромъ, одинъ изъ его генераловъ, который по смерти короля сохранилъ любовь къ нему.

Нельзя говорить о немъ, не сказавъ ни слова объ его отечествѣ, которое онъ обожалъ, и о нѣкоторыхъ герояхъ Швеціи. По слѣдамъ ихъ хотѣлъ идти Густавъ съ увлеченіемъ, мѣшавшимъ ему разсудить, что онъ былъ поставленъ въ другія времена и обстоятельства. При своей пылкости онъ забылъ умный совѣтъ, данный ему Фридрихомъ II *). Великій герой, поздравляя его съ успѣхомъ переворота, утвердившимъ власть его, писалъ къ нему: «Пользуйтесь вашимъ успѣхомъ. Заботьтесь о возстановленіи мира и порядка въ вашемъ отечествѣ. Но не забудьте, что теперь, когда существуютъ три или четыре большія державы, которыя могутъ выставить по триста и четыреста тысячъ войска, Шведскому королю уже нельзя имѣть притязаній на славу побѣдъ и завоеваній». Если бы Густавъ его послушался, то, управляя страною, отчасти покрытою песками и снѣгомъ и имѣющею только два съ половиною милліона жителей, онъ не отважился бы дерзко напасть на имперію въ тридцать милліоновъ жителей и пятьсотъ тысячъ войска. Но Шведскій король, отвращая взоръ свой отъ окружавшей его дѣйствительности, обращалъ его къ ликамъ Густава-Вазы и Густава-Адольфа. Въ особенности послѣдній служилъ ему образцомъ: онъ съ восторгомъ вспоминалъ славныя побѣды этого героя, который завоевателемъ прошелъ Германію съ 15,000 Шведовъ и мечемъ доказалъ императору Фердинанду, что великій человѣкъ пользуется обстоятельствами, устраняетъ препятствія и побѣждаетъ силу. Фердинандъ осмѣлился произнести на счетъ Густава-Адольфа дерзкое слово: «Этотъ снѣжный король скоро растаетъ, потому что осмѣлился мѣриться съ Юпитеромъ Европы». Пустыя и смѣшныя слова! *Снѣжный король* потрясъ до основаній престолъ *Германскаго Юпитера*. Густавъ III, одушевленный этимъ примѣромъ, забывалъ великія перемѣны, происшедшія въ духѣ его народа послѣ деспотическаго правленія Карла XI, послѣ

*) (Густавъ III былъ сынъ сестры Фридриха II. По отцу своему онъ приходился двоюроднымъ братомъ Екатерины II).

Библиотека "Руниверс"

утомленія, въ которое приведена была Швеція безумной воинственностью Карла XII, послѣ лишеній, которыя она потерпѣла отъ честолюбія и самовластія этого монарха. Густавъ III даже не обратилъ вниманія на тѣ затрудненія, которыя долженъ былъ преодолѣвать чтобы утвердить свою власть, совершенно ослабленную честолюбивой аристократіею. Извѣстно, что послѣ 1720 года, когда представители государственныхъ сословій захватили въ свои руки правленіе государствомъ, власть королевская ослабѣла, и король долженъ былъ подписывать всѣ распоряженія сейма и его предсѣдателя, будучи въ зависимости отъ нихъ. Такимъ образомъ царствовали: Ульрика-Элеонора, ея мужъ Фридрихъ Гессенскій и избранный ихъ наслѣдникомъ Адольфъ-Фридрихъ, принцъ Гольштинскій, отецъ Густава III. Правда, что, будучи еще ребенкомъ, только что выйдя изъ пеленокъ, Густавъ подавалъ блистательныя надежды приверженцамъ падшей монархической власти. Онъ былъ семи лѣтъ, когда одинъ Шведскій генералъ сказалъ ему въ шутку, что онъ будетъ другимъ Густавомъ-Адольфомъ. Ребенокъ отвѣчалъ на это: «То, что вы теперь говорите какъ лесть, когда-нибудь, пожалуй, будетъ правдою.» Его юное воображеніе было полно чертами изъ исторіи обоихъ Густавовъ, Христины, Карла XII, битвами съ Нѣмцами, Русскими, Поляками, сраженіями подъ Люценомъ, Нарвою и Полтавою. Покуда онъ росъ, волнуемый мечтами о славѣ, въ сеймахъ господствовали смуты, и Швеція раздѣлилась на двѣ партіи: *шапокъ* и *шляпъ*. Первая хотѣла купить миръ подчиненіемъ и согласіемъ съ Россіею; вторая искала прежней славы и независимости, хотѣла при содѣйствіи Франціи завладѣть снова Ливоніею и Финляндіею. *Шапки* были усердные приверженцы республиканской аристократіи; *шляпы* въ тайнѣ желали возстановленія королевской власти. Тогда-то, однажды, молодой Густавъ со вздохомъ высказался въ слѣдующихъ словахъ объ отцѣ своемъ: «Король сталъ въ государствѣ куклою, на которую только въ торжественные дни надѣваютъ регаліи». Смуты въ сеймѣ усиливались. Обѣ партіи поперемѣнно захватывали власть. Старый король, выведенный наконецъ изъ терпѣнія безпрестанными униженіями, отрекся отъ престола, а сеймъ, не успѣвъ заставить его утвердить нѣкоторыя изъ своихъ постановленій, рѣшился принять это отреченіе и чтобы сдѣлать его сопротивленіе безполезнымъ, утверждалъ законы вмѣсто подписи короля приложеніемъ его печати. Молодой Густавъ, въ негодованіи, взялъ изъ Государственнаго Совѣта печать и передалъ ее отцу. Не имѣя терпѣнія долѣе переносить это униженіе, онъ съ братомъ поѣхалъ путешествовать. Оба они были въ Парижѣ въ 1771 году, когда узнали о смерти отца. Густавъ отправился въ Стокгольмъ и созвалъ сеймъ.

Библиотека "Руниверс"

Молодой король доказалъ въ это время, что онъ былъ достоинъ сана, который носилъ. Соображаясь съ обстоятельствами, онъ обнаружилъ ловкость благоразумнаго человѣка, доброту народнаго монарха, взглядъ глубокаго политика и рѣшительность молодого воина. Прежде всего онъ старался казаться равнодушнымъ ко власти, отнятой у престола аристократіею, и въ тоже время всевозможными средствами привлекалъ къ себѣ любовь народа. Онъ въ этомъ успѣлъ, такъ что *однажды* одинъ отважный и простодушный крестьянинъ изъ Далекарліи сказалъ ему: «Уѣзжаю довольный тобою и разскажу своимъ, что я видѣлъ: въ тебѣ они найдутъ добраго отца. А если когда нибудь тебѣ будетъ нужда до насъ, твоихъ людей, то обитатели трехъ долинъ соберутся къ тебѣ на первый же призывъ». Съ скрытымъ удовольствіемъ Густавъ замѣчалъ въ сеймѣ разномысліе дворянскихъ представителей съ прочими. Дворяне, высокомѣрно желая захватить всѣ высшія должности, возбудили всеобщее неудовольствіе. Король скрывалъ свое восхищеніе и потихоньку умножалъ число своихъ приверженцевъ. Собравъ полтораста молодыхъ офицеровъ подъ командою Спренгпортена и подъ предлогомъ формированія военной школы, онъ подготовилъ себѣ помощь на случай нужды. Нѣсколько времени спустя, задержавъ подвозъ хлѣба, онъ произвелъ искусственный голодъ и возбудилъ неудовольствіе въ народѣ. Между тѣмъ собрался новый сеймъ. Онъ былъ составленъ изъ противниковъ его, приверженцевъ Англіи и Россіи, скрѣпившихъ связи Швеціи съ этими державами. Нужно было дѣйствовать: приходилось или подчиниться такому сейму, или побѣдить его. Отвращая вниманіе своихъ противниковъ отъ удара, имъ грозившаго, Густавъ произвелъ нарочно возмущеніе въ Финляндіи и Сканіи. Между тѣмъ Спренгпортенъ, Геллихіусъ и многіе офицеры, привязанные къ королю и его брату, разглашали печатно, что дороговизна хлѣба происходитъ отъ вліянія Русскихъ и Англичанъ и отъ измѣны сейма. Народъ ловилъ эти слухи. Въ это время произошло возмущеніе въ Христіанштадтѣ. Герцогъ Зюдерманландскій тотчасъ собралъ пять полковъ и вышелъ съ ними въ походъ, увѣривъ солдатъ, что составился заговоръ, затѣянный Русскими противъ жизни короля. Все это движеніе встревожило сеймъ. По его распоряженію вооружены были два корпуса, на вѣрность которыхъ можно было положиться. Рудебеку поручено было охранять короля и даже задержать его, если почему либо откроется, что онъ въ сношеніяхъ съ Христіанштадтскими бунтовщиками. Густавъ предвидѣлъ это. За нимъ слѣдили, старались, чтобы онъ проговорился, но онъ ничѣмъ не обнаружилъ себя. «Извѣстіе, которое вы мнѣ сообщаете, сказалъ онъ Рудебеку, довольно странно и неправдоподобно».—«И что всего страннѣе, сказалъ тогда графъ Риб-

Библиотека "Руниверс"

бингъ, пристально смотря на короля, такъ это то, что офицеръ, стоявшій на караулѣ у воротъ Христіанштадта, увѣрялъ генерала Рудебека, будто все совершающееся дѣлается по приказанію вашего величества». «Ну, такъ что же? Онъ ошибся», возразилъ король съ холодностью и невозмутимымъ спокойствіемъ. На другой день Рудебекъ, войдя къ королю безъ доклада, засталъ его за рисункомъ для одной изъ придворныхъ дамъ и, уходя, сказалъ: «Можно навѣрно сказать, что этотъ юноша никому на свѣтѣ не можетъ быть опасенъ».

Карлъ, братъ его, между тѣмъ приближался съ своими пятью полками. Испуганный сеймъ приказываетъ охранять городъ и не выпускать короля. Во время этой тревоги Густавъ, среди блистательнаго двора, притворяясь беззаботнымъ и легкомысленнымъ, казалось, только и думалъ, что объ удовольствіяхъ; но, между тѣмъ, онъ далъ потихоньку знать своимъ друзьямъ, что пришло время дѣйствовать. Совѣтъ хотѣлъ принудить его показать письма его брата; онъ отказался исполнить его требованіе. Нѣсколько членовъ хотѣли его арестовать; тогда король вдругъ уходитъ, садится на лошадь, ѣдетъ къ арсеналу, въ которомъ уже дожидались его клевреты, возвращается во дворецъ, гдѣ стояла гвардія, сзываетъ офицеровъ и съ жаромъ представляетъ имъ народную бѣду и *цѣпи, скованныя золотомъ иноземцевъ*. «Клянусь вамъ, говоритъ онъ, что я болѣе всякаго Шведа ненавижу самовластіе. Принужденный защищать мою независимость и свободу отечества отъ дерзкихъ вельможъ, я васъ спрашиваю: хотите ли вы присягнуть мнѣ съ тою вѣрностью, какою всегда отличался Шведскій народъ при Густавѣ-Вазѣ и Густавѣ-Адольфѣ? Если вы согласны, я охотно подвергну жизнь мою опасности для блага отечества и вашего». Всѣ, кромѣ трехъ, присягнули. Въ эту минуту комендантъ войска, охранявшаго сеймъ, хочетъ говорить съ королемъ. «Пусть онъ идетъ въ Совѣтъ, тамъ я съ нимъ объяснюсь». Тогда Густавъ повязываетъ руку бѣлымъ платкомъ (это былъ условный знакъ). Офицеры гвардіи и артиллеріи слѣдуютъ его примѣру. Не теряя времени, онъ ставитъ караулъ къ Государственному Совѣту и отправляется къ собранному войску, чтобы держать рѣчь солдатамъ. Это была рѣшительная минута. Собравшись съ духомъ, онъ проѣхалъ по рядамъ, убѣждалъ, увлекалъ, воспламенялъ ихъ преданность, такъ что всѣ поклялись идти за нимъ и защищать его. Одинъ только голосъ отказа нарушилъ ихъ согласные клики. Однако въ другихъ частяхъ города распускали слухи, что онъ арестованъ. Король проѣхалъ по городу съ обнаженною шпагою, и народъ былъ въ восторгѣ. Напрасно въ это время Рудебекъ внѣ себя мчался по улицамъ и кричалъ: «Къ оружію, братья; къ оружію, Шведы! Погибаетъ ваша свобода!» Густавъ велѣлъ его арестовать вмѣстѣ съ про-

Библиотека "Руниверс"

чими коноводами партіи *шапокъ*. Король, желая обезпечить безопасность иностранныхъ министровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдать ихъ намѣренія, созвалъ ихъ во дворецъ. Тамъ онъ привелъ къ присягѣ чиновниковъ и адмиралтейство. Посланники обратились къ нему съ поздравленіями, но искренни изъ нихъ были только Испанскій и Французскій. Такимъ образомъ, въ нѣсколько часовъ, находчивостью одного человѣка совершился великій государственный переворотъ, и ни одной капли крови не было пролито. Совершенное спокойствіе господствовало въ столицѣ и въ государствѣ.

Король приказалъ брату своему распустить войска. Но онъ не довольствовался смѣлымъ подвигомъ возстановленія королевской власти: онъ хотѣлъ, чтобы народъ своимъ одобреніемъ освятилъ этотъ переворотъ. Устроено было народное собраніе на обширномъ полѣ: здѣсь было все земское ополченіе съ оружіемъ въ рукахъ. Явился король и былъ встрѣченъ всеобщимъ кликомъ: «Да здравствуетъ Густавъ! Да здравствуетъ спаситель отечества!»

Король созвалъ чиновъ и съ торжествомъ явился въ собраніе. Слухъ о приближеніи Финляндскихъ войскъ потревожилъ было депутатовъ; но спокойствіе и краснорѣчіе короля разсѣяли тревогу. Простучавъ три раза серебрянымъ молоткомъ Густава-Адольфа, король потребовалъ вниманія и прочиталъ актъ, состоявшій изъ 57 статей, въ которыхъ онъ обѣщалъ поддерживать прежніе законы такъ, какъ они были при Густавѣ-Адольфѣ и до 1680 года. Король и представители народа обмѣнялись клятвами, и все кончилось молебствіемъ.

Выказавъ себя ловкимъ, смѣлымъ и твердымъ, Густавъ, какъ король, явился добрымъ и великодушнымъ. Онъ никому не мстилъ; всѣмъ была объявлена амнистія. Забывая угрозы и обиды, нанесенныя отцу, онъ говорилъ: «Я не хочу никакого напитка, кромѣ воды Леты». Награды достались Геллихіусу, Спренгпортену и другимъ офицерамъ, которые первые поддержали его.

Его дружелюбныя увѣренія успокоили нѣкоторыхъ недовольныхъ иностранныхъ дипломатовъ. Онъ весь предался исполненію своего долга въ отношеніи къ народу. Онъ поощрялъ торговлю и земледѣліе, учреждалъ фабрики и заводы, раздавалъ хлѣбъ бѣднымъ, освободилъ отъ податей всѣхъ отцовъ, имѣвшихъ четырехъ дѣтей, разсѣялъ предразсудокъ относительно оспопрививанія и утвердилъ свободу печати постановленіемъ, въ которомъ напомиралъ, что этой свободы не существовало въ Англіи, когда Карлъ I взошелъ на эшафотъ. «Только при этой свободѣ, говорилъ король, правители узнаютъ свои ошибки; только черезъ нее они слышатъ жалобы народа, и только посредствомъ нея они могутъ иногда убѣдить его въ неосновательности этихъ жа-

Библиотека "Руниверс"

лобъ». Появилась сатира на него. Король велѣлъ призвать автора; тотъ явился со страхомъ. «Я вижу, сказалъ ему Густавъ, что вы умный человѣкъ, но, вѣроятно, бѣдны. Я не хочу, чтобы вы нуждались и назначаю васъ своимъ библіотекаремъ». Король поощрялъ разработку рудъ, и отъ его хозяйственныхъ распоряженій множилось обращеніе денегъ. Свобода подняла общее довѣріе. Врагъ роскоши, онъ боролся противъ нея указами, столь убѣдительными, что они подѣйствовали на народъ, вообще небогатый. Онъ усилилъ трудъ, уничтоживъ до двадцати-двухъ праздничныхъ дней въ году. Среди королевскихъ трудовъ, полный рыцарскими мыслями, онъ, по образцу знаменитаго короля Артура, устроилъ покровительство надъ сиротами и стариками и надзоръ за больницами. Какъ любитель литературы, онъ былъ въ перепискѣ съ нѣсколькими учеными. Онъ преобразовалъ Упсальскій университетъ, учредилъ академіи, написалъ нѣсколько театральныхъ пьесъ, а по случаю открытія памятника Густаву-Вазѣ сочинилъ лирическую піесу, которая и была играна въ Стокгольмѣ *). Часто просыпались въ немъ романическіе порывы молодости; нѣсколько разъ онъ устраивалъ всенародные турниры и карусели.

Осмнадцать лѣтъ царствовалъ онъ справедливо, великодушно, свободолюбиво и умно и основалъ свою силу и славу на любви народа благороднаго и свободнаго. Однакожъ, между тѣмъ, какъ благоразуміе клонило его къ миру, излишняя любовь къ славѣ пробуждала въ немъ тайное желаніе войны. Исподволь готовился онъ къ ней, строилъ корабли, собиралъ запасы, укрѣплялся, обучалъ и упражнялъ войска. Все улыбалось его надеждамъ. Обезпечивъ спокойствіе своего государства, онъ совершилъ поѣздку по Европѣ и вездѣ былъ встрѣченъ похвалами, хотя и находили иногда, что его достоинствамъ мѣшало излишнее тщеславіе, подстрекавшее его слишкомъ часто повторять разсказъ о переворотѣ, который имъ совершенъ. Эта смѣсь ума съ гордостью имѣла вліяніе на его судьбу. Съ умомъ онъ прожилъ счастливо осмнадцать лѣтъ; гордость породила бурю, которая, омрачивъ его царствованіе, возбудила противъ него вражду, и онъ палъ подъ ея ударами.

Съ 1786 года въ Шведскомъ дворянствѣ возникла довольно сильная оппозиція, усиленная еще воинственнымъ настроеніемъ короля. Король не могъ равнодушно видѣть, что Россія владѣетъ Лифляндіею и частію Финляндіи. Въ надеждѣ найти случай, чтобы завоевать ихъ обратно, онъ, по внушеніямъ нѣкоторыхъ державъ, составилъ союзъ съ Пор-

*) Его сочиненія и переписку издалъ секретарь его Déchaux (Stockholm et Paris, 1803, 5 v. in 8°).

Библиотека "Руниверс"

тою. Взаимное обязательство состояло въ томъ, что если одна изъ державъ будетъ атакована Россіею, другая вступится, и обѣ не положатъ оружія, покуда не добьются удовлетворенія. Мы видѣли, какъ онъ обманулся въ своихъ надеждахъ, и трудно понять, какъ могъ онъ не знать о настроеніи Шведскаго дворянства и о происках, которыми возбуждалось войско. Слишкомъ довѣрчиво полагаясь на беззаботность своихъ непріятелей, онъ ожидалъ своего торжества и увлекся до такой степени, что произнесъ въ Государственномъ Совѣтѣ слѣдующія грозныя слова: «Если успѣхъ увѣнчаетъ наше оружіе, я между памятниками Русской гордыни поищу только одинъ памятникъ Петру Великому, чтобы выставить и увѣковѣчить на немъ имя Густава». Можетъ быть, ему удалось бы, хоть очень ненадолго, осуществить эти угрозы въ Петербургѣ, который оставался безъ защиты; но нѣсколько потерянныхъ имъ дней, нерѣшительная морская битва и возмущеніе его войска навсегда разсѣяли мечты о вторженіи и завоеваніи. Впослѣдствіи мы увидимъ, что Густавъ, принужденный къ оборонительному способу дѣйствія, въ храбрости своей нашелъ средство поправить свое положеніе и съ нѣкоторою славою сойти съ пути столь опаснаго.

Между тѣмъ, какъ этотъ новый врагъ грозилъ Русской Императрицѣ внезапнымъ нападеніемъ, недѣятельность южной арміи истощала ея терпѣніе. Осада Очакова еще не была даже начата, какъ слѣдуетъ. «Я полагаю, писалъ мнѣ князь Делинь, что мы начали осаду этой крѣпости, по крайней мѣрѣ, въ воображеніи, потому что соорудили четыре плохіе редута въ разстояніи 700 туазовъ и ретраншаменты въ разстояніи 900 туазовъ отъ городскихъ стѣнъ. Непріятель не подумалъ стрѣлять на работавшихъ, хотя они трудились свѣтлою лунною ночью. Потемкинъ какъ будто заснулъ и, казалось, не думалъ ни воевать, ни защищаться. Черезъ нѣсколько дней двѣ тысячи Турокъ неожиданно атаковали эти ретраншаменты; бросившись на батарею, защищаемую Ангальтомъ, они уже готовы были разрушить ихъ. Князь не посылалъ ни приказаній, ни подкрѣпленій. Онъ все смѣялся надъ неугомонною дѣятельностью принца Нассау, который отплатилъ ему порыцарски: высадивъ свои войска и спасши Ангальта съ его батареею, онъ самъ привезъ Потемкину донесеніе Ангальта, который приписывалъ въ немъ спасеніе свое принцу Нассау. Вмѣстѣ съ тѣмъ принцъ иронически извинился, что дерзнулъ вступить въ бой, не дождавшись приказаній главнокомандующаго».

Въ это же время Австрійцы потерпѣли сильную неудачу Императоръ слишкомъ широко растянулъ войска свои, Турки прорвали ихъ цѣпь и произвели большія опустошенія въ Банатѣ. Среди этихъ обстоятельствъ Делинь писалъ императору слѣдующее: «Я надѣюсь,

Библиотека "Руниверс"

ваше величество, что Сентябрь мѣсяцъ поправитъ несчастіе въ Банатѣ и неуспѣхъ въ Босніи. Можно ли думать, что разстроенная Оттоманская имперія можетъ быть такъ опасна Россіи? Планъ Турокъ былъ прекрасный. Если бы Шведскій король сдѣлалъ свое нападеніе тремя недѣлями раньше или позднѣе, и если бы паша успѣлъ, какъ должно было ожидать, съ флотомъ своимъ, покрывавшимъ Лиманъ, разбить рыбачьи лодки и галеры, изъ которыхъ состоялъ флотъ нашъ во время романической поѣздки по Борисѳену, то король явился бы въ Петербургъ, а паша въ Херсонъ».

Наконецъ, счастье, которое, какъ будто отвернулось отъ Императрицы, снова ей улыбнулось: она получила извѣстіе о второй побѣдѣ, одержанной Нассау-Зигеномъ въ Лиманѣ. Такъ какъ большіе корабли и фрегаты Русскіе, по причинѣ мелей, не могли догнать флотилію, то Поль-Джонсъ самъ вызвался помочь Нассау своею отвагою, удерживая однако его кипучую рѣшительность. «Мы идемъ на вѣрную гибель, говорилъ онъ ему; съ нѣсколькими галерами и плоскодонными судами никто еще никогда не осмѣливался нападать на сильную эскадру и корабли въ 74 и 80 пушекъ; это безумная отвага; вы будете уничтожены». «Ошибаетесь, отвѣчалъ Нассау: эти громады безъ души, и артиллерія ихъ неискусна; Турки не умѣютъ цѣлить и стрѣляютъ на воздухъ. Мы пойдемъ на нихъ подъ огненнымъ сводомъ, который намъ немного повредитъ; мы ихъ подожжемъ и истребимъ».

Его предсказаніе сбылось. Онъ взорвалъ шесть военныхъ кораблей, захватилъ еще два и сжегъ почти весь флотъ. Капитанъ-паша спасся на шлюпкѣ; четыре тысячи Турокъ были захвачены въ плѣнъ. Суворовъ береговыми батареями немало способствовалъ этой побѣдѣ. Графъ Рожеръ Дедамасъ, командуя двѣнадцатью канонерскими лодками, за свое благоразуміе и храбрость заслужилъ въ этомъ дѣлѣ справедливыя похвалы. Нассау поручилъ ему отвезти Потемкину адмиральскій флагъ капитана-паши. Апраксина послали курьеромъ къ Императрицѣ.

Потемкинъ расположился тогда на возвышеніи, называемомъ Ново-Григорьевскимъ. Въ радости отъ побѣды надъ Турками и увлекаемый набожными мыслями, которыя не покидали его съ дѣтства, онъ бросился на шею Делиню и сказалъ ему: «Видите-ли вы эту церковь? Я ее посвятитъ моему святому, и побѣда Нассау случилась на другой день послѣ его праздника. Мы и сегодня возлѣ его церкви, и вотъ Турецкій флотъ сожженъ; это помощь святаго, не такъ-ли? Да, точно, я баловень Божій!»

Это торжество вознаградило Императрицу за тревогу, которую причинилъ ей Шведскій король. Она приказала отслужить молебенъ и назначила для этого храмъ въ крѣпости, находящійся въ виду памят-

Библиотека "Руниверс"

ника Петру Великому, достойнаго и его, и ея. Императрица объявила мнѣ, что сорокъ двѣ губерніи предложили ей выставить по баталіону, но что она отказалась отъ этого, потому что солдатъ, которыхъ собрали въ Москвѣ и Петербургѣ, было достаточно для отраженія Шведовъ. Когда она спросила меня о новостяхъ изъ Франціи, я сказалъ ей, что тамъ думаютъ, будто она написала Шведскому королю рѣзкое письмо, которое его разсердило. «Я очень рада, отвѣчала она мнѣ, что вы мнѣ сообщили это. Басню эту распускали во многихъ мѣстахъ; надѣюсь, что вы считаете меня неспособною солгать вамъ. Итакъ, положитесь на мои слова: съ 1785 года я ни разу не писала Шведскому королю». Отъ нея же узналъ я, что капитанъ-паша, собравъ остатки своего флота, состоявшаго еще изъ тридцати-пяти судовъ, изъ которыхъ пятнадцать съ 74 и 80 пушками, встрѣтился съ контръ-адмираломъ Войновичемъ [1]), шедшимъ на него съ 17-ю кораблями. Они вступили въ бой, и битва была рѣшительная. Турки потеряли 20-ти пушечный корабль, а одинъ Русскій фрегатъ такъ пострадалъ, что его нужно было ввести въ Севастопольскую гавань. Капитанъ-паша отошелъ къ берегу къ Варнѣ, а Войновичъ остался въ морѣ.

На Сѣверѣ адмиралъ Грейгъ напрасно искалъ Шведскаго флота: онъ встрѣтилъ только четыре судна и упустилъ три; только одно, 74 пушечное, разбилось о берегъ и было сожжено Русскими. Пятьсотъ человѣкъ экипажа попали въ плѣнъ. Екатерина послала Грейгу Андреевскую ленту. «Этотъ орденъ, отвѣчалъ онъ ей, дается только высокорожденнымъ или отличившимся своими заслугами, а такъ какъ я не знатнаго происхожденія и не успѣлъ еще отличиться, то, сохраняя орденъ, не буду однако носить его, покуда не буду достоинъ».

На сушѣ не происходило ничего замѣчательнаго. Армфельдъ [2]), послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ успѣховъ надъ Русскими, удалился въ Питтисъ. Онъ отступилъ храбро и въ порядкѣ, между тѣмъ какъ остальная Шведская армія внезапно удалилась отъ Фридрихсгама. Въ то время мы еще не знали о возмущеніи Финляндской арміи, и это быстрое отступленіе возбудило въ Петербургѣ такое же сильное удивленіе, какъ сильна была сначала тревога, произведенная внезапнымъ наступленіемъ Шведовъ. До насъ доходили только слухи, что Финляндскія войска, готовыя отразить нападеніе, не хотѣли войны, несогласной съ условіями конституціи [3]).

[1]) Графъ Маркъ Ивановичъ, ум. въ началѣ XIX в.

[2]) Шведскій главнокомандующій.

[3]) Т. е. войны наступательной.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ Монморень писалъ мнѣ, что Шведскій король требуетъ отъ Франціи денежнаго вспомоществованія, обѣщаннаго ему прежнимъ договоромъ. Ему отвѣчали, что такъ какъ онъ зачинщикъ, то его требованіе неисполнимо; а что касается обыкновенныхъ ссудъ въ мирное время, то король желаетъ, чтобы обстоятельства дали ему возможность выплатить ихъ. Этотъ отвѣтъ, сообщенный Русскимъ министрамъ, очень имъ понравился и снова возбудилъ надежды на заключеніе союза между четырьмя державами. Монморень наказывалъ мнѣ спѣшить, но между тѣмъ не давалъ средствъ, потому что никакъ не хотѣлъ поручиться за независимость Польши.

Отправившись однажды въ эрмитажъ, я узналъ отъ Императрицы, что Шведскій король оставилъ свой лагерь и возвращется въ Стокгольмъ черезъ Або, вмѣсто того, чтобы идти тѣмъ же путемъ, по которому онъ шелъ въ Финляндію. «Король нѣсколько смущенъ, сказала она мнѣ съ ироническою улыбкою; народъ знаетъ, что его непобѣдимый флотъ не выходитъ изъ портовъ, между тѣмъ какъ несчастный Русскій флотъ постоянно въ морѣ».

Императрица приказала сообщить намъ свой манифестъ противъ Швеціи. Онъ былъ написанъ сильно, благородно и въ умѣренныхъ выраженіяхъ. Но, сообщая его Датскому правительству, она выразилась такимъ образомъ: «Шведскій король безразсудно обнажилъ мечъ, вооружившись противъ меня; ему придется бросить и ножны». Когда Густавъ узналъ объ этомъ, онъ сказалъ: «Сикстъ Пятый сказалъ о герцогѣ Гизѣ: *когда подданный обнажаетъ мечъ противъ своего монарха, то долженъ бросить и ножны.* Я не подданный Императрицы и сдѣлаю все, что̀ могу, чтобы доказать это». Странно было видѣть этихъ двухъ монарховъ, спорящихъ такъ жарко на словахъ, между тѣмъ какъ ихъ армія одна будто дивилась, что застигнута врасплохъ, а другая болѣе склонна была къ переговорамъ, нежели къ битвамъ.

Негласнымъ образомъ узналъ я, что Финское войско замышляло уже перейдти на сторону Русскихъ; это извѣстіе черезъ нѣсколько дней оправдалось прибытіемъ въ Петербургъ бѣжавшаго изъ Швеціи генерала Спренгпортена *). Онъ по неудовольствію бросилъ свою службу въ Швеціи и предложилъ свои услуги Екатеринѣ. Этотъ поступокъ возбудилъ во мнѣ нѣкоторое недовѣріе къ истинѣ его разсказовъ. Однако мы скоро убѣдились, что они не очень преувеличены, и тогда совершенно объяснилась настоящая причина внезапнаго отъѣзда короля.

---

*) Того самого, который былъ упомянутъ выше. Его звали въ Россіи Егоръ Максимовичъ; въ 1788 г. онъ сдѣланъ барономъ, а въ 1809 г. графомъ В. Кн. Финляндскаго. Его бумаги и письма въ Императорской Публичной библіотекѣ.

Библиотека "Руниверс"

Густавъ, сдѣлавъ только развѣдку около Фридрихсгама въ послѣднихъ числахъ Іюня, и казалось, терялъ драгоцѣнное время. Избѣгая всячески являться зачинщикомъ, онъ надѣялся угрозами вызвать Русскихъ на непріязненныя дѣйствія. Обманутый въ этихъ ожиданіяхъ, онъ отправилъ впередъ Армфельда, которому удалось разбить отдѣльный непріятельскій отрядъ; но, увлекшись, онъ такъ горячо дѣйствовалъ, что былъ окруженъ и чуть-чуть было не попался въ плѣнъ. Тогда король написалъ ему слѣдующее письмо, которое изображаетъ намъ свойства его ума и объясняетъ его намѣренія: «Мнѣ надо бранить васъ, а не хвалить. Все вышло такъ изъ-за вашей синей ленты: васъ приняли за меня или за моего брата. Куда какъ хорошо было бы, если бы васъ захватили, и каково было бы торжество Императрицы имѣть въ рукахъ своихъ одно изъ первыхъ лицъ моего двора! Мы идемъ на помощь къ вамъ. Надобно оставить Фридрихсгамъ, пока мы не будемъ въ состояніи атаковать крѣпость какъ слѣдуетъ; къ тому же Англія объявила Даніи, что полагается на ея нейтралитетъ». Непонятно, для чего король сбирался вести правильную осаду противъ такой ничтожной крѣпостцы, какъ Фридрихсгамъ. Впрочемъ, такъ какъ его тяжелая артиллерія оказалась ужъ слишкомъ медленна, то онъ рѣшился взять городъ сразу. Вслѣдствіе того предположено было вести атаку съ трехъ сторонъ: Гацфельдъ долженъ былъ подойти съ Сѣвера; Армфельдъ оставался въ своемъ крѣпкомъ положеніи у Питтиса, чтобы прикрывать движеніе короля къ Фридрихсгаму; Сигротъ съ галерами и десантными войсками долженъ былъ подойти къ берегу недалеко отъ Петербурга, и когда онъ дастъ знать о своей высадкѣ пушечными выстрѣлами, Густавъ долженъ былъ атаковать Фридрихсгамъ. Сначала дѣло, казалось, шло какъ по писанному. Условный сигналъ далъ знать королю, что Сигротъ высадился: онъ быстро пошелъ навстрѣчу Михельсону, но вдругъ, при началѣ движенія, получилъ приказаніе возвратиться на суда, причемъ Русскіе его преслѣдовали, и ему крѣпко отъ нихъ досталось. Вотъ что подало поводъ къ этой внезапной перемѣнѣ въ распоряженіяхъ: только что Густавъ услыхалъ выстрѣлы Сигрота, какъ приказалъ своимъ войскамъ идти на Фридрихсгамъ; но вмѣсто того, чтобы повиноваться, войско ропщетъ, останавливается; офицеры выходятъ изъ рядовъ, окружаютъ короля и говорятъ ему, что онъ не долженъ безъ нужды жертвовать жизнію своихъ подданныхъ. Король въ негодованіи требуетъ повиновенія. Тогда всѣ безъ обиняковъ объявляютъ ему, что не хотятъ участвовать въ наступательной войнѣ, противной конституціи. «Мы готовы, говорятъ они, защищать отечество, пролить за него послѣднюю каплю крови, но никогда не согласимся напасть на сосѣднюю страну безъ основательной причины. Мы согласны только защи-

Библиотека "Руниверс"

щать границы отъ непріятельскаго вторженія». Густавъ, огорченный и раздраженный, обращается къ солдатамъ, напоминаетъ имъ присягу, старается возбудить въ нихъ усердіе и храбрость; но всѣ они, сложивъ оружіе на землю, клянутся, что не сдѣлаютъ ни шагу впередъ. Вотъ какимъ образомъ, подъ стѣнами непріятельской крѣпости, вспыхнуло возмущеніе, котораго до тѣхъ поръ Густавъ не подозрѣвалъ. Скоро онъ узналъ, что цѣль главныхъ зачинщиковъ состояла въ томъ, чтобы съ помощію Россіи возстановить прежнее аристократическое правленіе, какъ оно было до 1720 года. Послѣ этихъ событій стало понятно, что король, въ отчаяніи, принужденъ былъ остановить Сигрота, отказаться отъ завоеваній и возвратиться къ себѣ въ столицу, гдѣ онъ узналъ о вооруженіи Датчанъ и приближеніи этого новаго врага, грозившаго нападеніемъ нѣсколькимъ областямъ Швеціи. Впрочемъ, когда въ послѣдствіи времени ему удалось возстановить въ арміи порядокъ и повиновеніе, то заговорщики, которымъ онъ даровалъ прощеніе, были строго наказаны, потому что, по возвращеніи ихъ въ Стокгольмъ, народъ называлъ ихъ измѣнниками и до того ихъ преслѣдовалъ, что они не могли показываться на улицахъ въ мундирѣ.

Всѣ эти происшествія разсѣяли тревогу, возбужденную въ Императрицѣ началомъ этой войны, грозившей опасностью ея столицѣ, ея спокойствію и славѣ. Въ тоже время она узнала, что бомбардируютъ Очаковъ. Князь Потемкинъ встрепенулся и началъ дѣйствовать. Но дѣятельный некстати, какъ некстати онъ былъ лѣнивъ, онъ, безъ всякой нужды, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ генераловъ, произвелъ развѣдку въ разстояніи ружейнаго полувыстрѣла отъ укрѣпленій. Эта выходка стоила жизни многимъ Русскимъ; другихъ перераниле; подъ Делинемъ убита лошадь. Императрица сдѣлала строгій выговоръ князю за эту безполезную отвагу. Между тѣмъ и Суворовъ былъ тоже неблагоразуменъ: Турки сдѣлали вылазку, и онъ, отбивъ ихъ, преслѣдовалъ съ такимъ пыломъ, что у самыхъ городскихъ воротъ картечный огонь перебилъ у него двѣсти человѣкъ. На Сѣверѣ адмиралъ Эссенъ захватилъ 17 Шведскихъ купеческихъ судовъ.

Въ то время въ Россіи такъ ошибочно судили о внутреннихъ дѣлахъ Франціи и о затрудненіяхъ, въ которыхъ находилось наше правительство, что Императрица все еще ожидала скораго заключенія договора между четырьмя державами. Она этого желала тѣмъ болѣе, что была недовольна Англичанами и Прусаками. Поэтому она просила, чтобы переговоры были ведены не въ Парижѣ, а въ Петербургѣ и, въ слѣдствіе обѣщанія Монморена прислать предположеніе статей договора, полагала, что я скоро получу полномочіе необходимое для окончанія этого важнаго дѣла. Графъ Безбородко выразилъ мнѣ увѣ-

Библиотека "Руниверс"

ренность, что въ ожидаемомъ предначертаніи статья, которою обезпечивается независимость Польши, будетъ только измѣнена, но никакъ не отмѣнена. «Въ самомъ дѣлѣ, говорилъ онъ, безъ этого условія договоръ былъ бы мечтательнымъ, потому что только черезъ Польшу Прусскій король можетъ напасть на обѣ имперіи. Такъ какъ Россія должна быть нейтральна между Англіею и Франціею, а послѣдняя между Россіею и Турціею, то какое бы значеніе имѣлъ договоръ, который не полагалъ бы никакихъ границъ самолюбивымъ притязаніямъ Прусскаго короля?»

Безбородко, ежедневно дѣлавшій новыя уступки въ нашу пользу, дивился нашей нерѣшительности. Онъ не могъ рѣшить загадки, а дѣло было вотъ въ чемъ. Нашъ первый министръ Дебріенн болѣе всего опасался быть вовлечену въ войну, но не хотѣлъ обнаружить этого. Чтобы сохранить достоинство, онъ для вида входилъ въ переговоры, стараясь пользоваться самыми незначительными поводами, чтобы отлагать окончаніе дѣла. Письма, получаемыя мною изъ Франціи, объяснили мнѣ этотъ образъ дѣйствій, которому слѣдовалъ и Монморень невольно; потому-то частныя письма его ко мнѣ противорѣчили съ правительственными депешами. Принужденный исполнять непріятную для меня обязанность, я какъ умѣлъ, защищалъ систему нашего кабинета и говорилъ Русскимъ слѣдующее: «Нейтралитетъ Россіи на морѣ лишаетъ насъ единственной гарантіи, которой мы желали, то есть гарантіи противъ Англичанъ, личныхъ враговъ нашихъ: мы ужъ и такъ довольно дѣлаемъ для васъ, соглашаясь поднять оружіе, если Прусскій король вздумаетъ дѣлать завоеванія на счетъ владѣній Императрицы и императора, и не хотимъ подвергаться опасностямъ еще другой войны въ защиту конституціи и владѣній Польши, которая далека отъ насъ и съ которою мы давно уже не имѣемъ сношеній, чему виною императорскіе дворы». Исполнивъ такимъ образомъ свой долгъ, я писалъ двору своему прямо, что̀ думалъ. «Я такъ говорю, писалъ я Монморею, только по приказанію; по Русскіе правы, и мы имъ отказываемъ въ томъ, что̀ должны бы сами предложить имъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ предлагаютъ они? Тѣсный союзъ, чтобы ослабить нашихъ соперниковъ, сохранить вліяніе наше на Порту и возстановить его въ Голландіи. Подумайте объ этомъ, умоляю васъ. Послѣдствіемъ нашего отказа будетъ наше уединеніе въ Европѣ, сближеніе Россіи съ Англіею и Пруссіею, и цѣною этого будетъ раздѣлъ Польши. Миръ заключится безъ нашего посредничества; Англія останется хозяйничать въ Голландіи; наконецъ, мы потеряемъ нашъ вѣсъ и вліяніе въ Константинополѣ и въ Швеціи».

Библиотека "Руниверс"

Событія становились благопріятны для Императрицы и зловѣщи для Густава. Предводители Финской арміи, вмѣсто того, чтобы побѣждать Русскихъ, посылали дружественныя письма и даже угощенія Русскимъ военачальникамъ; въ Шведской арміи они возбуждали и поддерживали духъ недовольства. Король, по отъѣздѣ въ Стокгольмъ, оставилъ армію подъ командою своего брата, герцога Зюдерманландскаго, который тщетно старался возстановить порядокъ. Бунтовщики объявили ему, что онъ лучше сдѣлаетъ, если удалится, потому что они согласились заставить короля прекратить войну. Хотѣли даже ограничить его власть, которую онъ употребилъ во вредъ народа, напавъ на Россію безъ причины и подвергнувъ отечество опасности. Всѣ требовали, чтобы Императрицѣ были сдѣланы мирныя предложенія, даже хотѣли просить ея заступничества. Герцогъ Зюдерманландскій, изъ хитрости или по слабости, также обвинялъ своего брата-короля, распинаясь о благѣ отечества и стараясь убѣдить войско, что онъ ревностно желаетъ мира. Онъ поѣхалъ къ Финскимъ войскамъ, говорилъ имъ въ томъ же духѣ и написалъ великому князю Павлу Петровичу, прося у него перемирія и свиданія. Великій князь отъѣздомъ своимъ отстранилъ это свиданіе; но, по его приказанію, графъ Мусинъ-Пушкинъ согласился на переговоры. Полковникъ Монтомерри былъ посланъ въ Фридрихсгамъ для переговоровъ съ Русскими. Съ своей стороны, Императрица послала Спренгпортена въ Финляндію съ негласными предписаніями.

Трудно постигнуть, отчего Императрица, всегда дѣйствовавшая тонко и умно, пропустила удобный случай, посланный ей судьбою, чтобы прекратить войну и прочно утвердить въ Швеціи свое вліяніе, можно даже сказать, свою власть. Войска ея врага подчинялись ей; недовольство ихъ было сильно возбуждено, какъ всегда при началѣ возмущеній; они упрекали короля, смѣялись надъ его театральнымъ шлемомъ съ зеленымъ перомъ, надъ батальнымъ живописцемъ, котораго онъ взялъ съ собою для увѣковѣченія своихъ побѣдъ, наконецъ, надъ его обѣщаніемъ взять Петербургъ черезъ недѣлю и дать тамъ балъ Шведскимъ дамамъ. Если бы Екатерина воспользовалась этимъ положеніемъ, миръ былъ бы заключенъ, и армія, уже возмущенная, не имѣла бы времени одуматься. Густаву пришлось бы сдаваться и согласиться на возстановленіе прежней олигархіи, которой желала сильная и значительная партія. Но этотъ переворотъ долженъ бы совершиться вслѣдствіе мира, а не быть его условіемъ. Екатерина была слишкомъ раздражена, чтобы ясно видѣть дѣло, и потому упустила цѣль свою, слишкомъ рано обнаруживъ ее. Правда, она соглашалась на перемиріе, даже на миръ, но только съ условіемъ, чтобы армія заставила короля возстановить старинныя преимущества дворянства. Та-

Библиотека "Руниверс"

кимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы рѣшить дѣло, стали раздумывать да разсуждать. Любовь къ родинѣ проснулась у Шведовъ, и король, пользуясь нерѣшительнымъ положеніемъ Русскихъ и дѣйствуя то настойчиво, то добротою и строгостью, нашелъ средства пробудить въ войскахъ чувство истинной чести, возвратить себѣ ихъ привязанность и собрать достаточныя силы, чтобы защищаться отъ своей опасной противницы. Не дожидаясь мира и союза, можно было по крайней мѣрѣ на срокъ положить оружіе; герцогъ Зюдерманландскій просилъ только, чтобы Русскіе выпустили Шведскій флотъ, задержанный тогда въ Свеаборгѣ; но Императрица, опасаясь, что подъ этимъ требованіемъ кроется обманъ, не согласилась, и военныя дѣйствія продолжались. То, что она считала благоразуміемъ, было вообще признано за ошибку, внушенную ей гордостью.

Продолженіе этой войны совершенно соотвѣтствовало видамъ Англіи и Пруссіи: онѣ твердили о мирѣ, но въ замыслахъ у нихъ было другое. Онѣ вездѣ предлагали свое посредничество и вездѣ подымали вражду. Поднявъ Голландію, Порту и Швецію, онѣ возбуждали смуты въ Польшѣ, и Прусскій король не упускалъ случая упрочить себѣ въ будущемъ городъ Данцигъ. Четвертной союзъ одинъ только могъ бы разрушить ихъ замыслы. Угрозы, денежныя предложенія, слухи, искусно распускаемые, все было употреблено, чтобы помѣшать заключенію этого столь опаснаго союза. Я напрасно объяснялъ все это моему министру въ депешѣ, посланной 19 Сентября. «Если мы вступимъ въ союзъ четырехъ державъ, писалъ я, то Англія и Пруссія должны будутъ отступить. Ихъ вліяніе на Порту прекратится; онѣ потеряютъ свое значеніе въ Голландіи и не посмѣютъ тревожить Польшу. Въ противномъ случаѣ, онѣ отвратятъ отъ насъ друзей и устроятъ миръ уступкою Данцига Пруссіи и порабощеніемъ Польши. Что же касается Турокъ, то они рады будутъ купить миръ, какою бы ни было цѣною». Въ Версалѣ порою какъ будто сознавали эти истины, и мнѣ казалось, что снова можно надѣяться возстановить наше политическое значеніе; но скоро мнѣ пришлось снова разочароваться.

Однажды вечеромъ, по возвращеніи моемъ домой, мнѣ сказали, что пріѣзжалъ экстренный курьеръ, но, не заставъ меня, ушелъ и не оставилъ депешъ. Мнѣ это показалось страннымъ; я спросилъ, не изъ Франціи ли онъ, и еще болѣе удивился, когда мнѣ сказали, что онъ изъ Камчатки. Еще за нѣсколько дней предъ тѣмъ, къ удивленію моему, я получилъ векселя на мое имя отъ Сибирскихъ купцовъ. На другой день все объяснилось. Ко мнѣ пришелъ молодой Лессепсъ, сынъ прежняго Французскаго консула въ Петербургѣ. Онъ совершилъ плаваніе съ Лаперузомъ; знаменитый и несчастный мореплаватель выса-

Библиотека "Руниверс"

дилъ его, къ счастію для него, въ Камчаткѣ и поручилъ ему отвезти депеши во Францію. Молодой путешественникъ проѣхалъ всю Азію; онъ цѣлый годъ ѣхалъ до Петербурга. Стужа задержала его три мѣсяца въ Камчаткѣ; потомъ, не найдя судна, чтобы переплыть Охотское море, онъ долженъ былъ ѣхать еще три мѣсяца, чтобы обогнуть его. Отъ него я получилъ любопытныя свѣдѣнія о Камчаткѣ и Сибири. Онъ въ послѣдствіи издалъ описаніе этого страннаго путешествія, писанное просто и ясно и достойное довѣрія [1]). Лаперузъ просилъ меня выхлопотать награду Козлову, Камчатскому губернатору [2]), который отлично принялъ Французовъ; онъ даже не допустилъ ихъ заплатить за мясо, нужное экипажу. Впрочемъ, повсюду въ Россіи Лессепсъ находилъ помощь, проводниковъ и деньги, которыя, по желанію Лаперуза, я выплатилъ Русскимъ. Молодой Лессепсъ, пылкій, усердный, неутомимый, не хотѣлъ отдыхать въ Петербургѣ. Спѣша исполнить свое порученіе, онъ просилъ меня послать его курьеромъ въ Версаль; я согласился и далъ ему свои депеши. Онъ, можетъ быть, первый изъ Европейцевъ, проѣхавшій съ Востока на Западъ всю Азію и Европу.

Почти въ тоже время Французскій негоціантъ Бегуанъ (Begouen), человѣкъ почтенный по своимъ достоинствамъ, знаніямъ и дѣйствіямъ въ разныхъ должностяхъ, подалъ мнѣ замѣчательную записку о торговлѣ на Сѣверѣ, написанную по моему предложенію; я отослалъ ее къ Делюзерну и Некеру. Онъ высказывалъ истины, которыя не худо бы повторять чаще. «Мы смотримъ на торговлю, какъ на дѣло второстепенное въ политикѣ, тогда какъ Англичане заботятся о ней по преимуществу; *въ этомъ отношеніи они постоянно воюютъ съ нами* и въ мирное время. Эта борьба, искусно ведомая, составляетъ источникъ ихъ богатства и основу довѣрія къ нимъ; она даетъ имъ, къ сожалѣнію, возможность замедлять нашу промышленность, обезсиливать наше мореплаваніе и поддерживать свое вліяніе на Сѣверѣ великимъ сбытомъ товаровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они пріобрѣтаютъ себѣ значительное число испытанныхъ матросовъ, опасныхъ для насъ въ случаѣ войны».

Въ тоже время я получилъ приказанія своего двора. Густавъ просилъ нашего посредничества для мирныхъ переговоровъ съ Императрицею, и мнѣ поручили сдѣлать объ этомъ предложеніе. Это было

---

[1]) Лессепсъ былъ переводчикомъ при Лаперузѣ, погибшемъ безъ вѣсти во время плаванія въ Восточномъ океанѣ, въ послѣдствіи онъ былъ Французскимъ консуломъ въ Россіи (до 1822 года). Его сочиненія: 1) Voyage de La-Pérouse. Paris. 1831, и 2) Journal historique du voyage de Lesseps depuis l'instant où il a quitté les frégates françaises au Port St. Pierre-et-Paul du Kamtschatka, jusqu'à son arrivée en France. 2 vols. Paris 1790.

[2]) Козловъ-Угренинъ былъ собственно не Камчатскимъ губернаторомъ, а Охотскимъ комендантомъ.

Библиотека "Руниверс"

довольно трудно, потому что Шведскій король, не совсѣмъ довѣряясь Людовику XVI, просилъ также посредничества Пруссіи, Англіи и Голландіи, и министры этихъ державъ дѣйствительно брались помирить Императрицу со Шведами и Турками. Но Екатерина, увѣренная, что они толкуютъ о мирѣ для того только, чтобы протянуть войну, не приняла ихъ предложеній. Она отлично знала ихъ тогдашніе замыслы и не хотѣла поддаться ихъ хитростямъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ этого же 1788 года кавалеръ Альтести, состоявшій при Булгаковѣ и очень преданный ему, пріѣхалъ изъ Константинополя [1]). Онъ привезъ мнѣ письмо отъ Шуазёля. Будучи въ Петербургѣ безъ всякаго покровительства, онъ довѣрчиво обратился ко мнѣ, какъ къ человѣку, въ которомъ предполагалъ знакомство съ дворомъ и съ лицами имѣвшими вѣсъ. Я ему далъ нѣсколько совѣтовъ, которые впослѣдствіи послужили ему въ пользу. Этотъ молодой человѣкъ, принадлежавшій къ хорошей семьѣ въ Рагузѣ, жители которой по сходству языка и религіи видятъ въ Россіи какъ бы отечество, вступилъ въ службу къ Булгакову и былъ представленъ имъ Императрицѣ во время ея пребыванія въ Херсонѣ. По пріѣздѣ его въ Петербургъ, министръ [2]) приказалъ ему написать какую-нибудь записку, чтобы показать Императрицѣ, къ чему онъ способенъ. Уже прежде того онъ составилъ записку объ Итальянскихъ портахъ, въ которыхъ могъ бы стоять Русскій флотъ. А такъ какъ онъ мнѣ нѣсколько разъ разсказывалъ о происках Англичанъ и Прусаковъ и въ особенности кавалера Енслея въ Константинополѣ, о которыхъ онъ зналъ болѣе, чѣмъ кто-либо: то я ему сказалъ, что для доказательства своего умѣнія и знанія ему лучше бы всего описать подробно все, что при немъ происходило въ Константинополѣ, и всѣ средства, которыя употреблены были для побужденія Порты къ столь неожиданному разрыву. Онъ послѣдовалъ моему совѣту и черезъ нѣсколько дней показалъ мнѣ свое сочиненіе, написанное умно, живо и ясно. Въ немъ проглядывало негодованіе человѣка, котораго Дитцъ и Енслей разлучили съ его покровителемъ и желали, также какъ сего послѣдняго, запереть въ Семибашенный замокъ. Если бы самъ Шуазёль-Гуфье диктовалъ ему, то не выставилъ бы въ болѣе выгодномъ свѣтѣ благородный образъ дѣйствій Франціи и двуличность Англичанъ и Прусаковъ. Министръ передалъ эту записку Императрицѣ. Я всегда полагалъ, что она наиболѣе возстановила Императрицу противъ хитрыхъ наущеній и про-

[1]) Альтести впослѣдствіи пользовался покровительствомъ князя П. А. Зубова и, во время третьяго раздѣла Польши игралъ значительную роль въ Русской дипломатіи, но очень не долго.

[2]) Безъ сомнѣнія, Безбородко.

Библиотека "Руниверс"

ковъ, которые агенты Пруссіи и Англіи безпрестанно возобновляли подъ разными видами. Впрочемъ, Альтести, который впослѣдствіи былъ назначенъ въ Русское посольство въ Польшѣ, до такой степени умѣлъ заслужить благоволеніе Императрицы, оцѣнившей его таланты, что она наградила его своимъ личнымъ довѣріемъ, поручила важныя дѣла относительно Турціи и Персіи и передъ кончиною своею думала даже дать ему значительную должность.

Императрица, желая разрушить замыслы Фридриха-Вильгельма, предложила Полякамъ соединиться съ нею оборонительнымъ союзомъ; но взаимныя несогласія и Прусскія каверзы удержали ихъ отъ этого. Можетъ быть, въ этомъ союзѣ они нашли бы свое спасеніе; но паденіе ихъ, вѣроятно, написано было въ книгѣ судебъ. По довольно счастливому случаю, въ то время, какъ Англія и Пруссія возобновляли свои усилія, чтобы сблизиться съ Россіею, я получилъ отъ Шуазёля весьма враждебную записку, поданную Портѣ Англійскимъ и Прусскимъ посланниками. Я сообщилъ ее Русскому кабинету, и она такъ разсердила Екатерину, что Государыня подала мнѣ надежду согласиться на всякія уступки нашему двору, лишь бы мы подписали предполагаемый союзный договоръ.

Получи я въ это время полномочіе, все было бы улажено. Но фортуна не даромъ изображается съ крыльями, и мы съ нѣкотораго времени привыкли давать ей время улетать.

Императрица, еще не успокоившаяся въ своемъ негодованіи на Шведскаго короля, съ горечью отзывалась о вѣтренности его. «Вмѣсто того, говорила она, чтобы склонить меня къ уступкамъ посредствомъ откровеннаго образа дѣйствій, который могъ бы обезоружить меня, онъ, говоря съ Франціей о мирѣ и прося вашего посредничества, печатаетъ обидныя для меня заявленія и старается усилить войну, привлекая на свою сторону Англію и Пруссію. Вы знаете, какъ эти двѣ союзницы дѣйствуютъ хитро и смѣло, какъ онѣ вездѣ вредятъ нашему и вашему вліянію, какой повелительный и важный тонъ онѣ приняли въ такъ называемомъ оборонительномъ союзѣ, который заключили. Теперь бы самое время разрушить ихъ предположенія согласіемъ и союзомъ, чтобы остановить ихъ замыслы и удержать Европу въ покоѣ. Я надѣюсь, заключила она, что вы не употребите во зло мою откровенность».

«Государыня, отвѣчалъ я, король, безъ сомнѣнія, готовъ объясниться съ вами обо всемъ. Совершенное согласіе, по моему мнѣнію, нужно болѣе, чѣмъ когда-либо. Неожиданныя предложенія, которыя Шведскій король сдѣлалъ Англіи и Пруссіи, удивили меня. Однако, я съ трудомъ вѣрю, чтобы, въ его плохихъ обстоятельствахъ, онъ могъ желать продолженія войны. Крайняя затруднительность его положенія, быть

Библиотека "Руниверс"

можетъ, заставила его обращаться ко всѣмъ съ хлопотами о мирѣ». «Нѣтъ, отвѣчала Императрица, онъ хочетъ смутъ, а не мира; потому что онъ ничего не предлагаетъ, не говоритъ ни объ удовлетвореніяхъ, ни о вознагражденіяхъ. Обращаясь ко всѣмъ кабинетамъ, онъ между тѣмъ не перестаетъ оскорблять меня обнародываніемъ заявленія, которое нарочно издалъ заднимъ числомъ, тогда какъ распространилъ его только въ концѣ Августа, именно въ то время, когда изъявлялъ вашему двору свое расположеніе къ миру».

Императрица не скрыла отъ меня новыхъ происковъ, пущенныхъ въ ходъ, чтобы внушить ей недовѣріе къ намъ. Ей доложили, что кабинетъ нашъ дѣлалъ предложенія Англіи съ тѣмъ, чтобы согласиться съ нею и защитить Шведскаго короля отъ ударовъ Россіи. Я объявилъ этотъ слухъ вымысломъ, сочиненнымъ въ Лондонѣ и Берлинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было предположить, чтобы наше правительство обратилось къ нашимъ естественнымъ врагамъ для сопротивленія Петербургскому кабинету въ то время, когда сей послѣдній соглашался соединиться съ нами противъ Англіи, а Англо-Прусская сила новымъ союзнымъ договоромъ усиливала ударъ, нанесенный намъ въ Голландіи, и постоянно выказывала намѣреніе свое уничтожить наше вліяніе во всей Европѣ. Екатерина, въ надеждѣ получить по этому дѣлу удовлетворительныя объясненія, приказала отправить курьера къ Симолину въ Парижъ съ повелѣніемъ поспѣшить переговорами о четвертномъ союзѣ, удалить всѣ препятствія и объявить королю, что она готова удовлетворить всѣмъ его требованіямъ.

Я писалъ Монмореню и подстрекалъ его. «Намъ грозитъ опасность, выражался я, мы должны снова завоевать себѣ вліяніе въ Мадридѣ, Вѣнѣ, Стокгольмѣ, Варшавѣ, Неаполѣ, Константинополѣ, Петербургѣ, Копенгагенѣ и Голландіи, или дождемся, что императорскіе дворы сблизятся съ Англіею и Пруссіею, и Польша будетъ раздѣлена. Если мы дойдемъ до разрыва съ Англіею, то не будемъ имѣть опоры противъ нея, и въ Европѣ насъ будутъ считать ни во что. Вотъ настоящее положеніе дѣла, разрушающее всѣ доводы такъ называемыхъ политиковъ, которые все еще воображаютъ, что теперь времена Вестфальскаго мира, и забываютъ, что тогда Пруссія и Россія политически не существовали, Австрійскій домъ былъ общею грозою, и Франціи, Швеціи и Турціи нужно было соединять свои силы, чтобы воспрепятствовать этой громадной державѣ раздавить всѣ прочія. Нынче все перемѣнилось: намъ грозятъ замыслы Пруссіи, Англіи и Голландіи. Вы хотите поставить оплотъ противъ нихъ. Что же васъ останавливаетъ, когда вамъ предлагаютъ то, чего вы желаете? Можетъ быть, Англія и Пруссія, разсчитывая на ваши затрудненія по случаю внутреннихъ смутъ, думаютъ

Библиотека "Руниверс"

испугать васъ и представляютъ войну неизбѣжнымъ слѣдствіемъ союза четырехъ державъ. Онѣ обманываютъ васъ; онѣ сами опасаются этого союза, потому что онъ ихъ свяжетъ и сдѣлаетъ войну невозможною для нихъ. Будемъ готовы сразиться, и мы сохранимъ миръ».

Новый Испанскій министръ Гальвезъ прибылъ въ Петербургъ. Его совершенно некстати приняли холодно, предполагая въ немъ пристрастіе къ Пруссіи, которая искусно привлекла его миролюбивыми увѣреніями. Эта политика ввела въ заблужденіе и само Испанское министерство, и король Карлъ III, далеко не раздѣляя нашихъ опасеній, до того довѣрялся увѣреніямъ Пруссіи и Англіи, что сказалъ, будто ему все равно, приметъ ли Россія его или ихъ посредничество, лишь бы послѣдовалъ общій миръ.

Въ это время Императрица понесла чувствительную потерю: скончался адмиралъ Грейгъ. Дѣятельный начальникъ, просвѣщенный администраторъ, искусный адмиралъ, воинъ храбрый и скромный, онъ сошелъ въ могилу, уважаемый врагами и оплакиваемый знавшими его. Императрицѣ встрѣтились новыя непріятности. Шведскій король снова собрался съ духомъ, будучи поддержанъ обѣщаніями Англіи и Пруссіи. Шведскія и Финскія войска оказывали раскаяніе въ своемъ возмущеніи. Въ Польшѣ усиливалось броженіе умовъ: громко требовали выхода Русскихъ изъ Польскихъ областей, а это затруднило бы отступленіе арміи Румянцева въ случаѣ неудачи. Войска императора потерпѣли уронъ въ Банатѣ. Всѣ эти обстоятельства возбуждали въ Императрицѣ желаніе мира скораго, честнаго, справедливаго, и чтобы достигнуть его, она открыто признала посредничество Испаніи и наше. Такимъ образомъ, на зло нашимъ соперникамъ и несмотря на бездѣйствіе наше, случай мнѣ помогъ, и я достигъ въ этомъ дѣлѣ такого успѣха, какого только могъ ожидать мой кабинетъ.

Въ то время прибылъ въ Петербургъ новый Англійскій министръ Витвортъ, дипломатъ почтенный, по своимъ присутствіемъ гораздо менѣе тревожившій насъ, чѣмъ Фитцъ-Гербертъ. Ожидали также Луккезини, посланника короля Прусскаго, человѣка ловкаго, дѣятельнаго, умнаго, давняго ученика Великаго Фридриха, о которомъ онъ премило разсказывалъ множество анекдотовъ и странностей. Императрица, недовольная его безпокойнымъ характеромъ, не расположена была принять его. Она ошибалась, потому что онъ въ Россіи не былъ бы опасенъ. Онъ остался въ Польшѣ, озлобленный противъ Русскаго правительства, и происками своими возбуждалъ въ Полякахъ вражду, которую они долго сдерживали, поджигалъ ихъ страсти и произвелъ смуты. Несчастные Поляки, въ нетерпѣніи свергнуть вліяніе Россіи, возстали при первой

Библиотека "Руниверс"

надеждѣ на независимость; но они начали съ того, чѣмъ должны бы были кончить: прежде возстанія имъ слѣдовало образовать войско.

Императрица начинала опасаться, что войска ея, ослабленныя болѣзнями, будутъ принуждены отступить отъ Очакова, гдѣ они заняли только укрѣпленіе на островѣ Березани и взяли 400 человѣкъ Турокъ. Князь Потемкинъ, повидимому, снова впалъ въ обычное свое бездѣйствіе, какъ вдругъ курьеръ отъ него извѣстилъ насъ, что взятъ Очаковъ приступомъ. Онъ долго медлилъ, работы не подвигались. Капитанъ-паша передъ удаленіемъ своимъ оставилъ въ крѣпости 1,500 человѣкъ. Въ день св. Николая гренадеры собрались, выразили свое неудовольствіе, зашумѣли и, окруживъ палатку главнокомандующаго, требовали приступа. Фельдмаршалъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, которое съ пыломъ Русской отваги соединяло еще пылъ изступленнаго благочестія. Онъ даетъ знакъ къ битвѣ. Городъ окруженъ и защищается съ отчаяніемъ. Русскіе, десять разъ отбитые, снова врываются съ яростію. Они переходятъ черезъ рвы по тѣламъ Турокъ и лѣзутъ на стѣны. Сраженіе переходитъ съ улицы въ улицу, отъ дома къ дому. Ничто не останавливаетъ неустрашимыхъ генераловъ, Самойлова [1]) и Ангальта. Рожеръ Дедамасъ первый бросается на стѣну съ 400 гренадеръ. Дебомбель [2]) захватываетъ мусульманское знамя. Въ пылу увлеченія сражающихся весь городъ залитъ былъ кровью; не было пощады ни женщинамъ, ни старикамъ. Отрядъ дикихъ Запорожцевъ, вступившихъ въ армію Императрицы, пошелъ на приступъ въ бѣлыхъ рубашкахъ сверхъ одежды: они увѣряли, что хотятъ возбуждать въ другъ другѣ ярость видомъ окровавленнаго бѣлья. Семь тысячъ Турокъ погибло въ этой рѣзнѣ; четыре тысячи были взяты въ плѣнъ. Раздраженіе Русскихъ было чрезвычайно сильно.

Эта побѣда тѣмъ болѣе всѣхъ обрадовала, что уже почти перестали надѣяться на нее. Наградъ было множество; Французскіе волонтеры получили Георгіевскіе кресты, и я[1])имъ разрѣшилъ носить ихъ.

Такимъ образомъ, не смотря на медлительность князя Потемкина, на заминку на Сѣверѣ и плохой распорядокъ кампаніи императора, 1788 годъ окончился благополучно для обоихъ императорскихъ дворовъ, къ великому неудовольствію кабинетовъ Лондонскаго и Берлинскаго. Турокъ разбили подъ Кинбурномъ и вытѣснили изъ Крыма. Капитанъ-паша былъ три раза побѣжденъ, и флотъ его уничтоженъ. Порта те-

---

[1]) Александръ Николаевичъ, впослѣдствіи графъ, дѣйств. тайный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ, умеръ въ 1812 г.; за взятіе Очакова получилъ орденъ Георгія второй степени; онъ былъ по матери племянникъ князя Потемкина.

[2]) Рожеръ Дедамасъ и Дебомбель—Французскіе волонтеры.

Библиотека "Руниверс"

рала Очаковъ и его окрестности, островъ Березань, Хотинъ, Молдавію. Турки должны были оставить Валахію; Кубанскіе Татары разсѣяны; Австрійцы, взявъ Дубицу, Сабачъ и Нови, очистили Банатъ; Шведскій король изгнанъ изъ Русской Финляндіи, а флотъ его запертъ въ Свеаборгѣ. Вотъ что было для Порты и Швеціи плодомъ совѣтовъ Англіи и Пруссіи, которые онѣ предпочли нашимъ. Передавъ все это въ краткомъ очеркѣ Монмореню, я поздравилъ его въ частномъ письмѣ по случаю отставки архіепископа Тулузскаго, что̀ давало ему свободу дѣйствовать усердно и успѣшно въ пользу четвертнаго союза.

1789 годъ, который долженъ былъ произвести такой сильный переворотъ во Франціи и временно разлучить нашъ кабинетъ съ прочими, начался такъ, что ни одинъ изъ министровъ не ожидалъ этого страшнаго удара. Однако ужъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ порою загорались молніи, предвѣщавшія грозу; но никто не предвидѣлъ ея. Думали, что полезныя преобразованія устранятъ затрудненія, тревожившія правительство. Это была эпоха заблужденій. Король, министры, парламенты, всѣ сословія, наконецъ каждый Французъ жили только усердіемъ ко благу общества и очаровывались обманчивыми снами. Всѣ надѣялись общими усиліями утвердить основанія монархіи, поправить финансы, возстановить торговое довѣріе, сгладить противорѣчія ветхихъ учрежденій, истребить слѣды рабства и соглашеніемъ власти правительства съ благоразумною свободою въ короткое время достигнуть высокой цѣли, благоденствія отчизны. Таково, по крайней мѣрѣ, было представленіе, внушенное иностраннымъ державамъ достоинствами нашего короля и благородными чувствами Французскаго народа. По этому смуты наши никого не пугали. Друзья наши смотрѣли на нихъ, какъ на нѣчто переходящее, а соперники Англичане и Прусаки, спѣшили пользоваться ими, чтобы утвердить свое владычество въ Голландіи и усилить свое вліяніе, въ ущербъ намъ, на Сѣверѣ и на Востокѣ. Наше политическое значеніе оставалось неизмѣнно, и нерѣшительность нашихъ министровъ только слегка подрывала его.

Оставаясь въ надеждѣ, что мое правительство будетъ продолжать почтенную роль примирителя Россіи съ ея непріятелями, я воспользовался взятіемъ Очакова, чтобы сдѣлать Русскому правительству нѣкоторыя предложенія по предмету мира. Они были очень хорошо приняты, но Императрица первымъ условіемъ для начатія переговоровъ поставила освобожденіе Булгакова. Она не переставала утверждать, что самымъ скорымъ средствомъ прекратить войну и происки Англичанъ и Прусаковъ было бы заключеніе союза между четырьмя державами. Ея желаніе скрѣпить эту связь было такъ сильно, что она предлагала намъ, въ случаѣ войны съ Англіею, не только нейтрали-

Библиотека "Руниверс"

тетъ, но даже помощь; наконецъ, не требуя болѣе отъ насъ обезпеченія Польскаго образа правленія, она хотѣла только неприкосновенности Польскихъ владѣній. Это было болѣе, чѣмъ я могъ ожидать; поэтому я былъ крайне удивленъ, когда получилъ изъ Франціи, вмѣсто согласія на эти предложенія, приказаніе сдѣлать нѣкоторыя попытки, чтобы добиться отъ императорскихъ дворовъ возстановленія Польши, какъ она была до перваго раздѣла. Я однако передалъ это Кобенцелю, который дивился не менѣе меня и умолялъ меня не пускаться на эту попытку, которая, конечно, обидитъ Императрицу и склонитъ ее на сторону Англичанъ. Уже довольно было и того, что намъ удалось отклонить отъ Императрицы мысль о новыхъ приращеніяхъ, и нужно было оставить тщетный замыслъ принудить ее къ возвращенію того, чѣмъ она уже владѣла. Поэтому я не дѣлалъ дальнѣйшихъ предложеній, и такъ какъ Русское правительство, вѣроятно, все уже знало, то я полагалъ, что достаточно сдѣлалъ для исполненія порученныхъ мною приказаній. Впрочемъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ, Кобенцель усердно мнѣ содѣйствовалъ; потому что императоръ, тогда больной и огорченный неудачами въ Банатѣ, съ нетерпѣніемъ желалъ скораго мира. Потемкинъ тоже желалъ его, и я узналъ отъ принца Нассау, пріѣхавшаго изъ арміи, что князь, признавъ насъ за помощниковъ слабыхъ и ненадежныхъ, рѣшился измѣнить свою систему и склонить Императрицу на сторону Англіи и Пруссіи, въ которыхъ онъ видѣлъ опасныхъ враговъ, но полезныхъ союзниковъ. Равнодушіе Испаніи въ этомъ дѣлѣ еще болѣе подкрѣпило его убѣжденія. Всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства оставили мнѣ одинъ выходъ: положиться на твердость Императрицы. Она всегда была такъ нерасположена къ Прусскому королю, что отвергала всѣ внушенія о союзѣ съ нимъ.

Взятіе Очакова поразило всѣхъ въ Версали и измѣнило всѣ соображенія нашего кабинета. Хотѣли знать, какими требованіями ограничится Екатерина II. Желая узнать это, я спросилъ графа Безбородко, какъ бы лично отъ себя: будетъ ли довольна Императрица, если Порта освободитъ Булгакова, утвердитъ окончательно за Россіею Крымскій полуостровъ и уступитъ еще Очаковъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, Императрица велѣла передать мнѣ, что я угадалъ ея желанія; вмѣстѣ съ тѣмъ она извѣщала меня, что послала Нассау-Зигена въ Мадридъ. Ему приказано было спѣшить. Предлогомъ его поѣздки должно было служить порученіе Государыни поздравить съ восшествіемъ на престолъ Испанскаго короля Карла IV, который нѣкогда оказывалъ покровительство принцу; но настоящей цѣлью этой поѣздки было исполненіе тайныхъ порученій Императрицы. Они состояли въ томъ, что принцъ долженъ былъ изложить королю причины ея неудовольствія

Библиотека "Руниверс"

противъ Англіи и Пруссіи и сообщить Испанскому правительству достовѣрныя извѣстія о замыслахъ Фридриха-Вильгельма на Данцигъ и Польшу, чтобы объяснить ему необходимость четвертнаго союза для сохраненія мира въ Европѣ. Императрица удаляла такимъ образомъ сильнѣйшіе поводы къ нерѣшимости нашего кабинета. Она полагала, что мы затягиваемъ дѣло изъ уваженія къ Испанскому королю. «Я вижу, говорила она принцу, что въ Мадридѣ рѣшится этотъ важный вопросъ, отъ котораго зависитъ, можетъ быть, судьба дома Бурбоновъ въ Европѣ». По просьбѣ принца Нассау я передалъ ему записку о политикѣ Англіи за нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ она, чтобы вознаградить себя за потерю Американскихъ колоній, вездѣ старалась ослабить вліяніе дворовъ Версальскаго и Мадридскаго и усиливалась, вмѣстѣ съ Пруссіею и Голландіею, возобновить войну, во время которой наши внутреннія смуты могли ей дать болѣе надежды на успѣхъ. Я постарался изложить эту записку потщательнѣе, потому что она назначалась для прочтенія Испанскому королю, его главному министру Флоридѣ-Бланкѣ и графу Монмореню.

Въ это же время готова была разразиться гроза, которой мы опасались: Императрица узнала объ успѣхѣ козней Луккезини. Поляки, возбужденные имъ и разсчитывая на помощь Прусскаго короля, уничтожили Постоянный Совѣтъ, существовавшій за порукою Императрицы; въ тоже время они громко требовали выхода Русскихъ войскъ изъ Польши. Императрица, въ гнѣвѣ, хотѣла было силою поддержать навязанный ею Польшѣ образъ правленія. Кобенцель, Нассау и я съ трудомъ могли успокоить ее. Мы доказали ей, что Прусскій король воспользуется ея поспѣшностью, чтобы достигнуть своихъ цѣлей, что онъ вступитъ въ Польшу, что вся Польша возстанетъ, и что это послужитъ въ пользу Швеціи и Порты. Императрица уступила, рѣшилась дѣйствовать умѣренно и, чтобы разсѣять ложныя опасенія, возбуждаемыя въ Польшѣ Прусаками, оказала равнодушіе къ перемѣнамъ, происшедшимъ въ Польшѣ, но рѣшилась оставить свои войска въ Украйнѣ, чтобы сохранить безопасность арміи фельдмаршала Румянцева.

Между тѣмъ прибылъ князь Потемкинъ. Взятіе Очакова заставило Императрицу позабыть все, что̀ давало ей поводъ къ неудовольствію противъ князя. Обрадованная побѣдою, она прощала ему лѣнь его. Всѣ, кто роптали на него за безпорядки, спѣшили изъявить ему свою преданность. Ему сказали, что я былъ въ числѣ его хулителей, и онъ жаловался мнѣ при первомъ свиданіи со мною. «Названіе хулителя я не заслужилъ, отвѣчалъ я; я не могъ постигнуть той неблагоразумной увѣренности, съ которою вы удалили войска съ Сѣвера, открытаго

Библиотека "Руниверс"

для Шведскаго короля, если бы онъ дѣйствовалъ смѣло и рѣшительно. Мнѣ также казалось, что вы дали Туркамъ время укрѣпить Очаковъ, который, по мнѣнію инженера Лафитта, не могъ устоять противъ сильнаго нападенія, и въ этомъ случаѣ я раздѣлялъ мнѣніе и нетерпѣніе друзей моихъ Делиня и Нассау».—«Ничего не могу сказать на счетъ Швеціи, развѣ только то, что никакой разсудительный человѣкъ не могъ предвидѣть эту войну безъ повода и дерзость Густава. Что же касается Очакова, то вы ошибались: мы не ожидали нападенія Турокъ, они боялись нашего. Мнѣ пришлось растянуть войско на три слишкомъ тысячи верстъ и перевозить огромные обозы съ припасами по степямъ. Я полагаю, что въ недолгое время я сдѣлалъ все, что могъ».—«Теперь мой чередъ обвинять васъ, говорилъ я смѣясь; я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что вы довольно равнодушны къ союзу между четырьмя державами, которому, казалось, придавали прежде такое значеніе. Увѣряютъ даже, что вы, забывая происки Англіи и Пруссіи противъ Россіи, склоняетесь теперь на ихъ сторону и готовы защищать ихъ передъ Императрицею; однимъ словомъ, что вы готовы подать руку вашимъ врагамъ и отступиться отъ друзей вашихъ». —«Отчего бы нѣтъ? возражалъ онъ тѣмъ же тономъ; вамъ, какъ дипломату, нечего бы тутъ удивляться. Когда я увидѣлъ, что Франція становится архіепископствомъ, что духовная особа удаляетъ изъ королевскаго совѣта двухъ маршаловъ и преспокойно допускаетъ Англичанъ и Прусаковъ овладѣть Голландіею безъ бою, я, признаюсь, позволилъ себѣ одну шутку: я сказалъ, что охотно посовѣтовалъ бы моей Государынѣ войти въ союзъ съ Людовикомъ толстымъ, Людовикомъ юнымъ, Людовикомъ святымъ, хитрымъ Людовикомъ XI, мудрымъ Людовикомъ XII, Людовикомъ великимъ, даже съ Людовикомъ многолюбимымъ (bien-aimé); но никакъ не съ Людовикомъ-*викаріемъ* *)».—«Правда, возразилъ я смѣясь, что Французскіе короли назначали иногда въ министры епископовъ и кардиналовъ, но я не думаю, чтобы они дѣлали министрами такихъ генераловъ, которые не разъ собирались идти въ монахи».

Эта колкая бесѣда, о которой я не счелъ нужнымъ доносить моему двору, кончилась также весело и дружелюбно, какъ началась. Однако, нельзя было уже сомнѣваться, что Потемкинъ, не полагаясь болѣе на насъ, измѣнилъ свою систему. Оставаясь со мною лично въ дружественныхъ отношеніяхъ, онъ не оказывалъ мнѣ болѣе довѣрія въ дѣлахъ политическихъ и довольно открыто перешелъ на сторону министровъ Англіи и Пруссіи. Однажды, когда у него собралось много

*) Louis le suffragant.

Библиотека "Руниверс"

гостей, его негодованіе противъ Французовъ подстрекнуло его на злую шутку на мой счетъ; она разыгралась однако не въ его пользу. Нѣкогда въ Европѣ при всѣхъ дворахъ и у всѣхъ вельможъ были шуты, счастію которыхъ завидовали многіе честолюбцы: они пользовались рѣдкимъ преимуществомъ безнаказанно говорить правду. Можетъ быть, это преимущество было слишкомъ опасно, и потому шуты вышли изъ моды. Въ Россіи можно было еще встрѣтить нѣсколькихъ вельможъ, которые держались обычая имѣть при себѣ шутовъ. У Потемкина былъ шутъ именемъ Моссъ; онъ былъ своеобразенъ, довольно начитанъ, и нѣкоторыя изъ его шутокъ были остры и смѣлы. Князь игралъ со мною въ шахматы въ присутствіи нѣсколькихъ офицеровъ и многихъ придворныхъ. Для развлеченія ему вздумалось привести меня въ замѣшательство; онъ позвалъ своего шута и сказалъ ему: «Мнѣ бы хотѣлось знать, что ты думаешь о новостяхъ изъ Парижа; тамъ собираютъ генеральные штаты; скажи-ка: что изъ этого выйдетъ»? Тогда Моссъ, не заставляя ждать себя, началъ болтать и ораторствовать, и цѣлую четверть часа неутомимо сыпалъ нескладныя свѣдѣнія, смѣшивая событія, царствованія, года, Альбигойцевъ, протестантовъ, Янсенистовъ. Приводя иногда истинные анекдоты и составивъ изъ всего этого забавную и карикатурную картину, въ которой представились въ смѣшномъ видѣ нашъ дворъ, духовенство, парламентъ, дворянство и вся нація, онъ въ заключеніе этой сатиры предсказалъ всеобщій переворотъ и всемірное безуміе, которые охватятъ Европу, если только не поручатъ власть такимъ мудрецамъ, какъ онъ, вмѣсто сумасшедшихъ, которые правятъ теперь. Во время этой великолѣпной выходки противъ Франціи, присутствующіе двусмысленно посматривали на меня, а Потемкинъ въ тихомолку радовался, что ему удалось смутить меня, заставивъ выслушать глупости о Франціи и напустивъ на меня шута. Я однако не потерялся и рѣшился отомстить. Я зналъ, до какой степени тогда въ Петербургѣ всѣ вынуждены были молчать и остерегаться на счетъ политики и правительственныхъ дѣлъ, о которыхъ не позволялось толковать. Нисколько не сердясь на Мосса, я сказалъ ему: «Любезный Моссъ, вы человѣкъ свѣдущій, но вы уже лѣтъ двадцать не видали Франціи, и ваша память, правда, отличная, васъ однако обманываетъ; къ истинѣ вы подмѣшали много невѣрнаго. Но, судя по вашему краснорѣчію, я полагаю, что вы заговорили бы еще лучше и занимательнѣе, если бы избрали предметомъ Россію, болѣе вамъ знакомую, и теперешнюю войну съ Турками». При этихъ словахъ Потемкинъ поморщился и погрозилъ шуту; но безстрашный Моссъ былъ въ ударѣ и, подстрекаемый хвалою, заговорилъ горячо и еще менѣе щадилъ Россію, чѣмъ Францію. Онъ вдоволь распространился о рабствѣ народа, о деспотизмѣ двора, о недостаткахъ

Библиотека "Руниверс"

арміи, скудости казны, упадкѣ довѣрія въ торговлѣ. «Что думать о правительствѣ, сказалъ онъ, которое видитъ, что дѣла такъ плохи, и тратитъ столько денегъ и людей, чтобы овладѣть какими-нибудь степями и заполучить чуму? Къ чему это хотятъ издерживаться, проливать кровь и вооружать противъ себя всю Европу? Вы не отгадаете, а я вамъ скажу: все это дѣлается для забавы одного высокаго князя, который вотъ здѣсь; онъ скучаетъ и хочетъ добыть Георгіевскую ленту сверхъ прочихъ тридцати или сорока орденовъ, которыми онъ увѣшанъ, но которыхъ ему недостаточно». Послѣ этой выходки я залился смѣхомъ, гости силились, чтобы не разсмѣяться, а Потемкинъ, страшно разсерженный, уронилъ столъ и бросилъ шахматы въ слѣдъ убѣгавшему Моссу. Тогда я замѣтилъ Потемкину, что мы оба окажемся не умнѣе Мосса, если будемъ сердиться на его глупость, и вечеръ кончился очень весело.

Я довольно ясно представилъ въ депешахъ моихъ невыгоду моего неопредѣленнаго положенія, такъ что правительство наконецъ высказалось. Монморень, казалось, рѣшился; онъ писалъ мнѣ: «Вы мнѣ изложили подробно мысли Императрицы на счетъ предлагаемаго союза, такъ что намъ ничего не остается желать, и можно предложить окончательно условія. Эта работа исполнена, и вотъ уже нѣсколько дней, какъ въ рукахъ короля. Я скоро пришлю къ вамъ курьера съ повелѣніями его величества. Предувѣдомьте Русское правительство, что Голландія хочетъ вооружить эскадру и присоединить ее къ Шведскому флоту; мы получили объ этомъ тайное извѣстіе». Эта депеша вновь обнадежила меня и Кобенцеля; но это было уже въ послѣдній разъ. Императрица начинала сердиться на насъ; она знала, что мы согласились заплатить Шведскому королю субсидіи, давно слѣдовавшія къ уплатѣ, и удивилась молчанію Испаніи и нашему относительно Пруссіи, которую, по ея мнѣнію, мы должны были остановить и постращать войною, если она не перестанетъ тревожить Европу своими замыслами на Польшу. Государыня полагала также, что мы могли дѣйствовать сильнѣе на Турцію, чтобы склонить ее къ миру. Изъ этого можно заключить, какъ мало знали въ Россіи внутреннія безпорядки и затрудненія нашего правительства.

Швеція въ это время сильно тревожила Императрицу; надѣялись, что на новомъ сеймѣ проявится тоже неудовольствіе, какое было распространено въ арміи. Къ тому же Густавъ, атакованный войсками Датскаго короля, которыя высадились на Шведскую землю, съ трудомъ могъ защищаться отъ этого новаго врага. Такимъ образомъ все, казалось, соединилось, чтобы заставить короля положить оружіе и подписать условія, которыя ему предложатъ сосѣди и его собственные

Библиотека "Руниверс"

подданные. Но дѣло вышло иначе. Шведскій король почерпалъ въ своемъ умѣ и отвагѣ средства, соотвѣтствовавшія страшной опасности, которая ему грозила. Уже принцъ Карлъ Гессенскій, предводительствовавшій Датскими войсками, при вступленіи въ Швецію черезъ Норвегію, захватилъ лагерь съ 8 стами человѣкъ; въ пятнадцать дней онъ завладѣлъ всѣмъ краемъ между Амалою и Венерсборгомъ и подходилъ къ Готенборгу. У Густава въ это время было только 2,000 войска, которыя были нужны для обороны Стокгольма. Датчане не встрѣчали другого препятствія, кромѣ слабаго отряда милиціи, только что собранной. Король удалился въ Гагу; тамъ его убѣждали собрать сеймъ. Въ Стокгольмѣ составилась сильная партія, чтобы поддержать замыслы возмутившейся Финской арміи. Въ эту критическую минуту Густавъ III вспомнилъ, что Густавъ-Васа нашелъ въ ущельяхъ и въ рудникахъ Далекарліи убѣжище, изъ котораго онъ потомъ вышелъ на освобожденіе Швеціи отъ ея враговъ. Это внушило королю мысль послѣдовать примѣру Вазы. Неожиданно пріѣзжаетъ онъ въ Мору, самое населенное мѣстечко Далекарліи. Его встрѣчаютъ съ радостными кликами; онъ собираетъ Далекарлійцевъ въ полѣ, послѣ молебна становится на тотъ камень, на которомъ стоялъ и говорилъ Густавъ-Васа, и обращается къ народу съ благородною, смѣлою и увлекательною рѣчью. Всѣ слушавшіе его проникаются его убѣжденіями, всѣ клянутся ему въ вѣрности, всѣ бросаются къ оружію, чтобъ идти на врага. Во всемъ краѣ, который онъ быстро объѣзжаетъ, онъ находитъ то же усердіе и ту же преданность. Такимъ образомъ король, угрожаемый сильными сосѣдями и оставленный бунтующимъ войскомъ, обратился за помощью къ простымъ и отважнымъ поселянамъ, и нашелъ ее у нихъ.

Далекарлійцы хотѣли составить ему гвардію изъ 6,000 охотниковъ. «Покуда я среди васъ, сказалъ король, мнѣ не нужно гвардіи; но я принимаю ваше предложеніе, чтобы поспѣшить на защиту отечества». Сосѣднія области послѣдовали примѣру Далекарлійцевъ: повсюду вооружались и собирались. Но вдругъ Густавъ узнаётъ, что Карлъ Гессенскій готовится взять Готенборгъ, такъ какъ губернаторъ города, испуганный или подкупленный, предложилъ уже жителямъ, по первому требованію, сдаться, чтобы не лишиться домовъ своихъ. Густавъ тотчасъ же, рискуя попасть въ руки непріятеля, переодѣтый, одинъ, верхомъ, проѣзжаетъ двадцать миль въ день, является вечеромъ, неузнанный, въ Готенборгъ и входитъ въ домъ коменданта, чтобы отдохнуть. Онъ находитъ домъ пустымъ, безъ постели, безъ мебели: расчетливый градоначальникъ убралъ всѣ свои вещи. Рано утромъ король созвалъ городской совѣтъ и горожанъ. «Не бойтесь, говоритъ онъ имъ, ни враговъ, ни осады. Помогите мнѣ, и побѣда будетъ на

Библиотека "Руниверс"

нашей сторонѣ. Я сто разъ готовъ рисковать своей жизнію, чтобы сохранить Швеціи Готенборгъ, это драгоцѣннѣйшее украшеніе моей короны». Его слова и примѣръ ободряютъ самыхъ нерѣшительныхъ. Собираютъ всѣхъ лошадей, снаряжаются, безъ устали работаютъ надъ укрѣпленіями. Не было батареи на стѣнѣ: ее возводятъ, ставятъ пушки, и въ нѣсколько дней крѣпость приготовлена къ защитѣ. Датское войско подходитъ къ городу. Адъютантъ принца Гессенскаго, посланный съ грознымъ письмомъ къ коменданту, въѣзжаетъ въ городъ и, къ величайшему своему удивленію, вмѣсто коменданта видитъ короля, который объявляетъ ему, что прежде, чѣмъ сдать городъ, онъ разрушитъ его до основанія. Датчане узнаютъ, что они идутъ уже не въ беззащитную страну, а должны готовиться къ упорной войнѣ.

Однако Датскій флотъ соединяется съ Русскимъ. Со всѣхъ сторонъ, съ моря и съ суши, Густавъ былъ окруженъ, настигнутъ и тѣснимъ превосходными силами; его паденіе казалось неминуемо. Ему оставалось только спасти свою славу и пасть съ своими вѣрными Далекарлійцами подъ развалинами отечества, но твердость спасла его. Презираютъ и покидаютъ только слабыхъ народоправителей, а королей храбрыхъ уважаютъ и защищаютъ. Англія и Пруссія не хотѣли допустить, чтобы враги Густава побѣдили его. Эти двѣ державы потребовали отъ Даніи, чтобы она отозвала свои войска. Англійскій министръ Эллiотъ объявилъ Датскому правительству, что если его войска не оставятъ Швеціи, то Англійскій флотъ будетъ бомбардировать Копенгагенъ. Сперва Швеція и Данія заключили перемиріе, во время котораго слабый гарнизонъ Готенборга былъ подкрѣпленъ шестью тысячами человѣкъ; между ними замѣтны были Далекарлійцы съ ихъ косами, бердышами и алебардами; на нихъ были черныя куртки, а на правыхъ рукахъ бѣлыя повязки. Изъ нихъ составили три полка. Перемиріе было продолжено. Датчане отступили, начали переговоры и наконецъ согласились на миръ. Такимъ образомъ у Густава было однимъ врагомъ менѣе, но оставались еще два очень опасные: извнѣ Россія, а внутри аристократія.

Измѣнившая армія все еще оставалась въ бездѣйствіи противъ Русскихъ. Возмутившіеся начальники ея надѣялись, подобно Императрицѣ, съ которою они согласились, что сеймъ принудитъ короля къ миру и къ перемѣнѣ правленія. Но Густавъ скоро разсѣялъ эти обманчивыя ожиданія. Онъ вдругъ явился въ столицѣ, и народъ встрѣтилъ его съ торжествомъ. Онъ рѣшился однимъ ударомъ поразить опаснѣйшихъ своихъ враговъ. Еще будучи въ Готенборгѣ, онъ созвалъ сеймъ, который собрался въ столицѣ. Является король, собираетъ представителей четырехъ сословій въ чрезвычайное засѣданіе, излагаетъ передъ

Библиотека "Руниверс"

ними положеніе дѣлъ и свои сношенія съ Европейскими державами, объявляетъ имъ, что, подобно имъ, желаетъ мира, только не безславнаго, и что не знаетъ другого средства достигнуть его, какъ энергическимъ продолженіемъ войны. Наконецъ онъ предложилъ имъ выбрать тайный комитетъ изъ 30 членовъ, съ которыми бы онъ могъ совѣщаться о нуждахъ отечества. Духовенство, крестьяне и большая часть горожанъ высказались въ пользу мнѣнія короля и за войну; они всѣ были согласны на счетъ выбора своихъ депутатовъ. Только одно дворянство старалось затруднить ходъ дѣла, отсрочивать и замедлять рѣшенія. Своимъ образомъ дѣйствія оно возстановило противъ себя другія сословія и вывело короля изъ терпѣнія. Король приготовилъ все къ перевороту: собранныя и хорошо обученныя войска должны войти въ Стокгольмъ при малѣйшемъ знакѣ. Король собралъ членовъ сейма въ большую дворцовую залу. Торжественно благодарилъ онъ представителей духовенства, гражданъ и крестьянъ за ихъ преданность къ нему, за усердіе, съ которымъ они его поддержали, и за любовь къ отечеству. «Но вы, дворяне и воины, сказалъ онъ, вмѣсто того, чтобы примѣромъ своимъ руководить другихъ, вы глухи къ призыву родины и слушаетесь только страстей вашихъ». Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ укоровъ своимъ противникамъ и обращаясь ко всему сейму, онъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Я не могу, не долженъ допускать, чтобы дворянство своимъ бездѣйствіемъ поддерживало враговъ нашихъ. Мнѣ нужно содѣйствіе, нужно, чтобы войско и флотъ не нуждались въ одеждѣ, оружіи, деньгахъ; въ противномъ случаѣ я объявляю заранѣе, что если разорятъ наши берега, съ огнемъ и мечемъ пройдутъ по Финляндіи и даже съ угрозой подступятъ къ этой столицѣ, то никто не посмѣетъ упрекнуть меня. Виновны будутъ только тѣ, которые, вмѣсто того, чтобы отказаться отъ своихъ замысловъ на управленіе государствомъ и отъ мести противъ меня, соглашаются лучше видѣть непріятеля въ Стокгольмѣ и Русскаго министра предписывающаго мнѣ законы. Они полагаютъ, что, затрудняя и замедляя ходъ дѣлъ, они заставятъ меня согласиться на постыдный миръ; но скорѣе эта рука отсохнетъ, чѣмъ подпишетъ какой нибудь актъ, унизительный для моего отечества. Лучше пусть сорвутъ съ меня или раздробятъ на головѣ моей эту корону, которую носилъ Густавъ-Адольфъ; потому что если я не могу носить ее съ равною ему славою, то хочу, по крайней мѣрѣ, оставить ее преемникамъ моимъ незапятнанною». За тѣмъ онъ распустилъ собраніе, приказавъ дворянамъ совѣщаться о способахъ вознагражденія великаго маршала, который принесъ жалобу, что онъ обиженъ.

Негодованіе и упрямство дворянъ возрастало тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе прочія сословія оказывали привязанности къ королю. Граждане

Библиотека "Руниверс"

и крестьяне послали къ королю депутацію, прося его употребить всѣ возможныя мѣры, чтобы принудить сеймъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Этого только и добивался Густавъ. Увѣренный, что большинство за него, онъ велѣлъ захватить тридцать главнѣйшихъ ораторовъ изъ дворянъ и заключить ихъ въ Фридрихсгофъ. Въ тоже время забрали командующихъ и офицеровъ Финской арміи, которые были въ сношеніяхъ съ Россіею, и отдали ихъ подъ военный судъ. Пользуясь, для усиленія своей власти, этимъ успѣшнымъ оборотомъ дѣлъ, король составилъ, вмѣстѣ съ тремя преданными сословіями, новый конституціонный актъ, который онъ назвалъ: *актомъ союза и безопасности*. Цѣлью его было утвердить королевскую власть, ослабить дворянство уничтоженіемъ большей части его привиллегій и утвержденіемъ въ монархіи *демократическаго равенства*, чтобы предотвратить новое усиленіе анархіи. Одно мѣсто его рѣчи достаточно объяснитъ мысли его: «Народъ совершенно свободный, говорилъ онъ, рожденный въ одной и той же странѣ, воздѣлывающій одну землю, признающій одного Бога, не долженъ быть раздѣленъ во мнѣніяхъ относительно правъ, которыхъ всѣ граждане безразлично могутъ требовать себѣ». Первая статья этого акта признавала власть короля наслѣдственною, съ правомъ охранять государство, начинать войну, утверждать миръ, заключать договоры, назначать должностныхъ лицъ и миловать виновныхъ. Вторая статья допускала горожанъ въ высшій трибуналъ короля. Третья дозволяла низшимъ классамъ пріобрѣтать дворянскія земли, потому что, по словамъ этой статьи, «равенство должно возвышать, а не унижать Шведовъ; свободная нація должна пользоваться равенствомъ правъ». Четвертая статья предписывала придворную службу одному рыцарскому сословію. Пятая и шестая статьи оставляли чинамъ право обсужденія военныхъ издержекъ и королевскихъ предложеній. Прочія статьи подтверждали всѣ положенія 1772 года, которыя не были противны новому постановленію. Актъ этотъ отданъ былъ на разсмотрѣніе сейма. Одни только дворяне отказались принять его. Послѣ трехнедѣльныхъ, оживленныхъ совѣщаній и тридцати трехъ рѣчей за и противъ, дворяне единодушно отвергли предложенный имъ актъ. Для окончанія спора король объявилъ маршалу сейма графу Левенгаупту, что онъ не только можетъ, но долженъ отъ имени сейма и своего сословія подписать конституціонный актъ, принятый большинствомъ голосовъ. Дворянство протестовало и даже прибѣгло къ покровительству Прусскаго короля, чтобы черезъ его посредство вынудить нѣкоторыя уступки въ свою пользу.

Наконецъ король рѣшился на крайнее средство. 27 Апрѣля 1788 года, онъ, безъ свиты и безъ гвардіи, явился среди дворянскаго

Библиотека "Руниверс"

собранія. Его неожиданное появленіе смутило самыхъ дерзкихъ членовъ. Прочіе были увлечены трогательною и смѣлою рѣчью Густава о трудности положенія и опасностяхъ, которымъ подвергается Швеція. Наконецъ дворяне уступили: они подписали свое согласіе на постановленіе, утвержденное представителями прочихъ сословій. Король возвратился во дворецъ среди радостныхъ кликовъ народа. Въ тотъ же день обнародовано было о рѣшеніи собранія, объ утвержденіи конституціоннаго акта, закрытіи сейма и освобожденіи государственныхъ преступниковъ. Армія послѣдовала общему настроенію, возвратилась къ своему долгу, утвердила клятвою *актъ союза и безопасности*, и снова вся Швеція требовала войны съ Россіею. Эта искусная побѣда Густава надъ возмущеніемъ и также, къ несчастію, надъ основными установленіями и народной свободой, немедленно дала ему средства вести войну и окончить ее съ честью. Но недовольство дворянъ не угомонилось послѣ ихъ уступки, и роковой ударъ, прекратившій дни Шведскаго короля, служилъ впослѣдствіи убѣдительнымъ доказательствомъ, до какой силы можетъ дойти ненависть олигархіи, долгое время принижепной. Между тѣмъ, этотъ же самый Густавъ, у себя противникъ аристократическихъ преимуществъ, впослѣдствіи, незадолго до своей трагической кончины, слѣдуя воинственному настроенію Екатерины, хотѣлъ стать во главѣ Французской аристократической эмиграціи, чтобы разрушить монархическо-демократическую конституцію 1791 года.

Не трудно понять, до какой степени Императрица негодовала на Англію и Пруссію за то, что онѣ освободили короля изъ того опаснаго положенія, въ которое его поставили Датчане, что онѣ дали ему средства обуздать сеймъ, привести возмутившееся войско къ повиновенію и продолжать войну. Въ это время мы могли получить отъ Государыни все, чего хотѣли, лишь бы сладился союзъ между четырьмя державами. Я воспользовался этимъ случаемъ и повторилъ свое предложеніе войти въ сношенія съ Турками и условиться съ ними о перемиріи. Согласились на все, и Императрица, объявивъ, что не желаетъ никакихъ посредниковъ, кромѣ насъ и Испаніи, приказала вице-канцлеру Остерману войти въ переговоры съ Шуазёлемъ. Ему поручено было прежде всего настаивать на освобожденіи Булгакова и уполномочить Французскаго посла выхлопотать у Порты шестимѣсячную остановку военныхъ дѣйствій. Въ тоже время Императрица объявила, что князь Потемкинъ принимаетъ начальство надъ обѣими южными арміями и отправится на Югъ съ полномочіемъ вести переговоры о мирѣ. Фельдмаршалъ Румянцевъ, утомленный непріятностями, которымъ подвергался, испросилъ себѣ отставку *).

*) Румянцевъ уволенъ и отпущенъ былъ на воды 25 Апрѣля 1789 года.

Библиотека "Руниверс"

Едва исполнивъ съ такимъ успѣхомъ желаніе моего двора относительно мира и посредничества, я получилъ ожидаемые мною окончательные наказы; они были отъ 19 Марта 1789 года. «Король, писалъ мнѣ Монморень, видя, что Испанскій дворъ не хочетъ приступить къ союзу и ограничивается сохраненіемъ договоровъ, которые обязываютъ его, въ случаѣ войны, помогать намъ противъ Англичанъ, измѣнилъ свои мнѣнія о положеніи Европейскихъ дѣлъ. Его величество полагаетъ, что связь съ Россіею можетъ поссорить насъ съ Турціею, если только это дѣло не останется въ тайнѣ; но въ такомъ случаѣ оно не достигнетъ своей цѣли, не ослабитъ связи Англіи съ Пруссіею. Прежде всего мы должны дѣйствовать, какъ посредники, и ускорить миръ; когда заключится миръ, четвертной союзъ уже не будетъ нуженъ. Король неохотно гарантируетъ цѣлость Польши, страны, на которую уже давно не имѣетъ никакого вліянія: это значило бы безъ нужды подвергаться случайностямъ отдаленной войны. Къ тому же, всѣ готовятся къ созванію генеральныхъ штатовъ съ цѣлію соразмѣрить расходы съ доходами государства. Только достигнувъ этого, король можетъ съ увѣренностью исполнить прежнія свои обязательства и не рѣшается налагать на себя новыхъ. Хотя онъ и можетъ разсчитывать на преданность своихъ подданныхъ и на великія средства государства, однако онъ считаетъ неблагоразумнымъ пугать умы возможностью значительной войны. Франція, успокоившись, укрѣпится, усилится и будетъ тогда полезною союзницею. Вотъ причины, по которымъ она удерживается теперь отъ союза. Его величество надѣется, что Императрица оцѣнитъ основательность этихъ доводовъ и откровенность отношеній. Но король не отказываетъ постановить основанія союзнаго договора, только безъ окончательнаго утвержденія его статей до того времени, когда препятствія, здѣсь указанныя, будутъ устранены. Это можетъ произойти, когда императорскіе дворы помирятся съ Портою, и когда внутреннія дѣла Франціи уладятся, то есть по закрытіи генеральныхъ штатовъ».

Таковы были въ сущности наставленія, которыхъ я такъ долго ждалъ и которыя долженъ былъ сообщить Русскому правительству. Монморень присоединилъ къ нимъ предначертаніе договора, имъ сочиненное, и въ письмѣ, писанномъ ко мнѣ собственноручно, извѣщалъ меня, что Совѣтъ единогласно призналъ пользу союза, но что осторожность короля удерживала его подписать такой договоръ съ Россіею, пока она будетъ въ войнѣ съ Турціею.

Я въ точности послѣдовалъ этимъ новымъ наставленіямъ и, какъ умѣлъ, старался разсѣять недовольство, которое произвела эта перемѣна въ Русскихъ министрахъ. Я не скрывалъ отъ Монморена, что

Библиотека "Руниверс"

мое положеніе дѣлалось скользкимъ и труднымъ. «Какъ поддержать довѣріе къ намъ, писалъ я ему, когда мы признаемся въ собственномъ безсиліи? Какимъ образомъ представить союзъ съ нами нужнымъ, когда мы отлагаемъ его до заключенія мира съ Турками, то есть до того времени, когда Императрица не будетъ нуждаться въ нашей помощи? Какимъ образомъ воспрепятствовать сближенію Россіи съ Англіею, которая, будучи полезною въ дружбѣ и опасною во враждѣ, обѣщаетъ ей, въ случаѣ соглашенія, самый выгодный миръ? Наконецъ я долженъ, чтобы снять съ себя отвѣтственность, выставить на усмотрѣніе его величества важное обстоятельство: если я успѣю (хотя считаю это невозможнымъ) заключить когда нибудь предположенный договоръ съ Императрицею, то, при имѣющемъ измѣниться положеніи дѣлъ, Императрица никакъ не захочетъ, на случай нашей войны съ Англичанами, закрыть для нихъ Русскіе порты въ нашу пользу; а вѣдь это главная выгода, которой я ожидалъ отъ этого союза. Русскіе министры, какъ я и ожидалъ, горько жалуются; они попрекаютъ насъ торговымъ договоромъ; ему приписываютъ они всѣ затрудненія, которыя дѣлаютъ имъ теперь Англія и Пруссія. Очевидно, что мысли ихъ должны измѣниться. Императрица уже стала гораздо благосклоннѣе къ Витворту, Англійскому министру».

«Я достигъ въ Россіи, писалъ я еще Монморену, всего, что̀ король поручилъ мнѣ выхлопотать въ теченіе этихъ пяти лѣтъ: довѣрія Русскаго правительства, торговаго договора, вліянія, сближенія, принятія посредничества. Графъ Остерманъ предоставилъ Шуазёлю всѣ заботы о примиреніи. Наши внутреннія смуты ослабляютъ наши средства; однако дворъ нашъ пользуется здѣсь должнымъ довѣріемъ и почетомъ. Я удвою свои старанія, чтобы сохранить это положеніе; но если дѣла перемѣнятся, то я надѣюсь, что король будетъ добръ, и Совѣтъ такъ благосклоненъ, что припишутъ это обороту обстоятельствъ, которыхъ я не въ силахъ измѣнить».

Въ первыхъ числахъ Мая курьеръ изъ Вѣны привезъ Императрицѣ депеши, которыя сильно ее обезпокоили: ее извѣщали, что императоръ Іосифъ при смерти. Государыня такъ встревожилась, что занемогла. Другой курьеръ успокоилъ ее извѣстіемъ, что онъ покуда вышелъ изъ опасности. Въ то время Екатерина II со всѣхъ сторонъ окружена была неудачами. Шведскій флотъ высвободился изъ блокады при попутномъ вѣтрѣ. Король, освободившись отъ Датчанъ, сломивъ и своихъ противниковъ, снова стоялъ во главѣ покорнаго войска, желавшаго побѣдами искупить свое возстаніе. Шуазёль, котораго положеніе дѣлалось часъ отъ часу затруднительнѣе, писалъ мнѣ, что Англичане и Прусаки готовятся заключить съ Портою договоръ, по

Библиотека "Руниверс"

которому эти три державы обязуются поддерживать Польшу въ ея намѣреніяхъ освободиться отъ Русскаго вліянія. Въ тоже время они уговаривали Императрицу отстать отъ императора и Франціи и поручить имъ соглашеніе о мирѣ. Съ этимъ условіемъ они обѣщали Россіи выхлопотать уступку ей Очакова и заставить Шведскаго короля положить оружіе. Императрица была слишкомъ горда, чтобы согласиться на условія, почти вынужденныя у ней, а не предложенныя ею, могущія заставить ее измѣнить своему старому союзнику. Но казалось возможнымъ, что она, не находя опоры ни въ насъ, ни въ Испаніи и покинувъ Польшу, вмѣстѣ съ императоромъ склонится на сторону противниковъ. Въ политикѣ всегда почти ссоры между сильными кончаются невыгодно для слабыхъ.

Я видѣлъ тогда Очаковскаго пашу, привезеннаго въ Петербургъ. Это былъ весьма порядочный Турокъ, потому что обращеніемъ своимъ и рѣчами обличалъ нѣкоторый умъ и разсудительность. Я спросилъ его, не боится ли онъ послѣ войны возвратиться на родину? «Вѣдь ваше правительство строго, сказалъ я; оно, какъ говорятъ, наказываетъ за неудачу, какъ за преступленіе, и вы сами не избѣгнете его кары, хотя ваша храбрость и упорная защита заслужили вамъ уваженіе враговъ вашихъ».—«Вы недостаточно знакомы съ нашими обычаями, отвѣчалъ онъ мнѣ; у насъ начальники крѣпостей отвѣчаютъ въ случаѣ добровольной сдачи, но не въ случаѣ плѣна. Меня взяли послѣ осады, и нечѣмъ упрекнуть меня. Но если бы я хоть десять лѣтъ защищалъ подвластный мнѣ городъ и потомъ сдалъ его на капитуляцію, мнѣ отрубили бы голову».—«Какъ, и вы въ этомъ случаѣ сами пошли бы на неправедную казнь?» спросилъ я. «Что же дѣлать, возразилъ паша; нельзя избѣжать судьбы своей, и каждый долженъ покоряться велѣніямъ Аллаха. Стараться обойти ихъ и безумно, и преступно». Разумѣется, это фанатизмъ, доведенный до крайности.

Императрица въ это время ѣздила въ Царское Село и позволила мнѣ слѣдовать за нею. Пріятныя извѣстія, полученныя ею, возвратили ей веселость. Императоръ выздоравливалъ; Каменскій одержалъ побѣду надъ довольно значительнымъ Турецкимъ корпусомъ, а Михельсонъ разбилъ Шведскую дивизію; Румянцевъ, раздѣливъ армію свою на три корпуса, двинулъ одинъ изъ нихъ на Яссы, другой въ Валахію, третій на Бендеры. Скоро узнали мы, что Каменскій, преслѣдуя непріятеля, напалъ подъ Галацомъ на пашу Ибрагима, захватилъ его въ плѣнъ и забралъ его лагерь. Что я предвидѣлъ, то и сбылось: Потемкинъ и нѣкоторые другіе сановники хотѣли уговорить Императрицу сблизиться съ Англіею. Чтобы достигнуть этой цѣли, они увѣряли ее, что Шуазёль сообщилъ Туркамъ планъ кампаніи, довольно искусно составлен-

Библиотека "Руниверс"

мый; далѣе, что посолъ нашъ, ложно обвиняя въ козняхъ Англію и Пруссію, самъ возбуждаетъ Турокъ къ продолженію войны. Екатерина, слишкомъ поспѣшно довѣряя этой баснѣ, передала ее съ упрекомъ принцу Нассау-Зигену. «Французскій дворъ, говорила она ему, поступаетъ со мною недобросовѣстно, или приказанія короля дурно исполняются его повѣренными. Меня даже увѣряли (и это мнѣ очень непріятно), что Сегюръ сообщаетъ моимъ министрамъ неточныя извлеченія изъ депешъ, которыя онъ получаетъ отъ Шуазёля. Король выплатилъ недавно субсидіи Густаву III; подъ разными мнимыми предлогами онъ отказывается заключить съ нами союзъ. Вся эта политика, далеко неоткровенная, мнѣ кажется даже враждебная намъ. Я не хочу выводить дѣло наружу, потому что не опасаюсь того вреда, какой могла бы мнѣ нанести Франція; однако я не хочу, чтобы думали, что я очаровываюсь ложными увѣреніями. Вы, надѣюсь, уже достаточно стали *Русскимъ*, и потому я желаю, чтобы вы написали конфиденціально Монморену и дали бы ему понять, что отказъ въ союзѣ и дѣйствія его посла въ Константинополѣ не даютъ мнѣ болѣе возможности довѣряться ему».

Нассау тотчасъ же передалъ мнѣ этотъ разговоръ, и я безъ труда увидѣлъ въ этомъ происки Потемкина, надѣявшагося такимъ путемъ отдалить Императрицу отъ насъ. Онъ сперва и успѣлъ въ этомъ: возвратившись въ столицу, Екатерина перестала обращаться со мною такъ привѣтливо, какъ было прежде, и приглашать меня на частныя эрмитажныя собранія; а когда я являлся ко двору со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, она не только не подзывала меня къ себѣ, но даже оказывала холодность и часто весьма любезно относилась къ министрамъ Англійскому и Прусскому. Соперники наши торжествовали, а люди, соразмѣрявшіе свое поведеніе съ перемѣною обстоятельствъ, стали мало-по-малу удаляться отъ меня, видя во мнѣ посла, вышедшаго изъ милости. Меня озадачилъ успѣхъ этихъ происковъ, и такъ какъ они скоро могли разрушить вліяніе Франціи, которое я добылъ съ такимъ усиліемъ, то я всячески старался разсѣять происки вельможъ и министровъ Англійскаго и Прусскаго.

Между тѣмъ я получилъ большую депешу отъ Шуазёля. Нельзя было написать ничего удачнѣе по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Посолъ нашъ сообщилъ мнѣ подробный отчетъ о дѣйствіяхъ пословъ Прусскаго и Англійскаго въ Константинополѣ и о происках ихъ, чтобы отвлечь Турокъ отъ всякаго расположенія къ миру. Онъ не только передалъ содержаніе записокъ и нотъ, представленныхъ имъ Портѣ, но даже выписалъ цѣликомъ нѣкоторыя ихъ выраженія, особенно непріязненныя противъ Россіи. Если бы я могъ извѣстить объ

Библиотека "Руниверс"

этомъ Государыню, она бы, разумѣется, сильно прогнѣвалась, увидѣвъ, какъ ее обманываютъ. Но депеша Шуазёля была написана шифрами, а Императрицу, какъ я уже сказалъ, заставили заподозрить мою искренность и увѣрили, что я сообщаю депеши нашего посла неточно. Однако мнѣ надо было воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, который, можетъ быть, нескоро вновь представился бы. Итакъ, я прибѣгнулъ къ рѣшительному средству. Оно было такъ ново и смѣло, что я не счелъ нужнымъ извѣщать о немъ мой дворъ; даже и Монморень узналъ объ этомъ по возвращеніи моемъ изъ Россіи. Если бы моя выдумка не удалась, она обратилась бы мнѣ въ вину, потому что я могъ выдать ключъ къ нашей тайнописи. Разсказывая теперь о моемъ смѣломъ поступкѣ, я считаю долгомъ предупредить моихъ молодыхъ соотечественниковъ, вступающихъ на дипломатическое поприще и посовѣтовать имъ не слѣдовать моему примѣру. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы рѣшиться на такой поступокъ, нужно было знать душу и характеръ Государыни, внушившей мнѣ полное довѣріе къ ней, такъ близко, какъ я ее зналъ. Одинъ только успѣхъ могъ извинить меня, и я достигъ его. Я попросилъ принца Нассау придти ко мнѣ. «Вы видите, какъ шатко наше положеніе и какими средствами стараются насъ уронить. Вамъ извѣстно также, что Императрица чистосердечна и великодушна и что ее обманываютъ. Она сочувствуетъ всему возвышенному, благородному и прекрасному. Слушайте же, на что я рѣшился, чтобы раскрыть ей всѣ каверзы и разсѣять ихъ. Вотъ шифрованная депеша Шуазёля, я только что получилъ ее и переписалъ буквами. Чтеніе этой депеши разсѣетъ въ Императрицѣ всякое сомнѣніе насчетъ нашей искренности и откроетъ ей козни нашихъ враговъ. Я сложу ее и надпишу на конвертѣ, что отсылаю ее не *Государынѣ, а Екатеринѣ*. Возьмите, выпросите себѣ аудіенцію и отдайте эту бумагу отъ моего имени. Если она оставитъ васъ и выйдетъ хоть на минуту изъ кабинета, то я ошибся въ ней: могутъ списать нѣсколько строкъ, узнаютъ ключъ нашего шифра, и я дѣлаюсь виновенъ. Но я увѣренъ, что она этого не сдѣлаетъ и тотчасъ же отдастъ вамъ депешу. Поѣзжайте и скорѣе возвращайтесь».

Нассау согласился, поспѣшилъ во дворецъ и получилъ желаемую аудіенцію. Когда онъ остался съ глазу на глазъ съ Государыней и произнесъ мое имя, она съ сердцемъ сказала: «Чего нужно Сегюру отъ меня?» Нассау, не отвѣчая, вручилъ ей письмо. Екатерина взяла его, съ удивленіемъ прочитала надпись, быстро развернула и начала читать. Въ это время Нассау сталъ отступать, будто желая удалиться. Тогда Императрица подходитъ къ нему, останавливаетъ его и говоритъ: «Принцъ, не уходите, не оставляйте меня ни на минуту».

Библиотека "Руниверс"

Она продолжаетъ чтеніе и, окончивъ его, быстро складываетъ депешу и отдаетъ ее Нассау-Зигену, сказавъ при этомъ съ чувствомъ: «Скорѣе отправьтесь къ Сегюру и скажите ему, что никогда въ жизни я не забуду этого благороднаго поступка; онъ доказалъ мнѣ свое уваженіе и довѣріе ко мнѣ; я заслужила его, онъ меня понялъ».

Не безъ волненія ожидалъ я возвращенія моего посланца, и можно себѣ представить мое удовольствіе, когда онъ извѣстилъ меня о счастливомъ и скоромъ исполненіи моего порученія. На другой день дворъ собрался въ эрмитажѣ. Только что я вошелъ, какъ Императрица подозвала меня, посадила возлѣ себя, почти не слушала актеровъ и все время спектакля тихонько проговорила со мною. Чрезвычайное удивленіе выразилось на лицахъ министровъ. Наши соперники, торжествовавшіе вчера, едва могли скрыть недоумѣніе. Положеніе дѣйствующихъ лицъ перемѣнилось: Императрица стала еще ласковѣе и милостивѣе ко мнѣ и съ презрѣніемъ слушала навѣты на насъ. Не смотря на смуты, которыя возникли во Франціи, наше правительство не потеряло своего значенія и вліянія въ Россіи, пока я оставался въ Петербургѣ. Государыня такъ крѣпко сохранила тайну моего поступка, что ни Потемкинъ, ни другіе министры не могли узнать, какимъ образомъ я такъ скоро возстановилъ ея довѣріе къ себѣ.

Пылкій нравъ султана Селима и честолюбіе Густава III, а съ другой стороны враждебные происки Прусаковъ и Англичанъ удаляли всякую возможность скораго мира, и потому съ обѣихъ сторонъ спѣшили вооружаться. Принцъ Нассау-Зигенъ снаряжалъ флотилію въ Кронштадтѣ. Черезъ три недѣли ему приказано было отправиться съ 30 галерами, 10 шебеками, 3 судами, на которыхъ были орудія тяжелаго калибра, со множествомъ канонерскихъ лодокъ и 14,000 войска для высадки. Флотилія имѣла грозный видъ, но недоставало хорошихъ штурмановъ и искусныхъ моряковъ, а войско состояло изъ новобранцевъ.

Извѣщая Монмореня о невыгодномъ оборотѣ нашихъ сношеній, я не могъ удержаться отъ жалобъ. «Какъ нехорошо, писалъ я ему въ началѣ Іюня, что сближеніемъ нашимъ съ императорскими дворами возбудили мы противъ себя Турокъ, Англичанъ и Пруссаковъ, а теперь возстановляемъ Императрицу и императора отказомъ согласиться на предлагаемый намъ союзъ. Мы испытываемъ всѣ непріятности нашего положенія, не пользуясь его выгодами, которыя въ другое время уже не представятся намъ. Екатерина еще занята этимъ союзомъ. Она такъ ревностно желаетъ мира, что если Шуазёль не будетъ дѣйствовать скоро и успѣшно, то она приметъ посредничество Англіи и Пруссіи, лишь бы окончить войну». Мои опасенія были основательны. Я зналъ

Библиотека "Руниверс"

изъ тайнаго и вѣрнаго источника, что Потемкинъ передъ своимъ отъѣздомъ вотъ что говорилъ Англійскому министру: «Мы недолго думали о союзѣ съ Франціею. Мы увлеклись увѣреніями Сегюра, но скоро увидѣли, что нельзя расчитывать на Французское правительство, между тѣмъ какъ по многимъ причинамъ сближеніе съ Англіею намъ кажется полезнымъ. Торговля между нами сильная, купцовъ вашихъ въ Петербургѣ цѣлая колонія. По всему видно, что намъ надо подружиться; обстоятельства удобны, надобно спѣшить пользоваться ими». Однако нѣкоторые случаи, происшедшіе послѣ этого разговора, встревожили Потемкина и возбудили Государыню противъ явныхъ и тайныхъ враговъ ея. Ей донесли, что одинъ Шведскій морякъ потихоньку забрался съ брандеромъ между Русскими судами въ Копенгагенскомъ рейдѣ, былъ преслѣдуемъ и пойманъ въ домѣ Шведскаго министра, который далъ ему убѣжище. Въ тоже время Лондонскій кабинетъ угрожалъ войною Даніи, если она, согласно договору, будетъ оказывать содѣйствіе Россіи въ войнѣ со Швеціею. Между тѣмъ я сообщилъ Государынѣ о благородномъ поступкѣ нашего правительства: оно объявило Лондонскому кабинету, что не потерпитъ нападенія Англичанъ на берега и флотъ Даніи. Русскій кабинетъ, довольный этимъ твердымъ и благороднымъ шагомъ, прислалъ мнѣ офиціальную ноту, сверхъ моего ожиданія, весьма дружелюбную. Это былъ отвѣтъ на подробную депешу нашего кабинета относительно четвертнаго союза. Императрица возобновляла увѣренія своего дружелюбнаго расположенія къ намъ, но, вмѣсто того, чтобы утвердить статью за статьею въ бумагѣ Монморена, писала, что до разсмотрѣнія ея желаетъ посовѣтоваться съ императоромъ, также какъ мы хотѣли переговорить съ Испанскимъ королемъ. Это было съ обѣихъ сторонъ честное отступленіе и вѣжливый способъ отложить переговоры, не отказываясь отъ нихъ.

Въ то время князь Потемкинъ, постоянно старавшійся вредить намъ, запретилъ нашимъ купеческимъ судамъ входъ въ Русскіе порты Чернаго моря подъ тѣмъ предлогомъ, что должно скрыть отъ насъ приготовленія и вооруженія, которыя тамъ производились. Я жаловался на это нарушеніе нашего торговаго трактата и подалъ Русскому правительству объ этомъ подробную записку, которую нельзя было опровергнуть. Мнѣ дали даже почувствовать, что раздѣляютъ мое мнѣніе; но нельзя было противиться вліянію Потемкина, а онъ долго не соглашался на требуемыя уступки. Когда я настаивалъ, Императрица, отклоняя прямой отвѣтъ, жаловалась на поступки враговъ и бездѣйствіе своихъ союзниковъ.

Въ это время она принуждена была подчинить свою гордость благоразумію: она вывела войска изъ Польши, чтобы предупредить

Библиотека "Руниверс"

ихъ столкновеніе съ Пруссіею. Вмѣстѣ съ тѣмъ ей хотѣлось знать, можетъ ли она разсчитывать на насъ въ томъ случаѣ, если Фридрихъ-Вильгельмъ, не смотря на эту уступку, начнетъ войну, что, по словамъ ея, онъ обѣщалъ Полякамъ и Шведамъ. Понятно, что я въ то время могъ ограничиться неопредѣленнымъ отвѣтомъ. Это было въ Январѣ 1789 года: королевская власть во Франціи была въ опасности, финансы разстроивались, недочетъ увеличивался; вмѣсто того, чтобы поправить положеніе дѣлъ, государственные чины раздѣлились на партіи. Прежде всѣ сословія соединялись противъ произвола власти и закоренѣлыхъ злоупотребленій; но теперь положеніе дѣлъ измѣнилось: толковали не только объ экономіи и свободѣ, но и о равенствѣ. Нужно было рѣшить, какъ подавать голоса по сословіямъ или поголовно, или, лучше сказать, приходилось рѣшить, останутся ли сословія отдѣльными, сохранятся или падутъ ихъ преимущества, измѣнятся или рушатся наши старинныя установленія; наконецъ, приступимъ ли мы къ благоразумной реформѣ или къ бурной революціи. Между тѣмъ возникла борьба между аристократіею и демократіею; первыя вспышки ея взволновали умы, возбудили страсти; довольно сильная партія упрямо защищала старый порядокъ вещей и привилегіи. Народное большинство желало и требовало преобразованій, и на сторонѣ его было много дворянъ, одушевленныхъ желаніемъ свободы. Послѣ долгаго покоя ни у кого не было опытности, которая бываетъ грустнымъ и запоздалымъ плодомъ заблужденій, ошибокъ и несчастій. Правительство слабое и безпечное ничего не приготовило, ни на что не рѣшилось; давно уже сила его истощилась; оно очаровывалось остатками ложнаго блеска; въ короткое время оно двадцать разъ измѣняло систему и министровъ, и общество лишило его своего довѣрія. Тронъ походилъ на колесницу съ надломившеюся осью, уносимую конями, которые закусили удила. Послѣднюю неосторожность сдѣлали, собравъ выборныхъ народа близъ столицы, у источника неудержимыхъ страстей огромнаго населенія, такъ что королевская власть была предоставлена всѣмъ ужасамъ этой бури и всѣмъ перемѣнамъ и превратностямъ судьбы. Неудивительно ли было, что и въ такую пору иностранныя державы просили и ожидали помощи нашего оружія? Изъ этого видно, какъ несправедливо теперь обвинять Французовъ въ бѣдствіяхъ, насиліяхъ и порокахъ революціи, которые подготовлялись временемъ, которые нельзя приписать только извѣстнымъ лицамъ, и которые, наконецъ, ни у насъ, ни въ другихъ странахъ не были ни ожидаемы, ни предвидѣны. Дѣло въ томъ, что съ одного конца Европы до другого просвѣщеніе, философія и разумъ такъ далеко шагнули въ послѣдніе два вѣка, что идеи права, порядка и свободы распространились повсюду, начала нравственности и спра-

Библиотека "Руниверс"

ведливости торжествовали надъ предразсудками, и умы были расположены къ замѣнѣ произвола и насилія законнымъ порядкомъ. Поэтому сначала приговоры нашихъ парламентовъ, оппозиція ихъ, проекты Тюрго, дѣйствія и сочиненія Некера, рѣчи Мальзерба, слова, произносимыя въ академіяхъ, возбудили всеобщее одобреніе и удивленіе. Это сочувствіе было естественно, это была жажда разумной свободы. Но когда стремленіе къ равенству взяло верхъ, и частныя выгоды пришли между собою въ столкновеніе, то все перемѣнилось, и вездѣ высшіе, владычествующіе классы были или считали себя въ непріязненномъ положеніи къ народу. Таковы были настоящія причины долгихъ бурь, теперь еще едва утихнувшихъ. Можно ли было ожидать ихъ или отвратить? Можно ли съ точностью указать тѣхъ, которые ихъ возбудили или усилили своими пылкими страстями, неразумнымъ сопротивленіемъ? Пристрастіе отвѣчаетъ утвердительно, но разумъ говоритъ: нѣтъ.

При всемъ томъ, неудовольствіе Государыни по случаю застоя южной арміи, смуты въ Польшѣ, угрозы Англіи Датчанамъ, происки и враждебные замыслы Пруссіи, наконецъ наше безучастіе и бездѣйствіе, все это не такъ тревожило Государыню, какъ успѣхи Шведовъ въ Финляндіи. Такъ какъ она лично распоряжалась военными дѣйствіями на Сѣверѣ, то неудачи и успѣхи военачальниковъ въ краѣ, близкомъ отъ столицы, сильно озабочивали ее. Къ тому же гордость ея страдала отъ слабаго короля, вредящаго ея могуществу и славѣ. Къ несчастію, она поставила во главѣ арміи двухъ генераловъ: Мусина-Пушкина и Михельсона, изъ которыхъ первый былъ недовольно дѣятеленъ, а второй недовольно благоразуменъ. Михельсонъ сначала смѣлымъ натискомъ и съ малыми силами разбилъ Шведовъ подъ Кюри *), но послѣ того былъ отбитъ съ уономъ и раненъ. Между тѣмъ какъ Мусинъ-Пушкинъ послалъ отрядъ для занятія области Саволаксъ, Густавъ съ 10,000 войска вступилъ въ Русскіе предѣлы. Пушкинъ отступилъ, ожидая, чтобы флотилія принца Нассау-Зигена, стоявшая уже подъ Выборгомъ, подошла къ Фридрихсгаму.

Личная скорбь, которую испытывала въ то время Екатерина, усиливала ея политическія тревоги, а, можетъ быть, и отвлекала ее отъ нихъ. Эта необыкновенная женщина являла въ своемъ характерѣ удивительное

*) *Кюри*—деревня, въ пяти верстахъ отъ тогдашней нашей границы. Дѣло это было 31 Мая. Другое неудачное дѣло было 1-го Іюня, по выступленіи Михельсона изъ Христины, близъ Сенъ-Михеля, который онъ однако скоро занялъ. Императрица по этому случаю сказала, какъ пишетъ Храповицкій: „Двадцать семь лѣтъ такого извѣстія не получала“.

Библиотека "Руниверс"

смѣшеніе присущей намъ, мужчинамъ, силы со слабостями женской природы; года состарили черты ея лица, но сердце и ея самолюбіе сохранили свою молодость и въ то время были глубоко оскорблены. Она узнала, что ея адъютантъ, ея любимецъ, графъ Мамоновъ, котораго она осыпала благодѣяніями, повышеніями въ чинахъ и богатствами, неоднократно обманывалъ ее и стенялъ подъ игомъ благоволенія, между тѣмъ какъ искалъ свободы.

Въ надеждѣ пробудить еще въ немъ чувство, Императрица написала ему, что съ прискорбіемъ видитъ, что всѣ ея старанія сдѣлать его счастливымъ и разсѣять его меланхолію ей не удаются. «Желая прежде всего вашего счастья, писала она ему, я приняла намѣреніе сочетать васъ бракомъ съ самой богатой наслѣдницей въ этой имперіи; отвѣтьте, удовлетворитъ ли это ваши желанія?»

Мамоновъ отказался отъ предложеннаго ему брака; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признался Екатеринѣ въ томъ, что всѣ ея милости, вызывая въ немъ глубочайшую признательность, не могутъ дать ему счастія; что душа его, несмотря на всѣ его усилія, давно уже обуреваема непреодолимой страстью къ одной изъ ея фрейлинъ, княжнѣ Щербатовой. Стыдясь за свою неблагодарность, но не будучи въ силахъ измѣнить своихъ чувствъ, онъ благоговѣйно молилъ ее о милосердіи.

При этомъ неожиданномъ извѣстіи Екатерина, раздражившись, удалилась отъ своего двора, заперлась у себя въ покояхъ и отмѣнила спектакли въ Царскомъ Селѣ; но, затѣмъ, быстро выйдя изъ недостойнаго для нея состоянія гнѣва и уныній, она потребовала къ себѣ княжну и своего невѣрнаго любимца, обручила ихъ при себѣ, дала богатое приданое своей фрейлинѣ, подарила виновному графу землю съ двумя тысячами крестьянъ, лично присутствовала при ихъ вѣнчаніи и, согласно обычаю, сама надѣла на голову новобрачной брилліантовый уборъ *). Сдѣлавъ такое усиліе надъ своей гордостью, она приказала имъ покинуть дворъ.

Когда изображаютъ Екатерину, ея слабости, то составляютъ тѣни большой картины; но, по крайней мѣрѣ, онѣ не затемняютъ блеска ея великодушія. Немногія женщины, облеченыя неограниченной властью, показали бы такую сдержанность при открытіи, что ихъ чувства обмануты и самолюбіе оскорблено. Это умѣніе побѣждать свой гнѣвъ тѣмъ болѣе достойно похвалы, что, по натурѣ своей, какъ она сама мнѣ нѣсколько разъ говорила, была она вспыльчиваго и даже буйнаго права.

*) (Говорили, что при этомъ она слегка уколола княжну Дарью Ѳеодоровну).

Библиотека "Руниверс"

Эта выдержка и составляла ея характерную черту, которой я не могъ не восхищаться, особенно вида невдалекѣ отъ нея, въ Петербургѣ, живою, свободною, спокойною и богатою ея щедротами, эту знаменитую Воронцову, любовницу Петра III, добившуюся отъ него обѣщанія жениться на ней, а съ Екатериной развестись и сослать ее въ Сибирь.

Одержавъ такимъ образомъ тяжелую побѣду надъ собой, Императрица вернулась къ своей обычной жизни прежде, чѣмъ молодые супруги покинули Царское Село.

Во дворцѣ замѣчалась одна только перемѣна: придворные, Русскіе и иностранцы, которые прежде каждый вечеръ толпились у Мамонова, совершенно его покинули, когда онъ впалъ въ немилость. Такъ какъ и мнѣ онъ не разъ доказывалъ свое расположеніе, то я при этотъ случаѣ счелъ долгомъ показать ему, что я это помню. Я пошелъ къ нему, и въ первый разъ, во все наше знакомство, мнѣ случилось быть съ нимъ наединѣ. Императрица узнала объ этомъ и, при всемъ дворѣ одобряя мой поступокъ, высказалась презрительно о подлости людей, удаляющихся отъ человѣка, котораго еще недавно восхваляли и величали. Не должно ли снисходительно смотрѣть на нѣкоторые недостатки этой женщины, которую Делинь назвалъ *Екатериною Великимъ*, когда она выказывала столько гордости, доброты и великодушія?

Удаленіе всѣхъ отъ Мамонова послѣ того, какъ его прежде окружали почетомъ, не можетъ быть удивительно въ правленіи деспотическомъ, при которомъ суживаются умы и гнутся характеры. Я могу привесть еще случай, возбудившій во мнѣ грустныя мысли и тѣмъ самымъ еще болѣе укрѣпившій во мнѣ любовь къ свободѣ, не смотря на всѣ бѣды, которыми окружаютъ ее и враги, а иногда и друзья ея. Поль-Джонсъ, раздѣлявшій побѣды съ Нассау-Зигеномъ, возвратился въ Петербургъ. Враги его завидовали человѣку, котораго они считали бродягой, бунтовщикомъ и корсаромъ, и рѣшились погубить его. Клевета была возведена на него подлыми завистниками и, конечно, напрасно. Приписывали ее Англійскимъ офицерамъ Русскаго флота и купцамъ изъ среды ихъ соотечественниковъ. Хотя Англичане и не скрывали своего нерасположенія къ Джонсу, но не слѣдуетъ всѣхъ ихъ заподозрѣвать въ низкой каверзѣ, которая была дѣломъ двухъ или трехъ людей, оставшихся неизвѣстными. Американскій контръ-адмиралъ былъ хорошо принятъ при дворѣ, часто бывалъ на обѣдахъ у Императрицы и вошелъ въ лучшее общество столицы. Вдругъ онъ получаетъ отъ Императрицы приказаніе не являться болѣе ко двору. Онъ узнаётъ, что его обвиняютъ въ безчестномъ оскорбленіи невин-

Библиотека "Руниверс"

ности четырнадцатилѣтней дѣвушки, надъ которою онъ будто употребилъ дерзкое насиліе, и что, судя по предварительнымъ справкамъ, онъ будетъ судимъ въ Адмиралтействѣ, гдѣ служили нѣсколько Англійскихъ офицеровъ, сильно нерасположенныхъ къ нему. Только что это приказаніе сдѣлалось извѣстно, всѣ покинули несчастнаго Американца, перестали съ нимъ говорить и кланяться и отказывались принимать его. Кто вчера еще ласково встрѣчалъ его, теперь избѣгаетъ его, какъ зачумленнаго; никто не хочетъ защищать его, ни одинъ чиновникъ не хочетъ его слушать, даже слуга отходитъ отъ него. Поль-Джонсъ, котораго подвиги восхваляли, дружбы котораго заискивали, вдругъ стоитъ одинъ посреди огромнаго общества; Петербургъ, столичный городъ, для него пустыня. Я отправился къ нему; онъ былъ тронутъ до слезъ моимъ посѣщеніемъ. «Я не хотѣлъ, сказалъ онъ мнѣ, постучаться у вашей двери; я могъ ожидать новой обиды, а она была бы мнѣ чувствительнѣе всѣхъ другихъ. Тысячу разъ я рисковалъ жизнью: теперь я желаю смерти». Его взглядъ и оружіе на столѣ указывали на его печальную рѣшимость.

«Успокойтесь и прибодритесь, сказалъ я ему: вѣдь вы знаете, что въ жизни, какъ на морѣ, бываютъ бури, а счастіе перемѣнчиво, какъ вѣтеръ. Если, какъ я полагаю, вы невинны, выдержите эту грозу; если же, къ несчастію, вы виноваты, то поговорите со мною откровенно, и я готовъ сдѣлать, что могу, чтобы помочь вамъ избавиться бѣды».—«Клянусь вамъ честью, отвѣчалъ онъ, что я невиненъ; это подлая клевета. Вотъ какъ было дѣло. Нѣсколько дней тому назадъ, утромъ, ко мнѣ пришла молодая дѣвушка съ просьбою дать ей шить бѣлье или починить что-нибудь, и при этомъ стала довольно явно напрашиваться на мои ласки. Мнѣ было жалко видѣть такую дерзость въ ея лѣта, и я сталъ уговаривать ее бросить ея гадкія намѣренія, далъ ей денегъ и отпустилъ ее; но она не хотѣла уходить. Меня это разсердило; я взялъ ее за руку и вывелъ вонъ. Но въ ту минуту, какъ я растворялъ дверь, эта дряпная дѣвчонка разорвала себѣ рукава и платокъ, стала ужасно кричать и жаловаться, что я ее обезчестилъ, и бросилась въ объятія старухи, будто бы ея матери, которая конечно, явилась тутъ не случайно. Мать съ дочерью разревѣлись на весь домъ, ушли и пожаловались на меня; остальное вамъ извѣстно».

«Хорошо, сказалъ я; но знаете ли вы имена этихъ мошенницъ?» —«Мой дворникъ знаетъ ихъ; вотъ ихъ имена, но я не знаю, гдѣ онѣ живутъ. Я хотѣлъ подать записку объ этой забавной продѣлкѣ, сперва министру, потомъ Императрицѣ; но меня не допускаютъ къ нимъ».

Библиотека "Руниверс"

—«Дайте-ка мнѣ эту бумагу, сказалъ я; будьте покойны, я все улажу, и мы скоро увидимся».

По возвращеніи домой, я тотчасъ же поручилъ ловкому и вѣрному человѣку, преданному мнѣ, навести справки объ этихъ подозрительныхъ женщинахъ и узнать ихъ образъ жизни. Я скоро узналъ, что старуха занимается извѣстнымъ ремесломъ и выдаетъ молодыхъ дѣвушекъ за своихъ дочерей. Получивъ на все это письменныя доказательства, я отправился къ Поль-Джонсу. «Вамъ теперь нечего бояться, сказалъ я ему: обманщицы открыты. Теперь надо только раскрыть глаза Императрицѣ и показать ей, какъ ее обманывали; но это не такъ-то легко. Правду очень часто останавливаютъ на порогѣ дворца, а письма въ такомъ случаѣ легче всего перехватить. Однако я знаю, что Государыня, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, запретила удерживать и вскрывать письма, посланныя на ея имя по почтѣ. Я написалъ длинное письмо къ ней отъ вашего имени; тутъ всѣ подробности, даже не совсѣмъ приличныя. Что же дѣлать? Государыня выслушала клевету; надо, чтобы она терпѣливо прочитала оправданіе. Перепишите и подпишите это письмо. Я кого-нибудь пошлю отдать его на почту въ ближайшій городъ. Не унывайте; повѣрьте мнѣ, что вы будете оправданы».

Въ самомъ дѣлѣ, письмо было послано, и Государыня получила его. Прочитавъ его вмѣстѣ съ приложенными документами, она страшно разсердилась на доносчиковъ, отмѣнила свое приказаніе, снова пригласила Джонса ко двору и приняла его съ обычною благосклонностію. Храбрый воинъ, скромно и гордо встрѣтивъ должное ему удовлетвореніе, не очень-то очаровался увѣреніями людей, которые чуждались его во время невзгоды и скоро, недовольный страною, гдѣ можно было подвергнуться такимъ униженіямъ, выпросилъ себѣ у Императрицы, подъ предлогомъ болѣзни, отпускъ, который и былъ данъ ему вмѣстѣ съ орденомъ и приличной пенсіей. Онъ уѣхалъ, выразивъ мнѣ признательность за услугу и уваженіе Государынѣ, которую можно было обмануть, но которая умѣла блистательно исправлять ошибки и несправедливости.

Императрица тогда назначила новаго флигель-адъютанта на мѣсто Мамонова; это былъ гвардейскій офицеръ Зубовъ *). Новый любимецъ вышелъ въ люди безъ помощи Потемкина. Всякому любопытно было знать, станетъ ли онъ въ рядъ его приверженцевъ или осмѣлится противиться его власти. Не зная еще его, я жалѣлъ объ удаленіи Мамо-

*) Платонъ Александровичъ Зубовъ, род. 1767 г., ум. 1822 г.; пожалованъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ 4-го Іюля, впослѣдствіи графъ и князь.

Библиотека "Руниверс"

нова, всегда преданнаго выгодамъ Франціи. Но скоро я замѣтилъ, что въ этомъ отношеніи ничего не измѣнилось: Зубовъ усердно искалъ моей дружбы и не скрывалъ отъ меня, что дѣйствуетъ такъ согласно желаніямъ Государыни.

Получены были дурныя вѣсти изъ Финляндіи. Шведскій генералъ Стедингъ разбилъ на голову генерала Шульца близъ Помалы и захватилъ Русскія пушки. Эта неудача скорѣе разсердила, чѣмъ обезпокоила Государыню.

Государыня съ участіемъ говорила мнѣ о ходѣ дѣлъ во Франціи. «Ваше среднее сословіе, замѣчала она, слишкомъ многаго требуетъ; оно возбудитъ неудовольствіе другихъ сословій, и это разъединеніе можетъ повести къ дурнымъ послѣдствіямъ. Я боюсь, что короля принудятъ къ большимъ жертвамъ, а страсти все-таки не утихнутъ». Я отвѣчалъ, что, не будучи совершенно покоенъ на этотъ счетъ, я однако сохраняю еще надежду, потому что король любимъ народомъ и желаетъ только его блага, и что вообще броженіе общества становится сильнымъ и упорнымъ, когда оно сдерживается и возбуждается безправнымъ злоупотребленіемъ силы.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора вице-канцлеръ, пригласивъ меня немедленно явиться къ нему, извѣстилъ меня о происшествіяхъ въ Парижѣ 14 Іюля. Онъ объявилъ мнѣ, что все населеніе столицы возстало и взяло Бастилію, что короля заставили войти въ городскую ратушу и надѣть революціонную кокарду, что безпорядокъ дошелъ донельзя: вездѣ нарушаютъ законы, ругаются надъ дворянами, грабятъ замки. По очень предосудительной привычкѣ, которой слѣдуютъ многіе, изъ боязни гласности, министры мнѣ ничего не написали, и я не могъ дать дѣльнаго отвѣта и отличить въ этихъ извѣстіяхъ правду отъ прикрасъ. Слухи эти скоро разнеслись и были принимаемы различно, сообразно съ личностью и чувствами слушавшихъ. При дворѣ тревога была сильная, неудовольствіе общее.

Скоро вниманіе отвратилось отъ этихъ далекихъ происшествій и поглощено было сраженіями, происходившими вблизи столицы. Такъ какъ утаили побѣду Стединга и подробности дѣла, то оно, какъ и всегда бываетъ, разгласилось, наперекоръ утайкѣ, съ прибавленіями. Правительство обезпокоилось и запретило говорить въ публичныхъ мѣстахъ о Шведской войнѣ. Вскорѣ однако счастіе снова улыбнулось Русскимъ. Императрица приказала соединиться эскадрамъ Чичагова и Козлянинова; Шведскій флотъ противился этому. Два часа бились съ одинаковымъ уономъ съ обѣихъ сторонъ, но Русскіе справедливо при-

Библиотека "Руниверс"

писываютъ себѣ побѣду, потому что эскадрамъ удалось сойтись *). Принцъ Нассау разбилъ и прогналъ двадцать судовъ Шведскихъ и, пройдя мимо всѣхъ укрѣпленныхъ шхеръ, вышелъ въ море. Мы также узнали, что Суворовъ и принцъ Кобургскій (7-го Августа) разбили 30,000 Турецкій корпусъ, захватили Фокшаны, двѣнадцать знаменъ и весь лагерь.

Со всѣхъ сторонъ получались самыя дурныя вѣсти о смутахъ во Франціи. Я все еще полагалъ, что согласіе уладитъ всю эту борьбу, но Императрица сказала мнѣ: «Я этого желаю болѣе, нежели кто-либо; но я только тогда этому повѣрю, когда народъ вашъ перестанетъ прибѣгать къ возмутительнымъ поступкамъ. Впрочемъ, я васъ предупреждаю, что Англичане думаютъ выместить на васъ свои неудачи въ Америкѣ; если они васъ затронутъ, то окажутъ этимъ услугу, потому что отвлекутъ наружу пылъ, васъ губящій». Въ концѣ разговора Императрица выразила свое удовольствіе, вспомнивъ, что при королѣ находятся Сенъ-При и Монморень: она полагалась на ихъ благоразуміе.

Почти тогда же узналъ я тайнымъ, но вѣрнымъ образомъ, что Потемкинъ снова подкапывался подъ меня. Онъ написалъ Государынѣ, что несогласно съ здравою политикою приближать къ себѣ однихъ только министровъ Австріи и Франціи, что это предпочтеніе обидно для другихъ дворовъ, и что при слабости нашей въ годину смутъ благоразумнѣе обратиться къ Англіи. Но Екатерина, не внимая этимъ предложеніямъ и твердая въ своихъ намѣреніяхъ, не хотѣла сближаться съ Витвортомъ. Въ это время одно странное обстоятельство послужило поводомъ къ неудовольствію нашего двора. Шуазёль добился отъ Порты, чтобы она выдала ему Булгакова, но Русскій посолъ не хотѣлъ получить свободу отъ него: онъ требовалъ, чтобы его освобожденіе было полнымъ и прямымъ удовлетвореніемъ для Россіи. По моему это было благородно. Монморень, видя въ этомъ поступкѣ оскорбленіе для Франціи и для нашего посла, думалъ, что я выражу Русскому кабинету мнѣніе мое и негодованіе; но я не могъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ: мнѣ слишкомъ было бы трудно осуждать человѣка, котораго дѣйствіе я оправдывалъ.

Императрица вновь могла убѣдиться, что имѣла основанія довѣряться принцу Нассау. Онъ одерживалъ на моряхъ Сѣвера такія же блистательныя побѣды, какъ и на Черномъ морѣ. Искусно воспользо-

*) 15-го Іюля было удачное сраженіе съ Шведами, съ 19-го на 20-е Чичаговъ соединился съ Козлянинновымъ, и Шведскій флотъ удалился въ Карльскрону. — Чичаговъ, Василій Яковлевичъ, адмиралъ, род. 1726 г., ум. 1809 г.—Козлянинновъ, Тимофей Гавриловичъ, вице-адмиралъ.

Библиотека "Руниверс"

давшись неосторожностью Шведскаго короля, который подвигался все впередъ, не обезпечивъ себѣ отступленія и сообщеній, принцъ атаковалъ Шведскій флотъ въ устьѣ Кюмени и разбилъ его. Сраженіе (13-го Августа) длилось 14 часовъ, съ утра до часу пополуночи. Шведы были прогнаны. Нассау захватилъ адмиральское судно, еще 4 судна сорока-пушечныя, куттеръ и три галеры. Въ плѣнъ попалось 40 офицеровъ, 13 матросовъ или солдатъ, и кромѣ того потоплено было нѣсколько судовъ у береговъ. Шведскій адмиралъ принужденъ былъ спасаться на яхтѣ. Въ этомъ славномъ дѣлѣ особенно отличалась гвардія и въ рядахъ ея кавалеръ Литта. Нассау, сдѣлавъ высадку съ 6,000 человѣкъ, быстро двинулся впередъ въ надеждѣ, что отрѣжетъ королю отступленіе. Но король, уже угрожаемый двумя Русскими корпусами, которые наступали на него съ фронта и съ фланговъ, поспѣшилъ покинуть свою позицію въ Эгфортѣ. Нассау преслѣдовалъ его, настигъ арьергардъ и захватилъ въ плѣнъ 600 человѣкъ, часть запасовъ и багажа. Между тѣмъ флотилія его, пользуясь своимъ положеніемъ, истребила еще до сорока Шведскихъ судовъ. Въ эти счастливые для принца дни его постигло горе. Варажъ, отличный офицеръ Французскаго флота, своими умными совѣтами направлялъ пылкую отвагу адмирала. Храбрый морякъ, высадившись на берегъ и преслѣдуя Шведовъ, попался Башкирамъ, этимъ дикарямъ, нисколько не полезнымъ, но безобразящимъ Русскую армію, и былъ убитъ: варвары приняли его за Шведа. Нассау, вернувшись на галеры, хотѣлъ преслѣдовать короля до Ловизы; но вѣтеръ помѣшалъ движенію флотиліи, возвратившейся счастливо въ Кронштадтъ съ великою добычею и славными трофеями. Густавъ, дѣйствовавшій всегда по-рыцарски, вспомнилъ, что не разъ встрѣчалъ принца Нассау во Франціи и въ Спа и, будучи пораженъ его воинственностью и честолюбіемъ, написалъ къ нему, въ началѣ кампаніи, прелюбезное письмо. «Я думалъ, писалъ онъ, судя по послѣднимъ нашимъ бесѣдамъ, что вы меня осчастливите предложеніемъ служить мнѣ мечомъ вашимъ; но такъ какъ, къ сожалѣнію моему, вы выступили противъ меня, то надѣюсь, по крайней мѣрѣ, заслужить на полѣ битвы уваженіе такого противника, какъ вы». Судьба разрушила эти надежды. Когда до короля дошла достовѣрная реляція битвы, обнародованная Императрицею, онъ, въ порывѣ оскорбленнаго самолюбія, вышелъ изъ себя и отвѣчалъ другою реляціею, въ которой силился умалить свои потери и выставить свои преимущества. По этому случаю принцъ Нассау написалъ къ нему письмо, которое такъ любопытно, что нельзя не привести его здѣсь.

Библиотека "Руниверс"

Письмо принца Нассау-Зигена къ Густаву III, королю Шведскому.

Петербургъ, 20 Сентября 1789 года.

Государь!

Когда ваше величество удостоили меня послѣднимъ письмомъ своимъ, вы сказали мнѣ, что *обращаетесь къ воину, который ищетъ славы и чести.* Конечно, всю жизнь мою я старался оправдать это мнѣніе вашего величества. Но когда любишь честь, то не терпишь ничего противнаго ей и стоишь за правду, которую можешь подтвердить и доказать цѣлому свѣту. Вотъ почему я съ чувствомъ негодованія встрѣтилъ въ Гамбургскихъ газетахъ какую-то реляцію о битвѣ, которую имѣлъ честь выдержать съ флотомъ вашего величества. Эта реляція, повидимому, опровергаетъ мои показанія. Она во многихъ случаяхъ совершенно противна истинѣ, и я удивляюсь, какъ осмѣлились выставить такое почтенное имя, каково ваше, подъ разсказомъ полнымъ ошибокъ и лжи. Я надѣюсь, что ваше величество также оскорбились этимъ, какъ я, и что вы позволите мнѣ опровергнуть это сочиненіе и возстановить истину. Если же, что̀ невѣроятно, ваше величество дозволили изданіе такой невѣрной реляціи, то я полагаю, что вы преступнымъ образомъ обмануты полученными вами донесеніями, и долгъ чести, первѣйшей добродѣтели королей, безъ сомнѣнія заставитъ васъ осудить и наказать начальниковъ, доставившихъ вамъ ложныя донесенія. При этомъ письмѣ я посылаю опроверженіе этой непостижимой реляціи съ указаніемъ всѣхъ ея невѣрностей. Честь моя—порукою истины моихъ показаній. Свидѣтели мои—плѣнные корабли, которые я захватилъ, и флотъ, которымъ командовалъ и который далеко не разстроенъ и стоялъ на морѣ восемнадцать дней послѣ битвы, крейсировалъ безъ помѣхи въ двѣнадцати верстахъ отъ Ловизы и удалился только послѣ бури 12 Сентября. Часть эскадры этой и теперь еще въ морѣ и готова снова сразиться, но не встрѣчаетъ болѣе противника. Я увѣренъ, что вашему величеству слишкомъ хорошо извѣстны правила чести, чтобы не оправдать горячность, съ которою я защищаюсь. Я почту себя обиженнымъ, если хотя на минуту заподозрятъ истину донесенія, которое Императрица дозволила напечатать. Причины, побудившія меня написать это возраженіе, заставляютъ меня также обнародовать его. Ожидаемый мною отвѣтъ дастъ мнѣ, безъ сомнѣнія, поводъ гласно повторить увѣренія моего глубочайшаго уваженія, которое приношу вашему величеству и съ которымъ имѣю честь быть вашего величества и проч".

Густавъ раздраженъ былъ неудачею, но и Государыня не совсѣмъ довольна была своею побѣдою. Она говорила, что не сдѣлай промаховъ Мусинъ-Пушкинъ, король Шведскій, разбитый на морѣ, не могъ бы уйти отъ принца Нассау. Она передала мнѣ свое мнѣніе и упрекала меня также по поводу дѣйствій нашего кабинета, будто-бы подстрекавшаго Англію не допускать побѣды надъ Шведскимъ королемъ. Я увѣрялъ ее, что это басня, такъ какъ мы очень хорошо знаемъ, что она желаетъ только скораго мира и умѣреннаго удовлетворенія. «Это такъ;

Библиотека "Руниверс"

но всѣ этому не вѣрятъ, возразила она; впрочемъ подумайте о томъ, что если вы хотите угодить двумъ противнымъ сторонамъ, то наконецъ попадетесь въ руки враговъ и будете оставлены друзьями».

Государыня говорила мнѣ также объ отказѣ Булгакова принять наше посредничество при своемъ освобожденіи. «Если это правда, прибавила она, то я не оправдываю его; но если ему предлагали бѣгство, я его не осуждаю».

Тогда же курьеръ отъ Потемкина разсѣялъ безпокойство Государыни на счетъ исхода кампаніи. Онъ извѣстилъ ее, что Суворовъ и принцъ Кобургскій сразились съ визиремъ и разбили его на голову. У Турокъ захваченъ былъ лагерь, 50 знаменъ и 80 пушекъ; 6 тысячъ Турокъ легло на полѣ битвы. Генералъ-маіоръ Дерибасъ отбилъ у Турокъ укрѣпленіе Гаджибей *). Съ другой стороны извѣстились, что капитанъ-паша, разбитый и преслѣдуемый Репнинымъ, заперся въ Измаилѣ. Между тѣмъ Потемкинъ и Ангальтъ разбили бегларъ-бея Румелійскаго и положили на мѣстѣ 600 Турокъ. Почти въ тоже время Австрійцы осадили Бѣлградъ и вскорѣ взяли его; но объ этомъ я уже узналъ по выѣздѣ моемъ изъ Россіи.

Князь Делинь, отличившійся въ эту кампанію, прислалъ мнѣ два письма, которыя я передаю здѣсь въ отрывкахъ. Въ нихъ виденъ его веселый и оригинальный умъ.

Первое письмо князя Делиня.

Главная квартира моя подъ Землинымъ.
1 Іюня 1789 года.

Я могъ бы писать вамъ зимою о томъ, чего вы не знали и что узнали послѣ; но я пишу съ удовольствіемъ только тогда, когда я могу получить отвѣтъ тотчасъ же. Въ Парижѣ я никогда не писалъ писемъ за Сену. Такъ, плавая съ вами по Борисѳену, отдѣленный отъ васъ легкой перегородкой, обтянутой тафтою, на одной изъ великолѣпныхъ галеръ этого торжественнаго и волшебнаго переѣзда, я, бывало, только нѣсколько минутъ дожидался вашего утренняго посланія. Нѣчто въ родѣ перемирія или, лучше сказать, роздыхъ, установленный взаимной вѣжливостью, даетъ мнѣ время угощать Турокъ въ моей палаткѣ (тоже Турецкой) концертами на берегу Дуная; весь гарнизонъ Бѣлградскій слушаетъ ихъ съ другого берега. Какъ тотъ Испанскій король, который заставлялъ Фаринелли пѣть ежедневно одну и туже арію, я каждый вечеръ приказываю играть Coza Rara, которая такимъ образомъ дѣлается вещью весьма обыкновенною. Красивыя Еврейки, Армянки, Иллирійки и Сербянки присутствуютъ при этомъ; это высшее дворянство

*) Гаджибей, гдѣ нынѣ Одесса, взятъ 14 Сентября. Осипъ Михайловичъ Дерибасъ, впослѣдствіи адмиралъ, ум. 1801 г.

Библиотека "Руниверс"

Землина. Если какой нибудь Турокъ забредетъ за нашу черту, я его наказываю, и Османъ-паша меня благодаритъ и говоритъ, что не можетъ добиться послушанія себѣ. Такъ какъ мнѣ веселѣе дразнить его, чѣмъ писать письма съ извиненіями, то на дняхъ, по случаю празднованія побѣды въ Банатѣ, я зарядилъ ядрами всѣ наши пушки, чтобы отмстить за убитаго часового. Штука удалась, и восемь зѣвакъ убито было подъ крѣпостными стѣнами. Пашѣ, должно быть, это показалось весьма естественнымъ. Я полагалъ, что онъ разсердится. Я не жалуюсь на ружейные выстрѣлы, которые весело раздаются иногда, когда я гуляю. Но одинъ полковникъ на нашихъ аванъ-постахъ подъ Панчовымъ, въ сердцахъ за то, что также поступили съ однимъ капитаномъ корпуса Бранаковскаго, сталъ жаловаться агѣ Мустафѣ, и послѣдній отвѣчалъ ему слѣдующими словами: „Кланяюсь тебѣ, сосѣдъ Тершичь. Ты говоришь, что у насъ перемиріе: я этого не понимаю; ты мнѣ пишешь о Бѣлградскомъ пашѣ: я не хочу зависѣть отъ него; ты предлагаешь мнѣ свои услуги въ случаѣ нужды: узнай же, что Высокая Порта ничего мнѣ не отказываетъ, и что мнѣ нужно только испить твоей крови; ты говоришь, что я могу положиться на тебя: знай же, что въ нынѣшнія времена не должно ни на кого полагаться. Прощай, сосѣдъ Тершичь“. Вотъ отвѣтъ, который я послалъ отъ имени сосѣда Тершича: „Кланяюсь тебѣ, сосѣдъ Мустафа. Видно, что письмо твое писалъ Турокъ; я очень радъ тому, ибо думалъ, что уже нѣтъ ихъ больше. Ты хочешь испить моей крови? Я твоей не желаю: что́ хорошаго въ крови какого нибудь аги? Дѣлай, что́ можешь, приходи, когда хочешь; я приказалъ своимъ привести тебя плѣнникомъ при первомъ случаѣ. Мнѣ очень хочется увидѣть тебя. Прощай, ага Мустафа“.

Прощайте, милый Сегюръ. Иду осматривать десять славныхъ, длинныхъ баталіоновъ, которые мнѣ прислали въ подкрѣпленіе изъ Австріи. Хоть бы скорѣе пришлось пустить ихъ въ дѣло!

Второе письмо князя Делиня.

Бѣлградъ, 18 Сентября, 1789 г.

Вотъ мы и на краю Востока, куда мы растворили ворота не розовыми перстами, какъ Аврора, но огненною десницею. Смѣлость и скорость переправы черезъ Саву, быстрота марша и вступленіе въ ту линію, до которой доходилъ принцъ Евгеній, отважная рекогносцировка до самыхъ палисадовъ, все это совершено въ какіе нибудь пятнадцать дней и, право, достойно лучшихъ подвиговъ фельдмаршала Лаудона. Онъ кружилъ намъ головы и сбивалъ Турецкія; я сбивалъ только пушки непріятельскія. Онъ атаковалъ Бѣлградъ съ праваго берега Савы, а я съ лѣваго, гдѣ я былъ орломъ этого Юпитера и металъ его стрѣлы. Паденіе крѣпости было подготовлено взятіемъ города, благодаря блистательной, умной, неутомимой храбрости графа Брауна, достойнаго племянника графа Ласси. Во время этого чуднаго, смѣлаго подвига я сдѣлалъ диверсію на Дунаѣ съ моею флотиліею и потомъ, чтобы вознаградить потерю нѣсколькихъ дней и многихъ людей при атакѣ закрытаго

Библиотека "Руниверс"

хода, я усилилъ огонь батарей и построилъ новую подъ самою крѣпостью, которая тотчасъ же и сдалась. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ воина и съ унынiемъ философа смотрѣлъ я, какъ взлетѣли на воздухъ двѣнадцать тысячъ бомбъ, пущенныхъ въ этихъ несчастныхъ невѣрныхъ. Я слышалъ крики ужаса; голосъ раненыхъ былъ заглушаемъ огнемъ и смертію. Но оставимъ эти ужасы. Я довольно долго говорилъ съ драгунскимъ полковникомъ; теперь обращаюсь къ великому жрецу въ храмѣ мира. Какой поводъ къ размышленію! Только что слово *капитуляція* было произнесено, какъ десять тысячъ побѣжденныхъ смѣшались съ такимъ же числомъ побѣдителей. Жестокость уступила передъ добротой, ярость передъ жалостью, военная хитрость передъ искренностью и необузданность страсти передъ нѣжностью сердца. Пили кофе, продавали, покупали. Турокъ, честный въ торговлѣ, назначалъ цѣну, отдавалъ свои сокровища, скрытыя въ подвалахъ, занимался своимъ дѣломъ и преспокойно получалъ деньги, когда ему удавалось находить покупателя. Безсознательные философы богачи курили себѣ на развалинахъ своихъ домовъ и богатствъ. Османъ-паша, глупый губернаторъ Бѣлграда, покуривалъ среди двора своего, торжественно его окружавшаго, какъ будто онъ не переставалъ повелѣвать, и какъ будто онъ не ожидалъ, что какой-нибудь капиджи-баши спроситъ у него отъ имени султана Селима то, чего у него ужъ не было, то есть голову его, которую онъ потерялъ еще при первомъ нашемъ выстрѣлѣ. Взоръ услаждался и душа радовалась, глядя на янычаръ, красивыхъ и разнообразныхъ пестротою и богатствомъ одежды, на наши гренадерскія шапки и ихъ тюрбаны, на нашихъ кирасиръ и ихъ спаговъ, не убитыхъ, хотя и побѣжденныхъ, на ихъ чудное оружіе, ихъ коней, гордыхъ, какъ они, ихъ твердость и высокомѣріе, не смотря на несчастіе, и на берега Дуная и Савы, оживленные этими живописными лицами. Фельдмаршалъ просилъ для меня командорскій крестъ военнаго ордена Маріи-Терезіи, императоръ ужъ прислалъ мнѣ его. Говорятъ, что довольны были быстротою моихъ дѣйствій и въ особенности моею послѣднею батареею, которая рѣшила сдачу крѣпости. Я бы писалъ вамъ во время осады, но я боялся, чтобы писаніе мое не было посмертнымъ, и не хотѣлъ передавать вамъ, что происходило въ головѣ моей, не увѣрясь прежде, что мнѣ ее оставятъ на плечахъ. Прощайте, мой сердечный другъ.

Этотъ пестрый слогъ, эта милая смѣсь ума и остроты, философіи и легкомыслія, человѣколюбія и военнаго пыла, можетъ быть, найдутъ порицателей между нѣкоторыми недовольными и строгими людьми, которые своею критикою губятъ всякое очарованіе и забываютъ умный совѣтъ одного изъ древнихъ мудрецовъ, утверждавшаго, что философія должна приносить жертвы граціямъ. Успѣхи просвѣщенія и свободы, конечно, распространили область разума человѣческаго; но среди успѣховъ не утратилось ли кое-что хорошее? Я не изъ числа упрямыхъ защитниковъ добраго стараго и невозвратимаго времени, но не могу не пожалѣть объ утратѣ вкуса, изящества, безпечности и свѣтскости,

Библиотека "Руниверс"

съ которыми скука въ обществѣ была невозможна. Нынче люди похожи на строгаго хозяина, который думаетъ только о пользѣ и который выбросилъ изъ своего сада цвѣты, чтобы въ немъ росла только рожь, да травы, да плодовыя деревья.

Сентябрь приходилъ къ концу. Кампаніи на Сѣверѣ и на Югѣ почти были окончены. Ясно было, что Шведскій король, желая оправиться послѣ удара, ему нанесеннаго и надѣясь на поддержку Пруссіи, не склонится къ миру. Черезъ Шуазёля я зналъ, что султанъ Селимъ, не внимая мирнымъ предложеніямъ, довѣрялся только враждебнымъ совѣтамъ Англіи и Пруссіи. Такимъ образомъ, достигнувъ въ Россіи всего, чего только могъ желать, то есть торговаго трактата, принятія нашего посредничества и обѣщанія войти въ союзъ четырехъ державъ, какъ только наше правительство объявитъ свое рѣшеніе, я окончилъ роль свою въ Петербургѣ, и мнѣ оставалось лишь наблюдать за ходомъ дѣлъ, а это могъ дѣлать простой повѣренный. Уже мѣсяцъ передъ тѣмъ я просилъ себѣ у Монмореня отпуска. Онъ былъ необходимъ для меня, потому что я страдалъ грудью, и лишняя зима въ этомъ климатѣ могла сдѣлать болѣзнь опасною. Притомъ я пять лѣтъ не былъ на родинѣ, а въ ней бушевала буря. Въ такомъ значительномъ отдаленіи получаешь такія недостаточныя извѣстія, такіе преувеличенные разсказы. Безпрестанно говорили, что Франція залита потоками крови, что замки разграблены, что духъ партій возбудилъ междоусобія, что даже Парижъ и Версаль стали мѣстомъ буйныхъ, иногда кровавыхъ ошибокъ. Мнѣ сообщили, что 4-го Августа дворянство, подъ вліяніемъ ли увлеченія и очарованія, или изъ страха подвергнуться неистовству изступленой черни, предавшейся уже страшнымъ буйствамъ близъ ратуши, принесло въ жертву народу свои старинныя права и преимущества. Вскорѣ послѣ того, по предложенію Дюпора, сводя свои уступки къ одному короткому рѣшенію, дворянство произнесло немногія, но торжественныя слова, откликнувшіяся во всемъ мірѣ: «*феодальныя права уничтожены!*» На происшествія 14 Іюля можно было смотрѣть, какъ на временное возстаніе, но 4 Августа высказалась цѣлая революція. Новый общественный порядокъ устранвался на развалинахъ стараго. Сколько споровъ, столкновеній, смутъ возникало изъ этого внезапнаго торжества надъ гордой, старинной аристократіею! Послѣ такого удара, поколебавшаго самыя основанія нашихъ прежнихъ учрежденій, всѣ общественныя установленія разъединились, и все зданіе потребовало перестройки. Духъ вѣка, просвѣщенія, самый разумъ, можетъ быть, требовали этого; но страсти противились и, по всѣмъ вѣроятіямъ, должны были обратиться къ Европѣ, чтобы искать поддержки, союзниковъ и оружія. Всѣ эти мысли сильно и мятежно

Библиотека "Руниверс"

волновали мнѣ душу. Воображеніе мое и надежды возбуждались рвеніемъ къ свободѣ, той свободѣ, которую я полюбилъ въ примѣрахъ и урокахъ древности, которую я такъ давно видѣлъ съ завистью въ Англіи и за которую дрался въ Америкѣ. Не могу передать впечатлѣнія, съ которымъ читалъ я нѣкоторыя отрывки изъ рѣчей, произнесенныхъ въ первыхъ нашихъ собраніяхъ Клермонъ-Тонерромъ, Лалли-Толендалемъ, Мирабо, Мунье и другими, которые въ первый разъ заговорили съ Французской трибуны. Но съ другой стороны, сколько грустныхъ мыслей примѣшивались къ этимъ пріятнымъ заблужденіямъ! Скорбь добраго короля и оклеветанной королевы, моя преданность имъ, неизвѣстность объ участи моего семейства среди неистовствъ шумной толпы, которая уже замарала кровью колыбель свободы, наконецъ противурѣчивыя изображенія этихъ смутъ разными партіями, смотрѣвшими на нихъ съ различныхъ сторонъ, все это дѣлало несноснымъ продленіе уже и безъ того долгаго отсутствія моего изъ отечества, и я съ невыразимою радостію получилъ позволеніе выѣхать и возвратиться домой.

Я такъ хорошо былъ принятъ въ Россіи, со мною такъ отлично обращались, что, при другихъ обстоятельствахъ, я бы жалѣлъ объ отъѣздѣ. Но тогда я могъ только скрывать чувство моего удовольствія въ ожиданіи увидѣть отечество и семью. Сборы мои были недолги. Я представилъ министру моего повѣреннаго въ дѣлахъ, г. Женѐ, написалъ и оставилъ ему инструкцію, въ которой направлялъ его образъ дѣйствій и облегчалъ ему трудъ; наконецъ простился съ Императрицею, и конечно, это разставаніе меня бы глубоко опечалило, если бы я прощался съ нею навсегда; но я уѣзжалъ въ отпускъ, и надѣялся возвратиться къ ней черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Она выразила мнѣ сожалѣніе о моемъ отъѣздѣ и много говорила со мною о Французскихъ дѣлахъ. «Передайте королю, сказала она между прочимъ, что я желаю ему счастія. Я желаю, чтобы доброта его была вознаграждена, чтобы намѣренія его исполнились, чтобы прекратилось зло, которое его печалитъ, и чтобы Франція снова возвратила себѣ тишину, силу и вліяніе. Я надѣюсь, что это будетъ и въ мою пользу и не къ добру врагамъ моимъ. Грустно мнѣ разставаться съ вами. Лучше бы вы остались со мною, чѣмъ подвергаться опасностямъ, которыя примутъ, можетъ быть, размѣры, какихъ вы и не ожидаете. Ваше расположеніе къ новой философіи и къ свободѣ заставитъ васъ держать сторону народа; мнѣ это будетъ досадно, потому что я останусь аристократкой, это ужъ мой долгъ; подумайте-ка; вы найдете Францію больную, въ лихорадкѣ».—«Точно, я этого боюсь, Государыня; но поэтому-то и обязанъ я возвратиться туда». Она меня удержала къ обѣду, осыпала

Библиотека "Руниверс"

знаками своего расположенія и тѣмъ еще усилила мои сожалѣнія при разставаніи. Я поспѣшилъ уѣхать и проститься еще съ нѣсколькими лицами, которыя въ теченіе пяти лѣтъ обращались со мною не какъ съ иностранцемъ, а какъ съ одноплеменникомъ и другомъ.

11-го Октября я выѣхалъ изъ Петербурга въ Гатчину, чтобы проститься съ великимъ княземъ и великою княгинею. Я думалъ пробыть тамъ часъ, но такъ какъ карета моя сломалась, то ихъ высочества уговорили меня остаться у нихъ два дня.

Великій князь въ первую пору пребыванія моего въ Россіи оказалъ мнѣ, какъ я уже упомянулъ, такое расположеніе, что оно походило на очарованіе моею особою. Это продолжалось недолго: онъ охладѣлъ ко мнѣ, когда увидѣлъ, что Государыня стала ко мнѣ добра и любезна. Давно уже не изъявлялъ онъ никакого желанія сойтись со мною; но передъ моимъ отъѣздомъ ему снова вздумалось оказать мнѣ свое довѣріе. Нѣсколько часовъ онъ почти исключительно говорилъ мнѣ о своихъ неудовольствіяхъ съ Государынею и Потемкинымъ, о непріятностяхъ его положенія. Напрасно я увѣрялъ его, что предубѣжденіе обманываетъ его, что мать его, нисколько не опасаясь его, дозволяетъ ему держать свой дворъ по его усмотрѣнію и имѣть близъ себя, недалеко отъ Царскаго Села, два баталіона, въ которыхъ офицеры назначены имъ самимъ, которыхъ онъ училъ, вооружалъ и одѣвалъ по своей волѣ, между тѣмъ какъ она, нисколько не опасаясь за себя, охраняется одной только гвардейскою ротою. «Если Государыня, продолжалъ я, не приглашаетъ васъ въ свой совѣтъ и не даетъ вамъ участія въ дѣлахъ, то позвольте мнѣ замѣтить, что въ этомъ случаѣ ей трудно дѣйствовать иначе: она знаетъ, что вы осуждаете ея образъ жизни, связи, способы управленія и политику».

Я не убѣдилъ его, осуждая министровъ и особъ, приближенныхъ къ Государынѣ. Онъ старался доказать мнѣ, что, не смотря на мое пятилѣтнее пребываніе въ Россіи, я ее очень мало узналъ. «Объясните мнѣ наконецъ, сказалъ онъ между прочимъ, отчего въ другихъ Европейскихъ монархіяхъ государи спокойно восходятъ на престолъ одинъ вслѣдъ за другимъ, а въ Россіи иначе?..»—«Причину этихъ неустройствъ, отвѣчалъ я, указать нетрудно, и вѣроятно, она не ускользнула отъ вашего вниманія. Повсюду наслѣдственность престола въ мужскомъ поколѣніи служитъ охраною народамъ и обезпеченіемъ государямъ. Въ этомъ основная разница между монархіями Азіатскими, Римскими, Греческими, варварскими и монархіями новыми; можетъ быть, мы обязаны успѣхами образованности этой твердости престоловъ. Здѣсь же, напротивъ, въ этомъ отношеніи ничего не установлено, все сомнительно. Государь избираетъ себѣ наслѣдника по своей волѣ, а это служитъ источ-

Библиотека "Руниверс"

никомъ постоянныхъ замысловъ честолюбія, козней и заговоровъ». «Согласенъ, возразилъ онъ, но что же дѣлать? Здѣсь къ этому привыкли, обычай господствуетъ. Измѣнить это можно только съ опасностью для того, кто это предприметъ; Русскіе лучше любятъ видѣть на престолѣ юбку, нежели мундиръ»... «Однако я полагаю, ваше высочество, сказалъ я на это, что такая перемѣна къ лучшему могла бы совершиться въ какую-нибудь замѣтную пору новаго царствованія, напримѣръ, по случаю торжественнаго въѣзда или коронаціи, когда народъ расположенъ къ надеждѣ, радости, довѣрію». «Да, я понимаю, сказалъ онъ, цѣлуясь со мною, это можно бы испытать: надо подумать!»

Я не могу нахвалиться ласковымъ пріемомъ, который мнѣ оказала великая княгиня. Довольно было знать ее, чтобы, видя и слушая ее, почувствовать живѣйшее очарованіе и глубокое уваженіе къ ней. Я простился съ ихъ высочествами, отправился въ путь и, желая какъ можно болѣе сократить его, не останавливался ни днемъ, ни ночью до самой Варшавы.

Если бы даже я не имѣлъ никакого извѣстія о волненіяхъ въ Польшѣ, возбужденныхъ за эти полтора года желаніемъ вернуть свободу и соблазнительными обѣщаніями Прусскаго короля, то и тогда, проѣхавъ порядочную часть ея, я могъ бы по общему возбужденію узнать о броженіи, охватившемъ въ то время умы всѣхъ жителей этой несчастной страны.

Одни крестьяне сохраняли угрюмый видъ безъ всякаго выраженія, неподвижную апатію, такъ печально характеризующую рабское состояніе, тотъ молчаливый застой, который сторонникамъ неограниченной власти или олигархіи угодно называть *порядкомъ* и *спокойствіемъ*. За то по всѣмъ дорогамъ встрѣчалось верхомъ или въ экипажѣ множество дворянъ, разъѣзжавшихъ по всѣмъ направленіямъ. Въ городахъ и особенно на площадяхъ они собирались и говорили съ жаромъ. Все указывало на величайшее возбужденіе; а такъ какъ оно подавало новыя надежды для спекуляцій, то Евреи, эти многочисленные и страшные вампиры Польши, кишѣли, проявляя небывалую дѣятельность. Особенно сильно меня поразила странность такого важнаго явленія въ Варшавѣ: вмѣсто любезнаго, мирнаго общества, какое я тамъ оставилъ, вмѣсто собраній, въ которыхъ блистали Іосифъ, Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, Чарторижскій, Малашевскій, Сапѣга, Матусевичъ, Мостовскій, Заблоцкій, столько красивыхъ и умныхъ дамъ, этихъ украшеній Польскаго двора, вмѣсто кружковъ, гдѣ обсуждались исключительно вопросы нравственности, чувства и литературы, я увидѣлъ лишь тайныя политическія собранія и ничего не слышалъ кромѣ горячихъ споровъ, слишкомъ часто ожесточавшихся вспышками противоположныхъ мнѣній.

Библиотека "Руниверс"

Народъ, долгое время согбенный подъ игомъ трехъ державъ, завладѣвшихъ частью его земли и почти уничтожившихъ его свободу, точно весь встрепенулся и принялъ снова свой древній характеръ. Я опять увидѣлъ гордость временъ Ягелловъ: тотъ же воинственный пылъ, туже буйность, туже страсть къ независимости и тоже презрѣніе къ несчастіямъ, вызываемымъ этой независимостью; наконецъ, тотъ же рыцарскій духъ, это единственное преимущество феодальной системы, приходившей въ то время всюду въ упадокъ; остатки ея встрѣчались лишь при дворахъ Германіи и въ Сарматскихъ лѣсахъ.

Я съ трудомъ узнавалъ Поляковъ: ихъ занятія, одежда, рѣчь, все измѣнилось; эти пылкіе воины, сбросивъ съ себя современную одежду, напоминавшую ихъ униженіе, снова стали носить свои шапки, перья, длинные кафтаны, усы по военному и блестящія сабли. Дамы, воспламеняя ихъ мужество, собственноручно стригли головы своимъ мужьямъ и сыновьямъ и вышивали имъ шарфы и пояса.

Русскій посолъ, недавно еще окруженный придворными, теперь жилъ одинъ въ своемъ замкѣ почти въ полномъ уединеніи. Дворецъ Станислава-Августа больше походилъ на главную квартиру временъ Собѣскаго, чѣмъ на королевскій дворъ. Между тѣмъ злополучный государь не раздѣлялъ общаго опьянѣнія. Если онъ не имѣлъ силы характера, столь необходимой среди бурныхъ обстоятельствъ того времени, то въ умѣ, просвѣщеніи и проницательности недостатка не было. Воскрешеніе свободы, на которое надѣялся его пылкій народъ казалось ему сномъ, химерою; онъ не забывалъ, что Поляки, сильно отставшіе отъ другихъ народовъ, не имѣли ни дисциплины, ни пѣхоты, ни крѣпостей, что они нуждались въ деньгахъ, не имѣя притомъ земледѣльческой или торговой промышленности, которая бы имъ доставляла ихъ.

Король считалъ затрудненія двухъ императорскихъ дворовъ временными; онъ зналъ, что призрачныя обѣщанія Прусскаго короля не имѣли иной цѣли кромѣ собственнаго возвеличенія; наконецъ, онъ предвидѣлъ, что всѣ три притѣснителя Польши, послѣ недолгихъ споровъ, помирятся, въ ущербъ этой беззащитной страны, которую они раздѣлятъ и разорятъ. Такимъ образомъ Станиславъ-Августъ, слишкомъ наблюдательный, чтобы не замѣтить пропасти и слишкомъ слабый, чтобы противостоять потоку, который онъ тщетно старался задержать, позволялъ нести себя въ эту пропасть.

Какъ только король узналъ о моемъ пріѣздѣ, онъ тотчасъ пригласилъ меня къ себѣ, заперся со мной у себя въ кабинетѣ и описалъ мнѣ печальную картину своего плачевнаго положенія. «Ну, графъ, сказалъ мнѣ король, вы вновь видите Польшу въ совершенно иномъ по-

Библиотека "Руниверс"

ложеніи, чѣмъ то, въ какомъ вы ее покинули въ концѣ 1784 года; мои соотечественники быстро перешли отъ уныніи къ надеждѣ и отъ робкой зависимости къ дерзости. Что говорятъ въ Петербургѣ объ этой неожиданной революціи и что вы о ней думаете?»

«Ваше в-ство, вѣроятно, знаете, отвѣчалъ я ему, что Императрица столько же недовольна ею, сколь удивлена; она бы даже проявила свою досаду, если бы не боялась, отдавшись этому первому побужденію, подать поводъ къ войнѣ Англичанамъ и Прусакамъ, которыхъ она считаетъ слишкомъ расположенными соединиться съ Турками и со Шведами для умаленія ея могущества; а такъ какъ здѣсь ея предложенія о защитѣ, союзѣ и дружбѣ были приняты съ очень оскорбительнымъ для нея пренебреженіемъ, то признаюсь вамъ, что графу Кобенцелю и мнѣ стоило большого труда успокоить ее и уговорить принять умѣренные совѣты, которые ей подаютъ императоръ и Французскій король. Что касается меня, то я вовсе не удивленъ, что, послѣ столь долгаго гнёта, Поляки съ жаромъ ухватились за первое благопріятное обстоятельство, чтобы возстановить свою независимость. Не изъ области фантазіи, а изъ глубины ихъ сердецъ раздается повсюду этотъ крикъ о *свободѣ*. Нѣтъ даже надобности прислушиваться, чтобы слышать его; прежде чѣмъ они заговорятъ, слово *свобода* читается въ ихъ походкѣ, осанкѣ, въ ихъ взглядахъ и во всѣхъ чертахъ лица. Но что меня удивляетъ, это то, что они такъ открыто свергнули съ себя иго раньше, чѣмъ организовали свои силы, прежде, чѣмъ собрали деньги и приготовили необходимыя средства для поддержанія столь отважнаго рѣшенія. Къ тому же, никогда бы они не могли устоять противъ трехъ, окружающихъ ихъ, великихъ державъ; и мнѣ кажется, что, вынужденные искать между ними поддержки, они выбрали менѣе сильнаго, наименѣе вѣрнаго и наименѣе безкорыстнаго. Имѣющіяся у меня свѣдѣнія, которыя я считаю вѣрными, доказываютъ мнѣ, что, предлагая Польшѣ свое покровительство, Фридрихъ-Вильгельмъ руководствуется единственной цѣлью: обезпечить себѣ обладаніе Данцигомъ и Торномъ».

«Вы правы, сказалъ мнѣ король, и я раздѣляю вполнѣ ваше мнѣніе; но мнѣ невозможно заставить озлобленныя души и пристрастные умы понять эти истины. Такъ какъ, послѣ раздѣла этой страны, Австрія и Пруссія предоставили Императрицѣ жалкую честь присматривать за нами и держать насъ въ положеніи зависимости, то Поляки ей одной и приписываютъ всѣ свои несчастія; противъ нея направлены и всѣ чувства злобы. Дѣйствія ея войска, оскорбительный тонъ нѣкоторыхъ молодыхъ офицеровъ и нестерпимая надменность Русскихъ

Библиотека "Руниверс"

пословъ возбудили противъ Россіи ненависть, взрывъ которой особенно неистовъ оттого, что такъ долго приходилось ее сдерживать. Когда я видѣлъ Екатерину II въ Каневѣ, мнѣ показалось, что она весьма склонна исправить свои ошибки и готова открыто поддержать насъ, а улучшеніемъ нашей судьбы обезпечить намъ безопасность въ будущемъ на долгое время. Я повѣрилъ ей и вернулся сюда полный надеждъ. Поэтому, какъ только Турки и Шведы объявили ей войну, въ отвѣтъ на ея первые шаги, напомнивъ ей ея обѣщанія, я посовѣтовалъ ей предложить намъ союзный договоръ, на что̀ она быстро рѣшилась. Графъ Штакельбергъ сдѣлалъ мнѣ оффиціально это предложеніе. Оно было сообщено въ сеймѣ, а я подкрѣпилъ его всѣми доказательствами, которыя казались мнѣ способными убѣдить умы въ его полезности. Я потерпѣлъ неудачу въ своей попыткѣ: интриги и дѣятельность министровъ Прусскаго короля обольстили, обманули и разожгли страсти. Особенно Лукезина, отвергая какъ клевету то, что̀ говорили о корыстныхъ видахъ Прусскаго короля, слишкомъ легко увѣрялъ уже предубѣжденныхъ людей, будто Фридрихъ-Вильгельмъ, ища чистой и благородной славы, хочетъ обезпечить Европу отъ властолюбія Русскихъ и не имѣетъ иного желанія, какъ противопоставить сильный оплотъ этой побѣдоносной державѣ, возвративъ Польшѣ независимость и свободу. Англійскій посланникъ говорилъ въ томъ же смыслѣ, подавая надежду на вооруженіе Англіи въ пользу Шведовъ. Съ другой стороны, такъ какъ Прусскій король протестовалъ противъ предложеннаго союза, то Императрица не настаивала больше на немъ и даже очень мнѣ повредила, приписавъ мнѣ первую мысль объ этомъ планѣ, вызвавшемъ въ сеймѣ такое большое сопротивленіе. Остальное вамъ извѣстно. Безъ соблюденія какихъ либо мѣръ уничтожили постоянный совѣтъ; хотятъ совершенно измѣнить образъ правленія, утвержденный Екатериной. Потребовали отозванія Русскаго войска, а на протесты Русскаго посла не обращается никакого вниманія; рѣчь идетъ даже о союзѣ между Англіей, Пруссіей, Голландіей, Турціей, Швеціей и Польшей. Вотъ до чего мы дошли; но, дабы окончательно не потерять любовь и довѣріе своего народа, я считаю себя обязаннымъ слѣдовать за нимъ въ неосторожномъ шагѣ, который впослѣдствіи, быть можетъ, довершитъ нашу гибель».

«Ваше в-ство, отвѣчалъ я, могу представить вамъ доказательства искренности намѣреній, выказанныхъ вамъ Императрицею; вамъ, вѣдь, извѣстно, что она желала раньше, желала бы и теперь заключить съ нами, Императоромъ и Испаніей четверной союзъ, который могъ бы служить обузданіемъ тревожныхъ замысловъ Англо-Прусскаго

Библиотека "Руниверс"

союза; во всѣхъ планахъ, сообщенныхъ мнѣ ея министерствомъ, однимъ изъ главныхъ ея намѣреній всегда было обезпеченіе неприкосновенности Польской территоріи и ея независимости. Мнѣ думается, что, не дождавшись заключенія этого союза, который многимъ раскрылъ бы глаза, Императрица сдѣлала ошибку, предложивъ вамъ преждевременно частный договоръ, который только озлобилъ и раздражилъ умы».

«Я полагаю, что да, возразилъ Станиславъ; но, если нельзя сдѣлать добра, нужно по крайней мѣрѣ постараться уменьшить зло. Я знаю, что вы въ дружескихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми членами оппозиціи; вы съ ними увидитесь и окажете мнѣ дѣйствительную услугу, если вамъ удастся имъ втолковать, что для нашихъ политическихъ и коммерческихъ интересовъ Россія намъ менѣе вредна, чѣмъ Пруссія; что какъ врагъ, она была бы для насъ гораздо страшнѣе, а потому существенно важно для насъ, вмѣсто того чтобы вызывать ея гнѣвъ, быть съ нею въ хорошихъ отношеніяхъ; и наконецъ, это было бы единственнымъ средствомъ увеличить наши военныя силы и безпрепятственно осуществить наше возрожденіе».

Я обѣщалъ ему сдѣлать это, но безъ всякой вѣроятной надежды на успѣхъ. И дѣйствительно, заговоривъ въ этомъ смыслѣ съ нѣсколькими Поляками, я встрѣтилъ въ нихъ такое раздраженіе, что они едва могли хладнокровно выслушать меня.

Единственно Игнацій Потоцкій, одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ и просвѣщенныхъ людей этой страны, казалось, понялъ меня. «Быть можетъ, вы и правы, сказалъ онъ, но теперь ужъ поздно: жребій брошенъ; притомъ, если бы я согласился слѣдовать вашимъ совѣтамъ, то безъ всякой необходимости лишилъ бы себя уваженія своихъ согражданъ. Вѣрьте мнѣ, это мнѣніе сдѣлалось теперь настолько общимъ, настолько оно твердо и пристрастно, что съ Полякомъ нельзя говорить о Россіи безъ того, чтобъ онъ въ одно и тоже время поблѣднѣлъ отъ страха и задрожалъ отъ злобы; я самъ не могъ васъ слушать безъ сильнаго волненія. Одного названія Русскій уже достаточно, чтобы напомнить намъ потерю нашей свободы, нашихъ законовъ, нашей славы, а также всѣ оскорбленія, которымъ такъ долго подвергались наша честь и наши семьи».

Понятно, что уже больше я не отважился дѣлать безполезныя внушенія Полякамъ, такъ мало расположеннымъ принять ихъ отъ меня. Я даже узналъ, что нѣкоторыя недоброжелательныя лица, будучи увѣдомлены объ этихъ разговорахъ, представили меня горячимъ другомъ Русскихъ, имѣющимъ тайныя предписанія отъ Императрицы; наконецъ, когда, на слѣдующій день, я хотѣлъ пойти на сеймъ, старались отсо-

Библиотека "Руниверс"

вѣтовать мнѣ это, предупреждая о каверзѣ, задуманной съ тѣмъ, чтобы заставить меня испытать публично непріятность.

Я мало обратилъ вниманія на этотъ совѣтъ и все таки пошелъ; трибуна, на которой меня помѣстили, быстро наполнилась почтенными личностями, какъ изъ королевской партіи, такъ и изъ опозиціонной: ихъ собраніе вокругъ меня было бы уже достаточно для внушенія страха недоброжелательному чувству, если бы оно существовало.

Зрѣлище, представившееся мнѣ въ этомъ Польскомъ собраніи, странно поразило меня: почти Азіатскій костюмъ многихъ членовъ собранія, гордость ихъ взглядовъ, живость движеній, шумъ сабель, волочившихся у нихъ по полу и слишкомъ напоминавшихъ то бурное время, когда такъ часто совѣщанія прерывались обнаженными мечами; все точно убѣждало меня въ возвращеніи къ отдаленнымъ вѣкамъ, будто я находился среди древнихъ Поляковъ, такъ часто побѣждавшихъ Турокъ, Московитянъ и Германскихъ принцевъ. Я жалѣлъ, что не могъ понимать чередовавшихся ораторовъ, изъ которыхъ многіе своимъ краснорѣчіемъ производили, кажется, большое впечатлѣніе на умы слушателей.

Вернувшись вечеромъ къ королю, я узналъ о печальныхъ событіяхъ, происходившихъ 5 и 6 Октября въ Версалѣ; различныя толкованія болѣе или менѣе искажали эти извѣстія: по однимъ оказывалось, что королева подверглась угрожающей опасности, что большое число тѣлохранителей избито и національное собраніе захвачено разбойниками; по другимъ, когда во время одной оргіи, войска и гвардія стали попирать ногами національную кокарду, громко объявляя планъ контръ-революціи, Парижская чернь съ яростью бросилась въ Версаль, осадила дворецъ и принудила короля плѣнникомъ слѣдовать за ней въ столицу; наконецъ, менѣе тревожныя вѣсти сообщали только о нѣсколькихъ буйствахъ, совершенныхъ ночью и быстро прекращенныхъ національною гвардіей.

Легко понять, какую тревогу вызывали во мнѣ столь разнообразные, но исключительно мрачные слухи, да еще на такомъ разстояніи. Поэтому я рѣшилъ ускорить свой отъѣздъ и на другой же день отправился въ путь.

Вечеромъ, пока мои люди были заняты приготовленіями къ отъѣзду, я, находясь одинъ въ своей комнатѣ и читая у камина, вдругъ услыхалъ за своимъ кресломъ легкій шумъ. Обернувшись, я увидѣлъ высокаго человѣка въ длинномъ коричневомъ платьѣ съ богатымъ поясомъ, въ красныхъ сапогахъ, мѣховой шапкѣ, съ длинной саблей, держащаго въ каждой рукѣ по пистолету, направленному на меня.

Мое изумленіе было велико, но не продолжительно. Вскорѣ я разразился хохотомъ, узнавъ подъ этимъ нарядомъ съ длинными усами

Библиотека "Руниверс"

черные, живые и веселые глаза великаго гетмана Браницкаго, племянника князя Потемкина.

«Ну, мой милый, судя по тому, что̀ намъ пишутъ, въ вашемъ отечествѣ происходитъ ужасный содомъ, ей-ей. Наши здѣшнія волненія сравнительно пустяки. Ваши собранія болѣе бурны, чѣмъ Польскій сеймъ и такъ какъ неизвѣстно, что̀ можетъ случиться въ королевствѣ, охваченномъ волненіями, предлагаю вамъ вотъ этихъ двухъ спутниковъ; я бы желалъ, чтобъ они были драгоцѣннѣе, но могу васъ увѣрить, они очень хороши».

Браницкій былъ не правъ, такъ какъ пистолеты были превосходны; я принялъ этотъ подарокъ отъ всего сердца, какъ онъ былъ и мнѣ предложенъ. Впослѣдствіи, революціонный комитетъ отнялъ у меня эти пистолеты безъ того, чтобы я могъ попробовать ихъ на немъ же, какъ мнѣ того хотѣлось.

Послѣ непродолжительной бесѣды, орошенной нѣсколькими стаканами Токайскаго вина, которое Браницкій любилъ болѣе, чѣмъ достаточно, мы разстались. Я уѣхалъ на разсвѣтѣ, весьма озабоченный только что полученными грустными извѣстіями.

*

Графу Сегюру не пришлось возвращаться въ Россію. Людовикъ XVI посылалъ его въ Римъ къ папѣ; но тотъ отказался принять его. За тѣмъ гр. Сегюръ ѣздилъ въ Берлинъ предотвращать столкновеніе Пруссіи съ Франціею. Ужасы революціи какъ-то обошли его, хотя онъ лишался своихъ помѣстій и земель, которыя успѣлъ пріобрѣсти еще молодымъ человѣкомъ въ Санъ-Доминго. Самаго Наполеона умѣлъ онъ очаровать умною, толковою рѣчью, льстивымъ словцомъ. Онъ былъ при немъ оберцеремоніймейстеромъ. Но Екатерина въ немъ разочаровалась. „Онъ фальшивъ, какъ Іуда, писала она о немъ Гримму; у однихъ онъ старается прослыть демократомъ, у другихъ аристократомъ, и кончаетъ тѣмъ, что одинъ изъ первыхъ бѣжитъ въ Ратушу произнести прекрасную присягу. Я въ восторгѣ, что онъ сюда не вернется“. Получивъ отъ него большое письмо, Екатерина не захотѣла отвѣчать ему. Конечно, Государыня несправедлива: въ графѣ Сегюрѣ олицетворялись всѣ лучшія качества Француза, и въ сочувствіи къ нему невозможно отказать. Онъ, очевидно, полюбилъ Россію; онъ уговаривалъ Наполеона не предпринимать роковаго на нее похода. Въ Парижѣ графъ Сегюръ вспоминалъ про нее, бывая у графа Ростопчина. Онъ вступилъ съ нимъ и въ родство: на графинѣ Софьѣ Ѳедоровнѣ Ростопчиной женился внукъ графа Сегюра. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

СУВОРОВЪ.

(Съ его неизданныхъ рукописей [1]).

Страстная недѣля и день Пасхи.

Ежели чѣмъ не перемѣнится [2]).

Полночь.

Сигналы сильные пушечные. Утренняя.

Ходъ съ образами.

1. Одинъ выстрѣлъ. Барабанъ—на молитву.
2. «Воскресеніе Твое, Христе Спасе». 3 выстр.
3. «Христосъ воскресе». 9 выстрѣловъ.
   «И намъ дарова» при концѣ 3 выстрѣла.

Кончить утреню въ ночи, но литургія начинается обо днѣ.
Выстрѣлъ бить зарю.
Барабанъ, потомъ на молитву за вороты; тожъ и къ утренней.

Колоколъ по получасу.

1 выстрѣлъ: начало часовъ.
3 выстрѣла: начало литургіи.
12 выстрѣловъ при Евангеліи, читать протяжно.
«И намъ дарова» при концѣ 7 выстрѣловъ.
За обѣденнымъ столомъ одно здоровье [3]).
Въ Четвергъ на Пятницу стояніе съ вечера, когда смеркнется.
Въ Пятницу: 1) Часы царскіе, полдни.
2) Вечерня большая, 5 часовъ.
3) Повечеріе.

---

[1]) Сообщенныхъ г.г. Нѣловымъ и Бриггеномъ. П. Б.
[2]) Т. е. если не придется идти въ бой. П. Б.
[3]) Т. е. питье. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Противъ сумерекъ.

Барабанъ танты на Субботу безъ флейты въ чехлѣ, сигналъ тапты: 1 колѣно, на моли(твѣ) 3 колѣ(но).

Суббота. Утреня.

Выносъ плащаницы на «С. Боже» служить такъ, чтобъ при длинномъ «Святый Боже» (что послѣ слова «въ вышнихъ») ходъ былъ на самомъ разсвѣтѣ.

Литургія по долгому дню въ 3 часа.

По полудни.

Танты нѣтъ, ни сигналовъ часовыхъ.

Повечеріе въ 6 ч. пополудни.

Дѣяніе С. Апостолъ слушать; можно входить и выходить, фиміанъ стулья.

* * *

Приказы.

Кинбурнъ, ч. 21 Майя, 1788 году.

Господину генералъ-майору Загряжскому вѣдать всѣ отряды по берегу Лимана. Господину генералъ-майору Исленеву тожъ, по частной дистанціи Чернаго моря, капиталъ Кинбурнъ и пунктъ Старооскольскаго редута. Главное вниманіе господина генералъ-майора и кавалера Репнинскаго на капиталъ, съ соображеніями протчихъ особливо прикосновенныхъ пунктовъ. Господинъ генералъ-порутчикъ и кавалеръ деташируется по обстоятельствамъ, въ отсутствіе мое дѣлаетъ свои распоряженія.

Полку г. Сычова стать отъ Кинбурна въ 8 верстахъ, имѣть блюденіе на окружности, вѣдать Косу, давать резервы.

Резервной деташементъ кавалеріи: 2 эскадрона драгунъ, 1 эскадронъ Маріупольской, 1 Острогожской легкоконныхъ полковъ, отъ Кинбурна въ 10 и больше верстахъ, въ особливой командѣ господина генералъ-порутчика.

Мѣста излишнихъ обозовъ и тягостей—при Збуревскѣ и частью при Кинбурнѣ, т. е. прежнія. По сему господамъ генералитету порядокъ учинить.

* * *

Библиотека "Руниверс"

Отрядъ г. майора Бергольца распустить по полкамъ, ему явиться у меня.

Отъ отряда г. Фишера конным егерямъ и казакамъ особою партіею расположиться въ сторонѣ Каменнаго колодца; начальникомъ г. майоръ Шуховъ, временно въ командѣ его превосходительства г. генералъ-майора Іслѣнева.

Г. полковнику и кавалеру Орлову съ Лиманскихъ постовъ и кордона снять половину казаковъ. Оставшую половину раздѣлить по пунктамъ Лимана, по его благоусмотрѣнію.

Резервная г. Осипова команда къ Кинбурну—шесть десятковъ козаковъ; кони на два и три табуна.

Ч. 20 Іюня.

Александръ Суворовъ.

* * *

Вашимъ исправленіемъ я доволенъ. Соразмѣрьте время, чтобъ здѣшними вспомоществовать Ярославскимъ, Фишеровымъ и Шлессельбургскимъ, дабы сколько возможно всѣ въ одинъ день кончили, и для того здѣшніе хотя долѣе останутся на 1, 2. 3 дня, и хотя бы съ нынѣшнихъ мѣстъ для протчихъ и выше перешли. Сей размѣръ времен и распорядокъ и поспѣшность—въ вашемъ благоустройствѣ. Учредите между тѣмъ недреманной подвозъ камыша къ полкамъ и баталіонамъ, распоряжая онымъ отъ себя цыдулями. Я думаю о... Збуреевскѣ пещися нужды не будетъ: уповательно они и своими людьми исправятся; коли такъ, то попеченіе ваше въ напоминовеніи о подвозѣ. А. С.

13 д.

* * *

Ежели сдвоивши ширенги ли эскадроны дѣлать карьерную (т.-е. сильную, разумѣется не карѣи, но карьеры) на сабляхъ атаку,—сіе только въ случаѣ рубки непріятеля въ дефилеѣ или тѣсномъ мѣстѣ, гдѣ фронтъ или линія распростриться не можетъ, такъ какъ въ необходимостяхъ иногда и колонна дѣйствовать должна, что однако кавалеріи въ маршѣ одинъ изъ ста разъ случиться можетъ. Но не худо и то показывать для нечаянности.

Разсыпная атака полезна для пріученія къ цѣльной палъбѣ и рубкѣ, особливо къ твердому владѣнію поводами и лошадьми, въ разныхъ заворотахъ и обращеніяхъ.

По обряду, въ концѣ, въ кавалеріи... 1-е) учить изъ карабиновъ стрѣлять и пр. противъ *маячущихъ* непріятелей... Нужно какъ

Библиотека "Руниверс"

всюду обыкновенно, но имѣетъ великое различіе съ означеннымъ, 2-е) о атакѣ на сабляхъ сильнѣйшаго или превосходнаго непріятеля. Сіи два рода дѣйствіемъ одно съ другимъ отнюдь мѣшать не должно; ихъ случаи между собою никакого сообразія не имѣютъ, и несходствіе между ими надлежитъ ясно разумѣть отъ нижняго до нижняго всѣмъ кавалеристамъ. Ежели принять одно за другое, то по первому можетъ быть предопасно или паче не толь рѣшимо, по второму ненужное, и маякамъ много бы было чести. Въ семъ, въ прежней войнѣ, особливо пикинеры, часто ошибались со вредомъ.

* * *

По прибытіи принца Нассау съ флотиліею, пока нужда не потребуетъ, оставить его въ Збуревскомъ Лиманѣ, ради *пріобученія* людей и присоединенія другихъ еще судовъ.

Оныя въ Херсонѣ оканчиваются отдѣлкою.

Положите съ принцомъ Нассао, гдѣ быть станціи подъ Кинбурномъ, чтобы людей возможно было для варенія пищи и отдохновенія отпускать на берегъ.

* * *

Послѣ благополучнаго происшествія на Лиманѣ 7 числа сего мѣсяца, полезнѣе отдалиться для ѳуражей на недѣлю, ожидая впредь перемѣны. Скошеное сѣно весьма блюсти и оставить при немъ залоги. Осипова резервная команда 100 казаковъ. Господину генералъ-майору Ислѣневу перейти съ кавалеріею къ мурованному колодцу; тожъ г. полковнику и кавалеру Орлову съ казачьими полками, полку г. Сычова туда жъ. Острогожскому полку къ прочною при Александровской; туда жъ отряду г. Беркгольца. Лагери перемѣнять по благоусмотрѣнію начальствующихъ. Но переходящимъ войскамъ быть готовымъ къ вступленію въ прежніе лагери, что̀ нынѣ занимали.

Александръ Суворовъ.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО ПАСКЕВИЧА КЪ Н. М. СИПЯГИНУ О ВЗЯТІИ ЭРИВАНИ.

Случайно въ архивѣ канцеляріи бывшаго Оренбургскаго генералъ-губернаторства, попалась мнѣ нижеслѣдующая копія съ письма ген.-ад. Паскевича къ Тифлисскому военному губернатору, ген.-ад. Сипягину *), отъ 3-го Октября 1827 года, присланная въ Оренбургъ ханомъ Внутренней Букеевской Орды Джангеромъ.

Павелъ Юдинъ.

Поздравляю ваше превосходительство съ покореніемъ Эривани, которая, послѣ шестидневной осады и четыре дня спустя по открытіи траншей, взята нами 1-го сего Октября.

Осадныя работы были доведены до самаго гласиса и короновали оный. Артиллерія дѣйствовала съ удивительнымъ успѣхомъ и производила разрушеніе ужасное. Въ послѣднюю ночь передъ взятіемъ Эривани, непріятель, опасаясь приступа, открылъ весьма сильный огонь; но удачные выстрѣлы нашей артиллеріи, дѣйствуя черезъ проломъ въ обѣихъ стѣнахъ крѣпости и поражая гарнизонъ картечью, нанесли ему значительный уронъ, заставивши замолчать, и привели въ разстройство, увеличиваемое *явною опасностію* отъ уничтоженія обороны, съ двухъ сторонъ воплемъ жителей, которые, претерпѣвая отъ бомбъ величайшій вредъ, требовали сдачи.

На другой день ужасъ и смятеніе въ городѣ сдѣлались всеобщими. Поутру, жители, показавшись на стѣнахъ, начали махать шапками и дѣлать знаки. Войска наши, замѣтивъ сіе, кинулись стремительно черезъ проломъ обѣихъ стѣнъ. Часть гарнизона, не видя спасенія, начала бросать оружіе и просить пощады, другая хотѣла защищаться; но когда черезъ нѣсколько минутъ откопаны и отбиты были ворота, всѣ покорились, и крѣпость взята безъ дальнѣйшаго сопротивленія. Гассанъ-ханъ, сардарь, братъ сардаря Эриванскаго, Субъ-ханъ-Кулы-ханъ,

---

*) Николаю Мартіановичу. Это родной дѣдъ убіенному министру внутреннихъ дѣлъ Дмитрію Сергѣевичу, человѣку высокой души. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

комендантъ крѣпости, зять сардарскій, еще пять хановъ и всѣ чиновники Персидскіе, при нихъ бывшіе, отысканы укрывающимися и взяты въ плѣнъ.

Въ крѣпости найдено 35 пушекъ и единороговъ, 2 гаубицы, 9 мортиръ, 4 знамя; взято въ плѣнъ болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Съ нашей стороны потеря стоитъ убитыми въ одномъ оберъ-офицерѣ и четырехъ нижнихъ чинахъ; ранено оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 36 человѣкъ.

Должно замѣтить, что Аббасъ-мирза, дабы усилить защиту крѣпости, оставилъ здѣсь лучшія свои войска, въ томъ числѣ одинъ батальонъ своей гвардіи и батальонъ Тавризскій.

Поспѣшая увѣдомить ваше превосходительство о семъ счастливомъ событіи, я весьма увѣренъ, что вы раздѣлите съ нами сію радость и сдѣлаете оное извѣстнымъ по всѣмъ областямъ, мною управляемымъ.

Генералъ-адъютантъ Паскевичъ.

*

Говорятъ, что въ 1837 году (ровно черезъ десять лѣтъ по взятіи Эривани) когда императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ Закавказье, его удивили незначительные размѣры крѣпости, давшей бывшему его командиру (уже князю Варшавскому) первое прославленіе его. А. П. Ермоловъ, говоря о Паскевичѣ, будто обмолвясь, называлъ его вмѣсто Эриванскаго Эрихонскимъ; но успѣхи наши въ Персидской войнѣ и взятіе Эривани имѣли важное государственное значеніе. Они произошли вслѣдъ за коронованіемъ Государя, послѣ окончательнаго рѣшенія судьбы Декабристовъ. Слава озарила новаго Государя на престолѣ и содѣйствовала къ успокоенію умовъ на дальнемъ Юговостокѣ. Вотъ почему имя графа Эриванскаго прогремѣло по Россіи и напомнило про имена Задунайскаго, Таврическаго, Закомельскаго, Италійскаго, Смоленскаго. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

СТУДЕНТЫ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ БЫЛОЕ ВРЕМЯ.

Воспоминанія Николая Николаевича Калугина [1]).

Незабвенный для насъ директоръ Новгородсѣверской гимназіи Илья Ѳедоровичъ Тимковскій [2]) былъ женатъ на дочери скончавшагося въ 1825 г. директора той же гимназіи Ивана Ивановича Халанскаго Софьѣ Ивановнѣ. До назначенія директоромъ, Тимковскій жилъ въ имѣніи своей жены, селѣ Турановкѣ, Глуховскаго уѣзда, въ 40 верстахъ отъ Новгородсѣверска. По вступленіи въ Декабрѣ 1825 г. въ должность директора, Тимковскій помѣстилъ своего старшаго сына Николая въ гимназію въ одномъ со мною классѣ. Это была прекрасная по душѣ личность, и я скоро съ нимъ подружился. Въ Февралѣ 1826 г., по рекомендаціи учителей, Илья Ѳедоровичъ пригласилъ меня заниматься въ Турановкѣ съ малолѣтними дѣтьми его. По временамъ, въ свободные часы, Илья Ѳедоровичъ пріѣзжалъ въ Турановку, причемъ самому мнѣ назначалъ въ видѣ уроковъ, что̀ я долженъ перевести съ Латинскаго языка и съ Русскаго на Латинскій и что̀ долженъ выучить, а въ пріѣзды свои провѣрялъ, такъ ли мною сдѣлано. Съ дѣтьми мнѣ приходилось, по малолѣтству ихъ, заниматься по одному часу утромъ и послѣ обѣда; самъ же Тимковскій, когда бывалъ въ Турановкѣ, занимался со мною и сыномъ своимъ Николаемъ часа по два и болѣе.

Я пробылъ въ Турановкѣ до Августа 1826 года и затѣмъ опять переѣхалъ въ Новгородсѣверскъ продолжать ученіе въ гимназіи.

По окончаніи гимназическаго курса, *въ Іюнѣ 1827 г.*, мой отецъ пріѣхалъ въ Новгородсѣверскъ и, по совѣту Тимковскаго, положено было продолжать мнѣ ученіе въ Московскомъ университетѣ, куда Илья Ѳедоровичъ рѣшилъ отвезти и сына своего Николая Ильича, при чемъ условился съ отцомъ моимъ взять съ собою и меня. По нездоровью онъ находилъ неудобнымъ ѣхать на почтовыхъ лошадяхъ, а предпочелъ

---

[1]) Писаны по поводу Воспоминаній Я. И. Костенецкаго („Русскій Архивъ“ 1887, кн. 1-я и 12-я) и сообщены племянникомъ автора, г-мъ К. Тураевымъ. П. Б.

[2]) Записки его въ 1-ой книгѣ „Русскаго Архива“ 1874.

Библиотека "Руниверс"

отправиться на долгихъ. Покойный отецъ нанялъ для насъ въ Серединой Будѣ извозчика. Мы въ двухъ просторныхъ крытыхъ повозкахъ отправились: Илья Ѳедоровичъ съ сыномъ и со мною въ одной повозкѣ, а въ другой двое слугъ и поклажа съ припасами дорожными. Во время остановокъ Илья Ѳедоровичъ занимался съ сыномъ и со мною, приготовляя насъ къ университетскому экзамену. Тимковскій самъ учился въ Московскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1797 году, и предпочиталъ его Харьковскому университету, гдѣ былъ онъ профессоромъ. Въ Московскомъ университетѣ въ 1827 г. были еще профессора, сверстники его по ученію, съ которыми онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ, особенно съ М. Я. Мудровымъ.

По недостаточному состоянію отецъ мой далъ мнѣ только сто рублей ассигнаціями на проѣздъ и первоначальное обзаведеніе въ Москвѣ, а затѣмъ я долженъ былъ самъ изыскивать способы къ своему содержанію. Въ Москвѣ служилъ въ Сенатѣ столоначальникомъ мой двоюродный братъ; съ нимъ жила его мать (родная сестра моего отца), по приглашенію которой я жилъ у нихъ въ небольшой квартирѣ. Чтобы не стѣснять ихъ, я не могъ принимать товарищей, которые и не знали моей квартиры. Не получая ничего изъ дому, я покрывалъ свои нужды выручкою за переписку бумагъ: въ Сенатѣ не успѣвали канцелярскіе чиновники переписывать все тамошнее производство, и потому нанимались сторонніе писцы, по 20 копѣекъ асс. отъ листа.

Субботніе вечера я и товарищъ мой Роговичъ [1]) проводили зимою 1829—1830 у Вадима Пассека [2]). Я составлялъ лекціи по своимъ запискамъ и по памяти слышаннаго мною, а также по тѣмъ изданіямъ, на которыя профессоръ указывалъ, (эти изданія я заимствовалъ отъ товарищей, не имѣя способовъ пріобрѣсти ихъ). Насъ было нѣсколько товарищей, занимавшихся составленіемъ лекцій. Я составлялъ лекціи по Русской и Политической Исторіи, по народному праву и статистикѣ. Роговичъ—по Политической Экономіи; На-

---

[1]) Петръ Ивановичъ, въ послѣдствіи Московскій сенаторъ (отецъ доблестнаго Ярославскаго губернатора, нынѣ товарища об.-прокурора въ Св. Синодѣ А. П. Роговича. П. Б.

[2]) Пассекъ былъ старше насъ курсомъ и кончилъ ученіе въ Іюнѣ 1830 г. кандидатомъ; по окончаніи экзаменовъ онъ куда-то уѣзжалъ, а я послѣ экзаменовъ съ Роговичемъ и братьями Пассека (тоже кончившими курсъ кандидатами по математическому отдѣленію) Леонидомъ и Діомидомъ (убитымъ на Кавказѣ въ 1845 г. въ чинѣ генералъ-маіора) ходили въ Троице-Сергіеву лавру. По выходѣ Вадима Пассека мнѣ не удалось уже видѣться съ нимъ; онъ отличился во время холеры, получилъ въ награду чинъ титулярнаго совѣтника, сблизился съ кружкомъ Герцена, это сближеніе много ему повредило по службѣ; и ему не удалось быть лекторомъ въ Харьковскомъ университетѣ, куда приглашалъ его тамошній попечитель.

Библиотека "Руниверс"

заровъ—по гражданскому и уголовному праву; Перегудовъ—по Русскимъ законамъ. Составленныя лекціи я передавалъ имъ, и они дополняли на поляхъ записокъ то, что̀ пропущено мною и дѣлали свои замѣчанія, а свои тетради передавали мнѣ для того же. Я, Роговичъ и Перегудовъ, по возобновленіи лекцій съ 19-го Января 1831 г. собирались по Воскресеньямъ у Назарова. Занимаясь такимъ образомъ, мы приготовили себя такъ къ экзаменамъ, что время выпускныхъ экзаменовъ въ 1832 году было для насъ самымъ пріятнымъ въ университетской жизни. Составленныя мною лекціи по Русской исторіи съ нашими замѣчаніями, по выходѣ моемъ изъ университета, когда я уже служилъ въ Сенатѣ, покойный Погодинъ выпросилъ у меня для просмотра, но уже ихъ, по своему обыкновенію не возвратилъ. Вообще я не сближался съ тѣми товарищами, которые занимались поверхностно ученіемъ и любили больше толковать о текущей политикѣ, а старался изучать любимые мною предметы, особенно Русскую и Политическую исторіи и тогда же пришелъ къ полному убѣжденію, что Россіи предстоитъ, по ходу событій, таже миссія, какая дана была Риму, а Европа Западная выполняетъ задачу Древней Греціи, и что основаніемъ преуспѣянія и силы Россіи послужили православіе, самодержавіе и народная душевная крѣпость.

Описываемая Костенецкимъ глупая выходка противъ профессора Малова мнѣ извѣстна, какъ очевидцу, потому что я въ то время былъ на лекціи. Устроена она немногими студентами и, если бы мы знали объ этой затѣѣ, то своимъ вліяніемъ отвратили бы ее. Я до сихъ поръ не зналъ, что зачинщиками были Костенецкій и Топорнинъ (деликатный, милый юноша, котораго мы всѣ любили). Мы приписывали эту затѣю студентамъ другихъ факультетовъ: Герцену съ братіею (какъ называли слѣдовавшихъ постоянно за Герценомъ, кутившихъ на счетъ его Закревскаго, Огарева, князя Сергѣя Гагарина и друг.), въ то время появившихся на лекціи Малова. Я съ товарищами нашего круга (Роговичъ, Назаровъ, Протопоповъ, Перегудовъ и пр.) обыкновенно сидѣли на второй скамьѣ противъ каѳедры профессора и ничего не знали о готовившейся шалости. Когда Маловъ началъ лекцію, то на заднихъ скамьяхъ въ разныхъ мѣстахъ началось шарканье ногами; Маловъ замолчалъ, шарканье перестало; Маловъ сталъ продолжать чтеніе, шарканье возобновилось. Онъ остановился и, обратившись въ ту сторону, гдѣ было сильнѣе шарканье, сказалъ: «Что же, перестали? Продолжайте, я васъ слушаю!» Тогда усилилось шарканье, и Маловъ, вставши, вышелъ поспѣшно изъ аудиторіи, а шалуны кричали «ура!» Но чтобы бросали шапками и книгами и ругали Малова (какъ говоритъ Костенецкій), я, сидѣвшій противъ каѳедры и видѣвшій выходъ

Библиотека "Руниверс"

его изъ аудиторіи, вовсе этого не видѣлъ и не слышалъ; да студенты и не могли гнаться за нимъ, потому что онъ вышелъ неожиданно и скоро, а шалуны сидѣли на заднихъ скамьяхъ. Этотъ случай не имѣлъ бы такой огласки, если бы Маловъ не сдѣлалъ глупости: вмѣсто того, чтобы обратиться къ инспектору или ректору, онъ отправился къ жандармскому генералу и выставилъ студенческую шалость въ видѣ бунта студентовъ. Разумѣется, кончилось арестомъ шалуновъ, въ карцерѣ.

Вотъ какія послѣдствія для меня имѣла первая холера. Отъ нея умеръ студентъ нашего курса Курилковъ (изъ Новгородсѣверской гимназіи). На другой день мы узнали, что профессоръ медицинскаго факультета Ефремъ Осиповичъ Мухинъ будетъ читать лекцію о холерѣ; я въ числѣ прочихъ пошелъ слушать эту лекцію и старательно записалъ сущность ея. Тогда было полное убѣжденіе, что холера также заразительна, какъ чума, и потому Мухинъ говорилъ, что противъ холеры надобно принимать такія же мѣры, какъ и противъ чумы, именно: не имѣть сношеній со сторонними, сидѣть дома, держать въ комнатахъ хлоръ и пр. Исполняя все это въ точности, я почти два мѣсяца не выходилъ изъ дому; въ моей комнатѣ была постоянно хлоровая вода, я пилъ дегтярную воду и пр. Всѣ эти предосторожности продолжались, пока не пришелъ ко мнѣ товарищъ мой по гимназіи, Новгородсѣверскій уроженецъ, Степанъ Алексѣевичъ Ивановскій, студентъ медицинскаго факультета (выдержавшій впослѣдствіи экзаменъ на доктора и служившій медикомъ сначала въ Преображенскомъ полку, а потомъ въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ). Ивановскій, узнавъ о моихъ предохранительныхъ мѣрахъ противъ холеры, объяснилъ мнѣ, что я этимъ совершенно разстрою свое здоровье, что, напротивъ того, надобно быть больше на свѣжемъ воздухѣ, изгнать хлоръ изъ комнаты и не перемѣнять привычнаго образа жизни и что холера вовсе не такъ заразительна, какъ чума, въ доказательство чего привелъ себя и другихъ студентовъ медицинскаго факультета, занимавшихся въ холерныхъ больницахъ. Съ того времени отъ головныхъ болей я началъ терять мои очень густые волосы, и образовалась у меня лысина, а грудныя боли до сихъ поръ чувствую при малѣйшемъ охлажденіи груди или волненіи. Лекцій во время холеры не было, и начались онѣ въ Генварѣ 1831. Этотъ годъ намъ не зачли за полный курсъ, и мы пробыли лишній годъ въ университетѣ, гдѣ и кончилъ я ученіе въ Іюнѣ 1832 года.

Послѣ экзаменовъ, я, Назаровъ и Перегудовъ, бывши уже кандидатами университета, ходили Богу молиться въ Троице-Сергіеву лавру; съ нами ходили второкурсные студенты Петровъ и Курдюмовъ. Въ Іюлѣ ѣздилъ я домой къ родителямъ и пробылъ до Октября, затѣмъ по воз-

Библиотека "Руниверс"

вращеніи въ Москву поступилъ на службу въ 8 Департаментъ Сената; оттуда въ 1835 году перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Изъ числа кончившихъ въ одно время со мною въ 1832 году университетскій курсъ шестидесяти слишкомъ студентовъ, сколько мнѣ извѣстно, остались до сихъ поръ въ живыхъ только два: я и сенаторъ Петръ Ивановичъ Роговичъ, доживающій свой вѣкъ въ Москвѣ.

Въ 1838 году обозрѣвалъ Московскій университетъ министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, кажется въ Октябрѣ. Въ присутствіи Уварова нѣкоторые изъ студентовъ старшихъ курсовъ и вышедшихъ уже изъ университета читали въ видѣ испытанія лекціи на каѳедрѣ. По приглашенію нашихъ профессоровъ въ юридическомъ факультетѣ читали такія лекціи Роговичъ, Назаровъ, я и, кажется, Раичъ. Я читалъ изъ Политической Исторіи о Тридцатилѣтней войнѣ, читалъ слишкомъ торопливо и сильно конфузился; Роговичъ же изъ Политической Экономіи читалъ невозмутимо и обстоятельно; а Назаровъ читалъ съ большимъ воодушевленіемъ, не помню, изъ какого предмета. Роговичъ и Назаровъ очень понравились Уварову, и онъ предложилъ имъ поступить на службу въ Департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, что̀ было ими исполнено; занимались же они въ редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, редакторомъ котораго былъ въ то время Сербиновичъ, а помощникомъ его Краевскій. Въ 1836 году Роговичъ перешелъ въ канцелярію генералъ-губернатора въ Харьковѣ, а Назаровъ, кажется, въ 1838 году уѣхалъ въ Москву по семейнымъ дѣламъ, требовавшимъ его присутствія.

Разсказъ Костенецкаго о профессорахъ вѣренъ только въ отношеніи Погодина и Тарновскаго. Профессоръ Васильевъ по характеру былъ дѣйствительно тяжелъ и непріятенъ, но читалъ Политическую Экономію весьма основательно; разсказъ же Костенецкаго о Сандуновѣ, котораго Костенецкій выставляетъ въ видѣ какого-то шута, совершенно несправедливъ. Сандуновъ, замѣчательная личность по своимъ убѣжденіямъ и твердому характеру, былъ очень умный, практическій человѣкъ и потому расположенъ былъ къ разумнымъ, дѣльнымъ студентамъ и не любилъ увлекающихся фантастическими идеалами, подтруниваль надъ завиральными выраженіями ихъ (какъ говорилъ онъ) въ задаваемыхъ имъ сочиненіяхъ. Въ мое время онъ былъ уже старикъ больной (умеръ въ Маѣ 1832 года), но духомъ бодрый. До профессорства онъ, по окончаніи университетскаго ученія, служилъ въ Сенатѣ оберъ-секретаремъ, извѣстенъ былъ какъ разумный, безпристрастный дѣлецъ, поэтому и приглашенъ былъ на каѳедру практическаго судопроизводства. Лекціи прочихъ профессоровъ читались по часу, а для Сандуновскихъ лекцій назначено два часа. Порядокъ занятій на Сандуновскихъ

Библиотека "Руниверс"

лекціяхъ былъ слѣдующій. По прибытіи профессора, приноравливаясь къ бывшему тогда порядку судопроизводства, читался журналъ предыдущей лекціи, составляемый студентами старшаго курса, по очереди; затѣмъ прочитывались вновь вышедшіе указы, постановленія правительства, публикуемые въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, причемъ Сандуновъ дѣлалъ разъясненія по тѣмъ предметамъ, до которыхъ относились эти указы. Память у него была огромная, и онъ приводилъ множество примѣровъ изъ своей практической дѣятельности по службѣ въ Сенатѣ. Послѣ того было чтеніе составляемыхъ студентами юридическихъ бумагъ. Въ Сенатѣ по тѣмъ дѣламъ, которыя, за разногласіемъ сенаторовъ въ департаментахъ, вносились въ общее собраніе, печатались (для разсылки къ сенаторамъ общаго собранія) записки, въ которыхъ излагались подробно обстоятельства дѣла, рѣшенія низшихъ и среднихъ инстанцій, мнѣнія сенаторовъ департамента и согласительныя предложенія оберъ-прокуроровъ, а также подходящіе къ дѣлу законы. По одному экземпляру такихъ записокъ, согласно сдѣланному начальствомъ распоряженію, присылалось къ Сандунову. Изъ нихъ записки по дѣламъ интереснымъ въ юридическомъ отношеніи Сандуновъ передавалъ одному изъ студентовъ старшаго курса, составлялъ подъ своимъ предсѣдательствомъ присутствія, назначалъ истца и отвѣтчика. Соблюдалась вся процедура существовавшаго тогда судебнаго производства, т. е. истецъ составлялъ, съ соблюденіемъ установленныхъ формъ, исковое прошеніе, которое вносилось во входящій реестръ, составлялся по немъ журналъ, тоже дѣлалось по отзыву отвѣтчика, составлялись справки и проч. Все это должно было приготовить къ слѣдующей лекціи. Сандуновъ требовалъ отъ студентовъ, чтобъ они писали дѣльно, безъ лишняго разглагольствованія, и благоволилъ къ тѣмъ студентамъ, кто имѣлъ прямой взглядъ на дѣло и излагалъ сущность его, не вдаваясь въ побочныя обстоятельства, которыми изворотливые адвокаты затемняютъ, какъ всегда бываетъ, суть дѣла. Кромѣ того, Сандуновъ задавалъ намъ писать сочиненія съ такими темами, которыя требовали, какъ онъ выражался, юридической смѣтки. Сочиненія эти мы читали ему на дому у него; онъ назначалъ, какіе студенты должны придти къ нему со своими сочиненіями обыкновенно по праздникамъ зимою, въ 10 часовъ утра, а лѣтомъ въ 5 часовъ, и чтенія продолжались часа два, причемъ онъ разсказывалъ намъ много случаевъ изъ своей юридической практики.

Костенецкій невѣрно говоритъ, будто Сандуновъ для потѣхи нарочно составлялъ судоговореніе изъ заикъ. При прежнемъ порядкѣ процессы велись посредствомъ письменныхъ бумагъ, когда основаніемъ имъ служили письменные документы и крѣпостные акты; дѣла же, про-

Библиотека "Руниверс"

изводившіяся не на основаніи письменныхъ документовъ, велись такъ называемымъ судомъ по формѣ: въ присутствіи суда было судоговореніе, то-есть истецъ и отвѣтчикъ изустно излагали свои доводы и возраженія, которые записывались въ протоколъ, и судныя рѣчи подписывались тяжущимися. Разсказанный Костенецкимъ случай о заикѣ мнѣ очень памятенъ. Обыкновенно истцовъ и отвѣтчиковъ Сандуновъ назначалъ изъ второкурсниковъ; такимъ образомъ назначенъ былъ истцомъ одинъ студентъ, который заикался, при обыкновенномъ разговорѣ немного, а при возбужденномъ состояніи сильно. Во время судоговоренія (такъ какъ это было публично въ аудиторіи) этотъ студентъ сильно заикался и съ трудомъ говорилъ отъ торопливости. Сандуновъ по этому поводу сказалъ, что заиканье начинается въ дѣтствѣ отъ торопливости въ отвѣтахъ и разговорахъ, а родители не обращаютъ на это вниманія и не заставляютъ дѣтей говорить неспѣшно, и это обращается въ привычку, а привычка, по пословицѣ, вторая природа; при настойчивости и сильной волѣ можно избавиться отъ этого недостатка. Сандуновъ привелъ нѣсколько извѣстныхъ ему примѣровъ, что нѣкоторые избавлялись отъ заиканія, читая по нѣскольку часовъ громко и протяжно ежедневно, воздерживаясь отъ поспѣшныхъ отвѣтовъ и говоря съ разстановкою. Случай этотъ вотъ почему для меня памятенъ. Сандуновъ, разсказывая о силѣ привычки, между прочимъ сказалъ, что стоитъ только такъ кивать, какъ онъ показалъ, указательнымъ пальцемъ нѣсколько дней, то послѣ того, безо всякаго сознанія, палецъ будетъ самъ собою кивать. Меня (19-ти лѣтняго тогда юношу) это заинтересовало, я началъ кивать указательнымъ пальцемъ правой руки и это дѣлалъ нѣсколько дней. Потомъ палецъ самъ собою, безо всякаго моего сознанія, кивалъ, и я съ трудомъ отвыкъ отъ этой привычки.

Любопытно замѣтить, что всѣ главнѣйшія перемѣны въ моей жизни происходили въ 8-ми лѣтніе періоды. Я родился въ Декабрѣ 1810 года; до 8-ми лѣтъ находился при родителяхъ въ нашемъ хуторѣ. Въ Августѣ 1819 г. т. е., на 9-мъ году моей жизни, отвезли меня въ Новгородсѣверскъ, гдѣ отдали меня въ уѣздное училище. Черезъ 8 лѣтъ въ Августѣ 1827 года, т. е., на 17 году, переѣхалъ я въ Москву въ университетъ и, по окончаніи ученія, служилъ тамъ въ Сенатѣ. Черезъ 8 лѣтъ съ небольшимъ, въ началѣ 1835 года, переѣхалъ въ Петербургъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ; въ 1858 году, на 48-мъ году, т. е., почти черезъ 6 осьмилѣтій моей жизни, по выходѣ въ отставку, выбылъ изъ Петербурга и поселился въ хуторѣ, на мѣстѣ родины; въ 1890 году исполнится десять восьмилѣтій моей жизни.

Библиотека "Руниверс"

ДВА ПИСЬМА Ю. Ѳ. САМАРИНА КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ.

(1846. С.-Пб.).

Обращаюсь къ вамъ съ просьбою отъ имени нашего общаго знакомаго Болгарина З. П. Княжевича. Вы знаете, съ какими намѣреніямм и надеждами онъ сюда пріѣхалъ. Изъ нихъ нѣкоторыя уже осуществились или по крайней мѣрѣ весьма близки къ осуществленію. Между прочимъ онъ хотѣлъ выпросить для предполагаемыхъ имъ училищъ нѣсколько полныхъ собраній всѣхъ учебныхъ книгъ, употребляемыхъ въ нашихъ гимназіяхъ. Списокъ мы составили вмѣстѣ; но, не имѣя возможности видѣться съ С. С. Уваровымъ, онъ просилъ А. Д. Черткова взять на себя доставленіе списка кому слѣдуетъ и приложить свое стараніе и ходатайство. А. Д. Чертковъ уѣхалъ неожиданно. Не знаемъ, успѣлъ ли онъ выполнить свое обѣщаніе или нѣтъ, и за этимъ дѣло пріостановилось. Вы, помнится мнѣ, хорошо съ нимъ, знакомы; не можете ли взять на себя спросить его, доставилъ ли онъ списокъ книгамъ или нѣтъ; если доставилъ, то черезъ кого, и былъ ли данъ ему такой отвѣтъ? Иначе придется просить графа Протасова, который и такъ уже обремененъ просьбами по этому дѣлу.—Я до сихъ поръ не отдавалъ вамъ отчета въ ходѣ дѣла П. И. Трубникова, ибо думаю, что онъ самъ обо всемъ извѣстилъ васъ. Я сдѣлалъ съ своей стороны, что̀ могъ, т.-е. вручилъ записку Данзасу и переговорилъ съ нимъ, справился въ герольдіи о положеніи дѣла и пр.; болѣе я ничего сдѣлать не могъ, потому что въ скоромъ времени самъ оставилъ Сенатъ. Впрочемъ дѣло пошло успѣшно, и можно завѣрить, что оно рѣшено будетъ въ пользу вашего зятя.

Что̀ сказать вамъ о себѣ? Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Сенатъ [1]), я занятъ не менѣе, но не такъ постоянно. Иногда выдается три-четыре дня свободныхъ, а тамъ вдругъ нагрянетъ дѣло. Я занимаюсь урывками, никуда рѣшительно не ѣзжу и видаюсь только съ Поповымъ, Вяземскимъ и Карамзиными.

Ваши лекціи читаются всѣми съ любопытствомъ и участіемъ, если не съ сочувствіемъ. Древняя литература наша народная для здѣшнихъ—terra incognita. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы Сборника [2]). Онъ произведетъ здѣсь сильное впечатлѣніе, ибо Москву уважаютъ невольно и боятся ея, хотя и не любятъ. Послѣ каждаго письма изъ Москвы или книги, вышедшей въ Москвѣ, Одоевскій нѣсколько дней ходитъ какъ шальной. Обыкновенно онъ въ этихъ случаяхъ призы-

[1]) Ю. Ѳ. Самаринъ служилъ секретаремъ въ Петербургскомъ Сенатѣ до Февраля 1846 года. П. Б.

[2]) Т. е. Московскаго Сборника 1846 года. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ваетъ меня къ отвѣту. Жаль его, совсѣмъ обабился. Въ заключеніе сообщу вамъ нѣсколько литературныхъ извѣстій: Синодъ обѣщаетъ издать въ скоромъ времени собраніе всѣхъ Символовъ Православной Церкви съ коментаріями. Нѣкто Толстой [1]) написалъ сочиненіе о финансовомъ устройствѣ древняго царства Московскаго, по словамъ Попова весьма замѣчательное. Вяземскій поговариваетъ объ изданіи своихъ сочиненій; но вы знаете, какъ въ немъ сильно начало безпечности и лѣни. Веневитиновъ, Карамзины, Вяземскій вамъ очень кланяются. Братъ мой [2]) свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Мы отправляемъ его за границу. Ю. Самаринъ.

6 Іюня 1846 (С.-Пб.).

Наконецъ я улучилъ время отвѣтить вамъ на ваше послѣднее письмо и вмѣстѣ съ тѣмъ изложить вамъ просьбу, въ которой, надѣюсь, вы мнѣ не откажете. Дѣло вотъ въ чемъ. Калужскій губернаторъ Смирновъ, пріѣзжавшій по дѣламъ своимъ въ Петербургъ, между прочими своими проектами сообщилъ мнѣ о желаніи своемъ дать Калужскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ мѣстный характеръ. Онъ хочетъ, чтобы вмѣсто переводныхъ и заимствованныхъ изъ другихъ журналовъ статей о томъ, что̀ дѣлается въ Англіи, въ Калькутѣ, вмѣсто повѣстей Сю и пр. модныхъ затѣй, помѣщать статьи содержанія преимущественно историческаго, статистическаго, географическаго, о знаменитостяхъ всякаго рода, преданіяхъ, древностяхъ Калужской губерніи. Кое-что ему самому удалось собрать и напечатать; но онъ жалуется на отсутствіе участія въ обществѣ и редактора, который бы понялъ, чего отъ него требуютъ и не считалъ бы унизительнымъ для своего литературнаго достоинства отвести въ своемъ журналѣ первое мѣсто Калугѣ, а Европѣ второе. Смирновъ просилъ меня свести его съ вами, въ надеждѣ, что вы примите участіе въ его похвальномъ рвеніи и можетъ быть въ числѣ воспитанниковъ университета укажете ему на человѣка способнаго исполнить то, чего онъ желаетъ. Москва и Москвичи не могутъ не сочувствовать желанію развить въ городахъ и областяхъ мѣстную жизнь и поддержать живое преданіе. Смирновъ обѣщаетъ (если не ошибаюсь) 2000 р. жалованія, мѣсто по службѣ и частные уроки: условія довольно выгодныя. Онъ пробудетъ въ Москвѣ два дня, много три, и если удастся ему улучить свободный отъ занятій часъ, самъ пойдетъ къ вамъ; въ противномъ случаѣ онъ поручилъ мнѣ просить у васъ позволенія дать вамъ знать о своемъ пріѣздѣ и просить къ себѣ. На словахъ онъ лучше и опредѣлительнѣе сообщитъ вамъ тѣ условія которыя можетъ предложить.

Михаилъ Петровичъ Погодинъ ѣдетъ завтра на пароходѣ въ Штетинъ. Я нашелъ, что онъ нѣсколько исправился. Здѣшніе доктора объявили ему, что одна нога короче другой: по ихъ словамъ несомнѣнный признакъ перелома. Онъ остановился у Надеждина; я съ нимъ видѣлся почти ежедневно, а нынче мы обѣдаемъ вмѣстѣ у Вяземскаго.

---

[1]) Графъ Д. А. Толстой впослѣдствіи об.-прокуроръ Св. Синода и министръ народнаго просвѣщенія, умершій министромъ внутреннихъ дѣлъ. П. Б.

[2]) Михаилъ Ѳедоровичъ, скончавшійся юношею.

Библиотека "Руниверс"

Вы желаете знать, какое впечатлѣніе произвелъ здѣсь Московскій Сборникъ. Могу сказать—впечатлѣніе самое выгодное. Онъ расходится хорошо, его читаютъ вездѣ, во всѣхъ кругахъ, и вездѣ онъ производитъ толки, споры и т. п. Кто хвалитъ, кто бранитъ, но никто не остался къ нему равнодушнымъ. Всѣ были озадачены. Вяземскій совершенно склонился сочувствіемъ на нашу сторону. Надеждинъ, трунившій незадолго надъ Москвою, началъ отзываться о ней съ большимъ уваженіемъ и заступается за нее. Здѣшняя молодежь, собирающаяся у него по Воскресеньямъ, тоже перемѣнила тонъ: Отечественныя Записки круто поворотили оглобли. Вы вѣроятно читали послѣдній N. Статьи о Сборникахъ, о преобразованіи городского устройства въ Петербургѣ (значеніе міра и пр.) замѣчательны какъ доказательство, что наше направленіе стало господствующимъ и что пренебрегать имъ было бы опасно для успѣха журнала. Но какая наглая недобросовѣстность! Неужели имъ это спустятъ? Впрочемъ должно сказать, что вообще Сборникъ не былъ и не могъ быть оцѣненъ по достоинству. Это для Петербурга пища слишкомъ питательная и суровая: онъ не переварилъ ея. Доказательствомъ можетъ служить то, что болѣе всѣхъ произвела впечатлѣніе моя статья *), потому что въ ней мысль разжевана. Неожиданный успѣхъ заставляетъ меня обратиться къ Москвѣ съ вопросомъ: «Не совралъ ли я?» Превосходная статья Хомякова, слишкомъ богатая содержаніемъ и слишкомъ сжатая, рѣшительно никѣмъ, кромѣ Тютчева, оцѣнена не была. Нѣкоторые бранятъ ее за *держій тонъ*; большинство отзывается такъ: мы ничего не поняли. Статья Попова также прошла незамѣченною. Письмо Чижова, стихи и пр. вообще пришлись по вкусу. Вотъ почти все, что̀ я могъ извлечь ихъ слышаннаго мною. Успѣхъ Сборника доказываетъ несомнѣнно, что новый журналъ въ Москвѣ будетъ имѣть успѣхъ и что въ нашихъ глазахъ сбудется предсказанное Пушкинымъ: журнализмъ Московскій убьетъ Петербургскій.

Завтра утромъ отправляется Михаилъ Петровичъ; Поповъ, братъ и я провожаемъ его.

Этимъ долженъ ограничиться на сей разъ. Вслѣдъ за письмомъ получите вы отъ Смирнова цѣлую пачку новаго городского устава. Редакторъ просилъ меня разослать его моимъ знакомымъ въ Москвѣ и проситъ, не возьмется ли кто нибудь написать о немъ статью въ Москвитянинѣ. Основная мысль замѣчательна и вѣрна, хотя и не выдержана. Потрудитесь раздать эти брошюры всѣмъ желающимъ. Очень вамъ благодаренъ за вашъ отзывъ о моей статьѣ и за замѣчаніе на разборъ послѣдней главы. Оно совершенно вѣрно. Поклонитесь отъ меня всѣмъ вашимъ. Вяземскій, Карамзины, Веневетиновъ вамъ кланяется. Ю. Самаринъ.

Эти письма служатъ дополненіемъ къ тѣмъ которыя напечатаны Д. Ѳ. Самаринымъ во II-й книгѣ „Русскаго Архива“ 1880 года и въ V-мъ томѣ Сочиненій Ю. Ѳ. Самарина. П. Б.

---

*) О „Тарантасѣ“ графа Сологуба. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ГРАФИНЯ САЛЬЯСЪ И МАКСИМОВИЧЪ.

Письмо графини Е. В. Сальясъ о кончинѣ Н. В. Гоголя.

Современные представители Русской литературы во многихъ отношеніяхъ должны считать себя счастливѣе своихъ предшественниковъ по дѣятельности, особенно въ болѣе отдаленномъ прошломъ Русской общественной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, за кѣмъ изъ писателей въ прежнее время такъ бѣжала молва, какъ бѣжитъ теперь даже за звѣздами третьей величины на туманномъ при томъ же небосклонѣ? Даже смерть знаменитаго писателя, по условіямъ прежней Русской жизни, могла быть едва отмѣчена въ текущей журналистикѣ. Такъ было съ Пушкинымъ; такъ было съ Бѣлинскимъ.

Однако недостатокъ газетной извѣстности покойныхъ дѣятелей Русской литературы возмѣщается для насъ, можетъ быть, болѣе цѣннымъ и искреннимъ оповѣщеніемъ. Можно ли думать, что наше время въ будущемъ его изученіи будетъ богато литературою частныхъ писемъ? Жизнь современнаго Россіянина, мятущагося изъ стороны въ сторону, живущаго ежедневностью и черпающаго предметы для размышленія прежде всего изъ газетъ, а не въ бесѣдѣ съ людьми близкими, не оставляетъ времени и основанія для письменныхъ повѣреній, къ которымъ такъ охотно и такъ часто прибѣгали въ прежнее время. Малое развитіе повседневной печати, тѣсный кругъ литературныхъ дѣятелей, оторванность писателей отъ публики, отсутствіе среди нихъ рѣзкихъ различій въ идейномъ отношеніи, все это способствовало живому обмѣну мыслями и въ частной бесѣдѣ, и въ письмахъ.

Какъ велики старые архивы, составленные изъ переписки между тѣми или другими лицами, можетъ служить примѣромъ хотя бы архивъ перваго ректора Кіевскаго университета, ботаника, словесника, историка и этнографа М. А. Максимовича, бывшаго другомъ Н. В. Гоголю, М. П. Погодину, С. П. Шевыреву, О. М. Бодянскому, Н. И. Надеждину и многимъ другимъ славнымъ представителямъ Русской науки и словесности. Максимовичъ велъ постоянную переписку со своими друзьями и знакомыми. Даже трудно перечислить всѣхъ лицъ, которыя писали ему и которымъ онъ писалъ. Удивляешься этому терпѣнью, этой охотѣ переписываться, которыми отличались люди стараго времени.

Письма Гоголя къ Максимовичу служатъ однимъ изъ лучшихъ матеріаловъ для біографіи творца „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“. М. П. Пого-

Библиотека "Руниверс"

динъ писалъ Максимовичу, судя по количеству сохранившихся писемъ его, чуть не каждую недѣлю. Славянофилы: Аксаковы, Кирѣевскіе, А. С. Хомяковъ, А. И. Кошелевъ въ большей или меньшей степени поддерживали письмами связи съ Максимовичемъ. Скончавшійся недавно П. П. Барсуковъ посылалъ цѣлыя посланія къ Максимовичу. И на всѣ эти письма радушный Малоруссъ отвѣчалъ, отмѣчая на получаемыхъ письмахъ день ихъ присылки и день отвѣта своего на письмо. Посмотришь, какой цѣнный матеріалъ представляетъ подобнаго рода переписка для изслѣдователя. Но мало того, что цѣнный: это матеріалъ дорогой нашему сердцу, потому что эти письма —свидѣтели искренней и дружественной привязанности между дѣятелями Русской литературы дѣлаютъ и насъ, потомковъ, какъ бы участниками бесѣды крупныхъ людей нашей родины.

Къ такимъ дорогимъ матеріаламъ въ архивѣ М. А. Максимовича принадлежитъ, между прочимъ, письмо къ нему гр. Е. В. Саліасъ-де-Турнемиръ, извѣстной романистки и дѣтской писательницы, которой литература маленькихъ читателей такъ обязана за ея „Катакомбы“ и „Послѣдніе дни Помпеи“. Письмо гр. Саліасъ касается великой трагедіи—кончины Гоголя. Подробности обстановки Гоголя при его кончинѣ были изложены со словъ современниковъ П. А. Кулишемъ въ его „Запискахъ о жизни Гоголя“. Свѣдѣнія, сообщаемыя графинею Саліасъ, нѣсколько отличаются отъ тѣхъ, которыя передаетъ Кулишъ и уже по одному тому заслуживаютъ вниманія.

Но въ письмѣ графини Саліасъ къ Максимовичу цѣнны не одни свѣдѣнія объ обстоятельствахъ смертнаго часа великаго юмориста. Письмо свидѣтельствуетъ и о томъ впечатлѣніи, которое произвела кончина Гоголя на современное общество. Написанное въ лиро-эпическомъ тонѣ, оно собираетъ малѣйшія подробности кончины и погребенія Гоголя, но это не сухой отчетъ: даже въ подробностяхъ глубокое чувство тяжелой утраты и скорби.

Прослѣдимъ біографическія данныя, касающіяся какъ самой писательницы, такъ и Максимовича.

М. А. Максимовичъ зналъ графиню Е. В. Саліасъ (рожд. Сухово-Кобылину), когда она еще почти ребенкомъ была его ученицей по физикѣ, въ бытность его профессоромъ ботаники въ Московскомъ университетѣ. Къ дѣвочкѣ были приглашаемы учителями профессора университета. „Могла ли бы я забыть моего стараго друга, пишетъ гр. Саліасъ Максимовичу 17 Декабря 1860 года, съ которымъ неразрывно связаны воспоминанія моихъ дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ?“

Въ 1834 году Максимовичъ оставилъ Москву, чтобы занять мѣсто ректора вновь открытаго тогда Кіевскаго университета св. Владимира. Въ то время графинѣ Саліасъ было 19 лѣтъ. Черезъ четыре года она вышла замужъ и съ Максимовичемъ не встрѣчалась до 1849 года, когда Максимовичъ

Библиотека "Руниверс"

пріѣхалъ въ Москву для научныхъ занятій. Онъ поселился у Сухаревой башни, гдѣ его навѣщалъ Погодинъ, много помогавшій книгами своему другу въ его работахъ.

Къ 1849 г. относится первое выступленіе графини Салiасъ на литературное поприще. Въ это время появился ея романъ: „Ошибка", доставившій ей довольно шумный по тому времени успѣхъ. Въ одной изъ записокъ къ Максимовичу она скромно указала на первую свою литературную удачу. „Была очень удивлена статьею объ „Ошибкѣ": вмѣсто брани похвала, и даже очень, очень большая". При такихъ обстоятельствахъ встрѣча ея съ Максимовичемъ была ей особенно пріятна. Въ Максимовичѣ она цѣнила не только свои воспоминанія, но также опытнаго литературнаго труженика, человѣка съ развитымъ художественнымъ вкусомъ: „Вы знаете, я имѣю много довѣренности къ вашему литературному вкусу и къ вашей опытности".

Сохранилось отъ времени пребыванія Максимовича въ Москвѣ въ 1849 г. двѣнадцать небольшихъ записокъ графини къ Максимовичу, въ которыхъ она обращалась къ нему то за тѣмъ, то за другимъ. Чаще всего эти записки содержатъ приглашенія пожаловать на обѣдъ къ графинѣ; иногда графиня Салiасъ проситъ у Максимовича какую-либо книжку или журналъ, сообщаетъ о своемъ здоровьѣ, укоряетъ Максимовича за то, что онъ забываетъ своихъ старыхъ друзей.

Одинъ разъ графиня Салiасъ, когда пріѣхалъ къ ней Максимовичъ, была отвлечена отъ гостя, такъ какъ ей надо было написать кому-то записку. Максимовичъ не дождался, пока освободится хозяйка, и ушелъ, не попрощавшись съ нею. Это, конечно, удивило графиню Салiасъ, и она пишетъ Максимовичу: „Зачѣмъ вы ушли отъ меня? Написавъ записку, я хватилась васъ, а вы уже ушли. Это нехорошо. Я съ вами поступаю безъ церемоніи, потому что считаю васъ своимъ человѣкомъ, какъ говорится, и добрымъ, старымъ пріятелемъ". Въ другой разъ графиня сообщаетъ Максимовичу: „Завтра въ 9 часовъ утра я ѣду въ лавки, на дешевые товары; если вамъ хочется, чтобы я купила что-нибудь, то скажите, какія платья, шерстяныя или кисейныя, и какого цвѣта?" Очевидно, Максимовичъ готовилъ своей семьѣ столичные подарки. „Завтра будетъ у меня пить чай г-жа Ростопчина *) и даже обѣщала читать отрывки изъ своего новаго сочиненія. У меня никого, кромѣ ея не будетъ, и потому, какъ всегда впрочемъ, я бы просила васъ придти запросто, въ сюртукѣ, разумѣется". Сюртукъ, какъ видимъ, въ то время еще не имѣлъ того почетнаго значенія, почти наравнѣ съ фракомъ, которое ему принадлежитъ теперь, если въ немъ являлись въ гости только запросто.

Однако, между старыми друзьями произошла какая-то размолвка. Въ письмѣ графини 1851 года содержится опредѣленное указаніе на охлажденіе,

*) Евдокія Петровна Ростопчина (1811—1858), писательница.

Библиотека "Руниверс"

происшедшее между ними. „Скажите, пишетъ она, зачѣмъ не пріѣхали вы въ Москву, и зачѣмъ не писали мнѣ ни словечка, будто я не существую. Вы, кажется, забыли, что знали меня и ребенкомъ, и дѣвочкой, и если мы можемъ расходиться, какъ люди мыслящіе во многихъ вопросахъ или мнѣніяхъ, то я, однако, не вижу причины, скажу болѣе, мнѣ было бы крайне прискорбно разойтись съ вами сердцемъ. Такая старая пріязнь, какъ наша, должна пережить разность мнѣній или взглядовъ на жизнь и людей. Какъ бы то ни было, я сохранила къ вамъ теплое чувство".

Но надо думать, что даже графиня Салiасъ, такъ не желавшая и не допускавшая розни между собою и своимъ учителемъ изъ-за нѣкоторыхъ воззрѣній, слишкомъ преувеличиваетъ дѣло. Главнымъ основаніемъ думать такъ для графини служило то, что Максимовичъ не писалъ къ ней по отъѣздѣ изъ Москвы въ 1850 году. Но тому была иная причина. Максимовичъ весь 1851 годъ проболѣлъ, и это даже задержало его въ его имѣніи на Михайловой горѣ (Золотоношскаго у. Полт. г.), тогда какъ онъ зиму собирался жить въ Москвѣ. Кромѣ того, въ этомъ году умеръ отецъ Максимовича, и семейное несчастіе еще болѣе разстроило его шаткое здоровье.

На самомъ дѣлѣ, конечно, настоящаго охлажденія между графиней Салiасъ и Максимовичемъ не произошло, и вотъ почему было возможно такое письмо, которое гр. Салiасъ написала своему старому другу о смерти Гоголя.

Понедѣльникъ, 25 Февраля 1852.

Любезный и добрый Михаилъ Александровичъ, не могу я не писать къ вамъ, въ ту минуту, когда вы, можетъ быть, знаете ту великую утрату, которую постигла наша земля. Знаю, что никто столько, какъ вы, не любилъ покойника; онъ былъ вамъ близокъ, какъ человѣкъ, другъ дѣтскихъ лѣтъ *), тогда какъ намъ онъ былъ близокъ, какъ великій писатель, какъ геній, озарявшій яркимъ свѣтомъ нашу въ эту минуту столь бѣдную литературу. Повѣрьте, однако, что искренна скорбь всѣхъ тѣхъ, кто любитъ славу нашей земли, что всѣ мы поражены утратой, и не можемъ опомниться отъ потери, лишившей всѣхъ Русскихъ образцовыхъ произведеній, назначенныхъ дойти до отдаленнаго потомства. 21 Февраля, въ 8 часовъ утра скончался Николай Васильевичъ Гоголь. Болѣзнь его была непродолжительна; какъ будто предчувствуя близкую смерть, онъ пріобщился Св. Таинъ на Масляницѣ. Въ Понедѣльникъ или Вторникъ на первой недѣлѣ поста онъ всталъ въ 2 часа ночи, спросилъ, тепло ли въ пріемной комнатѣ,

*) Здѣсь неточность: Гоголь и Максимовичъ познакомились, будучи уже совершенно взрослыми, въ 1829 г. В. Д.

Библиотека "Руниверс"

и на отвѣтъ своего камердинера Семена, что холодно, отвѣчалъ: все равно—мнѣ надо распорядиться. Надѣлъ плащъ, вышелъ въ пріемную и приказалъ своему человѣку нести за нимъ шкатулки и портфейли; вынулъ оттуда бумаги, перевязалъ ихъ веревками и всунулъ въ печь. Послѣ этого долго (говорятъ) сидѣлъ онъ, молча, и наконецъ, зажегъ связку бумагъ. Долго огонь не могъ пробраться сквозь толстые слои бумаги, но наконецъ, вспыхнулъ, и все погибло. Разсказываютъ, что покойникъ долго сидѣлъ неподвижно, и наконецъ, проговорилъ: «нехорошо мы сдѣлали, нехорошо, недоброе дѣло». Это было сказано по-малороссійски мальчику, бывшему его камердинеромъ *). Утромъ онъ лежалъ уже въ постели, не пилъ, не ѣлъ, не спалъ и на всѣ просьбы друзей своихъ, просившихъ его лѣчиться, не отвѣчалъ ни слова, слабѣлъ, и ему дѣлалось все хуже и хуже. Однажды Шевыревъ просилъ его на колѣняхъ принять лѣкарства и плакалъ, Гоголь молчалъ, и наконецъ, сказалъ спокойно: «Оставь меня, я хочу спать». Потеря ли сочиненій, гордости и славы, убила его, или то было желаніе умереть, или, наконецъ, чувство близкой смерти, неотвратимой и неизбѣжной, кто можетъ знать это? Какъ бы то ни было, но даже просьбы духовника его ни къ чему не послужили. Онъ ничего не хотѣлъ принимать и не отвѣчалъ на вопросы докторовъ. Въ Среду вечеромъ (20 Февр.) ему стало хуже, показались нѣкоторые признаки тифа, онъ впалъ въ безпамятство. Этимъ воспользовались, чтобы подать ему помощь, посадили его въ ванну. Онъ опомнился и раза два громко сказалъ: это безполезно, безполезно! Въ Четвергъ утромъ, 21 Февр. въ 8 часовъ онъ скончался въ безпамятствѣ. Тѣло его было поставлено въ пріемной его комнатѣ, въ домѣ графа Толстого, гдѣ онъ жилъ, и комната не вмѣщала числа посѣтителей, приходившихъ поклониться покойнику. Въ Четвергъ вечеромъ, попечитель Университета упросилъ графа Толстого позволить ему перенести тѣло въ Университетскую церковь, чтобы почтить память покойнаго, тѣмъ болѣе, что онъ былъ почетнымъ членомъ Университета. Сперва эта просьба, сдѣланная изъ глубокаго уваженія къ покойному, встрѣтила нѣсколько возраженій, но однако все было устроено, и въ Пятницу вечеромъ попечитель, профессора, студенты и множество лицъ изъ всѣхъ круговъ пришли въ комнаты покойнаго и вынесли тѣло его въ Универ. церковь. Тѣло было вынесено Островскимъ, Бергомъ, Ѳеоктистовымъ, студент. Сатинымъ, Филиповымъ, Рудневымъ, и несено до самой церкви, при просьбахъ другихъ лицъ, добивавшихся чести нести его, хотя нѣсколько шаговъ. Оно было поставлено на катафалкъ въ Университетѣ, съ по-

*) По-малорусски это будетъ: „Негарно мы зробыли, негарно, недобре дило". В. Д.

Библиотека "Руниверс"

четнымъ карауломъ шести студентовъ, день и ночь не отходившихъ отъ гроба и смѣнявшихся черезъ 2 часа. Въ Субботу, на утренней и вечерней панихидѣ былъ весь городъ и всѣ сословія. Немало слезъ было пролито надъ прахомъ его, и неподдѣльная скорбь присутствовавшихъ говорила о томъ, что всѣ понимали великую утрату, которую общество сдѣлало въ лицѣ великаго писателя нашего. Въ Воскресенье было отпѣваніе тѣла. Стеченіе народа было такъ велико, что сгущенныя массы стояли до самыхъ почти мѣстныхъ образовъ. Графъ Закревскій, въ полномъ мундирѣ (генералъ-губернаторъ Москвы), попечитель Назимовъ, генералъ Шиповъ, генералъ Перфильевъ присутствовали при отпѣваніи, такъ же, какъ и всѣ извѣстныя лица города. Гробъ былъ усыпанъ камеліями, которыя принесены были частными лицами, уважавшими покойника. На головѣ его лежалъ лавровый вѣнокъ, въ рукѣ огромный букетъ изъ цвѣтовъ immortelles. Когда надо было проститься съ нимъ, то напоръ всѣхъ былъ такъ великъ, что крышу накрыли силой. Всякій хотѣлъ поклониться покойнику, поцѣловать руку его, взять на память хотя стебель цвѣтовъ, покрывавшихъ его изголовье. Изъ церкви профессора: Анке, Морошкинъ, Соловьевъ, Грановскій, Кудрявцевъ вынесли его на рукахъ до улицы, на улицѣ толпа студентовъ и частныхъ людей взяла гробъ изъ рукъ профессоровъ и понесла по улицѣ. За гробомъ пѣшкомъ шло несмѣтное число лицъ всѣхъ сословій; прямо за гробомъ попечитель и всѣ университетскіе чины и знаменитости; дамы ѣхали сзади въ экипажахъ. Нить погребенія была такъ велика, что нельзя было видѣть конца поѣзда. До самаго монастыря Данилова несли его на рукахъ.

Гоголя похоронили рядомъ съ покойнымъ Языковымъ, Веневитиновымъ, женой Хомякова, умершей за двѣ недѣли прежде. Всеобщая печаль была безутѣшная, и потому больше, что покойникъ унесъ все съ собою въ могилу: послѣ него не осталось ни клочка бумаги. Всѣ это знаютъ и однако не вѣрятъ и ищутъ возможности отыскать то, что̀ погибло, сгорѣло за нѣсколько дней до смерти великаго писателя. Попытки отыскать у кого-нибудь копію или хотя отрывокъ изъ безсмертныхъ произведеній его до сихъ поръ остались напрасны. Это удвояетъ тяжесть его потери. Я думала все это время объ васъ. Кто знаетъ? Если бы вы были съ нимъ, быть можетъ, и предупредили бы вы это несчастіе. За нимъ надо было ходить, какъ за больнымъ, и минута его отчаянія или заблужденія не отняла бы у всѣхъ насъ его произведеній, написанныхъ въ зрѣломъ возрастѣ, когда его стиль, описанія природы и воспроизведеніе лицъ дошли до совершенства, свойственнаго однимъ великимъ художникамъ. Покойный любилъ васъ, и

Библиотека "Руниверс"

сами вы такъ нѣжно были къ нему привязаны, что̀ и внушило мнѣ мысль подробно описать вамъ его смерть и погребеніе. Каждый день была я на панихидѣ и проводила покойнаго до самой могилы, съ глубокимъ чувствомъ уваженія и скорби. Я не забыла и о васъ: послала просить позволенія у друзей его взять для васъ прядь волосъ его (кромѣ ихъ, всѣ отказались прикоснуться къ его праху), но они отказали мнѣ. Тогда, желая вамъ послать хотя что-нибудь на память, я съ большимъ трудомъ достала два цвѣточка, бывшіе въ рукѣ усопшаго, которые хранятся у меня и которые я не знаю, какъ доставить вамъ и черезъ кого. И теперь я пишу письмо это, не зная вашего адреса, и попрошу Лугинину *) доставить его вамъ по вѣрной оказіи. Съ Гоголя сняли маску и будутъ дѣлать бюсты, но по почтѣ переслать нельзя. Если кто-нибудь поѣдетъ отъ васъ, попросите заѣхать ко мнѣ: я пришлю вамъ и бюстъ, зная, сколько утѣшительно имѣть хотя образъ покойнаго, котораго любили мы и уважали еще при жизни, и котораго память не умретъ никогда. Погодина не было въ Москвѣ во время кончины и погребенія Гоголя; Шевыревъ былъ боленъ (онъ занемогъ за два дня до смерти Гоголя), а другіе друзья его: Хомяковъ, Аксаковы и Кошелевъ сдѣлали изъ дѣла общаго, изъ скорби общей вопросъ партій и, какъ вы видѣли, не несли покойнаго, а устранились отъ погребенія. Будто почести, которыя воздавали ему, могли быть дѣломъ партій, да и какія партіи не смолкнутъ передъ общей утратой? Университетъ открылъ подписку на бюстъ Гоголя для библіотеки Универс. и хочетъ учредить стипендію во имя покойнаго, такъ же, какъ и монументъ.

Чувствую, что письмо мое сильно огорчитъ васъ, но не съ спокойнымъ духомъ пишу я его вамъ; вполнѣ знала я цѣну покойному и всегда чтила великій геніальный даръ его. Мы могли, вы и я, расходиться во многихъ мнѣніяхъ въ воззрѣніи на жизнь, но вѣрьте, что въ эту минуту все исчезаетъ между вами и мною. Пишу вамъ съ сердцемъ, полнымъ печали, и искренно жму вашу руку, раздѣляя вполнѣ печаль вашу. Если будете отвѣчать мнѣ, дайте мнѣ свой адресъ и скажите, какъ хотите вы, чтобы я прислала вамъ и цвѣты, и бюстъ вашего покойнаго друга. Онъ былъ гордостью и любовью цѣлой Россіи; онъ при жизни пользовался у всѣхъ образованныхъ людей громкой извѣстностью и славою и, безъ сомнѣнія, будетъ еще болѣе оцѣненъ послѣ смерти, какъ и всѣ геніальные писатели.

---

*) Варвара Петровна Лугинина, рожд. Полуденская. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Прощайте, напишите мнѣ словечко; мой адресъ: въ Москву въ Машковомъ переулкѣ, въ приходѣ Харитонія, въ Огородникахъ, въ домѣ Долбилиной.

Еще разъ искренно и дружески протягиваю вамъ руку и прошу васъ считать меня дружески преданной вамъ Ел. гр. Сальясъ.

*

Люди, любящіе Гоголя (а кто его не любитъ?) конечно, и теперь прочитаютъ это письмо съ глубокимъ чувствомъ скорби по далекой отъ насъ трагедіи измученной души писателя. Но какое же оно должно было произвести впечатлѣніе на того, чьимъ другомъ такъ долго былъ Гоголь! Такъ недавно, какой-нибудь годъ съ лишнимъ тому назадъ, въ 1850 г., они вмѣстѣ выѣхали изъ Москвы. Имъ сопутствовали тогда Хомяковы. Эта поѣздка была пріятна сама по себѣ, но въ обществѣ избранныхъ натуръ она была особенно дорога. Гоголь любовался природою, распрашивалъ Максимовича про цвѣты, собиралъ ихъ, запоминалъ ихъ названія. Когда смотришь на цвѣты, хочется жить: мысль о смерти не приходитъ въ голову, а если и залетитъ случайно какъ-нибудь въ твои думы, то, смотря на цвѣты, этотъ подарокъ Бога людямъ, не видишь въ смерти ничего ужаснаго: мирно облетаютъ цвѣты, мирно угасаетъ жизнь человѣка... И Гоголь не думалъ тогда о смерти. Въ чудныя лунныя ночи они проѣзжали привольныя въ тѣ времена Украинскія степи, и сколько чувствъ одушевляло обоихъ друзей въ этой дружеской поѣздкѣ по дорогáмъ, полнымъ поэзіи и прелести мѣстамъ!.. Вѣдь съ Максимовичемъ былъ поэтъ этихъ Украинскихъ ночей. Авторъ „Майской ночи“ былъ съ нимъ, и какъ должно было быть у Максимовича „на душѣ и необъятно, и чудно“, и какія „толпы серебряныхъ видѣній строй-„но возникали въ ея глубинѣ!“

И вотъ теперь Гоголь умеръ въ далекомъ отъ друга городѣ, умеръ безъ него... А вѣдь, можетъ быть, дѣйствительно, если бы Максимовичъ былъ тамъ, не умеръ бы братъ его Лазарь, не умеръ бы духовно для будущихъ поколѣній въ послѣднихъ своихъ твореніяхъ. Глубокая скорбь объяла стараго профессора, одиноко жившаго тогда въ своей усадьбѣ на Михайловой горѣ. „Максимовичъ, пишетъ по этому поводу его біографъ *), былъ потрясенъ до глубины души и этою внезапною горькою вѣстью, и этимъ нѣжнымъ участіемъ (гр. Салiасъ). И много разъ потомъ Максимовичъ перечитывалъ письмо, невольно обливаясь тихими слезами. Съ грустью вспоминалъ онъ теперь недавнюю свою послѣднюю встрѣчу съ Гоголемъ на его родинѣ, и ту Украинскую ночь, и ту одушевленную поѣздку, и увлека-

*) Михаилъ Александровичъ Максимовичъ. (Біографическій и историко-литературный очеркъ). Составилъ С. Пономаревъ. С.-Пб. 1872, стр. 60—61.

Библиотека "Руниверс"

тельную радость своего милаго спутника, и его пѣсни, которыя распѣвалъ онъ, не умолкая, весь сіяющій яснымъ привѣтомъ. Невольно Максимовичъ и его поминалъ поэтическимъ словомъ народной пѣсни:

„Степъ широкый, всюды выдно, милого не бачу".

Максимовичъ по смерти Гоголя жилъ еще долго. Онъ умеръ въ 1873 г. и могъ видѣть и посмертную славу своего великаго друга, и его вліяніе на Русскую литературу, и то глубокое уваженіе къ нему, которое выражалось въ сочиненіяхъ, посвященныхъ его творчеству и жизни. Но живыхъ привязанностей къ людямъ никогда не замѣнить посмертными почестями!

Намъ остается еще добавить нѣсколько словъ объ отношеніяхъ гр. Е. В. Саліасъ къ Максимовичу. Спустя десять лѣтъ, 17 Декабря 1860 года, она снова обратилась къ нему съ письмомъ. Въ слѣдующемъ году гр. Саліасъ задумывала издавать газету „Русскую Рѣчь". Необходимость имѣть собственнаго корреспондента въ Кіевѣ побудила издательницу обратиться къ своему старому другу съ просьбою найти тамъ кого-нибудь для этой цѣли. „Я всегда помню и попрежнему люблю васъ", такъ заканчивала гр. Е. В. Саліасъ это послѣднее, повидимому, свое письмо къ М. А. Максимовичу.

В. В. Даниловъ.

Библиотека "Руниверс"

БИБЛІОГРАФІЯ СОЧИНЕНІЙ, СТАТЕЙ, ПЕРЕВОДОВЪ И ИЗДАНІЙ В. И. ВЕШНЯКОВА.

(1851—1906).

А. Подписанныя авторомъ полной фамиліей отдѣльныя изданія.

1. *О причинахъ возвышенія Московскаго княжества.* Разсужденіе, написанное на 3-мъ курсѣ университета и удостоенное совѣтомъ С.-Петербургскаго университета золотой медали, съ напечатаніемъ на казенный счетъ. С.-Пб. 1851 г., in. 8⁰, стр. 175 съ родословной таблицей и картой территоріи населенія В. Кн. Московскаго. (Библіотека для чтенія 1851 г. т. 109, отд. 6, стр. 36—38; Современникъ 1851 г. т. 29, отд. 5, стр. 46—54; Актъ С.-Петербургскаго университета 1851 г.).

2. *Крестьяне собственники въ Россіи. С.-Петербургъ.* 1858 г. in. 8⁰, стр. 134. (Отдѣльный оттискъ статьи, напечатанной въ Журналѣ Мин. Гос. Имуществъ 1858 г. № 12, подъ заглавіемъ: Крестьяне водворенные на собственныхъ земляхъ). Удостоено м. золотой медали Совѣтомъ Имп. Русс. Географическаго общества. Рецензіи: земледѣльческая газета 1859 г. № 14 и С.-Петербургскія Вѣдомости 1859 № 7.

3. *Руководство теоретическому и практическому изученію предпріятій промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ.* Соч. Курсель-Сенёля. Переводъ съ французскаго подъ редакціей В. Вешнякова, изд. типографіи В. П. Безобразова. (Экономическая библіотека. С.-Пб. 1860 г.).

4. *Обзоръ сельскохозяйственныхъ учрежденій въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Германіи и Италіи.* (Отчетъ по командировкѣ за границу въ 1861—1862 гг., изданный М-вомъ Гос. Имуществъ и удостоенный Имп. Московскимъ общества сельскаго хозяйства золотой медали въ 1867 г.). С.-Пб. 1866 г. in 8⁰ стр. XXXVI+787. 4 прил. и карта. Рецензіи: Отечественныя Записки 1868 г. № 21, т. 169, отд. 2, стр. 50—53; Вѣстникъ Европы 1867 г. № 1 отд. 3, стр. 59—60.

5. *Объ уничтоженіи привилегій за изобрѣтенія.* (Сообщеніе въ Имп. Русскомъ техническомъ обществѣ. 28 Янв. 1870 г., отдѣльный оттискъ изъ записокъ общества).

6. *Notice sur l'état actuel de l'industrie domestique en Russie* par. W. Weschniakoff (написано по порученію М-ва Г. И. для всемірной выставки въ Вѣнѣ въ 1873 г.) S. P. 1873 г. in 8⁰.

Библиотека "Руниверс"

7. *Сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ.* Составилъ и издалъ В. Вешняковъ. С.-Пб. 1879 г. *) in 8°, стр. LXIII+ +560.

8. *Дополненіе (первое) къ сборнику законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ,* съ извлеченіемъ изъ гражданскихъ кассаціонныхъ рѣшеній Прав. Сената. С.-Пб. 1882 г. in 8°, стр. XLVII+178.

9. *Второе дополненіе къ этому же сборнику.* С.-Пб. 1888 г. XVII+228.

10. *Рыболовство и законодательство.* С.-Пб. 1894 г. (собственное изданіе автора, in 8°, стр. CXVI+780, прил. стр. VIII+153; сочиненіе удостоено почетнаго отзыва Имп. Академіи наукъ и золотой медали отъ Московскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній).

11. *Сборникъ законовъ объ охотѣ.* 1878 г. стр. IV+53; 2-е изд.—1892 г. стр. IV+51.

Б. Статьи, подписанныя авторомъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ журналѣ М-ва Госуд. Имуществъ.

1. *Историческій обзоръ происхожденія разныхъ названій государственныхъ крестьянъ.* 1857 г. № № 1, 3, 4 и 12, стр. 101.

2. *Крестьяне водворенные на собственныхъ земляхъ.* 1858 г. № 12 (см. выше А. № 2).

3. *Бѣлопашцы и обѣльные вотчинники и крестьяне.* 1859 г. Т. LXXI, стр. 27.

4. *Острожская ординація и ординацкіе крестьяне.* Т. LXXV, отд. II, 1860 г. стр. 14.

5. *О ленныхъ имѣніяхъ въ западныхъ губерніяхъ.* Т. LXXVI, отд. II. 1861 г. стр. 24.

6. *Объ отправленіи государственными крестьянами рекрутской повинности по жеребьевой системѣ.* Т. LXXVI, отд. II, 1861 г. стр. 259—290.

7. Нѣсколько данныхъ о государственныхъ имуществахъ въ Западной Европѣ. Т. LXXXVI.—1864 г. стр. 35.

8. Описаніе обѣда, даннаго А. П. Заблоцкому 22 Февраля 1859 г. Т. LXX. отд. II.

---

*) Въ 1897 и 1900 гг. Сборникъ переизданъ въ 2-хъ томахъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ отчетѣ о 4-мъ присужденіи наградъ графа Уварова М. Академіей наукъ.

9. *Разборъ сочиненія І. Бѣляева* Крестьяне на Руси. 1860 г. стр. 65 (по этой рецензіи г. Бѣляеву была присуждена м. уваровская премія, а рецензенту назначена золотая медаль).

Въ Архивѣ историческихъ свѣдѣній о Россіи Н. В. Калачова. 1861 г. № 4.

10. Панцырные бояре (стр. 16).

Въ Сборникѣ Имп. Русскаго Историческаго общества.

11. Проектъ Императрицы Екатерины II объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей. (стр. 52).

Въ Русскомъ Вѣстникѣ.

12. Департаментъ Земледѣлія въ Соединенныхъ Штатахъ С. Америки. 1869 г. № 1. стр. 252—264.

13. Комитетъ 1833 г. объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи. 1869 г. кн. 7. стр. 286—320. (перепечатано въ сокращеніи въ Историческихъ матеріалахъ изъ архива М-ва І. И. 1891 г. вып. 1).

Въ Земледѣльческой газетѣ.

14. Расходы нѣкоторыхъ Европейскихъ правительствъ по развитію и поощренію сельскаго хозяйства. 1863 г. Май. № 19.

Въ Вѣстникѣ Европы.

15. Русская промышленность и ея нужды. 1870 г., кн. 10, 11 и 12 1871 г. кн. 4 и 5.

Въ Сборникѣ государственныхъ знаній.

16. Привилегіи на изобрѣтенія. 1874 г. Т. I стр. 291—308.

17. Новые законы и сочиненія въ Германіи о привилегіяхъ на изобрѣтенія (рецензія Т. VI. 1878 г).

18. *Рецензіи на книги*: 1) Обзоръ 25 лѣтней дѣятельности Кавказскаго общества сел. хозяйства; 2) Краткій очеркъ дѣятельности Кавказскаго общества сел. хозяйства за первые 25 лѣтъ его существованія. Н. Ситовскаго и 3) Сельскохозяйственное дѣло Европы и Америки на Вѣнской всемірной выставки 1873 г. и въ эпоху ея. А. Ермолова. Т. VI. 1878 г.

19. Писцовыя Книги, издаваемыя И. Р. Географическимъ обществомъ. Т. VI (рецензія) 1878 г.

Библиотека "Руниверс"

Въ Русской Старинѣ.

20. Д. Д. Неѣловъ: біографическій очеркъ 1891 г. № 2.

21. Экспедиція Государственнаго хозяйства (1797—1803 г.) 1901 г. № 10, 11 и 12.

22. Резолюціи Императора Николая Павловича на бумагахъ Д—та Госуд. Имуществъ въ 1837 г.; 1899 г.

Въ Вѣстникѣ Рыбопромышленности.

23. Докладъ о съѣздѣ рыбопромышленниковъ, сдѣланный предсѣдателемъ В. И. Вешняковымъ Россійскому обществу Рыбоводства и Рыболовства въ засѣданіи 30 Октября 1889 г.; 1890 г. №№ 5, 6.

Въ Извѣстіяхъ Имп. Русскаго Географическаго общества.

24. Международный Статистическій Конгресъ въ Гаагѣ 1869 г.; № 6 (были и отдѣльные оттиски).

Въ Вѣстникѣ И. Р. Географическаго общества (1859 г. стр. 13—16).

25. О книгѣ И. Аксакова: Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ.

В. Статьи неподписанныя или подписанныя первыми буквами.

Въ Журналѣ М—ва Гос. Имуществъ.

1. О состояніи сельскаго хозяйства въ С. Американскихъ соединенныхъ Штатахъ. 1853 г.

2. Хозяйственное обозрѣніе 1852; 1853 № 1.

3. Земледѣльческая статистика Бельгіи по результатамъ генеральной переписи 1853 г. Т. XLIX; отд. II, стр. 120—134.

4. Въ отводѣ госуд. крестьянамъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ участковъ на правѣ долговременнаго пользованія.

Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.

5. Брюссельскій международный конгресъ по поводу таможенныхъ преобразованій. 1856 г.; Ноябрь и Декабрь 9 номеровъ.

6. Замѣтка въ фельетонѣ по поводу импровизаціи профессора Джустиніани. 1852 г. Дек.

Библиотека "Руниверс"

7. Рецензія книги: Начало Политической Экономіи проф. Горлова. В-ъ 1859 г. № 186 29 Августа.

8. Политико-экономическій комитетъ при И. Р. Географическомъ обществѣ. 1861. № 97 Мая 4.

Въ Сѣверной Пчелѣ:

9. По случаю обѣда, даннаго въ 50-лѣтній юбилей академика П. И. Кеппена 1860 г. 12 Января.

10. Экскурсія за Лугу 1860 г. Августа 22 № 186.

Въ Голосѣ.

11. О преобразованіи представительныхъ учрежденій по части промышленности и торговли (передовая статья 1877 г. № 325).

12. Хлѣбная торговля и продовольствіе Европы 1878 г. № 328.

13. Рецензія сочиненія А. П. Заблоцкаго-Девятовскаго. „Финансы Пруссіи".

Въ Отечественныхъ запискахъ 1857—1858 г. рецензіи на разныя сочиненія по части Политической экономіи и Статистики. 1) Новый опытъ о богатствѣ народномъ г. Каменскаго (1857 г. № 2).

2) Начала общественной экономіи г. Эллиса.

3) Начала народнаго хозяйства. В. Рошера, перев. Бахта.

4) О погашеніи государственныхъ долговъ. соч. А. Запасника. 1857 г. XIV. стр. 121.

5) Матеріалы для статистики Финляндіи.

6) О внѣшней торговлѣ въ Россіи въ 1857 г.

7) Статистическія таблицы Россійской Имперіи за 1856 годъ.

8) Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ И. Аксакова.

9) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи. 1858 г.

10) Матеріалы для статистики Россіи 1858 г.

11. Статистическія описанія губерній и областей Россійской Имперіи 1858 г.

12. Статистическія труды И. Ф. Штукенберга.

13. Русскій государственный увѣтъ. А. Языкова.

Библиотека "Руниверс"

Въ Вѣстникѣ Европы 1868—1878 г.

1. Новый таможенный тарифъ по Европейской торговлѣ. В. В. 1868 г. Сент.

2. Международный Статистическій Конгрессъ въ С.-Петербургѣ IV. 1872 г. № 8 и 10.

3. Писчебумажное производство. IV. 1873. Февраль.

4. Всемірный торговый рынокъ и его современное положеніе. IV. 1877. Іюль.

5. Всемірный торговый рынокъ въ 1877 г. IV. 1878 г. Іюль.

6. Финляндія въ эпоху Гельсингфорской выставки. IV. IV. 1876 г. Декабрь.

7. Рецензія книги: Rapport spécial sur l'immigration accompagné de renseignement pour les immigrants par. Ed. Jung. (безъ подписи) 1873 г. Сентябрь.

Сверхъ того: I. Въ засѣданіи С.-Петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ. 16 Янв. 1868 г. По поводу доклада Н. П. Колюпанова о значеніи таможенной реформы для сельскаго хозяйства.

II. Въ протоколахъ о стенографическихъ отчетахъ 1-го Всероссійскаго съѣзда фабрикантовъ, заводчиковъ и лицъ интересующихся отечественною промышленностью. 1870 г. (С.-Пб. 1872 г.). Вступительная рѣчь (стр. 2—5) и предсѣдательство въ 3-мъ отдѣлѣ.

III. Compte rendu sur les travaux de la 7-me session du congrés international statistique à la Hage. Rapport de W. W. sur statistique des pêches (стр. 500—503.).

IV. Труды VIII сессіи статистическаго конгресса въ С.-Петербургѣ 1871 г. Программа о промышленной статистикѣ и предсѣдательство въ 3-мъ отдѣлѣ.

V. Труды Имп. Московскаго общества сельскаго хозяйства. Вып. XI 1882 г.

По вопросамъ М-ва Земледѣлія и его задачъ рѣчь (стр. 98—109).

VI. Отчеты о съѣздахъ желѣзозаводчиковъ (1884 г.) и винокуренныхъ заводчиковъ (1888 г.).

VII. Рѣчь при открытіи 1-го международнаго съѣзда птицеводовъ въ С.-Петербургѣ. 4 Мая 1899 г. (Труды съѣзда) изд. 1901 г.

VIII. Notice statistique sur les pêcheries en Russie par W. Weschniakoff (см. Revue internationale de Pêche et de Pisciculture 1899. № 1).

IX. Sur la statistique internationale des pêches. Rapport fait au congrès

Библиотека "Руниверс"

international d'agriculture et de pêche de 1900, à Paris. Séance du 18 Sept. par. W. Weschniakoff (помѣщено въ Revue internationale de Pêche et de Pisciculture въ 1900 г.).

X. Рѣчь при открытіи международнаго конгресса Рыболовства и Рыбоводства въ С.-Петербургѣ въ 1902 г. Февралѣ (помѣщена въ трудахъ Конгресса).

Участіе въ офиціальныхъ изданіяхъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

1) Сборникъ свѣдѣній Д—та Земледѣлія и Сельской промышленности 3 выпуска.

2. Свѣдѣнія объ урожаяхъ отъ корреспондентовъ.

3. Юбилейныя: а) Обозрѣніе 50-лѣтней дѣятельности М—ва Гос. Имуществъ (въ 5-ти частяхъ).

б) Очеркъ 50 лѣтней дѣятельности М—ва Гос. Имуществъ.

в) Архивъ М—ва Гос. Имуществъ. Дѣла V отдѣленія.

г) Историческіе матеріалы изъ архива М—ва Г. Имуществъ; вып. I; 1891; начинается его статьей: Комитетъ 1833 г. объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи, стр. 1—54.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Стр.*	*Слѣдуетъ:*	*Напечатано:*
150	9	Ахматовъ,	Ахмановъ.
156	11	дозволилъ,	недозволилъ
174	13	tout est perdu *fors* l'honneur,	а не *hors*
175	9	enfant	enfant
176	20	Кимвалъ,	Кимволъ
199	7	вынуждаемое	вынуждаемой
223	6	наготою	наготѣ.
227	9	одинаковыми	одиноними
243	15	пропущено слово „*страною*“ послѣ слова *жира*	
244	16	Лишнее слово „*страны*“ послѣ слова „Татусихъ“	
248	6	Печенѣговъ	Печенѣговѣ
256	15	нравѣ	правѣ
293	4	Настасья Петровна	Наст. Ѳедорова
100	2	массонскихъ	масонскихъ

Библиотека "Руниверс"

2250. Эпиграмма на взяточниковъ. Д. **1894.** II, (6), 257.

2251. Стихи про чиновничество. Сообщ. А. Д. Назаровымъ. **1901,** III, (12), 580.

2252. О временахъ Николая. Н. Шалибина. **1888.** III, (9), 173—175.

2253. Холера въ Москвѣ. Изъ писемъ Кристина къ гр. С. А. Бобринской. **1884.** III, (5), 136—151.

2254. Холера въ Москвѣ 1830 г. В. М. Остроглазова. **1893.** III, (9), 93—106. Г. Шелапутинъ и Я. Титовъ.

2255. Холера въ Петербургѣ въ 1831 г. Разсказъ очевидца И. В. Селиванова. **1868.** (6), 958—962.

2256. Записка о противохолерномъ элексирѣ. М. Я. Мудрова. **1893.** II, (8), 613—615.

2257. Разсказъ очевидца (о пожарѣ въ балаганѣ Лемана). Д. А. Чаплина. **1877.** III, (10), 219—228.

2258. Разсказы очевидцевъ о пожарѣ Зимняго дворца. Бар. М. А. Корфа. **1865.** (9), 1087—1114. Изъ Записокъ гр. А. Х. Бенкендорфа. Гр. А. Ѳ. Орловъ къ Д. П. Татищеву. Л. М. Барановичъ. Бар. Э. И. Мирбахъ.

2259. Еще разсказъ очевидца о Петербургскомъ пожарѣ 1837 г. И. Д. Лужина. **1868.** (4—5), 844—847.

2260. О Петербургскомъ пожарѣ 1837 года. **1868.** (4—5), 848—851.

2261. Возобновленіе зимняго дворца. Сообщ. гр. К. П. Клейнмихелемъ. **1895.** I, (4), 446—460.

2262. По поводу полувѣка со времени возобновленія зимняго дворца. И. Н. Корсунскаго. **1889.** III, (9), 98—111.

2263. Распиленный саркофагъ. **1900.** III. (9), 149—150.

2264. Рѣчь противъ дуэлей Соловецкаго старца Нестора. Сообщ. М. И. Успенскій. **1900.** I, (3), 443—447.

2265. Общество посѣщенія бѣдныхъ (въ С.-Петербургѣ). Изъ Записокъ В. А. Инсарскаго. **1869.** (6), 1005—1046.

2266. Княгиня и монастырскій послушникъ. (Кн. Голицынъ и Зыковъ). И. П. Б(артенева). **1893.** I, (3), 230—248.

2267. Потомственные дворяне канцелярскаго происхожденія. В. И. Глоріантова. **1905.** I, (4), 662—674.

2268. Всероссійскій дворянскій молебенъ. А. Танкова. **1888.** III, (11), 452—454.

2269. Первое мое участіе въ дворянскомъ собраніи. А. Слѣпцова. **1897.** I, (2), 332—333.

2270. Дѣло о человѣкѣ, якобы воскрешающемъ мертвыхъ. Ѳ. Кудринскаго. **1902.** II, (7), 476—480.

2271. Сонникъ современной Русской литературы. **1904.** III, (11), 376—381.

2272. Записка о народномъ воспитаніи, представленная А. С. Пушкинымъ Николаю Павловичу. **XIX Вѣкъ.** II, 209—218.

2273. Взглядъ на Русскую печать за послѣднія 18 лѣтъ. Д. И. Иловайскаго. **1874.** I, (1), 223—246.

2274. Двѣ цензуры. Кн. Н. В. Шаховскаго. **1897.** I, (2), 334—337.

2275. Объ устройствѣ библіотекъ въ Оренбургскомъ краѣ. П. Н. Столпянскаго. **1903.** II, (6), 292—295.

2276. Общество „Арзамасъ". **1901.** III, сорочка (10).

2277. Объ Украйно-Славянскомъ Обществѣ. (Изъ бумагъ Д. П. Голохвастова). **1892.** II, (7), 334—359. Переписка гр. С. С. Уварова съ гр. С. Г. Строгановымъ.

2278. Московскіе профессоры-масоны. Д. М. Щепкина. **1901.** III, (6), 300—304. И. И. Давыдовъ, М. Я. Мудровъ и М. Я. Маловъ.

2279. О юбилейной медали Московскаго университета. **1870.** I, (2), 0579—0580.

2280. Каѳедра технологіи въ Московскомъ университетѣ. Н. Н. Любавина. **1906.** II, (8), 563—576.

2281. Remember. ***. **1884.** III, (5), 182—183. О Т. Н. Грановскомъ,

Библиотека "Руниверс"

С. П. Шевыревѣ, Н. И. Крыловѣ и П. С. Нахимовѣ.

2282. О студенческихъ безпорядкахъ въ Казанскомъ университетѣ. Н. П. Поливанова. **1899.** I, (4), 659—660.

2283. Воспоминанія о С.-Петербургскомъ университетѣ. Ѳ. Н. Фортунатова. **1869.** (2), 305—340

2284. Петербургскій университетъ полвѣка назадъ. Воспоминанія А. Ч(умикова). **1888.** III, (9). 120—150. Фишеръ. Грефе. А. В. Никитенко. П. А. Плетневъ. И. И. Введенскій. С. С. Уваровъ. М. С. Куторга. О. И. Сенковскій. Райковскій. Сенъ-Жульенъ. К. Ѳ. Свенске.

2285. Славянофилы. (По поводу статьи Пыпина). Э. А. Мамонова. **1873.** II, (12), 2488—2508. Письмо объ этой статьѣ. И. С. Аксакова. **1873.** II, (12), 2508—2529.

2286. Объ отмѣнѣ крѣпостного права. Письмо П. В. Кирѣевскаго къ А. И. Кошелеву. **1873.** II, (8), 1345—1360.

2287. Объ отмѣнѣ крѣпостного права. Негласные комитеты при Николаѣ Павловичѣ. **1884.** III, (5), 161—181. Мнѣніе бар. Корфа. Записка А. А. Перовскаго.

2288. Курьезы стараго времени. Полетаева. **1895.** II, (6), 248.

2289. Старые порядки по рекрутскимъ наборамъ. Г. Н. Александрова. **1877.** III, (12), 398.

2290. Письмо в. княгини Александры Николаевны къ В. А. Жуковскому (1843). (Сообщ. кн. П. А. Вяземскимъ). **1868.** (1), 107—108.

2291. Письмо импер. Александры Ѳеодоровны къ дѣвицѣ передъ выходомъ ея въ замужество. **1889.** I, (3), 404.

2292. Дорожныя письма С. А. Юрьевича во время путешествія по Россіи Цесаревича Александра Николаевича. Сообщ. А. С. Юрьевичемъ. **1887,** I, (4), 441—468. II, (5), 49—72. (6), 171—216.

2293. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ г. Касимовѣ. А. И. Мансурова. **1888.** II, (8) 476—479.

2294. Письмо королевы Анны Павловны къ В. А. Жуковскому. **1895.** II, (8), 447.

2295. Королева Анна Павловна у Троицы-Сергія. Изъ Записокъ преосв. Леонида. **1905.** III, (9), 134—140.

2296. Рескрипты Антонію, епископу Воронежскому. Сообщ. С. Звѣревъ. **1897.** III, (9), 107—108.

2297. Переписка Антонія архіеп. Воронежскаго съ А. Н. Муравьевымъ (объ Уткинской гравюрѣ Св. Митрофанія). **1894.** II, (6), 209—214.

2298. Аѳанасій Тобольскій. Александра Сулоцкаго. **1881.** II, (4), 388—410.

2299. А. А. Баженовъ. Изъ Кавказскихъ воспоминаній А. А. Черткова. **1881.** II. (3), 191—227.

2300. М. А. Балугьянскій. (Записка бар. М. М. Медемъ). **1885.** III, (11), 415—432. Съ портретомъ.

2301. Двѣ депеши Баранта. **1891.** I, (1), 145—151. Бесѣда съ Маріей Павловной.

2302. Юрій Никитичъ Бартеневъ. Жизнь въ Крыму. Съ примѣч. Ю. П. Бартенева. **1899.** II, (8), 549—580. III, (9), 116—129. Ѳ. К. Мюльгаузенъ. В. А. Тепляковъ. К. Н. Батюшковъ. А. С. Пушкинъ. Славинскій. Лачинова. Караимъ Фирковичъ.

2303. Изъ письма протоіер. А. П. Мальцова. **1899.** I, (3), 528. Къ статьѣ: „Ю. Н. Бартеневъ, Жизнь въ Крыму".

2304. Въ отвѣтъ А. П. Мальцову. Ю. П. Бартенева. **1899.** I, (4), 687.

2305. Князь А. И. Барятинскій, полковой командиръ. А. Л. Зиссермана. **1884.** III, (6), 435—441.

Библиотека "Руниверс"

2306. О кн. Барятинскомъ. О Лермонтовѣ. А. Л. Зиссермана. **1885.** II, (5), 75—81. II, (8), 558—569 (по поводу статьи Д. И. Романовскаго).

2307. Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. А. Л. Зиссермана. Съ портретомъ и рисунками. **1888.** I, (1), 93—128. (2), 259—291. (3), 433—480. (4), 553—616. II (6). 157—0227. (8), 417—475. III, (9), 49—107. (10), 225—247. (12), 497—579. **1889.** I, (1), 107—141. (2), 274—358. (3), 446—505. (4), 605—649. II, (5), 99—128. (6), 237—291. (7), 425—461. III, (10), 232—259. (11), 317—352. (12), 433—490. **1890.** III, (11), 267—328. (12), 385—424. **1891.** I, (1), 77—128. (2), 161—300. (3), 321—372. Приложенія. Переписка вел. кн. Константина Николаевича съ Н. О. Сухозанетомъ и кн. А. М. Горчаковымъ. Письма Д. А. Милютина и А. В. Головнина, В. П. Буткова. П. Е. Коцебу. Н. В. Ханыкова, М. Г. Хомутова, М. П. Погодина и стих. П. А. Вяземскаго. А. П. Карцова, А. И. Гагарина, А. Ѳ. Крузенштерна, импер. Маріи Александровны, Ѳадѣева.

2308. Письмо къ издателю. А. Л. Зиссермана. **1890.** I, (1), 160. О біографіи кн. Барятинскаго.

2309. О финансовыхъ мѣропріятіяхъ кн. Барятинскаго. А. Л. Зиссермана. **1889.** I, (3), 528.

2310. Изъ архива кн. А. И. Барятинскаго. **1889.** III, (9), 135—143. Письма адмирала Бутакова. М. П. Погодина и князя П. П. Вяземскаго.

2311. Памяти кн. В. И. Барятинскаго. X, **1904.** II, (6), 310—311.

2312. Разсказы о Декабристѣ Г. С. Батенковѣ. **1881.** III, (6), 436—441.

2313. Декабристъ Г. С. Батенковъ. А. А. Лучшева. **1886.** II, (6), 269—280.

2314. Записки Г. С. Батенкова. Данныя. Повѣсть собственной жизни. Сообщены Н. А. Елагинымъ. **1881.** II. (4), 251—276.

2315. О запискахъ Г. С. Батенкова. **1881.** II, (4), 505.

2316. Изъ воспоминаній В. А. Роткирха. С. Г. Батуринъ. **1894.** II, (7), 427—432.

2317. Два брата. Посвящено Бѣтьяновымъ. Сообщ. И. Ф. Бартеневъ. **1892.** I. (4), 538—539.

2318. К. С. Безносиковъ. И. С. Листовскаго. **1884.** II. (4), 46—477.

2319. Инструкція гр. Бенкендорфа чиновнику Третьяго Отдѣленія. **1889.** II, (7), 369—398.

2320. По поводу инструкціи гр. Бенкендорфа. Н. В. **1889.** II, (8), 522—524.

2321. Записка поданная гр. Бенкендорфу. О запрещеніи „Европейца“ **1896** II, (8), 576—582.

2322. Письмо гр. Бенкендорфа къ С. Т. Аксакову. **1873.** II, (11), 02299—02300. По поводу „Марѳы Посадницы“ М. П. Погодина.

2323. Письма гр. Бенкендорфа къ в. кн. Константину Павловичу во время Польскаго мятежа **1886.** I, (1), 33—42.

2324. Письмо гр. Бенкендорфа къ Н. А. Полевому. **1866.** (11—12) 1753—1756. Сообщ. Т. В. Кибальчичемъ. **1874.** I, (4), 1050—1052 1905, III, (10) 208—209.

2325. Замѣтка о К. И. Бистромѣ. И. В. Селивановъ. **1871.** (7—8) 1297—1298.

2326. Два письма Д. Н. Блудова къ его супругѣ (о коронаціи Николая Павловича). **1867.** (7), 1046—1048.

2327. Извѣстіе о кончинѣ Д. Н. Блудова **1864.** (3), 343—344.

2328. Гр. В. А. Бобринскій. Кн. Д. Д. Оболенскаго. **1898.** II, (7), 461—464.

2329. Арестъ и ссылка молоканина Богданова. И. Якунина. **1876.** II, (6), 237—240.

2330. О вице-адмиралѣ Бойлѣ. К. Манна. **1871** (1), 0244—0246.

Библиотека "Руниверс"

2331. Письмо епископа Боровскаго къ В. В. Скрипицину. **1881.** III, (6), 420—421.

2332. П. Н. Броневскій. Братья Муравьевы. М. Ѳ. Де-Пуле. **1879.** III, (10), 243—248.

2333. Письмо Бунзена къ В. А. Жуковскому. Сообщ. Н. А. Елагинымъ. **1876.** I, (4), 437—439.

2334. Письмо адм. Бутакова къ кн. А. И. Барятинскому съ замѣтками М. Г. Черняева. **1899.** III, (11), 477—480.

2335. Три донесенія А. П. Бутенева гр. Нессельроде по Египетскому дѣлу 1833 г. **1883.** I, (1), 64—76.

2336. Письмо кн. В. И. Васильчикова къ К. И. Истомину. **1882.** I, (1), 220.

2337. Далматинскій епископъ Венедиктъ Кралевичъ. Записка Н. И. Надеждина, сообщ. П. И. Мельниковымъ. **1872.** (2), 441—444.

2338. Еще о Венедиктѣ Кралевичѣ. Н. А. Попова. **1872,** (5), 1021. **1872.** (5), 1021—1030.

2339. Два письма архим. В. Щепетева къ архим. Пузынѣ. Сообщ. Л. С. Мацѣевичемъ. **1898.** I, (2), 298—306.

2340. Записка о кн. П. Х. Витгенштейнѣ. П. Л. Пуцилло. Сообщ. М. П. Зиновьевой. **1906.** II, (6), 259—270.

2341. Поминки по гр. М. Ю. Вьельгорскомъ. (Стихи Кн. П. А. Вяземскаго). **1877.** I, (4), 542—545.

2342. Кн. М. С. Воронцовъ. В. С. Толстаго. **1877.** III, (11), 293—310. Поправка (12), 443.

2343. Два письма кн. Воронцова къ гр. Бенкендорфу. **1890.** II, (7), 305—316. Поправка III, (9), 112.

2344. Переписка по поводу „Арріанова Перипла". Сообщ. Л. С. Мацѣевичемъ **1894.** II, (7), 416—418. Письма гр. М. С. Воронцова къ архіеп. Димитрію.

2345. Письма кн. М. С. Воронцова къ А. П. Ермолову. Сообщ. Г. П. и Е. П. Ермоловыми. **1890.** I, (2), 161—214. 3, 329—365. 4. 441—472. С. Н. Ермоловъ. Бар. Розенъ. Царица Марія князю Воронцову. Шамиль. Кн. Аргутинскій, ген. Бюрно, Нестеровъ, Е. А. Головинъ, Бартоломей, Слѣпцовъ, Александръ Николаевичъ на Кавказѣ, кн. Захарій Эристовъ. Ссора Шамиля съ Хаджи-Мурадомъ, гибель атамана Крюковскаго, Даніель-Бекъ. Отзывъ о гр. Закревскомъ.

2346. Письма кн. М. С. Воронцова къ Н. Н. Мурзакевичу **1876.** III, (11), 362—372.

2347. Письма кн. М. С. Воронцова къ М. П. Щербинину изъ чужихъ краевъ въ Москву. **1870.** (12), 2145—2224.

2348. Анекдотъ о Вронченкѣ. **1888.** III, (2), 616.

2349. Архим. Гавріилъ. Сообщ. И. С. Листовскимъ. **1897.** II, (2), 319—321.

2350. Объ архим. Гавріилѣ. В. Видинова. **1897.** II, (5), 176. Къ его письму.

2351. Переписка епископа кн. Гедройца съ гр. Д. Н. Блудовымъ. Сообщ. А. В. Рачинскимъ. **1869.** (9), 1485—1542.

2352. Кн. В. С. Голицынъ. И. Дроздова. **1887.** II, (7), 364 — 370. Фанни-Эльснеръ въ Москвѣ.

2353. Кн. Дмитрій Владимировичъ Голицынъ. Гр. М. В. Толстаго. **1894.** II, (7), 419—424.

2354. О кн. Д. В. Голицынѣ. А. Л. Громачевскаго. **1894.** III, (11), 337—342. Письмо А. Я. Булгакова къ вел. кн. Михаилу Павловичу. Рѣчь Колесова.

2355. Къ біографіи Е. А. Головина. Гр. Д. Н. Толстаго. **1872** (10), 1954—1979.

2356. О Е. А. Головинѣ. М. П. Щербинина. **1872.** (3—4), 707—717.

Библиотека "Руниверс"

2357. О графѣ П. Х. Граббе и Е. А. Головинѣ. Е. И. Козубскаго. **1893.** I, (2), 181.

2358. Письмо Е. А Головина къ А. А. Антонскому. Сообщ. Е. М. Осоктистовымъ. **1904.** II, (6), 309.

2359. Декабристъ И. И. Горбачевскій. **1882.** II, (4), 311.

2360. Кн. А. М. Горчаковъ. (Изъ воспоминаній о немъ его духовника І. Базарова). **1896.** I, (3), 328—350.

2361. Кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ о Н. Н. Муравьевѣ-Карскомъ. **1894.** III, (10), 287—288.

2362. Изъ писемъ А. П. Дубовицкаго къ Н. И. Буличу. **1897.** II, (7), 441—472.

2363. По поводу писемъ А П. Дубовицкаго къ Н. И. Буличу. Надежды Беръ. **1897.** III, (9), 150—151.

2364. Странное обвиненіе (о гр. Евдокимовѣ) А. Л. Зиссермана. **1886.** III, (11), 420—431.

2365. В. княгиня Елена Павловна. Т. (бар. Ѳ. Ѳ. Торнау). **1881.** III, (6), 300—311. Импер. Марія Александровна.—За границею.—Племянница.

2366. Дворъ в. княгини Елены Павловны. М. Назимова. Э. Ѳ. Раденъ. **1899.** III, (10), 311—318.

2367. Вечеръ съ А. П. Ермоловымъ. **1906.** II, (8), 620—622.

2368. А. П. Ермоловъ въ своей подмосковной. В.Щепотьевой. **1906.** II, (8), 623—631.

2369. А. П. Ермолову (*стихи*) П. Войекова. **1906.** II, (8), 620.

2370. А. П. Ермоловъ въ письмахъ къ Н. П. Воейкову и Н. В. Шимановскому. **1906.** III, (9), 38—88.

2371. Шесть записокъ А. П. Ермолова къ И. М. Садовскому. Сообщ. М. П. Садовскимъ. **1873.** I, (2), 158—159.

2372. Ермоловъ и Паскевичъ. В. Андреева. **1873.** II, (8), 1571—1583.

2373. В. М. Еропкинъ. В. Еропкиной. **1905.** II, (7), 471—478.

2374. О. П. Д. Еропкинѣ. В. В. Ильина. **1874.** I, (2), 0577—0579.

2375. Воспоминаніе объ Е. А. Жуковской. І. Базарова. **1869.** (12), 2023—2026.

2376. О гр. А. А. Закревскомъ. **1885.** III, (9), 157.

2377. Письмо гр. Закревскаго къ Д. П. Голохвастову. **1887.** II, (8), 522—523.

2378. Письмо Иннокентія Борисова къ М. А. Максимовичу. Перев. съ Латинскаго И. В. Помяловскимъ. **1894.** II, (6), 297.

2379. О преосвященномъ Иннокентіи Херсонскомъ. И.У. Палимпсестова. **1893.** II, (6), 177—182.

2380. Записка Иннокентія, о епархіи Римско-католической въ Херсонѣ. Съ примѣчаніями П. И. Савваитова. **1868.** (3), 412—435.

2381. Три записки Иннокентія. Сообщ. П. Савваитовымъ. **1867.** (10), 1329—1341.

2382. Письмо Иннокентія къ А. П. Озерову. **1896.** III, (5), 44.

2383. Письмо Иннокентія къ гр. Н. А. Протасову. **1879.** II, (7), 270—272.

2384. Учитель и ученикъ. И.У.Палимпсестова. **1896.** I, (2), 270—273. Митроп. Иннокентій и Макарій.

2385. Миссіонерская дѣятельность Иннокентія. Гр. М. В. Толстаго. **1879.** II, (7) 273—303. Письма Иннокентія къ митр. Филарету.

2386. Изъ письма Исидора экзарха Грузіи, къ митроп. Филарету (въ бумагахъ О. Н. Фанъ-деръ-Флитъ). **1895.** I, (4), 545.

2387. К.-адмиралъ Истоминъ. В. К. Истомина. **1877.** I, (1). 124—142. Донесеніе П. С. Нахимова о кончинѣ Истомина.

2388. Письмо Истомина къ Лайонсу. Сообщ. А. Э. Циммерманъ. **1867.** (5—6), 911—913.

2389. Письмо Сербско-Австрійскаго патріарха Іосифа Раячича къ Русскому консулу въ Бѣлградѣ.

Библиотека "Руниверс"

Съ предисл. Н. А. Попова. **1868.** (1). 120—123.

2390. О событіяхъ въ Вильнѣ послѣ казни эмисара Конарскаго. М. И. Топильскаго. **1870.** (6), 1183—1198.

2391. Объ убіеніи Каподистріи. А. Н. Райка. **1869.** (5), 881—919.

2392. Г. С. Карелинъ. С. Г. Карелиной. **1873.** II. (7), 1318—1344 +01313—01319. Гр. Сухтеленъ, гр. В. А. Перовскій.

2393. Капитанъ А. Н. Каховскій. (Эпизодъ изъ осады Туркестана). В. В. Ильина. **1870.** (8—9), 1676—1682.

2394. Письмо гр. Е. Е. Комаровскаго къ И. В. Кирѣевскому. Сообщено гр. А. Е. Комаровскою. **1896.** I, (3), 464—470.

2395. О в. князѣ Константинѣ Павловичѣ. И. Ульянова. **1868.** (6), 1031—1038.

2396. Замѣтки къ письмамъ в. кн. Константина Павловича. (Кн. А. В. Лобанова-Ростовскаго). **1882.** I, (2), 556, II, (3), 154.

2397. Письма в. кн. Константина Павловича къ гр. Бенкендорфу. **1885.** I. (1), 20—32.

2398. Письма в. князя Константина Николаевича къ В. А. Жуковскому. **1895.** III, (10). 140—146.

2399. Приказъ войскамъ подъ начальствомъ цесаревича Константина Павловича. Сообщ. М. М. Похвисневымъ. **1886.** III, (12), 518—519.

2400. Попытка самозванства въ XIX вѣкѣ. Съ предисл. Владимира Витевскаго. **1878.** II, (8), 483—486. Казакъ Данилъ Наумовъ выдавалъ себя за в. кн. Константина Павловича.

2401. О дѣлѣ Копьева. В. С. Толстаго и Д. А. Чаплина. **1873.** II. (9), 1754—1769.

2402. О Декабристѣ Корниловичѣ. Письмо б. Г. В. Розена къ гр. Бенкендорфу. Сообщ. бар. Д. Г. Розеномъ. **1885.** II, (5), 71—72.

2403. Кончина адмирала Корнилова. (Частное письмо). Сообщ. П. П. Петровымъ. **1867.** (12), 1639—1643.

2404. Высочайшее замѣчаніе барону М. А. Корфу. Сообщено С. А. Панчулидзевымъ. **1905.** I, (2), 371.

2405. Письмо П. С. Котляревскаго къ гр. Бенкендорфу (о голодѣ въ южной Россіи). **1876.** III, (10), 203—204.

2406. Фердинандъ Кристинъ и княжна Туркестанова. **1882.** I, (2), 412—434.

2407. Генералъ Круковецкій. М. Серно-Соловьевича. **1879.** (12), 459—468.

2408. Борьба за старшинство въ чинѣ. Теобальда (В. А. Роткирха). **1886.** III, (12). 515—517. Куприяновъ и Мирковичъ.

2409. О ген.-м. Куткинѣ. **1905.** III, (12), 541—548. Управленіе Пестеля Сибирью.

2410. М. П. Лазаревъ. В. К. Истомина. **1881.** II, (4). 347—361.

2411. Разсказы о М. П. Лазаревѣ. А. П. Хрипкова. **1877.** II, (8), 473—478.

2412. Изъ бумагъ М. П. Лазарева. Письма Русскаго моряка изъ Англіи въ Россію. **1882.** III. (6), 215—225.

2413. Письма М. П. Лазарева къ А. И. Веревкину. Сообщ. Ѳ. М. Сухотинымъ. **1883.** III, (6), 385—590.

2414. Переписка М. П. Лазарева съ кн. А. С. Меншиковымъ. **1881.** II, (4), 361—379. III, (6), 312—384. **1882.** I. (2), 297—332. II, (4). 205—230. **1883.** III, (6). 357—383. Лордъ Дургамъ. Адм. Кодрингтонъ. Капит. Мессеръ. Вице-адмир. Старжевскій. Рафаловичъ. В. И. Истоминъ. Лейт. Метлинъ. Фридерихсъ. В. А. Корниловъ. П. С. Нахимовъ. Саймонсъ. Дохтуровъ. Кн. Викторъ Барятинскій. Волоковъ. Херхеулидзевъ. Авиновъ.

Библиотека "Руниверс"

2415. Переписка М. П. Лазарева съ Н. Н. Раевскимъ. Сообщ. М. Н. Раевскимъ. **1882.** II, (3), 133—143.

2416. Воспоминаніе о гр. С. С. Ланскомъ. П. И. Мельникова. **1879.** I, (2), 251—254.

2417. Памяти митроп. Леонтія. С. Звѣрева. **1895.** I, (4), 483—485.

2418. О ген. Лепарскомъ. Къ біографіи Сухинова. М. В. Юзефовича. **1870.** (10), 1927—1936.

2419. Княгиня Ливенъ. Кн. Е. Ѳ. Стрѣшневой-Шаховской. **1904.** II, (6), 302—307. Гизо.

2420. Изъ писемъ къ митроп. Макарію. Сообщ. С. А. Булгаковымъ. **1894.** III, (11), 445—447.

2421. Макарій Глухаревъ и Тобольскіе Декабристы. К. Харламповича. **1904.** I, (2), 235—243.

2422. Серъ Джонъ Макниль. Изъ воспоминаній В. С. Толстаго. **1874.** I, (4). 884—898.

2423. Переписка в. кн. Маріи Николаевны съ В. А. Жуковскимъ. **1895.** II, (8), 421—444.

2424. Письма вел. герцогини Маріи Павловны къ В. А. Жуковскому. **1895.** II, (8), 445—447.

2425. Гр. А. Я. Де-Мезонъ. Д. В. Коломійцева. **1894.** II, (7), 425—426.

2426. А. В. Мельниковъ. Изъ воспоминаній А. Детенгофа. **1905.** II, (8), 542—588. Тотлебенъ. В. Д. Кренке. А. Д. Дрентельнъ.

2427. По поводу воспоминаній Д. В. Ильинскаго. Письмо кн. А. С. Меншикова. **1896.** II, (8), 599—601.

2428. Письма вел. кн. Михаила Павловича къ А. Я. Булгакову. **1873.** I, (3), 0419—0425.

2429. Письма А. Н. Мордвинова къ А. Х. Бенкендорфу. Сообщ. кн. П. Г. Волконскимъ. **1886.** III, (11), 409—419.

2430. Письмо И. М. Муравьева-Апостола къ Е. Ѳ. Муравьевой. Сообщ. Авг. Павл. Сазоновичъ. **1887.** I, (1). 55—58.

2431. М. И. Муравьевъ-Апостолъ. **1886.** II, (5), 143—144.

2432. Политическія записки гр. М. Н. Муравьева-Виленскаго. Сообщ. И. П. Корниловымъ. **1885.** II, (6), 161—199.

2433. Двѣ записки гр. М. Н. Муравьева. **1902.** II, (8), 585—595.

2434. Изъ воспоминаній И. В. Ефимова о гр. Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ. **1899.** III, (12), 570—596. П. Н. Буцинскій.

2435. По поводу статьи Берже о Н. Н. Муравьевѣ-Карскомъ. Ѳ. И. Тимирязева. **1873.** II, (12), 2530—2540.

2436. Письмо къ издателю А. Есакова по поводу письма Н. Н. Муравьева-Карскаго къ А. П. Ермолову. **1874.** I, (3), 764—765.

2437. Поправка. (Объ оставленіи Н. Н. Муравьевымъ намѣстничества на Кавказѣ). П. Брянчанинова. **1885.** III, (12), 565.

2438. По поводу „поправки" П. Брянчанинова. А. Л. Зиссермана. **1886.** I, (2), 147—148.

2439. По поводу воспоминаній о Н. Н. Муравьевѣ. А. Л. Зиссермана. **1892.** I, (4), 510—525. Набѣгъ Шамиля. Самоубійство Александровскаго. П. А. Брянчаниновъ.

2440. По поводу статьи К. А. Бороздина о Н. Н. Муравьевѣ-Карскомъ. А. Л. Зиссермана. **1892.** II, (7), 392—396.

2441. Воспоминанія Н. В. Басаргина о Н. Н. Муравьевѣ-отцѣ. Сообщ. М. Л. Бибиковымъ. **1868.** (4—5), 793—822.

2442. Изъ Записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго. Пребываніе нашихъ войскъ на Босфорѣ. **1868.** (4—5), 733—794.

2443. Письмо Сергѣя Муравьева-Апостола къ его отцу. **1887.** I, (1), 47—52. Письмо С. И. Муравьева-Апостола наканунѣ казни къ брату его. Сообщ. А. П. Сазоновичъ. **1887.** I, (1), 52—54.

2444. Къ біографіи Наполеона Третьяго. Изъ бумагъ В. А. Сороженка. **1872.** (2). 436—438.

Библиотека "Руниверс"

2445. П. С. Нахимовъ. А. Б. Асланбегова. **1868.** (3), 373—410.

2446. Письмо П. С. Нахимова къ вдовѣ М. П. Лазарева. Сообщ. гр. Б. А. Перовскимъ. **1868.** (3), 310—412.

2447. Письмо гр. Нессельроде къ гр. Канкрину (о пособіи женѣ и матери А. С. Грибоѣдова). **1872.** (7—8), 1552.

2448. Изъ бумагъ С. Д. Нечаева. **1893.** I, (4), 418—434. II, (5), 135—160. Письма гр. М. С. Воронцова, А. И. Войцеховича, Игнатія Брянчанинова, А. А. Краевскаго.

2449. Райко Ни́коловъ. (Эпизодъ изъ Крымской войны). Хаджи-Искендера. **1897.** II, (5), 172—175.

2450. Анти-Циприпусъ. Воспоминаніе о гр. Н. Н. Новосильцовѣ. П. Кукольника. **1873.** I, (2), 203—204+0193—0200.

2451. В. С. Норовъ. Н. П. Поливанова. **1900.** I, (2), 273—304.

2452. Іосафатъ Огрызко. О. Л. Пржецлавскаго. **1872.** (5), 1031—1055.

2453. Дѣло Окунева. Сообщ. С. А. Панчулидзевымъ. **1905.** I, (1), 177—179.

2454. Письмо гр. В. Д. Олсуфьева къ митроп. Филарету (о Кремлевскомъ колоколѣ). Сообщ. гр. М. В. Толстымъ. **1883.** I, (1), 216.

2455. Два письма гр. В. Д. Олсуфьева къ А. С. Хомякову. **1881.** II, (3), 41.

2456. Письма королевы Ольги Николаевны къ В. А. Жуковскому. **1895.** II, (8), 447—448.

2457. Письма гр. А. А. Орловой къ брату Фотія. **1871.** (1), 244—246.

2458. Два письма кн. А. Ѳ. Орлова къ гр. Бенкендорфу. Сообщ. кн. П. Г. Волконскимъ. **1889.** II, 525—530.

2459. О причинѣ перенесенія въ 1832 году праха князя и гр. Орловыхъ изъ Отрады въ Юрьевъ монастырь. А. Львова. **1896.** II, (6), 273—277.

2460. Гр. А. И. Остерманъ-Толстой. **1878.** I, (3), 360—364.

2461. Замѣтки Отрощепки о послѣдователяхъ Конарскаго. **1869.** (7—8), 1223—1207.

2462. Врачъ И. В. Павловъ. **1900.** I, (3), 442.

2463. Несостоявшееся обращеніе Пальмера въ Православіе. Сообщ. Д. А. Хомяковымъ. **1881.** II, (3), 32—32.

2464. Письмо Пальмера къ А. С. Хомякову. **1894.** III, (11), 433—444.

2465. Письма дьякона Пальмера къ А. С. Хомякову. (Перев. съ Англійскаго). **1895.** II, (7), 257—304.

2466. Два письма Пальмера къ А. С. Хомякову. **1896.** I, (4), 588—600.

2467. Гр. В. Н. Панинъ. Н. П. Семенова. **1887.** III, (12), 537—566.

2468. Ѳ. С. Панютинъ. Л. П. **1891.** II, (5), 118—132. Гр. Шликъ. Бар. Гайнау. Францъ-Іосифъ. Никита Тихановскій.

2469. Поправка къ некрологу Ѳ. С. Панютина. Н. **1886.** I, (2), 222—225.

2470. Къ біографіи фельдмаршала кн. Паскевича. **1891.** III, (10). 270—274.

2471. Письмо гр. Паскевича къ гр. Нессельроде (объ А. С. Грибоѣдовѣ). **1872.** (7—8), 1551.

2472. Копія съ отношенія кн. Паскевича къ гр. Нессельроде. **1887.** III, (12), 535—536. О Варшавскомъ каѳедральномъ соборѣ.

2473. Гр. Б. А. Перовскій. **1881.** III, (6), 475—476.

2474. Гр. В. А. Перовскій. **1878.** I, (3), 373—380. Письма В. А. Жуковскаго. Письмо В. А. Перовскаго къ Ю. Ѳ. Самарину.

2475. О гр. В. А. Перовскомъ. М. Л. Юдина. **1902.** I, (4), 627—636.

2476. Еще о гр. В. А. Перовскомъ. И. Захарьина-Якунина. **1902.** II, (6), 303—305.

2477. Гр. В. А. Перовскій. Его письма къ разнымъ лицамъ. Сообщ.

Библиотека "Руниверс"

И. В. Помяловскимъ. **1879.** II, (8), 342—469.

2478. Письма гр. В. А. Перовскаго къ А. Я. Булгакову. **1878.** II, (5), 34—46. (7), 301—320.

2479. Къ бумагамъ гр. В. А. Перовскаго. Сообщ. М. Н. Галкинымъ-Враскимъ. **1879.** III, (10), 242—243.

2480. Бумаги И. Б. Пестеля. Сообщ. Соф. Ив. Пестель. **1875.** I, (4), 369—423. Н. И. Трескинъ. Куткинъ. Передовщиковъ. Горновскій. Свиданія пастора Рейнбота съ П. И. Пестелемъ.

2481. Изъ записокъ В. С. Печерина. Сообщ. Ѳ. В. Чижовымъ). **1870.** (7), 1333—1342. Бар. Розенкампфъ.

2482. Письмо В. С. Печерина къ гр. С. Г. Строганову. **1870.** (11), 2129—2138.

2483. Письма Полѣнова изъ Греціи. Сообщ. И. П. Хрущовымъ. **1885.** III, (9), 98—147. Гр. Арманспергъ. Баронесса Ганъ. Рикордъ. Калержи. Колокотрони. Караискаки. Совершеннолѣтіе Оттона.

2484. Изъ бумагъ А. Н. Попова. **1886.** I, (3), 320—362. Письма къ нему: М. А. Стаховича, А. П. Елагиной, М. В. Кирѣевской, А. И. Кошелева.

2485. А. П. Протасовъ. Изъ воспоминаній Г. П. Смирнова-Платонова. **1897.** III, 109—122.

2486. Письмо гр. Е. В. Путятина къ А. С. Норову. Сообщ. Н. П. Поливановымъ. **1899.** I, (1), 198—199.

2487. Письмо С. Л. Пушкина къ І. М. Пеньковскому. **1890.** I, (3), 438—439.

2488. Декабристъ въ Сибири. Съ предисл. Я. К. Грота. **1879.** III, (12), 469—480. И. И. Пущинъ.

2489. Н. А. Райко. Б. М. Маркевича. **1868.** (2), 297—308.

2490. Письмо Каподистріи къ гр. Бенкендорфу (о Н. А. Райкѣ). **1868.** (2), 313—317.

2491. Письмо Н. А. Райка къ гр. Бенкендорфу. **1868.** (2), 308—315.

2492. І. А. Реутъ. А. Л. Зиссермана. III, (10), 303.

2493. Письмо Ридигера къ Дибичу. **1873.** II, (7), 01339—01343.

2494. Родіонъ Путятинъ. А. Ярцева. **1893.** III, (12), 492—496.

2495. Изъ бумагъ І. И. Ростовцева. Сообщ. Ѳ. П. Еленевъ. **1873.** I, (1), 449—512+XCVII. Отрывокъ изъ моей жизни 1825 и 1826 годовъ. Переписка І. И. Ростовцева съ Е. П. Оболенскимъ.

2496. Письма къ издателю. П. Е. Басистова и К. Д. Кавелина. **1873.** I, (4), 0218—0219. I, (4), 0656—0674. О перепискѣ І. Д. Ростовцева съ кн. Оболенскимъ.

2497. В. Ф. Святловскій и А. П. Хрушовъ. (Архим. Леонида). **1878.** III, (11), 405—408.

2498. Письма Святогорца Серафима къ И. И. Бороздину. **1895.** II, (7), 361—368.

2499. Два письма митроп. Серафима къ гр. Н. А. Протасову. (Изъ бумагъ К. С. Сербиновича). **1878.** (12), 523—524.

2500. Люди прежняго закала. А. М. Симборскій, Динабургскій командиръ. Теобальда (Роткирха). **1888.** III, (10), 271—293.

2501. Г. Я. Скарятинъ и гр. Потоцкая. Н. Я. Скарятина. **1892.** I, (4), 533—535.

2502. О двухъ памятникахъ въ г. Шербура: Скарятину и поэту Петэфи. П. И. Щукина. **1899.** II, (8), 633—634.

2503. Приказы И. Н. Скобелева. Сообщ. Я. О. Орломъ-Ошанцевымъ. **1878.** I, (2), 222—231.

2504. Приказъ И. Н. Скобелева и его отвѣтъ Шалашникову о наказаніяхъ бѣглыхъ солдатъ. Сообщ. архим. Леонидъ. **1882.** II, (3), 144—145.

2505. И. Н. Скобелевъ и прапорщикъ Бракель. Сообщ. Скалономъ, изъ бумагъ ген. Красовскаго. **1878.** I, (2). 231—232.

Библиотека "Руниверс"

2506. Изъ воспоминаній о В. В. Скрипицынѣ. Гр. Д. Н. Т(олстаго). **1875**. III. (12), 404—405.
2507. Въ память В. В. Скрипицына. Гр. Д. Н. Толстаго. **1876**. I, (3), 384—392.
2508. Изъ письма В. В. Скрипицына къ гр. Д. Н. Толстому. **1896**. II, (5), 145—146.
2509. Письма Н. П. Слѣпцова къ кн. А. И. Барятинскому. **1889**. I, (1), 261—273.
2510. По поводу разсказа Ахшарумова „Смерть Слѣпцова". А. Л. Зиссермана. **1889**. I, (1), 153—160.
2511. Письма епископа Полоцкаго Смарагда къ И. Ѳ. Глушкову и къ кн. Н. Н. Хованскому. Сообщ. И. С. Аксаковымъ. **1891**. I, (3), 373—384 и **1898**. II, (8), 427 · 440.
2512. Письма Сперанскаго къ А. О. Имбергу. Сообщ. М. А. Цвѣтаевой. **1900**. II, (5), 96 104.
2513. Объясненіе рисунка. Императоръ Николай награждаетъ Сперанскаго. **1885**. III, (10), 304.
2514. Воспоминаніе объ А. Я. Стороженкѣ. Н. И. Ушакова. **1873**. II. (9), 1722—1735.
2515. О кн. А. А. Суворовѣ Рымникскомъ. Н. Н. Титова. **1898**. I, (2), 297.
2516. Кн. А. А. Суворовъ въ Прибалтійскомъ краѣ. А. А. Чумикова. **1890**. III, (9), 58—88.
2517. И. И. Сухиновъ. Одинъ изъ Декабристовъ. **1870**. (4—5), 908—926.
2518. Приказъ И. О. Сухозанета. **1875**. I, (2), 219—221. Поправка И. Липранди. II, (7), 366.
2519. Замѣтка о Д. П. Северинѣ. А. И. **1899**. II, (7), 447—452.
2520. Изъ бумагъ А. Г. Тройницкаго. **1894**. I, (4), 556—594. Письма А. Я. Фабра, В. Н. Каразина, Ф. В. Каразина, А. С. Стурдзы, М. П. Щербинина, А. И. Левшина, С. В. Сафонова, кн. М. С. Воронцова, кн. Е. К. Воронцовой.
2521. Воспоминаніе С. П. Шипова о П. А. Тучковѣ. **1883**. I, (2), 302—307.
2522. Два письма гр. С. С. Уварова къ гр. Бенкендорфу (про Московскій и Дерптскій университеты). **1885**. I, (3), 366—370.
2523. Адмиралъ И. С. Унковскій. Разсказы изъ его жизни. В. К. Истомина. **1887**. I, (1), 129—145. (2), 280—288. II, (5), 117—129. **1889**. III, (10), 205—231.
2524. По поводу невѣрнаго показанія о Ѳадѣевѣ. Н. А. Ѳадѣевой. **1889**. I. (4), 656.
2525. Московскій митроп. Филаретъ. И. У. Палимпестова. **1888**. I, (2), 315—317.
2526. Изъ воспоминаній о митроп. Филаретѣ. **1888**. III, (12), 580—582.
2527. Воспоминаніе о митроп. Филаретѣ. Сообщ. Д. И. Завалишинымъ. **1869**. (7—8), 1177—1184.
2528. Разсказы о митроп. Филаретѣ. П. С. Архангельскаго. **1889**. I, (2), 359—361.
2529. Разсказъ А. Г. Никольскаго (о Филаретѣ). **1888**. I, (2), 317—320.
2530. Разговоръ съ Филаретомъ. Н. И. Кедрова. **1889**. II, (7). 462—464.
2531. Предки Филарета. И. Н. Корсунскаго. **1894**. II, (5), 23—44.
2532. Филаретъ о назначеніи духовныхъ лицъ въ Государственный Совѣтъ. **1904**. I, (2), 365—366.
2533. Молитва Филарета, написанная для импер. Маріи Александровны. **1895**. II, (6), 216—217.
2534. Замѣчанія Филарета на конспектъ каноническаго права. **1878**. II. (5), 126—128.
2535. Двѣ записки Филарета о раскольническомъ и единовѣрческомъ духовенствѣ. **1889**. II, (6), 292—303.
2536. Предписаніе Филарета о предоставленіи викарію ключа отъ государственныхъ актовъ въ Успенскомъ соборѣ. **1899**. I, 3, 521.

Библиотека "Руниверс"

2537. Резолюція Филарета (про обѣтъ трезвости). **1906.** I, (4), 612.

2538. Отношенія Филарета къ Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ. И. Н. Корсунскаго. **1887.** III. (10), 200—208.

2539. Письмо Филарета о живописи. **1894.** II, (5), 129—138 съ примѣчаніемъ Д. А. Х.

2540. Изъ разсказовъ Филарета. Записано В. А. Мухановымъ. **1897.** I, 113—115.

2541. Письмо Филарета къ Александру Павловичу. Сообщ. К. П. Побѣдоносцевымъ. **1889.** II, (8). 577—578. Объ основателѣ секты „Духоносцевъ", Донскомъ есаулѣ Котельниковѣ. Письма къ митрополиту Филарету И. Рушковскаго и митроп. Серафима.

2542. Филаретъ въ его письмахъ къ архим. Антонію. **1877.** III, (11), 311—320.

2543. Письма Филарета къ архіеп. Антонію. **1892.** II, (7), 387.

2544. Записочка Филарета къ А. Я. Булгакову. Сообщ. П. С. Киселевымъ. **1874.** II, (9), 637.

2545. Записочки Филарета къ Е. П. Глазовой. Сообщ. княг. О. С. Одоевскою. **1883.** I, (1), 217—220.

2546. Письмо Филарета къ кн. Д. В. Голицыну о засѣченномъ семинаристѣ въ Коломнѣ. Сообщ. Е. Н. Муромцевою. **1905.** III, (12), 536—540.

2547. Письма Филарета къ епископу Евгенію. **1896.** II, (6), 161—176.

2548. Письмо Филарета къ архіепископу Херсонскому Иннокентію. Сообщ. Г. А. Тройницкимъ. **1896.** II, (8), 597, 1906, I. (4), 612.

2549. Письма Филарета къ Иннокентію Камчатскому. (Сообщ. И. П. Барсуковымъ). **1881.** II, (3), 24—31.

2550. Письма Филарета къ С. Д. Нечаеву. **1893.** (1). 42—48, (2), 120—146, (3), 211—229.

2551. По поводу писемъ Филарета къ С. Д. Нечаеву. **1893.** I, (2), 118—119.

2552. Письма Филарета къ Ѳ. Я. Репнинскому. **1891.** I, (2), 285—288.

2553. Письмо Филарета къ гр. Н. А. Протасову. **1876.** III, (10), 175—177.

2554. Письмо Филарета къ Е. А. Толстой (о смерти вел. кн. Александры Николаевны). Сообщ. священ. Н. А. Толстымъ. **1894.** III, (12), 565—566.

2555. Письма Филарета къ Е. М. Хитровой и къ ея дочерямъ. **1895.** II, (5), 86—91.

2556. Филаретъ архіеп. Черниговскій. И. С. Листовскаго. Съ портретомъ **1887.** II, (8), 417—468. III, (9), 43—112, (10), 209—264, (11), 313—392. Конабѣевскій юродивый. Происхожденіе. Предвѣщаніе Серафима Саровскаго.

2557. Воспоминанія о Г. И. Филипсонѣ. **1884.** II, (3), 121—127.

2558. Объ архим. Фотіи. В. Соловьева. **1898** II, (8), 652—653.

2559. Письма Фотія къ С. Д. Нечаеву. Сообщ. Д. С. Нечаевымъ. **1896.** I, (4), 565—570.

2560. Изъ моей служебной дѣятельности. Хаджи-Искендера **1897.** I, (3), 490—491. Поимка Солейманъ-хана.

2561. Н. Н. Хитрово и ея семейство. Гр. М. В. Толстаго. **1894.** I, (2), 209—213.

2562. Баронъ Х. Х. фонъ-деръ-Ховенъ. И. А. Зенгбуша. **1890.** II, (6), 283—288.

2563. О декабристѣ гр. З. Г. Чернышовѣ. Н. Г. Малиновской. **1903.** I, (1), 142.

2564. Еще о декабристѣ гр. З. Г. Чернышовѣ. Г. Юнкера. **1903.** I. (2), 284—287.

2565. По поводу статей о декабристѣ гр. Чернышовѣ. Гр. И. И. Чернышова-Кругликова. **1903.** I. (4), 615.

2566. М. Г. Черняевъ. Во время Русско-Турецкой войны. Сообщ. А.

Библиотека "Руниверс"

М. Черняевой. **1906**. I, (3), 449—458.

2567. Чернявеу (стихи). А. **1906**. I, (3), 487.

2568. Н. Д. Чертковъ. С. Звѣрева. **1895**. III, (11), 369—400.

2569. Плѣнный Шамиль передъ кн. Барятинскимъ. (Объясненіе картинки). **1889**. II, (5), 157—158.

2570. Джемалъ-Эддинъ. Б. Герцыка. **1890**. III, (9), 105—106.

2571. Воспоминаніе о Н. В. Шеншинѣ. **1864**. (1), 78—90.

2572. Разсказъ Н. В. Шеншина о поѣздкахъ его на Аландскіе острова. Письмо къ кн. Н. А. Орлову. **1863**. (12), 917—928.

2573. Дополненія къ разсказу Н. В. Шеншина. Вадима Романова. **1864**. (5—6), 624—627.

2574. Графъ Г. П. Шуваловъ. Изъ воспоминаній одной дамы. **1897**. III, (11), 375—376.

2575. О кн. Николаѣ Григорьевичѣ Щербатовѣ. А. А. Голомбіевскаго. **1906**. III, (12), 624.

2576. Письмо декабриста А. И. Якубовича. **1893**. III, (11), 381—383.

2577. Анекдоты о генералѣ Ѳедоренкѣ. Теобальда (Роткирха). **1886**. III, (10), 266—267.

2578. Поправка о ген. Ѳедоренкѣ. М. Ѳедоренка. **1886**. III, (12), 517—518.

Александръ Николаевичъ.

2579. Воспоминаніе объ Александрѣ Николаевичѣ. В. Донецкаго. **1898**. II, (7), 472—479.

2580. Отроческое сочиненіе Александра Николаевича. И. М. Остроглазова. **1891**. III, (12), 613—614.

2581. Императору Александру Николаевичу. Стихи К. С. Аксакова, **1898**. III, (11), 440.

2582. Имп. Александръ Второй въ Кіевѣ въ 1857 г. А. Г. **1904**. III, (10), 298—302.

2583. Къ торжеству 16 Августа 1898 г. (Отъ „Русскаго Архива“). **1998**. II, (8), 655.

2584. О памятникахъ Александрамъ Второму и Третьему. (Изъ письма къ И. В. Цвѣтаеву). **1898**. II, (6), 335.

2585. Памятникъ Александру Второму и Московскій Публичный Музей. Ю. П. Бартенева. **1898**. III, (10), 263—266.

2586. О кормилицѣ императора Александра Николаевича. Письмо Д. П. Трощинскаго къ гр. Д. Н. Шереметеву. **1902**. I, (2), 361.

2587. Къ исторіи крестьянства на Руси. Н. П. Семенова. **1895**. III, (12), 508—516.

2588. Изъ временъ крѣпостного права. Аркадія Слѣпцова. **1897**, I, (1), 179.

2589. Изъ жизни Витебскихъ крестьянъ. М. П. Щербинина. **1872**. (7—8), 1577—1595.

2590. Письмо уѣзднаго предводителя къ мѣстному дворянину. **1883**. II, (3), 79—80.

2591. Для исторіи упраздненія крѣпостного права. Записка гр. С. С. Ланскаго. Съ предисл. Н. И. Семенова. **1869**. (7—8), 1362—1376.

2592. Объ отмѣнѣ крѣпостного права. Письмо А. С. Хомякова къ гр. І. И. Ростовцеву. **1876**. I, (3) 277—296.

2593. Земледѣльческія порядки до и послѣ упраздненія крѣпостного права. Д. А. Столыпина. **1874**. I, (5), 1369—1374.

2594. Нелѣпые толки и надежды помѣщичьихъ крестьянъ. Корибутъ-Дашкевича. **1874**. II, (8), 451—458.

2595. Изъ памятныхъ замѣтокъ стараго гвардейца. **1892**. I. (1), 139—141.

2596. Эпизоды изъ введенія положенія 19 го Февраля, Н. А. Рѣшетова. **1885**. III, (10). 273—286. Крестьяне М. П. Щербинина.—Сѣнныя дѣвушки М. П. Тиньковой.—П. А. Харкевичъ.

Библиотека "Руниверс"

2597. Первые шаги освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ. Ѳ. П. Еленева. **1886.** II, (7), 353—404. Бумаги *І.* И. Ростовцова и его записка о размолвкѣ съ М. П. Позеномъ.

2598. Послѣдняя записка по крестьянскому дѣлу І. И. Ростовцева. Сообщ. Н. П. Семеновымъ. **1868.** (7—8), 1213.

2599. Къ исторіи раскрѣпощенія крестьянъ. И. С. Листовскаго. **1891.** I, (4), 509—512.

2600. О желаніяхъ Русскаго дворянства. Съ запиской М. А. Безобразова и отмѣтками на ней Александра Николаевича. Съ предисл. Н. П. Семенова. **1888.** III, (12), 601—615.

2601. Чего не достаетъ? А. Ѳ. Томашевскаго. **1882.** I, (2). 380—382.

2602. 5-е Марта 1861 года. Стихи Русскаго дворянина. (Изъ рукописей кн. В. Ѳ. Одоевскаго). **1871.** (1), 186.

2603. Либеральный помѣщикъ. Отголоски Польской пропаганды въ Нижегородской г. П. Л. Юдина. **1897.** III, (9), 144—147.

2604. Объ отмѣнѣ крѣпостного права. Письмо И. С. Аксакова. Собщ. М. В. Бейеръ. **1891.** II, (6), 297—299.

2605. Письмо А. С. Хомякова въ чужіе края о раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ. **1899.** I, (2). 261—364.

2606. Изъ дневника сельскаго конторщика. **1897.** III, 134—138.

2607. Эпизодъ изъ исторіи Калужскаго крестьянства. Гр. М. Д. Бутурлина. **1876.** III, (10), 245—254.

2608. Къ исторіи упраздненія крѣпостного права въ Россіи. Н. П. Семенова. **1874.** II, (8), 439—451.

2609. О безпорядкахъ въ Пензенской губерніи. Записка ген.-м. Дренякина. Сообщ. И. Н. Горсткинымъ. **1896.** III, (11), 313—326. Поправка Н. Зехтена. (12), 636.

2610. Къ исторіи раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ. Показанія г.-ад. А. Е. Тимашева. **1887.** II, (6), 259—262.

2611. Записка кн. А. М. Дондукова-Корсакова о землѣ войска Донского. Съ предисловіемъ А. А. Карасева. **1896.** III, (12), 569—592.

2612. О дробленіи поземельной собственности. Письмо кн. В. А. Черкасскаго кн. С. Н. Урусову. **1884.** II, II, (4), 270—279.

2613. 19-е Февраля 1872 г. (памяти Н. А. Милютина). Ѳ. И. Тимирязева. **1872.** (3—4), 0866—0872.

2614. Записка гр. К. В. Нессельроде о политическихъ соотношеніяхъ Россіи. Составлена бар. П. К. Мейендорфомъ. Изъ бумагъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго. **1872.** (2), 337—344.

2615. По поводу записки гр. Нессельроде. В. С. Неклюдова. **1872.** (2), 345—350.

2616. Мнимый Англійскій трофей. Заявленіе Д. В. Ильинскаго. **1893.** I, (3), 322.

2617. Походъ 1859 г. Изъ Записокъ В. А. Инсарскаго. **1868.** (7—8), 1245—1318.

2618. Частное письмо о взятіи Шамиля. Гр. А. В. Орлова-Давыдова. **1869.** (6), 1045—1063.

2619. Къ исторіи Дагестана. Е. И. Козубскаго. **1896.** III, (9), 101—131. Письма: кн. А. И. Барятинскаго, барона А. Ч. Врангеля, Д. А. Милютина, кн. Меликова. Семейство Шамиля. Письмо къ Шамилю изъ Константинополя. Абдурахманъ.

2620. Изъ Дагестанской старины. Е. И. Козубскаго. **1897.** III, (11), 379—388. Бар. А. Е. Врангель. Ф. Е. Коцебу.

2621. 1858 годъ на Амурѣ. Шуточные стихи. **1896.** III, (10), 288—289.

2622. Солдатская пѣсня 1861 г. Съ примѣчаніями современника-очевидца. **1884.** III, (5), 120—132

Библиотека "Руниверс"

Кн. М. Д. Горчаковъ.—Татаркевичъ.

2623. Записка С. А. Хрулева о походѣ въ Индію. **1882.** III, (5), 42—66.

2624. Къ воспоминаніямъ о Варшавскомъ мятежѣ 1861 — 1864 г. А—ова. **1886.** II, (7), 349—352.

2625. Польскій мятежъ 1863 г. Письмо къ имп. Александру Николаевичу отъ старообрядцевъ Преображенскаго Богадѣленнаго дома (и рѣчь имп. Александра Николаевича). **1889.** II, (5), 159.

2626. Изъ письма В. П. Боткина. **1872.** (5), 1055—1056. О Польскомъ мятежѣ.

2627. Воспоминанія о Польскомъ мятежѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. (По разсказамъ г.-а. Ганецкаго). И. П. Корнилова. **1899.** II, (7), 369—422.

2628. Военное положеніе въ Царствѣ Польскомъ 1863 г. Сообщ. В. А. Истоминымъ. **1903.** III, (9), 35—81.

2629. Поѣздка по нѣкоторымъ мѣстностямъ Царства Польскаго въ Октябрѣ 1863. (Статья Ю. Ѳ. Самарина). Сообщ. Н. А. Милютинымъ. **XIX Вѣкъ** I, 282—311.

2630. Повстанье въ Гроднѣ. Врача И. А. Митропольскаго. **1895.** I. (1), 129—155.

2631. Славянскіе гости у Русскаго царя (14 Мая 1867 г.). Изъ книги Сербскаго писателя Миличевича. **1885.** I, (4), 644—648.

2632. Колокола. По поводу рѣчи Ригера на Славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ 1867 г. Стихи И. И. Ханенки. **1881.** III, (6), 446—447.

2633. Мнѣніе Декабриста б. Розена объ Эстляндскихъ дѣлахъ. Съ предисл. М. Н. Галкина-Враскаго. **1885** I, (4), 641—643.

2634. Наша политика наканунѣ Франко-Прусской войны 1870 года. (По Запискамъ Ротана) Сообщ. А. А. Чумиковъ. **1894.** II, (7), 305—324.

2635. Кто „взялъ“ въ 1873 г. Хиву? П. Л. Юдина. **1896.** I, (1). 97—99. Здѣсь пѣсня Покорителю Хивы Веревкину.

2636. Англичане въ заливѣ Посьета. Сообщ. Л. М. Савеловымъ. **1889.** III. (12), 610—611.

2637. Наканунѣ нашей послѣдней войны. Письмо предсѣдателя Московскаго Славянскаго Комитета къ уполномоченному отъ Комитетовъ Московскаго и Петербургскаго. Сообщ. Н. И. Браилко. **1897.** II, (6), 257—282.

2638. Изъ походныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ. С. Д. Кожухова. **1870.** (11), 2044—2069.

2639. Наканунѣ войны съ Турціей. Три письма одного изъ государственныхъ дѣятелей. **1904.** III, (12) 606—608.

2640. Отъ Дуная до Царьграда. В. В. Воейкова. **1899.** III, (11). 321—365, (12), 492—548. **1900.** I, (1), 42—78 (2), 209—245.

2641. Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—1878 г. Д. В. Бартенева. **1900.** II, (5) 75 — 81; II, (6), 172—175; **1901.** I. (4), 609—628, (5), 137—144; **1902.** (7), 477—488.

2642. Изнанка войны. Александра Молотова. **1905.** III, (9), 70—98.

2643. Разсказъ раненаго подъ Плевной. П. Н. Обнинскаго. **1892.** III, (12), 471—476.

2644. По поводу одного солдатскаго разсказа. А. Л. Зиссермана. **1893.** I, (2), 169—178.

2645. Мой отвѣтъ А. Л. Зиссерману. П. Н. Обнинскаго. **1893.** I, (3). 305—308.

2646. Кавказская рота. А. Л. Зиссермана. **1884.** III. (6), 442—446.

2647. Апологія А. И. Руновскаго. **1886.** III, (12), 528—530.

2648. Знаменательный циркуляръ. (В. Князя Константина Николаевича). Съ современнаго списка, снятаго рукою князя В. Ѳ. Одоевскаго. **1883.** III, (5). 201.

Библиотека "Руниверс"

2649. О письмѣ адм. Бутакова къ кн. Барятинскому про наше распространеніе въ Закаспійскомъ краѣ. М. Г. Черняева. **1889.** III, (10), 272.

2650. Къ исторіи сношеній съ иновѣрцами. Сообщено К. П. Побѣдоносцевымъ. **1894.** (5), 5—24. Письма Е. И. Попова къ гр. А. П. Толстому, В. П. Полисадова, Пальмера.

2651. Чудовищная сцена въ Ревелѣ А. Ч.... (А. А. Чумикова) **1883.** (6), 0244—0248.

2652. Ревельское кровопролитье 1858 года. *** (Сообщ. А. А. Чумиковымъ). **1901.** III, (12), 569—570.

2653. Къ исторіи христіанства у иновѣрцевъ Оренбургскаго края. (Памяти прсосв Діонисія). П. Л. Юдина. **1900.** II, (7), 383—401.

2654. Письма объ Амурскомъ краѣ. **1895.** I, (3), 373—40. Посольство гр. Путятина въ Китай.

2655. Любопытныя показанія о нѣкоторыхъ представителяхъ Московскаго образованнаго общества (1858—1859). **1885.** II, (7), 447—452.

2656. Гарибальди про Русскій народъ. Н. Весселя, съ приложеніемъ автографа. **1885.** III, (5), 72—74.

2657. Къ Сербамъ. Посланіе изъ Москвы А. С. Хомякова. **1876.** III, (9), 104—127.

2658. По поводу Греко-Болгарской распри. **1878.** II, (7), 335—352.

2659. Торжество тысячелѣтія Россіи въ 1862 г. Гр. М. В. Толстого. **1892.** I, (4), 526—532.

2660. Къ двадцатипятилѣтію Россійскаго Общества Краснаго Креста. Н. Б. Алмазова. **1892.** II, (7), 360—381.

2661. Дѣло о подложныхъ манифестахъ Ѳ. Кудринскаго. **1898.** I, (2), 310—113.

2662. Къ дѣлу о Симбирскихъ пожарахъ 1864 г. А. Л. Зиссермана. **1891.** III, (9), 165—176. Бар. А. Е. Врангель.

2663. О введеніи Русскаго языка въ католическое богослуженіе. **1874.** I, (5), 1262—1270.

2664. Чешскій фабрикантъ въ Курской арестантской ротѣ. А. Танкова. **1898.** II, (8), 518—521.

2665. Поѣздка въ Черногорію ф.-ад. И. Н. Толстаго. **1886.** I, (4), 438—444.

2666. Корпусъ военныхъ топографовъ. Бар. Х. Х. Ховена. Съ предисл. В. К. Попандопуло. **1891.** II, (6), 154—160.

2667. По уніатскому дѣлу. Замѣтка Л. Словачевскаго. **1875.** II, (7), 355—365.

2668. О выселеніи Татаръ изъ Крыма. Донесеніе кн. С. М. Воронцова. **1906.** II, (7), 439—444.

2669. Недавняя старина. Поѣздка въ Сербію. Г. Деволлана. **1879.** II, (7), 339—376.

2670. Исторія Донской исторіи. А. А. Карасева. **1898.** III, (12), 593—599. Записка, поданная атаману Краснокутскому.

2671. Черты военнаго быта на Дальнемъ Востокѣ. Л. М. Савелова. **1895.** I, (3), 401—408. Договоръ, между Японіею и Кореею 2 Февраля 1876 г.

2672. Записка о перемѣнѣ образа правленія въ Россіи. Сообщ. В. А. Кокоревымъ. **1906.** II, (6), 307—320.

2673. Кому нужна и кому страшна конституція? Сообщ. М. В. Юзефовичемъ. **1881.** III, (6), 433—435.

2674. Объ общественномъ воспитаніи въ Россіи. Статья А. С. Хомякова. **1879.** I, (1), 114—131.

2675. О цензурѣ въ Россіи. Письмо Ѳ. И. Тютчева. **1873.** I, (4), 607—622.

2676. Воспоминанія „старыхъ Кавказцевъ". Е. И. Козубскаго. **1903.** II, (5), 140—144. Александръ Дюма на Кавказѣ.

2677. Къ исторіи театральной цензуры. Записка П. С. Ѳедорова. Сообщ. И. Ѳ. Горбуновымъ, съ предисл. А. Ярцева. **1896.** I, (4), 618—628.

Библиотека "Руниверс"

2678. Объ открытіи М. М. Корфомъ библіотеки II-го Отдѣленія. **1863**. (2), 176.

2679. Лицейская годовщина 19 Октября 1865 г. **1866**. (1), 127—131. Стихи Я. К. Грота.

2680. Росписаніе уроковъ въ классической гимназіи 1871 г. Сообщ. А. П. К. **1902**. I, (4), 704.

2681. Обученіе древнимъ языкамъ въ Россіи. Письмо М. П. Погодина къ кн. А. И. Васильчикову. Сообщ. П. Г. Погодинымъ. **1902**. I, (1), 162—188.

2682. Къ свѣдѣніямъ объ Украино-Славянскомъ Обществѣ. М. К. **1893**. II, (7), 399—406.

2683. Великому Князю Александру Александровичу, при поднесеніи трости кн. Г. А. Потемкина. Стих. Д. П. Ознобишина, съ послѣсловіемъ. **1877**. III, (9), 3—4.

2684. Письмо Н. Н. Анненкова къ М. В. Юзефовичу. **1883**. III, (5), 203—204. По поводу Польскаго всеподданнѣйшаго адреса.

2685. Письмо архим. Антонія къ кн. В. А. Черкасскому. **1878**. III, (10). 256.

2686. Воспоминаніе о г.-л. М. Н. Бердяевѣ. А. Бердяева. **1902**. II, (5), 148—149.

2687. Гр. В. А. Бобринскій. Его поѣздка въ Балтійскій край. Съ предисл. кн. Д. Д. Ободенскаго. **1898**. III, (12), 583—592.

2688. П. И. Булгаковъ. П. Рязанцева. **1903**. III, (11), 509—510.

2689. Архіеп. Варлаамъ (о церковномъ кругѣ). С. Артоболевскаго. **1893**. III) (10), 291—314.

2690. Воспоминаніе о кн. А. Н. Волконскомъ. В. В. Ильина. **1878**. III, (10), 251—254.

2691. Г. А. Вульфертъ. А. М. Черняевой. **1906**. III, (9), 147—154.

2692. Два слова объ архіеп. Рязанскомъ Гавріилѣ. А. П. Мансурова. **1900**. Ш, (11), 426—428.

2693. Прошеніе молоканина Гаркина, объ исключеніи изъ православія. Сообщ. О. Кудринскій. **1901**. I, (4), 629—630.

2694. О загадочной кончинѣ А. Д. Герштенцвейга. Теобальда. (Роткирха). **1887**. II, (8), 528—534.

2695. Изъ писемъ къ А. В. Головину. **1898**. Ш, (9), 150—152. Князя И. И. Васильчикова. Гр. Е. В. Сальясъ.

2696. Письмо архим. Гурія къ И. Г. Терсинскому о переводѣ Новаго Завѣта на Китайскій языкъ. Сообщ. С. А. Петровскій. **1894**. I, (1), 97—98.

2697. Изъ письма преосв. Гурія къ И. У. Палимсестову. О переводѣ Новаго Завѣта на Китайскій языкъ. **1893**. Ш, (11), 394.

2698. Сотникъ Горбатко и его сподвижники. Н. И. Вишневецкаго, съ послѣсл. И. У. Палимсестова. **1889**. Ш, (11), 253—375.

2699. Епископъ Симбирскій Евгеній. **1893**. II, (6), 284—287.

2700. Встрѣча моя съ А. П. Ермоловымъ. Н. В. Берга. **1872**. (5), 985—992.

2701. В. П. Зубковъ. К. П. Побѣдоносцева. **1904**. I, (2), 301—305.

2702. Н. И. Ильминскій. Съ его портретомъ. И. С. Листовскаго. **1898**. Ш, (10), 267—293.

2703. Черта изъ жизни митр. Иннокентія. В. В. Марковникова. **1899**. Ш, (11), 469—475.

2704. Иннокентій Таврическій. Его послѣдняя поѣздка въ Крымъ и предсмертные дни. (Протоіерея Андрея Логиновскаго). **1896**. Ш, (9), 59—77. Дополненіе В. Виддинова. **1897**. II, (5), 176.

2705. Московскій митроп. Иннокентій о дѣтскомъ воспитаніи. **1881**. II, (4), 411—420.

2706. Письма митр. Исидора къ кн. А. И. Барятинскому. Съ прим. А. А. Зиссермана. **1893**. I, (4), 400—413.

2707. Письмо Шведскаго короля Карла XV къ Н. А. Мартынову. **1895**. II, (5), 121—122.

Библиотека "Руниверс"

трижды натирали ротъ солью, и еще, что въ глубокую старину Московиты (которыхъ онъ зоветъ Мосхами) хранили своихъ покойниковъ на чердакахъ. Говоря о книжномъ просвѣщеніи въ Москвѣ, Рейтенфельсъ называетъ думнаго дьяка Лукьяна Тимофѣевича Голосова, который усердно занимался Латинскою наукою и завѣдывалъ врачебною частью; про Нащокина-сына сказано, что онъ много путешествовалъ и обозрѣлъ почти всю Европу, превосходно владѣлъ, одинъ изъ всей Русской знати, не только Латинскимъ, но и Французскимъ и Нѣмецкимъ языками.

Царь Алексѣй Михаиловичъ изображенъ у Рейтенфельса съ большимъ сочувствіемъ. При немъ даже магометане строили себѣ мечети. Лютеранамъ и Кальвинистамъ не дозволялось лишь звонить къ богослуженію. „Только Римскимъ католикамъ до сихъ поръ не разрѣшено имѣть своего священника въ Москвѣ, хотя немало Католиковъ, всѣхъ подраздѣленій, занимаютъ у Русскихъ какъ военныя, такъ и гражданскія должности". (Нынѣ въ Москвѣ двѣ Католическія церкви, и на Малой Грузинской воздвигнутъ громадный костелъ). Чрезъ посредство чиновниковъ-католиковъ, говоритъ Рейтенфельсъ въ своей тайной запискѣ, открытой Пирлингомъ, можно будетъ сблизиться съ Русскими сановниками. „Матвѣеву надлежитъ обязательно сдѣлать подарокъ, да и царю поднести какой-либо болѣе замысловатый, чѣмъ цѣнный подарокъ". Отъ этого, можетъ быть, у Матвѣева было несмѣтное множество дорогихъ пожитковъ, которые перечислены въ большой, нынѣ изданной описи, составленной при отправленіи его въ Пустозерскъ. Остатки должны храниться у князей Мещерскихъ и у Самариныхъ, происходящихъ отъ одной изъ внучекъ знаменитаго Артамона Сергѣевича (на котораго Дмитрій Ѳедоровичъ Самаринъ даже походилъ лицомъ). Неужели ни у кого изъ нихъ не сбережены письма царя Алексѣя Михаиловича, упоминаемыя Н. И. Новиковымъ въ предисловіи къ книгѣ: О невинномъ заточеніи боярина Матвѣева?

Въ заключеніе Рейтенфельсъ говоритъ про единодушіе Русскихъ людей въ дѣлѣ благочестія и какъ будто отчаевается въ возможности совратить ихъ къ папству. Но попытки такого совращенія не прекращались. Когда у Бурбоновъ явилась для того мысль женить великаго князя Константина Павловича на принцессѣ Неаполитанской, Екатерина писала: „Греческая вѣра въ соединеніи съ Латинскою вовсе не можетъ быть пріемлемою золотою серединою. Греческая вѣра должна быть исповѣдуема искренно и безъ затаенныхъ мыслей. Латинское или Греколатинское наслѣдіе, покуда я жива, никогда не будетъ допущено; никакой Латинскій наставникъ не получитъ доступа въ мою семью; папа всегда напрасно интригуетъ, разсчитывая подъ какимъ нибудь предлогомъ добиться главенства въ Россіи; его и теперь, точно такъ же какъ въ былыя времена, выпроводили бы отъ насъ каменьями". Но Рейтенфельсу за его сказанія Русская историческая наука должна быть благодарна. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907 года.

(Годъ 45-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1907 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 50 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Московскіе подписчики 1907 года, покупая вмѣстѣ и весь 1906 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

Библиотека "Руниверс"

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1908-МЪ ГОДУ НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907

12.

Стр.

449. Къ исторіи Московскаго военнаго госпиталя. Письма доктора **Видлоо** къ Петру Великому (1710—1715).

460. Извѣтъ **Третьяковскаго** на Сумарокова. (1755).

463. Письмо **Сумарокова** къ Бельмонти. (1770).

464. Письмо **его же** къ императрицѣ Екатеринѣ (1774).

464. Письмо **Державина** къ князю С. Н. Долгорукому (1810).

465. Библіографія сочиненій А. П. Левитова. **И. Гнездова.**

471. Записки пресвященнаго **Леонида** (Февраль—Мартъ 1865).

481. **Митрополитъ Іоанникій** въ его письмахъ къ И. Г. Терсинскому (1867—1873) съ предисловіемъ **С. Петровскаго.**

489. Московское купечество XVIII и XIX вѣковъ. **Н. П. Чулкова.**

502. Пекинская духовная миссія. Донесенія **архим. Гурія** (1859 и 1861).

513. Отзывы **Наполеона** на островѣ Св. Елены объ его отношеніяхъ къ Россіи и къ Полякамъ, записанные **графомъ Ласказомъ.**

527. Страничка изъ времени Польскаго возстанія 1863 года (частное письмо **А. Рязанова**).

530. Къ воспоминаніямъ А. П. Салтыковой. М. К. Соколовскаго.

532. Письма **П. М. Леонтьева** изъ за границы къ С. П. Шевыреву.

539. Письма Болгарина **С. В. Филаретова** къ С. П. Шевыреву.

547. Къ сорокалѣтней памяти о митрополитѣ Филаретѣ: **М. Н. Каткова** о 50-лѣтнемъ его юбилеѣ, **И. С. Аксакова** о его кончинѣ, **Д. Х.** о значеніи его для духовенства, и воспоминаніе о немъ **П. В.** Внутри сорочки: по поводу книжки г-на Аѳанасьева объ учрежденіи Музея 1812 года въ Москвѣ.

Приложены листы **Предметной Росписи** „Русскаго Архива“ за первыя 45 лѣтъ изданія (1863—1907 годы): царствованія Николая Павловича, Александра Николаевича и Александра Александровича.—Писатели).

Отдѣльныя книжки „Русскаго Архива“ *прежнихъ* (до 1906) годовъ можно получать по **50** копѣекъ за книжку съ пересылкою 75 к. Прилагаемая нынѣ „Предметная Роспись“ даетъ возможность находить въ какой книжкѣ находится искомая статья.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи
на Страстномъ бульварѣ.
1907

Библиотека "Руниверс"

В. Афанасьевъ. Гдѣ быть музею 1812 года? М. 1907. 8-ка, 27 стр. съ изображеніемъ медали Отечественной войны и проекта памятника 1812 года въ Москвѣ изъ отбитыхъ непріятельскихъ орудій.

Небольшая, но многосодержательная книжка. Сочинитель пишетъ краснорѣчиво и убѣдительно, можетъ быть, и потому, что имѣетъ знаменитую медаль „Не намъ, не намъ а имени Твоему", унаслѣдованную имъ отъ его родителя. Весьма справедливо говоритъ онъ: „Много драгоцѣнныхъ сокровищъ эпохи 1812 года разсѣяно по лицу Россіи и скромно украшаютъ далекія дворянскія усадьбы, ожидая въ неизвѣстности своей участи. Оказывается, что, при желаніи даже, некуда и направить тѣ семейные документы прошлаго вѣка, изъ нѣкогда гремѣвшихъ Подмосковныхъ, Саратовскихъ, Тамбовскихъ и другихъ помѣстій, исчезающихъ мало-по-малу съ лица земли". Къ тому же надо сознаться, что мы вообще неключимы въ нашей неизъявительности. Скромность есть добродѣтель, но и для нея нужна мѣра, особливо въ виду чрезмѣрной и почти наглой показности иностранцевъ.

Мысль объ учрежденіи Музея 1812 года благоугодна Государю, державному Предсѣдателю Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, которое издало уже нѣкоторыя бумаги одного изъ участниковъ великихъ событій 1810— 1814 годовъ, князя А. И. Чернышова. Въ 1902 г. Онъ изволилъ утвердить докладъ о томъ бывшаго военнаго министра (Куропаткина?) и приказалъ составить для того комиссію подъ предсѣдательствомъ Обручева. Но дѣло замедлилось, хотя одинъ изъ членовъ комиссіи Веденяпинъ посыланъ былъ въ Берлинъ знакомиться съ устройствомъ Берлинскаго королевскаго цейхгауза (!). Въ нынѣшнемъ году комиссія вновь дѣйствуетъ и предсѣдательство возложено на генерала Н. Н. Сухотина, который устроивалъ въ Петербургѣ Суворовскій музей.

В. А. Аѳанасьевъ приводитъ цѣлый рядъ вѣскихъ доводовъ, по которымъ Музею 1812 года слѣдуетъ быть въ Москвѣ. Онъ указываетъ и мѣсто для него, близъ Храма-Спасителя на Волконкѣ, сообщаетъ что И. И. Колесниковъ уже пожертвовалъ для того крупныя деньги, доказываетъ убѣдительно, что въ средствахъ для сооруженія недостатка не будетъ. Московская городская Дума отправила всеподданнѣйшее прошеніе о бытіи этого Музея въ Москвѣ.

Намъ кажется, что могло бы возникнуть два Музея 1812 года, одинъ въ Москвѣ, другой въ Петербургѣ. Вѣдь въ наши дни такія просвѣтительныя учрежденія, какъ музеи и библіотеки, приносятъ настоящей пользы, пожалуй, больше, нежели чтенія иныхъ университетскихъ преподавателей, о которыхъ иногда, и особливо въ нынѣшнее плачевное время, вспоминаются стихи Державина:

Ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тьмятъ вѣжды.

Между тѣмъ какъ въ университетахъ молодые люди часто занимаются не своимъ дѣломъ, внимая рѣчамъ,

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„РУССКІЙ АРХИВЪ“

1908 года.

(46-й годъ изданія).

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1908 году, попрежнему, двѣнадцать разъ въ годъ, выпусками отъ 10 до 12 листовъ (большею частью крупной печати) или тремя большими книгами (каждая съ особымъ счетомъ страницъ) по четыре выпуска въ книгѣ.

Съ основанія въ 1863 году и до сихъ поръ изданіе „Русскаго Архива“ находится въ однихъ и тѣхъ же рукахъ.

Въ составъ „Русскаго Архива“ входятъ, кромѣ статей историческихъ, записокъ, біографій, дневниковъ — извлеченія изъ писемъ или въ полномъ видѣ письма достопамятныхъ людей Русской

Библиотека "Руниверс"

земли, такъ какъ въ этого рода показаніяхъ всего нагляднѣе и живѣе выражается минувшее. Историческіе документы сопровождаются примѣчаніями и поясненіями.

Съ 5-го выпуска 1907 года къ „Русскому Архиву“ послѣдовательно прилагается **Предметная Роспись** его содержанію за 45 лѣтъ. Ея уже вышло 18 полулистовъ. Окончаніе этой Росписи и затѣмъ Азбучный къ ней Указатель появятся въ 1908 году. Новые подписчики, не имѣющіе „Русскаго Архива“ 1907 года, благоволятъ увѣдомлять о томъ контору „Русскаго Архива“ для безплатнаго полученія первыхъ полулистовъ Росписи.

Цѣна изданію „Русскаго Архива“ **девять рублей** съ пересылкою, для заграничныхъ подписчиковъ **двѣнадцать рублей.**

Контора „Русскаго Архива“ въ Москвѣ, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, открыта ежедневно съ 10-ти часовъ утра до 6-ти пополудни. Издателя для личной бесѣды можно видѣть по Вторникамъ и Четвергамъ отъ трехъ до пяти часовъ дня.

Составитель и издатель «Русскаго Архива» **Петръ Бартеневъ.**

Библиотека "Руниверс"

КЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО ВОЕННАГО ГОСПИТАЛЯ *).

Письма Голандца доктора Бидлоо къ Петру Великому.

Въ архивѣ Министерства Юстиціи и въ Московскомъ отдѣленіи Архива Главнаго Штаба посчастливилось найти нѣсколько нигдѣ еще ненапечатанныхъ бумагъ, имѣющихъ вполнѣ историографическое значеніе. Это письма доктора Бидлоо, строителя госпиталя, перваго главнаго врача его и перваго профессора медицинскихъ наукъ въ Россіи къ Петру Великому.

Положеніе Голандца Бидлоо въ Россіи было довольно прочное: обласканный Петромъ, пользуясь его уваженіемъ и довѣріемъ, онъ не находилъ себѣ отказа ни въ одной просьбѣ. Такъ въ 1710 году Бидлоо пишетъ къ Петру.

I.

«Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій.

Работалъ я тебѣ великому государю въ дохтурахъ со всякою вѣрностью, а двора у меня загороднаго нѣтъ, а подлѣ гошпитальнаго двора къ Семеновской слободкѣ земля лежитъ впустѣ, никому подъ строеніе не отдана.

Всемилостивѣйшій государь, прошу вашего величества: вели, государь, той земли мнѣ дать подъ загородной дворъ поперечнику сорокъ сажень, длиннику подлѣ забора госпитальнаго двора шестьдесять сажень, а по другую сторону отъ Семеновской слободы по Яузу рѣку, и дать на ту землю мнѣ данную впредъ для владѣнія.

---

*) Московскій военный госпиталь открытъ 21-го Ноября 1707 г. Это первое правильно-устроенное лечебное заведеніе въ Россіи, если не считать военно-временнаго госпиталя 1678 года (о которомъ прекрасная статья Л. Ѳ. Зміева въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за Іюль 1886 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ это и первая медицинская школа въ Россіи. Приносимъ благодарность нашу доктору Александру Николаевичу Аделекову за дозволеніе сообщить читателямъ выдержки изъ имѣющаго выдти въ свѣтъ обширнаго труда его и Н. И. Якимова объ исторіи этого учрежденія. Оно такъ много облегчило страданій за два столѣтія, въ теченіи которыхъ Россія вела войну 26 разъ со своими сосѣдями и неоднократно у себя дома. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Вашего Величества нижайшій рабъ Николай Бидло. 1710 году Марта въ 8 день. N. Bidloo».

Рукою Мусина-Пушкина помѣчено „велѣть вышеименованную землю измѣрить старому подъячему съ понятыми".

«По вышеписанному великаго государя указу порожжей земли подлѣ госпитальнаго двора въ длинику къ Яузѣ рѣкѣ подъ дворъ Николаю Бидлу намѣрено шестьдесять сажень, а по другу сторону къ Семеновской слободѣ тоже, а поперечнику отъ гошпитальнаго двора къ Семеновской слободѣ сорокъ сажень, а въ другомъ концѣ тоже».

Государь именнымъ указомъ приказалъ дать просимую землю Бидлоо въ томъ же Мартѣ: «Владѣть ему доктуру и женѣ его и дѣтямъ впредъ безповоротно и всякое строеніе какое ему надлежитъ строить и о томъ ему на ту землю дать изъ Монастырскаго Приказу данную». Рукою Мусина-Пушкина приписано: «О семъ приказалъ великій государь на Воронежѣ, по челобитью дохтурскому, а докладывалъ по тому челобитью Иванъ Мусинъ-Пушкинъ».

II.

Позднѣе Бидлоо пишетъ:

«Державнѣйшій царь, государь всемилостивѣйшій.

По твоему великаго государя указу, велѣно мнѣ нижепоименованному рабу твоему быть въ гошпиталѣ у лѣченія больныхъ и раненыхъ солдатъ и всякаго чину людей, что̀ по сіи числа со всякою вѣрностью и радѣніемъ управляю, а ради ѣзды вашего царскаго величества дѣлъ держу лошади свои. И нынѣ, государь, сторговалъ я въ Володимірѣ сто четвертей овса тѣмъ моимъ лошадямъ на кормъ, а перевезти, государь, мнѣ того овса не на чѣмъ и нанять подводъ не на что, понеже еще послѣ пожарнаго моего разоренія не исправился. Всемилостивѣйшій государь, прошу вашего величества: повели, государь, мнѣ подъ той мой сторгованный овесъ подъ сто четвертей дать подводы и перевезти къ Москвѣ. Вашего величества нижайшій рабъ докторъ Николай Быдло. Февраля 12 дня 1714 году». И эта просьба была также немедленно исполнена.

Первое въ Россіи особое врачебное училище находилось въ вѣдомствѣ Монастырскаго Приказа, которымъ правилъ сводный братъ государя графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ.

Госпиталь сдѣлалъ первый выпускъ своихъ учениковъ и выполнилъ такимъ образомъ первую свою задачу, далъ Русскихъ лѣкарей, и Бидлоо вполнѣ оправдалъ надежды Петра. Вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе

Библиотека "Руниверс"

Бидло въ Москвѣ упрочивалось, связи его крѣпли. Пользуясь полнымъ довѣріемъ и благосклонностью не только царя, но и всѣхъ лицъ имѣвшихъ съ нимъ какія-либо отношенія, Бидло и въ дальнѣйшей жизни госпиталя оставался его непосредственнымъ руководителемъ. Благодаря уживчивости, умѣнью обходиться съ людьми, Бидлоо не получалъ отказовъ въ своихъ просьбахъ. Особенно много заботъ доставляла ему школа и ученики, пополненіе которыхъ было одною изъ труднѣйшихъ для него задачъ.

III.

Въ 1715 году Бидлоо пишетъ Петру:

«Пресвѣтлѣйшій кесарь, всемилостивѣйшій государь! Давно уже было мое желаніе вашего царскаго пресвѣтлаго величества приникнуть къ стопамъ и изъявить всѣхъ моимъ дѣлъ исторію, токмо доселѣ не дерзнулъ вашъ пресвѣтлый маестатъ утрудити, но нынѣ принужденъ есмь симъ присланнымъ ко мнѣ указомъ прибѣгнути къ вашему милосердію и величеству.

Егда дѣло строенія гошпитальнаго и прочая отъ вашего пресвѣтлаго величества мнѣ вручено было, во истинну, Богъ свидѣтель, что всею силою и со всякимъ тщаніемъ радѣлъ, дабы тебѣ, яко Богу земному, премилостивѣйшему государю удовлетворить. Сіе дѣло мое такое имѣло начало, что вѣсть повсюду на главу вашего царскаго пресвѣтлаго величества во Францію и Германію произыде, а достоино было сіе въ актахъ эрудиторумъ *) напечатать. Такожде добрый поступокъ въ моемъ ученіи и лѣченіи госпитальномъ многихъ иностранныхъ юношъ на своемъ иждивеніи ко ученію привлече, отъ которыхъ, чаю, нѣкоторые въ службѣ вашего царскаго величества явятся, а иные, служа на корабляхъ съ честію, въ Италію отъѣхали. Егда то вашего царскаго пресвѣтлѣйшаго величества дѣло начиналъ, многіе хирурги совѣтывали, дабы я народу сего, юношей, не училъ, сказующе, что не возможешь сіе дѣло совершить. Боялся, что многіе изъ тѣхъ иностранныхъ хирурговъ мнѣ явились непріятели и яко уже нынѣ и вижду; понеже сіе противъ чести ихъ и противъ ихъ интересовъ сего народа юношъ изучать; хотятъ убо оныхъ моихъ посланныхъ вмѣсто слугъ до смерти себѣ имѣти. Но обаче, больше вашего царскаго пресвѣтлаго величества повинуяся повелѣнію, тоё дѣло на славу вашего царскаго пресвѣтлаго величества до конца провелъ. И какъ на первыхъ отъ

*) Тутъ конечно Бидлоо затронулъ чувствительную струну Государя. Можетъ быть, было тогда ученое изданіе: Acta eruditorum. Н. Б.

Библиотека "Руниверс"

меня посланныхъ въ Санктъ-Питербурхъ многіе иностранные лѣкаря насѣдали и изгоняли и какъ лживо ихъ свидѣтельствовали, весьма явственно въ моемъ меморіалѣ, поданномъ господину адмиралу генералу Ѳедору Матвѣевичу Апраксину 1712-го году. А что моихъ посланныхъ въ такомъ ученіи и въ практикѣ протчіимъ соравнити не могу, воистинну. И не дивно, аще бы такія жестокія и частыя истязанія (которыя всякую охоту и побужденіе ко ученію отъемлютъ) по вашему монаршескому велѣнію иностраннымъ хирургамъ учинились, чаю, чтобъ большая часть изъ хирурговъ моимъ посланнымъ уступили. Во всѣхъ странахъ токмо свидѣтельство учащихся надлежитъ до академіи, коллегіи, школъ и тѣхъ кто гдѣ изучился, а не отъ непріятелей, которымъ оттуда бываютъ убытокъ и умаленіе чести, лекари, поставляются, которые ради нѣкоихъ необученныхъ и мене и отъ мене посланныхъ всѣхъ поносятъ и мнѣ противятся, и въ Санктъ-петербугской госпитали оныхъ отъ мене посланныхъ бьютъ иностранные лекари, яко слышу и вмѣсто слугъ, а не за молодыхъ лекарей оныхъ имѣютъ.

Вручаю сіе, пресвѣтлѣйшій монархъ, твоему благоразумному разсужденію; аще сищевымъ образомъ иностранные лекари и проч. будутъ поступать, всю охоту учащихся и твое намѣреніе и премилостивое ваше постановленіе художествъ и наукъ уничтожатъ.

За симъ вручаю мя, пресвѣтлѣйшій кесарь, вашему милосердію и величеству, всесмиренно прося, дабы мене и мои дѣла отъ моихъ непріятелей и мятежниковъ наукъ сохранилъ, припадая къ стопамъ вашего пресвѣтлаго величества со всякимъ послушаніемъ.

Пресвѣтлѣйшій монархъ, всемилостивѣйшій государь, всепокорнѣйшій и всепослушный слуга вамъ N. Bidloo».

Письмо отъ 10 Марта 1715 г. на немъ помѣтка: «подалъ въ Сенатъ бояринъ князь Петръ Ивановичъ. Чтено предъ царскимъ величествомъ Марта въ 18 день 1715 г. Записавъ въ книгу, взять въ приказный столъ».

Драгоцѣнное письмо это яркими красками рисуетъ какъ нравственную физіономію Бидлоо, такъ и положеніе его школы и его учениковъ. Иностранецъ, преданный Русскому дѣлу не за деньги, не за страхъ, а за совѣсть, онъ не теряетъ связи съ своими выпущенными учениками и «слышитъ», что его посланныхъ «бьютъ», имѣютъ «за слугъ, а не за лѣкарей» иностранные лекари. Ключъ къ разгадкѣ того, какъ и почему создалось такое положеніе, имѣется въ самомъ письмѣ: «многіе хирурги совѣтывали, дабы я народу сего (Русскаго, т.-е.) юношей не училъ науки хирургической, сказующе, что не возможешь

Библиотека "Руниверс"

сіе дѣло совершить» Бидлоо умалчиваемъ, почему «не возможешь»: Русскіе въ мнѣніи иностранцовъ считались Азіатами, варварами, лишенными не только всякаго образованія, но даже и неспособными къ нему. Но этого одного мало; ну, побился, побился-бы Бидло съ Русскими неучами и идіотами, и у него самого, въ виду полной безплодности труда, отпала бы всякая охота къ дальнѣйшему обученію. Откуда же и почему явились враги, и «яко уже нынѣ и вижду?» Дѣло въ томъ, что вся медицина того времени была въ рукахъ иностранцевъ. Занятіе было доходное, и выпускать его изъ рукъ было весьма нежелательно. Врачи ѣхали въ Россію со всѣхъ сторонъ; ѣхали и дѣйствительно научно, образованные врачи, ѣхали и недоучки и шарлатаны. Не одни только иностранные университеты снабжали Россію врачами; множество ихъ являлось съ весьма сомнительными дипломами и еще болѣе сомнительными знаніями, пріобрѣтенными отъ врачей, при которыхъ эти господа состояли въ качествѣ простыхъ помощниковъ и не обучались медицинѣ, а такъ сказать «натаскивались» въ ней, и у такихъ господъ всегда находился въ Россіи, въ Москвѣ, какой нибудь родственникъ тащившій изо всѣхъ силъ своего. Одна возможность появленія домо, рощенныхъ Русскихъ врачей должна была заставить призадуматься о своемъ положеніи тѣхъ, которое привыкли считать его навѣки упроченнымъ и обезпеченнымъ. Когда же эта возможность осуществилась, когда первые Русскіе лекари и подлекари были уже выпущены, злобѣ не было предѣловъ. Лекарей не только держали въ черномъ тѣлѣ, ихъ «за лекарей не считаютъ», ихъ бьютъ, ихъ держатъ за слугъ, ихъ «жестоко и часто истязуютъ». Слово истязуютъ не надо понимать буквально; словомъ «истязаніе» тогда назывались испытанія, экзамены, да и самъ Бидлоо въ только что приведенномъ письмѣ пишетъ далѣе: «во всѣхъ странахъ токмо свидѣтельство учащихся надлежитъ до академіи, коллегіи, школъ», кто гдѣ изучался», а не отъ непріятелей». Очевидно «истязалъ» учениковъ, обучившихся у Бидлоо, всякій, кому только было не лѣнь, истязалъ «жестоко и часто», чтобъ довести ученика до полнаго изнеможенія: тогда легче доказать во очію все его невѣжество и идіотство. И Бидлоо былъ правъ, предвидя и жалуясь царю, что такое положеніе дѣла отобьетъ «всю охоту учащихся» и «намѣреніе и постановленіе художествъ и наукъ уничтожатъ», чего дѣйствительно и добивались «непріятели». Бидлоо не называетъ этихъ непріятелей по именамъ, а они были ему доподлинно извѣстны.

Какъ показаніе нравственности учениковъ, можетъ служить слѣдующее, дѣло возникшее по доношенію Бидлоо въ Іюнѣ 1719 года.

Библиотека "Руниверс"

«Въ прошломъ времени пропало на гошпитальномъ дворѣ изъ аптеки воску два пуда, а приличился въ томъ воровствѣ Илья Хомутовъ, и лицамъ воскъ тотъ отдалъ, за что наказанъ былъ дома и впредь обѣщался не воровать. А нынѣшняго 719 году Іюня въ 7-й день онъ же Хомутовъ укралъ яри 9 фунтовъ и пойманъ на томъ воровствѣ, и въ томъ свидѣтельствовалъ караульной, которой въ то время стоялъ у аптеки. А въ прошлыхъ временахъ въ разныхъ числѣхъ такожде многія случались пропажи, а именно: изъ аптеки пропалъ пестъ мѣдной, о чемъ явно было въ Монастырскомъ Приказѣ по нашему доношенію, вѣсомъ въ полпуда, мухъ шпанскихъ 10 фунтовъ, шандалъ мѣдной высокой, аптекарская книга Мензихта, ножницы большія, да ножикъ, денегъ мѣдныхъ полчетверти рубля, шея мѣдная съ куба; да пропало изъ аптекарской свѣтлицы нѣсколько холста, которой унесенъ былъ подломивши полъ, да ножницы; да пропали изъ нозокомицкихъ палатъ у болящихъ солдатъ епанча, шляпа съ позументомъ, башмаки, да изъ свѣтлицъ ученическихъ кафтанъ, штаны, шапка, въ которыхъ покражахъ никто иной не приличился. А въ аптекѣ и во другихъ мѣстахъ на госпитальномъ дворѣ изъ государевой казны надлежитъ ученикамъ быть для науки и работы; а понеже въ томъ числѣ онъ Хомутовъ въ воровствѣ приличенъ явился, того ради содержать его при госпитальномъ дворѣ непотребно, и отсылаемъ его въ Приказъ, чтобъ тамъ въ воровствѣ распросить и въ другихъ покражахъ при насъ розыскать; а розыскавъ какъ явному вору, надлежитъ предъ всѣми на гошпитальномъ дворѣ наказаніе дать, всѣмъ прочимъ въ опасеніе, и потомъ отказать отъ нозокоміи, чтобъ иные отъ такого вора не имѣли позору и чтобъ иные отъ его такихъ же бездѣлицъ не навыкали; а его за такое воровство послать на каторгу или куда государь изволитъ.

Николай Бидлоо».

Хомутовъ на допросѣ въ Монастырскомъ Приказѣ признался только въ тѣхъ кражахъ, въ которыхъ былъ пойманъ съ наличнымъ; во всѣхъ-же другихъ отперся. Постановили послать для дальнѣйшаго допроса въ страшный Преображенскій Приказъ. Бидлоо однако настоялъ на томъ, чтобъ Хомутова туда не посылали, ограничился сознаніемъ въ кражѣ воска и яри «пьянымъ дѣломъ» и просилъ прислать Хомутова опять въ госпиталь, гдѣ ему и было учинено наказаніе «плетьми».

Правительствующій Сенатъ приказали: въ Московскую губернію послать указъ, велѣть той губерніи во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ для собиранія травъ и кореній и ловленія пьявицъ, посылаемымъ отъ Московской гошпитали, никакого препятствія и запрещенья не чинить, а для того въ принадлежащихъ къ тому мѣстахъ дворцовыхъ и синодаль-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ и монастырскихъ и помѣщиковыхъ вотчинахъ жителямъ объявить съ подпискою, и въ удобныхъ мѣстахъ выставить о томъ листы (Полн. Собр. Закон. т. IX ст. 6424.

Нѣсколько лѣтъ позднѣе, когда ученики отправились за этимъ дѣломъ по Можайской дорогѣ и наловили до 300 пьявицъ, въ канавѣ на селѣ близъ Москвы, ихъ почему-то изловили мужики и повели къ управляющему; тотъ отнялъ у нихъ пьявицъ, выбросилъ ихъ «скляницу», гдѣ были «пьявицы» и разбилъ; и когда ученики показали управителю свое полномочіе, въ видѣ копіи, съ вышеприведеннаго указа», управитель вырвалъ у нихъ изъ рукъ, копію, бросилъ ее на землю, а учениковъ обругалъ. Началось по жалобѣ учениковъ дѣло, кончившееся однако ничѣмъ, такъ какъ оказалось управитель состоялъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ (Дѣла Коллегіи Экономіи)

Въ дѣлахъ Монастырскаго Приказа можно найти множество доказательствъ того, что отношенія Бидлоо съ Приказомъ были наилучшія; ни одна просьба Бидлоо не оставалась безъ исполненія, касалась ли она его личныхъ дѣлъ или дѣлъ госпитальныхъ. Наиболѣе любопытное изъ послѣднихъ относится къ Генварю 1725 года, когда, по жалобѣ Бидлоо, былъ смѣненъ комисаръ. Дѣло любопытно, какъ въ бытовомъ отношеніи, такъ и въ томъ, что при сдачѣ должности отъ одного комисара къ другому слѣдуетъ подробнѣйшая опись строеній и имуществъ.

«Въ Монастырской Приказъ изъ Московской гошпитали доношеніе. Доноситъ докторъ Николай Бидлоо, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

Въ бытность мою въ Санктъ-Петербурхѣ, разныя письма отъ аптекаря Эйхлера и лекаря Гарменса получилъ, въ которыхъ объявлено, что комисаръ Всеволоцкой должность свою не сохраняетъ и нужнымъ дѣламъ о болящихъ къ леченію надлежащихъ противенъ бываетъ и когда къ тому принужденъ бываетъ, безчестными и ругательными словами ихъ поноситъ, о чемъ все именно чрезъ доношенія многократныя въ разныхъ числѣхъ въ Монастырской Приказъ Іюля 27, Августа, Сентября 10, въ 15 день Октября въ 20 день 1724 году на его комисара Всеволоцкаго доносилъ Иванъ Гарменсъ, и изслѣдованія по указу рѣшенія за таковыя его противности неоднократно требовалъ. Такожде онъ Герменсъ съ прапорщикомъ отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку Дурновымъ въ Монастырскомъ Приказѣ словесно доносили о показанныхъ его комисара противностяхъ, а именно: снятки, которые были съ червями, присутствующимъ судіямъ объявили и тамъ оставили, что̀ крайнее его нерадѣніе въ противность воли его императорскаго величества явствовало.

Библиотека "Руниверс"

Сего ради резона и причинъ писалъ письмо совѣтное изъ Санктъ-Питербурха Октября 23 къ благородному господину Чичерину, дабы благоволилъ по его лѣкаря доношеніямъ рѣшеніе учинить особливо на то респектъ имѣть. Одначе по сіе время Монастырской Приказъ никакого рѣшенія не учинилъ и сатисфакціи за его противности не показалъ.

Прибывши въ Москву, тотчасъ, яко вѣрный его величества рабъ, ему же дирекція гошпитали вручена, по надлежащему разсмотрѣнію и свидѣтельству о сихъ за руками взялъ, съ которыхъ здѣсь копіи сообщены прилагаются, отъ которыхъ весьма явно, что онъ комисаръ Всеволоцкой противно его императорскаго величества указа и своей по тому должности и гошпитальнаго регламента и болящихъ леченія поступкомъ, хотя изъ Монастырскаго Приказа не имѣлъ себѣ остановки, которыя бы отговоркою въ его нерадѣніи могла быть, якоже явствуетъ съ приложенной при указѣ вѣдомости Монастырскаго Приказу по доношенію моему того же Декабря 9 поданному, каково получено Декабря 30, коликую сумму на гошпиталь и въ расходы получилъ.

Того ради потребною комисара Всеволоцкаго по его императорскаго Величества указу взявъ допросить, чего ради должность свою не сохранилъ и противенъ въ отправленіи его величества дѣла явился; притомъ дабы повелѣно было изслѣдовать въ расходѣ по распискамъ рукъ, что̀ принято денегъ и въ запасѣ и во всякомъ трактаментѣ, что̀ кому и на какіе расходы отъ его комисара выдано, а тѣмъ больше, что 1723 году на стопки глиняныя и стеклянныя въ Декабрѣ деньги получилъ, также и въ 1724 г. о серебряномъ цвѣтѣ, салѣ свиномъ и прочемъ, которыхъ по сіе число ничего не куплено, а деньги на то свободныя имѣлъ, о чемъ въ доношеніи лѣкарскомъ Гарменса на его комисара въ Монастырской Приказъ поданномъ явно, и ежели въ существованіи въ преступленіи своего правленія и расхода и противностей другихъ повиненъ быть явился (якоже отъ сихъ свидѣтельствъ при семъ предложенныхъ видно, что противникъ Его Императорскаго Величества указамъ былъ), то его за сіе наказать, какъ его величества указы о такихъ повелѣваютъ.

Аще жъ такое нерадѣніе и худое его величества дѣлъ отправленіе его комисарской должности несохраненіе, должное изслѣдованіе, а за то наказаніе не возложится, невозможно будетъ казну соблюдать, гошпиталю при ней служителей, ко излѣченію болящихъ регулярно правилъ въ томъ отвѣтствовать.

Въ прошломъ 1723 годѣ, о прикащикѣ гофшпитальномъ Боровитиновѣ въ доношеніи я показалъ, въ которомъ объявилъ, что онъ вино

Библиотека "Руниверс"

и на прочее употребленіе гошпитальное и болящимъ опредѣленное себѣ бралъ и свой расходъ держалъ, по которому моему доношенію и книги его запечатью въ Монастырской Приказъ забраны по указу, а какое по тому было изслѣдованіе, штрафъ и наказаніе и рѣшеніе, по сіе число неизвѣстно, чего ради надлежитъ, что и сей комисаръ, взявъ себѣ во образецъ, не видя никакого надъ тѣмъ наказанія, таковымъ же образомъ поступаетъ.

Не мню, чтобъ Монастырской Приказъ по управленію Его Величества дѣла и порядки гошпитальнаго вспоможенія мнѣ въ томъ не учинилъ, такъ прежняго Боровитинова, какъ и сего Всеволоцкаго наказавъ по указамъ. Аще сего не будетъ невозможно государеву казну хранить, дѣла отправлять, паціентовъ лечить, гошпиталь въ регулярномъ порядкѣ сохранять, чего для я принужденъ буду подробно доносить въ Санктъ-Питербурхъ гдѣ надлежитъ и противъ вашего правленія протестацію послать, да себѣ сохранить возмогу и сіе нерадѣніе мнѣ бы не причлось. Прошу по сему моему доношенію учинить рѣшеніе.

N. Bidloo».

Въ протестаціи медицинскаго персонала госпиталя, подписанной Эйхлеромъ, Гарменсомъ, Макомъ, Кланке и Богдановымъ комисаръ Всеволоцкой обвиняется въ томъ, что онъ:

1) «Многимъ болящимъ не давалъ одѣялъ, отговариваясь, что будто у него не имѣется, а послѣ у него въ чемоданѣ нашли 10 одѣялъ овчинныхъ новыхъ, и насильно взяты и розданы болящимъ.

2) По указу велѣно на одѣяла болящимъ сукна сѣрыя покупать и подбивать холстиною, на что и деньги ему комисару выданы, а онъ этого не дѣлаетъ, а сукна тѣ такъ валяются.

3) Дровъ не покупалъ; топили бревнами хорошими отъ строенія оставшимися.

4) Пива не варилъ.

5) У болящихъ никогда не бывалъ.

6) Стопокъ аптекарскихъ не покупалъ.

7) Серебариноваго цвѣту тожъ *).

8) Рогожъ для покрышки цвѣтовъ не покупалъ, отъ чего многіе цвѣты и коренья погнили.

9) «Лошади корму не давалъ чрезъ многое время.

10) Безчестными и ругательными словами съ немалою фуріею лекарямъ досаждалъ.

*) Такъ назывался цвѣтъ шиповника.

Библиотека "Руниверс"

11) Садовнику соломы не давалъ, а деньги на то ему выданы.

12) Сала въ аптеку не покупаетъ пяти пудовъ, а деньги даны.

13) Окончинъ и печей не чинилъ.

14) Болящимъ давалъ баранину, которая нездоровая, весьма синяя была, отчего многимъ болящимъ случался быть поносъ, спятки съ червями, масло коровье ничѣмъ не разнилось отъ сала.

15) Вѣдѣніе за рукою лекаря Гарменса ему дано о ветхости печи, а онъ его презираетъ».

Заявилъ свою жалобу и садовникъ, для лошади котораго Высоцкій ни давалъ ни овса, ни сѣна, такъ что садовникъ изъ жалости покупалъ на свои, «съ великою нуждою, а тоё лошадь смертью чуть не уморилъ». Обвиненіе было представлено по 11 пунктамъ. Всеволоцкій на всѣ пункты отвѣчалъ, что этого не было, спятки и мясо были всегда хорошія, никого и никогда онъ не ругалъ, одѣяла онъ берегъ, а себѣ не бралъ и т. д.

Тѣмъ не менѣе 19 Февраля 1725 г. Всеволоцкаго отрѣшили отъ должности и назначили Сурмина. Приказано было одному сдать, другому принять госпиталь и составить «росписной списокъ» за ихъ обоихъ руками. Такъ какъ опись эта рисуетъ намъ внѣшній бытъ госпиталя и его хозяйство, то считаемъ нужнымъ привести выдержку изъ нея.

«Свѣтлица крестовая съ перегородками, въ которой свѣтлицѣ болящіе, въ ней двѣ печи обращатыя, семеро двери, семь окошекъ съ оконницами, въ томъ числѣ три оконницы ветхи; въ той-же свѣтлицѣ святыхъ иконъ мѣстныхъ образовъ Пресвятыя Богородицы Одигитріи, образъ Введенія Богородицы, на немъ три вѣнчика да риза серебряныя вызолоченыя, образъ Святыхъ Апостолъ Петра и Павла и тѣ образы писаны на краскѣ, крестъ благословящій на деревѣ обложенъ серебромъ басемнымъ золоченой. Церковной утвари: Евангеліе старое въ десть, оболочено зеленымъ бархатомъ, Евангелисты мѣдные чеканные позолочены; Апостолъ въ десть, Новой Завѣтъ въ полдести, двѣ Псалтыри со слѣдованіемъ въ десть, двѣ Тріоди въ десть, одна цвѣтная, другая постная, Прологъ въ трехъ переплетахъ въ десть, Шестодневъ въ полдесть, двѣ минеи общая дестевая, другая праздничная въ полдесть, Служебникъ въ четверть, двои ризы, одни атласныя, другія кндяшныя, патрахель бархатная ветха, поручни бархатные ветхіе, двѣ пелены большая да малая, чаша водосвятная мѣдная, ковшикъ мѣдной, кропило, два подсвѣчника жестяные, дароносица мѣдная, кадило мѣдное. Въ той свѣтлицѣ шкапъ столярной, въ которомъ книги лежатъ съ замкомъ, еще книга Требникъ въ четверть. А оная крестовая свѣтлица крыта тесомъ, а вышеписанныя святыя иконы и утварь церковная всѣ подъ охраненіемъ у священника Ѳедота Дмитріева.

Свѣтлица столовая дохтурская, въ которомъ учить учениковъ; въ ней печь обращатая, два стола дубовые, дверь на крюкахъ съ замкомъ, на той свѣтлицѣ восемь окошекъ, съ оконницами въ четы-

Библиотека "Руниверс"

рехъ, рѣшетки желѣзныя; противъ той свѣтлицы аптека; въ аптекѣ столъ сосновой, печь обращатая, дверь на крюкахъ съ болтомъ, на той аптекѣ пять окошекъ, съ оконницами стеклянными, въ трехъ окошкахъ рѣшетки желѣзныя. По сторонѣ той же столовой свѣтлица, гдѣ живутъ ученики, въ ней столъ липовой, печь обращатая, восемь окошекъ съ оконницами стеклянными, дверь на крюкахъ съ замкомъ. А промежъ тѣхъ трехъ свѣтлицъ двои сѣни въ сѣняхъ, четыре чулана о съ нужниками; а оныя свѣтлицы крыты подъ одну линію тесомъ».

Свѣтлица Французская, въ ней печь обращатая, трои двери на крюкахъ, въ окошкахъ 11 окопницъ стеклянныхъ, въ томъ числѣ на верху надъ тѣми окошками другія 10 окошекъ безъ окончинъ, затворы у всѣхъ окошекъ на крюкахъ желѣзные, оная свѣтлица крыта тесомъ».

Сушило, что̀ хлѣбъ сыплютъ, о двухъ жильяхъ, въ нижней сушилѣ 3 сусѣка, у сушилы двѣ двери, оное сушило крыто дранью по скалѣ; въ той же сушилѣ 4 ларя, что̀ сыплютъ муку, въ ней провіанту крупъ гречневыхъ 4 четверти, гороху двѣ четверти, овса на кисель 3 четверти, муки пшеничной 3 четверти, солоду аржаного 3 четверти, ячменя на солодъ 6 четвертей, муки аржаной 5 четвертей.

Подлѣ сушила изба хлѣбная для печенія хлѣбовъ, передъ ней сѣни, въ сѣняхъ сусѣкъ, оная изба и сѣни крыты дранью по скалѣ.

Дворъ камисарской, на немъ хоромнаго строенія свѣтлицы съ комнатою ветхи, въ ней двѣ печи, одна обращатая, другая кирпичная, столъ сосновой съ ящики, передъ нею сѣни съ перегородкою, въ тѣхъ сѣняхъ 4 чуланишка, чердакъ; оные покрыты дранью по скалѣ. Свѣтлицы и сѣни и чуланы всѣ и на кровляхъ кровли обвалились; 4 окошка съ оконницы стеклянныя, у окошекъ двои ставни деревянныя, поперекъ запоры желѣзные. На томъ же дворѣ 2 сарая; въ одномъ сараѣ 2 чана большихъ ветхихъ, да у двора комисарскаго конюшня съ стойлами безъ мосту, крыта дранью, ветха.

Подлѣ комисарскаго двора архимиска *), а въ той архимискѣ инструментовъ: 2 котла большихъ мѣдныхъ, 2 котла мѣдныхъ меньшихъ, 2 куба мѣдные, одинъ пять ведръ, другой въ полтрети ведра съ крышками, которой вставленъ въ мѣдную жаровню, третій котелъ большой, которой вновь сдѣланъ изъ аптеки мѣдной съ крышкою и съ трубою; а трубы мѣдныя въ трубницахъ деревянныхъ; три горшка чугунныхъ, одинъ ветхой, сковорода желѣзная, 2 прута желѣзныхъ, на которыхъ въ горну котлы содержатся, одно рѣшето липовое, одинъ замокъ, одинъ ушатъ деревянной, жаровня желѣзная большая ветха» и пр.

Позади гошпиталя каменныя палаты къ рѣкѣ Яузѣ, свѣтлица съ комнатою, передъ ними двои сѣни, подъ сѣньми погребъ, а въ тѣхъ свѣтлицахъ живетъ гошпитальнаго двора крестовый священникъ Ѳедотъ Дмитріевъ, съ нимъ дьячекъ Иванъ Архиповъ».

---

*) Такъ называлась аптечная лабораторія.

Библиотека "Руниверс"

ИЗВѢТЪ ТРЕТЬЯКОВСКАГО НА СУМАРОКОВА.

Пресловутый Тредьяковскій подавалъ извѣтъ на Сумарокова по поводу его стихотворенія напечатаннаго въ журналѣ «Ежемѣсячныя сочиненія»: Изъ псалма CVI» [1]).

Передъ нами дѣло, производившееся въ Св. Сунодѣ по этому извѣту, и здѣсь представляются тѣ показанія, о которыхъ въ печати еще не было.

По предварительной просьбѣ, профессоръ Василій Третьяковскій впущенъ предъ собраніе Св. Сунода 13 Октября 1755 г. и подалъ доношеніе, въ которомъ между прочимъ писалъ:

«1, Читая Сентябрскую книжку Ежемѣсячныхъ Сочиненій сего 1755 г., нашелъ я именованный въ ней оды духовныя, сочиненныя господиномъ полковникомъ Александромъ Петровымъ сыномъ Сумароковымъ, между которыми и оду, надписанную изъ псалма 106 [2]), а въ ней увидѣлъ, что она при концѣ говоритъ о безконечности вселенныя и о множествѣ міровъ.

[1]) См. Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ III. II, С.П. 1868 г. Чтенія въ обществѣ Исторіи и древностей 1868, к. I. смѣсь, стр. 7 и Сынъ Отечества 1868 г. № 39.

[2]) Ода эта напечатана второю въ журналѣ „Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія". Сентябрь 1755 г., стр. 265—268. Вотъ нѣсколько строфъ изъ этой оды.

Твою, великій Боже, славу,
И сильную Твою державу
Являетъ все намъ вещество.
Вселенной зданіе прекрасно,
Богъ есть, вѣщаетъ намъ согласно.
Хоть непостижно существо.
Земля и море представляютъ
Что нѣчто нами обладаетъ.
По всюду видны чудеса.
Тобою естество крѣпится,
Тобой оно въ порядкѣ зрится.

Библиотека "Руниверс"

2) И какъ сіе достовѣрно, что вселенная не можетъ быть безконечна ни по совершенствамъ, для того что несовершенна крайно, ни по продолженію, для того что небезначальна, ни по естеству, для того что сложна, и потому на части рѣшится, и ниже по наполненію, для того что небезмѣрна крайно, и потому имѣетъ предѣлы, но токмо человѣкамъ невѣдомые; а множество міровъ есть токмо мечтаніе философское: то я именованный принужденъ былъ, для справки, прочесть самый оный псаломъ 106, въ которомъ однако не нашелъ ни слѣдовъ къ тому, чтобъ псаломъ сей гдѣ говорилъ о безконечности вселенныя, и о множествѣ міровъ.

Сіе изъясненіе на извѣтѣ, поданномъ святѣйшему Правительствующему Суноду 13 Октября сего 1755 году, писалъ я Василій Третіаковскій и руку приложилъ».

Св. Сунодъ по выслушаніи представленій профессора разсудилъ «по оному имѣть впредъ разсужденіе».

Постановленіемъ Св. Сунода Тредьяковскій не удовлетворился и 16 Октября написалъ слѣдующее письмо члену Св. Сунода, Троицкія Сергіевы лавры архимандриту Аѳанасію.

«Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ. Мой достойнопочитаемый издавна благодѣтель.

На поданный извѣтъ Святѣйшему Правительствующему Суноду мною сего Октября 13 дня, о томъ, что въ духовной одѣ, положенной въ ежемѣсячной Сентябрской книжкѣ, а подписанной изъ 106 псалма, ложно утверждается дѣйствительная безконечность вселенныя и дѣйствительное множество міровъ, при семъ пріобщаю изъясненіе. Чего ради

Престолъ Твой, Боже, небеса.
Тамъ множество свѣтилъ горящихъ,
Подсолнечнымъ своимъ свѣтящихъ,
И тьма великихъ твердыхъ тѣлъ.
Ты царствуешь, Владыко, вѣчно,
И все пространство безконечно
Господства Твоего предѣлъ.
Чрезъ многіе шумящи вѣки.
Текущія въ долинахъ рѣки
Ты, Боже, въ сушу превратилъ.
Пустыни озерами стали,
Гдѣ киты плещуще играли,
Ты тамо грады населилъ.

Библиотека "Руниверс"

покорнѣйше прошу ваше высокопреподобіе приложенное сіе изъясненіе сообщить Святѣйшаго Правительствующаго Сунода членамъ, кои ясно увидятъ, что духовная оная ода съ осмыя строфы по первуюнадесять включительно, говоритъ отъ себя, а не изъ псаломника, о дѣйствительной безконечности вселенныя, и о дѣйствительномъ множествѣ міровъ, а не о возможномъ по всемогуществу Божію.

Впрочемъ, вручая себя благословенію вашего высокопреподобія и всѣхъ членовъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода, есмь съ достодолжнымъ почтеніемъ, вашего высокопреподобія, покорнѣйшій слуга Василій Третьяковскій».

Просьба Третьяковскаго, надо полагать, сильно тревожила его и не давала ему покою, что̀ можно заключить по многимъ журнальнымъ статьямъ, состоявшимся въ Св. Сунодѣ вѣроятно по его словеснымъ просьбамъ.

Дѣло по извѣту (13 и 16 Октября 1755 г.) докладывалось 10 Ноября, и 19 Іюля 1756 года, и 3 Іюля 1775 года, безъ всякихъ послѣдствій, и наконецъ въ третій и послѣдній разъ, рѣшеніе Сунода, за смертію Третьяковскаго *) состоялось слѣдующее: «Какъ означенныя мѣсячныя сочиненія чрезъ долгое время всѣ уже распроданы, и возвратить ихъ не можно, то и дѣло о семъ исключить изъ числа нерѣшенныхъ».

Николай Григоровичъ.

*) Третьяковскій † 6 Августа 1769 г. Онъ погребенъ въ Москвѣ, въ церкви Гребенской Божіей Матери (что̀ на углу Лубянской большой площади и Мясницкой улицы). Сынъ его, въ царствованіе Павла, подавалъ тоже „извѣтъ“, по которому молодой А. П. Ермоловъ сосланъ былъ въ Кострому. Третьяковскому-сыну, который былъ гдѣ-то губернаторомъ, принадлежало прекрасное имѣніе подъ Рязанью, которымъ въ наши дни владѣлъ извѣстный дипломатъ В. П. Титовъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

СУМАРОКОВЪ.

Письмо Сумарокова къ содержателю Московскаго театра Бельмонти.

A m. Belmonti.

J'ai pris aujourd'hui la médécine ordonnée par le stab-chirugien de son excellence le marechal, et il m'a ordonné de ne me fâcher pas; mais vous avez envoyé exprès la publication qu'on donnera mes pièces malgré moi. Vous répondrez devant la justice et vous me payerez de votre bourse, si je veux; parce que vous avez manqué, et votre honneur n'est plus honneur: vous l'avez perdu en donnant parole d'honneur, que vous avez rompu. Si vous dites que c'était par ordre du maréchal: le meréchal est sous les lois, mais non pas les lois sous lui en même temps. Il est le premier seigneur dans la ville de Moscou; mais les Muses ne sont pas sous ses commandements. Mes drames sont à moi et le théâtre, les habits, la musique etc. sont à vous. Quel pouvoir a donc le maréchal de faire jouer mes pièces selon sa bonne volonté? Montrez lui, si vous voulez, cette lettre. Je le respecte comme grand gouverneur de la ville capitale, mais non pas comme le gouverneur de mes Muses, et par conséquence du côté de la place qu'il occupe je le respecte, et du côté de la poésie, je m'estime plus que lui. Et pour sa grâce, je ne la cherche pas. Soumarocow.

Le 30 Janvier 770.

Переводъ.

Господину Бельмонти.

Я принялъ сегодня лекарство, прописанное штабъ-хирургомъ его сіятельства фельдмаршала, и онъ предписалъ мнѣ не сердиться; но вы нарочно послали объявленіе, что мои сочиненія дадутся безъ меня. Вы отвѣтите передъ судомъ и заплатите мнѣ изъ своего кошелька, если я захочу; потому что вы не сдержали слова, и ваша честь уже больше не честь: вы утратили ее, давъ мнѣ честное слово и не сдержавъ его. Если вы скажете, что это

Библиотека "Руниверс"

былъ приказъ фельдмаршала *): фельдмаршалъ стоитъ подъ законами, а не законы подъ нимъ, въ тоже время онъ главный начальникъ города Москвы, но Музы не въ его власти: мои драмы принадлежатъ мнѣ, а театръ, костюмы, музыка и т. д. вамъ. Какое же право имѣлъ фельдмаршалъ ставить мои сочиненія по своей волѣ? Покажите ему, если хотите это письмо. Я уважаю его какъ ген.-губернатора столицы, но не какъ начальника моихъ Музъ, и слѣдовательно по тому мѣсту, которое онъ занимаетъ, я его уважаю, но по отношенію къ Музамъ я уважаю себя болѣе, нежели его. А милости его я не ищу. Сумароковъ.

30 Генваря 770.

Письмо Сумарокова къ императрицѣ Екатеринѣ.

Всемилостивая Государыня!

Я пріѣхалъ сюда, множество издалъ моихъ сочиненій, между которыми трагедія и три комедіи представлены. Я здѣсь прожился со всѣмъ и прихожу въ отчаяніе. Я единыя сея милости отъ Вашего Императорскаго Величества прошу. Выдается мнѣ по волѣ Вашего Величества ежегодно жалованіе годовое на передъ. Полгода уже прошло, и осталось полгода; такъ я всенижайше прошу, дабы повелѣніемъ Вашего Величества выдано мнѣ было жалованье еще на годъ; такъ съ выданнымъ уже полуторагодовое полученіе будетъ, и немного различествовать будетъ, съ прежнимъ полученіемъ. Я прихожу, Государыня, въ отчаяніе, что живу здѣсь понапрасну и выѣхать отселѣ не могу. Напомните прежнюю Вашу ко мнѣ милость и покровительство. Вашего Императорскаго Величества всенижайшій и всеподданѣйшій рабъ Александръ Сумароковъ.

4 Ноября 1774. (Москва).

ДЕРЖАВИНЪ.

Письмо къ посланнику въ Голландіи князю С. Н. Долгорукому.

Милостивый государь мой, князь Сергѣй Николаевичъ!

Нужно мнѣ имѣть свѣдѣніе о именахъ лирическихъ поэтовъ Голландскихъ. А какъ вы любитель Музъ, то думаю, что въ пребываніе ваше въ Голландіи получили достаточныя свѣдѣнія о нихъ. Ваше сіятельство меня крайне обязать изволите, ежели извѣстите меня объ ихъ именахъ и твореніяхъ, хотя не всѣхъ, но сколько вамъ можно. Пребывая въ прочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью.

Вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Гавріилъ Державинъ.

Ноября 20 дня 1810 года.

*) Графа П. С. Салтыкова. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

БИБЛІОГРАФІЯ СОЧИНЕНІЙ А. И. ЛЕВИТОВА.

(Р. 20 Іюня 1835 †4 Янв. 1877).

Исполнилось 30 лѣтъ со дня смерти одного изъ народныхъ Русскихъ писателей, Александра Ивановича Левитова. Наша печать не почтила памяти этого писателя даже простымъ извѣстіемъ объ этой годовщинѣ. Да это и понятно: переживая жгучее время въ исторіи Русской жизни, печать уже не находитъ для того мѣста въ своихъ изданіяхъ. А, между тѣмъ, предавать имя Левитова забвенію было бы несправедливо. Произведенія его и до нашего времени не утратили своего значенія: они до сихъ поръ находятъ обширный кругъ читателей.

Отдадимъ нашу слабую дань этому труженику словесной нивы, перечисленіемъ его произведеній, помѣщенныхъ имъ, какъ въ повременныхъ изданіяхъ, такъ и вышедшихъ отдѣльно.

„Время“ 1861. Ярмарочныя сцены № 6. Въ Собр. сочин., напеч. подъ заглав. „Типы и сцены сельской ярмарки“.

Сладкое житье. № 8. Первоначально было напечатано въ журн. „Москов. Вѣстникъ“ 1861 г., но за прекращеніемъ изданія, окончено не было.

„Русская Рѣчь“ 1861. Цѣловальничиха. (Очеркъ изъ народной жизни). № 26, стр. 403—407 и № 27, стр. 417—421.

Проѣзжая степная дорога. (Ночь). № 65, стр. 198—201 и № 66, стр. 214—216. Въ Собр. сочин. напеч. изд. „Степная дорога ночью“.

Желѣзинское подворье и его обитатели. № 79, стр. 428 и № 80, стр. 443—444. Подпись: *А. Л.* Въ Собр. сочин., изд. К. Т. Солдатенкова—не вошло.

Наканунѣ Христова дня. Разсказъ изъ народной жизни. № 95, стр. 678—681; № 96, стр. 696—699; № 97, стр. 711—715; № 98, стр. 725—728, № 102, стр. 791—794 и № 103—104, стр. 809—814.

Московскіе нищіе на поминкахъ. № 97, стр. 719—720 и № 98, стр. 733—734. Подпись: *А. Л.* Въ Собр. сочин., изд. К. Т. Солдатенкова,—не вошло.

Стрѣлки и стрѣльба. № 103—104, стр. 824—826. Подпись: *А. Л.* Въ Собр. сочин., изд. К. Т. Солдатенкова,—не вошло.

„Зритель“ 1862. Изъ Московскихъ нравовъ. Совершенно погибшее но весьма милое созданье. № 16, стр. 502—508 и № 17, стр. 534—542. Подпись: *Иванъ Сизой.*

Ночь на свѣтлый праздникъ № 19, стр. 642—646. Подпись: *Иванъ Сизой.* Въ Собр. соч. п. з. „Передъ пасхой“.

Степная дорога. № 24, стр. 767—775; № 25, стр. 802—807 и № 26, стр. 835—842. Въ Собр. соч. п. з. „Степная дорога днемъ“.

„Русскій Архивъ“ 1907.

Библиотека "Руниверс"

Изъ нашихъ будто бы мистерій. № 30, стр. 79—85 и № 31, стр. 111—117. Подпись: *Иванъ Сизой.* Въ Собр. соч. п. з. „Московская тайна".

Грачовка. № 37, стр. 300—314. Подпись: *Иванъ Сизой.*

Мірской судъ. № 44, стр. 535—541. Въ Собр. соч. п. з. „Расправа".

Дурочка. № 45, стр. 565—571. Въ Собр. соч. п. з. „Блаженненькая".

Крымъ. № 47, стр. 618—623 и № 48, стр. 650—657. Подпись *Иванъ Сизой.*

Первая кухарка. № 51, стр. 752—756 и № 52, стр. 796—807. Подпись: *Иванъ Сизой.*

„Развлеченіе" 1862. Дорожный очеркъ (Степные нравы). № 23, стр. 280—284 и № 24, стр. 290—294. Въ Собр. соч. п. з. „На супротивъ".

Аркадское семейство или новая камелія въ Кэпи. Московская идиллія № 43, стр. 205—209; № 44, стр. 217—224 и № 45, стр. 229—232. Подпись: *Иванъ Сизой.*

1863.

Сапожникъ Шкурланъ. Степной очеркъ. № 5, стр. 66—69.

Воскрещій Гуакъ непреоборимый богатырь Флоридскій, или редакція времени. № 14, стр. 214—218. Подпись: *Ив. Сизой.*

1864.

Самоваръ Исая Ѳомича. (Степные нравы). № 8, стр. 114—116 и № 9.

Женитьба портнаго Ивана Маркова и ея послѣдствія. № 25, стр. 385.—394. Подпись: *Иванъ Сизой.*

1865.

1865. Запивоха. № 6, стр. 82—87 Подпись; *И. Сизой.*

„Библіотека для чтенія". 1863. Московскія комнаты снебилью". №№7—9.

„Народное Богатство". 1863. Война.

„Очерки" 1863. Горбунъ (Отрывокъ изъ повѣсти) №№ 61 и 62.

„Сѣверное Сіяніе". (Русскій Художественный Альбомъ издаваемый Василіемъ Генкелемъ Спб. 1863. 4°) Москва и ея окрестности. Т. II, стр. 43—52, 101—112, 177—188, 235—248, 300—308, 355—367, 418—430, 517—522, 569—584, 654—662, 725—732, 777—788. Подпись; *А. Л—въ.*

Имянины сельскаго дьячка. Степные нравы. то-же стр. 309—320.

„Якорь" 1863. Сосѣди. Степные нравы. № 1, стр. 6—9.

Лирическія воспоминанія Ивана Сизой. I. Мои старики № 1, стр. 47—54. Подпись; *Иванъ Сизой.* Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, п. з. „Моя фамилія" было перепеч. въ „Недѣлѣ" 1868 г.

Барышня. № 17, стр. 321—325 и № 18, стр. 345—348. Подпись: *Иванъ Сизой.* Ни въ сборники, ни Собр. сочин. Левитова не вошло.

„Московскія Губернскія Вѣдомости" 1864. Нравы Московскихъ дѣвственныхъ улицъ. (Очеркъ). (Писано, памятуя о погибающемъ другѣ) №№ 4 и 5. Подпись: *Иванъ Сизой.*

„Современникъ" 1864. Выселки. № 1. Бабушка Маслиха. № 8.

1865.

Вѣрное средство отъ разоренья. Очеркъ изъ Московскихъ нравовъ. № 1, стр. 301—330.

„Будильникъ" 1865. Газета. (Степные нравы). № 6, стр. 21—23 и № 7, стр. 25—26.

1876.

Всеядныя. (Картины подмосковной дачной жизни). №№ 46, 47, 48.

1877.

Всеядныя. (продолж. и оконч.). №№ 19 и 20.

„Искра" 1865. Старое бревно. № 15, стр. 214—218 и № 16, стр. 227—231.

Очерки Московскихъ нравовъ. №18. стр. 258—260 и № 19, стр. 274—278, Въ Собр. сочин. п. з. „Графчикъ".

Шоссейныя сцены. № 41, стр. 542 546.

Библиотека "Руниверс"

Фигуры и тропы о Московской жизни. Живописующее вмѣсто живописуемаго на первомъ планѣ. № 46, стр. 610—612 и № 47, стр. 630—634. *Иванъ Петровичъ Сизой.*

1868.

День у адвоката. (Изъ разсказовъ Ивана Сизого). № 34, стр. 406—412 и № 35, стр. 417—420.

Аресный столъ. (Петербургскіе нравы). № 39, стр. 466—468. Подпись: *Иванъ Сизой.*

„**Московская Газета**“ 1866. Контора. (Очеркъ изъ Петербургской жизни). № 23. Ни въ сборники ни въ Собр. сочин.—не вошло.

Аховскій посадъ. (Отрывокъ изъ повѣсти). № 35.

„**Недѣля**“ 1868. Моя фамилія. (Старый разсказъ). №№ 7 и 8. Первоначально, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, п. з. „Мои старики“ (Лирическія воспоминанія Ивана Сизой), было напечат. въ журн. „Якорь“ 1863 г., см. выше.

Счастливые люди. №№ 11—14.

1870.

Мое дѣтство. Изъ степныхъ очерковъ. № 1.

Деревенскія картинки. №№ 25—28.

„**Дѣло**“ 1869. Безпечальный народъ. Шоссейные типы, картины и сцены. № 1, стр. 37—77 и № 2, стр. 86—116.

Петербургскій случай. Очеркъ. № 10, стр. 164—217.

1870.

Изъ Московскихъ нравовъ. № 3, стр. 85—117.

Московскія уличныя картины №

„**Отечественныя Записки**“ 1869. Хорошія воспоминанія. (Очеркъ изъ Московскихъ нравовъ). № 12, стр. 327—353.

„**Вѣстникъ Европы**“ 1870. Безпріютный. Шоссейные типы. № 5, стр. 104—131.

1872.

Сельское ученіе. Степная идиллія. № 2, стр. 431—479.

„**Грамотей**“ 1871. Яковъ Петровичъ Сыроѣдъ. (Очеркъ). № 3, стр. 35—48.

Аховскій посадъ. (Степные нравы стараго времяни). Отрывки изъ этой повѣсти были помѣщены въ „Москов. Газетѣ“ 1866 г., см. выше.

„**Дешовая библіотека для легкаго чтенія**“ 1871. Въ деревнѣ. Очеркъ № 3, стр. 101—116.

„**Дѣтское Чтеніе**“ 1871. Сельскій годъ. № 1, стр. 3—16.

„**Сѣяніе**“ 1872. Сказка и правда. (Очеркъ). № 1, стр. 1—4; № 2, стр. 21—26; № 3, стр. 37—42 и № 4, стр. 53—57.

Т. I, 8°, CXXXIX+736+2+I стр. Содержаніе: Предисловіе.—А. И. Левитовъ. Статья Ф. Д. Нефедова.—Типы и сцены сельской ярмарки.—Цѣловальничиха.—Сладкое житье.—Степная дорога ночью. — Степная дорога днемъ.—Наканунѣ Христова дня.—Сосѣди, — Горбунъ. — Расправа. — Дворянка. — Блаженненькая. — Война.—Сапожникъ Шкурланъ.—Старое бревно. — Яковъ Петровичъ Сыроѣдъ.—Новый колоколъ.—Деревенскій случай. — Уличныя картинки — ребячьи учители.—Именины сельскаго дьячка.—Газета въ селѣ.—Степные выселки.—Бабушка Маслиха.—Самоваръ Исая Ѳомича — Насупротивъ!.. — Сельскія тревоги.—Моя фамилія.—Мое дѣтство.—Деревенскія картинки. Передъ открытіемъ сельскихъ школъ. — Сельское ученіе.—Аховскій посадъ.

Т. II, 8°, 738+2 стр. Содержаніе: Передъ Пасхой.—Московскія „комнаты снебелью“.—Крымъ.—Грачовка.—Аркадское семейство или новая камелія въ Кэпп. — Погибшее, но милое созданье. — Московская тайна.—Нравы Московскихъ дѣвственныхъ улицъ. — Счастливые люди. — Запивоха.—Графчикъ.—Праздничный сонъ.—Вѣрное средство отъ разоренья.—Фигуры и тропы о московской жизни.—Московскія, уличныя картины.—Хорошія воспоминанія.—Ни сѣютъ, ни

Библиотека "Руниверс"

жнутъ. — Московскій профиранецъ.— Дѣвичій грѣшокъ.— Сказка и правда.— Барочникъ Картузовъ. — Безпріютный.—Шоссейный день.—Безпечальный народъ.—Петербургскій случай.— Говорящая обезьяна. — „Завиденіе мужской, дамской децкой обуви“.— Всеядныя.

Полное собраніе сочиненій А. И. Левитова. Съ портретомъ автора и вступительной статьей В. А. Никольскаго. 4 тома. Спб. Изд. Н. Ѳ. Мертца. Тип. Т-ва „Народная народная“. 1905, 8°.

Т. I, 8°. XLVI+430+I стр. Содержаніе: А. И. Левитовъ, какъ человѣкъ и писатель. Статья В. А. Никольскаго. — Сладкое житье. — Цѣловальничиха.—Типы и сцены сельской ярмарки. — Степная дорога ночью.— Наканунѣ Христова дня.—Погибшее, но милое созданье.—Передъ Пасхой.— Насупротивъ.—Степная дорога днемъ. —Московская тайна. — Грачовка.— Аркадское семейство или новая камелія въ Кэпи.—Расправа.—Блаженненькая.—Крымъ.—Первая кухарка. —Сосѣди.

Т. II, 8°, 510 стр. Содержаніе: Сапожникъ Шкурланъ.—Горбунъ.—Моя фамилія. - Воскресшій Гуакъ.—Война. —Дворянка. — Московскія „комнаты снебелью“.—Именины сельскаго дьячка. — Степныя выселки. — Самоваръ Исая Ѳомича.—Нравы Московскихъ дѣвственныхъ улицъ. — Женитьба портного Ивана Маркова и ея послѣдствія.—Бабушка Маслиха.—Вѣрное средство отъ разоренья.— Запивоха. — Деревенскій случай.—Новый колоколъ.—Старое бревно.—Уличныя картинки—ребячьи учители.— Яковъ Петровичъ Сыроѣдъ.—Газета въ селѣ.— Счастливые люди.

Т. III, 8°, 471+I нен. стр. Содержаніе: День у адвоката.—Адресный столъ.—Безпечный народъ. — Петербургскій случай.—Хорошія воспоминанія. — Граффикъ.— Праздничный сонъ. — Фигуры и тропы о Московской жизни.— Мое дѣтство.—Московскія уличныя картины. — Безпріютный.—Деревенскія картинки. — Сельскія тревоги. — Сказка и правда.— Сельское ученіе.—Фонарщики.

Т. IV, 8°, 343+II стр. Содержаніе: Московскій проферанецъ. — Аховскій посадъ. — Дѣвичій грѣшокъ.— Не къ рукѣ. — Барочникъ Картузовъ.—Ни сѣютъ, ни жнутъ.—Шоссейный день. —Всеядная.—Говорящая обезьяна.— „Завиденіе мужской, дамской и децкой обуви“. — Московскіе нищіе на поминкахъ.—Стрѣлки и стрѣльба.— Критика о Левитовѣ. — Алфавитный указатель (произведеній Левитова).

Фонарщики. (Очеркъ) № 9, стр. 138—139.

„Народная Ремесленная Газета“ 1873. Московскій профиранецъ. № 1, стр. 43—62.

1874.

Дѣвичій грѣшокъ, (Разсказъ). №№ 1—3.

Не къ рукѣ. Шоссейный очеркъ. № 10, стр. 235—236 и № 13, стр. 308.

„Свѣтъ“ 1879. Говорящая обезьяна. (Эпизодъ изъ романа „Сны и факты“). № 11.

Отдѣльныя изданія. Степные очерки. Изд. В. Генкеля. 2 т., Спб. 1865.

— Тоже. 3 ч. М. 1867. 16°. Ц. 2 р. 25 к.

— Тоже. Изд. 2-е (?) исправленное и дополненное. 2 ч. М., тип. Мамонтова. 1874. 16°. ч. I, 1 нен.+ 355 стр., ч. II, 1 нен. + 306 стр. 2.400 экз., ц. 1 р. 60 к.

Содержаніе. Ч I. Сосѣди. — Горбунъ. — Расправа. — Степная дорога ночью и днемъ.—Дворянка.—Степныя выселки. — Бабушка Маслиха.—Блаженные.—Война.—Сапожникъ Шкурланъ. — Ч. II. Самоваръ Исая-Ѳомича. — Деревенскій случай. — Уличныя картины, ребячьи учители. — Старое бревно. — Яковъ Петровичъ Сыроѣдовъ. — Новый колоколъ. — Насупротивъ. — Газета въ селѣ. — Имянины сельскаго дьячка.—Сладкое житье.— Сельскіе тревоги.

Бабушка Маслиха. Степные очерки. Спб. 1868. ц. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

Дворянка. Выселки. Степные очерки. Спб. 1868. ц. 50 к.

Сосѣди. Степные очерки. Спб. 1868. ц. 50 к.

Уличныя картины. Очерки. Спб. 1868. ц. 50 к.

Горе селъ, дорогъ и городовъ. Повѣсти, очерки, разсказы и картины. Москва. Тип. Ф. Іогансона. 1874, 8°, 752 стр. (2400 экз.), ц. 3 р. 50 к.

Содержаніе. Наканунѣ Христова дня.—Моя фамилія.—Мое дѣтство.—Деревенскія картинки.—Безпріютный.—Барочникъ Картузовъ. — Сельское ученіе.—Безпечальный народъ.—Петербургскій случай.—Шоссейный день.—Фигуры и тропы о Московской жизни.—Московскія уличныя картинки.—Хорошія воспоминанія.—Сказка и правда.—Аховскій посадъ.—Ни сѣютъ ни жнутъ. — Московскій префиранецъ.—Дѣвичій грѣшокъ.

Жизнь Московскихъ закоулковъ. Очерки и разсказы. Изд. 3-е. Москва. Тип. Мамонтова. 1875, 8°, 537 стр. (2.400 экз.), ц. 1 р. 40 к.

Аховскій посадъ. (Степные нравы стараго времени). Очеркъ первый, съ 2-мя картинами. Изд. народнаго журнала „Грамотей". Москва. Тип. А. Мамонтова и К°. 1877, 8°, 92 стр. (2.000 экз.), ц. 50 к.

Безпріютный. Разсказъ. Изд. „Народной Библіотеки". Москва. Тип. Кушнерева. 1888, 8°, 48 стр. (5.500 экз.).

Московскія норы и трущобы. Собрали М. А. Вороновъ и А. И. Левитовъ. Изд. книгопродавца Н. Г. Овсянникова. 2 тома. (Спб. 1866, 8°.

Т. I, 8°, 448+1 нен. стр. Содержаніе: *Сквозь огонь воду и мѣдныя трубы**). Грачовка—*Адъ.*—*Тишина.*—*Арбузовская крѣпость.* — Московскія „комнаты снебилью".—Аркадское семейство или новая камедія въ Кэпи.

Т. II, 8°, 380+1 нен. стр. Содержаніе: Иванъ Сизой изображаетъ московскіе нравы.—Погибшее, но милое созданье.—Крымъ.—Еще Грачовка.—Передъ Пасхой.—Московская тайна.—Запивоха. — Графчикъ.—Праздничный сонъ.—Нравы Московскихъ дѣвственныхъ улицъ.

— Тоже. Изд. второе, дополненное. Спб. Изд. В. е. Генкеля. Тип. Ефимьева. 1869. 8°, II+576 стр., ц. 1 р. 50 к

Собраніе сочиненій А. И. Левитова. Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ, и статьею о жизни его Ф. Д. Нефедова. Изд. К. Т. Солдатенкова. 2 тома. Москва. Москов. Городск. Типографія. 1884, 8°, ц. за оба тома 5 р.

---

*) Напечатанное курсивомъ принадлежитъ перу М. А. Воронова.

Александръ Ивановичъ Левитовъ родился 30 Августа 1835 г. въ селѣ Добромъ, Лебединскаго у., Тамбовской г.

Отецъ его, Иванъ Ѳедоровъ, кромѣ понамарской должности, занимался обученіемъ сельскихъ ребятъ грамотѣ и содержалъ постоялый дворъ. Уже 7-ми лѣтъ отъ роду Левитовъ помогалъ своему отцу. Онъ его отдалъ въ Лебединское духовное училище, а потомъ въ Тамбовскую семинарію, гдѣ некрасно жилось тогда ученикамъ.

Дальнѣйшая жизнь Левитова прошла въ скитаніи по Россіи. Сначала путешествіе пѣшкомъ въ Москву, съ надеждою поступить въ университетъ, потомъ въ Петербургъ, гдѣ онъ занимается въ Медико-хирургической Академіи, а затѣмъ Шенкурскъ, Вологда, Лебедянь, Тамбовъ, опять Москва, опять Петербургъ и опять Москва. Левитовъ попеременно занимаетъ должности: фельдшера, сельскаго учителя, начальника станціи ж. д., редактора періодическаго изданія и писца.

Не видя никакого просвѣта въ своей жизни, Левитовъ сталъ пить и погибъ въ самую пору развитія своего таланта. Онъ похороненъ въ Москвѣ на Ваганьковомъ кладбищѣ

Библиотека "Руниверс"

Надъ нимъ обелискъ съ надписью: „Александру Ивановичу Левитову, изобразившему горе селъ, дорогъ и городовъ. Блаженны алчущіе и жаждущіе правды".

Біографическія свѣдѣнія о Левитовѣ: 1) *Ф. Д. Нефедовъ*, въ „Вѣстн. Евр." 1877 № 2—2) *Скромный Наблюдатель* (А. П. Лукинъ), въ „Рус. Вѣд." 1877, № 9—3) „Будильникъ" 1877, № 2.—4) „Книговѣденіе" 1894, № 1, съ портретомъ.—5) „Пчела" 1877, № 4. —6) „Рус. Вѣд." 1877, отъ 5-го Янв.—7) „Современ. Изв." 1877, отъ 5-го Янв.—8) *С. А. Венгеровъ*, въ Энциклоп. Слов. Брокауза-Эфрона, т. XVII.—9) *А. М. Скабичевскій*, въ „Больш. Энциклоп.—10) *И. Игнатовъ*, „Галлерея Рус. писателей" М. 1901, с. 300—301, съ портретомъ.—11) *Н. Мартовъ*, „Галлереи Рус. писателей", Спб. 1891, 8°, с. 51, съ портретомъ.—12) *И. Г. Совѣтовъ*, Литературный указатель.—13) *А. М. Скабичевскій*, Сочиненія, т. II.—14) *Онъ-же*, въ кн. „Беллетристы-народники", Спб. 1888, с. 127—217.— 15) *Онъ-же*, въ кн. „Исторія новѣйшей Русской литературы", гл. XIV.—16) *А. Пыпинъ* въ „Вѣстн. Евр" 1884, № 8 („Беллетристъ-народникъ 60-хъ г.г.").—17) *В. Буренинъ*, въ „Нов. Времени" 1884, № 2924 („Писатель-плебей"). 18) *Н. Н. Златовратскій*, въ сборн. Починъ", М. 1895, 8°—19) *П. В. Засодимскій*, въ „Рус. Богат". 1881, № 12 (въ ст. „Изъ литературныхъ воспоминаній").—20) *Ф. Д. Нефедовъ*, въ „Собраніи сочиненій Левитова" изд. К. Т. Солдатенкова, М. 1884.—21) *В. А. Никольскій*, въ „ Полномъ собр. сочин. Левитова" Спб. 1905.

Иванъ Гвоздевъ.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО [1]).

1865 годъ.

Февраль 1. Послѣ всенощной читалъ рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ [2]), противъ дѣйствій Московскаго дворянства. Государь Императоръ благоизволилъ напомянуть о томъ, что онъ Самодержецъ, что никакое сословіе не можетъ говорить о нуждахъ цѣлаго государства, что ему не дано власти предупреждать Государя въ его заботахъ о благѣ Россіи, что дворянство ставитъ ему препятствіе на его пути. Не скоро могъ я уснуть отъ волненія.

2. Пилъ чай въ Чудовѣ, а кофе у священника Ермолаевской церкви, которому исполнилось пятьдесятъ лѣтъ служенія въ священствѣ [3]). Онъ одинъ со старушкою женою, и былъ удивленъ очень моимъ приходомъ. Подивились, думаю, и окрестные жители, видя у его маленькаго домика, гдѣ все обветшало, какъ и его хозяева, красивую карету съ четверней вороныхъ въ серебряныхъ Французскихъ шорахъ, съ кучерами въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ и съ длинными бичами [4]).

---

[1]) Извлечено изъ „Душеполезнаго Чтенія“, 1907 года, II. Б.

[2]) Въ этомъ рескриптѣ на имя Московскаго генералъ-губернатора Офросимова сказано, что все царствованіе императора Александра Николаевича свидѣтельствуетъ, что онъ „не врагъ законно-свободныхъ учрежденій“, но что „право вчинанія“ принадлежитъ исключительно ему. Покойный баронъ М. А. Корфъ передавалъ намъ, что черновой набросокъ этого рескрипта поручено было Государемъ составить ему и что слова „право вчинанія“ принадлежитъ ему, Корфу (выученику и біографу Сперанскаго). II. Б.

[3]) Это былъ протоіерей Михаилъ Александровичъ Сперанскій, скончавшійся 13 Ноября 1873 г. Онъ священствовалъ при церкви Св. Ермолая на Садовой въ теченіи 45 лѣтъ. Его мѣсто занялъ и нынѣ занимаетъ протоіерей Сергій Сергіевичъ Модестовъ. II. Б.

[4]) У преосвященнаго Леонида (тогда Московскаго викарія) была не одна пара лошадей, такъ какъ въ этомъ отношеніи онъ возмѣщалъ Филарета, который по множеству занятій и по слабости здоровья лишь изрѣдка оставлялъ свое Троицкое подворье. Покойный Петръ Алексѣевичъ Врасскій, пользовавшійся его благорасположеніемъ, однажды прислалъ его къ себѣ на Грузинскую площадь (нынѣ домъ Оссовецкаго). Филаретъ отвѣчалъ ему: „Не могу; узы моего званія препятствуютъ“, но въ тоже время сказалъ, что на пути въ Троицкую Лавру заѣдетъ къ нему въ его тамошнюю деревню. Митрополитъ ѣздилъ въ гости лишь къ самымъ высокимъ по ихъ положенію лицамъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Была ит. Новодѣвичья, которую я наконецъ убѣдилъ записать то, что достопримѣчательно въ ея сношеніяхъ со владыкою. Отъ 7 до 10½ комитетъ тюремный. Владыка дѣйствуетъ сильно. Что-то будетъ. Заѣзжалъ на нѣсколько минутъ къ гражд. губернатору [1]).

4. Посѣтилъ меня Н. Н. Муравьевъ-Карскій. Восточный Кавказъ еще не покоренъ, и мы дорогами не ходимъ безъ конвоя, а въ горы не смѣемъ и проникать; выглядываемъ только изъ безчисленныхъ крѣпостей. Комплектъ войскъ полный, и еще ихъ обновляютъ; а въ ротѣ по 40 и 50 человѣкъ, прочіе солдаты *дворовые*. Это великое злоупотребленіе, по которому солдаты употребляются вмѣсто рабочихъ у начальства.

Муромцовъ и Михайловы въ смущеніи. Михайлова не беретъ креста по присужденію митрополита; Муромцева не беретъ, говоря: «видно не было воли Божіей, чтобы крестъ мнѣ достался, когда нечаянно достался онъ сестрѣ въ началѣ, когда мы не знали его значенія» [2]).

5. Была игуменья единовѣрческая: благодаритъ за рукоположеніе; священника называетъ подвижникомъ. Я сознавался, что по убѣжденію слѣдую порядку у нихъ сохраненному отъ древней церкви: знаменовать себя истово и кланяться всей церкви одновременно, напр. при возгласахъ, и не за всякимъ прошеніемъ и кое-какъ. Говорятъ, что говорили и благодарившіе меня единовѣрцы, что служеніемъ моимъ всѣ довольны.

25 Февр. Ѣздилъ поздравить Е. В—ну [3]), ибо день ея рожденія. Она не ожидала, чтобы я пріѣхалъ, и была очень рада. Сегодня ей 83 года, но живость юношеская.—Владыка пожаловалъ дополненіе къ запискѣ о томъ, что монастырямъ не слѣдуетъ участвовать въ земскихъ учрежденіяхъ, м. пр. потому, что въ 1764 они заплатили за свое будущее существованіе изрядные налоги, а если ихъ зѣмли не будутъ обложены, то не зачѣмъ и депутатовъ отъ монастырей посылать.

---

[1]) Князю Алексѣю Васильевичу Оболенскому. П. Б.

[2]) См. „Р. Архивъ“ сего года, вып. 10-й, стр. 160 и слѣд. П. Б.

[3]) Дѣвицу Екатерину Васильевну Шереметеву, о которой сохранилось много самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній въ семьѣ и въ знакомствѣ ея. Это тетка недавно скончавшагося директора Шереметевскаго Странноприимнаго дома, Бориса Сергѣевича Шереметева. Она жила съ своею племянницею Екатериною Сергѣевной Шереметевой и ея семействомъ на Воздвиженкѣ (въ домѣ, нынѣ 8-мъ), въ этомъ достопамятномъ пріютѣ живаго благочестія, гостепріимства, не обижающей благотворительности. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

26. Сегодня поминовеніе по королевѣ Нидерландской Аннѣ Павловнѣ. Послѣ литургіи я выходилъ совершить панихиду. Будучи ректоромъ Вив. семинаріи, я обѣдалъ у королевы въ лаврѣ и былъ ею обласканъ. Она говорила, что духовенству и церкви обязана тѣмъ, что Русскіе въ Россіи помнятъ ее. Помню, какъ владыка, сидя подлѣ нея за столомъ, разсматривалъ браслетъ на ея рукѣ съ именами сраженій, въ которыхъ участвовалъ ея покойный супругъ, и владыка при этомъ держалъ ея руку. Она очень величаво, нѣсколько театрально, держала себя, и была тронута пріемомъ, сдѣланнымъ ей [1]). Будучи во флотѣ, я принадлежалъ къ той эскадрѣ, которая по Балтійскому морю и Финскому заливу конвоировала ея сына, но котораго не помню.

Отъ 7 до 11 продолжалось засѣданіе тюремнаго комитета. Владыка предложилъ ходатайствовать, чтобы число директоровъ было неопредѣленное; ему замѣтили, что неохотно на это согласятся въ П. Б., такъ какъ тамъ нѣкоторые члены послужили ко вреду. Владыка сказалъ: «Петербургскій комитетъ боленъ, а Московскому даютъ лѣкарство». Всѣ значительно улыбнулись. Владыка дѣлаетъ тутъ же замѣчанія на неисправности, требуетъ отвѣта на неясности и приводитъ насъ въ порядокъ; между прочимъ замѣтилъ: «Здѣсь мы судимъ о людяхъ болѣе по нравственному убѣжденію, нежели по формальностямъ закона».

Говорили о проектѣ велик. княгини [2]),которая прислала мнѣ съ Сухотинымъ [3]) почтеніе и просила его, чтобы онъ *согрѣлъ* меня къ допущенію свѣтскихъ лицъ въ комитетъ по дѣлу призрѣнія бѣдныхъ учениковъ. Владыка находитъ, что у дитяти будетъ семь нянекъ и хочетъ на меня возложить дѣло, которому я сочувствую только въ принципѣ. О проповѣди съ портретомъ сказалъ: «пусть какъ хотятъ».

2. Вечеръ и ночь провелъ у меня сенаторъ баронъ Цеймернъ [4]). Онъ говоритъ о судебной реформѣ, что это сонъ человѣка въ горячкѣ. Нѣмецъ по отцу и по привычкамъ дѣтства, православный по крещенію, онъ ближе къ пасторамъ нежели къ намъ, но молится по-русски, учился

---

[1]) Ср. „Р. Архивъ" 1905, III, 134. П. Б.

[2]) Елена Павловна. П. Б.

[3]) Сергѣемъ Михайловичемъ. Онъ былъ друженъ съ преосвященнымъ Леонтіемъ. П. Б.

[4]) Максимъ Карловичъ (не баронъ), сынъ преснопамятной начальницы Николаевскаго въ Москвѣ Сиротскаго Института, Лукерьи Алексѣевны (рожд. Сверчковой, Сибирячки), человѣкъ необыкновенныхъ достоинствъ, большой знатокъ Русской исторіи. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

у Нѣмцевъ, въ нашей церкви говѣетъ, а по Нѣмецкимъ книгамъ заботится о душѣ. Онъ управляетъ выкупнымъ учрежденіемъ, ссудною и сохранною казною умно, дѣятельно, честно, и не даромъ даны ему бриллianты на Александровскомъ орденѣ.

Меня, архим. Іакова и прот. Ключарева призвалъ владыка по дѣлу о вспоможеніи бѣднымъ ученикамъ. Я объяснилъ владыкѣ: А. Н. Стрекалова, по порученію великой княгини, занялась этимъ дѣломъ частно, какъ дѣломъ общественной благотворительности, и представила свой проектъ на усмотрѣніе владыки. Владыка сначала далъ его на просмотръ ректору семинаріи, потомъ мнѣ, передъ Рождествомъ. Я пригласилъ ректора, арх. Іакова, инспектора училищъ Невскаго и Хрущова *), секретарствующаго у Стрекаловой по нѣкоторымъ дѣламъ. Послѣ двухъ засѣданій просили мы Хрущова составить какъ бы журналъ засѣданій. Онъ обѣщалъ. Не сдѣлалъ этого въ праздники, потомъ былъ нездоровъ, потомъ уѣхалъ въ Тулу и, наконецъ, я узналъ, что проектъ имъ составленный отосланъ къ великой княгинѣ. На первой недѣлѣ Хрущовъ говѣлъ; мнѣ не хотѣлось смущать его и себя этимъ объясненіемъ. Потомъ онъ ко мнѣ не показывался, и, наконецъ, пріѣзжаетъ ко мнѣ Стрекалова съ чиновникомъ отъ великой княгини, которая думаетъ, что проектъ написанъ сообразно съ убѣжденіями владыки. Мнѣ жалко, что не довѣрился мнѣнію Симоновскаго архимандрита на счетъ необстоятельности этого добраго человѣка, взявъ во вниманіе его поступокъ съ моимъ братомъ (онъ предложилъ ему искать у попечителя мѣста директора окружнаго, братъ просилъ попечителя и нѣкоторыхъ почтенныхъ людей, а Хрущовъ въ тоже время сталъ просить этого мѣста для себя; но это мѣсто и не откроется). Объясненіе было претяжкое для меня. Великодушіе мое къ Хрущову привело въ затрудненіе всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ и особенно владыку. Рѣшено, чтобы предложить великой княгинѣ, чтобы разсмотрѣніемъ проекта занялся комитетъ, который онъ предполагаетъ по этому случаю устроить. Владыка сказалъ: «когда высокія лица вмѣшиваются въ смиренныя дѣла, то изъ смиренныхъ дѣлъ вырастаютъ высокія препятствія». Библіотекарь великой княгини долго у меня сидѣлъ; говорили о разныхъ царскихъ дѣлахъ. Хотятъ статей для иностранныхъ журналовъ, которыя знакомили бы иностранцевъ съ нашею церковію. Но какъ ихъ помѣщать тамъ? Если подкупомъ, то это недостойно Русскаго имени, и кто будетъ вѣрить подкупнымъ журналамъ?

---

*) Павла Михайловича. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

3. Читана рѣчь арх. Порфирія [1]) предъ его хиротоніей. Упомянуто о его самоотверженной службѣ въ теченіе 35 лѣтъ. Много сказано о характерѣ епископства; но не правда, будто охранять догматы легче, нежели благотворить посильною нравственною и вещественною помощію.

4 (Четвергъ). Въ 11 часовъ призывалъ меня владыка и читалъ уже готовую, но еще не переписанную, записку для великой княгини. Многословіе и ораторство Ключарева [2]) ему не понравилось. И справедливо: владыкина записка кратка, ясна, практична.—«Научите насъ писать такъ, и мы не будемъ огорчать васъ своею неисправностію». Владыка улыбнулся и сказалъ, указывая на тетрадь: «это короче и кажется ясніе» (т.-е. проекта Ключарева). У него глаза болятъ, и онъ диктовалъ записку отъ 9 до 11 вечера зажмурившись. Сидитъ же онъ лицомъ къ свѣту, окна высокія, шторы зеленыя, но онѣ подняты, а въ окна видны сады, отдаленныя строенія, и все это покрыто снѣгомъ, на которомъ играетъ Мартовское полуденное солнце. Я сказалъ о шторахъ; владыка (потомъ) велѣлъ ихъ спустить; о докторѣ, но онъ возразилъ, что докторъ не дозволитъ ни читать, ни писать, а это невозможно. Получилъ глазную боль оттого, что усиливался читать мелкій шрифтъ газетъ: что-то нужное нашелъ.

5. Я получилъ отъ владыки и передалъ Евген. Сем. Есакову записку владыки для великой княгини.

6. Молодой графъ Шереметевъ пишетъ, что князь Барятинскій (командиръ кавалергардовъ) принялъ его особенно ласково, пригласилъ на пикникъ: въ 11 ч. ночи въ большущихъ саняхъ тройками все общество отправилось въ Новую деревню, въ Старую деревню, почти до Лахты и возвратились на Каменный островъ къ ужину. Это новая сѣть діавольская для образованнаго класса: ночная загородная прогулка въ саняхъ мужчинъ съ женщинами. У князя есть невѣста-дочь... По вызову ѣздилъ ко владыкѣ. Онъ читалъ мнѣ записку противъ устроенія часовни въ память Бородинской битвы, чего такъ хочется С. А. Маслову; хочется потому, что надобно Бородинской игуменіи отплатить за угощеніе.

7. Литургію служилъ пр. Порфирій, еп. Чигиринскій. Послѣ благодарственныхъ молитвъ и отпуста я пошелъ къ нему съ просфорою на блюдцѣ и сказалъ: очень радъ, что привѣтствую в. высокопреп. хлѣбомъ отъ трапезы Господней. Онъ ѣздилъ въ часъ ко владыкѣ, а въ два онъ

[1]) Автора удивительной Книги Бытія Моего". П. Б.

[2]) Впослѣдствіи архіепископа Харьковскаго Амвросія. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

и пр. Савва у меня обѣдали. Удивляется, что владыка по малому отрывку изъ бесѣдъ патр. Фотія вѣрно судитъ о немъ, какъ писателѣ, называя его слогъ искусственнымъ. Владыка говорилъ, что онъ не узналъ Фотія въ его слогѣ.—Вечеромъ я былъ у владыки. Нѣсколько раскольническаго духовенства изъявили желаніе, чтобы владыка принялъ ихъ въ Православную Церковь, съ тѣмъ, чтобы санъ снять, а признать ихъ только монахами. Затрудненіе въ томъ: нѣкоторые изъ нихъ отлучены за худое поведеніе, другіе Австрійскіе подданные; куда ихъ помѣстить, чѣмъ содержать, кому поручить? Вечеръ кончилъ въ бесѣдѣ съ пр. Порфиріемъ. Онъ урожденецъ Костромы, магистръ Петербургской Академіи съ 1831 г., профессоръ Ришельевскаго лицея, начальникъ Іерусалимской миссіи; былъ въ Палестинѣ, Египтѣ, Царьградѣ, Аѳонѣ, Италіи, въ 1858 г. вторично ѣздилъ на Востокъ, написалъ нѣсколько сочиненій, разсмотрѣлъ до 1000 рукописей Греческихъ, съ 1862 года духовникъ вел. кн. Е. П—ны. Онъ очень любитъ устройство Греческой церкви. По его словамъ, тамъ церковь почти во всякой христіанской деревнѣ, и при ней іерей, избранный приходомъ, пожилой, устроившій семейство, зажиточный. Ему отъ каждаго дома 50 к. въ годъ. У него училище, грамотны всѣ, ибо знаютъ, что грамота пригодится между прочимъ и къ тому, чтобы посвятиться въ священники. Дьяконовъ и причетниковъ нѣтъ. Дьяконы, иподіаконы, чтецы только при архіереяхъ. Архіереи избираются соборомъ архіереевъ безъ всякаго участія мірянъ. Весьма рѣдко сынъ священника бываетъ священникомъ же. Пр. Порфирій говоритъ, что этотъ способъ есть единственный для устроенія быта духовенства. Его планъ: сдѣлать въ Россіи 600 епископовъ, 60 митрополитовъ и 16 экзарховъ, далѣе которыхъ и не восходили бы дѣла; въ штаты этихъ епископовъ опредѣлить наличныхъ кандидатовъ во священство и объявить, что семейство лицъ духовныхъ не принадлежитъ къ духовному сословію, ибо правила вселенскаго собора прямо говорятъ, чтобы не было духовнаго сословія. Валуевъ *) сказалъ ему, что и пальцемъ не двинетъ въ пользу духовенства: оно стоитъ въ ложномъ положеніи; пусть какъ знаетъ, такъ и выходитъ изъ него.

9. Пр. Порфирій ночевалъ въ Лаврѣ и возвратился въ 4 часа, въ *веселіи духовномъ* отъ дружелюбнаго пріема. Странное впечатлѣніе на него произвело 17 л. заграничное пребываніе и житье въ родѣ житья свѣтскаго ученаго въ Невской лаврѣ зимою, и въ Ораненбаумскомъ дворцѣ великой княгини лѣтомъ. «Долго ли вы пробудете въ лаврѣ?» спрашиваю его.—«Нѣтъ, мнѣ некогда *тамъ забавляться!*»—Когда будете

*) Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

вы въ соборахъ?—«Я чту вашихъ Сергія и Алексія».—Заѣдете въ Чудовъ, также и въ Успенскій?—«Нѣтъ, я прежде былъ: *не имѣю никакой надобности*».

10. Среда крестопоклонная. Послѣ литургіи, на минуту принялъ кн. Черкасскую [1]) и кн. Щербатову, супругу головы, одѣваясь, чтобы съ пр. Порфиріемъ ѣхать въ 2 часа къ пр. Саввѣ обѣдать. Слышу, что А. Н. [2]) съ своими ожидаетъ меня внизу, чтобы принять благословеніе. Я велѣлъ просить. Одѣлся, выхожу въ гостинную и вижу три семейства: Рюмины, Симанскіе и Беркутъ; я сказалъ каждому нѣсколько словъ и пошелъ. Внизу старушка Макарова также ждала меня. О, какая нужна чистота, чтобы принимать такое усердіе людей и давать имъ благословеніе *помогающее!* Вечеръ кончилъ съ пр. Порфиріемъ, который около двухъ часовъ провелъ у владыки, получилъ отъ него четки и изумленъ его любознательностію: разговоръ былъ историческій, филологическій, философскій, политическій и т. д.

12. Я служилъ дома (черн. обл.). Былъ у меня Ник. Ник. Муравьевъ. Онъ посѣтилъ и пр. Порфирія, котораго разсказы очень заняли его. Остальную часть вечера провелъ съ пр. Порфиріемъ. Еще пламеннѣе стало желаніе мое быть въ Палестинѣ, послѣ разговоровъ съ нимъ.

14. Служилъ въ Чудовѣ. Іеромонахъ Алексій предъ раздробленіемъ св. агнца упалъ отъ дурноты, однако оправился, умылся и пріобщился св. Таинъ. Заходилъ въ келіи владыки пить чай. Послѣ вечерни былъ по вызову у владыки и просидѣлъ отъ $5\frac{1}{2}$ до девяти, ибо владыка не успѣлъ окончить порученіе къ гражданскому губернатору о награждаемыхъ отъ тюремнаго комитета, какъ пріѣхалъ Евг. П. Новиковъ [3]). Говорили о восточныхъ дѣлахъ и очень интересно. Затѣмъ я заѣзжалъ къ кн. Оболенскому. Единовѣрецъ трактирщикъ Коломенскій написалъ и черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ подалъ отъ деревни адресъ Государю, съ выраженіемъ преданности по случаю, что дворяне недоброе замышляютъ противъ Царя, какъ сказано въ рескриптѣ.

15. Ровно годъ, какъ возобновилъ я привычку юныхъ лѣтъ записывать что̀ помню изъ протекшаго дня [4]).

---

[1]) Елену Петровну, рожд. Ушакову. П. Б.

[2]) Александра Николаевна Стрекалова. П. Б.

[3]) Тогда посолъ въ Константинополѣ. П. Б

[4]) Гдѣ эти Записки? П. Б.

Библиотека "Руниверс"

16. Послѣ *часовъ* была у меня А. Н. Бахметева [1]), привезла мнѣ дорогóй давно ожиданный подарокъ: житія святыхъ, по моему совѣту, безъ пропусковъ дней, и на каждый день года; привезла еще изъ газеты Американской извѣстіе, что Агапій, іеродіаконъ нашей Аѳинской миссіи, удаленный отъ мѣста, бросившійся съ досады къ Искандеру, принявшій потомъ Турецкое подданство и отъ Греческой іерархіи степень священства, съ антиминсомъ и св. мyромъ прибывшій въ Нью-Іоркъ, совершилъ литургію къ общему удовольствію Американцевъ въ церкви Св. Троицы. Итакъ, Петербургъ затянулъ дѣло, и теперь къ нашему стыду бѣглый діаконъ служитъ представителемъ нашей церкви въ Америкѣ, предъ народомъ такъ искренно простирающимъ къ намъ руки. Вечеромъ докладъ. Владыка вышелъ съ книжкою *Полт. Вѣд.* въ рукахъ и сказалъ: «вы мнѣ иногда говорили, что я пишу длинныя резолюціи; хочу дать вамъ случай къ размышленію, не опасно ли дѣйствительно писать длинныя резолюціи», и далъ прочитать въ *Полт. Вѣд.* двѣ многоглагольныя резолюціи пр. Іоанна; когда онѣ прочитаны, онъ улыбнулся и бросилъ подъ столъ книжку. Владыка намѣренъ послать въ Синодъ замѣчанія о пустотѣ и кривыхъ толкахъ духовной журналистики. О Голохвостовѣ [2]) онъ сказалъ: «былъ онъ у меня; это не только ораторъ, но человѣкъ способный, знающій, съ упорствомъ и надеждою на себя». О картинѣ Овербека Покаяніе, что̀ гр. Орловъ-Давыдовъ пожертвовалъ музею (по прочтеніи описанія картины): думаю, что это фантазія. Когда казаки отбили у Французовъ серебро, похищенное въ Москвѣ и принесли его же въ Москву и въ Петербургъ на видъ Государю, то академикъ какой-то составилъ проектъ: на серебр., уже бывшей, рѣшеткѣ, отдѣляющей возвышеніе, поставить четырехъ серебряныхъ Евангелистовъ, и написалъ толстую тетрадь въ поясненіе своихъ аллегорій. «Апостолы должны имѣть аттическія формы и сильныя движенія, ибо Россія въ 12 году была въ сильномъ напряженіи» и проч. Архитекторъ [3]), строитель Казанскаго собора (отпущен. изъ крѣпостныхъ графа Строганова) отклонилъ дѣло, сказавъ, что дабы понятна была мысль, надобно тутъ и тетрадь положить и каждому читать.

Въ *Моск. Вѣд.* (Среда 17 м. № 59) рѣчь Линкольна при вступленіи во второе четырехлѣтіе президентства, съ глубокимъ религіóзнымъ, отпечаткомъ... «Если есть воля Божія на то, чтобы война продолжа-

[1]) См. о ней „Русскій Архивъ" 1901, вып. 6-й. П. Б.

[2]) Дмитріи Дмитріевичѣ. П. Б.

[3]) Воронихинъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

лась до тѣхъ поръ, пока погибнутъ всѣ богатства, накопленныя 250-лѣтнимъ рабскимъ трудомъ, пока за каждую каплю крови, извлеченную бичемъ рабовладѣльца, уплачено будетъ другою, извлеченною мечемъ, то и тогда должно сказать, какъ сказано 3000 лѣтъ тому назадъ, что велѣнія Господни вполнѣ правосудны». Онъ не хочетъ осуждать Южанъ, ибо сказано: не судите, да не судимы будете. Повторяетъ текстъ: Горе міру отъ соблазна и до конца. Говоритъ, что рабство до нѣкотораго времени, можетъ быть, входило въ божественныя предначертанія, но теперь Провидѣніе желаетъ его уничтоженія. Еще: «каждая изъ нихъ (враждующихъ сторонъ) читаетъ одну и туже Библію, молится одному и тому же Богу. Каждая призываетъ Его на помощь противъ другой. Страннымъ можетъ показаться, что помощь Божія призывается для лишенія одного класса людей куска хлѣба, который они заработываютъ въ потѣ лица своего; но не будемъ осуждать, да не судимы будемъ».—М. Н. Катковъ, говоря о необходимости образованія, заключаетъ: «Теперь ни для кого уже не тайна, что въ этихъ (земскихъ) учрежденіяхъ значеніе образованныхъ классовъ находится въ зависимости отъ классовъ необразованныхъ. Не ясное ли дѣло, что для спасенія общества отъ грозныхъ послѣдствій такого преобладанія надобно всѣми силами содѣйствовать тому, чтобы образованіе какъ можно болѣе распространялось между низшими классами?». Далѣе говоритъ о бѣдствіяхъ въ будущемъ, если не станемъ работать надъ нравственнымъ и умственнымъ возвышеніемъ класса, получающаго у насъ огромную политическую силу. Въ 59 № онъ говоритъ, что наша исторія немного намъ дала, но много насъ уберегла, и хвалитъ народъ за умѣренность въ земскихъ выборахъ; но также говоритъ, что крестьяне не только освобождены отъ помѣщиковъ, но имъ дана власть надъ помѣщиками, которая будетъ усиливаться, и могутъ явиться демагоги...

Я молился о Стрекаловой и Хрущовѣ, которые перестали меня посѣщать, какъ я думалъ по гнѣву на меня, а они пріѣхали нынѣ!

22. В. С. Толстой сказалъ: «Бажановъ, бывъ спрошенъ Адлербергомъ, когда праздновать день восшествія на престолъ Государя Императора, сказалъ: въ Субботу. Адлербергъ телеграфировалъ Бергу: празднуйте въ Субботу; Бергъ передалъ это преосв. Іоанникію, но преосвященный возразилъ, что надо праздновать въ Воскресенье; Бергъ телеграфируетъ Адлербергу, Адлербергъ сообщаетъ и Бажанову, и оберъ-прокурору. Оберъ-прокуроръ митрополиту Новгородскому; митрополитъ отвѣчаетъ, что надо праздновать въ Воскресенье, что сно-

Библиотека "Руниверс"

сились уже съ митрополитомъ Московскимъ и сдѣланы общія распоряженія; Бажановъ проситъ, чтобы его не ставили въ неловкое положеніе предъ Государемъ и праздновали въ Субботу. По всему этому оберъ-прокуроръ разсчиталъ, что надо спросить Государя всеподданнѣйшимъ докладомъ. Это великое дѣло рѣшалось уже въ Четвергъ и Пятницу первой седмицы.—Дѣло Православія въ Ливоніи такъ встревожило Гос. Императора, что посланы были викаріи для разузнанія на мѣстѣ и для успокоенія народонаселенія православнаго, которое уже вышло изъ терпѣнія и готово возвратиться въ лютеранство, чтобы не терпѣть гоненія. Открылся сеймъ въ Лифляндіи съ аристократической основой. Это очень огорчило владыку. «Раздерутъ Россію на клочки», сказалъ онъ печально. «И это въ то время, когда Русскому дворянству связали руки и закалаютъ».

26. Когда у меня отслужили утреню, доложено, что Ек. В. Шереметева скончалась, соборовалась, выслушала отходный канонъ. Прочитавъ правила, я поѣхалъ. Уже служили панихиду.

27. Въ часъ совершалъ панихиду надъ гробомъ усопшей. Она спитъ тихо въ серебряномъ гробѣ, вся въ цвѣтахъ, которые такъ любила при жизни. Собраніе было весьма большое. Всѣ родные изъ Москвы и изъ Петербурга съѣхались; всѣ глубоко чувствуютъ потерю. Бар. Ел. Сергѣевна особенно поражена.

Въ 8 часовъ заѣзжалъ я къ больной кн. Е. П. Урусовой *). Шесть лѣтъ прикованная болѣзнію къ одру молодая особа. Въ прежній разъ она мнѣ сказала: «не могу еще благодарить Бога, а могу не роптать, ибо знаю бѣдную, которая больше меня страдаетъ». Нынче сказала: «если бы мнѣ сказали: ты выздоровѣешь, но съ тѣмъ вмѣстѣ въ семьѣ вашей пропадутъ любовь и миръ; то я сказала бы прямо: лучше отказаться отъ выздоровленія, нежели потерять миръ и любовь». Она лежитъ въ постели, свѣтъ закрытъ, такъ что я не видалъ ея лица, съ часъ проговоривъ съ ней.

Съ 7 до 10¼ продолжалось засѣданіе тюремнаго комитета, дѣйствіями котораго владыка такъ недоволенъ, что высказалъ мнѣ и пр. Можайскому намѣреніе отказаться отъ него; ибо молодые дѣятели горячатся, а порядкомъ дѣло сдѣлать не умѣютъ, путаютъ такъ поручаемыя имъ дѣла, что и не разберешь.

---

*) Княгиня Елисавета Петровна, урожд. княжна Трубецкая, супруга оберпрокурора Св. Синода. Она выздоровѣла и жила долго. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

МИТРОПОЛИТЪ ІОАННИКІЙ.

Въ его письмахъ къ И. Г. Терсинскому.

Приводимыя ниже письма принадлежатъ Саратовскому епископу (1864—873) Іоанникію, впослѣдствіи митрополиту въ Москвѣ (1882—1891) и въ Кіевѣ (1891—1900). Среди Саратовскихъ епископовъ преосвященный Іоанникій, безъ сомнѣнія, занимаетъ видное мѣсто. Онъ вступилъ на эту каѳедру въ полномъ цвѣтѣ силъ (род. въ 1826 г.). Ясный практическій умъ, неустанное трудолюбіе и энергія, въ связи съ общимъ движеніемъ Русской жизни въ то время, дали ему возможность развить широкую и разнообразную дѣятельность, слѣды которой и до настоящаго времени видны на каждомъ шагу въ Саратовской епархіи.

Этотъ край представлялъ собою одно изъ гнѣздъ старообрядчества и сектанства. Преосвященный Іоанникій для борьбы съ ними основалъ существующее и до нынѣ „Братство Св. Креста". Это было первое общество, преслѣдовавшее означенную цѣль и послужившее образцомъ для подобныхъ обществъ въ другихъ мѣстахъ. При братствѣ была основана миссіонерская школа, собрана большая библіотека старопечатныхъ книгъ и заведены собесѣдованія съ старообрядцами и сектантами. Въ связи съ миссіонерскими задачами братства, ученіе о расколѣ сдѣлалось предметомъ особой каѳедры въ мѣстной Духовной Семинаріи. Ученики старшихъ классовъ Семинаріи обязаны были являться на устраиваемыя при братствѣ собесѣдованія и составлять о нихъ отчеты, которые и разбирались потомъ на урокахъ. При братствѣ впослѣдствіи возникли: безплатная столовая, учебно-заработный домъ для бѣдныхъ дѣтей и духовно-просвѣтительный союзъ.

Другимъ крупнымъ учрежденіемъ, которое обязано своимъ существованіемъ пр. Іоанникію, было Саратовское епархіальное женское училище. Отчасти на деньги, собранныя по подпискѣ, главнымъ же образомъ на изысканныя епископомъ епархіальныя средства, купленъ былъ домъ для училища. Доступная плата за содержаніе въ училищѣ и умѣлая постановка дѣла скоро полюбились населенію. При училищѣ возникъ пріютъ для содержанія и первоначальнаго обученія духовныхъ сиротъ; къ пріюту присоединилось отдѣленіе для престарѣлыхъ священно и церковнослужителей.

Эти и подобныя учрежденія требовали большихъ средствъ, которыя почерпались главнымъ образомъ изъ основаннаго пр. Іоанникіемъ епархіальнаго свѣчного завода. Это былъ первый по времени епархіальный свѣчной заводъ въ Россіи. Впослѣдствіи такіе заводы возникли и въ другихъ епархіяхъ

Библиотека "Руниверс"

и всюду сдѣлались главными источниками средствъ для содержанія епархіальныхъ учрежденій.

Иванъ Григорьевичъ Терсинскій, къ которому обращены нижеслѣдующія письма, былъ родомъ изъ с. Терсы, Вольскаго у. Саратовской губ. Его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ были священниками въ этомъ селѣ. По окончаніи курса въ Петербургской Духовной Амадеміи, молодой магистръ И. Г. Терсинскій былъ назначенъ профессоромъ богословія въ родную Саратовскую семинарію. Воспоминанія его учениковъ, которыя въ свое время печатались въ мѣстныхъ изданіяхъ, изображаютъ его талантливымъ, неизмѣнно-вѣжливымъ (тогда это было довольно необычно) преподавателемъ. Въ 1847 г. И. Г. Терсинскій покинулъ Саратовъ и духовно-учебную службу и около 11 лѣтъ прослужилъ въ разныхъ свѣтскихъ вѣдомствахъ. Въ 1859 г. мы видимъ его въ должности оберъ-секретаря Св. Синода, а въ 1867 г. онъ былъ назначенъ завѣдывать контролемъ при Св. Синодѣ. Умеръ онъ въ 1888 г. въ должности управляющаго контролемъ при Св. Синодѣ и въ чинѣ тайнаго совѣтника.

Служба И. Г. Терсинскаго въ Синодѣ совпала со временемъ преобразованій въ духовномъ вѣдомствѣ. Какъ выдающійся работникъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ относящихся сюда проектовъ, сначала въ качествѣ дѣлопроизводителя различныхъ комиссій при Св. Синодѣ, а потомъ—управляющаго дѣлами присутствія по дѣламъ православнаго духовенства. Работа присутствія была чрезвычайно сложная, и когда его предположенія удостоились высочайшаго утвержденія, то оказалось, что всѣ дѣйствовавшія доселѣ статьи Свода Законовъ относительно сословныхъ и личныхъ правъ православнаго духовенства подверглись измѣненію. Но дѣятельность И. Г. Терсинскаго не ограничивалась духовною сферою. Ему пришлось много поработать въ качествѣ представителя духовнаго вѣдомства, въ комиссіяхъ, учреждавшихся при другихъ министерствахъ, а именно: для кодификаціи положенія о правахъ дѣтей православнаго и Армяно-григоріанскаго духовенства, для составленія устава опекунскаго управленія, правилъ объ обезпеченіи православнаго духовенства въ Западномъ краѣ землями и домами, положенія о воинской повинности и пр.

И. Г. Терсинскій былъ женатъ на Л. Н. Котляревской, мать которой Александра Егоровна была во второмъ бракѣ за Н. А. Пыпинымъ, занимавшимъ незначительное чиновническое мѣсто и владѣльца небольшаго помѣстья въ Аткарскомъ уѣздѣ. Изъ сыновей Н. А. Пыпина пріобрѣлъ извѣстность академикъ А. Н. Пыпинъ. Родная сестра Александры Егоровны была замужемъ за протоіереемъ І. И. Чернышевскимъ, отцомъ извѣстнаго Н. Г. Чернышевскаго. Сей послѣдній, будучи студентомъ Петербургскаго университета, жилъ у И. Г. Терсинскаго, жена котораго приходилась Николаю Гавриловичу двоюродною сестрою.

По отъѣздѣ изъ Саратова въ 1847 г., Иванъ Григорьевичъ только разъ посѣтилъ родной городъ и прожилъ остальное время безвыходно въ Петербургѣ. Но письменныя сношенія съ родиною (и не съ одною родиною) у него довольно были оживленныя. Не только родные, но и посторонніе люди обращались къ нему съ просьбами и за совѣтами. Саратовскіе епископы

Библиотека "Руниверс"

равно какъ и архіереи нѣкоторыхъ другихъ епархій, старались поддержать отношенія съ видным синодальнымъ чиновникомъ, который пользовался расположеніемъ оберъ-прокурора графа Д. А. Толстого.

Сергѣй Петровскій.

1867 г. Апр. 12.

Милостивый государь Иванъ Григорьевичъ! [1]) Привѣтствую васъ съ наступающимъ величайшимъ праздникомъ святой церкви, воскресеніемъ Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Воскресшій Христосъ Господь да пріосѣнитъ васъ благодатнымъ своимъ утѣшеніемъ среди трудовъ вашихъ и укрѣпитъ силы Ваши для дальнѣйшаго служенія ко благу св. церкви.

Телеграмма и письмо ваши получены мною почти совмѣстно, съ отмѣтою на первой: «замедлено отъ поврежденія». Распоряженія сдѣланы были еще прежде, и потому второе желаніе ваше осталось неисполненнымъ. Можно, пожалуй, безъ большого труда поправить это дѣло, да вопросъ въ томъ—нужно ли это? Судя по тому, что священникъ К—въ подавалъ ко мнѣ нѣсколько прошеній о перемѣщеніи, въ которыхъ пишетъ, что онъ съ своимъ семействомъ едва кое-какъ можетъ пропитываться, я не думаю, чтобы приходъ въ Терсѣ можно было отнести къ числу хорошихъ. Есть тамъ, сколько извѣстно мнѣ, зажиточные прихожане, но едва ли не бо́льшая половина прихожанъ совсѣмъ почти не ходитъ въ церковь. Ч—ій теперь состоитъ дьякономъ при старомъ соборѣ; приходъ тамъ, по единогласному отзыву всѣхъ, лучшій изъ всѣхъ Саратовскихъ приходовъ. Мнѣ кажется, что ему лучше было бы оставаться пока при этомъ мѣстѣ, выжидая, когда откроется мѣсто священническое гдѣ-нибудь повыгоднѣе. Въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ, духовенству въ настоящее время приходится жить почти на одномъ жалованьѣ, и мнѣ положительно извѣстно, что поступающіе въ такіе приходы изъ Саратова діаконы, даже изъ худшихъ приходовъ, крѣпко сожалѣютъ объ этомъ.

Батюшка вашъ [2]) пока благодушествуетъ. Жалуется, слышно, на удушье, но вѣдь старость сама собою есть болѣзнь. Лѣтомъ ему вѣроятно будетъ тяжелѣе; городская жизнь лѣтомъ вовсе не походитъ на деревенскую.

---

[1]) Дальше обычныя начала и окончанія писемъ опускаются. П. Б.

[2]) Отецъ И. Г. Терсинскаго въ то время былъ переведенъ изъ села Терсы въ Саратовъ, въ Сергіевскую церковь

Библиотека "Руниверс"

Въ указѣ о премѣщеніи пр. Платона Рижскаго на Донъ нѣтъ даже обычной въ подобныхъ случаяхъ фразы, что за нимъ оставляется таже степень въ іерархическомъ порядкѣ, какая принадлежала ему прежде. Что за немилость такая? Или теперь уже брошена мысль о степеняхъ, которую давно слѣдовало бы бросить.

Будетъ ли утвержденъ новый проектъ духовно-учебныхъ заведеній въ томъ видѣ, въ какомъ онъ обнародованъ? Для насъ этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ. Не касаясь частностей проекта, я укажу на одно: въ Саратовской епархіи, въ случаѣ осуществленія этого проекта, нужно тотчасъ же уволить половину учащихся въ училищахъ, т. е. болѣе 450 человѣкъ. Предположимъ, что въ крайности мы еще соберемъ средства для одного училища; все-таки придется уволить 300 человѣкъ. Мнѣ кажется, что подобныя распоряженія приводить вдругъ въ исполненіе едва ли благоразумно. И странно какъ-то вышло: проектъ выгоденъ для тѣхъ епархій, которыя наименѣе добросовѣстно представляли въ Св. Синодъ свѣчную прибыль; а тѣ, которые дѣйствовали съ бо́льшею добросовѣстностію въ этомъ отношеніи, потерпѣли тѣмъ бо́льшій ущербъ, чѣмъ добросовѣстнѣе дѣйствовали. Такъ-то можно подорвать всякое довѣріе къ распоряженіямъ начальства. Кстати объ увеличеніи свѣчной прибыли: нехорошо, что изъ-за этого возникла полемика. Многимъ епархіямъ угрожаетъ опасность остаться вовсе безъ прибыли особенно при новомъ торговомъ уставѣ, въ которомъ нѣтъ прямого указанія на законъ, воспрещающій частнымъ торговцамъ продавать церковныя свѣчи въ разбродъ. У меня въ Саратовѣ уже немало завелось подобныхъ торгашей, и въ нынѣшній годъ отъ церквей не поступитъ и той суммы, какая собрана въ прошедшемъ. Я два раза писалъ объ этомъ г. оберъ-прокурору, а отвѣта доселѣ не получилъ. Думаю, что предполагаютъ вовсе отмѣнить извѣстный законъ; въ такомъ случаѣ и отъ церквей будетъ нечего брать. Вѣдь многіе изъ торговцевъ не посовѣстятся поставить столикъ со свѣчами предъ самымъ входомъ въ церковь и продавать ихъ дешевле какою-нибудь полкопѣйкою, и народъ, разумѣется, станетъ покупать у нихъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего высокородія покорнѣйшимъ слугою Іоанникій епископъ Саратовскій.

II.

1869 г. Дек. 29 д.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Васъ озабочиваетъ мысль о діаконѣ Ч—мъ. Не понимаю, въ чемъ тутъ дѣло. По принятому здѣсь, да кажется и во всѣхъ епархіяхъ.

Библиотека "Руниверс"

порядку, на открывшіяся священническія вакансіи кандидаты, имѣющіе на то право, подаютъ прошенія къ епархіальному начальству. Діаконъ Ч—й до настоящаго времени ни разу не подавалъ мнѣ никакого прошенія. Помнится, года два назадъ онъ приходилъ ко мнѣ съ сложенною просьбою дать ему мѣсто при Палашевскомъ соборѣ, сдѣлавшееся будто бы праздным за смертію одного священника. Я не разрѣшилъ ему подать формальное прошеніе до полученія офиціальнаго извѣстія о смерти того священника, и такъ какъ слухъ этотъ оказался совершенно неосновательнымъ, то заявленіе Ч—го осталось безъ всякихъ послѣдствій.

Очень жаль, что дѣло объ открытіи епарх. женскаго училища въ Саратовѣ затянулось такъ долго. Помогите намъ въ этомъ дѣлѣ, если есть возможность. Прискорбно будетъ, если дѣло, на которое потрачено столько заботъ, безпокойствъ и матеріальныхъ расходовъ, не приведется къ концу.

Здѣшняя Семинарія въ минувшемъ году подверглась страшнымъ нареканіямъ, по поводу волненій студентовъ Петербургскаго Университета. Не знаю, за что постигла насъ такая напасть. Развѣ за грѣхи отцовъ? Вмѣсто всякихъ оправданій, мнѣ кажется, достаточно обратить вниманіе на тѣ пасквили, которыя печатаютъ о Семинаріи, ея начальникахъ и наставникахъ эти бывшіе питомцы ея, чтобы убѣдиться, что Семинарія ни душой ни тѣломъ не виновата въ томъ направленіи, какое они усвоили себѣ.

Положеніе здѣшней Семинаріи дѣйствительно жалкое. Въ шесть лѣтъ пребыванія моего въ Саратовѣ она два года была безъ ректора, четыре года безъ инспектора (его нѣтъ и въ настоящее время и, судя по указу Св. Синода, полученному мною вчера, трудно надѣяться, чтобы онъ скоро былъ назначенъ), и во всѣ шесть лѣтъ не было времени, когда бы всѣ наставники были налицо (въ настоящее время нѣтъ трехъ изъ двѣнадцати). Дѣло доходило до того, что не было возможности размѣстить классы между наличными наставниками, и такъ какъ въ епархіи нѣтъ священниковъ съ академическимъ образованіемъ, то я вынужденъ былъ принять на себя должность преподавателя и нѣсколько мѣсяцевъ преподавалъ Св. Писаніе.

III.

1871 г. Мар. 2.

Приношу вашему превосходительству искреннюю благодарность за сообщенныя вами свѣдѣнія о реформѣ духовенства. Раздѣляя высказанныя вами убѣжденія и, что̀ можно въ настоящее время, приводя въ исполненіе, считаю нелишнимъ обратить вниманіе ваше на одно

Библиотека "Руниверс"

постановленіе, которое во многихъ случаяхъ служитъ для меня, да вѣроятно и не для меня одного, камнемъ преткновенія. При каждой самостоятельной церкви положено имѣть не больше двухъ псаломщиковъ. Я не знаю, почему такъ положено; знаю только, что на дѣлѣ, при новомъ распредѣленіи приходовъ, постановленіе это представитъ немало затрудненій. Въ Саратовской епархіи есть села, въ которыхъ по три церкви; очевидно, что одну изъ нихъ слѣдовало бы сдѣлать самостоятельною, а двѣ приписными. Но съ двумя псаломщиками можно служить только въ двухъ церквахъ, и вотъ, чтобы не закрывать церкви совсѣмъ, приходится оставлять двѣ церкви самостоятельными, а чрезъ это вмѣсто сокращенія штатнаго числа духовенства, оно безъ нужды увеличивается. Еще больше такихъ случаевъ, когда для уравненія существующихъ приходовъ всего лучше было бы соединить въ одинъ приходъ три, находящіеся въ недальнемъ разстояніи, и въ соединенномъ приходѣ оставить одного настоятеля и двухъ помощниковъ; опять невозможность оставить при одной самостоятельной церкви трехъ псаломщиковъ мѣшаетъ этому. Нельзя-ли сдѣлать такъ, чтобы при каждой церквѣ, при которой предполагается помощникъ настоятеля, могъ быть оставленъ и псаломщикъ? Такое видимое увеличеніе штатнаго духовенства въ существѣ дѣла сократило бы число его.

Въ Саратовской епархіи число штатнаго духовенства должно сократиться болѣе чѣмъ на 900 членовъ. Можно думать, что при точномъ соблюденіи установленныхъ правилъ сокращеніе это будетъ приведено въ исполненіе довольно скоро. Въ настоящее время, т. е. въ теченіе полутора года, число духовенства сократилось уже на 184 члена.

IV.

5 Апр. 1873 г.

Вмѣстѣ съ симъ позволю себѣ обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбою не праздничною. Въ Св. Синодѣ есть два моихъ не разрѣшенныхъ представленія: одно, о покупкѣ Братствомъ Св. Креста дома и усадебнаго мѣста для нищенствующихъ дѣтей послана на имя его сіятельства въ Октябрѣ прошлаго года; другое—объ открытіи Епархіальнаго Пріюта для сиротъ-дѣтей духовенства, отосланное на имя Св. Синода въ Февралѣ настоящаго года. Покорнѣйше прошу вашего содѣйствія къ скорѣйшему разрѣшенію означенныхъ представленій. Не прихоть заставляетъ хлопотать о семъ, а существенная нужда. Усадебное мѣсто съ домомъ приторговано братствомъ за 8.000 р.; въ настоящее время есть покупщики, дающіе за него 10.000 р. Срокъ запродажной записи оканчивается въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Если къ сроку не

Библиотека "Руниверс"

послѣдуетъ разрѣшенія, братство, конечно, лишится дома да пожалуй потеряетъ и задатокъ.

Домъ для епархіальнаго пріюта я предполагалъ выстроить вчернѣ въ нынѣшнемъ году, такъ чтобы къ осени будущаго года онъ могъ быть вполнѣ готовымъ. Если весною не послѣдуетъ разрѣшенія, постройку придется отложить на цѣлый годъ, а въ годъ мало ли можетъ случиться перемѣнъ, которыя пожалуй совсѣмъ разстроятъ дѣло. Хотя и не предвидится ни съ какой стороны препятствій къ разрѣшенію означеннаго ходатайства, такъ какъ я не прошу у Св. Синода никакого пособія на этотъ предметъ; но приступить къ постройкѣ безъ разрѣшенія не признаю безопаснымъ.

V.

1873 г. Мая 17.

Братство Св. Креста безпокоится медленностію въ разрѣшеніи купить домъ; безпокоитъ и меня своими напоминаніями. Срокъ запродажной записи кончается въ Іюнѣ; по закону, говорятъ, по прошествіи срока, залогъ долженъ остаться въ рукахъ домовладѣльца, и дѣло прекращается. 600 р., уже затраченныя Братствомъ; сумма немаловажная для него, и мое положеніе, какъ офиціальнаго покровителя Братства и не-офиціальнаго главнаго дѣятеля въ Братствѣ, а по временамъ почти единственнаго, очень не ловкое. Позволю себѣ еще разъ покорнѣйше и усерднѣйше просить васъ оказать содѣйствіе къ ускоренію разрѣшенія.

Всѣ перемѣны въ моей жизни, бывшія доселѣ, происходили не только безъ моего согласія, но и безъ моего вѣдома. Вѣроятно такъ же будетъ и дальше. Оно и лучше, потому что спокойнѣе бываетъ на душѣ, когда не самъ выбираешь себѣ мѣсто службы. Состоится-ли перемѣна, о которой вы пишете *), или нѣтъ, то и другое приму съ одинаковымъ спокойствіемъ. Десятый годъ живу въ Саратовѣ. Много трудовъ положено для улучшенія Саратовской епархіи; позволю себѣ сказать, что немало и сдѣлано, что̀ конечно будетъ оцѣнено по достоинству въ свое время; есть предположеніе сдѣлать и еще кое-что. Вообще потрудиться есть надъ чѣмъ, и потрудиться не безъ пользы; а гдѣ трудъ съ пользою, тамъ и спокойствіе душевное. Чего же желать больше? А какъ подумаешь съ другой стороны о долговременной опалѣ, которая наложена на Саратовъ и которая почти всею своею

*) Повидимому, рѣчь идетъ о перемѣщеніи пр. Іоанникія изъ Саратова въ Нижній Новгородъ, которое вскорѣ дѣйствительно и состоялось.

Библиотека "Руниверс"

тяжестью лежитъ исключительно на моихъ плечахъ: то невольно возникнетъ въ душѣ искусительное желаніе сложить съ себя тяжелую и непріятную ношу. Да будетъ во всемъ воля Божія!

Кстати, не пора ли снять съ Саратовской Семинаріи опалу? *) Лица, изъ за которыхъ наложена опала, неизвѣстны мнѣ, потому что, за исключеніемъ одного, они вышли изъ Семинаріи до моего поступленія на Саратовскую каѳедру. Начальствующіе въ Семинаріи перемѣнились, да и не разъ. Личный составъ преподавателей также измѣнялся нѣсколько разъ. Остается только одинъ ветеранъ М. И. Смирновъ, можетъ быть извѣстный и вамъ. Два ревизора, назначаемые въ Семинарію, не нашли въ ней ничего особеннаго. Между тѣмъ послѣдствія опалы очень прискорбныя. Наставники поступаютъ къ намъ больше по необходимости и при первой возможности уходятъ отъ насъ, хотя содержаніе ихъ, благодаря учрежденному мною свѣчному заводу, до преобразованія Семинаріи было нѣсколько лучше, чѣмъ будетъ по преобразованіи. Предоставленное мнѣ право ходатайствовать каждый разъ особо о дозволеніи поступать воспитанникамъ Семинаріи въ Академіи остается и, кажется, на долгое время останется мертвою буквою, потому что всѣ способные ученики, не желая быть опальными, заблаговременно оставляютъ Семинарію и переходятъ въ другія заведенія, изъ которыхъ свободно можно поступать куда угодно. Наконецъ число учащихся въ духовноучебныхъ заведеніяхъ Саратовской епархіи сократилось, какъ видно сіе изъ офиціальныхъ отчетовъ, на 47% въ продолженіе пяти лѣтъ. Я вынуждаюсь принимать и даже приглашать въ священники изъ другихъ епархій, потому что некого рукополагать.

---

*) Опала заключалась въ томъ, что Саратовскіе семинаристы лишены были права поступленія въ университетъ, да и въ духовныя академіи могли поступать лишь съ особаго каждый разъ дозволенія. Любопытно, что опала была снята какъ разъ въ то время, когда вообще у всѣхъ семинаристовъ отнято было право поступленія въ университеты безъ выдержанія испытанія зрѣлости въ гимназіи.

Библиотека "Руниверс"

МОСКОВСКОЕ КУПЕЧЕСТВО XVIII И XIX ВѢКОВЪ.

(Генеалогическія замѣтки).

Въ генеалогіи Московскихъ купеческихъ родовъ драгоцѣннымъ источникомъ являются „Матеріалы для исторіи Московскаго купечества", изданные по иниціативѣ Н. А. Найденова: согласно его предложенію въ засѣданіи выборныхъ Московскаго купечества 8 Апрѣля 1883 г. было постановлено напечатать архивные документы, которые могутъ служить источникомъ для исторіи Московскаго купечества, именно ревизскія и окладныя книги и др. за XVIII и XIX вѣка (за XVII вѣкъ переписныхъ книгъ по Москвѣ сохранилось очень мало). Документы были извлечены изъ архивовъ Министерства Юстиціи и Купеческой управы. Всего издано было 9 томовъ (первый томъ вышелъ въ 1883 г., послѣдній въ 1889 г.), заключающихъ данныя 10 ревизій (первая ревизія или перепись была при Петрѣ I въ 20-хъ годахъ, десятая при Александрѣ II въ 1857 г.), и нѣсколько дополнительныхъ томовъ, содержащихъ переписныя книги XVII вѣка, окладную книгу 1748 г., общественные приговоры и нѣкоторые другіе документы. При каждой ревизіи лица, принадлежавшія къ купечеству, подавали сказки о наличномъ составѣ семейства съ указаніемъ возраста каждаго члена семьи, мѣстожительства, занятія. Впрочемъ, сказки не всегда бывали одинаковаго содержанія: въ сказкахъ первыхъ двухъ ревизій не указаны лица женскаго пола, сказки послѣдующихъ ревизій XVIII вѣка не только даютъ женскія имена, но и указываютъ, откуда „взяты" жены и за кого выданы дочери, сказки же XIX вѣка даютъ только имена женъ и дочерей, не вышедшихъ замужъ. Если податель сказки принятъ въ Московское купечество въ промежутокъ времени между двумя ревизіями, то онъ указываетъ свое первоначальное званіе. Такимъ образомъ, по даннымъ десяти ревизій можно изучить составъ Московскаго купечества, опредѣлить его первоначальное ядро и постепенныя наслоенія; къ сожалѣнію, сказки XVIII вѣка дошли до насъ не въ полной сохранности. Въ нашу задачу не входитъ изученіе состава всего Московскаго купечества, а лишь извлеченіе свѣдѣній, касающихся происхожденія нѣкоторыхъ болѣе выдающихся купеческихъ родовъ и родственныхъ связей ихъ съ дворянствомъ.

Та часть населенія Москвы, изъ которой въ XVIII вѣкѣ образовались сословія купеческое, мѣщанское и ремесленное, въ XVII вѣкѣ составляла одно сословіе посадскихъ людей, дѣлившееся на сотни (цѣлыя сотни, полу-

Библиотека "Руниверс"

сотни и четверть сотни) и слободы. Лица, принадлежавшія къ сотнямъ Гостиной и Суконной, пользовались преимуществами; эти сотни пополнялись лучшими людьми изъ другихъ сотенъ и слободъ и изъ другихъ городовъ. Принадлежавшіе къ Гостиной сотнѣ за особыя отличія жаловались въ званіе гостей и получали особыя права. Каждая слобода и сотня имѣла свое особое управленіе со старостой (въ слободахъ и привилегированныхъ сотняхъ) и сотскимъ во главѣ. Дѣленіе Московскаго тяглаго населенія на слободы и сотни сохранилось и послѣ Петра I, но число ихъ сократилось. Въ XVIII вѣкѣ оно дѣлилось на 4 сотни (Гостиная, Новгородская, Дмитровская и Срѣтенская), 3 полусотни (Устьинская, Кожевницкая и Мясницкая) и 26 слободъ (Кадашевская, Крымскіе Лужники, Казенная, Огородная, Напрудная, Большіе Лужники, Кошельная, Дѣвичьи Лужники, Алексѣевская, Конюшенная, Садовая Набережная, Панкратьевская, Голутвенная, Семеновская, Басманная, Барашская, Мѣщанская, Гончарная, Кузнецкая, Красносельская, Большая Садовая, Таганная, Сыромятная, Екатерининская, Хамовая и Бронная). Въ началѣ XIX вѣка находимъ уже только одну сотню Гостиную, а въ 1815 г. и она превращается въ слободу. Первоначально лица, принадлежавшія къ извѣстной сотнѣ или слободѣ, жили, безъ сомнѣнія, въ ея предѣлахъ; но съ теченіемъ времени принадлежность къ сотнѣ или слободѣ перестала обозначать мѣстожительство, а лишь указывала на извѣстную подвѣдомственность, въ настоящее же время, послѣ упраздненія прежнихъ сословныхъ учрежденій, она стала вполнѣ номинальной. Интересно, что иностранцы большей частью приписывались къ Басманной слободѣ, вѣроятно вслѣдствіе сосѣдства ея съ Нѣмецкой слободой, древнимъ мѣстожительствомъ иноземцевъ.

Московское купечество пополнялось лицами, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ слоямъ общества. Мы встрѣчаемъ среди нихъ крестьянъ, посадскихъ людей и купцовъ разныхъ городовъ, мастерового человѣка Оружейной палаты, портного мастера Мастерской палаты, дьячка, сыновей священниковъ, пономарей, дьячковъ, истопника Сытнаго дворца, иконописца Оружейной палаты, разныхъ инородцевъ и иностранцевъ, въ началѣ главнымъ образомъ „Польской породы“ и „Шведской націи“. Эти Поляки и Шведы въ началѣ XVIII в. фамилій не имѣли, а назывались по имени и отчеству, такъ что ихъ трудно отличить отъ коренныхъ Русскихъ. Въ 80 и 90 годахъ XVIII в. въ составъ Московскаго купечества въ качествѣ временныхъ купцовъ входили и дворяне (отставной корнетъ Терент. Ив. Ворошнинъ, поручикъ Егоръ Ѳед. Воронинъ, премьеръ-маіоръ Петръ Александровичъ Римскій-Корсаковъ, гвардіи прапорщикъ Ив. Вас. Хомяковъ, надв. сов. Левъ Александр. Кайсаровъ и гвардіи прапорщикъ Петръ Евдоким. Демидовъ) *).

Если сравнить фамиліи современныхъ выдающихся купеческихъ родовъ и игравшихъ видную роль въ началѣ XVIII вѣка, то не найдемъ ни одного рода, который бы сохранилъ свое значеніе со временъ Петра I до нашихъ

*) Матер. IV, 474.

Библиотека "Руниверс"

дней: выдающіеся роды Петровскаго времени или перешли въ дворянство, или совершенно исчезли; тѣ же, которые теперь извѣстны, въ то время не имѣли никакого значенія. Возьмемъ списокъ Гостинной сотни 1713 г. Во главѣ его стоитъ именитый человѣкъ Григорій Дмитріевичъ Строгановъ, заканчивающій собою древнюю исторію своего рода: его потомки уже принадлежатъ къ высшему придворному дворянству. Далѣе находимъ фамиліи Филатьевыхъ, Панкратьевыхъ, Семенниковыхъ, Юрьевыхъ, Добрынинныхъ, Чирьевыхъ, Исаевыхъ, Нестеровыхъ, Сверчковыхъ, Климушинныхъ, Сырейщиковыхъ, Шиловцевыхъ, Олесовыхъ, Бабушкинныхъ, Гусятниковыхъ, Евреиновыхъ и др.; изъ иноземцевъ фонъ Кельдерманъ и Вестовыхъ [1]). Въ наше время, если и встрѣчаются купеческіе роды съ одной изъ перечисленныхъ фамилій, то большого значенія они не имѣютъ. Въ XVIII вѣкѣ изъ этихъ родовъ болѣе видную роль играли Исаевы, Евреиновы и Гусятниковы.

Родоначальникъ *Исаевыхъ* Ивашка Исаевъ, имѣвшій сыновей Ивана, Семена и Илью, былъ родомъ изъ г. Дубровны (Горецкаго у. Могилевской губ.) и въ 1655 г. былъ взятъ въ плѣнъ Матв. Вас. Жидовиновымъ, по смерти котораго перешелъ къ его брату Ивану Васильевичу. Когда послѣдній былъ убитъ въ Симбирскѣ въ 1671 г., то Исаевъ былъ отпущенъ на волю и въ 1673 г. сталъ жить въ Московской Мѣщанской слободѣ, населеніе которой состояло главнымъ образомъ изъ Западно-русскихъ полоняниковъ, и торговать въ Шелковомъ ряду; затѣмъ онъ служилъ на Мѣщанскихъ кружечныхъ дворахъ у питейной продажи головою у денежнаго сбора и въ 1678 г. перечисленъ въ Гостиную сотню, а потомъ пожалованъ гостемъ. Сынъ его Илья Ивановичъ былъ президентомъ Петербургскаго магистрата въ 1720 г., президентомъ магистрата и оберъ-инспекторомъ въ Ригѣ въ 1727—29 гг., вице-президентомъ Коммерцъ-коллегіи въ 1731 г. и дѣйств. ст. совѣтникомъ въ 1741 г. [2]), а внукъ Иванъ Семеновичъ, купецъ 1 гильдіи, —президентомъ главнаго магистрата въ 1748 г. [3]). Исаевы больше не числились въ Московскомъ купечествѣ и перешли въ дворянство [4]).

Родоначальникомъ *Евреиновыхъ* былъ гость Матвѣй Григорьевичъ, по происхожденію Еврей изъ г. Мстиславля Могилевской губ. Потомки его, записываясь въ дворянство, назвали его Польскимъ шляхтичемъ и поэтому внесены были въ 6 часть родословной книги. Между тѣмъ, его Еврейское происхожденіе несомнѣнно. Вотъ что о немъ находимъ въ переписной книгѣ Мѣщанской слободы 1676 г.: „Матюшка Григорьевъ, Еврей, у него сынъ Петрунька, да у него жъ братъ его родной Ѳедька Григорьевъ, родомъ Мстиславля города; въ прошломъ въ 163 (1654—55 г.) взяли его служилые люди и на Москвѣ отдали Гостиной сотни Кирилу Волосатому, и жилъ у него 15 л. и свобожденъ отъ него по указу великаго государя... въ 176 г. и

---

[1]) О Вестовыхъ см. разсказъ И. С. Бѣляева въ „Истор. Вѣстн." за 1907 г.

[2]) Прилож. къ т. I (Переписн. кн. Мѣщан. сл. I, 2, 72).

[3]) Тамъ же (окладн. кн. 1748 г., 2).

[4]) Брокгаузъ, XXV.

Библиотека "Руниверс"

изъ Посольскаго приказу отосланъ былъ съ памятью на житье въ Новомикицкую слободу и .. въ 179 г. взятъ онъ, по указу великаго государя, въ Новомѣщанскую слободу безъ поручной записи, а торгуетъ онъ въ овошномъ ряду“ [1]). Одинъ изъ его сыновей Яковъ Матвѣевичъ (р. 1700+1772) былъ консуломъ въ Испаніи, президентомъ коммерцъ-коллегіи, дѣйств. ст. совѣтникомъ и является родоначальникомъ дворянскаго рода Евреиновыхъ. Племянники его служили въ военной службѣ, и одинъ изъ нихъ, Иванъ Андреевичъ (р. 1746+1793) достигъ чина генералъ-маіора. Отъ племянника Матвѣя Григорьевича Авраама Ѳедоровича, купца гостиной сотни, ведшаго торговлю съ Китаемъ, пошла другая вѣтвь Евреиновыхъ, члены которой благодаря службѣ также достигли дворянства.

Изъ предковъ *Гусятниковыхъ* первымъ мы знаемъ Сергѣя Захарьевича, внесеннаго въ окладной списокъ Гостиной сотни 1713 г. Внукъ его Михаилъ Петровичъ (р. 1707+1776) былъ оберъ-директоромъ. Изъ сыновей послѣдняго Михаилъ (+1782) былъ также оберъ-директоромъ, Петръ (+1816) имѣлъ званіе именитаго гражданина, а Ѳедоръ (р. 1759+1791) былъ поручикомъ. Одна изъ дочерей Михаила Петровича Елисавета (р. 1756+1791), бывшая замужемъ за камердинеромъ двора Е. И. В. полковничья ранга Алексѣемъ Семен. Поповымъ († 1780), имѣла отъ гр. Ѳедора Григорьевича Орлова нѣсколько дѣтей, въ томъ числѣ декабриста Михаила Ѳедоровича и князя Алексѣя Ѳедоровича Орловыхъ. Сыновья Петра Михайловича учились въ Московскомъ университетѣ (изъ нихъ Петръ былъ членомъ Московской таможни), а дочь его Евгенія Петровна (р. 1803 † 1880 г.) была женою Николая Аполлоновича Майкова и матерью поэта Аполлона Николаевича и вице-президента Академіи Наукъ Леонида Николаевича Майковыхъ.

Изъ древнихъ купеческихъ родовъ другихъ сотенъ и слободъ болѣе извѣстны Каретниковы, Оконишниковы, Перловы, Лукутины, Земскіе, Баташевы, Москвины и Струговщиковы, изъ коихъ первые четыре существуютъ и теперь. Предокъ *Каретниковыхъ*, Шуйскихъ фабрикантовъ, тяглецъ Дмитровской сотни Андрей Семеновъ, не имѣвшій еще фамиліи, упоминается въ переписной книгѣ 1725 г.; сынъ его Петръ во время 2-ой ревизіи въ 1747 г. уже носилъ фамилію Каретникова [2]). Въ переписной книгѣ 1747 г. находимъ тяглеца Голутвенной слободы Емельяна Ѳедоровича *Оконишникова* въ отдѣлѣ „въ прежнюю перепись прописныхъ“, слѣдовательно онъ числился въ Москвѣ и до 1725 г. [3]) Родоначальникомъ *Перловыхъ* является тяглецъ Срѣтенской сотни Иванъ Михайловъ (р. 1705 † 1755), упоминаемый въ переписной книгѣ 1725 г. [4]). Фамиліи онъ еще не имѣлъ; ее получилъ только въ 1807 г. его сынъ Алексѣй Ивановичъ (р. 1751 † 1813), торговавшій въ Овошномъ ряду. Потомки его основали двѣ извѣстныя чайныя фирмы, представители которыхъ, по случаю столѣтія торговаго дома, возведены были

[1]) Прилож. къ т. I (Переписн. кн. Мѣщан. сл. 11).

[2]) Матер. I, ч. 1, 166, ч. 2, 113.

[3]) I, ч. 2, 32.

[4])I, ч. 1, 177, ч. 2, 121.

Библиотека "Руниверс"

въ дворянское достоинство. Предокъ *Лукутиныхъ* Василій Прокофьевичъ числился въ Московскомъ купечествѣ по переписи 1725 г. и торговалъ въ золотномъ ряду [1]). Изъ *Земскихъ* первымъ упоминается въ нашихъ документахъ старинный тяглецъ Алексѣевской слободы Яковъ Васильевичъ (р. 1685 г.). Его сынъ Данила Яковлевичъ (р. 1710 † 1768), разныхъ фабрикъ содержатель, откупщикъ, былъ однимъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей на промышленномъ поприщѣ. Его и семью его описываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ внучка его Е. В. Смирная, ур. кн. Вяземская. Данила Яковлевичъ былъ женатъ дважды: на дочери Ярославскаго фабриканта Ивана Затрапезнаго и на дочери содержателя желѣзныхъ заводовъ Аграфенѣ Иван. Миляковой (р. 1744 † 1767). Сынъ его Данила Даниловичъ (р. 1748 † 1785), женатый къ Аннѣ Прокоф. Демидовой, имѣлъ 2 сыновей: Данилу (р. 1770) и Ивана (р. 1771), выбывшихъ въ военную службу, и дочь Анну (р. 1777). Дочери Даниды Яковлевича были замужемъ: Елисавета (р. Ок. 1746) за кн. Вас. Алексѣев. Вяземскимъ, Сусанна (р. 1747) за фабрикантомъ Макс. Алексѣев. Демидовымъ и Ник. Александр. Соймоновымъ, Анна (р. 1751) за Кирил. Прокоф. Бобровскимъ, Варвара (р. 1753) за маіоромъ Егор. Марк. Шелимовымъ и Сарра (р. 1775) за маіоромъ Антон. Мих. Аничковымъ [2]). *Москвины* происходятъ отъ Тульскаго посадскаго человѣка Ивана Кирилловича Мячкина, жившаго въ Москвѣ въ 1725 г.; сынъ его носилъ прозвища Мясникова и Москвина, а потомки удержали послѣднее [3]). *Баташевы* происходятъ также изъ Тульскихъ посадскихъ людей. Ихъ было двѣ семьи. Въ переписной книгѣ 1725 г. находимъ кадашевца Родіона Ѳедоровича съ сыномъ Кузьмой и тяглеца Хамовной слободы Ивана Кирилловича († 1759), прибывшаго въ 1716 г. Послѣдній былъ женатъ на дочери прапорщика Кіевскаго гарнизона Ѳеклѣ Егоровнѣ Венедиктовой († 1774) и имѣлъ 3 сыновей: Петра († 1783), купца (его вдова имѣла пропитаніе отъ плетенія кружевъ), Александра (р. 1741+1807), дворянина, содержателя желѣзныхъ заводовъ (женатъ на Аннѣ Саввишнѣ Яковлевой), и Григорія, купца, содержателя полотняной фабрики. Дочь Ивана Кирилловича Татьяна была за 1 гильдіи купцомъ Ос. Як. Москвинымъ, а дочь ихъ Елисавета Осиповна вышла за заводчика Ивана Родіоновича Баташова (неизвѣстно, былъ ли онъ родственникъ выше упомянутыхъ) [4]). Предкомъ *Струговщиковыхъ* былъ тяглецъ Мѣщанской слободы Матвѣй Семеновъ, сѣнникъ, записанный въ переписную книгу 1684 г. Сынъ его Петръ Струговщиковъ († 1757) служилъ у Никиты Демидова, а внукъ Борисъ Петровичъ, ратсгеръ главнаго магистрата, „за безпорочную

---

[1]) I, ч. 1, 7.

[2]) I. 134, II, 77, III, 213, IV, 546. Воспоминанія Е. В. Смирной см. въ „Русской Старинѣ“ 1883 г. Поправки къ нимъ кн. Лобанова-Ростовскаго въ „Р. Стар.“ 1884 г. То, что Е. В. Смирная сообщаетъ о своемъ дѣдѣ, требуетъ провѣрки. Между прочимъ, по ея словамъ, онъ былъ изъ дворянъ...

[3]) I, ч. 1, 13, ч. 2, 8.

[4]) I, ч. 1, 13, 175, ч. 2, 8, II, 166, III, 327, IV, 678. О. И. Р. Баташова см. статью Толычевой въ „Р. Архивѣ“ 1871 г.

Библиотека "Руниверс"

на своемъ коштѣ службу" пожалованъ „вѣчнымъ чиномъ титулярнаго совѣтника". Его племянники Іасонъ, Евгеній и Андрей Петровичи и Александръ Ивановичъ поступили въ военную службу, а племянницы вышли замужъ: Марія Петровна за 1 гильдіи купца Михаила Милютина [1]), а Анна Ивановна, за премьеръ-маіора Ивана Васильевича Логинова. Дочь Іасона Петровича Марія († 1839) была за камердинеромъ двора Е. И. В. Ѳедоромъ Ермолаевичемъ Секретаревымъ (раньше служилъ у Потемкина).

Укажемъ теперь происхожденіе нѣкоторыхъ болѣе позднихъ родовъ, выдвинувшихся во 2-й половинѣ XVIII и въ XIX в. и время ихъ „прибытія" въ Москву.

Абрикосовы—изъ крестьянъ с. Троицкаго, Отмистъ тожъ, Чембар. у. Пензенской губ. Анны Петровны Левашевой 1804 г. Фамилію получили въ 1814 г. [2]).

Алексѣевы—изъ крестьянъ сельца Добродѣева дер. Костиной Ярослав. губ. Натальи Никифоровны Ивановой 1746 г. [3]). Ихъ предокъ Алексѣй Петровъ (р. 1724 † 1775) былъ женатъ на дочери конюха гр. П. Б. Шереметева. Сыновья его Семенъ (р. 1746 † 1823) и Василій (р. 1760 † 1807) торговали въ 1795 г. въ серебряномъ ряду и были родоначальниками 2 вѣтвей Алексѣевыхъ (сыновья Василія получили фамилію Алексѣевыхъ въ 1819 г.) Александръ Васильевичъ (р. 1788 † 1841) былъ въ 1840—41 гг. Московскимъ городскимъ головой. Въ серединѣ XIX вѣка Алексѣевы начинаютъ вступать въ брачныя связи съ дворянами: Варвара Петровна (р. 1827 † 1848) была за д. ст. сов. Мих. Аким. Рюминымъ, Екатерина Васильевна (р. 1838 + 1871) за камеръ-юнкеромъ Серг. Смирновымъ, Надежда Владимировна (р. 1826 † 1865) за полковникомъ Арк. Илар. Беклемишевымъ, сестры ея Анна (р. 1831 † 1891) за полковникомъ Львомъ Дм. Кисловскимъ, Татьяна (р. 1840 † 1892) за Андр. Ник. Костомаровымъ. Въ наше время достигли извѣстности изъ рода Алексѣевыхъ Александръ Семеновичъ, дѣйств. ст. совѣтникъ, докторъ государственнаго права, профессоръ и деканъ юридическаго факультета Московскаго университета, Николай Александровичъ (р. 1852 † 1893), Московскій городской голова, и Константинъ Сергѣевичъ, одинъ изъ основателей Московскаго Художественнаго театра, выдающійся актеръ, извѣстный подъ псевдонимомъ Станиславскаго.

Бахрушины—изъ Зарайскихъ купцовъ 1835 г. [4]), родъ которыхъ по документамъ можно прослѣдить до 1722 г. [5]). Перешедшій въ Москву Алексѣй Ѳедоровичъ (+1848), отецъ недавно умершаго благотворителя почетнаго

---

[1]) Прилож. къ т. I (Переписн. кн. Мѣщан. сл., 110; I, 219, III, 106, IV, 389. Къ сожалѣнію, не удалось пока найти, не Михаилъ ли Андреевичъ Милютинъ, дѣдъ гр. Д. А. и Н. А. Милютиныхъ.

[2]) V, 206, VI, 132.

[3]) II, 50.

[4]) VIII, 188.

[5]) Матеріалы для исторіи Зарайска. М. 1883 г.

Библиотека "Руниверс"

гражданина г. Москвы Василія Алексѣевича (+29 Октября 1906) и дѣдъ коллекціонеровъ Алексѣя Петровича (+1904) и Алексѣя Александровича.

Борисовскіе—изъ Ростовскихъ купцовъ 1813 г. Имѣли торговлю въ яблошномъ ряду [1]).

Боткины—изъ Торопецкихъ посадскихъ людей 1791 г. [2]). Ихъ родъ можно прослѣдить по документамъ въ непрерывной связи до половины XVII вѣка [3]). Первымъ перешелъ въ Москву Дмитрій Кононовичъ, а потомъ его братъ Петръ Кононовичъ (р. 1781+1853), основатель извѣстной чайной фирмы, отецъ писателя Василія, лейбъ-медика Сергѣя и художника Михаила (академика, тайнаго совѣтника) Петровичей. Двое изъ его внуковъ также лейбъ-медики (почетные), а двое имѣютъ придворное званіе и служатъ на дипломатическомъ поприщѣ (Сергѣй Дмитріевичъ и Петръ Сергѣевичъ, министръ-резидентъ въ Марокко).

Вишняковы—изъ Кашинскихъ купцовъ 1762 г. Древнѣйшій представитель этого рода въ Кашинѣ встрѣчается въ архивныхъ документахъ 1636 г. Внукъ перешедшаго въ Москву Михаила Ивановича Николай Петровичъ составилъ исторію своего рода [4]).

Воспряковы—изъ крестьянъ генералъ-маіора Купреянова 1834 г. [5]).

Ганешины—изъ Калужскаго купечества 1830 г. [6]).

Голофтьевы—изъ Боровскихъ мѣщанъ 1845 г. (Кононъ Никоновичъ) [7]).

Губины—изъ Орловскихъ купцовъ 1770 г. (Михаилъ Павловичъ, именитый гражданинъ, коммерціи совѣтникъ) [8]).

Губонины. Прибывшій въ Московское купечество въ 1858 г. крестьянинъ помѣщика Бибикова, Петръ Іоновичъ, впослѣдствіи тайный совѣтникъ, возведенъ 21 Декабря 1872 г. въ дворянское достоинство „въ воздаяніе пожертвованій, съ 1870—1872 г. на устройство и обезпеченіе бывшей въ семъ послѣднемъ году политехнической выставки въ Москвѣ и во вниманіе къ стремленію его своими трудами и достояніемъ содѣйствовать общественной пользѣ". Въ 1876 г. это достоинство распространено на дѣтей его, родившихся до 1872 г. [9]).

Гучковы—изъ дворовыхъ людей надв. совѣтницы Бѣлавиной 1814 г. [10]). Къ этому роду принадлежатъ нынѣшній Московскій городской голова, дѣйств. стат. совѣтникъ Николай Ивановичъ и членъ 3-й Государственной Думы отъ г. Москвы Александръ Ивановичъ Гучковы [10]).

---

[1]) VI, 111.

[2]) IV, 223, V, 109.

[3]) Матеріалы для исторіи Торопца. М. 1883.

[4]) „Свѣдѣнія о купеческомъ родѣ Вишняковыхъ, собранныя Н. Вишняковымъ". М. 1903 и 1905. Изданіе не для продажи.

[5]) VII, 173.

[6]) VII, 221.

[7]) VIII, 60.

[8]) III, 397.

[9]) IX, 30; Гр. Бобринскій „Дворянскіе роды", II, 723.

[10]) VI, 115.

Библиотека "Руниверс"

Долговы. Сыновья Калужскаго купца Ивана Осиповича Лука и Аѳанасій были Московскими купцами во время переписи 1747 г. [1]) Лука Ивановичъ (р. 1722+1783), именитый гражданинъ, президентъ Московскаго магистрата, былъ женатъ вторымъ бракомъ на Сусаннѣ Филипповнѣ Аршеневской (р. 1746+1823) и выдалъ дочерей замужъ: Аграфену (р. 1747) за знаменитаго архитектора Вас. Ив. Баженова, Прасковью (р. 1749) за проф. Сем. Герасим. Зыбелина, Марію (р. 1755) за архитектора Элизара Семен. Назарова, Екатерину (р. 1763) за секундъ-маіора Вас. Тим. Лепехина, Ирину (р. 1766) за кн. Ив. Павл. Горчакова и Варвару (р. 1767) за гвардіи прапорщика Павла Петровича Колычева. Сыновья его Николай и Лука (р. 1771+1840) были гвардіи прапорщиками. Аѳанасій Ивановичъ былъ Московскимъ городскимъ головой въ 1792—1795 гг. Дочь его Анна была за генералъ-маіоромъ Марк. Гавр. Костылевымъ, а сыновья Петръ (р. 1764+1823) былъ премьеръ-маіоромъ и кригсцалмейстеромъ, а Александръ (р. 1772+1844)—надворнымъ совѣтникомъ и отъ брака съ Лукіей Матвѣевной Бороздиной (р. 1785+1864) имѣлъ сына штабсъ-ротмистра Матѳія Александровича (р. 1809+1837).

Думновы (книгопродавцы)—изъ мѣщанъ 1846 г. [2]).

Ермаковы—изъ вольноотпущенныхъ гр. Шереметева 1839 г. [3]).

Живаго—изъ Рязанскихъ купеческихъ дѣтей 1823 г. [4]).

Зубковы—изъ Суздальскихъ купцовъ 1763 г. Сынъ перешедшаго въ Москву Авраама Васильевича (р. 1735+1793), Петръ Авраамовичъ (р. 1762+1804) былъ секундъ-маіоромъ, а дочь Анна (р. 1769+1846) была за бригадиромъ Ив. Алексѣев. Булгаковымъ [5]).

Калужскіе—изъ мѣщанъ 1815 г. Въ 1822 г. перешли въ Шуйское купечество [6]). Изъ этого рода происходитъ артистъ Художественнаго театра Вас. Вас. Лужскій.

Корзинкины—изъ экономическихъ крестьянъ дер. Труфановой Борисоглѣб. окр. Ярославск. намѣстн. 1791 г. [7]).

Климушины—изъ купцовъ г. Владимира 1814 г. [8]).

Кольчугины (книгопродавцы)—отъ Никиты Никифоровича, вышедшаго

---

[1]) I, ч. 2, 23.

[2]) VIII, 260.

[3]) VIII, 75.

[4]) VII, 79.

[5]) II, 80, IV, 512. Не сынъ ли Петра Авраамовича Василій Петровичъ (р. 1800 † 1862)? Оба они погребены въ Донскомъ монастырѣ. Біографія Василія Петровича Зубкова († 1862), оберъ-прокурора и сенатора Московскихъ департаментовъ, составленная К. П., напечатана въ „Русскомъ Архивѣ" за 1904 г. Авторъ ея говоритъ, что Зубковъ происходилъ изъ дворянъ Ярославской губ., но Петръ Авраамовичъ, какъ секундъ-маіоръ, могъ быть и Ярославскимъ дворяниномъ.

[6]) VI, 219, VII, 227.

[7]) IV, 61.

[8]) VI, 18.

Библиотека "Руниверс"

изъ Польши раскольника 1770 г. [1]). Біографіи членовъ этого рода составлены П. К. Симони („Матеріалы къ исторіи Русской книжной торговли. Вып. 1. Н. И. Новиковъ и книгопродавцы Кольчугины“ Спб. 1907).

Корещенко—изъ мѣщанъ 1833 г. [2]). Изъ этого рода происходитъ современный композиторъ и піанистъ Арсеній Николаевичъ Корещенко.

Крестовниковы—изъ купечества г. Переяславля-Залѣсскаго Владимір. губер. 1826 г. [3]). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышло въ свѣтъ роскошное изданіе исторіи этого рода (оно не продается).

Куманины—изъ купечества г. Переяславля-Залѣсскаго 1789 г. [4]). Коммерціи совѣтникъ Алексѣй Алексѣевичъ Куманинъ за усердную службу въ должности Московскаго городского головы получилъ 17 Іюня 1812 орденъ Св. Владимира 4 ст. и сыновья его Константинъ, Александръ и Валентинъ Алексѣевичи пріобрѣли потомственное дворянство [5]).

Ланины—изъ Зарайскаго купечества 1840 г. [6]).

Лепешкины—изъ Каширскаго купечества 1813 г. [7]) Семенъ Логиновичъ Лепешкинъ (р. 1785 † 1855) былъ Московскимъ городскимъ головой.

Лобковы—изъ дворовыхъ людей гр. Н. П. Шереметева 1802 г. [8]). Сынъ родоначальника Ивана Прокофьевича Алексѣй Ивановичъ былъ коммерціи совѣтникомъ; о немъ часто упоминаетъ въ своемъ дневникѣ И. М. Снегиревъ. Дочь его Анна Алексѣевна была съ 1851 г. за генер.-лейт. А. З. Егоровымъ, а племянница Анна Павловна, недавно скончавшаяся и завѣщавшая свое состояніе Москвѣ, была за Московскимъ городскимъ головой С. А. Тарасовымъ.

Лухмачовы—изъ мѣщанъ г. Гороховца Владимирской губ. 1790 г. [9]). Сынъ родоначальника коммерціи совѣтника Дмитрія Александровича (р. 1765 † 1841), владѣльца Охотнаго ряда и подмосковнаго села Косина, Аѳанасій Дмитріевичъ († 1882) служилъ въ военной службѣ и имѣлъ чинъ подполковника, а дочь Дарья Дмитріевна была за кн. Ив. Вас. Волконскимъ.

Лямины числились въ Московскомъ купечествѣ уже въ 1782 г. [10]). Иванъ Артемьевичъ былъ Московскимъ городскимъ головой.

Мазурины—изъ Серпуховскихъ купцовъ 1795 г. [11]). Одинъ изъ 4 братьевъ перешедшихъ въ Москву, Алексѣй Алексѣевичъ (р. 1772 † 1834) имѣлъ 3 дочерей, которыя всѣ вышли за дворянъ: Елисавета (р. 1811 † 1858) за подполковника Ив. Ник. Макарова-Зубачева, Александра (р. 1817 † 1885) за директора Архива иностранныхъ дѣлъ кн. Мих. Андр. Оболенскаго и Анна (р. 1824 † 1866) за свѣтл. кн. Давыда Багратовича Грузинскаго.

Малютины—изъ Калужскаго купечества 1786 г. [12]).

Медынцевы—изъ крестьянъ Рябушинской слободы Калужскаго намѣстничества 1795 [13]).

---

[1]) III, 445.—[2]) VII, 178.—[3]) VII, 250.—[4]) IV, 599.—[5]) VI, 81; гр. Бобринскій II, 621.—[6]) VIII, 195.—[7]) VI, 52.—[8]) VI, 398.—[9]) IV, VII.—[10]) IV, 210.—[11]) IV, 821.—[12]) IV, 458.—[13]) IV, 618.

Библиотека "Руниверс"

Мѣщаниновы—изъ Коломенскихъ купцовъ 1761 г. [1]). Первымъ былъ записанъ въ Московское купечество 14-лѣтній Маркелъ Демидовичъ, въ 1781 г. выбывшій въ военную службу и впослѣдствіи надворный совѣтникъ, а затѣмъ и его отецъ Демидъ Демидовичъ, именитый гражданинъ и коллежскій асессоръ. Дочери Демида Демидовича были замужемъ: Елисавета за секундъ-маіоромъ Ив. Вас. Хотяинцовымъ и Анна за капитаномъ 1 ранга Петр. Никит. Хомутовымъ. Внукъ его коллежскій асессоръ Петръ Маркелычъ продолжалъ еще владѣть поссессіонной фабрикой [2]).

Назаровы—изъ Елецкихъ купеческихъ дѣтей 1804 г. [3]).

Найденовы—изъ мастеровыхъ фабрики купцовъ Колосовыхъ 1816 г. Они были уроженцы села Батыева Суздальскаго уѣзда, принадлежавшаго шелковымъ фабрикантамъ Колосовымъ, и въ 1765 г. переселены въ Москву [4]).

Овчинниковы числились въ Москвѣ уже въ 1782 г. безъ фамиліи, которую получили въ 1809 г. [5]).

Поповы („К. и С. Поповы", чайная фирма) изъ Петербургскаго купечества 1851 г. Константинъ и Семенъ († 1856) Абрамовичи [6]).

Прохоровы: 1) изъ купцовъ Сергіевскаго посада 1785 г. Въ 1857 г. представителемъ этого рода былъ пот. поч. гражд., мануфактуръ-совѣтникъ Константинъ Васильевичъ [7]); 2) изъ дворовыхъ людей дер. Средневки Подольскаго у. Серг. Вас. Салтыкова 1807 г. Въ 1857 г. представители—пот. почетн. граждане 2 г. купецъ и кавалеръ Сергій Трифоновичъ и 1 г. купецъ Иванъ Трифоновичъ съ сыновьями Василіемъ и Сергѣемъ [8]).

Расторгуевы—изъ крестьянъ графа Шереметева 1828 г. [9]).

Рогожины—изъ мѣщанъ 1815 г. [10]).

Рышетниковы—изъ Лихвинскихъ мѣщанъ 1856 г. [11]).

Рябушинскіе—изъ мѣщанъ 1824 г. [12]).

Сазиковы—изъ экономическихъ крестьянъ дер. Дмитріевской Вохонской вол. Богородскаго у. Московской губ. 1796 г. Фамилію получили въ 1811 г. [13])

Салаевы—изъ дворовыхъ людей дер. Ожигановой Солигалицкаго у. Костромской губ. Антона Ив. Герарда 1905 г. [14]).

Сапожниковы—изъ Углицкихъ купцовъ 1795 г. Торговали въ суровскомъ и свѣчномъ восковомъ рядахъ [15]).

Селивановскіе—изъ крестьянъ с. Дѣдпова Егорьевскаго у. Рязанской губ. генер.-поручика Мих. Льв. Измайлова [16]).

Смирновы—изъ крестьянъ Демидова 1858 г. (родоначальникъ—отецъ Петра Арсентьевича) [17]).

Солдатенковы—изъ крестьянъ дер. Прокушиной Коломенскаго у. 1797 г. [18]) Родоначальникъ Егоръ Васильевичъ, дѣдъ Козьмы Терентьевича, извѣстнаго

---

[1]) II, 50. III, 183. IV, 482.—[2]) Фабрика, построенная частнымъ лицомъ, но получившая отъ правительства землю и рабочихъ.—[3]) V, 273.—[4]) VI, 102; „Батыево", М. 1889 г.—[5]) V, 176.—[6]) IX, 229.—[7]) IV, 663; IX, 377.—[8]) V, 320; IX, 265.—[9]) VII, 60.—[10]) VI, 95.—[11]) IX, 251.—[12]) VII, 167.—[13]) V, 237.—[14]) V, 118.—[15]) IV, 88.—[16]) V, 113.—[17]) IX, 193.—[18]) V, 194.

Библиотека "Руниверс"

книгоиздателя, завѣщавшаго свою цѣнную картинную галлерею Румянцевскому музею. Племянникъ и наслѣдникъ Козьмы Терентьевича Василій Ивановичъ служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и имѣетъ чинъ дѣйств. ст. совѣтника.

Солодовниковы—изъ Серпуховскихъ купцовъ 1828 г. (Гаврила Петровичъ, отецъ Гавріила Гавриловича, дѣйст. ст. совѣтника, завѣщавшаго большой капиталъ на благотворительныя дѣла) [1]).

Сорокоумовскіе—изъ Зарайскихъ купцовъ 1809 г. Торговали въ маломъ ветошномъ ряду. Въ Зарайскѣ этотъ родъ существовалъ еще въ 1646 г. [2]).

Спиридоновы—изъ Нѣжинскихъ Грековъ 1802 г. (Христофоръ Дмитріевичъ) [3]).

Третьяковы—изъ купцовъ г. Малоярославца 1774 г., гдѣ этотъ родъ существовалъ еще въ 1646 г. [4]). Правнуки родоначальника—Павелъ Михайловичъ (р. 1833+1898), основатель Третьяковской галлереи, и Сергѣй Михайловичъ (р. 1834+1892), дѣйств. ст. сов., Московскій городской голова.

Усачевы—изъ экономическихъ крестьянъ подмонастырской нижней слободы Троицкаго Бѣлопесоцкаго монастыря при г. Каширѣ [5]).

Ушковы—изъ крестьянъ Демидова 1850 г. [6]).

Хлудовы—изъ экономическихъ крестьянъ дер. Акатовой Высоцкой вол. Егорьевскаго у. Рязанской губ. 1824 г. [7]).

Хлѣбниковы—отъ отставного губерн. регистратора Алексѣя Михайловича и сына его Петра, вольноотпущеннаго секундъ-маіора Ник. Аѳан. Гончарова 1794 г. Торговали въ овошномъ ряду [8]).

Челышевы—изъ Владимирскаго купечества (1805 г. [9]).

Четвериковы—изъ Перемышльскихъ купеческихъ дѣтей 1800 г. [10]).

Чижовы—изъ мѣщанъ 1825 г. [11]).

Шапошниковы—изъ Коломенскихъ купцовъ 1825 г. [12]).

Шелапутины—изъ Покровскихъ купцовъ 1792 г. Торговали въ старомъ снѣточномъ ряду. Внуки родоначальника Прокофій (р. 1777+1828 г.) и Антипъ (р. 1779+1852) Дмитріевичи имѣли званіе коммерціи совѣтниковъ. Изъ нихъ первый, во вниманіе къ пожертвованію минеральнаго кабинета въ пользу Московской Медико-Хирургической Академіи и усердному исполненію обязанностей, возложенныхъ на него довѣренностью купеческаго общества, 30 Декабря 1824 награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. и 9 Іюня 1833 получилъ дипломъ на дворянское достоинство. Сынъ его Дмитрій Прокофьевичъ исключенъ изъ купечества въ 1832 г. по случаю возведенія въ дворянство. Внукъ Антипа Дмитріевича Павелъ Григорьевичъ, основатель гинекологическаго института и мужской гимназіи имени Григорія Шелапутина, за свои пожертвованія награжденъ чиномъ дѣйств. ст. совѣтника [13]).

Шестовы—изъ Боровскаго купечества 1800 г. [14]).

---

[1]) VII, 130.—[2]) V, 111; Матер. для ист. Зарайска. М. 1883 г.—[3]) V, 396.—[4]) Ш, 143; Матер. для ист. Малоярославца М. 1884 г.—[5]) Ш, 157.—[6]) VIII, 259.—[7]) VII, 79.—[8]) IV, 839.—[9]) V, 263.—[10]) V, 22.—[11]) VII, 13.—[12]) VII, 15.—[13]) IV, 407; VII, 148; гр. Бобринскій, II, 639.—[14]) V, 302.

Библиотека "Руниверс"

Щукины—изъ Боровскаго купечества 1787 г. [1]) Правнукъ родоначальника—Петръ Ивановичъ, дѣйств. ст. совѣтникъ, основатель Музея.

Изъ перечисленныхъ купеческихъ родовъ нѣкоторые, благодаря службѣ и пожертвованіямъ, перешли въ дворянство. Кромѣ нихъ дворянство получили еще нѣсколько представителей Московскаго купечества. Высочайшимъ указомъ 4 Августа 1797 г. возведенъ въ дворянское достоинство Иванъ Дмитріевичъ *Орловъ* съ сыномъ Николаемъ за заслуги отца и дѣда, бывшихъ Ржевскими бургомистрами (дѣдъ за пріращеніе таможенныхъ доходовъ получилъ знакъ отличія отъ Петра I) [2]). Въ 1802 г. Матвѣй и Николай Дмитріевичи *Дудышкины* по представленнымъ отъ нихъ доказательствамъ на дворянство исключены изъ купечества, въ которое ихъ родъ прибылъ изъ Торопецкихъ купцовъ въ 1763 г. Ихъ двоюродные братья, мать которыхъ вышла вторично за инженеръ-полковника Александра Мих. Кемпена, поступили на военную службу; изъ нихъ Василій Козьмичъ былъ квартермистромъ л.-гв. Коннаго полка [3]). Шелковый фабрикантъ ком.-совѣтникъ и кавалеръ Михаилъ Ивановичъ *Титовъ*, до 1797 г. Суздальскій купецъ, съ сыновьями Алексѣемъ и Васильемъ пожалованъ былъ въ дворянство [4]). 1-ой гильдіи купецъ и фабрикантъ Ѳедоръ *Пантельевъ*, происходившій изъ экономическихъ крестьянъ дер. Лучинской Ставровейской вол. Владимирской окр. (въ Москвѣ съ 1782 г.), въ награду отличнаго усердія къ пользѣ общественной получилъ въ 1808 г. орденъ св. Владимира 4 ст. и высочайшимъ указомъ 26 Окт. 1820 утвержденъ въ дворянствѣ [5]). Исключены изъ Московскаго купечества по случаю возведенія въ дворянство: надворный совѣтникъ и кавалеръ Дм. Ѳед. *Фальевъ* въ 1822 г. [6]), Армянинъ Ив. Макар. *Калустовъ* (въ Москвѣ съ 1809 г.) въ 1826 г. [7]), Дмитрій Алексѣевичъ *Поповъ* (до 1794 г. Боровскій купецъ), торговавшій въ хрустальномъ ряду, въ 1831 г. [8]); кол. ас. Михаилъ Петровичъ *Забѣлинъ*, предокъ котораго упоминаемый въ переписной книгѣ 1745 г., происходилъ изъ крестьянъ Владимирскаго уѣзда, въ 1832 г. [9]); 1 гильдіи купецъ Иванъ Матвѣевичъ *Ярцевъ*, отецъ котораго прибылъ въ Московское купечество въ 1778 г. изъ казенныхъ сторожей Коломенской слободы въ Веневѣ, въ 1824 г. получилъ орденъ св. Анны 3 ст. въ возданіе значительнаго пожертвованія на общественныя учрежденія и въ 1841 г. дипломъ на дворянство [10]). Леонтій Петровичъ *Чулковъ*, 3 гильдіи купецъ, изъ дворовыхъ людей Татищева, является родоначальникомъ рода, внесеннаго во 2-ую часть родословной книги Московской губерніи [11]). Дворянскіе роды происходятъ еще: 1) отъ Ильи Алексѣевича *Верховцева* (+1820 г.), до 1797 г. Касимовскаго купца [12]): сынъ его Аполлонъ Ильичъ (р. 1811+1886) былъ дѣйств. тайный совѣтникъ и почетный опекунъ, внукъ Леонидъ Аполлоновичъ (+1903)—тайный совѣтникъ; 2) отъ купца 3 гильдіи, биржеваго мак-

---

[1]) IV, 37.—[2]) V; 274, гр. Бобринскій, II, 571.—[3]) III, 107, IV, 761, V, 379.—[4]) V, 22; VII, 19.—[5]) III, 190; гр. Бобринскій, II, 611.—[6]) VII, 208.—[7]) VI, 188; VII, 163.—[8]) IV, 359; VII, 169.—[9]) I, прилож. 37; II, 113; VII 27.—[10]) VII, 81; гр. Бобринскій, II, 639.—[11]) VII, 95. Родословную этого рода см. у Лобанова-Ростовскаго (II, 373).—[12]) V, 158.

Библиотека "Руниверс"

лера Антона Адамовича *Гизетти* (р. 1763+1841), перешедшаго изъ Нарвскаго купечества въ Московское въ 1817 г. [1]) (упоминается въ Запискахъ гр. М. Д. Бутурлина), отца сенатора Германа Антоновича (р. 1805+1881) и дѣда сенатора Анатолія Германовича (р. 1846).

Среди Московскихъ купеческихъ родовъ находимъ и такихъ, которые прославились не на торгово-промышленномъ поприщѣ:

Плавильщиковы. Ихъ предокъ Михаилъ Наумовичъ былъ въ Москвѣ уже въ 1725 г. Его правнуки—Петръ Алексѣевичъ (р. 1760 † 1812), актеръ и литераторъ, и Василій Алексѣевичъ († 1823), книгопродавецъ и библіографъ [2]).

Венеціановы. Въ 1780 г. прибылъ въ Московское купечество Нѣжинскій Грекъ Гавріилъ Юрьевичъ, отецъ родоначальника Русской бытовой живописи Алексѣя Гавриловича (р. 1780 † 1847 г.) [3]).

Кони. Алексѣй Ивановичъ, „изъ иностранцевъ Прусской націи", прибывшій въ 1810 г. [4])—отецъ водевилиста Ѳедора Алексѣевича и дѣдъ сенатора Анатолія Ѳедоровича.

Полевые Николай Алексѣевичъ и его братъ Ксенофонтъ перечислились изъ Курскаго купечества въ Московское въ 1824 г. [5]).

Рубинштейны. Житомирскіе 1 гильдіи купеческіе сыновья Абрамъ Романовичъ и его братъ Григорій, отецъ Антона и Николая Григорьевичей, записались въ Московское купечество въ 1834 г. [6]).

Лукьяновы. Въ 1840 г. прибылъ въ Московское купечество мѣщанинъ Иванъ Михайловичъ, отецъ сенатора Сергѣя Ивановича и дѣдъ члена государственнаго совѣта Сергѣя Михайловича, бывшаго профессора и товарища министра народнаго просвѣщенія [7]).

Кирпичниковы. Перечислившійся въ 1848 г. изъ Калужскаго купечества Иванъ Софроновичъ—отецъ профессора Александра Ивановича [8]).

Плевако. Во время переписи 1857 г. въ Московскомъ купечествѣ числилась Екатерина Степановна Плевако, прибывшая въ 1855 г. изъ мѣщанъ г. Троицка, Оренбургской губ., съ сыновьями Доримедонтомъ и Ѳедоромъ [9]) Никифоровичами.

Въ 1803 г. прибыли въ Московское купечество вольноотпущенные дворовые люди гр. Шереметева, родомъ изъ села Новаго Углицкаго у. Иванъ Степановичъ Ковалевскій 71 г. и сынъ его Аѳанасій 40 л. Отецъ жилъ въ Останкинѣ, сынъ въ Кусковѣ [10]). Не отецъ ли это и братъ гр. Прасковьи Ивановны Шереметевой?

Въ Московское купечество записывались иногда родителями-дворянами незаконныя дѣти, „воспитанники". Такъ мы находимъ здѣсь сыновей тайнаго совѣтника Александра Александр. Арсеньева—Александра и Илью [11]), сына

---

[1]) VII, 160.—[2]) I, 93, III, 150.—[3]) III, 30.—[4]) V, 71.—[5]) VII, 101.—[6]) VII, 120.—[7]) VIII, 40.—[8]) VIII, 276.—[9]) IX, 91.—[10]) V, 28.—[11]) VII, 239.

Библиотека "Руниверс"

Θед. Θед. Кокошкина отъ 2-го брака—Сергѣя [1]), сыновей Алексѣя Петровича Ермолова—Виктора, Клавдія, Севера и Николая [2]).

Выше указано много случаевъ брачныхъ связей Московскаго купечества съ дворянскими родами. Въ XVIII вѣкѣ, если и не были онѣ очень часты, то во всякомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы онѣ были рѣдки. Укажемъ нѣсколько брачныхъ связей членовъ купеческихъ родовъ, не упоминавшихся еще, съ членамъ болѣе видныхъ дворянскихъ родовъ: гвардіи капитанъ Петръ Осип. Чихачевъ былъ женатъ на вдовѣ Натальѣ Гавриловнѣ Докучаевой [3]), Дарья Андреевна Милютина (дочь Андрея Яковлевича была за Степан. Симон. Симоновымъ [4]), Аграѳена Андреевна Осипова—за асессоромъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Ив. Ив. Татищевымъ [5]), Александра Петровна Бабушкина—за кн. Юр. Ник. Волконскимъ [6]), Елисавета Ивановна Квасникова—за поручикомъ Александромъ Александр. Левшинымъ [7]), дочь именитаго гражданина Вас. Панкрат. Колосова Марія—за прапорщикомъ Семеновскаго полка Вас. Мих. Татищевымъ [8]), дочь прапорщика Степана Ѳедоровича Измайлова, Прасковья—за Петромъ Алексѣевичемъ Шохинымъ [9]), дочь морского флота подпоручика Александра Степан. Мезенцева, Наталья—за купцомъ 3 гильдіи Тимоѳ. Ив. Власовымъ [10]), Анна Сергѣевна Осипова—за маіоромъ Дм. Мих. Ахлестышевымъ [11]).

Въ заключеніе отмѣтимъ любопытное пожертвованіе, сдѣланное купцомъ Григорьемъ Никит. Зарубинымъ въ 1812 г. и указанное имъ въ своей ревизской сказкѣ: о сыновьяхъ своихъ онъ пишетъ, что они „пожертвованы имъ на защиту отечества въ военную службу“ [12]).

Н. Ч.

---

[1]) Обществ. приговоры, IV, 353.—[2]) Обществ. приговоры, III, 397, IV, 52, V, 46.—[3]) III, 12.—[4]) II, 88.[5]) III, 163.—[6]) IV, 439.—[7]) IV, 441.—[8]) IV, 782.—[9]) I, 56.—[10]) IV, 37.—[11]) IV, 576.—[12]) VI, 138.

Библиотека "Руниверс"

ПЕКИНСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССІЯ.

Два донесенія изъ Пекина архимандрита Гурія въ Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Архимандритъ Гурій былъ назначенъ въ 1856 г. начальникомъ четырнадцатой и послѣдней Пекинской Духовной Миссіи, до преобразованія ея въ 1863 году и передачи изъ вѣдомства Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ вѣдѣніе Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Эти миссіи вели свой счетъ съ 1685 года. Починъ этихъ нашихъ сношеній съ Китаемъ принадлежитъ Петру Великому. Китайцы взяли въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ Русскихъ удальцовъ на службу къ Китайскому богдыхану. Тѣ привезли съ собою насильно іерея Максима, который и былъ первымъ въ томъ краю нашимъ миссіонеромъ. Находясь въ чужихъ краяхъ, Петръ получилъ отъ думнаго дьяка Виніуса изъ Тобольска извѣстіе объ успѣхахъ православія въ Китаѣ и отвѣчалъ слѣдующими достопамятными словами:

„То дѣло зѣло изрядно. Только, для Бога, поступайте въ томъ опасно и не шибко, дабы Китайскихъ начальниковъ не привесть въ злобу, также и Іезувитовъ, которые тамъ отъ многихъ временъ гнѣздо свое имѣютъ. Къ сему тамъ надобны попы не такъ ученые, какъ разумные и покладные, дабы чрезъ нѣкоторое кипеніе оное святое дѣло не произошло въ злѣйшее паденіе, какъ учинилось то въ Епаніи". „Для утвержденія и пріумноженія въ православную вѣру и проповѣдь Св. Евангелія въ идолопоклонныхъ народахъ, такожъ для приведенія ясачныхъ народовъ въ вѣру христіанскую и св. крещеніе, которые близъ Тобольска и иныхъ Сибирскихъ городовъ живутъ, великій государь, говоря о томъ со святѣйшимъ патріархомъ, указалъ писать къ Кіевскому митрополиту (Варлааму Ясинскому), чтобъ онъ, подражая о томъ святомъ и богоугодномъ дѣлѣ, поискалъ въ Малороссійской своей области и привезъ бы съ собою добрыхъ и ученыхъ, непрестарѣлыхъ иноковъ двухъ или трехъ человѣкъ, которые бы могли Китайскому и Мунгальскому языку и грамотѣ научитись и, ихъ суевѣріе познавъ, могли твердыми Св. Евангелія доводами многія души изъ области темныя сатанинскія привести во свѣтъ познанія Христа Бога нашего." А указомъ Петра отъ 18 Іюня 1700 г., по возвращеніи въ Россію, цѣлью миссіи поставлено: *„Живущихъ и пріѣзжихъ* христіанъ отъ прелести всякой идолослуженія отвадити, и тако могли бы жити, и у *той построенной* Божіей церкви служити, чтобъ своимъ

Библиотека "Руниверс"

благимъ житіемъ *хана Китайскаго* и ближнихъ его людей и обще ихъ народъ привести бы къ тому святому дѣлу и къ Россійскаго народа людямъ, которые по вся годы съ караваны для торга и для всякихъ посылокъ порубежныхъ ѣздятъ, учинить себя склонительныхъ". Исторія Пекинской Духовной Миссіи написана преосвященнымъ Николаемъ Адоратскимъ, доведена только до временъ имп. Александра Павловича въ „Правительственномъ Собесѣдникѣ" 1887 г., но не кончена.

Въ качествѣ іеромонаха о. Гурій уже состоялъ членомъ двѣнадцатой Духовной Миссіи. На его выдающіяся способности указывалъ начальникъ этой миссіи, архимандритъ Поликарпъ, въ донесеніи Азіатскому Департаменту отъ 4 Апрѣля 1845 г.*).

Окончивъ срокъ пребыванія въ Пекинѣ, архимандритъ Гурій возвратился въ Россію и былъ назначенъ настоятелемъ Симонова монастыря въ Москвѣ. За тѣмъ онъ состоялъ нѣкоторое время настоятелемъ нашей Православной церкви при Императорской Россійской миссіи въ Римѣ. Онъ скончался въ санѣ епископа Таврическаго 27 Марта 1882 года въ Симферополѣ, гдѣ и погребенъ въ каѳедральномъ соборѣ.

Четырнадцатая Духовная Миссія прибыла въ Пекинъ 28 Сентября 1858 г. въ тревожное для столицы Китая время: Китайское правительство и населеніе едва успѣли оправиться отъ страха, наведеннаго вторженіемъ Англо-французскихъ войскъ и военныхъ дѣйствій на рѣкѣ Пейхо, завершившихся заключеніемъ Тяньдзинскихъ трактатовъ. Въ слѣдующемъ 1859 г. возгорѣлась третья Китайская война, которая привела союзниковъ, Англо-французовъ, подъ самыя стѣны Пекина. Между тѣмъ 15 Іюня того же года прибылъ въ Пекинъ, съ особымъ порученіемъ, флигель-адъютантъ Н. П. Игнатьевъ. Онъ съ большимъ искусствомъ воспользовался затруднительнымъ положеніемъ Китайскаго правительства и въ качествѣ посредника оказалъ значительныя услуги уполномоченнымъ союзниковъ, лорду Эльгину и барону Гро, а вмѣстѣ съ тѣмъ успѣлъ заключить, 2 Ноября 1860 г., выгодный для Россіи Пекинскій договоръ, которымъ прекращались всѣ пограничные споры и возстановлялась прежняя сухопутная торговля.

Во всѣхъ происходившихъ по этимъ дѣламъ переговорахъ архимандритъ Гурій былъ полезнымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ Н. П. Игнатьева.

По поводу печатаемыхъ нынѣ двухъ донесеній архимандрита Гурія, надо пояснить, что они относятся къ двумъ различнымъ эпохамъ дѣятельности начальника Духовной Миссіи. Первое донесеніе отъ 8 Марта 1859 г.

---

*) См. предисловіе (стр. II и III) къ изданному Имп. Русскимъ Географическимъ Обществомъ „Дорожнымъ Замѣткамъ на пути по Монголіи въ 1847 и 1859 г.г." архимандрита Палладія. (Томъ XXII, № 1, Записокъ по Общей Географіи 1892 г.).

Библиотека "Руниверс"

написано въ періодъ затишья послѣ Тянь-дзинскихъ событій 1858 г. Несмотря на заключенный миръ, Китайское правительство усиленно возводитъ укрѣпленія со стороны моря и старается усыпить подозрительность Англичанъ миролюбивыми увѣреніями. Второе донесеніе отъ 25 Января 1861 г. рисуетъ положеніе столицы Китая послѣ отъѣзда всѣхъ иностранныхъ представителей.

I.

№ 2018 19 Мая 1859.

Положеніе дѣлъ въ Китаѣ.

1859 года, Марта 8 дня, № 7. Пекинъ.

Изъ донесеній моихъ отъ 15 Октября № 29 и 30 Ноября № 33 прошлаго года Департаменту извѣстно, что Китайское правительство укрѣпило *Тяньдзинъ*, а молва утверждала, что это противъ Англичанъ и Французовъ. Въ подтвержденіе этой молвы Англичане (въ Кантонѣ) добились копіи съ богдыханова указа, коимъ повелѣвалось къ веснѣ быть готовыми отразить Англичанъ, не упуская случая вредить имъ, и въ настоящее время представили ее Гуй-ляну [1]) (Китайскому министру, занимающемуся въ Шанхаѣ пересмотромъ тарифа) и требовали объясненія. Гуй-лянъ доложилъ государю, а государь на этотъ докладъ далъ указъ слѣдующаго содержанія: XII луны, 28 дня (19 Янв. 1859 г.) высочайшій указъ. Нынѣшній день во всеподданнѣйшемъ докладѣ *Гуй-ляна* (съ товарищами) помѣщено сообщеніе отъ Англичанъ, гдѣ, между прочимъ, есть будто бы нашъ указъ, касающійся Англичанъ, завладѣвшихъ Кантономъ. Разсмотрѣвъ его содержаніе, мы не могли не придти въ изумленіе. Срединное государство въ сношеніяхъ своихъ съ иностранцами всегда поступало чистосердечно и никогда не замышляло втайнѣ какихъ-либо вредныхъ для нихъ дѣйствій. Когда *Ё-минь-чень* [2]) проигралъ дѣло, т.-е. сдалъ Кантонъ, мы повелѣли сановнику *Хуанъ-цзунъ-хань* быть главноуправляющимъ обоихъ гуановъ (т.-е. губерній

[1]) Гуй-лянъ и Хуа-ша-на были Китайскими уполномоченными, заключившими Тянь-цзиньскіе трактаты 1858 года. 26-ю статьею Англійскаго трактата было постановлено въ непродолжительномъ времени снова собраться въ Шанхаѣ для выработки новаго таможеннаго тарифа. Это дополнительное постановленіе къ Тянь-цзиньскому трактату было подписано названными уполномоченными и лордомъ Эльгиномъ 8 Ноября 1858 г.

[2]) Ё-минь-чень былъ главнымъ виновникомъ второй Китайской войны. Это историческое имя, въ Англійскихъ офиціальныхъ изданіяхъ, а также въ газетахъ называется Imperial Commissioner Yeh. Послѣ взятія Кантона 29 Декабря 1857 года Ё-минь-чень успѣлъ скрыться, и только 5 Января 1858 г. Англичане захватили его въ плѣнъ и отправили въ Калькутту.

Библиотека "Руниверс"

Гуанъ-дунъ и Гуанъ-си) и принять печать чрезвычайнаго посланника, собственно для управленія страною. И чиновникъ по фамиліи *Ло-чунъ-янъ* (съ товарищами), поревновавъ къ справедливому возстанію [1]), тоже дѣлали, что̀ имъ слѣдовало. Послѣ договора, заключеннаго *Гуй-ляномъ* въ Тяньдзинѣ, *Хуанъ-цзунъ-ханъ* долженъ былъ заняться обороною ввѣренной ему страны, а *Ло-чунъ-янъ*, по особому повелѣнію, дѣйствовать противъ инсургентовъ; но рѣшительно не было намѣренія возобновить непріязненныя дѣйствія противъ Англичанъ и Французовъ. Сіи государства въ настоящее время еще не возвратили города Кантона, только обѣщались не тревожить жителей и сами быть спокойны. И вотъ появляется подложный указъ, поставившій Ло-чуань-яня съ помянутыми государствами въ большое затрудненіе, а Англичанъ доведшій даже до сомнѣній и подозрѣній. Повелѣваемъ Хуанъ-цзунъ-ханю наистрожайше искать составителей ложнаго указа и въ этомъ случаѣ употребить всѣ зависящія отъ него мѣры. Пусть всѣ государства знаютъ, что мы поступаемъ съ полною откровенностію. Послѣ того, какъ подписанъ договоръ, нужно прекратить всѣ недоразумѣнія, чтобы такимъ образомъ сочинители ложныхъ указовъ не имѣли болѣе повода возбуждать сомнѣнія. Касательно торговыхъ сношеній въ настоящее время мы, во вниманіе дальности разстоянія Шанхая отъ Кантона, повелѣваемъ главноуправляющему обоими *цзянями* [2]) сановнику *Хэ-гуй-цингъ* быть чрезвычайнымъ посланникомъ для сношеній съ иностранцами въ Шанхаѣ. Поэтому и печать посланническую *Хуанъ-цзунъ-ханъ* долженъ переслать ему съ благонадежнымъ чиновникомъ. Быть по сему».

Содержаніе этого указа показываетъ, на что собственно жаловались Англичане. Хотя государь и отрекся отъ своего указа, даже по желанію Англичанъ перевелъ своего полномочнаго изъ Кантона въ Шанхай, однако прежнихъ своихъ намѣреній не оставляетъ. Къ Тяньдзину, даже къ Шань-хай-гуаню (крѣпость и таможня въ Ляодунскомъ заливѣ) постоянно отправляются войска и боевые снаряды. Китайцы думаютъ, что вышепомянутый указъ данъ только для успокоенія Англичанъ, чтобъ обманомъ выиграть у нихъ время, и всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что Англичанъ примутъ въ Тянь-дзинѣ враждебно. Въ настоящее время тамъ собрано до 20 т. войска, большею частію Монголъ. Знаменитый воитель *Сэнъ-ванъ* отправился 16 Февраля туда вслѣдъ за *Жуй-линемъ*, новымъ министромъ и президентомъ палаты церемоній.

---

[1]) Совершенно непонятныя слова.

[2]) Провинціи Цзянь-су, Цзянь-си и Ань-хой составляютъ особое генералъ-губернаторство подъ общимъ именемъ Лянь-цзянь, т.-е. оба Цзяня.

Библиотека "Руниверс"

Послѣднему поручена дипломатическая часть. Для чести Китайскаго двора я позволяю себѣ думать, что военныя приготовленія и укрѣпленія морского пути къ Пекину дѣлаются на случай какихъ-либо новыхъ, особенно тяжкихъ требованій со стороны иностранцевъ, а совсѣмъ не съ цѣлью вѣроломнаго на нихъ нападенія, то-есть Китайцы рѣшились отражать только насиліе, притязательность, но едва ли отрекутся отъ исполненія заключеннаго уже договора. Внутреннія-то ихъ неустройства дошли ужъ до крайности. Можно сказать, что теперь нѣтъ мѣста, гдѣ бы не было, если не явнаго, то тайнаго броженія.

Въ настоящее время инсургенты особенно свирѣпствуютъ въ губерніяхъ *Шань-дунь* и *Хе-нань*. Объявлено, что *Янъ-чжоу* и *Гуй-дэ-фу* снова потеряны. А по слухамъ извѣстно, что толпы бродягъ перебрались уже сюда, за Желтую рѣку, и взяли значительное мѣстечко *Ванъ-цзя-инъ;* но, вѣроятно, есть и другія важнѣйшія потери, потому что здѣшнее правительство слишкомъ круто повернуло свое вниманіе и угодливость къ нашему уполномоченному. На долго ли? Время покажетъ.

На рынкѣ все дорожаетъ. Серебро въ прежней цѣнѣ (13,400 чоховъ за лану).

Байховаго чаю для Кяхты въ нынѣшнемъ году приготовлено до 200 т. мѣстъ. 80 т. уже отправлено въ Кяхту, 110 т. находится въ Калганѣ, остальныя въ дорогѣ и прибудутъ въ Калганъ не позже Мая.

Къ сожалѣнію Фу-цзяньскаго (лучшаго) байховаго чаю пришло очень немного (до 20 т. мѣстъ), да и тотъ почти весь перекупоривается въ Калганѣ, мѣшается съ другими малоцѣнными сортами, даже и не съ чайными листами. Настоящаго, мѣстной укупорки, чаю пошло въ Кяхту, можетъ быть, 100 мѣстъ. Самое большое количество чаю привезено изъ *Ху-гуанъ*, *Ань-хой* и *Лю-ань*. Этотъ чай, обыкновенно называемый въ Китаѣ краснымъ, совсѣмъ не байховый, хотя и продается за таковой.

Въ настоящее время цѣна чаямъ въ Калганѣ слѣдующая: Фуцзяньскому (подмѣшанному) 21—22 ланы за мѣсто, Шанхайскому 17—18 ланъ; Хугуаньскому, Аньхойскому и Люанскому 14—15 ланъ. Кирпичнаго чаю теперь въ Калганѣ до 40 т. мѣстъ. Къ осени ожидаютъ еще 30 т.

Въ Калганѣ теперь главный рынокъ для сбыта Русскихъ товаровъ. Сюда пріѣзжаютъ купцы не только изъ всѣхъ близъ лежащихъ мѣстъ,

Библиотека "Руниверс"

но даже изъ Су-чжоу, не смотря на то, что Шанхай отъ Су-чжоу только въ двухъ дняхъ пути. По числу фирмъ и капиталамъ Шаньсійскіе купцы въ Калганѣ первые.

Въ Калганѣ серебро мѣняется около 3000 чоховъ за лану. 9-го Марта министръ Жуй-линь возвратился изъ Тяньдзиня въ Пекинъ. Разжалованный за взятку, министръ Бо-цзюнь казненъ. Оберъ-полиціймейстеръ объявилъ городу Пекину, что, вслѣдствіе Тяньдзинскаго трактата съ иностранцами, Государь разрѣшилъ куреніе опіума. Запрещеніе остается въ силѣ только для чиновниковъ, евнуховъ и войска.

Дупликатъ съ сего отношенія посланъ къ его сіятельству г. генералъ губернатору Восточной Сибири и торговыя свѣдѣнія Кяхтинскому купечеству чрезъ ихъ агента г. Попова. Начальникъ миссіи, архимандритъ Гурій.

II.

№ 391. М. И. Д. въ Азіятскій Департаментъ. 25 Января 1861.

По удаленіи союзныхъ войскъ и посланниковъ изъ Пекина Китайское правительство дѣятельно занялось отысканіемъ вещей, что̀ во время безпорядковъ растасканы были поселянами изъ Хай-дяньскихъ *) царскихъ дворцовъ. Недешево обошлось это и правительству, и поселянамъ. Правительство должно было содержать цѣлую армію сыщиковъ, а изъ поселянъ большая часть поплатилась своимъ имуществомъ. Деньжонки, какія были, конфискованы даже по подозрѣнію, а хлѣбъ съѣденъ *вѣрными* слугами отечества. Легко понять, что разоренные поселяне не всѣ согласны умирать голодною смертію. Такимъ образомъ число разбойниковъ въ окрестностяхъ столицы, и прежде сего значительное, теперь увеличилось еще болѣе. Шэнъ-бао, въ головѣ 40 т. наемнаго войска, ожесточенно преслѣдуетъ ихъ, но безъ успѣха. Правда, куда бы онъ ни пришелъ, говорятъ, разбойники исчезаютъ, и Шэнъ-бао находитъ только *порядочныхъ* людей; но лишь только онъ

*) Хай-дяньскими дворцами называются лѣтній резиденція Китайскихъ императоровъ, Юань-минъ-юань и Чанъ-чунь-юань. Онѣ находятся верстахъ въ пяти къ Сѣверо-западу отъ Пекина. Послѣ пораженія Китайскихъ войскъ при Пали-цхо, 21 Сентября 1860 г. богдоханъ бѣжалъ изъ Юань-минъ-юаня на Сѣверъ; дворцы, были безжалостно отданы главнокомандующими на разграбленіе солдатамъ. Цѣнность разграбленнаго и истребленнаго въ дворцахъ имущества, по опредѣленію Англофранцузовъ, достигла 25 милліоновъ рублей.

Библиотека "Руниверс"

уходитъ, исчезаютъ порядочные люди, и разбои по дорогамъ идутъ своимъ порядкомъ... Положеніе страны горестное. Въ самой столицѣ небезопасно. Шайки удальцовъ охотятся на богатыхъ людей, какъ на краснаго звѣря. Между тѣмъ, казна истощена до послѣдней крайности. Манчжурскому войску выдали за IX-ую (Октябрь) луну и то только половину слѣдовавшаго имъ жалованья. Крупы не выдавали, *не успѣли!* Китайскому же войску ничего не выдано. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что въ казнѣ теперь налицо только 15 ваней серебра (около 300/т. р. с.), да есть въ виду получить отъ купцовъ пожертвованій до 40 ваней. Всей этой суммы едва станетъ на жалованье Манчжурскому войску на два мѣсяца. Затѣмъ, если не будетъ какихъ-либо пожертвованій, то и войско и вообще все, что̀ содержится или дѣлается на счетъ казны, должно существовать своими средствами. Самое большое зло въ томъ, что изъ сановниковъ никто не смѣетъ и не хочетъ позаботиться объ общемъ благѣ: всякій хлопочетъ только о себѣ.

Богдоханъ все живетъ въ Жe-хэ *) и, судя по смыслу даннаго указа, не думаетъ возвратиться въ Пекинъ ранѣе весны будущаго года. Три раза просили его возвратиться, и три раза онъ отказалъ, запретилъ даже и просить его. Впрочемъ, дорогу къ Пекину равняютъ, а это дѣлается только на случай проѣзда государя или кого-либо изъ его дома. Говорятъ, что пріѣдетъ императрица съ наслѣдникомъ; можетъ быть. Въ Жё-хэ же требуютъ каменьщиковъ, плотниковъ и другихъ мастеровыхъ. Приближенные къ государю (Су-Мунь, Чженъ-ванъ и др.) рѣшились строить тамъ себѣ дворецъ. Это не обѣщаетъ скораго возвращенія богдохана. Самъ онъ требуетъ къ себѣ не только всѣхъ денегъ, какія поступаютъ въ палату финансовъ, но и всякія даже неважныя вещи, употреблявшіяся во дворцѣ и уцѣлѣвшія послѣ двойного грабежа. А чиновниковъ онъ обязалъ подъ страхомъ военнаго суда поочередно являться на службу въ Жe-хэ. Смѣна назначена каждые три мѣсяца. Все это показываетъ, что богдоханъ едва ли воротится въ Пекинъ и весною. Нечего и говорить о томъ, какъ это увеличиваетъ тяжесть службы, и безъ того уже несносную. Между причинами, удерживающими богдохана внѣ столицы, главная—страхъ быть убитымъ отъ Англичанъ. Послѣ первой просьбы, которую всѣ чины столицы повергли его богдоханову величеству, умоляя его возвратиться, онъ, вслѣдъ за отказомъ, частно спрашивалъ Вэнь-сяна (бывшаго

*) Жэ-хэ, въ Европейскихъ географіяхъ Je-hol или Dje-hol; здѣсь богдоханъ Сянь-фынъ искалъ убѣжища послѣ пораженія при Пали-цхо. Дворецъ Жe-хэ находится въ 180 километрахъ къ Сѣверо-востоку отъ Пекина, въ долинѣ рѣки Ляо-хе.

Библиотека "Руниверс"

оберъ-полиційместера города Пекина), ручается-ли онъ, что, въ случаѣ возвращенія въ столицу, Англичане не представятъ ему какихъ-либо бумагъ отъ своего правительства и не будутъ добиваться быть лично представленными богдохану? Этотъ, посовѣтовавшись съ Хэнъ-ци *), отвѣчалъ, что ручаться ни за что нельзя, что Англичанъ разгадать трудно и не послушаться ихъ въ настоящее время было бы опасно. Пока на этомъ дѣло и остановилось. Безъ сомнѣнія Сушунь и Чженъ-ванъ поддерживаютъ ребяческій страхъ богдохана. Имъ полезно, чтобъ онъ былъ пока подальше отъ столицы, въ которую сами лично боятся прибыть: ихъ растерзаютъ, такъ все озлоблено на нихъ. Они, впрочемъ не унываютъ и понемногу даютъ чувствовать свою силу. Недавно поступилъ отъ богдохана вопросъ: кто выдумалъ и осмѣлился отворить ворота Пекина по требованію Англичанъ? Понятно, что если здѣшніе сановники отъ страха покажутъ на кого-либо изъ среды себя, то ему не сдобровать. Полусумасшедшій богдоханъ совершенно забылъ, что воротъ нельзя было не отворить. Я подозрѣваю, что подобная же продѣлка идетъ и по нашему дѣлу. Преслѣдованій еще нѣтъ; но отъ меня теперь бѣгаютъ и если по инстинкту еще ищутъ въ Русскомъ подворьѣ совѣта или путной мысли, то дѣлаютъ это весьма осторожно, пріѣзжаютъ большею частью вечеркомъ. Гунъ-ванъ отказался принять меня подъ предлогомъ недосуга, и я вѣрно знаю, что онъ не получилъ никакого одобренія за устройство дѣлъ съ нами, даже лишился довѣрія богдохана: теперь онъ уже не уполномоченный. Изъ соучастниковъ его по нашему дѣлу также никто не награжденъ; а это надо считать равносильнымъ штрафу. Еще разъ имѣю честь доложить Департаменту, что, пока Су-шунь съ Чженъ-ваномъ живы и при дѣлѣ, Русское вліяніе въ Китаѣ всегда будетъ равно нулю. Никакими благодѣяніями или пожертвованіями упрочить его нельзя. Объ этомъ надо подумать и на что нибудь рѣшиться, и именно теперь, когда мысли сановниковъ и народа на нашей сторонѣ. Черезъ годъ будетъ поздно...

Его превосходительство, ген. Игнатьевъ передъ отъѣздомъ своимъ изъ Пекина обратилъ вниманіе мѣстныхъ властей на снабженіе столицы продовольствіемъ и предложилъ имъ свое содѣйствіе въ томъ, если бъ оно понадобилось. На дняхъ президентъ уголовной палаты, Жуй-ганъ просилъ меня помочь имъ въ этой операціи. Дѣйствуя по наставленію ген. Игнатьева, я написалъ въ Шанхай къ нашему кон-

*) Уполномоченный по устройству дѣлъ съ Европейцами въ Тіань-дзинѣ. Онъ и Сюэ-хуань (уполномоченный для сношеній съ Европейцами въ Шанхаѣ) получаютъ 30,т. р. с. ежегоднаго жалованья. *Прим. архим. Гурія*.

Библиотека "Руниверс"

сулу Герду и торговому дому Russel et C-ie, отправилъ эти бумаги къ г. Пещурову въ Тянь-дзинь для перевода на Французскій языкъ и отсылки по адресамъ. Къ концу 1860 г. надѣюсь получить отвѣтъ, о содержаніи котораго въ свое время донесу Департаменту.

Недавно просили меня остановить инсургентовъ, которые быстро идутъ къ столицѣ, заняли уже полгуберніи Шань-дунъ и Чжили и теперь отсюда въ 300 верстахъ. Числомъ ихъ до 70 тысячъ человѣкъ. Просителю и пославшимъ его чинамъ кажется, что 150 человѣкъ, зазимовавшихъ въ Тянь-дзинѣ нашихъ матросовъ, легко удержать ту громаду. Разумѣется, я уклонился отъ этого дѣла, сказавъ, что военныя силы не въ моемъ распоряженіи, что безъ очевидной опасности для миссіи я не могу и просить помощи у начальника команды, да едва ли инсургенты и рѣшатся идти сюда зимой.

Спрашивали меня еще: нельзя ли занять у нашего Государя денегъ милліоновъ 50 рубл., конечно, съ процентами и уплатою въ условленные сроки. Эту затѣю я рѣшительно остановилъ. Государь нашъ не купецъ, говорилъ я. Предложеніемъ процентовъ вы его обидите Если у него есть лишнія деньги, то онъ просто подаритъ (что за счетъ между друзьями?) Разсудите же: если онъ вамъ подаритъ, хорошо ли вамъ принять подарокъ? 50/м. вѣдь не бездѣлица. А если у него кто-либо уже выпросилъ прежде васъ, и онъ долженъ будетъ отказать вамъ, хорошо ли вамъ выслушать отказъ? Вы сдѣлаете гораздо лучше, если попросите у нашего Государя позволенія занять эту сумму у нашихъ купцовъ. Тогда отказу не будетъ, и дѣло это, полагаю, можетъ состояться.

Прошу Департаментъ извинить меня, если который либо отвѣтъ мой нехорошъ. Я отвѣчаю и вообще поступаю по крайнему моему разумѣнію. Очень жаль, что въ настоящее время нѣтъ здѣсь нашего посланника или, по крайней мѣрѣ, человѣка съ большею опытностью въ дѣлахъ.

Сообщаю слухъ: богдоханъ очень боленъ, можетъ быть уже и умеръ. Наслѣдникъ же еще дитя пяти лѣтъ. Это обстоятельство очень важно, и его непремѣнно должно имѣть въ виду при составленіи инструкціи для нашего посланника въ Пекинѣ и, отправляя къ мѣсту службы, снабдить его, кромѣ инструкціи, и деньгами, и военною силою, чтобъ, въ случаѣ надобности, былъ онъ въ состояніи поддержать наши интересы.

Библиотека "Руниверс"

Посланники Франціи и Англіи оставили при себѣ въ Тяньдзинѣ до 6/т. войска. Въ Пекинъ они будутъ во 2-й лунѣ слѣдующаго года, а можетъ быть и ранѣе. Это значитъ не позже конца Февраля 1861 года. Г. Meritens, переводчикъ при г. Bourboulon'ѣ, прибылъ сюда третьяго дня, для найма квартиры посольству. Кажется, что займутъ они дворецъ князя Су. Это возлѣ насъ. Такимъ образомъ и въ Пекинѣ образуется Европейскій кварталъ. Полагаю, что и нашъ посланникъ *) прибудетъ сюда, если не въ началѣ Марта, то хотя къ Пасхѣ. Это, кажется, невозможно. Я усталъ до изнеможенія: пора уже отдохнуть.

При семъ прилагаю всѣ письма и бумаги, полученныя мною отъ г. Пещурова изъ Тяньдзиня, равно и пакетъ за открытою печатью на имя г. Игнатьева. Дубликатъ, посланный ему черезъ Шанхай, полученъ г. Пещуровымъ, но пока удержанъ имъ до вѣрной оказіи, во избѣжаніе вѣроятной *ревизіи*.

Начальникъ миссіи архимандритъ *Гурій*.

1860 г. Ноября 30 дня. Пекинъ. № 94.

*) Представителемъ нашимъ послѣ флигель-адъютанта Игнатьева былъ назначенъ министръ-резидентъ полковникъ Баллюзекъ.

Библиотека "Руниверс"

ОТЗЫВЫ НАПОЛЕОНА НА ОСТРОВѢ СВ. ЕЛЕНЫ

объ его отношеніяхъ къ Россіи и къ Полякамъ *)

записанные графомъ Ласказомъ.

Въ битвѣ подъ Аустерлицемъ у Русскихъ было превосходнѣйшее войско; съ тѣхъ поръ никогда уже не было у нихъ подобнаго: съ такимъ войскомъ Русская армія не проиграла бы сраженія подъ Москвою.

Говоря о войнѣ съ Россіей, Наполеонъ сказалъ: Для народовъ и монарховъ не существуетъ мелкихъ событій; они сами управляютъ своими судьбами. Съ нѣкоторыхъ поръ между Франціей и Россіей возникли несогласія. Франція обвиняла Россію въ нарушеніи континентальной системы, а Россія требовала вознагражденія герцогу Ольденбургскому, предъявляя при томъ еще и другія требованія. Русскія войска подходили къ Варшавскому герцогству, а Французская армія стягивалась на Сѣверѣ Германіи. Однако въ то время были далеки еще отъ рѣшенія начать войну, какъ вдругъ къ герцогству подступаетъ новая Русская армія, въ то время какъ Русскій посолъ представляетъ въ Парижѣ дерзкую ноту въ видѣ ультиматума; эту ноту не приняли, вслѣдствіе чего ему было велѣно черезъ недѣлю покинуть Парижъ. Тогда я счелъ войну объявленной. Уже давно отвыкъ я отъ подобнаго обращенія и не привыкъ, чтобы меня предупреждали. Я могъ идти на Россію, идти во главѣ остальной Европы. Такое предпріятіе внушало сочувствіе и казалось выгоднымъ для всей Европы. Это было послѣднее напряженіе, которое оставалось сдѣлать Франціи. Судьбы ея и новаго Европейскаго уклада зависѣли отъ конца этой борьбы. Англія возлагала на Россію свою послѣднюю надежду. Миръ всей вселенной сосредоточивался въ Россіи, а успѣхъ не могъ казаться сомнительнымъ. Я выступилъ. Тѣмъ не менѣе пріѣхавъ къ границѣ, я, которому Россія объявила войну, отозвавъ своего посла, счелъ себя обязаннымъ отправить своего посла къ импе-

*) Извлечено изъ книги Mémorial de Sainte Hélène, par le comte de Las Case. Paris. 1823. Графъ Эммануилъ Ласказъ (1766—1842) камергеръ и преданнѣйшій слуга Наполеона, ежедневно, на островѣ Св. Елены, записывалъ свои бесѣды съ Наполеономъ который учился у него по-англійски (конечно, чтобы занять свой невольный досугъ). Письма его въ Европу были захвачены, самъ онъ отнятъ у Наполеона и увезенъ на мысъ Доброй Надежды. П. Б.

„Русскій Архивъ“ 1907.

Библиотека "Руниверс"

ратору Александру въ Вильну; но ему было отказано въ пріемѣ, и тогда началась война. Между тѣмъ, кто бы этому повѣрилъ? Александръ и я, мы оба, походили на двухъ хвастуновъ, которые, не имѣя желанія сразиться, стараются другъ друга только напугать.

Я бы охотно не воевалъ, потому что вокругъ меня нагромождались всевозможныя неблагопріятныя къ тому обстоятельства; и все, что̀ я узналъ впослѣдствіи, убѣждаетъ меня въ томъ, что Александръ желалъ войны еще меньше чѣмъ я. Въ Парижѣ Румянцевъ сохранялъ связи; позднѣе, во время неудачи, понесенной Русскими, Александръ весьма плохо обошелся съ нимъ за рѣшеніе, которое онъ заставилъ его принять, увѣривъ, что настало удобное время, что Франція, находясь въ затруднительномъ положеніи, пойдетъ на уступки, дабы избѣжать войны; что нужно воспользоваться благопріятнымъ случаемъ; слѣдуетъ только показаться, говорить твердо, и этого достаточно, чтобы добиться вознагражденія герцога Ольденбургскаго, Данцигъ будетъ пріобрѣтенъ, и Россія можетъ снискать себѣ великое уваженіе въ Европѣ. Таковъ былъ сокровенный смыслъ движенія Русскаго войска и дерзкой бумаги князя Куракина, который, безъ сомнѣнія, не зналъ этихъ тайныхъ замысловъ и напрасно, по недостатку ума, слишкомъ точно исполнилъ данное ему предписаніе. Таже самонадѣянность, тотъ же замыселъ вызвалъ и отказъ принять Лористона въ Вильнѣ. А вотъ, прибавилъ Наполеонъ, недостатки и несчастіе моей новой дипломатіи: она оставалась въ сторонѣ, безучастною къ дѣламъ, которыми ей надлежало управлять. Имѣй я министромъ иностранныхъ дѣлъ человѣка происходящаго изъ древняго дворянскаго рода, человѣка талантливаго, онъ бы могъ и долженъ былъ въ переговорахъ угадать самую суть, и войны бы не было. Талейранъ былъ бы, пожалуй, на это способенъ, но это оказалось выше способностей новыхъ людей. Что касается меня, не могъ же я одинъ все угадывать; мой санъ не позволялъ мнѣ лично все выяснять; я могъ судить лишь по бумагамъ, и сколько бы я ихъ ни перевертывалъ, дойдя до извѣстнаго предмета, онѣ оставались бы нѣмы и не могли отвѣчать на мои вопросы.

Едва я началъ военныя дѣйствія какъ личина спала, и истинныя чувства непріятеля должны были обнаружиться. Черезъ три или четыре дня, сраженный нашими первыми успѣхами, Александръ прислалъ мнѣ сказать, что если я очищу занятыя мною мѣста и отойду къ Нѣману, онъ вступитъ со мной въ мирный договоръ. Но я, въ свою очередь, принялъ это за хитрость. Я возгордился успѣхомъ; я поймалъ Русскую армію на мѣстѣ преступленія: все было опрокинуто, я отрѣзалъ отступленіе Багратіону и могъ разсчитывать, что разобью

Библиотека "Руниверс"

его. Слѣдовательно я думалъ, что Русскіе хотятъ лишь выиграть время, чтобы бѣжать и соединиться съ остальной своей арміей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, будь я убѣжденъ въ прямодушіи Александра, я бы согласился на его предложеніе. Я вернулся бы къ Нѣману, а онъ не переходилъ бы Двины; Вильна была бы посредствующимъ мѣстомъ, мы бы отправились туда, каждый съ двумя или тремя батальонами своей гвардіи, и лично вступили бы въ переговоры. Сколько соглашеній я устроилъ бы!.. Стоило бы выбрать любое!.. Мы разстались бы добрыми друзьями. И, несмотря на послѣдующія событія, оставившія его побѣдителемъ, доказано ли еще, что эти условія были бы менѣе выгодны для него, чѣмъ то, что̀ оказалось вслѣдъ за тѣмъ? Правда, онъ пришелъ въ Парижъ, но со всею Европою; онъ пріобрѣлъ Польшу, но каковы будутъ послѣдствія того, что весь Европейскій укладъ расшатанъ, что всѣ народы въ волненіи, что усилилось Европейское вліяніе на остальную Россію, благодаря накопленію новыхъ пріобрѣтеній и дальнимъ странствованіямъ Русскихъ солдатъ, благодаря вліянію людей разнородныхъ знаній, отовсюду стекавшихся туда и т. д.?

Удовольствуются ли Русскіе государи упроченіемъ того, что̀ они пріобрѣли? А если наоборотъ, ихъ обуяетъ честолюбіе, какимъ тогда нелѣпостямъ они могутъ предаться! Однако они погубили Москву съ ея богатствами, такъ точно какъ и богатства большого числа другихъ городовъ. Это все раны, изъ которыхъ кровь будетъ сочиться болѣе полувѣка. А между тѣмъ чего бы мы ни могли установить въ Вильнѣ на благо всѣхъ, какъ народовъ, такъ и государей!!!

Въ другой разъ Наполеонъ сказалъ: Я могъ подѣлить съ Россіей Турецкую имперію; нѣсколько разъ между нами заходила рѣчь объ этомъ, но всегда Константинополь спасалъ Турцію. Эта столица составляла главное препятствіе и была настоящимъ камнемъ преткновенія. Россія хотѣла ея, а я не долженъ былъ соглашаться на это: Константинополь слишкомъ драгоцѣнный ключь; онъ одинъ сто̀итъ цѣлой имперіи; тотъ, кто имъ завладѣетъ, можетъ управлять всѣмъ міромъ! *)

Когда Наполеонъ, возвратившись къ этому, снова сталъ говорить: «что же такое Александръ выигралъ, чего бы онъ не добился въ Вильнѣ гораздо болѣе дешевой цѣной», то у кого-то вырвался отвѣтъ: ваше величество, онъ выигралъ то, что побѣдилъ и восторжествовалъ. Такъ можетъ мыслить обыкновенный человѣкъ, воскликнулъ Наполеонъ, но не монархъ. Если онъ управляетъ самъ или въ случаѣ своей неспособности, черезъ своихъ совѣтниковъ, то долженъ въ такомъ великомъ

*) Вотъ разгадка гибели Александра Николаевича. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

предпріятіи имѣть цѣлью не побѣду, а ея послѣдствія. Кто можетъ сравнить мои успѣхи въ Германіи съ успѣхами союзниковъ во Франціи? Люди освѣдомленные, разсудительные, исторія не сдѣлаютъ этого. Союзники пришли, ведя всю Европу противъ почти ничтожнаго количества войскъ; у нихъ было 600/т. человѣкъ въ строю, столько же въ запасѣ на случай, если бы ихъ побили; имъ не грозила опасность, они могли извернуться. Я же, на оборотъ, будучи въ Германіи, на разстояніи 500 миль, едва имѣлъ равныя силы съ противникомъ. Я былъ окруженъ государствами и народами, которыхъ сдерживалъ только страхъ; каждую минуту, при первой моей неудачѣ, они могли принять сторону противника. Я торжествовалъ среди все нарождавшихся опасностей; мнѣ постоянно нужно было столько же искусства, сколько силы. Нуженъ мнѣ былъ необыкновенный характеръ во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ, необыкновенный взглядъ на вещи, необычайная вѣра во всѣ мои расчеты, которыхъ, быть можетъ, не одобряли всѣ окружавшіе меня. А какія дѣйствія противопоставляли мои союзники? Если бы я не побѣдилъ при Аустерлицѣ, мнѣ бы пришлось бороться противъ всей Европы. Не побѣди я при Іенѣ, Австрія и Испанія оказались бы у меня въ тылу. Если бы я не побѣдилъ при Ваграмѣ (а это не было уже такой рѣшительной побѣдой), я могъ опасаться, что Россія покинетъ меня, что Пруссія воспрянетъ, а Англичане стояли уже близъ Антверпена. Тѣмъ не менѣе каковы были условія, предложенныя мною послѣ побѣды?

Въ Аустерлицѣ я предоставилъ Александру свободу, *тогда какъ могъ бы имѣть его своимъ плѣнникомъ*. Когда я возвратился оттуда, меня увѣряли, будто существовали двѣ записки карандашемъ, написанныя императоромъ Александромъ, въ которыхъ онъ боязливо просилъ, чтобы его пропустили *). Если это вѣрно, какова превратность судьбы! Великодушный побѣдитель погибаетъ въ кандалахъ вдали отъ Европы, лишенный своей семьи, и это именемъ побѣжденнаго, котораго онъ такъ великодушно слушалъ!!! Послѣ Іены я предоставилъ власть Прусскому дому, у котораго я ее отнялъ. Послѣ Ваграма я не старался о дробленіи Австрійской монархіи. Припишутъ ли это простому великодушію? Люди сильные и глубокіе имѣли бы право осудить меня за это. Поэтому, хоть я не чуждъ этому чувству, но у меня были еще болѣе высокія намѣренія. Я хотѣлъ подготовить сліяніе Европы подобно тому, какъ устроилъ сліяніе среди насъ.

---

*) Дѣйствительно, послѣ Аустерлица, Александръ Павловичъ болѣе сутокъ подвергся всяческимъ лишеніямъ въ Австрійской деревушкѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Переходя на многіе другіе предметы, Наполеонъ остановился на Русской войнѣ.

Впрочемъ, сказалъ онъ, эта война должна была бы быть самой сочувственной войной новѣйшихъ временъ: это была война здраваго смысла, дѣйствительныхъ выгодъ, война общаго покоя и безопасности; она была только мирной и охранительной, исключительно Европейской и материковой. Успѣхъ этой войны уравновѣсилъ бы новыя сопряженія, которыя уничтожили бы опасности прежнихъ временъ, замѣнивъ ихъ мирнымъ будущимъ, а честолюбіе совсѣмъ не входило въ мои разсчеты.

Возстановляя Польшу, изъ-за которой и было все дѣло, я соглашался, чтобы престолъ занялъ Русскій царь, эрцгерцогъ Австрійскій или всякій другой; я не искалъ никакихъ пріобрѣтеній, оставляя себѣ лишь славу сдѣланнаго добра и благословеніе будущихъ временъ. Можно ли было думать, что въ этомъ-то я и потерплю неудачу, что тутъ-то и найду свою погибель? Никогда я не поступалъ лучше, никогда не заслуживалъ бо́льшаго; но, видно, и на мнѣнія бываютъ заразы: вдругъ, въ одинъ мигъ, всѣ въ одинъ голосъ осудили меня, всѣхъ охватило одно и тоже чувство противъ меня; меня провозгласили тираномъ государей, меня, укрѣпившаго ихъ существованіе. Я сталъ вдругъ нарушителемъ правъ народныхъ, я, столько сдѣлавшій для нихъ и столько еще собиравшійся предпринять ради нихъ! И народы, и государи, эти непримиримые враги, соединились и составили сообща заговоръ противъ меня. Никакія дѣла мои за всю жизнь не принимались болѣе въ расчетъ. Я говорилъ себѣ, что съ побѣдой вернулись бы ко мнѣ и умы народовъ; но побѣда мнѣ не удалась, и я очутился задавленнымъ. Таковы, однако, люди и моя исторія. Но народы и государи, тѣ и другіе, пожалѣютъ обо мнѣ, и память моя будетъ достаточно отомщена за несправедливость ко мнѣ; это несомнѣнно.

*

Если бы нѣкоторыя мѣста изъ отзывовъ Наполеона потребовали болѣе подробнаго изложенія или доказательствъ, то ихъ найдутъ въ нижеслѣдующемъ его предписаніи, цѣнномъ какъ по времени, въ которое оно было написано, такъ и по своему содержанію; въ немъ изложены виды и причины его похода въ Россію.

Простой народъ въ Европѣ былъ, конечно, далекъ отъ пониманія и правильной оцѣнки этихъ видовъ и причинъ. Говоримъ простой народъ, такъ какъ слѣдуетъ замѣтить, что въ глазахъ людей государственныхъ, людей съ широкими взглядами, и предусмотрительныхъ, эта война была весьма желательна: они досадовали на время, въ которое она велась, но прекрасно постигали великіе замыслы Наполеона.

Библиотека "Руниверс"

Предписанія г-ну М*...., долженствовавшія служить ему руководствомъ при исполненіи возложеннаго на него порученія въ Польшѣ, 18-го Апрѣля 1812 года.**

Милостивый государь! Императоръ достаточно разсчитываетъ на вашу преданность и ваше искусство, чтобы оказать вамъ высокое довѣріе, давая вамъ порученіе великаго политическаго значенія. Порученіе это требуетъ дѣятельности, осторожности и благоразумія. Вы отправитесь въ Дрезденъ. Явная цѣль вашей поѣздки будетъ представленіе его величеству королю Саксонскому письма, которое императоръ вручитъ вамъ завтра, послѣ своего выхода. Его императорское и королевское в-ство уже ознакомилъ васъ со своими намѣреніями и дастъ вамъ устно послѣдніе свои наказы о тѣхъ предложеніяхъ, которыя вы должны будете сдѣлать Саксонскому королю. Императору желательно, чтобы королю было оказано почтеніе, котораго заслуживаетъ особенное уваженіе императора къ его особѣ. Вы будете объясняться съ королемъ и его министрами откровенно, безъ обиняковъ. Вы должны вѣрить свѣдѣніямъ, которыя вамъ будетъ давать графъ Де-Сенъ-Пильзакъ (de St-Pilsac). Со стороны Саксоніи не будетъ *жертвы безъ вознагражденія*. Саксонія мало дорожитъ верховной властью Варшавскаго герцогства: при его теперешнемъ состояніи положеніе это тягостно и ненадежно. Обладаніе этимъ обломкомъ Польши ставитъ Саксонію въ двусмысленное положеніе относительно Пруссіи, Австріи и Россіи. Вы будете развивать эти мысли, обсуждая вопросъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ въ вашемъ присутствіи велись пренія 17-го числа въ покояхъ его величества. Въ Дрезденскомъ кабинетѣ вы встрѣтите мало охоты вамъ противорѣчить: тамошняя дипломатія неоднократно представляла намъ тѣже замѣчанія. Дѣло, вѣдь, идетъ не о дробленіи государства Саксонскаго короля.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Дрезденѣ, вы объявите о своемъ отъѣздѣ *въ Варшаву, гдѣ вы должны ждать новыхъ приказаній императора*. Его императорское величество проситъ короля уполномочить васъ при Польскихъ министрахъ. Въ Варшавѣ вы условитесь относительно своего дальнѣйшаго образа дѣйствій съ княземъ ***, камергеромъ императора, и съ генераломъ ***. Оба лица происходятъ отъ самыхъ знатныхъ Польскихъ родовъ и обѣщали употребить вліяніе, которымъ они пользуются среди своихъ согражданъ, чтобы понудить ихъ стараться о счастіи и независимости ихъ родины. Вы должны дать правительству великаго герцогства толчекъ, могущій подготовить великія перемѣны, которыя императоръ намѣревается произвести въ пользу

Библиотека "Руниверс"

Польскаго народа. Нужно, чтобы Поляки способствовали исполненію намѣреній императора и сами содѣйствовали своему возрожденію. *Они должны смотрѣть на Французовъ только какъ на своихъ сильныхъ союзниковъ.* Императоръ не скрываетъ отъ себя трудностей, которыя ему предстоятъ въ дѣлѣ возстановленія Польши. Это великое дѣло политики должно противорѣчить *явнымъ и настоящимъ выгодамъ его союзниковъ.* Возстановленіе Польши оружіемъ Французской имперіи ненадежное и даже опасное предпріятіе, въ которомъ Франція должна будетъ одинаково бороться противъ своихъ друзей и враговъ.

Взойдемъ въ нѣкоторыя подробности. Цѣль, которую себѣ ставитъ императоръ, есть избѣгая войны, устроить Польшу, *со всею ея прежней областью или хоть частью ея*, если возможно. Чтобы достигнуть этого, его величество далъ весьма обширныя полномочія своему послу въ Петербургѣ. Онъ отправилъ въ Вѣну посредника, который уполномоченъ заключить договоръ съ главными властями, предлагая отъ имени Французскаго императора большія земельныя уступки *въ вознагражденіе за то, что потребуется для возстановленія Польскаго королевства.* Европа дѣлится на три великія части: Французская имперія—на Западѣ, Германскія государства—въ серединѣ, Русская имперія на Востокѣ. Англія можетъ на материкѣ имѣть только то вліяніе, какое державы пожелаютъ сохранить за нею. Крѣпкимъ устройствомъ Германіи нужно не допустить, чтобы Россія или Франція, желая расширить еще болѣе свои владѣнія, могли захватить верховную власть въ Европѣ. Французская имперія пользуется въ настоящее время всей силой своего положенія: если въ данную минуту она не окончитъ политическаго устройства Европы, завтра она можетъ потерять преимущества своего положенія и потерпѣть пораженіе въ своихъ предпріятіяхъ. Учрежденіе въ Пруссіи военнаго положенія, царствованіе и побѣды Фридриха Великаго, пущенныя въ обращеніе мысли вѣка и Французской революціи, все это уничтожило прежній Германскій союзъ. Союзъ Рейнскій держится только временно союзнаго уклада. Государи, получившіе нѣкоторыя пріобрѣтенія, можетъ быть, и желали бы упроченія этого уклада; но тѣ, которые проиграли, и населенія пострадавшія отъ несчастій войны, государства боящіяся слишкомъ большой власти Франціи, будутъ противиться поддержанію Рейнскаго союза каждый разъ какъ къ тому представится случай. Даже тѣ, которые благодаря новому устройству союза возвеличились, и тѣ будутъ стараться отстраниться по мѣрѣ того, какъ время упрочитъ за ними пріобрѣтенныя ими владѣнія. Кончилось бы тѣмъ, что изъ рукъ Франціи было бы отнято преобладаніе, которое она пріобрѣла, конечно, цѣною слишкомъ многихъ жертвъ. Импе-

Библиотека "Руниверс"

раторъ думаетъ, что не замедлитъ наступить время, когда, наконецъ, придется возвратить всѣмъ союзнымъ государствамъ Европы ихъ независимость. Австрійскій домъ, владѣющій тремя обширными королевствами, долженъ бы быть душою этой независимости вслѣдствіе положенія его страны, но ему не слѣдуетъ играть господствующей роли въ этомъ. Въ случаѣ разрыва между двумя имперіями, Французской и Русской, если бы союзъ посредствующихъ державъ руководился однимъ и тѣмъ же побужденіемъ, онъ неминуемо вызвалъ бы собою погибель одной изъ спорящихъ сторонъ. Французская имперія подвергалась бы большей опасности, чѣмъ Русская. Центръ Европы долженъ состоять изъ государствъ неравной силы, которыя будутъ имѣть каждое свою собственную политику; благодаря своему положенію и ихъ взаимнымъ политическимъ отношеніямъ, они будутъ искать поддержки въ покровительствѣ сильнѣйшихъ державъ. Этимъ государствамъ выгодно сохраненіе мира, потому что они всегда будутъ жертвами войны. Въ виду этого, основавъ новыя государства, увеличивъ прежнія, дабы укрѣпить на будущее время наше союзное устройство, для императора и въ то же время для всей Европы, очень важно возстановленіе Польши: если это королевство не будетъ возстановлено, Европа останется съ этой стороны безъ границъ; Австрія и Германія стоятъ лицомъ къ лицу съ самымъ могущественнымъ государствомъ въ мірѣ. Императоръ предвидитъ, что впослѣдствіи Польша, какъ и Пруссія, будутъ союзницами Россіи; если же Польша будетъ обязана своимъ возстановленіемъ ему, то время союза между этими государствами будетъ достаточно отдалено, чтобы дать установленному порядку укрѣпиться. Разъ Европа будетъ устроена такимъ образомъ, не останется больше причины къ соперничеству между Франціей и Россіей; обѣ имперіи будутъ имѣть одни и тѣже торговые выгоды и будутъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться тѣми же началами.

Передъ охлажденіемъ съ Пруссіей, первымъ намѣреніемъ императора было заключить прочный союзъ съ Прусскимъ королемъ и возложить на его главу Польскую корону: меньше препятствій пришлось бы преодолѣвать, такъ какъ Пруссія уже владѣла третью этого королевства. Россіи оставили бы то, что она пожелала бы непремѣнно сохранить за собой; Австріи дано бы было вознагражденіе. Но ходъ событій заставилъ императора измѣнить это предначертаніе. Во время переговоровъ въ Тильзитѣ пришлось создавать государства именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ всего болѣе страшились могущества Франціи. Время благопріятствовало возстановленію Польши, хотя бы путемъ насилія. Пришлось бы продолжить войну; между тѣмъ Французская армія стра-

Библиотека "Руниверс"

дала отъ холода и голода; у Россіи же войско было набрано. Императоръ былъ тронутъ великодушіемъ, которое выказывалъ ему императоръ Александръ. Онъ встрѣчалъ препятствія со стороны Австріи. Надъ политикой Александра взяло верхъ одинаковое желаніе подписать мирный договоръ, который онъ надѣялся сдѣлать прочнымъ, если бы Англія, подъ вліяніемъ Россіи и Австріи, согласилась на общее умиротвореніе.

Послѣ своихъ злоключеній Пруссія чувствовала слишкомъ большую ненависть къ намъ, чтобы мы съ своей стороны не старались ослабить ея могущество; ради этого и было устроено великое герцогство Варшавское, которому въ государи дали Саксонскаго короля, всю жизнь свою проведшаго въ заботахъ о счастьи своихъ подданныхъ. Старались удовлетворить Поляковъ разными установленіями, которыя бы имъ нравились и соотвѣтствовали ихъ нраву и характеру. Во всѣхъ смыслахъ поступили плохо. Саксонія, отдѣленная Пруссіей отъ своихъ новыхъ владѣній, не могла составить съ Польшей достаточно упорядоченное цѣлое, чтобы стать сильной и могущественной. Открытіе на Прусской землѣ военной дороги для сообщенія Саксоніи съ Польшей очень оскорбило Прусскій народъ, а Поляки вздыхали о томъ, что ошиблись въ своихъ надеждахъ. Императоръ включилъ въ условіе занятіе Прусскихъ крѣпостей, дабы быть увѣреннымъ, что Пруссія не будетъ стараться снова возжечь войну. Кампанія 1809 года показала, насколько его политика была предусмотрительна; она заставила его принять твердое рѣшеніе непрерывно работать надъ такимъ устройствомъ Европы, которое положило бы конецъ гибельнымъ войнамъ. Императоръ считалъ, что долженъ показать себя грознымъ по тому количеству войска, которое онъ велъ къ *Вислѣ*, и по занятію Прусскихъ крѣпостей, дабы внушить вѣрность своимъ союзникамъ и переговорами добиться того, чего, можетъ быть, слѣдовало ожидать только отъ войны. При такихъ обстоятельствахъ опасности неизбѣжны. Нельзя, не подвергаясь имъ, переправлять войска за 500 миль отъ ихъ земли. Польша должна столько же ожидать отъ своихъ собственныхъ силъ, сколько отъ поддержки императора. Если разгорится война, то Поляки, опять таки повторяю, не должны смотрѣть на нее иначе, какъ на добавочную помощь къ ихъ собственнымъ средствамъ. Они должны помнить тѣ времена, когда, благодаря своей любви къ родинѣ и храбрости, они не поддались многочисленнымъ войскамъ, посягавшимъ на ихъ независимость. Народности Великаго Герцогства хотятъ возстановленія Польши; имъ и надлежитъ подготовить пути, по которымъ захваченныя области дойдутъ до возможности высказать свое желаніе. Правительство Вели-

Библиотека "Руниверс"

каго Герцогства должно, какъ только позволятъ событія, собрать подъ знамена независимости союзъ отдѣлившихся частей несчастной Польши. Въ случаѣ, если подъ властью Россіи или Австріи имѣются Поляки, отказывающіеся возвратиться въ свое отечество, слѣдуетъ отказаться отъ принужденія ихъ къ этому. Польша должна черпать свою силу столько же въ духѣ своего народа, въ его любви къ отечеству, сколько въ установленіяхъ, которыя создадутъ ей новое общественное положеніе.

Итакъ, цѣль вашего порученія состоитъ въ томъ, чтобы наставлять, ободрять и направлять Польскихъ патріотовъ въ ихъ предпріятіи. Вы будете отдавать отчетъ въ своихъ переговорахъ министру иностранныхъ дѣлъ, а онъ извѣщать императора о вашихъ успѣхахъ. Мнѣ вы будете присылать краткія изложенія вашихъ донесеній. Несчастія и безсиліе Польской республики вызваны аристократіей, не имѣвшей ни правилъ, ни мѣры ни въ чемъ. Въ то время, какъ и понынѣ, дворянство было могущественно, мѣщанство подчинено, а простонародье считалось за ничто. Но среди такихъ безпорядковъ у этого народа любовь къ свободѣ и независимости долгое время поддерживала его слабое существованіе. Это чувство должно было усилиться отъ времени и притѣсненій. Императоръ исполнитъ безъ малѣйшихъ ограниченій обѣщаніе, данное имъ въ 25 статьѣ договора, заключеннаго 9-го Іюля 1807 года, въ которой онъ говоритъ, что создастъ для правленія Великимъ Герцогствомъ такое государственное устройство, которое обезпечило бы свободу его и его народностей, согласуясь съ спокойствіемъ сосѣднихъ государствъ.

Будутъ для Польши *и независимость, и свобода.* Что касается избранія государя, оно въ зависимости отъ условія, которое его величество подпишетъ съ державами. Его величество не имѣетъ притязаній на Польскій тронъ ни для себя, ни для своей семьи. Въ великомъ дѣлѣ возстановленія Польши императоръ имѣетъ въ виду только благополучіе Польши и спокойствіе Европы. Его величество уполномочиваетъ васъ сдѣлать это заявленіе, сдѣлать его, когда найдете полезнымъ для Франціи и Польши. Его величество повелѣлъ мнѣ передать вамъ эту бумагу и эти наказы, которые ему извѣстны, дабы вы могли составить изъ нихъ содержаніе вашихъ бесѣдъ съ иностранными министрами въ Варшавѣ или въ Дрезденѣ. Императоръ повелѣлъ отправить ноты министрамъ Великаго Герцогства, военному и иностранныхъ дѣлъ. Если бы понадобилось денежное пособіе, его величество пришелъ бы на помощь Польской казнѣ ассигновками на чрезвычайные расходы по владѣніямъ, которыя онъ еще имѣетъ въ Польшѣ и въ Ганноверѣ.

Библиотека "Руниверс"

Политическое положеніе Россіи: легкость, съ которою она могла бы посягнуть на Индію и даже на Китай; безпокойства, долженствовавшія по этому поводу явиться у Англичанъ; число войскъ, которое пришлось бы Россіи употребить; ихъ исходная точка; путь, по которому имъ надлежало бы слѣдовать, богатство звонкою монетой, которую они привезли бы оттуда и т. д. Относительно большей части этихъ вопросовъ императоръ входилъ въ весьма цѣнныя подробности. Сожалѣю, что вижу здѣсь лишь указаніе на нихъ; не смѣю надѣяться на свою память настолько, чтобы ихъ воспроизвести. Затѣмъ императоръ перешелъ на то, что̀ онъ называлъ удивительнымъ положеніемъ Россіи противъ остальной Европы, т. е. на громадность ея. Онъ изображалъ это государство сидящимъ подъ полюсомъ, прислонившись къ вѣчнымъ льдамъ, которые, въ случаѣ надобности, дѣлаютъ его неприступнымъ. Россія, говорилъ онъ, могла подвергаться нападенію лишь въ теченіи 3 или 4 мѣсяцевъ, тогда какъ сама она могла дѣйствовать въ теченіи всего года или 11 мѣсяцевъ противъ насъ; она представляла для нападающихъ лишь суровость климата, страданія и лишенія, обусловленныя пустынной почвой, мертвой или закоченѣлой природой, тогда какъ ея народы бросались на насъ влекомые прелестью нашего Юга.

Къ этимъ физическимъ условіямъ нужно прибавить большое народоселеніе, храброе, крѣпкое, покорное, и цѣлыя племена, для которыхъ бѣдность и бродяжничество составляютъ естественное положеніе. Нельзя не содрогаться, говорилъ онъ, при мысли о такой громадѣ, которую невозможно атаковать ни съ боковъ, ни съ тыла, тогда какъ она безнаказанно выступаетъ на васъ, наводняя все, въ случаѣ побѣды, или же отступая въ глубь льдовъ, въ нѣдра смерти и печали, остающіяся у нея въ запасѣ въ случаѣ пораженія, и все это при легкой возможности вновь появиться, если обстоятельства того потребуютъ. Не это ли голова гидры миѳическаго Антея, съ которымъ нельзя справиться иначе, какъ схвативъ его тѣло и задушивъ въ объятіяхъ? Но гдѣ найти Геркулеса? Право претендовать на это принадлежало только намъ, и мы попробовали, но, нужно сознаться, взялись неловко. Императоръ говорилъ, что въ новой политической комбинаціи Европы участь этой части свѣта зависитъ лишь отъ способностей одного человѣка. Пусть появится въ Россіи, говорилъ онъ, мужественный, пылкій и способный императоръ, однимъ словомъ царь, у котораго есть борода на подбородкѣ (впрочемъ, онъ выражалъ это гораздо болѣе энергично), и Европа будетъ—его. Онъ можетъ начать свои дѣйствія на Нѣмецкой же почвѣ, въ ста миляхъ отъ двухъ столицъ, Берлина и Вѣны, которыхъ государи составляютъ единственныя

Библиотека "Руниверс"

препятствія. Силою онъ добивается союза съ однимъ и при его содѣйствіи поражаетъ другого съ тыла, и съ этой минуты онъ въ сердцѣ Германіи, среди государей второго разряда, изъ которыхъ большая часть ему родня или ждутъ всего для себя отъ него. Въ случаѣ надобности, если обстоятельства потребуютъ, онъ мимоходомъ перекинетъ черезъ Альпы на Итальянскую почву нѣсколько головешекъ, готовыхъ вспыхнуть, торжественно пойдетъ на Францію и объявитъ себя ея новымъ освободителемъ. Будь я въ такомъ положеніи, то конечно переѣхалъ бы въ Калэ и очутился бы тамъ хозяиномъ и властителемъ Европы.

Въ концѣ разговора императоръ вернулся къ Павлу I. Онъ говорилъ о томъ, въ какую ярость приводила его въ свое время безсовѣстность Англійскаго министерства. Ему обѣщали островъ Мальту, какъ только имъ завладѣютъ; поэтому онъ поспѣшилъ сдѣлаться великимъ магистромъ Мальтійскаго ордена. А когда Мальта была сдана, Англійскіе министры отрицали свое обѣщаніе. Увѣряютъ, будто во время чтенія объ этой гнусной лжи Павелъ такъ возмутился, что при полномъ составѣ совѣта схватилъ депешу, проткнулъ ее своей шпагой и приказалъ отослать назадъ въ такомъ видѣ, вмѣсто всякаго отвѣта. Если это безуміе, сказалъ императоръ, нужно сознаться, что безуміе — прекрасной души, негодованіе добродѣтели, которая до того времени не могла подозрѣвать такой низости. Въ это же время Англійскіе министры, договариваясь съ нами относительно обмѣна плѣнныхъ, отказались включить въ тоже число Русскихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Голландіи на службѣ у Англичанъ и единственно по винѣ Англичанъ. Я угадалъ характеръ Павла, сказалъ императоръ. Я воспользовался удобнымъ случаемъ; собралъ этихъ Русскихъ, обмундировалъ ихъ и отправилъ къ нему даромъ. Съ тѣхъ поръ это великодушное сердце всецѣло принадлежало мнѣ, а такъ какъ у меня не было ни одного интереса противоположнаго интересамъ Россіи и я всегда говорилъ только справедливо и поступалъ хорошо, то нѣтъ сомнѣнія, что съ этихъ поръ я могъ бы располагать Петербургскимъ кабинетомъ. Наши враги почуяли опасность и пожелали, чтобы эта доброжелательность Павла была для него гибельна. Это было весьма возможно, такъ какъ были кабинеты, для которыхъ не было ничего святого. Позднѣе Наполеонъ продиктовалъ подробности трагической кончины несчастнаго Павла I-го. Значеніе такого источника и довѣріе къ нему заставляютъ насъ привести ихъ здѣсь. Павелъ былъ умерщвленъ въ ночь съ 23-го на 24-е Марта 1801 года. Лордъ Витвортъ былъ посломъ при его дворѣ и очень друженъ съ графомъ П . . . , генераломъ . . . . , и другими лицами,

Библиотека "Руниверс"

достовѣрно признанными за виновниковъ и исполнителей этого ужаснаго цареубійства. Раздражительнымъ и обидчивымъ характеромъ Павелъ возстановилъ противъ себя часть Русскаго дворянства. Отличительной чертой его царствованія была ненависть къ Французской революціи. Онъ считалъ одною изъ причинъ этой революціи фамильярность Французскаго монарха и принцевъ и упраздненіе этикета при дворѣ. Поэтому при своемъ дворѣ онъ ввелъ очень строгій этикетъ и требовалъ къ себѣ знаковъ благоговѣнія, которые мало соотвѣтствовали нашимъ обычаямъ и всѣхъ возмущали. Быть одѣтымъ во фракъ, носить круглую шляпу, не выйти изъ кареты, когда царь или кто-нибудь изъ великихъ князей проѣзжалъ по улицѣ или на гуляньѣ, наконецъ, малѣйшее нарушеніе этикета вызывало полное негодованіе въ немъ, и этого одного было достаточно, чтобы считаться Якобинцемъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ сблизился съ первымъ консуломъ, онъ отказался отъ нѣкоторыхъ своихъ мыслей, и возможно, что если бы онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, то вновь пріобрѣлъ бы и любовь своего двора. Англичане, недовольные и даже чрезвычайно раздраженные происшедшею въ немъ перемѣной за одинъ годъ, ничего не упустили, чтобы поощрить его внутреннихъ враговъ. Имъ удалось распустить слухи, будто онъ сошелъ съ ума и наконецъ затѣять заговоръ, чтобы посягнуть на его жизнь *). Наканунѣ своей смерти Павелъ, сидя за ужиномъ, получилъ депешу, въ которой ему подробно сообщали всю нить заговора; онъ положилъ депешу въ карманъ, отложивъ чтеніе ея до слѣдующаго дня. Въ ночь онъ погибъ. Совершеніе покушенія не встрѣтило никакого препятствія: графъ . . . . имѣлъ большую силу при дворѣ; онъ считался любимцемъ и первымъ довѣреннымъ лицомъ Государя. Въ 2 часа утра онъ явился къ двери, ведущей въ комнату императора; его сопровождали генералы . . . . . , ... , и . . . . . Вѣрный казакъ, стоявшій у двери въ комнату, оказалъ имъ сопротивленіе, не впуская ихъ въ помѣщеніе государя; но они тотчасъ закололи его. Императоръ, проснувшись отъ шума, схватился за шпагу; но заговорщики бросились на него, повалили и задушили его. Генералъ . . . . . сдѣлалъ послѣдній ударъ; онъ наступилъ на трупъ императора. Императрица, супруга Павла, несмотря на то, что имѣла причины сѣтовать на него, выказала дѣйствительную и искреннюю скорбь; всѣ, принявшіе участіе въ этомъ убійствѣ, подверглись ея неизмѣнной немилости.... Много лѣтъ спустя генералъ . . . . . еще командовалъ войсками. Что бы тамъ ни было, это страшное

*) Покойный князь Сергій Семеновичъ Урусовъ (Севастополецъ и славный шахматистъ) написалъ цѣлую статью (неизданную доселѣ) съ доказательствами того, что Павелъ Петровичъ не повреждался въ умѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

событіе поразило ужасомъ всю Европу, которая была особенно смущена откровенностью, съ какою Русскіе сообщали подробности объ этомъ во всѣ дворы. Оно измѣнило положеніе Англіи и дѣла всего міра.

Затрудненія новаго царствованія дали новое направленіе политикѣ Русскаго двора. Начиная съ 5 Апрѣля, Англійскіе матросы, попавшіе въ плѣнъ, вслѣдствіе задержанія судовъ въ гавани, и отправленные въ глубь страны, были отосланы. Комиссія, которой былъ порученъ расчетъ суммъ, должныхъ Англійскимъ купечествомъ, была распущена. Графъ . . . . . , продолжавшій оставаться первымъ министромъ, далъ знать 20-го Апрѣля Англійскимъ адмираламъ, что Россія согласна на всѣ требованія Англіи; онъ сообщилъ имъ, что намѣреніемъ его повелителя было кончить миромъ всѣ распри съ правительствомъ Великобританіи. Непріятельскія дѣйствія были прекращены до полученія отвѣта изъ Лондона. Желаніе поскорѣе заключить миръ съ Англіей было явно и предвѣщало торжество этой державы.

Зашла рѣчь о Густавѣ IV. Наполеонъ сказалъ: Будучи еще ребенкомъ, онъ оскорбилъ Екатерину, отказавшись отъ ея внучки въ то самое время, когда императрица, сидя на тронѣ и окруженная своимъ дворомъ, ожидала только его прибытія, чтобы начался свадебный обрядъ. Позднѣе, онъ не менѣе оскорбилъ Александра I, запретивъ послѣ гибели Павла въѣздъ въ свою страну одному офицеру новаго императора и отвѣтивъ на официальныя жалобы, обращенныя къ нему по этому поводу, что Александру не слѣдовало порицать то, что̀ онъ, Густавъ, оплакивающій еще убійство своего отца, заграждаетъ входъ въ свою страну одному изъ тѣхъ, которыхъ общій голосъ обвиняетъ *) въ убійствѣ его отца, т. е. отца Александра.

---

*) Совершенно несправедливо. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

СТРАНИЧКА О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ 1862 ГОДА.

Изъ частнаго письма.

Тараща *), 1863 г. 1 Мая.

Письмо ваше отъ 5 Апрѣля получено мною по возвращеніи моемъ въ Тарашу 27 числа послѣ 18-ти дневнаго отсутствія. Это была Суббота, которой никогда не забуду. Въѣзжая въ городъ, я былъ пораженъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ: бѣгащіе люди съ косами и кольями, мчащіеся уланы съ пиками, барабанный бой, колокольный звонъ и крикъ, что Поляки идутъ къ городу, сдѣлали во мнѣ такое потрясеніе, что я едва могъ дышать. Неожиданный пріѣздъ мой немного успокоилъ семейство, но жена почти больна съ перепуга; дѣти встрѣтили меня словами: «будемъ умирать, насъ порѣжутъ».

Семейство мое было въ страшномъ безпокойствѣ за меня: думали, что меня захватили въ дорогѣ инсургенты; а я ѣхалъ ничего не подозрѣвая. Между тѣмъ дѣйствительно получено вѣрное извѣстіе о появленіи въ лѣсахъ, окружающихъ Тарашу, вооруженныхъ партій инсургентовъ пѣшихъ и конныхъ; какъ оказалось послѣ, Кошоватскій лѣсъ, верстъ 12 отъ города, назначенъ былъ сборнымъ пунктомъ и въ намѣреніи инсургентовъ было взять Тарашу 27-го числа, но что-то помѣшало имъ собраться въ большомъ числѣ. Въ этотъ день (въ Субботу), часа въ 4 послѣ обѣда, верстахъ въ 5 отъ города, была первая стычка, въ которой непріятель оказалъ весьма мало энергіи, не смотря на то, что противъ него была только слабая часть отряда изъ эскадрона уланъ и десятковъ двухъ или трехъ солдатъ внутренней стражи, которые подоспѣли почти подъ конецъ. Мѣстность благопріятствовала инсургентамъ, и потому только они понесли небольшую потерю, человѣкъ 8 убитыхъ и нѣсколько человѣкъ раненыхъ, взятыхъ въ плѣнъ съ частью обоза; съ нашей стороны одинъ уланъ убитъ и три раненыхъ; взято также на мѣстѣ до 30 лошадей. Своихъ убитыхъ инсургенты взяли въ лѣсъ, куда скрылись; преслѣдовать было невозможно, потому что лѣсъ огражденъ глубокимъ окопомъ или рвомъ. Думали въ городѣ, что будетъ нападеніе и съ другой стороны, со стороны Кошоватской дороги,

*) Уѣздный городъ Кіевской губ., въ 120 верстахъ къ Югу отъ Кіева. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

гдѣ главныя ихъ силы. Настала ночь, кругомъ города со стороны лѣсовъ зажгли костры, никто не спалъ, всѣ были въ большой тревогѣ, потому что въ городѣ было очень мало войска. Часть городскихъ жителей, христіане и окрестные поселяне, вооружились большей частью косами на длинныхъ рукояткахъ, отчасти ружьями и пиками. Ведутъ, везутъ со всѣхъ сторонъ связанныхъ Поляковъ, захваченныхъ то въ дорогѣ, то въ повозкахъ или бричкахъ, въ которыхъ находятъ военные снаряды и оружіе, то въ домахъ (тѣхъ, которые остались смирны, но, по словамъ мужиковъ, чѣмъ нибудь способствовали возставшимъ).

На другой день, 28 и 29 числа Апрѣля, происходило серьезное дѣло между главными силами мятежниковъ и нашею пѣхотою и саперами, которые подошли къ м. Кошоватой и с. Лукѣ отъ Богуслава. При содѣйствіи поселянъ сдѣлано было въ родѣ облавы, войска вступили въ лѣсъ и уничтожили почти всю шайку; убито инсургентовъ 119, взято живыхъ до 70 большею частью раненыхъ; съ нашей стороны потеря сравнительно ничтожна: два убитыхъ и четыре раненыхъ мужика. Говорятъ, инсургенты совершенно растерялись и потому не умѣли оказать сопротивленіе, несмотря на то, что пользовались превосходнымъ оружіемъ, большей частью заграничной работы. Взято много оружія и запасовъ. Главный предводитель Горецкій убитъ (директоръ сахарнаго завода въ Лукѣ) со многими другими; главноуправляющій Кошоватскимъ имѣніемъ помѣщика Млодецкаго Деко взятъ дома вмѣстѣ съ Радкевичемъ; ихъ повели вмѣстѣ со многими другими (болѣе 200 человѣкъ) въ Кіевъ, въ томъ числѣ и надсмотрщикъ Кисловскаго винокуреннаго завода Марковскій. (ихъ всѣхъ хорошо знаетъ m-me Головачева). Говорятъ, Деко былъ главнымъ распорядителемъ по хозяйственной части. Отыскали въ лѣсу построенные бараки, колодцы и много другихъ запасовъ и вообразите, все это верстахъ въ 12 или 15 отъ города, и никто (будто) не зналъ о томъ. Доказательство равнодушія Евреевъ служитъ то, что м. Кошовата наполнено Жидами; все почти дѣлалось и приготовлялось у нихъ, такъ сказать, подъ носомъ, и ни одинъ Жидъ ни слова не сказалъ. Это происходитъ, мнѣ кажется, оттого, что инсургенты за все имъ хорошо платили и отчасти задолжали имъ, а можетъ быть и отъ трусости Жиды молчали. Поселяне такъ разсвирѣпѣли, что еслибъ только позволить, то они всѣхъ бы Ляховъ уничтожили безъ различія пола и возраста. Вотъ до чего довелъ Поляковъ слѣпой фанатизмъ, который постарались развить въ нихъ ксендзы, главные виновники несчастія множества семействъ, лишившихся кто отца, кто брата, кто сына. Центральный комитетъ революціонный воспользовался тлѣвшейся искрой и въ тоже время старался привлечь на свою сторону поселянъ, обѣщая имъ и равноправность, и даровую землю. Но и съ

Библиотека "Руниверс"

этой стороны Поляки очень ошиблись: мужики показали имъ слишкомъ больно всю нелюбовь свою къ нимъ. Братъ Кошоватскаго ксендза, умирая, сказалъ мужикамъ: ксендзы всему причиной и если онъ погибаетъ, то обязанъ этимъ брату своему ксендзу, послѣ чего мужики отыскали въ огородѣ ксендза и потащили. Говорятъ, въ стычкѣ убито два ксендза.

Послѣ этого пораженія спасшіеся инсургенты бросились въ Васильевскій уѣздъ, но тамъ были окончательно уничтожены поселянами и частью войска, которыми командовалъ Васильковскій помѣщикъ Василій Петровичъ Масловъ, полковникъ артиллеріи въ отставкѣ, знакомый съ войною на Кавказѣ. Говорятъ, выдержавъ залпъ мятежниковъ, онъ скомандовалъ своимъ стрѣлять и самъ застрѣлилъ главнаго предводителя Ясинскаго, который въ него стрѣлялъ, но не попалъ.

Несмотря на это, все мы не можемъ успокоиться, и какъ приходитъ ночь, невольный страхъ не позволяетъ ничѣмъ заняться, хотя повидимому и нечего бояться; но слухъ о томъ, что уланамъ велѣно не разсѣдлывать лошадей, что гдѣ-то въ Липовецкомъ уѣздѣ, а также въ Сквирскомъ, собираются вооруженные неизвѣстные люди, не позволяетъ прійти къ нормальному состоянію. Все это происходитъ, мнѣ кажется, отъ неизвѣстности будущаго и отъ неизвѣстности дѣйствительныхъ силъ и мѣстонахожденія инсургентовъ, которыхъ, говорятъ, можно ожидать отовсюду изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ войска. Приняты мѣры къ огражденію винокуренныхъ подваловъ и къ отобранію акциза съ тѣхъ заводовъ, отъ которыхъ онъ не представленъ. Въ печальномъ настроеніи духа, въ которомъ я нахожусь, письмо ваше доставило мнѣ истинное утѣшеніе и не знаю, какъ мнѣ благодарить васъ за добрыя чувства и совѣты ваши. Признаюсь вамъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, я считалъ бы счастьемъ перебраться въ Кіевъ и въ нашу тихую Малороссію, гдѣ нѣтъ вліянія этого варварскаго революціоннаго комитета; тамъ по крайней мѣрѣ можно безопасно спать ночью, не бояться за семейство, а здѣсь смотришь то въ ту, то въ другую сторону и чего-то ждешь; малѣйшій шумъ на улицѣ или звукъ оружія отъ проходящихъ патрулей, и пропалъ сонъ, и ждешь разсвѣта, чтобъ немного заснуть, а днемъ и думать нельзя заняться чѣмъ-нибудь спокойно. Долго-ль такъ будетъ? Если такое безпокойство продлится, признаюсь, не стоитъ жить; будь я еще одинъ, было бы полбѣды, а съ семействомъ очень тяжело. Я слышалъ, что и у васъ въ Кіевѣ происходила такая же драма, и очень печально для безумцевъ; но все же Кіевъ не провинція: больше условій для сохраненія спокойствія.

Остаюсь вѣчно преданный вамъ другъ *Алексѣй Рязановъ.*

Библиотека "Руниверс"

КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ А. П. САЛТЫКОВОЙ О П. А. ВИТОВТОВѢ.

Военная исторіографія должна быть признательна біографическимъ очеркамъ лицъ, сыгравшихъ какую нибудь роль въ исторіи Русской арміи, и потому заслуживаютъ вниманія воспоминанія о П. А. Витовтовѣ, написанныя его дочерью А. П. Салтыковой; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они требуютъ исправленій. Ранѣе я указывалъ на неточность въ описаніи памятника Николаю I, и мое замѣчаніе встрѣтило возраженіе, не обоснованное впрочемъ никакими точными указаніями (Р. Арх., 1907, 295—296).

Укажу еще на одну неточность. На стр. 365—366 А. П. Салтыкова говоритъ, что по дѣлу о растратѣ инвалиднаго капитала Политковскимъ было привлечено къ суду пять *или* шесть генераловъ, которые *всѣ* были государевыми г.-адъютантами.

Подсудимыхъ было *шестеро*: Ушаковъ, Арбузовъ, Граббе, Зассъ, Мандерштернъ и адм. Колзаковъ. Одинъ изъ нихъ *не* былъ г.-адъютантомъ.

Далѣе. При входѣ въ квартиры Колзакова и Граббе, вооруженный солдатъ, присутствіе коего „удручающе дѣйствовало“ на А. П. Салтыкову, стоялъ потому, что всѣ подсудимые, кромѣ Мандерштерна, были содержимы подъ стражей. Наконецъ, А. П. Салтыкова говоритъ, что „вскорѣ они были оправданы судомъ, который вмѣнилъ имъ арестъ въ наказаніе за небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ и довѣріе къ мошеннику, обморочившему ихъ“. На самомъ дѣлѣ судъ былъ далекъ отъ оправдательнаго приговора, да и не такое было время, чтобы „миндальничать“. За проступки Николай Павловичъ не миловалъ; вспомнимъ печальный эпизодъ съ фл.-адъютантомъ княземъ Дадіаномъ. Судъ надъ предсѣдателемъ и членами Комитета приговорилъ: Ушакова —къ исключенію изъ службы съ выдержаніемъ подъ арестомъ шесть мѣсяцевъ, Колзакова—къ исключенію изъ службы, Арбузова, Граббе и Засса—къ трехмѣсячному аресту и Мандерштерна—къ мѣсячному аресту.

Приговоръ этотъ не можетъ почитаться оправдательнымъ.

Этотъ приговоръ былъ представленъ на высочайшую конфирмацію, которая 10 Апрѣля 1853 г. гласила: „Приговоръ суда касательно г. Ушакова нахожу правильнымъ, но считаю его гораздо виновнѣе въ томъ, что дозволилъ

Библиотека "Руниверс"

себѣ дерзко настаивать въ награжденіи Политковскаго, несмотря на мои отказы, тогда какъ отличія нисколько съ его стороны не было, но напротивъ того, ежели бъ Ушаковъ исполнялъ свою обязанность по долгу данной присяги, воровство бы открылось. Потому приговоръ суда утверждаю во всей силѣ; адмирала Колзакова, вмѣнивъ лишеніе г.-адъютантскаго званія и судъ въ наказаніе, уволить отъ службы; г-а Мандерштерна, вмѣнивъ судъ въ наказаніе, возвратить къ прежней должности коменданта; г-а Арбузова, вмѣнивъ лишеніе г.-адъютантскаго званія и судъ въ наказаніе и принявъ въ соображеніе малое нахожденіе въ наличности при комитетѣ за командировкой къ командованію гренадерскимъ корпусомъ, избавить отъ дальнѣйшаго взысканія и возвратить къ должности инспектора гвардейскихъ и гренадерскихъ резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ; г.-лейтенантовъ Граббе и Засса признаю виновными только въ томъ, что, усумнясь въ правильности существовавшаго порядка въ комитетѣ, не довели объ этомъ, какъ г.-адъютанты, до моего свѣдѣнія, за что́ объявить имъ строжайшій выговоръ и отъ дальнѣйшаго взысканія освободить".

Всѣ эти лица были преданы суду не за какое-либо участіе въ расхищеніи филантропическихъ суммъ, а лишь за бездѣйствіе власти, безпечность и допущеніе важнаго государственнаго ущерба. Отсутствіе какихъ-либо корыстныхъ видовъ со стороны виновныхъ дало возможность возвратить имъ вскорѣ г.-адъютантскіе вензеля *).

М. Соколовскій.

*) Хищенія Политковскаго были обнаружены въ то время, какъ Россіи предстояла война съ Турками и возможность оной съ Австріей и Западными державами. Императоръ Николай Павловичъ заболѣлъ съ горя и воскликнулъ: конечно Рылѣевъ съ братіею не сдѣлали бы со мною этого! Про знаменательный отзывъ этотъ было напечатано въ первой книгѣ нашего сборника „Девятнадцатый Вѣкъ", которая и была задержана къ выпуску въ свѣтъ, но императоръ Александръ Николаевичъ въ Ливадіи изволилъ разрѣшить ея выходъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА П. М. ЛЕОНТЬЕВА КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ.

1.

7 Января (25 Декабря) 1846.

Съ П. А. Коленіусомъ я послалъ вамъ нѣсколько страницъ объ Эгинскихъ мраморахъ, которыя я успѣлъ намарать въ свободное время въ Мюнхенѣ; а такъ какъ по положенію вопроса тамъ весьма желательно было привести нѣсколько мѣстъ изъ 17 книги Иліады, а Гнѣдича у меня не было, то я попробовалъ перевести ихъ самъ. Пріѣхавъ въ Берлинъ, я былъ занятъ другой работой и заглянулъ въ мое opus monacense *) только за нѣсколько дней до отъѣзда означеннаго господина въ Москву. Тутъ я увидалъ, что мой переводъ требуетъ многихъ поправокъ и за недостаткомъ времени для исправленія долженъ былъ вырвать относительныя страницы и предоставить себѣ препроводить ихъ къ вамъ по почтѣ. Между тѣмъ долго не могъ я получить Гнѣдича, и такимъ образомъ прошло теперь три недѣли. Я посылаю вамъ мой опытъ не столько для напечатанія, сколько для узнанія вашего мнѣнія о характерѣ языка, мною выбраннаго и о томъ, можетъ ли подобный переводъ быть сколько-нибудь благопріятно принятъ публикой, не привыкшей видѣть передъ собою въ печати простонародныя выраженія. Поэтому я прошу васъ, если вы найдете переводъ неудовлетворительнымъ, безо всякой церемоніи его вовсе не печатать и помѣстить на его мѣсто соотвѣтствующіе стихи Гнѣдича. Мнѣніе же ваше о недостаточныхъ сторонахъ моей работы, на которыя я бы долженъ былъ обратить особое вниманіе, если бы вздумалъ когда нибудь ее продолжать, а равно и о направленіи, мною избранномъ—я бы слышалъ во всякомъ случаѣ съ большимъ удовольствіемъ: я старался изгнать рѣшительно всѣ обветшавшія церковно-славянскія выраженія, которыя бы могли затемнить главный характеръ Иліады—характеръ народной, почти сказочной поэзіи.

Если моя статья прилична характеру «Москвитянина», то я бы просилъ ее тамъ напечатать, но съ приложеніемъ литографіи, безъ ко-

*) Монашескій трудъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

торой чтеніе ея невозможно. Пріятно было бы также полученіе нѣсколькихъ экземпляровъ статьи чрезъ Дм. Ив. Штейнберга [1]); у меня въ портфелѣ есть значительное количество еще не редактированыхъ замѣтокъ, изъ которыхъ могъ бы составиться рядъ статей о памятникахъ Греческаго искусства, находящихся въ Германіи. Я думаю, что если бы подобныя статьи были изданы отдѣльною книгою, этимъ была оказана значительная услуга Русскимъ путешественникамъ. Можетъ быть, это когда нибудь и удастся. Я весьма радъ, что могъ вполнѣ познакомиться съ памятниками Берлина, Дрездена, Вѣны и Мюнхена. Въ послѣднемъ городѣ я былъ слишкомъ мѣсяцъ. Дрезденъ удалось посѣтить три раза и прожить въ немъ всего слишкомъ 10 недѣль. Это чрезвычайно оживило мои археологическія познанія, собранныя изъ книгъ и лекцій во время моего теперь уже двухгодичнаго пребыванія за границею. Выѣхавъ изъ Россіи совершеннымъ невѣжею въ этомъ отношеніи, я взошелъ въ элементы археологіи въ Лейпцигѣ на лекціяхъ проф. Беккера въ лѣтній семестръ 1844 года, и для знакомства съ самыми памятниками и пріученія къ нимъ глаза прожилъ сряду шесть недѣль въ Дрезденѣ въ осеннюю вакацію того же года [2]). Но это была только азбука, за дѣйствительное же введеніе меня въ науку я долженъ благодарить здѣшняго проф. Гергарда, съ которымъ меня довольно коротко свелъ счастливый случай. Онъ научилъ меня пользоваться здѣшнимъ не совсѣмъ бѣднымъ музеемъ мраморныхъ изваяній, въ особенности же весьма обильнымъ собраніемъ вазъ, которыхъ огромная важность впервыя имъ оцѣнена по достоинству, и почти совершенно полнымъ выборомъ гипсовыхъ слѣпковъ всѣхъ замѣчательныхъ произведеній Греческаго ваянія, въ Европейскихъ музеяхъ сохраняемыхъ. Послѣднее собраніе, выбранное, какъ оно выбрано въ Берлинѣ, стоитъ для занимающагося исторіей искусства — огромнаго музея оригиналовъ. Если я сколько нибудь взошелъ въ міръ скульптурнаго изящества, то я тѣмъ рѣшительно обязанъ Берлинскому музею слѣпковъ. А вы, которые видѣли подлинники, вы конечно лучше меня знаете, сколь важно пониманіе древней скульптуры для оцѣнки всей древности, сколько вся филологія выигрываетъ и какъ оживляется чтеніе древнихъ поэтовъ знакомствомъ съ художественными памятниками. Я увѣренъ, что ежели древняя филологія не имѣетъ достаточныхъ успѣховъ въ нашемъ университетѣ, то одна изъ главныхъ причинъ того есть невозможность

---

[1]) Достопочтенный Д. И. Штейнбергъ былъ тогда библіотекаремъ Московскаго Университета. П. Б.

[2]) Въ эту вакацію я былъ въ Прагѣ; пребываніе тамъ принадлежитъ къ однимъ изъ лучшихъ дней моей жизни.

Библиотека "Руниверс"

познакомить студентовъ съ изяществомъ Греческаго ваянія, и это ведетъ меня къ той просьбѣ, которою я позволяю себѣ безпокоить васъ теперь [1]).

Вамъ извѣстно, что Московскій университетъ получаетъ по 2000 р. асс. на Музей древностей; но къ несчастію положеніе основанія этому учрежденію было доселѣ откладываемо и теперь, кажется, совершенно опущено изъ виду. Покойный Дм. Льв. [2]) хлопоталъ, но не успѣлъ побудить къ рѣшительному шагу. Теперь наше пребываніе за границей подаетъ весьма удобный случай къ пріобрѣтенію вещей, которыя бы были сочтены необходимыми на мѣстѣ и конечно съ большею уступкою и съ лучшимъ выборомъ, чѣмъ было бы когда нибудь возможно при заочной покупкѣ. Я занимался археологіей съ любовью и буду заниматься ею, какъ для приготовленія себя къ путешествію въ Италію, такъ и послѣ на самой классической почвѣ. Мнѣ было бы чрезвычайно прискорбно по возвращеніи въ Москву быть въ необходимости пресѣчь эти мои занятія, тѣмъ болѣе, что они были бы, какъ я твердо убѣжденъ, полезны распространенію интереса не только къ филологіи, но и къ наукѣ вообще между нашимъ юношествомъ, имѣющимъ еще весьма мало интересовъ; кромѣ того, неужели городъ, какъ Москва, одна изъ столицъ и средоточіе любезнаго отечества, можетъ оставаться безъ сколько нибудь полнаго и ученымъ образомъ выбраннаго собранія если не подлинниковъ, то по крайней мѣрѣ хорошихъ слѣпковъ и будетъ довольствоваться незначительнымъ и для публики недоступнымъ собраніемъ Архитектурнаго училища? Учрежденіе Музея древностей возможно въ Москвѣ, по моему мнѣнію, на двухъ дорогахъ, или съ средствами одного университета, или съ помощью города, а можетъ быть и Художественнаго общества. Въ послѣднемъ случаѣ, возможность котораго должна быть конечно наиболѣе желаема, вѣроятно могла бы быть допущена и частная подписка. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, сумма, требующаяся для положенія основанія хорошему собранію, которое бы не дѣлало стыда городу, должна доходить до 10.000 р. сер. На эту сумму можно бы было пріобрѣсти слѣпки самыхъ избранныхъ изваяній и кромѣ того составить небольшое собраніе вазъ (30—40 штукъ), терракотъ и другихъ антикалій. Дальнѣйшее приращеніе Музея могло бы потомъ происходить на штатную сумму, а можетъ быть, въ случаѣ снисканія разрѣшенія Министерства Императорскаго Двора, от-

---

[1]) П. М. Леонтьевъ выписалъ въ Москву нѣсколько формъ съ древнихъ статуй и бюстовъ, въ томъ числѣ Фидіева Зевса и тѣмъ далъ возможность за самую дешевую цѣну получать гипсовые снимки съ безсмертныхъ произведеній Греческаго ваянія. П. Б.

[2]) Крюковъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

части и изъ Керченскихъ древностей. Если же собраніе таковой суммы невозможно, то у—тъ могъ бы конечно одинъ употребить единовременно около 3000 р. сер. и тогда надо бы было ограничиться покупкою по крайней мѣрѣ по одному образцу для каждой отрасли художества, кромѣ ваянія изъ мрамора, т. е. пріобрѣсти нѣсколько вазъ (между 8—10 штуками могли бы находиться образцы всѣхъ главныхъ формъ сосудовъ и трехъ главныхъ стилей), нѣсколько терракотъ и антикалій для сообщенія студентамъ хотя бы какого нибудь понятія о различныхъ видахъ художества; наконецъ собраніе избранныхъ оттисковъ геттъ и монетъ и въ заключеніе нѣсколько слѣпковъ статуй первоклассной важности, предоставивъ дальнѣйшее обогащеніе Музея болѣе благопріятному времени. Начало было бы положено, а уже это одно было бы важный шагъ. Быть помѣщено могло бы собраніе въ актовой залѣ стараго дома, теперь ни къ чему не употребляемой. Съ своей стороны я готовъ принести всѣ возможныя жертвы для приведенія въ исполненіе этой мысли, даже если бы мои услуги у—ту повели за собою значительную потерю времени и лишнія денежныя издержки. Въ случаѣ какой-нибудь вѣроятности основанія подобнаго Музея и приблизительнаго назначенія опредѣляемой на то суммы, я съ величайшею охотою составилъ бы болѣе подробный проектъ, при чемъ я могъ бы пользоваться совѣтами здѣшнихъ знатоковъ дѣла *).

Я знаю, что всякое предположеніе, имѣющее цѣлью распространенія истиннаго художественнаго вкуса въ нашемъ отечествѣ, будетъ имѣть васъ своимъ поборникомъ и потому рѣшился просить васъ употребить ваше вліяніе въ у—тѣ, у попечителя и въ городѣ для приведенія въ дѣйствительность положеннаго штатомъ у—та учрежденія, безконечно полезнаго у—ту, но и городу не менѣе полезнаго. Вы знаете, до чего можетъ доходить любовь къ предмету и поймете, что вы ничѣмъ болѣе не можете возбудить благодарности къ себѣ въ пишущемъ сіи строки, какъ вашимъ успѣшнымъ содѣйствіемъ полезному дѣлу. Я думаю, что вы, принявши на себя трудъ хлопотъ, не найдете и въ графѣ большаго сопротивленія, ибо его не нашелъ и Дм. Львъ. назадъ тому пять лѣтъ. Графъ конечно не можетъ отрицать, что заведеніе музея слѣпковъ для у—та несравненно полезнѣе большей части годовыхъ перестроекъ, только у насъ въ Россіи навѣстныхъ.

Извините, что осмѣлился безпокоить васъ письмомъ и просьбою: готовый къ безкорыстному труду, позволяетъ себѣ иногда просить о немъ же людей имъ уважаемыхъ. Короткій отвѣтъ съ вашей стороны

---

*) Тѣнь Леонтьева нынѣ можетъ утѣшиться благодаря изумительной дѣятельности И. В. Цвѣтаева. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

чрезъ нѣкоторое время (по адресу Berlin, Behrenstrasse, n. 49) весьма обрадовалъ бы и обязалъ вашего, милостивый государь, покорнѣйшаго слугу Павла Леонтьева.

2.

Гейдельбергъ, 20 Августа 1846.

Когда я получилъ ваше благосклонное письмо, я уже отправилъ графу *) проектъ и смѣту Музея древностей, такъ какъ я ее могъ составить по собраннымъ въ Берлинѣ свѣдѣніямъ. Я старался ограничить ее какъ можно больше, но все-таки дошелъ до 2000 руб. сер., какъ до суммы, необходимой для положенія перваго основанія Музею. Дальнѣйшее приращеніе могло бы быть предоставлено ежегодной штатной суммы 2000 р. асс. Я хотѣлъ еще изъ Берлина доставить вамъ копію съ посланной мною графу записки; но имѣлъ такъ мало времени вслѣдствіе накопленія занятій (частію относившихся къ приготовленію къ Итальянскому путешествію, частію такихъ, которыхъ окончаніе въ Берлинѣ было желательно по другимъ причинамъ), что долженъ былъ оставить до Гейдельберга все то, что̀ могло быть исполнено въ Берлинѣ не лучше, какъ здѣсь. Къ тому принадлежали прежде всего письма, и такимъ образомъ объясняется, что я пишу къ вамъ отсюда, изъ этого прекраснаго уголка южной Германіи.

Я выѣхалъ изъ Берлина въ началѣ Августа, воспользовался новой желѣзной дорогой изъ Потсдама въ Магдебургъ и т. обр. въ два дня и двѣ ночи пріѣхалъ въ Кельнъ. Путешествіе по Рейну не совершенно удовлетворило моимъ большимъ ожиданіямъ, особенно потому, что виноградники портятъ видъ береговъ. Изъ Гейдельберга я отправляюсь завтра къ Швейцарію, чтобы черезъ двѣ недѣли ступить на Итальянскую почву, между тѣмъ, какъ Пѣховскій (который свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе) остается еще на годъ въ Берлинѣ, чтобы возвратить потерянное болѣзнью время и надѣется получить позволеніе съѣздить въ Италію будущею осенью. Я хотѣлъ остаться въ Гейдельбергѣ дней десять, но теперь лекціи кончились, и потому Кудрявцевъ, проведшій здѣсь весь лѣтній семестръ и ѣдущій также въ Швейцарію побуждаетъ спѣшить. Такимъ образомъ, я и отсюда нахожусь въ необходимости просить у васъ извиненія въ томъ, что не присылаю копіи съ моей записки: переписка требовала бы много времени, а съ другой стороны, графъ сообщитъ безъ сомнѣнія этотъ проектъ или вамъ лично, или факультету. Во всякомъ случаѣ, я прошу васъ о благо-

*) Строганову, попечителю Московскаго учебнаго округа. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

склонномъ вниманіи и дальнѣйшемъ ходатайствѣ объ успѣшности всего дѣла.

Я долженъ васъ благодарить за ваши хлопоты о моихъ замѣткахъ объ Эг. мр. При доставленіи ихъ вамъ я имѣлъ главною цѣлью— представить какое-нибудь доказательство дѣйствительности моихъ занятій археологіей. Я буду очень радъ, если и сколько-нибудь успѣлъ въ этомъ, особенно же если это сколько-нибудь можетъ способствовать приведенію въ исполненіе моей просьбы о порученіи мнѣ покупки въ Италіи нѣкоторыхъ древностей, какъ-то нѣсколькихъ вазъ, терракотъ и пастъ, если не барельефовъ и бронзъ. Равнымъ образомъ, мнѣ было весьма пріятно читать ваши отзывы о моемъ маленькомъ опытѣ перевода изъ Гомера; впослѣдствіи, можетъ быть, удастся продолжать эти занятія.

При моемъ отъѣздѣ изъ Москвы вы были такъ благосклонны, что говорили мнѣ, что предъ моимъ отправленіемъ въ Италію я могу писать къ вамъ и просить о доставленіи мнѣ писемъ къ Римскимъ вашимъ знакомымъ. Теперь я пользуюсь этимъ вашимъ позволеніемъ; особенно же пріятно было бы мнѣ получить письмо (или адресъ) къ тому вамъ знакомому филологу, о которомъ вы говорили, что онъ особенно хорошо говоритъ по-латыни. Я знаю, что посягаю этой просьбой на ваше время и потому не прошу настоятельно; но если вы найдете возможнымъ одолжить меня и въ этомъ отношеніи, то я бы просилъ васъ адресовать ваше письмо ко мнѣ во Флоренцію poste restante. Я буду тамъ около начала Октября, потому что прежде Флоренціи посѣщу Миланъ и Венецію. Изъ Флоренціи я поѣду прямо въ Неаполь, черезъ Пизу и Ливорно на пароходѣ, и къ началу Ноября надѣюсь быть въ Римѣ, гдѣ останусь всю зиму и весну. Я ожидаю для себя огромной пользы отъ этого путешествія, не говоря уже объ удовольствіи. Будетъ кой о чемъ вспомнить по пріѣздѣ въ Москву; было бы очень хорошо, если бы Музей древностей въ своемъ постоянномъ приращеніи доставлялъ болѣе частый къ тому поводъ.

3.

17 Ноября 1846 г.

Съ наивеличайшей благодарностью получилъ я письмо ваше; за извѣщеніе меня о завтрашнемъ засѣданіи Совѣта и за ваши совѣты, мнѣ вами сообщенные, представляю вамъ вторую бумагу о Музеѣ древностей, въ которой я воспользовался вашими замѣчаніями. Мнѣ бы очень хотѣлось лично съ вами говорить объ этой второй бумагѣ, такъ какъ я имѣлъ удовольствіе говорить съ вами передъ подачею первой,

Библиотека "Руниверс"

но боюсь отнимать у васъ дорогое время. Я упомянулъ въ этой второй бумагѣ опять о штатѣ и о 169 устава, но остался вѣренъ вашему первому совѣту о покупкѣ въ этомъ году книгъ, потому что, какъ вы сами тогда замѣтили, иначе у насъ уйдетъ штатная сумма на 1848 годъ. Къ тому же это собственно не книги, а собраніе гравюръ, которое рано или поздно Музею древностей нужно было бы пріобрѣсти. Университетская библіотека купила въ этомъ году, правда, археологическихъ книгъ слишкомъ на 1000 руб. ассиг., но это были книги, а не гравюры, вещи важныя въ ученомъ отношеніи, а не въ художественномъ.

Эти данныя объясняютъ замѣчаніе, сдѣланное вамъ г. ректоромъ и заставляютъ меня просить васъ поддержать въ Совѣтѣ то предположеніе, которое было составлено мною по вашимъ совѣтамъ и одобрено отдѣленіемъ.

Музей древностей, устроенный по вашимъ ходатайствамъ, будетъ конечно для васъ и насъ пріятнымъ памятникомъ вашего деканства.

4.

Порѣчье, 5 Августа 1850.

Не знаю, какъ извиняться передъ вами въ томъ, что, рѣшившись отправиться съ Михаиломъ Петровичемъ *) въ Порѣчье, я не поспѣю къ засѣданію 7 Августа и не буду въ состояніи лично представить вамъ свою программу. Мы надѣялись заѣхать къ вамъ на дорогѣ сюда, и я думалъ при томъ просить вашего позволенія на эту отлучку и на представленіе программы по почтѣ. Но это не удалось, и я боялся бы, чтобы неисполненіе моей обязанности не навлекло на меня непріятности, если бы не былъ увѣренъ, что желаніе получить художественное наслажденіе будетъ принято вами, какъ облегчающее обстоятельство.

Программу, составленную въ такомъ же объемѣ, какъ программа прошлаго полугодія, я имѣлъ честь при семъ приложить, и въ надеждѣ на будущей недѣлѣ васъ видѣть или въ Вязёмахъ или въ Москвѣ. пребуду и пр. П. Леонтьевъ.

---

*) Погодинымъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

БОЛГАРИНЪ С. В. ФИЛАРЕТОВЪ.

Его письма къ С. П. Шевыреву.

I.

Милостивѣйшій мой покровитель, Степанъ Петровичъ! Съ тѣхъ поръ, какъ г. попечитель объявилъ мнѣ, что онъ, по вашему представленію, приказалъ меня принять на стипендію г. Денкогло, а не другого, я горѣлъ желаніемъ явиться къ вамъ лично и отъ глубины души поблагодарить васъ за то благодѣтельное участіе, безъ котораго я потерялъ бы всякую надежду на поправленіе моего дѣла. Это участіе для меня есть выше, чѣмъ благодѣяніе. Вы меня передъ этимъ не знали и еще не знаете навѣрно, на самомъ ли дѣлѣ я не злоупотреблю вашего покровительства, а между тѣмъ вы были такъ добры и милостивы ко мнѣ, что немедленно изволили распорядиться куда слѣдуетъ въ мою пользу *). По причинѣ продолжительной моей болѣзни, я, къ крайнему моему сожалѣнію, не могъ исполнить до сихъ поръ этотъ пріятный долгъ. Теперь увѣренъ въ вашемъ великодушіи и благородной скромности, я воздерживаюсь отъ всякихъ справедливыхъ благодарностей и скажу только, что за все это вѣчно Бога буду молить о здравіи и благоденствіи всего истинно-благороднаго вашего семейства. Дай Богъ, чтобы оно, благоденствуя всегда, было утѣшеніемъ и прибѣжищемъ всѣхъ незаслуженно скорбящихъ и поддерживало, какъ вы, всякое благонамѣренное предпріятіе.

При семъ, по случаю производимыхъ теперь экзаменовъ, осмѣливаюсь прибавить еще нѣсколько словъ о самомъ себѣ съ присовокупленіемъ новой къ вамъ просьбы.

Хорошо понимая высокую цѣль своего пріѣзда въ Россію, я старался, сколько позволяли мнѣ физическія силы, приготовляться къ приличному поступленію въ университетъ и, если не ошибаюсь, чувствую,

*) С. П. Шевыревъ былъ тогда деканомъ словеснаго факультета въ Московскомъ Университетѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

что трудился не безъ пользы. Но при всемъ томъ я долженъ признаться передъ вами откровенно, какъ передъ добрымъ моимъ отцомъ и благодѣтелемъ, что въ нѣкоторыхъ предметахъ и языкахъ я чувствую себя довольно слабымъ, а именно въ математикѣ, физикѣ, Нѣмецкомъ и Латинскомъ языкахъ. Правда, я проходилъ и довольно занимался ими, но все не такъ ихъ усвоилъ, какъ намѣренъ былъ приготовиться въ нихъ къ экзамену. Причина этому была та, что я съ Марта мѣсяца до Іюня неожиданно былъ озадаченъ своимъ положеніемъ по вступленію въ университетъ и озабоченъ мучительною для меня неизвѣстностью, не зная чѣмъ кончится это недоразумѣніе, угрожавшее меня лишеніемъ всякихъ средствъ къ достиженію заданной себѣ цѣли. Я былъ пораженъ, какъ бы громомъ; мнѣ представилось, что все для меня потеряно, и я покинутъ всѣми. Принялся ходить, справляться въ правленіи и канцеляріи университета, просить и безпокоить начальниковъ, не могущихъ, по установленному порядку, выслушивать моихъ просьбъ и объясненій; писать въ Одессу начальству Одесскаго учебнаго округа и другимъ тамъ добрымъ людямъ, могущимъ, по моему мнѣнію, поправить дѣло; увѣдомлять въ тоже самое время Ив. Ник. Денкогло, находящагося въ Германіи, о происходящемъ и долго, долго ждать его отвѣта и пр. и пр. Все это меня тревожило, озабочивало, отвлекало отъ моихъ занятій въ наукѣ и, кажется, это внутреннее сильное потрясеніе осталось не безъ послѣдствій на физическое мое здоровье. Унылые, мрачныя мысли преслѣдовали, тревожили меня и не давали покоя... Наконецъ, благодаря вашей благодѣтельной обо мнѣ заботливости, дѣло мое поправилось, и я поуспокоился. Только въ первыхъ числахъ Іюня мѣсяца, несмотря на всѣ мои предосторожности противъ эпидеміи, я подвергся холерѣ, за которой вслѣдъ послѣдовала жестокая лихорадка, отъ которой я и до сихъ поръ страдаю черезъ день. Отъ кровопусканій и разныхъ другихъ изнурительныхъ средствъ, я пришелъ въ такое разслабленіе, что цѣлыхъ два мѣсяца я былъ боленъ на постелѣ и не выходилъ изъ комнаты. При такомъ разстройствѣ я не могъ заниматься. Мнѣ было строго запрещено докторомъ не заниматься вовсе пока, потому что, занимаясь умственно при такой чрезвычайной слабости, я рискую жизнью. Слѣд. лучшее время, въ которое я предполагалъ повторять всѣ предметы и заняться основательнѣе языками, было потеряно мною въ другихъ непредвидимо представившихся заботахъ и страданіяхъ болѣзни.

Право, мнѣ совѣстно и довольно оскорбительно сознавать въ себѣ эту горькую истину; но мысль, что все это произошло не отъ непростительнаго пренебреженія своего дѣла, или другихъ зависящихъ отъ

Библиотека "Руниверс"

моей воли причинъ, немного успокоиваетъ мою совѣсть и внушаетъ мнѣ смѣлость обратиться опять къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, состоящею въ томъ, чтобы вы благоизволили, если только это не покажется неумѣстнымъ и неприличнымъ, поговорить или съ профессорами, которые будутъ экзаменовать меня изъ математики, физики, Нѣмецкаго и Латинскаго языковъ, чтобы они были *снисходительные* ко мнѣ, или съ тѣми изъ начальниковъ университета, которые могутъ объявить профессорамъ обо мнѣ, такъ чтобы по отмѣткамъ ихъ, не оказаться бы мнѣ недостаточнымъ въ познаніяхъ, требуемыхъ отъ поступающихъ въ студенты и подвергаться опять новымъ затрудненіямъ и неудачамъ. Понятно, что такая неудача будетъ для меня хуже, чѣмъ убійственной.

Отдавая себя совершенно вашему великодушію и милостивому покровительству, благодѣтельнѣйшій Степанъ Петровичъ, я ласкаю себя надеждою, что и эта просьба, вызванная крайностью моего положенія, не будетъ вами отвергнута. Я же съ своей стороны, призываю Бога на помощь, буду стараться всѣми силами употребить въ пользу ваше благодѣтельное участіе какъ въ отношеніи къ самому себѣ, такъ и въ отношеніи къ высокой цѣли моего соотечественника Ив. Ник. Денкогло. Вашего превосходительства признательный и нижайшій слуга (Болгаринъ) С. Филаретовъ.

Москва, 1843 Августа 3-го.

2.

Милостивый государь Степанъ Петровичъ.

Я не смѣю болѣе являться передъ вами; но если бы и достало у меня духу и смѣлости, то не надѣюсь, чтобъ вы приняли меня; а если бы вамъ наконецъ и угодно было принять меня, то я не могу вамъ высказать на словахъ всего такъ ясно, подробно и связно, какъ на бумагѣ. Я, кажется, истощилъ все ваше терпѣніе и справедливо, заслуженно навлекъ на себя гнѣвъ вашъ; да къ несчастію, я вижу, что мѣра терпѣнія и гнѣва вашего переполнилась, и обвинять за это я долженъ не кого нибудь другого, а самого себя, свою лѣность и безпечность. Не смотря на это, я все таки не теряю надежды умилостивить васъ; потому что я всегда пользовался вашимъ покровительствомъ, да не только я, но и всѣ мои товарищи и гг. студенты, которые только когда либо прибѣгали съ просьбою къ вамъ. По добротѣ своей вы даже не разъ сами вызывались дѣлать добро моимъ товарищамъ и даже мнѣ. Послѣ того могу ли я отчаяваться въ испрошеніи

Библиотека "Руниверс"

прощенія у васъ, въ позволеніи продолжать экзаменъ? Хотя вы и изволили сказать, что я могу это дѣлать и безъ вашего позволенія, что вы не можете запретить мнѣ продолжать экзаменъ; но что я могу сдѣлать безъ васъ, т.-е. безъ вашего содѣйствія? Какіе получу результаты? Увы, тогда всѣ мои надежды исчезли; тогда я долженъ буду сказать имъ послѣднее прости. И такъ умоляю васъ, Степанъ Петровичъ, о вашемъ содѣйствіи мнѣ, хотя я и не заслуживаю этого. Если бы вамъ извѣстны были всѣ мои обстоятельства, то вы, навѣрное, извинили бы меня если не во всемъ, то во многомъ.

Получая каждомѣсячно 11 р. 90 коп. сер. и бывъ боленъ ревматизмомъ почти всю зиму, о чемъ знаютъ гг. Альфонскій и Клименковъ, могъ ли я быть часто на лекціяхъ? Притомъ, по недостаточности содержанія, я принужденъ былъ жить вмѣстѣ съ другими, въ числѣ 4-хъ, а иногда 5-ти человѣкъ, гдѣ заниматься серьезными вещами не было никакой возможности. Въ настоящее время терплю разнаго рода лишенія, по случаю перемѣны квартиры, часто сижу не только безъ чаю, но даже и безъ хлѣба. Вы, конечно, не повѣрите этому, Степанъ Петровичъ, и будете правы; потому что этотъ доводъ слишкомъ часто употребляется людьми бѣдными и, къ сожалѣнію, нерѣдко для того, чтобы обмануть другихъ, подвигнуть къ состраданію; но что касается до меня, то я слишкомъ далекъ отъ подобныхъ мыслей. Конечно, не было примѣровъ по крайней мѣрѣ въ нашъ вѣкъ, чтобы люди умирали съ голода, и я, по милости многихъ моихъ добрыхъ товарищей, бываю сытъ; но, посудите сами, Степанъ Петровичъ, могу ли я серьезно заниматься дѣломъ, такъ какъ бы слѣдовало и какъ бы хотѣлось мнѣ самому?

И такъ еще разъ смѣю умолять васъ о вашемъ содѣйствіи въ полученіи степени кандидата. Эта степень, признаюсь вамъ откровенно, нужна мнѣ не для чего иного, какъ для скорѣйшаго полученія должности, а слѣд. хоть для малѣйшаго обезпеченія себя и бѣдной моей сестры родной, которая вотъ уже 15 лѣтъ влачитъ бѣдственную жизнь среди людей чужихъ. Желалъ бы я очень много сообщить вамъ, но боюсь, что даже и эти строки, быть можетъ, обременятъ васъ и отнимутъ у васъ нѣсколько времени на прочтеніе ихъ. Смѣю присовокупить одно только: такъ какъ я изучалъ Св. Писаніе (за что въ Тверской Семинаріи получилъ аттестатъ съ званіемъ студента, т.-е. право на 14-й классъ) и твердо вѣрую въ непреложныя слова нашего Спасителя; то, основываясь на словахъ Его: «Просите и дастся вамъ, ищите и обрящите, толцыте и отверзется вамъ. Всякъ бо просяй пріемлетъ, и ищай

Библиотека "Руниверс"

обрѣтаетъ и толкущему отверзется (Матѳ. VII, 7, 8)», въ послѣдній разъ умоляю васъ о вашемъ содѣйствіи, хоть я и не заслуживаю того. Но если и Божественныя слова Искупителя нашего не возымѣютъ своего дѣйствія надъ вами, то я не смѣю болѣе безпокоить васъ, Степанъ Петровичъ, и прошу предать вѣчному забвенію, дѣйствительнаго студента Филаретова.

3.

Высокопочитаемый и незабвенный мой доброжелатель Степанъ Петровичъ!

Получивъ нѣкоторое облегченіе въ своемъ разстроенномъ здоровьѣ, я переѣхалъ въ Сокольники въ надеждѣ, что чистый воздухъ подѣйствуетъ на меня благотворнѣе всевозможныхъ лекарствъ, въ чемъ, какъ замѣчаю теперь, я не ошибся: ибо чувствую себя все лучше и лучше. При первомъ облегченіи, мнѣ сильно захотѣлось прежде всего удовлетворить давно уже чувствуемую въ душѣ потребность, а именно побывать у васъ на дачѣ, гдѣ вы, можетъ быть, не такъ сильно заняты какъ въ городѣ и слѣд., не прерывая вашихъ занятій, лично выразить передъ вами свою искреннѣйшую и глубочайшую признательность за ваше поистинѣ отеческое попеченіе обо мнѣ и живѣйшее участіе въ моемъ положеніи. Подъ вліяніемъ этого чувства я отправился на Ширяево поле, гдѣ узналъ отъ дворника вашей дачи, что вы теперь изволите жить въ 60 верстахъ отъ Москвы, въ своей вотчинѣ. И потому то, что́ я желалъ лично выразить передъ вами, теперь осмѣливаюсь изложить письменно, въ полной надеждѣ, что вы и теперь будете также добры и снисходительны, какъ и всегда и не откажете благосклонно принять искреннее выраженіе чувствъ глубоко-признательнаго къ вамъ сердца. За вашу доброту, Степанъ Петровичъ, Богъ да вознаградитъ васъ пристойно ими же вѣсть путями. Да благословитъ Онъ все ваше семейство и да хранитъ Бориса Степановича (котораго честь имѣю поздравить съ производствомъ въ офицеры) на всѣхъ путяхъ и во всѣхъ дѣлахъ. Дай Богъ ему здравія и счастія.

Прилагаемую при семъ брошюрку просилъ доставить вамъ Спиридонъ Николаевичъ Палаузовъ. Онъ пишетъ передать мнѣ нижайшій съ его стороны поклонъ какъ вамъ, такъ и всему вашему семейству. Писалъ также доложить вамъ, что недавно онъ провожалъ г.г. Гильфердинговъ (отца и сына) за границу.

Пв. Ник. Денкоглу также просилъ кланяться вамъ. Онъ получилъ на дняхъ письма изъ Болгаріи, въ которыхъ сообщаютъ ему самыя

Библиотека "Руниверс"

печальныя извѣстія объ этой несчастной странѣ. Своеволіе и угнетеніе Турокъ надъ Болгарами превосходятъ всякое описаніе. Между прочимъ, недавно убитъ въ городѣ Терновѣ Турками нѣкто Хаджи-Минчо, Болгаринъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ Болгаръ и за то, что онъ учредилъ и содержалъ на свой счетъ училище, въ которомъ обучались до 300 учениковъ, стоялъ за народность, самъ ѣздилъ въ Константинополь смѣнять Греческихъ корыстолюбивыхъ митрополитовъ, грабившихъ Болгаръ не хуже Турокъ, и за то, что онъ своимъ вліяніемъ умѣлъ удерживать и самыхъ Турокъ иногда отъ буйныхъ и произвольныхъ поступковъ. Многихъ Болгаръ, приговоренныхъ къ смерти, онъ освобождалъ и поддерживалъ всѣхъ, предпринимающихъ что-либо полезное. Словомъ, онъ былъ надежною опорою Болгаръ всей Терновской губерніи. Теперь Болгаръ лишили этой отрадной опоры. Убійцы пойманы Болгарами, представлены мѣстному правителю, который вмѣсто того, чтобы наказать ихъ, сейчасъ же выпустилъ ихъ на волю безнаказанно. А, между тѣмъ, въ Терновѣ находится Англійскій и Французскій генеральные консулы, предъ глазами коихъ все это дѣлается, что̀, вѣроятно, не помѣшаетъ имъ попрежнему обманывать общественное мнѣніе, что Турція теперь представляетъ собою самое благоустроенное государство и что всѣ народы ея пользуются полной свободой и благоденствуютъ.

Мнѣ пишутъ изъ Одессы, что Бессарабскіе Болгарскіе колонисты жертвуютъ Государю на военныя потребности около 100,000 р. сер. Отъ Одессы до устьевъ Дуная все прибрежье такъ сильно укрѣплено и занято войскомъ, что, несмотря на частое появленіе въ этой странѣ эскадры непріятельскаго флота, жители остаются совершенно спокойными. С. Филаретовъ.

1855 Іюня 25. Москва.
(Въ Сокольникахъ, № 627, д. Нарбекова).

4.

Москва, дня 25-го 1857 года.

Высокопочитаемый незабвенный мой наставникъ, Степанъ Петровичъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ счастье познакомиться съ вами, кромѣ глубокаго почитанія я возымѣлъ къ вамъ чувство искренней благодарности за вашу благосклонность и заботливость обо мнѣ, которую я никогда не забуду.

Библиотека "Руниверс"

Чувство это постоянно усиливалось во мнѣ, но теперь, когда, Божію помощью, кончивъ курсъ наукъ, собираюсь въ первыхъ числахъ Іюля оставить Россію, можетъ быть *навсегда*, то я особенно проникнутъ имъ и чувствую сильную потребность души, на прощанье, сказать вамъ нѣсколько словъ.

Да, дорогой мой наставникъ, я считаю себя счастливымъ, что имѣлъ случай хорошо извѣдать ваше чистое, теплое сердце, переполненное непритворною, но живою, братскою любовью къ ближнему; ваши разумныя и истинно прекрасныя и благородныя стремленія, безукоризненную чистоту, искренность и разумность вашихъ убѣжденій... Изъ всего этого я почерпнулъ для себя много поучительнаго, много утѣшительнаго, ободряющаго на всякое истинно-благое дѣло. Не мое дѣло говорить о вашихъ заслугахъ, оказанныхъ вообще наукѣ; ихъ признаютъ за вами и други, и недруги, а когда поутихнутъ страсти ихъ, безъ сомнѣнія оцѣнятъ еще лучше, еще достойнѣе *). Но мнѣ, какъ Славянину, было бы непростительно, по моему убѣжденію, безмолвствовать о тѣхъ заслугахъ въ частности, которыя вы оказали общеславянской наукѣ. Вы, несмотря ни на что, и съ каѳедры, и въ частной бесѣдѣ, и въ своихъ сочиненіяхъ, постоянно проводили идею о Славянствѣ, о Славянской народности, о взаимности Славянъ. Вѣрнымъ и честнымъ служеніемъ этой прекрасной идеѣ, можетъ быть, вы были принуждены неоднократно жертвовать многимъ; но этимъ самымъ ваши заслуги передъ Славянствомъ, въ глазахъ умныхъ и истинно-благонамѣренныхъ людей, становятся еще чище и выше. Какъ ни тяжело вмѣсто заслуженной благодарности встрѣчать недостойныя выходки, подъ какой бы благовидной оболочкой онѣ ни встрѣчались, я однакожъ имѣю причины, и причины основательныя, вполнѣ вѣрить, что чистѣйшая и благороднѣйшая душа достойнаго Степана Петровича скорѣе найдетъ себѣ достойную награду въ сознаніи честности и прямоты своихъ дѣйствій, нежели въ благодарности другихъ.

Итакъ, честь и слава вамъ, достойный поборникъ нашего общаго, Славянскаго дѣла. Искреннѣйшая и живѣйшая благодарность вамъ отъ меня, меньшаго изъ Славянъ, за вашу братскую любовь, за ваше попеченіе обо мнѣ, за тѣ благотворныя мысли, которыя вы передали мнѣ. Насколько сумѣю съ благодарностью къ вамъ буду пользоваться ими во всю свою жизнь. Дай Богъ вамъ здоровья, счастья и всего, что

*) Вполнѣ вѣрно. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

есть лучшаго вамъ и всему вашему доброму и почтеннѣйшему семейству. Въ Болгаріи мнѣ отрадно будетъ вспоминать о томъ радушіи и гостепріимствѣ, которое встрѣчалъ я въ вашемъ добромъ семействѣ. Мой братскій поклонъ Борису Степановичу. Отъ души желаю ему успѣха во всемъ.

Итакъ, прощайте, мой добрый и незабвенный наставникъ и доброжелатель, Степанъ Петровичъ. Богъ да вознаградитъ васъ достойнымъ образомъ за все то, что̀ вы сдѣлали для меня.

С. Филаретовъ (изъ Болгаръ).

Иванъ Николаевичъ Денкоглу приказалъ мнѣ передать вамъ и отъ него нижайшій поклонъ. Я ѣду съ нимъ на родину въ гор. Софію. Около 8 Іюля мы поѣдемъ въ С.-Петербургъ. Пробывъ тамъ недѣли двѣ, оттуда отправимся въ Варшаву, Прагу, Вѣну; если здоровье его позволитъ, то мы завернемъ въ Берлинъ, Парижъ, Мюнхенъ. А тамъ къ осени въ Болгарію.

*

Письма эти будутъ прочитаны въ Болгаріи. Савва Влковичъ Филаретовъ принадлежитъ къ лучшимъ сынамъ ея. Мы живо помнимъ его студентомъ въ Москвѣ, скромнаго, трудолюбиваго, съ кроткимъ выраженіемъ въ глазахъ, одушевленнаго надеждою на лучшіе для его родины дни. Благодарное чувство, выраженное имъ въ послѣднемъ письмѣ его къ С. П. Шевыреву, есть лучшая порука его высокихъ нравственныхъ достоинствъ. Передъ началомъ тогдашней нашей войны фельдмаршалъ Паскевичъ поручилъ ему написать воззваніе къ Болгарамъ, которое и было напечатано Церковнославянскими буквами. Въ Софіи онъ прожилъ недолго, и злая чахотка свела его въ могилу. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

М. Н. КАТКОВЪ ПО ПОВОДУ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ФИЛАРЕТА *).

Москва, 5-го Августа (1867).

Сегодня всенародно праздновалось пятидесятилѣтіе архіерейскаго служенія высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго. Особенно важнымъ, быть можетъ, знаменательнымъ, событіемъ этого торжественнаго дня былъ съѣздъ епископовъ изъ разныхъ епархій Россійской Имперіи, хотя не для совѣщаній, однако по церковному дѣлу. Явленіе давно у насъ небывалое. Да будетъ же оно хотя бы отдаленнымъ предвѣстіемъ обновленія нашей церковной жизни, въ которомъ она такъ глубоко нуждается!

Митрополитъ Филаретъ родился въ Коломнѣ 26-го Декабря 1782 г., окончилъ курсъ наукъ въ Сергіево-Лаврской семинаріи въ 1803 году, принялъ иночество въ Лаврѣ въ 1808 году, посвященъ въ іеромонаха въ Пасху 1809 г., возведенъ въ санъ архимандрита въ 1811 году, былъ ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи съ 1812 г. до 1819 г., въ этомъ званіи, въ 1817 году, посвященъ въ епископа Ревельскаго, въ 1819 году, возведенный въ архіепископа, назначенъ на Тверскую каѳедру, въ слѣдующемъ 1820 г. на Ярославскую, и въ 1821 г. на Московскую; митрополитомъ съ 1826 года.

Столь долговременное служеніе Церкви ознаменовано непрерывнымъ рядомъ всѣми признанныхъ заслугъ нашего архипастыря, изъ коихъ самая высшая есть его жизнь, есть онъ самъ.

Люди оказываютъ заслуги не только тѣмъ, что̀ они дѣлаютъ, но и тѣмъ, что̀ они суть. Въ служеніи церкви это имѣетъ особенную силу. Да теплится еще многая лѣта, на благо церкви, свѣтъ жизни нашего славнаго архипастыря!

Но, говоря о дѣятельности митрополита Филарета, посвященной служенію церкви, мы не должны забывать его государственное значеніе.

---

*) Изъ номера 172-го „Московскихъ Вѣдомостей“ 1867 года.

Библиотека "Руниверс"

Издревле у насъ святители церкви были съ тѣмъ вмѣстѣ, говоря древнимъ словомъ, и печальниками земли. Нашъ славный архипастырь вѣренъ этому преданію. При высокомъ и ясномъ политическомъ разумѣніи, живо и крѣпко всегда принималъ онъ къ сердцу интересы Россіи. Его исполненное духовной силы и столь выразительное слово *) отзывалось на все великое, какъ скорбное, такъ и радостное, въ жизни нашего отечества.

Нравственная сила народа, его достоинство, его богатство заключаются въ совокупности того, что, исходя изъ его нѣдръ, имѣетъ значеніе всеобщее. Великіе нравственные характеры и сильные умы, въ которыхъ узнаётъ себя человѣчество и въ которыхъ чествуетъ благороднѣйшее проявленіе даровъ своихъ, люди, стоящіе на стражѣ священныхъ завѣтовъ или идущіе во главѣ благодатныхъ движеній къ возстановленію ихъ святыни и къ прославленію истины, подвижники добра и правды, виновники дѣйствій, благословляемыхъ всѣми народами и вѣками, виновники дѣйствій, ускользающихъ отъ оцѣнки человѣческой, но въ своей святой сокровенности дающихъ для жизни плоды неоцѣнимые: вотъ въ чемъ достоинство и богатство исторической жизни народа, вотъ чѣмъ зиждется его сущность, вотъ чѣмъ исполняетъ онъ свое призваніе и въ чемъ заключается сила и оправданіе его вѣры въ свое будущее.

Историческая жизнь нашего народа, если взглянуть на нее со стороны, можетъ показаться и скудною, и пустынною. Въ ней мало совершилось тѣхъ развитій, которыя составляютъ славу другихъ народовъ, опередившихъ его въ дѣлѣ гражданственности, наукъ и искусствъ. Пантеонъ нашихъ умственныхъ знаменитостей не слишкомъ полонъ и не очень блистателенъ. Это нерадостно, и мы можемъ утѣшать себя только тѣмъ, что причина нашей скудости объясняется обстоятельствами, которыя не всегда же будутъ имѣть силу. Но мы въ избыткѣ найдемъ у себя то, въ чемъ видимъ преимущество другихъ народовъ надъ нашимъ, если будемъ искать наши сокровища тамъ, гдѣ они дѣйствительно находятся. У насъ были и великіе характеры, и сильные умы; у насъ совершались дѣла дорогія для человѣчества и благодатныя въ своей сокровенной силѣ, и отсюда мы можемъ объяснить себѣ то чувство внутренней силы, которая живетъ въ нашемъ народѣ, и его вѣру въ свое будущее, которая не колебалась въ немъ ни при какихъ испытаніяхъ. Въ церковной жизни нашего народа были отъ начала великіе дѣятели и великія дѣла, и если мы мало знаемъ ихъ и мало умѣемъ цѣнить ихъ значеніе и пользу ихъ труда, то они тѣмъ не менѣе со-

*) Однажды, еще будучи студентомъ, пришелъ я къ М. Н. Каткову и засталъ его за чтеніемъ проповѣдей Филарета. „Учусь у него Русской рѣчи", сказалъ онъ мнѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ставляютъ богатство нашего народа, которое мы инстинктивно чувствуемъ. Неужели кто-нибудь можетъ оставаться при мысли, что та великая борьба, которую люди призванные ведутъ во глубинѣ своего собственнаго существа, что святой героизмъ ихъ самоотверженія и духовная высота, которой они достигаютъ, что все это остается безплодно для окружающей жизни и не отзывается ничѣмъ въ исторіи народовъ? Церковь чтитъ своихъ подвижниковъ, и народъ, изъ котораго они исходятъ и которому они принадлежатъ, можетъ также чтить въ нихъ своихъ героевъ, зиждителей своей силы.

И. С. Аксаковъ о кончинѣ митрополита Филарета.

(Изъ газеты „Москва" 1867года.).

Москва, 21 Ноября.

Митрополита Филарета не стало.... Съ смущеніемъ вняла этой вѣсти Москва, а вслѣдъ за нею внимаетъ и вся Россія,—съ тѣмъ благоговѣйнымъ смущеніемъ, которое невольно объемлетъ душу при всякомъ видимомъ тайнодѣйствіи исторіи. Его кончина—событіе, и событіе Всероссійское.

Филарета не стало!... Упразднилась сила, великая, нравственная общественная сила, въ которой весь Русскій міръ слышалъ и ощущалъ свою собственную силу,—сила, созданная не извнѣ, порожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народной почвѣ. Обрушилась громада славы, которою красовалась церковь и утѣшался народъ. Отжита на вѣкъ та величавая, долгая современность, что̀ обняла собою пространство полвѣка, что перебыла длинный рядъ событій и поколѣній и какъ бы уже претворилась въ неотъемлемое историческое достояніе Москвы, въ ея живую стихію, которой, казалось, ей не избыть и во вѣки. Безъ этой силы, безъ этой славы, какая пустота силы и славы почувствуется внезапно въ Москвѣ, да и во всемъ Русскомъ церковномъ мірѣ! Каѳедра Московскаго митрополита можетъ, конечно, быть и будетъ занята; но мѣсто, которое занималъ Филаретъ, пребудетъ пусто.

Намъ невольно припоминается все сказанное нами въ день празднованія его пятидесятилѣтняго архіерействованія. Угасъ свѣтильникъ, полстолѣтія свѣтившій на всю Россію, не оскудѣвая, не померкая, но какъ бы питаясь пріумноженіемъ лѣтъ и выступая ярче, по мѣрѣ надвиженія вечерняго сумрака жизни. Смежилось неусыпающее око мысли. Прервалось полустолѣтнее назиданіе всѣмъ Русскимъ людямъ—въ дивномъ примѣрѣ неустанно-бодрствующаго и до конца бодрствовавшаго духа. Смолкло художественное важное слово, полвѣка, и болѣе полувѣка,

Библиотека "Руниверс"

раздававшееся въ Россіи, то глубоко проникавшее въ тайны богопознанія, то строгой и мощной красотой одѣвавшее разумъ божественныхъ истинъ!...

Русская Церковь, съ кончиною митрополита Филарета, переживаетъ великій историческій мигъ, котораго важность, сознательно и безсознательно, предощущается всѣми. Въ теченіе цѣлаго полустолѣтія Русской Церкви ея представитель, предстатель и предстоятель (не вслѣдствіе внѣшнихъ условій своего мѣста и званія, а дѣйствіемъ личнаго внутренняго достоинства), въ теченіе же полувѣка былъ онъ и «свидѣтельствуяй» о ней предъ всей Европой, предъ всѣмъ міромъ инославнымъ... Сходитъ въ могилу цѣлая историческая эпоха, на смѣну ей движется эпоха новая...

Убыло силы и славы, убыло послѣднее народное имя. Назвать болѣе некого; нѣтъ другого равнозначительнаго, и даже менѣе значительнаго, но всенароднаго имени.

Прибудетъ ли силы, свободы и духа истинной жизни церковной?

На рубежѣ сихъ двухъ эпохъ мы невольно медлимъ и судомъ, и надеждами. Передаемъ лишь ощущенія личныя и общественныя, испытываемыя въ настоящую минуту нами и всей Москвой, при уныломъ гулѣ Московскихъ колоколовъ, созывающихъ къ заупокойной молитвѣ...

Въ Воскресенье, 19 сего Ноября, въ исходѣ 2-го часа пополудни, скончался, на 86 году своей жизни, высокопреосвященный митрополитъ Московскій Филаретъ. Въ день кончины онъ самъ совершалъ литургію въ домовой церкви на своемъ подворьѣ и служилъ, по замѣчанію приближенныхъ его, такъ бодро, какъ не служивалъ въ послѣднія пять лѣтъ. Послѣ литургіи онъ принималъ и долго бесѣдовалъ съ новымъ Московскимъ губернаторомъ... Въ половинѣ 2-го часа, видимо утомленный, онъ, приказавъ приготовить обѣдъ, отправился въ свой кабинетъ. Когда чрезъ четверть часа сдѣлалось замѣтно его замедленіе, слуга отправился за нимъ и нашелъ его лежащимъ на полу, но еще живого. Вскорѣ онъ предалъ духъ свой Господу Богу... Торжественныя панихиды по почившемъ святителѣ назначены въ 1 часъ дня и въ 8 пополудни. Во Вторникъ или Среду, въ 2 ч. дня, послѣдуетъ выносъ покойнаго изъ домовой его церкви въ Чудовъ монастырь.

Въ самый же вечеръ 19 Ноября, Московскій народъ, оповѣщенный о кончинѣ своего архипастыря внезапнымъ унылымъ звономъ съ Ивановской колокольни, хлынулъ толпами въ Троицкое подворье, гдѣ продолжаетъ толпиться и теперь. Ожидаютъ пріѣзда изъ Петербурга первостепенныхъ іерарховъ и даже особъ изъ царской фамиліи.

Библиотека "Руниверс"

КЪ СОРОКАЛѢТІЮ КОНЧИНЫ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

Митрополитъ Филаретъ о господствующихъ въ современномъ нравственно-правовомъ сознаніи понятіяхъ. I. А. 1905 г.

Въ газетахъ пронесся слухъ, что въ Петербургскихъ высшихъ церковныхъ сферахъ возникъ вопросъ о чествованіи памяти митр. Филарета, по случаю приближающейся сорокалѣтней годовщины со дня его кончины, послѣдовавшей 19-го Ноября 1867 г. Хотѣлось бы вѣрить въ достовѣрность этого слуха; ибо офиціальное чествованіе памяти такого крупнаго, съ твердо-опредѣленнымъ направленіемъ человѣка, какимъ былъ почившій великій святитель, служило бы нѣкіимъ утѣшительнымъ признакомъ въ наше расшатаное во всѣхъ отношеніяхъ время, и въ церковномъ не менѣе, чѣмъ въ другихъ.

Митрополитъ Филаретъ выдается въ исторіи нашего просвѣщенія особенно тѣмъ, что онъ, великій церковный и политическій дѣятель, оставилъ намъ начертаніе своего церковно-политическаго ученія въ такихъ письменахъ, которыя, по ихъ неподражаемому совершенству въ отношеніи изящества и ясной точности мысли поистинѣ непреходящи. Онъ одинъ изъ тѣхъ церковно-политическихъ мыслителей, которыхъ нельзя не знать всякому, мнящему себя быть человѣкомъ образованнымъ. Образованному человѣку можно не раздѣлять конечно взглядовъ митр. Филарета, но нельзя съ ними не посчитаться, прежде, чѣмъ имѣть право сказать съ освѣдомленностью: «я въ томъ или другомъ убѣжденъ». Разносторонность затронутыхъ и всегда ясно разрѣшенныхъ имъ вопросовъ такова, что его умъ должно почесть истинно-энциклопедическимъ: въ его проповѣдяхъ, напримѣръ, вы найдете, въ связи съ основной мыслью, то высокоцѣнный разборъ Contrat Social Руссо, то разсужденіе самаго глубокаго характера объ основахъ математики въ понятіи о числѣ, по отношенію къ основѣ христіанскаго ученія о Пресвятой Троицѣ *).

Если, дѣйствительно, даже современная Петербургская церковность считаетъ долгомъ благоговѣйно преклониться передъ памятью такого человѣка, какимъ былъ м. Филаретъ (а онъ былъ не только выдающійся

*) Ср. Слово въ день тезоименитства Наслѣдника Цесаревича 1830 г. и рѣчь на освященіе храма при Московскомъ Университетѣ. На эту послѣднюю любилъ указывать покойный И. М. Павловъ въ доказательство глубокомыслія м. Филарета.

Библиотека "Руниверс"

отвлеченный богословъ и высоко одаренный витія, но и выразитель очень опредѣленнаго церковно-гражданскаго міровоззрѣнія и столь же опредѣленный выразитель нѣкоей строгой церковной практики), то съ удовольствіемъ можно будетъ сказать, что, къ счастію, наша современная церковность, при всѣхъ своихъ невѣроятныхъ потугахъ въ стремленіи по пути прогресса, еще не совсѣмъ порвала съ преданіемъ (что̀ такъ важно вообще и такъ законоположно въ области церковной). Въ послѣднее время, въ нашей церковной средѣ идея «абсолютнаго прогресса» до такой степени возобладала, что невольно приходилось опасаться за судьбу Церкви (конечно, офиціальной) въ Россіи, видимо забывшей, что для нея, зиждущейся на ученіи о явленіи въ міръ абсолютной истины почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, невозможно искать совершенства только въ новшествахъ, тогда какъ его надо искать наоборотъ въ глубинѣ вѣковъ, и по сему «изучать дни древніе и въ нихъ поучаться». Такое стремительное движеніе «на предняя» не могло иначе выразиться, какъ въ забвеніи и отрицательномъ отношеніи къ старинѣ и къ представителямъ ея *). Время, когда жилъ м. Филаретъ не очень отъ насъ отдалено; но, благодаря быстрому темпу нашей новѣйшей исторіи, оно «быльемъ поросло» для многихъ и почитается чуть-чуть не допотопнымъ, ветхозавѣтнымъ же во всякомъ случаѣ. По сему и самъ м. Филаретъ является многимъ изъ современныхъ интеллигентовъ (ихъ же въ церкви, пожалуй, болѣе чѣмъ гдѣ либо) давно пережитымъ моментомъ, о которомъ, если и можно помнить, то развѣ лишь въ смыслѣ отрицательномъ (извѣстно-де его угодничество передъ свѣтской властью, да и клерикалъ при этомъ!). Если осуществится чествованіе памяти м. Филарета въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, да еще по почину Петербургскихъ высшихъ церковныхъ сферъ, то можно будетъ почесть это отраднымъ доказательствомъ того, что въ средѣ нашихъ «черныхъ и бѣлыхъ властей» начинаютъ задумываться о цѣлесообразности «жечь корабли.» Пока надо и этимъ довольствоваться.

При наступленіи знаменательной годовщины всё, касающееся памяти великаго покойника, должно привлекать вниманіе и вызывать интересъ. Желательно въ особенности видѣть какъ можно болѣе трудовъ посвященныхъ уясненію его ученія, какъ въ видѣ ученыхъ комментаріевъ къ его сочиненіямъ, такъ и въ видѣ обработки ихъ въ формѣ общедоступной для читателей, непривычныхъ къ чтенію строго-требовательному. Истинные цѣнители любомудрія духовнаго и свѣтскаго конечно могутъ и должны пользоваться подлиннымъ текстомъ; но для

*) Въ предисловіи напр. къ своей изумительной по начитанности Исторіи Русской Церкви проф. Голубинскій высказывается очень отрицательно о до-Синодальной ея эпохѣ, считая ее почти до-исторической.

Библиотека "Руниверс"

распространенія ученія м. Филарета необходимо подвергать его писанія переработкѣ въ смыслѣ общедоступности, дѣлая изъ нихъ систематическія по разнымъ спеціальностямъ руководства. Напримѣръ, какъ бы желательно было имѣть богословіе, составленное по его проповѣдямъ, съ сохраненіемъ по возможности и подлинной его рѣчи: вѣдь въ пяти томахъ его проповѣдей затронуты почти всѣ вопросы, изъ отвѣтовъ на которые слагается такъ называемое богословіе. А, что онъ самъ не былъ удовлетворенъ ходячими у насъ и доселѣ богословіями, это видно изъ его отзыва о богословіяхъ пр. Филарета Черниговскаго или Макарія (впослѣдствіи митр. Московскаго), напечатаннаго въ «Русскомъ Архивѣ» нынѣшняго года, въ воспоминаніяхъ пр. Леонида (вып. 10-й, стр. 152). А какой неисчерпаемый матеріалъ для всяческихъ извлеченій и обработокъ даютъ его оффиціальныя бумаги, изданныя пр. Саввой! А его письма! Не даромъ сказалъ о немъ, тотчасъ послѣ его кончины, пр. Алексѣй (впослѣдствіе архіеп. Литовскій): «нѣтъ ума столь глубокаго, чтобы исчерпать шестидесятилѣтнюю изумительно благотворную и разнообразную дѣятельность преставившагося святителя! Нѣтъ знанія столь обширнаго, которое могло бы обнять все содержаніе этой дѣятельности». Неисполнимое для одного человѣка можетъ однако быть исполнено совмѣстной дѣятельностью многихъ; и если бы нашлись работники на этой нивѣ, дѣйствительно не оскудѣвающей во вѣкъ (творенія геніальныхъ людей всегда отличаются именно качествомъ *неисчерпаемости*): то Русская литература и наука обогатилась бы по истинѣ перворазрядными вкладами. Съ другой стороны занятіе такимъ дѣломъ, какъ будто археологическимъ, а въ сущности вполнѣ живымъ и современнымъ, послужило бы доказательствомъ неоскудѣнія въ насъ и высшихъ интересовъ, и сознанія, что удовлетворить имъ можно не однимъ построеніемъ новыхъ умосплетеній, но что̀ гораздо лучше— чрезъ усвоеніе того, что̀ вѣщали мудрецы всѣхъ временъ, ибо истина открыта для людей «Тѣмъ, Кто есть вещей истина» во всѣ времена, особенно же съ того дня, когда она возсіяла міру изъ Виѳлеемскихъ яслей. Выразителями ея были избранные умы въ разныя времена, отдаленность коихъ нисколько не умаляетъ, а наоборотъ еще подъчасъ усиливаетъ исходящій отъ нихъ свѣтъ разумѣнія: ибо если этотъ свѣтъ могъ не померкнуть, доходя до насъ изъ глубины вѣковъ, то это даетъ чувствовать, что его сила такова, что «и тьма его не объятъ» *).

*) Что можетъ быть назидательнѣе для современныхъ политиковъ „Политики Аристотеля, и вообще для современныхъ мыслящихъ людей всего Аристотеля и его самъ-друга Платона? Они намъ во многомъ болѣе по плечу, чѣмъ ихъ современникамъ. Таковъ Данте для теперешнихъ Итальянцевъ, умѣющихъ впрочемъ лишь дѣлать изъ него

Библиотека "Руниверс"

Важнѣйшая сторона духовной дѣятельности Филарета была, конечно, направлена на богословскіе вопросы и на приложеніе богооткровенныхъ истинъ къ жизни въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Но богословскіе труды покойнаго митрополита должны питать умы и сердца православныхъ во вѣкъ, подобно тому, какъ ученіе великихъ Отцевъ Церкви составляетъ навсегда неисчерпаемый источникъ наставленія для ума и назиданія для чувства вѣрующихъ. Смѣло можно сказать о Филаретѣ, что онъ «новѣйшій изъ Отцевъ Церкви»; и надъ нимъ, какъ таковымъ, пусть поработаютъ грядущія поколѣнія непрестанно. Но къ опредѣленному дню чествованія его памяти возможно лишь сдѣлать сравнительно легкоисполнимое: изложить напр., взгляды его на тѣ жизненные вопросы, которые представали на его судъ и на которые онъ давалъ отвѣты всегда поразительно ясные и опредѣленные. Вопросы эти, въ сущности, тѣже почти, какіе всегда выдвигаются жизнью, хотя они и видоизмѣняются въ своемъ обличіи. Напримѣръ, въ наше время нѣтъ болѣе вопроса о крѣпостномъ правѣ; но вѣдь вопросъ о зависимости людей другъ отъ друга въ порядкѣ подчиненія или экономической зависимости—вопросъ вѣчный; и то что̀ по этому вопросу писалъ м. Филаретъ примѣнительно къ раскрѣпощенію, то, можетъ быть назидательно и въ наше время погони за безграничной свободой.

Такую именно задачу избралъ себѣ авторъ книжечки, озаглавленной «Митрополитъ Филаретъ о господствующихъ въ современномъ нравственно-правовомъ сознаніи понятіяхъ». Она есть отдѣльный оттискъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ «Вѣра и Знаніе» и принадлежитъ перу автора, выставившаго лишь буквы І. А. Очень совѣтуемъ познакомиться съ этой книжкой, которая, кромѣ другихъ качествъ, имѣетъ и несомнѣнное, большое достоинство яснаго изложенія и прекраснаго распредѣленія содержанія по главамъ, посвященнымъ каждая отдѣльной сторонѣ дѣятельности м. Филарета. Послѣ краткаго введенія идутъ главы: личность митр. Филарета, общая характеристика митр. Филарета и выясненіе его значенія для нашего времени, ученіе м. Ф. о власти и государствѣ, освобожденіе крестьянъ и участіе въ этомъ актѣ м. Ф., вопросъ о наказаніяхъ, вопросъ о возвышеніи духовенства, митр. Филаретъ какъ нравственный судья и руководитель современнаго ему общества; глава заключительная.

Изъ этого перечня содержанія видно, что покойный митрополитъ представленъ всесторонне въ книжкѣ о. І. А., исключая его дѣятельности чисто-богословской; но таковая и не входитъ въ предѣлы из-

---

цитаты, но не умѣющихъ имъ назидаться, потому что сами они слишкомъ противъ него

Библиотека "Руниверс"

бранной авторомъ задачи, ибо разсматривать оную вкратцѣ, какъ сказано выше: на такое дѣло потребовались бы многіе и многіе томы.

Познакомившись изъ книжки о. І. А. съ личностью митрополита и съ его ученіемъ по вышеперечисленнымъ вопросамъ, читатель, даже самый предубѣжденный, вынесетъ то впечатлѣніе, что м. Филаретъ вовсе не былъ ни деспотомъ клерикаломъ *), ни тѣмъ угодникомъ свѣтской власти, какимъ его такъ охотно изображаютъ представители церковнаго либерализма, начавшагося еще съ древнихъ временъ и особенно размножившагося въ наши всяческаго либерализма дни, ни тѣмъ врагомъ свободы, какимъ долженъ бы быть человѣкъ, обвиняемый въ несочувствіи къ освобожденію крестьянъ.

Митр. Филаретъ дѣйствительно не преклонялся передъ либеральными фразами, не фрондировалъ передъ свѣтской властью, но онъ нисколько не боялся свободы истинной и не боялся говорить, что хотя единеніе между церковью и государствомъ очень желательно, но что церковь вовсе не нуждается въ покровительствѣ, чему «де» доказательствомъ служитъ самая исторія церкви, развившейся не благодаря покровительству свѣтскому, а благодаря преслѣдованіямъ и мученіямъ исповѣдниковъ ея.

Нельзя однако, въ заключеніе, не замѣтить, что у автора разсматриваемой нами книжки уваженіе къ м. Филарету и глубокое преклоненіе передъ его мудростью наклонны переходить въ нѣкое «подобіе культа», не допускающаго никакого сомнѣнія въ томъ, что митрополитъ былъ въ сущности воплощенная мудрость и благость. Когда авторъ пишетъ: «намъ не нужно искать твердаго основанія, оно намъ дано въ мощной мысли митр. Филарета. Утвердившись на ней, мы ея свѣтомъ можемъ освѣщать всѣ явленія жизни въ правовомъ и нравственномъ отношеніяхъ, которыя, будучи реальнымъ отраженіемъ тѣхъ или иныхъ вѣяній и направленій, характеризуютъ духъ эпохи, являютъ тѣ понятія, которыя господствуютъ въ данное время въ нравственно-правовомъ познаніи общества. Митрополитъ Филаретъ! Это имя блистающее въ исторіи Россійской церкви и Россійскаго государства на протяженіи многихъ десятилѣтій.... это имя является теперь синонимомъ закона, правды, мудрости, непререкаемости».

Невольно вспоминаются слова Псалмопѣвца «Аще беззаконія наблюдиши.... кто постоитъ?». Думается, что излишнимъ, неумѣреннымъ превознесеніемъ никогда нельзя послужить памяти превозносимаго. То положительное, что̀ дано въ книжкѣ о. І. А., вполнѣ достаточно, чтобы

*) Деспотизмъ, приписываемый м. Филарету, объясняется *отчасти* Пушкинскимъ стихомъ „Умъ, любя просторъ, тѣснитъ".

Библиотека "Руниверс"

избавить отъ необходимости оцѣнивать умъ и душевныя качества Филарета такими крайними восхваленіями. Достаточно было бы, думается намъ, указать на дѣйствительно-громадную пользу изученія твореній и самой дѣятельности почившаго іерарха, для того, чтобы съ помощью онаго стремиться къ тому уясненію понятій нравственно-правовыхъ, безъ котораго никакое общество не можетъ твердо стоять. Не даромъ нѣкогда столь гремѣвшій у насъ О. Контъ указывалъ на то, что всѣ наши политическія и соціальныя треволненія происходятъ отъ недостатка выработки понятій и объединенія на понятіяхъ ясныхъ и точныхъ: оттуда «де» и наши всяческія революціи. (Auguste Comte. Cours de philosophie positive, I. 41.).

Изученіе твореній м. Филарета дѣйствительно можетъ послужить для умовъ ищущихъ свѣта къ выработкѣ точныхъ и ясныхъ понятій; а еще болѣе, къ развитію «потребности въ ясности и точности», отсутствіе коей такъ преобладаетъ у насъ во всѣхъ направленіяхъ, кромѣ развѣ въ самыхъ лѣвыхъ, сила конхъ можетъ быть тѣмъ и объясняется, что противъ нихъ выступаетъ мысль хотя и благонамѣренная, но не продуманная, а по сему дряблая и безсильная.

Жаль, что въ указанной книжкѣ, для большей полноты, не отведено мѣста оцѣнкѣ литературной стороны писаній м. Филарета. Наша литературная рѣчь такъ наклонна искажаться и пошлѣть, благодаря, м. б., тому, что она сдѣлалась орудіемъ не только не Русскихъ, но даже всему Русскому враждебныхъ началъ, что слѣдовало бы, въ числѣ понятій, которымъ должно позаимствоваться у Филарета, указать и на то, которое учитъ чтить и хранить чистоту родной рѣчи, какъ полнѣйшей выразительницы народной мудрости, ее же создавшей *).

Д. Х.

*

Такъ какъ слухи, о которыхъ упомянуто въ началѣ этой статьи, оправдались, то мы позволяемъ себѣ, вмѣстѣ съ ея авторомъ, надѣяться, что состоявшееся чествованіе м. Филарета послужитъ началомъ религіознаго отрезвленія въ нашей оффиціально-церковной жизни. Если м. Филаретъ не всегда самъ осуществлялъ свое же „пониманіе“, въ его полнотѣ, то все таки въ самомъ его ученіи несомнѣнно выражалась такая „трезвенность мысли“, что ею, во всякомъ случаѣ, можно и должно пользоваться какъ руководящей въ разрѣшеніи вопросовъ церковной дисциплины и многихъ государственныхъ задачъ, не смотря на то, что его собственная дѣятельность не всегда была полнымъ осуществленіемъ его же ученія. Но когда же кто либо изъ земнородныхъ вполнѣ осуществлялъ свои идеалы? Статья, нами печатаемая, была намъ доставлена за долго до 19 Ноября, чѣмъ и объясняется гадательное разсужденіе о томъ, что теперь уже осуществилось.

*) А. С. Хомяковъ писалъ, что и въ его время только крайніе имѣли твердыя логически-послѣдовательныя убѣжденія.

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЕ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ.

Принадлежу я къ числу Московскихъ старожиловъ, такъ какъ съ Августа мѣсяца 1847 года, т.-е. съ поступленія въ университетъ, уѣзжалъ изъ Москвы только на короткіе сроки. Въ университетѣ былъ у меня добрый товарищъ Владиміръ Александровичъ Голицынскій, усерднѣйшій почитатель Филарета. Онъ не пропускалъ ни одной его службы и разъ только не могъ поспѣть къ ней по случаю экзаменовъ 15 Мая и пришелъ въ Архангельскій соборъ, когда Филаретъ шелъ уже къ своей каретѣ. Подойдя къ его благословенію, онъ услышалъ отъ него шопотомъ произнесенныя слова: «опоздали, опоздали!» Такихъ приверженцевъ у Филарета было немало. Голицынскій зналъ наизустъ цѣлыя мѣста изъ его проповѣдей. Благодаря Голицынскому, и мнѣ неоднократно доводилось слышать эти проповѣди въ Чудовомъ монастырѣ. Онъ произносилъ ихъ по тетрадкѣ, лежавшей на аналоѣ, въ нѣкоторомъ отъ себя отдаленіи, для чего надѣвалъ большія очки. Голосъ у него былъ слабый, но въ храмѣ водворялась полная тишина, и молящіеся могли не проронить ни одного слова. На пути къ выходу и къ своей каретѣ (запряженной шестью, попарно рослыми лошадьми и въ отличной сбруѣ) онъ долго возлагалъ на головы подходившихъ мощевидную руку свою, и никто не уходилъ изъ церкви безъ его благословенія. Онъ, конечно, придавалъ значеніе такому общенію съ паствою и, можетъ быть, по наклонности ко всему таинственному (не покидавшей его до конца жизни) видѣлъ въ томъ нѣчто духовно-физическое.

Богословіе преподавалъ намъ Петръ Матвѣевичъ Терновскій, безъ всякаго одушевленія, грубымъ голосомъ и какъ-то аляповато. Вліяніе его на студентовъ уничтожалось при сравненіи съ другими профессорами, изъ которыхъ нѣкоторые читали чуть не со слезами объ Ульрихѣ Куттенѣ, говорили про «эманципацію религіи», про «кровь, какъ необходимый цементъ» человѣческихъ содѣяній. Помню, какъ мы смѣялись надъ Терновскимъ, когда онъ закончилъ одно изъ своихъ чтеній словами: «Въ слѣдующую лекцію мы нанесемъ окончательный ударъ Вольтеру». (Позднѣе, назначенный приходскимъ священникомъ въ церковь Петра и Павла на Басманной, Терновскій проявилъ высокія пастыр-

Библиотека "Руниверс"

скія качества; но съ этой стороны мы не знали его). Я плохо занимался у него и на экзаменѣ долженъ былъ провалиться; на мое счастье пріѣхалъ на экзаменъ митрополитъ Филаретъ, и мнѣ достался билетъ о почитаніи храма Божьяго; я передъ тѣмъ только что читалъ объ этомъ въ проповѣдяхъ Филарета, поэтому отвѣчалъ почти его словами и конечно получилъ высшую отмѣтку. Съ тѣхъ поръ видалъ я митрополита только за обѣднями, либо въ проѣзды его по улицамъ.

Богослуженіе совершалось у него отмѣнно стройно, звукъ не заглушалъ словъ, а (по его выраженію) содѣйствовалъ къ раскрытію слова, и никогда при немъ храмъ Божій не становился концертною залою. Однажды былъ я у его службы въ Пасхальную заутреню въ Успенскомъ соборѣ. Ему приходилось почтить кажденіемъ святые останки трехъ митрополитовъ Московскихъ. Онъ, слабый, изможденный, съ дикиріемъ и трикиріемъ въ рукахъ, словно безплотный направлялся отъ одного угла собора къ другому, а многочисленный сонмъ молящихся, съ возженными свѣчами, мгновенно разступался передъ нимъ, отвѣчая словами «воистину воскресе» на его пасхальное возглашеніе.

Только разъ случилось мнѣ подмѣтить слабую его сторону. Это было въ крестовой его на Троицкомъ подворьѣ. Его облачали. Обыкновенно это облаченіе оканчивалось тѣмъ, что стоявшій по лѣвую отъ него руку церковный чтецъ подавалъ ему тончайшій батистовый платокъ, которымъ онъ обтиралъ или вѣрнѣе обмахивалъ себѣ бороду и уста, и затѣмъ быстро отдавалъ платокъ чтецу, прямо въ книгу, которую тотъ закрывалъ. Чтецъ сдѣлалъ это какъ-то неловко; Филаретъ дернулся влѣво и такъ посмотрѣлъ на чтеца, что и я, стоявшій поблизости, чуть не испугался.

«Русскій Архивъ» сталъ я издавать за четыре года до кончины Филарета. Когда въ немъ начали появляться бумаги, касающіяся Сперанскаго, онъ обратилъ на него свое вниманіе. Его заняли также статьи П. А. Безсонова и М. А. Дмитріева о Лабзинѣ, къ которому нѣкогда, въ Петербургѣ онъ былъ близокъ. Я помѣстилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ мою некрологическую статью о М. А. Дмитріевѣ, и вслѣдъ затѣмъ митрополитъ выразилъ желаніе меня видѣть.

Добрѣйшій Николай Васильевичъ Сушковъ повезъ меня на Троицкое подворье. Оно, сравнительно съ теперешнею его обстановкою (устроенною митрополитомъ Макаріемъ), отличалось простотою, которая граничила почти что съ убожествомъ. На входной лѣстницѣ не было даже ковра. Единственнымъ украшеніемъ первой комнаты служило большое многолиственное дерево (Ficus elastica), въ родѣ Евангельской смоковницы. Полы не крашеные, кресла и стулья самые простые. Къ намъ вышелъ

Библиотека "Руниверс"

во вторую комнату маленькій исхудалый человѣкъ въ черной рясѣ и скуфейкѣ и, пригласивъ сѣсть на кресла, спросилъ меня: отчего вы нуждаетесь въ семъ пособіи? Это относилось къ моему костылю. Когда я сказалъ, какъ повредилась у меня въ дѣтствѣ нога, онъ сталъ говорить объ историческихъ изданіяхъ и, обращаясь къ Сушкову, спросилъ: зачѣмъ это Бодянскій (въ Чтеніяхъ Общества Исторіи) напечаталъ про Елисавету Петровну, что она рождена до брака своихъ родителей. «Вѣдь не всѣ же части нашего тѣла мы обнажаемъ». Понятно, что это было въ мой огородъ, и заступаться за Бодянскаго мнѣ не приходилось. Подробности о дальнѣйшей бесѣдѣ исчезли изъ моей памяти. Когда зашла рѣчь о Лабзинѣ, я позволилъ себѣ спросить (словами И. С. Аксакова), зачѣмъ прибѣгать съ задняго крыльца, когда по милости Домохозяина открыто и переднее. Не отвѣчая, Филаретъ заговорилъ о другомъ. Былъ онъ любезенъ, проводилъ до выхода въ первую (съ фикусомъ) комнату и когда я сказалъ, обращаясь къ Сушкову, какъ я ему благодаренъ за то, что онъ доставилъ мнѣ возможность наслушаться *рѣчей благоухающихъ*, Филаретъ сказалъ: «Ахъ, это Пушкина»!—Мнѣ извѣстны и стихи вашего высокопреосвященства къ Пушкину.—«Тутъ была посредницею Елисавета Михайловна Хитрово». Не могу себѣ простить, что я не догадался спросить, былъ ли у него послѣ этихъ стиховъ Пушкинъ. Надо полагать, что былъ. А любопытно себѣ вообразить бесѣду этихъ людей, столь не похожихъ одинъ на другого, имѣвшихъ столь великое для насъ значеніе.

Это было осенью 1866 года. Зимою 1867 года стало извѣстно, что Государь Александръ Николаевичъ не только изволилъ читать «Русскій Архивъ», но и удостоиваетъ его нѣкоторыми сообщеніями, и когда я поѣхалъ къ митрополиту Филарету (на этотъ разъ уже одинъ), онъ принялъ меня съ отмѣнной ласкою, угостилъ чаемъ и продержалъ долѣе часу, и служителю своему, дважды приходившему о чемъ-то доложить, дѣлалъ рукою отрицательные знаки. Бесѣда шла по преимуществу о новой Русской исторіи. Онъ передавалъ мнѣ о дѣятельности митрополита Амвросія въ послѣдніе годы царствованія Павла Петровича и какъ Амвросій (тогда Казанскій архіепископъ) умѣлъ спасать церковь отъ іезуитскихъ козней патера Грубера. Когда рѣчь зашла о Карамзинѣ, я передалъ слышанное мною отъ князя П. А. Вяземскаго. Карамзинъ жилъ почти рядомъ съ княземъ С. М. Голицынымъ, и у нихъ былъ общій духовникъ. Карамзины говѣли и исповѣдывались у себя на дому. Когда чередъ дошелъ до Николая Михайловича: пойдемте, позавтракаемъ, сказалъ онъ исповѣднику, и позавтракалъ скоромнымъ. Духовникъ передалъ о томъ благочестивому князю, и тотъ прозвалъ Карамзина безбожникомъ. «Какой онъ забавный», сказалъ Филаретъ,

Библиотека "Руниверс"

«вѣдь церковь молитъ Бога, чтобы у нея было поболѣе людей, какъ Карамзинъ. Для духовенства постъ обязателенъ, какъ примѣръ; но всякій постится по своему». Мнѣ было извѣстно отъ моего духовника, протоіерея Юлія Ивановича Некрасова, что когда онъ заболѣлъ, Филаретъ разрѣшилъ ему не соблюдать поста. Извѣстно также, что одной барынѣ, до изнуренія постившейся, онъ сказалъ: «Наложите постъ на вашъ постъ». Тогда же Филаретъ сказалъ мнѣ, что стояніе въ церкви имѣетъ значеніе для здоровья и служитъ противовѣсомъ постоянному пребыванію въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.

Филаретъ былъ въ это время на вершинѣ своей славы, государственнаго значенія и всеобщей извѣстности далеко за предѣлами Россіи. Имя его поминалось съ благоговѣніемъ на Востокѣ, проповѣди его появились во Французскомъ переводѣ Серпинэ, Адріанъ Ивановичъ Блюменталь перевелъ на Нѣмецкій языкъ его Православный Катихизисъ, Е. Ѳ. Тютчева готовила (съ помощью Англиканскаго въ Москвѣ пастора) Англійскій переводъ его избранныхъ проповѣдей. Свѣтская власть въ лицѣ князя В. А. Долгорукова преклонялась передъ нимъ. Онъ зналъ князя еще мальчикомъ въ Петербургѣ, гдѣ у отца князева была домовая церковь, въ которой служивалъ Филаретъ, будучи архимандритомъ. Онъ надзиралъ за обученіемъ князя, его братьевъ и сестеръ. Въ Москвѣ онъ ему говорилъ *ты*, и онъ былъ обезпеченъ въ своей борьбѣ съ старообрядцами (за нихъ передъ тѣмъ заступалась супруга генералъ-губернатора графиня Аграфена Ѳедоровна Закревская, бабка которой была старообрядка и сама она иногда крестилась двуперстіемъ. Князь Владиміръ Андреевичъ передавалъ мнѣ, что однажды пріѣхалъ къ нему митрополитъ въ неурочный часъ и умиленно попросилъ исполнить то, о чемъ онъ ему скажетъ. «Я всю ночь не спалъ, узнавъ, что въ Большомъ театрѣ представляютъ драму Смерть Іоанна Грознаго, и тутъ ставится аналой». Князь немедленно послалъ за директоромъ театровъ, и аналой больше не появлялся на сценѣ.

Успокоенный въ своемъ положеніи Филаретъ сдѣлался мягче и къ старообрядцамъ. Однажды кто-то изъ священниковъ отозвался о нихъ рѣзко. «Перестань, перестань», сказалъ ему Филаретъ, «если бы не они, у насъ бы, пожалуй, водворилось лютеранство». Онъ зналъ, что оказываютъ лютеранству негласное покровительство и что въ Зимнемъ дворцѣ была Лютеранская кирка *), устроенная Петромъ III-мъ. Филаретъ возлагалъ большія надежды на единовѣріе. Мнѣ случилось два раза быть на его

*) На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ аптека.

Библиотека "Руниверс"

службѣ для единовѣрцевъ при освященіи единовѣрческой церкви: на Рогожскомъ кладбищѣ и въ алтарѣ Успенскаго собора.

Императоръ Николай Павловичъ съ 1851 года пересталъ видѣть въ Филаретѣ затаеннаго противника своей власти; а было время, когда отношенія обострялись. Министръ двора князь П. М. Волконскій разсказывалъ, что разъ Филаретъ и Государь встрѣтились на пути, одинъ изъ Петербурга въ Москву, другой изъ Москвы въ Петербургъ. Въ одной половинѣ станціоннаго дома былъ Филаретъ, въ другой Николай Павловичъ. Филаретъ просилъ князя узнать, что, такъ какъ тутъ высочайшее присутствіе, то не слѣдуетъ ли ему представиться. Князь пошелъ доложить. Государь очень громко сказалъ, что и въ городахъ онъ не желаетъ съ нимъ встрѣчаться. Дверь была не притворена, и Филаретъ услышалъ этотъ отзывъ. Но въ дни празднованія двадцатипятилѣтія своего царствованія въ Москвѣ Государь уже обходился съ Филаретомъ съ почтительностью и даже проводилъ его до лѣстницы послѣ обѣда въ Кремлевскомъ дворцѣ. Новые Государь и Государыня оказывали ему, можно сказать, благоговѣйное вниманіе. Александръ Николаевичъ вступилъ съ нимъ въ личную переписку. Марія Александровна пожелала имѣть его портретъ масляными красками въ томъ самомъ облаченіи, въ какомъ онъ былъ 26 Августа 1856 года. Ему посланъ былъ манифестъ о раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ, составленный Ю. Ѳ. Самаринымъ, на исправленіе и передѣлку; совѣтовались съ нимъ о судебномъ преобразованіи, при чемъ на заявленіе Государя о томъ, что это будетъ судъ не по мертвой буквѣ закона, а по народной совѣсти, Филаретъ, указывая на икону Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, сказалъ, что Пилатъ и Римское правительство Его оправдывали, а судъ народной совѣсти возложилъ на Него терновый вѣнецъ. Вообще же относился онъ недовѣрчиво къ преобразованіямъ, которыя едва успѣвали оглашать газеты. Страннымъ казалось ему, что все въ Россіи подвергалось передѣлу, тогда какъ поставленъ въ Новгородѣ памятникъ ея тысячелѣтію, въ теченіе котораго сдѣлалась она шестою долею всего міра, слѣдовательно жила же чѣмъ-либо извнутри себя. Одному сановнику, говорившему, что духъ совершенствованія идетъ изъ Петербурга, Филаретъ возразилъ: «Какой духъ? Вѣдь Петербургъ не глядитъ на Россію прямо». Филарету былъ присланъ отъ Государя драгоцѣнный, осыпанный брилльянтами посохъ. Онъ не принялъ его въ собственность, а оставилъ въ ризницѣ Троицкой Лавры. Бѣсъ стяжательности, обыкновенно нападающій на духовныхъ лицъ во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, не смѣлъ къ нему подступаться; конверты съ денежными подношеніями за освященіе церквей

Библиотека "Руниверс"

или за похороны, онъ иногда даже не распечатывалъ, а отдавалъ бѣднымъ. Разъ просили у него позволенія напечатать произнесенную имъ проповѣдь. «Чего же спрашивать?» отвѣчалъ онъ; «она произнесена, слѣдовательно ужъ не моя».

Н. П. Гиляровъ говаривалъ, что если бы Филаретъ получалъ полистную плату за то, что̀ было имъ написано, и отдано въ печать, у него накопились бы сотни тысячъ рублей; между тѣмъ его наслѣдникамъ досталось послѣ него весьма немногое. Его отношенія къ родственникамъ вызывали обвиненія въ такъ называемомъ непотизмѣ (тоже общемъ у всякаго духовенства), но сто̀итъ прочитать его письма къ нимъ, чтобы убѣдиться, что это клевета. Нѣкогда доходившій до жестокости во взысканіяхъ съ духовенства, сдѣлался онъ, къ концу жизни, снисходителенъ и нѣжно-попечительненъ къ нему. Самый слогъ его писаній пріобрѣлъ простоту и какую-то хрустальную ясность. Но до конца продолжалъ онъ быть остороженъ и оглядливъ. Лѣтомъ 1867 года, прямо съ Троицкаго подворья, навѣстилъ меня В. В. Скрипицынъ и сказывалъ, что въ бесѣдѣ съ Филаретомъ онъ упрекалъ его въ нерѣшительности и угодливости ко властямъ. «Кажется, сказалъ ему Филаретъ, мы страдаемъ избыткомъ покорливости».

19 Ноября 1867 г. въ Воскресенье, въ третьемъ часу пополудни, Кремлевскій колоколъ возвѣстилъ Москвѣ, что не стало ея архипастыря. Въ это время Государь и его семейство, въ Царскомъ Селѣ, слушали чтеніе князя П. А. Вяземскаго, которое и было прервано пришедшею телеграммою о кончинѣ Филарета. Государь приказалъ немедленно отворить большую дворцовую церковь, всѣ пошли на панихиду, и Государь объявилъ, что онъ поѣдетъ въ Москву на похороны. Князь Вяземскій передавалъ мнѣ также, что и онъ разсчитывалъ въ царскомъ поѣздѣ съѣздить въ Москву, но по донесенію шефа жандармовъ, графа П. А. Шувалова, о трудности устроить въ Москвѣ надежную охрану (это былъ годъ покушенія Березовскаго) путешествіе было отмѣнено, и въ Москву отправился Великій Князь Владимиръ Александровичъ.

Въ 4 часа этого дня поѣхалъ я на подворье поклониться покойнику; но никого не пускали по распоряженію князя В. А. Долгорукаго (который позднѣе мнѣ сказывалъ, что пробылъ на подворьѣ до другого утра); я же отправился къ Сушковымъ, гдѣ и услышалъ о послѣднихъ словахъ Филарета (см. «Русскій Архивъ» нынѣшняго года, вып. 8-й, стр. 566)... П. Б.

Библиотека "Руниверс"

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ „РУССКОМЪ АРХИВѢ“

1907 года*).

Абаза II, 94, 98—101.

Аббутъ Спиридонъ I, 297, 298.

Абрамовъ I, 375.

Абрикосовъ III, 494.

Абунди I, 251.

Августинъ III, 156.

Авенаріусъ II, 206, 227.

Аверьяновъ П. В. II, 421.

Агапій іеродьяконъ III, 478.

Агапитъ I, 298.

Агаѳангелъ митр. II, 452.

Адеркасъ II, 82, 84, 187, 188, 192.

Адлерберги гр. I, 557.

Адлербергъ В.Ѳ.I, 318, 545, 549, 566, 621; II, 512.

Адлербергъ III, 479.

Адоратскій III, 504.

Айвазовскій II, 361, 451.

Акерманъ I, 145, 152.

Аксакова А. С. II, 408.

Аксакова А. Ѳ. III, 143, 169—171.

Аксакова С. С. III, 141.

Аксаковъ Г. С. III, 143.

Аксаковъ И. С. I, 305, 309, 314, 652; II. 282, 565; III, 141—144, 146, 163—192, 549, 559.

Аксаковъ К. С. I, 262—267; II, 557—563.

Аксаковъ С. Т. I, 465. 466.

Аксаковъ I, 260.

Аксаковы III, 434, 439.

Александра Николаевна вел. кн. II, 194—238.

Александра Ѳеодоровна II, 199.

Александръ I-й I, 53, 54, 304, 479; II, 408, 421, 422, 424, 493—495; III, 40, 139, 205, 514—516, 521.

Александръ II-й I, 279, 497, 498, 618, 619; II, 384, 385, 409—420; III, 166, 173, 175, 471, 559, 561, 562.

Александръ III-й II, 47—50, 89—102, 183—186; III, 166—168, 171, 172.

Алексинскій III, 149.

Алексій ректоръ II, 143.

Алексѣевы III, 494.

Алексѣй Петровичъ царевичъ II, 271, 314—323.

Алелековъ А. Н. I, 376; III, 449.

Аллье I, 637, 651, 652.

Алопеусъ I, 61.

Альбедиль II, 487.

*) Двѣнадцать выпусковъ „Русскаго Архива“ составляютъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Въ этомъ Указателѣ ко всему годовому изданію цифрою Римскою означена книга, Арабскою страница оной.

Библиотека "Руниверс"

Альбединскій I, 439; II, 40, 44, 78, 142.
Альтести III, 371, 372.
Амвросій митр. I, 54; III, 559.
Амѣ I, 225, 228, 242.
Анастасевичъ В. Г. II, 392—396.
Анатолій (Мартыновскій) архіеп. II, 426.
Ангальтъ гр. Ѳ. Е. III, 196, 361.
Андреевъ I, 502, 637.
Андросовъ I, 455.
Анке III, 438.
Анна Іоанновна имп. I, 41.
Анненскій III, 161.
Аносовъ II, 70.
Антоній Кіевскій I, 273.
Антоній II, 417.
Антоновичъ III, 188.
Ансильонъ II, 325.
Анучинъ Д. Г. II, 22.
Аппельбергъ I, 381.
Апраксинъ А. Л. II, 343, 364.
Апраксинъ С. С. II, 134.
Апраксинъ Ѳ. М. III, 452.
Апраксинъ гр. I, 375, II, 333.
Апраксинъ III, 98, 100.
Арапетовъ I, 539.
Арбенева Н. П. I, 253.
Арбеневъ II, 192.
Арбузовъ III, 530, 531.
Арендъ Н. Ѳ. II, 513.
Арнфельдъ I, 90; III, 352—355. 363, 365.
Арсеньева II, 409.
Арсеньевъ I, 140, II, 396.
Арсеньевы III, 501.
Астафьева I, 64.
Ахлестышевъ Д. Д. III, 502.
Ахлестышевъ I, 455.
Ахматовъ А. П. III, 150.
Ашиновъ III, 185, 186.
Ашъ I, 182.
Аѳанасій (Дроздовъ) архим. II, 428.
Аѳанасьевъ А. Н. II, 554; III, 26.
Бабарыкинъ Д. Л. II, 131.
Бабушкина А. П. III, 502.
Багратіонъ кн. II, 360; III, 514.
Бажановъ II, 206, 207, 210, 226, 227; III, 479, 480.
Баженовъ I, 90.
Бакунинъ П. В. III, 97; III, 103.
Бакунинъ I, 190.
Балашова А. И. II, 228.
Баллюзекъ II, 512.
Баловъ А. I. 137.
Балушкинъ I, 552.
Бальзакъ II, 360.
Балюзъ II, 264—266, 272, 289, 296, 305.
Баранова гр. Ю. Ѳ. II, 196, 197.
Барановъ М. Н. III, 173.
Барановъ I, 641; II, 142, 90, 95—97.
Баранцевъ гр. II, 373.
Баратынская Н. Л. I, 89.
Баратынскій I, 57, 67, 74, 86. 92, 95.
Барсуковъ Н. П. I, 319, 0164; III, 294, 434.
Барсуковъ I, 472.
Бартельсъ III, 178.
Бартеневъ П. И. I, 275; II, 194, 217.
Бартеневъ Ю. Н. I, 45.
Бартеневъ Ю. П. II, 563.
Барятинская кн. III, 50.
Барятинскій кн. III, 475.
Барятинскій I, 0162.
Басинъ I, 536, 537.
Баскаковъ II, 131.
Баташовы III, 393.
Батезатулъ I, 426.
Батюшковъ III. 140.
Бауеръ III, 298.
Баумгартенъ I, 416.
Баумъ I, 386.
Бахманъ I, 548.
Бахметева А. Н. III, 478.

Библиотека "Руниверс"

Бахметевъ П. В. III, 156.
Бахметевъ А. И. I, 55.
Бахметевъ I, 641, 642.
Бахметевы III, 153.
Бахрушинъ Ш, 494.
Бебутовъ I, 636.
Бегуанъ III, 370.
Бейдаръ Ш, 353.
Безбородко гр. I, 190; Ш, 51, 57, 67, 91—97, 103, 108, 110, 115, 223, 230—246, 304—313, 314, 317, 320, 326, 327. 344, 347, 366—377.
Безенсенетъ I, 233.
Безобразовъ I, 381, 524.
Безсоновъ П. А. III, 558.
Бекетовъ I, 167, 381, 586,
Беклешовъ А. А. I, 142, 148.
Беклешовъ В. II, 190.
Бельгардтъ I, 145—148.
Бельмонти III, 463.
Бенецкій I, 379.
Бенигсенъ I, 143, 153.
Бенкендорфъ гр. А. Х. II, 201, 514.
Бентамъ III, 344.
Бераръ I, 637, 650.
Бергхольцъ II, 488; III, 419, 420.
Бергъ гр. Ѳ. Ѳ. I, 548; II, 8, 9, 12, 16—23, 28, 29, 77.
Бергъ III, 137, 469.
Бережецкій I, 381.
Березовскій III, 562.
Бернсдорфъ II, 306, 307.
Берхъ I, 446.
Бестужевъ I, 190; II, 352.
Бертени гр. II, 270, 291.
Бибеско кн. I. 469.
Бибиковъ В. В. I, 193.
Бибиковъ М. Л. III, 140.
Бибиковъ I, 50.
Бидлоо III, 449—459.
Билибины II, 117.
Бирилевъ I, 381.
Бирокъ I, 41; II, 343.
Бисмаркъ III, 173.
Биттеръ I, 160.
де-Біз II, 314—339.
Бланкъ Г. Б. I, 158.
Блатманъ I, 240, 241, 242.
Блиновъ I, 280.
Блудова гр. А. Д. II, 409; III, 180.
Блудовъ гр. Д. Н. I, 0162, 0163, 318, 652; II, 408.
Блюменталь А. И. III, 560.
Блумфильдъ леди II, 232, 234.
Блумфильдъ лордъ II, 361.
Блумъ III, 76.
Боборыкинъ П. II, 558, 563.
Бобринскій гр. А. В. III, 146. 157.
Бобровъ А. П. II, 462.
Богатиновъ Н. Д. III, 185.
Богдановичъ М. И. I, 435, 494.
Боголюбовъ I, 527, 530, 548, 550.
Богословскій М. И. I, 638.
Богушевскій I, 438 449, 483.
Боде баронъ Ш, 163.
Бодянскій О. М. Ш, 433, 559.
Бокъ II, 415, 417, 418.
Болдыревъ I, 502, 503.
Бологовской II, 416.
Болтинъ Н. П. I, 287—289.
Бонакъ II, 298.
Борзовъ Ш. 297.
Борисовскіе III, 495.
Боровиковскій I, 554.
Борисовы II, 187.
Бородатовъ М. М, I, 394—396, 414, 415, 440, 491.
Бороздина М. А. II, 191.
Бороздинъ II, 193.
Бородинъ II, 286—288.
Борстъ II, 326.
Боткинъ I, 557.
Боткины III, 495.
Брандтъ Р. I, 276.
Браницкая гр. А. В. I, 213, 214.

Библиотека "Руниверс"

Брауншвейгъ II, 25, 27, 28.
Браунъ II, 279, 280.
Бревернъ Н. П. III, 156.
Бревернъ I, 556.
Бриммеръ д-да II, 482—485.
Браницкій гр. Ш, 212, 231, 237, 416.
Бріенне III, 330, 333.
Бродскій I, 527, 530, 532.
де-Брольи III, 213.
Бронниковъ I, 527.
Броунъ гр. Ю. Ю. III, 5—10.
Бруни Ѳ. А. I, 537, 540, 554 556.
Брюйнигсъ II, 325.
Брюловъ К. II, I, 525; II, 233.
Брюловъ Ѳ. П. I, 527.
Брюловъ II, 25.
Брюсова II, 135.
Брюсъ II, 290, 305, 311, 329, 375; III, 37, 38, 47—49.
Брянчаниновъ II, 232.
Буазо I, 233.
Бугровъ I, 280, 282, 284, 285.
Буде I, 152.
Буксгевденъ гр. I, 138—140, 142, 143, 153—156.
Буксгевденъ II, 242, 244, 247.
Булгаковъ II, 195; III, 94, 112, 116, 222—224, 226, 230, 244, 246, 255, 262, 306, 311—314, 317—319, 325, 371, 376, 386, 401, 404.
Булгаковы II, 409.
Булгаринъ I, 65, 86, 89, 94; III, 282.
Бурманъ I, 386.
Бурнашевъ I, 637, 643.
Бурцова Н. П. I, 14.
Буссе I, 297.
Бутенева I, 43.
Бутурлинъ С. П. I, 400, 403, 406, 408.
Бутурлинъ гр. М. Д. II, 400.
Бутурлинъ гр. I, 175, 177.
Бутурлинъ I, 410, 413, 414. 416, 425; II, 374.
Бухмейеръ I, 399, 400, 425, 433, 436, 482, 492.
Бушѐ II, 393.
Бушманъ I, 636, 638, 639, 643, 649, 650, 651.
Буяльскій II, 354, 382.
Бычковъ А. Ѳ. II, 556.
Бѣлевскій II, 390.
Бѣлинскій III, 281.
Бѣлоголовый II, 191.
Бѣляевъ И. В. III, 147, 149.

*

Ваксъ I, 642.
Валуевъ II, 94, 98; III, 153, 476.
Вальполь III, 16.
Ванновскій II, 40, 56.
Варажъ III, 402.
Варлаамъ (Ясинскій) III, 503.
Варнекъ I, 554, 555.
Василевскій II, 17.
Васильевъ А. В. I, 307.
Васильевъ III, 427.
Васильчикова А. И. II, 422.
Васильчиковъ кн. I, 488, 489, 495, 500, 511.
Вассенаеръ бар. Ш, 54.
Ватовскій I, 446, 509, 510.
Вахрамѣевъ В. А. II, 400.
Веберъ II, 324, 330.
Вейдель А. Р. I, 162.
Веймарнъ I, 400, 407, 415, 426.
Веклеръ Г. Я. I, 547.
Величко II, 37, 38.
Вельзекъ гр. II, 276.
Вельтманъ А. Ѳ. II, 554.
Вельяминова А. Н. I, 91.
Вельяминовъ Н. Н. II, 217.
Вендрамини I, 530.
Веневитинова I, 97.
Веневитиновъ А. В. I, 67, 73.
Венеціановы III, 501.
Венигъ I, 527.

Библиотека "Руниверс"

Вержень Ш, 14, 25, 26, 51, 54, 69, 73, 76, 86, 88, 90, 92, 96, 102, 105, 112, 115, 116, 118, 212, 221, 222.

де-Вернель гр. Ш, 64.

Вернеръ И. И. II, 478.

Верховскій Е. И. II. 467.

Верховцевъ И. А. Ш, 500.

Веселовскій I, 375; II, 332, 334—339.

Вестфаленъ II, 329.

Вешняковъ В. И. III. 442—448.

Вигель I, 45—47; II, 376, 421.

Виллинсъ Ш. 77.

Вильбоа I, 155.

Вилье II, 354.

Вильценъ I, 71.

Вильмеръ I, 152.

Витали I, 531, 535; II, 233.

Витворть II, 272, 295, 300, 305—310; III, 374, 388, 401.

Витгенштейнъ гр. I, 236.

Витекеръ I, 653.

Витковскій II. 7—9.

Витовтовъ П. А. II, 350—389, 564; Ш, 530.

Висковатый III, 165.

Вишняковы III, 495.

Владиміровъ А. П. II, 142.

Владимиръ Александровичъ великій князь III. 562.

Власовъ Т. И. Ш, 502.

Воейкова А. А. I, 473—476.

Воейкова Ш, 161.

Воейковъ I, 182.

Война-Куринская II. П. II, 192.

Войтковскій В. М. II, 425.

Войцѣховичъ II, 435.

Волкова II, 353.

Волковъ Г. И. II, 305.

Волковъ Д. В. II, 346.

Волковъ Н. II. II, 355.

Волковъ II, 260, 275. 384.

Волконская кн. М. Н. II, 191.

Волконская кн. С. Г. I, 560.

Волконскій кн. П. М. II, 421; III, 561.

Волконскій кн. II, 234; Ш, 147.

Волконскій I, 526.

Волфенбютельская принцесса II, 306,

Волынскій I. 41.

Вольтеръ I, 161; Ш, 16, 17, 208.

Воробьевъ М. Н. I, 528, 536.

Воронинъ Е. Ѳ. Ш, 490.

Воронихинъ Ш, 478.

Воронцова гр. А. К. II, 343.

Воронцова Е. Р. II, 341, 343—345.

Воронцова гр. Ш, 31.

Воронцова Ш, 397.

Воронцовъ гр. А. Р. Ш, 66.

Воронцовъ гр. М. Л. I. 190.

Воронцовъ кн. М. С. I, 45, 452—455.

Воронцовъ гр. Р. Л. I, 174; II, 341, 347.

Воронцовъ кн. С. М. I, 454; II, 92, 392.

Воронцовъ кн. II, 441, 452, 453; III, 183.

Воронцовъ гр. С. Р. II, 341; III, 102.

Воронцовъ гр. II, 550; Ш, 57, 91, 97, 101—104, 108, 110, 112, 113—115—305, 331.

Воронцовы гр. Ш, 51.

Воронцовъ-Вельяминовъ II, 79.

Ворошнинъ Т. И. Ш, 490.

Востряковъ III, 495.

Врангель I, 640, 642, 648, 650.

Врасскій П. А. Ш, 471.

Вреде I, 224; Ш, 354.

Всеволодовъ II. 82—88.

Всеволожскіе I, 544.

Всеволоцкіе Ш, 455—458.

Всеславинъ I, 537.

Вуичъ I, 620.

Вукотичъ I, 388—390.

Вульфертъ Ш, 168.

Библиотека "Руниверс"

Выгодовскіе II, 187.
Вьельгорская гр. А. М. II, 200.
Вьельгорскій гр. М. Ю. II, 195, 201, 204, 227; III, 136, 137.
Вяземская кн. В. Ѳ. II, 136.
Вяземскій кн. А. А. III, 107.
Вяземскій кн. П. А. I, 468—472; II. 199. 216, 217; II, 421, 423; III, 54. 207. III, 431, 432, 559, 562.

*

Гаазе I, 272.
Габермасъ III, 9.
Гави I, 455.
Гавріилъ Кагунъ архим. I, 298.
Гавріилъ (Розановъ) архіеп. II, 426, 429.
Гавріилъ еп. I, 628, 629, 630, 631.
Гагарина кн. II, 376.
Гагаринъ кн. С. III, 425.
Гагаринъ кн. I, 539, 541, 542, 545, 548, 557, 562; II, 191, 249, 251; III, 157.
де-Гай-Курмененъ II, 259.
Гакуровъ I, 545.
Галаганъ III, 188.
Галисоньеръ III, 112.
Галло III, 247.
Гальвецъ III, 340, 374.
Гамалѣя I, 162.
Ганешины III, 495.
Ганнеманъ I, 253, 254; II, 472.
Гансъ I, 60, 70. 74.
Гарденбергъ гр. III, 15.
Гарденеръ I, 488, 489, 509, 510.
Гаррисъ III, 92, 305.
Гастфрейндъ I, 653; II, 238.
Гаузеръ I, 167.
Гвоздевъ И. III, 470.
Гегель I, 61. 71, 72, 74.
Гедеоновъ I. 554, 556.
Гемпискій I, 155.
Гейманъ I, 229, 246, 248, 249, 250.
Гейротъ А. II, 488.
Гейтъ фонъ деръ I, 160.
Геллихіусъ III, 357, 359.
Геннади II, 281.
Геннерихъ I, 433, 487—489, 495, 498.
Геншель I, 645.
Георгіевскій I, 641.
Герасимъ архим. I, 55,
Гербертъ I, 245; III, 306, 312, 313, 317, 318.
Гергардъ III, 533.
Гердъ III, 511.
Геркенъ I, 525.
Геринъ I, 521.
дю-Геронъ II, 262—264.
Геррёреръ I, 272.
Герсевановъ I, 393.
Герценъ А. И. II, 557, 559; III, 425.
Герцъ гр. II, 329; III, 19, 38, 54, 58, 62, 86, 94, 339.
Герштенцвейгъ I, 438, 439.
Гешовъ II, 305.
Гигенботомъ II, 204.
Гизетти III, 501.
Гизо II, 360.
Гилленбергъ II, 328.
Гильомъ II, 35, 36.
Гиляровъ Н. П. III, 153, 283, 562.
Гиниуловъ Н. II, 551, 552.
Гіюнъ м-за II, 362.
Глазенапъ II, 356.
Глазуновы актрисы I, 283.
Главоецкій I, 407.
Гледичъ III, 9.
Гликосъ Геннадій I, 301.
Глинка М. И. I, 477, 478; II; 30, 392.
Глинка Ѳ. Н. III, 136—138.
Глинки-Маврины II, 382.

Библиотека "Руниверс"

Глоріантовъ В. И. I. 289.
Глѣбова I, 532.
Глѣбовъ II, 317.
Говей II, 335.
Гоголь I, 465, 466; III, 271—291, 433—441.
Голенищевъ-Кутузовъ И. Л. I, 195.
Голенищевъ-Кутузовъ Л. И. II, 414.
Голенищевъ-Кутузовъ П. И. II, 120.
Голицинскій В. А. III, 557.
Голицына кн. А. П. III, 158—161.
Голицына Е. И. I. 45.
Голицынъ кн. А. Д. II, 136.
Голицынъ кн. А. М. I, 0163; II, 280.
Голицынъ кн. А. Н. I, 50, 54, 55; III, 162.
Голицынъ кн. Д. В. I, 50, 51.
Голицынъ кн. И. Ѳ. II, 346.
Голицынъ кн. Н. С. III, 136, 161.
Голицынъ кн. П. А. II, 301.
Голицынъ кн. С. М. I, 51, 55; III, 161, 559.
Голицынъ кн. С. Ѳ. II, 132.
Голицынъ кн. Ю. III, 162.
Голицынъ кн. I, 178; II, 351.
Голицынъ I, 375.
Голицыны III, 51.
Головинъ I, 375; II, 265, 266; III, 153.
Головкинъ гр. II, 277, 327, 331.
Головкинъ II, 289, 290, 291, 292, 305, 307, 308, 310, 311.
Головнинъ А. В. II, 90.
Головщиковъ Н. II, 144.
Голомбіевскій А. II, 391, 399.
Голофтѣевы III, 495.
Голохвастовъ Д. Д. III, 478.
Голубинскій Ѳ. А. II, 143, 144.
Голубинскій III, 552.
Голубцовъ I, 479, 636; III, 176.
Гольдманъ I, 400, 407.
Гольцъ I, 179; III, 15—17.
Гончаровъ С. Н. III, 156.
Гопфъ I, 245.
Гора Н. С. I, 394; II, 5.
Горбачевская I, 377, 379.
Горбуновъ II, 109.
Гордонъ I, 514.
Горецкій III, 528.
Горлова М. И. II, 149.
Горскій А. В. II, 281.
Горчаковъ кн. М. Д. I, 397—408, 410—425, 481—483, 492—495, 510.
Горчаковъ кн. II, 18, 19, 30, 369, 374, 555; III, 145.
Готовцевъ I, 637.
Граббе гр. II, 366.
Граббе III, 530, 531.
Грановскій Т. Н. I, 59, 65, 259, 456, 461—463; II, 554; III, 438.
Гребо II, 158, 159,
Греве II, 284.
Гречулевичъ В. В. II, 426.
Грейгъ III, 113, 350, 363, 374.
Гречъ II, 361.
Грибовскій II, 133.
Григорій пр. II, 414.
Григоровичъ Д. В. I, 381.
Григоровичъ В. И. I, 537, 562.
Григоровичъ Н. И. III, 462.
Григоровичъ I, 535.
Григорьевъ А. А. III, 283.
Григорьевъ В. В. I, 461—463.
Григорьевъ Н. А. I, 282.
Григорьевъ II, 49.
Гримъ I, 639; III, 15, 26, 36, 105.
Грицевичъ I, 284, 285.
Громека II, 23.
Гротъ К. К. I, 157—0162.
Гротъ Я. К. I, 161.
Гротъ II, 91; III, 169.
Грудевъ Г. В. II, 420.
Грузинъ К. Д. II, 435, 438.
Губерти В. Н. II, 133.
Губерти Д. Н. II, 134.

Библиотека "Руниверс"

Губерти II, 281.
Губины III, 495.
Губкинъ И. С. II, 113.
Губонинъ III, 183.
Губонины III, 495.
Гувіонъ генер. I, 224, 225, 227. 236.
Гуддекъ I, 165.
Гудовичъ А. В. II, 552.
Гудовичъ II, 343.
Гулевичъ С. А. I, 617.
Гульневичъ О. И. II, 564.
Гуляевъ I, 420, 421.
Гурій архим. III, 503—512.
Гурко I. В. II, 45—47, 56, 61, 62, 67, 68, 74, 76, 77, 78, 80, 185.
Гурьевъ I, 539.
Гуторовъ III, 267.
Густавъ III, 342—361, 364—366, 368, 370, 381—386, 388, 402, 403.
Густавъ IV, III, 526.
Гусятниковы III, 492.
Гуттенъ У. III, 557.
Гуфландъ I, 59, 62, 64.
Гучковы III, 495.
Гюббенетъ I, 503.

*

Давидовичъ III, 185.
Давыдовъ Л. Д. II, 132.
Дагесò III, 46.
Дадіанъ кн. 530.
Даль В. И. I, 45; III, 113.
Даниловъ В. В. III, 441.
Данілъ архим. I, 294, 297, 393.
Данненбергъ I, 411, 501, 619—621.
Даргомыжскій II, 361.
Даунъ I, 179, 183.
Дашкова кн. Е. Р. I, 216; II, 341; III, 18, 26, 36, 320.
Дашковъ Д. В. II, 135. 136.
Дашковъ кн. М. И. II, 340, 347.
Дашковъ I, 0163.
Дебермонъ аббатъ III, 323.
Добомбель III, 375.
Дебріенн III, 324, 367.
Дебу И. М. I, 395, 440.
Девалансъ III, 307.
Дегтяревъ I, 41, 42.
Дедамасъ гр. III, 362, 375.
Дезальеръ II. 269.
Декò III, 528.
Делинь кн. III, 25. 111, 112, 114, 193, 194, 217, 231—233, 235, 236, 240, 251, 253, 255, 257, 258, 266, 302, 320, 337, 338, 345, 361, 362, 366, 397, 404—406.
Делицинъ П. С. II, 143, 144.
Дельвигъ бар. А. I, 90; II, 371, 376; III, 140, 145, 370.
Дельсаль I, 446, 509, 510.
Деляновъ И. Д. III, 142, 176. 185.
Демидовъ П. Е. III, 490.
Демидовъ I. 289
Демутъ-Малиновскій В. И. I, 552.
Денюглу И. Н. III, 540, 543. 546.
Денисовъ II, 285.
Денисьева III, 119—135.
День 396, 397, 487, 515, 516.
Деппъ II, 79.
Державинъ Г. Р. I, 207, 214—217; III, 464.
Дерибасъ III, 404.
Дибенъ гр. III, 352.
Дивова Е. П. III, 50. 51.
Дивовъ Н. А. I, 479.
Дидро III, 26, 37. 207, 208.
Димитрій (Сулима) архіеп. I, 465; II, 552.
Дилльонъ III, 212. 213, 219.
Дицъ III. 341. 371.
Діонисій архим. I, 291.
Джибаръ Христофоръ I, 298.
Дзичканецъ I, 393, 396, 397, 518.

Библиотека "Руниверс"

Дмитріевъ М. А. I, 55; III, 558.
Дмитріевъ Ѳ. М. II, 556.
Дмитріевъ-Мамоновъ А. М. II, 191; III, 351.
Добберть А. А. II, 205.
Добровольскій К. Н. I, 618—622; II, 288, 424.
Докучаева Н. Г. III, 502.
Долговы Ш. 396.
Долгорукая кн. Е. Ѳ. II, 132.
Долгорукая княжна Ш, 50,
Долгорукіе кн. II. 319.
Долгорукій кн. А. А. II, 391, 398, 399; III, 267.
Долгорукій кн. В. А. II, 412—414, 508, 566; III, 175, 188, 560, 562.
Долгорукій кн. В. Л. II, 290, 307, 311—313, 316, 318, 321.
Долгорукій кн. С. Н. Ш, 464.
Долгорукій кн. Г. II, 310.
Долгорукій кн. П. В. Ш, 51.
Долгорукій кн. I, 50, 397, 442, 481; II, 261, 277, 305, 328.
Домашевичъ I, 429.
Дона гр. I, 168.
Донецъ-Захаржевскій I, 630.
Дорнеръ I, 527.
Дороховъ II, 402.
Дортю I, 218, 222.
Достоевскій Ѳ. М. I, 381.
Дройзенъ I, 60.
Друцкая кн. Л. А. II, 406, 407,
Друцкой-Соколинскій кн. Д. В. II, 409.
Дрюей I, 230.
Дубенскій I, 425, 426, 437.
Дугансонъ I, 452.
Дудышкины Ш, 500.
Дулликеръ I, 227, 234.
Думновы Ш, 496.
Дункеръ II. 196.
Дурново И. Н. III, 188,
Дурново Н. I, 302.
Дучичъ архим. I, 307, 311.
Дюкерлей I, 396.
Дюфрень I, 251.
Дьякова Е. А. II, 195.

*

Евгеній митр. II, 435.
Евгеній пр. III, 149.
Евлампій I, 480.
Евреиновы Ш, 491.
Егоровъ А. Е. I, 543, 544.
Екатерина Павловна вел. кн. III, 353.
Екатерина I-я, II, 291.
Екатерина II-я, I, 161, 162, 191—217, 303, 317; II, 134, 135, 340—349, 421, 516—526; III, 5—118, 193—266, 295, 298—416, 464, 526.
Елагина А. П. I, 476.
Елагина Е. А. I, 62.
Елагина Е. И. II, 130.
Елагинъ А. А. I, 89.
Елагинъ I. 397.
Елена Павловна вел. кн. II, 365, 431, 474.
Елисавета Алексѣевна имп. II, 421—423; III, 30.
Елисавета Михаиловна вел. кн. II, 204.
Елисавета Петровна имп. I. 0163; II, 280, 341; III, 559.
Елисѣевъ II, 155.
Енгалычевъ кн. II, 373, 376.
Епифаній (Избицкій) I, 292, 295; II, 565.
Еренштромъ III, 355.
Ермаковы III, 496.
Ермоловъ А-дръ II. III, 78, 108, 109, 110.
Ермоловъ А. П. I. 53, 317; II, 376, 465—475, 499; III, 422.
Ермоловы II, 502.

Библиотека "Руниверс"

Есаковъ Е. С. III, 475.
Ефремовъ П. А. II, 392.
Ефремовъ А. П. I, 58.

*

Желтухинъ I, 629.
Женé III, 336, 408.
Жеребцовъ Н. А. III, 147.
Живаго III, 496.
Жилли I, 230.
Жильцовъ I, 139—142.
Жуковскій В. А. I, 61, 258, 274, 275, 473—477, 627, 635; II, 45, 194, 195, 201, 204, 210, 216, 226, 227, 230, 232, 385.
Жуковъ II, 50.
Жулковскій I, 368.
Жураелевъ II, 435.

*

Заблоцкій А. П. I, 160; III, 410.
Заботкинъ II, 79.
Забѣлинъ М. П. III, 500.
Завадовскій гр. П. В. I, 211; III, 110.
Завадскій II, 395.
Завитневичъ II, 558.
Завьяловъ I, 530.
Загорѣцкій II, 187.
Загряжская III, 51.
Загряжскій III, 418.
Задонская Е. А. III, 158.
Заикинъ III, 119.
Зайцевъ, I, 530.
Закревская гр. А. Ѳ. II, 407; III, 560.
Закревскій гр. А. А. I, 626; II, 377, 406—409; III, 425, 438.
Залеманъ I, 543.
Залѣсовъ I, 407, 408.
Замятинъ I, 479, 636, 638; II, 419.
Зарубинъ Г. Н. III, 502.
Зарянко I, 530, 535.
Засъ III, 530, 531.
Засядко А. Д. II, 477.
Затлеръ Ѳ. К. I, 409, 410.
Зауервейдъ А. И. I, 553, 554.
Захаржевскій Я. В. II, 508—515.
Захаровъ В. И. I, 396.
Захаровъ И. С. I, 206.
Звѣревъ К. Я. I, 380, 381, 518—520; II, 5, 13, 14, 37, 40, 41, 79.
Зейдлицъ К. К. I, 473—476.
Зейме I, 428, 429, 433.
Зеленый II, 415, 418, 419.
Земскіе III, 493.
Зенгбушъ I, 277, 278.
Зибергъ I, 151.
Зигернъ-Корнъ I, 446.
Зиновьевъ III, 168.
Зміевъ Л. Ѳ. III, 449.
Знаменскій С. И. II, 425.
Золотаревъ II, 117.
Зонтагъ А. П. I, 59, 97.
Зотовъ II, 290.
Зубковы III, 496.
Зубовъ гр. Вал. I, 41, 42.
Зубовъ кн. П. А. II, 134 422; III, 399, 400.

*

Иванова У. Д. I, 623.
Иванова Ю. Ѳ. I, 628, 629, 631.
Ивановъ А. Ѳ. II, 146, 153, 156, 175, 177.
Ивановъ И. Д.. I, 624, 628, 629.
Ивановы I, 539; II, 187.
Ивановскій С. А. III, 426.
Игнатьевъ II, 101; III, 504, 510.
Измайлова П. С. III, 502.
Имбергъ I, 7.
Иноземцевъ Ѳ. И, I, 260, 456—460.
Иннокентій митр. I, 297.
Иннокентій Херсонскій II, 430, 432—453.
Иннокентій I, 272.

Библиотека "Руниверс"

Ираклій царь III, 224.
Исаевъ II, 284.
Исаевы III, 491.
Исидоръ митр. I, 52, 635.
Исландеръ III, 282, 478.
Исленевъ III, 418—420.
Истоминъ I, 387.

*

Іаковъ патр. I, 293.
Іенсенъ I, 527, 543.
Іеремія преосв. I, 280.
Іоанникій арх. Варш. II, 22.
Іоанникій митр. Моск. III, 178, 185, 187, 192, 481—488.
Іоаннъ Антоновичъ III, 34.
Іонинъ II, 176—178.
Іорданъ I, 537.
Іосафъ іером. I, 466.
Іосифъ I, 195, II, 213. III, 238, 245, 246, 249, 264, 265, 315, 332, 388.
Іосифъ пр. II, 411, 435.
Іосифъ старецъ II, 375.

*

Ква I, 220.
Кабановъ I, 527.
Кавелинъ II, 227, 234.
Кадникова II, 350.
Казначеевъ А. А. I, 454.
Казначеевъ А. И. II, 444—455.
Кайдаловъ М. М. II, 124.
Кайсарова I, 77.
Кайсаровъ Л. А. III, 490.
Кайсовская М. В. II, 200.
Каласъ III, 208.
Калиновская II, 197.
Калитинъ I, 138, 143—156.
Каллиникъ патр. I, 291.
Каллонь III, 196.
Калмыковъ I. 622.
Калугинъ И. Н. III, 423—429.
Калужскіе III. 496.
Калустовъ И. М. III, 500.
де-Камаресъ I, 234.
Каменскій гр. М. Ѳ. III, 213, 214.
Каменскій гр. С. М. II, 400—405, 408.
Каменскій III, 389,
Кампанъ II. 363.
Кампе II, 307.
Каплерасъ I, 242.
Карабановъ П. Ѳ. I, 318.
Караваевъ I, 512.
Карамзинъ В. Н. II, 392—396.
Карамзинъ III, 140, 559, 560.
Карасевскій II, 435.
Карасевъ Ѳ. II, 551.
Карачинскій II, 285.
Каретниковы III, 492.
Карзинкины III, 496.
Карлъ XII, II, 257, 268.
Карповъ В. Н. II, 441.
Карпъ I, 636.
Карьеръ III, 26.
де-Кастри III, 73.
Каткартъ III, 113.
Катковъ III, 151, 153—155, 157, 158, 179, 186, 479, 547—549.
Кауфманъ К. П. I, 501, 503, 507, 508, 510—512, 563, 564; II, 13, 39, 142.
Кауфманъ М. П. I, 381.
Кауцманъ I, 151.
Кахановъ II, 142.
Квашнина-Самарина II, 368.
Квашнинъ-Самаринъ II. 6.
Квистъ О. И. I, 379—381, 502, 503, 636, 637: III, 182, 186.
Квитка II, 85.
Кедровъ С. II, 277, 313, 339.
Кейзерлингъ I, 190.
Кекуатовъ кн. I, 490.
Келлеръ бар. III, 316, 328.
Кемерлингъ I, 147.
Кенѣ I, 556.

Библиотека "Руниверс"

Кербедзъ I, 383.
Керстенъ I, 543.
Кикинъ II, 317.
Кирилинъ А. Н. I, 320.
Кирпичниковы III, 501.
Киршъ I, 545.
Кирьяковъ I, 442, 443.
Кирѣевская Н. П. III, 146.
Кирѣевскій И. В. I, 56—108, 253—273; II, 560, 561.
Кирѣевскій П. В. I, 56, 80, 85, 101, 152, 105—108.
Кирѣевскіе III, 434.
Кирѣевъ А. А. II, 7.
Кирѣевъ I, 79; III, 175.
Киселевъ Д. В. II, 109, 110, 116.
Киселевъ П. Д. II, 282.
Киселевъ гр. II, 408.
Киселевъ I, 629.
Кистяковскій III, 188.
Клейнмихель гр. I, 530, 566, 567.
Клейнмихель сестры II, 383.
Клеменсъ I, 423.
Кленцъ I 60.
Климушины III, 496.
Клинъ II, 554.
Клодтъ П. К. I, 540, 560.
Ключаревъ III, 474, 475.
Княжевичъ З. И. III, 430.
Княжнинъ I, 105.
Кобельтъ I, 234.
Кобенцель гр. III, 20, 38, 54, 56—59, 68, 77, 78, 83, 94, 113, 114, 195, 196, 210—212, 218, 226, 228, 232, 237, 240, 246, 253, 305, 313, 320, 327, 334, 335, 339, 342, 351, 377, 378, 381, 412.
Ковалевскій И. С. III, 501.
Ковалевскій I, 550.
Ковальскій II, 25, 26.
Кожевниковъ Н. II, 188, 191, 192.
Кожуховъ А. С. III, 135.
Кожуховъ С. Е. II, 549; III, 266.
Козинскій I, 41, 42.
Козловъ III, 370.
Козляниновъ Т. Г. II, 400, 401.
Кокоревъ В. А. II, 409.
Кокошкинъ С. А. II, 503.
Кокошкины III, 502.
Коленіусъ П. А. III, 532.
Колзаковъ III, 530, 531.
Колзакъ II, 366.
Коленкуръ II, 408.
де-ла-Колиньеръ III, 24, 27, 37, 38, 54, 63, 76, 226.
Колосова М. В. III, 502.
Колтовскій I, 388.
Кольбъ I, 530.
Кольчугины III, 496.
Колюпановъ Н. П. I, 273.
Комаржевскій гр. III, 114.
Кондыревъ И. II, 259.
Кони III, 501.
Коновницына гр. А. И. II, 188.
Коновницынъ гр. II, 193.
Кононовъ И. А. I, 433, 454.
Константинъ Николаевичъ в. кн. I, 497, 498; II, 6; III, 185.
Константинъ Павловичъ в. кн. II, 419 459, 460, 555.
Корещенки III, 497.
Корниловъ Ѳ. П. II, 409.
Корниловъ I, 387, 442, 443, 446.
Корнильевъ I, 479.
Корсаковъ А. М. III, 216.
Корфъ бар. М. А. I, 158, 556; II, 347; III, 571.
Корфъ А. г-жа II, 383.
Коссаговскій II, 27.
Коссовичъ К. А. I, 275.
Костанда II, 183.
Костенецкій Я. И. II, 64, 65; III, 423, 425, 427.
Костинъ I, 155.
Костылевъ А. Н. III, 283.
Котляревскій I, 651.

Библиотека "Руниверс"

Коцебу I, 405, 407, 417, 425, 492, 493, 495; II, 38, 77.
Кочубей гр. В. П. I, 138, 144, 149; II, 422, 564.
Кочубинскій А. М. II, 425.
Кошелевъ А. И. I, 54, 268—275; II, 562; III, 434, 439.
Кояндеръ А. И. II, 175, 176, 177, 178.
Кояндеръ Варв. К. II, 176.
Краевскій III, 427.
Краковская гр. III, 22, 23, 24.
Краков I, 530.
Кранихфельдъ А. И. I, 639, 645, 646.
Крапоткинъ I, 645.
Красинскій III, 182.
Красовскій I, 403, 404.
Красовъ свящ. I, 315.
Красовъ II, 276, 295.
Крекшинъ II, 189.
Кремсъ I, 375.
Крестовниковы III, 497.
Кривцовъ А. А. II, 142.
Крокидасъ I, 469.
Крузе II, 16, 284.
Крузмаркъ I, 168.
Крутовъ I, 553.
Крыжановскій I, 421; II, 13.
Крыловъ I, 456, 646.
Крюднеръ б-сса I, 641; II, 45.
Крюковъ Д. Л. III, 534.
Крюковъ I, 456.
Ксенофонтовъ I, 527.
Ксенофонтъ пр. III, 156, 157.
Кубе фонъ II, 243.
Кубалисъ Прокопій I, 301.
Кудрявцевъ III, 186, 438, 536.
Кузминскій Г. И. I, 567.
Кузнецовъ I, 420, 421.
Кукольникъ Н. В. I, 559.
Кулаковскій I, 312.
Кулаковъ II, 462.
Куликовъ II, 50, 51.
Кулишъ П. А. III, 434.
Куломзинъ II, 127.
Куманины III, 497.
Кундертъ I, 243.
Куникъ I, 317.
Купреяновъ I, 640.
Куракинъ кн. А. В. I, 156.
Куракинъ кн. Б. И. II, 289—313, 326, 339.
Куракинъ кн. II, 318, 319; III, 514.
Куракинъ III, 51.
Курбатовъ I, 375; II, 331, 334.
Курдюмовъ III, 426.
Куриловъ III, 426.
Кусковъ В. И. II, 236.
Кутневичъ I, 51.
Кутузовъ А. II, 191.
Кутузовъ кн. Смоленскій II, 416.
Кушелева гр. I, 534.
Кушелевъ III, 51.
Кюстинъ гр. III, 108.

*

Лабзинъ III, 558.
Лаверетскій I, 548.
Лавровъ I, 530; II, 189, 190.
Лазаревъ М. П. I, 387, 483.
Ламанинъ М. Ѳ. I, 529, 637.
Ламбль I, 456.
Ламетъ III, 212, 213, 216, 219, 229, 230.
Лангель I, 140.
Ланжеронъ гр. II, 471.
Ланины III, 497.
Ланской А. Д. II, 349; III, 27.
Ланской В. С. II, 82.
Ланской С. С. I, 631.
Лаперузъ III, 76, 77, 369, 370.
Ласковскій I, 639, 643.
Лаудонъ I, 178, 181, 186.
Фонъ-деръ-Лауницъ I, 556; II, 28.
Лафайетъ III, 212.

Библиотека "Руниверс"

Лафитъ III, 75, 336, 337, 379.
Лачинова II, 376.
Лебединцевъ Ѳ. Г. II, 552.
Де-Лебель I, 178.
Левашовъ гр. II, 434.
Левенгауптъ гр. III, 385.
Леченцъ С. Т. I, 465.
Левитовъ А. И. III, 465—470.
Левшинъ А. А. III, 502.
Левшинъ II, 412.
Легляръ Томасъ I, 218—252.
Леонидъ архіеп. II, 410—420; III, 471—480.
Леонидъ преосв. II, 389; III, 145—162.
Леонтьевъ П. М. I, 479; III, 532—538
Леонтьевъ III, 154, 175, 176.
Лепешкины III, 497.
Лершъ М. III, 45, 46.
Лерхе I, 638.
Лессепсъ III, 369, 370.
Лестокъ II, 343.
Лефортъ I, 189.
Лефтеръ Я. Е. II, 147.
Лидерсъ I, 412, 413, 418, 419, 423, 496.
Литке Ю. В. II, 198.
Литке Ѳ. П. II, 203.
Литта III, 402.
Лихачевъ I, 490, 512.
Лихонинъ I, 83; II, 286.
Лихтенъ II, 130.
Лобановъ-Ростовскій кн. И. А. III, 147.
Лобковы III, 497.
Логиновъ Ѳ. Т. I, 624.
Ломакинъ I, 640.
Ломбардетъ I, 233.
Ломновскій I, 384.
Ломоносовъ I, 260.
Ломтевъ Н. А. II, 109.
Лопатинъ М. Н. III, 183.
Лопатинъ I, 644.
Лопатниковъ А. Н. II, 236.
Лопухина кн. II, 133.
Лопухина II, 376.
Лопухинъ А. II, 318, 319.
Лопухинъ И. В. I, 480.
Лопухинъ II, 326.
Лопухины II, 343.
Лорисъ-Меликовъ гр. II, 89, 90, 92—94, 98—101.
Лугинина В. П. III, 439.
Лужинъ I, 530.
Луккезини III, 374, 376.
Лукутины III, 493.
Лукьяновы III, 501.
Лунина Ѳ. Н. III, 140.
Лухмановы III, 497.
Львовъ Н. А. III, 193.
Львовъ Ѳ. I, 545.
Львовъ кн. I, 637; II, 321.
Львовъ I, 539, 541, 542, 548, 550, 557, 562.
Лѣсовскій II, 415.
Любибратичъ I, 312.
Любимовъ II, 555.
Любомирская кн. III, 212.
Людовикъ XIV, II, 258, 259—263, 265, 266, 272, 275, 277.
Ляпуновъ I, 518.
Лялинъ I, 533, 537.
Лямінъ Ѳ. Ѳ. II, 509.
Лямины III, 497.

*

Макарій митр. III, 558.
Маврокордато III, 247, 313.
Магницкій М. Л. II, 426.
Мазурины III, 497.
Майковъ I, 314.
Манаевъ кн. II, 67.
Макарій старецъ I, 262, 272.
Макаровскій М. Е. I, 282.
Макаровъ I, 375.
Маковъ II, 94.
Максимовичъ I, 81, 94, III, 433—441.

Библиотека "Руниверс"

Максимовъ I, 386.
Максутовъ кн. I, 528.
Макшеевъ I, 400, 426.
Малаевъ I, 625.
Малашевскій III, 410.
Малербъ III, 40.
Маловъ III, 425, 426.
Мальзербъ III 324.
Мальтицъ бар. I, 59, 62.
Мальцевъ протоіерей I, 635.
Малютины III, 497.
Мамоновъ гр. II, 134, 135; III, 110, 115, 195, 232, 265, 307, 320.
Мамоновъ III, 396, 397.
Манасеинъ II, 183.
Мандерштернъ III, 530, 531.
Мандтъ II, 204.
Маниковъ И. Б. II, 127.
Мансуровъ Н. П. I, 460.
Мансуровъ I, 636.
Мансуръ III, 104.
Мантейфель I, 167.
Мануиловъ II, 27, 28.
Маракуевъ М. И. II, 107—129.
Маріеттъ II, 158, 159.
Марковичъ-Стоянъ I, 311.
Марковскій III, 528.
Марковъ I, 315, 537.
Марія Александровна имп. 561.
Маркусъ II, 18, 203, 210.
Марлборо герцогъ III, 51.
Мартыновъ II, 565.
Масловскій I, 452.
Масловъ В. П. III, 529.
Масловъ И. И. I, 158; III, 163.
Масловъ С. А. III, 475.
Масперо II, 158, 159.
Матвѣевъ А. I, 395; II, 264, 266, 267, 289.
Матусевичъ III, 410.
Матюшенко I, 459.
Матюшкинъ I, 387.
Мацѣевичъ Л. II, 431, 552.
Мачехинъ II, 260.
Медвѣдевъ I, 433.
Медоксъ II, 403.
Медынцевы III, 497.
Мезенцева Н. А. III, 502.
Мейнардъ А. П. I, 394, 395, 438.
Мейнардъ А. Р. I, 394.
Мейендорфъ бар. I, 418, 556.
Мейеръ I, 145, 530.
Мелисино А. П. II, 402.
Меллеръ-Закомельскій бар. II, 479.
Мельгуновъ А. II. II, 340—342, 345, 346.
Мельниковъ А. И. I, 444, 532.
Мендельсонъ д-ца I, 67.
Мензель I, 67.
Меншъ I, 146, 147, 150, 154, 156.
Меньковъ П. К. I, 400, 407, 492.
Меньшиковъ кн. I, 375, 399, 419, 436, 438, 441, 442, 446, 481, 620; II, 282, 338, 339, 355, 412, 415, 554.
Меньшиковъ III, 298.
Мерле генер. I, 223, 240, 242, 244, 252.
Мерсье-де-ла-Ривьеръ III, 206, 207.
Мессеръ I, 420.
Местмахеръ бар. I, 196.
Метлинъ I, 387.
Мещерская княжна III, 180.
Мещерскій кн. А. В. II, 202, 203, 407.
Мещерскій кн. Н. П. III, 155—157.
Микѣшинъ I, 543, 545, 551.
Миллеръ II, 239—256.
Милорадовичъ гр. М. А. I, 617.
Милославскій I, 528.
Мильгаузенъ I, 453.
Милютина Д. А. III, 502.
Милютинъ Д. А. II, 37, 41.
Милютинъ Н. А. II, 22, 24, 29.
Милютинъ II, 9, 13, 94, 98, 100, 333.
Миляковъ П. М. I, 286.
Минихъ I, 191, 192; II, 343; III, 18, 31, 32.

Библиотека "Руниверс"

Миранда III, 219, 306, 307.
Мирковичъ II, 413.
Мировичъ I, 0162, 0163.
Митель I, 151.
Митрофанія игуменья III, 160, 161.
Митрофанъ архіеп. Тверской II, 281.
Митчель III, 158.
Михаилъ митр. Сербскій I, 305—316; III, 185, 187, 188, 192.
Михаилъ Николаевичъ вел. кн. I, 521, 522.
Михаилъ Павловичъ вел. кн. I, 617; II, 355, 364, 480.
Михаилъ Ѳедоровичъ царь II, 259.
Михайлова III, 472.
Михайловъ Г. К. I, 560.
Михалковъ III, 161.
Михельсонъ I, 470; III, 51, 344, 354, 389, 395.
Михлеръ I, 646.
Мицкевичъ I, 88; III, 182.
Мичуринъ В. К. I, 282.
Мишеле I, 73, 74.
Млодецкія гр. II, 366.
Мнишекъ III, 212.
Модестовъ С. С. III, 471.
Моисеенко-Великій I, 381.
Мойеръ Е. I, 475.
Мойеръ И. Ф. II, 130.
Мокржицкій II, 56.
Мокрицкій I, 529.
Моллеръ I, 537.
Монморенъ III, 226, 228, 313, 319, 325, 326, 330, 333, 334, 337, 344, 345, 350, 364, 366, 367, 376, 378, 381, 387, 391, 392, 401.
Монферанъ I, 526, 538, 539.
Моранди II, 453.
Де-Морганъ II, 159.
Морковъ А. И. III, 115, 317, 435.
Морни гр. II, 369.
Морозова III, 170.
Морошкинъ I, 304; III, 438.
Мосгейнъ I, 272.
Москвины III, 493.
Мосоловъ I, 636.
Моссъ III, 380, 381.
Мостовскій III, 410.
Мудровъ М. Я. III, 424.
Муравьева-Карская Н. Г. III, 155.
Муравьевъ А. Н. I, 295; III, 150, 151, 153.
Муравьевъ М. Н. II, 133, 410, 419; III, 139, 140.
Муравьевъ Н. Н. I, 162; II, 133; III, 472, 477.
Муравьевъ-Апостолъ М. И. I, 479.
Муравьевъ гр. I, 563.
Муравьевъ I, 272, 287, 288; II, 142. 192.
Мурзакевичъ Н. Н. II, 429, 430.
Муромцевъ Л. М. III, 159 161.
Муромцевъ III, 472.
Мусинъ-Пушкинъ гр. В. П. III, 344.
Мусинъ-Пушкинъ И. А. I, 375, 376; III, 450.
Мусинъ-Пушкинъ III, 395, 403.
Мухановъ В. А. II, 202.
Мухановъ I, 50; II, 290.
Мухинъ Е. О. III, 426.
Мышецкій Я. II, 261.
Мѣщаниновы III, 498.
Мясоѣдовъ I, 143.

*

Набоковъ II, 94, 98, 190; III, 142.
Набоковы I. 636.
Нагловскій II, 41, 79,
Надеждинъ III, 432, 433.
Назаровъ III, 425—427.
Назаровы III, 498.
Назимова М. С. II, 188, 190.
Назимовъ А. II, 189.
Назимовъ И. II, 189.
Назимовъ М. А. II, 188—191.
Назимовъ III, 438.

Библиотека "Руниверс"

Найденовъ Н. А. III, 489.
Найденовы III, 498.
Наполеонъ I, 239; III, 513—526.
Нарышкина М. Л. III, 61.
Нарышкинъ Л. А. I, 213; II, 345; III, 77.
Нарышкинъ М. М. II, 193.
Нарышкинъ III, 60, 62, 105, 196, 240.
Нарышкины д-цы III, 51.
Нарышкины II, 348.
Насакинъ I, 484.
Нассау-Зигенъ принцъ III, 111, 216, 217, 219, 231, 241, 242, 255, 256, 266, 330, 331, 337, 341, 344, 345, 361, 362, 377, 378, 390—392, 397, 401—403.
Наумовичъ III, 189.
Наумовъ I, 158.
Нахимовъ I, 387, 414, 446.
Неандеръ I, 272.
Небольсинъ I, 381, 428—431.
Невѣровъ Я. М. I, 461, 463; II, 259.
Нейдгардтъ А. Б. III, 156.
Нейдгартъ I, 55; III, 187.
Нейдгартъ III, 157.
Некеръ III, 370.
Неклюдовъ II, 419.
Нелидова Е. Н. II, 99.
Нелидова II, 203.
Нельсонъ I, 452.
Неофитъ митр. I, 291.
Неплюевъ III, 295.
Непокойчицкій I, 496.
Нератовъ II, 28.
Нессельроде II, 226.
Нессельроде гр-ня II, 377.
Нестеровъ I, 455,
Нефъ I, 556.
Нешичъ Г. С. I, 312.
Нидецкій II, 269.
Никаноръ патр. I, 290—302.
Никаноръ (Херсонскій) I, 479; III 176, 177.
Никитенко I, 482.
Никодимъ (Казанцевъ) II, 429.
Николаи бар. II, 97, 98.
Николай Николаевичъ вел. кн. I, 447, 498, 499, 506, 508; II, 5, 14.
Николай Павловичъ имп. I, 50, 55, 276, 320, 383, 384, 480, 483, 523, 524, 616, 617; II, 188, 199—203, 206, 227—232, 234, 235, 352, 366—368, 390, 391, 407, 408, 422; III, 530, 561.
Николай архіеп. (Японскій) I, 570—615.
Новиковъ Е. П. I, 472; III, 477.
Новиковъ Н. II, 420.
Новосильскій I, 387.
Новосильцевъ П. П. I, 480.
Новосильцовъ II, 423.
Нолькенъ бар. III, 54, 343, 345, 347, 350.
Нордманъ I, 76.
Норманская I, 520.
Норова С. II, 383.
Норовъ А. С. I, 276.
Ностицъ гр. II, 306, 310.
Нотбекъ I, 551. *

*

Обермюллеръ I, 498, 517.
Оболенскіе I, 643, 652.
Оболенскій кн. А. В. III, 472, 477.
Оболенскій А. I, 642, 643.
Оболенскій Д. М. кн. III, 186.
Оболенскій кн. М. А. II, 554.
Оболенскій Ю. I, 636, 637, 644, 645.
Оболенскій кн. III, 157.
Оболенскій I, 641, 650.
Образцовъ I, 537.
Овчинниковы III, 498.
Огаревъ III, 425.
Оголинъ I, 636, 637.
Одоевская кн. I, 270.

Библиотека "Руниверс"

Одоевскій кн. В. Ѳ. II, 139, 140, 193, 282.
Одоевскій III, 430.
Озеровъ I, 51.
Озерскій А. Д. II, 189.
Окелли гр. III, 14.
Окенъ I, 81.
Окоднишниковы III, 492.
Оксенштирна III, 353.
Окуличъ-Казаринъ II, 88, 193.
Окулова А. А. II, 195, 198, 203.
Окуловъ М. А. II, 195.
Окуневъ II, 376.
Олениныъ А. Н. I, 546, 568.
Олсуфьевъ В. Д. I, 318.
Ольга Николаевна вел. кн. II, 203, 204.
Ольденбургскій принцъ Г. II. II, 236.
Ольденбургскій принцъ П. Г. II, 209, 234.
Оомъ Ѳ. А. II, 203.
Ополтцеръ I, 565.
Орда I, 446, 484—486.
Орефьева II, 350.
Орловъ А. Г. I, 0162, 0163.
Орловъ гр. А. Ѳ. II, 407.
Орловъ И. Д. III, 500.
Орловъ гр. I, 621; II, 408.
Орловъ кн. II, 349.
Орловъ III, 419, 420.
Орловы I, 544; III, 18.
Орловъ-Давыдовъ гр. III, 158, 478.
Орренъ II, 307.
Осипова А. А. III, 502.
Осипова А. С. III, 502.
Осиповъ I, 535.
Неплюевъ Ф. И. I, 18.
Остенъ-Сакенъ В. Д. II, 18, 20.
Остенъ-Сакенъ гр. Д. Е. I, 45.
Остенъ-Сакенъ гр. I, 400, 407, 445; II, 376.
Остерманъ II, 326, 331, 335; III, 25, 50, 57, 67, 71, 91, 97, 102, 108, 115, 327, 328, 335, 386, 388.
Островскій III, 437.
Остроглазовъ В. М. I, 320, 464; II, 281.
Остоградскій I, 383.
Оттъ Ѳ. И. I, 317.
Офросимовъ III, 471.

*

Павелъ Петровичъ I, 0162; II, 133, 152; III, 40, 94, 320, 340, 350, 368, 409, 410, 524—526.
Павелъ протоіерей III, 159.
Павловскій М. К. 425—431.
Павловскій П. М. I, 444.
Павловскій I, 391, 392.
Павловъ Е. В. II, 236.
Павловъ И. I, 51, 52.
Павловъ Н. М. III, 180.
Павловъ II, 61, 79.
Павскій I, 51.
Палаузовъ С. Н. III. 543.
фонъ-деръ Паленъ I. 653.
Палласъ П. С. III, 95.
Пальмстіерна гр. I, 642.
Панинъ гр. В. Н. I, 639.
Панинъ И. В. II, 290.
Панинъ гр. Н. И. II, 340, 346; III, 30, 103.
Панинъ гр. Н. П. II, 423, 424.
Панинъ гр. I, 50, 642; III, 58.
Панинъ I, 189; III, 335.
Пантелѣевъ Ѳ. III, 500.
Панфиловъ I, 387.
Папковъ II, 493.
Паскевичъ кн. I, 406; II, 228; III, 421, 422.
Пассекъ В. III, 424.
Паткуль I, 167; II, 263.
Паукеръ Г. Е. I, 380, 381, 396; II, 13, 14.
Паулучи маркизъ I, 61; II, 187.
Пашковъ М. В. II, 136.
Пейкеръ I, 640, 648.

Библиотека "Руниверс"

Пейслеръ I, 147.
Перевощиковъ Д. М. I, 257.
Перегудовъ III, 425, 426.
Переплетчиковъ I, 280.
Перловы III, 492.
Перовскій гр. I, 537.
Перовскіе III, 150.
Перренъ П. Я. II, 495.
Перфильевъ I, 625; III, 438.
Песлеръ I, 150.
Пестель В. И. I, 452.
Пестель II, 352.
Петерсонъ А. П. I, 59.
Петерсонъ Ю. I, 76.
Петерсонъ Ѳ. Д. II, 481.
Петерсонъ аудиторъ I, 147, 148, 152.
Петерсонъ I, 57, 261.
Петеръ I, 538.
Петрашевскій I, 395.
Петровскій С. III, 483.
Петровъ А. В. II, 15.
Петровъ I, 525.
Петровъ I, 546; II, 31; III, 426.
Петръ I-й I, 15, 375, 376; II, 257, 258, 266 — 277, 289, 291, 292, 302, 305—312, 315 — 323; III, 298, 299, 503.
Петръ III-й I, 0162, 161, 191, 192, 317, 379; II, 340 — 348, 421; III, 18, 30—32, 562.
Пещуровъ III, 511, 512.
Пикатьеръ II, 261.
Пименовъ I, 536, 537, 556.
Писаревъ I, 67.
Писемскій I, 270.
Питтъ III, 65, 82.
Плавильщиковы III, 501.
Плавовъ П. С. I, 559, 568.
Плейеръ II, 277, 330.
Платонъ митр. III, 192.
Плевако III, 501.
Плетневъ П. А. III, 140.
Побѣдоносцева Е. А. III, 169.
Побѣдоносцевъ К. П. I, 635—652; II, 89—102, 419; III, 163—192.
Погодинъ М. П. I, 57, 82, 89, 92, 257 — 259, 267, 317 — 320, 533; II, 409; III, 139, 283, 425, 427, 431—433, 439, 538.
Поджіо I. II, 188, 191.
Познинъ II, 436.
Полевой I, 94.
Полевые III, 501.
Поликарповъ Ѳ. I, 375.
Поликарпъ архим. III, 504.
Поликарпъ ректоръ I, 51.
Политковскій I, 397, 399, 501, II, 365, 366; III, 531.
Половцовъ А. В. II, 205.
Поль-Джонсъ III, 342, 344, 345, 362, 397—399.
Поляковъ I, 538.
Полянскій I, 636.
Попова Е. И. I, 67.
Поповъ А. А. I, 387.
Поповъ В. С. II, 132.
Поповъ Д. А. III, 500.
Поповъ Н. А. II, 556.
Поповы I, 147, 303, 640, 648; II, 67; III, 498.
Пороховщиковъ II, 555.
Порфирій архим. II, 439.
Порфирій Успенскій I, 290; II, 425—431; III, 475—477.
Постниковъ II, 264.
Посьетъ II, 94.
Потаповъ I, 455; II, 142.
Потемкина Д. Г. II, 130.
Потемкина П. А. II, 132.
Потемкинъ I, 88, 162, 197, 213, 214; II, 130—132, 260, 349; III, 22, 38, 52, 53, 58—62, 65, 67—78, 81—83, 85, 91, 92, 94, 96, 98, 100, 102—106, 108—111, 115, 209, 212, 216, 218—221, 224—227, 230—232, 237, 239,

Библиотека "Руниверс"

241—248, 258, 259, 261, 264—266, 299, 300, 314, 318 — 321, 330, 331, 333, 334, 336, 337, 341, 361, 362, 366, 375, 377 — 381, 386, 389, 390, 393, 399, 404.

Потоцкій И. III, 414.

Потоцкій гр. III, 212, 231.

Потоцкіе III, 410.

Потоцкія гр. II, 366.

Похвисневъ II, 285.

Пошманъ г-жа I, 520.

Пошманъ I, 378, 379.

Поярковъ I, 640.

Превò III, 345.

Преображенскій П. А. II, 153, 163, 177, 178.

Принцъ II, 481—485.

Протасова А. С. III, 78, 79, 126, 232, 320.

Протасовъ гр. Н. А. II, 429, 433, 435, 442—444; III, 430.

Протопоповъ II, 282.

Протопоповъ III, 425.

Прохорова А. I, 634.

Прохоровы III, 498.

Прянишниковъ Ѳ. И. I, 318, 379.

Пташинская Н. И. II, 181.

Пугачовъ III, 32, 33.

Пузыревскій II, 79, 475.

Пультеней II, 295.

Пушкина III, 50.

Пушкинъ А. С. I, 477; II, 138, 188, 190, 550, 561.

Пушкинъ маіоръ I, 188.

Пушкины I, 77.

Пущинъ II, 352.

Пылаевъ М. И. II, 400; III, 295.

Пынинъ А. Н. 482.

Пыпинъ III, 188, 189.

*

Рагоцци II, 270, 271, 274, 291—293, 295, 297—303, 305.

Рагуетти I, 223.

Рагусти I, 233, 241, 251.

Радзивилъ I. 0163.

Раденъ Э. Ѳ. II, 91, 566; III, 190, 191.

Раденъ I, 638, 640, 642, 647, 650.

Радецкій Ѳ. Ѳ. I, 381.

Радкевичъ III, 528.

Радловъ I, 531.

Радовицъ I, 59, 62, 107.

Раевскій М. Ѳ. I, 468—472.

Раевскій II, 132.

Разумовская гр. III, 51.

Разумовскій А. III, 51.

Разумовскій гр. А. Г. II, 343, 346.

Разумовскій гр. Анд. К. III, 343.

Разумовскій гр. К. Г. II, 346; III, 67.

Разумовскій гр. III, 345, 346.

Разумовскій III, 350.

Разумовъ И. А. I, 288.

Раичъ III, 427.

Рамазанова Л. М. I, 543.

Рамазановъ Н. А. I, 523—569.

Растопчина гр. Е. П. III, 435.

Растопчина гр. С. Ѳ. III, 416.

Растопчина гр. II, 377, 409; III, 78.

Растопчинъ гр. II, 126.

Расторгуевы III, 498.

Раумеръ I, 58, 60.

Раупахъ I, 63, 73, 86.

Раухъ II, 203.

Рахмановъ II, 374.

Рачинская В. А. I, 476.

Рачинскій С. А. I, 476; III, 26.

Ребезовъ I, 562.

Ребиндеръ I, 143.

Рейтернъ I, 157; II, 226.

Ренаръ II, 325.

Репнинскій III, 418.

Репнинъ кн. Н. В. I, 53, 162; II, 132; III, 51, 200.

Репинъ III, 404.

Репьевъ И. Н. I, 155.

Рербергъ I, 446, 495.

Библиотека "Руниверс"

Ржевская Е. И. I, 161.
Де-Рибасъ II, 132.
Риббингъ III, 358.
Рибопьеръ гр. II, 134, 135.
Рименъ I, 149, 150.
Римскій-Корсаковъ II. А. III, 490.
Ристичъ I, 309, 311, 313.
Риттеръ I, 58, 61, 71, 73.
Рихтеръ I, 140, 141, 255.
Рицціони I, 530.
Ришелье III, 5.
Ровинскій Д. А. I, 317, 318, 642.
Роговичъ П. И. III, 424, 425, 427.
Рогожинъ В. Н. II, 420.
Рогожинъ I, 292.
Рогожины III, 498.
Родзянко В. М. II, 368.
Родзянко г-жа II, 380.
Родошковскій I, 422.
Рожалинъ I, 65, 76, 79—81, 83, 85, 87, 88, 93, 98, 101—103.
Рождественскій И. Н. III, 185.
Рожерсонъ III, 217, 301.
Розенъ А. Е. II, 190, 192.
Розенъ гр. III, 352.
Романовская II, 350.
Романовскій Д. И. I, 380, 386.
Ростовцевъ Я. И. I, 289, 622.
Ротъ II, 353.
Роше П. Е. I, 380, 505.
Ру II, 162, 163.
Рубинштейны III, 501.
Рубо I, 455.
Рудебекъ III, 357, 358.
Рудневъ III, 437.
Рукавишниковы I, 280
Рулье К. Ѳ. II, 554.
Рунофъ II, 325.
Румянцева гр. М. А. II, 136, 343.
Румянцовъ гр. Н. П. III, 13, 22, 25, 38, 51, 55, 209, 216, 238, 319, 336, 345, 374.
Румянцовъ гр. I, 184.
Румянцовъ дьякъ II, 260.
Румянцовъ III, 389, 514.
Рункевичъ С. Г. I, 480.
Рыбниковъ II, 390, 391.
Рыдзевскій II, 57, 68.
Рылѣевъ А. М. II, 91, 141, 352, 462.
Рылѣевъ III, 48 —50.
Рѣзановъ I, 527.
Рѣшетниковы III, 498.
Рюминъ II, 50, 57, 61.
Рюль живописецъ I, 62.
Рюльеръ III, 18.
Рябушинскіе III, 498.
Рязановъ А. III, 529.

*

Саблеръ III, 192.
Сабуровъ II, 94.
Савва архіеп. II, 566.
Савва Можайскій III, 149, 151, 153.
Савеловъ I, 642, 644.
Савельевъ I, 641.
Савиньи I, 60, 70.
Сазиковы III, 498.
Сакенъ III, 344.
Салаевы III, 498.
Салтыкова А. П. II, 350, 564; III, 296, 550.
Салтыкова гр. III, 50.
Салтыковъ И. А. I, 167.
Салтыковъ гр. И. П. III, 340.
Салтыковъ кн. Н. И. II, 421.
Салтыковъ П. С. III, 464.
Салтыковъ гр. III, 51.
Сальбатори I, 640.
Сальковъ I, 381.
Сальясъ гр. Е. В. III, 433—440.
Самаринъ М. Ѳ. III, 431.
Самаринъ Ю. Ѳ. I, 157—159; II, 565, 566; III, 430—432, 561.
Самойловъ А. Н. I, 200; II, 182; III, 209, 375.

Библиотека "Руниверс"

Самойловъ В. В, I, 528.
де-Сандерасъ I, 235.
Сандуновъ III, 427—429.
Сапожниковъ А. I, 252.
Сапожниковы III, 498.
Сапѣга III, 212, 410.
Сарычевъ III, 77.
Сатинъ III, 437.
Свинденъ фонъ Ф. II, 323.
Свѣчинъ I, 629, 637; III, 182.
Святополкъ-Мирскій кн. II, 373.
Сегюръ гр. Л. Ф. III, 10—118, 193—266, 298—416.
Седергіельмъ II, 338.
Седергольмъ I, 381, 505.
Селивановскіе III, 498.
Селифонтовъ II, 21.
Семенковичъ В. Н. II, 421.
Семеновъ свящ. II, 390.
Семеновъ I, 530.
Семякинъ I, 441, 445.
Сенъ-Круа III, 307.
Сенъ-При гр. I, 639; III, 401.
Сенъ-Пьерръ аббатъ III, 72.
Санъ-Сафоренъ III, 54.
Серафимовъ С. А. II, 550.
Сербиновичъ К. С. I, 641; II, 432—441; III, 427.
Сергіевскій III, 176.
Сергій I, 262.
Сергій Александровичъ вел. кн. III, 169.
Сердюковъ М. И. III. 79.
Серра-Капріола III, 54, 339.
Сестренцевичъ-Богушъ III, 204.
Сиверсъ I, 167, 640, 648, 638; III, 76.
Сигротъ III, 366.
Сипановскій II, 128.
Симолинъ И. М. III, 335.
Симоновъ Д. Ѳ. II, 124.
Симоновъ С. С. III, 502.
Синельниковъ II, 376.
Синявинъ I, 544; II, 290.
Синявская II, 274, 276, 291.
Сипягинъ Н. М. III, 421.
Скавронская гр. III, 50, 79, 320.
Скавронскіе II, 348.
Скарятина I, 558.
Скарятинъ Ѳ. Я. I, 67.
Скарятинъ I, 565.
Скарятины I, 557.
Скотти М. И. I, 525, 543, 554.
Сирипицинъ В. В. III, 562.
Смарагдъ (Крыжановскій) I, 479.
Смирдинъ I, 217.
Смирная Е. В. III, 493.
Смирнова А. О. II, 194, 195, 209, 216, 217, 226, 227, 229.
Смирновъ М. И. III, 488.
Смирновъ С. А. I, 460.
Смирновъ III, 431, 432.
Смирновы III, 498.
Соболевскій I, 83, 85.
Соколовская Т. III, 136.
Соколовскій М. К. I, 559, 617; II, 106, 564; III, 295, 551.
Соколовъ В. П. I, 563.
Солдатенковы III, 498.
Солнцева кн. II, 407.
Солнцевъ Ѳ. Н. I, 533.
Соловьевъ В. С. II, 557; III, 175, 176.
Соловьевъ С. М. II, 553—563; III, 19.
Соловьевъ III, 438.
Сологубъ II, 36.
Солодовниковы III, 499.
Соломенко С. С. I, 547, 548.
Сомовъ А. Н. II, 378.
Сорокаумовскіе III, 499.
Софроній патр. I, 301.
Спасскій И. Ф. I, 280.
Сперанскій I, 53; II, 114, 421; III, 471.
Спиридоновы III, 499.

Библиотека "Руниверс"

Спировскій Г. Д. II, 428.
Спицъ I, 537.
Спренгпортенъ III, 357, 359, 364.
Сретьковичъ Панта I, 315.
Стакельбергъ гр. IП, 200, 212.
Сталь IП, 344.
Станиславъ король III, 232, 233, 234, 236—238, 411—414.
Старицкій I, 446, 643.
Старченковъ I, 442.
Стасиневичъ П. Н. II, 552.
Стасовъ I, 636.
Статковскій II, 69.
Стевенсъ II, 33.
Стедингъ III, 400.
Степановъ I, 524.
Степанъ Малый I, 0163.
Стефановъ дьякономъ II. 390.
Стефанъ Яворскій I, 375.
Стойковичъ А. И. II, 396.
Столпянскій II. III, 272.
Столыпина М. В. II, 204.
Столыпинъ I, 405.
Страдецкіе I. 438.
Стрекалова А. Н. III, 474, 477.
Стремоуховъ П. Н. I, 570.
Строгонова гр. А. М. I, 190; II, 344.
Строганова гр. Ю. П. I, 541.
Строгановъ гр. А. С. I, 541.
Строгановъ гр. С. Г. II, 341.
Строгановъ гр. I, 50; II, 559; III, 51, 320, 536.
Строгановъ II, 94.
Стройковскій гр. II, 395.
Струговщиковы III, 493.
Стрѣляковскій I, 537, 538, 549.
Стрѣльбицкій I. X. II, 142.
Стурдза А. С. II, 429, 430.
Суворовъ II, 421; III, 51, 214—216, 333, 345, 362, 366, 401, 404, 417—420.
Сударикова I, 534.
Суворовъ гр. II, 355.
Суворовъ III, 460—464.
Сурминъ III, 458.
Сутерландъ III, 48, 49.
Сухаревъ I, 280.
Сухотинъ С. М. III, 473.
Сухотинъ II, 292.
Сухтеленъ гр-ня I, 557.
Сушкова Д. И. II, 410.
Сушковъ Н. В. I, 270; II, 410, 419, 565; III, 150, 151, 154, 558, 562.
Сычовъ III, 418, 420.
Сѣверцовъ II, 376.
Сѣряковъ I, 530.
Сѣченовъ П. 341.

*

Танкъ II, 496.
Тараканова I, 0163.
Тарасенковъ I, 639, 640, 650.
Тарновскій III. 427.
Татищевъ В. М. III, 502.
Татищевъ Н. И. III, 502.
Татищевъ С. С. I, 483.
Терновскій П. М. III, 557.
Теребеневъ А. И. I, 551, 552.
Терсинскій И. Г. III, 481—488.
Тидебёль I, 416, 417, 429, 495.
Тизенгаузенъ I, 167; II, 203, 360.
Тило И. А. II, 478, 479.
Тимашевъ I, 50; III, 179.
Тимковскій И. Ѳ. III, 423, 424.
Тимротъ I, 645.
Тимченко III, 119, 129.
Титовъ, А. А. I, 472; II, 107, 400.
Титовъ В. Н. III, 462.
Титовъ М. И. III, 500.
Тихобразовъ I, 554.
Товстолѣсъ II, 37, 38.
Токаревъ I, 531, 543.
Толмачевъ II, 413, 414, 420.
Толстая гр. А. И. I, 538.
Толстая I, 641.
Толстой гр. А. П. III, 146, 150, 152.

Библиотека "Руниверс"

Толстой гр. Д. А. II, 555; III, 431.
Толстой гр. Д. Н. 243, 247.
Толстой И. Н. I, 161.
Толстой гр. Ѳ. П. I, 530, 532, 533, 536, 537, 569.
Толстые I, 541, 543, 545; II, 304, 314, 315, 333, 334, 338.
Толстые гр. I, 623.
Томанъ I, 218, 222.
Томашевская М. С. III, 141, 294.
Томашевскій Е. А. III, 143.
Тонагель I, 444.
Тонъ К. А. I, 525 527, 542, 543, 515, 559 568.
Тонъ Ю. И. I 524.
Топорнинъ III, 426.
Тормасовъ А. П· I, 143, 147—150, 152, 153.
де-Торси II, 267.
Тотлебенъ гр. Э. И. I, 161, 179, 385, 416, 428—430, 433, 136, 441—446, 483, 484, 187, 489, 495—519; II, 9—5, 36, 142; III, 185.
Треснина Н. В. III, 293.
Третьяковскій III, 460—462.
Третьяковы III, 499.
Третьяковъ С. М. 165, 167, 168.
Троицкій Н. III, 144.
Тройницкій Н. Г. II, 426.
Троутманъ I, 146, 150, 156.
Троцкій II, 285.
Трощинскій I, 479.
Трубецкая кн. II, 370.
Трубецкой кн. Н. И. II, 411; III, 150.
Трубецкой кн. Н. Ю. II, 342, 346.
Трубецкой Ю. II, 311.
Трубниковъ П. И. III, 430.
Трузсовъ I, 645.
Тураева, Ксенія III, 423.
Трутовскій I, 380.
Тугутъ баронъ III, 200.
Тунцельманъ I, 637.
Тураева К. III, 423, 590.
Тургеневъ А. И. I, 84, 96; III, 1 40
Тургеневъ Н. И. II, 554.
Тургеневъ I, 81.
Турчаниновъ I, 285.
Туссенъ I, 378.
Тышкевичъ II, 366.
Тьеръ II, 360.
Тютрюмовъ I, 530.
Тютчева Д. Ѳ. II, 92.
Тютчева Е. Ѳ. II, 89; III, 163, 560.
Тютчевъ Ѳ. И. I, 276.
Тютчевъ I, 56, 83; III, 432.
Тютчевы I, 78.
Тюфякинъ к-а Н. Ѳ. III, 293.
Тюфякины кн. III, 293, 590.

*

Уваровъ гр. С. С. III, 427, 430.
Уваровъ I, 257.
Удино I, 225, 237.
Узелацъ Петръ I, 315.
Ульрихъ II, 44.
Урбихъ II, 301, 302, 304.
Урусова кн. Е. П. III, 480.
Урусова кн. Е. С. I, 47.
Урусовъ кн. М. А. II, 139, 140.
Урусовъ С. С. III. 525.
Урусовъ кн. I, 283, 284, 286, 287.
Урусовъ II, 98.
Усачевы III, 499.
Устинова О. В. II. 204.
Устрицевъ II, 238—256.
Уткинъ Н. И. I, 555.
Уткинъ П. П. I, 525.
Ухтомскій К. А. I, 523 569.
Ухтомскій кн. М. А. I, 565.
Ушаковъ В. Н. III, 293.
Ушаковъ Н. В. III, 293.
Ушаковъ П. П. II, 418.
Ушаковъ I, 0163, 421—423, 427; III, 530, 531.
Ушковы III, 499.

*

Библиотека "Руниверс"

Фадѣевъ I, 528, III, 166—168.
Фальконетъ III, 26.
Фалѣевъ Д. Ѳ. III, 500.
Фанъ-деръ-флитъ I, 455; II, 191.
Фейхтнеръ II, 5, 6, 9.
Ферморъ П. Ѳ. I, 379.
Ферморъ гр. I, 168.
Ферморъ Н, 279, 280.
Финельмонъ гр-ня I, 468.
Филаретовъ С. В. III, 539—546.
Филаретъ епископъ Рижскій I, 299; II, 241.
Филаретъ митр. Московскій I, 49—55, 273, 291, 293—299, 480; II, 143, 565, 566; III, 145—162, 283, 471—480, 547—562.
Филипповъ Т. И. I, 306.
Филипповъ I, 262; III, 437.
Филомафитскій I, 456.
Финкъ гр. III, 15.
Фиксъ III, 145.
Фитцъ-Гербертъ III, 54, 55, 58, 59, 63, 68, 69, 77, 78, 83, 97, 102, 109, 117, 195, 196, 202, 210, 211, 217, 227, 232, 235, 237, 240, 246, 251, 253, 262, 302, 334, 374.
Фицтумъ II, 308, 310.
Фишеръ III, 419.
Флери I, 272.
Фольмутъ I, 416, 417, 425, 429, 433 495.
Фонъ-Визинъ III, 145.
Фостиковъ I, 277, 278.
Фотій III, 476.
Фохтъ II, 187.
Фразеръ III, 325, 328, 334.
Франъ I, 140, 147.
Фредериксъ бар. В. В. II, 205.
Фредериксъ бар. М. П. II, 198, 200, 211, 213, 233.
Фрей II, 269.
Фрейгангъ А. В. I, 559, 560.
Френдеръ I, 453.
Фридериксъ бар. II, 28.
Фридрихъ Гессенскій II, 201, 202, 205, 226, 238.
Фридрихъ II-й I, 161; III, 16, 17, 20, 32, 202, 208.
Фризенгофъ А. Н. I, 470.
Фрике I, 537.
Фроловъ М. М. I, 517, 518,
Фроловъ Н. Г. I, 58.
Фрумбетти II, 289.
Фулертонъ I, 167.
Фурманъ I, 534.
Фюсли. I, 234.

*

Хававини Рафаилъ I, 299.
Хвостова А. П. I, 5, 45—48.
Хвостовъ Д. С. I, 45.
Хвостовъ С. И. I, 15.
Хвостовъ С. С. I, 42—44.
Хвощинскій I, 639.
Хлудовъ III, 499.
Хлѣбниковъ Д. Е. I, 377.
Хлѣбниковъ К. Д. I, 377 — 451, 481—522; II, 5—80, 145—186.
Хлѣбниковы III, 499.
Хлюстина I, 473, 475.
Ховенъ бар. II, 282, 286.
Хомутовъ III, 454.
Хомяковъ А. С. I, 255, 257. 259—261, 270, 477, 480, II, 111, 408, 409, 557—563; III, 181, 432, 434, 439, 556.
Хомяковъ И. В. III, 490.
Хотте I, 73.
Храповицкій А. В. III, 193.
Храповицкій М. Е. II, 234.
Храповицкій I, 206; II. 349; III, 237, 349, 351, 395.
Хрисанеъ I, 291.
Христіановичъ I, 641, 642.
Хрулевъ I, 267, 268, 481.

Библиотека "Руниверс"

Хрущовъ П. М. III, 474.
Хрущовъ I, 50.
Худяковъ I, 530.

*

Цвѣтаевъ И. В. III, 535.
Цвѣтковъ III, 149.
Цебриковъ I, 427.
Цейдлеръ М. К. II, 473.
Церлинскій I, 636, 641; III, 182
Циловъ Н. Н. II, 454—515.
Цингъ I, 240, 243, 245, 246, 24 , 250.
Цитенъ 1, 178, 179, 181.

*

Чадаевъ П. Я. II, 566.
Чарторижскій кн. А. А. II, 393.
Чарторижскій III, 410.
Чевкинъ I, 538, 570; II, 22.
Челищева Е. Я. II, 191.
Челищевъ М. II, 191.
Челышевы III, 499.
Чемена М. Ѳ. II, 425.
Черкасова Е. И. I, 83.
Черкасовъ I, 375.
Черкасская кн. Е. П. III, 477.
Черкасскій кн. В. А. I, 157, 159—162; II, 22—24, 555.
Чернышевскій Н. Г. III, 482.
Чернышова гр. III, 50.
Чернышова III, 50.
Чернышовъ гр. З. Г. I, 161 — 190; II, 278—280.
Черняевскій Г. Х. II, 17.
Черняева А. М. I, 328.
Черняевъ М. Г I, 305—316; III, 167, 168.
Черткова II, 376.
Чертковъ А. Д. III, 430.
Чертковъ Р. Г. I, 162.
Четвериковы III, 499.
Чижова А. В. I, 625.
Чижовъ В. В. I, 623—732.
Чижовъ Ѳ. В. I, 623—634.
Чижовы III, 499.
Чистякова Н. II, 133.
Чихачевъ П. О. III, 502.
Чичаговъ В. Я. III, 401.
Чичаговъ П. В. I, 143, 144, 245.
Чичаговъ III, 400.
Чичеринъ Б. Н. II, 554.
Чичеринъ Д. И. III, 297.
Чичеринъ II, 97.
Чмутовъ И. И. I, 562.
Чулковъ Л. II. 500.
Чупина Е. Д, I, 396.

*

Шалé г-жа II, 376.
Шамшевъ I, 636.
ШамшинъI, 530.
Шаппъ аббатъ III, 26, 36, 202.
Шапошниковы III, 499.
Шаригорстъ В. Л. I, 380—384, 505, 507.
Шафировъ I, 375; II, 274, 303, 304, 315. 325—331.
Шаховской кн. А. В. III, 151.
Шаховской кн. И. И. II, 314.
Шаховской кн. Н. В. I, 58.
Шаховской П. И. II, 192.
Шаховской кн. Ѳ. П. II, 188, 193.
Шашинъ II, 451.
Шванебахъ III, 147.
Шварценбергъ I, 54.
Шебуевъ В. В. I, 523.
Шебуевъ В. К. I, 528, 534, 535, 545.
Шевыревъ Б. С. III, 545.
Шевыревъ С. П. I, 86, 88, 102, 519; II. 130; III. 281, 282, 430—433, 439, 532—546.
Шейдеманъ I, 489.
Шелапутины III, 499.
Шелиховскій II, 477, 478.

Библиотека "Руниверс"

Шеллингъ I, 81, 89.
Шепелевъ I, 544.
Шереметева Е. В. III, 472, 480.
Шереметевъ гр. Д. Н. II, 137, 138.
Шереметевъ В. С. III, 157.
Шереметевъ гр. П. В. III, 303.
Шереметевъ гр. П. С. I, 0164.
Шереметевъ С. В. I, 286, 287, 288.
Шереметевъ гр. С. Д. II, 137, 138.
Шереметевъ гр. II, 344, 348; III, 475.
Шереметевъ II, 321; III, 298.
Шернваль II, 45.
Шестаковъ И. А. I, 387.
Шестовы III, 499.
Шеховской II, 305.
Шидловскіе II, 376.
Шиловская II, 365.
Шильдеръ Н. К. I, 60, 428, 429, 430 — 433, 435, 416, 517, 425, 426; II, 192.
Шиповъ Н. П. I, 55.
Шиповъ III, 434.
Ширинскій-Шихматовъ кн. I, 637.
Ширковъ III, 209.
Ширманъ г-жа II, 430.
Шарогородская III, 252.
Ширяевъ Н. Л. II, 233.
Шихматовъ кн. П. А. I, 276.
Шишкова А. II, 190.
Шишковъ А. С. I, 191—217, 303, 304; II, 453.
Шишковскій III, 51.
Шлаффъ III, 347.
Шлейермахеръ I, 62, 68, 69.
Шлейницъ II, 306, 310.
Шмидтъ I, 504.
Шнейдеръ I, 638, III, 182.
Шнерингъ I, 636, 645, 646.
Шорнъ I, 84.
Шохинъ П. А. III, 502
Шпрехеръ I, 251.
Штакельбергъ гр. III, 21, 22; III, 65, 231, 413.
Штакеншнейдеръ А. И. I, 452, 533.
Штейнбергъ Д. И. III, 533.
Штекгардтъ I, 641, 645.
Штелинъ I, 317, 319.
Штильмарнъ I, 147.
Штофрегенъ I, 387.
Штромъ П. I, 530.
Штруве I, 57.
Штуръ I, 58, 60.
Шуазель герцогъ III. 26, 94, 96, 107, 112, 114, 116, 202, 222, 225, 226, 230, 244.
Шуазель III, 306, 311—313, 317—319, 323, 325, 326, 340, 371, 372, 386, 388—391, 401, 407.
Шуберскій II, 17.
Шувалова гр. III, 51.
Шуваловъ А. III, 51.
Шуваловъ А. И. II, 343, 344, 346.
Шуваловъ А. П. I, 566, 567, 569, III, 110.
Шуваловъ И. И. I, 161—190, II, 131, 278—280, 342—344; III, 140.
Шуваловъ гр. П. А. III, 562.
Шуваловъ гр. П. I, 439, 498; II, 28, 346; III, 173.
Шуваловъ гр. III, 45.
Шуваловъ II, 347; III, 196.
Шуваловы II, 340, 346.
Шулембургъ гр. III, 15.
Шульманъ I, 528.
Шульцъ II, 471, 472, 474; III, 400.
Шуманъ I, 146, 147, 150, 153, 154.
Шурманъ I, 624.
Шуруповъ I, 563, 565, 569.
Шухановъ III, 419.
Шухвостовъ I, 528.
Шушеринъ II, 191.
Шушляевъ I, 280.

*

Библиотека "Руниверс"

Щедринъ II, 386.
Щепкинъ Д. М. III, 140.
Щербатова кн. Д. Ѳ. II, 134, 135; III, 396.
Щербатовъ кн. А. Г. II, 407.
Щербатовъ кн. II, 23.
Щербачевъ Ю. Н. II, 181.
Щукинъ П. И. I, 463; II, 348, 454; III, 5.
Щукины III, 500.

*

Эвальдъ I, 383.
Эверсъ I, 495.
Эделингъ гр-ня II, 423.
Эйнбротъ I, 64, 67, 90.
Эйлеръ II, 99.
Эйхлеръ I, 147.
Эллисъ III, 196.
Эльснеръ I, 147.
Эльсонъ М. I, 529.
Энгель А. М. II, 314.
Энгельгардтъ В. В. II, 132.
Энгельгардтъ В. Е. I, 653.
Энгельгардтъ Л. Н. III, 51, 58.
Энгельгардтъ III, 238.
Энгельгардты I, 67.
Энслей III, 341, 371.
Эпингеръ I, 554, 555.
Эрнротъ I. 400, 407.
Эссенъ III, 366.
Эстернò гр. Э. III, 15.
Этингеръ Ѳ. И. I, 540.

*

Юдинъ III, 421.
Юсуповъ кн. Н. Б. II, 134.

*

Ягужинскій I, 375.
Языковъ Н. М. I, 86, 89—92, 98, 102, 253, 259—261.
Якимовъ Н. И. III, 449.
Яковлевъ I, 530.
Яниши I, 91.
Янишъ К. И. I, 84.
Яновскій Н. М. II, 396.
Янусъ II, 298.
Яредъ Герасимъ I, 299.
Ярковскій А. А. II, 155, 157, 161, 163, 165.
Ярцевъ И. М. III, 500.
Ясинскій III, 529.
Ясновскій I, 533.
Яхонтовъ Н. II, 190.

*

Ѳадѣевъ I, 528; III, 166—168.
Ѳедоровъ П. И. I, 453.
Ѳедоровъ II, 418, 445, 564.
Ѳедотовъ I, 528, 529.
Ѳеоктистовъ III, 437.

ПОГРѢШНОСТИ:

(Стр. 293). Въ 10-мъ выпускѣ княжна Тюфякина названа Ѳедоровной: она была кн. Настасья Ѳедоровна.

(Стр. 428). Въ 11-мъ выпускѣ, вмѣсто **К. Тураевымъ** слѣдуетъ: **Ксеніею Тураевою.**

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1907 года.

(выпуски 9, 10, 11 и 12).

449. Къ исторіи Московскаго военнаго госпиталя. Письма доктора **Видлоо** къ Петру Великому.

407. Секретные ордера **Д. И. Чичерина** во время Пугачовщины.

460. Извѣтъ **Третьяковскаго** на Сумарокова.

463. Письмо **Сумарокова** къ Бельмонти.

464. Письмо **его же** къ императрицѣ Екатеринѣ.

5. Заботы **Екатерины Великой** о Лифляндской губерніи. Письма ея къ графу Ю. Ю. Броуну.

11, 192 и 498. Пять лѣтъ въ Россіи при Екатеринѣ Великой. Записки **графа Л. Ф. СЕГЮРА. 1785—1789. Новый полный** переводъ, съ примѣчаніями.

417. Суворовъ. Его своеручныя неизданныя рукописи: 1) Какъ проводить войскамъ дни Страстной недѣли и Св. Пасхи, 2) Приказы передъ Кинбурнскимъ боемъ.

464. Письмо **Державина** къ князю С. Н. Долгорукому.

139. Михаилъ Никитичъ Муравьевъ (къ столѣтію его кончины) **Д. М. Щепкина.**

513. Отзывы **Наполеона** объ его отношеніяхъ къ Россіи и къ Полякамъ, записанные **графомъ Ласказомъ.**

119. Ужасы крѣпостного права въ царствованіе Александра Благословеннаго (1824). Донесеніе Курскаго губернатора **А. С. Кожухова** о помѣщицѣ Денисьевой и ея супругѣ.

489. Московское купечество XVIII и XIX вѣковъ. **Н. П. Чулкова**

423. Студенты Московскаго Университета въ былое время. (Воспоминанія **Н. Н. Калугина**).

136. Изъ записныхъ книжекъ масоновъ **графа М. Ю. Вельегорскаго и Ѳ. Н. Глинки.** Съ предисловіемъ **Т. О. Соколовской.**

421. Письмо **И. Ѳ. Паскевича** къ Н. М. Сипягину о взятіи Эривани.

503. Пекинская духовная миссія. Донесенія **архимандрита Гурія.**

530. Къ воспоминаніямъ о П. А. Витовтовѣ **М. К. Соколовскаго.**

532. Письма **П. М. Леонтьева** къ С. П. Шевыреву.

539. Письма **С. В. Филаретова** къ С. П. Шевыреву.

527. Страничка о Польскомъ возстаніи 1863 года. Письмо **Александра Рязанова.**

145 и 471. Изъ Записокъ преосвященнаго **Леонида.** 1864 и 1865 годы.

Библиотека "Руниверс"

481. **Митрополитъ Іоанникій** въ его письмахъ къ И. Г. Терсинскому.

141. Письма **И. С. Аксакова** къ сестрѣ его **М. С. Томашевской**. (О Константинополѣ и о жизни въ Крыму).

163. Письма **И. С. Аксакова** къ К. П. Побѣдоносцеву. 1876—1885.

281. Письма къ Гоголю по поводу его „Переписки съ друзьями". А. А. Григорьева и **М. Т. С.**

433. Письмо **графини Е. В. Салiасъ** къ **М. А. Максимовичу** о кончинѣ Гоголя, съ предисловіемъ **В. В. Данилова**.

230. Два письма Ю. Ѳ. Самарина къ С. П. Шевыреву.

273. Подражаніе Данту. Сатирическіе стихи на писателей сороковыхъ годовъ. 1848.

295. Дополненія, поправки, мелочи (Стихи **В. А. Пушкина** князю П. А. Вяземскому).

465. Библіографія сочиненій А. И. Левитова, **И. Гвоздева**.

442. Библіографія сочиненій **В. И. Вешнякова**.

267. Мѣра ко взысканію недоимокъ съ крестьянъ. (Сообщено **С. Е. Кожуховымъ**).

268. Волкъ полѣна назадъ. **П. Н. Столпянскаго**.

293. Достопамятная надпись на иконѣ. (Сообщено **Н. В. Трескиной**).

547. Къ сорокалѣтней памяти митрополита Филарета: статьи о немъ **М. Н. Каткова**, **И. С. Аксакова**, **Д. Х.** и воспоминаніе **П. Б.**

294. Могила Н. П. Барсукова.

— Марья Сергѣевна Томашевская (†).

*

Внутри сорочекъ: о книгѣ Оловянишникова, „Исторія колоколовъ". О [Сказаніяхъ Рейтенфельса, о книгахъ **Н. Новомбергскаго**: „Врачебное настроеніе въ до-Петровской Руси" и **И. Г. Попруженка**: „Къ исторіи безумнаго года (1848)".—Еще о загробномъ самозванствѣ.—По поводу книжки **В. А. Аѳанасьева**: „Гдѣ быть Музею 1812 года?"

Приложены листы **Предметной Росписи** „Русскаго Архива" за 1863—1907 годы (царствованія Павла Петровича, Александра и Николая Павловичей и Александра Николаевича).

Библиотека "Руниверс"

2708. К. П. Фонъ-Кауфманъ о театрѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. **1891.** Ш, (11), 448—452. К. А. Тарновскій.

2709. Графъ П. А. Клейнмихель. **1894.** Щ, (12), 590—591. Дополненіе. **1895.** I, (2), 287—288.

2710. Ген.-ад. Козлянииовъ. **1892.** II, (6), 277—284. Письма кн. В. И. Васильчикова.

2711. Воспоминаніе о Н. П. Колюбакинѣ. Ѳ. И. Тимирязева. **1895.** I, (1), 121—127.

2712. Н. П. Колюбакинъ. Письма его къ П. Ѳ. Хлопову. Сообщ. В. В. Казнаковымъ и Е. И. Якушкинымъ. **1874.** II, (11), 949—957.

2713. Графъ Е. Е. Комаровскій. **1896.** II, (7), 408—416.

2714. Иванъ Яковлевичъ Корейша. Д. Грачева. **1901.** II, (6), 255—261.

2715. Письмо С. С. Ланского къ А. Н. Муравьеву. Съ прим. П. Л. Юдина. **1897.** Ш, (10), 292—296.

2716. Автобіографія герцога Лейхтенбергскаго. **1890.** Ш, (9), 108—112. К. А. Коссовичъ и А. С. Хомяковъ.—Маркизъ Веракъ.—Остроумовія гр. П. А. Валуева и Ѳ. И. Тютчева. — О Запискахъ Горбачевскаго.

2717. Письма митроп. Леонтія къ архіеп. Платону. **1893.** Ш, (9), 87—92.

2718. Дань воспоминанію о сорокопятилѣтней дружбѣ. (А. Н. Мазовскій). Андрея В. **1900.** I, (2), 305—307.

2719. Н. А. Милютинъ. (Некрологъ). **1872.** (2), 447—448.

2720. Къ біографіи Н. А. Милютина. **1887.** II, (7), 391—393. Переписка его отца съ Д. П. Голохвастовымъ и письмо С. Я. Унковскаго.

2721. Письмо Монталамбера къ кн. В. А. Черкаскому. **1882.** I, (2), 377—379.

2722. Изъ бумагъ гр. М. Н. Муравьева-Виленскаго. **1897.** Ш, (11), 389—394.

2723. Письмо преосв. Никанора, къ В. П. Ѳедорову. **1894.** I, (2), 270—272.

2724. Цесаревичъ Николай Александровичъ въ Болгарской колоніи. Д. В. Коломійцева. **1894.** I, (2), 267—269.

2725. Цесаревичъ Николай Александровичъ въ Самарѣ. П. Л. Юдина. **1894.** II, (6), 236—240.

2726. Цесаревичъ Николай Александровичъ въ Петрозаводскѣ. И. П. Хрущова. **1896.** Ш, (9), 132—139.

2727. Цесаревичъ Николай Александровичъ въ Астрахани. П. Л. Юдина. **1898.** Ш, (9), 109—117.

2728. Къ портрету Цесаревича Николая Александровича. **1896.** Ш, (10), 304. Поправка (11), 510.

2729. Болѣзнь и кончина Наслѣдника-Цесаревича. Письма А. Ѳ. Тютчевой къ К. П. Побѣдоносцеву и къ Е. Ѳ. Тютчевой. **1905.** II, (6), 283—304.

2730. Письмо М. П. Розберга къ А. Г. Тройницкому (о памятникѣ въ Гапсалѣ Цесаревичу Николаю Александровичу). Сообщ. Г. А. Тройницкимъ, **1905.** Ш, (9), 141—143.

2731. Переписка архіеп. Нила съ еп. Іереміею о мѣстѣ кончинѣ Арсенія Мациевича, съ предисл. А. А. Титова. **1901.** I, (1), 41—44.

2732. Гр. О. И. Орлова-Давыдова. (Изъ письма И. С. Аксакова). **1900.** II, (8), 556—558.

2733. Письма гр. Д. Е. Остенъ-Сакена къ И. У. Палимсестову. **1898.** II, (5), 100—123. Иннокентій Херсоно-Таврическій.—Графы А. С. Строгановъ и А. А. Бобринскій.—Гр. Д. Н. Толстой.—В. П. Скаржинскій.—Н. И. Пироговъ.

2734. С. Ѳ. Панютинъ. Протодіакона Филипа Радичевича. **1885.** Ш, (12), 566—567.

2735. Отзывъ Печерина по вопросу о классическомъ и реальномъ

Библиотека "Руниверс"

образованіи. **1871**. (10). 1740—1743.

2736. Донесеніе кн. П. И. Багратіона о смерти кн. Прозоровскаго. Сообщ. С. А. Панчулидзевъ. **1906**. Ш, (10). 300—301.

2737. Г. Р. Рейтернъ. **1894**. Ш, (12), 567—578. Съ портретомъ.

2738. А. С. Хомяковъ о пр. Серафимѣ Саровскомъ. Д. А. Х(омякова). **1903**. II, (7). 479—480.

2739. Еще отзывъ А. С. Хомякова о Серафимѣ. **1904**. I, (4), 683—684.

2740. Къ прославленію Серафима. Разсказъ Д. Ѳ. Тютчевой. **1902**. Ш, (9), 141—143.

2741. Н. Я. Скарятинъ. **1894**. II, (8), 599—600. Поправка. Ш, (9), 144.

2742. Изъ разсказовъ о М. Д. Скобелевѣ. П. Л. Юдина. **1896**. I, (4), 614—618.

2743. Въ память В. В. Скрипицына. Гр. Д. Н Толстого-Знаменскаго. **1881**. Ш, (6), 421—422.

2744. Письмо архіеп. Смарагда къ гр. Д. Н. Толстому. **1899**. II, (6), 218.

2745. Гр. С. Г. Строгановъ и П. А. Тучковъ. Изъ записной книжки чиновника - Москвича. **1905**, I, (1). 70—85.

2746. В. П. Титовъ. К. А. Бутенева. **1892**. I, (1), 87—91.

2747. Изъ бумагъ А. Г. Тройницкаго. **1896**. II, (6), 296—302. (7), 417—426. III, (9), 147—160. Письма б. М. А. Корфа, А. И. Казначеева, Иннокентія.

2748. Памяти Бориса Ивановича Черкасова. С. А. Смирнова. **1901**. I, (4), 695—698.

2749. Изъ воспоминаній преосв. Леонида. О Филаретѣ. **1901**. II, (8), 514—529.

2750. Мнѣніе Филарета по поводу намѣренія Археологическаго Общества отправить на Парижскую всемірную выставку церковныя древности. Сообщ. архим. Леонидъ. **1885**. II, (6), 291—293.

2751. Письма Филарета къ А. П. Ахматову. Сообщ. В. С. Соловьевымъ. **1890**. Ш, (11), 353—364.

2752. Записочка Филарета къ неизвѣстному лицу. **1890**. Ш, (11), 366.

2753. Письмо Филарета къ А. П. Озерову. **1878**. I, (3), 364—365.

2754. Письмо Филарета къ гр. Д. А. Толстому. **1890**. Ш, (11), 365—366.

2755. Похороны Польскаго митрополита Фіалковскаго. **1884**. Ш, (5), 133—155.

2756. Кн. В. А. Черкасскій. П. А. Безсонова. **1878**. II, (6), 203—227.

2757. О кончинѣ кн. В. А. Черкасскаго. **1878**. II, (6), 227—239.

2758. Кн. В. А. Черкаскій о Русскихъ финансахъ. **1882**. II, (3), 146—153.

2759. Изъ письма кн. В. А. Черкаскаго къ М. В. Юзефовичу (о Русскомъ языкѣ въ инославномъ богослуженіи). **1890**. Ш, (9), 97—101.

2760. М. Г. Черняевъ въ Москвѣ. Современная запись. Съ замѣткою. **1906**. I, (3), 486—487.

2761. Изъ писемъ къ архіеп. Нилу о С. А. Юрьевичѣ. Сообщ. Л. Н. Трефолевъ. **1899**. Ш, (11), 549—555. Письма А. А. Селезневой.

Александръ Александровичъ.

2762. Государь Императоръ Александръ Александровичъ. Рѣчь о немъ К. П. Побѣдоносцева. **1906**. I, (4), 519—624.

2763. Военная служба Александра Третьяго. Сообщ. М. С. Соколовскій. **1906**. I, (1), 156—159.

2764. Государственное засѣданіе 8-го Марта 1881 г. **1906**. II, (7), 445—448. (Поправка, 496).

Библиотека "Руниверс"

2765. Увѣковѣчіе чуда 17-го Октября. В. А. Кокорева. **1888.** Ш, (12), I—IV. Тоже съ замѣткою. **1889.** I, 173—0187.

2766. Памяти Государя Александра Александровича. **1894.** Ш, (11),

2767. Владимиро-Маріинскій пріютъ на озерѣ Мстинѣ. **1885.** II, (7), 453—456.

2768. Правда о страннопріимномъ домѣ кн. Куракиныхъ и домовой при немъ церкви. В. Н. С. **1893.** I, (2), 159—184.

2769. Положеніе православныхъ церквей въ конституціонныхъ государствахъ. И. Е. Троицкаго. 1904. Ш, (12), 585—588.

2770. А. Ѳ. Аксакова. В. Н. Лясковскаго. **1889.** Ш, (12), 499—501, Добавка И. Т. (12), 576.

2771. Въ „вѣчную память" Александру, архіеп. Литовскому. Н. Н. Новикова. **1885.** II, (6), 294—299.

2772. Изъ воспоминаній кн. Д. Д. Оболенскаго о Н. М. Барановѣ. **1901.** Ш, (10), 258—264.

2773. А. М. Веневетинова. **1884.** Ш, (5), 239—240.

2774. Кн. М. А. Голицына-Прозоровская. **1902.** I, 192.

2775. Гурій архіеп. Таврическій. Изъ воспоминаній. И. У. Палимпсестова. **1888.** Ш, (9), 165—170.

2776. Духовное завѣщаніе кн. В. А. Долгорукаго. **1896.** I, (4), 581—587.

2777. Извѣстіе о кончинѣ Д. В. Ильинскаго. **1894.** I, (1), 128.

2778. Привѣтствіе Обществу ревнителей Русскаго историческаго просвѣщенія въ память „императора Александра Третьяго". **1895.** Ш, (11), 412.

2779. Страничка изъ жизни православной церкви. Письмо В. К. Истомина къ Н. П. Барсукову. **1906.** I, (2), 302—312. Англійскій примасъ въ Москвѣ.

2780. Замѣтки стараго библіотекаря. **1899.** Ш, (9), 170—171.

2781. Объ устройствѣ библіотекъ въ Оренбургскомъ краѣ. Н. П. Столпянскаго. **1903.** II, 292.

2782. П. А. Ковалевъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Сообщ. М. Лисицынъ. **1892.** I, (4) 467—474.

2783. Въ память о Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ. **1898.** Ш, (9), 118.

2784. Изъ писемъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича къ А. В. Головнину о мозаикѣ. Сообщ. К. П. Побѣдоносцевымъ. **1895.** I, (4), 438—445.

2785. Кн-я Е. П. Кочубей. **1888.** I, (4), 641—642.

2786. Изъ писемъ митроп. Леонтія къ И. У. Палимсестову. **1894.** I, (1) 99—102.

2787. Макарій Аѳонскій. Настоятель Пантелеймоновскаго Русскаго монастыря. П. Б. Мансурова. **1889.** II, (8), 569—578.

2788. Памяти Софіи Григорьевны Милорадовичъ. Л. **1892.** I, (2), 269—271.

2789. П. А. Муханова. **1894.** Ш, (11), 457—458.

2790. Къ некрологу П. А. Мухановой. **1894.** Ш, (12), 592.

2791. Ординарцемъ у Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Изъ воспоминаній Д. В. Бартенева. **1900.** I, (3), 134—441. Поправка. (4), 655.

2792. О Кіевскомъ митрополитѣ Платонѣ. А. К. Карасева. **1893.** II, (7), 407—420.

2793. Поправка И. У. Палимсестова (о Кіевскомъ митрополитѣ Платонѣ). **1893.** II.

2794. О протоіереѣ М. Ѳ. Раевскомъ. Ѳ. Владимирскаго. **1895.** I, (3), 471—472.

2795. Памяти Ольги Карловны Рейтернъ. Ю. П. Бартенева. **1899.** I, (1), 200—203.

2796. Софья Владимировна Филатьева. **1899.** I, (1), 204.

2797. Григорій Александровичъ Чертковъ. **1900.** II, (5), 112.

Библиотека "Руниверс"

2798. О народномъ образованіи въ деревнѣ. Л. Е. Баратынскаго. **1906.** II, (7), 496.

2799. Великій Князь Сергій Александровичъ. **1905.** I, (3).

2800. Поправка (о маркизѣ Маріи Григорьевнѣ Инконтри). **1901.** III, (9), 128.

2801. А. И. Малиновскій. **1904.** II, (5), 168.

2802. К. К. Манзей. **1905.** I, 272—373.

2803. Н. А. Найденовъ. **1905.** III, (12), 608.

2804. Перенесеніе праха князя и графовъ Орловыхъ. Письмо гр. А. В. Орлова-Давыдова. **1896.** I, (4). 576—580.

2805. Еще о перенесеніи праха князя и графовъ Орловыхъ. гр. А. В. Орлова-Давыдова. **1896.** II, (7), 453—454.

ПИСАТЕЛИ.

2806. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій извѣстныхъ писателей. М. Н. Лонгинова. **1866.** (11—12), 1770—1777. Перечислено не вошедшее въ собранія сочиненій. Ломоносовъ. Княжнинъ, Богдановичъ-Хемницеръ, Костровъ, Нелединскій-Мелецкій, М. Н. Муравьевъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Баратынскій.

2807. Замѣтки С. Д. Полторацкаго о Русскихъ писателяхъ. В. Н. Рогожина. **1898.** III, (10), 247—248. Сочиненія и переводы О. П. Козодавлева, М. А. Пушкина, А. В. Храповицкаго и кн. Петра Козловскаго, дополненіе къ „Опыту Россійской библіографіи", Сопикова.

2808. Заимствованія Русскихъ баснописцевъ у Французскихъ писателей. М. Н. Лонгинова. **1905.** I, (1) 174—176. Кн. Кантемиръ. Княжнинъ. Хемницеръ. Нелединскій-Мелецкій. В. Л. Пушкинъ. А. Е. Измайловъ. Жуковскій

2809. Врачебныя сочиненія Русскихъ людей не-врачей. Доктора Л. Ѳ. Зиѣева. **1894.** II, (8), 592—598.

2810. Словарь Русскихъ писательницъ. 1759—1859. Составилъ Николай книжникъ (Кн. Н. Н. Голицынъ). **1865.** (9), 1139 — 1239. 1) Абамелекъ, княжна А.—2) Авдѣева, Екатерина Алексѣева.—3) Аврина, Н. П.—4) Аладьина, Елисавета Васильевна.—5) Алексѣева, Н.—6) Алферова.—7) Алфимова, Анна Ефимовна.—8) Андреева, Екатерина Григорьевна.—9) Анисимова, Домна.—10) Анненкова, Варвара Николаевна.—11) Анольская, Вѣра.—12) Антонова, Татьяна.—13) Аполлонская.—14) Арбузова, Марья Алексѣевна.—15) Арсеньева, Надежда Вас. рожд. Камынина. 16) Арцыбашева, Анна.—17) Ауербахъ, Юлія Ѳедоровна.—18) Бордиловская, Ѳ.—19) Бравина, Екатерина И.—20) Брамина. Екатерина.—21) Брединъ (фонъ), Софья Андеевна.—22) Бронина, Евдокія Гавриловна.—23) Браницкая.—24) Брюнъ-де Сентъ-Иполитъ Варвара, урожд. Копьева.—25) Бунина, Анна Петровна.—26) Бурнашева, Екатерина.—27) Бурнашева, Марья.—28) Бурнашева, Софья Петровна.—29) Бѣдарева, Александра.—30) Бѣляева, Анна.—31) Ваксель. Лидія.—32) Варламова, Раида.—33) Васильева, Марья.—34) Васильковичева, Надежда - 35) Вельтманъ, Елена Ивановна—36) Вельяшева-Волынцева, Анна Ивановна.—37) Вельяшева-Волынцева, Пелагея.—38) Вельяшева, Софья.—39) Вешеботинова А. М., рожд.

Библиотека "Руниверс"

гр. Віельгорская.—40) Веревкина, Татьяна. — 41) Викторова. рожд. кн. Макулова—42) Викулина, Наталья — 43) Вилламова Ланская, Е.—44) Виноградова. Елена. — 45) Виноградская, Анна Петровна. рожд. Полторацкая.—46) Винтербергъ, Александра.—47) Вишлинская, Екатерина.—48) Воейкова, А.—49) Воейкова, Екатерина.—50) Воейкова.—51) Волкова, Анна Алексѣевна.—52) Волкова, Ирина.—53) Волконская, княжна Анна Михайловна. — 54) Волконская княжна Елена Михайловна.—55) Волконская, княжна Екатерина Петровна.—56) Волконская, княгиня Зенаида Александровна, рожд. княжна Бѣлосельская. — 57) Воронова, Августа.—58) Вороновская, Е.—59) Гагина, Наталья Михайловна,—60) Ганъ, Елена Андреевна.—61) Гермеръ, Анна.—62) Гладкова, Екатерина.—63) Гладкова. Марья.—64) Глинка, Авдотья Павловна.—65) Голицына, княгиня Амалія Самуиловна.—66) Голицына, княгиня Александра Петровна.—67) Голицына, княгиня Анна Сергѣевна. — 68) Голицына, княгиня Анна Ѳедоровна.—69) Голицына, княгиня Варвара Васильевна.—70) Голицына, кн. Евдокія Ивановна.—71) Голицына, кн. Елисавета Борисовна.—72) Голицына, кн. Марья Григорьевна. — 73) Голицына, кн. Прасковья Андреевна.—74) Голицына, кн. Софья Алексѣевна.—75) Голицына, кн. Татьяна Ивановна.—76) Головина, Вѣра.—77) Головкина, графиня Наталья.—78) Горбунова.—79) Готовцева; Анна Ивановна, въ замужествѣ Крылова.—80) Грень Софья.—81) Дюллень Delicite.—82) Данзасъ, Юлія Васильевна.—83) Дараганъ, Анна.—84) Даргомыжская, Марья Борисовна.—85) Датурова, Анна.—86) Дашкова, кн. Екатерина Романовна.—87) Деламаръ Екатерина.—88) Делессаль, Елисавета Николаевна.—89) Демидова Елисавета Петровна.—90) Деревицкая, Анастасія.—91) Державина, Екатерина Яковлевна.—92) Державина, Ѳекла Андреевна. — 93) Дерлій, Прасковья.—94) Дестунисъ, Надежда.—95) Добродолина, А.—96) Долгорукова, кн. Наталья Борисовна.—97) Домогацкая, Анна.—98) Драшусова, Е. А. — 99) Дурова, Надежда Андреевна.—100) Екатерина II императрица Всероссійская.—101) Ермолова. — 102) Жадовская. Юлія Васильевна. — 103) Жохова.—104) Жукова, Марья Семеновна.—105) Заборовская, Елисавета. — 106) Закревская. Софья А. — 107) Засѣцкая.—108) Звенигородская —109) Звѣрева, Александра.—110) Велинская, Елисавета Григорьевна.—111) Зонтагъ, Анна Петровна.—112) Зражевская, Александра.—113) Зубова, Аделаида А.—114) Зубова, Марья Войновна.—115) Иваненко, Марья—116) Извѣкова. Марья Евграфовна.—117) Икскуль, (—фонъ) баронесса Юлія. — 118) Ишимова, Александра Осиповна. — 119) Кайзеръ, Марья.—120) Калашникова, Надежда.—121) Каменская, Александра Ѳедотовна.—122) Каменская, Марья.—123) Караулова. Варвара Александровна.—124) Кельхенъ, Анна.—125) Клевецкая, Елисавета.—126) Кнорингъ, баронесса.—127) Княжина Екатерина Алексѣевна. — 128) Кобякова, А. Н.—129) Кожевникова, Марья Васильевна. — 130) Кологривова.—131) Колтовская, Анна Алексѣевна. — 132) Кольцова-Масальская.—133) Кони, И. С.. 134) Корнилова.—135) Коростовцева, Людмила.—136) Коростовцева, Любовь.—137) Корсакова, Анна.—138) Корсини,

Библиотека "Руниверс"

Марья Антоновна.—139) Косоговская, Надежда.—140) Кохановская (Сохинская) Надежда Степановна. — 141) Кошелевская, Марья — 142) Крестинина, Анна. — 143) Криворотова, Павла. — 144) Кричевская.—145) Кричевская, Любовь.—146) Крутикова, Елена Ивановна.—147) Крылова, Елисавета.—148) Крюденеръ, баронесса. — 149) Крюкова, Ольга.—150) Кузнецова, П. Т. — 151) Кульманъ, Елисавета. — 152) Куракина, княжна Зенаида Алексѣевна.—153) Курманалѣева, Н. — 154) Кусовникова, Вѣра Ивановна.—155) Кусовникова, Надежда Ивановна —156) Кушелева, Елисавета.—157) Лизогубъ, Варвара.—158) Лисицина, Марья.—159) Лихарева, Елисавета.—160) Лихачева, Любовь.— 161) Лобанова, Дарья.—162) Логинова, Марья.—163) Лодыженская, Екатерина Александровна.—164) Лопатьева.—165) Луцъ.—166) Ляликова, Надежда.—167) Магницкія, Александра и Настасья Леонтьевны.—168) Мадатова, княгиня.—169) Майкова, Евгенія Петровна.—170) Макарова, Наталья Алексѣевна. — 171) Макшеева, В.—172) Малиновская. Екатерина Алексѣевна.—173) Мальгина, Марья Тимофѣевна.—174) Манковская, графиня. — 175) Маркле.—176) Мартиновичева, Елена М. — 177) Марченко.—178) Мосалова, Елисавета.—179) Мензелинская, Ироида.—180) Меншикова, княгиня Екатерина Сергѣевна. — 181) Мердеръ, Надежда Ивановна.—182) Мещерская, княгиня Софья Сергѣевна.—183) Миллеръ, дѣвица.—184) Михайлова, А.—185) Михаэлисъ (Каминова).—186) Мишина, Л —187) Москвины (двѣ сестры).—188) Муравьева, Анна.—189) Мурзина Александра.—190) Мухина, Александра Васильевна, въ замуж. Карамзина.—191) Наливкина, Е. — 192) Наумова, Анна А. —193) Неронова, Матрена Васильевна.—194) Нелова.—195) Николева, Е. Ю.—196) Нилова, Елисавета Корниловна.—197) Норова, Софья.—198) Обрютина, Марья.—199) Огарева, Елисавета Сергевна.—200) Одоевская, княжна Варвара Ивановна. — 201) Озерецковская, Анна Николаевна. - 202) Орлова, Марья Григорьевна.—203) Осипова.—204) Павлова, Каролина Карловна.—205) Павлова, Ольга.—206) Панкша, Софья. — 207) Перевицкая, Анна. — 208) Перовская, Марья Алексѣевна, въ замуж. Крыжановская. — 209) Петровская, Бальбина.—210) Плещеева, Наталья. — 211) Плохова, Александра.—212) Побѣдоносцева, Варвара.—213) Погожевы, Вѣра и Надежда.—214) Подлѣсновская, Екатерина.—215) Подшивалова, А.—216) Полозова, Клеопатра.—217) Пономарева, Софья Алексѣевна.—218) Порохова, А.—219) Попова, Екатерина Владимировна.—220) Поспѣлова, Марья Алексѣевна.—221) Пучкова, Екатерина Наумовна.—222) Пчельникова, А. А. 223) Расторгуева, Н.—224) Рединъ, Софья.—225) Родзянка, Вѣра. — 226) Родзянка, Марья Сергѣевна. — 227) Ростовская, Марья Ѳедоровна. — 228) Растопчина, граф. Евдокія Петровна.—229) Растопчина, граф. Екатерина Петровна.—230) Ротчева.—231) Саблукова, Екатерина Александровна.—232) Савельева-Ростиславичъ. Л. А..—233) Сальясъ, граф. Елис. Вас. — 234) Сарафанова, Евгенія (псевдон. Г. П. Д—го). — 235) Сарафова, Клеопатра—236) Сафонова, Ел. Фр.—237) Свиньина, Анна. — 238) Свистунова, Марья.—239) Свѣчина, Елисавета. — 240) Свѣчина, Софья Петровна.—241) Сегюръ, граф.

Библиотека "Руниверс"

—242) Селехова, Клавдія.—243) Селецкая, Елисавета Михайловна.—244) Сенковская, Аделаида Александровна.—245) Сентимерова, Е. — 246) Серебякова, Марья.—247) Ситникова, Анна И. — 248) Смирнова. Анна — 249) Соколова, Анастасія Ив., въ замуж. Рибасъ —250) Соколова, Е.—251) Соколова, Таисія. 252) Сошникова, М — 253) Софья Алексѣевна, царевна. — 254) Спиридонова, Маргарита.—255) Степанова, Е. Г. — 256) Строева, Е.—257) Струпская, Маргарита Николаевна.—258) Стуцина, Александра.—259) Сумарокова, Екатерина Александровна, въ замуж. Княжнина.—260) Сушкова, Марья Васильевна.—261) Татищева. А. — 262) Тверская, Н. — 263) Теплова, Надежда Сергѣевна, въ замуж. Терюхина. — 264) Тимашева, Екатерина Александровна. — 265) Титова Елисавета Ивановна.—266) Титова, Наталья Ивановна.—267) Тихомирова Марья. —268) Толстая. граф. Сарра Ѳедоровна. — 269) Толузакова, А. — 270) Трубесска, княжна Елисавета Петровна.—271) Трубецкая, княжна Елисавета Александровна.—272) Турчанинова, Анна Александровна.—273) Тютчева, Елена.—274) Улыбышева, Елисавета Дмитріевна. — 275) Уманова, К. — 276) Урусова, княжна Екатерина Сергѣевна.—277) Фрейтагъ, Марія. — 278) Фуксъ, Александра Андреевна. —279) Харитонова, Авдотья.—280) Хвостова, Александра Петровна.—281) Хвощинская, Надежда Дмитріевна.—282) Хераскова. Елисавета Васильевна.—283) Хлопова, Марья. — 284) Хотяинцева, Екатерина. — 285) Цвѣткова, Александра. — 286) Чурманлѣева, княгиня Вѣра.—287) Шабалина, Варвара.—288) Шаликова, княжна.—289) Шаликова, княгиня Александра Ивановна. 290) Шахова, Елисавета. — 291) Шаховская, княжна Екатерина Александровна. — 292) Шишкина, Олимпіада Петровна.—293) Шлиттеръ, Марья Александровна.—294) Шпилевская, Н.—295) Шубертъ, Фридерика-Луиза.—296) Шумлянская Глафира — 297) Щигровская, Глафира Михайловна.—298) Ярцова, Любовь.—299) Экземплярская, Е.—300) Эльмтъ. Антуанета.—301) Энгельгардъ.

Поправка и дополненіе М. Н. Лонгинова. (12), 1522—1528.

2811. Къ Русскимъ писательницамъ. (Воззваніе о присылкѣ матеріаловъ для изданія Словаря Русскихъ писательницъ). Кн. Н. Голицынъ. **1870**. (11), 2138—2140.

2812. Краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1860—1874 гг. (Изъ Справочнаго словаря о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, составляемаго Г. Геннади). **1864**, (5—6), 641—674; **1865**, I, 115, —128; (4), 561 — 580; **1867**, (5—6), 953 — 981; **1868**, (12); 2001—2026; **1869**, (12), 1985—2017; **1870**, (11), 2013 — 2043; **1871**, (3), 483—510; **1872**, (10), 1985—2023; **1873**, II. (8), 1479—1515; **1874**, II, (12), 1095—1114; **1875**, III, (12), 461—468; **1877**, II, (5), 79—94.

2813. Отвѣтъ на библіографическій вопросъ касающійся „Хронологическаго списка Русскихъ сочинителей и П. А. Плетнева. Я. К. Грота. **1865**. (10—11), 1400—1402. Къ этой статьѣ замѣтка А. Котляревскаго, 1402—1403.

2814. Біографическіе очерки профессоровъ технологіи и технической химіи въ Московскомъ Университетѣ послѣ 1855 г. Н. Н. Любавина **1906**. II, (8), 576—594. 1. Киттары, 2. Архиповъ, Иванъ Павловичъ.—3. Канонниковъ.

Библиотека "Руниверс"

2815. Историко-литературныя мелочи. В. К. Каллаша. **1901**. II, (6), 241—244. 1902. I, (4), 738—739. Переводъ „Исторіи Бранденбургской" Фридриха II.—М. В. Зубова.—В. И. Майковъ и М. М. Херасковъ.—Н. И. Новиковъ и женщины-писательницы.—Фонъ-Визинъ о литературныхъ занятіяхъ женщинъ. Доброта Кострова. Родственникъ Радищева въ плѣну у Горцевъ. Карамзинъ о человѣческой злости.

2816. Библіографическія замѣтки. В. В. Каллаша. **1901**. I, (2), 339—346. (4), 699—703. Объ И. И. Дмитріевѣ. — О Грибоѣдовѣ. — О Кольцовѣ.—О Никитинѣ.—Императрица Екатерина II.—Н. М. Карамзинъ.—Княжнинъ.—И. И. Дмитріевъ.—М. Яковлевъ.—В. С. Раевскій.—П. М. Головинъ.—В. И. Козловъ.—И. И. Козловъ.—Восйковъ.—Дельвигъ.

2817. О стихахъ преосвященнаго Августина. Викторъ Гурьевъ **1892**. Ш, (12), 477.

2818. Ученіе Славянофиловъ. **1900**. Ш, (11), 371—409.

2819. Письма Тимое. Степ. и Марьи Никол Аксаковыхъ. Съ предисл. Н. М. Павлова. Съ портретомъ. **1894**, Ш, (9), 99—136. Поправка. (12), 592.

2820. Извѣстіе о кончинѣ И. С. Аксакова. П. Бартенева, листокъ, къ (2-му вып.) за 1886 г. Поправка. **1886**, I, (3), 388.

2821. О письмахъ И. С. Аксакова. **1893**. I, (4), 440—445.

2822. Два письма И. С. Аксакова къ И. Е. Великопольскому, съ предисл. Б. Л. Модзалевскаго. **1902**. I, (4), 571—573.

2823. Письмо И. С. Аксакова къ Г. П. Галагану, съ предисл. А. Степовича. **1902**. I, (2), 362—365.

2824. Изъ писемъ И. С. Аксакова къ Г. П. Галагану. **1902**. II, (7). 492—499.

2825. Переписка И. С. Аксакова съ Н. И. Костомаровымъ о Малороссіи. **1906**, Ш, (12), 537—548.

2826. Два письма И. С. Аксакова къ гр. Д. Е. Остенъ-Сакену. **1903**. I, (4), 608—609.

2827. Изъ переписки съ И. С. Аксаковымъ. Н. М. Павлова. **1887**. II. (8), 469—494.

2828. О бумагахъ А. Н. Попова. Изъ письма И. С. Аксакова къ К. П. Побѣдоносцеву. **1894**. I, (1), 103—104.

2829. Письмо И. С. Аксакова къ К. П. Побѣдоносцеву (о бумагахъ А. Н. Попова). **1905**. II, (8), 591—592.

2830. Изъ писемъ И. С. Аксакова къ А. О. Смирновой. Сообщ. Над. Ник. Соренъ. **1895**. Ш, (12), 423—480. Поправка. **1896**. I, (320), 320.

2831. Воспоминаніе о К. С. Аксаковѣ. Н. Бицына (Н. М. Павлова). **1885**. I, (3), 371—415.

2832. Застольное слово К. С. Аксакова на обѣдѣ гр. Д. Е. Остенъ-Сакену. **1895**. II, (5), 119—120.

2833. Письмо К. С. Аксакова къ С. М. Великопольской. Съ предисл. Б. Л. Модзалевскаго. **1904**. II, (7), 450—452.

2834. Письмо К. С. Аксакова къ Гоголю. **1890**. I, (1), 153—159.

2835. Письмо К. С. Аксакова къ Н. А. Елагину. Сообщ. М. В. Беэръ. **1904**. I, (3), 518.

2836. Стихотворенія К. С. Аксакова. **1879**. I, (2), 215—225.

2837. Urbi (Граду). Стих. К. С. Аксакова. **1879**. I, (4), 521—522.

2838. Стихотв. К. С. Аксакова. А. С. Хомякову („Мы всѣ живемъ, всѣмъ жизнь дана судьбою..."). **1897**. II, (5), 143—144.

2839. 1-е Мая. (А. С. Хомякову). Стих. К. С. Аксакова. **1904**. II, (8), 594—597.

2840. Дѣтскій сонъ К. С. Аксакова. Н. М. Павлова. **1888**. Ш. ( ), 163—164.

Библиотека "Руниверс"

2841. О современномъ человѣкѣ. К. С. Аксакова, **1903**. II, (7), 305—355.

2842. С. Т. Аксаковъ какъ цензоръ. Н. М. Павлова. **1898**. II, (5), 81—96.

2843. Письмо С. Т. Аксакова къ Н. А. Елагину. Сообщ. М. В. Безъ. **1904**. I, (3), 517.

2844. Посланіе С. Т. Аксакова къ А. И. Казначееву (въ стихахъ). **1878**. I, (2), 253—254. (Поправки. (3), 380. (4), 496).

2845. Письмо С. Т. Аксакова къ гр. Остенъ-Сакену. **1903**. I, (4), 609.

2846. Изъ переписки С. Т. Аксакова съ П. А. Плетневымъ. (1846), съ предисл. и замѣткою Н. М. Павлова. **1895**. II, (5), 117—119.

2847. Письмо С. Т. Аксакова къ А. О. Смирновой о кончинѣ Гоголя. **1905**. Ш, (10), 210—211.

2848. „Охотничій Сборникъ“ С. Т. Аксакова. Сообщ. кн. Н. В. Шаховскимъ. **1894**. I, (2), 220—222.

2849. Нравы. Три разсказа С. Т. Аксакова. **1904**. I, (3), 513—515.

2850. Очеркъ помѣщичьяго быта, статья С. Т. Аксакова. **1868**. (3—4), 520—584.

2851. Замѣтка о „Историческомъ словарѣ всѣхъ еретиковъ и раскольниковъ“. **1863**. (12), 929—930.

2852. Памяти Амфилохія, епископа Угличскаго. А. А. Титовъ. **1903**. II, (8), 593—599. Въ мірѣ Пав. Ив. Сергіевскій, также Казанскій.

2853. Острословія А. О. Армфельда. **1885**. I, (3), 464. (4), 661.

2854. Моя богиня стих. О. Армфельда Сообщ. П И. Щукинымъ. **1900**. I, (3), 448.

2855. Письма митрополита Арсенія къ архіеп. Платону. **1892**. I, (2), 200—232.

2856. Изъ воспоминаній А. Н. Аѳанасьева. **1872**. (3—4), 805—851.

2857. Перечень трудовъ А. Н. Аѳанасьева, (имъ составленный). **1871**. (11), 1948—1955.

2858. Стихотворенія и басни А. Я. Бакулина. Съ предисл. В. Я. Брюсова. **1903**. I, (3), 437—444.

2859. Замѣтка о проповѣдяхъ Л. Барановича. Л. Н. Майкова. **1875**. Ш, (12), 496.

2860. Для біографіи Е. А. Баратынскаго. **1893**. I, (3), 309—313.

2861. И. В. Кирѣевскій о Баратынскомъ. Съ замѣткою Н. А. Елагина. **1874**. II, (9), 633—636.

2862. Еще нѣсколько словъ о Е. А. Баратынскомъ. Петръ Кичеевъ. **1868**. (4—5), 866—872.

2863. Замѣтки на воспоминанія В. И. Панаева о Баратынскомъ. Н. В. Путяты. **1868**. (1), 141—147.

2864. Баратынскій и Сальери. В. Я. Брюсова. **1900**. II, (8), 537—545.

2865. Баратынскій и его сочиненія. М. Н. Лонгинова. **1867**. (2), 248—264.

2866. О собраніяхъ сочиненій Е. А. Баратынскаго. В. Я. Брюсова. **1899**. Ш, (11), 437—446.

2867. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Баратынскаго. М. Н. Лонгинова. **1864**. (1), 110—118.

2868. Баратынскій. Замѣтки. И. Х(аненко). **1883**. Ш, (5), 205—208.

2869. Къ столѣтію со дня рожденія Е. А. Баратынскаго. В. Я. Брюсова. **1900**. I, (4), 545—556.

2870. О стихотвореніи Баратынскаго. „Леда“. Н. В. Путяты. **1864**. (5—6), 675—676.

2871. Шесть стихотвореній Е. А. Баратынскаго. **1899**. Ш, (11), 447—450.

2872. Эпиграммы и пародіи Баратынскаго, съ предисл. В. Я. Б(рюсова). **1901**. I. (2), 347—349.

Библиотека "Руниверс"

2873. Антикритика. Статья Баратынскаго (по поводу разбора поэмы „Наложница", писаннаго Надеждинымъ). **1900.** I, (4), 556—566.

2874. Письмо Баратынскаго къ Жуковскому. (Увольненіе изъ Пажескаго Корпуса). **1868.** (1), 147—156.

2875. Письма Е. А. Баратынскаго къ Жуковскому и А. И. Тургеневу. **1871.** (1), 0239—0241.

2876. Два письма Баратынскаго къ А. А. Муханову. **1895.** Ш, (9), 125.

2877. Письмо Баратынскаго къ Н. А. Полевому. Сообщ. А. Ѳ. Бычковымъ. **1872.** (2), 351—352.

2878. Письма Баратынскаго къ Н. В. Путятѣ. **1867.** (2), 263—299. (Поправка. (4), 671—672.

2879. Н. Е. Баратынскій. В. А. **1905.** II, (6), 330—336.

2880. Русскій Паломникъ Барскій. А—ра Гиляревскаго. **1881.** I, (1). 58—136.

2881. Мелочи. **1888.** I, (1), 160. **1900.** I, (2), 318—319. Дочь графа Разумовскаго.—Пушкинъ.—Герцогъ Ноаль про Русскихъ чиновниковъ.—Присловье И. П. Архарова.—А. И. Тургеневъ на обѣдѣ у гр. Румянцова. — Шуточное посланіе М. Н. Лонгинова и С. А. Соболевскаго къ гр. А. Ѳ. Ростопчину

2882. Историческіе анекдоты **1880.** II, 236—240. **1894.** I, (1), 124—125. Рижскій губернаторъ Броунъ и гр. Паленъ. — Тульскій архіерей Амвросій.—Витбергъ. —Гр. Елис. Осип. Ефимовская. —Кн. Г. С. Волконскій.—А. С. Шишковъ.—Н. М. Карамзинъ. —1894. (1). А. Н. Муравьевъ. —Императоръ Александръ Павловичъ.

2883. Объ историческихъ романахъ. Замѣтка издателя „Русскаго Архива". **1881.** Ш, (5), 214.

2884. К. Н. Батюшковъ. Его письма и очерки его жизни **1867.** (10), 1342—1360. (11), 1440—1536 съ портретомъ,

2885. Пушкинъ о Батюшковѣ. Л. Н. Майкова. **1894.** I, (4), 528—555.

2886. Прогулка по Москвѣ Батюшкова. Сообщ. В. А. Олениною. **1869.** (7—8), 1191—1208.

2887. Матеріалы для полнаго изданія сочиненій К. Н. Батюшкова. М. Н. Лонгинова. **1863.** (12), 952—958.

2888. Письмо Батюшкова къ Д. В. Дашкову. **1884.** I, (1), 230—231.

2889. Письмо Батюшкова къ В. А. Жуковскому. **1884.** I, (1), 233—236.

2890. Записочка Батюшкова къ Жуковскому. Съ замѣткою В. Я. Б(рюсова). **1901.** Ш, (10), 253.

2891. А. Н. Бахметева. **1901.** II, (7), 446—448.

2892. Памяти В. И. Безобразова. Р. **1889.** Ш, (12), 502—506.

2893. Острота Н. А. Безобразова. **1884.** Ш, (5), 235.

2894. Бумаги И. П. Бекетова. Съ предисл. А. Н. Корсакова. **1880.** Ш, 327—404.

2895. Н. В. Бергу передъ отъѣздомъ его въ Италію. Стихи С. П. Шевырева. Сообщ. Д. А. Хомяковымъ. **1894.** I, (4), 595—596.

2896. Къ біографіи Бестужева-Марлинскаго. Очеркъ изъ старо-Кавказской жизни. Е. И. Козубскаго. **1905.** Ш, (11), 458—470.

2897. Письмо Бестужева (Марлинскаго) къ К. А. Полевому. **1874.** II, (7), 6—10 и **1905** (10) 205.

2898. Письма А. Д. Бестужева-Рюмина. **1896.** II, (7), 386—399. Къ Д. Ѳ. Шумилову,—Цесаревичу Константину Павловичу и Александру Павловичу.

2899. А. Д. Блудова въ письмахъ ея къ Кудрявцеву. Н. И. Субботина. **1901.** I, (4), 646—660.

Библиотека "Руниверс"

2900. Черта въ государственной дѣятельности гр. Д. Н. Блудова. Сообщ. бар. Ѳ. Бюлеръ. **1872.** (5), 1013—1021.

2901. Графъ А. А. Бобринскій. Кн. П. А. Вяземскаго. **1868.** (12), 2025—2048.

2902. Гр. А. Г. Бобринскій. **1899.** I, (2), 209—245.

2903. Нѣсколько словъ о Н. Д. Богатиновѣ. А. И. Маркевичъ, **1899.** Ш, (12), 567—569.

2904. Въ память о Н. П. Боголѣповѣ. І. В. Видмана. **1906,** I, (2), 313—322.

2905. Н. П. Боголѣповъ. Е. А. Боголѣповой. Съ портретомъ **1606.** I, (3), 369—394. (4), 625—640. II, (5), 91—112. (7), 449—477. Ш, (11), 358—407.

2906. Рѣчь студентамъ Н. П. Боголѣпова. **1906.** II. (8), 595—601.

2907. Протоіерей М. С. Боголюбскій. **1903.** Ш, (10), 289—290.

2908. Изъ бумагъ О. М. Бодянскаго. Два частныхъ Польскихъ письма во время возсоединенія Малороссіи Сообщ. А. А. Титовъ. **1893.** I, (4). 414—417.

2909. Письма О. М. Бодянскаго къ А. Н. Попову. Сообщ. С. Н. Эверлингомъ. **1904.** I, (3), 443—448.

2910. Заявленіе права на изданіе Записокъ А. Т. Болотова. Н. С. Киселева. **1870.** (12), 3—4.

2911. Къ воспоминаніямъ о С. П. Боткинѣ и Ѳ. И. Иноземцевѣ. С. А. Смирнова. **1890.** Ш, (12), 558—562.

2912. Письмо Булгарина къ И. П. Липранди о Сѣверной Пчелѣ, съ предисл. Н. П. Барсукова. **1869.** (9), 1553—1559.

2913. Письмо Булгарина къ Гречу (о коммерчески - издательскихъ дѣлахъ съ Плюшаромъ). (Изъ бумагъ Н. И. Греча). **1870.** (10), 1943—1944.

2914. О Булгаринѣ. Письмо П. В. Нащокина къ С. Д. Полторацкому. **1884.** Ш, (6), 352—353.

2915. „Иванъ Выжигинъ“ и „Мертвыя Души“. Ю. Ф. **1902,** II, (8), 596—603.

2916. Альбомъ А. П. Буниной. К. Я. Грота. **1902.** I, (4), 500—506.

2917. Записка Бурнашова о книгѣ для кадетскаго чтенія. **1906.** I, (1), 160—165.

2918. Очеркъ жизни гр. Д. П. Бутурлина. Гр. М. Д. Бутурлинъ. **1867.** (3), 376—386.

2919. О библіотекѣ гр. Д. П. Бутурлина. С. А. Соболевскаго. **1867.** (3), 479—480.

2920. Замѣтки о Бѣлинскомъ, Лермонтовѣ, Полежаевѣ и графѣ Потемкинѣ. А. Н. Корсакова. **1881.** Ш, (6), 456—459.

2921. О новомъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго. В. Я. Брюсова. **1900.** Ш, (10), 313—319.

2922. Письмо Бѣлинскаго къ И. И. (Ханенкѣ) **1876.** II, (7), 359—360.

2923. Изъ писемъ И. Д. Бѣляева къ А. Н. Попову. **1886.** Ш, (10), 241—259.

2924. И. И. Введенскій по его письмамъ. В. Я. Б(рюсова). **1901.** II, (5), 95—128.

2925. Къ біографіи Д. В. Веневитинова. М. А. Веневитиновъ. **1885.** I, (1), 113—131. Замѣтка къ этой статьѣ. (4), 662.

2926. Импровизація Д. В. Веневитинова („Не даромъ шампанское пѣной играетъ...“) Сообщ. С. А. Соболевскимъ. **1866.** (2), 259—260.

2927. Ф. Ф. Вигель и А. О. Смирнова. **1897.** II, (8), 631—632.

2928. Письмо Ф. Ф. Вигеля къ Н. В. Гоголю по поводу книги: „Переписка съ друзьями“. **1893.** II, (8), 561—565.

2929. Могила кн. З. А. Волконской. Сообщ. гр. К. А. Хрептовичемъ-Бутеневымъ. **1900.** II, (5), 25.

2930 Пѣснь Невская,. стихи кн. З. А. Волконской. **1872.** (10), 1979—1982.

Библиотека "Руниверс"

2931. Къ кн. З. А. В—ой (Волконской). (стихи). **1900.** I, (2), 311.

2932. Замѣтка о стих. З. А. В—й. **1900.** I, (3), 480.

2934. Записка аббата Николая о воспитаніи кн. А. Н. Волконскаго. (Съ послѣсл. Ю. Бартенева). **1895.** I, (4), 486—496.

2935. Біографія Д. А. Валуева. В. А. Панова. **1899.** III, (9), 130—139.

2936. П. А. Валуевъ гр. А. Н. Толстому Сообщ. И. С. Листовскимъ. **1896.** III, (12), 640.

2937. Посланіе графа П. А. Валуева къ гр. Д. Н. Толстому. Сообщено И. С. Листовскимъ. **1897.** II, (6), 285—286.

2938. А. Ѳ. Воейковъ. **1905.** I. (4), 683—686. Показаніе о самомъ себѣ. — Письма къ художнику Фишеру и къ Л. В. Дупельту.

2939. Воспоминанія А. И. Подолинскаго. М. В. Юзефовичъ. **1872** (3—4), 856—865). О Пушкинѣ.

2940. Qui pro quo съ А. И. Подолинскимъ. „Петербургскій Старожилъ" (В. П. Бурнашевъ). **1872.** (7—8), 1604—1606.

2941. Посланіе обратное сирѣчь отвѣтъ Россійскихъ студентовъ Дерптскаго Университета А. Ѳ. Воейкову. Сообщ. А. П. Петерсономъ. **1892,** I, (2), 259—261.

2942. Парнасскій адресъ - календарь, А. Ѳ. Воейкова. **1866.** (5), 760—766.

2943. Письмо А. Ѳ. Воейкова кн. Е. А. Волконской о 14 Декабря 1825 г. **1899.** II, (6), 292—296.

2944. Изъ письма А. Ѳ. Воейкова къ В. М. Перевощикову. Сообщ. В. В. Павловой. **1890.** III, (9), 89—94.

2945. Посланіе А. Ѳ. Воейкова къ Н. Н. Раевскому (старшему), (Стихи). **1871.** 4 — 5, 0945—0948.

2946. Письма А. Ѳ. Воейкова къ А. И. Тургеневу (въ прозѣ и стихахъ). **1872.** (6), 1184—1195.

2947. Письмо А. Х. Востокова смотрителю за домами Румянцовскаго Музеума. **1864.** (11 — 12), 1245—1246.

2948. Николай Ивановичъ Второвъ. М. Ѳ. Де-Пуле. **1877.** II, (6), 136—165. (7), 327—353. (8), 426—469.

2949. Къ біографіи кн. П. А. Вяземскаго. Со словъ супруги его. **1888.** III, (9), 171—173.

1950. Кн. П. А. Вяземскій. Гр. С. Д. Шереметева. **1891.** I, (4), 495—508.

2951. Польская графиня про кн-я П. А. Вяземскаго. Сообщено гр. Е. П. Шереметевой. **1885.** I, (3), 462—464.

2952. Столѣтіе кн. П. А. Вяземскаго. Нѣсколько поминальныхъ словъ. П. И. Бартенева. **1892.** II, (8), 487—488.

2953. Кн. П. А. Вяземскому. (Посланіе въ стихахъ) М. В. Юзефовича. **1877.** I, (2), 233—239.

2954. Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича къ кн. П. А. Вяземскому. Съ предисл. Н. П. Барсукова. С.-Пб. 1901. 8°. **1901.** II, (обл. 5-го вып.).

2955. Изъ старыхъ бумагъ кн. П. А. Вяземскаго. **1872.** (7—8), 1323—1333. Письма Карамзина и Гоголя къ кн. П. А. Вяземскому, Указъ Петра Великаго Архангельскому вице-губерн, Курбатову.

2956. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ К. С. Аксакову. **1879.** III, (11), 0404—0406.

2957. Письма кн. П. А. Виземскаго къ Ю. Н. Бартеневу. **1897.** III, (10), 283—286.

2958. Изъ писемъ кн. П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову. **1879.** I. (4), 503—520. II, (5), 100—117. (6), 237—257.

2959. Прошеніе кн. П. А. Вяземскаго въ Главное Училищ. Правленіе. Сообщ. П. Н. Тургеневымъ. **1896.** II, (6), 293 — 295. Жалоба на Красовскаго.

Библиотека "Руниверс"

2960. Письма кн. П. А. Вяземскаго къ Д. Г. Бибикову. **1906**. III, (9), 134—142.

2961. Посланіе кн. П. А. Вяземскаго къ кн. А. М. Горчакову. **1900**. I, (1), 148.

2962. Пригласительная записка кн. П. А. Вяземскаго Жуковскому (въ стих.) **1906**. III, (9), 132—133.

2963. Изъ писемъ кн. П. А. Вяземскаго къ Жуковскому **1900**. I, (2), 181—208. (3), 355—390.

2964. Письмо кн. П. А. Вяземскаго на островъ Кипръ **1902**. II, (8), 604.

2965. О письмахъ кн. П. А. Вяземскаго къ гр. П. Д. Киселеву. **1897**. I, (1), 117—118.

2966. Дѣла иль пустяки давно минувшихъ лѣтъ. Письмо къ М. Н. Лонгинову. Кн. П. А. Вяземскаго. **1874**. I, (2), 0535—0549.

2967. Изъ письма кн. П. А. Вяземскаго къ Великому Князю Михаилу Павловичу о кончинѣ Пушкина. **1879**, (3), 387—398.

2968. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ гр. Э. К. Мусиной-Пушкиной **1900**, I, (3), 391—399. (Поправка. (4), 655). О кончинѣ Пушкина.

2969. Письма кн. П. А. Вяземскаго къ братьямъ Мухановымъ. **1905**. I, (2), 320—332.

2970. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ Николаю Павловичу. Сообщ. Н. К. Шильдеромъ. **1890**. II, (6), 279.

2971. Письма кн. П. А. Вяземскаго къ А. С. Пушкину. **1879**. II, (8), 470—487.

2972. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. С. Пушкину **1874**. I, (1), 161—174.

2973. Неизданное мѣсто изъ письма кн. Вяземскаго къ Пушкину. **1900**. I. (3), 404. Карамзинъ о „Борисѣ Годуновѣ".

2974. Письма кн. П. А. Вяземскаго, къ А. О. Смирновой. Сообщ. О. Н. Смирновой. **1888**. II, (7), 292—304. О Пушкинѣ.

2975. Пвсьмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу 1895. III, (10), 208—209. О крѣпостномъ правѣ и о Н. М. Карамзинѣ.

2976. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ Елисаветѣ Михаиловнѣ Хитровой. **1895**. II, (5), 110—113. По поводу стиховъ Пушкина. „Клеветникамъ Россіи" и „Бородинская годовщина".

2977. Письма Е. А. Вяземскаго къ С. П. Шевыреву. Сообщ. Бор. Степ. Шевыревымъ. **1885**. II. (6), 305—319.

2978. Изъ замѣтокъ кн. П. А. Вяземскаго. **1901**. III, (10), 254—256.

2979. Замѣтки князя П. А. Вяземскаго на книгахъ Радищева „Путешестіе изъ Петербурга въ Москву" и В. Л. Пушкина „Опасный сосѣдъ"). **1902**. (11), 426—428.

2980. Три послѣднія стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго. **1879**, I, (1), 132—137.

2981. Неизданное стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго. **1896**. I, (1), 141. „Правительствъ пагубой и язвою народовъ".

2982. Стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго. (Зачѣмъ такъ чутки мы на чуждые намъ стоны..."). **1896**. II, (5), 143.

2983. Стихи кн. П. А. Вяземскаго къ А. М. Горчакову. **1900**. I, (2). 307—308.

2984. Письмо кн. П. П. Вяземскаго къ гр. С. Дм. Шереметеву о дѣлахъ Общества любителей Древней Письменности). **1904**. II, (7), 453—456.

2985. О Лермонтовѣ. А. Л. Зиссермана. **1885**. II, (5), 75—81; II, (8), 558—569. по поводу статьи Д. И. Романовскаго.

2986. Письмо В. В. Ганки къ А. С. Норову. Сообщ. М. А. Веневитиновымъ. **1884**. II, (4),462—463.

Библиотека "Руниверс"

2987. Архимандритъ Гавріилъ. Его письмо къ В. И. Овчинникову. **1897.** I, (2). 319—321.

2988. Заявленіе Николая Гербеля. **1873.** I, (2), 0221—0224. Объ его однофамильцѣ, участвующемъ въ заграничныхъ Нѣмецкихъ изданіяхъ.

2999. Воспоминаніе о Герценѣ и его похоронахъ. Д. Н. Свербеева. **1870.** (3), 673—686.

2990. Изъ частнаго письма о Герценѣ. Сообщ. И. П. Хрущовымъ. **1885,** III, (9), 96—97.

2891. Письма Герцена къ Д. П. Голохвастову. **1887.** II, (8), 519—522.

3892. Черта изъ жизни Гилярова-Платонова. Ѳ. П. Е(ленева). **1887.** III, (12), 571—575.

2993. Изъ работъ по біографіи Н. П. Гилярова. Кн. Н. В. Шаховскаго. **1893.** II, (7), 427—430.

2994. Изъ бумагъ Н. П. Гилярова. **1889.** III, (10). 263—269. (11). 421—432. **1890.** I. (2), 316—324. Письма къ нему кн. П. А. Вяземскаго о цензурѣ и И. С. Аксакова, о поэтическомъ дарованіи его сына Алексѣя.—Письма Гилярова къ графинѣ NN, къ кн. Ш., И. С. Аксакова; къ *** о произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого „Чѣмъ люди живы", „Исповѣдь", и къ одному изъ его читателей.

2995. Юношеское стихотвореніе М. И. Глинки. В. В. Каллашъ. **1901.** I, (3), 517—519.

2996. Замѣтка о С. Н. Глинкѣ. Кн. В. И. Баюшева. **1875.** III, (12), 495.

2997. С. Н. Глинка. **1899.** II. (5), 83—91. Письма о немъ кн. П. А. Вяземскаго, къ Е. М. Хитровой и къ Д. Г. Бибикову.—Письмо Глинки къ Жуковскому.

2998. С. Н. Глинка П. А. Плетневу. Съ объясненіями К. Я. Грота. **1905.** I, (3), 535—536.

3999. Наканунѣ Святаго Причастія. Стихи Ѳ. Н. Глинки. Сообщ. В. С. Арсеньевымъ. **1892.** I, (4), 539—540.

3000. Матеріалы для полнаго изданія сочиненій П. И. Гнѣдича. М. Н. Лонгинова. **1863.** (10—11), 845—850.

3001. Письмо Н. И. Гнѣдича къ А. П. Зонтагъ. Сообщ. Н. И. Сахаровымъ. **1896.** I. (2), 266—269. Здѣсь и стихи И. А. Крылова: „Про дѣвушку меня идетъ худая слава"...

3002. Письма Н. И. Гнѣдича къ В. В. Измаилову. **1905.** III, (10), 278—280.

3003. Письмо Н. И. Гнѣдича къ И. И. Козлову **1905.** III, (10), 281—282.

3004. Записки М. И. Гоголь, матери Н. В. Гоголя. Сообщ. И. С. Аксаковымъ. **1902.** I, (4), 706—724.

3005. Исторія моего знакомства съ Гоголемъ со включеніемъ всей переписки съ 1832 по 1852 г. С. Т. Аксакова. **1890.** IV+209.

3006. Гоголь и Кукольникъ въ Нѣжинской гимназіи. Разсказы Н. Ю. Артынова, записанные Л. Мацѣевичемъ. **1877.** III, (10), 191—194.

3007. Воспоминаніе о Гоголѣ. Я. К. Грота. **1864.** (2), 177—180.

3008. Изъ воспоминаній княжны В. Н. Репниной о Гоголѣ. **1890.** III, (10), 227—232.

3009. А. О. Смирнова о Гоголѣ. **1895.** I, (4), 537—544.

3011. Гоголь въ Одессѣ. Съ предисл. В. И. Шенрока. **1902.** I, (4), 543—562. Гоголь и Славянофилы. Н. М. Павлова. **1890.** I, (1), 139—152.

3012. О происхожденіи Гоголя. **1902.** I. (4), 705.

3013. Могила Гоголя. **1901.** I, (2), 338.

3014. Миргородъ и Яновщина. В. Горленка. **1893.** I, (3), 298—305.

3015. „Иванъ Выжигинъ" и „Мертвыя Души". Ю. Ф. **1902.** II, (8), 596—603.

Библиотека "Руниверс"

3016. Молитва Гоголя. („Къ Тебѣ, о Матерь Пресвятая...“). Сообщ. А. А. Третьяковъ. **1897.** II, (8), 656.

3017. Неизданныя мѣста изъ писемъ Н. В. Гоголя къ друзьямъ. **1866.** (11—12), 1730—1747.

3018. Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ. (Первоначальная редакція) Н. В. Гоголя, сообщ. А. Ѳ. Бычковъ. **1865.** (7), 775—788.

3019. „Тяжба“ Гоголя подъ цензурою Дупельта. В. К. Вульферта. **1887.** II, (6), 256—257.

3020. Письма Гоголя къ Д. Е. Бенардаки, княж. Репниной. гр. В. А. Сологубу, графинѣ Л. К. Сологубъ, графинѣ С. М. Сологубъ. Сообщ. М. А. Веневитиновымъ. **1902.** I, (4), 726—737.

3021. Письмо Н. В. Гоголя къ кн. П. А. Вяземскому. **1865.** (7), 787—790.

3022. Письма Николая Васильевича Гоголя къ В. А. Жуковскому **1871.** (4—5). 946—960+0929—0945.

3023. Два письма Н. В. Гоголя (къ Д. К. Малиновскому). **1865,** (9), 1124—1128.

3024. Письмо Гоголя къ П. В. Нащокину. **1878.** I. (1), 76—80.

3025. Письмо Гоголя къ П. А. Плетневу о „Мертвыхъ Душахъ“. (Сообщ. Я. К. Гротомъ). **1866.** (5), 766—770.

3026. Письмо Гоголя къ М. П. Погодину. **1872.** (12), 2369—2372.

3027. Шуточное письмо Гоголя къ Е. Г. Чертковой. **1867.** (3), 473—475.

3028. Письмо Гоголя къ Русскому путешественнику. **1896.** I, (3), 463.

3029. Записки Гоголя къ К. С. Сербиновичу. **1876.** Ш, (10), 202.

3030. Письмо Гоголя къ одному изъ старцевъ Оптиной пустыни. Сообщ. А—ъ Іеонидъ. **1889.** Ш, (12), 512.

3031. Княгиня Е(вдокія) И(вановна) Голицына. С. Д. **1891.** I, (1), 152—160.

3032. Къ исторіи Московскаго университета. Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ. Д. Д. Голохвастова. **1887.** II, (6), 245—253. Приложены письма К. Д. Кавелина къ Д. П. Голохвастову.

3033. Павелъ Дмитріевичъ Голохвастовъ. (Некрологъ). **1892.** II, (8), 566.

3034. Wahrheit und Dichtung. (По поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ) Д. Д. Голохвастова. **1874.** I, (4), 1053—01095.

3035. Программа газеты „Земскій Голосъ“. (Письмо П. Д. Голохвастова. **1905.** II, (6), 324—329.

3036. Переписка Ѳ. А. Голубинскаго съ Ю. Н. Бартеневымъ. Сообщ. А. З. Зиновьевымъ и Д. Ѳ. Голубинскимъ (съ воспоминаніемъ о Голубинскомъ гр. М. В. Толстаго). **1880.** Ш, 405—430. Въ приложеніи: Просительное письмо о дѣвицахъ Савичевыхъ, сочиненное Ю. Н. Бартеневымъ.

3037. Письмо И. А. Гончарова къ А. С. Норову. Сообщ. Н. П. Поливановымъ. **1899.** I, (1), 192—197.

3038. И. А. Гончаровъ А. А. Фету. Сообщ. П. И. Щукинымъ. **1900.** II, (5), 68—74.

3039. А. В. Горскій. Біографическій очеркъ. Гр. Д. Н. Толстаго. **1875.** Ш, (12), 472—476. Поправка. **1876.** I, (2), 264.

3040. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій кн. Д. П. Горчакова. В. П. Каллаша. **1903.** Ш, (12). 659—664.

3041. Русскій у подошвы Чатырдага. Сочиненіе кн. Д. П. Горчакова. Сообщ. А. И. Казначеевымъ. **1871.** (7—8), 1285—1288.

3042. Къ біографіи Т. Н. Грановскаго. Д. М. Щепкина. **1902.** I, 158—161.

3043. Магистерскій диспутъ Грановскаго. Изъ воспоминаній Ѳ. П.

Библиотека "Руниверс"

Еленева. **1889**. II, (8), 564—568.

3044. Т. Н. Грановскій въ пансіонѣ Кистера. Изъ воспоминаній В. В. Селиванова. **1906**. III, (11), 417—430. (Поправка (12), 624).

3045. О Т. Н. Грановскомъ (по поводу новаго изданія его сочиненій). **1901**. I, (2), 350—352.

3046. Письмо Т. Н. Грановскаго къ Д. И. Мейеру. Сообщ. А. И. С. **1900**. II, (6), 264.

3047. О стихотвореніи: „Памяти Грановскаго". **1905**. I, (2), 376.

3048. Письмо В. В. Гречулевича къ архіеп. Анатолію. **1898**. I, (2). 307—309.

3049. Четверостишіе Н. И. Греча: „Я рыцарь пёрышка..." **1885**. I, (3), 464.

3050. „Прошло ужъ двадцать лѣтъ, какъ Гречъ писать грамматику затѣялъ..." (стих.) С. Д. Нечаева. **1893**. I, (4), 446.

3051. Автобіографическ. записки А. М. Грибовскаго. **1899**. I, (1), 166.

3052. А. С. Грибоѣдовъ. С. А. Панчулидзева. **1904**. I, (3). 527—535.

3053. Арестъ Грибоѣдова. Изъ воспоминаній Н. В. Шимановскаго. **1875**. II, (7), 339—344.

3054. Замѣтка о Грибоѣдовѣ. В. В. Каллаша. **1905**. II, (5), 174—176.

3055. Замѣтка о кончинѣ Грибоѣдова. (Н. В. Путяты). **1871**. (7—8), 1299—1302.

3056. О смерти А. С. Грибоѣдова въ Тегеранѣ. П. А. Ефремова. **1872**. (7—8), 1492—1538.

3057. Очеркъ первоначальной исторіи „Горя отъ ума". Алексѣя Веселовскаго. **1874**. I, (6), 1513 1566.

3058. „Горе отъ ума" въ Пермской Межевой Конторѣ. Кн. Н. В. Шаховскаго. **1898**. II, (8), 649—651.

3059. Варіанты къ „Горю отъ ума". А. В(еселовскій). **1874**. I, (6), 1566—1576.

3060. Отзывъ Грибоѣдова о „Горе отъ ума". Письмо къ П. А. Катенину. **1886**. III, (11), 287—288.

3061. Къ біографіи Грибоѣдова. Его письма (изъ походовъ) къ П. Н. Ахвердовой. Сообщ. Д. Ѳ. Харламовою. **1881**. II, (3), 177—190.

3062. Письма Грибоѣдова къ К. К. Родофиникину. Сообщены П. А. Ефремовымъ. **1872**. (7—8), 1538—1550.

3063. Изъ писемъ къ Я. К. Гроту. **1906**. II, (6), 272—280. С. П. Шевырева, И. С. Аксакова, Ю. Ѳ. Самарина, С. И. Барановскаго.

3064. Николай Васильевичъ Губерти. Н. Губерти. **1897**. I, (2), 322—326.

3065. О египтологѣ Гульяновѣ. Изъ письма Т. Н. Грановскаго къ Н. В. Станкевичу. Сообщено А. В. Станкевичемъ. **1873**. I, (4), 0479—0480+513.

3066. Объясненія на послужной списокъ Д. В. Давыдова. Сообщ. М. Розановымъ. **1889**. I, (3), 399—403.

3067. Изъ бумагъ Д. В. Давыдова. 1866. (6), 904—916.

3068. Письмо Д. В. Давыдова къ Жуковскому. **1868**. (6), 975.

3069. Письма И. И. Давыдова къ А. А. Прокоповичу. Сообщ. Е. М. Ѳеоктистовымъ. **1889**. III, (12), 542—566.

3070. В. И. Даль. (Некрологъ). **1872**. (10), 2023 2031.

3071. Автобіографическая записка В. И. Даля. Сообщ. О. В. Демидовой. **1872**. (11), 2246—2250.

3072. Поправки и дополненія (о В. П. Далѣ). Л. Стида. **1875**. II, (5), 0115.

3073. Русскіе писатели въ переводѣ на иностранные языки. **1875**. II, (5), 0115—0116.

Библиотека "Руниверс"

3074. Изъ письма о Дантесѣ-Геккеренѣ. N. N. **1898.** III, (10), 245–246.

3075. Записка кн. Е. Р. Дашковой къ гр. А. А. Безбородкѣ. **1872.** (6), 1182.

3076. Д. В. Дашковъ. Сообщ. М. А. Дмитріевымъ. **1891.** I, (2), 331—333.

3077. Письмо Д. В. Дашкова къ кн. П. А. Вяземскому. **1905.** II, (8), 589—590.

3078. Письма Д. В. Дашкова къ И. И. Дмитріеву. Сообщ. Ѳ. М. Дмитріевымъ **1906.** I, (1), 128—135.

3079. Письмо Д. В. Дашкова къ Жуковскому. **1894.** III, (9), 142.

3080. Письмо Д. В. Дашкова къ А. А. Прокоповичу-Антонскому. **1892.** I, 91—92. О В. П. Титовѣ.

3081. Письмо Д. В. Давыдова къ Н. Н. Раевскому. Съ послѣсл. В. Д. Давыдова. **1879.** II, (7), 333—338.

3082. Изъ бумагъ барона А. А. Дельвига (хранящихся у дочери поэта, бар. Елис. Ант. Дельвигъ). Съ примѣч. Л. Н. Майкова. **1891.** II, (7), 357—364. Письма Дашкова, Дмитріева, Жуковскаго.

3083. Лицейскія стихотворенія б. Дельвига. **1864.** (10), 1073—1076.

3084. Стихотвореніе б Дельвига („Отъ васъ бы намъ, съ краевъ Востока...). Сообщ. С. Г. Карелиной. **1885.** I, (3), 461.

3085. Письмо б. Дельвига къ П. А. Осиповой. **1894.** III, (9), 143.

3086. Историко-литературная замѣтка. М. Де-Пулэ. **1878.** III, (10), 254—256. (По поводу статей П. В. Быкова и Д. Л. Мордовцева).

3087. Заявленіе объ отказѣ отъ выводовъ о Державинскихъ стихахъ. П. А. Безсонова. **1876.** I, (1), 128.

3088. Державинъ. Записочка въ стихахъ. („По волѣ вашей къ вамъ..."). **1897.** I, (1), 117.

3089. Неизданное двустишіе Державина. **1899.** I, (1), 205.

3090. Письмо Державина къ кн. А. И. Горчакову. Сообщ. С. Д. Муретовъ. **1896.** I, (4), 564.

3091. Письмо Державина къ механику И. П. Кулибину. **1872.** (6), 1182—1183.

3092. Письма Державина къ В. С. Попову. (Сообщ. А. И. Ставровскимъ). **1865.** (3), 349—363.

3093. Письмо Державина коменданту Яицкаго городка Симонову. Сообщ. Н. Ивановъ. **1900.** I, (7), 402.

3094. Письмо Державина къ кн. Н. Б. Юсупову. Сообщ. кн. З. Н. Юсуповой. **1896.** I, (2), 188—189. „Пѣснь на случай помолвки" вел. княжны Александры Павловны съ Шведскимъ королемъ Густавомъ IV.

3095. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій И. И. Дмитріева. М. П. Лонгинова **1863.** (8—9), 710—720. и 1864 (11—12) 1251 1255.

3096. Домъ И. И. Дмитріева. **1893.** II, (11), 395—396.

3097. Шуточныя стихотворенія И. И. Дмитріева. М. Н. Лонгинова **1867.** (5–6), 981—990.

3098. Письма разныхъ лицъ къ И. И. Дмитріеву. (Сообщ. М. А. Дмитріевымъ). **1866.** (11—12), 1616—1730; 1868, (4—5), 583—658. А. С. Шишкова, Жуковскаго, Батюшкова, гр. Д. Н. Блудова, кн. П. А. Вяземскаго, Пушкина, Гоголя. Письма И. И. Дмитріева къ Жуковскому **1871.** (3), 409–430. Письма И. И. Дмитріева къ А. И. Тургеневу. Съ примѣч. В. С. Порошина и М. Н. Лонгинова. **1867.** (7), 1072—1138. Письма И. И. Дмитріева къ Д. И. Языкову. Съ примѣч. А. Ѳ. Бычкова. **1868.** (7—8), 1081—1102.

3099. Эпиграммы М. А. Дмитріева. **1872.** (10), 1983—1984.

4000. Послѣдняя Іереміада Николаевской эпохи. Посланіе М. А. Дмитріева къ С. Т. Аксакову. **1875.** II, (6), 225—228.

Библиотека "Руниверс"

4001. Новая Свѣтлана. Пародія баллады Жуковскаго, примѣненная къ Н. А. Полевому. (М. А. Дмитріева). **1885.** I, (4), 649—659.

4002. А. А. Гр. (эпиграмма). М. А. Дмитріева. Сообщ. А. И. Лаксомъ. **1879.** II, (5), 144.

4003. Стихотворная хроника Московскаго университета. (Ѳ. М. Дмитріева). **1885.** (2), 301—304.

4004. Молодому другу. Стихи Ѳ. М. Дмитріева. Сообщ. А. Д. Свербеевымъ. **1894.** III, (10), 250.

4005. Извѣстіе о кончинѣ Ѳ. М. Дмитріева. **1894.** I, 2, 288.

4006. Памяти Ѳедора Михайловича Дмитріева. К. П. Побѣдоносцева. **1894.** I, (4), 634—637.

4007. Хронологія стихотвореній кн. И. М. Долгорукаго. М. Н. Лонгинова. **1865.** (3) 368—372.

4008. Архивная справка. (Ѳ. М. Достоевскій и И. С. Тургеневъ). **1884.** III, (5), 238.

4009. Письмо Ѳ. М. Достоевскаго къ Н. П. Петерсону. **1904.** I, 402—403. О Н. Ѳ. Ѳедоровѣ.

4010. О. М. Достоевскаго къ Е. А. Штакеншнейдеръ (о Пушкинскомъ праздникѣ 1880 года). Сообщ. Н. Н. Страховымъ. **1891,** III, (10), 307—308. Поправка. **1892.** III, (12), 478.

4011. О хранителѣ депо манускриптовъ г. коллежскомъ совѣтникѣ Дубровскомъ. Сообщ. А. А. Васильчиковымъ. **1878.** II, (8) (439—441.

4012. О собирателѣ рукописей Дубровскомъ. Письма Дубровскаго къ А. Н. Оленину. Съ предисл. А. А. В(асильчикова). **1878.** II, (8), 437—439.

4013. Дѣвица кавалеристъ. Изъ письма Н. Дурова, отца Надежды Черновой, отъ 27 Августа 1807 года. Всеподданнѣйшій докладъ Калужскаго совѣтника Дурова, о разысканіи дочери Надежды, по мужу Черновой. Сообщ. Н. Н. Мурзакевичемъ. **1872.**(10), 2043.

4014. Шуточные стихи (чиновника Дьякова) про Екатерининскую больницу. **1903.** I, (3), 435—436.

4015. Педагогъ прошлаго времени А. А. Дюгуровъ. Н. А. Лавровскаго. **1869.** (9), 1541—1553.

4016. Государыня - публицистъ. Е. С. Шумигорскаго. **1890.** I, (1), 5—52. О литературной дѣятельности Екатерины II-й.

4017. Ученая степень Екатерины II-й. М. Ѳ. Шугурова. **1867.** (10), 1262—1263.

4018. Еще о трудахъ Екатерины II-й, по составленію сравнительнаго словаря. (Изъ переписки гр. Безбородки съ Я. И. Булгаковымъ). **1864.** (3), 293 — 295. Письмо гр. А. А. Безбородки къ Я. И. Булгакову.

4019. Генеалогическія занятія императрицы Екатерины II-й. Изъ писемъ В. С. Попова къ Я. И. Булгакову. Сообщено П. С. Киселевымъ. **1875.** I, (1), 5—6.

4020. Филологическія занятія Екатерины II-й.(По поводу кн. Аделунга), съ замѣткою С. А. Соболевскаго. **1863.** (12), 940—942.

4021. Филологическія занятія Екатерины II-й. Я. К. Грота. **1877.** I, (4), 425—442.

4022. Нравственные идеалы Екатерины II. (Ея записка на экземплярѣ Финелонова Телемака). **1863.** (12), 938—339.

4023. Антидотъ (противоядіе). Полемическое сочиненіе Екатерины II-й. Съ Французскаго (пер. С. А. Рачинскаго). **XVIII Вѣкъ.** III, 225 — 463. Разборъ книги аббата Шаппа Д'этероша о Россіи.

4024. Авдотья Петровна Елагина. (Некрологъ). 1877. II, (8), 483—495.

4025. А. П. Елагиной, Стихи И. С. Аксакова **1877.** II, (8), 496.

4026. Письмо А. П. Елагиной къ М. П. Розбергу. Сообщ. Г. А. Тройницкимъ. **1905.** I, (3), 519—520. Изъ писемъ къ А. П. Елагиной. Сообщ. М. В. Безъ. **1904.** I,

Библиотека "Руниверс"

(1), 190. И. С. и С. Т. Аксаковыхъ.

4027. Литературные и ученые труды О. П. Еленева. **1902.** II, 160—176.

4028. И. В. Ефимовъ. (Некрологъ). **1904.** II, 6, 312.

4029. Памяти А. К. Жизневскаго. А. О(всянниковъ). **1896.** II, 8, 603.—607.

4030. Черта въ характерѣ Жуковскаго. (А. П. Петерсона). **1868.** (11), 1871—1872.

4031. Разсказъ А. П. Зонтагъ о Жуковскомъ. **1883.** I, (2), 320—323.

4032. П. А. Плетневъ о Жуковскомъ, съ предисл. К. Я. Грота. **1902.** II, (5), 88—94.

4033. Разсказъ Жуковскаго о его представленіи Маріи Ѳедоровнѣ. **1865.** (7), 803—806.

4034. Жуковскій въ Парижѣ. (Съ выдержками изъ Записокъ его). Кн. П. А. Вяземскаго. **1876.** II, (5), 91—101.

4035. Послѣдніе дни жизни Жуковскаго. Письмо изъ Стутгарда. И.И.Базарова. **1869.** (1), 99—111.

4036. Формулярный списокъ Жуковскаго. Сообщ. К. Я. Гротомъ. **1902.** II, (5), 85—87.

4037. Подлинныя черты изъ жизни Жуковскаго. **1864.** (4), 448—469. Письма Жуковскаго къ роднымъ въ Бѣлевъ.

4038. Къ біографіи Жуковскаго. **1883.** I, (2), 308 — 319. Письма Жуковскаго (по поводу предполагавшагося брака его съ М. А. Протасовой) къ А. Н. Арбеневой, М. Н. Свѣчиной, и отвѣтное письмо А. Н. Арбеневой къ Жуковскому.

4039. Для біографіи Жуковскаго. **1883.** I, (1), 207 — 215. Письма къ нему: М. Г. Буниной, А. П. Елагиной, А. П. Зонтагъ, М. П. Офросимовой. Его матери.

4040. Великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, привѣтствіе отъ Русскихъ. Стихи Жуковскаго. Сообщ. протоіер. И. И. Базаровымъ. **1869.** (2), 379—382.

4041. Долбинскія стихотворенія Жуковскаго. **1864.** (10), 1005—1050.

4042. Протоколъ двадцатаго Арзамасскаго засѣданія. Стихи Жуковскаго. Сообщено кн. П. А. Вяземскимъ. **1868.** (4—5), 829—838.

4043. Острота Жуковскаго о 1825 годѣ. **1869.** (10), 1725.

4044. Стихи Жуковскаго А. П. Ермолову. **1870.** (1), 268—270.

4045. Стихи Жуковскаго. Смерть Іисуса. **1870.** (7), 1237 — 1246.

4046. Листокъ изъ бумагъ Жуковскаго (о свободѣ). **1876.** III, (10), 202.

4047. Стихи Жуковскаго. Капитану „Геркулеса". („Тише вѣтеръ, тише волны..."). Сообщ. Шульцомъ. **1877.** II, (7), 368.

4048. Стихотворенія Жуковскаго. Съ прим. И. А. Бычкова. **1900.** III, (10), 190 — 196. Посланіе къ Ал-дру Але-сѣев. Плещееву. Въ день Свѣтлаго Воскресенія.—Посланіе къ неизвѣстному лицу. — Начало поэмы „Вальмира". — Свѣтланѣ.—Обѣтъ.—Рай.

4049. Матеріалы для полнаго изданія сочиненій Жуковскаго. М. Н. Лонгинова. **1864.** (5—6), 627—641 и **1870** (3), 0695—0710.

4050. Къ біографіи Жуковскаго. (Выдержки изъ его бумагъ. — Изъ писемъ А. П. Зонтагъ). Письмо Жуковскаго о сынѣ его крестнаго отца. Изъ писемъ Жуковскаго къ А. А. Прокоповичу Антонскому. **1902.** II, (5), 128—147.

4051. Изъ бумагъ Жуковскаго. **1870.** (8 — 9), 1682 — 1723. Письма Карамзина, Дмитріева, Жуковскаго къ Дмитріеву, Батюшкова, Карамзина къЕ. А. Протасовой.

4052. Изъ бумагъ Жуковскаго. **1873.** II, (8), 1516 — 1529. Письма А. Гумбольдта къ А. И. Тургеневу, короля Фридриха Виль

Библиотека "Руниверс"

гельма IV-го къ А. И. Тургеневу.

4053. Изъ бумагъ Жуковскаго. Сообщ. К. С. Сербиновичемъ. **1873**. II, (9), 1693—1705.

4054. Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго. Съ предисл. Н. А. Елагина **1875**. Ш, (11), 317—375. Поправка (къ письму гр. Разумовской). **1876**. II, (2). 411. Записка Гизо къ Жуковскому. Письмо Жуковскаго къ г-жѣ Моро де-ла-Мельтьеръ. Выписка изъ письма Жуковскаго къ А. А. Воейковой. Два письма гр. Генріетты Разумовской къ Жуковскому. Приписка г-на Герке. Письма Петина, Орлова, Нелединскаго, Паскевича, Шевырева.

4055. По поводу бумагъ В. А. Жуковскаго. Письма къ издателю „Русскаго Архива" князя П. А. Вяземскаго. **1876**. I, (2), 248—262. Письмо Жуковскаго къ Николаю Павловичу.—Политическая виновность Н. И. Тургенева. — Жуковскій адвокатъ Н. И. Тургенева.

4056. Изъ бумагъ Жуковскаго. **1896**. I, (1), 109—119. Письма Жуковскаго къ Николаю Павловичу и къ А. Х. Бенкендорфу объ И. В. Кирѣевскомъ.

4057. Изъ бумагъ Жуковскаго. **1896**. I, (3), 456—462. Письма Жуковскаго къ Маріи Ѳедоровнѣ и къ гр. В. А. Сологубу.

4058. Письма къ Жуковскому. **1871**. (2), 0133—0187. А. Ѳ. Мерзлякова, гр. С. С. Уварова. Приписка В. К. Кюхельбекера, А. В. Кольцова, Д. В. Давыдова.

4059. Неизданныя письма Жуковскаго. Съ примѣч. И. А. Бычкова. **1900**. III, (9), 5—54. Къ Д. Н. Блудову, А. М. Соковниной, И. И. Дмитріеву, гр. С. С. Уварову, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, А. Ѳ. Воейкову, Д. А. Кавелину, Е. А. Протасовой, Н. М. Карамзину. Вел. княг. Александрѣ Ѳеодоровнѣ, князю А. Н. Голицыну, Д. П. Сѣверину, князю В. О. Одоевскому.

4060. Изъ писемъ къ Жуковскому. **1902**. II, (6), 335—363. (7), 436—459. Графа Д. Н. Блудова, гр-ни А. Д. Блудовой, гр. Іос. Мих. Вьельгорскаго, гр. М. Ю. Вьельгорскаго, гр-ни С. М. Вьельгорской, гр. В. А. Сологуба, А. Я. Булгакова.

4061. Письма Жуковскаго къ государю императору Александру Николаевичу. **1883**. I, (1). I—XXXII. II, (3), XXXIII—LVI. (4), LVII—CLX. **1885**. I, (1), 7—12. (2), 242—272. (4), 526—540. II, (7), 337—370.

4062. Письмо Жуковскаго о преподавателѣ Польскаго языка покойному государю Александру Николаевичу. **1889**. III, (9), 131—132.

4063. Изъ писемъ Жуковскаго къ импер. Александрѣ Ѳеодоровнѣ **1873**. I, (1). I—XL.

4064. Письма Жуковскаго къ имп. Александрѣ Ѳеодоровнѣ. **1874**. I, (1), 9—94.

4065. Письма Жуковскаго прот. И. И. Базарову. **1869**. (1), 81—100.

4066. Письмо Жуковскаго къ гр. Ю. Ѳ. Барановой. Сообщено гр. А. П. Барановымъ. **1885**. II, (6), 322—323. Поправка къ письму. (7), 457—458.

4067. Письма Жуковскаго къ А. Ѳ. фонъ-деръ-Бриггену. Сообщ. А. И. Львовымъ. **1867**. (5—6), 843—862.

4068. Письма Жуковскаго къ А. Я. Булгакову. Сообщ. П. А. Булгаковымъ. **1868**. (9), 1445—1483.

4069. Записка Жуковскаго Ф. Ф. Вигелю. **1905**. I, (3), 521.

4070. Письмо Жуковскаго къ А. М. Веневитиновой. **1877**. II, (6), 228—229.

4071. Письма Жуковскаго къ гр. Л. К. Віельгорской. **1876**. I, (3), 356—361.

Библиотека "Руниверс"

4072. Письмо Жуковскаго къ гр. М. Ю. Вьельгорскому. **1869.** (4), 644—648.

4073. Письмо Жуковскаго къ кн. П. А. Вяземскому, изъ Москвы въ Варшаву. **1896.** Ш, (10), 205—208.

4074. Письмо Жуковскаго къ Гёте. **1870.** (10), 1817—1822.

4075. Шуточная записка Жуковскаго къ Н. И. Гнѣдичу (въ стихахъ). (Сообщ. М. И. Лонгиновымъ). **1867.** (2), 311—312.

4076. Два письма Жуковскаго къ кн. А. Н. Голицину объ Е. А. Баратынскомъ. **1868.** (1), 156—160.

4077. Письмо Жуковскаго къ П. И. Голубкову (о крѣпостныхъ своихъ людяхъ). **1863.** (8—9), 708—709.

4078. Письмо Жуковскаго къ Д. В. Дашкову. Сообщ. Д. Д. Дашковымъ. **1868.** (4—5), 837—843.

4079. Записочка Жуковскаго къ Д. В. Дашкову. Сообщ. П. А. Пушкиною. **1884.** I, (2), 232.

4080. Жуковскаго довѣренность А. П. Елагиной. **1905.** I, (3), 521.

4081. Изъ письма Жуковскаго къ А. П. Елагиной. Сообщ. М. В. Безъ. **1906.** Ш, (12), 595.

4082. Письмо генерала Жомини къ Жуковскому и отвѣтъ. **1871.** I, 255—257.

4083. Дѣтскія письма Жуковскаго къ его матери. Сообщ. К. С. Сербиновичемъ. **1872.** (12), 2363—2366.

4084. Жуковскій и А. И. Козлова. (Письмо Жуковскаго). Сообщ. К. Я. Гротъ. **1904.** I, (2), 283—285.

4085. Письма Жуковскаго къ И. И. Козлову. **1867.** (5—6). 820—842.

4086. Письма Жуковскаго къ Великому князю Константину Николаевичу, съ предисл. кн. П. А. Вяземскаго. **1867.** (11), 1385—1439. (Замѣтка къ этимъ письмамъ). **1868.** (2), 334.

4087. Письма Жуковскаго къ гр. О. П. Литке. Сообщ. графомъ Н. Ѳ. Литке. **1887.** I, (7), 327—340.

4088. Изъ письма Жуковскаго къ принцессѣ Луизѣ Прусской. (О холерномъ возмущеніи въ С.-Петербургѣ). (Сообщ. В. С. Барыковымъ). **1866.** (3), 339—349.

4089. Письмо Жуковскаго о преподаваніи покойному Александру Николаевичу свѣдѣній про бывшую Польшу. **1884.** Ш, (5), 118—119.

4090. Письмо Жуковскаго къ неизвѣстному лицу. **1872.** (12), 2367—2369.

4091. Письмо Жуковскаго къ Ю. А. Нелединскому-Мелецкому (о кончинѣ имп. Маріи Ѳеодоровны). Сообщ. кн. П. А. Вяземскимъ. **1872.** (3—4), 855.

4092. Письмо Жуковскаго императору Николаю Павловичу. **1895.** II, (8), 519—520.

4093. Записка Жуковскаго о Н. И. Тургеневѣ (поданная Николаю Павловичу). **1895.** Ш, (9), 13—29.

4094. Переписка Жуковскаго съ протоіер. Г. П. Павскимъ съ послѣсл. М. С. Боголюбскаго. **1887.** II, (7), 310—326.

4095. Письмо Жуковскаго къ Г. П. Павскому. Сообщ. М. П. Погодинымъ. **1870,** (11), 2127—2129.

4096. Письмо Жуковскаго къ книгопродавцу И. В. Попову (о выкупѣ крѣпостныхъ людей). (Сообщено И. В. Павловымъ). **1865.** (3), 319—322.

4097. Письма Жуковскаго къ А. А. Прокоповичу-Антонскому. **1883.** I, (2), 324—232

4098. Письма Жуковскаго Е. Г. Пушкиной. XIX Вѣкъ. I, 406—425.

4099. Письма Жуковскаго къ А. С. Пушкину. **1889.** Ш, (9), 115—124.

Библиотека "Руниверс"

4100. Записочка Жуковскаго къ Пушкину. Сообщ. Н. А. Елагинымъ. **1876.** II, (8), 453.

4101. Письма и шуточныя записочки Жуковскаго къ А. О. Смирновой. **1883.** I, (2), 333—346.

4102. Письма Жуковскаго къ А. О. Смирновой. **1871.** (11), 1856—1868.

4103. Письмо Жуковскаго къ граф. С. М. Сологубъ по кончинѣ дѣтей ея. **1869.** (6), 958—964.

4104. Письмо Жуковскаго къ Сперанскому о воспитаніи государя Александра Николаевича. Сообщ. К. С. Сербиновичемъ. **1883.** I, (2), 333—334.

4105. Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. (Съ примѣч. И. А. Бычкова). Приложеніе къ 1895 г.

4106. Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, съ примѣчаніями В. С. Порошина. **1867.** (5—5), 789—819.

4107. Письмо Жуковскаго къ гр. Д. Н. Шереметеву (объ увольненіи изъ крѣпостной зависимости семьи Никитенокъ) **1883.** I. (2), 347—348.

4108. Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ. П. И. Бартенева. **1892.** III, (12), 479.

4109. Письма къ М. Н. Загоскину. Сообщ. С. М. Загоскинымъ. **1868.** (6), 973—975. А. С. Пушкина, В. А. Жуковскаго.

4110. Канцеляристъ. Неизданный разсказъ М. Н. Загоскина. **1865.** (7), 791—804.

4111. Пятидесятилѣтіе А. Л. Зиссермана. **1896.** I, (3), 473.

4112. А. Л. Зиссерманъ. (Некрологъ). **1897.** III, (10), 312.

4113. Въ память В. А. Золотова. Старушки изъ степи (Е. И. Бибиковой). **1883.** I, (1), 200—206.

4114. Изъ письма А. П. Зонтагъ къ А. М. Павловой. Сообщ. Н. В. Павловымъ. **1878.** I, (2), 207—208.

4115. Путешествіе на луну. Повѣсть А. П. Зонтагъ. **1904.** III, (12), 589—599.

4116. Баснописецъ А. Е. Измайловъ. **1906.** II, (8), 618—619.

4117. Шуточные стихи А. Е. Измайлова. **1900.** III, (11), 437—439.

4118. Письма А. Е. Измайлова къ И. И. Дмитріеву. **1871.** (7—8), 961—1014. Въ приложеніи стихи гр. Хвостова, Дельвига, Рылѣева, эпиграмма на Булгарина.

4119. Историческія замѣтки. В. С. Иконникова. **1886.** III, (12), 522—527. Сынъ ближняго боярина А. Л. Ордина-Нащокина.— Н. С. Арцыбашевъ и Н. Г. Устряловъ.

4120. Извлеченія изъ писемъ А. Д. Илличевскаго къ П. Н. Фуссу. **1864.** (10), 1050—1073.

4121. Отзывъ Германскаго ученаго о руководствахъ по исторіи Д. И. Иловайскаго. **1895.** II, (8), 510.

4122. Письмо И. Н. Инзова къ К. Я. Булгакову (о А. С. Пушкинѣ). **1863.** (12), 900—903.

4123. Воспоминаніе о Ѳ. И. Иноземцовѣ. С. А. Смирнова **1872.** (3—4), 718—737.

4124. Замѣтка къ воспоминанію о Ѳ. И. Иноземцовѣ. Гр. М. Д. Бутурлина. **1872.** (7—8), 1457—1461.

4125. Воспоминаніе о Ѳ. И. Иноземцовѣ. Н. Н. Губерти. **1898.** I, (2), 231 — 238. Поправка. (3), 478.

4126. Отзывъ А. С. Хомякова о К. Д. Кавелинѣ. **1885.** II, (6), 335—336.

4127. Письма К. Д. Кавелина къ Д. А. Валуеву. Съ предисл. Ю. П. Б(артенева). **1900.** I, (4), 567—594.

4128. К. Д. Кавелинъ о грамотности простонародья. **1902.** III, (12), 526.

4129. Александръ Касимовичъ Казембекъ. О. А. Боратынской. **1893.** III, (10), 209—226, (12), 537—5558 и 1894 (6), 165—174. Съ портретомъ.

4130. По поводу біографіи А. К. Казембека. Е. И. Козубскаго. **1894.** II (7), 414—415.

Библиотека "Руниверс"

4131. Труды А. К. Казембека. О. А. Боратынской. **1894**. II, (2), 280—284.

4132. А. П. Ермоловъ и А. К. Казембекъ. Е. И. Козубскаго. **1893**. III, (12), 556—560.

4133. О Татарскихъ переводахъ Христіанскихъ книгъ. П. Знаменскаго. **1894**. III, (10), 243—249. По поводу его трудовъ.

4134. Письмо К. Ѳ. Калайдовича къ преосв. Амвросію. Сообщ. П. М. Строевымъ. **1869**. (10), 1715—1717.

4135. Два новонайденныя письма князя Антіоха Кантемира. Сообщ. С. А. Петровскимъ. **1889**. II, (8), 517—518.

4136. Письмо князя Антіоха Кантемира къ Ѳеофану Прокоповичу о пасторѣ Мильярдѣ. Съ предисл. П. И. Григоровича. **1869**. (9), 578—581.

4137. Вновь найденная эпиграма князя А. Д. Кантемира. **1865**. (10—11, 1358.

4138. Письмо В. В. Капниста къ А. А. Прокоповичу-Антонскому. **1892**. II, (8), 486.

4139. Записка В. Н. Каразина объ изданіи „Отечественнаго Архива". Письмо къ М. П. Погодину. **1893**. I, (1), 97—98. В. Н. Каразинъ и господство надъ природою. **1892**. II, (5), 75—90.

4140. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій и переводовъ Карамзина. М. Н. Лонгинова. **1864**. (7—8), 849—870.

4141. О сношеніи Карамзина съ Харьковскимъ университетомъ. Н. А. Лавровскаго. **1869**. (12), 2017—2021.

4142. Сто лѣтъ со дня рожденія Карамзина. М. Н. Лонгинова. **1865**. (12), 1532—1534.

4143. Еще о годѣ рожденія Карамзина. М. Ѳ. Шугурова. **1866**. (10), 1504—1507.

4144. О мѣстѣ рожденія М. Н. Карамзина. М. А. Дмитріева. **1865**. (12), 1534—1536.

4145. Письмо Карамзина къ императору Александру и Записка о дѣлѣ Рябинина. Съ послѣсл. В. И. Саитова. **1897**. II, (5), 110—112.

4146. Два письма Карамзина къ Н. И. Гречу. **1869**. (10), 1723—1724.

4147. Письма Карамзина къ Жуковскому. Съ примѣч. кн. П. А. Вяземскаго. **1868**. (11), 1827—1836.

4148. Два письма Карамзина къ Жуковскому въ Дерптъ. **1869**. (9), 1383—1386.

4149. Два письма Карамзина къ В. В. Измайлову. Сообщ. П. Г. Киченевымъ. **1869**. (3), 599—600.

4150. Письма и записки Карамзина къ Е. Ѳ. Муравьевой. (Сообщ. М. Л. Бибиковымъ). **1867**. (3), 455—466.

4151. Записка Карамзина къ неизвѣстному лицу. **1866**. (11—12), 1765—1766. Столкновеніе съ графомъ Закревскимъ.

4152. Послѣднія сношенія Карамзина съ Н. И. Новиковымъ. **1890**. III, (11), 367—375.

4153. Мое представленіе Карамзину. Изъ Записокъ М. П. Погодина. **1866**. (11—12), 1766—1770.

4154. Карамзинъ и В. Л. Пушкинъ. Изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля. **1863**. 295—298.

4155. Къ біографіи Карамзина. **1895**. III, (12), 493—497. Письма Карамзиной и Жуковскаго.

4156. Письма Карамзина къ гр. С. П. Румянцову. **1869**. (3), 587—599.

4157. Двѣ записки Карамзина къ Д. И. Языкову. **1868**. (7—8), 1103—1104.

4158. Судьба одной книги. Н. П. Барсукова. **1899**. I, (2) 265—268. Бумаги Карамзина.

4159. М. Н. Катковъ. Историческая поминка. Д. И. Иловайскаго. **1897**. I, (1), 119—144.

4160. Письма М. Н. Каткова къ А. П. Попову. **1888**. II, (8). 480—499.

Библиотека "Руниверс"

4161. Живописецъ Малороссійской старины. (Г. Ѳ. Квитка). В. Н. Горленка. **1895.** I, (4), 465—473.

4162. Письмо Г. Ѳ. Квитки къ С. Т. Аксакову. **1903.** I, (3), 445—447.

4163. Н. Х. Кетчеръ. Некрологъ. **1886.** III, (12), 531—533.

4164. Н. Х. Кетчеръ. Воспоминанія А. В. Станкевича. **1887.** I, (3), 356—368.

4165. Родъ Кирѣевскихъ, со словъ П. В. Кирѣевскаго. **1877.** II, (8), 482.

4166. Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій. **1894.** II, (7), 325—348.

4167. Черты стариннаго дворянскаго быта. О В. И. Кирѣевскомъ. А. П. Петерсона. **1877.** II, (8), 479—482.

4168. И. В. Кирѣевскій и цензура „Московскаго Сборника". **1897.** III, (10), 287—291.

4169. Стихи И. В. Кирѣевскаго Мицкевичу. **1874.** II, (7), 223—224.

4170. Неизданная рукопись И. В. Кирѣевскаго. **1904.** II, (8), 495—498.

4171. Письма И. В. Кирѣевскаго. Сообщ. М. В. Безъ. **1906.** III, (12), 571—595.

4172. Изъ писемъ И. В. Кирѣевскаго къ Жуковскому. **1870.** (4—5). 959—965.

4173. Письмо И. В. Кирѣевскаго къ А. С. Пушкину. **1896.** II, (8), 574—575.

4174. Письма братьевъ Кирѣевскихъ. **1894.** III (10), 207—224.

4175. Петръ Васильевичъ Кирѣевскій. Его письма. **1905.** II, (5), 113—173.

4176. Къ біографіи комика Княжнина. Копія записки Екатерины II-й. Съ примѣч. Г. Н. Александрова. **1873.** II, (9), 1796.

4177. Поправка о Княжнинѣ. **1873.** II, (11), 02297—02298.

4178. Изъ розыскного дѣла о трагедіи Княжнина „Вадимъ". **1863.** 467—473.

4179. А. Т. Князевъ. Трудолюбецъ прошлаго вѣка. Н. П. Барсукова. **1885.** II, (8), 461—474.

4180. Слагатель акаѳистовъ А. Ѳ. Ковалевскій. Гр. Г. А. Милорадовича. **1902.** I, (4), 740—741.

4181. Памяти Евгр. П. Ковалевскаго и письмо Н. И. Тургенева къ кн. П. А. Вяземскому. Съ предисл. Н. П. Барсукова. **1872.** (6), 1195—1205.

4182. Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій. А. А. Половцова. **1884.** II, (3), 223—224.

4183. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій И. И. Козлова. М. Н. Лонгинова. **1864.** (2), 230—232.

4184. Мое знакомство съ И. И. Козловымъ. И. В. Селиванова. **1903.** III, (12), 665—668.

4185. Изъ бумагъ И. И. Козлова. А. С. Хомутова. **1886.** I, (2), 177—202. (3), 309—319. Письма Жуковскаго, Вяземскаго, Баратынскаго. Гнѣдича, Загоскина, И. П. Мятлева, А. Н. Муравьева, А. П. Голицына, Шатобріана, гр. Е. Е. Комаровскаго, гр. Ал-дры Григ. Лаваль и гр. Маріи Потоцкой.

4186. В. А. Кокоревъ. Некрологъ. П. И. Бартенева. **1889.** II, (5). 160.

4187. Изъ рукописей Кольцова. Сообщено А. З. Зиновьевымъ. **1875.** III, 111. 394—397. Письмо А. В. Кольцова къ Бѣлинскому.

4188. Замѣтка о А. В. Кольцовѣ, Д. Н. Бѣгичевѣ и Н. И. Кривцовѣ. Д. Д. Рябинина. **1874.** II, (9), 725—728.

4189. Неизданныя стихи А. В. Кольцова. М. Ѳ. де-Пуле. **1864.** (9), 990—1001.

4190. Неизданные стихи Кольцова. Сообщ. А. Н. Аѳанасьевымъ. **1871.** (1), 0250.

4191. Письма П. А. Кулеша къ О. М. Бодянскому. **1892.** III, (11). 291—304.

Библиотека "Руниверс"

уснащеннымъ иностранными словами (что̀ обличаетъ лѣность мысли, либо желаніе хвастнуть ученостью), Императорская Публичная библіотека и три Московскихъ Музея полны-полнехоньки, если не книгами и предметами, то читателями и посѣтителями.

Музею 1812 года подобаетъ быть не въ Москвѣ только, но и въ Петербургѣ, откуда пошли мѣропріятія, приведшія въ Россію Наполеона, который грозилъ и Петербургу, тревожно ожидавшему его нашествія. Даже памятникъ Петра Великаго готовили къ увозу.

Память у народовъ, сто лѣтъ назадъ, была болѣе тверда и чутка, нежели теперь. Германія, Италія, Франція въ 1812 году находились еще подъ впечатлѣніемъ Суворовскаго похода 1799 года. Австрійскіе Славяне понимали рѣчь Русскихъ солдатъ. Германія помнила наши побѣды въ Семилѣтнюю войну, когда Фридрихъ Великій, поражаемый Русскими войсками, готовъ былъ по собственному сознанію лишить себя жизни; для Французовъ же Русскіе казались выходцами изъ Азіи. Въ 1825 г. въ Парижскомъ театрѣ, къ А. С. Хомякову, выразившему радостное изумленіе звукамъ Русской пѣсни въ одной изъ Моцартовскихъ оперъ, Французъ сидѣвшій подлѣ обратился съ наивнымъ вопросомъ: Chante-t on chez vous? (развѣ у васъ поютъ?); а въ семидесятыхъ годахъ Французы, указывая пишущему эти строки на бывшія тогда Русскія бумажныя деньги съ изображеніями до-Петровскихъ государей, говорили: Ce sont vos Bachkirs. (Это ваши Башкиры). Наполеону не трудно было возбудить Европейское населеніе противъ Россіи, якобы грозившей имъ варварскимъ вторженіемъ, и нашествіе на Россію 1812 года выставлялось дѣломъ спасенія такъ называемой цивилизаціи. Затѣянный въ Петербургѣ, вопреки завѣтамъ Екатерины Великой (при которой не пролито капли Русской крови для выгодъ чужеземныхъ), Итальянскій походъ нашъ 1799 года привелъ къ намъ Европейское нашествіе, на разореніе Россіи и сожженіе Москвы. Но тотъ же Петербургъ великимъ царскимъ словомъ: „не положу оружія“..., произнесеннымъ вопреки моленіямъ матери и брата о мирѣ, спасъ Россію отъ порабощенія.

И такъ слѣдуетъ и Петербургу имѣть военно-историческій Музей 1812 года, лишь бы не для киченія, а въ поученіе, въ успѣхъ народнаго самосознанія, въ благодарную память императору Александру Павловичу и Русскому народу, про котораго нѣкогда Мирабо̀ выразился, что это самый *ковкій* на свѣтѣ народъ (le plus malléable du monde). Въ Московскій Музей могутъ собираться преимущественно книги и вещи, относящіяся до графа Ростопчина, въ Петербургскій—до князя Кутузова. Но какъ библіотеки, такъ и музеи цѣнны не столько обиліемъ книгъ и предметовъ, какъ подборомъ ихъ, а процвѣтаютъ или падаютъ они въ полной зависимости отъ лицъ, которыя завѣдуютъ ими. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907 года.

(Годъ 45-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1907 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 50 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Московскіе подписчики 1907 года, покупая вмѣстѣ и весь 1906 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

Библиотека "Руниверс"

(45-й годъ изданія).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907

9.

Стр.

5. Заботы **Екатерины Великой** о Лифляндской губерніи. Письма ея къ графу Ю. Ю. Броуну.

11. Пять лѣтъ въ Россіи при Екатеринѣ Великой. Записки **графа Л. Ф. СЕГЮРА. 1785 — 1789. Новый полный** переводъ, съ примѣчаніями.

119. Ужасы крѣпостного права въ царствованіе Александра Благословеннаго (1824). Донесеніе Курскаго губернатора **А. С. Кожухова** о помѣщицѣ Денисьевой и ея супругѣ.

136. Изъ записныхъ книжекъ масоновъ, **графа М. Ю. Вельегорскаго и Ѳ. Н. Глинки.** Съ предисловіемъ **Т. О. Соколовской.**

139. **Михаилъ Никитичъ Муравьевъ** (къ столѣтію его кончины) **Д. М. Щепкина.**

141. Письма **И. С. Аксакова** къ сестрѣ его М. С. Томашевской. (О Константинополѣ и о жизни въ Крыму).

Внутри сорочки: о книгахъ **Н. Новомбергскаго:** „Врачебное настроеніе въ до-Петровской Руси“ и **И. Г. Попруженка:** „Къ исторіи безумнаго года (1848)“.—Еще о загробномъ самозванствѣ.

Приложены листы **Предметной Росписи** „Русскаго Архива“ за 1863—1907 годы (царствованія Павла Петровича и Александра Павловича).

РУССКІЙ АРХИВЪ“ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1908-М ГОДУ НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи
на Страстномъ бульварѣ.
1907.

Н. Новомбергскій. Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси. Томскъ. 1907. 8-ка. VII+387+XCIX+V. Цѣна 2 р.

Къ превосходнымъ трудамъ покойнаго Л. Ѳ. Зміева и М. Ю. Лахтина объ исторіи Русской медицины присоединяется и вѣско пополняетъ ихъ книга г-на Новомбергскаго.

Изслѣдованіе это написано человѣкомъ много трудившимся надъ исторіей медицины въ Россіи, на основаніи старинныхъ рукописей, изъ которыхъ многія впервыя имъ же найдены въ архивахъ и обнародованы въ его „Матеріалахъ“ (4 тома, 1905—1907).

По мнѣнію почтеннаго изслѣдователя, колыбелью народнаго врачебнаго знанія было вѣдовство (колдовство). Первые врачи дѣйствовали лишь для царскаго обихода и не были доступны населенію. Благодаря военнымъ потребностямъ, образовалась полковая военная медицина и началось врачебное образованіе Русскихъ людей. Судебныя испытанія повели къ развитію врачебныхъ освидѣтельствованій; больницы возникли на почвѣ монастырской благотворительности, а благодаря климатическимъ условіямъ, создался санитарно-карантинный арсеналъ: вотъ фундаментъ Русскаго врачебнаго дѣла.

Но еще въ XVI столѣтіи врачебнымъ искусствомъ занимался одинъ изъ именитыхъ людей, предокъ нынѣшнихъ графовъ Строгановыхъ, и въ Петербургѣ, въ извѣстномъ домѣ у Полицейскаго моста, можетъ быть, найдутся бумаги, до него относящіяся. Въ XVII вѣкѣ царь Алексѣй Михайловичъ былъ большой любитель ботаники, и разнаго рода лечебныя травы собирались для него въ село Измайловѣ по всей тогдашней Россіи.

Съ большою убѣдительностью въ книгѣ Новомбергскаго опровергается распространенная ошибка, вошедшая даже въ Полное Собраніе Законовъ („О новомъ образованіи медицинскаго управленія“), будто бы Аптекарскій Приказъ не сдѣлалъ ничего къ основанію врачебной науки.

Въ до-Петровскій періодъ Московское правительство выработало при борьбѣ людей и животныхъ съ повальными болѣзнями вполнѣ разумныя положенія, далѣе которыхъ, собственно говоря, мы не пошли и теперь.

Много страницъ посвящено въ книгѣ Новомбергскаго доказательству, что и на Руси въ до-Петровское время, вопреки утвержденію профессора Лешкова, бывали процессы противъ колдуновъ. Въ приложеніяхъ приводятся выписки изъ Архива Министерства Юстиціи, этого неисчерпаемаго кладезя матеріаловъ для исторіи стараго Русскаго быта. Наша Русь, по милости Божіей, никогда не рисовалась и думала она свою „крѣпку думу безъ пуму“.

Отрадно видѣть изслѣдованія подобныя труду г-на Новомбергскаго; они свидѣтельствуютъ, какъ еще много можно и плодотворно работать надъ архивными матеріалами. И пока не будутъ произведены подробныя и обстоятельныя изслѣдованія по всѣмъ отраслямъ внутренней народной жизни, мы будемъ оставаться въ области голословныхъ утвержденій и повторять старыя ошибки.

И. Г. Попруженко. Къ исторіи „безумнаго года 1848“. Варшава. 1907. 8-ка. 126 стр. Ц. 1 р.

Книжка состоитъ изъ двухъ живо и со знаніемъ дѣла составленныхъ статей. „Эпизодъ изъ исторіи Польскаго крестьянства“ (появилось первоначально въ „Историческомъ Вѣст-

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ПЯТЫЙ.

1907.

III.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Даръ небесный, воспоминаніе: это тѣнь благополучія, какого больше не имѣемъ. Послѣ всѣхъ утратъ оно служитъ намъ какъ бы утѣшеніемъ.

Графъ Сегюръ.

1907.

КНИГА ТРЕТІЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1907.

ЗАБОТЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ О ЛИФЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Пять писемъ ея къ Рижскому генералъ-губернатору графу Ю. Ю. Броуну *).

1.

Herr General Couverneur von Liefland. Vor einiger Zeit iſt mir ein Buch zu hände gekommen aus welchen ich die auf der dritten ſeite dieſes Blats abgeſchriebene Paſſage gefunden. Ich ſchicke ihnen dieſes zu, weil es villeicht was nützliches für ihre Sandigte gegenden in ſich hält. Wenn dieſe art den Treibſand zu fixiren in ihren Gegenden noch nicht bekannt iſt, und ſie keine beſſere nicht kennen, ſo käm es auf eine Probe einer wärts an, um die ſache in der mode zu bringen: die Binne trägt nach den Binnenſtock allerley Blumenſaft

Ich verbleibe mit vieler gewogenheit

Caterina

St: P: den 29 Mars
1781.

Переводъ.

Господинъ генералъ-губернаторъ Лифляндіи. Нѣсколько времени назадъ мнѣ въ руки попалась книга въ которой я нашла мѣсто, списанное на третьей страницѣ этого письма. Я посылаю вамъ его, такъ какъ, можетъ быть, оно содержитъ что нибудь полезное для вашихъ песчанныхъ мѣстностей. Если этотъ способъ закрѣплять сыпучій песокъ еще неизвѣстенъ въ вашихъ краяхъ и другихъ не знаютъ, то слѣдовало бы попробовать ради одного того уже, чтобы всѣ обратили на это вниманіе: пчела несетъ въ улей всякаго рода цвѣтной сокъ.

Пребываю весьма благорасположенная Катерина.

С.Пб. 29 Марта 1781.

---

*) Изъ VI-й книги Сборника П. И. Щукина, въ Музеѣ котораго хранятся эти своеручныя письма. Они напечатаны съ сохраненіемъ ея правописанія. Удѣлѣло очень мало писемъ Екатерины на ея природномъ языкѣ. Какъ и Фридрихъ II, она писала преимущественно на Французскомъ, и на всѣхъ трехъ языкахъ правописаніе ея было невѣрно; но вѣдь и Ришелье, напримѣръ, писалъ какъ лавочникъ. П. Б.

2.

Herr General Gouverneur von Liefland. Für die geſchickte Pflaumen dancke ich ihnen, auch für den verſprochnen Rewenüen des Gartens. Meine Beyde Groß=Söhne ſeynd Gott ſey Danck gantz friſch und munter und die Pocken fangen an abzufallen, ſie ſeynd auch ohne alle gefahr von anfang an geweſen. Der Alexander hat eine gute Portion von Pocken gehabt, der jünſte aber ſehr wenig. Im übrigen verbleibe wie jederzeit mit vieler gewogenheit und Freundſchaft

Caterina,

Czarskoselo d. 14. Sep: 1781.

(На оборотѣ письма: Лифляндскому Генералъ-Губернатору Генералу Графу Броуну).

Переводъ.

Господинъ генералъ-губернаторъ Лифляндіи, благодарю васъ за присланныя сливы, а также и за обѣщанные доходы съ сада. Оба внука мои, слава Богу, бодры и веселы, и оспины начинаютъ отпадать. Они и съ начала болѣзни были внѣ опасности; у Александра оспа высыпала очень сильно, у младшаго же очень слабо. А впрочемъ пребываю, какъ всегда, весьма къ вамъ расположенная и дружественная Катерина.

Царское Село, 14 Сентября 1781.

3.

Moscou, ce 10 Mars (1785).

Monsieur le General Broun, ich habe ihre zwey Briefe vom 19 und 25 Feb: wohl erhalten, und antworte ihnen iezt nur vorläufig (weil die große menge Geſchäften mir noch nicht erlaubt die beylagen gantz durch zu leſen). Die Arenden habe dem Senat befohlen vorzunehmen mit ihren Vorſtellungen ſie zu accordiren und einige habe ich ſelber befohlen in der liſte zu ſetzen. Über ihrer dispute mit dem Iustitz Collegium kann noch nicht ſprechen, weil ich nur von einer Seit die Sache noch geſehen. Es ſcheint mir aber der Herr Couverneur ſchreibt nicht ohne Grund. Mit vielen Vergnügen werde ich ihnen zu Petersb: ſehen wo ich gedencke ausgang May oder anfangs Junii (wenn Gott will) zu reiſen. Ich habe durch dem Senat befohlen von ihnen zu fordern eine Copie der Swediſchen Regierungsannordnung in Liefland die Hof und Land Gerichte betreſend um darnach nach möglichkeit die einrichtung derer innerlichen im Reiche gerichts Orte einzurichten welche mir viel zu ſchaffen machen und weit von meinen Abſichten noch entfernet ſeyn, aber dennoch werde ich den Muth wohl nicht fallen laßen. Meine geſundheit läßt ſich nichts anfechten, ich ſtehe an ſpäteſten um 6 Uhr auf und bleibe wohl bis um 11 in meinen Cabinet und komt zu mir nicht der in faveur iſt, aber wohl wer nach ſeinem Platze mit mir zu thun hat und öffters leute ſo ich faſt mit nahmen nicht kenne; die in faveur ſeynd habe ich gewöhnt heraus zu geben wenn die Sachen ihnen nicht angehen. Des Nachmittags

komt nichts vor, wenn es nicht außers notwendige Sachen sayn, und des Abends sehen ich diejenigen die da kommen und gehe am spätesten um halb eilf schlafen. Also wird meine gesundheit wohl nicht so angegrifen wie sie es aus freundschaft vor mir fürchten; ich wünsche von der ihrigen das selbige zu hören. Ich habe befohlen sogleich als ihr Brief mir zu Händen gekommen das ins künftige die Generalitet und die Truppen möchten beßer bezahlt werden damit sie nicht nöhtig hätten an verhaste подрядамъ und откупы zu dencken. Ich bin sehr intentioniret Englische Offizirs in der flotte anzunehmen und noch lieber wäre es mir wenn ich einem geschickten oder auch mehrer Flagmänner von dieser Nation bekommen könte und also bitte ich ihnen ohne Zeit zu verlieren die hand anzulegen an dieser Sache Plan und execution. Die Zufridenheit der liefländerer ist mir sehr angenehm; ich werde warhaftig ihnen nichts abnehmen, wohl aber ihre Wohlfart jederzeit befördern im übrigen verbleibe ich ihre wohl

affectionirte
Caterina

Переводъ.

Москва, сего 10 Марта (1785).

Господинъ генералъ Броунъ. Я исправно получила ваши оба письма отъ 19 и 25 Февраля и сейчасъ отвѣчаю вамъ лишь предварительно (такъ какъ большое количество дѣлъ мнѣ пока не позволяетъ прочесть вполнѣ приложенія къ нимъ). Сенату я велѣла заняться арендами, согласовать ихъ съ ихъ представленіями, а нѣкоторыя я сама приказала внести въ списокъ. О спорѣ ихъ съ Юстицъ-коллегіей я еще ничего не могу сказать, ибо разсмотрѣла это дѣло пока лишь съ одной стороны; но мнѣ кажется, что господинъ губернаторъ пишетъ не безъ основанія. Очень рада буду видѣть васъ въ Петербургѣ, куда я думаю (коли на то будетъ Божья воля) отправиться въ концѣ Мая или въ началѣ Іюня. Я приказала Сенату потребовать отъ васъ копію съ распоряженій Шведскаго правительства въ Лифляндіи, касающихся надворныхъ и земскихъ судовъ, дабы по нимъ, насколько это возможно, устроить внутри имперіи судебныя мѣста, которыя причиняютъ мнѣ много хлопотъ и еще далеки отъ моихъ предположеній, но я все таки духомъ падать не буду. Здоровье мое меня нисколько не тревожитъ; я встаю, самое позднее, въ 6 часовъ и сижу до 11 въ моемъ кабинетѣ, куда ко мнѣ приходитъ не тотъ, кто у меня въ милости, но кому, по его званію, есть до меня дѣло, и часто приходятъ лица, которыхъ я еле знаю по имени. Кто у меня въ милости, тѣхъ я пріучила уходить, если дѣло ихъ не касается. Послѣ обѣда нѣтъ ничего, а вечеромъ я вижусь кому охота придти, и отправляюсь спать, самое позднее, въ половинѣ одиннадцатого. Стало быть, мое здоровье не столько уже страдаетъ, какъ вы, изъ дружбы ко мнѣ, того опасаетесь. Какъ только ваше письмо попало мнѣ въ руки, я немедленно приказала впредъ платить больше генералитету и войскамъ, дабы имъ не было надобности помышлять

о ненавистныхъ подрядахъ и откупахъ. Я имѣю твердое намѣреніе пригласить Англійскихъ офицеровъ во флотъ, а еще пріятнѣе было бы мнѣ заполучить, если можно, одного или нѣсколько искусныхъ Англійскихъ *) флагмановъ; а посему я прошу васъ, не теряя времени, приняться за сей планъ и исполненіе его. Мнѣ очень пріятно, что Лифляндцы довольны; я, право, у нихъ ничего не отыму, но постоянно буду умножать ихъ благосостояніе. Въ прочемъ пребываю благорасположенная къ вамъ Катерина.

4.

Ich wünſche ihnen gute und geſunde Oſterfeſtage. Was macht die Düna? Will ſie ſtille und fromm ſich befreien von dem Eiſe oder iſt ſie böſe. Dis Jahr wir haben hier zwey arſchinen weniger ein werſchock Eis auf der Neva.

Der Profeſſor Habermaaß wagte 1732 zu erſt dem alles überziehenden Flugſande (um Berlin), welcher damahls alle umliegende Garten und Gegenden verderbte und dem niemand Gräntzen ſetzen wollte, einen ſchmalen damm entgegen zu ſetzen, auf welchem Erlen etwas dicht ſtanden. Der Profeſſor Gledíſch als er 1733 nach Berlin kam, rieth ihm, allerhand wuchernde Grasarten, deren Wurtzeln ſich in dieſen dürren Sande am beſten erhalten, zu wählen, und zeigte ſie ihm an dem Orte, wo ſie wuchſen. Beſonders empfal er ihm das ſogennante Guniken-Gras (um Berlin Päden gennant) von der um Panko gelegenen Fläche holen zu laſſen, wo es jährlich in großer Menge ausgepflüget, abgeharket und verbrannt wurde, ohne daß man ſeinen werth zu Dämpfung des Flugſandes kannte. Dieſes Gras rieth er, zur Herbſtzeit, vornemlich im Oktober, da die Nächte beginnen länger und kühler zu werden, zuſammen bringen, friſch oder eingeweicht auf einer? (wegen des anhanhenden Sandes) Fingers lang ſchneiden, mit etwas Erde, Sägeſpänne oder auch kurzum Miſte vermengen und Sackweiſe auf den Sand hinführen zu laſſen. Wenn dieſer vorher gegen die Stoßwinde aus Nordweſt, einigen Schutz erhalten hätte, und nur leichte mit oder vor dem einfallenden Regen wäre geflüget und eben gemacht worden. In dieſen Morgenweiſe abgetheilten und gantz friſch geflügte Acker ſolte er ſogleich bey einer ſolchen naſſen Herbſtzeit dieſe Graswurtzeln ausſäen, und überwalzen laſſen, um den Sand derb zu machen, und in einiger Zeit die Schaafe darauf nicht treiben laſſen, bis ſich alles wohl bewurzelt habe. Die erſten Verſuche geriethen recht gut, die Wurzeln waren dicke genug geſäet und nach vierzehn Tagen aus geſchlagen, daß die Beeten mit einer grünen Gras Blättern über und über ſo bedeckt waren, als ob man junge Nelkenpflantzen darauf ſähe. Herr Habermaß dachte der Sache nach; Herr Gleditſch gab ihm weitern guten Rat. Er erhielte zu ſeinem Verſuche die gantze hüglichſte Sandwüſte von dem Könige geſchenckt, die er theils durch Schutz gegen die Windſtöße mit den Weidenſtecken, theils durch die vorgeſchlagene Beſtellungsart, zum großen

*) Въ подлинникѣ собственно: „изъ этой націи", или „этой національности".

Vortheil der gantzen Gegend urbar zu machen gesucht hat und worauf nach der Zeit unter andern die gantze sehr wichtige Wirthschaft des Invalidenhauses angelegt, und durch dieses Beyspiel zu vielen andern Verbesserungen gelegenheit gegeben worden.

Переводъ.

Желаю вамъ хорошихъ и здоровыхъ пасхальныхъ праздниковъ. Что подѣлываетъ Двина? Намѣрена ли она тихо и благонравно освободиться ото льда, или она гнѣвна въ нынѣшнемъ году? Здѣсь у насъ, на Невѣ, ледъ въ два аршина безъ вершка.

Профессоръ Габермасъ, первый, попытался въ 1732 году (около Берлина) противопоставить узкую плотину, на которой были нѣсколько тѣсно посажены ольхи по переносному песку, заносившему тогда все и портившему всѣ близъ лежащіе сады и окрестности и съ которымъ никто не могъ сладить. Профессоръ Гледичъ, пріѣхавъ въ Берлинъ въ 1733 году, посовѣтовалъ ему набрать разныхъ ползучихъ растеній, корни коихъ лучше всего сохраняются въ этомъ сухомъ пескѣ, и указалъ ихъ ему въ мѣстахъ, гдѣ они росли. Особенно же онъ совѣтовалъ ему велѣть привезти такъ называемую Гуникенъ-грассъ (въ окрестностяхъ Берлина называемую Феденомъ), съ равнины около Панко, гдѣ ее ежегодно въ большомъ количествѣ выпахивали, вытаскивали граблями и сожигали, не зная о ея пригодности для задержанія переносныхъ песковъ. Эту траву онъ совѣтовалъ ему собирать осенью, лучше всего въ Октябрѣ мѣсяцѣ, когда ночи становятся длиннѣе и прохладнѣе, разрѣзать, въ свѣжемъ или размоченномъ видѣ (состояніи), по причинѣ приставшаго къ ней песка, на куски, въ палецъ длиною, смѣшивать съ небольшимъ количествомъ земли, опилковъ, а то просто съ навозомъ, и въ мѣшкахъ вывозить на песокъ, лишь бы послѣдній предъ этимъ былъ нѣсколько защищенъ отъ порывистыхъ вѣтровъ съ Сѣверо-запада и слегка вспаханъ и выравненъ во время дождя или передъ дождемъ. Въ такого рода, на подобіе моргеновъ, разбитыя и свѣже-вспаханныя поля должно высѣять въ сырую осеннюю пору эти корни травы, забороновать и укатать катками для сплоченія песка, и нѣкоторое время не пускать на нихъ овецъ, пока корни всѣ не укрѣпятся, какъ слѣдуетъ. Первые опыты были весьма удачны, корни были посѣяны достаточно густо и дали ростки черезъ двѣ недѣли такъ, что грядки были густо покрыты зелеными листьями, по виду точно молодыми гвоздиками. Г. Габермасъ обдумывалъ дальнѣйшіе шаги; г. Гледичъ преподалъ ему хорошіе совѣты и на будущее время. Для своего опыта онъ получилъ отъ короля въ подарокъ всю холмистую, песчаную равнину, которую онъ и постарался сдѣлать плодоносною, къ великой выгодѣ всѣхъ окрестностей, частью защищая ее отъ бурь посадкою ивовыхъ деревьевъ, частью же выше предложеннымъ способомъ посѣва и на которой впослѣдствіи было между прочимъ устроено все хозяйство дома инвалидовъ, и этотъ примѣръ повелъ ко многимъ другимъ улучшеніямъ.

5.

Herr General Gouverneur von Liefland. Ihr докладъ über der eſelſchen revision iſt wohl angekommen, ich habe befohlen die darzu nöhtigen instrumenten zu prepariren und hoffe in kurtzen hirmit fertig zu werden. Ihre Meinung über den Arende Contract iſt mir auch geſtern zu Händen gekommen; es iſt mir leyd das ich ohne dem zwey mahl tentiret geweſen ihnen die Vertheilung der Arenden da ſie noch in der Arbeit waren, zur durchſicht zu ſchicken, das ich dieſes nicht gethan habe, nun aber iſt es zu ſpät da die Ukase hierüber ſchon ſeit Neujahr im Senat iſt. Die Arende-Commission hat mir ihren Plan über der Vergebung in Original bey dem Plan gelegt und die meiſten Arenden ſeynd darnach vergeben, einige habe ich für gut befunden ſelber zu Disponiren; was dem Arende-Contract betrifft, ſo werde mir informiren wie das komt das ſie mir nicht ihren ſondern meinen alten Plan geſchickt haben. Im übrigen verbleibe wie jederzeit.

Caterina.

(На оборотѣ письма: Лифляндскому Генералъ-Губернатору Генералу Броуну).

Небольшая красная сургучная печать съ изображеніемъ порфиры, увѣнчанной императорской коропой и посреди порфиры круглый щитокъ съ Россійскимъ двуглавымъ орломъ. Щитокъ окруженъ Андреевской цѣпью.

Переводъ.

Господинъ генералъ губернаторъ Лифляндіи. Вашъ докладъ объ Эзельской ревизіи исправно прибылъ, я приказала приготовить нужные для него документы и надѣюсь вскорѣ съ нимъ покончить. Ваше мнѣніе относительно контракта аренды также попало мнѣ вчера въ руки. Я жалѣю, что я два раза покушалась послать вамъ на просмотръ распредѣленіе арендъ, когда объ нихъ еще шло дѣло и что я сего не сдѣлала; теперь же уже поздно, ибо указъ объ нихъ уже съ новаго года находится въ Сенатѣ. Комиссія объ арендахъ приложила мнѣ свой планъ раздачи въ оригиналѣ, при планѣ, и большая часть арендъ розданы согласно съ нимъ, а нѣкоторыя я заблагоразсудила распредѣлить сама; что же касается контракта аренды, то я справлюсь, какъ это случилось, что они прислали мнѣ не ихъ проектъ, а мой прежній. Впрочемъ пребываю какъ всегда *) Катерина.

*

Героя Семилѣтней войны, раненаго въ голову въ сраженіи при Гросъ-егердорфѣ и съ тѣхъ поръ прожившаго до глубокой старости съ золотою накладкой на черепѣ, графа Ю. Ю. Броуна, Екатерина знала еще въ 1744 году, когда ѣхала съ своею матерью въ Россію, невѣстою наслѣдника Русскаго престола. Графъ Броунъ былъ Ирландецъ родомъ, Католикъ. Онъ почти все царствованіе Екатерины управлялъ Лифляндской губерніей. П. Б.

*) Въ подлинникѣ пропущено „благорасположенная“ или что либо въ этомъ родѣ.

ПЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ РОССІИ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.

Записки графа Л. Ф. Сегюра.

(1785—1789)

Графъ Людовикъ-Филиппъ Сегюръ (р. 1753 г. † 1830), сочиненія котораго, историческія, политическія, стихотворныя, изданы еще при его жизни въ 36 томахъ, принадлежалъ къ старинному Французскому дворянству, которое такъ цѣнила Екатерина и представители котораго до временъ недавнихъ служили образцами искусственно-созданному ею у насъ Русскому дворянскому сословію. Служба военная и придворная была главнымъ ихъ назначеніемъ. Отецъ графа Сегюра († 1801) боевой, израненный генералъ, пользовался во Франціи такимъ почетомъ, что у него однажды обѣдалъ Людовикъ XV-й. Какъ почти вся знать тогдашней Франціи, сынъ его тоже служилъ въ кавалерійскомъ полку и нѣсколько времени воевалъ съ Англичанами въ освобождавшейся отъ нихъ Сѣверной Америкѣ. Возвратившись домой, онъ разсчитывалъ продолжать военную службу, которая сулила ему большіе успѣхи, такъ какъ отецъ его былъ тогда военнымъ министромъ. Назначеніемъ его въ Россію Франція угодила Екатеринѣ: Сегюръ съ ранней молодости находился въ сношеніяхъ не только съ главными дѣйствующими лицами Французскаго правительства, но и съ представителями Французскаго просвѣщенія и самъ уже былъ писателемъ. Даже Вольтеръ посѣщалъ его родителей, а Людовикъ XVI зналъ его чуть ли не съ его дѣтства.

Записки его вышли въ свѣтъ, когда онъ еще былъ живъ и вѣроятно напечатаны не вполнѣ, такъ какъ при Карлѣ X-мъ Россія находилась въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Франціею, и гр. Сегюръ, престарѣлый въ то время членъ Палаты Перовъ, конечно, не считалъ возможнымъ высказывать все, что́ было ему извѣстно. Подлинная рукопись вѣроятно сохраняется у его наслѣдниковъ. Въ трехъ книгахъ Записокъ его разсказана почти вся его политическая жизнь; что́ относится до Россіи писано послѣ 1812 года. Вотъ полное заглавіе Записокъ: Mémoires, ou souvenirs et anecdotes, par m. le comte de Ségur, de l'Académie française, pair de France.

Русскій переводъ Записокъ графа Сегюра сдѣланъ по второму ихъ изданію 1826 года. Въ 1865 году Записки Сегюра о пребываніи его въ Россіи были напечатаны въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: „Записки графа Сегюра о пребываніи его Россіи въ царствованіе Екатерины II. (1785—1789). Переводъ съ Французскаго съ примѣчаніями переводчика“ (8-ка, 386 и III

стр.). Неизвѣстный переводчикъ предпослалъ имъ дѣльно составленное свѣденіе; но самый переводъ весьма небреженъ и далеко не полонъ, по условіямъ тогдашней цензуры. Примѣчанія переводчика здѣсь удержаны, а переводъ исправленъ и пополненъ.

Сегюръ поѣхалъ въ Россію зимою 1785 года и на пути заѣхалъ къ герцогу Двумостному (Des-deux-ponts, Цвейбрюкенскому), которому предстояло наслѣдовать его дядѣ и сдѣлаться Баварскимъ курфюрстомъ и на счетъ котораго замышляла тогда усилиться Австрія, чему содѣйствовала Екатерина и что̀ было невыгодно для Франціи. Тутъ графу Сегюра пришлось перевѣдаться съ будущимъ Русскимъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцовымъ и начать свою дипломатическую службу.

П. Б.

*

Я поѣхалъ въ Россію въ сопровожденіи моей жены, проводившей меня до Форбаха. Тутъ я разстался съ нею и, спустя нѣсколько часовъ, отправился ко двору герцога Двумостнаго.

Онъ почтилъ меня, отведя мнѣ помѣщеніе во дворцѣ. Онъ былъ любимъ и уважаемъ въ своемъ маленькомъ государствѣ, которымъ управлялъ мудро. Однако народъ роптaлъ на него за небреженіе, въ которомъ онъ оставлялъ герцогиню, свою жену: въ то время она печально прозябала въ маленькомъ городкѣ, не имѣя другого общества, кромѣ служившихъ у нея барынь и незначительнаго числа придворныхъ, которые, удаляясь отъ благоволенія, возвышали тѣмъ свое званіе. Изъ тихой своей долины она слышала шумъ празднествъ и концертовъ, въ которыхъ, на вершинѣ горы, въ замкѣ герцога, блистала фаворитка, надменно захватившая ея мѣсто. Нѣмецкій почтдиректоръ, котораго я вызвалъ на разговоръ, наивно выразилъ свою мысль по этому поводу и сказалъ мнѣ, говоря о дамѣ и о герцогинѣ: «это свѣтъ перевернутый вверхъ дномъ; одна помѣщена слишкомъ высоко, а другая—слишкомъ низко».

Выѣзжая изъ Франціи, я думалъ, что проѣду черезъ Европу въ качествѣ путешественника и что дипломатическія занятія мои начнутся лишь въ Россіи; но я ошибся. Несмотря на любезный пріемъ, оказанный мнѣ герцогомъ, я замѣтилъ съ первой же минуты, въ особенности во время обѣда, что онъ былъ печаленъ, озабоченъ и до того разсѣянъ, что иногда, казалось, не слышалъ что̀ отвѣчали ему гости его на вопросы, которые онъ имъ предлагалъ. Я приписывалъ такое мрачное настроеніе какому-либо душевному безпокойству, такъ часто тревожащему человѣка между долгомъ и его заботами.

Послѣ обѣда и по окончаніи игры я удалился въ свои покои. Спустя нѣсколько часовъ, раздѣвшись и погрузившись въ чтеніе одного

политическаго сочиненія, я увидѣлъ, что кто-то отворяетъ мою дверь; это былъ герцогъ, онъ пришелъ ко мнѣ очень взволнованъ.

Почти безъ предисловій, съ жаромъ онъ сообщилъ мнѣ извѣстіе, которое смутило и раздражило его: графъ Николай Румянцевъ, Русскій посланникъ, состоявшій при немъ и еще при нѣсколькихъ владѣльцахъ того же округа, сдѣлалъ ему недавно самое неожиданное предложеніе. Этотъ молодой посредникъ, болѣе умный, нежели смѣтливый, объявилъ ему, что необходимо ему согласиться на сдѣлку, которую представляли ему какъ очень для него выгодную и которую его дядя-курфюрстъ хотѣлъ заключить съ императоромъ *). Онъ долженъ былъ уступить Баварію Вѣнскому двору, а взамѣнъ получить Австрійскіе Нидерланды съ титуломъ короля. «Ваше высочество, говорилъ герцогу Русскій посланникъ, корона сіяетъ достаточнымъ блескомъ, чтобы сгладить неравенство, которое можно бы найти въ этомъ обмѣнѣ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, сопротивленіе вашего высочества было бы излишнимъ; потому что, при всемъ желаніи, чтобы вы подписали этотъ договоръ, въ случаѣ, если вы отъ этого откажитесь, его исполнятъ безъ вашего согласія».

«Будучи оскорбленъ столь высокомѣрной рѣчью, сказалъ мнѣ герцогъ, я отвѣчалъ Румянцеву весьма сухо, объявивъ ему, что скорѣе допущу раздавить себя, чѣмъ соглашусь видѣть себя ограбленнымъ въ малѣйшей части моего наслѣдства».

Не трудно понять, насколько изумило меня это неожиданное признаніе, такъ какъ я впервыя услыхалъ объ этомъ, не имѣя никакого полномочія обсуждать подобное дѣло съ герцогомъ и очутившись лишеннымъ всякой основы для отвѣта по этому вопросу. Между тѣмъ герцогъ горячо настаивалъ, чтобы узнать отъ меня, былъ ли Французскій дворъ освѣдомленъ объ этомъ намѣреніи и какъ на него посмотритъ.

Я увѣрялъ его, что нахожусь въ этомъ отношеніи въ полномъ невѣдѣніи, зная намѣренія короля только относительно двора, при которомъ я былъ уполномоченъ. «Со всѣмъ тѣмъ, ваше высочество, прибавилъ я, извѣстный образъ дѣйствій Франціи долженъ успокоить васъ относительно намѣреній, могущихъ касаться васъ, и вы можете разсчитывать на сохраненіе и выполненіе договоровъ, за которые Франція поручилась».

Умъ его былъ слишкомъ взволнованъ и угнетенъ, чтобы столь неопредѣленный отвѣтъ могъ его успокоить; онъ настаивалъ, но я не могъ сказать ему ничего болѣе.

---

*) (Съ Іосифомъ II-мъ, который владѣлъ Нидерландами, гдѣ готовилось возстаніе за его непрошенныя нововведенія). Наши примѣчанія—въ скобкахъ. П. Б.

Съ одной стороны я, конечно, думаю, что подобный обмѣнъ, дѣлающій Австрію болѣе сильной и округленной, былъ слишкомъ противоположенъ выгодамъ Франціи, чтобы король его одобрилъ, и мнѣ казалось въ особенности трудно допустить, чтобы мы, защитники князей Рейнскихъ, пренебрегая ихъ выгодами, позволили Австріи и Россіи угрожать имъ и заставить согласиться на раздробленіе ихъ достоянія. Но съ другой стороны, зная гибельную слабость, доведшую нашъ кабинетъ до того, что онъ допустилъ раздѣленіе Польши, покореніе Крыма и способствовалъ Австріи въ ея разрушительныхъ замыслахъ относительно Прусской монархіи, я чувствовалъ, что было бы неблагоразумно говорить слишкомъ опредѣленно о столь важномъ дѣлѣ, о которомъ г. Вержень *) хранилъ со мною такое глубокое молчаніе, въ то время, какъ Русскій посланникъ говорилъ объ этомъ съ увѣренностью человѣка, убѣжденнаго въ томъ, что не встрѣтитъ препятствій. Поэтому я ограничился тѣмъ, что, по мѣрѣ возможности, общими мѣстами, успокаивалъ герцога, восхваляя его храбрость и напоминая ему о томъ, что во всѣ времена слабость влекла за собой притѣснителей, а твердость—поддержку.

На слѣдующій день я простился съ герцогомъ и быстро проѣхалъ въ Майнцъ. Тамъ я остановился у графа Окелли, королевскаго посланника, который представилъ меня курфюрсту. Видъ этого духовнаго двора навелъ меня на важное размышленіе о непослѣдовательности людской, о причудливости нашихъ старыхъ установленій и о странномъ уклоненіи, которое съ теченіемъ вѣковъ претерпѣваютъ наиболѣе твердо установленныя начала и самыя очевидныя истины. Каково, думалъ я, было бы удивленіе св. Петра, св. Павла и св. Іоанна, если бы они увидали своихъ преемниковъ коронованными, могущественными на землѣ и все-таки проповѣдующими ихъ строгія правила изъ глубины дворцовъ, сидя за великолѣпнымъ столомъ и окруженные войсками, ихъ охраняющими! Посохъ пастырей принялъ совсѣмъ иной видъ. Подобно жезлу Моисея, онъ подвергся многочисленнымъ превращеніямъ; но пасомые въ теченіе двухъ вѣковъ постепенно претерпѣваютъ гораздо болѣе удивительное превращеніе: они обратились въ орловъ, львовъ, иногда въ волковъ; новый свѣтъ, поразивъ зрѣніе, развилъ ихъ умъ; чувствуя свою силу, они порою злоупотребляли ею; а пастыри, въ свою очередь слѣпые, не предусмотрѣли во-время, что для управленія паствою въ дни свѣта нужны были иныя средства чѣмъ тѣ, которыя безпрепятственно употреблялись во времена мрака.

---

*) (Тогдашній первый министръ во Франціи).

Подготовлялась неминуемая революція. Не будучи болѣе прозорливъ, чѣмъ остальные, я не предвидѣлъ въ Майнцѣ, въ 1784 году, что нѣсколько лѣтъ спустя не будетъ больше въ Германіи ни архіепископовъ-курфюрстовъ, ни духовныхъ дворовъ.

Въ Готѣ я былъ принятъ съ особеннымъ почтеніемъ, чему былъ обязанъ письмамъ барона Гримма, посланника этого двора во Франціи, внушившаго герцогу и герцогинѣ самое лестное обо мнѣ мнѣніе. Тотъ и другая показались мнѣ очень удивленными сдержанностью, которою я отвѣчалъ на ихъ вопросы о промѣнѣ, предложенномъ Русскимъ министромъ.

Я нашелъ торговое сословіе въ Лейпцигѣ взволнованнымъ: тамъ только и говорили о честолюбивыхъ видахъ Австріи и объ угрозахъ Россіи; думали, что Франція, Голландія и Пруссія воспротивятся такому расширенію Австрійскаго могущества и что вслѣдствіе этого возгорится общая война.

Я надѣялся найти въ Берлинѣ, куда я скоро пріѣхалъ, нашего посла, графа Э. Эстернò, болѣе меня освѣдомленнымъ о намѣреніяхъ нашего кабинета относительно столь неожиданнаго и невыгоднаго предложенія обмѣна и столь важнаго спора; но его оставляли въ такомъ же невѣдѣніи относительно этого, какъ и меня; а это дѣлало очень стѣснительнымъ его положеніе при дворѣ, постоянно безпокоившемся относительно видовъ на расширеніе своихъ владѣній Австрійскаго кабинета, широкихъ замысловъ Россіи и слишкомъ испытанной слабости Версальскаго кабинета: ибо, несмотря на наши успѣхи въ Американской войнѣ, несмотря на твердость, какую мы только что показали, дабы поддержать Голландію противъ Императора, все же прежнія впечатлѣнія, произведенныя бездѣятельностью министровъ Людовика XV, еще не совсѣмъ изгладились.

Эстерно представилъ меня всѣмъ принцамъ королевской фамиліи, министрамъ короля, графамъ Финку, Гарденбергу и Шулембургу. Эти господа сказали мнѣ, что такъ какъ король въ Потсдамѣ, то слѣдуетъ мнѣ написать непосредственно ему самому и просить его величество о милостивомъ назначеніи мнѣ частной аудіенціи, что̀ я и не замедлилъ сдѣлать, ибо испытывалъ горячее желаніе увидѣть этого славнаго монарха, который, будучи въ одно и тоже время воиномъ, литераторомъ, завоевателемъ, законодателемъ и философомъ, въ продолженіе всего своего царствованія умѣлъ въ удачахъ, какъ и въ неудачахъ, повелѣвать судьбой и развивать политику столь же великую, какъ его геній. Его адъютантъ, Гольцъ, написалъ мнѣ, по приказанію короля, что его величество приметъ меня на слѣдующій день въ 7 часовъ утра. Это

меня не удивило, такъ какъ у людей подобнаго закала, враговъ отдыха, ночи коротки, а дни долги.

Къ счастію обстоятельства были благопріятны для меня; Фридрихъ досадовалъ на Россію: союзъ съ Австріей безпокоилъ его; онъ былъ раздраженъ мыслію о промѣнѣ Баваріи, предложенною обоими императорскими дворами; равнодушіе Англіи къ ссорѣ Голландцевъ съ императоромъ не нравилось ему. Наши успѣхи въ войнѣ за независимость и препятствіе, которое мы противопоставили честолюбію Іосифа II, поддерживая Голландцевъ противъ него, вернули ему надежду снова войти съ Франціей въ прежнія связи и такимъ образомъ мало-по-малу разсорить насъ съ Австріей, союзъ которой съ нами чуть было не довершилъ его гибели. Вслѣдствіе этого онъ былъ расположенъ хорошо обходиться съ Французами вообще и особенно принять хорошо посланника, которому дано важное порученіе на Сѣверъ.

Вотъ, несомнѣнно, почему мнѣ былъ оказанъ тогда столь благосклонный пріемъ и дана такая продолжительная ауденція; вотъ почему въ долгой бесѣдѣ онъ показалъ столько пріятности, я почти могъ бы сказать кокетства ума, которое онъ лучше чѣмъ кто-либо умѣлъ употреблять, когда изволилъ желать нравиться и когда ему хотѣлось умножить число своихъ почитателей.

Никогда никто не умѣлъ такъ хорошо, какъ онъ, попеременно льстить, мучить, ласкать и ущемлять самолюбіе своего ближняго. Вольтеръ два раза подвергся опыту въ этомъ; онъ попеременно ощутилъ на себѣ бархатную лапку кота и коготь льва. Характеръ этого короля былъ настолько хорошо извѣстенъ, что Вальполю легко удалось одурачить Жанъ-Жака Руссо посылкою къ нему подложнаго отъ Фридриха письма, кончавшагося слѣдующими словами: «если преимущества, которыя я вамъ предлагаю, для васъ недостаточны и если вашему воображенію нужны знаменитыя несчастія, то, будучи королемъ, предоставлю вамъ ихъ вдоволь».

Пріѣхавъ на другой день въ назначенный часъ въ Потсдамъ, одно мгновеніе я могъ думать, что мнѣ предстоитъ посѣтить не великаго монарха, а простого полковника. У его двери стоялъ всего одинъ солдатъ на часахъ. Пройдя корридоръ, я очутился въ большой залѣ, гдѣ Гольцъ одинъ сидѣлъ у огня. Онъ всталъ, сказавъ мнѣ, что пойдетъ увѣдомить короля о моемъ приходѣ. Я спросилъ его, слѣдуетъ ли соблюсти какой-нибудь особенный этикетъ при моемъ представленіи? «Этикетъ? сказалъ онъ смѣясь; ахъ, мы здѣсь почти не знаемъ этого слова. Если король пожелаетъ васъ принять, какъ принимаетъ большинство иностранцевъ, онъ выйдетъ изъ своего кабинета, дверь въ который вы отсюда видите, и придетъ говорить съ вами въ эту гостиную.

Если же, въ виду вашего посланничьяго сана, онъ сочтетъ должнымъ принять васъ у себя кабинетѣ, то позоветъ насъ обоихъ. Наконецъ, если онъ имѣетъ намѣреніе оказать вамъ особенный почетъ, то вы останетесь съ нимъ одни».

Послѣ этихъ немногихъ словъ онъ пошелъ къ королю и почти тотчасъ вернулся бесѣдовать со мной. Черезъ четверть часа, я увидѣлъ, что дверь полурастворилась, и король сдѣлалъ намъ знакъ идти къ нему. Но, едва мы вошли, какъ король сказалъ Гольцу, чтобы онъ вышелъ. И такъ я очутился, не безъ нѣкотораго замѣшательства, съ глазу на глазъ съ этимъ великимъ человѣкомъ, славное имя котораго наполняло весь міръ.

Я поблагодарилъ его величество за оказанную мнѣ милость столь быстрымъ разрѣшеніемъ ауденціи и исполненіемъ такимъ образомъ столь нетерпѣливаго желанія моего засвидѣтельствовать почтеніе монарху, предъ геніемъ котораго благоговѣла Европа и дружба котораго была драгоцѣнна королю, моему повелителю. Фридрихъ отвѣчалъ, что онъ искренно желалъ бы поддерживать и даже укрѣпить дружескія узы существующія между нимъ и Людовикомъ XVI, и сталъ подробно разспрашивать меня о королѣ, королевѣ, принцѣ и ихъ семействахъ.

Рѣчь зашла о покойномъ уже тогда Вольтерѣ. «Въ Россіи вы увидите большую его почитательницу, сказалъ Фридрихъ; на его нѣсколько льстивое благоговѣніе и язвительныя насмѣшки надъ Турками она отвѣчала нѣжными, заманчивыми ласками. Со мной она не такъ хорошо обошлась, и стоило Императору одинъ разъ къ ней съѣздить, какъ отнялась у меня ея дружба. Впрочемъ напрасно я этому удивляюсь: женщины прихотливы какъ счастіе; да, эта женщина никогда не отличалась особенной вѣрностью; она славна иною доблестью».

Видя его въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, я отважился сказать нѣсколько словъ о честолюбіи этой Государыни, которая любила, воспитала, короновала, поработила и обобрала Польскаго короля. Я тотчасъ почувствовалъ, что въ данную минуту поступилъ нѣсколько не кстати: Фридрихъ, имѣя свои причины лишь слегка коснуться положенія Станислава и раздѣла его владѣній, вернулся къ разговору объ Императрицѣ и, будучи весьма ѣдкимъ относительно тѣхъ, на кого считалъ себя въ правѣ сѣтовать, разсказалъ мнѣ нѣсколько скоромныхъ анекдотовъ про здоровье Екатерины, про ея дворъ и ея любимцовъ.

Я сказалъ ему, что мнѣ очень любопытно узнать столь славную Государыню, въ которой нельзя отвергать генія; ибо, будучи женщиной и иностранкой, она сумѣла мирно царствовать послѣ столькихъ смутъ, сумѣла пріобрѣсти любовь многолюднаго народонаселенія, едва выходящаго изъ мрака, безъ жестокости подавить нѣсколько заговоровъ, по-

бѣдить Порту, сжечь флотъ у Босфора и сдѣлать такъ, что величайшіе государи Европы добиваются стать ея союзниками. «Прискорбно, прибавилъ я, что царствованіе, во многихъ отношеніяхъ столь славное, началось такой трагической сценой или катастрофой».

«Ахъ! возразилъ мнѣ король, хотя мы съ ней теперь почти въ ссорѣ, но тутъ я долженъ отдать ей справедливость. По этому поводу господствуетъ заблужденіе: нельзя вмѣнить именно Императрицѣ *ни честь, ни преступленіе въ этомъ переворотѣ;* она была молода, слаба, иностранка, наканунѣ развода съ мужемъ и своего заточенія. Все сдѣлали Орловы; княгиня Дашкова изъ чванства вмѣшалась въ это дѣло. Рюльеръ сказалъ неправду: Екатерина еще не могла ничѣмъ руководить, она прибѣгла къ помощи желавшихъ ее спасти. Ихъ заговоръ былъ безуменъ и плохо составленъ. Петра III погубило то, что, не смотря на совѣтъ храбраго Миниха, въ немъ не оказалось достаточно мужества; онъ позволилъ свергнуть себя съ престола какъ ребенокъ, котораго посылаютъ спать. Екатерина, коронованная *) и свободная, вообразила, какъ молодая неопытная женщина, что все кончено; столь малодушный непріятель казался ей неопаснымъ. Но Орловы, болѣе смѣлые и болѣе прозорливые, боясь, какъ бы не возстановили этого государя противъ нихъ, покончили его. Императрица не вѣдала объ этомъ злодѣяніи и узнала о немъ съ непритворнымъ отчаяніемъ; она именно предчувствовала то обвиненіе, которое теперь всѣ бросаютъ въ нее; ибо несправедливость этого обвиненія неизбѣжна и должна быть таковою, такъ какъ въ своемъ положеніи она приняла плоды этого преступленія и, чтобы имѣть поддержку видѣла себя обязанною не только пощадить, но даже оставить при себѣ виновниковъ дѣла, которые только одни и могли ее спасти. Чтобы разслѣдовать это событіе, совѣтую вамъ увидать очень почтеннаго старика, который теперь живетъ, кажется, въ Митавѣ; это г. Кайзерлингъ. Онъ все видѣлъ и все слышалъ; въ то время онъ былъ близкимъ наперсникомъ Императрицы, и она повѣряла ему сокровенныя свои горести».

«Ваше величество, сказалъ я ему, ваше мнѣніе имѣетъ большое значеніе и утѣшаетъ меня, ибо тяжело мнѣ было восхищаться Государыней, взошедшей на престолъ по столь кровавымъ ступенямъ. Мнѣ такъ ее превозносили, и мнѣ тяжело было видѣлъ такое пятно въ *Сѣверномъ Свѣтилѣ*, какъ называли ее Вольтеръ и Даламберъ».—«Это было ужъ слишкомъ большой лестью, когда они говорили, *что теперь просвѣщеніе идетъ къ намъ съ Сѣвера*». «Ваше Величество, возразилъ я, однакожъ и Берлинъ на

*) (Король долженъ былъ сказать: провозглашенная. Екатерина короновалась черезъ два слишкомъ мѣсяца по кончинѣ своего супруга).

Сѣверѣ». Онъ сдѣлалъ довольное лицо и сказалъ мнѣ: «какой путь вы изберете, чтобы ѣхать въ Петербургъ, кратчайшій?»—«Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ я, хочу проѣхать черезъ Варшаву, чтобы видѣть Польшу». «Это любопытная страна, прибавилъ король, страна свободная, гдѣ народъ въ неволѣ, республика при королѣ, обширный край почти безъ населенія, народъ воинственный, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ воюющій со славою и безъ укрѣпленныхъ городовъ, а вмѣсто войска имѣющій всеобщее ополченіе, пламенное, но не управленное; народъ всегда раздробленный на партіи и союзы и до такой степени восторгающійся свободой безъ закона, что въ ихъ собраніяхъ достаточно несогласія одного Поляка, чтобы не исполнить всеобщаго желанія. Поляки храбры, духъ въ нихъ рыцарскій, но они непостоянны и, за малымъ исключеніемъ, легкомысленны. Однѣ женщины обнаруживаютъ тамъ удивительную твердость характера; эти женщины—настоящіе мужчины» *).

Въ подтвержденіе послѣднихъ словъ, король разсказалъ мнѣ нѣсколько изумительныхъ примѣровъ неустрашимости, постоянства и геройства нѣсколькихъ Польскихъ барынь. Затѣмъ онъ сдѣлалъ знакъ головой, чтобъ отпустить меня; но тотчасъ, подозвавъ меня снова, сказалъ: «прошу васъ, благоволите передать пакетъ моему послу въ Петербургѣ графу Гёрцу». Я обѣщалъ, что исполню порученіе въ точности.

«Послушайте, продолжалъ онъ, меня интересуютъ ваши успѣхи въ Россіи. Императрица съ давнихъ поръ плохо ладитъ съ вашимъ дворомъ, и вы въ своемъ порученіи встрѣтите препятствія, которыя будетъ трудно устранить. Мои выгоды того требуютъ, и я желалъ бы, чтобы вашъ кабинетъ, какъ онъ самъ того желаетъ, опять имѣлъ нѣкоторое вліяніе въ Петербургѣ и уравновѣсилъ бы тамъ вліяніе Австріи. Тутъ наша выгода общая. Надѣюсь, у васъ будутъ нѣкоторыя связи съ моимъ посломъ. Гр. Гёрцъ человѣкъ умный, опытный и уже давно усердно мнѣ служитъ. Но такъ какъ за время его полномочія Императрица перемѣнила свой образъ дѣйствій, и вліяніе Императора замѣнило мое вліяніе на нее, то вы найдете графа Гёрца, у котораго очень горячій нравъ, сильно раздраженнымъ, недовольнымъ и излишне склоннымъ принимать за правду всѣ новости, которыя ему передаютъ противники правительства и всѣ обиженные Императрицею. Будьте на сторожѣ противъ его преувеличенія. Я считаю полезнымъ дать вамъ этотъ совѣтъ для руководства; онъ нуженъ для успѣха, котораго я вамъ желаю».

Я поблагодарилъ его за этотъ знакъ милости, который удивилъ меня, однакоже, гораздо меньше, чѣмъ можно было думать, такъ какъ,

---

*) (Покойный С. М. Соловьевъ любилъ говорить, что страна, въ которой женщины тверже волею мужчинъ, всегда близка къ паденію). П. Б.

со времени происшествія въ Голландіи, нашъ кабинетъ охладѣвалъ къ Вѣнскому кабинету, мало-по-малу склонялся измѣнить свою политику и втихомолку сближаться съ Пруссіей. Я даже имѣлъ въ своихъ инструкціяхъ приказъ наружно быть въ задушевной дружбѣ съ Австрійскимъ посломъ, графомъ Кобенцелемъ, но тайно выказывать болѣе дѣйствительное довѣріе Прусскому послу.

Отпуская меня, король сказалъ: «Прощайте г. де-Сегюръ; очень былъ радъ узнать васъ; если я буду еще живъ, когда, исполнивъ возложенное на васъ порученіе, вы поѣдете назадъ во Францію [1]), вернитесь черезъ Берлинъ и оставайтесь здѣсь подольше. Я повидаю васъ снова съ истиннымъ удовольствіемъ».

Оставшись въ Берлинѣ нѣсколько дней, Сегюръ часто бесѣдовалъ съ братомъ короля, принцемъ Генрихомъ. Приводимъ касающееся до Россіи. П. Б.

Онъ много говорилъ мнѣ о Россіи и объ Екатеринѣ II. «Она пользуется большой славой, сказалъ онъ мнѣ; ее восхваляютъ и обезсмертили еще при жизни. Въ иномъ мѣстѣ она бы, конечно, блистала гораздо менѣе; но въ своемъ государствѣ она обладаетъ бо́льшимъ умомъ, чѣмъ все ее окружающее. На такомъ тронѣ легко быть великимъ: сосѣдями она имѣетъ только Китайцевъ, отъ которыхъ ее раздѣляетъ пустыня, Татаръ, не имѣющихъ просвѣщенія, тупоумныхъ Турокъ, Шведскаго короля, который бѣденъ и можетъ противопоставить ей лишь горсть солдатъ, наконецъ Поляковъ, хотя и храбрыхъ, но несогласныхъ и у которыхъ войско, какъ и правительство, въ полномъ разстройствѣ. Дидро́ сказалъ, что Россія колоссъ на глиняныхъ ногахъ; но у этого огромнаго колосса, на котораго нельзя напасть, потому что онъ покрытъ ледяной броней, очень долгія руки. Онъ можетъ вытянуться и ударить куда ему угодно. Способности и сила его, когда онъ ихъ хорошо познаетъ и будетъ умѣть ими пользоваться, могутъ быть гибельны для Германіи».

«Ваше высочество, возразилъ я ему, мнѣ уже теперь кажется, что честолюбію Россіи мало границъ. Покоривъ Лифляндію, истребивъ Запорожцевъ, прогнавъ Татаръ изъ Крыма, отнявъ большое владѣніе у Турокъ и раздѣливъ недавно Польшу, она, кажется, хочетъ объявить намъ новое и роковое нашествіе Сѣверныхъ народовъ на Западъ» [2]).

«Ахъ, что́ касается раздѣла Польши, замѣтилъ принцъ, честь его принадлежитъ не Императрицѣ, ибо могу сказать, что дѣло это мое. Я съѣздилъ въ Петербургъ и по возвращеніи оттуда сказалъ своему брату-королю: Ты былъ бы очень удивленъ и обрадованъ, если бы я вдругъ сдѣлалъ тебя владѣтелемъ большой части Польши? «Удивленъ, да, отвѣ-

[1]) (Второе свиданіе не состоялось: Фридрихъ II-й умеръ въ Августѣ 1786 года).

[2]) (Таково и въ наше время мнѣніе Западныхъ Европейцевъ).

чалъ мой братъ, но доволенъ, нисколько; такъ какъ, чтобы сдѣлать это завоеваніе и чтобы сохранить его, мнѣ нужно было бы еще выдержать ужасную войну противъ Россіи, Австріи и, можетъ быть, противъ Франціи. Я одинъ разъ рискнулъ уже вступить въ эту великую борьбу, которая меня чуть не погубила. На этомъ и остановимся; мнѣ достаточно славы, я старъ и нуждаюсь въ покоѣ». Тогда, дабы разсѣять его опасенія, я разсказалъ ему, что, разговаривая однажды съ Екатериной II, когда она завела рѣчь о буйномъ духѣ Поляковъ, объ ихъ безпорядкахъ и крамолѣ, имѣющихъ рано или поздно обратить ихъ страну въ позорище войны, въ которую неминуемо будутъ увлечены окружающія ихъ державы, мнѣ пришла мысль, которую я ей и сообщилъ, о раздѣлѣ, на который Австрія конечно должна будетъ легко согласиться, такъ какъ тѣмъ расширятся владѣнія ея.

Мои слова живо заняли Императрицу. Это свѣтлая мысль, сказала она; и если король, вашъ братъ, раздѣляетъ ее, то, при нашемъ согласіи, намъ нечего бояться: Австрія либо будетъ содѣйствовать этому раздѣлу, либо мы легко сумѣемъ заставить ее допустить оный. Итакъ, государь, ты видишь, что такое расширеніе владѣній зависитъ только отъ твоей воли. Братъ поцѣловалъ меня, поблагодарилъ и скоро вступилъ въ переговоры съ Екатериной и Вѣнскимъ дворомъ. Императоръ колебался, вывѣдывалъ намѣренія Франціи; но, видя, что слабость кабинета Людовика XV не даетъ ему никакой надежды на помощь, онъ уступилъ и потихоньку взялъ свою часть. Такимъ образомъ, не сражаясь, не теряя ни крови, ни денегъ, Пруссія благодаря мнѣ, расширилась, и Польша раздѣлена [1]).

Въ виду успѣховъ, которыхъ я желалъ достигнуть въ Россіи, мнѣ казалось полезнымъ отвѣчать услужливостью на учтивую предупредительность, оказанную мнѣ посломъ Екатерины въ Варшавѣ [2]).

Это былъ человѣкъ ума и опыта. Императрица доказала ему свое довѣріе, давъ ему столь важное порученіе, которое при званіи посла дѣлало его на самомъ дѣлѣ правителемъ Польши.

Между тѣмъ, опасаясь его дарованій и вліянія [3]), министры Государыни подъ разными предлогами держали его всегда вдали отъ нея; поэтому вначалѣ я нашелъ его немного раздраженнымъ противъ нихъ.

---

[1]) О Польшѣ Сегюръ замѣтилъ: „Все въ этой странѣ несообразно: пустыни и дворцы, рабство крестьянъ и буйная свобода дворянъ, которые издавна одни составляли настоящій Польскій народъ; большое богатство хлѣбомъ, мало денегъ и почти никакой торговли, если не считать дѣятельную толпу жадныхъ Евреевъ, которыхъ князь Потемкинъ въ шутку называлъ мореходствомъ Польши“.

[2]) Графомъ Штакельбергомъ.

[3]) (Такая же участь была позднѣе кн. Г. И. Гагарина и Д. П. Северина).

Онъ безпрестанно приглашалъ меня къ себѣ, часто запирался со мной на нѣсколько часовъ и въ своихъ бесѣдахъ выказывалъ мнѣ довѣріе, весьма для меня выгодное, но странно поражавшее меня своимъ обиліемъ. Я не разсчитывалъ бы получить и отъ стараго и близкаго друга болѣе подробныхъ и полезныхъ свѣдѣній, чѣмъ тѣ, какія онъ мнѣ давалъ относительно самыхъ знатныхъ и самыхъ вліятельныхъ лицъ при Русскомъ дворѣ и даже относительно характера Императрицы. Въ особенности онъ ознакомилъ меня съ достоинствами, недостатками и слабостями князя Потемкина, въ то время всемогущаго. Онъ описалъ мнѣ всѣхъ членовъ министерства остроумными, своеобразными чертами, способными заставить меня думать, что это описаніе правдиво, хотя немного и преувеличено. Все, что́ онъ мнѣ говорилъ, доказывало, что въ данномъ мнѣ порученіи я встрѣчу препятствія, мною предвидѣнныя, но что найду и помощь, которой я не ожидалъ.

Этотъ посолъ говорилъ мнѣ довольно откровенно о роли исполняемой имъ въ Польшѣ, мало отличавшейся отъ роли первыхъ министровъ при нашихъ старинныхъ корояхъ. Его власть имѣла только тѣ границы, какія желала ей ставить мягкость его характера; онъ не сокрушалъ этотъ несчастный народъ, но не давалъ ему встать на ноги, поддерживалъ его безсиліе, разжигалъ его несогласія и старательно способствовалъ продолженію его неурядицы.

Видя, что Штакельбергъ далекъ отъ желанія облечься въ таинственный дипломатическій покровъ, которымъ старательно окружаютъ себя столь многіе педантическіе и посредственные люди, дабы скрыть мелочность и часто свое ничтожество, видя, говорю я, что этотъ посолъ самъ старается продлить наши бесѣды и на всѣ, самые щекотливые вопросы политики того времени отвѣчаетъ почти съ полной откровенностью, я отважился говорить съ нимъ про обмѣнъ Баваріи на Нидерланды.

«Могу васъ увѣрить, отвѣчалъ онъ, что въ Петербургѣ смотрятъ на эту сдѣлку какъ на недопустимую и химерическую; однако Императрица не сочла возможнымъ отказать Императору, своему союзнику, которымъ она очень довольна, въ услугѣ болѣе кажущейся, чѣмъ дѣйствительной, такъ какъ она заключается лишь въ томъ, чтобы вывѣдать намѣренія Франціи и герцога Двухмостнаго на этотъ счетъ. Правда, что молодой графъ Румянцевъ слишкомъ опрометчиво тѣснилъ своего противника и на много превысилъ данныя ему инструкціи».

Сестра короля, графиня Краковская, женщина, столь же извѣстная своею добродѣтелью, какъ и пріятностью характера, совѣтовала мнѣ и убѣждала отложить отъѣздъ, такъ какъ шелъ снѣгъ, и она предвидѣла, что чрезъ нѣсколько дней дороги сдѣлаются непроѣздны. «Подождите,

говорила она, пока установится санный путь; тогда вы быстро наверстаете подаренное намъ время».

Необходимость прибыть къ моему мѣсту послѣ столь долгаго пребыванія въ Майнцѣ, Берлинѣ и Варшавѣ, не позволяла мнѣ слѣдовать этому совѣту, благоразуміе котораго мнѣ довелось скоро признать. Первый день прошелъ безъ происшествій, второй былъ затруднителенъ; на третій ужъ не было видно дорогъ; земля покрылась снѣгомъ на четыре фута. Въ деревняхъ этого снѣга навалило въ уровень съ дверьми, такъ что видны были лишь крыши избъ, издали походившихъ на палатки, разбросанныя въ долинѣ. Всѣ наши усилія еле достигали того, чтобы заставить лошадей отъ времени до времени идти шагомъ и вытаскивать ихъ изъ сугробовъ, въ которые онѣ часто падали. Пришлось остановиться въ очень маленькой деревушкѣ и оставить тамъ мои три кареты.

Я купилъ крестьянскія сани и деньгами склонилъ одного Русскаго курьера, проѣзжавшаго въ этомъ мѣстѣ, уступить мнѣ его кибитку. Такъ какъ снѣгъ не твердѣлъ, то, несмотря на легковѣсность этихъ саней, я съ большимъ трудомъ доѣхалъ до Бѣлостока.

Я устроился какъ можно лучше въ плохой гостинницѣ, гдѣ, по Польскому обычаю, путешествующимъ недоставало только самаго необходимаго для пищи и сна. Но едва я пробылъ въ этомъ печальномъ убѣжищѣ четверть часа, какъ въ мою комнату вошелъ Польскій офицеръ и сказалъ, что графиня Краковская, на службѣ у которой онъ состоитъ, прислала ему приказаніе пригласить меня помѣститься въ ея замкѣ, гдѣ она велѣла все приготовить для моего пріема.

Никогда любезное приглашеніе не являлось болѣе кстати. Слѣдуя за своимъ проводникомъ, я отправился въ это жилище, дѣйствительно достойное сестры короля. Я увидѣлъ обширный вельможный замокъ, вполнѣ и великолѣпно меблированный. Моя свита помѣстилась тамъ; но, къ моему великому удивленію, я увидѣлъ, что, благодаря тончайшему вниманію, графиня послала туда дворецкаго, поваровъ, лакеевъ и большое число прислуги, пришедшихъ ко мнѣ за приказаніями. Я получилъ отъ нея также письмо, которымъ она предоставляла замокъ въ мое распоряженіе, прося меня оставаться въ немъ сколько мнѣ будетъ угодно и оказывать гостепріимство путешественникамъ, которымъ какія либо злоключенія могли доставить случай остановиться тамъ. И вотъ я превратился въ Польскаго вельможу, и никогда никакой странствующій рыцарь не встрѣчалъ въ своихъ приключеніяхъ болѣе подобающаго жилища и болѣе учтиваго пріема. Не доставало только самой владѣтельницы замка, и невозможно мнѣ было не жалѣть объ ея отсутствіи.

Снѣгъ продолжалъ идти въ изобиліи и дороги были непроѣздны. И такъ я оставался нѣсколько дней въ Бѣлостокѣ, куда пріѣхали укрыться нѣсколько Польскихъ баръ и барынь, остановленныхъ, какъ и я, этой холодной метелью. Предупрежденный дворецкимъ графини объ ихъ пріѣздѣ, я исполнилъ ея гостепріимное желаніе и пригласилъ ихъ поселиться въ замкѣ, гдѣ принялъ ихъ какъ могъ лучше, такъ что въ теченіе недѣли, вмѣсто того, чтобы быть заключеннымъ въ своей маленькой прокуренной гостинницѣ, я жилъ какъ пышный воевода, имѣя прекрасный столъ, любезное общество и проводя вечера поперемѣнно то въ бесѣдахъ, то въ играхъ съ музыкою и танцами.

Между тѣмъ поднялся очень холодный сѣверный вѣтеръ; снѣгъ затвердѣлъ; устанавливался санный путь. Снова сѣлъ я въ свои сани и продолжалъ путь, увозя съ собою неизгладимыя воспоминанія о Бѣлостокскомъ замкѣ, о добротѣ графини Краковской и объ ея любезномъ гостепріимствѣ.

Пока дорога была сносна только для легкихъ саней. Одинъ изъ моихъ слугъ, оставшійся съ моими каретами, долженъ былъ возможно скорѣе привезти мнѣ ихъ въ Петербургъ; но видно, мнѣ надлежало быть наказану за то, что не послушался данныхъ мнѣ совѣтовъ. Снѣгъ и огонь соединились, чтобы наложить на меня за это кару: первый заточилъ мои кареты, а огонь сжегъ ихъ.

На пути до Риги я не встрѣтилъ ничего замѣчательнаго. Это городъ укрѣпленный, многолюдный, торговый, болѣе похожій на Нѣмецкій или на Шведскій, нежели на Русскій. Я пробылъ въ немъ нѣсколько часовъ и скоро проѣхалъ 250 миль, отдѣляющихъ его отъ С.-Петербурга. Дорога была прекрасная; я миновалъ нѣсколько красивыхъ городовъ и много селеній; вездѣ на станціяхъ были покойныя гостинницы и давали хорошихъ лошадей. Подъ сѣрымъ небомъ, при стужѣ, доходившей до 25°, повсюду можно было видѣть слѣды сильной власти и памяти о геніи Петра Великаго. Счастливо и отважно побѣдивъ природу, преобразилъ онъ эти холодныя страны въ богатыя области и надъ этими вѣчными льдами распространилъ плодотворные лучи гражданственности. Словомъ, былъ я пріятно пораженъ, когда въ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда были лишь обширныя, безплодныя и смрадныя болота, увидѣлъ красивыя зданія города, основаннаго Петромъ и сдѣлавшагося менѣе, чѣмъ въ сто лѣтъ, однимъ изъ богатѣйшихъ, замѣчательнѣйшихъ городовъ въ Европѣ.

10-го Марта 1785 года я прибылъ въ домъ, нанятый для меня г. де-ла-Колиньеромъ*). Немедленно стали мы съ нимъ обдумывать, что

*) Французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ.

нужно сдѣлать, чтобы скорѣе увидѣть эту необыкновенную женщину, знаменитую Екатерину, которую князь Делинь оригинально и своеобразно называлъ *Екатериной Великимъ* (Catherine le Grand).

Освѣдомившись, когда могъ принять меня вице-канцлеръ графъ Остерманъ [1]), я отвезъ ему депешу, которую поручилъ мнѣ передать ему Вержень [2]), и попросилъ его исходатайствовать мнѣ аудіенцію у Императрицы, чтобы представить мои кредитивныя грамоты ея величеству. Государыня приказала мнѣ сказать, что приметъ меня на слѣдующій день. Но она тогда была нездорова; болѣзнь ея продолжилась дней на 8 или на десять и отсрочила мнѣ аудіенцію. Поэтому я имѣлъ болѣе досужаго времени, нежели хотѣлъ, чтобы перетолковать съ Колиньеромъ о положеніи дѣлъ и о разныхъ лицахъ, дѣйствовавшихъ на томъ обширномъ поприщѣ, на которое я долженъ былъ вступить.

Я получилъ нѣсколько писемъ отъ графа Верженя [3]). Онъ обстоятельно судилъ о предполагавшемся обмѣнѣ Баваріи и о мѣрахъ короля для воспрепятствованія этому дѣлу. Онъ предписывалъ мнѣ стараться вывѣдать настоящія намѣренія Императрицы по этому вопросу и, согласно со мною, полагалъ, что она не слишкомъ желаетъ успѣха этому предпріятію, хотя министръ ея Румянцевъ [4]) довольно рѣшительно поступилъ отъ ея имени. Вѣроятно Государыня, въ этомъ случаѣ, имѣла цѣлью тѣснѣе сблизиться съ императоромъ, помогая ему однако не столько дѣйствительными мѣрами, сколько увѣреніями, обѣщаніями и объявленіями о вооруженіи войскъ. Скоро узналъ я, что наборъ въ 40,000 рекрутъ, о которомъ такъ шумѣли, необходимъ для пополненія арміи, и что это былъ обыкновенный наборъ по одному крестьянину съ пятисотъ. Если бы думали о войнѣ, то это число было бы удвоено. Я узналъ также, что эскадра, снаряженная въ Кронштадтѣ, назначалась къ показному пребыванію въ Балтійскомъ морѣ, для морскихъ упражненій. Но что̀ дѣйствительно могло заботить нашъ кабинетъ — такъ это дѣятельныя мѣры, принятыя Русскимъ министерствомъ, чтобы отдалить отъ насъ императора и Голландію и сблизить ихъ съ Англіею.

---

[1]) Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ былъ вице-канцлеромъ съ 21 Апрѣля 1773 г. по 9 Ноября 1796 г., когда пожалованъ въ канцлеры и уволенъ, согласно желанію, отъ службы; умеръ въ Москвѣ 18 Апрѣля 1811 года (въ великолѣпной усадьбѣ своей, гдѣ нынѣ Московская Духовная Консисторія).

[2]) Графъ Вержень (ум. 1787 г.) министръ иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ XVI.

[3]) Около этого времени Австрійскіе дипломаты, руководимые желаніемъ округлить владѣнія Габсбургскаго дома, хлопотали о присоединеніи Баваріи къ Австріи и о предоставленіи вмѣсто нея Баварскому курфюрсту Австрійскихъ Нидерландовъ, то-есть Бельгіи. Людовикъ XVI противился этому плану.

[4]) Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ во Франкфуртѣ на Майнѣ, съ 1781 по кончину Императрицы.

Несогласіе между Голландскими штатами и Іосифомъ совершенно утихло только къ концу 1785 года, завязались переговоры, и наше посредничество было принято; но Екатерина старалась не дать намъ воспользоваться ими и желала быть единственною посредницею между Вѣнскимъ кабинетомъ и Голландцами. Я не раздѣлялъ удивленія Верженя по этому поводу. Мнѣ казалось довольно естественнымъ, что Императрица старалась вездѣ ослаблять наше вліяніе. Уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, отношенія между Версальскимъ и Петербургскимъ дворами были довольно холодны. Герцогъ Шуазель [1]) не щадилъ самолюбія Екатерины II. Въ Россіи полагали, что злорѣчивое сочиненіе аббата Шаппа [2]) было внушено этимъ министромъ. Кромѣ того, въ Польшѣ мы противились избранію короля Станислава Августа. Послѣ того, во время перваго раздѣла Польши, министерство Людовика XV, хотя и вялое, дѣйствовало непріязненно въ отношеніи Россіи. Наконецъ, такъ какъ стремленія Императрицы были направлены къ разрушенію Оттоманской имперіи, открытое покровительство, которое мы оказывали султану, служило препятствіемъ ея намѣреніямъ. Тайна ея политики объяснялась этою мечтою, и, чтобы удовлетворить ей, Екатерина расторгла давній союзъ свой съ Фридрихомъ II и постоянно старалась

---

[1]) Шуазель нѣкогда былъ Французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ (1758 г.), а потомъ военнымъ (1761 г.) и морскимъ (1763 г.).

[2]) Здѣсь разумѣется великолѣпно-изданное путешествіе по Сибири ученаго аббата Шаппа, Voyage en Sybérie, par l'abbé Chappe d'Auteroche. 3 vols. Paris, 1763, in 4°, съ рисунками. Членъ Парижской Академіи Наукъ, Шаппъ отправленъ былъ въ Сибирь, чтобы наблюдать прохожденіе Венеры передъ солнцемъ. Въ своихъ Запискахъ онъ вмѣстѣ съ учеными наблюденіями сообщаетъ извѣстія о нашихъ нравахъ, обычаяхъ, образѣ нашего правленія и частію касается нашей исторіи,—описаніе невѣрное, одностороннее и легкомысленное, такъ какъ путешественникъ рѣшительно судитъ и рядитъ о томъ, чего не могъ осмотрѣть порядочно въ торопливой поѣздкѣ своей отъ Петербурга до Иркутска. Народные Французскіе предразсудки мѣшали ему находить что-либо хорошее въ той странѣ, которая такъ непохожа на его отечество, и которую онъ считалъ варварскою. Книга его подверглась осужденію со стороны Гримма и Дидро, но болѣе важная критика ея содержанія издана была отъ Русскаго правительства подъ заглавіемъ: Antidote ou examen du mauvais livre, superbement imprimé, intitulé: Voyage en Sybérie. Эта критика, опровергая невѣрныя показанія аббата, раскрываетъ съ тѣмъ вмѣстѣ недостатки Французскаго общества. Главная мысль ея состоитъ въ томъ, что Франція, подъ скипетромъ Людовика XV, не имѣетъ права гордиться передъ современной Россіей, управляемой творцомъ Наказа. Первое изданіе Antidote вышло въ Петербургѣ, а второе при Амстердамской перепечаткѣ путешествія Шаппа (1771 г.). Нѣкоторые, какъ Сегюръ, считаютъ Екатерину авторомъ этого возраженія, а другіе, какъ Карьеръ, говорятъ, что оно было написано кн. Дашковой при содѣйствіи скульптора Фальконета. См. ст. А. Аѳанасьева, въ Отеч. Зап. 1860 г., № 3: Литературные труды кн. Дашковой. (Нынѣ несомнѣнно доказано, что Антидотъ написанъ Екатериной. Его Русскій переводъ, сдѣланный довольно-неудачно покойнымъ С. А. Рачинскимъ, напечатанъ въ IV книгѣ „Восемнадцатаго Вѣка“).

укрѣпить связи, соединявшія ее съ Англіей и въ особенности съ Іосифомъ II, отъ котораго ожидала она полезнаго содѣйствія въ широкихъ своихъ замыслахъ.

Колиньеръ разсказалъ мнѣ, что Государыня не принимала меня потому, что въ это врамя была опечалена смертью генералъ-адъютанта Ланского [1]). Она была къ нему очень привязана, и, говорятъ, онъ того стоилъ по искренности и вѣрности, чуждой честолюбія. Онъ убѣдилъ ее, что, не смотря на разницу положенія и возраста любилъ Екатерину, а не Императрицу.

Все, что̀ я зналъ о высокихъ достоинствахъ этой Государыни, все, что̀ мнѣ говорилъ о ней самъ Фридрихъ, умножало во мнѣ желаніе узнать ее лично; однако первый ея шагъ при вступленіи на престолъ, охлаждалъ во мнѣ иногда мое рвеніе. Но многія достойныя довѣрія лица не могли сказать, какое именно участіе принимала Екатерина въ послѣднемъ дѣйствіи этой трагедіи. Кромѣ того, я всегда думалъ, что непротивно нравственному чувству, въ сужденіи о великихъ людяхъ и славныхъ монархахъ, взвѣшивать обстоятельства, въ которыхъ они находились, а качества и недостатки ихъ пріурочивать къ ихъ времени, къ ихъ положенію, и къ нравамъ народа, которымъ они управляли. Всякому же извѣстно, что Россія долѣе всѣхъ другихъ странъ Европы оставалась во мракѣ и что въ теченіе XVII вѣка и даже до царствованія Петра III, варварство не только не смягчалось, но продолжало окровавлять ступени царскаго престола. Русскіе государи, свергая съ себя Татарское иго, становились кровавыми деспотами, и каждый изъ нихъ какъ будто не могъ подняться на высшую ступень иначе, какъ раздавивъ своего предшественника [2]). Иванъ IV убилъ одного изъ своихъ сыновей и умеръ въ монастырѣ. Ѳедоръ I царствовалъ, заколовъ Димитрія. Лжедмитрій, монахъ Отрепьевъ, задушилъ и свергъ съ престола Ѳедора II; Василій, обязанный ему жизнью, закололъ его въ свою очередь. Этотъ же Василій кончилъ дни свои въ монастырѣ, когда царскій скипетръ перешелъ въ руки Михаила Романова. Этотъ государь, происхожденіемъ изъ Пруссіи, былъ основателемъ нынѣшней династіи. Внукъ его, Ѳедоръ III, оставилъ сыновьямъ своимъ Ивану и Петру

---

[1]) Ланской, Александръ Дмитріевичъ, род. 8 Марта 1758 года, въ 1780 г. пожалованъ во флигель-адъютанты, потомъ былъ генералъ-поручикомъ и генералъ-адъютантомъ и находился въ случаѣ по самую смерть, 25 Іюня 1784 года. (О болѣзни его, кончинѣ и о своемъ горѣ по немъ Екатерина подробно писала Гримму. Когда Сегюръ пріѣхалъ въ Петербургъ, она все еще находилась подъ впечатлѣніемъ этой утраты; но въ Маѣ 1785 году мѣсто его заступилъ Ермоловъ).

[2]) (Таково невѣжество въ Русской исторіи одного изъ образованнѣйшихъ Французовъ. Оно лишь недавно началò ослабѣвать).

престолъ, возбудившій между ними распрю. За Иваномъ удержалось только имя царя, а скипетръ перешелъ къ его безсмертному брату Петру I. Этотъ государь, могучій на войнѣ и глубокій въ политикѣ, былъ одаренъ великимъ геніемъ. Но (какъ онъ самъ откровенно выражался), будучи преобразователемъ своей державы, онъ не могъ преобразовать самого себя. Жестокій съ дворомъ своимъ, варваръ въ семьѣ, онъ отдалъ на смерть сына своего Алексѣя и приказавъ уничтожить восемь тысячъ стрѣльцовъ, составлявшихъ его гвардію, поощряя грубыхъ палачей собственнымъ примѣромъ въ этой кровавой работѣ ихъ. Прогнавъ первую свою жену Евдокію, Петръ женился на Екатеринѣ I, самаго низкаго происхожденія, бывшей въ объятіяхъ у многихъ. По смерти его Екатерина, нарушивъ права Алексѣева сына, завладѣла скипетромъ. Умирая, она назначала его своей старшей дочери; но Меньшиковъ посадилъ на престолъ великаго князя, сына несчастнаго Алексѣя, подъ именемъ Петра II. Царствовалъ онъ недолго. Ему наслѣдовала Анна, герцогиня Курляндская и, будучи подъ властью своего любимца Бирона, перевѣшала многихъ и населила Сибирь сосланными. Передъ смертью она завѣщала свою власть ребенку, именемъ Ивану, по матери его Брауншвейской *) герцогинѣ, происшедшему отъ брата Петра Великаго; но другая царевна, происходившая отъ Петра Великаго, Елисавета взяла маленькаго Ивана изъ его колыбели, заключила его въ крѣпость и провозгласила себя императрицею. Двадцать лѣтъ царствовавъ, Елисавета, вмѣсто того, чтобы положить конецъ бѣдствіямъ Ивана и возвратить ему престолъ, призвала на него своего племянника, герцога Голштейнъ-Готторпскаго. Онъ царствовалъ подъ именемъ Петра III и вскорѣ былъ низверженъ съ престола своею супругою Екатериною II, въ то время, какъ намѣревался прогнать ее и предать нескончаемому заточенію.

Съ сожалѣніемъ написавъ бѣглыми чертами эту страшную картину, отворочусь отъ нея и посмотрю, какъ Екатерина II, законодательница своей имперіи, сумѣла, благодаря великимъ качествамъ, дарованіямъ и счастію, покрыть пальмами и лаврами первыя печальныя страницы своей исторіи. Попробую въ немногихъ словахъ сдѣлать очеркъ жизни столь славной, женщины, которая вызывала строгія осужденія, но заслуживаетъ также и великихъ похвалъ потомства; ибо государыня великой имперіи, какъ бы ни хулили ея честолюбивую политику, все же достойна похвалъ, коль скоро голосъ цѣлаго народа свидѣтельствуетъ, что она любима.

---

*) (Не Брауншвейгской, а Мекленбургской).

Екатерина, дочь князя Ангальтъ-Цербстскаго, въ дѣтствѣ носила имя Софіи-Августы-Доротеи Ангальтской. Она получила имя Екатерины, принявъ Греческое вѣроисповѣданіе и выходя замужъ за своего двоюроднаго брата (cousin) Карла Фридриха, герцога Гольштейнъ-Готторпскаго, котораго Елисавета назначила своимъ преемникомъ и назвала великимъ княземъ. Ни одинъ союзъ не былъ болѣе несоразмѣренъ: природа, скупая на свои дары молодому князю, осыпала ими Екатерину. Казалось, судьба, по странной прихоти, хотѣла дать супругу малодушіе, непослѣдовательность, безталанность человѣка подначальнаго, а его супругѣ умъ, мужество и твердость мужчины, рожденнаго для трона. И дѣйствительно, Петръ только мелькнулъ на тронѣ, а Екатерина на немъ держалась блистательно.

Екатерина отличалась великими дарованіями и тонкимъ умомъ; въ ней дивно соединились качества, рѣдко встрѣчаемыя въ одномъ лицѣ. Склонная къ удовольствіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ трудолюбивая, она была проста въ домашней жизни и скрытна въ дѣлахъ политическихъ. Честолюбіе ея было безпредѣльно, но она умѣла направлять его къ благоразумнымъ цѣлямъ. Страстная въ увлеченіяхъ, но постоянная въ дружбѣ, она предписала себѣ неизмѣнныя правила для политической и правительственной дѣятельности; никогда не оставляла она человѣка, къ которому питала дружбу, или предположенія, которое обдумала. Она была величава предъ народомъ, добра и даже снисходительна въ обществѣ; къ ея важности всегда примѣшивалось добродушіе, веселость ея всегда была прилична. Одаренная возвышенной душою, она не обладала ни живымъ воображеніемъ, ни даже блескомъ разговора, исключая рѣдкихъ случаевъ, когда говорила объ исторіи или о политикѣ: тогда личность ея придавала вѣсъ ея словамъ. Это была величественная монархиня и любезная простая женщина. Высокій лобъ, нѣсколько откинутая назадъ голова, гордый взглядъ и благородство осанки, казалось, возвышали ея невысокій ростъ. У ней были орлиный носъ, прелестный ротъ, голубые глаза и черныя брови, чрезвычайно мягкій (когда хотѣла) взглядъ и привлекательная улыбка. Чтобы скрыть полноту, которою надѣлило ее всеистребляющее время, она носила широкія платья съ пышными рукавами, напоминавшими старинный Русскій нарядъ. Бѣлизна и блескъ кожи служили ей украшеніемъ, которое она долго сохраняла.

Слишкомъ удовлетворяя другимъ наклонностямъ, была она однако воздержна въ пищѣ и питьѣ, и нѣкоторые пріѣзжіе сатирики грубо ошибались, утверждая, будто она употребляла много вина. Они не знали, что красная жидкость, обыкновенно налитая у нея въ стаканѣ, была ничто иное, какъ смородинная вода. Эта Государыня никогда не ужи-

нала; въ шесть часовъ утра вставала и сама затопляла свой каминъ. Сначала занималась она съ своимъ полиціймейстеромъ, потомъ съ министрами. За ея столомъ обыкновенно было не болѣе восьми человѣкъ. Обѣдъ былъ простъ, какъ въ частномъ домѣ, и за столомъ, какъ у Фридриха II, этикетъ былъ изгнанъ, и допускалась непринужденность въ обращеніи.

Личныя ея мнѣнія были философскія, но, какъ государыня, она обнаруживала уваженіе къ религіи. Никто не умѣлъ съ такою непостижимою легкостью переходить отъ развлеченій къ трудамъ. Предаваясь увеселеніямъ, она никогда не увлекалась ими и среди занятій не переставала быть любезною. Сама диктуя своимъ министрамъ важнѣйшія бумаги, она обращала ихъ въ простыхъ секретарей; она одна одушевляла и руководила своимъ совѣтомъ.

Екатерина была въ ранней молодости перенесена невзначай въ чуждую ей страну, языкъ, законы и нравы которой она должна была изучать. Заря судьбы ея была окружена самыми мрачными облаками. Нелюбимая супругомъ, не прощавшимъ ей превосходства ея надъ собою, она находилась въ зависимости отъ императрицы, которая, по своей лѣности, чувственности и подозрительности, не оказывала ей покровительства, а только стѣсняла ее [1]). Екатерина ожидала для себя заточенія, ссылки или смерти; но она была слишкомъ умна, слишкомъ даровита и слишкомъ горда, чтобы довольствоваться спокойною безызвѣстностью въ опалѣ. Опасности, угрожавшія Екатеринѣ, умножались разслабленіемъ, въ которое впала Елисавета вслѣдствіе позорныхъ излишествъ. Великій князь, ея племянникъ, внушалъ ей отвращеніе; достоинствамъ великой княгини она завидовала и любила только ихъ сына. Дворъ былъ преданъ происканъ: каждый день честолюбцы составляли новые замыслы; одни, надѣясь пріобрѣсть вліяніе на наслѣдника, другіе, стараясь овладѣть умомъ великой княгини. Наконецъ, одинъ ловкій и смѣлый министръ [2]) задумывалъ похитить скипетръ у великаго князя и, передавъ его въ руки его малолѣтняго сына, отъ имени ребенка управлять государствомъ, освободить дворянство и превратить Московское самодержавіе въ монархію аристократическую и Европейскую.

Передъ смертью, Елисавета, со всѣхъ сторонъ осаждаемая различными совѣтами, помирилась съ Екатериной и ея супругомъ. Послѣ ея кончины, Петръ III вступилъ на престолъ. Сперва этотъ государь, пораженный тяжестью бремени, которое было ему не по плечамъ, сбли-

---

[1]) (Лишь за два года до своей кончины Елисавета Петровна оцѣнила и полюбила Екатерину).

[2]) (Графъ Н. И. Панинъ).

зился съ Екатериной, охотно принималъ ея совѣты и, казалось, хотѣлъ побѣдить свое расположеніе къ недѣятельности и свои порочныя склонности; но вскорѣ его тайное отвращеніе къ супругѣ, происки любовницы и подлость нѣкоторыхъ придворныхъ, погасили эти слабые проблески разсудительности, несовмѣстимой съ его безхарактерностью; Императрица же своимъ поведеніемъ заслуживала справедливыхъ упрековъ и, огорчаемая равнодушіемъ супруга, утѣшала себя непростительными связями. Охлажденіе Петра быстро перешло въ ненависть; бракъ тяготилъ его, онъ захотѣлъ вступить въ другой, и гибель Екатерины была рѣшена. Между тѣмъ она, поставленная среди столькихъ опасностей и вынуждаемая ими прибѣгнуть съ своей стороны къ пріемамъ честолюбивой политики, нашла возможность составить себѣ большой кругъ приверженцевъ. Вельможи были очарованы ея привѣтливостью; народъ полюбилъ ее и возымѣлъ къ ней почтеніе, за ея доступность, кротость, благотворительность, усердіе къ исполненію предписаній вѣроисповѣданія. Все духовенство разсчитывало при ней господствовать. Войску она воздавала ободряющую хвалу, и оно усердствовало ей, получая отъ нея щедрыя подарки. Такимъ образомъ, въ то самое время какъ ея вялый и чудачный супругъ хотѣлъ ее заточить съ тѣмъ, чтобы жениться на графинѣ Воронцовой и провозгласить ее императрицею, самъ онъ лишенъ былъ престола. Увѣряли, что онъ имѣлъ въ виду объявить сына своего Павла Петровича незаконнорожденнымъ, происшедшимъ отъ преступной связи. Такимъ насильственнымъ рѣшеніемъ умножилось число сторонниковъ Екатерины. Къ нимъ присоединились и тѣ, которые, не любя ея, стояли за августѣйшаго ребенка, опасаясь для себя гибели отъ честолюбивой любовницы. Петръ же III-й нажилъ себѣ опаснѣйшихъ враговъ незаслуженнымъ презрѣніемъ Русскаго войска и унизительнымъ восхваленіемъ войска Прусскаго и его героическаго вождя. Онъ до того простеръ свое восхищеніе имъ, что принялъ чинъ въ полкахъ Фридриха, котораго нерѣдко величалъ своимъ генераломъ и повелителемъ. Однако при немъ состояли старикъ-фельдмаршалъ Минихъ и довольно большое число вѣрныхъ солдатъ. Нескромность и вѣтренность нѣсколькихъ молодыхъ офицеровъ, замышлявшихъ спасти Екатерину отъ угрожавшей ей бѣды, послужила къ открытію ихъ плохо устроеннаго заговора. Съ самою малою рѣшимостью легко было потушить его. Немногіе мятежники увезли молодую Екатерину изъ Петергофскаго дворца и въ Петербургѣ провозгласили Государынею; если бы Петръ, подъ руководствомъ Миниха и во главѣ солдатъ своихъ, двинулся противъ нея, онъ легко бы восторжествовалъ; но малодушіе погубило его. Онъ бѣжалъ въ Кронштадтъ, куда его не пустили; мѣняя ежеминутно свои намѣренія, переходя безпрестанно отъ

гнѣва къ унынію и отъ угрозъ къ мольбамъ, онъ возвратился оттуда, и твердость Миниха не вызвала въ немъ ни одной искры рѣшимости. Вскорѣ всѣ его покинули. Онъ самъ отослалъ солдатъ, готовыхъ сразиться за него. Онъ опоздалъ вступить въ переговоры, далъ себя обезоружить, подчинился, подписалъ отреченіе отъ престола, заявивъ свою неспособность занимать его и отдался въ руки мятежниковъ. Императрица отказала ему въ свиданіи и отослала на одну изъ дачъ. Шесть дней заговорщики обдумывали свой страшный замысель, дали ему яду, и когда ядъ не подѣйствовалъ, задушили его. Никто не повѣрилъ объявленію, приписавшему эту насильственную смерть волѣ Промысла и болѣзни, припадкамъ которой яко бы подверженъ былъ этотъ несчастный государь.

Благодаря такому странному стеченію обстоятельствъ, дочь мелкаго Нѣмецкаго князя сдѣлалась Государынею великой имперіи. Избѣгнувъ развода и заточенія, Екатерина сѣла на престолъ, благодаря ловкости развитаго ума и покушеніямъ нѣсколькихъ смѣлыхъ заговорщиковъ, и сумѣла удержаться на этомъ опасномъ престолѣ, проявляя на немъ осторожность просвѣщенной геніальности и твердость великаго характера.

Царствованіе ея такъ блистательно, что пятенъ не видать. Если развернешь одну страницу въ книгѣ ея жизни, то поймешь принца Делиня, который говорилъ про нее, что она, будучи народна и великодушна, какъ Генрихъ IV, была величава, добросердечна и побѣдоносна какъ Людовикъ XIV и соединяла въ себѣ великія свойства обоихъ государей. Фридрихъ Великій, когда еще былъ съ нею въ пріязненыхъ отношеніяхъ, часто подольщался къ ней. «Многія государыни, говорилъ онъ, заслужили славу: Семирамида оружіемъ, Елисавета Англійская ловкою политикою, Марія-Терезія—удивительною твердостью въ опасностяхъ, но одна только Екатерина заслужила наименованіе законодательницы.»

Истина, отъ которой историкъ не долженъ никогда уклоняться, требуетъ признать, не скрывая порицаемаго нравственнымъ чувствомъ, что великія дарованія, великій успѣхъ, благородныя и великодушныя свойства, которыя служатъ Екатеринѣ оправданіемъ въ глазахъ свѣта, снискали ей любовь ея народа и славу.

Новая Императрица не замедлила доказать своимъ подданнымъ, что она выше всѣхъ опасеній,—вѣрнѣйшее средство удалить отъ себя всякую опасность. Ея управленіе было мирное и мягкое. Она какъ бы родилась на тронѣ, какъ будто наслѣдовала его спокойно. Одно только возмущеніе временно нарушило внутреннюю тишь Россіи: дерзкій разбойникъ, Донской казакъ Пугачевъ, принявъ имя Петра III, поднялъ бунтъ, завлекъ толпу невѣжественныхъ мужиковъ, перевѣшалъ множе-

ство дворянъ, былъ преслѣдуемъ, пораженъ и наконецъ собственными сообщниками отданъ генераламъ Екатерины. Такъ какъ смертная казнь была изгнана изъ Русскаго законодательства, то трудно было уговорить Екатерину, чтобъ она подписала ее Пугачеву. Императрица не была ни слаба, ни подозрительна, и каждый въ ея царствованіе безопасно пользовался своимъ положеніемъ и саномъ; для происковъ не было цѣли и мѣста при ея дворѣ. Вслѣдствіе того она могла спокойно заниматься дѣлами внѣшней политики и исполненіемъ обширныхъ замысловъ своего геніальнаго честолюбія. Вскорѣ умѣла она отстранить Саксонцевъ отъ избранія герцоговъ въ Курляндіи. Давъ короля Польшѣ и видя, что онъ ни довольно силенъ, чтобы удерживать за собою королевскій санъ, ни довольно уступчивъ, чтобы оставаться какъ бы ея помощникомъ, она искусно сочетала честолюбіе другихъ государей съ своимъ собственнымъ, раздѣлила съ своими союзниками эту несчастную страну и неправеднымъ захватомъ расширила свое государство *). Съ другой стороны, успѣшно шествуя по пути, предначертанному Петромъ Великимъ, она побѣдила Турокъ, невѣжественный народъ, нѣкогда грозный для Европы, неизбѣжное паденіе котораго было задержано только злосчастнымъ несогласіемъ христіанскихъ монарховъ. 500,000 Турокъ были вооружены противъ нея; половина этого войска истреблена славными побѣдами Румянцева и Репнина. Изумленная Европа видѣла, какъ Русскій флотъ прошелъ черезъ океанъ и Средиземное море, пробудилъ покоившуюся во прахѣ Спарту, возвѣстилъ Грекамъ будущую ихъ свободу и взорвалъ мусульманскій флотъ въ Чесменскомъ заливѣ; наконецъ, великій визирь былъ осажденъ Румянцевымъ въ Шумлѣ, и тѣнь Петра Великаго отомщена. Султанъ, побѣжденный и принужденный согласиться на постыдный миръ, уступилъ Русскимъ новую Сербію, Азовъ, Таганрогъ, свободное плаваніе по Черному морю и призналъ независимость Крыма. Позднѣе Екатерина отняла у Шагинъ-Гирея этотъ полуостровъ, овладѣла Кубанью и островомъ Таманью. На пути къ этимъ завоеваніямъ, войска ея неожиданно встрѣтили Запорожцевъ, которые обитали на островахъ, у Днѣпровскихъ пороговъ. Они составляли общину изъ казаковъ-выходцевъ и жили грабежемъ и добычею, захваченною то у Турокъ, то у Поляковъ, то у Татаръ. Казаки эти грабили иногда и Русскихъ, хотя признавали надъ собою власть Русскаго царя и, со времени знаменитой измѣны ихъ вождя Мазепы, который былъ роковымъ союзникомъ Карла XII, принуждены были имѣть

*) Какъ извѣстно, инициатива раздѣла принадлежала не Екатеринѣ II, а Фридриху II. Мы не сочли нужнымъ входить въ подробное опроверженіе какъ этого указанія Сегюра, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, касающихся фактовъ общеизвѣстныхъ.

гетмановъ, назначаемыхъ царями. Въ этой своеобразной и воинственной общинѣ не было женщинъ. Плѣнницы, захваченныя въ набѣгахъ, бережно охранялись въ станахъ, внѣ Сѣчи, и не могли выходить за черту Запорожья. Когда эти несчастныя жертвы насилія рождали дѣтей, то отцы брали къ себѣ на острова мальчиковъ, а дѣвочекъ прогоняли, вмѣстѣ съ ихъ матерями. Такую республику легче было истребить, нежели покорить. Русскіе уничтожили часть этихъ воинственныхъ дикарей и до 60,000 разселили по берегамъ Чернаго моря. Изъ нихъ образовались матросы для Черноморскихъ судовъ, заведенныхъ при Екатеринѣ.

Таковы были счастливыя войны и возрастающія завоеванія Императрицы, когда я прибылъ къ ея двору. Послѣ того, и уже въ послѣдніе годы ея царствованія, снова торжествуя надъ Турками, она сожгла ихъ флотъ въ устьѣ Днѣпра, отняла у нихъ Очаковъ, покорила Грузію, покрыла войсками Молдавію, взяла Хотинъ, Бендеры, Измаилъ и одержала нѣсколько побѣдъ, въ которыхъ погибло болѣе 40,000 Турокъ. По Ясскому миру въ 1792 году, Днѣстръ былъ назначенъ границею, и за Россіею упрочено владѣніе Кавказомъ. Екатерина, подчинивъ себѣ Грузію, распространила свои владѣнія до предѣловъ Персіи. Польша послѣ вторичнаго раздѣла потеряла свою независимость. Курляндія стала Русскою областью.

Въ продолженіе этого длиннаго ряда торжествъ и пріобрѣтеній только одно обстоятельство могло нѣкоторое время тревожить ея спокойствіе. Несчастный князь Иванъ *) еще жилъ въ крѣпости, куда былъ помѣщенъ при Елисаветѣ. Однажды, одинъ Русскій офицеръ, служившій въ гарнизонѣ этой крѣпости, во главѣ нѣсколькихъ солдатъ, бросается къ комнатѣ Ивана, вламывается въ дверь и, возвращая ему свободу, провозглашаетъ его императоромъ. Тогда комендантъ крѣпости, пораженный случившимся, исполняетъ давнишнее распоряженіе Елисаветы относительно Ивана и лишаетъ его жизни. Возмутившійся офицеръ смущенъ, обезоруженъ, задержанъ, подвергнутъ суду и осужденъ. Тѣмъ не менѣе кончина несчастнаго Ивана тоже была приписана Императрицѣ; но всѣ достойныя вѣры лица, говорившія мнѣ объ этомъ событіи въ Россіи, называли это обвиненіе клеветою.

Между тѣмъ какъ генералы Екатерины распространяли ея славу и владѣнія, она дѣятельно занималась мѣрами преобразованій въ управ-

*) Іоаннъ Антоновичъ, заключенный въ Шлиссельбургѣ. Событіе, о которомъ здѣсь сообщено, подробно разсказано въ извѣстномъ сочиненіи А. Вейдемейера: Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія, т. I, стр. 32—33. Здѣсь же указаны и другіе источники по этому предмету. См. также „Русскій Архивъ", издаваемый при Чертковской Библіотекѣ. т. I. М. 1863.

леніи государствомъ и развитіемъ образованности, во сколько нравы ея народа допускали это Русскіе законы представляли хаосъ: каждый государь издавалъ новые законы, не отмѣняя старыхъ; судьи, не имѣя ни правилъ, ни началъ, которыми бы могли руководствоваться, судили произвольно. Екатерина, желая устранить этотъ безпорядокъ, учредила правильные суды и старалась ввести единство въ судопроизводствѣ. Движимая великодушіемъ, созвала она въ Москву выборныхъ со всѣхъ областей своей обширной имперіи, чтобы совѣщаться съ ними о законахъ, которые намѣревалась издать. Когда они собрались, имъ прочтено было введеніе къ уложенію, предположенному Императрицею. Эта книга, пользующаяся такою извѣстностью, была переведена на Русскій языкъ, но первоначально написана по французски, рукою Екатерины. Мнѣ показывали ее въ Петербургской библіотекѣ, и я удивился, увидѣвъ, что это было довольно полное изложеніе началъ нашего безсмертнаго Монтескьё. Собраніе депутатовъ, столь новое и неожиданное, не оправдало тѣхъ надеждъ, которые оно пробудило. Рѣчь, возвѣстившая о царскихъ намѣреніяхъ, сопровождалась единодушными восклицаніями; но когда начались совѣщанія, большее число выборныхъ воспротивилось предположенію объ освобожденіи крестьянъ; другіе слишкомъ рѣзко предъявляли желаніе ограничить императорскую власть или говорили слишкомъ въ пользу аристократіи. Выбранные отъ Самоѣдовъ, дикаго племени, подали мнѣніе, замѣчательное простодушною откровенностью. «Мы люди простые, сказали они, мы проводимъ жизнь, пася оленей; мы не нуждаемся въ уложеніи. Установите только законы для нашихъ Русскихъ сосѣдей и нашихъ начальниковъ, чтобъ они не могли насъ притѣснять; тогда мы будемъ довольны, и больше намъ ничего не нужно». Между тѣтъ, вслѣдствіе слуховъ о преніяхъ, крѣпостные нѣкоторыхъ вельможъ, побуждаемые надеждою на свободу, начали во многихъ мѣстахъ волноваться. Собраніе было распущено [1]), и Императрица должна была одна заняться составленіемъ законовъ [2]) Она издала нѣсколько законоположеній, имѣвшихъ предметомъ правосудіе и управленіе, но не могла совершить тѣхъ великихъ преобразованій, для успѣха которыхъ нужна благопріятная среда, обычаи, сообразные цѣли законодателя, и стеченіе многихъ особенныхъ обстоятельствъ. Нерѣдко Екатерина, съ гордостью удовлетвореннаго самолюбія, говорила мнѣ о

---

[1]) Комиссія для составленія проекта новаго уложенія была учреждена 14 Декабря 1766 г., открыта 31 Іюля 1767 г., а распущена 28 Декабря 1768 г.

[2]) (Не только Сегюръ, но и у насъ до самаго послѣдняго времени не знали, что Екатерина въ своихъ законоположеніяхъ справлялась съ голосами тогдашнихъ выборныхъ людей, призванныхъ только для совѣщанія).

двухъ указахъ, которые она высоко цѣнила: одинъ изъ нихъ—дворянская грамота, а другой—объ отмѣнѣ поединковъ. Цѣль обоихъ указовъ была и благородна, и нравственна; но первый изъ нихъ не предоставлялъ дворянству полной свободы, а второй былъ часто нарушаемъ изъ предразсудка.

На одной изъ Петербургскихъ площадей Екатерина воздвигла бронзовое изваяніе Петра Великаго. Этотъ памятникъ, работы талантливаго Фальконета, имѣетъ подножіемъ огромную гранитную скалу.

Дѣятельность Екатерины была безпредѣльна. Она основала академію [1]) и общественные банки въ Петербургѣ и даже въ Сибири. Россія обязана ей введеніемъ фабрикъ стальныхъ издѣлій, кожевенныхъ заводовъ, многочисленныхъ мануфактуръ, литеенъ и разведеніемъ шелковичныхъ червей въ Украйнѣ. Показывая своимъ подданнымъ примѣръ благоразумія и неустрашимости, она, при введеніи въ Россію оспопрививанія, сама первая подверглась ему. По ея повелѣнію министры ея заключили торговые договоры почти со всѣми Европейскими державами. Въ ея царствованіе Кяхта, въ отдаленной Сибири, стала рынкомъ Русско-Китайской торговли. Въ Петербургѣ учреждены были училища военнаго и морского вѣдомствъ для образованія воинской молодежи офицеровъ. Училище, основанное для Грековъ, ясно изобличало виды и надежды Государыни. Она дала въ Бѣлоруссіи пріютъ Іезуитамъ, которыхъ въ то время изгоняли изъ всѣхъ христіанскихъ странъ [2]). Она полагала, что при содѣйствіи ихъ быстрѣе распространится обученіе, и водвореніе этого ордена казалось ей безвреднымъ, такъ какъ въ обширныхъ владѣніяхъ своихъ она провозгласила полнѣйшую вѣротерпимость. Государыня снаряжала морскія экспедиціи въ Тихій океанъ, въ Ледовитое море, къ берегамъ Азіи и Америки.

Лакомая до всяческой славы, она пожелала также снискать извѣстность на Парнассѣ и въ часы досуга сочинила нѣсколько комедій. Когда аббатъ Шаппъ, въ изданномъ имъ путешествіи въ Сибирь, высказалъ злыя клеветы на нравы Русскаго народа и правленіе Екатерины, она опровергла его въ сочиненіи подъ заглавіемъ Antidote. Почти всѣ съ удовольствіемъ читали ея умныя письма къ Вольтеру и Делиню. Удивленіе возросло, когда эта гордая Монархиня обратилась

---

[1]) Россійскую въ 1763 году, по докладу княгини Е. Р. Дашковой.

[2]) (Въ письмѣ къ Гримму отъ 15 Апрѣля 1785 г. Екатерина, приравнивая Гернгутеровъ къ Іезуитамъ, говоритъ, что первые гонимы ревностными послѣдователями грѣха Мартина (т. е. Лютера), также какъ Іезуиты маринзомъ Петромъ (т. е. папою Климентомъ); но все это пріемлется матерью святою Греческою церковью, которая видитъ тутъ людей и вѣротерпима безъ исключеній).

къ философіи и вздумала призвать въ Россію Даламбера, чтобы поручить ему образованіе наслѣдника престола, и когда философъ отказался отъ такого случая распространять свои начала вліяніемъ на такого питомца. Напротивъ того, Дидро съ самодовольствомъ прибылъ ко двору Екатерины; она восхищалась его умомъ, но отвергла его теоріи, заманчивыя, но неприложимыя къ дѣлу. Императрица, сама усердно слѣдя за воспитаніемъ своихъ внучатъ, Александра и Константина, сочинила для нихъ нравоучительныя сказки и сокращенную исторію древней Россіи [1]). Ее скоро узнаютъ во Франціи, переведенную и помѣщенную въ сочиненіи, которое намѣревается издать мой сынъ Филиппъ Сегюръ и въ которомъ онъ сдѣлаетъ очеркъ объ этихъ далекихъ временахъ по Русскимъ лѣтописямъ.

Екатерина въ продолженіе своего царствованія превратила болѣе 300 селеній въ города и установила судебный и правительственный порядокъ въ сорока областяхъ. Дворъ ея былъ мѣстомъ свиданія всѣхъ государей и всѣхъ знаменитыхъ лицъ ея вѣка. До нея Петербургъ, построенный въ предѣлахъ стужи и льдовъ, оставался почти незамѣченнымъ и, казалось, находился въ Азіи. Въ ея царствованіе Россія стала державою Европейскою. Петербургъ занялъ видное мѣсто между столицами образованнаго міра, а царскій престолъ возвысился на чреду престоловъ самыхъ могущественныхъ и значительныхъ.

Такова была славная Монархиня, при которой я находился въ качествѣ посла. Послѣ этого короткаго очерка нетрудно представить себѣ, съ какимъ тревожнымъ чувствомъ я ожидалъ дня, когда долженъ былъ предстать предъ этой необыкновенной Государыней и знаменитой женщиной.

За нѣсколько дней предъ тѣмъ, я узналъ, что Императрицу уже постарались предубѣдить противъ меня. Колиньеръ бывалъ у графини Брюсъ, супруги Петербургскаго генералъ-губернатора [2]). Она была

---

[1]) Подъ названіемъ нравоучительныхъ сказокъ Сегюръ разумѣетъ Сказку о царевичѣ Февеѣ и Сказку о царевичѣ Хлорѣ, дѣйствительно составленныя Екатериной для своихъ внуковъ въ 1782 году; что же касается сокращенной Русской исторіи, то онъ ошибается: Екатерининны „Записки касательно Россійской исторіи“ (6 т., 1787—94) не имѣли учебной цѣли, но должны были, какъ „Antidote“, изображеніемъ древнихъ доблестей и судебъ Русскаго народа уронить клеветы, взведенныя на него иностранными писателями“ (Ист. Р. Слов., Галахова, т. I, стр. 543). Къ числу педагогическихъ сочиненій Екатерины принадлежатъ еще Выборныя Россійскія пословицы (1782), Записки первой части, содержащія въ себѣ разсказы и разговоры (1783) и Гражданское начальное ученіе (1783).

[2]) (Т. е. позднѣе Петербургскаго генералъ-губернатора; весною 1785 года онъ занималъ эту должность въ Москвѣ, гдѣ графиня Брюсъ и скончалась, о чемъ Екатерина увѣдомляла Гримма въ одномъ письмѣ 1785 г.). Статсъ-дама гр. Прасковья Александровна

тетка графа Николая Петровича Румянцева, извѣстна своею миловидностью и умомъ и пользовалась благосклонностью Екатерины долгое время, пока не послѣдовало охлажденія въ слѣдствіе ревности. Графиня горячо жаловалась Колиньеру на меня, на мое обращеніе въ Маинцѣ съ ея племянникомъ, который въ своихъ письмахъ и депешахъ изобразилъ меня дерзкимъ, высокомѣрнымъ и задорнымъ молодымъ Французомъ и обвинялъ меня въ томъ, что я будто бы невѣжливо отнялъ у него мѣсто за столомъ курфирста. Слухъ объ этомъ уже распространился по городу. Прусскій посланникъ графъ Гёрцъ говорилъ мнѣ объ этомъ и даже приписывалъ отсрочку моей аудіенціи неудовольствію Императрицы по этому случаю. Я видѣлъ, что мнѣ нужно поторопиться оправданіемъ по случаю этихъ неосновательныхъ жалобъ: онѣ могли надолго вооружить противъ меня Императрицу. Для этого Колиньеръ отправился къ гр. Брюсъ и объявилъ ей отъ моего имени, что если она не перестанетъ распускать обо мнѣ ложные слухи, то повредитъ только своему племяннику. Такъ какъ между нами не было гласной ссоры и объясненій, то не зачѣмъ было напрасно прибѣгать къ выдумкамъ; если же предположить, что былъ поводъ къ размолвкѣ, то всякій обвинилъ бы скорѣе Румянцева, нежели меня; потому что, если онъ считалъ себя обиженнымъ (хотя бы и не имѣлъ достаточнаго повода), то долженъ былъ объясниться со мною, а онъ этого не сдѣлалъ. По всегдашнему благоразумію своему, графиня поняла истину этихъ доводовъ и постаралась потушить эти слухи, неосторожно распущенные. Но въ этомъ случаѣ мнѣ еще болѣе помогъ Потемкинъ, который, говоря съ Императрицею объ этомъ, выразилъ свое неудовольствіе по поводу депеши графа Румянцева и находилъ, что графъ напрасно перетревожился изъ-за пустяковъ и могъ бы лучше объясниться со мною, нежели жаловаться своему двору.

Наконецъ я былъ допущенъ къ аудіенціи и въ самомъ началѣ чуть было не испыталъ неудачи. По обыкновенію, я представилъ вицеканцлеру копію съ рѣчи, которую долженъ былъ произнести. Когда я пріѣхалъ во дворецъ, въ пріемной комнатѣ, гдѣ я дожидался, встрѣтилъ меня графъ Кобенцель, Австрійскій посланникъ. Его живой, одушевленный разговоръ и важность предметовъ этого разговора заняли мое вниманіе и развлекли меня совершенно, такъ что, когда мнѣ объявили, что Императрица готова меня принять, я замѣтилъ, что совершенно позабылъ свою привѣтственную рѣчь. Напрасно старался я вспомнить

Брюсъ (род. 7 Октября 1729 г., умерла 7 Апрѣля 1786 г.), родная сестра графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, была замужемъ за генералъ-аншефомъ гр. Яковомъ Александровичемъ Брюсомъ (1741—91), который съ 1784 по 1786 годъ былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, а послѣ того Выборгскимъ губернаторомъ.

ее, проходя чрезъ рядъ комнатъ, какъ вдругъ отворилась дверь, и я предсталъ предъ Императрицею. Въ богатомъ одѣяніи стояла она, облокотясь на колонну. Ея величественный видъ, важность и благородство осанки, гордость ея взгляда, ея нѣсколько искусственная поза, все это поразило меня, и я окончательно все позабылъ. Къ счастью, не стараясь напрасно понуждать свою память, я рѣшился тутъ же сочинить рѣчь; но въ ней уже не было ни слова, заимствованнаго изъ той, которая была сообщена Императрицѣ и на которую она приготовила свой отвѣтъ. Это ее нѣсколько удивило, но не помѣшало тотчасъ же отвѣчать мнѣ чрезвычайно привѣтливо и ласково и высказать нѣсколько словъ, лестныхъ для меня лично *).

Потомъ, когда я получилъ и отдалъ вице-канцлеру мои кредитивныя грамоты, она обратилась ко мнѣ съ вопросами о Французскомъ дворѣ и о моемъ пребываніи въ Берлинѣ и Варшавѣ. Она упомянула также о Гриммѣ и его письмахъ къ ней, вѣроятно желая намекнуть, что изъ этихъ писемъ получила выгодное мнѣніе обо мнѣ. Впослѣдствіи, когда Государыня болѣе ознакомилась со мною, она однажды вспомнила объ этой аудіенціи: «Что такое случилось съ вами, графъ, сказала она мнѣ, когда вы представлялись мнѣ въ первый разъ, и почему вы вдругъ измѣнили рѣчь, которую должны были сказать мнѣ? Это меня удивило и заставило тоже измѣнить мой отвѣтъ». Я признался ей, что видъ славы и величія привелъ меня въ смущеніе. «Но, Государыня, я тотчасъ подумалъ, что это смущеніе, позволительное частному человѣку, неприлично представителю Франціи, и потому рѣшился, не утруждая свою память, высказать въ первыхъ попавшихъ мнѣ на умъ выраженіяхъ чувства моего монарха къ вашему величеству и нѣсколько мыслей, внушенныхъ мнѣ вашей славой и вашей личностью.»—«Вы очень хорошо сдѣлали, сказала на это Императрица: всякій имѣетъ свои недостатки, и я склонна къ предубѣжденію. Я помню, что одинъ изъ вашихъ предшественниковъ, представляясь мнѣ, до того смутился, что могъ только произнести: «Король, государь мой...» Я ожидала продолженія; онъ снова началъ: «Король, государь мой...», и дальше ничего не было. Наконецъ, послѣ третьяго приступа, я рѣшилась ему помочь и сказала, что всегда была увѣрена въ дружественномъ расположеніи его государя ко мнѣ. Всѣ увѣряли меня, что этотъ посланникъ былъ ученый человѣкъ; но его робость навсегда поселила во мнѣ несправедливое предубѣжденіе противъ него, и я въ этомъ каюсь, хотя, какъ видите, немного поздно».

*) (Сегюръ явился къ Екатеринѣ представителемъ Французскаго доблестнаго дворянства, а Екатерина именно въ это время издала жалованную грамоту Русскому дворянству).

Въ этотъ же день я былъ представленъ великому князю Павлу Петровичу, великой княгинѣ и сыну ихъ великому князю Александру Павловичу, который впослѣдствіи взошелъ на престолъ и скончался послѣ славнаго царствованія. Великій князь, тогда семилѣтній ребенокъ, въ первый разъ принималъ посланника и слышалъ рѣчь. Мнѣ всегда казался очень страннымъ этотъ обычай обращаться съ важною рѣчью къ ребенку, почему я и ограничился нѣсколькими словами о его воспитаніи и о надеждахъ, на него возлагаемыхъ.

Одинъ изъ нашихъ славныхъ судей поступилъ однажды много лучше (кажется, это былъ Малербъ). Ему надлежало сказать рѣчь младенцу-наслѣднику престола, умѣвшему для выраженія своихъ желаній и неудовольствій только кричать и плакать. Онъ сказалъ ему: «Да пребудетъ ваше королевское высочество, для блага своего и Франціи, навсегда также нечувствительны и глухи къ лести, какъ теперь относительно той рѣчи, которую я имѣю честь произнести передъ вами».

Великій князь и его супруга приняли меня очень привѣтливо. Почести, съ какими они недавно встрѣчены были во Франціи, расположили ихъ къ Французамъ. Когда я былъ ближе допущенъ въ ихъ общество, то имѣлъ случай узнать ихъ рѣдкія свойства, которыми они въ то время снискали всеобщее уваженіе. Я говорю, что допущенъ былъ *въ ихъ общество*, потому что въ самомъ дѣлѣ, исключая торжественныхъ дней, кругъ ихъ, хотя довольно многочисленный, походилъ болѣе на частное общество, нежели на церемонный дворъ, особенно, когда они жили на дачѣ. Никогда семейство частныхъ лицъ не принимало своихъ гостей съ большею любезностью, простотой и непринужденностью; обѣды, балы, спектакли и празднества, все было запечатлѣно благородствомъ, достоинствомъ и вкусомъ. Великая княгиня, величавая, ласковая и простая, прекрасная безъ желанія нравиться, непринужденно любезная, давала собою понятіе о разукрашенной добродѣтели *). Павелъ Петровичъ желалъ нравиться; онъ былъ образованъ; въ немъ замѣтна была большая живость ума и благородная возвышенность нрава. Но вскорѣ, безъ труда можно было замѣтить въ немъ и особенно въ его разговорахъ о настоящемъ и будущемъ его положеніи безпокойство, неустойчивость, недовѣрчивость, чрезвычайную щекотливость, странность, которыя впослѣдствіи были причиною его недостатковъ, его несправедливостей и бѣдствій.

Во всякомъ другомъ положеніи этотъ государь могъ бы другихъ счастливить и самъ быть счастливъ; но престолъ, а особенно престолъ Русскій, долженъ для такого человѣка быть страшною скалою,

*) (Лукаво-вѣрное выраженіе).

подняться на которую онъ не могъ безъ ожиданія, что его скоро и насильственно съ нея свергнутъ. Безпрестанно увлекаясь, онъ со странною порывистостью влюблялся въ кого нибудь и потомъ съ равною скоростью покидалъ и забывалъ. Въ немъ засѣла и никогда его не оставляла мысль о низверженныхъ или убіенныхъ царяхъ. Они являлись ему какъ привидѣніе, тревожили ему разсудокъ и помрачали умъ.

Не приступая еще къ переговорамъ и не имѣя къ тому настоятельнаго повода, я старался только узнать лица, имѣвшія вѣсъ при дворѣ, и изучать нравы и обычаи жителей этой сѣверной столицы, еще недавно основанной, малоизвѣстной для большей части моихъ соотечественниковъ, и куда я былъ перенесенъ судьбою на нѣсколько лѣтъ. Путешественники и составители разныхъ словарей подробно описали дворцы, храмы, каналы и богатыя зданія этого города, служащаго дивнымъ памятникомъ побѣды, одержанной геніальнымъ человѣкомъ надъ природой. Всѣ описывали красоту Невы, величіе ея гранитной набережной, прекрасный видъ Кронштадта, унылую прелесть дворца и садовъ Петергофскихъ, расположенныхъ по берегу Финскаго моря и вдвойнѣ наводящихъ путешественника на грустныя мысли, такъ какъ его въ одно и тоже время занимаетъ мысль объ опасностяхъ и отъ шумнаго моря съ его скалами, и отъ безграничнаго деспотизма съ его колоссальнымъ, но безъ ограды, престоломъ: ибо, вопреки всѣмъ обаяніямъ роскоши и художества, тамъ, гдѣ власть ничѣмъ не ограничена, навсегда будутъ только господинъ и рабъ, какъ бы красиво ни именовали ихъ. Великій и добрый государь можетъ пролить на такое государство нѣсколько лучей свѣта и счастія; но такой государь, по сказанному императоромъ Александромъ госпожѣ Сталь, есть ничто иное, какъ счастливая случайность. Дорога отъ Петергофа въ Петербургъ живописна. Она идетъ между красивыми дачами и прекрасными садами, гдѣ Петербургское общество ежегодно проводитъ короткое лѣто и въ нѣсколько теплыхъ дней забываетъ о жестокости суроваго климата, наслаждаясь постоянною зеленью деревъ и луговъ, которая на болотистой почвѣ поддерживается, пока безпощадная стужа не покроетъ ее снѣжнымъ саваномъ.

Петербургъ представляетъ уму двойственное зрѣлище; здѣсь въ одно время встрѣчаешь просвѣщеніе и варварство, X и XVIII вѣка, Азію и Европу, Скиѳовъ и Европейцевъ, блестящее, гордое дворянство и невѣжественный народъ. Съ одной стороны модные наряды, богатыя одежды, роскошные пиры, великолѣпныя торжества, зрѣлища, подобныя тѣмъ, которыя увеселяютъ избранное общество Парижа и Лондона; съ другой, кущы въ Азіатской одеждѣ, извозчики, слуги и мужики въ

овчинныхъ тулупахъ, съ длинными бородами, съ мѣховыми шапками и рукавицами и иногда съ топоромъ, заткнутымъ за ременнымъ поясомъ. Эта одежда, шерстяная обувь и что-то вродѣ грубаго котурна на ногахъ, напоминаютъ Скиѳовъ, Даковъ, Роксолановъ и Готовъ, нѣкогда грозныхъ для Римскаго міра. Изображенія дикарей на барельефахъ Трояновой колонны въ Римѣ какъ будто оживаютъ и движутся передъ вашими глазами. Слышишь тотъ же языкъ, тѣже крики, которые раздавались въ Балканскихъ и Альпійскихъ горахъ и передъ которыми обращались вспять полчища Римскихъ и Византійскихъ цезарей. Но когда эти люди на баркахъ или на возахъ поютъ свои мелодическія, хотя и однообразно-грустныя пѣсни, то вспомнишь, что это уже не древніе независимые Скиѳы, а Москвитяне, потерявшіе свою гордость подъ гнетомъ Татаръ и Русскихъ бояръ, которые однако не истребили ихъ прежнюю мощь и врожденную отвагу.

Ихъ сельскія жилища напоминаютъ простоту первобытныхъ нравовъ; они построены изъ сколоченныхъ бревенъ; маленькое отверстіе служитъ окномъ; въ узкой комнатѣ, со скамьями вдоль стѣнъ, стоитъ широкая печь. На виду икона святаго, въ широкой металлической рамѣ, странно и грубо написанная или изваянная, и ей кланяются входящіе прежде, чѣмъ привѣтствуютъ хозяевъ. Каша и жареное мясо служитъ имъ обыкновенною пищею; они пьютъ квасъ и медъ; къ несчастью, они кромѣ этого много употребляютъ хлѣбную водку, которую не проглотитъ горло Европейца. Богатые купцы въ городахъ любятъ угощать съ безмѣрною и грубою роскошью; они подаютъ на столъ огромнѣйшія блюда говядины, дичи, рыбы, яицъ, пироговъ, подносимыхъ безъ порядка, некстати и въ такомъ множествѣ, что самые отважные желудки приходятъ въ ужасъ. Такъ какъ у низшаго класса народа въ этомъ государствѣ нѣтъ всеоживляющаго и подстрекающаго двигателя—*самолюбія*, нѣтъ желанія возвыситься и обогатиться, чтобы пріумножить свои наслажденія, то ничего не можетъ быть однообразнѣе ихъ жизни, проще ихъ нравовъ, ограниченнѣе ихъ нуждъ и постояннѣе ихъ привычекъ. Нынѣшній день у нихъ всегда повтореніе вчерашняго; ничто не измѣняется; даже ихъ женщины, въ своей восточной одеждѣ, съ румянами на лицѣ (у нихъ даже слово *красный* означаетъ *красоту*), въ праздничные дни надѣваютъ покрывала съ галунами и повойники съ бисеромъ, доставшіеся имъ по наслѣдству отъ матушекъ и украшавшіе ихъ прабабушекъ. Русское простонародье, погруженное въ рабство, незнакомо съ нравственнымъ благосостояніемъ; но оно пользуется нѣкоторою степенью внѣшняго довольства, имѣя всегда обезпеченное жилище, пищу и топливо; оно удовлетворяетъ своимъ необходимымъ потребностямъ и не испытываетъ страданій нищеты,

этой страшной язвы просвѣщенныхъ народовъ. Помѣщики въ Россіи имѣютъ почти неограниченную власть надъ своими крестьянами; но, надо признаться, почти всѣ они пользуются ею съ чрезвычайною умѣренностью; при постепенномъ смягченіи нравовъ, подчиненіе ихъ приближается къ тому положенію, въ которомъ нѣкогда были въ Европѣ крестьяне прикрѣпленные къ землѣ. Каждый крестьянинъ платитъ умѣренный оброкъ за землю, которую обработываетъ, и распредѣленіе этого налога производится старостами, выбранными изъ ихъ среды.

Когда переходишь отъ этой невѣжественной части Русскаго населенія, еще коснѣющей во тьмѣ среднихъ вѣковъ, къ сословію дворянъ богатыхъ и образованныхъ, то вниманіе поражается совершенно инымъ зрѣлищемъ. Здѣсь я долженъ напомнить, что изображаю Русское общество такъ, какъ оно было за сорокъ лѣтъ передъ этимъ. Съ тѣхъ поръ оно измѣнилось, улучшилось во всѣхъ отношеніяхъ. Русская молодежь, которую война и жажда познаній разсѣяли по всѣмъ Европейскимъ городамъ и дворамъ, показала, до какой степени усовершенствовались искусства, науки и вкусъ въ государствѣ, которое въ первую пору царствованія Людовика XV считалось необразованнымъ и варварскимъ.

Когда я прибылъ въ Петербургъ, въ немъ подъ покровомъ Европейскаго лоска еще видны были слѣды прежнихъ временъ. Среди небольшаго, избраннаго числа образованныхъ и видѣвшихъ свѣтъ людей, ни въ чемъ не уступавшихъ придворнымъ лицамъ блистательнѣйшихъ Европейскихъ дворовъ, было немало такихъ, въ особенности стариковъ, которые, по разговору, наружности, привычкамъ, невѣжеству и пустотѣ бесѣды принадлежали скорѣе времени бояръ, чѣмъ царствованію Екатерины. Но это различіе оказывалось только по тщательномъ наблюденіи; во внѣшности оно не было замѣтно. Съ полвѣка уже всѣ привыкли подражать иностранцамъ, одѣваться, жить, меблироваться, ѣсть, встрѣчаться и кланяться, вести себя на балѣ и на обѣдѣ, какъ Французы, Англичане и Нѣмцы. Все, что̀ касается до обращенія и приличій, было перенято превосходно. Женщины ушли далѣе мужчинъ на пути совершенствованія. Въ обществѣ можно было встрѣтить много нарядныхъ дамъ, дѣвицъ, замѣчательныхъ красотою, говорившихъ на четырехъ и пяти языкахъ, умѣвшихъ играть на разныхъ инструментахъ и знакомыхъ съ твореніями извѣстнѣйшихъ романистовъ Франціи, Италіи и Англіи. Между тѣмъ мужчины, исключая какую-нибудь сотню придворныхъ, каковы напримѣръ Румянцевы, Разумовскіе, Строгоновы, Шуваловы, Воронцовы, Куракины, Голицыны, Долгорукіе и пр., большею частью были не общительны и молчаливы, важны и хо-

лодно-вѣжливы и, повидимому, мало знали о томъ, что происходило за предѣлами ихъ отечества. Впрочемъ, обычаи, введенные Екатериною, придали такую пріятность жизни Петербургскаго общества, что измѣненія, произведенныя временемъ, могли только вести къ худшему. Кромѣ праздничныхъ дней, обѣды, балы и вечера были немноголюдны, но общество въ нихъ было непестрое и хорошо выбранное; они не были похожи на пышные наши рауты, гдѣ царствуютъ скука и безпорядокъ. Одежда, похожая на придворную Версальскую, была менѣе покойна, чѣмъ фраки, сапоги и круглыя шляпы; но она поддерживала приличіе, любезность и благородство въ обращеніи. Такъ какъ всѣ обѣдали рано, то время послѣ полудня было посвящено исполненію общественныхъ требованій, обычнымъ визитамъ и съѣздамъ въ гостиныхъ, гдѣ умъ и вкусъ образовывались пріятнымъ и разнообразнымъ разговоромъ. Это напоминало мнѣ то веселое время, которое я проводилъ въ Парижскихъ гостиныхъ. Но слишкомъ частые и обязательные праздники не только при дворѣ, но и въ обществѣ, показались мнѣ слишкомъ пышными и утомительными. Было введено обычаемъ праздновать дни рожденія и имянинъ всякаго знакомаго лица, и не явиться съ поздравленіемъ въ такой день было бы невѣжливо. Въ эти дни никого не приглашали, но принимали всѣхъ, и всѣ знакомые съѣзжались. Можно себѣ представить, чего стоило Русскимъ барамъ соблюденіе этого обычая; имъ безпрестанно приходилось устраивать пиры.

Другого рода роскошь, обременительная для дворянъ и грозящая имъ раззореніемъ, если они не образумятся, это—многочисленная прислуга ихъ. Дворовые люди, взятые изъ крестьянъ, считаютъ господскую службу за честь и милость; они почитали бы себя наказанными и разжалованными, если бы ихъ возвратили въ деревню. По странному предразсудку, у нихъ есть свои рабы. Эти люди вступаютъ между собою въ браки и размножаются до такой степени, что нерѣдко встрѣчаешь помѣщика, у котораго 400 и до 500 человѣкъ дворовыхъ всѣхъ возрастовъ, обоихъ половъ, и всѣхъ ихъ онъ считаетъ долгомъ держать при себѣ, хотя и не можетъ занять ихъ всѣхъ работою. Не менѣе того удивилъ меня другой обычай, введенный тщеславіемъ: лица, чиномъ выше полковника, должны были ѣздить въ каретѣ въ четыре или шесть лошадей, смотря по чину, съ длиннобородымъ кучеромъ и двумя форрейторами. Когда я въ первый разъ выѣхалъ такимъ образомъ съ визитомъ къ одной дамѣ, жившей въ сосѣднемъ домѣ, то мой форрейторъ уже былъ подъ ея воротами, а моя карета еще на моемъ дворѣ!

Зимою снимаютъ съ каретъ колеса и замѣняютъ ихъ полозьями. Зимній санный путь по гладкимъ, широкимъ улицамъ всегда хорошъ, такъ ровенъ и твердъ, какъ будто убитъ мельчайшимъ пескомъ: ничто

не можетъ сравниться съ быстротой, съ которою ѣдешь или, лучше сказать, катишься по улицамъ этого прекраснаго города.

Я уже говорилъ, съ какою умѣренностью Русскіе помѣщики пользуются своею, по закону неограниченною, властью надъ своими крѣпостными. Во время моего долгаго пребыванія въ Россіи, многіе примѣры привязанности крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ доказали мнѣ, что я на счетъ этого не ошибся. Въ числѣ многихъ подобныхъ примѣровъ, на какіе я бы могъ указать, ограничусь однимъ. Оберъ-камергеръ графъ Шуваловъ, надѣлавъ большихъ долговъ, вынужденъ былъ для ихъ уплаты продать имѣніе, находившееся въ трехъ или четырехстахъ верстахъ отъ столицы. Однажды утромъ, проснувшись, онъ слышитъ ужасный шумъ у себя на дворѣ; шумѣла толпа собравшихся крестьянъ; онъ ихъ призываетъ и спрашиваетъ о причинѣ этой сходки. «До насъ дошли слухи, говорятъ эти добрые люди, что вашей милости приходится продавать нашу деревню, чтобы заплатить долги. Мы спокойны и довольны подъ вашею властью, вы насъ осчастливили, мы вамъ благодарны за то и не хотимъ оставаться безъ васъ. Для этого мы поспѣшили сдѣлать складчину и пришли поднести вамъ деньги, какія вамъ нужны; умоляемъ васъ принять ихъ». Графъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, принялъ даръ, съ удовольствіемъ сознавая, что его хорошее обращеніе съ крестьянами вознаградилось такимъ пріятнымъ образомъ *). Тѣмъ не менѣе эти люди достойны сожалѣнія, потому что ихъ участь зависитъ отъ измѣнчивой судьбы, которая, по своему произволу, подчиняетъ ихъ хорошему или дурному владѣльцу. Эта истина не нуждается въ доказательствахъ. Однако, я не могу не вспомнить кстати анекдотъ, который показалъ мнѣ, до какой степени неограниченная власть помѣщика, предающагося своимъ страстямъ, можетъ оскорблять невинность, слабость и добродѣтель людей, не имѣющихъ никакой опоры въ законахъ. Случай этотъ покажетъ, какой опасности могутъ подвергаться даже иностранцы свободные, но неизвѣстные и по несчастнымъ обстоятельствамъ принужденные служить въ странѣ, гдѣ господствуетъ рабство. Они неожиданно могутъ стать на ряду съ самыми угнетенными рабами и не найдутъ защиты въ самомъ сильномъ покровителѣ. Марія-Фелисите Ле-Ришъ (Le-Riche) дѣвушка молодая, хорошенькая и сердечная, пріѣхала въ Россію вмѣстѣ съ отцомъ, котораго молодой Русскій баринъ вызвалъ для управленія своей фабрикой. Предпріятіе это не удалось, и раззоренный старикъ не въ состояніи былъ содержать себя и дочь. Марія была влюблена въ молодого работника, но вмѣстѣ съ тѣмъ она возбудила сильную страсть въ Русскомъ офицерѣ, въ зависимости отъ котораго она находилась. Этотъ господинъ,

*) (Это былъ не графъ, а оберкамергеръ И. И. Шуваловъ).

стремясь къ удовлетворенію своихъ желаній, легко склонилъ отца Маріи отказать бѣдному ея жениху и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ старику, что одна изъ его родственницъ желаетъ имѣть при себѣ молодую дѣвушку, и что это мѣсто было бы выгодно для его дочери. Несчастный отецъ принялъ съ благодарностью это предложеніе. Марія, разлученная съ своимъ женихомъ, отправилась въ Петербургъ, гдѣ была помѣщена подъ присмотръ хитрой старухи, въ маленькой квартиркѣ; здѣсь она имѣла все необходимое, кромѣ свободы, покровительства, на которое она надѣялась, и возможности видѣться и переписываться съ своимъ женихомъ. Марія была въ порѣ надеждъ, терпѣла и положилась на будущее. Но скоро разразилось надъ ней горе. Ложный ея благодѣтель пріѣзжаетъ, сбрасываетъ съ себя личину притворства и является низкимъ соблазнителемъ. Она противится ему съ двойною силою любви и добродѣтели. Убѣжденный въ безполезности всѣхъ средствъ къ обольщенію до тѣхъ поръ, пока молодая дѣвушка сохранитъ малѣйшую надежду принадлежать хоть когда нибудь любимому человѣку, похититель обманываетъ ее ложною вѣстью о смерти ея жениха. Она впадаетъ въ отчаяніе и меланхолію. Ея преслѣдователь пользуется ея безпомощнымъ положеніемъ, съ неистовствомъ довершаетъ свое преступленіе и потомъ безсовѣстно бросаетъ ее. Несчастная изнемогаетъ и теряетъ разсудокъ; добрые сосѣди сжалились надъ ней и помѣстили ее въ больницу. Два года спустя послѣ этого происшествія, я видѣлъ эту несчастную жертву преступленія и любви. Она была блѣдна, слаба; въ ея лицѣ замѣтны были слѣды прошлой красоты; она молчала, потому что не находила словъ, чтобы выразить свое страданіе. Съ недвижнымъ взоромъ, съ рукою на сердцѣ, она стояла въ томъ же самомъ оцѣпененіи и безмолвіи, какъ въ ту минуту, когда узнала о смерти своего милаго. Только тѣло ея жило, душа же ея какъ будто искала того, который могъ бы составить счастье ея жизни. Эта грустная картина никогда не изгладится изъ моей памяти. Г-нъ Дагесо, мужъ моей сестры, находившійся въ то время въ Петербургѣ, былъ, подобно мнѣ, тронутъ видомъ этой молодой дѣвушки и набросалъ ея портретъ. Я сохранилъ этотъ рисунокъ, и онъ часто напоминаетъ мнѣ бѣдную Марію и ея судьбу.

Обычай наказывать за проступки безъ всякаго разбирательства и пересуда вводитъ въ ужасныя ошибки даже самыхъ кроткихъ помѣщиковъ. Вотъ примѣръ такого недоразумѣнія, кончившійся довольно забавно, благодаря дѣйствующимъ лицамъ, хотя начало было очень печально и даже жестоко. Разъ утромъ торопливо прибѣгаетъ ко мнѣ какой-то человѣкъ, смущенный, взволнованный страхомъ, страданіемъ и гнѣвомъ, съ растрепанными волосами, съ глазами красными и въ слезахъ; голосъ его дрожалъ, платье въ безпорядкѣ. Это былъ Фран-

цузъ. Я спросилъ его, отчего онъ такъ разстроенъ? «Графъ, отвѣчалъ онъ, прибѣгаю къ вашему покровительству; со мной поступили страшно несправедливо и жестоко: по приказанью одного вельможи, меня сейчасъ оскорбили безъ всякой причины. Мнѣ дали сто ударовъ кнутомъ». «Такое обращеніе, сказалъ я, даже въ случаѣ важнаго проступка, непростительно; если же это случилось безъ всякаго повода, какъ вы говорите, то это даже непонятно и совершенно невѣроятно. Кто же это могъ сдѣлать?» «Его сіятельство, графъ Брюсъ, бывшій генералъ-губернаторъ. «Вы съ ума сошли, возразилъ я; невозможно, чтобы человѣкъ такой почтенный, образованный и всѣми уважаемый, позволилъ себѣ такое обращеніе съ Французомъ. Вѣроятно вы сами осмѣлились его оскорбить?» «Нѣтъ, возразилъ онъ, я даже никогда не зналъ графа Брюса. Я поваръ. Узнавъ, что графъ желаетъ имѣть повара, я явился къ нему въ домъ, и меня повели на верхъ къ нему въ комнаты. Только что доложили обо мнѣ, онъ приказалъ мнѣ дать сто ударовъ, что̀ сейчасъ же и было исполнено. Вы не повѣрите, что это такъ случилось, однако это правда; если хотите, я могу представить вамъ доказательство и показать мою спину». «Слушайте же, сказалъ я ему наконецъ, если, вопреки всякому вѣроятію, вы сказали правду, я буду требовать удовлетворенія за это оскорбленіе. Я не потерплю, чтобы обращались такимъ образомъ съ моими соотечественниками, которыхъ я обязанъ защищать. Если же то, что̀ вы сказали, неправда, то я сумѣю наказать васъ за такую клевету. Снесите сами письмо, которое я сейчасъ напишу графу; кто-нибудь изъ моихъ людей пойдетъ съ вами».

Я дѣйствительно тотчасъ написалъ графу Брюсу о странной жалобѣ повара и, между прочимъ, замѣтилъ, что хоть я и не вѣрю всему этому, однако обязанъ оказать защиту моему Французу и прошу его объяснить мнѣ это странное дѣло. Очень могло быть, что кто-нибудь изъ его слугъ недостойно воспользовался его именемъ для такого насилія. Я его предупреждалъ, что съ нетерпѣніемъ ожидаю его отвѣта, чтобы принять нужныя мѣры для наказанія того, кто принесъ жалобу, въ случаѣ, если онъ солгалъ, и чтобы удовлетворить его, если онъ, противъ всякаго вѣроятія, говоритъ правду.

Прошло два часа; я не получалъ никакого отвѣта. Наконецъ, я сталъ терять терпѣніе и хотѣлъ уже ѣхать самъ за объясненіемъ, котораго требовалъ, какъ вдругъ опять явился поваръ, но въ совершенно другомъ настроеніи: онъ былъ спокоенъ, улыбался и смотрѣлъ весело. «Ну, что же, принесли вы мнѣ отвѣтъ?» спросилъ я его. «Нѣтъ, графъ; его превосходительство самъ доставитъ вамъ его вскорѣ; а мнѣ уже больше не на что жаловаться, я доволенъ, совершенно доволенъ, тутъ

вышла ошибка. Мнѣ остается только поблагогарить васъ за вашу милость». «Какъ? Развѣ слѣды ста ударовъ исчезли?» «Нѣтъ, они еще на моей спинѣ и очень замѣтны; но ихъ очень хорошо залѣчили и меня совершенно успокоили. Мнѣ все объяснилось; вотъ какъ было дѣло. У графа Брюса былъ крѣпостной поваръ, родомъ изъ его вотчины; нѣсколько дней тому назадъ, онъ бѣжалъ и, говорятъ, обокравъ его. Его сіятельство приказалъ отыскать его и, какъ только приведутъ, высѣчь. Въ это-то самое время я явился, чтобы проситься на его мѣсто. Когда меня ввели въ кабинетъ графа, онъ сидѣлъ за столомъ, спиной къ двери, и былъ очень занятъ. Меня ввелъ лакей и сказалъ графу: «ваше сіятельство, вотъ поваръ». Графъ, не оборачиваясь, тотчасъ отвѣчалъ: «свести его на дворъ и дать ему сотню ударовъ!» Лакей тотчасъ запираетъ дверь, тащитъ меня на дворъ и, съ помощью своихъ товарищей, какъ я уже вамъ говорилъ, отсчитываетъ на спинѣ бѣднаго Французскаго повара удары, назначенные бѣглому Русскому. Его сіятельство сожалѣетъ обо мнѣ, самъ объяснилъ мнѣ эту ошибку и потомъ подарилъ мнѣ вотъ этотъ кошелекъ съ золотомъ».

Я отпустилъ бѣдняка, но не могъ не замѣтить, что онъ слишкомъ легко утѣшился послѣ побоевъ.

Всѣ эти выходки, то жестокія, то странныя и рѣдко забавныя, происходятъ отъ недостатка твердыхъ учрежденій и обезпеченій. Въ странѣ безгласнаго послушанія и безправности владѣлецъ самый справедливый и разумный долженъ остерегаться послѣдствій необдуманнаго и поспѣшнаго приказанія.

Приведу случай, можетъ быть, немного странный, но достовѣрность его мнѣ подтвердили многіе Русскіе, а одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, теперь членъ Палаты Перовъ, не разъ слышалъ о немъ въ Россіи. Замѣтьте, что это случилось въ царствованіе Екатерины II, которая, какъ прежде, такъ и теперь, считается у всѣхъ подданныхъ своей пространной имперіи образцомъ мудрости, благоразумія, кротости и доброты.

Одинъ богатый иностранецъ, Сутерландъ, принявъ Русское подданство, сталъ придворнымъ банкиромъ. Онъ пользовался расположеніемъ Императрицы. Однажды ему говорятъ, что его домъ окруженъ солдатами и что полиціймейстеръ Рылѣевъ желаетъ съ нимъ побесѣдовать. Рылѣевъ съ смущеннымъ видомъ входитъ къ нему и говоритъ: «Господинъ Сутерландъ, я съ прискорбіемъ получилъ порученіе отъ Императрицы исполнить приказаніе ея, строгость котораго меня пугаетъ; не знаю, за какой проступокъ, за какое преступленіе вы подверглись гнѣву ея величества». «Я тоже ничего не знаю и, признаюсь, не менѣе васъ удивленъ. Но скажите же наконецъ, какое это наказа-

ніе?» «У меня, право, отвѣчаетъ полиціймейстеръ, не достаетъ духу, чтобъ вамъ объявить его». «Неужели я потерялъ довѣріе Императрицы?» «Если бъ только это, я бы не такъ опечалился; довѣріе можетъ возвратиться, и мѣсто вы можете получить снова». «Такъ что же? Не хотятъ ли меня выслать отсюда?» «Это было-бъ непріятно, но съ вашимъ состояніемъ вездѣ хорошо». «Господи, воскликнулъ испуганный Сутерландъ, можетъ быть, меня хотятъ сослать въ Сибирь?» «Увы, и оттуда возвращаются». «Въ крѣпость меня сажаютъ, что-ли?» «Это бы еще ничего; и изъ крѣпости выходятъ». «Боже мой, ужъ не иду ли я подъ кнутъ?» «Истязаніе страшное, но отъ него не всегда умираютъ». «Какъ, воскликнулъ банкиръ рыдая, моя жизнь въ опасности? Императрица, добрая, великодушная, на дняхъ еще говорила со мной такъ милостиво; неужели она захочетъ... но я не могу этому вѣрить. О, говорите же скорѣе. Лучше смерть, чѣмъ эта неизвѣстность!» «Императрица, отвѣчалъ уныло полицмейстеръ, приказала мнѣ сдѣлать изъ васъ чучелу»... «Чучелу? вскричалъ пораженный Сутерландъ, да вы съ ума сошли, и какъ же вы могли согласиться исполнить такое приказаніе, не представивъ ей всю его жестокость и нелѣпость?» «Ахъ, любезный другъ, я сдѣлалъ то, что̀ мы рѣдко позволяемъ себѣ дѣлать; я удивился и огорчился, я хотѣлъ даже возражать, но Императрица разсердилась, упрекнула меня за непослушаніе, велѣла мнѣ выйти и тотчасъ же исполнить ея приказаніе; вотъ ея слова, они мнѣ и теперь еще слышатся: ступайте и не забывайте, что ваша обязанность исполнять безпрекословно всѣ мои приказанія».

Невозможно описать удивленіе, гнѣвъ и отчаяніе бѣднаго банкира. Полицмейстеръ далъ ему четверть часа сроку, чтобъ привести въ порядокъ его дѣла. Сутерландъ тщетно умолялъ его позволить ему написать письмо Императрицѣ, чтобъ прибѣгнуть къ ея милосердію. Полицмейстеръ наконецъ, однако со страхомъ, согласился, но, не смѣя везти письмо во дворецъ, взялся доставить его графу Брюсу. Графъ сначала подумалъ, что полицмейстеръ помѣшался и, приказавъ ему слѣдовать за собою, немедленно поѣхалъ къ Императрицѣ; входитъ къ Государынѣ и объясняетъ ей въ чемъ дѣло. Екатерина, услыхавъ этотъ странный разсказъ, восклицаетъ: «Боже мой, какія страсти! Рылеевъ точно помѣшался! Графъ, бѣгите скорѣе сказать этому сумасшедшему, чтобы онъ сейчасъ поспѣшилъ утѣшить и освободить моего бѣднаго банкира».

Графъ выходитъ и, отдавъ приказаніе, къ удивленію своему видитъ, что Императрица хохочетъ. «Теперь, говоритъ она, я поняла причину этого забавнаго и страннаго случая. Мою маленькую собачку, которую я очень любила, звали Сутерландомъ, потому что

я получила ее въ подарокъ отъ банкира. Недавно она околѣла, и я приказала Рылееву сдѣлать изъ нея чучелу; но, видя, что онъ не рѣшается, я разсердилась на него, приписавъ его отказъ тому, что онъ изъ глупаго тщеславія считаетъ это порученіе недостойнымъ себя. Вотъ вамъ разрѣшеніе этой странной загадки».

Впрочемъ, я считаю нужнымъ повторить, что общественные нравы и мудрыя намѣренія Екатерины и двухъ ея преемниковъ сдѣлали уже для образованія почти столько же хорошаго, сколько могли произвесть дѣльные законы. Во время пятилѣтняго моего пребыванія въ Россіи, я не слыхалъ ни одного случая жестокости и угнетенія. Крестьяне дѣйствительно живутъ въ рабскомъ состояніи, но съ ними хорошо обращаются. Нигдѣ не встрѣтишь ни одного нищаго, а если они попадаются, ихъ отсылаютъ къ владѣльцамъ, которые обязаны ихъ содержать; сами же дворяне, хотя и подчинены неограниченной власти, но пользуются, по своему положенію и уваженію къ нимъ общества, гораздо бо̀льшимъ значеніемъ, чѣмъ во всѣхъ прочихъ, даже конституціонныхъ, странахъ Европы. Екатерина дала дворянству право выборовъ, и каждая губернія выбираетъ своихъ предводителей и судей. Всѣ военныя и гражданскія должности находятся въ ихъ рукахъ. Не достаетъ только прочныхъ законовъ, которые обезпечивали бы спокойствіе престола, правà дворянства и постепенное улучшеніе быта крестьянъ.

Всѣ иностранцы яркими красками изображали печальныя дѣйствія деспотическаго управленія въ Россіи; но слѣдуетъ признать, что въ тѣ времена и мы не имѣли полнаго права осуждать произволъ, тяготѣвшій надъ Московскимъ государствомъ. Развѣ нѣтъ у насъ Венсена, Бастиліи, Пьеръ-анъ-Сциза и запечатанныхъ писемъ? Россія вполнѣ заслуживаетъ благорасположеніе иностранцевъ, которые нигдѣ ни встрѣтятъ болѣе вѣжливаго гостепріимства. Никогда я не забуду пріема, не только любезнаго, но и радушнаго, сдѣланнаго мнѣ блестящимъ Петербургскимъ обществомъ. Въ короткое время знакомство съ истинно-достойными людьми и съ любезными дамами заставило меня забыть, что я у нихъ чужой. Поэтому, не смотря на время, разстояніе и на измѣнчивость обстоятельствъ, приведшихъ наши войска въ Москву, а Русскія въ Парижъ, я вспоминаю о счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ мною въ этой странѣ, съ чувствомъ, похожимъ на то, какое испытываешь находясь вдали отъ своей родины. Трудно было бы встрѣтить женщину добродушнѣе и умнѣе графини Салтыковой; какъ искренно и непритворно добры были графини Остерманъ, Чернышова, Пушкина, госпожа Дивова; въ Парижѣ всѣ любовались бы красотою и прелестью княжны Долгорукой и ея матери, княгини Барятинской, дѣвицы Чернышовой, прелестной графини Скавронской, головка кото-

рой могла бы служить для художника образцомъ головы Амура. Молодыя Нарышкины, графиня Разумовская (уже немолодая фрейлина) украшавшія собою дворецъ Императрицы, привлекали къ себѣ взгляды и похвалы. Бывало, нехотя покидаешь умный разговоръ графини Шуваловой и своеобразную и острую бесѣду госпожи Загряжской *). Графы Румянцевъ, Салтыковъ, Строгоновъ, Андрей Разумовскій, извѣстный своими блестящими успѣхами въ политикѣ и у женщинъ Андрей Шуваловъ, своимъ Épître à Ninon занявшій мѣсто въ ряду Французскихъ поэтовъ, братья графы Воронцовы, отличавшіеся одинъ на поприщѣ правительственномъ, другой въ дипломатіи, графъ Безбородко, скрывавшій тонкій умъ подъ довольно тяжелою наружностью, князь Репнинъ, вѣжливый царедворецъ и вмѣстѣ храбрый генералъ, прямодушный Михельсонъ, побѣдитель Пугачева, фельдмаршалъ Румянцевъ, обезсмертившійся своими побѣдами, даже Суворовъ, который лаврами прикрывалъ свои странности, забавныя ужимки и едва позволительныя причуды, наконецъ множество молодыхъ полковниковъ и генераловъ, которые доказывали, что Россія идетъ впередъ на пути славы и просвѣщенія: всѣ, почередно, привлекали мое вниманіе и уваженіе. Я бы могъ включить въ число этихъ лицъ имена Голицына, Куракина, Кушелева и другихъ, если бы меня не удерживали тѣсные предѣлы моего разсказа. Но я не могу умолчать о старухѣ-графинѣ Румянцевой, матери фельдмаршала. Разрушавшееся тѣло ея одно свидѣтельствовало объ ея преклонныхъ лѣтахъ; но она обладала живымъ, веселымъ умомъ и юнымъ воображеніемъ. Такъ какъ у нея была прекрасная память, то разговоръ ея имѣлъ всю прелесть и поучительность хорошо изложенной исторіи. Она присутствовала при заложеніи города Петербурга, и потому наша поговорка: *стара, какъ улицы* (vieille comme les rues) могла вполнѣ быть примѣнена къ ней. Будучи во Франціи, она присутствовала на обѣдѣ у Людовика XIV и описывала мнѣ наружность, манеры, выраженіе лица и одежду г-жи Ментенонъ, какъ будто бы только вчера ее видѣла. Она передала мнѣ любопытныя подробности о знаменитомъ герцогѣ Марльборо, котораго посѣтила въ его лагерѣ. Въ другой разъ она представила мнѣ вѣрную картину двора

*) Обо всѣхъ упомянутыхъ здѣсь лицахъ свѣдѣнія можно найти въ Россійской Родословной книгѣ, сост. кн. П. В. Долгоруковымъ, 4 ч., въ Спискѣ замѣчат. лицъ Русскихъ, помѣщенномъ въ Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и Др. Р., 1860, кн. I, и въ сочиненіи Вейдемейера: Дворъ и замѣч. люди во время имп. Екатерины II. Спб. 1846. Елисавета Петровна Дивова, супруга сенатора, тайнаго совѣтника Андріана Ивановича Дивова, ум. 8 Мая 1814 г., урожденная графиня Бутурлина, извѣстна, между прочимъ, тѣмъ, что подверглась слѣдствію Шишковскаго, поводомъ къ чему было то, что г-жа Дивова, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, сочинила карикатуру на дворъ. См. Записки Л. Н. Энгельгардта, М. 1859, стр. 46.

Англійской королевы Анны, которая осыпала ее своими милостями; наконецъ, она разсказывала о томъ, какъ за нею ухаживалъ Петръ Великій, и мнѣ казалось даже, что она не противилась его желаніямъ.

Но всего любопытнѣе и важнѣе для меня было знакомство съ знаменитымъ и могущественнымъ княземъ Потемкинымъ. Если представить очеркъ этой личности, то можно быть увѣрену, что никто не смѣшаетъ его съ кѣмъ нибудь другимъ. Никогда еще ни при дворѣ, ни на поприщѣ гражданскомъ или военномъ не бывало царедворца болѣе великолѣпнаго и дикаго, министра болѣе предпріимчиваго и менѣе трудолюбиваго, полководца болѣе храбраго и вмѣстѣ нерѣшительнаго. Онъ представлялъ собою самую своеобразную личность, потому что въ немъ непостижимо смѣшаны были величіе и мелочность, лѣнь и дѣятельность, храбрость и робость, честолюбіе и беззаботность. Вездѣ этотъ человѣкъ былъ бы замѣчателенъ своею самобытностью. Но за предѣлами Россіи и безъ особенныхъ обстоятельствъ, доставившихъ ему благоволеніе Екатерины II, онъ не только не могъ бы пріобрѣсть такую извѣстность и достигнуть до такого высокаго сана, но едва ли бы дослужился до сколько нибудь значущаго чина. По своей странности и непослѣдовательности въ мысляхъ, онъ не пошелъ бы далеко ни на военномъ, ни на гражданскомъ поприщѣ.

Князю Потемкину было 18 лѣтъ, когда Екатерина лишила Петра III-го престола *). Увлеченный прелестями молодой принцессы, онъ одинъ изъ первыхъ рѣшился защищать ее; но какъ тогда онъ былъ только унтеръ-офицеромъ, то рвеніе его осталось незамѣченнымъ. Счастливый случай привлекъ къ нему вниманіе Государыни. Она держала въ рукахъ шпагу, и ей понадобился темлякъ. Она ищетъ его. Потемкинъ подъѣзжаетъ къ ней и вручаетъ ей свой; онъ хочетъ почтительно удалиться, но его лошадь, пріученная къ строю, заупрямилась и не захотѣла отойти отъ лошади Государыни. Екатерина замѣтила это, улыбнулась и между тѣмъ обратила вниманіе на молодого унтеръ-офицера, который противъ воли все стоялъ подлѣ нея; потомъ заговорила съ нимъ, и онъ ей понравился своею наружностью, осанкою, ловкостью, отвѣтами. Освѣдомившись о его имени, Государыня пожаловала его офицеромъ и вскорѣ назначила своимъ камеръ-юнкеромъ. И такъ упрямство непослушной лошади повело его на путь почестей, богатства и могущества. Онъ самъ разсказывалъ мнѣ этотъ анекдотъ.

Потемкинъ обладалъ счастливою памятью при врожденномъ живомъ, быстромъ и подвижномъ умѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ безпеченъ и

*) (Сегюръ ошибается. Лѣтъ] Потемкину было тогда больше. Годъ его рожденія и обстановка дѣтства не обозначаются до сихъ поръ точно).

лѣнивъ. Любя покой, онъ былъ однако ненасытимо сластолюбивъ, властолюбивъ и склоненъ къ роскоши, и потому счастье, служа ему, утомляло его; оно не соотвѣтствовало его лѣни и, при всемъ томъ, не могло удовлетворить его причудливымъ и пылкимъ желаніямъ. Этого человѣка можно было сдѣлать богатымъ и сильнымъ, но нельзя было сдѣлать счастливымъ. У него были доброе сердце и ѣдкій умъ. Будучи и скупъ, и расточителенъ, онъ раздавалъ множество милостыни и рѣдко платилъ долги свои. Свѣтъ ему надоѣлъ; ему казалось, что онъ въ обществѣ лишній; но, не смотря на то, онъ дома окружилъ себя какъ бы дворомъ. Любезный въ тѣсномъ кругѣ, онъ являлся высокомѣрнымъ и почти неприступнымъ въ большомъ обществѣ; впрочемъ онъ стѣснялъ другихъ только потому, что самъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ. Въ немъ была какая-то робость, которую онъ хотѣлъ скрыть или побѣдить холоднымъ, гордымъ обращеніемъ. Чтобы скоро снискать его расположеніе, нужно было не бояться его, обходиться съ нимъ просто, первому начинать съ нимъ разговоръ, стараться ничѣмъ не затруднять его и быть съ нимъ какъ можно развязнѣе.

Хотя онъ и воспитывался въ университетѣ, но онъ меньше научился изъ книгъ, чѣмъ отъ людей; лѣнь ему мѣшала учиться, но любознательность его повсюду искала пищи. Онъ чрезвычайно любилъ разспрашивать, и такъ какъ по сану своему онъ сходился съ людьми различныхъ сословій и званій, то толками и разспросами обогащалъ себѣ память и пріобрѣлъ такія свѣдѣнія, что уму его дивились всѣ, не только люди государственные и военные, но и путешественники, ученые, литераторы, художники, даже ремесленники. Любимый предметъ его было богословіе. Будучи честолюбивъ и сладострастенъ, онъ былъ не только человѣкомъ вѣрующимъ, но даже суевѣрнымъ. Мнѣ случалось видѣть, какъ онъ по цѣлымъ утрамъ занимался разсматриваніемъ образцовъ драгунскихъ киверовъ, чепчиковъ и платьевъ для своихъ племянницъ, митръ и священническихъ облаченій. Бывало, непремѣнно привлечешь его вниманіе и удалишь его отъ другихъ занятій, если заговоришь съ нимъ о распряхъ Греческой церкви съ Римскою, о соборахъ Никейскомъ, Халкедонскомъ или Флорентинскомъ. До мечтательности честолюбивый, онъ воображалъ себя то Курляндскимъ герцогомъ, то королемъ Польскимъ, то задумывалъ основать духовный орденъ или просто сдѣлаться монахомъ. То, чѣмъ онъ обладалъ, ему надоѣдало; чего онъ достичь не могъ—возбуждало его желанія. Онъ былъ вполнѣ любимецъ счастья, и также подвиженъ, непостояненъ и прихотливъ, какъ само счастье.

Почти во всѣхъ столицахъ Европейскихъ, исключая однако Парижъ и Лондонъ, ввелось въ странный обычай, что иностранные послы

и министры (которыхъ не знаю почему разумѣютъ подъ именемъ *дипломатическаго корпуса*, тогда какъ члены этого *корпуса* (тѣла) всегда разъединены и несогласны между собою), дѣлаются почти членами общества, среди котораго живутъ. Они обыкновенно дѣятельнѣе, нежели мѣстные вельможи, оживляютъ общество, потому что держатъ открытые дома и часто даютъ роскошные обѣды, блистательные пиры и многолюдные балы. Въ то время, какъ я находился въ Петербургѣ, дипломатическій корпусъ составляли люди достойные уваженія во многихъ отношеніяхъ. Они оживляли и веселили Петербургское общество. Австрійскій посолъ, *графъ Кобенцель*, впослѣдствіи заслужившій извѣстность въ Парижѣ при Наполеонѣ, заставлялъ всѣхъ любезностью, живымъ разговоромъ и постоянною веселость юзабывать его необыкновенно невзрачную наружность. Прусскій министръ, *графъ Гёрцъ*, болѣе важный, но едва ли не болѣе пылкій, заставлялъ любить и уважать себя за чистосердечіе и живость, благодаря которой его глубокая ученость никогда не доходила до педантства; его оживленный разговоръ всегда былъ занимателенъ и никогда не истощался. *Фитцъ-Гербертъ*, впослѣдствіи лордъ Сентъ-Еленсъ, съ чувствительной душою и Британскою причудливостью соединялъ всю прелесть самаго образованнаго ума. Искусный и тонкій дипломатъ, постоянный въ своихъ чувствахъ, всегда благородный и великодушный, онъ былъ лучшій другъ и вмѣстѣ опаснѣйшій соперникъ. На политическомъ поприщѣ мы въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ старались вредить другъ другу; но, какъ частные люди, были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ между собою, что̀ равно удивляло и Русскихъ, и нашихъ соотечественниковъ. *Баронъ Нолькенъ*, Шведскій министръ, и *Сенъ-Сафоренъ*, Датскій, пользовались также всеобщимъ уваженіемъ, какъ люди скромные, общительные и образованные. Неаполитанскій министръ, *герцогъ Серра-Капріола*, нравился всѣмъ своимъ добродушіемъ и веселостью. Красавицу жену его убилъ суровый климатъ, къ которому онъ самъ однако такъ привыкъ, что поселился въ Россіи и женился на дочери князя Вяземскаго, одного изъ значительнѣйшихъ лицъ при дворѣ Екатерины. Я не буду распространяться о Голландскомъ посланникѣ, *баронѣ Вассенаерѣ*: его пребываніе въ Петербургѣ было кратковременно и незамѣтно и кончилось разстроившимся сватовствомъ съ довольно скандальными подробностями.

Съ самаго начала моего пребыванія при Русскомъ дворѣ я нашелъ здѣсь тѣже скучныя затрудненія при соблюденіи этикета, которыя мнѣ надѣлали столько хлопотъ въ Майнцѣ. Вержень увѣрилъ меня, что въ Петербургѣ въ дипломатическомъ церемоніалѣ господствуетъ совершенная свобода. Колиньеръ сказалъ мнѣ, что точно Императрица

допустила эту свободу, но что въ дѣйствительности она не существовала. Каждое Воскресенье Государыня, выходя изъ церкви и вступая въ свои покои, встрѣчала представителей иностранныхъ дворовъ, стоявшихъ въ два ряда вдоль зала. По старому ли обыкновенію или по странному невниманію моихъ предшественниковъ, но, вслѣдъ за посланниками Австрійскимъ и Голландскимъ, которые по праву становились впереди, Англійскій министръ становился на первое мѣсто, а за нимъ уже Французскій. Не желая слѣдовать этому неприличному обычаю и, съ другой стороны, боясь усилить невыгодное обо мнѣ мнѣніе Государыни, такъ какъ послѣ исторіи въ Майнцѣ *) ей внушили, что я надмененъ и обидчивъ, я принужденъ былъ прибѣгнуть къ хитрости, чтобы не потерять расположенія двора, который желалъ сблизить со своимъ, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не выказать неумѣстной уступчивости. Для этого въ первый пріемный день я отправился во дворецъ пораньше; но какъ я ни спѣшилъ, однако нашелъ Фитцъ-Герберта уже занявшимъ первое мѣсто. Одна очень милая Парижская дама поручила мнѣ передать ему письмо, и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы исполнить ея порученіе. Когда я сказалъ ему имя дамы, онъ поспѣшно взялъ у меня письмо и отошелъ къ окну, чтобы прочитать его; тогда я занялъ его мѣсто, и онъ уступилъ его безъ спора, потому что завладѣлъ имъ не по праву, а только по привычкѣ. На слѣдующее Воскресенье я опять собрался пораньше и занялъ первое мѣсто. При третьей аудіенціи, замѣтивъ, что Шведскій посланникъ и другіе сторонятся и даютъ мнѣ дорогу, я сказалъ имъ: «Нѣтъ, господа, вы пришли прежде меня, и я стану послѣ васъ; здѣсь принято за правило не соблюдать строго дипломатическаго этикета, и теперь мы именно стоимъ не по чинамъ.»

Недѣли двѣ употребилъ я на то, чтобы познакомиться съ обыкновеніями Петербургскаго общества и съ главнѣйшими его представителями. Послѣ того принялся я за мои служебныя дѣла, которыя на первыхъ порахъ были немногочисленны и неважны. Холодность въ отношеніяхъ между нашимъ и Русскимъ дворами не давала намъ никакого вѣса въ Россіи; всѣмъ извѣстно было предубѣжденіе Екатерины противъ Версальскаго кабинета. Министры и царедворцы, пользовавшіеся ея милостью, были весьма холодны въ обращеніи и разговорахъ со мною. Чтобы дать понятіе о нашемъ политическомъ значеніи, достаточно будетъ изложить содержаніе инструкціи, полученной мною отъ Верженя предъ моимъ отъѣздомъ въ Россію. Министръ, между прочимъ, писалъ:

*) Съ графомъ Румянцевымъ.

«Составляя эту инструкцію и перечитывая инструкціи, данныя вашимъ предшественникамъ, я съ сожалѣніемъ усмотрѣлъ, что прежнія распоряженія нынѣ не могутъ идти къ дѣлу. Наше сопротивленіе видамъ Императрицы на Турцію совершенно измѣнило отношенія нашего монарха къ ней. До тѣхъ поръ, пока графъ Панинъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на умъ Екатерины, этотъ умный и миролюбивый министръ умѣлъ побѣдить въ Императрицѣ недоброжелательство къ Франціи. Въ его министерство мы сблизились съ Россіею и способствовали водворенію согласія между нею и Турціею. Мы поддерживали столь славное для Императрицы учрежденіе вооруженнаго нейтралитета. Англичане уже теряли въ Петербургѣ прежнее вліяніе и опасались за ненарушимость своихъ торговыхъ преимуществъ. Но со времени немилости и смерти гр. Панина важнѣйшія государственныя дѣла поручены Потемкину. Пылкій и честолюбивый князь совершенно предался Англо-Австрійской партіи, надѣясь при ихъ содѣйствіи устранить препятствія, которыя встрѣчали виды Екатерины на Турцію. Правда, что мы союзники Австрійцевъ; но двадцати-восьми-лѣтній опытъ доказалъ намъ, что, не смотря на этотъ союзъ, Вѣнскій дворъ не внушалъ своимъ представителямъ у другихъ державъ оставить свой старый обычай противудѣйствовать намъ. Графъ Кобенцель довелъ этотъ образъ дѣйствія до крайности, всячески потворствовалъ Англіи и укрывалъ самыя явныя ея несправедливости. Наконецъ, не смотря на то, что Екатерина оставила Прусскаго короля, соединилась съ Австріею и потому, казалось бы, должна была сблизиться и съ нами, мы видимъ однако, что Вѣнскій и Петербургскій кабинеты обращаются съ нами такъ недоброжелательно, какъ будто мы составили противъ нихъ союзъ съ Пруссіею. А между тѣмъ монархъ нашъ поступилъ такъ снисходительно и, можетъ быть, даже слишкомъ опрометчиво, что далъ согласіе на занятіе Крыма. Но эта уступка доставила намъ только холодное выраженіе признательности со стороны Екатерины, и мы даже не могли получить отъ Русскаго кабинета должнаго возмѣщенія нѣсколькихъ важныхъ нанесенныхъ намъ ущербовъ, котораго давно испрашиваемъ. Вотъ въ какомъ положеніи найдете вы Императрицу. Опасаются, чтобы въ предстоящей борьбѣ Голландіи съ Іосифомъ II она не приняла сторону императора. Ея вѣроятною цѣлью будетъ дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы, сообща съ Англіею, принудить Голландцевъ просить ея покровительства, и чтобы императоръ остался обязаннымъ ей за ихъ уступки. Наконецъ, я увѣренъ, что всѣ попытки снискать намъ дружественное расположеніе Императрицы будутъ напрасны, и что король долженъ будетъ въ сношеніяхъ съ нею ограничиться однимъ лишь строгимъ исполненіемъ приличій. Впрочемъ, я вамъ совѣтую стараться понравиться Государынѣ и лицамъ, имѣющимъ вѣсъ при дворѣ. Мы не имѣемъ никакой надежды на заключеніе торговаго договора съ Россіею; но если, противу чаянія, представятся къ тому благопріятныя обстоятельства, то воспользуйтесь всякимъ удобнымъ случаемъ и постарайтесь увѣрить Русскихъ министровъ, что преимущества, данныя Англичанамъ, вредны для Россіи, между тѣмъ какъ мы гораздо скромнѣе въ нашихъ требованіяхъ и просимъ только, чтобы съ нами обходились также, какъ со всѣми прочими промышленными странами».

Министръ полагалъ, что главнымъ образомъ мнѣ нужно было имѣть въ виду—открыть настоящіе замыслы Екатерины, разузнать характеръ и значеніе ея отношеній къ императору и къ Англіи, извѣдать ея намѣренія относительно Швеціи и попытки пріобрѣсть вліяніе на Неаполь. Въ особенности я обязанъ былъ различать вѣроятное отъ дѣйствительно существующаго, угрозы отъ настоящихъ дѣйствій и ложные слухи отъ дѣйствительныхъ намѣреній. Полагая, что главнѣйшею цѣлью Императрицы было разрушеніе Отоманской имперіи и возстановленіе Греческой державы, и чтобы заставить замолчать льстецовъ, предсказывавшихъ скорый и легкій успѣхъ этому колоссальному предпріятію, министръ приказалъ мнѣ всѣми возможными способами стараться убѣдить Русскихъ министровъ въ томъ, что этому перевороту воспротивятся всѣ значительныя Европейскія державы. Переходя къ болѣе частнымъ предметамъ, министръ предписывалъ мнѣ отвѣчать вѣжливостью на вѣжливость графа Кобенцеля, но не довѣряться ему, между тѣмъ какъ съ Прусскимъ министромъ онъ совѣтовалъ мнѣ быть откровеннымъ. Вообще, съ представителями дружественныхъ державъ мнѣ велѣно было обходиться дружелюбно и даже не пропускать случая сблизиться съ министрами непріязненныхъ къ намъ государствъ; сверхъ того мнѣ велѣно было переписываться съ нашими посланниками и министрами въ Константинополѣ, Берлинѣ, Стокгольмѣ и Копенгагенѣ и доводить до ихъ свѣдѣнія все, что̀ имъ нужно было знать.

Изъ очерка этихъ инструкцій можно видѣть, что я не могъ расчитывать на какой-либо значительный успѣхъ; обязанность моя ограничивалась внимательнымъ наблюденіемъ хода дѣлъ при дворѣ, на который мы не имѣли никакого вліянія, и единственное прямое порученіе состояло въ томъ, чтобы, послѣ многолѣтнихъ, напрасныхъ требованій, добиться справедливаго удовлетворенія Марсельскимъ торговцамъ, у которыхъ Русскіе каперы захватили и ограбили суда во время Турецкой войны.

Мнѣ нетрудно было узнать расположеніе главныхъ министровъ: Воронцовъ, Остерманъ и Безбородко не скрывали своей приверженности къ Англичанамъ, и мои попытки сблизиться съ ними ограничились чиннымъ пріемомъ и внѣшними выраженіями вѣжливости. Къ тому же, желаніе и необходимость угождать Государынѣ пріучили ихъ сообразовать свои дѣйствія съ ея намѣреніями и показывать ей, что они въ политикѣ, какъ и во всемъ другомъ, раздѣляютъ ея мнѣніе. Но такъ какъ царедворцы въ этомъ подобострастіи доходятъ до крайности, то они выражали свое благорасположеніе и недоброжелательство съ бо̀льшею рѣшительностью, нежели сама Государыня. Императрица благоволила къ посту Австрійскому и къ министру Англійскому, а по-

тому и ея ближайшіе совѣтники были съ ними въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Такъ какъ министры знали нерасположеніе Государыни къ Французскому двору и неудовольствіе ея по поводу поступковъ и насмѣшекъ Прусскаго короля, то не сближались съ графомъ Гёрцемъ и со мною и были всегда скорѣе готовы вредить намъ, нежели услужить. Общество также отчасти слѣдовало ихъ примѣру. Однако въ Петербургѣ было довольно лицъ, собственно дамъ, которыя предпочитали Французовъ другимъ иностранцамъ и желали сближенія Россіи съ Франціею. Это расположеніе было мнѣ пріятно, но не послужило въ пользу. Петербургъ въ этомъ случаѣ далеко не походитъ на Парижъ: здѣсь никогда въ гостиныхъ не говорили о политикѣ, даже въ похвалу правительства. Недовольные изъ жителей столицы высказывались только въ тѣсномъ, дружескомъ обществѣ; тѣ же, кому это было стѣснительно, удалялись въ Москву, которую однако нельзя назвать центромъ оппозиціи (ея нѣтъ въ Россіи), но которая дѣйствительно была столицею недовольныхъ *).

Прежде всего мнѣ надо было познакомиться съ княземъ Потемкинымъ, а потомъ уже съ прочими министрами. Къ сожалѣнію, мнѣ трудно было побѣдить въ немъ предубѣжденіе противъ Франціи. Онъ былъ совершенно противныхъ мнѣній съ графомъ Панинымъ, раздѣлялъ и возбуждалъ честолюбивые замыслы Екатерины II, а во Франціи видѣлъ препятствіе своимъ намѣреніямъ и ненавидѣлъ насъ, какъ защитниковъ Турокъ, Поляковъ и Шведовъ. Онъ придумывалъ всевозможныя средства, чтобы во вредъ намъ и Пруссіи снискать довѣріе, расположеніе и содѣйствіе кабинетовъ Австрійскаго и Англійскаго. Поэтому онъ былъ холоденъ съ нами и чрезвычайно ласковъ съ Кобенцелемъ и Фитцъ-Гербертомъ, равно какъ съ Австрійскими и Англійскими купцами и путешественниками. Но эти препятствія не останавливали меня. Мнѣ передали обстоятельныя свѣдѣнія о характерѣ, свойствахъ и слабостяхъ этого министра, и я попытался употребить эти свѣдѣнія въ дѣло, что̀ мнѣ и удалось, хотя съ начала попытки мои казались безуспѣшны. Потемкинъ, какъ военный министръ, главнокомандующій войсками, правитель вновь завоеванныхъ южныхъ областей имперіи, всесильный по неограниченному довѣрію къ нему Императрицы, былъ предметомъ лести и ухаживанья всего дворянства и даже знатнѣйшихъ вельможъ. Въ торжественныхъ случаяхъ и въ праздники онъ одѣвался очень пышно и обвѣшивалъ себя орденами, представляя изъ себя вельможу рѣчью, осанкою и движеніями временъ Людовика XIV; но въ обыкновенной домашней жизни онъ снималъ съ себя эту личину и, какъ истый ба-

*) Ср. въ Запискахъ Л. Н. Энгельгардта. М. 1859. Стр. 52.

ловень счастья, принималъ всѣхъ безъ различія, среди восточной роскоши, которую многіе ошибочно приписывали его высокомѣрію. Когда, бывало, видишь его небрежно лежащаго на софѣ, съ всклокоченными волосами, въ халатѣ или шубѣ, въ шальварахъ, съ туфлями на босу ногу, съ открытой шеею, то невольно вообразишь себя передъ какимъ-нибудь Турецкимъ или Персидскимъ пашею; но такъ какъ всѣ смотрѣли на него, какъ на раздавателя всякихъ милостей, то и привыкли подчиняться его страннымъ прихотямъ.

Холодностью онъ отвратилъ отъ себя почти всѣхъ иностранныхъ министровъ. Они считали его неприступнымъ, видѣлись съ нимъ неиначе какъ въ обществѣ. Только Кобенцель да Фитцъ-Гербертъ были съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ. Англійскій посолъ еще въ отечествѣ своемъ ужъ свыкся съ чудаками и не удивлялся выходкамъ князя. Какъ умный и ловкій человѣкъ, онъ умѣлъ быть съ нимъ запросто, никогда не нарушая приличій и всегда сохраняя собственное свое достоинство. Не таковъ былъ графъ Кобенцель. Не смотря на свой умъ и санъ, которымъ былъ облеченъ, онъ держался того мнѣнія, что въ политикѣ всѣ средства дозволены, лишь бы цѣль была достигнута, и потому въ угожденіи и внимательности къ князю превзошелъ самыхъ усердныхъ и преданныхъ его прислужниковъ. Я не могъ подражать ему. Къ тому же, я полагалъ, что чѣмъ менѣе мы были друзьями, тѣмъ болѣе должны были избѣгать развязности въ сношеніяхъ: кто насъ не любитъ, долженъ по крайней мѣрѣ уважать насъ. Свобода въ обращеніи хороша между людьми коротко знакомыми, иначе она смѣшна.

Я письменно просилъ князя дать мнѣ аудіенцію. Въ назначенный мнѣ день и часъ я явился, велѣлъ доложить о себѣ и сѣлъ въ пріемной залѣ, гдѣ со мною дожидалось нѣсколько Русскихъ вельможъ и графъ Кобенцель. Мнѣ было непріятно дожидаться. Прошло съ четверть часа, а дверь все еще не отворялась; я еще разъ велѣлъ доложить о себѣ. Мнѣ объявили, что князь еще не можетъ меня принять; тогда я сказалъ, что мнѣ некогда ждать, вышелъ къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ и преспокойно отправился домой. На другой день я получилъ отъ Потемкина письмо, въ которомъ онъ извинялся въ своей неисправности и назначалъ мнѣ новое свиданіе. Я явился къ нему и, на этотъ разъ, только что я вошелъ, какъ былъ тотчасъ же встрѣченъ княземъ; онъ былъ напудренъ, разодѣтъ, въ кафтанѣ съ галунами, и принялъ меня у себя въ кабинетѣ. Онъ обратился ко мнѣ съ обычными привѣтствіями и нѣсколькими незначительными вопросами. Въ его обращеніи замѣтна была какая-то принужденность. Когда я хотѣлъ было удалиться, онъ удержалъ меня. Ища предмета для разговора, онъ, по своему обыкновенію, началъ меня разспрашивать и, между прочимъ, съ

особеннымъ любопытствомъ заговорилъ объ Американской войнѣ, о важнѣйшихъ событіяхъ этой великой борьбы и о будущности новой республики. Онъ не вѣрилъ въ возможность существованія республики въ такихъ огромныхъ размѣрахъ. Его живое воображеніе безпрестанно переходило отъ предметовъ важныхъ къ самымъ незначительнымъ. Такъ какъ онъ очень любилъ ордена, то нѣсколько разъ бралъ въ руки, перевертывалъ и разсматривалъ мой орденъ Цинцинати и хотѣлъ непремѣнно знать, что̀ это за орденъ, какого братства или общества, кто его учредилъ и на какихъ правилахъ. Заговоривъ о любимомъ предметѣ, онъ цѣлый часъ почти толковалъ со мною о разныхъ Русскихъ и Европейскихъ орденахъ. Бесѣда наша не имѣла никакого особеннаго значенія; но такъ какъ она тянулась довольно долго (что́ было противъ правилъ князя), то въ городѣ объ этомъ заговорили, особенно дипломаты; они всегда въ такихъ случаяхъ пускаются въ догадки и рѣдко попадаютъ на правду. Впрочемъ они скоро нашли поводъ къ основательнѣйшимъ и болѣе справедливымъ толкамъ.

Въ Петербургѣ былъ тогда домъ, непохожій на всѣ прочіе: это былъ домъ оберъ-шталмейстера Нарышкина, человѣка богатаго, съ именемъ, которое прославлено родствомъ съ царскимъ домомъ. Онъ былъ довольно уменъ, очень веселаго характера, необыкновенно радушенъ и чрезвычайно страненъ. Онъ и не пользовался довѣріемъ Императрицы, но былъ у нея въ большой милости. Ей казались забавными его странности, шутки и его безпорядочный образъ жизни. Онъ никому не мѣшалъ; оттого ему все прощалось, и онъ могъ дѣлать и говорить многое, что̀ инымъ не прошло бы даромъ. Съ утра до вечера въ его домѣ слышались веселый говоръ, хохотъ, звуки музыки, шумъ пира; тамъ ѣли, смѣялись, пѣли и танцовали цѣлый день; туда приходили безъ приглашеній и уходили безъ поклоновъ; тамъ царствовала свобода. Это былъ пріютъ веселья и, можно сказать, мѣсто свиданія всѣхъ влюбленныхъ. Здѣсь, среди веселой и шумной толпы, вѣрнѣе удавалось тайкомъ пошептаться, чѣмъ на балахъ и въ обществахъ, связанныхъ внѣшнимъ приличіемъ. Въ другихъ домахъ нельзя было избавиться отъ вниманія присутствующихъ; у Нарышкина же за шумомъ нельзя было ни наблюдать, ни осуждать, и толпа служила покровомъ тайнѣ.

Я, вмѣстѣ съ другими дипломатами, часто ходилъ смотрѣть на эту забавную картину. Потемкинъ, который почти никуда не выѣжалъ, часто бывалъ у шталмейстера; только здѣсь онъ не чувствовалъ себя связаннымъ и самъ никого не безпокоилъ. Впрочемъ, на это была особая причина: онъ былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей Нарышкина. Въ этомъ никто не сомнѣвался, потому что онъ всегда сидѣлъ съ нею

вдвоемъ и въ отдаленіи отъ другихъ *). За ужиномъ онъ тоже не любилъ быть за общимъ столомъ, со всѣми гостями. Ему накрывали столъ въ особой комнатѣ, куда онъ приглашалъ человѣкъ пять или шесть изъ своихъ знакомыхъ. Я скоро попалъ въ число этихъ избранниковъ. Однако прежде нужно было удалить препятствія, мѣшавшія нашему сближенію. Съ своей стороны, Потемкинъ сталъ строже наблюдать правила вѣжливости, которыя иногда забывалъ, а я рѣшился требовать отъ него уваженія, должнаго моему сану. Разъ, напримѣръ, онъ пригласилъ меня на большой обѣдъ. Я и всѣ гости были парадно одѣты, а онъ явился попросту, въ сюртукѣ на мѣху. Мнѣ это показалось страннымъ, но такъ какъ никто не обращалъ на это вниманія, то и я не далъ замѣтить своего недоумѣнія. Однако, черезъ нѣсколько дней послѣ того, я въ свой чередъ пригласилъ его обѣдать и отплатилъ ему тѣмъ же, объяснивъ заранѣе прочимъ моимъ гостямъ, что̀ подало мнѣ поводъ къ тому. Князь тотчасъ понялъ, почему я такъ сдѣлалъ и послѣ этого обращался со мною такъ, какъ я желалъ. Я узналъ его нравъ: онъ любилъ, чтобы угождали его прихотямъ, но отплачивалъ за это высокомѣріемъ и презрѣніемъ, между тѣмъ какъ легкимъ сопротивленіемъ можно было снискать его уваженіе.

Не прошло мѣсяца, какъ исчезла холодность, водворившаяся между нами отъ взаимной осторожности въ обращеніи. Разъ, на вечерѣ у Нарышкина, прохаживаясь съ нимъ по комнатамъ, я навелъ разговоръ на два предмета, совершенно различные, но которыми я увѣренъ былъ, что займу его вниманіе. Сперва я говорилъ ему о новыхъ завоеваніяхъ Императрицы, о южныхъ областяхъ, подчиненныхъ его управленію, о прекрасномъ его намѣреніи довести торговлю на Югѣ до той степени, до какой она достигла на Сѣверѣ. Это составляло главную цѣль его честолюбія, и князь съ такимъ жаромъ предался разговору, что продлилъ его сверхъ моего ожиданія. Въ другой разъ, когда рѣчь зашла о Черномъ морѣ, Архипелагѣ и Греціи, мнѣ уже не трудно было, минуя вопросы политическіе, навести его на любимый предметъ и заговорить о причинахъ отдѣленія церкви Западной отъ Восточной. Тогда онъ повелъ меня въ кабинетъ, подсѣлъ ко мнѣ и съ видимымъ удовольствіемъ сталъ высказывать мнѣ свои обширныя свѣдѣнія о давнишнихъ, пресловутыхъ преніяхъ папъ съ патріархами, о соборахъ и мѣстныхъ, и вселенскихъ, наконецъ о всѣхъ этихъ преніяхъ, то важныхъ, то забавныхъ, а порой и кровавыхъ, которыя велись съ такимъ ожесточе-

*) Потемкинъ ухаживалъ за Марьей Львовной Нарышкиной, которая потомъ была за мужемъ за княземъ Любомирскимъ. Она пѣла и играла на арфѣ. Державинъ посвятилъ ей свою оду къ Эвтерпѣ. (Соч. его, изд. Академіи, т. I, стр. 300).

ніемъ, что паденіе Греческой имперіи и взятіе Константинополя Турками не могли ихъ прекратить, и что они длились среди грабежа и разгрома столицы *). Разговоръ этотъ продолжался до глубокой ночи. Я узналъ слабую струну князя, и съ этихъ поръ, казалось, онъ сталъ нуждаться во мнѣ. Часто приглашалъ онъ меня побесѣдовать съ нимъ о разныхъ дѣлахъ и особенно о проектахъ, предлагаемыхъ ему Французскими купцами; они старались доказать ему пользу и удобство торговыхъ сообщеній между Марселемъ и Херсономъ. Рѣшившись изгнать изъ бесѣдъ нашихъ всякое принужденіе, онъ разъ написалъ мнѣ, что желаетъ переговорить со мною кое-о-чемъ, но что болѣзнь мѣшаетъ ему встать и одѣться. Я отвѣчалъ, что немедленно явлюсь къ нему и прошу принять меня запросто, безъ чиновъ.

Въ самомъ дѣлѣ, я нашелъ его лежащимъ на постели, въ одномъ халатѣ и шальварахъ. Извинившись передо мной, онъ прямо сказалъ: «Любезный графъ, я искренно расположенъ къ вамъ, и если вы сколько-нибудь любите меня, то будемте друзьями и бросимъ всякія церемоніи». Тогда я присѣлъ на кровать, у его ногъ, взялъ его за руку и сказалъ: «Я съ удовольствіемъ соглашаюсь на это, любезный князь. Новое знакомство всегда нѣсколько связываетъ; но вы говорите о дружбѣ, а въ такомъ случаѣ должно устранить все, что̀ можетъ насъ связывать и обременять».

Всѣхъ удивило это неожиданное сближеніе, эта короткость между первымъ министромъ Екатерины и представителемъ двора, къ которому Императрица была явно нерасположена. Въ особенности дипломаты не знали, что̀ подумать объ этомъ. Безпокойный, пылкій графъ Гёрцъ напрасно старался вывѣдать поводъ и цѣль этого сближенія. Я ему откровенно объяснилъ въ чемъ дѣло; но онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы вопросы богословскіе или дѣла какихъ-нибудь купцовъ могли быть настоящими предметами нашихъ долгихъ, частыхъ бесѣдъ. Онъ былъ убѣжденъ, что дѣло шло о какихъ-либо важныхъ сдѣлкахъ между Австріею, Франціею и Россіею, во вредъ Пруссіи. Недоумѣніе и догадки этихъ искателей тайнъ тамъ, гдѣ тайны не было, часъ-отъ-часу возрастали. Потемкинъ, вѣроятно, сообщилъ Императрицѣ самое выгодное мнѣніе обо мнѣ. День-ото-дня Императрица принимала меня съ бо́льшею любезностью и внимательностью; исчезла холодность министровъ; придворные брали съ нихъ примѣръ. Хотя остуда между нашимъ кабинетомъ и Петербургскимъ нисколько не прекращалась, но общество обманулось на этотъ счетъ, когда замѣтило, что Француз-

*) (Т. е. Константинополя Крестоносцами).

скаго посла осыпаютъ похвалами, ласками, внимательностью, которыми прежде исключительно пользовались представители дружественныхъ державъ, Кобенцель и Фитцъ-Гербертъ.

Скоро почувствовалъ я вліяніе этой перемѣны сперва въ незначительныхъ, потомъ и въ болѣе важныхъ дѣлахъ. Незадолго до моего пріѣзда, изъ Россіи были высланы три Француза, и Русское правительство даже не извѣстило объ этомъ Колиньера, тогдашняго нашего повѣреннаго въ дѣлахъ. Онъ, по долгу своему, выразилъ Русскому правительству сожалѣніе, но въ осторожныхъ выраженіяхъ, зная, что эта мѣра строгости имѣла свои достаточныя причины. Министры отвѣчали ему неопредѣленно и неудовлетворительно; въ то время они какъ будто нарочно пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы сдѣлать намъ непріятность. Правда, что тогда въ Россію пріѣзжало множество негодныхъ Французовъ, развратныхъ женщинъ, искателей приключеній, служанокъ, лакеевъ, которые ловкимъ обращеніемъ и умѣньемъ изъясняться скрывали свое званіе и невѣжество. Но этому не было виною наше правительство. Всѣ эти люди никѣмъ не были покровительствуемы, не имѣли никакихъ бумагъ, кромѣ паспортовъ, которые повсюду выдаются лицамъ низшихъ сословій, если они не преступники и покидаютъ отечество съ тѣмъ, чтобы торгомъ или трудомъ добыть въ чужомъ краю средствъ существованія. Скорѣе можно было винить Русскихъ, потому что они съ непонятною безпечностью принимали къ себѣ въ домà и даже довѣряли свои дѣлà людямъ, за способности и честность которыхъ никто не ручался. Любопытно и забавно было видѣть, какихъ странныхъ людей назначали учителями и наставниками дѣтей въ иныхъ домахъ въ Петербургѣ и особенно внутри Россіи. Если иногда обманъ открывался, и такихъ господъ выгоняли, сажали въ тюрьму или ссылали, то они не могли жаловаться Французскому посланнику: онъ не обязанъ былъ оказывать имъ покровительство. Но другое дѣло было съ тремя изгнанными тогда Французами; всѣ трое были люди извѣстные и достойные, и въ томъ числѣ, племянникъ герцога де Г. былъ даже представленъ ко двору. Одинъ изъ этихъ Французовъ, чрезвычайно вспыльчивый и взбалмочный, въ припадкѣ гнѣва, обругалъ и прибилъ другого, который отомстилъ ему низкимъ доносомъ о предметѣ, нисколько не касавшемся ихъ спора и подписаномъ, по преступной слабости, третьимъ, о которомъ я упомянулъ выше. Императрица, узнавъ черезъ оберъ-полицмейстера объ этой дракѣ и ложномъ доносѣ, велѣла выслать всѣхъ троихъ изъ Россіи. Этотъ приговоръ былъ строгъ, но справедливъ, и я бы не могъ вмѣшаться въ это дѣло, если бы Колиньеру не отказали сообщить требуемаго имъ объясненія. Поэтому я счелъ нужнымъ представить Русскимъ министрамъ неприличіе этого

поступка, противнаго взаимному вниманію, которое оказываютъ другъ другу два двора для поддержанія согласія между собою. Затѣмъ я требовалъ, чтобы жалоба моя была представлена Императрицѣ. Спустя нѣсколько дней послѣ того, Государыня удовлетворила меня вполнѣ, приказавъ вице-канцлеру объяснить мнѣ причины ея строгой мѣры и увѣрить меня, что впредъ не будетъ рѣшать такихъ дѣлъ, не предваривъ меня. Въ самомъ дѣлѣ, съ этихъ поръ слова ея были исполняемы въ точности.

Кстати я разскажу исторію объ одномъ ловкомъ и нагломъ плутѣ, чтобы показать степень неблагоразумія Петербуржцевъ, людей самыхъ гостепріимныхъ въ мірѣ, принимавшихъ безъ разбору иностранцевъ. Этотъ смѣлый обманщикъ называлъ себя, помнится, *графомъ де-Вернелемъ*. Онъ, повидимому, былъ богатъ и нѣсколько лѣтъ путешествовалъ. Онъ увѣрялъ, что, не имѣвъ прежде намѣренія быть въ Россіи, не взялъ съ собою никакихъ бумагъ, нужныхъ для предъявленія нашему посольству, и показывалъ только какія-то неважныя письма, будто бы писанныя къ нему какими-то Нѣмецкими или Польскими дамами. Онъ хорошо говорилъ, былъ недуренъ собою, забавенъ, мило пѣлъ и игралъ и потому, какъ мнѣ разсказывали, втерся въ лучшее Петербургское общество. Ему все удавалось, и все шло успѣшно. Но скоро въ одномъ домѣ замѣтили пропажу столовыхъ приборовъ, въ другомъ пропали часы, тамъ табакерки и драгоцѣнныя вещицы. Такъ какъ эти вещи исчезали именно въ тѣхъ домахъ, гдѣ бывалъ этотъ модный плутъ, то его стали подозрѣвать; объ немъ стали поговаривать; наконецъ на него донесли, хотѣли его схватить, но онъ скрылся. Тогда въ Россіи паспорты предъявлялись только при переѣздѣ черезъ границу; внутри же Россіи всякій могъ безпрепятственно и свободно разъѣзжать отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отъ Борисѳена и Двины до Амура, отдѣляющаго Китай отъ Россіи, и до самой Камчатки. Только, если кто-либо хотѣлъ выѣхать въ чужіе края изъ Петербурга, то долженъ былъ свой паспортъ вытребовать за восемь дней до отъѣзда, чтобы между тѣмъ можно было объявить о выѣзжающемъ кредиторамъ и предохранить ихъ отъ обмана. Самозванецъ-графъ, разумѣется, не могъ исполнить этихъ правилъ. Онъ о нихъ и не заботился и, поѣхавъ наавось, достигъ границы безо всякаго вида. Тутъ онъ остановился въ гостиницѣ, пѣшкомъ отправился къ мѣстному начальнику, сказалъ свое имя и велѣлъ о себѣ доложить. Лакей отвѣчалъ ему, что генералъ только-что всталъ, одѣвается и проситъ его подождать. Черезъ нѣсколько минутъ графъ нашъ начинаетъ сердиться, кричать и браниться, называетъ губернатора невѣжею и объясняетъ, что онъ не выѣхалъ бы изъ Польши, если бы зналъ, что въ Россіи встрѣтитъ только

варваровъ, грубыхъ лакеевъ и невоспитанныхъ губернаторовъ. Лакей тотчасъ же отправился къ его превосходительству и разсказалъ ему, что пришедшій иностранецъ расходился и бранитъ его такъ и такъ. Губернаторъ, вышедшій изъ себя, велѣлъ схватить дерзкаго незнакомца, посадить его немедленно въ кибитку и высадить на Польскую землю, о которой онъ такъ сожалѣлъ. Приказаніе немедленно было исполнено; а не прошло трехъ часовъ, какъ курьеръ изъ Петербурга привезъ губернатору повелѣніе захватить мошенника.

Теперь возвратимся къ политикѣ. Исполняя данныя мнѣ наставленія, я дѣятельно старался разузнать настоящія намѣренія Русскаго правительства относительно дѣлъ, важныхъ для нашего двора. Все, что говорилъ мнѣ Штакельбергъ *) въ Варшавѣ, оправдывалось совершенно. То, что я слышалъ отъ многихъ лицъ, достойныхъ довѣрія, послужило мнѣ доказательствомъ, что Императрица, несмотря на участіе, съ которымъ она, казалось, приняла предложеніе объ обмѣнѣ Баваріи, нисколько не желала способствовать распространенію Австрійскихъ владѣній и ослабить черезъ это вліяніе свое на Германію. О несогласіяхъ Іосифа II съ Голландіею думали иначе; Потемкинъ желалъ, чтобы они продлились долѣе: онъ надѣялся между тѣмъ исполнить преднамѣренныя имъ завоеванія въ Турціи. Онъ предвидѣлъ ясно, что Франція, начавъ войну съ императоромъ, уже не можетъ препятствовать честолюбивымъ видамъ Екатерины на Востокѣ.

Скоро стало извѣстно, что Императрица снаряжаетъ въ Черномъ морѣ пять линейныхъ кораблей и восемнадцать фрегатовъ. Она была недовольна Англичанами, потому что они не раздѣляли ея политическихъ плановъ. Питтъ былъ лично нерасположенъ къ ней; онъ не могъ допустить владычества великой морской державы на Востокѣ. Къ тому же Императрица провозглашеніемъ началъ вооруженнаго нейтралитета посѣяла сѣмена раздора между Англіею и Россіею. Англичане уже стали опасаться потерять торговыя выгоды, исключительно имъ предоставленныя въ Россіи. Посланникъ ихъ дѣятельно старался удалить опасность; Англійскіе купцы, расточая подарки и услуги, нашли возможность увеличить въ Петербургѣ количество вывоза товаровъ и уменьшить привозъ ихъ; съ другой стороны, они грозили Русскимъ министрамъ и купцамъ, что если стѣсненія будутъ продолжаться, то они замедлятъ ходъ торговли и лишатъ сбыта Русскіе товары. Въ самомъ дѣлѣ, Англійскіе негоціанты образовали въ Петербургѣ цѣлую

*) Графъ Отто Магнусъ Штакельбергъ, род. 6 Февраля 1786 г., ум. 1799 г., въ то время Русскій посолъ въ Варшавѣ.

грозную колонію. Разбогатѣвъ торговыми оборотами и находясь подъ покровительствомъ своего благоразумнаго правительства, которое не потворствуетъ частнымъ выгодамъ, а имѣетъ всегда въ виду общее благо, они до того размножили свои заведенія и домà, что занимали въ Петербургѣ цѣлый кварталъ называемый Англійскою линіею [1]). Ихъ, соединяла общая выгода; они имѣли правильныя совѣщанія старшинъ хорошій уставъ и всегда другъ друга поддерживали. Они сообща устанавливали на цѣлый годъ смѣту торговыхъ оборотовъ, опредѣляли цѣнность товаровъ и даже вексельный курсъ. При продажѣ товаровъ своихъ Русскимъ, они предоставляли имъ кредитъ на восемнадцать мѣсяцевъ, а сами покупали у нихъ на чистыя деньги пеньку, мачтовый лѣсъ, сало, воскъ и пушной товаръ. Вотъ какова была сила, съ которою я долженъ былъ бороться въ странѣ, гдѣ было лишь нѣсколько одинокихъ нашихъ купцовъ и одинъ значительный торговый домъ Рембера (Raimbert), который съ трудомъ и ловкостью держался среди нападокъ и препятствій всякаго рода. Русскіе считали торгъ съ Англичанами необходимымъ для сбыта своихъ произведеній и находили мало выгодъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Французами, которые покупали у нихъ мало, а продавали много и дорого.

Когда Англичане, пугая Русскихъ, остановили запросъ на пеньку, я, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, присовѣтовалъ нашимъ министрамъ потребовать пеньки на большую сумму. Но мой совѣтъ исполненъ поздно и невполнѣ. Петербургскіе Англичане вредили намъ даже во Франціи. Купцы Нантскіе и Бордосскіе, обманутые ихъ выгодными предложеніями и опасаясь переѣздовъ и таможень, поручали Англичанамъ и Голландцамъ перевозку своихъ товаровъ въ Россію. Мы почти исключительно снабжали Россію кофеемъ, сахаромъ и виномъ; но, пользуясь нашею безпечностью, иностранцы лишали насъ большой прибыли и вмѣстѣ съ тѣмъ умножали свои морскія силы, которыя впослѣдствіи обратили противъ насъ же. Этою перевозкою занято было ежегодно до 2.000 судовъ, между тѣмъ какъ въ Русскіе порты входило не болѣе 20 Французскихъ. Выгоды положенія Англичанъ дѣлали ихъ иногда до того требовательными, что они начали надоѣдать графу Воронцову [2]), что̀ я замѣтилъ изъ его разговора. Но онъ былъ еще сильно къ нимъ приверженъ, и я выжидалъ благопріятнѣйшихъ обстоя-

---

[1]) Здѣсь разумѣется, вѣроятно, Англійская набережная.

[2]) Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, братъ извѣстной княгини Е. Р. Дашковой, род. 4 Сентября 1744 г., былъ министромъ въ Англіи въ 1762 г., а послѣ того въ Голландіи; потомъ сенаторомъ и президентомъ коммерцъ-коллегіи; при императорѣ Александрѣ канцлеромъ, ум. 2 Декабря 1805 г.

тельствъ, чтобы разочаровать его. Мнѣ легче было преклонить къ себѣ князя Потемкина, потому что Англичане явно противодѣйствовали его видамъ относительно торговаго сообщенія между Херсономъ и Марселемъ.

Со дня на день Императрица становилась со мнѣ благосклоннѣе. На большомъ балу у графа Разумовскаго [1]), она пригласила меня играть съ нею, долго говорила и была особенно ласкова. Это меня ободрило, и я сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Я жаловался Безбородку и Остерману [2]) на проволочку дѣла объ удовлетвореніи Марсельскихъ купцовъ. Я повторилъ имъ, въ чемъ состоятъ наши требованія, и доказалъ имъ основательность ихъ. Потомъ я старался объяснить имъ, что если они откажутъ намъ въ справедливомъ удовлетвореніи или замедлятъ его, что̀ будетъ равносильно отказу, то нарушатъ высокія правила, начертанныя Государынею при объявленіи вооруженнаго нейтралитета. Министры извинялись въ общихъ выраженіяхъ, ссылаясь на то, что разстоянія огромны, и что поэтому трудно получать вѣрныя свѣдѣнія и произвести надлежащую оцѣнку, что много и другихъ затрудненій. Впрочемъ, они обѣщали рѣшить это дѣло вскорѣ, но это обѣщаніе было не разъ сдѣлано и моимъ предшественникамъ. Я написалъ Верженю и предложилъ ему принять болѣе дѣйствительныя мѣры для окончанія этого дѣла и даже грозить возмездіемъ, если Русское правительство не вознаградитъ насъ выгодами, какія могъ бы намъ доставить торговый трактатъ съ Россіею. Я старался даже довести до свѣдѣнія министровъ мое собственное мнѣніе по этому дѣлу и впослѣдствіи узналъ, что моя настойчивость нисколько не возбудила негодованія Императрицы, но, напротивъ того, понравилась ей. Впрочемъ, зная Государыню, я былъ въ этомъ увѣренъ заранѣе.

Находясь по этому случаю въ частыхъ сношеніяхъ съ Русскими министрами и познакомясь съ нѣсколькими приближенными къ нимъ лицами, я имѣлъ возможность развѣдать ихъ образъ мыслей, который они тщательно скрывали. Они не раздѣляли политическихъ мнѣній князя Потемкина и не любили его. Они искренно желали мира, потому что война и завоеванія не представляли имъ никакихъ личныхъ выгодъ, напротивъ того затрудняли ходъ ихъ дѣлъ и были гибельны для всего государственнаго состава. Воронцовъ опасался, чтобы война не прервала торговыхъ сношеній; Безбородко предвидѣлъ многочисленныя препятствія въ дѣлахъ дипломатическихъ, и всѣ онѣ боялись возрастанія могущества Потемкина. Дворяне, нисколько не желая завоеванія

---

[1]) Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, род. 1728 г., ум. 1808 г.

[2]) Какъ лицамъ, завѣдывавшимъ иностранными дѣлами.

какихъ-нибудь степей, знали только, что понесутъ новыя тяжкія повинности, необходимыя для умноженія арміи. Только нѣкоторые генералы и молодые офицеры желали войны, сулившей имъ славу и награды. Большинство скрывали свои мысли, опасаясь лишиться благосклонности Государыни. Приближенные къ ней особы боялись представить ей откровенно, какъ опасенъ былъ тогда ея химерическій замыселъ возстановленія Греческой имперіи.

Я скоро замѣтилъ, что хотя министры видимо оказывали болѣе вниманія къ Кобенцелю и Фитцъ-Герберту, чѣмъ ко мнѣ, они однако же рады были моей пріязни съ княземъ Потемкинымъ. Они были увѣрены, что, слѣдуя политикѣ моего двора, я воспользуюсь этою пріязнію, чтобы умѣрить пылъ князя и постараюсь расположить его къ миру, представивъ ему на видъ, что первенствующія Европейскія державы будутъ дружно сопротивляться исполненію его замысловъ, грозившихъ нарушить всеобщее спокойствіе Европы. Прусскій министръ, хотя и не могъ дѣйствовать въ мою пользу своими настояніями, однако долженъ бы былъ помогать мнѣ совѣтами и сообщеніемъ разныхъ свѣдѣній; но нравъ его былъ таковъ, что онъ больше вредилъ мнѣ, чѣмъ помогалъ. Своею поспѣшностью и безпокойствомъ онъ совершенно оправдывалъ то, что̀ король Фридрихъ сказалъ мнѣ о немъ: онъ безъ разбора вѣрилъ всѣмъ ложнымъ извѣстіямъ, какія ему удавалось слышать отъ людей недовольныхъ. Вмѣсто того, чтобы радоваться моему сближенію съ Потемкинымъ, онъ сталъ меня подозрѣвать и вообразилъ себѣ, что мы хотимъ предать Голландію императору, а Турокъ Екатеринѣ. Ежеминутно ожидалъ онъ объявленія всеобщей войны. Съ другой стороны, Потемкинъ, объясняя въ пользу своихъ замысловъ высказанное мной желаніе сблизить Францію съ Россіею, надѣялся завлечь насъ въ свою систему и изрѣдка намекалъ мнѣ о раздѣлѣ земель, которыми владѣютъ мусульмане или, лучше сказать, которыя они опустошаютъ.

Я не могъ соглашаться съ этими предположеніями, потому что они были совершенно противны мирнымъ намѣреніямъ моего короля, и, не давая дѣльнаго отвѣта, обращалъ намеки князя въ шутку. Незамѣтнымъ образомъ отклонилъ я его вниманіе отъ этого предмета и разговаривалъ о средствахъ къ оживленію торговли полуденной Россіи. Получивъ почти неограниченную власть надъ южными областями имперіи и желая сравнять ихъ съ сѣверными, онъ не могъ не признать несомнѣнной истины, что мы одни только можемъ открыть пути для сбыта произведеній этого огромнаго, но почти пустыннаго края, который Государыня поручила ему населить, просвѣтить, обогатить и подчинить правильному устройству. Со дня на день онъ говорилъ мнѣ объ

этомъ все съ бо́льшимъ жаромъ, откровенностью и довѣрчивостью. Наконецъ, онъ выразилъ даже готовность, если бы я этого пожелалъ, заключить частный договоръ о торговлѣ между южными областями Россіи и Франціи. Но чѣмъ охотнѣе выказывалъ онъ свою готовность заключить такой частный договоръ, тѣмъ упорнѣе отклонялъ я это намѣреніе. Вержень былъ слишкомъ тонокъ, чтобы согласиться на это; потому что, если бы мы дались въ обманъ, то лишились бы надежды заключить общій торговый договоръ: Потемкинъ, удовлетворивъ требованіямъ подвѣдомыхъ ему областей, не сталъ бы много заботиться о прочихъ и оставилъ бы меня безъ помощи, а безъ его содѣйствія я бы встрѣтилъ непреодолимыя препятствія и не сладилъ бы съ ловкимъ Фитцъ-Гербертомъ и дѣятельными Англійскими купцами. Было бы слишкомъ невыгодно для Франціи, при невозможности пользоваться сѣверною торговлею, которою овладѣли Англичане, довольствоваться южнымъ краемъ, гдѣ ничего еще не было устроено.

Мнѣ нужно было доказать князю, что торговое развитіе подвѣдомственныхъ ему южныхъ областей зависитъ отъ союза съ нами и отъ заключенія торговаго трактата, и тогда я могъ надѣяться, что, при первомъ удобномъ случаѣ, онъ поможетъ мнѣ своимъ вліяніемъ. Вотъ что я ему говорилъ: «Такъ какъ вы сознаете пользу всеобщаго обмѣна и невыгоду исключительныхъ преимуществъ въ торговлѣ, то зачѣмъ же вы допускаете монополію нѣкоторыхъ народовъ, такъ что Россія, а равно и Франція, получаютъ изъ вторыхъ рукъ товары, которые можно было бы обмѣнивать непосредственно? Мы желаемъ только, чтобы формальный общій договоръ установилъ равенство взаимныхъ правъ и преимуществъ: тогда купцы наши, въ увѣренности найти праведный судъ и вознагражденіе въ случаѣ убытковъ, были бы поощрены и не опасались гибельнаго для нихъ превосходства народа, который пользуется исключительнымъ покровительствомъ».

«Но какъ же вы хотите, возражалъ князь, чтобы мы пошли наперекоръ насущныхъ нуждъ нашихъ купцовъ и помѣщиковъ? Требованія Англичанъ на наши товары очень велики, а съ вашей стороны они незначительны, и потому у насъ вообще полагаютъ, что союзъ съ вами скорѣе послужитъ намъ во вредъ, чѣмъ въ пользу, и что намъ некуда будетъ сбывать наши товары, если прервутся сношенія съ Англіею. Британское правительство поддерживаетъ, оживляетъ, поощряетъ свою торговлю и нашу; ваше правительство въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ вяло, беззаботно. Ваши купцы робки, непредпріимчины, у васъ здѣсь всего одинъ надежный торговый домъ, и народъ нашъ почти не знаетъ вашихъ негоціантовъ».

На это я старался доказать ему, что незначительность нашей торговли въ Россіи есть необходимое послѣдствіе невыгодныхъ для нея учрежденій. «Безразсудно было бы, прибавилъ я, нашимъ купцамъ пускаться въ торговлю въ странѣ, гдѣ правительство своимъ тарифомъ доставляетъ до 12½ процентовъ прибыли ихъ соперникамъ. Давая такія несправедливыя преимущества во вредъ намъ и самимъ себѣ, вы подражаете Португальцамъ и въ отношеніи къ Англіи ставите себя въ положеніе колоніи, зависящей отъ своей метрополіи. Преимуществами которыя вы ей предоставляете, вы до такой степени подчиняетесь ей, что ваши купцы и помѣщики, какъ вы сами сказали, не могутъ обойтись безъ нея. Но рѣшитесь разорвать эти роковыя преграды, и вы увидите, какія выгоды доставитъ вамъ соревнованіе народовъ, которые станутъ покупать ваши произведенія. Вы напрасно считаете нашу торговлю незначительною: она сильна и обширна въ Индіи, Америкѣ, Африкѣ, во всѣхъ портахъ Европы, кромѣ Русскихъ, гдѣ не даютъ ей ходу ваши торговыя постановленія».

Эти доводы, кажется, подѣйствовали на князя, но еще не убѣдили его окончательно. Однако мы условились переговорить объ этомъ дѣлѣ основательнѣе и тайкомъ, потому что въ ту минуту обстоятельства еще не довольно выяснились. Съ другой стороны я не могъ предпринимать рѣшительныхъ мѣръ, потому что, въ случаѣ отказа, потерпѣло бы достоинство короля. На всякій случай я извѣстилъ Верженя объ этомъ разговорѣ и, чтобы знать, какъ мнѣ дѣйствовать впередъ, просилъ его увѣдомить меня предварительно, согласится ли король, въ случаѣ заключенія договора, принять правила вооруженнаго нейтралитета, сбавить пошлины на Русскія кожи, освободить Русскія суда въ Марсели отъ двадцатипроцентнаго сбора, закупать ежегодно значительное количество пеньки, конопли и солонины для Французскаго флота, и захотятъ ли наши генеральные арендаторы (fermiers-généraux) забрать на большую сумму Украинскаго табаку, за доброту котораго здѣсь поручатся; наконецъ, если соглашеніе будетъ основываться на утвержденіи взаимныхъ преимуществъ, то уполномочитъ ли меня его величество заключить договоръ, на возможность котораго я уже разсчитываю до нѣкоторой степени?

Въ концѣ Апрѣля 1786 года я испросилъ себѣ у Императрицы аудіенцію, чтобы вручить ей письмо короля, съ извѣстіемъ о рожденіи герцога Нормандскаго, несчастнаго ребенка, второго сына короля, который, по смерти старшаго, едва лишь сталъ наслѣдникомъ престола, какъ былъ заключенъ въ темницу, гдѣ смерть сразила его въ цвѣтѣ лѣтъ *). Императрица на этотъ разъ снова была ко мнѣ весьма благо-

*) Въ 1793 году, послѣ казни Людовика XVI, Французскіе эмигранты и Европей-

склонна и удостоила довольно продолжительнымъ разговоромъ. Вскорѣ послѣ того вице-канцлеръ объявилъ мнѣ отъ имени Государыни, что она желаетъ, чтобы съ Французами обращались въ Россіи также, какъ обращаются съ ея подданными, что она противъ воли должна была строго наказать троихъ изъ моихъ соотечественниковъ, и что если впредъ представится такой же непріятный случай, то меня немедленно предувѣдомятъ о томъ. Въ тоже время пришло извѣстіе, что Турки подвигали войска къ Силистріи и Украйнѣ; это встревожило Русскихъ и дало основательный поводъ къ жалобамъ со стороны Австрійцевъ. Графъ Остерманъ говорилъ мнѣ объ этомъ съ недовольнымъ видомъ и сказалъ, что дѣятельность этихъ варваровъ ясно доказываетъ, что имъ *подаютъ совѣты и подстрекаютъ*. Я увѣрялъ его, что политика нашего правительства миролюбива и пряма, что мы никогда никого *не подстрекаемъ*, а стараемся только удерживать алчныхъ къ завоеваніямъ и угрожающихъ спокойствію Европы. «Я желалъ бы повѣрить этому, отвѣчалъ вице-канцлеръ, потому что мы не можемъ понять, для чего Франція старается образовывать, обучать и сдѣлать опасными варваровъ, издавна бывшихъ грозою Европы?» Я отвѣчалъ, улыбаясь, что, при безсиліи ихъ, мы только желаемъ имъ покоя, и если кто-нибудь его нарушитъ, то возникнутъ раздоры между Европейскими державами.

Графъ Остерманъ не имѣлъ большого вѣса, стало быть и слова его немного значили. Но вскорѣ самъ Потемкинъ сказалъ мнѣ почти тоже: «Дивлюсь, сказалъ онъ, какимъ образомъ просвѣщенные, тонкіе, любезные Французы съ такою настойчивостью поддерживаютъ варварство и чуму? Какъ вы полагаете: если бы такіе сосѣди ежегодно вторгались къ вамъ, грабили, заносили язву и уводили бы сотни христіанъ въ рабство, а мы бы стали препятствовать ихъ изгнанію, каково бы вамъ это показалось?»

Чтобы соединить мое собственное мнѣніе съ чувствомъ долга, я отвѣчалъ, что, разумѣется, должно желать разсѣянія невѣжества и распространенія просвѣщенія по всему земному шару. «Но, присовокупилъ я, варварство и чума не единственные бичи человѣчества; я могу на-

---

скія державы провозгласили герцога Нормандскаго (род. 27 Марта 1786 г.) королемъ Франціи подъ именемъ Людовика XVII; въ 1795 г. онъ умеръ въ тюрьмѣ. (Екатерина послала для него Маріи Антуанетѣ дѣтское платье, которое было ею придумано, когда Александръ Павловичъ былъ младенцемъ. Такое же было ею послано въ Швецію для будущаго Густава IV-го, и такое же получила отъ нея графиня А. В. Браницкая для своего сына; оно хранится въ Одессѣ, въ приморскомъ домѣ графини Е. А. Воронцовой-Дашковой, въ той комнатѣ, гдѣ бумаги „Архива Князя Воронцова“).

звать другіе, не менѣе разрушительные—это честолюбіе и алчность къ завоеваніямъ. Если бы главнѣйшія Европейскія державы, дѣйствуя совокупно и безъ всякой корыстной цѣли, имѣли въ виду лишь общее благо, захотѣли водворять просвѣщеніе по берегамъ Африканскимъ, въ Тунисѣ и Алжирѣ, въ странахъ, которыя нѣкогда процвѣтали, а теперь опустошаются дикими магометанами, это былъ бы подвигъ, достойный похвалы. Но объ этомъ нечего и думать; это также несбыточно, какъ вѣчный миръ, воображаемый аббатомъ Сенъ-Пьерромъ *). Правительство наше старается обезпечить спокойствіе Турокъ для того только, чтобы не нарушить равновѣсія Европы».

«Такъ зачѣмъ же они насъ тревожатъ? возразилъ князь; по моему мнѣнію, если видимо, что сосѣди заняты грозными приготовленіями къ войнѣ, то должно предупредить зло, напасть на нихъ и обезсилить по крайней мѣрѣ лѣтъ на двадцать».

Это возраженіе было бы хорошо, если бы оно было искренно. Но вспомнимъ, что въ то время Русскіе уже владѣли Крымомъ, перешли на Кавказъ, приближались къ Турціи черезъ Грузію и потому, не безъ причины, внушали опасеніе Турецкому правительству. Впрочемъ, такъ какъ изъ Вѣны было получено извѣстіе о дипломатическихъ совѣщаніяхъ въ Парижѣ для примиренія Голландіи съ Австріей, поводъ къ войнѣ устранился и Прусскій король былъ успокоенъ, то Екатерина оставила или, по крайней мѣрѣ, отложила на время намѣреніе безпрепятственно завоевать Турцію.

Съ этой поры Потемкинъ, въ частыхъ разговорахъ со мною, высказывалъ скорѣе опасеніе, чѣмъ желаніе войны. Онъ сказалъ мнѣ, что Русская армія состояла изъ 230.000 человѣкъ строевого и 300.000 вольнаго войска. Но я узналъ изъ довольно достовѣрныхъ источниковъ, что она далеко не достигала такой полноты, что подчиненность въ ней и обученіе были въ небрежности, что, при беззаботности князя, полковые командиры наживались, такъ что даже не скрывали этого и считали дѣломъ совершенно естественнымъ и законнымъ получать такимъ способомъ отъ 20 до 25 т. ежегодной прибыли. Наконецъ, еще одно обстоятельство должно было, повидимому, умѣрить честолюбіе Екатерины: торговля и земледѣліе не были еще довольно производительны, потому и доходы недостаточны, и Россія въ этомъ году должна была сдѣлать заемъ въ Голландіи.

---

*) Аббатъ Сенъ-Пьерръ (Saint-Pierre) род. 1658 г., ум. 1743 г., замѣчательный публицистъ и филантропъ, написалъ, между прочимъ Projet de paix universelle, изд. въ 1713 году.

Между тѣмъ маршалъ де-Кастри *) предупреждалъ меня о скоромъ прибытіи въ Кронштадтъ фрегата съ нѣсколькими королевскими судами, чтобы купить въ Россіи и доставить во Францію разные запасы для флота. По этому случаю меня ожидали новые переговоры и хлопоты, такъ какъ за годъ предъ тѣмъ такіе же суда, прибывъ въ Ригу, отказались отъ платежа требуемыхъ пошлинъ и уѣхали, не внеся ихъ. Но впослѣдствіи, несмотря на сопротивленіе консула, заставили Французскихъ купцовъ выплатить требуемую сумму. Другіе народы берутъ товары только на торговыя суда; мы же ошибочно полагаемъ, что наши казенныя суда съ товарами могутъ пользоваться исключительными правами, въ сущности подобающими только военнымъ судамъ.

Вержень, сообразуясь съ ходомъ дѣлъ, предписывалъ мнѣ при встрѣчѣ съ Потемкинымъ по возможности избѣгать толковъ о политикѣ; онъ желалъ, чтобы предметомъ нашихъ разговоровъ были дѣла торговыя. Но мнѣ совершенно невозможно было предписать себѣ въ этомъ отношеніи тѣсныя границы; переходъ отъ одного предмета къ другому неизбѣженъ. Напримѣръ, я жаловался князю на невниманіе другихъ Русскихъ министровъ къ нашимъ торговымъ дѣламъ. На это онъ сказалъ мнѣ: «Холодность эта происходитъ оттого, что они не увѣрены въ искренности вашего желанія сблизиться съ нами; они совершенно увѣрены, что вы подстрекаете Турокъ къ войнѣ». «Мы вовсе ихъ не подстрекаемъ, отвѣчалъ я; но мы можемъ потерять всякое политическое вліяніе, если, зная о вашихъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ и въ Грузіи, о дѣятельномъ вооруженіи войскъ и недружелюбномъ поведеніи вашихъ консуловъ въ Архипелагѣ, мы не станемъ совѣтовать Портѣ думать объ оборонѣ и не довѣряться слѣпо вашимъ мирнымъ увѣреніямъ».

«Намъ приписываютъ предпріятія, о которыхъ мы и не помышляемъ, отвѣчалъ князь; я знаю, что распускаютъ ложные слухи о возстановленіи Греческой имперіи, о будущемъ назначеніи и судьбѣ великаго князя Константина. Меня представляютъ какимъ-то алчнымъ завоевателемъ, вѣчно возбуждающимъ къ войнѣ. Все это выдумки. Я очень хорошо знаю, что разрушеніе Турецкой имперіи есть дѣло безумное; оно потрясетъ всю Европу. Къ тому же, если бы въ самомъ дѣлѣ мы имѣли такое намѣреніе, то развѣ не согласились бы прежде съ Франціею? Но будьте увѣрены, что теперь мы ничего не желаемъ, кромѣ мира. Можете ли вы сказать тоже, дѣйствуя за Турокъ даже и тогда, когда ихъ еще не трогаютъ. Для чего недавно еще вы послали въ

*) Charles de la Croix, marquis de Castries (1727—1802), былъ Французскимъ военнымъ министровъ и съ 1783 г. маршаломъ.

Константинополь инженера и офицеровъ Французской арміи, которые только и толкуютъ, что о войнѣ?»

Я отвѣчалъ: «Ваши грозныя приготовленія въ Крыму, вооруженіе эскадры, которая въ тридцать шесть часовъ можетъ явиться подъ Константинополемъ, такъ же какъ ваши дѣйствія въ Азіи, заставляютъ насъ, какъ союзниковъ Турокъ, совѣтывать имъ предпринять нужныя мѣры, чтобы стать въ оборонительное и грозное положеніе». «Хорошо, сказалъ Потемкинъ; я готовъ письменно завѣрить васъ, что мы не затронемъ Турокъ; но помните, что если они нападутъ на насъ, то быть войнѣ, и мы пойдемъ какъ можно далѣе». «Если вы хотите только мира, возразилъ я, то имѣете вѣрное средство достигнуть его сближеніемъ съ нами. Когда мы станемъ дѣйствовать согласно, то нашего вліянія будетъ достаточно, чтобы поддержать спокойствіе въ Европѣ».

Между тѣмъ какъ я, по долгу своему, старался указывать министрамъ Екатерины тѣ неодолимыя препятствія, которыя Государыня ихъ должна будетъ встрѣтить прежде, нежели овладѣть Константинополемъ, Потемкинъ, не переставая увѣрять, что Императрица не желаетъ войны, доказывалъ мнѣ, что если она вынуждена будетъ начать ее, то легко и скоро достигнетъ своей цѣли. «Вы хотите, говорилъ онъ мнѣ, поддерживать государство, готовое къ паденію, громаду, близкую къ разстройству и разрушенію. Изнѣженные, развращенные Турки могутъ убивать, грабить, но не могутъ сражаться. Для побѣды надъ ними не нужно даже много искусства; въ продолженіе сорока лѣтъ въ каждую войну они впадаютъ въ тѣже ошибки и терпятъ постоянный уронъ. Они не умѣютъ пользоваться уроками опыта. Въ суевѣрной гордости приписываютъ они наши побѣды какому-то злому духу, который передаетъ намъ свое знаніе, свои изобрѣтенія и умѣнье вести войну; причиною же ихъ пораженій—одинъ Аллахъ, карающій ихъ за грѣхи. При первомъ воззваніи къ войнѣ толпы ихъ выступаютъ изъ Азіи, приближаются въ безпорядкѣ и истребляютъ въ одинъ мѣсяцъ весь запасъ продовольствія, заготовленный на полгода. Пятисотъ-тысячное войско стремится, какъ рѣка, выступившая изъ береговъ. Мы идемъ на нихъ съ арміею изъ 40 или 50 тысячъ человѣкъ, расположенныхъ въ три и четыре арміи, съ пушками по сторонамъ и конницею въ промежуткахъ. Турки нападаютъ на насъ, оглашая воздухъ криками; обыкновенно они строятся треугольникомъ, въ вершинѣ котораго становятся отважнѣйшіе изъ нихъ, упитанные опіумомъ; прочіе ряды, до самаго послѣдняго, замѣщены менѣе храбрыми и наконецъ—трусами. Мы подпускаемъ ихъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла, и тогда нѣсколько картечныхъ залповъ производятъ безпорядокъ и страхъ въ этой нестройной толпѣ. Нѣсколько головорѣзовъ, разгоряченныхъ опіумомъ,

бросаются на наши пушки, рубятъ ихъ и падаютъ подъ нашими штыками. Когда эти погибли, прочіе пускаются бѣжать. Наша конница преслѣдуетъ ихъ и производитъ страшную рѣзню; она гонится за ними до ихъ стана и овладѣваетъ имъ. Оставшіеся изъ нихъ, ошеломленные, прячутся за городскими стѣнами, гдѣ ихъ ждетъ чума и часто истребляетъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ сдѣлать приступъ. Этого довольно, чтобы дать понятіе о всякомъ другомъ походѣ, потому что всегда они оказываются такими же трусами и невѣждами, и мы поражаемъ ихъ всегда одними и тѣми же средствами. Они храбры только за своими окопами; да и тутъ, при осадахъ, какъ глупо они дѣйствуютъ! Они дѣлаютъ безпрестанныя вылазки, и вмѣсто того, чтобы стараться насъ обмануть, безразсудствомъ своимъ обнаруживаютъ всѣ свои намѣренія. Во-первыхъ, мы уже всегда заранѣе знаемъ, что они нападутъ на насъ въ полночь. Къ тому же они въ тотъ день непремѣнно выставляютъ на стѣнѣ съ той стороны, откуда намѣрены выйти, столько лошадиныхъ хвостовъ, сколько отрядовъ наряжено для вылазки. Поэтому мы знаемъ напередъ часъ нападенія, число нападающихъ, ворота, изъ которыхъ они выйдутъ, и направленіе, по которому они двинутся».

Разумѣется, этотъ разсказъ былъ нѣсколько преувеличенъ; но въ основаніи его была истина: инженеръ Лафитъ, посланный отцомъ моимъ въ Константинополь, чтобы дать Туркамъ нѣсколько наставленій и помочь имъ обороняться, передалъ въ письмахъ своихъ ко мнѣ нѣсколько случаевъ, доказывающихъ безразсудство Турокъ. Посланный Турецкими властями на берега Чернаго моря, чтобы обезопасить отъ высадки тѣ мѣста, гдѣ высадиться всего легче, Лафитъ хотѣлъ поставить батареи на вершинѣ склона, спускавшагося къ рѣкѣ, какъ и было нужно; но мѣстный паша, не смотря на всѣ уговоры, не согласился. Этотъ паша, невѣжа и упрямецъ, долженъ былъ, какъ заведено въ Турціи, платить за работу собственными деньгами, и потому не хотѣлъ тратиться на провозъ тяжестей и строжайше приказалъ Лафиту строить редуты и воздвигать батареи далеко отъ моря и на мѣстѣ ровномъ, откуда не видать вдаль. Тщетно Лафитъ представлялъ ему, что непріятель можетъ высадиться незамѣтно и нападетъ на него неожиданно, обезпеченный тѣмъ, что его не замѣтили. Все таки отвѣчалъ му паша-фаталистъ, ставьте ваши пушки гдѣ я вамъ предписалъ; все зависитъ отъ Аллаха, и если онъ захочетъ, то ваши снаряды будутъ такъ же гибельны для непріятеля, какъ и со всякаго другого мѣста.

Императрица, имѣя предъ собою такихъ безсильныхъ и безразсудныхъ враговъ, откладывала свои намѣренія только потому, что опасалась оружія Швеціи, Пруссіи и Франціи, а вѣроятно и Англіи. Поэтому я довѣрялся, по крайней мѣрѣ на время, мирнымъ увѣреніямъ ея.

Въ это время, въ Маѣ 1785 года, Императрица издала знаменитый указъ о дворянствѣ [1]). Изложеніе этого законоположенія заняло бы здѣсь слишкомъ много мѣста. Скажу только, что особенно замѣчательно показалось мнѣ распредѣленіе дворянъ по классамъ, такъ что старинное дворянство причислено было къ шестому, дворянство завоеванныхъ областей къ четвертому, а пожалованное грамотами къ двумъ первымъ. Вѣроятно это было сдѣлано съ цѣлью показать, что пріобрѣтенное заслугами отличіе предпочтительнѣе наслѣдственнаго. Этимъ же указомъ дворянамъ предоставлено было право заводить фабрики, собираться для совѣщаній и подавать заявленія Государю.

Около этого же времени я совершенно неожиданно получилъ отъ Императрицы знакъ ея благоволенія. Она предложила мнѣ сопутствовать ей въ поѣздкѣ, которую она намѣревалась совершить, чтобъ осмотрѣть работы, предпринятыя для окончанія канала, соединяющаго Каспійское море съ Балтійскимъ черезъ Ладожское озеро, Волховъ, озеро Ильмень, Мсту, Тверцу и Волгу. Ея Величество объявила мнѣ, что во время путешествія правила этикета будутъ отмѣнены, и что только немногія лица удостоятся чести слѣдовать за нею [2]). Я поручилъ Колиньеру замѣнять меня въ совѣщаніяхъ съ министрами и по заведенному порядку отправлять депеши нашему кабинету. До отъѣзда моего я получилъ письмо отъ Верженя, пріятное для меня, потому что онъ предписывалъ мнѣ отвѣчать Потемкину о Туркахъ, нашей торговлѣ и политикѣ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ я говорилъ съ ними. Вскорѣ замѣтилъ я въ обращеніи Русскихъ министровъ со мною нѣкоторую перемѣну, произведенную явнымъ благоволеніемъ ко мнѣ Императрицы. Въ разговорахъ со мною они уже стали поговаривать о пользѣ взамности между нашими дворами.

Когда я пріѣхалъ въ Царское Село, Императрица была такъ добра, что сама показывала мнѣ всѣ красоты этого великолѣпнаго загороднаго дворца. Свѣтлыя воды, тѣнистая зелень, изящныя бесѣдки, величественныя зданія, драгоцѣнная мебель, комнаты, покрытыя порфиромъ, лазоревымъ камнемъ и малахитомъ, все это представляло волшебное зрѣлище и напоминало удивленному путешественнику дворцы и сады Армиды. Императрица сказала мнѣ, что, узнавъ о порученіи нашего правительства Ла-Перузу пополнить наблюденія, сдѣланныя знаменитымъ Кукомъ по Русскимъ берегамъ Тихаго океана, и предвидя, что

---

[1]) Дворянская грамота, данная 1785 года Апрѣля 21-го (ст. ст.), въ день рожденія Императрицы.

[2]) Подробности этой поѣздки, изъ записокъ гр. Сиверса, Новгородскаго губернатора въ біографіи послѣдняго, въ соч. Блума: Ein russischer Staatsmann. Leipzig. 1857—1859.

по приближеніи къ Сѣверу онъ можетъ встрѣтить Русскаго капитана[1]), которому велѣно обогнуть Чукотскій мысъ и осмотрѣть сѣверные берега Америки, она приказала этому моряку, въ случаѣ встрѣчи съ королевскими судами, отдать имъ должный почетъ. Я увѣрилъ ее, что Ла-Перузъ, безъ сомнѣнія, получитъ соотвѣтственныя приказанія относительно императорскихъ судовъ. При этомъ я сказалъ ей, что легко и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно предвидѣть, сколько союзъ двухъ могущественныхъ монарховъ можетъ придать славы ихъ вѣку; что, видя ихъ соревнованіе въ дѣлахъ, касающихся блага человѣчества, нельзя не предполагать, что они не замедлятъ сблизиться и въ своихъ политическихъ началахъ.

При совершенной свободѣ, веселой бесѣдѣ и полномъ отсутствіи скуки и принужденія, одинъ только величественный дворецъ напомнилъ мнѣ, что я не просто на дачѣ у самой любезной, свѣтской женщины. Кобенцель былъ неисчерпаемо веселъ; Фитцъ-Гербертъ высказывалъ свой образованный, тонкій умъ, а Потемкинъ свою оригинальность, которая не оставляла его даже въ нерѣдкія минуты задумчивости и хандры. Императрица свободно говорила обо всемъ, исключая политики; она любила слушать разсказы, любила и сама разсказывать. Если бесѣда случайно умолкала, то оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ [2]) своими шутками непремѣнно вызывалъ на смѣхъ и остроты. Почти цѣлое утро Государыня занималась, и каждый изъ насъ могъ въ это время читать, писать, гулять, однимъ словомъ дѣлать, что̀ ему угодно. Обѣдъ, за которымъ бывало немного гостей и немного блюдъ, былъ вкусенъ, простъ, безъ роскоши; послѣобѣденное время употреблялось на игру или на бесѣду; вечеромъ Императрица уходила довольно рано, и мы собирались у Кобенцеля, у Фитцъ-Герберта, у меня или у Потемкина.

Однажды, помню я, Императрица сказала мнѣ, что у нея околѣла маленькая левретка *Земира*, которую она очень любила и для которой желала бы имѣть эпитафію. Я отвѣчалъ ей, что мнѣ невозможно воспѣть Земиру, не зная ея происхожденія, свойствъ и недостатковъ. «Я полагаю, что вамъ достаточно будетъ знать, возразила Императрица, что она родилась отъ двухъ Англійскихъ собакъ: *Тома* и *Леди*, что она имѣла множество достоинствъ и только иногда бывала немножко зла». Этого мнѣ было довольно, я исполнилъ желаніе Императрицы и

---

[1]) Въ 1785 году была совершена географическая и астрономическая экспедиція капитановъ Биллингса и Сарычева по сѣверо-восточной Сибири и морямъ отъ устья Колымы до Американскаго берега.

[2]) Левъ Александровичъ Нарышкинъ, р. 1733, ум. 1799 года.

написалъ слѣдующіе стихи, которыя она, конечно, расхвалила больше, нежели они стоятъ.

Epitaphe de Zémire.

Ici mourut Zémire, et les Graces en deuil
Doivent jeter des fleurs sur son cercueil.
Comme Tom, son aïeul, comme Lady, sa mère,
Constante dans ses goûts, à la course légère,
Son seul défaut était un peu d'humeur;
Mais ce défaut venait d'un si bon coeur!
Quand on aime, on craint tant! Zémire aimait tant celle
Que tout le monde aime comme elle!
Voulez-vous qu'on vive en repos,
Ayant cent peuples pour rivaux?
Les dieux, témoins de sa tendresse,
Devaient à sa fidélité
Le don de l'immortalité,
Pour qu'elle fût toujours auprès de sa maîtresse [1]).

Императрица велѣла вырѣзать эти стихи на камнѣ, который былъ поставленъ въ Царскосельскомъ саду [2]).

Третьяго Іюня мы оправились въ путь. Поѣздъ состоялъ изъ двадцати каретъ. Въ экипажѣ Императрицы попеременно садились Потемкинъ и Кобенцель или Фитцъ-Гербертъ и я. Постоянно же пользовалась этою честью всегда находившаяся при ней г-жа Протасова [3]), тетка графини Растопчиной (которую въ Парижѣ цѣнили за ея умъ, образованность и добродѣтель), и любимецъ Императрицы, флигель-адъютантъ Ермоловъ [4]); кромѣ того, иногда она приглашала къ себѣ обершталмейстера. Екатерина, будучи много разъ обманута легкомысліемъ и завистливостью нѣкоторыхъ знатныхъ дамъ, которыхъ она удостоивала своего довѣрія, принимала въ свой тѣсный кругъ только г-жу

---

[1]) „Здѣсь пала Земира, и опечаленныя Граціи должны набросать цвѣтовъ на ея могилу. Какъ Томъ, ея предокъ, какъ Леди, ея мать, она была постоянна въ своихъ склонностяхъ, легка на бѣгу и имѣла одинъ только недостатокъ—была немножко сердита но сердце у нея было доброе. Когда любишь, всего опасаешься, а Земира такъ любила ту которую весь свѣтъ любитъ, какъ она. Можно ли быть спокойнымъ при соревнованіи такого множества народовъ? Боги, свидѣтели ея нѣжности, должны были бы наградить ее за вѣрность безсмертіемъ, чтобы она могла находиться неотлучно при своей повелительницѣ".

[2]) Надпись эта и теперь еще видна, хотя неявственно, на каменной плитѣ за пирамидальнымъ мавзолеемъ.

[3]) Протасова, Анна Степановна, камеръ-фрейлина, получила графское достоинство въ 1801 году, Сентября 17, ум. 12 Апрѣля 1826 года.

[4]) Ермоловъ, Александръ Петровичъ, впослѣдствіи генералъ-поручикъ, родился 1754 г., былъ въ случаѣ съ начала 1785 года, а въ Іюнѣ 1786 года поѣхалъ за границу

Протасову, которой былъ порученъ надзоръ за фрейлинами. Кромѣ нея, она изрѣдка допускала къ себѣ одну изъ племянницъ Потемкина, графиню Скавронскую [1]).

Императрица ѣхала безъ всякаго конвоя, она напоминала стихъ Вольтера про Лая:

> Comme il était sans crainte, il marchait sans défense
> (Безстрашный, онъ шелъ безъ охраны).

Мы трогались съ мѣста по утрамъ, въ восемь часовъ. Около второго часу останавливались для обѣда въ городахъ или селахъ, гдѣ все уже было приготовлено такъ, чтобы Императрица нашла тѣже удобства, что̀ въ Петербургѣ. Мы всегда обѣдали съ Государыней. Въ восемь часовъ пополудни мы останавливались, и вечеръ Императрица, по обыкновенію, проводила въ игрѣ и разговорахъ. Каждое утро, поработавъ съ часъ, Екатерина, передъ отъѣздомъ, принимала являвшихся къ ней чиновниковъ, помѣщиковъ и купцовъ того мѣста, гдѣ останавливалась; она допускала ихъ къ рукѣ своей, а женщинъ цѣловала и послѣ этого должна была уходить въ туалетную, потому что, по общему обыкновенію въ Россіи, всѣ женщины, даже мѣщанки и крестьянки, румянились, и по окончаніи такого пріема все лицо Государыни было покрыто бѣлилами и румянами. Въ каждомъ городѣ Императрица, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, считала первымъ долгомъ отправиться въ мѣстную церковь и помолиться; иначе остудилась бы любовь къ ней народа не только вѣрующаго и богомольнаго, но и суевѣрнаго до такой степени, что св. Николай чтится у него какъ бы Самъ Богъ. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Императрица останавливалась, устраивалась охрана.

Черезъ четыре или пять дней мы доѣхали по дорогѣ, незамѣтно отлогой, до Вышняго-Волочка, самаго возвышеннаго мѣста на огромномъ пространствѣ между Сѣвернымъ и Чернымъ морями, не пересѣкаемомъ поперечными горами. Здѣсь, на этомъ высокомъ мѣстѣ, мы видѣли знаменитыя шлюзы, которыя сдерживаютъ теченіе нѣсколькихъ рѣкъ и передаютъ воду въ каналы Тверцы и Мсты для сообщенія съ Каспіемъ по Волгѣ и для сплава къ Петербургу произведеній Юга; этотъ судоходный путь поддерживаетъ и обогащаетъ цѣлыя огромныя области. Работы, предпринятыя для устройства этихъ шлюзъ, могутъ сдѣлать честь самому искусному инженеру. Между тѣмъ они были сооображены и исполнены въ царствованіе Петра I простымъ крестьяниномъ Сердюковымъ [2]), который никогда не путешествовалъ и ничему

---

[1]) Урожденную Энгельгардтъ, мать которой была родная сестра кн. Потемкина.

[2]) Михайло Ивановичъ Сердюковъ (ум. 1748 г.), родомъ Мунгалъ, былъ Новгородскимъ купцомъ, когда принялъ на себя поставку матеріаловъ для Ладожскаго канала.

не учился; онъ едва умѣлъ читать и писать. Умъ большей частью дается воспитаніемъ, но геній бываетъ врожденнымъ. Преемники Петра Великаго не радѣли объ усовершенствованіи этого великаго и полезнаго дѣла, но Императрица дѣятельно о немъ позаботилась. Она велѣла замѣнить деревянныя постройки каменными, провести къ каналу нѣсколько новыхъ притоковъ и предположила прорыть еще два канала, одинъ—для соединенія Каспійскаго моря съ Чернымъ, и другой для соединенія Чернаго съ Балтійскимъ черезъ Днѣпръ и Двину.

На пути нашемъ мы вездѣ видѣли осушенныя болота, строящіяся селенія, города, вновь основанные или обновленные. Повсюду народъ, какъ будто торжествуя свои побѣды надъ природою, добываемыя безъ крови и слезъ, усердно выражалъ своей повелительницѣ чувства искренной преданности. Толпы крестьянъ падали предъ нею на колѣни, вопреки ея запрещенію, потомъ поспѣшно вставали, подходили къ ней и, называя ее *матушкою*, радушно говорили съ нею. Чувство страха въ нихъ исчезло, и они видѣли въ ней свою покровительницу и защитницу.

Послѣ небольшаго роздыха мы предполагали проѣхать по берегу Мсты, чтобы миновать пороги, затрудняющіе плаваніе по этой рѣкѣ до самыхъ Боровичей, гдѣ мы должны были сѣсть на суда. Но Екатерина подготовила намъ неожиданную перемѣну: не предупредивъ никого и не давъ никакихъ предварительныхъ приказаній, она измѣнила путь нашъ и поѣхала на Москву. Тамошній губернаторъ узналъ объ этомъ только за нѣсколько часовъ до нашего прибытія.

Видъ этого огромнаго города, обширная равнина, на которой онъ расположенъ, и его огромные размѣры, тысячи золоченыхъ церковныхъ главъ, пестрота колоколенъ, ослѣпляющихъ взоръ отблескомъ солнечныхъ лучей, это смѣшеніе избъ, богатыхъ купеческихъ домовъ и великолѣпныхъ палатъ, гдѣ жило много гордыхъ баръ, это кишащее населеніе, представлявшее собою самые противуположные нравы, различные вѣка, варварство и образованіе, Европейскія общества и Азіатскіе базары, все это поразило насъ своею необычайностью. Впрочемъ въ эту первую мою поѣздку въ Москву я успѣлъ только вскользь осмотрѣть ее: мы пробыли въ ней только три дня. Екатерина показала намъ свои дворцы въ Петровскомъ, Коломенскомъ и Царицынѣ, городскіе сады и чудный водопроводъ, устроенный по ея распоряженію. Послѣ этого мы снова отправились до Боровичей черезъ Тверь, Торжокъ и Вышній-Волочекъ. Императрица, желая ознаменовать свое краткое пребываніе

и Вышневолоцкихъ шлюзъ, и надзиралъ за устройствомъ этихъ шлюзъ. Петръ зналъ и

въ Москвѣ благодѣяніемъ, увеличила городской доходъ на 50 т. франковъ и дала еще значительную сумму для учрежденія больницы въ зданіи, гдѣ прежде, при Аннѣ и Елисаветѣ, помѣщалась кровавая тайная канцелярія. Въ Твери она также оставила память по себѣ своими пожертвованіями. Тверь очень красивый городъ. При взглядѣ на толпу горожанокъ и крестьянокъ въ ихъ кичкахъ съ бусами, въ ихъ длинныхъ, бѣлыхъ фатахъ, обшитыхъ галунами, богатыхъ поясахъ, золотыхъ кольцахъ и серьгахъ, можно было вообразить себѣ, что находишься на какомъ-нибудь древнемъ Азіатскомъ празднествѣ.

Въ Боровичахъ мы пересѣли на красивыя галеры; особенно великолѣпна была галера Императрицы. Въ той, гдѣ помѣстили Кобенцеля, Фитцъ-Герберта и меня, были три изящно убранныя комнаты и хоръ музыкантовъ, будившихъ и усыплявшихъ насъ тихой музыкой.

Еще до этого плаванія, когда мы ѣхали берегомъ въ каретахъ, князь Потемкинъ и я вздумали изъ любопытства, не спрашивая позволенія Императрицы, проѣхать и спуститься черезъ пороги на маленькой лодкѣ. Говорили, что проѣздъ опасенъ, что здѣсь пошло ко дну нѣсколько судовъ. Императрицѣ понравилась эта шалость, хотя она и пожурила насъ за наше неблагоразуміе.

При въѣздѣ на Ильменское озеро, которымъ проѣхали мы къ Новгороду, мы насладились зрѣлищемъ совершенно новымъ для насъ: все озеро, подобное тихому, свѣтлому морю, было покрыто множествомъ шлюбокъ, всѣхъ величинъ, разукрашенныхъ пестрыми парусами и цвѣтами. Рыбаки, крестьяне и крестьянки, находившіеся на нихъ, наперерывъ старались приближаться къ нашимъ великолѣпнымъ судамъ. Вокругъ насъ раздавались звуки музыки, оживленные клики и подъ вечеръ мелодичное, простое и заунывное пѣніе.

Во время этого недолгаго плаванія, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, я рѣшился на попытку, которая не осталась безъ послѣдствій и осуществила мою доселѣ слабую надежду заключить съ Россіею выгодный торговый договоръ, послѣ столькихъ тщетныхъ попытокъ къ тому съ нашей стороны, въ продолженіи сорока лѣтъ. Однажды, сойдя съ галеры, на которой мы обѣдали съ Государыней на этотъ разъ, противъ обыкновенія своего, задумчивой и молчаливой, я пошелъ съ Потемкинымъ, тоже что-то неразговорчивымъ, на его галеру. Послѣ небольшого, безсвязнаго разговора, въ продолженіе котораго онъ обнаруживалъ какое-то внутреннее безпокойство, хмурилъ брови и говорилъ сухо и отрывисто, я сказалъ ему: «Любезный князь, вы нынче вовсе не такъ любезны, какъ обыкновенно; вы задумчивы, разсѣяны; мнѣ кажется, будто вы на меня сердитесь. Нельзя ли мнѣ узнать причину этой перемѣны, которую я также замѣтилъ въ холодномъ обра-

щеніи Императрицы? Не кроется ли тутъ какая нибудь придворная сплетня?» «Да, отвѣчалъ Потемкинъ, Императрица сегодня не въ духѣ, и я также; но поводомъ къ тому ни вы, ни ваше правительство, а Англійскіе министры: они дѣйствуютъ наперекоръ нашимъ дружественнымъ увѣреніямъ и разстраиваютъ всѣ наши намѣренія. Я уже давно говорилъ Императрицѣ, да она мнѣ не вѣрила, что Питтъ не любитъ ея. Онъ всячески старается возбудить противъ нея вражду въ Германіи, Польшѣ и Турціи. Прусскій король, всегда подозрительный, не можетъ намъ простить, что мы промѣняли его ненадежную дружбу на полезный союзъ съ Іосифомъ II; онъ тревожится, хлопочетъ и вмѣстѣ съ другими курфюрстами составляетъ довольно опасный союзъ противъ Австріи. Онъ такимъ образомъ готовитъ новую войну въ центрѣ Европы, тогда какъ мы находимъ выгоднымъ поддерживать тамъ миръ. Мы поступали заодно съ императоромъ и потому неслишкомъ безпокоились о козняхъ Пруссіи. Но теперь мы узнали изъ достовѣрнаго источника, что Англійскій король, на котораго Императрица и императоръ полагались, безъ всякаго повода начинаетъ дѣйствовать во вредъ намъ и, въ качествѣ курфюрста Ганноверскаго, приступаетъ къ политической системѣ Фридриха и къ его союзу. Эта перемѣна разстроиваетъ всѣ наши предположенія. Все это продѣлки Англичанъ. Меня это ужасно сердитъ, и я не знаю, что̀ бы далъ, лишь бы отомстить имъ».

Негодованіе князя обнаружило мнѣ его задушевную мысль, и я, пользуясь этимъ случаемъ, сказалъ ему: «Если вы хотите отплатить имъ, то можете сдѣлать это скоро и легко, и притомъ вы въ правѣ это сдѣлать: лишите ихъ исключительныхъ преимуществъ въ торговлѣ, которыми они пользуются въ Россіи на зло другимъ народамъ и во вредъ вамъ самимъ». «Я васъ понимаю, возразилъ онъ тотчасъ, оживляясь и улыбаясь; но слушайте, я буду говорить съ вами, какъ съ другомъ. Дворъ вашъ давно ужь желаетъ заключить торговый договоръ съ нами; теперь пр́испѣло время, пользуйтесь имъ; вы увидите, что Императрица уже оставила прежнія свои предубѣжденія противъ Франціи; она теперь недовольна Англичанами. Не пропускайте такого благопріятнаго случая; предложите ей рѣшительно условія договора и союза, и я даю вамъ слово, что буду помогать, чѣмъ могу.» «Я охотно послѣдую вашимъ совѣтамъ, сказалъ я на это, но между нашими дворами давно уже водворилась такая холодность, что меня еще не уполномочили офиціально къ подобной попыткѣ, и хотя успѣхъ въ этомъ дѣлѣ обрадовалъ бы нашъ дворъ, но успѣхъ этотъ не вѣренъ, а потому я и не рѣшусь дѣйствовать наобумъ; я боюсь оскорбить достоинство короля такимъ смѣлымъ предложеніемъ отъ его имени».

Князь помолчалъ нѣсколько минутъ и потомъ сказалъ: «Ваши опасенія неосновательны. Впрочемъ, вы уже до того осторожны, то послушаетесь моего совѣта. Мы съ вами не разъ толковали о торговлѣ; теперь предположите, что у меня память слаба, напишите мнѣ то, что вы мнѣ часто изъясняли, какъ личное ваше мнѣніе; только изложите ваши мысли въ видѣ довѣрительной записки; можете даже не подписывать своего имени. Такимъ образомъ вы ничѣмъ не рискуете. Вы можете бытв увѣрены въ моей скромности и въ томъ, что прочіе министры узнаютъ объ этомъ уже тогда, когда вы получите удовлетворительный отвѣтъ, на основаніи котораго вамъ можно будетъ безъ затрудненія представить записку гласнымъ порядкомъ, въ обычной формѣ. Такимъ образомъ вы можете получить отвѣтъ, не дѣлая еще предложенія. Но, повторяю вамъ: куйте желѣзо, пока оно горячо; принимайтесь за дѣло скорѣе; мнѣ бы хотѣлось, чтобы оно уже было сдѣлано».

На это я ничего не возражалъ и поспѣшилъ на свою галеру, убѣжденный, что надо скорѣе пользоваться этимъ дружелюбнымъ расположеніемъ князя, потому что оно, вѣроятно, порождено гнѣвомъ и можетъ скоро охладиться. Я вхожу въ свою комнату, ищу чернильницы, но она была заперта въ комодѣ, а ключъ отъ него мой камердинеръ унесъ и отправился кататься на шлюпкѣ. Раздосадованный, вошелъ я въ комнату Фитцъ-Герберта и, кажется, нашелъ его играющимъ въ кости съ Кобенцелемъ. Я объявилъ имъ, что хотѣлъ бы воспользоваться тѣмъ временемъ, покуда суда наши на якорѣ, и написать нѣсколько писемъ, но что слуга мой ушелъ, и я не могу достать ни пера, ни бумаги. Тогда Фитцъ-Гербертъ одолжилъ мнѣ все, что мнѣ было нужно, и я отправился къ себѣ. Не знаю для чего, нѣкоторыя лица, которымъ позднѣе я разсказывалъ подробности моего путешествія, впослѣдствіи напечатали о томъ въ видѣ анекдота, приписывая шалости то, что было дѣломъ случая. Мнѣ было весьма досадно, если бы распространеніе этого анекдота могло не понравиться Фитцъ-Герберту, котораго я всегда уважалъ за умъ и дарованія, платилъ за его расположеніе дружбою и сохраню ее во всю мою жизнь. Дѣло въ томъ, что легкомысленнымъ людямъ показалось забавнымъ разсказать, что я подписалъ торговый договоръ перомъ Англійскаго посла, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ я написалъ имъ только простую записку.

Нижеслѣдующую ноту я написалъ въ теченіе двухъ часовъ и отнесъ къ Потемкину. Считаю нужнымъ привести здѣсь эту невзначай-бумагу, потому что, по счастливому случаю, она имѣла такое важное вліяніе на успѣшный ходъ моихъ дѣлъ.

Довѣрительная записка.

Если когда либо двѣ державы должны были заключить торговый договоръ, такъ это Россія и Франція: этого требуютъ ихъ положеніе, ихъ произведенія, ихъ взаимная польза. Онѣ слишкомъ отдалены, чтобы вредить одна другой и чтобы между ними могъ возникнуть поводъ къ войнѣ или враждѣ. По числу жителей и богатству, онѣ могли бы властвовать въ Европѣ, если бы ихъ политическіе виды были сходны. Между тѣмъ какъ огромныя страны, ихъ раздѣляющія, отдаляютъ отъ нихъ причины къ несогласіямъ, моря Средиземное, Черное и Балтійское, наконецъ океанъ открываютъ имъ поприще для сбыта ихъ произведеній. Было бы слишкомъ долго исчислять причины, по которымъ торговля между этими странами была всегда такъ слаба и шла по ложному направленію вмѣсто того, чтобы идти по естественному пути, указанному положеніемъ этихъ странъ и ихъ взаимными выгодами. Французы принуждены были получать товары отъ Русскихъ и посылать имъ свои чрезъ посредство болѣе счастливыхъ Англичанъ, которые пользовались двойными выгодами на счетъ обоихъ народовъ и все болѣе и болѣе утверждали свои преимущества, такъ что стали неизбѣжными покупателями. Они должны были сдѣлаться почти единственными дѣятелями, потому что неравенство въ платежѣ пошлинъ и разныя преимущества необходимо устраняли всякое соревнованіе. Нынѣ царствующая Императрица, правленіе которой достопамятно столькими улучшеніями и уничтоженіемъ вредныхъ предразсудковъ, кажется, намѣрена оживить торговлю возбужденіемъ соревнованія и уничтоженіемъ исключительныхъ преимуществъ и признаетъ свободу и равенство основою успѣха въ торговлѣ. Мнѣнія короля Французскаго совершенно согласны съ мыслями ея величества. Онъ полагаетъ, что теперь время устранить препятствія, мѣшавшія заключенію торговаго договора. Это тѣмъ нужнѣе для обоихъ государствъ, что Императрица имѣетъ нынѣ порты на Черномъ морѣ. Мы находимся въ самомъ выгодномъ положеніи для того, чтобы открыть мѣста сбыта для южныхъ областей имперіи, отправляющихъ свои произведенія по дальнему, трудному пути къ Балтійскому морю. Французскіе порты на океанѣ, по положенію своему, могутъ быть въ сношеніяхъ съ Ригою, Архангельскомъ и Петербургомъ. Съ другой стороны, между нашими портами на Средиземномъ морѣ и Херсономъ могутъ возникнуть дѣятельныя сношенія. Россія всегда будетъ потреблять въ большомъ количествѣ Французскія вина, сахаръ и кофе нашихъ колоній. Франція, нуждаясь въ разныхъ предметахъ, необходимыхъ для содержанія флота, всегда охотнѣе будетъ покупать ихъ въ Россіи, нежели въ Америкѣ. Она потребуетъ также много пеньки (хотя имѣетъ свою). Солонину она также лучше добудетъ изъ южнорусскихъ областей, нежели изъ Ирландіи. Кожами, саломъ, воскомъ, селитрой природа надѣлила Украйну и другія южныя области. Огромная имперія изобилуетъ тысячами иныхъ произведеній, и было бы долго исчислять всѣ предметы, могущіе увеличить собою количество вывоза и доходы Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ доставлять пользу Франціи, которой выгоднѣе торговать непо-

средственно съ Россіею, чѣмъ платить другимъ народамъ великія суммы за Русскіе товары. Такая взаимная мѣна такъ нужна Франціи и Россіи, что порты ихъ немедленно наполнятся купеческими судами обѣихъ странъ, лишь только будутъ устранены препятствія, удерживающія благоразумныхъ капиталистовъ отъ торга, въ которомъ они должны опасаться соперниковъ, пользующихся преимуществами. Однако уничтоженіе оныхъ и открытіе всеобщаго соревнованія еще недостаточны для купцовъ, если между обоими народами не будетъ заключенъ договоръ для оживленія торговли. Будетъ ли договоръ заключенъ для удовлетворенія существенныхъ потребностей, или только для удовлетворенія желаній купцовъ, во всякомъ случаѣ онъ дастъ имъ покровительство правительства. Только этимъ путемъ можно внушить имъ довѣріе, побуждающее къ обширнымъ торговымъ предпріятіямъ. Пока не предпримутъ такихъ поощрительныхъ мѣръ въ пользу нашихъ купцовъ, они будутъ обращать свою дѣятельность на торгъ съ нашими колоніями, съ Индіею, съ Малою Азіею и съ тѣми государствами, съ которыми мы заключили договоры. Русскіе товары они получаютъ изъ третьихъ рукъ: отъ этого возвышается ихъ цѣна, и уменьшается сбытъ ко вреду нашей и Русской торговли. Нѣсколько Французскихъ купцовъ, безъ денегъ и безъ кредита, водворяются въ Петербургѣ, но не только не скрѣпляютъ торговыхъ сношеній обѣихъ державъ, а напротивъ ослабляютъ ихъ своими неудачами и неосторожными поступками. Но лишь только торговымъ договоромъ возникнетъ соперничество и равенство правъ, сюда пріѣдутъ купцы, достойные довѣрія, образуются торговыя общества, и взаимныя выгоды возрастутъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ требованій. Теперь, когда, повидимому, и Петербургскій, и Версальскій кабинеты сознали эти истины, нужно, кажется, сдѣлать объ этомъ болѣе рѣшительное предложеніе Русскому правительству, и должно надѣяться, что такая полезная сдѣлка не встрѣтитъ препятствій, и что оба кабинета, для ускоренія дѣла, сообщатъ другъ другу свои мнѣнія объ этомъ важномъ предметѣ. Чтобы такой договоръ между Франціей и Россіей былъ проченъ, нужно основать его на равенствѣ правъ. Вслѣдствіе этого, Русскіе во Франціи должны пользоваться всѣми возможными преимуществами, какія имѣютъ другіе народы; они будутъ судимы въ тѣхъ же судахъ, ихъ товары будутъ обложены тѣми же пошлинами, и выплачивать ихъ они станутъ тою же монетою, какъ нація, пользующаяся во Франціи самыми большими выгодами. Таковы въ общихъ чертахъ предположенія, которыя мнѣ дозволено высказать, если къ тому представится удобный случай".

Намѣренія Потемкина не измѣнились по прочтеніи этой бумаги. Онъ расхвалилъ ее и не хотѣлъ мнѣ ее возратить, какъ я его ни просилъ. «Я возьму это, сказалъ онъ съ усмѣшкою, покажу только Императрицѣ и обѣщаю послѣ того тотчасъ же возвратить ее вамъ.»

Въ самомъ дѣлѣ, на другой день, лишь только онъ увидѣлъ меня, тотчасъ отдалъ мнѣ мое писаніе и сказалъ: «Мнѣ поручено передать вамъ отвѣтъ, вѣроятно, пріятный для васъ; Государыня сама скоро

подтвердитъ его. Она приказала сказать вамъ, что съ удовольствіемъ прочитала вашу записку и находитъ ваши замѣчанія справедливыми; ей нравится ваша довѣрчивость, она даже расположена къ заключенію желаемаго вами договора и, когда пріѣдетъ въ Петербургъ, дастъ министрамъ своимъ нужныя приказанія, послѣ чего вамъ уже можно будетъ дѣйствовать открыто, безъ всякихъ опасеній; она даетъ вамъ обѣщаніе, что предложенія ваши будутъ приняты». Князь передалъ мнѣ совершеную правду. Когда мнѣ случилось быть у Императрицы, она отвела меня въ сторону и сказала: «Вы уже знаете мой отвѣтъ. Увѣренія въ дружбѣ, которыя я недавно получила отъ вашего короля, побуждаютъ меня охотно заключить договоръ, который насъ сблизитъ еще болѣе. Ваше довѣріе мнѣ понравилось; мнѣ весьма пріятно видѣть васъ при себѣ, и я бы желала, чтобы переговоры объ этомъ дѣлѣ, важномъ для обоихъ государствъ, были бы ведены и окончены вами.» Можно себѣ представить, какъ я былъ радъ, что смѣлая попытка моя кончилась такъ удачно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того мы проѣхали Ладожскій каналъ и прибыли въ Петербургъ 28 Іюня. Такимъ образомъ въ теченіе мѣсяца совершили мы самую занимательную и пріятную поѣздку.

Я получилъ письмо отъ Верженя, который предписывалъ мнѣ воспользоваться расположеніемъ ко мнѣ графа Гёрца, чтобы успокоить его кабинетъ и доказать ему, что союзъ курфюрстовъ и старанія Прусскаго короля усилить этотъ союзъ послужатъ только къ укрѣпленію связи между Австріей и Россіей.

Въ это время я часто бывалъ у Императрицы въ Царскомъ Селѣ. Она съ жаромъ передавала мнѣ ложные слухи, распускаемые въ Европѣ объ ея честолюбіи, эпиграммы, на нее направленныя, и забавные толки объ упадкѣ ея финансовъ и разстройствѣ ея здоровья. «Я не обвиняю вашъ дворъ, говорила она, въ распространеніи этихъ бредней; ихъ выдумываетъ Прусскій король изъ ненависти ко мнѣ, но вы иногда вѣрите имъ. Ваши соотечественники, не смотря на мое расположеніе къ миру, вѣчно приписываютъ мнѣ честолюбивые замыслы, между тѣмъ какъ я рѣшительно отказалась отъ всякихъ завоеваній и имѣю на это важныя причины. Я желаю одного мира и возмусь за оружіе въ томъ только случаѣ, если меня къ тому принудятъ. Одни неугомонные Турки да Пруссаки опасны для спокойствія Европы; а между тѣмъ мнѣ не довѣряютъ, а имъ помогаютъ.» Въ отвѣтахъ моихъ было болѣе вѣжливости, нежели убѣжденія; потому что хотя Потемкинъ говорилъ мнѣ точно тоже, я замѣчалъ, что онъ только на время отложилъ свои честолюбивыя намѣренія, но еще не отказался отъ нихъ.

Разъ какъ-то, разсказывая о грабежахъ Кубанскихъ Татаръ и жестокостяхъ визиря, онъ сказалъ мнѣ: «Согласитесь, что Турки—бичъ человѣчества. Если бы три или четыре сильныя державы соединились, то было бы весьма легко отбросить этихъ варваровъ въ Азію и освободить отъ этой язвы Египетъ, Архипелагъ, Грецію и всю Европу. Не правда ли, что такой подвигъ былъ бы и справедливымъ, и богоугоднымъ, и нравственнымъ, и геройскимъ подвигомъ? Къ тому же, присовокупилъ онъ съ усмѣшкой, если бы вы согласились способствовать этому дѣлу, и если бы на долю Франціи досталась Кандія или Египетъ то вы были бы достойно награждены».

Я возразилъ, что такая приманка на меня не дѣйствуетъ. И въ самомъ дѣлѣ, неловкій намекъ этотъ мнѣ не понравился и придалъ мнѣ въ эту минуту твердости, чтобы исполнить долгъ, несогласный ни съ моими чувствованіями, ни съ моимъ личнымъ убѣжденіемъ. Дѣйствительно, я никогда не постигалъ и теперь еще ни понимаю этой странной и безнравственной политической системы, вслѣдствіе которой упрямо поддерживаютъ варваровъ, разбойниковъ, изувѣровъ, опустошающихъ и обливающихъ кровью обширныя страны въ Азіи и Европѣ. Можно ли повѣрить, что всѣ государи христіанскихъ державъ помогаютъ, посылаютъ подарки и даже оказываютъ почести правительству невѣжественному, безсмысленному, высокомѣрному, которое презираетъ насъ, нашу вѣру, наши законы, наши нравы и нашихъ государей, унижаетъ и поноситъ насъ, называя христіанъ собаками? Но въ качествѣ посланника я долженъ былъ слѣдовать даннымъ мнѣ инструкціямъ и дѣйствовать сообразно съ ними. Дѣлая видъ, что принимаю слова князя за шутку, несогласимую съ его постояннымъ расположеніемъ къ миру, я сказалъ ему: «Любезный князь, вы, безъ сомнѣнія, увлеклись, и потому не буду вамъ отвѣчать тѣмъ же. Вы, человѣкъ разсудительный, безъ сомнѣнія, поймете, что нельзя разрушить такое государство, какъ Турція, не раздѣливъ ея на части, а въ такомъ случаѣ нарушатся всѣ торговыя связи, все политическое равновѣсіе Европы. Раздоры замѣнятъ согласіе, такъ медленно водворенное послѣ долгихъ, жестокихъ войнъ, которыя возникли и длились вслѣдствіе яростныхъ споровъ за вѣру, обременительнаго владычества Карла V ни его вторженія въ Италію, соперничества Франціи и Англіи, завоеваній Людовика XIV и безпрестанныхъ честолюбивыхъ замысловъ Австрійскаго дома на счетъ Германіи. Окончить полюбовно этотъ раздѣлъ также невозможно, какъ найти философскій камень. Одного Константинополя довольно, чтобы разъединить державы, которыя вы хотите заставить дѣйствовать за одно. Повѣрьте мнѣ, что главнѣйшій союзникъ вашъ, императоръ Австрійскій, никогда не допуститъ васъ овладѣть

Турціей. Мнѣ кажется, онъ даже какъ-то сказалъ, что *хотя онъ и не забудетъ страха, какой навели на Вѣну Турецкія чалмы, но онъ сталъ бы еще болѣе опасаться, если бы имѣлъ въ сосѣдствѣ войска въ киверахъ и шляпахъ*». «Вы правы, воскликнулъ поневолѣ князь, но мы всѣ въ этомъ виноваты. Мы всегда дѣйствуемъ слишкомъ дружно для дурныхъ цѣлей и никогда для пользы человѣчества».

Не передавая всѣхъ этихъ подробностей своему правительству, я написалъ однако Верженю о моихъ разговорахъ по этому поводу съ Потемкинымъ и другими министрами. Онъ вполнѣ одобрилъ меня въ томъ, что я успѣлъ показать Русскимъ столько препятствій къ разрушенію Турецкой имперіи и разсѣять подозрѣнія Екатерины, полагавшей, что мы только и думаемъ, какъ бы возбудить смуты въ ея имперіи и умножить число ея враговъ.

Императрица день ото дня все чаще доставляла мнѣ случай видѣть ее: я встрѣтилъ ее на дачѣ у оберъ-мундшенка и у оберъ-шталмейстера. Она предложила мнѣ сопутствовать ей въ поѣздкѣ, которую намѣрена была сдѣлать для осмотра оружейнаго завода въ Систербекѣ. Во время этой прогулки, я помню, она много шутила по поводу толковъ о чрезвычайныхъ издержкахъ нашего двора и о безпорядкахъ въ отчетности этихъ расходовъ. Мнѣ хотѣлось представить какія нибудь оправданія на этотъ счетъ, хотя это и было довольно затруднительно. Не столько защищаясь, сколько возражая, я сказалъ: «Такова уже участь великихъ монарховъ, занятыхъ болѣе государственными, нежели своими дѣлами и не вынуждаемыхъ подражать Карлу Великому, который, на диво всѣмъ, самъ считалъ произведенія своихъ полей, хлѣбъ, сѣно, даже огородныя овощи и яица. Но за то, ограниченный одними лишь доходами со своихъ владѣній, онъ не могъ покрывать своихъ расходовъ податями, тогда еще неизвѣстными и во Франціи. Правда, государей нашихъ обманываютъ; но позвольте мнѣ сказать вамъ, что, судя по слухамъ, и васъ, Государыня, не рѣдко обкрадываютъ. Это и неудивительно, потому что ваше величество не можете же сами заглядывать въ кухню и конюшню и заниматься хозяйственными мелочами».

«Вы отчасти правы, отчасти нѣтъ, любезный графъ, возразила она; что меня обкрадываютъ, какъ и другихъ, съ этимъ я согласна. Я въ этомъ увѣрилась сама, собственными глазами, потому что разъ утромъ рано видѣла изъ моего окна, какъ потихоньку выносили изъ ворца огромныя корзины и, разумѣется, не пустыя. Помню также, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проѣзжая по берегамъ Волги, я распрашивала побережныхъ жителей про ихъ жизнь. Большею частью они питались рыболовствомъ. Они говорили мнѣ, что могли бы довольствоваться плодами трудовъ своихъ и въ особенности ловлею стерлядей,

если бы у нихъ не отымали части улова, принуждая ихъ ежегодно доставлять для моей конюшни значительное число стерлядей, которыя стоятъ хорошихъ денегъ. Эта тяжелая дань обходилась имъ въ 2000 рублей каждогодно. Хорошо вы сдѣлали, что сказали мнѣ объ этомъ, отвѣчала я смѣясь; я не знала, что мои лошади ѣдятъ стерлядей. Эта странная повинность была уничтожена. Однако я постараюсь доказать вамъ, что есть разница между кажущимся безпорядкомъ, который вы замѣчаете здѣсь, и безпорядкомъ дѣйствительнымъ и несравненно опаснѣйшимъ, господствующимъ у васъ. Французскій король никогда не знаетъ въ точности, сколько онъ издерживаетъ; у него ничто не распредѣлено и не назначено впередъ. Я, напротивъ того, дѣлаю вотъ что: ежегодно опредѣляю извѣстную, всегда одинаковую, сумму на расходы для моего стола, меблировки, театровъ, конюшни, однимъ словомъ для содержанія всего дома; я приказываю, чтобы за столомъ въ моихъ дворцахъ подавали такія-то вина, столько-то блюдъ. Тоже самое дѣлается и по другимъ частямъ хозяйства. Когда мнѣ доставляютъ все въ точности, въ требуемомъ количествѣ и качествѣ, и если никто не жалуется на недостатокъ, то я довольна, и мнѣ совершенно все равно, если изъ отпускаемой суммы сколько-нибудь украдутъ. Для меня важно то, чтобы эта сумма не была превышаема. Такимъ образомъ я всегда знаю что̀ издерживаю. Это такое преимущество, которымъ пользуются немногіе государи и даже немногіе богачи изъ частныхъ лицъ».

Въ другой разъ, когда она хотѣла знать, что̀ меня всего болѣе удивило съ тѣхъ поръ, какъ я находился при ея дворѣ, я, пользуясь добрымъ расположеніемъ ея ко мнѣ, осмѣлился сказать: «Меня всего болѣе удивляетъ ненарушимое спокойствіе, которымъ ваше величество пользуетесь на тронѣ, издавна обуреваемомъ грозами. Трудно постигнуть, какимъ способомъ, какими тайными средствами, прибывъ изъ чужихъ странъ молодою женщиною, въ страну, столь привычную къ заговорамъ и переворотамъ, вы царствуете такъ спокойно и не бываете принуждены тушить внутреннія смуты, бороться съ домашними врагами и препятствіями.»

«Средства къ тому самыя обыкновенныя, отвѣчала она; я установила себѣ правила и положила какъ мнѣ царствовать; по нимъ я дѣйствую, управляю и никогда не отступаю. Воля моя, разъ выраженная, остается неизмѣнною. Такимъ образомъ все опредѣлено, и каждый день походитъ на вчерашній. Всякій знаетъ на что онъ можетъ разсчитывать и не тревожится по пустому. Если я кому-нибудь назначила мѣсто, онъ можетъ быть увѣренъ, что сохранитъ его, если только не сдѣлается преступникомъ. Такимъ путемъ я устраняю всякій поводъ къ безпокойствамъ, доносамъ, раздорамъ и совмѣстничеству.

За то вы у меня и не замѣтите происковъ. Пронырливый человѣкъ старается столкнуть должностное лицо, чтобы самому замѣстить его но въ моемъ правленіи такія каверзы безполезны».

«Я согласенъ, Государыня, отвѣчалъ я, что такія благоразумныя правила ведутъ къ хорошимъ послѣдствіямъ. Но позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе: вѣдь и при обширномъ умѣ невозможно иногда не ошибиться въ выборѣ людей. Что̀ вы сдѣлали бы, ваше величество, если бъ, напримѣръ, вдругъ замѣтили, что назначили министромъ человѣка неспособнаго къ управленію и недостойнаго вашего довѣрія?»

«Такъ что же? возразила Императрица; я бы его оставила на мѣстѣ. Вѣдь не онъ былъ бы виноватъ, а я, потому что выбрала его. Но только я поручила бы дѣла̀ одному изъ его подчиненныхъ; а онъ остался бы на своемъ мѣстѣ, при своихъ титулахъ. Вотъ вамъ примѣръ. Однажды, я назначила министромъ человѣка неглупаго, но недостаточно образованнаго и неспособнаго къ управленію довольно значительною отраслью государственныхъ дѣлъ; однимъ словомъ, ни въ какомъ правительствѣ не нашелся бы министръ менѣе даровитый. Что̀ изъ этого вышло? Онъ удержалъ свое мѣсто; но я предоставила ему только незначительныя дѣла̀ по его вѣдомству, а все, что̀ было поважнѣе, поручила одному изъ его подчиненныхъ. Помню, однажды ночью курьеръ привезъ мнѣ извѣстіе о славной Чесменской побѣдѣ и истребленіи Турецкаго флота; мнѣ показалось приличнымъ передать эту новость моему министру прежде, нежели онъ узна̀етъ ее со стороны. Я послала за нимъ въ четыре часа утра; онъ явился. Надо вамъ сказать, что въ это время онъ былъ чрезвычайно занятъ ссорою между своими подчиненными и, по случаю ея, даже забылся и сдѣлалъ несправедливость. Поэтому онъ вообразилъ себѣ, что я собираюсь пожурить его за это. Когда онъ вошелъ ко мнѣ, то, не давъ мнѣ сказать ни слова, началъ меня упрашивать: Умоляю васъ, Государыня, повѣрьте мнѣ; я не виноватъ ни въ чемъ, я въ этомъ дѣлѣ непричастенъ и проч. Я въ этомъ совершенно увѣрена, отвѣчала я съ усмѣшкой; потомъ сообщила ему о блистательномъ успѣхѣ, увѣнчавшемъ предпріятіе, задуманное мною съ Орловымъ отправить флотъ мой изъ Кронштадта, вокругъ Европы, черезъ Средиземное море и уничтожить Турецкій флотъ въ Архипелагѣ».

«Примѣръ этотъ, Государыня, сказалъ я улыбаясь, немногимъ можетъ пригодиться. Мало такихъ государей, которые умѣютъ достаточно владѣть собою, чтобы дѣлать великія дѣла при посредственныхъ и даже плохихъ министрахъ.»

Верженю было извѣстно, что я успѣлъ снискать благосклонность и довѣріе Императрицы. Однакоже, когда онъ получилъ мою депешу

и узналъ, что, по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ и въ увѣренности получить удовлетворительный отвѣтъ, я намѣреваюсь представить Русскому правительству гласную записку и предложить начать сношенія о торговомъ договорѣ, онъ счелъ мой поступокъ слишкомъ поспѣшнымъ и упрекалъ меня, что я такъ легко убѣдился въ возможности такого неожиданнаго оборота дѣлъ. Ему казалось, что я былъ обольщенъ вниманіемъ Императрицы, которое относилось только къ моему лицу, что я съ излишней самоувѣренностью приступилъ къ дѣлу и сдѣлалъ предложеніе, можетъ быть, во вредъ своему правительству.

Съ другой стороны, еще страннѣе показалось мнѣ, что вице-канцлеръ графъ Остерманъ, отъ котораго Императрица, вѣрная своему слову, скрыла все, что̀ слажено было во время нашей поѣздки, былъ чрезвычайно удивленъ, когда я ему вручилъ свою ноту. Она была извѣстна только Императрицѣ и Потемкину и то лишь, какъ выраженіе моего личнаго мнѣнія. Не приготовленный къ этому, Остерманъ сказалъ мнѣ съ важностью: «Я представлю ваше предложеніе на благоусмотрѣніе Императрицы, потому что могу принять его только для доклада. Признаюсь даже, что это меня нѣсколько удивляетъ; я не былъ приготовленъ къ этому предварительными условіями, какія обыкновенно предлагаются въ такихъ случаяхъ, и потому позвольте замѣтить вамъ: обдумали ли вы хорошенько ваше намѣреніе и увѣрены ли вы въ томъ, что оно теперь будетъ своевременно?» Я сказалъ на это, что предложеніе союза благовиднаго и выгоднаго для обоихъ дворовъ, по моему мнѣнію, вѣроятно, принято будетъ Императрицею съ тѣмъ же чистосердечіемъ, съ какимъ оно сдѣлано королемъ, и что сходство общихъ имъ чувствъ и мнѣній даетъ мнѣ возможность надѣяться на успѣхъ.

Однако министры въ продолженіе цѣлой недѣли не сообщали мнѣ ничего по этому важному дѣлу. Это меня нѣсколько обезпокоило. Я зналъ, что Императрица не медлила въ своихъ соображеніяхъ, планахъ и приказаніяхъ, но что иногда, по неусердію ея исполнителей, дѣла̀ затягиваются до безконечности.

Я ѣздилъ въ Петергофъ, гдѣ давались пышные праздники. Тамъ, на маскарадѣ, графъ Безбородко сказалъ мнѣ на ухо, что ему приказано немедленно вступить въ переговоры со мною. Въ самомъ дѣлѣ, только что возвратился я въ столицу, какъ графъ Остерманъ пригласилъ меня къ себѣ и, поздравивъ меня съ успѣхомъ, сказалъ: «Ея императорское величество приказала мнѣ сказать вамъ, что она съ большимъ удовольствіемъ прочла вашу записку; что, не дожидаясь возвращенія графа Воронцова, отправленнаго для обзора таможень, она послала ее къ нему, чтобы онъ могъ скорѣе приступить къ переговорамъ, и что она искренно желаетъ успѣшнаго окончанія этому дѣлу». Затѣмъ я полу-

чилъ офиціальный отвѣтъ Русскихъ министровъ на мою записку и изложеніе правилъ, которыми Императрица постоянно руководствуется при заключеніи торговыхъ договоровъ. Сверхъ того мнѣ объявили, что Императрица назначитъ своихъ уполномоченныхъ, когда я съ своей стороны буду уполномоченъ къ этому дѣлу.

Я отослалъ всѣ эти бумаги въ Версаль съ курьеромъ, и они послужили къ моему оправданію. Вержень, получивъ приказанія короля, похвалами своими вознаградилъ меня за нѣсколько строгій выговоръ, полученный мною незадолго предъ тѣмъ. Изъявляя ему свою благодарность, я предупреждалъ его, что хотя Императрица выразила свои намѣренія и увѣрена въ невыгодахъ привилегій и благахъ соревнованія въ торговлѣ, однако министры ея издавна свыклись съ запретительной системой, и потому, вѣроятно, пройдетъ много времени въ толкахъ объ уменьшеніи пошлинъ. Я предвидѣлъ, что особенно графъ Воронцовъ будетъ настойчиво защищать необходимость запрещеній и высокихъ пошлинъ и не убѣдится въ томъ, что они производятъ застой въ промышленности, а только поощряютъ тайный провозъ товаровъ. Къ тому же я былъ увѣренъ, что если намъ сбавятъ пошлины съ нашихъ винъ и предоставятъ право платить пошлины на Русскія деньги, то взамѣнъ этого съ насъ потребуютъ значительнаго уменьшенія съ пошлинъ на Русскіе товары, ввозимые къ намъ.

Стѣснительныя мѣры поддерживались даже наперекоръ желаніямъ Императрицы и Потемкина. Они, въ видахъ пользы для южныхъ областей имперіи, хотѣли сбавить одну четвертую со стоимости пошлинъ, платимыхъ всѣми на таможняхъ и въ портахъ этихъ областей. Даже императоръ Австрійскій, союзникъ Екатерины, принужденъ былъ сдѣлать значительныя уступки, когда заключалъ торговый договоръ съ Россіею. Россія, нуждаясь въ мѣстахъ для сбыта своихъ товаровъ и отыскивая ихъ, всегда наблюдала свои выгоды. Особенно добивалась она значительныхъ преимуществъ для своего торговаго судоходства. Послѣднее было незначительно, потому что, при 25 вооруженныхъ военныхъ корабляхъ, она имѣла не болѣе 50 купеческихъ судовъ. По этому поводу Гаррисъ (впослѣдствіи лордъ Мальмсбёри), замѣтилъ, что Русскій купеческій флотъ—самый сильный въ мірѣ, потому что въ немъ на два торговыхъ корабля приходится во одному военному для обороны.

Мои предположенія оправдались: прошло болѣе девятнадцати мѣсяцевъ, прежде чѣмъ я могъ заключить договоръ и кончить совѣщанія, къ которымъ приступлено было такъ рѣшительно и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Я послалъ также Верженю мои замѣчанія

на записку, заключавшую въ себѣ основныя правила, установленныя и соблюдаемыя Екатериною II при заключеніи торговыхъ договоровъ.

Мой разсказъ сдѣлался бы слишкомъ обширенъ и сухъ, если бы я вздумалъ помѣстить здѣсь всѣ предположенія и возраженія, которыя я дѣлалъ самъ и получалъ впродолженіе этихъ девятнадцати мѣсяцевъ, или если бы захотѣлъ подробно разсказывать о различныхъ препятствіяхъ, замедлявшихъ это дѣло и едва не прервавшихъ его совершенно. Тѣ изъ моихъ читателей, которые готовятъ себя къ дипломатическому поприщу и которымъ могло бы быть полезно узнать все это дѣло, пусть ищутъ его въ архивахъ; прочимъ же я бы скоро надоѣлъ, если бы занялъ ихъ толками о политическихъ сплетняхъ. Они охотнѣе послѣдуютъ за мною по пути болѣе разнообразному и удобному, быстро переходя отъ одного предмета къ другому, отъ Петербургскихъ праздниковъ къ горамъ Кавказа, отъ сераля Татарскихъ хановъ и береговъ Крыма въ Украинскія степи, отъ разсказовъ о придворныхъ интригахъ къ описаніямъ сраженій Русскихъ съ Турками, со Шведами и Поляками, предпринявшими послѣднюю попытку, чтобы возвратить свою независимость.

Въ это время Императрица была нѣсколько встревожена извѣстіемъ объ уронѣ, который потерпѣло ея Кавказское войско послѣ нѣсколькихъ битвъ съ Чеченцами и Кабардинцами. Полковникъ Пьерри сжегъ нѣсколько ауловъ, былъ окруженъ горцами и погибъ вмѣстѣ со своимъ отрядомъ.

Тогда же сдѣлалось извѣстнымъ, что король Прусскій останавливаетъ торговыя сообщенія города Данцига по каналу между Вислой и Нейссой, учрежденіемъ таможень и фортовъ по этому пути, привлекаетъ такимъ образомъ въ свои владѣнія всю торговлю этого вольнаго города и сверхъ того тревожитъ его жителей разными угрозами и враждебными поступками. Екатерина покровительствовала гражданамъ Данцигскимъ и обѣщала обезпечить ихъ спокойствіе. Она написала Фридриху письмо и просила его не разстроивать ихъ взаимнаго согласія и не нарушать безопасности, которою пользовались жители Данцига и Поляки подъ ихъ общимъ покровительствомъ. Императрица поручила графу Безбородко сообщить мнѣ это, и онъ сказалъ мнѣ, что такая откровенность должна служить доказательствомъ Французскому королю, какъ искренно Императрица желаетъ дѣйствовать сообща съ нимъ для утвержденія мира въ Европѣ. Откровенность Государыни въ этомъ случаѣ убѣдила меня, что, опасаясь безчисленныхъ препятствій къ исполненію своихъ замысловъ, она начинала освобождаться отъ предубѣжденій противъ насъ и была уже расположена содѣйствовать намъ въ утвержденіи мира.

Знаки довѣрія Государыни ко мнѣ произвели на разныя лица различное дѣйствіе. Министры сдѣлались ко мнѣ внимательнѣе. Графъ Гёрцъ уже не скрывалъ своей враждебности. Великій князь, всегда хорошо расположенный ко мнѣ, даже до пристрастія, пересталъ со мною говорить. Наконецъ, графъ Кобенцель старался тѣснѣе сблизиться со мною, но больше какъ придворный, нежели какъ посланникъ. Черезъ Кобенцеля узналъ я, что слаженный имъ торговый договоръ не приводится къ окончанію за споромъ о первенствѣ въ подписяхъ акта, потому что Императоръ хотѣлъ подписаться первый, а Императрица не хотѣла поставить имя свое послѣ него. Мнѣ сказали, что дѣло это должно было уладиться такимъ образомъ, что въ Вѣнѣ напишутъ актъ на Нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ первымъ подпишется Іосифъ II, а въ Петербургѣ—на Русскомъ, гдѣ поднись Екатерины будетъ выше, а потомъ соединятъ эти двѣ бумаги.

Я былъ предувѣдомленъ, что нѣсколько Французскихъ габаръ*) пристанутъ къ Кронштадту. Онѣ прибыли, и снова начались толки о платежѣ пошлинъ. Въ другое время изъ-за этого вышли бы неудовольствія; но такъ какъ на меня уже смотрѣли другими глазами, то и обѣщали кончить это дѣло полюбовно. Императрица прекрасно приняла нашихъ морскихъ офицеровъ; они веселились въ столицѣ и были приглашены на спектакль въ Царское Село. Между тѣмъ какъ въ Петербургѣ со мною обходились такъ дружелюбно, графъ Шуазель писалъ мнѣ изъ Константинополя, что дѣйствія Русскаго посланника вовсе несогласно со вниманіемъ, которое мнѣ оказывалось, и съ дружелюбными увѣреніями, мнѣ данными. Онъ извѣщалъ меня, что Булгаковъ старается возбудить въ Туркахъ недовѣрчивость къ намъ; что онъ не допускаетъ ихъ согласиться на пропускъ нашихъ судовъ въ Черное море и подстрекаетъ Русскихъ агентовъ въ Архипелагѣ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ насъ. Поэтому, съ одной стороны казалось, что Русское правительство сближалось съ нами и покидало замыслы о завоеваніяхъ, съ другой стороны, въ Константинополѣ и Греціи, подготовляло все для исполненія своихъ намѣреній, на случай разрыва съ Портою, что могло произойти вскорѣ. Однакоже, Потемкинъ, казалось, исключительно занятъ былъ дѣлами торговыми, а не военными. По указу Императрицы, онъ получилъ восемнадцать милліоновъ для скорѣйшаго совершенія предпріятій, начатыхъ имъ въ южномъ краѣ. Иностранцамъ, которые пожелали бы селиться въ тѣхъ мѣстахъ, обѣщана была свобода отъ платежа податей на пять лѣтъ.

Въ это время Прусскій король гласно сообщилъ Екатеринѣ II,

*) Габара—грузное судно.

что союзъ курфирстовъ окончательно составился съ цѣлью поддерживать и защищать Германскихъ князей отъ честолюбивыхъ намѣреній Іосифа II. Это извѣстіе возбудило неудовольствіе Екатерины и вмѣстѣ съ тѣмъ усилило ея желаніе соединиться съ нами, чтобы нашимъ посредничествомъ предотвратить войну, повидимому, готовую вспыхнуть тогда въ Германіи. Я воспользовался этимъ положеніемъ дѣлъ и повторилъ свои жалобы о томъ, что Русское правительство медлило исполнить свое обѣщаніе и удовлетворить Марсельскихъ купцовъ за убытки, понесенные ими въ послѣднюю войну. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, 6 Сентября 1785 г., графъ Безбородко извѣстилъ меня письмомъ, что это дѣло окончено, и что при первомъ совѣщаніи вицеканцлеръ, по приказанію Государыни, сообщитъ мнѣ судебный приговоръ по этому дѣлу, равно какъ и обо всѣхъ распоряженіяхъ, какія будутъ сдѣланы для исполненія этого приговора. Вознагражденіе было скудное. Купцы наши получили только часть того, что̀ требовали по праву. Но такъ какъ нѣкоторые изъ ихъ исковъ не были подкрѣплены достаточными доказательствами, то они могли считать за счастье, что возвратили хотя долю имущества, которое уже давно считали потеряннымъ.

Въ это время Екатерина, болѣе щедрая на подарки, чѣмъ министры ея въ своихъ платежахъ, блистательнымъ образомъ изъявила свою милость естествоиспытателю Палласу *). Она была такъ добра и великодушна, что вошла въ его домашнія нужды. Палласъ искалъ случая продать свое собраніе произведеній природы, чтобы составить приданое дочери своей. Императрица, узнавъ объ этомъ, велѣла спросить его, во сколько онъ цѣнилъ свои вещи, и онъ назначилъ 15,000 рублей. Когда Императрицѣ сообщили это, она написала ученому академику, что онъ весьма свѣдущъ въ естественныхъ наукахъ, но не умѣетъ накопить приданаго, и прибавила, что беретъ его собраніе за 25,000 рублей, предоставляя ему право пользоваться имъ по смерть.

Конецъ этого года прошелъ безъ особенныхъ происшествій, за исключеніемъ мира между императоромъ и Голландіею, заключеннаго посредствомъ нашего двора. Извѣстіе о подписаніи предварительныхъ бумагъ объ этомъ мирѣ обрадовало Императрицу и ея министровъ, и удовольствіе ихъ, казалось, было искреннее, чего я не ожидалъ прежде. Военныя дѣйствія на Кавказѣ продолжались. Черкесы, въ одномъ жаркомъ дѣлѣ, были разбиты и потеряли до 1000 человѣкъ. Австрійскій посолъ сообщилъ мнѣ свой торговый договоръ, написанный, по взаимному соглашенію, въ двухъ экземплярахъ. Договоромъ этимъ Импера-

*) Академикъ Петръ Симонъ Палласъ, извѣстный ученый и путешественникъ, род. 1741, ум. 1811 г.

торъ и Императрица уменьшили на ¼ пошлины, взимаемыя на таможняхъ обоихъ государствъ. Съ Кронштадтскихъ доковъ спущены были два корабля: одинъ 100 пушечный, другой 74 пушечный. Я присутствовалъ при этомъ торжествѣ вмѣстѣ съ Императрицею. Благоволеніе ея ко мнѣ до тѣхъ поръ было неизмѣнно.

Но скоро совершенно непредвидѣнный случай подалъ Русскому правительству поводъ къ неудовольствію и сомнѣніямъ на счетъ искренности нашихъ дружелюбныхъ увѣреній. Одинъ Русскій чиновникъ, посланный въ Персію съ подарками шаху, былъ тамъ обиженъ и ограбленъ. Тогдашній шахъ оказывалъ покровительство Кавказскимъ и Дагестанскимъ племенамъ во вредъ Россіи. Другой чиновникъ, болѣе счастливый, былъ милостиво принятъ шахомъ. Съ помощью нѣсколькихъ Англичанъ онъ успѣлъ перехватить переписку Феррьера-Совбёфа, Французскаго агента, будто-бы посланнаго для того, чтобы вооружать Персіянъ противъ Русскихъ. Потемкинъ въ сердцахъ обратился ко мнѣ съ жалобой на этотъ поступокъ, несогласный съ дружественными увѣреніями нашего двора. Мы жарко поспорили. Напрасно старался я доказать ему, что чиновники, не имѣющіе главныхъ дипломатическихъ порученій, обязаны только сообщать свѣдѣнія о положеніи страны, куда они посланы; что они не заслуживаютъ никакого довѣрія, когда выходятъ изъ границъ даннаго имъ порученія съ цѣлію придать себѣ болѣе вѣса и не имѣя на то никакого полномочія. Я сказалъ ему, что у насъ болѣе причинъ жаловаться на безпрестанныя козни и непріязненное поведеніе не только тайныхъ лазутчиковъ, но самихъ Русскихъ консуловъ въ Архипелагѣ. «А, такъ вотъ что! Вы опять почувствовали слабость къ Туркамъ, сказалъ Потемкинъ, голосомъ болѣе ласковымъ; согласитесь, что я не безъ основанія величаю васъ иногда *Сегюръ-ефендіемъ*. Впрочемъ вѣдь я сообщу вамъ перехваченныя письма, и посмотримъ, каковы-то будутъ объясненія вашего правительства».

Не смотря на шуточную выходку, заключившую этотъ разговоръ, вслѣдъ за тѣмъ однако со мною стали обращаться холоднѣе, что нѣсколько замедляло ходъ моихъ дѣлъ. Я отослалъ графу Верженю перехваченныя и переданныя мнѣ бумаги и предупредилъ объ этомъ Шуазеля. Оба они, вслѣдствіе этого происшествія, увидѣли необходимость умѣрять тревожное рвеніе нашихъ тайныхъ агентовъ и осторожнѣе вести свою переписку. Впрочемъ, опрометчивый поступокъ этого посланца, который не удовольствовался ролью простаго наблюдателя, былъ скоро забытъ. Персидскій тронъ занялъ другой шахъ, болѣе расположенный къ Россіи.

Наконецъ, я былъ уполномоченъ на заключеніе договора. Императрица, съ своей стороны, назначила уполномоченными графовъ Остермана, Безбородку, Воронцова и г. Бакунина [1]). Мы начали совѣщаться, но на первый разъ еще далеко не установили основныхъ условій договора. Главная остановка была за нашими винами: ихъ не хотѣли уравнять, относительно пошлинъ, съ винами Испанскими и Португальскими. Мы согласились только, какою монетою платить пошлины и какъ рѣшать тяжбы, но никакъ не могли установить тарифъ. Министры обѣщали мнѣ по возможности скоро передать актъ договора, ими составленный. Мѣжду тѣмъ я препроводилъ въ Версаль записку, содержащую мнѣнія Русскихъ уполномоченныхъ, присоединивъ къ нимъ мои замѣчанія.

Императрица объявила мнѣ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Крымъ. Съ обычною своею любезностью она прибавила, что если эта поѣздка для меня будетъ любопытна, то она съ удовольствіемъ согласится имѣть меня своимъ спутникомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, она дала мнѣ, для библіотеки короля, экземпляръ книги Flora Rossica [2]).

Императрица была очень довольна, когда узнала о заключеніи мира Іосифа II съ Голландскими штатами, но неравнодушно встрѣтила извѣстіе о союзномъ актѣ Франціи съ этою республикою. Союзъ этотъ возбудилъ неудовольствіе Императрицы потому, что лишалъ ее надежды поддержать вліяніе свое на Голландію. Казалось даже, что холодность ея къ Англичанамъ съ этого времени нѣсколько уменьшилась. Фитцъ-Гербертъ воспользовался этимъ случаемъ и предложилъ Русскимъ министрамъ переговорить о возобновленіи торговаго договора съ Англіею, которому наступалъ срокъ въ концѣ 1786 года.

Одинъ новый указъ перетревожилъ тогда всѣхъ Петербургскихъ купцовъ. Указомъ этимъ предписывалось всѣмъ торгующимъ лицамъ вписываться въ гильдіи и объявлять правительству свои капиталы. Эта мѣра многимъ не понравилась, и они жаловались Императрицѣ. Нѣсколько Французовъ имѣли по этому случаю неудовольствія съ полиціею, но я все уладилъ.

На восточномъ и южномъ краяхъ имперіи дѣла принимали дурной оборотъ. И въ Европѣ, и въ Азіи опасались войны. Ахалцихскій паша напалъ на Грузію. Новый пророкъ, Мансуръ, возбуждалъ къ войнѣ

---

[1]) Тайный совѣтн. Петръ Васильевичъ Бакунинъ, членъ Иностранной Коллегіи, ум. 1786 г.

[2]) Flora Rossica, сочиненіе Палласа, великолѣпно изданное С.-Пб. Акад. Наукъ въ двухъ томахъ въ 1785—1790 годахъ. Вслѣдъ за Латинскимъ подлинникомъ изданъ былъ и Русскій переводъ этого сочиненія; экземпляры каждаго были разосланы по губерніямъ.

жителей Кавказа; Кубанскіе Татары готовились вмѣстѣ съ Лезгинами и Турками сдѣлать набѣгъ на Имеретію. Наконецъ, Турецкій гарнизонъ Очакова производилъ грабежи въ предѣлахъ Россіи. Потемкинъ снова сталъ недовѣрчивъ и считалъ насъ зачинщиками этихъ смутъ. Въ пылу негодованія онъ приказалъ всѣмъ офицерамъ быть при своихъ полкахъ, усилилъ войска на Кавказской линіи и объявилъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ самъ приметъ начальство надъ арміей и выступитъ за Кубань. Таковы были зловѣщія предзнаменованія, которыя въ концѣ 1785 года указывали на скорый, почти неизбѣжный разрывъ съ Портою.

Въ этихъ обстоятельствахъ удалось мнѣ достать весьма подробную и весьма любопытную записку о разныхъ племенахъ, населявшихъ Кавказъ, о силѣ, нравахъ, законахъ этого разнообразнаго и многочисленнаго народонаселенія, которое почти все говорило на разныхъ языкахъ и въ которомъ сохраняются еще обычаи и имена многихъ древнихъ народовъ, какъ напр. Оссовъ, Аваровъ, нѣкогда могущественныхъ. Въ скалахъ Кавказа живутъ еще ихъ остатки, которыхъ не истребили послѣдовательные набѣги Гунновъ и Татаръ, опустошавшихъ равнины Скиѳіи прежде, чѣмъ навести страхъ на Европу и простирать свои набѣги до средоточія двойной имперіи цезарей.

Если бы весьма важная записка эта о странѣ, совершенно неизвѣстной на Западѣ, не была слишкомъ длинна, мнѣ слѣдовало бы привести ее всю; но этимъ замедлилось бы мое изложеніе. Для любопытства моихъ читателей, можетъ быть, достаточно будетъ извлечь страницу-другую *о довольно странныхъ нравахъ Кабардинцевъ, племени Черкасскаго.* Записка показалась мнѣ тѣмъ болѣе важною, что она тайная и составлена генераломъ Павломъ Потемкинымъ съ замѣтками генерала Апраксина на поляхъ.

Кавказъ, у древнихъ мѣстность казни Прометея, это хребетъ горъ отдѣляющій Европу отъ Азіи. На Востокѣ у него Каспійское море, на Западѣ Черное, на Сѣверѣ двѣ рѣки, Терекъ и Кубань; на Югѣ рѣка Кура, которая течетъ во всю длину его высокаго хребта. Ущелья этихъ горъ были когда-то укрѣплены. Еще видны развалины стѣнъ и воротъ, называемыхъ нѣкогда *воротами Каспійскими.* Новое укрѣпленіе, построенное Русскими, получило названіе Георгіевскаго, въ память имени Потемкина.

Населяющія Кавказъ племена вообще подчинены властямъ мусульманскимъ и Русскимъ, но болѣе на словахъ, нежели на дѣлѣ; по большей части они возстаютъ и нерѣдко возвращаютъ себѣ свободу оружіемъ. Кубанскіе Татары и Лезгины почти постоянно защищали свою независимость. Абхазцы, по ненависти къ Русскимъ, были болѣе вѣрны

Туркамъ. Чеченцы довольно часто дрались съ Московскимъ войскомъ, но изо всѣхъ этихъ племенъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Черкесовъ, кажется самыя замѣчательныя пространствомъ, которое они занимаютъ нравами, правленіемъ, отвагою и, наконецъ плодородностью своихъ пастбищъ и полей—двѣ Кабарды. Стада у нихъ многочисленны. Они снабжаютъ хлѣбомъ Оссовъ и Аваровъ. Ихъ земля производитъ лошадей отличной породы. Цѣна ихъ лошади въ Петербургѣ отъ 300 до 1000 рублей. Онѣ малорослы, но за то до чрезвычайности рѣзвы и невѣроятно выносливы. Ихъ гибкость такова, что я видалъ въ Петербургѣ, какъ Кабардинскіе князья, сидя на нихъ, вертѣлись въ кругу на половину меньшемъ того мѣста, которое бы они заняли, если бы легли. Главная сила Кабардинцевъ ихъ конница. Эти вояки носятъ кольчугу, художественно сдѣланную; она у нѣкоторыхъ покрываетъ голову, спускается до колѣнъ. Иногда у нихъ ружье, но чаще стрѣлы которыми они дѣйствуютъ съ чудесною ловкостью. Генералъ Апраксинъ разсказывалъ, что, въ одномъ очень жаркомъ бою, Кабардинцы причинили его войску болѣе вреда своими стрѣлами, нежели пулями-стрѣла, пущенная издалека, вонзалась до самаго пера въ человѣческое и конское тѣло. Съ перваго натиска, они убили или повалили семьдесятъ Русскихъ всадниковъ изъ четырехсотъ.

Вообще Черкесы выражали подчиненіе Императрицѣ только для того, чтобъ получать отъ нея подарки. Признательность ихъ кратковременна, и приходилось почти постоянно воевать съ ними. Однако Екатерина, рѣшившись подчинить себѣ всѣ эти племена и утвердить свою надъ ними власть, чтобы обезопасить Грузію, отъ ихъ и Лезгинскихъ вторженій учредила въ то время, какъ я пріѣхалъ въ Россію, новую губернію Кавказскую съ главнымъ городомъ Екатеринодаромъ. Эта губернія должна, говорятъ, простираться отъ Дона до границъ Арменіи и отъ Кубани до Урала. Въ ея вѣдѣніи будутъ двѣ страны съ многочисленнымъ населеніемъ.

Кабардинцы состоятъ изъ трехъ Черкасскихъ племенъ, одной и той же породы, происшедшей, какъ говорили, отъ князя Кесса, нѣкогда пришедшаго изъ Аравіи и подчинившаго себѣ всѣ Кавказскіе народы. Династія этого князя была многочисленна; всѣ ея вѣтви находились долго подъ властью семейнаго главы; но въ концѣ прошедшаго столѣтія другіе князья возмутились противъ него и убили его самаго, также и его дѣтей. Эти князья, необыкновенно плодовитые, размножились, и до того обѣдняли, что имъ осталось жить только разбойничествомъ, которое скоро вошло въ общій обычай и признано какъ бы законнымъ правомъ.

Когда у князя родится мальчикъ, онъ поручаетъ его *узденю* или благородному Черкесу, который раститъ его на свой счетъ, пріучаетъ къ военному дѣлу и къ смѣлому хищничеству, дабы онъ могъ потомъ обогатиться и прославиться. Въ свой чередъ, выросшій воинственный питомецъ, въ награду за трудъ наставника, отдаетъ ему большую часть добычи, а себѣ оставляетъ только десятую.

Прежде воля главы народа заступала мѣсто закона, управленіе было военное и неограниченное. Потомъ оно перешло во что-то въ родѣ республики и раздѣлено на князей и благородный людъ; наконецъ, въ угоду недовольному народонаселенію, на общемъ большомъ совѣтѣ, избраны старики для поддержанія порядка. Рѣшенія собранія служили закономъ, но этотъ законъ былъ кратковременный. Самый священный обѣтъ для Кабардинца есть клятва на Алькоранѣ, но рѣдко онъ остается вѣренъ ей долѣе года. Черкесы, нѣкогда идолопоклонники, потомъ христіане и недавно обратившіеся въ магометанству, не очень чтутъ эти различныя вѣроисповѣданія и еще менѣе ихъ нравственныя предписанія. Недавно князья благородные и выборные отъ народа рѣшили единогласно не допускать въ Кабарду Армянъ; прошло немного мѣсяцевъ, и они призвали ихъ къ себѣ. Будучи магометанами, народы эти питаютъ по привычкѣ особенное благоговѣніе къ мѣсту, называемому *Татарлуфъ*, гдѣ видны еще развалины древней Греческой церкви. Эти развалины суть мѣсто священнаго убѣжища, и при всемъ ихъ легкомысліи, они почти никогда не нарушаютъ клятвы, данной съ названіемъ *Татарлуфа*.

Пища этихъ горцевъ состоитъ обыкновенно изъ вареной баранины и каши. Генералъ Потемкинъ утверждаетъ что иногда между двумя Кабардинскими князьями возникаютъ изъ-за куска баранины такія же важныя пререканія, которыя были между Агамемнономъ и Ахиллесомъ и которыя такъ поэтически облагорожены геніемъ Гомера.

Женщины у нихъ, столь же воинственныя какъ ихъ мужья, возбуждаютъ, поддерживаютъ и воспламеняютъ ихъ отвагу. Генералъ Апраксинъ былъ свидѣтелемъ насмѣшекъ надъ мужьями, вернувшимися домой послѣ испытаннаго пораженія.

Тѣже нравы у Чеченцевъ, Аваровъ, Каракалпаковъ, Андовъ, Алагиновъ, Гребенщиковъ, Ингушей, Оссовъ, Сигоровъ, и др. Особымъ управленіемъ отличаются Кумоники, происходящіе отъ Огровъ или Маджарскихъ Венгровъ. Развалины Маджаръ существуютъ еще въ степи на пути изъ Черкаска въ Моздокъ. Судя по ихъ пространству, видно, что Маджары были нѣкогда значительнымъ городомъ.

Война Русскихъ на Черкесовъ, предпринятая сначала для прекращенія разбоевъ, до моего пріѣзда въ Петербургъ, повидимому, не

имѣла важности. Нѣсколько Кавказскихъ князей поселились даже въ Россіи и служили въ Русской арміи. Я встрѣчалъ при дворѣ Екатерины и принималъ у себя Кабардинскихъ князей, прибывшихъ для того, чтобы испросить у Императрицы пощады своему народу. Они показывали мнѣ свое оружіе, которымъ они владѣли съ большимъ искусствомъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ на всемъ скаку и въ значительномъ разстояніи они сшибали стрѣлою шапку, повѣшенную на шестѣ. Я сохранилъ рисунки, гдѣ они изображены въ своей военной одеждѣ со стальной сѣткой. Тогда какъ они въ столицѣ только и твердили, что о своей покорности, единоплеменники ихъ нападали на Русскихъ. Борьба съ ними со дня на день становилась затруднительнѣе, потому что силы ихъ росли при содѣйствіи другихъ народовъ, Лезгинъ и даже Турокъ, которые подъ предводительствомъ Ахалцихскаго паши вторгались въ Имеретію и Грузію.

Въ тоже время на краю Азіи возникли раздоры между Русскими и Китайцами, за то, что послѣдніе завладѣли островомъ на Амурѣ и выстроили крѣпость. Китайскій императоръ написалъ Екатеринѣ обидное письмо, и она была принуждена, съ большими издержками, посылать въ глубь Сибири войско и пушки. Я, можетъ быть, былъ единственный Европеецъ, котораго могли занимать и тревожить эти смуты: графъ Воронцовъ, президентъ Коммерцъ-Коллегіи, изъявилъ намѣреніе ѣхать на Китайскую границу; а отъѣздъ его могъ бы пріостановить наши торговыя совѣщанія, можетъ быть, на цѣлый годъ. Давно уже высокомѣрный владыка Китая оскорблялъ самолюбіе Императрицы, привыкшей внушать уваженіе. Въ началѣ ея царствованія многочисленное Калмыцкое племя, населявшее сѣверо-восточныя прибрежныя равнины Каспійскаго моря, вздумало освободиться отъ тяжолыхъ для нихъ налоговъ и законовъ, установленныхъ Русскимъ правительствомъ. Вдругъ, въ одинъ день и въ тотъ же часъ, сто пятьдесятъ Калмыцкихъ семействъ складываютъ свои шатры, навьючиваютъ ихъ на кибитки, сѣдлаютъ коней, собираютъ стада и уходятъ на Востокъ. Послѣ двухлѣтняго перехода они достигли границы Китая и отправили къ Китайскому императору посланіе, съ просьбою дать имъ пристанище. Это неожиданное посѣщеніе двухъ-трехъ сотъ тысячъ пришельцевъ нисколько не встревожило, а напротивъ польстило Китайскому императору. Онъ далъ имъ земли и посреди ихъ поселенія воздвигъ пирамиду съ надписью, провозглашавшей его владыкою монарховъ всего свѣта. Въ ней сказано было: «иные завоевываютъ золотомъ и мечемъ, истощаютъ всѣ силы свои, чтобы съ большими издержками и затрудненіями овладѣть нѣсколькими городами, нѣсколькими мѣстечками; насъ же боятся и уважаютъ, наши законы мудры, подданные счастливы, и мы видимъ,

что цѣлые народы, изъ самыхъ дальнихъ странъ, приходятъ и покоряются нашей власти». Хотя Императрица порою и смѣялась надъ этими выходками Азіатскаго хвастовства, однако самая насмѣшка эта обнаруживала ея скрытую досаду.

Впрочемъ, среди этихъ политическихъ хлопотъ, Русскіе министры, по приказанію Государыни, продолжали вести переговоры со мною и Фитцъ-Гербертомъ. Хотя возобновленіе прежняго договора легче составленія новаго, однако соглашеніе съ Фитцъ-Гербертомъ подвигалось также медленно, какъ со мною. Съ одной стороны, царскіе уполномоченные были ужасно осторожны, даже до мелочности, съ другой же обвиняли насъ въ упрямствѣ и излишней щекотливости. Они привыкли, чтобы все дѣлалось, какъ они хотѣли, и потому наша твердость имъ не нравилась. Когда я явился на первое совѣщаніе, то къ удивленію замѣтилъ, что, наперекоръ правилу учтивости, требующему уваженія къ иноземцамъ, они усѣлись за длиннымъ столомъ на главномъ концѣ [1]) и по бокамъ, а мнѣ оставили мѣсто на другомъ концѣ. Чтобы избѣгнуть непріятностей, я не подалъ вида, что замѣтилъ это. Но на слѣдующій разъ я поспѣшилъ войти въ залъ вмѣстѣ съ другими и сѣлъ на диванъ, стоявшій у главнаго конца стола. Кажется, это удивило, но было замолчено. Зато, во время переговоровъ уполномоченные выказали свою досаду: спорили о каждой статьѣ и передали мнѣ составленную ими записку, гдѣ пошлины на наши вина не были убавлены ни на копѣйку. Впрочемъ, урокъ, который я имъ далъ, удался совершенно, потому что при всѣхъ послѣдовавшихъ за тѣмъ совѣщаніяхъ мы садились за круглый столъ, и потому всѣ мѣста были равны.

Нравъ четырехъ уполномоченныхъ особенно затруднялъ меня. Графъ Остерманъ, человѣкъ благонамѣренный, но простоватый, никакъ не могъ забыть успѣха, съ которымъ Вержень дѣйствовалъ противъ него, когда они были вмѣстѣ послами въ Швеціи. Съ тѣхъ поръ онъ былъ нерасположенъ къ намъ. Графъ Воронцовъ, человѣкъ способный, но придирчивый и упрямый, держалъ себя строго и возставалъ противъ роскоши. Онъ, кажется, хотѣлъ, чтобы Русскіе пили только медъ и одѣвались въ платье домашняго издѣлія. Потемкинъ его ненавидѣлъ, товарищи его боялись. Императрица не слишкомъ любила его, но уважала и почти безусловно предоставила на его волю торговыя дѣла. Такъ какъ его братъ [2]) былъ весьма любимъ въ Англіи и

---

[1]) Въ дипломатическихъ собраніяхъ конецъ стола, удаленный отъ входа, считается почетнымъ, и обычай, по которому помѣщаются дипломаты на первыя мѣста, называется правомъ предсѣдательства (la préséance).

[2]) Графъ Семенъ Романовичъ, род. 1744 г., ум. 1832, съ 1784 по 1806 годъ былъ посломъ въ Лондонѣ.

пользовался тамъ большимъ вѣсомъ, то онъ охотнѣе покровительствовалъ Англичанамъ, чѣмъ намъ. Что касается до Бакунина, то онъ былъ совершенно преданъ Англичанамъ. Другіе министры не слишкомъ-то уважали его. Онъ когда-то очернилъ себя такимъ неблагодарнымъ поступкомъ въ отношеніи къ графу Панину [1]), что великій князь не хотѣлъ принимать его къ себѣ [2]). Всю свою надежду полагалъ я на графа Безбородко. Умный, ловкій и уступчивый, но отчасти слабый, онъ нѣсколько помогалъ мнѣ въ моихъ дѣлахъ съ тѣхъ поръ, какъ ему показалось, что Императрица желаетъ имъ успѣха. Но онъ не могъ устоять противъ продѣлокъ Бакунина и рѣшительности Воронцова, желавшаго разными запрещеніями и пошлинами уменьшить ввозъ въ Россію всевозможныхъ иностранныхъ произведеній.

Въ борьбѣ съ такими препятствіями Потемкинъ служилъ мнѣ твердою опорою. Врагъ мелочныхъ расчетовъ, съ широкимъ взглядомъ на торговлю, онъ твердо защищалъ меня противъ Воронцова, который мѣшалъ ему и кололъ глаза своимъ вѣсомъ. Но чудакъ-князь, порою столь геніально-проницательный, часто оказывался непостояннымъ, какъ дитя. Обширныя предпріятія подстрекали его дѣятельность, мелочныя заботы его утомляли. Никто не соображалъ съ такою быстротою какой либо планъ, не исполнилъ его такъ медленно и такъ легко не забывалъ. Вдругъ заводилъ онъ фабрики и такъ же скоро покидалъ ихъ. Онъ всегда былъ готовъ продать то, что̀ купилъ, и разорить то, что̀ создалъ. Случалось, что онъ оставлялъ бумагу, касающуюся политики или торговли, для какой нибудь музыкальной пьесы или стиховъ и часто изъ легкомыслія упускалъ изъ виду дѣла, требующія постоянства и труда. Вотъ почему дѣятельность его соперниковъ и собственная лѣнь иногда мѣшали его вліянію на Государыню умную, проницательную и умѣвшую справедливо цѣнить какъ его достоинства, такъ и недостатки.

Чтобы лучше представить живость его ума, твердость памяти и легкомысліе, я разскажу одинъ его поступокъ, который въ то время меня очень разсердилъ и чуть было не поссорилъ съ нимъ. Однажды я попросилъ у него свиданія, чтобы переговорить съ нимъ объ одномъ торговомъ заведеніи, основанномъ по его желанію г. Антуаномъ, Марсельскимъ уроженцемъ (нынѣ барономъ) Сенъ-Жозефомъ, близъ Херсона. Князь принялъ меня и попросилъ прочесть толстую, полную

---

[1]) Графъ Никита Ивановичъ, дѣйств. тайн. сов. 1-го кл., первенствующій министръ, род. 1718 г., ум. 1783 г.; былъ воспитателемъ в. кн. Павла Петровича, который всегда сохранилъ къ нему благосклонныя отношенія.

[2]) Болѣе снисходительныя извѣстія о Бакунинѣ въ соч. кн. Вяземскаго: „Фонъ-Визинъ“.

расчетовъ и цифръ тетрадь, представленную мнѣ этимъ негоціантомъ, извѣстнымъ по своему кредиту, богатству, свѣдѣніямъ и честности; въ трудѣ своемъ онъ жаловался на мѣстное начальство, всячески мѣшавшее ему, и предлагалъ мѣры для устраненія препятствій, замедлявшихъ успѣхъ его предпріятій. Но каково было мое удивленіе, когда я замѣтилъ, что пока я читалъ эту записку, безъ сомнѣнія достойную вниманія, къ князю входили одинъ за другимъ священникъ, портной, секретарь, модистка, и что всѣмъ имъ онъ давалъ приказанія. Когда я хотѣлъ остановиться, онъ настоятельно просилъ меня продолжать. Эта странная невѣжливость меня бѣсила, и я спѣшилъ дочитать. Когда я кончилъ, и онъ хотѣлъ взять у меня тетрадь, я удержалъ ее и сказалъ ему довольно сухо, что не привыкъ къ такому невниманію и безпечности, когда дѣло идетъ о важномъ предметѣ, и что въ подобныхъ случаяхъ впередъ буду относиться къ графу Воронцову. Онъ улыбнулся и сказалъ, что хорошо все выслушалъ; я не повѣрилъ, ушелъ и довольно долго не говорилъ съ нимъ о дѣлахъ. Не прошло трехъ недѣль, какъ я получилъ отъ г. Антуана письмо, гдѣ онъ меня благодарилъ за скорое исполненіе его порученія. Онъ писалъ мнѣ, что Потемкинъ отвѣчалъ ему обстоятельно на всѣ пункты его донесенія и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, чтобы облегчить его и упрочить успѣхъ его предпріятія. Я тотчасъ же поспѣшилъ къ князю. Только что вошелъ я, какъ онъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями и сказалъ: «Ну что, *батюшка*, развѣ я васъ не выслушалъ, развѣ я васъ не понялъ? Повѣрите ли вы наконецъ, что я могу вдругъ дѣлать нѣсколько дѣлъ, и перестанете ли дуться на меня». Я поцѣловалъ его и благодарилъ, крайне удивляясь живости его способностей.

Чѣмъ благосклоннѣе князь становился ко мнѣ, тѣмъ болѣе я опасался его отсутствія. Онъ все еще сбирался принять начальство надъ Кавказскою арміею. Къ счастію, подоспѣло извѣстіе, измѣнившее его намѣреніе. Фанатикъ *Мансуръ*, лжепророкъ, во имя Магомета вооружилъ Кабардинцевъ и другія Черкесскія племена, и они толпами врывались въ Русскія области съ изувѣрствомъ, которое усиливало ихъ природную отвагу. Они ждали себѣ вѣрной побѣды. Ихъ предводитель поклялся Аллахомъ, что пушки христіанъ не подѣйствуютъ противъ нихъ. Но при первой же стычкѣ, пушки, не слишкомъ-то уважающія пророковъ, не оправдали предсказанія и истребили множество мусульманъ. Тогда Мансуръ вздумалъ передъ каждымъ отрядомъ выставлять подвижные брустверы, утвержденные на дрогахъ съ четырьмя колесами и сплоченные изъ досокъ, между которыми былъ фашинникъ. Горцы, въ восторгѣ отъ этого необыкновеннаго изобрѣтенія и увѣренные, что за этою слабою защитою они пройдутъ невредимы, двинулись впе-

редъ. Но скоро Русская артиллерія разгромила эти преграды, и Черкесскія колонны были окружены, разбиты, уничтожены совершенно. Знамя пророка съ надписями изъ Алкорана было захвачено, и пророкъ погибъ или бѣжалъ. Я поспѣшилъ сообщить эту новость графу Шуазелю, котораго Турки обманывали тогда ложными извѣстіями о мнимыхъ побѣдахъ, будто бы одержанныхъ ими на Кавказѣ и въ Грузіи. Тогда же Вержень доставилъ мнѣ средства разсѣять сомнѣнія Потемкина на счетъ бумагъ, перехваченныхъ у нашего лазутчика въ Персіи. Онъ преступилъ данныя ему приказанія и получилъ за это выговоръ. Мнѣ нетрудно было доказать, что наши жалобы на дѣйствія Русскихъ консуловъ въ Архипелагѣ гораздо основательнѣе. Такимъ образомъ разсѣялись сомнѣнія, которыя этотъ случай возбудилъ въ умѣ Императрицы. Потемкинъ съ своей стороны также старался оправдать поступки Русскихъ консуловъ. Онъ доказывалъ мнѣ, что нужно готовиться къ войнѣ, что ее нельзя избѣжать, если Турки не перестанутъ снабжать оружіемъ Лезгинъ и Кавказскіе народы.

Екатерина II была ко мнѣ попрежнему благосклонна. Разъ, утромъ рано, входитъ ко мнѣ оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ съ толстой пачкой писемъ, журналовъ, книжечекъ и листковъ въ рукахъ и говоритъ мнѣ: «Ея величество поручила мнѣ передать вамъ эту посылку, присланную вамъ изъ Парижа на ея имя. Она велѣла вамъ сказать, что если ей еще пришлютъ такую же, то она пожелаетъ, чтобъ я купилъ маленькаго лошака для перевозки вашихъ вещей». Я чрезвычайно удивился, поблагодарилъ его, а онъ, безъ дальнихъ объясненій, вышелъ отъ меня, громко смѣясь. Я поспѣшно распечаталъ письма и въ одномъ изъ нихъ, отъ моей жены, нашелъ объясненіе всего этого. «Тебѣ, вѣроятно, покажется страннымъ, писала она, что я такъ легкомысленна и осмѣливаюсь адресовать на имя Императрицы большой пакетъ, который я тебѣ посылаю. Но виною этому баронъ Гриммъ: это сдѣлано по его желанію. Онъ знаетъ, какъ благосклонна къ тебѣ Государыня, и увѣрилъ меня, что она меня не осудитъ». Несмотря на это объясненіе, въ тотъ же вечеръ, на эрмитажномъ спектаклѣ, я подошелъ къ Императрицѣ и съ замѣтнымъ смущеніемъ началъ было извиняться; но она сказала мнѣ, улыбаясь: «Напишите отъ меня вашей супругѣ, что она можетъ впередъ пересылать вамъ черезъ мои руки все, что̀ хочетъ. По крайней мѣрѣ вы тогда можете быть увѣрены, что вашихъ писемъ не станутъ распечатывать». Императрица сказала правду: въ ея имперіи, какъ и вездѣ, чиновники раскрывали всякія письма и депеши. Это обыкновеніе не только безнравственное, но и опасное по злоупотребленіямъ, къ которымъ оно можетъ подать поводъ. Съ другой стороны, оно довольно безполезно, потому что всѣ это знаютъ и слѣд-

ственно пишутъ осторожно, а иные даже пользуются этимъ, чтобы понравиться разными обманчивыми похвалами *). Но такъ какъ Императрица вовсе не желала, чтобы министры задерживали жалобы ея подданныхъ, ей приносимыя, и заглушали голосъ правды, то она наказала бы со всею строгостію министра, который вздумалъ бы открыть письмо или какую-либо бумагу, посланную на ея имя.

Въ этомъ 1786 году Императрица истребила старинный обычай, по которому просьбы или бумаги на высочайшее имя подписывались такъ: *бьетъ челомъ рабъ твой такой-то*. Новымъ указомъ запрещено было употреблять это выраженіе и велѣно слово *рабъ* замѣнить словомъ *подданный*. Екатерина никогда не дѣйствовала такъ произвольно, какъ ея министры. Особенно Потемкинъ миловалъ и наказывалъ помимо законовъ, даже такихъ, которыхъ строгое исполненіе необходимо для общественной пользы. Нѣкто Кюмильякъ, представленный Потемкину мною и принятый въ Петербургскомъ обществѣ, такъ понравился князю, что когда ему вздумалось проѣхаться въ Константинополь и обратно, то онъ получилъ отъ князя разрѣшеніе *миновать карантинъ*.

Изъ этого видно, что съ Французами обходились ласково, хотя и завидовали ихъ успѣхамъ на поприщахъ военномъ и политическомъ и усиленію ихъ вліянія. Петербургскій кабинетъ былъ такъ недоволенъ извѣстіемъ, что Швеція приступила къ нашему союзу съ Голландіей, что запретилъ Шведамъ вывозить изъ Россіи хлѣбъ и лошадей. По той же причинѣ Русскіе министры выразили свое неудовольствіе Испанскому послу, но онъ съ достоинствомъ защищалъ нашъ мирный союзъ. На самомъ дѣлѣ союзъ этотъ возбуждалъ въ Русскомъ правительствѣ болѣе зависти, нежели опасенія.

Въ этомъ же году Императрица издала три новыхъ указа: первые два обрадовали купцовъ и дворянъ, третій огорчилъ Украинское и Малороссійское духовенство, потому что ставилъ его въ одинаковое положеніе съ прочимъ духовенствомъ имперіи, чѣмъ причинилъ ему убытки и лишилъ 200,000 душъ крестьянъ, перешедшихъ въ казенное вѣдомство. По части торговли была учреждена комиссія изъ пяти Русскихъ и пяти иностранныхъ негоціантовъ, для разсмотрѣнія и удовлетворенія жалобъ, представленныхъ купцами правительству. Еще одинъ указъ касался дворянъ. Назначенъ былъ выпускъ 33 милліоновъ банковыхъ билетовъ, изъ коихъ 22 милліона разрѣшено было раздать заимообразно

*) Екатерина, зная, что распечатываніе производится и другими правительствами, и посылая письма къ Вольтеру, Циммерману и др., прибѣгала къ этому средству, чтобы какимъ нибудь намекомъ встревожить тотъ или другой дворъ или польстить ему.

дворянству за восемь процентовъ [1]) и на двадцатилѣтній срокъ, до погашенія долга. Къ этимъ 22 милліонамъ присоединены были еще четыре милліона, составлявшіе фондъ прежняго заемнаго банка. Остальные 11 милліоновъ назначены были для займа купцамъ наравнѣ съ дворянами [2]), первымъ—подъ залогъ домовъ, вторымъ подъ залогъ земель. Банку разрѣшено было чеканить въ свою пользу мѣдную монету и мѣнять ее за границею на золото и серебро. Онъ долженъ былъ имѣть во всякое время достаточное количество этой монеты, чтобы мѣна дѣлалась въ пользу Россіи и чтобы ослаблять несоотвѣтствіе между билетами и монетою. Всѣхъ банковыхъ билетовъ указано выпустить не болѣе, какъ на сто милліоновъ. Князь Вяземскій [3]), говорятъ, горячо возставалъ противъ этой мѣры и написалъ по этому предмету цѣлое разсужденіе, но оно не понравилось Императрицѣ. Меня увѣряли, будто въ этой запискѣ онъ старался доказать, что чрезмѣрное умноженіе ассигнацій подорветъ кредитъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ассигнаціи прежняго банка уже не принимались либо ходили съ пониженіемъ. Князь представлялъ, что дворянству, уже и безъ того обѣднѣвшему, представлялся новый поводъ къ разоренію. Наконецъ онъ утверждалъ, что, распредѣливъ уплату на двадцатилѣтній срокъ, правительство потворствуетъ ростовщикамъ, потому что они скупятъ эти билеты и пустятъ ихъ впослѣдствіи въ оборотъ въ свою пользу. Но представленія князя не были уважены, потому что всѣ члены совѣта ея величества ожидали себѣ выгодъ отъ успѣха этого установленія, такъ какъ съ помощью его они могли уплатить свои долги. Вообще порицали этотъ указъ всѣ иностранные негоціанты. Они считали его не ясно составленнымъ и почти невозможнымъ къ исполненію.

Событія, предвѣщавшія войну, скоро отвлекли Государыню отъ ея законодательныхъ трудовъ. Шуазель полагалъ, что война неизбѣжна. Англійское правительство, имѣя въ виду разрушить нашъ торговый союзъ съ Россіею, подстрекало Турокъ помогать Татарамъ, Лезгинамъ и Ахалцыхскому пашѣ въ ихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи. Подготовляя разрывъ, Англія надѣялась уменьшить наше вліяніе въ

---

[1]) Пять процентовъ вмѣсто прежнихъ шести указныхъ и еще 3%, въ уплату капитала.

[2]) То есть городскимъ обывателямъ. Турецкая война 1787 г. помѣшала этому обороту, и деньги эти обращены были на военныя издержки. Объ этомъ подробнѣе см. въ „Дѣяніяхъ Екатерины II", Колотова, ч. III., стр. 52—67.

[3]) Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій, род. 1727 г., ум. 1793 г., по самую смерть занималъ должность генералъ-прокурора, въ которой соединялись нынѣшнія должности министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ.

Петербургѣ или даже совершенно уничтожить наше значеніе въ Константинополѣ.

Всѣ эти продѣлки снова пробуждали въ Императрицѣ прежнюю недовѣрчивость къ намъ, и со мною стали рѣже совѣщаться. Но въ личныхъ отношеніяхъ ко мнѣ Императрица была попрежнему любезна. Она пригласила меня отобѣдать съ нею въ новомъ дворцѣ, построенномъ княземъ Потемкинымъ. Въ этомъ дворцѣ была такая длинная галлерея съ колонадою, что столъ на пятьдесятъ приборовъ, накрытый въ одномъ концѣ, былъ едва замѣтенъ для входящихъ съ другого конца. За нею находился зимній садъ, столь обширный, что посрединѣ построена была бесѣдка, гдѣ могли свободно помѣститься пятьдесятъ человѣкъ, а между тѣмъ она вовсе не казалась слишкомъ огромною по величинѣ сада. Здѣсь князь далъ намъ самый необыкновенный концертъ. Это былъ хоръ роговой музыки, въ которомъ каждый трубачъ могъ брать только одну ноту. Несмотря на это, они легко и отчетливо исполняли самыя трудныя пьесы *).

Вице-канцлеръ также далъ большой ужинъ для Императрицы. На ту пору пріѣхалъ въ Петербургъ графъ Кюстинъ, и мнѣ хотѣлось, чтобы его тоже пригласили. Но такъ какъ онъ не былъ еще представленъ ко двору, то графъ Остерманъ не смѣлъ просить его къ себѣ. Я сообщилъ свое желаніе Государынѣ, и графъ тотчасъ же былъ приглашенъ.

Съ пышностью отпраздновавъ въ Петергофѣ Петровъ день, Императрица по обыкновенію воспользовалась этимъ торжественнымъ случаемъ, чтобы излить на многихъ свои милости. Графу Безбородку подарила она 4,000 душъ, графу Воронцову бриліанты къ ордену и 50,000 рублей. Шесть человѣкъ были пожалованы сенаторами, нѣсколько сановниковъ назначены губернаторами, и роздано много орденовъ.

Къ удивленію всего двора любимецъ Ермоловъ началъ тогда дѣйствовать противъ Потемкина и явно вредить ему во мнѣніи Императрицы. Крымскій ханъ Шагинъ-Гирей, оставляя свою власть, получилъ отъ Императрицы обѣщаніе, что его вознаградятъ и дадутъ ежегодное жалованье. Не знаю почему, уплата этой пенсіи была отложена. Ханъ, подозрѣвая Потемкина въ утайкѣ этихъ денегъ, написалъ жалобу и, чтобы она вѣрнѣе дошла къ Государынѣ, обратился къ любимцу ея

*) Хоръ роговой музыки былъ изобрѣтенъ Чехомъ Марешомъ и заведенъ оберъ-шталмейстеромъ Нарышкинымъ. Итальянскіе капельмейстеры, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, удивлялись этому необыкновенному оркестру и сочиняли для него пьесы. Хоръ, принадлежавшій Потемкину и состоявшій изъ 50 человѣкъ, былъ купленъ имъ за 40,000 рублей у фельдмаршала Разумовскаго.

Ермолову, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы возбудить Государыню противъ могущественнаго министра. Онъ думалъ, что успѣетъ свергнуть его. Всѣ недовольные высокомѣрнымъ княземъ присоединились къ Ермолову. Скоро Императрицу обступили съ жалобами на дурное управленіе Потемкина и даже обвиняли его въ кражѣ. Императрицу это чрезвычайно встревожило. Гордый и смѣлый Потемкинъ, вмѣстѣ того, чтобы истолковать свое поведеніе и оправдаться, рѣзко отвергалъ обвиненія, отвѣчалъ холодно и даже отмалчивался. Наконецъ онъ не только сдѣлался невнимательнымъ къ своей повелительницѣ, но даже выѣхалъ изъ Царскаго въ Петербургъ, гдѣ проводилъ дни у Нарышкина и, казалось, только и думалъ какъ бы веселиться и разсѣяться. Негодованіе Государыни было очень замѣтно. Казалось, Ермоловъ все болѣе успѣвалъ снискать ея довѣріе. Дворъ удивленный этой перемѣной, какъ всегда, преклонялся предъ восходящимъ свѣтиломъ. Родные и друзья князя уже отчаявались и говорили, что онъ губитъ себя своею неумѣстною надменностью. Паденіе его казалось неизбѣжно всѣ стали отъ него удаляться, даже иностранные министры. Фитцъ-Гербергъ велъ себя всѣхъ благороднѣе, хотя собственно и онъ радъ былъ паденію министра, который въ то время болѣе держалъ сторону Французовъ, нежели Англичанъ. Что касается до меня, то я нарочно сталъ чаще навѣщать его и оказывалъ ему свое вниманіе. Мы видались почти ежедневно, и я откровенно сказалъ ему, что онъ поступаетъ неосторожно и во вредъ себѣ, раздражая Императрицу и оскорбляя ея гордость.

«Какъ, и вы тоже хотите, говорилъ Потемкинъ, чтобы я склонился на постыдную уступку и стерпѣлъ обидную несправедливость послѣ всѣхъ моихъ заслугъ? Говорятъ, что я себѣ врежу; я это знаю, но это вздоръ: будьте покойны, не мальчишкѣ свергнуть меня; не знаю, кто бы посмѣлъ это сдѣлать». «Берегитесь, сказалъ я; прежде васъ и въ другихъ странахъ многіе знаменитые любимцы царей говорили тоже: кто смѣетъ? однако послѣ раскаевались». «Меня трогаетъ ваша пріязнь, отвѣчалъ мнѣ князь, но я слишкомъ презираю враговъ своихъ, чтобы ихъ бояться. Лучше поговоримте о дѣлѣ. Ну что вашъ торговый договоръ?» «Подвигается очень тихо, отвѣчалъ я; полномочные Государыни настойчиво отказываютъ мнѣ сбавить пошлины на вина». «Такъ стало быть, сказалъ Потемкинъ, это главная точка преткновенія? Ну, такъ потерпите, это затрудненіе уладится».

Мы разстались, и меня, признаюсь, удивили его спокойствіе и увѣренность. Мнѣ казалось, что онъ себя обманываетъ. Въ самомъ дѣлѣ гроза, повидимому, усиливалась. Ермоловъ принялъ участіе въ уп-

равленіи и занялъ мѣсто въ банкѣ вмѣстѣ съ графами Шуваловымъ [1]), Безбородкомъ, Воронцовымъ и Завадовскимъ [2]). Наконецъ повѣстили объ отъѣздѣ Потемкина въ Нарву. Родственники потеряли всякую надежду, враги запѣли побѣдную пѣснь, опытные политики занялись своими расчетами, придворные перемѣняли свои роли.

Я терялъ главнѣйшую свою опору и, зная, что Ермоловъ скорѣе мнѣ повредитъ, чѣмъ поможетъ, потому что считалъ меня другомъ князя, я уже опасался за успѣхъ моихъ дѣлъ, которыя и безъ того подвигались туго. Однако министры пригласили меня на совѣщаніе, послѣ короткихъ переговоровъ и нѣсколькихъ неважныхъ возраженій согласились на уменьшеніе пошлинъ съ нашихъ винъ высшаго разбора и даже подали мнѣ надежду на болѣе значительныя уступки. Обѣщанія князя исполнились, и я не зналъ, какъ сообразить это съ его паденіемъ, въ которомъ всѣ были увѣрены. Черезъ нѣсколько дней все объяснилось: отъ курьера изъ Царскаго Села узналъ я, что князь возвратился побѣдителемъ, что онъ приглашаетъ меня на обѣдъ, что онъ въ большей милости, чѣмъ когда либо, и что Ермоловъ получилъ 130,000 рублей, 4,000 душъ, пятилѣтній отпускъ и позволеніе ѣхать за границу. На подвижной придворной сценѣ зрѣлища перемѣняются какъ будто по мановенію волшебнаго жезла. Екатерина II назначила къ себѣ новаго флигель-адъютанта, молодого гвардейскаго офицера Мамонова [3]), человѣка отличнаго по наружности и по уму.

Когда я явился къ Потемкину, онъ поцѣловалъ меня и сказалъ: «Ну что, не правду ли я говорилъ, *батюшка?* Что, уронилъ меня мальчишка? Сгубила меня моя смѣлость? А ваши полномочные все такъ же упрямы, какъ вы ожидали? По крайней мѣрѣ, на этотъ разъ, господинъ дипломатъ, согласитесь, что въ политикѣ мои предположенія вѣрнѣе вашихъ».

Новый адъютантъ Государыни, покровительствуемый Потемкинымъ, дѣйствовалъ съ нимъ заодно. Онъ скоро показалъ мнѣ свое желаніе сблизиться со мною. Императрица дозволила ему принять приглашеніе, которое я ему сдѣлалъ. Чтобы показать намъ свое особенное внима-

---

[1]) Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ род. 1743 г., ум. 1780 г.

[2]) Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, впослѣдствіи дѣйств. тайн. сов. и министръ нар. просвѣщенія, род. 1738 г. ум. 1812 г.

[3]) Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ род. 19 Сентября 1758 г., былъ при дворѣ съ Августа 1786 до половины 1789 года, достигъ званія генералъ-адъютанта и генералъ-лейтенанта, 9 Мая 1788 г. возведенъ въ графы Римской имперіи; женатъ былъ на княжнѣ Дарьѣ Ѳеодоровнѣ Щербатовой, умеръ 29 Сентября 1803 г. Любопытныя подробности объ его отношеніяхъ см. въ Запискахъ Храповицкаго.

ніе, она, въ то время, какъ мы выходили изъ-за стола, тихонько проѣхала въ каретѣ мимо моихъ оконъ и милостиво намъ поклонилась.

Въ это время я получилъ письмо отъ принца Нассау-Зигена [1]), изъ Варшавы. Онъ просилъ меня выхлопотать ему дозволеніе провезти произведенія своихъ помѣстій подъ Русскимъ флагомъ черезъ Черное море въ Архипелагъ и Францію. Я передалъ его просьбу князю Потемкину, и онъ объявилъ мнѣ, что этого исполнить невозможно, что Русскаго флага не даютъ иностранцамъ, развѣ только, если они вступятъ въ Русское подданство и пріобрѣтутъ землю въ Россіи. Потемкинъ прибавилъ, что Императрица не расположена къ принцу, и не безъ причины, потому что, незадолго предъ тѣмъ онъ ѣздилъ въ Константинополь и былъ весьма расположенъ воевать съ Турками противъ Русскихъ. Когда, несмотря на этотъ отвѣтъ, я продолжалъ упрашивать князя, то моя настойчивость его удивила, и онъ спросилъ, отчего я такъ ревностно защищаю человѣка, не связаннаго со мною родствомъ. «Нассау, по настоящему, даже не соотечественникъ вашъ, говорилъ князь; по происхожденію онъ не Французъ, женился въ Польшѣ, и тамъ теперь его отечество». Тогда я разсказалъ ему о моемъ знакомствѣ съ принцемъ, о нашей ссорѣ, страшной дуэли и о томъ, какъ мы послѣ того поклялись во взаимной дружбѣ. Потемкинъ ничего не отвѣчалъ на это, но черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ мнѣ, что Императрица, въ доказательство своего вниманія ко мнѣ, поручаетъ мнѣ написать принцу Нассау, что она жалуетъ ему землю въ Крыму и позволяетъ выставить Русскій флагъ на его судахъ. Можно представить себѣ изумленіе и радость Нассау, когда онъ получилъ это неожиданное извѣстіе. По моему совѣту онъ написалъ Потемкину и просилъ его довершить милость, ему оказанную, и испросить ему дозволеніе лично благодарить Государыню.

Императрица уже публично объявила о своемъ намѣреніи ѣхать въ Крымъ, и я долженъ былъ сопровождать ее. Въ Кіевѣ Нассау присоединился къ намъ. Князь Делинь [2]), который тоже долженъ былъ ѣхать съ Императрицею, прибылъ въ Петербургъ. Во всѣхъ Европейскихъ дворахъ его принимали и ласкали. Его любили за добродушіе и обходительность, за оригинальный умъ и живое воображеніе; онъ могъ оживить самое бездушное общество. Онъ отличался рыцарскою храбростью на войнѣ, обладалъ обширными свѣдѣніями въ военныхъ наукахъ, исторіи и литературѣ, былъ внимателенъ, ласковъ со стариками,

---

[1]) Принцъ Карлъ Нассау-Зигенъ, род. 1745 г., служилъ въ военной службѣ сперва во Франціи, Испаніи и Австріи, а съ 1788 г. въ Россіи вице-адмираломъ; ум. 1808 г.

[2]) Принцъ Делинь, Австрійскій фельдмаршалъ, род. 1735 г., ум. 1814 г.

перещеголялъ молодежь своею живостью, участвовалъ во всѣхъ забавахъ своего времени, во всѣхъ войнахъ, во всѣхъ торжествахъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ сохранилъ свою мужественную красоту. Умомъ своимъ онъ былъ еще двадцатилѣтній юноша. Вѣжливый съ равными, ласковый съ низшими, развязный съ высшими и монархами, онъ умѣлъ обойтись со всякимъ, ни передъ кѣмъ не терялся, писалъ стихи всѣмъ дамамъ. Обожаемый своею семьею, онъ дѣтямъ своимъ былъ скорѣе товарищъ, чѣмъ отецъ. Повидимому всегда откровенный, онъ однако свято хранилъ повѣренную ему тайну. Другой старикъ съ такимъ безпечнымъ нравомъ показался бы смѣшнымъ, но Делинь былъ такъ разнообразенъ, любезенъ, остроуменъ и притомъ такъ добродушенъ, что нравился даже своими недостатками. Онъ былъ въ большой милости у Императрицы. Едва онъ пріѣхалъ, какъ она объявила ему, что жалуетъ его имѣніемъ въ Крыму, на берегу Чернаго моря, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, находился храмъ, въ которомъ царевна Ифигенія была жрицею. Я уже нѣсколько лѣтъ былъ друженъ съ Делинемъ и потому болѣе другихъ наслаждался пріятною мыслью, что буду имѣть въ пути такого милаго товарища.

Съ приближеніемъ времени отъѣзда, я долженъ былъ стараться покончить свои дѣла, потому что съ отъѣздомъ нашимъ все могло остановиться. Политическій барометръ всегда почти стоитъ на перемѣнномъ, и при моемъ тогдашнемъ положеніи долгая отсрочка могла бы повести къ совершенной неудачѣ. Торжественное шествіе Екатерины на Югъ, сборъ многочисленныхъ войскъ къ берегамъ Днѣпра, до самаго Чернаго моря, все это легко могло встревожить Турокъ, пробудить въ нихъ опасенія и подать поводъ къ несогласіямъ, которыя мы всячески старались предупредить. Поэтому я удвоилъ свою дѣятельность. Вержень помогъ мнѣ очень удачно: Булгаковъ получилъ приказаніе откровенно объясниться съ Шуазелемъ, и такимъ образомъ, хотя на время, прекратился споръ о Грузіи. Диванъ обѣщалъ не оказывать впредь содѣйствія Леагинамъ и Черкесамъ. Ахалцихскому пашѣ запрещено поощрять разбои Кубанскихъ Татаръ и дѣлать набѣги на владѣнія Грузинскаго царя Ираклія, данника Императрицы. Повелѣнія эти въ самомъ дѣлѣ были отданы, но худо исполнялись; паша Ахалцихскій, нѣкогда христіанинъ, возставалъ уже не разъ и усмирился съ условіемъ, чтобы его пашалыкъ сдѣлали наслѣдственнымъ въ его родѣ. Поэтому на повиновеніе его нельзя было надѣяться, а смѣнить его было нелегко.

Споръ о взысканіяхъ, которыя слѣдовали съ Французскихъ судовъ, прибывшихъ въ Петербургскій портъ, все еще продолжался по упрямству графа Воронцова. Г. Галисоньеръ, командиръ нашей эскадры, велъ

себя въ этомъ дѣлѣ съ отличнымъ благоразуміемъ и твердостью, такъ что заслужилъ одобреніе человѣка предубѣжденнаго противъ насъ, Англичанина Грейга, адмирала Русскаго флота [1]). Наконецъ мы согласились на сдѣлку, по которой положена была легкая пошлина на товары, привезенные нашими судами. Что же касается до нашего фрегата, то рѣшено было, что онъ будетъ принятъ въ Русскихъ портахъ на одинаковыхъ правахъ съ Англійскимъ фрегатомъ, который привезъ въ Россію лорда Каткарта, Англійскаго посла при Русскомъ дворѣ. Не смотря на этотъ уговоръ, Кронштадтскіе таможенные чиновники затѣяли споръ съ нашими моряками. Даль, завѣдывавшій таможенными дѣлами, человѣкъ грубый [2]), хотѣлъ непремѣнно освидѣтельствовать наши габары. Узнавъ объ этомъ, я рѣшился пожаловаться прямо Государынѣ помимо медлительнаго и пристрастнаго графа Ворощова. Она тотчасъ же объявила мнѣ, что чрезвычайно недовольна поведеніемъ Даля и немедленно прикажетъ ему удовлетворить всѣмъ нашимъ требованіямъ. Такимъ образомъ, всѣ препятствія были устранены, и эскадра наша отправилась обратно во Францію. Эта скорая и удачная развязка послужила мнѣ доказательствомъ того значенія, которымъ я пользовался, и немало способствовала къ облегченію сношеній моихъ съ министрами.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, Императрица позволила мнѣ отобѣдать съ нею у Потемкина и потомъ поѣхать съ нею же на Охтенскій пороховой заводъ и въ Пеллу [3]), новый загородный дворецъ, воздвигаемый для нея. Въ тоже время я и Кобенцель получили приказанія въ нашихъ сношеніяхъ дѣйствовать со взаимною откровенностью. Императоръ хотѣлъ вмѣстѣ съ нами способствовать сохраненію мира между Россіей и Турціей. Тогда министры Англійскій, Прусскій и Португальскій сдѣлались нашими постоянными и дѣятельными противниками. Данія и Швеція также выказывали свою недовѣрчивость, которой впрочемъ было основаніе по нѣкоторымъ свѣжимъ еще воспоминаніямъ и по честолюбію обоихъ императорскихъ дворовъ. Наше сближеніе съ этими дворами, хотя и съ миролюбивою цѣлію, внушало

---

[1]) Самуилъ Карловичъ Грейгъ, род. 1736 г., перешелъ въ Русскую службу изъ Англійской въ 1764 г., ум. 1788 г.

[2]) Германъ Юрьевичъ Даль, дѣйств. ст. сов., совѣтникъ гражданской палаты для таможенныхъ дѣлъ. (Этотъ старый холостякъ завѣщалъ деньги Воспитательному Дому съ тѣмъ, чтобы воспитавшіеся на нихъ мальчики носили его имя. Онъ не имѣлъ ничего общаго съ В. И. Далемъ; но въ наши дни одинъ изъ воспитанниковъ, пользуясь незнаніемъ властей, получилъ высокое мѣсто, яко бы родственникъ славнаго лексикографа).

[3]) Начатый въ 1784 г. и неоконченный дворецъ, строенный академикомъ И. Е. Старовымъ, въ 35 верстахъ отъ Петербурга, по Шлиссельбургской дорогѣ, при впаденіи р. Тосны въ Неву.

Швеціи и Даніи опасенія. Онѣ помнили, что Русское правительство увѣряло въ дружбѣ Прусскаго короля и между тѣмъ вступило въ союзъ съ Австріею, что оно тоже самое сдѣлало съ Польскимъ королемъ, когда обѣщало ему защиту его владѣній, тогда какъ готовилось къ ихъ раздѣлу, и наконецъ съ султаномъ, съ которымъ утвердило торговый договоръ, когда овладѣло Крымомъ. Эти воспоминанія и меня нѣсколько тревожили; но Шуазель прислалъ мнѣ утѣшительныя вѣсти. Съ другой стороны я узналъ черезъ Кобенцеля, что Іосифъ II разскаевался, что способствовалъ Екатеринѣ пріобрѣсти Крымъ, не получивъ взамѣнъ того помощи въ спорахъ своихъ съ Голландіею и Баваріею, и потому рѣшился впередъ болѣе не поддерживать Императрицу въ ея завоевательныхъ намѣреніяхъ.

Принцъ Делинь объявилъ Императрицѣ, что Іосифъ II встрѣтитъ ее на берегахъ Днѣпра, а графъ Комажерскій, посланникъ Польскаго короля, просилъ назначить Кіевъ мѣстомъ свиданія со Станиславомъ. Императрица выразила свое согласіе. Между тѣмъ прибылъ курьеръ изъ Константинополя. Тотчасъ же потребовали во дворецъ Англійскаго посланника; онъ болѣе часа пробылъ тамъ съ Императрицею и Потемкинымъ, и это всполошило всѣхъ дипломатовъ. Я вмѣстѣ съ другими терялся въ догадкахъ. Одинъ Богъ вѣдаетъ, сколько шифрованныхъ депешъ разошлось по Европейскимъ кабинетамъ, и сколько родилось различныхъ предположеній и догадокъ. Къ счастью, въ тотъ же вечеръ я видѣлъ Государыню въ Эрмитажѣ и узналъ отъ нея, что единственнымъ предметомъ этого совѣщанія было разсмотрѣніе любопытныхъ рисунковъ, привезенныхъ кавалеромъ Ворслеемъ изъ Египта.

Время приближалось къ отъѣзду. Наши совѣщанія замедлились; наконецъ меня позвали на конференцію. Но на этотъ разъ мнѣ отказывали въ уменьшеніи тарифа. Мнѣ возражали, что дешевизна нашихъ винъ сдѣлаетъ подрывъ Испанцамъ и Португальцамъ, которые привозятъ въ Россію много денегъ, а вывозятъ ихъ мало, между тѣмъ какъ по заключеніи нашего договора множество Русскихъ денегъ уйдетъ на предметы роскоши, доставляемые Французами въ большомъ количествѣ. Наконецъ, министры оправдывали свою медленность тѣмъ, что они завалены дѣлами. Они увѣряли меня, что дѣло о торговыхъ договорахъ съ Англіею, Неаполемъ и Португаліею подвигается еще медленнѣе. Воронцовъ заключилъ конференцію обѣщаніемъ сообщить мнѣ свое окончательное мнѣніе, но при этомъ объявилъ, что пошлина будетъ сбавлена на одно только наше Шампанское. Я всего могъ опасаться въ странѣ, гдѣ все начинаютъ и ничего не оканчиваютъ. Къ тому же Воронцовъ намѣревался ѣхать въ Финляндію, и мнѣ казалось,

что министры, нерасположенные ко мнѣ, нарочно тянутъ дѣло, чтобы оно осталось неоконченнымъ до нашего отъѣзда въ Крымъ. Я обратился съ своими жалобами къ Потемкину. Онъ также находилъ эти проволочки несправедливыми, но не могъ мнѣ помочь, потому что долженъ былъ ѣхать въ Кіевъ. Тогда, не видя другихъ средствъ, я рѣшился избрать себѣ новаго посредника въ лицѣ Мамонова. Онъ былъ хорошъ со мною и всегда увѣрялъ, что желаетъ мнѣ счастливаго окончанія моихъ дѣлъ. Въ письмѣ къ нему, описывая всѣ свои непріятности, я, между прочимъ, выразился такъ: «Въ то время, какъ Императрица желаетъ успѣшнаго окончанія торговаго договора между Россіею и Франціею, ея приказанія худо исполняются, и она этого не знаетъ. Изъ потворства ли Англіи, изъ нерасположенія къ Франціи, по другимъ ли какимъ причинамъ, но только министры ея дѣлаютъ мнѣ безпрестанныя затрудненія. Они какъ будто хотятъ только протянуть это дѣло до отъѣзда нашего въ Крымъ. Если до тѣхъ поръ они его не покончатъ, то нельзя уже будетъ выполнить повелѣнія Государыни. Такимъ образомъ не удастся сдѣлка, по своимъ послѣдствіямъ полезная для обѣихъ сторонъ».

Мамоновъ отвѣчалъ, что всѣ эти отсрочки и ему непріятны, но къ несчастію ему нельзя помочь такъ, какъ бы онъ желалъ; потому что ея величеству можетъ не понравиться, если онъ заговоритъ съ нею о дѣлахъ, въ которыя вступаться она ему не дала позволенія.

Я это зналъ и не ожидалъ другого отвѣта; но въ тоже время для меня было несомнѣнно, что онъ въ подтвержденіе своей скромности покажетъ Государынѣ какъ мое, такъ и его письмо. Этого только мнѣ было нужно, и успѣхъ не замедлилъ оправдать мое ожиданіе. Вержень прислалъ мнѣ свою записку о договорѣ, въ которой съ великимъ искусствомъ все было изложено въ умномъ и согласительномъ видѣ. Я попросилъ у министровъ новаго совѣщанія, и на другой же день они мнѣ назначили его.

Мнѣ не трудно было догадаться, что какая-то негласная, но властная сила подѣйствовала на расположеніе уполномоченныхъ. Воронцовъ сталъ уступчивѣе, Безбородко дѣятельнѣе, Остерманъ любезнѣе; одинъ только Морковъ *), замѣстившій между тѣмъ Бакунина, еще упрямился. Проектъ Верженя разобрали по статьямъ и видимо желали согласиться. Всѣ почти перемѣны, какія желалъ нашъ дворъ, были сдѣланы. Оставалось только рѣшить нѣсколько незначительныхъ статей, относительно

*) Аркадій Ивановичъ Морковъ, род. въ 1747 г., служилъ сперва въ посольствахъ, а съ 1786 г. при Иностр. Коллегіи; въ 1796 г. пожалованъ графомъ Рим. имп., ум. 1829 г.

вознагражденій, требуемыхъ Россіей за обѣщанное мнѣ уменьшеніе пошлинъ съ нашихъ винъ.

Я послалъ окончательное изложеніе договора Верженю и совѣтовалъ ему не настаивать на мелочныхъ требованіяхъ, а имѣть въ виду великія выгоды, какія предоставляются намъ. Въ самомъ дѣлѣ: намъ дозволяли платить пошлины на Русскія деньги. Такимъ образомъ мы уравнены были въ правахъ съ Англичанами и другими народами, которые до этого времени платили 12% менѣе насъ. Договоръ этотъ утверждалъ за нами всѣ преимущества, уступки и права, какіе имѣли другіе народы, пользовавшіеся въ Россіи особенными выгодами. Пошлины на наши вина были уменьшены на четвертую долю въ южныхъ областяхъ и на пятую въ сѣверномъ краѣ имперіи. Мыло наше допущено къ привозу наравнѣ съ Венеціанскимъ и Турецкимъ. Вообще пошлины на всѣ наши товары были сбавлены на одну четверть. Исключенію изъ этого подлежали соль и водка; но это исключеніе относилось и къ прочимъ народамъ, потому что соль составляла значительную отрасль торговли въ Крыму, а хлѣбное вино, выкуриваемое въ Россіи и отдаваемое на откупъ, приносило казнѣ до 50 милліоновъ годоваго дохода. Я писалъ министру, что мы очень можемъ довольствоваться уступками, сдѣланными относительно нашихъ винъ, потому что потребленіе ихъ, не смотря на высокія цѣны, увеличивается, тогда какъ запросъ на Португальскія и Испанскія вина уменьшается. Къ тому же нужно взять въ соображеніе, что Ноябрь мѣсяцъ близокъ, что Императрица ѣдетъ въ первыхъ числахъ Января, и что если мнѣ вскорѣ не сообщатъ окончательнаго рѣшенія, то противники наши употребятъ въ свою пользу упущенное время; тогда дѣло наше прервется продолжительнымъ путешествіемъ, а можетъ быть, и совсѣмъ разстроится, потому что хотя и Шуазелю, и Булгакову удалось заключить выгодныя условія съ Портою, политическій горизонтъ однако довольно сумраченъ. «Меня увѣряютъ, писалъ я, что желаютъ мира, однако на Югѣ собирается огромная армія, будто бы для того, чтобы придать болѣе пышности торжественной поѣздкѣ Императрицы. Министры Прусскій и Шведскій утверждаютъ, что хотя Императрица отложила намѣреніе завоевать Турцію, однако она предполагаетъ положить основаніе новой имперіи; что, будучи обладательницей нѣкоторыхъ частей древней Греческой имперіи, именно Тавриды, Босфора Киммерійскаго и Иверіи, она намѣревается короновать въ Херсонѣ внука своего Константина, въ надеждѣ возбудить этимъ въ Грекахъ желаніе свергнуть Турецкое иго. Вслѣдствіе этого громадная Оттоманская имперія рано или поздно должна рушиться среди ужасовъ продолжительной войны. Планъ этотъ казался мнѣ несбыточнымъ, но онъ могъ встревожить Турокъ, и этого

достаточно, чтобы повести къ раздору. Мы въ такомъ случаѣ возбудили бы противъ себя Россію и лишились бы надежды когда-либо заключить торговый договоръ.

Дѣла Фитцъ-Герберта шли успѣшно; но въ то самое время, какъ онъ уже полагалъ заключить договоръ, встрѣтилось неожиданное и непреодолимое препятствіе. Надобно знать, что Русскіе уполномоченные предложили мнѣ помѣстить въ договорную грамоту статью о томъ, что король нашъ признаётъ начало вооруженнаго нейтралитета. Я на это согласился, но только съ условіемъ, чтобы Императрица торжественно обѣщала не заключать и не возобновлять никакого договора съ другими державами, не истребовавъ отъ нихъ такого же признанія. Когда объявили объ этомъ Фитцъ-Герберту, онъ, разумѣется, отклонилъ эти требованія и настаивалъ на отмѣнѣ этой статьи, утверждая, что его правительство никогда не согласится на такое предложеніе. Уполномоченные отвѣчали, что невозможно исполнить его требованія, потому что Императрица по этому предмету заключила съ нѣкорыми значительными державами обязательства, которыхъ нельзя нарушить. Послѣ этого совѣщанія прекратились, и договоръ не состоялся. Согласились только прежній договоръ, которому выходилъ срокъ, оставить въ силѣ еще на три мѣсяца, для того, чтобы Англійское правительство въ теченіе этого времени могло изъявить свое рѣшительное мнѣніе по этому предмету.

Императрица была тогда огорчена семейными непріятностями. Она хотѣла взять съ собою на Югъ внуковъ своихъ Александра и Константина. Великій князь и его супруга не должны были участвовать въ путешествіи и потому горячо жаловались на эту разлуку. Пререканія становались горячими. Но молодые князья заболѣли корью, и Императрица должна была оставить ихъ при родителяхъ.

Въ тоже время при дворѣ произошла совершенно неожиданно довольно непріятная сцена. Однажды послѣ представленія въ Эрмитажѣ, принцесса Виртембергская, невѣстка великой княгини, вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, послѣдовать за нею, прошла въ комнаты Императрицы, бросилась къ ея ногамъ и стала умолять ее о защитѣ отъ мужа, который, по ея увѣреніямъ, обращался съ нею самымъ жестокимъ образомъ. Она объявила, что не можетъ болѣе сносить обиды и насилія, которыя могли усилиться по отъѣздѣ Императрицы. По всей вѣроятности, вмѣстѣ съ жалобами она высказала какія-нибудь важныя извѣстія и подробности; ибо въ тотъ же вечеръ, послѣ этой сцены, Государыня написала строгое письмо принцу и повелѣла ему оставить службу и выѣхать изъ Россіи въ Германію. Принцесса оставалась въ Эрмитажѣ, гдѣ ей отвели покои. Великій князь и великая княгиня бы-

ли очень огорчены, потому что принцесса, сестра ихъ, оказала въ этомъ случаѣ свое нерасположеніе къ нимъ.

Декабрь прошелъ, и я не получалъ никакихъ извѣстій отъ своего правительства. Англичане и приверженцы ихъ, желавшіе, чтобы договоръ не состоялся, торжествовали. Наконецъ 6-го Января [1]) прибылъ курьеръ отъ Верженя. Я тотчасъ же написалъ статьи, въ которыхъ нужно было, по мнѣнію министра, сдѣлать измѣненія и дополненія. 7-го просилъ я совѣщанія, и оно состоялось 8-го. Я прочелъ уполномоченнымъ бумагу, написанную съ тою цѣлью, чтобы доказать имъ справедливость и умѣренность тѣхъ новыхъ требованій, которыя мнѣ приказано было предложить имъ. Мнѣ сдѣлали нѣсколько незначительныхъ, краткихъ возраженій. Замѣтно было, что дипломаты получили негласное предписаніе скорѣе покончить дѣло. Однако они настоятельно требовали, чтобы пошлина на Русское желѣзо была сбавлена въ сравненіи съ желѣзомъ, привозимымъ изъ другихъ странъ, и объявили, что безъ этого невозможны уступки въ отношеніи къ нашимъ винамъ и мылу. Вержень предварительно уполномочилъ меня согласиться на эти требованія, но только въ крайнемъ случаѣ. Увидѣвъ, что Русскіе уполномоченные спѣшатъ окончить переговры, я рѣшился воспользоваться этимъ. Вмѣсто того, чтобы объявить имъ о полученномъ мною разрѣшеніи, я рѣшительно отказывался сбавить пошлину съ желѣза ко вреду другихъ державъ, особенно Швеціи, нашей союзницы. Я даже объявилъ, что эти требованія могутъ послужить достаточнымъ поводомъ къ моему отказу подписать договоръ. Эта смѣлая выходка мнѣ удалась. Русскіе члены конференціи, чтобы предупредить разрывъ, удовольствовались условіемъ, что для продажи имъ будутъ предоставлены тѣже выгоды, какими пользуются народы, платящіе меньшія пошлины. Въ вознагражденіе за это уравненіе правъ, они согласились на сбавку пошлинъ съ нашего винà и мыла, какъ было условлено прежде. Такимъ образомъ, при обоюдномъ желаніи скорѣе совершить этотъ актъ, мы, послѣ двухчасового совѣщанія, окончательно составили всѣ статьи договора. 9-го Января (н. ст.) были написаны грамоты, и наконецъ $\frac{31\text{ Декабря }1786}{11\text{ Января }1787}$ года договоръ былъ скрѣпленъ подписями [2]), а $^2/_{13}$ я отослалъ его съ курьеромъ къ Верженю.

---

[1]) Новаго стиля.

[2]) Договоръ этотъ былъ утвержденъ Императрицею въ Кіевѣ 3-го Апрѣля 1787

УЖАСЫ КРѢПОСТНОГО ПРАВА.

Въ царствованіе Александра Благословеннаго.

Записка о жестокихъ поміщика 7-го (что нынѣ 6-го) класса Денисьева и жены его поступкахъ съ крестьянами ихъ.

По доходившимъ нѣсколько разъ до меня свѣдѣніямъ о жестокостяхъ г. Денисьевой, о побѣгахъ людей ея во множествѣ и о изнурительномъ и бѣдственномъ положеніи ея крестьянъ, я говорилъ неоднократно бывшему губернскому предводителю Заикину внушить Денисьевымъ, который увѣщевалъ ихъ, но сіе ни къ чему не послужило болѣе, какъ къ дальнѣйшимъ ожесточеніямъ. Почему поручилъ я Курскому губернскому уголовныхъ дѣлъ стряпчему Тимченку съѣхать на мѣсто, удостовѣриться въ истинѣ и мнѣ въ подробности донести.

Тимченко представилъ крѣпостныхъ ея людей, найденныхъ имъ въ тяжкихъ оковахъ (кучера Емельяна Теплова въ кирпичномъ сараѣ, а лакея Аѳанасья Киселева запертаго во флигелѣ большимъ висячимъ замкомъ), которые подтвердили мнѣ лично, что они вынуждены были бѣжать отъ таковыхъ истязаній господъ ихъ, которые ихъ бьютъ и мучатъ немилосердно. Лакей Аѳанасій будто по наказаніи его привязывали за пальцы, а брата его, привязавъ за пальцы, на вѣсу били нещадно; а кучеръ Емельянъ, что связавъ бичевой пальцы, вѣшали чрезъ кольцо, пробитое въ проходѣ, и сѣкли двѣ недѣли каждый день, и что господинъ или госпожа сами всегда присутствуютъ, а иногда и сами бьютъ, что дѣвокъ горничныхъ также вѣшаютъ и сѣкутъ, и что онѣ большею частью острижены.

Сверхъ того въ тоже самое время Курскій полицмейстеръ представилъ мнѣ, что содержащіеся въ тюремномъ замкѣ за побѣгъ дворовая женка помѣщицы Денисьевой Надежда Дубинина и крѣпостной мужа ея человѣкъ Егоръ Кузнецовъ принесли жалобу, что причиною учиняемыхъ ими и прочими Денисьевой людьми побѣговъ есть несносное и жестокое госпожи ихъ съ ними обхожденіе, нещадные побои и мученія. Показывала Дубинина на себѣ знаки боевыхъ ранъ на рукѣ отъ битья ее самою г. Денисьевою желѣзною кочергою и когда раны сіи у нея болѣли, то она нарочито для мученія заставляла ее мыть полы и, коль скоро она жаловалась, что не можетъ сего исполнить по болѣзни рукъ, то она ее вновь била (причемъ при-

ложила и медицинское свидѣтельство); что прочихъ людей бьетъ нещадно, связываетъ веревками пальцы, вѣшаетъ къ потолку или стѣнѣ и потомъ сѣчетъ жестоко, что и по сей часъ одинъ человѣкъ безъ пищи содержится въ погребѣ въ желѣзахъ и что она сама, г. Денисьева, связавъ мальчику руки и ноги, сѣкла своими руками; что людей и женщинъ держитъ въ желѣзныхъ рогаткахъ и проч.

По долгу званія моего и по человѣчеству, желая болѣе удостовѣриться въ истинѣ сихъ показаній, отъ 20-го Августа 1824-го года предписывалъ я г. Тимченку произвести строгое изслѣдованіе при членѣ Земскаго Суда; но какъ Денисьевъ самъ меня просилъ, дабы при слѣдствіи находился предводитель дворянства, то по выбору его я предлагалъ находиться Курскому уѣздному предводителю дворянства Шагарову; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и депутатъ со стороны военной, по поводу состоянія тогда на службѣ Денисьева оберъ-кригсъ-коммисаромъ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса.

Послѣ того губернскій стряпчій Тимченко отъ 25 Августа донесъ мнѣ, что, при произведеніи имъ изслѣдованія Курскаго уѣзда въ селѣ Толмачевѣ Денисьевыхъ, кучеръ Емельянъ Тепловъ объявилъ ему, что Денисьевъ, проѣзжая Курскаго уѣзда въ деревню его Петровку и оттоль на другой день обратно чрезъ хуторъ Ворожбенскій, находившагося тамъ для господскихъ работъ изъ села Дурновки Тимскаго уѣзда крестьянина Ивана Козьмина безчеловѣчно наказывалъ два раза самъ, а въ третій разъ управляющій имѣніемъ крестьянинъ его Егоръ Буркуновъ, за то, что теленки и лошади выскочили на загонъ овса, и что Козьминъ, не стерпя таковыхъ жестокихъ побоевъ, ушелъ изъ хутора домой въ село Дурновку, тамъ, испросивъ священника, умеръ и погребенъ 22-го числа того же Августа. Къ раскрытію сего обстоятельства во всей подробности командированъ былъ мною Курскій уѣздный стряпчій Байцуровъ.

Изъ произведенныхъ сими чиновниками слѣдствій обнаружилось, какъ видно изъ допросовъ дворовыхъ людей и крестьянъ Денисьевыхъ, а именно.

I) Кучеръ Тепловъ. Въ бытность его кучеромъ Денисьевъ безъ всякой вины наказывалъ его три раза палками и одинъ разъ веревкою и потомъ въ теченіе одного года въ первый разъ за то, что, при подвозѣ крестьянами отъ дождя коляски подъ сарай, мѣдная на откидныхъ дверцахъ ручка, толкнувшись нечаянно объ соху, отломилась, камердинеромъ Глѣбомъ былъ битъ по нагому тѣлу до тѣхъ поръ, пока безъ чувствъ упалъ на землю. Въ другой разъ при провожаніи рядного вина за то, что не взялъ изъ господского дома дегтя, тогда какъ тамъ онаго не было, по приказанію Денисьева управитель его Буркуновъ тамъ же на дорогѣ билъ его кнутомъ и палкою до тѣхъ поръ, пока также упалъ на землю. Въ третій разъ вскорѣ послѣ того однимъ днемъ два раза бѣжавшій камердинеръ наказалъ толстою плетью при священникѣ, бывшемъ въ горницѣ, за то, что въ одной обвѣнчанной крестьянской парѣ женихъ былъ моложе невѣсты, тогда какъ самъ Денисьевъ

просилъ священника о перевѣнчаніи оной. Потомъ, когда при провожаніи въ домъ жениха невѣсты, шедшія за нею родственницы, женщины и дѣвки, по заведенію плакали, коихъ всѣхъ онъ Денисьевъ приказалъ ему Теплову забрать на господскій дворъ, но онъ, выбѣжавши, захватилъ только двухъ, а прочія разбѣжались, то за то, для чего не всѣхъ женщинъ и дѣвокъ привелъ. Въ четвертый разъ за то только, что онъ весною, копавши землю, безъ всякаго умысла сказалъ, что земля мерзлая, въ двѣ палки до тѣхъ поръ приказывалъ бить, пока безъ чувствъ упалъ на землю. Въ пятый разъ въ деревнѣ Камышевкѣ Денисьеву показалось, что тамошніе крестьяне мало вывезли навоза въ поле. Денисьевъ билъ его за то, что ему показались удары при наказаніи десятскаго якобы слабыми, почему Денисьевъ вырвалъ у него изъ рукъ палку и сказалъ, что не такъ, а вотъ какъ бьютъ, самъ наказывалъ его тою палкою. Другихъ же мелкихъ побоевъ, которые каждый почти день по щекамъ и за волосы отъ самого Денисьева наносимы были, не могъ подробно разсказать потому, что оные были не такъ чувствительны. Напослѣдокъ, видя, что всѣ дворовые и крестьяне несутъ такую же участь отъ Денисьева и жены его, такъ что во время ихъ жительства въ Лебяжьемъ рѣдкій день проходилъ, чтобы не былъ кто наказанъ, и не стерпя жестокихъ побоевъ, прежде его бѣжали четыре ямщика, четыре кучера, камердинеръ, два лакея и женщина, а въ бытность его того года въ Коренной ярмаркѣ и онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ камердинеромъ Семеномъ и лакеями Мартыномъ, Прокофіемъ и Аѳанасьемъ. При побѣгѣ его изъ Коренной товарищи его не знаетъ куда отдѣлились, а онъ съ Аѳанасьемъ прямо пришли Малоархангельскаго уѣзда въ деревню Костину и ожидали тамъ товарищей, но не дождавши ихъ и не зная куда идти, возвратились назадъ, чтобы явиться къ господину и просить помилованія. На девятый послѣ побѣга день по приходѣ въ Курскъ товарищъ его взятъ въ полицію, а онъ самъ взятъ въ Лебяжье на господскій дворъ, гдѣ кучеръ Михайло доложилъ о приходѣ его Денисьеву, который тогда же велѣлъ сковать его въ конскія желѣза и отданъ былъ на руки брату Родіону подъ караулъ. На другой день дворникомъ Семеномъ и дворовымъ Архипомъ, который по жестокому исполненію приказанія господъ именуется заплечнымъ мастеромъ, приведенъ къ Денисьеву. Начально въ верхней, потомъ въ нижней комнатѣ самимъ Денисьевымъ былъ вспрашиванъ о камердинерѣ Семенѣ и по незнанію его мѣстопребыванія Денисьевъ, не принявъ въ резонъ и клятвы, велѣлъ наказывать его палками; кучеръ Михайло держалъ, а Архипъ билъ палками стоячаго, а послѣ положа на полъ по пятамъ. Въ продолженіе сего наказанія Денисьевъ, не знаетъ зачѣмъ, ходилъ въ верхнія комнаты; возвратясь оттоль, не смотря на продолжительный по пятамъ бой и что онъ прежде кричалъ, а въ приходъ его отъ мучительнаго наказанія и немощи въ силахъ не могъ кричать, сказалъ Архипу, что бьетъ не по тѣлу, а по дереву, велѣлъ бить больнѣй; послѣ сего бой кончился пятью ударами, и тѣми Архипомъ и Михайлою отведенъ на кирпичный заводъ, гдѣ былъ закованъ сперва въ конскія желѣза, а потомъ въ тяжкія кандалы и на шею надѣта желѣзная рогатка

Въ такомъ положеніи подъ присмотромъ кирпичнаго мастера пробылъ онъ три дня; на четвертый утромъ по приказанію Денисьева приведенъ былъ къ нему, который повторилъ тотъ же о камердинерѣ вопросъ и получа отъ него отвѣтъ, что не знаетъ, приказалъ кучеру Михайлѣ отвести его въ кузницу и надѣть на руки кандалы. Потомъ, когда было исполнено, съ приказанія Денисьева, заперли его въ погребъ, въ которомъ и пробылъ онъ *безъ пищи до ночи*, а ночью лакей Семенъ отдалъ его на кирпичный заводъ, гдѣ пробылъ день и другую ночь. Утромъ, за отъѣздомъ Денисьева въ Медвенку, по приказанію жены сто лакеемъ Филиппомъ былъ приведенъ къ ней, которая, также разспрашивая о камердинерѣ Семенѣ, по незнанію его, ожесточилась, била его своими руками по щекамъ и усмотря, что гвоздь при заклепаніи рогатки надломился, разорвала рогатку, колола шипами ему шею, призвала туда кузнеца, который, что рогатка показалась ей тонкою, былъ битъ поваромъ Исаемъ до тѣхъ поръ, пока сломалась палка, и тогда же по приказанію Денисьевой заклепана на его шеѣ другая новая съ шестью шипами рогатка, и отведенъ былъ въ нижнюю мастерскую подъ флигелемъ комнату, гдѣ привязанъ былъ къ станку и въ семъ положеніи также безъ пищи простоялъ съ утра до вечера, а вечеромъ лакей Семенъ отвязалъ его и при приводѣ въ кирпичный сарай сжалился, что ничего не ѣлъ, завелъ къ матери, которая накормила его. На другой день утромъ Денисьевъ по пріѣздѣ самъ былъ на кирпичномъ заводѣ, гдѣ мастеръ завода Журавлевъ докладывалъ Денисьеву, что за наручнями не можно ему Емельяну работать кирпича, но онъ, сказавъ: въ Сибири всѣ такъ работаютъ, пошелъ съ завода. Послѣ его вскорѣ пришелъ мальчикъ Ѳедька и сказалъ ему, что по словамъ господина, уѣхавшаго въ Курскъ, чтобы госпожа нашла ему работу, и онъ Ѳедька, по ея приказанію, отвелъ его съ кирпичнаго сарая въ сажелку, что̀ въ саду, гдѣ онъ въ водѣ чистилъ оную цѣлый день, а ночью, не видя за собою караульнаго, пошелъ къ матери и ночевалъ; а на другой день утромъ лакей Семенъ сказалъ ему, что приказала госпожа копать грядки для малины, а чтобъ лучше копалъ приказала дать ему 25 ударовъ въ спину палкою, послѣ чего онъ во весь тотъ день копалъ и носилъ на грядки землю. Ночевалъ у матери. На другой день устилалъ въ саду дерномъ дорожку. Утромъ Денисьева, вышедши на балконъ, приказала лакею Филиппу въ глазахъ ея дать ему въ спину еще 25 ударовъ палкою. Предъ обѣдомъ и въ ея же глазахъ при вновь опредѣленномъ управителѣ штабсъ-ротмистрѣ Макшеевѣ, стоявшемъ на балконѣ подлѣ госпожи, лакей Филиппъ повторилъ ему тѣже 25 ударовъ. При наступленіи ночи, съ приказанія Денисьевой, управитель приказалъ каменщику Дибесову, чтобы онъ, *покормя его, отдалъ ночевать на кирпичный заводъ*, а поутру вывелъ бы опять на туже работу, что̀ и исполнено. Денисьева тѣмъ же утромъ, вышедши на балконъ, вмѣсто завтрака приказала каменщику Зараю вновь дать ему 25 ударовъ палкою, что̀ въ глазахъ ея исполнено, при чемъ Денисьева кричала на Зарая: бей крѣпче! А на ночь посаженъ былъ въ погребъ, гдѣ приставленъ былъ караульный, дабы онъ отъ жестокаго мученья не лишилъ

себя жизни. А утромъ чуть свѣтъ ключница Степанида, отомкнувши дверь, караульщика выпустила, а чрезъ часъ вновь отперлась дверь и вошелъ деревни Дурновки крестьянинъ Григорій и принеся съ собою двѣ толстыя палки, сказалъ, что Денисьевна приказала привязать его за персты вверхъ къ кольцу, что̀ въ сводахъ, и бить до тѣхъ поръ, пока обѣ палки сломаются и сломанныя палки показалъ бы ей Григорій. Надѣвъ на персты рукъ его мо́тики и притянувъ ихъ къ кольцу такъ высоко, что онъ едва могъ стоять на землѣ одними перстами ногъ, и укрѣпивши его такимъ образомъ, Григорій, и самъ страшась подобнаго наказанія, билъ его до тѣхъ поръ палками, пока обѣ поломались, и тѣ изломанныя палки носилъ на показъ къ Денисьевой. Возвратясь оттоль, отвязалъ обѣ его руки отъ кольца, отвелъ паки въ садъ на работу, куда во время обѣдовъ хотя приходилъ и самъ Денисьевъ, пріѣхавшій съ Медвенки, но ничего не сказалъ ему, кромѣ, что Степанъ Ивчаровъ объявилъ, дабы онъ по приказанію его взялъ лопатку и копалъ бы въ звѣринцѣ канаву, которую онъ и копалъ до вечера вмѣстѣ съ крестьяниномъ Аѳанасьемъ Буденковымъ. Работою сею занимался еще два дня. На третій, подъ самыя именины меньшой дочери Денисьева, Ольги, отведенъ онъ паки на кирпичный заводъ, такъ какъ слышалъ онъ, что въ день именинъ въ звѣринцѣ будутъ прогуливаться господа, то что ему тамъ въ кандалахъ не можно быть. На другой день, въ самыя именины, называемый заплечнымъ мастеромъ Архипъ, съ приказанія Денисьева, сбилъ съ него ручныя кандалы, надѣлъ на другого Тимскаго уѣзда, деревни Черновца, крестьянина Ивана. На другой или на третій день (истинно за мученіемъ его не припомнитъ) тотъ же Архипъ съ кирпичнаго завода привелъ его въ звѣринецъ. Пришелъ туда лакей Семенъ, принесъ съ собою и бичеву, сказалъ, что Денисьевъ приказалъ его вновь допрашивать до тѣхъ поръ, пока скажетъ гдѣ камердинеръ Семенъ. Сняли съ него рубашку, связали просто спереди обѣ руки, Архипъ избилъ объ него обѣ палки. Пришелъ туда и самъ Денисьевъ. Услышавши, что онъ по незнанію не говоритъ, гдѣ укрывается камердинеръ, велѣлъ было Архипу, чтобы онъ, надѣвши на тайный его удъ бичевку, притянулъ вверхъ къ перекладинѣ той, которую Тимченко лично осматривалъ и которая отъ земли аршина на три съ половиною; но Архипъ отвѣчалъ ему, Денисьеву, что сего сдѣлать не можно, потому что не будетъ живъ. Тутъ Денисьевъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Архипъ, съ приказанія его, заворотилъ ему назадъ обѣ руки, по три перста каждой руки бичевкою связавъ въ одно мѣсто. Подставя его противъ самой перекладины, Архипъ поднялъ его вверхъ къ перекладинѣ, а лакей Семенъ концы бичевки переложилъ чрезъ перекладину, руки его сзади за персты завязанныя подтянулъ вверхъ къ перекладинѣ; завязавъ бичевку около перекладины, Архипъ бросилъ его держать. Онъ, привязанный, согнулся почти вдвое и, не доставая ногами земли на аршинъ, повисъ; лакей Семенъ, чтобы не качался, держалъ за ноги, Архипъ билъ по подошвамъ ногъ палкою, Денисьевъ билъ по щекамъ, рвалъ за волосы, на Архипа кричалъ: бей больше! Начально, когда такимъ образомъ былъ

повѣшенъ, начали его бить по подошвамъ ногъ. Онъ раза три только крикнулъ, послѣ захватило ему дыханіе, такъ что никакъ не могъ кричать, пробылъ въ такомъ положеніи съ четверть или полчаса, чего какъ видно они испугались. Архипъ съ приказанія Денисьева приподнялъ его кверху, Семенъ развязалъ бичевку, опустили на землю, отъ каковаго мученія и тяжкой боли въ рукахъ, что оныя совсѣмъ почти были выворочены съ суставовъ, не могши стоять и на ногахъ отъ битія по подошвамъ, въ совершенномъ безпамятствѣ упалъ на землю. Денисьевъ, усмотря, что онъ живъ, за волосы поднялъ его и говорилъ: стой, не шатайся; но какъ онъ никакимъ образомъ не могъ стоять на ногахъ, то Денисьевъ приказалъ Архипу бить вновь его по подошвамъ, послѣ сего онъ уже не былъ наказываемъ до самаго начатія слѣдствія, но каждый день находился на работѣ въ кирпичномъ сараѣ, а на ночь приводимъ былъ въ погребъ.

II) Лакей Аѳанасій Киселевъ. Что въ теченіе десяти лѣтъ, видя безпрерывныя наказанія отъ Денисьева и жены его, чинимыя лакеямъ, музыкантамъ и крестьянамъ, бѣжали десять человѣкъ каменщиковъ, переведенныхъ изъ одного съ нимъ селенія, одинъ лакей, два музыканта, крестьянинъ Захаръ и другіе многіе крестьяне, коихъ онъ не знаетъ. Потому и онъ, не имѣя отъ господъ къ себѣ ни малѣйшаго сожалѣнія, назадъ тому четыре года бѣжалъ было вмѣстѣ съ тремя каменщиками, въ намѣреніи укрыть себя отъ жестокаго наказанія господъ, но подъ Ромнами пойманъ. По доставленіи его къ Денисьеву, пробылъ онъ въ кандалахъ недѣль пять и наказанъ розгами, послѣ же сего, сколько онъ ни старался заслужить милость господъ, но никакое усердіе не избавляло его отъ жестокости ихъ. По приказанію самой Денисьевой и въ глазахъ ея онъ былъ наказанъ самымъ жестокимъ образомъ палками 1824-го года великимъ постомъ два раза въ третій разъ Свѣтлаго праздника на третій или четвертый день начально за то, что купилъ якобы нехорошую просольную рыбу, потомъ за то, что бѣжавшій музыкантъ Тюлинъ якобы ночью прошелъ чрезъ господскій дворъ какъ онъ спалъ съ дворникомъ Черловскимъ, который также наказанъ; а въ послѣдній разъ за то, что не взялъ билетовъ въ театръ, когда оныхъ не засталъ. По привозѣ въ Лебяжье лакей Семенъ остригъ ему на головѣ волоса. Чернышевъ, чтобы не видали его бывшіе тогда гости, провелъ его коноплями въ кузницу. Вскорѣ за ними пришелъ и Денисьевъ, который, не спрашивая его ни о чемъ, пока поспѣютъ дѣлаемыя кандалы, приказалъ связать ему ноги веревкою. Кузнецу Родіону разбилъ до крови носъ, что меньшой его братъ ушелъ и унесъ съ собою шейную рогатку. Потомъ Денисьевъ приказалъ Родіону дѣлать кандалы какъ можно крѣпче и ушелъ къ гостямъ. Вскорѣ послѣ того крестьянинъ Марей приходилъ за кузнецомъ, который, возвратившись оттоль, сказалъ, что Денисьева призывала его для того, чтобы кандалы были какъ можно потѣснѣй, дабы обошлись только около одной нагой ноги, но онъ убѣдилъ кузнеца сдѣлать кандалы такія, чтобъ можно было около ноги подвернуть какую-либо кожу. Къ ве-

черу поспѣли кандалы, кои, по снятіи веревки, заклепаны на его ногахъ. Чернышевъ привелъ его къ погребу, а ключница Степанида, отомкнувъ оный, накормила его, послѣ чего опустился онъ въ тотъ погребъ. Ключница заперла замкомъ дверь. Чрезъ полчаса тою же ночью и въ тотъ же погребъ приведенъ кучеръ Емельянъ, у коего были заклепанныя на рукахъ и ногахъ кандалы, а на шеѣ рогатка, замкнутая замкомъ, гдѣ съ нимъ Емельяномъ переночевали. На другой день утромъ отперли двери погреба, и Емельянъ, не знаетъ куда, пошелъ на работу, и погребъ опять заперли. Чрезъ часъ отворили двери, и спустился къ нему Чернышевъ, сказалъ, что Денисьева до прихода ея приказала связать ему назадъ руки, кои онъ Яковъ связалъ бичевою, куда вскорѣ пришла къ погребу Денисьева. Замѣтя, что нѣтъ у него на рукахъ кандаловъ, закричала на Якова, для чего онъ наканунѣ того дня не надѣлъ наручнѣй, что она ему самому за это прикажетъ дать сто палокъ. Чернышевъ, павши на колѣни, просилъ помилованія, послѣ чего Денисьева, оставя бранить Якова, пошла, не знаетъ куда, и Яковъ, запря дверь погреба, также пошелъ. Чрезъ часъ вновь отворила оную Денисьева, съ коею пришли лакей Семенъ и крестьянинъ Григорій, кои по приказанію Денисьевой опустились въ погребъ и, развязавъ завязанныя сзади руки, привязали оныя къ кольцу за персты, точно такъ, какъ былъ привязанъ кучеръ Емельянъ. Укрѣпивши его такимъ образомъ къ кольцу, плотникъ Григорій стоялъ, а лакей Семенъ, поднимая обѣ его ноги, одну за другою, билъ по подошвамъ его палками, сломалъ двѣ палки, каковой бой продолжалъ болѣе по лѣвой ногѣ, которая и при семъ его показаніи была опухшая, кожа на подошвѣ отстала, имѣлась рана. Послѣ боя по подошвамъ, продолжавшагося минутъ двадцать, Денисьева приказала Семену спустить съ него портки и бить по сѣдалищу и ногамъ. Семенъ и сіе наказаніе исполнилъ въ точности при Денисьевой, отчего также на ногахъ и сѣдалищѣ хотя имѣлись боевые знаки, но какъ наказаніе тому прошло семь недѣль, то оные истребились. Кончивши же бой, спустя портки, Денисьева приказала оставить его привязаннаго въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, а Семену и Григорію приказала вылѣзти изъ погреба, а ключница оный заперла. Въ половинѣ дня отперли вновь погребъ, и влѣзъ въ оный обучавшійся поварству мальчикъ Александръ, по приказанію Денисьевой надѣлъ на него портки. Чрезъ часъ съ ключницей пришла и Денисьева; стоя на дверяхъ погреба, вспрашивала, гдѣ остались Мартинъ и камердинеръ Семенъ; онъ отвѣчалъ на Москвѣ. Тутъ она, Денисьева, замѣтя, какъ видно, что изнемогъ въ силахъ, велѣла ключницѣ отвязать отъ кольца одну только руку, дать кусокъ хлѣба и воды, но какъ не могъ онъ ѣсть, Денисьева пошла отъ погреба, а ключница, сжалясь надъ нимъ, привязала руку къ кольцу не такъ крѣпко, а потому онъ перстами могъ шевелить и такимъ образомъ находился привязаннымъ съ утра до вечера. Ночью пришелъ плотникъ Григорій, отвязалъ ему руки на перстахъ, а узлы веревки, крѣпко затянувшіеся, не могъ развязать, принужденъ обрѣзать ножичкомъ. Ночевалъ съ нимъ запертый въ погребѣ. Поутру онъ же, Григорій, бичевкою связалъ

ему назадъ руки и, оставя его въ такомъ положеніи по приказанію Денисьевой, вышелъ изъ погреба и часу до осьмаго стоялъ связанный. Въ осьмомъ часу тотъ же Григорій развязалъ ему руки, вывелъ на лугъ, гдѣ находившаяся Денисьева велѣла работать ему земляную работу. Часа чрезъ два крестьянскій староста Кусаковъ вмѣстѣ съ дворовымъ Мелиховымъ привезъ въ Курскъ на господскій домъ и, продержавши въ немъ три дня, перевезенъ обратно въ Лебяжье, и по приказанію Денисьевыхъ посаженъ въ погребъ, гдѣ пробылъ два дня и двѣ ночи. 12-го Іюля, какъ совершенно помнитъ, на другой день именинъ меньшой дочери Денисьевыхъ, Ольги, Денисьевымъ и секретаремъ Булгаковымъ былъ допрашиванъ, какъ значится въ показаніи кучера Емельяна; когда же Емельянъ за Архипомъ поползъ, то онъ не помнитъ кѣмъ былъ отведенъ въ садъ и работалъ около бесѣдки, Вечеромъ лакеемъ Филиппомъ отведенъ въ тотъ же погребъ и запертой ночевалъ въ немъ съ бондаревымъ сыномъ Петромъ. Пробылъ въ погребѣ еще двѣ ночи. Послѣ допроса въ Курскомъ Земскомъ Судѣ недѣли три безъ выпуска пробылъ въ погребѣ. Емельянъ же только ночевалъ съ нимъ, а днемъ работалъ кирпичъ. За пятый день до пріѣзда Тимченки выведенъ изъ погреба, а напослѣдокъ дня три пробылъ запертый въ кладовой. До побѣга, какъ выше значится, былъ онъ нѣсколько разъ наказываемъ, и по приказанію Денисьевыхъ наказывалъ и онъ многихъ крестьянъ и дворовыхъ и сѣнныхъ дѣвокъ, коихъ не припомнитъ, а совершенно знаетъ, что въ прошломъ году зимою, когда Денисьевою въ спальнѣ ея были привязаны за пальцы вверхъ прачки Анисья и Матрена (изъ коихъ одна Анисья совсѣмъ почти умерла было), то онъ съ дворецкимъ Чернышевымъ и лакеемъ Семеномъ, вырвавъ изъ стѣны гвоздь, къ коему была привязана, вытащили на дворъ, куда выбѣжала Денисьева съ столовою ложкою и, разнявши зубы, вливала въ ротъ квасъ, чрезъ что Анисья пришла въ чувство. Ввели ее въ дѣвичью и положили. Денисьева, при выходѣ во дворъ, и сама, какъ примѣтно, испугалась; хотя говорила, что это Анисьѣ сдѣлалось отъ родовъ, но несправедливо, потому что оное случилось отъ мученья, такъ какъ кто оное испыталъ, есть самое мучительнѣйшее.

III) Крестьянская женщина Катерина Васина объявила. Въ самое время уборки хлѣба украдено изъ лѣса неизвѣстно кѣмъ вырытыхъ пеньевъ возовъ пять, о чемъ Денисьева, узнавши и призвавъ ее Катерину къ себѣ, приказала лакею Семену отвести ее въ яму кирпичнаго сарая и тамъ навазать палками. На дорогѣ нагналъ ихъ другой лакей Филиппъ и объявилъ приказаніе госпожи бить больнѣй и чтобъ по наказаніи привести къ ней для показанія побоевъ. Семенъ по приводѣ Катерины въ яму обнажилъ ее, билъ по всему тѣлу палками жестоко, отъ чего она кричала и просила помилованія, на что онъ ей сказывалъ, что и радъ бы не наказывать больно, но что сама она слышала, что барыня приказывала привесть ее къ ней на показъ и что когда больно ея не накажетъ, то ему больше достанется, такъ какъ прежде по ея же приказанію, когда наказывалъ прачку Матрену и ей

показалось не больно, то за то она его въ одинъ день наказывала три раза; и тутъ же онъ, Семенъ, видя, что хотя все тѣло отъ пятъ и сѣдалище избилъ до опухоли и сдѣлалось синебагровымъ, но какъ на правой только ляшкѣ мѣстахъ въ трехъ просѣкъ до крови, а на лѣвой не пробилъ, то онъ, Семенъ, изъ состраданіи къ ней, чтобы больше не мучить, оставя ее бить, не знаетъ у кого, взялъ иглу, коею (сказавши: чего дѣлать, старуха, барыня любитъ, чтобы наказанный былъ въ крови, у ней же съ одной стороны нѣтъ оной, то чтобы оная была на лѣвой) на лѣвой ногѣ отъ сѣдалища до колѣна во многихъ мѣстахъ распоролъ кожу, отчего пошла кровь и текла по пятамъ. Тогда Семенъ привелъ ее къ господскому дому, и Денисьева, стоя на балконѣ, примѣтила текущую по пятамъ кровь, такъ какъ она была босая, и болѣе не осматривала. Браня ее за украденные пни, сказывала, что дура ты, старая чертовка, развѣ ты не знаешь, что ея царское имѣніе нигдѣ не пропадаетъ; и для того грозила за тѣ пни продать собственную ея корову; потомъ приказала ей носить землю засыпàть ровъ и чистить дорожку, что̀ она дѣлала весь тотъ день безъ пищи. При исполненіи работы сей отъ наказанія хотя чувствовала мучительную боль, но до послѣдняго издыханія работала, страшась вновь наказанія, такъ какъ Денисьева о томъ ей уже грозила. Ночью уже поѣла хлѣба, а на другой день новый управитель Макшеевъ отослалъ ее въ лѣсъ, гдѣ она и находилась до взятія ея. Мужа ея Трофима съ начала весны на одной недѣлѣ три раза наказывала палками за то, что мало, какъ показалось ей, вспахано земли. Мужъ ея хотя и просилъ помилованія, потому у него одна только лошадь и та самая хворая, но Денисьева не приняла ничего въ резонъ, кричала: бей больше! Отъ сего, а особливо по разнесшейся молвѣ, что дворовыхъ и крестьянъ наказываютъ въ погребѣ и въ другихъ мѣстахъ, привязавши за пальцы, на всѣхъ на нихъ напалъ страхъ и ужасъ, что и теперь, *ежели отдана будетъ* господамъ, то должна безвозвратно погибнуть.

IV) Противу таказаній сихъ дворовые люди и крестьяне, всего 84 человѣка, утвердивъ единогласно жестокое обращеніе съ ними Денисьевыхъ, показали, что они и всѣ вообще крестьяне не имѣютъ отдохновенія, въ праздничные и воскресные дни употребляются въ господскія работы, что тягловымъ крестьянамъ для себя работать давалось въ недѣлю по одному только дню, иногда по два, а иногда ни одного, что многіе отрываются отъ семейства въ другія имѣнія на господскія работы по году и болѣе, что въ бытность Денисьева содержателемъ почтъ и поставщикомъ съ его завода вина, у многихъ забраты собственныя лошади на станціи, другіе сами съ лошадьми находились на оныхъ и въ винокуренномъ заводѣ. За недачею корма, лошади пали, кожи съ нихъ побралъ къ себѣ Денисьевъ, и хозяева лошадей возвращались въ домы свои съ одними кнутами. Во время нахожденія на господскихъ работахъ крестьянамъ, дворовымъ людямъ, даже и сѣннымъ дѣвкамъ, отпускается одинъ только хлѣбъ, соль же и крупа никогда не отпускались. Всѣ почти крестьяне находятся въ самой крайней

бѣдности, терпятъ въ пропитаніи и одеждѣ величайшую нужду. Многіе дворовые и крестьяне, не стерпя жестокихъ наказаній, чинятъ побѣги, такъ что однихъ ловятъ, другіе бѣгутъ. Что сверхъ того Денисьевы, всегда когда живутъ въ Лебяжьемъ, рѣдкій день проходилъ, чтобъ кого не наказали; бывало и то, что однимъ днемъ, утромъ и вечеромъ, перебьютъ человѣкъ пять-шесть; изъ нихъ сѣнныхъ дѣвокъ Василису Кузнецову, крестьянскую жену Ефимью Кондратову вѣшали къ кольцу, къ коему были привѣшиваемы кучеръ Емельянъ и лакей Аѳанасій. Авдотью Кузнецову, Наталью Щеглову три дня часа по два къ потолочной перекладинѣ, Авдотью Гусеву, прачекъ Анисью и Матрену, приставя къ стѣнѣ къ гвоздямъ, женщину Анну Подушкину въ сѣняхъ къ столбику, сѣнную дѣвку Екатерину Уткину въ дѣвичьей къ пробою дверной притолоки сама Денисьева, а крестьянскую женку Пелагею Денисьева въ звѣринцѣ къ перекладинѣ, поднявши вверхъ руки, за персты бичевою привѣшивала. Изъ числа сихъ же сѣнныхъ дѣвокъ Василису наказывали у воротъ господскаго двора въ Лебяжьемъ, Настасью Киселеву на балконѣ, привязанную назадъ руками къ столбу, Ефимью Кондрашову и сестру ея Пелагею привѣсивши подъ балкономъ. Однѣхъ совсѣмъ нагихъ, другихъ, поднявши рубашки до грудей, палками и кнутомъ жестоко наказывали по всѣмъ частямъ тѣла и по подошвамъ, каковое наказаніе производили, какъ сами мущины показали при наказаніи Настасьи Киселевой, привязанной къ столбу. Наказывавшему молодому крестьянину Петру Богданову Денисьева приказывала, чтобы онъ доставалъ кнутомъ по тайному мѣсту, сказывая: бей по курвѣ, блядѣ; но что онъ не могъ бить по тѣмъ частямъ тѣла затѣмъ только, что ноги были вмѣстѣ. Словомъ, по показаніямъ, Денисьевы производили наказаніе безчеловѣчное, сама же Денисьева сѣнной своей дѣвкѣ Авдотьѣ Гусевой, которая ходитъ за нею, начально прошлаго года зимою за то только, что живущая у нихъ малолѣтняя Ползикова безъ бытности ея Авдотьи въ комнатѣ, игравши переливала изъ графинчика въ пузырекъ и обратно въ графинчикъ сладкую водку, подсвѣчникомъ пробила голову, въ спальнѣ привязала одну руку вверхъ къ гвоздю, а другую, спустя внизъ, наискось, къ кровати; другой разъ тою же зимою, поднявши вверхъ обѣ руки, къ ширмамъ; въ третій разъ послѣ праздника Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла за то только, что якобы нечисто въ горницѣ, рвала за уши, остригла волосы и привязала къ пробою дверей, и въ такомъ положеніи она пробыла въ первый разъ съ вечера до обѣдни другого дня. Ночью, стоя въ голокахъ Денисьевой кровати, отъ мучительной боли, не смѣя кричать, визжала. Денисьева приказала ей молчать. Хотя и сама всю ночь не спала, но не оказала никакой милости. А въ другой разъ, бывши привязанною къ ширмѣ, отъ изнеможенія въ силахъ, упала вмѣстѣ съ ширмою на полъ. Денисьева и въ семъ случаѣ, не отвязывая отъ ширмы, вмѣстѣ съ оною приказала поставить къ стѣнѣ, въ какомъ положеніи простояла всю ночь, что̀ отъ жестокости госпожи жизнь ея Авдотьи кажется мучительнѣе всѣхъ, потому что она всегда возлѣ нея и на кого разсердится, то прежде всѣхъ доставалось ей, бьетъ чѣмъ попадя

безъ всякой вины. Случалось и то, что Денисьева нарочито выискивала случай, дабы къ чему либо придраться, чтобы только побить кого. Меньшой Аѳанасьевъ братъ по приказанію Денисьевой въ погребѣ къ кольцу, а въ саду на ракитѣ былъ за персты привѣшенъ, и Денисьева, подходя къ нему, толкала своими руками, чтобы Аѳанасій качался. Изъ числа прописанныхъ дѣвокъ Анисья послѣ родовъ недѣли черезъ три съ прачкою Матреною и дѣвка Настасья, бывъ привязанными ввверхъ руки, сдѣлались безъ чувствъ и приведены въ оное литьемъ въ ротъ квасомъ. Въ Августѣ мѣсяцѣ Денисьева, бывши въ Дурновкѣ, при наказаніи многихъ крестьянъ, не пощадила и беременной женщины Настасьи Богомазовой, которая по наказаніи на третій день преждевременно родила двухъ мужеска пола людей, одного мертваго, а другого, хотя и живого, но и тотъ при рожденіи бывшій синяго цвѣта, умеръ. Крестьянскую старостиху Карпушкину за то, что дыни по ея приказанію, бывъ положенными въ муку, начали портиться, кромѣ другихъ разновременныхъ побоевъ, завязавши на головѣ рубашку, въ теченіе трехъ дней наказывала палками и кнутомъ. Аввакума Жаркова за то, что упоминаемый Аѳанасій Киселевъ, содержавшійся въ шейной рогаткѣ, ушелъ, призвалъ къ конюшнѣ и приказалъ кучеру Михайлѣ завязать бичевою волоса всей его бывшей большой бороды, бичеву, переложа чрезъ перекладину, тащить его за бороду вверхъ такъ, чтобы онъ висѣлъ. Кучеръ Михайло, исполняя приказаніе Денисьева, потянулъ Аввакума вверхъ, отъ чего и отъ мучительной боли сдѣлался онъ безъ чувствъ; помнитъ только, что когда при поднятіи его вверхъ захватило ему дыханіе и онъ запищалъ, отпустили его книзу; то тутъ уже онъ, придя въ чувство, видѣлъ, что отъ того поднятія пошла у него изъ носа кровь. Бичевка въ волосахъ бороды столько запуталась, что вмѣстѣ съ волосами отрѣзана, послѣ чего онъ же, Денисьевъ, на головѣ его съ уха на ухо остригъ волосы, подровнялъ бороду, какъ напротивъ того жена Денисьева тѣмъ же днемъ въ саду вырѣзала волоса на бородѣ при наказаніи кучера Михайла Карманова палками и кнутомъ. Однимъ днемъ кучеръ Михайло зимой въ кладовой раздѣтый содержанъ былъ на холодѣ съ утра до вечера. Бывшіе на бородѣ его волоса по приказанію Денисьева выщипаны и вырваты крестьяниномъ Алексѣемъ. Самъ Архипъ, по жестокимъ наказаніямъ именуемый заплечнымъ мастеромъ, показалъ, что при наказаніи кучера Теплова въ компатѣ, когда Денисьевъ, приказавши продолжать наказаніе, самъ ходилъ въ верхнія комнаты, то онъ, Архипъ, видя, что Емельянъ и такъ уже больно избитъ, безъ бытности Денисьева не билъ Теплова, дабы же Денисьевъ по возвращеніи въ комнату не примѣтилъ того, вмѣсто наказанія по подошвамъ производилъ удары по чулку, лежавшему на полу. И его большею частью наказывали за то, ежели кого не больно билъ, и такъ жестоко, что всѣхъ тѣхъ палокъ, кои на немъ переломали, нельзя набрать на двѣ воловьихъ фуры, отъ каковыхъ побоевъ бѣжали многіе, бѣжала и его жена, и что родная ихъ, Денисьевыхъ дочь Александра, какъ и находящаяся при ней въ услугахъ десятый годъ дѣвка Наталья Киселева показали, что въ теченіе всего служенія Денисьевы, хотя

наказывали ее, но барышня, рѣдкій день проходилъ, чтобы не наказывала ее, Наталью, либо за волосы, либо щипала за лицо и тѣло, или за уши, палкою, аршиномъ или колола въ тѣло ея булавкою и ножницами; однимъ словомъ, что̀ попадало въ руки, тѣмъ ее и бивала. 1824 года великимъ постомъ на одной недѣлѣ два раза наказывала розгами. Наказаніе сіе производилъ, по приказанію барышни, лакей Семенъ, заворотя платье, рубашку выше сѣдалища, за то, что сшитый ею салопъ якобы нехорошо сидитъ на ней. Что и за недѣлю до прибытія Мимченки она же, Александра, сердясь на нее, Наталью, за платье, что также будто сдѣлано не по вкусу ея, тогда какъ при самой ей и во всемъ по ея распоряженію сшиты оные салопъ и платье, начально била руками по щекамъ, потомъ ножницами пыряла сквозь платье и рубашку въ правую ногу повыше колѣна, въ груди и лицо, на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ проколола до крови. Знаки, бывшіе на лицѣ, зажили, а на лѣвой рукѣ и грудяхъ видны были и по приказанію ея, кои знаки, какъ Тимченко потребовалъ ее съ прочими людьми, начально осмотрѣла сама барышня Александра; потомъ на лицѣ бывшіе примѣтила и ея родительница, которыя, какъ видно для того, чтобы всѣ знаки сошли безъ освидѣтельствованія, приказали ей, дабы она съ крестьянскою женкою Агаѳьею шла бы до Дурновки проселочною дорогою и по приходѣ туда, не сказавшись никому, до востребованія ихъ жила бы въ крестьянскомъ дворѣ у Натальи, гдѣ ее нашелъ Курскій уѣздный стряпчій.

V) Форейторъ Митрофанъ Подушкинъ показалъ, что того года послѣ Спасова поста Денисьевъ въ проѣздъ чрезъ Медвенку находившагося въ хуторѣ Ворожбенскомъ для господской работы крестьянина Ивана Козьмина за то, что господскіе теленки вскочили на загонъ овса, самъ Денисьевъ разъ пять своими руками рвалъ за бороду, билъ кулаками, по лицу, подойдя къ тому билъ его по спинѣ притужиною, отошедши отъ тока вновь его Ивана ухватилъ обѣими руками за волосы, ударилъ объ землю, билъ уступами лежачаго на землѣ, отъ чего Иванъ съ великою нуждою поднялся съ земли. На другой день по возвращеніи изъ Медвенки Денисьевъ тотъ же часъ, когда не откладывали лошадей, выскочилъ изъ кареты озлобясь на того Ивана, ухватилъ за бороду, дотащилъ до кареты и кричалъ до Митрофана: дай палку, который какая попалась ему подалъ дубовую толстую палку и по приказанію Денисьева снялъ съ Ивана рубашку, связалъ ему руки и принесенною палкою ударилъ разъ 30 по спинѣ. Но Денисьеву показалось, что небольно билъ, и онъ вырвалъ изъ рукъ палку, ударилъ оною по спинѣ разъ 15 Митрофана и сказалъ: вотъ какъ бьютъ. Отдавши палку, велѣлъ въ другой разъ бить Ивана. Тутъ онъ, самъ страшась наказанія, билъ его, Ивана и со всей его силой сбилъ его съ ногъ, билъ и лежащаго на землѣ по чему попадя, отъ чего Иванъ самъ не могъ подняться, поднялъ его Митрофанъ. Послѣ того, бывши на хуторѣ Ворожбенскомъ, слышалъ отъ тамошней старостихи, что и приказчикъ Егоръ Барсуковъ билъ Ивана, который на другой день пошелъ въ Дурновку и тамъ умеръ.

VI) Кучеръ Осипъ Кортуновъ, крестьянская старостиха Анна Кузнецова и жена умершаго Ивана, подтверждая показаніе форейтора Митрофана, по-

полнили. Старостиха Кузнецова, что она лично видѣла, какъ Денисьевъ за однаками и за половнемъ наказывалъ Ивана, который довольно долго кричалъ. На другой день, въ Пятницу, видѣла она его ходившаго раскорячась, согнувшись почти вдвое, и на вопросъ ея отъ чего онъ такъ худо ходитъ, объявилъ онъ Иванъ, что при наказаніи его господиномъ перебили ему....., такъ что ступить ему нельзя, что отъ того пришлось ему пропасть; а на другой день, въ Субботу, онъ Иванъ, оставя ключики отъ амбаровъ, изъ хутора отлучился въ село Дурновку и такъ, какъ она слышала, послѣ померъ. Жена умершаго Ивана пояснила, что мужъ ея 16-го Августа поздно вечеромъ пришелъ къ ней въ домъ больной, съ опухшимъ животомъ и сказалъ ей, что онъ изъ хутора Ворожбенскаго отлучился недѣли на три или болѣе по причинѣ болѣзни, чувствуемой имъ отъ причиненныхъ побоевъ Денисьевымъ и приказчикомъ Бурсуковымъ, и что онъ, идучи изъ хутора въ Дурновку, чувствуя безпрерывно боль и слабость, по два и по три дня для отдыха лежалъ въ полѣ и въ деревняхъ, лежащихъ по тракту. Боль жестокую почувствовалъ онъ тогда, когда при наказаніи его въ хуторѣ зацѣпили по луку, которая мучаетъ его безпрерывно, и тутъ же просилъ, чтобы отвезла она его къ священнику для исповѣди и пріобщенія Святыхъ Тайнъ, и по совершеніи сего обряда 17 Августа, 21 по 22-е число того же мѣсяца умеръ. По смерти его при обмытіи тѣла вмѣстѣ съ крестьянкою Анною Максимовою, вдовою Левшаковою и Секлитою Рыханковою, видѣли съ задней стороны выше сѣдалища боевые знаки, причиненные палками, но объ оныхъ не объявляла никому по боязни господъ Денисьевыхъ.

Курское Губернское Правленіе, разсмотрѣвъ произведенныя Курскимъ губернскимъ уголовныхъ казенныхъ дѣлъ стряпчимъ изслѣдованія учиненнымъ 27 Ноября 1824 года журналомъ заключило, что всѣ таковыя дворовыхъ людей и крестьянъ показанія не могли бы быть современно обвинительными для г.г. Денисьевыхъ по узаконенію, запрещающему давать имъ вѣру и не уважать доносовъ отъ крѣпостныхъ людей на господъ своихъ, но они ясно подтверждаются обстоятельствами, показаніями дворовыхъ людей, найденными орудіями, медицинскими чиновниками, повсемѣстными свѣдѣніями о ихъ жестокостяхъ, а особливо злобѣ противу человѣчества жены его (о чемъ даже самый мужъ ея приносилъ какъ мнѣ, такъ и губернскому предводителю дворянства неоднократно жалобы), и тѣмъ положеніемъ людей ихъ Денисьевыхъ, въ коемъ они находятся, какъ то:

а) Подъ господскимъ домомъ найденъ погребъ, въ коемъ сдѣлано кольцо, къ которому люди привѣшивались за персты и наказываемы безчеловѣчно. Достовѣрность сего подтверждаетъ отставной штабсъ-ротмистръ Макшеевъ подъ присягою, который нанимался у нихъ въ управители, но, видя ужасные поступки Денисьевыхъ, остаться у нихъ не рѣшился. Изъ его показанія видны и прочія ихъ Денисьевыхъ невѣроятныя дѣйствія, подтверждающія во многомъ показанія людей ихъ, несообразныя ни съ званіемъ дворянъ, ни съ обязанностью помѣщиковъ, долженствовавшихъ пещись о благосостояніи своихъ подданныхъ.

б) По свидѣтельству Курскаго уѣзднаго штабсъ-лѣкаря Столяровскаго оказалось. У женщины Надежды Дубининой на лѣвой рукѣ ниже локтя два знака отъ прежде бывшихъ ранъ, кои повидимому произошли отъ нанесенія какимъ-либо орудіемъ. У лакея Аѳанасія Киселева какъ верхняя, такъ и подошвенная поверхность стороны лѣвой ноги распухши, на подошвѣ около перстовъ кожа отъ тѣла вершка на три отдѣлилась и имѣется сухой струпъ длиною въ полвершка, отъ онаго же струпа до окончанія самой пятки покрыто темноватою опухолью, что̀ дѣйствительно есть слѣдствіемъ какихъ-либо жестокихъ побоевъ по подошвамъ, стопа же правой ноги, хотя и не опухла, но на подошвѣ оной также имѣются желтоватыя пятна, доказывающія явно, что и оныя произошли отъ побоевъ по пяткамъ. На тѣлѣ женщины Екатерины Васиной задняя часть обѣихъ ногъ отъ самыхъ пятъ до поясницы жестоко изсѣчена плетьми или палками, отъ каковыхъ ударовъ довольно еще примѣтны продолговатыя жестокія поперечныя синебагровыя пятна, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ имѣются гноевидные струпья, происходящіе отъ такого же наказанія, а на лѣвой ногѣ и на лѣвой половинѣ задницы между таковыми же синебагровыми знаками и на оныхъ имѣются во множествѣ продолговатые поперечные кровавые знаки; по медицинскому свидѣтельству оказалось, что оные произведены на сихъ мѣстахъ иглою. На крестьянахъ Михайлѣ Уточкинѣ задняя часть обѣихъ ногъ, какъ-то икры и ляшки, задница, поясница и спина жестоко плетьми или палками изсѣчены, отъ чего довольно примѣтны большіе продолговатые синебагровые знаки, а на тѣлѣ Ивана Богомазова задняя часть ляшекъ обѣихъ ногъ и поясница также плетьми или палками изсѣчены, отъ чего во множествѣ имѣются синебагровые и кровавые знаки. На крестьянинѣ Иванѣ Кондратовѣ сынѣ Никитинѣ по ляшкамъ, на задницѣ и плечахъ продолговатые и синебагровые, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ желтоватые знаки, доказывающіе явно, что оные нанесены были жестокими ударами палками или плетьми. На дворовой дѣвкѣ Василисѣ Кузнецовой на обѣихъ ногахъ по колѣна продолговатые весьма примѣтные во множествѣ синебагровые знаки, нанесенные плетьми или палками, а на подошвахъ обѣихъ ногъ имѣются желтоватыя пятна, происшедшія отъ таковаго же наказанія, но желтоватый знакъ имѣющія отъ долгопрошедшаго времени. На крестьянинѣ Яковлевѣ сынѣ Уточкинѣ вся спина до задницы плетьми или палками жестоко изсѣчена, отъ чего имѣются во множествѣ весьма примѣтные продолговатые знаки. У дворовыхъ дѣвокъ Натальи Ефимовой дочери Киселевой на грудяхъ два кровавые продолговатые и сухіе струпа и на ляшкѣ правой ноги выше колѣна до 10 струпьевъ таковой же величины и очертанія, каковые знаки повидимому нанесены какимъ-либо острымъ орудіемъ (изъ дѣла видно, ножницами). У Авдотьи Матвѣевой дочери Кузнецовой обѣ ноги ниже колѣнъ и ступни припухшія, на оныхъ примѣтны синеватыя и желтоватыя пятна, доказывающія, что оныя произошли отъ какихъ-либо побоевъ. У Анисьи Андреевой дочери Софроновой волосы на головѣ всѣ острижены. У Натальи Ивановой дочери Щегловой стопа правой ноги хотя гораздо менѣе опухла, на оной

имѣются болѣе примѣтные синеватые знаки и пятна, на икрахъ обѣихъ ногъ также имѣется нѣсколько синеватыхъ и желтоватыхъ пятенъ, происшедшихъ отъ прежде бывшихъ какихъ-либо побоевъ. У Авдотьи Яковлевой дочери Гусевой волоса на лбу острижены и на серединѣ головы отъ прежде бывшей раны, нанесенной какимъ-либо острымъ и твердымъ орудіемъ, примѣтенъ продолговатый знакъ длиною въ ½ вершка. На крестьянинѣ Иванѣ Андріановѣ сынѣ Арининѣ на подошвѣ правой ноги кожа отъ тѣла отстала и на пяткѣ той же ноги имѣется желтоватое пятно величиною въ мѣдный грошъ, на подошвѣ же лѣвой ноги кожа также неплотно соединяется съ тѣломъ, но желтоватыхъ пятенъ гораздо больше, кои, равно какъ и слабое соединеніе кожи съ тѣломъ, произошли отъ какого-либо по онымъ мѣстамъ наказанія.

в) Живущіе въ сосѣдствѣ села Толмачева дворяне почти всѣ единогласно утверждаютъ, что они слышали о жестокостяхъ г.г. Денисьевыхъ; нѣкоторые изъ нихъ видѣли жестоко наказанныхъ ими людей, другіе слышали вопль наказываемыхъ, дополняя притомъ, что по праздникамъ крестьяне Денисьевыхъ всегда работаютъ и находятся въ нищенскомъ положеніи, испрашивая милостынею себѣ пропитаніе.

г) Тоже подтвердили священно и церковнослужители того села, при чемъ священникъ дополнилъ, что по причинамъ вышеобъясненнымъ и въ церкви крестьяне ихъ Денисьевыхъ никогда не бываютъ.

д) Близъ живущіе помѣщика Анненкова крестьяне тоже подтвердили, что слышали стонъ и крикъ наказываемыхъ, а нѣкоторые видѣли бывшія жестокія наказанія и находившихся въ кандалахъ и рогаткахъ крестьянъ Денисьевыхъ, работавшихъ и просившихъ милостыню, и что дворовые люди и крестьяне работаютъ господскую работу по праздникамъ и воскреснымъ днямъ, обувь и одежду имѣютъ весьма худую, живутъ въ крайней бѣдности многіе изъ нихъ бѣжали, и хотя имъ извѣстно, что дворовые и крестьяне Денисьевыхъ поведенія хорошаго, но за что переносятъ такое наказаніе, неизвѣстно.

е) Деревни большой Звегинцевой 12 человѣкъ однодворцевъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Денисьевыхъ, состоящемъ въ деревнѣ Петровкѣ, показали, что дворовые и крестьяне всегда почти работаютъ господскую работу по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, избавляются отъ оной въ недѣлю Свѣтлаго Христова Воскресенія дня три, да на Рождество Христово по одному дню. Во все время полевой работы тягловымъ крестьянамъ на себя работать въ недѣлю давалось иногда дня по два, но большею частью по одному дню, а иногда бывали и такія недѣли, что не было имъ давано и одного дня, отъ чего они въ худомъ положеніи; а потому они, а особливо живущіе на мѣсячномъ мужчины и женщины, ходили нищенскимъ образомъ и просили хлѣба, да и тѣ, у коихъ на огуменникахъ есть хлѣбъ, не имѣютъ время смолотить онаго. Изъ нихъ 4 человѣка, бывши разъ на сходѣ, слышали необыкновенный сильный крикъ одного человѣка, самимъ Денисьевымъ на господскомъ дворѣ наказываннаго, каковой бой продолжался съ часъ.

ж) Подобно сему и въ Тимскомъ уѣздѣ всѣ крестьяне показали, что Денисьевы въ каждый пріѣздъ ихъ въ село Дурновку наказываютъ ихъ жестоко и изнуряютъ господскою работою, не исключая и праздничныхъ дней, въ рабочее время не даютъ имъ дней для уборки хлѣба, осенью и зимой высылаютъ всѣхъ мужиковъ пѣшихъ и съ лошадьми на винокуренный заводъ, лошадей всѣхъ поморили на содержимыхъ прежде почтовыхъ станціяхъ и при перевозкѣ мѣдной монеты, и хлѣбъ у нихъ весь отобранъ. Достовѣрность сего подтверждаютъ подъ присягою сторонніе разныхъ селъ и деревень, а изъ 67-ми 63 человѣка показываютъ, что крестьяне Денисьевыхъ, живущіе въ селѣ Дурновкѣ и Черновецкомъ хуторѣ, по покупкѣ имъ Денисьевымъ разстроены и находятся нынѣ въ самомъ бѣдномъ положеніи и не имѣютъ даже одежды нужной; притомъ большая часть изъ нихъ отозвались, что они слышали о всѣхъ тѣхъ изнуреніяхъ, какія значатся въ допросахъ крестьянъ Денисьевыхъ; другіе удостовѣряютъ, что они сами видѣли, какъ Денисьевъ и жена его наказывали крестьянъ, третьи же слышали крикъ, произносимый крестьянами во время наказанія.

з) Обстоятельства смерти крестьянина Барсукова не менѣе того подаютъ поводъ мыслить о жестокомъ наказаніи его и что самая смерть была слѣдствіемъ онаго (изъ дѣла видно, что Денисьевъ его наказывалъ сильно, ибо по вынутіи уже его изъ могилы было распухшее лицо и синебагроваго цвѣта животъ вздутый, мошна у тайнаго уда съ правой стороны вспухшая и наполненная воздухомъ, происходящимъ отъ пораженія гнилостью тѣла, туловище и вообще все тѣло покрыто синебагровыми пятнами, происходящими отъ сильнаго пораженія гнилостью тѣла, и издаетъ смердящій запахъ, между коимъ однакожъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣтны боевые знаки въ видѣ полосъ, какъ будто отъ побоевъ палками).

и) Свидѣтельствовавшему тѣло сего крестьянина Тимскому лѣкарю Зикунечко не безъ намѣренія обѣщано было со стороны Денисьевыхъ отъ приказчика Алпатова сто рублей; имъ же Алпатовымъ дано бывшему при семъ случаѣ засѣдателю Бунину 11 серебряныхъ рублей и чрезъ десятника отъ него же Алпатова доставлено стряпчему Байцурову ассигнаціями 300 рублей, кои ими представлены и отъ меня препровождены въ Губернское Правленіе.

і) Личное обозрѣніе Курскаго уѣзднаго предводителя дворянства Шагарова, коего г. Денисьевъ самъ выпросилъ у меня быть при слѣдствіи, удостовѣряетъ въ истинѣ всего вышеписаннаго, ибо онъ лично видѣлъ свидѣтельствованныхъ Курскимъ штабъ-лѣкаремъ людей и нашелъ всѣ тѣ раны, кои по истинѣ описаны, лично видѣлъ остриженныя головы, не исключая и сѣнныхъ дѣвокъ; сверхъ оказавшихся на людяхъ бывшихъ заклепанными въ кандалы, видѣлъ онъ отысканныя наручни и рогатки въ кладовой Денисьевыхъ.

к) Забранныя губернскимъ стряпчимъ изъ Палаты уголовнаго суда свѣдѣнія даютъ также весьма невыгодное заключеніе о поведеніи Денисьевыхъ, по коимъ показаніе дворовaго человѣка Алексѣя Кречетова, что помѣщикъ

Денисьевъ за отлучки его Алексѣя въ домъ купца Дружинина къ матери своей за рубашкою приказывалъ дворецкому Егору Карцеву сѣчь его Алексѣя безщадно розгами и драть иголками, на коемъ тогда, по свидѣтельству штабъ-лѣкаря Коквинскаго въ присутствіи полиціи, оказались знаки. Сверхъ же того Кречетовъ въ сдѣланномъ ему полиціею допросѣ показалъ, что онъ, бывши у Денисьева два раза на винномъ заводѣ и исправляя тамъ трудную работу, не имѣлъ ни одежды, ни обуви, и для прокормленія его отпускалось ему въ мѣсяцъ только по 25 фунтовъ ржи. За отдачею его въ военную службу осталось безъ дальнѣйшихъ со стороны его доказательствъ покрытымъ неизвѣстностью, а потому токмо и Денисьевъ, какъ не доказанный тогда въ жестокостяхъ, учиненъ свободнымъ.

л) Г-жа Денисьева, хотя и сама поданнымъ мнѣ 12 Сентября прошеніемъ просила по извѣтамъ на нее людей произвести изслѣдованіе, но при производствѣ онаго не только она и мужъ ея уклонялись отъ объясненія, но даже старались скрыть отъ слѣдователей ими наказанныхъ и сдѣлать имъ препону въ изысканіи справедливости.

Съ прописаніемъ всѣхъ вышеозначенныхъ обстоятельствъ Курское Губернское Правленіе сообщило 24 Декабря 1824 года въ Курское Дворянское Депутатское Собраніе съ тѣмъ, дабы оное, на основаніи указа 3 Марта 1822 года, объ учрежденіи надъ всѣмъ имѣніемъ Денисьевыхъ опеки сдѣлало немедля положеніе и оное доставило въ Правленіе для представленія Правительствующему Сенату.

Общее собраніе Курскаго губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства съ депутатами, по выслушаніи 16 Генваря 1825 года онаго отношенія Губернскаго Правленія, положили: что по обстоятельствамъ дѣла сего въ ономъ сообщеніи описаннымъ и по указу 4 Апрѣля 1817 года имѣніе означенныхъ помѣщиковъ Денисьевыхъ въ опеку взять долженствуетъ.

Губернское Правленіе, получа о семъ изъ онаго собранія отъ 7 Февраля 1825 года отзывъ, представляло на благоразсмотрѣніе Правительствующаго Сената съ объясненіемъ всѣхъ обстоятельствъ сего дѣла и что оное отослано на разсмотрѣніе и законное рѣшеніе въ Курскій Уѣздный Судъ; а дабы съ одной стороны положить преграду жестокимъ дѣйствіямъ Денисьевыхъ, а съ другой обезопасить страждущее человѣчество, предписало Курскому и Тимскому Земскимъ Судамъ указами имѣнія принять въ свое владѣніе и къ присмотру назначить благонадежныхъ дворянъ и до разсмотрѣнія высшимъ правительствомъ положенія г.г. предводителей и депутатовъ въѣздъ имъ Денисьевымъ въ деревни воспретить, доставляя имъ чрезъ тѣхъ назначенныхъ дворянъ содержаніе. Правительствующій Сенатъ указомъ отъ 30 Апрѣля 1826 года далъ знать Губернскому Правленію, что оный Сенатъ полагаетъ какъ распоряженіе Губернскаго Правленія, такъ и положеніе собранія г.г. предводителей съ депутатами, оставить въ ихъ силѣ.

(Изъ бумагъ Курскаго губернатора Алексѣя Степановича Кожухова сообщено его внукомъ Сергіемъ Евгеніевичемъ Кожуховымъ).

ИЗЪ ЗАПИСНЫХЪ КНИЖЕКЪ МАСОНОВЪ ГРАФА М. Ю. ВІЕЛЬГОРСКАГО И Ѳ. Н. ГЛИНКИ.

Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій (1787—1856) былъ однимъ изъ главныхъ Русскихъ масоновъ, занимая должность великаго провинціальнаго мастера въ Александровское время. По отцу онъ былъ Полякъ, по матери же (дочери оберъ-гофмейстерины графини Анны Алексѣевны Матюшкиной), Русскій. Ф. Ф. Вигель, характеризуя Віельгорскаго (Р. Арх., 1892, 7, 154), говоритъ: „Віельгорскій по вѣрѣ и по сердцу принадлежалъ Россіи; двойное происхожденіе его, двойная природа образовали изъ него человѣка весьма примѣчательнаго; въ немъ была пропасть ума, но съ недостатками обоихъ народовъ; Польская живость всегда ослабляема была въ немъ лѣностію, безпечностію, совершенно-Русскими, неосмотрительность Польская умѣряема Русскимъ здравомысліемъ; вся же эта смѣсь была прелесть. Какими талантами не надарила его природа? Родись онъ безъ состоянія, безъ извѣстнаго имени, изъ него вышелъ бы славный министръ, или извѣстный писатель, или знаменитый композиторъ". Віельгорскій жилъ духовною жизнью, работая надъ усовершенствованіемъ самого себя, надъ созиданіемъ внутренняго храма.

Ѳедоръ Николаевичъ Глинка (1786—1880) былъ, по выраженію князя Н. С. Голицына (Р. Стар., 1890, Іюль), „духовный стихотворецъ". Замѣшанный въ движеніи Декабристовъ, Глинка былъ сосланъ въ Петрозаводскъ. Въ высочайшемъ приказѣ 7 Іюня 1826 г. было изложено: „состоящій по арміи полковникъ Глинка 1-й отставляется отъ службы и ссылается на жительство въ городъ Петрозаводскъ; во уваженіе же прежней его службы и недостаточнаго состоянія дозволяется употребить его тамъ по гражданской части съ чиномъ коллежскаго совѣтника". Глинка одно время состоялъ вторымъ надзирателемъ, а затѣмъ намѣстнымъ мастеромъ въ Петербургской масонской ложѣ Избраннаго Михаила. Въ спискѣ членовъ на 1820—1821 г.г. великой ложи Астреи, къ союзу которой принадлежала ложа Избраннаго Михаила, указаны званія Глинки: „гвардіи Измайловскаго полка полковникъ и кавалеръ; предсѣдатель высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества любителей Россійской словесности; дѣйствительный членъ Московскаго Общества любителей Россійской словесности, С.-Петербургскаго Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ и Общества любителей военныхъ наукъ при гвардейскомъ штабѣ; помощникъ предсѣдателя общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія".

Типа Соколовская.

Изъ книжки графа М. Ю. Віельгорскаго.

Все знать есть ничего не знать.

Божество произвело все изъ бездны ничего; если желаешь все знать, учи ничто.

Желать сильно о чемъ есть приблизить то, о чемъ желаешь.

Въ первые годы христіанства сосуды были деревянные, что и послужило сказать, что когда сосуды были деревянные, то попы были золотые, а нынѣ сосуды золотые, а попы за то деревянные.

Prier pour les personnes qui se trompent vaut mieux que de les refuter *).

Тотъ, кто сидитъ, не падаетъ, а тотъ, кто идетъ.

Кусокъ хлѣба толико же сладокъ и вкусенъ для бѣднаго, какъ дорогія и искусно изготовленныя явства для богача; послѣ одного и послѣ другого остается умѣть.

Натуральный разумъ есть та небольшая искра свѣта, которая осталась въ человѣкѣ послѣ паденія его.

Легко умствовать въ изобиліи о нищетѣ Іисусовой, въ честяхъ о поруганіи Его, въ похвалахъ о поношеніи Его. Весьма нѣжное и горестное сострадание и набожность къ святымъ ранамъ Іисуса, токмо бы никто не укололъ ихъ булавками.

Извѣстный Dutoi утверждалъ, что въ насъ нѣтъ жизни, ибо, сжавъ ротъ и носъ, мы задыхаемся; слѣдовательно жизнь не въ насъ, но мы черпаемъ ее извнѣ, изъ воздуха вещества, непрестанно насъ окружающаго и притомъ намъ невидимаго.

Нѣкто сказалъ, что любовь къ врагамъ совсѣмъ для человѣка неестественна, ибо какъ можетъ любить враговъ, когда не умѣетъ любить еще и друзей, и такъ совѣтывалъ научиться сперва любить друзей и не ненавидѣть враговъ, а потомъ научиться любить друзей и враговъ.

Должно любить добро для самаго добра, а не для слѣдствій онаго, не останавливаться на радіусахъ, а стремиться къ цѣли.

Вѣчная любовь ищетъ въ чемъ нибудь сойтись съ человѣкомъ, предлагая ему всякія благодѣянія.

Человѣкъ видитъ только видимую руку, подающую ему блага, и благодаритъ ее, а забываетъ невидимую, пославшую ему видимую, которая есть только ея орудіе.

Геометрія находится всюду и во всемъ, но вещественно не существуетъ.

Человѣку несравненно удобнѣе учиться въ здѣшнемъ мірѣ нежели въ будущемъ, гдѣ ученіе производить будетъ въ безпокойномъ для него положеніи, въ холодѣ и голодѣ.

Цѣломудріе есть внутренняя красота; съ нею соединены скромность, стыдливость, ласковость, качества, нравящіяся всякому. Потому цѣломудренные люди, живущіе въ мірѣ, болѣе подвержены опасности прельщенія, ибо всякій ищетъ понравиться имъ и заставить любить себя.

Изъ книжки Ѳ. Н. Глинки.

Молюся—къ Богу стремлюся, каюсь—отъ стараго отступаюся, люблю—благодать ловлю.

Мудрость древнихъ была проста, какъ и древніе люди. Оттого въ Ветхомъ Завѣтѣ тысячекратно поминается «сердце»; въ новомъ, особенно у апостоловъ, говорится чаще объ «умѣ».

Суета есть шумъ отъ колесъ той колесницы, на которой ѣздитъ сатана этотъ шумъ оглушаетъ, одуряетъ, шутитъ, кипятится. Оттого

*) Молиться за людей, которые ошибаются, лучше, нежели опровергать ихъ.

и сказано въ молитвѣ: отъ дьявольскаго поспѣшенія избави насъ, Господи!

Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія были мужи, которыхъ можно назвать музыкантами Божьими. Эти мужи: Эккартсгаузенъ, г-жа Крюденеръ, особенно Юнгъ-Штиллингъ и пр. составили оркестръ. Когда заигралъ этотъ оркестръ, люди, ощутя сладость голосовъ Божьихъ, пали на колѣни и стали молиться. Заигралъ потомъ другой оркестръ (ужъ не Божій), оркестръ нынѣшней литературы, и люди пошли плясать. Массы, охваченныя буйнымъ чувствомъ разгула, пляшутъ до упада. Жаль только что изъ преклонившихъ колѣна и молившихся нѣкоторые пошли также въ общую народную пляску. Видно, великое отступленіе уже наступаетъ.

Самый неукладистый товаръ изъ всѣхъ, угадайте какой? Это—наши страсти. Часто не лѣзутъ ни въ коробъ, ни изъ короба. Страсти—наши рога. Сами-то мы кой какъ мѣстимся, да рога не помѣщаются. У иного самолюбіе выросло въ такой рогъ, что и короба по немъ не приберешь. Другіе страсти дѣлаютъ насъ ежами. Пока поджимаешь ихъ, иглы свои, ладишь со всѣми; распустишь—всѣхъ около себя колешь.

Сердце наше есть сухарь, который всякій день надобно размачивать въ молитвѣ и ученіи Христовомъ; иначе онъ слишкомъ зачерствѣетъ и, пожалуй, еще сгніетъ.

Еропопрателн: такъ называетъ г-нъ де-Сангленъ тѣхъ, которые въ правописаніи отмѣняютъ букву ъ.

Нынѣ много страданія, но мало состраданія.

Отъ страха рубаха на тѣлѣ выгорѣла.

Дальше отъ моря, дальше отъ горя.

Въ эту яму надо много хламу.

Курица не можетъ проглотить капли воды, чтобъ не поднять глазъ къ небу.

Человѣкъ общественный есть звѣрь ручной.

Колокольчикъ, сбитень и блинъ, три представителя (можно сказать, три благодѣтеля) Руси уже оставляютъ Русь. Новое поглощаетъ старое. Кулакъ, топоръ и борода долѣе поживутъ на Руси: эти принадлежности сами стоятъ за себя.

Слабость характера есть главнымъ недостаткомъ нашего времени, и сей-то недостатокъ есть источникъ большей части бѣдствій, опечаливщихъ свѣтъ. То, о чемъ мы выше сказали, происходитъ отъ двухъ причинъ: отъ упадка нравственности и просвѣщенія. Первая породила эгоизмъ, другая—невѣжество. И сими-то двумя орудіями наиболѣе вооружалась и поражала революція.

Бѣшенная страсть къ подражаніямъ и нововведеніямъ имѣетъ источникомъ своимъ невѣжество и слабость характера.

Кто любитъ жизнь, тотъ не долженъ тратить времени, ибо жизнь составлена изъ времени.

Со времени революціи дѣти стали тыкать отцамъ своимъ, они говорятъ кучеру—вы и отцу—ты.

М. Н. МУРАВЬЕВЪ.

(род. 25 Октября 1757 † 29 Іюля 1807 г.).

28 Іюля исполнилось сто лѣтъ со дня кончины Михаила Никитича Муравьева, дѣятельность котораго по справедливости составитъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи Русской образованности. Широко и всесторонне образованный, отличаясь выдающимися познаніями въ древней филологіи и литературѣ, онъ соединялъ въ себѣ лучшія стороны просвѣщенія конца XVIII столѣтія. Муравьевъ пользовался большимъ вліяніемъ среди современныхъ ему писателей и ученыхъ и отличался готовностью идти на помощъ всему, что содѣйствовало успѣху Русской словесности, научному движенію и народному воспитанію. Домъ Муравьева писалъ М. П. Погодинъ, былъ „сосредоточіемъ всего возвышеннаго, лучшаго въ обществѣ и литературѣ, сборнымъ мѣстомъ всѣхъ достоинствъ, заслугъ, дарованій“....

Писатель, общественный и государственный дѣятель, наставникъ императора Александра I Муравьевъ былъ и однимъ изъ главныхъ руководителей тѣхъ широкихъ преобразованій на пользу просвѣщенія, которыми отмѣчены первые годы царствованія его ученика. Съ образованіемъ въ 1802 г. Министерства Народнаго Просвѣщенія Муравьевъ назначается товарищемъ министра и попечителемъ Московскаго Университета.

Любовь къ просвѣщенію и вѣра въ его благотворную силу отличали всѣ начинанія министерства. Составляется полная система народнаго образованія, открываются училища, гимназіи, лицеи. Особое вниманіе обращено на вопросъ объ университетахъ: преобразованы существующіе и открыты новые въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ. Въ этомъ дѣлѣ Муравьевъ принимаетъ самое живое участіе, привлекаетъ къ нему научные авторитеты Европы, поддерживаетъ съ ними оживленную переписку и заботится о снабженіи университетовъ живыми силами Европейскаго ученаго міра.

Имя Муравьева неразрывно связано съ преобразованіемъ и возрожденіемъ Московскаго Университета, вступавшаго тогда въ полустолѣтіе въ жалкомъ, полуразрушенномъ состояніи. Муравьевъ вводитъ въ дѣйствіе дарованный новый уставъ, замѣщаетъ пустующія профессорскія каѳедры, вызываетъ въ Москву выдающихся иностранныхъ профессоровъ, стремясь въ то же время подготовить поколѣнія Русскихъ молодыхъ ученыхъ. При универ-

ситетѣ возникаютъ кабинеты, лабораторіи, музеи вспомогательно-учебныя учрежденія, необходимыя для правильнаго научнаго преподаванія.

Муравьевъ старается создать связь общества съ университетомъ, при его содѣйствіи учреждены ученыя общества и организованы при университетѣ публичныя лекціи.

Дѣятельность Муравьева вызывала восторженныя похвалы за границей, гдѣ его славили, какъ поборника просвѣщенія. Иностранная печать предсказывала Московскому университету блестящую будущность, полагая, что онъ можетъ превзойти университеты другихъ странъ Европы.

Современники глубоко чтили Муравьева и ставили его на ряду съ основателемъ Московскаго университета И. И. Шуваловымъ. Смерть Муравьева, какъ невознаградимая утрата, была оплакана университетами и всѣми, кому дорого было его благосостояніе.

Несмотря на крупныя заслуги Муравьева и то значеніе, которое представляетъ для историка личность этого дѣятеля, имя его забыто. До сего времени не имѣется его полной біографіи и не изслѣдованы оставшіяся послѣ него бумаги. Настоящей замѣткой мы хотѣли лишь напомнить о дѣятели достойномъ памяти Русскаго общества и въ особенности Московскаго Университета.

Д. М. Щепкинъ.

*

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, отецъ двухъ Декабристовъ и родной дядя Декабриста Лунина, умеръ всего 50 лѣтъ отъ роду. Онъ оставилъ по себѣ свѣтлую память и какъ частное лицо, и какъ дѣятель общественный. Это былъ человѣкъ благоволенія, какъ послѣ него Александръ Ивановичъ Тургеневъ (имя котораго долго будетъ поминаться въ потомствѣ и переживетъ въ благодарной памяти Русскихъ людей имя его однофамильца Ивана Сергѣевича) или какъ еще позднѣе Петръ Александровичъ Плетневъ, любившій повторять святыя слова: „Плодъ правды сѣется въ мирѣ“ и посѣявшій столько добра между тогдашнимъ юношествомъ, въ учебныхъ женскихъ заведеніяхъ и между царскою семьею. М. Н. Муравьевъ дорогъ также какъ покровитель и воспитатель поэта Батюшкова. Благодаря ему, Карамзину даны должность исторіографа и возможность трудиться безъ заботы о завтрашнемъ днѣ. Сочиненія М. Н. Муравьева были изданы по кончинѣ его въ трехъ книгахъ. П. А. Плетневъ передавалъ намъ, что онъ и Дельвигъ перечитывали эти сочиненія, учась въ нихъ простотѣ и благородству слога. Надо надѣяться, что будутъ обнародованы бумаги, служащія къ его жизнеописанію. Намъ извѣстно, что сохранилось немало его писемъ къ любимой сестрѣ Ѳедосьѣ Никитишнѣ Луниной. У покойнаго Михаила Ларіоновича Бибикова (женатаго на его внучкѣ Софьѣ Никитишнѣ Муравьевой) случалось намъ любоваться прекраснымъ мраморнымъ бюстомъ Михаила Никитича. Портретъ его гравированъ Уткинымъ. П. Б.

ДВА ПИСЬМА

Ивана Сергѣевича Аксакова.

Настоящія два подлинныхъ письма Ив. С. Аксакова писаны имъ къ своей родной сестрѣ, Маріи Сергѣевнѣ Аксаковой, по мужу Томашевской [1]). Не смотря на свое происхожденіе, по обстоятельствамъ совершенно частнаго характера, письма эти имѣютъ немаловажный интересъ, особенно въ томъ, что̀ очень хорошо характеризуетъ самого И. С. Аксакова, какъ отличнаго патріота и „славнаго“ Славянофила. Значеніе этихъ писемъ въ данномъ отношеніи тѣмъ болѣе, что они писаны отнюдь не для печати, и никто доселѣ не намѣренъ былъ ихъ издавать въ свѣтъ; слѣдовательно, они дороги для насъ совершенно неподдѣльною искренностію, такою, съ какой могъ писать такой образованный и откровенный братъ своей родной и любимой сестрѣ, каковымъ былъ незабвенный Иванъ Сергѣевичъ. Вотъ эти письма.

I.

С. Спасское, 24 Іюля 1885 г.

Ну молодецъ ты, милый другъ, Марихенъ. Прочелъ нынче твое письмо съ береговъ Босфора, присланное мнѣ Соничкой [2]). Вотъ такъ дача! И у кого ты тамъ нанимаешь? У какого Франека? У какой помѣси Грека, Итальянца, Еврея, Француза изъ неучей Франціи, Армянина, однимъ словомъ Перота или Левантина,—этого типа Европейцевъ-космополитовъ съ Запада, въ восточной окраскѣ, во второмъ и третьемъ поколѣніи? И кто у тебя дворникомъ? Не Черногорецъ ли какой? Или Арнаутъ? Хочешь—нашлю на тебя весь экзархатъ Болгарскій съ секретаремъ Шоповымъ? Гдѣ же, собственно, Терапія, ближе къ Буюкъ-Дере или дальше за нимъ?

Да, Константинополь, гдѣ Европа и Азія почти смыкаются,—мѣсто вселенское, мѣсто всесвѣтное. Если, съ одной стороны, я выражаю чувство обиды, что нашему войску не дали увѣнчать себя славой

---

[1]) Письма эти переданы намъ самою М. С. Томашевской и въ настоящее время хранятся въ Тульской Палатѣ Древностей. *Н. Тр.*

[2]) Софья Сергѣевна Аксакова, родная сестра Ив. Сер., извѣстная благотворительница и основательница пріюта своего имени (въ Москвѣ).

вступленія въ Царь-градъ: то, съ другой, я въ тайнѣ души сознаю, что не пришелъ еще часъ и что для насъ выгоднѣе сохранить тамъ Султана, что мы не доросли до владѣнія Константинополемъ даже въ сознаніи. Взять его силою оружія не велика трудность; ну, а потомъ что? Обратить его въ губернскій городъ нельзя. Это мѣсто царственное. Начиная съ Олега, прибившаго щитъ къ вратамъ Царь-града, до Александра II, мы отворачивались отъ этого «града», убоявшись великости задачъ, сознавая свое внутреннее духовное безсиліе. Мы еще—въ періодѣ Петербургскомъ, а Петербургъ и Константинополь, это—ни вещественно, ни духовно—несовмѣстимо. Лучше Султанъ, чѣмъ Набоковъ или Ив. Дав. Деляновъ; лучше Турка, чѣмъ вся наша казенщина и пошлость. Мы, безъ сомнѣнія, наслѣдники Византіи, но вступимъ ли когда въ обладаніе наслѣдствомъ, Богъ вѣсть; во всякомъ случаѣ, мы не доросли до совершеннолѣтія. Мы призваны; но, по стихамъ Хомякова, еще «недостойны призванія».

Лѣзетъ въ Константинополь Австріецъ. Константинопольскій патріархъ, изъ ненависти къ Россіи, ведетъ переговоры съ Римомъ. Константинополь однажды былъ занятъ крестоносцами и былъ столицею Латинской Имперіи. Можетъ быть, и въ наше время совершится нѣчто подобное, если Россія допуститъ.

Восточная окраина, которою ты артистически плѣняешься, хороша для проходящихъ, и именно теперь, когда на ней лежитъ печать чего-то *гонимаго* и *смиреннаго*, и въ противоположности съ бездушіемъ и пошлостью Европейской цивилизаціи. Хороша она—въ картинѣ. Но пока не были уничтожены янычары, пока гаремы не перестали наполняться христіанскими невольницами, и рынки въ Стамбулѣ не перестали предлагать въ продажу живой товаръ (плѣнныхъ христіанъ), такой картинностью даже трудно было плѣняться. Вотъ ты будешь осматривать городъ: загляни въ старый Стамбулъ, Турецкую часть города, съ его базарами и узкими улицами, съ его вонью и грязью, и ты убѣжишь оттуда. Тѣмъ не менѣе, Турокъ самъ по себѣ и Арабъ (Аравитянинъ) благороднѣе и симпатичнѣе всякаго Нѣмца, по крайней мѣрѣ—мнѣ, и мнѣ пріятнѣе чувствовать въ своихъ жилахъ Турецкую кровь, чѣмъ если бъ, напримѣръ, текла въ моихъ жилахъ кровь Нѣмецкая или Англійская *).

*) Выраженіе „въ моихъ жилахъ Турецкая кровь“ объясняется тѣмъ, что бабушка Ивана Сергѣевича по матери, Ольгѣ Семеновнѣ—Турчанка, Игель-Сюма, взятая 12-ти лѣтъ, при осадѣ Очакова. Она изъ рода эмировъ, производящихъ себя отъ Магомета, имѣющихъ право носить зеленую чалму. Игель-Сюма попала въ семейство генерала Войнова. Она была замѣчательная красавица. Ее окрестили, выучили читать и писать по русски.

Авось либо письмецо это дойдетъ къ тебѣ на Босфоръ, милый мой другъ! Купается ли въ водахъ его Егоръ Антоновичъ? [1]) Крѣпко васъ обоихъ, милыхъ оргиналовъ, цѣлую и обнимаю на вашей дачѣ; тоже дѣлаетъ и Анна [2]).

Получили письмо отъ Гриши [3]). Къ нему пріѣхалъ неожиданно Сережа' [4]). Сережа весь проникся мыслью, что ему надо бѣжать изъ Петербурга, и теперь ищетъ мѣста на службѣ гдѣ-нибудь въ провинціи.

Ив. Аксаковъ.

II.

Ну вотъ какъ мы встрѣтились и одновременно почувствовали побужденіе написать другъ къ другу: Вы оба—ко мнѣ съ береговъ Босфора, я къ вамъ—на берега Босфора! Радуюсь вашему чувству довольства, что́ доказывается и премилыми стишками твоими, Егоръ Антоновичъ. Ничего лучше, конечно, этой вашей оригинальной затѣи и придумать было нельзя. Только вы ошибаетесь на счетъ моихъ впечатлѣній. Во 1-хъ, разница: въ качествѣ туриста, путешественника или въ видѣ виллежіатуры—наслаждаться красотою мѣста, или же обратиться въ осѣдлаго жителя. До послѣдняго моего пребыванія въ Крыму, я посѣтилъ его два раза, даже верхомъ въ 1856 г., изъѣздилъ его не только вдоль всего южнаго берега, отъ Байдаръ до Алушты, но и отъ Симферополя, по горнымъ тропинкамъ, до Байдаръ. И въ оба раза наслаждался его красотами. Но поселиться на мѣстѣ на долгій срокъ, да еще у самой Ялты, да еще на самомъ берегу, въ пяти саженяхъ отъ моря, да еще въ Мартѣ, когда море тамъ называется «Мартовскимъ», да еще въ окруженіи многочисленнаго общества, которое не оставляетъ васъ въ покоѣ и накладываетъ на все кругомъ печать пошлости, какъ это бываетъ во всякомъ пунктѣ, обратившемся въ модный Kurort,—слуга покорный! Во 2-хъ, чего недостаетъ Крыму, это—мѣстной національной жизни и окраски. Татары изъ Крыма ушли почти всѣ; оставшіеся обратились въ цивилизованныхъ эксплуататоровъ. А что́ я люблю, такъ это, именно, сочетаніе *мѣстной* человѣческой жизни съ

Она понравилась молодому Заплатину, и онъ женился на ней. При окончаніи войны Турки требовали ее; даже одинъ изъѣздилъ всю Курскую губернію, а ея не нашелъ. Ея имя было Марія. Она очень скучала по родинѣ и умерла 30-ти лѣтъ.

[1]) Егоръ Антоновичъ Томашевскій, мужъ Марьи Сергѣевны, бывшій предсѣдатель Одесской Судебной Палаты.

[2]) Анна Ѳедоровна, жена И. С. Аксакова.

[3]) Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ, родной братъ Ивана Сергѣевича.

[4]) Сергѣй, сынъ Григорія Сергѣевича.

природой. Особенно же дѣйствуетъ на меня сильно, когда въ *вѣчно-неизмѣнныя* рамки природной красоты вставляются *времена историческія*, съ ихъ превратностью,—историческая жизнь человѣчества. Тотъ же Босфоръ катилъ свои синія воды и при Константинѣ Великомъ, и при Крестоносцахъ, и при Султанахъ: судьба Востока, со всею его историческою сущностью, витаетъ надъ этими водами. Я не видалъ Константинополя, но видѣлъ несчетное множество его изображеній, и самое лучшее, это—Айвазовскаго картина. Но такія впечатлѣнія я испытывалъ въ Италіи, особенно, начиная съ Рима и вдоль Неаполитанскихъ береговъ, съ Везувіемъ, Геркуланумомъ, Помпеею, омываемыми *все тою же* вѣчно-прекрасною голубою волною,—все тотъ же надъ ними вѣчно сіяющій, небесный куполъ. Тутъ даже дыханіе спирается отъ впечатлѣній... Есть и въ пустыняхъ Океана дивныя мѣста, съ сотворенія міра пустынно-священнодѣйствующія своей красотой, Богъ знаетъ, для кого и зачѣмъ; можетъ быть, въ ожиданіи человѣка. Но жить тамъ я не согласенъ.

Вотъ почему Крымъ, именно, современный, способенъ надоѣсть, хотя, быть можетъ, и не надоѣлъ бы во времена Ифигеніи или даже при ханахъ.

Справедливо замѣчаетъ Егоръ Антоновичъ, что мы, Русскіе, менѣе всего умѣемъ стирать мѣстный колоритъ, особенно, если онъ силенъ; но ничто не устоитъ предъ демоническою силою цивилизаціи Запада. А Западъ къ Константинополю ближе, чѣмъ мы.

Прощайте. Анна очень тѣшится вашими письмами. Ея здоровье относительно-порядочно, хотя есть и недобрые признаки ея неизлѣчимой болѣзни. Я скоро впрягаюсь въ свой грузный экипажъ и *пока* чувствую себя въ силахъ. Вашъ Ив. Аксаковъ.

27 Іюля. 1885. С. Спасское.

Письмо ваше шло семь или восемь дней. Это письмо пойдетъ, вѣроятно, завтра. Поглядите на штемпель.

Надписывая конвертъ, вспомнилъ, что чуть ли я, по разсѣянности, не написалъ на прежде посланномъ письмѣ: m-me Aksakoff. Если не получили, то нельзя ли его потребовать на почтѣ?

Сообщилъ **Н. Троицкій.**

(Изъ Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 1907 года).

ніяхъ Воспитательнаго Дома), **1868**. (1), 1—24.

1440. Письма Маріи Ѳеодоровны къ кн. А. М. Голицыну Сообщ. М. В.. Олсуфьевой. **1878**. II, (6), 129—143.

1441. Письма и записочки Маріи Ѳеодоровны къ С. К. Вязмитинову. Сообщ. А. А. Титовымъ. **1895**. I, (4), 519—528.

1442. Письмо Маріи Ѳеодоровны къ бар. Будбергу (о неприкосновенности приданаго Россійскихъ великихъ княженъ) **1891**. III, (12), 578—580.

1443. Письма Маріи Ѳеодоровны къ Н. И. Баранову. **1870**. (8—9), 1441—1521.

1444. Письма Маріи Ѳеодоровны къ гр. Н. И. Панину. **1882**. I, (2), 398—404.

1445. Письмо къ Маріи Ѳеодоровнѣ, послѣ нашествія Французовъ отъ аптекаря Шереметевскаго Странноприимнаго дома. Сообщ. Я. К. Гротомъ. **1871**. (1)‘ 191—197.

1446. Записка о мартинистахъ, представл. гр. Ростопчинымъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. **1875**. III, (9), 75—81.

1447. Высочайшіе рескрипты преосвящен. Амвросію. Сообщ. Н. Ѳ. Дубровинымъ. **1892**. I, (4), 393—494.

1448. Генералъ Бонапартъ — оборонитель Грековосточнаго вѣроисповѣданія. Съ предисл. кн. М. А. Оболенскаго. **1868**. (1), 108—112.

1449. Письмо (изъ ссылки) кн. Дашковой къ императору Павлу. **1871**. (9), 1486—1487.

1450. Письмо гр. Г. И. Кушелева къ адм. Макарову. **1875**. I, (1), 10—11

1451. Письмо Евгенія Болховитинова къ Г. А. Петрову. Сообщ. А. Г. Петровымъ. **1873**. I, (3), 388—392.

1452. Бумага кн. Лопухина и два рескрипта имп. Павла къ Руничу о Зубовыхъ. Сообщ. гр. Д. Н. Толстымъ. **XVIII В.** IV, 474—475.

1453. Изъ временъ Павла Петровича. Сообщ. П. Степановымъ. **1873**. I, (4), 644—645. О чудакѣ Иванѣ Лузинѣ.

1454. По поводу писемъ И. М. Муравьева-Апостола къ гр. С. Р. Воронцову. Д. Д. Рябинина. **1876**. I, (3), 377—383.

1455. Е. И. Нелидова. (Біографическій очеркъ). Кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго. **1873**. II, (11), 2160—2172.

1456. Изъ бумагъ Е. И. Нелидовой. **XVIII В.** III, 422—459. Письма Е. И. Нелидовой къ Павлу, письмо Павла къ Екатеринѣ объ Е. И. Нелидовой. Письма Павла къ Нелидовой. Переписка Е. И. Нелидовой съ Маріей Ѳеодоровной. Некрологъ Е. И. Нелидовой, Комовскаго.

1457. Письмо Н. И. Неплюева къ преосв. Амвросію. Сообщено Н. Ѳ. Дубровинымъ. **1892**. I, (4), 494 496.

1458. Письмо гр. А. Г. Орлова къ гр. Н. И. Салтыкову. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. **1873**. I, (4), 0468—0470.

1459. Переписка митроп. Платона съ гр. И. П. Салтыковымъ и Ю. А. Головкинымъ. Сообщ. С. Д. Муретовъ. **1697**. II, (5), 108—109.

1460. О взысканіи съ наслѣдниковъ кн. Потемкина-Таврическаго казенныхъ денегъ. Сообщ. Г. Н. Александровъ. **1873**. II, (12), 2322—2325.

1461. Письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. Ѳ. В. Ростопчину. Съ примѣч. гр. А. Ѳ. Ростопчина. **1872**. (11), 2174—2246.

1462. Изъ писемъ Я. И. Булгакова къ И. А. Алексѣеву. **1898**. II, (1), 50—55.

1463. Письмо князя А. Б. Куракина къ кн. Ѳ. Н. Голицыну (о Сперанскомъ). Съ замѣт. Я. К. Грота. **1863** (5—6), 442—444. (Поправка Я. К. Грота. (8—9), 720).

1464. Извѣстіе о присылкѣ А. К. Булгаковымъ, въ даръ Чертковской библіотекѣ, собранія подлинныхъ писемъ кн. Н. В. Репнина къ И. А. Алексѣеву. **1865.** (3), 392.

1465. Письма кн. Репнина къ кн. А. Б. Куракину. **1876.** Ш, (10), 167—169.

1466. Мелочи изъ прошлаго (о братѣ Робеспьера. **1865.** (12), 1537—1538.

1467. Семейство Робеспьеровъ. М. Ѳ. Шугурова. **1867.** (4), 516—520.

1468. Ростопчинскія письма къ гр. С. Д. Воронцову. — Гр. Марковъ.—Гр. Кутайсовъ.—Кн. Горчаковъ. **1887.** I, (2), 149—185.

1469. Записка гр. Ростопчина о политическихъ отношеніяхъ Россіи въ послѣдніе мѣсяцы Павловскаго царствованія (съ замѣтками императора Павла Петровича). Сообщ. гр. А. Ѳ. Ростопчинымъ. **1878.** I, (1), 103—110.

1470. Записочка графа Ростопчина къ Я. И. Булгакову о морскомъ путешествіи Павла Петровича. Сообщ. П. С. Киселевымъ. **1875.** I, (1), 6.

1471. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла. Письма гр. Ростопчина къ гр. С. Р. Воронцову. **1876.** II, (5), 81—90. Ш, (9), 65—103. (12), 412—429. Принцъ Конде.—Кн. Лопухинъ. —Тугутъ.— Суворовъ.—Гр. Н. П. Панинъ.—Браки великихъ княженъ.—Маркизъ Галло.—Флаксландеръ.—Англійская политика.

1472. Разсказъ о Н. С. Свѣчинѣ. Т. Толычевой. **1871.** (9), 1532—1535. Поправка къ этой статьѣ. **1872.** (12), 2599.

1473. Усердіе Москвичей къ славѣ Суворова. Сообщ. С. А. Панчулидзевымъ. **1898.** I, (1), 84—85.

1474. Письмо Суворова въ Военную Коллегію. **1900.** II, (7), 403.

1475. Записка Суворова подполковнику Клинтону. Изъ архива кн. М. А. Мещерской. **1879.** I, (2), 267—268.

1476. Письмо Суворова къ С. А. Колычеву. Сообщ. М. Розановымъ. **1889.** I, 3, 398.

1477. Переписка Суворова съ Нельсономъ. Съ предисл. б. Ѳ. А. Бюлера. **1872.** 3—4, 738—751.

1478. Письмо князя А. А. Суворова къ графу Д. И. Хвостову. **1900.** II, 7, 404.

1479. Письмо княгини Суворовой къ имп. Павлу. **1900.** I, (7), 404.

1480. О Францѣ Германѣ Лафермьерѣ. **1869.** 10, 1727—1728.

1481. Еще о Лафермьерѣ. Кн. М. А. Оболенскаго. **1869.** 12, 2090—2092. Къ замѣткѣ присоединено письмо Лафермьера, 1786 г

1482. Изъ бумагъ кн. И. Л. Шаховскаго. **1884.** II, (3), 207—208.

1483. Изъ бумагъ гр. Н. П. Шереметева. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ. **1897.** II, (8), 497—521. Ш, (10), 157—172. (12), 501—516. Отмѣтки и указы Павла.—Указъ Екатерины Великой придворной Конторѣ. Доклады гр. Н. П. Шереметева. Примѣчанія Д. П. Трощинскаго на доклады гр. Н. П. Шереметева. Письмо Д. Н. Неплюева къ гр. Н. П. Шереметеву. Письма гр. Н. П. Шереметева къ Павлу и къ кн. А. Б. Куракину. Письма къ гр. Н. П. Шереметеву: кн. П. М. Волконскаго, гр. А. Н. Самойлова, Н. П. Архарова, И. И. Шувалова, А. А. Аракчеева, гр. Тизенгаузена, камерфрейлины Валуевой, архитектора Бренны, Сергѣя Крылова, Н. И. Неплюева, Г. Р. Державина, Д. И. Хвостова, гр. П. А. Палена, гр. Ю. М. Віельгорскаго, княг. Елены Вяземской, Мих. Изъѣдинова, Авдотьи Нелединской, Петра Валуева, адъютанта Нелидова, Григорія Кушелева, кн. Репнина, гр. Румянцова, Ал-дра Протасова, кн. Петра Урусова. Переписка съ гр. А. Е. Мусинымъ-Пушкинымъ и съ А. Ѳ. Малиновскимъ.

1484. Письмо гр. Н. П. Шереметева къ гр. П. А. Палену (передъ кончиною Павла). **1895.** I, (3), 326—327.

1485. Переписка между графами Н. П. Шереметевымъ и С. Р. Воронцовымъ. 1799, **1897.** I, 2, 181—186.

1486. Рескриптъ Павла г. маіору Лаврову. Сообщ. П. Л. Юдинымъ. **1897.** Ш, (11), 373.

1487. Описаніе Михайловскаго дворца 1801 г. Августа Коцебу. **1870.** (4—5), 969—998.

1488. Письма Маріи Ѳеодоровны къ кн. С. И. Гагарину. (О поселеніяхъ Воспитательного Дома). **1868.** (1), 1—24.

1489. Письма в. кн. Павла къ гр. И. Г. Чернышову. Сообщ. кн. П. А. Вяземскимъ. **1867.** (2), 197—203.

Царствованіе Александра Павловича.

1490. Обозрѣніе жизни и царствованія Александра Перваго. Н. В. Путяты. **XIX в** I, 426—494.

1491. Записка Екатерины II-й о младенчествѣ в. кн. Александра Павловича (составленная для Густава Ш-го). Съ примѣч. А. Брикнера. **1871.** (9), 1519—1524.

1492. Записка Александра Павловича о военной исторіи. Съ послѣсл. Г. Н. Александрова. **1874.** I. (1), 201—204.

1493. Письмо в. кн. Александра Павловича къ С. И. Плещееву. (Сообщ. В. М. Еропкинымъ). **1878.** II, (6), 269.

1494. Замѣтки А. Я. Протасова объ Александрѣ Павловичѣ. (Сообщ. М. П. Погодинымъ). **1866.** (1), 94—111.

1495. Учебная тетрадь Александра Павловича. **1866.** (1), 111—113.

1496. Письма Александра Павловича къ кн. Н. И. Салтыкову. Сообщ. княжною Е. А. Салтыковою-Головкиною. **1878.** I, (2), 150.

1497. Письмо Александра Павловича къ И. П. Салтыкову (о Каразинѣ). **1876.** I, (1), 59.

1498. Рескриптъ Александра Перваго гр. Салтыкову. Сообщ. Н. Д. Извѣковымъ. **1900.** II, (8), 448.

1499. Письмо Александра Павловича къ кн. Н. И. Салтыкову. **1904.** Ш, (11), 464.

1500. Письмо Александра Павловича къ гр. Н. П. Румянцову. Сообщ. Н. А. Дивовъ. **1869.** (4), 609—614.

1501. Встрѣча съ Александромъ Павловичемъ. Изъ воспоминаній княжны В. Н. Репниной. **1888.** II, (5), 94—96.

1502. Указъ Александра I-го, чтобы не прославлять чрезмѣрно Государя. **1870.** (7), 1389.

1503. Рѣчь Александра Павловича при открытіи перваго Польскаго сейма. **1905.** Ш, (10), 201—204.

1504. О мнимомъ обращеніи Александра Павловича въ католичество. **1887.** II, (5), 107.

1505. Письмо Александра Павловича къ в. кн. Аннѣ Ѳеодоровнѣ. **1902.** II, (5), 81—84.

1506. Письмо Александра Павловича къ гр. Аракчееву. Съ примѣч. М. И. Семевскаго. **1869.** (10), 1660—1662.

1507. Рескриптъ Александра Павловича Беклешову (о памятникѣ П. Д. Еропкину). (1805). Сообщ. В. В. Ильинымъ. **1874.** II, (8), 459.

1508. Письмо Александра Павловича къ б. Будбергу о неприкосновенности приданаго Россійскихъ великихъ княженъ. **1891.** Ш, (12), 580—582.

1509. Письма и указы Александра Павловича къ Державину. Сообщ. В. С. Корсаковымъ. **1863.** 460—466.

1510. Рескрипты Александра Павловича О. П. Козодавлеву. Сообщ. А. А. Титовымъ. **1895.** (10), 129—139. Дополненіе. (11), 412.

1511. Рескриптъ Александра I-го. Д. С. Ланскому. Сообщ. кн. А. А. Трубецкимъ. **1880.** (II), 220.

1512. Письма Александра Павловича къ адм. Макарову. **1875.** I. (1), 11—12.

1513. Письмо Александра Перваго къ княг. Софіи Сергѣевнѣ Мещерской. Съ примѣч. Н. П. Барсукова. **1886.** Ш. (11), 403—408.

1514. Письмо Александра Павловича къ гр. М. А. Милорадовичу. Сообщ. А. А. Милорадовичъ. **1897.** III, (11), 374 и 1864 (5—6) 623.

1515. Письма Александра Павловича. **1877.** I, (2), 145—146. Къ А. Н. Нарышкиной и къ кн. М. Г. Голицыной.

1516. Письмо Александра Павловича къ Обрѣзкову. **1898.** I, (1), 86.

1517. Письма императора Александра Павловича къ маркизу Паулуччи (о фонъ-Бокѣ и г-жѣ Криднеръ). **1886.** II, (5), 112—118.

1518. Письмо Александра Павловича къ папѣ Пію VII. Съ замѣткою Ю. П. Б(артенева). **1899.** I, (4), 685.

1519. Изъ писемъ Александра Павловича къ митр. Платону. **1887.** II, (7), 286—287.

1520. Изъ переписки Александра Павловича съ В. С. Поповымъ. (По поводу книги Стройновскаго). **1864.** (3), 319—321.

1521. Рескрипты Александра Павловича кн. А. А. Прозоровскому. Сообщ. кн. М. А. Голицыной-Прозоровскою. **1899.** II, (7), 363—367.

1522. Письмо вел. кн. Александра Павловича къ А. Я. Протасову. **1877.** II, (7), 265.

1523. Кн. Меттернихъ объ Александрѣ Павловичѣ. **1892.** II. (6), 197—201.

1524. Александръ Павловичъ въ Финляндіи. С. Грипенберга. Сообщ. Бирг. Ярлов. Лундалемъ. **1877.** Ш, (12), 343—356.

1525. Изъ путешествій по Россіи Александра Павловича. Замѣтки Д. А. Деменкова, съ объясн. Н. Добротворскаго. **1887.** I, (3), 305—314.

1526. Посѣщеніе Александромъ Павловичемъ Смоленскаго кладбища въ Петербургѣ. Н. И. Григоровича. **1869.** (4), 075—076.

1527. Послѣднее путешествіе Александра Павловича. А. Танкова. **1901.** II, (7), 337—338.

1528. Александръ Павловичъ и кн. Чарторыжскій. **1871.** (4—5), 697—945.

1529. Три бесѣды съ Александромъ Павловичемъ. Изъ Записокъ кн. Чарторыжскаго. **1890.** Ш, (9), 41—57.

1530. Свиданіе съ Александромъ Павловичемъ. (По поводу Семеновской исторіи). Ѳ. И. Тимирязевъ. **1873.** II, (7), 01319—01331.

1531. Поццо-ди-Борго про Александра Павловича. Письмо къ К. Я. Булгакову. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ. **1896.** III, (10), 200—204.

1532. Пребываніе Александра Перваго въ Севастополѣ. (Изъ дневника И. Х. Сиверса). Сообщ. А. Сиверсъ. **1902.** I, (2), 263—267.

1533. Александръ Павловичъ въ Кіевѣ. Изъ письма іером. Антонія Смирницкаго съ замѣткою А. А. Титова. **1884.** Ш, (5), 115—117 и **1892.** (12), 465—468.

1534. Александръ Павловичъ въ Вилляновѣ. Изъ Записокъ гр. Потоцкаго. **1900.** Ш, (12), 549—550.

1535. Письма императрицы Елисаветы Алексѣевны къ графу Витгенштейну и его супругѣ. Сообщ. М. П. Зиновьевой. **1906.** I, (3), 338—340.

1536. Письма Александра Павловича и императрицы Елисаветы Але-

ксѣевны къ Р. С. Стурдзѣ (гр. Эдлингъ). Сообщ. кн. М. А. Гагариною. **1888**. Ш, (11), 373—381.

1537. Рескриптъ Александра Павловича (Тейльсу и Макарову по дѣлу Обуховой). Сообщ. Ал-дрою Ив. Юракъ. **1877**. II, (7), 266—267.

1538. Записочки Александра Павловича къ адм. П. В. Чичагову. **1875**. I, (1), 76.

1539. Поэтъ Батюшковъ объ Александрѣ Павловичѣ. **1891**. I, (2), 330.

1540. Письмо (Даніила Бабкина) о кончинѣ Александра Павловича. **1889**. Ш, (11), 380—381.

1541. Изъ письма А. Мансурова. **1898**. II, (8), 654. О кончинѣ Александра Павловича въ бумагахъ Е. И. Ястребовой, ур. Вельяминовой-Зерновой.

1542. Разсказы о кончинѣ импер. Елисаветы Алексѣевны. **1904**. I, (4), 622—624.

1543. Анекдоты изъ временъ Александра Павловича. Съ примѣч. Д. Д. Рябинина. **1875**. I, (3), 329—335. Актриса Жоржъ.—А. Л. Нарышкинъ. — Фельдм. Румянцовъ, какъ семьянинъ.—Гр. Н. П. Румянцовъ и директоръ Львовъ.

1544. 1812 г. Изъ семейныхъ воспоминаній А. Ѳ. Кологривовой, ур. Вельяминовой-Зерновой. **1886**. II, (7), 338—346.

1545. Донесенія сенатора Каверина Александру Павловичу о Смоленской губ. въ 1812 г. **1871**. (10), 1612—1636.

1546. Память о 1812 г. М. М. Евреинова. **1874**. I, (1), 95—110. (2), 451—461.

1547. Изъ воспоминаній о 1812 г. Н. А. Дивова. **1873**. II, (7), 01331—01338.

1548. Записки кн. Н. Б. Голицына. **1884**. II, (4), 338—374. Подвигъ ген. Эмануеля.—Французскіе плѣнники. — Вступленіе во Францію.

1549. По поводу статьи старожила города Москвы. **1869**. (12), 2021—2023.

1550. Разсказы и воспоминанія Московскихъ Французовъ о 1812 г. Гадарюэля (Ладрага). **1869**. (9), 1399—1404.

1551. Воспоминанія о 1812 г. кн. П. А. Вяземскаго. **1869**. (1), 181—016.

1552. Объ исторіи Отечественной войны, сочиненіи Богдановича. И. П. Липранди. **1865**. (10—11), 1327—1340.

1553. Разсказы изъ исторіи 1812 г. В. А. Брокера. **1868**. (11), 1866—1872.

1554. Пѣсни эпохи 1812—1814 гг., которые пѣлись Русскими офицерами. Сообщ. А. П. Сазоновичъ. **1887**. II, (6), 243—244.

1555. Надпись на колоннѣ въ городѣ Ригѣ въ память 1812—1814 гг. Сообщ М. А. Зиновьевымъ. **1886**. Ш, (10), 268—269.

1556. Возвращеніе изъ арміи въ Смоленскъ иконы Смоленской Божіей Матери. **1894**. III, (10), 240—242.

1557. Переправа черезъ Березину. Изъ записокъ Чичагова. Переводъ съ примѣч. В. В. Ильина. **1869**. (7—8), 1147—1178.

1558. Великое отступленіе. Изъ Записокъ Французскаго гвардейца Ж. Ф. Бургонья. **1897**. I, 248—266.

1559. Приказы Барклая-де-Толли. I, (2), 306—314.

1560. Изъ воспоминаній Э. М. Арндта о 1812 годѣ. **1872**. (2), 076—0120.

1561. 1812 г. **1899**. Ш, (10), 251—280. Разсказъ священника Успенскаго собора І. С. Бажанова. Кн. Ю. В. Долгорукій. Ю. Н. Бартеневъ.

1562. Къ исторіи 1812 года. **1882**. II, (4), 167—204. Дипломатическія депеши о ссылкѣ Сперанскаго. Сообщ. княг. Е. Э. Трубецкою. —Письмо Н. М Лонгинова къ гр. С. Р. Воронцову.—Разсказъ аб. Сюрюга.—Письмо его къ

своему другу аб. Николю (переводъ съ Французскаго) съ автобіографическимъ предисловіемъ В. Стратонова.

1563. Современные разсказы, письма, анекдоты, стихотворенія. **1876.** II, (7), 302—320. (8), 387—409. Солдатская пѣсня Ив. Кованько. —Библіотека гр. Бутурлина.— Рескриптъ гр. Ростопчину. — Письма старосты Григ. Андреева къ помѣщику его. — Еврей. — Полковникъ Энгельгардъ. — Вас. Вас. Нероновъ.—Посланіе къ гр. Платову. — О вшествіи Французовъ въ Москву (разсказы Корбелецкаго). —Лодеръ. —Сраженіе Русскаго повара Семенова съ кирасиромъ Наполеоновой гвардіи.

1564. Намять о 1812 г. въ обсерваторіи Московскаго Университета. Сообщ. Ѳ. А. Бредихинымъ. **1884.** II, (4), 337.

1565. Расписаніе особамъ, составлявшимъ Французское правленіе въ Москвѣ. **1864.** (4), 412—416.

1566. У Французовъ въ Московскомъ плѣну 1812 г. П. А. Волконскаго. Сообщ. А. А. Титовымъ. **1905.** III, (11). 351—359.

1567. Лордъ Байронъ о пожарѣ Москвы, въ переводѣ И. И. Х(аненки). **1885.** I, (3), 415.

1568. Изъ разореной Москвы. Письма М. И. Снегирева въ П. В. Побѣдоносцеву. **1897.** I, (1) 110—112.

1569. Медаль на занятіе Москвы Французами. **1876.** II, (8), 409.

1570. По поводу медали на занятіе Москвы. **1876.** III, (11), 378—379. Здѣсь и рѣчь Наполеона про Русскихъ крестьянъ.

1571. Французъ-ходатай за Русскихъ простолюдиновъ (1812). Съ предисловіемъ А. Булыгина. **1903.** I, (1), 141.

1572. Письмо прикащика Максима Сокова къ И. Р. Баташову о Московскомъ пожарѣ 1812 г. Сообщ. кн. Л. С. Голицынымъ. **1871.** (1), 0218—0228.

1573. Наполеонъ о пожарѣ Москвы. **1891.** I, (2), 301.

1574. Письмо Алексѣя Ѳедоровича Мерзлякова къ Ѳедору Михайловичу Вельяминову-Зернову, о Москвѣ послѣ пожара 1812 года (1813). (Сообщено М. А. Дмитріевымъ). **1865.** (1). 109—116.

1575. Дѣло о должностныхъ лицахъ Московскаго правленія, учрежденнаго Французами, въ 1812 году. Н. С. Киселева. **1868.** (6), 881—903.

1576. Московскій Воспитательн. Домъ въ 1812 г. Сообщено П. И. Щукинымъ. **1900.** III, (11), 457—475. Письмо И. А. Тутолмина къ И. Н. Баранову. Донесен.е И. А. Тутолмина импер. Маріи Ѳеодоровнѣ.

1577. Московскій университетъ послѣ 1812 г. Нила Попова. **1881.** I, (2), 386—421. Созваніе университетскаго Совѣта и Правленія. Претензіи магистра военныхъ наукъ Мягкова.

1578. Бумаги изъ эпохи 1812—1814 г. съ предисл. Г. Н. Александрова. **1871** (10), 1537—1612. Письма Александра Павловича къ кн. Кутузову и гр. Барклаю де-Толли.

1579. Записки А. Д. Бестужева-Рюмина. **1896.** II, (7), 341—385.

1580. Воспоминанія Московскаго жителя о пребываніи Французовъ въ Москвѣ въ 1812 г. Шевелье д'Изарна. **1869.** (9), 1405—1462.

1581. Изъ дневника о Московскомъ разореніи. П. В. Побѣдоносцева. **1895.** I, (2), 213—224.

1582. Изъ Записокъ гр. В. А. Перовскаго. (Сообщ. Б. А. Перовскимъ). **1865.** (3), 257—286.

1583. Стендаль о походѣ въ Россію въ 1812 г. **1892.** III, (10), 234—236.

1584. Москва въ первые два дня вступленія въ нее Французовъ. Изъ дневника Стендаля, съ предисловіемъ В. Горленка. **1891.** II, (8), 490—495.

1585. Разсказъ о 1812 г. (Е. А. Соймонова). **1871.** (1), 0198—0217.

1586. Русскіе люди въ 1812 г. Письмо Г. Ѳ. Фабера. **1902.** I, (1), 31—41.

1587. Письма профессоровъ во время Московскаго разоренья. Съ предисловіемъ Д. М. Щепкина. **1904.** I, (1), 43—50. М. Г. Гавриловъ къ ректору И. А. Гейму. Письма къ Т. А. Каменецкой. Л. Л. Цвѣткова. А. В. Болдыревъ. И. И. Давыдовъ. Л. Г. Сидорацкій.

1588. Къ исторіи 1812 г. Дневникъ поруч. Фоссена. Перевелъ съ Нѣмецк. А. И. Станкевичъ, **1903.** Ш, (11), 467—479.

1589. Бѣлорусскія преданія о 1812 г. Бѣлорусса Максима Шамшура. **1890.** II, (7), 321—330.

1590. Французская афиша 1812 г. **1864.** (4), 408—418.

1591. Записки марк. Пасторѐ о 1812 г. **1900.** Ш, (12), 481—548.

1592. Разсказы изъ исторіи 1812 г. А. Н. Оленина. Сообщ. В. А. Олениной. **1888.** (12), 1983—2000.

1593. 1812 г. Посланіе Тамбовскаао губернатора (Нилова) ко всѣмъ головамъ, сотскимъ, десятскимъ и православнымъ христіанамъ. **1889.** II, (5), 153—154.

1594. Къ исторіи 1812 г. Сообщ. гр. А. Ѳ. Ростопчинымъ и Н. С. Киселевымъ. **1866.** (5), 689—735. Поправка кн. П. А. Вяземскаго. (10), 1506. Ордеръ Вороненку (отъ гр. Ростопчина). Письмо Я. В. Виліе къ гр. Ростопчину. Предписаніе гр. Ростопчина Броницкому исправнику Давыдову. Письма г.-м. Миллера къ г.-м. Н. И. Богданову. Письмо къ гр. Ростопчину г.-м. Иловайскаго 4-го. Замѣтки на память А. Я. Булгакова и его письма. Рапортъ протоіерея Гратинскаго, сообщ. А. А. Мартыновымъ.

1595. Бородино. Гр. С. Д. Шереметева. **1891.** II, (6), 161—166.

1596. О памятникѣ на Бородинскомъ полѣ. Ш, (10), 198—199.

1597. Отзвукъ Бородинскаго боя. Д. В. Губерти. **1900.** II, (6), 236—238.

1598. Поминки по Бородинской битвѣ. Посв. Д. Г. Бибикову. Стих. кн. П. А. Вяземскаго. **1869.** (1), 175—182.

1599. Переписка С. А. Маслова съ Н. Х. Граббе о подвигѣ Ермолова въ Бородинской битвѣ **1869.** (4), 061—064.

1600. Ссыльные 1812 г. въ Оренбургскомъ краѣ. П. Л. Юдина. **1896.** Ш, (9), 5—33. Профессоръ Годфруа —Автобіографія Б. М. Реута.

1601. Осмотръ Н. А. Бекетовымъ Смоленскихъ училищъ по нашествіи Наполеона. Сообщ. Н. А. Поповъ. **1879.** Ш, (9), 63—87.

1602. Изъ Записокъ адм. Чичагова. Дѣла съ Турціею въ 1812 г. Проектъ диверсіи противъ Наполеона. Переведено В. В. Ильинымъ. **1870.** (8—9), 1522—1551.

1603. Изъ дневника Ѳ. Я. Мирковича. **1888.** I, (1), 43—70. (2), 215—234.

1604. Два разсказа изъ исторіи 1812 г. М. Н. Лонгинова. **1868.** (10), 1675—1676.

1605. Письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ фельдмаршалу кн. М. И. Кутузову-Смоленскому. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. **1875.** Ш (12), 456—460.

1606. Четыре письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ гр. П. А. Толстому. **1885.** Ш, (11), 409—414.

1607. Москва въ 1812 году. А. Н. Попова. **1875.** II, (7), 269 — 324. (8), 369—402. Ш, (9), 4 — 46. (10), 129—197, (11), 257—288. Докторъ Сальваторъ. — В. кн. Екатерина Павловна. — Бернадотъ.—Константинъ Павловичъ. —Переписка о Ключаревѣ.— Поваръ гр. Ростопчина.—Г-жа Сталь.—Исторія Лепиха.—Переписка Маріи Ѳеодоровны съ Ю. А. Нелединскимъ —Разсказъ Шнейдера. — Письмо гр. Н. П. Румянцева къ Алопеусу.—Донесеніе Обрѣзкова государю отъ

27 Мая 1812 г.—Левенштернъ. —Лезеръ.—Платовъ въ Москвѣ. —Письмо Ростопчина къ государю объ оставленіи Москвы.— Ермоловъ о Кутузовѣ.

1608. Французы въ Москвѣ въ 1812 г. А. Н. Попова. **1876.** I, (2), 223—247. Поправка (3, 392), (3), 316—345. (4), 440—463, II. (5), 53—80, (6), 161—167. (7), 285—301. (8), 369—387. Наполеонъ и типографщикъ Латуръ. — Мюратъ въ Баташевскомъ домѣ.—Гр. Салтыкъ.—Абб. Сюрюгъ. — Актриса Фюзиль. — Оберъ-Шальме. — Донесеніе Ивашкина.— Д'Орреръ.— Г. Н. Кольчугинъ. — Маршалъ Викторъ. — Сенъ-Сиръ и Макдональдъ.—Разговоры Наполеона съ Тутолминымъ и И. А. Яковлевымъ. — Мнѣніе Тьера объ отступленіи Наполеона.

1609. Эпизоды изъ исторіи 1812 г. А. Н. Попова. Сообщен. П. Н. Цуриковымъ. **1892.** I, (2), 145—184. (3), 341—378. (4), 417—445. II, (5). 5—34, (6), 159—196. (8), 399—418. Отзывъ Дюрока о Полякахъ.—Виньонъ въ Варшавѣ.—Донесеніе Чернышова изъ Парижа.—Гр. Огинскій.— Кн. Багратіонъ.— Толь. —Маркизъ Паулуччи.—Гр. Нарбоннъ.—А. Д. Балашовъ.—Сенъ-При.—Клаузевицъ.—Ген. Пфуль. — Гр. Остерманъ-Толстой. — Пособничество Бернадота. — Бломъ.—Чичаговъ.— Каннингъ. Гр. Местръ и іезуиты въ Россіи.—Опала Сперанскаго.— Книга Баррюеля.—Гр. А. К. Разумовскій.—Ростопчинъ о Сперанскомъ.

1610. Народная война въ Смоленской губерніи въ 1812 г. Александра Слезскинскаго. **1901.** II. (5), 5—26.

1611. Мои воспоминанія о 1812 г. П. А. Тучкова. Сообщ. А. П. Тучковымъ. **1873.** II, (10), 1928—1968.

1612. Замѣтка о 2 Сентября 1812 г. М. Ѳ. Шугурова. **1867.** (2), 304—307.

1613. 1812-й годъ. Херсонскій помѣщикъ Скаржинскій. Л. **1906.** Ш, (11), 467—470.

1614. 1812 г. Воспоминанія кн. А. А. Шаховскаго. **1886.** Ш, (11), 372—402. Музыканты бар. Фитингофа.—Бар. Винцингероде.—Гр. Д. И. Хвостовъ.— Художникъ Тончи.

1615. 1812 г. въ Сибири. Предписаніе ген. Глазенапа Кипченкову съ предисл. Н. Палибина. **1892.** I, (2), 267—269.

1616. Баронъ Штейнъ о состояніи Россіи въ 1813 г. **1871.** (2), 0126—0128.

1617. Сочувствіе Англичанъ къ Русскому народу. Изъ протоколовъ Англійскаго Парламента 1812 г. Сообщ. Ральстономъ. **1876.** Ш, (12), 496—498.

1618. Къ исторіи 1812 г. Дѣло о фальшивыхъ Русскихъ ассигнаціяхъ. **1865,** (4), 491—494.

1619. Еще о фальшивыхъ ассигнаціяхъ 1812 г. И. П. Липранди. **1865.** (7), 873—882.

1620. Новыя подлинныя черты изъ исторіи войны 1812 г. **1864.** (11—12), 1190—1245. Донесеніе аптекаря Дорнберга.—Маіоръ Франц. службы, А. Шмидтъ, Записка А. Я. Булгакова для гр. Нессельроде.

1621. Описаніе моего пребыванія въ Москвѣ во время Французовъ. **1896.** II, (8), 521—540.

1628. Московскіе монастыри во время нашествія Французовъ. (Изъ поддинныхъ донесеній Александру Павловичу). **1869.** (9), 1387—1399.

1623. Описаніе, что̀ происходило во время нашествія непріятеля въ Донскомъ монастырѣ 1812 г. Сообщ. С. П. Тимофѣевымъ. **1891.** Ш, (10), 265—269.

1624. Московскій Новодѣвичій монастырь въ 1812 г. Разсказъ очевидца Семена Климыча. (Со-

общ. Н. П. Гиляровъ-Платоновъ). **1864.** (4), 416—434.

1625. Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ 1812 г. Съ предисл. бар. Ѳ. А. Бюлера. **1875.** Ш, (11), 289 — 296. Переписка Н. Н. Бантышъ-Каменскаго съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ.

1626. Разсказъ Смоленскаго дьякона о нашествіи 1812 г. Изъ воспоминаній К. Н. Леонтьева. **1881.** Ш, (6), 404—411. Помѣщикъ Коробановъ.

1627. Письма изъ Москвы въ Нижній 1813 г. И. М. Муравьева-Апостола. **1876.** Ш, (10), 129—154. Замѣтка къ этой статьѣ. **1877.** I, (1), 556.

1628. Разговоръ Шишкова съ кн. Кутузовымъ о походѣ 1813 г. **1876.** Ш, (12), 498—499.

1629. Какъ былъ взятъ городъ Соассонъ. Извлечено изъ дневника И. П. Липранди. **1868.** (6), 903—921.

1630. Нѣсколько словъ о значеніи Соассона въ кампанію 1814 г. И. П. Липранди. **1868.** (6), 921—925.

1631. Первая мысль о построеніи храма Спасителя въ Москвѣ. Письмо къ А. С. Шишкову отъ П. А. Кикина. Сообщено П. А. Кикинымъ. **1880.** II, 228—232.

1632. Изъ дневника свитскаго офицера С. Г. Хомутова. **1870.** (1), 161—174.

1633. Дневникъ свитскаго офицера. 1813 г. С. Г. Хомутова. Съ предисл. Е. И. Розе. **1869.** (2), 219—304.

1634. Изъ дневниковъ Русскаго офицера о заграничномъ походѣ 1813 г. Съ замѣткою Ю. П. Бартенева. **1900.** II, 7, 278—293.

1635. По поводу разсказа М. Ѳ. Орлова о взятіи Парижа. Н. А. Дивова. **1878.** I, (1), 127—128.

1636. Письмо на другой день по вступленіи въ Парижъ. Отъ Н. А. Дивова къ его брату въ Россію. **1888.** Ш, (11), 382—384.

1637. Донесенія гр. М. А. Дмитріева-Мамонова Александру Павловичу. (Недружелюбіе Нѣмцевъ къ Русскимъ войскамъ). Сообщено А. Н. Поповымъ. **1871.** (2), 0121—0126.

1638. Чего стоила война съ Французами 1812—1814 г. Сообщено Н. П. Розановымъ. **1874.** II, (9), 735—736.

1639. Празднество въ Павловскѣ 27 Іюля 1814 г. М. Веневитинова. **1887.** II, 7, 341—363. Здѣсь стихи: Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, кн. Вяземскаго, К. Н. Батюшкова, Г. Р. Державина.

1640. Письма изъ эпохи 1812—1815 г. Сообщ. С. Д. Полторацкимъ. **1871.** (1), 150—162. Письма кн. Ю. В. Долгорукаго кн. А. И. Горчакову, къ нему же Егора Жукова, гр. Растопчина, гр. Платова. Письмо гр. Аракчеева къ гр. Растопчину, письма Барклая де-Толли къ гр. Растопчину. Письмо Кутузова къ Калужскому градскому головѣ.

1641. Письмо къ издателю „Русскаго Архива“ (по поводу романа гр. Толстаго: Война и миръ“). Гр. А. Ѳ. Ростопчина. **1869.** (5), 935—936.

1642. Замѣтка о произведеніи гр. Л. Н. Толстаго „Война и Миръ“. **1868.** (2), 334.

1643. Новыя подробности изъ молодой жизни А. П. Ермолова. **1878.** II, 8, 475—482. Письма А. П. Ермолова къ А. М. Каховскому, и къ П. С. Дегтяреву. —Всеподданнѣйшій докладъ генералъ-прокурора Лопухина.— Объясненіе А. П. Ермолова, собственноручно имъ писанное.

1644. Къ біографіи гр. Ланжерона. П. Л. Юдина. **1895.** Ш, (11), 401—404.

1645. Письмо принца Карла Мекленбургскаго къ кн. Аѳимьѣ Алексѣевнѣ Туркестановой, съ за-

мѣткою кн. Н. Н. Туркестанова. **1866**. (6), 928.

1646. Тайная переписка о бракѣ Наполеона съ в. княжною Анной Павловной. Съ предисл. С. П. Татищева. **1890**. Ш. (9), 5—40.

1647. Посольство кн. А. Б. Куракина къ Наполеону. **1877**. Ш, 11, 228—236.

1648. О внутреннемъ управленіи въ Россіи. Записка гр. С. Р. Воронцова. **1881**. II, (3), 155—162.

1649. Записка гр. С. Р. Воронцова о Русскомъ войскѣ. **1876**. Ш, (11), 345—361.

1650. Славянскіе выходцы. Л. **1906**. Ш, (10), 304—309.

1651. О возстановленіи новаго Славяно-Сербскаго государства. Записка митроп. Стратимировича. Сообщ. А. И. Малиновскимъ. **1868**. (1), 112—120.

1652. Записка о вольныхъ земледѣльцахъ и о пенсіонахъ съ командорственныхъ доходовъ. Изъ бумагъ гр. С. П. Румянцова. **1869**. (11), 1953—1966.

1653. Записка, кн. А. Б. Куракина. Александру Павловичу послѣ Аустерлицкаго сраженія. **1869**. (7—8), 1125—1138.

1654. Къ исторіи вторичнаго пребыванія въ Митавѣ Людовика XVIII. Е. В. Чешихина. **1888**. II, (7), 269—282.

1655. Письма изъ Россіи въ Ирландію. (Дѣвица Вильмотъ къ ея сестрѣ. **1873**. II. (10), 1825—1908. Импер. Елисавета и гр. Воронцова. Село Троицкое. Платонъ).

1656. Народное ополченіе 1806 г. Высочайшіе указы и инструкціи. Сообщ. А. А. Титовымъ. **1895**. II, (8). 401—420.

1657. Сто лѣтъ назадъ. І. А. Горновскій. **1904**. II, (8), 534—554. Милиція 1806—1807.

1658. Гибель Корвета „Флоры“ и приключенія людей на немъ бывшихъ. Клемента. **1897**. II, (8), 464—489. Подвиги Д. Н. Синявина. Себастіани. Дервиши.

1659. Борьба просвѣтителей въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Н. И. Соловьева. **1898**. I, (3), 449—462. Въ Вязникахъ и Елабугѣ.

1660. Изъ исторіи Комитета Министровъ. Своеручныя отмѣтки Александра и Николая Павловичей. **1902**. (12), 486—494.

1661. Пернатый батальонъ при Аракчеевѣ. **1889**. II, (8), 562—563.

1662. Замѣтка о бывшихъ военныхъ поселеніяхъ. Г. Н. Александрова. **1873**. II. (9), 1716—1722.

1663. Еще нѣсколько словъ о военныхъ поселеніяхъ. (Отвѣтъ Г. Н. Александрову Н. В. Путяты). **1874**. I, (4), 1042—1047.

1664. Подвиги Русскихъ солдатъ въ царствованіе Александра I-го. Г. Н. Александрова. **1876**. Ш, (11), 373—378.

1665. Проектъ о усиленіи Россійской Верхнею Азіею торговли чрезъ Хиву и Бухарію, Винскаго, посланъ къ г. министру отъ П. Е. Велички, начальника Оренбургскаго Таможеннаго Округа. Сообщ. Н. Петровскимъ. **1878**. I, (4), 400—403.

1666. О запискѣ Карамзина „Мнѣніе Русскаго гражданина“. **1869**. (2), 303—304.

1667. Изображеніе происшествій въ духовенствѣ Западнаго послѣдованія. Митропол. Сестренцевича-Богуша. Сообщ. А. Н. Поповымъ. **1870**. (10), 1745—1768.

1668. О торговлѣ Русскими книгами между Австрійскими Сербами. Н. А. Попова. **1873**. I. (2), 159—163.

1669. Грузія. Историческій очеркъ. А. Хаханова. **1899**. II, (6), 61—169.

1670. По поводу столѣтія съ присоединенія Грузіи къ Россіи. Гульбата. **1900**. I, (4), 649—651.

1671. Тоже. А. А. Титова. **1901**. I, (4), 691—694. О имуществѣ католикоса Антонія.

1672. Какъ поняли въ Балтійскихъ губерніяхъ указъ объ отмѣнѣ пытокъ. Е. В. Чешихина. **1887.** III, (II), 449—452.

1673. Балтійская Финляндія и Финляндская Балтика. Г. Абовъ. **1894.** I, 4, 611—633.

1674. Начало Финляндскихъ притязаній. Мих—ъ. **1890.** II, (7), 289—304.

1675. Чего достигли и чего домогаются достигнуть Финляндцы? Ѳ. П. Еленева. **1898.** II, 5, 147—170. (6), 206—274. (7), 337—357.

1676. Къ исторіи разграниченія Россіи съ Норвегіей. N. и Н. Чулкова. **1901.** I, (1), 141—157.

1677. Турецкій документъ изъ эпохи Греческаго возстанія. Анифа-паши. Переводъ съ Турецкаго. Съ предисл. М. А. Гамазова. **1886.** II, (6), 170—180.

1678. Картина Франціи 1823 года гр. Ѳ. В. Растопчина. (Ѳ. И. Тимирязева). **1872.** (5), 965—985.

1679. Воспоминаніе о наводненіи въ Петербургѣ 7-го Ноября 1824 года. Б. (К. К. Боянуса). **1870.** (8—9), 1559—1566.

1680. Человѣколюбіе Петербургскихъ Англичанъ. Г. Т. **1901.** III, (9), 126.

1681. Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ. Д. В. Дашкова. **1905.** II, (6), 262—282.

1682. Къ исторіи нашей духовной миссіи въ Китаѣ А. Можаровскаго. **1886.** II, (7), 405—407. Переписка съ Россіею. Письмо отца Веніамина. Архим. П. Каменскій на покоѣ.

1683. Объ отношеніи Александра Павловича къ католичеству. Д. Н. Свербѣева. **1870.** (10), 1811—1818.

1684. Высочайшій указъ 31 Августа 1825 г. объ одеждѣ духовенства. Сообщ. П. Знаменскій. **1901.** II, (8), 587—589.

1685. Два эпизода изъ бытовой исторіи кавалергардовъ. М. К Соколовскаго. **1905.** III, (11), 456—457.

1686. Отголосокъ Аустерлица. Мнѣніе Маевскаго о Сухотинѣ и Хатовѣ, уклонившихся отъ боя. Сообщ. М. К. Соколовскій. **1905.** III, (9), 99—101.

1687. Послѣ грома Побѣдъ. М. К. Соколовскаго. **1906.** III, (12), 549—560.

1688. Русская гвардія. М. К. Соколовскаго. **1905.** III, (9), 5—68.

1689. Русская военная старина. М. К. Соколовскаго. **1906.** II, (8), 616—617.

1690. Изъ прошлаго Русской военной журалистики. М. К. Соколовскаго. **1905.** I, (4), 690 — 691.

1691. Правила для обхожденія съ нижними чинами. (Приказъ гр. М. С. Воронцова). Сообщ. Н. Н. Мурзакевичемъ. **1877.** II, (6), 167—171.

1692. „Сѣверная Почта“ или „Новая С.-Петербургская Газета“ въ Ярославской губерніи. Л. Н. Трефолева. **1899.** III, (11,) 413—422.

1693. Изъ исроріи цензуры временъ Александра Павловича. Сообщ. бар. М. В. Дризенъ. **1897.** II, (5), 117—122.

1694. Мнѣнія А. С. Шишкова о цензурѣ. **1865.** (10—11), 1339—1358.

1695. Картинки прошлаго вѣка.—Дѣвица Ярышкина. — Богадѣльни въ Юрьевѣ-Польскомъ.— Донесеніе гр. И. П. Салтыкова Александру Павловичу. **1902.** III, (10), 236—244.

1696. Письмо Француза-винодѣла Моета къ Русскому г.-майору Р. Е. Ренни. Сообщ. А. В. Протасовой. **1898.** III, (11), 413—416.

1697. Свѣдѣнія о княжнѣ Варварѣ Ильинишнѣ Туркестановой. Кн. Н. Н. Туркестанова. **1882,** III, (6), 20—206.

1698. Справка о князѣ Сакенѣ. Въ дополненіе къ Запискамъ Н. Н. Муравьева-Карскаго. **1894,** III, (11), 454.

1699. Прорицатель Авель, изъ дѣла о немъ. **1878.** II, (7), 353—363.

1700. Къ исторіи Московской Синодальной типографіи. **1903.** I, (2), 275—278. Покупка дома для типографіи. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ.

1701. Мнѣніе А. С. Шишкова объ „Обществѣ Соревнователей Просвѣщенія и Благотворенія" Сообщ. И. И. Курисъ. **1885.** III, (10), 283—286.

1702. Къ исторіи цензуры. Письмо А. П. Тормасова къ кн. А. П. Оболенскому. Сообщ. Д. М Щепкинъ. **1902.** I, (4), 499.

1703. Къ исторіи цензуры. Д. М. Щепкина. **1902.** III, (12), 522—524.

1704. Ученое привѣтствіе С.-Петербургскаго университета отъ Казанскаго университета. Изъ бумагъ Н. И. Греча. **1871.** (10), 1728—1729.

1705. Зубриловскій пансіонъ. — Учитель Саратовской гимназіи Арнольдъ. Сообщ. Д. А. Столыпинымъ. **1873.** II, (11), 2202—2204.

1706. Изъ исторіи Виленскаго учебнаго округа. (Борьба Польскихъ и Русскихъ началъ). С. Бархатцева. **1874.** I, (5), 1149—1292.

1707. Студенческія безчинства въ Дерптѣ. Е. К. Чешихина. **1887.** III, (10), 265—281. Донесеніе Хотунцова гр. Буксгевдену. — Объясненіе Клингера.

1708. Къ исторіи Пажескаго Корпуса. Гр. Г. А. Милорадовича. **1875.** I, (4), 494.

1709. Исторія Евреевъ въ Россіи. М. Ѳ. Шугурова. **1903.** III, (9), 5—34. Общество Израильскихъ христіанъ.—Мѣры Канкрина.

1710. Докладъ о Евреяхъ Александру Павловичу. Съ предисл. М. Ѳ. Шугурова. **1903.** I, (2), 253—274.

1711. Исторія Евреевъ въ Россіи. Посмертное сочиненіе М. Ѳ. Шугурова, съ его біографіей, составл. Анною Ал-др. Шугуровой. **1894.** I, (1), 55—93. (2), 129—181. (3), 289 - 349. (4), 465—500. II, (5), 44—102. **1894,** (1): I—VII. При Іоаннѣ Грозномъ.—Петръ Великій о Евреяхъ.—При Аннѣ Іоанновнѣ. — Липманъ.—При Елисаветѣ Петровнѣ.—Докторъ Саншесъ.—**1894,** (2): VIII—XIV. Мнѣніе о Евреяхъ Вольтера.—Г.-прок. Глѣбовъ.—Екатерина Вторая.—Полу-Евреи.—Гр. М. В. Каховскій.—Послѣ Коліивщины. — Въ Прибалтійскомъ краѣ.—П. Б. Пассекъ.—Высылка ихъ изъ Москвы.—Указъ Тутолмину. **1894,** (3): XV. Въ Курляндіи.—Выкрестъ Крыжановскій.—XVI. Державинъ.—Мендельсонъ.—Нотка. **1894,** (4): XXIV. Записка гр. Н. П. Румянцова. — Д. О. Барановъ. — Сужденіе Брафмана. **1894.** (5). XXIX. Мѣры Наполеона. — XXXVIII. Записка Сташича.

1712. Къ статьѣ „Исторія Евреевъ въ Россіи". Д. В. Коломійцева. **1894.** II. (5), 152.

1713. Къ исторіи Еврейства. Н. С. Граве. **1893.** II, (5), 59 — 104. (6), 196 — 246, (7), 369 — 390, (8), 543—560.

1714. Старинная сатира. **1896.** II, (7), 403—407. На министровъ Александра Павловича.

1715. Разгадка одного намёка въ „Старинной сатирѣ". **1896.** II, (8), 540.

1716. Дѣло по отношенію Смоленскаго губернатора (бар. Аша), объ Отдѣленіи въ Смоленскѣ Библейскаго Общества. Сообщ. Г. К. Рѣпинскимъ. **1868.** (9), 1395—1403.

1717. Къ исторіи Библейскихъ обществъ. М. Я. Морошкина. **1888.** (6), 940—951. Письма митроп. Серафима къ Александру I-му о сектѣ духоносцевъ.—Письмо Иннокентія къ Фотію.—Письмо Фотія къ архим. Герасиму.—Письмо митроп. Серафима къ гр. Аракчееву.—Письмо гр. Аракчева къ архим. Фотію.

1718. Черты Русской политики въ 1819 г. М. Ѳ. Шугурова. **1867.** (5—6), 861—903.

1719. Семеновская исторія 1820 г. Д. Кропотова. **1870.** (10), 1777—1784.

1720. Къ исторіи Семеновскаго полка. Записка В. И. Рачинскаго о возмущеніи 1820 г. **1902.** III, (11), 410—423. Письмо П. П. Карцова къ В. И. Рачинскому.

1721. Мнѣніе кн. И. В. Васильчикова о Семеновскомъ возмущеніи. **1870.** (10), 1784—1812.

1722. Частное письмо о Семеновскомъ возмущеніи. Сообщ. кн. В. И. Баюшевымъ. **1868.** (11), 1820—1828.

1723. Бумаги кн. И. В. Васильчикова, Съ предисл. кн. А. Васильчикова. **1875.** I, (3), 339—359. II, (5), 44—98. (6), 126—140. (7), 325—338. (8), 419—465. III. (12), 401—420. I. Письма: Александра I, кн. Волконскаго. Донесеніе кн. И. В. Васильчикова Александру I. Секретныя замѣчанія Александра Павловича. Письма гр. А. Х. Бенкендорфа. Письма кн. И. В. Васильчикова къ вел. кн. Николаю Павловичу, кн. Волконскому, кн. А. С. Меньшикову, гр. В. П. Кочубею. Письма къ кн. И. В. Васильчикову тайнаго агента Грибовскаго. Письмо кн. Паскевича. Русскіе переводы сдѣланы В. Д. Давыдовымъ.

1724. Записка о разныхъ предположеніяхъ по предмету освобожденія крестьянъ. Сообщ. Н. А. Милютинымъ. **XIX Вѣкъ.** II, 145—208. Проекты графа Стенбока, Берга, графа Аракчеева, А. Ѳ. Малиновскаго, адмир. Мордвинова, дворянства Динабургскаго уѣзда, ст.-секретаря Муравьева, Сперанскаго, сенат. Шипова, кн. Друцкаго-Соколинскаго, г. м. Баратынскаго.

1725. Записка объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости, составленная въ 1818 г., по повелѣнію Александра Павловича. Переводъ съ Франц. (гр. Е. Ф. Канкрина). Сообщ. С. А. Соболевскимъ. **1865.** (10—11), 1360—1373. Замѣтка объ этой статьѣ 1866. (1), 126.

1726. Мнѣніе Смоленскаго помѣщика объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Сообщ. Н. В. Путятою. **1865.** 10—11, 1373—1379.

1727. Государственная уставная грамота Россійской Имперіи 1818 года. Съ предисл. кн. Д. Д. Оболенскаго. **1905.** III, (9), 102—128.

1728. Списокъ членамъ ложи св. Георгія Побѣдоносца на Востокѣ Мобёжа. Сообщ. С. И. Колокольцевымъ. **1865.** (4), 495—500.

1729. Пензенскіе духоборцы. Н. Евграфова. **1889.** II, (7), 389—395.

1730. Записка о тайныхъ обществахъ въ Россіи, 1821 г. **1875.** III, (12), 423—430.

1731. Приложеніе къ докладу слѣдственной комиссіи о тайныхъ обществахъ, 1825. **1875.** III, 12, 434—438.

1732. Дополнительныя свѣдѣнія о Татариновой и о членахъ ея духовнаго союза. Статскій совѣтникъ Іоанновъ (К. П. Коссовичъ). **1872.** (12), 2334—2354. Татаринова. Кондр. Ив. Селивановъ, кн. Ал-дръ Ник. Голицынъ. М. С. Пилецкій. Е. А. Головинъ. П. Ф. Буксгевденъ. В. М. Поповъ.

1733. Масонскія бумаги. Сообщ. Н. М. Соковнинымъ и С. М. Соловьевымъ. **XVIII вѣкъ,** II, 368—376. Письмо И. П. Тургенева къ А. П. Соковнину. Письма Кауница-Ритберга къ кн. Ал. Б. Куракину. Съ прим. М. Н. Лонгинова. Изъ донесенія кн. Прозоровскаго о масонахъ.

1734. Братья Златорозоваго креста. Т. О. Соколовской. **1906.** III, (9), 89—93.

1735. Изъ масонскихъ пѣсень. Ея же. **1905.** Ш, (10), 285—288.

1736. Ложа Сѣверной Звѣзды въ Вологдѣ. Ея же. **1906.** II, (5), 114—125.

1737. Масонская тайнопись. Ея же. **1906.** II, (7), 399—400.

1738. Масонскія пѣсни. Ея же. **1906.** II, (8), 555—560.

1739. Московская масонская ложа „Ищущихъ Манны". Ея же. **1906.** Ш, (11), 408—411.

1740. Къ статьѣ о Кіевскихъ и Полтавскихъ масонахъ. Ея же. **1906.** Ш, (12), 609.

1741. О Кіевскихъ масонахъ. Сообщ. Н. М. Затворницкій. **1906.** Ш, (11), 412—416.

1742. Жильберъ Роммъ и гр. П. А. Строгановъ. **1887.** I, (1), 5—38, съ портретами. Поправка къ этой статьѣ. II, (8), 541.

1743. Къ исторіи Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона. (Изъ бумагъ А. А. Прокоповича-Антонскаго). **1897.** II, (5), 113—116. Письмо кн. А. П. Оболенскаго. Списокъ бывшихъ воспитанниковъ. Записка А. А. Прокоповича-Антонскаго. Письма П. Г. Кутузова и гр. А. К. Разумовскаго. Сообщ. Н. В. Дризенъ.

1744. Исторія изданія сочиненія Коцебу: „Свитригайло, Великій князь Литовскій". Сообщ. б. М. А. Корфомъ. **1869.** (4), 613—628.

1745. Изъ хроники Московскихъ чудачествъ. Лошадь въ очкахъ. Сообщ. А. А. Мартыновымъ. **1876.** Ш, (11), 379—380.

1746. Выдача изъ казны денегъ за уродцевъ. **1906.** I, (1), 165.

1747. Къ исторіи Московскаго Англійскаго клуба. **1889.** II, (5), 85—98.

1748. Митрополитъ Амвросій Подобѣдовъ. К. Я. Лаврова. **1904.** I, (2). 193—231.

1749. Автобіографическія замѣтки гр. Аракчеева на прокладныхъ Евангелія. (Сообщ. М. И. Богдановичемъ). **1866.** (6), 922—927.

1750. Замѣчанія на статью г. Богдановича гр. Аракчеева. И. Липранди. **1866.** (7), 1031—1046.

1751. Объ Аракчеевѣ. **1895.** Ш, (12), 501—502. Письма гр. Аракчеева къ кн. А. Н. Голицыну.

1752. Мытищенская встрѣча, или 30-го Ноября 1825 г. (о замыслѣ на жизнь гр. Аракчеева). Изъ Записокъ А. Я. Булгакова. Сообщ. гр. Б. А. Перовскимъ. **1873.** II, (8), 1529—1552.

1753. Предсмертные дни и кончина гр. Аракчеева. (Изъ разсказа Евгенія Михайловича Романовича). Сообщ. П. А. Мусатовскимъ. **1868.** (2), 283—289.

1754. Народное сказаніе о смерти Аракчеева. И. П. Мордвинова. **1892.** II, (7), 391.

1755. Опроверженіе разсказа о кончинѣ гр. Аракчеева. А. П. Бровцына. **1868.** (6), 951—958.

1756. Два духовныя завѣщанія графа Аракчеева. Доставилъ А. Сергѣевъ. **1872.** (10), 2037—2042.

1757. Дополненіе Ивана Европеуса. **1872.** (12), 2505—2506.

1758. Приказъ гр. Аракчеева, съ предисл. Александрова. **1875.** Ш, (11), 314.

1759. Письмо гр. Аракчеева къ Д. А. Булыгину. **1872.** (10), 2036—2037.

1760. Письмо гр. Аракчеева къ кн. Д. В. Голицыну и черновой отвѣтъ. Сообщ. Д. Ѳ. Самаринымъ. **1872.** II, (4), 646—648. О постройкѣ крестьянскихъ избъ.

1761. Письмо гр. Аракчеева къ гр. Е. З. Канкриной. Съ примѣч. кн. П. А. Вяземскаго. **1868.** (2), 281—283.

1762. Письмо гр. Аракчеева къ А. П. Малиновской. **1864.** (11—12), 1186—1188.

1763. Письмо гр. Аракчеева къ импер. Николаю. **1866.** (7), 1049—1052.

1764. Переписка гр. Аракчеева съ митрополитомъ Платономъ. **1877.** Ш, (12), 406—410.

1765. Письма гр. Аракчеева къ И. А. Пукалову. Сообщ. Валеріаномъ Платонов. Пукаловымъ. **1891.** I, (1), 130—144.

1766. Письмо гр. Аракчеева къ кн. А. А. Прозоровскому. **1898.** II, (7), 368.

1767. Письмо гр. Аракчеева къ Олонецкому губернатору Ушакову. Сообщ. Н. Ѳ. Бутеневымъ. **1866.** (7), 1047—1049.

1768. Описаніе столовыхъ часовъ, изображ. гр. Аракчеева, у могилы Александра Павловича О. Пашкевича. **1869.** (7—8), 1183—1192, съ нотами.

1769. Надпись на иконѣ, принадл. гр. Аракчееву. Сообщ. Е. Мегорскій. **1869.** (4), 076.

1770. Изъ воспоминаній о селѣ Грузинѣ. А. Языкова. **1869.** (9), 1462—1484.

1771. Гр. Аракчеевъ по разсказамъ В. А. Сухово-Кобылина. Т. Толычевой. **1906.** II, (7), 432—438.

1772. Къ разсказамъ В. А. Сухово-Кобылина объ Аракчеевѣ. М. К. Соколовскаго. **1906.** III, (9), 146.

1773. Гр. А. А. де-Бальменъ. **1868.** (3), 462—473. Письмо Александра Павловича къ гр. Шарлотѣ-де-Бальменъ.

1774. Изъ бумагъ гр. де-Бальмена, Русскаго пристава при первомъ Наполеонѣ. **1868.** (4—5), 699—734. (12), 1924—1984. **1869.** (4), 647—731. (5), 765—838.

1775. Приказы Барклая-де-Толли. Сообщ. Г. Н. Александровымъ и М. К. Соколовскимъ. **1876.** III, (12), 517—521; **1905**, II, (5), 97—104.

1776. Юрій Никитичъ Бартеневъ. Статья Ю. П. Бартенева. **1897.** III, (11), 395—432. (12), 614—659. **1898.** I, (1), 100—124. II, (5), 67—80. III, 516—546. Поправка. **1898.** I, (1), 176).

1777. Изъ бумагъ Ю. Н. Бартенева. **1898.** I, (4), 628—631. Письмо его къ гр. Е. П. Растопчиной.

1778. Русская могила въ Германіи. А. Бедряги. **1889.** III, (10), 260—262.

1779. Изображеніе Русской часовни въ Туринѣ. Письмо А. И. Станкевича. **1888.** II, (6), 0256.

1780. Графъ Л. Л. Бенигсенъ. Сообщ. кн. В. И. Баюшевымъ. **1868.** (11), 1837—1860.

1781. О службѣ гр. Бенигсена. Сообщ. кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ. **1874.** I, (3), 826—832.

1782. Бабушка Екатерина Александровна Бибикова. (Изъ воспоминаній внучки). **1883.** II, (4), 352—360.

1783. Прохожденіе службы Д. Г. Бибикова. Сообщ. кн. Д. Д. Оболенскимъ. **1897.** III, (9), 139—143.

1784. Письма В. Ф. Боголюбова къ кн. А. Б. Куракину. Сообщ. кн. Ѳ. А. Куракинымъ. **1893.** III, (10), 233—246. (11), 257—316.

1785. Два письма гр. Александры Васильевны Браницкой къ импер. Маріи Ѳеодоровнѣ. **1892.** I, (4), 475—480.

1786. Графъ де-Бріона къ гр. Эммануилу Сенъ-При. Сообщ. бар. Ѳ. А. Бюлеромъ, съ письмомъ бар. Левенштерна. **1889.** III, (11), 376—378.

1787. Адамъ Ѳомичъ Брокеръ. (Его Записки). **1868.** (9), 1413—1436.

1788. Письмо С. Броневскаго къ Г. Г. Ломоносову (объ Аустерлицкой битвѣ). Сообщ. Я. К. Гротомъ. **1864.** (11—12), 1188—1190.

1789. Письмо б. Будберга къ Тутолмину. Сообщ. А. Ѳ. Бычковымъ. **1871.** (7—8), 1093—1096.

1790. Изъ писемъ А. Я. Булгакома въ Москву къ его отцу. **1899.** II, (8), 600—643. III, (9), 120—143. (10), 223—244. (11), 378—412 (12), 468—486. **1899.** I, (1), 167—180. (2), 246—252. (3), 396—409. (4), 545—622.

1791. Письма А. Я. Булгакова къ брату его. Сообщ. Н. П. Всеволожскою. **1899.** II, (5), 5—46. (8), 473—514. III, (9), 48—88. (10), 177—189. **1900.** I, (4),

493—518. II, (5), 5—36. (6), 208—235. (7), 294—329. (8), 451—476. III, (9), 105—135. (10), 197—234. (11), 321—370. (12), 551—576. **1901**. I, (1), 46—94. (2), 260—315. (3), 398—469. (4), 545—608. II, (5), 27—94. (6), 161—236. (7), 339 437. III, (9), 5—43. (10), 129—207. (11), 284—383. (12), 477—553. **1902**. I, (1), 42—157. (2), 269—325. (3), 507—562. (4), 577—626. (Поправка. **1901**. II, (5), 160).

1792. Изъ писемъ К. Я. Булгакова къ брату его. **1902**. II, (8), 609—632. III, (9), 108—131. (10), 214—231. (11), 330—394. (12), 495—521. **1903**. I, (1), 47—94. (2), 201—215. (3), 289—330. (4), 449—491. II, (5), 51—81. (6), 167—219. (7), 416—444. (8), 550—564. II, (9), 109—152. (10), 315—352. (11), 399—432. (12), 545—589. **1904**. I, (1), 70—94. (2), 244—282. (3), 407—442. (4), 555—587. **1904**. II, (6), 200—223. (7), 342—370. (8), 581—593. III, (9), 17—26. (10), 184—203. (11), 340—370.

1793. Изъ писемъ А. Я. Булгакова къ дочери его кн. О. А. Долгорукой. **1906**. I, (1), 136 — 154. (3), 350—365. II, (5), 47—80. (7), 223—258. (7), 401—431. (8), 525—554. III, (9), 94—131. (10), 218—245. (11), 431—466. (Поправки. III, (11), 470.

1794. Изъ бумагъ Я. И. Булгакова. Сообщ. гр. Б. А. Перовскимъ. **1905**. II, (7), 337—408. Письма Я. И. Булгакова къ Екатеринѣ Великой и переписка съ кн. Потемкинымъ.

1795. Изъ писемъ Я. И. Булгакова къ старшему его сыну Александру. **1898**. I, (1), 358—387. (4), 523 556. II, (5), 41—66. (6), 289—302. (7), 365—387.

1796. Изъ писемъ Я. И. Булгакова къ сыну его Константину. **1898**. I, (1), 56—76. (2), 191—222, съ портретомъ. Поправка (3), 478.

1797. Воспоминанія лицеиста (о профессорѣ Французскаго языка де-Будри). Я. К. Грота. **1866**. (1), 131.

1798. Два письма гр. Д. П. Бутурлина къ А. Н. Оленину, съ примѣч. гр. М. Д. Бутурлина. **1870**. (7), 1201—1214.

1799. Увольненіе отъ службы Дмитрія Валуева. Съ замѣч. Г. Н. Александрова. **1874**. I, (2), 499—504.

1800. В. В. Вергинъ. В. Н. Лясковскаго. **1882**. II, (3), 97—122, съ портретомъ.

1801. Къ статьѣ о В. В. Варгинѣ. Н. Колмакова. **1882**. II, (4), 304—308.

1802. Варлаамъ Шишацкій. Сообщ. А. А. Титовъ. **1903**. II, (6), 290—291.

1803. Предписаніе И. А. Вельяминова Ладинскому (о поимкѣ царевича Александра). **1878**. II, (7), 300 и **1883** II, (3) 204.

1804. Изъ частныхъ писемъ Русскаго офицера Вепрейскаго на родину. **1890**. III, (11), 349—352.

1805. Замѣтка о смерти Верещагина. Д. Н. Свербеева. **1870**. (2), 518—522.

1806. Миссъ Вильмотъ и кн. Дашкова. М. Ѳ. Шугурова. **1880**. (3), 150—217.

1807. Масонская грамота гр. М. Ю. Віельгорскому. **1905**. III, (12), 531.

1808. Письма 1812 г. М. А. Волковой къ. В. И. Ланской. Перев. М. П. Свистуновой. **1872**. (12), 2372—2435. Поправки къ этимъ письмамъ. Тамъ же, 2599.

1809. Письма изъ эпохи 1812—1813 гг. къ М. А. Волковой. Сообщ. М. В. Волковой. **1887**. I, (2), 186—193. Отъ бурмистра Шохина. Отъ Ивана Кульмана.

1810. Поѣздка кн. Н. Г. Волконскаго къ Наполеону I въ 1808 году. Сообщ. кн. А. Н. Волконскій. **1874**. I, (4), 1047—1050.

1811. Письмо кн. П. М. Волконскаго къ А. А. Закревскому о кон-

никѣ“ за 1894 годъ) и „Общественно-политическія броженія въ Царствѣ Польскомъ въ 1848 году“ (напечатано въ „Недѣлѣ Окраины“ за 1906 годъ).

Первая повѣствуетъ о томъ, какъ въ Польшѣ чуть было не повторилась Галиційская рѣзня 1846 года. Извѣстно, что Австрійское правительство, предупреждая возстаніе въ Царствѣ Польскомъ, натравило крестьянъ на помѣщиковъ, и они произвели поголовное избіеніе пановъ.

Въ 30—40 годахъ многіе Польскіе эмигранты объясняли неуспѣхъ возстанія 1830 года тѣмъ, что-де въ немъ не принимали дѣятельнаго участія крестьяне, по Наполеоновской конституціи 1807 года освобожденные отъ крѣпостной зависимости. Но они были освобождены *безъ земли* и находились въ самой тяжкой зависимости отъ господъ. Не даромъ говорилось: „свѣтлое царство Поляковъ есть царство небесное для пановъ, рай для Жидовъ и адъ для крестьянъ“. Послѣднихъ было поднять нетрудно, и повидимому работа центральнаго демократическаго Польскаго комитета въ Версали шла успѣшно. Однако Польскіе крестьяне не прислушивались къ политической проповѣди и жадно ловили извѣстія изъ Галиціи. Нѣпремѣнно повторилась бы Галиційская бойня и въ Царствѣ Польскомъ, если бы Русское правительство не приняло рѣшительныхъ мѣръ къ обузданію помѣщичьяго произвола и жестокости пановъ. Успѣшное введеніе *инвентарей* подъ руководствомъ Кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова успокоило отчасти измученныхъ хлоповъ и подготовило населеніе къ дѣйствительному раскрѣпощенію.

Мѣсто не позволяетъ намъ передать содержаніе второй статьи.

Усердно обращаемъ вниманіе читателей на книгу г. Попруженка. Написанная съ большою обстоятельностью, она проникнута любовью къ Россіи и вѣрою въ ея будущее.

Теперь всѣ мы болѣе или менѣе обязаны принимать участіе въ заботахъ о „бѣгѣ роднаго корабля“ и должны сознательнѣе относиться къ мелямъ и подводнымъ камнямъ, лежащимъ на его пути. Книжка Попруженка помогаетъ отчасти разбираться въ сложномъ вопросѣ Польскомъ.

*

Матерйалия за история-та на България. Издава министерство-то на народное просвѣщение. Томъ I. Документя за дѣйность-та на Руситѣ по уредба-та на гражданско-то управление въ България. 1877—1879 год. Събралъ и коментиралъ бывшии-то чиновникъ въ канцелария-та на императорския Руски комисаръ въ България, статски совѣтникъ Муратовъ. София. Държавна печатня за 1905. Большая 8-ка, 404 стр. Цѣна 5 лева.

Только заглавіе по-болгарски, вся книга написана хорошимъ, толковымъ Русскимъ языкомъ. Это настоящій памятникъ дѣятельности князя В. А. Черкасскаго.

*

Въ № 244-мъ Парижской газеты Figaro князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (библіотекою котораго украшенъ Московскій Историческій Музей) сообщаетъ со словъ своего полковаго товарища Плаутина подтвердительное показаніе нашей статьѣ о Ѳедорѣ Кузьмичѣ (въ 8-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ сего года). Отецъ Плаутина, генералъ-адъютантъ императора Николая Павловича, не задолго до своей кончины, говорилъ сыну: „Кто тебѣ скажетъ, что императоръ Александръ Павловичъ удалился въ Сибирь, тотъ солжетъ, такъ какъ я въ Таганрогѣ самъ клалъ его въ гробъ“. Плаутинъ былъ однимъ изъ флигель-адъютантовъ Александра Павловича.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907 года.

(Годъ 45-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1907 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 50 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Отдѣльныя книги „Русскаго Архива“ *прежнихъ* годовъ можно получать по **пятидесяти** копѣекъ за книжку съ пересылкою 75 к. Прилагаемая нынѣ „Предметная Роспись даетъ возможность находить желаемую статью.

Московскіе подписчики 1907 года, покупая вмѣстѣ и весь 1906 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

(45-й годъ изданія).

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1908-МЪ ГОДУ НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907

10.

Стр.

145. Изъ Записокъ преосвященнаго **Леонида**. 1864 и 1865 годы.
163. Письма **И. С. Аксакова** къ К. П. Побѣдоносцеву. 1876—1885.
192. Пять лѣтъ въ Россіи при Екатеринѣ Великой. Записки **графа Л. Ф. Сегюра**. (Крымское путешествіе).
267. Мѣра ко взысканію недоимокъ съ крестьянъ.
268. Волкъ полѣвка назадъ. **П. Н. Столпянскаго**.
273. Подражаніе Данту. Сатирическіе стихи на писателей сороковыхъ годовъ. 1848.
281. Письма къ Гоголю по поводу его „Переписки съ друзьями“. А. А. Григорьева и **М. Т. С.**
293. Достопамятная надпись на иконѣ. (Сообщено **Н. В. Трескиной**).
294. Могила Н. П. Барсукова.
— Марья Сергѣевна Томашевская (†).
295. Дополненія, поправки, мелочи (Стихи **В. А. Пушкина** князю П. А. Вяземскому).

Внутри сорочки: о книгѣ Оловянишникова. „Исторія колоколовъ“.

Приложены листы **Предметной Росписи** „Русскаго Архива“ за сорокъ пять лѣтъ изданія, 1863—1907 (царствованія Александра и Николая Павловичей).

Отдѣльныя книжки „Русскаго Архива“ *прежнихъ* (до 1905) годовъ можно получать по **пятидесяти** копѣекъ за книжку съ пересылкою 75 к. Прилагаемая нынѣ „Предметная Роспись“ даетъ возможность находить въ какой книжкѣ находится искомая статья.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи
на Страстномъ бульварѣ.
1907.

Н. Оловяннишниковъ. Исторія колоколовъ. (Колокололитейное дѣло на заводѣ товарищества И. И. Оловяннишникова Сыновья. Ярославль (годъ не означенъ). Большая 8-ка, 52 стр. со многими рисунками.

Весьма замѣчательная книжка, написанная, какъ надо полагать, не для зазыва только къ заказу колоколовъ, а изъ потребности опознаться исторически въ своемъ дѣлѣ. Заводъ товарищества „И. И. Оловяннишникова Сыновья" находится въ Ярославлѣ, въ древней области Ростова Великаго, испоконъ вѣка отличающейся сознательнымъ, трезвымъ благочестіемъ своего населенія, со многими монастырями и обиліемъ златоглавыхъ храмовъ Божіихъ. Заводъ существуетъ уже полтора столѣтія. Колокола его издѣлія появлялись на выставкахъ за границею, въ Новомъ Орлеанѣ, въ Парижѣ и въ Чикаго; Россію же они оглашаютъ на всемъ ея пространствѣ: въ книгѣ приведенъ долгій списокъ городовъ, имѣющихъ съ этого завода колокола не менѣе ста пудовъ вѣсу.

Составитель излагаетъ на двухъ страницахъ иностранныя и Русскія сочиненія, которыми онъ пользовался для своего труда, содержащаго въ себѣ свѣдѣнія о колоколахъ не въ одной Россіи, но и въ другихъ странахъ Европы и Азіи; на оборотѣ помѣщенъ рисунокъ Ассирійскаго колокольчика временъ Саламанасара IX вѣка до Р. Х. изъ дворца Ниневея. Первоначально у насъ для созываній народа въ церковь и на общую церковную трапезу употреблялись била и клепала, т. е. деревянныя и металлическія колотушки. (Въ Геесиманскомъ скиту, по вліянію митрополита Филарета къ древней простотѣ, повѣшано било). Колокола завелись позднѣе и притомъ, по изслѣдованію г. Оловяннишникова, изъ Западной Европы, гдѣ, въ средніе вѣка, они служили и наоатомъ для оповѣщенія жителей о приближеніи баронскихъ дружинъ и хищниковъ. Въ Англіи до сихъ поръ изготовленіе колоколовъ есть народное, благочестивое дѣло. Значеніе колокола для міра протестантскаго выражено Шиллеромъ въ его безсмертной Пѣснѣ о немъ. У католиковъ нѣкогда крестили колокола, приглашали кума и куму, надѣвали крестильную рубашку и за тѣмъ пировали. Далеко отъ этого православное отношеніе къ колоколу. На освященіи колокола читается: „О еже гласомъ звѣненія его утолитися и утишитися и престати всѣмъ вѣтромъ зельнымъ, бурямъ же, громомъ и молніямъ и всѣмъ вреднымъ безведріямъ и злорастворенным воздухомъ. О еже отгнати всю силу коварства и навѣта невидимыхъ враговъ отъ всѣхъ вѣрныхъ своихъ, гласъ звука его слышащихъ. Кампанъ сей благослови и освяти и влей въ онь силу благодати Твоея, яко да услышавше вѣрніи раби Твои гласъ звука его, въ благочестіи и вѣрѣ укрѣпятся и мужественно всѣмъ діавольскимъ навѣтомъ сопротивостанутъ". Колоколъ сдѣлался принадлежностью Русской благочестивой жизни. Въ народномъ стихѣ Егорій Храбрый, уводимый въ плѣнъ, поетъ:

Не увижу я свѣта бѣлаго,
Не услышу звону колокольнаго.

Г-нъ Оловяннишниковъ приводитъ изъ Записокъ вполнѣ достовѣрнаго лица, А. М. Ѳадѣева („Русскій Архивъ" 1891) знаменательный случай съ коло-

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА.

1864 годъ.

Октября 6. Дровяникъ говоритъ: «Шесть сыновей умерло, и слава Богу; нонче дѣти отцовъ бьютъ» Кто виноватъ? «Не смѣю сказать: тотъ, кто все распустилъ».—Императрица перестала читать *Московскія Вѣдомости*. Наслѣдникъ чуть не поссорился съ к. Горчаковымъ, который не хотѣлъ допустить мысли о поѣздкѣ Наслѣдника въ Римъ. Фонъ-Визинъ [1]), вице-губ., кормилъ обѣдомъ Фиркса [2]). Всѣ взываютъ ко Владыкѣ [3]). Онъ пишетъ записки и проекты постоянно; но его не слушаютъ, дѣлаютъ наперекоръ. Изумительна дѣятельность его: съ утра до вечера пріемъ, а вотъ въ Пятницу читалъ намъ и чинъ освященія плащаницы съ прекрасною молитвою его пера, и отношеніе къ начальнику Палаты Государственныхъ Имуществъ въ защиту сельскаго законоучителя. Возникъ вопросъ, а упоминается ли въ церковномъ уставѣ о плащаницѣ, тотчасъ велѣлъ принести книгу и справился. Сегодня служилъ онъ въ Успенскомъ соборѣ и напутствовалъ святыню до Лобнаго мѣста и до Иверской [4]). Я былъ у Владыки послѣ вечерни; я радъ, когда имѣю поводъ быть у него вечеромъ воскреснаго дня: праздникъ какъ-то законченнѣе и свѣтлѣе. Я говорю Владыкѣ: «съ неожиданнымъ подвигомъ».—«И этотъ подвигъ, отвѣчаетъ онъ, и для меня былъ неожиданъ; хотѣлъ я

---

[1]) Про этого Фонъ-Визина (внучатнаго племянника Денису Ивановичу) у гр. Соллогуба, въ извѣстныхъ шуточныхъ стихахъ его, сказано:

Фонъ-Визинъ, древній литераторъ,
Въ раю пришельца вопрошалъ:
Ужели внукъ мой губернаторъ?
Благодарю, не ожидалъ.

Онъ пользовался покровительствомъ министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева.

[2]) Инженера-Курляндца, написавшаго книгу въ пользу Поляковъ, подъ именемъ Шедоферотти. По словамъ барона А. И. Дельвига, товарищи Фиркса смѣялись надъ его простоватостью.

[3]) Т. е. къ м. Филарету, изъ котораго викарій его Леонидъ, по своему художественному чувству, „сотворялъ себѣ кумира“, тогда какъ товарищъ его по викаріатству, Савва относился ко Владыкѣ трезвенно.

[4]) На крестномъ ходу въ память освобожденія отъ Французовъ.

идти до Лобнаго мѣста, а потомъ почувствовалъ, что могу идти и дальше. Передъ литургіею я имѣлъ время отлежаться и получилъ силы. Но странно: когда обращаюсь отъ страны къ странѣ для осѣненія, то кажется, что упаду».—«Владыка, не надобно все это приписывать возрасту, а также и необыкновенной жизни вашей».—«Какой необыкновенной жизни»?—«Въ постоянномъ сидячемъ трудѣ, безъ движенія и безъ воздуха».—«Что же мнѣ дѣлать? Иного способа нѣтъ по множеству дѣлъ». Владыка жаловался на слабѣющую память и сказалъ: «Трудно такъ жить. Вчера, чтобы не забыть сегодня, я взялъ и положилъ листъ съ молитвою (молитва довольно длинная и прекрасная, составлена Владыкою на освященіе плащаницы) поверхъ другихъ бумагъ; но на этотъ листъ попалъ другой, и я вспомнилъ объ этомъ на дорогѣ. Тотчасъ посылаю одного изъ служителей (Владыка всегда ѣздитъ въ шорахъ, на шести вороныхъ коняхъ, съ двумя лакеями), чтобы сказалъ Данилову найти листъ и очки, и прислать. Но я не сказалъ ему, чтобы нанялъ извозчика, и листъ ко времени не поспѣлъ, и такъ молитву я говорилъ наизустъ». О Владыка! Забылъ листъ и заключаетъ, что память ослабѣла, а прочиталъ наизустъ длинную молитву—за это память не похвалилъ. Владыка сказалъ, что Спасскій, оберъ-секр., былъ въ Коломнѣ его учителемъ, позже за взятки отставленъ. Хвалилъ Англичанъ за серьезный умъ государственный. Гладстонъ говоритъ, что связь между правительствомъ и народомъ крѣпнетъ.—Вечеръ кончилъ у родныхъ. Братъ сказывалъ, что Финляндскіе депутаты на сельско-хозяйственной выставкѣ ведутъ дѣло свое примѣрно.

12-го Гр. Бобринскій [1]) говоритъ, что Аксаковъ написалъ: «государство Россійское и Русская земля одно и тоже». Цензоръ вычеркнулъ эти слова, а редакторъ напечаталъ и только того и ждетъ, чтобы наложили на него штрафъ; но боятся это сдѣлать, ибо онъ грозитъ подать въ такомъ случаѣ жалобу въ Сенатъ, чтобы такимъ образомъ Сенатъ рѣшилъ: одно ли и тоже Россійское государство и Русская земля?—Пожары Симбирскіе испугали все Поволжье, и общая опасность сближаетъ помѣщиковъ и крестьянъ.—Мы рѣшили, что нѣсколько лицъ, желающихъ заняться переводомъ статей изъ Church-Journal, станутъ трудиться въ тиши и, можетъ быть, послужатъ основою для общества къ сближенію съ Американскою епископальною церковью.—Долго сидѣла у меня вечеромъ Н. П. Киреевская [2]), а въ 8 часовъ поѣхалъ я къ графу Толстому [3]) и просидѣлъ до 10.

[1]) Графъ Алексѣй Васильевичъ, позднѣе губернскій предводитель Московскаго дворянства.

[2]) Ур. Арбенева, вдова И. В. Кирѣевскаго, охотница до архіерсевъ. Кто-то про нее сказалъ, что она успѣшно кокетничала съ Господомъ-Богомъ.

[3]) Къ графу Александру Петровичу.

У Владыки докладъ около 5 часовъ. Я читалъ дѣла 4 часа ровно. Владыка началъ смѣясь: «Прошу прощенія у в. п—ства! Въ вашей резолюціи я произвелъ революцію». Онъ вспомнилъ книгу средневѣковую XI вѣка съ пророчествомъ о папахъ: послѣ нынѣшняго будетъ еще десять. Теперешняго символъ: крестъ за крестомъ. Въ монастырѣ, гдѣ теперь Берлинъ, тоже въ XV и XVI в. были пророчества о Пруссіи, но не сбылись на нынѣшнемъ королѣ: протестантство падетъ, но не падаетъ. Какъ это понимать? Міръ духовный такъ устроенъ, что оттуда сверху къ намъ все видно, а туда отсюда не видно».

15. Экзаменъ въ Екатерининскомъ Институтѣ. Хорошо, говорятъ. Кн. Лобановъ-Ростовскій [1]) сказалъ: «нынче барство исчезаетъ, а чванство усиливается». Это очень вѣрно. Ему Императрица сказала: «старайтесь, чтобы ученицы имѣли хорошій Французскій выговоръ», а онъ отвѣтилъ: «постараюсь особенно о томъ, чтобы они были хорошими Русскими женщинами».

20. Вечеромъ опять Владыка заговорилъ о юбилеѣ. «Синодъ въ денежныхъ наградахъ отказываетъ, желая, чтобы онѣ замѣнены были другими. Я говорю, что по обстоятельствамъ нѣкоторыя награды замѣнены быть не могутъ: напримѣръ, профессору Бѣляеву [2]), у котораго въ семьѣ болѣе 16 человѣкъ, и потому прошу, чтобы Св. Синодъ утвердилъ награды, а *деньги дамъ я*».—«Думаю, Владыка, что такого представленія со времени учрежденія Синода въ Синодъ не поступало», замѣтилъ я.

28. Отъ 10 до 3 посѣтители. Между прочимъ к. Волконскій, почти молодой человѣкъ, пять разъ битый параличомъ; лѣто и зиму проживаетъ въ Вологодскомъ имѣніи, весну и осень при Лаврѣ; онъ женатъ и богатъ, почитаетъ себя учникомъ Н. А. Жеребцова. Находитъ подкрѣпленіе въ вѣрѣ и особенно чтитъ пр. Сергія. Генералъ Шванебахъ разсказалъ. Въ В. Училищѣ у него было между юнкерами 7 Поляковъ, нынче 27, и онъ сталъ замѣчать, что они обособляются. Взявъ во вниманіе, что они остаются безъ надзора, пока православные у всенощной, онъ созвалъ всѣхъ иновѣрцевъ и сказалъ: «Православіе господствующее вѣроисповѣданіе, мы съ вами иновѣрцы, но душей и сердцемъ мы Русскіе; поэтому намъ неприлично не знать обрядовъ православія и надобно оказывать ему уваженіе; когда будете офицерами, то должны будете участвовать во всѣхъ торжественныхъ молитвенныхъ собраніяхъ

---

[1]) Почетный опекунъ Иванъ Александровичъ славился и умомъ и остроуміемъ.

[2]) Ильѣ Васильевичу, человѣку даровитому.

православныхъ; наконецъ, порядокъ и единство дѣйствій заведенія требуютъ, чтобы особняковъ не было. Итакъ, г.г., станемте же ходить въ церковь съ православными всѣ: и католики, и лютеране, и Армяне, и вы, магометанинъ.—Но въ первомъ корпусѣ для католиковъ есть церковь особая, возразилъ кто-то.—А здѣсь ея нѣтъ, отвѣтилъ генералъ. Тамъ католики не ходятъ въ православную, ибо ходятъ въ свою, а здѣсь католической нѣтъ; поэтому всѣ мы, диссиденты, пойдемъ въ православную. — Ваше ли распоряженіе или свыше? — Я не обязанъ на это отвѣчать; но скажу вамъ, что это самое распоряженіе пока мое. Но дѣло идетъ не о томъ, чтобы разсуждать, а о томъ, чтобы взять вамъ во вниманіе: 1, хотите ли жить со мною подъ одною кровлею или не хотите. 2, чтобы вы не боялись пропаганды, я вамъ рѣшительно говорю, что если бы кто изъ васъ изъявилъ мнѣ желаніе перемѣнить вѣру, я выгоню изъ училища. Въ тоже время генералъ призвалъ ксендза и сказалъ ему, что приличіе и порядокъ требуютъ, чтобы всѣ юнкера безъ различія исповѣданій были у всенощной, и поэтому онъ проситъ отца-ксендза, чтобы онъ внушилъ юнкерамъ-католикамъ необходимость съ полною готовностію подчиняться этому распоряженію. Слыша часто Польскій языкъ, онъ укорилъ Поляковъ за худой выговоръ и выразилъ желаніе, чтобы они чисто говорили по-русски: Польскій языкъ не слышится. Ксендзу онъ сказалъ, чтобы въ классѣ употребляемъ былъ Русскій языкъ. Онъ знаетъ, что ксендзъ иногда говоритъ по польски, но не боится этого. У нихъ принято, чтобы къ приходу начальника все оставалось въ такомъ видѣ, какъ было; противное сему дѣйствіе заклеймено именемъ лицемѣрія; не естественно, чтобы ксендзъ, говорящій по польски, при входѣ въ классъ начальника, заговорилъ по русски: этимъ онъ самъ себя будетъ ронять въ глазахъ юнкеровъ и, безъ усиліи начальства, потеряетъ авторитетъ.—Что въ церкви?—Ходятъ всѣ, стоятъ, какъ вкопанные; изъ католиковъ двое въ пѣвчихъ, магометанинъ готовъ креститься.

Вечеромъ Комитетъ Тюремнаго Общества у Владыки: 2½ часа. Владыка былъ добръ, разговорчивъ, внимателенъ, говорилъ то строго, то любезно. Засѣданіе было оживленное, но мирное.

30. Докладъ продолжался 5½ часовъ. Владыка говорилъ, что когда онъ еще былъ студентомъ, передъ окончаніемъ курса, его приглашали въ Коломну во священники къ церкви (Воскрес.). Онъ отвѣчалъ: спросите у начальства. Ректоръ отозвался, что я еще слишкомъ молодъ, и меня оставили. Тогда спрашивали меня, какъ рѣшался я

идти въ Коломну, когда могъ занять мѣсто въ Москвѣ? Я отвѣчалъ: нѣтъ, Москвы я боюсь; священники тамъ такіе страшные, недоступные, въ бархатныхъ рясахъ.

Ноября 1 (Воскр.). Въ Московской семинаріи 50-лѣтній юбилей. Всенощную наканунѣ служилъ въ семинарской церкви пр. Можайскій [1]) съ ректорами академіи, обѣихъ семинарій и инспекторомъ. Сегодня въ 9½ началось служеніе литургіи. Совершалъ Владыка съ еп. Дмитровскимъ, ректоромъ и инспекторомъ семинаріи и 4 священниками изъ наставниковъ. Владыка былъ въ золотомъ глазетѣ, я въ малиновомъ бархатѣ съ омофоромъ изъ сѣтки серебряной, архимандриты въ ризахъ, сдѣланныхъ еще мною [2]), а 4 іерея въ серебряныхъ съ крестами въ голубыхъ кругахъ (жертва старосты). Проповѣдь говорилъ, и очень хорошо, прот. Алексинскій. На молебенъ вышли и пр. Евгеній, и пр. Савва, и много іереевъ. Приложены были прошенія, къ случаю сему составленныя (они и въ академіи читаны были). Въ заключеніе многолѣтіе сказано было Государю и дому его, Св. Синоду и Владыкѣ, первому ректору семинаріи архіепископу Евгенію и наставникамъ и воспитанникамъ оной. Вѣчная память: императорамъ Александру I и Николаю I, преосвященнѣйшимъ Августину, Парѳенію, Виталію, наставникамъ и воспитанникамъ. Застегивая мантію, Владыка подозвалъ меня и сказалъ: «съ пр. Евгеніемъ войдите въ комнату, гдѣ приготовленъ чай, а я пойду къ ректору; когда я собирался ѣхать, пришли гостинцы изъ Петербурга». Въ классѣ были приготовлены чай и закуска. Послѣ мы перешли въ богословскій классъ, обращенный въ актовую залу. Каѳедра стояла направо отъ дверей лицомъ къ больницѣ. Противъ нея между оконъ кресло для митрополита и отъ него по обѣ стороны полукруженъ кресла для посѣтителей. Передъ владыкинымъ кресломъ столъ и на немъ, на блюдѣ, икона Спасителя, покрытая пеленою. Вскорѣ вошелъ Владыка въ лиловой рясѣ, имѣя, между прочими знаками, и докторскій крестъ. Какъ только мѣста были заняты, секретарь прочиталъ указъ о дозволеніи юбилея. Затѣмъ проф. Цвѣтковъ (вмѣсто автора, Бѣляева, слабаго грудью) читалъ историческую записку и читалъ долго, но по мѣстамъ занимательно.

3. На докладѣ, который длился 4 часа, я узналъ, что утромъ Владыка былъ въ подвигѣ: служилъ въ Грузинахъ и освящалъ прибѣжище для престарѣлыхъ іереевъ, устроенное въ домѣ гр. Толстой [3]), подлѣ

---

[1]) Т.-е. преосвященный Савва.

[2]) Преосвященный Леонидъ передъ тѣмъ былъ ректоромъ Московской Семинаріи.

[3]) На Грузинской площади, противъ церкви.

ея новаго дома. Говорилъ, что Перовскіе [1]) искали развода, Петербургская консисторія пропустила; въ Синодѣ Владыка остановилъ по невѣроятности показаній. Оберъ-прокуроръ кн. Мещерскій сталъ его просить, говоря: у Перовскаго жена развратная, но, чтобы спасти дочь, онъ принимаетъ позоръ на себя. Тогда, говоритъ Владыка, я подписалъ протоколъ.

4. Въ 10½ пріѣхалъ изъ Кіева А. Н. Муравьевъ и по обычаю у меня остановился. Былъ гр. А. П. Толстой и выражалъ опасенія, что А. П. Ахмамовъ, по болѣзни, откажется [2]). Говоритъ, что Владыка нашъ—послѣдняя плотина: подними ее, воды хлынутъ, заревутъ и все потопятъ. Тѣмъ страшнѣе, что гибельныя идеи проникаютъ и въ архіереевъ. А. Н. Муравьевъ говоритъ: Россія цвѣла пока жила своею жизнію, а жизнью ея было благочестіе при глубокомъ уваженіи къ церкви, ея іерархіи, ея постановленіямъ. Когда лишили ея основъ, то она и повисла въ воздухѣ.

6. Владыка служилъ въ память родителя своего, протоіерея Михаила; угощалъ обѣдомъ А. Н. М-ва и принималъ насъ обоихъ [3]). Побывавъ у пр. Можайскаго, съ нимъ возвратился я ко Владыкѣ къ 8 час., и 4½ продолжался докладъ. «Нужно ли послать образъ Каткову?»—Необходимо, отвѣчалъ я, зная, что объ этомъ Владыка рѣшилъ въ умѣ своемъ и даже кому-то высказывалъ.

8. Исповѣдался, сподобился пріобщиться Св. Таинъ, послалъ Михаилу Никифоровичу просфору и икону пр. Саввы, съ надписью на серебропозлащенной рамкѣ: «О Христѣ возлюбленному Михаилу Никифоровичу усердный его богомолецъ Леонидъ, еп. Дм. Москва, 8 Ноября 1864 г.». Пр. Можайскій, вмѣсто меня, сослужилъ Владыкѣ въ Архангельскомъ соборѣ и сказалъ, что икона св. Ахистратига Михаила стояла на престолѣ, послѣ служенія окроплена Владыкою и отослана къ Каткову.—Когда дали первый духовный концертъ, который не понравился кн. Ник. Ив. Трубецкому, тогда меня стали обвинять, что я ввелъ въ это Владыку. Я говорилъ, что иниціатива не моя; но я убѣжденъ, что концертъ дѣло не худое, только надлежитъ умно обставить дѣло, и послѣ концерта прямо сказалъ Владыкѣ, что сожалѣю объ одномъ, что на концертѣ этомъ не былъ. Теперь Н. В. Сушковъ выдумалъ, что я, въ качествѣ политическаго агитатора, подбилъ Владыку

---

[1]) Левъ Алексѣевичъ Перовскій и его супруга, ур. кн. Горчакова?

[2]) Т.-е. отъ должности Синодальнаго об.-прокурора.

[3]) Т. е. обоихъ своихъ викаріевъ, Леонида и Савву.

послать Каткову образъ, что онъ самъ (Сушковъ) хлопоталъ объ адресѣ, но Владыкѣ не слѣдовало участвовать въ демонстраціи. Я убѣдилъ его, что тутъ нѣтъ демонстраціи, а пастырское благословеніе къ человѣку изъ его паствы, коего достоинства ему извѣстны и любезны.— Катковъ избранъ почетнымъ членомъ Кіевскаго университета.

9. Пока я служилъ вечерню, пріѣхалъ Катковъ. Онъ очень доволенъ сочувствіемъ многихъ, но въ отчаяніи отъ порядка вещей, и если такъ продлится, то хочетъ уйти за границу. Пр. Савва просилъ передать Владыкѣ, что и Катковъ, который хвалитъ движеніе западныхъ іереевъ, которые собираются для разсужденія о церковныхъ дѣлахъ, называетъ ихъ нашими передовыми борцами, и Катковъ удивленъ тѣмъ, что іереи имѣютъ право собираться, а епископы не имѣютъ. Впрочемъ у насъ такъ распорядились дѣломъ церковнаго управленія, что ему никогда не возстать, по мнѣнію А. Н. М—ва.

13. На докладѣ былъ и Андрей Н—чъ. Мы всѣ нападали на Владыку, такъ что онъ уже замолчалъ: умоляли его, чтобы устроилъ областное и соборное управленіе. «Цѣлыя поколѣнія епископовъ будутъ на васъ сѣтовать, если этого не сдѣлаете», сказалъ я. — «Я напишу нѣсколько листовъ, тѣмъ и ограничится».—Пр. Можайскій возразилъ: «вы оставите идею».—Раскольники хотятъ соединить, по возможности, всѣ толки и учредить законнаго происхожденія іерархію и вывести ее изъ-подъ всякаго вліянія церкви и Синода, такъ что будетъ въ Россіи два православія. Владыка уговорилъ единовѣрцевъ просить, чтобы съ нихъ *сняли патріархи клятву* 1667 года, и уже подъ просьбою много собрано подписей. Народъ начинаетъ узнавать, что Владыка благословилъ Каткова образомъ, и этому дается высокое значеніе.

15. Кн. А. Валент. Шаховскій заѣхалъ прямо съ дороги; онъ съ А. Н. Муравьевымъ ѣздилъ къ Троицѣ и сказываетъ, что тамъ нынче заведены на воскресные и предпраздничные дни всенощныя бдѣнія Очень это жаль: изъ человѣкоугодія древній обычай нарушается.

17. Владыка торжественно праздновалъ день пр. Никона: наканунѣ выходилъ на величаніе, въ самый день совершилъ литургію дома, въ 2 часа кормилъ обѣдомъ обоихъ викаріевъ и А. Н. Муравьева. «Садитесь ближе, потому что будете далеко», сказалъ онъ Муравьеву. Владыка былъ веселъ и много говорилъ.

24. Записка отъ Владыки: «Не посѣтите ли, ваше преосвященство, меня больного, предъ полуднемъ, не отлагая до вечера? Ф. М. М.

Ноябр. 24. 1864». Это меня встревожило и, разумѣется, я поспѣшилъ. Владыка служилъ дома и 21, и 22 и схватилъ простуду съ болью въ головѣ, ознобомъ, кашлемъ и насморкомъ. Онъ прочиталъ, сократилъ, исправилъ мою записку о проектѣ трехъ членовъ духовенства насчетъ женскаго училища на Заборовскомъ подворьѣ. Вечеромъ велѣлъ пріѣхать: «это меня отвлечетъ отъ постояннаго чтенія». Докладъ продолжался до $8\frac{1}{2}$; сидѣли въ кабинетѣ, жаръ нестерпимый.

Декабря 1-го *). На литургіи, какъ въ этотъ день, такъ же точно въ день своего посвященія, я употребляю омофоръ, поручи, сулокъ, жалованные Владыкою. На омофорѣ по моему желанію вышито золотомъ: «возложенъ на в—шаго Филарета, м. М., при посвященіи его во епископа въ С.-Петербургѣ, 5 Авг. 1817 года (годъ моего рожденія). Къ этому я присоединяю золотую мою ризницу и приказываю, чтобы употреблено было все наилучшее, какъ въ великій праздникъ.

6. Вечеромъ ѣздилъ я ко Владыкѣ и гр. А. Толстой. Упала со стола книга; я поднялъ ее. Владыка сказалъ: «Догматическое богословіе преосвященнаго Черниговскаго. Я думалъ, что онъ гнѣвается, однако нѣтъ». Владыка уже успѣлъ просмотрѣть ее, и вотъ его отзывъ: «Много учености, много мыслей, и въ 2-хъ томахъ этихъ содержится конечно не менѣе, чѣмъ въ 5 томахъ Богословія Макаріева; но все въ этой книгѣ безпорядочно, неосмотрительно, небрежно. Мысли сыплются у него какъ табакъ (пр. Черниговскій много и неопрятно нюхаетъ). Ветхій и Новый Завѣты—это одно тѣло, а преосвященный думаетъ, что сдѣлалъ великое дѣло, показавъ усиліе раздѣлить ихъ рѣзкою чертою. Такъ, онъ говоритъ, будто Богъ въ Ветхомъ Завѣтѣ не называется Духомъ. Неправда; кромѣ другихъ многихъ мѣстъ, у пр. Исаіи говоритъ Мессія: *Духъ Господень на Мнѣ, Его же ради помаза Мя.* Какой же это духъ, посвящающій его на служеніе, какъ не Духъ Божій и Богъ? —«Въ Ветхомъ Завѣтѣ антропоморфическое представленіе о Богѣ». Неправда: *небо небеси не довлѣютъ Ти*, или *небо престолъ Твой, земля подножіе ногъ Твоихъ.* Неужели это антропоморфическія выраженія? «Ветхій Завѣтъ внушаетъ человѣку благоговѣніе и страхъ къ Божеству, а не любовь». Неправда: *возлюбихъ, яко услышалъ еси молитвы моя; возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и пр.* Указать бы ему на недостатки. Надобно написать новую книгу; на каждыхъ 4 страницахъ ихъ найдешь».

---

*) День именинъ м. Филарета.

11. Заѣзжалъ я къ Каткову. «Нельзя не поздравить побѣдителя въ день побѣды», сказалъ я; ибо сегодня напечатанъ уставъ о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ такою основою классицизма, что реальная гимназія не даетъ права на вступленіе въ университетъ. М. Н—чъ въ уныніи. Валуевъ, говоритъ онъ, соединился съ Головинымъ, и ихъ противодѣйствіе таково, что устоять одному человѣку невозможно; но что̀ пріятно: сердце его скорбями все болѣе и болѣе смягчается: онъ былъ религіозенъ болѣе умомъ, а теперь и сердцемъ *).

17. Поѣхалъ я ко Владыкѣ по дѣламъ. Была снѣжная вьюга, очень сильная, и на высокомъ и открытомъ дворѣ Сухаревскаго подворья едва могли подвигаться впередъ. Менѣе часа сидѣлъ я у Владыки, но когда вышелъ къ подъѣзду, вьюги не было, и звѣзды блистали. Онъ все еще нездоровъ и принималъ въ кабинетѣ, гдѣ жаръ нестерпимый для свѣжаго человѣка. Заѣзжалъ къ Бахметевымъ. Она печатаетъ новое изданіе Житій; по совѣту моему каждаго дня святой, которому служба, будетъ имѣть жизнеописаніе.

18. По словесному моему представленію, Владыка далъ распоряженіе открыть могилу Александра Н—ча Муравьева, для поставленія надъ его гробомъ гроба сына его Іоанна. Владыка тронутъ былъ моимъ разсказомъ о его кончинѣ. Отъ простуды болѣзнь изъ ногъ поднялась къ сердцу, разстроила органы сердца, расширила его, и больной, посреди страданій великихъ, но въ полномъ сознаніи умеръ на 55-мъ году, въ день годовщины смерти своего родителя 18 Дек. Пріобщался онъ 16, какъ и родитель, и погребенъ 21, въ день похоронъ отца. Также передъ смертію слушалъ Евангеліе, сожалѣлъ, что боль не даетъ сосредоточить мыслей, говорилъ, что умирать не страшно, но надобно *заго̀дя* приготовлять себя къ смерти, надѣялся скоро яснѣе видѣть то, о чемъ благовѣствуетъ Евангеліе, и сожалѣлъ, что не подѣлится впечатлѣніями съ оставшимися; наконецъ онъ сказалъ: «вотъ я уже оглохъ, уложите меня, вотъ свѣтъ въ глазахъ меркнетъ, вижу только зеленыя полосы».... Черезъ пять минутъ души уже не было въ тѣлѣ.

21. Вечеромъ былъ у Владыки. Тамъ пр. Можайскій дочитывалъ мнѣніе комитета о проектѣ устава семинарій. Проектъ дышетъ идеальнымъ аскетизмомъ, а комитетъ демократизмомъ самымъ наглымъ. Владыка сказалъ: «Я не ожидалъ этого отъ Московскаго духовенства; или

*) Помню, что однажды М. Н. Катковъ, желавшій сотрудничества въ Московскихъ Вѣдомостяхъ Н. П. Гиларова (тогда профессора въ Московской Духовной Академіи) поручалъ мнѣ сказать ему, что въ дѣлахъ вѣры онъ Катковъ человѣкъ положительный.

исправьте, или я противъ этого напишу въ Синодъ». Я рѣшился сказать о правдѣ: свѣтское общество далеко не имѣетъ такого предубѣжденія противъ монашества, какъ бѣлое духовенство; оно съѣло бы всѣхъ монаховъ, если бы могло.

1865 годъ.

Января 1. Былъ у М. Н. Каткова. Вчера готова была въ *Вѣдомостяхъ* статья объ отказѣ редакціи отъ продолженія *Вѣдомостей*; но ректоръ съ деканами пріѣзжали просить его обождать рѣшеніемъ. Онъ согласился; номеръ былъ перепечатанъ и вышелъ уже въ 4 часа. Сегодня въ засѣданіи экстраординарномъ Совѣта составленъ адресъ къ Государю. Благодаря Государя за милости къ университету, представляя достоинства и заслуги редакціи, Совѣтъ проситъ, чтобы ему предоставлено было отвѣтствовать предъ правительствомъ за Каткова и Леонтьева по изданію *М. В.* У Каткова народу было много. Н. В. Сушковъ извѣстилъ Каткова при мнѣ, что онъ уговорилъ Владыку написать о заслугахъ его Государю. Ректоръ университета и деканы были при мнѣ у Каткова съ объявленіемъ ему рѣшенія Совѣта. Отстраняя все политическое, я горю сочувствіемъ къ тому направленію газеты, которое содѣйствуетъ духовному начальству въ заботахъ его о добромъ, христіанскомъ, нравственномъ преспѣяніи православной паствы. Поэтому я радъ, что многіе видѣли у Каткова викарія Московскаго, притомъ въ новый годъ, въ лентѣ, какъ поздравителя, и какъ сочувственника въ тяжелую для М. Н. минуту *).—Отъ 5¼ до 8½ продолжался докладъ. Говорено было и о томъ, должно ли Владыкѣ входить въ дѣло Каткова. Я говорилъ, что непремѣнно должно, такъ какъ Владыка изволитъ признавать благотворность вліянія Каткова на общество; но надобно, чтобы вопросъ разсматривался въ представленіи Владыки съ чисто-церковной, религіозно-нравственной стороны, совершенно устраняя политику.—Пришлось между прочимъ услышать отъ Владыки, что въ Лаврскую семинарію изъ Коломенской перешелъ онъ 17 лѣтъ, что черезъ два года родитель его отъ Троицкой Ямской церкви переведенъ былъ въ соборъ, что Троицкая холодная церковь осталась въ прежнемъ видѣ, а теплая передѣлана, что тамъ были два изображенія рѣзныя, которыя по указу внесены въ алтарь, а потомъ, когда онъ сталъ Мо-

*) Позднѣе, преосвященный Леонидъ простеръ до того свое усердіе, что когда императоръ Александръ Николаевичъ осматривалъ приготовляемый къ освященію храмъ Христа-Спасителя, онъ успѣлъ сказать Государю, что, будучи духовникомъ профессора Леонтьева, онъ Леонидъ завѣряетъ о согласіи классицизма съ православною вѣрою.

сковскимъ, увидѣлъ ихъ опять въ церкви, но не хотѣлъ изъ-за этого воевать; что въ дѣтствѣ замѣтилъ въ холодной церкви вверху надъ окномъ на полотнѣ писанныя Небесныя Силы и полустертую надпись: «Силы Небесныя съ нами нынѣ невидимо служатъ», и эти послѣднія слова нескоро разобралъ. При прощаніи я сказалъ Владыкѣ: сегодня исполнилось 15 лѣтъ, какъ я призванъ къ начальствованію, день посвященія меня въ архимандриты. Прошу вашихъ молитвъ на продолженіе служенія.—«Желаю, отвѣчалъ Владыка, дальнѣйшаго возвышенія по всѣмъ степенямъ, какія есть въ церкви».—Помолитесь, Владыко, о моихъ духовныхъ исправленіяхъ.

Письмо отъ Владыки. «Да проститъ меня ваше преосвященство, что не даю вамъ покоя. Если можно, побывайте у меня сегодня въ четвертомъ часу или въ четыре. Ф. м. М.». Генв. 2. 1865 г.».

Владыка изъявилъ желаніе, чтобы я собралъ данныя для сужденія о томъ, что̀ и какъ можно сдѣлать для Каткова; выслушалъ проектъ адреса университета къ Государю и одобрилъ его; выслушалъ и мое поученіе. Мѣстахъ въ двухъ сдѣлалъ тонкія поправки и сказалъ: «Очень хорошо, благодарю», а прощаясь прибавилъ: «да дастъ вамъ Богъ глаголъ силою многою!» Отъ полноты сердечной я преклонился до земли. Я читалъ по черновой писанной кое-какъ, то перомъ, то карандашемъ; теперь идетъ переписываніе.

3. (Воскр.). Въ 10½ час., въ Чудовѣ началось богослуженіе; генералъ-губернаторъ прибылъ во время чтенія 3-го часа, а за нимъ и прочее дворянство въ мундирахъ. Въ концѣ литургіи, мною совершенной (облаченіе бѣлое второе, сослужащ. Сергій, Знаменскій архим.) сказалъ я слово и утѣшился, что, за молитвами Владыки, оно произвело доброе впечатлѣніе; были даже влажные глаза, слушали всѣ, приступивъ къ каѳедрѣ, съ совершеннымъ вниманіемъ. Когда шелъ я съ посохомъ на средину церкви для молебна, слышалъ слово: «*сильно!*» По окончаніи молебна началась присяга; каждый цѣлуетъ слова Христовы, крестъ и пріемлетъ благословеніе; нѣкоторые незнакомые меня благодарили, благодарили съ чувствомъ; кн. Мещерскій *) сказалъ почти въ слезахъ: «вы насъ подкрѣпили и поддержали». Нѣкоторые ждали, пока я, надѣвъ мантію, пошелъ черезъ церковь, и сказали: «мы почли долгомъ благодарить васъ за ваши слова» и еще что-то. По возвращеніи моемъ, вслѣдъ за мною пріѣхали Нат. Григ. Муравьева-Карская

*) Князь Николай Петровичъ, внукъ Карамзина, стихотворецъ и усерднѣйшій почитатель Каткова, попечитель Московскаго учебнаго округа.

съ дочерью, а за ними гражд. губернаторъ, который вошелъ, чтобы поблагодарить меня, и сказалъ, что мною произнесено собственно то, чего требуютъ обстоятельства; ибо отъ образа дѣйствій дворянъ зависитъ, остаться дворянству почетнымъ сословіемъ или потерять всякое значеніе. Думаю, что Матерь Божія, чрезъ Свою икону, поднесенную мнѣ дѣтьми А. Б. Нейдгартъ [1]), много помогла мнѣ: теперь и я имѣю опытъ сообщенной ею благодатной силы. Пріѣзжалъ кн. Ник. Петр. Мещерскій, говоритъ, что слово произвело сильное и благопріятное впечатлѣніе на людей разныхъ партій и оттѣнковъ; всѣ самые безчувственные тронуты; нѣкоторые, можетъ быть, поражены, но скрываютъ зло.

Былъ у Владыки. У него архіеп. Евгеній. Онъ дозволилъ отдать въ печать, если станутъ просить, о чемъ я и не упоминалъ. Не мнѣ судить о достоинствахъ моего слова; но думаю, что громкое, отчетливое произношеніе и сердца слушателей благодушно настроенныя легко приняли впечатлѣніе отъ произведенія несильнаго, какъ бы отъ сильнаго.

4. Только что вышелъ я изъ церкви отъ поздней обѣдни, какъ вошелъ ко мнѣ предводитель Дмитровскаго дворянства Петръ Влад. Бахметевъ, который говоритъ, что не хотѣлъ лишить себя удовольствія поблагодарить меня за вчерашнее слово и т. д.—О. ректоръ семинаріи Игнатій приглашаетъ служить въ навечеріе Богоявленія, въ Богоявленскомъ монастырѣ. Раздумавъ, я отказался; да и просьба была не усердная. Нат. П. Бреверн [2]) говоритъ, что всѣ отъ слова моего въ восхищеніи, даже ея мужъ, даже Гончаровъ [3]).—У Владыки до 8. О себѣ говорилъ онъ, что, отправляясь на ревизію семинарій въ первый разъ, испросилъ у пр. м. Амвросія рекомендательныя письма. Во Владимирѣ пр. Ксенофонта (особа важная, съ длинной бородой, высокаго роста, широковѣщателенъ, но безтолковъ) онъ не засталъ: чтобы не сойтись съ ревизоромъ, уѣхалъ по епархіи. Ревизоръ пробылъ два дня и уѣхалъ въ Лавру, къ празднику пр. Сергія, куда прибылъ въ самый праздникъ въ 2 часа пополуночи. Дня черезъ два сидитъ онъ въ Академіи на экзаменѣ, на которомъ присутствовалъ и пр. Августинъ, какъ священникъ изъ пограничнаго села Глинкова извѣщаетъ, что преосвященный Ксенофонтъ въ Глинковѣ и желаетъ съ нимъ видѣться, т.-е. потому, что оставленное мною письмо м. Амвросія онъ прочиталъ по отъѣздѣ ревизора, что въ Лавру пріѣхать не смѣетъ, ибо это не въ его епархіи.

---

[1]) Анна Борисовна Нейгардъ, ур. кн. Черкасская, письмами которой украшены Записки архіепископа Саввы, бабушка супруги П. А. Столыпина, женщина достопамятная.

[2]) Урожденная Глѣбова-Стрѣшнева, мать кн. Е. Ѳ. Глѣбовой-Стрѣшневой-Шаховской.

[3]) Сергій Николаевичъ, шуринъ А. С. Пушкина, тогда старшина Московскаго дворянства.

Ревизоръ предложилъ пр. Августину тѣмъ порѣшить, что Лавра не подлежитъ епархіальному управленію, слѣдовательно пр. Ксенофонтъ если и не своей, то и не въ чужой епархіи будетъ. Такъ Ксенофонтъ и пріѣхалъ въ Лавру.

Былъ я у кн. Оболенскаго. Княгиня-старушка *) всегда бываетъ рада меня видѣть; она нездорова. Тутъ Карамзины. Въ ея имѣніи двѣ монахини въ больницѣ уже другой годъ, и теперь она съ докторомъ думаетъ, какъ бы могла существовать больница безъ этихъ инокинь, а больница уже лѣтъ 20 существуетъ. И тутъ о словѣ. Возвратился домой въ 10 ч. М. Н. Катковъ три раза присылалъ за словомъ; но я не далъ, просилъ не упоминать; если же это невозможно, то ограничиться словами: «предъ окончаніемъ литургіи викаріемъ произнесено было слово». Катковъ обѣщалъ. Во-первыхъ, слово въ произношеніи сдѣлается другимъ въ печати; во-вторыхъ, если бы дворянство дѣйствительно нашло бы его достойнымъ печати, то дворянство и просило бы меня о напечатаніи его; въ-третьихъ, секретарь Каткова сказалъ откровенно, что, упоминая или приводя рѣчь генералъ-губернатора, считаетъ неприличнымъ промолчать о моемъ словѣ, *считаетъ неприличнымъ*, не болѣе, а онъ хорошій цѣнитель; отъ меня многаго, значитъ, не ожидаетъ; 4-е, дворянство мнѣ оказало сочувствіе, Катковъ расположенъ хорошо; но духовенство, исключая немногихъ, если не ошибаюсь, не терпитъ меня и презираетъ, слѣдовательно оно будетъ по волоску разбирать мое слово и позорить меня.

Владыка рѣшилъ вопросъ о исповѣди заочно. Онъ говоритъ, что въ крайнемъ случаѣ, когда нѣтъ священника вблизи и нестрашно довѣрить бумагѣ искреннюю, полную исповѣдь, можно писать къ духовнику, и духовникъ, прочитавъ все положенное при исповѣди, прочитаетъ и разрѣшительную молитву, на томъ основаніи, что за больныхъ отсутствующихъ молятся же. Но разумѣется, что это касаться можетъ лишь самыхъ крайнихъ случаевъ.

Часу въ пятомъ пополудни, совершенно внезапно, докладываютъ мнѣ о пріѣздѣ губернскаго предводителя съ дворянами. Надѣваю рясу, панагію, камилавку бархатную и вышелъ въ гостиную. Что же? Губернскій предводитель кн. Гагаринъ, полк. кн. Мещерскій (зять гр. С. Г. Строгонова, его же проектъ о дворянскомъ банкѣ), гр. Бобринскій, оба брата Нейдгарта и Б. С. Шереметевъ, всѣ въ мундирахъ, въ орденахъ, прямо изъ собранія—выразить свою признательность и просить, чтобы напечатано было слово. Довольно долго сидѣли они,

*) Мать тогдашняго Московскаго губернаторя князя Алексѣя Васильевича Оболенскаго, кн. Екатерина Алексѣевна, ур. гр. Мусина-Пушкина, женщина доблестная.

говорили о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ дворянства. Я говорилъ, что дворянство можетъ сохранить свое значеніе путемъ основательнаго образованія и участіемъ дѣятельнымъ ко всѣмъ нуждамъ народа; что въ изолированномъ состояніи своемъ оно можетъ быть выработаетъ то, что̀ будетъ весьма благотребно для новой общенародной жизни.—Нужно ли заявленіе сочувствія Каткову?—Этотъ вопросъ рѣшается посредствомъ другого вопроса: полезна ли дѣятельность Каткова? Она полезна, но чѣмъ? Между прочимъ, и прежде всего, тѣмъ, что онъ всегда поддерживаетъ дворянство какъ элементъ народной жизни почтенный и необходимый, и тѣмъ, что вынесъ на свѣтъ, поставилъ на ноги и укрѣпилъ народное образованіе высшихъ сферъ на чистоклассической серьезной основѣ и тѣмъ упрочилъ для дворянства, которое этимъ первое воспользуется, упрочилъ прекрасную надежду имѣть изъ среды своей все болѣе и болѣе членовъ основательно приготовленныхъ на службу дворянству и отечеству. Катковъ—герой гражданской доблести. Жалѣю, что неожиданность привела меня въ смущеніе, и рѣчь не очень вязалась. По отбытіи ихъ я тотчасъ написалъ М. Н., что теперь, согласно желанію дворянства и изволенію Владыки, я готовъ воспользоваться его предложеніемъ. Въ заключеніе дня, столь примѣчательнаго, изъ Ниццы отъ почтеннѣйшей Е. А. Задонской большое письмо, самое дружественное и изящное.

Послѣ всенощной былъ у меня Митчель, секр. Англійскаго посольства. По моему посредству онъ представлялся Владыкѣ въ Воскр., въ 6 ч. вечера; былъ очарованъ Владыкой, и особенно восхитило его то, что Владыка у него, какъ у члена посольства, спросилъ о здоровьѣ королевы. О этомъ знакѣ почтенія старѣйшаго и знаменитѣйшаго Русскаго іерарха къ лицу ея Британскаго величества Митчель тотчасъ телеграфировалъ въ Лондонъ.

18. Катковъ опять въ Петербургѣ, гдѣ яснѣе и яснѣе опредѣляются партія Русская и Нѣмецкая, и Катковъ—яблоко спора *). Вечеромъ былъ я у Владыки, который о рѣчи гр. Ѳ. Давыдова говоритъ, что онъ и не ожидалъ этого, что рѣчь сильная и смѣлая, но наивно прибавилъ сегодня: «послѣ я думалъ и нахожу, что стройность нарушена, гдѣ онъ говоритъ объ авторитетахъ, о Гизо̀ и обо мнѣ. Развѣ хотѣлъ показать свою ученость?» Но въ Англіи въ рѣчахъ политическихъ очень часто обсуждаются кстати вопросы соціальные.

19. У Владыки былъ я до 8, а потомъ у Сушковыхъ часа полтора; разговоры вездѣ одни тѣже—*дворянское дѣло.* У себя въ кел-

*) Въ этотъ же 1865 годъ, Государь, находясь въ Москвѣ, вызывалъ Каткова къ себѣ, сказалъ ему свое ободрительное слово, прибавивъ, что слѣдуетъ оставить въ покоѣ Прибалтійскихъ Нѣмцевъ и завѣрилъ въ своемъ покровительствѣ его дарованіямъ.

ліяхъ я нашелъ Леонида Матвѣевича Муромцова. Онъ говоритъ, что умирающая кн. Анна Петровна Голицына [1]) тревожится и желаетъ мнѣ что-то сказать, то чтобы я пріѣхалъ завтра. Я обѣщалъ. Онъ уѣхалъ, я легъ въ постель. Скрипъ кареты у крыльца. Л—дъ Матв—чъ снова. Проситъ ѣхать немедля. Поѣхали. Меня ввели въ спальню. Въ углу большая кіота съ старинными родовыми образами, подлѣ нея кровать, на которой больная сидѣла въ подушкахъ. Ей было очень худо; она постоянно изъявляла желаніе видѣть меня. Съ чувствомъ облобызала мою руку; и когда всѣ изъ комнаты вышли, она опять взяла мою руку, лицо ея горѣло предсмертнымъ жаромъ, голова была опущена, прядь волосъ спускалась на грудь. Она стала благодарить меня, но я не могъ разобрать хорошенько за что; слышалъ слова «духовные совѣты» и т. под.; говорила, что она желаетъ оставить память сестрамъ Е. В., О. В., Т. В. [2]), поминала, кажется, Ал. В—ча; говорила, что распорядилась давно всѣмъ состояніемъ, что теперь остался у нея только домъ, и она уже сдѣлать много не можетъ, но проситъ меня принять и распорядиться какъ знаю, такъ какъ «вы лучше знаете. Я пришлю съ Нат. Петр. пакетецъ; послѣ смерти моей сдѣлайте, не откажите», и она начала кланяться, опуская руку къ землѣ съ кровати. Я говорю ей: возведите умъ свой къ горнему. Она отвѣчаетъ: «тутъ ничего нѣтъ земнаго» и подтвердила это отрицательнымъ сильнымъ движеніемъ руки. «Сердце мое чисто, и духъ правъ; но страшусь предстать предъ Господомъ». И она опять стала просить, чтобы я все исполнилъ, какъ она желаетъ. Отчасти по щекотливости свойственной болѣе мірянину, нежели духовному лицу, а еще и по охраненію чести монашества, я принялъ ея волю съ огорченіемъ и, сошедъ по узкой лѣсенкѣ въ залу, сказалъ Муромцову о томъ, чего она отъ меня требуетъ, и былъ я въ такомъ смущеніи, что онъ долженъ былъ меня уговаривать. Между тѣмъ пріѣхалъ протоіерей Николо-Явленскій отецъ Павелъ; началась исповѣдь; она говорила такъ громко, что мы затворились, чтобы не слышать. Потомъ вошли, она пріобщилась очень хорошо. Вскорѣ послѣ этого она вспомнила о дочери Елисаветѣ, которую ожидала; но ея не было, хотя уже нѣсколько телеграфовъ послано въ Рыбинскъ; спросила шкатулку и считала деньги. Потомъ я простился съ нею и уѣхалъ. Былъ второй часъ пополуночи.

---

[1]) Урожд. Босйкова, сестра губернскаго предводителя дворянства Петра Петровича и мать Екатерины Николаевны Муромцовой и Елисаветы Николаевны Михалковой, супруга того князя Н. С. Голицына, котораго воспоминанія о дядѣ его, извѣстномъ „другѣ царевѣ", напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ".

[2]) Т.-е. сестрамъ и брату преосвященнаго Леонида.

20. Послѣ поздней литургіи прибылъ Леонидъ Матв. Муромцовъ и просилъ убѣдительно, чтобы я пріѣхалъ, ибо она обо всемъ сказала Ек. Н—нѣ; всѣ родные просятъ меня исполнить волю ея и пріѣхать поскорѣе, ибо она очень смущена, что не можетъ исполнить. Я поѣхалъ уже въ три часа. Больная была болѣе въ забытьи, однакоже приходила по временамъ въ сознаніе. Она держала пакетецъ, и когда всѣ вышли, отдала его мнѣ; взяла въ руки панагію: «дайте— полюбуюсь; какой это образъ?» Рождество Христово. Вспомнила, что это ея подарокъ и стала съ удовольствіемъ цѣловать его, потомъ пришла въ безпамятство и опять очнулась; я читалъ Евангеліе, XV главу Іоанна. Она спросила, что̀ ей поутру прочитать и пожелала на утро пріобщиться, пожелала видѣть сестру и брата моего, послали карету, сестра пріѣхала, долго ея не узнавала, но вдругъ, раскрывъ глаза, посмотрѣла и сказала: «Татьяна Васильевна». Велѣла всѣхъ поить чаемъ и сама захотѣла пить. Вспоминала о дочери Елисаветѣ; я попросилъ, чтобы она ее благословила образомъ. Подали образъ Спаса Нерукотвореннаго. Она взглянула и сказала: «этотъ образъ чудотворный, трижды спасалъ меня; но это не тотъ, тамъ записанъ», такъ и не нашли, какой ей хотѣлось имѣть. Вспоминала о мощахъ неизвѣстныхъ святыхъ. Искала въ иконахъ.—Не то.—Въ бархатномъ мѣшечкѣ двѣ костяныя коробочки. Нашли; она вынула, велѣла мнѣ взять одну, а другую себѣ оставила. Сестру мою просила остаться, такъ какъ у нея готова карета; ей же сказала она: «зять мой золотой человѣкъ» и, указывая на него и на меня: «вотъ двое, и...». Къ 6 час. я возвратился.

21. Послѣ обѣда дома я опять поѣхалъ къ больной; она, говорили мнѣ, узнала и благословила дочь Елисавету. Дѣти умирающей еще не обѣдали. Я просилъ ихъ идти обѣдать, а самъ остался у постели; скоро присоединилась ко мнѣ игуменія Митрофанія, близкая къ семейству. Въ комнатѣ тихій полусвѣтъ отъ лампады и отъ обручальною красною лентою перевязанной свѣчѝ передъ двумя золотыми иконами на столикѣ, такъ поставленномъ, чтобы взглядъ больной всегда на нихъ падалъ. Но къ 7 часамъ я былъ уже на подворьѣ въ засѣданіи тюремнаго комитета. Владыка далъ понять, что ему очень ясна интрига партіи, и онъ наложилъ порядкомъ печать молчанія на уста этой партіи, т.-е. на ея предводителя и, кажется, порядокъ водворился. По окончаніи присутствія, уже въ гостиной, я благодарилъ Владыку и поцѣловалъ ему руку отъ радости, ибо душа была въ смущеніи отъ этой неурядицы. Владыка улыбнулся и сказалъ: *потише стали*. Вечеръ докончилъ я у пресвященнаго Можайскаго.

22. Еще и нынѣ продолжали поминать и молиться о здравіи княгини Анны. Но въ полдень пріѣхалъ Леонидъ Матв.: «Благодарю васъ, владыко, за все. Все кончено. Въ 10 безъ 10 минутъ княгиня скончалась». Я тотчасъ прочиталъ молитву: *Боже духовъ*, и мы оба положили земной поклонъ. Такъ почила женщина, нѣкогда блиставшая въ свѣтѣ и наконецъ какъ свѣча догорѣвшая тихо предъ иконой. Ея обручальная свѣча—эмблема ея жизни. Она каждый праздникъ и Воскресенье была у всенощной и литургіи, также всѣ Среды и Пятницы, обыкновенно на Саввинскомъ подворьѣ, и скончалась въ Пятницу въ концѣ литургіи. Она была характера несообщительнаго, своеобразна, но благородна и благотворительна. Въ лицѣ ея было сходство съ имп. Маріей Александровной; она держала себя прямо съ аристократическимъ достоинствомъ и скончалась въ прямомъ достоинствѣ христіанки. Муромцевъ сказывалъ мнѣ: мы не могли понять, почему она никакъ не хочетъ выѣхать изъ своего дома: одна занимаетъ большой домъ и внизъ сходитъ только для гостей, а живетъ въ двухъ-трехъ тѣсныхъ комнаткахъ наверху. Теперь открылось. Домъ этотъ составлялъ до 12 года флигель большого дома кн. С. Голицына, въ 12 году большой сгорѣлъ; семья поселилась во флигелѣ. К. Николай влюбился въ дѣвицу Воейкову (Анну Петровну); но родственники и той и другой стороны не хотѣли этого брака. Влюбленный выстрѣлилъ себѣ въ горло, но только раздробилъ челюсть и худо выговаривать сталъ слова. Они обвѣнчались, дядя Александръ Николаевичъ полюбилъ ихъ обоихъ, и у ногъ княгини бывали послы иностранныхъ державъ. Она послѣ мужа жила то здѣсь, то заграницей, но здѣсь всегда въ этомъ домѣ и именно въ этихъ двухъ комнаткахъ, потому что именно въ той, въ которой она и скончалась, едва было не застрѣлился князь. Онъ была ея спальнею и вмѣстѣ моленною.—Ко мнѣ пріѣзжалъ кн. С. М. Голицынъ. Проситъ на освященіе музеума. Анненскій приготовлялъ его въ юнкера, потомъ въ офицеры и наконецъ сдѣлался его главнымъ управляющимъ. Онъ хочетъ поправить въ обществѣ репутацію юности и поднимаетъ его на разные пьедесталы, съ которыхъ онъ виденъ въ пріятномъ свѣтѣ.

29. Въ 2 часа были у меня Муромцевъ и Михалковъ. Говорили о княгинѣ. Лѣтъ за 10 Французскій докторъ сказалъ и написалъ, какихъ болѣзней она должна остерегаться. Тѣ самыя болѣзни и пришли.

Морозъ до 25°, однако я выѣзжалъ ко Владыкѣ. Передъ всенощнымъ бдѣніемъ была у меня иг. Митрофанія, и я говорю ей: покончила ли дѣло о крестахъ, а то мнѣ Владыка велѣлъ передать наслѣдницамъ его мнѣніе.—Нѣтъ, еще не окончила. Она показала мнѣ кресты и просила, чтобы я написалъ обѣимъ сестрамъ письмо, что̀ я и сдѣлалъ

послѣ всенощной. «Екатеринѣ Николаевнѣ и Елисаветѣ Николаевнѣ духовное привѣтствіе мира Христова. Отъ архипастыря Московскаго имѣю къ вамъ слово, которое передаю черезъ письмо, потому что не имѣю возможности видѣть васъ, а откладывать не смѣю».

Сегодня дѣла службы привели меня ко Владыкѣ, и онъ, послѣ служебныхъ распоряженій, сталъ говорить мнѣ о крестѣ родовомъ въ семействѣ кн. Голицыныхъ и сказалъ: «Недоумѣніе о томъ, который изъ трехъ крестовъ искомый царственный даръ, рѣшительно и просто разрѣшается тѣмъ, что на золотомъ (или позлащеномъ) крестѣ въ двухъ мѣстахъ гербъ царскій—двуглавый орелъ. Другое недоумѣніе, которой изъ двухъ наслѣдницъ кн. Анны Петровны хранить эту родовую святыню. Ихъ двоюроднаго дѣда, кн. Александра Николаевича, я почитаю своимъ благодѣтелемъ и воспоминаю его какъ истиннаго христіанина [1]). Поэтому въ настоящемъ случаѣ я и говорю, и если мое мнѣніе можетъ имѣть для нихъ какое-нибудь значеніе, то оно таково. По общепринятому обычаю, несомнѣнно-согласно и съ желаніемъ покойной ихъ родительницы, крестъ этотъ долженъ переходить для храненія по старшей линіи рода. Младшая наслѣдница пріобрѣтаетъ себѣ благословеніе Божіе чрезъ послушаніе. Скажите имъ это отъ меня». До этой минуты я ничего не слыхалъ ни о царскомъ крестѣ, ни о недоумѣніи на счетъ его; но тутъ, признаюсь, подивился.

О крестѣ. Во время стрѣлецкаго бунта кн. Юрій Голицынъ вбѣгаетъ въ комнату царицы Наталіи Кирилловны и требуетъ, чтобы она ему ввѣрила Петра. Она въ испугѣ требуетъ, чтобы онъ поклялся надъ крестомъ, висѣвшимъ тогда на шеѣ Петра, и говоритъ: «если ты вѣрный и спасешь Петра, то этотъ крестъ въ благословеніе тебѣ и роду твоему, а если измѣнишь, то да будетъ на тебѣ клятва». Голицынъ не измѣнилъ. Крестъ остался въ его родѣ и вошелъ въ руки кн. Анны Петровны. Крестъ наперсный златой или позлащенный; старинной формы, внутри его мощи, на дскахъ надписи мощей и на обѣихъ сторонахъ по клейму: двуглавый орелъ. Вверху ушко для шнурка.

---

[1]) Въ гостиной комнатѣ у митрополита Филарета находился свѣчной щитокъ съ портретомъ князя А. Н. Голицына.

[2]) Этотъ крестъ долженъ находиться въ селѣ Баловневѣ (Данковскаго уѣзда) принадлежавшемъ Е. Н. Муромцевой (нынѣ художнику Волкову).

ПИСЬМА И. С. АКСАКОВА КЪ К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВУ [1]).

1.

11 Марта (1876) вечеръ.

Не знаю, дошелъ до тебя № Современныхъ Извѣстій, посланный мною къ тебѣ подъ бандеролемъ, въ которомъ помѣщена моя рѣчь, сказанная въ засѣданіи Славянскаго комитета 6 Марта. Все обстояло благополучно, рѣчь появилась одновременно въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и въ Современныхъ Извѣстіяхъ, какъ вдругъ, уже послѣ того, какъ газеты были разнесены по домамъ и сданы на почту, полиція появилась во всѣхъ трактирахъ, магазинахъ и даже частныхъ жилищахъ съ требованіемъ этихъ №№. Можешь представить себѣ, какой вышелъ скандалъ. У всѣхъ моихъ знакомыхъ перебывали квартальные и городовые, даже у лицъ, занимающихъ высокое офиціальное положеніе, у барона Боде, у Ив. Ив. Маслова [2]) и пр. Разумѣется, они вездѣ получили отказъ.

Другой фортель: одинъ (профессоръ) сдалъ свой №, свернувъ его и предварительно вырѣзавъ изъ него всю рѣчь! Переполохъ во всей Москвѣ былъ страшный. Ты знаешь, какое впечатлѣніе, какое нервное раздраженіе производитъ появленіе въ домѣ полиціи, une descente de la police. Я ничего не зналъ самъ до вечера (ко мнѣ, разумѣется, полиція не показывалась), какъ вдругъ появляется Екатерина Ѳеодоровна [3]), встревоженная, дрожащая отъ негодованія, и сообщаетъ мнѣ о томъ, что происходитъ по домамъ и на улицахъ.

Говорятъ, что цензора утромъ телеграфировали министру внутреннихъ дѣлъ, который и сдѣлалъ распоряженіе о конфискаціи.

Поводомъ служитъ якобы нарушеніе предписанія Главнаго Управл. по дѣламъ печати, запрещавшаго печатать какое-либо «объявленіе» отъ Главнаго Комитета безъ цензуры Главнаго Управленія. Такое

---

[1]) Съ подлинниковъ, сообщенныхъ К. П. Побѣдоносцевымъ.

[2]) Тогдашняго начальника Московской Удѣльной Конторы.

[3]) Тютчева, сестра супруги И. С. Аксакова.

предписаніе было въ Іюлѣ прошлаго года, *секретное* и *намъ необъявленное* (я его даже не читалъ); но оно не помѣшало однако появиться въ печати моей рѣчи 24 Октября (той самой, которая была переведена О. А. Новиковой), не мѣшаетъ появляться и теперь въ печати, и очень часто, постановленіямъ Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета. Разумѣется, весь этотъ скандалъ объявляется только тѣмъ, что правительство, желая демобилизаціи или вообще согласное на всякія постыдныя уступки, находитъ неумѣстнымъ какое либо заявленіе Русскаго чувства и мысли въ настоящую минуту.

Если когда-либо существовало въ Россіи уже не «общественное, только а народное» мнѣніе, такъ именно теперь, и именно по вопросу о восточныхъ Христіанахъ. И народное чувство не ослабло. Надобно видѣть и знать, какое сочувствіе возбуждаетъ каждая телеграмма о сопротивленіи князя Черногорскаго миру съ Турціей. Такъ и знаешь съ утра: добрая телеграмма, пойдутъ рублевыя приношенія. Именно вчера же я получилъ и отправилъ къ князю Черногорскому въ подлинникѣ письмо на его имя изъ дѣвичьяго монастыря г. Свіяжска Казанской губерніи, отъ проживающей въ ономъ дворянки Александры Лихачевой, съ 15 рублями «благовѣрному князю Черногоріи». Эти 15 рублей изъ г. Свіяжска цѣннѣе всякихъ богатыхъ приношеній... Куда же все это дѣвать, эту любовь, это сочувствіе? Можетъ ли это быть попираемо ногами? Можно ли не считаться съ убѣжденіями народными? Можно ли такъ помыкать честью Россіи и своею собственною?

Твой Ив. Аксаковъ.

2.

Москва, 6 Августа 1876.

Во 1-хъ, посылаю тебѣ адресъ, мною написанный, принятый и подписанный здѣшнею думою. Не знаю, отправилъ ли его генералъ-губернаторъ по назначенію; это уже не наше дѣло. Наше дѣло стучать въ дверь. Впрочемъ, какъ и самъ ты увидишь, адресъ самаго скромнаго свойства. Можетъ быть, онъ нѣсколько длиненъ (хотя обстоятельства такія, что можно даже употребить на чтеніе адреса Москвы лишнюю минуту); есть, можетъ быть, нѣкоторыя отвлеченности. Дѣло въ томъ, что ко мнѣ пріѣхали поздно вечеромъ наканунѣ засѣданія думы, усадили писать, нужно было торопиться, созывать наскоро людей, готовыхъ поддержать предложеніе объ адресѣ, прочесть имъ, переписать и пр. и пр., такъ что я не имѣлъ времени его отдѣлать. Но такъ или иначе, все же желаніе выражено точно, формулировано. Мо-

ковскій большой колоколъ заблаговѣстилъ, авось раздастся благовѣстъ и по всей Россіи. Надѣюсь, что Петербургъ не отстанетъ.

Во 2-хъ, прими искреннѣйшую благодарность за твое горячее и дѣятельное содѣйствіе, послѣдовавшее на мои просьбы. Признаюсь, меня нѣсколько покоробило, что ты послалъ мое письмо, писанное съ плеча, въ подлинникѣ. Ну да тебѣ лучше это знать, было ли то удобно или нѣтъ. Третьяковъ *) возвратился въ совершеннѣйшемъ отъ тебя восторгѣ.

Дѣло это въ ходу. Мы устроили комиссію, выяснили положеніе заказа, двинули грузы. Черезъ нѣсколько времени сообщу о немъ обстоятельно.

Въ 3-хъ, Письмо Висковатаго съ учиненною на немъ надписью я возвратилъ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ, которую самъ рѣдко успѣваю видѣть лично. Странный онъ человѣкъ. Получилъ отъ него телеграмму, что онъ согласенъ на условія и ѣдетъ, т.-е. на дняхъ будетъ въ Москву

Теперь Сербіи, Сербскому правительству и Русскимъ, тамъ воюющимъ, нужнѣе всего деньги, но деньги въ размѣрѣ, превышающемъ средства всѣхъ Комитетовъ и Комиссій, для сбора учрежденныхъ почти во всѣхъ городахъ Россіи. Нужны милліоны. Имъ и обѣщали было дать 4 милліона взаймы, а дали только одинъ, какъ бы авансъ подъ облигаціи Сербскаго займа, и хотятъ выдать слѣдующій милліонъ только по продажѣ этихъ облигацій на одинъ милліонъ. Но это нелѣпость. Я еще лѣтомъ, будучи въ Петербургѣ, доказывалъ кому слѣдуетъ, что толку изъ облигацій не будетъ. Хотятъ *жертвовать*, а не помѣщать деньги якобы съ выгодой. Охотнѣе дадутъ 15 р. такъ, «изъ *усердія* къ Христіанской вѣрѣ», какъ выражаются крестьяне, являющіеся иногда (какъ вчера напримѣръ) изъ за тысячи верстъ записываться въ добровольцы, нежели заплатятъ эти же 15 р. за облигаціи, и испортятъ сомнительною прибылью чистое дѣйствіе любви. Затѣмъ понимаютъ, что всякая купленная облигація ложится долгомъ на Сербію. Иной купецъ дастъ на благотворительное дѣло 100 т. р., а въ коммерческомъ дѣлѣ держится коммерческой точки зрѣнія и не сбавитъ копейки съ аршина ситца. Съ точки же зрѣнія коммерческой, облигація Сербская и 10-ти коп. не стоитъ. Дѣло Сербское стало теперь Русскимъ дѣломъ, льется Русская кровь, воюютъ Русскіе и не могутъ положить оружія безъ порухи Русской чести, пока не добьются чего-нибудь для Сербіи. Кажется, что Русское правительство нѣсколько солидарно

*) Сергѣй Михайловичъ, тогдашній Московскій голова.

съ интересами Русской чести и совѣсти, по крайней мѣрѣ должно бы считать себя солидарнымъ, и не можетъ же оно отречься отъ 10 т. Русскихъ, находящихся теперь въ Сербіи и изнемогающихъ отъ денежнаго безсилія страны.

Твой Ив. Аксаковъ.

3.

20 Сентября 1876.

Дорогой другъ Константинъ Петровичъ.

Пишу спѣшно по дѣлу, касающемуся весьма важныхъ интересовъ какъ славянства, такъ и близкаго тебѣ лица, именно Цесаревича.

Три мѣсяца тому назадъ, Фадѣевъ представилъ Наслѣднику записку, въ которой объяснялъ необходимость заняться Болгаріей въ виду возможной войны Россіи съ Турціей, именно, впередъ образовать и подготовить Болгарскіе батальоны съ Русскими кадрами, напередъ перевезти туда оружіе, пушки и пр. Проектъ написанъ остроумно, хотя мнѣ тогда же показался фантастичнымъ; ибо не указана была почва, на которой все это должно секретно производиться. Впослѣдствіи Фадѣевъ указалъ на Сербію, пользуясь Сербскою войною съ Турками. Весь планъ разсчитанъ на то, что Россія добьется перемирія на нѣсколько мѣсяцевъ, а *весною* объявитъ войну. Наслѣднику планъ, по словамъ Фадѣева, понравился, и Государю также; только Государь сказалъ, что денегъ на это не дастъ, а пусть дѣлаютъ на частныя средства. Вслѣдствіе сего Фадѣевъ убѣдилъ Наслѣдника обратиться къ Московскому купечеству. Фадѣевъ пріѣхалъ въ Москву, былъ у меня, и какъ ни гадокъ онъ лично, какъ ни очевидно было, что ему хотѣлось интриговать, послѣ неудачи Египта *), на болѣе широкомъ полѣ, но я долженъ отдать ему справедливость, что онъ большой мастеръ интриги и слова. Отъ участія въ этомъ дѣлѣ Славянскаго Комитета я отклонился. Фадѣевъ созвалъ представителей купечества, объявилъ о желаніи

*) Братъ Блаватской (Радда-Бай) и Желиховской, родной дядя графа Витте, Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ, начавшій свое поприще тѣмъ, что, когда отецъ его былъ губернаторомъ въ Саратовѣ, онъ досталъ изъ его канцеляріи паспортъ сосланному туда графу Мечиславу Потоцкому, за что былъ сосланъ въ Архангельскъ; но у графа Мечислава одна сестра была за гр. П. Д. Киселевымъ, а другая Нарышкина въ дружбѣ съ кн. Воронцовымъ. Можетъ быть, поэтому и отецъ Фадѣева, Андрей Михайловичъ (его Записки въ „Русскомъ Архивѣ" 1891), послѣ Саратова начальникъ Колмаковъ (у которыхъ его внучка могла насмотрѣться Буддистическихъ фокусовъ) получилъ мѣсто управляющаго Палатою Государственныхъ Имуществъ въ Закавказьи. У Египетскаго хедива Фадѣевъ занималъ нѣсколько времени должность военнаго министра.

Наслѣдника и пригласилъ немедленно явиться къ Его Высочеству, якобы съ просьбою о разрѣшеніи подписки въ пользу Болгаръ. Сергѣй Михайловичъ Третьяковъ, старшина купечества, отправился, видѣлся съ Наслѣдникомъ; тотъ подтвердилъ и объявилъ прямо, что все, собранное купечествомъ, пойдетъ на вооруженіе Болгаріи. Купцы собрали денегъ 160 т. р., да въ Нижнемъ обѣщано 40 т. р. Фадѣевъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ ничего не сдѣлалъ; устраивалъ въ Петербургѣ общество изъ высокопоставленныхъ лицъ—не удалось; Наслѣдникъ принялъ его однажды, онъ ему не понравился, и его запрещено принимать. Въ этотъ 3-хмѣсячный срокъ изъ купеческихъ денегъ даны были задатки за 20 т. ружей и двѣ батареи за границею. Между тѣмъ личность Фадѣева стала возбуждать къ себѣ недовѣріе; особенно не понравился онъ въ Нижнемъ тѣмъ, что издѣвался надъ Черняевымъ, ругая его, превозносилъ себя и уговаривалъ не помогать Сербіи и Черняеву, а все употреблять на его проектъ.

Не желая быть орудіемъ интриги, зависти, личнаго честолюбія и видя, что наступаетъ осень, Россія не собирается вести войны, а Сербія нуждается въ оружіи; разсуждая, что если сомнутъ Сербію, тогда самый проектъ Фадѣева неисполнимъ, ибо негдѣ будетъ формировать и подготовлять Болгарскихъ солдатъ въ размѣрѣ 30 батальоновъ, купцы возмутились, тѣмъ болѣе, что Фадѣевъ въ Нижнемъ ничего не дѣлалъ, а только пировалъ. Оказалось, что кромѣ заказа оружія ничего не сдѣлано; что Черняевъ не желаетъ появленія Фадѣева въ Сербіи и соглашается на формированіе Болгарскихъ дружинъ только съ условіемъ, чтобы дѣло было поручено ему, а не велось противъ него. Третьяковъ поѣхалъ опять въ Петербургъ, видѣлся съ Наслѣдникомъ, откровенно передалъ ему недоумѣніе купечества. Наслѣдникъ со всѣмъ согласился, признавъ и со своей стороны, что теперь надо помогать тамъ, гдѣ настоятельная нужда, а не работать на осуществленіе проектовъ генерала Фадѣева. Купцы выразили желаніе, чтобы всѣ суммы и распоряженіе оными были сосредоточены въ *моихъ* рукахъ, на что Наслѣдникъ съ удовольствіемъ согласился. Получивъ офиціальное предложеніе отъ купечества, я со своей стороны принялъ ихъ порученіе, составилъ особый Комитетъ изъ главныхъ представителей купечества и тотчасъ же распорядился, чтобы грузы съ оружіемъ были направляемы не въ Одессу, а въ Румынію для Сербіи; однимъ словомъ, приняты всѣ мѣры, телеграфировано куда слѣдуетъ, а отъ Фадѣева съ нарочнымъ затребованы всѣ приходорасходные документы.

Этому прошло только нѣсколько дней. Вчера Третьяковъ получилъ отъ Фадѣева телеграмму, сегодня я отъ моего нарочнаго, и графъ Кел-

леръ съ Вульфертомъ привезли мнѣ слышанное ими отъ Зиновьева, что, вслѣдствіе поданной чрезъ послѣдняго Наслѣднику записки Фадѣева, Наслѣдникъ приказалъ вновь отдать все дѣло Фадѣеву.

Не говорю уже о томъ, какой выйдетъ изъ этого ералашъ: ordre, contreordre, désordre; но такое отношеніе къ купеческимъ пожертвованіямъ взорвало и ихъ долготерпѣніе. Очевидно, что цѣль Фадѣева теперь не устройство Болгарскаго возстанія, а просто напакостить и Черняеву, и купцамъ, на которыхъ онъ обиженъ. Но не компрометируется ли самъ Наслѣдникъ, сегодня объявляя старшинѣ купечества одно, и черезъ четыре дня, не предувѣдомляя его, дающій приказаніе совершенно въ противномъ смыслѣ?

Я лично тоже одураченъ, ибо принялъ формальное предложеніе отъ Московскаго купеческаго общества и Московскаго Биржевого общества и сдѣлалъ разныя распоряженія о направленіи грузовъ, далъ знать Черняеву и пр.

Третьяковъ завтра ѣдетъ въ Петербургъ и будетъ просить ауді-енціи у Наслѣдника. Вѣроятно Фадѣевъ будетъ добиваться, чтобы не допускали Третьякова.

Хорошо бы ты сдѣлалъ, если бы взошелъ въ это дѣло. Поговори съ Зиновьевымъ и съ самимъ Наслѣдникомъ. Фадѣевъ такъ скомпрометировалъ себя, что дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ для купцовъ нравственное насиліе. Я же просто откажусь, и конецъ. Обнимаю тебя. Письмо это поручаю полк. Вульферту. Прощай! Ив. Аксаковъ.

4.

21 Ноября 1876.

Спасибо тебѣ, любезный другъ Константинъ Петровичъ, за твои хлопоты и за письмо. Совершенно съ тобою согласенъ, что нечего противъ рожна прать: можно совсѣмъ напороться. Надобно будетъ выждать. Вѣрно замѣтила Екатерина Ѳедоровна, что лучше молчаніе, чѣмъ грубо прерванная рѣчь. Я думаю быть на дняхъ въ Петербургѣ по дѣламъ Славянскаго Комитета. Надобно выяснить, насколько кончается наша, т. е. Славянскаго Комитета, дѣятельность въ Сербіи; здѣсь она кончается, въ Болгаріи начинается. Думаю, что теперь во всякомъ случаѣ она пойдетъ болѣе стройнымъ и правильнымъ образомъ, хотя съ меньшею самостоятельностью. Но этою самостоятельностью я нисколько не дорожу, ибо единственно прочный залогъ успѣха лежитъ въ

правильно понятой и направленной дѣятельности самого правительства, а не Комитета.

Сербскіе добровольцы наши возвращаются массами, и съ ними немало хлопотъ, потому что всѣ они являются въ Комитетъ, и все это голь, которую приходится разсылать на родину во всѣ концы Россіи, одѣвать и надѣлять пособіемъ. Средствъ пока у насъ есть довольно.

Надѣюсь до скораго свиданія, любезный другъ. Еще разъ благодарю тебя за хлопоты и дружески тебя обнимаю, а Екатеринѣ Александровнѣ *) прошу передать мой низкій поклонъ. Жена вамъ обоимъ дружески кланяется. Твой Ив. Аксаковъ.

5.

11 Февраля 1878.

Любезный другъ Константинъ Петровичъ.

Знаю, что ты очень занятъ и рѣшаюсь съ трудомъ тебя безпокоить, на сей разъ по дѣлу жены. Мнѣ чрезвычайно хочется, чтобъ ей удалось дѣло устройства пріюта, застрявшее въ лѣнивыхъ водахъ благотворительныхъ канцелярій. На бѣду вышла путаница. Въ Петербургѣ имѣется Главное Попечительсто о семействахъ и пр.; въ газетахъ было объявлено, что В. Кн. Сергій Александровичъ назначается Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Попечительства, тоже о семействахъ. Вообразивъ, что это одно и тоже, Анна Ѳедоровна снеслась съ Великимъ Княземъ, предложила назвать пріютъ его именемъ и, получивъ немедленно его согласіе, отправила формальное прошеніе или заявленіе за своею подписью и подписью другой учредительницы (Морозовой) къ Великому Князю—именно о желаніи ихъ приписать свой пріютъ къ Попечительству, состоящему подъ его предсѣдательствомъ; о томъ же написала и Гроту. Затѣмъ оказалось, что Гротъ и Великій Князь въ двухъ разныхъ учрежденіяхъ, и что̀ за Попечительство, въ которомъ Великій Князь принялъ почетное предсѣдательство, сложилось ли оно и утверждено ли Правительствомъ, неизвѣстно, и добиться свѣдѣній не отъ кого. Болѣе мѣсяца отправлены бумаги къ Великому Князю. Поздравляя Анну Ѳедоровну 3 Февраля по телеграфу съ именинами, Великій Князь упомянулъ, что бумаги сданы въ канцелярію.

Между тѣмъ полиція начинаетъ приставать, по какому праву проживаетъ дѣвочка (пока еще одна, имѣется въ виду въ скоромъ времени еще четыре) въ помѣщеніи, нанятомъ подъ пріютъ. «Приписаться» куда нибудь «къ какому нибудь вѣдомству» необходимо. Къ

*) Супругѣ К. П. Побѣдоносцева, урожденной Энгельгардъ.

купеческому милліону приписаться оказалось невозможнымъ, потому что купцы хотя и учредили комитетъ для распоряженія симъ милліономъ, однакоже съ тѣмъ, чтобы, по раздачѣ милліона, Комитетъ *тотчасъ* разошелся. Ни производства пенсій, ни устройства какихъ-либо заведеній этотъ милліонъ въ виду не имѣетъ: задача только въ томъ, чтобы разсовать милліонъ, съ такимъ трудомъ собранный, въ формѣ единовременныхъ пособій и—разойтись, чего и надѣются достигнуть года въ два, а не то и раньше.

Да и вообще «приписка» не легка по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

Во 1-хъ, это учрежденіе временное, расчитывающее только на 8 лѣтъ существованія, по срокъ достиженія дѣтьми 10-ти лѣтняго возраста, когда ихъ удобно будетъ размѣстить по казеннымъ учебнымъ заведеніямъ.

Во 2-хъ, оно нуждается въ гарантіи, что дѣти будутъ приняты въ казенныя заведенія на казенный счетъ. Это обѣщано лично Аннѣ Ѳедоровнѣ Императрицею, но не выражено на бумагѣ, и въ этомъ отношеніи покровительство Великаго Князя было бы полезно. Впрочемъ безъ сомнѣнія дѣтямъ всѣхъ убитыхъ и изувѣченныхъ въ настоящей войнѣ будетъ, общимъ распоряженіемъ правительства, предоставлено право на вакансіи въ казенныхъ заведеніяхъ.

Въ 3-хъ, оно не имѣетъ *наличнаго капитала* въ *полномъ* его размѣрѣ, обезпечивающаго существованіе пріюта въ теченіе 8 лѣтъ. Капиталъ составляется изъ ежегодныхъ взносовъ общею суммою въ *2300* рублей въ годъ. Изъ нихъ, впрочемъ, *какъ скоро пріютъ будетъ утвержденъ правительствомъ*, 1500 рублей или даже 1650 рублей будутъ обезпечены формально. Именно: г-жа Морозова, обѣщавшая 1000 рублей въ годъ, отдаетъ разомъ 8000 рублей; Анна Ѳедоровна (по 150 рублей въ годъ) также всю сумму сполна, и милліонный комитетъ, назначившій пріюту по 500 рублей въ годъ, передаетъ соотвѣтственную сумму Купеческой Управѣ для ежегодной выдачи. Вѣроятно и другіе на остальную сумму 650 рублей въ годъ болѣе или менѣе обезпечатъ.

Но все это выходитъ изъ общаго шаблона и вѣроятно смущаетъ. Я не отрицаю возможности и даже нѣкотораго основанія затрудниться при утвержденіи Пріюта на подобныхъ условіяхъ. «Ну какъ не заплатятъ?»... Но дѣло въ томъ, что вѣдь это учрежденіе временное. Теперь неудобно реализировать наличность капитала, пока существованіе Пріюта не признано правительствомъ. Да и во всякомъ случаѣ нужно бы

знать именно: что̀ затрудняетъ, какія гарантіи надобны, чѣмъ смущаются. А то ни слуху ни духу. Между тѣмъ Пріютъ устроенъ, дѣвочка одна уже живетъ и процвѣтаетъ, квартира нанята, надзирательница, прислуга—все это на лицо, деньги тратятся...

Ты обѣщалъ разузнать въ подробности отъ Арсеньева, въ чемъ дѣло. Нельзя ли тебѣ понаперетъ на него? Теперь, полагаю, ты ознакомился со всѣми особенностями предпріятія Анны Ѳедоровны. Конечно, будь у нея 20 т. р. свободныхъ, нечего было бы много и толковать. Но во всякомъ случаѣ вовсе не лишнее, въ видахъ правительства, оказывать содѣйствіе *посильной* частной благотворительной иниціативѣ.

Обнимаю тебя. Твой Ив. Аксаковъ.

Все праздничное и свѣтлое отпало какъ-то отъ ожидаемаго мира, послѣ такой достославной войны. Вмѣсто торжественнаго заключительнаго аккорда—вдругъ замямлили.

6.

16 Іюня 78. Москва.

Да что тамъ творится у васъ, любезный другъ Константинъ Петровичъ? Въ Царскомъ Селѣ, въ Ораніенбаумѣ и даже въ самомъ Петербургѣ вы, должно быть, живете подъ какимъ-то стекляннымъ колпакомъ, своимъ особымъ міромъ; не знаете, не слышите, не видите, что̀ переживаетъ теперь Россія. Иначе не только сгорѣли бы вы дотла отъ стыда, но и страхъ объялъ бы васъ.

Вы, которые числитесь въ сонмѣ сановниковъ, государственныхъ людей, близки къ престолу, какъ можете вы допускать безъ противодѣйствія, на сколько оно вамъ возможно, такое поруганіе, такое публичное изнасилованіе Россіи?... И вѣдь это не я такъ говорю. Ты только бы послушалъ, что̀ говорятъ купцы, о чемъ толкуютъ въ рядахъ, что̀ смекаетъ себѣ народъ. Точно будто каждый лично подвергся осрамленію. Но первое впечатлѣніе стыда начинаетъ уступать мѣсто другому нравственному движенію: «Неужели мы будемъ безмолвствовать? Россію распинаютъ, а мы? Мы нѣмы какъ рыба, мы не смѣемъ даже и возопить громкимъ сердечнымъ голосомъ».

Послушай: ты искренно, честно преданъ Великому Князю. Прими же къ свѣдѣнію, что теперь всѣ взоры обращены къ нему, на него единственная надежда всѣхъ массъ народныхъ. Трудно даже и представить, до какой степени популярно его имя, не смотря на то, что онъ съ

своей стороны никогда не искалъ популярности. Подвигъ скромности, совершенный имъ при командованіи Рущукскимъ отрядомъ, былъ до тонкости оцѣненъ всякимъ Русскимъ человѣкомъ, болѣе всѣхъ въ мірѣ способнымъ цѣнить скромность, простоту и смиреніе. Но именно потому, что въ его душѣ слышатся Русскія струны, народъ убѣжденъ, что эти струны звучатъ въ ладъ и съ народной душой въ настоящія страшныя минуты. Сегодня на улицѣ мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать вопросъ: «Да что же Наслѣдникъ?» На возраженіе, что, это вѣдь не его дѣло, онъ тутъ сторона, отвѣчаютъ: «да нѣтъ; коли бы горячо принялъ къ сердцу, такъ отстоялъ бы насъ...»

Мнѣ кажется, что въ Петербургѣ не отдаютъ себѣ отчета въ настоящемъ настроеніи народныхъ чувствъ и мыслей, не вѣдаютъ что творятъ. Иначе не стали бы подвергать такой пыткѣ народное долготерпѣніе. Именно потому, что негодованію нѣтъ покуда выхода наружу, оно *вгоняется внутрь*, ну и произведетъ рано или поздно опасный взрывъ. Рискованная, опасная игра идти наперекоръ историческому инстинкту и оскорблять чувство народной чести! Онъ не желаетъ войны, конечно, но еще менѣе желаетъ позорнаго мира, особенно послѣ войны, въ которой онъ принималъ такое живое, неослабное участіе во всю свою ширь сердечную... Но стать посмѣшищемъ въ мірѣ, оплеваннымъ публично, сознавать, что всѣ жертвы его принесены напрасно, что онъ обманулся въ своихъ надеждахъ на верховную власть—полагаю, что такая потеря обаянія можетъ имѣть только самыя вредныя послѣдствія и для власти, и для всей Россіи.

Подумай только: вѣдь телеграммы печатаются и распространяются всюду, проникаютъ до послѣднихъ Русской Земли. Вѣдь эти телеграммы не опровергаются Русскою властью. Вѣдь отъ каждой изъ нихъ кровь у каждаго Русскаго бросается въ голову. Развѣ такія ощущенія могутъ проходить безслѣдно? Вѣдь это своего рода революціонная проповѣдь. Сегодня, завтра, вотъ уже около двухъ недѣль ежедневно доводится до всеобщаго свѣдѣнія: «Съ согласія Русскаго правительства нанесено сегодня такое-то оскорбленіе Русскому имени», на другой день новое поруганіе и т. д.

Но у васъ тамъ навѣрное признали за благо не читать никакихъ Русскихъ газетъ и «игнорировать» Россію. Оно и спокойнѣе. Спокойнѣе теперь; а какъ бы не вышло безпокойства впослѣдствіи.

Какъ вы имѣете еще духъ принимать эти пожертвованія на крейсерство, такъ добродушно, такъ довѣрчиво присылаемыя вамъ изъ глу-

бины Россіи?! Вѣдь не на устройство коммерческаго флота присылаются деньги, а на созданіе мстителей за Русскую честь, въ чаяніи войны.... Нельзя шутить съ народными чистыми порывами. Впередъ онъ вѣрить не станетъ.

Господи, да неужели все это не кошмаръ, не галлюцинація? Такого позора не испытывала Русь во всю свою многострадальную исторію.

Обнимаю тебя сердечно. Твой Ив. Аксаковъ [1]).

7.

24 Іюня 1876.

Я не успѣлъ написать тебѣ при отправкѣ экземпляра моей рѣчи. Признаться сказать, я вручилъ ее одному господину, собиравшемуся въ тотъ же день ѣхать въ Петербургъ и потомъ узналъ, что онъ не поѣхалъ, а пакетъ послалъ по почтѣ. Впрочемъ рѣчь была произнесена публично въ узаконенномъ собраніи, слѣдовательно нѣтъ и повода послать ее не по почтѣ. Скажу тебѣ откровенно, что я желаю и прошу, если это только возможно, довести ее до свѣдѣнія—ты самъ знаешь кого; довести не отъ себя, а отъ меня, по моему порученію, за которое и несу отвѣтственность. Знаю, что практическаго результата изо всего этого ничего не выйдетъ. C'est un coup d'épée dans l'eau [2]) и т. п.: такъ будутъ говорить очень многіе, благоразумные люди. Но я стою на иной точкѣ зрѣнія. Успѣхъ не наше дѣло, внѣшнее дѣйствіе не наше призваніе: намъ принадлежатъ только мнѣніе и слово. Слово, обличеніе, протестъ—вотъ орудіе, которымъ, въ интересахъ правды, не смѣетъ не пользоваться честный человѣкъ. И если бы нашлось хоть триста-четыреста людей, которые бы послѣдовали моему примѣру и предъявили, въ той или другой формѣ, свой протестъ: дѣла бы у насъ вѣроятно

[1]) 29 Іюня этого 1878 года, въ Петербургѣ, встрѣтилъ меня на улицѣ тогдашній тамошній градоначальникъ М. Н. Барановъ (знакомый мнѣ по Москвѣ, гдѣ въ Англійскомъ клубѣ давали ему обѣдъ, въ честь его подвиговъ въ Черномъ морѣ). Онъ подвезъ меня до гостинницы, гдѣ я остановился, и зашелъ ко мнѣ побесѣдовать. Утромъ этого дня былъ онъ въ Царскомъ Селѣ и на вопросъ Государя о состояніи умовъ въ столицѣ отвѣчалъ, что у всѣхъ повисли головы отъ извѣстій съ Берлинскаго конгресса. „Какой вздоръ!" замѣтилъ Государь: все еще въ моихъ рукахъ". 3 Іюля кончился конгресъ. Увѣряли, что Государь выразился потомъ: „Je suis totalements dupé (я вполнѣ обманутъ). Однако Бисмаркъ въ Запискахъ своихъ свидѣтельствуетъ, что къ нему два раза пріѣзжалъ графъ П. А. Шуваловъ съ выраженіемъ желанія Государя обсудить положеніе дѣлъ на особомъ совѣщаніи.

[2]) Ударъ сабли въ воду.

пошли иначе... У насъ очень много, или вѣрнѣе не у насъ, а въ Петербургѣ, толкуютъ о конституціи... Не конституція нужна, а честность. Ея-то у насъ и недостаетъ. И ея-то отсутствіе въ душѣ съ присутствіемъ или трусости, или любви къ нравственному комфорту, прикрываютъ афоризмами дешевой мудрости «лбомъ стѣны не расшибешь» и т. п. А можетъ быть стѣна-то картонная?!

Я не могъ молчать уже какъ предсѣдатель Славянскаго Общества передъ Славянами. Нѣкоторые то и дѣло посылаютъ ко мнѣ и адресы и письма. Не могъ молчать и какъ «Славянофилъ», чуть не послѣдній изъ того круга людей, который чуть не 40 лѣтъ сряду служилъ дѣлу, нынѣ въ лоскъ разрушаемому. Не говорю уже о томъ, что не могъ молчать, какъ Русскій; это уже общее для всѣхъ Русскихъ, не спеціальное побужденіе. Если когда-то было сказано: tout est perdu hors l'honneur, то теперь наоборотъ: rien n'est perdu hors l'honneur [1]). Конгресъ можетъ оказаться практически-безплоднымъ, можетъ повести къ войнѣ; но уступки, нами сдѣланныя, уже наложили на насъ неизгладимое клеймо.

Знаю всѣ возраженія: армія наша таетъ отъ болѣзней, денегъ нѣтъ и пр. Все это соображенія мелкодонныхъ, слабыхъ душъ и крайне близорукихъ политиковъ. Вѣдь все же придется воевать, только при худшихъ условіяхъ. Конгресъ создаетъ положеніе невозможное, при которомъ мира не будетъ, а протянется до войны, можетъ быть немалое время, вооруженный миръ: состояніе самое разорительное для финансовъ, самое пагубное для торговли, самое вредное въ санитарномъ отношеніи для арміи, самое деморализующее для духа.

Наконецъ есть la raison majeure [2]), предъ которымъ все умолкаетъ: это вопросъ чести и совѣсти....

Просто жить стыдно. Нѣтъ мужика въ Россіи, который бы не негодовалъ. Хоть бы это приняли въ соображеніе! Особенной выгоды для правительства отъ скопленія негодованія въ народной душѣ я не усматриваю. Обнимаю тебя сердечно. Ив. Аксаковъ [3]).

---

[1]) Все утрачено кромѣ чести. Ничто не утрачено кромѣ чести.

[2]) Высшій поводъ.

[3]) Рѣчь Аксакова о Берлинскомъ конгрессѣ, нынѣ напечатанная въ собраніи его сочиненій, разошлась, въ самый день ея произнесенія, во многихъ спискахъ и черезъ самое короткое время попалась за границей въ переводахъ на разные языки. Самъ онъ оставался въ Москвѣ, гдѣ расположился на новой квартирѣ (въ домѣ Бѣлкиной, на углу Молчановки и Борисоглѣбскаго переулка). Въ концѣ Іюля или въ началѣ Августа пріѣхалъ

8.

15 Февраля 1884.

Нѣтъ, любезный другъ, статьѣ Соловьева[1]) я не могу сочувствовать, и только что писалъ Кирѣеву, выражая мнѣніе, что въ органѣ цѣлаго учрежденія, подобнаго Славянскому Обществу, въ которомъ не предполагается *раздѣленія на ся*, помѣщать такой статьи не слѣдовало. Я отказалъ ему въ нынѣшнемъ году въ помѣщеніи статей и вообще совсѣмъ махнулъ на него рукою, но намѣренъ, если успѣю, написать о немъ въ слѣдующемъ № статью, какъ по поводу его статьи въ «Извѣстіяхъ», такъ и по поводу помѣщенныхъ въ «Руси». Онъ человѣкъ совершенно отвлеченный, діалектикъ; для него важенъ только формально-логическій выводъ, а тамъ pereat mundus[2])! Въ концѣ концовъ его широкій и возвышенный идеалъ выходитъ и крайне *узокъ*, и *дешевъ*. Идеалъ сходитъ на представленіе о *внѣшнемъ* единствѣ, о внѣшней *дисциплинѣ* во образѣ *холопства* папѣ, даже современному, т. е. носителю идеи средневѣковаго папизма; дешевъ же идеалъ потому, что въ сущности у него нѣтъ живого, сердечнаго, бытоваго и личнаго отношенія къ вѣрѣ православной и Церкви, нѣтъ и живаго чувства народности: разсчитываться ему не съ чѣмъ, и ничѣмъ жертвовать ему не приходится.

Леонтьевъ очень большой его пріятель и съ нимъ ежедневно видится у графини Толстой. Дѣло вѣдь тамъ идетъ о томъ, чтобы Вла-

---

я къ нему и, не заставъ дома, отправлялся назадъ, какъ увидѣлъ его возвращавшаго домой *прямо отъ генералъ-губернатора, сообщившаго ему, что онъ не можетъ дольше жить* въ Москвѣ и что ему предоставляется выбрать себѣ мѣсто жительства. Онъ и супруга его приняли это извѣстіе съ полнымъ спокойствіемъ и благодушіемъ. На станцію Троицкой желѣзной дороги собралось много почитателей Аксакова проводить его. Дорога находилась въ распоряженіи Саввы Ивановича Мамонтова, который предоставилъ отъѣзжавшимъ особый поѣздъ, дабы оградить ихъ отъ соглядатайства и подслушанія разговоровъ. Аксаковы поселились въ имѣніи Екатерины Ѳедоровны Тютчевой, селѣ Варваринѣ, близъ города Юрьева Владимирской губерніи. Деревенская жизнь была по душѣ изгаѣннику, и поэтическое вдохновеніе снова его осѣнило: изъ Варварина присылалъ онъ мнѣ прекрасныя свои стихотворенія. Позднею осенью этого же года, Государь, возвращавшійся изъ Крыма, спросилъ выѣхавшаго къ нему на встрѣчу въ Клинъ князя В. А. Долгорукаго (въ вѣдѣніи котораго была и Владимирская губернія): Ну что нашъ enfant terrible? и получивъ отвѣтъ, что онъ живетъ себѣ спокойно, приказалъ объявить ему свободу. Въ Крыму слышали отъ него слова: „Докажу, что умѣю держать знамя Россіи и не въ Аксаковской рукавицѣ". П. Б.

[1]) Владиміръ Сергѣевичъ. Онъ, по кончинѣ своего родителя (ненавидившаго Славянофиловъ, какъ видно изъ его Записокъ) нѣкоторое время сближался съ Аксаковыми, и Анна Ѳедоровна даже благословила его иконою. Позднѣе, въ Петербургѣ прочиталъ онъ рѣчь въ память Ѳ. И. Тютчева. Бабушка его по матери Бржестская—Католичка. П. Б.

[2]) Т. е. гибни свѣтъ! П. Б.

димиру Сергѣевичу поять пущеницу [1]). Жалокъ онъ. Потомъ Леонтьевъ, при всемъ своемъ дарованіи, такого рода человѣкъ, который своимъ фанаріотствомъ способенъ компроментировать и Бога, и Церковь, и вѣру. Они оба помѣшаны на «политикѣ» и «икономіи» въ области религіи; одинъ хлопочетъ о папѣ, другой о патріархѣ, въ которомъ видитъ Восточнаго папу.

Прощай, любезный другъ. Прочти мою статью въ № 15 Февраля о судахъ: въ качествѣ правовѣда я вспоминаю старые уголовные. Твой Ив. Аксаковъ.

Ужъ не Иванъ ли Давыдовичъ Деляновъ [2]) сдѣлалъ распоряженіе, чтобы попечители Виленскій и Кіевскій, Сергіевскій и Голубцовъ не дозволяли въ округѣ выписывать «Русь»? Мнѣ пишутъ оттуда и жалуются. А это вѣдь 10 губерній.

9.

3 Февраля 1885.

Спасибо тебѣ, любезный другъ Константинъ Петровичъ, за скорый отвѣтъ на мои письма, а также и за исполненіе нѣкоторыхъ просьбъ моихъ. Если посланіе отъ Синода къ Рыльской паствѣ по поводу Кирилла и Меѳодія будетъ написано тобою, то оно будетъ хорошо написано, можетъ быть слишкомъ тонкимъ перомъ, но во всякомъ случаѣ тепло и искренно. Если же оно будетъ написано, ну какъ послѣднее посланіе о штундѣ изъ Кіева, то это будетъ мѣдь звенящая и кимволъ брящающій.

Что мнѣ дѣлать съ твоимъ Никаноромъ [3])? Лѣзетъ на меня и задираетъ; я изъ уваженія къ его святительному сану молчу, деликатничаю, а онъ мое молчаніе торжествуетъ какъ побѣду. Онъ безспорно человѣкъ замѣчательный и ученостью, и искренностью убѣжденій, и даже своеобразною талантливостью; но онъ не только чудакъ, но съ придурью.

Четыре года назадъ упомянулъ я въ «Руси», что очень смущаетъ многихъ форма присяги: «клянусь *Богомъ*» и что желаютъ вставки слова *передъ*. Я въ то время и тебѣ писалъ объ этомъ. По этому поводу, но года черезъ два (1 Марта 1883 г.) держалъ Никаноръ рѣчь въ Уфѣ,

---

[1]) Супругу М. А. Хитрова.

[2]) Находившійся не только подъ вліяніемъ, но и подъ давленіемъ своего университетскаго товарища М. Н. Каткова, также какъ и графъ Д. А. Толстой подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ П. М. Леонтьева, который былъ ему товарищемъ по Дворянскому въ Москвѣ Институту. П. Б.

[3]) Коего Записки украшаютъ собою „Русскій Архивъ“ 1906 года. П. Б.

гдѣ разными филологическими справками и всяческою ученою рухлядью доказывалъ, что клясться Богомъ велѣлъ самъ Богъ, и не клясться Богомъ величайшій грѣхъ. Прислалъ мнѣ кто-то эту рѣчь (мнѣ показалось, что ты), я прочелъ, пожалъ плечами, подумалъ: «ради чего гибель сія бысть?» т. е. гибель эрудиціи, логики, философіи, и оставилъ дѣло въ покоѣ.

13 сего Января дернуло неугомоннаго Никанора выступить на публичномъ актѣ въ Одессѣ опять съ этою самою рѣчью «противъ *лжеученія* Аксакова», къ великому общему скандалу (какъ мнѣ пишетъ сестра Марья Сергѣевна, жена предсѣдателя Судебной Палаты Гражданской). Затѣмъ «Новороссійскій Телеграфъ» излагаетъ съ восторгомъ эту «бесѣду», перепечатываетъ въ подлинникѣ слова Никанора о томъ, что я своимъ «лжеученіемъ, самоумнымъ и невѣжественнымъ», «смущаю совѣсть Русскаго народа въ глубинѣ] ея отношеній къ церковно-государственной присягѣ», и прибавляетъ, что «лучшимъ доказательствомъ несостоятельности лжеученія Аксакова служитъ, что экземпляръ рѣчи былъ доставленъ г. Аксакову, *но никакого возраженія противъ доводовъ пр. Никанора не послѣдовало, нападки же на формулу присяги прекратились.*» Положеніе выходитъ преглупое.

Мнѣ все нездоровится, надорвался немного отъ работы. Начинаю страдать удушьемъ отъ недостатка гимнастики легкихъ, какъ говорятъ доктора, и все отъ неподвижной жизни (не отъ сидячей, ибо я никогда не сижу, а работаю стоя, нагнувшись). Доктора требуютъ, чтобы я отдохнулъ, и я намѣренъ въ концѣ Марта пріостановить изданіе мѣсяца на 3 или 4 и отправиться съ женою въ Крымъ. На будущее же время буду издавать газету 8-ми мѣсячную, прекращая ее на 4 мѣсяца лѣтнихъ.

Такъ какъ газета не даетъ мнѣ ни *полушки* барыша, и вся забота моя въ томъ, чтобъ она сама собою окупалась, то мнѣ такія распоряженія дѣлать возможно, пока не будетъ уже прямаго дефицита.

Твой Ив. Аксаковъ.

10.

Москва, 25 Февр. 85.

На дняхъ, въ концѣ недѣли, 2 Марта не позднѣе, уѣзжаемъ мы съ женою въ Крымъ. Доктора опрѣдѣляли мою болѣзнь какимъ-то припадкомъ «ангинознаго свойства», называли также амфиземой, но теперь острое состояніе прошло; даже сердце, которое, по свидѣтельству

ихъ молотковъ, сдвинулось съ мѣста, расширилось, ослабѣло въ дѣятельности, теперь, благодаря лѣкарствамъ, поспѣшно ретируется въ свои предѣлы. Такъ или иначе, но я могу теперь, не по прихоти, а по приговору докторовъ, стало быть съ покойною совѣстью, вкусить покоя и предаться законному far niente [1]).

Ты не испыталъ этой муки, а потому не можешь знать и цѣны этой сластолюбивой нѣгѣ: *не* писать передовыхъ статей въ урочные часы, къ сроку, не писать когда писать не хочется, не горячиться обязательно и періодически, когда на сердцѣ совсѣмъ ледъ или хочется спать! Обо мнѣ теперь жалѣть нечего: я самый счастливѣйшій изъ смертныхъ. Правда и то, ничего такого кругомъ и не совершается, что̀ настолько бы отъ тебя *зависѣло*, что не принимать въ немъ участіе было бы тяжко для совѣсти.... Очень забавно положеніе здѣшняго Германскаго консула Бартельса (человѣка къ тому же ограниченнаго). Ему велѣно проникнуть въ смыслъ пріостановки «Руси». За границей нѣтъ газетъ, которыя были бы только *личными* органами редакторовъ, всѣ онѣ—органы партій; какъ же это «Русь» объявляетъ себя *личнымъ органомъ*? Вѣдь она органъ «du vieux parti moscovite [2]), панславизма и пр.

Я уѣзжаю, но въ Москвѣ вдругъ спохватились, что она, Москва, совершенно выключена изъ общаго Всероссійскаго празднества 6 Апрѣля. Митрополитъ Іоанникій—какой-то чудакъ, сухой аскетъ, *празаикъ*, даже не поэтъ и не идеалистъ; ему и горя мало, исторія вообще для него цѣны не имѣетъ. На него возлагать надежды на церковную и историческую честь Москвы нечего. Какой-то гласный изъ купцовъ поднялъ сей вопросъ въ Думѣ. Предлагаютъ поставить часовыхъ на Красной площади. Любители старинnаго пѣнія хотятъ пропѣть обѣдню именно IX вѣка. Образуется комитетъ для организаціи празднества, и сей комитетъ думаетъ вызвать чрезъ газеты бывшихъ членовъ Славянскаго Общества съ тѣмъ, чтобъ ходатайствовать о возобновленіи Общества. Такъ какъ меня въ Москвѣ не будетъ въ это время, да и «Руси» нѣтъ, то предполагаютъ, М-во Ин. Дѣлъ противиться не будетъ. А ты пособи. Вообще, любезный другъ, постарайся внушить митрополиту значеніе этого дня и значеніе Москвы; растолкуй ему, что мы, *Россія*, существеннѣйшій плодъ дѣла Кирилло-Меѳодіева, ими созданное *единство*, единство высшаго качества, не племенное лишь, а *словесное* и религіозное или церковное. Наши ученыя общества—историческія, филологическія, уни-

[1]) Т. е. ничего недѣланью. П. Б.

[2]) Т. е. старой Московской партіи. П. Б.

верситеты, академіи, всѣ должны бы чествовать насадителей просвѣщенія, творцовъ письменности Русской. Дураки! Празднуютъ юбилей 50-ти лѣтній статеекъ Бѣлинскаго! Объ этомъ журналы писали. Вообще, любезный другъ, ты постарайся, чтобы Москва не опозорилась. Это не для Москвичей нужно (они большею частію дрянь), а это требуется историческимъ чувствомъ, сохраненіе и воспитаніе котораго въ сердцахъ—условіе нашего спасенія.

Отыми твою покровительственную руку отъ творца «Разбойника Чуркина»... Неужели вы тамъ и въ самомъ дѣлѣ сопричисляете N. и N. N. къ факторамъ консервитизма, политической ассенизаціи и т. д.? Во время оно Тимашевъ видѣлъ цѣленіе противъ нигилизма въ танцовальныхъ классахъ и кафе-шантанахъ. N. N.—это истинная гадина, цѣлующая публично руки у генералъ-губернатора и кадящая печатно Каткову, за что вами въ Петербургѣ признанъ спасителемъ отечества. Я имѣлъ доказательство, что онъ шантажистъ. Истинно, вы себя срамите въ Петербургѣ покровительствомъ, оказываемымъ N—ву. Посылаю тебѣ Чуркина. Онъ первоначально появился у N. (и имъ составленъ), а потомъ, съ его разрѣшенія, воспроизведенъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ: есть пространное въ 5 рублей и есть маленькое въ 25 к. Обнимаю тебя. Твой И. Аксаковъ.

11.

12 Апрѣля 1885. Ялта.

Пишу тебѣ сидя на балконѣ, хотя вѣроятно я единственный изъ здѣшнихъ жителей и посѣтителей, который такъ спѣшитъ воспользоваться благосклонностью здѣшней весенней погоды. Теперь утро, довольно тихо, небо безоблачно, и солнце такъ еще не жгуче, что подъ его лучами сидѣть только пріятно *). Боюсь только, что теперешнее вёяніе разыграется въ вѣтеръ, и настолько прохладный, что подобныя фамильярныя отношенія къ природѣ окажутся неудобными.

Получилъ вчера разомъ два твоихъ письма и преисполнился благодарности, хотя и знаю, что нѣтъ человѣка въ мірѣ, которому бы такъ легко давался самый процессъ писанія, равно какъ и чтенія, который бы такъ легко успѣвалъ дѣлать не только при множествѣ обязательныхъ работъ, но и при суетѣ неразлучной съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ и вообще со столичной жизнью. Нельзя не придти въ умиленіе, читая описанія совершавшихся празднествъ. Скуднѣе всего было оно въ Москвѣ, т. е. какъ спеціальное празднованіе: крестные

*) Покойный Великій Князь Константинъ Николаевичъ находилъ, что весна въ Крыму еще лучше осени. П. Б.

ходы въ ней дѣло обыкновенное, и ходъ въ Апрѣлѣ мало чѣмъ отъ нихъ отличался. У насъ въ Москвѣ все скрашиваетъ масса простонародья—это море головъ! Но общество блистало своимъ отсутствіемъ. Кромѣ дочери князя Ник. П. Мещерскаго, которой письмо къ матери сюда я читалъ, не было ни одной дамы; лавки (и кабаки тоже) закрыты не были. За то въ Кіевѣ, по описанію моей сестры Софьи Серг., учинившей собственоручно цѣлое облаченіе митрополиту Михаилу и посохъ съ вышитыми изображеніями Кирилла и Меѳодія, въ Кіевѣ было чудно. Я могу судить объ этомъ по крестному ходу къ памятнику Владимира, бывающему 15 Іюля. Тамъ участвовали и войска, и знамена полковъ по пути присоединялись къ крестному ходу. А путь по Кіевскимъ горамъ, при свѣжей зелени, при полноводьѣ Днѣпра, подъ безоблачнымъ сіяющимъ небомъ!

Я имѣлъ намѣреніе съѣздить на этотъ день въ Херсонесъ, не смотря на скверную, т. е. на холодно-вѣтреную погоду (вѣтеръ былъ ужасный съ моря), но по совѣту здѣшняго священника снесся съ архимандритомъ, который меня извѣстилъ, что въ Херсонѣ ни архіерейской службы, никакого съѣзда и никакого особаго торжества не полагается. Поэтому ѣхать туда за 80 в. было бы уже слишкомъ сентиментально, хотя графиня А. Д. Блудова вѣрно бы это учинила. Здѣсь въ Ялтѣ, среди пестраго населенія, отпраздновали сколько могли торжественнѣе: тоже процессію учинили къ часовнѣ на набережной, въ прогимназіи актъ съ рѣчами учителей (и очень недурными). и т. д.

Отрадна была мнѣ вѣсть о присутствіи Царя на молебнѣ. Это произведетъ сильнѣйшее впечатлѣніе на міръ Славянскій. Наша правда вышла наружу сама собою и посрамила Латинскую ложь. Да и какъ посрамила! Думаю, что для самой Россіи день этотъ не пройдетъ даромъ. Праздникъ этотъ—праздникъ самосознанія, вновь напомнившій и утвердившій, по крайней мѣрѣ въ области мысли и знанія, основы нашей національной жизни, духовную сущность нашей народности. Дивное дѣло: народное самосознаніе преподано намъ въ очищенномъ, освященномъ, оправданномъ видѣ, какъ бы въ скорлупѣ высшаго сознанія христіанскаго, стало органически-нераздѣльно съ понятіемъ и чувствомъ всечеловѣческаго о Христѣ братства. Оттого въ Русскомъ народѣ никто и не называетъ себя «Русскимъ», а «хрестьянинъ»*) или «православный»; оттого она и «Святая Русь», оттого въ ея поэзіи звучатъ такіе мотивы, какихъ нѣтъ въ поэзіи иноплеменной. Когда-

*) Покойный Н. М. Павловъ производилъ это слово отъ „хрести“, указывалъ на Санскритскій его корень и отожествлялъ его со словомъ пахарь. П. Б.

нибудь печатно я укажу на явленія, постоянно пропускаемыя нашей критикой, хотя они собственно и представляются наиболѣе оригинальными явленіями Русскаго поэтическаго слова. Укажи ты мнѣ, въ какой поэзіи иноплеменной призывается страна къ покаянію, къ смиренію, и призывъ этотъ внушенъ духомъ великаго патріотизма? Въ какой литературѣ поэтъ остерегаетъ свое отечество не обольщаться своимъ вселенскимъ величіемъ и силой и говоритъ ему, какъ Хомяковъ:

Не вѣрь, не слушай, не гордись....

Гдѣ поэтъ ставитъ своей землѣ такіе идеалы:

Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится...

Гдѣ поэтъ воспѣваетъ *смиреніе*, подобно какъ въ этой строфѣ:

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ красотѣ твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной, и проч.

Ничего оригинальнѣе этихъ мотивовъ нѣтъ во всей Русской поэзіи, и этою оригинальностью отличается она отъ поэзіи иновѣрной.

12.

15 Апр. 1885. (Ялта).

Сейчасъ прочиталъ въ «Новомъ Времени» свою телеграмму Петербургскому Славянскому Обществу, въ искаженномъ видѣ, такъ что и смысла не выходитъ. Неужели такъ ее и прочли въ торжественномъ засѣданіи?! У меня было сказано: «привѣтствую съ настоящимъ торжествомъ» нашего Славянскаго самосознанія, «воздвигнутаго (описка моя, вмѣсто: созижденнаго) подвигомъ св. Кирилла и Меѳодія на основѣ сознанія высокаго, на основѣ вселенскаго христіанскаго братства». Напечатали «воздвигнутаго». Выходитъ, что подвигъ воздвигнутъ или торжество воздвигнуто. Впрочемъ, еслибъ я зналъ, что телеграммы будутъ читаться, я бы постарался сильнѣе выразиться.

Относительно Училища Правовѣдѣнія, можетъ быть, я и не совсѣмъ правъ, т. е. сужу по субъективнымъ впечатлѣніямъ. Моимъ постояннымъ однолавочникомъ, бокъ-о-бокъ, былъ будущій извѣстный шулеръ... нахалъ страшный. Немного лучше его были и... Вообще я чувствовалъ себя нравственно съеженнымъ. Первый годъ я со всѣми ими дрался, потомъ сталъ соблюдать политику. Ну да теперь можно отнестись и объективно.

Нынче чудный день. Море словно ластится къ берегу. Ничего я такъ не люблю, какъ море, когда оно становится кроткимъ, его мощь и величіе—ласковыми. Прощай... Неужели быть *теперь* войнѣ? Она неизбѣжна, но хорошо, еслибъ можно было ее отстрочить; ибо мы не готовы, ибо эта война съ Англіей обратится въ войну со всей Европой. Твой Ив. Аксаковъ.

13.

6 Мая 1885. Ялта.

Спасибо тебѣ, что, какъ ты ни занятъ, ты все-таки находишь время написать мнѣ, да еще помнишь о такомъ обстоятельствѣ, которое, хотя оно не лишено для меня интереса, само по себѣ болѣе чѣмъ не важно. Разумѣется, мнѣ любопытно было бы взглянуть на альбомъ Церпинскаго, сохраняющійся у О. И. Квиста (котораго я не видалъ со времени Училища) и на мой первый литературный опытъ, должно быть ужаснѣйшій вздоръ! Но какъ же это сдѣлать? Согласится ли онъ переслать его мнѣ въ Москву? А самъ я едва ли попаду скоро въ Петербургъ. Жаль, что бумаги Церпинскаго оставались до сихъ поръ не разобраны. Онъ писалъ и по-русски, и по-польски; по-русски, кажется, только шуточное. Еще въ училищѣ ходили по рукамъ его поэмы, и въ памяти моей остались два стиха:

Погибшій братъ, погибшій братъ,
Ты скоро будешь чорту сватъ! *) и т. д.

и также «Афоризмы Свѣчина», несчастнаго Свѣчина, который былъ мишенью для его насмѣшекъ. Но вполнѣ задушевны и наиболѣе содержатъ въ себѣ таланта, полагаю, его Польскія произведенія. Ихъ стоило бы показать какому-нибудь Поляку. Я сужу по той драмѣ, содержаніе которой онъ мнѣ разсказывалъ. Тутъ тотъ же мистицизмъ, фантастичность, страстно-религіозное вѣрованіе въ Польшу, какъ въ послѣдніе годы у Мицкевича, какъ у Красинскаго, и отождествленіе католицизма съ полонизмомъ. Все это носило на себѣ характеръ болѣзненности, но и сильной талантливости, такъ что, не уступая ничего изъ нашей Русской правды, я невольно проникался чувствомъ искренняго участія и соболѣзнованія.

Дня черезъ три мы оставляемъ Крымъ, къ великому утѣшенію моей жены, которая сильно его не валюбила (о чемъ и проситъ передать твоей супругѣ, будто бы, по словамъ Анны Ѳедоровны, также не благоволящей къ Крыму). Но женѣ моей, по причинѣ ея нервности, близкое наше помѣщеніе къ морю было дѣйствительно вредно. Она

*) Это, если не ошибаюсь, относилось къ Шнейдеру, профессору Римскаго права.

истинно страдала отъ этого вѣчнаго стона волнъ. Я и самъ радъ оставить брега Тавриды, гдѣ чувствуешь себя не дома, а на какой-то станціи, гдѣ поневолѣ празденъ и становишься добычей праздныхъ и полубольныхъ знакомыхъ, словно на какихъ-либо водахъ. Даже и Оріанда не оставляетъ меня въ покоѣ *). Тяжелое впечатлѣніе производитъ, à la longue, пустынность и безжизненность — въ смыслѣ *мѣстной*, такъ сказать натуральной жизни. Ея совсѣмъ почти нѣтъ; безлюдны, унылы и сиры тянутся десятки верстъ: Массандры, Верхняя и Нижняя, Ливадія, Эрикликъ, Гаспра, Верхняя Оріанда, Алупка и т. д., эти роскошные сады, созданные артистическою барскою прихотью и теперь заброшенные, а между тѣмъ вытѣснившіе мѣстную жизнь, завладѣвшіе всѣми горными ручьями къ ущербу природнаго населенія, также очень скуднаго, рѣдкаго. Богатые бары смѣняются богатыми купцами, которые даже артистическаго ничего не вносятъ, а накладываютъ на все пошлую печать *своей* цивилизаціи, *своего* вкуса, современнаго. Ну, повадились сюда ѣздить Московскіе купцы, такъ хоть бы церковь въ городѣ поставили: это было бы выгоднымъ для нихъ отличіемъ отъ кн. Воронцова, построившаго мечеть. Нѣтъ, Губонинъ строитъ гостинницу по типу казармы (не для пріѣзжихъ вообще, а только для своихъ знакомыхъ).

У насъ есть предположеніе на возвратномъ пути, если здоровье Анны Ѳедоровны позволитъ, завернуть на Святыя Горы. Отъ Лозовой по Харьковско-Азовской дорогѣ всего три часа до Славянска, гдѣ, такъ какъ это мѣсто лѣчебное, есть и гостинницы, и экипажи (и на лѣтній сезонъ даже газеты). Отъ Славянска до Св. Горъ верстъ около 30. Говорятъ, это мѣсто дивное. Но надо спѣшить, чтобы, отбывъ весну здѣшнюю, успѣть захватить нашу Русскую весну съ ея сиренью, ландышами, соловьями. Такъ какъ войны теперь не будетъ, то я ранѣе Августа или Сентября не возобновлю газеты. Твой Ив. Аксаковъ.

14.

26 Мая 1885 года. С. Спасское.

Сегодня утромъ пріѣхалъ ко мнѣ М. Н. Лопатинъ изъ Волынскаго по сосѣдству и привезъ твое письмецо, любезнѣйшій другъ Константинъ Петровичъ. Очень тебѣ благодаренъ буду, если вышлешь мнѣ мои литературные опыты 1846 г. (если только они точно мои: до такой степени всякій слѣдъ ихъ исчезъ изъ моей памяти). Уже не брата ли моего Константина это статьи, такъ какъ онъ, будучи семью годами меня старше и въ то время уже магистрантъ, т. е. выдержавшій экза-

*) Великій Князь Константинъ Николаевичъ изволилъ угощать И. С. Аксакова трапезою въ скромномъ домикѣ своемъ возлѣ сгорѣвшей Оріанды. П. Б.

менъ на магистра, но еще не написавшій диссертаціи, писалъ и печаталъ кое-какія статейки? Если пошлешь, то адресуй ихъ на мое имя *въ редакцію «Руси»*. Адресъ этотъ, извѣстный почтамту, теперь самый надежный, такъ какъ квартиру у Троицы въ Зубовѣ мы покинули (срокъ вышелъ, и хозяйка приступила къ перестройкѣ дома), наняли новую во флигелѣ дома кн. Голицына *) противъ самаго Храма Христа-Спасителя, окнами на самый храмъ. Но новая квартира еще отдѣлывается, красится и т. д., и мы въ обладаніе ею еще не вступили, а переѣхали прямо на дачу, которую удалось намъ тотчасъ же нанять. Это впрочемъ не дача, а усадьба села Спасскаго, принадлежавшаго когда-то боярину *Артамону Матвѣеву*. Имъ и церковь выстроена, въ ней и старинный образъ Св. Мученика Артамона. Тутъ останавливался и завтракалъ Наполеонъ, когда шелъ въ Москву. Она на 10-й верстѣ по Дорогомиловскому шоссе; да кромѣ того можно ѣхать и по желѣзной дорогѣ, Московско-Брестской, до Кунцевскаго полустанка, оттуда ¼ ч. ѣзды до Спасскаго по шоссе. Тутъ такая роскошь двухсотлѣтнихъ липъ, окаймляющихъ аллеи, предъ которою тускнѣютъ всѣ прелести Крымской растительности. Письма и телеграммы посылаются прямо на Кунцевскій полустанокъ Московско-Брестской жел. дороги и по условію со сторожемъ тотчасъ мнѣ доставляются.

У меня къ тебѣ имѣются просьбы или ходатайства или нѣчто въ родѣ докладныхъ записокъ.

Во 1-хъ, на счетъ Севастополя. Мы были тамъ въ Троицынъ день. Анна Ѳедоровна хотѣла непремѣнно отслужить панихиду на Братскомъ кладбищѣ (гдѣ церковь выстроенная Авдѣевымъ); но это можно было исполнить не иначе, какъ пригласивъ священника изъ города съ причетникомъ и перевезя ихъ съ собою черезъ бухту въ катерѣ. Это и хлопотно, и дорого стоитъ. А между тѣмъ первое побужденіе всякаго Русскаго пріѣзжаго *изъ простонародья* помолиться «за убіенныхъ». Этимъ еще и памятенъ Севастополь въ народѣ, что сотни тысячъ Русскихъ легли здѣсь его защищая, и нужно, чтобы память ихъ продолжала чтиться въ народѣ; такая память пользуетъ народной душѣ. Но нужно народу и облегчить сохраненіе такой памяти. Церковь есть, и прекрасная, которая видиѣется за много верстъ; при церкви имѣется и домъ для причта, но никто въ немъ не живетъ. По нѣкоторымъ праздникамъ совершаютъ здѣсь службу, но не по всѣмъ; а между тѣмъ, будь здѣсь постоянно причтъ—служить панихиды войдетъ въ обычай для пріѣзжихъ. Вся бѣда отъ того, что церковь состоитъ не въ епархіальномъ

*) Надъ конюшнями. Тутъ Аксаковъ и скончался 27 Января слѣдующаго 1886 г. П. Б.

вѣдомствѣ. Прежде она принадлежала Морскому вѣдомству, а потомъ В. Кн. Константиномъ передана Инженерному вѣдомству. У Инженернаго же вѣдомства своихъ священниковъ лишнихъ нѣтъ, а морскіе считаютъ для себя службу тамъ необязательною, хотя, впрочемъ, они же отправляютъ тамъ службу по праздникамъ. Все это такъ дико слышать. А какое сильное впечатлѣніе производитъ этотъ некрополь спеціальнаго рода, эта усыпальница *храбрыхъ*, которые *всѣ* погибли за насъ, за Россію, отстаивая ея честь и цѣлость, исполняя священный долгъ; какъ краснорѣчиво говорятъ эти общія *братскія* могилы, гдѣ похоронено столько *нижняго чина*, этихъ безымянныхъ жертвъ, которыхъ имена вѣдомы лишь Богу! Благодаря Тотлебену, разведенъ здѣсь садъ и быстро принялся. Когда я былъ тамъ, молодая *живая* зелень вилась и благоухала около могилъ.

Нельзя ли этому горю пособить?

Во 2-хъ, по пріѣздѣ узналъ я, что митрополитъ Сербскій Михаилъ, по приглашенію твоему, готовъ былъ бы принять въ свое вѣдѣніе Сербское подворье и пріѣхалъ бы сюда, но онъ счелъ приличнымъ предварительно написать о томъ Іоанникію и вотъ уже мѣсяцъ, какъ не получаетъ отъ послѣдняго никакого отвѣта. Я этого самъ не провѣрялъ, но думаю, что отъ Іоанникія этого станетъ. При всѣхъ своихъ достоинствахъ аскета и дѣльца, онъ куда какъ не пригожъ для Москвы: никакой исторической фибры въ себѣ не имѣетъ. Да я полагаю ему и его викаріямъ вовсе и нежелательно присутствіе митрополита Сербскаго. Все же вѣдь митрополитъ! Ты бы хоть Ив. Никол. Рождественскому препоручилъ Михаила.

3. По письмамъ, получаемымъ Давидовичемъ [1]) отъ директоровъ учительскихъ семинарій и народныхъ училищъ Кіевскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ, видно, что они находятъ сочиненія Наумовича въ высшей степени полезными для своего края. Я говорилъ Давидовичу, чтобы онъ послалъ въ Ученый Комитетъ свою книжку для того, чтобъ Министерство занесло ее въ разрядъ одобренныхъ или даже «рекомендованныхъ». Не можешь ли, при случаѣ, сказать Делянову, чтобъ онъ рекомендовалъ ее отъ себя попечителямъ округовъ? Прилагаю письмо директора Учительской Семинаріи въ г. Острогѣ, Богатинова [2]).

4. И еще прилагаю письмо казака Ашинова. Когда удосужишься, прочти. Онъ проситъ меня вновь просить тебя о заступничествѣ. Дѣло

---

[1]) Давидовичъ—сотрудникъ И. С. Аксакова по изданію „Руси“. П. Б.

[2]) См. Воспоминанія Н. Д. Богатинова въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 года. П. Б.

о заселеніи казаками Кавказскаго побережья все не выгораетъ. На дняхъ Катковъ упомянулъ о томъ съ негодованіемъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Вѣдь это, право, стыдно. Война у насъ на носу, не сегодня, такъ завтра, а мы по прежнему оставляемъ побережье беззащитнымъ. Знаю, что Ашиновъ плутъ, но плутъ умный и во всякомъ случаѣ Русскій, историческаго склада. Но знаю и то, что «высокая цивилизація» нашего Генеральнаго Штаба весьма презрительно относится къ казачеству. Письмо это писано подъ диктовку Ашинова и имъ подписано.

Вотъ какое длинное письмо! Прощай, обнимаю тебя. Я совсѣмъ поправился, сталъ лучше, чѣмъ годъ назадъ, но женѣ Крымъ былъ не въ пользу. Твой Ив. Аксаковъ.

Если посылка по почтѣ тебя затруднитъ, то можно бы переслать ее мнѣ черезъ Дарью Ѳедоровну *), пока она еще въ Петербургѣ.

15.

12 Іюня 1885.

Спасибо тебѣ, любезный другъ за доставку пакета отъ Квиста. Точно, оказалось четыре моихъ произведенія, изъ которыхъ объ одномъ, именно о «разговорѣ» на счетъ народной литературы, я совершенно забылъ. Онъ отражаетъ въ себѣ зачинавшіеся въ Москвѣ толки Славянофильскаго характера, а съ Москвою я не переставалъ быть въ живыхъ отношеніяхъ. Но все это выражено дѣтски-наивно. Изъ Горація я дѣлалъ много переводовъ и переложеній, отчасти даже изъ Овидіева Ars amandi, что̀ не мѣшало мнѣ получать большей частію посредственный балъ у Брамма. Стихотвореніе въ классномъ альбомѣ, подписанное «не отъ міра сего», также мое. Были написаны двѣ комедійки, одна со стихами изъ классной жизни, уничтоженная мною, когда ея у меня потребовалъ Бераръ, за что мнѣ сбавили балъ въ поведеніи («за скрытность») вслѣдствіе чего только неимовѣрными усиліями въ послѣднемъ классѣ удалось мнѣ выйти 9-мъ классомъ, наверставъ итогъ высокими балами за ученіе. Тутъ, въ классномъ альбомѣ, есть недурной отрывокъ записокъ 1862 г. князя Дмитрія Оболенскаго, представляющаго во что̀ имѣютъ обратиться черезъ 20 лѣтъ многіе изъ правовѣдовъ: изображенъ лѣнивый, обрюзгшій, сладострастный тунеядецъ-помѣщикъ. Но черезъ 20 лѣтъ уже было совершено освобожденіе крестьянъ!.. Изъ авторовъ, произведенія которыхъ присланы, въ живыхъ только я, да, кажется, Кудрявцевъ. Пожалуйста, скажи О. И. Квисту, что я благодарю его отъ всей души.

*) Тютчеву, вторую свояченицу И. С. Аксакова. П. Б.

Митрополитъ Михаилъ пишетъ (не мнѣ, впрочемъ), что получилъ самое любезное и «деликатное» письмо отъ Іоанникія, къ которому онъ, по правиламъ іерархической вѣжливости, призналъ нужнымъ обратиться спеціально «за благословеніемъ». Но Михаилъ прибудетъ не ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ, такъ какъ пьетъ Эмсъ и отправился для сего въ Китаевскую пустынь. Поясняютъ, что доктора предписали ему мясной бульонъ, который вкушать въ Кіевѣ онъ не дерзнетъ. Ужасно жаль этихъ архіереевъ: не смѣй ходить пѣшкомъ, не смѣй ѣхать въ пролеткѣ, а непремѣнно въ каретѣ! А держать карету въ Москвѣ на 3 т. р. жалованья развѣ можно? Подворье же въ долгу какъ въ шелку.

Наше Спасское дѣйствительно то самое, подлѣ котораго дача Ровинскаго. Онъ ее продалъ Барановской, урожденной Сабашниковой, женѣ Александра Ивановича, оставивъ себѣ лишь 4 десятины, на которыхъ строитъ новый домъ. Твой Ив. Аксаковъ.

16.

30 Іюня 1885.

Очень тебѣ благодаренъ, любезный другъ, за указаніе на статьи «Вѣра и Разумъ»; непремѣнно прочту ихъ. «Русь» мѣнялась на этотъ журналъ, какъ обыкновенно водится въ редакціяхъ, но по случаю пріостановки «Руси» Редакція «Вѣры и Разумъ» перестала присылать свое изданіе. Приходится на 1-ое полугодіе подписаться, т. е. заплатить деньги, а на 2-ое потребовать обмѣна, что̀ я и велѣлъ сдѣлать.

Митрополитъ Михаилъ, какъ мнѣ пишутъ изъ Кіева, остается на Іюль еще тамъ ради лѣченія. Оно и лучше для Москвы; еще лучше, если бы онъ отложилъ пріѣздъ до Сентября, а то теперь никого нѣтъ. Лѣтомъ, ты знаешь, всѣ эгоисты, особенно по такой жарѣ, какая теперь. А съ нимъ надобно быть осторожнымъ. Оскорбленный до мозга въ костяхъ своею судьбою, онъ сталъ еще чувствительнѣе, чѣмъ прежде, готовъ видѣть всюду пренебреженіе, и если не станетъ жаловаться, то еще глубже затаитъ въ душѣ чувство обиды, еще вдвое будетъ несчастливъ. Пріемъ равнодушный, холодный или недостаточно внимательный огорчилъ бы его до глубины души. Сестра мнѣ пишетъ, что онъ хилѣетъ и слабѣетъ тѣлесно, вѣроятно отъ нравственнаго состоянія. Ну, а отъ нашихъ поповъ и іерарховъ деликатности ожидать нечего. Насчетъ помѣщенія въ Новоспасскомъ монастырѣ Нейдгардтъ говоритъ, что тамъ есть помѣщеніе прекрасное, въ бель-этажѣ, но оно принадлежитъ или предназначено настоятелю, а Іоанникій желаетъ помѣстить Михаила въ помѣщеніи *надъ* настоятелемъ, которое и выше, и тѣснѣе, и по мнѣнію самого Нейдгардта для *митрополита*, который *все таки* выше саномъ

архимандрита, едва ли прилично. Какъ же ты это не раскроешь горизонты узкому уму Іоанникія, хотя бы и препочтеннаго во многихъ отношеніяхъ? Говорили мнѣ здѣсь, будто Михаилъ въ глубинѣ души желалъ бы занять въ Чудовомъ тѣ комнаты, которыя назначены для пріѣзжихъ, въ которыхъ жили и Болгарскіе епископы нѣсколько лѣтъ назадъ, въ которыхъ жилъ и самъ Михаилъ, когда былъ въ Москвѣ и гдѣ я самъ у него бывалъ; и потому будто бы Михаилъ этого желаетъ, что у него тогда завязались дружескія отношенія съ нѣкоторыми Чудовскими монахами, особенно съ однимъ кѣмъ-то. Оно было бы и лучше, по моему. Здѣсь удобно его навѣщать, а въ Новоспасскій нелегко и попасть. Здѣсь можно и не держать постоянныхъ лошадей, а всегда, когда хочешь, удобно нанять карету.

Да вотъ что еще. Нашъ великій политикъ князь В. А. Долгоруковъ, говорятъ, не желаетъ пріѣзда сюда митрополита, опасаясь, что это повредитъ отношеніямъ нашимъ съ *Австріей*. Онъ же и отъ Австрійскаго императора имѣетъ какой-то высшій орденъ. Такъ нельзя ли будетъ ему шепнуть, что добрый пріемъ митрополиту Михаилу согласенъ съ желаніемъ *Государя* *)?

Прошеніе о Московскомъ Славянскомъ Обществѣ препровождено Долгоруковымъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Если случится тебѣ видѣть И. Н. Дурново, нельзя ли его попросить, чтобы не задерживали. Твой Ив. Аксаковъ.

17.

26 Іюля 1885.

Получилъ письмо Галагана съ твоею надписью, любезный другъ Константинъ Петровичъ, и успѣлъ даже написать ему по этому поводу нѣсколько строкъ. Не Поляки намъ опасны, а сами Русскіе. Не знаю теперь точно, какого оттѣнка украинофильство самого Антоновича; но онъ все же дружитъ съ Пыпинымъ, а покойный профессоръ Кистяковскій самъ мнѣ говорилъ, не задолго до смерти проѣзжая черезъ Москву, что его воззрѣнія вполнѣ выражаются Галицкой газетой «Діло». А это

*) Также относился князь Владиміръ Андреевичъ и къ Франціи: когда послѣдній посолъ Наполеона III-го собирался посѣтить Москву, князь поручилъ А. А. Гатцугу составить на Французскомъ языкѣ путеводитель по Москвѣ и приказалъ, чтобы не было въ немъ и помину о 1812 годѣ. Въ такомъ угодливомъ видѣ и вышелъ Guide de Moscou (но послу не пришлось имъ пользоваться, такъ какъ скоро наступилъ Седанъ). Много позднѣе тотъ же князь противился наряду войсковыхъ командъ для участія въ Октябрьскомъ крестномъ ходу въ память избавленія отъ Французовъ, что повело его къ невыгодному для него столкновенію съ Побѣдоносцевымъ (обыкновенно пріѣзжавшимъ въ Москву для участія въ этомъ крестномъ ходу), котораго онъ сталъ звать „глистою“. У князя былъ свой домъ въ Виши, и умереть пришлось ему въ Парижѣ. П. Б.

Дѣло, равно какъ и Пыпинъ и Вѣстникъ Европы, самые яростные враги Наумовича и всей партіи «Слова» и «Н. Пролома» и какъ постыдно держали себя во время Гнилицкаго процесса. Вообще нѣтъ у насъ хуже враговъ, какъ мы сами.

Я думалъ, что ты поѣдешь за границу.

Мнѣ пишутъ изъ за границы и просятъ довести до твоего свѣдѣнія, что между Австрійскими Сербами образовалась партія, которая, въ случаѣ если на предстоящемъ у нихъ церковномъ соборѣ Анджевичъ не сдѣлаетъ уступокъ или выскажется за Унію, хочетъ подать просьбу въ Русскій Синодъ о томъ, чтобы церковь въ Сербіи сдѣлать зависимой отъ Синода. Думаю, что Австрія избѣжитъ крутой постановки вопроса, да вообще это мечта разгоряченныхъ головъ; но все это свидѣтельствуетъ, какъ обстоитъ тамъ дѣло Православія. Слухи о томъ, что Миланъ будто бы склоняется къ Уніи, все усиливаются. А въ Македоніи и даже въ Восточной Румеліи католическая пропаганда свирѣпствуетъ. Жалобъ и воплей я получаю по этому случаю немало, да что тутъ подѣлаешь? Патріархъ Константинопольскій совсѣмъ ускользнулъ изъ нашихъ рукъ, а церковному раздору между Болгарами и Греками не видать конца.

Никогда такъ не проявлялось всюду наше духовное и политическое безсиліе, какъ въ настоящую минуту. Страхъ войны заставляетъ насъ еще сильнѣе сближаться съ союзниками Скерневицкаго свиданія, т. е. и съ Австріей, и предоставлять ей полную свободу дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ.

Повергли меня также въ уныніе и всѣ послѣднія финансовыя мѣропріятія. Вотъ, ругали на чемъ свѣтъ стоитъ «свѣдущихъ людей», а что же правительственный законъ, недавно выпущенный о кабакахъ, развѣ лучше? А этотъ выкупъ оброчной подати, замѣна ея выкупными платежами, это «раскрѣпощеніе крестьянина отъ государства?» А новый проектъ о золотой валютѣ?

Получилъ письмо отъ Наумовича. Онъ теперь въ Грубешовѣ у зятя. Онъ ничего не проситъ, письмо писано по частному случаю (рекомендація), но я слышалъ стороною, что ему не безопасно жить у себя дома и что никакихъ иныхъ доходовъ, кромѣ какъ отъ «Науки», онъ теперь не имѣетъ. Что бы ему дать казенной земли хоть бы въ Холмщинѣ, если дѣйствительно ему въ Галиціи оставаться нельзя.

Вотъ ты пишешь объ утѣшительныхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ Казани. Дай-то Богъ! Твой Ив. Аксаковъ.

18.

27 Сентября 1885. Москва.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Петровичъ. Я получилъ всѣ твои письма изъ Зальцбурга и на основаніи ихъ сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ тебѣ туда «Руси». Думаю, признаться, что въ виду событій всѣ г.г. министры поспѣшатъ возвратиться въ Петербургъ. Казалось бы, теперь властямъ надо бы быть на мѣстѣ, у себя дома, такъ какъ событія эти не могутъ не тревожить общественнаго мнѣнія въ Россіи, и вовсе не «интеллигенціи» исключительно... Отъ души благодарю тебя за сдѣланныя распоряженія. Радъ, что задержки со стороны канцеляріи не представилось и съ нетерпѣніемъ ожидаю разрѣшенія изъ Копенгагена. Съ нетерпѣніемъ потому, что изъ Кіева меня торопятъ, такъ какъ въ церкви, гдѣ стоитъ гробъ сестры, предстоятъ какія-то передѣлки, теперь откладываемыя. Еще разъ. прошу немедленно дать мнѣ знать по телеграфу, какъ скоро получится разрѣшеніе, да и митрополиту бы также въ Кіевъ. Какъ печально извѣстіе объ Эдитѣ Ѳедоровнѣ! Жена моя глубоко скорбитъ. Господи, какъ спѣшно мы всѣ подбираемся!

На 2-й страницѣ этого письма ты найдешь сдѣланную мною для тебя копію съ циркуляра, недавно всѣми редакторами полученнаго. Что это такое? У меня сердце захолонуло при одной мысли: ну что если такой циркуляръ попадетъ за границу и будетъ напечатанъ въ переводѣ на всѣ языки! *Не смѣть вспоминать о томъ, что въ будущемъ году исполнится четверть вѣка со дня освобожденія крестьянъ!* т. е. воспрещать законный, естественный процессъ сознанія исторической страны; да на что бы она годилась, если бы жизнь мысли была въ ней такъ скудна, что великое событіе, съ котораго положительно начинается новая эра нашей исторіи, не вызывало насъ на размышленіе, на повѣрку пройденнаго пути? Четверть вѣка—ужъ порядочный кусокъ времени. Положимъ, что много было бы написано вздора, но вѣдь это неизбѣжно, разъ существуетъ печать. Можно было бы еще пригласить редакторовъ къ нѣкоторой осторожности, дабы не волновать крестьянъ и т. п., но воспрещать всѣмъ всякое разсужденіе, это позорно. И какой же отзывъ вызвалъ этотъ циркуляръ въ средѣ пишущихъ: это-де «дворянская эра!» Я пошелъ на справки и узналъ, что Толстой представлялъ будто бы даже всеподд. докладъ, что не удобно въ теченіе одного года праздновать *дворянскій юбилей* и юбилей того дня, когда у дворянъ была отобрана земля: это-де непріятное для дворянъ воспоминаніе!.. Да не писалось ли на всѣ лады, не гордилось ли дворянство именно тѣмъ, что оно само добровольно уступило свои земли, что оно въ лицѣ Комитетовъ и Редакціонныхъ Комиссій соору-

дило этотъ актъ 19 Февр. 1861 г.? Не величайшая ли пощечина дворянству подобный циркуляръ, если онъ вызванъ «деликатнымъ вниманіемъ къ дворянству». Да я публично и печатно отрекусь отъ того сословія, которое отрекается отъ акта 19 Февраля, преслѣдуетъ самую память о днѣ прекращенія крѣпостного права. Я самъ стараго дворянскаго рода и тѣмъ живѣе чувствую обиду. Я буду агитировать среди дворянъ въ губерніяхъ, чтобъ дворянскія корпораціи сами затѣяли празднованіе этого дня. Можно бы подумать, право, что графъ Толстой самый злой врагъ дворянства и хочетъ упразднить антагонизмъ между крестьянами и дворянствомъ. О дураки, дураки! Прими это къ сердцу. О Болгарскихъ событіяхъ не пишу. Питаю надежду, что авось либо Государь, видя, куда завела Россію политика Гирса, его прогонитъ.

*

Главное Управленіе по дѣламъ печати. 18 Сентября 1885 г. № 3184.

Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ появляются замѣтки и извѣстія о предстоящемъ будто бы празднованіи дня 25-тилѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Такъ какъ подобнаго рода празднованія событій, имѣющихъ государственный интересъ, могутъ происходить не иначе, какъ съ разрѣшенія высшаго правительства, а таковаго разрѣшенія не было: то *періодическія изданія*, по распоряженію г. управляющаго М—вомъ Внутр. Дѣлъ, на основаніи ст. 56 прилож. къ ст. 4 (примѣч.) Уст. Цензур. Св. Зак. Т. XIV, по продолженіи 1876 г.), *приглашаются не печатать не только никакихъ разсужденій, но даже и извѣстій касающихся предстоящаго дня 25-тилѣтія освобожденія крестьянъ*. При этомъ Гл. Управленіе по дѣламъ печати считаетъ нужнымъ указать г.г. редакторамъ, что всякое нарушеніе настоящаго распоряженія не можетъ быть терпимо, и виновное изданіе подвергнется, на основаніи вышеуказанной статьи, карательнымъ мѣрамъ.

Н. Г. У. по д. печати Е. Ѳеоктистовъ.

19.

12 Октября 1885.

Прежде всего приношу тебѣ сердечную благодарность за исходатайствованіе высочайшаго разрѣшенія. Въ самый 40-день тѣло сестры моей Софьи предано было землѣ у самой церкви Верхнихъ Пещеръ, близъ алтаря; при этомъ была моя сестра Марья Сергѣевна съ мужемъ. Я же не могъ отлучиться изъ Москвы, не только по дѣламъ, но и потому, что жена моя какъ-то особенно плохо себя чувствовала эти дни, отчасти встревоженная ожиданіемъ кончины Э. Ѳ. Раденъ. Сегодня, въ день погребенія ея, были мы въ храмѣ, гдѣ на заупокойной обѣднѣ, всегда по Субботамъ здѣсь совершаемой (по усопшимъ царямъ, строителямъ, Кутузовѣ, Багратіонѣ и по убіеннымъ воинамъ) помянули

безпрепятственно (а потомъ и на панихидѣ) имя «новопреставленной рабы Божіей Эдиѳи» (Іудиѳи?). Я сказалъ въ 15 № Руси о ней нѣсколько строкъ. Ты бы конечно написалъ лучше и теплѣе. Не напишешь ли *)?

Видаюсь съ митрополитомъ Сербскимъ.

Такъ онъ кротокъ и смиренъ, что его присутствіе въ Москвѣ и незамѣтно. Онъ ни на что не жалуется, никому не докучаетъ, и именно поэтому держится здѣшнею церковною властію въ черномъ тѣлѣ. Живетъ въ мизерномъ помѣщеніи Сербскаго подворья; подъ его помѣщеніемъ мясная лавка, гдѣ рубятъ говядину и возятся съ самаго ранняго утра, но ничего не подѣлаешь, такъ какъ лавка снята по контракту на 4 года. Не знаю, выслали ли ему наконецъ деньги, слѣдовавшія еще съ Іюля мѣсяца? Знаю, что недѣли двѣ назадъ высланы еще не были, что Саблеръ, передъ отъѣздомъ за границу, хлопоталъ о скорѣйшей высылкѣ ихъ у Влангали. Совѣстно спросить у митрополита, получилъ ли наконецъ? Ему приходится возиться съ Кредитнымъ Обществомъ, гдѣ заложены и перезаложены зданія подворья и коекакъ строжайшей экономіей упорядочить правильность взносовъ процентовъ по огромному долгу, надѣланному и бывшими Сербскими архимандритами, и Московской Консисторіей.

Іоаникій ему не враждебенъ, но вовсе имъ не интересуется, такъ сказать, не вѣдаетъ его. Приглашалъ разъ на сослуженіе въ царскомъ молебнѣ, но никакого разрѣшенія, какъ Платонъ, не далъ на служеніе въ церквахъ.

Митрополитъ желаетъ побывать въ Петербургѣ и чуть ли не писалъ тебѣ объ этомъ. Пожалуйста, не откажи ему: никакихъ хлопотъ и возни и шума и осложненій отъ того не будетъ.

Увы, Москвы теперь въ Москвѣ нѣтъ, и если вы тамъ уничтожите еще Контору Св. Синода и *Всероссійскій приходъ*, Успенскій соборъ, каѳедру Всероссійской церкви, обратите въ мѣстную губернскую, то отнимется и послѣдній внѣшній атрибутъ столичности у Москвы. Такъ и хочется въ Петербургѣ развѣнчать Москву и обратить въ губернскій городъ. И Государь уже третій годъ не посѣщаетъ Москвы.

Прощай, любезный другъ; еще разъ благодарю.

Твой Ив. Аксаковъ.

*) К. П. Побѣдоносцевъ помянулъ Эдиту Ѳедоровну Раденъ особою статьею. Изъ Французской ея переписки съ Ю. Ѳ. Самаринымъ слѣдовало бы перевести ея письмо о нашей литургіи. П. Б.

ПЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ РОССІИ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.

Записки графа Л. Ф. Сегюра [1]).

(1785—1789)

Въ Крымъ [2]) я уѣзжалъ совершенно довольный тѣмъ, что успѣлъ заключить выгодный договоръ между королемъ и Государыней, которая оказывала такую искреннюю пріязнь и была такъ добра ко мнѣ. Я предпринималъ это любопытное и великолѣпное путешествіе при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, потому что мнѣ удалось тогда согласить требованія моего долга съ чувствомъ моей признательности. Только что окончилъ я продолжительные, важные и трудные переговоры и устранилъ разныя препятствія, которыя мнѣ предстояли, съ одной стороны въ происках завистливыхъ Англійскихъ купцовъ, съ другой—въ нерасположеніи ко мнѣ Русскихъ министровъ, когда мнѣ открылось новое поприще. Предназначенный судьбою на самыя различныя роли, я долженъ былъ на этотъ разъ слѣдовать за торжественной колесницей Екатерины, проѣхать по ея огромному царству, посѣтить Тавриду, славную въ миѳологіи и въ исторіи и нынѣ смѣло исторгнутую женщиною у дикихъ сыновъ Магомета Мнѣ суждено было видѣть, какъ на пути принесутъ ей дань лести и похвалъ толпы иностранцевъ, привлеченныхъ блескомъ власти и богатства; увидѣть Польскаго короля, возведеннаго на престолъ и недавно лишеннаго части своихъ владѣній этою могущественною Государыней; наконецъ, наслѣдника цесарей, императора Запада, который, сложивъ на

---

[1]) См. выше, стр. 11.

[2]) Въ дополненіе къ разсказамъ Сегюра объ этомъ путешествіи можно указать на составленное А. В. Храповицкимъ офиціальное описаніе путешествія (С.Пб. 1788 г.), на замѣтки въ частныхъ его Запискахъ, на замѣтки князя Делина и на отрывки изъ мемуаровъ одной Польской дамы, переведенные подъ заглавіемъ *Записки о пребываніи Императрицы Екатерины II-й въ Кіевѣ въ1787 г.* С.Пб. 1843, отдѣльно и въ Сынѣ Отечества того же года. Кромѣ того, существуютъ въ рукописи Записки объ этомъ путешествіи Н. А. Львова (родственника Державина), служившаго тогда при Безбородкѣ (см. Изв. II отд. Ак. Н., т. VIII).

время вѣнецъ и багряницу свою, станетъ въ ряды царедворцевъ побѣдоносной Государыни, чтобы закрѣпить съ нею связи союза, грозившаго нарушить свободу Польши, безопасность Пруссіи и миръ всей Европы. Будучи вмѣстѣ придворнымъ и дипломатомъ, я долженъ былъ, снискивая благорасположеніе Екатерины, въ тоже время дѣятельно слѣдить за предпріятіями и дѣйствіями честолюбивой Государыни, которая тогда, покрывая многочисленными войсками берега Днѣпра и Чернаго моря, казалось, грозила вмѣстѣ съ Іосифомъ II разрушить Турецкую имперію. Для исполненія этой странной обязанности я не имѣлъ ни чиновниковъ, ни канцеляріи, ни секретаря. Я долженъ былъ участвовать въ безпрестанно смѣнявшихся поѣздкахъ, празднествахъ, публичныхъ ауденціяхъ, собраніяхъ и забавахъ, не имѣя достаточной свободы для наблюденій, ни довольно времени, чтобы давать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ могло поразить мой взоръ и мой умъ.

Путешествія двора нисколько не походятъ на обыкновенныя путешествія, когда ѣдешь одинъ и видишь людей, страну, обычаи въ ихъ настоящемъ видѣ. Сопровождая монарха, встрѣчаешь всюду искусственность, поддѣлки, украшенія. Нѣтъ ничего естественнаго, все офиціально; въ словахъ, какъ и въ поступкахъ, встрѣчаешь не больше правды, чѣмъ въ манифестахъ, продиктованныхъ политикой. Напрасно объявляютъ, что въ этихъ величественныхъ увеселительныхъ прогулкахъ будетъ изгнанъ всякій этикетъ; тамъ, гдѣ царитъ такое неравенство положенія, всегда существуетъ стѣсненіе: нельзя остановиться гдѣ хочешь, нельзя заняться тѣмъ, что̀ привлекаетъ вниманіе и вникнуть въ то, чего васъ заставляютъ коснуться лишь слегка. Впрочемъ почти всегда очарованіе привлекательнѣе дѣйствительности; поэтому волшебныя картины, которыя на каждомъ шагу представлялись взорамъ Екатерины и которыя я постараюсь изобразить, будутъ по новости своей для многихъ любопытнѣе, нежели во многихъ отношеніяхъ полезные разсказы иныхъ ученыхъ, объѣхавшихъ и изслѣдовавшихъ философскимъ взглядомъ это огромное государство, которое недавно лишь выступило изъ мрака и вдругъ стало мощно и грозно, съ перваго своего движенія къ просвѣщенію.

За мѣсяцъ до нашего отъѣзда въ Крымъ, князь Делинь, къ сожалѣнію моему, оставилъ насъ, чтобы отвезти Іосифу II маршрутъ Императрицы. Мы съѣхались съ нимъ уже въ Кіевѣ, гдѣ онъ снова явился, какъ былъ всегда, непринужденно веселый и остроумный, полный благородства и естественности въ обращеніи, всегда въ одинаковомъ расположеніи духа, какъ человѣкъ умный и благонамѣренный, съ тѣмъ творческимъ разнообразнымъ воображеніемъ, которое всегда находитъ

пищу для разговора и, не смотря на придворный этикетъ, разгоняетъ скуку.

1787 года Января 17-го Фитцъ-Гербертъ, графъ Кобенцель и я, отобѣдавъ въ С.-Петербургѣ у Австрійскаго консула, отправились въ Царское Село, гдѣ мы нашли Императрицу молчаливою и задумчивою противъ ея обыкновенія. Ее огорчала невозможность взять съ собою великихъ князей Александра и Константина; кромѣ того, графъ Мамоновъ чувствовалъ лихорадочные припадки. Екатерина ощущала то, что̀ обыкновенно чувствуютъ люди, которымъ судьба постоянно благопріятствуетъ: малѣйшее стѣсненіе составляетъ для нихъ предметъ неожиданнаго горя. Она приняла насъ ласково, но мало говорила и посадила за лото, хотя, сколько мнѣ извѣстно, играла въ эту игру довольно рѣдко. Она скоро замѣтила, какую скуку наводила на меня эта забава: я нехотя дремалъ. Нѣсколько разъ она шутила надо мною. Чтобы отшутиться, я сказалъ ей стихи, сочиненные мною въ Парижѣ для супруги маршала Люксанбурга, женщины, извѣстной своимъ умомъ и тѣмъ не менѣе любившей это скучное средство препровожденія времени.

Le loto, quoique l'on en dise,
Sera fort longtemps en crédit;
C'est l'excuse de la bêtise
Et le repos des gens d'esprit.
Ce jeu vraiment philosophique
Met tout le monde de niveau;
L'amour-propre, si despotique,
Dépose son sceptre au loto.
Esprit, bon goût, grâce et saillie
Seront nuls tant qu'on y jouera.
Luxembourg, quelle modestie!
Quoi! vous jouez à ce jeu-là? *)

Мы сидѣли недолго: въ восемь часовъ всѣ разошлись. Мы сошлись снова у графа Кобенцеля, но и тамъ не было веселѣе. Съ любопытствомъ приняли мы приглашеніе участвовать въ этомъ путешествіи и ожидали его, но передъ отъѣздомъ намъ было какъ-то тягостно. Это было какъ бы предчувствіе тѣхъ долгихъ бурь и страшныхъ переворотовъ, которые за тѣмъ послѣдовали. Никто изъ насъ не предвидѣлъ, что это торжественное шествіе Сѣверной Клеопатры будетъ при-

*) Чтобы ни говорили, а лото долго будетъ въ почетѣ; это убѣжище для глупыхъ и отдыхновеніе для умныхъ. Эта истинно-философская игра уравниваетъ всѣхъ; деспотъ-самолюбіе слагаетъ скипетръ свой предъ нею. Умъ, вкусъ, красота, остроуміе ничтожны во время этой игры. Герцогиня, какъ вы скромны! Неужели вы играете въ эту игру?"

близительно временемъ такого же великаго потрясенія, какимъ было путешествіе Египетской Клеопатры, послѣ котораго наступили паденіе Римской республики, возникновеніе Имперіи, гражданская война, потрясшая весь міръ и основаніе долгой, кровавой тираніи.

Въ обѣ эти эпохи, столь отдаленныя одна отъ другой, гибельныя послѣдствія были одинаковы, хотя причины ихъ очень различны, и кровь одинаково залила землю въ первую изъ за порабощенія народовъ, а во вторую изъ за ихъ освобожденія. Впрочемъ величественная и вмѣстѣ ужасная будущность была сокрыта отъ насъ непроницаемымъ покровомъ, и наша мгновенная грусть объяснилась самыми простыми, обыкновенными обстоятельствами и нисколько не зависѣла отъ какихъ либо дальновидныхъ предположеній.

Фитцъ-Гербертъ, склонный къ задумчивости и уединенію, не могъ освоиться съ придворною жизнью; ему жаль было разставаться съ одною Русскою дамою, которую онъ страстно любилъ, и съ искреннимъ другомъ своимъ, прелюбезнымъ Англичаниномъ, г. Еллисомъ. Я былъ чрезвычайно озабоченъ письмами, полученными мною изъ Франціи. Волшебная повязка, которую навязалъ намъ на глаза министръ Калонь, спала; все предвѣщало Франціи великій переворотъ, а смѣлый и легкомысленный министръ только ускорялъ его крутыми мѣрами, которыми думалъ его предупредить. Къ тому же во время долгаго пути въ 400 миль до Крыма и другихъ 400 миль обратно до Петербурга, я долженъ былъ ограничить свою переписку и только изрѣдка могъ получать извѣстія о моей женѣ, моихъ дѣтяхъ, моемъ отцѣ, моемъ правительствѣ, обо всемъ, къ чему я былъ привязанъ. Это обстоятельство усиливало горесть. Изъ насъ троихъ одинъ графъ Кобенцель оставался неизмѣнно веселъ. Дворъ былъ его стихіею, и чувство зависимости имѣло для него свою прелесть. Впрочемъ мы были еще молоды. Заботы въ пору жизненной весны не оставляютъ слѣдовъ въ сердцѣ и морщинъ на лбу; наша задумчивость была лишь легкое облачко: на другое утро оно исчезло, какъ сонъ.

18-го Января, 1787 года мы отправились въ путь. Императрица посадила къ себѣ въ карету фрейлину Протасову, графа Мамонова, графа Кобенцеля, оберъ-шталмейстера Нарышкина и гофмаршала Шувалова. Во вторую карету помѣстили Фитцъ-Герберта, меня, графа Чернышева [1]) и графа Ангальта [2]). Поѣздъ состоялъ изъ четырнадцати

[1]) Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, род. 24 Ноября 1726 г., вице-президентъ Адмиралтействъ-коллегіи, при восшествіи на престолъ Павла I пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ по флоту и президентомъ Адмиралтействъ-коллегіи; умеръ 12 Февраля 1797 г.

[2]) Графъ Ѳедоръ Евстафьевичъ Ангальтъ, генералъ-поручикъ, генералъ адъютантъ

каретъ и 124 саней съ 40 запасными. На каждой станціи насъ ожидало 560 лошадей.

Было 17 градусовъ мороза, дорога прекрасная, и мы ѣхали славно. Наши кареты на высокихъ полозьяхъ какъ будто летѣли. Чтобы защищаться отъ холода, мы закутались въ медвѣжьи шубы, надѣтыя сверхъ другой болѣе нарядной и богатой, но тоже мѣховой одежды; на головахъ у насъ были собольи шапки. Такимъ образомъ мы не замѣчали стужи, даже когда она доходила до 20 градусовъ. На станціяхъ вездѣ было такъ хорошо натоплено, что скорѣе мы могли подвергнуться излишнему жару, чѣмъ холоду. Въ это время самыхъ короткихъ дней въ году солнце вставало поздно, и чрезъ шесть или семь часовъ наступала уже темная ночь. Но для разсѣянія этого мрака восточная роскошь доставила намъ освѣщеніе: на небольшихъ разстояніяхъ, по обѣимъ сторонамъ дороги горѣли огромные костры изъ сваленныхъ въ кучи сосенъ, елей, березъ, такъ что мы ѣхали между огней, которые свѣтили ярче дневныхъ лучей. Такъ величавая властительница Сѣвера среди ночнаго мрака изрекала свое: *пусть будетъ свѣтъ!* Въ 72 верстахъ отъ Петербурга мы остановились отобѣдать въ маленькомъ, новомъ и красивомъ городкѣ Рожественскѣ [1]). Здѣсь ея величество, возвратившись къ своей обычной веселости, съ крайнею любезностью выразила мнѣ удовольствіе по поводу заключенія торговаго договора, подписаннаго за нѣсколько дней передъ тѣмъ ея министрами и мною.

Этотъ разсказъ былъ бы однообразенъ, если бы я, какъ черезъчуръ добросовѣстный путешественникъ, сталъ говорить о всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, чрезъ которые мы проѣзжали или гдѣ останавливались на этомъ длинномъ пути. Я упомяну только о тѣхъ, которые по своему объему, древности, богатству и исторіи могутъ быть достойны вниманія [2]).

Въ это время года вся Россія мало отличалась отъ холодной Сибири; домашній скотъ стоялъ въ своихъ закутахъ, люди сидѣли по домамъ у печекъ. Только быстрые сани бороздили во всѣхъ направ-

---

происходилъ изъ Ангальтъ-Дессаускаго герцогскаго дома, род. 1732 г., ум. 1794 г., былъ главнымъ начальникомъ Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса.

[1]) Сегюръ разумѣетъ село Рожествено (нѣкогда царевича Петра Петровича).

[2]) Мы опускаемъ большую часть этихъ описаній, совершенно незначительныхъ и замедляющихъ ходъ разсказа. Наблюденія Сегюра изъ оконъ кареты не могли быть дѣльны; при томъ оказывается, что онъ заимствовалъ свои историческія и географическія свѣдѣнія изъ путеводителя, изданнаго для этого путешествія (см. Роспись Смирдина, № 8801). Эта книга вѣроятно передана была иностранцамъ, сопутствовавшимъ Государынѣ во Французскомъ переводѣ, изъ котораго Сегюръ дѣлалъ извлеченія, иногда даже не из-

леніяхъ эти пустынныя замерзшія равнины, перевозя во всѣ города съ Востока на Западъ и съ Юга на Сѣверъ различные продукты земледѣлія и промышленности. Безчисленное количество саней, подобно флоту легкихъ барокъ, съ неимовѣрной быстротой пересѣкали эти безконечныя равнины, имѣвшія въ то время видъ замерзшаго моря.

Первая часть этого путешествія, начатаго холодною зимою, не можетъ быть обильна описаніями. Достаточно сказать, что мы проѣзжали по обширнымъ снѣжнымъ равнинамъ, чрезъ лѣса сосенъ и елей, которыхъ вѣтви, опушенныя инеемъ, порою при солнечномъ освѣщеніи, блистали брильянтами и кристаллами. Можно себѣ представить, какое необычайное явленіе представляла на этомъ снѣжномъ морѣ дорога, освѣщенная множествомъ огней, и величественный поѣздъ Царицы Сѣвера со всѣмъ блескомъ самаго великолѣпнаго двора. Въ городахъ и деревняхъ этотъ одинокій путь покрывался толпами любопытныхъ горожанъ и поселянъ: они, не замѣчая стужи, громкими криками привѣтствовали свою Государыню.

Обычный порядокъ, который Императрица ввела въ свой образъ жизни, почти не измѣнялся во время ея путешествія. Въ шесть часовъ она вставала и занималась дѣлами съ министрами, потомъ завтракала и принимала насъ. Въ девять часовъ мы отъѣзжали и въ два останавливались для обѣда; и затѣмъ снова останавливались въ семь часовъ. Вездѣ она находила дворецъ или хорошій домъ, приготовленный для нея. Мы ежедневно обѣдали съ нею. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, посвященныхъ туалету, Императрица выходила въ залу, разговаривала, играла съ нами; въ девять часовъ уходила къ себѣ и занималась до одиннадцати. Въ городахъ намъ отводили покойныя квартиры въ домахъ зажиточныхъ людей. Въ деревняхъ мнѣ приходилось спать въ избахъ, гдѣ иногда отъ нестерпимой жары нельзя было уснуть.

Маленькое узкое окошечко слабо освѣщаетъ низкую комнату, которую почти всю занимаетъ огромная печь; кругомъ по стѣнамъ и у перегородки стоятъ деревянныя скамьи. На этой-то печкѣ спятъ крестьянинъ, его жена и дѣти, лишенные воздуха, и освѣщеніемъ для нихъ служитъ горящая лучина.

Крѣпостной человѣкъ, котораго чувство гордости не поддерживаетъ и не возбуждаетъ самолюбія, низведенный почти до положенія животнаго, знаетъ лишь физическія и самыя ограниченныя потребности; его желанія не превышаютъ самаго необходимаго для поддержанія его жалкаго существованія и уплаты хозяину возложенной на него подати.

Во второй день странствія я съ Фитцъ-Гербертомъ сидѣлъ въ каретѣ Императрицы. Разговоръ былъ живъ, веселъ, разнообразенъ и не умолкалъ. Она, между прочимъ, разсказала намъ, какъ однажды, узнавъ, что ее хулили за данное ею согласіе на бракъ одного морского офицера съ Негритянкою; она на это сказала: «Видите, что это согласно съ моими честолюбивыми видами на Турцію, потому что я дозволила торжественно отпраздновать союзъ Русскаго флота съ Чернымъ моремъ.» Часто говорила она о варварствѣ, вялости, невѣжествѣ мусульманъ, о глупой жизни ихъ султановъ, которыхъ дѣятельность ограничивалась стѣнами гарема. «Эти слабоумные деспоты, говорила она, изнѣженные наслажденіями сераля, управляемые улемами и покорные янычарамъ, не умѣютъ ни разсуждать, ни говорить, ни управлять, ни вести войну, и вѣчно остаются дѣтьми». Она увѣряла, что евнухи, стоящіе ночью на стражѣ у ложа султана, доводятъ свою глупую и раболѣпную внимательность до того, что будятъ своего владыку, когда имъ покажется, что онъ видитъ дурной сонъ. Это внимательность, менѣе опасная, но столь же благоразумная, какъ услуга, оказанная медвѣдемъ своему другу въ забавной баснѣ Лафонтена. Когда разговоръ шелъ объ огромности Русской имперіи, о разнообразіи ея обитателей и о множествѣ препятствій, которыя должны были преодолѣть Петръ и его наслѣдники для просвѣщенія столькихъ разнообразныхъ племенъ, то Государыня разсказала намъ о своей поѣздкѣ по берегамъ Волги. «Въ тѣхъ мѣстахъ, говорила она, такое изобиліе всего, что успѣхи промышленности по необходимости должны быть медленны; тамъ не знаютъ нужды, которая одна только можетъ подстрекнуть народъ къ труду. Если даже прибрежные жители этой большой рѣки будутъ пренебрегать обработываніемъ своихъ полей и многочисленными стадами, то и тогда одна рыбная ловля не дастъ имъ умереть голодною смертью. Мнѣ случилось видѣть, что сто двадцать человѣкъ наѣдались досыта стерлядями, которыя всѣ вмѣстѣ стоили не болѣе 35 копѣекъ.»

Мѣста, которыя мы проѣзжали въ началѣ путешествія, представляли мало пищи вниманію: повсюду лѣса и замерзлыя болота. Въ одной Петербургской губерніи заключалось 72,000 десятинъ лѣса. Но потребленіе его, вынуждаемое климатомъ, увеличилось до такой степени, что замѣтно стало уменьшеніе этихъ лѣсовъ, и Государыня запретила указомъ вырубать болѣе 30-й части его въ годъ. Исключая предметы политическіе, разговоръ шелъ обо всемъ, что могло оживить бесѣду, и Государыня поддерживала его съ чрезвычайною непринужденностью, умомъ и веселостью, такъ что дни мелькали незамѣтно, и мы не видали, какъ пріѣхали въ Порховъ, замѣчательный городъ, гдѣ Псковскій

г.-губернаторъ князь Репнинъ *) принялъ насъ торжественно и пышно. Князь Репнинъ, пріобрѣтшій нѣкоторую извѣстность на полѣ брани, былъ нелюбимъ въ Польшѣ за свою гордость. Достаточно одной черты. однажды въ Варшавѣ король Станиславъ былъ въ театрѣ; первый актъ пьесы былъ уже сыгранъ, когда Русскій посолъ вошелъ въ свою ложу. Замѣтивъ съ досадою, что его не дождались, онъ велѣлъ опустить занавѣсъ и снова начать пьесу.

Русскіе такъ привыкли къ такому обхожденію съ Поляками, что графъ Стакельбергъ, который былъ гораздо любезнѣе и обходительнѣе князя Репнина, игралъ однако въ Варшавѣ роль скорѣе короля, чѣмъ дипломата. Мнѣ разсказывали, что когда баронъ Тугутъ, будучи проѣздомъ въ Польшѣ и пожелавъ представиться Станиславу, вошелъ въ залу аудіенцій, то увидѣлъ человѣка, обвѣшаннаго орденами и окруженнаго высшими сановниками двора; онъ принялъ его за короля и сдѣлалъ передъ нимъ три обычныхъ поклона. Окружавшіе его замѣтили ему, что онъ ошибся, и указали на короля, который сидѣлъ въ углу и запросто разговаривалъ съ двумя-тремя лицами.

Благодаря подобнымъ оскорбленіямъ, въ сердцахъ Поляковъ вкоренилась глубокая ненависть къ Россіи. Народъ гордый можетъ примириться съ тѣмъ, что онъ побѣжденъ, но никогда онъ не примирится съ своимъ униженіемъ. Побѣдить можно силою, но нравственно порабощаются только мягкостью, справедливостью и великодушіемъ. Г. Тугутъ, нѣсколько обиженый повторяемыми шутками по поводу его ошибки, отомстилъ за нихъ довольно забавно: будучи принятъ вечеромъ въ партію съ королемъ и посломъ, онъ прикинулся, будто ошибся, и два раза бросилъ на столъ валета, когда слѣдовало класть короля; когда партнёръ упрекнулъ его за это, онъ воскликнулъ: «извините меня; не знаю что со мной сегодня дѣлается; вотъ ужъ третій разъ я принимаю валета за короля».

Порховъ старинный городъ на рѣкѣ Шелони; въ началѣ XIV вѣка онъ былъ населенъ Литовцами. Въ XV вѣкѣ Новгородцы окружили его крѣпкими стѣнами и построили для защиты его сильную крѣпость. Въ 1606 г. Шведы захватили его, но спустя нѣкоторое время отдали Русскимъ. Въ этомъ городѣ было около 6 тысячъ жителей и четыреста купцовъ, отправлявшихъ въ Петербургъ ленъ и хлѣбное зерно по Шелони и Ильмену.

---

*) Князь Николай Васильевичъ Репнинъ (род. 1734, ум. 1801), бывшій полномочнымъ посломъ въ Польшѣ (1763) и возведшій Станислава Понятовскаго на престолъ Польскій, отличился въ первую Турецкую войну, былъ посломъ въ Константинополѣ (1775), губернаторомъ въ Смоленскѣ (1777), генералъ-губернаторомъ Псковскимъ (1781) и фельдмар-

Считаю нелишнимъ передать случай, который самъ по себѣ мало важенъ, но тѣмъ не менѣе можетъ дать довольно вѣрное понятіе объ умѣ Екатерины. Однажды, когда я сидѣлъ противъ нея въ каретѣ, она высказала мнѣ желаніе послушать нѣкоторыя мелкія стихотворенія, которыя я сочинялъ.

Свобода обращенія, которую она позволяла лицамъ, сопровождающимъ ее въ путешествіи, присутствіе ея молодого любимца, воспоминаніе о тѣхъ, которые ему предшествовали, ея философія, веселость, переписка съ принцемъ Делинемъ, Вольтеромъ и Дидеротомъ, все это не давало мнѣ повода думать, что ее можетъ непріятно поразить вольность въ любовной сказкѣ; я и сказалъ ей наизустъ одно стихотвореніе, дѣйствительно немного игриваго содержанія, впрочемъ, настолько приличное въ выраженіяхъ, что въ Парижѣ оно было хорошо принято герцогомъ де-Нивернэ, принцемъ де-Бово и дамами, столь же безупречными, сколь любезными.

Къ великому своему удивленію, я увидѣлъ, что веселая Путешественница вдругъ приняла опять видъ величавой Государыни и прервала меня совершенно постороннимъ вопросомъ, перемѣнивъ такимъ образомъ содержаніе разговора.

Нѣсколько минутъ спустя, чтобы дать ей почувствовать, что я понялъ урокъ, я попросилъ ее послушать другое стихотвореніе, совсѣмъ въ другомъ родѣ; она выслушала его съ самымъ любезнымъ вниманіемъ: желая заставить уважать свои слабости, она старательно облекала ихъ наружнымъ приличіемъ и достоинствомъ. Это приключеніе напоминало мнѣ то, что̀ такъ справедливо и своеобразно сказалъ мой братъ, говоря о снисходительности женщинъ, вполнѣ добродѣтельныхъ, и о мнимой строгости менѣе добродѣтельныхъ изъ нихъ. «Тамъ, сказалъ онъ, гдѣ царитъ добродѣтель, приличіе излишне».

Независимо отъ большого числа деревень, на этомъ пространствѣ въ 170 миль мы проѣхали черезъ очень немного городовъ: Софію, Рождественскъ, Лугу, Порховъ, Великіе-Луки и Велижъ.

Такъ какъ я не намѣренъ предлагать здѣсь скучный курсъ географіи, то поспѣшу достигнуть Смоленска, будучи увѣренъ, что никому нелюбопытно слѣдить за мною чрезъ села и деревни, въ которыхъ мы останавливались по два раза въ день, и которыя совершенно нежданно дѣлались мѣстопребываніемъ величественнаго двора. Бѣдные поселяне, съ заиндевѣвшими бородами, не смотря на холодъ, толпами собирались и окружали маленькіе дворцы, какъ бы волшебною силою воздвигнутые посреди ихъ хижинъ, дворцы, въ которыхъ веселая свита Императрицы, сидя за роскошнымъ столомъ и на покойныхъ широкихъ диванахъ, не замѣчала ни жестокости стужи, ни бѣдности окрестныхъ мѣстъ; вездѣ

находили мы теплые покои, отличныя вина, рѣдкіе плоды и изысканныя кушанья. Даже скука, эта вѣчная спутница однообразія, была изгнана присутствіемъ любезной Государыни. Иногда по вечерамъ мы забавлялись играми, сочиненіемъ шарадъ, загадокъ, стиховъ на заданныя риѳмы. Разъ Фитцъ-Гербертъ предложилъ мнѣ слѣдующія риѳмы: *amour, frotte, tambour, note.* Я написалъ на нихъ слѣдующіе стихи:

De vingt peuples nombreux Catherine est *l'amour:*
Craignez de l'attaquer, à qui s'y *frotte!*
La renommée est son *tambour,*
Et l'histoire son garde-*note* *).

Эта бездѣлушка поправилась и заслужила себѣ болѣе похвалъ, чѣмъ иная ода. При дворѣ и притомъ въ дорогѣ все сходитъ съ рукъ.

Кто постоянно счастливъ и достигъ славы, долженъ бы, кажется, сдѣлаться равнодушнымъ къ голосу зависти и къ злымъ, насмѣшливымъ выходкамъ, которыми мелкіе люди дѣйствуютъ противъ знаменитостей. Но въ этомъ отношеніи Императрица походила на Вольтера. Малѣйшія насмѣшки оскорбляли ея самолюбіе; какъ умная женщина, она обыкновенно отвѣчала на нихъ улыбкою, но въ этой улыбкѣ была замѣтна нѣкоторая принужденность. Она знала, что многіе, особенно Французы, считали Россію страною Азіатскою, бѣдною, погрязшею въ невѣжествѣ, во мракѣ варварства; что они съ намѣреніемъ не отличали обновленную, европеизированную Россію отъ Азіатской и необразованной Московіи. Сочиненіе аббата Шаппа, изданное, какъ думала Императрица, по распоряженію герцога Шуазеля, еще было ей памятно, и ея самолюбіе безпрестанно уязвлялось остротами Фридриха II-го, который часто съ злою ироніею говорилъ о финансахъ Екатерины, о ея политикѣ, о дурной тактикѣ ея войскъ, о рабствѣ ея подданныхъ и о непрочности ея власти. За то Государыня очень часто говорила намъ о своей огромной имперіи и, намекая на эти насмѣшки, называла ее своимъ *маленькимъ хозяйствомъ.* «Какъ вамъ нравится *мое маленькое хозяйство?* Не правда ли, оно по немножку устраивается и увеличивается? У меня немного денегъ, но, кажется, они употреблены съ пользою». Другой разъ, обращаясь ко мнѣ, она сказала: «Я увѣрена, графъ, что ваши Парижскія красавицы, модники и ученые теперь глубоко сожалѣютъ о васъ, что вы принуждены путешествовать по странѣ медвѣдей, между варварами, съ какой-то скучною царицей. Я уважаю вашихъ ученыхъ,

*) „Екатерина—предметъ любви двадцати народовъ. Не нападайте на нее: бѣда тому, кто ее затронетъ. Слава—ея барабанщикъ, а исторія—памятная книжка".

но лучше люблю невѣждъ; сама я хочу знать только то, что̀ мнѣ нужно для управленія моимъ *маленькимъ хозяйствомъ*».

«Ваше величество изволите шутить на нашъ счетъ, возразилъ я; но вы лучше всѣхъ знаете, что̀ думаетъ о васъ Франція. Слова Вольтера какъ нельзя лучше и яснѣе выражаютъ вашему величеству наши мнѣнія и наши чувства. Скорѣе же вы можете быть недовольны тѣмъ, что необычайное возрастаніе вашего *маленькаго хозяйства* внушаетъ нѣкоторымъ образомъ страхъ и зависть даже значительнымъ державамъ». «Да, говорила она иногда смѣясь, вы не хотите, чтобы я выгнала изъ моего сосѣдства вашихъ дѣтей, Турокъ. Нечего сказать, хороши ваши питомцы; они дѣлаютъ вамъ честь. Что если бы вы имѣли въ Піемонтѣ или Испаніи такихъ сосѣдей, которые ежегодно заносили бы къ вамъ чуму и голодъ, истребляли и забирали у васъ въ плѣнъ по 20,000 человѣкъ въ годъ, а я взяла бы ихъ подъ свое покровительство, что̀ вы тогда сказали бы? О, какъ вы стали бы упрекать меня въ варварствѣ!»

Мнѣ трудно было отвѣчать въ такихъ случаяхъ. Я отдѣлывался, какъ умѣлъ, общими мѣстами объ утвержденіи мира, о сохраненіи равновѣсія Европы и т. д. Впрочемъ, такъ какъ это были отрывочные разговоры, шутки, а не политическія совѣщанія, то я не приходилъ въ замѣшательство, и нѣсколько шуточныхъ выходокъ выводили меня изъ затруднительнаго положенія защищать пышными словами дурное дѣло. Мнѣ кажется постыдною эта ложная и близорукая политика, по которой сильныя державы вступаютъ въ союзы и дѣлаются почти данниками грубыхъ и жестокихъ Мавровъ, Алжирцевъ, Аравитянъ и Турокъ, въ разныя времена бывшихъ бичемъ и ужасомъ образованнаго человѣчества.

Въ шесть дней мы проѣхали около 200 миль. Императрица устала. Впрочемъ, трудно было бы въ такую холодную пору ѣхать съ бо̀льшимъ удобствомъ, скоростью, роскошью и удовольствіемъ. Противъ стужи взяты были разныя предосторожности; быстрота санной ѣзды дѣлала большія разстоянія незамѣтными, а свѣтъ огромныхъ костровъ на каждыхъ 30 саженяхъ дороги разсѣвалъ мракъ долгихъ ночей. Но такъ какъ вездѣ Императрица должна была дѣлать пріемы и выходы, осматривать заведенія, давать совѣты и поощрительныя награды, то на отдыхъ ей оставалось немного времени. Даже сидя въ своей каретѣ и оставляя заботы правленія, Императрица употребляла досугъ свой на то, чтобы плѣнять насъ и была неистощимо умна, любезна и весела. Это занятіе, конечно, пріятное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и утомительное.

Екатерина рѣшилась остаться три дня въ Смоленскѣ. Это отдалило наше прибытіе въ Кіевъ, гдѣ насъ ожидало множество пріѣзжихъ со

всѣхъ сторонъ Европы. Государыня, помолившись въ соборѣ, удалилась въ свой дворецъ. Но на другой день она принимала дворянство, городскія власти, купечество, духовенство, а вечеромъ дала пышный балъ, на которомъ было до трехъ сотъ дамъ, въ богатыхъ нарядахъ; онѣ показали намъ, до какой степени внутри имперіи возросло подражаніе роскоши, модамъ и пріемамъ, которые встрѣчаешь при блистательнѣйшихъ дворахъ Европейскихъ. Наружность во всемъ выражала образованіе, но за этимъ легкимъ покровомъ внимательный наблюдатель могъ легко открыть слѣды старобытной Московіи.

Архіепископъ Могилевскій *) явился къ Императрицѣ. Съ виду онъ болѣе походилъ на военнаго человѣка, чѣмъ на пастыря. «Не удивляйтесь, сказала мнѣ Императрица: онъ долго былъ драгунскимъ капитаномъ; я бы совѣтовала вамъ поисповѣдаться у него». Добрый пастырь показалъ намъ, что онъ не забылъ еще того поприща, на которомъ прежде дѣйствовалъ: онъ проводилъ насъ до Кіева верхомъ, скача по 35 верстъ въ день и не жалуясь ни на усталость, ни на гололедицу.

Я обрадовался, когда миновали эти три дня, которые Императрицѣ угодно было величать днями отдыха, между тѣмъ какъ они употреблены были на безпрестанные пріемы и представленія и показались мнѣ утомительнѣе дней проведенныхъ въ дорогѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не пріятнѣе ли быстро катиться по снѣгу въ просторной, покойной каретѣ, въ теплой одеждѣ, среди пріятнаго, образованнаго, веселаго общества, чѣмъ стоять въ пышномъ нарядѣ цѣлое утро, въ огромныхъ залахъ, присутствовать при пріемѣ разныхъ депутацій и выслушивать длинныя и вычурныя рѣчи, да въ Греческой церкви однообразное пѣніе? Замѣтьте, что въ этихъ церквахъ не существуетъ короткой обѣдни безъ пѣнія, а во время службы запрещается сидѣть, что, впрочемъ было бы и невозможно, такъ какъ не имѣется ни скамей ни стульевъ. Нужно сознаться, что католики, для слѣдованія по пути къ спасенію, принимаютъ нѣсколько больше удобствъ, чѣмъ православные. Церковныя службы по Греческому обряду гораздо длиннѣе чѣмъ наши; и наконецъ, у насъ всего одинъ постъ, а они соблюдаютъ ежегодно четыре поста.

Мы снова пустились въ путь и послѣ десятидневной ѣзды, 29 Января (8 Февраля) 1787 года, пріѣхали въ Кіевъ, древнюю столицу первыхъ Русскихъ князей. Городъ этотъ лежитъ на Днѣпрѣ и отстоитъ отъ Петербурга почти на 400 миль. Это былъ предѣлъ первой части нашего

*) Римско-католическій архіепископъ Сестренцевичъ-Богушъ, род. въ 1731 г. служилъ въ военной службѣ съ 1756 до 1761 года; въ 1763 г. вступилъ въ духовное званіе, былъ архіепископомъ съ 1774 г., а съ 1798 г. митрополитомъ Римскихъ церквей въ Россіи; ум. въ 1826 г. (Записки его сгорѣли въ Петербургскій пожаръ Апраксина двора).

путешествія, и мы должны были остаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока рѣка освободится ото льда, и откроется плаваніе; а этого нельзя было ожидать ранѣе Апрѣля. Отъ Смоленска до Кіева, не смотря на то, что густой снѣгъ застилалъ намъ виды, замѣтно было, что по мѣрѣ нашего приближенія къ Югу, селенія попадались все чаще и были обширнѣе. До Кіева мы проѣхали десять городовъ: Мстиславль, Чериковъ, Новое Мѣсто, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Сосницу, Березну, Черниговъ, Нѣжинъ и Козелецъ. Въ Мстиславѣ мы видѣли два католическихъ монастыря и большую Іезуитскую школу. Изгнанный изо всѣхъ Европейскихъ государствъ, этотъ орденъ сохранилъ себѣ убѣжище въ Россіи, гдѣ не думали, чтобы происки этихъ монаховъ могли быть опасны, такъ какъ они не смѣли выѣзжать изъ двухъ трехъ-городовъ, назначенныхъ имъ для жительства. Кромѣ того, какъ было думать, что ихъ политическое или религіозное вліяніе можетъ распространиться въ странѣ, гдѣ государь, дворъ, дворянство и народъ такъ сильно привязаны къ Церкви, которая въ теченіи столькихъ вѣковъ отдѣлена отъ церкви Римской? Но, послѣ смерти Екатерины, перестали слѣдовать ея предусмотрительной осторожности: Іезуиты, путемъ хитрости и происковъ, добились разрѣшенія проникнуть во внутрь Имперіи; они основались даже въ Петербургѣ и Москвѣ; а такъ какъ ничто не можетъ остановить честолюбія этого неугомоннаго воинства, столь пагубнаго для всѣхъ правительствъ, которыя ему покровительствовали, то оно нашло средство, тайными происками и скрытой ревностью къ обращенію въ вѣру, посѣять разладъ во многихъ семьяхъ и доставить правительству основательныя безпокойства. Наконецъ императоръ Александръ Павловичъ потерялъ терпѣніе и за нѣсколько лѣтъ до своей смерти выгналъ изъ своего государства это вредное и неисправимое духовное общество. Въ Чериховѣ Императрица позволила Евреямъ содержать школу и имѣть синагогу.

Императрица, не ограничиваясь обычными привѣтствіями, вездѣ подробно разспрашивала чиновниковъ, духовныхъ, помѣщиковъ и купцовъ о ихъ положеніи, средствахъ, требованіяхъ и нуждахъ. Вотъ чѣмъ она пріобрѣтала себѣ любовь своихъ подданныхъ. Она допытывалась правды, чтобы обнаружить злоупотребленія, которыя многіе старались скрыть отъ нея. Однажды она сказала мнѣ: «Гораздо болѣе узнаешь, бесѣдуя съ простыми людьми о дѣлахъ ихъ, чѣмъ разсуждая съ учеными, которые заражены теоріями и изъ ложнаго стыда, съ забавною увѣренностью, судятъ о такихъ вещахъ, о которыхъ не имѣютъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Жалки мнѣ эти бѣдные ученые. Они никогда не смѣютъ сказать: *я не знаю*, а слова эти очень просты для насъ невѣждъ и часто избавляютъ насъ отъ опасной рѣ-

шимости. Когда сомнѣваешься въ истинѣ, то лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать дурно».

По этому поводу она разсказала мнѣ забавную исторію про Мерсье-де-ла-Ривіера, писателя съ замѣчательнымъ талантомъ, издавшаго въ Парижѣ сочиненіе «*О естественномъ и существенномъ порядкѣ политическихъ обществъ*». Книга эта пользовалась блестящимъ успѣхомъ по соотвѣтствію содержавшихся въ ней мыслей съ началами экономистовъ. Такъ какъ Екатерина хотѣла познакомиться съ этою политико-экономическою системою, то она пригласила нашего публициста въ Россію и обѣщала ему за это приличное вознагражденіе. Это было въ то время, когда Государыня приготовлялась къ торжественному въѣзду въ Москву *) и потому просила Ривіера дождаться ее въ этой столицѣ.

«Господинъ де-ла-Ривіеръ, разсказывала Императрица, недолго сбирался и по пріѣздѣ своемъ немедленно нанялъ три смежныхъ дома, тотчасъ же передѣлалъ ихъ совершенно и изъ парадныхъ покоевъ подѣлалъ пріемныя залы, а изъ прочихъ—комнаты для присутствія. Философъ вообразилъ себѣ, что я призвала его въ помощь мнѣ для управленія имперіею и для того, чтобы онъ сообщилъ намъ свои познанія и извлекъ насъ изъ тьмы невѣжества. Онъ надъ всѣми этими комнатами прибилъ надписи пребольшими буквами: *Департаментъ внутреннихъ дѣлъ, департаментъ торговли, департаментъ юстиціи, департаментъ финансовъ, отдѣленіе для сбора податей и пр.* Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приглашалъ многихъ изъ жителей столицы, Русскихъ и иноземцевъ, которыхъ ему представили, какъ людей свѣдущихъ, явиться къ нему для занятія различныхъ должностей, соотвѣтственно ихъ способностямъ. Все это надѣлало шуму въ Москвѣ, и такъ какъ всѣ знали, что онъ пріѣхалъ по моей волѣ, то нашлись довѣрчивые люди, которые уже заранѣе старались къ нему поддѣлаться. Между тѣмъ я пріѣхала и прекратила эту комедію. Я вывела законодателя изъ заблужденія. Нѣсколько разъ поговорила я съ нимъ о его сочиненіи, и разсужденія его, признаюсь, мнѣ понравились, потому что онъ былъ не глупъ, но только честолюбіе немного помутило ему разумъ. Я, какъ слѣдуетъ, заплатила за всѣ его издержки, и мы разстались довольны другъ другомъ. Онъ оставилъ намѣреніе быть первымъ министромъ и уѣхалъ довольный, какъ писатель, но нѣсколько пристыженный, какъ философъ, котораго честолюбіе завело слишкомъ далеко».

На этотъ же случай намекала Екатерина, когда писала къ Вольтеру: «Г. де-ла-Ривіеръ пріѣхалъ къ намъ законодателемъ. Онъ полагалъ, что мы ходимъ на четверенкахъ, и былъ такъ любезенъ, что

*) Въ 1767 году, во время собранія комиссіи для составленія новаго уложенія.

потрудился пріѣхать изъ Мартиники, чтобы учить насъ ходить на двухъ ногахъ». Знаменитый Дидро внушилъ Екатеринѣ желаніе познакомиться съ де-ла-Ривіеромъ. Дидрò самъ пріѣзжалъ въ Петербургъ *); Екатеринѣ понравилась въ немъ живость ума, своеобразность способностей и слога и его живое, быстрое краснорѣчіе. Этотъ философъ (можетъ быть, недостойный этого названія, потому что былъ нетерпимъ въ своемъ безвѣріи и до забавнаго фанатикъ въ идеѣ небытія) былъ однако одаренъ пылкою душею и потому, казалось бы, не долженъ былъ сдѣлаться матеріалистомъ. Впрочемъ, имя его, кажется, пережило большую часть его сочиненій. Онъ лучше говорилъ, нежели писалъ; трудъ охлаждалъ его вдохновеніе, и сочиненіями своими онъ далеко отстоитъ отъ великихъ нашихъ писателей; но пламенная рѣчь его была увлекательна, сила выраженій, которыя онъ всегда находилъ безъ труда, предупреждала судъ о вѣрности или пустотѣ его мыслей; рѣчь его поражала, потому что была блестяща и картинна; это былъ геній на парадоксы и проповѣдникъ матеріализма.

«Я долго съ нимъ бесѣдовала, говорила мнѣ Екатерина, но болѣе изъ любопытства, чѣмъ съ пользою. Если бы я ему повѣрила, то пришлось бы преобразовать всю мою имперію, уничтожить законодательство, правительство, политику, финансы и замѣнить ихъ несбыточными мечтами. Однако, такъ какъ я больше слушала его, чѣмъ говорила, то со стороны онъ показался бы строгимъ наставникомъ, а я скромной его ученицею. Онъ, кажется, самъ увѣрился въ этомъ, потому что, замѣтивъ наконецъ, что въ государствѣ не приступаютъ къ преобразованіямъ по его совѣтамъ, онъ съ чувствомъ обиженной гордости выразилъ мнѣ свое удивленіе. Тогда я ему откровенно сказала: «Г. Дидрò, я съ большимъ удовольствіемъ выслушала все, что̀ вамъ внушилъ вашъ блестящій умъ; но вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, дѣйствовать же по нимъ плохо. Составляя планы разныхъ преобразованій, вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы трудитесь на бумагѣ, которая все терпитъ: она гладка, мягка и не представляетъ затрудненій ни воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ какъ я, несчастная Императрица, тружусь для простыхъ смертныхъ, которые чрезвычайно чувствительны и щекотливы». Я увѣрена, что послѣ этого я ему показалась жалка, а умъ мой узкимъ и обыкновеннымъ. Онъ сталъ говорить со мною только о литературѣ, и политика была изгнана изъ нашихъ бесѣдъ».

Не смотря на эту неудачу, авторъ «*Отца семейства*», «*Жизни*

*) Объ этомъ см. соч. кн. Вяземскаго „Фонъ-Визинъ", гдѣ приведены разсказы Дидрò о его пребываніи въ Россіи.

Сенеки» и основатель великаго памятника, *«Енциклопедіи»*, болѣе обязанъ Россіи, чѣмъ Франціи. Въ отечествѣ своемъ онъ былъ заключенъ въ тюрьму, тогда какъ Императрица пріобрѣла за 50,000 франковъ его библіотеку, предоставивъ ему право пользоваться ею до смерти, и сверхъ того купила ему домъ въ Парижѣ. Полагаю, что здѣсь будетъ кстати привести отрывки изъ двухъ писемъ Екатерины къ Вольтеру и отвѣтъ Вольтера.

«Милостивый государь, моя голова также тверда, какъ имя мое неблагозвучно. Я буду отвѣчать дурною прозою на ваши прелестные стихи. Сама я никогда не писала стиховъ, но тѣмъ не менѣе восхищалась вашими. Они меня такъ избаловали, что я почти не могу читать другихъ. Я ограничусь своимъ огромнымъ ульемъ; нельзя же приниматься вдругъ за нѣсколько дѣлъ. Никогда я не думала, что пріобрѣтеніе библіотеки доставитъ мнѣ такія похвалы, какими всѣ осыпаютъ меня по случаю покупки книгъ Дидрò. Вы, кому человѣчество обязано защитою невинности и добродѣтели въ лицѣ Каласа, согласитесь, что было бы жестоко и несправедливо разлучать *ученаго съ его книгами»*.

Другое письмо Екатерины: «Блескъ сѣверной звѣзды—только сѣверное сіяніе. Благодѣянія, распространяющіяся на нѣсколько сотъ верстъ и о которыхъ вамъ угодно было упомянуть, не принадлежатъ мнѣ. Каласъ обязанъ тѣмъ, что̀ имѣетъ, друзьямъ своимъ, такъ же какъ Дидрò продажею своей библіотеки—своему другу. Ничего не значитъ помочь ближнему отъ своего избытка; но быть ходатаемъ человѣчества и защитникомъ угнетенной невинности—значитъ заслужить безсмертіе.

Отвѣтъ Вольтера: «Прошу извинить меня, ваше императорское величество! Нѣтъ, вы не сѣверное сіяніе: вы—самая блестящая звѣзда Сѣвера, и никогда не бывало свѣтила столь благодѣтельнаго. Всѣ эти звѣзды оставили бы Дидрò умереть съ голоду. Онъ былъ гонимъ въ въ своемъ отечествѣ, а вы взыскали его своими милостями».

Всѣ государи этого времени видѣли, какъ наши парламенты обвиняютъ и осуждали смѣлыя произведенія философовъ, и въ тоже время ухаживали за философами, которыхъ считали раздавателями славы. Екатерина и Фридрихъ въ особенности жаждали ея и, какъ боги Олимпа, съ наслажденіемъ упивались ея благоуханіемъ. Чтобы заслужить ее, они расточали мйлости Вольтеру, Руссо, Райналю, Д'Аламберу и Дидрò. Люди противъ своей воли живутъ среди атмосферы своего вѣка, невольно увлекаются ея вихремъ; и тѣ именно, которые болѣе всего огорчались ея развитіемъ, первые содѣйствовали его ускоренію. Дворяне слѣдовали ихъ примѣру, и только послѣ такого участія въ укрѣпленіи этого зданія новаго общественнаго порядка тѣ и другіе позабыли, что разумъ

человѣческій, какъ время, постоянно идетъ впередъ и никогда не отступаетъ, и задумали неисполнимую вещь—разрушить этотъ новый порядокъ. Можно устраивать настоящее, украшать будущее, все въ мірѣ можетъ измѣняться, но прошедшее возродиться не можетъ; это не что иное для насъ, какъ тѣнь, которая существуетъ только въ нашихъ воспоминаніяхъ. Благоразумный страхъ, который обнаруживала Екатерина передъ всѣмъ, что могло увлечь ее на опасный путь нововведеній, напоминаетъ мнѣ, съ какимъ гнѣвомъ разсказывала она, какъ одинъ Русскій лѣкарь, Самойловъ, вздумалъ было лѣчить чуму, какъ оспу, и хотѣлъ для постепеннаго ослабленія заразы прививать ее. Онъ сдѣлалъ опытъ на себѣ и нѣсколько разъ зачумлялся. Онъ просилъ дозволенія распространить этотъ страшный опытъ; но добродушный докторъ вмѣсто дозволенія отъ правительства получилъ добрый выговоръ за свое безсмысленное человѣколюбіе.

Фельдмаршалъ Румянцевъ, въ качествѣ мѣстнаго губернатора *), принялъ Государыню на границѣ губерніи. Лицо этого маститаго и знаменитаго героя служило выраженіемъ его души; въ немъ видна была и скрытность, и гордость, признаки истиннаго достоинства; но въ немъ былъ и оттѣнокъ грусти и недовольства, возбужденнаго преимуществами и отмѣннымъ значеніемъ Потемкина. Соперничество во власти разъединяло этихъ двухъ военачальниковъ: они шли, борясь между славою и милостью, и, какъ всегда почти бываетъ, восторжествовалъ тотъ кто былъ любимцемъ Государыни.

Фельдмаршалъ не получалъ никакихъ средствъ для управленія должностью; труды его подвигались медленно, солдаты его ходили въ старой одеждѣ, офицеры напрасно домогались повышеній. Всѣ милости, всѣ поощренія падали на армію, надъ которою начальствовалъ первый министръ.

Введенная въ заблужденіе, Императрица приписывала нерадивости фельдмаршала то печальное состояніе, въ которомъ она нашла его войска, дѣла и управленіе; между тѣмъ она съ восхищеніемъ расхваливала цвѣтущее положеніе губерній, состоящихъ въ управленіи князя, и волшебную быстроту, съ которой онъ все созидалъ.

Къ тому же Екатерина была Императрицей и женщиной: давнишній любимецъ восхвалялъ ее и безпрестанно благодарилъ, тогда какъ старый побѣдитель на поляхъ сраженій все сѣтовалъ: поэтому она нетерпѣливо ждала, чтобы пріѣхалъ тотъ, а другого выслушивала съ досадою.

*) Кіевскимъ губернаторомъ былъ тогда генералъ-поручикъ Ширковъ. Румянцевъ принималъ Государыню въ своемъ селѣ Вишенкахъ 24-го Января; онъ былъ тогда генералъ-губернаторомъ Малороссіи.

Подъѣзжая къ Кіеву, испытываешь то особенное чувство уваженія, какое всегда внушаетъ видъ развалинъ. Да и живописное положеніе этого города придаетъ прелесть первому впечатлѣнію; смотря на него, вспоминаешь, что здѣсь колыбель огромной державы, долго пребывавшей въ невѣжествѣ, отъ котораго она освободилась не болѣе, какъ лѣтъ за сто, и теперь стала такъ огромна и грозна.

Когда мы осмотрѣли эту древнюю столицу съ ея окрестностями, Императрица захотѣла узнать, какое впечатлѣніе она произвела на меня, Кобенцеля и Фитцъ-Герберта, и послѣ съ усмѣшкою замѣтила, что различіе нашихъ мнѣній даетъ довольно вѣрное понятіе о характерѣ трехъ народовъ, которые мы представляли. «Какъ нравится вамъ Кіевъ?» спросила она у графа Кобенцеля. «Государыня, воскликнулъ графъ съ выраженіемъ восторга, это самый дивный, самый величественный, самый великолѣпный городъ, какой я когда-либо видѣлъ». Фитцъ-Гербертъ отвѣчалъ на тотъ же вопросъ: «Если сказать правду, такъ это незавидное мѣсто; видишь только развалины, да избушки». Когда съ такимъ же вопросомъ обратились ко мнѣ, я сказалъ: «Кіевъ представляетъ собою воспоминанія и надежды великаго города».

Для Государыни построили дворецъ просторный, красивый и богато убранный. Она принимала въ немъ духовенство, правительственныхъ лицъ, представителей дворянства, купцовъ и иностранцевъ, пріѣхавшихъ во множествѣ въ Кіевъ, куда привлекли ихъ величіе и новость зрѣлища, здѣсь ихъ ожидавшаго. Въ самомъ дѣлѣ, имъ представлялся великолѣпный дворъ, побѣдоносная Императрица, богатая и воинственная аристократія, князья и вельможи, гордые и роскошные, купцы въ длинныхъ кафтанахъ съ огромными бородами, офицеры въ различныхъ мундирахъ; знаменитые Донскіе казаки въ богатомъ Азіятскомъ нарядѣ, которыхъ длинныя пики, отвагу и удальство Европа узнала недавно; Татары, цѣкогда владыки Россіи, теперь подданные женщины и христіанки; князь Грузинскій, повергшій къ трону Екатерины дань Фазиса и Колхиды; нѣсколько посланцевъ отъ безчисленныхъ ордъ Киргизовъ, народа кочевого, воинственнаго, часто побѣждаемаго, но никогда еще не покореннаго; наконецъ дикіе Калмыки, настоящее подобіе Гунновъ, своимъ безобразіемъ нѣкогда наводившихъ ужасъ на Европу, вмѣстѣ съ грознымъ мечемъ ихъ жестокаго владыки Атиллы. Весь Востокъ собрался здѣсь, чтобы увидать новую Семирамиду, собиравшую дань удивленія всѣхъ монарховъ Запада. Это было какое-то волшебное зрѣлище, гдѣ казалось, сочиталась старина съ новизною, просвѣщеніе съ варварствомъ, гдѣ бросалась въ глаза противуположность нравовъ, лицъ, одеждъ самыхъ разнообразныхъ.

Императрица, всегда вѣрная своимъ привычкамъ, дала въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ городахъ, великолѣпный балъ. Я надѣялся, что, будучи въ свитѣ Императрицы, увижу на этомъ длинномъ пути разныя заведенія и постройки въ мѣстахъ, гдѣ мы останавливались. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, я въ порывѣ негодованія необдуманно высказалъ, что мнѣ досадно проѣхать такъ далеко для того только, чтобы видѣть вездѣ тотъ же дворъ, слушать все тѣже Греческія обѣдни и присутствовать на балахъ. Екатерина узнала объ этомъ и сказала: «Я слышала, будто вы порицаете меня за то, что я во всѣхъ городахъ устраиваю аудіенціи и празднества; но вотъ почему это такъ: я путешествую не для того только, чтобъ осматривать мѣстности, но чтобы видѣть людей; я довольно знаю этотъ путь по планамъ и по описаніямъ, и при быстротѣ нашей ѣзды я бы немного успѣла разсмотрѣть. Мнѣ нужно дать народу возможность дойти до меня, выслушать жалобы и внушить лицамъ, которыя могутъ употреблять во зло мое довѣріе, опасеніе, что я открою всѣ ихъ изъяны, ихъ нерадѣніе и несправедливости. Вотъ какую пользу хочу я извлечь изъ моей поѣздки; одно извѣстіе о моемъ намѣреніи поведетъ къ добру. Я держусь правила, что лошади жирѣютъ отъ хозяйскаго глаза» (l'oeil du maître engraisse les chevaux).

Такъ какъ мы, Кобецель, Фитцъ-Гербертъ и я, предвидѣли, что, можетъ быть, придется намъ прожить въ Кіевѣ мѣсяцъ или два, то приказали нашимъ людямъ пріѣхать къ намъ, чтобы намъ можно было устроиться порядочно и принимать знатныхъ особъ здѣшнихъ и пріѣзжихъ. Но всѣ наши приготовленія и сборы были напрасны, и мы должны были отослать нашу прислугу; Императрица непремѣнно хотѣла, чтобы, въ продолженіе всей дороги, мы жили на ея счетъ. Я помѣстился въ прекрасномъ домѣ, назначенномъ для меня и снабженномъ всѣмъ, что мнѣ было нужно. Императрица прислала мнѣ дворецкаго, камердинеровъ, поваровъ, офиціантовъ, гайдуковъ, кучеровъ, форрейторовъ, чудесное серебро, бѣлье и фарфоровый сервизъ, прекрасныя вина, такъ, что у меня было все, чтобы жить роскошно. Она запретила принимать отъ насъ какую либо плату, такъ что въ продолженіе всего путешествія единственно-дозволенною намъ издержкою были подарки, какіе бы намъ заблагоразсудилось дѣлать хозяевамъ домовъ, въ которыхъ насъ помѣщали. Мы соображались съ волею Императрицы, и какъ нѣкогда въ Польшѣ я прожилъ нѣсколько дней настоящимъ Польскимъ паномъ, такъ и въ Кіевѣ жилъ своимъ дворомъ, словно любой Русскій бояринъ или какой нибудь потомокъ Рюрика или Владимира. Когда Императрица не приглашала насъ къ своему столу, что случалось раза два въ недѣлю, мы давали обѣды у себя. Но скоро намъ

надоѣло жить раздѣльно, и мы согласились съѣзжаться у графа Кобенцеля, потому что домъ его былъ просторнѣе и покойнѣе и могъ свободно вмѣщать большее число гостей, что̀ для насъ было пріятнѣе. Сообща намъ было легче нести тягостную обязанность принимать множество иностранцевъ, прибывшихъ въ Кіевъ. По этому распорядку, мнѣ приходилось обѣдать дома только тогда, когда я былъ нездоровъ или хотѣлъ принять у себя только своихъ пріятелей.

Мнѣ было очень пріятно свидѣться съ прибывшимъ изъ Варшавы графомъ Стакельбергомъ. Онъ радовался моимъ успѣхамъ, которыми, по правдѣ сказать, я былъ отчасти обязанъ ему. Но какую перемѣну замѣтилъ я въ немъ! Это былъ другой человѣкъ: гордый и важный вице-король въ Польшѣ превратился въ Россіи въ придворнаго, едва замѣтнаго въ толпѣ; мнѣ казалось, что я вижу развѣнчаннаго монарха. Впрочемъ, хотя Потемкинъ и другіе Русскіе министры добились того, что Императрица обращалась съ нимъ холодно, онъ довольно удачно выпутывался изъ этого непріятнаго положенія. Привычка властвовать придала нѣкоторую важность его движеніямъ и медленность его рѣчи, что̀ казалось страннымъ при дворѣ, но обличало въ немъ сильнаго человѣка, привыкшаго внушать уваженіе и заставлять молчать.

Поляки явились толпами, разумѣется болѣе изъ страха, чѣмъ по привязанности къ владычицѣ Сѣвера. Между ними были графы Браницкій, Потоцкій, Мнишекъ, князь Сапѣга, княгиня Любо́мирская. Въ это время распространился слухъ, что десять Русскихъ полковъ вступятъ въ Польскую Украйну, и это извѣстіе немало напугало Поляковъ.

По случаю глупостей, надѣланныхъ недавно въ Россіи нѣсколькими молодыми Французами и также изъ опасенія, чтобы это не повредило моимъ намѣреніямъ сближать Россію съ Франціею и разсѣять предубѣжденіе Императрицы противъ насъ, я принужденъ былъ просить г. Верженя и отца моего, чтобы они рѣже и осторожнѣе дозволяли нашей молодежи выѣзжать въ Россію. Они меня поняли, и поэтому въ Кіевъ прибыли только два Француза, оба достойные люди: Александръ Ламетъ и графъ Эдуардъ Дильонъ. Лафайетъ тоже объявилъ свое намѣреніе явиться ко двору Екатерины, но такъ какъ онъ былъ выбранъ въ члены собранія государственныхъ чиновъ, то и не могъ исполнить своего намѣренія. Императрица сожалѣла объ этомъ: она очень желала познакомиться съ нимъ. Такъ какъ въ то время восторгъ по поводу освобожденія Америки захватилъ всѣхъ, до коронованныхъ особъ включительно, то Лафайетъ казался имъ героемъ только потому, что сражался за свободу въ другомъ полушаріи; но какъ только онъ захотѣлъ защитить тоже дѣло въ Европѣ, всѣ монархи признали его виновнымъ и бунтовщикомъ.

Выгода заставляетъ людей быстро мѣнять мнѣнія: когда я былъ въ Россіи, океанъ еще раздѣлялъ новую богиню (свободу) отъ старой (неограниченной власти), и я помню, что орденскій знакъ Цинцината, который я тогда носилъ и который теперь, въ глазахъ многихъ, считался бы чуть не знакомъ анархіи, въ то время возбуждалъ зависть всѣхъ молодыхъ царедворцевъ. Императрица съ отличнымъ благоволеніемъ приняла Эдуарда Дильона и особенно Александра Ламета. Умная, славолюбивая Государыня любила завоевывать себѣ вниманіе людей, особенно достойныхъ такой побѣды; она знала, что люди, извѣстные по имени, достоинствамъ, подвигамъ, талантамъ, сочиненіямъ или успѣхамъ въ свѣтѣ, распространяютъ славу монарховъ, польстившихъ ихъ самолюбію. Разъ ей случилось очень забавно обмолвиться въ разговорѣ съ Ламетомъ. У нихъ какъ-то зашелъ разговоръ о дядѣ Ламета, маршалѣ де-Брольи (de-Broglie). Отдавъ справедливость подвигамъ и способностямъ этого извѣстнаго полководца, она сказала: «Да, мнѣ всегда было жаль за Французовъ, что этотъ знаменитый маршалъ, слава и украшеніе своего отечества, не имѣетъ дѣтей, которые наслѣдовали бы славу его имени и были бы также извѣстны въ лѣтописяхъ войны». На это Ламетъ отвѣчалъ: «Замѣчаніе это было бы очень лестно для маршала, но къ счастью, оно ошибочно. Ваше величество имѣете о немъ невѣрныя свѣдѣнія: дядя мой такъ же счастливъ въ женитьбѣ, какъ и на военномъ поприщѣ; у него большое семейство: онъ отецъ двадцати двухъ дѣтей».

Въ Кіевѣ увидалъ я многихъ генераловъ, съ которыми не былъ знакомъ въ Петербургѣ, потому что они были постоянно на службѣ или жили въ своихъ помѣстьяхъ, въ удаленіи отъ двора. Двое изъ нихъ особенно меня удивляли, одинъ рѣзкостью нрава, а другой странностью и оригинальностью, которою онъ обыкновенно прикрывалъ свои дарованія, возбуждавшія зависть въ его соперникахъ. Первый былъ генералъ Каменскій *), человѣкъ живой, суровый, буйный и вспыльчивый. Одинъ Французъ, напуганный его гнѣвомъ и угрозами, пришелъ ко мнѣ искать себѣ убѣжища; онъ сказалъ мнѣ, что, опредѣлившись въ услуженіе къ Каменскому, онъ не могъ довольно нахвалиться его обхожденіемъ, покуда они были въ Петербургѣ, но что скоро господинъ увезъ его въ деревню, и тогда все перемѣнилось. Вдали отъ столицы образованный Русскій превратился въ дикаря; онъ обходился съ людьми своими, какъ съ невольниками, безпрестанно ругался, не платилъ жалованья и билъ за малѣйшій проступокъ иногда и тѣхъ, кто не былъ виноватъ. Не стер-

*) Каменскій, графъ Михаилъ Ѳедотовичъ, фельдмаршалъ, род. въ 1738 году; убитъ въ своей деревнѣ 12 Августа 1809 года.

пѣвъ такого своеволія, Французъ убѣжалъ и пріѣхалъ въ Кіевъ; но и здѣсь клевреты генерала его преслѣдовали. Одинъ изъ нихъ, который былъ добродушнѣе прочихъ, предупредилъ его, что генералъ поклялся отдѣлать его хорошенько, если онъ попадетъ ему въ руки. Разсказъ этотъ возмутилъ меня. Я отправился къ его гонителю и объявилъ ему, что не потерплю такого обхожденія съ Французомъ. Мы горячо поспорили. Каменскій находилъ страннымъ, что я вмѣшиваюсь въ дѣла его слугъ и защищаю мерзавца, и объявилъ, что, несмотря на меня, раздѣлается съ нимъ. «Если такъ, генералъ, сказалъ я, то я имѣю полное право взять вашу жертву подъ защиту. Я посолъ и Французъ. Если вы рѣшительно не захотите дать мнѣ обѣщаніе прекратить преслѣдованіе человѣка свободнаго по законамъ своего отечества и съ которымъ вы не можете поступать, какъ съ рабомъ: то я, какъ посолъ, сейчасъ же иду жаловаться къ Императрицѣ, а потомъ, какъ Французскій офицеръ, потребую отъ васъ удовлетворенія за обиды, которыя буду считать лично мнѣ нанесенными, потому что я беру этого человѣка подъ свое покровительство».

Частное столкновеніе со мною не устрашило бы генерала; но, боясь прогнѣвать Императрицу, онъ усмирился. Онъ обѣщалъ исполнить мои требованія, и мы разстались. По прошествіи многихъ лѣтъ, этотъ же самый Каменскій доказалъ мнѣ свое злопамятство самымъ грубымъ образомъ. Въ первую войну Французовъ съ Русскими, завершенную славнымъ Тильзитскимъ миромъ, сынъ мой, генералъ Филиппъ Сегюръ, послѣ блистательнаго дѣла, слишкомъ далеко погнался за отступавшимъ непріятелемъ, былъ окруженъ и схваченъ; его привели къ генералу Каменскому. Каменскій, спросилъ его имя и хотѣлъ получить отъ него свѣдѣнія о положеніи и числѣ Французскихъ армій. За его отказъ онъ отплатилъ ему самымъ неприличнымъ обращеніемъ. Онъ хотѣлъ заставить его пройти двадцать льё въ снѣгу по колѣна, не давъ ему времени оправиться и перевязать свои раны. Но Русскіе офицеры, возмущенные жестокостію генерала, дали моему сыну кибитку, и чрезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ въ главную квартиру Апраксина, который своею любезностью и внимательностью заставилъ забыть дурное обращеніе мстительнаго Москвитянина. Впослѣдствіи мнѣ разсказывали, что этотъ же самый Каменскій, подъ старость нисколько не сталъ мягче и что одинъ изъ его крестьянъ, доведенный имъ до отчаянія, разсѣкъ топоромъ ему голову.

Генералъ Суворовъ въ другомъ отношеніи возбуждалъ мое любопытство. Своею отчаянною храбростью, ловкостью и усердіемъ, которое онъ возбуждалъ въ солдатахъ, онъ сумѣлъ отличиться и выслужиться,

хотя былъ небогатъ, незнатнаго рода и не имѣлъ связей. Онъ бралъ чины саблею. Гдѣ предстояло опасное дѣло, трудный или отважный подвигъ, начальники посылали Суворова. Но такъ какъ съ первыхъ шаговъ на пути славы онъ встрѣтилъ соперниковъ завистливыхъ и сильныхъ на столько, что они могли загородить ему дорогу, то и рѣшился прикрыть свои дарованія личиною странностей. Его подвиги были блистательны, мысли глубоки, дѣйствія быстры; но въ частной жизни, въ обществѣ, въ своихъ движеніяхъ, обращеніи и разговорѣ онъ являлся такимъ чудакомъ, даже можно сказать сумасбродомъ, что честолюбцы перестали бояться его, видѣли въ немъ полезное орудіе для исполненія своихъ замысловъ и не считали его способнымъ вредить и мѣшать имъ пользоваться почестями, вѣсомъ и могуществомъ. Чтобы возвыситься и достигнуть славы, этотъ герой деспотизма употреблялъ туже личину, какою въ царствованіе Тарквинія прикрывался герой свободы, Брутъ. Суворовъ, почтительный къ своимъ начальникамъ, добрый къ солдатамъ, былъ гордъ, даже невѣжливъ и грубъ съ равными себѣ. Незнавшихъ его онъ поражалъ, закидывая ихъ своими частыми и быстрыми вопросами, какъ будто дѣлалъ имъ допросъ; такъ онъ знакомился съ людьми. Ему непріятно было, когда приходили въ замѣшательство; но онъ уважалъ тѣхъ, которые отвѣчали опредѣлительно, безъ запинокъ. Это я испыталъ, будучи еще въ Петербургѣ: я понравился ему моими лаконическими отвѣтами, и онъ не разъ у меня обѣдывалъ во время краткаго своего пребыванія въ столицѣ. Помнится, что однажды я спросилъ его, правда ли, что въ походахъ онъ почти не спитъ, принуждая себя къ тому даже безъ надобности, ложится не иначе какъ на солому и никогда не снимаетъ сапогъ. «Да отвѣчалъ онъ, я ненавижу лѣнь. Чтобы не разоспаться, я держу у себя въ палаткѣ пѣтуха, и онъ безпрестанно, будитъ меня; если я вздумаю иногда понѣжиться и полежать покойнѣе, то снимаю одну шпору». Когда ему дали чинъ фельдмаршала, онъ, въ ознаменованіе этого событія, устроилъ престранную церемонію, въ присутствіи своихъ солдатъ. Онъ велѣлъ поставить въ церкви вдоль стѣны столько стульевъ, сколько было генераловъ старше его по службѣ и, въ курткѣ, началъ перепрыгивать черезъ каждый стулъ, какъ школьники играющіе въ чехарду; показавъ этимъ, что онъ обогналъ своихъ соперниковъ, онъ надѣлъ фельдмаршалскій мундиръ, со всѣми своими орденами, и съ важностью приказалъ священнику отслужить молебенъ. Разсказываютъ, что, получивъ отъ императора почетнѣйшій изъ Австрійскихъ орденовъ, онъ самъ совершилъ посвященіе въ кавалеры его передъ огромнымъ зеркаломъ, съ самыми странными причудами. Извѣстно, что во время похода въ Швейцаріи, будучи при-

нужденъ, по ошибкѣ Корсакова *), отступить передъ Массеною, онъ приказалъ вырыть яму и, ставъ въ нее, закричалъ солдатамъ, что если они хотятъ бѣжать и не станутъ грудью противъ непріятеля, то пусть прежде зароютъ его и попрутъ прахъ его ногами. Въ бытность мою въ Россіи Суворовъ еще не достигъ высшихъ военныхъ чиновъ. Мы видѣли въ немъ славнаго воина, генерала, отважнаго въ арміи и весьма страннаго при дворѣ. Когда Суворовъ встрѣтился съ Ламетомъ, человѣкомъ не слишкомъ мягкаго нрава, то имѣлъ съ нимъ довольно забавный разговоръ, который я поэтому и привожу здѣсь. «Ваше отечество?» спросилъ Суворовъ отрывисто. «Франція». «Ваше званіе?» «Солдатъ». «Вашъ чинъ?» «Полковникъ». «Имя?» «Александръ Ламетъ». «Хорошо». Ламетъ, не совсѣмъ довольный этимъ краткимъ допросомъ, въ свою очередь обратился къ генералу, смотря на него пристально: «Какой вы націи?» «Должно быть Русскій». «Ваше званіе?» «Солдатъ». «Вашъ чинъ?» «Генералъ». «Имя?» «Александръ Суворовъ». «Хорошо». Оба расхохотались и съ тѣхъ поръ были очень хороши между собою.

Князь Потемкинъ постоянно почти находился въ отсутствіи, занятый приготовленіями великолѣпнаго зрѣлища, которое намѣревался представить взорамъ своей Государыни при вступленіи ея въ области, ему подчиненныя. Даже заочно не смѣли гласно осуждать его; лишь тайкомъ безсильная зависть подкапывалась подъ его славу. Порою до слуха Императрицы доходили легкія жалобы и намеки на своевольное управленіе, гордость и несправедливость могущественнаго любимца. Одинъ только фельдмаршалъ Румянцевъ высказывалъ прямо и благородно свое мнѣніе и свое неудовольствіе. Скоро князь пріѣхалъ. Тогда снова послышались однѣ похвалы, снова стали оказывать ему однѣ почести, съ самою усердною лестью. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ и принцъ Нассау-Зигенъ, и мы встрѣтились, какъ старые товарищи по службѣ. Я представилъ его Императрицѣ, и онъ благодарилъ ее за подаренную ему землю въ Крыму и за дозволеніе выставить Русскій флагъ на своихъ судахъ. Ея величество пригласила его путешествовать съ нею. Въ ожиданіи разрѣшенія отъ нашего двора, я уполномочилъ его носить мундиръ, присвоенный Русскимъ дворянамъ. Наконецъ и князь Дашинь возвратился изъ Вѣны. Своимъ присутствіемъ онъ оживилъ все наше общество, разсѣялъ скуку и придалъ жизни нашимъ увеселеніямъ. Тогда намъ стало казаться, что жестокая стужа не такъ сильна, и что скоро пробудется веселая весна.

---

*) Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 13 Авг. 1753 г., ум. 13 Мая 1840 г.

Разъ или два въ недѣлю Императрица имѣла собранія при дворѣ и давала большой балъ или прекрасный концертъ. Въ прочіе дни столъ ея накрывался на восемь или на десять приборовъ. Трое пословъ, ее сопровождавшихъ, были ея постоянными гостями, также князь Делинь и иногда принцъ Нассау. Вечера мы всегда проводили у нея; въ это время она не терпѣла принужденія и этикета; мы видѣли не Императрицу, а просто любезную женщину. На этихъ вечерахъ разсказывали, играли въ биліардъ, разсуждали о литературѣ. Однажды Государынѣ вздумалось учиться писать стихи. Цѣлыхъ восемь дней я объяснялъ ей правила стихосложенія. Но когда дошло до дѣла, то мы замѣтили, что совершенно напрасно теряли время. Нѣтъ, я думаю, слуха столько нечувствительнаго къ созвучію стиха. Умъ ея, обширный въ политикѣ, не находилъ образовъ для воплощенія мечты: онъ не выдерживалъ утомительнаго труда приглаживать рифмы и стихи. Она увѣряла, что попытки ея въ этомъ родѣ будутъ такъ же неудачны, какъ попытки славнаго Малебранша, который говорилъ, что, сколько ни старался, не могъ сочинить болѣе двухъ стиховъ:

Il fait le plus beau temps du monde
Pour aller à cheval, sur la terre et sur l'onde [1]).

Безуспѣшность этихъ опытовъ, казалось, раздосадовала Государыню. Фитцъ-Гербертъ сказалъ ей: «Что же дѣлать! Нельзя же въ одно время достигать всѣхъ родовъ славы, и вамъ должно довольствоваться вашимъ двустишіемъ, посвященнымъ вашей собачкѣ и вашему доктору:

Ci-gît la duchesse Anderson,
Qui mordit monsieur Rogerson [2]).

Итакъ, я отказался отъ этихъ уроковъ поэзіи и объявилъ августѣйшей моей ученицѣ, что ей надо ограничиться одной прозою.

Князь Делинь не допускалъ, чтобы скука хоть на минуту водворялась въ нашемъ маленькомъ кружкѣ. Онъ безпрестанно разсказывалъ разные забавные анекдоты и сочинялъ на разные случаи пѣсенки и мадригалы. Пользуясь исключительнымъ правомъ говорить, что ему вздумается, онъ вмѣшивалъ политику въ свои загадки и разсказы. Хотя веселье его доходило иногда до дурачества, но порой, подъ ви-

---

[1]) „Теперь отличная погода, чтобы ѣздить верхомъ и по землѣ, и по водѣ".

[2]) „Здѣсь похоронена герцогиня Андерсонъ (любимая собачка Императрицы), укусившая господина Роджерсона" Роджерсонъ, Иванъ Самойловичъ, лейбъ-медикъ Императрицы.

домъ шутки, онъ высказывалъ прямыя и колкія истины. Онъ былъ привычный царедворецъ, разсчетливый льстецъ, добрякъ сердцемъ, мудрецъ умомъ. Его насмѣшки забавляли, но никогда не оскорбляли. Однажды онъ презабавно подшутилъ надо мною и Кобенцелемъ. Страдая вмѣстѣ съ нами легкою лихорадкою, онъ какъ-то вздумалъ укорять насъ, что мы напрасно не лѣчимся, и что мы ужасно перемѣнились въ лицѣ, жалѣлъ о насъ и наконецъ объявилъ, что рѣшится показать намъ примѣръ, будетъ лѣчиться и употребитъ всѣ средства, чтобы поскорѣе выздоровѣть и быть въ состояніи продолжать путь. Убѣжденный его доводами Кобенцель, у котораго болѣло горло, пустилъ себѣ кровь; я также принялъ какія-то лѣкарства. Нѣсколько дней спустя, мы сошлись у Императрицы, и она сказала князю: «У васъ сегодня совсѣмъ здоровый видъ; я думала, что вы больны. Былъ у васъ мой докторъ?» «О, Государыня, мои болѣзни не бываютъ продолжительны; у меня есть особенное средство лѣчиться: какъ только я занемогу, я тотчасъ обращаюсь къ своимъ двумъ друзьямъ, пущу кровь Кобенцелю, а Сегюру даю слабительнаго, и послѣ этого я здоровъ».

Императрица похвалила его средство, намѣревалась его испробовать и вдоволь посмѣялась надъ нашею покорностью.

Общество въ Кіевѣ представляло три различныя картины. У Императрицы можно было видѣть то великолѣпнѣйшій дворъ, то самый тѣсный кружокъ. Домъ, гдѣ жили Кобенцель, Фитцъ-Гербертъ и я, и гдѣ мы принимали и Русскихъ, и иностранцевъ, принялъ видъ какой-нибудь Европейской кофейни, которая была всегда полна и въ которой сходились разноплеменные люди; здѣсь раздавалась рѣчь на различныхъ языкахъ и употреблялись блюда, фрукты и вина разныхъ странъ, шла всякаго рода игра. Время проходило въ общей бесѣдѣ или въ частныхъ толкахъ о разныхъ предметахъ отъ важнѣйшихъ до самыхъ обыкновенныхъ. Напротивъ того, если кто подымался въ Печерскій монастырь (чтобы посѣтить Потемкина, который тамъ расположился) тому приходило въ голову, что онъ присутствуетъ при аудіенціи визиря въ Константинополѣ, Багдадѣ или Каирѣ. Тамъ господствовали молчаніе и какой-то страхъ. По врожденной ли склонности къ пѣгѣ, или изъ притворнаго высокомѣрія, которое онъ считалъ умѣстнымъ обнаруживать, этотъ могущественный и прихотливый любимецъ Екатерины, изрѣдка показываясь въ фельдмаршалскомъ мундирѣ, покрытомъ орденами съ брилліантами, весь въ шитьѣ и галунахъ, расчесанный, напудренный, какъ кто-либо изъ нашихъ стариковъ-царедворцевъ, чаще всего ходилъ въ халатѣ на мѣху, съ открытой шеей, въ широкихъ туфляхъ на босу ногу, съ распущенными и нечесанными волосами. Обыкновенно онъ лежалъ развалясь на широкомъ диванѣ, окруженный

множествомъ офицеровъ и значительнѣйшими сановниками имперіи; рѣдко приглашалъ онъ кого-нибудь садиться и почти всегда усердно игралъ въ шахматы, а потому не считалъ себя обязаннымъ обращать вниманіе на Русскихъ или иностранцевъ, которые посѣщали его.

Мнѣ знакомы были эти странности. Но такъ какъ большая часть присутствовавшихъ не знали объ искренней взаимности, которая водворилась между нами, то, признаюсь, мое самолюбіе иногда страдало, когда мнѣ приходило на мысль, что иностранцы увидятъ посла Французскаго короля принужденнымъ подчиняться, вмѣстѣ съ прочими, высокомѣрію и причудамъ Потемкина. Но, чтобы не возбудить ложныхъ толковъ, я поступилъ слѣдующимъ образомъ: когда я пріѣхалъ къ нему, и обо мнѣ доложили, я вошелъ и, видя, что князь сидитъ за шахматами, не удостоивая меня взглядомъ, я прямо подошелъ къ нему, обѣими руками взялъ и приподнялъ ему голову, поцѣловалъ его и попросту сѣлъ подлѣ него на диванъ. Эта фамиліарность немного удивила зрителей; но такъ какъ Потемкину она не показалась неумѣстною, то всѣ поняли мои отношенія къ нему. Изъ уваженія ли ко мнѣ, или къ достоинствамъ Ламета и Дильона, которыхъ ему расхвалили, онъ принялъ ихъ довольно любезно и вѣжливо.

Вскорѣ послѣ того прибылъ въ Кіевъ одинъ Испанецъ, котораго имя впослѣдствіи получило жалкую извѣстность въ политическомъ мірѣ; онъ назывался *Миранда*. Это былъ человѣкъ образованный, умный, вкрадчивый и смѣлый. Рожденный въ Америкѣ, онъ былъ въ родственныхъ отношеніяхъ съ семействомъ Аристегитта, которое я узналъ въ бытность мою въ Каракасѣ и о которомъ упоминалъ въ началѣ Записокъ. Во время войны *) Испанское правительство открыло, что Миранда, измѣнивъ своему долгу, передалъ Англійскимъ адмираламъ планы и карты Кубы и другихъ Испанскихъ колоній. Его хотѣли захватить; онъ убѣжалъ, но былъ лишенъ чиновъ и преслѣдуемъ Испанскими властями. Онъ получалъ отъ Англичанъ жалованье, бродилъ по Европѣ, замышляя отмщеніе за неудачу своихъ честолюбивыхъ плановъ и выжидая удобнаго случая, чтобы возвратиться въ Каракасъ и поднять тамъ возстаніе. Я тогда не зналъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ. Но такъ какъ Миранда явился ко мнѣ безъ всякихъ рекомендательныхъ писемъ, то я не захотѣлъ представить его Императрицѣ. Однако это его не остановило. Въ Константинополѣ онъ познакомился съ принцемъ Нассау, который ввелъ его къ Потемкину; очаровавъ

*) За независимость Американскихъ штатовъ, когда Испанія вмѣстѣ съ Франціею дѣйствовала противъ Англіи.

умомъ своимъ, онъ черезъ него добился негласной аудіенціи у Императрицы.

Явясь предъ Государыней, онъ прикинулся угнетеннымъ философомъ, жертвою инквизиціи и успѣлъ снискать ея вниманіе, такъ что, когда онъ уѣхалъ въ Петербургъ, Императрица приказала своему вицеканцлеру принять его достойнымъ образомъ какъ человѣка, котораго она уважаетъ. Изъ дальнѣйшаго разсказа видно будетъ, сколько хлопотъ доставило мнѣ его присутствіе по возвращеніи моемъ въ столицу.

Въ тѣ дни, въ которые князь Потемкинъ не принималъ гостей или, лучше сказать, не разыгрывалъ роль Азіатскаго владыки, я любилъ бывать у него по домашнему, видѣть его окруженнаго любезными племянницами и друзьями. Это былъ другой человѣкъ, правда, всегда причудливый, но остроумный и умѣвшій всегда придать занимательность разговорамъ самымъ разнообразнымъ.

Правила Русскихъ таможень были тогда чрезвычайно стѣснительны, строги и соблюдались съ чрезмѣрной точностью. Даже посланники принуждены были давать курьерамъ своимъ посылки опредѣленной величины, чтобы ни подъ какимъ видомъ, вмѣстѣ съ депешами, не замѣшались какіе-либо запрещенные товары. Но тѣ, которые писали законы и должны были наблюдать за исполненіемъ ихъ, чаще другихъ ихъ нарушали. Привожу для доказательства слѣдующій довольно странный случай. Когда мой камердинеръ Евраръ, котораго я послалъ курьеромъ въ Версаль съ подписаннымъ торговымъ договоромъ, возвратился съ этимъ актомъ по утвержденіи его нашимъ дворомъ, то Русское правительство, ради того, что онъ везетъ подарки короля Русскимъ министрамъ, дало приказаніе пограничной таможнѣ пропустить его безъ осмотра. Зная объ этомъ распоряженіи, онъ воспользовался имъ и, безъ моего вѣдома, пріѣхалъ въ Кіевъ въ каретѣ, набитой кружевами и разными запрещенными вещами. Разъ, завтракаю я у Потемкина съ его племянницами и нѣсколькими посторонними лицами и вдругъ замѣчаю, что нѣкоторые изъ присутствующихъ безпрестанно уходятъ въ сосѣднюю комнату и тщательно притворяютъ за собою двери. Всякій разъ, какъ я пытался тоже войти туда, одна изъ племянницъ князя задерживала меня подъ какимъ-либо предлогомъ. Это еще болѣе подстрекло мое любопытство; я при удобномъ случаѣ ускользнулъ, поспѣшно отворилъ дверь и увидѣлъ на большомъ столѣ, окруженномъ любопытными и покупателями, цѣлую огромную кучу разныхъ запрещенныхъ товаровъ, которые мой камердинеръ показывалъ, всячески выхваляя ихъ достоинство и объявляя цѣну. Мое появленіе поразило всѣхъ. Князь, любопытные зрители, покупатели, всѣ были виновны и пойманы на дѣлѣ. Мой торговецъ, озадаченный, началъ поскорѣе сбирать свои ве-

щи. Я принялъ на себя гнѣвный видъ, выбранилъ контрабандиста и объявилъ ему, что отказываю ему отъ мѣста. Напрасно дамы старались меня уговорить и упрашивали простить его; я цѣлый часъ крѣпился, но наконецъ долженъ былъ уступить, когда самъ князь, первый министръ, просилъ у меня помилованія виновному. «Что же дѣлать, сказалъ я, когда, къ удивленію моему, вы сами въ числѣ виновниковъ и укрывателей?»

Среди всѣхъ этихъ веселыхъ собраній, праздниковъ, баловъ, забавъ, торжествъ, политика не оставалась въ бездѣйствіи, и со стороны Константинополя поднималась буря, предвѣстница тѣхъ, которыя почти цѣлыя тридцать лѣтъ волновали и тревожили Европу. Всѣ тогдашніе политики боялись, чтобы разрывъ Россіи съ Портою, возбудивъ соперничество прочихъ державъ, не произвелъ всеобщей Европейской войны. Въ самомъ дѣлѣ, казалось ясно, что если императоръ и Императрица попытаются нарушить политическое равновѣсіе и увеличить свои государства обширными Турецкими владѣніями въ Европѣ, то Франція, Пруссія и Швеція всѣми силами воспротивятся этимъ завоеваніямъ, даже если бы Англія соединилась съ двумя имперіями въ надеждѣ воспользоваться этимъ переворотомъ и овладѣть Архипелагомъ.

Уму человѣческому не суждено предвидѣть происшествій самыхъ близкихъ. Въ то время никто не думалъ о послѣдствіяхъ легкихъ смутъ, тогда волновавшихъ Францію. Всѣ, напротивъ того, полагали, что ея внутреннія безпокойства, происшедшія отъ дурного состоянія финансовъ, ослабятъ вѣсъ ея въ Европейскихъ дѣлахъ, такъ что всѣхъ тревожилъ одинъ лишь Востокъ. Дворъ Екатерины становился средоточіемъ политики; къ нему обращены были взоры всѣхъ государственныхъ людей. Екатерина II, при всей проницательности своего ума, жестоко ошибалась тогда насчетъ положенія Французскаго правительства, которому предвѣщала она славу и счастіе.

Въ Кіевѣ получилъ я послѣднее письмо отъ Верженя. Онъ поручалъ мнѣ сообщить Императрицѣ рѣшеніе короля собрать государственные чины всего королевства. Узнавъ объ этомъ, Императрица выразила мнѣ свое удовольствіе и съ увлеченіемъ выхваляла эту мѣру; она видѣла въ ней несомнѣнный залогъ будущаго возстановленія нашихъ финансовъ и учрежденія общественнаго порядка. «Я, право, не нахожу довольно словъ, сказала она, чтобы похвалить молодого короля, который для Франціи является достойнымъ соперникомъ Генриха IV». Всѣ иностранцы, находившіеся въ Кіевѣ, какой бы націи они ни были, поздравляли меня по этому случаю. Чувство человѣколюбія, благородство мысли, желаніе искоренить злоупотребленія и предразсудки, ослабить самовластіе и достигнуть свободы, которая въ собственномъ смыслѣ

есть справедливость, тайно волновали тогда всѣ души, окрыляли всѣ умы, оживляли всѣ сердца. Для личныхъ побужденій тогда еще не предвидилось ударовъ, ожидавшихся впослѣдствіи, и только одно общее благо было въ виду и на умѣ у каждаго. Счастливые дни, которые миновались навсегда! Какія благородныя мечтанія лелѣяли мы въ ту пору нашей неопытности! И для чего взрывъ страстей и ярость духа партій съ той поры изсушили души, отравили самыя естественныя чувства и далеко отдалили благополучіе, къ которому мы всѣ, казалось, стремились, единодушно озаренные свѣточами разума и истины, вскорѣ превратившимися въ факелы раздора? Я тогда чистосердечно раздѣлялъ блестящія надежды большей части моихъ современниковъ и не понималъ темныхъ предчувствій, которыя созваніе членовъ внушало моему отцу.

Въ письмахъ своихъ онъ говорилъ мнѣ о грядущихъ несчастіяхъ и о переворотахъ, почти неизбѣжныхъ. Онъ писалъ мнѣ: «Когда король пожелалъ узнать мое мнѣніе о намѣреніи созвать выборныхъ изъ народа, я посовѣтовалъ ему обсудить хорошенько всѣ возможныя послѣдствія такой мѣры; потому что въ настоящихъ обстоятельствахъ, при всеобщемъ волненіи умовъ, созваніе чиновъ можетъ послужить подготовкою къ народному сейму, а кто могъ взвѣсить послѣдствія этого?» Происшествія оправдали предсказанія стараго министра. Но тогда они показались мнѣ внушенными духомъ старины и предразсудковъ, который противится всякимъ нововведеніямъ, даже полезнымъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я узналъ о смерти графа Верженя. Это было несчастіе для Франціи и, можно сказать, потеря для всей Европы, на которую онъ оказывалъ благотворное вліяніе духомъ соглашенія, дальновидностью и благоразуміемъ. Графъ Монморенъ, заступившій его мѣсто, изъявилъ мнѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благоволеніе короля къ моей дѣятельности въ Россіи. Его величество поручилъ ему сказать мнѣ, что онъ доволенъ мною во всѣхъ отношеніяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было предписано утотребить всевозможныя старанія, чтобы развѣдать причины важныхъ недоразумѣній, возникшихъ въ Константинополѣ между Шуазелемъ и Булгаковымъ по поводу новыхъ споровъ, которые могли причинить войну, несмотря на всѣ наши старанія. Въ тоже время Шуазель писалъ мнѣ, что Булгаковъ грозилъ Турецкому министерству, безумно разжигая раздоръ, прекращенный нашимъ посредничествомъ, и притомъ еще не сообщалъ Французскому послу извѣстій о своихъ дѣйствіяхъ. Я зналъ, что Шуазель обыкновенно видѣлъ во всемъ только дурную сторону и часто тревожился напрасно. Но въ этомъ случаѣ его жалобы были основательны. Онъ въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ велъ себя съ достоинствомъ, ловко и благоразумно. Его объясненія были скромны

и благородны; онъ высказывалъ свои мнѣнія дивану рѣшительно и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожно. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ не устранялъ возможности примиренія въ случаѣ искренности со стороны Русскихъ. Если же Россія захотѣла разрыва, то онъ уничтожалъ всякій основательный предлогъ къ началію войны, и вслѣдствіе этого несправедливыя притязанія выказались бы ясно, со всей ихъ постыдной наготѣ.

Мое положеніе становилось щекотливо. Съ одной стороны, будучи въ свитѣ и въ близкихъ сношеніяхъ съ Императрицей, едва заключивъ выгодный торговый трактатъ съ ея министрами, я легко могъ навлечь на себя подозрѣніе въ потворствѣ выгодамъ Россіи, повидимому жертвуя для нея долгомъ изъ чувства благодарности. Съ другой стороны, я долженъ былъ избѣгать увлеченія въ разговорахъ, чтобы не оскорбить чѣмъ нибудь гордости Русскихъ и не выйти изъ роли согласителя, которую мнѣ задали. Наконецъ, мнѣ надобно было пользоваться временемъ, не дожидаясь наставленій моего двора; дѣло было спѣшное, молчаніе или медленность могли повредить ему. Побуждаемый такими обязанностями къ мѣрамъ рѣшительнымъ, каковы бы ни были послѣдствія ихъ, я избралъ тѣ, которыя мнѣ казались сообразными съ достоинствомъ моего монарха и моего отечества. Поэтому, испрося совѣщанія съ графомъ Безбородкомъ, который завѣдывалъ иностранными дѣлами, я объявилъ ему рѣшительно, что король не можетъ остаться равнодушнымъ, когда Русское правительство, испрося нашего посредничества (помощію котораго оно достигло удовлетворенія всѣхъ своихъ требованій), вдругъ, не извѣстивъ насъ, начинаетъ снова прежній споръ и слѣдовательно не ставитъ ни во что недавній, формальный договоръ, утвержденный подписью ея величества. Я между прочимъ напомнилъ также о данномъ мнѣ положительномъ обѣщаніи, что Русское правительство не будетъ требовать отъ Порты торжественнаго признанія правъ Императрицы на Грузію. Я сказалъ, что требовать этого признанія теперь, безъ особеннаго предлога и безъ нашего вѣдома, значитъ поступать наперекоръ пріязни, существующей между двумя государями, и что я приписываю это дѣйствіе одной неблагоразумной поспѣшности Булгакова, который, вѣроятно, не понялъ или нарушилъ свою обязанность. Наконецъ, я объявилъ, что буду ждать рѣшительнаго отвѣта, чтобы разсѣять сомнѣнія короля на счетъ этого непредвидѣннаго происшествія.

Въ отвѣтъ на это Русскій министръ сказалъ мнѣ вотъ что: «Императрица готова повторить королю увѣреніе въ своей дружбѣ. Она осталась совершенно довольна уговоромъ, состоявшимся въ Константинополѣ при посредничествѣ его величества, и требуетъ только его исполненія, напрасно и давно ею ожидаемаго. Порта, вмѣсто того, чтобы, по обѣщанію своему, послать Ахалцихскому пашѣ фирманъ, приказала

ему вступить въ переговоры съ Грузинскимъ царемъ Ираклiемъ, котораго продолжаетъ называть своимъ данникомъ. Она обѣщаетъ Ираклiю свое покровительство и защиту отъ Лезгинъ, а между тѣмъ позволяетъ ему держать въ своихъ владѣнiяхъ лишь небольшой отрядъ Русскихъ войскъ, да и то совѣтуетъ отдать ихъ въ распоряженiе Турецкимъ властямъ. Ираклiй, недовольный этими стѣсненiями, прекратилъ всякiе переговоры съ Турцiею и извѣстилъ насъ о своихъ дѣйствiяхъ. Вслѣдствiе того Булгакову повелѣно было, не посылая официальной ноты, жаловаться словесно и ускорить отсылку фирмана къ пашѣ, соотвѣтственно уговору. Императрица ни въ какомъ случаѣ не уступитъ правъ своихъ на Грузiю, хотя и запретила Булгакову требовать гласнаго признанiя зависимости этой области отъ Россiи. Что же касается Закубанскихъ Татаръ, которые безпрестанно дѣлаютъ набѣги на наши владѣнiя, то мы весьма скромно говоримъ Туркамъ: «Если это ваши подданные, то накажите ихъ; если нѣтъ, то предоставьте намъ съ ними справиться». Порта получила разрѣшенiе взять изъ Крыма соли на продовольствiе 100,000 человѣкъ; она забираетъ на цѣлый милiонъ. Запорожскiе казаки, поселенные на земляхъ султана, должны были оставаться за Бугомъ, а имъ дозволили селиться близъ Очакова. Впрочемъ послѣднiя два обстоятельства могутъ быть устранены частными сдѣлками съ Турецкими властями и не послужатъ поводомъ къ важнымъ несогласiямъ. Что касается до Булгакова, то онъ получитъ приказанiе оказывать должное вниманiе Французскому послу, и если онъ нарушитъ долгъ свой, то я его извѣщу о неудовольствiи Императрицы».

Вслѣдъ за тѣмъ я узналъ, что настоящею причиною этихъ внезапныхъ недоразумѣнiй съ обѣихъ сторонъ была неоткровенность во взаимныхъ отношенiяхъ. Турки точно старались увернуться отъ исполненiя своихъ обѣщанiй относительно фирмана.

Русское министерство, осторожное въ своихъ инструкцiяхъ, приказало Булгакову только жаловаться словесно и въ умѣренныхъ выраженiяхъ. Но въ тоже время посолъ получалъ другого рода наставленiе отъ Потемкина, который въ тайнѣ желалъ войны. Онъ надѣялся предводительствовать войскомъ и имѣть такимъ образомъ возможность получить Георгiевскую ленту, которой одной только недоставало, чтобы удовлетворить его тщеславiе.

Боялся ли Булгаковъ могущественнаго министра, или думалъ исполнить тайные замыслы Императрицы, но онъ послѣдовалъ увѣщанiямъ Потемкина, увлекся, принялъ грозный и высокомѣрный тонъ. Наконецъ, боясь сопротивленiя со стороны нашего посла, Булгаковъ скрылъ отъ него свои дѣйствiя и отъ пустыхъ переговоровъ дошелъ до важнаго спора,

который усиливался при дѣятельныхъ интригахъ со стороны Англіи и Пруссіи. Эти двѣ державы, недовольныя торговымъ договоромъ, который я заключилъ между Франціею и Россіею, представили его Турецкому правительству, какъ одно изъ слѣдствій союза противъ него.

Но крайнее раздраженіе возбуждалось великимъ числомъ войскъ, которыя князь Потемкинъ подвинулъ къ Черному морю, желая будто бы придать тѣмъ болѣе величія и пышности зрѣлищу, представленному Европѣ въ видѣ торжественнаго поѣзда Императрицы. Султанъ съ явнымъ безпокойствомъ замѣчалъ, что его пограничныя съ Россіею области полны пѣхотой и конницей и снабжены артиллеріею, что войска эти превосходно обмундированы, что заготовленъ знатный запасъ денегъ и продовольствія, и что все было готово къ начатію войны и взятію Очакова при первомъ знакѣ, поданномъ Екатериною. Впрочемъ мое нѣсколько пылкое вмѣшательство послужило въ пользу: передо мною оправдывались. Къ тому же Австрійскій императоръ, казалось, не одобрялъ разрыва съ Портою. Пруссія и Англія ясно выражали свое сопротивленіе честолюбивымъ видамъ Россіи. По всему видно было, что тогда Императрица, будучи благоразумнѣе своего перваго министра, еще не желала войны и отложила до другаго времени исполненіе своего задушевнаго и обширнаго предпріятія, котораго цѣлью было не покореніе Константинополя, но созданіе Греческой державы изъ завоеванныхъ областей, съ присоединеніемъ Молдавіи и Валахіи для того, чтобы возвести на новый престолъ великаго князя Константина.

Какъ бы то ни было, но Екатерина, при первомъ свиданіи съ Потемкинымъ, съ такою живостью укоряла его за поспѣшность, что онъ счелъ должнымъ извиниться передо мною. «Я согласенъ, сказалъ онъ мнѣ, что, при первомъ извѣстіи о переговорахъ Турокъ съ Ираклiемъ и о набѣгѣ Татаръ, которые побили до 300 нашихъ казаковъ, я, можетъ быть, увлекся въ минуту негодованія и ввелъ Булгакова въ ошибку, пославъ ему слишкомъ рѣшительныя предписанія. Впрочемъ, могу васъ увѣрить, что нашъ посолъ, не увѣдомивъ о своихъ дѣйствіяхъ г. Шуазёля, поступилъ несообразно съ моими наставленіями, и я уже писалъ ему, чтобы онъ поправилъ ошибку и не утаевалъ бы ничего отъ вашего посла».

Я немедленно увѣдомилъ Шуазёля объ этихъ заявленіяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ я извѣстилъ его о дѣятельныхъ вооруженіяхъ Русскихъ войскъ въ Херсонѣ и Севастополѣ. «Не смотря на склонность къ миру, въ чемъ меня увѣряютъ, писалъ я ему, опасности, грозящія Оттоманской имперіи, увеличиваются. Кажется, нельзя ей предвѣщать спокойствія болѣе году. Дѣйствуя политично и справедливо, мы должны разсѣять недовѣрчивость, внушенную Туркамъ нашими врагами. Намъ не слѣ-

дуетъ успокоивать ихъ въ то время, когда Русскіе такъ грозно укрѣпляются въ ихъ сосѣдствѣ на Черномъ морѣ, но должно посовѣтовать имъ также стать въ оборонительное положеніе и принять грозный видъ».

Съ нѣкотораго времени въ политикѣ императора замѣтна была видимая перемѣна. Вовсе не отвѣчая видамъ своей союзницы, Екатерины II, онъ приказалъ графу Кобенцелю соединиться со мною и помогать мнѣ въ моихъ попыткахъ отдалить Русское правительство отъ опаснаго намѣренія вторгнуться въ предѣлы Турціи. Императоръ поступилъ въ этомъ случаѣ чистосердечно. Впрочемъ, по многимъ причинамъ я полагалъ, что если онъ не соглашался на совершенное изгнаніе Турокъ и взятіе Константинополя, однакоже не воспрепятствовалъ бы Екатеринѣ занять Очаковъ и Аккерманъ и такимъ образомъ безъ затрудненія овладѣть торговлею Чернаго моря и устьями Днѣпра и Днѣстра.

Мнѣніе Шуазёля на этотъ счетъ совершенно сходилось съ моимъ, и онъ старался оживить сонливыхъ Турокъ, побуждалъ ихъ снаряжать флотъ, усилить крѣпости, послать войска къ Дунаю и наконецъ совѣтовалъ имъ отвѣчать на угрозы Булгакова въ умѣренныхъ, но прямыхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ.

Переговоры по поводу фирмана, Татаръ и Запорожцевъ шли своимъ чередомъ. Императрица, вновь сообщивъ мнѣ свои жалобы на Порту, объявила мнѣ, что, жертвуя всѣмъ для достиженія мира, она намѣрена оставить въ покоѣ Турокъ за ихъ переговоры съ Ираклiемъ и будетъ терпѣливо ждать, пока Порта сама сознаетъ неприличіе и несправедливость отказа исполнить уговоръ, заключенный и скрѣпленный при посредничествѣ Франціи.

Всѣ эти увѣренія, равно какъ и дѣйствія Австріи, могли бы совершенно успокоить меня при другихъ обстоятельствахъ. Но нельзя было полагаться на будущее въ государствѣ, гдѣ первый министръ имѣлъ столько силы и смѣлости, что могъ предписывать враждебный образъ дѣйствій послу, могъ подвигать войска въ Польшу и снова возвращать ихъ по своему усмотрѣнію, не дожидаясь разрѣшенія Государыни и не извѣщая о томъ другихъ министровъ.

Между тѣмъ я получилъ отъ моего двора депешу, въ которой мнѣ предписывался именно тотъ образъ дѣйствія, какому я слѣдовалъ по поводу Турецкихъ дѣлъ. Вскорѣ послѣ того Монморень, по приказанію короля, выразилъ мнѣ его благоволеніе за то, что я отгадалъ ихъ намѣренія въ такихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ.

Князь Потемкинъ, которому не нравились мои и Кобенцеля дѣйствія, не могъ болѣе удержаться и высказалъ мнѣ свое неудовольствіе. «Стало быть рѣшено, сказалъ онъ, что ваша нація, самая образован-

ная въ мірѣ, будетъ всегда защитницею изувѣровъ и невѣждъ. И все это подъ предлогомъ торговыхъ выгодъ, которыя могли бы быть вполнѣ замѣнены для васъ пріобрѣтеніями въ Архипелагѣ. Вся Европа въ правѣ обвинять Францію, которая упорно охраняетъ въ нѣдрахъ ея варварство и чуму».

Я всегда затруднялся опровергать это мнѣніе, которое не могъ не оправдывать внутренно. Но, чтобы исполнить долгъ свой, я отвѣчалъ, что Потемкинъ, какъ человѣкъ просвѣщенный, можетъ лучше другого понять и оцѣнить причины, по которымъ Французскій король, видя свое государство цвѣтущимъ, спокойнымъ и сильнымъ, не можетъ не желать сохраненія всеобщаго мира Европы. «Надежды на пріобрѣтенія, продолжалъ я, которыхъ выгоды болѣе мнимыя, нежели дѣйствительныя, не заставятъ его рѣшиться возмутить благоденствіе его подданныхъ и общественное спокойствіе, захватить владѣнія давняго своего союзника, наконецъ возобновить времена крестовыхъ походовъ, и все это для того, чтобы произвести дѣлежъ, который возбудилъ бы честолюбіе, алчность и зависть прочихъ державъ. Европа сдѣлалась бы тогда позорищемъ всеобщей войны, которая, подобно тридцатилѣтней, длилась бы долго и разрушительно».

Почти въ это же время Фитцъ-Гербертъ получилъ депеши отъ Лондонскаго кабинета, который отказывался подписать окончательный договорный актъ, посланный Русскимъ правительствомъ. Съ тѣхъ поръ переговоры о возобновленіи торговаго договора между Англіею и Россіею были окончательно прерваны. Между тѣмъ произошелъ обмѣнъ подписанныхъ обоими государями актовъ договора, который я заключилъ незадолго предъ тѣмъ. Каждый изъ Русскихъ уполномоченныхъ получилъ отъ короля по 40,000 франковъ и портретъ его величества осыпанный брилліантами и стоившій почти тоже; Русская и Французская канцеляріи получили каждая по 1,000 червонцевъ. Мнѣ Императрица тоже подарила свой портретъ, осыпанный брилліантами, прекрасные мѣха и 40,000 франковъ. Такъ какъ вскорѣ послѣ того ее написали въ дорожномъ нарядѣ, она мнѣ дала другой портретъ, отличавшійся большимъ сходствомъ.

Сообразно съ полученными мною приказаніями, я выразилъ Императрицѣ удовольствіе короля по случаю заключенія дружественныхъ связей съ ея величествомъ. «Король, сказалъ я, желаетъ усилить и утвердить довѣренность, залогомъ которой служитъ этотъ договоръ, желаетъ скрѣпить болѣе и болѣе этотъ союзъ, столь полезный для спокойствія Европы, въ увѣренности, что равновѣсіе ея удобно можетъ быть поддержано двумя великими державами, которыя въ настоящихъ обстоятельствахъ должны быть руководимы одинакими цѣлями».

Отвѣтъ Императрицы былъ любезенъ, обязателенъ и совершенно сообразенъ моимъ миролюбивымъ ожиданіямъ. Но недостаточно было утвержденіе торговаго договора. Нужно было привести его въ дѣйствіе. Я совѣтовалъ Монмореню условиться съ государственнымъ контролёромъ, какими способами можно было бы поощрить водвореніе Французскихъ торговыхъ домовъ въ Русскихъ портахъ. Это было дѣло необходимое, безъ котораго весь договоръ становился безполезнымъ. При этомъ я напомнилъ Монмореню о благоразумномъ устройствѣ Англійскихъ факторій. Для поощренія нашего мореплаванія на Черномъ морѣ я предлагалъ сбавить нѣкоторыя взысканія и пошлины, которымъ подлежатъ и наши суда, тогда какъ ими слѣдовало облагать только суда иностранныя. Я требовалъ также заведенія въ нашихъ портовыхъ городахъ школъ для обученія языкамъ Англійскому и Нѣмецкому, чтобы наши купцы не были принуждены предпочитать своимъ наемныя арматорскія суда Англичанъ, Голландцевъ и Гамбургцевъ. Эти предостереженія и совѣты были однако напрасны. Волненіе во Франціи тогда уже слишкомъ усилилось, и наши министры исключительно занялись мѣрами предупрежденія переворота, котораго приближеніе они предчувствовали. Чѣмъ болѣе страшились смутъ внутреннихъ, тѣмъ болѣе старались отклонить всякій поводъ къ войнѣ. Поэтому нашъ министръ снова писалъ ко мнѣ, чтобы я извѣдалъ обстоятельно настоящія намѣренія двухъ императорскихъ дворовъ. Для этого мнѣ надо было преодолѣть множество препятствій. Лица, годныя для того, мелкіе чиновники, чрезъ которыхъ я узналъ многое, были въ отсутствіи. Я былъ окруженъ придворными, ничего не знавшими. Политическія тайны того времени оставались въ вѣдѣніи Екатерины, Потемкина и Безбородки. Никогда я не былъ такъ близокъ къ особѣ Государыни и такъ удаленъ отъ дѣлъ.

Однако, наблюдая новое и двуличное направленіе Австрійской дипломаціи, нетрудно было понять, что императоръ, хотя наружно и принялъ видъ искренняго друга Императрицы, чувствовавшій такую же, какъ и она, ненависть къ Туркамъ, однако готовъ былъ поддержать насъ въ стараніи предупредить несогласіе съ Портою. Основываясь на этомъ, я надѣялся, что графъ Кобенцель, по пріѣздѣ императора, объяснитъ мнѣ многое, такъ какъ политическое согласіе, водворившееся между императоромъ и Императрицею, могло давать ему возможность узнавать тайны мнѣ недоступныя. Воображеніе Екатерины не могло оставаться въ покоѣ; отъ того ея предначертанія были болѣе смѣлы, нежели обдуманны. Эта быстрота ума, казалось, нерѣдко подавляла въ зародышѣ нѣкоторые изъ ея творческихъ замысловъ. Она въ одно и тоже время хотѣла образовать среднее сословіе, привлечь

иностранную торговлю, заводить фабрики, распространить земледѣліе, утвердить кредитъ, умножить ассигнаціи, возвысить курсъ монеты и уменьшить лажъ, строить города, основывать академіи, населять степи, покрыть Черное море обширнымъ флотомъ, обезсилить Татаръ, вторгнуться въ Персію, расширить свои завоеванія въ Турціи, обуздать Польшу и распространить свое вліяніе на всю Европу. Все это были огромныя предпріятія, и хотя много дѣла предстояло въ едва просвѣщенномъ государствѣ, однако было бы полезнѣе ограничить предметы преобразованій или, по крайней мѣрѣ, отказавшись отъ замысловъ завоеваній, заняться внутреннимъ благосостояніемъ, которое одно лишь доставляетъ истинную славу монархамъ. Впрочемъ Екатерина уже пользовалась нѣкоторыми плодами своихъ трудовъ. Кроткое правленіе ея способствовало быстрому умноженію населенія; многія фабрики шли успѣшно; земледѣліе усиливалось быстро; вновь основанныя школы постепенно смягчали нравы и разливали свѣтъ просвѣщенія; суды рѣшали справедливѣе и сообразнѣе съ законами всѣ дѣла, если только они не касались сильныхъ особъ, крѣпостная зависимость смягчилась, пожалованіе дворянству правъ собираться, выбирать предводителей и судей и приносить жалобы монарху оживило дѣятельность помѣщиковъ, пріучало ихъ къ занятіямъ и приготовляло такимъ образомъ правительству полезныхъ дѣятелей, а вмѣстѣ съ тѣмъ предотвращало вредное вліяніе обѣихъ столицъ, изнурявшихъ Россію сосредоточеніемъ всей промышленности, всего богатства и всей производительности имперіи.

Не смотря на то, что мнѣ высказывали желаніе сохранить миръ, я замѣчалъ однако какую-то мнительность и безпокойство, несогласныя съ этими миролюбивыми намѣреніями. Такъ напримѣръ всѣмъ иностранцамъ, желавшимъ ѣхать въ Херсонъ, Крымъ и вообще въ области, подвѣдомыя управленію Потемкина, отказывали въ выдачѣ паспортовъ и лошадей. Ламетъ изъявилъ желаніе ѣхать въ Константинополь черезъ Херсонъ. Ему не дали рѣшительнаго отказа, но князь просилъ, чтобы я уговорилъ его отложить это намѣреніе. «При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, сказалъ онъ мнѣ, эта поѣздка можетъ не понравиться Императрицѣ. Она повѣрила бы тогда ложнымъ подозрѣніямъ, которыя ей внушаютъ на счетъ Французовъ, и это повредитъ нашимъ стараніямъ склонить ее къ дружбѣ съ вашимъ дворомъ. Между Портой и нами, по настоящему, нѣтъ разрыва; но такъ какъ обѣ стороны вооружаются, то Императрицѣ было бы непріятно знать, что Французскій полковникъ, котораго она обласкала, проѣхалъ черезъ всѣ наши военные посты прямо въ Турецкій лагерь. Разумѣется, въ качествѣ министра, я готовъ выдать вамъ нужныя бумаги, если вы непремѣнно

этого потребуете; но, какъ другъ, я совѣтую вамъ избѣгать всего, что можетъ повредить взаимному согласію, только что утвердившемуся».

Я отвѣчалъ, что думать такъ значитъ уже слишкомъ много придавать значенія поѣздкѣ молодого Француза, путешествующаго для удовольствія и изъ любознательности; я увѣрялъ князя, что если бы намъ грозила война съ Англіею, и какой-нибудь Русскій генералъ случился тогда во Франціи, то мы безъ всякаго опасенія пустили бы его изъ Бреста въ Портсмутъ. Я однако исполнилъ его желаніе, потому что всегда старался водворять согласіе и предотвращать ссоры. Хотя Ламета изумила такая недовѣрчивость, но онъ изъ дружбы ко мнѣ рѣшился снести эту непріятность. Мнѣ казалось страннымъ, что Шуазёль не переставалъ тревожиться и жаловаться и усердно побуждалъ Турокъ къ вооруженію, между тѣмъ какъ я уже послалъ ему депеши, чтобы успокоить его. Графъ Безбородко объяснилъ мнѣ въ чемъ дѣло: онъ сказалъ, что курьеръ, посланный мѣсяцъ тому назадъ съ его депешами къ Булгакову и съ моими къ Шуазёлю, былъ захваченъ и ограбленъ на границѣ. Впослѣдствіи будетъ объяснено, какимъ образомъ этотъ случай помѣшалъ успѣху нашихъ стараній успокоить Порту и предотвратить разрывъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого князь Потемкинъ намекнулъ мнѣ о союзѣ, который, по его мнѣнію, можно и должно было заключить между Россіею и Франціею. Пользуясь этимъ случаемъ, я сказалъ ему: «Прежде всего нужно бы увѣриться въ настоящихъ намѣреніяхъ Русскаго двора и узнать, откажется ли онъ искренно отъ мысли о разрушеніи государства, котораго безопасность важна для многихъ значительныхъ державъ».

«Пусть такъ, отвѣчалъ Потемкинъ, если ужъ вы непремѣнно хотите сохранить чуму и полагаете, что христіанское государство или Греческія республики будутъ менѣе благопріятны для вашей торговли, нежели гордые, своевольные и высокомѣрные мусульмане. Но, по крайней мѣрѣ, вамъ бы слѣдовало согласиться на то, что Турокъ должно стѣснить въ болѣе естественныхъ, подобающихъ имъ границахъ для избѣжанія безпрестанно ожидаемыхъ войнъ».

«Понимаю, отвѣчалъ я. Вамъ нужны Очаковъ и Аккерманъ: это почти тоже, что̀ требовать Константинополя. Это значитъ объявить войну будто бы для того, чтобы доказать, что вы желаете сохранить миръ».

«Вовсе нѣтъ, возразилъ онъ; но если на насъ нападутъ, мы возмемъ вознагражденіе такое, какое захотимъ. Если бы вы только захотѣли, есть возможность безъ всякой войны объявить Молдавію и

Валахію независимыми и освободить эти христіанскія страны отъ меча злодѣевъ и отъ грабежей разбойниковъ».

«Безъ войны? воскликнулъ я, никогда! Турки не согласятся на такую уступку, пока не будутъ побѣждены».

Разговоръ тѣмъ и кончился. Онъ послужилъ мнѣ доказательствомъ, что если могущественный министръ такъ думаетъ, то графу Безбородку трудно поддержать въ Императрицѣ мирное расположеніе, къ которому она склонялась и которое тогда, повидимому, было чистосердечно и непритворно. Курьеръ изъ Константинополя привезъ Потемкину извѣстія, которыя возбудили негодованіе Императрицы. Булгаковъ писалъ, что нѣсколько Французскихъ офицеровъ, назвавшись купцами, отправились въ Очаковъ. Я сказалъ князю, что такъ какъ границы Турціи въ опасности, то пусть онъ не удивляется, что Франція, ея союзница, употребляетъ для ея защиты офицеровъ, посланныхъ нашимъ правительствомъ въ Константинополь, но что я не понимаю, для чего они скрывались подъ видомъ купцовъ, потому что мы дѣйствуемъ прямо и открыто. Англичане воспользовались этимъ случаемъ, чтобы возбудить подозрѣніе Императрицы, и въ продолженіе нѣкотораго времени расположеніе ея ко мнѣ измѣнилось въ явную холодность.

Въ это время оппозиціонная Польская партія старалась воспользоваться пребываніемъ Императрицы въ Кіевѣ, чтобы унизить въ ея мнѣніи короля Станислава. Потоцкій, своимъ доносомъ, и генералъ Браницкій, чрезъ свою жену, племянницу Потемкина, увѣряли князя, что король не соглашается на уступки, которыя Русскіе хотѣли пріобрѣсть въ Польшѣ. Но принцъ Нассау и графъ Штакельбергъ уничтожили ихъ продѣлки и помирили короля съ первымъ министромъ. Князь Делинь писалъ по этому случаю: «Знаете ли, что̀ дѣлаютъ здѣсь эти паны великой и малой Польши? Они обманываются, ихъ обманываютъ, и они въ свою очередь обманываютъ. Жены ихъ льстятъ Императрицѣ и полагаютъ, что она не знаетъ, какъ ее осуждали подъ шумокъ послѣдняго сейма. Всѣ ловятъ взглядъ Потемкина, а взглядъ этотъ не легко поймать, потому что князь не то близорукъ, не то косъ. Прекрасныя Полячки добиваются Екатерининской ленты, чтобы кокетничать ею и возбуждать зависть своихъ родственницъ и знакомыхъ. Императрица недовольна посланниками Англійскимъ и Прусскимъ за то, что они подстрекаютъ Турокъ, между тѣмъ, какъ сама не даетъ имъ покою. Здѣсь желаютъ и боятся войны. Сегюръ всячески старается предотвратить ее. Я ничѣмъ не рискую, а скорѣе могу достигнуть славы, и потому! искренно желаю войны; пріятель мой ставитъ мнѣ въ укоръ такое опасное желаніе, и я отказываюсь отъ него;

но иногда вновь взволнуется кровь, и я опять возвращаюсь къ моей мечтѣ». Изъ этого видно, что этотъ другъ, хотя и пользовался довѣріемъ Екатерины, не могъ содѣйствовать мнѣ, чтобы утвердить въ умѣ Государыни мысль о мирѣ.

Станиславъ предложилъ Императрицѣ вспомогательное войско. Она не приняла его. Дѣла шли благопріятно для короля, но онъ не умѣлъ ими пользоваться. Глава буйнаго народа, легкомысленный, добродушный и хлéсткій, тогда какъ нужно было выказывать твердость и благоразуміе, Станиславъ тяготился легкимъ вѣнцомъ своимъ; его притѣсняли сосѣди и презирали подданные.

Зима миновала. Днѣпръ освободился изъ ледяныхъ оковъ своихъ; природа, сбросивъ траурный покровъ и засіявъ блескомъ весны, подавала Екатеринѣ знакъ къ отъѣзду. Мы отпраздновали день ея рожденія. Помолясь усердно въ Печерскомъ монастырѣ, Императрица раздала много наградъ, лентъ, брилліантовъ и жемчугу. Делинь сказалъ: «Кіевская Клеопатра не глотаетъ жемчуговъ, а раздаетъ ихъ во множествѣ». Наконецъ, 22 Апрѣля 1787 Императрица пустилась въ путь на галерѣ *), въ сопровожденіи великолѣпнѣйшей флотиліи, которая когда либо шла по широкой рѣкѣ. Она состояла изъ 80 слишкомъ судовъ съ 3,000 человѣкъ матросовъ и солдатъ. Впереди шли семь нарядныхъ галеръ огромной величины, искусно расписанныхъ, съ множествомъ ловкихъ матросовъ въ одинаковой одеждѣ. Комнаты, устроенныя на палубахъ, блистали золотомъ и шелками. Одна изъ тѣхъ галеръ, которыя слѣдовали за царскою, была назначена Кобенцелю и Фитцъ-Герберту; другая Делиню и мнѣ; прочія были отданы князю Потемкину и его племянницамъ, оберъ-каммергеру, шталмейстеру, министрамъ и сановникамъ, которые удостоились чести сопровождать Императрицу. На остальныхъ судахъ помѣстились разные служители, пожитки, провизія. Г-жа Протасова и графъ Мамоновъ находились на галерѣ ея величества. Каждый изъ насъ имѣлъ комнату и еще нарядный и роскошный кабинетъ, съ покойными диванами, съ чудесною кроватью подъ штофною занавѣсью и съ письменнымъ столомъ краснаго дерева. На каждой изъ галеръ была своя музыка. Множество лодокъ и шлюпокъ носилось впереди и вокругъ этой эскадры, которая, казалось, создана была волшебствомъ.

Мы подвигались медленно, часто останавливались и, пользуясь остановками, садились на легкія суда и катались вдоль берега, вокругъ зеленѣющихъ островковъ, которыми усѣяна рѣка. Множество народа громкими кликами привѣтствовало Императрицу, когда, при громѣ пушекъ, матросы мѣрно ударяли по волнамъ Борисѳена своими блестя-

*) Галера Императрицы называлась *Днѣпръ*.

щими, расписанными веслами. По берегамъ появлялись толпы любопытныхъ, которые безпрестанно мѣнялись и стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы видѣть торжественный поѣздъ и поднести въ даръ Императрицѣ произведенія различныхъ мѣстностей. Порою на береговыхъ равнинахъ Днѣпра маневрировали легкіе отряды казаковъ. Города, деревни, усадьбы, а иногда простыя хижины такъ были изукрашены цвѣтами, расписанными декораціями и тріумфальными воротами, что видъ ихъ обманывалъ взоръ, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебно созданными замками, великолѣпными садами. Снѣгъ сталъ; земля покрылась яркою зеленью; луга запестрѣли цвѣтами; солнечные лучи оживляли, одушевляли и украшали всѣ предметы. Гармоническіе звуки музыки съ нашихъ галеръ, всякаго рода наряды побережныхъ зрителей разнообразили эту роскошную и живую картину. Когда мы подъѣзжали къ большимъ городамъ, то передъ нами на опредѣленныхъ мѣстахъ выравнивались строемъ превосходные полки, блиставшіе красивымъ оружіемъ и богатымъ нарядомъ. Противуположность ихъ щегольскаго вида съ наружностью Румянцовскихъ солдатъ уже доказывала намъ, что мы оставляемъ области этого маститаго, знаменитаго воина и вступаемъ въ мѣста, которыя судьба подчинила власти Потемкина. Стихіи, весна, природа и искусство, казалось, соединились для торжества этого могучаго любимца. Окружая Императрицу такими дивами, когда она проѣзжала страны, недавно покоренныя ея оружіемъ, онъ надѣялся воспламенить ея самолюбіе и внушить ей желаніе и смѣлость рѣшиться на новыя завоеванія.

Мы были свободны только по утрамъ и пріятно проводили ихъ въ чтеніи, въ разговорахъ, въ переходахъ съ одной галеры на другую и въ прогулкахъ по берегамъ. Въ часъ мы отправлялись на царскую галеру и обѣдали съ Императрицей. Столъ ея, какъ всегда, былъ накрытъ на десять приборовъ. Только разъ въ недѣлю она сзывала всю свиту, имѣвшую честь сопровождать ее. Тогда столъ устраивался на огромномъ суднѣ, гдѣ помѣщалось до 60 человѣкъ.

Чрезъ пять дней по отъѣздѣ нашемъ мы остановились въ Канёвѣ, гдѣ насъ ожидалъ Польскій король. Здѣсь было назначено свиданіе Станислава съ Екатериною. Оба они за 25 лѣтъ предъ тѣмъ связанные взаимною любовью блистали любезностью и красотою и съ тѣхъ поръ немало измѣнились и въ наружности, и въ чувствахъ своихъ. Принцу Девиню и мнѣ предстояло быть свидѣтелями изъявленія этой театральной признательности, въ которой политика значила больше, нежели дружба. Мы едва сдерживались, чтобы не улыбнуться, глядя на молодого любимца, который испытывалъ или дѣлалъ видъ что испытываетъ муку горести и ревности передъ свиданіемъ, сдѣлавшимся столь

чуждымъ любви. Было очевидно, что Станиславъ, съ ненадежною короною на головѣ, выпросилъ изъ страха и расчета краткое свиданіе у своей высокой покровительницы; согласіе на это дипломатическое свиданіе было дано, какъ уступка приличіямъ.

Я никогда не видалъ Императрицы болѣе любезною, какъ въ первый день нашего плаванія. За обѣдомъ было очень весело; мы всѣ рады были, что выѣхали изъ скучнаго Кіева, гдѣ льды держали насъ цѣлые три мѣсяца. Весна молодила наши умы. Прекрасная погода, великолѣпіе нашего флота, величественная рѣка, движеніе, радость зрителей, толпившихся по берегу, Азіатская или воинственная пестрота въ разнообразныхъ нарядахъ тридцати различныхъ народовъ, наконецъ увѣренность видѣть каждый день новые, любопытные предметы, все это возбуждало и подстрекало воображеніе, которое въ стремленіи своемъ опережало насъ самихъ. Не останавливаясь долго на одномъ предметѣ, мы въ разговорахъ нашихъ безпрестанно переходили отъ одного къ другому. Мы сравнивали прежнія времена съ новыми, Францію съ Греціей, Англію съ Карѳагеномъ, Пруссію съ Македоніею, имперію Екатерины съ Кировою, разсказывали анекдоты старые и новые. Императрица сообщила намъ нѣсколько случаевъ изъ жизни Петра Великаго и Елисаветы. Когда мы дивились скорости, съ какою она успѣла смягчить нравы, недавно еще столь грубые и суровые; она сказала намъ: «Правда, наши старики должны находить различіе при сравненіи ихъ времени съ нынѣшнимъ. Я не могу безъ ужаса думать о положеніи народа въ правленіе императрицы Анны или, лучше сказать, ея министра Бирона: этотъ жестокій человѣкъ, которому она довѣрялась, лишилъ жизни и сослалъ болѣе семидесяти тысячъ человѣкъ».

Мы говорили о дикихъ племенахъ, населявшихъ отдаленные края ея имперіи. «Потокъ времени еще не коснулся до этихъ кочующихъ народовъ, сказала Государыня; они издавна сохраняютъ первоначальную простоту нравовъ: живутъ подъ шатрами, питаются мясомъ и скопами отъ своихъ стадъ, подчинены начальникамъ, которые скорѣе отцы ихъ, нежели владыки. Можно считать ихъ счастливыми, потому что нужды ихъ ограничены и легко удовлетворимы. Если бы по прежнимъ намѣреніямъ моимъ я ихъ образовала, то это, можетъ быть, послужило бы къ ихъ развращенію. Небольшая дань мѣхами не обремепяетъ ихъ, потому что они охотятся по привычкѣ и по страсти».

Въ одномъ только отношеніи эти древнія орды Гунновъ, Киргизовъ, Татаръ, извѣстныя прежде подъ многими названіями, значительно измѣнились. Долго онѣ наводили страхъ своими кочеваньемъ, набѣгами и грабежами; но теперь образованные народы лишили ихъ возможности дѣлать новыя завоеванія, и эти племена потеряли прежній воин-

ственный духъ свой. Когда зашелъ разговоръ о ихъ вѣрѣ, шаманахъ или волхвахъ и идолахъ, Императрица сказала намъ, что иныя изъ этихъ племенъ придерживаются какихъ-то непонятныхъ вѣрованій, что жрецы ихъ сохранили древнѣйшій сборникъ молитвъ, притчъ и духовныхъ пѣсней, писанныхъ на языкѣ, совершенно неизвѣстномъ, и которыя они читаютъ по преданію, не понимая смысла ихъ. «Это возбудило мое любопытство, сказала она; я обратилась съ запросами къ ученымъ, но они объ этомъ предметѣ, какъ и о многихъ иныхъ, оказались ничего не знающими. Я однако приказала навести основательныя справки. Наконецъ, недавно уже открыли, впрочемъ еще не наѣрно, что эти молитвы писаны на древнемъ, священномъ языкѣ Индусовъ, на Санскритскомъ».

Такъ какъ въ продолженіе этой бесѣды Императрица въ бѣгломъ очеркѣ изобразила ученія законодателей Греціи, Азіи, Рима и Аравіи, то я замѣтилъ ей, что она послѣ этого, кажется, потеряла право смѣяться надъ учеными, по старой своей привычкѣ.

«Точно, прибавилъ Делинь, послѣ всего, что̀ мы слышали, мы, по совѣсти, принуждены включить васъ въ число тѣхъ ученыхъ, на которыхъ вы такъ нападаете».

«Да, я знаю, сказала Императрица, я вообще вамъ нравлюсь, и вы хвалите меня *«цѣликомъ»*, но разбирая меня подробнѣе, осуждаете во мнѣ многое. Я безпрестанно дѣлаю ошибки противъ языка и правописанія. Сегюръ знаетъ, что у меня иногда претупая голова, потому что ему не удалось заставить меня сочинить шесть стиховъ. Кромѣ шутокъ, я думаю, не смотря на ваши похвалы, что если бы я была частною женщиною во Франціи, то ваши милыя Парижскія дамы не нашли бы меня довольно любезною для того, чтобы отужинать съ ними».

«Прошу васъ вспомнить, Государыня, возразилъ я, что я здѣсь представитель Франціи и не долженъ допускать клеветъ на ея счетъ». Но Императрица, бывшая въ духѣ, продолжала въ томъ же тонѣ: «Какъ вы полагаете, чѣмъ бы я была, если бы родилась мужчиною и частнымъ человѣкомъ?» Въ отвѣтъ на это Фитцъ-Гербертъ сказалъ, что она была бы мудрымъ законовѣдцемъ, Кобенцель полагалъ, что она бы сдѣлалась великимъ министромъ, а я увѣрялъ ее, что она сдѣлалась бы знаменитымъ полководцемъ. «На этотъ разъ вы ошибаетесь, возразила она: я знаю свою горячую голову; я бы отважилась на все для славы и въ чинѣ поручика въ первую кампанію не снесла бы головы».

Въ другой разъ мы говорили о предположеніяхъ, которыя тогда дѣлались въ Европѣ по поводу ея путешествія. Мы всѣ были одинаковаго мнѣнія и увѣряли, что вездѣ будутъ думать, будто она съ импе-

раторомъ хочетъ завоевать Турцію, Персію, даже можетъ-быть, Индію и Японію, наконецъ, что странствующій кабинетъ Екатерины занимаетъ и тревожитъ всѣ прочіе. «Стало быть, сказала она, этотъ Петербургскій кабинетъ, находящійся теперь на водахъ Днѣпра, кажется весьма значительнымъ, если онъ такъ тревожитъ другіе?»

«Точно такъ, Государыня, сказалъ тогда Делинь; а между тѣмъ я не знаю ни одного, который былъ бы такъ малъ: онъ и весь-то въ нѣсколько дюймовъ, потому что простирается отъ одного виска до другаго и отъ переносицы до волосъ».

Намъ предстояло проплыть 446 верстъ отъ Кіева до Кайдака, гдѣ начинаются пороги, и гдѣ мы должны были пересѣсть въ кареты и ѣхать до Херсона.

Флотъ нашъ, распустивъ всѣ паруса, остановился подъ Канёвымъ, на вершинѣ и внизу котораго выстроились Польскія войска въ богатыхъ мундирахъ, съ блестящимъ оружіемъ. Пушки съ кораблей и изъ города возвѣстили прибытіе обоихъ монарховъ. Екатерина послала на прекрасной шлюпкѣ нѣсколько человѣкъ своихъ генераловъ привѣтствовать короля Польскаго. Король, чтобы избавиться отъ затруднительнаго этикета, хотѣлъ сохранить инкогнито, несогласимое, впрочемъ, съ торжественностію встрѣчи, и сказалъ посланнымъ, которые его сопровождали: «Господа, король Польскій поручилъ мнѣ представить вамъ графа Понятовскаго».

Когда онъ вступилъ на Императрицину галеру, мы окружили его, желая замѣтить первыя впечатлѣнія и слышать первыя слова двухъ державныхъ лицъ, которыя находились въ положеніи, далеко несходномъ съ тѣмъ, въ какомъ они были нѣкогда, сопряженные любовью, разлученные ревностью и гонимые ненавистію. Но мы обманулись въ нашихъ ожиданіяхъ, потому что, послѣ взаимнаго поклона, важнаго, гордаго и холоднаго, Екатерина подала руку королю, и они вошли въ кабинетъ, въ которомъ пробыли съ полчаса. Они вышли къ намъ, и мы, не имѣвъ возможности узнать, о чемъ у нихъ шла рѣчь, старались прочитать ее на ихъ лицахъ, но въ нихъ ничего не высказалось ясно. Черты Императрицы выражали какое-то необычное для нея безпокойство и принужденность, а въ глазахъ короля виднѣлся отпечатокъ грусти, которую не могла скрыть его принужденная улыбка.

Онъ учтиво обращался ко всѣмъ тѣмъ изъ насъ, которыхъ зналъ; прочихъ представила ему Императрица. Со мною онъ былъ очень любезенъ. Все было расчислено, чтобы наполнить день, который съ обѣихъ сторонъ желали провести скорѣе. Всѣ пересѣли въ красивыя шлюпки, чтобы переправиться на галеру, гдѣ долженъ былъ происходить обѣдъ. Трудно было представить себѣ судно великолѣпнѣе, изящ-

нѣе и роскошнѣе. За столомъ по правую руку Императрицы сидѣлъ король, по лѣвую — Кобенцель; князь Потемкинъ, Фитцъ-Гербертъ и я помѣстились противъ ихъ величествъ.

За обѣдомъ мало ѣли, мало говорили, только смотрѣли другъ на друга, слушали прекрасную музыку и пили за здравіе короля, при грохотѣ пушечнаго залпа. По выходѣ изъ-за стола, король взялъ изъ рукъ пажа перчатки и вееръ Императрицы и подалъ ей. Послѣ того онъ сталъ искать и никакъ не могъ найти свою шляпу; Императрица, замѣтивъ это, велѣла принести шляпу и подала ее королю. Принимая ее, Станиславъ сказалъ: «Когда-то, ваше величество, вы пожаловали мнѣ другую шляпу, которая много лучше этой» *).

Мы возвратились на царскую галеру. Король пробылъ еще немного времени и въ восемь часовъ уѣхалъ въ Капёвъ.

Когда наступила ночная темнота, Капёвская гора зардѣлась огнями; по уступамъ ея была прорыта канава, наполненная горючимъ веществомъ; его зажгли, и оно казалось лавою, текущею съ огнедышащей горы, и сходство было тѣмъ разительнѣе, что на вершинѣ горы взрывъ болѣе 100,000 ракетъ озарилъ воздухъ и удвоилъ свѣтъ, отразившись въ водахъ Днѣпра. Флотъ нашъ тоже былъ великолѣпно освѣщенъ, такъ что на этотъ разъ для насъ не было ночи. Король пригласилъ насъ къ себѣ, и мы отправились. Онъ далъ великолѣпный балъ, но Императрица отказалась участвовать въ немъ. Напрасно Станиславъ упрашивалъ ее остаться еще хоть сутки: пора милостей для него миновала! Екатерина сказала ему, что боится опоздать на встрѣчу Императора, который долженъ былъ съѣхаться съ нею въ Херсонѣ. Мы уѣхали на другое утро. Такъ минуло это свиданіе, которое, при всей своей великолѣпной театральности, займетъ мѣсто скорѣе въ романѣ, нежели въ исторіи. Въ нѣкоторомъ отношеніи оно было выгодно для короля: онъ успѣлъ разрушить замыслы партіи, вредившей ему. Князь Потемкинъ даже пытался помирить съ нимъ племянника своего, генерала Браницкаго; но Браницкій такъ неохотно склонился къ тому и велъ себя такъ неприлично гордо, что они разстались, еще болѣе недовольные другъ другомъ, чѣмъ прежде. Такъ какъ король выразилъ совершенную покорность волѣ Императрицы, то она, во уваженіе этого, рѣшилась защищать его отъ враговъ. Она пожаловала ему Андреевскую ленту, и съ ея дозволенія король надѣлъ орденъ

*) (Въ дневникѣ Храповицкаго: 26 Апрѣля 1787 г. „Были довольны, что избавились вчерашняго безпокойства. Князь Потемкинъ ни слова не говорилъ; принуждена была говорить безпрестанно; языкъ засохъ. Почти осердили, прося остаться. Король торговался на три, на два дня, или хотя для обѣда на другой день“).

Бѣлаго орла на генерала Энгельгардта, племянника Потемкина. По отъѣздѣ изъ Канева Станиславъ-Августъ поспѣшилъ на встрѣчу императору Іосифу II, надѣясь снискать его расположеніе и отвратить опасность, грозившую ему со стороны могучаго и честолюбиваго сосѣда, уже обнаружившаго желаніе распространить предѣлы Галиціи. Императоръ принялъ его ласково и увѣрялъ, что не только не замышляетъ гибели Польши, но что будетъ противиться другимъ державамъ, въ случаѣ покушеній ихъ на эту страну. Тщетныя обѣщанія! Въ глазахъ самыхъ строгихъ къ себѣ государей политика рѣдко подчиняется нравственнымъ законамъ: польза руководитъ ихъ дѣйствіями. Станиславъ, на время успокоенный, не замѣчалъ опасностей своего положенія. Одна лишь сила упрочиваетъ независимость; она уже пропала, коль скоро ея надежда возложена на чужое покровительство. Только готовностью къ борьбѣ можно внушить уваженіе къ себѣ и найти союзниковъ, вмѣсто покровителей.

Наше плаваніе было успѣшно. Иногда только насъ задерживали противные вѣтры. 10 Мая*) мы благополучно прибыли въ Кременчугъ.

Скучное пребываніе въ Кіевѣ, зима и въ особенности недовольный видъ Румянцова располагали къ грусти веселонравную Императрицу. По высадкѣ въ Кременчугъ иная картина представилась взорамъ ея: весна, ожививъ природу, придала предметамъ праздничный видъ, и свѣтлая, прелестная зелень украшала все, даже болота. Домъ обширный, красивый, построенный и расположенный по вкусу Екатерины; Англійскій садъ, въ которомъ волшебнымъ образомъ князь Потемкинъ насадилъ огромнѣйшія деревья; прекрасный видъ, украшенный тѣнистой зеленью, цвѣтами и водою; 12,000 вновь снаряженнаго войска; собраніе всего дворянства губерніи, въ богатыхъ нарядахъ, и купцовъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ имперіи; наконецъ, повсемѣстное движеніе послѣ трехмѣсячнаго покоя и близость къ цѣли этой необыкновенной поѣздки, занявшей вниманіе Европы: вотъ чѣмъ открылись для меня эти новыя зрѣлища. Удовольствіе Екатерины, при ежедневномъ видѣ новыхъ, занимательныхъ предметовъ, высказывалось ясно. Потемкинъ, необыкновенный всегда и во всемъ, явился здѣсь столько же дѣятельнымъ, сколько былъ лѣнивъ въ Петербургѣ. Какъ будто какими-то чарами умѣлъ онъ преодолѣвать всѣ возможныя препятствія, побѣждать природу, сокращать разстоянія, скрывать недостатки, обманывать зрѣніе тамъ, гдѣ были лишь однообразно-песчаныя равнины, давать пищу уму на пространствѣ долгаго пути и сообщать видъ жизни

*) (По новому стилю).

степямъ и пустынямъ. Станціи были размѣщены такимъ образомъ, что путешественники не могли утомиться: флотъ останавливался всегда въ виду селеній и городовъ, расположенныхъ въ живописныхъ мѣстностяхъ. По лугамъ паслись многочисленныя стада; по берегамъ располагались толпы поселянъ; насъ окружало множество шлюпокъ съ парнями и дѣвушками, которые пѣли простонародныя пѣсни; ничего не было забыто.

Надобно согласиться, что хотя Потемкинъ былъ плохой полководецъ, своенравный дипломатъ и далеко невеликій государственный человѣкъ, но за то самый необыкновенный, самый ловкій царедворецъ. Впрочемъ, если бы и снять искусственную оболочку съ его созданій, осталось бы все-таки много существеннаго. Когда онъ принялъ въ управленіе эти обширныя области, въ нихъ было только 200,000 жителей; а при немъ въ нѣсколько лѣтъ населеніе возросло до 800,000, число, впрочемъ, еще незначительное для пространства на 800 миль въ длину и 100 въ ширину.

Приращеніе это составляли колонисты Греческіе, Нѣмецкіе, Польскіе, инвалиды, уволенные солдаты и матросы *). Одинъ Французъ, поселившійся здѣсь за три года до нашего пріѣзда, сказалъ мнѣ, что, проѣзжая ежегодно эту страну, онъ находилъ новопостроенныя, богатыя селенія тамъ, гдѣ за годъ была пустыня.

Въ Кременчугѣ Потемкинъ далъ намъ зрѣлище большихъ маневровъ, въ которыхъ участвовали 45 эскадроновъ конницы и многочисленная пѣхота. Я рѣдко видывалъ такое прекрасное и блестящее войско. Движенія ихъ могли дать намъ понятіе объ этой тактикѣ, страшной для Турокъ, хотя, можетъ быть, и недостаточной противъ другихъ войскъ. Впослѣдствіи мы дали имъ славные уроки, которыми они прекрасно воспользовались. Вся ихъ тактика въ то время, какъ я ихъ видѣлъ, состояла въ движеніи четырьмя колоннами съ цѣпью стрѣлковъ впереди, предшествуемыхъ казачьимъ отрядомъ. Предположивъ, что непріятель приближается въ значительныхъ силахъ, колонны строились въ четыре большія трехшеренговыя карре; казаки отступали за колонны и, построясь фронтомъ въ одну шеренгу, становились въ ихъ промежутки такимъ образомъ, что весь боевой порядокъ имѣлъ видъ четырехъ бастіоновъ и двухъ куртинъ; артиллерія становилась въ углахъ карре. Въ эту минуту, предполагая, что карре окружены непріятелемъ (какъ обыкновенно бываетъ въ сраженіяхъ съ Турками), вдругъ открывался сильный огонь, послѣ котораго, если непріятель

*) (C'est un tas de canailles (толпа мошенниковъ), какъ однажды, уже по смерти Потемкина, выразилась Екатерина).

приведенъ въ замѣшательство, карре двигалось, стрѣлки высылались впередъ, а казаки, опустивъ пики, съ гикомъ бросались на опрокинутаго непріятеля, чтобы довершить его пораженіе.

Послѣ блистательнаго смотра войскъ, Императрица, чтобы выразить князю свое удовольствіе, сказала ему: въ порывѣ искренней радости: «Отъ Петербурга до Кіева мнѣ казалось, что пружины моей имперіи ослабли отъ употребленія; здѣсь онѣ въ полной силѣ и дѣйствіи».

Слѣдуя непремѣнной привычкѣ своей, Императрица и здѣсь принимала духовенство, мѣстное начальство и купцовъ, потомъ пригласила все дворянство на вечеръ, кончившійся баломъ, и вслѣдъ за тѣмъ возвратилась на свою галеру.

Несмотря на то, что рѣка становилась все шире, плаваніе наше затруднялось. Часто противные или слишкомъ слабые вѣтры прибивали насъ къ островамъ или останавливали на мели; иногда мы принуждены были стоять на якорѣ цѣлые сутки. Но видъ незнакомыхъ мѣстъ, пріятность поѣздки по странѣ, гдѣ недавно еще жили Запорожскіе казаки, разбойники и враги всякаго труда, а теперь поселились люди мирные и трудолюбивые, наконецъ уютность нашихъ галеръ, пріятное чтеніе и бесѣда, все это сокращало время такъ, что незначительныя остановки на этомъ дальнемъ пути доставляли намъ развлеченіе. Даже Императрица, казалось, была такъ довольна собой и нами, что не безъ досады ожидала скораго окончанія нашего плаванія. Она должна была спѣшить, чтобы не пришлось долго дожидаться ея императору, который, по дошедшимъ къ намъ извѣстіямъ, уже прибылъ въ Херсонъ.

Делинь, будучи двадцатью годами старше меня, удивлялъ меня живостью своего воображенія и юношескимъ умомъ. Рано утромъ будилъ онъ меня стукомъ въ тонкую перегородку, которая отдѣляла его кровать отъ моей, и читалъ экспромты въ стихахъ и пѣсенки, только что имъ сочиненныя. Немного погодя, его егерь приносилъ мнѣ письмо въ 4 и 5 страницъ, гдѣ остроуміе, шутка, политика, любовь, военные анекдоты и эпиграммы мѣшались самымъ оригинальнымъ образомъ. Онъ требовалъ немедленнаго отвѣта. Ничего не могло быть послѣдовательнѣе и точнѣе этой странной, ежедневной переписки, которую вели между собою Австрійскій генералъ и Французскій посолъ, лежа стѣна объ стѣну въ галерѣ, недалеко отъ Повелительницы Сѣвера, на волнахъ Борисѳена, въ землѣ казаковъ и на пути въ страны Татарскія. Множество разнообразныхъ забавъ, любопытные и остроумные разсказы Екатерины, дѣльныя хотя нѣсколько грустныя разсужденія Фитцъ-Герберта, шутки Нарышкина и неутомимая веселость Кобенцеля, ко-

торый заставилъ насъ разыгрывать пьески въ спальнѣ Государыни, все это пріятно разнообразило нашъ досугъ.

Между тѣмъ, препятствія и задержки на пути умножались, нетерпѣніе Государыни возрастало, какъ вдругъ мы получили извѣстіе, что императоръ, на другой день по пріѣздѣ въ Херсонъ, уѣхалъ оттуда и поспѣшилъ въ Кайдакъ, отъ котораго мы были недалеко. Императоръ намѣревался выѣхать на встрѣчу царской галерѣ; но Потемкинъ, который отправился впередъ въ Кайдакъ, предварилъ объ этомъ Императрицу, вслѣдствіе чего она вышла на берегъ, оставила почти всѣхъ насъ на галерахъ, сѣла въ карету, поспѣшила на встрѣчу императору и встрѣтила его близъ одинокаго казацкаго хуторка, гдѣ монархи пробыли нѣсколько часовъ и вмѣстѣ отправились въ Кайдакъ, куда и мы пріѣхали на слѣдующій день, 19 Мая утромъ.

Императрица собралась въ путь съ такою поспѣшностью, что даже не взяла достаточной прислуги, и потому нелегко было приготовить обѣдъ для двухъ державныхъ особъ. Князь Потемкинъ, генералъ Браницкій и принцъ Нассау весело состряпали обѣдъ, какъ умѣли и, разумѣется, плохо; иного нельзя было и ожидать отъ такихъ сановитыхъ поваровъ.

Мы пробыли въ Кайдакѣ весь день 19 числа, чтобы дождаться если не всѣхъ судовъ (потому что многія изъ нихъ сѣли на мель) то по крайней мѣрѣ тѣхъ, на которыхъ находились люди и вещи, необходимыя для продолженія нашего путешествія. 20 Мая мы расположились въ палаткахъ, въ восьми верстахъ отъ Кайдака, на мѣстѣ, гдѣ Императрица хотѣла построить Екатеринославъ. Въ царскомъ шатрѣ отслужили молебенъ, и государи, въ присутствіи архіепископа, совершили закладку собора новаго города въ чрезвычайно красивой мѣстности. Онъ долженъ былъ возникнуть на высотѣ, съ которой далеко виденъ извивающійся Днѣпръ, съ его лѣсистыми островками, оживляющими его теченіе въ этомъ мѣстѣ. Послѣ этого мы обѣдали на дачѣ мѣстнаго губернатора. Она была расположена по берегу рѣки, въ виду главнѣйшаго порога, который долго считался непреодолимымъ препятствіемъ для прохода торговыхъ судовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Днѣпръ въ этомъ мѣстѣ во всю свою ширину загроможденъ цѣпью скалъ, изъ которыхъ однѣ равны съ водою, а другія высятся надъ ея уровнемъ и мѣстами образуютъ нѣсколько до того шумныхъ водопадовъ, что мы не могли разслышать слова другъ друга. Потокъ здѣсь съ яростью и пѣною бьется о скалы. Съ перваго взгляда кажется, что невозможно проѣхать между этими скалами на самомъ легкомъ челнѣ и съ самыми отважными гребцами. Однакоже невдалекѣ стояло на якорѣ большое судно и лодка, назначенныя для проѣзда черезъ пороги. Князь По-

темкинъ, принцъ Нассау и я хотѣли было отважиться на эту поѣздку, но насъ остановило рѣшительное запрещеніе Императрицы. Суда въ виду насъ счастливо прошли опасный проливъ съ быстротою стрѣлы; но ихъ такъ сильно качало, что, казалось, они ежеминутно могутъ разбиться или исчезнуть въ волнахъ; особенно мелкія лодки безпрестанно пропадали изъ виду. Намъ сказали, что при полной водѣ проѣздъ этотъ удобнѣе, особенно при помощи ловкихъ старыхъ Запорожцевъ, привыкшихъ къ такимъ опаснымъ подвигамъ. Князь Потемкинъ такъ полагался на ихъ опытность и увѣреніе, что предположилъ спустить до Херсона всѣ суда, на которыхъ мы плыли изъ Кіева до Кайдака.

Изъ Екатеринослава мы выѣхали въ степь; такъ называются въ Россіи обширныя пустынныя равнины, совершенно лишенныя деревьевъ и только прорѣзанныя черезъ большіе промежутки совсѣмъ голыми холмами, у подножья которыхъ извиваются мелкіе ручьи. Сплошь и рядомъ приходится проѣхать 20, 30 верстъ не встрѣтивъ ни одного человѣка, ни дома, ни деревца. Въ Африкѣ пустыни песчаныя, на Востокѣ онѣ менѣе безплодны и представляютъ собою травяныя пастбища.

Огромныя стада овецъ и многочисленные табуны лошадей одни оживляютъ эти безконечныя степи, гдѣ ихъ оставляютъ бродить круглый годъ. При первомъ взглядѣ этотъ необъятный зеленѣющій горизонтъ, гдѣ ничто не останавливаетъ взора, производитъ тоже впечатлѣніе какъ океанъ; точно онъ придаетъ мыслямъ больше глубины и величія, но по мѣрѣ движенія впередъ, это однообразіе нагоняетъ грусть, и вскорѣ затѣмъ является страшное утомленіе отъ невозможности увидѣть что либо надъ собой и вокругъ себя кромѣ неба и безграничной степи. Единственное разнообразіе доставляютъ многочисленныя возвышенія, которыя кажутся воздвигнутыми человѣческими руками. Долгое время мнѣнія объ ихъ происхожденіи раздѣлялись: одни думали, что это древнія могилы, а другіе увѣряли, что эти курганы были сдѣланы Скиѳами и Татарами для того, чтобы можно было издали замѣтить непріятелей, могущихъ иначе застигнуть ихъ врасплохъ. Правдивость перваго изъ этихъ мнѣній уже окончательно доказана.

Все пространство, тянущееся въ Европѣ отъ Буга до Азовскаго моря, а въ Азіи отъ Кавказа до границъ Китая, представляетъ огромное море степи. Та часть ея, гдѣ мы находились, похожа на гладкое полотно, на которомъ художникъ началъ писать картину, изобразивъ нѣсколько рощицъ и обработанныхъ полей; но такъ какъ работа эта подвигается медленно, то въ теченіи долгаго вѣка степь будетъ имѣть видъ пустыни.

Наканунѣ нашего пріѣзда въ Херсонъ, мы переѣхали рѣку Каменку, нѣкогда служившую рубежемъ между Ногайскими Татарами и

казаками. Послѣ поѣздки по 400 верстному степному пространству насъ неожиданно и пріятно поразилъ видъ Херсона. Но и безъ этого обстоятетьства мы не могли не дивиться при видѣ столькихъ новыхъ, величественныхъ зданій. Мы увидѣли почти уже оконченную крѣпость, казармы на 80,000 человѣкъ, адмиралтейство со всѣми принадлежностями, арсеналъ, заключающій въ себѣ до 600 орудій, два военные корабля и фрегатъ, снаряженные къ спуску, публичныя зданія, воздвигаемыя въ разныхъ мѣстахъ, нѣсколько церквей прекрасной архитектуры, наконецъ цѣлый городъ, уже торговый, съ 2000 домовъ и лавками, полными Греческихъ, Константинопольскихъ и Французскихъ товаровъ; въ гавани его заходило и стояло до 200 купеческихъ судовъ. Если присоединить къ этому 18,000 рабочихъ, блестящее войско, присутствіе нѣсколькихъ иностранныхъ дипломатовъ и путешественниковъ, въ странѣ, пріобрѣтенной Россіею только со времени Кайнарджійскаго мира, которою занялись недавно и только три года предъ тѣмъ освободили отъ Татарскихъ странѣ набѣговъ: то можно себѣ представить, въ какой степени зрѣлище это льстило самолюбію Императрицы, и понятно удивленіе присутствующихъ и восторгъ, съ какимъ они превозносили дарованія и подвиги Потемкина.

Правда, что очарованіе было мимолетное, и удивленіе наше нѣсколько охладилось размышленіемъ. Разсмотрѣвъ Херсонъ вблизи и подробно, мы замѣтили, что его мѣстоположеніе дурно выбрано, что корабли вообще не могутъ подыматься по Днѣпру иначе, какъ безъ груза, а военныя суда, здѣсь построенныя, не могутъ свободно спускаться по рѣкѣ безъ помощи камелей *). Не было ни набережной, ни пакгаузовъ для товаровъ; судебныя мѣста были худо устроены и отправляли дѣла медленно и дурно; наконецъ, испаренія болотъ и островковъ поросшихъ тростникомъ возлѣ города вредно дѣйствовали на здоровье жителей.

Я рѣшился сообщить Потемкину эти замѣчанія, которыя я слышалъ отъ многихъ купцовъ. Чтобы поправить дѣло, князь предполагалъ устроить портъ въ 30 верстахъ ниже по Днѣпру, учредить карантинъ, построить набережную и магазины, преобразовать суда и осушить окружныя болота. Онъ уже истребовалъ и получилъ деньги нужныя для нѣкоторыхъ изъ этихъ работъ. Но высушка болотъ мнѣ казалась невозможною: для этого нужно было истребить весь тростникъ, необходимый для топки и покрышки домовъ въ этомъ краю, гдѣ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ не было лѣсу.

*) (Въ подлинникѣ chameaux. Это камели, по словарю Даля: пара плоскодонныхъ судовъ, съ выкатомъ для подводки подъ корабль, подъема и проводки по мелководью).

Первые дни нашего пребыванія въ Херсонѣ были употреблены на разъѣзды по городу, на парадные пріемы, обѣды, на которыхъ бывало до 120 приборовъ, концерты и балы. Императрица пригласила насъ обѣдать съ нею на дачѣ, верстахъ въ 15 отъ Херсона *). На слѣдующій день мы присутствовали съ нею при спускѣ 80 пушечнаго корабля, другого 66 пушечнаго и одного фрегата. На слѣдующій день при дворѣ былъ парадный балъ, во дворцѣ, построенномъ не слишкомъ прочно, но изящно.

Императрица намѣревалась отправиться въ Кинбурнъ, въ виду Очакова; но это было похоже на военный осмотръ Турецкой территоріи и уже черезчуръ смѣло. Прибытіе Турецкой эскадры, состоявшей изъ 4 кораблей и 10 фрегатовъ и вошедшей въ Лиманъ близъ Очакова, отстранило намѣреніе Екатерины, и эта неудача произвела на нее непріятное впечатлѣніе. Намъ уже не для чего было медлить въ Херсонѣ, и мы отправились въ Крымъ, вслѣдъ за двумя державными предводителями нашего каравана.

Говоря о Херсонѣ, кстати сообщить полученныя нами тогда извѣстія о ходѣ военныхъ переговоровъ въ Константинополѣ. Неожиданное появленіе Турецкой эскадры въ устьѣ Днѣпра и пріѣздъ нѣсколькихъ Французскихъ офицеровъ въ Очаковъ возбудили въ Русскихъ министрахъ и придворныхъ неудовольствіе, возраставшее до негодованія. «Какъ понять это, говорили они, что именно въ то время, когда только что подписанъ былъ дружественный договоръ съ Франціею, и Французскій посолъ сопровождаетъ Императрицу, которая оказываетъ ему вниманіе и довѣріе, мы видимъ, что Французскіе инженеры занимаются устройствомъ артиллеріи, флота и приготовленіями къ войнѣ у враговъ нашихъ?»

Князь Потемкинъ нѣсколько разъ съ жаромъ и негодованіемъ говорилъ мнѣ объ этихъ мнимыхъ козняхъ Французскаго правительства и упрекалъ меня въ томъ, что я поднялъ пустую тревогу и только подстрекнулъ этимъ Турокъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ, которыя могли повести къ войнѣ. Если бы я хотѣлъ прибѣгнуть къ хитрости, притвориться, будто ничего не знаю, и осудить эти дѣйствія, исполненныя по моимъ же совѣтамъ, то не успокоилъ бы негодующаго князя и только потерялъ бы уваженіе, которое снискалъ своею прямотою. Поэтому я отвѣчалъ не какъ царедворецъ, а какъ министръ, что Турки имѣютъ поводъ безпокоиться, что поступки Булгакова въ отношеніи къ Шуазёлю отняли у насъ всякую возможность успокоить ихъ далѣе; въ заключеніе я прибавилъ даже, что мы бы должны были по-

*) Въ слободѣ Бѣлозеркѣ, принадлежавшей графу Александру Андреевичу Безбородкѣ

ощрять, одобрять и поддерживать оборонительныя мѣры Порты: «Нашъ образъ дѣйствій откровененъ и неизмѣненъ. Мы всегда объявляли, что хотя король всячески старается объ удовлетвореніи справедливыхъ жалобъ Россіи, однакоже, руководясь высокими цѣлями, рѣшился употребить съ своей стороны всѣ возможныя средства, чтобъ охранить безопасность Оттоманской имперіи. Не чему удивляться, что, несмотря на ваши мирныя увѣренія, которыя, конечно, искренни, Порта принимаетъ благоразумныя предосторожности. Поставьте себя на ея мѣстѣ. Если бы султанъ пріѣхалъ въ Очаковъ съ своими визирями, съ могущественнымъ союзникомъ, съ грознымъ флотомъ и 150,000 арміею, то, разумѣется это васъ бы нѣсколько обезпокоило; вы стали бы на-сторожѣ и принялись бы укрѣплять Херсонъ и собирать войска».

Мои доводы были неоспоримы; князь мнѣ не возражалъ. Откровенная рѣчь моя успѣшнѣе подѣйствовала, чѣмъ неловкая скрытность. Холодность Императрицы въ обращеніи со мною исчезла мало-по-малу *).

Въ Канёвѣ видѣлъ я короля, лишеннаго власти и значенія, но окруженнаго величіемъ и блескомъ, свойственнымъ великимъ монархамъ; по странной противоположности, въ Херсонѣ увидѣлъ я могущественнаго императора, отличавшагося простотою внѣшности, скромнаго и привѣтливаго, врага всякой принужденности. Онъ допускалъ и самъ заводилъ разговоръ обо всемъ, безъ всякихъ притязаній блистать чѣмъ-либо, кромѣ обширныхъ познаній, основательныхъ сужденій и образованнаго ума. Когда Екатерина хотѣла представить меня Іосифу II, онъ сказалъ ей: «Здѣсь я только графъ Фалкенштейнъ, а потому мнѣ самому слѣдуетъ представиться послу Франціи». Іосифъ пріѣхалъ въ Россію въ простой коляскѣ, въ сопровожденіи одного генерала и двухъ служителей. При строгомъ соблюденіи инкогнито, онъ имѣлъ выгоду и удовольствіе лучше все видѣть и слышать; поэтому онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы его принимали не какъ монарха, а какъ обыкновеннаго путешественника. Каждое утро приходилъ онъ къ Императрицѣ передъ ея выходомъ и, вмѣшавшись въ толпу, вмѣстѣ съ прочими ожидалъ ея появленія. Днемъ гулялъ онъ по окрестностямъ, и такъ какъ я имѣлъ счастіе ему понравиться, онъ дѣлалъ далекія прогулки вмѣстѣ со мною запросто, взявъ меня подъ руку. Въ разговорахъ со мною онъ далъ мнѣ понять, что мало сочувствовалъ честолюбивымъ замысламъ Екатерины. Въ этомъ отношеніи политика Франціи ему нравилась. «Константинополь, говорилъ онъ, всегда будетъ предметомъ зависти и раздоровъ, вслѣдствіе которыхъ великія державы никогда не согласятся насчетъ

*) (Однакоже, въ Дневникѣ Храповицкаго записано, что депеши Сегюра подвергались тайному досмотру).

раздѣла Турціи». Его не поражали быстрые успѣхи Русскихъ предпріятій. «Я вижу болѣе блеска, чѣмъ дѣла, говорилъ онъ; Потемкинъ дѣятеленъ, но онъ болѣе способенъ начать великое предпріятіе, чѣмъ привести его къ окончанію. Впрочемъ, все возможно, если расточать деньги и не жалѣть людей. Въ Германіи или во Франціи мы не посмѣли бы и думать о томъ, что здѣсь производится безъ особенныхъ затрудненій.» Въ другой разъ разговоръ зашелъ о Потемкинѣ. Іосифъ сказалъ, между прочимъ: «Я понимаю, что этотъ человѣкъ, несмотря на свои странности, могъ пріобрѣсти вліяніе на Императрицу. У него твердая воля, пылкое воображеніе, и онъ не только полезенъ ей, но необходимъ. Вы знаете Русскихъ и согласитесь, что трудно сыскать между ними человѣка, болѣе способнаго управлять и держать въ рукахъ народъ еще грубый, недавно лишь тронутый просвѣщеніемъ, и обуздать дворъ слишкомъ издавна привыкшій къ заговорамъ». Кобенцель, видя вниманіе ко мнѣ Императора, тоже сталовился со мною откровеннѣе и довѣрчивѣе. Но хотя онъ искренно увѣрялъ меня, что ему предписано содѣйствовать мнѣ въ утвержденія мира, онъ боялся, чтобы императоръ не склонился къ войнѣ, если Императрица, ограничиваясь предположеніемъ занять Очаковъ и Аккерманъ, отстранитъ мысль о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ. Но Кобенцель говорилъ мнѣ, что императоръ крайне неохотно согласится на это, потому что будетъ опасаться разрыва съ Пруссіею и Франціею въ случаѣ такой уступки въ пользу своей союзницы.

Между тѣмъ изъ Константинополя пріѣхали Булгаковъ и Гербертъ, интернунцій императора, и между ними, графомъ Безбородкою и мною начались переговоры. Мнѣ сказали, что дѣла все болѣе и болѣе запутываются, что въ Кандіи чернь предалась неистовствамъ и сорвала флагъ съ дома Русскаго консула. Также носились слухи, что въ Родосѣ, вслѣдствіе возмущенія, Русскій консулъ убитъ. Мы сговорились, съ согласія Императрицы, изложить письменно нѣсколько предложеній и тутъ же условились о главныхъ пунктахъ.

Проводивъ насъ до Севастополя, Булгаковъ долженъ былъ отправиться въ Константинополь и представить эти предложенія Портѣ, сообщить ихъ однако напередъ Французскому послу и Австрійскому интернунцію, и дѣйствовать согласно съ ними.

Графъ Безбородко увѣрялъ меня, что онъ немало упрекалъ Булгакова за его отношенія къ Шуазёлю, отъ чего начались всѣ тревоги Турокъ. Такъ какъ Безбородко говорилъ совершенно тоже, что Кобенцель, то я не могъ сомнѣваться въ его чистосердечіи. Основные пункты предложеній, нами составленныхъ сообразно съ прежними договорами, были слѣдующіе. Порта должна выдать требуемый фирманъ,

споры о зависимости Грузіи прекращаются; Порта должна принудить Алжирцевъ возвратить захваченныя ими Русскія суда, дозволить Русскимъ наказать Кубанскихъ Татаръ, которые тогда взяли въ плѣнъ до 1000 Русскихъ, и удерживать за предѣлами Буга Запорожцевъ, поселившихся на ея земляхъ; за тѣмъ Турки должны обязаться впередъ не забирать соли въ Крыму болѣе установленнаго количества, не возобновлять требованій о выдачѣ господаря Маврокордато *), бѣжавшаго въ Россію, и наконецъ наказать бунтовщиковъ, которые нанесли обиду консуламъ Императрицы въ Родосѣ и Кандіи. Эти требованія были справедливы. Но, несмотря на это, легко могло случиться, что въ случаѣ неискренности въ дѣйствіяхъ послѣдовалъ бы отказъ; стоило только, вручая этотъ актъ, принять высокомѣрный и грозный видъ. Князь Потемкинъ могъ отважиться на это, имѣя подъ руками готовую армію, состоявшую изъ 153,000 человѣкъ, совершенно снаряженныхъ и расположенныхъ въ Кременчугѣ, Херсонѣ, Елисаветградѣ, Полтавѣ и Крыму. Новое обстоятельство подтвердило однако надежды на миръ. Іосифъ II получилъ непріятное извѣстіе изъ Нидерландовъ, гдѣ возникали безпокойства. Эти смуты, разумѣется, отвлекли его отъ мысли содѣйствовать Императрицѣ, если бы она захотѣла начать войну съ Турками. Въ это же время прибылъ въ Херсонъ Неаполитанскій дипломатическій агентъ г. Галло подъ предлогомъ изъявить Императрицѣ дружественное расположеніе своего двора; но собственно онъ имѣлъ цѣлью осмотрѣть Херсонъ и извѣдать средства къ выгоднѣйшему употребленію торговыхъ льготъ, которыя Неаполитанское правительство упрочило договоромъ. 29 Мая мы отправились изъ Херсона въ Кизикермень, находящійся на правомъ берегу Днѣпра, въ 75 верстахъ отъ Херсона къ Сѣверовостоку... Здѣсь мы переправились черезъ Днѣпръ. По выходѣ на противоположный берегъ Императрица была встрѣчена семьями знатныхъ Татаръ, явившихся съ привѣтствіемъ и послѣдовавшихъ за Государынею. Отсюда до Перекопа мы поѣхали Ногайскою степью. На этой безлѣсной равнинѣ только въ одномъ мѣстѣ видны слѣды человѣческаго труда: это древній бѣлокаменный мостъ, надъ небольшою рѣчкою, называемою Каленчакомъ. Татары, какъ и Арабы, состоятъ изъ нѣсколькихъ ордъ, изъ которыхъ однѣ живутъ по Крымскимъ городамъ, а другія кочуютъ по степи. Когда страна эта была завоевана Русскими, большая часть этихъ кочующихъ ордъ покинули ее и двинулись на Кубань, и потому мы застали только небольшіе станы ихъ; шатры, табуны лошадей, стада и верблюды нѣсколько оживляли однообразный видъ.

*) (Гдѣ теперь прекрасный портретъ этого Маврокордато, виденный нами во Всесвятскомъ подъ Москвою, у Софьи Александровны Эбернъ, урожд. Сáнти?)

Прежде этотъ городъ принадлежалъ Ногайскимъ Татарамъ, а теперь онъ составляетъ часть Новороссіи. Греки, основавшіе его, сначала назвали Ольвіополемъ; цари переименовали его въ Бѣлую Вѣжу, затѣмъ въ Берисла́вль, а Татары назвали его Кизикермень, что̀ на ихъ языкѣ означаетъ *городъ дѣвушекъ*. Онъ дѣлался попеременно добычей Козаровъ, Печенѣговъ и Татаръ. Солончаки и окаменѣлости, въ изобиліи встрѣчающіеся въ окружающей его равнинѣ, даютъ поводъ думать, что нѣкогда эта область находилась подъ водой.

Потемкинъ, всегда старавшійся преодолѣвать препятствія, разнообразить величественныя картины, представлявшіяся взорамъ Императрицы, и оживлять даже пустыню, устроилъ станъ изъ 30 нарядныхъ и богато убранныхъ шатровъ; вокругъ нихъ нежданно передъ глазами Екатерины появилось 50 эскадроновъ Донскихъ казаковъ. Ихъ живописный Азіатскій нарядъ, быстрота движеній, легкость лошадей, ихъ гарцованіе, гиканіе, пики, все это дало намъ возможность позабыть, что мы въ степи, и пріятно провести время, которое иначе показалось бы долгимъ и скучнымъ.

Императрица, будучи недовольна мною, не говорила со мною въ продолженіи нѣсколькихъ дней, но здѣсь она обратилась ко мнѣ съ прежней ласкою. Кто-то усердно постарался увѣрить ее, что я намѣреваюсь воспользоваться отпускомъ, который мнѣ присланъ Монморенемъ, и отправиться во Францію. Поэтому, въ Кизикерменѣ, садясь въ карету, она сказала мнѣ: «Напрасно вы связываете себя, графъ. Если вамъ скучно въ степи, то кто же вамъ мѣшаетъ ѣхать въ Парижъ, гдѣ васъ ожидаетъ столько удовольствій?» И затѣмъ она сѣла въ карету, не дождавшись моего отвѣта.

Понятно, что я горѣлъ нетерпѣніемъ получить объясненіе этихъ странныхъ, неожиданныхъ словъ. Только что она расположилась въ своемъ шатрѣ, я подошелъ къ ней и попросилъ истолковать мнѣ смыслъ этой непонятной для меня шутки.

Императрица сказала мнѣ: «Это вовсе не шутка. Я ужъ не разъ вамъ говорила, что ваши Парижскія красавицы, безъ сомнѣнія, сожалѣютъ васъ, что вы должны проѣхать полторы тысячи миль по варварской странѣ, по степямъ, со скучной царицей. А потому, узнавъ, что вы просили отпуска, я не хотѣла съ своей стороны задерживать васъ, хотя мнѣ и не хотѣлось бы васъ отпускать».

Я съ жаромъ опровергалъ ея неосновательное мнѣніе обо мнѣ и моихъ чувствахъ къ ней. «Стало быть, ваше величество, отвѣчалъ я, вы считаете меня человѣкомъ слѣпымъ, неблагодарнымъ, безразсуднымъ и съ грубымъ вкусомъ. Я даже, къ моему горю, принужденъ видѣть въ этомъ остатокъ вашего предубѣжденія вообще противъ всѣхъ Фран-

цузовъ, но они не заслуживаютъ такого неосновательнаго осужденія. Нигдѣ васъ такъ не уважаютъ и не цѣнятъ, какъ во Франціи, и въ этомъ отношеніи я вѣрный представитель своихъ соотечественниковъ. Къ искреннему моему сожалѣнію, я долженъ буду на время уѣхать по возвращеніи вашемъ въ Петербургъ; но если вамъ угодно, чтобы я ѣхалъ ранѣе, то это будетъ для меня тоже, что́ ссылка».

«Я этого вовсе не хочу, сказала она съ улыбкою; напротивъ того, мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы всегда могли быть при мнѣ, и вы это очень хорошо знаете. Хоть я немножко и посердилась на васъ по случаю недавняго посѣщенія, которымъ меня удостоили ваши умные ученики, бородатые Турки, но теперь моя досада прошла совершенно». Послѣ этого она стала говорить о предложеніяхъ, сдѣланныхъ ею Портѣ, и между прочимъ сказала: «Король увидитъ, что я уступчива, искренно желаю мира и вовсе не такъ честолюбива, какъ обыкновенно полагаютъ». Затѣмъ Государыня стала со мною снова очень любезна и привѣтлива.

Вечеромъ, когда мы разошлись отъ Императрицы, Іосифъ II, желая воспользоваться прекрасною ночью, взялъ меня подъ руку и отправился со мною гулять. Мы довольно долго ходили по этой обширной равнинѣ, гдѣ взоръ не находитъ преградъ. При видѣ нѣсколькихъ верблюдовъ и Татарскихъ пастуховъ, бродившихъ въ степи, императоръ сказалъ мнѣ: «Какое странное путешествіе! Кто бы могъ подумать, что я вмѣстѣ съ Екатериною II, Французскимъ и Англійскимъ послами буду бродить по Татарскимъ степямъ! Это совершенно новая страница въ исторіи. «Мнѣ скорѣе кажется, отвѣчалъ я, что эта страница изъ «Тысячи и одной ночи», что меня зовутъ Джафаромъ, и что я прогуливаюсь съ халифомъ Гаруномъ-Аль-Рашидомъ, по обыкновенію его, переодѣтымъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того императоръ вдругъ остановился и, протирая себѣ глаза, сказалъ: «Право, я не знаю, на яву ли это, или ваши слова о «Тысячѣ и одной ночи» подѣйствовали на мое воображеніе: посмотрите въ ту сторону».

Я обернулся, и предметъ, поразившій его, показался и мнѣ не менѣе страннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, шагахъ въ 200 отъ насъ высокая, огромная палатка сама собою двигалась по землѣ и приближалась къ намъ. Несмотря на высокую траву, мы тотчасъ же побѣжали, чтобы поближе посмотрѣть на это диво. Палатка остановилась, и изъ нея вышло до 30 человѣкъ Калмыковъ. Императоръ приказалъ мнѣ войти и вѣроятно знаками объяснилъ Калмыкамъ, чтобъ они вошли за мною и опустили занавѣсъ, который закрывалъ входъ въ палатку; такимъ образомъ императоръ, въ шутку, сдѣлалъ меня плѣнникомъ Калмыковъ.

Тогда я понялъ все. Вотъ устройство ихъ жилищъ: изъ планокъ дѣлается рѣшотка и составляется круглая загородка, около 4 футовъ вышиною, сдерживаемая сверху деревяннымъ обручемъ, который образуетъ карнизъ. На этомъ кругѣ утверждаютъ длинные шесты, футовъ въ 30, которые на вершинѣ скрѣпляются деревяннымъ кружкомъ. Вся эта рѣшотка затягивается ремнями. Этотъ остовъ накрывается верблюжьей кожею до земли. Покрывало подымаютъ съ той стороны, которая защищена отъ вѣтра и солнца. Куски той же кожи служатъ вмѣсто постели и диванов. Вверху оставляютъ отверстіе для дыма. Въ такомъ шатрѣ удобно помѣщается до 30 человѣкъ, а вокругъ нихъ располагается ихъ скотъ. Когда они оставляютъ мѣсто кочевья, то снимаютъ покрывало, разбираютъ подставки, складываютъ рѣшотку въ связки, и все это сваливаютъ на телѣгу. Но если Калмыки хотятъ только перемѣнить мѣсто для того, чтобы найти лучшее пастбище скоту, то, не разстраивая своего жилья, стоя внутри палатки и обращаясь всѣ въ одну сторону, приподымаютъ на себѣ рѣшотку и такимъ образомъ переносятъ эти легкіе дома. Именно этотъ переносъ и послужилъ причиною нашего удивленія, когда мы вдругъ увидѣли движущійся шатеръ, между тѣмъ какъ не видно было ни людей, ни животныхъ, двигавшихъ его. Послѣ того какъ я прошелъ нѣсколько шаговъ подъ шатромъ, меня выпустили, и я увидѣлъ императора, смѣявшагося надъ моимъ заключеніемъ. Онъ самъ вошелъ въ шатеръ и согласился со мной, что это жилье довольно уютно для тѣхъ, кто привыкъ къ нему, и что оно можетъ служить хорошею защитою отъ всякихъ непогодъ, во всякое время года.

30 Іюня мы достигли узкаго Перекопскаго перешейка, отдѣляющаго Черное море отъ Азовскаго. Онъ перерѣзанъ отъ одного моря къ другому стѣною и рвомъ. Здѣсь видно каменное четыреугольное укрѣпленіе и поселеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ домишекъ. Перекопъ есть ключъ и ворота ко входу въ Крымскій полуостровъ, которому новая владычица его возвратила старинное названіе Тавриды.

Государыня-побѣдительница имѣла пріятную возможность торжественно вступить въ Тавриду и занять престолъ Татарскихъ хановъ, которыхъ предки не разъ заставляли Русскихъ князей являться съ поклонами къ высокомѣрнымъ предводителямъ Золотой Орды. 30 Іюня мы проѣхали черезъ знаменитую Перекопскую линію, которая, несмотря на выгодное положеніе и глубину рвовъ, никогда не могла остановить непріятелей и теперь осталась только, какъ предметъ любопытства. Мы осмотрѣли также и защищающую ее крѣпость Оръ *). При

*) Перекопъ назывался по-турецки Оръ-Капи.

выѣздѣ нашемъ мы увидѣли довольно значительный отрядъ Татарскихъ всадниковъ, богато одѣтыхъ и вооруженныхъ; они выѣхали навстрѣчу Государынѣ, чтобы сопровождать ее на пути.

Монархиня, съ мыслями всегда возвышенными и смѣлыми, пожелала, чтобы во время ее пребыванія въ Крыму ее охраняли Татары, презиравшіе женскій полъ, враги христіанъ и недавно лишь покоренные ея власти. Этотъ неожиданный опытъ довѣрчивости удался, какъ всякій отважный подвигъ.

«Согласитесь, любезный Сегюръ, сказалъ мнѣ смѣясь Делинь, что 1200 тысячъ Татаръ, которыми мы окружены, могли бы надѣлать тревоги на всю Европу, если бы вздумали вдругъ потащить насъ къ берегу, посадить на суда августѣйшую Государыню и могущественнаго Римскаго императора и увезти ихъ въ Константинополь, къ великому удовольствію его величества Абдулъ-Гамета, владыки и повелителя правовѣрныхъ! И эта шутка не была бы вовсе преступленіемъ съ ихъ стороны: они въ правѣ захватить двухъ монарховъ, которые овладѣли ихъ стороною, свергнули ихъ хана и уничтожили ихъ независимость». Къ счастію, эти мысли не пришли на умъ честнымъ сынамъ Магомета.

Мы очень спокойно ѣхали подъ ихъ защитою и остановились переночевать въ урочищѣ Айбаръ, гдѣ для насъ расположенъ былъ станъ, а для Императрицы выстроенъ довольно красивый домикъ. Меня и Фитцъ-Герберта помѣстили въ одну изъ тѣхъ Татарскихъ палатокъ, которыя я уже описалъ. Русскимъ казалось страннымъ видѣть Французскаго и Англійскаго пословъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ, несмотря на противоположность ихъ политическихъ дѣйствій. Если бы кто вздумалъ отозваться дурно объ одномъ, другой бы, конечно, вступился за него. Императрицу забавляла эта необыкновенная дружба, и безъ сомнѣнія, она, ради шутки, заставила насъ спать въ одной палаткѣ и писать на одномъ столѣ депеши, разумѣется, совершенно разногласныя.

Переѣхали мы черезъ Салгиръ и, оставивъ за собою степи, вступили въ гористую мѣстность. Здѣсь, къ удовольствію нашему, мы снова увидѣли тѣнистую зелень, живописныя поля, красивые домики, поселянъ дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ; во всемъ, наконецъ, мы замѣчали присутствіе движенія и жизни, которыхъ и слѣда не было въ пустынной, безлюдной степи. Вечеромъ мы прибыли въ Бахчисарай, и весь дворъ помѣстился во дворцѣ прежнихъ хановъ. Бахчисарай расположенъ въ узкой долинѣ или, лучше сказать, въ ущельѣ рѣки Чурука. Отъ основанія въ XVI в. Татарами. Его плохіе домишки размѣщены полукружіемъ на покатостяхъ окружныхъ горъ,

которые висятъ надъ ними и ежеминутно, кажется, грозятъ завалить ихъ своими огромными скалами. Это странное мѣстоположеніе представляетъ крайне любопытное зрѣлище для путешественника. Въѣздъ въ городъ не безопасенъ, и едва не испытала этого сама Императрица въ то время, какъ, завидѣвъ Бахчисарайскіе минареты, она уже приближалась къ цѣли своей и заранѣе наслаждалась удовольствіемъ возсѣсть на мусульманскій престолъ, завоеванный ея оружіемъ. Въ Бахчисарай въѣзжаютъ или, лучше сказать, спускаются по чрезвычайно крутому отвѣсу, между скалъ. Карета Государыни была грузна; ретивыя лошади, почувствовавъ бремя непривычной для нихъ тяжести, понесли и помчались по скаламъ съ такою быстротою, что мы ежеминутно ожидали, что карета свернется на бокъ и разобьется въ дребезги. Напрасно Татары силились удержать лошадей; на лицѣ Екатерины, какъ я слышалъ отъ императора, не видно было ни малѣйшаго слѣда страха *). Наконецъ лошади, счастливо проѣхавъ по камнямъ, при въѣздѣ въ одну улицу, остановились разомъ, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ упали. При этомъ карета наѣхала на нихъ и опрокинулась бы, если бъ Татары ея не поддержали.

Не смотря на то, что Бахчисарай опустѣлъ послѣ войны, въ немъ было 9,000 жителей, большею частію все мусульманъ. Новое правительство не препятствовало имъ торговать и отправлять богослуженіе; они ненарушимо сохранили свои прежніе обычаи, такъ что мы какъ будто находились въ какомъ-нибудь Турецкомъ или Персидскомъ городѣ, съ тою только разницею, что мы свободно могли осматривать его, не подвергаясь притѣсненіямъ, какимъ христіане подвергаются на Востокѣ. Прежде всего меня поразили лѣнь, спѣсь и притворное или врожденное равнодушіе Татарскихъ и Персидскихъ купцовъ. Старые и молодые Татары и Турки сидѣли молча у дверей своихъ домовъ или въ лавкахъ, не выражая ни удивленія, ни любопытства, ни хоть какого-нибудь признака радости или неудовольствія при видѣ новаго для нихъ и пышнаго поѣзда, который во всей красѣ представлялся ихъ взорамъ; они были неподвижны, не вставали, не обращали на насъ ни малѣйшаго вниманія, иногда даже отворачивались. Эти изувѣры, считая себя всегда выше насъ и называя насъ невѣрными и собаками, даже побѣжденные сохраняютъ свое глупое высокомѣріе. Они никогда не сознаютъ своего невѣжества и потери на войнѣ приписываютъ одному предопредѣленію.

---

*) (Также какъ въ переѣздъ изъ Петергофа въ Петербургъ 28 іюня 1762 г., когда она во всю роковую дорогу была весела и даже шутила надъ Е. И. Широгородскою, не успѣвшую въ попыхахъ пріодѣться).

Намъ сказали, что ханскій дворецъ, въ которомъ мы помѣстились, былъ построенъ по образцу Константинопольскаго сераля, только въ меньшомъ размѣрѣ. Онъ на берегу рѣки, вдоль которой Татары устроили набережную. Къ дворцу подъѣзжаютъ черезъ небольшой каменный мостъ и широкій дворъ. На лѣвой сторонѣ мечеть, подалѣе—конюшни, направо—самый дворецъ, одноэтажный и состоящій изъ нѣсколькихъ зданій различной величины; онъ окруженъ садомъ, раздѣленнымъ на четыре части. Близъ мечети — кладбище, гдѣ хоронили хановъ, вельможъ и духовенство; оно весьма живописно, какъ и вездѣ на Востокѣ, разнообразіемъ гробницъ и красотою деревъ, ихъ осѣняющихъ.

Ихъ императорскія величества заняли бывшіе ханскіе покои. Фитцъ-Гербертъ, Кобенцель, Делинь и я помѣстились въ комнатахъ сераля; къ нимъ примыкалъ прекрасный садъ, окруженный высокою стѣною. Единственною мебелью въ этихъ комнатахъ были широкіе диваны вдоль всей стѣны. Средину комнаты занимало вмѣстилище для воды изъ бѣлаго мрамора съ фонтаномъ, безпрерывно струившимъ потокъ чистой, свѣжей воды. Комната была полуосвѣщена, стекла въ окнахъ расписаны; когда мы отворили окно, то и тогда лучи солнца едва проникали чрезъ густыя вѣтви розовыхъ, лавровыхъ, жасминныхъ, гранатовыхъ и померанцовыхъ деревъ, закрывавшихъ окна зеленью и замѣнявшихъ намъ занавѣси.

Я помню, что разъ лежалъ я у себя на диванѣ, разслабленный чрезвычайнымъ жаромъ и наслаждаясь журчаніемъ фонтана, прохладою тѣни и запахомъ цвѣтовъ. Я предался восточной лѣнѣ и замечтался, какъ истый паша. Вдругъ вижу предъ собою маленькаго старичка, въ длинной одеждѣ, съ бѣлою бородою и съ красной шапочкою на лысой головѣ. Наружность его, видъ покорности и Азіатскій поклонъ дополнили мое очарованіе, и я на нѣсколько минутъ вообразилъ себя совершеннымъ мусульманскимъ владыкою, къ которому какой-нибудь ага или бастанджи явился за приказаніями. Такъ какъ этотъ человѣкъ зналъ немного языкъ Франковъ, т.-е. болталъ поиталіански, то я узналъ отъ него, что онъ былъ садовникомъ хана Сагимъ-Гирея. Я взялъ его себѣ вожатымъ, и онъ провелъ меня по всѣмъ извилистымъ переходамъ восточнаго дворца, котораго расположеніе трудно было бы описать. Покорепные магометане не смѣли ни въ чемъ намъ отказывать, и мы вошли въ мечеть въ молитвенное время. Намъ представилось грустное зрѣлище: 30 или 40 восторженныхъ дервишей, называемыхъ поарабски вертящимися, быстро кружились, какъ спущенные волчки, крича изо всей мочи «аллахъ-гу» и притомъ съ такимъ изступленіемъ, что наконецъ падали ницъ, обезсиленные и едва дышащіе....

Недалеко отъ города, на горѣ, находится поселеніе Евреевъ-Караимовъ; они принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ обитателей Крымскаго полуострова. Они одни изъ числа Евреевъ придерживаются закона Моисеева, не признавая притомъ Талмуда. Пять верстъ подалѣе есть еще гора, одиноко стоящая и высокая, называемая Тіапъ-каирменъ. Въ ея каменистомъ грунтѣ въ три ряда вырыты пещеры. Въ окрестностяхъ Бахчисарая множество прекрасныхъ дачъ, принадлежавшихъ нѣкогда Татарскимъ князьямъ и ихъ женамъ.

Императрица провела въ Бахчисараѣ только пять дней. Удовольствіе выражалось во всѣхъ чертахъ лица ея: она наслаждалась гордостью государыни, женщины и христіанки при мысли, что заняла тронъ хановъ, которые нѣкогда были владыками Россіи и еще не задолго до своей гибели вторгались въ Русскія области, препятствовали торговлѣ, опустошали вновь завоеванныя земли и мѣшали утвержденію Русской власти въ этихъ краяхъ. Мы наслаждались почти наравнѣ съ нею новостью нашего положенія, которое позволяло намъ безпрепятственно и обстоятельно осмотрѣть внутренность знаменитыхъ гаремовъ, въ другихъ мѣстахъ недоступныхъ христіанскому глазу. На первыхъ порахъ послѣ завоеванія этаго края множесто Татаръ стало выселяться; но кротость и терпимость Екатерининскаго правительства вскорѣ умѣрили негодованіе гордыхъ мусульмамъ и внушили имъ довѣріе. 50,000 изъ нихъ не только рѣшились остаться на мѣстѣ, но многіе изъ выселившихся просили позволенія возвратиться; однако просьбы ихъ удовлетворяли неохотно, ибо по опыту извѣстно было, что они не будутъ дѣятельными земледѣльцами.

Разставшись съ Бахчисараемъ, мы поѣхали по роскошнымъ долинамъ, черезъ рѣку Кабарту; берега ея такъ живописны, что всѣ прилежащія селенія походятъ на сады. Къ обѣду мы прибыли въ Инкерманъ, называвшійся у Грековъ Ѳеодорой, а у Татаръ—Ахтіаромъ *). Здѣсь высокія горы полукружіемъ огибаютъ широкій и глубокій заливъ, гдѣ нѣкогда стояли древніе города Херсонесъ и Евпаторія. Эту знаменитую пристань полуострова Херсонеса Таврическаго, позже называвшагося Гераклейскимъ, Императрица назвала Севастополемъ. Видъ береговъ Тавриды, посвященныхъ Геркулесу и Діанѣ, напомнилъ намъ миѳическія времена Грековъ и уже болѣе историческую эпоху Босфорскихъ царей и Митридата.

Между тѣмъ какъ ихъ величества сидѣли за столомъ, при звукахъ прекрасной музыки, внезапно отворились двери большого балкона, и

*) Ахтіаромъ собственно называлось мѣстечко, гдѣ построенъ Севастополь, а Инкерманъ въ семи верстахъ оттуда.

взорамъ нашимъ представилось величественное зрѣлище: между двумя рядами Татарскихъ всадниковъ мы увидѣли заливъ верстъ на 12 въ даль и на 4 въ ширину; посреди этого залива, въ виду царской столовой, выстроился въ боевомъ порядкѣ грозный флотъ, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный въ два года. Государыню привѣтствовали залпомъ изъ пушекъ, и грохотъ ихъ, казалось, возвѣщалъ Попту Евксинскому о присутствіи его владычицы и о томъ, что не болѣе, какъ черезъ 30 часовъ, флаги ея кораблей могутъ развѣваться въ виду Константинополя, а знамена ея арміи—водрузиться на стѣнахъ его. Мы спустились въ заливъ. Екатерина обозрѣвала корабли свои и дивилась глубинѣ и ширинѣ залива, вырытаго природою, будто съ намѣреніемъ устроить здѣсь прекраснѣйшую пристань въ мірѣ. Проѣхавъ заливъ, мы пристали къ подножію горы, на которой полукружіемъ возвышался Севастополь, построенный Екатериною. Нѣсколько зданій для складки товаровъ, адмиралтейство, городскія укрѣпленія, 400 домовъ, толпы рабочихъ, сильный гарнизонъ, госпиталь, верфи, пристани, торговая и карантинная, все придавало Севастополю видъ довольно значительнаго города. Намъ казалось непостижимымъ, какимъ образомъ въ 2000 верстахъ отъ столицы, въ недавно пріобрѣтенномъ краю, Потемкинъ нашелъ возможность возвести такія зданія, соорудить городъ, создать флотъ, утвердить портъ и поселить столько жителей: это дѣйствительно былъ подвигъ необыкновенной дѣятельности.

Три корабля, спущенные при насъ въ Херсонѣ, и другіе изъ Таганрога, должны были прибыть сюда вскорѣ. Но между тѣмъ въ заливѣ уже стояла эскадра изъ 25 военныхъ кораблей, совершенно вооруженныхъ, снабженныхъ всѣмъ нужнымъ и готовыхъ по первому мановенію Екатерины тотчасъ же стать подъ паруса.

Входъ въ заливъ спокоенъ, безопасенъ, защищенъ отъ вѣтровъ и достаточно узокъ, такъ что съ береговыхъ батарей можно открыть перекрестный огонь, и даже ядра могутъ долетать съ одной стороны на другую. Естественно было думать, что видъ такихъ силъ на морѣ и на сушѣ воспламенитъ воображеніе Императрицы и пробудитъ ея честолюбіе. Лесть и похвалы придворныхъ, воинственныя рѣчи и порывы любимаго министра, князя Делиня и Нассау-Зигена могли отвратить Императрицу отъ миролюбивыхъ намѣреній, передъ тѣмъ выраженныхъ ею. Но, повидимому, она оставалась непреклонною. Инструкціи, посланныя по окончаніи Херсонскихъ совѣщаній, остались неизмѣнными, и Булгакова отослали обратно въ Константинополь съ порученіемъ представить Портѣ предложенія о миролюбивомъ соглашеніи въ томъ видѣ, какъ эти предложенія были составлены.

Императрицѣ хотѣлось узнать мое мнѣніе о новыхъ преобразованіяхъ во флотѣ. «Ваше величество, сказалъ я, загладили тяжкое воспоминаніе о Прутскомъ мирѣ, Запорожскихъ разбойниковъ вы превратили въ полезныхъ подданныхъ и подчинили Татаръ, прежнихъ поработителей Россіи. Наконецъ, основаніемъ Севастополя вы довершили на Югѣ то, что̀ Петръ началъ на Сѣверѣ. Вамъ остается одинъ только славный подвигъ—одержать побѣду надъ природою, населить и оживить всѣ эти завоеванныя земли и обширныя степи, чрезъ которыя мы недавно проѣзжали». Въ самомъ дѣлѣ, ничто уже не могло помѣшать Екатеринѣ спокойно наслаждаться совершеніемъ такого подвига, развѣ бы она захотѣла, вмѣсто занятій этимъ полезнымъ дѣломъ, отважиться на новыя завоеванія и, можетъ быть, тѣмъ повредить своей славѣ, потому что нерѣдко нежданныя неудачи разстроиваютъ самыя обдуманныя предпріятія и внезапно омрачаютъ царствованія самыя славныя. Неудачи Людовика XIV въ старости, потери Карла XII, затруднительное положеніе Петра Великаго при Прутѣ, истребленіе арміи Наполеона, это великіе уроки; но геніи, къ несчастію, не внимаютъ имъ, полагаясь на свою силу и счастіе. Вѣроятно, подобныя мысли останавливали рѣшимость Екатерины и боролись въ умѣ ея съ внушеніями ея честолюбія, ея министровъ и царедворцевъ.

Близъ монастыря св. Георгія, въ мѣстности, полной воспоминаній и очарованій, Императрица пожаловала землю князю Делиню. Едва ли она могла сдѣлать приличнѣйшій подарокъ этому отличному, умному человѣку, который, при своемъ воинственномъ нравѣ, скорѣе являлся какимъ-то сказочнымъ и романтическимъ витяземъ, нежели лицомъ историческимъ.

Мы съ Нассау-Зигеномъ проѣхались вдоль по южному берегу и видѣли портъ Символъ *). Здѣсь, какъ и во всѣхъ почти пристаняхъ Херсонеса Гераклійскаго, встрѣчаются часто пещеры, комнатки, часовни, кельи и надгробные камни съ Греческими надписями. Грустно смотрѣть на эти скалы, эти крутыя горы, глубокія пещеры и страшныя ущелья. Это мѣста, поистинѣ, достойныя служить жилищами Таврамъ и ихъ доброму царю Тоанту. Полные мрачныхъ впечатлѣній, мы не могли разсѣяться видомъ Балаклавы, прежняго Симболона. Это торговый городъ, почти исключительно населенный Греками, Армянами и Жидами, сохранявшими полную свободу богослуженія и обычаевъ подъ Русскимъ, также какъ и подъ Татарскимъ, владычествомъ. Какъ во всѣхъ старинныхъ Греческихъ или Восточныхъ городахъ, здѣсь улицы узки, дома

*) Греческій *Симболонъ*, у Генуезцевъ — *Цембало*, теперь по турецкому имени

низки и мостовая изъ разноцвѣтныхъ камней. Дѣятельные, промышленные жители здѣшніе, чтобы украсить это скучное мѣсто, стараются разводить сады на склонѣ черныхъ, высокихъ горъ, ихъ окружающихъ.

Присоединясь снова ко двору, мы вмѣстѣ отправились изъ Севастополя обратно въ Бахчисарай. На этомъ пути мы не встрѣтили ничего примѣчательнаго, кромѣ высокой горы Бякля-Коба, съ верху до низу изрытой пещерами. Когда здѣсь господствовало самовластіе, то люди лишь въ нѣдрахъ земли находили убѣжище и покой. Въ Бахчисараѣ князь Делинь разъ приходитъ ко мнѣ смѣясь и говоритъ: «Знаете ли, чѣмъ заняты теперь наши царственные путешественники, могущественный императоръ Римскій и знаменитая самодержица всея Россіи? Я уловилъ нѣсколько словъ изъ разговора двухъ великихъ монарховъ. Кто бы могъ подумать, любезный другъ? Они откровенно бесѣдуютъ о прекраснѣйшемъ предпріятіи—о возстановленіи Греческихъ республикъ. «Вы меня не такъ удивляете, какъ думаете, отвѣчалъ я. Нельзя не жить духомъ своего времени: его впитываешь въ себя невольно. Въ нашемъ вѣкѣ вѣетъ философіею и свободою и въ дворцахъ, и въ хижинахъ. Нельзя удержать этого стремленія, и если захотятъ это сдѣлать, то подымутъ бурю, какъ Англичане въ Америкѣ».

Делинь сталъ смѣяться надъ моими мечтами. Мы и не думали тогда, что слова эти сдѣлаются предсказаніемъ.

Естественно, что когда мы жили въ сералѣ ханскомъ, наружность, самый воздухъ этихъ сладострастныхъ покоевъ возбуждали наше воображеніе. Любопытство Делиня, который былъ моложавѣе въ пятьдесятъ лѣтъ, нежели я въ тридцать, вовлекло меня въ шалость, къ счастію, не имѣвшую тѣхъ послѣдствій, какихъ можно было ожидать; однако мы получили строгій и заслуженный урокъ. Мусульманину нельзя сдѣлать злѣйшей обиды, какъ знакомствомъ съ его женою. Въ этомъ отношеніи всякое сообщеніе, даже взглядами, запрещено всѣмъ кромѣ мужа. Это запрещеніе подстрекло любопытство князя, и онъ сказалъ мнѣ: «Какая польза намъ гулять по огромному саду, если намъ запрещено любоваться цвѣтами? По крайней мѣрѣ, до отъѣзда изъ Крыма, надобно хоть увидѣть какую нибудь Татарку безъ покрывала; я на это рѣшился: хотите быть моимъ товарищемъ въ этомъ предпріятіи?» Я не устоялъ противъ искушенія, и мы пошли бродить по долинамъ. Но надежда долго насъ обманывала. Наконецъ, не подалеку отъ уединеннаго домика, на опушкѣ маленькаго лѣса, мы увидѣли трехъ женщинъ, сидя мывшихъ себѣ ноги въ свѣтломъ ручьѣ. Приблизившись какъ можно тише между деревьями, мы наконецъ успѣли помѣститься противъ нихъ, подъ прикрытіемъ куста. Такъ какъ покрывала этихъ женщинъ лежали подлѣ нихъ на землѣ, то мы прекрасно могли ихъ

разсмотрѣть. Но, увы, какое разочарованіе! Изъ нихъ не было ни одной молодой и хорошенькой, даже сносной. Мой товарищъ не кстати вскрикнулъ: «Признаюсь, Магометъ не дурно сдѣлалъ, что велѣлъ имъ закрываться!»

Услышали ли насъ, или насъ выдалъ шелестъ листьевъ, только наши три мусульманки выскочили и съ криками побѣжали. Мы было за ними, чтобы ихъ успокоить, какъ вдругъ видимъ Татаръ, бѣгущихъ съ горъ, тоже съ криками, бросающихъ въ насъ каменьями и грозящихъ кинжалами. Такъ какъ мы не приготовились къ битвѣ, то, не дожидаясь ихъ приближенія, пустились бѣжать и укрылись отъ преслѣдователей въ чащѣ лѣса. До тѣхъ поръ дѣло было еще неважно по ложному правилу, что скрытый грѣхъ въ половину прощенъ. Но мой неблагоразумный соучастникъ не удовольствовался этимъ. На другой день за столомъ мы замѣтили, что Императрица грустна и молчалива, императоръ погруженъ въ думы, Потемкинъ пасмуренъ и разсѣянъ. Разговоръ какъ-то не клеился или совсѣмъ замолкалъ. Вдругъ Делинь, естественный врагъ скуки, чтобы разсѣять Императрицу и развеселить собесѣдниковъ, вздумалъ разсказать нашу шалость и вчерашнее происшествіе. Какъ ни подталкивалъ я его, онъ смѣло продолжалъ свой разсказъ. Слушатели уже начали было смѣяться, чего онъ и ожидалъ, какъ вдругъ Екатерина, взглянувъ на насъ величаво и строго, сказала: «Господа, эта шутка весьма неумѣстна и можетъ послужить дурнымъ примѣромъ. Вы посреди народа, покореннаго моимъ оружіемъ; я хочу, чтобы уважали его законы, его вѣру, его обычаи и предразсудки. Если бы мнѣ передали эту исторію и не назвали дѣйствовавшихъ лицъ, то я никакъ не подумала бы на васъ, а стала бы подозрѣвать моихъ пажей, и они были бы строго наказаны».

Намъ нечего было возражать на это. Делинь замолкъ такъ же, какъ и я, досадуя на свою неумѣстную болтливость. Наше смиреніе поправилось Императрицѣ, и она снова развеселилась; даже чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, назначивъ аудіенцію одной мусульманской княжнѣ, племянницѣ Сагимъ-Гирея, она позволила намъ спрятаться такъ, чтобы мы могли ее увидѣть, оставаясь сами незамѣченными. Княжна была красивѣе нашихъ трехъ Татарокъ, однакожъ чернёныя брови и лоснящееся румянами лицо придавали ей видъ куклы, вопреки ея прекраснымъ глазамъ.

Мы недолго пробыли въ Бахчисараѣ и, покинувъ его скалы и ханскій дворецъ съ сералемъ, пріѣхали къ берегамъ Салгира, въ городъ Ахмечеть, названный Екатериною Симферополемъ. Теперь это главный городъ полуострова; онъ лежитъ посреди равнины, окруженной пригорками, между которыми долины, полныя свѣжею зеленью, прекрас-

ными садами, величественными, остроконечными тополями. Богатые Татары, населяющіе эти долины, выбираютъ отличныя деревья съ широко раскинувшимися вѣтвями и посреди этой древесной чащи строятъ красивыя бесѣдки. Яркіе, пестрые цвѣта этихъ воздушныхъ, висячихъ павильоновъ придаютъ имъ необыкновенно привлекательный видъ для взора путешественника. Ахмечеть служилъ мѣстопребываніемъ *калга-султановъ* *), первыхъ военныхъ чиновниковъ и полководцевъ у Крымскихъ хановъ. Въ этомъ городѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, гдѣ мы останавливались въ продолженіе нашего пути, для Императрицы былъ приготовленъ покойный, красивый и просторный домъ. Въ Симферополѣ мы пробыли только одинъ день. Оттуда мы отправились въ Карасубазаръ, который у Грековъ назывался Мавромъ-Кастронъ. Этотъ городъ, въ широкой долинѣ, на берегу рѣки Карасу, былъ одинъ изъ значительнѣйшихъ въ Тавридѣ. Мы могли только любоваться прекраснымъ его мѣстоположеніемъ: въ немъ не было замѣчательныхъ зданій или древнихъ развалинъ. Дома, какъ всѣ Татарскіе, неправильно построены, низки и расположены безъ всякой соразмѣрности. До завоеванія городъ этотъ, такъ же какъ Симферополь, принадлежалъ калга-султану. Крымскія горы, которыя начинаются отъ береговъ Салгира, не образуютъ стройной гряды до самаго Карасу-базара. Но отъ этого города онѣ цѣпью идутъ съ одной стороны къ Бахчисараю, съ другой до Стараго Крыма.

Если природа въ этихъ мѣстахъ не представляла августѣйшимъ путешественникамъ предметовъ, достойныхъ ихъ любопытства, то неутомимая дѣятельность князя Потемкина дополнила этотъ недостатокъ. Кромѣ прекрасной широкой дороги, которую онъ пробилъ и выровнялъ трудами своихъ солдатъ, онъ съ ихъ же помощію развелъ на берегу Карасу обширный Англійскій садъ и посреди его выстроилъ изящнѣйшій дворецъ. Здѣсь уже не Армида чаровала Ринальда; напротивъ, Русскій Ринальдъ совершилъ диво для своей Армиды. Когда вечеромъ Екатерина вышла изъ дворца, чтобы насладиться прохладною тѣнью, свѣжестью воды и запахомъ цвѣтовъ, между тѣмъ какъ солнце скрывалось за темными долинами, всѣ пригорки на десять верстъ кругомъ вспыхнули тремя рядами разноцвѣтныхъ огней. Посреди этого горящаго круга возвышалась конусообразная гора, на которой яркими чертами блисталъ вензель Императрицы. Изъ вершины горы вспыхнулъ прекрасный фейерверкъ, завершенный взрывомъ трехъ сотъ тысячъ ракетъ. На слѣдующій день послѣ этого праздника, котораго пышность, кажется, расшевелила гордыхъ и равнодушныхъ мусульманъ, Екатерина, сдѣлавъ

*) Калга-султанъ—наслѣдникъ ханскій.

смотръ большому корпусу войскъ, уѣхала, въ сопровожденіи обычныхъ своихъ Татарскихъ тѣлохранителей, черезъ горы, въ направленіи къ Судаку. На пути мы проѣхали черезъ Греческое поселеніе Топли и Татарскую деревню Елбузи.

Судакъ довольно изрядная пристань для судовъ. Городъ, въ 55 верстахъ отъ Карасу-базара, выстроенъ на высокой и одинокой скалѣ, близъ моря. Скала съ трехъ сторонъ окружена горами и весьма глубокими пропастями; видъ этотъ понравился мнѣ своимъ разнообразіемъ и величавостью.

Судацкій виноградъ почитается лучшимъ въ Крыму; онъ разросся по долинѣ почти на 12 верстъ. Плодовитыя лозы растутъ вмѣстѣ со множествомъ фруктовыхъ деревъ и такимъ образомъ составляютъ естественный садъ, который пріятно поражаетъ взоръ, особенно противоположностью своей съ окрестными высокими горами, шумящими водопадами и мрачными рощами. Мы продолжали путь по восточному берегу Тавриды и прибыли въ Старый Крымъ, въ 20-ти верстахъ отъ Судака и столькихъ же отъ Ѳеодосіи. Старый Крымъ, извѣстный съ VI вѣка, въ XIII сталъ значительнымъ городомъ по торговлѣ. Торговля эта упала послѣ нашествія Татаръ; однако нѣкоторые изъ ихъ хановъ имѣли здѣсь свое мѣстопребываніе. Греки называли его Каркой, а Татары—Эски-Крымомъ, т. е. старою крѣпостью. Императрица дала ему наименованіе Левкополя. Мы проѣхали по обширной долинѣ, окруженной горами, привлекающими вниманіе разнообразіемъ уступовъ и извилинъ. Между ними есть высокая гора, съ которой видны Черное и Азовское моря и Сивашъ. Мы останавливались недолго и въ нѣсколько часовъ достигли стѣнъ или, лучше сказать, развалинъ несчастной и знаменитой Ѳеодосіи.

Она носила это благозвучное имя во времена своего величія. Татары, пораженные ея великолѣпіемъ, назвали ее Керимъ-Стамбули, т. е. Крымскимъ Константинополемъ. Со времени ея разрушенія ее звали Кафою. Екатерина возвратила ей древнее названіе, но, вѣроятно, безъ намѣренія возвратить ей прежнее величіе. Когда Екатерина сдѣлалась владѣтельницею Крыма, сохранялись только остатки этого знаменитаго города. Мы нашли въ немъ едва 2000 жителей, бродившихъ среди развалинъ храмовъ, дворцовъ, пышныхъ зданій; здѣсь царствовало безмолвіе разрушенія. При взглядѣ на эту мрачную картину, столь противоположную съ волшебными созданіями, доселѣ поражавшими взоры Императрицы, она не могла удержать грусти. Казалось, сама судьба хотѣла въ концѣ этой торжественной поѣздки умѣрить восторгъ ея печальнымъ видомъ этихъ краснорѣчивыхъ свидѣтелей человѣческой превратности и разрушенія, которому должны подвергнуться цвѣтущіе города и кото-

раго не избѣгнутъ величайшія государства. Чтобы разсѣять впечатлѣніе, произведенное этими развалинами и этою пустынею, мы проѣхались по Керченскому полуострову... Императрица прежде намѣревалась обогнуть его по берегу въ направленіи къ Сѣверу, чтобы затѣмъ увидѣть Арабатъ, Маріуполь, Таганрогъ, Черкаскъ, главный городъ Донскихъ казаковъ и наконецъ Азовъ. Но ненастное время, вредный береговой климатъ и важность дѣлъ, призывавшихъ ее въ столицу, заставили ее перемѣнить это намѣреніе. Итакъ, Ѳеодосія была предѣломъ нашего долгаго путешествія.

Передъ отъѣздомъ изъ края этихъ печальныхъ развалинъ со мною случилось странное приключеніе, которое однако я бы не счелъ нужнымъ разсказывать, если бы оно, по моему мнѣнію, не давало настоящаго понятія о странѣ, гдѣ господствуетъ неволя, и вмѣстѣ съ тѣмъ не выказывало бы оригинальности Потемкина. Мы уже готовы были къ отъѣзду, Императрица уже сѣла въ карету, и я, чтобы послѣдовать за нею, быстро спускался по наружной лѣстницѣ дворца. Вдругъ вижу я молодую женщину въ Азіатской одеждѣ; ея станъ, походка, глаза, лобъ, ротъ, словомъ всѣ черты отличались непостижимымъ сходствомъ съ чертами моей жены. Я онѣмѣлъ отъ удивленія; я думалъ, не во снѣ ли я; въ первыя минуты я предположилъ, что жена моя пріѣхала ко мнѣ изъ Франціи, что отъ меня это скрыли и вздумали приготовить мнѣ нечаянную встрѣчу. Вѣдь воображеніе живо, а я находился въ странѣ чудесъ. Однако Потемкинъ, замѣтивъ, что я онѣмѣлъ, какъ статуя, и не отвѣчаю на его зовъ, пошелъ сказать объ этомъ Императрицѣ. Молодая женщина удалилась; короткій сонъ мой разсѣялся; въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ я его князю.

«Неужели она до такой степени похожа»? сказалъ онъ мнѣ. «Похожа до невѣроятности», отвѣчалъ я. «Такъ что же, батюшка, сказалъ онъ смѣясь, эта молодая Черкешенка принадлежитъ человѣку, который отдастъ ее мнѣ, и только что мы пріѣдемъ въ Петербургъ, я вамъ ее подарю». «Благодарю васъ, сказалъ я въ свою очередь; я не приму ея и полагаю, что этотъ порывъ чувства покажется неприличнымъ моей женѣ».

Мы разстались, и я думалъ, что тѣмъ дѣло и кончится. Но вскорѣ князь далъ мнѣ почувствовать, что мой отказъ ему не понравился, и ему показалось, что я черезъ чуръ спѣсивъ и не хочу принять отъ него подарка. Я сказалъ ему, что докажу ему противное и согласенъ принять все, что̀ ему вздумается мнѣ подарить. Онъ не позабылъ этого и, по возвращеніи своемъ въ столицу, послѣ взятія Очакова, далъ мнѣ Калмыцкаго мальчика, котораго звали Нагуномъ и у котораго была преоригинальная Китайская рожица. Я занялся имъ нѣсколько времени,

училъ его читать; но передъ отъѣздомъ моимъ во Францію графиня Кобенцель, которой онъ понравился, такъ усердно стала упрашивать меня оставить его у нея, что я согласился. Изображеніе этого Калмычонка я сохранилъ.

Мы выѣхали изъ Кафы, чтобы начать обратный путь въ Петербургъ. Проѣхавъ снова Крымскія пустыни, Перекопскій перешеекъ и Ногайскія степи, мы прибыли въ Кизикирмень, гдѣ Іосифъ II и Екатерина разстались, возобновивъ взаимныя увѣренія въ дружбѣ, скрѣпленной еще тверже этою долгою поѣздкой. Оттуда мы отправились въ Кременчугъ, гдѣ Императрица отдохнула.

Императоръ объявилъ мнѣ передъ своимъ отъѣздомъ, что онъ, посѣтивъ Кинбурнъ, Галицію и свою столицу, соберетъ потомъ свою армію на большіе маневры, и приглашалъ меня къ себѣ, когда я оставлю Петербургъ и поѣду въ отпускъ. Въ послѣднее время нашего путешествія, когда мы возобновили съ нимъ наши обычныя прогулки по степи, этотъ государь, разговаривая со мною о Константинопольскихъ дѣлахъ, довольно откровенно высказалъ мнѣ политическія намѣренія свои и Екатерины. Я считаю нелишнимъ въ нѣсколькихъ словахъ передать этотъ разговоръ, чтобы показать его сужденія о личности Императрицы, ея учрежденіяхъ, замыслахъ и могуществѣ.

«Надѣюсь, что вы теперь довольны, сказалъ онъ мнѣ однажды: Булгаковъ и Гербертъ представятъ Портѣ предложенія, которыя составлены съ вашего согласія. Увѣрены ли вы теперь въ возможности мира?» «Графъ, отвѣчалъ я (онъ не на шутку сердился, когда въ разсѣянности ему говорили: государь или ваше величество), теперь все зависитъ отъ того, какъ Императрица смотритъ на эти предложенія, и какъ ихъ представятъ Турецкому правительству. Можетъ быть, она видитъ въ нихъ только готовый матеріалъ для манифеста. Я боюсь, что зрѣлище военныхъ силъ, собранныхъ Государыней на морѣ и на сушѣ, разсѣетъ въ умѣ ея опасенія на счетъ препятствій, которыя могутъ встрѣтить ея властолюбивые замыслы. Все готово, и если она вздумаетъ воспользоваться предлогомъ, что Турки медлятъ удовлетворить ея требованіямъ, то часть ея войска можетъ осадить Очаковъ и Аккерманъ. Эти укрѣпленія не могутъ долго держаться; ихъ возмутъ безъ затрудненій. Въ тоже время другая часть арміи, переправясь на Севастопольскомъ флотѣ, можетъ выйти на берегъ между Варною и Константинополемъ, угрожать Турецкой столицѣ и даже взять ее, если страхъ овладѣетъ умами суевѣрныхъ мусульманъ. Напротивъ того, Турки, лишившись Крыма, если захотятъ напасть на Русскихъ, должны будутъ пройти черезъ Болгарію, Бессарабію, Молдавію, Валахію и Новую Сербію, гдѣ съ трудомъ можетъ держаться регулярное войско. Къ

тому же 500.000 Русскихъ достаточно, чтобы задержать ихъ на Бугѣ или на Днѣстрѣ. Одни только политическія затрудненія могутъ остановить Государыню, и вы лучше меня знаете, до какой степени она должна опасаться препятствій съ этой стороны».

«Я очень хорошо васъ понимаю, отвѣчалъ императоръ; моя уступчивость во время завоеванія Крыма заставляетъ васъ думать, что я соглашусь на новыя завоеванія. Вы ошибаетесь: я искренно желаю сохраненія мира. Занятіе Крыма Русскими меня не потревожило; единственнымъ послѣдствіемъ этого было умиреніе Турокъ: у нихъ отнята была возможность начать наступательную войну. Къ тому же я находилъ въ этомъ свои выгоды. Во первыхъ, мои владѣнія защищены отъ нападенія Турокъ, такъ какъ Турки должны опасаться Русскихъ войскъ и флота, которые изъ Крыма могутъ напасть на нихъ съ тыла. Далѣе, я имѣлъ увѣренность, что разъединю дворъ Петербургскій съ Берлинскимъ и лишу Прусскаго короля могущественнаго его союзника. Вотъ что собственно побудило меня заставить Турокъ уступить Екатеринѣ Крымъ. Но теперь совсѣмъ другое дѣло. Я не допущу Русскихъ утвердиться въ Константинополѣ. Для Вѣны, во всякомъ случаѣ, безопаснѣе имѣть сосѣдей въ чалмахъ, нежели въ шляпахъ. Впрочемъ, этотъ замыслъ, возникшій въ пламенномъ воображеніи Императрицы, неисполнимъ; если бы даже достаточно было одного ея указа, чтобы занять Константинополь и короновать внука ея Константина, то ей невозможно будетъ устоять противъ Турецкихъ силъ, сосредоточенныхъ въ Малой Азіи, и противъ другихъ государствъ, если они возмутъ сторону мусульманъ. Въ такомъ случаѣ, она вынуждена будетъ сосредоточить въ одномъ мѣстѣ всю свою армію, оставить безъ войска почти половину своей имперіи и даже перемѣстить столицу».

«Въ самомъ дѣлѣ, замѣтилъ я, мнѣ кажется, что можно успокоиться на счетъ безопасности Константинополя, котораго сохраненіе одинаково важно для Вѣнскаго, какъ и для Французскаго двора. Но въ тоже время, при видѣ всѣхъ этихъ огромныхъ предпріятій, нельзя не подозрѣвать другого, болѣе правдоподобнаго предпріятія, именно распространенія Русскихъ предѣловъ до Днѣстра. Если эта попытка осуществится, то необходимо возгорится война, чрезвычайно вредная для насъ. Но я надѣюсь, прибавилъ я, что, по благоразумію своему и по дружбѣ къ королю, императоръ будетъ продолжать дѣйствовать миролюбиво и приметъ нужныя мѣры для предупрежденія несогласій. Думаю, что король можетъ на него положиться, потому что если, во время завоеванія Крыма, онъ убѣждалъ Порту уступить этотъ полуостровъ Россіи, то дѣлалъ это для спокойствія и политическихъ выгодъ своего зятя и союзника».

«Я сдѣлалъ, что̀ могъ, сказалъ императоръ; но вы сами видите: Государыня увлекается. Надобно, чтобы Турки уступили требованіямъ, имъ предложеннымъ. Если они отказомъ вооружатъ противъ себя Императрицу, то кто можетъ воспрепятствовать ей отомстить и взять у нихъ нѣсколько городовъ? У нея огромное, бодрое, неутомимое войско. Оно пройдетъ, куда она захочетъ. Вдали отъ столицы пробиваютъ дороги, устроиваютъ пристани, строятся на болотахъ, воздвигаютъ дворцы, разводятъ парки среди степей, и все это дѣлается безъ платы, безъ постелей, иногда безъ пищи и всегда безъ ропота. Изъ всѣхъ монарховъ Европы Императрица одна только дѣйствительно богата. Она много повсюду издерживаетъ и не имѣетъ долговъ; ассигнаціи свои она оцѣниваетъ во сколько хочетъ; если бы ей вздумалось, она могла бы ввести кожаныя деньги. Между тѣмъ Англія обременена своими бумажными деньгами, Франція публично признала разстроенное положеніе своихъ финансовъ, а я едва могу покрыть издержки на поселенія въ Галиціи и новыя крѣпости, которыя тамъ строятся». «Всѣ эти затруднительныя обстоятельства, отвѣчалъ я, тѣмъ болѣе должны побудить императора всячески стараться избѣгнуть разорительной войны».

Мы часто разговаривали о томъ же предметѣ, и я всегда старался доказать ему, что могущество Россіи болѣе кажущееся, нежели твердое. «Здѣсь болѣе блеска, чѣмъ прочности, говорилъ я; за все берутся, ничего не довершаютъ. Потемкинъ легко бросаетъ то, за что принялся съ жаромъ; на мѣстѣ Екатеринослава онъ заложилъ городъ, который будетъ необитаемъ, и огромный храмъ, въ которомъ, можетъ быть, не будутъ никогда молиться. Для постройки этой новой столицы онъ выбралъ мѣсто высокое, видное, но совершенно безводное. Херсонъ построенъ на неудобномъ мѣстѣ и окруженъ болотами. Корабли не могутъ входить туда съ грузомъ. Въ послѣднія десять лѣтъ степи опустѣли болѣе прежняго. Крымъ лишился болѣе двухъ третей своего населенія. Кафа разорена и не поднимется. Одинъ Севастополь теперь уже довольно значителенъ; но нужно много времени, чтобы онъ сталъ настоящимъ городомъ. Позаботились все украсить, нарядить, оживить на срокъ, на показъ Императрицѣ; но лишь только Екатерина уѣдетъ, то вмѣстѣ съ нею исчезнутъ всѣ прикрасы этого обширнаго края. Я знаю князя Потемкина. Онъ произвелъ театральный эффектъ; занавѣсъ опускается, а онъ займется новыми представленіями въ Польшѣ или Турціи. Управленіе и все что̀ требуетъ постоянства несовмѣстно съ его нравомъ. Начни онъ войну, и война бы ему скоро надоѣла; дождавшись Георгіевской ленты, онъ съ такимъ же жаромъ будетъ домогаться мира, какъ теперь старается его нарушить».

«Я съ этимъ согласенъ, сказалъ императоръ. Насъ здѣсь отвлекали отъ одного очарованія къ другому, въ сущности же здѣсь многаго недостаетъ; внѣшность дѣйствительно блестяща... Въ Россіи приказаніе исполняется немедленно. Если бы какой нибудь Карлъ XII былъ во главѣ этого народа, онъ бы съ 600,000 человѣкъ заставилъ трепетать всю Европу».

Судя по мнѣніямъ императора, можно было предполагать, что онъ не станетъ твердо сопротивляться волѣ Екатерины и позволитъ склонить себя къ войнѣ, если его поставятъ между необходимостью содѣйствовать Императрицѣ и опасностью потерять могущественную союзницу. Тѣмъ не менѣе справедливо, что въ то время Россія, какъ говорилъ превыспренній Дидрò, была *колоссомъ только съ глиняными ногами*; но этой глинѣ дали окрѣпнуть, и она превратилась въ бронзу. Императоръ, посмѣиваясь надъ пороками Потемкина, хорошо понималъ вліяніе, которое тотъ пріобрѣлъ на Екатерину. Онъ находилъ, что Государыня, которая въ сущности была гораздо мягче характеромъ, чѣмъ думали люди, не знавшіе ея близко, простираетъ до излишества свою снисходительность къ странностямъ князя Потемкина, къ шалостямъ своего оберъ-шталмейстера и къ разсѣянности Мамонова. Но это нѣсколько насмѣшливое замѣчаніе императора теряло много значенія въ его устахъ, такъ какъ самъ Іосифъ, черезъ чуръ стараясь понравиться Екатеринѣ, расточалъ ея молодому любимцу очень частые знаки вниманія и благосклонности, терпѣлъ даже прихотливое высокомѣріе Потемкина и не разъ, подобно придворнымъ Императрицы, довольно долго ожидалъ выхода князя въ его пріемной....

Императрица, простившись съ императоромъ въ Кизикирменѣ, снова пустилась въ путь и 16-го Іюня прибыла въ Кременчугъ. Она была очень довольна тѣмъ, что самая занимательная часть ея поѣздки была совершена благополучно. «Меня всячески старались отклонить отъ этой поѣздки, говорила она; всѣ увѣряли, что я встрѣчу на пути множество затрудненій и непріятностей; меня пугали тѣмъ, что дорога меня утомитъ, что степи неспосны, что на Югѣ вреденъ климатъ. Эти люди меня слишкомъ мало знаютъ; они не понимаютъ, что противорѣчить мнѣ значитъ меня возбуждать, и что всякое затрудненіе, которое мнѣ представляютъ, придаетъ мнѣ болѣе рѣшимости».

Мы только два дня пробыли въ Кременчугѣ и выѣхали 18-го въ Полтаву, гдѣ насъ ожидало 50,000 Русское войско, расположенное на томъ самомъ полѣ, гдѣ счастіе измѣнило Карлу XII и даровало побѣду Петру Великому, и гдѣ рѣшилась участь Сѣвера и Востока Европы. Въ Кременчугѣ Екатерина доказала мнѣ, что, не смотря на мои попытки поставить Турокъ въ оборонительное положеніе, она не измѣни-

ла искренняго расположенія ко мнѣ. Я собирался отправиться погулять по окрестностямъ города, когда мнѣ сказали, что Императрица требуетъ меня къ себѣ. Я тотчасъ же отправился къ ней и нашелъ ее въ кабинетѣ съ княземъ Делинемъ.

«Я увидѣла васъ изъ моего окна, сказала она мнѣ; мнѣ показалось, что вы грустите или скучаете. Я надѣюсь, что не обезпокою васъ, если попытаюсь васъ разсѣять, такъ какъ, повидимому, вы не очень веселы». «Да, прибавилъ, улыбаясь, Делинь, мы шагали медленно и важно, точно вице-канцлеръ ея величества. Впрочемъ, не совѣтую слишкомъ разсчитывать на любезное вниманіе, которое намъ оказываютъ, потому что, какъ человѣкъ откровенный, признаюсь вамъ, мы только что наговорили много дурного на вашъ счетъ».

«Это правда, возразила Императрица. Я увѣрена, что, не смотря на все мое желаніе удержать васъ при себѣ, вы скоро насъ покинете, и навсегда. Впрочемъ, князь подшутилъ надъ вами и утаилъ истину: дѣло въ томъ, что онъ хвалилъ вашъ характеръ и способности, а я совершенно съ нимъ соглашалась и прибавила съ своей стороны, судя о другихъ по себѣ, что король, безъ сомнѣнія, скоро дастъ вамъ мѣсто въ своемъ совѣтѣ, и потому мы, вѣроятно, не увидимъ васъ въ Россіи».

Разумѣется, я всячески старался выразить свою признательность. «Я послѣдую примѣру вашего величества и тоже осмѣлюсь позлословить на вашъ счетъ. У вашего величества есть одинъ явный недостатокъ, который происходитъ отъ вашего превосходства и состоитъ въ томъ, что вы слишкомъ добры, слишкомъ снисходительны и пристрастны къ тѣмъ, кого удостоиваете вашею благосклонностію. Впрочемъ, я могу увѣрить ваше величество, что такая похвала, какъ ваша, кажется мнѣ высочайшей наградой, какой только можетъ искать благородно-честолюбивый человѣкъ».

Государыня, продолжая разговоръ съ привычной ей любезностью, сказала мнѣ, что она послала во всѣ сѣверные и южные порты имперіи нужныя приказанія, чтобы дать намъ возможность пользоваться выгодами, предоставленными намъ послѣднимъ торговымъ договоромъ.

Въ Кременчугѣ принцъ Нассау-Зигенъ разстался съ нами и отправился во Францію. Я поручилъ ему свои депеши и предупредилъ Монморена, что принцъ лучше всякаго другого можетъ доставить ему свѣдѣнія о военныхъ силахъ Россіи и намѣреніяхъ князя Потемкина, съ которымъ онъ, до пріѣзда къ намъ въ Кіевъ, нѣсколько мѣсяцевъ былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ.

МѢРА КО ВЗЫСКАНІЮ НЕДОИМОКЪ СЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Курскаго Земскаго Суда дворянскаго засѣдателя Гуторова, удаленнаго отъ должности ревизовавшимъ Курскую губернію его сіятельствомъ г. тайнымъ совѣтникомъ сенаторомъ и кавалеромъ княземъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ объясненіе.

Удаленіе отъ должности послѣдовало по объявленію Курскаго уѣзда деревни Безобразовой отъ однодворцевъ не болѣе какъ отъ трехъ или пяти человѣкъ, что при взысканіи накопившейся на жителяхъ оной деревни казенной недоимки я, Гуторовъ, будто бы сажалъ въ воду въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ неплательщиковъ.

Со вступленія моего къ отправленію должности, съ Генваря мѣсяца 1825 года, я первою поставилъ для себя обязанностію употреблять все мое ревностное стараніе, чтобы всѣ подлежащія казенныя подати взносимы были въ казну въ свое время и чтобъ прежде запущенная доимка податей очищена была взносомъ въ казну, при каковомъ моемъ неусыпномъ попеченіи и взыскано до немалаго количества доимки. Но сіе количество по увеличенному запущенію оной не могло быть удовлетворительнымъ для правительства, а потому, имѣя отъ онаго самострожайшее предписаніе о взысканіи сполна всей доимки, я усиливалъ ко взысканію всевозможное мое попеченіе.

Между прочими Курскаго уѣзда селеніями, состоявшими въ отдѣльной моей части, на жителяхъ коихъ состояла доимка казенныхъ податей, поселяне деревни Безобразовой болѣе другихъ не озабочивались платежомъ оной, и когда безпрестанныя мои побужденія о взносѣ, при всѣхъ имъ внушеніяхъ наистрожайшихъ отъ начальства предписаній (съ угроженіемъ преданія меня строгому сужденію и конфискованія моего имѣнія) не могли возбудить ко взносу доимки, я вынужденнымъ себя нашелъ рѣшиться на принятіе мѣры къ пристыженію (закономъ установленной въ проектѣ новаго уложенія) неплательщиковъ.

Мѣра сія употреблена мною въ побужденіе пристыженіемъ слѣдующая. Въ наѣздъ мой въ деревню Безобразову 2-го Мая 1826 г., когда нашелъ, я большую часть поселянъ не въ домахъ ихъ, а въ питейномъ домѣ пьянствующихъ: то, выведши ихъ изъ питейнаго дома, приказалъ раздѣтыхъ посадить на грязь (бывшую въ тотъ день отъ шедшаго дождя) въ коей они просидѣли не болѣе получасу, а въ воду и въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ никого не сажалъ.

(*Сообщено С. Е. Кожуховымъ*).

ВОЛКЪ ПОЛВѢКА НАЗАДЪ.

Среди различныхъ казенныхъ объявленій, составлявшихъ долгое время почти исключительно содержаніе нашихъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, среди всевозможныхъ „справокъ о бѣглыхъ“, „о приставшемъ скотѣ“, „о продажѣ имѣній“ и пр., не рѣдко можно было встрѣтить вѣдомость убитыхъ волковъ и выраженіе благодарности охотникамъ. Иногда даже печаталось и описаніе облавы и охотничьихъ подвиговъ, совершенныхъ какимъ либо помѣщикомъ или офицеромъ изъ квартировавшей въ губернскомъ городѣ воинской части. Описаніе эти писались „высокимъ“ штилемъ и заканчивались стереотипною фразою: населеніе не знаетъ чѣмъ выразить свою благодарность охотникамъ, освободившихъ ихъ отъ лютыхъ хищниковъ.

Въ настоящей замѣткѣ я хочу познакомить читателя съ происхожденіемъ этихъ „вѣдомостей“ о убитыхъ волкахъ и этихъ благодарностей отечественнымъ Нимвродамъ. Извѣстно, что въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія у насъ почти ничего не дѣлалось безъ полученія соотвѣтствующей бумаги за номеромъ и за подлежащимъ подписаніемъ. Каждое самое, незначительное дѣло должно было получить высшую санкцію и потому доходило до царскаго трона. На все существовала извѣстная форма, и отступленія отъ нея были невозможны. Особыя строительныя комиссіи вырабатывали планы и фасады домовъ, и обыватели должны были строить себѣ дома лишь по этимъ планамъ. Въ настоящее время почти невозможно представить себѣ, какъ могли затруднить всякое дѣло, всякое начинаніе, требуя представленія его на утвержденія высшей инстанціи, и въ каждой сторонѣ жизни сейчасъ же находили какой-нибудь предлогъ для того, чтобы создать „новое дѣло“ и тѣмъ обнаружить свое усердіе. Какому-то военному человѣку, напримѣръ, пришла въ голову мысль: „А на какой лошади долженъ ѣздить адъютантъ?“ Началась переписка, потребовались объясненія, разъясненія и пр. и, наконецъ, военный министръ объявилъ главнокомандующему гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусомъ слѣдующую резолюцію Государя Императора Николая Перваго: „Государь Императоръ въ разрѣшеніи вопроса, какой *именно масти* лошадей должны имѣть въ конномъ строю полковые адъютанты, Высочайше повелѣть соизволилъ: адъютантамъ симъ имѣть лошадей по мастямъ присвоеннымъ полкамъ, не воспрещая впрочемъ, если кто изъ нихъ пожелаетъ имѣть и *сѣрыхъ* лошадей“ (Полное Собраніе законовъ, второе собраніе № 21379).

Вопросъ о волкахъ былъ однимъ изъ жгучихъ вопросовъ Русской дѣйствительности. Хищниковъ этихъ было слишкомъ много, и дерзость ихъ была прямо поразительна. Въ Апрѣлѣ 1843 года волкъ вбѣжалъ въ Симбирскъ и перекусалъ трехъ солдатъ и трехъ женщинъ. Но Симбирскъ все таки были глухимъ губернскимъ городомъ, и появленіе волка въ немъ не могло произвести особаго волненія; но въ Мартѣ того же года волкъ ворвался въ Харьковъ, въ университетскій городъ, пробѣжалъ чуть ли не по всѣмъ улицамъ и изранилъ пять человѣкъ. Въ деревняхъ, селахъ и прочей глуши нашей безпредѣльной родины волки чувствовали себя чуть ли не хозяевами. Въ Московской губерніи, въ одномъ помѣщичьемъ селѣ, гдѣ крестьяне, по окончаніи полевыхъ работъ, возвращались къ себѣ домой, волкъ, выбѣжавъ изъ конопляниковъ, напалъ сначала на крестьянку и крестьянина, коимъ перекусалъ руки и ноги; когда же на ихъ крикъ явилось еще трое крестьянъ, то волкъ, перекусалъ и ихъ, бросился на *шестого* крестьянина, котораго встрѣтилъ уже въ селеніи, сшибъ его съ ногъ и искусалъ ему лицо и горло; въ это время сторожъ господскаго дома, услышавъ крикъ, поспѣшилъ съ четырьмя человѣками на помощь, но волкъ, попавшись имъ на встрѣчу, бросился на грудь сторожу и, ранивъ его, скрылся; преслѣдуемый толпою онъ удалился въ другой уѣздъ, гдѣ перекусалъ еще четырехъ человѣкъ *). Конечно, это былъ *бѣшеный* волкъ, но тѣмъ хуже, такъ какъ Пастёръ въ то время еще не сдѣлалъ своего открытія, медицина была безсильна въ борьбѣ съ водобоязнію, и люди гибли въ страшныхъ мученіяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ безпрестанное повтореніе подобныхъ несчастій наводило на жителей такой страхъ, что даже отъ полиціи внушаемо было обывателямъ не выходить со двора безъ оружія и не выпускать дѣтей изъ дому. Волкъ, такимъ образомъ, наводилъ ужасъ на цѣлыя селенія.

Статистикой тогда занимались мало. Точныя свѣдѣнія получать было, по словамъ министерства, очень трудно „отчасти по невниманію поселянъ, частію же по упущеніи земскихъ полицій“, а отъ этого „многія жертвы сего рода остались *въ совершенной неизвѣстности* высшему начальству; но все таки оно, на основаніи вѣроятностей, предполагало, что въ годъ бѣшеные волки искусываютъ до 120 человѣкъ. Конечно еще болѣе вреда наносятъ домашнему скоту, какъ это всякому извѣстно“. Все это побуждало принять какія нибудь мѣры противъ волковъ. А, можетъ быть, тутъ увлекало и желаніе не отстать отъ Запада. „Просвѣщенныя правительства Западной Европы, говоритъ авторъ правительственной записки, съ давняго времени обратили на сей предметъ должное вниманіе. Англія успѣла истребить у себя волковъ поголовно. Во Франціи положена закономъ особая награда за всякую голову волка и сверхъ того опредѣлены коронные ловчіе (louvetiers) съ помощниками, кои содержатъ охотничьихъ собакъ на счетъ казны, занимаясь исключительно истребленіемъ въ своихъ округахъ волковъ и другихъ хищныхъ животныхъ“.

*) Полнаго Собранія законовъ № 20044.

Понятно, что и мы должны были начать рѣшительную борьбу съ хищникомъ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ составило проектъ мѣръ для повсемѣстнаго преслѣдованія и истребленія волковъ. Проектъ заключался въ слѣдующихъ распоряженіяхъ: 1) Поощреніемъ къ сему жителей посредствомъ выдачи денежныхъ наградъ. 2) Назначеніемъ отъ правительства общихъ и повсемѣстныхъ облавъ и охотъ, 3) Опредѣленіемъ отъ короны особыхъ людей, исключительно съ тою же цѣлью, т. е. для преслѣдованія и истребленія волка.

Первыя двѣ мѣры существовали и раньше, но какъ исключенія; теперь же ихъ хотѣли, такъ сказать, узаконить, ввести въ обыкновеніе. Именно, въ трехъ губерніяхъ Новороссійскихъ, въ Могилевской, Смоленской и области Бессарабской, вслѣдствіе ходатайства мѣстнаго начальства, для поощренія обывателей къ истребленію волковъ, по соглашенію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ Министерствомъ Финансовъ, дозволено выдавать постоянно денежныя награды за каждаго убитаго волка по 3 рубля и молодого (волченка) по 1 р. 50 к. серебромъ, изъ остатковъ земскаго сбора. Цифра награды была громадна по тѣмъ временамъ. (За поимку бѣглаго солдата уплачивалось лишь 5 рублей серебромъ). Послѣдняя изъ проектируемыхъ министерствомъ мѣръ, являлась нововведеніемъ: „назначеніе особыхъ людей“. Отъ этой мѣры министерство ждало очень много пользы, а потому и занялось подробною разработкою своего проекта. Полагалось, что въ уѣздѣ будетъ въ крайнемъ случаѣ по одному ловчему, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и большее число. За свою обязанность ловчій получалъ въ годъ опредѣленное жалованіе, 60 р. серебр., и кромѣ того за каждый представленный имъ волчій хвостъ 4 рубля, а за волчонка 2 р. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ставилось слѣдующее условіе: ловчій долженъ былъ убить непремѣнно въ годъ 15 волковъ или 30 волчатъ; если же онъ доставитъ въ годъ меньше 15 волковъ, то за каждаго изъ недостающихъ вычитать у него изъ жалованія по 4 р. серебромъ.

Старыя мѣры, уже ранѣе примѣнявшіяся, были упорядочены, обставлены нѣкоторыми правилами. Общихъ охотъ или облавъ было назначено двѣ: весенняя и осенняя. Для первой предполагалось отвести Суботу Святой Недѣли, Ѳомино Воскресеніе и слѣдующія Суботу и Воскресеніе; для осенней послѣдніе три дня Августа мѣсяца: Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, св. князя Александра Невскаго и Положеніе пояса Богородицы. Эти дни, по мнѣнію записки, удобны потому, что являются такими праздничными днями, въ которые крестьяне не работаютъ. Впрочемъ, на усмотрѣніе мѣстнаго начальства предоставлялось перемѣнять эти дни, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Это же начальство должно было заранѣе извѣстить объ охотѣ помѣщиковъ и „давать знать начальству квартирующихъ въ губерніи войскъ, дабы и они могли участвовать въ сей охотѣ“.

Награда за убитого звѣря ловчему была назначена нѣсколько больше, чѣмъ простому обывателю. Ловчій, какъ мы видѣли, получалъ 4 р. и 2 р.,

(за волка и волченка), простой же обыватель получалъ 3 р. и 1 р. 50 к. Умеиьшеніе этой суммы было сдѣлано вотъ на какихъ основаніяхъ. „Сверхъ того, полагая за каждого убитаго кѣмъ либо волка извѣстную плату, *полезно* представлять въ этомъ отношеніи ловчему нѣкоторое преимущество, то есть, выдавать ему въ награду нѣсколько болѣе чѣмъ прочимъ жителямъ: тогда ловчій безъ всякаго сомнѣнія будетъ не только самъ охотиться, но, что̀ еще важнѣе, онъ будетъ заботиться о томъ, чтобы крестьяне преслѣдовали этого звѣря повсемѣстно, будетъ скупать у нихъ шкуры, выдавать имъ для сего, какъ это водиться у промышленниковъ, задатки и поощрять ихъ къ тому всѣми средствами".

Весьма понятно, что на данное объясненіе можно было возразить слѣдующимъ образомъ. Ловчій будетъ получать свое жалованіе 60 р. въ годъ и палецъ о палецъ не ударитъ, ни разу не выйдетъ на охоту за волкомъ, а лишь обяжетъ мѣстныхъ жителей доставить ему въ годъ 15 волчихъ шкуръ, которыя онъ и повезетъ къ губернскому начальству въ знакъ своего усердія, и такимъ образомъ ловчій превратится въ дѣйствительнаго скупщика волчьихъ шкуръ, но къ тому же состоящаго на государственномъ жалованіи.

Чтобы облегчить крестьянамъ полученіе награды, было дозволено представлять не цѣлыя шкуры, а лишь хвосты (полѣна какъ они зовутся въ простонародьи). Но чтобы и въ этомъ случаѣ не допустить обмана, шкурки волчьихъ щенятъ предписывалось доставлять цѣликомъ, такъ какъ не всегда можно было отличить хвостъ волчаго щенка отъ собачьяго. Но этого мало: уѣздныя казначейства могли принимать эти хвосты или полѣна въ счетъ подушныхъ и другихъ казенныхъ сборовъ, относя расходъ этотъ также на счетъ земскихъ сборовъ. Затѣмъ для учета и возможнаго предупрежденія злоупотребленій, общее присутствіе, составляемое ежемѣсячно для освидѣтельствованія суммъ казначейства, должно было повѣрить расходъ по выдачѣ помянутыхъ наградъ съ наличными знаками (волчьими хвостами), сжигая сіи послѣдніе при себѣ.

Наконецъ, проектировалась еще и слѣдующая мѣра поощренія: „печатать въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ съ изъявленіемъ благодарности отъ губернскаго начальства имена тѣхъ охотниковъ, коими въ теченіе года будетъ убито наибольшее число волковъ".

Послѣдняя мѣра, какъ я и указалъ выше, приводилась въ исполненіе очень точно; относительно же большихъ облавъ и охотъ министерство встрѣтило затрудненіе, совершенно непредусмотрѣнное.

Всѣ эти мѣры предполагалась сначало ввести въ видѣ опыта въ 16 губерніяхъ, составляющихъ западную полосу Имперіи, гдѣ наичаще повторяются несчастные случаи отъ сихъ животныхъ, а именно въ губерніяхъ: Ковенской, Виленской, Гродненской, Минской, Смоленской, Новгородской,

Тверской, Московской, Могилевской, Черниговской, Волынской, Кіевской, Подольской, Херсонской, Таврической и области Бессарабской.

Со временемъ полагали распространить эту мѣру, конечно, и на всю Россію, за исключеніемъ Сибири, и тогда по приблизительнымъ расчетамъ могло быть истреблено въ годъ до 7200 волковъ.

Комитетъ Министровъ призналъ эти мѣры хотя полезными, но затруднялся разрѣшить ввести ихъ въ западныя губерніи, въ которыхъ „воспрещаются многолюдныя сборища и существуютъ особыя правила на счетъ самаго оружія". Министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ войти въ сношенія съ мѣстнымъ начальствомъ, и на усмотрѣніе послѣдняго было предоставлено разрѣшать эти мѣры или нѣтъ. Относительно же Русскихъ губерній, Тверской, Московской и другихъ, Комитетъ Министровъ находилъ возможнымъ допустить въ видѣ опыта эти мѣры, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи двухъ лѣтъ министръ внутреннихъ дѣлъ снова вошелъ съ представленіемъ о признаніи этихъ мѣръ не временными, а постоянными и обязательными не только для части Россіи, но и для всей Имперіи.

Эта мѣра была предложена въ 1846 году. Подошелъ тяжелый 1848 годъ, вниманіе правительственныхъ сферъ было обращено совсѣмъ на иное и (на сколько мнѣ удалось прослѣдить) министерство не поднимало больше вопроса о волкахъ.

П. Столпянскій.

ПОДРАЖАНІЕ ДАНТУ.

Сатира на писателей сороковыхъ годовъ.

Тогда пришли къ высокой мы стѣнѣ
И уперлись въ огромные ворота;
Ихъ отворить велѣлъ Виргилій мнѣ.

Къ сему труду не чувствуя охоты,
Я за кольцо слегка рванулъ рукой,
Но болѣе предвидѣлось работы.

И сталъ тянуть я съ силою большой,
Но тихо, тихо подвигался къ цѣли;
Какъ вдругъ онѣ раскрылись предо мной

И на пятахъ тяжелыхъ заскрипѣли.
Такъ иногда скрипятъ въ лѣсу густомъ
Въ ненастный день высокоствольны ели.

Тутъ, потъ съ лица стеревши рукавомъ,
Въ ворота я лѣнивою стопою
Прошелъ, моимъ сопутствуемъ вождемъ,

И увидалъ пустыню предъ собою.
Вдали шумѣлъ и двигался народъ.
Съ Виргиліемъ дорогою прямою

По степи той мы тронулись впередъ.
Не разлучаясь, долго шли мы рядомъ
И отошли далеко отъ воротъ.

Тутъ грѣшники сидѣли по разрядамъ,
И каждый дѣломъ занятъ былъ своимъ
И выполнялъ наказанное адомъ.

Съ моимъ вождемъ приблизился я къ нимъ.
Что́ видѣлъ тамъ своими я глазами,
Все разскажу соотчичамъ моимъ,

„Русскій Архивъ“ 1907.

Да тронутся правдивыми словами!
Сначала тамъ узрѣлъ я одного,
Котораго горячими щипцами

Самъ Сатана и аггелы его
То за языкъ, то за губы тянули.
Страдалецъ выл ъ и прыгалъ отъ того.

Въ бараній рогъ потóмъ его согнули,
И Сатана велѣлъ своимъ чертямъ,
Чтобъ грѣшника того они отдули

Свинцовыми бичами по ушамъ.
А я: „скажи, за что́ такія муки?“
Виргилій мнѣ: „то, сынъ мой, по дѣлàмъ!

Его недаромъ черти взяли въ руки;
Родной языкъ сей грѣшникъ искажалъ
И подливалъ въ него чужіе звуки.

На свѣтѣ томъ живетъ еще журналъ,
Въ который онъ рукою дерзновенной
Свинцовые стихи свои стругалъ,

А тотъ пускалъ по цѣлой ихъ вселенной;
И били всѣхъ тѣ рифмы по ушамъ.
За все сіе предъ огненной геенной

Казнится онъ, казнится по грѣхамъ!“
Потомъ узрѣлъ я рослаго дѣтину.
Изображалъ художника онъ тамъ,

Малюя все какую-то картину.
Лѣниво кисть ходила у него
И устилала красками холстину,

Но не рождали краски ничего.
Тутъ я сказалъ: „повѣдай мнѣ, учитель,
Про жалкаго художника сего“.

Виргилій мнѣ: „сей грѣшникъ—сочинитель!
На свѣтѣ томъ и перьевъ, и чернилъ
Онъ вѣчно былъ усердный потребитель,

И Вельзевулъ за то опредѣлилъ
Такую казнь для глупой сей скотины:
Чтобъ цѣлый вѣкъ онъ мазалъ и чертилъ,

И не намазалъ ни одной картины.
Конца не будетъ тяжкому труду:
Едва дойдетъ лишь онъ до половины,

Какъ Сатана и шасть тутъ на бѣду
И все хвостомъ замажетъ трехъ-аршиннымъ!"
Сказалъ, и вновь мы были на ходу.

Прямой тропой по тѣмъ краямъ пустыннымъ
Безъ отдыха мы долго, долго шли.
Смотрю: сидитъ съ лицомъ предлиннымъ-длиннымъ

Какой-то грѣшникъ въ потѣ и въ пыли,
Въ большомъ котлѣ разваривалъ онъ что-то
Надъ пламенемъ, что̀ било изъ земли;

Да не спорилась трудная работа,
Хоть протекло уже довольно лѣтъ.
И я подумалъ: вотъ варить охота!

Онъ стряпаетъ, а толку нѣтъ какъ нѣтъ.
„Учитель мой! За что̀ такая мука,
И для кого готовитъ онъ обѣдъ?"

Виргилій мнѣ: „впередъ имъ всѣмъ наука!
Узнай, мой сынъ. Сей поваръ—докторъ Пуфъ *),
Мудреная, прехитросная штука!

На свѣтѣ томъ онъ былъ журнальный буфъ;
Редактора искусной болтовнею
И фразами курьозными надувъ,

Галиматью съ начинкою сырою
Въ его листы онъ смѣло посылалъ,
И непотребной всякой чепухою

Чреватъ у нихъ нелѣпый былъ журналъ.
За все сіе межъ грѣшными душами
Онъ въ повара̀ безсмѣнные попалъ.

Варитъ, глядя безсонными очами
Въ котелъ и зелья разныя кроша.
И суждено премудрыми судьбами,

Чтобъ вѣкъ сыра была его лапша,
И чтобъ конца работѣ онъ не вѣдалъ."
Тутъ начала варившаго душа

*) Князь Одоевскій? П. Б.

Меня просить, чтобъ я лапши отвѣдалъ.
Я ложку взялъ, лизнулъ, но ѣсть не могъ,
Хотя уже недѣлю не обѣдалъ.

Опять я ложку бросилъ въ котелокъ,
И дальше въ путь дорогою прямою,
Я за собой учителя увлекъ.

Смотрю: стоитъ съ короткой бородою
И съ шляпою à la Pamela хватъ;
Онъ потѣшалъ какою-то игрою

Толпу живыхъ и рѣзвыхъ бѣсенятъ,
Переливалъ искусно изъ пустова
Въ порожнее; не видывалъ и адъ

Еще ни разу фокуса такова!
Тутъ за фигляромъ сталъ я наблюдать,
И началъ онъ при насъ потѣху снова:

Махнулъ рукою три раза—и глядь—
Ужъ перелилъ! Какъ было это дѣло,
Теперь не въ силахъ я растолковать,

И вся толпа едва ли бы сумѣла.
Тогда сказалъ вождю я своему:
„Повѣдай мнѣ про этого пострѣла!“

„Казнится такъ сей грѣшникъ потому,
Что цѣлый вѣкъ на томъ фигляpилъ свѣтѣ
И помогалъ журналу одному

(Который тамъ и нынче въ полномъ цвѣтѣ).
Премножество безсмысленныхъ статей
Онъ влилъ въ него; но потонуло въ Летѣ

Все что́ у васъ настрянулъ грѣшникъ сей“ *).
Окончилъ вождь, и далѣе въ дорогу.
Мы долго шли среди нагихъ степей.

Глядимъ: стоятъ палаты. У порогу,
Съ лицомъ прежалкимъ, блѣднымъ, испитымъ,
Валялся грѣшникъ; страшную тревогу

Онъ поднималъ, какъ будто бы надъ нимъ
Ужасное свершалось наказанье.
Всѣхъ распугалъ стенаньемъ онъ своимъ.

*) Бѣлинскій? П. Б.

Онъ все твердилъ, что терпитъ поруганье,
Не зная самъ за что̀ и отъ чего;
Что погубить несчастное созданье

Хотятъ, что бьютъ и мучаютъ его.
Увидѣвъ насъ, упалъ онъ на колѣни
И за́ полу кафтана моего

Тянулъ и больно бился о ступени.
Тогда Виргилій тихо мнѣ сказалъ:
„Послушай, сынъ: сіи мольбы и пени—

Напраслина, и дерзкій сей нахалъ
Все плачется и пристаетъ къ прохожимъ,
А самъ подлецъ какого не видалъ

Никто изъ насъ. Во вѣки мы не сможемъ
Ему помочь. Пойдемъ отъ скверны сей,
А то его мы больше растревожимъ!“ *)

Послушался премудрыхъ я рѣчей.
И по ступенямъ кверху мы взбѣжали.
Тамъ шелъ спектакль подземный у чертей,

И грѣшники для нихъ комедь ломали.
Народомъ ложи были всѣ полны,
И мы едва мѣста себѣ достали.

Пришлось глядѣть съ ужасной вышины.
Ужъ подъ-конецъ была у нихъ піеса.
Какой-то вздоръ въ театрѣ Сатаны

Играли. Я не понялъ ни бельмеса.
Собакою прикинулся актеръ
И лаялъ тутъ. Слегка сосѣда-бѣса

Толкнувши, съ нимъ я началъ разговоръ:
„Бѣсъ, растолкуй комедіи значенье!“
А онъ: „скажу я людямъ не въ укоръ:

Нѣтъ подъ землей безъ смысла представленья.
Узнай: актеръ, что̀ пса теперь игралъ,
При жизни грызъ чужія сочиненья

И на полъ-свѣта горло страшно дралъ,
Хоть не было ни толку въ томъ, ни проку.
А вонъ, гляди: что́ плетью замахалъ,

*) Н. А. Полевой? П. Б.

Отъ крикуна стоитъ не подалеку:
Онъ издавалъ у васъ журналъ пустой
(Гдѣ добраго немного было соку.)

И критика-собаку подъ рукой
Всегда держалъ, и по его наказу
Тотъ поднималъ ужасный гамъ и вой,

Самъ отъ себя не тявкнувши ни разу.
И здѣсь надъ нимъ хозяинъ все блюдетъ
Съ нагайкою и не спускаетъ съ глазу;

И если псъ ворчать перестаетъ
И потѣшать компанію честную,
Тотчасъ къ нему хозяинъ подойдетъ

И подъ носъ плеть покажетъ золотую,
Крича: „ну что же, братецъ, ты умолкъ?“
И если тотъ молчитъ на рѣчь такую,

То тутъ же онъ его нагайкой щелкъ.
Намъ весело, что лаютъ то и дѣло;
Комедія такая бѣсу въ толкъ,

А вамъ, я чай, давно ужъ надоѣла;
Но вотъ сейчасъ окончится она!“
И въ самомъ дѣлѣ сцена опустѣла.

„Довольно, братцы!“ крикнулъ Сатана,
И занавѣсъ огромную спустили.
Тогда и та, и эта сторона

Крикъ подняли; всѣ черти забурлили.
Одинъ пищалъ: „послушайте, друзья,
Актеры много нынче пропустили!

Вѣдь въ первый разъ комедія сія
Иначе шла. „—Да точно, это диво!
Другой поддакнулъ“. „Правда, вотъ и я

Скажу“, прибавилъ третій горделиво:
„Все лай да лай; хоть похвалилъ бы песъ
Кого-нибудь изъ этихъ . . . . . особливо

(Затѣмъ еще онъ что-то произнесъ,
Я не слыхалъ и словъ не повторяю)
„Такъ было бы потѣхи намъ до слезъ!“

—А вотъ по мнѣ, съ другаго крикнулъ краю
Какой-то бѣсъ въ прическѣ l'homme m'emporte,
Пріятнѣе критическаго лаю,

Какъ истинный и благородный чортъ,
Нѣтъ ничего, клянусь моей пятою!....
И Сатана вѣдь любитъ этотъ сортъ".

Тутъ заболтали бѣсы межъ собою,
Но ничего не могъ я разслыхать
Изъ ихъ рѣчей, и началъ той порою
Оркестру я подземному внимать.

Изъ оперы Фра-Дьявола играли,
Все на свою обдѣлывая стать,
На весь театръ волторны горло драли;

Кларнетъ ревѣлъ, какъ лютый ураганъ,
Свистѣли флейты, скрипки распѣвали,
И яростно вавакалъ барабанъ,

Гармонію на время заглушая.
Тогда иной бѣсенокъ-меломанъ
Крпчалъ, хвостомъ расчесаннымъ виляя:

„C'est très joli! C'est une charmante musique!"
Но вотъ игра утихнула лихая'
И подняли ужасный черти крикъ,

Рукоплеща и восклицая: bravo!
Тамъ зашумѣла занавѣсь и вмигъ
Взвилась. Другая, хитрая забава

Для публики бѣсовской началась.
Пришелъ актеръ, налѣво и направо
Раскланялся; потомъ въ желѣзный тазъ,

Наполненный какою-то водою,
Макнулъ трубу и, вынувши тотчасъ,
Поставилъ онъ ее передъ собою

И началъ дуть. Гляжу: вскочилъ пузырь.
Сперва онъ былъ въ арбузъ величиною,
А тамъ пошелъ все вверхъ да вширь, да вширь,

Пока на весь театръ не распустился.
Тутъ я подумалъ: „Эка, богатырь!
Не виденъ самъ, а вишь какъ отличился!"

И въ тотъ же мигъ я бѣса въ бокъ толкнулъ.
„Скажи: кто сей и къ вамъ отколь явился?“ *)
Въ отвѣтъ на то бѣсенокъ болтонулъ:

„На свѣтѣ томъ есть нѣкая столица,
Гдѣ пузыри господчикъ этотъ дулъ
И тѣшилъ тѣмъ различныя тамъ лица.

Онъ надувалъ шесть тысячъ каждый годъ,
И потому—вотъ высохъ точно спица;
За то имѣлъ порядочный доходъ

И пузырями славился по свѣту.
И здѣсь теперь онъ учитъ нашъ народъ
Такому же высокому предмету;

Но кажется, не будетъ толку въ томъ.
Ужъ много лѣтъ мы смотримъ штуку эту,
А все никакъ ея не переймемъ!“

Тутъ бѣсъ ногой съ досады о земь топнулъ,
И закрутивъ мохнатый хвостъ кольцомъ,
Вернулъ его и въ воздухѣ имъ хлопнулъ;

Бѣсовскій хвостъ, какъ будто бы на грѣхъ,
Задѣлъ пузырь, пузырь надъ нами лопнулъ,
И брызгами кругомъ онъ обдалъ всѣхъ.

Тутъ хлынула вся публика рѣкою
Изъ залы вонъ; поднялся крикъ и смѣхъ,
И шумъ, и гамъ; казалось, подо мною

Высокія подмостки затряслись.
Тогда мой вождь, схвативъ меня рукою,
Сказалъ: „пойдемъ!“ и мы сбѣжали внизъ.

„Еремѣй Разумѣйко“

25 Апрѣля 1848.

*) С. А. Масловъ?

ПИСЬМА КЪ Н. В. ГОГОЛЮ.

По поводу его „Переписки съ друзьями“.

I.

Простите меня, что я поднимаю вопросъ, теперь уже старый (ибо въ наше время съ невѣроятною быстротою все новое дѣлается уже старымъ), но тѣмъ не менѣе далеко-далеко нерѣшенный вопросъ о вашей книгѣ, надѣлавшей столько шуму, навлекшей на васъ столько неправыхъ обвиненій и, къ сожалѣнію, столько постыдныхъ похвалъ отъ вашихъ прежнихъ порицателей. За исключеніемъ немногихъ дѣльныхъ отзывовъ (Шевырева, напримѣръ) все остальное писанное о вашей „Перепискѣ съ друзьями“ отличается невѣроятною дикостью, поразительною чуждостью (sic) къ тѣмъ *страшнымъ* духовнымъ интересамъ, которые составляютъ ея содержаніе, или добросовѣстнымъ, но неистово-фанатическимъ противоположеніемъ. Не дивитесь, что я зову добросовѣстнымъ это противоположеніе: напомню вамъ о покойномъ Бѣлинскомъ и о его письмахъ къ вамъ (непечатныхъ) *). Этотъ человѣкъ понималъ, хотя односторонне, но глубоко ваше значеніе въ литературѣ, любилъ васъ съ дѣтскимъ обожаніемъ. Представьте же себя на его мѣстѣ: человѣкъ страдалъ дѣйствительными душевными недугами, болѣзненно воспитывалъ идеи въ своей душѣ, мечталъ разгадать пути генія сообразно съ этими идеями, и вдругъ мечта его разбита въ дребезги; обоготворенное имъ предстало ему въ совершенно иномъ видѣ, лучшая опора его сокрушена, „Не судите да не судимы будете“: пожалѣйте объ этой бѣдной, томившейся въ узахъ страданія, мракѣ и скорби, но благородной, хотя и заблуждавшейся, душѣ; не скажу—простите ее, ибо что̀ такое человѣкъ, что бы прощать?.. Негодованіе, злость и грусть, которыя дышатъ въ его письмѣ къ вамъ, проистекали не изъ мутнаго источника; грѣхъ есть преступленіе закона, а не заблужденіе въ законѣ. Миръ памяти страдавшаго брата, слово мира и любви да произнесется надъ этимъ бѣднымъ прахомъ! Я не сочувствовалъ ему никогда; но не осмѣлюсь вмѣнить ему въ вину его неистовыхъ выходокъ въ письмѣ къ вамъ, на которыя сами вы, сколько я знаю, отвѣчали словомъ мира, любви и смиренія.

Совершенно иное чувство одушевляло другихъ вашихъ противниковъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ разумѣется; то было раздраженіе мелочнаго самолюбьица, то было негодованіе на смѣлый гласъ вопіющаго въ пустынѣ, дерзнувшій серьезно заговорить о значеніи жизни; то было озлобленіе не противъ васъ, а противъ самой Божьей правды, *„ея же міръ не*

*) Отрывки напечатаны у Н. П. Барсукова въ VIII томѣ его сочиненія о М. П. Погодинѣ, стр. 598 и слѣд. П. Б.

можетъ пріять"; книга ваша была здѣсь только поводомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта книга стала „*Іудеомъ соблазнъ, Эллиномъ безуміе*", разумѣя подъ Іудеями, книжниками и фарисеями всѣхъ устарѣлыхъ ханжей и лицемѣровъ, которые, подъ прикрытіемъ священныхъ для человѣка словъ, ловятъ въ мутной водѣ рыбу, а подъ Эллинами, нашихъ смѣшныхъ Западниковъ, отчаянныхъ нововводителей. Соблазномъ стала эта книга, украшенная похвалами Булгарина и компаніи; безуміемъ представили ее тѣ, которые не хотѣли видѣть, какъ далека ея возвышенная искренность отъ этой грязи, отъ этого подлаго пресмыканія, которое хотятъ намъ выдать за любовь къ отечеству и проч.

Тотъ, кто имѣетъ честь писать къ вамъ эти строки, принялся читать вашу книгу, находясь самъ въ болѣзненномъ душевномъ состояніи, и притомъ принялся читать ее съ предубѣжденіемъ противъ нея. Два странныхъ чувства обладали имъ сначала; глубокое, сознательное поклоненіе творцу „Мертвыхъ Душъ" и вмѣстѣ съ тѣмъ невольное негодованіе, впрочемъ скорѣе извнѣ пришедшее, чѣмъ внутреннее. Скоро первое впечатлѣніе уступило мѣсто серьезному, внутреннему процессу, процессу болѣзненному, тяжкому, гдѣ, можетъ быть, принесено было въ жертву много личнаго самолюбія, ибо почти все въ книгѣ вашей оскорбительно для этого личнаго самолюбія: тяжело разставаться съ тѣмъ, за что мы всѣ, чада волнующагося вѣка, держимся какъ за доску спасенія, съ этими хотя и призрачными, но тѣмъ не менѣе блестящими опорами. Вы, вѣроятно, и сами знаете, какъ это тяжело; но я думаю, что тотъ, кто былъ скептикомъ серьезно, не для виду только, не остановится ни передъ какою бездною. Сомнѣваться, такъ сомнѣваться уже во всемъ, даже въ самомъ сомнѣніи; отъ этого-то, мнѣ кажется, въ скептицизмѣ лежитъ зачатокъ вѣры: ибо для того, чтобы усумниться въ самомъ себѣ, надобно повѣрить во что-нибудь выше себя. Остроумный, хотя и поверхностный Искандеръ сравниваетъ гдѣ-то послѣдній, безвозвратный шагъ мышленія съ послѣднимъ, отчаяннымъ шагомъ игрока, который самого себя ставитъ на карту. Пожалуй это такъ; да только, шагъ считаемый И—ромъ за послѣдній, далеко не послѣдній. Современное мышленіе не само себя, но только свое прошедшее приноситъ въ жертву; иначе оно было бы христіанскимъ мышленіемъ, ибо христіанство есть альфа и омега міросозерцанія... Но, я отбился отъ своего собственнаго нравственнаго процесса, который привожу я только въ поясненіе моихъ писемъ къ вамъ, а вовсе не потому, чтобы придавалъ ему какое-либо важное значеніе. Повторяю вамъ: много и тяжело было передумано надъ вашею книгою, и вѣроятно, не однимъ мною; я же лично, можетъ быть, былъ приготовленъ къ ней моимъ собственнымъ душевнымъ настройствомъ (sic). Не скрою отъ васъ и того, что, не смотря на все негодованіе, навѣянное на меня слухами о вашей книгѣ, меня лично неотразимо влекло къ ней именно то, что она всѣхъ почти привела въ ярость, всѣхъ—даже людей согласныхъ, повидимому, съ вами въ основахъ мышленія (какъ то Павлова), одно убѣжденіе, что истина есть только то, что̀ сознается немногими, нѣсколькими, однимъ, можетъ быть; что истина всегда гонима и всегда на сторонѣ гонимаго. Результатомъ всего

этого была статья моя по поводу вашей книги въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ“; вы, говорятъ, отозвались о ней благосклонно. Благодарю васъ, но эта была статья недосказанная, несмѣлая, ничего почти несказавшая; дорожу я въ ней только ея основною мыслію и добросовѣстностью попытки. Можетъ быть, многіе, кого я любилъ, съ досадою отвергнулись отъ меня изъ-за этой статьи; можетъ быть, другіе сочли ее желаніемъ угодить господствующимъ началамъ—что̀ нужды? Этою статьею я примирился съ собой за всю свою прежнюю литературную дѣятельность; она была первымъ шагомъ къ выполненію того, что „*Обращаться съ словомъ нужно честно*“. Но, повторяю вамъ, въ этой статьѣ несказано ничего; все или обойдено, или сказано темно, неопредѣленно. Шевыревъ былъ правъ, назвавши ее *стремленіемъ сочувствовать Гоголю*. Опредѣлительно тамъ одно: это второй параграфъ, бѣглый анализъ созданій великаго поэта.

Долго носилъ я въ себѣ мысль написать цѣлую книгу по поводу вашей книги; но остановила меня мысль, что этотъ комментарій ничего къ ней не прибавитъ, что все же онъ, болѣе или менѣе, будетъ носить на себѣ слѣды болѣзненности, что не мнѣ разрѣшить всѣ эти тяжкіе вопросы, что дерзко выставить только вопросы же съ своей стороны. Притомъ же, многое пало мнѣ на сердце изъ этой книги, а въ особенности слова: „Нужно подумать теперь о томъ всѣмъ намъ, какъ на своемъ собственномъ мѣстѣ сдѣлать добро..... Богъ не даромъ повелѣлъ каждому быть на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ теперь стоитъ и т. д.“ Не считаю себя призваннымъ выходить изъ предѣловъ того скромнаго круга дѣятельности, которымъ я ограниченъ; но мнѣ хотѣлось бы бесѣдовать съ вами о многомъ и о многихъ изъ тѣхъ вопросовъ, на которые навела меня ваша книга; для васъ ли, для меня ли,—изъ этого выйдетъ что-нидудь доброе. Разумѣется, что письма эти не для печати, покрайней мѣрѣ въ той безцеремонной формѣ, въ которой они будутъ къ вамъ писаны. Имѣю честь быть поклонникъ вашего генія А. Г. *).

II.

Васъ упрекали въ особенности за предисловіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ литературѣ, потерявшей всякое важное значеніе, подобный религіозный актъ долженъ былъ привести въ изумленіе; стараясь придать ему смѣшной и даже подлый характеръ, хотѣли только отстранить отъ себя тяжкій и ненавистный вопросъ. Вопросъ этотъ вотъ какой: „Обязанъ ли и въ какой степени обязанъ отвѣтственностью за всѣ дѣйствія человѣкъ вообще и человѣкъ духа въ особенности?“ Какъ нарочно, вмѣстѣ почти съ вашей книгою явилась другая книга, надѣлавшая чрезвычайно много шуму.... По крайней мѣрѣ въ

*) Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ. Погодинъ познакомилъ его съ Гоголемъ. Къ нему еще точнѣе можетъ быть отнесено выраженіе Филарета про первые шаги дѣятельности Гоголя: „Возбужденный, но неуправленный!“ Покойный Александръ Николаевичъ Костылевъ говорилъ: „Когда войдетъ въ комнату Григорьевъ, хочется спросить, гдѣ пожаръ? Второе и третье письма къ Гоголю, конечно, принадлежатъ Григорьеву же. П. Б.

своемъ приходѣ, книга дѣйствительно блестящая, остроумная, рѣзко, парадоксальная, profession de foi въ извѣстномъ отношеніи. Я говорю о *„Кто виноватъ?“* Въ ней романистъ высказалъ въ образахъ или, лучше сказать, въ призракахъ тоже, что̀ еще прежде высказывалъ въ парадоксахъ мыслитель, ту основную мысль, что виноваты не мы, а та ложь, сѣтями которой опутаны мы съ самаго дѣтства. Сколько ума, расточеннаго на отрицаніе высшаго двигателя человѣческой дѣятельности—свободы и сопряженной съ нею отвѣтственности; сколько мѣткой злости, потраченной на то, что̀ злости не стоитъ, сколько грусти, но не любовной, а эгоистической грусти, грусти не за святыню человѣческаго духа, а скорѣе за мелочное самолюбіе! Но эта книга важный фактъ, крайняя исповѣдь убѣжденій. Изъ нея слѣдуетъ: 1) что человѣкъ, глубоко чувствующій и горящій жаждою дѣятельности, долженъ обречь себя на бездѣйствіе, что слѣдственно честный человѣкъ—синонимъ съ безплоднымъ человѣкомъ. 2) что женщина, единственная задача жизни для мужчины и наоборотъ, и что внѣ этой задачи для того и другой остается только умирать *въ безмолвномъ и гордомъ страданіи*, какъ выразился поэтъ этого направленія. 3) что никто и ни въ чемъ не виноватъ, что все условлено предшествующими данными и что эти данныя опутываютъ человѣка, такъ что ему нѣтъ изъ нихъ выхода, ибо „привычка есть цѣпь на человѣческихъ ногахъ. Однимъ словомъ, человѣкъ-рабъ, и изъ рабства ему исхода нѣтъ. Это стремится доказывать вся современная литература, это явно и ясно высказано въ *„Кто виноватъ“*?.... Странно, въ высшей степени странно было совмѣстное появленіе этихъ двухъ книгъ, такъ противоположныхъ по тону и по направленію. Жизнь, общество и литературу, размѣнявшіяся на мелочь, должны были нежданно изумить и строго-искренній тонъ, и содержаніе вашего предисловія. Помнится, предисловіе къ 2-му изданію „Мертвыхъ Душъ“ произвело такое же изумленіе. И дѣйствительно, какъ же не изумиться? Художникъ придаетъ общественную важность своему дѣлу, чуть не приглашаетъ всѣхъ и каждаго къ совѣту, соучастію въ своемъ дѣлѣ... Да какъ же это? Да что же это? спрашивала *Русская литература* съ наивнымъ изумленіемъ, не подозрѣвая, бѣдная, что въ этомъ самомъ изумленіи сказывается какое-то циническое презрѣніе къ самой себѣ, какое-то отрицаніе къ самой себѣ всякаго важнаго, общественнаго значенія. Въ отношеніи къ себѣ она можетъ быть права, да не въ правѣ была она считать своимъ главою и представителемъ поэта, который еще прежде въ своихъ сценахъ „Разъѣзда послѣ представленія“ прямо объявилъ, какъ онъ смотритъ на свой подвигъ, какъ онъ дорожитъ тѣмъ, чтобы сѣмена, имъ брошенныя, приносили плодъ въ народѣ. Но ей, этой литературѣ (евнуху или, что̀ хуже еще, развратницѣ), что̀ за дѣло до плода? Для однихъ, какъ для Булг. и прочихъ, литература—дойная корова или развратный домъ; для другихъ мечтательное самообольщеніе или умственная онанія. Съ одной стороны утрачена вѣра въ поэта, какъ въ пророка, какъ въ провозвѣстника правды; съ другой стороны принято, что если и явится пророкъ, то онъ непремѣнно долженъ явиться со словомъ ненависти и вражды. Ясно-

почему смѣшнымъ хотѣли сдѣлать ваше откровенное признаніе. Давно уже сказано:

„Es liebt die Welt das Strahlende zu schwärzen
Und das Erhabene in den Staub zu ziehen“ [1]),

какъ давно уже сказаны всѣ правды; но въ томъ-то и бѣда, что за невозможностью и безсиліемъ враждовать съ неправдой показалось остроумнымъ ратовать противъ правды.

Еще вопросъ: имѣли ли вы, какъ человѣкъ, право обнажать передъ другими людьми внутреннѣйшія и сокровеннѣйшія тайны вашей души?.. Въ этомъ вопросѣ опять выказывается циническое пренебреженіе современнаго человѣка къ высшему значенію своей личной жизни. Замѣчательно, что подобное неуваженіе къ высшей задачѣ личнаго бытія многіе вывели изъ вашихъ же, только ложно понятыхъ, данныхъ. Какъ великій мастеръ, вы глубоко проникли натуру всякой мелкой твари или всякаго грустнаго отпаденія человѣка отъ образа Божія, и вы первый обратили вниманіе всѣхъ на незамѣтныя существованія Акакіевъ Акакіевичей. Но во 1-хъ) вы знали, гдѣ остановиться въ этомъ безграничномъ анализѣ личности, 2) вы указали на опасность рабскаго воспроизведенія дѣйствительности въ вашемъ фантастически-понятномъ „Портретѣ“. Читали ли вы „*Двойника*“ даровитаго Достоевскаго? Вотъ вамъ осуществленіе въ дѣйствительности фантастической основы „Портрета“. Тяжело становится на душѣ отъ этого произведенія, но не такъ возвышенно-тяжело, какъ отъ „*Шинели*“: нѣтъ. Вы, вчитываясь въ это чудовищное созданіе, уничтожаетесь, мелѣете, сливаетесь съ его безмѣрно-ничтожнымъ героемъ, и грустно становится вамъ быть человѣкомъ, и вы убѣждаетесь, какъ будто, что человѣкъ только таковъ и можетъ быть. Какая же тутъ вина, отвѣтственность, какой судъ надъ собою? Жилъ червемъ и умеръ червемъ, и дѣло кончено: „Une foi mort, on est bien mort“ [2]). А вы осмѣлились говорить: „замираетъ отъ ужаса душа при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ высшихъ твореній Бога, передъ которыми пыль все величіе Его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой, чуя исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся“... Еще бы старый Сведенборгъ всталъ и началъ съ простотою разсказывать о чудесахъ царствія Божія господину Голядкину старшему!

Ноября 17. 1848 года.

III.

Отъ васъ лично, отъ вашего предисловія и отъ вашего завѣщанія, тѣсно связанныхъ впрочемъ съ самымъ содержаніемъ вашей книги, перехожу

---

[1]) Миръ любитъ чернить сіяющее и тянуть къ землѣ возвышенное.

[2]) Разъ умеръ, такъ хорошо и умеръ.

къ этому содержанію. Но прежде всего отвѣтъ на ваше письмо. Не требуйте отъ меня положенія стройнаго и строгаго, оно покамѣстъ не въ моей власти; недостатокъ его одна изъ причинъ, по которымъ я, на время, а, можетъ быть, и навсегда, отрекся отъ всякой литературной дѣятельности, и безъ всякаго сомнѣнія недостатокъ этотъ въ связи съ моимъ внутреннимъ настройствомъ. Можетъ быть, потому еще ваша книга такъ сильно на меня подѣйствовала, что въ вышей степени страдаю я недугомъ, на который преимущественно она нападаетъ, недугомъ распущенности, слѣдствіемъ ранняго пресыщенія жизнью. Отсюда сознаніе идеала и сознаніе своего собственнаго безсилія сообразоваться идеалу, состояніе души, можетъ быть, самое безотрадное, самое скорбное состояніе вѣры и разума и апатіи сердца.

Первый вопросъ, котораго вы коснулись, это вопросъ о значеніи женщины. Васъ упрекали, помнится, что въ этомъ, по признанію всѣхъ, высокопоэтическомъ письмѣ, вы не сказали ничего положительнаго. Это не правда: больше вы и не могли и не должны были сказать. Вы возвели этотъ вопросъ къ его высшему началу, возвратили красотѣ ея таинственное и небесное значеніе, и довольно! Еще больше; вы указали на средства, которыми владѣетъ женщина. Но, мнѣ кажется только, что вы забыли коснуться темной стороны вопроса.

Вся современная литература есть не что иное, какъ, выражаясь ея языкомъ, протестъ въ пользу женщинъ, съ одной стороны, и въ пользу бѣдныхъ, съ другой; однимъ словомъ, въ пользу слабѣйшихъ. Вы не фанатикъ, это доказываютъ многія изъ вашихъ же писемъ; вы не близорукій и не ограниченный человѣкъ, слѣдовательно вы не можете закрыть глаза и не видать, что въ основѣ своего протеста литература и мышленіе современное правы: ошибаются они въ средствахъ, да и не могутъ не ошибаться. Думаю я, что въ каждомъ великомъ міровомъ событіи есть двѣ стороны: дѣло Божье и дѣло человѣческое; точно такъ и въ этомъ болѣе и болѣе приводимомъ въ ясность вопросѣ... Подозрѣваю, что вы не въ числѣ гонителей Занда и не станете называть ее сукой и другими милыми именами, на которыя такъ щедры поборники патріархальнаго быта. Чего хочется Зандъ, если дѣйствительно можетъ что-либо опредѣленно хотѣться поэту, дѣйствительно носящему въ себѣ страданія, страсти и стремленія цѣлой эпохи? Вѣроятно не того, чего хотѣли бы для женщины фурьеристы, т. е. четырехъ законныхъ мужей и способности двадцать разъ на день удовлетворять похотямъ тѣла. Возьмите самыя молодыя изъ ея созданій; ни въ одномъ изъ нихъ не найдете вы ничего кромѣ той печальной истины, что людскимъ эгоизмомъ осквернены самыя святыя отношенія мужчины и женщины; что подъ святымъ знаменемъ брака выступаютъ всего чаще самыя гнусныя, самыя богохульныя отношенія и что на конецъ нельзя слишкомъ строго судить нарушеніе подобныхъ отношеній, но вездѣ и повсюду проглядываетъ мысль о святости истинно-брачнаго союза, о значеніи женщины какъ помощницы и сообщницы мужа во всемъ благородномъ и великомъ: то Ральфъ и Индіана, двѣ души, понявшія наконецъ свое родство и заключившія неразрывный союзъ передъ лицемъ дѣвственной при-

роды; то Фіамма, являющаяся Симону какъ возбудительница ко всему доброму и возвышенному; то Изельта, поднимающая до себя Пьера Гюгенепа; то Консюэло, рука объ руку идущая трудною стезею съ Трисмегистомъ Альберомъ. Вездѣ и повсюду женщина является тѣмъ, чѣмъ она должна быть въ Христовомъ царствѣ: стихіею умягчающею, важною вездѣ, и повсюду бракъ святыня. Не отвергнете вы и того также, что современный бытъ семейный, и нашъ Русскій семейный бытъ въ особенности, куда какъ далеки отъ Христова идеала. Не мнѣ доказывать это великому поэту, который создалъ матушку въ „*Отрывкѣ*“, семейный бытъ Манилова и Собакевича, который вложилъ въ уста Чичикова горькое размышленіе при встрѣчѣ съ блондинкою. Увы! большая часть нашихъ женщинъ-*бабы*; остальная, меньшая, почти вся изъ Круциферскихъ. Кто жъ виноватъ въ этомъ? Неужели уже такъ-таки никто? Взгляните попристальнѣе, какимъ образомъ создаются бабы и какимъ образомъ образуются Любовь Александровны. Знаете ли что? Въ вашемъ письмѣ о томъ, „*Чѣмъ можетъ быть жена для мужа въ простомъ домашнемъ быту?*“ чуть ли вы не давали совѣтовъ излишнихъ. Наши женщины средняго и низшаго круга едва ли не исключительно воспитываются для хозяйства, едва ли не во вредъ всѣмъ человѣческимъ сторонамъ заняты домашнимъ порядкомъ: кругозоръ ихъ слишкомъ тѣсенъ, понятіе о долгѣ слишкомъ ограничено или опошлено. Писавши ваше письмо, вы имѣли, кажется, въ виду чисто-свѣтскую женщину, т. е. болѣе или менѣе страдающую недугомъ распущенности. О! для нея всѣ средства вами совѣтуемыя превосходны, а нашимъ женщинамъ средняго кружка нужно совѣтовать чуть ли непротивное. Можетъ быть, это вамъ покажется парадоксомъ, но прошу васъ обратить вниманіе на вашъ же принципъ, т. е. на вѣчный принципъ собиранія и сосредоточенія самого себя. Собираться въ себя значитъ познавать Бога; познавать же Бога значитъ отрѣшиться отъ тварей и отъ всего тварнаго; отрѣшиться же отъ тварнаго не значитъ быть аскетомъ, но только сознавать тварное за тварное, возводить его къ источнику Свѣта и употреблять во славу Его, однимъ словомъ, жить на землѣ, но не забывать, что, по слову Апостола, *житіе наше въ небѣ*, что все возможно и дозволено, но все должно быть считаемо пометомъ въ сравненіи со Христомъ по тому же слову: ибо все должно существовать только *во Христѣ*. А наши женщины слишкомъ похожи на *Марѳу, пекущуюся и молвящую о многъ*; слишкомъ мало въ нихъ энтузіазма къ великому и человѣческому; лучшія изъ нихъ думаютъ, что, ведя хорошо домашнія дѣла, исполняя обязанности рачительной хозяйки, онѣ уже все сдѣлали. О! не все, далеко не все по идеалу Христова брака; чтобы быть христіанинокъ, вообще слишкомъ мало быть честнымъ человѣкомъ; чтобы быть женою и матерью христіанина, слишкомъ мало быть честною женщиною. Тотъ, Кого исповѣдуемъ мы, кротко взглянулъ наятую въ прелюбодѣяніи, ибо она много возлюбила, но съ строгою укоризною *) обратился къ домохо-

*) Не съ укоризною, а съ внушительнымъ указаніемъ. П. Б.

зяйкѣ Марьѣ... Взгляните на воспитаніе нашихъ женщинъ средняго и низшаго круга; съ немногими оттѣнками, оно одинаково направлено къ истребленію вѣры въ жизнь и въ лучшія блага жизни; оно замыкаетъ бѣдную дѣвочку въ тѣсный кругъ обиходныхъ домашнихъ понятьицъ, и нѣтъ ея душѣ выхода изъ этой печальной сферы, ибо всякій выходъ сопряженъ съ опасностью, а презирать опасности во имя правды она не пріучилась, да и не вѣритъ даже въ возможность такого презрѣнія. И вотъ, со временемъ изъ этой дѣвочки дѣлается или *нѣжная* Манилова или г-жа Собакевичъ, однимъ словомъ, баба. Она вѣрна мужу, она ведетъ приходъ и расходъ; да лучше бы была она невѣрна мужу, не вела приходо-расходной книги. Еще печальнѣе, если ея природа благодатна и не могла быть вовсе подавлена: тогда она несчастна, она, Крупиферская; но, къ сожалѣнію, страшно пошлы основы ея страданій. Наши Жоржъ-зандистки и Крупиферскія клевещутъ на Зандъ и, право, не стоятъ того участія, которымъ исполнена къ нимъ современная литература. Невѣріе въ великое и благородное у нихъ такое же, какъ и у бабъ; но разные господа втолковываютъ имъ, что нельзя жить безъ того, чтобы не любить „долго и нѣжно, съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной“, и вотъ онѣ пускаются любить и страдать, обыкновенно, впрочемъ, весьма дешево; жертвы и самопожертвованій отъ нихъ не ждите. Кромѣ того, васъ поразитъ въ нихъ какое-то смѣшное и возмутительное отрицаніе всего религіознаго и т. д. Понятія ихъ и господъ, втолковывающихъ имъ великія истины, достойны внимательнаго изученія.... Еще покойный Пушкинъ намекнулъ на идеалъ современной женщины, „кометы въ кругу расчисленномъ свѣтилъ“; но никто такъ не объидеалпзировалъ ее, какъ Лермонтовъ. Все это было когда-то хорошо, все это теперь надоѣло страшно. Не преходитъ только истинное и прекрасное, не прейдутъ идеалы Шиллера и Занда, вѣчно свѣтлы образы Офеліи, Дездемоны, Миранды, Миньйоны, Гретхенъ, Анунціаты.

До свиданія! Простите мнѣ мои отступленія и не забудьте, великій художникъ, что я только вашъ ученикъ и ревностный поклонникъ.

IV.

Къ числу друзей автора принадлежу и я. Однакожъ это не препятствуетъ мнѣ говорить объ его сочиненіи прямо, искренно, безпристрастно. Кто знакомъ лично съ авторомъ, тотъ не можетъ не примѣтить, что это сочиненіе есть самая точная копія съ своего оригинала, что это—тотъ же авторъ, но только въ письмени. Въ самомъ дѣлѣ, немногіе, кажется, изъ писателей такъ ярко, такъ выпукло, такъ осязательно выразили свою личность въ своемъ сочиненіи, какъ она выражена здѣсь. Но въ томъ-то и достоинство, въ томъ-то и заслуга литератора, если онъ говоритъ прямо, искренно, если онъ высказываетъ то, что̀ у него лежитъ на сердцѣ, а не принимаетъ на себя какую-нибудь личину для угожденія публики.

Съ тою же искренностью рѣшился и я высказать свои мысли насчетъ его сочиненія. Этимъ мнѣ хотѣлось, съ одной стороны, исполнить просьбу

самого автора (стр. 5), а съ другой стороны, по поводу этого сочиненія и самому сказать нѣсколько словъ о такихъ предметахъ, о которыхъ самъ авторъ говоритъ кратко.

Содержаніе сочиненія съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, едва ли не безпримѣрнымъ. Читая первыя страницы его, иной даже, быть можетъ, съ усмѣшкой скажетъ самому себѣ: „Что за странная мысль пришла въ голову автора печатно говорить о такихъ предметахъ? Не боленъ ли онъ нервною горячкою или Англійскимъ сплиномъ?“ Словомъ, его сочиненіе можетъ показаться для многихъ безумiемъ, юродствомъ. Но это взглядъ близорукій. Кто кружится въ вихрѣ суеты житейской и не имѣетъ времени или не хочетъ по временамъ уединяться и размышлять о самомъ себѣ, о своей религіи, о своей судьбѣ за гробомъ, для того сужденія автора покажутся дикими, странными. Но кого болѣзни и нужды житейскія заставляли подумать о своей жизни настоящей и будущей, тотъ можетъ хорошо понимать г. Гоголя. Притомъ, кто входилъ въ нѣкоторое соприкосновеніе съ его душой, тотъ не могъ не изумиться ея оригинальности, тотъ даже могъ подумать, что онъ родился и жилъ не на земномъ шарѣ, а на какомъ-нибудь Сиріусѣ. „Стыдно тому“, говоритъ авторъ, „кто привлечется какимъ-нибудь вниманiемъ къ гніющей персти, которая уже не моя“ (стр. 8). Какъ понимать эти слова? Если здѣсь говорится о тѣлѣ его, погребенномъ уже въ землѣ, то ужели авторъ думаетъ, что кто-нибудь разроетъ его могилу и полюбопытствуетъ взглянуть на бренные его останки? Если же здѣсь рѣчь идетъ о тѣлѣ, лежащемъ еще во гробѣ до погребенія и при погребеніи, то нѣтъ никакого стыда смотрѣть на него всякому христіанину, тѣмъ болѣе православному. Только Неаполитанецъ, по смерти своего друга или родственника, бѣгаетъ отъ его трупа, какъ отъ заразы и не видитъ его до самаго погребенія, а предоставляетъ чужимъ рукамъ положить его въ гробъ, отвезти на кладбище и опустить въ яму. Напротивъ, православный Русскій человѣкъ съ уваженіемъ смотритъ на бренные останки усопшаго. Ибо, что̀ такое тѣло человѣческое, какъ не храмъ Духа Святаго? Что̀ такое трупъ человѣка, какъ не сѣмя, которое въ нѣдрахъ своего тлѣнія заключаетъ источникъ жизни будущей, воскресенія? Но эта персть „уже не моя“, и это несправедливо. Она твоя была, есть и будетъ. Авторъ думаетъ, что когда душа разлучалась съ тѣломъ, то тѣло, какъ добыча червей, уже не принадлежитъ ему, потому-де что оно сгніетъ, истлѣетъ и обратится въ первобытный прахъ, а душа навсегда освободится отъ него. Неправое мудрованіе! Ты никогда не избавишься отъ своего тѣла. Ты съ собою за гробъ уносишь основу его, а въ день всеобщаго воскресенія воспріимешь его вполнѣ.

Говоря о вліяніи, какое можетъ произвести на всѣхъ Одиссея Гомера въ переводѣ г. Жуковскаго, авторъ замѣчаетъ, что „Греческое многобожіе не соблазнитъ нашего народа“ (стр. 46). Въ этомъ мы несогласны съ авторомъ. Конечно, Одиссея не можетъ увлечь народъ къ многобожію, но можетъ поселить въ немъ множество гибельныхъ суевѣрій. Самъ же авторъ въ слѣдующемъ за симъ письмѣ замѣчаетъ, что мы не знаемъ своей церкви.

Если же люди образованные не знаютъ церкви, то что̀ сказать о простомъ народѣ? А не зная церкви, какъ онъ можетъ удержаться на той высотѣ мыслей, которую усвоилъ ему авторъ? Не столько надобно опасаться за народъ, сколько за такихъ вельможъ, которые имѣютъ самое ограниченное понятіе о Православной Церкви и Вѣрѣ (а такихъ людей немало) и которые по тому самому готовы сказанія Гомера (о, ужасъ!) сравнивать со сказаніями Библейскими. Вообще авторъ въ указанномъ мѣстѣ слишкомъ идеально смотритъ на состояніе Вѣры въ Россіи. Обратись онъ къ жалкой дѣйствительности, онъ сказалъ бы совершенно не то, что̀ теперь сказалъ: ибо даже въ высшемъ обществѣ онъ встрѣтилъ бы такое невѣжество истинъ религіи, что и самъ закрылъ бы глаза отъ стыда.

„Напрасно смущаетесь вы нападеніями, которыя теперь раздаются на нашу Церковь въ Европѣ“ (стр. 58). Это совершенно справедливо; потому, что нѣтъ еще ни одного сочиненія въ Европѣ о Православной Церкви, въ которомъ не было бы насчетъ ея весьма значительныхъ промаховъ. Не очень давно M. Teiner издалъ въ свѣтъ огромную книжку о Русской Церкви, основываясь въ своихъ изслѣдованіяхъ, какъ самъ онъ говорилъ въ своемъ предисловіи, на офиціальныхъ документахъ и стараясь всѣми силами говорить о нашей Церкви сущую правду; и однакожъ, что̀ онъ говоритъ о ней? Такую дичь, что уши вянутъ. Иные даже боятся и имя своего выставить на своемъ сочиненіи, и весьма справедливо поступаютъ: ибо, наполнивъ цѣлую книжку грубыми ошибками относительно изслѣдуемаго предмета, кто отважится выставить на ней свое имя? Напротивъ, кто ближе знакомъ съ нашею Церковію, какъ наприм., Бадеръ, тотъ не можетъ не говорить въ ея пользу. Слѣдовательно, опровергать иностранныя сочиненія о Русской Церкви значитъ сражаться съ тѣнями. Кто же рѣшится на это? Православная Церковь въ этомъ отношеніи подражаетъ своей Главѣ Іисусу Христу, Который на всѣ несправедливыя обвиненія Своихъ враговъ предъ Пилатомъ и особенно предъ Иродомъ отвѣчалъ молчаніемъ. Но это молчаніе краснорѣчивѣе безконечнаго многословія защищало Его невинность, потому что за нее ручалась праведная Его жизнь. Такъ точно должны поступать и мы. Подлинно, для насъ возможна одна только пропаганда — жизнь наша (стр. 60), какъ прекрасно замѣтилъ авторъ. Это надобно твердо держать въ памяти, особенно тѣмъ, которые путешествуютъ за границей.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ письмѣ авторъ опровергаетъ тѣ причины, которыми обыкновенно объясняютъ слабость у насъ власти церковной. Но опровергши эти ложныя причины, авторъ, однакожъ, не показалъ истинныхъ, а онѣ предъ глазами; сто̀итъ только обратить вниманіе на пастырей и на паству. Пастыри опасаются, чтобы чрезъ свою твердость не лишить себя житейскихъ выгодъ, почестей и отличій, и потому раболѣпствуютъ паствѣ; а паства, особенно великіе и сильные земли, воображая, что они также велики и сильны и предъ религіей, предъ лицомъ Божіимъ, злоупотребляютъ смиреніемъ пастырей и малозначительностію ихъ въ сравненіи съ чинами и достоинствами общественными.

Далѣе, мы уже въ половину только сочувствуемъ автору относительно законныхъ ѣоприщъ (стр. 63), на которыхъ должны священники встрѣчаться съ своими прихожанами. Извѣстно, что исповѣдь не можетъ быть продолжительна, потому что много бываетъ желающихъ исповѣдываться. Извѣстно также, какимъ вниманіемъ награждаютъ проповѣдниковъ въ воскресные дни и какую пользу отъ проповѣди получаютъ въ это время вѣрующіе. Извѣстно, наконецъ, и то, что самъ Основатель христіанства и Его сподвижники благовѣствовали слова спасенія не съ одной каѳедры церковной и не предъ однимъ судилищемъ совѣсти. По всему этому очень необходимо, чтобы руководители наши ко спасенію какъ можно чаще могли бесѣдовать съ своими руководимыми о предметахъ вѣры. Этими домашними бесѣдами они едва ли не легче, нежели поученіями съ каѳедры, могутъ разогнать тотъ мракъ невѣдѣнія относительно Вѣры и Церкви Православной, который господствуетъ, къ сожалѣнію, даже въ самыхъ свѣтлыхъ домахъ; изъ этихъ бесѣдъ православные узнаютъ, что духовенство вовсе не такъ грубо и невѣжественно, какъ обыкновенно его себѣ представляютъ, хотя оно и не говоритъ пофранцузски и понѣмецки. Даже одно частое явленіе священника въ одинъ и тотъ же домъ благотворно тѣмъ, что напоминаетъ собою о религіи, что можетъ искоренить пагубный предразсудокъ, по которому всякая встрѣча съ священникомъ считается предзнаменованіемъ неудачи, а приходъ въ домъ безмолвною проповѣдью *горя тому дому*. Отъ чего предки были счастливѣе насъ? Отъ того, что они сближались съ служителями алтаря, отъ того, что они ничего не начинали безъ церковнаго молитвословія, отъ того, что священникъ былъ вмѣстѣ для нихъ и другъ и совѣтникъ, которому они безпрекословно повиновались; словомъ, отъ того, что церковь они вводили въ свою жизнь *). А теперь къ священнику обращаются лишь въ такихъ случаяхъ, когда сего требуетъ законъ гражданскій и, стало быть, обращаются только по тому побужденію, чтобы не быть виновными предъ закономъ гражданскимъ. O tempora! O mores! Несправедливо по этому авторъ отказываетъ священникамъ въ возможности входить въ общества. Эту мысль свою подтверждаетъ онъ примѣромъ „свѣтскихъ людей, которые толкаются вѣчно среди свѣта *и при всемъ томъ всѣхъ* пустѣе“; но это происходитъ, надобно сказать, отъ того, что они только именно *толкаются*, т.-е. пріѣдутъ на полчаса, на часъ, поговорятъ о здоровьѣ, о погодѣ, о театрѣ и т. п., и уѣдутъ. Само собою разумѣется, что такъ никто и никогда не изучитъ свѣтъ. Ужели же такъ должны поступать и священники? Ничуть. Въ опроверженіе автора, мы можемъ указать, въ свою очередь, также на примѣръ тѣхъ свѣтскихъ людей, которые на все смотрятъ наблюдательнымъ взоромъ и которые поэтому очень хорошо знаютъ свѣтъ. Авторъ говоритъ: „найди только прежде ключъ къ своей собственной душѣ, когда же найдешь, тогда этимъ же самымъ ключемъ отопрешь души всѣхъ“ (стр. 65). Сдѣлалъ бы я его духовникомъ и

*) Въ городахъ и селахъ Малороссіи доселѣ удержалось это первобытное счастіе народа.

посмотрѣлъ бы, какъ бы онъ ключемъ своей души началъ отпирать души всѣхъ!

Нѣтъ, другъ мой, нельзя однимъ ключемъ отпирать тысячи замковъ. Глубоко сердце человѣка, а еще глубже оно при исповѣди. Искренно, искренно говорю тебѣ, что, обращаясь среди общества, священникъ можетъ узнать недуги общества, а въ особенности недуги частныхъ лицъ, гораздо лучше, нежели какъ они высказываются на исповѣди, такъ что предъ нимъ нужно будетъ имъ исповѣдываться для того только, чтобы самимъ признать за собою тѣ грѣхи, которые еще прежде исповѣди извѣстны священнику, и принять отъ него разрѣшеніе и врачевство.

Далѣе авторъ крайне превозноситъ Русскихъ лирическихъ поэтовъ, считая источникомъ ихъ лиризма самого *Бога* (стр. 68 и 81). Эта мысль весьма соблазнительна. Иной подумаетъ, что поэтъ есть боговдохновенное лицо и наоборотъ! Въ письмѣ о существѣ Русской поэзіи авторъ мастерски излагаетъ историческое ея развитіе и вездѣ высказываетъ глубоко-проницательный свой взглядъ на каждаго Русскаго поэта.

Послѣднее письмо, о Свѣтломъ Воскресеніи Христовомъ, не чуждо мистицизма, который особенно ясно выразился на послѣдней страницѣ, гдѣ авторъ говоритъ: „это не мысль, выдуманная въ головѣ; такія мысли не выдумываются, но рождаются онѣ разомъ“ (стр. 286)...

Въ заключеніе благодарю автора за искренность и назидательность его писемъ: отъ нихъ вѣетъ истинно-христіанскимъ чувствомъ. И вмѣстѣ прошу объяснить мнѣ тираду отъ словъ: „Церковь наша должна святиться въ насъ“ и далѣе, до слова: „какъ намъ защищать“ (стр. 59)... По моему разумѣнію, здѣсь или понятіе о Церкви смѣшано съ понятіемъ о Вѣрѣ, или же Церковь признается обществомъ только внутреннимъ, невидимымъ; но въ послѣднемъ случаѣ такой взглядъ на Православную Церковь будетъ одностороненъ и невѣренъ.

Св. М. Т. С.

*

Вопреки неоднократно выраженному желанію Гоголя, чтобы ему не воздвигали памятника, наше чужедуміе, оставивъ въ небреженіи могилу его въ Даниловскомъ монастырѣ, воздвигаетъ неудачно исполненное изображеніе его на Пречистенскомъ бульварѣ въ Москвѣ. Вспоминается двустишіе Баратынскаго про кажденіе мертвецу, съ цѣлью другихъ задѣть кадиломъ. Не удаются у насъ памятники писателямъ: на Ломоносова, на университетскомъ дворѣ въ Москвѣ, смотрѣть жалко. Пушкинъ глядитъ какимъ-то нигилистомъ, и ему же, когда памятникъ былъ готовъ, дана, вмѣсто обыкновенной круглой шляпы, другая мятая, про которую одинъ изъ его современниковъ сказалъ, что Пушкинъ былъ слишкомъ приличный человѣкъ, чтобы носить такую, да шляпъ такихъ въ его время и не носили. Памятники Державину въ Казани, Карамзину въ Симбирскѣ (Муза Исторіи, Кліо) тоже неудачны. Одинъ Крыловъ не грѣшитъ противъ художественности и служитъ украшеніемъ прекраснаго лѣтняго сада въ Петербургѣ. Нѣкоторые изъ старообрядцевъ не ставятъ даже и надгробій на могилахъ, какъ знаковъ гордыни и похвальбы. Гоголь—обличитель недавней Русской жизни. Пожелаемъ, чтобы народился обличитель современной. П. Б.

ДОСТОПАМЯТНАЯ НАДПИСЬ НА ИКОНѢ.

Это надпись на иконѣ св. Василія Великаго, которою благословилъ отца моего, Василія Николаевича Ушакова, его отецъ, мой дѣдъ Николай Васильевичъ Ушаковъ, сынъ Екатерины Петровны, рожденной княжны Тюфякиной, послѣдней въ родѣ князей Тюфякиныхъ (Рюриковичей).

„Въ нещастный 1812 г., по приближеніи арміи злочестиваго злодѣя роду человѣческаго къ Москвѣ, служилъ я при главномъ управленіи путей сообщенія въ Твери, откуда, по волѣ главнаго начальника, 19-го Августа отправился въ Рыбинскъ; но прежде заѣхалъ къ матушкѣ въ село Никитское, куда пріѣхалъ 22-го числа. Всячески старался матушку уговорить, чтобъ съ нами ѣхала. Положивъ упованіе на Всевышняго, осталась она въ деревнѣ. 9-го Сентября со всѣмъ своимъ семействомъ я поѣхалъ въ Рыбинскъ, куда прибылъ 12-го, гдѣ явился къ начальству, отъ коего получилъ паспортъ до востребованія. Изъ Рыбинска поѣхалъ въ Завидово, деревня Ярославской губ., куда прибылъ 16-го и прожилъ по 3-е Октября. 6-го прибылъ въ Ярославль. 15-го даровалъ мнѣ Богъ сына Василія. По выздоровленіи вѣрнаго друга *), 17-го Декабря выѣхалъ въ Калязинъ къ матушкѣ, куда прибылъ 22-го, а 29-го отправился въ Тверь. Все недвижимое имѣніе матушки и мое уцѣлѣло отъ лютости нечестиваго врага, кромѣ Московскаго дому, который сожженъ и разграбленъ. Сей образъ сдѣланъ по обѣщанію... и благословляю онымъ Васю. Господи, надѣющіеся на Тя да не погибнутъ!“

(*Сообщено Натальею Васильевною Трескиною, рожденною Ушаковою*).

Князья Тюфякины, колѣно XX отъ Рюрика.

№ 12. Князь Ѳедоръ Григорьевичъ, стольникъ царицы Прасковьи Ѳедоровны (1692), Маіоръ Пѣхотинецъ Кокенгаузенского полка (1721).

13. Петръ Ѳедоровичъ жилъ въ Москвѣ въ своемъ домѣ на Козьемъ болотѣ въ приходѣ ц. Спиридонія. (*„Руск. Арх.„. 1894, кн. № 6*).

14. Иванъ Петровичъ, д. т. совѣтникъ, жена княжна Марія Александровна Долгорукая, племянница князя Долгоруkаго-Крымскаго и графини Анастасіи Михаиловны Брюсъ.

— Княжна Екатерина Петровна за Василіемъ Ѳедоровичемъ Ушаковымъ, *дѣдомъ моего отца*.

— Княжна *Настасья* Ѳедоровна за Петромъ Ивановичемъ Свѣчинымъ, адъютантомъ Измайловскаго полка.

15. Петръ Ивановичъ, бездѣтный, послѣдній въ родѣ. Женатъ на Екатеринѣ Осиповнѣ Хорватъ, племянницѣ князя Зубова.

---

*) Т. е. своей супруги. П. Б.

ПАМЯТНИКЪ НА МОГИЛѢ Н. П. БАРСУКОВА.

Великій труженикъ Русской исторіографіи, Николай Платоновичъ Барсуковъ покоится на Смоленскомъ кладбищѣ, старѣйшемъ въ Петербургѣ. Памятникъ на его могилѣ потребовалъ большихъ приспособленій ради опасности отъ паводненій. Онъ поставленъ на рельсы. Получилось нѣчто несокрушимое. Все пространство внутри рѣшетки, какъ и могила, уложены дерномъ. Травка такъ и веселитъ зрѣніе. Рядомъ съ памятникомъ красуется пихта (Abies Sibirica), присланная изъ Кускова. На сторонѣ памятника, обращенной къ чудной церкви во имя Воскресенія Христова, вырѣзана надпись:

„Подобаетъ тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе. Пожерта бысть смерть“.

На противуположной сторонѣ: *„Болѣзную о тебѣ, брате мой, красный ми зѣло“ (2-я книга Царствъ).*

На лицевой сторонѣ, имя покойника, время рожденія (8 Ноября 1838) и кончины (23 Ноября 1906). Слова Апостола Павла: *«Подвигомъ добрымъ подвизахся».*

На задней сторонѣ: *„Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ“.*

Русскій человѣкъ, дорожащій памятью предковъ, съ чувствомъ глубокой благодарности кладетъ поклонъ предъ этою могилою.

*

Въ томъ же 1906 году, 22 Марта, скончалась въ Одессѣ Марья Сергѣевна Томашевская. Это младшая изъ дѣтей Сергѣя Тимофѣевича и Ольги Семеновны Аксаковыхъ, вѣрная высокимъ обѣтамъ своихъ родителей, сестеръ и братьевъ. Теперь отъ Аксаковскаго поколѣнія, столь достолюбимаго и достопамятнаго, остались только дѣти и внуки Григорія Сергѣевича.

ДОПОЛНЕНІЯ, ПОПРАВКИ, МЕЛОЧИ.

Въ 4-мъ примѣчаніи къ Завѣщанію Екатерины Великой („Р. Архивъ“ 1907, II), читаемъ относительно словъ ея „буде я умру въ *Пеллѣ*, то перевезите (тѣло) водой въ Невскій монастырь“, что это распоряженіе сдѣлано въ память Потемкина. Между тѣмъ, въ книгѣ Пыляева „Забытое прошлое окрестностей Петербурга“, на стр. 86—87, разсказано, что на берегу Невы, гдѣ лежитъ село Ивановское и стоятъ развалины бывшаго дворца Пелла, былъ при Неплюевѣ (владѣльцѣ Ивановскаго) домъ на 50 саженяхъ, оранжереи и обширные сады.

Имѣніе Неплюева было куплено Императрицею Екатериною въ 1784 г. въ годъ смерти Ланскаго. Здѣсь Екатерина, въ грустныя минуты, подъ „впечатлѣніемъ мизантропической фантазіи“, въ дикой, лѣсистой мѣстности, на берегу Невы, задумала построить замокъ, чтобы жить въ пустынѣ. Государыня, проживая здѣсь съ сестрою Ланскаго, Кушелевою, вела уединенную жизнь. Купивъ мызу Неплюева, Императрица возвратила ей названіе Пеллы.

Есть преданіе, что это имя дано Петромъ мѣстности въ память залива Пеллы на Ладожскомъ озерѣ, а Илья Яковкинъ, авторъ „Описанія Царскаго Села“, говоритъ: „Пеллой назвала эту мѣстность Екатерина въ память рожденія перваго возлюбленнаго ея внука, названнаго Александромъ, потому что Александръ Македонскій родился въ Пеллѣ“. Послѣднее преданіе, замѣчаетъ Пыляевъ, надо думать, вѣрнѣе.

Бывшее имѣніе князя Потемкина „Островки“ лежитъ въ трехъ верстахъ отъ Пеллы.

*

Въ 8-й тетради нынѣшняго года на стр. 566-й допущена грубая ошибка, искажающая слова митрополита Филарета. Вмѣсто *овцы бодущія* слѣдуетъ *овны бодущіе* (т.-е. бараны). Это слово *овны* употреблено и въ псалмахъ, напр., въ 64, 113 и др.

*

На стр. 564-й г. Соколовскій напрасно упрекаетъ А. П. Салтыкову въ неточности при описаніи памятника Николаю Павловичу на Маріинской площади въ Петербургѣ. Почтенная милитаристка (какъ ее называетъ г. Со-

коловскій) родилась, выросла и постоянно вращалась въ военномъ кругу. Поэтому къ ней никакъ нельзя отнестись съ упрекомъ, который дѣлала себѣ, съ нѣкоторымъ самодовольствомъ, безсмертная Анѳиса Павловна Хлестова въ „Горѣ отъ ума“:

„Не мастерица я полки-то разбирать“.

Умная и красивая дочка всесильнаго тогда начальника штаба гвардіи и гренадеръ отлично въ нихъ разбиралась и совершенно сознательно и правильно назвала форму, въ которой сидитъ на конѣ Николай Павловичъ, — *кирасирскою*. Эта форма была тогда общею для всѣхъ четырехъ полковъ тогдашней кирасирской гвардейской (нынѣ 1-й гвардейской) дивизіи. Полки эти различались тогда, какъ и теперь, только цвѣтомъ воротниковъ и выпушекъ и приборомъ. Разумѣется, это различіе не могло быть обозначено въ бронзовомъ изваяніи. Поэтому кирасиры Его Величества и кавалергарды, точно такъ же, какъ конногвардейцы, могутъ думать, что Императоръ въ ихъ мундирѣ. Мундиръ своихъ кирасиръ, лейбъ-гвардіи Его Величества полка, Государь носилъ такъ же часто, какъ и конногвардейскій, а въ Царскомъ Селѣ, мѣстѣ расположенія этого полка, почти всегда.

*

A eux la balle (въ Разговорѣ портретовъ Чесменскаго дворца, стр. 521). Эта поговорка взята изъ игры въ мячъ, распространенной во Франціи (въ особенности въ южной ея части). Поговорку эту нельзя переводить *имъ-шаръ*, такъ какъ она ничего общаго съ балотировкой не имѣетъ. Смыслъ ея: мячъ передается имъ, ихъ черёдъ, имъ играть. Въ настоящемъ случаѣ она вложена Екатериною въ уста Петра II-го и обозначаетъ, что онъ передаетъ право и обязанность отвѣчать на относящіяся къ нему пререканія дѣду и мачихѣ-бабкѣ своимъ.

Тамъ же, стр. 516, brin d'esprit переведено невѣрно. Это „трясило“ на головныхъ уборахъ нашихъ прабабушекъ. Тутъ попрёкъ Маріи Антуанетѣ за ея парядливость.

*

На книгѣ „Стихотворенія В. Пушкина“ (1822 г.) сдѣлана такая надпись Васильемъ Львовичемъ Пушкинымъ князю Петру Андреевичу Вяземскому:

Чѣмъ мнѣ дарить тебя, другъ милый и собратъ
Въ день твоего рожденья?
Прими сей слабый даръ, мои стихотворенья,
И будь счастливѣе ихъ автора сто кратъ.

Сочинитель.

12 Іюля 1823 года.

чинѣ Александра Павловича. Сообщ. А. Ѳ. Бычковымъ. **1870.** (3), 627—630.

1812. Обращеніе въ католичество гр. М. А. Воронцовой. Гр. М. Д. Бутурлина. **1869.** (10), 1712—1714.

1813. Графы Воронцовы, отецъ и сынъ. (Изъ архива б. Николаи). **1890.** Ш, (9), 104.

1814. Два письма гр. М. С. Воронцова изъ похода 1806 г. **1895.** Ш, (12), 481—483.

1815. Кн. М. С. Воронцовъ и Э. С. Андріевскій. Е. И. Козубскаго. **1898.** I, (4), 625.

1816. Письмо М. С. Воронцова къ гр. Д. Н. Блудову. **1905.** Ш, (9), 130—131. О Бессарабіи.

1817. Письмо къ гр. Бальменъ отъ гр. С. Р. Воронцова. (О медикахъ въ Россіи). **1877.** Ш, (9), 112.

1818. Письмо гр. С. Р. Воронцова къ герцог. Девонширской. **1884.** II, (3), 131—132.

1819. Два письма гр. С. Р. Воронцова: къ гр. Н. П. Панину и къ импер. Александру. **1874.** II. (12), 971—1025.

1820. Гавріилъ (Бодони). В. Жмакина. **1898.** Ш, (11), 309—377. 12, 487—512.

1821. Подвигъ мѣщанина Герасимова. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. **1875.** Ш, (9), 106.

1822. Е. П. Глѣбова-Стрѣшнева. По воспоминаніямъ внучки ея Н. П. Бреверна. Баронессы В. Лепель. **1895.** I, (1), 91—104.

1823. Воспоминанія о кн. М. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ. Н. П. Шишкова. **1866.** (3), 460—474.

1824. О кн. М. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ-Смоленскомъ. П. М. Голенищева-Кутузова-Толстаго. **1883.** II. (4). 361—364.

1825. Письма къ кн. А. Н. Голицыну. **1905.** Ш, (12), 488—495. Негоша, Сперанскаго, гр. Аракчеева, архим. Фотія, великихъ княженъ Ольги и Александры Николаевенъ.

1826. Князь А. Н. Голицынъ, въ его письмахъ (къ Александру Павловичу, къ бар. Криднеръ, къ А. С. Голициной, къ Беркгеймъ). **1905.** Ш, (11), 360—455.

1827. Два письма кн. А. Н. Голицына къ Е. А. Энгельгарту. **1868.** (4—5), 873—877.

1828. Переписка кн. А. Н. Голицына съ З. Я. Карнѣевымъ. Сообщ. Г. Г. Примо. **1893.** II, (5), 129 134

1829. Письмо кн. А. Н. Голицына къ А. Ѳ. Лабзину. **1895.** Ш, (12), 491—492.

1830. Письма кн. А. Н. Голицына къ гр. А. А. Орловой-Чесменской. **1869.** (9), 943—958.

1831. Письмо кн. А. Н. Голицына къ Московскому митроп. Серафиму. (1822). **1873.** II, (12), 2325—2330.

1832. Очеркъ жизни Е. А. Головина. Ю. В. Толстаго. **XIX вѣкъ.** (I), 1—64.

1833. Объ Е. А. Головинѣ и жестокостяхъ военнаго быта. **1871.** (7—8), 1253—1272.

1834. О пасторѣ Госнерѣ. Изъ Записокъ Н. И. Греча. Сообщ. Евг. Ив. Гречъ. **1868.** (9), 1403—1413.

1835. Современныя бумаги о погребеніи патріарха Григорія. 1821. Сообщ. Ю. В. Толстымъ. **1871.** (11), 1920—1939. Секретное письмо А. Ѳ. Ланжерона кн. А. Н. Голицыну. Показанія шкипера Николо Склаво, кн. Ганджери и Сутцо.

1836. О князѣ Е. А. Грузинскомъ и переводѣ Макарьевской ярмарки въ Нижній. А. Н. Шишкова. **1899.** II, (7), 453—455. (Поправка. Ш, (9), 176).

1837. Письмо кн. Е. Р. Дашковой къ гр. Н. П. Шереметеву. **1873.** II, (10), 1908—1909.

1838. Д. В. Дашковъ. Его письма къ Е. Г. Пушкиной. **1905.** II, (6), 251—261.

1839. Письма гр. Дмитріева-Мамонова. **1896.** I, (1), 51—60. Къ С. П.

Фонвизину, А. Я. Булгакову и священн. Симеону.

1840. Духовное завѣщаніе кн. В. С. Долгорукаго. **1888.** III, (10), 187—192.

1841. Письма кн. М. П. Долгорукаго (съ примѣч. Ю. В. Толстаго). **1865.** (10—11), 1305—1327.

1842. Доможировъ. Д. С. Протопопова. **1898.** I, (1), 96.

1843. Санъ-Донато. Хроника. **1903.** II, (8), 585—592. Демидовы во Флоренціи.

1844. Письма Д. С. Дохтурова къ его супругѣ. **1874.** I, (5), 1089—1131.

1845. А. П. Дубовицкій и его жизнь по разнымъ монастырямъ. В. Жмакина. **1894.** II, (6), 175—208.

1846. Письма митр. Евгенія къ В. Г. Анастасевичу. Съ предисл. Н. Полетаева. **1889.** II, (5), 21—84. (6), 161—236. (7), 321—388.

1847. Письмо митр. Евгенія къ неизвѣстному лицу. **1903.** I, (3), 433—434.

1848. Письма митр. Евгенія В. И. Мекедонцу, съ примѣч. Н. Е. Сѣвернаго. **1870.** (4—5), 769—870. Поправка (6), 1199.

1849. Замѣтка на письма Евгенія къ Мекедонцу и Н. И. Зиновьева къ его сыну. Я. К. Грота. **1870.** (10), 1768—1776.

1850. Письма митр. Евгенія къ Парѳенію. Съ послѣсл. Л. Н. Майкова и Д. Д. Рябинина **1875.** III, (11), 315—316 и **1889,** III, (11), 379.

1851. Письма митр. Евгенія къ В. М. Перевощикову. **1890.** III, (12), 425—557. Приложенія: кн. Дашкова о сочиненіи Рюльера. Изъ записокъ гр. Сегюра и Штелина.

1852. Письмо митроп. Евгенія къ пріятелю (со стихами). **1903.** (I), 433.

1853. О митрополитѣ Евгеніи и его письмахъ. Н. Е. Сѣвернаго. **1870.** (4—5), 871—880.

1854. Письма великой княгини Екатерины Павловны къ Ф. П. Деволану. **1870.** (11), 1967—2014.

1855. Къ біографіи А. П. Ермолова. Е. И. Козубскаго. **1894.** III, (9), 23—30. Изъ Воспоминаній Э. В. Бриммера.

1856. Замѣтка о А. П. Ермоловѣ. Е. И. Козубскаго. **1894.** I, (2), 275—276.

1857. Разговоръ съ А. П. Ермоловымъ. **1863.** 436—441.

1858. Замѣтки А. П. Ермолова объ его молодости. Сообщ. М. П. Погодинымъ. **1867.** (3), 366—376.

1859. Землянка А. П. Ермолова. Изъ Записокъ Н. Н. Муравьева. **1888.** III, (10), 247—248.

1860. Изъ анекдотовъ объ А. П. Ермоловѣ. **1893.** I, (2), 179—180.

1861. Два письма А. П. Ермолова къ гр. М. С. Воронцову (1814). **1905.** I, (2), 314—319.

1862. Дагестанскія воспоминанія объ А. П. Ермоловѣ. Е. И. Козубскаго. **1900.** III, (9), 37—142.

1863. О П. Д. Еропкинѣ, Д. Ѳ. Еропкинѣ и В. Д. Лаптевѣ, В. В. Ильина. **1874.** II, (8), 460.

1864. Подымовское дѣло. А. М. Жемчужникова. **1881.** II, 3, 141—154.

1865. Воспоминаніе о гр. А. А. Закревскомъ. (Н. В. Путяты). **1865.** (3), 371—380.

1866. Инзовъ въ Южной Бессарабіи. Съ портр. А. П. К. **1900.** III, (12), 596—599.

1867. Воззваніе къ Грекамъ кн. Ипсиланти (1821), съ запискою Шульгина къ вел. кн. Константину Павловичу. Сообщ. Г. Н. Александровъ. **1868.** (2), 293—297.

1868. Дѣло о Калининѣ и Боришевскомъ-Честнѣйшемъ (1814). Сообщ. С. А. Панчулидзевъ. **1905.** I, (2), 370.

1869. Письма гр. М. Ѳ. Каменскаго къ сыну его. **1868.** (10), 1489—1528.

1870. Театръ гр. Каменскаго въ Орлѣ. Гр. М. Д. Бутурлина. **1869.** (10), 1708—1712.

1871. Гр. Е. Ф. Канкринъ. Гр. Кейзерлинга. **1866.** (1), 113—126. Замѣтка М. Н. Логинова, (2), 272.

1872. Письмо П. М. Капцевича къ Д. Н. Бантышу-Каменскому. Съ предисл. Н. Г. Путинцова. **1898.** III, (12), 513—515.

1873. М. М. Карніолинъ-Пинскій. Н. Христофорова. **1876.** II, (8), 454—459.

1874. Замѣтка о Карніолинѣ - Пинскомъ. А. Ф. Томашевскаго. **1876.** II, (8), 460.

1875. Петръ Александровичъ „Капитанская дочка". ***. **1900.** II, (6), 166—170. Это-Грузинъ П. А. Клопитоновъ.

1876. Два письма Ѳ. П. Ключарева къ А. Д. Балашову. Сообщ. И. Ф. Дюмушелемъ. **1889.** II, 311—312.

1877. Записка Г. Н. Кольчугина о 1812 г. Сообщ. И. И. Кольчугинымъ. **1879.** III, (9), 45—62.

1878. Святая могила. Замѣтки о С. В. Колычевѣ. А. А. Голомбіевскаго, съ портретами. **1904.** III, (12), 564—579.

1879. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. М. К. Соколовскаго. **1905.** II, (7). 409—414. Переписка о судѣ надъ Иловайскимъ.

1880. Письма къ цесаревичу Константину Павловичу. **1868.** II, (2) 289—293. Гр. Аракчеева и Н. М. Карамзина.

1881. Переписка Константина Павловича съ гр. А. Х. Бенкендорфомъ. **1884.** III, (6), 245—328. Трупъ кн. А. Ѳ. Меншикова. Собаньская. Ермоловъ, Нейманъ, Лубинскій, Валевскій, Готесманъ. О Пушкинѣ и кн. Вяземскомъ. Сильвестровичъ.

1882. Письма Константина Павловича къ графу В. Ѳ. Васильеву. **1882.** I, (1), 126—159.

1883. Письма Константина Павловича къ маркизѣ Де-Кюбьеръ. **1870.** (2), 409—430.

1884. Письмо В. П. Кочубея къ Френсдорфу. **1886.** II, (6), 263—264.

1885. А. И. Красовскій. **1890.** III, (10), 144.

1886. Ferdinand Christin et la princesse Tourkestanow. Особое приложеніе къ 1882—1883 годамъ.

1887. Письмо И. Ѳ. Крузенштерна къ О. М. Рибасу. (На случай войны съ Англіею). **1878.** I, (4), 490—493.

1888. Бар. Крюднеръ и ея переписка съ кн. А. Н. Голицынымъ. В. Н. **1885.** I, (3), 305—330.

1889. По поводу статей о госпожѣ Крюденеръ. Кн. Н. Н. Голицына. **1870.** (4—5), 901—908.

1890. Письмо кн. Кутузова къ импер. Маріи Ѳеодоровнѣ. Сообщ. Е. С. Шумигорскій. **1890.** I, (4), 570.

1891. Письма кн. А. Б. Куракина къ гр. Н. П. Румянцову. **1870.** (1), 135—162.

1892. Изъ писемъ кн. Кутузова къ его дочери П. М. Толстой. **1891.** I, (2), 302—303.

1893. Письмо кн. А-ра Б. Куракина къ Александру Павловичу. Сообщ. кн. Ѳ. А. Куракинымъ. **1896.** II, (5), 129—131.

1894. Донесенія кн. А. Б. Куракина Александру Павловичу о бесѣдахъ съ Наполеономъ. **1870.** (1), 1—136.

1895. Письма А. Б. Куракина къ Маріи Ѳеодоровнѣ. **1868.** (1), 23—86. (2), 161—240. **1869.** (3), 385—517. (Поправки (2), 334—335. (3), 527—528.

1896. Приказъ кн. А. Б. Куракина Надеждинской вотчинной конторѣ. **1893.** III, (11), 387—393.

1897. Письма кн. А. Б. Куракина къ гр. Н. П. Румянцову. **1873.** III, (3), 392—410.

1898. Депеши кн. А. Б. Куракина къ гр. Н. П. Румянцову. **1877.** III, (11), 229—256.

1899. Частное письмо кн. Алексѣя Борисовича Куракина къ гр. Н. П.

Румянцову. **1877**. Ш, (11), 256—257.

1900. И. А. Кусковъ. С. Ковалева. **1898**. Ш, (10), 261—262.

1901. Письмо гр. Г. Г. Кушелева къ его крестнику гр. Д. Н. Шереметеву. **1898**. II, (5), 97—99.

1002. Поднесеніе масконскихъ перчатокъ А. Е. Лабзиной. **1907**. Ш, (12), 532—535.

1903. Замѣтка о Ладинскомъ. А. Л. Зиссермана. **1888**. Ш, (10), 294.

1904. Письмо В. С. Ланскаго къ Александру Павловичу. **1863**. (10—11), 830—932.

1905. Письмо Д. С. Ланскаго къ кн. И. Н. Трубецкому Сообщ. кн. А. А. Трубецкимъ. **1880**. II, 221.

1906. Баронъ К. Ѳ. Левенштернъ. Письма къ нему в. кн. Михаила Павловича, гр. Аракчеева, гр. Кутайсова, бар. Меллера-Закомельскаго и Грейга. Съ прим. М. И. Семевскаго. **1869**. (10), 1649—1660.

1907. Княгиня Ловичъ. **1906**. II (сорочка 6-го вып.).

1908. Изъ письма королевы Луизы къ б-сѣ Крюднеръ. Сообщ. Е. П. Подчасскою. **1874**. I, (3), 709—712.

1909. Письмо Людовика XVIII къ гр. Румянцову. Сообщ. гр. М. Д. Бутурлинымъ. **1872**. (1), 186—197. Проситъ о пенсіи гр. Даваре.

1910. Встрѣча съ Голандскимъ королемъ Людовикомъ-Наполеономъ. (Изъ Записокъ А. С. Лашкарева). **1878**. II, (5), 117—119.

1911. Л. Ѳ. Людоговскій. Б. Л. Модзалевскаго. **1905**. I, (3), 505—514. Здѣсь письма Н. С. Мордвинова, П. И. Голенищева-Кутузова, кн. А. П. Оболенскаго и Д. П. Рунича.

1912. Разсказъ архим. Макарія Глухарева о переѣздѣ его изъ Екатеринославля въ Кострому. Съ предисл. К. В. Харламповича. **1904**. I, (1), 51—69.

1913. О гр. Дмитріевѣ-Мамоновѣ. **1868**. (6), 962—969. Письма къ И. И. Дмитріеву, къ Д. В. Голицыну; о болѣзни гр. Мамонова, доктора В. Малиновскаго.

1914. Существуютъ ли Записки гр. М. А. Мамонова? Н. С. Киселева. **1868**. (1), 87—91.

1915. Письмо в. кн. Маріи Павловны къ кн. В. А. Репниной. (Сообщ. О. П. Орловою). **1877**. I, (3), 301—304.

1916. По поводу разсказа гр. Саліаса („Генералъ Маховъ"). **1894**. Ш, (5), 150—151.

1917. Кн. А. С. Меньщиковъ. (Некрологъ). **1869**. (6), 1067—1076.

1918. Гарлибъ Меркель и его книга о Латышахъ. **1870**. (6), 1009—1124 (поправка 1120).

1919. Письмо гр. Іосифа де-Местра къ кн. П. Б. Козловскому. **1866**. (10), 1492—1504.

1920. Письма изъ Петербурга въ Италію гр. Жозефа де-Местра къ Сардинскому королю Виктору Эмануилу I-му. **1871**. (1), 53—148—0191—0192.

1921. Письмо гр. Жозефа де-Местра къ марк. Паулуччи. **1886**. II, (5), 109—111.

1922. О гр. М. А. Милорадовичѣ. Гр. Г. А. Милорадовича. **1873**. I, (2), 0220—0221.

1923. Къ біографіи гр. М. А. Милорадовича. М. К. Соколовскаго. **1905**. I, (3), 515—518.

1924. Къ 75-тилѣтію со дня смерти гр. М. А. Милорадовича. **1900**. II, (6), 171.

1925. Письма Настасьи Ѳедоровой Минкиной къ гр. А. А. Аракчееву. Сообщ. Н. Г. Богословскимъ. **1868**. (10), 1656—1673.

1926. Путешествіе вел. кн. Михаила Павловича по Россіи. Донесенія Г. А. Глинки. Сообщ. Б. Г. Глинкою-Мавринымъ. **1877**. II, (7), 241—264.

1927. Письмо И. И. Михельсона къ кн. А. А. Прозоровскому съ отвѣтомъ. Сообщ. кн. М. А. Голицыной-Прозоровскою. **1899**. II, (7), 367—368.

1928. Письмо гр. П. С. Мордвинова къ А. А. Столыпину. Сообщ. П. Н. Столыпинымъ. **1889.** II, (6), 313—314.

1929. Письма и приказы гр. Н. С. Мордвинова по управленію села Пушкина. Съ предисл. Д. А. Столыпина. **1874.** I, (3), 772—800.

1930. Донесенія гр. А. И. Моркова Александру Павловичу. Сообщ. кн. М. А. Оболенскимъ. **1873.** II, (12), 2329.

1931. Какъ я сдѣлался „Апостоломъ.“ Разсказъ И. М. Муравьева-Апостола. Сообщ. Авг. Павл. Сазоновичъ. **1887.** I, (1), 39—46.

1932. Письма Декабриста С. И. Муравьева-Апостола (къ отцу своему и зятю Л. М. Бибикову). **1887.** I, (3), 315—320.

1933. Два письма И. М. Муравьева-Апостола къ С. Р. Воронцову. Сообщ. кн. С. М. Воронцовымъ. **1876.** I, (1), 121—128.

34. Наполеонъ и кн. А. М. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій. Сообщ. кн. Е. Э. Трубецкою. **1888.** I, (2), 211—214.

1935. Отзывы Наполеона. Е. И. Козубскаго. **1895.** II, (4), 529.

1936. Анекдоты А. Л. Нарышкина (М. Н. Лонгинова). **1864.** (7—8), 872.

1937. Изъ письма гр. Нессельроде къ б. Тюилю (въ Римъ о соединеніи церквей). Сообщено С. М. Соловьевымъ. **1879.** I, (2), 255.

1938. О пребываніи в. кн. Николая Павловича въ Англіи. Изъ письма леди Пемброкъ къ гр. М. В. Де-Бальменъ. Сообщ. В. А. Олсуфьевымъ. **1877.** III, (11), 292.

1939. Путешествія в. кн. Николая Павловича и Михаила Павловича. 1816 и 1817. **1877.** III, (6), 172—181.

1940. Путешествіе в. кн. Николая Павловича по Россіи и за границей. 1816—1817. Изъ Записокъ Г. А. Глинки. **1877.** II, (6), 182—220.

1941. Объ опрокинувшейся коляскѣ съ в. кн. Николаемъ и Михаиломъ Павловичами. Сообщено П. И. Щукинымъ. **1904.** II, (7), 444—449.

1942. Письмо в. кн. Николая Павловича къ архіепископу Августину. **1896.** III, (12), 639 и **1905** III, (9), 129.

1943. Письма в. кн. Николая Павловича къ фонъ-Фёрстеру. Сообщ. К. П. Яновскимъ. **1899** II, (5), 80—82.

1944. Бумаги о поединкѣ Новосильцова съ Черновымъ. IX-й Вѣкъ. I, 333—335.

1945. Записка о поединкѣ Новосильцова съ Черновымъ. (Писана Рылѣевымъ). XIX-й Вѣкъ. I, 336—337.

1946. Гр. Михаилъ Огинскій и его отношенія къ Александру Павловичу. Изъ его Записокъ извлечено А. Подвысоцкимъ. **1874.** I, (3), 637—710.

1947. Письма гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго къ его прикащику Кабанову. Съ предисл. В. И. Коптева. **1877.** I, (4), 507—510.

1948. О Казанскомъ архіеп. Павлѣ Зерновѣ. Аполлона Можаровскаго. **1886.** II, (7), 347—349.

1949. Два письма гр. Н. П. Панина о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича. **1874.** II, (9), 709—725.

1950. Вице-адмир. Г. А. Папо-Христо. **1904.** III, (11), 422—425.

1951. Письма разныхъ лицъ къ преосв. Парѳенію. Съ предисл. И. Н. Корсунскаго. **1899.** II, (6), 185—217. Серафима Новгородскаго. Обоихъ митр. Филаретовъ. Симеона, архіеп. Ярославскаго. Авраама, архіеп. Ярославскаго. Никодима, еп. Орловскаго.

1952. Отрывокъ изъ жизни Василія Пассека, имъ самимъ сочиненный. **1863.** (5—9), 353—383. (7), 497—536. (8—9), 577—659.

1953. Изъ Записокъ кн. Паскевича. Съ портр. **1889.** I, (3), 407—424.

1954. Эпизодъ изъ дѣятельности Пестеля. Неизданное мѣсто въ За-

пискахъ А. С. Пушкина. **1881.** II, (4), 495.

1955. Останки атамана графа Платова. В. К. Истомина. **1877.** II, (5), 109—112.

1956. Письмо гр. Платова къ Вилье. Сообщ. В. К. Истоминымъ. **1877.** II, (5), 109.

1957. Донской атаманъ гр. Платовъ лейбъ-медику Вилье. **1890.** I, (1), 82.

1958. Письма митр. Платона къ Маріи Оеодоровнѣ. Сообщ. Е. С. Шумигорскимъ. **1890.** II, (5), 15—16.

1959. Изъ писемъ О. А. Поздѣева къ его друзьямъ. Съ предисл. Е. С. Некрасовой. **1872.** (10), 1853—1886. Къ гр. А. К. Разумовскому, С. С. Ланскому, П. С. Лихонину.

1960. Письма В. С. Попова къ Александру I (о Екатеринѣ II). (Сообщ. А. И. Ставровскимъ). **1864.** (4), 447—448.

1961. Неизданная ода 1803 г.(гр. Потоцкому о правахъ дворянства). Съ объясненіями М. Н. Лонгинова. **1869.** (9), 1377—1383.

1962. Прошеніе Никифора Пушкина къ В. С. Попову. **1906.** II, (8), 561—562.

1963. Василій Григорьевичъ Рагозинъ, дьячекъ-партизанъ С Уклонскаго. **1902.** III, (9), 132—134.

1964. Гр. Е. П. Ростопчина и ея приверженность къ католицизму. Н. И. Кедрова. **1888.** I, (4), 489—490.

1965. Для біографіи гр. Ѳ. В. Ростопчина. М. Н. Лонгинова. **1868.** (10), 1674—1675.

1966. Какъ умиралъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ. Письмо А. Я. Булгакова къ гр. М. С. Воронцову. **1893.** I, (1). 39—41.

1967. Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ. Письма его къ своей супругѣ, 1812—1814 г. Письма къ старшей дочери. Замѣтки о 1812 г. Сообщ. гр. Вѣрою Анатол. Татищевой. **1901.** III, (8), 461—507.

1968. Новонайденныя бумаги гр. Ѳ. В. Ростопчина. Сообщ. гр. А. Ѳ. Ростопчинымъ. **1881.** III, (5), 215—227. (6), 412—419.

1969. Письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ Александру Павловичу. **1892.** II, (8), 419—565.

1970. Два письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ кн. Багратіону 1812 г. Сообщ. гр. М. В. Толстымъ. **1896.** I, (4), 562—563.

1971. Письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ А. Ѳ. Брокеру. Сообщ. В. А. Брокеромъ. **1868.** (12), 1873—1924.

1972. Письмо гр. Ѳ. В. Ростопчина къ кн. А. Н. Голицыну. **1895.** III, (12), 483—485.

1973. Три письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ в. кн. Екатеринѣ Павловнѣ. Сообщ. А. А. Васильчиковымъ. **1869.** (5), 759—762, **1876,** I, (3), 374—375 и **1878,** II, (6), 270—271.

1974. Письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ Д. И. Киселеву, съ примѣч. Н. С. Киселева. **1863.** (12), 881—893.

1975. Два письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ Константину Павловичу. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. **1869.** (5), 763—766.

1976. Письмо гр. Ѳ. В. Ростопчина къ министру юстиціи (объ А. Т. Болотовѣ). Сообщ. И. Ф. Дюмушелемъ. **1875.** II, (8), 489.

1977. Письмо гр. Ѳ. В Ростопчина къ управителю его Орловскихъ деревень. **1864.** (4), 407—408.

1978. Письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ кн. П. Д. Циціанову. XIX Вѣкъ, II, 1—114.

1979. Два письма гр. Н. П. Румянцова къ Н. М. Зиновьеву. **1891.** I, (1), 129.

1980. Письма Н. П. Рязанова къ И. И. Дмитріеву. Сообщ. М. А. Дмитріевымъ. **1866.** (8—9), 1331—1335.

1981. Князь Сакенъ и его записки, съ примѣч. Ю. П. Б(артенева). **1900.** I, (1), 5—41. (2), 161—180.

1982. Гр. И. П. Салтыковъ. **1899.** III, (9), 21—23.

1983. Донесеніе гр. И. П. Салтыкова импер. Александру о надв. сов. Свищовѣ. **1900**. I, (8), 450.
1984. Къ біографіи гр. П. И. Салтыкова. (Его завѣщаніе). Съ предисл. Н. П. Барсукова. **1900**. III, (12), 636—639.
1985. Письмо гр. А. Н. Самойлова къ его сыну. **1897**. II, (2), 187—188.
1986. Разговоръ вице-адмирала Д. Н. Сенявина съ гр. Кочубеемъ. **1875**. III, (12), 431—433.
1987. Изъ писемъ партизана А. Н. Сеславина. Сообщ. Д. Н. Сеславинымъ. **1896**. II, (5), 132—142.
1988. Біографическія свѣдѣнія о Сиверсѣ. А. А. Сиверса. **1902**. I, (2), 267—268.
1989. П. И. Слатвинскій. В. В. Ильина. **1876**. I, (2), 264.
1990. Сперанскій. М. П. Погодина. **1871**. (7—8), 1097—1252.
1991. Сперанскій и его государственная дѣятельность. Ѳ. М. Дмитріева. **1868**. (10), 1527—1656.
1992. Изъ бумагъ о гр. Сперанскомъ. Сообщ. б. М. А. Корфомъ. **1867**. (3), 432—455. (Поправка, (4), 671).
1993. Письмо б. М. А. Корфа къ М. П. Погодину (съ поправками свѣдѣній о Сперанскомъ). **1872**. (1), 214—216.
1994. Мои воспоминанія о гр. Сперанскомъ. Г. Н. Александрова. **1904**. III, (11), 371—375.
1995. Черта въ частной жизни Сперанскаго. Изъ письма гр. М. А. Корфа къ издателю „Русскаго Архива“. **1884**. III, (5), 55—57. Дочь Маріанны Злобиной.
1996. Къ біографіи Сперанскаго. Письмо М. Погодина. **1871**. (11), 1942—1948. Здѣсь письмо Сперанскаго къ Самборскому.
1997. Сперанскій. Съ предисловіемъ Н. К. Шильдера. **1892**. I, (1), 50—80. Пермское письмо и оправдательная записка.
1998. Семинарскій характеръ Сперанскаго. (Изъ письма къ акад. Гроту). Д. С. Протопопова. **1876**. II, (6), 225—230.
1999. Къ исторіи ссылки Сперанскаго. Я. К. Грота. **1871**. (12), 2073—2078.
2000. Изъ записокъ библіофила. Автографъ гр. М. М. Сперанскаго. В. М. Остроглазова. **1906**. III, (12), 603—608.
2001. Письма Сперанскаго. **1904**. III, прил. къ 12-му вып. Къ П. С. Руничу. Къ Пензенской помѣщицѣ.
2002. Письмо Сперанскаго о духоборцахъ. Съ предисл. Г. Кунцевича. **1901**. III, (12), 472—476.
2003. Письмо Сперанскаго къ С. М. Броневскому. **1870**. (3), 199—202.
2004. Письмо М. М. Сперанскаго къ И. В. Лопухину. Сообщ. А. Ѳ. Бычковымъ. **1870**. (3), 623—626.
2005. Письмо М. М. Сперанскаго къ П. А. Словцову. **1900**. II, (7), 403.
2006. Письма Сперанскаго къ его дочери. **1868**. (7—8), 1103—1212. (11), 1681—1811.
2007. Письмо Сперанскаго къ А. А. Столыпину. Сообщ. б. М. А. Корфомъ. **1869**. (5), 919—920.
2008. Письма Сперанскаго къ А. А. Столыпину. Съ примѣч. Д. А. Столыпина. **1869**. (10), 1682—1708. (11), 1966—1984. **1870**. (4—5), 880—893. (6), 1125—1156. (Поправка. **1870**. (6), 1120) и **1871** (2), 431—484.
2009. Письма Сперанскаго къ Ф. И. Цейеру. **1870**. (1), 174—200.
2010. Еще о Сперанскомъ и Воейковѣ. Я. К. Грота. **1871**. (12), 2121—2124.
2011. Унтеръ-офицеръ Старичковъ. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. **1877**. II, (6), 166.
2012. Объ Аркадіи Алексѣевичѣ Столыпинѣ. Сообщ. кн. П. А. Вяземскимъ. **1893**. II, (6), 190—195.
2013. О бракѣ сына великаго Суворова. **1885**. II, 584.
2014. Суворовскій Прошка по кончинѣ своего барина. **1901**. II, (5), 134—136.

2015. По поводу книги великаго князя Николая Михаиловича о гр. П. А. Строгановѣ. **1904**. I, (3), 502—511.

2016. Письма протоіерея Сырохнова къ Анастасію Братановскому. Сообщ. Платонъ Горючко. **1904**. II, (8), 598—602.

2017. О духовномъ союзѣ Е. Ф. Татариновой. Ю. В. Толстаго. XIX Вѣкъ. I, 220—234.

2018. Поѣ[illegible]ки Саввы Текели въ Рос[illegible]и. А. Попова. **1882**. 167—175.

2019. Письмо сенатора Теплова къ Александру Павловичу послѣ Тильзитскаго мира. Сообщ. С. А Петровскій. **1886**. II, (6), 165—169.

2020. Письмо В. Ѳ. Тимковскаго. Съ предисл. М. Л. Максимовича. **1871**. (12), 2118—2120.

2021. Поправка о гр. Ѳ. И. Толстомъ. **1873**. I, (6), 1102—1104.

2022. Загробное опроверженіе. Письмо гр. К. Ѳ. Толя къ Д. П. Бутурлину. **1873**. I, (3), 411—415.

2023. Докладная записка Д. П. Трощинскаго импер. Александру о скопцѣ Селивановѣ. Сообщ. протоіер. Н. Д. Извѣковымъ. **1900**. II, (8), 449.

2024. Письма И. П. Тургенева къ Д. П. Трощинскому. Сообщ. Н. Д. Извѣковымъ. **1900**. II, (8), 444—447.

2025. Journal tenu par la princesse Barbe Tourkestanow. Lettres adressées au comte et à la comtesse de Litta. **1884**. I, (2), 1—23. II, (3), 33—80. II, (4), 81—116.

2026. Письмо митропол. Филарета къ его родителю о построеніи храма Христа-Спасителю въ Москвѣ. **1882**. II, (3), 153—154.

2027. Письма Филарета, митр. Московскаго. **1868**. (1), 137—141. Къ А. А. Полторацкой, Д. Б. Мертваго и Варварѣ Марковнѣ Мертваго.

2028. Филаретъ подъ цензурою. Два письма его къ митр. Серафиму (съ отвѣтомъ). **1905**. I, (2), 306—311.

2029. Автобіографическое прошеніе (Александру Павловичу) ротмистра Николая Флячки-Карпинскаго. **1878**. I, (1), 81—102. Тамбовскій губернаторъ Лаптевъ. Сенаторъ Леонтьевъ. Разговоръ съ кн. А-емъ Куракинымъ. Ген.-прокуроръ Обольяниновъ.

2030. Отн[illegible]
по разсказу доктора Соколовскаго. Ф. Горбунова. **1870**. (4—5), 901.

2031. Письма Фотія къ брату и роднымъ. Сообщ. Е. Е. Добронравовою. **1871**. (1), 239—255.

2032. Письмо Фотія къ кн. А. Н. Голицыну. Сообщ. гр. Д. Н. Толстымъ. **1870**. (6), 1159—1162 и **1875**, III (12), 486—489.

2033. Письмо Фотія къ Д. А. Державиной объ А. И. Тургеневѣ. **1863**. 345—348.

2034. Изъ писемъ Фотія гр. А. А. Орловой-Чесменской. Сообщ. Д. Д. Благово. **1878**. II, (7), 292 - 300.

2035. Фотина Павловна.(Послушница). П. С. Казанскаго. **1870**. (4—5), 893—900.

2036. Замѣтка о Францѣ Ивановичѣ Цейерѣ. **1870**. (2), 518.

2037. Письма кн. П. Д. Цицianова и А. П. Тормасова къ кн. Нинѣ Георгіевнѣ Мингрельской. Сообщ. А. С. Хахановъ. **1899**. III, (6), 169 - 184.

2038. Записка кн. Адама Чарторыжскаго. Сообщ. гр. С. Г. Строгоновымъ. **1876**. I, (4), 418—436.

2039. Письмо кн. Адама Чарторыжскаго къ гр. Матусевичу, съ замѣткою Н. В. Сушкова. **1863**. (10—11), 866—879.

2040. Три письма кн. Адама Чарторыжскаго къ Н. Н. Новосильцову. Сообщ. Н. Я. Макаровымъ. **1875**. I, (3), 325—328 и **1884**, I (2), 280—282; см. III, 113 (6), 448.

2041. А. И. Чернышевъ въ Парижѣ 1811 и 1812 (по книгѣ Вандаля). С. П. Бартенева. **1905.** Ш, (12), 477—487.

2042. Изъ замѣтокъ кн. П. А. Вяземскаго на письма адм. Чичагова къ Александру Павловичу. **1903.** II, (2), 287.

2043. Изъ переписки Шатобріана съ герцогиней Дюрасъ. **1899.** I, (2), 365—366. О Веронскомъ конгрессѣ и Александрѣ Павловичѣ.

2044. О командирѣ Семеновскаго полка Шварцѣ. А. Смирнова. **1903.** I, (2). 279—283.

2045. Гр. Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ. **1899.** Ш, (9), 24—38.

2046. Письма разныхъ лицъ къ гр. Н. П. Шереметеву. **1898.** I, (3), 425—438. Письма: Н. А. Львова, архіеп. Ѳеоктиста, Е. А. Кушелева, кн. П. Ю. Гагариной, кн. Н. Н. Трубецкого, А. Ѳ. Малиновскаго, Ѳ. А. Малиновскаго, Ювеналія Воейкова, Д. А. Олсуфьева, Д. Л. Похвиснева, А. Похвисневой, гр. П. В. Завадовскаго, Е. Г. Юрьевой, С. И. Муханова, А. А. Самборскаго, Д. А. Гурьева, кн. Е. Р. Дашковой, гр. Генріеты Разумовской, кн. А. Н. Голицына, А. Воейковой, Я. Вилье, Д. А. Олсуфьевой.

2047. Изъ бумагъ гр. Д. Н. Шереметева. **1898.** I, (3), 439—444.

2048. Дополненія къ „перепискѣ графа Н. П. Шереметева". **1896.** Ш, (12), 526—535. Письма гр. Палена и И. Б. Пестеля, гр. Н. П. Шереметева къ императору Павлу и кн. Куракину.—Записка гр. Н. П. Шереметева о своей должности.

2049. Бар. Штейнъ. (Изъ книги Life and Times of Stein by I. R. Seeley). **1880.** II, 426—466. Штейнъ въ Россіи. Арндтъ въ С.-Петербургѣ. Пожаръ Москвы. Аренштильдъ. Герцогъ Ольденбургскій. Гр. Н. П. Румянцовъ. Дювернуа.

2050. Письмо гр. Р. С. Эдлингъ къ гр. И. А. Каподистріи. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. **1801.** Ш, (11), 420—423.

2051. Изъ записной книжки „Русскаго Архива" Отъ В. Е. Энгельгарда. **1906.** Ш, (10), 320. Энгельгардъ и Александръ Павловичъ.

2052. Сектантъ Юшковъ. Е. В. Чешихина. **1888.** II, (2), 313—314.

Николай Павловичъ.

2053. Дѣтство и отрочество Николая Павловича. А. Н. Корсакова. **1896** II, (6), 278—290.

2054. Николай Павловичъ и Карамзинъ. Ихъ переписка. **1906.** I, (1), 122—127.

2055. Письмо Николая Павловича къ гр. Е. П. Потемкиной. 1872. (2), 425—426.

2056. Николай I-й въ Св. Синодѣ. Н. И. Григоровича. **1869.** (5), 739—752.

2057. Черта къ біографіи Николая Павловича. В. С. Арсеньева. **1905.** Ш, (11), 471—472. Изъ воспоминаній А. Я. Скарятина.

2058. Еще черта для характеристики императора Николая. М. В. Юзефовича. **1870.** (8—9), 1727—1728.

2059. Воспоминанія о Николаѣ Павловичѣ. Врача И. Соколова. **1886.** I, (2), 207—211.

2060. Николай Первый въ южной Бессарабіи. А. П. К. **1901.** II, (4), 638—645.

2061. Николай Павловичъ (Изъ разсказовъ бар. Ѳ. Ѳ. Торнау). **1881.** II, (3), 228—248. Ногайскій князь Тенбулатъ Карамурзинъ.

2062. Митроп. Платонъ о Николаѣ Павловичѣ. И. У. Палимпсестова. **1893.** I, (4), 435—439. Поправка. II, (6), 304.

2063. О Николаѣ Павловичѣ. А. Л. Зиссермана. **1896.** Ш, (12), 639—640.

2064. Гизо о Николаѣ Павловичѣ и его отношеніяхъ къ Людовику Филиппу. Сообщ. А. А. Чумиковъ. **1880.** I, 480—489. Мезонъ.—Барантъ.—Герцогъ Орлеанскій.

2065. Маркизъ Кастельбажакъ о Николаѣ Павловичѣ. Сообщ. А. А. Ч(умиковъ). **1893.** II, (7), 421—426.

2066. Эпизодъ изъ жизни Николая Павловича. В. Шимана. **1901.** II, (8), 508—513.

2067. Николай Павловичъ. (Изъ воспоминаній В. Шимана). **1902.** I, (4), 459—475.

2068. Поправка. *** **1902.** II, 367—368.

2069. Изъ воспоминаній разныхъ лицъ о Николаѣ Павловичѣ. **1895.** II, (6), 179—187.

2070. Николай Павловичъ и Петербургскіе старообрядцы. **1884.** I, (1), 190—191.

2071. Спасеніе жизни Николая Павловича. Записка Н. И. Надеждина съ предисл. П. И. Мельникова. **1879.** I, (1), 140—141.

2072. Николай Павловичъ въ Вѣнѣ въ 1835 г. **1882.** I, (1), 198—205.

2073. Николай Павловичъ и Александра Ѳеодоровна въ Кусковѣ. **1901.** II, (2), 325.

2074. Письма Александры Ѳеодоровны къ В. А. Жуковскому. **1897.** I, (4), 493—512.

2275. Письма Николая Павловича къ гр. А. Х. Бенкендорфу. **1884.** I, (1), 181—189. Поправка къ 2-му письму. (2), 474.

2076. Изъ записокъ гр. А. Х. Бенкендорфа (о пребываніи Николая Павловича въ Чембарѣ съ предисл. бар. М. А. Корфа). **1865.** (2), 129—140.

2077. Инструкція Николая Павловича Козловскому (объ охранѣ Кавказа). **1904.** III, (9), 138—139.

2078. Письмо Николая Павловича къ сыну его вел. кн. Николаю Николаевичу. **1896.** I, (3), 401.

2079. Письмо Николая Павловича къ вел. княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Сообщено О. Н. Шереметевой. **1896.** I, (4), 605—606.

2080. Николай Павловичъ и Александра Ѳеодоровна въ Дипабургѣ. В. Шимана. **1902.** III, (6), 365—367.

2081. Первый проѣздъ Николая Павловича по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. В. Шимана. **1901.** III, (9), 120—124.

2082. Письма Николая Павловича къ гр. Ф. В. Сакену. **1884.** III, (6), 241—244.

2083. Письма Николая Павловича къ гр. П. А. Клейнмихелю. **1895.** I, (4), 461—464.

2084. Николай Павловичъ въ его письмахъ къ кн. Паскевичу. **1897.** I, (1), 5—44.

2085. Изъ преданій о Николаѣ Павловичѣ. **1892.** II, (8), 479—481.

2186. Поправки. **1892.** III, (12), 469—470.

2087. Ген.-ад. Дмитрій Мордвиновъ. О путешествіи Николая Павловича. **1880.** I, 499.

2088. Письмо несчастнаго отца къ Николаю Павловичу. **1894.** II, (5), 158.

2089. Анекдоты о Николаѣ Павловичѣ. **1884.** III, (5), 235. Слышано отъ М. Н. Галкина-Враскаго. **1896.** III, (12), 640.

2090. За Богомъ молитва не пропадаетъ. Сообщ. арх. Леонидъ. **1885.** I, (4), 638—640. Николай Павловичъ и крестьянка-мать.

2091. Николай Павловичъ, охранитель древности Русской. А. А. Мартынова. **1897.** II, (6), 336.

2092. Любознательность Николая Павловича. **1896.** II, (6), 292.

2093. Отмѣтки Николая Павловича на представляемыхъ ему бумагахъ Сообщ. К. П. Побѣдоносцевымъ. **1895.** II, (5), 28—29.

2094. Мнѣніе Николая Павловича о холерѣ. Л. Ѳ. Змѣева. **1888.** III, (10), 295.

2095. Объ императорѣ Николаѣ (По поводу памятника тысячелѣтію

Россіи). М. В. Юзефовича. **1870.** (4—5), 999—1008.

2096. Рѣчь Николая Павловича Петербургскому дворянству. **1884.** III, (5), 181.

2097. Николай Павловичъ. Записка гр. А. Д. Блудовой. **1893.** I, (1), 89—96.

2098. Ночь съ 17-го на 18-е Февраля 1855 г. Разсказъ доктора Мандта. **1884.** I, 192—198.

2099. Докторъ Мандтъ о послѣднихъ недѣляхъ Николая Павловича. **1905.** II, (7), 479—480.

2100. Подробности о кончинѣ Николая Павловича. **1906.** III, (9), 143—145.

2101. Донесеніе слѣдственной комиссіи. **1881.** II, (4), 277.

2102. Четырнадцатое Декабря 1825 г. (Д. Н. Блудова). (Изъ прибавленія къ № 100 „Спб. Вѣдомостей" 1825 г.). **1881.** II, (4), 337—340.

2103. Четырнадцатое Декабря 1825 г. на площадяхъ Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской. Пармена Деменкова. **1877.** III, (11), 258—267.

2104. Къ сказаніямъ о Декабрьской смутѣ 1825 года. Д. В. Коломійцева. **1894.** I, (3), 453—455.

2105. Частное письмо о происшествіи 14 Декабря. А. Н. Оленина. **1869.** (4), 731—053.

2106. Элегія И. М. Муравьева-Апостола на Греческомъ языкѣ о 14 Декабря 1825, съ переложеніемъ въ Русскіе стихи Ѳ. И. Глинкою. **1886.** I, (2), 227—228.

2107. Нѣсколько замѣчаній по поводу книгъ и статей о событіи 14-го Декабря и Декабристахъ. П. Н. Свистунова. **1870.** (8—9), 1633—1668.

2108. 14-е Декабря. Изъ воспоминаній П. М. Голенищева-Кутузова-Толстого. **1882.** III, (6), 229—232.

2109. Разсказъ очевидца о 14 Декабря. **1899.** II, (6), 290—291.

2110. Декабристы. Сообщ. М. К. Соколовскій. **1905.** II, (6), 305—323. Письма кн. Оболенскаго-отца, атамана Иловайскаго. Поимка Кюхельбекера. Память о Пестелѣ въ Вятскомъ полку.

2111. Казнь Декабристовъ. Разсказы современниковъ. Н. Рамазанова. **1881.** II, (4), 341—346. Шницлера, Н. В. Путяты, В. И. Беркопфа.

2112. О состояніи Россіи при воцареніи Николая Павловича. Письмо бар. В. И. Штенгеля. Сообщ. К. П. Побѣдоносцевымъ. **1895.** I, (2), 161—176.

2113. Мнѣніе кн. И. А. Лобанова Ростовскаго (объ упрощеніи управленія въ Россіи). Сообщ. кн. Я. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ. **1871.** (11), 1914—1919.

2114. Донскіе атаманы за послѣдніе полвѣка. А. А. Карасева. **1899.** II, (5), 106—116. М. Г. Хомутовъ. П. Х. Граббе. А. Л. Потаповъ. М. И. Чертковъ. Н. А. Святополкъ-Мирскій.

2115. Замѣтка (о Московской присягѣ 1825 г.). С. Комовскаго. **1868.** (6), 1038—1040.

2116. О состояніи Русскаго войска въ 1825 г. (Изъ бумагъ гр. А. Х. Бенкендорфа). М. К. Соколовскаго. **1904.** III, (9), 82—86.

2117. Дарованіе правъ гвардіи ротѣ Черниговскаго полка. Приказъ ген. Воинова. Сообщ. М. К. Соколовскимъ. **1906.** II, (5), 126.

2118. Бунтъ Черниговскаго полка. Съ предисловіемъ М. Ѳ. Шугурова. **1871.** (1), 257—288. Изъ воспоминаній М. И. Муравьева-Апостола о бунтѣ Черниговскаго полка. **1871.** (1), 0229—0238.

2119. О бунтѣ Черниговскаго полка. Посмертная статья М. Ѳ. Шугурова (переписка вел. кн. Константина Павловича). **1902.** II, (6), 270—309.

2120. Разсказы С. П. Шипова. Записаны В. Д. Давыдовымъ. **1875.** III, (12), 421—422.

2121. Стихи Ѳ. Н. Глинки о бывшемъ Семеновскомъ полку. Сообщено

В. Д. Давыдовымъ. **1875**. Ш, (12), 422—423.

2122. О Русской кавалеріи. Письмо гр. Г. И. Ностица къ бар. Жомини. **1897**. II, (5), 167—171.

2123. Наваринскій бой. В. К. Истомина съ приложеніемъ современныхъ бумагъ. **1877**, Ш, (11), 268—277.

2123. Наваринскій бой. М. П. Погодина. **1900**. III, (10), 161—189.

2124. Изъ воспоминаній о Турецкой кампаніи 1828 г. В. Епопкинъ. **1877**. Ш, (12), 411—413.

2125. Къ исторіи первой Турецкой войны при Николаѣ Павловичѣ. Изъ донесеній И. П. Липранди. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. **1877**. II, (8), 470—473.

2126. Первое взятіе Русскими войсками города Карса. Изъ Записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго. **1877**. I, (3), 315—351.

2127. Медаль на объявленіе войны Туркамъ (1828). А. А. Сиверса. **1901**. Ш, (12), 581.

2128. Персидское посольство въ Россіи 1829 г. (По бумагамъ гр. П. П. Сухтелена). Съ предисл. М. Розонова. **1889**. I, (2), 209—240.

2129. О чумномъ возмущеніи въ Севастополѣ. Протоіерей Софроній Гавриловъ, съ предисл. М. Ѳ. Шугурова. **1867**. (11), 1375—1384.

2130. Замѣтки о Польскомъ возстаніи 1830 г. И. Ульянова. **1867**. (5—6), 695—712.

2131. Поляки о Польшѣ. Теобальда (Роткирха). **1885**. Щ, (12), 548 552.

3132. Записки Н. В. Берга о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ 1831—1862. **1870**. (1), 201—268. (2), 431—502. (3), 631—674. (10), 1821—1928. **1871**. (3), 509—576. (12), 1985—2038. Ш, (3—4), 622—706. **1873**. II, (7), 1222—1317. (Поправка. **1873**. II, (12), послѣд. стр.).

2133. Заявленіе (по поводу „Записокъ о Польскихъ заговорахъ"). Сообщ. Н. В. Бергомъ. **1871**. (1), 181—182.

2134. Замѣтка (на Записки Н. В. Берга о послѣднемъ Польскомъ возстаніи) О. А. Пржецлавскаго. **1872**. (5), 1053—1055.

2135. Отвѣтъ на замѣтку О. А. Пржецлавскаго. Н. В. Берга. **1872**. (6), 1210—1213.

2136. По поводу „отвѣта" г. Берга на мои замѣчанія на его „Записки о Польскихъ заговорахъ". О. А. Пржецлавскаго. **1872**. (7 — 8), 1553—1576.

2137. Апологія гр. Ѳ. Ѳ. Берга отъ Польскихъ навѣтовъ. Матеріалы для исторіи. Теобальда (Роткирха). **1885**. Ш, (11), 433—442.

2138. Замѣтка о Польскомъ катихизисѣ. Н. Бицина (Н. М. Павлова). **1873**. I, (2), 200—203.

2139. Отвѣтное слово г. Пржецлавскому. М. В. Юзефовича. **1873**. I, (2), 0201—0218.

2140. Замѣчанія на нѣкоторыя мѣста Записокъ о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ. (Великаго князя Константина Николаевича). **1873**. II, (7), 01345—01348.

2141. Кн. П. А. Вяземскій о Россіи послѣ Польскаго мятежа въ 1831 г. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ. **1899**. I, (1), 181—183.

2142. На взятіе Варшавы. Стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева. **1879**. I, (3), 385—386.

2143. Обозрѣніе Кіевской, Подольской и Волынской губерній. 1838—1850 г. Д. Г. Бибикова. Сообщ. П. И. Саввантовымъ. **1884**. Ш, (5), 7—42.

2144. Изъ воспоминаній отца Іоанна Скульскаго на Волыни. Сообщ. Н. И. Стуковенковымъ. **1895**. Ш, (9), 91—99.

2145. Кавказъ Николаевскаго времени въ письмахъ Б. Г. Чиляева. Съ примѣч. Б. Л. Модзалевскаго. **1904**. I, (1), 115—174. Письма кн. И. Н. Абхазова, кн. Д. О. Бебутова, кн. В. О. Бебутова, кн. М. З. Аргутинскаго-Долгорукаго, С. Г. Стишинска-

го, Е. М. Эспéхо, И. А. Прибиля, Ѳ. А. Юрьева. П. С. Котляревскаго, Л. Л. Альбрандта, Г. Е. Шварца, А. А. Колюбакиной, Н. П. Колюбакина, кн. М. С. Воронцова, кн. Л. И. Меликова, П. Е. Коцебу, Э. С. Андріевскаго, И. И. Гогеля, М. Е. Чиляева, кн. Г. Д. Орбеліани, Н. И. Лоренца, кн. С. Чавчавадзе, кн. И. К. Багратіонъ-Мухранскаго, Н. А. Грибоѣдовой.

2146. Къ исторіи покоренія Кавказа. Письмо Александра Марлинскаго. **1877.** Ш, (9), 106—109.

2147. Къ исторіи покоренія Восточнаго Кавказа. Бар. А. П. Николаи. **1889.** II, (8), 531—535.

2148. Нѣсколько словъ о покореніи Восточнаго Кавказа. А. Л. Зиссермана. **1889.** Ш, (11), 415—420.

2149. Записка о Турціи, поданная гр. А. Х. Бенкендорфу въ 1833 г. Сообщ. кн. П. Г. Волконскій. **1895.** Ш, (12), 417—422.

2150. Зимній походъ въ Хиву. По разсказамъ и запискамъ очевидцевъ. И. Захарьина. **1891.** I, (4), 513—598.

2151. Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву. В. И. Даля. **1867** (3), 402—431. (4), 606—639. (Дополненіе В. И. Межова). (5—6), 991—992.

2152. Изъ писемъ къ издателю „Р. Архива". Н. В. Ханикова (о Хивинскомъ походѣ). Г. Д. Щербачевъ (объ офицерѣ-героѣ Мецгерѣ). **1892.** I, (1), 141—144. (Поправка. (2), 272).

2153. Гергебиль. (Бар. Ѳ. Ѳ. Торнау). **1881.** II, (4). 425—470. Клуке и Аргутинскій. Д. В. Пассекъ, бар. Гиллеръ. Гр. Евдокимова, А. И. Нейгардтъ. Р. К. Фрейтагъ.

2154. Россія и Германія. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ издателю „Всеобщей Аугсбургской Газеты", г. Кольбу. **1873.** II, (10), 1993—2042.

2155. Два съ половиною года въ плѣну у Чеченцевъ. Иванъ Клингеръ. **1869.** (6), 964—1006.

2156. Къ исторіи пріобрѣтенія Амура. Сношенія съ Китаемъ. 1848—1860 г. П. В. Шумахера. **1878.** Ш, (11), 257—342. Гр. Несельроде. Миддендорфъ. Муравьевъ и Ахте. Л. Г. Сенявинъ. Полковн. Корсаковъ. Гр. Путятинъ. Перовскій. Будогоскій. Н. П. Игнатьевъ. Лихачевъ. Су-и-Жуй.

2157. Венгерская война. А. Алексѣенка. **1890.** Ш, (10), 161—198. Сестры Пальсовичъ. Капит. Раковичъ. Императоръ Францъ-Іосифъ. Ген. Шликъ.

2158. Изъ воспоминаній о Венгерской кампаніи. Д. П. Солнцова **XIX Вѣкъ.** I, 256—281.

2159. Венгерскій походъ. Воспоминанія А. Л. Верниковскаго. **1885.** II, (2), 510. 538. Прелатъ Рихтеръ. Гёргей кладетъ оружіе.

2160. Дѣло Венгерское. А. А. Карасева. **1895.** II, (2), 265—275.

2161. Воспоминаніе 1849 г. (О Полякѣ-полковникѣ, погубившемъ Рус скихъ сол датъ). **1877.** Ш, (12) 441—442.

2162. Походныя замѣтки Н. А. Обнинскаго. Съ предисл. П. Н. Обнинскаго. **1891.** Ш, (11), 329—412.

2163. Записки о войнѣ 1853—1856. Н. И. Ушакова. **XIX Вѣкъ.** II, 01—0242.

2164. Оборона Петропавловска. Изъ письма Е. С. Завойки съ прим. Ю. П. Бартенева. 1898. II, (7), 465—471.

2165. Оборона Петропавловска. Частное письмо **1901.** II, (2), 326 337.

2166. Оборона Камчатки и Восточной Сибири. Сообщ. П. В. Шумахеръ. **1878.** II, (8), 393—425.

2167. По поводу Записки г.-л. Рыжова о Балаклавскомъ сраженіи. С. Д. Кожухова. **1870.** (8—9), 1668—1678.

2168. Зимній переходъ черезъ Кавказскія горы. А. В— въ. **1885.**

III, (11), 498—509. Кн. и кн. Воронцовы.

2169. Побѣда при Башкадиклярѣ. Письмо Э. В. Бриммера. Сообщ. В. Н. Максимовичемъ. **1904.** III, (9), 125—137.

2170. Сраженіе при Курюкъ-Дара. Н. П. Поливанова. **1904.** III, (10), 275—293. Солдатъ Озорниковъ. Юнкеръ Шнаубертъ.

2171. Пѣсня Курюкъ-Дарскаго сраженія. **1904.** III, (10), 294.

2172. Даргинскій походъ. Бар. А. П. Николаи. **1890.** II, (6), 248—278.

2173. Изъ исторіи Крымской войны. (Перевозка казенной аптеки). Ѳ. Мильгофа. 1891. II, (8), 496—500.

2174. О бомбардированіи Одессы въ 1854 г. Княжны В. Н. Репниной. **1891.** III, (11) 113—418.

2175. „Холмъ чести". Изъ моихъ воспоминаній. М. Я. Ольшевскій. **1885.** III, (9), 85—88.

2176. На появленіе Англійскаго флота подъ Петербургомъ. (Стихи Ѳ. И. Тютчева). Сообщ. В. Я. Брюсовымъ. **1899.** III. (12), 609.

2177. Казацкая пѣсня въ память сраженія при Курюкъ-Дара. Гр. В. А. Сологуба. **1904.** III, (10), 294—295.

2178. Бомбардировка Таганрога. (Письмо дворового человѣка А. И. Скоркина къ Ф. Е. Мартынову), съ замѣткою М. И. Успенскаго. **1903.** III. (9), 83—86.

2179. Изъ личныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ. (Дѣло на Черной). Д. А. Столыпина. **1874.** I, (5), 1358 1368.

2180. Синопскій бой. **1878.** III, (11), 399—404.

2181. Изъ Записокъ Севастопольца. (Н. В. Берга). **1867.** (12), 1579—1637. Нахимовъ и Корниловъ.

2182. Письмо по поводу „Записокъ Севастопольца". Н. Краббе. **1868.** (4 – 5), 877—878.

2183. По поводу „Записокъ Севастопольца". **1868.** (3), 336.

2184. Еще о Севастополѣ. (Корниловъ и Тотлебенъ). В. Андреевъ. **1868.** (10), 1676—1680. По поводу книги Кинглека.

2185. Севастополь. Записки кн. В. И. Васильчикова. **1891.** II, (6). 167—256.

2186. О доблестномъ образѣ дѣйствій кн. М. Д. Горчакова. Кн. В. И. Васильчикова. **1874.** I, (6), 1520—1582.

2187. Илъ воспоминаній Севастопольца. Д. В. Ильинскаго. **1892.** III, (12), 447—464. **1893.** I, (1). 49—88. (3), 249—383. (4), 323—336.

2188. Летучія воспоминанія Севастопольца. Д. В. Ильинскаго. **1893.** II, (5), 23—32.

2189. Дѣло на Черной рѣчкѣ. М. Д. Горчаковъ. И. И. Красовскаго. **1864.** II. (7), 207—222.

2190. О томъ, кто послѣдній оставилъ Севастополь. **1875.** II, (6). 217—225. Письма Д. Е. Остенъ-Сакена къ И. И. Красовскому и кн. С. С. Урусова.

2191. Кто послѣдній оставилъ Севастополь. И. И. Красовскаго. **1875.** I, (3), 360—363.

2192. О статьѣ „Кто послѣдній оставилъ Севастополь"). Гр. П. Е. Коцебу. **1875.** I, (4), 478.

2193. Крымская война. Изъ дневника кн. Г. А. Долгорукаго. Сообщ. Н. Г. Малиновскою. **1900.** I, (3), 451—460. (Поправка. (4), 655).

2194. Конецъ геройской эпопеи. А. Н. Супонева. **1896.** III, (9), 78—87.

2195. Послѣ Крымской войны. А. Н. Супонева. **1897.** II, (5), 95—107.

2196. Изъ Кавказскихъ воспоминаній. А. Л. Зиссермана. **1896.** II, (2), 311—313. По поводу воспоминаній А. Н. Супонева.

2197. Изъ стихотвореній въ Крымскую войну. Сообщ. Н. П. Поливановымъ изъ бумагъ А. С. Норова. **1882.** II, (3), 155—166.

2198. Стихотворенія во время Крымской войны. Сообщ. Александромъ Можаровскимъ. **1905.** II, (8), 535—542.

2199. Сороковая годовщина Севастополя. А. Н. Супонева. **1895.** III, (11) 257—268.

2200. О размѣнѣ въ Одессѣ плѣнниковъ войны. Кн. А. В. Мещерскаго. **1899.** I, (3), 441—504. Кап. Монтегю. Адмир. Дундасъ. Гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ.

2201. Изъ Крымскихъ воспоминаній. С. Д. Кожухова. **1869.** (2). 381 026.

2202. Храмъ въ память Крымской войны въ Путивлѣ. А. Танкова. **1898.** I, (1), 97—99.

2203. Воззваніе вел. кн. Александра Александровича (о собираніи свѣдѣній касательно Севастопольской обороны). **1870.** (12), 2349—2352.

2204. Не очень давняя старина. **1881.** III, (6), 454—455. О мундирахъ въ праздничные дни.

2205. Случай скораго суда при Николаѣ Павловичѣ. І. У. Палимпсестова. **1888.** III, (12), 599—600. Поправка ***. **1889.** I, (1), 471—472.

2206. Объ учрежденіи Андреевскаго ордена. П. М. Майкова. **1898.** II, (8), 595—599. Письмо Д. Н. Блудова къ М. М. Сперанскому.

2207. Изъ бумагъ В. П. Барышникова. **1901.** II, (8), 568—575. Дибичъ кн. Д. В. Голицыну. Цинскій. Разговоръ Иннокентія съ Филаретомъ. Кн. Д. В. Голицынъ къ В. П. Барышникову.

2208. Переѣзды съ Александромъ Гумбольтомъ по Сибири. **1865.** (8), 1011—1030.

2209. Изъ бумагъ гр. М. Н. Муравьева-Виленскаго о Могилевской губерніи. Сообщ. С. М. Шереметевой. **1878.** II, (8), 499—512.

2210. Записка Булгакова о сформированіи Репнинымъ казачьихъ войскъ. Сообщ. княжной В. Н. Репниной. **1872.** (5), 853—965.

2211. Письма изъ Оренбурга В. З. Ворониной. Сообщ. Б. Н. Алмазовымъ. **1902.** II, (8), 643—660.

2212. О Полякахъ въ Оренбургѣ. И. С. Шукшинцева. **1902.** II, (8), 661—666.

2213. Воронцовскій „периплъ“ Чернаго моря. Съ предисл. А. Л. Зиссермана. **1894.** II, (6), 215—235. Гр. М. С. Воронцовъ. Гр. А. И. Чернышовъ къ М. М. Брискорну.

2214. Изъ депешей б. Баранта. **1896.** I, (1), 120—140. (2), 241—256. (3), 433—448. Карлъ X. Гр. Д. П. Татищевъ.

2215. Записка о Литовскихъ Татарахъ г . Х. Бенкендорфу. Сообщ. . С. Граве. **1893.** III, (10), 247—254. А. Х. Бенкендорфъ къ Д. В. Дашкову.

2216. Историографическія мелочи. Сообщ. М. К. Соколовскій. **1905.** I, (4), 692—695. Разрѣшеніе кн. П. Д. Салтыкову взять сына за границу. Ѳ. Ѳ. Бартоломей А. Ѳ. Львову.

2217. Бабъ и Бабиды. О. А. Баратынской. **1896.** II, (8), 595—596.

2218. Прибалтійскій край. Гр. Д. Н. Т(олстаго) - Знаменскаго. **1881.** III, (5), 85—112. Бар. Фиркъ. Гр. Л. А. Перовскій. Крузенштернъ.

2219. Изъ воспоминаній о Грузіи Дѣло ген. Шварца. В. С. Толстаго. **1877.** II, (5), 37—41.

2220. Изъ воспоминаній В. С. Толстаго. Поѣздка въ Осетію. **1875.** II, (7), 265—268.

2221. Взглядъ на революціонное движеніе въ Европѣ. В. А. Абазы. **1887.** II, (5), 82—109. Меттерних. Николай Павловичъ.

2222. Россія и революція. Записка Ѳ. И. Тютчева. **1873.** I, (5), 895—0931.

2223. Разсказъ П. М. Садовскаго о Французской революціи 1848 г. Сообщ. М. П. Садовскимъ. **1873.** I, (2), 155—158.

2224. Письма П. Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара къ Н. И. Надеждину. Съ предисл. Н. А. Попова. **1873.** II, (7), 1131—1221.

2225. Отзывъ Русскаго старообрядца о Вѣнской революціи 1848 г. Письмо Павла Великодворскаго. **1875.** II, (5), 112—0114.

2226. Изъ жизни каторжныхъ Илгинскаго и Александровскаго заводовъ. И. В. Ефимова. **1900.** I, (1), 79—107. (2), 246—272. Лазарька. Довѣріе къ каторжнымъ. Осетинъ Тотурбекъ. Н. Н. Муравьевъ - Амурскій. Кацарупенко. О книгѣ А. П. Чехова.

2227. Русская и Англійская политика. Письмо В. А. Жуковскаго къ гр. И. Ѳ. Паскевичу. Сообщ. П. А. Ефремовымъ. **1878.** II, (8), 426—436.

2228. Полузабытыя черты недавней старины. **1876.** III. (10), 178—201. Кончина владыки Петра II Нѣгоша. Перо Нѣгошъ. Д. С. Левшинъ. Дѣла Черногорскія. Ковалевскій. Александръ Карагеоргіевичъ.

2229. Ле-Плѐ о Русскихъ помѣщичьихъ крестьянахъ при Николаѣ Павловичѣ. **1900.** I, (4), 643—644.

2230. Изъ памятной книжки В. А. Муханова. **1900.** I, (4), 595—642. Лекціи Филарета Шаля́. Балъ у Людовика-Наполеона. Изъ лекцій Бланки́ и Шевалье. Монталаберъ. Я. А. Дружининъ.

2231. Эпизодъ изъ крѣпостного права. Евгеній Деларю́. **1882.** II, (4), 231—240. Наталья Васильевна Свирская.

2232. Изъ жизни Русскихъ людей въ Римѣ въ 1853—1856 гг. М. И. Успенскаго. **1906.** III, (10), 302 304.

2233. Переселеніе Болгаръ въ Россію. Н. Лорана. **1897.** II, (6), 317—328. А. П. Озеровъ.

2234. Объ упраздненіи военныхъ поселеній въ Новороссіи. Изъ воспоминаній Д. А. Столыпина. **1874.** I, (3), 765—772.

2235. Къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ. **1887.** III,(10), 282—296.

2236. Наша Китайская миссія полвѣка назадъ. Письмо Аввакума Честнаго изъ Пекина въ Архангельскъ. **1884.** III, (5), 152—160.

2237. О возсоединеніи Греко - Уніятскаго духовенства и народа. Записка архіеп. Василія. Сообщ. Ю. В. Толстымъ. **1881.** II, (4), 380—387.

2238. Православные Латыши. Очеркъ Ю. Ѳ. Самарина. **1869.** (7—8), 1224—1361.

2239. О православіи на Востокѣ. Сообщ. А. Д. Свербеевымъ. **1878.** I, (1), 111—124.

2240. Записка И. С. Аксакова о Бессарабскихъ раскольникахъ. Съ предисл. С. Звѣрева. **1888.** III, (11), 434—451.

2241. Секта Радаева въ Нижегородской г. Ѳ. Кудринскаго. **1901.** I, (3), 513—516.

2242. Какъ прихожане искали себѣ батюшку. Н. И. Соловьева. **1899.** II, (6), 287—289.

2243. Россійское купечество на обѣдѣ у Николая Павловича. И. Н. Рыбникова. **1891.** III, (12), 563—569.

2244. Добыча золота въ Россіи. (В. А. Кокорева). **1882.** I, (2), 333—354.

2245. Къ исторіи торговыхъ сношеній Москвы съ Закавказьемъ (1841—1845). Д. Рязанова. **1892.** I, (1), 81—85. Поправка къ этой статьѣ. (2), 272.

2246. Къ исторіи нашей торговли съ Китаемъ. П. Галаховскаго. **1904.** III, 426—432.

2247. О Сибирской торговлѣ. Записка митроп. Иннокентія. Съ предисл. И. П. Барсукова. **1894.** I, (2), 202—208.

2248. Россія и Сербія въ концѣ Николаевскаго царствованія. Сообщ. А. П. Озеровымъ. **1878.** I, (3), 366—369.

2249. Бенкендорфовскіе „шалуны“ (Черты изъ Николаевскаго времени). Л. Н. Трефолева. **1896.** II, (8), 583—594. Кн. Ливенъ. Дворянинъ Романовъ.

колоколъ Тифлисскаго Сіонскаго собора. Передъ тѣмъ, какъ солдаты собрались нести его къ собору, подошелъ къ намѣстнику князю Воронцову литейщикъ, бородатый мужикъ, и просилъ освѣдомиться, нѣтъ ли между солдатами Евреевъ, такъ какъ, по его опыту, тутъ можетъ грозить бѣда. Князь не обратилъ вниманія на это предупрежденіе. Одинъ изъ солдатъ поскользнулся и былъ раздавленъ колоколомъ. Впечатлѣніе было страшное. Князь послалъ къ экзарху Исидору съ просьбой распорядиться о томъ, чтобы солдата погребли въ самомъ соборѣ, какъ жертву усердія ко храму Божіему; но солдатъ оказался Евреемъ. Другой трагическій случай неизвѣстенъ составителю „Исторіи Колоколовъ". Великимъ постомъ 1855 г., въ день присяги императору Александру Николаевичу въ Кремлѣ, съ колокольни Ивана Великаго оборвался одинъ изъ колоколовъ и задавилъ свыше десяти человѣкъ; ихъ перенесли въ Патріаршую Палату. Густая толпа народа смутилась, и намъ пришлось слышать немало зловѣщихъ толковъ.

Въ книжкѣ сообщается много любопытныхъ подробностей о литьѣ колоколовъ; оказывается, что примѣсь серебра не улучшаетъ колокольнаго звука, который находится въ зависимости отъ того, въ какомъ отношеніи поперечникъ съ вышиною и толщиною колокола, но ни чего не сказано о такъ называемой *дразнилкѣ*: это щепка, отбирающая къ себѣ соръ и нечистоты при отливкѣ (Погодинъ звалъ этимъ именемъ нашихъ библіографовъ). На стр. 47 сказано: „Можетъ быть, Новгородскій вѣчевой колоколъ перелитъ былъ въ Московскій набатный или вседолошной 1673 года. По указу царя Ѳеодора Алексѣевича, онъ сосланъ былъ въ 1683 г. въ Корельскій Николаевскій монастырь за то, что звономъ своимъ испугалъ царя"; а тутъ же приведена надпись отлитая на этомъ колоколѣ, въ которой значится, что колоколъ былъ „данъ къ морю, въ Никольскій Корельскій монастырь, за государское многолѣтнее здравіе". Замѣтимъ, что послѣдній вѣчевой колоколъ, созывавшій народъ для обсужденія городскихъ дѣлъ, снятъ былъ въ Волховѣ только въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія.

У насъ ударяютъ языкъ о колоколъ, а на Западѣ качаютъ колоколъ, и онъ ударяется объ языкъ, отчего сила удара много слабѣе нашего. Помнимъ, что въ Петербургѣ, во вторую половину царствованія Николая Павловича и позднѣе, колокольни звонили какъ-то застѣнчиво, и на Невскомъ (который служитъ наглядньмъ свидѣтельствомъ нашей вѣротерпимости) громкій звонъ раздавался только отъ Армяно-грегоріанской церкви. Увѣряютъ, что это ослабленіе колокольнаго звона было дѣломъ человѣкоугодія: чтобъ не пугать болѣзненную Государыню. Конечно императрица Александра Ѳеодоровна огорчилась бы, узнавъ о томъ, такъ какъ она отличалась живымъ православнымъ благочестіемъ, и въ ея спальнѣ находились портреты Филарета и Серафима Саровскаго.

Съ воцареніемъ Александра Александровича развязаны колокольные языки, а на церкви Аничкова дворца колокола звонятъ по старинѣ, музыкально.

Колокольный благовѣстъ зоветъ насъ къ молитвѣ о прощеніи нашихъ „невѣжествій", отъ которыхъ нынѣ страдаетъ Святая Русь. П. Б.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907 года.

(Годъ 45-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1907 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 50 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Московскіе подписчики 1907 года, покупая вмѣстѣ и весь 1906 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1908-МЪ ГОДУ НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907

11.

Стр.

407. Секретные ордера **Д. И. Чичерина** во время Пугачовщины.

498. Пять лѣтъ въ Россіи при Екатеринѣ Великой. Записки графа **Л. Ф. Сегюра**. (Окончаніе).

417. **Суворовъ**. Его своеручныя неизданныя рукописи: 1) Какъ проводить войскамъ дни Страстной недѣли и Св. Пасхи, 2) Приказы передъ Кинбурнскимъ боемъ.

421. Письмо **И. Ѳ. Паскевича** къ Н. М. Сипягину о взятіи Эривани.

423. Студенты Московскаго Университета въ былое время. (Воспоминанія **Н. Н. Калугина**).

230. Два письма Ю. Ѳ. Самарина къ С. П. Шевыреву.

433. Письмо **графини Е. В. Саліасъ** къ М. А. Максимовичу о кончинѣ Гоголя съ предисловіемъ **В. В. Данилова**.

442. Библіографія сочиненій **В. И. Вешнякова**.

Внутри сорочки: о Сказаніяхъ Рейтенфельса.

Приложены листы **Предметной Росписи** „Русскаго Архива“ за сорокъ пять лѣтъ изданія, 1863—1907 (царствованія Николая Павловича и Александра Николаевича).

Отдѣльныя книжки „Русскаго Архива“ *прежнихъ* (до 1906) годовъ можно получать по **пятидесяти** копѣекъ за книжку съ пересылкою 75 к. Прилагаемая нынѣ „Предметная Роспись“ даетъ возможность находить въ какой книжкѣ находится искомая статья.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1907.

Яковъ Рейтенфельсъ. Сказанія о Московіи. Съ Латинскаго перевелъ Алексѣй Станкевичъ. Москва 1905—1907. Большая 8-ка, X и 228 стр.

Библіотекарь Историческаго Музея въ Москвѣ А. И. Станкевичъ оказалъ большую услугу нашему возрастающему знакомству съ до-Петровскою стариною. Послѣ превосходной книги Д. И. Иловайскаго о царствованіи Алексѣя Михаиловича, мы не знаемъ другого сочиненія, которое бы такъ живо и во многихъ отношеніяхъ такъ ново изображало намъ время, приготовившее Петра Великаго, какъ эта книга.

Неясно, кто Рейтенфельсъ родомъ, Полякъ или Нѣмецъ (на стр. 106-й онъ называетъ нѣкоего дворянина Адольфа Евершильда своимъ родственникомъ); но былъ онъ ревностный католикъ, усвоившій себѣ всѣ хитрые пріемы Іезуитства. Уже послѣ появленія его книги въ Русскомъ переводѣ, Пирлингъ нашелъ новыя о немъ показанія, которыя (въ Чтеніяхъ общ. Ист. и Др. 1907, кн. 1), свидѣтельствуютъ, что Рейтенфельсъ, прилежно изучая Россію, имѣлъ сокровенною цѣлью уловить наше правительство къ признанію Папы. Оттого напечаталъ онъ свою книгу о Россіи въ самомъ маломъ числѣ оттисковъ, и теперь книга эта чрезвычайно рѣдка. Какъ таковую, поднесъ ее книгопродавецъ Трюбнеръ Герцену, а тотъ подарилъ ее пишущему эти строки, и такимъ образомъ она поступила въ Чертковскую библіотеку, которою, вмѣстѣ съ другими библіотеками Историческаго Музея, нынѣ завѣдуетъ достопочтенный переводчикъ ея. Тщательно исполненный трудъ А. И. Станкевича (съ примѣчаніями и указателемъ) заслуживаетъ большой признательности отъ лицъ, занимающихся Русской исторіей. Переводъ читается легко именно потому, что переводившій, кромѣ отличнаго знанія обоихъ языковъ, близко знакомъ и съ предметомъ книги.

Уловитель душъ въ жертву „волку“, (какъ Іоаннъ Грозный назвалъ Папу въ бесѣдѣ съ Поссевиномъ) безсознательно оказалъ намъ услугу: наблюденія его за двухлѣтнее пребываніе въ Москвѣ въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михаиловича содержатъ въ себѣ много цѣннаго. Это обозрѣніе всей Русской исторіи и подробное описаніе народонаселенія.

Въ особенности любопытны черты бытовыя, изъ которыхъ нѣкоторыя сохранились до сихъ поръ. По словамъ его, простолюдины держатъ за щеками мелкую монету и зачастую, имѣя во рту сотню копѣекъ, разговариваютъ однако совершенно свободно. Упоминаніе его о поднесеніи царю въ даръ мѣстныхъ произведеній приводитъ на память старинный, сохранившійся до послѣдняго времени, обычай Галицкихъ Костромитянъ посылать къ царскому двору слоеный большой пирогъ съ боковинками ершей изъ Галицкаго озера, которое славится вкусомъ этой рыбы. Нынѣ, кажется, подобныя приношенія ограничиваются икрою съ Урала. Рейтенфельсъ разсказываетъ, что при совершеніи таинства крещенія младенцу, кромѣ стрижки волосъ

ДВА СЕКРЕТНЫХЪ ОРДЕРА Д. И. ЧИЧЕРИНА, 1774 ГОДА *).

I.

По секрету.

Ордеръ.

Рапортъ вашъ отъ 19 сего Февраля подъ № 189-мъ я получилъ, при которомъ прислана женка Михаилова, которой за тѣ непристойныя и вредныя рѣчи наказаніе плетьми публично учинено и обратно отпущена. Февраля 24 числа 1774 году. Д. Чичеринъ.

II.

По секрету

Ордеръ.

Отъ генералъ порутчика, лейбгвардіи примеръ-маіора, Сибирскаго губернатора и кавалера Чичерина господину капитану и Верхотурскому комисару Борзову.

На рапортъ вашъ отъ 19-го ч. Февраля о еромонахѣ Гаѣ въ резолюцію предлагаю: получа сіе, имѣете онаго, яко разглашателя вредныхъ и возмутительныхъ рѣчей, безъ всякаго письменнаго требованія взять и заковавъ отправить ко мнѣ, да и впредъ въ такихъ важныхъ дѣлахъ поступать весма строго, не упуская ни малѣйшихъ случаевъ, кто бъ какова чина и состоянія ни былъ, сколь скоро доказано будетъ таковое зло, тотъ часъ брать подъ караулъ и отправлять ко мнѣ. Февраля 24 ч. 1774 году. Д. Чичеринъ.

---

*) Эти два ордера писаны въ самый разгаръ Пугачевщины. Подлинники хранятся въ Музеѣ П. И. Щукина въ Москвѣ. П. Б.

ПЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ РОССІИ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.

Записки графа Л. Ф. Сегюра *).

Не останавливаясь въ Константиноградѣ, Императрица проѣхала въ Полтаву, и здѣсь пребываніе ея ознаменовалось зрѣлищемъ, не менѣе блистательнымъ и любопытнымъ, чѣмъ прежнія, видѣнныя нами.

Полтава, небольшой городокъ, худо укрѣпленный и мало населенный, не представляя вниманію ни одного замѣчательнаго зданія или памятника, былъ бы только принятъ къ свѣдѣнію людьми учеными; но въ 1709 году блистательная побѣда и страшное пораженіе обратили на него вниманіе Европы и увѣковѣчили его имя. Равнина, окружающая городъ, превращенная въ поле сраженія, была свидѣтельницей рѣшенія судьбы Швеціи, Польши и Россіи. Тамъ палъ съ своей тріумфальной колесницы герой-опустошитель; и тамъ же, наконецъ, укрѣпился престолъ законодателя Россіи. Если бы Петръ не устоялъ, вся обширная имперія, быть можетъ, вернулась бы къ мраку варварства; но онъ побѣдилъ и, вскорѣ послѣ того, Россія возвысилась и стала на ряду съ самыми великими державами міра.

Въ этотъ знаменательный день оба доблестные монарха Сѣвера сражались одновременно, какъ генералы и какъ солдаты. Петръ Великій, по обыкновенію, дабы научить своихъ воиновъ, что, прежде чѣмъ командовать, нужно умѣть слушаться и выслуживать каждый чинъ съ бою, отдалъ командованіе своей арміей Бауеру. Флангами арміи командовали Меньшиковъ и Шереметевъ, а Царь служилъ подъ ихъ начальствомъ, какъ генералъ-маіоръ: съ жаромъ подвигаясь въ схваткѣ, онъ увидѣлъ, что мундиръ его пробитъ нѣсколькими пулями.

Карлъ, раненый въ началѣ дѣла, велѣлъ нести себя на носилкахъ, которыя разбило ядромъ; нѣсколько копій составили его новыя носилки,

---

*) См. выше, стр. 193.

на которыхъ онъ продолжалъ долгое время презирать опасность отъ вражескихъ мечей и огня; такіе примѣры внушаютъ храбрость и твердость самымъ робкимъ солдатамъ.

Шведскій король окружилъ Полтаву двадцатью-семью тысячами человѣкъ. Тогда Петръ, укрѣплявшій въ то время Таганрогъ, поспѣшилъ сразиться съ нимъ во главѣ шестидесяти-тысячнаго войска.

Рѣка Ворскла раздѣляла Русскихъ отъ осаждавшихъ, лагерь которыхъ былъ укрѣпленъ редутами. Императоръ, ловкимъ маневромъ, сдѣлалъ видъ, что удаляется, перешелъ рѣку, окопался и затѣмъ неожиданно ринулся на Шведовъ.

Тогда эти взялись за оружіе, отбросили непріятеля и со свойственной имъ стремительностью атаковали Русскіе окопы.

Вотъ тутъ-то, благодаря чудесамъ храбрости съ обѣихъ сторонъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ было неизвѣстно, на чьей сторонѣ побѣда.

Наконецъ, численность войска взяла верхъ. Карлъ былъ обойденъ; будучи отбита, его кавалерія бросилась на свою же пѣхоту и привела ее въ безпорядокъ.

Герой Швеціи былъ принужденъ отступить передъ соперникомъ, котораго онъ такъ долго побѣждалъ и презиралъ. Отступленіе превратилось въ бѣгство; рѣзня была ужасная и окончилась полнымъ несчастіемъ. Карлъ, потерявъ большую часть своей арміи, своихъ министровъ, генераловъ, лучшихъ офицеровъ, артиллерію и обозъ, былъ принужденъ бѣжать и искать убѣжища въ Турціи.

Только что набросанный мною разсказъ сдѣлался для насъ, въ Полтавѣ, живымъ изображеніемъ, живой картиной съ движущимися фигурами, однимъ словомъ, почти дѣйствительностью. Мы увидали Русскую армію, раздѣленную на два отряда, изъ которыхъ одинъ занималъ Русскіе окопы, а другой—Шведскіе редуты. На глазахъ у Императрицы князь Потемкинъ заставилъ произвести съ большою стройностью, точностью и быстротою всѣ движенія, могущія намъ воскресить эту знаменитую битву, изображеніе которой представлено Императрицѣ.

Развертываніе четырехъ колоннъ кавалеріи, ихъ быстрая атака, жаркая и выдержанная пальба пѣхоты, въ то время какъ лѣвый флангъ дѣлалъ видъ, что атакуетъ рощу и огибаетъ правый флангъ непріятеля, все это не оставляло желать лучшаго въ смыслѣ правдивости изображенія.

Полтавское сраженіе явилось передъ нами въ живой, движущейся, одушевленной картинѣ, близкой къ дѣйствительности. Русская армія раздѣлилась на двѣ половины, изъ коихъ одна заняла Русскіе окопы, другая Шведскіе редуты. По распоряженію Потемкина, чрезвычайно со-

гласно, отчетливо и скоро, передъ взорами Царицы произведены были всѣ тѣ маневры, какіе могли представить намъ подобіе этой рѣшительной битвы. Движеніе впередъ кавалеріи, развернувшей фронтъ изъ четырехъ колоннъ, стремительная атака, живой и сильный огонь пѣхоты въ то время, какъ лѣвое крыло вело фальшивую атаку на лѣсъ и обходило правый флангъ непріятеля, всѣмъ этимъ чрезвычайно вѣрно изображалось сраженіе.

Удовольствіемъ и гордостью горѣлъ взоръ Екатерины. Казалось, кровь Петра Великаго струилась въ ея жилахъ. Это величественное и великолѣпное зрѣлище достойно увѣнчало наше романическое и вмѣстѣ историческое путешествіе. Князь Потемкинъ поднесъ Императрицѣ чудесное жемчужное ожерелье; она осыпала его подарками и щедро раздавала чины и ордена генераламъ и офицерамъ. Ничто болѣе не задерживало Императрицу, и она выѣхала изъ Полтавы въ Харьковъ. Здѣсь Потемкинъ простился съ нею и уѣхалъ въ Кременчугъ съ порученіемъ ускорить приготовленія къ войнѣ, въ случаѣ невозможности сохранить миръ... Послѣ того мы проѣзжали богатыя и обильныя области, Курскую и Орловскую.

Курскъ, главный губернскій городъ, былъ богатъ и населенъ. Его перестроили по новому плану. Мѣстные жители показывали намъ Знаменскій монастырь, названный такъ въ память бѣгства чужеземной арміи, нѣкогда осаждавшей этотъ городъ. Легковѣріемъ Русскихъ это бѣгство было принято за чудо.

Въ Курскѣ насчитывалось двѣ тысячи домовъ, двѣ школы, изъ которыхъ одна для дѣтей дворянъ, а другая для дѣтей купцовъ и мѣщанъ; было нѣсколько кожевенныхъ заводовъ и нѣсколько фабрикъ. Городъ славится красотой выдѣлываемыхъ тамъ кожъ; онъ отправляетъ нѣкоторыя произведенія своей почвы въ Польшу и даже въ Преславль; наконецъ, Курскъ получаетъ изъ Сибири и даже изъ Кяхты, съ границы Китая, большое количество пушнаго товара. Татары, нѣкогда бывшіе властителями Россіи, напали на Курскъ даже въ семнадцатомъ вѣкѣ и подъ его стѣнами потеряли два большихъ сраженія.

Не доѣзжая Курска, мы видѣли города Бѣлгородъ и Обоянь, въ которыхъ замѣтны были быстрые успѣхи образованности. Прежде, между плохо построенными и дурно расположенными домами, взоръ изрѣдка останавливался на нѣсколькихъ церквахъ или монастыряхъ; нынѣ же Императрица воздвигла больницы, зданія присутственныхъ мѣстъ, школы. Я не замѣтилъ въ Курскѣ другихъ развалинъ кромѣ остатковъ крѣпости, ненужной съ тѣхъ поръ, какъ оружіе Екатерины расширило предѣлы имперіи... Изъ Курска Императрица отправилась въ Орелъ, гдѣ мы остановились. Здѣсь мы были еще въ 1097

верстахъ отъ Петербурга и въ 369 верстахъ [1]) отъ Москвы. Екатерина украсила Орелъ изящными зданіями, назначенными для судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ. Орловское юношество доставило Императрицѣ пріятное развлеченіе: дѣти изъ знатнѣйшихъ семействъ сыграли передъ Государыней очень согласно и умно комедію, кажется, довольно забавную [2]). Хотя она была сочинена на случай, но въ ней не было слишкомъ приторныхъ похвалъ. Внутреннія области имперіи въ плодородной мѣстности, при дѣятельной торговлѣ и подъ благотворнымъ правленіемъ Екатерины, ежегодно обогащались болѣе и болѣе, и потому здѣсь похвалы были искренни: Императрицу встрѣчали, какъ мать; народъ, который она защищала отъ злоупотребленій господской власти, выражалъ восторгъ, внушенный ему единственно чувствомъ признательности.

На пути до Москвы мы не встрѣчали ничего замѣчательнѣе города Тулы, который можно бы почесть за одно изъ созданій Екатерины: такъ она его украсила. Большая часть деревянныхъ домовъ уже уступила мѣсто каменнымъ строеніямъ. Кромѣ другихъ заведеній, мудростью Императрицы воздвигнуты здѣсь воспитательный домъ и пріютъ для инвалидовъ. Тула издавна извѣстна производствомъ оружія, которымъ она снабжаетъ всю Русскую армію. Здѣсь дѣлаются также стальныя вещи, и эта отрасль промышленности, поощреніемъ Императрицы, доведена до такой степени совершенства, что смѣло можетъ соперничать съ Англійскими фабриками. Ея величество раздарила намъ произведенія Тульскихъ заводовъ, очень искусно выдѣланныя. Первый врачъ Императрицы г. Рожерсонъ получилъ отъ нея прекрасную шпагу; когда онъ мнѣ ее показалъ, я сказалъ ему: «Поздравляю васъ, докторъ, вы теперь имѣете новое сильное и вѣрное медицинское средство...» Онъ поморщился на мой комплиментъ, чего я никакъ не ожидалъ, потому что его громкая извѣстность казалась достаточною защитою отъ самыхъ злыхъ насмѣшекъ...

До прибытія въ Москву мы проѣхали черезъ незамѣчательные города Серпуховъ и Подольскъ. 4-го Іюля мы прибыли въ Коломенское, гдѣ есть хорошенькій загородный дворецъ, въ 2-хъ миляхъ отъ Москвы. Императрица отдыхала здѣсь три дня, потомъ переѣхала въ Московскій Кремль и передъ отъѣздомъ въ Петербургъ побывала еще въ Петровскомъ, въ двухъ верстахъ отъ Москвы, гдѣ тоже есть загородный дворецъ.

Въ эту послѣднюю поѣздку я имѣлъ съ Екатериною небольшой разговоръ, который считаю нужнымъ привести, потому что онъ въ

---

[1]) По тогдашнему счету.

[2]) „Солиманъ II“ и оперу „Ворожея“.

нѣсколькихъ чертахъ изображаетъ пылкую душу этой необыкновенной женщины.

Я сидѣлъ у нея въ каретѣ съ Фитцъ-Гербертомъ. Мы были утомлены чрезвычайнымъ жаромъ, и разговоръ шелъ вяло. Екатерина заснула, или, по крайней мѣрѣ, намъ такъ показалось. Фитцъ-Гербертъ говорилъ со мною. Между прочимъ мы коснулись Американской войны и революціи, которая лишала Англію тринадцати цвѣтущихъ областей.

Фитцъ-Гербертъ увѣрялъ, что эта потеря болѣе выгодна, нежели убыточна для его отечества. Этотъ парадоксъ поразилъ меня. Но онъ поддерживалъ свое мнѣніе стойко и умно и силился доказать мнѣ, что Англія, освободившись отъ значительныхъ издержекъ, нужныхъ для управленія колоніею, вступитъ съ нею въ торговыя сношенія и легко извлечетъ изъ нихъ огромныя выгоды, достаточныя для вознагражденія за потерю лишнихъ владѣній. Мы долго спорили, и Императрица открыла глаза въ минуту, когда уже надо было выходить изъ кареты. На другой день, когда я былъ у нея вмѣстѣ съ Делилемъ, она сказала мнѣ: «Вчера у васъ съ Фитцъ-Гербертомъ былъ престранный разговоръ, и я не постигаю, какъ такой умный человѣкъ можетъ поддерживать такое странное мнѣніе». «Какъ, Государыня, вы слышали все, тогда какъ намъ казалось, что вы преспокойно почивали?« «Я нарочно не открывала глазъ, возразила она; мнѣ слишкомъ любопытно было выслушать продолженіе вашего разговора. Я не знаю, одного ли мнѣнія Англійскій король съ своимъ посланникомъ; что касается до меня, то я знаю, что если бы я потеряла невозвратно одну изъ тринадцати областей, которыхъ онъ лишился, то пустила бы себѣ пулю въ лобъ».

«Мнѣ кажется, Государыня, что вы заключили тайный договоръ со счастіемъ», сказалъ я.

«Я этого не знаю, вмѣшался съ живостью Делинь; но вѣрно то, что съ подобною твердостью души, которую толпа почла бы сумасбродствомъ, завоевываютъ чужія владѣнія и сохраняютъ свои собственныя».

Я не буду много говорить о Москвѣ. Это меня наводитъ на слишкомъ грустныя воспоминанія. Притомъ же тысячу разъ описывали эту огромную и славную столицу. Немного у насъ семействъ, гдѣ бы не нашлось вдова, покрытаго славою и ранами, и котораго разсказы не изобразили бы намъ дворцы, башни, храмы, избушки, поля, Кремль, Китай-городъ, золотыя главы церквей Москвы, представившихся нашимъ глазамъ въ странной совокупности дворцовъ и домовъ, какъ будто расположенныхъ среди окружающихъ ихъ деревень. Пламя разрушило большую часть строеній. Но съ тѣхъ поръ новый городъ возникъ изъ пепла, и нашимъ путешественникамъ придется посѣтить и описать его снова.

Можно себѣ представить, какъ великолѣпны были празднества, устроенныя для Царицы многочисленнымъ, знатнымъ и богатымъ дворянствомъ. Но если скучно было участвовать въ нихъ, то еще скучнѣе ихъ описывать. Эти пышныя торжества всегда одни и тѣже. Скучные балы, незанимательныя зрѣлища, пышные стихи на случай, блистательные фейерверки, послѣ которыхъ остается только дымъ, много потерянаго времени, денегъ и силъ; всѣ это знаютъ, всѣ это говорятъ и будутъ говорить о подобныхъ торжествахъ, и, не смотря на то, они все таки будутъ устраиваться, и на нихъ будутъ стекаться толпою. Въ Москвѣ, впрочемъ, эти торжества были тогда настоящими праздниками для купцовъ и народа; потому что Императрица, желая достойнымъ образомъ ознаменовать двадцатипятилѣтіе своего царствованія, простила имъ часть податей, взносимыхъ ими въ казну.

Государыня дала мнѣ, равно какъ и всѣмъ спутникамъ своимъ, медаль, которую тогда велѣла выбить. На одной сторонѣ былъ профиль Екатерины, на другой карта ея путешествія. Русская надпись свидѣтельствуетъ, что свершилось двадцатипятилѣтіе ея царствованія и что она совершила путешествіе въ видахъ общественной пользы. Не смотря на мое равнодушіе къ этимъ празднествамъ, я однако не пройду молчаніемъ одного, даннаго въ честь Императрицы графомъ Шереметевымъ [1]), въ одномъ изъ его подмосковныхъ помѣстій [2]). Дорога туда была освѣщена блестящимъ образомъ. Огромный графскій садъ, насажденный съ большимъ искусствомъ, былъ освѣщенъ разноцвѣтными огнями. На прекрасномъ его театрѣ сыграли большую Русскую оперу [3]); всѣ, кто понималъ ея содержаніе, находили, что она была очень занимательна и хорошо написана. Я могъ только судить о музыкѣ и танцахъ, и меня удивило изящество мелодій, богатство нарядовъ, ловкость и легкость танцовщиковъ и танцовщицъ. Но болѣе всего меня поразило то, что авторъ словъ и музыки оперы, архитекторъ, построившій театръ, живописецъ, который его расписалъ, актеры и актрисы, кордебалетъ и самые музыканты оркестра, все были крѣпостные люди графа Шереметева. Этотъ помѣщикъ, одинъ изъ богатѣйшихъ въ Россіи, позаботился воспитать ихъ и обучить; ему обязаны они были своими талантами. Ужинъ былъ также роскошенъ, какъ представленіе; никогда я не видывалъ такого множества золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, столько фарфора, мрамора и порфира. Наконецъ (что̀ многимъ покажется невѣроятнымъ) весь хрусталь на столѣ на сто приборовъ былъ

[1]) Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, оберъ-камергеръ, род. 1713 г., ум. 1788 г.

[2]) Въ Кусковѣ.

[3]) „Самнитскіе браки“.

изукрашенъ и осыпанъ дорогими каменьями, всѣхъ цвѣтовъ и родовъ и самой высокой цѣны.

Такъ-то Русскіе вельможи, лишь только вступили на путь просвѣщенія, какъ уже начали подражать патриціямъ Рима; въ то время въ Москвѣ можно было встрѣтить не одного Лукулла.

Екатерина въ свою очередь хотѣла дать въ Кремлѣ балы и торжества, которыхъ пышность соотвѣтствовала бы ея величію. Но все было отложено, когда она узнала, что въ нѣсколькихъ областяхъ имперіи губернаторы не исполнили ея распоряженій, не наполнивъ, согласно ея повелѣнію, хлѣбомъ запасныхъ магазиновъ, и что народъ страдаетъ отъ непредвидѣннаго, сильнаго неурожая. «Неприлично было бы явиться мнѣ среди увеселеній и празднествъ, когда мои подданные страдаютъ отъ бѣдствія, которое я бы должна была предотвратить», говорила Государыня. Я былъ при ней, когда ей донесли, что явился одинъ изъ губернаторовъ, обнаружившихъ оплошность. «Я надѣюсь, сказалъ графъ Безбородко, что ваше величество сдѣлаете ему публично строгій выговоръ, какъ онъ того заслуживаетъ». «Нѣтъ, отвѣчала Екатерина, это было бы для него слишкомъ унизительно; я дождусь, когда мы будемъ съ нимъ наединѣ, потому что я люблю хвалить и награждать во всеуслышаніе, а журить потихоньку».

Императрица, отдохнувъ нѣсколько дней въ Петровскомъ, отправилась въ С.-Петербургъ. 22-го Іюля мы прибыли въ Царское Село. Мы снова видѣли хорошенькій городокъ Тверь, Вышній-Волочокъ, Валдай и Новгородъ-Великій, нѣкогда знаменитую общину, владычицу Сѣвера, прославленную побѣдами и счастливую въ своей независимости....

Наконецъ кончилось это долгое и странное путешествіе, которое послѣдовательно представило намъ рядъ картинъ самыхъ разнообразныхъ и новыхъ. Простившись съ Императрицею, я возвратился въ С.-Петербургъ, чтобы снова заняться моими дипломатическими дѣлами, которыя на первыхъ порахъ показались мнѣ немного сухи и однообразны; я переходилъ отъ оживленной, разнообразной дѣятельности романа къ медленному, важному дѣлу. Покинувъ волшебную среду, я уже не могъ встрѣчать, какъ въ нашемъ торжественномъ и романическомъ поѣздѣ, на каждомъ шагу новые предметы: флоты, внезапно созданные, отряды казаковъ и Татаръ, являвшихся изъ нѣдръ Азіи, освѣщенныя дороги, горы въ огнѣ, волшебные замки, сады насажденные въ одну ночь, глухія дикія пещеры, храмы Діаны, прелестные гаремы, кочующія племена, верблюдовъ, бродящихъ въ пустынѣ, Валашскихъ господарей, свергнутыхъ съ престоловъ, Кавказскихъ князей, угнетенныхъ царей Грузіи, искавшихъ вниманія и покровительства Императрицы. Нужно было снова приняться за сухіе политическіе расчеты, диплома-

тическія пренія, въ которыхъ часто на крохотныхъ и не очень вѣрныхъ вѣсахъ взвѣшиваются великіе міровые интересы, участь государствъ и кровь народовъ.

На Востокѣ меня занимали все тѣже обычныя дѣла, важныя сдѣлки, слаженныя мелкими происками, и тѣ методическія войны, которыя уже два вѣка тревожили міръ, не измѣняя его положенія. Но съ Запада получено было извѣстіе, видимо указывавшее мнѣ приближеніе одного изъ тѣхъ сильныхъ государственныхъ переворотовъ, которые совершенно измѣняютъ образъ мыслей, законы, права и связи человѣческихъ обществъ. Это былъ предметъ для размышленій, надеждъ и опасеній поважнѣе и глубже впечатлѣній, внушенныхъ мнѣ этимъ быстрымъ и блистательнымъ видѣніемъ Тавриды, этимъ отрывкомъ изъ «Тысячи и одной ночи», котораго очарованіе исчезло для меня такъ недавно.

Императрица, не менѣе меня разочарованная послѣ путешествія, въ началѣ своего пребыванія въ Царскомъ Селѣ заботилась о мѣрахъ, которыя нужно было принять, чтобы помочь народу, удрученному страшнымъ неурожаемъ. Въ богатѣйшихъ областяхъ имперіи не было хлѣба, и большая часть помѣщиковъ, не получая вовсе доходовъ, должны были кормить своихъ несчастныхъ крестьянъ. Это бѣдствіе и положеніе Австрійскаго императора, вынужденнаго послать войско въ возмущенные Нидерланды, охладили честолюбивыя мечты, возбужденныя Потемкинымъ въ умѣ Императрицы зрѣлищемъ ея прекрасной арміи и морскихъ силъ, собранныхъ на Севастопольскомъ рейдѣ. Императоръ прислалъ курьера съ депешами. Онъ извѣщалъ Императрицу о намѣреніи своемъ вызвать изъ Нидерландъ губернатора и своего министра и приказать штатамъ покориться и прислать къ нему депутацію. Онъ грозилъ употребить противъ нихъ военную силу, если они не согласятся на перемѣны въ управленіи, пользу и справедливость, которыхъ онъ надѣялся имъ доказать. Это извѣстіе еще болѣе удалило Русскихъ министровъ отъ побужденій къ войнѣ. Безбородко говорилъ мнѣ объ этомъ откровеннѣе, нежели когда-нибудь. Желая убѣдить меня, что онъ хочетъ еще бо́льшаго сближенія нашихъ дворовъ, онъ сказалъ мнѣ, что Лондонскій кабинетъ, думая мстить Голландіи и намъ, послалъ съ лордомъ Гаррисомъ значительную сумму штатгальтеру, чтобы поддержать его. Воронцовъ писалъ изъ Лондона, что тамъ хлопотали о прикрытіи этого дѣла, потому что курсъ упалъ по случаю высылки такой большой суммы денегъ. Судя по этому извѣщенію, болѣе или менѣе основательному, и подобнымъ же сообщеніямъ Кобенцеля явно оказывалось, что императоръ и Императрица хотѣли возбудить насъ противъ Англіи и заставить насъ дѣйствовать согласно съ ними. Пользуясь этимъ расположеніемъ, я старался убѣдить министровъ Русскихъ, что нужно из-

мѣнить положенія послѣдняго договора относительно Молдавіи и Валахіи. «Вы всегда будете наканунѣ войны, говорилъ я имъ, если вы не опредѣлите точнѣе права обоюднаго покровительства Порты и Россіи надъ этими княжествами. Надо окончательно опредѣлить значеніе, различіе и границы этихъ правъ на покровительство или, лучше сказать, владычество надъ этими странами». Кромѣ того я просилъ, чтобы не затрудняли совѣщаній настойчивыми спорами о способахъ изложенія фирмана, который султанъ обязанъ былъ дать Ахалцыхскому пашѣ, и въ особенности, чтобы дѣйствовали прямо и оставили опасеніе о вторженіи со стороны Турокъ. «Ваши успѣхи въ переговорахъ и войнѣ, говорилъ я Русскимъ, лишили Турокъ возможности вести наступательную войну; но если вы ихъ очень стѣсните, то усилите этимъ ихъ средства къ защитѣ и сосредоточенію ихъ силъ». Всѣ эти разговоры кончались увѣреніями о мирѣ, выраженіями признательности за расположеніе короля, и я могъ убѣдиться, что въ то время Петербургскій кабинетъ искренно желалъ и ожидалъ успѣха отъ совѣщаній, начатыхъ въ Константинополѣ Шуазёлемъ, Булгаковымъ и Гербертомъ. Но воля превратилась въ слабое хотѣніе; было забыто, что только чистосердечіе и твердость составляютъ правоспособность правительства. Внутри страны и за предѣлами ея сопротивлялись вяло, уступки дѣлали неохотно и безъ достоинства; планы, нарушаемые тотчасъ по ихъ составленіи, не имѣли никакой послѣдовательности; тутъ-то страсти почуяли, что нѣтъ на нихъ больше узды. Управляемое кормчими неискусно и не предусмотрительно, государство было предоставлено на произволъ судьбы.

Въ Европѣ наши соперники перестали насъ бояться, а друзья не только перестали разсчитывать на насъ, но даже вообще считаться съ нами. Въ самой Франціи старые предразсудки сталкивались съ новыми началами. Мы попали на подводные камни, которые насъ и разбили.

Наконецъ въ той безднѣ, куда насъ влекло теченіе, мы увидѣли свое спасеніе и возрожденіе единственно въ революціи, ставшей неизбѣжною, въ революціи, вызванной всѣми, несмотря на почти всеобщее недовольство ею, въ революціи, которая, подобно Медеѣ, не могла насъ обновить иначе, какъ растерзавъ и затопивъ въ крови.

Въ краткомъ повѣствованіи я изложу печальный рядъ событій, предшествовавшихъ тѣмъ ужаснымъ толчкамъ, которые потрясли всю Европу и сотрясенія отъ которыхъ будутъ чувствоваться еще долгое время.

Я встрѣтилъ въ Петербургѣ Миранду. Онъ поссорился съ Испанскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, который хотѣлъ заставить его снять

полковничій мундиръ или показать свои патенты. Императрицѣ очень хотѣлось, чтобы уладили этотъ споръ. Испанскій повѣренный показалъ мнѣ письмо довольно сухое, которое онъ написалъ этому воину, и отвѣтъ его. Послѣдній былъ не только неумѣстенъ, но грубъ и написанъ въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Я объяснилъ повѣренному, что такъ какъ дѣло дошло до личностей, то мнѣ нечего тутъ давать совѣты и вмѣшиваться; но черезъ нѣсколько дней онъ показалъ мнѣ формальное повелѣніе своего двора просить Императрицу выдать Миранду, какъ измѣнника, осужденнаго за политическія преступленія и измѣну. Я отказывался помогать ему въ его исканіяхъ, потому что въ этомъ случаѣ изгнаніе мнѣ казалось несправедливымъ и неполитичнымъ. Однако, я обѣщалъ ему прекратить всякія сношенія съ Мирандою, съ которымъ такъ часто видался въ Кіевѣ. Такъ какъ министры, чтобы понравиться Императрицѣ, оказывали уваженіе этому Испанцу, приглашали его на званые обѣды и принимали вмѣстѣ съ дипломатическимъ корпусомъ, то я имъ объявилъ, вмѣстѣ съ Неаполитанскимъ министромъ Серра-Капріола, что такое обращеніе съ человѣкомъ, обидѣвшимъ Испанскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, показываетъ пренебреженіе къ дворамъ Мадритскому, Неаполитанскому и Версальскому, и что наши съ ними сношенія могутъ отъ этого измѣниться. Это твердо высказанное мнѣніе сперва разсердило Императрицу. Ея флигель-адъютантъ Мамоновъ сблизился съ Мирандою, и Императрица это знала. Но, наконецъ, черезъ нѣсколько дней она успокоилась и посовѣтовала Мирандѣ уѣхать, одаривъ его щедрымъ образомъ. Онъ уѣхалъ. Въ послѣдствіи я видѣлъ его во Франціи. Онъ командовалъ лѣвымъ крыломъ нашей арміи подъ Нервинденомъ [1]), и нашъ генералъ Девалансъ (de Valence), раненый въ этомъ дѣлѣ, публично приписывалъ ему неуспѣхъ нашъ въ этомъ сраженіи, въ которомъ храбрость праваго крыла, неустрашимость Валанса, и блистательная отвага герцога Шартрскаго, нынѣ принца Орлеанскаго [2]), въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ готовили намъ побѣду. Въ 1806 году Миранда, осуществляя давнишнія свои предположенія, высадился въ Каракасѣ съ пятью стами Испанскихъ выходцевъ. Нѣсколько блистательныхъ подвиговъ дали ему, хотя и не надолго, диктаторство въ Венесуэлѣ. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ дѣятелей страшной революціи, которая освободила колоніи отъ Испанскаго владычества и послужила къ основанію республики Колумбіи. Но конецъ поприща Миранды былъ несчастный: послѣ безславной сдачи,

---

[1]) Подъ Нервинденомъ (Nerwinden), деревнею близъ Лувеня въ Бельгіи, въ 1793 г. Дюмурье былъ разбитъ Австрійцами подъ предводительствомъ принца Кобургскаго.

[2]) Людовикъ-Филиппъ, впослѣдствіи король Французовъ.

выданный врагамъ своими согражданами, онъ былъ отвезенъ въ Испанію и умеръ въ 1816 году въ тюрьмѣ, въ Кадиксѣ.

Дѣла приходили въ замѣшательство. Чтобы объяснить положеніе ихъ, надо обратиться къ исторіи. Нѣсколько разъ званіе штатгальтера Голландіи уничтожалось и возстановлялось, и наконецъ, въ 1748 году, стало наслѣдственнымъ въ лицѣ принца Оранскаго Вильгельма IV. Но не были утверждены границы между правительственною властію и правами народа. Власть пользовалась безграничными преимуществами; права же не были опредѣлены достаточными постановленіями, которыя утверждали бы народную независимость и въ тоже время удовлетворяли бы требованіямъ принца. Вильгельмъ V, женатый на сестрѣ Фридриха Вильгельма II, короля Прусскаго, не имѣлъ ни умѣренности, соглашающей разнородные интересы, ни твердости души, властвующей надъ умами. Въ немъ высказывались и слабость воли, вызывающая возмущенія и дающая имъ усилиться, и склонность къ мести, уничтожающая всякія средства къ уступкамъ и примиренію.

Однако, внимательно читая исторію страны, надъ которою онъ былъ поставленъ, онъ могъ бы ясно уразумѣть свое назначеніе, свой долгъ и свои настоящіе интересы. Въ другихъ странахъ происхожденіе и усиленіе власти правителя могли быть неопредѣленны и сомнительны; но въ Голландіи правитель долженъ былъ убѣдиться, что власть дана была его предшественникамъ для того, чтобы освободиться отъ Испанскаго ига и завоевать независимость страны. Стало быть, стоя во главѣ республиканскаго народа, гордаго своею независимостью, правитель обязанъ былъ имѣть въ виду одну цѣль: утвердить спокойствіе націи, поощрить ея торговлю и вселить уваженіе къ ея войскамъ. Таково было назначеніе штатгальтера. Вильгельмъ V упустилъ изъ виду эту цѣль. Искаціе славы могло бы внушить любовь къ нему; слишкомъ сильное стремленіе къ власти лишало его народной любви. Обстоятельства были въ его пользу. Поставленному между Англіею и Франціею, ему слѣдовало держаться строгаго нейтралитета и противиться лишь тому государству, которое хотѣло затронуть независимость или торговыя выгоды республики.

Тогда Англія открыто стремилась къ владычеству на моряхъ; Франція, напротивъ того, не могла внушить опасеній Голландцамъ. Стало быть, армія ихъ могла быть незначительна, между тѣмъ какъ нужно было увеличить морскую силу для того, чтобы Голландцы могли противостать Англичанамъ. Въ этомъ смыслѣ высказалось общее мнѣніе въ Голландіи. Штатгальтеръ не послушалъ его. Армія давала ему средства усилить его власть, и онъ занялся ею исключительно забывая про флотъ. Это заблужденіе, выгодное для Англіи, было ею поощряемо.

Вильгельмъ V предался Лондонскому кабинету и сдѣлался ревностнымъ непріятелемъ Версальскому.

Между тѣмъ Голландцы все болѣе и болѣе расходились съ Англичанами и чувствовали нужду сблизиться съ Франціею, которая не только не была имъ опасна, какъ прежде, но желала имъ спокойствія и силы для опоры противъ Англіи. Когда возгорѣлась война между Франціею и Англіею, штаты рѣшили принять нейтральное положеніе; но Англійское правительство, вопреки народному праву, овладѣло нѣсколькими Голландскими судами. Оно разсчитывало на слабость и пристрастіе штатгальтера и не боялось отплаты; оно и не обманулось. Тогда штаты, подъ вліяніемъ негодованія, рѣшились обратиться къ Екатеринѣ II и просить ея защиты. Въ это время Императрица только что устроивала на Сѣверѣ союзъ для охраненія нейтральнаго флага отъ воюющихъ державъ. Штатгальтеръ не смѣлъ противиться, и къ сожалѣнію его и Англія, Голландія приступила къ акту вооруженнаго нейтралитета. Вслѣдъ за тѣмъ Лондонскій кабинетъ объявилъ войну республикѣ. Такимъ образомъ Вильгельмъ принужденъ былъ присоединиться къ Франціи, которую ненавидѣлъ, и стать противъ Англіи, на которую смотрѣлъ, какъ на опору своего правленія. Съ этой поры несправедливая досада повела его къ забвенію правилъ его предшественниковъ и къ бездѣйствію, въ которомъ враги его видѣли или указывали измѣну.

Люди пылкіе, умы недовольные, которые вездѣ, какъ буря, готовы разломать дурно управляемое судно, постарались превратить въ ненависть недовѣрчивость народа; они обвинили штатгальтера въ томъ, что онъ не собираетъ морскихъ силъ республики. Однако, несмотря на его нерѣшительность, два Голландскіе адмирала, Зутеманъ и Кинсбергъ, смѣло презирая инструкціи, соединились и побили Англичанъ у Даггерсбанка. Вильгельмъ дурно принялъ побѣдителей, а между тѣмъ это была единственная побѣда Голландцевъ во время этой войны. Англичане завладѣли нѣсколькими ихъ колоніями (которыя имъ возвращены были уже впослѣдствіи побѣдоноснымъ оружіемъ Франціи). Вмѣсто того, чтобы успокоить умы послѣ этой войны, Вильгельмъ возбуждалъ ихъ своими попытками дѣйствовать на выборы депутатовъ и судей. Онъ думалъ этимъ путемъ соединить въ себѣ и законодательную, и исполнительную власть. Его замыслы возбудили до крайности недовольство оппозиціи. Незначительный случай, пустой споръ за мѣста, подалъ поводъ къ распрѣ, которой уже ожидали съ обѣихъ сторонъ.

Скоро взялись за оружіе, и отъ возмущенія было недалеко до битвы. Нельзя было ожидать примиренія между партіями, изъ кото-

рыхъ одна, казалось, хотѣла уничтожить свободу, а другая—самое достоинство штатгальтера. Принцъ имѣлъ за себя войско, а генеральные штаты могли ему противопоставить одну только милицію изъ гражданъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи они прибѣгли къ покровительству Людовика XVI, поддержавшаго ихъ прежде противъ Іосифа II и недавно заключившаго съ республикою дружественный договоръ. Нашему двору слѣдовало поддерживать штаты противъ штатгальтера, преданнаго Англіи. Дѣйствительно, кабинетъ нашъ обѣщалъ имъ содѣйствіе; но внутреннія безпокойства и плохое состояніе финансовъ помѣшали исполнить это обѣщаніе. Скорая помощь, конечно, прекратила бы распрю; но нерѣшительность съ нашей стороны отдала побѣду врагамъ, открыла тайну нашей немощи и послужила признакомъ того политическаго паденія, отъ котораго мы впослѣдствіи оправились только послѣ трудной, разрушительной революціи.

Англія, униженная послѣ отпаденія Америки, раздражалась тѣмъ, что мы умалили ея вліяніе въ Голландіи, Россіи и Австріи и боролись съ нею въ Берлинѣ и Константинополѣ. Положеніе Французской политики было тогда блистательно и славно; но Людовикъ XVI недолго могъ наслаждаться этимъ блескомъ. Лондонскій кабинетъ, быстро пользуясь обстоятельствами, умѣлъ искусными происками возбудить новаго Прусскаго короля Фридриха-Вильгельма противъ Голландіи и уговорилъ его отомстить за сестру свою, принцессу Оранскую, оскорбленную народомъ. Фридрихъ Вильгельмъ принялъ сторону штатгальтера; выждавъ нѣкоторое время и убѣдившись, что Франція еще не готова его встрѣтить, онъ ворвался во владѣнія республики, возстановилъ власть штатгальтера и возвратилъ Англіи ея вліяніе.

Напомнивъ въ немногихъ словахъ начало этого переворота, я передамъ впослѣдствіи, гдѣ будетъ нужно, нѣкоторыя подробности о неважныхъ происшествіяхъ, послужившихъ поводомъ къ большимъ перемѣнамъ, и о вліяніи ихъ на наше политическое положеніе.

Когда мы возвратились изъ Крыма, безпокойства въ Голландіи только еще начинались; но никто не могъ предвидѣть ихъ страшнаго исхода.

Дѣятельность и твердость Французскаго правительства во время Американской войны и благородныя мѣры принятыя имъ противъ Іосифа II, не давали возможности думать, что это же правительство въ такое короткое время сдѣлается слабымъ и потеряетъ свое значеніе, пріобрѣтенное блестящими успѣхами.

Одно только обстоятельство могло тогда внушить безпокойство: это было несогласіе, возникшее между Россіею и Портою. Но и на

этотъ счетъ и имѣлъ основанія не тревожиться: затруднительныя для императора обстоятельства въ Брабантѣ, неурожай въ Россіи и мирныя увѣренія ея министровъ, наконецъ, успокоительныя депеши отъ графа Шуазёля и отъ Булгакова изъ Константинополя, все это подавало надежду на продолженіе мира. Однако я зналъ также, что великій визирь, слѣдуя внушеніямъ Прусскаго и Англійскаго министровъ, не соглашался съ Булгаковымъ и высокомѣрно отвѣчалъ на его предложенія. Но графъ Шуазёль надѣялся, что это затрудненіе устранится и что можно будетъ удалить визиря, котораго заблужденіе было гибельно для Порты.

Среди такихъ обстоятельствъ, не видя особенной нужды оставаться долѣе въ Россіи, я рѣшился воспользоваться отпускомъ, мнѣ даннымъ. Пріѣздъ въ Петербургъ кавалера Сенъ-Круа (Saint-Croix), посланнаго Монморенемъ для исправленія должности повѣреннаго въ дѣлахъ въ мое отсутствіе, ускорилъ мою рѣшимость. Поэтому, пятаго Сентября 1787 года я простился съ Императрицею и оставилъ Сенъ-Круа записку о положеніи нашихъ дѣлъ въ Россіи. Въ заключеніи этой записки я, нѣкоторымъ образомъ, представлялъ нашему правительству отчетъ о томъ, что происходило во время моего посольства, о моихъ стараніяхъ сдѣлать наше посредничество нужнымъ для Императрицы и полезнымъ для Порты и, наконецъ, на нѣсколькихъ страницахъ, представилъ краткій обзоръ нашихъ споровъ и соглашеній съ Русскимъ правительствомъ со времени вступленія Екатерины на престолъ.

Съ тою тревожною радостію, которую ощущаешь передъ свиданіемъ съ родиною и семействомъ послѣ долгой разлуки, я уже готовился къ отъѣзду, когда получилъ письмо отъ Императрицы. Она меня звала къ обѣду, хотя я уже простился съ нею, и просила меня отложить отъѣздъ мой на нѣсколько дней. Я явился на приглашеніе и, выходя изъ-за стола, послѣдовалъ за нею въ эрмитажъ. По окончаніи спектакля Императрица, отойдя со мною въ сторону, сказала мнѣ: «Знаете-ли вы, графъ, что я скоро, можетъ быть, нехотя буду вовлечена въ войну съ Турціею? Моему послу грозили Семибашеннымъ замкомъ, а это обычная выходка этихъ варваровъ, когда они хотятъ объявить войну».

«Я точно зналъ, отвѣчалъ я Государынѣ, что нѣкоторые изъ иностранныхъ министровъ давали враждебные совѣты Портѣ; но Шуазёль полагаетъ, что эта минутная непріязнь скоро разсѣется твердою и мудрою умѣренностію вашего величества и справедливыми предложеніями, которыя вы сдѣлали визирю; эти предложенія усердно поддерживаются императорскимъ интернунціемъ и нашимъ посломъ».

«Правда, возразила Императрица, что г. Шуазёль старательно дѣйствуетъ въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ пишутъ, что онъ ужасно сердится на Турокъ, полагаетъ, что они сошли съ ума, и всячески хлопочетъ, чтобы привести ихъ въ разсудокъ».

Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы увѣрить Государыню въ искреннемъ расположеніи къ ней короля, который всегда готовъ употребить свое вліяніе на Порту, чтобы быть полезну видамъ Императрицы и содѣйствовать къ удовлетворенію ея жалобъ и сохраненію мира между обѣими державами. «Теперь, прибавилъ я, головы мусульманъ возбуждены опасными внушеніями Англійскаго и Прусскаго министровъ, завладѣвшихъ великимъ визиремъ, и покуда этотъ визирь не будетъ удаленъ, до тѣхъ поръ успѣхъ предложеній Булгакова, Шуазёля, и Герберта сомнителенъ».

«Это правда, сказала Государыня; но не довольно свергнуть визиря. Рейсъ-еффенди также дурно расположенъ къ намъ, какъ и тотъ. Они столько потратили на вооруженіе войскъ, что боятся вражды народа, который будетъ думать, что эти деньги пропали, если миръ еще будетъ длиться; поэтому я нисколько не удивляюсь, если первый курьеръ привезетъ мнѣ извѣстіе про объявленіе войны. Я ея не желаю, однако и не боюсь».

«Точно, ваше величество, отвѣчалъ я, нельзя навѣрно предвидѣть рѣшеніе такого правительства, какъ Турецкое. Но время теперь ужъ позднее, неудобное; можетъ быть, Турецкіе министры еще одумаются и убѣдятся, что глупо тратиться вновь для того только, чтобы оправдать прежнія траты. Если бы они, подобно мнѣ, видѣли войска и флотъ вашего величества, то не торопились бы воевать съ вами».

На другой день я видѣлся съ Русскими министрами. Они говорили: «Дивану надо совсѣмъ потерять голову для того, чтобы, перейдя отъ робости къ отвагѣ, объявить Россіи войну; вѣроятно, зима пройдетъ въ переговорахъ». Чтобы увѣрить меня въ искренности Императрицы, они прибавили: «Императрица, рѣшаясь доказать королю и Европѣ свое намѣреніе поддержать миръ, постарается забыть неумѣстное высокомѣріе въ дѣйствіяхъ Турокъ и дерзость, съ которою они назначили срокъ для удовлетворенія своихъ неосновательныхъ жалобъ; поэтому Булгакову приказано уступать вездѣ, гдѣ только это можно, не роняя достоинства имени Императрицы, и принять предложенія, сдѣланныя Шуазелёмъ для выгоды Турокъ и удаленія затрудненій».

Такимъ-то образомъ мы въ Петербургѣ хлопотали о средствахъ отвратить бурю, грозившую намъ уже четыре года. Но курьеръ, прибывшій двѣнадцатаго Сентября, разсѣялъ наши надежды и извѣстилъ насъ, что гроза уже разразилась, и именно съ той стороны, съ кото-

рой ея наименѣе ожидали. Не Россія наступала на Турцію, а Турція напала на Россію. Наущенія Англіи и Пруссіи подѣйствовали. Султанъ приказалъ заключить Булгакова въ Семибашенный замокъ и объявилъ Императрицѣ войну.

Узнавъ объ этомъ происшествіи, я отложилъ свой отъѣздъ и послалъ курьера къ Монморену за новыми наставленіями. Я писалъ ему слѣдующее: «Дѣла усложнились болѣе, нежели мы могли ожидать. Пруссія и Англія бросили первую искру огня, который можетъ охватить всю Европу. Какъ ни нуженъ мнѣ былъ отпускъ, который я испросилъ и получилъ, но я имъ не воспользуюсь и считаю его недѣйствительнымъ. Я остаюсь при своей должности и буду радъ, если король приметъ этотъ знакъ моего усердія».

Изъ писемъ Шуазёля и депешъ Австрійскаго интернунція къ графу Кобенцелю я скоро узналъ обстоятельства этой внезапной перемѣны въ дѣйствіяхъ дивана. Никогда́ миръ не казался болѣе прочнымъ, какъ въ это время, и вдругъ Турки рѣшились объявить войну. Вѣрная своему слову, Императрица уполномочила Булгакова послѣдовать указаніямъ нашего посла; она дѣлала уступку по вопросу о фирманѣ Ахалцихскому пашѣ и довольствовалась обѣщаніями Турціи усмирить Закубанскихъ Татаръ. На неправое дѣло о Крымской соли и Запорожцахъ смотрѣли снисходительно. Правда, что отказались выдать Туркамъ Маврокордато; но за то и не требовали отъ нихъ выдачи Русскихъ плѣнныхъ. Порта получала вознагражденіе за убытки, причиненные ей консулами въ Архипелагѣ, съ условіемъ, чтобы она возвратила Русскія суда, захваченныя на ея Африканскомъ берегу. Вотъ чего мы съ Кобенцелемъ успѣли добиться у Императрицы. Курьеры должны были уже везти эти удовлетворительныя предложенія въ Константинополь, Версаль и Вѣну, когда курьеръ отъ Герберта извѣстилъ насъ о насильственномъ поступкѣ султана съ Русскимъ министромъ, вопреки предстательству Французскаго посланника и императорскаго интернунція, которые уговаривали Турецкое правительство дождаться отвѣта изъ Петербурга.

Вице-канцлеръ, передавая мнѣ, по приказанію Императрицы, это извѣстіе, выразилъ мнѣ ея живѣйшую признательность за посредничество моего двора въ этихъ обстоятельствахъ. Императрица изъявляла надежду, что король оцѣнитъ какъ ея старанія сохранить миръ, такъ и готовность, съ которой она соглашалась на всѣ мѣры, предложенныя королемъ для предупрежденія разрыва. Къ сожалѣнію, она принуждена была идти съ силою противъ силы; но, по крайней мѣрѣ, она успѣла доказать королю, что наступленіе сдѣлано не съ ея стороны. Графъ Безбородко, пригласивъ меня къ обѣду, повторилъ мнѣ тѣже увѣренія.

Онъ говорилъ: «Тогда какъ мы сообща съ вами всячески старались сохранить миръ, министры Прусскій и Англійскій подрывали наши усилія своими кознями и пугали великаго визиря и рейсъ-эффенди личными для нихъ опасностями. Они указывали на нашъ торговый договоръ, какъ на дѣло оборонительнаго союза съ вами, на наши вооруженія на Югѣ, какъ на признакъ скораго нападенія. Наконецъ, они пользовались всѣми поводами, чтобы вовлечь Турокъ въ войну съ нами и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряли ихъ въ счастливомъ исходѣ ея, представляя имъ въ преувеличенномъ видѣ затруднительныя обстоятельства императора въ Брабантѣ и нашъ неурожай. Поэтому, къ нашему удивленію, только что Булгаковъ пріѣхалъ изъ Севастополя въ Константинополь, Порта, вмѣсто того, чтобы продолжать переговоры о спорныхъ пунктахъ, дерзко потребовала возвращенія Крыма, угрожая нашему министру заключеніемъ, если въ самый короткій срокъ не получится удовлетворительнаго отвѣта. Вы видите, что никогда нападеніе не было такъ явно и, не смотря на это, я теперь еще могу увѣрить васъ, что Императрица, хотя и обижена, однако не думаетъ о разрушеніи Оттоманской имперіи. Она хочетъ только удовлетворенія за нанесенную обиду; чтобы достигнуть этого она полагается на дружбу короля, и, если благодаря его посредничеству, Порта отвергнетъ злые совѣты, возвратитъ свободу Булгакону и извинится въ своемъ поступкѣ, то Государыня согласится возобновить переговоры на тѣхъ же основаніяхъ, какія предложены были до разрыва».

Не зная намѣреній короля въ случаѣ такого оборота дѣлъ, я отвѣчалъ только, что передамъ его величеству предложенія, мнѣ сдѣланныя, и увѣренія въ постоянномъ расположеніи Императрицы къ сохраненію мира. Я объявилъ графу, что остаюсь въ Петербургѣ, чтобы дождаться рѣшенія моего двора. Я сказалъ ему, что могу предвидѣть, какъ непріятно будетъ королю узнать о разрывѣ, который онъ такъ желалъ предупредить, и что онъ всегда будетъ готовъ употребить свои старанія для водворенія мира и прекращенія войны, которая можетъ сдѣлаться опасною для спокойствія Европы.

Ясно было, что Оттоманское правительство, обманутое дурными совѣтами, впало въ непонятное заблужденіе и подвергало себя безъ всякой нужды бѣдствіямъ, которыхъ могло бы избѣгнуть. Но надо также согласиться, что Англія и Пруссія никогда бы не успѣли такъ далеко увлечь невѣжественныхъ и высокомѣрныхъ мусульманъ, если бы Потемкинъ не напугалъ ихъ, а потомъ не разсердилъ пышною и безполезною выставкою военныхъ силъ, собранныхъ для обстановки торжественнаго поѣзда Императрицы, и тѣмъ, что предписалъ Булгакову дѣйствовать путемъ угрозъ. Впрочемъ, становилось ясно, что Англія,

узнавъ о разстойствѣ нашихъ домашнихъ дѣлъ, сочла время удобнымъ, чтобы унизить насъ и возстановить свое вліяніе въ Европѣ. Поэтому она вездѣ старалась противупоставить намъ препятствія и враговъ. Она увѣрена была въ побѣдѣ въ томъ случаѣ, если наши плохіе финансы посѣятъ въ насъ робость, или если мы примемъ участіе во всеобщей войнѣ и тѣмъ умножимъ свои бѣдствія. Съ этою цѣлію, успѣвъ привлечь на свою сторону новаго Прусскаго короля, она поставила насъ въ затруднительное положеніе или разойтись съ Портою, если мы ея не поддержимъ, или разорвать нашу связь съ Россіею, если мы будемъ продолжать покровительствовать Туркамъ. Въ тоже время, по Голландскимъ дѣламъ, она насъ ставила въ необходимость или сопротивляться Пруссіи, за которую стояла, или оставить Голландію въ ея власти. Наконецъ, она навлекла на насъ непріязнь императора мыслью, что мы перестанемъ дѣйствовать съ нимъ за одно, между тѣмъ какъ кабинеты Лондонскій и Берлинскій сильно заподозрѣны были въ возбужденіи смутъ въ Брабантѣ. Наше положеніе становилось критическимъ. Пора было нашему двору сдѣлать рѣшительный шагъ. Дѣйствія энергическія и опредѣленныя, вѣроятно, обезоружили бы нашихъ враговъ, успокоили бы Голландію, сдержали бы Пруссію, угомонили бы Порту и направили бы за предѣлы государства то безпокойное движеніе умовъ, которое волновало тогда Францію и стремилось найти себѣ исходъ внѣ государства или произвести взрывъ внутри его. Тогда легко было заключить четвертной союзъ между нами, Испаніею и двумя императорскими дворами; выгоды ихъ клонились къ этому. Мысль объ этомъ пришла на умъ королю, равно какъ моему отцу и де-Кастри, но эти министры не удержались на своихъ мѣстахъ. Вліяніе новаго министра, архіепископа Тулузскаго [1]), повело наше правительство къ узкому взгляду на дѣло и ограничило нашу политику происками...

Война между Россіею и Турціею была объявлена; нужно было знать, какія мѣры приметъ каждая изъ Европейскихъ державъ. Образъ дѣйствій императора легко было предвидѣть: онѣ опредѣлялись нападеніемъ со стороны Турокъ и условіями договора его съ Императрицею. Іосифу II-му пришлось соединить свои силы съ Русскими. Англія возбудила Порту къ войнѣ единственно въ надеждѣ, что воюющія державы будутъ искать ея посредничества для примиренія, и что этимъ уничтожится наше вліяніе въ Константинополѣ и Петербургѣ. Намѣренія

[1]) Loménie, comte de Brienne, архіепископъ Тулузы и Санса (Sens), былъ въ 1789 году назначенъ государственнымъ контролеромъ (controleur général des finances) на мѣсто Калона.

Пруссіи были менѣе извѣстны. Въ предыдущемъ году она лишилась геніальнаго монарха, давшаго ей и силу, и славу. Его племянникъ Фридрихъ-Вильгельмъ не успѣлъ еще показать, сумѣетъ ли онъ достойно поддержать тяжелую ношу, имя и наслѣдіе великаго человѣка. Можно было видѣть только, что вліяніе совѣтовъ Лондонскаго кабинета брало верхъ въ умѣ его надъ всѣми прочими. Министры его получили приказаніе дѣйствовать согласно съ Англійскими. Поэтому они тоже стремились подорвать въ Константинополѣ наши старанія о мирѣ и отрекались отъ своихъ дѣйствій въ Петербургѣ. Баронъ Келлеръ*) повторилъ увѣреніе, что его монархъ желаетъ Императрицѣ успѣха въ войнѣ. Она отвѣчала на это иронически, что «королю не трудно было бы доказать свое сочувствіе, честно исполнивъ условія прежняго союзнаго договора, срокъ котораго еще не истекъ». Извѣстно было напередъ, что Испанія, Неаполь, Данія и Сардинія сохранятъ строгій нейтралитетъ, сообразный съ ихъ положеніемъ и средствами На счетъ Швеціи никто не безпокоился: никто не могъ ожидать, что Густавъ III, съ 30.000 арміею, скоро нападетъ на Русскаго великана.

Петербургскому кабинету особенно нужно было узнать, будемъ мы за или противъ него, или останемся въ нейтралитетѣ. Желали нашего союза, но не разсчитывали на него, зная наши старинныя связи съ Портою. Разочарованіе на счетъ насъ еще не наступало: память объ успѣхахъ въ Америкѣ придавала еще вѣсу нашему могуществу. Но неопредѣленность нашихъ дѣйствій указывала на слабость ихъ. Наказы мнѣ данные не давали возможности ни внушать опасеніе Русскимъ министрамъ, ни обнадеживать ихъ. Мы даже не объявили нейтралитета, хотя, конечно, онъ былъ необходимъ, если мы хотѣли удержать за собою право на посредничество, сохранить наше вліяніе и отвратить сближеніе Англіи съ Россіею. Находясь въ такомъ ложномъ положеніи, я принужденъ былъ дѣйствовать крайне осторожно и не высказываться рѣшительно. Моя дѣятельность ограничивалась исполненіемъ приказанія слѣдить за поступками Императрицы и вліяніемъ, которое производили на ея политику смѣлыя дѣйствія Пруссіи и Англіи, умѣренность императора, вовлеченнаго въ войну противъ его желанія, и наконецъ трудно-объяснимая нерѣшительность нашего двора.

Я узналъ, что Англичане просили Русское правительство поддержать штатгальтера въ Голландіи и за это предлагали свое посредничество, чтобы принудить Турокъ къ миру, будто бы нарушенному, по ихъ забавнымъ увѣреніямъ, нами. Императрица слишкомъ недовольна была ихъ происками и потому не хотѣла принять эти предложенія.

*) Представитель Пруссіи въ Петербургѣ.

Однако они отчасти подѣйствовали, потому что черезъ нѣсколько дней послѣ того Безбородко и Морковъ упрекали меня за то, что я, еще будучи въ Кіевѣ, поощрялъ вооруженія Турокъ. «Вотъ откуда, говорили они, начались затрудненія, которыя, раздражая умы, содѣйствовали разрыву».

«Эти вооруженія, отвѣчалъ я, были чисто-оборонительныя и возбуждены были приготовленіями съ вашей стороны. Если уже нужно обращаться къ прошлому, то гораздо естественнѣе приписать враждебность Турціи страху отъ собранія вашихъ военныхъ силъ на Черномъ морѣ, отъ торжественнаго путешествія Императрицы, отъ рѣзкихъ выраженій Булгакова и той надписи, которую намъ показали въ Херсонѣ: *Здѣсь путь въ Византію*. И я не понимаю одного, прибавилъ я, какимъ образомъ совѣты Англіи и Пруссіи въ столь короткое время могли такъ внезапно взволновать Порту и превратить ея страхъ въ смѣлость».

Скоро узналъ я черезъ министровъ и черезъ депеши Герберта подробности этой неожиданной перемѣны. Султанъ былъ прежде расположенъ къ миру. Онъ хотѣлъ заняться дѣлами, присутствовалъ въ совѣтѣ и торопилъ ходъ переговоровъ. Вдругъ великій визирь пробуждаетъ въ немъ двѣ страсти, непреодолимыя для Турка: фанатизмъ, отуманивающій умъ, и страхъ, вовлекающій въ погибель. Августа 13, собравъ большой совѣтъ или мушавертъ, султанъ преписываетъ членамъ его хранить тайну и неосторожнымъ угрожаетъ карою. Вслѣдствіе совѣщанія, въ которомъ разсудокъ заглушенъ былъ гордостью, яростью и невѣжествомъ, Булгаковъ приглашается на совѣщаніе.

Интернунція встревожило это неожиданное приглашеніе; онъ спросилъ о поводѣ къ тому. Ему отвѣчали, что это до него не касается. «Не забудьте, сказалъ Гербертъ, что Булгаковъ представитель союзницы императора, и что выгоды обоихъ монарховъ одинаковы». «Олсунъ (пусть такъ), отвѣчалъ мусульманскій чиновникъ съ презрѣніемъ; только самъ великій визирь можетъ объяснить свои намѣренія». Тогда интернунцій обратился прямо къ великому визирю Юссуфъ-пашѣ и поѣхалъ къ нему. Но его не приняли и послали къ рейсъ-еффендію. Шуазёль дѣйствовалъ согласно съ интернунціемъ. Они написали въ рѣшительныхъ выраженіяхъ рейсъ-еффендію, который не удостоилъ ихъ отвѣтомъ, и имъ оставалось только протестовать противъ этихъ поступковъ, заявивъ о томъ, къ какимъ дурнымъ послѣдствіямъ они могли повести.

Булгаковъ одинъ отправился на аудіенцію. Великій визирь, послѣ сильныхъ упрековъ, предложилъ ему немедленно согласиться на возвращеніе Крыма. Для написанія отвѣта ему даже не дали съѣздить до-

мой, а отвели только въ особую комнату. Русскій министръ, по долгу своему отказавшись исполнить такое несбыточное предложеніе, хотѣлъ удалиться. Но великій визирь напомнилъ ему, что прошлою зимою онъ грозилъ Турціи вторженіемъ 60,000 войска, собраннаго Потемкинымъ, и объявилъ, что теперь всѣ договоры уничтожены, и что султанъ рѣшился посадить его въ Семибашенный замокъ съ лицами его свиты, по его назначенію. Булгаковъ избралъ секретаря, трехъ драгомановъ и двухъ слугъ. Остальная свита возвратилась въ Перу. Порта назначила плѣнному министру содержаніе, офицера для услугъ ему, позволила взять свои мебели и пожитки и построила ему изящный кіоскъ, чтобы онъ могъ пользоваться воздухомъ.

Напрасно Шаузёль и Гербертъ вновь протестовали противъ этого нарушенія народнаго права. Ихъ хлопоты, настоянія и угрозы были безполезны. Булгакова повезли въ тюрьму на богато убранномъ конѣ, въ сопровожденіи многочисленнаго отряда солдатъ.

Вскорѣ послѣ этого удавили въ Родосѣ стараго Крымскаго хана Сагимъ-Гирея въ наказаніе за его потворство Россіи. Между тѣмъ въ Константинополѣ держали брата его Арслана; онъ былъ какимъ-то призракомъ хана и, покровительствуя ему, хотѣли поддержать надежды и храбрость Татаръ.

Турки, не слушая совѣтовъ нашего посланника, сдѣлали все, что только могло послужить къ ихъ осужденію. Ихъ манифестъ былъ безсмысленъ; вмѣсто того, чтобы выставить основательныя опасенія, они выставили поводомъ къ войнѣ небывалыя предложенія со стороны Россіи объ утвержденіи за нею Тавриды и Бессарабіи. Но первая была уже давно укрѣплена за нею договоромъ, а о второй никогда не было рѣчи. Наконецъ диванъ, чтобы напасть на Россію еще рѣшительнѣе, велѣлъ послѣ заключенія Булгакова, Турецкому флоту въ лиманѣ захватить Русскій фрегатъ *Скорый*. Этотъ фрегатъ, подкрѣпляемый бригомъ, отбился отъ Турокъ, прошелъ мимо флота, самъ нанесъ вредъ нѣсколькимъ Турецкимъ судамъ и невредимый вошелъ въ Севастопольскую гавань.

Съ одной стороны, сборъ множества войскъ, сформированныхъ Россіею въ теченіе восьми мѣсяцевъ, съ другой сила Турецкаго фанатизма предвѣщали скорую борьбу и быстрый ходъ дѣла. Но случилось не такъ. Турки потеряли много времени въ сборахъ войскъ, разсѣянныхъ по Малой Азіи, а чудакъ князь Потемкинъ также медлилъ идти на нихъ, какъ спѣшилъ ихъ раздражить. Сорокъ тысячъ было послано противъ Закубанскихъ Татаръ и горскихъ народовъ. Тридцать тысячъ защищали Крымъ. Сорокъ тысячъ расположено было на пространствѣ отъ Херсона до Буга. Князь-главнокомандующій назначилъ главною квартирою своею

Елисаветградъ; онъ дождался резервовъ, ему назначенныхъ. Наконецъ Румянцевъ собралъ близъ Кіева 70,000 человѣкъ войска. Къ удивленію моему, я услышалъ отъ Императрицы, что во всю зиму армія будетъ въ оборонительномъ положеніи по случаю выступленія 380,000 Турокъ къ Бессарабіи.

Великій визирь уже утвердился въ Адріанополѣ. Порта поручила Мансуру призывать къ оружію всѣ Татарскія орды. Въ такихъ обстоятельствахъ Румянцевъ и Потемкинъ, забывъ свои несогласія, помирились. Князь сдѣлалъ первый шагъ, написалъ фельдмаршалу, что, какъ ученикъ его, проситъ его совѣтовъ и приказаній. Императрица обнародовала свой манифестъ. Онъ былъ написанъ благородно и умѣренно; глупость Турокъ сдѣлала составленіе его очень легкимъ.

Императрица съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстій о намѣреніяхъ Франціи. Наконецъ втораго Октября пріѣхалъ изъ Версаля курьеръ: онъ думалъ найти меня уже въ Вѣнѣ и привезъ мнѣ приказаніе возвратиться въ Петербургъ. Можно себѣ представить, какъ я былъ радъ, что не уѣхалъ и такимъ образомъ предугадалъ мысль моего правительства. Эта поспѣшность нашего министерства произвела на Русскій кабинетъ неожиданное дѣйствіе. Повѣрили тому, на что надѣялись, а надѣялись, что мы станемъ противъ Турокъ, которые пренебрегли нашими совѣтами и послушались Англіи. Но, къ сожалѣнію, дѣло было нетаково: наше правительство оставалось въ нерѣшимости и предписывало мнѣ молчаніе, которое должно было имѣть видъ благоразумія, но на самомъ дѣлѣ происходило отъ слабости. На всѣ вопросы я отвѣчалъ, что такъ какъ курьеръ выѣхалъ въ то время, когда король только что узналъ о заключеніи Булгакова, то и Монморень успѣлъ послать мнѣ только одно повелѣніе, предписывавшее мнѣ сообщить министрамъ Императрицы, что король былъ пораженъ при извѣстіи объ этомъ страпномъ поступкѣ и тотчасъ же послалъ Шуазёлю приказаніе выхлопотать свободу Булгакову.

Столь холодное сообщеніе удивило Императрицу. Она однако надѣялась еще, что козни Англіи и Пруссіи въ Турціи, въ Голландіи и даже въ Россіи, съ цѣлію уничтожить наше вліяніе, надоѣдятъ намъ и побудятъ насъ заключить союзъ для сопротивленія грозной стачкѣ, противъ насъ направленной.

Но такъ какъ нельзя же долго говорить съ людьми, которые рѣшились молчать, то Русскіе министры перестали вынуждать меня къ объясненіямъ. Поэтому, въ теченіе нѣкотораго времени, я заботился только о томъ, чтобы поддержать благоволеніе ко мнѣ Императрицы. Чаще, нежели когда нибудь, я былъ въ ея обществѣ. Она часто при-

глашала меня къ обѣду и почти ежедневно дозволяла присутствовать на эрмитажныхъ спектакляхъ.

Видъ этого эрмитажа не совсѣмъ соотвѣтствовалъ его названію, потому что при входѣ въ него глаза поражались обширностью его залъ и галлерей, богатствомъ обстановки, множествомъ картинъ великихъ мастеровъ и пріятнымъ зимнимъ садомъ, гдѣ зелень, цвѣты и пѣніе птицъ, казалось, перенесли Итальянскую весну на снѣжный Сѣверъ. Избранная библіотека доказывала, что пустынникъ этихъ мѣстъ предпочитаетъ свѣтъ философіи монашескимъ упражненіямъ. Тамъ былъ и курсъ исторіи почти что въ лицахъ: полнѣйшее собраніе медалей всѣхъ народовъ и вѣковъ. Въ концѣ дворца находилась прекрасная театральная зала, въ маломъ видѣ устроенная на подобіе древняго театра въ Виченцѣ. Она была полукруглая, безъ ложъ, съ лѣстницею скамеекъ, расположенныхъ амфитеатромъ.

Два раза въ мѣсяцъ Императрица приглашала къ спектаклю дипломатическій корпусъ и особъ, имѣвшихъ входъ ко двору. Въ другіе дни число зрителей не превышало двѣнадцати. Обыкновенно приглашались великій князь съ супругою, флиг.-адъютантъ Мамоновъ, оберъ-шталмейстеръ, оберъ-камергеръ, графъ Строгановъ, вице-канцлеръ графъ Безбородко, князь Потемкинъ, его племянница графиня Скавронская, дѣвица Протасова, посланникъ графъ Кобенцель, Делинь и я. (Фитцъ-Гербертъ былъ тогда въ отсутствіи). Для моихъ политическихъ отношеній это было выгодно, потому что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ былъ бы мнѣ противникомъ опаснымъ по своему уму, ловкости и расположенію, которое снискалъ у Императрицы. Однако я жалѣлъ, что его не было, потому что искренно и нѣжно полюбилъ его.

Великій князь и великая княгиня рѣдко пользовались дозволеніемъ быть въ эрмитажѣ. Еще рѣже въ немъ появлялась княгиня Дашкова: ея рѣзкій и надменный нравъ удалялъ ее отъ Государыни. Эта гордая женщина была какъ бы ошибкою природы: она болѣе казалась мужчиною, чѣмъ женщиною. Преувеличивая участіе свое въ восшествіи Императрицы на престолъ она приписывала исключительно себѣ успѣхъ этого дѣла и хвасталась этимъ, когда ѣздила по Европѣ. Въ первую пору царствованія Государыни, въ безграничномъ своемъ честолюбіи, она хотѣла командовать гвардейскимъ полкомъ и, можетъ быть, думала о министерскомъ мѣстѣ. Но Екатерина II, не желая давать ей власти, какъ мнѣ говорилъ Потемкинъ, встрѣтила насмѣшкой эти неумѣстныя требованія и, назначивъ ей мѣсто, болѣе свойственное ея способностямъ, сдѣлала ее президентомъ основанной ею академіи *).

*) Т. е. Россійской; кромѣ того Дашкова была директоромъ Академіи Наукъ.

По распоряженію Императрицы выписана была изъ Франціи хорошая труппа актеровъ. Она представляла соединеніе достойныхъ талантовъ: здѣсь былъ знаменитый актеръ Офренъ, нѣсколько извѣстныхъ композиторовъ и виртуозовъ, сперва Паезіелло, потомъ Чимароза, Сàрти, пѣвецъ Маркези и госпожа Тодѝ, которая услаждала пѣніемъ своимъ не Государыню, нечувствительную къ музыкѣ, но князя Потемкина и многихъ любителей. Екатерина II хотѣла познакомиться со всѣмъ нашимъ театромъ; каждый вечеръ играли какую нибудь пьесу Мольера или Реньяра. Трудно представить, въ какомъ затрудненіи были наши актеры въ началѣ, будучи принуждены играть на большомъ театрѣ, въ виду великолѣпнаго и свѣтлаго зала, но почти безъ зрителей или передъ десятью или двѣнадцатью человѣками. Аплодисменты, даже всеобщіе, были негромки и неободрительны.

Императрица упросила меня прочесть ей трагедію «Коріоланъ», которую я написалъ на кораблѣ во время переѣзда изъ Америки. Она была такъ снисходительна къ этому произведенію, что непремѣнно хотѣла поставить его на сцену. Какъ я ни противился этому, она настояла на своемъ. Я выпросилъ только, чтобы спектакль былъ данъ передъ маленькимъ кружкомъ Императрицы. Это мнѣ было обѣщано, и «Коріоланъ» былъ сыгранъ два или три раза передъ двѣнадцатью зрителями, между которыми не могло быть недоброжелателей. Одобреніе было единогласное, и авторъ вызванъ. Однако извѣстно, что при дворѣ обѣщанія даются легко, но нельзя на нихъ разчитывать. Меня обманули, но совершенно втайнѣ. Въ одинъ изъ Четверговъ меня, какъ и весь дипломатическій корпусъ и дворъ, приглашаютъ на большой эрмитажный спектакль. Являюсь. Императрица зоветъ меня къ себѣ и сажаетъ на скамью ниже себя. Подымается занавѣсъ, выходятъ актеры и, къ удивленію моему, я вижу, что даютъ мою пьесу. Никогда я не бывалъ въ подобномъ замѣшательствѣ; актеры играли отлично, и публика, въ слѣдъ за Императрицею, аплодировала усердно. Мнѣ было неловко; я молчалъ, неподвижный, какъ статуя и опустя глаза. Вдругъ Императрица, сидѣвшая за мною, беретъ одною рукою мою правую руку, другою—лѣвую и такимъ образомъ заставляетъ меня самого аплодировать. Послѣ этой любезной шутки надобно было придать себѣ бодрости и, по окончаніи пьесы, выслушать множество похвалъ, отъ которыхъ ради вѣжливости никто не могъ воздержаться. На другой день Императрица, [illegible] надъ моею робостью, стала расхваливать мою пьесу. Тогда я счелъ нужнымъ приняться самъ за критику и показать ея недостатки. «Я вамъ докажу, сказала Государыня съ тою любезностью, которая была такъ въ ней привлекательна, что вы заслужили эту похвалу если не за прекрасные стихи, которымъ я

плохая цѣнительница, то по крайней мѣрѣ по благородству чувствъ и мыслей. Доказательство на это вотъ какое: вы знаете, что у меня ухо не создано для поэзіи, и однако вотъ стихи, которые я затвердила». И она мнѣ прочитала слѣдующіе:

Une honteuse paix n'est qu'un affront sanglant,
Que le peuple vaincu supporte en frémissant.
Elle aigrit son courroux; jamais il ne l'endure
Que le temps qu'il faut pour guérir sa blessure;
Il l'accepte par crainte, il la rompt sans remords,
Et les dieux qu'il parjure approuvent ses efforts.
Alors, des deux côtés, une fureur cruelle
Rend la guerre sanglante et la haine immortelle,
Porte l'épuisement, l'effroi, l'oppression,
L'esclavage, l'opprobre et la destruction.
Voilà les tristes fruits de toute paix honteuse.
Loi toujours sans effet, trêve toujours trompeuse *).

Ясно, что политическіе намеки пришлись по вкусу Императрицы и, при благосклонности ко мнѣ, возвысили въ ея глазахъ талантъ поэта-дипломата.

Изрѣдка Императрица насмѣшливою улыбкою спрашивала меня: получилъ ли я извѣстія изъ Франціи? Наконецъ, однажды она мнѣ объявила, что Прусскія войска вступили въ Голландію и, казалось, сильно опасалась, что наши войска не поспѣютъ во время, чтобы становить этотъ походъ.

Ея опасенія были вполнѣ основательны. Послѣ долгихъ совѣщаній въ Совѣтѣ короля, твердость министровъ военнаго и морскаго, казалось, побѣдила осторожную медлительность архіепископа Тулузскаго, назначеннаго тогда предсѣдателемъ совѣта финансовъ (chef du conseil des finances), и Людовикъ XVI, по природѣ храбрый, хотя и миролюбивый, рѣшился содѣйствовать Голландцамъ своею военною силою. Вслѣдствіе того онъ приказалъ отцу моему (военному министру) принять мѣры къ сосредоточенію арміи въ Живе (Givet) и предоставить ему смѣту суммъ, нужныхъ для ускоренія похода. Это скоро было исполнено. Но напрасно отецъ мой входилъ объ этомъ съ докладомъ

*) „Постыдный миръ—кровавая обида, которую побѣжденный народъ терпитъ негодуя. Его гнѣвъ распаляется, и онъ сноситъ его только, покуда излѣчиваются его раны. Онъ соглашается на него изъ страха, разрываетъ его безъ раскаянія, и боги, коихъ онъ заклинаетъ, одобряютъ его рѣшимость. Тогда съ обѣихъ сторонъ, при взаимной ярости, война становится жестокою и ненависть ненасытимою; онѣ приносятъ за собою изнеможеніе, ужасъ, угнетеніе, рабство, стыдъ и разрушеніе. Вотъ грустные плоды всякаго постыднаго мира: это законъ безъ дѣйствія, это мнимый отдыхъ". (Примѣчаніе донынѣ).

при каждомъ собраніи Совѣта. Несмотря на содѣйствіе маршала Деластри, всякій разъ откладывали рѣшеніе, которое должно было дать ходъ дѣлу. Во Франціи и въ сосѣднихъ странахъ только и говорили тогда, что о движеніи Французской арміи; однако въ Живе все еще не появлялось знаменъ ея. Впослѣдствіи слышалъ я отъ отца моего анекдотъ, который можетъ объяснить эту непостижимую медлительность и научить писателей, изображающихъ міровыя событія, не зная дѣятелей ихъ и не видя ихъ за кулисами, какія ничтожныя причины иногда имѣютъ вліяніе на ходъ самыхъ важныхъ дѣлъ. Дебріеннь, архіепископъ Тулузскій, не имѣя достоинствъ ни почтеннаго прелата, ни государственнаго человѣка, обладалъ тѣмъ легкимъ, тонкимъ и подвижнымъ умомъ, который всегда даетъ успѣхъ въ обществѣ. Къ несчастію, въ то время блестящее и избранное общество, величающееся *высшимъ* или *лучшимъ*, раздавало извѣстность и значительныя мѣста. Оно было такъ легкомысленно, что не видѣло существеннаго за наружностью и не различало происковъ отъ политики, обманывалось призраками и любезность принимало за настоящее достоинство. Архіепископъ Тулузскій въ молодости былъ друженъ съ Тюргò и нѣкоторыми приверженцами системы экономистовъ, а потомъ отличился на провинціальномъ Лангедокскомъ собраніи своимъ краснорѣчіемъ, важностью и умѣренностью. Въ Парижскихъ гостиныхъ онъ отлично говорилъ о дѣлахъ съ людьми, которые ихъ не понимали, но воображали себя дѣловыми. Нѣсколько умныхъ женщинъ, каковы госпожи Тессé, Де-Бово, Монтессонъ составили извѣстность его административнымъ способностямъ. Друзья Неккера противопоставляли его Калонну. Въ собраніи государственныхъ чиновъ (notables) онъ снискалъ одобреніе духовенства, поддерживая его привилегіи и нѣкоторое время, сопротивляясь министерству, пользовался довѣріемъ нѣсколькихъ патріотовъ и даже Лафаета, котораго обманывалъ.

Съ другой стороны, несмотря на нерасположеніе короля къ первымъ министрамъ и въ особенности къ духовнымъ въ гражданскихъ должностяхъ, онъ надѣялся достигнуть цѣли черезъ одного пріятеля, аббата Дебермона. Нѣкогда онъ убѣдилъ Шуазёля послать этого аббата въ Вѣну для преподаванія Французскаго языка герцогинѣ Маріѣ Антуанеттѣ. Герцогиня, сдѣлавшись королевою, продолжала оказывать вниманіе къ аббату. Архіепископъ воспользовался его положеніемъ, и этотъ вѣрный приспѣшникъ безпрестанно восхвалялъ его въ бесѣдахъ съ королевою. Такими-то средствами онъ устранилъ всѣ препятствія своему честолюбію и вступилъ въ министерство, когда Калонъ побѣжденный парламентами и нотаблями, увидѣлъ, что его волшебный жезлъ разбитъ, и удалился. Затрудненія, возникающія вмѣстѣ съ вой-

ною, казались министру финансовъ непреодолимыми, и онъ, не думая объ унизительной роли, которую онъ навязывалъ нашему двору, сталъ хлопотать только о томъ, какъ бы возможно долѣе отсрочить и расходы, и войну. Вотъ странный и даже забавный способъ, который онъ употребилъ для этого съ полнымъ успѣхомъ. Людовикъ XVI, по сочувствію своему къ достоинствамъ и добротѣ, очень любилъ министра Мальзерба, тогда призваннаго въ Совѣтъ. Мальзербъ, какъ большая часть великихъ людей, имѣлъ одну слабость, именно ужасно любилъ безъ умолку разсказывать анекдоты, которыхъ зналъ множество. Въ своихъ разсказахъ онъ плѣнялъ всѣхъ умомъ, добродушіемъ и тонкою насмѣшливостью. Когда онъ, бывало, начнетъ, то его не скоро остановишь, да никто изъ слушателей и не думалъ объ этомъ. Я уже сказалъ, что отецъ мой, ожидая рѣшенія и подписи по своему предложенію, докладывалъ о немъ въ каждомъ засѣданіи Совѣта; тогда Дебріенн ловко подстрекалъ Мальзебра запросомъ о какомъ-нибудь давнемъ происшествіи, имѣвшемъ сходство съ тогдашними, и разсказъ начинался. Напрасно маршалы пытались остановить его: король заслушивался. Разсказъ длился, время проходило. Было ужъ поздно, когда начиналось разсмотрѣніе дѣла, и оно отлагалось до слѣдующаго раза. Трудно повѣрить, что такимъ образомъ прошло четыре засѣданія, то-есть двѣ недѣли. Только что кончили разсужденіе о принятіи нужныхъ мѣръ, какъ узнали о быстромъ походѣ герцога Брауншвейгскаго, объ ужасѣ Голландцевъ, о неудачѣ князя Сальма, который предводительствовалъ ихъ войскомъ, и о занятіи ихъ городовъ и контръ-революціи, которая передавала республику во власть штатгальтера и Англіи. Можно судить, до какой степени неосновательнъ былъ страхъ архіепископа, если вспомнить, что̀ говорилъ герцогъ Брауншвейгскій почти публично: «Прусскій король, сказалъ онъ, боялся впутаться въ войну съ Франціею, которая могла бы возбудить противъ него Австрію, ея союзницу. Поэтому мнѣ предписана была особенная осторожность. Я послалъ двухъ офицеровъ моего штаба къ Живе. Если бы тамъ было войско, я бы остановился. Но такъ какъ тамъ не было ни одного знамени, ни одной палатки, то я поспѣшилъ походомъ, и Голландія была занята».

Остается только жалѣть, что насъ вовлекали въ такія ошибки. Прелатъ, бывшій причиною нашего униженія, былъ возведенъ въ санъ перваго министра, и маршалы, которые стояли за неприкосновенность нашей славы, подали въ отставку, не рѣшившись служить подъ начальствомъ архіепископа. Надо однако сказать правду, что, когда услышали о завоеваніи Голландіи вслѣдствіе непростительной медленности съ нашей стороны, Французская честь проснулась, и во дворцѣ

раздались возгласы: «Къ оружію!» Хотя Англичане объявили, что вооружаются за штатгальтера, наши корабли были приготовлены, и Менморенъ запялся пріисканіемъ средствъ, чтобы мы могли противустать Англо-прусскому союзу. Было еще время, и все могло измѣниться. Война въ это время произвела бы счастливую диверсію, возстановила бы наше вліяне и вмѣстѣ съ тѣмъ дала бы внѣшній исходъ юношескимъ силамъ Франціи, которыя своею живостью усиливали въ ней волненіе умовъ.

Частнымъ образомъ, черезъ лицо, преданное Франціи, узналъ я, что Императрица болѣе и болѣе недовольна была Англичанами. «Невозможно, говорила она, чтобы Франція не приняла участія въ войнѣ, возбужденной Англіею и Пруссіею. Эти державы произвели смуты въ Брабантѣ и разрывъ въ Константинополѣ, съ цѣлью потревожить Австрію и отнять у Людовика XVI ея содѣйствіе. Но король можетъ разсѣять ихъ козни своею твердостью, и если онъ не будетъ раздражать Россію защитою Турокъ, то можетъ разсчитывать на мою дружбу и на помощь императора и Испанскаго короля».

Но лицо, которому были сказаны эти слова, отвѣчало, что Франція повредитъ своимъ торговымъ выгодамъ, если допуститъ разгромъ Турецкой имперіи. «Я и не предполагаю этого, возразила Императрица: если бы я хотѣла гибели Турціи, то слабая помощь Французскихъ судовъ, артиллеристовъ и инженеровъ не помѣшала бы мнѣ. Впрочемъ, пусть они остерегаются: стоитъ мнѣ захотѣть, и я тотчасъ привлеку на свою сторону Англію».

Я передалъ все это Монморену, равно какъ и рѣшительныя выраженія Англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ *). Онъ объявилъ Русскимъ министрамъ, что Англія немедленно начнетъ войну съ Франціею, если эта держава помѣшаетъ Прусакамъ въ ихъ дѣйствіяхъ, и что если Императрица, повѣривъ нашимъ клеветамъ на Англійскаго посланника въ Константинополѣ, будетъ такимъ образомъ сближаться съ Французами, давнишними союзниками Турокъ, и возстановлять противъ себя Англію, ея двадцатилѣтнюю союзницу: то Англія можетъ легко найти въ Швеціи тѣ торговыя выгоды, которыхъ лишится въ Россіи. Такъ какъ по этому случаю Императрица однажды сказала мнѣ, что Англичане стоятъ на своемъ и увѣряютъ, что они не давали Туркамъ враждебныхъ совѣтовъ, то я напомнилъ Государынѣ, что ея же министры въ Кіевѣ и Булгаковъ въ Херсонѣ открывали мнѣ съ доказательствами и подробностями замыслы Англо-прусскихъ клевретовъ противъ переговоровъ Шуазёля и Австрійскаго интернунція въ пользу мира.

*) Мѣсто Фитцъ-Герберта временно замѣнялъ Фразеръ.

Я надѣялся, что эти извѣстія подстрекнутъ дѣятельность нашего министерства. Надежда моя, казалось, сбывалась: оно выходило изъ апатіи. Пріѣхалъ курьеръ съ давно ожиданными мною наказами. Въ нихъ все еще были какая-то нерѣшительность и мнительность, несоотвѣтствовавшія важности обстоятельствъ. Монморень, напоминая мнѣ давнишнія предубѣжденія Императрицы противъ Франціи и всегдашнее расположеніе къ Англіи, писалъ, что онъ не предполагаетъ, чтобы она хотѣла войти съ нами въ тѣсныя сношенія; что такимъ образомъ честь короля можетъ пострадать, если ему откажутъ, и тѣмъ увеличатся затрудненія нашего положенія и дерзость нашихъ враговъ. Но, не смотря на это, онъ предписывалъ мнѣ ловкимъ образомъ и не замѣпивая еще короля, дѣйствовать такъ, чтобы заключенъ былъ противъ Англіи и Пруссіи четвертной союзъ между Россіею, Испаніею и Франціею.

Желая дѣйствовать въ смыслѣ этой робкой политики нашего правительства, явно боявшагося зайти слишкомъ далеко, я воспользовался случаемъ сообщить Русскому правительству извѣстія графа Шуазёля, который упрекалъ Турокъ за ихъ нападенія. Я отправился къ графу Безбородку, тому изъ министровъ Императрицы, который болѣе другихъ пользовался ея довѣріемъ, и, поговоривъ съ нимъ о дѣлахъ Константинопольскихъ, о вступленіи герцога Брауншвейгскаго въ Голландію и о замѣшательствахъ, возбужденныхъ Пруссіею въ Брабантѣ, высказалъ ему мое собственное мнѣніе, что нужно наконецъ противудѣйствовать замысламъ кабинетовъ Лондонскаго и Берлинскаго, которые хотятъ посѣять раздоръ на Югѣ и на Сѣверѣ Европы.

«Ясно, что ихъ дѣйствія, говорилъ я, направлены противъ выгодъ Франціи въ Голландіи, противъ Австріи въ Нидерландахъ и противъ спокойствія Императрицы: ея вліяніе мѣшаетъ имъ, и они хотятъ лишить ее Крыма. Кажется, наступило время намъ соединиться и сблизиться, чтобы поддержать спокойствіе Европы, которое хотятъ нарушить эти честолюбивыя державы». «Я согласенъ съ вами, отвѣчалъ министръ; но имѣете ли вы основанія думать, что ваше правительство того же мнѣнія? Вотъ что намъ нужно знать прежде всего, прежде чѣмъ сообщатъ что нибудь Императрицѣ».

«Депеши, которыя я получилъ, сказалъ я, не заключая въ себѣ ничего положительнаго, выказываютъ однако желаніе короля узнать на этотъ счетъ мнѣніе ея величества. Но такъ какъ все это еще весьма неопредѣленно, то, кажется, ради достоинства обоихъ монарховъ, это дѣло надо пока держать въ тайнѣ. Поэтому я говорилъ о немъ только съ вице-канцлеромъ, а мысли свои сообщаю только вамъ, потому что,

знаю вашу разсудительность, осторожность и какое довѣріе оказываетъ вамъ Императрица».

Хитрость и осторожность не долго удаются съ монархами высокаго ума, твердыми и рѣшительными. На другой день послѣ моего совѣщанія съ министромъ, когда я былъ въ эрмитажѣ, Императрица отвела меня въ сторону, въ конецъ галереи. Глаза ея блистали удовольствіемъ, отражавшимся во всѣхъ чертахъ лица ея. Она сказала мнѣ: «Вы вчера говорили съ графомъ Безбородкою. Все, что онъ мнѣ передалъ, мнѣ очень понравилось. Я вижу, что король угадываетъ настоящія средства для того, чтобы разрушить козни, которыя затѣваются противъ насъ. Я весьма расположена къ полезному съ нимъ союзу. Король, надѣюсь, можетъ разсчитывать на участіе Испаніи, а я совершенно полагаюсь въ этомъ случаѣ на императора. Въ 1756 году уже оказалась польза такого союза; тогдашній договоръ можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ новому. Стало быть, вы видите, что все зависитъ отъ вашего кабинета, и я рада буду, когда онъ возметъ верхъ надъ своими соперниками».

Послѣ того Государыня сообщила мнѣ, что ея войска одержали подъ Кинбурномъ побѣду надъ Турками, которые потеряли въ этомъ дѣлѣ пять тысячъ человѣкъ, что она ожидаетъ подробнаго донесенія отъ Потемкина и что императоръ собралъ уже свою армію и долженъ былъ идти на Бѣлградъ.

На слѣдующій день графъ Безбородко пригласилъ меня къ себѣ. Онъ былъ очень доволенъ намѣреніями Императрицы. «Кажется, говорилъ онъ, ей очень хочется, чтобы этотъ союзъ скрѣпился вашимъ посредничествомъ. Она такъ рѣшительно выразила желаніе скорѣе уладить это дѣло, что, по моему мнѣнію, теперь вамъ можно будетъ поговорить о немъ съ вице-канцлеромъ. Вы можете быть увѣрены, что ему предписана будетъ строжайшая тайна. Императоръ, вѣроятно, предупрежденъ о намѣреніяхъ вашего кабинета?»

Я отвѣчалъ ему, что это еще мнѣ неизвѣстно, что это только предположеніе, о которомъ, можетъ быть, король хотѣлъ знать мнѣніе Императрицы прежде чѣмъ сообщать о немъ своему союзнику. Но такъ какъ мнѣ приказано было довѣряться Кобенцелю, то я сообщилъ ему все подъ секретомъ, и хотя онъ еще не получилъ наставленій на этотъ счетъ, однако оказался не менѣе меня расположеннымъ къ заключенію этого важнаго дѣла.

Наконецъ я поѣхалъ къ вице-канцлеру, графу Остерману. Онъ не зналъ ни о чемъ, и предложенія мои удивили его. Онъ отвѣчалъ глухо, что сообщитъ объ этомъ немедленно Императрицѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ, видимо удивленный, отвѣчалъ мнѣ, что Императрица,

сочувствуя желанію короля сблизиться съ нею, вскорѣ прикажетъ начать совѣщанія по этому предмету и желаетъ, чтобы наше правительство дало мнѣ полномочіе дѣйствовать и прислало начертаніе договора.

Я отвѣчалъ, что для скорѣйшаго хода дѣла, какъ мнѣ казалось, нужно было, чтобы Русское правительство сообщило мнѣ главнѣйшія статьи, которыя оно желаетъ начертать, но что, впрочемъ, я сообщу его предложенія нашему двору.

Вслѣдъ затѣмъ я послалъ курьера въ Версаль, считая себя счастливымъ, что въ такое короткое время успѣлъ подвинуть дѣло выше ожиданій короля и разсѣялъ сомнѣніе на счетъ союза съ Россіею, которая, казалось, сама не менѣе желала его. По всему видно было, что переговоры, такъ удачно начатые, при обоюдномъ желаніи успѣха, не представятъ затрудненій и кончатся прежде, нежели враждебныя державы успѣютъ узнать о нихъ и помѣшать. Между тѣмъ, къ удивленію моему, я узналъ что Прусскій министръ баронъ Келлеръ и Англійскій повѣренный въ дѣлахъ тоже отправили курьеровъ къ своимъ дворамъ, и въ такое еще время, когда къ тому не было особенныхъ поводовъ. Я не долго оставался въ невѣдѣніи. Старый Голландскій резидентъ, подъ благоразумною умѣренностью скрывавшій республиканскія чувства и, стало быть, противникъ штатгальтеру, Англіи и Пруссіи, явился ко мнѣ тайкомъ и сказалъ мнѣ: «Вы затѣваете четвертной союзъ, которому я желаю успѣха, и который конечно помѣшаетъ тѣмъ, кто возмутилъ мою родину».

Я сперва отвергалъ справедливость слуха. «Напрасно, говорилъ онъ: тайна ваша открыта, и я все знаю. Вотъ въ чемъ дѣло. Одинъ изъ чиновниковъ *) графа Остермана выдалъ васъ; черезъ него баронъ Келлеръ узналъ, въ какомъ положеніи дѣло, и тотчасъ же сообщилъ Англійскому повѣренному Фразеру. Оба они поспѣшили извѣстить объ этомъ свои кабинеты, и я даже могу вамъ передать содержаніе депеши Фразера, потому что она составлена со словъ Келлера, который, не зная моихъ мнѣній, показалъ мнѣ ее».

Я извѣстилъ объ этой продѣлкѣ Императрицу. Она очень разсердилась, и виновный чиновникъ былъ наказанъ и удаленъ со службы. Но наша тайна была открыта и черезъ три недѣли сдѣлалась извѣстна публикѣ. Я сначала не безпокоился, что эта публичность, разоблачивъ намѣренія нашего министерства, не дастъ ему возможности отступиться отъ нихъ. Впослѣдствіи окажется, что я еще не постигалъ тогда, до какой степени нерѣшительности доходили наши правители.

---

*) (Надо бы доискаться, кто этотъ чиновникъ; вѣроятно, Нѣмецъ).

Судьба продолжала благопріятствовать оружію Екатерины. Государыня сообщила мнѣ о новой побѣдѣ надъ Турками на Кавказѣ, но къ ея сожалѣнію, въ тоже время она узнала, что въ дѣлѣ подъ Кинбурномъ найдены были между мусульманскими трупами три тѣла Французскихъ инженеровъ. На это я сказалъ: «Вамъ извѣстно, ваше величество, что они посланы были въ Очаковъ въ такое время, когда скорѣе ожидали нападенія со стороны Русскихъ, нежели со стороны Турокъ. Числа показываютъ, что они еще не успѣли получить приказанія возвратиться, которое имъ конечно было послано. Вамъ извѣстно также, что съ тѣхъ поръ отношенія измѣнились, и что теперь мы искренно желаемъ вамъ успѣховъ для скорѣйшаго возстановленія мира».

Она отвѣчала очень любезно и довольно громко, такъ что слова ея могли быть услышаны лицами, которыя воспользовались было этимъ случаемъ, чтобы возбудить ее противъ насъ. «Я увѣрена, графъ, сказала она, что вы искренни; вы не можете желать успѣха этимъ варварамъ и врагамъ моимъ. Я даже убѣждена, что, выражая ваше сочувствіе, вы столько же исполняете порученіе короля, сколько слѣдуете вашимъ собственнымъ побужденіямъ».

Послѣ этого Государыня заговорила со мною о сопротивленіи нашихъ парламентовъ, которые отказывались утверждать нѣкоторыя постановленія министровъ. «Я не могу понять, сказала она, какимъ образомъ въ такое критическое время, великодушная и просвѣщенная нація можетъ сопротивляться дѣйствіямъ монарха, который одушевленъ любовью къ народу, недавно окончилъ славную войну честнымъ миромъ, изъ участія къ своимъ подданнымъ рѣшается на жертвы и предпринимаетъ смѣлыя пробразованія».

Я отвѣчалъ, что это волненіе есть неизбѣжное слѣдствіе дѣятельности и образованности Французовъ, что часто народъ, при поспѣшномъ просвѣщеніи, увлекается своими сужденіями и страстями. «Впрочемъ я надѣюсь, прибавилъ я, что благоразумный государь сумѣетъ не только потушить волненіе, но даже воспользоваться имъ, чтобы разрушить замыслы людей, желающихъ возвыситься среди внутреннихъ смутъ».

«Повѣрьте, отвѣчала Государыня, одна только война можетъ измѣнить направленіе умовъ, согласить ихъ, дать страстямъ другую цѣль и возбудить прямой патріотизмъ. Эта необходимая война покуда еще не начинается. Однако я не полагаю, чтобы вы могли обойтись безъ нея. Пруссія и Англія васъ вызываютъ на борьбу, и я знаю, что Шведскій король явно склоняется на ихъ сторону».

Перемѣна въ нашемъ министерствѣ лично для меня была чувствительна. Я узналъ, что, послѣ разрыва Порты съ Россіею, принцъ Нас-

сду выѣхалъ изъ Парижа, уполномоченный архіепископомъ Тулузскимъ отправился къ Потемкину и вступилъ съ нимъ въ тайные переговоры Я тотчасъ написалъ ему и осуждалъ его дѣйствія. Вслѣдъ за тѣмъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ оправданіемъ. «Сознаюсь въ моей винѣ, сказалъ онъ мнѣ: я на козни не мастеръ, и вы мнѣ открыли глаза. Я думалъ оказать вамъ услугу, дѣйствуя на Потемкина въ пользу заключенія союза, о которомъ вы здѣсь хлопочете. Я долженъ былъ догадаться, что Брієннь, поссорившись съ отцомъ вашимъ, вздумалъ употребить меня для того, чтобы лишить васъ чести устроить этотъ договоръ. Но довольно было одного вашего слова вашему сотоварищу по оружію, и вотъ я къ вашимъ услугамъ. Я не сдѣлаю ни шага, не скажу ни слова безъ вашего согласія».

Я узналъ его въ этихъ словахъ и расцаловалъ. Я предупредилъ его, что Государыня будетъ, вѣроятно, говорить ему о Французскихъ дѣлахъ и разспрашивать его, въ какомъ положеніи они были при его отъѣздѣ, и указалъ ему, о чемъ надо умолчать и что сказать. Онъ оправдалъ мою довѣрчивость благородствомъ и искренностью. Императрица, какъ я ожидалъ, объявила ему о предполагаемомъ нашемъ союзѣ и сказала, что, вопреки своему желанію, она не можетъ высказываться болѣе, не зная въ точности нашихъ намѣреній. «Какъ вы думаете, спрашивала она, исполнитъ ли Французское правительство свои предположенія?»

Его отвѣтъ былъ прямой; да онъ и не могъ допустить нерѣшительности и робости. Онъ увѣрилъ Императрицу, что мы рѣшились поддержать Голландію, такъ несправедливо притѣсненную Англіею и Пруссіею и, по моему совѣту, прибавилъ, что во Франціи особенно желаютъ, чтобы Государыня закрыла Англичанамъ свои порты. «Я не отказываюсь отъ этого, отвѣчала Императрица; но прежде, чѣмъ рѣшиться, нужно, чтобы моя эскадра, которая скоро будетъ готова, вошла въ Средиземное море». Объ всемъ этотъ я донесъ нашему двору и, не жалуясь на тайное порученіе, данное принцу Нассау, далъ однако понять архіепископу, что его мелкія козни не удались. Почти въ тоже время принцъ и принцесса Оранскіе извѣстили Императрицу объ успѣшномъ возстановленіи ихъ власти. Отвѣтъ Государыни, какъ мнѣ сказали, былъ сухой и даже слегка колкій.

Итакъ, во всѣхъ отношеніяхъ намѣренія Государыни могли придать мнѣ надежды и увѣренности. Нужно было только получить отъ двора моего болѣе ясныя и положительныя повелѣнія, и я наконецъ дождался ихъ. Курьеръ привезъ мнѣ депеши, которыя крайне меня удивили и лишили всякой надежды. Монморень, вмѣсто того, чтобы поздравлять меня съ успѣхомъ, упрекалъ меня въ строгихъ выраже-

міяхъ за то, что я слишкомъ поспѣшилъ и зашелъ такъ далеко. Это было несправедливо: нисколько не удаляясь отъ того, что̀ мнѣ было приказано, я, въ силу предписанія, только выразилъ желаніе сблизить оба кабинета, и не моя была вина, что это предложеніе, сдѣланное въ то время, когда Англичане отваживались на дѣйствія самыя смѣлыя и опасныя, было хорошо принято Императрицею, и что она увидѣла въ немъ явное предложеніе союза. Не позволяя себѣ рѣшительнаго шага, я только былъ въ ожиданіи. Къ тому же, независимо отъ меня, принцъ Нассау, втайнѣ уполномоченный, говорилъ съ Потемкинымъ въ томъ же смыслѣ. Какихъ еще нужно было доказательствъ, что я не нарушилъ наставленій, мнѣ данныхъ? Впрочемъ все объяснилось. Финансовыя затрудненія и противодѣйствіе парламентовъ всѣмъ мѣрамъ, которыя предлагало министерство, чтобы выйти изъ бѣды, вотъ что охладило воинственный пылъ, на мгновеніе охватившій наше правительство. Страхъ побѣдилъ чувство вражды, и мы пошли на соглашеніе съ Англичанами, вслѣдствіе котораго прекратили наши вооруженія. Переговоры о предположеніи союза четырехъ державъ шли вяло, только для виду и, разумѣется, были совершенно безполезны для насъ.

Графъ Воронцовъ писалъ Государынѣ изъ Лондона, что Англія обманула архіепископа Тулузскаго, обѣщавъ ему за невмѣшательство въ Голландіи не препятствовать намъ дѣйствовать въ Турціи, т.-е. иначе уничтожить ваше вліяніе въ Вѣнѣ, Гагѣ, Берлинѣ и Петербургѣ; она дозволяла намъ предпринимать безполезныя попытки для защиты Турокъ, которыхъ защитить не было возможности. Грустно было мнѣ узнать объ этой слабости нашего правительства и побѣдѣ нашихъ соперниковъ. Всѣ мои надежды исчезли, и съ той поры я увидѣлъ ту пропасть, въ которую безсильные совѣты и неудержимыя страсти должны были вовлечь мое отечество и моего монарха. Я принужденъ былъ скрывать эти тяжелыя предчувствія и принять на себя спокойный видъ, несогласный съ моимъ внутреннимъ состояніемъ. Однажды, на спектаклѣ въ эрмитажѣ, я во время собранія старался скрыть свою грусть, чтобы не доставить удовольствія другимъ, т.-е. министрамъ Прусскому, Голландскому, Португальскому и даже Шведскому. Но когда началось представленіе, я задумался и предался невольно самымъ мрачнымъ мыслямъ. Я былъ весь погруженъ въ думу, какъ вдругъ услышалъ голосъ подъ самымъ ухомъ. Это былъ голосъ Императрицы, которая, склонившись ко мнѣ, говорила мнѣ тихо: «Зачѣмъ грустить? Къ чему ведутъ эти мрачныя мысли? Что̀ вы дѣлаете? Подумайте, вѣдь вамъ не въ чемъ упрекать себя!»

Умная, любезная и проницательная Государыня угадала мои мысли. Впрочемъ, такъ какъ она была также высока умомъ, какъ тверда

душою, то долго еще думала, что слабость нашего правительства не есть зло неисправимое. Австрійскій посланникъ поддерживалъ въ ней эту мысль. Онъ получилъ отъ своего двора приказаніе всячески мѣшать сближенію Англіи съ Россіею и ускорить переговоры о союзѣ четырехъ державъ. Разумѣется, надо было полагать, что Іосифъ II, дѣйствуя такимъ образомъ, навѣрное зналъ намѣренія своей сестры и Французскаго короля, своего зятя и союзника... *)

Печально было положеніе Франціи, когда я получилъ упрекъ въ поспѣшности предложеній моихъ о четвертномъ союзѣ, который могъ бы придать нашему правительству нѣкоторую силу, нѣкоторое вліяніе за границею и спокойствіе у себя, обративъ къ войнѣ молодые, буйные умы, осуждавшіе злоупотребленія власти и самую власть потому только, что они не имѣли другого дѣла и другого противника. Вся Франція взволнована была тревогою. Головамъ честолюбивымъ и жаждущимъ славы нужна была борьба; ловкіе министры сумѣли бы дать имъ цѣль иную, чѣмъ та, къ которой они устремились.

Впрочемъ наши смуты еще не ослабили въ Европѣ, особенно въ Россіи, воспоминанія о нашихъ побѣдахъ и убѣжденія въ нашей силѣ. Монархи начинали нѣсколько безпокоиться; но народы съ радостною надеждою смотрѣли на страну, гдѣ заботились объ облегченіи ихъ участи. Во многихъ странахъ дворяне, вспоминая прежнюю силу свою, ослабленную правительствами, съ удовольствіемъ смотрѣли на сопротивленіе власти и министерству, не предвидя для себя опасности въ преобразованіяхъ, и втайнѣ имъ сочувствовали. Только одно духовенство страшилось философскаго движенія, противнаго ему; но оно было гордо крѣпостью своихъ основъ и совершенно полагалось на ихъ непоколебимость.

Екатерина II, судя по себѣ о другихъ, видѣла величіе въ добротѣ Людовика XVI. Она надѣялась, что король, соединя твердость съ добродѣтелями, сокрушитъ тѣ препятствія, которыми встрѣчены были его любовь къ народу и его благія намѣренія, съ одной стороны въ малодушныхъ придворныхъ, врагахъ преобразованій, съ другой, въ парламентахъ и безмѣрной горячности нововводителей, которые, вмѣсто того, чтобы поправлять дѣло, могли все разстроить. Наконецъ, Государ-

*) Здѣсь слѣдуетъ у Сегюра очеркъ тогдашняго состоянія Франціи, не относящійся до Россіи и притомъ очень блѣдный; поэтому мы пропускаемъ его. Въ немъ говорится о тогдашнихъ безпорядкахъ въ администраціи и при дворѣ, о разстройствѣ финансовъ, неудачномъ министерствѣ Калонна, безуспѣшномъ созваніи государственныхъ чиновъ, собранныхъ 22 Февраля и распущенныхъ 28 Мая 1787 г., объ оппозиціи парламентовъ, недовольствѣ и волненіяхъ всѣхъ сословій и слабости правительства, отозвавшейся и на сношеніяхъ его съ Россіею.

рыня, хотя и удивляясь слабости нашего кабинета, думала, что это временное разстройство, которое не можетъ быть продолжительно. Убѣжденная въ этомъ, она всячески старалась о заключеніи союза съ нами, Австріею и Испаніею. Таковъ былъ ея образъ мыслей, къ которому прежде наше правительство и не надѣялось ее обратить. Когда же мы успѣли въ этомъ, нашъ первый министръ, къ несчастью, располагавшій нашею судьбою, почувствовалъ скорѣе затрудненіе, чѣмъ удовольствіе. Мы предложили заключить этотъ союзъ, боясь Англіи, и потому теперь неловко и смѣшно было бы отказываться отъ него. Съ другой стороны, страхъ передъ той же Англіею мѣшалъ и заключенію этого союза, такъ какъ за нимъ, вѣроятно, послѣдовала бы война, и Англичане нарочно исподтишка грозили намъ. Бріенн, какъ всѣ слабые люди, не рѣшаясь ни довести это дѣло до конца, ни остановить его, выбралъ средство самое дурное, именно задумалъ протянуть переговоры, чтобы выиграть время.

Если бы Монморень не былъ связанъ, онъ дѣйствовалъ бы откровеннѣе. Но, принужденный слѣдовать чужой системѣ, онъ писалъ мнѣ, что прежде, чѣмъ рѣшиться на сближеніе, нужно было узнать настоящія намѣренія Екатерины относительно Турціи и то, какія границы она полагаетъ своимъ замысламъ. Узнать это мнѣ было не только трудно, но просто невозможно. Императрица на этотъ счетъ еще не имѣла твердыхъ мыслей. Такъ какъ вознагражденія зависятъ отъ успѣха или неудачи, то при началѣ войны невозможно было знать условія, на которыхъ заключится миръ. Къ тому же (хотя это и странно, но совершенно вѣрно) тогда не было даже опредѣленнаго плана кампаніи. Императоръ убѣдительно просилъ Потемкина прислать ему свой, а князь все обѣщалъ и не посылалъ его. Въ мирное время онъ замышлялъ обширнѣйшіе планы завоеваній, а во время войны, казалось, застигнутъ былъ врасплохъ. По ея объявленіи, онъ недѣли двѣ былъ молчаливъ, нерѣшителенъ, испуганъ и не зналъ, какъ прокормить армію и какія сдѣлать распоряженія. Когда онъ наконецъ успокоился, и приготовленія были сдѣланы, у него не могли добиться свѣдѣній для соображенія плана кампаніи вмѣстѣ съ Австріею. Согласились только, что Русскіе осадятъ Очаковъ, а Австрійцы Бѣлградъ. Такимъ образомъ Турки имѣли довольно времени, чтобы укрѣпиться для защиты. Завладѣніе Крымомъ было ихъ главною цѣлью, и они приступили къ этому, высадивъ 8,000 отборнаго войска къ сѣверозападной части полуострова, чтобы занять Кинбурнъ. Суворовъ командовалъ Русскими; бой былъ упорный и кровавый: два раза мусульмане наступали и отбивали Русскихъ. Суворовъ, распоряжаясь, какъ полководецъ, и сражаясь, какъ солдатъ, сосредоточилъ свои войска. Не смотря на рану, онъ продолжалъ

битву, рѣшилъ дѣло, прогналъ Турокъ и, преслѣдуя ихъ, получилъ еще рану. Потеря Турокъ состояла въ 4,000 убитыми и множествѣ плѣнныхъ, потеря Русскихъ была незначительна. Императрица праздновала побѣду молебствіемъ.

Съ неудовольствіемъ встрѣтила она извѣстіе, что переговоры о союзѣ четырехъ державъ хотятъ перенести въ Парижъ. Графъ Кобенцель, по приказанію императора, хлопоталъ объ ускореніи дѣла. Мое положеніе затруднялось. Русскіе министры, недовольные моими нерѣшительными отвѣтами, полагали, что я самъ причиною этой медлительности, особенно потому, что я все настаивалъ, чтобы мнѣ заранѣе объяснили условія, на которыхъ Россія помирится съ Турками. Я могъ только получить неопредѣленный отвѣтъ, что обстоятельства рѣшатъ цѣну вознагражденія. Министры увѣряли меня, что и не думаютъ о разрушеніи Турціи, а хотятъ только честнаго и прочнаго мира.

Между тѣмъ какъ наша медлительность возбудила недовѣріе Русскаго правительства, Пруссія усилила это недовѣріе, распространяя слухъ о предполагаемомъ будто бы сближеніи Франціи съ нею. Англичане, съ своей стороны, извѣщали Императрицу о содѣйствіи Туркамъ Французскихъ офицеровъ, которые работали въ Константинопольскомъ арсеналѣ. Потемкинъ упрекалъ меня за это. Англія, ободряемая нашею нерѣшительностью, въ довольно сильныхъ выраженіяхъ высказала Русскому правительству сожалѣніе по случаю предполагаемаго союза Россіи съ Франціею. На это Императрица отвѣчала съ достоинствомъ и удивлялась неумѣстнымъ упрекамъ. Она считала себя въ правѣ искать себѣ союзниковъ, гдѣ ей нужно. «Я не вмѣшиваюсь, прибавила она, въ связи Лондонскаго кабинета съ Пруссіею и Голландіею. Впрочемъ я буду поступать какъ другіе поступаютъ въ отношеніи ко мнѣ».

Передавая извѣстія объ этомъ Монмореню, я настаивалъ на необходимости принять рѣшительныя мѣры и увѣрялъ, что иначе наши враги усилятся, а друзья охладѣютъ. Въ особенности я требовалъ точныхъ объясненій по случаю обвиненій за наше содѣйствіе Туркамъ. Нужно было воспользоваться предложеніями, которыя намъ сдѣланы. До этого времени Императрица была умѣренна въ своихъ намѣреніяхъ; но такъ какъ она не была связана союзомъ съ нами, то первая блистательная побѣда могла подстрекнуть ея честолюбіе и возродить ея замыслы о занятіи Константинополя. Находясь въ такихъ обстоятельствахъ, я радъ былъ отсутствію Фитцъ-Герберта: его ловкость меня бы гораздо болѣе затруднила, чѣмъ странная откровенность Фразера, Англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. На вопросъ Русскихъ дипломатовъ, почему его кабинетъ дѣйствуетъ такъ враждебно и возбуждаетъ

въ Турціи и въ Швеціи ненависть къ Россіи, онъ прямо отвѣчалъ: «Что же дѣлать? Намъ приказано поступать во всемъ противъ желаній Франціи. Она хотѣла мира между вами и Портою, мы произвели войну; если бы Франція желала войны, мы хлопотали бы о мирѣ». Императрицу очень позабавило это недипломатическое объясненіе; но прямой Англичанинъ говорилъ чистую истину. Несмотря на это откровенное признаніе, Англія и Пруссія предложили свое посредничество для мирнаго соглашенія; но Императрица встрѣтила его неблагосклонно, такъ какъ не считала его искреннимъ.

Я совершенно напрасно хлопоталъ, стараясь по приказанію нашего двора представлять доводы о томъ, чтобы перевести переговоры въ Парижъ. Несмотря на то, что и Кобенцель поддерживалъ меня, Императрица приказала Симолину *) представить нашему министерству неудобство этого перенесенія и трату времени, котораго оно потребуетъ. Отъѣздъ Русскаго курьера былъ остановленъ на нѣкоторое время по случаю несогласій, возникшихъ въ министерствѣ: Морковъ и Остерманъ поссорились и имѣли между собою довольно горячія объясненія. Впрочемъ медленность была обычнымъ зломъ у Русскаго кабинета: графъ Кобенцель шесть недѣль дожидался бумагъ, съ которыми ему надо было послать курьера къ императору. Во время раздѣла Польши, въ министерство Панина, Русскій посолъ въ Варшавѣ написалъ семнадцать нужныхъ депешъ и не получилъ на нихъ отвѣтовъ.

Дѣла на Сѣверѣ не только не прояснились, но все запутывались. Императрица, узнавъ, что Прусскій король намѣренъ присоединить Данцигъ къ своимъ владѣніямъ, объявила рѣшительно, что она отстоитъ этотъ городъ. Умѣренность Государыни, по словамъ многихъ, была только временная. Когда донесенія ея полководцевъ передавали ей вѣсть о какой-нибудь важной побѣдѣ, она начинала думать о завоеваніяхъ въ Морећ и Архипелагѣ. Однако курьеръ во Францію отправился. Мнѣ передали содержаніе депешъ, которыя онъ везъ. Отвѣтъ Государыни королю былъ дружественный и полный довѣрія; она выразила желаніе сблизиться съ нами и, хотя не могла предвидѣть событій, которыя должны опредѣлить мѣру ея требованій, основанныхъ на ея правѣ, но все-таки просила насъ высказаться; съ своей стороны она впрочемъ прямо объявляла, что желаетъ только, чтобы мы остались нейтральными между нею и Турками, а сама обѣщала остаться нейтральною между нами и Англичанами въ случаѣ войны на морѣ. Такимъ образомъ все, что я предвидѣлъ, осуществлялось, оправдывало

*) Иванъ Матвѣевичъ Симолинъ, тайный совѣтникъ, былъ съ 1784 года нашимъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Парижѣ; онъ былъ отозванъ во время революціи.

меня и вмѣстѣ съ тѣмъ служило доказательствомъ, что я не вышелъ изъ предѣловъ данныхъ мнѣ предписаній. Это меня обнадежило. Совѣщанія становились чаще. Россія хотѣла вовлечь Данію въ нашъ союзъ, но наши прежнія отношенія къ Швеціи препятствовали этому.

Въ это время мой секретарь посольства г. Колиньеръ долженъ былъ уѣхать, и, по желанію королевы, мнѣ дали молодого человѣка, пользовавшагося ея покровительствомъ, г-на Женѐ (Genet), брата г-жи Кампанъ. Онъ былъ уменъ, образованъ, зналъ нѣсколько языковъ, талантливъ, но только очень пылокъ. Впослѣдствіи онъ былъ увлеченъ революціею и назначенъ партіею Жирондистовъ министромъ въ Американскіе штаты. Тамъ его кипучая дѣятельность оборвалась въ попыткѣ пошатнуть авторитетъ знаменитаго Вашингтона и дать Американскому правительству еще болѣе демократическій характеръ.

Апатія князя Потемкина весьма не нравилась Государынѣ: самъ ничего не предпринимая, онъ обвинялъ Австрійцевъ за то, что они ничего не дѣлаютъ. Единственнымъ его желаніемъ, единственной цѣлью было взятіе незначительнаго Очакова, и онъ дѣлалъ такія большія для того приготовленія какъ будто долженъ былъ брать Люксамбургъ. Между тѣмъ инженеръ Лафитъ писалъ мнѣ, что крѣпость эта не устоитъ противъ сильной атаки. Но время, потерянное Потемкинымъ, было употреблено съ пользою Турками, чтобы усилить гарнизонъ, подвинуть работы и поставить крѣпость въ оборонительное положеніе. Если бы Турки были болѣе свѣдущи въ тактикѣ и дисциплинѣ, они могли бы еще успѣшнѣе воспользоваться медлительностью своего непріятеля. Но я зналъ ихъ слѣпой фанатизмъ, ихъ упорство въ привычкѣ вести неправильную войну и потому 14 Марта 1788 года писалъ своему двору, что Очаковъ, Бѣлградъ, Хотинъ будутъ взяты, и что успѣхи Русскихъ и Австрійскихъ войскъ заставятъ Турокъ подчиниться условіямъ, которыя имъ предпишутъ.

Несмотря ни на что, Потемкинъ не двигался изъ Елисаветграда, снѣдаемый тревогой, мучимый неосновательнымъ страхомъ, надоѣдалъ Государынѣ жалобами, не указывая ни причины своего злокліченія, ни средства къ его устраненію. Румянцевъ, напротивъ того, оставаясь спокойнымъ въ Украйнѣ, но работая мыслью и дѣломъ, подвигалъ дружно и скоро войска свои въ Польшу. Событія не пугали его; онъ предвидѣлъ успѣхъ и еженедѣльно посылалъ Государынѣ донесенія подробныя и удовлетворительныя. Эта противоположность въ образѣ дѣйствій обоихъ полководцевъ, разумѣется, видна была Императрицѣ, но не измѣняла ея чувствъ, и ея довѣріе попрежнему различало обоихъ соперниковъ: одинъ заслужилъ ея уваженіе и снискалъ ея признательность, другой не переставалъ пользоваться ея привязанностію. Потем-

кинъ былъ, такъ сказать, созданіе Екатерины. Она предсказала, что онъ сдѣлается великимъ человѣкомъ, изъ самолюбія помнила это предсказаніе и хотѣла его исполненія во что бы ни стало. О бездѣятельности князя можно судить по слѣдующему. Принцъ Делинь въ Декабрѣ 1787 г. въ Елисаветградѣ началъ письмо ко мнѣ и окончилъ его только 15 Февраля 1788 г.: «У насъ нѣтъ новостей, писалъ онъ мнѣ, съ тѣхъ поръ, какъ я началъ письмо, наконецъ, отправляемое. Мнѣ кажется, что Татары, которыхъ все ждутъ, никогда не явятся. Но за то къ намъ пріѣхалъ изъ Парижа принцъ Нассау, который васъ отвадилъ отъ Татаръ *), уговоривъ вашего Монморена отозвать Лафита и оставить систему покровительства Туркамъ. Настойчивость принца въ совѣщаніяхъ, какъ и на полѣ битвы, всегда поведетъ его къ успѣху. Его извѣстность и логика, которою онъ владѣетъ, хоть и не имѣлъ времени изучить ее, послужили къ исполненію вашихъ желаній въ этихъ важныхъ обстоятельствахъ. Не онъ ли, съ саблею въ рукѣ, спасъ мнѣ жизнь на дняхъ? У него одинъ день не похожъ на другой. Вотъ какъ это было. Я выздоравливалъ отъ лихорадки, потому что, къ счастію, у насъ здѣсь нѣтъ докторовъ. Мнѣ сказали, что солнце на восходѣ, а этого я и ждалъ, чтобы оправиться. Нассау выводитъ меня изъ скучной крѣпости, которая и вся-то съ ладонь; люди мои несутъ меня на рукахъ и кладутъ на траву. При первыхъ лучахъ солнца я засыпаю. Толстая, отвратительная змѣя, которую солнце оживило вмѣстѣ со мною, хочетъ меня ужалить или задушить въ своихъ кольцахъ. Я просыпаюсь отъ шума и вижу, что Нассау что̀ есть силы рубитъ по змѣѣ; онъ разрѣзалъ ее на части, которыя долго еще двигались. Сегодня намъ привели нѣсколько плѣнныхъ Турокъ; они такъ же скучны, какъ тѣ, что̀ являются на маскарадахъ въ операхъ. Трудно было мнѣ убѣдиться, что это не маски, и что дѣйствительно мы воюемъ съ ними».

Впрочемъ, какъ бы строго мы ни судили Потемкина, надобно согласиться, что въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ странности мѣшались съ высокими, рѣдкими достоинствами. Делинь прекрасно очертилъ его въ письмѣ ко мнѣ изъ-подъ Очакова: «Я вижу здѣсь предводителя арміи, который, кажется, лѣнивъ, но въ безпрестанной работѣ, которому колѣни служатъ письменнымъ столомъ, а пальцы гребнемъ; онъ все лежитъ, но не спитъ ни днемъ, ни ночью, потому что усердіе къ обожаемой Государынѣ, не даетъ ему покою, и каждый пушечный выстрѣлъ тревожитъ его мыслью, что это вѣсть о гибели какого-нибудь солдата. Онъ боится за другихъ, а самъ храбръ; онъ становится

*) „Qui vous a détartarisés"; непереводимо буквально.

подъ огнемъ батарей, чтобы спокойно отдавать приказанія. Тѣмъ не менѣе, онъ скорѣе Улиссъ, чѣмъ Ахиллъ; онъ тревожится передъ опасностію и беззаботенъ, когда она наступила; онъ скучаетъ во время увеселеній, несчастливъ отъ избытка счастья, пресыщенъ всѣмъ, скоро разочаровывается, мраченъ и непостояненъ; это важный философъ, это ловкій министръ, это десятилѣтнее дитя. Онъ немстителенъ, проситъ прощенія, если опечалилъ кого, и награждаетъ, если сдѣлалъ несправедливость; онъ воображаетъ, что любитъ Бога, и боится чорта, про котораго онъ думаетъ, что онъ еще выше и больше чѣмъ князь Потемкинъ. Одною рукою онъ манитъ къ себѣ женщинъ, которыя ему нравятся, другою творитъ крестное знаменіе». Но довольно. Этотъ портретъ занималъ слишкомъ много мѣста въ письмѣ Делиня, который не скоро останавливался, когда его уносило живое его воображеніе *).

Дипломація была тогда дѣятельнѣе, чѣмъ войско. Даже Порта, выходя изъ обычнаго своего бездѣйствія, съумѣла посредствомъ Пруссіи уговорить Шведскаго короля вооружить свой флотъ для того, чтобы помѣшать Русской эскадрѣ выйдти и снова перенести Русскій флагъ въ Архипелагъ. Фридрихъ-Вильгельмъ Прусскій успѣлъ набрать въ Данцигѣ себѣ сторонниковъ. Онъ двинулъ войско къ этому городу; между тѣмъ посланцы его представляли пылкимъ и стѣсненнымъ Полякамъ надежду свергнуть Русскую власть. Всѣ эти событія, предвѣстники грозы, тревожили, но не пугали Императрицу, а извѣстіе о союзномъ трактатѣ между Англіею, Голландіею и Пруссіею еще болѣе возбудило ея желаніе составить четвертной союзъ, необходимость котораго день ото дня становилась яснѣе. Но напрасно она просила насъ высказать наши намѣренія, напрасно старалась проникнуть въ тайну нашей политической системы: у насъ ея, къ несчастію, и не было, и нельзя было разгадать планы кабинета, не рѣшающагося ни на что по слабости и трусости. Мнѣ все-таки приказывали продолжать переговоры, но странный случай на время прервалъ ихъ. Испанскій посланникъ въ Россіи былъ человѣкъ образованный, честный, умный. Сѣверлый климатъ оказался ему вреденъ, и онъ подвергся недугу, который медики называютъ *ипохондрическою меланхоліею*. Эта странная болѣзнь повела его къ частному помѣшательству; впрочемъ онъ сохранялъ разсудокъ. Его депеши, которыя я читалъ, были умны и краснорѣчивы, въ разговорѣ его ничто не обличало умственнаго разстройства; и на совѣщаніяхъ, и въ обществѣ онъ оставался, какъ былъ. Немногіе

*) Замѣтимъ, что эти письма находятся въ полномъ собраніи сочиненій Делиня и въ книжкѣ избранныхъ писемъ его, изданныхъ г-жею Сталь и переведенной на Русскій

только изъ друзей замѣтили его помѣшательство, которое состояло въ томъ, что онъ воображалъ себѣ, что его ненавидятъ, что онъ окруженъ врагами. Онъ мнѣ одному изъ первыхъ высказалъ свое горе, предметомъ котораго была мнимая вражда къ нему Гёрца, Прусскаго министра. Онъ воображалъ, что Гёрцъ подкупаетъ его слугъ и нанимаетъ людей, которые каждую ночь возлѣ его дома подымаютъ ужасный шумъ и не даютъ ему спать. Я принималъ въ немъ участіе, скрывалъ его состояніе, но всѣ мои попытки вразумить его были напрасны. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я самъ сдѣлался предметомъ его тревогъ: если я говорилъ съ кѣмъ-нибудь тихо, онъ думалъ, что я говорю о немъ дурно и упрекалъ меня. Разъ какъ-то Императрица вздумала дать въ эрмитажѣ старинную комедію: «*Странный человѣкъ*»; мой Испанецъ былъ убѣжденъ, что я вставилъ въ нее нѣсколько стиховъ съ насмѣшками на его счетъ. Изъ сожалѣнія къ нему я старался утѣшить его, показавъ ему старое изданіе этой комедіи, но разувѣрить его было невозможно. Скоро графъ Кобенцель и герцогъ Серра-Капріола, Неаполитанскій министръ, заслужили его довѣріе, а потомъ неудовольствіе: онъ упрекалъ одного за то, что онъ отвлекаетъ отъ него всѣхъ Петербургскихъ красавицъ, а другого за то, что онъ запретилъ всѣмъ часовщикамъ продавать ему вѣрные часы. Мы жалѣли объ этомъ хорошемъ человѣкѣ, объ его недугѣ, отъ котораго не могла его спасти наша дружба. Но его положеніе еще болѣе обезпокоило насъ, когда мы получили приказаніе сообщить ему секретныя подробности о предполагаемомъ союзѣ. Впрочемъ, такъ какъ мы замѣтили, что во время совѣщаній и въ своей перепискѣ онъ сохранялъ разумъ, то успокоились и полагали, что его болѣзнь не помѣшаетъ ходу дѣла. Однако наша увѣренность была непродолжительна. Мало-по-малу, удаляясь отъ насъ, онъ перешелъ на сторону Пруссіи, Англіи и Португаліи, и мы узнали, что, считая своего секретаря за своего врага, онъ заперъ его на цѣлые сутки и взялъ у него шифры *). Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, чтобы избѣжать непріятностей, мы, по совѣту Кобенцеля, сговорились посовѣтоваться съ вице-канцеромъ. «Нѣсколько дней тому назадъ, сказалъ онъ намъ, несмотря на все мое уваженіе къ вамъ, я съ трудомъ бы вамъ повѣрилъ, потому что лицо, о которомъ вы говорите, было мнѣ извѣстно за человѣка благоразумнаго и дѣятельнаго. Къ тому же нѣкоторые члены дипломатическаго корпуса распускали слухъ, что противъ него подкапываются, чтобы смѣнить его; объ этомъ

*) То есть азбуку съ ключемъ, употребляемую для тайной дипломатической переписки.

даже говорили во всеуслышаніе при дворѣ великаго князя [1]). На третьяго дня онъ попросилъ меня побесѣдовать съ нимъ съ глазу на глазъ, и, оставшись наединѣ со мною, сталъ жаловаться на общую вражду противъ него, на несправедливость нашихъ министровъ, которые будто бы строжайше приказали слѣдить за его поступками и подкупали его слугъ. Со слезами на глазахъ онъ увѣрялъ, что ему даже отравляютъ питье, и что онъ никакъ не можетъ, какъ ни старается, достать Невской воды. Я донесъ Императрицѣ объ этомъ странномъ случаѣ, и она полагаетъ, что нужно будетъ принять мѣры, чтобы его отозвали отсюда. Врачъ его увѣряетъ, что въ южномъ климатѣ эта ипохондрія разсѣется».

Мы трое согласны были съ этимъ мнѣніемъ и потому, пригласивъ секретаря Испанскаго посольства и доктора, написали донесеніе, скрѣпили его своими подписями и свидѣтельствами и послали эту бумагу къ г. Гальвецу, Испанскому министру въ Берлинѣ. Мы надѣялись, что такимъ образомъ удаленіе нашего сотоварища произойдетъ безъ шуму. Но неизвѣстно, какимъ образомъ вышло, что тотъ человѣкъ, о которомъ мы такъ осторожно заботились, узналъ о нашихъ совѣщаніяхъ. Онъ потребовалъ отъ насъ объясненій, но получилъ отказъ; онъ пожаловался своимъ новымъ друзьямъ, и они подняли шумъ о нашихъ мнимыхъ козняхъ. Это еще болѣе раздражило больного, и у него открылись такіе симптомы недуга, что нужно было принять мѣры противъ него. Гальвецъ, получивъ приказаніе замѣстить его въ Петербургѣ, прибылъ по назначенію. Больного послали на Югъ, гдѣ онъ мало-по-малу образумился, выздоровѣлъ, и такимъ образомъ мы избавились отъ хлопотъ и непріятностей.

Императрица старалась возбудить дѣятельность въ своихъ полководцахъ. Съ удовольствіемъ узнала она, что Салтыковъ [2]) соединился съ Австрійцами, которыми предводительствовалъ принцъ Кобурскій, и направился къ Хотину. Въ это же время я передалъ Государынѣ извѣстіе отъ Шуазёля, что Англичане почти обѣщали Портѣ не пропускать Русскую эскадру; поэтому Государыня очень холодно приняла увѣренія Англійскаго министра въ томъ, что суда ея будутъ впущены въ Англійскіе порты. Русская эскадра между тѣмъ живо готовилась къ отплытію, не смотря на то, что Швеція тоже дѣятельно снаряжала свои суда, и

---

[1]) (Который и супруга его дѣятельно помогали происканъ Берлинскаго двора, находясь съ нимъ и въ масонской связи).

[2]) Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, род. 1730, ум. 1805 г. фельдмаршаломъ. Въ началѣ этой Турецкой войны былъ командиромъ праваго фланга въ Украинской арміи графа Румянцева.

ея вооруженія и грозныя рѣчи показывали, что она замышляетъ что-то недоброе. Когда въ Петербургѣ спросили у меня свѣдѣній объ этомъ, я сказалъ, что въ Версалѣ еще ничего не знаютъ, и что мнѣ только приказано увѣрить Государыню, что король употребитъ все свое вліяніе, чтобы удержать Шведскаго короля въ мирномъ расположеніи, которое соотвѣтствуетъ его отношеніямъ къ намъ и къ Россіи и собственнымъ его выгодамъ.

Потемкинъ все еще молчалъ. Принцъ Нассау исходилъ отъ нетерпѣнія. Императрица, весьма недовольная, строго приказала доставлять ей срочныя донесенія. Англійскій кабинетъ, видя, что его неоткровенныя объясненія плохо дѣйствуютъ въ Петербургѣ, сталъ довольно открыто высказывать свое недоброжелательство; онъ объявилъ Русскому правительству, что не дозволитъ Русскимъ адмираламъ нанимать въ Англійскихъ портахъ транспортныя судна и добывать военные запасы. Но это не обезпокоило Русскихъ, потому что они могли найти въ Даніи то, въ чемъ имъ отказывали Англичане. Наконецъ кампанія открылась: Русскіе перешли Бугъ и стали подъ Очаковымъ. Принцъ Нассау спустился по Днѣпру съ эскадрою галеръ и летучихъ батарей для обстрѣливанія Очакова съ лимана, отдѣляющаго крѣпость отъ Крымскаго полуострова. Не смотря на неуспѣхъ многихъ попытокъ, министры Англійскій и Прусскій не переставали возбуждать противъ насъ Императрицу ложными извѣстіями. Они увѣряли, будто Франція хочетъ, сообща съ Испаніею, уничтожить Русскій флотъ въ Средиземномъ морѣ, а такъ какъ Испанія не раздѣляетъ ея видовъ, то поэтому и представила Испанскаго резидента въ Петербургѣ сумасшедшимъ, чтобы замѣнить его другимъ, болѣе уступчивымъ и склоннымъ къ ея предложеніямъ. Эти ухищренія меня не тревожили: они падали передъ настоящимъ дѣломъ. Секретарь Булгакова находился въ Петербургѣ, и Императрица была увѣдомлена обо всѣхъ происках министровъ Англіи и Пруссіи въ Турціи, Энслея и Дица, имѣвшихъ цѣлью возбуждать Турокъ къ упорству и войнѣ. Всего непріятнѣе для меня было, что нашъ дворъ все откладывалъ заключеніе договора, зависѣвшаго только отъ его утвержденія, потому что Императрица обѣщала уже ограничиться въ требованіяхъ вознагражденія отъ Турокъ; даже на случай продолженія войны, она объявила королю, что только посовѣтовавшись съ нимъ, усилитъ свои требованія, сообразно съ тѣмъ, во что обойдутся расходы на войну. Чего лучше можно было желать? Однако, я не получилъ никакихъ приказаній по этому предмету; мнѣ только велѣно было объявить Русскому правительству, что наши пристани открыты для судовъ Русской эскадры.

Между тѣмъ прибылъ въ Россію знаменитый Американецъ Поль-Джонсъ *), ища, какъ и всегда, приключеній и войны. Этотъ морякъ прославился рѣдкою неустрашимостію: находясь на небольшомъ суднѣ, онъ навелъ страхъ на Англичанъ и захватилъ у нихъ фрегатъ и военный корабль. Онъ не привезъ съ собой никакихъ рекомендательныхъ писемъ ко мнѣ. Сѣверо-Американскіе штаты, не признанные еще Россіею, не имѣли въ ней резидента; но я участвовалъ въ войнѣ за Америку, и всякій Американецъ казался мнѣ ратнымъ товарищемъ; при томъ Джонсъ былъ, подобно мнѣ, членъ общества Цинцината, и поэтому я считалъ себя въ правѣ представить его Государынѣ. Она приняла его очень ласково, позволила мнѣ пріѣхать съ нимъ къ ея столу, назначила его контръ-адмираломъ и дала ему должность на Черномъ морѣ. Это происшествіе встревожило Петербургскихъ Англичанъ, и они подняли ужасный шумъ. Англійскіе офицеры, служившіе въ Русскомъ флотѣ, собрались, совѣщались и положили оставить Русскую службу. Адмиралъ Грейгъ долженъ былъ употребить свой умъ, вліяніе и власть, чтобы остановить ихъ: такъ они разсердились за назначеніе на военный постъ человѣка, котораго они считали измѣнникомъ, мятежникомъ и морскимъ разбойникомъ. Поль-Джонсъ, вступая въ Русскую службу, объявилъ, что не будетъ сражаться противъ Французовъ.

Милость и довѣренность Государыни ко мнѣ выказывались болѣе, чѣмъ когда нибудь. Вѣрная своему слову, она въ точности изложила императору свои намѣренія, свои мысли, свои виды и основанія предполагаемаго съ нами союза. Графъ Кобенцель и Русскіе министры считали дѣло рѣшеннымъ, и развѣ одинъ я во всемъ Петербургѣ зналъ, что союзъ еще не заключенъ. Въ проектѣ нашемъ было немного разницы съ договоромъ 1756 года; только число войскъ, назначаемыхъ на случай вспомоществованія, было уменьшено. Все соотвѣтствовало выгодамъ нашей торговли, нашей безопасности, нашихъ совокупныхъ силъ, нашего достоинства, и успѣхъ мой былъ выше моихъ надеждъ. Оставалось получить одно слово; но это слово было рѣшимость, и я не получилъ его. Наша неподвижность возбуждала дѣятельность нашихъ соперниковъ. Прусскій король тревожилъ Польшу. Густавъ Шведскій, избѣгая нашего вліянія и поддерживаемый Англіею, надѣялся обезсмертить себя возвращеніемъ областей, уступленныхъ Карломъ XII. Дворы двухъ имперій напрасно настаивали на нашемъ согласіи. Я получилъ,

*) John Paul Jones, контръ-адмиралъ, род. въ Шотландіи въ 1747 г., ум. 1792 г., прославившійся въ Американской войнѣ, служилъ одинъ годъ въ Русскомъ флотѣ, съ начала 1788 года.

наконецъ, депеши изъ Франціи; но это были любезныя письма, похвалы, щедрыя награды, а не полномочіе, котораго я ожидалъ.

Между тѣмъ пришла вѣсть, что капитанъ-паша показался въ Лиманѣ съ сильною эскадрою. Въ тоже время пріѣздъ курьера изъ Швеціи встревожилъ дворъ и столицу. Узнали, что Густавъ вооружаетъ свой флотъ, собираетъ въ Финляндіи тридцать тысячъ войска, которыми хочетъ самъ начальствовать, и поручаетъ командованіе флотомъ брату своему, герцогу Зюдерманландскому. Графъ Разумовскій *) доложилъ своему правительству объявленіе короля Сенату, что вооруженія и поступки Россіи заставляютъ его приготовляться къ войнѣ, чтобы предупредить удары, которые хотятъ нанести ему; что, приказавъ резиденту своему Нолькену потребовать объясненій отъ Русскаго правительства, онъ получилъ отвѣты высокомѣрные, съ угрозами и, почти предписаніе обезоружить Шведскія силы, что въ такихъ обстоятельствахъ честь и безопасность націи требуютъ немедленнаго вооруженія, чтобы предотвратить угрожающую бѣду. Это объявленіе увлекло даже самыхъ миролюбивыхъ. Къ этому графъ Разумовскій прибавлялъ, что король старается увѣрить всѣхъ, что онъ дѣйствуетъ сообразно видамъ Франціи.

Русскіе министры говорили мнѣ объ этомъ съ неудовольствіемъ и, выражая довѣріе къ нашей политикѣ, дали мнѣ однако понять, что вѣдь никто не сочтетъ Густава до такой степени неосторожнымъ, чтобы рѣшиться на такой шагъ безъ поддержки какой-либо изъ первостепенныхъ державъ. Подозрѣнія ихъ еще болѣе возбуждались министрами Пруссіи и Англіи, которые, притворяясь, громко осуждали дѣйствія короля. Въ такомъ положеніи дѣлъ, не имѣя на этотъ случай наставленій, я долженъ былъ отвѣчать крайне осторожно и увѣрялъ министровъ, что во всякомъ случаѣ Императрица можетъ положиться на дружбу моего короля. Я говорилъ, что не предполагаю возможности войны, что если бы Густавъ намѣренъ былъ начать ее, то подождалъ бы отплытія Русскаго флота, когда море будетъ для него открыто. Я выразилъ мысль, что онъ принялъ воинственный видъ только для того, чтобы, не подвергаясь опасности, оказать услугу Портѣ, задержать Русскую эскадру, назначенную въ Архипелагъ. Впрочемъ депеша Симолина, Русскаго резидента въ Парижѣ, разсѣяла предубѣжденіе противъ насъ: онъ передавалъ своему двору довольно рѣзкій

*) Графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій былъ съ 1784 по 1786 г. полномочнымъ министромъ въ Копенгагенѣ, а съ 1786 по 1788 г. въ Стокгольмѣ, въ 1790 г. опредѣленъ въ помощь кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну и съ 1793 г. до кончины Екатерины былъ тамъ полномочнымъ министромъ.

разговоръ Монмореня со Сталемъ, Шведскимъ посланникомъ, и такимъ образомъ доказалъ, что король далеко не оправдывалъ неожиданное вооруженіе и грозный характеръ рѣчи Густава III.

Императрица никакъ не хотѣла вѣрить, что государь страны, незначительной по своей силѣ, по войскамъ и средствамъ, могъ вооружиться противъ такой мощной державы, какъ Россія. Однако, по совѣту своихъ министровъ, Екатерина приказала сосредоточить 26,000 войска около Фридрихсгама и поручила непосредственное начальство надъ нимъ графу Мусину-Пушкину [1]), а за нимъ Михельсону [2]), побѣдителю знаменитаго разбойника Пугачева.

Къ несчастію, трудно было исполнить ея приказаніе: могли собрать только шесть тысячъ человѣкъ. Вслѣдствіе неблагоразумной довѣрчивости сѣверную часть имперіи оставили безъ войскъ, и князь Потемкинъ забралъ всѣ ихъ къ себѣ. Онъ болѣе хлопоталъ о томъ, чтобы увеличивать свою армію, нежели о томъ, чтобы приводить ея въ дѣйствіе. Медлительность Потемкина дала возможность капитану-пашѣ вновь появиться въ Черномъ морѣ съ сотнею судовъ большихъ и малыхъ, впустить четвертую часть своего флота въ Лиманъ и усилить Очаковскій гарнизонъ 6,000-ми человѣкъ. Принцъ Нассау, никогда не сомнѣваясь въ своемъ успѣхѣ, выступилъ противъ Турецкаго адмирала съ 80-тью легкими судами, изъ которыхъ самыя большія были парядныя галеры, служившія Императрицѣ для путешествія по Днѣпру. Я даже не понимаю, какимъ образомъ Англійскій инженеръ Бентамъ, человѣкъ смѣлый и ловкій, могъ вооружить ихъ орудіями значительнаго калибра. Адмиралъ Поль-Джонсъ, командуя кораблемъ и фрегатомъ, долженъ былъ защищать Нассау-Зигена; но за недостаткомъ простора онъ съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ. Геройскій подвигъ одного Русскаго офицера Сакена послужилъ открытіемъ кровавой брани. Онъ командовалъ канонерскимъ судномъ и, слѣдя за Турками, былъ окруженъ ими. Лишенный средствъ къ спасенію и бѣгству, онъ написалъ адмиралу, чтобы тотъ не безпокоился на его счетъ, и что ни онъ, ни экипажъ его не попадутъ въ руки Турокъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, когда наступили на него три Турецкихъ корабля, онъ взорвалъ свою лодку и съ нею непріятельскіе корабли. Императрица могла только наградить щедрою пенсіею вдову его.

Со дня на день съ нетерпѣніемъ ожидали мы курьера отъ Потемкина. Графъ Безбородко шутя увѣрялъ, что съ такими четырьмя

---

[1]) Графъ Валентинъ Платоновичъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, род. 6 Декабря 1735, ум. 8 Іюля 1804 г.

[2]) Генералъ-поручикъ Иванъ Ивановичъ, род. 1739 г., ум. 1807 г. (родомъ Эстонецъ).

головами, какъ Нассау, Джонсъ, Суворовъ и капитанъ-паша, трудно сомнѣваться, чтобы скоро не произошло чего-нибудь необычайнаго. Въ это время я выпросилъ у Императрицы полковничій чинъ одному Французскому артиллеристу Превò и отправилъ его къ Нассау-Зигену. Служа въ Голландіи, онъ одинъ только дѣйствовалъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ противъ Прусаковъ. Его изобрѣтательность помогла Нассау-Зигену: онъ сдѣлалъ фузеи, наполненныя составомъ, жидкимъ и воспламеняющимся, напоминающимъ Греческій огонь; фузеи эти были съ отверстіями, заклепанными воскомъ, съ проволоками и острыми крючками. Будучи брошены въ непріятельскій корабль, они цѣплялись за снасти и разливали на судно пламя, которое трудно было потушить. Князь Делинь, скучая своимъ бездѣйствіемъ, отправился къ Румянцеву, котораго авангардъ прогналъ довольно значительный Турецкій отрядъ. Съѣздивъ съ Румянцевымъ на рекогносцировку Хотина, мой неутомимый другъ возвратился въ армію Потемкина.

Въ тогдашней Европейской политикѣ господствовали мелочныя козни, неизвѣстность и тьма. Воронцовъ писалъ, что Лондонскій кабинетъ возбуждаетъ Шведскаго короля къ войнѣ, а Монморень этому не вѣрилъ; Нолькенъ, Шведскій министръ, все оставался въ дружбѣ со мною, но былъ откровененъ только съ Англичанами и Прусаками. Боевой огонь долженъ былъ разсѣять этотъ туманъ, закрывавшій взоры политиковъ. Густавъ прибылъ въ Финляндію, подошелъ къ Русской границѣ съ 30,000 человѣкъ, а эскадра его крейсировала въ заливѣ. Датское правительство объявило Шведскому королю, что оно останется нейтральнымъ въ томъ только случаѣ, если Русскіе нападутъ на Густава; если же самъ онъ начнетъ войну, то и Данія возмется за оружіе. Но нельзя было долѣе сомнѣваться насчетъ намѣреній Шведскаго короля. Императрица, впервыя испуганная, приказала первымъ гвардейскимъ батальонамъ каждаго полка готовиться къ походу. Эти непріятности были нѣсколько разсѣяны пріѣздомъ курьера съ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной надъ Турками Джонсомъ и Нассау-Зигеномъ. Не сообщали еще подробностей, но говорили, что разбиты три Турецкихъ корабля. Скоро узнали мы, подъ какимъ предлогомъ Густавъ III старался скрыть свое явное нападеніе. Съ нѣкотораго времени онъ нарочно все твердилъ о воинственномъ настроеніи Россіи и навелъ тревогу на всю Швецію; графъ Разумовскій, чтобы разсѣять эту тревогу, представилъ Шведскому правительству оффиціальную ноту, въ которой объяснилъ причины вооруженій, предпринимаемыхъ въ Россіи. Объяснивъ настоящую цѣль ихъ намѣреніемъ побороть Турокъ въ Архипелагѣ, онъ напоминалъ и приводилъ всѣ доказательства дружелюбнаго расположенія Императрицы къ Швеціи: Россія недавно помогла Фин-

ляндіи во время неурожая; будучи поставлена въ необходимость вооружить флотъ, она объ этомъ тотчасъ же извѣстила Шведскаго короля, такъ же, какъ и монарховъ другихъ державъ, состоявшихъ съ нею въ дружественныхъ отношеніяхъ. Разумовскій объявилъ, что такъ какъ король, основываясь на ложныхъ слухахъ, снарядилъ свои сухопутныя и морскія силы, то Императрица вынуждена была принять мѣры для защиты границъ своей имперіи; что между тѣмъ, какъ Шведское правительство, повидимому, довѣряется слухамъ, приписывающимъ Государынѣ враждебные замыслы, она хочетъ убѣдить короля, министровъ *и вообще лица, принимающія участіе въ правленіи, и Шведскій народъ*, что она къ нимъ дружелюбно расположена. Она надѣется доказать имъ, что никогда не думала нападать на Швецію, что вооруженія ея имѣютъ значеніе оборонительное, и что она только желаетъ сохранить согласіе свое съ королемъ. Густавъ, связанный конституціею, которая не дозволяла ему начать войну безъ согласія государственныхъ чиновъ, хотѣлъ, нападая, не имѣть вида зачинщика; поэтому нота Русскаго министра не только не успокоила, но раздражила его. По его приказанію, церемоніймейстеръ двора объявилъ Разумовскому, что, употребивъ выраженія: «лица, участвующія въ правленіи, и Шведскій народъ», министръ заговорилъ языкомъ прежнихъ Русскихъ пословъ, и что выраженіе это неприлично теперь, потому что правитъ король одинъ, и конституція измѣнена. «Слѣдовательно, говорилось въ Шведской нотѣ, король, не полагая, чтобы Русскій министръ былъ уполномоченъ своей Государынею къ такому образу дѣйствія, не признаетъ болѣе графа Разумовскаго въ качествѣ посланника и запрещаетъ своимъ министрамъ входить въ сношенія съ нимъ. Только изъ уваженія къ его сану онъ даетъ ему восемь дней на сборы къ отъѣзду; по истеченіи этого срока для него приготовлены будутъ суда, на которыхъ онъ можетъ отправиться въ Россію». Разумовскій, доставъ съ трудомъ копію съ этой ноты, отвѣчалъ, что относительно своего отъѣзда онъ не можетъ исполнить предписаній короля, потому что не смѣетъ оставить своего поста безъ приказанія Государыни.

Въ тотъ день, когда извѣстіе объ этомъ пришло въ Петербургъ, я былъ въ эрмитажѣ. Императрица съ горячностію говорила о выходкѣ Густава и спрашивала моего мнѣнія. «Въ этомъ дѣлѣ, сказалъ я, самое замѣчательное то, что посолъ самодержавной Государыни оказываетъ такое вниманіе къ самостоятельной націи, и что ея король этимъ обижается».

Я однако узналъ, что Русскіе упрекали Разумовскаго въ поспѣшности его въ этомъ дѣлѣ, потому что ему приказано было представить ноту только въ томъ случаѣ, когда Шведское министерство потребуетъ

у него объясненій. Онъ, можетъ быть, выказалъ излишнее усердіе, но упрекъ все-таки былъ несправедливъ. Имѣя въ виду всѣ ложные слухи, которые разсѣвались, чтобы тревожить Швецію, онъ вынужденъ былъ объявить громко не только королю, но и націи и даже всей Европѣ, что намѣренія Государыни клонились къ миру. Теперь однако война со Швеціею сдѣлалась неизбѣжною; только Императрица еще сомнѣвалась въ этомъ. Напрасно министры единодушно убѣждали ее задержать флотъ для защиты береговъ: уже три Русскихъ корабля и три фрегата вышли въ море. Они встрѣтились съ Шведскою флотиліею, которая потребовала у нихъ салюта. Русскій адмиралъ отказалъ въ этомъ на основаніи Абовскаго трактата, запрещающаго отдавать военныя почести внѣ портовъ. Но когда Шведскій адмиралъ объявилъ, что герцогъ Зюдерманландскій на своемъ кораблѣ, то Русскій адмиралъ отвѣчалъ, «что охотно отдаетъ салютъ брату короля», и салютовалъ. Императрица поступила, какъ требовали ея благоразуміе и достоинство, перестала считать барона Нолькена акредитованнымъ при ней и стала обращаться съ нимъ такъ же, какъ Густавъ съ Разумовскимъ.

Хотя графъ Безбородко и сказалъ мнѣ, что онъ ожидаетъ оборонительнаго союза между Англіею, Пруссіею и Швеціею, но Прусскій и Англійскій министры открыто объявили, что дворы ихъ осуждаютъ поступокъ Шведскаго короля. Я, не зная въ точности, а только угадывая настоящія намѣренія моего двора, ограничивался мирными увѣреніями. Наконецъ, буря разразилась. Къ удивленію Европы, Густавъ III, который во все правленіе свое и особенно послѣ того, какъ усилилъ свою власть, ослабленную его отцомъ, показалъ такъ много благоразумія, умѣренности и великодушія, отправилъ черезъ курьера и велѣлъ передать черезъ секретаря Шлаффа Русскому правительству самую грозную, рѣзкую ноту и сдѣлалъ такія дерзкія и неприличныя предложенія, что они казались безумными, тѣмъ болѣе, что они истекали отъ главы государства второстепеннаго и были обращены къ такой громадной имперіи, какова Россія. Конецъ этой ноты такъ любопытенъ, что привожу его здѣсь.

„Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ король отправился въ Финляндію во главѣ своей арміи и требуетъ опредѣленнаго и рѣшительнаго отвѣта, который опредѣлитъ: быть ли миру, или войнѣ. Король предлагаетъ Императрицѣ миръ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) чтобы графъ Разумовскій былъ примѣрно наказанъ за всѣ козни, которыя онъ затѣвалъ въ Швеціи, впрочемъ, безуспѣшно, и которыя нарушали дружбу, довѣріе и согласіе, существовавшія между обѣими державами, и чтобы его преемники навсегда отказались вмѣшиваться во внутреннія дѣла независимаго государства;

2) чтобы для вознагражденія короля за расходы и вооруженія, вынужденные Россіею и которые народъ Шведскій оплачивать не обязанъ, Императрица уступила королю и Швеціи навсегда часть Финляндіи и Кареліи, съ областью Кекгольмскою, такъ какъ онѣ были отданы по Нишгадскому и Абовскому трактатамъ, и чтобы граница шла на Систербекъ;

3) чтобы Императрица приняла посредничество короля на миръ съ Оттоманскою Портою и уполномочила его отдать Туркамъ Крымъ и возстановить границы по трактату 1774 года, или, въ случаѣ несогласія Порты возстановить границы такъ, какъ онѣ были до войны 1768 года, для обезпеченія этихъ уступокъ, Императрица должна была заблаговременно обезоружить флотъ свой, отозвать корабли, выступившіе въ Балтійское море, удалить войска отъ новой пограничной линіи и позволить королю сохранить вооруженное положеніе свое до заключенія мира Россіи съ Портою.

Король желаетъ знать: *да* или *нѣтъ*? и не можетъ принять никакихъ измѣненій въ этихъ условіяхъ, не нарушая интересовъ и достоинства своего народа. Вотъ что нижеподписавшійся имѣетъ честь объявить, по приказанію короля, господину вице-канцлеру, котораго проситъ представить этотъ актъ наискорѣйшимъ образомъ Императрицѣ, чтобы онъ могъ, не медля, передать отвѣтъ королю, его государю. С.-Петербургъ, 1-го Іюля 1788 года. Подписано Г. фонъ Шлаффъ, *секретарь посольства, единственный чиновникъ миссіи короля при императорскомъ Русскомъ дворѣ*.

Легче понять, чѣмъ выразить удивленіе, произведенное чтеніемъ столь странной деклараціи. Султанъ едва ли бы послалъ нѣчто подобное слабому Молдавскому господарю. Императрица, отозвавшись о ней съ насмѣшкой и негодованіемъ, спросила меня, какъ мнѣ нравится слогъ ея? «Мнѣ кажется, Государыня, отвѣчалъ я, что Шведскій король, очарованный обманчивымъ сномъ, вообразилъ себѣ, что уже одержалъ три значительныя побѣды». «Если бы онъ въ самомъ дѣлѣ одержалъ три значительныя побѣды, возразила Императрица горячо, если бы даже овладѣлъ Петербургомъ и Москвою, я бы ему показала еще, что можетъ сдѣлать, во главѣ храбраго и преданнаго народа, рѣшительная женщина на развалинахъ великой имперіи». Разумѣется, Шведскій король, даже въ случаѣ успѣха, нападая одинъ на Россію, долженъ былъ ожидать, что будетъ подавленъ силою мощной монархіи. Но съ другой стороны, были для него и благопріятныя обстоятельства. Вслѣдствіе непостижимой беззаботности Русскихъ, онъ заставалъ ихъ врасплохъ, и ему довольно удобно было хоть не надолго овладѣть Петербургомъ и Лифляндіею. Весь этотъ край былъ защищенъ только двумя полками. Предполагаемый 26,000 корпусъ собственно состоялъ изъ 6,000 солдатъ, и со всевозможными усиліями нельзя было удвоить это число скорѣе двухъ недѣль. Шведамъ слѣдовало смѣло и быстро идти на удачу: но Густавъ, рѣшительный на словахъ, былъ медлителенъ на дѣлѣ.

Однакожъ мы ежеминутно ожидали его прихода. Слышно было, что онъ заранѣе пригласилъ Стокгольмскихъ дамъ на балъ въ Петергофъ и на молебенъ, который собирался отслужить въ Петербургскомъ

соборѣ въ назначенный имъ день, въ очень скоромъ времени. Въ столицѣ было смутно, тревожно. Готовились, снаряжали войско и учили новобранцевъ изъ слугъ и ремесленниковъ, молодыхъ и старыхъ. У меня еще хранится каррикатура того времени, на которой представлены смѣшные, косолапые рекруты, обучаемые дѣтьми изъ кадетскаго корпуса: кадеты становятся на скамьи и на стулья, вытягиваютъ, мунштруютъ этихъ неотесанныхъ, длиннобородыхъ великановъ и вздѣваютъ имъ ружья на плеча. Скоро пришла вѣсть, что король подошелъ къ Нейшлоту и обстрѣливаетъ фортъ, что армія его идетъ на Фридрихсгамъ, который не можетъ быть защищенъ противъ сильнаго нападенія. Разнесся слухъ, что во дворцѣ тревога, что укладываютъ серебро, драгоцѣнности, бриллианты, бумаги изъ кабинета, вездѣ подготовлены лошади, и Государыня, испуганная и безъ средствъ защиты, уѣдетъ ночью въ Москву *).

Въ эту критическую минуту затруднительно было положеніе иностранныхъ министровъ. Каждый изъ нихъ держалъ наготовѣ курьера, боясь еще послать извѣстіе ложное; съ другой стороны, странно бы было не извѣщать своего правительства о такомъ происшествіи и ждать, чтобы оно совершилось. Находясь въ подобной неизвѣстности, я отправился въ эрмитажъ, въ надеждѣ, что неосторожное слово или счастливый случай разсѣятъ мои сомнѣнія. Такъ и случилось. Только что Императрица меня увидѣла, какъ подозвала къ себѣ. Поговоривъ сперва о вещахъ ничтожныхъ, она сказала мнѣ потомъ: «Дипломаты, вѣроятно, теряются теперь въ предположеніяхъ; много слышно толковъ въ городѣ?» Отвѣчая на этотъ вопросъ, я постарался замѣтить впечатлѣніе, какое произведутъ мои слова. «Разнесся слухъ, ваше величество, сказалъ я, слухъ очень важный, очень странный, но передаваемый за вѣрное, что вы въ эту или слѣдующую ночь уѣдете въ Москву». «Чтожъ, вы повѣрили, графъ?» сказала Императрица съ невозмутимымъ равнодушіемъ. «Государыня, источникъ этого слуха даетъ ему нѣкоторую вѣроятность; но, зная васъ, я сомнѣваюсь». «И хорошо дѣлаете, замѣтила Государыня. Слушайте: я приказала выставить на всѣхъ станціяхъ по дорогѣ въ Москву по 500 лошадей, чтобы перевести сюда войска, которыя вытребовала: вотъ изъ чего вышли эти толки. Я не ѣду, будьте увѣрены. Я знаю, что ваши товарищи - дипломаты теперь въ немаломъ затрудненіи и не знаютъ на что рѣшиться, писать имъ или молчать? Я хочу вывести васъ изъ затрудненія. Вамъ дѣло виднѣе, чѣмъ другимъ. Пишите же вашему двору,

*) (Сл. Дневникъ Храповицкаго. Имъ подтверждаются правдивость и точность Сегюра, который, конечно, имѣлъ дневныя отмѣтки и по нимъ впослѣдствіи писалъ свои Записки).

что я остаюсь въ столицѣ, и что если я выйду отсюда, такъ только навстрѣчу королю». Я повѣрилъ этой самоувѣренности и въ особенности по высокомѣрію, съ которымъ она была мнѣ выражена. Однако потомъ довелось мнѣ узнать отъ лицъ самыхъ приближенныхъ, что въ эти немногіе дни были минуты, когда героическая гордыня Императрица уступала мысли о возможности попасть въ руки непріятеля, что приказано было поспѣшно укладываться, дѣлали приготовленія къ отъѣзду, и слухъ о томъ быстро разнесся.

Какъ бы то ни было, она осталась. Нолькенъ, Шведскій министръ, получилъ приказаніе удалиться; но онъ отвѣчалъ, какъ Разумоскій, что ожидаетъ предписаній короля.

22 Іюля Русскій флотъ встрѣтился и сразился со Шведскимъ. Бой былъ кровавый, каждый изъ флотовъ лишился по кораблю и приписывалъ себѣ побѣду. Адмиралъ Грейгъ былъ слегка раненъ, но оставался на морѣ, между тѣмъ какъ герцогъ Зюдерманландскій долженъ былъ удалиться въ Шведскіе порты. Эта битва, подъ Гохландомъ, показалась достаточно выгодною Русскимъ, такъ что было отслужено молебствіе, на которомъ и я присутствовалъ. Густавъ III, неизвѣстно почему медлившій, потерялъ, стоя подъ Фридрихсгамомъ, три недѣли драгоцѣннаго времени. Великій князь Павелъ Петровичъ отправился въ Финляндскую армію, стоявшую у Выборга; армія эта, усиленная, состояла уже изъ 12,000 человѣкъ. Великому князю пришлось быть свидѣтелемъ только легкихъ сшибокъ: съ обѣихъ сторонъ много грозили, но мало дрались. Торжеству столицы нѣсколько помѣшало возвращеніе въ Кронштадтъ трехъ военныхъ кораблей, весьма пострадавшихъ.

Монморень писалъ мнѣ, что король нашъ рѣшительно осуждаетъ дѣйствія Шведскаго короля. По его мнѣнію, можно было заранѣе ждать того; извѣстно было, что онъ какъ-то публично сказалъ: «Нужна война, чтобы дать значеніе царствованію». Ложные слухи и дурные совѣты подстрекнули Густава къ смѣлому нападенію. Годъ предъ тѣмъ, онъ, при посредствѣ Пруссіи и Англіи, заключилъ условіе съ Портою, въ которомъ ему обѣщаны были 14 милліоновъ піастровъ вспоможенія на случай войны. Кромѣ того его увѣрили, что неурожай и война съ Турціею поставятъ Россію въ невозможность защититься отъ него. Говорили, что Русскій флотъ плохо вооруженъ, что матросы новобранцы. Онъ тѣмъ легче вѣрилъ этимъ извѣстіямъ, что имъ вѣрили вездѣ, даже у насъ. Нашъ дворъ, не смотря на мои депеши, полагалъ, что Русская армія сильна болѣе по наружности, нежели на самомъ дѣлѣ. Въ своихъ депешахъ я старался возстановить истину. Правда, что на Сѣверѣ Русскія силы были незначительны; но онѣ были размѣщены по переходамъ удобнымъ для вторженія, и потому останавливали Шведовъ.

Если Шведскій король своими угрозами, своимъ хвастовствомъ и торжествами, объщанными прежде побѣды, нарушалъ приличіе, то и Государыня поступила почти также и не сохранила того уваженія, которымъ взаимно обязаны коронованныя лица. Она приказала сочинить и представить на своемъ театрѣ шуточную оперу, въ которой Густавъ III былъ выведенъ въ смѣшномъ видѣ: онъ явился тутъ какимъ-то удальцомъ, заносчивымъ владыкою. Этотъ искатель приключеній, по совѣту злой волшебницы, взялъ въ какой-то старой кладовой вооруженіе древняго, знаменитаго великана; огромный шлемъ его спускался у него до живота, а сапоги хватали до пояса; изъ этого выходила голова съ двумя ногами безъ туловища. Въ такой бронѣ онъ приступаетъ къ какой-то ничтожной крѣпости, изъ которой выходитъ комендантъ-инвалидъ съ тремя солдатами и своею деревяшкою прогоняетъ героя-шута [1]).

Этотъ спектакль не позабавилъ меня, а напротивъ, опечалилъ, и Императрица, наслушавшись разныхъ неловкихъ и пошлыхъ комплиментовъ по этому случаю, могла замѣтить по моему молчанію и виду, что я страдалъ за великую, благородную Государыню [2]).

Вскорѣ объяснилась причина колебаній Густава. Пользуясь недовольнымъ настроеніемъ Финляндской и даже Шведской арміи, нѣсколько

---

[1]) Либретто этой оперы, называвшейся *Горе-богатырь Косометовичъ*, сочинено было самой Императрицей при помощи ея статсъ-секретаря А. В. Храповицкаго, а музыка —придворными музыкантами Мартини и Ванжурой; опера была играна въ первый разъ на эрмитажномъ театрѣ 20 Января 1789 г.; на публичномъ театрѣ въ Петербургѣ давать ее не рѣшились, но въ Москвѣ позволили поставить, потому что тамъ не было иностранныхъ дипломатовъ. Въ пьесѣ Горе-богатырь осматриваетъ и примѣряетъ шишакъ Еруслана Лазаревича, мечъ-кладенецъ Ивана Ахридѣича, палицу двѣнадцати-пудовую Петра Златыхъ Ключей и довольствуется потомъ доспѣхами изъ картузной бумаги и т. п. Вообще, сочиняя свои оперы, Екатерина не разъ пользовалась разными мотивами Русскихъ народныхъ сказокъ и съ ними соединяла намеки на современность, l'histoire du temps, какъ говорила она. При постановкѣ „Горе-богатыря“ на эрмитажномъ театрѣ, Екатерина сказала: „Она бюрлескъ; надобно играть живѣе и развязнѣе, и въ томъ костюмѣ, какъ играютъ „Мельника“. (См. Пам. Зап. А. В. Храповицкаго, М. 1862 г., стр. 143; здѣсь нѣсколько замѣтокъ о томъ, какъ писалась, ставилась и игралась эта опера).

[2]) Записки Храповицкаго обличаютъ неправду словъ Сегюра въ этомъ случаѣ: и онъ не воздержался отъ комплиментовъ Императрицѣ. Вотъ что пишетъ Храповицкій: „30 Января. Съ удовольствіемъ отзываться изволила (Государыня) о представленіи „Горе-богатыря“ (бывшемъ наканунѣ); я заявилъ трусость свою, когда увидѣлъ на театрѣ Кобенцеля и Сегюра. „Нѣтъ, имъ граѳъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ сказалъ, что спектакли въ эрмитажѣ одинаковы, и они пріѣхать могутъ. Кобенцель заводилъ къ разнымъ уподобленіямъ, но я будто не примѣчала, и когда спрошенъ былъ Сегюръ, то отвѣчалъ искренно: qui se sent morveux, se mouche, et que c'est bien délicat de répondre par des plaisanteries à des manifestes et déclarations impertinentes“ (у кого насморкъ, тотъ и сморкается; очень любезно—шутками отвѣчать на невѣжливые манифесты и деклараціи). (См. Зап. Храповицкаго, стр. 168).

безпокойныхъ и пылкихъ головъ возмутили ихъ: опѣ не хотѣли идти на войну наступательную и начатую однимъ королемъ, безъ согласія народа. Подстрекатели увѣрили ихъ даже, что казаки, будто бы начавшіе боевыя стычки, были не кто иные, какъ Шведскіе же солдаты, которыхъ король переодѣлъ казаками въ платья, взятыя въ Стокгольмскомъ театрѣ. Постоянныя сношенія между Финляндіею Русскою и Финляндіею Шведскою усилили довѣріе къ этимъ внушеніямъ: вездѣ узнали, что на сѣверо-западной границѣ Россіи мало войска, что въ Петербургѣ всѣ озадачены неожиданною войною. Тогда стало ясно, что король—явный зачинщикъ.

Напрасно Густавъ надѣялся, что появленіе его флота у береговъ Лифляндіи возбудитъ въ этой провинціи (нѣкогда Шведской,) движеніе въ его пользу. Ошибка на морѣ тоже была безуспѣшна для него, и ничто не пробуждало мужественнаго духа въ его войскахъ. Неудовольствіе росло: Шведскія и Финскія войска, безъ всякаго распоряженія начальства, отступили на 25 верстъ за Фридрихсгамъ. Шведскій король, озадаченный, удалился послѣ безполезной попытки высадиться на Финляндскомъ берегу, и съ двѣнадцатью тысячами преданнаго войска заперся въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Кюменгардомъ, гдѣ защищенъ былъ озерами, рѣкою, лѣсомъ, моремъ и флотиліею галеръ. Положеніе его было недоступное, но довольно странное для короля, который выступилъ съ притязаніями завоевателя. Два письма короля къ искреннѣйшему изъ его друзей, барону Армфельду, докажутъ лучше всякаго разсказа, какъ онъ былъ увѣренъ въ себѣ, выѣзжая изъ Стокгольма, и какъ пріунылъ, когда несчастіе и безпорядки въ арміи разочаровали его.

Письмо Густава III къ барону Армфельду.

Съ корабля *Амфіонъ*, на якорѣ подъ Фидельгормерна (Fiedelhormerna) 24 Іюня 1788 г.

Наконецъ мы вышли въ море, милый другъ, и хоть мы не далеко ушли, но намъ нуженъ только порядочный попутный вѣтеръ, чтобы достигнуть Финляндіи. Мой выѣздъ великолѣпенъ. Я сказалъ тебѣ, что буду спокоенъ и одолѣю природу, которая брала свое въ минуту моего отъѣзда. И что же, милый другъ? Оказалось, что это обойдется еще легче, нежели я думалъ! Мысль о великомъ предпріятіи, которое я затѣялъ, весь этотъ народъ, собравшійся на берегъ, чтобы проводить меня и за который я выступалъ мстителемъ, увѣренность, что я защищу Оттоманскую имперію и что мое имя сдѣлается извѣстнымъ въ Азіи и Африкѣ, всѣ эти мысли, которыя возникли въ моемъ умѣ, до того овладѣли моимъ духомъ, что я никогда не былъ такъ равнодушенъ при разлукѣ, какъ теперь, когда иду на грозящую гибель. Вотъ какъ прошелъ день. Въ шесть часовъ я отправился въ Сенатъ и назначилъ правителями государства графовъ Дибена и Розена. Графу Ди-

бену поручены покуда иностранныя дѣла, за отсутствіемъ Оксенштирны. Потомъ я отдалъ имъ мои инструкціи. Я сказалъ имъ нѣсколько словъ, и Сенатъ выразилъ мнѣ свою благодарность. Сенаторы встали и поцѣловали мнѣ руку. Между тѣмъ, мой церемоніймейстеръ, г. Бедуаръ, отправился къ Русскому посланнику, который былъ предупрежденъ о его посѣщеніи запискою Оксенштирны, но не зналъ о причинѣ посѣщенія и полагалъ, что цѣль его, вѣроятно, назначить часъ аудіенціи, которую онъ желалъ получить, чтобы вручить мнѣ письма съ извѣстіями о рожденіи дочери у великой княгини *). Бедуаръ объявилъ ему, что я очень оскорбленъ выраженіями его министерской ноты, представленной имъ въ прошлую Середу и въ которой онъ меня какъ бы отчуждаетъ отъ государства; но что такъ какъ я не полагаю, чтобы Императрица могла внушить ему этотъ образъ выраженій, то и приписываю его ему одному, тѣмъ болѣе, что тонъ этотъ согласенъ вообще съ поступками посланника въ продолженіе зимы; что съ этой минуты я не признаю его болѣе посланникомъ и приказываю ему выѣхать изъ Стокгольма черезъ восемь дней; что я велѣлъ приготовить корабль, на которомъ его перевезутъ въ Петербургъ, и что на ноту, которую онъ мнѣ представилъ, я буду отвѣчать черезъ моего министра въ Петербургѣ, когда приму начальство надъ моимъ войскомъ. Рубиконъ перейденъ. Я объявилъ Сенату это рѣшеніе, и всѣмъ девяти иностраннымъ министрамъ объ этомъ разослана подробная нота. Послѣ засѣданія я вошелъ въ залу, гдѣ собраны были кавалеры и командоры всѣхъ орденовъ; я сдѣлалъ распоряженіе о веденіи дѣлъ каждаго ордена въ моемъ отсутствіи. Послѣ того я объявилъ, что учреждаю новую степень ордена Меча, которая будетъ раздаваться только въ военное время и въ случаѣ войны въ самой Швеціи. Статутъ его будетъ изданъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я объявилъ, что я и братья мои надѣнемъ этотъ знакъ воинской доблести только тогда, когда заслужимъ его по приговору арміи. Изъ капитула я возвратился къ себѣ и передалъ Совѣту на храненіе коронные и мои брилліанты. Вечеромъ, въ ¾ девятаго было у меня собраніе. Всѣ лица, имѣющія входъ въ бѣлый залъ, были представлены мною королевѣ. Послѣ того я обошелъ общество и простился со всѣми дамами. Тогда двери открылись, и мы вышли въ галерею, гдѣ было обыкновенное собраніе; послѣ того я вышелъ въ сопровожденіи оруженосцевъ, пажей, двора и Сената, ведя королеву за правую руку, между тѣмъ, какъ съ другой стороны шелъ принцъ Остроготскій; жена его шла съ моимъ сыномъ; прочія дамы со всѣмъ дворомъ шли безъ порядка между двухъ рядовъ многочисленной публики разныхъ сословій и лѣтъ. Такимъ образомъ мы спустились на берегъ, гдѣ насъ ожидала шлюпка. Королева остановилась на площадкѣ лѣстницы, и я поцѣловалъ ее, сына и невѣстку. Эта минута была тяжела для меня. Я раскланялся со всѣми дамами и, взявъ брата подъ руку, спустился по лѣстницѣ, на которой стояли сенаторы: предсѣдатель на верхней ступени и прочіе за нимъ. Они подошли къ рукѣ моей. Потомъ я вступилъ на шлюпку, съ бра-

*) (Это была великая княжна Екатерина Павловна).

томъ, тремя капитанами гвардіи, тремя старшими камергерами, старшимъ шталмейстеромъ, полковникомъ гвардіи и маленькимъ Вреде, и отъѣхалъ отъ берега при всеобщихъ кликахъ народа; когда они раздались, я остановилъ шлюпку и отвѣчалъ троекратнымъ: *ура!*

Такимъ образомъ я проѣхалъ гавань до *Амфіона*, который стоялъ у Корабельнаго острова. Я далъ сигналъ къ отъѣзду; но такъ какъ было очень тихо, и цѣпь двадцати восьми галеръ была длинная, то я оставался на мѣстѣ, покуда онѣ проходили, ожидая вмѣстѣ съ тѣмъ мою сестру, которая спѣшила ко мнѣ. По случаю штиля, я простоялъ до пяти часовъ утра, когда пріѣхала сестра. Такимъ образомъ я имѣлъ удовольствіе ее видѣть.

Другое письмо отъ того-же къ тому-же.

5 Августа 1788, изъ Гусуллы.

Не буду говорить вамъ о моемъ горѣ и отчаяніи; вы ихъ раздѣляете со мною. Пусть слабодушные жалуются; другіе скрываютъ горести въ глубинѣ души и ищутъ средствъ ободриться. Я еще не нахожу способовъ къ отвращенію зла и прекращенію войны, но найду ихъ для поддержки нашей славы. Когда заготовлены будутъ магазины въ Ангелѣ, надо будетъ идти къ Вильманстранду съ остаткомъ вѣрнаго войска, сразиться и побѣдить генерала Михельсона. Если мы будемъ разбиты, все кончено; но за нами останется слава храбрыхъ воиновъ. Если же я буду побѣдителемъ, то могу предложить миръ и явиться безъ стыда въ Швецію. Сегодня, въ три часа пополудни, мы вступаемъ въ Сумму и ожидаемъ васъ. Тамъ мы остановимся, если будетъ нужно, чтобы не разставаться съ вами, и потомъ расположимся подъ Югфортомъ и Кюменгардомъ. Сдерживайте ваше усердіе, милый другъ: подумайте, что надо съ достоинствомъ переносить неудачи и съ умѣренностью пользоваться счастіемъ. Служа преданно мнѣ и отечеству, вы не можете безъ сожалѣнія смотрѣть на наше положеніе; но, какъ частный человѣкъ, вы должны быть довольны, что вы одни во всей арміи имѣли успѣхъ, устояли на своемъ мѣстѣ и нанесли вредъ непріятелю. Прощайте; надѣюсь увидѣть васъ сегодня вечеромъ. Мнѣ легче, когда я излилъ свое горе въ преданное сердце; милосердное Небо дало мнѣ эту возможность: оно разитъ, но порою и утѣшаетъ.

*

Я изложилъ все, что въ моемъ положеніи могъ узнать о неожиданной войнѣ, такъ самонадѣянно начатой Шведскимъ королемъ. Но изъ уваженія къ знаменитому монарху и по безпристрастію, которому не хочу измѣнить, я, при воспоминаніи объ отважности Густава, внушенной ему рыцарскимъ характеромъ и жаждою славы, не долженъ изобразить его только такимъ, какимъ его описывали мнѣ враги его. Немного нужно словъ, чтобы оправдать короля, который, оправившись послѣ первыхъ ударовъ, твердостью духа поборолъ неудачи, козни и возмущеніе, спасъ свою славу, ободрилъ унывавшихъ, возстановилъ преданность къ себѣ, храбро сражался, заслужилъ похвалы среди не-

выгодъ и честнымъ миромъ окончилъ войну, неблагоразумно начатую. Густавъ III въ наше время игралъ такую важную роль въ Европѣ, что послѣ упрековъ, высказанныхъ его врагами, не могъ не заслужить справедливыхъ похвалъ за свой умъ, великодушіе, любовь къ отечеству и многія достоинства, которыми онъ привязалъ къ себѣ почетнѣйшихъ людей Швеціи. Какъ авторъ Записокъ, а не историкъ, я не буду распространяться и постараюсь только показать его такимъ, какимъ мнѣ изобразили его другъ и любимецъ его баронъ Армфельдъ и г. Ренштромъ, одинъ изъ его генераловъ, который по смерти короля сохранилъ любовь къ нему.

Нельзя говорить о немъ, не сказавъ ни слова объ его отечествѣ, которое онъ обожалъ, и о нѣкоторыхъ герояхъ Швеціи. По слѣдамъ ихъ хотѣлъ идти Густавъ съ увлеченіемъ, мѣшавшимъ ему разсудить, что онъ былъ поставленъ въ другія времена и обстоятельства. При своей пылкости онъ забылъ умный совѣтъ, данный ему Фридрихомъ II *). Великій герой, поздравляя его съ успѣхомъ переворота, утвердившимъ власть его, писалъ къ нему: «Пользуйтесь вашимъ успѣхомъ. Заботьтесь о возстановленіи мира и порядка въ вашемъ отечествѣ. Но не забудьте, что теперь, когда существуютъ три или четыре большія державы, которыя могутъ выставить по триста и четыреста тысячъ войска, Шведскому королю уже нельзя имѣть притязаній на славу побѣдъ и завоеваній». Если бы Густавъ его послушался, то, управляя страною, отчасти покрытою песками и снѣгомъ и имѣющею только два съ половиною милліона жителей, онъ не отважился бы дерзко напасть на имперію въ тридцать милліоновъ жителей и пятьсотъ тысячъ войска. Но Шведскій король, отвращая взоръ свой отъ окружавшей его дѣйствительности, обращалъ его къ ликамъ Густава-Вазы и Густава-Адольфа. Въ особенности послѣдній служилъ ему образцомъ: онъ съ восторгомъ вспоминалъ славныя побѣды этого героя, который завоевателемъ прошелъ Германію съ 15,000 Шведовъ и мечемъ доказалъ императору Фердинанду, что великій человѣкъ пользуется обстоятельствами, устраняетъ препятствія и побѣждаетъ силу. Фердинандъ осмѣлился произнести на счетъ Густава-Адольфа дерзкое слово: «Этотъ снѣжный король скоро растаетъ, потому что осмѣлился мѣриться съ Юпитеромъ Европы». Пустыя и смѣшныя слова! *Снѣжный король* потрясъ до основаній престолъ *Германскаго Юпитера*. Густавъ III, одушевленный этимъ примѣромъ, забывалъ великія перемѣны, происшедшія въ духѣ его народа послѣ деспотическаго правленія Карла XI, послѣ

*) (Густавъ III былъ сынъ сестры Фридриха II. По отцу своему онъ приходился двоюроднымъ братомъ Екатерины II).

утомленія, въ которое приведена была Швеція безумной воинственностью Карла XII, послѣ лишеній, которыя она потерпѣла отъ честолюбія и самовластія этого монарха. Густавъ III даже не обратилъ вниманія на тѣ затрудненія, которыя долженъ былъ преодолѣвать чтобы утвердить свою власть, совершенно ослабленную честолюбивой аристократіею. Извѣстно, что послѣ 1720 года, когда представители государственныхъ сословій захватили въ свои руки правленіе государствомъ, власть королевская ослабѣла, и король долженъ былъ подписывать всѣ распоряженія сейма и его предсѣдателя, будучи въ зависимости отъ нихъ. Такимъ образомъ царствовали: Ульрика-Элеонора, ея мужъ Фридрихъ Гессенскій и избранный ихъ наслѣдникомъ Адольфъ-Фридрихъ, принцъ Гольштинскій, отецъ Густава III. Правда, что, будучи еще ребенкомъ, только что выйдя изъ пеленокъ, Густавъ подавалъ блистательныя надежды приверженцамъ падшей монархической власти. Онъ былъ семи лѣтъ, когда одинъ Шведскій генералъ сказалъ ему въ шутку, что онъ будетъ другимъ Густавомъ-Адольфомъ. Ребенокъ отвѣчалъ на это: «То, что вы теперь говорите какъ лесть, когда-нибудь, пожалуй, будетъ правдою.» Его юное воображеніе было полно чертами изъ исторіи обоихъ Густавовъ, Христины, Карла XII, битвами съ Нѣмцами, Русскими, Поляками, сраженіями подъ Люценомъ, Нарвою и Полтавою. Покуда онъ росъ, волнуемый мечтами о славѣ, въ сеймахъ господствовали смуты, и Швеція раздѣлилась на двѣ партіи: *шапокъ* и *шляпъ*. Первая хотѣла купить миръ подчиненіемъ и согласіемъ съ Россіею; вторая искала прежней славы и независимости, хотѣла при содѣйствіи Франціи завладѣть снова Ливоніею и Финляндіею. *Шапки* были усердные приверженцы республиканской аристократіи; *шляпы* въ тайнѣ желали возстановленія королевской власти. Тогда-то, однажды, молодой Густавъ со вздохомъ высказался въ слѣдующихъ словахъ объ отцѣ своемъ: «Король сталъ въ государствѣ куклою, на которую только въ торжественные дни надѣваютъ регаліи». Смуты въ сеймѣ усиливались. Обѣ партіи поперемѣнно захватывали власть. Старый король, выведенный наконецъ изъ терпѣнія безпрестанными униженіями, отрекся отъ престола, а сеймъ, не успѣвъ заставить его утвердить нѣкоторыя изъ своихъ постановленій, рѣшился принять это отреченіе и чтобы сдѣлать его сопротивленіе безполезнымъ, утверждалъ законы вмѣсто подписи короля приложеніемъ его печати. Молодой Густавъ, въ негодованіи, взялъ изъ Государственнаго Совѣта печать и передалъ ее отцу. Не имѣя терпѣнія долѣе переносить это униженіе, онъ съ братомъ поѣхалъ путешествовать. Оба они были въ Парижѣ въ 1771 году, когда узнали о смерти отца. Густавъ отправился въ Стокгольмъ и созвалъ сеймъ.

Молодой король доказалъ въ это время, что онъ былъ достоинъ сана, который носилъ. Соображаясь съ обстоятельствами, онъ обнаружилъ ловкость благоразумнаго человѣка, доброту народнаго монарха, взглядъ глубокаго политика и рѣшительность молодого воина. Прежде всего онъ старался казаться равнодушнымъ ко власти, отнятой у престола аристократіею, и въ тоже время всевозможными средствами привлекалъ къ себѣ любовь народа. Онъ въ этомъ успѣлъ, такъ что *однажды* одинъ отважный и простодушный крестьянинъ изъ Далекарліи сказалъ ему: «Уѣзжаю довольный тобою и разскажу своимъ, что я видѣлъ: въ тебѣ они найдутъ добраго отца. А если когда нибудь тебѣ будетъ нужда до насъ, твоихъ людей, то обитатели трехъ долинъ соберутся къ тебѣ на первый же призывъ». Съ скрытымъ удовольствіемъ Густавъ замѣчалъ въ сеймѣ разномысліе дворянскихъ представителей съ прочими. Дворяне, высокомѣрно желая захватить всѣ высшія должности, возбудили всеобщее неудовольствіе. Король скрывалъ свое восхищеніе и потихоньку умножалъ число своихъ приверженцевъ. Собравъ полтораста молодыхъ офицеровъ подъ командою Спренгпортена и подъ предлогомъ формированія военной школы, онъ подготовилъ себѣ помощь на случай нужды. Нѣсколько времени спустя, задержавъ подвозъ хлѣба, онъ произвелъ искусственный голодъ и возбудилъ неудовольствіе въ народѣ. Между тѣмъ собрался новый сеймъ. Онъ былъ составленъ изъ противниковъ его, приверженцевъ Англіи и Россіи, скрѣпившихъ связи Швеціи съ этими державами. Нужно было дѣйствовать: приходилось или подчиниться такому сейму, или побѣдить его. Отвращая вниманіе своихъ противниковъ отъ удара, имъ грозившаго, Густавъ произвелъ нарочно возмущеніе въ Финляндіи и Сканіи. Между тѣмъ Спренгпортенъ, Геллихіусъ и многіе офицеры, привязанные къ королю и его брату, разглашали печатно, что дороговизна хлѣба происходитъ отъ вліянія Русскихъ и Англичанъ и отъ измѣны сейма. Народъ ловилъ эти слухи. Въ это время произошло возмущеніе въ Христіанштадтѣ. Герцогъ Зюдерманландскій тотчасъ собралъ пять полковъ и вышелъ съ ними въ походъ, увѣривъ солдатъ, что составился заговоръ, затѣянный Русскими противъ жизни короля. Все это движеніе встревожило сеймъ. По его распоряженію вооружены были два корпуса, на вѣрность которыхъ можно было положиться. Рудебеку поручено было охранять короля и даже задержать его, если почему либо откроется, что онъ въ сношеніяхъ съ Христіанштадтскими бунтовщиками. Густавъ предвидѣлъ это. За нимъ слѣдили, старались, чтобы онъ проговорился, но онъ ничѣмъ не обнаружилъ себя. «Извѣстіе, которое вы мнѣ сообщаете, сказалъ онъ Рудебеку, довольно странно и неправдоподобно».—«И что всего страннѣе, сказалъ тогда графъ Риб-

бингъ, пристально смотря на короля, такъ это то, что офицеръ, стоявшій на карауле у воротъ Христіанштадта, увѣрялъ генерала Рудебека, будто все совершающееся дѣлается по приказанію вашего величества». «Ну, такъ что же? Онъ ошибся», возразилъ король съ холодностью и невозмутимымъ спокойствіемъ. На другой день Рудебекъ, войдя къ королю безъ доклада, засталъ его за рисункомъ для одной изъ придворныхъ дамъ и, уходя, сказалъ: «Можно навѣрно сказать, что этотъ юноша никому на свѣтѣ не можетъ быть опасенъ».

Карлъ, братъ его, между тѣмъ приближался съ своими пятью полками. Испуганный сеймъ приказываетъ охранять городъ и не выпускать короля. Во время этой тревоги Густавъ, среди блистательнаго двора, притворяясь беззаботнымъ и легкомысленнымъ, казалось, только и думалъ, что объ удовольствіяхъ; но, между тѣмъ, онъ далъ потихоньку знать своимъ друзьямъ, что пришло время дѣйствовать. Совѣтъ хотѣлъ принудить его показать письма его брата; онъ отказался исполнить его требованіе. Нѣсколько членовъ хотѣли его арестовать; тогда король вдругъ уходитъ, садится на лошадь, ѣдетъ къ арсеналу, въ которомъ уже дожидались его клевреты, возвращается во дворецъ, гдѣ стояла гвардія, сзываетъ офицеровъ и съ жаромъ представляетъ имъ народную бѣду и *цѣпи, скованныя золотомъ иноземцевъ*. «Клянусь вамъ, говоритъ онъ, что я болѣе всякаго Шведа ненавижу самовластіе. Принужденный защищать мою независимость и свободу отечества отъ дерзкихъ вельможъ, я васъ спрашиваю: хотите ли вы присягнуть мнѣ съ тою вѣрностью, какою всегда отличался Шведскій народъ при Густавѣ-Вазѣ и Густавѣ-Адольфѣ? Если вы согласны, я охотно подвергну жизнь мою опасности для блага отечества и вашего». Всѣ, кромѣ трехъ, присягнули. Въ эту минуту комендантъ войска, охранявшаго сеймъ, хочетъ говорить съ королемъ. «Пусть онъ идетъ въ Совѣтъ, тамъ я съ нимъ объяснюсь». Тогда Густавъ повязываетъ руку бѣлымъ платкомъ (это былъ условный знакъ). Офицеры гвардіи и артиллеріи слѣдуютъ его примѣру. Не теряя времени, онъ ставитъ караулъ къ Государственному Совѣту и отправляется къ собранному войску, чтобы держать рѣчь солдатамъ. Это была рѣшительная минута. Собравшись съ духомъ, онъ проѣхалъ по рядамъ, убѣждалъ, увлекалъ, воспламенялъ ихъ преданность, такъ что всѣ поклялись идти за нимъ и защищать его. Одинъ только голосъ отказа нарушилъ ихъ согласные клики. Однако въ другихъ частяхъ города распускали слухи, что онъ арестованъ. Король проѣхалъ по городу съ обнаженною шпагою, и народъ былъ въ восторгѣ. Напрасно въ это время Рудебекъ внѣ себя мчался по улицамъ и кричалъ: «Къ оружію, братья; къ оружію, Шведы! Погибаетъ ваша свобода!» Густавъ велѣлъ его арестовать вмѣстѣ съ про-

чими коноводами партіи *шапокъ*. Король, желая обезпечить безопасность иностранныхъ министровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдать ихъ намѣренія, созвалъ ихъ во дворецъ. Тамъ онъ привелъ къ присягѣ чиновниковъ и адмиралтейство. Посланники обратились къ нему съ поздравленіями, но искренни изъ нихъ были только Испанскій и Французскій. Такимъ образомъ, въ нѣсколько часовъ, находчивостью одного человѣка совершился великій государственный переворотъ, и ни одной капли крови не было пролито. Совершенное спокойствіе господствовало въ столицѣ и въ государствѣ.

Король приказалъ брату своему распустить войска. Но онъ не довольствовался смѣлымъ подвигомъ возстановленія королевской власти: онъ хотѣлъ, чтобы народъ своимъ одобреніемъ освятилъ этотъ переворотъ. Устроено было народное собраніе на обширномъ полѣ: здѣсь было все земское ополченіе съ оружіемъ въ рукахъ. Явился король и былъ встрѣченъ всеобщимъ кликомъ: «Да здравствуетъ Густавъ! Да здравствуетъ спаситель отечества!»

Король созвалъ чиновъ и съ торжествомъ явился въ собраніе. Слухъ о приближеніи Финляндскихъ войскъ потревожилъ было депутатовъ; но спокойствіе и краснорѣчіе короля разсѣяли тревогу. Простучавъ три раза серебрянымъ молоткомъ Густава-Адольфа, король потребовалъ вниманія и прочиталъ актъ, состоявшій изъ 57 статей, въ которыхъ онъ обѣщалъ поддерживать прежніе законы такъ, какъ они были при Густавѣ-Адольфѣ и до 1680 года. Король и представители народа обмѣнялись клятвами, и все кончилось молебствіемъ.

Выказавъ себя ловкимъ, смѣлымъ и твердымъ, Густавъ, какъ король, явился добрымъ и великодушнымъ. Онъ никому не мстилъ; всѣмъ была объявлена амнистія. Забывая угрозы и обиды, нанесенныя отцу, онъ говорилъ: «Я не хочу никакого напитка, кромѣ воды Леты». Награды достались Геллихіусу, Спренгпортену и другимъ офицерамъ, которые первые поддержали его.

Его дружелюбныя увѣренія успокоили нѣкоторыхъ недовольныхъ иностранныхъ дипломатовъ. Онъ весь предался исполненію своего долга въ отношеніи къ народу. Онъ поощрялъ торговлю и земледѣліе, учреждалъ фабрики и заводы, раздавалъ хлѣбъ бѣднымъ, освободилъ отъ податей всѣхъ отцовъ, имѣвшихъ четырехъ дѣтей, разсѣялъ предразсудокъ относительно оспопрививанія и утвердилъ свободу печати постановленіемъ, въ которомъ напомиралъ, что этой свободы не существовало въ Англіи, когда Карлъ I взошелъ на эшафотъ. «Только при этой свободѣ, говорилъ король, правители узнаютъ свои ошибки; только черезъ нее они слышатъ жалобы народа, и только посредствомъ нея они могутъ иногда убѣдить его въ неосновательности этихъ жа-

лобъ». Появилась сатира на него. Король велѣлъ призвать автора; тотъ явился со страхомъ. «Я вижу, сказалъ ему Густавъ, что вы умный человѣкъ, но, вѣроятно, бѣдны. Я не хочу, чтобы вы нуждались и назначаю васъ своимъ библіотекаремъ». Король поощрялъ разработку рудъ, и отъ его хозяйственныхъ распоряженій множилось обращеніе денегъ. Свобода подняла общее довѣріе. Врагъ роскоши, онъ боролся противъ нея указами, столь убѣдительными, что они подѣйствовали на народъ, вообще небогатый. Онъ усилилъ трудъ, уничтоживъ до двадцати-двухъ праздничныхъ дней въ году. Среди королевскихъ трудовъ, полный рыцарскими мыслями, онъ, по образцу знаменитаго короля Артура, устроилъ покровительство надъ сиротами и стариками и надзоръ за больницами. Какъ любитель литературы, онъ былъ въ перепискѣ съ нѣсколькими учеными. Онъ преобразовалъ Упсальскій университетъ, учредилъ академіи, написалъ нѣсколько театральныхъ пьесъ, а по случаю открытія памятника Густаву-Вазѣ сочинилъ лирическую піесу, которая и была играна въ Стокгольмѣ *). Часто просыпались въ немъ романическіе порывы молодости; нѣсколько разъ онъ устраивалъ всенародные турниры и карусели.

Осмнадцать лѣтъ царствовалъ онъ справедливо, великодушно, свободолюбиво и умно и основалъ свою силу и славу на любви народа благороднаго и свободнаго. Однакожъ, между тѣмъ, какъ благоразуміе клонило его къ миру, излишняя любовь къ славѣ пробуждала въ немъ тайное желаніе войны. Исподволь готовился онъ къ ней, строилъ корабли, собиралъ запасы, укрѣплялся, обучалъ и упражнялъ войска. Все улыбалось его надеждамъ. Обезпечивъ спокойствіе своего государства, онъ совершилъ поѣздку по Европѣ и вездѣ былъ встрѣченъ похвалами, хотя и находили иногда, что его достоинствамъ мѣшало излишнее тщеславіе, подстрекавшее его слишкомъ часто повторять разсказъ о переворотѣ, который имъ совершенъ. Эта смѣсь ума съ гордостью имѣла вліяніе на его судьбу. Съ умомъ онъ прожилъ счастливо осмнадцать лѣтъ; гордость породила бурю, которая, омрачивъ его царствованіе, возбудила противъ него вражду, и онъ палъ подъ ея ударами.

Съ 1786 года въ Шведскомъ дворянствѣ возникла довольно сильная оппозиція, усиленная еще воинственнымъ настроеніемъ короля. Король не могъ равнодушно видѣть, что Россія владѣетъ Лифляндіею и частію Финляндіи. Въ надеждѣ найти случай, чтобы завоевать ихъ обратно, онъ, по внушеніямъ нѣкоторыхъ державъ, составилъ союзъ съ Пор-

*) Его сочиненія и переписку издалъ секретарь его Déchaux (Stockholm et Paris, 1803, 5 v. in 8°).

тою. Взаимное обязательство состояло въ томъ, что если одна изъ державъ будетъ атакована Россіею, другая вступится, и обѣ не положатъ оружія, покуда не добьются удовлетворенія. Мы видѣли, какъ онъ обманулся въ своихъ надеждахъ, и трудно понять, какъ могъ онъ не знать о настроеніи Шведскаго дворянства и о происках, которыми возбуждалось войско. Слишкомъ довѣрчиво полагаясь на беззаботность своихъ непріятелей, онъ ожидалъ своего торжества и увлекся до такой степени, что произнесъ въ Государственномъ Совѣтѣ слѣдующія грозныя слова: «Если успѣхъ увѣнчаетъ наше оружіе, я между памятниками Русской гордыни поищу только одинъ памятникъ Петру Великому, чтобы выставить и увѣковѣчить на немъ имя Густава». Можетъ быть, ему удалось бы, хоть очень ненадолго, осуществить эти угрозы въ Петербургѣ, который оставался безъ защиты; но нѣсколько потерянныхъ имъ дней, нерѣшительная морская битва и возмущеніе его войска навсегда разсѣяли мечты о вторженіи и завоеваніи. Впослѣдствіи мы увидимъ, что Густавъ, принужденный къ оборонительному способу дѣйствія, въ храбрости своей нашелъ средство поправить свое положеніе и съ нѣкоторою славою сойти съ пути столь опаснаго.

Между тѣмъ, какъ этотъ новый врагъ грозилъ Русской Императрицѣ внезапнымъ нападеніемъ, недѣятельность южной арміи истощала ея терпѣніе. Осада Очакова еще не была даже начата, какъ слѣдуетъ. «Я полагаю, писалъ мнѣ князь Делинь, что мы начали осаду этой крѣпости, по крайней мѣрѣ, въ воображеніи, потому что соорудили четыре плохіе редута въ разстояніи 700 туазовъ и ретраншаменты въ разстояніи 900 туазовъ отъ городскихъ стѣнъ. Непріятель не подумалъ стрѣлять на работавшихъ, хотя они трудились свѣтлою лунною ночью. Потемкинъ какъ будто заснулъ и, казалось, не думалъ ни воевать, ни защищаться. Черезъ нѣсколько дней двѣ тысячи Турокъ неожиданно атаковали эти ретраншаменты; бросившись на батарею, защищаемую Ангальтомъ, они уже готовы были разрушить ихъ. Князь не посылалъ ни приказаній, ни подкрѣпленій. Онъ все смѣялся надъ неугомонною дѣятельностью принца Нассау, который отплатилъ ему порыцарски: высадивъ свои войска и спасши Ангальта съ его батареею, онъ самъ привезъ Потемкину донесеніе Ангальта, который приписывалъ въ немъ спасеніе свое принцу Нассау. Вмѣстѣ съ тѣмъ принцъ иронически извинился, что дерзнулъ вступить въ бой, не дождавшись приказаній главнокомандующаго».

Въ это же время Австрійцы потерпѣли сильную неудачу Императоръ слишкомъ широко растянулъ войска свои, Турки прорвали ихъ цѣпь и произвели большія опустошенія въ Банатѣ. Среди этихъ обстоятельствъ Делинь писалъ императору слѣдующее: «Я надѣюсь,

ваше величество, что Сентябрь мѣсяцъ поправитъ несчастіе въ Банатѣ и неуспѣхъ въ Босніи. Можно ли думать, что разстроенная Оттоманская имперія можетъ быть такъ опасна Россіи? Планъ Турокъ былъ прекрасный. Если бы Шведскій король сдѣлалъ свое нападеніе тремя недѣлями раньше или позднѣе, и если бы паша успѣлъ, какъ должно было ожидать, съ флотомъ своимъ, покрывавшимъ Лиманъ, разбить рыбачьи лодки и галеры, изъ которыхъ состоялъ флотъ нашъ во время романической поѣздки по Борисѳену, то король явился бы въ Петербургъ, а паша въ Херсонъ».

Наконецъ, счастье, которое, какъ будто отвернулось отъ Императрицы, снова ей улыбнулось: она получила извѣстіе о второй побѣдѣ, одержанной Нассау-Зигеномъ въ Лиманѣ. Такъ какъ большіе корабли и фрегаты Русскіе, по причинѣ мелей, не могли догнать флотилію, то Поль-Джонсъ самъ вызвался помочь Нассау своею отвагою, удерживая однако его кипучую рѣшительность. «Мы идемъ на вѣрную гибель, говорилъ онъ ему; съ нѣсколькими галерами и плоскодонными судами никто еще никогда не осмѣливался нападать на сильную эскадру и корабли въ 74 и 80 пушекъ; это безумная отвага; вы будете уничтожены». «Ошибаетесь, отвѣчалъ Нассау: эти громады безъ души, и артиллерія ихъ неискусна; Турки не умѣютъ цѣлить и стрѣляютъ на воздухъ. Мы пойдемъ на нихъ подъ огненнымъ сводомъ, который намъ немного повредитъ; мы ихъ подожжемъ и истребимъ».

Его предсказаніе сбылось. Онъ взорвалъ шесть военныхъ кораблей, захватилъ еще два и сжегъ почти весь флотъ. Капитанъ-паша спасся на шлюпкѣ; четыре тысячи Турокъ были захвачены въ плѣнъ. Суворовъ береговыми батареями немало способствовалъ этой побѣдѣ. Графъ Рожеръ Дедамасъ, командуя двѣнадцатью канонерскими лодками, за свое благоразуміе и храбрость заслужилъ въ этомъ дѣлѣ справедливыя похвалы. Нассау поручилъ ему отвезти Потемкину адмиральскій флагъ капитана-паши. Апраксина послали курьеромъ къ Императрицѣ.

Потемкинъ расположился тогда на возвышеніи, называемомъ Ново-Григорьевскимъ. Въ радости отъ побѣды надъ Турками и увлекаемый набожными мыслями, которыя не покидали его съ дѣтства, онъ бросился на шею Делиню и сказалъ ему: «Видите-ли вы эту церковь? Я ее посвятитъ моему святому, и побѣда Нассау случилась на другой день послѣ его праздника. Мы и сегодня возлѣ его церкви, и вотъ Турецкій флотъ сожженъ; это помощь святаго, не такъ-ли? Да, точно, я баловень Божій!»

Это торжество вознаградило Императрицу за тревогу, которую причинилъ ей Шведскій король. Она приказала отслужить молебенъ и назначила для этого храмъ въ крѣпости, находящійся въ виду памят-

ника Петру Великому, достойнаго и его, и ея. Императрица объявила мнѣ, что сорокъ двѣ губерніи предложили ей выставить по баталіону, но что она отказалась отъ этого, потому что солдатъ, которыхъ собрали въ Москвѣ и Петербургѣ, было достаточно для отраженія Шведовъ. Когда она спросила меня о новостяхъ изъ Франціи, я сказалъ ей, что тамъ думаютъ, будто она написала Шведскому королю рѣзкое письмо, которое его разсердило. «Я очень рада, отвѣчала она мнѣ, что вы мнѣ сообщили это. Басню эту распускали во многихъ мѣстахъ; надѣюсь, что вы считаете меня неспособною солгать вамъ. Итакъ, положитесь на мои слова: съ 1785 года я ни разу не писала Шведскому королю». Отъ нея же узналъ я, что капитанъ-паша, собравъ остатки своего флота, состоявшаго еще изъ тридцати-пяти судовъ, изъ которыхъ пятнадцать съ 74 и 80 пушками, встрѣтился съ контръ-адмираломъ Войновичемъ [1]), шедшимъ на него съ 17-ю кораблями. Они вступили въ бой, и битва была рѣшительная. Турки потеряли 20-ти пушечный корабль, а одинъ Русскій фрегатъ такъ пострадалъ, что его нужно было ввести въ Севастопольскую гавань. Капитанъ-паша отошелъ къ берегу къ Варнѣ, а Войновичъ остался въ морѣ.

На Сѣверѣ адмиралъ Грейгъ напрасно искалъ Шведскаго флота: онъ встрѣтилъ только четыре судна и упустилъ три; только одно, 74 пушечное, разбилось о берегъ и было сожжено Русскими. Пятьсотъ человѣкъ экипажа попали въ плѣнъ. Екатерина послала Грейгу Андреевскую ленту. «Этотъ орденъ, отвѣчалъ онъ ей, дается только высокорожденнымъ или отличившимся своими заслугами, а такъ какъ я не знатнаго происхожденія и не успѣлъ еще отличиться, то, сохраняя орденъ, не буду однако носить его, покуда не буду достоинъ».

На сушѣ не происходило ничего замѣчательнаго. Армфельдъ [2]), послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ успѣховъ надъ Русскими, удалился въ Питтисъ. Онъ отступилъ храбро и въ порядкѣ, между тѣмъ какъ остальная Шведская армія внезапно удалилась отъ Фридрихсгама. Въ то время мы еще не знали о возмущеніи Финляндской арміи, и это быстрое отступленіе возбудило въ Петербургѣ такое же сильное удивленіе, какъ сильна была сначала тревога, произведенная внезапнымъ наступленіемъ Шведовъ. До насъ доходили только слухи, что Финляндскія войска, готовыя отразить нападеніе, не хотѣли войны, несогласной съ условіями конституціи [3]).

[1]) Графъ Маркъ Ивановичъ, ум. въ началѣ XIX в.

[2]) Шведскій главнокомандующій.

[3]) Т. е. войны наступательной.

Между тѣмъ Монморень писалъ мнѣ, что Шведскій король требуетъ отъ Франціи денежнаго вспомоществованія, обѣщаннаго ему прежнимъ договоромъ. Ему отвѣчали, что такъ какъ онъ зачинщикъ, то его требованіе неисполнимо; а что касается обыкновенныхъ ссудъ въ мирное время, то король желаетъ, чтобы обстоятельства дали ему возможность выплатить ихъ. Этотъ отвѣтъ, сообщенный Русскимъ министрамъ, очень имъ понравился и снова возбудилъ надежды на заключеніе союза между четырьмя державами. Монморень наказывалъ мнѣ спѣшить, но между тѣмъ не давалъ средствъ, потому что никакъ не хотѣлъ поручиться за независимость Польши.

Отправившись однажды въ эрмитажъ, я узналъ отъ Императрицы, что Шведскій король оставилъ свой лагерь и возвращется въ Стокгольмъ черезъ Або, вмѣсто того, чтобы идти тѣмъ же путемъ, по которому онъ шелъ въ Финляндію. «Король нѣсколько смущенъ, сказала она мнѣ съ ироническою улыбкою; народъ знаетъ, что его непобѣдимый флотъ не выходитъ изъ портовъ, между тѣмъ какъ несчастный Русскій флотъ постоянно въ морѣ».

Императрица приказала сообщить намъ свой манифестъ противъ Швеціи. Онъ былъ написанъ сильно, благородно и въ умѣренныхъ выраженіяхъ. Но, сообщая его Датскому правительству, она выразилась такимъ образомъ: «Шведскій король безразсудно обнажилъ мечъ, вооружившись противъ меня; ему придется бросить и ножны». Когда Густавъ узналъ объ этомъ, онъ сказалъ: «Сикстъ Пятый сказалъ о герцогѣ Гизѣ: *когда подданный обнажаетъ мечъ противъ своего монарха, то долженъ бросить и ножны.* Я не подданный Императрицы и сдѣлаю все, что̀ могу, чтобы доказать это». Странно было видѣть этихъ двухъ монарховъ, спорящихъ такъ жарко на словахъ, между тѣмъ какъ ихъ армія одна будто дивилась, что застигнута врасплохъ, а другая болѣе склонна была къ переговорамъ, нежели къ битвамъ.

Негласнымъ образомъ узналъ я, что Финское войско замышляло уже перейдти на сторону Русскихъ; это извѣстіе черезъ нѣсколько дней оправдалось прибытіемъ въ Петербургъ бѣжавшаго изъ Швеціи генерала Спренгпортена *). Онъ по неудовольствію бросилъ свою службу въ Швеціи и предложилъ свои услуги Екатеринѣ. Этотъ поступокъ возбудилъ во мнѣ нѣкоторое недовѣріе къ истинѣ его разсказовъ. Однако мы скоро убѣдились, что они не очень преувеличены, и тогда совершенно объяснилась настоящая причина внезапнаго отъѣзда короля.

---

*) Того самого, который былъ упомянутъ выше. Его звали въ Россіи Егоръ Максимовичъ; въ 1788 г. онъ сдѣланъ барономъ, а въ 1809 г. графомъ В. Кн. Финляндскаго. Его бумаги и письма въ Императорской Публичной библіотекѣ.

Густавъ, сдѣлавъ только развѣдку около Фридрихсгама въ послѣднихъ числахъ Іюня, и казалось, терялъ драгоцѣнное время. Избѣгая всячески являться зачинщикомъ, онъ надѣялся угрозами вызвать Русскихъ на непріязненныя дѣйствія. Обманутый въ этихъ ожиданіяхъ, онъ отправилъ впередъ Армфельда, которому удалось разбить отдѣльный непріятельскій отрядъ; но, увлекшись, онъ такъ горячо дѣйствовалъ, что былъ окруженъ и чуть-чуть было не попался въ плѣнъ. Тогда король написалъ ему слѣдующее письмо, которое изображаетъ намъ свойства его ума и объясняетъ его намѣренія: «Мнѣ надо бранить васъ, а не хвалить. Все вышло такъ изъ-за вашей синей ленты: васъ приняли за меня или за моего брата. Куда какъ хорошо было бы, если бы васъ захватили, и каково было бы торжество Императрицы имѣть въ рукахъ своихъ одно изъ первыхъ лицъ моего двора! Мы идемъ на помощь къ вамъ. Надобно оставить Фридрихсгамъ, пока мы не будемъ въ состояніи атаковать крѣпость какъ слѣдуетъ; къ тому же Англія объявила Даніи, что полагается на ея нейтралитетъ». Непонятно, для чего король сбирался вести правильную осаду противъ такой ничтожной крѣпостцы, какъ Фридрихсгамъ. Впрочемъ, такъ какъ его тяжелая артиллерія оказалась ужъ слишкомъ медленна, то онъ рѣшился взять городъ сразу. Вслѣдствіе того предположено было вести атаку съ трехъ сторонъ: Гацфельдъ долженъ былъ подойти съ Сѣвера; Армфельдъ оставался въ своемъ крѣпкомъ положеніи у Питтиса, чтобы прикрывать движеніе короля къ Фридрихсгаму; Сигротъ съ галерами и десантными войсками долженъ былъ подойти къ берегу недалеко отъ Петербурга, и когда онъ дастъ знать о своей высадкѣ пушечными выстрѣлами, Густавъ долженъ былъ атаковать Фридрихсгамъ. Сначала дѣло, казалось, шло какъ по писанному. Условный сигналъ далъ знать королю, что Сигротъ высадился: онъ быстро пошелъ навстрѣчу Михельсону, но вдругъ, при началѣ движенія, получилъ приказаніе возвратиться на суда, причемъ Русскіе его преслѣдовали, и ему крѣпко отъ нихъ досталось. Вотъ что подало поводъ къ этой внезапной перемѣнѣ въ распоряженіяхъ: только что Густавъ услыхалъ выстрѣлы Сигрота, какъ приказалъ своимъ войскамъ идти на Фридрихсгамъ; но вмѣсто того, чтобы повиноваться, войско ропщетъ, останавливается; офицеры выходятъ изъ рядовъ, окружаютъ короля и говорятъ ему, что онъ не долженъ безъ нужды жертвовать жизнію своихъ подданныхъ. Король въ негодованіи требуетъ повиновенія. Тогда всѣ безъ обиняковъ объявляютъ ему, что не хотятъ участвовать въ наступательной войнѣ, противной конституціи. «Мы готовы, говорятъ они, защищать отечество, пролить за него послѣднюю каплю крови, но никогда не согласимся напасть на сосѣднюю страну безъ основательной причины. Мы согласны только защи-

щать границы отъ непріятельскаго вторженія». Густавъ, огорченный и раздраженный, обращается къ солдатамъ, напоминаетъ имъ присягу, старается возбудить въ нихъ усердіе и храбрость; но всѣ они, сложивъ оружіе на землю, клянутся, что не сдѣлаютъ ни шагу впередъ. Вотъ какимъ образомъ, подъ стѣнами непріятельской крѣпости, вспыхнуло возмущеніе, котораго до тѣхъ поръ Густавъ не подозрѣвалъ. Скоро онъ узналъ, что цѣль главныхъ зачинщиковъ состояла въ томъ, чтобы съ помощію Россіи возстановить прежнее аристократическое правленіе, какъ оно было до 1720 года. Послѣ этихъ событій стало понятно, что король, въ отчаяніи, принужденъ былъ остановить Сигрота, отказаться отъ завоеваній и возвратиться къ себѣ въ столицу, гдѣ онъ узналъ о вооруженіи Датчанъ и приближеніи этого новаго врага, грозившаго нападеніемъ нѣсколькимъ областямъ Швеціи. Впрочемъ, когда въ послѣдствіи времени ему удалось возстановить въ арміи порядокъ и повиновеніе, то заговорщики, которымъ онъ даровалъ прощеніе, были строго наказаны, потому что, по возвращеніи ихъ въ Стокгольмъ, народъ называлъ ихъ измѣнниками и до того ихъ преслѣдовалъ, что они не могли показываться на улицахъ въ мундирѣ.

Всѣ эти происшествія разсѣяли тревогу, возбужденную въ Императрицѣ началомъ этой войны, грозившей опасностью ея столицѣ, ея спокойствію и славѣ. Въ тоже время она узнала, что бомбардируютъ Очаковъ. Князь Потемкинъ встрепенулся и началъ дѣйствовать. Но дѣятельный некстати, какъ некстати онъ былъ лѣнивъ, онъ, безъ всякой нужды, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ генераловъ, произвелъ развѣдку въ разстояніи ружейнаго полувыстрѣла отъ укрѣпленій. Эта выходка стоила жизни многимъ Русскимъ; другихъ переранило; подъ Делинемъ убита лошадь. Императрица сдѣлала строгій выговоръ князю за эту безполезную отвагу. Между тѣмъ и Суворовъ былъ тоже неблагоразуменъ: Турки сдѣлали вылазку, и онъ, отбивъ ихъ, преслѣдовалъ съ такимъ пыломъ, что у самыхъ городскихъ воротъ картечный огонь перебилъ у него двѣсти человѣкъ. На Сѣверѣ адмиралъ Эссенъ захватилъ 17 Шведскихъ купеческихъ судовъ.

Въ то время въ Россіи такъ ошибочно судили о внутреннихъ дѣлахъ Франціи и о затрудненіяхъ, въ которыхъ находилось наше правительство, что Императрица все еще ожидала скораго заключенія договора между четырьмя державами. Она этого желала тѣмъ болѣе, что была недовольна Англичанами и Прусаками. Поэтому она просила, чтобы переговоры были ведены не въ Парижѣ, а въ Петербургѣ и, въ слѣдствіе обѣщанія Монморена прислать предположеніе статей договора, полагала, что я скоро получу полномочіе необходимое для окончанія этого важнаго дѣла. Графъ Безбородко выразилъ мнѣ увѣ-

ренность, что въ ожидаемомъ предначертаніи статья, которою обезпечивается независимость Польши, будетъ только измѣнена, но никакъ не отмѣнена. «Въ самомъ дѣлѣ, говорилъ онъ, безъ этого условія договоръ былъ бы мечтательнымъ, потому что только черезъ Польшу Прусскій король можетъ напасть на обѣ имперіи. Такъ какъ Россія должна быть нейтральна между Англіею и Франціею, а послѣдняя между Россіею и Турціею, то какое бы значеніе имѣлъ договоръ, который не полагалъ бы никакихъ границъ самолюбивымъ притязаніямъ Прусскаго короля?»

Безбородко, ежедневно дѣлавшій новыя уступки въ нашу пользу, дивился нашей нерѣшительности. Онъ не могъ рѣшить загадки, а дѣло было вотъ въ чемъ. Нашъ первый министръ Дебріенн болѣе всего опасался быть вовлечену въ войну, но не хотѣлъ обнаружить этого. Чтобы сохранить достоинство, онъ для вида входилъ въ переговоры, стараясь пользоваться самыми незначительными поводами, чтобы отлагать окончаніе дѣла. Письма, получаемыя мною изъ Франціи, объяснили мнѣ этотъ образъ дѣйствій, которому слѣдовалъ и Монморень невольно; потому-то частныя письма его ко мнѣ противорѣчили съ правительственными депешами. Принужденный исполнять непріятную для меня обязанность, я какъ умѣлъ, защищалъ систему нашего кабинета и говорилъ Русскимъ слѣдующее: «Нейтралитетъ Россіи на морѣ лишаетъ насъ единственной гарантіи, которой мы желали, то есть гарантіи противъ Англичанъ, личныхъ враговъ нашихъ: мы ужъ и такъ довольно дѣлаемъ для васъ, соглашаясь поднять оружіе, если Прусскій король вздумаетъ дѣлать завоеванія на счетъ владѣній Императрицы и императора, и не хотимъ подвергаться опасностямъ еще другой войны въ защиту конституціи и владѣній Польши, которая далека отъ насъ и съ которою мы давно уже не имѣемъ сношеній, чему виною императорскіе дворы». Исполнивъ такимъ образомъ свой долгъ, я писалъ двору своему прямо, что̀ думалъ. «Я такъ говорю, писалъ я Монморенію, только по приказанію; по Русскіе правы, и мы имъ отказываемъ въ томъ, что̀ должны бы сами предложить имъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ предлагаютъ они? Тѣсный союзъ, чтобы ослабить нашихъ соперниковъ, сохранить вліяніе наше на Порту и возстановить его въ Голландіи. Подумайте объ этомъ, умоляю васъ. Послѣдствіемъ нашего отказа будетъ наше уединеніе въ Европѣ, сближеніе Россіи съ Англіею и Пруссіею, и цѣною этого будетъ раздѣлъ Польши. Миръ заключится безъ нашего посредничества; Англія останется хозяйничать въ Голландіи; наконецъ, мы потеряемъ нашъ вѣсъ и вліяніе въ Константинополѣ и въ Швеціи».

Событія становились благопріятны для Императрицы и зловѣщи для Густава. Предводители Финской арміи, вмѣсто того, чтобы побѣждать Русскихъ, посылали дружественныя письма и даже угощенія Русскимъ военачальникамъ; въ Шведской арміи они возбуждали и поддерживали духъ недовольства. Король, по отъѣздѣ въ Стокгольмъ, оставилъ армію подъ командою своего брата, герцога Зюдерманландскаго, который тщетно старался возстановить порядокъ. Бунтовщики объявили ему, что онъ лучше сдѣлаетъ, если удалится, потому что они согласились заставить короля прекратить войну. Хотѣли даже ограничить его власть, которую онъ употребилъ во вредъ народа, напавъ на Россію безъ причины и подвергнувъ отечество опасности. Всѣ требовали, чтобы Императрицѣ были сдѣланы мирныя предложенія, даже хотѣли просить ея заступничества. Герцогъ Зюдерманландскій, изъ хитрости или по слабости, также обвинялъ своего брата-короля, распинаясь о благѣ отечества и стараясь убѣдить войско, что онъ ревностно желаетъ мира. Онъ поѣхалъ къ Финскимъ войскамъ, говорилъ имъ въ томъ же духѣ и написалъ великому князю Павлу Петровичу, прося у него перемирія и свиданія. Великій князь отъѣздомъ своимъ отстранилъ это свиданіе; но, по его приказанію, графъ Мусинъ-Пушкинъ согласился на переговоры. Полковникъ Монтомерри былъ посланъ въ Фридрихсгамъ для переговоровъ съ Русскими. Съ своей стороны, Императрица послала Спренгпортена въ Финляндію съ негласными предписаніями.

Трудно постигнуть, отчего Императрица, всегда дѣйствовавшая тонко и умно, пропустила удобный случай, посланный ей судьбою, чтобы прекратить войну и прочно утвердить въ Швеціи свое вліяніе, можно даже сказать, свою власть. Войска ея врага подчинялись ей; недовольство ихъ было сильно возбуждено, какъ всегда при началѣ возмущеній; они упрекали короля, смѣялись надъ его театральнымъ шлемомъ съ зеленымъ перомъ, надъ батальнымъ живописцемъ, котораго онъ взялъ съ собою для увѣковѣченія своихъ побѣдъ, наконецъ, надъ его обѣщаніемъ взять Петербургъ черезъ недѣлю и дать тамъ балъ Шведскимъ дамамъ. Если бы Екатерина воспользовалась этимъ положеніемъ, миръ былъ бы заключенъ, и армія, уже возмущенная, не имѣла бы времени одуматься. Густаву пришлось бы сдаваться и согласиться на возстановленіе прежней олигархіи, которой желала сильная и значительная партія. Но этотъ переворотъ долженъ бы совершиться вслѣдствіе мира, а не быть его условіемъ. Екатерина была слишкомъ раздражена, чтобы ясно видѣть дѣло, и потому упустила цѣль свою, слишкомъ рано обнаруживъ ее. Правда, она соглашалась на перемиріе, даже на миръ, но только съ условіемъ, чтобы армія заставила короля возстановить старинныя преимущества дворянства. Та-

кимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы рѣшить дѣло, стали раздумывать да разсуждать. Любовь къ родинѣ проснулась у Шведовъ, и король, пользуясь нерѣшительнымъ положеніемъ Русскихъ и дѣйствуя то настойчиво, то добротою и строгостью, нашелъ средства пробудить въ войскахъ чувство истинной чести, возвратить себѣ ихъ привязанность и собрать достаточныя силы, чтобы защищаться отъ своей опасной противницы. Не дожидаясь мира и союза, можно было по крайней мѣрѣ на срокъ положить оружіе; герцогъ Зюдерманландскій просилъ только, чтобы Русскіе выпустили Шведскій флотъ, задержанный тогда въ Свеаборгѣ; но Императрица, опасаясь, что подъ этимъ требованіемъ кроется обманъ, не согласилась, и военныя дѣйствія продолжались. То, что она считала благоразуміемъ, было вообще признано за ошибку, внушенную ей гордостью.

Продолженіе этой войны совершенно соотвѣтствовало видамъ Англіи и Пруссіи: онѣ твердили о мирѣ, но въ замыслахъ у нихъ было другое. Онѣ вездѣ предлагали свое посредничество и вездѣ подымали вражду. Поднявъ Голландію, Порту и Швецію, онѣ возбуждали смуты въ Польшѣ, и Прусскій король не упускалъ случая упрочить себѣ въ будущемъ городъ Данцигъ. Четвертной союзъ одинъ только могъ бы разрушить ихъ замыслы. Угрозы, денежныя предложенія, слухи, искусно распускаемые, все было употреблено, чтобы помѣшать заключенію этого столь опаснаго союза. Я напрасно объяснялъ все это моему министру въ депешѣ, посланной 19 Сентября. «Если мы вступимъ въ союзъ четырехъ державъ, писалъ я, то Англія и Пруссія должны будутъ отступить. Ихъ вліяніе на Порту прекратится; онѣ потеряютъ свое значеніе въ Голландіи и не посмѣютъ тревожить Польшу. Въ противномъ случаѣ, онѣ отвратятъ отъ насъ друзей и устроятъ миръ уступкою Данцига Пруссіи и порабощеніемъ Польши. Что же касается Турокъ, то они рады будутъ купить миръ, какою бы ни было цѣною». Въ Версалѣ порою какъ будто сознавали эти истины, и мнѣ казалось, что снова можно надѣяться возстановить наше политическое значеніе; но скоро мнѣ пришлось снова разочароваться.

Однажды вечеромъ, по возвращеніи моемъ домой, мнѣ сказали, что пріѣзжалъ экстренный курьеръ, но, не заставъ меня, ушелъ и не оставилъ депешъ. Мнѣ это показалось страннымъ; я спросилъ, не изъ Франціи ли онъ, и еще болѣе удивился, когда мнѣ сказали, что онъ изъ Камчатки. Еще за нѣсколько дней предъ тѣмъ, къ удивленію моему, я получилъ векселя на мое имя отъ Сибирскихъ купцовъ. На другой день все объяснилось. Ко мнѣ пришелъ молодой Лессепсъ, сынъ прежняго Французскаго консула въ Петербургѣ. Онъ совершилъ плаваніе съ Лаперузомъ; знаменитый и несчастный мореплаватель выса-

дилъ его, къ счастію для него, въ Камчаткѣ и поручилъ ему отвезти депеши во Францію. Молодой путешественникъ проѣхалъ всю Азію; онъ цѣлый годъ ѣхалъ до Петербурга. Стужа задержала его три мѣсяца въ Камчаткѣ; потомъ, не найдя судна, чтобы переплыть Охотское море, онъ долженъ былъ ѣхать еще три мѣсяца, чтобы обогнуть его. Отъ него я получилъ любопытныя свѣдѣнія о Камчаткѣ и Сибири. Онъ въ послѣдствіи издалъ описаніе этого страннаго путешествія, писанное просто и ясно и достойное довѣрія [1]). Лаперузъ просилъ меня выхлопотать награду Козлову, Камчатскому губернатору [2]), который отлично принялъ Французовъ; онъ даже не допустилъ ихъ заплатить за мясо, нужное экипажу. Впрочемъ, повсюду въ Россіи Лессепсъ находилъ помощь, проводниковъ и деньги, которыя, по желанію Лаперуза, я выплатилъ Русскимъ. Молодой Лессепсъ, пылкій, усердный, неутомимый, не хотѣлъ отдыхать въ Петербургѣ. Спѣша исполнить свое порученіе, онъ просилъ меня послать его курьеромъ въ Версаль; я согласился и далъ ему свои депеши. Онъ, можетъ быть, первый изъ Европейцевъ, проѣхавшій съ Востока на Западъ всю Азію и Европу.

Почти въ тоже время Французскій негоціантъ Бегуанъ (Begouen), человѣкъ почтенный по своимъ достоинствамъ, знаніямъ и дѣйствіямъ въ разныхъ должностяхъ, подалъ мнѣ замѣчательную записку о торговлѣ на Сѣверѣ, написанную по моему предложенію; я отослалъ ее къ Делюзерну и Некеру. Онъ высказывалъ истины, которыя не худо бы повторять чаще. «Мы смотримъ на торговлю, какъ на дѣло второстепенное въ политикѣ, тогда какъ Англичане заботятся о ней по преимуществу; *въ этомъ отношеніи они постоянно воюютъ съ нами* и въ мирное время. Эта борьба, искусно ведомая, составляетъ источникъ ихъ богатства и основу довѣрія къ нимъ; она даетъ имъ, къ сожалѣнію, возможность замедлять нашу промышленность, обезсиливать наше мореплаваніе и поддерживать свое вліяніе на Сѣверѣ великимъ сбытомъ товаровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они пріобрѣтаютъ себѣ значительное число испытанныхъ матросовъ, опасныхъ для насъ въ случаѣ войны».

Въ тоже время я получилъ приказанія своего двора. Густавъ просилъ нашего посредничества для мирныхъ переговоровъ съ Императрицею, и мнѣ поручили сдѣлать объ этомъ предложеніе. Это было

---

[1]) Лессепсъ былъ переводчикомъ при Лаперузѣ, погибшемъ безъ вѣсти во время плаванія въ Восточномъ океанѣ, въ послѣдствіи онъ былъ Французскимъ консуломъ въ Россіи (до 1822 года). Его сочиненія: 1) Voyage de La-Pérouse. Paris. 1831, и 2) Journal historique du voyage de Lesseps depuis l'instant où il a quitté les frégates françaises au Port St. Pierre-et-Paul du Kamtschatka, jusqu'à son arrivée en France. 2 vols. Paris 1790.

[2]) Козловъ-Угренинъ былъ собственно не Камчатскимъ губернаторомъ, а Охотскимъ комендантомъ.

довольно трудно, потому что Шведскій король, не совсѣмъ довѣряясь Людовику XVI, просилъ также посредничества Пруссіи, Англіи и Голландіи, и министры этихъ державъ дѣйствительно брались помирить Императрицу со Шведами и Турками. Но Екатерина, увѣренная, что они толкуютъ о мирѣ для того только, чтобы протянуть войну, не приняла ихъ предложеній. Она отлично знала ихъ тогдашніе замыслы и не хотѣла поддаться ихъ хитростямъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ этого же 1788 года кавалеръ Альтести, состоявшій при Булгаковѣ и очень преданный ему, пріѣхалъ изъ Константинополя [1]). Онъ привезъ мнѣ письмо отъ Шуазёля. Будучи въ Петербургѣ безъ всякаго покровительства, онъ довѣрчиво обратился ко мнѣ, какъ къ человѣку, въ которомъ предполагалъ знакомство съ дворомъ и съ лицами имѣвшими вѣсъ. Я ему далъ нѣсколько совѣтовъ, которые впослѣдствіи послужили ему въ пользу. Этотъ молодой человѣкъ, принадлежавшій къ хорошей семьѣ въ Рагузѣ, жители которой по сходству языка и религіи видятъ въ Россіи какъ бы отечество, вступилъ въ службу къ Булгакову и былъ представленъ имъ Императрицѣ во время ея пребыванія въ Херсонѣ. По пріѣздѣ его въ Петербургъ, министръ [2]) приказалъ ему написать какую-нибудь записку, чтобы показать Императрицѣ, къ чему онъ способенъ. Уже прежде того онъ составилъ записку объ Итальянскихъ портахъ, въ которыхъ могъ бы стоять Русскій флотъ. А такъ какъ онъ мнѣ нѣсколько разъ разсказывалъ о происках Англичанъ и Прусаковъ и въ особенности кавалера Енслея въ Константинополѣ, о которыхъ онъ зналъ болѣе, чѣмъ кто-либо: то я ему сказалъ, что для доказательства своего умѣнія и знанія ему лучше бы всего описать подробно все, что при немъ происходило въ Константинополѣ, и всѣ средства, которыя употреблены были для побужденія Порты къ столь неожиданному разрыву. Онъ послѣдовалъ моему совѣту и черезъ нѣсколько дней показалъ мнѣ свое сочиненіе, написанное умно, живо и ясно. Въ немъ проглядывало негодованіе человѣка, котораго Дитцъ и Енслей разлучили съ его покровителемъ и желали, также какъ сего послѣдняго, запереть въ Семибашенный замокъ. Если бы самъ Шуазёль-Гуфье диктовалъ ему, то не выставилъ бы въ болѣе выгодномъ свѣтѣ благородный образъ дѣйствій Франціи и двуличность Англичанъ и Прусаковъ. Министръ передалъ эту записку Императрицѣ. Я всегда полагалъ, что она наиболѣе возстановила Императрицу противъ хитрыхъ наущеній и про-

[1]) Альтести впослѣдствіи пользовался покровительствомъ князя П. А. Зубова и, во время третьяго раздѣла Польши игралъ значительную роль въ Русской дипломатіи, но очень не долго.

[2]) Безъ сомнѣнія, Безбородко.

исковъ, которые агенты Пруссіи и Англіи безпрестанно возобновляли подъ разными видами. Впрочемъ, Альтести, который впослѣдствіи былъ назначенъ въ Русское посольство въ Польшѣ, до такой степени умѣлъ заслужить благоволеніе Императрицы, оцѣнившей его таланты, что она наградила его своимъ личнымъ довѣріемъ, поручила важныя дѣла относительно Турціи и Персіи и передъ кончиною своею думала даже дать ему значительную должность.

Императрица, желая разрушить замыслы Фридриха-Вильгельма, предложила Полякамъ соединиться съ нею оборонительнымъ союзомъ; но взаимныя несогласія и Прусскія каверзы удержали ихъ отъ этого. Можетъ быть, въ этомъ союзѣ они нашли бы свое спасеніе; но паденіе ихъ, вѣроятно, написано было въ книгѣ судебъ. По довольно счастливому случаю, въ то время, какъ Англія и Пруссія возобновляли свои усилія, чтобы сблизиться съ Россіею, я получилъ отъ Шуазёля весьма враждебную записку, поданную Портѣ Англійскимъ и Прусскимъ посланниками. Я сообщилъ ее Русскому кабинету, и она такъ разсердила Екатерину, что Государыня подала мнѣ надежду согласиться на всякія уступки нашему двору, лишь бы мы подписали предполагаемый союзный договоръ.

Получи я въ это время полномочіе, все было бы улажено. Но фортуна не даромъ изображается съ крыльями, и мы съ нѣкотораго времени привыкли давать ей время улетать.

Императрица, еще не успокоившаяся въ своемъ негодованіи на Шведскаго короля, съ горечью отзывалась о вѣтренности его. «Вмѣсто того, говорила она, чтобы склонить меня къ уступкамъ посредствомъ откровеннаго образа дѣйствій, который могъ бы обезоружить меня, онъ, говоря съ Франціей о мирѣ и прося вашего посредничества, печатаетъ обидныя для меня заявленія и старается усилить войну, привлекая на свою сторону Англію и Пруссію. Вы знаете, какъ эти двѣ союзницы дѣйствуютъ хитро и смѣло, какъ онѣ вездѣ вредятъ нашему и вашему вліянію, какой повелительный и важный тонъ онѣ приняли въ такъ называемомъ оборонительномъ союзѣ, который заключили. Теперь бы самое время разрушить ихъ предположенія согласіемъ и союзомъ, чтобы остановить ихъ замыслы и удержать Европу въ покоѣ. Я надѣюсь, заключила она, что вы не употребите во зло мою откровенность».

«Государыня, отвѣчалъ я, король, безъ сомнѣнія, готовъ объясниться съ вами обо всемъ. Совершенное согласіе, по моему мнѣнію, нужно болѣе, чѣмъ когда-либо. Неожиданныя предложенія, которыя Шведскій король сдѣлалъ Англіи и Пруссіи, удивили меня. Однако, я съ трудомъ вѣрю, чтобы, въ его плохихъ обстоятельствахъ, онъ могъ желать продолженія войны. Крайняя затруднительность его положенія, быть

можетъ, заставила его обращаться ко всѣмъ съ хлопотами о мирѣ». «Нѣтъ, отвѣчала Императрица, онъ хочетъ смутъ, а не мира; потому что онъ ничего не предлагаетъ, не говоритъ ни объ удовлетвореніяхъ, ни о вознагражденіяхъ. Обращаясь ко всѣмъ кабинетамъ, онъ между тѣмъ не перестаетъ оскорблять меня обнародываніемъ заявленія, которое нарочно издалъ заднимъ числомъ, тогда какъ распространилъ его только въ концѣ Августа, именно въ то время, когда изъявлялъ вашему двору свое расположеніе къ миру».

Императрица не скрыла отъ меня новыхъ происковъ, пущенныхъ въ ходъ, чтобы внушить ей недовѣріе къ намъ. Ей доложили, что кабинетъ нашъ дѣлалъ предложенія Англіи съ тѣмъ, чтобы согласиться съ нею и защитить Шведскаго короля отъ ударовъ Россіи. Я объявилъ этотъ слухъ вымысломъ, сочиненнымъ въ Лондонѣ и Берлинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было предположить, чтобы наше правительство обратилось къ нашимъ естественнымъ врагамъ для сопротивленія Петербургскому кабинету въ то время, когда сей послѣдній соглашался соединиться съ нами противъ Англіи, а Англо-Прусская сила новымъ союзнымъ договоромъ усиливала ударъ, нанесенный намъ въ Голландіи, и постоянно выказывала намѣреніе свое уничтожить наше вліяніе во всей Европѣ. Екатерина, въ надеждѣ получить по этому дѣлу удовлетворительныя объясненія, приказала отправить курьера къ Симолину въ Парижъ съ повелѣніемъ поспѣшить переговорами о четвертномъ союзѣ, удалить всѣ препятствія и объявить королю, что она готова удовлетворить всѣмъ его требованіямъ.

Я писалъ Монмореню и подстрекалъ его. «Намъ грозитъ опасность, выражался я, мы должны снова завоевать себѣ вліяніе въ Мадридѣ, Вѣнѣ, Стокгольмѣ, Варшавѣ, Неаполѣ, Константинополѣ, Петербургѣ, Копенгагенѣ и Голландіи, или дождемся, что императорскіе дворы сблизятся съ Англіею и Пруссіею, и Польша будетъ раздѣлена. Если мы дойдемъ до разрыва съ Англіею, то не будемъ имѣть опоры противъ нея, и въ Европѣ насъ будутъ считать ни во что. Вотъ настоящее положеніе дѣла, разрушающее всѣ доводы такъ называемыхъ политиковъ, которые все еще воображаютъ, что теперь времена Вестфальскаго мира, и забываютъ, что тогда Пруссія и Россія политически не существовали, Австрійскій домъ былъ общею грозою, и Франціи, Швеціи и Турціи нужно было соединять свои силы, чтобы воспрепятствовать этой громадной державѣ раздавить всѣ прочія. Нынче все перемѣнилось: намъ грозятъ замыслы Пруссіи, Англіи и Голландіи. Вы хотите поставить оплотъ противъ нихъ. Что же васъ останавливаетъ, когда вамъ предлагаютъ то, чего вы желаете? Можетъ быть, Англія и Пруссія, разсчитывая на ваши затрудненія по случаю внутреннихъ смутъ, думаютъ

испугать васъ и представляютъ войну неизбѣжнымъ слѣдствіемъ союза четырехъ державъ. Онѣ обманываютъ васъ; онѣ сами опасаются этого союза, потому что онъ ихъ свяжетъ и сдѣлаетъ войну невозможною для нихъ. Будемъ готовы сразиться, и мы сохранимъ миръ».

Новый Испанскій министръ Гальвезъ прибылъ въ Петербургъ. Его совершенно некстати приняли холодно, предполагая въ немъ пристрастіе къ Пруссіи, которая искусно привлекла его миролюбивыми увѣреніями. Эта политика ввела въ заблужденіе и само Испанское министерство, и король Карлъ III, далеко не раздѣляя нашихъ опасеній, до того довѣрялся увѣреніямъ Пруссіи и Англіи, что сказалъ, будто ему все равно, приметъ ли Россія его или ихъ посредничество, лишь бы послѣдовалъ общій миръ.

Въ это время Императрица понесла чувствительную потерю: скончался адмиралъ Грейгъ. Дѣятельный начальникъ, просвѣщенный администраторъ, искусный адмиралъ, воинъ храбрый и скромный, онъ сошелъ въ могилу, уважаемый врагами и оплакиваемый знавшими его. Императрицѣ встрѣтились новыя непріятности. Шведскій король снова собрался съ духомъ, будучи поддержанъ обѣщаніями Англіи и Пруссіи. Шведскія и Финскія войска оказывали раскаяніе въ своемъ возмущеніи. Въ Польшѣ усиливалось броженіе умовъ: громко требовали выхода Русскихъ изъ Польскихъ областей, а это затруднило бы отступленіе арміи Румянцева въ случаѣ неудачи. Войска императора потерпѣли уронъ въ Банатѣ. Всѣ эти обстоятельства возбуждали въ Императрицѣ желаніе мира скораго, честнаго, справедливаго, и чтобы достигнуть его, она открыто признала посредничество Испаніи и наше. Такимъ образомъ, на зло нашимъ соперникамъ и несмотря на бездѣйствіе наше, случай мнѣ помогъ, и я достигъ въ этомъ дѣлѣ такого успѣха, какого только могъ ожидать мой кабинетъ.

Въ то время прибылъ въ Петербургъ новый Англійскій министръ Витвортъ, дипломатъ почтенный, по своимъ присутствіемъ гораздо менѣе тревожившій насъ, чѣмъ Фитцъ-Гербертъ. Ожидали также Луккезини, посланника короля Прусскаго, человѣка ловкаго, дѣятельнаго, умнаго, давняго ученика Великаго Фридриха, о которомъ онъ премило разсказывалъ множество анекдотовъ и странностей. Императрица, недовольная его безпокойнымъ характеромъ, не расположена была принять его. Она ошибалась, потому что онъ въ Россіи не былъ бы опасенъ. Онъ остался въ Польшѣ, озлобленный противъ Русскаго правительства, и происками своими возбуждалъ въ Полякахъ вражду, которую они долго сдерживали, поджигалъ ихъ страсти и произвелъ смуты. Несчастные Поляки, въ нетерпѣніи свергнуть вліяніе Россіи, возстали при первой

надеждѣ на независимость; но они начали съ того, чѣмъ должны бы были кончить: прежде возстанія имъ слѣдовало образовать войско.

Императрица начинала опасаться, что войска ея, ослабленныя болѣзнями, будутъ принуждены отступить отъ Очакова, гдѣ они заняли только укрѣпленіе на островѣ Березани и взяли 400 человѣкъ Турокъ. Князь Потемкинъ, повидимому, снова впалъ въ обычное свое бездѣйствіе, какъ вдругъ курьеръ отъ него извѣстилъ насъ, что взятъ Очаковъ приступомъ. Онъ долго медлилъ, работы не подвигались. Капитанъ-паша передъ удаленіемъ своимъ оставилъ въ крѣпости 1,500 человѣкъ. Въ день св. Николая гренадеры собрались, выразили свое неудовольствіе, зашумѣли и, окруживъ палатку главнокомандующаго, требовали приступа. Фельдмаршалъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, которое съ пыломъ Русской отваги соединяло еще пылъ изступленнаго благочестія. Онъ даетъ знакъ къ битвѣ. Городъ окруженъ и защищается съ отчаяніемъ. Русскіе, десять разъ отбитые, снова врываются съ яростію. Они переходятъ черезъ рвы по тѣламъ Турокъ и лѣзутъ на стѣны. Сраженіе переходитъ съ улицы въ улицу, отъ дома къ дому. Ничто не останавливаетъ неустрашимыхъ генераловъ, Самойлова [1]) и Ангальта. Рожеръ Дедамасъ первый бросается на стѣну съ 400 гренадеръ. Дебомбель [2]) захватываетъ мусульманское знамя. Въ пылу увлеченія сражающихся весь городъ залитъ былъ кровью; не было пощады ни женщинамъ, ни старикамъ. Отрядъ дикихъ Запорожцевъ, вступившихъ въ армію Императрицы, пошелъ на приступъ въ бѣлыхъ рубашкахъ сверхъ одежды: они увѣряли, что хотятъ возбуждать въ другъ другѣ ярость видомъ окровавленнаго бѣлья. Семь тысячъ Турокъ погибло въ этой рѣзнѣ; четыре тысячи были взяты въ плѣнъ. Раздраженіе Русскихъ было чрезвычайно сильно.

Эта побѣда тѣмъ болѣе всѣхъ обрадовала, что уже почти перестали надѣяться на нее. Наградъ было множество; Французскіе волонтеры получили Георгіевскіе кресты, и я[1])имъ разрѣшилъ носить ихъ.

Такимъ образомъ, не смотря на медлительность князя Потемкина, на заминку на Сѣверѣ и плохой распорядокъ кампаніи императора, 1788 годъ окончился благополучно для обоихъ императорскихъ дворовъ, къ великому неудовольствію кабинетовъ Лондонскаго и Берлинскаго. Турокъ разбили подъ Кинбурномъ и вытѣснили изъ Крыма. Капитанъ-паша былъ три раза побѣжденъ, и флотъ его уничтоженъ. Порта те-

---

[1]) Александръ Николаевичъ, впослѣдствіи графъ, дѣйств. тайный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ, умеръ въ 1812 г.; за взятіе Очакова получилъ орденъ Георгія второй степени; онъ былъ по матери племянникъ князя Потемкина.

[2]) Рожеръ Дедамасъ и Дебомбель—Французскіе волонтеры.

рала Очаковъ и его окрестности, островъ Березань, Хотинъ, Молдавію. Турки должны были оставить Валахію; Кубанскіе Татары разсѣяны; Австрійцы, взявъ Дубицу, Сабачъ и Нови, очистили Банатъ; Шведскій король изгнанъ изъ Русской Финляндіи, а флотъ его запертъ въ Свеаборгѣ. Вотъ что было для Порты и Швеціи плодомъ совѣтовъ Англіи и Пруссіи, которые онѣ предпочли нашимъ. Передавъ все это въ краткомъ очеркѣ Монмореню, я поздравилъ его въ частномъ письмѣ по случаю отставки архіепископа Тулузскаго, что̀ давало ему свободу дѣйствовать усердно и успѣшно въ пользу четвертнаго союза.

1789 годъ, который долженъ былъ произвести такой сильный переворотъ во Франціи и временно разлучить нашъ кабинетъ съ прочими, начался такъ, что ни одинъ изъ министровъ не ожидалъ этого страшнаго удара. Однако ужъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ порою загорались молніи, предвѣщавшія грозу; но никто не предвидѣлъ ея. Думали, что полезныя преобразованія устранятъ затрудненія, тревожившія правительство. Это была эпоха заблужденій. Король, министры, парламенты, всѣ сословія, наконецъ каждый Французъ жили только усердіемъ ко благу общества и очаровывались обманчивыми снами. Всѣ надѣялись общими усиліями утвердить основанія монархіи, поправить финансы, возстановить торговое довѣріе, сгладить противорѣчія ветхихъ учрежденій, истребить слѣды рабства и соглашеніемъ власти правительства съ благоразумною свободою въ короткое время достигнуть высокой цѣли, благоденствія отчизны. Таково, по крайней мѣрѣ, было представленіе, внушенное иностраннымъ державамъ достоинствами нашего короля и благородными чувствами Французскаго народа. По этому смуты наши никого не пугали. Друзья наши смотрѣли на нихъ, какъ на нѣчто переходящее, а соперники Англичане и Прусаки, спѣшили пользоваться ими, чтобы утвердить свое владычество въ Голландіи и усилить свое вліяніе, въ ущербъ намъ, на Сѣверѣ и на Востокѣ. Наше политическое значеніе оставалось неизмѣнно, и нерѣшительность нашихъ министровъ только слегка подрывала его.

Оставаясь въ надеждѣ, что мое правительство будетъ продолжать почтенную роль примирителя Россіи съ ея непріятелями, я воспользовался взятіемъ Очакова, чтобы сдѣлать Русскому правительству нѣкоторыя предложенія по предмету мира. Они были очень хорошо приняты, но Императрица первымъ условіемъ для начатія переговоровъ поставила освобожденіе Булгакова. Она не переставала утверждать, что самымъ скорымъ средствомъ прекратить войну и происки Англичанъ и Прусаковъ было бы заключеніе союза между четырьмя державами. Ея желаніе скрѣпить эту связь было такъ сильно, что она предлагала намъ, въ случаѣ войны съ Англіею, не только нейтрали-

тетъ, но даже помощь; наконецъ, не требуя болѣе отъ насъ обезпеченія Польскаго образа правленія, она хотѣла только неприкосновенности Польскихъ владѣній. Это было болѣе, чѣмъ я могъ ожидать; поэтому я былъ крайне удивленъ, когда получилъ изъ Франціи, вмѣсто согласія на эти предложенія, приказаніе сдѣлать нѣкоторыя попытки, чтобы добиться отъ императорскихъ дворовъ возстановленія Польши, какъ она была до перваго раздѣла. Я однако передалъ это Кобенцелю, который дивился не менѣе меня и умолялъ меня не пускаться на эту попытку, которая, конечно, обидитъ Императрицу и склонитъ ее на сторону Англичанъ. Уже довольно было и того, что намъ удалось отклонить отъ Императрицы мысль о новыхъ приращеніяхъ, и нужно было оставить тщетный замыслъ принудить ее къ возвращенію того, чѣмъ она уже владѣла. Поэтому я не дѣлалъ дальнѣйшихъ предложеній, и такъ какъ Русское правительство, вѣроятно, все уже знало, то я полагалъ, что достаточно сдѣлалъ для исполненія порученныхъ мною приказаній. Впрочемъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ, Кобенцель усердно мнѣ содѣйствовалъ; потому что императоръ, тогда больной и огорченный неудачами въ Банатѣ, съ нетерпѣніемъ желалъ скораго мира. Потемкинъ тоже желалъ его, и я узналъ отъ принца Нассау, пріѣхавшаго изъ арміи, что князь, признавъ насъ за помощниковъ слабыхъ и ненадежныхъ, рѣшился измѣнить свою систему и склонить Императрицу на сторону Англіи и Пруссіи, въ которыхъ онъ видѣлъ опасныхъ враговъ, но полезныхъ союзниковъ. Равнодушіе Испаніи въ этомъ дѣлѣ еще болѣе подкрѣпило его убѣжденія. Всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства оставили мнѣ одинъ выходъ: положиться на твердость Императрицы. Она всегда была такъ нерасположена къ Прусскому королю, что отвергала всѣ внушенія о союзѣ съ нимъ.

Взятіе Очакова поразило всѣхъ въ Версали и измѣнило всѣ соображенія нашего кабинета. Хотѣли знать, какими требованіями ограничится Екатерина II. Желая узнать это, я спросилъ графа Безбородко, какъ бы лично отъ себя: будетъ ли довольна Императрица, если Порта освободитъ Булгакова, утвердитъ окончательно за Россіею Крымскій полуостровъ и уступитъ еще Очаковъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, Императрица велѣла передать мнѣ, что я угадалъ ея желанія; вмѣстѣ съ тѣмъ она извѣщала меня, что послала Нассау-Зигена въ Мадридъ. Ему приказано было спѣшить. Предлогомъ его поѣздки должно было служить порученіе Государыни поздравить съ восшествіемъ на престолъ Испанскаго короля Карла IV, который нѣкогда оказывалъ покровительство принцу; но настоящей цѣлью этой поѣздки было исполненіе тайныхъ порученій Императрицы. Они состояли въ томъ, что принцъ долженъ былъ изложить королю причины ея неудовольствія

противъ Англіи и Пруссіи и сообщить Испанскому правительству достовѣрныя извѣстія о замыслахъ Фридриха-Вильгельма на Данцигъ и Польшу, чтобы объяснить ему необходимость четвертнаго союза для сохраненія мира въ Европѣ. Императрица удаляла такимъ образомъ сильнѣйшіе поводы къ нерѣшимости нашего кабинета. Она полагала, что мы затягиваемъ дѣло изъ уваженія къ Испанскому королю. «Я вижу, говорила она принцу, что въ Мадридѣ рѣшится этотъ важный вопросъ, отъ котораго зависитъ, можетъ быть, судьба дома Бурбоновъ въ Европѣ». По просьбѣ принца Нассау я передалъ ему записку о политикѣ Англіи за нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ она, чтобы вознаградить себя за потерю Американскихъ колоній, вездѣ старалась ослабить вліяніе дворовъ Версальскаго и Мадридскаго и усиливалась, вмѣстѣ съ Пруссіею и Голландіею, возобновить войну, во время которой наши внутреннія смуты могли ей дать болѣе надежды на успѣхъ. Я постарался изложить эту записку потщательнѣе, потому что она назначалась для прочтенія Испанскому королю, его главному министру Флоридѣ-Бланкѣ и графу Монмореню.

Въ это же время готова была разразиться гроза, которой мы опасались: Императрица узнала объ успѣхѣ козней Луккезини. Поляки, возбужденные имъ и разсчитывая на помощь Прусскаго короля, уничтожили Постоянный Совѣтъ, существовавшій за порукою Императрицы; въ тоже время они громко требовали выхода Русскихъ войскъ изъ Польши. Императрица, въ гнѣвѣ, хотѣла было силою поддержать навязанный ею Польшѣ образъ правленія. Кобенцель, Нассау и я съ трудомъ могли успокоить ее. Мы доказали ей, что Прусскій король воспользуется ея поспѣшностью, чтобы достигнуть своихъ цѣлей, что онъ вступитъ въ Польшу, что вся Польша возстанетъ, и что это послужитъ въ пользу Швеціи и Порты. Императрица уступила, рѣшилась дѣйствовать умѣренно и, чтобы разсѣять ложныя опасенія, возбуждаемыя въ Польшѣ Прусаками, оказала равнодушіе къ перемѣнамъ, происшедшимъ въ Польшѣ, но рѣшилась оставить свои войска въ Украйнѣ, чтобы сохранить безопасность арміи фельдмаршала Румянцева.

Между тѣмъ прибылъ князь Потемкинъ. Взятіе Очакова заставило Императрицу позабыть все, что̀ давало ей поводъ къ неудовольствію противъ князя. Обрадованная побѣдою, она прощала ему лѣнь его. Всѣ, кто роптали на него за безпорядки, спѣшили изъявить ему свою преданность. Ему сказали, что я былъ въ числѣ его хулителей, и онъ жаловался мнѣ при первомъ свиданіи со мною. «Названіе хулителя я не заслужилъ, отвѣчалъ я; я не могъ постигнуть той неблагоразумной увѣренности, съ которою вы удалили войска съ Сѣвера, открытаго

для Шведскаго короля, если бы онъ дѣйствовалъ смѣло и рѣшительно. Мнѣ также казалось, что вы дали Туркамъ время укрѣпить Очаковъ, который, по мнѣнію инженера Лафитта, не могъ устоять противъ сильнаго нападенія, и въ этомъ случаѣ я раздѣлялъ мнѣніе и нетерпѣніе друзей моихъ Делиня и Нассау».—«Ничего не могу сказать на счетъ Швеціи, развѣ только то, что никакой разсудительный человѣкъ не могъ предвидѣть эту войну безъ повода и дерзость Густава. Что же касается Очакова, то вы ошибались: мы не ожидали нападенія Турокъ, они боялись нашего. Мнѣ пришлось растянуть войско на три слишкомъ тысячи верстъ и перевозить огромные обозы съ припасами по степямъ. Я полагаю, что въ недолгое время я сдѣлалъ все, что могъ».—«Теперь мой чередъ обвинять васъ, говорилъ я смѣясь; я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что вы довольно равнодушны къ союзу между четырьмя державами, которому, казалось, придавали прежде такое значеніе. Увѣряютъ даже, что вы, забывая происки Англіи и Пруссіи противъ Россіи, склоняетесь теперь на ихъ сторону и готовы защищать ихъ передъ Императрицею; однимъ словомъ, что вы готовы подать руку вашимъ врагамъ и отступиться отъ друзей вашихъ». —«Отчего бы нѣтъ? возражалъ онъ тѣмъ же тономъ; вамъ, какъ дипломату, нечего бы тутъ удивляться. Когда я увидѣлъ, что Франція становится архіепископствомъ, что духовная особа удаляетъ изъ королевскаго совѣта двухъ маршаловъ и преспокойно допускаетъ Англичанъ и Прусаковъ овладѣть Голландіею безъ бою, я, признаюсь, позволилъ себѣ одну шутку: я сказалъ, что охотно посовѣтовалъ бы моей Государынѣ войти въ союзъ съ Людовикомъ толстымъ, Людовикомъ юнымъ, Людовикомъ святымъ, хитрымъ Людовикомъ XI, мудрымъ Людовикомъ XII, Людовикомъ великимъ, даже съ Людовикомъ многолюбимымъ (bien-aimé); но никакъ не съ Людовикомъ-*викаріемъ* *)».—«Правда, возразилъ я смѣясь, что Французскіе короли назначали иногда въ министры епископовъ и кардиналовъ, но я не думаю, чтобы они дѣлали министрами такихъ генераловъ, которые не разъ собирались идти въ монахи».

Эта колкая бесѣда, о которой я не счелъ нужнымъ доносить моему двору, кончилась также весело и дружелюбно, какъ началась. Однако, нельзя было уже сомнѣваться, что Потемкинъ, не полагаясь болѣе на насъ, измѣнилъ свою систему. Оставаясь со мною лично въ дружественныхъ отношеніяхъ, онъ не оказывалъ мнѣ болѣе довѣрія въ дѣлахъ политическихъ и довольно открыто перешелъ на сторону министровъ Англіи и Пруссіи. Однажды, когда у него собралось много

*) Louis le suffragant.

гостей, его негодованіе противъ Французовъ подстрекнуло его на злую шутку на мой счетъ; она разыгралась однако не въ его пользу. Нѣкогда въ Европѣ при всѣхъ дворахъ и у всѣхъ вельможъ были шуты, счастію которыхъ завидовали многіе честолюбцы: они пользовались рѣдкимъ преимуществомъ безнаказанно говорить правду. Можетъ быть, это преимущество было слишкомъ опасно, и потому шуты вышли изъ моды. Въ Россіи можно было еще встрѣтить нѣсколькихъ вельможъ, которые держались обычая имѣть при себѣ шутовъ. У Потемкина былъ шутъ именемъ Моссъ; онъ былъ своеобразенъ, довольно начитанъ, и нѣкоторыя изъ его шутокъ были остры и смѣлы. Князь игралъ со мною въ шахматы въ присутствіи нѣсколькихъ офицеровъ и многихъ придворныхъ. Для развлеченія ему вздумалось привести меня въ замѣшательство; онъ позвалъ своего шута и сказалъ ему: «Мнѣ бы хотѣлось знать, что ты думаешь о новостяхъ изъ Парижа; тамъ собираютъ генеральные штаты; скажи-ка: что изъ этого выйдетъ»? Тогда Моссъ, не заставляя ждать себя, началъ болтать и ораторствовать, и цѣлую четверть часа неутомимо сыпалъ нескладныя свѣдѣнія, смѣшивая событія, царствованія, года, Альбигойцевъ, протестантовъ, Янсенистовъ. Приводя иногда истинные анекдоты и составивъ изъ всего этого забавную и карикатурную картину, въ которой представились въ смѣшномъ видѣ нашъ дворъ, духовенство, парламентъ, дворянство и вся нація, онъ въ заключеніе этой сатиры предсказалъ всеобщій переворотъ и всемірное безуміе, которые охватятъ Европу, если только не поручатъ власть такимъ мудрецамъ, какъ онъ, вмѣсто сумасшедшихъ, которые правятъ теперь. Во время этой великолѣпной выходки противъ Франціи, присутствующіе двусмысленно посматривали на меня, а Потемкинъ въ тихомолку радовался, что ему удалось смутить меня, заставивъ выслушать глупости о Франціи и напустивъ на меня шута. Я однако не потерялся и рѣшился отомстить. Я зналъ, до какой степени тогда въ Петербургѣ всѣ вынуждены были молчать и остерегаться на счетъ политики и правительственныхъ дѣлъ, о которыхъ не позволялось толковать. Нисколько не сердясь на Мосса, я сказалъ ему: «Любезный Моссъ, вы человѣкъ свѣдущій, но вы уже лѣтъ двадцать не видали Франціи, и ваша память, правда, отличная, васъ однако обманываетъ; къ истинѣ вы подмѣшали много невѣрнаго. Но, судя по вашему краснорѣчію, я полагаю, что вы заговорили бы еще лучше и занимательнѣе, если бы избрали предметомъ Россію, болѣе вамъ знакомую, и теперешнюю войну съ Турками». При этихъ словахъ Потемкинъ поморщился и погрозилъ шуту; но безстрашный Моссъ былъ въ ударѣ и, подстрекаемый хвалою, заговорилъ горячо и еще менѣе щадилъ Россію, чѣмъ Францію. Онъ вдоволь распространился о рабствѣ народа, о деспотизмѣ двора, о недостаткахъ

арміи, скудости казны, упадкѣ довѣрія въ торговлѣ. «Что думать о правительствѣ, сказалъ онъ, которое видитъ, что дѣла такъ плохи, и тратитъ столько денегъ и людей, чтобы овладѣть какими-нибудь степями и заполучить чуму? Къ чему это хотятъ издерживаться, проливать кровь и вооружать противъ себя всю Европу? Вы не отгадаете, а я вамъ скажу: все это дѣлается для забавы одного высокаго князя, который вотъ здѣсь; онъ скучаетъ и хочетъ добыть Георгіевскую ленту сверхъ прочихъ тридцати или сорока орденовъ, которыми онъ увѣшанъ, но которыхъ ему недостаточно». Послѣ этой выходки я залился смѣхомъ, гости силились, чтобы не разсмѣяться, а Потемкинъ, страшно разсерженный, уронилъ столъ и бросилъ шахматы въ слѣдъ убѣгавшему Моссу. Тогда я замѣтилъ Потемкину, что мы оба окажемся не умнѣе Мосса, если будемъ сердиться на его глупость, и вечеръ кончился очень весело.

Я довольно ясно представилъ въ депешахъ моихъ невыгоду моего неопредѣленнаго положенія, такъ что правительство наконецъ высказалось. Монморень, казалось, рѣшился; онъ писалъ мнѣ: «Вы мнѣ изложили подробно мысли Императрицы на счетъ предлагаемаго союза, такъ что намъ ничего не остается желать, и можно предложить окончательно условія. Эта работа исполнена, и вотъ уже нѣсколько дней, какъ въ рукахъ короля. Я скоро пришлю къ вамъ курьера съ повелѣніями его величества. Предувѣдомьте Русское правительство, что Голландія хочетъ вооружить эскадру и присоединить ее къ Шведскому флоту; мы получили объ этомъ тайное извѣстіе». Эта депеша вновь обнадежила меня и Кобенцеля; но это было уже въ послѣдній разъ. Императрица начинала сердиться на насъ; она знала, что мы согласились заплатить Шведскому королю субсидіи, давно слѣдовавшія къ уплатѣ, и удивилась молчанію Испаніи и нашему относительно Пруссіи, которую, по ея мнѣнію, мы должны были остановить и постращать войною, если она не перестанетъ тревожить Европу своими замыслами на Польшу. Государыня полагала также, что мы могли дѣйствовать сильнѣе на Турцію, чтобы склонить ее къ миру. Изъ этого можно заключить, какъ мало знали въ Россіи внутреннія безпорядки и затрудненія нашего правительства.

Швеція въ это время сильно тревожила Императрицу; надѣялись, что на новомъ сеймѣ проявится тоже неудовольствіе, какое было распространено въ арміи. Къ тому же Густавъ, атакованный войсками Датскаго короля, которыя высадились на Шведскую землю, съ трудомъ могъ защищаться отъ этого новаго врага. Такимъ образомъ все, казалось, соединилось, чтобы заставить короля положить оружіе и подписать условія, которыя ему предложатъ сосѣди и его собственные

подданные. Но дѣло вышло иначе. Шведскій король почерпалъ въ своемъ умѣ и отвагѣ средства, соотвѣтствовавшія страшной опасности, которая ему грозила. Уже принцъ Карлъ Гессенскій, предводительствовавшій Датскими войсками, при вступленіи въ Швецію черезъ Норвегію, захватилъ лагерь съ 8 стами человѣкъ; въ пятнадцать дней онъ завладѣлъ всѣмъ краемъ между Амалою и Венерсборгомъ и подходилъ къ Готенборгу. У Густава въ это время было только 2,000 войска, которыя были нужны для обороны Стокгольма. Датчане не встрѣчали другого препятствія, кромѣ слабаго отряда милиціи, только что собранной. Король удалился въ Гагу; тамъ его убѣждали собрать сеймъ. Въ Стокгольмѣ составилась сильная партія, чтобы поддержать замыслы возмутившейся Финской арміи. Въ эту критическую минуту Густавъ III вспомнилъ, что Густавъ-Васа нашелъ въ ущельяхъ и въ рудникахъ Далекарліи убѣжище, изъ котораго онъ потомъ вышелъ на освобожденіе Швеціи отъ ея враговъ. Это внушило королю мысль послѣдовать примѣру Вазы. Неожиданно пріѣзжаетъ онъ въ Мору, самое населенное мѣстечко Далекарліи. Его встрѣчаютъ съ радостными кликами; онъ собираетъ Далекарлійцевъ въ полѣ, послѣ молебна становится на тотъ камень, на которомъ стоялъ и говорилъ Густавъ-Васа, и обращается къ народу съ благородною, смѣлою и увлекательною рѣчью. Всѣ слушавшіе его проникаются его убѣжденіями, всѣ клянутся ему въ вѣрности, всѣ бросаются къ оружію, чтобъ идти на врага. Во всемъ краѣ, который онъ быстро объѣзжаетъ, онъ находитъ то же усердіе и ту же преданность. Такимъ образомъ король, угрожаемый сильными сосѣдями и оставленный бунтующимъ войскомъ, обратился за помощью къ простымъ и отважнымъ поселянамъ, и нашелъ ее у нихъ.

Далекарлійцы хотѣли составить ему гвардію изъ 6,000 охотниковъ. «Покуда я среди васъ, сказалъ король, мнѣ не нужно гвардіи; но я принимаю ваше предложеніе, чтобы поспѣшить на защиту отечества». Сосѣднія области послѣдовали примѣру Далекарлійцевъ: повсюду вооружались и собирались. Но вдругъ Густавъ узнаётъ, что Карлъ Гессенскій готовится взять Готенборгъ, такъ какъ губернаторъ города, испуганный или подкупленный, предложилъ уже жителямъ, по первому требованію, сдаться, чтобы не лишиться домовъ своихъ. Густавъ тотчасъ же, рискуя попасть въ руки непріятеля, переодѣтый, одинъ, верхомъ, проѣзжаетъ двадцать миль въ день, является вечеромъ, неузнанный, въ Готенборгъ и входитъ въ домъ коменданта, чтобы отдохнуть. Онъ находитъ домъ пустымъ, безъ постели, безъ мебели: расчетливый градоначальникъ убралъ всѣ свои вещи. Рано утромъ король созвалъ городской совѣтъ и горожанъ. «Не бойтесь, говоритъ онъ имъ, ни враговъ, ни осады. Помогите мнѣ, и побѣда будетъ на

нашей сторонѣ. Я сто разъ готовъ рисковать своей жизнію, чтобы сохранить Швеціи Готенборгъ, это драгоцѣннѣйшее украшеніе моей короны». Его слова и примѣръ ободряютъ самыхъ нерѣшительныхъ. Собираютъ всѣхъ лошадей, снаряжаются, безъ устали работаютъ надъ укрѣпленіями. Не было батареи на стѣнѣ: ее возводятъ, ставятъ пушки, и въ нѣсколько дней крѣпость приготовлена къ защитѣ. Датское войско подходитъ къ городу. Адъютантъ принца Гессенскаго, посланный съ грознымъ письмомъ къ коменданту, въѣзжаетъ въ городъ и, къ величайшему своему удивленію, вмѣсто коменданта видитъ короля, который объявляетъ ему, что прежде, чѣмъ сдать городъ, онъ разрушитъ его до основанія. Датчане узнаютъ, что они идутъ уже не въ беззащитную страну, а должны готовиться къ упорной войнѣ.

Однако Датскій флотъ соединяется съ Русскимъ. Со всѣхъ сторонъ, съ моря и съ суши, Густавъ былъ окруженъ, настигнутъ и тѣснимъ превосходными силами; его паденіе казалось неминуемо. Ему оставалось только спасти свою славу и пасть съ своими вѣрными Далекарлійцами подъ развалинами отечества, но твердость спасла его. Презираютъ и покидаютъ только слабыхъ народоправителей, а королей храбрыхъ уважаютъ и защищаютъ. Англія и Пруссія не хотѣли допустить, чтобы враги Густава побѣдили его. Эти двѣ державы потребовали отъ Даніи, чтобы она отозвала свои войска. Англійскій министръ Эллiотъ объявилъ Датскому правительству, что если его войска не оставятъ Швеціи, то Англійскій флотъ будетъ бомбардировать Копенгагенъ. Сперва Швеція и Данія заключили перемиріе, во время котораго слабый гарнизонъ Готенборга былъ подкрѣпленъ шестью тысячами человѣкъ; между ними замѣтны были Далекарлійцы съ ихъ косами, бердышами и алебардами; на нихъ были черныя куртки, а на правыхъ рукахъ бѣлыя повязки. Изъ нихъ составили три полка. Перемиріе было продолжено. Датчане отступили, начали переговоры и наконецъ согласились на миръ. Такимъ образомъ у Густава было однимъ врагомъ менѣе, но оставались еще два очень опасные: извнѣ Россія, а внутри аристократія.

Измѣнившая армія все еще оставалась въ бездѣйствіи противъ Русскихъ. Возмутившіеся начальники ея надѣялись, подобно Императрицѣ, съ которою они согласились, что сеймъ принудитъ короля къ миру и къ перемѣнѣ правленія. Но Густавъ скоро разсѣялъ эти обманчивыя ожиданія. Онъ вдругъ явился въ столицѣ, и народъ встрѣтилъ его съ торжествомъ. Онъ рѣшился однимъ ударомъ поразить опаснѣйшихъ своихъ враговъ. Еще будучи въ Готенборгѣ, онъ созвалъ сеймъ, который собрался въ столицѣ. Является король, собираетъ представителей четырехъ сословій въ чрезвычайное засѣданіе, излагаетъ передъ

ними положеніе дѣлъ и свои сношенія съ Европейскими державами, объявляетъ имъ, что, подобно имъ, желаетъ мира, только не безславнаго, и что не знаетъ другого средства достигнуть его, какъ энергическимъ продолженіемъ войны. Наконецъ онъ предложилъ имъ выбрать тайный комитетъ изъ 30 членовъ, съ которыми бы онъ могъ совѣщаться о нуждахъ отечества. Духовенство, крестьяне и большая часть горожанъ высказались въ пользу мнѣнія короля и за войну; они всѣ были согласны на счетъ выбора своихъ депутатовъ. Только одно дворянство старалось затруднить ходъ дѣла, отсрочивать и замедлять рѣшенія. Своимъ образомъ дѣйствія оно возстановило противъ себя другія сословія и вывело короля изъ терпѣнія. Король приготовилъ все къ перевороту: собранныя и хорошо обученныя войска должны войти въ Стокгольмъ при малѣйшемъ знакѣ. Король собралъ членовъ сейма въ большую дворцовую залу. Торжественно благодарилъ онъ представителей духовенства, гражданъ и крестьянъ за ихъ преданность къ нему, за усердіе, съ которымъ они его поддержали, и за любовь къ отечеству. «Но вы, дворяне и воины, сказалъ онъ, вмѣсто того, чтобы примѣромъ своимъ руководить другихъ, вы глухи къ призыву родины и слушаетесь только страстей вашихъ». Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ укоровъ своимъ противникамъ и обращаясь ко всему сейму, онъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Я не могу, не долженъ допускать, чтобы дворянство своимъ бездѣйствіемъ поддерживало враговъ нашихъ. Мнѣ нужно содѣйствіе, нужно, чтобы войско и флотъ не нуждались въ одеждѣ, оружіи, деньгахъ; въ противномъ случаѣ я объявляю заранѣе, что если разорятъ наши берега, съ огнемъ и мечемъ пройдутъ по Финляндіи и даже съ угрозой подступятъ къ этой столицѣ, то никто не посмѣетъ упрекнуть меня. Виновны будутъ только тѣ, которые, вмѣсто того, чтобы отказаться отъ своихъ замысловъ на управленіе государствомъ и отъ мести противъ меня, соглашаются лучше видѣть непріятеля въ Стокгольмѣ и Русскаго министра предписывающаго мнѣ законы. Они полагаютъ, что, затрудняя и замедляя ходъ дѣлъ, они заставятъ меня согласиться на постыдный миръ; но скорѣе эта рука отсохнетъ, чѣмъ подпишетъ какой нибудь актъ, унизительный для моего отечества. Лучше пусть сорвутъ съ меня или раздробятъ на головѣ моей эту корону, которую носилъ Густавъ-Адольфъ; потому что если я не могу носить ее съ равною ему славою, то хочу, по крайней мѣрѣ, оставить ее преемникамъ моимъ незапятнанною». За тѣмъ онъ распустилъ собраніе, приказавъ дворянамъ совѣщаться о способахъ вознагражденія великаго маршала, который принесъ жалобу, что онъ обиженъ.

Негодованіе и упрямство дворянъ возрастало тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе прочія сословія оказывали привязанности къ королю. Граждане

и крестьяне послали къ королю депутацію, прося его употребить всѣ возможныя мѣры, чтобы принудить сеймъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Этого только и добивался Густавъ. Увѣренный, что большинство за него, онъ велѣлъ захватить тридцать главнѣйшихъ ораторовъ изъ дворянъ и заключить ихъ въ Фридрихсгофъ. Въ тоже время забрали командующихъ и офицеровъ Финской арміи, которые были въ сношеніяхъ съ Россіею, и отдали ихъ подъ военный судъ. Пользуясь, для усиленія своей власти, этимъ успѣшнымъ оборотомъ дѣлъ, король составилъ, вмѣстѣ съ тремя преданными сословіями, новый конституціонный актъ, который онъ назвалъ: *актомъ союза и безопасности*. Цѣлью его было утвердить королевскую власть, ослабить дворянство уничтоженіемъ большей части его привиллегій и утвержденіемъ въ монархіи *демократическаго равенства*, чтобы предотвратить новое усиленіе анархіи. Одно мѣсто его рѣчи достаточно объяснитъ мысли его: «Народъ совершенно свободный, говорилъ онъ, рожденный въ одной и той же странѣ, воздѣлывающій одну землю, признающій одного Бога, не долженъ быть раздѣленъ во мнѣніяхъ относительно правъ, которыхъ всѣ граждане безразлично могутъ требовать себѣ». Первая статья этого акта признавала власть короля наслѣдственною, съ правомъ охранять государство, начинать войну, утверждать миръ, заключать договоры, назначать должностныхъ лицъ и миловать виновныхъ. Вторая статья допускала горожанъ въ высшій трибуналъ короля. Третья дозволяла низшимъ классамъ пріобрѣтать дворянскія земли, потому что, по словамъ этой статьи, «равенство должно возвышать, а не унижать Шведовъ; свободная нація должна пользоваться равенствомъ правъ». Четвертая статья предписывала придворную службу одному рыцарскому сословію. Пятая и шестая статьи оставляли чинамъ право обсужденія военныхъ издержекъ и королевскихъ предложеній. Прочія статьи подтверждали всѣ положенія 1772 года, которыя не были противны новому постановленію. Актъ этотъ отданъ былъ на разсмотрѣніе сейма. Одни только дворяне отказались принять его. Послѣ трехнедѣльныхъ, оживленныхъ совѣщаній и тридцати трехъ рѣчей за и противъ, дворяне единодушно отвергли предложенный имъ актъ. Для окончанія спора король объявилъ маршалу сейма графу Левенгаупту, что онъ не только можетъ, но долженъ отъ имени сейма и своего сословія подписать конституціонный актъ, принятый большинствомъ голосовъ. Дворянство протестовало и даже прибѣгло къ покровительству Прусскаго короля, чтобы черезъ его посредство вынудить нѣкоторыя уступки въ свою пользу.

Наконецъ король рѣшился на крайнее средство. 27 Апрѣля 1788 года, онъ, безъ свиты и безъ гвардіи, явился среди дворянскаго

собранія. Его неожиданное появленіе смутило самыхъ дерзкихъ членовъ. Прочіе были увлечены трогательною и смѣлою рѣчью Густава о трудности положенія и опасностяхъ, которымъ подвергается Швеція. Наконецъ дворяне уступили: они подписали свое согласіе на постановленіе, утвержденное представителями прочихъ сословій. Король возвратился во дворецъ среди радостныхъ кликовъ народа. Въ тотъ же день обнародовано было о рѣшеніи собранія, объ утвержденіи конституціоннаго акта, закрытіи сейма и освобожденіи государственныхъ преступниковъ. Армія послѣдовала общему настроенію, возвратилась къ своему долгу, утвердила клятвою *актъ союза и безопасности*, и снова вся Швеція требовала войны съ Россіею. Эта искусная побѣда Густава надъ возмущеніемъ и также, къ несчастію, надъ основными установленіями и народной свободой, немедленно дала ему средства вести войну и окончить ее съ честью. Но недовольство дворянъ не угомонилось послѣ ихъ уступки, и роковой ударъ, прекратившій дни Шведскаго короля, служилъ впослѣдствіи убѣдительнымъ доказательствомъ, до какой силы можетъ дойти ненависть олигархіи, долгое время принижепной. Между тѣмъ, этотъ же самый Густавъ, у себя противникъ аристократическихъ преимуществъ, впослѣдствіи, незадолго до своей трагической кончины, слѣдуя воинственному настроенію Екатерины, хотѣлъ стать во главѣ Французской аристократической эмиграціи, чтобы разрушить монархическо-демократическую конституцію 1791 года.

Не трудно понять, до какой степени Императрица негодовала на Англію и Пруссію за то, что онѣ освободили короля изъ того опаснаго положенія, въ которое его поставили Датчане, что онѣ дали ему средства обуздать сеймъ, привести возмутившееся войско къ повиновенію и продолжать войну. Въ это время мы могли получить отъ Государыни все, чего хотѣли, лишь бы сладился союзъ между четырьмя державами. Я воспользовался этимъ случаемъ и повторилъ свое предложеніе войти въ сношенія съ Турками и условиться съ ними о перемиріи. Согласились на все, и Императрица, объявивъ, что не желаетъ никакихъ посредниковъ, кромѣ насъ и Испаніи, приказала вице-канцлеру Остерману войти въ переговоры съ Шуазёлемъ. Ему поручено было прежде всего настаивать на освобожденіи Булгакова и уполномочить Французскаго посла выхлопотать у Порты шестимѣсячную остановку военныхъ дѣйствій. Въ тоже время Императрица объявила, что князь Потемкинъ принимаетъ начальство надъ обѣими южными арміями и отправится на Югъ съ полномочіемъ вести переговоры о мирѣ. Фельдмаршалъ Румянцевъ, утомленный непріятностями, которымъ подвергался, испросилъ себѣ отставку *).

*) Румянцевъ уволенъ и отпущенъ былъ на воды 25 Апрѣля 1789 года.

Едва исполнивъ съ такимъ успѣхомъ желаніе моего двора относительно мира и посредничества, я получилъ ожидаемые мною окончательные наказы; они были отъ 19 Марта 1789 года. «Король, писалъ мнѣ Монморень, видя, что Испанскій дворъ не хочетъ приступить къ союзу и ограничивается сохраненіемъ договоровъ, которые обязываютъ его, въ случаѣ войны, помогать намъ противъ Англичанъ, измѣнилъ свои мнѣнія о положеніи Европейскихъ дѣлъ. Его величество полагаетъ, что связь съ Россіею можетъ поссорить насъ съ Турціею, если только это дѣло не останется въ тайнѣ; но въ такомъ случаѣ оно не достигнетъ своей цѣли, не ослабитъ связи Англіи съ Пруссіею. Прежде всего мы должны дѣйствовать, какъ посредники, и ускорить миръ; когда заключится миръ, четвертной союзъ уже не будетъ нуженъ. Король неохотно гарантируетъ цѣлость Польши, страны, на которую уже давно не имѣетъ никакого вліянія: это значило бы безъ нужды подвергаться случайностямъ отдаленной войны. Къ тому же, всѣ готовятся къ созванію генеральныхъ штатовъ съ цѣлію соразмѣрить расходы съ доходами государства. Только достигнувъ этого, король можетъ съ увѣренностью исполнить прежнія свои обязательства и не рѣшается налагать на себя новыхъ. Хотя онъ и можетъ разсчитывать на преданность своихъ подданныхъ и на великія средства государства, однако онъ считаетъ неблагоразумнымъ пугать умы возможностью значительной войны. Франція, успокоившись, укрѣпится, усилится и будетъ тогда полезною союзницею. Вотъ причины, по которымъ она удерживается теперь отъ союза. Его величество надѣется, что Императрица оцѣнитъ основательность этихъ доводовъ и откровенность отношеній. Но король не отказываетъ постановить основанія союзнаго договора, только безъ окончательнаго утвержденія его статей до того времени, когда препятствія, здѣсь указанныя, будутъ устранены. Это можетъ произойти, когда императорскіе дворы помирятся съ Портою, и когда внутреннія дѣла Франціи уладятся, то есть по закрытіи генеральныхъ штатовъ».

Таковы были въ сущности наставленія, которыхъ я такъ долго ждалъ и которыя долженъ былъ сообщить Русскому правительству. Монморень присоединилъ къ нимъ предначертаніе договора, имъ сочиненное, и въ письмѣ, писанномъ ко мнѣ собственноручно, извѣщалъ меня, что Совѣтъ единогласно призналъ пользу союза, но что осторожность короля удерживала его подписать такой договоръ съ Россіею, пока она будетъ въ войнѣ съ Турціею.

Я въ точности послѣдовалъ этимъ новымъ наставленіямъ и, какъ умѣлъ, старался разсѣять недовольство, которое произвела эта перемѣна въ Русскихъ министрахъ. Я не скрывалъ отъ Монморена, что

мое положеніе дѣлалось скользкимъ и труднымъ. «Какъ поддержать довѣріе къ намъ, писалъ я ему, когда мы признаемся въ собственномъ безсиліи? Какимъ образомъ представить союзъ съ нами нужнымъ, когда мы отлагаемъ его до заключенія мира съ Турками, то есть до того времени, когда Императрица не будетъ нуждаться въ нашей помощи? Какимъ образомъ воспрепятствовать сближенію Россіи съ Англіею, которая, будучи полезною въ дружбѣ и опасною во враждѣ, обѣщаетъ ей, въ случаѣ соглашенія, самый выгодный миръ? Наконецъ я долженъ, чтобы снять съ себя отвѣтственность, выставить на усмотрѣніе его величества важное обстоятельство: если я успѣю (хотя считаю это невозможнымъ) заключить когда нибудь предположенный договоръ съ Императрицею, то, при имѣющемъ измѣниться положеніи дѣлъ, Императрица никакъ не захочетъ, на случай нашей войны съ Англичанами, закрыть для нихъ Русскіе порты въ нашу пользу; а вѣдь это главная выгода, которой я ожидалъ отъ этого союза. Русскіе министры, какъ я и ожидалъ, горько жалуются; они попрекаютъ насъ торговымъ договоромъ; ему приписываютъ они всѣ затрудненія, которыя дѣлаютъ имъ теперь Англія и Пруссія. Очевидно, что мысли ихъ должны измѣниться. Императрица уже стала гораздо благосклоннѣе къ Витворту, Англійскому министру».

«Я достигъ въ Россіи, писалъ я еще Монморену, всего, что̀ король поручилъ мнѣ выхлопотать въ теченіе этихъ пяти лѣтъ: довѣрія Русскаго правительства, торговаго договора, вліянія, сближенія, принятія посредничества. Графъ Остерманъ предоставилъ Шуазёлю всѣ заботы о примиреніи. Наши внутреннія смуты ослабляютъ наши средства; однако дворъ нашъ пользуется здѣсь должнымъ довѣріемъ и почетомъ. Я удвою свои старанія, чтобы сохранить это положеніе; но если дѣла перемѣнятся, то я надѣюсь, что король будетъ добръ, и Совѣтъ такъ благосклоненъ, что припишутъ это обороту обстоятельствъ, которыхъ я не въ силахъ измѣнить».

Въ первыхъ числахъ Мая курьеръ изъ Вѣны привезъ Императрицѣ депеши, которыя сильно ее обезпокоили: ее извѣщали, что императоръ Іосифъ при смерти. Государыня такъ встревожилась, что занемогла. Другой курьеръ успокоилъ ее извѣстіемъ, что онъ покуда вышелъ изъ опасности. Въ то время Екатерина II со всѣхъ сторонъ окружена была неудачами. Шведскій флотъ высвободился изъ блокады при попутномъ вѣтрѣ. Король, освободившись отъ Датчанъ, сломивъ и своихъ противниковъ, снова стоялъ во главѣ покорнаго войска, желавшаго побѣдами искупить свое возстаніе. Шуазёль, котораго положеніе дѣлалось часъ отъ часу затруднительнѣе, писалъ мнѣ, что Англичане и Прусаки готовятся заключить съ Портою договоръ, по

которому эти три державы обязуются поддерживать Польшу въ ея намѣреніяхъ освободиться отъ Русскаго вліянія. Въ тоже время они уговаривали Императрицу отстать отъ императора и Франціи и поручить имъ соглашеніе о мирѣ. Съ этимъ условіемъ они обѣщали Россіи выхлопотать уступку ей Очакова и заставить Шведскаго короля положить оружіе. Императрица была слишкомъ горда, чтобы согласиться на условія, почти вынужденныя у ней, а не предложенныя ею, могущія заставить ее измѣнить своему старому союзнику. Но казалось возможнымъ, что она, не находя опоры ни въ насъ, ни въ Испаніи и покинувъ Польшу, вмѣстѣ съ императоромъ склонится на сторону противниковъ. Въ политикѣ всегда почти ссоры между сильными кончаются невыгодно для слабыхъ.

Я видѣлъ тогда Очаковскаго пашу, привезеннаго въ Петербургъ. Это былъ весьма порядочный Турокъ, потому что обращеніемъ своимъ и рѣчами обличалъ нѣкоторый умъ и разсудительность. Я спросилъ его, не боится ли онъ послѣ войны возвратиться на родину? «Вѣдь ваше правительство строго, сказалъ я; оно, какъ говорятъ, наказываетъ за неудачу, какъ за преступленіе, и вы сами не избѣгнете его кары, хотя ваша храбрость и упорная защита заслужили вамъ уваженіе враговъ вашихъ».—«Вы недостаточно знакомы съ нашими обычаями, отвѣчалъ онъ мнѣ; у насъ начальники крѣпостей отвѣчаютъ въ случаѣ добровольной сдачи, но не въ случаѣ плѣна. Меня взяли послѣ осады, и нечѣмъ упрекнуть меня. Но если бы я хоть десять лѣтъ защищалъ подвластный мнѣ городъ и потомъ сдалъ его на капитуляцію, мнѣ отрубили бы голову».—«Какъ, и вы въ этомъ случаѣ сами пошли бы на неправедную казнь?» спросилъ я. «Что же дѣлать, возразилъ паша; нельзя избѣжать судьбы своей, и каждый долженъ покоряться велѣніямъ Аллаха. Стараться обойти ихъ и безумно, и преступно». Разумѣется, это фанатизмъ, доведенный до крайности.

Императрица въ это время ѣздила въ Царское Село и позволила мнѣ слѣдовать за нею. Пріятныя извѣстія, полученныя ею, возвратили ей веселость. Императоръ выздоравливалъ; Каменскій одержалъ побѣду надъ довольно значительнымъ Турецкимъ корпусомъ, а Михельсонъ разбилъ Шведскую дивизію; Румянцевъ, раздѣливъ армію свою на три корпуса, двинулъ одинъ изъ нихъ на Яссы, другой въ Валахію, третій на Бендеры. Скоро узнали мы, что Каменскій, преслѣдуя непріятеля, напалъ подъ Галацомъ на пашу Ибрагима, захватилъ его въ плѣнъ и забралъ его лагерь. Что я предвидѣлъ, то и сбылось: Потемкинъ и нѣкоторые другіе сановники хотѣли уговорить Императрицу сблизиться съ Англіею. Чтобы достигнуть этой цѣли, они увѣряли ее, что Шуазёль сообщилъ Туркамъ планъ кампаніи, довольно искусно составлен-

мый; далѣе, что посолъ нашъ, ложно обвиняя въ козняхъ Англію и Пруссію, самъ возбуждаетъ Турокъ къ продолженію войны. Екатерина, слишкомъ поспѣшно довѣряя этой баснѣ, передала ее съ упрекомъ принцу Нассау-Зигену. «Французскій дворъ, говорила она ему, поступаетъ со мною недобросовѣстно, или приказанія короля дурно исполняются его повѣренными. Меня даже увѣряли (и это мнѣ очень непріятно), что Сегюръ сообщаетъ моимъ министрамъ неточныя извлеченія изъ депешъ, которыя онъ получаетъ отъ Шуазёля. Король выплатилъ недавно субсидіи Густаву III; подъ разными мнимыми предлогами онъ отказывается заключить съ нами союзъ. Вся эта политика, далеко неоткровенная, мнѣ кажется даже враждебная намъ. Я не хочу выводить дѣло наружу, потому что не опасаюсь того вреда, какой могла бы мнѣ нанести Франція; однако я не хочу, чтобы думали, что я очаровываюсь ложными увѣреніями. Вы, надѣюсь, уже достаточно стали *Русскимъ*, и потому я желаю, чтобы вы написали конфиденціально Монморену и дали бы ему понять, что отказъ въ союзѣ и дѣйствія его посла въ Константинополѣ не даютъ мнѣ болѣе возможности довѣряться ему».

Нассау тотчасъ же передалъ мнѣ этотъ разговоръ, и я безъ труда увидѣлъ въ этомъ происки Потемкина, надѣявшагося такимъ путемъ отдалить Императрицу отъ насъ. Онъ сперва и успѣлъ въ этомъ: возвратившись въ столицу, Екатерина перестала обращаться со мною такъ привѣтливо, какъ было прежде, и приглашать меня на частныя эрмитажныя собранія; а когда я являлся ко двору со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, она не только не подзывала меня къ себѣ, но даже оказывала холодность и часто весьма любезно относилась къ министрамъ Англійскому и Прусскому. Соперники наши торжествовали, а люди, соразмѣрявшіе свое поведеніе съ перемѣною обстоятельствъ, стали мало-по-малу удаляться отъ меня, видя во мнѣ посла, вышедшаго изъ милости. Меня озадачилъ успѣхъ этихъ происковъ, и такъ какъ они скоро могли разрушить вліяніе Франціи, которое я добылъ съ такимъ усиліемъ, то я всячески старался разсѣять происки вельможъ и министровъ Англійскаго и Прусскаго.

Между тѣмъ я получилъ большую депешу отъ Шуазёля. Нельзя было написать ничего удачнѣе по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Посолъ нашъ сообщилъ мнѣ подробный отчетъ о дѣйствіяхъ пословъ Прусскаго и Англійскаго въ Константинополѣ и о происках ихъ, чтобы отвлечь Турокъ отъ всякаго расположенія къ миру. Онъ не только передалъ содержаніе записокъ и нотъ, представленныхъ имъ Портѣ, но даже выписалъ цѣликомъ нѣкоторыя ихъ выраженія, особенно непріязненныя противъ Россіи. Если бы я могъ извѣстить объ

этомъ Государыню, она бы, разумѣется, сильно прогнѣвалась, увидѣвъ, какъ ее обманываютъ. Но депеша Шуазёля была написана шифрами, а Императрицу, какъ я уже сказалъ, заставили заподозрить мою искренность и увѣрили, что я сообщаю депеши нашего посла неточно. Однако мнѣ надо было воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, который, можетъ быть, нескоро вновь представился бы. Итакъ, я прибѣгнулъ къ рѣшительному средству. Оно было такъ ново и смѣло, что я не счелъ нужнымъ извѣщать о немъ мой дворъ; даже и Монморень узналъ объ этомъ по возвращеніи моемъ изъ Россіи. Если бы моя выдумка не удалась, она обратилась бы мнѣ въ вину, потому что я могъ выдать ключъ къ нашей тайнописи. Разсказывая теперь о моемъ смѣломъ поступкѣ, я считаю долгомъ предупредить моихъ молодыхъ соотечественниковъ, вступающихъ на дипломатическое поприще и посовѣтовать имъ не слѣдовать моему примѣру. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы рѣшиться на такой поступокъ, нужно было знать душу и характеръ Государыни, внушившей мнѣ полное довѣріе къ ней, такъ близко, какъ я ее зналъ. Одинъ только успѣхъ могъ извинить меня, и я достигъ его. Я попросилъ принца Нассау придти ко мнѣ. «Вы видите, какъ шатко наше положеніе и какими средствами стараются насъ уронить. Вамъ извѣстно также, что Императрица чистосердечна и великодушна и что ее обманываютъ. Она сочувствуетъ всему возвышенному, благородному и прекрасному. Слушайте же, на что я рѣшился, чтобы раскрыть ей всѣ каверзы и разсѣять ихъ. Вотъ шифрованная депеша Шуазёля, я только что получилъ ее и переписалъ буквами. Чтеніе этой депеши разсѣетъ въ Императрицѣ всякое сомнѣніе насчетъ нашей искренности и откроетъ ей козни нашихъ враговъ. Я сложу ее и надпишу на конвертѣ, что отсылаю ее не *Государынѣ, а Екатеринѣ*. Возьмите, выпросите себѣ аудіенцію и отдайте эту бумагу отъ моего имени. Если она оставитъ васъ и выйдетъ хоть на минуту изъ кабинета, то я ошибся въ ней: могутъ списать нѣсколько строкъ, узнаютъ ключъ нашего шифра, и я дѣлаюсь виновенъ. Но я увѣренъ, что она этого не сдѣлаетъ и тотчасъ же отдастъ вамъ депешу. Поѣзжайте и скорѣе возвращайтесь».

Нассау согласился, поспѣшилъ во дворецъ и получилъ желаемую аудіенцію. Когда онъ остался съ глазу на глазъ съ Государыней и произнесъ мое имя, она съ сердцемъ сказала: «Чего нужно Сегюру отъ меня?» Нассау, не отвѣчая, вручилъ ей письмо. Екатерина взяла его, съ удивленіемъ прочитала надпись, быстро развернула и начала читать. Въ это время Нассау сталъ отступать, будто желая удалиться. Тогда Императрица подходитъ къ нему, останавливаетъ его и говоритъ: «Принцъ, не уходите, не оставляйте меня ни на минуту».

Она продолжаетъ чтеніе и, окончивъ его, быстро складываетъ депешу и отдаетъ ее Нассау-Зигену, сказавъ при этомъ съ чувствомъ: «Скорѣе отправьтесь къ Сегюру и скажите ему, что никогда въ жизни я не забуду этого благороднаго поступка; онъ доказалъ мнѣ свое уваженіе и довѣріе ко мнѣ; я заслужила его, онъ меня понялъ».

Не безъ волненія ожидалъ я возвращенія моего посланца, и можно себѣ представить мое удовольствіе, когда онъ извѣстилъ меня о счастливомъ и скоромъ исполненіи моего порученія. На другой день дворъ собрался въ эрмитажѣ. Только что я вошелъ, какъ Императрица подозвала меня, посадила возлѣ себя, почти не слушала актеровъ и все время спектакля тихонько проговорила со мною. Чрезвычайное удивленіе выразилось на лицахъ министровъ. Наши соперники, торжествовавшіе вчера, едва могли скрыть недоумѣніе. Положеніе дѣйствующихъ лицъ перемѣнилось: Императрица стала еще ласковѣе и милостивѣе ко мнѣ и съ презрѣніемъ слушала навѣты на насъ. Не смотря на смуты, которыя возникли во Франціи, наше правительство не потеряло своего значенія и вліянія въ Россіи, пока я оставался въ Петербургѣ. Государыня такъ крѣпко сохранила тайну моего поступка, что ни Потемкинъ, ни другіе министры не могли узнать, какимъ образомъ я такъ скоро возстановилъ ея довѣріе къ себѣ.

Пылкій нравъ султана Селима и честолюбіе Густава III, а съ другой стороны враждебные происки Прусаковъ и Англичанъ удаляли всякую возможность скораго мира, и потому съ обѣихъ сторонъ спѣшили вооружаться. Принцъ Нассау-Зигенъ снаряжалъ флотилію въ Кронштадтѣ. Черезъ три недѣли ему приказано было отправиться съ 30 галерами, 10 шебеками, 3 судами, на которыхъ были орудія тяжелаго калибра, со множествомъ канонерскихъ лодокъ и 14,000 войска для высадки. Флотилія имѣла грозный видъ, но недоставало хорошихъ штурмановъ и искусныхъ моряковъ, а войско состояло изъ новобранцевъ.

Извѣщая Монмореня о невыгодномъ оборотѣ нашихъ сношеній, я не могъ удержаться отъ жалобъ. «Какъ нехорошо, писалъ я ему въ началѣ Іюня, что сближеніемъ нашимъ съ императорскими дворами возбудили мы противъ себя Турокъ, Англичанъ и Пруссаковъ, а теперь возстановляемъ Императрицу и императора отказомъ согласиться на предлагаемый намъ союзъ. Мы испытываемъ всѣ непріятности нашего положенія, не пользуясь его выгодами, которыя въ другое время уже не представятся намъ. Екатерина еще занята этимъ союзомъ. Она такъ ревностно желаетъ мира, что если Шуазёль не будетъ дѣйствовать скоро и успѣшно, то она приметъ посредничество Англіи и Пруссіи, лишь бы окончить войну». Мои опасенія были основательны. Я зналъ

изъ тайнаго и вѣрнаго источника, что Потемкинъ передъ своимъ отъѣздомъ вотъ что говорилъ Англійскому министру: «Мы недолго думали о союзѣ съ Франціею. Мы увлеклись увѣреніями Сегюра, но скоро увидѣли, что нельзя расчитывать на Французское правительство, между тѣмъ какъ по многимъ причинамъ сближеніе съ Англіею намъ кажется полезнымъ. Торговля между нами сильная, купцовъ вашихъ въ Петербургѣ цѣлая колонія. По всему видно, что намъ надо подружиться; обстоятельства удобны, надобно спѣшить пользоваться ими». Однако нѣкоторые случаи, происшедшіе послѣ этого разговора, встревожили Потемкина и возбудили Государыню противъ явныхъ и тайныхъ враговъ ея. Ей донесли, что одинъ Шведскій морякъ потихоньку забрался съ брандеромъ между Русскими судами въ Копенгагенскомъ рейдѣ, былъ преслѣдуемъ и пойманъ въ домѣ Шведскаго министра, который далъ ему убѣжище. Въ тоже время Лондонскій кабинетъ угрожалъ войною Даніи, если она, согласно договору, будетъ оказывать содѣйствіе Россіи въ войнѣ со Швеціею. Между тѣмъ я сообщилъ Государынѣ о благородномъ поступкѣ нашего правительства: оно объявило Лондонскому кабинету, что не потерпитъ нападенія Англичанъ на берега и флотъ Даніи. Русскій кабинетъ, довольный этимъ твердымъ и благороднымъ шагомъ, прислалъ мнѣ офиціальную ноту, сверхъ моего ожиданія, весьма дружелюбную. Это былъ отвѣтъ на подробную депешу нашего кабинета относительно четвертнаго союза. Императрица возобновляла увѣренія своего дружелюбнаго расположенія къ намъ, но, вмѣсто того, чтобы утвердить статью за статьею въ бумагѣ Монморена, писала, что до разсмотрѣнія ея желаетъ посовѣтоваться съ императоромъ, также какъ мы хотѣли переговорить съ Испанскимъ королемъ. Это было съ обѣихъ сторонъ честное отступленіе и вѣжливый способъ отложить переговоры, не отказываясь отъ нихъ.

Въ то время князь Потемкинъ, постоянно старавшійся вредить намъ, запретилъ нашимъ купеческимъ судамъ входъ въ Русскіе порты Чернаго моря подъ тѣмъ предлогомъ, что должно скрыть отъ насъ приготовленія и вооруженія, которыя тамъ производились. Я жаловался на это нарушеніе нашего торговаго трактата и подалъ Русскому правительству объ этомъ подробную записку, которую нельзя было опровергнуть. Мнѣ дали даже почувствовать, что раздѣляютъ мое мнѣніе; но нельзя было противиться вліянію Потемкина, а онъ долго не соглашался на требуемыя уступки. Когда я настаивалъ, Императрица, отклоняя прямой отвѣтъ, жаловалась на поступки враговъ и бездѣйствіе своихъ союзниковъ.

Въ это время она принуждена была подчинить свою гордость благоразумію: она вывела войска изъ Польши, чтобы предупредить

ихъ столкновеніе съ Пруссіею. Вмѣстѣ съ тѣмъ ей хотѣлось знать, можетъ ли она разсчитывать на насъ въ томъ случаѣ, если Фридрихъ-Вильгельмъ, не смотря на эту уступку, начнетъ войну, что, по словамъ ея, онъ обѣщалъ Полякамъ и Шведамъ. Понятно, что я въ то время могъ ограничиться неопредѣленнымъ отвѣтомъ. Это было въ Январѣ 1789 года: королевская власть во Франціи была въ опасности, финансы разстроивались, недочетъ увеличивался; вмѣсто того, чтобы поправить положеніе дѣлъ, государственные чины раздѣлились на партіи. Прежде всѣ сословія соединялись противъ произвола власти и закоренѣлыхъ злоупотребленій; но теперь положеніе дѣлъ измѣнилось: толковали не только объ экономіи и свободѣ, но и о равенствѣ. Нужно было рѣшить, какъ подавать голоса по сословіямъ или поголовно, или, лучше сказать, приходилось рѣшить, останутся ли сословія отдѣльными, сохранятся или падутъ ихъ преимущества, измѣнятся или рушатся наши старинныя установленія; наконецъ, приступимъ ли мы къ благоразумной реформѣ или къ бурной революціи. Между тѣмъ возникла борьба между аристократіею и демократіею; первыя вспышки ея взволновали умы, возбудили страсти; довольно сильная партія упрямо защищала старый порядокъ вещей и привилегіи. Народное большинство желало и требовало преобразованій, и на сторонѣ его было много дворянъ, одушевленныхъ желаніемъ свободы. Послѣ долгаго покоя ни у кого не было опытности, которая бываетъ грустнымъ и запоздалымъ плодомъ заблужденій, ошибокъ и несчастій. Правительство слабое и безпечное ничего не приготовило, ни на что не рѣшилось; давно уже сила его истощилась; оно очаровывалось остатками ложнаго блеска; въ короткое время оно двадцать разъ измѣняло систему и министровъ, и общество лишило его своего довѣрія. Тронъ походилъ на колесницу съ надломившеюся осью, уносимую конями, которые закусили удила. Послѣднюю неосторожность сдѣлали, собравъ выборныхъ народа близъ столицы, у источника неудержимыхъ страстей огромнаго населенія, такъ что королевская власть была предоставлена всѣмъ ужасамъ этой бури и всѣмъ перемѣнамъ и превратностямъ судьбы. Неудивительно ли было, что и въ такую пору иностранныя державы просили и ожидали помощи нашего оружія? Изъ этого видно, какъ несправедливо теперь обвинять Французовъ въ бѣдствіяхъ, насиліяхъ и порокахъ революціи, которые подготовлялись временемъ, которые нельзя приписать только извѣстнымъ лицамъ, и которые, наконецъ, ни у насъ, ни въ другихъ странахъ не были ни ожидаемы, ни предвидѣны. Дѣло въ томъ, что съ одного конца Европы до другого просвѣщеніе, философія и разумъ такъ далеко шагнули въ послѣдніе два вѣка, что идеи права, порядка и свободы распространились повсюду, начала нравственности и спра-

ведливости торжествовали надъ предразсудками, и умы были расположены къ замѣнѣ произвола и насилія законнымъ порядкомъ. Поэтому сначала приговоры нашихъ парламентовъ, оппозиція ихъ, проекты Тюрго, дѣйствія и сочиненія Некера, рѣчи Мальзерба, слова, произносимыя въ академіяхъ, возбудили всеобщее одобреніе и удивленіе. Это сочувствіе было естественно, это была жажда разумной свободы. Но когда стремленіе къ равенству взяло верхъ, и частныя выгоды пришли между собою въ столкновеніе, то все перемѣнилось, и вездѣ высшіе, владычествующіе классы были или считали себя въ непріязненномъ положеніи къ народу. Таковы были настоящія причины долгихъ бурь, теперь еще едва утихнувшихъ. Можно ли было ожидать ихъ или отвратить? Можно ли съ точностью указать тѣхъ, которые ихъ возбудили или усилили своими пылкими страстями, неразумнымъ сопротивленіемъ? Пристрастіе отвѣчаетъ утвердительно, но разумъ говоритъ: нѣтъ.

При всемъ томъ, неудовольствіе Государыни по случаю застоя южной арміи, смуты въ Польшѣ, угрозы Англіи Датчанамъ, происки и враждебные замыслы Пруссіи, наконецъ наше безучастіе и бездѣйствіе, все это не такъ тревожило Государыню, какъ успѣхи Шведовъ въ Финляндіи. Такъ какъ она лично распоряжалась военными дѣйствіями на Сѣверѣ, то неудачи и успѣхи военачальниковъ въ краѣ, близкомъ отъ столицы, сильно озабочивали ее. Къ тому же гордость ея страдала отъ слабаго короля, вредящаго ея могуществу и славѣ. Къ несчастію, она поставила во главѣ арміи двухъ генераловъ: Мусина-Пушкина и Михельсона, изъ которыхъ первый былъ недовольно дѣятеленъ, а второй недовольно благоразуменъ. Михельсонъ сначала смѣлымъ натискомъ и съ малыми силами разбилъ Шведовъ подъ Кюри *), но послѣ того былъ отбитъ съ уономъ и раненъ. Между тѣмъ какъ Мусинъ-Пушкинъ послалъ отрядъ для занятія области Саволаксъ, Густавъ съ 10,000 войска вступилъ въ Русскіе предѣлы. Пушкинъ отступилъ, ожидая, чтобы флотилія принца Нассау-Зигена, стоявшая уже подъ Выборгомъ, подошла къ Фридрихсгаму.

Личная скорбь, которую испытывала въ то время Екатерина, усиливала ея политическія тревоги, а, можетъ быть, и отвлекала ее отъ нихъ. Эта необыкновенная женщина являла въ своемъ характерѣ удивительное

*) *Кюри*—деревня, въ пяти верстахъ отъ тогдашней нашей границы. Дѣло это было 31 Мая. Другое неудачное дѣло было 1-го Іюня, по выступленіи Михельсона изъ Христины, близъ Сенъ-Михеля, который онъ однако скоро занялъ. Императрица по этому случаю сказала, какъ пишетъ Храповицкій: „Двадцать семь лѣтъ такого извѣстія не получала“.

смѣшеніе присущей намъ, мужчинамъ, силы со слабостями женской природы; года состарили черты ея лица, но сердце и ея самолюбіе сохранили свою молодость и въ то время были глубоко оскорблены. Она узнала, что ея адъютантъ, ея любимецъ, графъ Мамоновъ, котораго она осыпала благодѣяніями, повышеніями въ чинахъ и богатствами, неоднократно обманывалъ ее и стенялъ подъ игомъ благоволенія, между тѣмъ какъ искалъ свободы.

Въ надеждѣ пробудить еще въ немъ чувство, Императрица написала ему, что съ прискорбіемъ видитъ, что всѣ ея старанія сдѣлать его счастливымъ и разсѣять его меланхолію ей не удаются. «Желая прежде всего вашего счастья, писала она ему, я приняла намѣреніе сочетать васъ бракомъ съ самой богатой наслѣдницей въ этой имперіи; отвѣтьте, удовлетворитъ ли это ваши желанія?»

Мамоновъ отказался отъ предложеннаго ему брака; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признался Екатеринѣ въ томъ, что всѣ ея милости, вызывая въ немъ глубочайшую признательность, не могутъ дать ему счастія; что душа его, несмотря на всѣ его усилія, давно уже обуреваема непреодолимой страстью къ одной изъ ея фрейлинъ, княжнѣ Щербатовой. Стыдясь за свою неблагодарность, но не будучи въ силахъ измѣнить своихъ чувствъ, онъ благоговѣйно молилъ ее о милосердіи.

При этомъ неожиданномъ извѣстіи Екатерина, раздражившись, удалилась отъ своего двора, заперлась у себя въ покояхъ и отмѣнила спектакли въ Царскомъ Селѣ; но, затѣмъ, быстро выйдя изъ недостойнаго для нея состоянія гнѣва и уныній, она потребовала къ себѣ княжну и своего невѣрнаго любимца, обручила ихъ при себѣ, дала богатое приданое своей фрейлинѣ, подарила виновному графу землю съ двумя тысячами крестьянъ, лично присутствовала при ихъ вѣнчаніи и, согласно обычаю, сама надѣла на голову новобрачной брилліантовый уборъ *). Сдѣлавъ такое усиліе надъ своей гордостью, она приказала имъ покинуть дворъ.

Когда изображаютъ Екатерину, ея слабости, то составляютъ тѣни большой картины; но, по крайней мѣрѣ, онѣ не затемняютъ блеска ея великодушія. Немногія женщины, облеченыя неограниченной властью, показали бы такую сдержанность при открытіи, что ихъ чувства обмануты и самолюбіе оскорблено. Это умѣніе побѣждать свой гнѣвъ тѣмъ болѣе достойно похвалы, что, по натурѣ своей, какъ она сама мнѣ нѣсколько разъ говорила, была она вспыльчиваго и даже буйнаго права.

*) (Говорили, что при этомъ она слегка уколола княжну Дарью Ѳеодоровну).

Эта выдержка и составляла ея характерную черту, которой я не могъ не восхищаться, особенно видя невдалекѣ отъ нея, въ Петербургѣ, живою, свободною, спокойною и богатою ея щедротами, эту знаменитую Воронцову, любовницу Петра III, добившуюся отъ него обѣщанія жениться на ней, а съ Екатериной развестись и сослать ее въ Сибирь.

Одержавъ такимъ образомъ тяжелую побѣду надъ собой, Императрица вернулась къ своей обычной жизни прежде, чѣмъ молодые супруги покинули Царское Село.

Во дворцѣ замѣчалась одна только перемѣна: придворные, Русскіе и иностранцы, которые прежде каждый вечеръ толпились у Мамонова, совершенно его покинули, когда онъ впалъ въ немилость. Такъ какъ и мнѣ онъ не разъ доказывалъ свое расположеніе, то я при этотъ случаѣ счелъ долгомъ показать ему, что я это помню. Я пошелъ къ нему, и въ первый разъ, во все наше знакомство, мнѣ случилось быть съ нимъ наединѣ. Императрица узнала объ этомъ и, при всемъ дворѣ одобряя мой поступокъ, высказалась презрительно о подлости людей, удаляющихся отъ человѣка, котораго еще недавно восхваляли и величали. Не должно ли снисходительно смотрѣть на нѣкоторые недостатки этой женщины, которую Делинь назвалъ *Екатериною Великимъ*, когда она выказывала столько гордости, доброты и великодушія?

Удаленіе всѣхъ отъ Мамонова послѣ того, какъ его прежде окружали почетомъ, не можетъ быть удивительно въ правленіи деспотическомъ, при которомъ суживаются умы и гнутся характеры. Я могу привесть еще случай, возбудившій во мнѣ грустныя мысли и тѣмъ самымъ еще болѣе укрѣпившій во мнѣ любовь къ свободѣ, не смотря на всѣ бѣды, которыми окружаютъ ее и враги, а иногда и друзья ея. Поль-Джонсъ, раздѣлявшій побѣды съ Нассау-Зигеномъ, возвратился въ Петербургъ. Враги его завидовали человѣку, котораго они считали бродягой, бунтовщикомъ и корсаромъ, и рѣшились погубить его. Клевета была возведена на него подлыми завистниками и, конечно, напрасно. Приписывали ее Англійскимъ офицерамъ Русскаго флота и купцамъ изъ среды ихъ соотечественниковъ. Хотя Англичане и не скрывали своего нерасположенія къ Джонсу, но не слѣдуетъ всѣхъ ихъ заподозрѣвать въ низкой каверзѣ, которая была дѣломъ двухъ или трехъ людей, оставшихся неизвѣстными. Американскій контръ-адмиралъ былъ хорошо принятъ при дворѣ, часто бывалъ на обѣдахъ у Императрицы и вошелъ въ лучшее общество столицы. Вдругъ онъ получаетъ отъ Императрицы приказаніе не являться болѣе ко двору. Онъ узнаётъ, что его обвиняютъ въ безчестномъ оскорбленіи невин-

ности четырнадцатилѣтней дѣвушки, надъ которою онъ будто употребилъ дерзкое насиліе, и что, судя по предварительнымъ справкамъ, онъ будетъ судимъ въ Адмиралтействѣ, гдѣ служили нѣсколько Англійскихъ офицеровъ, сильно нерасположенныхъ къ нему. Только что это приказаніе сдѣлалось извѣстно, всѣ покинули несчастнаго Американца, перестали съ нимъ говорить и кланяться и отказывались принимать его. Кто вчера еще ласково встрѣчалъ его, теперь избѣгаетъ его, какъ зачумленнаго; никто не хочетъ защищать его, ни одинъ чиновникъ не хочетъ его слушать, даже слуга отходитъ отъ него. Поль-Джонсъ, котораго подвиги восхваляли, дружбы котораго заискивали, вдругъ стоитъ одинъ посреди огромнаго общества; Петербургъ, столичный городъ, для него пустыня. Я отправился къ нему; онъ былъ тронутъ до слезъ моимъ посѣщеніемъ. «Я не хотѣлъ, сказалъ онъ мнѣ, постучаться у вашей двери; я могъ ожидать новой обиды, а она была бы мнѣ чувствительнѣе всѣхъ другихъ. Тысячу разъ я рисковалъ жизнью: теперь я желаю смерти». Его взглядъ и оружіе на столѣ указывали на его печальную рѣшимость.

«Успокойтесь и прибодритесь, сказалъ я ему: вѣдь вы знаете, что въ жизни, какъ на морѣ, бываютъ бури, а счастіе перемѣнчиво, какъ вѣтеръ. Если, какъ я полагаю, вы невинны, выдержите эту грозу; если же, къ несчастію, вы виноваты, то поговорите со мною откровенно, и я готовъ сдѣлать, что могу, чтобы помочь вамъ избавиться бѣды».—«Клянусь вамъ честью, отвѣчалъ онъ, что я невиненъ; это подлая клевета. Вотъ какъ было дѣло. Нѣсколько дней тому назадъ, утромъ, ко мнѣ пришла молодая дѣвушка съ просьбою дать ей шить бѣлье или починить что-нибудь, и при этомъ стала довольно явно напрашиваться на мои ласки. Мнѣ было жалко видѣть такую дерзость въ ея лѣта, и я сталъ уговаривать ее бросить ея гадкія намѣренія, далъ ей денегъ и отпустилъ ее; но она не хотѣла уходить. Меня это разсердило; я взялъ ее за руку и вывелъ вонъ. Но въ ту минуту, какъ я растворялъ дверь, эта дряпная дѣвчонка разорвала себѣ рукава и платокъ, стала ужасно кричать и жаловаться, что я ее обезчестилъ, и бросилась въ объятія старухи, будто бы ея матери, которая конечно, явилась тутъ не случайно. Мать съ дочерью разревѣлись на весь домъ, ушли и пожаловались на меня; остальное вамъ извѣстно».

«Хорошо, сказалъ я; но знаете ли вы имена этихъ мошенницъ?» —«Мой дворникъ знаетъ ихъ; вотъ ихъ имена, но я не знаю, гдѣ онѣ живутъ. Я хотѣлъ подать записку объ этой забавной продѣлкѣ, сперва министру, потомъ Императрицѣ; но меня не допускаютъ къ нимъ».

—«Дайте-ка мнѣ эту бумагу, сказалъ я; будьте покойны, я все улажу, и мы скоро увидимся».

По возвращеніи домой, я тотчасъ же поручилъ ловкому и вѣрному человѣку, преданному мнѣ, навести справки объ этихъ подозрительныхъ женщинахъ и узнать ихъ образъ жизни. Я скоро узналъ, что старуха занимается извѣстнымъ ремесломъ и выдаетъ молодыхъ дѣвушекъ за своихъ дочерей. Получивъ на все это письменныя доказательства, я отправился къ Поль-Джонсу. «Вамъ теперь нечего бояться, сказалъ я ему: обманщицы открыты. Теперь надо только раскрыть глаза Императрицѣ и показать ей, какъ ее обманывали; но это не такъ-то легко. Правду очень часто останавливаютъ на порогѣ дворца, а письма въ такомъ случаѣ легче всего перехватить. Однако я знаю, что Государыня, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, запретила удерживать и вскрывать письма, посланныя на ея имя по почтѣ. Я написалъ длинное письмо къ ней отъ вашего имени; тутъ всѣ подробности, даже не совсѣмъ приличныя. Что же дѣлать? Государыня выслушала клевету; надо, чтобы она терпѣливо прочитала оправданіе. Перепишите и подпишите это письмо. Я кого-нибудь пошлю отдать его на почту въ ближайшій городъ. Не унывайте; повѣрьте мнѣ, что вы будете оправданы».

Въ самомъ дѣлѣ, письмо было послано, и Государыня получила его. Прочитавъ его вмѣстѣ съ приложенными документами, она страшно разсердилась на доносчиковъ, отмѣнила свое приказаніе, снова пригласила Джонса ко двору и приняла его съ обычною благосклонностію. Храбрый воинъ, скромно и гордо встрѣтивъ должное ему удовлетвореніе, не очень-то очаровался увѣреніями людей, которые чуждались его во время невзгоды и скоро, недовольный страною, гдѣ можно было подвергнуться такимъ униженіямъ, выпросилъ себѣ у Императрицы, подъ предлогомъ болѣзни, отпускъ, который и былъ данъ ему вмѣстѣ съ орденомъ и приличной пенсіей. Онъ уѣхалъ, выразивъ мнѣ признательность за услугу и уваженіе Государынѣ, которую можно было обмануть, но которая умѣла блистательно исправлять ошибки и несправедливости.

Императрица тогда назначила новаго флигель-адъютанта на мѣсто Мамонова; это былъ гвардейскій офицеръ Зубовъ *). Новый любимецъ вышелъ въ люди безъ помощи Потемкина. Всякому любопытно было знать, станетъ ли онъ въ рядъ его приверженцевъ или осмѣлится противиться его власти. Не зная еще его, я жалѣлъ объ удаленіи Мамо-

*) Платонъ Александровичъ Зубовъ, род. 1767 г., ум. 1822 г.; пожалованъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ 4-го Іюля, впослѣдствіи графъ и князь.

нова, всегда преданнаго выгодамъ Франціи. Но скоро я замѣтилъ, что въ этомъ отношеніи ничего не измѣнилось: Зубовъ усердно искалъ моей дружбы и не скрывалъ отъ меня, что дѣйствуетъ такъ согласно желаніямъ Государыни.

Получены были дурныя вѣсти изъ Финляндіи. Шведскій генералъ Стедингъ разбилъ на голову генерала Шульца близъ Помалы и захватилъ Русскія пушки. Эта неудача скорѣе разсердила, чѣмъ обезпокоила Государыню.

Государыня съ участіемъ говорила мнѣ о ходѣ дѣлъ во Франціи. «Ваше среднее сословіе, замѣчала она, слишкомъ многаго требуетъ; оно возбудитъ неудовольствіе другихъ сословій, и это разъединеніе можетъ повести къ дурнымъ послѣдствіямъ. Я боюсь, что короля принудятъ къ большимъ жертвамъ, а страсти все-таки не утихнутъ». Я отвѣчалъ, что, не будучи совершенно покоенъ на этотъ счетъ, я однако сохраняю еще надежду, потому что король любимъ народомъ и желаетъ только его блага, и что вообще броженіе общества становится сильнымъ и упорнымъ, когда оно сдерживается и возбуждается безправнымъ злоупотребленіемъ силы.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора вице-канцлеръ, пригласивъ меня немедленно явиться къ нему, извѣстилъ меня о происшествіяхъ въ Парижѣ 14 Іюля. Онъ объявилъ мнѣ, что все населеніе столицы возстало и взяло Бастилію, что короля заставили войти въ городскую ратушу и надѣть революціонную кокарду, что безпорядокъ дошелъ допельзя: вездѣ нарушаютъ законы, ругаются надъ дворянами, грабятъ замки. По очень предосудительной привычкѣ, которой слѣдуютъ многіе, изъ боязни гласности, министры мнѣ ничего не написали, и я не могъ дать дѣльнаго отвѣта и отличить въ этихъ извѣстіяхъ правду отъ прикрасъ. Слухи эти скоро разнеслись и были принимаемы различно, сообразно съ личностью и чувствами слушавшихъ. При дворѣ тревога была сильная, неудовольствіе общее.

Скоро вниманіе отвратилось отъ этихъ далекихъ происшествій и поглощено было сраженіями, происходившими вблизи столицы. Такъ какъ утаили побѣду Стединга и подробности дѣла, то оно, какъ и всегда бываетъ, разгласилось, наперекоръ утайкѣ, съ прибавленіями. Правительство обезпокоилось и запретило говорить въ публичныхъ мѣстахъ о Шведской войнѣ. Вскорѣ однако счастіе снова улыбнулось Русскимъ. Императрица приказала соединиться эскадрамъ Чичагова и Козлянинова; Шведскій флотъ противился этому. Два часа бились съ одинаковымъ уономъ съ обѣихъ сторонъ, но Русскіе справедливо при-

писываютъ себѣ побѣду, потому что эскадрамъ удалось сойтись *). Принцъ Нассау разбилъ и прогналъ двадцать судовъ Шведскихъ и, пройдя мимо всѣхъ укрѣпленныхъ шхеръ, вышелъ въ море. Мы также узнали, что Суворовъ и принцъ Кобургскій (7-го Августа) разбили 30,000 Турецкій корпусъ, захватили Фокшаны, двѣнадцать знаменъ и весь лагерь.

Со всѣхъ сторонъ получались самыя дурныя вѣсти о смутахъ во Франціи. Я все еще полагалъ, что согласіе уладитъ всю эту борьбу, но Императрица сказала мнѣ: «Я этого желаю болѣе, нежели кто-либо; но я только тогда этому повѣрю, когда народъ вашъ перестанетъ прибѣгать къ возмутительнымъ поступкамъ. Впрочемъ, я васъ предупреждаю, что Англичане думаютъ выместить на васъ свои неудачи въ Америкѣ; если они васъ затронутъ, то окажутъ этимъ услугу, потому что отвлекутъ наружу пылъ, васъ губящій». Въ концѣ разговора Императрица выразила свое удовольствіе, вспомнивъ, что при королѣ находятся Сенъ-При и Монморень: она полагалась на ихъ благоразуміе.

Почти тогда же узналъ я тайнымъ, но вѣрнымъ образомъ, что Потемкинъ снова подкапывался подъ меня. Онъ написалъ Государынѣ, что несогласно съ здравою политикою приближать къ себѣ однихъ только министровъ Австріи и Франціи, что это предпочтеніе обидно для другихъ дворовъ, и что при слабости нашей въ годину смутъ благоразумнѣе обратиться къ Англіи. Но Екатерина, не внимая этимъ предложеніямъ и твердая въ своихъ намѣреніяхъ, не хотѣла сближаться съ Витвортомъ. Въ это время одно странное обстоятельство послужило поводомъ къ неудовольствію нашего двора. Шуазёль добился отъ Порты, чтобы она выдала ему Булгакова, но Русскій посолъ не хотѣлъ получить свободу отъ него: онъ требовалъ, чтобы его освобожденіе было полнымъ и прямымъ удовлетвореніемъ для Россіи. По моему это было благородно. Монморень, видя въ этомъ поступкѣ оскорбленіе для Франціи и для нашего посла, думалъ, что я выражу Русскому кабинету мнѣніе мое и негодованіе; но я не могъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ: мнѣ слишкомъ было бы трудно осуждать человѣка, котораго дѣйствіе я оправдывалъ.

Императрица вновь могла убѣдиться, что имѣла основанія довѣряться принцу Нассау. Онъ одерживалъ на моряхъ Сѣвера такія же блистательныя побѣды, какъ и на Черномъ морѣ. Искусно воспользо-

*) 15-го Іюля было удачное сраженіе съ Шведами, съ 19-го на 20-е Чичаговъ соединился съ Козлянинновымъ, и Шведскій флотъ удалился въ Карльскрону. — Чичаговъ, Василій Яковлевичъ, адмиралъ, род. 1726 г., ум. 1809 г.—Козлянинновъ, Тимофей Гавриловичъ, вице-адмиралъ.

давшись неосторожностью Шведскаго короля, который подвигался все впередъ, не обезпечивъ себѣ отступленія и сообщеній, принцъ атаковалъ Шведскій флотъ въ устьѣ Кюмени и разбилъ его. Сраженіе (13-го Августа) длилось 14 часовъ, съ утра до часу пополуночи. Шведы были прогнаны. Нассау захватилъ адмиральское судно, еще 4 судна сорока-пушечныя, куттеръ и три галеры. Въ плѣнъ попалось 40 офицеровъ, 13 матросовъ или солдатъ, и кромѣ того потоплено было нѣсколько судовъ у береговъ. Шведскій адмиралъ принужденъ былъ спасаться на яхтѣ. Въ этомъ славномъ дѣлѣ особенно отличалась гвардія и въ рядахъ ея кавалеръ Литта. Нассау, сдѣлавъ высадку съ 6,000 человѣкъ, быстро двинулся впередъ въ надеждѣ, что отрѣжетъ королю отступленіе. Но король, уже угрожаемый двумя Русскими корпусами, которые наступали на него съ фронта и съ фланговъ, поспѣшилъ покинуть свою позицію въ Эгфортѣ. Нассау преслѣдовалъ его, настигъ арьергардъ и захватилъ въ плѣнъ 600 человѣкъ, часть запасовъ и багажа. Между тѣмъ флотилія его, пользуясь своимъ положеніемъ, истребила еще до сорока Шведскихъ судовъ. Въ эти счастливые для принца дни его постигло горе. Варажъ, отличный офицеръ Французскаго флота, своими умными совѣтами направлялъ пылкую отвагу адмирала. Храбрый морякъ, высадившись на берегъ и преслѣдуя Шведовъ, попался Башкирамъ, этимъ дикарямъ, нисколько не полезнымъ, но безобразящимъ Русскую армію, и былъ убитъ: варвары приняли его за Шведа. Нассау, вернувшись на галеры, хотѣлъ преслѣдовать короля до Ловизы; но вѣтеръ помѣшалъ движенію флотиліи, возвратившейся счастливо въ Кронштадтъ съ великою добычею и славными трофеями. Густавъ, дѣйствовавшій всегда по-рыцарски, вспомнилъ, что не разъ встрѣчалъ принца Нассау во Франціи и въ Спа и, будучи пораженъ его воинственностью и честолюбіемъ, написалъ къ нему, въ началѣ кампаніи, прелюбезное письмо. «Я думалъ, писалъ онъ, судя по послѣднимъ нашимъ бесѣдамъ, что вы меня осчастливите предложеніемъ служить мнѣ мечомъ вашимъ; но такъ какъ, къ сожалѣнію моему, вы выступили противъ меня, то надѣюсь, по крайней мѣрѣ, заслужить на полѣ битвы уваженіе такого противника, какъ вы». Судьба разрушила эти надежды. Когда до короля дошла достовѣрная реляція битвы, обнародованная Императрицею, онъ, въ порывѣ оскорбленнаго самолюбія, вышелъ изъ себя и отвѣчалъ другою реляціею, въ которой силился умалить свои потери и выставить свои преимущества. По этому случаю принцъ Нассау написалъ къ нему письмо, которое такъ любопытно, что нельзя не привести его здѣсь.

Письмо принца Нассау-Зигена къ Густаву III, королю Швеціи.

Петербургъ, 20 Сентября 1789 года.

Государь!

Когда ваше величество удостоили меня послѣднимъ письмомъ своимъ, вы сказали мнѣ, что *обращаетесь къ воину, который ищетъ славы и чести.* Конечно, всю жизнь мою я старался оправдать это мнѣніе вашего величества. Но когда любишь честь, то не терпишь ничего противнаго ей и стоишь за правду, которую можешь подтвердить и доказать цѣлому свѣту. Вотъ почему я съ чувствомъ негодованія встрѣтилъ въ Гамбургскихъ газетахъ какую-то реляцію о битвѣ, которую имѣлъ честь выдержать съ флотомъ вашего величества. Эта реляція, повидимому, опровергаетъ мои показанія. Она во многихъ случаяхъ совершенно противна истинѣ, и я удивляюсь, какъ осмѣлились выставить такое почтенное имя, каково ваше, подъ разсказомъ полнымъ ошибокъ и лжи. Я надѣюсь, что ваше величество также оскорбились этимъ, какъ я, и что вы позволите мнѣ опровергнуть это сочиненіе и возстановить истину. Если же, что̀ невѣроятно, ваше величество дозволили изданіе такой невѣрной реляціи, то я полагаю, что вы преступнымъ образомъ обмануты полученными вами донесеніями, и долгъ чести, первѣйшей добродѣтели королей, безъ сомнѣнія заставитъ васъ осудить и наказать начальниковъ, доставившихъ вамъ ложныя донесенія. При этомъ письмѣ я посылаю опроверженіе этой непостижимой реляціи съ указаніемъ всѣхъ ея невѣрностей. Честь моя—порукою истины моихъ показаній. Свидѣтели мои—плѣнные корабли, которые я захватилъ, и флотъ, которымъ командовалъ и который далеко не разстроенъ и стоялъ на морѣ восемнадцать дней послѣ битвы, крейсировалъ безъ помѣхи въ двѣнадцати верстахъ отъ Ловизы и удалился только послѣ бури 12 Сентября. Часть эскадры этой и теперь еще въ морѣ и готова снова сразиться, но не встрѣчаетъ болѣе противника. Я увѣренъ, что вашему величеству слишкомъ хорошо извѣстны правила чести, чтобы не оправдать горячность, съ которою я защищаюсь. Я почту себя обиженнымъ, если хотя на минуту заподозрятъ истину донесенія, которое Императрица дозволила напечатать. Причины, побудившія меня написать это возраженіе, заставляютъ меня также обнародовать его. Ожидаемый мною отвѣтъ дастъ мнѣ, безъ сомнѣнія, поводъ гласно повторить увѣренія моего глубочайшаго уваженія, которое приношу вашему величеству и съ которымъ имѣю честь быть вашего величества и проч".

Густавъ раздраженъ былъ неудачею, но и Государыня не совсѣмъ довольна была своею побѣдою. Она говорила, что не сдѣлай промаховъ Мусинъ-Пушкинъ, король Шведскій, разбитый на морѣ, не могъ бы уйти отъ принца Нассау. Она передала мнѣ свое мнѣніе и упрекала меня также по поводу дѣйствій нашего кабинета, будто-бы подстрекавшаго Англію не допускать побѣды надъ Шведскимъ королемъ. Я увѣрялъ ее, что это басня, такъ какъ мы очень хорошо знаемъ, что она желаетъ только скораго мира и умѣреннаго удовлетворенія. «Это такъ;

но всѣ этому не вѣрятъ, возразила она; впрочемъ подумайте о томъ, что если вы хотите угодить двумъ противнымъ сторонамъ, то наконецъ попадетесь въ руки враговъ и будете оставлены друзьями».

Государыня говорила мнѣ также объ отказѣ Булгакова принять наше посредничество при своемъ освобожденіи. «Если это правда, прибавила она, то я не оправдываю его; но если ему предлагали бѣгство, я его не осуждаю».

Тогда же курьеръ отъ Потемкина разсѣялъ безпокойство Государыни на счетъ исхода кампаніи. Онъ извѣстилъ ее, что Суворовъ и принцъ Кобургскій сразились съ визиремъ и разбили его на голову. У Турокъ захваченъ былъ лагерь, 50 знаменъ и 80 пушекъ; 6 тысячъ Турокъ легло на полѣ битвы. Генералъ-маіоръ Дерибасъ отбилъ у Турокъ укрѣпленіе Гаджибей *). Съ другой стороны извѣстились, что капитанъ-паша, разбитый и преслѣдуемый Репнинымъ, заперся въ Измаилѣ. Между тѣмъ Потемкинъ и Ангальтъ разбили бегларъ-бея Румелійскаго и положили на мѣстѣ 600 Турокъ. Почти въ тоже время Австрійцы осадили Бѣлградъ и вскорѣ взяли его; но объ этомъ я уже узналъ по выѣздѣ моемъ изъ Россіи.

Князь Делинь, отличившійся въ эту кампанію, прислалъ мнѣ два письма, которыя я передаю здѣсь въ отрывкахъ. Въ нихъ виденъ его веселый и оригинальный умъ.

Первое письмо князя Делиня.

Главная квартира моя подъ Землинымъ.
1 Іюня 1789 года.

Я могъ бы писать вамъ зимою о томъ, чего вы не знали и что узнали послѣ; но я пишу съ удовольствіемъ только тогда, когда я могу получить отвѣтъ тотчасъ же. Въ Парижѣ я никогда не писалъ писемъ за Сену. Такъ, плавая съ вами по Борисѳену, отдѣленный отъ васъ легкой перегородкой, обтянутой тафтою, на одной изъ великолѣпныхъ галеръ этого торжественнаго и волшебнаго переѣзда, я, бывало, только нѣсколько минутъ дожидался вашего утренняго посланія. Нѣчто въ родѣ перемирія или, лучше сказать, роздыхъ, установленный взаимной вѣжливостью, даетъ мнѣ время угощать Турокъ въ моей палаткѣ (тоже Турецкой) концертами на берегу Дуная; весь гарнизонъ Бѣлградскій слушаетъ ихъ съ другого берега. Какъ тотъ Испанскій король, который заставлялъ Фаринелли пѣть ежедневно одну и туже арію, я каждый вечеръ приказываю играть Coza Rara, которая такимъ образомъ дѣлается вещью весьма обыкновенною. Красивыя Еврейки, Армянки, Иллирійки и Сербянки присутствуютъ при этомъ; это высшее дворянство

*) Гаджибей, гдѣ нынѣ Одесса, взятъ 14 Сентября. Осипъ Михайловичъ Дерибасъ, впослѣдствіи адмиралъ, ум. 1801 г.

Землина. Если какой нибудь Турокъ забредетъ за нашу черту, я его наказываю, и Османъ-паша меня благодаритъ и говоритъ, что не можетъ добиться послушанія себѣ. Такъ какъ мнѣ веселѣе дразнить его, чѣмъ писать письма съ извиненіями, то на дняхъ, по случаю празднованія побѣды въ Банатѣ, я зарядилъ ядрами всѣ наши пушки, чтобы отмстить за убитаго часового. Штука удалась, и восемь зѣвакъ убито было подъ крѣпостными стѣнами. Пашѣ, должно быть, это показалось весьма естественнымъ. Я полагалъ, что онъ разсердится. Я не жалуюсь на ружейные выстрѣлы, которые весело раздаются иногда, когда я гуляю. Но одинъ полковникъ на нашихъ аванъ-постахъ подъ Панчовымъ, въ сердцахъ за то, что также поступили съ однимъ капитаномъ корпуса Бранаковскаго, сталъ жаловаться агѣ Мустафѣ, и послѣдній отвѣчалъ ему слѣдующими словами: „Кланяюсь тебѣ, сосѣдъ Тершичь. Ты говоришь, что у насъ перемиріе: я этого не понимаю; ты мнѣ пишешь о Бѣлградскомъ пашѣ: я не хочу зависѣть отъ него; ты предлагаешь мнѣ свои услуги въ случаѣ нужды: узнай же, что Высокая Порта ничего мнѣ не отказываетъ, и что мнѣ нужно только испить твоей крови; ты говоришь, что я могу положиться на тебя: знай же, что въ нынѣшнія времена не должно ни на кого полагаться. Прощай, сосѣдъ Тершичь“. Вотъ отвѣтъ, который я послалъ отъ имени сосѣда Тершича: „Кланяюсь тебѣ, сосѣдъ Мустафа. Видно, что письмо твое писалъ Турокъ; я очень радъ тому, ибо думалъ, что уже нѣтъ ихъ больше. Ты хочешь испить моей крови? Я твоей не желаю: что́ хорошаго въ крови какого нибудь аги? Дѣлай, что́ можешь, приходи, когда хочешь; я приказалъ своимъ привести тебя плѣнникомъ при первомъ случаѣ. Мнѣ очень хочется увидѣть тебя. Прощай, ага Мустафа“.

Прощайте, милый Сегюръ. Иду осматривать десять славныхъ, длинныхъ баталіоновъ, которые мнѣ прислали въ подкрѣпленіе изъ Австріи. Хоть бы скорѣе пришлось пустить ихъ въ дѣло!

Второе письмо князя Делиня.

Бѣлградъ, 18 Сентября, 1789 г.

Вотъ мы и на краю Востока, куда мы растворили ворота не розовыми перстами, какъ Аврора, но огненною десницею. Смѣлость и скорость переправы черезъ Саву, быстрота марша и вступленіе въ ту линію, до которой доходилъ принцъ Евгеній, отважная рекогносцировка до самыхъ палисадовъ, все это совершено въ какіе нибудь пятнадцать дней и, право, достойно лучшихъ подвиговъ фельдмаршала Лаудона. Онъ кружилъ намъ головы и сбивалъ Турецкія; я сбивалъ только пушки непріятельскія. Онъ атаковалъ Бѣлградъ съ праваго берега Савы, а я съ лѣваго, гдѣ я былъ орломъ этого Юпитера и металъ его стрѣлы. Паденіе крѣпости было подготовлено взятіемъ города, благодаря блистательной, умной, неутомимой храбрости графа Брауна, достойнаго племянника графа Ласси. Во время этого чуднаго, смѣлаго подвига я сдѣлалъ диверсію на Дунаѣ съ моею флотиліею и потомъ, чтобы вознаградить потерю нѣсколькихъ дней и многихъ людей при атакѣ закрытаго

хода, я усилилъ огонь батарей и построилъ новую подъ самою крѣпостью, которая тотчасъ же и сдалась. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ воина и съ унынiемъ философа смотрѣлъ я, какъ взлетѣли на воздухъ двѣнадцать тысячъ бомбъ, пущенныхъ въ этихъ несчастныхъ невѣрныхъ. Я слышалъ крики ужаса; голосъ раненыхъ былъ заглушаемъ огнемъ и смертію. Но оставимъ эти ужасы. Я довольно долго говорилъ съ драгунскимъ полковникомъ; теперь обращаюсь къ великому жрецу въ храмѣ мира. Какой поводъ къ размышленію! Только что слово *капитуляція* было произнесено, какъ десять тысячъ побѣжденныхъ смѣшались съ такимъ же числомъ побѣдителей. Жестокость уступила передъ добротой, ярость передъ жалостью, военная хитрость передъ искренностію и необузданность страсти передъ нѣжностью сердца. Пили кофе, продавали, покупали. Турокъ, честный въ торговлѣ, назначалъ цѣну, отдавалъ свои сокровища, скрытыя въ подвалахъ, занимался своимъ дѣломъ и преспокойно получалъ деньги, когда ему удавалось находить покупателя. Безсознательные философы богачи курили себѣ на развалинахъ своихъ домовъ и богатствъ. Османъ-паша, глупый губернаторъ Бѣлграда, покуривалъ среди двора своего, торжественно его окружавшаго, какъ будто онъ не переставалъ повелѣвать, и какъ будто онъ не ожидалъ, что какой-нибудь капиджи-баши спроситъ у него отъ имени султана Селима то, чего у него ужъ не было, то есть голову его, которую онъ потерялъ еще при первомъ нашемъ выстрѣлѣ. Взоръ услаждался и душа радовалась, глядя на янычаръ, красивыхъ и разнообразныхъ пестротою и богатствомъ одежды, на наши гренадерскія шапки и ихъ тюрбаны, на нашихъ кирасиръ и ихъ спаговъ, не убитыхъ, хотя и побѣжденныхъ, на ихъ чудное оружіе, ихъ коней, гордыхъ, какъ они, ихъ твердость и высокомѣріе, не смотря на несчастіе, и на берега Дуная и Савы, оживленные этими живописными лицами. Фельдмаршалъ просилъ для меня командорскій крестъ военнаго ордена Маріи-Терезіи, императоръ ужъ прислалъ мнѣ его. Говорятъ, что довольны были быстротою моихъ дѣйствій и въ особенности моею послѣднею батареею, которая рѣшила сдачу крѣпости. Я бы писалъ вамъ во время осады, но я боялся, чтобы писаніе мое не было посмертнымъ, и не хотѣлъ передавать вамъ, что происходило въ головѣ моей, не увѣряясь прежде, что мнѣ ее оставятъ на плечахъ. Прощайте, мой сердечный другъ.

Этотъ пестрый слогъ, эта милая смѣсь ума и остроты, философіи и легкомыслія, человѣколюбія и военнаго пыла, можетъ быть, найдутъ порицателей между нѣкоторыми недовольными и строгими людьми, которые своею критикою губятъ всякое очарованіе и забываютъ умный совѣтъ одного изъ древнихъ мудрецовъ, утверждавшаго, что философія должна приносить жертвы граціямъ. Успѣхи просвѣщенія и свободы, конечно, распространили область разума человѣческаго; но среди успѣховъ не утратилось ли кое-что хорошее? Я не изъ числа упрямыхъ защитниковъ добраго стараго и невозвратимаго времени, но не могу не пожалѣть объ утратѣ вкуса, изящества, безпечности и свѣтскости,

съ которыми скука въ обществѣ была невозможна. Нынче люди похожи на строгаго хозяина, который думаетъ только о пользѣ и который выбросилъ изъ своего сада цвѣты, чтобы въ немъ росла только рожь, да травы, да плодовыя деревья.

Сентябрь приходилъ къ концу. Кампаніи на Сѣверѣ и на Югѣ почти были окончены. Ясно было, что Шведскій король, желая оправиться послѣ удара, ему нанесеннаго и надѣясь на поддержку Пруссіи, не склонится къ миру. Черезъ Шуазёля я зналъ, что султанъ Селимъ, не внимая мирнымъ предложеніямъ, довѣрялся только враждебнымъ совѣтамъ Англіи и Пруссіи. Такимъ образомъ, достигнувъ въ Россіи всего, чего только могъ желать, то есть торговаго трактата, принятія нашего посредничества и обѣщанія войти въ союзъ четырехъ державъ, какъ только наше правительство объявитъ свое рѣшеніе, я окончилъ роль свою въ Петербургѣ, и мнѣ оставалось лишь наблюдать за ходомъ дѣлъ, а это могъ дѣлать простой повѣренный. Уже мѣсяцъ передъ тѣмъ я просилъ себѣ у Монмореня отпуска. Онъ былъ необходимъ для меня, потому что я страдалъ грудью, и лишняя зима въ этомъ климатѣ могла сдѣлать болѣзнь опасною. Притомъ я пять лѣтъ не былъ на родинѣ, а въ ней бушевала буря. Въ такомъ значительномъ отдаленіи получаешь такія недостаточныя извѣстія, такіе преувеличенные разсказы. Безпрестанно говорили, что Франція залита потоками крови, что замки разграблены, что духъ партій возбудилъ междоусобія, что даже Парижъ и Версаль стали мѣстомъ буйныхъ, иногда кровавыхъ ошибокъ. Мнѣ сообщили, что 4-го Августа дворянство, подъ вліяніемъ ли увлеченія и очарованія, или изъ страха подвергнуться неистовству изступленой черни, предавшейся уже страшнымъ буйствамъ близъ ратуши, принесло въ жертву народу свои старинныя права и преимущества. Вскорѣ послѣ того, по предложенію Дюпора, сводя свои уступки къ одному короткому рѣшенію, дворянство произнесло немногія, но торжественныя слова, откликнувшіяся во всемъ мірѣ: «*феодальныя права уничтожены!*» На происшествія 14 Іюля можно было смотрѣть, какъ на временное возстаніе, но 4 Августа высказалась цѣлая революція. Новый общественный порядокъ устранвался на развалинахъ стараго. Сколько споровъ, столкновеній, смутъ возникало изъ этого внезапнаго торжества надъ гордой, старинной аристократіею! Послѣ такого удара, поколебавшаго самыя основанія нашихъ прежнихъ учрежденій, всѣ общественныя установленія разъединились, и все зданіе потребовало перестройки. Духъ вѣка, просвѣщенія, самый разумъ, можетъ быть, требовали этого; но страсти противились и, по всѣмъ вѣроятіямъ, должны были обратиться къ Европѣ, чтобы искать поддержки, союзниковъ и оружія. Всѣ эти мысли сильно и мятежно

волновали мнѣ душу. Воображеніе мое и надежды возбуждались рвеніемъ къ свободѣ, той свободѣ, которую я полюбилъ въ примѣрахъ и урокахъ древности, которую я такъ давно видѣлъ съ завистью въ Англіи и за которую дрался въ Америкѣ. Не могу передать впечатлѣнія, съ которымъ читалъ я нѣкоторыя отрывки изъ рѣчей, произнесенныхъ въ первыхъ нашихъ собраніяхъ Клермонъ-Тонерромъ, Лалли-Толендалемъ, Мирабо, Мунье и другими, которые въ первый разъ заговорили съ Французской трибуны. Но съ другой стороны, сколько грустныхъ мыслей примѣшивались къ этимъ пріятнымъ заблужденіямъ! Скорбь добраго короля и оклеветанной королевы, моя преданность имъ, неизвѣстность объ участи моего семейства среди неистовствъ шумной толпы, которая уже замарала кровью колыбель свободы, наконецъ противурѣчивыя изображенія этихъ смутъ разными партіями, смотрѣвшими на нихъ съ различныхъ сторонъ, все это дѣлало несноснымъ продленіе уже и безъ того долгаго отсутствія моего изъ отечества, и я съ невыразимою радостію получилъ позволеніе выѣхать и возвратиться домой.

Я такъ хорошо былъ принятъ въ Россіи, со мною такъ отлично обращались, что, при другихъ обстоятельствахъ, я бы жалѣлъ объ отъѣздѣ. Но тогда я могъ только скрывать чувство моего удовольствія въ ожиданіи увидѣть отечество и семью. Сборы мои были недолги. Я представилъ министру моего повѣреннаго въ дѣлахъ, г. Женѐ, написалъ и оставилъ ему инструкцію, въ которой направлялъ его образъ дѣйствій и облегчалъ ему трудъ; наконецъ простился съ Императрицею, и конечно, это разставаніе меня бы глубоко опечалило, если бы я прощался съ нею навсегда; но я уѣзжалъ въ отпускъ, и надѣялся возвратиться къ ней черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Она выразила мнѣ сожалѣніе о моемъ отъѣздѣ и много говорила со мною о Французскихъ дѣлахъ. «Передайте королю, сказала она между прочимъ, что я желаю ему счастія. Я желаю, чтобы доброта его была вознаграждена, чтобы намѣренія его исполнились, чтобы прекратилось зло, которое его печалитъ, и чтобы Франція снова возвратила себѣ тишину, силу и вліяніе. Я надѣюсь, что это будетъ и въ мою пользу и не къ добру врагамъ моимъ. Грустно мнѣ разставаться съ вами. Лучше бы вы остались со мною, чѣмъ подвергаться опасностямъ, которыя примутъ, можетъ быть, размѣры, какихъ вы и не ожидаете. Ваше расположеніе къ новой философіи и къ свободѣ заставитъ васъ держать сторону народа; мнѣ это будетъ досадно, потому что я останусь аристократкой, это ужъ мой долгъ; подумайте-ка; вы найдете Францію больную, въ лихорадкѣ».—«Точно, я этого боюсь, Государыня; но поэтому-то и обязанъ я возвратиться туда». Она меня удержала къ обѣду, осыпала

знаками своего расположенія и тѣмъ еще усилила мои сожалѣнія при разставаніи. Я поспѣшилъ уѣхать и проститься еще съ нѣсколькими лицами, которыя въ теченіе пяти лѣтъ обращались со мною не какъ съ иностранцемъ, а какъ съ одноплеменникомъ и другомъ.

11-го Октября я выѣхалъ изъ Петербурга въ Гатчину, чтобы проститься съ великимъ княземъ и великою княгинею. Я думалъ пробыть тамъ часъ, но такъ какъ карета моя сломалась, то ихъ высочества уговорили меня остаться у нихъ два дня.

Великій князь въ первую пору пребыванія моего въ Россіи оказалъ мнѣ, какъ я уже упомянулъ, такое расположеніе, что оно походило на очарованіе моею особою. Это продолжалось недолго: онъ охладѣлъ ко мнѣ, когда увидѣлъ, что Государыня стала ко мнѣ добра и любезна. Давно уже не изъявлялъ онъ никакого желанія сойтись со мною; но передъ моимъ отъѣздомъ ему снова вздумалось оказать мнѣ свое довѣріе. Нѣсколько часовъ онъ почти исключительно говорилъ мнѣ о своихъ неудовольствіяхъ съ Государынею и Потемкинымъ, о непріятностяхъ его положенія. Напрасно я увѣрялъ его, что предубѣжденіе обманываетъ его, что мать его, нисколько не опасаясь его, дозволяетъ ему держать свой дворъ по его усмотрѣнію и имѣть близъ себя, недалеко отъ Царскаго Села, два баталіона, въ которыхъ офицеры назначены имъ самимъ, которыхъ онъ училъ, вооружалъ и одѣвалъ по своей волѣ, между тѣмъ какъ она, нисколько не опасаясь за себя, охраняется одной только гвардейскою ротою. «Если Государыня, продолжалъ я, не приглашаетъ васъ въ свой совѣтъ и не даетъ вамъ участія въ дѣлахъ, то позвольте мнѣ замѣтить, что въ этомъ случаѣ ей трудно дѣйствовать иначе: она знаетъ, что вы осуждаете ея образъ жизни, связи, способы управленія и политику».

Я не убѣдилъ его, осуждая министровъ и особъ, приближенныхъ къ Государынѣ. Онъ старался доказать мнѣ, что, не смотря на мое пятилѣтнее пребываніе въ Россіи, я ее очень мало узналъ. «Объясните мнѣ наконецъ, сказалъ онъ между прочимъ, отчего въ другихъ Европейскихъ монархіяхъ государи спокойно восходятъ на престолъ одинъ вслѣдъ за другимъ, а въ Россіи иначе?..»—«Причину этихъ неустройствъ, отвѣчалъ я, указать нетрудно, и вѣроятно, она не ускользнула отъ вашего вниманія. Повсюду наслѣдственность престола въ мужскомъ поколѣніи служитъ охраною народамъ и обезпеченіемъ государямъ. Въ этомъ основная разница между монархіями Азіатскими, Римскими, Греческими, варварскими и монархіями новыми; можетъ быть, мы обязаны успѣхами образованности этой твердости престоловъ. Здѣсь же, напротивъ, въ этомъ отношеніи ничего не установлено, все сомнительно. Государь избираетъ себѣ наслѣдника по своей волѣ, а это служитъ источ-

никомъ постоянныхъ замысловъ честолюбія, козней и заговоровъ». «Согласенъ, возразилъ онъ, но что же дѣлать? Здѣсь къ этому привыкли, обычай господствуетъ. Измѣнить это можно только съ опасностью для того, кто это предприметъ; Русскіе лучше любятъ видѣть на престолѣ юбку, нежели мундиръ»... «Однако я полагаю, ваше высочество, сказалъ я на это, что такая перемѣна къ лучшему могла бы совершиться въ какую-нибудь замѣтную пору новаго царствованія, напримѣръ, по случаю торжественнаго въѣзда или коронаціи, когда народъ расположенъ къ надеждѣ, радости, довѣрію». «Да, я понимаю, сказалъ онъ, цѣлуясь со мною, это можно бы испытать: надо подумать!»

Я не могу нахвалиться ласковымъ пріемомъ, который мнѣ оказала великая княгиня. Довольно было знать ее, чтобы, видя и слушая ее, почувствовать живѣйшее очарованіе и глубокое уваженіе къ ней. Я простился съ ихъ высочествами, отправился въ путь и, желая какъ можно болѣе сократить его, не останавливался ни днемъ, ни ночью до самой Варшавы.

Если бы даже я не имѣлъ никакого извѣстія о волненіяхъ въ Польшѣ, возбужденныхъ за эти полтора года желаніемъ вернуть свободу и соблазнительными обѣщаніями Прусскаго короля, то и тогда, проѣхавъ порядочную часть ея, я могъ бы по общему возбужденію узнать о броженіи, охватившемъ въ то время умы всѣхъ жителей этой несчастной страны.

Одни крестьяне сохраняли угрюмый видъ безъ всякаго выраженія, неподвижную апатію, такъ печально характеризующую рабское состояніе, тотъ молчаливый застой, который сторонникамъ неограниченной власти или олигархіи угодно называть *порядкомъ* и *спокойствіемъ*. За то по всѣмъ дорогамъ встрѣчалось верхомъ или въ экипажѣ множество дворянъ, разъѣзжавшихъ по всѣмъ направленіямъ. Въ городахъ и особенно на площадяхъ они собирались и говорили съ жаромъ. Все указывало на величайшее возбужденіе; а такъ какъ оно подавало новыя надежды для спекуляцій, то Евреи, эти многочисленные и страшные вампиры Польши, кишѣли, проявляя небывалую дѣятельность. Особенно сильно меня поразила странность такого важнаго явленія въ Варшавѣ: вмѣсто любезнаго, мирнаго общества, какое я тамъ оставилъ, вмѣсто собраній, въ которыхъ блистали Іосифъ, Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, Чарторижскій, Малашевскій, Сапѣга, Матусевичъ, Мостовскій, Заблоцкій, столько красивыхъ и умныхъ дамъ, этихъ украшеній Польскаго двора, вмѣсто кружковъ, гдѣ обсуждались исключительно вопросы нравственности, чувства и литературы, я увидѣлъ лишь тайныя политическія собранія и ничего не слышалъ кромѣ горячихъ споровъ, слишкомъ часто ожесточавшихся вспышками противоположныхъ мнѣній.

Народъ, долгое время согбенный подъ игомъ трехъ державъ, завладѣвшихъ частью его земли и почти уничтожившихъ его свободу, точно весь встрепенулся и принялъ снова свой древній характеръ. Я опять увидѣлъ гордость временъ Ягелловъ: тотъ же воинственный пылъ, туже буйность, туже страсть къ независимости и тоже презрѣніе къ несчастіямъ, вызываемымъ этой независимостью; наконецъ, тотъ же рыцарскій духъ, это единственное преимущество феодальной системы, приходившей въ то время всюду въ упадокъ; остатки ея встрѣчались лишь при дворахъ Германіи и въ Сарматскихъ лѣсахъ.

Я съ трудомъ узнавалъ Поляковъ: ихъ занятія, одежда, рѣчь, все измѣнилось; эти пылкіе воины, сбросивъ съ себя современную одежду, напоминавшую ихъ униженіе, снова стали носить свои шапки, перья, длинные кафтаны, усы по военному и блестящія сабли. Дамы, воспламеняя ихъ мужество, собственноручно стригли головы своимъ мужьямъ и сыновьямъ и вышивали имъ шарфы и пояса.

Русскій посолъ, недавно еще окруженный придворными, теперь жилъ одинъ въ своемъ замкѣ почти въ полномъ уединеніи. Дворецъ Станислава-Августа больше походилъ на главную квартиру временъ Собѣскаго, чѣмъ на королевскій дворъ. Между тѣмъ злополучный государь не раздѣлялъ общаго опьянѣнія. Если онъ не имѣлъ силы характера, столь необходимой среди бурныхъ обстоятельствъ того времени, то въ умѣ, просвѣщеніи и проницательности недостатка не было. Воскрешеніе свободы, на которое надѣялся его пылкій народъ казалось ему сномъ, химерою; онъ не забывалъ, что Поляки, сильно отставшіе отъ другихъ народовъ, не имѣли ни дисциплины, ни пѣхоты, ни крѣпостей, что они нуждались въ деньгахъ, не имѣя притомъ земледѣльческой или торговой промышленности, которая бы имъ доставляла ихъ.

Король считалъ затрудненія двухъ императорскихъ дворовъ временными; онъ зналъ, что призрачныя обѣщанія Прусскаго короля не имѣли иной цѣли кромѣ собственнаго возвеличенія; наконецъ, онъ предвидѣлъ, что всѣ три притѣснителя Польши, послѣ недолгихъ споровъ, помирятся, въ ущербъ этой беззащитной страны, которую они раздѣлятъ и разорятъ. Такимъ образомъ Станиславъ-Августъ, слишкомъ наблюдательный, чтобы не замѣтить пропасти и слишкомъ слабый, чтобы противостоять потоку, который онъ тщетно старался задержать, позволялъ нести себя въ эту пропасть.

Какъ только король узналъ о моемъ пріѣздѣ, онъ тотчасъ пригласилъ меня къ себѣ, заперся со мной у себя въ кабинетѣ и описалъ мнѣ печальную картину своего плачевнаго положенія. «Ну, графъ, сказалъ мнѣ король, вы вновь видите Польшу въ совершенно иномъ по-

ложеніи, чѣмъ то, въ какомъ вы ее покинули въ концѣ 1784 года; мои соотечественники быстро перешли отъ уныніи къ надеждѣ и отъ робкой зависимости къ дерзости. Что говорятъ въ Петербургѣ объ этой неожиданной революціи и что вы о ней думаете?»

«Ваше в-ство, вѣроятно, знаете, отвѣчалъ я ему, что Императрица столько же недовольна ею, сколь удивлена; она бы даже проявила свою досаду, если бы не боялась, отдавшись этому первому побужденію, подать поводъ къ войнѣ Англичанамъ и Прусакамъ, которыхъ она считаетъ слишкомъ расположенными соединиться съ Турками и со Шведами для умаленія ея могущества; а такъ какъ здѣсь ея предложенія о защитѣ, союзѣ и дружбѣ были приняты съ очень оскорбительнымъ для нея пренебреженіемъ, то признаюсь вамъ, что графу Кобенцелю и мнѣ стоило большого труда успокоить ее и уговорить припять умѣренные совѣты, которые ей подаютъ императоръ и Французскій король. Что касается меня, то я вовсе не удивленъ, что, послѣ столь долгаго гнёта, Поляки съ жаромъ ухватились за первое благопріятное обстоятельство, чтобы возстановить свою независимость. Не изъ области фантазіи, а изъ глубины ихъ сердецъ раздается повсюду этотъ крикъ о *свободѣ*. Нѣтъ даже надобности прислушиваться, чтобы слышать его; прежде чѣмъ они заговорятъ, слово *свобода* читается въ ихъ походкѣ, осанкѣ, въ ихъ взглядахъ и во всѣхъ чертахъ лица. Но что меня удивляетъ, это то, что они такъ открыто свергнули съ себя иго раньше, чѣмъ организовали свои силы, прежде, чѣмъ собрали деньги и приготовили необходимыя средства для поддержанія столь отважнаго рѣшенія. Къ тому же, никогда бы они не могли устоять противъ трехъ, окружающихъ ихъ, великихъ державъ; и мнѣ кажется, что, вынужденные искать между ними поддержки, они выбрали менѣе сильнаго, наименѣе вѣрнаго и наименѣе безкорыстнаго. Имѣющіяся у меня свѣдѣнія, которыя я считаю вѣрными, доказываютъ мнѣ, что, предлагая Польшѣ свое покровительство, Фридрихъ-Вильгельмъ руководствуется единственной цѣлью: обезпечить себѣ обладаніе Данцигомъ и Торномъ».

«Вы правы, сказалъ мнѣ король, и я раздѣляю вполнѣ ваше мнѣніе; но мнѣ невозможно заставить озлобленныя души и пристрастные умы понять эти истины. Такъ какъ, послѣ раздѣла этой страны, Австрія и Пруссія предоставили Императрицѣ жалкую честь присматривать за нами и держать насъ въ положеніи зависимости, то Поляки ей одной и приписываютъ всѣ свои несчастія; противъ нея направлены и всѣ чувства злобы. Дѣйствія ея войска, оскорбительный тонъ нѣкоторыхъ молодыхъ офицеровъ и нестерпимая надменность Русскихъ

пословъ возбудили противъ Россіи ненависть, взрывъ которой особенно неистовъ оттого, что такъ долго приходилось ее сдерживать. Когда я видѣлъ Екатерину II въ Каневѣ, мнѣ показалось, что она весьма склонна исправить свои ошибки и готова открыто поддержать насъ, а улучшеніемъ нашей судьбы обезпечить намъ безопасность въ будущемъ на долгое время. Я повѣрилъ ей и вернулся сюда полный надеждъ. Поэтому, какъ только Турки и Шведы объявили ей войну, въ отвѣтъ на ея первые шаги, напомнивъ ей ея обѣщанія, я посовѣтовалъ ей предложить намъ союзный договоръ, на что̀ она быстро рѣшилась. Графъ Штакельбергъ сдѣлалъ мнѣ оффиціально это предложеніе. Оно было сообщено въ сеймѣ, а я подкрѣпилъ его всѣми доказательствами, которыя казались мнѣ способными убѣдить умы въ его полезности. Я потерпѣлъ неудачу въ своей попыткѣ: интриги и дѣятельность министровъ Прусскаго короля обольстили, обманули и разожгли страсти. Особенно Лукезина, отвергая какъ клевету то, что̀ говорили о корыстныхъ видахъ Прусскаго короля, слишкомъ легко увѣрялъ уже предубѣжденныхъ людей, будто Фридрихъ-Вильгельмъ, ища чистой и благородной славы, хочетъ обезпечить Европу отъ властолюбія Русскихъ и не имѣетъ иного желанія, какъ противопоставить сильный оплотъ этой побѣдоносной державѣ, возвративъ Польшѣ независимость и свободу. Англійскій посланникъ говорилъ въ томъ же смыслѣ, подавая надежду на вооруженіе Англіи въ пользу Шведовъ. Съ другой стороны, такъ какъ Прусскій король протестовалъ противъ предложеннаго союза, то Императрица не настаивала больше на немъ и даже очень мнѣ повредила, приписавъ мнѣ первую мысль объ этомъ планѣ, вызвавшемъ въ сеймѣ такое большое сопротивленіе. Остальное вамъ извѣстно. Безъ соблюденія какихъ либо мѣръ уничтожили постоянный совѣтъ; хотятъ совершенно измѣнить образъ правленія, утвержденный Екатериной. Потребовали отозванія Русскаго войска, а на протесты Русскаго посла не обращается никакого вниманія; рѣчь идетъ даже о союзѣ между Англіей, Пруссіей, Голландіей, Турціей, Швеціей и Польшей. Вотъ до чего мы дошли; но, дабы окончательно не потерять любовь и довѣріе своего народа, я считаю себя обязаннымъ слѣдовать за нимъ въ неосторожномъ шагѣ, который впослѣдствіи, быть можетъ, довершитъ нашу гибель».

«Ваше в-ство, отвѣчалъ я, могу представить вамъ доказательства искренности намѣреній, выказанныхъ вамъ Императрицею; вамъ, вѣдь, извѣстно, что она желала раньше, желала бы и теперь заключить съ нами, Императоромъ и Испаніей четверной союзъ, который могъ бы служить обузданіемъ тревожныхъ замысловъ Англо-Прусскаго

союза; во всѣхъ планахъ, сообщенныхъ мнѣ ея министерствомъ, однимъ изъ главныхъ ея намѣреній всегда было обезпеченіе неприкосновенности Польской территоріи и ея независимости. Мнѣ думается, что, не дождавшись заключенія этого союза, который многимъ раскрылъ бы глаза, Императрица сдѣлала ошибку, предложивъ вамъ преждевременно частный договоръ, который только озлобилъ и раздражилъ умы».

«Я полагаю, что да, возразилъ Станиславъ; но, если нельзя сдѣлать добра, нужно по крайней мѣрѣ постараться уменьшить зло. Я знаю, что вы въ дружескихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми членами оппозиціи; вы съ ними увидитесь и окажете мнѣ дѣйствительную услугу, если вамъ удастся имъ втолковать, что для нашихъ политическихъ и коммерческихъ интересовъ Россія намъ менѣе вредна, чѣмъ Пруссія; что какъ врагъ, она была бы для насъ гораздо страшнѣе, а потому существенно важно для насъ, вмѣсто того чтобы вызывать ея гнѣвъ, быть съ нею въ хорошихъ отношеніяхъ; и наконецъ, это было бы единственнымъ средствомъ увеличить наши военныя силы и безпрепятственно осуществить наше возрожденіе».

Я обѣщалъ ему сдѣлать это, но безъ всякой вѣроятной надежды на успѣхъ. И дѣйствительно, заговоривъ въ этомъ смыслѣ съ нѣсколькими Поляками, я встрѣтилъ въ нихъ такое раздраженіе, что они едва могли хладнокровно выслушать меня.

Единственно Игнацій Потоцкій, одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ и просвѣщенныхъ людей этой страны, казалось, понялъ меня. «Быть можетъ, вы и правы, сказалъ онъ, но теперь ужъ поздно: жребій брошенъ; притомъ, если бы я согласился слѣдовать вашимъ совѣтамъ, то безъ всякой необходимости лишилъ бы себя уваженія своихъ согражданъ. Вѣрьте мнѣ, это мнѣніе сдѣлалось теперь настолько общимъ, настолько оно твердо и пристрастно, что съ Полякомъ нельзя говорить о Россіи безъ того, чтобъ онъ въ одно и тоже время поблѣднѣлъ отъ страха и задрожалъ отъ злобы; я самъ не могъ васъ слушать безъ сильнаго волненія. Одного названія Русскій уже достаточно, чтобы напомнить намъ потерю нашей свободы, нашихъ законовъ, нашей славы, а также всѣ оскорбленія, которымъ такъ долго подвергались наша честь и наши семьи».

Понятно, что уже больше я не отважился дѣлать безполезныя внушенія Полякамъ, такъ мало расположеннымъ принять ихъ отъ меня. Я даже узналъ, что нѣкоторыя недоброжелательныя лица, будучи увѣдомлены объ этихъ разговорахъ, представили меня горячимъ другомъ Русскихъ, имѣющимъ тайныя предписанія отъ Императрицы; наконецъ, когда, на слѣдующій день, я хотѣлъ пойти на сеймъ, старались отсо-

вѣтовать мнѣ это, предупреждая о каверзѣ, задуманной съ тѣмъ, чтобы заставить меня испытать публично непріятность.

Я мало обратилъ вниманія на этотъ совѣтъ и все таки пошелъ; трибуна, на которой меня помѣстили, быстро наполнилась почтенными личностями, какъ изъ королевской партіи, такъ и изъ опозиціонной: ихъ собраніе вокругъ меня было бы уже достаточно для внушенія страха недоброжелательному чувству, если бы оно существовало.

Зрѣлище, представившееся мнѣ въ этомъ Польскомъ собраніи, странно поразило меня: почти Азіатскій костюмъ многихъ членовъ собранія, гордость ихъ взглядовъ, живость движеній, шумъ сабель, волочившихся у нихъ по полу и слишкомъ напоминавшихъ то бурное время, когда такъ часто совѣщанія прерывались обнаженными мечами; все точно убѣждало меня въ возвращеніи къ отдаленнымъ вѣкамъ, будто я находился среди древнихъ Поляковъ, такъ часто побѣждавшихъ Турокъ, Московитянъ и Германскихъ принцевъ. Я жалѣлъ, что не могъ понимать чередовавшихся ораторовъ, изъ которыхъ многіе своимъ краснорѣчіемъ производили, кажется, большое впечатлѣніе на умы слушателей.

Вернувшись вечеромъ къ королю, я узналъ о печальныхъ событіяхъ, происходившихъ 5 и 6 Октября въ Версалѣ; различныя толкованія болѣе или менѣе искажали эти извѣстія: по однимъ оказывалось, что королева подверглась угрожающей опасности, что большое число тѣлохранителей избито и національное собраніе захвачено разбойниками; по другимъ, когда во время одной оргіи, войска и гвардія стали попирать ногами національную кокарду, громко объявляя планъ контръ-революціи, Парижская чернь съ яростью бросилась въ Версаль, осадила дворецъ и принудила короля плѣнникомъ слѣдовать за ней въ столицу; наконецъ, менѣе тревожныя вѣсти сообщали только о нѣсколькихъ буйствахъ, совершенныхъ ночью и быстро прекращенныхъ національною гвардіей.

Легко понять, какую тревогу вызывали во мнѣ столь разнообразные, но исключительно мрачные слухи, да еще на такомъ разстояніи. Поэтому я рѣшилъ ускорить свой отъѣздъ и на другой же день отправился въ путь.

Вечеромъ, пока мои люди были заняты приготовленіями къ отъѣзду, я, находясь одинъ въ своей комнатѣ и читая у камина, вдругъ услыхалъ за своимъ кресломъ легкій шумъ. Обернувшись, я увидѣлъ высокаго человѣка въ длинномъ коричневомъ платьѣ съ богатымъ поясомъ, въ красныхъ сапогахъ, мѣховой шапкѣ, съ длинной саблей, держащаго въ каждой рукѣ по пистолету, направленному на меня.

Мое изумленіе было велико, но не продолжительно. Вскорѣ я разразился хохотомъ, узнавъ подъ этимъ нарядомъ съ длинными усами

черные, живые и веселые глаза великаго гетмана Браницкаго, племянника князя Потемкина.

«Ну, мой милый, судя по тому, что̀ намъ пишутъ, въ вашемъ отечествѣ происходитъ ужасный содомъ, ей-ей. Наши здѣшнія волненія сравнительно пустяки. Ваши собранія болѣе бурны, чѣмъ Польскій сеймъ и такъ какъ неизвѣстно, что̀ можетъ случиться въ королевствѣ, охваченномъ волненіями, предлагаю вамъ вотъ этихъ двухъ спутниковъ; я бы желалъ, чтобъ они были драгоцѣннѣе, но могу васъ увѣрить, они очень хороши».

Браницкій былъ не правъ, такъ какъ пистолеты были превосходны; я принялъ этотъ подарокъ отъ всего сердца, какъ онъ былъ и мнѣ предложенъ. Впослѣдствіи, революціонный комитетъ отнялъ у меня эти пистолеты безъ того, чтобы я могъ попробовать ихъ на немъ же, какъ мнѣ того хотѣлось.

Послѣ непродолжительной бесѣды, орошенной нѣсколькими стаканами Токайскаго вина, которое Браницкій любилъ болѣе, чѣмъ достаточно, мы разстались. Я уѣхалъ на разсвѣтѣ, весьма озабоченный только что полученными грустными извѣстіями.

*

Графу Сегюру не пришлось возвращаться въ Россію. Людовикъ XVI посылалъ его въ Римъ къ папѣ; но тотъ отказался принять его. За тѣмъ гр. Сегюръ ѣздилъ въ Берлинъ предотвращать столкновеніе Пруссіи съ Франціею. Ужасы революціи какъ-то обошли его, хотя онъ лишался своихъ помѣстій и земель, которыя успѣлъ пріобрѣсти еще молодымъ человѣкомъ въ Санъ-Доминго. Самаго Наполеона умѣлъ онъ очаровать умною, толковою рѣчью, льстивымъ словцомъ. Онъ былъ при немъ оберцеремоніймейстеромъ. Но Екатерина въ немъ разочаровалась. „Онъ фальшивъ, какъ Іуда, писала она о немъ Гримму; у однихъ онъ старается прослыть демократомъ, у другихъ аристократомъ, и кончаетъ тѣмъ, что одинъ изъ первыхъ бѣжитъ въ Ратушу произнести прекрасную присягу. Я въ восторгѣ, что онъ сюда не вернется“. Получивъ отъ него большое письмо, Екатерина не захотѣла отвѣчать ему. Конечно, Государыня несправедлива: въ графѣ Сегюрѣ олицетворялись всѣ лучшія качества Француза, и въ сочувствіи къ нему невозможно отказать. Онъ, очевидно, полюбилъ Россію; онъ уговаривалъ Наполеона не предпринимать роковаго на нее похода. Въ Парижѣ графъ Сегюръ вспоминалъ про нее, бывая у графа Ростопчина. Онъ вступилъ съ нимъ и въ родство: на графинѣ Софьѣ Ѳедоровнѣ Ростопчиной женился внукъ графа Сегюра. П. Б.

СУВОРОВЪ.

(Съ его неизданныхъ рукописей [1]).

Страстная недѣля и день Пасхи.

Ежели чѣмъ не перемѣнится [2]).

Полночь.

Сигналы сильные пушечные. Утренняя.

Ходъ съ образами.

1. Одинъ выстрѣлъ. Барабанъ—на молитву.
2. «Воскресеніе Твое, Христе Спасе». 3 выстр.
3. «Христосъ воскресе». 9 выстрѣловъ.

«И намъ дарова» при концѣ 3 выстрѣла.

Кончить утреню въ ночи, но литургія начинается обо днѣ.

Выстрѣлъ бить зарю.

Барабанъ, потомъ на молитву за вороты; тожъ и къ утренней.

Колоколъ по получасу.

1 выстрѣлъ: начало часовъ.

3 выстрѣла: начало литургіи.

12 выстрѣловъ при Евангеліи, читать протяжно.

«И намъ дарова» при концѣ 7 выстрѣловъ.

За обѣденнымъ столомъ одно здоровье [3]).

Въ Четвергъ на Пятницу стояніе съ вечера, когда смеркнется.

Въ Пятницу: 1) Часы царскіе, полдни.

2) Вечерня большая, 5 часовъ.

3) Повечеріе.

---

[1]) Сообщенныхъ г.г. Нѣловымъ и Бриггеномъ. П. Б.

[2]) Т. е. если не придется идти въ бой. П. Б.

[3]) Т. е. питье. П. Б.

Противъ сумерекъ.

Барабанъ танты на Субботу безъ флейты въ чехлѣ, сигналъ тапты: 1 колѣно, на моли(твѣ) 3 колѣ(но).

Суббота. Утреня.

Выносъ плащаницы на «С. Боже» служить такъ, чтобъ при длинномъ «Святый Боже» (что послѣ слова «въ вышнихъ») ходъ былъ на самомъ разсвѣтѣ.

Литургія по долгому дню въ 3 часа.

По полудни.

Танты нѣтъ, ни сигналовъ часовыхъ.

Повечеріе въ 6 ч. пополудни.

Дѣяніе С. Апостолъ слушать; можно входить и выходить, фиміанъ стулья.

* * *

Приказы.

Кинбурнъ, ч. 21 Майя, 1788 году.

Господину генералъ-майору Загряжскому вѣдать всѣ отряды по берегу Лимана. Господину генералъ-майору Исленеву тожъ, по частной дистанціи Чернаго моря, капиталъ Кинбурнъ и пунктъ Старооскольскаго редута. Главное вниманіе господина генералъ-майора и кавалера Репнинскаго на капиталъ, съ соображеніями протчихъ особливо прикосновенныхъ пунктовъ. Господинъ генералъ-порутчикъ и кавалеръ деташируется по обстоятельствамъ, въ отсутствіе мое дѣлаетъ свои распоряженія.

Полку г. Сычова стать отъ Кинбурна въ 8 верстахъ, имѣть блюденіе на окружности, вѣдать Косу, давать резервы.

Резервной деташементъ кавалеріи: 2 эскадрона драгунъ, 1 эскадронъ Маріупольской, 1 Острогожской легкоконныхъ полковъ, отъ Кинбурна въ 10 и больше верстахъ, въ особливой командѣ господина генералъ-порутчика.

Мѣста излишнихъ обозовъ и тягостей—при Збуревскѣ и частью при Кинбурнѣ, т. е. прежнія. По сему господамъ генералитету порядокъ учинить.

* * *

Отрядъ г. майора Бергольца распустить по полкамъ, ему явиться у меня.

Отъ отряда г. Фишера конным егерямъ и казакамъ особою партіею расположиться въ сторонѣ Каменнаго колодца; начальникомъ г. майоръ Шухановъ, временно въ командѣ его превосходительства г. генералъ-майора Іслѣнева.

Г. полковнику и кавалеру Орлову съ Лиманскихъ постовъ и кордона снять половину казаковъ. Оставшую половину раздѣлить по пунктамъ Лимана, по его благоусмотрѣнію.

Резервная г. Осипова команда къ Кинбурну—шесть десятковъ козаковъ; кони на два и три табуна.

Ч. 20 Іюня.

Александръ Суворовъ.

* * *

Вашимъ исправленіемъ я доволенъ. Соразмѣрьте время, чтобъ здѣшними вспомоществовать Ярославскимъ, Фишеровымъ и Шлессельбургскимъ, дабы сколько возможно всѣ въ одинъ день кончили, и для того здѣшніе хотя долѣе останутся на 1, 2. 3 дня, и хотя бы съ нынѣшнихъ мѣстъ для протчихъ и выше перешли. Сей размѣръ времен и распорядокъ и поспѣшность—въ вашемъ благоустройствѣ. Учредите между тѣмъ недреманной подвозъ камыша къ полкамъ и баталіонамъ, распоряжая онымъ отъ себя цыдулями. Я думаю о... Збуреевскѣ пещися нужды не будетъ: уповательно они и своими людьми исправятся; коли такъ, то попеченіе ваше въ напоминовеніи о подвозѣ. А. С.

13 д.

* * *

Ежели сдвоивши ширенги ли эскадроны дѣлать карьерную (т.-е. сильную, разумѣется не карѣи, но карьеры) на сабляхъ атаку,—сіе только въ случаѣ рубки непріятеля въ дефилеѣ или тѣсномъ мѣстѣ, гдѣ фронтъ или линія распростриться не можетъ, такъ какъ въ необходимостяхъ иногда и колонна дѣйствовать должна, что однако кавалеріи въ маршѣ одинъ изъ ста разъ случиться можетъ. Но не худо и то показывать для нечаянности.

Разсыпная атака полезна для пріученія къ цѣльной палъбѣ и рубкѣ, особливо къ твердому владѣнію поводами и лошадьми, въ разныхъ заворотахъ и обращеніяхъ.

По обряду, въ концѣ, въ кавалеріи... 1-е) учить изъ карабиновъ стрѣлять и пр. противъ *маячущихъ* непріятелей... Нужно какъ

всюду обыкновенно, но имѣетъ великое различіе съ означеннымъ, 2-е) о атакѣ на сабляхъ сильнѣйшаго или превосходнаго непріятеля. Сіи два рода дѣйствіемъ одно съ другимъ отнюдь мѣшать не должно; ихъ случаи между собою никакого сообразія не имѣютъ, и несходствіе между ими надлежитъ ясно разумѣть отъ нижняго до нижняго всѣмъ кавалеристамъ. Ежели принять одно за другое, то по первому можетъ быть предопасно или паче не толь рѣшимо, по второму ненужное, и маякамъ много бы было чести. Въ семъ, въ прежней войнѣ, особливо пикинеры, часто ошибались со вредомъ.

* * *

По прибытіи принца Нассау съ флотиліею, пока нужда не потребуетъ, оставить его въ Збуревскомъ Лиманѣ, ради *пріобученія* людей и присоединенія другихъ еще судовъ.

Оныя въ Херсонѣ оканчиваются отдѣлкою.

Положите съ принцомъ Нассао, гдѣ быть станціи подъ Кинбурномъ, чтобы людей возможно было для варенія пищи и отдохновенія отпускать на берегъ.

* * *

Послѣ благополучнаго происшествія на Лиманѣ 7 числа сего мѣсяца, полезнѣе отдалиться для ѳуражей на недѣлю, ожидая впредь перемѣны. Скошеное сѣно весьма блюсти и оставить при немъ залоги. Осипова резервная команда 100 казаковъ. Господину генералъ-майору Ислѣневу перейти съ кавалеріею къ мурованному колодцу; тожъ г. полковнику и кавалеру Орлову съ казачьими полками, полку г. Сычова туда жъ. Острогожскому полку къ прочною при Александровской; туда жъ отряду г. Беркгольца. Лагери перемѣнять по благоусмотрѣнію начальствующихъ. Но переходящимъ войскамъ быть готовымъ къ вступленію въ прежніе лагери, что̀ нынѣ занимали.

Александръ Суворовъ.

ПИСЬМО ПАСКЕВИЧА КЪ Н. М. СИПЯГИНУ О ВЗЯТІИ ЭРИВАНИ.

Случайно въ архивѣ канцеляріи бывшаго Оренбургскаго генералъ-губернаторства, попалась мнѣ нижеслѣдующая копія съ письма ген.-ад. Паскевича къ Тифлисскому военному губернатору, ген.-ад. Сипягину *), отъ 3-го Октября 1827 года, присланная въ Оренбургъ ханомъ Внутренней Букеевской Орды Джангеромъ.

Павелъ Юдинъ.

Поздравляю ваше превосходительство съ покореніемъ Эривани, которая, послѣ шестидневной осады и четыре дня спустя по открытіи траншей, взята нами 1-го сего Октября.

Осадныя работы были доведены до самаго гласиса и короновали оный. Артиллерія дѣйствовала съ удивительнымъ успѣхомъ и производила разрушеніе ужасное. Въ послѣднюю ночь передъ взятіемъ Эривани, непріятель, опасаясь приступа, открылъ весьма сильный огонь; но удачные выстрѣлы нашей артиллеріи, дѣйствуя черезъ проломъ въ обѣихъ стѣнахъ крѣпости и поражая гарнизонъ картечью, нанесли ему значительный уронъ, заставивши замолчать, и привели въ разстройство, увеличиваемое *явною опасностію* отъ уничтоженія обороны, съ двухъ сторонъ воплемъ жителей, которые, претерпѣвая отъ бомбъ величайшій вредъ, требовали сдачи.

На другой день ужасъ и смятеніе въ городѣ сдѣлались всеобщими. Поутру, жители, показавшись на стѣнахъ, начали махать шапками и дѣлать знаки. Войска наши, замѣтивъ сіе, кинулись стремительно черезъ проломъ обѣихъ стѣнъ. Часть гарнизона, не видя спасенія, начала бросать оружіе и просить пощады, другая хотѣла защищаться; но когда черезъ нѣсколько минутъ откопаны и отбиты были ворота, всѣ покорились, и крѣпость взята безъ дальнѣйшаго сопротивленія. Гассанъ-ханъ, сардарь, братъ сардаря Эриванскаго, Субъ-ханъ-Кулы-ханъ,

---

*) Николаю Мартіановичу. Это родной дѣдъ убіенному министру внутреннихъ дѣлъ Дмитрію Сергѣевичу, человѣку высокой души. П. Б.

комендантъ крѣпости, зять сардарскій, еще пять хановъ и всѣ чиновники Персидскіе, при нихъ бывшіе, отысканы укрывающимися и взяты въ плѣнъ.

Въ крѣпости найдено 35 пушекъ и единороговъ, 2 гаубицы, 9 мортиръ, 4 знамя; взято въ плѣнъ болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Съ нашей стороны потеря стоитъ убитыми въ одномъ оберъ-офицерѣ и четырехъ нижнихъ чинахъ; ранено оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 36 человѣкъ.

Должно замѣтить, что Аббасъ-мирза, дабы усилить защиту крѣпости, оставилъ здѣсь лучшія свои войска, въ томъ числѣ одинъ батальонъ своей гвардіи и батальонъ Тавризскій.

Поспѣшая увѣдомить ваше превосходительство о семъ счастливомъ событіи, я весьма увѣренъ, что вы раздѣлите съ нами сію радость и сдѣлаете оное извѣстнымъ по всѣмъ областямъ, мною управляемымъ.

Генералъ-адъютантъ Паскевичъ.

*

Говорятъ, что въ 1837 году (ровно черезъ десять лѣтъ по взятіи Эривани) когда императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ Закавказье, его удивили незначительные размѣры крѣпости, давшей бывшему его командиру (уже князю Варшавскому) первое прославленіе его. А. П. Ермоловъ, говоря о Паскевичѣ, будто обмолвясь, называлъ его вмѣсто Эриванскаго Эрихонскимъ; но успѣхи наши въ Персидской войнѣ и взятіе Эривани имѣли важное государственное значеніе. Они произошли вслѣдъ за коронованіемъ Государя, послѣ окончательнаго рѣшенія судьбы Декабристовъ. Слава озарила новаго Государя на престолѣ и содѣйствовала къ успокоенію умовъ на дальнемъ Юговостокѣ. Вотъ почему имя графа Эриванскаго прогремѣло по Россіи и напомнило про имена Задунайскаго, Таврическаго, Закомельскаго, Италійскаго, Смоленскаго. П. Б.

СТУДЕНТЫ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ БЫЛОЕ ВРЕМЯ.

Воспоминанія Николая Николаевича Калугина [1]).

Незабвенный для насъ директоръ Новгородсѣверской гимназіи Илья Ѳедоровичъ Тимковскій [2]) былъ женатъ на дочери скончавшагося въ 1825 г. директора той же гимназіи Ивана Ивановича Халанскаго Софьѣ Ивановнѣ. До назначенія директоромъ, Тимковскій жилъ въ имѣніи своей жены, селѣ Турановкѣ, Глуховскаго уѣзда, въ 40 верстахъ отъ Новгородсѣверска. По вступленіи въ Декабрѣ 1825 г. въ должность директора, Тимковскій помѣстилъ своего старшаго сына Николая въ гимназію въ одномъ со мною классѣ. Это была прекрасная по душѣ личность, и я скоро съ нимъ подружился. Въ Февралѣ 1826 г., по рекомендаціи учителей, Илья Ѳедоровичъ пригласилъ меня заниматься въ Турановкѣ съ малолѣтними дѣтьми его. По временамъ, въ свободные часы, Илья Ѳедоровичъ пріѣзжалъ въ Турановку, причемъ самому мнѣ назначалъ въ видѣ уроковъ, что̀ я долженъ перевести съ Латинскаго языка и съ Русскаго на Латинскій и что̀ долженъ выучить, а въ пріѣзды свои провѣрялъ, такъ ли мною сдѣлано. Съ дѣтьми мнѣ приходилось, по малолѣтству ихъ, заниматься по одному часу утромъ и послѣ обѣда; самъ же Тимковскій, когда бывалъ въ Турановкѣ, занимался со мною и сыномъ своимъ Николаемъ часа по два и болѣе.

Я пробылъ въ Турановкѣ до Августа 1826 года и затѣмъ опять переѣхалъ въ Новгородсѣверскъ продолжать ученіе въ гимназіи.

По окончаніи гимназическаго курса, *въ Іюнѣ 1827 г.*, мой отецъ пріѣхалъ въ Новгородсѣверскъ и, по совѣту Тимковскаго, положено было продолжать мнѣ ученіе въ Московскомъ университетѣ, куда Илья Ѳедоровичъ рѣшилъ отвезти и сына своего Николая Ильича, при чемъ условился съ отцомъ моимъ взять съ собою и меня. По нездоровью онъ находилъ неудобнымъ ѣхать на почтовыхъ лошадяхъ, а предпочелъ

---

[1]) Писаны по поводу Воспоминаній Я. И. Костенецкаго („Русскій Архивъ“ 1887, кн. 1-я и 12-я) и сообщены племянникомъ автора, г-мъ К. Тураевымъ. П. Б.

[2]) Записки его въ 1-ой книгѣ „Русскаго Архива“ 1874.

отправиться на долгихъ. Покойный отецъ нанялъ для насъ въ Серединой Будѣ извозчика. Мы въ двухъ просторныхъ крытыхъ повозкахъ отправились: Илья Ѳедоровичъ съ сыномъ и со мною въ одной повозкѣ, а въ другой двое слугъ и поклажа съ припасами дорожными. Во время остановокъ Илья Ѳедоровичъ занимался съ сыномъ и со мною, приготовляя насъ къ университетскому экзамену. Тимковскій самъ учился въ Московскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1797 году, и предпочиталъ его Харьковскому университету, гдѣ былъ онъ профессоромъ. Въ Московскомъ университетѣ въ 1827 г. были еще профессора, сверстники его по ученію, съ которыми онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ, особенно съ М. Я. Мудровымъ.

По недостаточному состоянію отецъ мой далъ мнѣ только сто рублей ассигнаціями на проѣздъ и первоначальное обзаведеніе въ Москвѣ, а затѣмъ я долженъ былъ самъ изыскивать способы къ своему содержанію. Въ Москвѣ служилъ въ Сенатѣ столоначальникомъ мой двоюродный братъ; съ нимъ жила его мать (родная сестра моего отца), по приглашенію которой я жилъ у нихъ въ небольшой квартирѣ. Чтобы не стѣснять ихъ, я не могъ принимать товарищей, которые и не знали моей квартиры. Не получая ничего изъ дому, я покрывалъ свои нужды выручкою за переписку бумагъ: въ Сенатѣ не успѣвали канцелярскіе чиновники переписывать все тамошнее производство, и потому нанимались сторонніе писцы, по 20 копѣекъ асс. отъ листа.

Субботніе вечера я и товарищъ мой Роговичъ [1]) проводили зимою 1829—1830 у Вадима Пассека [2]). Я составлялъ лекціи по своимъ запискамъ и по памяти слышаннаго мною, а также по тѣмъ изданіямъ, на которыя профессоръ указывалъ, (эти изданія я заимствовалъ отъ товарищей, не имѣя способовъ пріобрѣсти ихъ). Насъ было нѣсколько товарищей, занимавшихся составленіемъ лекцій. Я составлялъ лекціи по Русской и Политической Исторіи, по народному праву и статистикѣ. Роговичъ—по Политической Экономіи; На-

---

[1]) Петръ Ивановичъ, въ послѣдствіи Московскій сенаторъ (отецъ доблестнаго Ярославскаго губернатора, нынѣ товарища об.-прокурора въ Св. Синодѣ А. П. Роговича. П. Б.

[2]) Пассекъ былъ старше насъ курсомъ и кончилъ ученіе въ Іюнѣ 1830 г. кандидатомъ; по окончаніи экзаменовъ онъ куда-то уѣзжалъ, а я послѣ экзаменовъ съ Роговичемъ и братьями Пассека (тоже кончившими курсъ кандидатами по математическому отдѣленію) Леонидомъ и Діомидомъ (убитымъ на Кавказѣ въ 1845 г. въ чинѣ генералъ-маіора) ходили въ Троице-Сергіеву лавру. По выходѣ Вадима Пассека мнѣ не удалось уже видѣться съ нимъ; онъ отличился во время холеры, получилъ въ награду чинъ титулярнаго совѣтника, сблизился съ кружкомъ Герцена, это сближеніе много ему повредило по службѣ; и ему не удалось быть лекторомъ въ Харьковскомъ университетѣ, куда приглашалъ его тамошній попечитель.

заровъ—по гражданскому и уголовному праву; Перегудовъ—по Русскимъ законамъ. Составленныя лекціи я передавалъ имъ, и они дополняли на поляхъ записокъ то, что̀ пропущено мною и дѣлали свои замѣчанія, а свои тетради передавали мнѣ для того же. Я, Роговичъ и Перегудовъ, по возобновленіи лекцій съ 19-го Января 1831 г. собирались по Воскресеньямъ у Назарова. Занимаясь такимъ образомъ, мы приготовили себя такъ къ экзаменамъ, что время выпускныхъ экзаменовъ въ 1832 году было для насъ самымъ пріятнымъ въ университетской жизни. Составленныя мною лекціи по Русской исторіи съ нашими замѣчаніями, по выходѣ моемъ изъ университета, когда я уже служилъ въ Сенатѣ, покойный Погодинъ выпросилъ у меня для просмотра, но уже ихъ, по своему обыкновенію не возвратилъ. Вообще я не сближался съ тѣми товарищами, которые занимались поверхностно ученіемъ и любили больше толковать о текущей политикѣ, а старался изучать любимые мною предметы, особенно Русскую и Политическую исторіи и тогда же пришелъ къ полному убѣжденію, что Россіи предстоитъ, по ходу событій, таже миссія, какая дана была Риму, а Европа Западная выполняетъ задачу Древней Греціи, и что основаніемъ преуспѣянія и силы Россіи послужили православіе, самодержавіе и народная душевная крѣпость.

Описываемая Костенецкимъ глупая выходка противъ профессора Малова мнѣ извѣстна, какъ очевидцу, потому что я въ то время былъ на лекціи. Устроена она немногими студентами и, если бы мы знали объ этой затѣѣ, то своимъ вліяніемъ отвратили бы ее. Я до сихъ поръ не зналъ, что зачинщиками были Костенецкій и Топорнинъ (деликатный, милый юноша, котораго мы всѣ любили). Мы приписывали эту затѣю студентамъ другихъ факультетовъ: Герцену съ братіею (какъ называли слѣдовавшихъ постоянно за Герценомъ, кутившихъ на счетъ его Закревскаго, Огарева, князя Сергѣя Гагарина и друг.), въ то время появившихся на лекціи Малова. Я съ товарищами нашего круга (Роговичъ, Назаровъ, Протопоповъ, Перегудовъ и пр.) обыкновенно сидѣли на второй скамьѣ противъ каѳедры профессора и ничего не знали о готовившейся шалости. Когда Маловъ началъ лекцію, то на заднихъ скамьяхъ въ разныхъ мѣстахъ началось шарканье ногами; Маловъ замолчалъ, шарканье перестало; Маловъ сталъ продолжать чтеніе, шарканье возобновилось. Онъ остановился и, обратившись въ ту сторону, гдѣ было сильнѣе шарканье, сказалъ: «Что же, перестали? Продолжайте, я васъ слушаю!» Тогда усилилось шарканье, и Маловъ, вставши, вышелъ поспѣшно изъ аудиторіи, а шалуны кричали «ура!» Но чтобы бросали шапками и книгами и ругали Малова (какъ говоритъ Костенецкій), я, сидѣвшій противъ каѳедры и видѣвшій выходъ

его изъ аудиторіи, вовсе этого не видѣлъ и не слышалъ; да студенты и не могли гнаться за нимъ, потому что онъ вышелъ неожиданно и скоро, а шалуны сидѣли на заднихъ скамьяхъ. Этотъ случай не имѣлъ бы такой огласки, если бы Маловъ не сдѣлалъ глупости: вмѣсто того, чтобы обратиться къ инспектору или ректору, онъ отправился къ жандармскому генералу и выставилъ студенческую шалость въ видѣ бунта студентовъ. Разумѣется, кончилось арестомъ шалуновъ, въ карцерѣ.

Вотъ какія послѣдствія для меня имѣла первая холера. Отъ нея умеръ студентъ нашего курса Курилковъ (изъ Новгородсѣверской гимназіи). На другой день мы узнали, что профессоръ медицинскаго факультета Ефремъ Осиповичъ Мухинъ будетъ читать лекцію о холерѣ; я въ числѣ прочихъ пошелъ слушать эту лекцію и старательно записалъ сущность ея. Тогда было полное убѣжденіе, что холера также заразительна, какъ чума, и потому Мухинъ говорилъ, что противъ холеры надобно принимать такія же мѣры, какъ и противъ чумы, именно: не имѣть сношеній со сторонними, сидѣть дома, держать въ комнатахъ хлоръ и пр. Исполняя все это въ точности, я почти два мѣсяца не выходилъ изъ дому; въ моей комнатѣ была постоянно хлоровая вода, я пилъ дегтярную воду и пр. Всѣ эти предосторожности продолжались, пока не пришелъ ко мнѣ товарищъ мой по гимназіи, Новгородсѣверскій уроженецъ, Степанъ Алексѣевичъ Ивановскій, студентъ медицинскаго факультета (выдержавшій впослѣдствіи экзаменъ на доктора и служившій медикомъ сначала въ Преображенскомъ полку, а потомъ въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ). Ивановскій, узнавъ о моихъ предохранительныхъ мѣрахъ противъ холеры, объяснилъ мнѣ, что я этимъ совершенно разстрою свое здоровье, что, напротивъ того, надобно быть больше на свѣжемъ воздухѣ, изгнать хлоръ изъ комнаты и не перемѣнять привычнаго образа жизни и что холера вовсе не такъ заразительна, какъ чума, въ доказательство чего привелъ себя и другихъ студентовъ медицинскаго факультета, занимавшихся въ холерныхъ больницахъ. Съ того времени отъ головныхъ болей я началъ терять мои очень густые волосы, и образовалась у меня лысина, а грудныя боли до сихъ поръ чувствую при малѣйшемъ охлажденіи груди или волненіи. Лекцій во время холеры не было, и начались онѣ въ Генварѣ 1831. Этотъ годъ намъ не зачли за полный курсъ, и мы пробыли лишній годъ въ университетѣ, гдѣ и кончилъ я ученіе въ Іюнѣ 1832 года.

Послѣ экзаменовъ, я, Назаровъ и Перегудовъ, бывши уже кандидатами университета, ходили Богу молиться въ Троице-Сергіеву лавру; съ нами ходили второкурсные студенты Петровъ и Курдюмовъ. Въ Іюлѣ ѣздилъ я домой къ родителямъ и пробылъ до Октября, затѣмъ по воз-

вращеніи въ Москву поступилъ на службу въ 8 Департаментъ Сената; оттуда въ 1835 году перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Изъ числа кончившихъ въ одно время со мною въ 1832 году университетскій курсъ шестидесяти слишкомъ студентовъ, сколько мнѣ извѣстно, остались до сихъ поръ въ живыхъ только два: я и сенаторъ Петръ Ивановичъ Роговичъ, доживающій свой вѣкъ въ Москвѣ.

Въ 1838 году обозрѣвалъ Московскій университетъ министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, кажется въ Октябрѣ. Въ присутствіи Уварова нѣкоторые изъ студентовъ старшихъ курсовъ и вышедшихъ уже изъ университета читали въ видѣ испытанія лекціи на каѳедрѣ. По приглашенію нашихъ профессоровъ въ юридическомъ факультетѣ читали такія лекціи Роговичъ, Назаровъ, я и, кажется, Раичъ. Я читалъ изъ Политической Исторіи о Тридцатилѣтней войнѣ, читалъ слишкомъ торопливо и сильно конфузился; Роговичъ же изъ Политической Экономіи читалъ невозмутимо и обстоятельно; а Назаровъ читалъ съ большимъ воодушевленіемъ, не помню, изъ какого предмета. Роговичъ и Назаровъ очень понравились Уварову, и онъ предложилъ имъ поступить на службу въ Департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, что̀ было ими исполнено; занимались же-они въ редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, редакторомъ котораго былъ въ то время Сербиновичъ, а помощникомъ его Краевскій. Въ 1836 году Роговичъ перешелъ въ канцелярію генералъ-губернатора въ Харьковѣ, а Назаровъ, кажется, въ 1838 году уѣхалъ въ Москву по семейнымъ дѣламъ, требовавшимъ его присутствія.

Разсказъ Костенецкаго о профессорахъ вѣренъ только въ отношеніи Погодина и Тарновскаго. Профессоръ Васильевъ по характеру былъ дѣйствительно тяжелъ и непріятенъ, но читалъ Политическую Экономію весьма основательно; разсказъ же Костенецкаго о Сандуновѣ, котораго Костенецкій выставляетъ въ видѣ какого-то шута, совершенно несправедливъ. Сандуновъ, замѣчательная личность по своимъ убѣжденіямъ и твердому характеру, былъ очень умный, практическій человѣкъ и потому расположенъ былъ къ разумнымъ, дѣльнымъ студентамъ и не любилъ увлекающихся фантастическими идеалами, подтруниваль надъ завиральными выраженіями ихъ (какъ говорилъ онъ) въ задаваемыхъ имъ сочиненіяхъ. Въ мое время онъ былъ уже старикъ больной (умеръ въ Маѣ 1832 года), но духомъ бодрый. До профессорства онъ, по окончаніи университетскаго ученія, служилъ въ Сенатѣ оберъ-секретаремъ, извѣстенъ былъ какъ разумный, безпристрастный дѣлецъ, поэтому и приглашенъ былъ на каѳедру практическаго судопроизводства. Лекціи прочихъ профессоровъ читались по часу, а для Сандуновскихъ лекцій назначено два часа. Порядокъ занятій на Сандуновскихъ

лекціяхъ былъ слѣдующій. По прибытіи профессора, приноравливаясь къ бывшему тогда порядку судопроизводства, читался журналъ предыдущей лекціи, составляемый студентами старшаго курса, по очереди; затѣмъ прочитывались вновь вышедшіе указы, постановленія правительства, публикуемые въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, причемъ Сандуновъ дѣлалъ разъясненія по тѣмъ предметамъ, до которыхъ относились эти указы. Память у него была огромная, и онъ приводилъ множество примѣровъ изъ своей практической дѣятельности по службѣ въ Сенатѣ. Послѣ того было чтеніе составляемыхъ студентами юридическихъ бумагъ. Въ Сенатѣ по тѣмъ дѣламъ, которыя, за разногласіемъ сенаторовъ въ департаментахъ, вносились въ общее собраніе, печатались (для разсылки къ сенаторамъ общаго собранія) записки, въ которыхъ излагались подробно обстоятельства дѣла, рѣшенія низшихъ и среднихъ инстанцій, мнѣнія сенаторовъ департамента и согласительныя предложенія оберъ-прокуроровъ, а также подходящіе къ дѣлу законы. По одному экземпляру такихъ записокъ, согласно сдѣланному начальствомъ распоряженію, присылалось къ Сандунову. Изъ нихъ записки по дѣламъ интереснымъ въ юридическомъ отношеніи Сандуновъ передавалъ одному изъ студентовъ старшаго курса, составлялъ подъ своимъ предсѣдательствомъ присутствія, назначалъ истца и отвѣтчика. Соблюдалась вся процедура существовавшаго тогда судебнаго производства, т. е. истецъ составлялъ, съ соблюденіемъ установленныхъ формъ, исковое прошеніе, которое вносилось во входящій реестръ, составлялся по немъ журналъ, тоже дѣлалось по отзыву отвѣтчика, составлялись справки и проч. Все это должно было приготовить къ слѣдующей лекціи. Сандуновъ требовалъ отъ студентовъ, чтобъ они писали дѣльно, безъ лишняго разглагольствованія, и благоволилъ къ тѣмъ студентамъ, кто имѣлъ прямой взглядъ на дѣло и излагалъ сущность его, не вдаваясь въ побочныя обстоятельства, которыми изворотливые адвокаты затемняютъ, какъ всегда бываетъ, суть дѣла. Кромѣ того, Сандуновъ задавалъ намъ писать сочиненія съ такими темами, которыя требовали, какъ онъ выражался, юридической смѣтки. Сочиненія эти мы читали ему на дому у него; онъ назначалъ, какіе студенты должны придти къ нему со своими сочиненіями обыкновенно по праздникамъ зимою, въ 10 часовъ утра, а лѣтомъ въ 5 часовъ, и чтенія продолжались часа два, причемъ онъ разсказывалъ намъ много случаевъ изъ своей юридической практики.

Костенецкій невѣрно говоритъ, будто Сандуновъ для потѣхи нарочно составлялъ судоговореніе изъ заикъ. При прежнемъ порядкѣ процессы велись посредствомъ письменныхъ бумагъ, когда основаніемъ имъ служили письменные документы и крѣпостные акты; дѣла же, про-

изводившіяся не на основаніи письменныхъ документовъ, велись такъ называемымъ судомъ по формѣ: въ присутствіи суда было судоговореніе, то-есть истецъ и отвѣтчикъ изустно излагали свои доводы и возраженія, которые записывались въ протоколъ, и судныя рѣчи подписывались тяжущимися. Разсказанный Костенецкимъ случай о заикѣ мнѣ очень памятенъ. Обыкновенно истцовъ и отвѣтчиковъ Сандуновъ назначалъ изъ второкурсниковъ; такимъ образомъ назначенъ былъ истцомъ одинъ студентъ, который заикался, при обыкновенномъ разговорѣ немного, а при возбужденномъ состояніи сильно. Во время судоговоренія (такъ какъ это было публично въ аудиторіи) этотъ студентъ сильно заикался и съ трудомъ говорилъ отъ торопливости. Сандуновъ по этому поводу сказалъ, что заиканье начинается въ дѣтствѣ отъ торопливости въ отвѣтахъ и разговорахъ, а родители не обращаютъ на это вниманія и не заставляютъ дѣтей говорить неспѣшно, и это обращается въ привычку, а привычка, по пословицѣ, вторая природа; при настойчивости и сильной волѣ можно избавиться отъ этого недостатка. Сандуновъ привелъ нѣсколько извѣстныхъ ему примѣровъ, что нѣкоторые избавлялись отъ заиканія, читая по нѣскольку часовъ громко и протяжно ежедневно, воздерживаясь отъ поспѣшныхъ отвѣтовъ и говоря съ разстановкою. Случай этотъ вотъ почему для меня памятенъ. Сандуновъ, разсказывая о силѣ привычки, между прочимъ сказалъ, что стоитъ только такъ кивать, какъ онъ показалъ, указательнымъ пальцемъ нѣсколько дней, то послѣ того, безо всякаго сознанія, палецъ будетъ самъ собою кивать. Меня (19-ти лѣтняго тогда юношу) это заинтересовало, я началъ кивать указательнымъ пальцемъ правой руки и это дѣлалъ нѣсколько дней. Потомъ палецъ самъ собою, безо всякаго моего сознанія, кивалъ, и я съ трудомъ отвыкъ отъ этой привычки.

Любопытно замѣтить, что всѣ главнѣйшія перемѣны въ моей жизни происходили въ 8-ми лѣтніе періоды. Я родился въ Декабрѣ 1810 года; до 8-ми лѣтъ находился при родителяхъ въ нашемъ хуторѣ. Въ Августѣ 1819 г. т. е., на 9-мъ году моей жизни, отвезли меня въ Новгородсѣверскъ, гдѣ отдали меня въ уѣздное училище. Черезъ 8 лѣтъ въ Августѣ 1827 года, т. е., на 17 году, переѣхалъ я въ Москву въ университетъ и, по окончаніи ученія, служилъ тамъ въ Сенатѣ. Черезъ 8 лѣтъ съ небольшимъ, въ началѣ 1835 года, переѣхалъ въ Петербургъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ; въ 1858 году, на 48-мъ году, т. е., почти черезъ 6 осьмилѣтій моей жизни, по выходѣ въ отставку, выбылъ изъ Петербурга и поселился въ хуторѣ, на мѣстѣ родины; въ 1890 году исполнится десять восьмилѣтій моей жизни.

ДВА ПИСЬМА Ю. Ѳ. САМАРИНА КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ.

(1846. С.-Пб.).

Обращаюсь къ вамъ съ просьбою отъ имени нашего общаго знакомаго Болгарина З. П. Княжевича. Вы знаете, съ какими намѣреніямм и надеждами онъ сюда пріѣхалъ. Изъ нихъ нѣкоторыя уже осуществились или по крайней мѣрѣ весьма близки къ осуществленію. Между прочимъ онъ хотѣлъ выпросить для предполагаемыхъ имъ училищъ нѣсколько полныхъ собраній всѣхъ учебныхъ книгъ, употребляемыхъ въ нашихъ гимназіяхъ. Списокъ мы составили вмѣстѣ; но, не имѣя возможности видѣться съ С. С. Уваровымъ, онъ просилъ А. Д. Черткова взять на себя доставленіе списка кому слѣдуетъ и приложить свое стараніе и ходатайство. А. Д. Чертковъ уѣхалъ неожиданно. Не знаемъ, успѣлъ ли онъ выполнить свое обѣщаніе или нѣтъ, и за этимъ дѣло пріостановилось. Вы, помнится мнѣ, хорошо съ нимъ, знакомы; не можете ли взять на себя спросить его, доставилъ ли онъ списокъ книгамъ или нѣтъ; если доставилъ, то черезъ кого, и былъ ли данъ ему такой отвѣтъ? Иначе придется просить графа Протасова, который и такъ уже обремененъ просьбами по этому дѣлу.—Я до сихъ поръ не отдавалъ вамъ отчета въ ходѣ дѣла П. И. Трубникова, ибо думаю, что онъ самъ обо всемъ извѣстилъ васъ. Я сдѣлалъ съ своей стороны, что̀ могъ, т.-е. вручилъ записку Данзасу и переговорилъ съ нимъ, справился въ герольдіи о положеніи дѣла и пр.; болѣе я ничего сдѣлать не могъ, потому что въ скоромъ времени самъ оставилъ Сенатъ. Впрочемъ дѣло пошло успѣшно, и можно завѣрить, что оно рѣшено будетъ въ пользу вашего зятя.

Что̀ сказать вамъ о себѣ? Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Сенатъ [1]), я занятъ не менѣе, но не такъ постоянно. Иногда выдается три-четыре дня свободныхъ, а тамъ вдругъ нагрянетъ дѣло. Я занимаюсь урывками, никуда рѣшительно не ѣзжу и видаюсь только съ Поповымъ, Вяземскимъ и Карамзиными.

Ваши лекціи читаются всѣми съ любопытствомъ и участіемъ, если не съ сочувствіемъ. Древняя литература наша народная для здѣшнихъ—terra incognita. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы Сборника [2]). Онъ произведетъ здѣсь сильное впечатлѣніе, ибо Москву уважаютъ невольно и боятся ея, хотя и не любятъ. Послѣ каждаго письма изъ Москвы или книги, вышедшей въ Москвѣ, Одоевскій нѣсколько дней ходитъ какъ шальной. Обыкновенно онъ въ этихъ случаяхъ призы-

---

[1]) Ю. Ѳ. Самаринъ служилъ секретаремъ въ Петербургскомъ Сенатѣ до Февраля 1846 года. П. Б.

[2]) Т. е. Московскаго Сборника 1846 года. П. Б.

ваетъ меня къ отвѣту. Жаль его, совсѣмъ обабился. Въ заключеніе сообщу вамъ нѣсколько литературныхъ извѣстій: Синодъ обѣщаетъ издать въ скоромъ времени собраніе всѣхъ Символовъ Православной Церкви съ коментаріями. Нѣкто Толстой [1]) написалъ сочиненіе о финансовомъ устройствѣ древняго царства Московскаго, по словамъ Попова весьма замѣчательное. Вяземскій поговариваетъ объ изданіи своихъ сочиненій; но вы знаете, какъ въ немъ сильно начало безпечности и лѣни. Веневитиновъ, Карамзины, Вяземскій вамъ очень кланяются. Братъ мой [2]) свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Мы отправляемъ его за границу. Ю. Самаринъ.

6 Іюня 1846 (С.-Пб.).

Наконецъ я улучилъ время отвѣтить вамъ на ваше послѣднее письмо и вмѣстѣ съ тѣмъ изложить вамъ просьбу, въ которой, надѣюсь, вы мнѣ не откажете. Дѣло вотъ въ чемъ. Калужскій губернаторъ Смирновъ, пріѣзжавшій по дѣламъ своимъ въ Петербургъ, между прочими своими проектами сообщилъ мнѣ о желаніи своемъ дать Калужскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ мѣстный характеръ. Онъ хочетъ, чтобы вмѣсто переводныхъ и заимствованныхъ изъ другихъ журналовъ статей о томъ, что̀ дѣлается въ Англіи, въ Калькутѣ, вмѣсто повѣстей Сю и пр. модныхъ затѣй, помѣщать статьи содержанія преимущественно историческаго, статистическаго, географическаго, о знаменитостяхъ всякаго рода, преданіяхъ, древностяхъ Калужской губерніи. Кое-что ему самому удалось собрать и напечатать; но онъ жалуется на отсутствіе участія въ обществѣ и редактора, который бы понялъ, чего отъ него требуютъ и не считалъ бы унизительнымъ для своего литературнаго достоинства отвести въ своемъ журналѣ первое мѣсто Калугѣ, а Европѣ второе. Смирновъ просилъ меня свести его съ вами, въ надеждѣ, что вы примите участіе въ его похвальномъ рвеніи и можетъ быть въ числѣ воспитанниковъ университета укажете ему на человѣка способнаго исполнить то, чего онъ желаетъ. Москва и Москвичи не могутъ не сочувствовать желанію развить въ городахъ и областяхъ мѣстную жизнь и поддержать живое преданіе. Смирновъ обѣщаетъ (если не ошибаюсь) 2000 р. жалованія, мѣсто по службѣ и частные уроки: условія довольно выгодныя. Онъ пробудетъ въ Москвѣ два дня, много три, и если удастся ему улучить свободный отъ занятій часъ, самъ пойдетъ къ вамъ; въ противномъ случаѣ онъ поручилъ мнѣ просить у васъ позволенія дать вамъ знать о своемъ пріѣздѣ и просить къ себѣ. На словахъ онъ лучше и опредѣлительнѣе сообщитъ вамъ тѣ условія которыя можетъ предложить.

Михаилъ Петровичъ Погодинъ ѣдетъ завтра на пароходѣ въ Штетинъ. Я нашелъ, что онъ нѣсколько исправился. Здѣшніе доктора объявили ему, что одна нога короче другой: по ихъ словамъ несомнѣнный признакъ перелома. Онъ остановился у Надеждина; я съ нимъ видѣлся почти ежедневно, а нынче мы обѣдаемъ вмѣстѣ у Вяземскаго.

---

[1]) Графъ Д. А. Толстой впослѣдствіи об.-прокуроръ Св. Синода и министръ народнаго просвѣщенія, умершій министромъ внутреннихъ дѣлъ. П. Б.

[2]) Михаилъ Ѳедоровичъ, скончавшійся юношею.

Вы желаете знать, какое впечатлѣніе произвелъ здѣсь Московскій Сборникъ. Могу сказать—впечатлѣніе самое выгодное. Онъ расходится хорошо, его читаютъ вездѣ, во всѣхъ кругахъ, и вездѣ онъ производитъ толки, споры и т. п. Кто хвалитъ, кто бранитъ, но никто не остался къ нему равнодушнымъ. Всѣ были озадачены. Вяземскій совершенно склонился сочувствіемъ на нашу сторону. Надеждинъ, трунившій незадолго надъ Москвою, началъ отзываться о ней съ большимъ уваженіемъ и заступается за нее. Здѣшняя молодежь, собирающаяся у него по Воскресеньямъ, тоже перемѣнила тонъ: Отечественныя Записки круто поворотили оглобли. Вы вѣроятно читали послѣдній N. Статьи о Сборникахъ, о преобразованіи городского устройства въ Петербургѣ (значеніе міра и пр.) замѣчательны какъ доказательство, что наше направленіе стало господствующимъ и что пренебрегать имъ было бы опасно для успѣха журнала. Но какая наглая недобросовѣстность! Неужели имъ это спустятъ? Впрочемъ должно сказать, что вообще Сборникъ не былъ и не могъ быть оцѣненъ по достоинству. Это для Петербурга пища слишкомъ питательная и суровая: онъ не переварилъ ея. Доказательствомъ можетъ служить то, что болѣе всѣхъ произвела впечатлѣніе моя статья *), потому что въ ней мысль разжевана. Неожиданный успѣхъ заставляетъ меня обратиться къ Москвѣ съ вопросомъ: «Не совралъ ли я?» Превосходная статья Хомякова, слишкомъ богатая содержаніемъ и слишкомъ сжатая, рѣшительно никѣмъ, кромѣ Тютчева, оцѣнена не была. Нѣкоторые бранятъ ее за *держій тонъ*; большинство отзывается такъ: мы ничего не поняли. Статья Попова также прошла незамѣченною. Письмо Чижова, стихи и пр. вообще пришлись по вкусу. Вотъ почти все, что я могъ извлечь ихъ слышаннаго мною. Успѣхъ Сборника доказываетъ несомнѣнно, что новый журналъ въ Москвѣ будетъ имѣть успѣхъ и что въ нашихъ глазахъ сбудется предсказанное Пушкинымъ: журнализмъ Московскій убьетъ Петербургскій.

Завтра утромъ отправляется Михаилъ Петровичъ; Поповъ, братъ и я провожаемъ его.

Этимъ долженъ ограничиться на сей разъ. Вслѣдъ за письмомъ получите вы отъ Смирнова цѣлую пачку новаго городского устава. Редакторъ просилъ меня разослать его моимъ знакомымъ въ Москвѣ и проситъ, не возьмется ли кто нибудь написать о немъ статью въ Москвитянинѣ. Основная мысль замѣчательна и вѣрна, хотя и не выдержана. Потрудитесь раздать эти брошюры всѣмъ желающимъ. Очень вамъ благодаренъ за вашъ отзывъ о моей статьѣ и за замѣчаніе на разборъ послѣдней главы. Оно совершенно вѣрно. Поклонитесь отъ меня всѣмъ вашимъ. Вяземскій, Карамзины, Веневетиновъ вамъ кланяется. Ю. Самаринъ.

Эти письма служатъ дополненіемъ къ тѣмъ которыя напечатаны Д. Ѳ. Самаринымъ во II-й книгѣ „Русскаго Архива“ 1880 года и въ V-мъ томѣ Сочиненій Ю. Ѳ. Самарина. П. Б.

---

*) О „Тарантасѣ“ графа Сологуба. П. Б.

ГРАФИНЯ САЛЬЯСЪ И МАКСИМОВИЧЪ.

Письмо графини Е. В. Сальясъ о кончинѣ Н. В. Гоголя.

Современные представители Русской литературы во многихъ отношеніяхъ должны считать себя счастливѣе своихъ предшественниковъ по дѣятельности, особенно въ болѣе отдаленномъ прошломъ Русской общественной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, за кѣмъ изъ писателей въ прежнее время такъ бѣжала молва, какъ бѣжитъ теперь даже за звѣздами третьей величины на туманномъ при томъ же небосклонѣ? Даже смерть знаменитаго писателя, по условіямъ прежней Русской жизни, могла быть едва отмѣчена въ текущей журналистикѣ. Такъ было съ Пушкинымъ; такъ было съ Бѣлинскимъ.

Однако недостатокъ газетной извѣстности покойныхъ дѣятелей Русской литературы возмѣщается для насъ, можетъ быть, болѣе цѣннымъ и искреннимъ оповѣщеніемъ. Можно ли думать, что наше время въ будущемъ его изученіи будетъ богато литературою частныхъ писемъ? Жизнь современнаго Россіянина, мятущагося изъ стороны въ сторону, живущаго ежедневностью и черпающаго предметы для размышленія прежде всего изъ газетъ, а не въ бесѣдѣ съ людьми близкими, не оставляетъ времени и основанія для письменныхъ повѣреній, къ которымъ такъ охотно и такъ часто прибѣгали въ прежнее время. Малое развитіе повседневной печати, тѣсный кругъ литературныхъ дѣятелей, оторванность писателей отъ публики, отсутствіе среди нихъ рѣзкихъ различій въ идейномъ отношеніи, все это способствовало живому обмѣну мыслями и въ частной бесѣдѣ, и въ письмахъ.

Какъ велики старые архивы, составленные изъ переписки между тѣми или другими лицами, можетъ служить примѣромъ хотя бы архивъ перваго ректора Кіевскаго университета, ботаника, словесника, историка и этнографа М. А. Максимовича, бывшаго другомъ Н. В. Гоголю, М. П. Погодину, С. П. Шевыреву, О. М. Бодянскому, Н. И. Надеждину и многимъ другимъ славнымъ представителямъ Русской науки и словесности. Максимовичъ велъ постоянную переписку со своими друзьями и знакомыми. Даже трудно перечислить всѣхъ лицъ, которыя писали ему и которымъ онъ писалъ. Удивляешься этому терпѣнью, этой охотѣ переписываться, которыми отличались люди стараго времени.

Письма Гоголя къ Максимовичу служатъ однимъ изъ лучшихъ матеріаловъ для біографіи творца „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“. М. П. Пого-

динъ писалъ Максимовичу, судя по количеству сохранившихся писемъ его, чуть не каждую недѣлю. Славянофилы: Аксаковы, Кирѣевскіе, А. С. Хомяковъ, А. И. Кошелевъ въ большей или меньшей степени поддерживали письмами связи съ Максимовичемъ. Скончавшійся недавно П. И. Барсуковъ посылалъ цѣлыя посланія къ Максимовичу. И на всѣ эти письма радушный Малороссъ отвѣчалъ, отмѣчая на получаемыхъ письмахъ день ихъ присылки и день отвѣта своего на письмо. Посмотришь, какой цѣнный матеріалъ представляетъ подобнаго рода переписка для изслѣдователя. Но мало того, что цѣнный: это матеріалъ дорогой нашему сердцу, потому что эти письма —свидѣтели искренней и дружественной привязанности между дѣятелями Русской литературы дѣлаютъ и насъ, потомковъ, какъ бы участниками бесѣды крупныхъ людей нашей родины.

Къ такимъ дорогимъ матеріаламъ въ архивѣ М. А. Максимовича принадлежитъ, между прочимъ, письмо къ нему гр. Е. В. Саліасъ-де-Турнемиръ, извѣстной романистки и дѣтской писательницы, которой литература маленькихъ читателей такъ обязана за ея „Катакомбы“ и „Послѣдніе дни Помпеи“. Письмо гр. Саліасъ касается великой трагедіи—кончины Гоголя. Подробности обстановки Гоголя при его кончинѣ были изложены со словъ современниковъ П. А. Кулишемъ въ его „Запискахъ о жизни Гоголя“. Свѣдѣнія, сообщаемыя графинею Саліасъ, нѣсколько отличаются отъ тѣхъ, которыя передаетъ Кулишъ и уже по одному тому заслуживаютъ вниманія.

Но въ письмѣ графини Саліасъ къ Максимовичу цѣнны не одни свѣдѣнія объ обстоятельствахъ смертнаго часа великаго юмориста. Письмо свидѣтельствуетъ и о томъ впечатлѣніи, которое произвела кончина Гоголя на современное общество. Написанное въ лиро-эпическомъ тонѣ, оно собираетъ малѣйшія подробности кончины и погребенія Гоголя, но это не сухой отчетъ: даже въ подробностяхъ глубокое чувство тяжелой утраты и скорби.

Прослѣдимъ біографическія данныя, касающіяся какъ самой писательницы, такъ и Максимовича.

М. А. Максимовичъ зналъ графиню Е. В. Саліасъ (рожд. Сухово-Кобылину), когда она еще почти ребенкомъ была его ученицей по физикѣ, въ бытность его профессоромъ ботаники въ Московскомъ университетѣ. Къ дѣвочкѣ были приглашаемы учителями профессора университета. „Могла ли бы я забыть моего стараго друга, пишетъ гр. Саліасъ Максимовичу 17 Декабря 1860 года, съ которымъ неразрывно связаны воспоминанія моихъ дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ?“

Въ 1834 году Максимовичъ оставилъ Москву, чтобы занять мѣсто ректора вновь открытаго тогда Кіевскаго университета св. Владимира. Въ то время графинѣ Саліасъ было 19 лѣтъ. Черезъ четыре года она вышла замужъ и съ Максимовичемъ не встрѣчалась до 1849 года, когда Максимовичъ

пріѣхалъ въ Москву для научныхъ занятій. Онъ поселился у Сухаревой башни, гдѣ его навѣщалъ Погодинъ, много помогавшій книгами своему другу въ его работахъ.

Къ 1849 г. относится первое выступленіе графини Салiасъ на литературное поприще. Въ это время появился ея романъ: „Ошибка“, доставившій ей довольно шумный по тому времени успѣхъ. Въ одной изъ записокъ къ Максимовичу она скромно указала на первую свою литературную удачу. „Была очень удивлена статьею объ „Ошибкѣ“: вмѣсто брани похвала, и даже очень, очень большая“. При такихъ обстоятельствахъ встрѣча ея съ Максимовичемъ была ей особенно пріятна. Въ Максимовичѣ она цѣнила не только свои воспоминанія, но также опытнаго литературнаго труженика, человѣка съ развитымъ художественнымъ вкусомъ: „Вы знаете, я имѣю много довѣренности къ вашему литературному вкусу и къ вашей опытности“.

Сохранилось отъ времени пребыванія Максимовича въ Москвѣ въ 1849 г. двѣнадцать небольшихъ записокъ графини къ Максимовичу, въ которыхъ она обращалась къ нему то за тѣмъ, то за другимъ. Чаще всего эти записки содержатъ приглашенія пожаловать на обѣдъ къ графинѣ; иногда графиня Салiасъ проситъ у Максимовича какую-либо книжку или журналъ, сообщаетъ о своемъ здоровьѣ, укоряетъ Максимовича за то, что онъ забываетъ своихъ старыхъ друзей.

Одинъ разъ графиня Салiасъ, когда пріѣхалъ къ ней Максимовичъ, была отвлечена отъ гостя, такъ какъ ей надо было написать кому-то записку. Максимовичъ не дождался, пока освободится хозяйка, и ушелъ, не попрощавшись съ нею. Это, конечно, удивило графиню Салiасъ, и она пишетъ Максимовичу: „Зачѣмъ вы ушли отъ меня? Написавъ записку, я хватилась васъ, а вы уже ушли. Это нехорошо. Я съ вами поступаю безъ церемоніи, потому что считаю васъ своимъ человѣкомъ, какъ говорится, и добрымъ, старымъ пріятелемъ“. Въ другой разъ графиня сообщаетъ Максимовичу: „Завтра въ 9 часовъ утра я ѣду въ лавки, на дешевые товары; если вамъ хочется, чтобы я купила что-нибудь, то скажите, какія платья, шерстяныя или кисейныя, и какого цвѣта?“ Очевидно, Максимовичъ готовилъ своей семьѣ столичные подарки. „Завтра будетъ у меня пить чай г-жа Ростопчина *) и даже обѣщала читать отрывки изъ своего новаго сочиненія. У меня никого, кромѣ ея не будетъ, и потому, какъ всегда впрочемъ, я бы просила васъ придти запросто, въ сюртукѣ, разумѣется“. Сюртукъ, какъ видимъ, въ то время еще не имѣлъ того почетнаго значенія, почти наравнѣ съ фракомъ, которое ему принадлежитъ теперь, если въ немъ являлись въ гости только запросто.

Однако, между старыми друзьями произошла какая-то размолвка. Въ письмѣ графини 1851 года содержится опредѣленное указаніе на охлажденіе,

*) Евдокія Петровна Ростопчина (1811—1858), писательница.

происшедшее между ними. „Скажите, пишетъ она, зачѣмъ не пріѣхали вы въ Москву, и зачѣмъ не писали мнѣ ни словечка, будто я не существую. Вы, кажется, забыли, что знали меня и ребенкомъ, и дѣвочкой, и если мы можемъ расходиться, какъ люди мыслящіе во многихъ вопросахъ или мнѣніяхъ, то я, однако, не вижу причины, скажу болѣе, мнѣ было бы крайне прискорбно разойтись съ вами сердцемъ. Такая старая пріязнь, какъ наша, должна пережить разность мнѣній или взглядовъ на жизнь и людей. Какъ бы то ни было, я сохранила къ вамъ теплое чувство".

Но надо думать, что даже графиня Салiасъ, такъ не желавшая и не допускавшая розни между собою и своимъ учителемъ изъ-за нѣкоторыхъ воззрѣній, слишкомъ преувеличиваетъ дѣло. Главнымъ основаніемъ думать такъ для графини служило то, что Максимовичъ не писалъ къ ней по отъѣздѣ изъ Москвы въ 1850 году. Но тому была иная причина. Максимовичъ весь 1851 годъ проболѣлъ, и это даже задержало его въ его имѣніи на Михайловой горѣ (Золотоношскаго у. Полт. г.), тогда какъ онъ зиму собирался жить въ Москвѣ. Кромѣ того, въ этомъ году умеръ отецъ Максимовича, и семейное несчастіе еще болѣе разстроило его шаткое здоровье.

На самомъ дѣлѣ, конечно, настоящаго охлажденія между графиней Салiасъ и Максимовичемъ не произошло, и вотъ почему было возможно такое письмо, которое гр. Салiасъ написала своему старому другу о смерти Гоголя.

Понедѣльникъ, 25 Февраля 1852.

Любезный и добрый Михаилъ Александровичъ, не могу я не писать къ вамъ, въ ту минуту, когда вы, можетъ быть, знаете ту великую утрату, которую постигла наша земля. Знаю, что никто столько, какъ вы, не любилъ покойника; онъ былъ вамъ близокъ, какъ человѣкъ, другъ дѣтскихъ лѣтъ *), тогда какъ намъ онъ былъ близокъ, какъ великій писатель, какъ геній, озарявшій яркимъ свѣтомъ нашу въ эту минуту столь бѣдную литературу. Повѣрьте, однако, что искренна скорбь всѣхъ тѣхъ, кто любитъ славу нашей земли, что всѣ мы поражены утратой, и не можемъ опомниться отъ потери, лишившей всѣхъ Русскихъ образцовыхъ произведеній, назначенныхъ дойти до отдаленнаго потомства. 21 Февраля, въ 8 часовъ утра скончался Николай Васильевичъ Гоголь. Болѣзнь его была непродолжительна; какъ будто предчувствуя близкую смерть, онъ пріобщился Св. Таинъ на Масляницѣ. Въ Понедѣльникъ или Вторникъ на первой недѣлѣ поста онъ всталъ въ 2 часа ночи, спросилъ, тепло ли въ пріемной комнатѣ,

*) Здѣсь неточность: Гоголь и Максимовичъ познакомились, будучи уже совершенно взрослыми, въ 1829 г. В. Д.

и на отвѣтъ своего камердинера Семена, что холодно, отвѣчалъ: все равно—мнѣ надо распорядиться. Надѣлъ плащъ, вышелъ въ пріемную и приказалъ своему человѣку нести за нимъ шкатулки и портфейли; вынулъ оттуда бумаги, перевязалъ ихъ веревками и всунулъ въ печь. Послѣ этого долго (говорятъ) сидѣлъ онъ, молча, и наконецъ, зажегъ связку бумагъ. Долго огонь не могъ пробраться сквозь толстые слои бумаги, но наконецъ, вспыхнулъ, и все погибло. Разсказываютъ, что покойникъ долго сидѣлъ неподвижно, и наконецъ, проговорилъ: «нехорошо мы сдѣлали, нехорошо, недоброе дѣло». Это было сказано по-малороссійски мальчику, бывшему его камердинеромъ *). Утромъ онъ лежалъ уже въ постели, не пилъ, не ѣлъ, не спалъ и на всѣ просьбы друзей своихъ, просившихъ его лѣчиться, не отвѣчалъ ни слова, слабѣлъ, и ему дѣлалось все хуже и хуже. Однажды Шевыревъ просилъ его на колѣняхъ принять лѣкарства и плакалъ, Гоголь молчалъ, и наконецъ, сказалъ спокойно: «Оставь меня, я хочу спать». Потеря ли сочиненій, гордости и славы, убила его, или то было желаніе умереть, или, наконецъ, чувство близкой смерти, неотвратимой и неизбѣжной, кто можетъ знать это? Какъ бы то ни было, но даже просьбы духовника его ни къ чему не послужили. Онъ ничего не хотѣлъ принимать и не отвѣчалъ на вопросы докторовъ. Въ Среду вечеромъ (20 Февр.) ему стало хуже, показались нѣкоторые признаки тифа, онъ впалъ въ безпамятство. Этимъ воспользовались, чтобы подать ему помощь, посадили его въ ванну. Онъ опомнился и раза два громко сказалъ: это безполезно, безполезно! Въ Четвергъ утромъ, 21 Февр. въ 8 часовъ онъ скончался въ безпамятствѣ. Тѣло его было поставлено въ пріемной его комнатѣ, въ домѣ графа Толстого, гдѣ онъ жилъ, и комната не вмѣщала числа посѣтителей, приходившихъ поклониться покойнику. Въ Четвергъ вечеромъ, попечитель Университета упросилъ графа Толстого позволить ему перенести тѣло въ Университетскую церковь, чтобы почтить память покойнаго, тѣмъ болѣе, что онъ былъ почетнымъ членомъ Университета. Сперва эта просьба, сдѣланная изъ глубокаго уваженія къ покойному, встрѣтила нѣсколько возраженій, но однако все было устроено, и въ Пятницу вечеромъ попечитель, профессора, студенты и множество лицъ изъ всѣхъ круговъ пришли въ комнаты покойнаго и вынесли тѣло его въ Универ. церковь. Тѣло было вынесено Островскимъ, Бергомъ, Ѳеоктистовымъ, студент. Сатинымъ, Филиповымъ, Рудневымъ, и несено до самой церкви, при просьбахъ другихъ лицъ, добивавшихся чести нести его, хотя нѣсколько шаговъ. Оно было поставлено на катафалкъ въ Университетѣ, съ по-

*) По-малорусски это будетъ: „Негарно мы зробыли, негарно, недобре дило". В. Д.

четнымъ карауломъ шести студентовъ, день и ночь не отходившихъ отъ гроба и смѣнявшихся черезъ 2 часа. Въ Субботу, на утренней и вечерней панихидѣ былъ весь городъ и всѣ сословія. Немало слезъ было пролито надъ прахомъ его, и неподдѣльная скорбь присутствовавшихъ говорила о томъ, что всѣ понимали великую утрату, которую общество сдѣлало въ лицѣ великаго писателя нашего. Въ Воскресенье было отпѣваніе тѣла. Стеченіе народа было такъ велико, что сгущенныя массы стояли до самыхъ почти мѣстныхъ образовъ. Графъ Закревскій, въ полномъ мундирѣ (генералъ-губернаторъ Москвы), попечитель Назимовъ, генералъ Шиповъ, генералъ Перфильевъ присутствовали при отпѣваніи, такъ же, какъ и всѣ извѣстныя лица города. Гробъ былъ усыпанъ камеліями, которыя принесены были частными лицами, уважавшими покойника. На головѣ его лежалъ лавровый вѣнокъ, въ рукѣ огромный букетъ изъ цвѣтовъ immortelles. Когда надо было проститься съ нимъ, то напоръ всѣхъ былъ такъ великъ, что крышу накрыли силой. Всякій хотѣлъ поклониться покойнику, поцѣловать руку его, взять на память хотя стебель цвѣтовъ, покрывавшихъ его изголовье. Изъ церкви профессора: Анке, Морошкинъ, Соловьевъ, Грановскій, Кудрявцевъ вынесли его на рукахъ до улицы, на улицѣ толпа студентовъ и частныхъ людей взяла гробъ изъ рукъ профессоровъ и понесла по улицѣ. За гробомъ пѣшкомъ шло несмѣтное число лицъ всѣхъ сословій; прямо за гробомъ попечитель и всѣ университетскіе чины и знаменитости; дамы ѣхали сзади въ экипажахъ. Нить погребенія была такъ велика, что нельзя было видѣть конца поѣзда. До самаго монастыря Данилова несли его на рукахъ.

Гоголя похоронили рядомъ съ покойнымъ Языковымъ, Веневитиновымъ, женой Хомякова, умершей за двѣ недѣли прежде. Всеобщая печаль была безутѣшная, и потому больше, что покойникъ унесъ все съ собою въ могилу: послѣ него не осталось ни клочка бумаги. Всѣ это знаютъ и однако не вѣрятъ и ищутъ возможности отыскать то, что̀ погибло, сгорѣло за нѣсколько дней до смерти великаго писателя. Попытки отыскать у кого-нибудь копію или хотя отрывокъ изъ безсмертныхъ произведеній его до сихъ поръ остались напрасны. Это удвояетъ тяжесть его потери. Я думала все это время объ васъ. Кто знаетъ? Если бы вы были съ нимъ, быть можетъ, и предупредили бы вы это несчастіе. За нимъ надо было ходить, какъ за больнымъ, и минута его отчаянія или заблужденія не отняла бы у всѣхъ насъ его произведеній, написанныхъ въ зрѣломъ возрастѣ, когда его стиль, описанія природы и воспроизведеніе лицъ дошли до совершенства, свойственнаго однимъ великимъ художникамъ. Покойный любилъ васъ, и

сами вы такъ нѣжно были къ нему привязаны, что̀ и внушило мнѣ мысль подробно описать вамъ его смерть и погребеніе. Каждый день была я на панихидѣ и проводила покойнаго до самой могилы, съ глубокимъ чувствомъ уваженія и скорби. Я не забыла и о васъ: послала просить позволенія у друзей его взять для васъ прядь волосъ его (кромѣ ихъ, всѣ отказались прикоснуться къ его праху), но они отказали мнѣ. Тогда, желая вамъ послать хотя что-нибудь на память, я съ большимъ трудомъ достала два цвѣточка, бывшіе въ рукѣ усопшаго, которые хранятся у меня и которые я не знаю, какъ доставить вамъ и черезъ кого. И теперь я пишу письмо это, не зная вашего адреса, и попрошу Лугинину *) доставить его вамъ по вѣрной оказіи. Съ Гоголя сняли маску и будутъ дѣлать бюсты, но по почтѣ переслать нельзя. Если кто-нибудь поѣдетъ отъ васъ, попросите заѣхать ко мнѣ: я пришлю вамъ и бюстъ, зная, сколько утѣшительно имѣть хотя образъ покойнаго, котораго любили мы и уважали еще при жизни, и котораго память не умретъ никогда. Погодина не было въ Москвѣ во время кончины и погребенія Гоголя; Шевыревъ былъ боленъ (онъ занемогъ за два дня до смерти Гоголя), а другіе друзья его: Хомяковъ, Аксаковы и Кошелевъ сдѣлали изъ дѣла общаго, изъ скорби общей вопросъ партій и, какъ вы видѣли, не несли покойнаго, а устранились отъ погребенія. Будто почести, которыя воздавали ему, могли быть дѣломъ партій, да и какія партіи не смолкнутъ передъ общей утратой? Университетъ открылъ подписку на бюстъ Гоголя для библіотеки Универс. и хочетъ учредить стипендію во имя покойнаго, такъ же, какъ и монументъ.

Чувствую, что письмо мое сильно огорчитъ васъ, но не съ спокойнымъ духомъ пишу я его вамъ; вполнѣ знала я цѣну покойному и всегда чтила великій геніальный даръ его. Мы могли, вы и я, расходиться во многихъ мнѣніяхъ въ воззрѣніи на жизнь, но вѣрьте, что въ эту минуту все исчезаетъ между вами и мною. Пишу вамъ съ сердцемъ, полнымъ печали, и искренно жму вашу руку, раздѣляя вполнѣ печаль вашу. Если будете отвѣчать мнѣ, дайте мнѣ свой адресъ и скажите, какъ хотите вы, чтобы я прислала вамъ и цвѣты, и бюстъ вашего покойнаго друга. Онъ былъ гордостью и любовью цѣлой Россіи; онъ при жизни пользовался у всѣхъ образованныхъ людей громкой извѣстностью и славою и, безъ сомнѣнія, будетъ еще болѣе оцѣненъ послѣ смерти, какъ и всѣ геніальные писатели.

---

*) Варвара Петровна Лугинина, рожд. Полуденская. П. Б.

Прощайте, напишите мнѣ словечко; мой адресъ: въ Москву въ Машковомъ переулкѣ, въ приходѣ Харитонія, въ Огородникахъ, въ домѣ Долбилиной.

Еще разъ искренно и дружески протягиваю вамъ руку и прошу васъ считать меня дружески преданной вамъ Ел. гр. Сальясъ.

*

Люди, любящіе Гоголя (а кто его не любитъ?) конечно, и теперь прочитаютъ это письмо съ глубокимъ чувствомъ скорби по далекой отъ насъ трагедіи измученной души писателя. Но какое же оно должно было произвести впечатлѣніе на того, чьимъ другомъ такъ долго былъ Гоголь! Такъ недавно, какой-нибудь годъ съ лишнимъ тому назадъ, въ 1850 г., они вмѣстѣ выѣхали изъ Москвы. Имъ сопутствовали тогда Хомяковы. Эта поѣздка была пріятна сама по себѣ, но въ обществѣ избранныхъ натуръ она была особенно дорога. Гоголь любовался природою, распрашивалъ Максимовича про цвѣты, собиралъ ихъ, запоминалъ ихъ названія. Когда смотришь на цвѣты, хочется жить: мысль о смерти не приходитъ въ голову, а если и залетитъ случайно какъ-нибудь въ твои думы, то, смотря на цвѣты, этотъ подарокъ Бога людямъ, не видишь въ смерти ничего ужаснаго: мирно облетаютъ цвѣты, мирно угасаетъ жизнь человѣка... И Гоголь не думалъ тогда о смерти. Въ чудныя лунныя ночи они проѣзжали привольныя въ тѣ времена Украинскія степи, и сколько чувствъ одушевляло обоихъ друзей въ этой дружеской поѣздкѣ по дорогáмъ, полнымъ поэзіи и прелести мѣстамъ!.. Вѣдь съ Максимовичемъ былъ поэтъ этихъ Украинскихъ ночей. Авторъ „Майской ночи“ былъ съ нимъ, и какъ должно было быть у Максимовича „на душѣ и необъятно, и чудно“, и какія „толпы серебряныхъ видѣній строй-„но возникали въ ея глубинѣ!“

И вотъ теперь Гоголь умеръ въ далекомъ отъ друга городѣ, умеръ безъ него... А вѣдь, можетъ быть, дѣйствительно, если бы Максимовичъ былъ тамъ, не умеръ бы братъ его Лазарь, не умеръ бы духовно для будущихъ поколѣній въ послѣднихъ своихъ твореніяхъ. Глубокая скорбь объяла стараго профессора, одиноко жившаго тогда въ своей усадьбѣ на Михайловой горѣ. „Максимовичъ, пишетъ по этому поводу его біографъ *), былъ потрясенъ до глубины души и этою внезапною горькою вѣстью, и этимъ нѣжнымъ участіемъ (гр. Салiасъ). И много разъ потомъ Максимовичъ перечитывалъ письмо, невольно обливаясь тихими слезами. Съ грустью вспоминалъ онъ теперь недавнюю свою послѣднюю встрѣчу съ Гоголемъ на его родинѣ, и ту Украинскую ночь, и ту одушевленную поѣздку, и увлека-

*) Михаилъ Александровичъ Максимовичъ. (Біографическій и историко-литературный очеркъ). Составилъ С. Пономаревъ. С.-Пб. 1872, стр. 60—61.

тельную радость своего милаго спутника, и его пѣсни, которыя распѣвалъ онъ, не умолкая, весь сіяющій яснымъ привѣтомъ. Невольно Максимовичъ и его поминалъ поэтическимъ словомъ народной пѣсни:

„Степъ широкый, всюды выдно, милого не бачу".

Максимовичъ по смерти Гоголя жилъ еще долго. Онъ умеръ въ 1873 г. и могъ видѣть и посмертную славу своего великаго друга, и его вліяніе на Русскую литературу, и то глубокое уваженіе къ нему, которое выражалось въ сочиненіяхъ, посвященныхъ его творчеству и жизни. Но живыхъ привязанностей къ людямъ никогда не замѣнить посмертными почестями!

Намъ остается еще добавить нѣсколько словъ объ отношеніяхъ гр. Е. В. Саліасъ къ Максимовичу. Спустя десять лѣтъ, 17 Декабря 1860 года, она снова обратилась къ нему съ письмомъ. Въ слѣдующемъ году гр. Саліасъ задумывала издавать газету „Русскую Рѣчь". Необходимость имѣть собственнаго корреспондента въ Кіевѣ побудила издательницу обратиться къ своему старому другу съ просьбою найти тамъ кого-нибудь для этой цѣли. „Я всегда помню и попрежнему люблю васъ", такъ заканчивала гр. Е. В. Саліасъ это послѣднее, повидимому, свое письмо къ М. А. Максимовичу.

В. В. Даниловъ.

БИБЛІОГРАФІЯ СОЧИНЕНІЙ, СТАТЕЙ, ПЕРЕВОДОВЪ И ИЗДАНІЙ В. И. ВЕШНЯКОВА.

(1851—1906).

А. Подписанныя авторомъ полной фамиліей отдѣльныя изданія.

1. *О причинахъ возвышенія Московскаго княжества.* Разсужденіе, написанное на 3-мъ курсѣ университета и удостоенное совѣтомъ С.-Петербургскаго университета золотой медали, съ напечатаніемъ на казенный счетъ. С.-Пб. 1851 г., in. 8⁰, стр. 175 съ родословной таблицей и картой территоріи населенія В. Кн. Московскаго. (Библіотека для чтенія 1851 г. т. 109, отд. 6, стр. 36—38; Современникъ 1851 г. т. 29, отд. 5, стр. 46—54; Актъ С.-Петербургскаго университета 1851 г.).

2. *Крестьяне собственники въ Россіи. С.-Петербургъ.* 1858 г. in. 8⁰, стр. 134. (Отдѣльный оттискъ статьи, напечатанной въ Журналѣ Мин. Гос. Имуществъ 1858 г. № 12, подъ заглавіемъ: Крестьяне водворенные на собственныхъ земляхъ). Удостоено м. золотой медали Совѣтомъ Имп. Русс. Географическаго общества. Рецензіи: земледѣльческая газета 1859 г. № 14 и С.-Петербургскія Вѣдомости 1859 № 7.

3. *Руководство теоретическому и практическому изученію предпріятій промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ.* Соч. Курсель-Сенёля. Переводъ съ французскаго подъ редакціей В. Вешнякова, изд. типографіи В. П. Безобразова. (Экономическая библіотека. С.-Пб. 1860 г.).

4. *Обзоръ сельскохозяйственныхъ учрежденій въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Германіи и Италіи.* (Отчетъ по командировкѣ за границу въ 1861—1862 гг., изданный М-вомъ Гос. Имуществъ и удостоенный Имп. Московскимъ общества сельскаго хозяйства золотой медали въ 1867 г.). С.-Пб. 1866 г. in 8⁰ стр. XXXVI+787. 4 прил. и карта. Рецензіи: Отечественныя Записки 1868 г. № 21, т. 169, отд. 2, стр. 50—53; Вѣстникъ Европы 1867 г. № 1 отд. 3, стр. 59—60.

5. *Объ уничтоженіи привилегій за изобрѣтенія.* (Сообщеніе въ Имп. Русскомъ техническомъ обществѣ. 28 Янв. 1870 г., отдѣльный оттискъ изъ записокъ общества).

6. *Notice sur l'état actuel de l'industrie domestique en Russie* par. W. Weschniakoff (написано по порученію М-ва Г. И. для всемірной выставки въ Вѣнѣ въ 1873 г.) S. P. 1873 г. in 8⁰.

7. *Сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ.* Составилъ и издалъ В. Вешняковъ. С.-Пб. 1879 г. *) in 8°, стр. LXIII+ +560.

8. *Дополненіе (первое) къ сборнику законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ,* съ извлеченіемъ изъ гражданскихъ кассаціонныхъ рѣшеній Прав. Сената. С.-Пб. 1882 г. in 8°, стр. XLVII+178.

9. *Второе дополненіе къ этому же сборнику.* С.-Пб. 1888 г. XVII+228.

10. *Рыболовство и законодательство.* С.-Пб. 1894 г. (собственное изданіе автора, in 8°, стр. CXVI+780, прил. стр. VIII+153; сочиненіе удостоено почетнаго отзыва Имп. Академіи наукъ и золотой медали отъ Московскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній).

11. *Сборникъ законовъ объ охотѣ.* 1878 г. стр. IV+53; 2-е изд.—1892 г. стр. IV+51.

Б. Статьи, подписанныя авторомъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ журналѣ М-ва Госуд. Имуществъ.

1. *Историческій обзоръ происхожденія разныхъ названій государственныхъ крестьянъ.* 1857 г. № № 1, 3, 4 и 12, стр. 101.

2. *Крестьяне водворенные на собственныхъ земляхъ.* 1858 г. № 12 (см. выше А. № 2).

3. *Бѣлопашцы и обѣльные вотчинники и крестьяне.* 1859 г. Т. LXXI, стр. 27.

4. *Острожская ординація и ординацкіе крестьяне.* Т. LXXV, отд. II, 1860 г. стр. 14.

5. *О ленныхъ имѣніяхъ въ западныхъ губерніяхъ.* Т. LXXVI, отд. II. 1861 г. стр. 24.

6. *Объ отправленіи государственными крестьянами рекрутской повинности по жеребьевой системѣ.* Т. LXXVI, отд. II, 1861 г. стр. 259—290.

7. Нѣсколько данныхъ о государственныхъ имуществахъ въ Западной Европѣ. Т. LXXXVI.—1864 г. стр. 35.

8. Описаніе обѣда, даннаго А. П. Заблоцкому 22 Февраля 1859 г. Т. LXX. отд. II.

---

*) Въ 1897 и 1900 гг. Сборникъ переизданъ въ 2-хъ томахъ.

Въ отчетѣ о 4-мъ присужденіи наградъ графа Уварова М. Академіей наукъ.

9. *Разборъ сочиненія І. Бѣляева* Крестьяне на Руси. 1860 г. стр. 65 (по этой рецензіи г. Бѣляеву была присуждена м. уваровская премія, а рецензенту назначена золотая медаль).

Въ Архивѣ историческихъ свѣдѣній о Россіи Н. В. Калачова. 1861 г. № 4.

10. Панцырные бояре (стр. 16).

Въ Сборникѣ Имп. Русскаго Историческаго общества.

11. Проектъ Императрицы Екатерины II объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей. (стр. 52).

Въ Русскомъ Вѣстникѣ.

12. Департаментъ Земледѣлія въ Соединенныхъ Штатахъ С. Америки. 1869 г. № 1. стр. 252—264.

13. Комитетъ 1833 г. объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи. 1869 г. кн. 7. стр. 286—320. (перепечатано въ сокращеніи въ Историческихъ матеріалахъ изъ архива М-ва І. И. 1891 г. вып. 1).

Въ Земледѣльческой газетѣ.

14. Расходы нѣкоторыхъ Европейскихъ правительствъ по развитію и поощренію сельскаго хозяйства. 1863 г. Май. № 19.

Въ Вѣстникѣ Европы.

15. Русская промышленность и ея нужды. 1870 г., кн. 10, 11 и 12 1871 г. кн. 4 и 5.

Въ Сборникѣ государственныхъ знаній.

16. Привилегіи на изобрѣтенія. 1874 г. Т. I стр. 291—308.

17. Новые законы и сочиненія въ Германіи о привилегіяхъ на изобрѣтенія (рецензія Т. VI. 1878 г).

18. *Рецензіи на книги*: 1) Обзоръ 25 лѣтней дѣятельности Кавказскаго общества сел. хозяйства; 2) Краткій очеркъ дѣятельности Кавказскаго общества сел. хозяйства за первые 25 лѣтъ его существованія. Н. Ситовскаго и 3) Сельскохозяйственное дѣло Европы и Америки на Вѣнской всемірной выставки 1873 г. и въ эпоху ея. А. Ермолова. Т. VI. 1878 г.

19. Писцовыя Книги, издаваемыя И. Р. Географическимъ обществомъ. Т. VI (рецензія) 1878 г.

Въ Русской Старинѣ.

20. Д. Д. Неѣловъ: біографическій очеркъ 1891 г. № 2.

21. Экспедиція Государственнаго хозяйства (1797—1803 г.) 1901 г. № 10, 11 и 12.

22. Резолюціи Императора Николая Павловича на бумагахъ Д—та Госуд. Имуществъ въ 1837 г.; 1899 г.

Въ Вѣстникѣ Рыбопромышленности.

23. Докладъ о съѣздѣ рыбопромышленниковъ, сдѣланный предсѣдателемъ В. И. Вешняковымъ Россійскому обществу Рыбоводства и Рыболовства въ засѣданіи 30 Октября 1889 г.; 1890 г. №№ 5, 6.

Въ Извѣстіяхъ Имп. Русскаго Географическаго общества.

24. Международный Статистическій Конгресъ въ Гаагѣ 1869 г.; № 6 (были и отдѣльные оттиски).

Въ Вѣстникъ И. Р. Географическаго общества (1859 г. стр. 13—16).

25. О книгѣ И. Аксакова: Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ.

В. Статьи неподписанныя или подписанныя первыми буквами.

Въ Журналѣ М—ва Гос. Имуществъ.

1. О состояніи сельскаго хозяйства въ С. Американскихъ соединенныхъ Штатахъ. 1853 г.

2. Хозяйственное обозрѣніе 1852; 1853 № 1.

3. Земледѣльческая статистика Бельгіи по результатамъ генеральной переписи 1853 г. Т. XLIX; отд. II, стр. 120—134.

4. Въ отводѣ госуд. крестьянамъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ участковъ на правѣ долговременнаго пользованія.

Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.

5. Брюссельскій международный конгресъ по поводу таможенныхъ преобразованій. 1856 г.; Ноябрь и Декабрь 9 номеровъ.

6. Замѣтка въ фельетонѣ по поводу импровизаціи профессора Джустиніани. 1852 г. Дек.

7. Рецензія книги: Начало Политической Экономіи проф. Горлова. В-ъ 1859 г. № 186 29 Августа.

8. Политико-экономическій комитетъ при И. Р. Географическомъ обществѣ. 1861. № 97 Мая 4.

Въ Сѣверной Пчелѣ:

9. По случаю обѣда, даннаго въ 50-лѣтній юбилей академика П. И. Кеппена 1860 г. 12 Января.

10. Экскурсія за Лугу 1860 г. Августа 22 № 186.

Въ Голосѣ.

11. О преобразованіи представительныхъ учрежденій по части промышленности и торговли (передовая статья 1877 г. № 325).

12. Хлѣбная торговля и продовольствіе Европы 1878 г. № 328.

13. Рецензія сочиненія А. П. Заблоцкаго-Девятовскаго. „Финансы Пруссіи".

Въ Отечественныхъ запискахъ 1857—1858 г. рецензіи на разныя сочиненія по части Политической экономіи и Статистики. 1) Новый опытъ о богатствѣ народномъ г. Каменскаго (1857 г. № 2).

2) Начала общественной экономіи г. Эллиса.

3) Начала народнаго хозяйства. В. Рошера, перев. Бахта.

4) О погашеніи государственныхъ долговъ. соч. А. Запасника. 1857 г. XIV. стр. 121.

5) Матеріалы для статистики Финляндіи.

6) О внѣшней торговлѣ въ Россіи въ 1857 г.

7) Статистическія таблицы Россійской Имперіи за 1856 годъ.

8) Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ И. Аксакова.

9) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи. 1858 г.

10) Матеріалы для статистики Россіи 1858 г.

11. Статистическія описанія губерній и областей Россійской Имперіи 1858 г.

12. Статистическія труды И. Ф. Штукенберга.

13. Русскій государственный увѣтъ. А. Языкова.

Въ Вѣстникѣ Европы 1868—1878 г.

1. Новый таможенный тарифъ по Европейской торговлѣ. В. В. 1868 г. Сент.

2. Международный Статистическій Конгрессъ въ С.-Петербургѣ IV. 1872 г. № 8 и 10.

3. Писчебумажное производство. IV. 1873. Февраль.

4. Всемірный торговый рынокъ и его современное положеніе. IV. 1877. Іюль.

5. Всемірный торговый рынокъ въ 1877 г. IV. 1878 г. Іюль.

6. Финляндія въ эпоху Гельсингфорской выставки. IV. IV. 1876 г. Декабрь.

7. Рецензія книги: Rapport spécial sur l'immigration accompagné de renseignement pour les immigrants par. Ed. Jung. (безъ подписи) 1873 г. Сентябрь.

Сверхъ того: I. Въ засѣданіи С.-Петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ. 16 Янв. 1868 г. По поводу доклада Н. П. Колюпанова о значеніи таможенной реформы для сельскаго хозяйства.

II. Въ протоколахъ о стенографическихъ отчетахъ 1-го Всероссійскаго съѣзда фабрикантовъ, заводчиковъ и лицъ интересующихся отечественною промышленностью. 1870 г. (С.-Пб. 1872 г.). Вступительная рѣчь (стр. 2—5) и предсѣдательство въ 3-мъ отдѣлѣ.

III. Compte rendu sur les travaux de la 7-me session du congrés international statistique à la Hage. Rapport de W. W. sur statistique des pêches (стр. 500—503.).

IV. Труды VIII сессіи статистическаго конгресса въ С.-Петербургѣ 1871 г. Программа о промышленной статистикѣ и предсѣдательство въ 3-мъ отдѣлѣ.

V. Труды Имп. Московскаго общества сельскаго хозяйства. Вып. XI 1882 г.

По вопросамъ М-ва Земледѣлія и его задачъ рѣчь (стр. 98—109).

VI. Отчеты о съѣздахъ желѣзозаводчиковъ (1884 г.) и винокуренныхъ заводчиковъ (1888 г.).

VII. Рѣчь при открытіи 1-го международнаго съѣзда птицеводовъ въ С.-Петербургѣ. 4 Мая 1899 г. (Труды съѣзда) изд. 1901 г.

VIII. Notice statistique sur les pêcheries en Russie par W. Weschniakoff (см. Revue internationale de Pêche et de Pisciculture 1899. № 1).

IX. Sur la statistique internationale des pêches. Rapport fait au congrès

international d'agriculture et de pêche de 1900, à Paris. Séance du 18 Sept. par. W. Weschniakoff (помѣщено въ Revue internationale de Pêche et de Pisciculture въ 1900 г.).

X. Рѣчь при открытіи международнаго конгресса Рыболовства и Рыбоводства въ С.-Петербургѣ въ 1902 г. Февралѣ (помѣщена въ трудахъ Конгресса).

Участіе въ офиціальныхъ изданіяхъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

1) Сборникъ свѣдѣній Д—та Земледѣлія и Сельской промышленности 3 выпуска.

2. Свѣдѣнія объ урожаяхъ отъ корреспондентовъ.

3. Юбилейныя: а) Обозрѣніе 50-лѣтней дѣятельности М—ва Гос. Имуществъ (въ 5-ти частяхъ).

б) Очеркъ 50 лѣтней дѣятельности М—ва Гос. Имуществъ.

в) Архивъ М—ва Гос. Имуществъ. Дѣла V отдѣленія.

г) Историческіе матеріалы изъ архива М—ва Г. Имуществъ; вып. I; 1891; начинается его статьей: Комитетъ 1833 г. объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи, стр. 1—54.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Стр.*	*Слѣдуетъ:*	*Напечатано:*
150	9	Ахматовъ,	Ахмановъ.
156	11	дозволилъ,	недозволилъ
174	13	tout est perdu *fors* l'honneur,	а не *hors*
175	9	enfant	enfant
176	20	Кимвалъ,	Кимволъ
199	7	вынуждаемое	вынуждаемой
223	6	наготою	наготѣ.
227	9	одинаковыми	одиновими
243	15	пропущено слово „*страною*“ послѣ слова *жира*	
244	16	Лишнее слово „*страны*“ послѣ слова „Татусихъ“	
248	6	Печенѣговъ	Печенѣговѣ
256	15	нравѣ	правѣ
293	4	Настасья Петровна	Наст. Ѳедорова
100	2	массонскихъ	масконскихъ

2250. Эпиграмма на взяточниковъ. Д. **1894.** II, (6), 257.

2251. Стихи про чиновничество. Сообщ. А. Д. Назаровымъ. **1901,** III, (12), 580.

2252. О временахъ Николая. Н. Шалибина. **1888.** III, (9), 173—175.

2253. Холера въ Москвѣ. Изъ писемъ Кристина къ гр. С. А. Бобринской. **1884.** III, (5), 136—151.

2254. Холера въ Москвѣ 1830 г. В. М. Остроглазова. **1893.** III, (9), 93—106. Г. Шелапутинъ и Я. Титовъ.

2255. Холера въ Петербургѣ въ 1831 г. Разсказъ очевидца И. В. Селиванова. **1868.** (6), 958—962.

2256. Записка о противохолерномъ элексирѣ. М. Я. Мудрова. **1893.** II, (8), 613—615.

2257. Разсказъ очевидца (о пожарѣ въ балаганѣ Лемана). Д. А. Чаплина. **1877.** III, (10), 219—228.

2258. Разсказы очевидцевъ о пожарѣ Зимняго дворца. Бар. М. А. Корфа. **1865.** (9), 1087—1114. Изъ Записокъ гр. А. Х. Бенкендорфа. Гр. А. Ѳ. Орловъ къ Д. П. Татищеву. Л. М. Барановичъ. Бар. Э. И. Мирбахъ.

2259. Еще разсказъ очевидца о Петербургскомъ пожарѣ 1837 г. И. Д. Лужина. **1868.** (4—5), 844—847.

2260. О Петербургскомъ пожарѣ 1837 года. **1868.** (4—5), 848—851.

2261. Возобновленіе зимняго дворца. Сообщ. гр. К. П. Клейнмихелемъ. **1895.** I, (4), 446—460.

2262. По поводу полувѣка со времени возобновленія зимняго дворца. И. Н. Корсунскаго. **1889.** III, (9), 98—111.

2263. Распиленный саркофагъ. **1900.** III. (9), 149—150.

2264. Рѣчь противъ дуэлей Соловецкаго старца Нестора. Сообщ. М. И. Успенскій. **1900.** I, (3), 443—447.

2265. Общество посѣщенія бѣдныхъ (въ С.-Петербургѣ). Изъ Записокъ В. А. Инсарскаго. **1869.** (6), 1005—1046.

2266. Княгиня и монастырскій послушникъ. (Кн. Голицынъ и Зыковъ). И. П. Б(артенева). **1893.** I, (3), 230—248.

2267. Потомственные дворяне канцелярскаго происхожденія. В. И. Глоріантова. **1905.** I, (4), 662—674.

2268. Всероссійскій дворянскій молебенъ. А. Танкова. **1888.** III, (11), 452—454.

2269. Первое мое участіе въ дворянскомъ собраніи. А. Слѣпцова. **1897.** I, (2), 332—333.

2270. Дѣло о человѣкѣ, якобы воскрешающемъ мертвыхъ. Ѳ. Кудринскаго. **1902.** II, (7), 476—480.

2271. Сонникъ современной Русской литературы. **1904.** III, (11), 376—381.

2272. Записка о народномъ воспитаніи, представленная А. С. Пушкинымъ Николаю Павловичу. **XIX Вѣкъ.** II, 209—218.

2273. Взглядъ на Русскую печать за послѣднія 18 лѣтъ. Д. И. Иловайскаго. **1874.** I, (1), 223—246.

2274. Двѣ цензуры. Кн. Н. В. Шаховскаго. **1897.** I, (2), 334—337.

2275. Объ устройствѣ библіотекъ въ Оренбургскомъ краѣ. П. Н. Столпянскаго. **1903.** II, (6), 292—295.

2276. Общество „Арзамасъ". **1901.** III, сорочка (10).

2277. Объ Украйно-Славянскомъ Обществѣ. (Изъ бумагъ Д. П. Голохвастова). **1892.** II, (7), 334—359. Переписка гр. С. С. Уварова съ гр. С. Г. Строгановымъ.

2278. Московскіе профессоры-масоны. Д. М. Щепкина. **1901.** III, (6), 300—304. И. И. Давыдовъ, М. Я. Мудровъ и М. Я. Маловъ.

2279. О юбилейной медали Московскаго университета. **1870.** I, (2), 0579—0580.

2280. Каѳедра технологіи въ Московскомъ университетѣ. Н. Н. Любавина. **1906.** II, (8), 563—576.

2281. Remember. ***. **1884.** III, (5), 182—183. О Т. Н. Грановскомъ,

С. П. Шевыревѣ, Н. И. Крыловѣ и П. С. Нахимовѣ.

2282. О студенческихъ безпорядкахъ въ Казанскомъ университетѣ. Н. П. Поливанова. **1899.** I, (4), 659—660.

2283. Воспоминанія о С.-Петербургскомъ университетѣ. Ѳ. Н. Фортунатова. **1869.** (2), 305—340

2284. Петербургскій университетъ полвѣка назадъ. Воспоминанія А. Ч(умикова). **1888.** III, (9). 120—150. Фишеръ. Грефе. А. В. Никитенко. П. А. Плетневъ. И. И. Введенскій. С. С. Уваровъ. М. С. Куторга. О. И. Сенковскій. Райковскій. Сенъ-Жульенъ. К. Ѳ. Свенске.

2285. Славянофилы. (По поводу статьи Пыпина). Э. А. Мамонова. **1873.** II, (12), 2488—2508. Письмо объ этой статьѣ. И. С. Аксакова. **1873.** II, (12), 2508—2529.

2286. Объ отмѣнѣ крѣпостного права. Письмо П. В. Кирѣевскаго къ А. И. Кошелеву. **1873.** II, (8), 1345—1360.

2287. Объ отмѣнѣ крѣпостного права. Негласные комитеты при Николаѣ Павловичѣ. **1884.** III, (5), 161—181. Мнѣніе бар. Корфа. Записка А. А. Перовскаго.

2288. Курьезы стараго времени. Полетаева. **1895.** II, (6), 248.

2289. Старые порядки по рекрутскимъ наборамъ. Г. Н. Александрова. **1877.** III, (12), 398.

2290. Письмо в. княгини Александры Николаевны къ В. А. Жуковскому (1843). (Сообщ. кн. П. А. Вяземскимъ). **1868.** (1), 107—108.

2291. Письмо импер. Александры Ѳеодоровны къ дѣвицѣ передъ выходомъ ея въ замужество. **1889.** I, (3), 404.

2292. Дорожныя письма С. А. Юрьевича во время путешествія по Россіи Цесаревича Александра Николаевича. Сообщ. А. С. Юрьевичемъ. **1887,** I, (4), 441—468. II, (5), 49—72. (6), 171—216.

2293. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ г. Касимовѣ. А. И. Мансурова. **1888.** II, (8) 476—479.

2294. Письмо королевы Анны Павловны къ В. А. Жуковскому. **1895.** II, (8), 447.

2295. Королева Анна Павловна у Троицы-Сергія. Изъ Записокъ преосв. Леонида. **1905.** III, (9), 134—140.

2296. Рескрипты Антонію, епископу Воронежскому. Сообщ. С. Звѣревъ. **1897.** III, (9), 107—108.

2297. Переписка Антонія архіеп. Воронежскаго съ А. Н. Муравьевымъ (объ Уткинской гравюрѣ Св. Митрофанія). **1894.** II, (6), 209—214.

2298. Аѳанасій Тобольскій. Александра Сулоцкаго. **1881.** II, (4), 388—410.

2299. А. А. Баженовъ. Изъ Кавказскихъ воспоминаній А. А. Черткова. **1881.** II. (3), 191—227.

2300. М. А. Балугьянскій. (Записка бар. М. М. Медемъ). **1885.** III, (11), 415—432. Съ портретомъ.

2301. Двѣ депеши Баранта. **1891.** I, (1), 145—151. Бесѣда съ Маріей Павловной.

2302. Юрій Никитичъ Бартеневъ. Жизнь въ Крыму. Съ примѣч. Ю. П. Бартенева. **1899.** II, (8), 549—580. III, (9), 116—129. Ѳ. К. Мюльгаузенъ. В. А. Тепляковъ. К. Н. Батюшковъ. А. С. Пушкинъ. Славинскій. Лачинова. Караимъ Фирковичъ.

2303. Изъ письма протоіер. А. П. Мальцова. **1899.** I, (3), 528. Къ статьѣ: „Ю. Н. Бартеневъ, Жизнь въ Крыму".

2304. Въ отвѣтъ А. П. Мальцову. Ю. П. Бартенева. **1899.** I, (4), 687.

2305. Князь А. И. Барятинскій, полковой командиръ. А. Л. Зиссермана. **1884.** III, (6), 435—441.

2306. О кн. Барятинскомъ. О Лермонтовѣ. А. Л. Зиссермана. **1885.** II, (5), 75—81. II, (8), 558—569 (по поводу статьи Д. И. Романовскаго).

2307. Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. А. Л. Зиссермана. Съ портретомъ и рисунками. **1888.** I, (1), 93—128. (2), 259—291. (3), 433—480. (4), 553—616. II (6). 157—0227. (8), 417—475. III, (9), 49—107. (10), 225—247. (12), 497—579. **1889.** I, (1), 107—141. (2). 274—358. (3), 446—505. (4), 605—649. II, (5), 99—128. (6), 237—291. (7), 425—461. III, (10), 232—259. (11), 317—352. (12), 433—490. **1890.** III, (11). 267—328. (12), 385—424. **1891.** I, (1), 77—128. (2), 161—300. (3), 321—372. Приложенія. Переписка вел. кн. Константина Николаевича съ Н. О. Сухозанетомъ и кн. А. М. Горчаковымъ. Письма Д. А. Милютина и А. В. Головнина, В. П. Буткова. П. Е. Коцебу. Н. В. Ханыкова, М. Г. Хомутова, М. П. Погодина и стих. П. А. Вяземскаго. А. П. Карцова, А. И. Гагарина, А. Ѳ. Крузенштерна, импер. Маріи Александровны, Ѳадѣева.

2308. Письмо къ издателю. А. Л. Зиссермана. **1890.** I, (1), 160. О біографіи кн. Барятинскаго.

2309. О финансовыхъ мѣропріятіяхъ кн. Барятинскаго. А. Л. Зиссермана. **1889.** I, (3), 528.

2310. Изъ архива кн. А. И. Барятинскаго. **1889.** III, (9), 135—143. Письма адмирала Бутакова. М. П. Погодина и князя П. П. Вяземскаго.

2311. Памяти кн. В. И. Барятинскаго. X, **1904.** II, (6), 310—311.

2312. Разсказы о Декабристѣ Г. С. Батенковѣ. **1881.** III, (6), 436—441.

2313. Декабристъ Г. С. Батенковъ. А. А. Лучшева. **1886.** II, (6), 269—280.

2314. Записки Г. С. Батенкова. Данныя. Повѣсть собственной жизни. Сообщены Н. А. Елагинымъ. **1881.** II. (4), 251—276.

2315. О запискахъ Г. С. Батенкова. **1881.** II, (4), 505.

2316. Изъ воспоминаній В. А. Роткирха. С. Г. Батуринъ. **1894.** II, (7), 427—432.

2317. Два брата. Посвящено Бѣтьяновымъ. Сообщ. И. Ф. Бартеневъ. **1892.** I. (4), 538—539.

2318. К. С. Безносиковъ. И. С. Листовскаго. **1884.** II. (4), 46—477.

2319. Инструкція гр. Бенкендорфа чиновнику Третьяго Отдѣленія. **1889.** II, (7), 369—398.

2320. По поводу инструкціи гр. Бенкендорфа. Н. В. **1889.** II, (8), 522—524.

2321. Записка поданная гр. Бенкендорфу. О запрещеніи „Европейца“ **1896** II, (8), 576—582.

2322. Письмо гр. Бенкендорфа къ С. Т. Аксакову. **1873.** II, (11), 02299—02300. По поводу „Марѳы Посадницы“ М. П. Погодина.

2323. Письма гр. Бенкендорфа къ в. кн. Константину Павловичу во время Польскаго мятежа **1886.** I, (1), 33—42.

2324. Письмо гр. Бенкендорфа къ Н. А. Полевому. **1866.** (11—12) 1753—1756. Сообщ. Т. В. Кибальчичемъ. **1874.** I, (4), 1050—1052 1905, III, (10) 208—209.

2325. Замѣтка о К. И. Бистромѣ. И. В. Селивановъ. **1871.** (7—8) 1297—1298.

2326. Два письма Д. Н. Блудова къ его супругѣ (о коронаціи Николая Павловича). **1867.** (7), 1046—1048.

2327. Извѣстіе о кончинѣ Д. Н. Блудова **1864.** (3), 343—344.

2328. Гр. В. А. Бобринскій. Кн. Д. Д. Оболенскаго. **1898.** II, (7), 461—464.

2329. Арестъ и ссылка молоканина Богданова. И. Якунина. **1876.** II, (6), 237—240.

2330. О вице-адмиралѣ Бойлѣ. К. Манна. **1871** (1). 0244—0246.

2331. Письмо епископа Боровскаго къ В. В. Скрипицину. **1881.** III, (6), 420—421.

2332. П. Н. Броневскій. Братья Муравьевы. М. Ѳ. Де-Пуле. **1879.** III, (10), 243—248.

2333. Письмо Бунзена къ В. А. Жуковскому. Сообщ. Н. А. Елагинымъ. **1876.** I, (4), 437—439.

2334. Письмо адм. Бутакова къ кн. А. И. Барятинскому съ замѣтками М. Г. Черняева. **1899.** III, (11), 477—480.

2335. Три донесенія А. П. Бутенева гр. Нессельроде по Египетскому дѣлу 1833 г. **1883.** I, (1), 64—76.

2336. Письмо кн. В. И. Васильчикова къ К. И. Истомину. **1882.** I, (1), 220.

2337. Далматинскій епископъ Венедиктъ Кралевичъ. Записка Н. И. Надеждина, сообщ. П. И. Мельниковымъ. **1872.** (2), 441—444.

2338. Еще о Венедиктѣ Кралевичѣ. Н. А. Попова. **1872,** (5), 1021. **1872.** (5), 1021—1030.

2339. Два письма архим. В. Щепетева къ архим. Пузынѣ. Сообщ. Л. С. Мацѣевичемъ. **1898.** I, (2), 298—306.

2340. Записка о кн. П. Х. Витгенштейнѣ. П. Л. Пуцилло. Сообщ. М. П. Зиновьевой. **1906.** II, (6), 259—270.

2341. Поминки по гр. М. Ю. Вьельгорскомъ. (Стихи Кн. П. А. Вяземскаго). **1877.** I, (4), 542—545.

2342. Кн. М. С. Воронцовъ. В. С. Толстаго. **1877.** III, (11), 293—310. Поправка (12), 443.

2343. Два письма кн. Воронцова къ гр. Бенкендорфу. **1890.** II, (7), 305—316. Поправка III, (9), 112.

2344. Переписка по поводу „Арріанова Перипла". Сообщ. Л. С. Мацѣевичемъ **1894.** II, (7), 416—418. Письма гр. М. С. Воронцова къ архіеп. Димитрію.

2345. Письма кн. М. С. Воронцова къ А. П. Ермолову. Сообщ. Г. П. и Е. П. Ермоловыми. **1890.** I, (2), 161—214. 3, 329—365. 4. 441—472. С. Н. Ермоловъ. Бар. Розенъ. Царица Марія князю Воронцову. Шамиль. Кн. Аргутинскій, ген. Бюрно, Нестеровъ, Е. А. Головинъ, Бартоломей, Слѣпцовъ, Александръ Николаевичъ на Кавказѣ, кн. Захарій Эристовъ. Ссора Шамиля съ Хаджи-Мурадомъ, гибель атамана Крюковскаго, Даніель-Бекъ. Отзывъ о гр. Закревскомъ.

2346. Письма кн. М. С. Воронцова къ Н. Н. Мурзакевичу **1876.** III, (11), 362—372.

2347. Письма кн. М. С. Воронцова къ М. П. Щербинину изъ чужихъ краевъ въ Москву. **1870.** (12), 2145—2224.

2348. Анекдотъ о Вронченкѣ. **1888.** III, (2), 616.

2349. Архим. Гавріилъ. Сообщ. И. С. Листовскимъ. **1897.** II, (2), 319—321.

2350. Объ архим. Гавріилѣ. В. Видинова. **1897.** II, (5), 176. Къ его письму.

2351. Переписка епископа кн. Гедройца съ гр. Д. Н. Блудовымъ. Сообщ. А. В. Рачинскимъ. **1869.** (9), 1485—1542.

2352. Кн. В. С. Голицынъ. И. Дроздова. **1887.** II, (7), 364 — 370. Фанни-Эльснеръ въ Москвѣ.

2353. Кн. Дмитрій Владимировичъ Голицынъ. Гр. М. В. Толстаго. **1894.** II, (7), 419—424.

2354. О кн. Д. В. Голицынѣ. А. Л. Громачевскаго. **1894.** III, (11), 337—342. Письмо А. Я. Булгакова къ вел. кн. Михаилу Павловичу. Рѣчь Колесова.

2355. Къ біографіи Е. А. Головина. Гр. Д. Н. Толстаго. **1872** (10), 1954—1979.

2356. О Е. А. Головинѣ. М. П. Щербинина. **1872.** (3—4), 707—717.

2357. О графѣ П. Х. Граббе и Е. А. Головинѣ. Е. И. Козубскаго. **1893.** I, (2), 181.

2358. Письмо Е. А Головина къ А. А. Антонскому. Сообщ. Е. М. Осоктистовымъ. **1904.** II, (6), 309.

2359. Декабристъ И. И. Горбачевскій. **1882.** II, (4), 311.

2360. Кн. А. М. Горчаковъ. (Изъ воспоминаній о немъ его духовника І. Базарова). **1896.** I, (3), 328—350.

2361. Кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ о Н. Н. Муравьевѣ-Карскомъ. **1894.** III, (10), 287—288.

2362. Изъ писемъ А. П. Дубовицкаго къ Н. И. Буличу. **1897.** II, (7), 441—472.

2363. По поводу писемъ А П. Дубовицкаго къ Н. И. Буличу. Надежды Беръ. **1897.** III, (9), 150—151.

2364. Странное обвиненіе (о гр. Евдокимовѣ) А. Л. Зиссермана. **1886.** III, (11), 420—431.

2365. В. княгиня Елена Павловна. Т. (бар. Ѳ. Ѳ. Торнау). **1881.** III, (6), 300—311. Импер. Марія Александровна.—За границею.—Племянница.

2366. Дворъ в. княгини Елены Павловны. М. Назимова. Э. Ѳ. Раденъ. **1899.** III, (10), 311—318.

2367. Вечеръ съ А. П. Ермоловымъ. **1906.** II, (8), 620—622.

2368. А. П. Ермоловъ въ своей подмосковной. В.Щепотьевой. **1906.** II, (8), 623—631.

2369. А. П. Ермолову (*стихи*) П. Войекова. **1906.** II, (8), 620.

2370. А. П. Ермоловъ въ письмахъ къ Н. П. Воейкову и Н. В. Шимановскому. **1906.** III, (9), 38—88.

2371. Шесть записокъ А. П. Ермолова къ И. М. Садовскому. Сообщ. М. П. Садовскимъ. **1873.** I, (2), 158—159.

2372. Ермоловъ и Паскевичъ. В. Андреева. **1873.** II, (8), 1571—1583.

2373. В. М. Еропкинъ. В. Еропкиной. **1905.** II, (7), 471—478.

2374. О. П. Д. Еропкинѣ. В. В. Ильина. **1874.** I, (2), 0577—0579.

2375. Воспоминаніе объ Е. А. Жуковской. І. Базарова. **1869.** (12), 2023—2026.

2376. О гр. А. А. Закревскомъ. **1885.** III, (9), 157.

2377. Письмо гр. Закревскаго къ Д. П. Голохвастову. **1887.** II, (8), 522—523.

2378. Письмо Иннокентія Борисова къ М. А. Максимовичу. Перев. съ Латинскаго И. В. Помяловскимъ. **1894.** II, (6), 297.

2379. О преосвященномъ Иннокентіи Херсонскомъ. И.У. Палимпсестова. **1893.** II, (6), 177—182.

2380. Записка Иннокентія, о епархіи Римско-католической въ Херсонѣ. Съ примѣчаніями П. И. Савваитова. **1868.** (3), 412—435.

2381. Три записки Иннокентія. Сообщ. П. Савваитовымъ. **1867.** (10), 1329—1341.

2382. Письмо Иннокентія къ А. П. Озерову. **1896.** III, (5), 44.

2383. Письмо Иннокентія къ гр. Н. А. Протасову. **1879.** II, (7), 270—272.

2384. Учитель и ученикъ. И.У.Палимпсестова. **1896.** I, (2), 270—273. Митроп. Иннокентій и Макарій.

2385. Миссіонерская дѣятельность Иннокентія. Гр. М. В. Толстаго. **1879.** II, (7) 273—303. Письма Иннокентія къ митр. Филарету.

2386. Изъ письма Исидора экзарха Грузіи, къ митроп. Филарету (въ бумагахъ О. Н. Фанъ-деръ-Флитъ). **1895.** I, (4), 545.

2387. К.-адмиралъ Истоминъ. В. К. Истомина. **1877.** I, (1). 124—142. Донесеніе П. С. Нахимова о кончинѣ Истомина.

2388. Письмо Истомина къ Лайонсу. Сообщ. А. Э. Циммерманъ. **1867.** (5—6), 911—913.

2389. Письмо Сербско-Австрійскаго патріарха Іосифа Раячича къ Русскому консулу въ Бѣлградѣ.

Съ предисл. Н. А. Попова. **1868.** (1). 120—123.

2390. О событіяхъ въ Вильнѣ послѣ казни эмисара Конарскаго. М. И. Топильскаго. **1870.** (6), 1183—1198.

2391. Объ убіеніи Каподистріи. А. Н. Райка. **1869.** (5), 881—919.

2392. Г. С. Карелинъ. С. Г. Карелиной. **1873.** II. (7), 1318—1344 +01313—01319. Гр. Сухтеленъ, гр. В. А. Перовскій.

2393. Капитанъ А. Н. Каховскій. (Эпизодъ изъ осады Туркестана). В. В. Ильина. **1870.** (8—9), 1676—1682.

2394. Письмо гр. Е. Е. Комаровскаго къ И. В. Кирѣевскому. Сообщено гр. А. Е. Комаровскою. **1896.** I, (3), 464—470.

2395. О в. князѣ Константинѣ Павловичѣ. И. Ульянова. **1868.** (6), 1031—1038.

2396. Замѣтки къ письмамъ в. кн. Константина Павловича. (Кн. А. В. Лобанова-Ростовскаго). **1882.** I, (2), 556, II, (3), 154.

2397. Письма в. кн. Константина Павловича къ гр. Бенкендорфу. **1885.** I. (1), 20—32.

2398. Письма в. князя Константина Николаевича къ В. А. Жуковскому. **1895.** III, (10). 140—146.

2399. Приказъ войскамъ подъ начальствомъ цесаревича Константина Павловича. Сообщ. М. М. Похвисневымъ. **1886.** III, (12), 518—519.

2400. Попытка самозванства въ XIX вѣкѣ. Съ предисл. Владимира Витевскаго. **1878.** II, (8), 483—486. Казакъ Данилъ Наумовъ выдавалъ себя за в. кн. Константина Павловича.

2401. О дѣлѣ Копьева. В. С. Толстаго и Д. А. Чаплина. **1873.** II. (9), 1754—1769.

2402. О Декабристѣ Корниловичѣ. Письмо б. Г. В. Розена къ гр. Бенкендорфу. Сообщ. бар. Д. Г. Розеномъ. **1885.** II, (5), 71—72.

2403. Кончина адмирала Корнилова. (Частное письмо). Сообщ. П. П. Петровымъ. **1867.** (12), 1639—1643.

2404. Высочайшее замѣчаніе барону М. А. Корфу. Сообщено С. А. Панчулидзевымъ. **1905.** I, (2), 371.

2405. Письмо П. С. Котляревскаго къ гр. Бенкендорфу (о голодѣ въ южной Россіи). **1876.** III, (10), 203—204.

2406. Фердинандъ Кристинъ и княжна Туркестанова. **1882.** I, (2), 412—434.

2407. Генералъ Круковецкій. М. Серно-Соловьевича. **1879.** (12), 459—468.

2408. Борьба за старшинство въ чинѣ. Теобальда (В. А. Роткирха). **1886.** III, (12). 515—517. Куприяновъ и Мирковичъ.

2409. О ген.-м. Куткинѣ. **1905.** III, (12), 541—548. Управленіе Пестеля Сибирью.

2410. М. П. Лазаревъ. В. К. Истомина. **1881.** II, (4). 347—361.

2411. Разсказы о М. П. Лазаревѣ. А. П. Хрипкова. **1877.** II, (8), 473—478.

2412. Изъ бумагъ М. П. Лазарева. Письма Русскаго моряка изъ Англіи въ Россію. **1882.** III. (6), 215—225.

2413. Письма М. П. Лазарева къ А. И. Веревкину. Сообщ. Ѳ. М. Сухотинымъ. **1883.** III, (6), 385—590.

2414. Переписка М. П. Лазарева съ кн. А. С. Меншиковымъ. **1881.** II, (4), 361—379. III, (6), 312—384. **1882.** I. (2), 297—332. II, (4). 205—230. **1883.** III, (6). 357—383. Лордъ Дургамъ. Адм. Кодрингтонъ. Капит. Мессеръ. Вице-адмир. Старжевскій. Рафаловичъ. В. И. Истоминъ. Лейт. Метлинъ. Фридерихсъ. В. А. Корниловъ. П. С. Нахимовъ. Саймонсъ. Дохтуровъ. Кн. Викторъ Барятинскій. Волоковъ. Херхеулидзевъ. Авиновъ.

2415. Переписка М. П. Лазарева съ Н. Н. Раевскимъ. Сообщ. М. Н. Раевскимъ. **1882.** II, (3), 133—143.

2416. Воспоминаніе о гр. С. С. Ланскомъ. П. И. Мельникова. **1879.** I, (2), 251—254.

2417. Памяти митроп. Леонтія. С. Звѣрева. **1895.** I, (4), 483—485.

2418. О ген. Лепарскомъ. Къ біографіи Сухинова. М. В. Юзефовича. **1870.** (10), 1927—1936.

2419. Княгиня Ливенъ. Кн. Е. Ѳ. Стрѣшневой-Шаховской. **1904.** II, (6), 302—307. Гизо.

2420. Изъ писемъ къ митроп. Макарію. Сообщ. С. А. Булгаковымъ. **1894.** III, (11), 445—447.

2421. Макарій Глухаревъ и Тобольскіе Декабристы. К. Харламповича. **1904.** I, (2), 235—243.

2422. Серъ Джонъ Макниль. Изъ воспоминаній В. С. Толстаго. **1874.** I, (4). 884—898.

2423. Переписка в. кн. Маріи Николаевны съ В. А. Жуковскимъ. **1895.** II, (8), 421—444.

2424. Письма вел. герцогини Маріи Павловны къ В. А. Жуковскому. **1895.** II, (8), 445—447.

2425. Гр. А. Я. Де-Мезонъ. Д. В. Коломійцева. **1894.** II, (7), 425—426.

2426. А. В. Мельниковъ. Изъ воспоминаній А. Детенгофа. **1905.** II, (8), 542—588. Тотлебенъ. В. Д. Кренке. А. Д. Дрентельнъ.

2427. По поводу воспоминаній Д. В. Ильинскаго. Письмо кн. А. С. Меншикова. **1896.** II, (8), 599—601.

2428. Письма вел. кн. Михаила Павловича къ А. Я. Булгакову. **1873.** I, (3), 0419—0425.

2429. Письма А. Н. Мордвинова къ А. Х. Бенкендорфу. Сообщ. кн. П. Г. Волконскимъ. **1886.** III, (11), 409—419.

2430. Письмо И. М. Муравьева-Апостола къ Е. Ѳ. Муравьевой. Сообщ. Авг. Павл. Сазоновичъ. **1887.** I, (1). 55—58.

2431. М. И. Муравьевъ-Апостолъ. **1886.** II, (5), 143—144.

2432. Политическія записки гр. М. Н. Муравьева-Виленскаго. Сообщ. И. П. Корниловымъ. **1885.** II, (6), 161—199.

2433. Двѣ записки гр. М. Н. Муравьева. **1902.** II, (8), 585—595.

2434. Изъ воспоминаній И. В. Ефимова о гр. Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ. **1899.** III, (12), 570—596. П. Н. Буцинскій.

2435. По поводу статьи Берже о Н. Н. Муравьевѣ-Карскомъ. Ѳ. И. Тимирязева. **1873.** II, (12), 2530—2540.

2436. Письмо къ издателю А. Есакова по поводу письма Н. Н. Муравьева-Карскаго къ А. П. Ермолову. **1874.** I, (3), 764—765.

2437. Поправка. (Объ оставленіи Н. Н. Муравьевымъ намѣстничества на Кавказѣ). П. Брянчанинова. **1885.** III, (12), 565.

2438. По поводу „поправки" П. Брянчанинова. А. Л. Зиссермана. **1886.** I, (2), 147—148.

2439. По поводу воспоминаній о Н. Н. Муравьевѣ. А. Л. Зиссермана. **1892.** I, (4), 510—525. Набѣгъ Шамиля. Самоубійство Александровскаго. П. А. Брянчаниновъ.

2440. По поводу статьи К. А. Бороздина о Н. Н. Муравьевѣ-Карскомъ. А. Л. Зиссермана. **1892.** II, (7), 392—396.

2441. Воспоминанія Н. В. Басаргина о Н. Н. Муравьевѣ-отцѣ. Сообщ. М. Л. Бибиковымъ. **1868.** (4—5), 793—822.

2442. Изъ Записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго. Пребываніе нашихъ войскъ на Босфорѣ. **1868.** (4—5), 733—794.

2443. Письмо Сергѣя Муравьева-Апостола къ его отцу. **1887.** I, (1), 47—52. Письмо С. И. Муравьева-Апостола наканунѣ казни къ брату его. Сообщ. А. П. Сазоновичъ. **1887.** I, (1), 52—54.

2444. Къ біографіи Наполеона Третьяго. Изъ бумагъ В. А. Сороженка. **1872.** (2). 436—438.

2445. П. С. Нахимовъ. А. Б. Асланбегова. **1868.** (3), 373—410.

2446. Письмо П. С. Нахимова къ вдовѣ М. П. Лазарева. Сообщ. гр. Б. А. Перовскимъ. **1868.** (3), 310—412.

2447. Письмо гр. Нессельроде къ гр. Канкрину (о пособіи женѣ и матери А. С. Грибоѣдова). **1872.** (7—8), 1552.

2448. Изъ бумагъ С. Д. Нечаева. **1893.** I, (4), 418—434. II, (5), 135—160. Письма гр. М. С. Воронцова, А. И. Войцеховича, Игнатія Брянчанинова, А. А. Краевскаго.

2449. Райко Ни́коловъ. (Эпизодъ изъ Крымской войны). Хаджи-Искендера. **1897.** II, (5), 172—175.

2450. Анти-Циприпусъ. Воспоминаніе о гр. Н. Н. Новосильцовѣ. П. Кукольника. **1873.** I, (2), 203—204+0193—0200.

2451. В. С. Норовъ. Н. П. Поливанова. **1900.** I, (2), 273—304.

2452. Іосафатъ Огрызко. О. Л. Пржецлавскаго. **1872.** (5), 1031—1055.

2453. Дѣло Окунева. Сообщ. С. А. Панчулидзевымъ. **1905.** I, (1), 177—179.

2454. Письмо гр. В. Д. Олсуфьева къ митроп. Филарету (о Кремлевскомъ колоколѣ). Сообщ. гр. М. В. Толстымъ. **1883.** I, (1), 216.

2455. Два письма гр. В. Д. Олсуфьева къ А. С. Хомякову. **1881.** II, (3), 41.

2456. Письма королевы Ольги Николаевны къ В. А. Жуковскому. **1895.** II, (8), 447—448.

2457. Письма гр. А. А. Орловой къ брату Фотія. **1871.** (1), 244—246.

2458. Два письма кн. А. Ѳ. Орлова къ гр. Бенкендорфу. Сообщ. кн. П. Г. Волконскимъ. **1889.** II, 525—530.

2459. О причинѣ перенесенія въ 1832 году праха князя и гр. Орловыхъ изъ Отрады въ Юрьевъ монастырь. А. Львова. **1896.** II, (6), 273—277.

2460. Гр. А. И. Остерманъ-Толстой. **1878.** I, (3), 360—364.

2461. Замѣтки Отрощепки о послѣдователяхъ Конарскаго. **1869.** (7—8), 1223—1207.

2462. Врачъ И. В. Павловъ. **1900.** I, (3), 442.

2463. Несостоявшееся обращеніе Пальмера въ Православіе. Сообщ. Д. А. Хомяковымъ. **1881.** II, (3), 32—32.

2464. Письмо Пальмера къ А. С. Хомякову. **1894.** III, (11), 433—444.

2465. Письма дьякона Пальмера къ А. С. Хомякову. (Перев. съ Англійскаго). **1895.** II, (7), 257—304.

2466. Два письма Пальмера къ А. С. Хомякову. **1896.** I, (4), 588—600.

2467. Гр. В. Н. Панинъ. Н. П. Семенова. **1887.** III, (12), 537—566.

2468. Ѳ. С. Панютинъ. Л. П. **1891.** II, (5), 118—132. Гр. Шликъ. Бар. Гайнау. Францъ-Іосифъ. Никита Тихановскій.

2469. Поправка къ некрологу Ѳ. С. Панютина. Н. **1886.** I, (2), 222—225.

2470. Къ біографіи фельдмаршала кн. Паскевича. **1891.** III, (10). 270—274.

2471. Письмо гр. Паскевича къ гр. Нессельроде (объ А. С. Грибоѣдовѣ). **1872.** (7—8), 1551.

2472. Копія съ отношенія кн. Паскевича къ гр. Нессельроде. **1887.** III, (12), 535—536. О Варшавскомъ каѳедральномъ соборѣ.

2473. Гр. Б. А. Перовскій. **1881.** III, (6), 475—476.

2474. Гр. В. А. Перовскій. **1878.** I, (3), 373—380. Письма В. А. Жуковскаго. Письмо В. А. Перовскаго къ Ю. Ѳ. Самарину.

2475. О гр. В. А. Перовскомъ. М. Л. Юдина. **1902.** I, (4), 627—636.

2476. Еще о гр. В. А. Перовскомъ. И. Захарьина-Якунина. **1902.** II, (6), 303—305.

2477. Гр. В. А. Перовскій. Его письма къ разнымъ лицамъ. Сообщ.

И. В. Помяловскимъ. **1879.** II, (8), 342—469.

2478. Письма гр. В. А. Перовскаго къ А. Я. Булгакову. **1878.** II, (5), 34—46. (7), 301—320.

2479. Къ бумагамъ гр. В. А. Перовскаго. Сообщ. М. Н. Галкинымъ-Враскимъ. **1879.** III, (10), 242—243.

2480. Бумаги И. Б. Пестеля. Сообщ. Соф. Ив. Пестель. **1875.** I, (4), 369—423. Н. И. Трескинъ. Куткинъ. Передовщиковъ. Горновскій. Свиданія пастора Рейнбота съ П. И. Пестелемъ.

2481. Изъ записокъ В. С. Печерина. Сообщ. Ѳ. В. Чижовымъ). **1870.** (7), 1333—1342. Бар. Розенкампфъ.

2482. Письмо В. С. Печерина къ гр. С. Г. Строганову. **1870.** (11), 2129—2138.

2483. Письма Полѣнова изъ Греціи. Сообщ. И. П. Хрущовымъ. **1885.** III, (9), 98—147. Гр. Арманспергъ. Баронесса Ганъ. Рикордъ. Калержи. Колокотрони. Караискаки. Совершеннолѣтіе Оттона.

2484. Изъ бумагъ А. Н. Попова. **1886.** I, (3), 320—362. Письма къ нему: М. А. Стаховича, А. П. Елагиной, М. В. Кирѣевской, А. И. Кошелева.

2485. А. П. Протасовъ. Изъ воспоминаній Г. П. Смирнова-Платонова. **1897.** III, 109—122.

2486. Письмо гр. Е. В. Путятина къ А. С. Норову. Сообщ. Н. П. Поливановымъ. **1899.** I, (1), 198—199.

2487. Письмо С. Л. Пушкина къ І. М. Пеньковскому. **1890.** I, (3), 438—439.

2488. Декабристъ въ Сибири. Съ предисл. Я. К. Грота. **1879.** III, (12), 469—480. И. И. Пущинъ.

2489. Н. А. Райко. Б. М. Маркевича. **1868.** (2), 297—308.

2490. Письмо Каподистріи къ гр. Бенкендорфу (о Н. А. Райкѣ). **1868.** (2), 313—317.

2491. Письмо Н. А. Райка къ гр. Бенкендорфу. **1868.** (2), 308—315.

2492. І. А. Реутъ. А. Л. Зиссермана. III, (10), 303.

2493. Письмо Ридигера къ Дибичу. **1873.** II, (7), 01339—01343.

2494. Родіонъ Путятинъ. А. Ярцева. **1893.** III, (12), 492—496.

2495. Изъ бумагъ І. И. Ростовцева. Сообщ. Ѳ. П. Еленевъ. **1873.** I, (1), 449—512+XCVII. Отрывокъ изъ моей жизни 1825 и 1826 годовъ. Переписка І. И. Ростовцева съ Е. П. Оболенскимъ.

2496. Письма къ издателю. П. Е. Басистова и К. Д. Кавелина. **1873.** I, (4), 0218—0219. I, (4), 0656—0674. О перепискѣ І. Д. Ростовцева съ кн. Оболенскимъ.

2497. В. Ф. Святловскій и А. П. Хрушовъ. (Архим. Леонида). **1878.** III, (11), 405—408.

2498. Письма Святогорца Серафима къ И. И. Бороздину. **1895.** II, (7), 361—368.

2499. Два письма митроп. Серафима къ гр. Н. А. Протасову. (Изъ бумагъ К. С. Сербиновича). **1878.** (12), 523—524.

2500. Люди прежняго закала. А. М. Симборскій, Динабургскій командиръ. Теобальда (Роткирха). **1888.** III, (10), 271—293.

2501. Г. Я. Скарятинъ и гр. Потоцкая. Н. Я. Скарятина. **1892.** I, (4), 533—535.

2502. О двухъ памятникахъ въ г. Шербура: Скарятину и поэту Петэфи. П. И. Щукина. **1899.** II, (8), 633—634.

2503. Приказы И. Н. Скобелева. Сообщ. Я. О. Орломъ-Ошанцевымъ. **1878.** I, (2), 222—231.

2504. Приказъ И. Н. Скобелева и его отвѣтъ Шалашникову о наказаніяхъ бѣглыхъ солдатъ. Сообщ. архим. Леонидъ. **1882.** II, (3), 144—145.

2505. И. Н. Скобелевъ и прапорщикъ Бракель. Сообщ. Скалономъ, изъ бумагъ ген. Красовскаго. **1878.** I, (2). 231—232.

2506. Изъ воспоминаній о В. В. Скрипицынѣ. Гр. Д. Н. Т(олстаго). **1875**. III. (12), 404—405.
2507. Въ память В. В. Скрипицына. Гр. Д. Н. Толстаго. **1876**. I, (3), 384—392.
2508. Изъ письма В. В. Скрипицына къ гр. Д. Н. Толстому. **1896**. II, (5), 145—146.
2509. Письма Н. П. Слѣпцова къ кн. А. И. Барятинскому. **1889**. I, (1), 261—273.
2510. По поводу разсказа Ахшарумова „Смерть Слѣпцова". А. Л. Зиссермана. **1889**. I, (1), 153—160.
2511. Письма епископа Полоцкаго Смарагда къ И. Ѳ. Глушкову и къ кн. Н. Н. Хованскому. Сообщ. И. С. Аксаковымъ. **1891**. I, (3), 373—384 и **1898**. II, (8), 427 · 440.
2512. Письма Сперанскаго къ А. О. Имбергу. Сообщ. М. А. Цвѣтаевой. **1900**. II, (5), 96 104.
2513. Объясненіе рисунка. Императоръ Николай награждаетъ Сперанскаго. **1885**. III, (10), 304.
2514. Воспоминаніе объ А. Я. Стороженкѣ. Н. И. Ушакова. **1873**. II. (9), 1722—1735.
2515. О кн. А. А. Суворовѣ Рымникскомъ. Н. Н. Титова. **1898**. I, (2), 297.
2516. Кн. А. А. Суворовъ въ Прибалтійскомъ краѣ. А. А. Чумикова. **1890**. III, (9), 58—88.
2517. И. И. Сухиновъ. Одинъ изъ Декабристовъ. **1870**. (4—5), 908—926.
2518. Приказъ И. О. Сухозанета. **1875**. I, (2), 219—221. Поправка И. Липранди. II, (7), 366.
2519. Замѣтка о Д. П. Северинѣ. А. И. **1899**. II, (7), 447—452.
2520. Изъ бумагъ А. Г. Тройницкаго. **1894**. I, (4), 556—594. Письма А. Я. Фабра, В. Н. Каразина, Ф. В. Каразина, А. С. Стурдзы, М. П. Щербинина, А. И. Левшина, С. В. Сафонова, кн. М. С. Воронцова, кн. Е. К. Воронцовой.
2521. Воспоминаніе С. П. Шипова о П. А. Тучковѣ. **1883**. I, (2), 302—307.
2522. Два письма гр. С. С. Уварова къ гр. Бенкендорфу (про Московскій и Дерптскій университеты). **1885**. I, (3), 366—370.
2523. Адмиралъ И. С. Унковскій. Разсказы изъ его жизни. В. К. Истомина. **1887**. I, (1), 129—145. (2), 280—288. II, (5), 117—129. **1889**. III, (10), 205—231.
2524. По поводу невѣрнаго показанія о Ѳадѣевѣ. Н. А. Ѳадѣевой. **1889**. I. (4), 656.
2525. Московскій митроп. Филаретъ. И. У. Палимпестова. **1888**. I, (2), 315—317.
2526. Изъ воспоминаній о митроп. Филаретѣ. **1888**. III, (12), 580—582.
2527. Воспоминаніе о митроп. Филаретѣ. Сообщ. Д. И. Завалишинымъ. **1869**. (7—8), 1177—1184.
2528. Разсказы о митроп. Филаретѣ. П. С. Архангельскаго. **1889**. I, (2), 359—361.
2529. Разсказъ А. Г. Никольскаго (о Филаретѣ). **1888**. I, (2), 317—320.
2530. Разговоръ съ Филаретомъ. Н. И. Кедрова. **1889**. II, (7). 462—464.
2531. Предки Филарета. И. Н. Корсунскаго. **1894**. II, (5), 23—44.
2532. Филаретъ о назначеніи духовныхъ лицъ въ Государственный Совѣтъ. **1904**. I, (2), 365—366.
2533. Молитва Филарета, написанная для импер. Маріи Александровны. **1895**. II, (6), 216—217.
2534. Замѣчанія Филарета на конспектъ канонического права. **1878**. II. (5), 126—128.
2535. Двѣ записки Филарета о раскольническомъ и единовѣрческомъ духовенствѣ. **1889**. II, (6), 292—303.
2536. Предписаніе Филарета о предоставленіи викарію ключа отъ государственныхъ актовъ въ Успенскомъ соборѣ. **1899**. I, 3, 521.

2537. Резолюція Филарета (про обѣтъ трезвости). **1906.** I, (4), 612.

2538. Отношенія Филарета къ Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ. И. Н. Корсунскаго. **1887.** III. (10), 200—208.

2539. Письмо Филарета о живописи. **1894.** II, (5), 129—138 съ примѣчаніемъ Д. А. Х.

2540. Изъ разсказовъ Филарета. Записано В. А. Мухановымъ. **1897.** I, 113—115.

2541. Письмо Филарета къ Александру Павловичу. Сообщ. К. П. Побѣдоносцевымъ. **1889.** II, (8). 577—578. Объ основателѣ секты „Духоносцевъ", Донскомъ есаулѣ Котельниковѣ. Письма къ митрополиту Филарету И. Рушковскаго и митроп. Серафима.

2542. Филаретъ въ его письмахъ къ архим. Антонію. **1877.** III, (11), 311—320.

2543. Письма Филарета къ архіеп. Антонію. **1892.** II, (7), 387.

2544. Записочка Филарета къ А. Я. Булгакову. Сообщ. П. С. Киселевымъ. **1874.** II, (9), 637.

2545. Записочки Филарета къ Е. П. Глазовой. Сообщ. княг. О. С. Одоевскою. **1883.** I, (1), 217—220.

2546. Письмо Филарета къ кн. Д. В. Голицыну о засѣченномъ семинаристѣ въ Коломнѣ. Сообщ. Е. Н. Муромцевою. **1905.** III, (12), 536—540.

2547. Письма Филарета къ епископу Евгенію. **1896.** II, (6), 161—176.

2548. Письмо Филарета къ архіепископу Херсонскому Иннокентію. Сообщ. Г. А. Тройницкимъ. **1896.** II, (8), 597, 1906, I. (4), 612.

2549. Письма Филарета къ Иннокентію Камчатскому. (Сообщ. И. П. Барсуковымъ). **1881.** II, (3), 24—31.

2550. Письма Филарета къ С. Д. Нечаеву. **1893.** (1). 42—48, (2), 120—146, (3), 211—229.

2551. По поводу писемъ Филарета къ С. Д. Нечаеву. **1893.** I, (2), 118—119.

2552. Письма Филарета къ Ѳ. Я. Репнинскому. **1891.** I, (2), 285—288.

2553. Письмо Филарета къ гр. Н. А. Протасову. **1876.** III, (10), 175—177.

2554. Письмо Филарета къ Е. А. Толстой (о смерти вел. кн. Александры Николаевны). Сообщ. священ. Н. А. Толстымъ. **1894.** III, (12), 565—566.

2555. Письма Филарета къ Е. М. Хитровой и къ ея дочерямъ. **1895.** II, (5), 86—91.

2556. Филаретъ архіеп. Черниговскій. И. С. Листовскаго. Съ портретомъ **1887.** II, (8), 417—468. III, (9), 43—112, (10), 209—264, (11), 313—392. Конабѣевскій юродивый. Происхожденіе. Предвѣщаніе Серафима Саровскаго.

2557. Воспоминанія о Г. И. Филипсонѣ. **1884.** II, (3), 121—127.

2558. Объ архим. Фотіи. В. Соловьева. **1898** II, (8), 652—653.

2559. Письма Фотія къ С. Д. Нечаеву. Сообщ. Д. С. Нечаевымъ. **1896.** I, (4), 565—570.

2560. Изъ моей служебной дѣятельности. Хаджи-Искендера **1897.** I, (3), 490—491. Поимка Солейманъ-хана.

2561. Н. Н. Хитрово и ея семейство. Гр. М. В. Толстаго. **1894.** I, (2), 209—213.

2562. Баронъ Х. Х. фонъ-деръ-Ховенъ. И. А. Зенгбуша. **1890.** II, (6), 283—288.

2563. О декабристѣ гр. З. Г. Чернышовѣ. Н. Г. Малиновской. **1903.** I, (1), 142.

2564. Еще о декабристѣ гр. З. Г. Чернышовѣ. Г. Юнкера. **1903.** I. (2), 284—287.

2565. По поводу статей о декабристѣ гр. Чернышовѣ. Гр. И. И. Чернышова-Кругликова. **1903.** I. (4), 615.

2566. М. Г. Черняевъ. Во время Русско-Турецкой войны. Сообщ. А.

М. Черняевой. **1906**. I, (3), 449—458.

2567. Черняеву (стихи). А. **1906**. I, (3), 487.

2568. Н. Д. Чертковъ. С. Звѣрева. **1895**. III, (11), 369—400.

2569. Плѣнный Шамиль передъ кн. Барятинскимъ. (Объясненіе картинки). **1889**. II, (5), 157—158.

2570. Джемалъ-Эддинъ. Б. Герцыка. **1890**. III, (9), 105—106.

2571. Воспоминаніе о Н. В. Шеншинѣ. **1864**. (1), 78—90.

2572. Разсказъ Н. В. Шеншина о поѣздкахъ его на Аландскіе острова. Письмо къ кн. Н. А. Орлову. **1863**. (12), 917—928.

2573. Дополненія къ разсказу Н. В. Шеншина. Вадима Романова. **1864**. (5—6), 624—627.

2574. Графъ Г. П. Шуваловъ. Изъ воспоминаній одной дамы. **1897**. III, (11), 375—376.

2575. О кн. Николаѣ Григорьевичѣ Щербатовѣ. А. А. Голомбіевскаго. **1906**. III, (12), 624.

2576. Письмо декабриста А. И. Якубовича. **1893**. III, (11), 381—383.

2577. Анекдоты о генералѣ Ѳедоренкѣ. Теобальда (Роткирха). **1886**. III, (10), 266—267.

2578. Поправка о ген. Ѳедоренкѣ. М. Ѳедоренка. **1886**. III, (12), 517—518.

Александръ Николаевичъ.

2579. Воспоминаніе объ Александрѣ Николаевичѣ. В. Донецкаго. **1898**. II, (7), 472—479.

2580. Отроческое сочиненіе Александра Николаевича. И. М. Остроглазова. **1891**. III, (12), 613—614.

2581. Императору Александру Николаевичу. Стихи К. С. Аксакова, **1898**. III, (11), 440.

2582. Имп. Александръ Второй въ Кіевѣ въ 1857 г. А. Г. **1904**. III, (10), 298—302.

2583. Къ торжеству 16 Августа 1898 г. (Отъ „Русскаго Архива“). **1998**. II, (8), 655.

2584. О памятникахъ Александрамъ Второму и Третьему. (Изъ письма къ И. В. Цвѣтаеву). **1898**. II, (6), 335.

2585. Памятникъ Александру Второму и Московскій Публичный Музей. Ю. П. Бартенева. **1898**. III, (10), 263—266.

2586. О кормилицѣ императора Александра Николаевича. Письмо Д. П. Трощинскаго къ гр. Д. Н. Шереметеву. **1902**. I, (2), 361.

2587. Къ исторіи крестьянства на Руси. Н. П. Семенова. **1895**. III, (12), 508—516.

2588. Изъ временъ крѣпостного права. Аркадія Слѣпцова. **1897**, I, (1), 179.

2589. Изъ жизни Витебскихъ крестьянъ. М. П. Щербинина. **1872**. (7—8), 1577—1595.

2590. Письмо уѣзднаго предводителя къ мѣстному дворянину. **1883**. II, (3), 79—80.

2591. Для исторіи упраздненія крѣпостного права. Записка гр. С. С. Ланскаго. Съ предисл. Н. И. Семенова. **1869**. (7—8), 1362—1376.

2592. Объ отмѣнѣ крѣпостного права. Письмо А. С. Хомякова къ гр. І. И. Ростовцеву. **1876**. I, (3) 277—296.

2593. Земледѣльческія порядки до и послѣ упраздненія крѣпостного права. Д. А. Столыпина. **1874**. I, (5), 1369—1374.

2594. Нелѣпые толки и надежды помѣщичьихъ крестьянъ. Корибутъ-Дашкевича. **1874**. II, (8), 451—458.

2595. Изъ памятныхъ замѣтокъ стараго гвардейца. **1892**. I. (1), 139—141.

2596. Эпизоды изъ введенія положенія 19 го Февраля, Н. А. Рѣшетова. **1885**. III, (10), 273—286. Крестьяне М. П. Щербинина.—Сѣнныя дѣвушки М. П. Тиньковой.—П. А. Харкевичъ.

2597. Первые шаги освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ. Ѳ. П. Еленева. **1886.** II, (7), 353—404. Бумаги *І.* И. Ростовцова и его записка о размолвкѣ съ М. П. Позеномъ.

2598. Послѣдняя записка по крестьянскому дѣлу І. И. Ростовцева. Сообщ. Н. П. Семеновымъ. **1868.** (7—8), 1213.

2599. Къ исторіи раскрѣпощенія крестьянъ. И. С. Листовскаго. **1891.** I, (4), 509—512.

2600. О желаніяхъ Русскаго дворянства. Съ запиской М. А. Безобразова и отмѣтками на ней Александра Николаевича. Съ предисл. Н. П. Семенова. **1888.** III, (12), 601—615.

2601. Чего не достаетъ? А. Ѳ. Томашевскаго. **1882.** I, (2). 380—382.

2602. 5-е Марта 1861 года. Стихи Русскаго дворянина. (Изъ рукописей кн. В. Ѳ. Одоевскаго). **1871.** (1), 186.

2603. Либеральный помѣщикъ. Отголоски Польской пропаганды въ Нижегородской г. П. Л. Юдина. **1897.** III, (9), 144—147.

2604. Объ отмѣнѣ крѣпостного права. Письмо И. С. Аксакова. Собщ. М. В. Бейеръ. **1891.** II, (6), 297—299.

2605. Письмо А. С. Хомякова въ чужіе края о раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ. **1899.** I, (2). 261—364.

2606. Изъ дневника сельскаго конторщика. **1897.** III, 134—138.

2607. Эпизодъ изъ исторіи Калужскаго крестьянства. Гр. М. Д. Бутурлина. **1876.** III, (10), 245—254.

2608. Къ исторіи упраздненія крѣпостного права въ Россіи. Н. П. Семенова. **1874.** II, (8), 439—451.

2609. О безпорядкахъ въ Пензенской губерніи. Записка ген.-м. Дренякина. Сообщ. И. Н. Горсткинымъ. **1896.** III, (11), 313—326. Поправка Н. Зехтена. (12), 636.

2610. Къ исторіи раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ. Показанія г.-ад. А. Е. Тимашева. **1887.** II, (6), 259—262.

2611. Записка кн. А. М. Дондукова-Корсакова о землѣ войска Донского. Съ предисловіемъ А. А. Карасева. **1896.** III, (12), 569—592.

2612. О дробленіи поземельной собственности. Письмо кн. В. А. Черкасскаго кн. С. Н. Урусову. **1884.** II, II, (4), 270—279.

2613. 19-е Февраля 1872 г. (памяти Н. А. Милютина). Ѳ. И. Тимирязева. **1872.** (3—4), 0866—0872.

2614. Записка гр. К. В. Нессельроде о политическихъ соотношеніяхъ Россіи. Составлена бар. П. К. Мейендорфомъ. Изъ бумагъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго. **1872.** (2), 337—344.

2615. По поводу записки гр. Нессельроде. В. С. Неклюдова. **1872.** (2), 345—350.

2616. Мнимый Англійскій трофей. Заявленіе Д. В. Ильинскаго. **1893.** I, (3), 322.

2617. Походъ 1859 г. Изъ Записокъ В. А. Инсарскаго. **1868.** (7—8), 1245—1318.

2618. Частное письмо о взятіи Шамиля. Гр. А. В. Орлова-Давыдова. **1869.** (6), 1045—1063.

2619. Къ исторіи Дагестана. Е. И. Козубскаго. **1896.** III, (9), 101—131. Письма: кн. А. И. Барятинскаго, барона А. Ч. Врангеля, Д. А. Милютина, кн. Меликова. Семейство Шамиля. Письмо къ Шамилю изъ Константинополя. Абдурахманъ.

2620. Изъ Дагестанской старины. Е. И. Козубскаго. **1897.** III, (11), 379—388. Бар. А. Е. Врангель. Ф. Е. Коцебу.

2621. 1858 годъ на Амурѣ. Шуточные стихи. **1896.** III, (10), 288—289.

2622. Солдатская пѣсня 1861 г. Съ примѣчаніями современника-очевидца. **1884.** III, (5), 120—132

Кн. М. Д. Горчаковъ.—Татаркевичъ.

2623. Записка С. А. Хрулева о походѣ въ Индію. **1882.** III, (5), 42—66.

2624. Къ воспоминаніямъ о Варшавскомъ мятежѣ 1861 — 1864 г. А—ова. **1886.** II, (7), 349—352.

2625. Польскій мятежъ 1863 г. Письмо къ имп. Александру Николаевичу отъ старообрядцевъ Преображенскаго Богадѣленнаго дома (и рѣчь имп. Александра Николаевича). **1889.** II, (5), 159.

2626. Изъ письма В. П. Боткина. **1872.** (5), 1055—1056. О Польскомъ мятежѣ.

2627. Воспоминанія о Польскомъ мятежѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. (По разсказамъ г.-а. Ганецкаго). И. П. Корнилова. **1899.** II, (7), 369—422.

2628. Военное положеніе въ Царствѣ Польскомъ 1863 г. Сообщ. В. А. Истоминымъ. **1903.** III, (9), 35—81.

2629. Поѣздка по нѣкоторымъ мѣстностямъ Царства Польскаго въ Октябрѣ 1863. (Статья Ю. Ѳ. Самарина). Сообщ. Н. А. Милютинымъ. **XIX Вѣкъ** I, 282—311.

2630. Повстанье въ Гроднѣ. Врача И. А. Митропольскаго. **1895.** I. (1), 129—155.

2631. Славянскіе гости у Русскаго царя (14 Мая 1867 г.). Изъ книги Сербскаго писателя Миличевича. **1885.** I, (4), 644—648.

2632. Колокола. По поводу рѣчи Ригера на Славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ 1867 г. Стихи И. И. Ханенки. **1881.** III, (6), 446—447.

2633. Мнѣніе Декабриста б. Розена объ Эстляндскихъ дѣлахъ. Съ предисл. М. Н. Галкина-Враскаго. **1885** I, (4), 641—643.

2634. Наша политика наканунѣ Франко-Прусской войны 1870 года. (По Запискамъ Ротана) Сообщ. А. А. Чумиковъ. **1894.** II, (7), 305—324.

2635. Кто „взялъ“ въ 1873 г. Хиву? П. Л. Юдина. **1896.** I, (1). 97—99. Здѣсь пѣсня Покорителю Хивы Веревкину.

2636. Англичане въ заливѣ Посьета. Сообщ. Л. М. Савеловымъ. **1889.** III. (12), 610—611.

2637. Наканунѣ нашей послѣдней войны. Письмо предсѣдателя Московскаго Славянскаго Комитета къ уполномоченному отъ Комитетовъ Московскаго и Петербургскаго. Сообщ. Н. И. Браилко. **1897.** II, (6), 257—282.

2638. Изъ походныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ. С. Д. Кожухова. **1870.** (11), 2044—2069.

2639. Наканунѣ войны съ Турціей. Три письма одного изъ государственныхъ дѣятелей. **1904.** III, (12) 606—608.

2640. Отъ Дуная до Царьграда. В. В. Воейкова. **1899.** III, (11). 321—365, (12), 492—548. **1900.** I, (1), 42—78 (2), 209—245.

2641. Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—1878 г. Д. В. Бартенева. **1900.** II, (5) 75 — 81; II, (6), 172—175; **1901.** I. (4), 609—628, (5), 137—144; **1902.** (7), 477—488.

2642. Изнанка войны. Александра Молотова. **1905.** III, (9), 70—98.

2643. Разсказъ раненаго подъ Плевной. П. Н. Обнинскаго. **1892.** III, (12), 471—476.

2644. По поводу одного солдатскаго разсказа. А. Л. Зиссермана. **1893.** I, (2), 169—178.

2645. Мой отвѣтъ А. Л. Зиссерману. П. Н. Обнинскаго. **1893.** I, (3), 305—308.

2646. Кавказская рота. А. Л. Зиссермана. **1884.** III. (6), 442—446.

2647. Апологія А. И. Руновскаго. **1886.** III, (12), 528—530.

2648. Знаменательный циркуляръ. (В. Князя Константина Николаевича). Съ современнаго списка, снятаго рукою князя В. Ѳ. Одоевскаго. **1883.** III, (5). 201.

2649. О письмѣ адм. Бутакова къ кн. Барятинскому про наше распространеніе въ Закаспійскомъ краѣ. М. Г. Черняева. **1889.** III, (10), 272.

2650. Къ исторіи сношеній съ иновѣрцами. Сообщено К. П. Побѣдоносцевымъ. **1894.** (5), 5—24. Письма Е. И. Попова къ гр. А. П. Толстому, В. П. Полисадова, Пальмера.

2651. Чудовищная сцена въ Ревелѣ А. Ч.... (А. А. Чумикова) **1883.** (6), 0244—0248.

2652. Ревельское кровопролитье 1858 года. *** (Сообщ. А. А. Чумиковымъ). **1901.** III, (12), 569—570.

2653. Къ исторіи христіанства у иновѣрцевъ Оренбургскаго края. (Памяти прсосв Діонисія). П. Л. Юдина. **1900.** II, (7), 383—401.

2654. Письма объ Амурскомъ краѣ. **1895.** I, (3), 373—40. Посольство гр. Путятина въ Китай.

2655. Любопытныя показанія о нѣкоторыхъ представителяхъ Московскаго образованнаго общества (1858—1859). **1885.** II, (7), 447—452.

2656. Гарибальди про Русскій народъ. Н. Весселя, съ приложеніемъ автографа. **1885.** III, (5), 72—74.

2657. Къ Сербамъ. Посланіе изъ Москвы А. С. Хомякова. **1876.** III, (9), 104—127.

2658. По поводу Греко-Болгарской распри. **1878.** II, (7), 335—352.

2659. Торжество тысячелѣтія Россіи въ 1862 г. Гр. М. В. Толстого. **1892.** I, (4), 526—532.

2660. Къ двадцатипятилѣтію Россійскаго Общества Краснаго Креста. Н. Б. Алмазова. **1892.** II, (7), 360—381.

2661. Дѣло о подложныхъ манифестахъ Ѳ. Кудринскаго. **1898.** I, (2), 310—113.

2662. Къ дѣлу о Симбирскихъ пожарахъ 1864 г. А. Л. Зиссермана. **1891.** III, (9), 165—176. Бар. А. Е. Врангель.

2663. О введеніи Русскаго языка въ католическое богослуженіе. **1874.** I, (5), 1262—1270.

2664. Чешскій фабрикантъ въ Курской арестантской ротѣ. А. Танкова. **1898.** II, (8), 518—521.

2665. Поѣздка въ Черногорію ф.-ад. И. Н. Толстаго. **1886.** I, (4), 438—444.

2666. Корпусъ военныхъ топографовъ. Бар. Х. Х. Ховена. Съ предисл. В. К. Попандопуло. **1891.** II, (6), 154—160.

2667. По уніатскому дѣлу. Замѣтка Л. Словачевскаго. **1875.** II, (7), 355—365.

2668. О выселеніи Татаръ изъ Крыма. Донесеніе кн. С. М. Воронцова. **1906.** II, (7), 439—444.

2669. Недавняя старина. Поѣздка въ Сербію. Г. Деволлана. **1879.** II, (7), 339—376.

2670. Исторія Донской исторіи. А. А. Карасева. **1898.** III, (12), 593—599. Записка, поданная атаману Краснокутскому.

2671. Черты военнаго быта на Дальнемъ Востокѣ. Л. М. Савелова. **1895.** I, (3), 401—408. Договоръ, между Японіею и Кореею 2 Февраля 1876 г.

2672. Записка о перемѣнѣ образа правленія въ Россіи. Сообщ. В. А. Кокоревымъ. **1906.** II, (6), 307—320.

2673. Кому нужна и кому страшна конституція? Сообщ. М. В. Юзефовичемъ. **1881.** III, (6), 433—435.

2674. Объ общественномъ воспитаніи въ Россіи. Статья А. С. Хомякова. **1879.** I, (1), 114—131.

2675. О цензурѣ въ Россіи. Письмо Ѳ. И. Тютчева. **1873.** I, (4), 607—622.

2676. Воспоминанія „старыхъ Кавказцевъ". Е. И. Козубскаго. **1903.** II, (5), 140—144. Александръ Дюма на Кавказѣ.

2677. Къ исторіи театральной цензуры. Записка П. С. Ѳедорова. Сообщ. И. Ѳ. Горбуновымъ, съ предисл. А. Ярцева. **1896.** I, (4), 618—628.

2678. Объ открытіи М. М. Корфомъ библіотеки II-го Отдѣленія. **1863**. (2), 176.

2679. Лицейская годовщина 19 Октября 1865 г. **1866**. (1), 127—131. Стихи Я. К. Грота.

2680. Росписаніе уроковъ въ классической гимназіи 1871 г. Сообщ. А. П. К. **1902**. I, (4), 704.

2681. Обученіе древнимъ языкамъ въ Россіи. Письмо М. П. Погодина къ кн. А. И. Васильчикову. Сообщ. П. Г. Погодинымъ. **1902**. I, (1), 162—188.

2682. Къ свѣдѣніямъ объ Украино-Славянскомъ Обществѣ. М. К. **1893**. II, (7), 399—406.

2683. Великому Князю Александру Александровичу, при поднесеніи трости кн. Г. А. Потемкина. Стих. Д. П. Ознобишина, съ послѣсловіемъ. **1877**. III, (9), 3—4.

2684. Письмо Н. Н. Анненкова къ М. В. Юзефовичу. **1883**. III, (5), 203—204. По поводу Польскаго всеподданнѣйшаго адреса.

2685. Письмо архим. Антонія къ кн. В. А. Черкасскому. **1878**. III, (10). 256.

2686. Воспоминаніе о г.-л. М. Н. Бердяевѣ. А. Бердяева. **1902**. II, (5), 148—149.

2687. Гр. В. А. Бобринскій. Его поѣздка въ Балтійскій край. Съ предисл. кн. Д. Д. Ободенскаго. **1898**. III, (12), 583—592.

2688. П. И. Булгаковъ. П. Рязанцева. **1903**. III, (11), 509—510.

2689. Архіеп. Варлаамъ (о церковномъ кругѣ). С. Артоболевскаго. **1893**. III) (10), 291—314.

2690. Воспоминаніе о кн. А. Н. Волконскомъ. В. В. Ильина. **1878**. III, (10), 251—254.

2691. Г. А. Вульфертъ. А. М. Черняевой. **1906**. III, (9), 147—154.

2692. Два слова объ архіеп. Рязанскомъ Гавріилѣ. А. П. Мансурова. **1900**. Ш, (11), 426—428.

2693. Прошеніе молоканина Гаркина, объ исключеніи изъ православія. Сообщ. О. Кудринскій. **1901**. I, (4), 629—630.

2694. О загадочной кончинѣ А. Д. Герштенцвейга. Теобальда. (Роткирха). **1887**. II, (8), 528—534.

2695. Изъ писемъ къ А. В. Головину. **1898**. Ш, (9), 150—152. Князя И. И. Васильчикова. Гр. Е. В. Сальясъ.

2696. Письмо архим. Гурія къ И. Г. Терсинскому о переводѣ Новаго Завѣта на Китайскій языкъ. Сообщ. С. А. Петровскій. **1894**. I, (1), 97—98.

2697. Изъ письма преосв. Гурія къ И. У. Палимсестову. О переводѣ Новаго Завѣта на Китайскій языкъ. **1893**. Ш, (11), 394.

2698. Сотникъ Горбатко и его сподвижники. Н. И. Вишневецкаго, съ послѣсл. И. У. Палимсестова. **1889**. Ш, (11), 253—375.

2699. Епископъ Симбирскій Евгеній. **1893**. II, (6), 284—287.

2700. Встрѣча моя съ А. П. Ермоловымъ. Н. В. Берга. **1872**. (5), 985—992.

2701. В. П. Зубковъ. К. П. Побѣдоносцева. **1904**. I, (2), 301—305.

2702. Н. И. Ильминскій. Съ его портретомъ. И. С. Листовскаго. **1898**. Ш, (10), 267—293.

2703. Черта изъ жизни митр. Иннокентія. В. В. Марковникова. **1899**. Ш, (11), 469—475.

2704. Иннокентій Таврическій. Его послѣдняя поѣздка въ Крымъ и предсмертные дни. (Протоіерея Андрея Логиновскаго). **1896**. Ш, (9), 59—77. Дополненіе В. Виддинова. **1897**. II, (5), 176.

2705. Московскій митроп. Иннокентій о дѣтскомъ воспитаніи. **1881**. II, (4), 411—420.

2706. Письма митр. Исидора къ кн. А. И. Барятинскому. Съ прим. А. А. Зиссермана. **1893**. I, (4), 400—413.

2707. Письмо Шведскаго короля Карла XV къ Н. А. Мартынову. **1895**. II, (5), 121—122.

трижды натирали ротъ солью, и еще, что въ глубокую старину Московиты (которыхъ онъ зоветъ Мосхами) хранили своихъ покойниковъ на чердакахъ. Говоря о книжномъ просвѣщеніи въ Москвѣ, Рейтенфельсъ называетъ думнаго дьяка Лукьяна Тимофѣевича Голосова, который усердно занимался Латинскою наукою и завѣдывалъ врачебною частью; про Нащокина-сына сказано, что онъ много путешествовалъ и обозрѣлъ почти всю Европу, превосходно владѣлъ, одинъ изъ всей Русской знати, не только Латинскимъ, но и Французскимъ и Нѣмецкимъ языками.

Царь Алексѣй Михаиловичъ изображенъ у Рейтенфельса съ большимъ сочувствіемъ. При немъ даже магометане строили себѣ мечети. Лютеранамъ и Кальвинистамъ не дозволялось лишь звонить къ богослуженію. „Только Римскимъ католикамъ до сихъ поръ не разрѣшено имѣть своего священника въ Москвѣ, хотя немало Католиковъ, всѣхъ подраздѣленій, занимаютъ у Русскихъ какъ военныя, такъ и гражданскія должности“. (Нынѣ въ Москвѣ двѣ Католическія церкви, и на Малой Грузинской воздвигнутъ громадный костелъ). Чрезъ посредство чиновниковъ-католиковъ, говоритъ Рейтенфельсъ въ своей тайной запискѣ, открытой Пирлингомъ, можно будетъ сблизиться съ Русскими сановниками. „Матвѣеву надлежитъ обязательно сдѣлать подарокъ, да и царю поднести какой-либо болѣе замысловатый, чѣмъ цѣнный подарокъ“. Отъ этого, можетъ быть, у Матвѣева было несмѣтное множество дорогихъ пожитковъ, которые перечислены въ большой, нынѣ изданной описи, составленной при отправленіи его въ Пустозерскъ. Остатки должны храниться у князей Мещерскихъ и у Самариныхъ, происходящихъ отъ одной изъ внучекъ знаменитаго Артамона Сергѣевича (на котораго Дмитрій Ѳедоровичъ Самаринъ даже походилъ лицомъ). Неужели ни у кого изъ нихъ не сбережены письма царя Алексѣя Михаиловича, упоминаемыя Н. И. Новиковымъ въ предисловіи къ книгѣ: О невинномъ заточеніи боярина Матвѣева?

Въ заключеніе Рейтенфельсъ говоритъ про единодушіе Русскихъ людей въ дѣлѣ благочестія и какъ будто отчаевается въ возможности совратить ихъ къ папству. Но попытки такого совращенія не прекращались. Когда у Бурбоновъ явилась для того мысль женить великаго князя Константина Павловича на принцессѣ Неаполитанской, Екатерина писала: „Греческая вѣра въ соединеніи съ Латинскою вовсе не можетъ быть пріемлемою золотою серединою. Греческая вѣра должна быть исповѣдуема искренно и безъ затаенныхъ мыслей. Латинское или Греколатинское наслѣдіе, покуда я жива, никогда не будетъ допущено; никакой Латинскій наставникъ не получитъ доступа въ мою семью; папа всегда напрасно интригуетъ, разсчитывая подъ какимъ нибудь предлогомъ добиться главенства въ Россіи; его и теперь, точно такъ же какъ въ былыя времена, выпроводили бы отъ насъ каменьями“. Но Рейтенфельсу за его сказанія Русская историческая наука должна быть благодарна. П. Б.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907 года.

(Годъ 45-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1907 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 50 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Московскіе подписчики 1907 года, покупая вмѣстѣ и весь 1906 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1908-МЪ ГОДУ НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907

12.

Стр.

449. Къ исторіи Московскаго военнаго госпиталя. Письма доктора **Видлоо** къ Петру Великому (1710—1715).

460. Извѣтъ **Третьяковскаго** на Сумарокова. (1755).

463. Письмо **Сумарокова** къ Бельмонти. (1770).

464. Письмо **его же** къ императрицѣ Екатеринѣ (1774).

464. Письмо **Державина** къ князю С. Н. Долгорукому (1810).

465. Библіографія сочиненій А. П. Левитова. **И. Гнездова.**

471. Записки пресвященнаго **Леонида** (Февраль—Мартъ 1865).

481. **Митрополитъ Іоанникій** въ его письмахъ къ И. Г. Терсинскому (1867—1873) съ предисловіемъ **С. Петровскаго.**

489. Московское купечество XVIII и XIX вѣковъ. **Н. П. Чулкова.**

502. Пекинская духовная миссія. Донесенія **архим. Гурія** (1859 и 1861).

513. Отзывы **Наполеона** на островѣ Св. Елены объ его отношеніяхъ къ Россіи и къ Полякамъ, записанные **графомъ Ласказомъ.**

527. Страничка изъ времени Польскаго возстанія 1863 года (частное письмо **А. Рязанова**).

530. Къ воспоминаніямъ А. П. Салтыковой. М. К. Соколовскаго.

532. Письма **П. М. Леонтьева** изъ за границы къ С. П. Шевыреву.

539. Письма Болгарина **С. В. Филаретова** къ С. П. Шевыреву.

547. Къ сорокалѣтней памяти о митрополитѣ Филаретѣ: **М. Н. Каткова** о 50-лѣтнемъ его юбилеѣ, **И. С. Аксакова** о его кончинѣ, **Д. Х.** о значеніи его для духовенства, и воспоминаніе о немъ **П. В.** Внутри сорочки: по поводу книжки г-на Аѳанасьева объ учрежденіи Музея 1812 года въ Москвѣ.

Приложены листы **Предметной Росписи** „Русскаго Архива“ за первыя 45 лѣтъ изданія (1863—1907 годы): царствованія Николая Павловича, Александра Николаевича и Александра Александровича.—Писатели).

Отдѣльныя книжки „Русскаго Архива“ *прежнихъ* (до 1906) годовъ можно получать по **50** копѣекъ за книжку съ пересылкою 75 к. Прилагаемая нынѣ „Предметная Роспись“ даетъ возможность находить въ какой книжкѣ находится искомая статья.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи
на Страстномъ бульварѣ.
1907

В. Афанасьевъ. Гдѣ быть музею 1812 года? М. 1907. 8-ка, 27 стр. съ изображеніемъ медали Отечественной войны и проекта памятника 1812 года въ Москвѣ изъ отбитыхъ непріятельскихъ орудій.

Небольшая, но многосодержательная книжка. Сочинитель пишетъ краснорѣчиво и убѣдительно, можетъ быть, и потому, что имѣетъ знаменитую медаль „Не намъ, не намъ а имени Твоему", унаслѣдованную имъ отъ его родителя. Весьма справедливо говоритъ онъ: „Много драгоцѣнныхъ сокровищъ эпохи 1812 года разсѣяно по лицу Россіи и скромно украшаютъ далекія дворянскія усадьбы, ожидая въ неизвѣстности своей участи. Оказывается, что, при желаніи даже, некуда и направить тѣ семейные документы прошлаго вѣка, изъ нѣкогда гремѣвшихъ Подмосковныхъ, Саратовскихъ, Тамбовскихъ и другихъ помѣстій, исчезающихъ мало-по-малу съ лица земли". Къ тому же надо сознаться, что мы вообще неключимы въ нашей неизъявительности. Скромность есть добродѣтель, но и для нея нужна мѣра, особливо въ виду чрезмѣрной и почти наглой показности иностранцевъ.

Мысль объ учрежденіи Музея 1812 года благоугодна Государю, державному Предсѣдателю Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, которое издало уже нѣкоторыя бумаги одного изъ участниковъ великихъ событій 1810— 1814 годовъ, князя А. И. Чернышова. Въ 1902 г. Онъ изволилъ утвердить докладъ о томъ бывшаго военнаго министра (Куропаткина?) и приказалъ составить для того комиссію подъ предсѣдательствомъ Обручева. Но дѣло замедлилось, хотя одинъ изъ членовъ комиссіи Веденяпинъ посыланъ былъ въ Берлинъ знакомиться съ устройствомъ Берлинскаго королевскаго цейхгауза (!). Въ нынѣшнемъ году комиссія вновь дѣйствуетъ и предсѣдательство возложено на генерала Н. Н. Сухотина, который устроивалъ въ Петербургѣ Суворовскій музей.

В. А. Аѳанасьевъ приводитъ цѣлый рядъ вѣскихъ доводовъ, по которымъ Музею 1812 года слѣдуетъ быть въ Москвѣ. Онъ указываетъ и мѣсто для него, близъ Храма-Спасителя на Волконкѣ, сообщаетъ что И. И. Колесниковъ уже пожертвовалъ для того крупныя деньги, доказываетъ убѣдительно, что въ средствахъ для сооруженія недостатка не будетъ. Московская городская Дума отправила всеподданнѣйшее прошеніе о бытіи этого Музея въ Москвѣ.

Намъ кажется, что могло бы возникнуть два Музея 1812 года, одинъ въ Москвѣ, другой въ Петербургѣ. Вѣдь въ наши дни такія просвѣтительныя учрежденія, какъ музеи и библіотеки, приносятъ настоящей пользы, пожалуй, больше, нежели чтенія иныхъ университетскихъ преподавателей, о которыхъ иногда, и особливо въ нынѣшнее плачевное время, вспоминаются стихи Державина:

Ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тьмятъ вѣжды.

Между тѣмъ какъ въ университетахъ молодые люди часто занимаются не своимъ дѣломъ, внимая рѣчамъ,

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„РУССКІЙ АРХИВЪ“

1908 года.

(46-й годъ изданія).

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1908 году, попрежнему, двѣнадцать разъ въ годъ, выпусками отъ 10 до 12 листовъ (большею частью крупной печати) или тремя большими книгами (каждая съ особымъ счетомъ страницъ) по четыре выпуска въ книгѣ.

Съ основанія въ 1863 году и до сихъ поръ изданіе „Русскаго Архива“ находится въ однихъ и тѣхъ же рукахъ.

Въ составъ „Русскаго Архива“ входятъ, кромѣ статей историческихъ, записокъ, біографій, дневниковъ — извлеченія изъ писемъ или въ полномъ видѣ письма достопамятныхъ людей Русской

земли, такъ какъ въ этого рода показаніяхъ всего нагляднѣе и живѣе выражается минувшее. Историческіе документы сопровождаются примѣчаніями и поясненіями.

Съ 5-го выпуска 1907 года къ „Русскому Архиву“ послѣдовательно прилагается **Предметная Роспись** его содержанію за 45 лѣтъ. Ея уже вышло 18 полулистовъ. Окончаніе этой Росписи и затѣмъ Азбучный къ ней Указатель появятся въ 1908 году. Новые подписчики, не имѣющіе „Русскаго Архива“ 1907 года, благоволятъ увѣдомлять о томъ контору „Русскаго Архива“ для безплатнаго полученія первыхъ полулистовъ Росписи.

Цѣна изданію „Русскаго Архива“ **девять рублей** съ пересылкою, для заграничныхъ подписчиковъ **двѣнадцать рублей.**

Контора „Русскаго Архива“ въ Москвѣ, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, открыта ежедневно съ 10-ти часовъ утра до 6-ти пополудни. Издателя для личной бесѣды можно видѣть по Вторникамъ и Четвергамъ отъ трехъ до пяти часовъ дня.

Составитель и издатель «Русскаго Архива» **Петръ Бартеневъ.**

КЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО ВОЕННАГО ГОСПИТАЛЯ *).

Письма Голандца доктора Бидлоо къ Петру Великому.

Въ архивѣ Министерства Юстиціи и въ Московскомъ отдѣленіи Архива Главнаго Штаба посчастливилось найти нѣсколько нигдѣ еще ненапечатанныхъ бумагъ, имѣющихъ вполнѣ историографическое значеніе. Это письма доктора Бидлоо, строителя госпиталя, перваго главнаго врача его и перваго профессора медицинскихъ наукъ въ Россіи къ Петру Великому.

Положеніе Голандца Бидлоо въ Россіи было довольно прочное: обласканный Петромъ, пользуясь его уваженіемъ и довѣріемъ, онъ не находилъ себѣ отказа ни въ одной просьбѣ. Такъ въ 1710 году Бидлоо пишетъ къ Петру.

I.

«Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій.

Работалъ я тебѣ великому государю въ дохтурахъ со всякою вѣрностью, а двора у меня загороднаго нѣтъ, а подлѣ гошпитальнаго двора къ Семеновской слободкѣ земля лежитъ впустѣ, никому подъ строеніе не отдана.

Всемилостивѣйшій государь, прошу вашего величества: вели, государь, той земли мнѣ дать подъ загородной дворъ поперечнику сорокъ сажень, длиннику подлѣ забора госпитальнаго двора шестьдесять сажень, а по другую сторону отъ Семеновской слободы по Яузу рѣку, и дать на ту землю мнѣ данную впредъ для владѣнія.

---

*) Московскій военный госпиталь открытъ 21-го Ноября 1707 г. Это первое правильно-устроенное лечебное заведеніе въ Россіи, если не считать военно-временнаго госпиталя 1678 года (о которомъ прекрасная статья Л. Ѳ. Зміева въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за Іюль 1886 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ это и первая медицинская школа въ Россіи. Приносимъ благодарность нашу доктору Александру Николаевичу Алелекову за дозволеніе сообщить читателямъ выдержки изъ имѣющаго выдти въ свѣтъ обширнаго труда его и Н. И. Якимова объ исторіи этого учрежденія. Оно такъ много облегчило страданій за два столѣтія, въ теченіи которыхъ Россія вела войну 26 разъ со своими сосѣдями и неоднократно у себя дома. П. Б.

Вашего Величества нижайшій рабъ Николай Бидло. 1710 году Марта въ 8 день. N. Bidloo».

Рукою Мусина-Пушкина помѣчено „велѣть вышеименованную землю измѣрить старому подъячему съ понятыми".

«По вышеписанному великаго государя указу порожей земли подлѣ госпитальнаго двора въ длинику къ Яузѣ рѣкѣ подъ дворъ Николаю Бидлу намѣрено шестьдесять сажень, а по другу сторону къ Семеновской слободѣ тоже, а поперечнику отъ гошпитальнаго двора къ Семеновской слободѣ сорокъ сажень, а въ другомъ концѣ тоже».

Государь именнымъ указомъ приказалъ дать просимую землю Бидлоо въ томъ же Мартѣ: «Владѣть ему доктуру и женѣ его и дѣтямъ впредъ безповоротно и всякое строеніе какое ему надлежитъ строить и о томъ ему на ту землю дать изъ Монастырскаго Приказу данную». Рукою Мусина-Пушкина приписано: «О семъ приказалъ великій государь на Воронежѣ, по челобитью дохтурскому, а докладывалъ по тому челобитью Иванъ Мусинъ-Пушкинъ».

II.

Позднѣе Бидлоо пишетъ:

«Державнѣйшій царь, государь всемилостивѣйшій.

По твоему великаго государя указу, велѣно мнѣ нижепоименованному рабу твоему быть въ гошпиталѣ у лѣченія больныхъ и раненыхъ солдатъ и всякаго чину людей, что̀ по сіи числа со всякою вѣрностью и радѣніемъ управляю, а ради ѣзды вашего царскаго величества дѣлъ держу лошади свои. И нынѣ, государь, сторговалъ я въ Володимірѣ сто четвертей овса тѣмъ моимъ лошадямъ на кормъ, а перевезти, государь, мнѣ того овса не на чѣмъ и нанять подводъ не на что, понеже еще послѣ пожарнаго моего разоренія не исправился. Всемилостивѣйшій государь, прошу вашего величества: повели, государь, мнѣ подъ той мой сторгованный овесъ подъ сто четвертей дать подводы и перевезти къ Москвѣ. Вашего величества нижайшій рабъ докторъ Николай Быдло. Февраля 12 дня 1714 году». И эта просьба была также немедленно исполнена.

Первое въ Россіи особое врачебное училище находилось въ вѣдомствѣ Монастырскаго Приказа, которымъ правилъ сводный братъ государя графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ.

Госпиталь сдѣлалъ первый выпускъ своихъ учениковъ и выполнилъ такимъ образомъ первую свою задачу, далъ Русскихъ лѣкарей, и Бидлоо вполнѣ оправдалъ надежды Петра. Вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе

Бидло въ Москвѣ упрочивалось, связи его крѣпли. Пользуясь полнымъ довѣріемъ и благосклонностью не только царя, но и всѣхъ лицъ имѣвшихъ съ нимъ какія-либо отношенія, Бидло и въ дальнѣйшей жизни госпиталя оставался его непосредственнымъ руководителемъ. Благодаря уживчивости, умѣнью обходиться съ людьми, Бидлоо не получалъ отказовъ въ своихъ просьбахъ. Особенно много заботъ доставляла ему школа и ученики, пополненіе которыхъ было одною изъ труднѣйшихъ для него задачъ.

III.

Въ 1715 году Бидлоо пишетъ Петру:

«Пресвѣтлѣйшій кесарь, всемилостивѣйшій государь! Давно уже было мое желаніе вашего царскаго пресвѣтлаго величества приникнуть къ стопамъ и изъявить всѣхъ моимъ дѣлъ исторію, токмо доселѣ не дерзнулъ вашъ пресвѣтлый маестатъ утрудити, но нынѣ принужденъ есмь симъ присланнымъ ко мнѣ указомъ прибѣгнути къ вашему милосердію и величеству.

Егда дѣло строенія гошпитальнаго и прочая отъ вашего пресвѣтлаго величества мнѣ вручено было, во истинну, Богъ свидѣтель, что всею силою и со всякимъ тщаніемъ радѣлъ, дабы тебѣ, яко Богу земному, премилостивѣйшему государю удовлетворить. Сіе дѣло мое такое имѣло начало, что вѣсть повсюду на главу вашего царскаго пресвѣтлаго величества во Францію и Германію произыде, а достоино было сіе въ актахъ эрудиторумъ *) напечатать. Такожде добрый поступокъ въ моемъ ученіи и лѣченіи госпитальномъ многихъ иностранныхъ юношъ на своемъ иждивеніи ко ученію привлече, отъ которыхъ, чаю, нѣкоторые въ службѣ вашего царскаго величества явятся, а иные, служа на корабляхъ съ честію, въ Италію отъѣхали. Егда то вашего царскаго пресвѣтлѣйшаго величества дѣло начиналъ, многіе хирурги совѣтывали, дабы я народу сего, юношей, не училъ, сказующе, что не возможешь сіе дѣло совершить. Боялся, что многіе изъ тѣхъ иностранныхъ хирурговъ мнѣ явились непріятели и яко уже нынѣ и вижду; понеже сіе противъ чести ихъ и противъ ихъ интересовъ сего народа юношъ изучать; хотятъ убо опыхъ моихъ посланныхъ вмѣсто слугъ до смерти себѣ имѣти. Но обаче, больше вашего царскаго пресвѣтлаго величества повинуяся повелѣнію, тоё дѣло на славу вашего царскаго пресвѣтлаго величества до конца провелъ. И какъ на первыхъ отъ

*) Тутъ конечно Бидлоо затронулъ чувствительную струну Государя. Можетъ быть, было тогда ученое изданіе: Acta eruditorum. Н. Б.

меня посланныхъ въ Санктъ-Питербурхъ многіе иностранные лѣкаря насѣдали и изгоняли и какъ лживо ихъ свидѣтельствовали, весьма явственно въ моемъ меморіалѣ, поданномъ господину адмиралу генералу Ѳедору Матвѣевичу Апраксину 1712-го году. А что моихъ посланныхъ въ такомъ ученіи и въ практикѣ протчіимъ соравнити не могу, воистинну. И не дивно, аще бы такія жестокія и частыя истязанія (которыя всякую охоту и побужденіе ко ученію отъемлютъ) по вашему монаршескому велѣнію иностраннымъ хирургамъ учинились, чаю, чтобъ большая часть изъ хирурговъ моимъ посланнымъ уступили. Во всѣхъ странахъ токмо свидѣтельство учащихся надлежитъ до академіи, коллегіи, школъ и тѣхъ кто гдѣ изучился, а не отъ непріятелей, которымъ оттуда бываютъ убытокъ и умаленіе чести, лекари, поставляются, которые ради нѣкоихъ необученныхъ и мене и отъ мене посланныхъ всѣхъ поносятъ и мнѣ противятся, и въ Санктъ-петербугской госпитали оныхъ отъ мене посланныхъ бьютъ иностранные лекари, яко слышу и вмѣсто слугъ, а не за молодыхъ лекарей оныхъ имѣютъ.

Вручаю сіе, пресвѣтлѣйшій монархъ, твоему благоразумному разсужденію; аще сищевымъ образомъ иностранные лекари и проч. будутъ поступать, всю охоту учащихся и твое намѣреніе и премилостивое ваше постановленіе художествъ и наукъ уничтожатъ.

За симъ вручаю мя, пресвѣтлѣйшій кесарь, вашему милосердію и величеству, всесмиренно прося, дабы мене и мои дѣла отъ моихъ непріятелей и мятежниковъ наукъ сохранилъ, припадая къ стопамъ вашего пресвѣтлаго величества со всякимъ послушаніемъ.

Пресвѣтлѣйшій монархъ, всемилостивѣйшій государь, всепокорнѣйшій и всепослушный слуга вамъ N. Bidloo».

Письмо отъ 10 Марта 1715 г. на немъ помѣтка: «подалъ въ Сенатъ бояринъ князь Петръ Ивановичъ. Чтено предъ царскимъ величествомъ Марта въ 18 день 1715 г. Записавъ въ книгу, взять въ приказный столъ».

Драгоцѣнное письмо это яркими красками рисуетъ какъ нравственную физіономію Бидлоо, такъ и положеніе его школы и его учениковъ. Иностранецъ, преданный Русскому дѣлу не за деньги, не за страхъ, а за совѣсть, онъ не теряетъ связи съ своими выпущенными учениками и «слышитъ», что его посланныхъ «бьютъ», имѣютъ «за слугъ, а не за лѣкарей» иностранные лекари. Ключъ къ разгадкѣ того, какъ и почему создалось такое положеніе, имѣется въ самомъ письмѣ: «многіе хирурги совѣтывали, дабы я народу сего (Русскаго, т.-е.) юношей не училъ науки хирургической, сказующе, что не возможешь

сіе дѣло совершить» Бидлоо умалчиваемъ, почему «не возможешь»: Русскіе въ мнѣніи иностранцовъ считались Азіатами, варварами, лишенными не только всякаго образованія, но даже и неспособными къ нему. Но этого одного мало; ну, побился, побился-бы Бидло съ Русскими неучами и идіотами, и у него самого, въ виду полной безплодности труда, отпала бы всякая охота къ дальнѣйшему обученію. Откуда же и почему явились враги, и «яко уже нынѣ и вижду?» Дѣло въ томъ, что вся медицина того времени была въ рукахъ иностранцевъ. Занятіе было доходное, и выпускать его изъ рукъ было весьма нежелательно. Врачи ѣхали въ Россію со всѣхъ сторонъ; ѣхали и дѣйствительно научно, образованные врачи, ѣхали и недоучки и шарлатаны. Не одни только иностранные университеты снабжали Россію врачами; множество ихъ являлось съ весьма сомнительными дипломами и еще болѣе сомнительными знаніями, пріобрѣтенными отъ врачей, при которыхъ эти господа состояли въ качествѣ простыхъ помощниковъ и не обучались медицинѣ, а такъ сказать «натаскивались» въ ней, и у такихъ господъ всегда находился въ Россіи, въ Москвѣ, какой нибудь родственникъ тащившій изо всѣхъ силъ своего. Одна возможность появленія домо, рощенныхъ Русскихъ врачей должна была заставить призадуматься о своемъ положеніи тѣхъ, которое привыкли считать его навѣки упроченнымъ и обезпеченнымъ. Когда же эта возможность осуществилась, когда первые Русскіе лекари и подлекари были уже выпущены, злобѣ не было предѣловъ. Лекарей не только держали въ черномъ тѣлѣ, ихъ «за лекарей не считаютъ», ихъ бьютъ, ихъ держатъ за слугъ, ихъ «жестоко и часто истязуютъ». Слово истязуютъ не надо понимать буквально; словомъ «истязаніе» тогда назывались испытанія, экзамены, да и самъ Бидлоо въ только что приведенномъ письмѣ пишетъ далѣе: «во всѣхъ странахъ токмо свидѣтельство учащихся надлежитъ до академіи, коллегіи, школъ», кто гдѣ изучался», а не отъ непріятелей». Очевидно «истязалъ» учениковъ, обучившихся у Бидлоо, всякій, кому только было не лѣнь, истязалъ «жестоко и часто», чтобъ довести ученика до полнаго изнеможенія: тогда легче доказать во очію все его невѣжество и идіотство. И Бидлоо былъ правъ, предвидя и жалуясь царю, что такое положеніе дѣла отобьетъ «всю охоту учащихся» и «намѣреніе и постановленіе художествъ и наукъ уничтожатъ», чего дѣйствительно и добивались «непріятели». Бидлоо не называетъ этихъ непріятелей по именамъ, а они были ему доподлинно извѣстны.

Какъ показаніе нравственности учениковъ, можетъ служить слѣдующее, дѣло возникшее по доношенію Бидлоо въ Іюнѣ 1719 года.

«Въ прошломъ времени пропало на гошпитальномъ дворѣ изъ аптеки воску два пуда, а приличился въ томъ воровствѣ Илья Хомутовъ, и лицамъ воскъ тотъ отдалъ, за что наказанъ былъ дома и впредь обѣщался не воровать. А нынѣшняго 719 году Іюня въ 7-й день онъ же Хомутовъ укралъ яри 9 фунтовъ и пойманъ на томъ воровствѣ, и въ томъ свидѣтельствовалъ караульной, которой въ то время стоялъ у аптеки. А въ прошлыхъ временахъ въ разныхъ числѣхъ такожде многія случались пропажи, а именно: изъ аптеки пропалъ пестъ мѣдной, о чемъ явно было въ Монастырскомъ Приказѣ по нашему доношенію, вѣсомъ въ полпуда, мухъ шпанскихъ 10 фунтовъ, шандалъ мѣдной высокой, аптекарская книга Мензихта, ножницы большія, да ножикъ, денегъ мѣдныхъ полчетверти рубля, шея мѣдная съ куба; да пропало изъ аптекарской свѣтлицы нѣсколько холста, которой унесенъ былъ подломивши полъ, да ножницы; да пропали изъ нозокомицкихъ палатъ у болящихъ солдатъ епанча, шляпа съ позументомъ, башмаки, да изъ свѣтлицъ ученическихъ кафтанъ, штаны, шапка, въ которыхъ покражахъ никто иной не приличился. А въ аптекѣ и во другихъ мѣстахъ на госпитальномъ дворѣ изъ государевой казны надлежитъ ученикамъ быть для науки и работы; а понеже въ томъ числѣ онъ Хомутовъ въ воровствѣ приличенъ явился, того ради содержать его при госпитальномъ дворѣ непотребно, и отсылаемъ его въ Приказъ, чтобъ тамъ въ воровствѣ распросить и въ другихъ покражахъ при насъ розыскать; а розыскавъ какъ явному вору, надлежитъ предъ всѣми на гошпитальномъ дворѣ наказаніе дать, всѣмъ прочимъ въ опасеніе, и потомъ отказать отъ нозокоміи, чтобъ иные отъ такого вора не имѣли позору и чтобъ иные отъ его такихъ же бездѣлицъ не навыкали; а его за такое воровство послать на каторгу или куда государь изволитъ.

Николай Бидлоо».

Хомутовъ на допросѣ въ Монастырскомъ Приказѣ признался только въ тѣхъ кражахъ, въ которыхъ былъ пойманъ съ наличнымъ; во всѣхъ-же другихъ отперся. Постановили послать для дальнѣйшаго допроса въ страшный Преображенскій Приказъ. Бидлоо однако настоялъ на томъ, чтобъ Хомутова туда не посылали, ограничился сознаніемъ въ кражѣ воска и яри «пьянымъ дѣломъ» и просилъ прислать Хомутова опять въ госпиталь, гдѣ ему и было учинено наказаніе «плетьми».

Правительствующій Сенатъ приказали: въ Московскую губернію послать указъ, велѣть той губерніи во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ для собиранія травъ и кореній и ловленія пьявицъ, посылаемымъ отъ Московской гошпитали, никакого препятствія и запрещенья не чинить, а для того въ принадлежащихъ къ тому мѣстахъ дворцовыхъ и синодаль-

ныхъ и монастырскихъ и помѣщиковыхъ вотчинахъ жителямъ объявить съ подпискою, и въ удобныхъ мѣстахъ выставить о томъ листы (Полн. Собр. Закон. т. IX ст. 6424.

Нѣсколько лѣтъ позднѣе, когда ученики отправились за этимъ дѣломъ по Можайской дорогѣ и наловили до 300 пьявицъ, въ канавѣ на селѣ близъ Москвы, ихъ почему-то изловили мужики и повели къ управляющему; тотъ отнялъ у нихъ пьявицъ, выбросилъ ихъ «скляницу», гдѣ были «пьявицы» и разбилъ; и когда ученики показали управителю свое полномочіе, въ видѣ копіи, съ вышеприведеннаго указа», управитель вырвалъ у нихъ изъ рукъ, копію, бросилъ ее на землю, а учениковъ обругалъ. Началось по жалобѣ учениковъ дѣло, кончившееся однако ничѣмъ, такъ какъ оказалось управитель состоялъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ (Дѣла Коллегіи Экономіи)

Въ дѣлахъ Монастырскаго Приказа можно найти множество доказательствъ того, что отношенія Бидлоо съ Приказомъ были наилучшія; ни одна просьба Бидлоо не оставалась безъ исполненія, касалась ли она его личныхъ дѣлъ или дѣлъ госпитальныхъ. Наиболѣе любопытное изъ послѣднихъ относится къ Генварю 1725 года, когда, по жалобѣ Бидлоо, былъ смѣненъ комисаръ. Дѣло любопытно, какъ въ бытовомъ отношеніи, такъ и въ томъ, что при сдачѣ должности отъ одного комисара къ другому слѣдуетъ подробнѣйшая опись строеній и имуществъ.

«Въ Монастырской Приказъ изъ Московской гошпитали доношеніе. Доноситъ докторъ Николай Бидлоо, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

Въ бытность мою въ Санктъ-Петербурхѣ, разныя письма отъ аптекаря Эйхлера и лекаря Гарменса получилъ, въ которыхъ объявлено, что комисаръ Всеволоцкой должность свою не сохраняетъ и нужнымъ дѣламъ о болящихъ къ леченію надлежащихъ противенъ бываетъ и когда къ тому принужденъ бываетъ, безчестными и ругательными словами ихъ поноситъ, о чемъ все именно чрезъ доношенія многократныя въ разныхъ числѣхъ въ Монастырской Приказъ Іюля 27, Августа, Сентября 10, въ 15 день Октября въ 20 день 1724 году на его комисара Всеволоцкаго доносилъ Иванъ Гарменсъ, и изслѣдованія по указу рѣшенія за таковыя его противности неоднократно требовалъ. Такожде онъ Герменсъ съ прапорщикомъ отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку Дурновымъ въ Монастырскомъ Приказѣ словесно доносили о показанныхъ его комисара противностяхъ, а именно: снятки, которые были съ червями, присутствующимъ судіямъ объявили и тамъ оставили, что̀ крайнее его нерадѣніе въ противность воли его императорскаго величества явствовало.

Сего ради резона и причинъ писалъ письмо совѣтное изъ Санктъ-Питербурха Октября 23 къ благородному господину Чичерину, дабы благоволилъ по его лѣкаря доношеніямъ рѣшеніе учинить особливо на то респектъ имѣть. Одначе по сіе время Монастырской Приказъ никакого рѣшенія не учинилъ и сатисфакціи за его противности не показалъ.

Прибывши въ Москву, тотчасъ, яко вѣрный его величества рабъ, ему же дирекція гошпитали вручена, по надлежащему разсмотрѣнію и свидѣтельству о сихъ за руками взялъ, съ которыхъ здѣсь копіи сообщены прилагаются, отъ которыхъ весьма явно, что онъ комисаръ Всеволоцкой противно его императорскаго величества указа и своей по тому должности и гошпитальнаго регламента и болящихъ леченія поступкомъ, хотя изъ Монастырскаго Приказа не имѣлъ себѣ остановки, которыя бы отговоркою въ его нерадѣніи могла быть, якоже явствуетъ съ приложенной при указѣ вѣдомости Монастырскаго Приказу по доношенію моему того же Декабря 9 поданному, каково получено Декабря 30, коликую сумму на гошпиталь и въ расходы получилъ.

Того ради потребною комисара Всеволоцкаго по его императорскаго Величества указу взявъ допросить, чего ради должность свою не сохранилъ и противенъ въ отправленіи его величества дѣла явился; притомъ дабы повелѣно было изслѣдовать въ расходѣ по распискамъ рукъ, что̀ принято денегъ и въ запасѣ и во всякомъ трактаментѣ, что̀ кому и на какіе расходы отъ его комисара выдано, а тѣмъ больше, что 1723 году на стопки глиняныя и стеклянныя въ Декабрѣ деньги получилъ, также и въ 1724 г. о серебряномъ цвѣтѣ, салѣ свиномъ и прочемъ, которыхъ по сіе число ничего не куплено, а деньги на то свободныя имѣлъ, о чемъ въ доношеніи лѣкарскомъ Гарменса на его комисара въ Монастырской Приказъ поданномъ явно, и ежели въ существованіи въ преступленіи своего правленія и расхода и противностей другихъ повиненъ быть явился (якоже отъ сихъ свидѣтельствъ при семъ предложенныхъ видно, что противникъ Его Императорскаго Величества указамъ былъ), то его за сіе наказать, какъ его величества указы о такихъ повелѣваютъ.

Аще жъ такое нерадѣніе и худое его величества дѣлъ отправленіе его комисарской должности несохраненіе, должное изслѣдованіе, а за то наказаніе не возложится, невозможно будетъ казну соблюдать, гошпиталю при ней служителей, ко излѣченію болящихъ регулярно правилъ въ томъ отвѣтствовать.

Въ прошломъ 1723 годѣ, о прикащикѣ гофшпитальномъ Боровитиновѣ въ доношеніи я показалъ, въ которомъ объявилъ, что онъ вино

и на прочее употребленіе гошпитальное и болящимъ опредѣленное себѣ бралъ и свой расходъ держалъ, по которому моему доношенію и книги его запечатью въ Монастырской Приказъ забраны по указу, а какое по тому было изслѣдованіе, штрафъ и наказаніе и рѣшеніе, по сіе число неизвѣстно, чего ради надлежитъ, что и сей комисаръ, взявъ себѣ во образецъ, не видя никакого надъ тѣмъ наказанія, таковымъ же образомъ поступаетъ.

Не мню, чтобъ Монастырской Приказъ по управленію Его Величества дѣла и порядки гошпитальнаго вспоможенія мнѣ въ томъ не учинилъ, такъ прежняго Боровитинова, какъ и сего Всеволоцкаго наказавъ по указамъ. Аще сего не будетъ невозможно государеву казну хранить, дѣла отправлять, паціентовъ лечить, гошпиталь въ регулярномъ порядкѣ сохранять, чего для я принужденъ буду подробно доносить въ Санктъ-Питербурхъ гдѣ надлежитъ и противъ вашего правленія протестацію послать, да себѣ сохранить возмогу и сіе нерадѣніе мнѣ бы не причлось. Прошу по сему моему доношенію учинить рѣшеніе.

N. Bidloo».

Въ протестаціи медицинскаго персонала госпиталя, подписанной Эйхлеромъ, Гарменсомъ, Макомъ, Кланке и Богдановымъ комисаръ Всеволоцкой обвиняется въ томъ, что онъ:

1) «Многимъ болящимъ не давалъ одѣялъ, отговариваясь, что будто у него не имѣется, а послѣ у него въ чемоданѣ нашли 10 одѣялъ овчинныхъ новыхъ, и насильно взяты и розданы болящимъ.

2) По указу велѣно на одѣяла болящимъ сукна сѣрыя покупать и подбивать холстиною, на что и деньги ему комисару выданы, а онъ этого не дѣлаетъ, а сукна тѣ такъ валяются.

3) Дровъ не покупалъ; топили бревнами хорошими отъ строенія оставшимися.

4) Пива не варилъ.

5) У болящихъ никогда не бывалъ.

6) Стопокъ аптекарскихъ не покупалъ.

7) Серебариноваго цвѣту тожъ *).

8) Рогожъ для покрышки цвѣтовъ не покупалъ, отъ чего многіе цвѣты и коренья погнили.

9) «Лошади корму не давалъ чрезъ многое время.

10) Безчестными и ругательными словами съ немалою фуріею лекарямъ досаждалъ.

*) Такъ назывался цвѣтъ шиповника.

11) Садовнику соломы не давалъ, а деньги на то ему выданы.

12) Сала въ аптеку не покупаетъ пяти пудовъ, а деньги даны.

13) Окончинъ и печей не чинилъ.

14) Болящимъ давалъ баранину, которая нездоровая, весьма синяя была, отчего многимъ болящимъ случался быть поносъ, спятки съ червями, масло коровье ничѣмъ не разнилось отъ сала.

15) Вѣдѣніе за рукою лекаря Гарменса ему дано о ветхости печи, а онъ его презираетъ».

Заявилъ свою жалобу и садовникъ, для лошади котораго Высоцкій ни давалъ ни овса, ни сѣна, такъ что садовникъ изъ жалости покупалъ на свои, «съ великою нуждою, а тоё лошадь смертью чуть не уморилъ». Обвиненіе было представлено по 11 пунктамъ. Всеволоцкій на всѣ пункты отвѣчалъ, что этого не было, спятки и мясо были всегда хорошія, никого и никогда онъ не ругалъ, одѣяла онъ берегъ, а себѣ не бралъ и т. д.

Тѣмъ не менѣе 19 Февраля 1725 г. Всеволоцкаго отрѣшили отъ должности и назначили Сурмина. Приказано было одному сдать, другому принять госпиталь и составить «росписной списокъ» за ихъ обоихъ руками. Такъ какъ опись эта рисуетъ намъ внѣшній бытъ госпиталя и его хозяйство, то считаемъ нужнымъ привести выдержку изъ нея.

«Свѣтлица крестовая съ перегородками, въ которой свѣтлицѣ болящіе, въ ней двѣ печи обращатыя, семеро двери, семь окошекъ съ оконницами, въ томъ числѣ три оконницы ветхи; въ той-же свѣтлицѣ святыхъ иконъ мѣстныхъ образовъ Пресвятыя Богородицы Одигитріи, образъ Введенія Богородицы, на немъ три вѣнчика да риза серебряныя вызолоченыя, образъ Святыхъ Апостолъ Петра и Павла и тѣ образы писаны на краскѣ, крестъ благословящій на деревѣ обложенъ серебромъ басемнымъ золоченой. Церковной утвари: Евангеліе старое въ десть, оболочено зеленымъ бархатомъ, Евангелисты мѣдные чеканные позолочены; Апостолъ въ десть, Новой Завѣтъ въ полдести, двѣ Псалтыри со слѣдованіемъ въ десть, двѣ Тріоди въ десть, одна цвѣтная, другая постная, Прологъ въ трехъ переплетахъ въ десть, Шестодневъ въ полдесть, двѣ минеи общая дестевая, другая праздничная въ полдесть, Служебникъ въ четверть, двои ризы, одни атласныя, другія кипдяшныя, патрахель бархатная ветха, поручни бархатные ветхіе, двѣ пелены большая да малая, чаша водосвятная мѣдная, ковшикъ мѣдной, кропило, два подсвѣчника жестяные, дароносица мѣдная, кадило мѣдное. Въ той свѣтлицѣ шкапъ столярной, въ которомъ книги лежатъ съ замкомъ, еще книга Требникъ въ четверть. А оная крестовая свѣтлица крыта тесомъ, а вышеписанныя святыя иконы и утварь церковная всѣ подъ охраненіемъ у священника Ѳедота Дмитріева.

Свѣтлица столовая дохтурская, въ которомъ учить учениковъ; въ ней печь обращатая, два стола дубовые, дверь на крюкахъ съ замкомъ, на той свѣтлицѣ восемь окошекъ, съ оконницами въ четы-

рехъ, рѣшетки желѣзныя; противъ той свѣтлицы аптека; въ аптекѣ столъ сосновой, печь обращатая, дверь на крюкахъ съ болтомъ, на той аптекѣ пять окошекъ, съ оконницами стеклянными, въ трехъ окошкахъ рѣшетки желѣзныя. По сторонѣ той же столовой свѣтлица, гдѣ живутъ ученики, въ ней столъ липовой, печь обращатая, восемь окошекъ съ оконницами стеклянными, дверь на крюкахъ съ замкомъ. А промежъ тѣхъ трехъ свѣтлицъ двои сѣни въ сѣняхъ, четыре чулана о съ нужниками; а оныя свѣтлицы крыты подъ одну линію тесомъ».

Свѣтлица Французская, въ ней печь обращатая, трои двери на крюкахъ, въ окошкахъ 11 окопницъ стеклянныхъ, въ томъ числѣ на верху надъ тѣми окошками другія 10 окошекъ безъ окончинъ, затворы у всѣхъ окошекъ на крюкахъ желѣзные, оная свѣтлица крыта тесомъ».

Сушило, что̀ хлѣбъ сыплютъ, о двухъ жильяхъ, въ нижней сушилѣ 3 сусѣка, у сушилы двѣ двери, оное сушило крыто дранью по скалѣ; въ той же сушилѣ 4 ларя, что̀ сыплютъ муку, въ ней провіанту крупъ гречневыхъ 4 четверти, гороху двѣ четверти, овса на кисель 3 четверти, муки пшеничной 3 четверти, солоду аржаного 3 четверти, ячменя на солодъ 6 четвертей, муки аржаной 5 четвертей.

Подлѣ сушила изба хлѣбная для печенія хлѣбовъ, передъ ней сѣни, въ сѣняхъ сусѣкъ, оная изба и сѣни крыты дранью по скалѣ.

Дворъ камисарской, на немъ хоромнаго строенія свѣтлицы съ комнатою ветхи, въ ней двѣ печи, одна обращатая, другая кирпичная, столъ сосновой съ ящики, передъ нею сѣни съ перегородкою, въ тѣхъ сѣняхъ 4 чуланишка, чердакъ; оные покрыты дранью по скалѣ. Свѣтлицы и сѣни и чуланы всѣ и на кровляхъ кровли обвалились; 4 окошка съ оконницы стеклянныя, у окошекъ двои ставни деревянныя, поперекъ запоры желѣзные. На томъ же дворѣ 2 сарая; въ одномъ сараѣ 2 чана большихъ ветхихъ, да у двора комисарскаго конюшня съ стойлами безъ мосту, крыта дранью, ветха.

Подлѣ комисарскаго двора архимиска *), а въ той архимискѣ инструментовъ: 2 котла большихъ мѣдныхъ, 2 котла мѣдныхъ меньшихъ, 2 куба мѣдные, одинъ пять ведръ, другой въ полтрети ведра съ крышками, которой вставленъ въ мѣдную жаровню, третій котелъ большой, которой вновь сдѣланъ изъ аптеки мѣдной съ крышкою и съ трубою; а трубы мѣдныя въ трубницахъ деревянныхъ; три горшка чугунныхъ, одинъ ветхой, сковорода желѣзная, 2 прута желѣзныхъ, на которыхъ въ горну котлы содержатся, одно рѣшето липовое, одинъ замокъ, одинъ ушатъ деревянной, жаровня желѣзная большая ветха» и пр.

Позади гошпиталя каменныя палаты къ рѣкѣ Яузѣ, свѣтлица съ комнатою, передъ ними двои сѣни, подъ сѣньми погребъ, а въ тѣхъ свѣтлицахъ живетъ гошпитальнаго двора крестовый священникъ Ѳедотъ Дмитріевъ, съ нимъ дьячекъ Иванъ Архиповъ».

---

*) Такъ называлась аптечная лабораторія.

ИЗВѢТЪ ТРЕТЬЯКОВСКАГО НА СУМАРОКОВА.

Пресловутый Тредьяковскій подавалъ извѣтъ на Сумарокова по поводу его стихотворенія напечатаннаго въ журналѣ «Ежемѣсячныя сочиненія»: Изъ псалма CVI» [1]).

Передъ нами дѣло, производившееся въ Св. Сунодѣ по этому извѣту, и здѣсь представляются тѣ показанія, о которыхъ въ печати еще не было.

По предварительной просьбѣ, профессоръ Василій Третьяковскій впущенъ предъ собраніе Св. Сунода 13 Октября 1755 г. и подалъ доношеніе, въ которомъ между прочимъ писалъ:

«1, Читая Сентябрскую книжку Ежемѣсячныхъ Сочиненій сего 1755 г., нашелъ я именованный въ ней оды духовныя, сочиненныя господиномъ полковникомъ Александромъ Петровымъ сыномъ Сумароковымъ, между которыми и оду, надписанную изъ псалма 106 [2]), а въ ней увидѣлъ, что она при концѣ говоритъ о безконечности вселенныя и о множествѣ міровъ.

[1]) См. Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ III. II, С.П. 1868 г. Чтенія въ обществѣ Исторіи и древностей 1868, к. I. смѣсь, стр. 7 и Сынъ Отечества 1868 г. № 39.

[2]) Ода эта напечатана второю въ журналѣ „Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеленію служащія". Сентябрь 1755 г., стр. 265—268. Вотъ нѣсколько строфъ изъ этой оды.

Твою, великій Боже, славу,
И сильную Твою державу
Являетъ все намъ вещество.
Вселенной зданіе прекрасно,
Богъ есть, вѣщаетъ намъ согласно.
Хоть непостижно существо.
Земля и море представляютъ
Что нѣчто нами обладаетъ.
По всюду видны чудеса.
Тобою естество крѣпится,
Тобой оно въ порядкѣ зрится.

2) И какъ сіе достовѣрно, что вселенная не можетъ быть безконечна ни по совершенствамъ, для того что несовершенна крайно, ни по продолженію, для того что небезначальна, ни по естеству, для того что сложна, и потому на части рѣшится, и ниже по наполненію, для того что небезмѣрна крайно, и потому имѣетъ предѣлы, но токмо человѣкамъ невѣдомые; а множество міровъ есть токмо мечтаніе философское: то я именованный принужденъ былъ, для справки, прочесть самый оный псаломъ 106, въ которомъ однако не нашелъ ни слѣдовъ къ тому, чтобъ псаломъ сей гдѣ говорилъ о безконечности вселенныя, и о множествѣ міровъ.

Сіе изъясненіе на извѣтѣ, поданномъ святѣйшему Правительствующему Суноду 13 Октября сего 1755 году, писалъ я Василій Третіаковскій и руку приложилъ».

Св. Сунодъ по выслушаніи представленій профессора разсудилъ «по оному имѣть впредъ разсужденіе».

Постановленіемъ Св. Сунода Тредьяковскій не удовлетворился и 16 Октября написалъ слѣдующее письмо члену Св. Сунода, Троицкія Сергіевы лавры архимандриту Аѳанасію.

«Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ. Мой достойнопочитаемый издавна благодѣтель.

На поданный извѣтъ Святѣйшему Правительствующему Суноду мною сего Октября 13 дня, о томъ, что въ духовной одѣ, положенной въ ежемѣсячной Сентябрской книжкѣ, а подписанной изъ 106 псалма, ложно утверждается дѣйствительная безконечность вселенныя и дѣйствительное множество міровъ, при семъ пріобщаю изъясненіе. Чего ради

Престолъ Твой, Боже, небеса.
Тамъ множество свѣтилъ горящихъ,
Подсолнечнымъ своимъ свѣтящихъ,
И тьма великихъ твердыхъ тѣлъ.
Ты царствуешь, Владыко, вѣчно,
И все пространство безконечно
Господства Твоего предѣлъ.
Чрезъ многіе шумящи вѣки.
Текущія въ долинахъ рѣки
Ты, Боже, въ сушу превратилъ.
Пустыни озерами стали,
Гдѣ киты плещуще играли,
Ты тамо грады населилъ.

покорнѣйше прошу ваше высокопреподобіе приложенное сіе изъясненіе сообщить Святѣйшаго Правительствующаго Сунода членамъ, кои ясно увидятъ, что духовная оная ода съ осмыя строфы по первуюнадесять включительно, говоритъ отъ себя, а не изъ псаломника, о дѣйствительной безконечности вселенныя, и о дѣйствительномъ множествѣ міровъ, а не о возможномъ по всемогуществу Божію.

Впрочемъ, вручая себя благословенію вашего высокопреподобія и всѣхъ членовъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода, есмь съ достодолжнымъ почтеніемъ, вашего высокопреподобія, покорнѣйшій слуга Василій Третьяковскій».

Просьба Третьяковскаго, надо полагать, сильно тревожила его и не давала ему покою, что̀ можно заключить по многимъ журнальнымъ статьямъ, состоявшимся въ Св. Сунодѣ вѣроятно по его словеснымъ просьбамъ.

Дѣло по извѣту (13 и 16 Октября 1755 г.) докладывалось 10 Ноября, и 19 Іюля 1756 года, и 3 Іюля 1775 года, безъ всякихъ послѣдствій, и наконецъ въ третій и послѣдній разъ, рѣшеніе Сунода, за смертію Третьяковскаго *) состоялось слѣдующее: «Какъ означенныя мѣсячныя сочиненія чрезъ долгое время всѣ уже распроданы, и возвратить ихъ не можно, то и дѣло о семъ исключить изъ числа нерѣшенныхъ».

Николай Григоровичъ.

*) Третьяковскій † 6 Августа 1769 г. Онъ погребенъ въ Москвѣ, въ церкви Гребенской Божіей Матери (что̀ на углу Лубянской большой площади и Мясницкой улицы). Сынъ его, въ царствованіе Павла, подавалъ тоже „извѣтъ“, по которому молодой А. П. Ермоловъ сосланъ былъ въ Кострому. Третьяковскому-сыну, который былъ гдѣ-то губернаторомъ, принадлежало прекрасное имѣніе подъ Рязанью, которымъ въ наши дни владѣлъ извѣстный дипломатъ В. П. Титовъ. Н. Б.

СУМАРОКОВЪ.

Письмо Сумарокова къ содержателю Московскаго театра Бельмонти.

A m. Belmonti.

J'ai pris aujourd'hui la médécine ordonnée par le stab-chirugien de son excellence le marechal, et il m'a ordonné de ne me fâcher pas; mais vous avez envoyé exprès la publication qu'on donnera mes pièces malgré moi. Vous répondrez devant la justice et vous me payerez de votre bourse, si je veux; parce que vous avez manqué, et votre honneur n'est plus honneur: vous l'avez perdu en donnant parole d'honneur, que vous avez rompu. Si vous dites que c'était par ordre du maréchal: le meréchal est sous les lois, mais non pas les lois sous lui en même temps. Il est le premier seigneur dans la ville de Moscou; mais les Muses ne sont pas sous ses commandements. Mes drames sont à moi et le théâtre, les habits, la musique etc. sont à vous. Quel pouvoir a donc le maréchal de faire jouer mes pièces selon sa bonne volonté? Montrez lui, si vous voulez, cette lettre. Je le respecte comme grand gouverneur de la ville capitale, mais non pas comme le gouverneur de mes Muses, et par conséquence du côté de la place qu'il occupe je le respecte, et du côté de la poésie, je m'estime plus que lui. Et pour sa grâce, je ne la cherche pas. Soumarocow.

Le 30 Janvier 770.

Переводъ.

Господину Бельмонти.

Я принялъ сегодня лекарство, прописанное штабъ-хирургомъ его сіятельства фельдмаршала, и онъ предписалъ мнѣ не сердиться; но вы нарочно послали объявленіе, что мои сочиненія дадутся безъ меня. Вы отвѣтите передъ судомъ и заплатите мнѣ изъ своего кошелька, если я захочу; потому что вы не сдержали слова, и ваша честь уже больше не честь: вы утратили ее, давъ мнѣ честное слово и не сдержавъ его. Если вы скажете, что это

былъ приказъ фельдмаршала *): фельдмаршалъ стоитъ подъ законами, а не законы подъ нимъ, въ тоже время онъ главный начальникъ города Москвы, но Музы не въ его власти: мои драмы принадлежатъ мнѣ, а театръ, костюмы, музыка и т. д. вамъ. Какое же право имѣлъ фельдмаршалъ ставить мои сочиненія по своей волѣ? Покажите ему, если хотите это письмо. Я уважаю его какъ ген.-губернатора столицы, но не какъ начальника моихъ Музъ, и слѣдовательно по тому мѣсту, которое онъ занимаетъ, я его уважаю, но по отношенію къ Музамъ я уважаю себя болѣе, нежели его. А милости его я не ищу. Сумароковъ.

30 Генваря 770.

Письмо Сумарокова къ императрицѣ Екатеринѣ.

Всемилостивая Государыня!

Я пріѣхалъ сюда, множество издалъ моихъ сочиненій, между которыми трагедія и три комедіи представлены. Я здѣсь прожился со всѣмъ и прихожу въ отчаяніе. Я единыя сея милости отъ Вашего Императорскаго Величества прошу. Выдается мнѣ по волѣ Вашего Величества ежегодно жалованіе годовое на передъ. Полгода уже прошло, и осталось полгода; такъ я всенижайше прошу, дабы повелѣніемъ Вашего Величества выдано мнѣ было жалованье еще на годъ; такъ съ выданнымъ уже полуторагодовое полученіе будетъ, и немного различествовать будетъ, съ прежнимъ полученіемъ. Я прихожу, Государыня, въ отчаяніе, что живу здѣсь понапрасну и выѣхать отселѣ не могу. Напомните прежнюю Вашу ко мнѣ милость и покровительство. Вашего Императорскаго Величества всенижайшій и всеподданѣйшій рабъ Александръ Сумароковъ.

4 Ноября 1774. (Москва).

ДЕРЖАВИНЪ.

Письмо къ посланнику въ Голландіи князю С. Н. Долгорукому.

Милостивый государь мой, князь Сергѣй Николаевичъ!

Нужно мнѣ имѣть свѣдѣніе о именахъ лирическихъ поэтовъ Голландскихъ. А какъ вы любитель Музъ, то думаю, что въ пребываніе ваше въ Голландіи получили достаточныя свѣдѣнія о нихъ. Ваше сіятельство меня крайне обязать изволите, ежели извѣстите меня объ ихъ именахъ и твореніяхъ, хотя не всѣхъ, но сколько вамъ можно. Пребывая въ прочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью.

Вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Гавріилъ Державинъ.

Ноября 20 дня 1810 года.

---

*) Графа П. С. Салтыкова. П. Б.

БИБЛІОГРАФІЯ СОЧИНЕНІЙ А. И. ЛЕВИТОВА.

(Р. 20 Іюня 1835 †4 Янв. 1877).

Исполнилось 30 лѣтъ со дня смерти одного изъ народныхъ Русскихъ писателей, Александра Ивановича Левитова. Наша печать не почтила памяти этого писателя даже простымъ извѣстіемъ объ этой годовщинѣ. Да это и понятно: переживая жгучее время въ исторіи Русской жизни, печать уже не находитъ для того мѣста въ своихъ изданіяхъ. А, между тѣмъ, предавать имя Левитова забвенію было бы несправедливо. Произведенія его и до нашего времени не утратили своего значенія: они до сихъ поръ находятъ обширный кругъ читателей.

Отдадимъ нашу слабую дань этому труженику словесной нивы, перечисленіемъ его произведеній, помѣщенныхъ имъ, какъ въ повременныхъ изданіяхъ, такъ и вышедшихъ отдѣльно.

„Время“ 1861. Ярмарочныя сцены № 6. Въ Собр. сочин., напеч. подъ заглав. „Типы и сцены сельской ярмарки“.

Сладкое житье. № 8. Первоначально было напечатано въ журн. „Москов. Вѣстникъ“ 1861 г., но за прекращеніемъ изданія, окончено не было.

„Русская Рѣчь“ 1861. Цѣловальничиха. (Очеркъ изъ народной жизни). № 26, стр. 403—407 и № 27, стр. 417—421.

Проѣзжая степная дорога. (Ночь). № 65, стр. 198—201 и № 66, стр. 214—216. Въ Собр. сочин. напеч. изд. „Степная дорога ночью“.

Желѣзинское подворье и его обитатели. № 79, стр. 428 и № 80, стр. 443—444. Подпись: *А. Л.* Въ Собр. сочин., изд. К. Т. Солдатенкова—не вошло.

Наканунѣ Христова дня. Разсказъ изъ народной жизни. № 95, стр. 678—681; № 96, стр. 696—699; № 97, стр. 711—715; № 98, стр. 725—728, № 102, стр. 791—794 и № 103—104, стр. 809—814.

Московскіе нищіе на поминкахъ. № 97, стр. 719—720 и № 98, стр. 733—734. Подпись: *А. Л.* Въ Собр. сочин., изд. К. Т. Солдатенкова,—не вошло.

Стрѣлки и стрѣльба. № 103—104, стр. 824—826. Подпись: *А. Л.* Въ Собр. сочин., изд. К. Т. Солдатенкова,—не вошло.

„Зритель“ 1862. Изъ Московскихъ нравовъ. Совершенно погибшее но весьма милое созданье. № 16, стр. 502—508 и № 17, стр. 534—542. Подпись: *Иванъ Сизой.*

Ночь на свѣтлый праздникъ № 19, стр. 642—646. Подпись: *Иванъ Сизой.* Въ Собр. соч. п. з. „Передъ пасхой“.

Степная дорога. № 24, стр. 767—775; № 25, стр. 802—807 и № 26, стр. 835—842. Въ Собр. соч. п. з. „Степная дорога днемъ“.

Изъ нашихъ будто бы мистерій. № 30, стр. 79—85 и № 31, стр. 111—117. Подпись: *Иванъ Сизой.* Въ Собр. соч. п. з. „Московская тайна".

Грачовка. № 37, стр. 300—314. Подпись: *Иванъ Сизой.*

Мірской судъ. № 44, стр. 535—541. Въ Собр. соч. п. з. „Расправа".

Дурочка. № 45, стр. 565—571. Въ Собр. соч. п. з. „Блаженненькая".

Крымъ. № 47, стр. 618—623 и № 48, стр. 650—657. Подпись *Иванъ Сизой.*

Первая кухарка. № 51, стр. 752—756 и № 52, стр. 796—807. Подпись: *Иванъ Сизой.*

„Развлеченіе" 1862. Дорожный очеркъ (Степные нравы). № 23, стр. 280—284 и № 24, стр. 290—294. Въ Собр. соч. п. з. „На супротивъ".

Аркадское семейство или новая камелія въ Кэпи. Московская идиллія № 43, стр. 205—209; № 44, стр. 217—224 и № 45, стр. 229—232. Подпись: *Иванъ Сизой.*

1863.

Сапожникъ Шкурланъ. Степной очеркъ. № 5, стр. 66—69.

Воскрещій Гуакъ непреоборимый богатырь Флоридскій, или редакція времени. № 14, стр. 214—218. Подпись: *Ив. Сизой.*

1864.

Самоваръ Исая Ѳомича. (Степные нравы). № 8, стр. 114—116 и № 9.

Женитьба портнаго Ивана Маркова и ея послѣдствія. № 25, стр. 385.—394. Подпись: *Иванъ Сизой.*

1865.

1865. Запивоха. № 6, стр. 82—87 Подпись; *И. Сизой.*

„Библіотека для чтенія". 1863. Московскія комнаты снебилью". №№7—9.

„Народное Богатство". 1863. Война.

„Очерки" 1863. Горбунъ (Отрывокъ изъ повѣсти) №№ 61 и 62.

„Сѣверное Сіяніе". (Русскій Художественный Альбомъ издаваемый Василіемъ Генкелемъ Спб. 1863. 4°) Москва и ея окрестности. Т. II, стр. 43—52, 101—112, 177—188, 235—248, 300—308, 355—367, 418—430, 517—522, 569—584, 654—662, 725—732, 777—788. Подпись; *А. Л—въ.*

Имянины сельскаго дьячка. Степные нравы. то-же стр. 309—320.

„Якорь" 1863. Сосѣди. Степные нравы. № 1, стр. 6—9.

Лирическія воспоминанія Ивана Сизой. I. Мои старики № 1, стр. 47—54. Подпись; *Иванъ Сизой.* Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, п. з. „Моя фамилія" было перепеч. въ „Недѣлѣ" 1868 г.

Барышня. № 17, стр. 321—325 и № 18, стр. 345—348. Подпись: *Иванъ Сизой.* Ни въ сборники, ни Собр. сочин. Левитова не вошло.

„Московскія Губернскія Вѣдомости" 1864. Нравы Московскихъ дѣвственныхъ улицъ. (Очеркъ). (Писано, памятуя о погибающемъ другѣ) №№ 4 и 5. Подпись: *Иванъ Сизой.*

„Современникъ" 1864. Выселки. № 1. Бабушка Маслиха. № 8.

1865.

Вѣрное средство отъ разоренья. Очеркъ изъ Московскихъ нравовъ. № 1, стр. 301—330.

„Будильникъ" 1865. Газета. (Степные нравы). № 6, стр. 21—23 и № 7, стр. 25—26.

1876.

Всеядныя. (Картины подмосковной дачной жизни). №№ 46, 47, 48.

1877.

Всеядныя. (продолж. и оконч.). №№ 19 и 20.

„Искра" 1865. Старое бревно. № 15, стр. 214—218 и № 16, стр. 227—231.

Очерки Московскихъ нравовъ. №18. стр. 258—260 и № 19, стр. 274—278, Въ Собр. сочин. п. з. „Графчикъ".

Шоссейныя сцены. № 41, стр. 542 546.

Фигуры и тропы о Московской жизни. Живописующее вмѣсто живописуемаго на первомъ планѣ. № 46, стр. 610—612 и № 47, стр. 630—634. *Иванъ Петровичъ Сизой.*

1868.

День у адвоката. (Изъ разсказовъ Ивана Сизого). № 34, стр. 406—412 и № 35, стр. 417—420.

Аресный столъ. (Петербургскіе нравы). № 39, стр. 466—468. Подпись: *Иванъ Сизой.*

„**Московская Газета**“ 1866. Контора. (Очеркъ изъ Петербургской жизни). № 23. Ни въ сборники ни въ Собр. сочин.—не вошло.

Аховскій посадъ. (Отрывокъ изъ повѣсти). № 35.

„**Недѣля**“ 1868. Моя фамилія. (Старый разсказъ). №№ 7 и 8. Первоначально, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, п. з. „Мои старики“ (Лирическія воспоминанія Ивана Сизой), было напечат. въ журн. „Якорь“ 1863 г., см. выше.

Счастливые люди. №№ 11—14.

1870.

Мое дѣтство. Изъ степныхъ очерковъ. № 1.

Деревенскія картинки. №№ 25—28.

„**Дѣло**“ 1869. Безпечальный народъ. Шоссейные типы, картины и сцены. № 1, стр. 37—77 и № 2, стр. 86—116.

Петербургскій случай. Очеркъ. № 10, стр. 164—217.

1870.

Изъ Московскихъ нравовъ. № 3, стр. 85—117.

Московскія уличныя картины №

„**Отечественныя Записки**“ 1869. Хорошія воспоминанія. (Очеркъ изъ Московскихъ нравовъ). № 12, стр. 327—353.

„**Вѣстникъ Европы**“ 1870. Безпріютный. Шоссейные типы. № 5, стр. 104—131.

1872.

Сельское ученіе. Степная идиллія. № 2, стр. 431—479.

„**Грамотей**“ 1871. Яковъ Петровичъ Сыроѣдъ. (Очеркъ). № 3, стр. 35—48.

Аховскій посадъ. (Степные нравы стараго времяни). Отрывки изъ этой повѣсти были помѣщены въ „Москов. Газетѣ“ 1866 г., см. выше.

„**Дешовая библіотека для легкаго чтенія**“ 1871. Въ деревнѣ. Очеркъ № 3, стр. 101—116.

„**Дѣтское Чтеніе**“ 1871. Сельскій годъ. № 1, стр. 3—16.

„**Сѣяніе**“ 1872. Сказка и правда. (Очеркъ). № 1, стр. 1—4; № 2, стр. 21—26; № 3, стр. 37—42 и № 4, стр. 53—57.

Т. I, 8°, CXXXIX+736+2+I стр. Содержаніе: Предисловіе.—А. И. Левитовъ. Статья Ф. Д. Нефедова.—Типы и сцены сельской ярмарки.—Цѣловальничиха.—Сладкое житье.—Степная дорога ночью. — Степная дорога днемъ.—Наканунѣ Христова дня.—Сосѣди, — Горбунъ. — Расправа. — Дворянка. — Блаженненькая. — Война.—Сапожникъ Шкурланъ.—Старое бревно. — Яковъ Петровичъ Сыроѣдъ.—Новый колоколъ.—Деревенскій случай. — Уличныя картинки — ребячьи учители.—Именины сельскаго дьячка.—Газета въ селѣ.—Степные выселки.—Бабушка Маслиха.—Самоваръ Исая Фомича — Насупротивъ!.. — Сельскія тревоги.—Моя фамилія.—Мое дѣтство.—Деревенскія картинки. Передъ открытіемъ сельскихъ школъ. — Сельское ученіе.—Аховскій посадъ.

Т. II, 8°, 738+2 стр. Содержаніе: Передъ Пасхой.—Московскія „комнаты снебелью“.—Крымъ.—Грачовка.—Аркадское семейство или новая камелія въ Кэпп. — Погибшее, но милое созданье. — Московская тайна.—Нравы Московскихъ дѣвственныхъ улицъ. — Счастливые люди. — Запивоха.—Графчикъ.—Праздничный сонъ.—Вѣрное средство отъ разоренья.—Фигуры и тропы о московской жизни.—Московскія, уличныя картины.—Хорошія воспоминанія.—Ни сѣютъ, ни

жнутъ. — Московскій профиранецъ.— Дѣвичій грѣшокъ.— Сказка и правда.— Барочникъ Картузовъ. — Безпріютный.—Шоссейный день.—Безпечальный народъ.—Петербургскій случай.— Говорящая обезьяна. — „Завиденіе мужской, дамской децкой обуви“.— Всеядныя.

Полное собраніе сочиненій А. И. Левитова. Съ портретомъ автора и вступительной статьей В. А. Никольскаго. 4 тома. Спб. Изд. Н. Ѳ. Мертца. Тип. Т-ва „Народная народная“. 1905, 8°.

Т. I, 8°. XLVI+430+I стр. Содержаніе: А. И. Левитовъ, какъ человѣкъ и писатель. Статья В. А. Никольскаго. — Сладкое житье. — Цѣловальничиха.—Типы и сцены сельской ярмарки. — Степная дорога ночью.— Наканунѣ Христова дня.—Погибшее, но милое созданье.—Передъ Пасхой.— Насупротивъ.—Степная дорога днемъ. —Московская тайна. — Грачовка.— Аркадское семейство или новая камелія въ Кэпи.—Расправа.—Блаженненькая.—Крымъ.—Первая кухарка. —Сосѣди.

Т. II, 8°, 510 стр. Содержаніе: Сапожникъ Шкурланъ.—Горбунъ.—Моя фамилія. - Воскресшій Гуакъ.—Война. —Дворянка. — Московскія „комнаты снебелью“.—Именины сельскаго дьячка. — Степныя выселки. — Самоваръ Исая Ѳомича.—Нравы Московскихъ дѣвственныхъ улицъ. — Женитьба портного Ивана Маркова и ея послѣдствія.—Бабушка Маслиха.—Вѣрное средство отъ разоренья.—Запивоха. — Деревенскій случай.—Новый колоколъ.—Старое бревно.—Уличныя картинки—ребячьи учители.—Яковъ Петровичъ Сыроѣдъ.—Газета въ селѣ.— Счастливые люди.

Т. III, 8°, 471+I нен. стр. Содержаніе: День у адвоката.—Адресный столъ.—Безпечный народъ. — Петербургскій случай.—Хорошія воспоминанія. — Граффикъ.— Праздничный сонъ. — Фигуры и тропы о Московской жизни.— Мое дѣтство.—Московскія уличныя картины. — Безпріютный.—Деревенскія картинки. — Сельскія тревоги. — Сказка и правда.— Сельское ученіе.—Фонарщики.

Т. IV, 8°, 343+II стр. Содержаніе: Московскій проферанецъ. — Аховскій посадъ. — Дѣвичій грѣшокъ.— Не къ рукѣ. — Барочникъ Картузовъ.—Ни сѣютъ, ни жнутъ.—Шоссейный день. —Всеядная.—Говорящая обезьяна.— „Завиденіе мужской, дамской и децкой обуви“. — Московскіе нищіе на поминкахъ.—Стрѣлки и стрѣльба.— Критика о Левитовѣ. — Алфавитный указатель (произведеній Левитова).

Фонарщики. (Очеркъ) № 9, стр. 138—139.

„Народная Ремесленная Газета“ 1873. Московскій профиранецъ. № 1, стр. 43—62.

1874.

Дѣвичій грѣшокъ, (Разсказъ). №№ 1—3.

Не къ рукѣ. Шоссейный очеркъ. № 10, стр. 235—236 и № 13, стр. 308.

„Свѣтъ“ 1879. Говорящая обезьяна. (Эпизодъ изъ романа „Сны и факты“). № 11.

Отдѣльныя изданія. Степные очерки. Изд. В. Генкеля. 2 т., Спб. 1865.

— Тоже. 3 ч. М. 1867. 16°. Ц. 2 р. 25 к.

— Тоже. Изд. 2-е (?) исправленное и дополненное. 2 ч. М., тип. Мамонтова. 1874. 16°. ч. I, 1 нен.+ 355 стр., ч. II, 1 нен. + 306 стр. 2.400 экз., ц. 1 р. 60 к.

Содержаніе. Ч I. Сосѣди. — Горбунъ. — Расправа. — Степная дорога ночью и днемъ.—Дворянка.—Степныя выселки. — Бабушка Маслиха.—Блаженные.—Война.—Сапожникъ Шкурланъ. — Ч. II. Самоваръ Исая-Ѳомича. — Деревенскій случай. — Уличныя картины, ребячьи учители. — Старое бревно. — Яковъ Петровичъ Сыроѣдовъ. — Новый колоколъ. — Насупротивъ. — Газета въ селѣ. — Имянины сельскаго дьячка.—Сладкое житье.— Сельскіе тревоги.

Бабушка Маслиха. Степные очерки. Спб. 1868. ц. 50 к.

Дворянка. Выселки. Степные очерки. Спб. 1868. ц. 50 к.

Сосѣди. Степные очерки. Спб. 1868. ц. 50 к.

Уличныя картины. Очерки. Спб. 1868. ц. 50 к.

Горе селъ, дорогъ и городовъ. Повѣсти, очерки, разсказы и картины. Москва. Тип. Ф. Іогансона. 1874, 8°, 752 стр. (2400 экз.), ц. 3 р. 50 к.

Содержаніе. Наканунѣ Христова дня.—Моя фамилія.—Мое дѣтство.—Деревенскія картинки.—Безпріютный.—Барочникъ Картузовъ. — Сельское ученіе.—Безпечальный народъ.—Петербургскій случай.—Шоссейный день.—Фигуры и тропы о Московской жизни.—Московскія уличныя картинки.—Хорошія воспоминанія.—Сказка и правда.—Аховскій посадъ.—Ни сѣютъ ни жнутъ. — Московскій префиранецъ.—Дѣвичій грѣшокъ.

Жизнь Московскихъ закоулковъ. Очерки и разсказы. Изд. 3-е. Москва. Тип. Мамонтова. 1875, 8°, 537 стр. (2.400 экз.), ц. 1 р. 40 к.

Аховскій посадъ. (Степные нравы стараго времени). Очеркъ первый, съ 2-мя картинами. Изд. народнаго журнала „Грамотей". Москва. Тип. А. Мамонтова и К°. 1877, 8°, 92 стр. (2.000 экз.), ц. 50 к.

Безпріютный. Разсказъ. Изд. „Народной Библіотеки". Москва. Тип. Кушнерева. 1888, 8°, 48 стр. (5.500 экз.).

Московскія норы и трущобы. Собрали М. А. Вороновъ и А. И. Левитовъ. Изд. книгопродавца Н. Г. Овсянникова. 2 тома. (Спб. 1866, 8°.

Т. I, 8°, 448+1 нен. стр. Содержаніе: *Сквозь огонь воду и мѣдныя трубы**). Грачовка—*Адъ.*—*Тишина.*—*Арбузовская крѣпость.* — Московскія „комнаты снебилью".—Аркадское семейство или новая камедія въ Кэпи.

Т. II, 8°, 380+1 нен. стр. Содержаніе: Иванъ Сизой изображаетъ московскіе нравы.—Погибшее, но милое созданье.—Крымъ.—Еще Грачовка.—Передъ Пасхой.—Московская тайна.—Запивоха. — Графчикъ.—Праздничный сонъ.—Нравы Московскихъ дѣвственныхъ улицъ.

— Тоже. Изд. второе, дополненное. Спб. Изд. В. е. Генкеля. Тип. Ефимьева. 1869. 8°, II+576 стр., ц. 1 р. 50 к

Собраніе сочиненій А. И. Левитова. Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ, и статьею о жизни его Ф. Д. Нефедова. Изд. К. Т. Солдатенкова. 2 тома. Москва. Москов. Городск. Типографія. 1884, 8°, ц. за оба тома 5 р.

---

*) Напечатанное курсивомъ принадлежитъ перу М. А. Воронова.

Александръ Ивановичъ Левитовъ родился 30 Августа 1835 г. въ селѣ Добромъ, Лебедянскаго у., Тамбовской г.

Отецъ его, Иванъ Ѳедоровъ, кромѣ понамарской должности, занимался обученіемъ сельскихъ ребятъ грамотѣ и содержалъ постоялый дворъ. Уже 7-ми лѣтъ отъ роду Левитовъ помогалъ своему отцу. Онъ его отдалъ въ Лебедянское духовное училище, а потомъ въ Тамбовскую семинарію, гдѣ векрасно жилось тогда ученикамъ.

Дальнѣйшая жизнь Левитова прошла въ скитаніи по Россіи. Сначала путешествіе пѣшкомъ въ Москву, съ надеждою поступить въ университетъ, потомъ въ Петербургъ, гдѣ онъ занимается въ Медико-хирургической Академіи, а затѣмъ Шенкурскъ, Вологда, Лебедянь, Тамбовъ, опять Москва, опять Петербургъ и опять Москва. Левитовъ попеременно занимаетъ должности: фельдшера, сельскаго учителя, начальника станціи ж. д., редактора періодическаго изданія и писца.

Не видя никакого просвѣта въ своей жизни, Левитовъ сталъ пить и погибъ въ самую пору развитія своего таланта. Онъ похороненъ въ Москвѣ на Ваганьковомъ кладбищѣ

Надъ нимъ обелискъ съ надписью: „Александру Ивановичу Левитову, изобразившему горе селъ, дорогъ и городовъ. Блаженны алчущіе и жаждущіе правды".

Біографическія свѣдѣнія о Левитовѣ: 1) *Ф. Д. Нефедовъ*, въ „Вѣстн. Евр." 1877 № 2—2) *Скромный Наблюдатель* (А. П. Лукинъ), въ „Рус. Вѣд." 1877, № 9—3) „Будильникъ" 1877, № 2.—4) „Книговѣденіе" 1894, № 1, съ портретомъ.—5) „Пчела" 1877, № 4. —6) „Рус. Вѣд." 1877, отъ 5-го Янв.—7) „Современ. Изв." 1877, отъ 5-го Янв.—8) *С. А. Венгеровъ*, въ Энциклоп. Слов. Брокауза-Эфрона, т. XVII.—9) *А. М. Скабичевскій*, въ „Больш. Энциклоп.—10) *И. Игнатовъ*, „Галлерея Рус. писателей" М. 1901, с. 300—301, съ портретомъ.—11) *Н. Мартовъ*, „Галлереи Рус. писателей", Спб. 1891, 8°, с. 51, съ портретомъ.—12) *И. Г. Совѣтовъ*, Литературный указатель.—13) *А. М. Скабичевскій*, Сочиненія, т. II.—14) *Онъ-же*, въ кн. „Беллетристы-народники", Спб. 1888, с. 127—217.— 15) *Онъ-же*, въ кн. „Исторія новѣйшей Русской литературы", гл. XIV.—16) *А. Пыпинъ* въ „Вѣстн. Евр" 1884, № 8 („Беллетристъ-народникъ 60-хъ г.г.").—17) *В. Буренинъ*, въ „Нов. Времени" 1884, № 2924 („Писатель-плебей"). 18) *Н. Н. Златовратскій*, въ сборн. Починъ", М. 1895, 8°—19) *П. В. Засодимскій*, въ „Рус. Богат". 1881, № 12 (въ ст. „Изъ литературныхъ воспоминаній").—20) *Ф. Д. Нефедовъ*, въ „Собраніи сочиненій Левитова" изд. К. Т. Солдатенкова, М. 1884.—21) *В. А. Никольскій*, въ „ Полномъ собр. сочин. Левитова" Спб. 1905.

Иванъ Гвоздевъ.

ЗАПИСКИ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО [1]).

1865 годъ.

Февраль 1. Послѣ всенощной читалъ рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ [2]), противъ дѣйствій Московскаго дворянства. Государь Императоръ благоизволилъ напомянуть о томъ, что онъ Самодержецъ, что никакое сословіе не можетъ говорить о нуждахъ цѣлаго государства, что ему не дано власти предупреждать Государя въ его заботахъ о благѣ Россіи, что дворянство ставитъ ему препятствіе на его пути. Не скоро могъ я уснуть отъ волненія.

2. Пилъ чай въ Чудовѣ, а кофе у священника Ермолаевской церкви, которому исполнилось пятьдесятъ лѣтъ служенія въ священствѣ [3]). Онъ одинъ со старушкою женою, и былъ удивленъ очень моимъ приходомъ. Подивились, думаю, и окрестные жители, видя у его маленькаго домика, гдѣ все обветшало, какъ и его хозяева, красивую карету съ четверней вороныхъ въ серебряныхъ Французскихъ шорахъ, съ кучерами въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ и съ длинными бичами [4]).

---

[1]) Извлечено изъ „Душеполезнаго Чтенія“, 1907 года, II. Б.

[2]) Въ этомъ рескриптѣ на имя Московскаго генералъ-губернатора Офросимова сказано, что все царствованіе императора Александра Николаевича свидѣтельствуетъ, что онъ „не врагъ законно-свободныхъ учрежденій“, но что „право вчинанія“ принадлежитъ исключительно ему. Покойный баронъ М. А. Корфъ передавалъ намъ, что черновой набросокъ этого рескрипта поручено было Государемъ составить ему и что слова „право вчинанія“ принадлежитъ ему, Корфу (выученику и біографу Сперанскаго). II. Б.

[3]) Это былъ протоіерей Михаилъ Александровичъ Сперанскій, скончавшійся 13 Ноября 1873 г. Онъ священствовалъ при церкви Св. Ермолая на Садовой въ теченіи 45 лѣтъ. Его мѣсто занялъ и нынѣ занимаетъ протоіерей Сергій Сергіевичъ Модестовъ. II. Б.

[4]) У преосвященнаго Леонида (тогда Московскаго викарія) была не одна пара лошадей, такъ какъ въ этомъ отношеніи онъ возмѣщалъ Филарета, который по множеству занятій и по слабости здоровья лишь изрѣдка оставлялъ свое Троицкое подворье. Покойный Петръ Алексѣевичъ Вранскій, пользовавшійся его благорасположеніемъ, однажды прислалъ его къ себѣ на Грузинскую площадь (нынѣ домъ Оссовецкаго). Филаретъ отвѣчалъ ему: „Не могу; узы моего званія препятствуютъ“, но въ тоже время сказалъ, что на пути въ Троицкую Лавру заѣдетъ къ нему въ его тамошнюю деревню. Митрополитъ ѣздилъ въ гости лишь къ самымъ высокимъ по ихъ положенію лицамъ. П. Б.

Была ит. Новодѣвичья, которую я наконецъ убѣдилъ записать то, что достопримѣчательно въ ея сношеніяхъ со владыкою. Отъ 7 до 10½ комитетъ тюремный. Владыка дѣйствуетъ сильно. Что-то будетъ. Заѣзжалъ на нѣсколько минутъ къ гражд. губернатору [1]).

4. Посѣтилъ меня Н. Н. Муравьевъ-Карскій. Восточный Кавказъ еще не покоренъ, и мы дорогами не ходимъ безъ конвоя, а въ горы не смѣемъ и проникать; выглядываемъ только изъ безчисленныхъ крѣпостей. Комплектъ войскъ полный, и еще ихъ обновляютъ; а въ ротѣ по 40 и 50 человѣкъ, прочіе солдаты *дворовые*. Это великое злоупотребленіе, по которому солдаты употребляются вмѣсто рабочихъ у начальства.

Муромцовъ и Михайловы въ смущеніи. Михайлова не беретъ креста по присужденію митрополита; Муромцева не беретъ, говоря: «видно не было воли Божіей, чтобы крестъ мнѣ достался, когда нечаянно достался онъ сестрѣ въ началѣ, когда мы не знали его значенія» [2]).

5. Была игуменья единовѣрческая: благодаритъ за рукоположеніе; священника называетъ подвижникомъ. Я сознавался, что по убѣжденію слѣдую порядку у нихъ сохраненному отъ древней церкви: знаменовать себя истово и кланяться всей церкви одновременно, напр. при возгласахъ, и не за всякимъ прошеніемъ и кое-какъ. Говорятъ, что говорили и благодарившіе меня единовѣрцы, что служеніемъ моимъ всѣ довольны.

25 Февр. Ѣздилъ поздравить Е. В—ну [3]), ибо день ея рожденія. Она не ожидала, чтобы я пріѣхалъ, и была очень рада. Сегодня ей 83 года, но живость юношеская.—Владыка пожаловалъ дополненіе къ запискѣ о томъ, что монастырямъ не слѣдуетъ участвовать въ земскихъ учрежденіяхъ, м. пр. потому, что въ 1764 они заплатили за свое будущее существованіе изрядные налоги, а если ихъ зѣмли не будутъ обложены, то не зачѣмъ и депутатовъ отъ монастырей посылать.

---

[1]) Князю Алексѣю Васильевичу Оболенскому. П. Б.

[2]) См. „Р. Архивъ“ сего года, вып. 10-й, стр. 160 и слѣд. П. Б.

[3]) Дѣвицу Екатерину Васильевну Шереметеву, о которой сохранилось много самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній въ семьѣ и въ знакомствѣ ея. Это тетка недавно скончавшагося директора Шереметевскаго Странноприимнаго дома, Бориса Сергѣевича Шереметева. Она жила съ своею племянницею Екатериною Сергѣевной Шереметевой и ея семействомъ на Воздвиженкѣ (въ домѣ, нынѣ 8-мъ), въ этомъ достопамятномъ пріютѣ живаго благочестія, гостепріимства, не обижающей благотворительности. П. Б.

26. Сегодня поминовеніе по королевѣ Нидерландской Аннѣ Павловнѣ. Послѣ литургіи я выходилъ совершить панихиду. Будучи ректоромъ Вив. семинаріи, я обѣдалъ у королевы въ лаврѣ и былъ ею обласканъ. Она говорила, что духовенству и церкви обязана тѣмъ, что Русскіе въ Россіи помнятъ ее. Помню, какъ владыка, сидя подлѣ нея за столомъ, разсматривалъ браслетъ на ея рукѣ съ именами сраженій, въ которыхъ участвовалъ ея покойный супругъ, и владыка при этомъ держалъ ея руку. Она очень величаво, нѣсколько театрально, держала себя, и была тронута пріемомъ, сдѣланнымъ ей [1]). Будучи во флотѣ, я принадлежалъ къ той эскадрѣ, которая по Балтійскому морю и Финскому заливу конвоировала ея сына, но котораго не помню.

Отъ 7 до 11 продолжалось засѣданіе тюремнаго комитета. Владыка предложилъ ходатайствовать, чтобы число директоровъ было неопредѣленное; ему замѣтили, что неохотно на это согласятся въ П. Б., такъ какъ тамъ нѣкоторые члены послужили ко вреду. Владыка сказалъ: «Петербургскій комитетъ боленъ, а Московскому даютъ лѣкарство». Всѣ значительно улыбнулись. Владыка дѣлаетъ тутъ же замѣчанія на неисправности, требуетъ отвѣта на неясности и приводитъ насъ въ порядокъ; между прочимъ замѣтилъ: «Здѣсь мы судимъ о людяхъ болѣе по нравственному убѣжденію, нежели по формальностямъ закона».

Говорили о проектѣ велик. княгини [2]),которая прислала мнѣ съ Сухотинымъ [3]) почтеніе и просила его, чтобы онъ *согрѣлъ* меня къ допущенію свѣтскихъ лицъ въ комитетъ по дѣлу призрѣнія бѣдныхъ учениковъ. Владыка находитъ, что у дитяти будетъ семь нянекъ и хочетъ на меня возложить дѣло, которому я сочувствую только въ принципѣ. О проповѣди съ портретомъ сказалъ: «пусть какъ хотятъ».

2. Вечеръ и ночь провелъ у меня сенаторъ баронъ Цеймернъ [4]). Онъ говоритъ о судебной реформѣ, что это сонъ человѣка въ горячкѣ. Нѣмецъ по отцу и по привычкамъ дѣтства, православный по крещенію, онъ ближе къ пасторамъ нежели къ намъ, но молится по-русски, учился

---

[1]) Ср. „Р. Архивъ" 1905, III, 134. П. Б.

[2]) Елена Павловна. П. Б.

[3]) Сергѣемъ Михайловичемъ. Онъ былъ друженъ съ преосвященнымъ Леонтіемъ. П. Б.

[4]) Максимъ Карловичъ (не баронъ), сынъ преснопамятной начальницы Николаевскаго въ Москвѣ Сиротскаго Института, Лукерьи Алексѣевны (рожд. Сверчковой, Сибирячки), человѣкъ необыкновенныхъ достоинствъ, большой знатокъ Русской исторіи. П. Б.

у Нѣмцевъ, въ нашей церкви говѣетъ, а по Нѣмецкимъ книгамъ заботится о душѣ. Онъ управляетъ выкупнымъ учрежденіемъ, ссудною и сохранною казною умно, дѣятельно, честно, и не даромъ даны ему брилліанты на Александровскомъ орденѣ.

Меня, архим. Іакова и прот. Ключарева призвалъ владыка по дѣлу о вспоможеніи бѣднымъ ученикамъ. Я объяснилъ владыкѣ: А. Н. Стрекалова, по порученію великой княгини, занялась этимъ дѣломъ частно, какъ дѣломъ общественной благотворительности, и представила свой проектъ на усмотрѣніе владыки. Владыка сначала далъ его на просмотръ ректору семинаріи, потомъ мнѣ, передъ Рождествомъ. Я пригласилъ ректора, арх. Іакова, инспектора училищъ Невскаго и Хрущова *), секретарствующаго у Стрекаловой по нѣкоторымъ дѣламъ. Послѣ двухъ засѣданій просили мы Хрущова составить какъ бы журналъ засѣданій. Онъ обѣщалъ. Не сдѣлалъ этого въ праздники, потомъ былъ нездоровъ, потомъ уѣхалъ въ Тулу и, наконецъ, я узналъ, что проектъ имъ составленный отосланъ къ великой княгинѣ. На первой недѣлѣ Хрущовъ говѣлъ; мнѣ не хотѣлось смущать его и себя этимъ объясненіемъ. Потомъ онъ ко мнѣ не показывался, и, наконецъ, пріѣзжаетъ ко мнѣ Стрекалова съ чиновникомъ отъ великой княгини, которая думаетъ, что проектъ написанъ сообразно съ убѣжденіями владыки. Мнѣ жалко, что не довѣрился мнѣнію Симоновскаго архимандрита на счетъ необстоятельности этого добраго человѣка, взявъ во вниманіе его поступокъ съ моимъ братомъ (онъ предложилъ ему искать у попечителя мѣста директора окружнаго, братъ просилъ попечителя и нѣкоторыхъ почтенныхъ людей, а Хрущовъ въ тоже время сталъ просить этого мѣста для себя; но это мѣсто и не откроется). Объясненіе было претяжкое для меня. Великодушіе мое къ Хрущову привело въ затрудненіе всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ и особенно владыку. Рѣшено, чтобы предложить великой княгинѣ, чтобы разсмотрѣніемъ проекта занялся комитетъ, который онъ предполагаетъ по этому случаю устроить. Владыка сказалъ: «когда высокія лица вмѣшиваются въ смиренныя дѣла, то изъ смиренныхъ дѣлъ вырастаютъ высокія препятствія». Библіотекарь великой княгини долго у меня сидѣлъ; говорили о разныхъ царскихъ дѣлахъ. Хотятъ статей для иностранныхъ журналовъ, которыя знакомили бы иностранцевъ съ нашею церковію. Но какъ ихъ помѣщать тамъ? Если подкупомъ, то это недостойно Русскаго имени, и кто будетъ вѣрить подкупнымъ журналамъ?

---

*) Павла Михайловича. П. Б.

3. Читана рѣчь арх. Порфирія [1]) предъ его хиротоніей. Упомянуто о его самоотверженной службѣ въ теченіе 35 лѣтъ. Много сказано о характерѣ епископства; но не правда, будто охранять догматы легче, нежели благотворить посильною нравственною и вещественною помощію.

4 (Четвергъ). Въ 11 часовъ призывалъ меня владыка и читалъ уже готовую, но еще не переписанную, записку для великой княгини. Многословіе и ораторство Ключарева [2]) ему не понравилось. И справедливо: владыкина записка кратка, ясна, практична.—«Научите насъ писать такъ, и мы не будемъ огорчать васъ своею неисправностію». Владыка улыбнулся и сказалъ, указывая на тетрадь: «это короче и кажется ясніе» (т.-е. проекта Ключарева). У него глаза болятъ, и онъ диктовалъ записку отъ 9 до 11 вечера зажмурившись. Сидитъ же онъ лицомъ къ свѣту, окна высокія, шторы зеленыя, но онѣ подняты, а въ окна видны сады, отдаленныя строенія, и все это покрыто снѣгомъ, на которомъ играетъ Мартовское полуденное солнце. Я сказалъ о шторахъ; владыка (потомъ) велѣлъ ихъ спустить; о докторѣ, но онъ возразилъ, что докторъ не дозволитъ ни читать, ни писать, а это невозможно. Получилъ глазную боль оттого, что усиливался читать мелкій шрифтъ газетъ: что-то нужное нашелъ.

5. Я получилъ отъ владыки и передалъ Евген. Сем. Есакову записку владыки для великой княгини.

6. Молодой графъ Шереметевъ пишетъ, что князь Барятинскій (командиръ кавалергардовъ) принялъ его особенно ласково, пригласилъ на пикникъ: въ 11 ч. ночи въ большущихъ саняхъ тройками все общество отправилось въ Новую деревню, въ Старую деревню, почти до Лахты и возвратились на Каменный островъ къ ужину. Это новая сѣть діавольская для образованнаго класса: ночная загородная прогулка въ саняхъ мужчинъ съ женщинами. У князя есть невѣста-дочь... По вызову ѣздилъ ко владыкѣ. Онъ читалъ мнѣ записку противъ устроенія часовни въ память Бородинской битвы, чего такъ хочется С. А. Маслову; хочется потому, что надобно Бородинской игуменіи отплатить за угощеніе.

7. Литургію служилъ пр. Порфирій, еп. Чигиринскій. Послѣ благодарственныхъ молитвъ и отпуста я пошелъ къ нему съ просфорою на блюдцѣ и сказалъ: очень радъ, что привѣтствую в. высокопреп. хлѣбомъ отъ трапезы Господней. Онъ ѣздилъ въ часъ ко владыкѣ, а въ два онъ

[1]) Автора удивительной Книги Бытія Моего". П. Б.

[2]) Впослѣдствіи архіепископа Харьковскаго Амвросія. П. Б.

и пр. Савва у меня обѣдали. Удивляется, что владыка по малому отрывку изъ бесѣдъ патр. Фотія вѣрно судитъ о немъ, какъ писателѣ, называя его слогъ искусственнымъ. Владыка говорилъ, что онъ не узналъ Фотія въ его слогѣ.—Вечеромъ я былъ у владыки. Нѣсколько раскольническаго духовенства изъявили желаніе, чтобы владыка принялъ ихъ въ Православную Церковь, съ тѣмъ, чтобы санъ снять, а признать ихъ только монахами. Затрудненіе въ томъ: нѣкоторые изъ нихъ отлучены за худое поведеніе, другіе Австрійскіе подданные; куда ихъ помѣстить, чѣмъ содержать, кому поручить? Вечеръ кончилъ въ бесѣдѣ съ пр. Порфиріемъ. Онъ урожденецъ Костромы, магистръ Петербургской Академіи съ 1831 г., профессоръ Ришельевскаго лицея, начальникъ Іерусалимской миссіи; былъ въ Палестинѣ, Египтѣ, Царьградѣ, Аѳонѣ, Италіи, въ 1858 г. вторично ѣздилъ на Востокъ, написалъ нѣсколько сочиненій, разсмотрѣлъ до 1000 рукописей Греческихъ, съ 1862 года духовникъ вел. кн. Е. П—ны. Онъ очень любитъ устройство Греческой церкви. По его словамъ, тамъ церковь почти во всякой христіанской деревнѣ, и при ней іерей, избранный приходомъ, пожилой, устроившій семейство, зажиточный. Ему отъ каждаго дома 50 к. въ годъ. У него училище, грамотны всѣ, ибо знаютъ, что грамота пригодится между прочимъ и къ тому, чтобы посвятиться въ священники. Дьяконовъ и причетниковъ нѣтъ. Дьяконы, иподіаконы, чтецы только при архіереяхъ. Архіереи избираются соборомъ архіереевъ безъ всякаго участія мірянъ. Весьма рѣдко сынъ священника бываетъ священникомъ же. Пр. Порфирій говоритъ, что этотъ способъ есть единственный для устроенія быта духовенства. Его планъ: сдѣлать въ Россіи 600 епископовъ, 60 митрополитовъ и 16 экзарховъ, далѣе которыхъ и не восходили бы дѣла; въ штаты этихъ епископовъ опредѣлить наличныхъ кандидатовъ во священство и объявить, что семейство лицъ духовныхъ не принадлежитъ къ духовному сословію, ибо правила вселенскаго собора прямо говорятъ, чтобы не было духовнаго сословія. Валуевъ *) сказалъ ему, что и пальцемъ не двинетъ въ пользу духовенства: оно стоитъ въ ложномъ положеніи; пусть какъ знаетъ, такъ и выходитъ изъ него.

9. Пр. Порфирій ночевалъ въ Лаврѣ и возвратился въ 4 часа, въ *веселіи духовномъ* отъ дружелюбнаго пріема. Странное впечатлѣніе на него произвело 17 л. заграничное пребываніе и житье въ родѣ житья свѣтскаго ученаго въ Невской лаврѣ зимою, и въ Ораненбаумскомъ дворцѣ великой княгини лѣтомъ. «Долго ли вы пробудете въ лаврѣ?» спрашиваю его.—«Нѣтъ, мнѣ некогда *тамъ забавляться!*»—Когда будете

*) Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ.

вы въ соборахъ?—«Я чту вашихъ Сергія и Алексія».—Заѣдете въ Чудовъ, также и въ Успенскій?—«Нѣтъ, я прежде былъ: *не имѣю никакой надобности*».

10. Среда крестопоклонная. Послѣ литургіи, на минуту принялъ кн. Черкасскую [1]) и кн. Щербатову, супругу головы, одѣваясь, чтобы съ пр. Порфиріемъ ѣхать въ 2 часа къ пр. Саввѣ обѣдать. Слышу, что А. Н. [2]) съ своими ожидаетъ меня внизу, чтобы принять благословеніе. Я велѣлъ просить. Одѣлся, выхожу въ гостинную и вижу три семейства: Рюмины, Симанскіе и Беркутъ; я сказалъ каждому нѣсколько словъ и пошелъ. Внизу старушка Макарова также ждала меня. О, какая нужна чистота, чтобы принимать такое усердіе людей и давать имъ благословеніе *помогающее!* Вечеръ кончилъ съ пр. Порфиріемъ, который около двухъ часовъ провелъ у владыки, получилъ отъ него четки и изумленъ его любознательностію: разговоръ былъ историческій, филологическій, философскій, политическій и т. д.

12. Я служилъ дома (черн. обл.). Былъ у меня Ник. Ник. Муравьевъ. Онъ посѣтилъ и пр. Порфирія, котораго разсказы очень заняли его. Остальную часть вечера провелъ съ пр. Порфиріемъ. Еще пламеннѣе стало желаніе мое быть въ Палестинѣ, послѣ разговоровъ съ нимъ.

14. Служилъ въ Чудовѣ. Іеромонахъ Алексій предъ раздробленіемъ св. агнца упалъ отъ дурноты, однако оправился, умылся и пріобщился св. Таинъ. Заходилъ въ келіи владыки пить чай. Послѣ вечерни былъ по вызову у владыки и просидѣлъ отъ $5\frac{1}{2}$ до девяти, ибо владыка не успѣлъ окончить порученіе къ гражданскому губернатору о награждаемыхъ отъ тюремнаго комитета, какъ пріѣхалъ Евг. П. Новиковъ [3]). Говорили о восточныхъ дѣлахъ и очень интересно. Затѣмъ я заѣзжалъ къ кн. Оболенскому. Единовѣрецъ трактирщикъ Коломенскій написалъ и черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ подалъ отъ деревни адресъ Государю, съ выраженіемъ преданности по случаю, что дворяне недоброе замышляютъ противъ Царя, какъ сказано въ рескриптѣ.

15. Ровно годъ, какъ возобновилъ я привычку юныхъ лѣтъ записывать что̀ помню изъ протекшаго дня [4]).

---

[1]) Елену Петровну, рожд. Ушакову. П. Б.

[2]) Александра Николаевна Стрекалова. П. Б.

[3]) Тогда посолъ въ Константинополѣ. П. Б

[4]) Гдѣ эти Записки? П. Б.

16. Послѣ *часовъ* была у меня А. Н. Бахметева [1]), привезла мнѣ дорогóй давно ожиданный подарокъ: житія святыхъ, по моему совѣту, безъ пропусковъ дней, и на каждый день года; привезла еще изъ газеты Американской извѣстіе, что Агапій, іеродіаконъ нашей Аѳинской миссіи, удаленный отъ мѣста, бросившійся съ досады къ Искандеру, принявшій потомъ Турецкое подданство и отъ Греческой іерархіи степень священства, съ антиминсомъ и св. мyромъ прибывшій въ Нью-Іоркъ, совершилъ литургію къ общему удовольствію Американцевъ въ церкви Св. Троицы. Итакъ, Петербургъ затянулъ дѣло, и теперь къ нашему стыду бѣглый діаконъ служитъ представителемъ нашей церкви въ Америкѣ, предъ народомъ такъ искренно простирающимъ къ намъ руки. Вечеромъ докладъ. Владыка вышелъ съ книжкою *Полт. Вѣд.* въ рукахъ и сказалъ: «вы мнѣ иногда говорили, что я пишу длинныя резолюціи; хочу дать вамъ случай къ размышленію, не опасно ли дѣйствительно писать длинныя резолюціи», и далъ прочитать въ *Полт. Вѣд.* двѣ многоглагольныя резолюціи пр. Іоанна; когда онѣ прочитаны, онъ улыбнулся и бросилъ подъ столъ книжку. Владыка намѣренъ послать въ Синодъ замѣчанія о пустотѣ и кривыхъ толкахъ духовной журналистики. О Голохвостовѣ [2]) онъ сказалъ: «былъ онъ у меня; это не только ораторъ, но человѣкъ способный, знающій, съ упорствомъ и надеждою на себя». О картинѣ Овербека Покаяніе, что̀ гр. Орловъ-Давыдовъ пожертвовалъ музею (по прочтеніи описанія картины): думаю, что это фантазія. Когда казаки отбили у Французовъ серебро, похищенное въ Москвѣ и принесли его же въ Москву и въ Петербургъ на видъ Государю, то академикъ какой-то составилъ проектъ: на серебр., уже бывшей, рѣшеткѣ, отдѣляющей возвышеніе, поставить четырехъ серебряныхъ Евангелистовъ, и написалъ толстую тетрадь въ поясненіе своихъ аллегорій. «Апостолы должны имѣть аттическія формы и сильныя движенія, ибо Россія въ 12 году была въ сильномъ напряженіи» и проч. Архитекторъ [3]), строитель Казанскаго собора (отпущен. изъ крѣпостныхъ графа Строганова) отклонилъ дѣло, сказавъ, что дабы понятна была мысль, надобно тутъ и тетрадь положить и каждому читать.

Въ *Моск. Вѣд.* (Среда 17 м. № 59) рѣчь Линкольна при вступленіи во второе четырехлѣтіе президентства, съ глубокимъ религіóзнымъ, отпечаткомъ... «Если есть воля Божія на то, чтобы война продолжа-

[1]) См. о ней „Русскій Архивъ" 1901, вып. 6-й. П. Б.

[2]) Дмитріи Дмитріевичѣ. П. Б.

[3]) Воронихинъ. П. Б.

лась до тѣхъ поръ, пока погибнутъ всѣ богатства, накопленныя 250-лѣтнимъ рабскимъ трудомъ, пока за каждую каплю крови, извлеченную бичемъ рабовладѣльца, уплачено будетъ другою, извлеченною мечемъ, то и тогда должно сказать, какъ сказано 3000 лѣтъ тому назадъ, что велѣнія Господни вполнѣ правосудны». Онъ не хочетъ осуждать Южанъ, ибо сказано: не судите, да не судимы будете. Повторяетъ текстъ: Горе міру отъ соблазна и до конца. Говоритъ, что рабство до нѣкотораго времени, можетъ быть, входило въ божественныя предначертанія, но теперь Провидѣніе желаетъ его уничтоженія. Еще: «каждая изъ нихъ (враждующихъ сторонъ) читаетъ одну и туже Библію, молится одному и тому же Богу. Каждая призываетъ Его на помощь противъ другой. Страннымъ можетъ показаться, что помощь Божія призывается для лишенія одного класса людей куска хлѣба, который они заработываютъ въ потѣ лица своего; но не будемъ осуждать, да не судимы будемъ».—М. Н. Катковъ, говоря о необходимости образованія, заключаетъ: «Теперь ни для кого уже не тайна, что въ этихъ (земскихъ) учрежденіяхъ значеніе образованныхъ классовъ находится въ зависимости отъ классовъ необразованныхъ. Не ясное ли дѣло, что для спасенія общества отъ грозныхъ послѣдствій такого преобладанія надобно всѣми силами содѣйствовать тому, чтобы образованіе какъ можно болѣе распространялось между низшими классами?». Далѣе говоритъ о бѣдствіяхъ въ будущемъ, если не станемъ работать надъ нравственнымъ и умственнымъ возвышеніемъ класса, получающаго у насъ огромную политическую силу. Въ 59 № онъ говоритъ, что наша исторія немного намъ дала, но много насъ уберегла, и хвалитъ народъ за умѣренность въ земскихъ выборахъ; но также говоритъ, что крестьяне не только освобождены отъ помѣщиковъ, но имъ дана власть надъ помѣщиками, которая будетъ усиливаться, и могутъ явиться демагоги...

Я молился о Стрекаловой и Хрущовѣ, которые перестали меня посѣщать, какъ я думалъ по гнѣву на меня, а они пріѣхали нынѣ!

22. В. С. Толстой сказалъ: «Бажановъ, бывъ спрошенъ Адлербергомъ, когда праздновать день восшествія на престолъ Государя Императора, сказалъ: въ Субботу. Адлербергъ телеграфировалъ Бергу: празднуйте въ Субботу; Бергъ передалъ это преосв. Іоанникію, но преосвященный возразилъ, что надо праздновать въ Воскресенье; Бергъ телеграфируетъ Адлербергу, Адлербергъ сообщаетъ и Бажанову, и оберъ-прокурору. Оберъ-прокуроръ митрополиту Новгородскому; митрополитъ отвѣчаетъ, что надо праздновать въ Воскресенье, что сно-

сились уже съ митрополитомъ Московскимъ и сдѣланы общія распоряженія; Бажановъ проситъ, чтобы его не ставили въ неловкое положеніе предъ Государемъ и праздновали въ Субботу. По всему этому оберъ-прокуроръ разсчиталъ, что надо спросить Государя всеподданнѣйшимъ докладомъ. Это великое дѣло рѣшалось уже въ Четвергъ и Пятницу первой седмицы.—Дѣло Православія въ Ливоніи такъ встревожило Гос. Императора, что посланы были викаріи для разузнанія на мѣстѣ и для успокоенія народонаселенія православнаго, которое уже вышло изъ терпѣнія и готово возвратиться въ лютеранство, чтобы не терпѣть гоненія. Открылся сеймъ въ Лифляндіи съ аристократической основой. Это очень огорчило владыку. «Раздерутъ Россію на клочки», сказалъ онъ печально. «И это въ то время, когда Русскому дворянству связали руки и закалаютъ».

26. Когда у меня отслужили утреню, доложено, что Ек. В. Шереметева скончалась, соборовалась, выслушала отходный канонъ. Прочитавъ правила, я поѣхалъ. Уже служили панихиду.

27. Въ часъ совершалъ панихиду надъ гробомъ усопшей. Она спитъ тихо въ серебряномъ гробѣ, вся въ цвѣтахъ, которые такъ любила при жизни. Собраніе было весьма большое. Всѣ родные изъ Москвы и изъ Петербурга съѣхались; всѣ глубоко чувствуютъ потерю. Бар. Ел. Сергѣевна особенно поражена.

Въ 8 часовъ заѣзжалъ я къ больной кн. Е. П. Урусовой *). Шесть лѣтъ прикованная болѣзнію къ одру молодая особа. Въ прежній разъ она мнѣ сказала: «не могу еще благодарить Бога, а могу не роптать, ибо знаю бѣдную, которая больше меня страдаетъ». Нынче сказала: «если бы мнѣ сказали: ты выздоровѣешь, но съ тѣмъ вмѣстѣ въ семьѣ вашей пропадутъ любовь и миръ; то я сказала бы прямо: лучше отказаться отъ выздоровленія, нежели потерять миръ и любовь». Она лежитъ въ постели, свѣтъ закрытъ, такъ что я не видалъ ея лица, съ часъ проговоривъ съ ней.

Съ 7 до 10¼ продолжалось засѣданіе тюремнаго комитета, дѣйствіями котораго владыка такъ недоволенъ, что высказалъ мнѣ и пр. Можайскому намѣреніе отказаться отъ него; ибо молодые дѣятели горячатся, а порядкомъ дѣло сдѣлать не умѣютъ, путаютъ такъ поручаемыя имъ дѣла, что и не разберешь.

---

*) Княгиня Елисавета Петровна, урожд. княжна Трубецкая, супруга оберброкурора Св. Синода. Она выздоровѣла и жила долго. П. Б.

МИТРОПОЛИТЪ ІОАННИКІЙ.

Въ его письмахъ къ И. Г. Терсинскому.

Приводимыя ниже письма принадлежатъ Саратовскому епископу (1864—873) Іоанникію, впослѣдствіи митрополиту въ Москвѣ (1882—1891) и въ Кіевѣ (1891—1900). Среди Саратовскихъ епископовъ преосвященный Іоанникій, безъ сомнѣнія, занимаетъ видное мѣсто. Онъ вступилъ на эту каѳедру въ полномъ цвѣтѣ силъ (род. въ 1826 г.). Ясный практическій умъ, неустанное трудолюбіе и энергія, въ связи съ общимъ движеніемъ Русской жизни въ то время, дали ему возможность развить широкую и разнообразную дѣятельность, слѣды которой и до настоящаго времени видны на каждомъ шагу въ Саратовской епархіи.

Этотъ край представлялъ собою одно изъ гнѣздъ старообрядчества и сектанства. Преосвященный Іоанникій для борьбы съ ними основалъ существующее и до нынѣ „Братство Св. Креста". Это было первое общество, преслѣдовавшее означенную цѣль и послужившее образцомъ для подобныхъ обществъ въ другихъ мѣстахъ. При братствѣ была основана миссіонерская школа, собрана большая библіотека старопечатныхъ книгъ и заведены собесѣдованія съ старообрядцами и сектантами. Въ связи съ миссіонерскими задачами братства, ученіе о расколѣ сдѣлалось предметомъ особой каѳедры въ мѣстной Духовной Семинаріи. Ученики старшихъ классовъ Семинаріи обязаны были являться на устраиваемыя при братствѣ собесѣдованія и составлять о нихъ отчеты, которые и разбирались потомъ на урокахъ. При братствѣ впослѣдствіи возникли: безплатная столовая, учебно-заработный домъ для бѣдныхъ дѣтей и духовно-просвѣтительный союзъ.

Другимъ крупнымъ учрежденіемъ, которое обязано своимъ существованіемъ пр. Іоанникію, было Саратовское епархіальное женское училище. Отчасти на деньги, собранныя по подпискѣ, главнымъ же образомъ на изысканныя епископомъ епархіальныя средства, купленъ былъ домъ для училища. Доступная плата за содержаніе въ училищѣ и умѣлая постановка дѣла скоро полюбились населенію. При училищѣ возникъ пріютъ для содержанія и первоначальнаго обученія духовныхъ сиротъ; къ пріюту присоединилось отдѣленіе для престарѣлыхъ священно и церковнослужителей.

Эти и подобныя учрежденія требовали большихъ средствъ, которыя почерпались главнымъ образомъ изъ основаннаго пр. Іоанникіемъ епархіальнаго свѣчного завода. Это былъ первый по времени епархіальный свѣчной заводъ въ Россіи. Впослѣдствіи такіе заводы возникли и въ другихъ епархіяхъ

и всюду сдѣлались главными источниками средствъ для содержанія епархіальныхъ учрежденій.

Иванъ Григорьевичъ Терсинскій, къ которому обращены нижеслѣдующія письма, былъ родомъ изъ с. Терсы, Вольскаго у. Саратовской губ. Его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ были священниками въ этомъ селѣ. По окончаніи курса въ Петербургской Духовной Амадеміи, молодой магистръ И. Г. Терсинскій былъ назначенъ профессоромъ богословія въ родную Саратовскую семинарію. Воспоминанія его учениковъ, которыя въ свое время печатались въ мѣстныхъ изданіяхъ, изображаютъ его талантливымъ, неизмѣнно-вѣжливымъ (тогда это было довольно необычно) преподавателемъ. Въ 1847 г. И. Г. Терсинскій покинулъ Саратовъ и духовно-учебную службу и около 11 лѣтъ прослужилъ въ разныхъ свѣтскихъ вѣдомствахъ. Въ 1859 г. мы видимъ его въ должности оберъ-секретаря Св. Синода, а въ 1867 г. онъ былъ назначенъ завѣдывать контролемъ при Св. Синодѣ. Умеръ онъ въ 1888 г. въ должности управляющаго контролемъ при Св. Синодѣ и въ чинѣ тайнаго совѣтника.

Служба И. Г. Терсинскаго въ Синодѣ совпала со временемъ преобразованій въ духовномъ вѣдомствѣ. Какъ выдающійся работникъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ относящихся сюда проектовъ, сначала въ качествѣ дѣлопроизводителя различныхъ комиссій при Св. Синодѣ, а потомъ—управляющаго дѣлами присутствія по дѣламъ православнаго духовенства. Работа присутствія была чрезвычайно сложная, и когда его предположенія удостоились высочайшаго утвержденія, то оказалось, что всѣ дѣйствовавшія доселѣ статьи Свода Законовъ относительно сословныхъ и личныхъ правъ православнаго духовенства подверглись измѣненію. Но дѣятельность И. Г. Терсинскаго не ограничивалась духовною сферою. Ему пришлось много поработать въ качествѣ представителя духовнаго вѣдомства, въ комиссіяхъ, учреждавшихся при другихъ министерствахъ, а именно: для кодификаціи положенія о правахъ дѣтей православнаго и Армяно-григоріанскаго духовенства, для составленія устава опекунскаго управленія, правилъ объ обезпеченіи православнаго духовенства въ Западномъ краѣ землями и домами, положенія о воинской повинности и пр.

И. Г. Терсинскій былъ женатъ на Л. Н. Котляревской, мать которой Александра Егоровна была во второмъ бракѣ за Н. А. Пыпинымъ, занимавшимъ незначительное чиновническое мѣсто и владѣльца небольшаго помѣстья въ Аткарскомъ уѣздѣ. Изъ сыновей Н. А. Пыпина пріобрѣлъ извѣстность академикъ А. Н. Пыпинъ. Родная сестра Александры Егоровны была замужемъ за протоіереемъ І. И. Чернышевскимъ, отцомъ извѣстнаго Н. Г. Чернышевскаго. Сей послѣдній, будучи студентомъ Петербургскаго университета, жилъ у И. Г. Терсинскаго, жена котораго приходилась Николаю Гавриловичу двоюродною сестрою.

По отъѣздѣ изъ Саратова въ 1847 г., Иванъ Григорьевичъ только разъ посѣтилъ родной городъ и прожилъ остальное время безвыходно въ Петербургѣ. Но письменныя сношенія съ родиною (и не съ одною родиною) у него довольно были оживленныя. Не только родные, но и посторонніе люди обращались къ нему съ просьбами и за совѣтами. Саратовскіе епископы

равно какъ и архіереи нѣкоторыхъ другихъ епархій, старались поддержать отношенія съ видным синодальнымъ чиновникомъ, который пользовался расположеніемъ оберъ-прокурора графа Д. А. Толстого.

Сергѣй Петровскій.

1867 г. Апр. 12.

Милостивый государь Иванъ Григорьевичъ! [1]) Привѣтствую васъ съ наступающимъ величайшимъ праздникомъ святой церкви, воскресеніемъ Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Воскресшій Христосъ Господь да пріосѣнитъ васъ благодатнымъ своимъ утѣшеніемъ среди трудовъ вашихъ и укрѣпитъ силы Ваши для дальнѣйшаго служенія ко благу св. церкви.

Телеграмма и письмо ваши получены мною почти совмѣстно, съ отмѣтою на первой: «замедлено отъ поврежденія». Распоряженія сдѣланы были еще прежде, и потому второе желаніе ваше осталось неисполненнымъ. Можно, пожалуй, безъ большого труда поправить это дѣло, да вопросъ въ томъ—нужно ли это? Судя по тому, что священникъ К—въ подавалъ ко мнѣ нѣсколько прошеній о перемѣщеніи, въ которыхъ пишетъ, что онъ съ своимъ семействомъ едва кое-какъ можетъ пропитываться, я не думаю, чтобы приходъ въ Терсѣ можно было отнести къ числу хорошихъ. Есть тамъ, сколько извѣстно мнѣ, зажиточные прихожане, но едва ли не бо́льшая половина прихожанъ совсѣмъ почти не ходитъ въ церковь. Ч—ій теперь состоитъ дьякономъ при старомъ соборѣ; приходъ тамъ, по единогласному отзыву всѣхъ, лучшій изъ всѣхъ Саратовскихъ приходовъ. Мнѣ кажется, что ему лучше было бы оставаться пока при этомъ мѣстѣ, выжидая, когда откроется мѣсто священническое гдѣ-нибудь повыгоднѣе. Въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ, духовенству въ настоящее время приходится жить почти на одномъ жалованьѣ, и мнѣ положительно извѣстно, что поступающіе въ такіе приходы изъ Саратова діаконы, даже изъ худшихъ приходовъ, крѣпко сожалѣютъ объ этомъ.

Батюшка вашъ [2]) пока благодушествуетъ. Жалуется, слышно, на удушье, но вѣдь старость сама собою есть болѣзнь. Лѣтомъ ему вѣроятно будетъ тяжелѣе; городская жизнь лѣтомъ вовсе не походитъ на деревенскую.

---

[1]) Дальше обычныя начала и окончанія писемъ опускаются. П. Б.

[2]) Отецъ И. Г. Терсинскаго въ то время былъ переведенъ изъ села Терсы въ Саратовъ, въ Сергіевскую церковь

Въ указѣ о премѣщеніи пр. Платона Рижскаго на Донъ нѣтъ даже обычной въ подобныхъ случаяхъ фразы, что за нимъ оставляется таже степень въ іерархическомъ порядкѣ, какая принадлежала ему прежде. Что за немилость такая? Или теперь уже брошена мысль о степеняхъ, которую давно слѣдовало бы бросить.

Будетъ ли утвержденъ новый проектъ духовно-учебныхъ заведеній въ томъ видѣ, въ какомъ онъ обнародованъ? Для насъ этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ. Не касаясь частностей проекта, я укажу на одно: въ Саратовской епархіи, въ случаѣ осуществленія этого проекта, нужно тотчасъ же уволить половину учащихся въ училищахъ, т. е. болѣе 450 человѣкъ. Предположимъ, что въ крайности мы еще соберемъ средства для одного училища; все-таки придется уволить 300 человѣкъ. Мнѣ кажется, что подобныя распоряженія приводить вдругъ въ исполненіе едва ли благоразумно. И странно какъ-то вышло: проектъ выгоденъ для тѣхъ епархій, которыя наименѣе добросовѣстно представляли въ Св. Синодъ свѣчную прибыль; а тѣ, которые дѣйствовали съ бо́льшею добросовѣстностію въ этомъ отношеніи, потерпѣли тѣмъ бо́льшій ущербъ, чѣмъ добросовѣстнѣе дѣйствовали. Такъ-то можно подорвать всякое довѣріе къ распоряженіямъ начальства. Кстати объ увеличеніи свѣчной прибыли: нехорошо, что изъ-за этого возникла полемика. Многимъ епархіямъ угрожаетъ опасность остаться вовсе безъ прибыли особенно при новомъ торговомъ уставѣ, въ которомъ нѣтъ прямого указанія на законъ, воспрещающій частнымъ торговцамъ продавать церковныя свѣчи въ разбродъ. У меня въ Саратовѣ уже немало завелось подобныхъ торгашей, и въ нынѣшній годъ отъ церквей не поступитъ и той суммы, какая собрана въ прошедшемъ. Я два раза писалъ объ этомъ г. оберъ-прокурору, а отвѣта доселѣ не получилъ. Думаю, что предполагаютъ вовсе отмѣнить извѣстный законъ; въ такомъ случаѣ и отъ церквей будетъ нечего брать. Вѣдь многіе изъ торговцевъ не посовѣстятся поставить столикъ со свѣчами предъ самымъ входомъ въ церковь и продавать ихъ дешевле какою-нибудь полкопѣйкою, и народъ, разумѣется, станетъ покупать у нихъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего высокородія покорнѣйшимъ слугою Іоанникій епископъ Саратовскій.

II.

1869 г. Дек. 29 д.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Васъ озабочиваетъ мысль о діаконѣ Ч—мъ. Не понимаю, въ чемъ тутъ дѣло. По принятому здѣсь, да кажется и во всѣхъ епархіяхъ.

порядку, на открывшіяся священническія вакансіи кандидаты, имѣющіе на то право, подаютъ прошенія къ епархіальному начальству. Діаконъ Ч—й до настоящаго времени ни разу не подавалъ мнѣ никакого прошенія. Помнится, года два назадъ онъ приходилъ ко мнѣ съ сложенною просьбою дать ему мѣсто при Палашевскомъ соборѣ, сдѣлавшееся будто бы праздным за смертію одного священника. Я не разрѣшилъ ему подать формальное прошеніе до полученія офиціальнаго извѣстія о смерти того священника, и такъ какъ слухъ этотъ оказался совершенно неосновательнымъ, то заявленіе Ч—го осталось безъ всякихъ послѣдствій.

Очень жаль, что дѣло объ открытіи епарх. женскаго училища въ Саратовѣ затянулось такъ долго. Помогите намъ въ этомъ дѣлѣ, если есть возможность. Прискорбно будетъ, если дѣло, на которое потрачено столько заботъ, безпокойствъ и матеріальныхъ расходовъ, не приведется къ концу.

Здѣшняя Семинарія въ минувшемъ году подверглась страшнымъ нареканіямъ, по поводу волненій студентовъ Петербургскаго Университета. Не знаю, за что постигла насъ такая напасть. Развѣ за грѣхи отцовъ? Вмѣсто всякихъ оправданій, мнѣ кажется, достаточно обратить вниманіе на тѣ пасквили, которыя печатаютъ о Семинаріи, ея начальникахъ и наставникахъ эти бывшіе питомцы ея, чтобы убѣдиться, что Семинарія ни душой ни тѣломъ не виновата въ томъ направленіи, какое они усвоили себѣ.

Положеніе здѣшней Семинаріи дѣйствительно жалкое. Въ шесть лѣтъ пребыванія моего въ Саратовѣ она два года была безъ ректора, четыре года безъ инспектора (его нѣтъ и въ настоящее время и, судя по указу Св. Синода, полученному мною вчера, трудно надѣяться, чтобы онъ скоро былъ назначенъ), и во всѣ шесть лѣтъ не было времени, когда бы всѣ наставники были налицо (въ настоящее время нѣтъ трехъ изъ двѣнадцати). Дѣло доходило до того, что не было возможности размѣстить классы между наличными наставниками, и такъ какъ въ епархіи нѣтъ священниковъ съ академическимъ образованіемъ, то я вынужденъ былъ принять на себя должность преподавателя и нѣсколько мѣсяцевъ преподавалъ Св. Писаніе.

III.

1871 г. Мар. 2.

Приношу вашему превосходительству искреннюю благодарность за сообщенныя вами свѣдѣнія о реформѣ духовенства. Раздѣляя высказанныя вами убѣжденія и, что̀ можно въ настоящее время, приводя въ исполненіе, считаю нелишнимъ обратить вниманіе ваше на одно

постановленіе, которое во многихъ случаяхъ служитъ для меня, да вѣроятно и не для меня одного, камнемъ преткновенія. При каждой самостоятельной церкви положено имѣть не больше двухъ псаломщиковъ. Я не знаю, почему такъ положено; знаю только, что на дѣлѣ, при новомъ распредѣленіи приходовъ, постановленіе это представитъ немало затрудненій. Въ Саратовской епархіи есть села, въ которыхъ по три церкви; очевидно, что одну изъ нихъ слѣдовало бы сдѣлать самостоятельною, а двѣ приписными. Но съ двумя псаломщиками можно служить только въ двухъ церквахъ, и вотъ, чтобы не закрывать церкви совсѣмъ, приходится оставлять двѣ церкви самостоятельными, а чрезъ это вмѣсто сокращенія штатнаго числа духовенства, оно безъ нужды увеличивается. Еще больше такихъ случаевъ, когда для уравненія существующихъ приходовъ всего лучше было бы соединить въ одинъ приходъ три, находящіеся въ недальнемъ разстояніи, и въ соединенномъ приходѣ оставить одного настоятеля и двухъ помощниковъ; опять невозможность оставить при одной самостоятельной церкви трехъ псаломщиковъ мѣшаетъ этому. Нельзя-ли сдѣлать такъ, чтобы при каждой церквѣ, при которой предполагается помощникъ настоятеля, могъ быть оставленъ и псаломщикъ? Такое видимое увеличеніе штатнаго духовенства въ существѣ дѣла сократило бы число его.

Въ Саратовской епархіи число штатнаго духовенства должно сократиться болѣе чѣмъ на 900 членовъ. Можно думать, что при точномъ соблюденіи установленныхъ правилъ сокращеніе это будетъ приведено въ исполненіе довольно скоро. Въ настоящее время, т. е. въ теченіе полутора года, число духовенства сократилось уже на 184 члена.

IV.

5 Апр. 1873 г.

Вмѣстѣ съ симъ позволю себѣ обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбою не праздничною. Въ Св. Синодѣ есть два моихъ не разрѣшенныхъ представленія: одно, о покупкѣ Братствомъ Св. Креста дома и усадебнаго мѣста для нищенствующихъ дѣтей послана на имя его сіятельства въ Октябрѣ прошлаго года; другое—объ открытіи Епархіальнаго Пріюта для сиротъ-дѣтей духовенства, отосланное на имя Св. Синода въ Февралѣ настоящаго года. Покорнѣйше прошу вашего содѣйствія къ скорѣйшему разрѣшенію означенныхъ представленій. Не прихоть заставляетъ хлопотать о семъ, а существенная нужда. Усадебное мѣсто съ домомъ приторговано братствомъ за 8.000 р.; въ настоящее время есть покупщики, дающіе за него 10.000 р. Срокъ запродажной записи оканчивается въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Если къ сроку не

послѣдуетъ разрѣшенія, братство, конечно, лишится дома да пожалуй потеряетъ и задатокъ.

Домъ для епархіальнаго пріюта я предполагалъ выстроить вчернѣ въ нынѣшнемъ году, такъ чтобы къ осени будущаго года онъ могъ быть вполнѣ готовымъ. Если весною не послѣдуетъ разрѣшенія, постройку придется отложить на цѣлый годъ, а въ годъ мало ли можетъ случиться перемѣнъ, которыя пожалуй совсѣмъ разстроятъ дѣло. Хотя и не предвидится ни съ какой стороны препятствій къ разрѣшенію означеннаго ходатайства, такъ какъ я не прошу у Св. Синода никакого пособія на этотъ предметъ; но приступить къ постройкѣ безъ разрѣшенія не признаю безопаснымъ.

V.

1873 г. Мая 17.

Братство Св. Креста безпокоится медленностію въ разрѣшеніи купить домъ; безпокоитъ и меня своими напоминаніями. Срокъ запродажной записи кончается въ Іюнѣ; по закону, говорятъ, по прошествіи срока, залогъ долженъ остаться въ рукахъ домовладѣльца, и дѣло прекращается. 600 р., уже затраченныя Братствомъ; сумма немаловажная для него, и мое положеніе, какъ офиціальнаго покровителя Братства и не-офиціальнаго главнаго дѣятеля въ Братствѣ, а по временамъ почти единственнаго, очень не ловкое. Позволю себѣ еще разъ покорнѣйше и усерднѣйше просить васъ оказать содѣйствіе къ ускоренію разрѣшенія.

Всѣ перемѣны въ моей жизни, бывшія доселѣ, происходили не только безъ моего согласія, но и безъ моего вѣдома. Вѣроятно такъ же будетъ и дальше. Оно и лучше, потому что спокойнѣе бываетъ на душѣ, когда не самъ выбираешь себѣ мѣсто службы. Состоится-ли перемѣна, о которой вы пишете *), или нѣтъ, то и другое приму съ одинаковымъ спокойствіемъ. Десятый годъ живу въ Саратовѣ. Много трудовъ положено для улучшенія Саратовской епархіи; позволю себѣ сказать, что немало и сдѣлано, что̀ конечно будетъ оцѣнено по достоинству въ свое время; есть предположеніе сдѣлать и еще кое-что. Вообще потрудиться есть надъ чѣмъ, и потрудиться не безъ пользы; а гдѣ трудъ съ пользою, тамъ и спокойствіе душевное. Чего же желать больше? А какъ подумаешь съ другой стороны о долговременной опалѣ, которая наложена на Саратовъ и которая почти всею своею

*) Повидимому, рѣчь идетъ о перемѣщеніи пр. Іоанникія изъ Саратова въ Нижній Новгородъ, которое вскорѣ дѣйствительно и состоялось.

тяжестью лежитъ исключительно на моихъ плечахъ: то невольно возникнетъ въ душѣ искусительное желаніе сложить съ себя тяжелую и непріятную ношу. Да будетъ во всемъ воля Божія!

Кстати, не пора ли снять съ Саратовской Семинаріи опалу? *) Лица, изъ за которыхъ наложена опала, неизвѣстны мнѣ, потому что, за исключеніемъ одного, они вышли изъ Семинаріи до моего поступленія на Саратовскую каѳедру. Начальствующіе въ Семинаріи перемѣнились, да и не разъ. Личный составъ преподавателей также измѣнялся нѣсколько разъ. Остается только одинъ ветеранъ М. И. Смирновъ, можетъ быть извѣстный и вамъ. Два ревизора, назначаемые въ Семинарію, не нашли въ ней ничего особеннаго. Между тѣмъ послѣдствія опалы очень прискорбныя. Наставники поступаютъ къ намъ больше по необходимости и при первой возможности уходятъ отъ насъ, хотя содержаніе ихъ, благодаря учрежденному мною свѣчному заводу, до преобразованія Семинаріи было нѣсколько лучше, чѣмъ будетъ по преобразованіи. Предоставленное мнѣ право ходатайствовать каждый разъ особо о дозволеніи поступать воспитанникамъ Семинаріи въ Академіи остается и, кажется, на долгое время останется мертвою буквою, потому что всѣ способные ученики, не желая быть опальными, заблаговременно оставляютъ Семинарію и переходятъ въ другія заведенія, изъ которыхъ свободно можно поступать куда угодно. Наконецъ число учащихся въ духовноучебныхъ заведеніяхъ Саратовской епархіи сократилось, какъ видно сіе изъ офиціальныхъ отчетовъ, на 47% въ продолженіе пяти лѣтъ. Я вынуждаюсь принимать и даже приглашать въ священники изъ другихъ епархій, потому что некого рукополагать.

---

*) Опала заключалась въ томъ, что Саратовскіе семинаристы лишены были права поступленія въ университетъ, да и въ духовныя академіи могли поступать лишь съ особаго каждый разъ дозволенія. Любопытно, что опала была снята какъ разъ въ то время, когда вообще у всѣхъ семинаристовъ отнято было право поступленія въ университеты безъ выдержанія испытанія зрѣлости въ гимназіи.

МОСКОВСКОЕ КУПЕЧЕСТВО XVIII И XIX ВѢКОВЪ.

(Генеалогическія замѣтки).

Въ генеалогіи Московскихъ купеческихъ родовъ драгоцѣннымъ источникомъ являются „Матеріалы для исторіи Московскаго купечества", изданные по иниціативѣ Н. А. Найденова: согласно его предложенію въ засѣданіи выборныхъ Московскаго купечества 8 Апрѣля 1883 г. было постановлено напечатать архивные документы, которые могутъ служить источникомъ для исторіи Московскаго купечества, именно ревизскія и окладныя книги и др. за XVIII и XIX вѣка (за XVII вѣкъ переписныхъ книгъ по Москвѣ сохранилось очень мало). Документы были извлечены изъ архивовъ Министерства Юстиціи и Купеческой управы. Всего издано было 9 томовъ (первый томъ вышелъ въ 1883 г., послѣдній въ 1889 г.), заключающихъ данныя 10 ревизій (первая ревизія или перепись была при Петрѣ I въ 20-хъ годахъ, десятая при Александрѣ II въ 1857 г.), и нѣсколько дополнительныхъ томовъ, содержащихъ переписныя книги XVII вѣка, окладную книгу 1748 г., общественные приговоры и нѣкоторые другіе документы. При каждой ревизіи лица, принадлежавшія къ купечеству, подавали сказки о наличномъ составѣ семейства съ указаніемъ возраста каждаго члена семьи, мѣстожительства, занятія. Впрочемъ, сказки не всегда бывали одинаковаго содержанія: въ сказкахъ первыхъ двухъ ревизій не указаны лица женскаго пола, сказки послѣдующихъ ревизій XVIII вѣка не только даютъ женскія имена, но и указываютъ, откуда „взяты" жены и за кого выданы дочери, сказки же XIX вѣка даютъ только имена женъ и дочерей, не вышедшихъ замужъ. Если податель сказки принятъ въ Московское купечество въ промежутокъ времени между двумя ревизіями, то онъ указываетъ свое первоначальное званіе. Такимъ образомъ, по даннымъ десяти ревизій можно изучить составъ Московскаго купечества, опредѣлить его первоначальное ядро и постепенныя наслоенія; къ сожалѣнію, сказки XVIII вѣка дошли до насъ не въ полной сохранности. Въ нашу задачу не входитъ изученіе состава всего Московскаго купечества, а лишь извлеченіе свѣдѣній, касающихся происхожденія нѣкоторыхъ болѣе выдающихся купеческихъ родовъ и родственныхъ связей ихъ съ дворянствомъ.

Та часть населенія Москвы, изъ которой въ XVIII вѣкѣ образовались сословія купеческое, мѣщанское и ремесленное, въ XVII вѣкѣ составляла одно сословіе посадскихъ людей, дѣлившееся на сотни (цѣлыя сотни, полу-

сотни и четверть сотни) и слободы. Лица, принадлежавшія къ сотнямъ Гостиной и Суконной, пользовались преимуществами; эти сотни пополнялись лучшими людьми изъ другихъ сотенъ и слободъ и изъ другихъ городовъ. Принадлежавшіе къ Гостиной сотнѣ за особыя отличія жаловались въ званіе гостей и получали особыя права. Каждая слобода и сотня имѣла свое особое управленіе со старостой (въ слободахъ и привилегированныхъ сотняхъ) и сотскимъ во главѣ. Дѣленіе Московскаго тяглаго населенія на слободы и сотни сохранилось и послѣ Петра I, но число ихъ сократилось. Въ XVIII вѣкѣ оно дѣлилось на 4 сотни (Гостиная, Новгородская, Дмитровская и Срѣтенская), 3 полусотни (Устьинская, Кожевницкая и Мясницкая) и 26 слободъ (Кадашевская, Крымскіе Лужники, Казенная, Огородная, Напрудная, Большіе Лужники, Кошельная, Дѣвичьи Лужники, Алексѣевская, Конюшенная, Садовая Набережная, Панкратьевская, Голутвенная, Семеновская, Басманная, Барашская, Мѣщанская, Гончарная, Кузнецкая, Красносельская, Большая Садовая, Таганная, Сыромятная, Екатерининская, Хамовая и Бронная). Въ началѣ XIX вѣка находимъ уже только одну сотню Гостиную, а въ 1815 г. и она превращается въ слободу. Первоначально лица, принадлежавшія къ извѣстной сотнѣ или слободѣ, жили, безъ сомнѣнія, въ ея предѣлахъ; но съ теченіемъ времени принадлежность къ сотнѣ или слободѣ перестала обозначать мѣстожительство, а лишь указывала на извѣстную подвѣдомственность, въ настоящее же время, послѣ упраздненія прежнихъ сословныхъ учрежденій, она стала вполнѣ номинальной. Интересно, что иностранцы большей частью приписывались къ Басманной слободѣ, вѣроятно вслѣдствіе сосѣдства ея съ Нѣмецкой слободой, древнимъ мѣстожительствомъ иноземцевъ.

Московское купечество пополнялось лицами, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ слоямъ общества. Мы встрѣчаемъ среди нихъ крестьянъ, посадскихъ людей и купцовъ разныхъ городовъ, мастерового человѣка Оружейной палаты, портного мастера Мастерской палаты, дьячка, сыновей священниковъ, пономарей, дьячковъ, истопника Сытнаго дворца, иконописца Оружейной палаты, разныхъ инородцевъ и иностранцевъ, въ началѣ главнымъ образомъ „Польской породы“ и „Шведской націи“. Эти Поляки и Шведы въ началѣ XVIII в. фамилій не имѣли, а назывались по имени и отчеству, такъ что ихъ трудно отличить отъ коренныхъ Русскихъ. Въ 80 и 90 годахъ XVIII в. въ составъ Московскаго купечества въ качествѣ временныхъ купцовъ входили и дворяне (отставной корнетъ Терент. Ив. Ворошнинъ, поручикъ Егоръ Ѳед. Воронинъ, премьеръ-маіоръ Петръ Александровичъ Римскій-Корсаковъ, гвардіи прапорщикъ Ив. Вас. Хомяковъ, надв. сов. Левъ Александр. Кайсаровъ и гвардіи прапорщикъ Петръ Евдоким. Демидовъ) *).

Если сравнить фамиліи современныхъ выдающихся купеческихъ родовъ и игравшихъ видную роль въ началѣ XVIII вѣка, то не найдемъ ни одного рода, который бы сохранилъ свое значеніе со временъ Петра I до нашихъ

*) Матер. IV, 474.

дней: выдающіеся роды Петровскаго времени или перешли въ дворянство, или совершенно исчезли; тѣ же, которые теперь извѣстны, въ то время не имѣли никакого значенія. Возьмемъ списокъ Гостинной сотни 1713 г. Во главѣ его стоитъ именитый человѣкъ Григорій Дмитріевичъ Строгановъ, заканчивающій собою древнюю исторію своего рода: его потомки уже принадлежатъ къ высшему придворному дворянству. Далѣе находимъ фамиліи Филатьевыхъ, Панкратьевыхъ, Семенниковыхъ, Юрьевыхъ, Добрынинныхъ, Чирьевыхъ, Исаевыхъ, Нестеровыхъ, Сверчковыхъ, Климушиныхъ, Сырейщиковыхъ, Шиловцевыхъ, Олесовыхъ, Бабушкиныхъ, Гусятниковыхъ, Евреиновыхъ и др.; изъ иноземцевъ фонъ Кельдерманъ и Вестовыхъ [1]). Въ наше время, если и встрѣчаются купеческіе роды съ одной изъ перечисленныхъ фамилій, то большого значенія они не имѣютъ. Въ XVIII вѣкѣ изъ этихъ родовъ болѣе видную роль играли Исаевы, Евреиновы и Гусятниковы.

Родоначальникъ *Исаевыхъ* Ивашка Исаевъ, имѣвшій сыновей Ивана, Семена и Илью, былъ родомъ изъ г. Дубровны (Горецкаго у. Могилевской губ.) и въ 1655 г. былъ взятъ въ плѣнъ Матв. Вас. Жидовиновымъ, по смерти котораго перешелъ къ его брату Ивану Васильевичу. Когда послѣдній былъ убитъ въ Симбирскѣ въ 1671 г., то Исаевъ былъ отпущенъ на волю и въ 1673 г. сталъ жить въ Московской Мѣщанской слободѣ, населеніе которой состояло главнымъ образомъ изъ Западно-русскихъ полоняниковъ, и торговать въ Шелковомъ ряду; затѣмъ онъ служилъ на Мѣщанскихъ кружечныхъ дворахъ у питейной продажи головою у денежнаго сбора и въ 1678 г. перечисленъ въ Гостиную сотню, а потомъ пожалованъ гостемъ. Сынъ его Илья Ивановичъ былъ президентомъ Петербургскаго магистрата въ 1720 г., президентомъ магистрата и оберъ-инспекторомъ въ Ригѣ въ 1727—29 гг., вице-президентомъ Коммерцъ-коллегіи въ 1731 г. и дѣйств. ст. совѣтникомъ въ 1741 г. [2]), а внукъ Иванъ Семеновичъ, купецъ 1 гильдіи, —президентомъ главнаго магистрата въ 1748 г. [3]). Исаевы больше не числились въ Московскомъ купечествѣ и перешли въ дворянство [4]).

Родоначальникомъ *Евреиновыхъ* былъ гость Матвѣй Григорьевичъ, по происхожденію Еврей изъ г. Мстиславля Могилевской губ. Потомки его, записываясь въ дворянство, назвали его Польскимъ шляхтичемъ и поэтому внесены были въ 6 часть родословной книги. Между тѣмъ, его Еврейское происхожденіе несомнѣнно. Вотъ что о немъ находимъ въ переписной книгѣ Мѣщанской слободы 1676 г.: „Матюшка Григорьевъ, Еврей, у него сынъ Петрунька, да у него жъ братъ его родной Ѳедька Григорьевъ, родомъ Мстиславля города; въ прошломъ въ 163 (1654—55 г.) взяли его служилые люди и на Москвѣ отдали Гостиной сотни Кирилу Волосатому, и жилъ у него 15 л. и свобожденъ отъ него по указу великаго государя... въ 176 г. и

---

[1]) О Вестовыхъ см. разсказъ И. С. Бѣляева въ „Истор. Вѣстн." за 1907 г.

[2]) Прилож. къ т. I (Переписн. кн. Мѣщан. сл. I, 2, 72).

[3]) Тамъ же (окладн. кн. 1748 г., 2).

[4]) Брокгаузъ, XXV.

изъ Посольскаго приказу отосланъ былъ съ памятью на житье въ Новомикицкую слободу и .. въ 179 г. взятъ онъ, по указу великаго государя, въ Новомѣщанскую слободу безъ поручной записи, а торгуетъ онъ въ овошномъ ряду“ [1]). Одинъ изъ его сыновей Яковъ Матвѣевичъ (р. 1700+1772) былъ консуломъ въ Испаніи, президентомъ коммерцъ-коллегіи, дѣйств. ст. совѣтникомъ и является родоначальникомъ дворянскаго рода Евреиновыхъ. Племянники его служили въ военной службѣ, и одинъ изъ нихъ, Иванъ Андреевичъ (р. 1746+1793) достигъ чина генералъ-маіора. Отъ племянника Матвѣя Григорьевича Авраама Ѳедоровича, купца гостиной сотни, ведшаго торговлю съ Китаемъ, пошла другая вѣтвь Евреиновыхъ, члены которой благодаря службѣ также достигли дворянства.

Изъ предковъ *Гусятниковыхъ* первымъ мы знаемъ Сергѣя Захарьевича, внесеннаго въ окладной списокъ Гостиной сотни 1713 г. Внукъ его Михаилъ Петровичъ (р. 1707+1776) былъ оберъ-директоромъ. Изъ сыновей послѣдняго Михаилъ (+1782) былъ также оберъ-директоромъ, Петръ (+1816) имѣлъ званіе именитаго гражданина, а Ѳедоръ (р. 1759+1791) былъ поручикомъ. Одна изъ дочерей Михаила Петровича Елисавета (р. 1756+1791), бывшая замужемъ за камердинеромъ двора Е. И. В. полковничья ранга Алексѣемъ Семен. Поповымъ († 1780), имѣла отъ гр. Ѳедора Григорьевича Орлова нѣсколько дѣтей, въ томъ числѣ декабриста Михаила Ѳедоровича и князя Алексѣя Ѳедоровича Орловыхъ. Сыновья Петра Михайловича учились въ Московскомъ университетѣ (изъ нихъ Петръ былъ членомъ Московской таможни), а дочь его Евгенія Петровна (р. 1803 † 1880 г.) была женою Николая Аполлоновича Майкова и матерью поэта Аполлона Николаевича и вице-президента Академіи Наукъ Леонида Николаевича Майковыхъ.

Изъ древнихъ купеческихъ родовъ другихъ сотенъ и слободъ болѣе извѣстны Каретниковы, Оконишниковы, Перловы, Лукутины, Земскіе, Баташевы, Москвины и Струговщиковы, изъ коихъ первые четыре существуютъ и теперь. Предокъ *Каретниковыхъ*, Шуйскихъ фабрикантовъ, тяглецъ Дмитровской сотни Андрей Семеновъ, не имѣвшій еще фамиліи, упоминается въ переписной книгѣ 1725 г.; сынъ его Петръ во время 2-ой ревизіи въ 1747 г. уже носилъ фамилію Каретникова [2]). Въ переписной книгѣ 1747 г. находимъ тяглеца Голутвенной слободы Емельяна Ѳедоровича *Оконишникова* въ отдѣлѣ „въ прежнюю перепись прописныхъ“, слѣдовательно онъ числился въ Москвѣ и до 1725 г. [3]) Родоначальникомъ *Перловыхъ* является тяглецъ Срѣтенской сотни Иванъ Михайловъ (р. 1705 † 1755), упоминаемый въ переписной книгѣ 1725 г. [4]). Фамиліи онъ еще не имѣлъ; ее получилъ только въ 1807 г. его сынъ Алексѣй Ивановичъ (р. 1751 † 1813), торговавшій въ Овошномъ ряду. Потомки его основали двѣ извѣстныя чайныя фирмы, представители которыхъ, по случаю столѣтія торговаго дома, возведены были

[1]) Прилож. къ т. I (Переписн. кн. Мѣщан. сл. 11).

[2]) Матер. I, ч. 1, 166, ч. 2, 113.

[3]) I, ч. 2, 32.

[4])I, ч. 1, 177, ч. 2, 121.

въ дворянское достоинство. Предокъ *Лукутиныхъ* Василій Прокофьевичъ числился въ Московскомъ купечествѣ по переписи 1725 г. и торговалъ въ золотномъ ряду [1]). Изъ *Земскихъ* первымъ упоминается въ нашихъ документахъ старинный тяглецъ Алексѣевской слободы Яковъ Васильевичъ (р. 1685 г.). Его сынъ Данила Яковлевичъ (р. 1710 † 1768), разныхъ фабрикъ содержатель, откупщикъ, былъ однимъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей на промышленномъ поприщѣ. Его и семью его описываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ внучка его Е. В. Смирная, ур. кн. Вяземская. Данила Яковлевичъ былъ женатъ дважды: на дочери Ярославскаго фабриканта Ивана Затрапезнаго и на дочери содержателя желѣзныхъ заводовъ Аграфенѣ Иван. Миляковой (р. 1744 † 1767). Сынъ его Данила Даниловичъ (р. 1748 † 1785), женатый къ Аннѣ Прокоф. Демидовой, имѣлъ 2 сыновей: Данилу (р. 1770) и Ивана (р. 1771), выбывшихъ въ военную службу, и дочь Анну (р. 1777). Дочери Даниды Яковлевича были замужемъ: Елисавета (р. Ок. 1746) за кн. Вас. Алексѣев. Вяземскимъ, Сусанна (р. 1747) за фабрикантомъ Макс. Алексѣев. Демидовымъ и Ник. Александр. Соймоновымъ, Анна (р. 1751) за Кирил. Прокоф. Бобровскимъ, Варвара (р. 1753) за маіоромъ Егор. Марк. Шелимовымъ и Сарра (р. 1775) за маіоромъ Антон. Мих. Аничковымъ [2]). *Москвины* происходятъ отъ Тульскаго посадскаго человѣка Ивана Кирилловича Мячкина, жившаго въ Москвѣ въ 1725 г.; сынъ его носилъ прозвища Мясникова и Москвина, а потомки удержали послѣднее [3]). *Баташевы* происходятъ также изъ Тульскихъ посадскихъ людей. Ихъ было двѣ семьи. Въ переписной книгѣ 1725 г. находимъ кадашевца Родіона Ѳедоровича съ сыномъ Кузьмой и тяглеца Хамовной слободы Ивана Кирилловича († 1759), прибывшаго въ 1716 г. Послѣдній былъ женатъ на дочери прапорщика Кіевскаго гарнизона Ѳеклѣ Егоровнѣ Венедиктовой († 1774) и имѣлъ 3 сыновей: Петра († 1783), купца (его вдова имѣла пропитаніе отъ плетенія кружевъ), Александра (р. 1741+1807), дворянина, содержателя желѣзныхъ заводовъ (женатъ на Аннѣ Саввишнѣ Яковлевой), и Григорія, купца, содержателя полотняной фабрики. Дочь Ивана Кирилловича Татьяна была за 1 гильдіи купцомъ Ос. Як. Москвинымъ, а дочь ихъ Елисавета Осиповна вышла за заводчика Ивана Родіоновича Баташова (неизвѣстно, былъ ли онъ родственникъ выше упомянутыхъ) [4]). Предкомъ *Струговщиковыхъ* былъ тяглецъ Мѣщанской слободы Матвѣй Семеновъ, сѣнникъ, записанный въ переписную книгу 1684 г. Сынъ его Петръ Струговщиковъ († 1757) служилъ у Никиты Демидова, а внукъ Борисъ Петровичъ, ратсгеръ главнаго магистрата, „за безпорочную

---

[1]) I, ч. 1, 7.

[2]) I. 134, II, 77, III, 213, IV, 546. Воспоминанія Е. В. Смирной см. въ „Русской Старинѣ“ 1883 г. Поправки къ нимъ кн. Лобанова-Ростовскаго въ „Р. Стар.“ 1884 г. То, что Е. В. Смирная сообщаетъ о своемъ дѣдѣ, требуетъ провѣрки. Между прочимъ, по ея словамъ, онъ былъ изъ дворянъ.

[3]) I, ч. 1, 13, ч. 2, 8.

[4]) I, ч. 1, 13, 175, ч. 2, 8, II, 166, III, 327, IV, 678. О. И. Р. Баташова см. статью Толычевой въ „Р. Архивѣ“ 1871 г.

на своемъ коштѣ службу" пожалованъ „вѣчнымъ чиномъ титулярнаго совѣтника". Его племянники Іасонъ, Евгеній и Андрей Петровичи и Александръ Ивановичъ поступили въ военную службу, а племянницы вышли замужъ: Марія Петровна за 1 гильдіи купца Михаила Милютина [1]), а Анна Ивановна, за премьеръ-маіора Ивана Васильевича Логинова. Дочь Іасона Петровича Марія († 1839) была за камердинеромъ двора Е. И. В. Ѳедоромъ Ермолаевичемъ Секретаревымъ (раньше служилъ у Потемкина).

Укажемъ теперь происхожденіе нѣкоторыхъ болѣе позднихъ родовъ, выдвинувшихся во 2-й половинѣ XVIII и въ XIX в. и время ихъ „прибытія" въ Москву.

Абрикосовы—изъ крестьянъ с. Троицкаго, Отмистъ тожъ, Чембар. у. Пензенской губ. Анны Петровны Левашевой 1804 г. Фамилію получили въ 1814 г. [2]).

Алексѣевы—изъ крестьянъ сельца Добродѣева дер. Костиной Ярослав. губ. Натальи Никифоровны Ивановой 1746 г. [3]). Ихъ предокъ Алексѣй Петровъ (р. 1724 † 1775) былъ женатъ на дочери конюха гр. П. Б. Шереметева. Сыновья его Семенъ (р. 1746 † 1823) и Василій (р. 1760 † 1807) торговали въ 1795 г. въ серебряномъ ряду и были родоначальниками 2 вѣтвей Алексѣевыхъ (сыновья Василія получили фамилію Алексѣевыхъ въ 1819 г.) Александръ Васильевичъ (р. 1788 † 1841) былъ въ 1840—41 гг. Московскимъ городскимъ головой. Въ серединѣ XIX вѣка Алексѣевы начинаютъ вступать въ брачныя связи съ дворянами: Варвара Петровна (р. 1827 † 1848) была за д. ст. сов. Мих. Аким. Рюминымъ, Екатерина Васильевна (р. 1838 + 1871) за камеръ-юнкеромъ Серг. Смирновымъ, Надежда Владимировна (р. 1826 † 1865) за полковникомъ Арк. Илар. Беклемишевымъ, сестры ея Анна (р. 1831 † 1891) за полковникомъ Львомъ Дм. Кисловскимъ, Татьяна (р. 1840 † 1892) за Андр. Ник. Костомаровымъ. Въ наше время достигли извѣстности изъ рода Алексѣевыхъ Александръ Семеновичъ, дѣйств. ст. совѣтникъ, докторъ государственнаго права, профессоръ и деканъ юридическаго факультета Московскаго университета, Николай Александровичъ (р. 1852 † 1893), Московскій городской голова, и Константинъ Сергѣевичъ, одинъ изъ основателей Московскаго Художественнаго театра, выдающійся актеръ, извѣстный подъ псевдонимомъ Станиславскаго.

Бахрушины—изъ Зарайскихъ купцовъ 1835 г. [4]), родъ которыхъ по документамъ можно прослѣдить до 1722 г. [5]). Перешедшій въ Москву Алексѣй Ѳедоровичъ (+1848), отецъ недавно умершаго благотворителя почетнаго

---

[1]) Прилож. къ т. I (Переписн. кн. Мѣщан. сл., 110; I, 219, III, 106, IV, 389. Къ сожалѣнію, не удалось пока найти, не Михаилъ ли Андреевичъ Милютинъ, дѣдъ гр. Д. А. и Н. А. Милютиныхъ.

[2]) V, 206, VI, 132.

[3]) II, 50.

[4]) VIII, 188.

[5]) Матеріалы для исторіи Зарайска. М. 1883 г.

гражданина г. Москвы Василія Алексѣевича (+29 Октября 1906) и дѣдъ коллекціонеровъ Алексѣя Петровича (+1904) и Алексѣя Александровича.

Борисовскіе—изъ Ростовскихъ купцовъ 1813 г. Имѣли торговлю въ яблошномъ ряду [1]).

Боткины—изъ Торопецкихъ посадскихъ людей 1791 г. [2]). Ихъ родъ можно прослѣдить по документамъ въ непрерывной связи до половины XVII вѣка [3]). Первымъ перешелъ въ Москву Дмитрій Кононовичъ, а потомъ его братъ Петръ Кононовичъ (р. 1781+1853), основатель извѣстной чайной фирмы, отецъ писателя Василія, лейбъ-медика Сергѣя и художника Михаила (академика, тайнаго совѣтника) Петровичей. Двое изъ его внуковъ также лейбъ-медики (почетные), а двое имѣютъ придворное званіе и служатъ на дипломатическомъ поприщѣ (Сергѣй Дмитріевичъ и Петръ Сергѣевичъ, министръ-резидентъ въ Марокко).

Вишняковы—изъ Кашинскихъ купцовъ 1762 г. Древнѣйшій представитель этого рода въ Кашинѣ встрѣчается въ архивныхъ документахъ 1636 г. Внукъ перешедшаго въ Москву Михаила Ивановича Николай Петровичъ составилъ исторію своего рода [4]).

Воспряковы—изъ крестьянъ генералъ-маіора Купреянова 1834 г. [5]).

Ганешины—изъ Калужскаго купечества 1830 г. [6]).

Голофтьевы—изъ Боровскихъ мѣщанъ 1845 г. (Кононъ Никоновичъ) [7]).

Губины—изъ Орловскихъ купцовъ 1770 г. (Михаилъ Павловичъ, именитый гражданинъ, коммерціи совѣтникъ) [8]).

Губонины. Прибывшій въ Московское купечество въ 1858 г. крестьянинъ помѣщика Бибикова, Петръ Іоновичъ, впослѣдствіи тайный совѣтникъ, возведенъ 21 Декабря 1872 г. въ дворянское достоинство „въ воздаяніе пожертвованій, съ 1870—1872 г. на устройство и обезпеченіе бывшей въ семъ послѣднемъ году политехнической выставки въ Москвѣ и во вниманіе къ стремленію его своими трудами и достояніемъ содѣйствовать общественной пользѣ". Въ 1876 г. это достоинство распространено на дѣтей его, родившихся до 1872 г. [9]).

Гучковы—изъ дворовыхъ людей надв. совѣтницы Бѣлавиной 1814 г. [10]). Къ этому роду принадлежатъ нынѣшній Московскій городской голова, дѣйств. стат. совѣтникъ Николай Ивановичъ и членъ 3-й Государственной Думы отъ г. Москвы Александръ Ивановичъ Гучковы [10]).

---

[1]) VI, 111.

[2]) IV, 223, V, 109.

[3]) Матеріалы для исторіи Торопца. М. 1883.

[4]) „Свѣдѣнія о купеческомъ родѣ Вишняковыхъ, собранныя Н. Вишняковымъ". М. 1903 и 1905. Изданіе не для продажи.

[5]) VII, 173.

[6]) VII, 221.

[7]) VIII, 60.

[8]) III, 397.

[9]) IX, 30; Гр. Бобринскій „Дворянскіе роды", II, 723.

[10]) VI, 115.

Долговы. Сыновья Калужскаго купца Ивана Осиповича Лука и Аѳанасій были Московскими купцами во время переписи 1747 г. [1]) Лука Ивановичъ (р. 1722+1783), именитый гражданинъ, президентъ Московскаго магистрата, былъ женатъ вторымъ бракомъ на Сусаннѣ Филипповнѣ Аршеневской (р. 1746+1823) и выдалъ дочерей замужъ: Аграфену (р. 1747) за знаменитаго архитектора Вас. Ив. Баженова, Прасковью (р. 1749) за проф. Сем. Герасим. Зыбелина, Марію (р. 1755) за архитектора Элизара Семен. Назарова, Екатерину (р. 1763) за секундъ-маіора Вас. Тим. Лепехина, Ирину (р. 1766) за кн. Ив. Павл. Горчакова и Варвару (р. 1767) за гвардіи прапорщика Павла Петровича Колычева. Сыновья его Николай и Лука (р. 1771+1840) были гвардіи прапорщиками. Аѳанасій Ивановичъ былъ Московскимъ городскимъ головой въ 1792—1795 гг. Дочь его Анна была за генералъ-маіоромъ Марк. Гавр. Костылевымъ, а сыновья Петръ (р. 1764+1823) былъ премьеръ-маіоромъ и кригсцалмейстеромъ, а Александръ (р. 1772+1844)—надворнымъ совѣтникомъ и отъ брака съ Лукіей Матвѣевной Бороздиной (р. 1785+1864) имѣлъ сына штабсъ-ротмистра Матѳія Александровича (р. 1809+1837).

Думновы (книгопродавцы)—изъ мѣщанъ 1846 г. [2]).

Ермаковы—изъ вольноотпущенныхъ гр. Шереметева 1839 г. [3]).

Живаго—изъ Рязанскихъ купеческихъ дѣтей 1823 г. [4]).

Зубковы—изъ Суздальскихъ купцовъ 1763 г. Сынъ перешедшаго въ Москву Авраама Васильевича (р. 1735+1793), Петръ Авраамовичъ (р. 1762+1804) былъ секундъ-маіоромъ, а дочь Анна (р. 1769+1846) была за бригадиромъ Ив. Алексѣев. Булгаковымъ [5]).

Калужскіе—изъ мѣщанъ 1815 г. Въ 1822 г. перешли въ Шуйское купечество [6]). Изъ этого рода происходитъ артистъ Художественнаго театра Вас. Вас. Лужскій.

Карзинкины—изъ экономическихъ крестьянъ дер. Труфановой Борисоглѣб. окр. Ярославск. намѣстн. 1791 г. [7]).

Климушины—изъ купцовъ г. Владимира 1814 г. [8]).

Кольчугины (книгопродавцы)—отъ Никиты Никифоровича, вышедшаго

---

[1]) I, ч. 2, 23.

[2]) VIII, 260.

[3]) VIII, 75.

[4]) VII, 79.

[5]) II, 80, IV, 512. Не сынъ ли Петра Авраамовича Василій Петровичъ (р. 1800 † 1862)? Оба они погребены въ Донскомъ монастырѣ. Біографія Василія Петровича Зубкова († 1862), оберъ-прокурора и сенатора Московскихъ департаментовъ, составленная К. П., напечатана въ „Русскомъ Архивѣ" за 1904 г. Авторъ ея говоритъ, что Зубковъ происходилъ изъ дворянъ Ярославской губ., но Петръ Авраамовичъ, какъ секундъ-маіоръ, могъ быть и Ярославскимъ дворяниномъ.

[6]) VI, 219, VII, 227.

[7]) IV, 61.

[8]) VI, 18.

изъ Польши раскольника 1770 г. [1]). Біографіи членовъ этого рода составлены П. К. Симони („Матеріалы къ исторіи Русской книжной торговли. Вып. 1. Н. И. Новиковъ и книгопродавцы Кольчугины“ Спб. 1907).

Корещенко—изъ мѣщанъ 1833 г. [2]). Изъ этого рода происходитъ современный композиторъ и піанистъ Арсеній Николаевичъ Корещенко.

Крестовниковы—изъ купечества г. Переяславля-Залѣсскаго Владимір. губер. 1826 г. [3]). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышло въ свѣтъ роскошное изданіе исторіи этого рода (оно не продается).

Куманины—изъ купечества г. Переяславля-Залѣсскаго 1789 г. [4]). Коммерціи совѣтникъ Алексѣй Алексѣевичъ Куманинъ за усердную службу въ должности Московскаго городского головы получилъ 17 Іюня 1812 орденъ Св. Владимира 4 ст. и сыновья его Константинъ, Александръ и Валентинъ Алексѣевичи пріобрѣли потомственное дворянство [5]).

Ланины—изъ Зарайскаго купечества 1840 г. [6]).

Лепешкины—изъ Каширскаго купечества 1813 г. [7]) Семенъ Логиновичъ Лепешкинъ (р. 1785 † 1855) былъ Московскимъ городскимъ головой.

Лобковы—изъ дворовыхъ людей гр. Н. П. Шереметева 1802 г. [8]). Сынъ родоначальника Ивана Прокофьевича Алексѣй Ивановичъ былъ коммерціи совѣтникомъ; о немъ часто упоминаетъ въ своемъ дневникѣ И. М. Снегиревъ. Дочь его Анна Алексѣевна была съ 1851 г. за генер.-лейт. А. З. Егоровымъ, а племянница Анна Павловна, недавно скончавшаяся и завѣщавшая свое состояніе Москвѣ, была за Московскимъ городскимъ головой С. А. Тарасовымъ.

Лухмачовы—изъ мѣщанъ г. Гороховца Владимирской губ. 1790 г. [9]). Сынъ родоначальника коммерціи совѣтника Дмитрія Александровича (р. 1765 † 1841), владѣльца Охотнаго ряда и подмосковнаго села Косина, Аѳанасій Дмитріевичъ († 1882) служилъ въ военной службѣ и имѣлъ чинъ подполковника, а дочь Дарья Дмитріевна была за кн. Ив. Вас. Волконскимъ.

Лямины числились въ Московскомъ купечествѣ уже въ 1782 г. [10]). Иванъ Артемьевичъ былъ Московскимъ городскимъ головой.

Мазурины—изъ Серпуховскихъ купцовъ 1795 г. [11]). Одинъ изъ 4 братьевъ перешедшихъ въ Москву, Алексѣй Алексѣевичъ (р. 1772 † 1834) имѣлъ 3 дочерей, которыя всѣ вышли за дворянъ: Елисавета (р. 1811 † 1858) за подполковника Ив. Ник. Макарова-Зубачева, Александра (р. 1817 † 1885) за директора Архива иностранныхъ дѣлъ кн. Мих. Андр. Оболенскаго и Анна (р. 1824 † 1866) за свѣтл. кн. Давыда Багратовича Грузинскаго.

Малютины—изъ Калужскаго купечества 1786 г. [12]).

Медынцевы—изъ крестьянъ Рябушинской слободы Калужскаго намѣстничества 1795 [13]).

---

[1]) III, 445.—[2]) VII, 178.—[3]) VII, 250.—[4]) IV, 599.—[5]) VI, 81; гр. Бобринскій II, 621.—[6]) VIII, 195.—[7]) VI, 52.—[8]) VI, 398.—[9]) IV, VII.—[10]) IV, 210.—[11]) IV, 821.—[12]) IV, 458.—[13]) IV, 618.

Мѣщаниновы—изъ Коломенскихъ купцовъ 1761 г. [1]). Первымъ былъ записанъ въ Московское купечество 14-лѣтній Маркелъ Демидовичъ, въ 1781 г. выбывшій въ военную службу и впослѣдствіи надворный совѣтникъ, а затѣмъ и его отецъ Демидъ Демидовичъ, именитый гражданинъ и коллежскій асессоръ. Дочери Демида Демидовича были замужемъ: Елисавета за секундъ-маіоромъ Ив. Вас. Хотяинцовымъ и Анна за капитаномъ 1 ранга Петр. Никит. Хомутовымъ. Внукъ его коллежскій асессоръ Петръ Маркелычъ продолжалъ еще владѣть поссессіонной фабрикой [2]).

Назаровы—изъ Елецкихъ купеческихъ дѣтей 1804 г. [3]).

Найденовы—изъ мастеровыхъ фабрики купцовъ Колосовыхъ 1816 г. Они были уроженцы села Батыева Суздальскаго уѣзда, принадлежавшаго шелковымъ фабрикантамъ Колосовымъ, и въ 1765 г. переселены въ Москву [4]).

Овчинниковы числились въ Москвѣ уже въ 1782 г. безъ фамиліи, которую получили въ 1809 г. [5]).

Поповы („К. и С. Поповы", чайная фирма) изъ Петербургскаго купечества 1851 г. Константинъ и Семенъ († 1856) Абрамовичи [6]).

Прохоровы: 1) изъ купцовъ Сергіевскаго посада 1785 г. Въ 1857 г. представителемъ этого рода былъ пот. поч. гражд., мануфактуръ-совѣтникъ Константинъ Васильевичъ [7]); 2) изъ дворовыхъ людей дер. Средневки Подольскаго у. Серг. Вас. Салтыкова 1807 г. Въ 1857 г. представители—пот. почетн. граждане 2 г. купецъ и кавалеръ Сергій Трифоновичъ и 1 г. купецъ Иванъ Трифоновичъ съ сыновьями Василіемъ и Сергѣемъ [8]).

Расторгуевы—изъ крестьянъ графа Шереметева 1828 г. [9]).

Рогожины—изъ мѣщанъ 1815 г. [10]).

Рышетниковы—изъ Лихвинскихъ мѣщанъ 1856 г. [11]).

Рябушинскіе—изъ мѣщанъ 1824 г. [12]).

Сазиковы—изъ экономическихъ крестьянъ дер. Дмитріевской Вохонской вол. Богородскаго у. Московской губ. 1796 г. Фамилію получили въ 1811 г. [13])

Салаевы—изъ дворовыхъ людей дер. Ожигановой Солигалицкаго у. Костромской губ. Антона Ив. Герарда 1905 г. [14]).

Сапожниковы—изъ Углицкихъ купцовъ 1795 г. Торговали въ суровскомъ и свѣчномъ восковомъ рядахъ [15]).

Селивановскіе—изъ крестьянъ с. Дѣдпова Егорьевскаго у. Рязанской губ. генер.-поручика Мих. Льв. Измайлова [16]).

Смирновы—изъ крестьянъ Демидова 1858 г. (родоначальникъ—отецъ Петра Арсентьевича) [17]).

Солдатенковы—изъ крестьянъ дер. Прокушиной Коломенскаго у. 1797 г. [18]) Родоначальникъ Егоръ Васильевичъ, дѣдъ Козьмы Терентьевича, извѣстнаго

---

[1]) II, 50. III, 183. IV, 482.—[2]) Фабрика, построенная частнымъ лицомъ, но получившая отъ правительства землю и рабочихъ.—[3]) V, 273.—[4]) VI, 102; „Батыево", М. 1889 г.—[5]) V, 176.—[6]) IX, 229.—[7]) IV, 663; IX, 377.—[8]) V, 320; IX, 265.—[9]) VII, 60.—[10]) VI, 95.—[11]) IX, 251.—[12]) VII, 167.—[13]) V, 237.—[14]) V, 118.—[15]) IV, 88.—[16]) V, 113.—[17]) IX, 193.—[18]) V, 194.

книгоиздателя, завѣщавшаго свою цѣнную картинную галлерею Румянцевскому музею. Племянникъ и наслѣдникъ Козьмы Терентьевича Василій Ивановичъ служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и имѣетъ чинъ дѣйств. ст. совѣтника.

Солодовниковы—изъ Серпуховскихъ купцовъ 1828 г. (Гаврила Петровичъ, отецъ Гавріила Гавриловича, дѣйст. ст. совѣтника, завѣщавшаго большой капиталъ на благотворительныя дѣла) [1]).

Сорокоумовскіе—изъ Зарайскихъ купцовъ 1809 г. Торговали въ маломъ ветошномъ ряду. Въ Зарайскѣ этотъ родъ существовалъ еще въ 1646 г. [2]).

Спиридоновы—изъ Нѣжинскихъ Грековъ 1802 г. (Христофоръ Дмитріевичъ) [3]).

Третьяковы—изъ купцовъ г. Малоярославца 1774 г., гдѣ этотъ родъ существовалъ еще въ 1646 г. [4]). Правнуки родоначальника—Павелъ Михайловичъ (р. 1833+1898), основатель Третьяковской галлереи, и Сергѣй Михайловичъ (р. 1834+1892), дѣйств. ст. сов., Московскій городской голова.

Усачевы—изъ экономическихъ крестьянъ подмонастырской нижней слободы Троицкаго Бѣлопесоцкаго монастыря при г. Каширѣ [5]).

Ушковы—изъ крестьянъ Демидова 1850 г. [6]).

Хлудовы—изъ экономическихъ крестьянъ дер. Акатовой Высоцкой вол. Егорьевскаго у. Рязанской губ. 1824 г. [7]).

Хлѣбниковы—отъ отставного губерн. регистратора Алексѣя Михайловича и сына его Петра, вольноотпущеннаго секундъ-маіора Ник. Аѳан. Гончарова 1794 г. Торговали въ овошномъ ряду [8]).

Челышевы—изъ Владимирскаго купечества (1805 г. [9]).

Четвериковы—изъ Перемышльскихъ купеческихъ дѣтей 1800 г. [10]).

Чижовы—изъ мѣщанъ 1825 г. [11]).

Шапошниковы—изъ Коломенскихъ купцовъ 1825 г. [12]).

Шелапутины—изъ Покровскихъ купцовъ 1792 г. Торговали въ старомъ снѣточномъ ряду. Внуки родоначальника Прокофій (р. 1777+1828 г.) и Антипъ (р. 1779+1852) Дмитріевичи имѣли званіе коммерціи совѣтниковъ. Изъ нихъ первый, во вниманіе къ пожертвованію минеральнаго кабинета въ пользу Московской Медико-Хирургической Академіи и усердному исполненію обязанностей, возложенныхъ на него довѣренностью купеческаго общества, 30 Декабря 1824 награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. и 9 Іюня 1833 получилъ дипломъ на дворянское достоинство. Сынъ его Дмитрій Прокофьевичъ исключенъ изъ купечества въ 1832 г. по случаю возведенія въ дворянство. Внукъ Антипа Дмитріевича Павелъ Григорьевичъ, основатель гинекологическаго института и мужской гимназіи имени Григорія Шелапутина, за свои пожертвованія награжденъ чиномъ дѣйств. ст. совѣтника [13]).

Шестовы—изъ Боровскаго купечества 1800 г. [14]).

---

[1]) VII, 130.—[2]) V, 111; Матер. для ист. Зарайска. М. 1883 г.—[3]) V, 396.—[4]) Ш, 143; Матер. для ист. Малоярославца М. 1884 г.—[5]) Ш, 157.—[6]) VIII, 259.—[7]) VII, 79.—[8]) IV, 839.—[9]) V, 263.—[10]) V, 22.—[11]) VII, 13.—[12]) VII, 15.—[13]) IV, 407; VII, 148; гр. Бобринскій, II, 639.—[14]) V, 302.

Щукины—изъ Боровскаго купечества 1787 г. [1]) Правнукъ родоначальника—Петръ Ивановичъ, дѣйств. ст. совѣтникъ, основатель Музея.

Изъ перечисленныхъ купеческихъ родовъ нѣкоторые, благодаря службѣ и пожертвованіямъ, перешли въ дворянство. Кромѣ нихъ дворянство получили еще нѣсколько представителей Московскаго купечества. Высочайшимъ указомъ 4 Августа 1797 г. возведенъ въ дворянское достоинство Иванъ Дмитріевичъ *Орловъ* съ сыномъ Николаемъ за заслуги отца и дѣда, бывшихъ Ржевскими бургомистрами (дѣдъ за приращѐніе таможенныхъ доходовъ получилъ знакъ отличія отъ Петра I) [2]). Въ 1802 г. Матвѣй и Николай Дмитріевичи *Дудышкины* по представленнымъ отъ нихъ доказательствамъ на дворянство исключены изъ купечества, въ которое ихъ родъ прибылъ изъ Торопецкихъ купцовъ въ 1763 г. Ихъ двоюродные братья, мать которыхъ вышла вторично за инженеръ-полковника Александра Мих. Кемпена, поступили на военную службу; изъ нихъ Василій Козьмичъ былъ квартермистромъ л.-гв. Коннаго полка [3]). Шелковый фабрикантъ ком.-совѣтникъ и кавалеръ Михаилъ Ивановичъ *Титовъ*, до 1797 г. Суздальскій купецъ, съ сыновьями Алексѣемъ и Васильемъ пожалованъ былъ въ дворянство [4]). 1-ой гильдіи купецъ и фабрикантъ Ѳедоръ *Пантельевъ*, происходившій изъ экономическихъ крестьянъ дер. Лучинской Ставровейской вол. Владимирской окр. (въ Москвѣ съ 1782 г.), въ награду отличнаго усердія къ пользѣ общественной получилъ въ 1808 г. орденъ св. Владимира 4 ст. и высочайшимъ указомъ 26 Окт. 1820 утвержденъ въ дворянствѣ [5]). Исключены изъ Московскаго купечества по случаю возведенія въ дворянство: надворный совѣтникъ и кавалеръ Дм. Ѳед. *Фальевъ* въ 1822 г. [6]), Армянинъ Ив. Макар. *Калустовъ* (въ Москвѣ съ 1809 г.) въ 1826 г. [7]), Дмитрій Алексѣевичъ *Поповъ* (до 1794 г. Боровскій купецъ), торговавшій въ хрустальномъ ряду, въ 1831 г. [8]); кол. ас. Михаилъ Петровичъ *Забѣлинъ*, предокъ котораго упоминаемый въ переписной книгѣ 1745 г., происходилъ изъ крестьянъ Владимирскаго уѣзда, въ 1832 г. [9]); 1 гильдіи купецъ Иванъ Матвѣевичъ *Ярцевъ*, отецъ котораго прибылъ въ Московское купечество въ 1778 г. изъ казенныхъ сторожей Коломенской слободы въ Веневѣ, въ 1824 г. получилъ орденъ св. Анны 3 ст. въ возданіе значительнаго пожертвованія на общественныя учрежденія и въ 1841 г. дипломъ на дворянство [10]). Леонтій Петровичъ *Чулковъ*, 3 гильдіи купецъ, изъ дворовыхъ людей Татищева, является родоначальникомъ рода, внесеннаго во 2-ую часть родословной книги Московской губерніи [11]). Дворянскіе роды происходятъ еще: 1) отъ Ильи Алексѣевича *Верховцева* (+1820 г.), до 1797 г. Касимовскаго купца [12]): сынъ его Аполлонъ Ильичъ (р. 1811+1886) былъ дѣйств. тайный совѣтникъ и почетный опекунъ, внукъ Леонидъ Аполлоновичъ (+1903)—тайный совѣтникъ; 2) отъ купца 3 гильдіи, биржеваго мак-

---

[1]) IV, 37.—[2]) V; 274, гр. Бобринскій, II, 571.—[3]) III, 107, IV, 761, V, 379.—[4]) V, 22; VII, 19.—[5]) III, 190; гр. Бобринскій, II, 611.—[6]) VII, 208.—[7]) VI, 188; VII, 163.—[8]) IV, 359; VII, 169.—[9]) I, прилож. 37; II, 113; VII 27.—[10]) VII, 81; гр. Бобринскій, II, 639.—[11]) VII, 95. Родословную этого рода см. у Лобанова-Ростовскаго (II, 373).—[12]) V, 158.

лера Антона Адамовича *Гизетти* (р. 1763+1841), перешедшаго изъ Нарвскаго купечества въ Московское въ 1817 г. [1]) (упоминается въ Запискахъ гр. М. Д. Бутурлина), отца сенатора Германа Антоновича (р. 1805+1881) и дѣда сенатора Анатолія Германовича (р. 1846).

Среди Московскихъ купеческихъ родовъ находимъ и такихъ, которые прославились не на торгово-промышленномъ поприщѣ:

Плавильщиковы. Ихъ предокъ Михаилъ Наумовичъ былъ въ Москвѣ уже въ 1725 г. Его правнуки—Петръ Алексѣевичъ (р. 1760 † 1812), актеръ и литераторъ, и Василій Алексѣевичъ († 1823), книгопродавецъ и библіографъ [2]).

Венеціановы. Въ 1780 г. прибылъ въ Московское купечество Нѣжинскій Грекъ Гавріилъ Юрьевичъ, отецъ родоначальника Русской бытовой живописи Алексѣя Гавриловича (р. 1780 † 1847 г.) [3]).

Кони. Алексѣй Ивановичъ, „изъ иностранцевъ Прусской націи", прибывшій въ 1810 г. [4])—отецъ водевилиста Ѳедора Алексѣевича и дѣдъ сенатора Анатолія Ѳедоровича.

Полевые Николай Алексѣевичъ и его братъ Ксенофонтъ перечислились изъ Курскаго купечества въ Московское въ 1824 г. [5]).

Рубинштейны. Житомирскіе 1 гильдіи купеческіе сыновья Абрамъ Романовичъ и его братъ Григорій, отецъ Антона и Николая Григорьевичей, записались въ Московское купечество въ 1834 г. [6]).

Лукьяновы. Въ 1840 г. прибылъ въ Московское купечество мѣщанинъ Иванъ Михайловичъ, отецъ сенатора Сергѣя Ивановича и дѣдъ члена государственнаго совѣта Сергѣя Михайловича, бывшаго профессора и товарища министра народнаго просвѣщенія [7]).

Кирпичниковы. Перечислившійся въ 1848 г. изъ Калужскаго купечества Иванъ Софроновичъ—отецъ профессора Александра Ивановича [8]).

Плевако. Во время переписи 1857 г. въ Московскомъ купечествѣ числилась Екатерина Степановна Плевако, прибывшая въ 1855 г. изъ мѣщанъ г. Троицка, Оренбургской губ., съ сыновьями Доримедонтомъ и Ѳедоромъ [9]) Никифоровичами.

Въ 1803 г. прибыли въ Московское купечество вольноотпущенные дворовые люди гр. Шереметева, родомъ изъ села Новаго Углицкаго у. Иванъ Степановичъ Ковалевскій 71 г. и сынъ его Аѳанасій 40 л. Отецъ жилъ въ Останкинѣ, сынъ въ Кусковѣ [10]). Не отецъ ли это и братъ гр. Прасковьи Ивановны Шереметевой?

Въ Московское купечество записывались иногда родителями-дворянами незаконныя дѣти, „воспитанники". Такъ мы находимъ здѣсь сыновей тайнаго совѣтника Александра Александр. Арсеньева—Александра и Илью [11]), сына

---

[1]) VII, 160.—[2]) I, 93, III, 150.—[3]) III, 30.—[4]) V, 71.—[5]) VII, 101.—[6]) VII, 120.—[7]) VIII, 40.—[8]) VIII, 276.—[9]) IX, 91.—[10]) V, 28.—[11]) VII, 239.

Θед. Θед. Кокошкина отъ 2-го брака—Сергѣя [1]), сыновей Алексѣя Петровича Ермолова—Виктора, Клавдія, Севера и Николая [2]).

Выше указано много случаевъ брачныхъ связей Московскаго купечества съ дворянскими родами. Въ XVIII вѣкѣ, если и не были онѣ очень часты, то во всякомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы онѣ были рѣдки. Укажемъ нѣсколько брачныхъ связей членовъ купеческихъ родовъ, не упоминавшихся еще, съ членамъ болѣе видныхъ дворянскихъ родовъ: гвардіи капитанъ Петръ Осип. Чихачевъ былъ женатъ на вдовѣ Натальѣ Гавриловнѣ Докучаевой [3]), Дарья Андреевна Милютина (дочь Андрея Яковлевича была за Степан. Симон. Симоновымъ [4]), Аграѳена Андреевна Осипова—за асессоромъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Ив. Ив. Татищевымъ [5]), Александра Петровна Бабушкина—за кн. Юр. Ник. Волконскимъ [6]), Елисавета Ивановна Квасникова—за поручикомъ Александромъ Александр. Левшинымъ [7]), дочь именитаго гражданина Вас. Панкрат. Колосова Марія—за прапорщикомъ Семеновскаго полка Вас. Мих. Татищевымъ [8]), дочь прапорщика Степана Ѳедоровича Измайлова, Прасковья—за Петромъ Алексѣевичемъ Шохинымъ [9]), дочь морского флота подпоручика Александра Степан. Мезенцева, Наталья—за купцомъ 3 гильдіи Тимоѳ. Ив. Власовымъ [10]), Анна Сергѣевна Осипова—за маіоромъ Дм. Мих. Ахлестышевымъ [11]).

Въ заключеніе отмѣтимъ любопытное пожертвованіе, сдѣланное купцомъ Григорьемъ Никит. Зарубинымъ въ 1812 г. и указанное имъ въ своей ревизской сказкѣ: о сыновьяхъ своихъ онъ пишетъ, что они „пожертвованы имъ на защиту отечества въ военную службу“ [12]).

Н. Ч.

---

[1]) Обществ. приговоры, IV, 353.—[2]) Обществ. приговоры, III, 397, IV, 52, V, 46.—[3]) III, 12.—[4]) II, 88.[5]) III, 163.—[6]) IV, 439.—[7]) IV, 441.—[8]) IV, 782.—[9]) I, 56.—[10]) IV, 37.—[11]) IV, 576.—[12]) VI, 138.

ПЕКИНСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССІЯ.

Два донесенія изъ Пекина архимандрита Гурія въ Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Архимандритъ Гурій былъ назначенъ въ 1856 г. начальникомъ четырнадцатой и послѣдней Пекинской Духовной Миссіи, до преобразованія ея въ 1863 году и передачи изъ вѣдомства Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ вѣдѣніе Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Эти миссіи вели свой счетъ съ 1685 года. Починъ этихъ нашихъ сношеній съ Китаемъ принадлежитъ Петру Великому. Китайцы взяли въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ Русскихъ удальцовъ на службу къ Китайскому богдыхану. Тѣ привезли съ собою насильно іерея Максима, который и былъ первымъ въ томъ краю нашимъ миссіонеромъ. Находясь въ чужихъ краяхъ, Петръ получилъ отъ думнаго дьяка Виніуса изъ Тобольска извѣстіе объ успѣхахъ православія въ Китаѣ и отвѣчалъ слѣдующими достопамятными словами:

„То дѣло зѣло изрядно. Только, для Бога, поступайте въ томъ опасно и не шибко, дабы Китайскихъ начальниковъ не привесть въ злобу, также и Іезувитовъ, которые тамъ отъ многихъ временъ гнѣздо свое имѣютъ. Къ сему тамъ надобны попы не такъ ученые, какъ разумные и покладные, дабы чрезъ нѣкоторое кипеніе оное святое дѣло не произошло въ злѣйшее паденіе, какъ учинилось то въ Епаніи". „Для утвержденія и пріумноженія въ православную вѣру и проповѣдь Св. Евангелія въ идолопоклонныхъ народахъ, такожъ для приведенія ясачныхъ народовъ въ вѣру христіанскую и св. крещеніе, которые близъ Тобольска и иныхъ Сибирскихъ городовъ живутъ, великій государь, говоря о томъ со святѣйшимъ патріархомъ, указалъ писать къ Кіевскому митрополиту (Варлааму Ясинскому), чтобъ онъ, подражая о томъ святомъ и богоугодномъ дѣлѣ, поискалъ въ Малороссійской своей области и привезъ бы съ собою добрыхъ и ученыхъ, непрестарѣлыхъ иноковъ двухъ или трехъ человѣкъ, которые бы могли Китайскому и Мунгальскому языку и грамотѣ научитись и, ихъ суевѣріе познавъ, могли твердыми Св. Евангелія доводами многія души изъ области темныя сатанинскія привести во свѣтъ познанія Христа Бога нашего." А указомъ Петра отъ 18 Іюня 1700 г., по возвращеніи въ Россію, цѣлью миссіи поставлено: *„Живущихъ и пріѣзжихъ* христіанъ отъ прелести всякой идолослуженія отвадити, и тако могли бы жити, и у *той построенной* Божіей церкви служити, чтобъ своимъ

благимъ житіемъ *хана Китайскаго* и ближнихъ его людей и обще ихъ народъ привести бы къ тому святому дѣлу и къ Россійскаго народа людямъ, которые по вся годы съ караваны для торга и для всякихъ посылокъ порубежныхъ ѣздятъ, учинить себя склонительныхъ". Исторія Пекинской Духовной Миссіи написана преосвященнымъ Николаемъ Адоратскимъ, доведена только до временъ имп. Александра Павловича въ „Правительственномъ Собесѣдникѣ" 1887 г., но не кончена.

Въ качествѣ іеромонаха о. Гурій уже состоялъ членомъ двѣнадцатой Духовной Миссіи. На его выдающіяся способности указывалъ начальникъ этой миссіи, архимандритъ Поликарпъ, въ донесеніи Азіатскому Департаменту отъ 4 Апрѣля 1845 г.*).

Окончивъ срокъ пребыванія въ Пекинѣ, архимандритъ Гурій возвратился въ Россію и былъ назначенъ настоятелемъ Симонова монастыря въ Москвѣ. За тѣмъ онъ состоялъ нѣкоторое время настоятелемъ нашей Православной церкви при Императорской Россійской миссіи въ Римѣ. Онъ скончался въ санѣ епископа Таврическаго 27 Марта 1882 года въ Симферополѣ, гдѣ и погребенъ въ каѳедральномъ соборѣ.

Четырнадцатая Духовная Миссія прибыла въ Пекинъ 28 Сентября 1858 г. въ тревожное для столицы Китая время: Китайское правительство и населеніе едва успѣли оправиться отъ страха, наведеннаго вторженіемъ Англо-французскихъ войскъ и военныхъ дѣйствій на рѣкѣ Пейхо, завершившихся заключеніемъ Тяньдзинскихъ трактатовъ. Въ слѣдующемъ 1859 г. возгорѣлась третья Китайская война, которая привела союзниковъ, Англо-французовъ, подъ самыя стѣны Пекина. Между тѣмъ 15 Іюня того же года прибылъ въ Пекинъ, съ особымъ порученіемъ, флигель-адъютантъ Н. П. Игнатьевъ. Онъ съ большимъ искусствомъ воспользовался затруднительнымъ положеніемъ Китайскаго правительства и въ качествѣ посредника оказалъ значительныя услуги уполномоченнымъ союзниковъ, лорду Эльгину и барону Гро, а вмѣстѣ съ тѣмъ успѣлъ заключить, 2 Ноября 1860 г., выгодный для Россіи Пекинскій договоръ, которымъ прекращались всѣ пограничные споры и возстановлялась прежняя сухопутная торговля.

Во всѣхъ происходившихъ по этимъ дѣламъ переговорахъ архимандритъ Гурій былъ полезнымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ Н. П. Игнатьева.

По поводу печатаемыхъ нынѣ двухъ донесеній архимандрита Гурія, надо пояснить, что они относятся къ двумъ различнымъ эпохамъ дѣятельности начальника Духовной Миссіи. Первое донесеніе отъ 8 Марта 1859 г.

---

*) См. предисловіе (стр. II и III) къ изданному Имп. Русскимъ Географическимъ Обществомъ „Дорожнымъ Замѣткамъ на пути по Монголіи въ 1847 и 1859 г.г." архимандрита Палладія. (Томъ XXII, № 1, Записокъ по Общей Географіи 1892 г.).

написано въ періодъ затишья послѣ Тянь-дзинскихъ событій 1858 г. Несмотря на заключенный миръ, Китайское правительство усиленно возводитъ укрѣпленія со стороны моря и старается усыпить подозрительность Англичанъ миролюбивыми увѣреніями. Второе донесеніе отъ 25 Января 1861 г. рисуетъ положеніе столицы Китая послѣ отъѣзда всѣхъ иностранныхъ представителей.

I.

№ 2018 19 Мая 1859.

Положеніе дѣлъ въ Китаѣ.

1859 года, Марта 8 дня, № 7. Пекинъ.

Изъ донесеній моихъ отъ 15 Октября № 29 и 30 Ноября № 33 прошлаго года Департаменту извѣстно, что Китайское правительство укрѣпило *Тяньдзинъ*, а молва утверждала, что это противъ Англичанъ и Французовъ. Въ подтвержденіе этой молвы Англичане (въ Кантонѣ) добились копіи съ богдыханова указа, коимъ повелѣвалось къ веснѣ быть готовыми отразить Англичанъ, не упуская случая вредить имъ, и въ настоящее время представили ее Гуй-ляну [1]) (Китайскому министру, занимающемуся въ Шанхаѣ пересмотромъ тарифа) и требовали объясненія. Гуй-лянъ доложилъ государю, а государь на этотъ докладъ далъ указъ слѣдующаго содержанія: XII луны, 28 дня (19 Янв. 1859 г.) высочайшій указъ. Нынѣшній день во всеподданнѣйшемъ докладѣ *Гуй-ляна* (съ товарищами) помѣщено сообщеніе отъ Англичанъ, гдѣ, между прочимъ, есть будто бы нашъ указъ, касающійся Англичанъ, завладѣвшихъ Кантономъ. Разсмотрѣвъ его содержаніе, мы не могли не придти въ изумленіе. Срединное государство въ сношеніяхъ своихъ съ иностранцами всегда поступало чистосердечно и никогда не замышляло втайнѣ какихъ-либо вредныхъ для нихъ дѣйствій. Когда *Ё-минь-чень* [2]) проигралъ дѣло, т.-е. сдалъ Кантонъ, мы повелѣли сановнику *Хуанъ-цзунъ-хань* быть главноуправляющимъ обоихъ гуановъ (т.-е. губерній

[1]) Гуй-лянъ и Хуа-ша-на были Китайскими уполномоченными, заключившими Тянь-цзиньскіе трактаты 1858 года. 26-ю статьею Англійскаго трактата было постановлено въ непродолжительномъ времени снова собраться въ Шанхаѣ для выработки новаго таможеннаго тарифа. Это дополнительное постановленіе къ Тянь-цзиньскому трактату было подписано названными уполномоченными и лордомъ Эльгиномъ 8 Ноября 1858 г.

[2]) Ё-минь-чень былъ главнымъ виновникомъ второй Китайской войны. Это историческое имя, въ Англійскихъ офиціальныхъ изданіяхъ, а также въ газетахъ называется Imperial Commissioner Yeh. Послѣ взятія Кантона 29 Декабря 1857 года Ё-минь-чень успѣлъ скрыться, и только 5 Января 1858 г. Англичане захватили его въ плѣнъ и отправили въ Калькутту.

Гуанъ-дунъ и Гуанъ-си) и принять печать чрезвычайнаго посланника, собственно для управленія страною. И чиновникъ по фамиліи *Ло-чунъ-янъ* (съ товарищами), поревновавъ къ справедливому возстанію [1]), тоже дѣлали, что̀ имъ слѣдовало. Послѣ договора, заключеннаго *Гуй-ляномъ* въ Тяньдзинѣ, *Хуанъ-цзунъ-ханъ* долженъ былъ заняться обороною ввѣренной ему страны, а *Ло-чунъ-янъ*, по особому повелѣнію, дѣйствовать противъ инсургентовъ; но рѣшительно не было намѣренія возобновить непріязненныя дѣйствія противъ Англичанъ и Французовъ. Сіи государства въ настоящее время еще не возвратили города Кантона, только обѣщались не тревожить жителей и сами быть спокойны. И вотъ появляется подложный указъ, поставившій Ло-чуань-яня съ помянутыми государствами въ большое затрудненіе, а Англичанъ доведшій даже до сомнѣній и подозрѣній. Повелѣваемъ Хуанъ-цзунъ-ханю наистрожайше искать составителей ложнаго указа и въ этомъ случаѣ употребить всѣ зависящія отъ него мѣры. Пусть всѣ государства знаютъ, что мы поступаемъ съ полною откровенностію. Послѣ того, какъ подписанъ договоръ, нужно прекратить всѣ недоразумѣнія, чтобы такимъ образомъ сочинители ложныхъ указовъ не имѣли болѣе повода возбуждать сомнѣнія. Касательно торговыхъ сношеній въ настоящее время мы, во вниманіе дальности разстоянія Шанхая отъ Кантона, повелѣваемъ главноуправляющему обоими *цзянями* [2]) сановнику *Хэ-гуй-цинѓ* быть чрезвычайнымъ посланникомъ для сношеній съ иностранцами въ Шанхаѣ. Поэтому и печать посланническую *Хуанъ-цзунъ-ханъ* долженъ переслать ему съ благонадежнымъ чиновникомъ. Быть по сему».

Содержаніе этого указа показываетъ, на что собственно жаловались Англичане. Хотя государь и отрекся отъ своего указа, даже по желанію Англичанъ перевелъ своего полномочнаго изъ Кантона въ Шанхай, однако прежнихъ своихъ намѣреній не оставляетъ. Къ Тяньдзину, даже къ Шань-хай-гуаню (крѣпость и таможня въ Ляодунскомъ заливѣ) постоянно отправляются войска и боевые снаряды. Китайцы думаютъ, что вышепомянутый указъ данъ только для успокоенія Англичанъ, чтобъ обманомъ выиграть у нихъ время, и всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что Англичанъ примутъ въ Тянь-дзинѣ враждебно. Въ настоящее время тамъ собрано до 20 т. войска, большею частію Монголъ. Знаменитый воитель *Сэнъ-ванъ* отправился 16 Февраля туда вслѣдъ за *Жуй-линемъ*, новымъ министромъ и президентомъ палаты церемоній.

---

[1]) Совершенно непонятныя слова.

[2]) Провинціи Цзянь-су, Цзянь-си и Ань-хой составляютъ особое генералъ-губернаторство подъ общимъ именемъ Лянь-цзянь, т.-е. оба Цзяня.

Послѣднему поручена дипломатическая часть. Для чести Китайскаго двора я позволяю себѣ думать, что военныя приготовленія и укрѣпленія морского пути къ Пекину дѣлаются на случай какихъ-либо новыхъ, особенно тяжкихъ требованій со стороны иностранцевъ, а совсѣмъ не съ цѣлью вѣроломнаго на нихъ нападенія, то-есть Китайцы рѣшились отражать только насиліе, притязательность, но едва ли отрекутся отъ исполненія заключеннаго уже договора. Внутреннія-то ихъ неустройства дошли ужъ до крайности. Можно сказать, что теперь нѣтъ мѣста, гдѣ бы не было, если не явнаго, то тайнаго броженія.

Въ настоящее время инсургенты особенно свирѣпствуютъ въ губерніяхъ *Шань-дунь* и *Хе-нань*. Объявлено, что *Янъ-чжоу* и *Гуй-дэ-фу* снова потеряны. А по слухамъ извѣстно, что толпы бродягъ перебрались уже сюда, за Желтую рѣку, и взяли значительное мѣстечко *Ванъ-цзя-инъ;* но, вѣроятно, есть и другія важнѣйшія потери, потому что здѣшнее правительство слишкомъ круто повернуло свое вниманіе и угодливость къ нашему уполномоченному. На долго ли? Время покажетъ.

На рынкѣ все дорожаетъ. Серебро въ прежней цѣнѣ (13,400 чоховъ за лану).

Байховаго чаю для Кяхты въ нынѣшнемъ году приготовлено до 200 т. мѣстъ. 80 т. уже отправлено въ Кяхту, 110 т. находится въ Калганѣ, остальныя въ дорогѣ и прибудутъ въ Калганъ не позже Мая.

Къ сожалѣнію Фу-цзяньскаго (лучшаго) байховаго чаю пришло очень немного (до 20 т. мѣстъ), да и тотъ почти весь перекупоривается въ Калганѣ, мѣшается съ другими малоцѣнными сортами, даже и не съ чайными листами. Настоящаго, мѣстной укупорки, чаю пошло въ Кяхту, можетъ быть, 100 мѣстъ. Самое большое количество чаю привезено изъ *Ху-гуанъ*, *Ань-хой* и *Лю-ань*. Этотъ чай, обыкновенно называемый въ Китаѣ краснымъ, совсѣмъ не байховый, хотя и продается за таковой.

Въ настоящее время цѣна чаямъ въ Калганѣ слѣдующая: Фуцзяньскому (подмѣшанному) 21—22 ланы за мѣсто, Шанхайскому 17—18 ланъ; Хугуаньскому, Аньхойскому и Люанскому 14—15 ланъ. Кирпичнаго чаю теперь въ Калганѣ до 40 т. мѣстъ. Къ осени ожидаютъ еще 30 т.

Въ Калганѣ теперь главный рынокъ для сбыта Русскихъ товаровъ. Сюда пріѣзжаютъ купцы не только изъ всѣхъ близъ лежащихъ мѣстъ,

но даже изъ Су-чжоу, не смотря на то, что Шанхай отъ Су-чжоу только въ двухъ дняхъ пути. По числу фирмъ и капиталамъ Шаньсійскіе купцы въ Калганѣ первые.

Въ Калганѣ серебро мѣняется около 3000 чоховъ за лану. 9-го Марта министръ Жуй-линь возвратился изъ Тяньдзиня въ Пекинъ. Разжалованный за взятку, министръ Бо-цзюнь казненъ. Оберъ-полиціймейстеръ объявилъ городу Пекину, что, вслѣдствіе Тяньдзинскаго трактата съ иностранцами, Государь разрѣшилъ куреніе опіума. Запрещеніе остается въ силѣ только для чиновниковъ, евнуховъ и войска.

Дупликатъ съ сего отношенія посланъ къ его сіятельству г. генералъ губернатору Восточной Сибири и торговыя свѣдѣнія Кяхтинскому купечеству чрезъ ихъ агента г. Попова. Начальникъ миссіи, архимандритъ Гурій.

II.

№ 391. М. И. Д. въ Азіятскій Департаментъ. 25 Января 1861.

По удаленіи союзныхъ войскъ и посланниковъ изъ Пекина Китайское правительство дѣятельно занялось отысканіемъ вещей, что̀ во время безпорядковъ растасканы были поселянами изъ Хай-дяньскихъ *) царскихъ дворцовъ. Недешево обошлось это и правительству, и поселянамъ. Правительство должно было содержать цѣлую армію сыщиковъ, а изъ поселянъ большая часть поплатилась своимъ имуществомъ. Деньжонки, какія были, конфискованы даже по подозрѣнію, а хлѣбъ съѣденъ *вѣрными* слугами отечества. Легко понять, что разоренные поселяне не всѣ согласны умирать голодною смертію. Такимъ образомъ число разбойниковъ въ окрестностяхъ столицы, и прежде сего значительное, теперь увеличилось еще болѣе. Шэнъ-бао, въ головѣ 40 т. наемнаго войска, ожесточенно преслѣдуетъ ихъ, но безъ успѣха. Правда, куда бы онъ ни пришелъ, говорятъ, разбойники исчезаютъ, и Шэнъ-бао находитъ только *порядочныхъ* людей; но лишь только онъ

*) Хай-дяньскими дворцами называются лѣтній резиденція Китайскихъ императоровъ, Юань-минъ-юань и Чанъ-чунь-юань. Онѣ находятся верстахъ въ пяти къ Сѣверо-западу отъ Пекина. Послѣ пораженія Китайскихъ войскъ при Пали-цхо, 21 Сентября 1860 г. богдоханъ бѣжалъ изъ Юань-минъ-юаня на Сѣверъ; дворцы, были безжалостно отданы главнокомандующими на разграбленіе солдатамъ. Цѣнность разграбленнаго и истребленнаго въ дворцахъ имущества, по опредѣленію Англофранцузовъ, достигла 25 милліоновъ рублей.

уходитъ, исчезаютъ порядочные люди, и разбои по дорогамъ идутъ своимъ порядкомъ... Положеніе страны горестное. Въ самой столицѣ небезопасно. Шайки удальцовъ охотятся на богатыхъ людей, какъ на краснаго звѣря. Между тѣмъ, казна истощена до послѣдней крайности. Манчжурскому войску выдали за IX-ую (Октябрь) луну и то только половину слѣдовавшаго имъ жалованья. Крупы не выдавали, *не успѣли!* Китайскому же войску ничего не выдано. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что въ казнѣ теперь налицо только 15 ваней серебра (около 300/т. р. с.), да есть въ виду получить отъ купцовъ пожертвованій до 40 ваней. Всей этой суммы едва станетъ на жалованье Манчжурскому войску на два мѣсяца. Затѣмъ, если не будетъ какихъ-либо пожертвованій, то и войско и вообще все, что̀ содержится или дѣлается на счетъ казны, должно существовать своими средствами. Самое большое зло въ томъ, что изъ сановниковъ никто не смѣетъ и не хочетъ позаботиться объ общемъ благѣ: всякій хлопочетъ только о себѣ.

Богдоханъ все живетъ въ Жѣ-хэ *) и, судя по смыслу даннаго указа, не думаетъ возвратиться въ Пекинъ ранѣе весны будущаго года. Три раза просили его возвратиться, и три раза онъ отказалъ, запретилъ даже и просить его. Впрочемъ, дорогу къ Пекину равняютъ, а это дѣлается только на случай проѣзда государя или кого-либо изъ его дома. Говорятъ, что пріѣдетъ императрица съ наслѣдникомъ; можетъ быть. Въ Жё-хэ же требуютъ каменьщиковъ, плотниковъ и другихъ мастеровыхъ. Приближенные къ государю (Су-Мунь, Чженъ-ванъ и др.) рѣшились строить тамъ себѣ дворецъ. Это не обѣщаетъ скораго возвращенія богдохана. Самъ онъ требуетъ къ себѣ не только всѣхъ денегъ, какія поступаютъ въ палату финансовъ, но и всякія даже неважныя вещи, употреблявшіяся во дворцѣ и уцѣлѣвшія послѣ двойного грабежа. А чиновниковъ онъ обязалъ подъ страхомъ военнаго суда поочередно являться на службу въ Жѣ-хэ. Смѣна назначена каждые три мѣсяца. Все это показываетъ, что богдоханъ едва ли воротится въ Пекинъ и весною. Нечего и говорить о томъ, какъ это увеличиваетъ тяжесть службы, и безъ того уже несносную. Между причинами, удерживающими богдохана внѣ столицы, главная—страхъ быть убитымъ отъ Англичанъ. Послѣ первой просьбы, которую всѣ чины столицы повергли его богдоханову величеству, умоляя его возвратиться, онъ, вслѣдъ за отказомъ, частно спрашивалъ Вэнь-сяна (бывшаго

*) Жэ-хэ, въ Европейскихъ географіяхъ Je-hol или Dje-hol: здѣсь богдоханъ Сянь-фынъ искалъ убѣжища послѣ пораженія при Пали-цхо. Дворецъ Жѣ-хэ находится въ 180 километрахъ къ Сѣверо-востоку отъ Пекина, въ долинѣ рѣки Ляо-хе.

оберъ-полиційместера города Пекина), ручается-ли онъ, что, въ случаѣ возвращенія въ столицу, Англичане не представятъ ему какихъ-либо бумагъ отъ своего правительства и не будутъ добиваться быть лично представленными богдохану? Этотъ, посовѣтовавшись съ Хэнъ-ци *), отвѣчалъ, что ручаться ни за что нельзя, что Англичанъ разгадать трудно и не послушаться ихъ въ настоящее время было бы опасно. Пока на этомъ дѣло и остановилось. Безъ сомнѣнія Сушунь и Чженъ-ванъ поддерживаютъ ребяческій страхъ богдохана. Имъ полезно, чтобъ онъ былъ пока подальше отъ столицы, въ которую сами лично боятся прибыть: ихъ растерзаютъ, такъ все озлоблено на нихъ. Они, впрочемъ не унываютъ и понемногу даютъ чувствовать свою силу. Недавно поступилъ отъ богдохана вопросъ: кто выдумалъ и осмѣлился отворить ворота Пекина по требованію Англичанъ? Понятно, что если здѣшніе сановники отъ страха покажутъ на кого-либо изъ среды себя, то ему не сдобровать. Полусумасшедшій богдоханъ совершенно забылъ, что воротъ нельзя было не отворить. Я подозрѣваю, что подобная же продѣлка идетъ и по нашему дѣлу. Преслѣдованій еще нѣтъ; но отъ меня теперь бѣгаютъ и если по инстинкту еще ищутъ въ Русскомъ подворьѣ совѣта или путной мысли, то дѣлаютъ это весьма осторожно, пріѣзжаютъ большею частью вечеркомъ. Гунъ-ванъ отказался принять меня подъ предлогомъ недосуга, и я вѣрно знаю, что онъ не получилъ никакого одобренія за устройство дѣлъ съ нами, даже лишился довѣрія богдохана: теперь онъ уже не уполномоченный. Изъ соучастниковъ его по нашему дѣлу также никто не награжденъ; а это надо считать равносильнымъ штрафу. Еще разъ имѣю честь доложить Департаменту, что, пока Су-шунь съ Чженъ-ваномъ живы и при дѣлѣ, Русское вліяніе въ Китаѣ всегда будетъ равно нулю. Никакими благодѣяніями или пожертвованіями упрочить его нельзя. Объ этомъ надо подумать и на что нибудь рѣшиться, и именно теперь, когда мысли сановниковъ и народа на нашей сторонѣ. Черезъ годъ будетъ поздно...

Его превосходительство, ген. Игнатьевъ передъ отъѣздомъ своимъ изъ Пекина обратилъ вниманіе мѣстныхъ властей на снабженіе столицы продовольствіемъ и предложилъ имъ свое содѣйствіе въ томъ, если бъ оно понадобилось. На дняхъ президентъ уголовной палаты, Жуй-ганъ просилъ меня помочь имъ въ этой операціи. Дѣйствуя по наставленію ген. Игнатьева, я написалъ въ Шанхай къ нашему кон-

*) Уполномоченный по устройству дѣлъ съ Европейцами въ Тіань-дзинѣ. Онъ и Сюэ-хуань (уполномоченный для сношеній съ Европейцами въ Шанхаѣ) получаютъ 30 т. р. с. ежегоднаго жалованья. *Прим. архим. Гурія*.

сулу Герду и торговому дому Russel et C-ie, отправилъ эти бумаги къ г. Пещурову въ Тянь-дзинь для перевода на Французскій языкъ и отсылки по адресамъ. Къ концу 1860 г. надѣюсь получить отвѣтъ, о содержаніи котораго въ свое время донесу Департаменту.

Недавно просили меня остановить инсургентовъ, которые быстро идутъ къ столицѣ, заняли уже полгуберніи Шань-дунъ и Чжили и теперь отсюда въ 300 верстахъ. Числомъ ихъ до 70 тысячъ человѣкъ. Просителю и пославшимъ его чинамъ кажется, что 150 человѣкъ, зазимовавшихъ въ Тянь-дзинѣ нашихъ матросовъ, легко удержать ту громаду. Разумѣется, я уклонился отъ этого дѣла, сказавъ, что военныя силы не въ моемъ распоряженіи, что безъ очевидной опасности для миссіи я не могу и просить помощи у начальника команды, да едва ли инсургенты и рѣшатся идти сюда зимой.

Спрашивали меня еще: нельзя ли занять у нашего Государя денегъ милліоновъ 50 рубл., конечно, съ процентами и уплатою въ условленные сроки. Эту затѣю я рѣшительно остановилъ. Государь нашъ не купецъ, говорилъ я. Предложеніемъ процентовъ вы его обидите Если у него есть лишнія деньги, то онъ просто подаритъ (что за счетъ между друзьями?) Разсудите же: если онъ вамъ подаритъ, хорошо ли вамъ принять подарокъ? 50/м. вѣдь не бездѣлица. А если у него кто-либо уже выпросилъ прежде васъ, и онъ долженъ будетъ отказать вамъ, хорошо ли вамъ выслушать отказъ? Вы сдѣлаете гораздо лучше, если попросите у нашего Государя позволенія занять эту сумму у нашихъ купцовъ. Тогда отказу не будетъ, и дѣло это, полагаю, можетъ состояться.

Прошу Департаментъ извинить меня, если который либо отвѣтъ мой нехорошъ. Я отвѣчаю и вообще поступаю по крайнему моему разумѣнію. Очень жаль, что въ настоящее время нѣтъ здѣсь нашего посланника или, по крайней мѣрѣ, человѣка съ большею опытностью въ дѣлахъ.

Сообщаю слухъ: богдоханъ очень боленъ, можетъ быть уже и умеръ. Наслѣдникъ же еще дитя пяти лѣтъ. Это обстоятельство очень важно, и его непремѣнно должно имѣть въ виду при составленіи инструкціи для нашего посланника въ Пекинѣ и, отправляя къ мѣсту службы, снабдить его, кромѣ инструкціи, и деньгами, и военною силою, чтобъ, въ случаѣ надобности, былъ онъ въ состояніи поддержать наши интересы.

Посланники Франціи и Англіи оставили при себѣ въ Тяньдзинѣ до 6/т. войска. Въ Пекинъ они будутъ во 2-й лунѣ слѣдующаго года, а можетъ быть и ранѣе. Это значитъ не позже конца Февраля 1861 года. Г. Meritens, переводчикъ при г. Bourboulon'ѣ, прибылъ сюда третьяго дня, для найма квартиры посольству. Кажется, что займутъ они дворецъ князя Су. Это возлѣ насъ. Такимъ образомъ и въ Пекинѣ образуется Европейскій кварталъ. Полагаю, что и нашъ посланникъ *) прибудетъ сюда, если не въ началѣ Марта, то хотя къ Пасхѣ. Это, кажется, невозможно. Я усталъ до изнеможенія: пора уже отдохнуть.

При семъ прилагаю всѣ письма и бумаги, полученныя мною отъ г. Пещурова изъ Тяньдзиня, равно и пакетъ за открытою печатью на имя г. Игнатьева. Дубликатъ, посланный ему черезъ Шанхай, полученъ г. Пещуровымъ, но пока удержанъ имъ до вѣрной оказіи, во избѣжаніе вѣроятной *ревизіи*.

Начальникъ миссіи архимандритъ *Гурій*.

1860 г. Ноября 30 дня. Пекинъ. № 94.

*) Представителемъ нашимъ послѣ флигель-адъютанта Игнатьева былъ назначенъ министръ-резидентъ полковникъ Баллюзекъ.

ОТЗЫВЫ НАПОЛЕОНА НА ОСТРОВѢ СВ. ЕЛЕНЫ

объ его отношеніяхъ къ Россіи и къ Полякамъ *)

записанные графомъ Ласказомъ.

Въ битвѣ подъ Аустерлицемъ у Русскихъ было превосходнѣйшее войско; съ тѣхъ поръ никогда уже не было у нихъ подобнаго: съ такимъ войскомъ Русская армія не проиграла бы сраженія подъ Москвою.

Говоря о войнѣ съ Россіей, Наполеонъ сказалъ: Для народовъ и монарховъ не существуетъ мелкихъ событій; они сами управляютъ своими судьбами. Съ нѣкоторыхъ поръ между Франціей и Россіей возникли несогласія. Франція обвиняла Россію въ нарушеніи континентальной системы, а Россія требовала вознагражденія герцогу Ольденбургскому, предъявляя при томъ еще и другія требованія. Русскія войска подходили къ Варшавскому герцогству, а Французская армія стягивалась на Сѣверѣ Германіи. Однако въ то время были далеки еще отъ рѣшенія начать войну, какъ вдругъ къ герцогству подступаетъ новая Русская армія, въ то время какъ Русскій посолъ представляетъ въ Парижѣ дерзкую ноту въ видѣ ультиматума; эту ноту не приняли, вслѣдствіе чего ему было велѣно черезъ недѣлю покинуть Парижъ. Тогда я счелъ войну объявленной. Уже давно отвыкъ я отъ подобнаго обращенія и не привыкъ, чтобы меня предупреждали. Я могъ идти на Россію, идти во главѣ остальной Европы. Такое предпріятіе внушало сочувствіе и казалось выгоднымъ для всей Европы. Это было послѣднее напряженіе, которое оставалось сдѣлать Франціи. Судьбы ея и новаго Европейскаго уклада зависѣли отъ конца этой борьбы. Англія возлагала на Россію свою послѣднюю надежду. Миръ всей вселенной сосредоточивался въ Россіи, а успѣхъ не могъ казаться сомнительнымъ. Я выступилъ. Тѣмъ не менѣе пріѣхавъ къ границѣ, я, которому Россія объявила войну, отозвавъ своего посла, счелъ себя обязаннымъ отправить своего посла къ импе-

*) Извлечено изъ книги Mémorial de Sainte Hélène, par le comte de Las Case. Paris. 1823. Графъ Эммануилъ Ласказъ (1766—1842) камергеръ и преданнѣйшій слуга Наполеона, ежедневно, на островѣ Св. Елены, записывалъ свои бесѣды съ Наполеономъ который учился у него по-англійски (конечно, чтобы занять свой невольный досугъ). Письма его въ Европу были захвачены, самъ онъ отнятъ у Наполеона и увезенъ на мысъ Доброй Надежды. П. Б.

„Русскій Архивъ“ 1907.

ратору Александру въ Вильну; но ему было отказано въ пріемѣ, и тогда началась война. Между тѣмъ, кто бы этому повѣрилъ? Александръ и я, мы оба, походили на двухъ хвастуновъ, которые, не имѣя желанія сразиться, стараются другъ друга только напугать.

Я бы охотно не воевалъ, потому что вокругъ меня нагромождались всевозможныя неблагопріятныя къ тому обстоятельства; и все, что̀ я узналъ впослѣдствіи, убѣждаетъ меня въ томъ, что Александръ желалъ войны еще меньше чѣмъ я. Въ Парижѣ Румянцевъ сохранялъ связи; позднѣе, во время неудачи, понесенной Русскими, Александръ весьма плохо обошелся съ нимъ за рѣшеніе, которое онъ заставилъ его принять, увѣривъ, что настало удобное время, что Франція, находясь въ затруднительномъ положеніи, пойдетъ на уступки, дабы избѣжать войны; что нужно воспользоваться благопріятнымъ случаемъ; слѣдуетъ только показаться, говорить твердо, и этого достаточно, чтобы добиться вознагражденія герцога Ольденбургскаго, Данцигъ будетъ пріобрѣтенъ, и Россія можетъ снискать себѣ великое уваженіе въ Европѣ. Таковъ былъ сокровенный смыслъ движенія Русскаго войска и дерзкой бумаги князя Куракина, который, безъ сомнѣнія, не зналъ этихъ тайныхъ замысловъ и напрасно, по недостатку ума, слишкомъ точно исполнилъ данное ему предписаніе. Таже самонадѣянность, тотъ же замыселъ вызвалъ и отказъ принять Лористона въ Вильнѣ. А вотъ, прибавилъ Наполеонъ, недостатки и несчастіе моей новой дипломатіи: она оставалась въ сторонѣ, безучастною къ дѣламъ, которыми ей надлежало управлять. Имѣй я министромъ иностранныхъ дѣлъ человѣка происходящаго изъ древняго дворянскаго рода, человѣка талантливаго, онъ бы могъ и долженъ былъ въ переговорахъ угадать самую суть, и войны бы не было. Талейранъ былъ бы, пожалуй, на это способенъ, но это оказалось выше способностей новыхъ людей. Что касается меня, не могъ же я одинъ все угадывать; мой санъ не позволялъ мнѣ лично все выяснять; я могъ судить лишь по бумагамъ, и сколько бы я ихъ ни перевертывалъ, дойдя до извѣстнаго предмета, онѣ оставались бы нѣмы и не могли отвѣчать на мои вопросы.

Едва я началъ военныя дѣйствія какъ личина спала, и истинныя чувства непріятеля должны были обнаружиться. Черезъ три или четыре дня, сраженный нашими первыми успѣхами, Александръ прислалъ мнѣ сказать, что если я очищу занятыя мною мѣста и отойду къ Нѣману, онъ вступитъ со мной въ мирный договоръ. Но я, въ свою очередь, принялъ это за хитрость. Я возгордился успѣхомъ; я поймалъ Русскую армію на мѣстѣ преступленія: все было опрокинуто, я отрѣзалъ отступленіе Багратіону и могъ разсчитывать, что разобью

его. Слѣдовательно я думалъ, что Русскіе хотятъ лишь выиграть время, чтобы бѣжать и соединиться съ остальной своей арміей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, будь я убѣжденъ въ прямодушіи Александра, я бы согласился на его предложеніе. Я вернулся бы къ Нѣману, а онъ не переходилъ бы Двины; Вильна была бы посредствующимъ мѣстомъ, мы бы отправились туда, каждый съ двумя или тремя батальонами своей гвардіи, и лично вступили бы въ переговоры. Сколько соглашеній я устроилъ бы!.. Стоило бы выбрать любое!.. Мы разстались бы добрыми друзьями. И, несмотря на послѣдующія событія, оставившія его побѣдителемъ, доказано ли еще, что эти условія были бы менѣе выгодны для него, чѣмъ то, что̀ оказалось вслѣдъ за тѣмъ? Правда, онъ пришелъ въ Парижъ, но со всею Европою; онъ пріобрѣлъ Польшу, но каковы будутъ послѣдствія того, что весь Европейскій укладъ расшатанъ, что всѣ народы въ волненіи, что усилилось Европейское вліяніе на остальную Россію, благодаря накопленію новыхъ пріобрѣтеній и дальнимъ странствованіямъ Русскихъ солдатъ, благодаря вліянію людей разнородныхъ знаній, отовсюду стекавшихся туда и т. д.?

Удовольствуются ли Русскіе государи упроченіемъ того, что̀ они пріобрѣли? А если наоборотъ, ихъ обуяетъ честолюбіе, какимъ тогда нелѣпостямъ они могутъ предаться! Однако они погубили Москву съ ея богатствами, такъ точно какъ и богатства большого числа другихъ городовъ. Это все раны, изъ которыхъ кровь будетъ сочиться болѣе полувѣка. А между тѣмъ чего бы мы ни могли установить въ Вильнѣ на благо всѣхъ, какъ народовъ, такъ и государей!!!

Въ другой разъ Наполеонъ сказалъ: Я могъ подѣлить съ Россіей Турецкую имперію; нѣсколько разъ между нами заходила рѣчь объ этомъ, но всегда Константинополь спасалъ Турцію. Эта столица составляла главное препятствіе и была настоящимъ камнемъ преткновенія. Россія хотѣла ея, а я не долженъ былъ соглашаться на это: Константинополь слишкомъ драгоцѣнный ключъ; онъ одинъ сто̀итъ цѣлой имперіи; тотъ, кто имъ завладѣетъ, можетъ управлять всѣмъ міромъ! *)

Когда Наполеонъ, возвратившись къ этому, снова сталъ говорить: «что же такое Александръ выигралъ, чего бы онъ не добился въ Вильнѣ гораздо болѣе дешевой цѣной», то у кого-то вырвался отвѣтъ: ваше величество, онъ выигралъ то, что побѣдилъ и восторжествовалъ. Такъ можетъ мыслить обыкновенный человѣкъ, воскликнулъ Наполеонъ, но не монархъ. Если онъ управляетъ самъ или въ случаѣ своей неспособности, черезъ своихъ совѣтниковъ, то долженъ въ такомъ великомъ

*) Вотъ разгадка гибели Александра Николаевича. П. Б.

предпріятіи имѣть цѣлью не побѣду, а ея послѣдствія. Кто можетъ сравнить мои успѣхи въ Германіи съ успѣхами союзниковъ во Франціи? Люди освѣдомленные, разсудительные, исторія не сдѣлаютъ этого. Союзники пришли, ведя всю Европу противъ почти ничтожнаго количества войскъ; у нихъ было 600/т. человѣкъ въ строю, столько же въ запасѣ на случай, если бы ихъ побили; имъ не грозила опасность, они могли извернуться. Я же, на оборотъ, будучи въ Германіи, на разстояніи 500 миль, едва имѣлъ равныя силы съ противникомъ. Я былъ окруженъ государствами и народами, которыхъ сдерживалъ только страхъ; каждую минуту, при первой моей неудачѣ, они могли принять сторону противника. Я торжествовалъ среди все нарождавшихся опасностей; мнѣ постоянно нужно было столько же искусства, сколько силы. Нуженъ мнѣ былъ необыкновенный характеръ во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ, необыкновенный взглядъ на вещи, необычайная вѣра во всѣ мои расчеты, которыхъ, быть можетъ, не одобряли всѣ окружавшіе меня. А какія дѣйствія противопоставляли мои союзники? Если бы я не побѣдилъ при Аустерлицѣ, мнѣ бы пришлось бороться противъ всей Европы. Не побѣди я при Іенѣ, Австрія и Испанія оказались бы у меня въ тылу. Если бы я не побѣдилъ при Ваграмѣ (а это не было уже такой рѣшительной побѣдой), я могъ опасаться, что Россія покинетъ меня, что Пруссія воспрянетъ, а Англичане стояли уже близъ Антверпена. Тѣмъ не менѣе каковы были условія, предложенныя мною послѣ побѣды?

Въ Аустерлицѣ я предоставилъ Александру свободу, *тогда какъ могъ бы имѣть его своимъ плѣнникомъ*. Когда я возвратился оттуда, меня увѣряли, будто существовали двѣ записки карандашемъ, написанныя императоромъ Александромъ, въ которыхъ онъ боязливо просилъ, чтобы его пропустили *). Если это вѣрно, какова превратность судьбы! Великодушный побѣдитель погибаетъ въ кандалахъ вдали отъ Европы, лишенный своей семьи, и это именемъ побѣжденнаго, котораго онъ такъ великодушно слушалъ!!! Послѣ Іены я предоставилъ власть Прусскому дому, у котораго я ее отнялъ. Послѣ Ваграма я не старался о дробленіи Австрійской монархіи. Припишутъ ли это простому великодушію? Люди сильные и глубокіе имѣли бы право осудить меня за это. Поэтому, хоть я не чуждъ этому чувству, но у меня были еще болѣе высокія намѣренія. Я хотѣлъ подготовить сліяніе Европы подобно тому, какъ устроилъ сліяніе среди насъ.

---

*) Дѣйствительно, послѣ Аустерлица, Александръ Павловичъ болѣе сутокъ подвергся всяческимъ лишеніямъ въ Австрійской деревушкѣ. П. Б.

Переходя на многіе другіе предметы, Наполеонъ остановился на Русской войнѣ.

Впрочемъ, сказалъ онъ, эта война должна была бы быть самой сочувственной войной новѣйшихъ временъ: это была война здраваго смысла, дѣйствительныхъ выгодъ, война общаго покоя и безопасности; она была только мирной и охранительной, исключительно Европейской и материковой. Успѣхъ этой войны уравновѣсилъ бы новыя сопряженія, которыя уничтожили бы опасности прежнихъ временъ, замѣнивъ ихъ мирнымъ будущимъ, а честолюбіе совсѣмъ не входило въ мои разсчеты.

Возстановляя Польшу, изъ-за которой и было все дѣло, я соглашался, чтобы престолъ занялъ Русскій царь, эрцгерцогъ Австрійскій или всякій другой; я не искалъ никакихъ пріобрѣтеній, оставляя себѣ лишь славу сдѣланнаго добра и благословеніе будущихъ временъ. Можно ли было думать, что въ этомъ-то я и потерплю неудачу, что тутъ-то и найду свою погибель? Никогда я не поступалъ лучше, никогда не заслуживалъ бо́льшаго; но, видно, и на мнѣнія бываютъ заразы: вдругъ, въ одинъ мигъ, всѣ въ одинъ голосъ осудили меня, всѣхъ охватило одно и тоже чувство противъ меня; меня провозгласили тираномъ государей, меня, укрѣпившаго ихъ существованіе. Я сталъ вдругъ нарушителемъ правъ народныхъ, я, столько сдѣлавшій для нихъ и столько еще собиравшійся предпринять ради нихъ! И народы, и государи, эти непримиримые враги, соединились и составили сообща заговоръ противъ меня. Никакія дѣла мои за всю жизнь не принимались болѣе въ расчетъ. Я говорилъ себѣ, что съ побѣдой вернулись бы ко мнѣ и умы народовъ; но побѣда мнѣ не удалась, и я очутился задавленнымъ. Таковы, однако, люди и моя исторія. Но народы и государи, тѣ и другіе, пожалѣютъ обо мнѣ, и память моя будетъ достаточно отомщена за несправедливость ко мнѣ; это несомнѣнно.

*

Если бы нѣкоторыя мѣста изъ отзывовъ Наполеона потребовали болѣе подробнаго изложенія или доказательствъ, то ихъ найдутъ въ нижеслѣдующемъ его предписаніи, цѣнномъ какъ по времени, въ которое оно было написано, такъ и по своему содержанію; въ немъ изложены виды и причины его похода въ Россію.

Простой народъ въ Европѣ былъ, конечно, далекъ отъ пониманія и правильной оцѣнки этихъ видовъ и причинъ. Говоримъ простой народъ, такъ какъ слѣдуетъ замѣтить, что въ глазахъ людей государственныхъ, людей съ широкими взглядами, и предусмотрительныхъ, эта война была весьма желательна: они досадовали на время, въ которое она велась, но прекрасно постигали великіе замыслы Наполеона.

Предписанія г-ну М*...., долженствовавшія служить ему руководствомъ при исполненіи возложеннаго на него порученія въ Польшѣ, 18-го Апрѣля 1812 года.**

Милостивый государь! Императоръ достаточно разсчитываетъ на вашу преданность и ваше искусство, чтобы оказать вамъ высокое довѣріе, давая вамъ порученіе великаго политическаго значенія. Порученіе это требуетъ дѣятельности, осторожности и благоразумія. Вы отправитесь въ Дрезденъ. Явная цѣль вашей поѣздки будетъ представленіе его величеству королю Саксонскому письма, которое императоръ вручитъ вамъ завтра, послѣ своего выхода. Его императорское и королевское в-ство уже ознакомилъ васъ со своими намѣреніями и дастъ вамъ устно послѣдніе свои наказы о тѣхъ предложеніяхъ, которыя вы должны будете сдѣлать Саксонскому королю. Императору желательно, чтобы королю было оказано почтеніе, котораго заслуживаетъ особенное уваженіе императора къ его особѣ. Вы будете объясняться съ королемъ и его министрами откровенно, безъ обиняковъ. Вы должны вѣрить свѣдѣніямъ, которыя вамъ будетъ давать графъ Де-Сенъ-Пильзакъ (de St-Pilsac). Со стороны Саксоніи не будетъ *жертвы безъ вознагражденія*. Саксонія мало дорожитъ верховной властью Варшавскаго герцогства: при его теперешнемъ состояніи положеніе это тягостно и ненадежно. Обладаніе этимъ обломкомъ Польши ставитъ Саксонію въ двусмысленное положеніе относительно Пруссіи, Австріи и Россіи. Вы будете развивать эти мысли, обсуждая вопросъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ въ вашемъ присутствіи велись пренія 17-го числа въ покояхъ его величества. Въ Дрезденскомъ кабинетѣ вы встрѣтите мало охоты вамъ противорѣчить: тамошняя дипломатія неоднократно представляла намъ тѣже замѣчанія. Дѣло, вѣдь, идетъ не о дробленіи государства Саксонскаго короля.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Дрезденѣ, вы объявите о своемъ отъѣздѣ *въ Варшаву, гдѣ вы должны ждать новыхъ приказаній императора*. Его императорское величество проситъ короля уполномочить васъ при Польскихъ министрахъ. Въ Варшавѣ вы условитесь относительно своего дальнѣйшаго образа дѣйствій съ княземъ ***, камергеромъ императора, и съ генераломъ ***. Оба лица происходятъ отъ самыхъ знатныхъ Польскихъ родовъ и обѣщали употребить вліяніе, которымъ они пользуются среди своихъ согражданъ, чтобы понудить ихъ стараться о счастіи и независимости ихъ родины. Вы должны дать правительству великаго герцогства толчекъ, могущій подготовить великія перемѣны, которыя императоръ намѣревается произвести въ пользу

Польскаго народа. Нужно, чтобы Поляки способствовали исполненію намѣреній императора и сами содѣйствовали своему возрожденію. *Они должны смотрѣть на Французовъ только какъ на своихъ сильныхъ союзниковъ.* Императоръ не скрываетъ отъ себя трудностей, которыя ему предстоятъ въ дѣлѣ возстановленія Польши. Это великое дѣло политики должно противорѣчить *явнымъ и настоящимъ выгодамъ его союзниковъ.* Возстановленіе Польши оружіемъ Французской имперіи ненадежное и даже опасное предпріятіе, въ которомъ Франція должна будетъ одинаково бороться противъ своихъ друзей и враговъ.

Взойдемъ въ нѣкоторыя подробности. Цѣль, которую себѣ ставитъ императоръ, есть избѣгая войны, устроить Польшу, *со всею ея прежней областью или хоть частью ея*, если возможно. Чтобы достигнуть этого, его величество далъ весьма обширныя полномочія своему послу въ Петербургѣ. Онъ отправилъ въ Вѣну посредника, который уполномоченъ заключить договоръ съ главными властями, предлагая отъ имени Французскаго императора большія земельныя уступки *въ вознагражденіе за то, что потребуется для возстановленія Польскаго королевства.* Европа дѣлится на три великія части: Французская имперія—на Западѣ, Германскія государства—въ серединѣ, Русская имперія на Востокѣ. Англія можетъ на материкѣ имѣть только то вліяніе, какое державы пожелаютъ сохранить за нею. Крѣпкимъ устройствомъ Германіи нужно не допустить, чтобы Россія или Франція, желая расширить еще болѣе свои владѣнія, могли захватить верховную власть въ Европѣ. Французская имперія пользуется въ настоящее время всей силой своего положенія: если въ данную минуту она не окончитъ политическаго устройства Европы, завтра она можетъ потерять преимущества своего положенія и потерпѣть пораженіе въ своихъ предпріятіяхъ. Учрежденіе въ Пруссіи военнаго положенія, царствованіе и побѣды Фридриха Великаго, пущенныя въ обращеніе мысли вѣка и Французской революціи, все это уничтожило прежній Германскій союзъ. Союзъ Рейнскій держится только временно союзнаго уклада. Государи, получившіе нѣкоторыя пріобрѣтенія, можетъ быть, и желали бы упроченія этого уклада; но тѣ, которые проиграли, и населенія пострадавшія отъ несчастій войны, государства боящіяся слишкомъ большой власти Франціи, будутъ противиться поддержанію Рейнскаго союза каждый разъ какъ къ тому представится случай. Даже тѣ, которые благодаря новому устройству союза возвеличились, и тѣ будутъ стараться отстраниться по мѣрѣ того, какъ время упрочитъ за ними пріобрѣтенныя ими владѣнія. Кончилось бы тѣмъ, что изъ рукъ Франціи было бы отнято преобладаніе, которое она пріобрѣла, конечно, цѣною слишкомъ многихъ жертвъ. Импе-

раторъ думаетъ, что не замедлитъ наступить время, когда, наконецъ, придется возвратить всѣмъ союзнымъ государствамъ Европы ихъ независимость. Австрійскій домъ, владѣющій тремя обширными королевствами, долженъ бы быть душою этой независимости вслѣдствіе положенія его страны, но ему не слѣдуетъ играть господствующей роли въ этомъ. Въ случаѣ разрыва между двумя имперіями, Французской и Русской, если бы союзъ посредствующихъ державъ руководился однимъ и тѣмъ же побужденіемъ, онъ неминуемо вызвалъ бы собою погибель одной изъ спорящихъ сторонъ. Французская имперія подвергалась бы большей опасности, чѣмъ Русская. Центръ Европы долженъ состоять изъ государствъ неравной силы, которыя будутъ имѣть каждое свою собственную политику; благодаря своему положенію и ихъ взаимнымъ политическимъ отношеніямъ, они будутъ искать поддержки въ покровительствѣ сильнѣйшихъ державъ. Этимъ государствамъ выгодно сохраненіе мира, потому что они всегда будутъ жертвами войны. Въ виду этого, основавъ новыя государства, увеличивъ прежнія, дабы укрѣпить на будущее время наше союзное устройство, для императора и въ то же время для всей Европы, очень важно возстановленіе Польши: если это королевство не будетъ возстановлено, Европа останется съ этой стороны безъ границъ; Австрія и Германія стоятъ лицомъ къ лицу съ самымъ могущественнымъ государствомъ въ мірѣ. Императоръ предвидитъ, что впослѣдствіи Польша, какъ и Пруссія, будутъ союзницами Россіи; если же Польша будетъ обязана своимъ возстановленіемъ ему, то время союза между этими государствами будетъ достаточно отдалено, чтобы дать установленному порядку укрѣпиться. Разъ Европа будетъ устроена такимъ образомъ, не останется больше причины къ соперничеству между Франціей и Россіей; обѣ имперіи будутъ имѣть одни и тѣже торговые выгоды и будутъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться тѣми же началами.

Передъ охлажденіемъ съ Пруссіей, первымъ намѣреніемъ императора было заключить прочный союзъ съ Прусскимъ королемъ и возложить на его главу Польскую корону: меньше препятствій пришлось бы преодолѣвать, такъ какъ Пруссія уже владѣла третью этого королевства. Россіи оставили бы то, что она пожелала бы непремѣнно сохранить за собой; Австріи дано бы было вознагражденіе. Но ходъ событій заставилъ императора измѣнить это предначертаніе. Во время переговоровъ въ Тильзитѣ пришлось создавать государства именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ всего болѣе страшились могущества Франціи. Время благопріятствовало возстановленію Польши, хотя бы путемъ насилія. Пришлось бы продолжить войну; между тѣмъ Французская армія стра-

дала отъ холода и голода; у Россіи же войско было набрано. Императоръ былъ тронутъ великодушіемъ, которое выказывалъ ему императоръ Александръ. Онъ встрѣчалъ препятствія со стороны Австріи. Надъ политикой Александра взяло верхъ одинаковое желаніе подписать мирный договоръ, который онъ надѣялся сдѣлать прочнымъ, если бы Англія, подъ вліяніемъ Россіи и Австріи, согласилась на общее умиротвореніе.

Послѣ своихъ злоключеній Пруссія чувствовала слишкомъ большую ненависть къ намъ, чтобы мы съ своей стороны не старались ослабить ея могущество; ради этого и было устроено великое герцогство Варшавское, которому въ государи дали Саксонскаго короля, всю жизнь свою проведшаго въ заботахъ о счастьи своихъ подданныхъ. Старались удовлетворить Поляковъ разными установленіями, которыя бы имъ нравились и соотвѣтствовали ихъ нраву и характеру. Во всѣхъ смыслахъ поступили плохо. Саксонія, отдѣленная Пруссіей отъ своихъ новыхъ владѣній, не могла составить съ Польшей достаточно упорядоченное цѣлое, чтобы стать сильной и могущественной. Открытіе на Прусской землѣ военной дороги для сообщенія Саксоніи съ Польшей очень оскорбило Прусскій народъ, а Поляки вздыхали о томъ, что ошиблись въ своихъ надеждахъ. Императоръ включилъ въ условіе занятіе Прусскихъ крѣпостей, дабы быть увѣреннымъ, что Пруссія не будетъ стараться снова возжечь войну. Кампанія 1809 года показала, насколько его политика была предусмотрительна; она заставила его принять твердое рѣшеніе непрерывно работать надъ такимъ устройствомъ Европы, которое положило бы конецъ гибельнымъ войнамъ. Императоръ считалъ, что долженъ показать себя грознымъ по тому количеству войска, которое онъ велъ къ *Вислѣ*, и по занятію Прусскихъ крѣпостей, дабы внушить вѣрность своимъ союзникамъ и переговорами добиться того, чего, можетъ быть, слѣдовало ожидать только отъ войны. При такихъ обстоятельствахъ опасности неизбѣжны. Нельзя, не подвергаясь имъ, переправлять войска за 500 миль отъ ихъ земли. Польша должна столько же ожидать отъ своихъ собственныхъ силъ, сколько отъ поддержки императора. Если разгорится война, то Поляки, опять таки повторяю, не должны смотрѣть на нее иначе, какъ на добавочную помощь къ ихъ собственнымъ средствамъ. Они должны помнить тѣ времена, когда, благодаря своей любви къ родинѣ и храбрости, они не поддались многочисленнымъ войскамъ, посягавшимъ на ихъ независимость. Народности Великаго Герцогства хотятъ возстановленія Польши; имъ и надлежитъ подготовить пути, по которымъ захваченныя области дойдутъ до возможности высказать свое желаніе. Правительство Вели-

каго Герцогства должно, какъ только позволятъ событія, собрать подъ знамена независимости союзъ отдѣлившихся частей несчастной Польши. Въ случаѣ, если подъ властью Россіи или Австріи имѣются Поляки, отказывающіеся возвратиться въ свое отечество, слѣдуетъ отказаться отъ принужденія ихъ къ этому. Польша должна черпать свою силу столько же въ духѣ своего народа, въ его любви къ отечеству, сколько въ установленіяхъ, которыя создадутъ ей новое общественное положеніе.

Итакъ, цѣль вашего порученія состоитъ въ томъ, чтобы наставлять, ободрять и направлять Польскихъ патріотовъ въ ихъ предпріятіи. Вы будете отдавать отчетъ въ своихъ переговорахъ министру иностранныхъ дѣлъ, а онъ извѣщать императора о вашихъ успѣхахъ. Мнѣ вы будете присылать краткія изложенія вашихъ донесеній. Несчастія и безсиліе Польской республики вызваны аристократіей, не имѣвшей ни правилъ, ни мѣры ни въ чемъ. Въ то время, какъ и понынѣ, дворянство было могущественно, мѣщанство подчинено, а простонародье считалось за ничто. Но среди такихъ безпорядковъ у этого народа любовь къ свободѣ и независимости долгое время поддерживала его слабое существованіе. Это чувство должно было усилиться отъ времени и притѣсненій. Императоръ исполнитъ безъ малѣйшихъ ограниченій обѣщаніе, данное имъ въ 25 статьѣ договора, заключеннаго 9-го Іюля 1807 года, въ которой онъ говоритъ, что создастъ для правленія Великимъ Герцогствомъ такое государственное устройство, которое обезпечило бы свободу его и его народностей, согласуясь съ спокойствіемъ сосѣднихъ государствъ.

Будутъ для Польши *и независимость, и свобода.* Что касается избранія государя, оно въ зависимости отъ условія, которое его величество подпишетъ съ державами. Его величество не имѣетъ притязаній на Польскій тронъ ни для себя, ни для своей семьи. Въ великомъ дѣлѣ возстановленія Польши императоръ имѣетъ въ виду только благополучіе Польши и спокойствіе Европы. Его величество уполномочиваетъ васъ сдѣлать это заявленіе, сдѣлать его, когда найдете полезнымъ для Франціи и Польши. Его величество повелѣлъ мнѣ передать вамъ эту бумагу и эти наказы, которые ему извѣстны, дабы вы могли составить изъ нихъ содержаніе вашихъ бесѣдъ съ иностранными министрами въ Варшавѣ или въ Дрезденѣ. Императоръ повелѣлъ отправить ноты министрамъ Великаго Герцогства, военному и иностранныхъ дѣлъ. Если бы понадобилось денежное пособіе, его величество пришелъ бы на помощь Польской казнѣ ассигновками на чрезвычайные расходы по владѣніямъ, которыя онъ еще имѣетъ въ Польшѣ и въ Ганноверѣ.

Политическое положеніе Россіи: легкость, съ которою она могла бы посягнуть на Индію и даже на Китай; безпокойства, долженствовавшія по этому поводу явиться у Англичанъ; число войскъ, которое пришлось бы Россіи употребить; ихъ исходная точка; путь, по которому имъ надлежало бы слѣдовать, богатство звонкою монетой, которую они привезли бы оттуда и т. д. Относительно большей части этихъ вопросовъ императоръ входилъ въ весьма цѣнныя подробности. Сожалѣю, что вижу здѣсь лишь указаніе на нихъ; не смѣю надѣяться на свою память настолько, чтобы ихъ воспроизвести. Затѣмъ императоръ перешелъ на то, что̀ онъ называлъ удивительнымъ положеніемъ Россіи противъ остальной Европы, т. е. на громадность ея. Онъ изображалъ это государство сидящимъ подъ полюсомъ, прислонившись къ вѣчнымъ льдамъ, которые, въ случаѣ надобности, дѣлаютъ его неприступнымъ. Россія, говорилъ онъ, могла подвергаться нападенію лишь въ теченіи 3 или 4 мѣсяцевъ, тогда какъ сама она могла дѣйствовать въ теченіи всего года или 11 мѣсяцевъ противъ насъ; она представляла для нападающихъ лишь суровость климата, страданія и лишенія, обусловленныя пустынной почвой, мертвой или закоченѣлой природой, тогда какъ ея народы бросались на насъ влекомые прелестью нашего Юга.

Къ этимъ физическимъ условіямъ нужно прибавить большое народоселеніе, храброе, крѣпкое, покорное, и цѣлыя племена, для которыхъ бѣдность и бродяжничество составляютъ естественное положеніе. Нельзя не содрогаться, говорилъ онъ, при мысли о такой громадѣ, которую невозможно атаковать ни съ боковъ, ни съ тыла, тогда какъ она безнаказанно выступаетъ на васъ, наводняя все, въ случаѣ побѣды, или же отступая въ глубь льдовъ, въ нѣдра смерти и печали, остающіяся у нея въ запасѣ въ случаѣ пораженія, и все это при легкой возможности вновь появиться, если обстоятельства того потребуютъ. Не это ли голова гидры миѳическаго Антея, съ которымъ нельзя справиться иначе, какъ схвативъ его тѣло и задушивъ въ объятіяхъ? Но гдѣ найти Геркулеса? Право претендовать на это принадлежало только намъ, и мы попробовали, но, нужно сознаться, взялись неловко. Императоръ говорилъ, что въ новой политической комбинаціи Европы участь этой части свѣта зависитъ лишь отъ способностей одного человѣка. Пусть появится въ Россіи, говорилъ онъ, мужественный, пылкій и способный императоръ, однимъ словомъ царь, у котораго есть борода на подбородкѣ (впрочемъ, онъ выражалъ это гораздо болѣе энергично), и Европа будетъ—его. Онъ можетъ начать свои дѣйствія на Нѣмецкой же почвѣ, въ ста миляхъ отъ двухъ столицъ, Берлина и Вѣны, которыхъ государи составляютъ единственныя

препятствія. Силою онъ добивается союза съ однимъ и при его содѣйствіи поражаетъ другого съ тыла, и съ этой минуты онъ въ сердцѣ Германіи, среди государей второго разряда, изъ которыхъ большая часть ему родня или ждутъ всего для себя отъ него. Въ случаѣ надобности, если обстоятельства потребуютъ, онъ мимоходомъ перекинетъ черезъ Альпы на Итальянскую почву нѣсколько головешекъ, готовыхъ вспыхнуть, торжественно пойдетъ на Францію и объявитъ себя ея новымъ освободителемъ. Будь я въ такомъ положеніи, то конечно переѣхалъ бы въ Калэ и очутился бы тамъ хозяиномъ и властителемъ Европы.

Въ концѣ разговора императоръ вернулся къ Павлу I. Онъ говорилъ о томъ, въ какую ярость приводила его въ свое время безсовѣстность Англійскаго министерства. Ему обѣщали островъ Мальту, какъ только имъ завладѣютъ; поэтому онъ поспѣшилъ сдѣлаться великимъ магистромъ Мальтійскаго ордена. А когда Мальта была сдана, Англійскіе министры отрицали свое обѣщаніе. Увѣряютъ, будто во время чтенія объ этой гнусной лжи Павелъ такъ возмутился, что при полномъ составѣ совѣта схватилъ депешу, проткнулъ ее своей шпагой и приказалъ отослать назадъ въ такомъ видѣ, вмѣсто всякаго отвѣта. Если это безуміе, сказалъ императоръ, нужно сознаться, что безуміе — прекрасной души, негодованіе добродѣтели, которая до того времени не могла подозрѣвать такой низости. Въ это же время Англійскіе министры, договариваясь съ нами относительно обмѣна плѣнныхъ, отказались включить въ тоже число Русскихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Голландіи на службѣ у Англичанъ и единственно по винѣ Англичанъ. Я угадалъ характеръ Павла, сказалъ императоръ. Я воспользовался удобнымъ случаемъ; собралъ этихъ Русскихъ, обмундировалъ ихъ и отправилъ къ нему даромъ. Съ тѣхъ поръ это великодушное сердце всецѣло принадлежало мнѣ, а такъ какъ у меня не было ни одного интереса противоположнаго интересамъ Россіи и я всегда говорилъ только справедливо и поступалъ хорошо, то нѣтъ сомнѣнія, что съ этихъ поръ я могъ бы располагать Петербургскимъ кабинетомъ. Наши враги почуяли опасность и пожелали, чтобы эта доброжелательность Павла была для него гибельна. Это было весьма возможно, такъ какъ были кабинеты, для которыхъ не было ничего святого. Позднѣе Наполеонъ продиктовалъ подробности трагической кончины несчастнаго Павла I-го. Значеніе такого источника и довѣріе къ нему заставляютъ насъ привести ихъ здѣсь. Павелъ былъ умерщвленъ въ ночь съ 23-го на 24-е Марта 1801 года. Лордъ Витвортъ былъ посломъ при его дворѣ и очень друженъ съ графомъ П . . . , генераломъ . . . . , и другими лицами,

достовѣрно признанными за виновниковъ и исполнителей этого ужаснаго цареубійства. Раздражительнымъ и обидчивымъ характеромъ Павелъ возстановилъ противъ себя часть Русскаго дворянства. Отличительной чертой его царствованія была ненависть къ Французской революціи. Онъ считалъ одною изъ причинъ этой революціи фамильярность Французскаго монарха и принцевъ и упраздненіе этикета при дворѣ. Поэтому при своемъ дворѣ онъ ввелъ очень строгій этикетъ и требовалъ къ себѣ знаковъ благоговѣнія, которые мало соотвѣтствовали нашимъ обычаямъ и всѣхъ возмущали. Быть одѣтымъ во фракъ, носить круглую шляпу, не выйти изъ кареты, когда царь или кто-нибудь изъ великихъ князей проѣзжалъ по улицѣ или на гуляньѣ, наконецъ, малѣйшее нарушеніе этикета вызывало полное негодованіе въ немъ, и этого одного было достаточно, чтобы считаться Якобинцемъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ сблизился съ первымъ консуломъ, онъ отказался отъ нѣкоторыхъ своихъ мыслей, и возможно, что если бы онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, то вновь пріобрѣлъ бы и любовь своего двора. Англичане, недовольные и даже чрезвычайно раздраженные происшедшею въ немъ перемѣной за одинъ годъ, ничего не упустили, чтобы поощрить его внутреннихъ враговъ. Имъ удалось распустить слухи, будто онъ сошелъ съ ума и наконецъ затѣять заговоръ, чтобы посягнуть на его жизнь *). Наканунѣ своей смерти Павелъ, сидя за ужиномъ, получилъ депешу, въ которой ему подробно сообщали всю нить заговора; онъ положилъ депешу въ карманъ, отложивъ чтеніе ея до слѣдующаго дня. Въ ночь онъ погибъ. Совершеніе покушенія не встрѣтило никакого препятствія: графъ . . . . имѣлъ большую силу при дворѣ; онъ считался любимцемъ и первымъ довѣреннымъ лицомъ Государя. Въ 2 часа утра онъ явился къ двери, ведущей въ комнату императора; его сопровождали генералы . . . . . , ... , и . . . . . Вѣрный казакъ, стоявшій у двери въ комнату, оказалъ имъ сопротивленіе, не впуская ихъ въ помѣщеніе государя; но они тотчасъ закололи его. Императоръ, проснувшись отъ шума, схватился за шпагу; но заговорщики бросились на него, повалили и задушили его. Генералъ . . . . . сдѣлалъ послѣдній ударъ; онъ наступилъ на трупъ императора. Императрица, супруга Павла, несмотря на то, что имѣла причины сѣтовать на него, выказала дѣйствительную и искреннюю скорбь; всѣ, принявшіе участіе въ этомъ убійствѣ, подверглись ея неизмѣнной немилости.... Много лѣтъ спустя генералъ . . . . . еще командовалъ войсками. Что бы тамъ ни было, это страшное

*) Покойный князь Сергій Семеновичъ Урусовъ (Севастополецъ и славный шахматистъ) написалъ цѣлую статью (неизданную доселѣ) съ доказательствами того, что Павелъ Петровичъ не повреждался въ умѣ. П. Б.

событіе поразило ужасомъ всю Европу, которая была особенно смущена откровенностью, съ какою Русскіе сообщали подробности объ этомъ во всѣ дворы. Оно измѣнило положеніе Англіи и дѣла всего міра.

Затрудненія новаго царствованія дали новое направленіе политикѣ Русскаго двора. Начиная съ 5 Апрѣля, Англійскіе матросы, попавшіе въ плѣнъ, вслѣдствіе задержанія судовъ въ гавани, и отправленные въ глубь страны, были отосланы. Комиссія, которой былъ порученъ расчетъ суммъ, должныхъ Англійскимъ купечествомъ, была распущена. Графъ . . . . . , продолжавшій оставаться первымъ министромъ, далъ знать 20-го Апрѣля Англійскимъ адмираламъ, что Россія согласна на всѣ требованія Англіи; онъ сообщилъ имъ, что намѣреніемъ его повелителя было кончить миромъ всѣ распри съ правительствомъ Великобританіи. Непріятельскія дѣйствія были прекращены до полученія отвѣта изъ Лондона. Желаніе поскорѣе заключить миръ съ Англіей было явно и предвѣщало торжество этой державы.

Зашла рѣчь о Густавѣ IV. Наполеонъ сказалъ: Будучи еще ребенкомъ, онъ оскорбилъ Екатерину, отказавшись отъ ея внучки въ то самое время, когда императрица, сидя на тронѣ и окруженная своимъ дворомъ, ожидала только его прибытія, чтобы начался свадебный обрядъ. Позднѣе, онъ не менѣе оскорбилъ Александра I, запретивъ послѣ гибели Павла въѣздъ въ свою страну одному офицеру новаго императора и отвѣтивъ на официальныя жалобы, обращенныя къ нему по этому поводу, что Александру не слѣдовало порицать то, что̀ онъ, Густавъ, оплакивающій еще убійство своего отца, заграждаетъ входъ въ свою страну одному изъ тѣхъ, которыхъ общій голосъ обвиняетъ *) въ убійствѣ его отца, т. е. отца Александра.

---

*) Совершенно несправедливо. П. Б.

СТРАНИЧКА О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ 1862 ГОДА.

Изъ частнаго письма.

Таращa *), 1863 г. 1 Мая.

Письмо ваше отъ 5 Апрѣля получено мною по возвращеніи моемъ въ Таращу 27 числа послѣ 18-ти дневнаго отсутствія. Это была Суббота, которой никогда не забуду. Въѣзжая въ городъ, я былъ пораженъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ: бѣгащіе люди съ косами и кольями, мчащіеся уланы съ пиками, барабанный бой, колокольный звонъ и крикъ, что Поляки идутъ къ городу, сдѣлали во мнѣ такое потрясеніе, что я едва могъ дышать. Неожиданный пріѣздъ мой немного успокоилъ семейство, но жена почти больна съ перепуга; дѣти встрѣтили меня словами: «будемъ умирать, насъ порѣжутъ».

Семейство мое было въ страшномъ безпокойствѣ за меня: думали, что меня захватили въ дорогѣ инсургенты; а я ѣхалъ ничего не подозрѣвая. Между тѣмъ дѣйствительно получено вѣрное извѣстіе о появленіи въ лѣсахъ, окружающихъ Таращу, вооруженныхъ партій инсургентовъ пѣшихъ и конныхъ; какъ оказалось послѣ, Кошоватскій лѣсъ, верстъ 12 отъ города, назначенъ былъ сборнымъ пунктомъ и въ намѣреніи инсургентовъ было взять Таращу 27-го числа, но что-то помѣшало имъ собраться въ большомъ числѣ. Въ этотъ день (въ Субботу), часа въ 4 послѣ обѣда, верстахъ въ 5 отъ города, была первая стычка, въ которой непріятель оказалъ весьма мало энергіи, не смотря на то, что противъ него была только слабая часть отряда изъ эскадрона уланъ и десятковъ двухъ или трехъ солдатъ внутренней стражи, которые подоспѣли почти подъ конецъ. Мѣстность благопріятствовала инсургентамъ, и потому только они понесли небольшую потерю, человѣкъ 8 убитыхъ и нѣсколько человѣкъ раненыхъ, взятыхъ въ плѣнъ съ частью обоза; съ нашей стороны одинъ уланъ убитъ и три раненыхъ; взято также на мѣстѣ до 30 лошадей. Своихъ убитыхъ инсургенты взяли въ лѣсъ, куда скрылись; преслѣдовать было невозможно, потому что лѣсъ огражденъ глубокимъ окопомъ или рвомъ. Думали въ городѣ, что будетъ нападеніе и съ другой стороны, со стороны Кошоватской дороги,

*) Уѣздный городъ Кіевской губ., въ 120 верстахъ къ Югу отъ Кіева. П. Б.

гдѣ главныя ихъ силы. Настала ночь, кругомъ города со стороны лѣсовъ зажгли костры, никто не спалъ, всѣ были въ большой тревогѣ, потому что въ городѣ было очень мало войска. Часть городскихъ жителей, христіане и окрестные поселяне, вооружились большей частью косами на длинныхъ рукояткахъ, отчасти ружьями и пиками. Ведутъ, везутъ со всѣхъ сторонъ связанныхъ Поляковъ, захваченныхъ то въ дорогѣ, то въ повозкахъ или бричкахъ, въ которыхъ находятъ военные снаряды и оружіе, то въ домахъ (тѣхъ, которые остались смирны, но, по словамъ мужиковъ, чѣмъ нибудь способствовали возставшимъ).

На другой день, 28 и 29 числа Апрѣля, происходило серьезное дѣло между главными силами мятежниковъ и нашею пѣхотою и саперами, которые подошли къ м. Кошоватой и с. Лукѣ отъ Богуслава. При содѣйствіи поселянъ сдѣлано было въ родѣ облавы, войска вступили въ лѣсъ и уничтожили почти всю шайку; убито инсургентовъ 119, взято живыхъ до 70 большею частью раненыхъ; съ нашей стороны потеря сравнительно ничтожна: два убитыхъ и четыре раненыхъ мужика. Говорятъ, инсургенты совершенно растерялись и потому не умѣли оказать сопротивленіе, несмотря на то, что пользовались превосходнымъ оружіемъ, большей частью заграничной работы. Взято много оружія и запасовъ. Главный предводитель Горецкій убитъ (директоръ сахарнаго завода въ Лукѣ) со многими другими; главноуправляющій Кошоватскимъ имѣніемъ помѣщика Млодецкаго Деко взятъ дома вмѣстѣ съ Радкевичемъ; ихъ повели вмѣстѣ со многими другими (болѣе 200 человѣкъ) въ Кіевъ, въ томъ числѣ и надсмотрщикъ Кисловскаго винокуреннаго завода Марковскій. (ихъ всѣхъ хорошо знаетъ m-me Головачева). Говорятъ, Деко былъ главнымъ распорядителемъ по хозяйственной части. Отыскали въ лѣсу построенные бараки, колодцы и много другихъ запасовъ и вообразите, все это верстахъ въ 12 или 15 отъ города, и никто (будто) не зналъ о томъ. Доказательство равнодушія Евреевъ служитъ то, что м. Кошовата наполнено Жидами; все почти дѣлалось и приготовлялось у нихъ, такъ сказать, подъ носомъ, и ни одинъ Жидъ ни слова не сказалъ. Это происходитъ, мнѣ кажется, оттого, что инсургенты за все имъ хорошо платили и отчасти задолжали имъ, а можетъ быть и отъ трусости Жиды молчали. Поселяне такъ разсвирѣпѣли, что еслибъ только позволить, то они всѣхъ бы Ляховъ уничтожили безъ различія пола и возраста. Вотъ до чего довелъ Поляковъ слѣпой фанатизмъ, который постарались развить въ нихъ ксендзы, главные виновники несчастія множества семействъ, лишившихся кто отца, кто брата, кто сына. Центральный комитетъ революціонный воспользовался тлѣвшейся искрой и въ тоже время старался привлечь на свою сторону поселянъ, обѣщая имъ и равноправность, и даровую землю. Но и съ

этой стороны Поляки очень ошиблись: мужики показали имъ слишкомъ больно всю нелюбовь свою къ нимъ. Братъ Кошоватскаго ксендза, умирая, сказалъ мужикамъ: ксендзы всему причиной и если онъ погибаетъ, то обязанъ этимъ брату своему ксендзу, послѣ чего мужики отыскали въ огородѣ ксендза и потащили. Говорятъ, въ стычкѣ убито два ксендза.

Послѣ этого пораженія спасшіеся инсургенты бросились въ Васильевскій уѣздъ, но тамъ были окончательно уничтожены поселянами и частью войска, которыми командовалъ Васильковскій помѣщикъ Василій Петровичъ Масловъ, полковникъ артиллеріи въ отставкѣ, знакомый съ войною на Кавказѣ. Говорятъ, выдержавъ залпъ мятежниковъ, онъ скомандовалъ своимъ стрѣлять и самъ застрѣлилъ главнаго предводителя Ясинскаго, который въ него стрѣлялъ, но не попалъ.

Несмотря на это, все мы не можемъ успокоиться, и какъ приходитъ ночь, невольный страхъ не позволяетъ ничѣмъ заняться, хотя повидимому и нечего бояться; но слухъ о томъ, что уланамъ велѣно не разсѣдлывать лошадей, что гдѣ-то въ Липовецкомъ уѣздѣ, а также въ Сквирскомъ, собираются вооруженные неизвѣстные люди, не позволяетъ прійти къ нормальному состоянію. Все это происходитъ, мнѣ кажется, отъ неизвѣстности будущаго и отъ неизвѣстности дѣйствительныхъ силъ и мѣстонахожденія инсургентовъ, которыхъ, говорятъ, можно ожидать отовсюду изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ войска. Приняты мѣры къ огражденію винокуренныхъ подваловъ и къ отобранію акциза съ тѣхъ заводовъ, отъ которыхъ онъ не представленъ. Въ печальномъ настроеніи духа, въ которомъ я нахожусь, письмо ваше доставило мнѣ истинное утѣшеніе и не знаю, какъ мнѣ благодарить васъ за добрыя чувства и совѣты ваши. Признаюсь вамъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, я считалъ бы счастьемъ перебраться въ Кіевъ и въ нашу тихую Малороссію, гдѣ нѣтъ вліянія этого варварскаго революціоннаго комитета; тамъ по крайней мѣрѣ можно безопасно спать ночью, не бояться за семейство, а здѣсь смотришь то въ ту, то въ другую сторону и чего-то ждешь; малѣйшій шумъ на улицѣ или звукъ оружія отъ проходящихъ патрулей, и пропалъ сонъ, и ждешь разсвѣта, чтобъ немного заснуть, а днемъ и думать нельзя заняться чѣмъ-нибудь спокойно. Долго-ль такъ будетъ? Если такое безпокойство продлится, признаюсь, не стоитъ жить; будь я еще одинъ, было бы полбѣды, а съ семействомъ очень тяжело. Я слышалъ, что и у васъ въ Кіевѣ происходила такая же драма, и очень печально для безумцевъ; но все же Кіевъ не провинція: больше условій для сохраненія спокойствія.

Остаюсь вѣчно преданный вамъ другъ *Алексѣй Рязановъ.*

КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ А. П. САЛТЫКОВОЙ О П. А. ВИТОВТОВѢ.

Военная исторіографія должна быть признательна біографическимъ очеркамъ лицъ, сыгравшихъ какую нибудь роль въ исторіи Русской арміи, и потому заслуживаютъ вниманія воспоминанія о П. А. Витовтовѣ, написанныя его дочерью А. П. Салтыковой; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они требуютъ исправленій. Ранѣе я указывалъ на неточность въ описаніи памятника Николаю I, и мое замѣчаніе встрѣтило возраженіе, не обоснованное впрочемъ никакими точными указаніями (Р. Арх., 1907, 295—296).

Укажу еще на одну неточность. На стр. 365—366 А. П. Салтыкова говоритъ, что по дѣлу о растратѣ инвалиднаго капитала Политковскимъ было привлечено къ суду пять *или* шесть генераловъ, которые *всѣ* были государевыми г.-адъютантами.

Подсудимыхъ было *шестеро*: Ушаковъ, Арбузовъ, Граббе, Зассъ, Мандерштернъ и адм. Колзаковъ. Одинъ изъ нихъ *не* былъ г.-адъютантомъ.

Далѣе. При входѣ въ квартиры Колзакова и Граббе, вооруженный солдатъ, присутствіе коего „удручающе дѣйствовало“ на А. П. Салтыкову, стоялъ потому, что всѣ подсудимые, кромѣ Мандерштерна, были содержимы подъ стражей. Наконецъ, А. П. Салтыкова говоритъ, что „вскорѣ они были оправданы судомъ, который вмѣнилъ имъ арестъ въ наказаніе за небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ и довѣріе къ мошеннику, обморочившему ихъ“. На самомъ дѣлѣ судъ былъ далекъ отъ оправдательнаго приговора, да и не такое было время, чтобы „миндальничать“. За проступки Николай Павловичъ не миловалъ; вспомнимъ печальный эпизодъ съ фл.-адъютантомъ княземъ Дадіаномъ. Судъ надъ предсѣдателемъ и членами Комитета приговорилъ: Ушакова —къ исключенію изъ службы съ выдержаніемъ подъ арестомъ шесть мѣсяцевъ, Колзакова—къ исключенію изъ службы, Арбузова, Граббе и Засса—къ трехмѣсячному аресту и Мандерштерна—къ мѣсячному аресту.

Приговоръ этотъ не можетъ почитаться оправдательнымъ.

Этотъ приговоръ былъ представленъ на высочайшую конфирмацію, которая 10 Апрѣля 1853 г. гласила: „Приговоръ суда касательно г. Ушакова нахожу правильнымъ, но считаю его гораздо виновнѣе въ томъ, что дозволилъ

себѣ дерзко настаивать въ награжденіи Политковскаго, несмотря на мои отказы, тогда какъ отличія нисколько съ его стороны не было, но напротивъ того, ежели бъ Ушаковъ исполнялъ свою обязанность по долгу данной присяги, воровство бы открылось. Потому приговоръ суда утверждаю во всей силѣ; адмирала Колзакова, вмѣнивъ лишеніе г.-адъютантскаго званія и судъ въ наказаніе, уволить отъ службы; г-а Мандерштерна, вмѣнивъ судъ въ наказаніе, возвратить къ прежней должности коменданта; г-а Арбузова, вмѣнивъ лишеніе г.-адъютантскаго званія и судъ въ наказаніе и принявъ въ соображеніе малое нахожденіе въ наличности при комитетѣ за командировкой къ командованію гренадерскимъ корпусомъ, избавить отъ дальнѣйшаго взысканія и возвратить къ должности инспектора гвардейскихъ и гренадерскихъ резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ; г.-лейтенантовъ Граббе и Засса признаю виновными только въ томъ, что, усумнясь въ правильности существовавшаго порядка въ комитетѣ, не довели объ этомъ, какъ г.-адъютанты, до моего свѣдѣнія, за что́ объявить имъ строжайшій выговоръ и отъ дальнѣйшаго взысканія освободить".

Всѣ эти лица были преданы суду не за какое-либо участіе въ расхищеніи филантропическихъ суммъ, а лишь за бездѣйствіе власти, безпечность и допущеніе важнаго государственнаго ущерба. Отсутствіе какихъ-либо корыстныхъ видовъ со стороны виновныхъ дало возможность возвратить имъ вскорѣ г.-адъютантскіе вензеля *).

М. Соколовскій.

*) Хищенія Политковскаго были обнаружены въ то время, какъ Россіи предстояла война съ Турками и возможность оной съ Австріей и Западными державами. Императоръ Николай Павловичъ заболѣлъ съ горя и воскликнулъ: конечно Рылѣевъ съ братіею не сдѣлали бы со мною этого! Про знаменательный отзывъ этотъ было напечатано въ первой книгѣ нашего сборника „Девятнадцатый Вѣкъ", которая и была задержана къ выпуску въ свѣтъ, но императоръ Александръ Николаевичъ въ Ливадіи изволилъ разрѣшить ея выходъ. П. Б.

ПИСЬМА П. М. ЛЕОНТЬЕВА КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ.

1.

7 Января (25 Декабря) 1846.

Съ П. А. Коленіусомъ я послалъ вамъ нѣсколько страницъ объ Эгинскихъ мраморахъ, которыя я успѣлъ намарать въ свободное время въ Мюнхенѣ; а такъ какъ по положенію вопроса тамъ весьма желательно было привести нѣсколько мѣстъ изъ 17 книги Иліады, а Гнѣдича у меня не было, то я попробовалъ перевести ихъ самъ. Пріѣхавъ въ Берлинъ, я былъ занятъ другой работой и заглянулъ въ мое opus monacense *) только за нѣсколько дней до отъѣзда означеннаго господина въ Москву. Тутъ я увидалъ, что мой переводъ требуетъ многихъ поправокъ и за недостаткомъ времени для исправленія долженъ былъ вырвать относительныя страницы и предоставить себѣ препроводить ихъ къ вамъ по почтѣ. Между тѣмъ долго не могъ я получить Гнѣдича, и такимъ образомъ прошло теперь три недѣли. Я посылаю вамъ мой опытъ не столько для напечатанія, сколько для узнанія вашего мнѣнія о характерѣ языка, мною выбраннаго и о томъ, можетъ ли подобный переводъ быть сколько-нибудь благопріятно принятъ публикой, не привыкшей видѣть передъ собою въ печати простонародныя выраженія. Поэтому я прошу васъ, если вы найдете переводъ неудовлетворительнымъ, безо всякой церемоніи его вовсе не печатать и помѣстить на его мѣсто соотвѣтствующіе стихи Гнѣдича. Мнѣніе же ваше о недостаточныхъ сторонахъ моей работы, на которыя я бы долженъ былъ обратить особое вниманіе, если бы вздумалъ когда нибудь ее продолжать, а равно и о направленіи, мною избранномъ—я бы слышалъ во всякомъ случаѣ съ большимъ удовольствіемъ: я старался изгнать рѣшительно всѣ обветшавшія церковно-славянскія выраженія, которыя бы могли затемнить главный характеръ Иліады—характеръ народной, почти сказочной поэзіи.

Если моя статья прилична характеру «Москвитянина», то я бы просилъ ее тамъ напечатать, но съ приложеніемъ литографіи, безъ ко-

*) Монашескій трудъ. П. Б.

торой чтеніе ея невозможно. Пріятно было бы также полученіе нѣсколькихъ экземпляровъ статьи чрезъ Дм. Ив. Штейнберга [1]); у меня въ портфелѣ есть значительное количество еще не редактированыхъ замѣтокъ, изъ которыхъ могъ бы составиться рядъ статей о памятникахъ Греческаго искусства, находящихся въ Германіи. Я думаю, что если бы подобныя статьи были изданы отдѣльною книгою, этимъ была оказана значительная услуга Русскимъ путешественникамъ. Можетъ быть, это когда нибудь и удастся. Я весьма радъ, что могъ вполнѣ познакомиться съ памятниками Берлина, Дрездена, Вѣны и Мюнхена. Въ послѣднемъ городѣ я былъ слишкомъ мѣсяцъ. Дрезденъ удалось посѣтить три раза и прожить въ немъ всего слишкомъ 10 недѣль. Это чрезвычайно оживило мои археологическія познанія, собранныя изъ книгъ и лекцій во время моего теперь уже двухгодичнаго пребыванія за границею. Выѣхавъ изъ Россіи совершеннымъ невѣжею въ этомъ отношеніи, я взошелъ въ элементы археологіи въ Лейпцигѣ на лекціяхъ проф. Беккера въ лѣтній семестръ 1844 года, и для знакомства съ самыми памятниками и пріученія къ нимъ глаза прожилъ сряду шесть недѣль въ Дрезденѣ въ осеннюю вакацію того же года [2]). Но это была только азбука, за дѣйствительное же введеніе меня въ науку я долженъ благодарить здѣшняго проф. Гергарда, съ которымъ меня довольно коротко свелъ счастливый случай. Онъ научилъ меня пользоваться здѣшнимъ не совсѣмъ бѣднымъ музеемъ мраморныхъ изваяній, въ особенности же весьма обильнымъ собраніемъ вазъ, которыхъ огромная важность впервыя имъ оцѣнена по достоинству, и почти совершенно полнымъ выборомъ гипсовыхъ слѣпковъ всѣхъ замѣчательныхъ произведеній Греческаго ваянія, въ Европейскихъ музеяхъ сохраняемыхъ. Послѣднее собраніе, выбранное, какъ оно выбрано въ Берлинѣ, стоитъ для занимающагося исторіей искусства — огромнаго музея оригиналовъ. Если я сколько нибудь взошелъ въ міръ скульптурнаго изящества, то я тѣмъ рѣшительно обязанъ Берлинскому музею слѣпковъ. А вы, которые видѣли подлинники, вы конечно лучше меня знаете, сколь важно пониманіе древней скульптуры для оцѣнки всей древности, сколько вся филологія выигрываетъ и какъ оживляется чтеніе древнихъ поэтовъ знакомствомъ съ художественными памятниками. Я увѣренъ, что ежели древняя филологія не имѣетъ достаточныхъ успѣховъ въ нашемъ университетѣ, то одна изъ главныхъ причинъ того есть невозможность

---

[1]) Достопочтенный Д. И. Штейнбергъ былъ тогда библіотекаремъ Московскаго Университета. П. Б.

[2]) Въ эту вакацію я былъ въ Прагѣ; пребываніе тамъ принадлежитъ къ однимъ изъ лучшихъ дней моей жизни.

познакомить студентовъ съ изяществомъ Греческаго ваянія, и это ведетъ меня къ той просьбѣ, которою я позволяю себѣ безпокоить васъ теперь [1]).

Вамъ извѣстно, что Московскій университетъ получаетъ по 2000 р. асс. на Музей древностей; но къ несчастію положеніе основанія этому учрежденію было доселѣ откладываемо и теперь, кажется, совершенно опущено изъ виду. Покойный Дм. Льв. [2]) хлопоталъ, но не успѣлъ побудить къ рѣшительному шагу. Теперь наше пребываніе за границей подаетъ весьма удобный случай къ пріобрѣтенію вещей, которыя бы были сочтены необходимыми на мѣстѣ и конечно съ большею уступкою и съ лучшимъ выборомъ, чѣмъ было бы когда нибудь возможно при заочной покупкѣ. Я занимался археологіей съ любовью и буду заниматься ею, какъ для приготовленія себя къ путешествію въ Италію, такъ и послѣ на самой классической почвѣ. Мнѣ было бы чрезвычайно прискорбно по возвращеніи въ Москву быть въ необходимости пресѣчь эти мои занятія, тѣмъ болѣе, что они были бы, какъ я твердо убѣжденъ, полезны распространенію интереса не только къ филологіи, но и къ наукѣ вообще между нашимъ юношествомъ, имѣющимъ еще весьма мало интересовъ; кромѣ того, неужели городъ, какъ Москва, одна изъ столицъ и средоточіе любезнаго отечества, можетъ оставаться безъ сколько нибудь полнаго и ученымъ образомъ выбраннаго собранія если не подлинниковъ, то по крайней мѣрѣ хорошихъ слѣпковъ и будетъ довольствоваться незначительнымъ и для публики недоступнымъ собраніемъ Архитектурнаго училища? Учрежденіе Музея древностей возможно въ Москвѣ, по моему мнѣнію, на двухъ дорогахъ, или съ средствами одного университета, или съ помощью города, а можетъ быть и Художественнаго общества. Въ послѣднемъ случаѣ, возможность котораго должна быть конечно наиболѣе желаема, вѣроятно могла бы быть допущена и частная подписка. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, сумма, требующаяся для положенія основанія хорошему собранію, которое бы не дѣлало стыда городу, должна доходить до 10.000 р. сер. На эту сумму можно бы было пріобрѣсти слѣпки самыхъ избранныхъ изваяній и кромѣ того составить небольшое собраніе вазъ (30—40 штукъ), терракотъ и другихъ антикалій. Дальнѣйшее приращеніе Музея могло бы потомъ происходить на штатную сумму, а можетъ быть, въ случаѣ снисканія разрѣшенія Министерства Императорскаго Двора, от-

---

[1]) П. М. Леонтьевъ выписалъ въ Москву нѣсколько формъ съ древнихъ статуй и бюстовъ, въ томъ числѣ Фидіева Зевса и тѣмъ далъ возможность за самую дешевую цѣну получать гипсовые снимки съ безсмертныхъ произведеній Греческаго ваянія. П. Б.

[2]) Крюковъ. П. Б.

части и изъ Керченскихъ древностей. Если же собраніе таковой суммы невозможно, то у—тъ могъ бы конечно одинъ употребить единовременно около 3000 р. сер. и тогда надо бы было ограничиться покупкою по крайней мѣрѣ по одному образцу для каждой отрасли художества, кромѣ ваянія изъ мрамора, т. е. пріобрѣсти нѣсколько вазъ (между 8—10 штуками могли бы находиться образцы всѣхъ главныхъ формъ сосудовъ и трехъ главныхъ стилей), нѣсколько терракотъ и антикалій для сообщенія студентамъ хотя бы какого нибудь понятія о различныхъ видахъ художества; наконецъ собраніе избранныхъ оттисковъ геттъ и монетъ и въ заключеніе нѣсколько слѣпковъ статуй первоклассной важности, предоставивъ дальнѣйшее обогащеніе Музея болѣе благопріятному времени. Начало было бы положено, а уже это одно было бы важный шагъ. Быть помѣщено могло бы собраніе въ актовой залѣ стараго дома, теперь ни къ чему не употребляемой. Съ своей стороны я готовъ принести всѣ возможныя жертвы для приведенія въ исполненіе этой мысли, даже если бы мои услуги у—ту повели за собою значительную потерю времени и лишнія денежныя издержки. Въ случаѣ какой-нибудь вѣроятности основанія подобнаго Музея и приблизительнаго назначенія опредѣляемой на то суммы, я съ величайшею охотою составилъ бы болѣе подробный проектъ, при чемъ я могъ бы пользоваться совѣтами здѣшнихъ знатоковъ дѣла *).

Я знаю, что всякое предположеніе, имѣющее цѣлью распространенія истиннаго художественнаго вкуса въ нашемъ отечествѣ, будетъ имѣть васъ своимъ поборникомъ и потому рѣшился просить васъ употребить ваше вліяніе въ у—тѣ, у попечителя и въ городѣ для приведенія въ дѣйствительность положеннаго штатомъ у—та учрежденія, безконечно полезнаго у—ту, но и городу не менѣе полезнаго. Вы знаете, до чего можетъ доходить любовь къ предмету и поймете, что вы ничѣмъ болѣе не можете возбудить благодарности къ себѣ въ пишущемъ сіи строки, какъ вашимъ успѣшнымъ содѣйствіемъ полезному дѣлу. Я думаю, что вы, принявши на себя трудъ хлопотъ, не найдете и въ графѣ большаго сопротивленія, ибо его не нашелъ и Дм. Львъ. назадъ тому пять лѣтъ. Графъ конечно не можетъ отрицать, что заведеніе музея слѣпковъ для у—та несравненно полезнѣе большей части годовыхъ перестроекъ, только у насъ въ Россіи навѣстныхъ.

Извините, что осмѣлился безпокоить васъ письмомъ и просьбою: готовый къ безкорыстному труду, позволяетъ себѣ иногда просить о немъ же людей имъ уважаемыхъ. Короткій отвѣтъ съ вашей стороны

---

*) Тѣнь Леонтьева нынѣ можетъ утѣшиться благодаря изумительной дѣятельности И. В. Цвѣтаева. П. Б.

чрезъ нѣкоторое время (по адресу Berlin, Behrenstrasse, n. 49) весьма обрадовалъ бы и обязалъ вашего, милостивый государь, покорнѣйшаго слугу Павла Леонтьева.

2.

Гейдельбергъ, 20 Августа 1846.

Когда я получилъ ваше благосклонное письмо, я уже отправилъ графу *) проектъ и смѣту Музея древностей, такъ какъ я ее могъ составить по собраннымъ въ Берлинѣ свѣдѣніямъ. Я старался ограничить ее какъ можно больше, но все-таки дошелъ до 2000 руб. сер., какъ до суммы, необходимой для положенія перваго основанія Музею. Дальнѣйшее приращеніе могло бы быть предоставлено ежегодной штатной суммы 2000 р. асс. Я хотѣлъ еще изъ Берлина доставить вамъ копію съ посланной мною графу записки; но имѣлъ такъ мало времени вслѣдствіе накопленія занятій (частію относившихся къ приготовленію къ Итальянскому путешествію, частію такихъ, которыхъ окончаніе въ Берлинѣ было желательно по другимъ причинамъ), что долженъ былъ оставить до Гейдельберга все то, что могло быть исполнено въ Берлинѣ не лучше, какъ здѣсь. Къ тому принадлежали прежде всего письма, и такимъ образомъ объясняется, что я пишу къ вамъ отсюда, изъ этого прекраснаго уголка южной Германіи.

Я выѣхалъ изъ Берлина въ началѣ Августа, воспользовался новой желѣзной дорогой изъ Потсдама въ Магдебургъ и т. обр. въ два дня и двѣ ночи пріѣхалъ въ Кельнъ. Путешествіе по Рейну не совершенно удовлетворило моимъ большимъ ожиданіямъ, особенно потому, что виноградники портятъ видъ береговъ. Изъ Гейдельберга я отправляюсь завтра къ Швейцарію, чтобы черезъ двѣ недѣли ступить на Итальянскую почву, между тѣмъ, какъ Пѣховскій (который свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе) остается еще на годъ въ Берлинѣ, чтобы возвратить потерянное болѣзнью время и надѣется получить позволеніе съѣздить въ Италію будущею осенью. Я хотѣлъ остаться въ Гейдельбергѣ дней десять, но теперь лекціи кончились, и потому Кудрявцевъ, проведшій здѣсь весь лѣтній семестръ и ѣдущій также въ Швейцарію побуждаетъ спѣшить. Такимъ образомъ, я и отсюда нахожусь въ необходимости просить у васъ извиненія въ томъ, что не присылаю копіи съ моей записки: переписка требовала бы много времени, а съ другой стороны, графъ сообщитъ безъ сомнѣнія этотъ проектъ или вамъ лично, или факультету. Во всякомъ случаѣ, я прошу васъ о благо-

*) Строганову, попечителю Московскаго учебнаго округа. П. Б.

склонномъ вниманіи и дальнѣйшемъ ходатайствѣ объ успѣшности всего дѣла.

Я долженъ васъ благодарить за ваши хлопоты о моихъ замѣткахъ объ Эг. мр. При доставленіи ихъ вамъ я имѣлъ главною цѣлью— представить какое-нибудь доказательство дѣйствительности моихъ занятій археологіей. Я буду очень радъ, если и сколько-нибудь успѣлъ въ этомъ, особенно же если это сколько-нибудь можетъ способствовать приведенію въ исполненіе моей просьбы о порученіи мнѣ покупки въ Италіи нѣкоторыхъ древностей, какъ-то нѣсколькихъ вазъ, терракотъ и пастъ, если не барельефовъ и бронзъ. Равнымъ образомъ, мнѣ было весьма пріятно читать ваши отзывы о моемъ маленькомъ опытѣ перевода изъ Гомера; впослѣдствіи, можетъ быть, удастся продолжать эти занятія.

При моемъ отъѣздѣ изъ Москвы вы были такъ благосклонны, что говорили мнѣ, что предъ моимъ отправленіемъ въ Италію я могу писать къ вамъ и просить о доставленіи мнѣ писемъ къ Римскимъ вашимъ знакомымъ. Теперь я пользуюсь этимъ вашимъ позволеніемъ; особенно же пріятно было бы мнѣ получить письмо (или адресъ) къ тому вамъ знакомому филологу, о которомъ вы говорили, что онъ особенно хорошо говоритъ по-латыни. Я знаю, что посягаю этой просьбой на ваше время и потому не прошу настоятельно; но если вы найдете возможнымъ одолжить меня и въ этомъ отношеніи, то я бы просилъ васъ адресовать ваше письмо ко мнѣ во Флоренцію poste restante. Я буду тамъ около начала Октября, потому что прежде Флоренціи посѣщу Миланъ и Венецію. Изъ Флоренціи я поѣду прямо въ Неаполь, черезъ Пизу и Ливорно на пароходѣ, и къ началу Ноября надѣюсь быть въ Римѣ, гдѣ останусь всю зиму и весну. Я ожидаю для себя огромной пользы отъ этого путешествія, не говоря уже объ удовольствіи. Будетъ кой о чемъ вспомнить по пріѣздѣ въ Москву; было бы очень хорошо, если бы Музей древностей въ своемъ постоянномъ приращеніи доставлялъ болѣе частый къ тому поводъ.

3.

17 Ноября 1846 г.

Съ наивеличайшей благодарностью получилъ я письмо ваше; за извѣщеніе меня о завтрашнемъ засѣданіи Совѣта и за ваши совѣты, мнѣ вами сообщенные, представляю вамъ вторую бумагу о Музеѣ древностей, въ которой я воспользовался вашими замѣчаніями. Мнѣ бы очень хотѣлось лично съ вами говорить объ этой второй бумагѣ, такъ какъ я имѣлъ удовольствіе говорить съ вами передъ подачею первой,

но боюсь отнимать у васъ дорогое время. Я упомянулъ въ этой второй бумагѣ опять о штатѣ и о 169 устава, но остался вѣренъ вашему первому совѣту о покупкѣ въ этомъ году книгъ, потому что, какъ вы сами тогда замѣтили, иначе у насъ уйдетъ штатная сумма на 1848 годъ. Къ тому же это собственно не книги, а собраніе гравюръ, которое рано или поздно Музею древностей нужно было бы пріобрѣсти. Университетская библіотека купила въ этомъ году, правда, археологическихъ книгъ слишкомъ на 1000 руб. ассиг., но это были книги, а не гравюры, вещи важныя въ ученомъ отношеніи, а не въ художественномъ.

Эти данныя объясняютъ замѣчаніе, сдѣланное вамъ г. ректоромъ и заставляютъ меня просить васъ поддержать въ Совѣтѣ то предположеніе, которое было составлено мною по вашимъ совѣтамъ и одобрено отдѣленіемъ.

Музей древностей, устроенный по вашимъ ходатайствамъ, будетъ конечно для васъ и насъ пріятнымъ памятникомъ вашего деканства.

4.

Порѣчье, 5 Августа 1850.

Не знаю, какъ извиняться передъ вами въ томъ, что, рѣшившись отправиться съ Михаиломъ Петровичемъ *) въ Порѣчье, я не поспѣю къ засѣданію 7 Августа и не буду въ состояніи лично представить вамъ свою программу. Мы надѣялись заѣхать къ вамъ на дорогѣ сюда, и я думалъ при томъ просить вашего позволенія на эту отлучку и на представленіе программы по почтѣ. Но это не удалось, и я боялся бы, чтобы неисполненіе моей обязанности не навлекло на меня непріятности, если бы не былъ увѣренъ, что желаніе получить художественное наслажденіе будетъ принято вами, какъ облегчающее обстоятельство.

Программу, составленную въ такомъ же объемѣ, какъ программа прошлаго полугодія, я имѣлъ честь при семъ приложить, и въ надеждѣ на будущей недѣлѣ васъ видѣть или въ Вязёмахъ или въ Москвѣ. пребуду и пр. П. Леонтьевъ.

---

*) Погодинымъ. П. Б.

БОЛГАРИНЪ С. В. ФИЛАРЕТОВЪ.

Его письма къ С. П. Шевыреву.

I.

Милостивѣйшій мой покровитель, Степанъ Петровичъ! Съ тѣхъ поръ, какъ г. попечитель объявилъ мнѣ, что онъ, по вашему представленію, приказалъ меня принять на стипендію г. Денкогло, а не другого, я горѣлъ желаніемъ явиться къ вамъ лично и отъ глубины души поблагодарить васъ за то благодѣтельное участіе, безъ котораго я потерялъ бы всякую надежду на поправленіе моего дѣла. Это участіе для меня есть выше, чѣмъ благодѣяніе. Вы меня передъ этимъ не знали и еще не знаете навѣрно, на самомъ ли дѣлѣ я не злоупотреблю вашего покровительства, а между тѣмъ вы были такъ добры и милостивы ко мнѣ, что немедленно изволили распорядиться куда слѣдуетъ въ мою пользу *). По причинѣ продолжительной моей болѣзни, я, къ крайнему моему сожалѣнію, не могъ исполнить до сихъ поръ этотъ пріятный долгъ. Теперь увѣренъ въ вашемъ великодушіи и благородной скромности, я воздерживаюсь отъ всякихъ справедливыхъ благодарностей и скажу только, что за все это вѣчно Бога буду молить о здравіи и благоденствіи всего истинно-благороднаго вашего семейства. Дай Богъ, чтобы оно, благоденствуя всегда, было утѣшеніемъ и прибѣжищемъ всѣхъ незаслуженно скорбящихъ и поддерживало, какъ вы, всякое благонамѣренное предпріятіе.

При семъ, по случаю производимыхъ теперь экзаменовъ, осмѣливаюсь прибавить еще нѣсколько словъ о самомъ себѣ съ присовокупленіемъ новой къ вамъ просьбы.

Хорошо понимая высокую цѣль своего пріѣзда въ Россію, я старался, сколько позволяли мнѣ физическія силы, приготовляться къ приличному поступленію въ университетъ и, если не ошибаюсь, чувствую,

---

*) С. П. Шевыревъ былъ тогда деканомъ словеснаго факультета въ Московскомъ Университетѣ. П. Б.

что трудился не безъ пользы. Но при всемъ томъ я долженъ признаться передъ вами откровенно, какъ передъ добрымъ моимъ отцомъ и благодѣтелемъ, что въ нѣкоторыхъ предметахъ и языкахъ я чувствую себя довольно слабымъ, а именно въ математикѣ, физикѣ, Нѣмецкомъ и Латинскомъ языкахъ. Правда, я проходилъ и довольно занимался ими, но все не такъ ихъ усвоилъ, какъ намѣренъ былъ приготовиться въ нихъ къ экзамену. Причина этому была та, что я съ Марта мѣсяца до Іюня неожиданно былъ озадаченъ своимъ положеніемъ по вступленію въ университетъ и озабоченъ мучительною для меня неизвѣстностью, не зная чѣмъ кончится это недоразумѣніе, угрожавшее меня лишеніемъ всякихъ средствъ къ достиженію заданной себѣ цѣли. Я былъ пораженъ, какъ бы громомъ; мнѣ представилось, что все для меня потеряно, и я покинутъ всѣми. Принялся ходить, справляться въ правленіи и канцеляріи университета, просить и безпокоить начальниковъ, не могущихъ, по установленному порядку, выслушивать моихъ просьбъ и объясненій; писать въ Одессу начальству Одесскаго учебнаго округа и другимъ тамъ добрымъ людямъ, могущимъ, по моему мнѣнію, поправить дѣло; увѣдомлять въ тоже самое время Ив. Ник. Денкогло, находящагося въ Германіи, о происходящемъ и долго, долго ждать его отвѣта и пр. и пр. Все это меня тревожило, озабочивало, отвлекало отъ моихъ занятій въ наукѣ и, кажется, это внутреннее сильное потрясеніе осталось не безъ послѣдствій на физическое мое здоровье. Унылые, мрачныя мысли преслѣдовали, тревожили меня и не давали покоя... Наконецъ, благодаря вашей благодѣтельной обо мнѣ заботливости, дѣло мое поправилось, и я поуспокоился. Только въ первыхъ числахъ Іюня мѣсяца, несмотря на всѣ мои предосторожности противъ эпидеміи, я подвергся холерѣ, за которой вслѣдъ послѣдовала жестокая лихорадка, отъ которой я и до сихъ поръ страдаю черезъ день. Отъ кровопусканій и разныхъ другихъ изнурительныхъ средствъ, я пришелъ въ такое разслабленіе, что цѣлыхъ два мѣсяца я былъ боленъ на постелѣ и не выходилъ изъ комнаты. При такомъ разстройствѣ я не могъ заниматься. Мнѣ было строго запрещено докторомъ не заниматься вовсе пока, потому что, занимаясь умственно при такой чрезвычайной слабости, я рискую жизнью. Слѣд. лучшее время, въ которое я предполагалъ повторять всѣ предметы и заняться основательнѣе языками, было потеряно мною въ другихъ непредвидимо представившихся заботахъ и страданіяхъ болѣзни.

Право, мнѣ совѣстно и довольно оскорбительно сознавать въ себѣ эту горькую истину; но мысль, что все это произошло не отъ непростительнаго пренебреженія своего дѣла, или другихъ зависящихъ отъ

моей воли причинъ, немного успокоиваетъ мою совѣсть и внушаетъ мнѣ смѣлость обратиться опять къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, состоящею въ томъ, чтобы вы благоизволили, если только это не покажется неумѣстнымъ и неприличнымъ, поговорить или съ профессорами, которые будутъ экзаменовать меня изъ математики, физики, Нѣмецкаго и Латинскаго языковъ, чтобы они были *снисходительные* ко мнѣ, или съ тѣми изъ начальниковъ университета, которые могутъ объявить профессорамъ обо мнѣ, такъ чтобы по отмѣткамъ ихъ, не оказаться бы мнѣ недостаточнымъ въ познаніяхъ, требуемыхъ отъ поступающихъ въ студенты и подвергаться опять новымъ затрудненіямъ и неудачамъ. Понятно, что такая неудача будетъ для меня хуже, чѣмъ убійственной.

Отдавая себя совершенно вашему великодушію и милостивому покровительству, благодѣтельнѣйшій Степанъ Петровичъ, я ласкаю себя надеждою, что и эта просьба, вызванная крайностью моего положенія, не будетъ вами отвергнута. Я же съ своей стороны, призываю Бога на помощь, буду стараться всѣми силами употребить въ пользу ваше благодѣтельное участіе какъ въ отношеніи къ самому себѣ, такъ и въ отношеніи къ высокой цѣли моего соотечественника Ив. Ник. Денкогло. Вашего превосходительства признательный и нижайшій слуга (Болгаринъ) С. Филаретовъ.

Москва, 1843 Августа 3-го.

2.

Милостивый государь Степанъ Петровичъ.

Я не смѣю болѣе являться передъ вами; но если бы и достало у меня духу и смѣлости, то не надѣюсь, чтобъ вы приняли меня; а если бы вамъ наконецъ и угодно было принять меня, то я не могу вамъ высказать на словахъ всего такъ ясно, подробно и связно, какъ на бумагѣ. Я, кажется, истощилъ все ваше терпѣніе и справедливо, заслуженно навлекъ на себя гнѣвъ вашъ; да къ несчастію, я вижу, что мѣра терпѣнія и гнѣва вашего переполнилась, и обвинять за это я долженъ не кого нибудь другого, а самого себя, свою лѣность и безпечность. Не смотря на это, я все таки не теряю надежды умилостивить васъ; потому что я всегда пользовался вашимъ покровительствомъ, да не только я, но и всѣ мои товарищи и гг. студенты, которые только когда либо прибѣгали съ просьбою къ вамъ. По добротѣ своей вы даже не разъ сами вызывались дѣлать добро моимъ товарищамъ и даже мнѣ. Послѣ того могу ли я отчаяваться въ испрошеніи

прощенія у васъ, въ позволеніи продолжать экзаменъ? Хотя вы и изволили сказать, что я могу это дѣлать и безъ вашего позволенія, что вы не можете запретить мнѣ продолжать экзаменъ; но что я могу сдѣлать безъ васъ, т.-е. безъ вашего содѣйствія? Какіе получу результаты? Увы, тогда всѣ мои надежды исчезли; тогда я долженъ буду сказать имъ послѣднее прости. И такъ умоляю васъ, Степанъ Петровичъ, о вашемъ содѣйствіи мнѣ, хотя я и не заслуживаю этого. Если бы вамъ извѣстны были всѣ мои обстоятельства, то вы, навѣрное, извинили бы меня если не во всемъ, то во многомъ.

Получая каждомѣсячно 11 р. 90 коп. сер. и бывъ боленъ ревматизмомъ почти всю зиму, о чемъ знаютъ гг. Альфонскій и Клименковъ, могъ ли я быть часто на лекціяхъ? Притомъ, по недостаточности содержанія, я принужденъ былъ жить вмѣстѣ съ другими, въ числѣ 4-хъ, а иногда 5-ти человѣкъ, гдѣ заниматься серьезными вещами не было никакой возможности. Въ настоящее время терплю разнаго рода лишенія, по случаю перемѣны квартиры, часто сижу не только безъ чаю, но даже и безъ хлѣба. Вы, конечно, не повѣрите этому, Степанъ Петровичъ, и будете правы; потому что этотъ доводъ слишкомъ часто употребляется людьми бѣдными и, къ сожалѣнію, нерѣдко для того, чтобы обмануть другихъ, подвигнуть къ состраданію; но что касается до меня, то я слишкомъ далекъ отъ подобныхъ мыслей. Конечно, не было примѣровъ по крайней мѣрѣ въ нашъ вѣкъ, чтобы люди умирали съ голода, и я, по милости многихъ моихъ добрыхъ товарищей, бываю сытъ; но, посудите сами, Степанъ Петровичъ, могу ли я серьезно заниматься дѣломъ, такъ какъ бы слѣдовало и какъ бы хотѣлось мнѣ самому?

И такъ еще разъ смѣю умолять васъ о вашемъ содѣйствіи въ полученіи степени кандидата. Эта степень, признаюсь вамъ откровенно, нужна мнѣ не для чего иного, какъ для скорѣйшаго полученія должности, а слѣд. хоть для малѣйшаго обезпеченія себя и бѣдной моей сестры родной, которая вотъ уже 15 лѣтъ влачитъ бѣдственную жизнь среди людей чужихъ. Желалъ бы я очень много сообщить вамъ, но боюсь, что даже и эти строки, быть можетъ, обременятъ васъ и отнимутъ у васъ нѣсколько времени на прочтеніе ихъ. Смѣю присовокупить одно только: такъ какъ я изучалъ Св. Писаніе (за что въ Тверской Семинаріи получилъ аттестатъ съ званіемъ студента, т.-е. право на 14-й классъ) и твердо вѣрую въ непреложныя слова нашего Спасителя; то, основываясь на словахъ Его: «Просите и дастся вамъ, ищите и обрящите, толцыте и отверзется вамъ. Всякъ бо просяй пріемлетъ, и ищай

обрѣтаетъ и толкущему отверзется (Матѳ. VII, 7, 8)», въ послѣдній разъ умоляю васъ о вашемъ содѣйствіи, хоть я и не заслуживаю того. Но если и Божественныя слова Искупителя нашего не возымѣютъ своего дѣйствія надъ вами, то я не смѣю болѣе безпокоить васъ, Степанъ Петровичъ, и прошу предать вѣчному забвенію, дѣйствительнаго студента Филаретова.

3.

Высокопочитаемый и незабвенный мой доброжелатель Степанъ Петровичъ!

Получивъ нѣкоторое облегченіе въ своемъ разстроенномъ здоровьѣ, я переѣхалъ въ Сокольники въ надеждѣ, что чистый воздухъ подѣйствуетъ на меня благотворнѣе всевозможныхъ лекарствъ, въ чемъ, какъ замѣчаю теперь, я не ошибся: ибо чувствую себя все лучше и лучше. При первомъ облегченіи, мнѣ сильно захотѣлось прежде всего удовлетворить давно уже чувствуемую въ душѣ потребность, а именно побывать у васъ на дачѣ, гдѣ вы, можетъ быть, не такъ сильно заняты какъ въ городѣ и слѣд., не прерывая вашихъ занятій, лично выразить передъ вами свою искреннѣйшую и глубочайшую признательность за ваше поистинѣ отеческое попеченіе обо мнѣ и живѣйшее участіе въ моемъ положеніи. Подъ вліяніемъ этого чувства я отправился на Ширяево поле, гдѣ узналъ отъ дворника вашей дачи, что вы теперь изволите жить въ 60 верстахъ отъ Москвы, въ своей вотчинѣ. И потому то, что́ я желалъ лично выразить передъ вами, теперь осмѣливаюсь изложить письменно, въ полной надеждѣ, что вы и теперь будете также добры и снисходительны, какъ и всегда и не откажете благосклонно принять искреннее выраженіе чувствъ глубоко-признательнаго къ вамъ сердца. За вашу доброту, Степанъ Петровичъ, Богъ да вознаградитъ васъ пристойно ими же вѣсть путями. Да благословитъ Онъ все ваше семейство и да хранитъ Бориса Степановича (котораго честь имѣю поздравить съ производствомъ въ офицеры) на всѣхъ путяхъ и во всѣхъ дѣлахъ. Дай Богъ ему здравія и счастія.

Прилагаемую при семъ брошюрку просилъ доставить вамъ Спиридонъ Николаевичъ Палаузовъ. Онъ пишетъ передать мнѣ нижайшій съ его стороны поклонъ какъ вамъ, такъ и всему вашему семейству. Писалъ также доложить вамъ, что недавно онъ провожалъ г.г. Гильфердинговъ (отца и сына) за границу.

Пв. Ник. Денкоглу также просилъ кланяться вамъ. Онъ получилъ на дняхъ письма изъ Болгаріи, въ которыхъ сообщаютъ ему самыя

печальныя извѣстія объ этой несчастной странѣ. Своеволіе и угнетеніе Турокъ надъ Болгарами превосходятъ всякое описаніе. Между прочимъ, недавно убитъ въ городѣ Терновѣ Турками нѣкто Хаджи-Минчо, Болгаринъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ Болгаръ и за то, что онъ учредилъ и содержалъ на свой счетъ училище, въ которомъ обучались до 300 учениковъ, стоялъ за народность, самъ ѣздилъ въ Константинополь смѣнять Греческихъ корыстолюбивыхъ митрополитовъ, грабившихъ Болгаръ не хуже Турокъ, и за то, что онъ своимъ вліяніемъ умѣлъ удерживать и самыхъ Турокъ иногда отъ буйныхъ и произвольныхъ поступковъ. Многихъ Болгаръ, приговоренныхъ къ смерти, онъ освобождалъ и поддерживалъ всѣхъ, предпринимающихъ что-либо полезное. Словомъ, онъ былъ надежною опорою Болгаръ всей Терновской губерніи. Теперь Болгаръ лишили этой отрадной опоры. Убійцы пойманы Болгарами, представлены мѣстному правителю, который вмѣсто того, чтобы наказать ихъ, сейчасъ же выпустилъ ихъ на волю безнаказанно. А, между тѣмъ, въ Терновѣ находится Англійскій и Французскій генеральные консулы, предъ глазами коихъ все это дѣлается, что̀, вѣроятно, не помѣшаетъ имъ попрежнему обманывать общественное мнѣніе, что Турція теперь представляетъ собою самое благоустроенное государство и что всѣ народы ея пользуются полной свободой и благоденствуютъ.

Мнѣ пишутъ изъ Одессы, что Бессарабскіе Болгарскіе колонисты жертвуютъ Государю на военныя потребности около 100,000 р. сер. Отъ Одессы до устьевъ Дуная все прибрежье такъ сильно укрѣплено и занято войскомъ, что, несмотря на частое появленіе въ этой странѣ эскадры непріятельскаго флота, жители остаются совершенно спокойными. С. Филаретовъ.

1855 Іюня 25. Москва.
(Въ Сокольникахъ, № 627, д. Нарбекова).

4.

Москва, дня 25-го 1857 года.

Высокопочитаемый незабвенный мой наставникъ, Степанъ Петровичъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ счастье познакомиться съ вами, кромѣ глубокаго почитанія я возымѣлъ къ вамъ чувство искренней благодарности за вашу благосклонность и заботливость обо мнѣ, которую я никогда не забуду.

Чувство это постоянно усиливалось во мнѣ, но теперь, когда, Божію помощью, кончивъ курсъ наукъ, собираюсь въ первыхъ числахъ Іюля оставить Россію, можетъ быть *навсегда*, то я особенно проникнутъ имъ и чувствую сильную потребность души, на прощанье, сказать вамъ нѣсколько словъ.

Да, дорогой мой наставникъ, я считаю себя счастливымъ, что имѣлъ случай хорошо извѣдать ваше чистое, теплое сердце, переполненное непритворною, но живою, братскою любовью къ ближнему; ваши разумныя и истинно прекрасныя и благородныя стремленія, безукоризненную чистоту, искренность и разумность вашихъ убѣжденій... Изъ всего этого я почерпнулъ для себя много поучительнаго, много утѣшительнаго, ободряющаго на всякое истинно-благое дѣло. Не мое дѣло говорить о вашихъ заслугахъ, оказанныхъ вообще наукѣ; ихъ признаютъ за вами и други, и недруги, а когда поутихнутъ страсти ихъ, безъ сомнѣнія оцѣнятъ еще лучше, еще достойнѣе *). Но мнѣ, какъ Славянину, было бы непростительно, по моему убѣжденію, безмолвствовать о тѣхъ заслугахъ въ частности, которыя вы оказали общеславянской наукѣ. Вы, несмотря ни на что, и съ каѳедры, и въ частной бесѣдѣ, и въ своихъ сочиненіяхъ, постоянно проводили идею о Славянствѣ, о Славянской народности, о взаимности Славянъ. Вѣрнымъ и честнымъ служеніемъ этой прекрасной идеѣ, можетъ быть, вы были принуждены неоднократно жертвовать многимъ; но этимъ самымъ ваши заслуги передъ Славянствомъ, въ глазахъ умныхъ и истинно-благонамѣренныхъ людей, становятся еще чище и выше. Какъ ни тяжело вмѣсто заслуженной благодарности встрѣчать недостойныя выходки, подъ какой бы благовидной оболочкой онѣ ни встрѣчались, я однакожъ имѣю причины, и причины основательныя, вполнѣ вѣрить, что чистѣйшая и благороднѣйшая душа достойнаго Степана Петровича скорѣе найдетъ себѣ достойную награду въ сознаніи честности и прямоты своихъ дѣйствій, нежели въ благодарности другихъ.

Итакъ, честь и слава вамъ, достойный поборникъ нашего общаго, Славянскаго дѣла. Искреннѣйшая и живѣйшая благодарность вамъ отъ меня, меньшаго изъ Славянъ, за вашу братскую любовь, за ваше попеченіе обо мнѣ, за тѣ благотворныя мысли, которыя вы передали мнѣ. Насколько сумѣю съ благодарностью къ вамъ буду пользоваться ими во всю свою жизнь. Дай Богъ вамъ здоровья, счастья и всего, что

*) Вполнѣ вѣрно. П. Б.

есть лучшаго вамъ и всему вашему доброму и почтеннѣйшему семейству. Въ Болгаріи мнѣ отрадно будетъ вспоминать о томъ радушіи и гостепріимствѣ, которое встрѣчалъ я въ вашемъ добромъ семействѣ. Мой братскій поклонъ Борису Степановичу. Отъ души желаю ему успѣха во всемъ.

Итакъ, прощайте, мой добрый и незабвенный наставникъ и доброжелатель, Степанъ Петровичъ. Богъ да вознаградитъ васъ достойнымъ образомъ за все то, что̀ вы сдѣлали для меня.

С. Филаретовъ (изъ Болгаръ).

Иванъ Николаевичъ Денкоглу приказалъ мнѣ передать вамъ и отъ него нижайшій поклонъ. Я ѣду съ нимъ на родину въ гор. Софію. Около 8 Іюля мы поѣдемъ въ С.-Петербургъ. Пробывъ тамъ недѣли двѣ, оттуда отправимся въ Варшаву, Прагу, Вѣну; если здоровье его позволитъ, то мы завернемъ въ Берлинъ, Парижъ, Мюнхенъ. А тамъ къ осени въ Болгарію.

*

Письма эти будутъ прочитаны въ Болгаріи. Савва Влковичъ Филаретовъ принадлежитъ къ лучшимъ сынамъ ея. Мы живо помнимъ его студентомъ въ Москвѣ, скромнаго, трудолюбиваго, съ кроткимъ выраженіемъ въ глазахъ, одушевленнаго надеждою на лучшіе для его родины дни. Благодарное чувство, выраженное имъ въ послѣднемъ письмѣ его къ С. П. Шевыреву, есть лучшая порука его высокихъ нравственныхъ достоинствъ. Передъ началомъ тогдашней нашей войны фельдмаршалъ Паскевичъ поручилъ ему написать воззваніе къ Болгарамъ, которое и было напечатано Церковнославянскими буквами. Въ Софіи онъ прожилъ недолго, и злая чахотка свела его въ могилу. П. Б.

М. Н. КАТКОВЪ ПО ПОВОДУ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ФИЛАРЕТА *).

Москва, 5-го Августа (1867).

Сегодня всенародно праздновалось пятидесятилѣтіе архіерейскаго служенія высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго. Особенно важнымъ, быть можетъ, знаменательнымъ, событіемъ этого торжественнаго дня былъ съѣздъ епископовъ изъ разныхъ епархій Россійской Имперіи, хотя не для совѣщаній, однако по церковному дѣлу. Явленіе давно у насъ небывалое. Да будетъ же оно хотя бы отдаленнымъ предвѣстіемъ обновленія нашей церковной жизни, въ которомъ она такъ глубоко нуждается!

Митрополитъ Филаретъ родился въ Коломнѣ 26-го Декабря 1782 г., окончилъ курсъ наукъ въ Сергіево-Лаврской семинаріи въ 1803 году, принялъ иночество въ Лаврѣ въ 1808 году, посвященъ въ іеромонаха въ Пасху 1809 г., возведенъ въ санъ архимандрита въ 1811 году, былъ ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи съ 1812 г. до 1819 г., въ этомъ званіи, въ 1817 году, посвященъ въ епископа Ревельскаго, въ 1819 году, возведенный въ архіепископа, назначенъ на Тверскую каѳедру, въ слѣдующемъ 1820 г. на Ярославскую, и въ 1821 г. на Московскую; митрополитомъ съ 1826 года.

Столь долговременное служеніе Церкви ознаменовано непрерывнымъ рядомъ всѣми признанныхъ заслугъ нашего архипастыря, изъ коихъ самая высшая есть его жизнь, есть онъ самъ.

Люди оказываютъ заслуги не только тѣмъ, что̀ они дѣлаютъ, но и тѣмъ, что̀ они суть. Въ служеніи церкви это имѣетъ особенную силу. Да теплится еще многая лѣта, на благо церкви, свѣтъ жизни нашего славнаго архипастыря!

Но, говоря о дѣятельности митрополита Филарета, посвященной служенію церкви, мы не должны забывать его государственное значеніе.

---

*) Изъ номера 172-го „Московскихъ Вѣдомостей“ 1867 года.

Издревле у насъ святители церкви были съ тѣмъ вмѣстѣ, говоря древнимъ словомъ, и печальниками земли. Нашъ славный архипастырь вѣренъ этому преданію. При высокомъ и ясномъ политическомъ разумѣніи, живо и крѣпко всегда принималъ онъ къ сердцу интересы Россіи. Его исполненное духовной силы и столь выразительное слово *) отзывалось на все великое, какъ скорбное, такъ и радостное, въ жизни нашего отечества.

Нравственная сила народа, его достоинство, его богатство заключаются въ совокупности того, что, исходя изъ его нѣдръ, имѣетъ значеніе всеобщее. Великіе нравственные характеры и сильные умы, въ которыхъ узнаётъ себя человѣчество и въ которыхъ чествуетъ благороднѣйшее проявленіе даровъ своихъ, люди, стоящіе на стражѣ священныхъ завѣтовъ или идущіе во главѣ благодатныхъ движеній къ возстановленію ихъ святыни и къ прославленію истины, подвижники добра и правды, виновники дѣйствій, благословляемыхъ всѣми народами и вѣками, виновники дѣйствій, ускользающихъ отъ оцѣнки человѣческой, но въ своей святой сокровенности дающихъ для жизни плоды неоцѣнимые: вотъ въ чемъ достоинство и богатство исторической жизни народа, вотъ чѣмъ зиждется его сущность, вотъ чѣмъ исполняетъ онъ свое призваніе и въ чемъ заключается сила и оправданіе его вѣры въ свое будущее.

Историческая жизнь нашего народа, если взглянуть на нее со стороны, можетъ показаться и скудною, и пустынною. Въ ней мало совершилось тѣхъ развитій, которыя составляютъ славу другихъ народовъ, опередившихъ его въ дѣлѣ гражданственности, наукъ и искусствъ. Пантеонъ нашихъ умственныхъ знаменитостей не слишкомъ полонъ и не очень блистателенъ. Это нерадостно, и мы можемъ утѣшать себя только тѣмъ, что причина нашей скудости объясняется обстоятельствами, которыя не всегда же будутъ имѣть силу. Но мы въ избыткѣ найдемъ у себя то, въ чемъ видимъ преимущество другихъ народовъ надъ нашимъ, если будемъ искать наши сокровища тамъ, гдѣ они дѣйствительно находятся. У насъ были и великіе характеры, и сильные умы; у насъ совершались дѣла доротія для человѣчества и благодатныя въ своей сокровенной силѣ, и отсюда мы можемъ объяснить себѣ то чувство внутренней силы, которая живетъ въ нашемъ народѣ, и его вѣру въ свое будущее, которая не колебалась въ немъ ни при какихъ испытаніяхъ. Въ церковной жизни нашего народа были отъ начала великіе дѣятели и великія дѣла, и если мы мало знаемъ ихъ и мало умѣемъ цѣнить ихъ значеніе и пользу ихъ труда, то они тѣмъ не менѣе со-

*) Однажды, еще будучи студентомъ, пришелъ я къ М. Н. Каткову и засталъ его за чтеніемъ проповѣдей Филарета. „Учусь у него Русской рѣчи", сказалъ онъ мнѣ. П. Б.

ставляютъ богатство нашего народа, которое мы инстинктивно чувствуемъ. Неужели кто-нибудь можетъ оставаться при мысли, что та великая борьба, которую люди призванные ведутъ во глубинѣ своего собственнаго существа, что святой героизмъ ихъ самоотверженія и духовная высота, которой они достигаютъ, что все это остается безплодно для окружающей жизни и не отзывается ничѣмъ въ исторіи народовъ? Церковь чтитъ своихъ подвижниковъ, и народъ, изъ котораго они исходятъ и которому они принадлежатъ, можетъ также чтить въ нихъ своихъ героевъ, зиждителей своей силы.

И. С. Аксаковъ о кончинѣ митрополита Филарета.

(Изъ газеты „Москва" 1867года.).

Москва, 21 Ноября.

Митрополита Филарета не стало.... Съ смущеніемъ внала этой вѣсти Москва, а вслѣдъ за нею внимаетъ и вся Россія,—съ тѣмъ благоговѣйнымъ смущеніемъ, которое невольно объемлетъ душу при всякомъ видимомъ тайнодѣйствіи исторіи. Его кончина—событіе, и событіе Всероссійское.

Филарета не стало!... Упразднилась сила, великая, нравственная общественная сила, въ которой весь Русскій міръ слышалъ и ощущалъ свою собственную силу,—сила, созданная не извнѣ, порожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народной почвѣ. Обрушилась громада славы, которою красовалась церковь и утѣшался народъ. Отжита на вѣкъ та величавая, долгая современность, что̀ обняла собою пространство полвѣка, что перебыла длинный рядъ событій и поколѣній и какъ бы уже претворилась въ неотъемлемое историческое достояніе Москвы, въ ея живую стихію, которой, казалось, ей не избыть и во вѣки. Безъ этой силы, безъ этой славы, какая пустота силы и славы почувствуется внезапно въ Москвѣ, да и во всемъ Русскомъ церковномъ мірѣ! Каѳедра Московскаго митрополита можетъ, конечно, быть и будетъ занята; но мѣсто, которое занималъ Филаретъ, пребудетъ пусто.

Намъ невольно припоминается все сказанное нами въ день празднованія его пятидесятилѣтняго архіерействованія. Угасъ свѣтильникъ, полстолѣтія свѣтившій на всю Россію, не оскудѣвая, не померкая, но какъ бы питаясь пріумноженіемъ лѣтъ и выступая ярче, по мѣрѣ надвиженія вечерняго сумрака жизни. Смежилось неусыпающее око мысли. Прервалось полустолѣтнее назиданіе всѣмъ Русскимъ людямъ—въ дивномъ примѣрѣ неустанно-бодрствующаго и до конца бодрствовавшаго духа. Смолкло художественное важное слово, полвѣка, и болѣе полувѣка,

раздававшееся въ Россіи, то глубоко проникавшее въ тайны богопознанія, то строгой и мощной красотой одѣвавшее разумъ божественныхъ истинъ!...

Русская Церковь, съ кончиною митрополита Филарета, переживаетъ великій историческій мигъ, котораго важность, сознательно и безсознательно, предощущается всѣми. Въ теченіе цѣлаго полустолѣтія Русской Церкви ея представитель, предстатель и предстоятель (не вслѣдствіе внѣшнихъ условій своего мѣста и званія, а дѣйствіемъ личнаго внутренняго достоинства), въ теченіе же полувѣка былъ онъ и «свидѣтельствуяй» о ней предъ всей Европой, предъ всѣмъ міромъ инославнымъ... Сходитъ въ могилу цѣлая историческая эпоха, на смѣну ей движется эпоха новая...

Убыло силы и славы, убыло послѣднее народное имя. Назвать болѣе некого; нѣтъ другого равнозначительнаго, и даже менѣе значительнаго, но всенароднаго имени.

Прибудетъ ли силы, свободы и духа истинной жизни церковной?

На рубежѣ сихъ двухъ эпохъ мы невольно медлимъ и судомъ, и надеждами. Передаемъ лишь ощущенія личныя и общественныя, испытываемыя въ настоящую минуту нами и всей Москвой, при уныломъ гулѣ Московскихъ колоколовъ, созывающихъ къ заупокойной молитвѣ...

Въ Воскресенье, 19 сего Ноября, въ исходѣ 2-го часа пополудни, скончался, на 86 году своей жизни, высокопреосвященный митрополитъ Московскій Филаретъ. Въ день кончины онъ самъ совершалъ литургію въ домовой церкви на своемъ подворьѣ и служилъ, по замѣчанію приближенныхъ его, такъ бодро, какъ не служивалъ въ послѣднія пять лѣтъ. Послѣ литургіи онъ принималъ и долго бесѣдовалъ съ новымъ Московскимъ губернаторомъ... Въ половинѣ 2-го часа, видимо утомленный, онъ, приказавъ приготовить обѣдъ, отправился въ свой кабинетъ. Когда чрезъ четверть часа сдѣлалось замѣтно его замедленіе, слуга отправился за нимъ и нашелъ его лежащимъ на полу, но еще живого. Вскорѣ онъ предалъ духъ свой Господу Богу... Торжественныя панихиды по почившемъ святителѣ назначены въ 1 часъ дня и въ 8 пополудни. Во Вторникъ или Среду, въ 2 ч. дня, послѣдуетъ выносъ покойнаго изъ домовой его церкви въ Чудовъ монастырь.

Въ самый же вечеръ 19 Ноября, Московскій народъ, оповѣщенный о кончинѣ своего архипастыря внезапнымъ унылымъ звономъ съ Ивановской колокольни, хлынулъ толпами въ Троицкое подворье, гдѣ продолжаетъ толпиться и теперь. Ожидаютъ пріѣзда изъ Петербурга первостепенныхъ іерарховъ и даже особъ изъ царской фамиліи.

КЪ СОРОКАЛѢТІЮ КОНЧИНЫ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

Митрополитъ Филаретъ о господствующихъ въ современномъ нравственно-правовомъ сознаніи понятіяхъ. I. А. 1905 г.

Въ газетахъ пронесся слухъ, что въ Петербургскихъ высшихъ церковныхъ сферахъ возникъ вопросъ о чествованіи памяти митр. Филарета, по случаю приближающейся сорокалѣтней годовщины со дня его кончины, послѣдовавшей 19-го Ноября 1867 г. Хотѣлось бы вѣрить въ достовѣрность этого слуха; ибо офиціальное чествованіе памяти такого крупнаго, съ твердо-опредѣленнымъ направленіемъ человѣка, какимъ былъ почившій великій святитель, служило бы нѣкіимъ утѣшительнымъ признакомъ въ наше расшатаное во всѣхъ отношеніяхъ время, и въ церковномъ не менѣе, чѣмъ въ другихъ.

Митрополитъ Филаретъ выдается въ исторіи нашего просвѣщенія особенно тѣмъ, что онъ, великій церковный и политическій дѣятель, оставилъ намъ начертаніе своего церковно-политическаго ученія въ такихъ письменахъ, которыя, по ихъ неподражаемому совершенству въ отношеніи изящества и ясной точности мысли поистинѣ непреходящи. Онъ одинъ изъ тѣхъ церковно-политическихъ мыслителей, которыхъ нельзя не знать всякому, мнящему себя быть человѣкомъ образованнымъ. Образованному человѣку можно не раздѣлять конечно взглядовъ митр. Филарета, но нельзя съ ними не посчитаться, прежде, чѣмъ имѣть право сказать съ освѣдомленностью: «я въ томъ или другомъ убѣжденъ». Разносторонность затронутыхъ и всегда ясно разрѣшенныхъ имъ вопросовъ такова, что его умъ должно почесть истинно-энциклопедическимъ: въ его проповѣдяхъ, напримѣръ, вы найдете, въ связи съ основной мыслью, то высокоцѣнный разборъ Contrat Social Руссо, то разсужденіе самаго глубокаго характера объ основахъ математики въ понятіи о числѣ, по отношенію къ основѣ христіанскаго ученія о Пресвятой Троицѣ *).

Если, дѣйствительно, даже современная Петербургская церковность считаетъ долгомъ благоговѣйно преклониться передъ памятью такого человѣка, какимъ былъ м. Филаретъ (а онъ былъ не только выдающійся

*) Ср. Слово въ день тезоименитства Наслѣдника Цесаревича 1830 г. и рѣчь на освященіе храма при Московскомъ Университетѣ. На эту послѣднюю любилъ указывать покойный И. М. Павловъ въ доказательство глубокомыслія м. Филарета.

отвлеченный богословъ и высоко одаренный витія, но и выразитель очень опредѣленнаго церковно-гражданскаго міровоззрѣнія и столь же опредѣленный выразитель нѣкоей строгой церковной практики), то съ удовольствіемъ можно будетъ сказать, что, къ счастію, наша современная церковность, при всѣхъ своихъ невѣроятныхъ потугахъ въ стремленіи по пути прогресса, еще не совсѣмъ порвала съ преданіемъ (что такъ важно вообще и такъ законоположно въ области церковной). Въ послѣднее время, въ нашей церковной средѣ идея «абсолютнаго прогресса» до такой степени возобладала, что невольно приходилось опасаться за судьбу Церкви (конечно, офиціальной) въ Россіи, видимо забывшей, что для нея, зиждущейся на ученіи о явленіи въ міръ абсолютной истины почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, невозможно искать совершенства только въ новшествахъ, тогда какъ его надо искать наоборотъ въ глубинѣ вѣковъ, и по сему «изучать дни древніе и въ нихъ поучаться». Такое стремительное движеніе «на предняя» не могло иначе выразиться, какъ въ забвеніи и отрицательномъ отношеніи къ старинѣ и къ представителямъ ея *). Время, когда жилъ м. Филаретъ не очень отъ насъ отдалено; но, благодаря быстрому темпу нашей новѣйшей исторіи, оно «быльемъ поросло» для многихъ и почитается чуть-чуть не допотопнымъ, ветхозавѣтнымъ же во всякомъ случаѣ. По сему и самъ м. Филаретъ является многимъ изъ современныхъ интеллигентовъ (ихъ же въ церкви, пожалуй, болѣе чѣмъ гдѣ либо) давно пережитымъ моментомъ, о которомъ, если и можно помнить, то развѣ лишь въ смыслѣ отрицательномъ (извѣстно-де его угодничество передъ свѣтской властью, да и клерикалъ при этомъ!). Если осуществится чествованіе памяти м. Филарета въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, да еще по почину Петербурскихъ высшихъ церковныхъ сферъ, то можно будетъ почесть это отраднымъ доказательствомъ того, что въ средѣ нашихъ «черныхъ и бѣлыхъ властей» начинаютъ задумываться о цѣлесообразности «жечь корабли.» Пока надо и этимъ довольствоваться.

При наступленіи знаменательной годовщины всё, касающееся памяти великаго покойника, должно привлекать вниманіе и вызывать интересъ. Желательно въ особенности видѣть какъ можно болѣе трудовъ посвященныхъ уясненію его ученія, какъ въ видѣ ученыхъ комментаріевъ къ его сочиненіямъ, такъ и въ видѣ обработки ихъ въ формѣ общедоступной для читателей, непривычныхъ къ чтенію строго-требовательному. Истинные цѣнители любомудрія духовнаго и свѣтскаго конечно могутъ и должны пользоваться подлиннымъ текстомъ; но для

*) Въ предисловіи напр. къ своей изумительной по начитанности Исторіи Русской Церкви проф. Голубинскій высказывается очень отрицательно о до-Синодальной ея эпохѣ, считая ее почти до-исторической.

распространенія ученія м. Филарета необходимо подвергать его писанія переработкѣ въ смыслѣ общедоступности, дѣлая изъ нихъ систематическія по разнымъ спеціальностямъ руководства. Напримѣръ, какъ бы желательно было имѣть богословіе, составленное по его проповѣдямъ, съ сохраненіемъ по возможности и подлинной его рѣчи: вѣдь въ пяти томахъ его проповѣдей затронуты почти всѣ вопросы, изъ отвѣтовъ на которые слагается такъ называемое богословіе. А, что онъ самъ не былъ удовлетворенъ ходячими у насъ и доселѣ богословіями, это видно изъ его отзыва о богословіяхъ пр. Филарета Черниговскаго или Макарія (впослѣдствіи митр. Московскаго), напечатаннаго въ «Русскомъ Архивѣ» нынѣшняго года, въ воспоминаніяхъ пр. Леонида (вып. 10-й, стр. 152). А какой неисчерпаемый матеріалъ для всяческихъ извлеченій и обработокъ даютъ его оффиціальныя бумаги, изданныя пр. Саввой! А его письма! Не даромъ сказалъ о немъ, тотчасъ послѣ его кончины, пр. Алексѣй (впослѣдствіе архіеп. Литовскій): «нѣтъ ума столь глубокаго, чтобы исчерпать шестидесятилѣтнюю изумительно благотворную и разнообразную дѣятельность преставившагося святителя! Нѣтъ знанія столь обширнаго, которое могло бы обнять все содержаніе этой дѣятельности». Неисполнимое для одного человѣка можетъ однако быть исполнено совмѣстной дѣятельностью многихъ; и если бы нашлись работники на этой нивѣ, дѣйствительно не оскудѣвающей во вѣкъ (творенія геніальныхъ людей всегда отличаются именно качествомъ *неисчерпаемости*): то Русская литература и наука обогатилась бы по истинѣ перворазрядными вкладами. Съ другой стороны занятіе такимъ дѣломъ, какъ будто археологическимъ, а въ сущности вполнѣ живымъ и современнымъ, послужило бы доказательствомъ неоскудѣнія въ насъ и высшихъ интересовъ, и сознанія, что удовлетворить имъ можно не однимъ построеніемъ новыхъ умосплетеній, но что̀ гораздо лучше— чрезъ усвоеніе того, что̀ вѣщали мудрецы всѣхъ временъ, ибо истина открыта для людей «Тѣмъ, Кто есть вещей истина» во всѣ времена, особенно же съ того дня, когда она возсіяла міру изъ Виѳлеемскихъ яслей. Выразителями ея были избранные умы въ разныя времена, отдаленность коихъ нисколько не умаляетъ, а наоборотъ еще подъчасъ усиливаетъ исходящій отъ нихъ свѣтъ разумѣнія: ибо если этотъ свѣтъ могъ не померкнуть, доходя до насъ изъ глубины вѣковъ, то это даетъ чувствовать, что его сила такова, что «и тьма его не объятъ» *).

*) Что можетъ быть назидательнѣе для современныхъ политиковъ „Политики Аристотеля, и вообще для современныхъ мыслящихъ людей всего Аристотеля и его самъ-друга Платона? Они намъ во многомъ болѣе по плечу, чѣмъ ихъ современникамъ. Таковъ Данте для теперешнихъ Итальянцевъ, умѣющихъ впрочемъ лишь дѣлать изъ него

Важнѣйшая сторона духовной дѣятельности Филарета была, конечно, направлена на богословскіе вопросы и на приложеніе богооткровенныхъ истинъ къ жизни въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Но богословскіе труды покойнаго митрополита должны питать умы и сердца православныхъ во вѣкъ, подобно тому, какъ ученіе великихъ Отцевъ Церкви составляетъ навсегда неисчерпаемый источникъ наставленія для ума и назиданія для чувства вѣрующихъ. Смѣло можно сказать о Филаретѣ, что онъ «новѣйшій изъ Отцевъ Церкви»; и надъ нимъ, какъ таковымъ, пусть поработаютъ грядущія поколѣнія непрестанно. Но къ опредѣленному дню чествованія его памяти возможно лишь сдѣлать сравнительно легкоисполнимое: изложить напр., взгляды его на тѣ жизненные вопросы, которые представали на его судъ и на которые онъ давалъ отвѣты всегда поразительно ясные и опредѣленные. Вопросы эти, въ сущности, тѣже почти, какіе всегда выдвигаются жизнью, хотя они и видоизмѣняются въ своемъ обличіи. Напримѣръ, въ наше время нѣтъ болѣе вопроса о крѣпостномъ правѣ; но вѣдь вопросъ о зависимости людей другъ отъ друга въ порядкѣ подчиненія или экономической зависимости—вопросъ вѣчный; и то что̀ по этому вопросу писалъ м. Филаретъ примѣнительно къ раскрѣпощенію, то, можетъ быть назидательно и въ наше время погони за безграничной свободой.

Такую именно задачу избралъ себѣ авторъ книжечки, озаглавленной «Митрополитъ Филаретъ о господствующихъ въ современномъ нравственно-правовомъ сознаніи понятіяхъ». Она есть отдѣльный оттискъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ «Вѣра и Знаніе» и принадлежитъ перу автора, выставившаго лишь буквы І. А. Очень совѣтуемъ познакомиться съ этой книжкой, которая, кромѣ другихъ качествъ, имѣетъ и несомнѣнное, большое достоинство яснаго изложенія и прекраснаго распредѣленія содержанія по главамъ, посвященнымъ каждая отдѣльной сторонѣ дѣятельности м. Филарета. Послѣ краткаго введенія идутъ главы: личность митр. Филарета, общая характеристика митр. Филарета и выясненіе его значенія для нашего времени, ученіе м. Ф. о власти и государствѣ, освобожденіе крестьянъ и участіе въ этомъ актѣ м. Ф., вопросъ о наказаніяхъ, вопросъ о возвышеніи духовенства, митр. Филаретъ какъ нравственный судья и руководитель современнаго ему общества; глава заключительная.

Изъ этого перечня содержанія видно, что покойный митрополитъ представленъ всесторонне въ книжкѣ о. І. А., исключая его дѣятельности чисто-богословской; но таковая и не входитъ въ предѣлы из-

---

цитаты, но не умѣющихъ имъ назидаться, потому что сами они слишкомъ противъ него

бранной авторомъ задачи, ибо разсматривать оную вкратцѣ, какъ сказано выше: на такое дѣло потребовались бы многіе и многіе томы.

Познакомившись изъ книжки о. І. А. съ личностью митрополита и съ его ученіемъ по вышеперечисленнымъ вопросамъ, читатель, даже самый предубѣжденный, вынесетъ то впечатлѣніе, что м. Филаретъ вовсе не былъ ни деспотомъ клерикаломъ *), ни тѣмъ угодникомъ свѣтской власти, какимъ его такъ охотно изображаютъ представители церковнаго либерализма, начавшагося еще съ древнихъ временъ и особенно размножившагося въ наши всяческаго либерализма дни, ни тѣмъ врагомъ свободы, какимъ долженъ бы быть человѣкъ, обвиняемый въ несочувствіи къ освобожденію крестьянъ.

Митр. Филаретъ дѣйствительно не преклонялся передъ либеральными фразами, не фрондировалъ передъ свѣтской властью, но онъ нисколько не боялся свободы истинной и не боялся говорить, что хотя единеніе между церковью и государствомъ очень желательно, но что церковь вовсе не нуждается въ покровительствѣ, чему «де» доказательствомъ служитъ самая исторія церкви, развившейся не благодаря покровительству свѣтскому, а благодаря преслѣдованіямъ и мученіямъ исповѣдниковъ ея.

Нельзя однако, въ заключеніе, не замѣтить, что у автора разсматриваемой нами книжки уваженіе къ м. Филарету и глубокое преклоненіе передъ его мудростью наклонны переходить въ нѣкое «подобіе культа», не допускающаго никакого сомнѣнія въ томъ, что митрополитъ былъ въ сущности воплощенная мудрость и благость. Когда авторъ пишетъ: «намъ не нужно искать твердаго основанія, оно намъ дано въ мощной мысли митр. Филарета. Утвердившись на ней, мы ея свѣтомъ можемъ освѣщать всѣ явленія жизни въ правовомъ и нравственномъ отношеніяхъ, которыя, будучи реальнымъ отраженіемъ тѣхъ или иныхъ вѣяній и направленій, характеризуютъ духъ эпохи, являютъ тѣ понятія, которыя господствуютъ въ данное время въ нравственно-правовомъ познаніи общества. Митрополитъ Филаретъ! Это имя блистающее въ исторіи Россійской церкви и Россійскаго государства на протяженіи многихъ десятилѣтій.... это имя является теперь синонимомъ закона, правды, мудрости, непререкаемости».

Невольно вспоминаются слова Псалмопѣвца «Аще беззаконія наблюдиши.... кто постоитъ?». Думается, что излишнимъ, неумѣреннымъ превознесеніемъ никогда нельзя послужить памяти превозносимаго. То положительное, что̀ дано въ книжкѣ о. І. А., вполнѣ достаточно, чтобы

*) Деспотизмъ, приписываемый м. Филарету, объясняется *отчасти* Пушкинскимъ стихомъ „Умъ, любя просторъ, тѣснитъ".

избавить отъ необходимости оцѣнивать умъ и душевныя качества Филарета такими крайними восхваленіями. Достаточно было бы, думается намъ, указать на дѣйствительно-громадную пользу изученія твореній и самой дѣятельности почившаго іерарха, для того, чтобы съ помощью онаго стремиться къ тому уясненію понятій нравственно-правовыхъ, безъ котораго никакое общество не можетъ твердо стоять. Не даромъ нѣкогда столь гремѣвшій у насъ О. Контъ указывалъ на то, что всѣ наши политическія и соціальныя треволненія происходятъ отъ недостатка выработки понятій и объединенія на понятіяхъ ясныхъ и точныхъ: оттуда «де» и наши всяческія революціи. (Auguste Comte. Cours de philosophie positive, I. 41.).

Изученіе твореній м. Филарета дѣйствительно можетъ послужить для умовъ ищущихъ свѣта къ выработкѣ точныхъ и ясныхъ понятій; а еще болѣе, къ развитію «потребности въ ясности и точности», отсутствіе коей такъ преобладаетъ у насъ во всѣхъ направленіяхъ, кромѣ развѣ въ самыхъ лѣвыхъ, сила конхъ можетъ быть тѣмъ и объясняется, что противъ нихъ выступаетъ мысль хотя и благонамѣренная, но не продуманная, а по сему дряблая и безсильная.

Жаль, что въ указанной книжкѣ, для большей полноты, не отведено мѣста оцѣнкѣ литературной стороны писаній м. Филарета. Наша литературная рѣчь такъ наклонна искажаться и пошлѣть, благодаря, м. б., тому, что она сдѣлалась орудіемъ не только не Русскихъ, но даже всему Русскому враждебныхъ началъ, что слѣдовало бы, въ числѣ понятій, которымъ должно позаимствоваться у Филарета, указать и на то, которое учитъ чтить и хранить чистоту родной рѣчи, какъ полнѣйшей выразительницы народной мудрости, ее же создавшей *).

Д. Х.

*

Такъ какъ слухи, о которыхъ упомянуто въ началѣ этой статьи, оправдались, то мы позволяемъ себѣ, вмѣстѣ съ ея авторомъ, надѣяться, что состоявшееся чествованіе м. Филарета послужитъ началомъ религіознаго отрезвленія въ нашей оффиціально-церковной жизни. Если м. Филаретъ не всегда самъ осуществлялъ свое же „пониманіе“, въ его полнотѣ, то все таки въ самомъ его ученіи несомнѣнно выражалась такая „трезвенность мысли“, что ею, во всякомъ случаѣ, можно и должно пользоваться какъ руководящей въ разрѣшеніи вопросовъ церковной дисциплины и многихъ государственныхъ задачъ, не смотря на то, что его собственная дѣятельность не всегда была полнымъ осуществленіемъ его же ученія. Но когда же кто либо изъ земнородныхъ вполнѣ осуществлялъ свои идеалы? Статья, нами печатаемая, была намъ доставлена за долго до 19 Ноября, чѣмъ и объясняется гадательное разсужденіе о томъ, что теперь уже осуществилось.

*) А. С. Хомяковъ писалъ, что и въ его время только крайніе имѣли твердыя логически-послѣдовательныя убѣжденія.

ВОСПОМИНАНІЕ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ.

Принадлежу я къ числу Московскихъ старожиловъ, такъ какъ съ Августа мѣсяца 1847 года, т.-е. съ поступленія въ университетъ, уѣзжалъ изъ Москвы только на короткіе сроки. Въ университетѣ былъ у меня добрый товарищъ Владиміръ Александровичъ Голицынскій, усерднѣйшій почитатель Филарета. Онъ не пропускалъ ни одной его службы и разъ только не могъ поспѣть къ ней по случаю экзаменовъ 15 Мая и пришелъ въ Архангельскій соборъ, когда Филаретъ шелъ уже къ своей каретѣ. Подойдя къ его благословенію, онъ услышалъ отъ него шопотомъ произнесенныя слова: «опоздали, опоздали!» Такихъ приверженцевъ у Филарета было немало. Голицынскій зналъ наизустъ цѣлыя мѣста изъ его проповѣдей. Благодаря Голицынскому, и мнѣ неоднократно доводилось слышать эти проповѣди въ Чудовомъ монастырѣ. Онъ произносилъ ихъ по тетрадкѣ, лежавшей на аналоѣ, въ нѣкоторомъ отъ себя отдаленіи, для чего надѣвалъ большія очки. Голосъ у него былъ слабый, но въ храмѣ водворялась полная тишина, и молящіеся могли не проронить ни одного слова. На пути къ выходу и къ своей каретѣ (запряженной шестью, попарно рослыми лошадьми и въ отличной сбруѣ) онъ долго возлагалъ на головы подходившихъ мощевидную руку свою, и никто не уходилъ изъ церкви безъ его благословенія. Онъ, конечно, придавалъ значеніе такому общенію съ паствою и, можетъ быть, по наклонности ко всему таинственному (не покидавшей его до конца жизни) видѣлъ въ томъ нѣчто духовно-физическое.

Богословіе преподавалъ намъ Петръ Матвѣевичъ Терновскій, безъ всякаго одушевленія, грубымъ голосомъ и какъ-то аляповато. Вліяніе его на студентовъ уничтожалось при сравненіи съ другими профессорами, изъ которыхъ нѣкоторые читали чуть не со слезами объ Ульрихѣ Гуттенѣ, говорили про «эманципацію религіи», про «кровь, какъ необходимый цементъ» человѣческихъ содѣяній. Помню, какъ мы смѣялись надъ Терновскимъ, когда онъ закончилъ одно изъ своихъ чтеній словами: «Въ слѣдующую лекцію мы нанесемъ окончательный ударъ Вольтеру». (Позднѣе, назначенный приходскимъ священникомъ въ церковь Петра и Павла на Басманной, Терновскій проявилъ высокія пастыр-

скія качества; но съ этой стороны мы не знали его). Я плохо занимался у него и на экзаменѣ долженъ былъ провалиться; на мое счастье пріѣхалъ на экзаменъ митрополитъ Филаретъ, и мнѣ достался билетъ о почитаніи храма Божьяго; я передъ тѣмъ только что читалъ объ этомъ въ проповѣдяхъ Филарета, поэтому отвѣчалъ почти его словами и конечно получилъ высшую отмѣтку. Съ тѣхъ поръ видалъ я митрополита только за обѣднями, либо въ проѣзды его по улицамъ.

Богослуженіе совершалось у него отмѣнно стройно, звукъ не заглушалъ словъ, а (по его выраженію) содѣйствовалъ къ раскрытію слова, и никогда при немъ храмъ Божій не становился концертною залою. Однажды былъ я у его службы въ Пасхальную заутреню въ Успенскомъ соборѣ. Ему приходилось почтить кажденіемъ святые останки трехъ митрополитовъ Московскихъ. Онъ, слабый, изможденный, съ дикиріемъ и трикиріемъ въ рукахъ, словно безплотный направлялся отъ одного угла собора къ другому, а многочисленный сонмъ молящихся, съ возженными свѣчами, мгновенно разступался передъ нимъ, отвѣчая словами «воистину воскресе» на его пасхальное возглашеніе.

Только разъ случилось мнѣ подмѣтить слабую его сторону. Это было въ крестовой его на Троицкомъ подворьѣ. Его облачали. Обыкновенно это облаченіе оканчивалось тѣмъ, что стоявшій по лѣвую отъ него руку церковный чтецъ подавалъ ему тончайшій батистовый платокъ, которымъ онъ обтиралъ или вѣрнѣе обмахивалъ себѣ бороду и уста, и затѣмъ быстро отдавалъ платокъ чтецу, прямо въ книгу, которую тотъ закрывалъ. Чтецъ сдѣлалъ это какъ-то неловко; Филаретъ дернулся влѣво и такъ посмотрѣлъ на чтеца, что и я, стоявшій поблизости, чуть не испугался.

«Русскій Архивъ» сталъ я издавать за четыре года до кончины Филарета. Когда въ немъ начали появляться бумаги, касающіяся Сперанскаго, онъ обратилъ на него свое вниманіе. Его заняли также статьи П. А. Безсонова и М. А. Дмитріева о Лабзинѣ, къ которому нѣкогда, въ Петербургѣ онъ былъ близокъ. Я помѣстилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ мою некрологическую статью о М. А. Дмитріевѣ, и вслѣдъ затѣмъ митрополитъ выразилъ желаніе меня видѣть.

Добрѣйшій Николай Васильевичъ Сушковъ повезъ меня на Троицкое подворье. Оно, сравнительно съ теперешнею его обстановкою (устроенною митрополитомъ Макаріемъ), отличалось простотою, которая граничила почти что съ убожествомъ. На входной лѣстницѣ не было даже ковра. Единственнымъ украшеніемъ первой комнаты служило большое многолиственное дерево (Ficus elastica), въ родѣ Евангельской смоковницы. Полы не крашеные, кресла и стулья самые простые. Къ намъ вышелъ

во вторую комнату маленькій исхудалый человѣкъ въ черной рясѣ и скуфейкѣ и, пригласивъ сѣсть на кресла, спросилъ меня: отчего вы нуждаетесь въ семъ пособіи? Это относилось къ моему костылю. Когда я сказалъ, какъ повредилась у меня въ дѣтствѣ нога, онъ сталъ говорить объ историческихъ изданіяхъ и, обращаясь къ Сушкову, спросилъ: зачѣмъ это Бодянскій (въ Чтеніяхъ Общества Исторіи) напечаталъ про Елисавету Петровну, что она рождена до брака своихъ родителей. «Вѣдь не всѣ же части нашего тѣла мы обнажаемъ». Понятно, что это было въ мой огородъ, и заступаться за Бодянскаго мнѣ не приходилось. Подробности о дальнѣйшей бесѣдѣ исчезли изъ моей памяти. Когда зашла рѣчь о Лабзинѣ, я позволилъ себѣ спросить (словами И. С. Аксакова), зачѣмъ прибѣгать съ задняго крыльца, когда по милости Домохозяина открыто и переднее. Не отвѣчая, Филаретъ заговорилъ о другомъ. Былъ онъ любезенъ, проводилъ до выхода въ первую (съ фикусомъ) комнату и когда я сказалъ, обращаясь къ Сушкову, какъ я ему благодаренъ за то, что онъ доставилъ мнѣ возможность наслушаться *рѣчей благоухающихъ*, Филаретъ сказалъ: «Ахъ, это Пушкина»!—Мнѣ извѣстны и стихи вашего высокопреосвященства къ Пушкину.—«Тутъ была посредницею Елисавета Михайловна Хитрово». Не могу себѣ простить, что я не догадался спросить, былъ ли у него послѣ этихъ стиховъ Пушкинъ. Надо полагать, что былъ. А любопытно себѣ вообразить бесѣду этихъ людей, столь не похожихъ одинъ на другого, имѣвшихъ столь великое для насъ значеніе.

Это было осенью 1866 года. Зимою 1867 года стало извѣстно, что Государь Александръ Николаевичъ не только изволилъ читать «Русскій Архивъ», но и удостоиваетъ его нѣкоторыми сообщеніями, и когда я поѣхалъ къ митрополиту Филарету (на этотъ разъ уже одинъ), онъ принялъ меня съ отмѣнной ласкою, угостилъ чаемъ и продержалъ долѣе часу, и служителю своему, дважды приходившему о чемъ-то доложить, дѣлалъ рукою отрицательные знаки. Бесѣда шла по преимуществу о новой Русской исторіи. Онъ передавалъ мнѣ о дѣятельности митрополита Амвросія въ послѣдніе годы царствованія Павла Петровича и какъ Амвросій (тогда Казанскій архіепископъ) умѣлъ спасать церковь отъ іезуитскихъ козней патера Грубера. Когда рѣчь зашла о Карамзинѣ, я передалъ слышанное мною отъ князя П. А. Вяземскаго. Карамзинъ жилъ почти рядомъ съ княземъ С. М. Голицынымъ, и у нихъ былъ общій духовникъ. Карамзины говѣли и исповѣдывались у себя на дому. Когда чередъ дошелъ до Николая Михайловича: пойдемте, позавтракаемъ, сказалъ онъ исповѣднику, и позавтракалъ скоромнымъ. Духовникъ передалъ о томъ благочестивому князю, и тотъ прозвалъ Карамзина безбожникомъ. «Какой онъ забавный», сказалъ Филаретъ,

«вѣдь церковь молитъ Бога, чтобы у нея было поболѣе людей, какъ Карамзинъ. Для духовенства постъ обязателенъ, какъ примѣръ; но всякій постится по своему». Мнѣ было извѣстно отъ моего духовника, протоіерея Юлія Ивановича Некрасова, что когда онъ заболѣлъ, Филаретъ разрѣшилъ ему не соблюдать поста. Извѣстно также, что одной барынѣ, до изнуренія постившейся, онъ сказалъ: «Наложите постъ на вашъ постъ». Тогда же Филаретъ сказалъ мнѣ, что стояніе въ церкви имѣетъ значеніе для здоровья и служитъ противовѣсомъ постоянному пребыванію въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.

Филаретъ былъ въ это время на вершинѣ своей славы, государственнаго значенія и всеобщей извѣстности далеко за предѣлами Россіи. Имя его поминалось съ благоговѣніемъ на Востокѣ, проповѣди его появились во Французскомъ переводѣ Серпинэ, Адріанъ Ивановичъ Блюменталь перевелъ на Нѣмецкій языкъ его Православный Катихизисъ, Е. Ѳ. Тютчева готовила (съ помощью Англиканскаго въ Москвѣ пастора) Англійскій переводъ его избранныхъ проповѣдей. Свѣтская власть въ лицѣ князя В. А. Долгорукова преклонялась передъ нимъ. Онъ зналъ князя еще мальчикомъ въ Петербургѣ, гдѣ у отца князева была домовая церковь, въ которой служивалъ Филаретъ, будучи архимандритомъ. Онъ надзиралъ за обученіемъ князя, его братьевъ и сестеръ. Въ Москвѣ онъ ему говорилъ *ты*, и онъ былъ обезпеченъ въ своей борьбѣ съ старообрядцами (за нихъ передъ тѣмъ заступалась супруга генералъ-губернатора графиня Аграфена Ѳедоровна Закревская, бабка которой была старообрядка и сама она иногда крестилась двуперстіемъ. Князь Владимиръ Андреевичъ передавалъ мнѣ, что однажды пріѣхалъ къ нему митрополитъ въ неурочный часъ и умиленно попросилъ исполнить то, о чемъ онъ ему скажетъ. «Я всю ночь не спалъ, узнавъ, что въ Большомъ театрѣ представляютъ драму Смерть Іоанна Грознаго, и тутъ ставится аналой». Князь немедленно послалъ за директоромъ театровъ, и аналой больше не появлялся на сценѣ.

Успокоенный въ своемъ положеніи Филаретъ сдѣлался мягче и къ старообрядцамъ. Однажды кто-то изъ священниковъ отозвался о нихъ рѣзко. «Перестань, перестань», сказалъ ему Филаретъ, «если бы не они, у насъ бы, пожалуй, водворилось лютеранство». Онъ зналъ, что оказываютъ лютеранству негласное покровительство и что въ Зимнемъ дворцѣ была Лютеранская кирка *), устроенная Петромъ III-мъ. Филаретъ возлагалъ большія надежды на единовѣріе. Мнѣ случилось два раза быть на его

*) На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ аптека.

службѣ для единовѣрцевъ при освященіи единовѣрческой церкви: на Рогожскомъ кладбищѣ и въ алтарѣ Успенскаго собора.

Императоръ Николай Павловичъ съ 1851 года пересталъ видѣть въ Филаретѣ затаеннаго противника своей власти; а было время, когда отношенія обострялись. Министръ двора князь П. М. Волконскій разсказывалъ, что разъ Филаретъ и Государь встрѣтились на пути, одинъ изъ Петербурга въ Москву, другой изъ Москвы въ Петербургъ. Въ одной половинѣ станціоннаго дома былъ Филаретъ, въ другой Николай Павловичъ. Филаретъ просилъ князя узнать, что, такъ какъ тутъ высочайшее присутствіе, то не слѣдуетъ ли ему представиться. Князь пошелъ доложить. Государь очень громко сказалъ, что и въ городахъ онъ не желаетъ съ нимъ встрѣчаться. Дверь была не притворена, и Филаретъ услышалъ этотъ отзывъ. Но въ дни празднованія двадцатипятилѣтія своего царствованія въ Москвѣ Государь уже обходился съ Филаретомъ съ почтительностью и даже проводилъ его до лѣстницы послѣ обѣда въ Кремлевскомъ дворцѣ. Новые Государь и Государыня оказывали ему, можно сказать, благоговѣйное вниманіе. Александръ Николаевичъ вступилъ съ нимъ въ личную переписку. Марія Александровна пожелала имѣть его портретъ масляными красками въ томъ самомъ облаченіи, въ какомъ онъ былъ 26 Августа 1856 года. Ему посланъ былъ манифестъ о раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ, составленный Ю. Ѳ. Самаринымъ, на исправленіе и передѣлку; совѣтовались съ нимъ о судебномъ преобразованіи, при чемъ на заявленіе Государя о томъ, что это будетъ судъ не по мертвой буквѣ закона, а по народной совѣсти, Филаретъ, указывая на икону Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, сказалъ, что Пилатъ и Римское правительство Его оправдывали, а судъ народной совѣсти возложилъ на Него терновый вѣнецъ. Вообще же относился онъ недовѣрчиво къ преобразованіямъ, которыя едва успѣвали оглашать газеты. Страннымъ казалось ему, что все въ Россіи подвергалось передѣлу, тогда какъ поставленъ въ Новгородѣ памятникъ ея тысячелѣтію, въ теченіе котораго сдѣлалась она шестою долею всего міра, слѣдовательно жила же чѣмъ-либо извнутри себя. Одному сановнику, говорившему, что духъ совершенствованія идетъ изъ Петербурга, Филаретъ возразилъ: «Какой духъ? Вѣдь Петербургъ не глядитъ на Россію прямо». Филарету былъ присланъ отъ Государя драгоцѣнный, осыпанный брилльянтами посохъ. Онъ не принялъ его въ собственность, а оставилъ въ ризницѣ Троицкой Лавры. Бѣсъ стяжательности, обыкновенно нападающій на духовныхъ лицъ во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, не смѣлъ къ нему подступаться; конверты съ денежными подношеніями за освященіе церквей

или за похороны, онъ иногда даже не распечатывалъ, а отдавалъ бѣднымъ. Разъ просили у него позволенія напечатать произнесенную имъ проповѣдь. «Чего же спрашивать?» отвѣчалъ онъ; «она произнесена, слѣдовательно ужъ не моя».

Н. П. Гиляровъ говаривалъ, что если бы Филаретъ получалъ полистную плату за то, что̀ было имъ написано, и отдано въ печать, у него накопились бы сотни тысячъ рублей; между тѣмъ его наслѣдникамъ досталось послѣ него весьма немногое. Его отношенія къ родственникамъ вызывали обвиненія въ такъ называемомъ непотизмѣ (тоже общемъ у всякаго духовенства), но сто̀итъ прочитать его письма къ нимъ, чтобы убѣдиться, что это клевета. Нѣкогда доходившій до жестокости во взысканіяхъ съ духовенства, сдѣлался онъ, къ концу жизни, снисходителенъ и нѣжно-попечительненъ къ нему. Самый слогъ его писаній пріобрѣлъ простоту и какую-то хрустальную ясность. Но до конца продолжалъ онъ быть остороженъ и оглядливъ. Лѣтомъ 1867 года, прямо съ Троицкаго подворья, навѣстилъ меня В. В. Скрипицынъ и сказывалъ, что въ бесѣдѣ съ Филаретомъ онъ упрекалъ его въ нерѣшительности и угодливости ко властямъ. «Кажется, сказалъ ему Филаретъ, мы страдаемъ избыткомъ покорливости».

19 Ноября 1867 г. въ Воскресенье, въ третьемъ часу пополудни, Кремлевскій колоколъ возвѣстилъ Москвѣ, что не стало ея архипастыря. Въ это время Государь и его семейство, въ Царскомъ Селѣ, слушали чтеніе князя П. А. Вяземскаго, которое и было прервано пришедшею телеграммою о кончинѣ Филарета. Государь приказалъ немедленно отворить большую дворцовую церковь, всѣ пошли на панихиду, и Государь объявилъ, что онъ поѣдетъ въ Москву на похороны. Князь Вяземскій передавалъ мнѣ также, что и онъ разсчитывалъ въ царскомъ поѣздѣ съѣздить въ Москву, но по донесенію шефа жандармовъ, графа П. А. Шувалова, о трудности устроить въ Москвѣ надежную охрану (это былъ годъ покушенія Березовскаго) путешествіе было отмѣнено, и въ Москву отправился Великій Князь Владимиръ Александровичъ.

Въ 4 часа этого дня поѣхалъ я на подворье поклониться покойнику; но никого не пускали по распоряженію князя В. А. Долгорукаго (который позднѣе мнѣ сказывалъ, что пробылъ на подворьѣ до другого утра); я же отправился къ Сушковымъ, гдѣ и услышалъ о послѣднихъ словахъ Филарета (см. «Русскій Архивъ» нынѣшняго года, вып. 8-й, стр. 566)... П. Б.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ „РУССКОМЪ АРХИВѢ“

1907 года*).

Абаза II, 94, 98—101.

Аббутъ Спиридонъ I, 297, 298.

Абрамовъ I, 375.

Абрикосовъ III, 494.

Абунди I, 251.

Августинъ III, 156.

Авенаріусъ II, 206, 227.

Аверьяновъ П. В. II, 421.

Агапій іеродіаконъ III, 478.

Агапитъ I, 298.

Агаѳангелъ митр. II, 452.

Адеркасъ II, 82, 84, 187, 188, 192.

Адлерберги гр. I, 557.

Адлербергъ В.Ѳ.I, 318, 545, 549, 566, 621; II, 512.

Адлербергъ III, 479.

Адоратскій III, 504.

Айвазовскій II, 361, 451.

Акерманъ I, 145, 152.

Аксакова А. С. II, 408.

Аксакова А. Ѳ. III, 143, 169—171.

Аксакова С. С. III, 141.

Аксаковъ Г. С. III, 143.

Аксаковъ И. С. I, 305, 309, 314, 652; II. 282, 565; III, 141—144, 146, 163—192, 549, 559.

Аксаковъ К. С. I, 262—267; II, 557—563.

Аксаковъ С. Т. I, 465. 466.

Аксаковъ I, 260.

Аксаковы III, 434, 439.

Александра Николаевна вел. кн. II, 194—238.

Александра Ѳеодоровна II, 199.

Александръ I-й I, 53, 54, 304, 479; II, 408, 421, 422, 424, 493—495; III, 40, 139, 205, 514—516, 521.

Александръ II-й I, 279, 497, 498, 618, 619; II, 384, 385, 409—420; III, 166, 173, 175, 471, 559, 561, 562.

Александръ III-й II, 47—50, 89—102, 183—186; III, 166—168, 171, 172.

Алексинскій III, 149.

Алексій ректоръ II, 143.

Алексѣевы III, 494.

Алексѣй Петровичъ царевичъ II, 271, 314—323.

Алелековъ А. Н. I, 376; III, 449.

Аллье I, 637, 651, 652.

Алопеусъ I, 61.

Альбедиль II, 487.

---

*) Двѣнадцать выпусковъ „Русскаго Архива“ составляютъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Въ этомъ Указателѣ ко всему годовому изданію цифрою Римскою означена книга, Арабскою страница оной.

Альбединскій I, 439; II, 40, 44, 78, 142.
Альтести III, 371, 372.
Амвросій митр. I, 54; III, 559.
Амѣ I, 225, 228, 242.
Анастасевичъ В. Г. II, 392—396.
Анатолій (Мартыновскій) архіеп. II, 426.
Ангальтъ гр. Ѳ. Е. III, 196, 361.
Андреевъ I, 502, 637.
Андросовъ I, 455.
Анке III, 438.
Анна Іоанновна имп. I, 41.
Анненскій III, 161.
Аносовъ II, 70.
Антоній Кіевскій I, 273.
Антоній II, 417.
Антоновичъ III, 188.
Ансильонъ II, 325.
Анучинъ Д. Г. II, 22.
Аппельбергъ I, 381.
Апраксинъ А. Л. II, 343, 364.
Апраксинъ С. С. II, 134.
Апраксинъ Ѳ. М. III, 452.
Апраксинъ гр. I, 375, II, 333.
Апраксинъ III, 98, 100.
Арапетовъ I, 539.
Арбенева Н. П. I, 253.
Арбеневъ II, 192.
Арбузовъ III, 530, 531.
Арендъ Н. Ѳ. II, 513.
Арнфельдъ I, 90; III, 352—355. 363, 365.
Арсеньева II, 409.
Арсеньевъ I, 140, II, 396.
Арсеньевы III, 501.
Астафьева I, 64.
Ахлестышевъ Д. Д. III, 502.
Ахлестышевъ I, 455.
Ахматовъ А. П. III, 150.
Ашиновъ III, 185, 186.
Ашъ I, 182.
Аѳанасій (Дроздовъ) архим. II, 428.
Аѳанасьевъ А. Н. II, 554; III, 26.
Бабарыкинъ Д. Л. II, 131.
Бабушкина А. П. III, 502.
Багратіонъ кн. II, 360; III, 514.
Бажановъ II, 206, 207, 210, 226, 227; III, 479, 480.
Баженовъ I, 90.
Бакунинъ П. В. III, 97; III, 103.
Бакунинъ I, 190.
Балашова А. И. II, 228.
Баллюзекъ II, 512.
Баловъ А. I. 137.
Балушкинъ I, 552.
Бальзакъ II, 360.
Балюзъ II, 264—266, 272, 289, 296, 305.
Баранова гр. Ю. Ѳ. II, 196, 197.
Барановъ М. Н. III, 173.
Барановъ I, 641; II, 142, 90, 95—97.
Баранцевъ гр. II, 373.
Баратынская Н. Л. I, 89.
Баратынскій I, 57, 67, 74, 86. 92, 95.
Барсуковъ Н. П. I, 319, 0164; III, 294, 434.
Барсуковъ I, 472.
Бартельсъ III, 178.
Бартеневъ П. И. I, 275; II, 194, 217.
Бартеневъ Ю. Н. I, 45.
Бартеневъ Ю. П. II, 563.
Барятинская кн. III, 50.
Барятинскій кн. III, 475.
Барятинскій I, 0162.
Басинъ I, 536, 537.
Баснановъ II, 131.
Баташовы III, 393.
Батезатулъ I, 426.
Батюшковъ III. 140.
Бауеръ III, 298.
Баумгартенъ I, 416.
Баумъ I, 386.
Бахманъ I, 548.
Бахметева А. Н. III, 478.

Бахметевъ П. В. III, 156.
Бахметевъ А. И. I, 55.
Бахметевъ I, 641, 642.
Бахметевы III, 153.
Бахрушинъ Ш, 494.
Бебутовъ I, 636.
Бегуанъ III, 370.
Бейдаръ Ш, 353.
Безбородко гр. I, 190; Ш, 51, 57, 67, 91—97, 103, 108, 110, 115, 223, 230—246, 304—313, 314, 317, 320, 326, 327. 344, 347, 366—377.
Безенсенетъ I, 233.
Безобразовъ I, 381, 524.
Безсоновъ П. А. III, 558.
Бекетовъ I, 167, 381, 586,
Беклешовъ А. А. I, 142, 148.
Беклешовъ В. II, 190.
Бельгардтъ I, 145—148.
Бельмонти III, 463.
Бенецкій I, 379.
Бенигсенъ I, 143, 153.
Бенкендорфъ гр. А. Х. II, 201, 514.
Бентамъ III, 344.
Бераръ I, 637, 650.
Бергхольцъ II, 488; III, 419, 420.
Бергъ гр. Ѳ. Ѳ. I, 548; II, 8, 9, 12, 16—23, 28, 29, 77.
Бергъ III, 137, 469.
Бережецкій I, 381.
Березовскій III, 562.
Бернсдорфъ II, 306, 307.
Берхъ I, 446.
Бестужевъ I, 190; II, 352.
Бертени гр. II, 270, 291.
Бибеско кн. I. 469.
Бибиковъ В. В. I, 193.
Бибиковъ М. Л. III, 140.
Бибиковъ I, 50.
Бидлоо III, 449—459.
Билибины II, 117.
Бирилевъ I, 381.
Бирокъ I, 41; II, 343.
Бисмаркъ Ш, 173.
Биттеръ I, 160.
де-Біз II, 314—339.
Бланкъ Г. Б. I, 158.
Блатманъ I, 240, 241, 242.
Блиновъ I, 280.
Блудова гр. А. Д. II, 409; III, 180.
Блудовъ гр. Д. Н. I, 0162, 0163, 318, 652; II, 408.
Блюменталь А. И. III, 560.
Блумфильдъ леди II, 232, 234.
Блумфильдъ лордъ II, 361.
Блумъ Ш, 76.
Боборыкинъ П. II, 558, 563.
Бобринскій гр. А. В. Ш, 146. 157.
Бобровъ А. П. II, 462.
Богатиновъ Н. Д. III, 185.
Богдановичъ М. И. I, 435, 494.
Боголюбовъ I, 527, 530, 548, 550.
Богословскій М. И. I, 638.
Богушевскій I, 438 449, 483.
Боде баронъ Ш, 163.
Бодянскій О. М. Ш, 433, 559.
Бокъ II, 415, 417, 418.
Болдыревъ I, 502, 503.
Бологовской II, 416.
Болтинъ Н. П. I, 287—289.
Бонакъ II, 298.
Борзовъ Ш. 297.
Борисовскіе III, 495.
Боровиковскій I, 554.
Борисовы II, 187.
Бородатовъ М. М, I, 394—396, 414, 415, 440, 491.
Бороздина М. А. II, 191.
Бороздинъ II, 193.
Бородинъ II, 286—288.
Борстъ II, 326.
Боткинъ I, 557.
Боткины III, 495.
Брандтъ Р. I, 276.
Браницкая гр. А. В. I, 213, 214.

Брауншвейгъ II, 25, 27, 28.
Браунъ II, 279, 280.
Бревернъ Н. П. III, 156.
Бревернъ I, 556.
Бриммеръ д-да II, 482—485.
Браницкій гр. Ш, 212, 231, 237, 416.
Бріенне III, 330, 333.
Бродскій I, 527, 530, 532.
де-Брольи III, 213.
Бронниковъ I, 527.
Броунъ гр. Ю. Ю. III, 5—10.
Бруни Ѳ. А. I, 537, 540, 554 556.
Брюйнигсъ II, 325.
Брюловъ К. II, I, 525; II, 233.
Брюловъ Ѳ. П. I, 527.
Брюловъ II, 25.
Брюсова II, 135.
Брюсъ II, 290, 305, 311, 329, 375; III, 37, 38, 47—49.
Брянчаниновъ II, 232.
Буазо I, 233.
Бугровъ I, 280, 282, 284, 285.
Буде I, 152.
Буксгевденъ гр. I, 138—140, 142, 143, 153—156.
Буксгевденъ II, 242, 244, 247.
Булгаковъ II, 195; III, 94, 112, 116, 222—224, 226, 230, 244, 246, 255, 262, 306, 311—314, 317—319, 325, 371, 376, 386, 401, 404.
Булгаковы II, 409.
Булгаринъ I, 65, 86, 89, 94; III, 282.
Бурманъ I, 386.
Бурнашевъ I, 637, 643.
Бурцова Н. П. I, 14.
Буссе I, 297.
Бутенева I, 43.
Бутурлинъ С. П. I, 400, 403, 406, 408.
Бутурлинъ гр. М. Д. II, 400.
Бутурлинъ гр. I, 175, 177.
Бутурлинъ I, 410, 413, 414. 416, 425; II, 374.
Бухмейеръ I, 399, 400, 425, 433, 436, 482, 492.
Бушѐ II, 393.
Бушманъ I, 636, 638, 639, 643, 649, 650, 651.
Буяльскій II, 354, 382.
Бычковъ А. Ѳ. II, 556.
Бѣлевскій II, 390.
Бѣлинскій III, 281.
Бѣлоголовый II, 191.
Бѣляевъ И. В. III, 147, 149.

*

Ваксаръ I, 642.
Валуевъ II, 94, 98; III, 153, 476.
Вальполь III, 16.
Ванновскій II, 40, 56.
Варажъ III, 402.
Варлаамъ (Ясинскій) III, 503.
Варнекъ I, 554, 555.
Василевскій II, 17.
Васильевъ А. В. I, 307.
Васильевъ III, 427.
Васильчикова А. И. II, 422.
Васильчиковъ кн. I, 488, 489, 495, 500, 511.
Вассенаеръ бар. Ш, 54.
Ватовскій I, 446, 509, 510.
Вахрамѣевъ В. А. II, 400.
Веберъ II, 324, 330.
Вейдель А. Р. I, 162.
Веймарнъ I, 400, 407, 415, 426.
Веклеръ Г. Я. I, 547.
Величко II, 37, 38.
Вельзекъ гр. II, 276.
Вельтманъ А. Ѳ. II, 554.
Вельяминова А. Н. I, 91.
Вельяминовъ Н. Н. II, 217.
Вендрамини I, 530.
Веневитинова I, 97.
Веневитиновъ А. В. I, 67, 73.
Венеціановы III, 501.
Венигъ I, 527.

Вержень Ш, 14, 25, 26, 51, 54, 69, 73, 76, 86, 88, 90, 92, 96, 102, 105, 112, 115, 116, 118, 212, 221, 222.

де-Вернель гр. Ш, 64.

Вернеръ И. И. II, 478.

Верховскій Е. И. II. 467.

Верховцевъ И. А. Ш, 500.

Веселовскій I, 375; II, 332, 334—339.

Вестфаленъ II, 329.

Вешняковъ В. И. III. 442—448.

Вигель I, 45—47; II, 376, 421.

Виллинсъ Ш, 77.

Вильбоа I, 155.

Вилье II, 354.

Вильценъ I, 71.

Вильмеръ I, 152.

Витали I, 531, 535; II, 233.

Витворть II, 272, 295, 300, 305—310; III, 374, 388, 401.

Витгенштейнъ гр. I, 236.

Витекеръ I, 653.

Витковскій II. 7—9.

Витовтовъ П. А. II, 350—389, 564; Ш, 530.

Висковатый III, 165.

Вишняковы III, 495.

Владиміровъ А. П. II, 142.

Владимиръ Александровичъ великій князь III. 562.

Власовъ Т. И. Ш, 502.

Воейкова А. А. I, 473—476.

Воейкова Ш, 161.

Воейковъ I, 182.

Война-Куринская II. П. II, 192.

Войтковскій В. М. II, 425.

Войцѣховичъ II, 435.

Волкова II, 353.

Волковъ Г. И. II, 305.

Волковъ Д. В. II, 346.

Волковъ Н. II. II, 355.

Волковъ II, 260, 275. 384.

Волконская кн. М. Н. II, 191.

Волконская кн. С. Г. I, 560.

Волконскій кн. П. М. II, 421; III, 561.

Волконскій кн. II, 234; Ш, 147.

Волконскій I, 526.

Волфенбютельская принцесса II, 306,

Волынскій I, 41.

Вольтеръ I, 161; Ш, 16, 17, 208.

Воробьевъ М. Н. I, 528, 536.

Воронинъ Е. Ѳ. Ш, 490.

Воронихинъ Ш, 478.

Воронцова гр. А. К. II, 343.

Воронцова Е. Р. II, 341, 343—345.

Воронцова гр. Ш, 31.

Воронцова Ш, 397.

Воронцовъ гр. А. Р. Ш, 66.

Воронцовъ гр. М. Л. I. 190.

Воронцовъ кн. М. С. I, 45, 452—455.

Воронцовъ гр. Р. Л. I, 174; II, 341, 347.

Воронцовъ кн. С. М. I, 454; II, 92, 392.

Воронцовъ кн. II, 441, 452, 453; III, 183.

Воронцовъ гр. С. Р. II, 341; III, 102.

Воронцовъ гр. II, 550; Ш, 57, 91, 97, 101—104, 108, 110, 112, 113—115—305, 331.

Воронцовы гр. Ш, 51.

Воронцовъ-Вельяминовъ II, 79.

Ворошнинъ Т. И. Ш, 490.

Востряковъ III, 495.

Врангель I, 640, 642, 648, 650.

Врасскій П. А. Ш, 471.

Вреде I, 224; Ш, 354.

Всеволодовъ II. 82—88.

Всеволожскіе I, 544.

Всеволоцкіе Ш, 455—458.

Всеславинъ I, 537.

Вуичъ I, 620.

Вукотичъ I, 388—390.

Вульфертъ Ш, 168.

Выгодовскіе II, 187.
Вьельгорская гр. А. М. II, 200.
Вьельгорскій гр. М. Ю. II, 195, 201, 204, 227; III, 136, 137.
Вяземская кн. В. Ѳ. II, 136.
Вяземскій кн. А. А. III, 107.
Вяземскій кн. П. А. I, 468—472; II. 199. 216, 217; II, 421, 423; III, 54. 207. III, 431, 432, 559, 562.

*

Гаазе I, 272.
Габермасъ III, 9.
Гави I, 455.
Гавріилъ Кагунъ архим. I, 298.
Гавріилъ (Розановъ) архіеп. II, 426, 429.
Гавріилъ еп. I, 628, 629, 630, 631.
Гагарина кн. II, 376.
Гагаринъ кн. С. III, 425.
Гагаринъ кн. I, 539, 541, 542, 545, 548, 557, 562; II, 191, 249, 251; III, 157.
де-Гай-Курмененъ II, 259.
Гакуровъ I, 545.
Галаганъ III, 188.
Галисоньеръ III, 112.
Галло III, 247.
Гальвецъ III, 340, 374.
Гамалѣя I, 162.
Ганешины III, 495.
Ганнеманъ I, 253, 254; II, 472.
Гансъ I, 60, 70. 74.
Гарденбергъ гр. III, 15.
Гарденеръ I, 488, 489, 509, 510.
Гаррисъ III, 92, 305.
Гастфрейндъ I, 653; II, 238.
Гаузеръ I, 167.
Гвоздевъ И. III, 470.
Гегель I, 61. 71, 72, 74.
Гедеоновъ I. 554, 556.
Гемпискій I, 155.
Гейманъ I, 229, 246, 248, 249, 250.
Гейротъ А. II, 488.
Гейтъ фонъ деръ I, 160.
Геллихіусъ III, 357, 359.
Геннади II, 281.
Геннерихъ I, 433, 487—489, 495, 498.
Геншель I, 645.
Георгіевскій I, 641.
Герасимъ архим. I, 55,
Гербертъ I, 245; III, 306, 312, 313, 317, 318.
Гергардъ III, 533.
Гердъ III, 511.
Геркенъ I, 525.
Геринъ I, 521.
дю-Геронъ II, 262—264.
Геррёреръ I, 272.
Герсевановъ I, 393.
Герценъ А. И. II, 557, 559; III, 425.
Герцъ гр. II, 329; III, 19, 38, 54, 58, 62, 86, 94, 339.
Герштенцвейгъ I, 438, 439.
Гешовъ II, 305.
Гигенботомъ II, 204.
Гизетти III, 501.
Гизо II, 360.
Гилленбергъ II, 328.
Гильомъ II, 35, 36.
Гиляровъ Н. П. III, 153, 283, 562.
Гиниуловъ Н. II, 551, 552.
Гіюнъ м-за II, 362.
Глазенапъ II, 356.
Глазуновы актрисы I, 283.
Главоецкій I, 407.
Гледичъ III, 9.
Гликосъ Геннадій I, 301.
Глинка М. И. I, 477, 478; II; 30, 392.
Глинка Ѳ. Н. III, 136—138.
Глинки-Маврины II, 382.

Глоріантовъ В. И. I. 289.
Глѣбова I, 532.
Глѣбовъ II, 317.
Говей II, 335.
Гоголь I, 465, 466; III, 271—291, 433—441.
Голенищевъ-Кутузовъ И. Л. I, 195.
Голенищевъ-Кутузовъ Л. И. II, 414.
Голенищевъ-Кутузовъ П. И. II, 120.
Голицинскій В. А. III, 557.
Голицына кн. А. П. III, 158—161.
Голицына Е. И. I. 45.
Голицынъ кн. А. Д. II, 136.
Голицынъ кн. А. М. I, 0163; II, 280.
Голицынъ кн. А. Н. I, 50, 54, 55; III, 162.
Голицынъ кн. Д. В. I, 50, 51.
Голицынъ кн. И. Ѳ. II, 346.
Голицынъ кн. Н. С. III, 136, 161.
Голицынъ кн. П. А. II, 301.
Голицынъ кн. С. М. I, 51, 55; III, 161, 559.
Голицынъ кн. С. Ѳ. II, 132.
Голицынъ кн. Ю. III, 162.
Голицынъ кн. I, 178; II, 351.
Голицынъ I, 375.
Голицыны III, 51.
Головинъ I, 375; II, 265, 266; III, 153.
Головкинъ гр. II, 277, 327, 331.
Головкинъ II, 289, 290, 291, 292, 305, 307, 308, 310, 311.
Головнинъ А. В. II, 90.
Головщиковъ Н. II, 144.
Голомбіевскій А. II, 391, 399.
Голофтѣевы III, 495.
Голохвастовъ Д. Д. III, 478.
Голубинскій Ѳ. А. II, 143, 144.
Голубинскій III, 552.
Голубцовъ I, 479, 636; III, 176.
Гольдманъ I, 400, 407.
Гольцъ I, 179; III, 15—17.
Гончаровъ С. Н. III, 156.
Гопфъ I, 245.
Гора Н. С. I, 394; II, 5.
Горбачевская I, 377, 379.
Горбуновъ II, 109.
Гордонъ I, 514.
Горецкій III, 528.
Горлова М. И. II, 149.
Горскій А. В. II, 281.
Горчаковъ кн. М. Д. I, 397—408, 410—425, 481—483, 492—495, 510.
Горчаковъ кн. II, 18, 19, 30, 369, 374, 555; III, 145.
Готовцевъ I, 637.
Граббе гр. II, 366.
Граббе III, 530, 531.
Грановскій Т. Н. I, 59, 65, 259, 456, 461—463; II, 554; III, 438.
Гребо II, 158, 159,
Греве II, 284.
Гречулевичъ В. В. II, 426.
Грейгъ III, 113, 350, 363, 374.
Гречъ II, 361.
Грибовскій II, 133.
Григорій пр. II, 414.
Григоровичъ Д. В. I, 381.
Григоровичъ В. И. I, 537, 562.
Григоровичъ Н. И. III, 462.
Григоровичъ I, 535.
Григорьевъ А. А. III, 283.
Григорьевъ В. В. I, 461—463.
Григорьевъ Н. А. I, 282.
Григорьевъ II, 49.
Гримъ I, 639; III, 15, 26, 36, 105.
Грицевичъ I, 284, 285.
Громека II, 23.
Гротъ К. К. I, 157—0162.
Гротъ Я. К. I, 161.
Гротъ II, 91; III, 169.
Грудевъ Г. В. II, 420.
Грузинъ К. Д. II, 435, 438.
Губерти В. Н. II, 133.
Губерти Д. Н. II, 134.

Губерти II, 281.
Губины III, 495.
Губкинъ И. С. II, 113.
Губонинъ III, 183.
Губонины III, 495.
Гувіонъ генер. I, 224, 225, 227. 236.
Гуддекъ I, 165.
Гудовичъ А. В. II, 552.
Гудовичъ II, 343.
Гулевичъ С. А. I, 617.
Гулькевичъ О. И. II, 564.
Гуляевъ I, 420, 421.
Гурій архим. III, 503—512.
Гурко I. В. II, 45—47, 56, 61, 62, 67, 68, 74, 76, 77, 78, 80, 185.
Гурьевъ I, 539.
Гуторовъ III, 267.
Густавъ III, 342—361, 364—366, 368, 370, 381—386, 388, 402, 403.
Густавъ IV, III, 526.
Гусятниковы III, 492.
Гуттенъ У. III, 557.
Гуфландъ I, 59, 62, 64.
Гучковы III, 495.
Гюббенетъ I, 503.

*

Давидовичъ III, 185.
Давыдовъ Л. Д. II, 132.
Дагесò III, 46.
Дадіанъ кн. 530.
Даль В. И. I, 45; III, 113.
Даниловъ В. В. III, 441.
Данилъ архим. I, 294, 297, 393.
Данембергъ I, 411, 501, 619—621.
Даргомыжскій II, 361.
Даунъ I, 179, 183.
Дашкова кн. Е. Р. I, 216; II, 341; III, 18, 26, 36, 320.
Дашковъ Д. В. II, 135. 136.
Дашковъ кн. М. И. II, 340, 347.
Дашковъ I, 0163.
Дебермонъ аббатъ III, 323.
Добомбель III, 375.
Дебріенн III, 324, 367.
Дебу И. М. I, 395, 440.
Девалансъ III, 307.
Дегтяревъ I, 41, 42.
Дедамасъ гр. III, 362, 375.
Дезальеръ II. 269.
Декò III, 528.
Делинь кн. III, 25. 111, 112, 114, 193, 194, 217, 231—233, 235, 236, 240, 251, 253, 255, 257, 258, 266, 302, 320, 337, 338, 345, 361, 362, 366, 397, 404—406.
Делицинъ П. С. II, 143, 144.
Дельвигъ бар. А. I, 90; II, 371, 376; III, 140, 145, 370.
Дельсаль I, 446, 509, 510.
Деляновъ И. Д. III, 142, 176. 185.
Демидовъ П. Е. III, 490.
Демидовъ I. 289
Демутъ-Малиновскій В. И. I, 552.
Денкоглу И. Н. III, 540, 543. 546.
Денисовъ II, 285.
Денисьева III, 119—135.
День 396, 397, 487, 515, 516.
Деппъ II, 79.
Державинъ Г. Р. I, 207, 214—217; III, 464.
Дерибасъ III, 404.
Дибенъ гр. III, 352.
Дивова Е. П. III, 50. 51.
Дивовъ Н. А. I, 479.
Дидро III, 26, 37. 207, 208.
Димитрій (Сулима) архіеп. I, 465; II, 552.
Дилльонъ III, 212. 213, 219.
Дицъ III. 341. 371.
Діонисій архим. I, 291.
Джибаръ Христофоръ I, 298.
Дзичканецъ I, 393, 396, 397, 518.

Дмитріевъ М. А. I, 55; III, 558.
Дмитріевъ Ѳ. М. II, 556.
Дмитріевъ-Мамоновъ А. М. II, 191; III, 351.
Добберть А. А. II, 205.
Добровольскій К. Н. I, 618—622; II, 288, 424.
Докучаева Н. Г. III, 502.
Долговы Ш. 396.
Долгорукая кн. Е. Ѳ. II, 132.
Долгорукая княжна Ш, 50,
Долгорукіе кн. II. 319.
Долгорукій кн. А. А. II, 391, 398, 399; III, 267.
Долгорукій кн. В. А. II, 412—414, 508, 566; III, 175, 188, 560, 562.
Долгорукій кн. В. Л. II, 290, 307, 311—313, 316, 318, 321.
Долгорукій кн. С. Н. Ш, 464.
Долгорукій кн. Г. II, 310.
Долгорукій кн. П. В. Ш, 51.
Долгорукій кн. I, 50, 397, 442, 481; II, 261, 277, 305, 328.
Домашевичъ I, 429.
Дона гр. I, 168.
Донецъ-Захаржевскій I, 630.
Дорнеръ I, 527.
Дороховъ II, 402.
Дортю I, 218, 222.
Достоевскій Ѳ. М. I, 381.
Дройзенъ I, 60.
Друцкая кн. Л. А. II, 406, 407,
Друцкой-Соколинскій кн. Д. В. II, 409.
Дрюей I, 230.
Дубенскій I, 425, 426, 437.
Дугансонъ I, 452.
Дудышкины Ш, 500.
Дулликеръ I, 227, 234.
Думновы Ш, 496.
Дункеръ II. 196.
Дурново И. Н. III, 188,
Дурново Н. I, 302.
Дучичъ архим. I, 307, 311.
Дюкерлей I, 396.
Дюфрень I, 251.
Дьякова Е. А. II, 195.

*

Евгеній митр. II, 435.
Евгеній пр. III, 149.
Евлампій I, 480.
Евреиновы Ш, 491.
Егоровъ А. Е. I, 543, 544.
Екатерина Павловна вел. кн. III, 353.
Екатерина I-я, II, 291.
Екатерина II-я, I, 161, 162, 191—217, 303, 317; II, 134, 135, 340—349, 421, 516—526; III, 5—118, 193—266, 295, 298—416, 464, 526.
Елагина А. П. I, 476.
Елагина Е. А. I, 62.
Елагина Е. И. II, 130.
Елагинъ А. А. I, 89.
Елагинъ I. 397.
Елена Павловна вел. кн. II, 365, 431, 474.
Елисавета Алексѣевна имп. II, 421—423; III, 30.
Елисавета Михаиловна вел. кн. II, 204.
Елисавета Петровна имп. I. 0163; II, 280, 341; III, 559.
Елисѣевъ II, 155.
Енгалычевъ кн. II, 373, 376.
Епифаній (Избицкій) I, 292, 295; II, 565.
Еренштромъ III, 355.
Ермаковы III, 496.
Ермоловъ А-дръ II. III, 78, 108, 109, 110.
Ермоловъ А. П. I. 53, 317; II, 376, 465—475, 499; III, 422.
Ермоловы II, 502.

Есаковъ Е. С. III, 475.
Ефремовъ П. А. II, 392.
Ефремовъ А. П. I, 58.

*

Желтухинъ I, 629.
Женé III, 336, 408.
Жеребцовъ Н. А. III, 147.
Живаго III, 496.
Жилли I, 230.
Жильцовъ I, 139—142.
Жуковскій В. А. I, 61, 258, 274, 275, 473—477, 627, 635; II, 45, 194, 195, 201, 204, 210, 216, 226, 227, 230, 232, 385.
Жуковъ II, 50.
Жулковскій I, 368.
Жураелевъ II, 435.

*

Заблоцкій А. П. I, 160; III, 410.
Заботкинъ II, 79.
Забѣлинъ М. П. III, 500.
Завадовскій гр. П. В. I, 211; III, 110.
Завадскій II, 395.
Завитневичъ II, 558.
Завьяловъ I, 530.
Загорѣцкій II, 187.
Загряжская III, 51.
Загряжскій III, 418.
Задонская Е. А. III, 158.
Заикинъ III, 119.
Зайцевъ, I, 530.
Закревская гр. А. Ѳ. II, 407; III, 560.
Закревскій гр. А. А. I, 626; II, 377, 406—409; III, 425, 438.
Залеманъ I, 543.
Залѣсовъ I, 407, 408.
Замятинъ I, 479, 636, 638; II, 419.
Зарубинъ Г. Н. III, 502.
Зарянко I, 530, 535.
Засъ III, 530, 531.
Засядко А. Д. II, 477.
Затлеръ Ѳ. К. I, 409, 410.
Зауервейдъ А. И. I, 553, 554.
Захаржевскій Я. В. II, 508—515.
Захаровъ В. И. I, 396.
Захаровъ И. С. I, 206.
Звѣревъ К. Я. I, 380, 381, 518—520; II, 5, 13, 14, 37, 40, 41, 79.
Зейдлицъ К. К. I, 473—476.
Зейме I, 428, 429, 433.
Зеленый II, 415, 418, 419.
Земскіе III, 493.
Зенгбушъ I, 277, 278.
Зибергъ I, 151.
Зигернъ-Корнъ I, 446.
Зиновьевъ III, 168.
Зміевъ Л. Ѳ. III, 449.
Знаменскій С. И. II, 425.
Золотаревъ II, 117.
Зонтагъ А. П. I, 59, 97.
Зотовъ II, 290.
Зубковы III, 496.
Зубовъ гр. Вал. I, 41, 42.
Зубовъ кн. П. А. II, 134 422; III, 399, 400.

*

Иванова У. Д. I, 623.
Иванова Ю. Ѳ. I, 628, 629, 631.
Ивановъ А. Ѳ. II, 146, 153, 156, 175, 177.
Ивановъ И. Д.. I, 624, 628, 629.
Ивановы I, 539; II, 187.
Ивановскій С. А. III, 426.
Игнатьевъ II, 101; III, 504, 510.
Измайлова П. С. III, 502.
Имбергъ I, 7.
Иноземцевъ Ѳ. И, I, 260, 456—460.
Иннокентій митр. I, 297.
Иннокентій Херсонскій II, 430, 432—453.
Иннокентій I, 272.

Ираклій царь III, 224.
Исаевъ II, 284.
Исаевы III, 491.
Исидоръ митр. I, 52, 635.
Исиндеръ III, 282, 478.
Исленевъ III, 418—420.
Истоминъ I, 387.

*

Іаковъ патр. I, 293.
Іенсенъ I, 527, 543.
Іеремія преосв. I, 280.
Іоанникій арх. Варш. II, 22.
Іоанникій митр. Моск. III, 178, 185, 187, 192, 481—488.
Іоаннъ Антоновичъ III, 34.
Іонинъ II, 176—178.
Іорданъ I, 537.
Іосафъ іером. I, 466.
Іосифъ I, 195, II, 213. III, 238, 245, 246, 249, 264, 265, 315, 332, 388.
Іосифъ пр. II, 411, 435.
Іосифъ старецъ II, 375.

*

Ква I, 220.
Кабановъ I, 527.
Кавелинъ II, 227, 234.
Кадникова II, 350.
Казначеевъ А. А. I, 454.
Казначеевъ А. И. II, 444—455.
Кайдаловъ М. М. II, 124.
Кайсарова I, 77.
Кайсаровъ Л. А. III, 490.
Кайсовская М. В. II, 200.
Каласъ III, 208.
Калиновская II, 197.
Калитинъ I, 138, 143—156.
Каллиникъ патр. I, 291.
Каллонь III, 196.
Калмыковъ I, 622.
Калугинъ Н. Н. III, 423—429.
Калужскіе III, 496.
Калустовъ И. М. III, 500.
де-Камаресъ I, 234.
Каменскій гр. М. Ѳ. III, 213, 214.
Каменскій гр. С. М. II, 400—405, 408.
Каменскій III, 389,
Кампанъ II, 363.
Кампе II, 307.
Каплерасъ I, 242.
Карабановъ П. Ѳ. I, 318.
Караваевъ I, 512.
Каразинъ В. Н. II, 392—396.
Карамзинъ III, 140, 559, 560.
Карасевскій II, 435.
Карасевъ Ѳ. II, 551.
Карачинскій II, 285.
Каретниковы III, 492.
Карзинкины III, 496.
Карлъ XII, II, 257, 268.
Карповъ В. Н. II, 441.
Карпъ I, 636.
Карьеръ III, 26.
де-Кастри III, 73.
Каткартъ III, 113.
Катковъ III, 151, 153—155, 157, 158, 179, 186, 479, 547—549.
Кауфманъ К. П. I, 501, 503, 507, 508, 510—512, 563, 564; II, 13, 39, 142.
Кауфманъ М. П. I, 381.
Кауцманъ I, 151.
Кахановъ II, 142.
Квашнина-Самарина II, 368.
Квашнинъ-Самаринъ II, 6.
Квистъ О. И. I, 379—381, 502, 503, 636, 637; III, 182, 186.
Квитка II, 85.
Кедровъ С. II, 277, 313, 339.
Кейзерлингъ I, 190.
Кекуатовъ кн. I, 490.
Келлеръ бар. III, 316, 328.
Кемерлингъ I, 147.
Кенѣ I, 556.

Кербедзъ I, 383.
Керстенъ I, 543.
Кикинъ II, 317.
Кирилинъ А. Н. I, 320.
Кирпичниковы III, 501.
Киршъ I, 545.
Кирьяковъ I, 442, 443.
Кирѣевская Н. П. III, 146.
Кирѣевскій И. В. I, 56—108, 253—273; II, 560, 561.
Кирѣевскій П. В. I, 56, 80, 85, 101, 152, 105—108.
Кирѣевскіе III, 434.
Кирѣевъ А. А. II, 7.
Кирѣевъ I, 79; III, 175.
Киселевъ Д. В. II, 109, 110, 116.
Киселевъ П. Д. II, 282.
Киселевъ гр. II, 408.
Киселевъ I, 629.
Кистяковскій III, 188.
Клейнмихель гр. I, 530, 566, 567.
Клейнмихель сестры II, 383.
Клеменсъ I, 423.
Кленцъ I 60.
Климушины III, 496.
Клинъ II, 554.
Клодтъ П. К. I, 540, 560.
Ключаревъ III, 474, 475.
Княжевичъ З. И. III, 430.
Княжнинъ I, 105.
Кобельтъ I, 234.
Кобенцель гр. III, 20, 38, 54, 56—59, 68, 77, 78, 83, 94, 113, 114, 195, 196, 210—212, 218, 226, 228, 232, 237, 240, 246, 253, 305, 313, 320, 327, 334, 335, 339, 342, 351, 377, 378, 381, 412.
Ковалевскій И. С. III, 501.
Ковалевскій I, 550.
Ковальскій II, 25, 26.
Кожевниковъ Н. II, 188, 191, 192.
Кожуховъ А. С. III, 135.
Кожуховъ С. Е. II, 549; III, 266.
Козинскій I, 41, 42.
Козловъ III, 370.
Козляниновъ Т. Г. II, 400, 401.
Кокоревъ В. А. II, 409.
Кокошкинъ С. А. II, 503.
Кокошкины III, 502.
Коленіусъ П. А. III, 532.
Колзаковъ III, 530, 531.
Колзакъ II, 366.
Коленкуръ II, 408.
де-ла-Колиньеръ III, 24, 27, 37, 38, 54, 63, 76, 226.
Колосова М. В. III, 502.
Колтовскій I, 388.
Кольбъ I, 530.
Кольчугины III, 496.
Колюпановъ Н. П. I, 273.
Комаржевскій гр. III, 114.
Кондыревъ И. II, 259.
Кони III, 501.
Коновницына гр. А. И. II, 188.
Коновницынъ гр. II, 193.
Кононовъ И. А. I, 433, 454.
Константинъ Николаевичъ в. кн. I, 497, 498; II, 6; III, 185.
Константинъ Павловичъ в. кн. II, 419 459, 460, 555.
Корещенки III, 497.
Корниловъ Ѳ. П. II, 409.
Корниловъ I, 387, 442, 443, 446.
Корнильевъ I, 479.
Корсаковъ А. М. III, 216.
Корфъ бар. М. А. I, 158, 556; II, 347; III, 571.
Корфъ А. г-жа II, 383.
Коссаговскій II, 27.
Коссовичъ К. А. I, 275.
Костанда II, 183.
Костенецкій Я. И. II, 64, 65; III, 423, 425, 427.
Костинъ I, 155.
Костылевъ А. Н. III, 283.
Котляревскій I, 651.

Коцебу I, 405, 407, 417, 425, 492, 493, 495; II, 38, 77.
Кочубей гр. В. П. I, 138, 144, 149; II, 422, 564.
Кочубинскій А. М. II, 425.
Кошелевъ А. И. I, 54, 268—275; II, 562; III, 434, 439.
Кояндеръ А. И. II, 175, 176, 177, 178.
Кояндеръ Варв. К. II, 176.
Краевскій III, 427.
Краковская гр. III, 22, 23, 24.
Кракону I, 530.
Кранихфельдъ А. И. I, 639, 645, 646.
Крапоткинъ I, 645.
Красинскій III, 182.
Красовскій I, 403, 404.
Красовъ свящ. I, 315.
Красовъ II, 276, 295.
Крекшинъ II, 189.
Кремсъ I, 375.
Крестовниковы III, 497.
Кривцовъ А. А. II, 142.
Крокидасъ I, 469.
Крузе II, 16, 284.
Крузмаркъ I, 168.
Крутовъ I, 553.
Крыжановскій I, 421; II, 13.
Крыловъ I, 456, 646.
Крюднеръ б-сса I, 641; II, 45.
Крюковъ Д. Л. III, 534.
Крюковъ I, 456.
Ксенофонтовъ I, 527.
Ксенофонтъ пр. III, 156, 157.
Кубе фонъ II, 243.
Кубалисъ Прокопій I, 301.
Кудрявцевъ III, 186, 438, 536.
Кузминскій Г. И. I, 567.
Кузнецовъ I, 420, 421.
Кукольникъ Н. В. I, 559.
Кулаковскій I, 312.
Кулаковъ II, 462.
Куликовъ II, 50, 51.
Кулишъ П. А. III, 434.
Куломзинъ II, 127.
Куманины III, 497.
Кундертъ I, 243.
Куникъ I, 317.
Купреяновъ I, 640.
Куракинъ кн. А. В. I, 156.
Куракинъ кн. Б. И. II, 289—313, 326, 339.
Куракинъ кн. II, 318, 319; III, 514.
Куракинъ III, 51.
Курбатовъ I, 375; II, 331, 334.
Курдюмовъ III, 426.
Кириловъ III, 426.
Кусковъ В. И. II, 236.
Кутневичъ I, 51.
Кутузовъ А. II, 191.
Кутузовъ кн. Смоленскій II, 416.
Кушелева гр. I, 534.
Кушелевъ III, 51.
Кюстинъ гр. III, 108.

*

Лабзинъ III, 558.
Лаверетскій I, 548.
Лавровъ I, 530; II, 189, 190.
Лазаревъ М. П. I, 387, 483.
Ламанинъ М. Ѳ. I, 529, 637.
Ламбль I, 456.
Ламетъ III, 212, 213, 216, 219, 229, 230.
Лангель I, 140.
Ланжеронъ гр. II, 471.
Ланины III, 497.
Ланской А. Д. II, 349; III, 27.
Ланской В. С. II, 82.
Ланской С. С. I, 631.
Лаперузъ III, 76, 77, 369, 370.
Ласковскій I, 639, 643.
Лаудонъ I, 178, 181, 186.
Фонъ-деръ-Лауницъ I, 556; II, 28.
Лафайетъ III, 212.

Лафитъ III, 75, 336, 337, 379.
Лачинова II, 376.
Лебединцевъ Ѳ. Г. II, 552.
Де-Лебель I, 178.
Левашовъ гр. II, 434.
Левенгауптъ гр. III, 385.
Леченцъ С. Т. I, 465.
Левитовъ А. И. III, 465—470.
Левшинъ А. А. III, 502.
Левшинъ II, 412.
Легляръ Томасъ I, 218—252.
Леонидъ архіеп. II, 410—420; III, 471—480.
Леонидъ преосв. II, 389; III, 145—162.
Леонтьевъ П. М. I, 479; III, 532—538
Леонтьевъ III, 154, 175, 176.
Лепешкины III, 497.
Леришъ М. III, 45, 46.
Лерхе I, 638.
Лессепсъ III, 369, 370.
Лестокъ II, 343.
Лефортъ I, 189.
Лефтеръ Я. Е. II, 147.
Лидерсъ I, 412, 413, 418, 419, 423, 496.
Литке Ю. В. II, 198.
Литке Ѳ. П. II, 203.
Литта III, 402.
Лихачевъ I, 490, 512.
Лихонинъ I, 83; II, 286.
Лихтенъ II, 130.
Лобановъ-Ростовскій кн. И. А. III, 147.
Лобковы III, 497.
Логиновъ Ѳ. Т. I, 624.
Ломакинъ I, 640.
Ломбардетъ I, 233.
Ломновскій I, 384.
Ломоносовъ I, 260.
Ломтевъ Н. А. II, 109.
Лопатинъ М. Н. III, 183.
Лопатинъ I, 644.
Лопатниковъ А. Н. II, 236.
Лопухина кн. II, 133.
Лопухина II, 376.
Лопухинъ А. II, 318, 319.
Лопухинъ И. В. I, 480.
Лопухинъ II, 326.
Лопухины II, 343.
Лорисъ-Меликовъ гр. II, 89, 90, 92—94, 98—101.
Лугинина В. П. III, 439.
Лужинъ I, 530.
Луккезини III, 374, 376.
Лукутины III, 493.
Лукьяновы III, 501.
Лунина Ѳ. Н. III, 140.
Лухмановы III, 497.
Львовъ Н. А. III, 193.
Львовъ Ѳ. I, 545.
Львовъ кн. I, 637; II, 321.
Львовъ I, 539, 541, 542, 548, 550, 557, 562.
Лѣсовскій II, 415.
Любибратичъ I, 312.
Любимовъ II, 555.
Любомирская кн. III, 212.
Людовикъ XIV, II, 258, 259—263, 265, 266, 272, 275, 277.
Ляпуновъ I, 518.
Лялинъ I, 533, 537.
Лямпнъ Ѳ. Ѳ. II, 509.
Лямины III, 497.

*

Макарій митр. III, 558.
Маврокордато III, 247, 313.
Магницкій М. Л. II, 426.
Мазурины III, 497.
Майковъ I, 314.
Манаевъ кн. II, 67.
Макарій старецъ I, 262, 272.
Макаровскій М. Е. I, 282.
Макаровъ I, 375.
Маковъ II, 94.
Максимовичъ I, 81, 94, III, 433—441.

Максимовъ I, 386.
Максутовъ кн. I, 528.
Макшеевъ I, 400, 426.
Малаевъ I, 625.
Малашевскій III, 410.
Малербъ III, 40.
Маловъ III, 425, 426.
Мальзербъ III 324.
Мальтицъ бар. I, 59, 62.
Мальцевъ протоіерей I, 635.
Малютины III, 497.
Мамоновъ гр. II, 134, 135; III, 110, 115, 195, 232, 265, 307, 320.
Мамоновъ III, 396, 397.
Манасеинъ II, 183.
Мандерштернъ III, 530, 531.
Мандтъ II, 204.
Маниковъ И. Б. II, 127.
Мансуровъ Н. П. I, 460.
Мансуровъ I, 636.
Мансуръ III, 104.
Мантейфель I, 167.
Мануиловъ II, 27, 28.
Маракуевъ М. И. II, 107—129.
Маріеттъ II, 158, 159.
Марковичъ-Стоянъ I, 311.
Марковскій III, 528.
Марковъ I, 315, 537.
Марія Александровна имп. 561.
Маркусъ II, 18, 203, 210.
Марлборо герцогъ III, 51.
Мартыновъ II, 565.
Масловскій I, 452.
Масловъ В. П. III, 529.
Масловъ И. И. I, 158; III, 163.
Масловъ С. А. III, 475.
Масперо II, 158, 159.
Матвѣевъ А. I, 395; II, 264, 266, 267, 289.
Матусевичъ III, 410.
Матюшенко I, 459.
Матюшкинъ I, 387.
Мацѣевичъ Л. II, 431, 552.
Мачехинъ II, 260.
Медвѣдевъ I, 433.
Медоксъ II, 403.
Медынцевы III, 497.
Мезенцева Н. А. III, 502.
Мейнардъ А. П. I, 394, 395, 438.
Мейнардъ А. Р. I, 394.
Мейендорфъ бар. I, 418, 556.
Мейеръ I, 145, 530.
Мелисино А. П. II, 402.
Меллеръ-Закомельскій бар. II, 479.
Мельгуновъ А. И. II, 340—342, 345, 346.
Мельниковъ А. И. I, 444, 532.
Мендельсонъ д-ца I, 67.
Мензель I, 67.
Меншъ I, 146, 147, 150, 154, 156.
Меньковъ П. К. I, 400, 407, 492.
Меньшиковъ кн. I, 375, 399, 419, 436, 438, 441, 442, 446, 481, 620; II, 282, 338, 339, 355, 412, 415, 554.
Меньшиковъ III, 298.
Мерле генер. I, 223, 240, 242, 244, 252.
Мерсье-де-ла-Ривьеръ III, 206, 207.
Мессеръ I, 420.
Местмахеръ бар. I, 196.
Метлинъ I, 387.
Мещерская княжна III, 180.
Мещерскій кн. А. В. II, 202, 203, 407.
Мещерскій кн. Н. П. III, 155—157.
Микѣшинъ I, 543, 545, 551.
Миллеръ II, 239—256.
Милорадовичъ гр. М. А. I, 617.
Милославскій I, 528.
Мильгаузенъ I, 453.
Милютина Д. А. III, 502.
Милютинъ Д. А. II, 37, 41.
Милютинъ Н. А. II, 22, 24, 29.
Милютинъ II, 9, 13, 94, 98, 100, 333.
Миляковъ П. М. I, 286.
Минихъ I, 191, 192; II, 343; III, 18, 31, 32.

Миранда III, 219, 306, 307.
Мирковичъ II, 413.
Мировичъ I, 0162, 0163.
Митель I, 151.
Митрофанія игуменья III, 160, 161.
Митрофанъ архіеп. Тверской II, 281.
Митчель III, 158.
Михаилъ митр. Сербскій I, 305—316; III, 185, 187, 188, 192.
Михаилъ Николаевичъ вел. кн. I, 521, 522.
Михаилъ Павловичъ вел. кн. I, 617; II, 355, 364, 480.
Михаилъ Ѳедоровичъ царь II, 259.
Михайлова III, 472.
Михайловъ Г. К. I, 560.
Михалковъ III, 161.
Михельсонъ I, 470; III, 51, 344, 354, 389, 395.
Михлеръ I, 646.
Мицкевичъ I, 88; III, 182.
Мичуринъ В. К. I, 282.
Мишеле I, 73, 74.
Млодецкія гр. II, 366.
Мнишекъ III, 212.
Модестовъ С. С. III, 471.
Моисеенко-Великій I, 381.
Мойеръ Е. I, 475.
Мойеръ И. Ф. II, 130.
Мокржицкій II, 56.
Мокрицкій I, 529.
Моллеръ I, 537.
Монморенъ III, 226, 228, 313, 319, 325, 326, 330, 333, 334, 337, 344, 345, 350, 364, 366, 367, 376, 378, 381, 387, 391, 392, 401.
Монферанъ I, 526, 538, 539.
Моранди II, 453.
Де-Морганъ II, 159.
Морковъ А. И. III, 115, 317, 435.
Морни гр. II, 369.
Морозова III, 170.
Морошкинъ I, 304; III, 438.
Мосгейнъ I, 272.
Москвины III, 493.
Мосоловъ I, 636.
Моссъ III, 380, 381.
Мостовскій III, 410.
Мудровъ М. Я. III, 424.
Муравьева-Карская Н. Г. III, 155.
Муравьевъ А. Н. I, 295; III, 150, 151, 153.
Муравьевъ М. Н. II, 133, 410, 419; III, 139, 140.
Муравьевъ Н. Н. I, 162; II, 133; III, 472, 477.
Муравьевъ-Апостолъ М. И. I, 479.
Муравьевъ гр. I, 563.
Муравьевъ I, 272, 287, 288; II, 142. 192.
Мурзакевичъ Н. Н. II, 429, 430.
Муромцевъ Л. М. III, 159 161.
Муромцевъ III, 472.
Мусинъ-Пушкинъ гр. В. П. III, 344.
Мусинъ-Пушкинъ И. А. I, 375, 376; III, 450.
Мусинъ-Пушкинъ III, 395, 403.
Мухановъ В. А. II, 202.
Мухановъ I, 50; II, 290.
Мухинъ Е. О. III, 426.
Мышецкій Я. II, 261.
Мѣщаниновы III, 498.
Мясоѣдовъ I, 143.

*

Набоковъ II, 94, 98, 190; III, 142.
Набоковы I. 636.
Нагловскій II, 41, 79,
Надеждинъ III, 432, 433.
Назаровъ III, 425—427.
Назаровы III, 498.
Назимова М. С. II, 188, 190.
Назимовъ А. II, 189.
Назимовъ И. II, 189.
Назимовъ М. А. II, 188—191.
Назимовъ III, 438.

Найденовъ Н. А. III, 489.
Найденовы III, 498.
Наполеонъ I, 239; III, 513—526.
Нарышкина М. Л. III, 61.
Нарышкинъ Л. А. I, 213; II, 345; III, 77.
Нарышкинъ М. М. II, 193.
Нарышкинъ III, 60, 62, 105, 196, 240.
Нарышкины д-цы III, 51.
Нарышкины II, 348.
Насакинъ I, 484.
Нассау-Зигенъ принцъ III, 111, 216, 217, 219, 231, 241, 242, 255, 256, 266, 330, 331, 337, 341, 344, 345, 361, 362, 377, 378, 390—392, 397, 401—403.
Наумовичъ III, 189.
Наумовъ I, 158.
Нахимовъ I, 387, 414, 446.
Неандеръ I, 272.
Небольсинъ I, 381, 428—431.
Невѣровъ Я. М. I, 461, 463; II, 259.
Нейдгардтъ А. Б. III, 156.
Нейдгартъ I, 55; III, 187.
Нейдгартъ III, 157.
Некеръ III, 370.
Неклюдовъ II, 419.
Нелидова Е. Н. II, 99.
Нелидова II, 203.
Нельсонъ I, 452.
Неофитъ митр. I, 291.
Неплюевъ III, 295.
Непокойчицкій I, 496.
Нератовъ II, 28.
Нессельроде II, 226.
Нессельроде гр-ня II, 377.
Нестеровъ I, 455,
Нефъ I, 556.
Нешичъ Г. С. I, 312.
Нидецкій II, 269.
Никаноръ патр. I, 290—302.
Никаноръ (Херсонскій) I, 479; III 176, 177.
Никитенко I, 482.
Никодимъ (Казанцевъ) II, 429.
Николаи бар. II, 97, 98.
Николай Николаевичъ вел. кн. I, 447, 498, 499, 506, 508; II, 5, 14.
Николай Павловичъ имп. I, 50, 55, 276, 320, 383, 384, 480, 483, 523, 524, 616, 617; II, 188, 199—203, 206, 227—232, 234, 235, 352, 366—368, 390, 391, 407, 408, 422; III, 530, 561.
Николай архіеп. (Японскій) I, 570—615.
Новиковъ Е. П. I, 472; III, 477.
Новиковъ Н. II, 420.
Новосильскій I, 387.
Новосильцевъ П. П. I, 480.
Новосильцовъ II, 423.
Нолькенъ бар. III, 54, 343, 345, 347, 350.
Нордманъ I, 76.
Норманская I, 520.
Норова С. II, 383.
Норовъ А. С. I, 276.
Ностицъ гр. II, 306, 310.
Нотбекъ I, 551. *

*

Обермюллеръ I, 498, 517.
Оболенскіе I, 643, 652.
Оболенскій кн. А. В. III, 472, 477.
Оболенскій А. I, 642, 643.
Оболенскій Д. М. кн. III, 186.
Оболенскій кн. М. А. II, 554.
Оболенскій Ю. I, 636, 637, 644, 645.
Оболенскій кн. III, 157.
Оболенскій I, 641, 650.
Образцовъ I, 537.
Овчинниковы III, 498.
Огаревъ III, 425.
Оголинъ I, 636, 637.
Одоевская кн. I, 270.

Одоевскій кн. В. Ѳ. II, 139, 140, 193, 282.
Одоевскій III, 430.
Озеровъ I, 51.
Озерскій А. Д. II, 189.
Окелли гр. III, 14.
Окенъ I, 81.
Окоднишниковы III, 492.
Оксенштирна III, 353.
Окуличъ-Казаринъ II, 88, 193.
Окулова А. А. II, 195, 198, 203.
Окуловъ М. А. II, 195.
Окуневъ II, 376.
Олениныъ А. Н. I, 546, 568.
Олсуфьевъ В. Д. I, 318.
Ольга Николаевна вел. кн. II, 203, 204.
Ольденбургскій принцъ Г. II. II, 236.
Ольденбургскій принцъ П. Г. II, 209, 234.
Оомъ Ѳ. А. II, 203.
Ополтцеръ I, 565.
Орда I, 446, 484—486.
Орефьева II, 350.
Орловъ А. Г. I, 0162, 0163.
Орловъ гр. А. Ѳ. II, 407.
Орловъ И. Д. III, 500.
Орловъ гр. I, 621; II, 408.
Орловъ кн. II, 349.
Орловъ III, 419, 420.
Орловы I, 544; III, 18.
Орловъ-Давыдовъ гр. III, 158, 478.
Орренъ II, 307.
Осипова А. А. III, 502.
Осипова А. С. III, 502.
Осиповъ I, 535.
Неплюевъ Ф. И. I, 18.
Остенъ-Сакенъ В. Д. II, 18, 20.
Остенъ-Сакенъ гр. Д. Е. I, 45.
Остенъ-Сакенъ гр. I, 400, 407, 445; II, 376.
Остерманъ II, 326, 331, 335; III, 25, 50, 57, 67, 71, 91, 97, 102, 108, 115, 327, 328, 335, 386, 388.
Островскій III, 437.
Остроглазовъ В. М. I, 320, 464; II, 281.
Остоградскій I, 383.
Оттъ Ѳ. И. I, 317.
Офросимовъ III, 471.

*

Павелъ Петровичъ I, 0162; II, 133, 152; III, 40, 94, 320, 340, 350, 368, 409, 410, 524—526.
Павелъ протоіерей III, 159.
Павловскій М. К. 425—431.
Павловскій П. М. I, 444.
Павловскій I, 391, 392.
Павловъ Е. В. II, 236.
Павловъ И. I, 51, 52.
Павловъ Н. М. III, 180.
Павловъ II, 61, 79.
Павскій I, 51.
Палаузовъ С. Н. III. 543.
фонъ-деръ Паленъ I. 653.
Палласъ П. С. III, 95.
Пальмстіерна гр. I, 642.
Панинъ гр. В. Н. I, 639.
Панинъ И. В. II, 290.
Панинъ гр. Н. И. II, 340, 346; III, 30, 103.
Панинъ гр. Н. П. II, 423, 424.
Панинъ гр. I, 50, 642; III, 58.
Панинъ I, 189; III, 335.
Пантелѣевъ Ѳ. III, 500.
Панфиловъ I, 387.
Папковъ II, 493.
Паскевичъ кн. I, 406; II, 228; III, 421, 422.
Пассекъ В. III, 424.
Паткуль I, 167; II, 263.
Паукеръ Г. Е. I, 380, 381, 396; II, 13, 14.
Паулучи маркизъ I, 61; II, 187.
Пашковъ М. В. II, 136.
Пейкеръ I, 640, 648.

Пейслеръ I, 147.
Перевощиковъ Д. М. I, 257.
Перегудовъ III, 425, 426.
Переплетчиковъ I, 280.
Перловы III, 492.
Перовскій гр. I, 537.
Перовскіе III, 150.
Перренъ П. Я. II, 495.
Перфильевъ I, 625; III, 438.
Песлеръ I, 150.
Пестель В. И. I, 452.
Пестель II, 352.
Петерсонъ А. П. I, 59.
Петерсонъ Ю. I, 76.
Петерсонъ Ѳ. Д. II, 481.
Петерсонъ аудиторъ I, 147, 148, 152.
Петерсонъ I, 57, 261.
Петеръ I, 538.
Петрашевскій I, 395.
Петровскій С. III, 483.
Петровъ А. В. II, 15.
Петровъ I, 525.
Петровъ I, 546; II, 31; III, 426.
Петръ I-й I, 15, 375, 376; II, 257, 258, 266 — 277, 289, 291, 292, 302, 305—312, 315 — 323; III, 298, 299, 503.
Петръ III-й I, 0162, 161, 191, 192, 317, 379; II, 340 — 348, 421; III, 18, 30—32, 562.
Пещуровъ III, 511, 512.
Пикатьеръ II, 261.
Пименовъ I, 536, 537, 556.
Писаревъ I, 67.
Писемскій I, 270.
Питтъ III, 65, 82.
Плавильщиковы III, 501.
Плавовъ П. С. I, 559, 568.
Плейеръ II, 277, 330.
Платонъ митр. III, 192.
Плевако III, 501.
Плетневъ П. А. III, 140.
Побѣдоносцева Е. А. III, 169.
Побѣдоносцевъ К. П. I, 635—652; II, 89—102, 419; III, 163—192.
Погодинъ М. П. I, 57, 82, 89, 92, 257 — 259, 267, 317 — 329, 533; II, 409; III, 139, 283, 425, 427, 431—433, 439, 588.
Поджіо I. II, 188, 191.
Познинъ II, 436.
Полевой I, 94.
Полевые III, 501.
Поликарповъ Ѳ. I, 375.
Поликарпъ архим. III, 504.
Поликарпъ ректоръ I, 51.
Политковскій I, 397, 399, 501, II, 365, 366; III, 531.
Половцовъ А. В. II, 205.
Поль-Джонсъ III, 342, 344, 345, 362, 397—399.
Поляковъ I, 538.
Полянскій I, 636.
Попова Е. И. I, 67.
Поповъ А. А. I, 387.
Поповъ В. С. II, 132.
Поповъ Д. А. III, 500.
Поповъ Н. А. II, 556.
Поповы I, 147, 303, 640, 648; II, 67; III, 498.
Пороховщиковъ II, 555.
Порфирій архим. II, 439.
Порфирій Успенскій I, 290; II, 425—431; III, 475—477.
Постниковъ II, 264.
Посьетъ II, 94.
Потаповъ I, 455; II, 142.
Потемкина Д. Г. II, 130.
Потемкина П. А. II, 132.
Потемкинъ I, 88, 162, 197, 213, 214; II, 130—132, 260, 349; III, 22, 38, 52, 53, 58—62, 65, 67—78, 81—83, 85, 91, 92, 94, 96, 98, 100, 102—106, 108—111, 115, 209, 212, 216, 218—221, 224—227, 230—232, 237, 239,

241—248, 258, 259, 261, 264—266, 299, 300, 314, 318 — 321, 330, 331, 333, 334, 336, 337, 341, 361, 362, 366, 375, 377 — 381, 386, 389, 390, 393, 399, 404.

Потоцкій И. III, 414.

Потоцкій гр. III, 212, 231.

Потоцкіе III, 410.

Потоцкія гр. II, 366.

Похвисневъ II, 285.

Пошманъ г-жа I, 520.

Пошманъ I, 378, 379.

Поярковъ I, 640.

Превò III, 345.

Преображенскій П. А. II, 153, 163, 177, 178.

Принцъ II, 481—485.

Протасова А. С. III, 78, 79, 126, 232, 320.

Протасовъ гр. Н. А. II, 429, 433, 435, 442—444; III, 430.

Протопоповъ II, 282.

Протопоповъ III, 425.

Прохорова А. I, 634.

Прохоровы III, 498.

Прянишниковъ Ѳ. И. I, 318, 379.

Пташинская Н. И. II, 181.

Пугачовъ III, 32, 33.

Пузыревскій II, 79, 475.

Пультеней II, 295.

Пушкина III, 50.

Пушкинъ А. С. I, 477; II, 138, 188, 190, 550, 561.

Пушкинъ маіоръ I, 188.

Пушкины I, 77.

Пущинъ II, 352.

Пыляевъ М. И. II, 400; III, 295.

Пынинъ А. Н. 482.

Пынинъ III, 188, 189.

*

Рагоцци II, 270, 271, 274, 291—293, 295, 297—303, 305.

Рагуетти I, 223.

Рагусти I, 233, 241, 251.

Радзивилъ I. 0163.

Раденъ Э. Ѳ. II, 91, 566; III, 190, 191.

Раденъ I, 638, 640, 642, 647, 650.

Радецкій Ѳ. Ѳ. I, 381.

Радкевичъ III, 528.

Радловъ I, 531.

Радовицъ I, 59, 62, 107.

Раевскій М. Ѳ. I, 468—472.

Раевскій II, 132.

Разумовская гр. III, 51.

Разумовскій А. III, 51.

Разумовскій гр. А. Г. II, 343, 346.

Разумовскій гр. Анд. К. III, 343.

Разумовскій гр. К. Г. II, 346; III, 67.

Разумовскій гр. III, 345, 346.

Разумовскій III, 350.

Разумовъ И. А. I, 288.

Раичъ III, 427.

Рамазанова Л. М. I, 543.

Рамазановъ Н. А. I, 523—569.

Растопчина гр. Е. П. III, 435.

Растопчина гр. С. Ѳ. III, 416.

Растопчина гр. II, 377, 409; III, 78.

Растопчинъ гр. II, 126.

Расторгуевы III, 498.

Раумеръ I, 58, 60.

Раупахъ I, 63, 73, 86.

Раухъ II, 203.

Рахмановъ II, 374.

Рачинская В. А. I, 476.

Рачинскій С. А. I, 476; III, 26.

Ребезовъ I, 562.

Ребиндеръ I, 143.

Рейтернъ I, 157; II, 226.

Ренаръ II, 325.

Репнинскій III, 418.

Репнинъ кн. Н. В. I, 53, 162; II, 132; III, 51, 200.

Репнинъ III, 404.

Репьевъ И. Н. I, 155.

Рербергъ I, 446, 495.

Ржевская Е. И. I, 161.
Де-Рибасъ II, 132.
Риббингъ III, 358.
Рибопьеръ гр. II, 134, 135.
Римѣнъ I, 149, 150.
Римскій-Корсаковъ II. А. III, 490.
Ристичъ I, 309, 311, 313.
Риттеръ I, 58, 61, 71, 73.
Рихтеръ I, 140, 141, 255.
Рицціони I, 530.
Ришелье III, 5.
Ровинскій Д. А. I, 317, 318, 642.
Роговичъ П. И. III, 424, 425, 427.
Рогожинъ В. Н. II, 420.
Рогожинъ I, 292.
Рогожины III, 498.
Родзянко В. М. II, 368.
Родзянко г-жа II, 380.
Родошковскій I, 422.
Рожалинъ I, 65, 76, 79—81, 83, 85, 87, 88, 93, 98, 101—103.
Рождественскій И. Н. III, 185.
Рожерсонъ III, 217, 301.
Розенъ А. Е. II, 190, 192.
Розенъ гр. III, 352.
Романовская II, 350.
Романовскій Д. И. I, 380, 386.
Ростовцевъ Я. И. I, 289, 622.
Ротъ II, 353.
Роше П. Е. I, 380, 505.
Ру II, 162, 163.
Рубинштейны III, 501.
Рубо I, 455.
Рудебекъ III, 357, 358.
Рудневъ III, 437.
Рукавишниковы I, 280
Рулье К. Ѳ. II, 554.
Румпфъ II, 325.
Румянцева гр. М. А. II, 136, 343.
Румянцовъ гр. Н. П. III, 13, 22, 25, 38, 51, 55, 209, 216, 238, 319, 336, 345, 374.
Румянцовъ гр. I, 184.
Румянцовъ дьякъ II, 260.
Румянцовъ III, 389, 514.
Рункевичъ С. Г. I, 480.
Рыбниковъ II, 390, 391.
Рыдзевскій II, 57, 68.
Рылѣевъ А. М. II, 91, 141, 352, 462.
Рылѣевъ III, 48 —50.
Рѣзановъ I, 527.
Рѣшетниковы III, 498.
Рюминъ II, 50, 57, 61.
Рюль живописецъ I, 62.
Рюльеръ III, 18.
Рябушинскіе III, 498.
Рязановъ А. III, 529.

*

Саблеръ III, 192.
Сабуровъ II, 94.
Савва архіеп. II, 566.
Савва Можайскій III, 149, 151, 153.
Савеловъ I, 642, 644.
Савельевъ I, 641.
Савиньи I, 60, 70.
Сазиковы III, 498.
Сакенъ III, 344.
Салаевы III, 498.
Салтыкова А. П. II, 350, 564; III, 296, 550.
Салтыкова гр. III, 50.
Салтыковъ И. А. I, 167.
Салтыковъ гр. И. П. III, 340.
Салтыковъ кн. Н. И. II, 421.
Салтыковъ П. С. III, 464.
Салтыковъ гр. III, 51.
Сальбатори I, 640.
Сальковъ I, 381.
Сальясъ гр. Е. В. III, 433—440.
Самаринъ М. Ѳ. III, 431.
Самаринъ Ю. Ѳ. I, 157—159; II, 565, 566; III, 430—432, 561.
Самойловъ А. Н. I, 200; II, 182; III, 209, 375.

Самойловъ В. В, I, 528.
де-Сандерасъ I, 235.
Сандуновъ III, 427—429.
Сапожниковъ А. I, 252.
Сапожниковы III, 498.
Сапѣга III, 212, 410.
Сарычевъ III, 77.
Сатинъ III, 437.
Свинденъ фонъ Ф. II, 323.
Свѣчинъ I, 629, 637; III, 182.
Святополкъ-Мирскій кн. II, 373.
Сегюръ гр. Л. Ф. III, 10—118, 193—266, 298—416.
Седергіельмъ II, 338.
Седергольмъ I, 381, 505.
Селивановскіе III, 498.
Селифонтовъ II, 21.
Семенковичъ В. Н. II, 421.
Семеновъ свящ. II, 390.
Семеновъ I, 530.
Семякинъ I, 441, 445.
Сенъ-Круа III, 307.
Сенъ-При гр. I, 639; III, 401.
Сенъ-Пьерръ аббатъ III, 72.
Санъ-Сафоренъ III, 54.
Серафимовъ С. А. II, 550.
Сербиновичъ К. С. I, 641; II, 432—441; III, 427.
Сергіевскій III, 176.
Сергій I, 262.
Сергій Александровичъ вел. кн. III, 169.
Сердюковъ М. И. III. 79.
Серра-Капріола III, 54, 339.
Сестренцевичъ-Богушъ III, 204.
Сиверсъ I, 167, 640, 648, 638; III, 76.
Сигротъ III, 366.
Сипановскій II, 128.
Симолинъ И. М. III, 335.
Симоновъ Д. Ѳ. II, 124.
Симоновъ С. С. III, 502.
Синельниковъ II, 376.
Синявинъ I, 544; II, 290.
Синявская II, 274, 276, 291.
Сипягинъ Н. М. III, 421.
Скавронская гр. III, 50, 79, 320.
Скавронскіе II, 348.
Скарятина I, 558.
Скарятинъ Ѳ. Я. I, 67.
Скарятинъ I, 565.
Скарятины I, 557.
Скотти М. И. I, 525, 543, 554.
Сирипицинъ В. В. III, 562.
Смарагдъ (Крыжановскій) I, 479.
Смирдинъ I, 217.
Смирная Е. В. III, 493.
Смирнова А. О. II, 194, 195, 209, 216, 217, 226, 227, 229.
Смирновъ М. И. III, 488.
Смирновъ С. А. I, 460.
Смирновъ III, 431, 432.
Смирновы III, 498.
Соболевскій I, 83, 85.
Соколовская Т. III, 136.
Соколовскій М. К. I, 559, 617; II, 106, 564; III, 295, 551.
Соколовъ В. П. I, 563.
Солдатенковы III, 498.
Солнцева кн. II, 407.
Солнцевъ Ѳ. Н. I, 533.
Соловьевъ В. С. II, 557; III, 175, 176.
Соловьевъ С. М. II, 553—563; III, 19.
Соловьевъ III, 438.
Сологубъ II, 36.
Солодовниковы III, 499.
Соломенко С. С. I, 547, 548.
Сомовъ А. Н. II, 378.
Сорокаумовскіе III, 499.
Софроній патр. I, 301.
Спасскій И. Ф. I, 280.
Сперанскій I, 53; II, 114, 421; III, 471.
Спиридоновы III, 499.

Спировскій Г. Д. II, 428.
Спицъ I, 537.
Спренгпортенъ III, 357, 359, 364.
Сретьковичъ Панта I, 315.
Стакельбергъ гр. IП, 200, 212.
Сталь IП, 344.
Станиславъ король III, 232, 233, 234, 236—238, 411—414.
Старицкій I, 446, 643.
Старченковъ I, 442.
Стасиневичъ П. Н. II, 552.
Стасовъ I, 636.
Статковскій II, 69.
Стевенсъ II, 33.
Стедингъ III, 400.
Степановъ I, 524.
Степанъ Малый I, 0163.
Стефановъ дьякономъ II. 390.
Стефанъ Яворскій I, 375.
Стойковичъ А. И. II, 396.
Столпянскій II. III, 272.
Столыпина М. В. II, 204.
Столыпинъ I, 405.
Страдецкіе I. 438.
Стрекалова А. Н. III, 474, 477.
Стремоуховъ П. Н. I, 570.
Строгонова гр. А. М. I, 190; II, 344.
Строганова гр. Ю. П. I, 541.
Строгановъ гр. А. С. I, 541.
Строгановъ гр. С. Г. II, 341.
Строгановъ гр. I, 50; II, 559; III, 51, 320, 536.
Строгановъ II, 94.
Стройковскій гр. II, 395.
Струговщиковы III, 493.
Стрѣляковскій I, 537, 538, 549.
Стрѣльбицкій I. X. II, 142.
Стурдза А. С. II, 429, 430.
Суворовъ II, 421; III, 51, 214—216, 333, 345, 362, 366, 401, 404, 417—420.
Сударикова I, 534.
Суворовъ гр. II, 355.
Суворовъ III, 460—464.
Сурминъ III, 458.
Сутерландъ III, 48, 49.
Сухаревъ I, 280.
Сухотинъ С. М. III, 473.
Сухотинъ II, 292.
Сухтеленъ гр-ня I, 557.
Сушкова Д. И. II, 410.
Сушковъ Н. В. I, 270; II, 410, 419, 565; III, 150, 151, 154, 558, 562.
Сычовъ III, 418, 420.
Сѣверцовъ II, 376.
Сѣряковъ I, 530.
Сѣченовъ П. 341.

*

Танкъ II, 496.
Тараканова I, 0163.
Тарасенковъ I, 639, 640, 650.
Тарновскій III. 427.
Татищевъ В. М. III, 502.
Татищевъ Н. И. III, 502.
Татищевъ С. С. I, 483.
Терновскій П. М. III, 557.
Теребеневъ А. И. I, 551, 552.
Терсинскій И. Г. III, 481—488.
Тидебёль I, 416, 417, 429, 495.
Тизенгаузенъ I, 167; II, 203, 360.
Тило И. А. II, 478, 479.
Тимашевъ I, 50; III, 179.
Тимковскій И. Ѳ. III, 423, 424.
Тимротъ I, 645.
Тимченко III, 119, 129.
Титовъ, А. А. I, 472; II, 107, 400.
Титовъ В. Н. III, 462.
Титовъ М. И. III, 500.
Тихобразовъ I, 554.
Товстолѣсъ II, 37, 38.
Токаревъ I, 531, 543.
Толмачевъ II, 413, 414, 420.
Толстая гр. А. И. I, 538.
Толстая I, 641.
Толстой гр. А. П. III, 146, 150, 152.

Толстой гр. Д. А. II, 555; III, 431.
Толстой гр. Д. Н. 243, 247.
Толстой И. Н. I, 161.
Толстой гр. Ѳ. П. I, 530, 532, 533, 536, 537, 569.
Толстые I, 541, 543, 545; II, 304, 314, 315, 333, 334, 338.
Толстые гр. I, 623.
Томанъ I, 218, 222.
Томашевская М. С. III, 141, 294.
Томашевскій Е. А. III, 143.
Тонагель I, 444.
Тонъ К. А. I, 525 527, 542, 543, 515, 559 568.
Тонъ Ю. И. I 524.
Топорнинъ III, 426.
Тормасовъ А. П· I, 143, 147—150, 152, 153.
де-Торси II, 267.
Тотлебенъ гр. Э. И. I, 161, 179, 385, 416, 428—430, 433, 136, 441—446, 483, 484, 187, 489, 495—519; II, 9—5, 36, 142; III, 185.
Треснина Н. В. III, 293.
Третьякевскій III, 460—462.
Третьяковы III, 499.
Третьяковъ С. М. 165, 167, 168.
Троицкій Н. III, 144.
Тройницкій Н. Г. II, 426.
Троутманъ I, 146, 150, 156.
Троцкій II, 285.
Трощинскій I, 479.
Трубецкая кн. II, 370.
Трубецкой кн. Н. И. II, 411; III, 150.
Трубецкой кн. Н. Ю. II, 342, 346.
Трубецкой Ю. II, 311.
Трубниковъ П. И. III, 430.
Трузсовъ I, 645.
Тураева, Ксенія III, 423.
Трутовскій I, 380.
Тугутъ баронъ III, 200.
Тунцельманъ I, 637.
Тураева К. III, 423, 590.
Тургеневъ А. И. I, 84, 96; III, 1 40
Тургеневъ Н. И. II, 554.
Тургеневъ I, 81.
Турчаниновъ I, 285.
Туссенъ I, 378.
Тышкевичъ II, 366.
Тьеръ II, 360.
Тютрюмовъ I, 530.
Тютчева Д. Ѳ. II, 92.
Тютчева Е. Ѳ. II, 89; III, 163, 560.
Тютчевъ Ѳ. И. I, 276.
Тютчевъ I, 56, 83; III, 432.
Тютчевы I, 78.
Тюфякинъ к-а Н. Ѳ. III, 293.
Тюфякины кн. III, 293, 590.

*

Уваровъ гр. С. С. III, 427, 430.
Уваровъ I, 257.
Удино I, 225, 237.
Узелацъ Петръ I, 315.
Ульрихъ II, 44.
Урбихъ II, 301, 302, 304.
Урусова кн. Е. П. III, 480.
Урусова кн. Е. С. I, 47.
Урусовъ кн. М. А. II, 139, 140.
Урусовъ С. С. III. 525.
Урусовъ кн. I, 283, 284, 286, 287.
Урусовъ II, 98.
Усачевы III, 499.
Устинова О. В. II. 204.
Устрицевъ II, 238—256.
Уткинъ Н. И. I, 555.
Уткинъ П. П. I, 525.
Ухтомскій К. А. I, 523 569.
Ухтомскій кн. М. А. I, 565.
Ушаковъ В. Н. III, 293.
Ушаковъ Н. В. III, 293.
Ушаковъ П. П. II, 418.
Ушаковъ I, 0163, 421—423, 427; III, 530, 531.
Ушковы III, 499.

*

Фадѣевъ I, 528, III, 166—168.
Фальконетъ III, 26.
Фалѣевъ Д. Ѳ. III, 500.
Фанъ-деръ-флитъ I, 455; II, 191.
Фейхтнеръ II, 5, 6, 9.
Ферморъ П. Ѳ. I, 379.
Ферморъ гр. I, 168.
Ферморъ Н, 279, 280.
Финельмонъ гр-ня I, 468.
Филаретовъ С. В. III, 539—546.
Филаретъ епископъ Рижскій I, 299; II, 241.
Филаретъ митр. Московскій I, 49—55, 273, 291, 293—299, 480; II, 143, 565, 566; III, 145—162, 283, 471—480, 547—562.
Филипповъ Т. И. I, 306.
Филипповъ I, 262; III, 437.
Филомафитскій I, 456.
Финкъ гр. III, 15.
Фирксъ III, 145.
Фитцъ-Гербертъ III, 54, 55, 58, 59, 63, 68, 69, 77, 78, 83, 97, 102, 109, 117, 195, 196, 202, 210, 211, 217, 227, 232, 235, 237, 240, 246, 251, 253, 262, 302, 334, 374.
Фицтумъ II, 308, 310.
Фишеръ III, 419.
Флери I, 272.
Фольмутъ I, 416, 417, 425, 429, 433 495.
Фонъ-Визинъ III, 145.
Фостиковъ I, 277, 278.
Фотій III, 476.
Фохтъ II, 187.
Фразеръ III, 325, 328, 334.
Франъ I, 140, 147.
Фредериксъ бар. В. В. II, 205.
Фредериксъ бар. М. П. II, 198, 200, 211, 213, 233.
Фрей II, 269.
Фрейгангъ А. В. I, 559, 560.
Френдеръ I, 453.
Фридериксъ бар. II, 28.
Фридрихъ Гессенскій II, 201, 202, 205, 226, 238.
Фридрихъ II-й I, 161; III, 16, 17, 20, 32, 202, 208.
Фризенгофъ А. Н. I, 470.
Фрике I, 537.
Фроловъ М. М. I, 517, 518,
Фроловъ Н. Г. I, 58.
Фрумбетти II, 289.
Фулертонъ I, 167.
Фурманъ I, 534.
Фюсли. I, 234.

*

Хававини Рафаилъ I, 299.
Хвостова А. П. I, 5, 45—48.
Хвостовъ Д. С. I, 45.
Хвостовъ С. И. I, 15.
Хвостовъ С. С. I, 42—44.
Хвощинскій I, 639.
Хлудовъ III, 499.
Хлѣбниковъ Д. Е. I, 377.
Хлѣбниковъ К. Д. I, 377 — 451, 481—522; II, 5—80, 145—186.
Хлѣбниковы III, 499.
Хлюстина I, 473, 475.
Ховенъ бар. II, 282, 286.
Хомутовъ III, 454.
Хомяковъ А. С. I, 255, 257. 259—261, 270, 477, 480, II, 111, 408, 409, 557—563; III, 181, 432, 434, 439, 556.
Хомяковъ И. В. III, 490.
Хотте I, 73.
Храповицкій А. В. III, 193.
Храповицкій М. Е. II, 234.
Храповицкій I, 206; II. 349; III, 237, 349, 351, 395.
Хрисанеъ I, 291.
Христіановичъ I, 641, 642.
Хрулевъ I, 267, 268, 481.

Хрущовъ П. М. III, 474.
Хрущовъ I, 50.
Худяковъ I, 530.

*

Цвѣтаевъ И. В. III, 535.
Цвѣтковъ III, 149.
Цебриковъ I, 427.
Цейнернъ М. К. II, 473.
Церпинскій I, 636, 641; III, 182
Циловъ Н. Н. II, 454—515.
Цингъ I, 240, 243, 245, 246, 24 , 250.
Цитенъ 1, 178, 179, 181.

*

Чадаевъ П. Я. II, 566.
Чарторижскій кн. А. А. II, 393.
Чарторижскій III, 410.
Чевкинъ I, 538, 570; II, 22.
Челищева Е. Я. II, 191.
Челищевъ М. II, 191.
Челышевы III, 499.
Чемена М. Ѳ. II, 425.
Черкасова Е. И. I, 83.
Черкасовъ I, 375.
Черкасская кн. Е. П. III, 477.
Черкасскій кн. В. А. I, 157, 159—162; II, 22—24, 555.
Чернышевскій Н. Г. III, 482.
Чернышова гр. III, 50.
Чернышова III, 50.
Чернышовъ гр. З. Г. I, 161 — 190; II, 278—280.
Черняевскій Г. Х. II, 17.
Черняева А. М. I, 328.
Черняевъ М. Г I, 305—316; III, 167, 168.
Черткова II, 376.
Чертковъ А. Д. III, 430.
Чертковъ Р. Г. I, 162.
Четвериковы III, 499.
Чижова А. В. I, 625.
Чижовъ В. В. I, 623—732.
Чижовъ Ѳ. В. I, 623—634.
Чижовы III, 499.
Чистякова Н. II, 133.
Чихачевъ П. О. III, 502.
Чичаговъ В. Я. III, 401.
Чичаговъ П. В. I, 143, 144, 245.
Чичаговъ III, 400.
Чичеринъ Б. Н. II, 554.
Чичеринъ Д. И. III, 297.
Чичеринъ II, 97.
Чмутовъ И. И. I, 562.
Чулковъ Л. II. 500.
Чупина Е. Д, I, 396.

*

Шалé г-жа II, 376.
Шамшевъ I, 636.
ШамшинъI, 530.
Шаппъ аббатъ III, 26, 36, 202.
Шапошниковы III, 499.
Шаригорстъ В. Л. I, 380—384, 505, 507.
Шафировъ I, 375; II, 274, 303, 304, 315. 325—331.
Шаховской кн. А. В. III, 151.
Шаховской кн. И. И. II, 314.
Шаховской кн. Н. В. I, 58.
Шаховской П. И. II, 192.
Шаховской кн. Ѳ. П. II, 188, 193.
Шашинъ II, 451.
Шванебахъ III, 147.
Шварценбергъ I, 54.
Шебуевъ В. В. I, 523.
Шебуевъ В. К. I, 528, 534, 535, 545.
Шевыревъ Б. С. III, 545.
Шевыревъ С. П. I, 86, 88, 102, 319; II. 130; III. 281, 282, 430—433, 439, 532—546.
Шейдеманъ I, 489.
Шелапутины III, 499.
Шелиховскій II, 477, 478.

Шеллингъ I, 81, 89.
Шепелевъ I, 544.
Шереметева Е. В. III, 472, 480.
Шереметевъ гр. Д. Н. II, 137, 138.
Шереметевъ В. С. III, 157.
Шереметевъ гр. П. В. III, 303.
Шереметевъ гр. П. С. I, 0164.
Шереметевъ С. В. I, 286, 287, 288.
Шереметевъ гр. С. Д. II, 137, 138.
Шереметевъ гр. II, 344, 348; III, 475.
Шереметевъ II, 321; III, 298.
Шернваль II, 45.
Шестаковъ И. А. I, 387.
Шестовы III, 499.
Шеховской II, 305.
Шидловскіе II, 376.
Шиловская II, 365.
Шильдеръ Н. К. I, 60, 428, 429, 430 — 433, 435, 416, 517, 425, 426; II, 192.
Шиповъ Н. П. I, 55.
Шиповъ III, 434.
Ширинскій-Шихматовъ кн. I, 637.
Ширковъ III, 209.
Ширманъ г-жа II, 430.
Шарогородская III, 252.
Ширяевъ Н. Л. II, 233.
Шихматовъ кн. П. А. I, 276.
Шишкова А. II, 190.
Шишковъ А. С. I, 191—217, 303, 304; II, 453.
Шишковскій III, 51.
Шлаффъ III, 347.
Шлейермахеръ I, 62, 68, 69.
Шлейницъ II, 306, 310.
Шмидтъ I, 504.
Шнейдеръ I, 638, III, 182.
Шнерингъ I, 636, 645, 646.
Шорнъ I, 84.
Шохинъ П. А. III, 502
Шпрехеръ I, 251.
Штакельбергъ гр. III, 21, 22; III, 65, 231, 413.
Штакеншнейдеръ А. И. I, 452, 533.
Штейнбергъ Д. И. III, 533.
Штекгардтъ I, 641, 645.
Штелинъ I, 317, 319.
Штильмарнъ I, 147.
Штофрегенъ I, 387.
Штромъ П. I, 530.
Штруве I, 57.
Штуръ I, 58, 60.
Шуазель герцогъ III. 26, 94, 96, 107, 112, 114, 116, 202, 222, 225, 226, 230, 244.
Шуазель III, 306, 311—313, 317—319, 323, 325, 326, 340, 371, 372, 386, 388—391, 401, 407.
Шуберскій II, 17.
Шувалова гр. III, 51.
Шуваловъ А. III, 51.
Шуваловъ А. И. II, 343, 344, 346.
Шуваловъ А. П. I, 566, 567, 569, III, 110.
Шуваловъ И. И. I, 161—190, II, 131, 278—280, 342—344; III, 140.
Шуваловъ гр. П. А. III, 562.
Шуваловъ гр. П. I, 439, 498; II, 28, 346; III, 173.
Шуваловъ гр. III, 45.
Шуваловъ II, 347; III, 196.
Шуваловы II, 340, 346.
Шулембургъ гр. III, 15.
Шульманъ I, 528.
Шульцъ II, 471, 472, 474; III, 400.
Шуманъ I, 146, 147, 150, 153, 154.
Шурманъ I, 624.
Шуруповъ I, 563, 565, 569.
Шухановъ III, 419.
Шухвостовъ I, 528.
Шушеринъ II, 191.
Шушляевъ I, 280.

*

Щедринъ II, 386.
Щепкинъ Д. М. III, 140.
Щербатова кн. Д. Ѳ. II, 134, 135; III, 396.
Щербатовъ кн. А. Г. II, 407.
Щербатовъ кн. II, 23.
Щербачевъ Ю. Н. II, 181.
Щукинъ П. И. I, 463; II, 348, 454; III, 5.
Щукины III, 500.

*

Эвальдъ I, 383.
Эверсъ I, 495.
Эделингъ гр-ня II, 423.
Эйнбротъ I, 64, 67, 90.
Эйлеръ II, 99.
Эйхлеръ I, 147.
Эллисъ III, 196.
Эльснеръ I, 147.
Эльсонъ М. I, 529.
Энгель А. М. II, 314.
Энгельгардтъ В. В. II, 132.
Энгельгардтъ В. Е. I, 653.
Энгельгардтъ Л. Н. III, 51, 58.
Энгельгардтъ III, 238.
Энгельгардты I, 67.
Энслей III, 341, 371.
Эпингеръ I, 554, 555.
Эрнротъ I. 400, 407.
Эссенъ III, 366.
Эстернò гр. Э. III, 15.
Этингеръ Ѳ. И. I, 540.

*

Юдинъ III, 421.
Юсуповъ кн. Н. Б. II, 134.

*

Ягужинскій I, 375.
Языковъ Н. М. I, 86, 89—92, 98, 102, 253, 259—261.
Якимовъ Н. И. III, 449.
Яковлевъ I, 530.
Яниши I, 91.
Янишъ К. И. I, 84.
Яновскій Н. М. II, 396.
Янусъ II, 298.
Яредъ Герасимъ I, 299.
Ярковскій А. А. II, 155, 157, 161, 163, 165.
Ярцевъ И. М. III, 500.
Ясинскій III, 529.
Ясновскій I, 533.
Яхонтовъ Н. II, 190.

*

Ѳадѣевъ I, 528; III, 166—168.
Ѳедоровъ П. И. I, 453.
Ѳедоровъ II, 418, 445, 564.
Ѳедотовъ I, 528, 529.
Ѳеоктистовъ III, 437.

ПОГРѢШНОСТИ:

(Стр. 293). Въ 10-мъ выпускѣ княжна Тюфякина названа Ѳедоровной: она была кн. Настасья Ѳедоровна.

(Стр. 428). Въ 11-мъ выпускѣ, вмѣсто **К. Тураевымъ** слѣдуетъ: **Ксеніею Тураевою.**

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1907 года.

(выпуски 9, 10, 11 и 12).

449. Къ исторіи Московскаго военнаго госпиталя. Письма доктора **Видлоо** къ Петру Великому.

407. Секретные ордера **Д. И. Чичерина** во время Пугачовщины.

460. Извѣтъ **Третьяковскаго** на Сумарокова.

463. Письмо **Сумарокова** къ Бельмонти.

464. Письмо **его же** къ императрицѣ Екатеринѣ.

5. Заботы **Екатерины Великой** о Лифляндской губерніи. Письма ея къ графу Ю. Ю. Броуну.

11, 192 и 498. Пять лѣтъ въ Россіи при Екатеринѣ Великой. Записки **графа Л. Ф. СЕГЮРА. 1785—1789. Новый полный** переводъ, съ примѣчаніями.

417. Суворовъ. Его своеручныя неизданныя рукописи: 1) Какъ проводить войскамъ дни Страстной недѣли и Св. Пасхи, 2) Приказы передъ Кинбурнскимъ боемъ.

464. Письмо **Державина** къ князю С. Н. Долгорукому.

139. Михаилъ Никитичъ Муравьевъ (къ столѣтію его кончины) **Д. М. Щепкина.**

513. Отзывы **Наполеона** объ его отношеніяхъ къ Россіи и къ Полякамъ, записанные **графомъ Ласказомъ.**

119. Ужасы крѣпостного права въ царствованіе Александра Благословеннаго (1824). Донесеніе Курскаго губернатора **А. С. Кожухова** о помѣщицѣ Денисьевой и ея супругѣ.

489. Московское купечество XVIII и XIX вѣковъ. **Н. П. Чулкова**

423. Студенты Московскаго Университета въ былое время. (Воспоминанія **Н. Н. Калугина**).

136. Изъ записныхъ книжекъ масоновъ **графа М. Ю. Вельегорскаго и Ѳ. Н. Глинки.** Съ предисловіемъ **Т. О. Соколовской.**

421. Письмо **И. Ѳ. Паскевича** къ Н. М. Сипягину о взятіи Эривани.

503. Пекинская духовная миссія. Донесенія **архимандрита Гурія.**

530. Къ воспоминаніямъ о П. А. Витовтовѣ **М. К. Соколовскаго.**

532. Письма **П. М. Леонтьева** къ С. П. Шевыреву.

539. Письма **С. В. Филаретова** къ С. П. Шевыреву.

527. Страничка о Польскомъ возстаніи 1863 года. Письмо **Александра Рязанова.**

145 и 471. Изъ Записокъ преосвященнаго **Леонида.** 1864 и 1865 годы.

481. **Митрополитъ Іоанникій** въ его письмахъ къ И. Г. Терсинскому.

141. Письма **И. С. Аксакова** къ сестрѣ его **М. С. Томашевской**. (О Константинополѣ и о жизни въ Крыму).

163. Письма **И. С. Аксакова** къ К. П. Побѣдоносцеву. 1876—1885.

281. Письма къ Гоголю по поводу его „Переписки съ друзьями". А. А. Григорьева и **М. Т. С.**

433. Письмо **графини Е. В. Салiасъ** къ **М. А. Максимовичу** о кончинѣ Гоголя, съ предисловіемъ **В. В. Данилова**.

230. Два письма Ю. Ѳ. Самарина къ С. П. Шевыреву.

273. Подражаніе Данту. Сатирическіе стихи на писателей сороковыхъ годовъ. 1848.

295. Дополненія, поправки, мелочи (Стихи **В. А. Пушкина** князю П. А. Вяземскому).

465. Библіографія сочиненій А. И. Левитова, **И. Гвоздева**.

442. Библіографія сочиненій **В. И. Вешнякова**.

267. Мѣра ко взысканію недоимокъ съ крестьянъ. (Сообщено **С. Е. Кожуховымъ**).

268. Волкъ полѣна назадъ. **П. Н. Столпянскаго**.

293. Достопамятная надпись на иконѣ. (Сообщено **Н. В. Трескиной**).

547. Къ сорокалѣтней памяти митрополита Филарета: статьи о немъ **М. Н. Каткова**. **И. С. Аксакова**, **Д. Х.** и воспоминаніе **П. Б.**

294. Могила Н. П. Барсукова.

— Марья Сергѣевна Томашевская (†).

*

Внутри сорочекъ: о книгѣ Оловянишникова, „Исторія колоколовъ". О Сказаніяхъ Рейтенфельса, о книгахъ **Н. Новомбергскаго**: „Врачебное настроеніе въ до-Петровской Руси" и **И. Г. Попружевка**: „Къ исторіи безумнаго года (1848)".—Еще о загробномъ самозванствѣ.—По поводу книжки **В. А. Аѳанасьева**: „Гдѣ быть Музею 1812 года?"

Приложены листы **Предметной Росписи** „Русскаго Архива" за 1863—1907 годы (царствованія Павла Петровича, Александра и Николая Павловичей и Александра Николаевича).

2708. К. П. Фонъ-Кауфманъ о театрѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. **1891.** Ш, (11), 448—452. К. А. Тарновскій.

2709. Графъ П. А. Клейнмихель. **1894.** Щ, (12), 590—591. Дополненіе. **1895.** I, (2), 287—288.

2710. Ген.-ад. Козлянииовъ. **1892.** II, (6), 277—284. Письма кн. В. И. Васильчикова.

2711. Воспоминаніе о Н. П. Колюбакинѣ. Ѳ. И. Тимирязева. **1895.** I, (1), 121—127.

2712. Н. П. Колюбакинъ. Письма его къ П. Ѳ. Хлопову. Сообщ. В. В. Казнаковымъ и Е. И. Якушкинымъ. **1874.** II, (11), 949—957.

2713. Графъ Е. Е. Комаровскій. **1896.** II, (7), 408—416.

2714. Иванъ Яковлевичъ Корейша. Д. Грачева. **1901.** II, (6), 255—261.

2715. Письмо С. С. Ланского къ А. Н. Муравьеву. Съ прим. П. Л. Юдина. **1897.** Ш, (10), 292—296.

2716. Автобіографія герцога Лейхтенбергскаго. **1890.** Ш, (9), 108—112. К. А. Коссовичъ и А. С. Хомяковъ.—Маркизъ Веракъ.—Остроумовія гр. П. А. Валуева и Ѳ. И. Тютчева. — О Запискахъ Горбачевскаго.

2717. Письма митроп. Леонтія къ архіеп. Платону. **1893.** Ш, (9), 87—92.

2718. Дань воспоминанію о сорокопятилѣтней дружбѣ. (А. Н. Мазовскій). Андрея В. **1900.** I, (2), 305—307.

2719. Н. А. Милютинъ. (Некрологъ). **1872.** (2), 447—448.

2720. Къ біографіи Н. А. Милютина. **1887.** II, (7), 391—393. Переписка его отца съ Д. П. Голохвастовымъ и письмо С. Я. Унковскаго.

2721. Письмо Монталамбера къ кн. В. А. Черкаскому. **1882.** I, (2), 377—379.

2722. Изъ бумагъ гр. М. Н. Муравьева-Виленскаго. **1897.** Ш, (11), 389—394.

2723. Письмо преосв. Никанора, къ В. П. Ѳедорову. **1894.** I, (2), 270—272.

2724. Цесаревичъ Николай Александровичъ въ Болгарской колоніи. Д. В. Коломійцева. **1894.** I, (2), 267—269.

2725. Цесаревичъ Николай Александровичъ въ Самарѣ. П. Л. Юдина. **1894.** II, (6), 236—240.

2726. Цесаревичъ Николай Александровичъ въ Петрозаводскѣ. И. П. Хрущова. **1896.** Ш, (9), 132—139.

2727. Цесаревичъ Николай Александровичъ въ Астрахани. П. Л. Юдина. **1898.** Ш, (9), 109—117.

2728. Къ портрету Цесаревича Николая Александровича. **1896.** Ш, (10), 304. Поправка (11), 510.

2729. Болѣзнь и кончина Наслѣдника-Цесаревича. Письма А. Ѳ. Тютчевой къ К. П. Побѣдоносцеву и къ Е. Ѳ. Тютчевой. **1905.** II, (6), 283—304.

2730. Письмо М. П. Розберга къ А. Г. Тройницкому (о памятникѣ въ Гапсалѣ Цесаревичу Николаю Александровичу). Сообщ. Г. А. Тройницкимъ, **1905.** Ш, (9), 141—143.

2731. Переписка архіеп. Нила съ еп. Іереміею о мѣстѣ кончинѣ Арсенія Маціевича, съ предисл. А. А. Титова. **1901.** I, (1), 41—44.

2732. Гр. О. И. Орлова-Давыдова. (Изъ письма И. С. Аксакова). **1900.** II, (8), 556—558.

2733. Письма гр. Д. Е. Остенъ-Сакена къ И. У. Палимсестову. **1898.** II, (5), 100—123. Иннокентій Херсоно-Таврическій.—Графы А. С. Строгановъ и А. А. Бобринскій.—Гр. Д. Н. Толстой.—В. П. Скаржинскій.—Н. И. Пироговъ.

2734. С. Ѳ. Панютинъ. Протодіакона Филипа Радичевича. **1885.** Ш, (12), 566—567.

2735. Отзывъ Печерина по вопросу о классическомъ и реальномъ

образованіи. **1871**. (10). 1740—1743.

2736. Донесеніе кн. П. И. Багратіона о смерти кн. Прозоровскаго. Сообщ. С. А. Панчулидзевъ. **1906**. Ш, (10). 300—301.

2737. Г. Р. Рейтернъ. **1894**. Ш, (12), 567—578. Съ портретомъ.

2738. А. С. Хомяковъ о пр. Серафимѣ Саровскомъ. Д. А. Х(омякова). **1903**. II, (7). 479—480.

2739. Еще отзывъ А. С. Хомякова о Серафимѣ. **1904**. I, (4), 683—684.

2740. Къ прославленію Серафима. Разсказъ Д. Ѳ. Тютчевой. **1902**. Ш, (9), 141—143.

2741. Н. Я. Скарятинъ. **1894**. II, (8), 599—600. Поправка. Ш, (9), 144.

2742. Изъ разсказовъ о М. Д. Скобелевѣ. П. Л. Юдина. **1896**. I, (4), 614—618.

2743. Въ память В. В. Скрипицына. Гр. Д. Н Толстого-Знаменскаго. **1881**. Ш, (6), 421—422.

2744. Письмо архіеп. Смарагда къ гр. Д. Н. Толстому. **1899**. II, (6), 218.

2745. Гр. С. Г. Строгановъ и П. А. Тучковъ. Изъ записной книжки чиновника - Москвича. **1905**, I, (1). 70—85.

2746. В. П. Титовъ. К. А. Бутенева. **1892**. I, (1), 87—91.

2747. Изъ бумагъ А. Г. Тройницкаго. **1896**. II, (6), 296—302. (7), 417—426. III, (9), 147—160. Письма б. М. А. Корфа, А. И. Казначеева, Иннокентія.

2748. Памяти Бориса Ивановича Черкасова. С. А. Смирнова. **1901**. I, (4), 695—698.

2749. Изъ воспоминаній преосв. Леонида. О Филаретѣ. **1901**. II, (8), 514—529.

2750. Мнѣніе Филарета по поводу намѣренія Археологическаго Общества отправить на Парижскую всемірную выставку церковныя древности. Сообщ. архим. Леонидъ. **1885**. II, (6), 291—293.

2751. Письма Филарета къ А. П. Ахматову. Сообщ. В. С. Соловьевымъ. **1890**. Ш, (11), 353—364.

2752. Записочка Филарета къ неизвѣстному лицу. **1890**. Ш, (11), 366.

2753. Письмо Филарета къ А. П. Озерову. **1878**. I, (3), 364—365.

2754. Письмо Филарета къ гр. Д. А. Толстому. **1890**. Ш, (11), 365—366.

2755. Похороны Польскаго митрополита Фіалковскаго. **1884**. Ш, (5), 133—155.

2756. Кн. В. А. Черкасскій. П. А. Безсонова. **1878**. II, (6), 203—227.

2757. О кончинѣ кн. В. А. Черкасскаго. **1878**. II, (6), 227—239.

2758. Кн. В. А. Черкаскій о Русскихъ финансахъ. **1882**. II, (3), 146—153.

2759. Изъ письма кн. В. А. Черкаскаго къ М. В. Юзефовичу (о Русскомъ языкѣ въ инославномъ богослуженіи). **1890**. Ш, (9), 97—101.

2760. М. Г. Черняевъ въ Москвѣ. Современная запись. Съ замѣткою. **1906**. I, (3), 486—487.

2761. Изъ писемъ къ архіеп. Нилу о С. А. Юрьевичѣ. Сообщ. Л. Н. Трефолевъ. **1899**. Ш, (11), 549—555. Письма А. А. Селезневой.

Александръ Александровичъ.

2762. Государь Императоръ Александръ Александровичъ. Рѣчь о немъ К. П. Побѣдоносцева. **1906**. I, (4), 519—624.

2763. Военная служба Александра Третьяго. Сообщ. М. С. Соколовскій. **1906**. I, (1), 156—159.

2764. Государственное засѣданіе 8-го Марта 1881 г. **1906**. II, (7), 445—448. (Поправка, 496).

2765. Увѣковѣчіе чуда 17-го Октября. В. А. Кокорева. **1888.** Ш, (12), I—IV. Тоже съ замѣткою. **1889.** I, 173—0187.

2766. Памяти Государя Александра Александровича. **1894.** Ш, (11),

2767. Владимиро-Маріинскій пріютъ на озерѣ Мстинѣ. **1885.** II, (7), 453—456.

2768. Правда о страннопріимномъ домѣ кн. Куракиныхъ и домовой при немъ церкви. В. Н. С. **1893.** I, (2), 159—184.

2769. Положеніе православныхъ церквей въ конституціонныхъ государствахъ. И. Е. Троицкаго. 1904. Ш, (12), 585—588.

2770. А. Ѳ. Аксакова. В. Н. Лясковскаго. **1889.** Ш, (12), 499—501, Добавка И. Т. (12), 576.

2771. Въ „вѣчную память" Александру, архіеп. Литовскому. Н. Н. Новикова. **1885.** II, (6), 294—299.

2772. Изъ воспоминаній кн. Д. Д. Оболенскаго о Н. М. Барановѣ. **1901.** Ш, (10), 258—264.

2773. А. М. Веневетинова. **1884.** Ш, (5), 239—240.

2774. Кн. М. А. Голицына-Прозоровская. **1902.** I, 192.

2775. Гурій архіеп. Таврическій. Изъ воспоминаній. И. У. Палимпсестова. **1888.** Ш, (9), 165—170.

2776. Духовное завѣщаніе кн. В. А. Долгорукаго. **1896.** I, (4), 581—587.

2777. Извѣстіе о кончинѣ Д. В. Ильинскаго. **1894.** I, (1), 128.

2778. Привѣтствіе Обществу ревнителей Русскаго историческаго просвѣщенія въ память „императора Александра Третьяго". **1895.** Ш, (11), 412.

2779. Страничка изъ жизни православной церкви. Письмо В. К. Истомина къ Н. П. Барсукову. **1906.** I, (2), 302—312. Англійскій примасъ въ Москвѣ.

2780. Замѣтки стараго библіотекаря. **1899.** Ш, (9), 170—171.

2781. Объ устройствѣ библіотекъ въ Оренбургскомъ краѣ. Н. П. Столпянскаго. **1903.** II, 292.

2782. П. А. Ковалевъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Сообщ. М. Лисицынъ. **1892.** I, (4) 467—474.

2783. Въ память о Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ. **1898.** Ш, (9), 118.

2784. Изъ писемъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича къ А. В. Головнину о мозаикѣ. Сообщ. К. П. Побѣдоносцевымъ. **1895.** I, (4), 438—445.

2785. Кн-я Е. П. Кочубей. **1888.** I, (4), 641—642.

2786. Изъ писемъ митроп. Леонтія къ И. У. Палимсестову. **1894.** I, (1) 99—102.

2787. Макарій Аѳонскій. Настоятель Пантелеймоновскаго Русскаго монастыря. П. Б. Мансурова. **1889.** II, (8), 569—578.

2788. Памяти Софіи Григорьевны Милорадовичъ. Л. **1892.** I, (2), 269—271.

2789. П. А. Муханова. **1894.** Ш, (11), 457—458.

2790. Къ некрологу П. А. Мухановой. **1894.** Ш, (12), 592.

2791. Ординарцемъ у Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Изъ воспоминаній Д. В. Бартенева. **1900.** I, (3), 134—441. Поправка. (4), 655.

2792. О Кіевскомъ митрополитѣ Платонѣ. А. К. Карасева. **1893.** II, (7), 407—420.

2793. Поправка И. У. Палимсестова (о Кіевскомъ митрополитѣ Платонѣ). **1893.** II.

2794. О протоіереѣ М. Ѳ. Раевскомъ. Ѳ. Владимирскаго. **1895.** I, (3), 471—472.

2795. Памяти Ольги Карловны Рейтернъ. Ю. П. Бартенева. **1899.** I, (1), 200—203.

2796. Софья Владимировна Филатьева. **1899.** I, (1), 204.

2797. Григорій Александровичъ Чертковъ. **1900.** II, (5), 112.

2798. О народномъ образованіи въ деревнѣ. Л. Е. Баратынскаго. **1906.** II, (7), 496.

2799. Великій Князь Сергій Александровичъ. **1905.** I, (3).

2800. Поправка (о маркизѣ Маріи Григорьевнѣ Инконтри). **1901.** III, (9), 128.

2801. А. И. Малиновскій. **1904.** II, (5), 168.

2802. К. К. Манзей. **1905.** I, 272—373.

2803. Н. А. Найденовъ. **1905.** III, (12), 608.

2804. Перенесеніе праха князя и графовъ Орловыхъ. Письмо гр. А. В. Орлова-Давыдова. **1896.** I, (4). 576—580.

2805. Еще о перенесеніи праха князя и графовъ Орловыхъ. гр. А. В. Орлова-Давыдова. **1896.** II, (7), 453—454.

ПИСАТЕЛИ.

2806. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій извѣстныхъ писателей. М. Н. Лонгинова. **1866.** (11—12), 1770—1777. Перечислено не вошедшее въ собранія сочиненій. Ломоносовъ. Княжнинъ, Богдановичъ-Хемницеръ, Костровъ, Нелединскій-Мелецкій, М. Н. Муравьевъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Баратынскій.

2807. Замѣтки С. Д. Полторацкаго о Русскихъ писателяхъ. В. Н. Рогожина. **1898.** III, (10), 247—248. Сочиненія и переводы О. П. Козодавлева, М. А. Пушкина, А. В. Храповицкаго и кн. Петра Козловскаго, дополненіе къ „Опыту Россійской библіографіи", Сопикова.

2808. Заимствованія Русскихъ баснописцевъ у Французскихъ писателей. М. Н. Лонгинова. **1905.** I, (1) 174—176. Кн. Кантемиръ. Княжнинъ. Хемницеръ. Нелединскій-Мелецкій. В. Л. Пушкинъ. А. Е. Измайловъ. Жуковскій

2809. Врачебныя сочиненія Русскихъ людей не-врачей. Доктора Л. Ѳ. Зиѣева. **1894.** II, (8), 592—598.

2810. Словарь Русскихъ писательницъ. 1759—1859. Составилъ Николай книжникъ (Кн. Н. Н. Голицынъ). **1865.** (9), 1139 — 1239. 1) Абамелекъ, княжна А.—2) Авдѣева, Екатерина Алексѣева.—3) Аврина, Н. П.—4) Аладьина, Елисавета Васильевна. — 5) Алексѣева, Н. — 6) Алферова.—7) Алфимова, Анна Ефимовна.—8) Андреева, Екатерина Григорьевна.—9) Анисимова, Домна. — 10) Анненкова, Варвара Николаевна. — 11) Анольская, Вѣра.—12) Антонова, Татьяна. —13) Аполлонская.— 14) Арбузова, Марья Алексѣевна. — 15) Арсеньева, Надежда Вас. рожд. Камынина. 16) Арцыбашева, Анна. — 17) Ауербахъ, Юлія Ѳедоровна. — 18) Бордиловская, Ѳ.— 19) Бравина, Екатерина И.—20) Брамина. Екатерина. — 21) Брединъ (фонъ), Софья Андеевна.—22) Бронина, Евдокія Гавриловна.—23) Браницкая.—24) Брюнъ-де Сентъ-Иполитъ Варвара, урожд. Копьева.—25) Бунина, Анна Петровна.—26) Бурнашева, Екатерина.—27) Бурнашева, Марья. —28) Бурнашева, Софья Петровна.—29) Бѣдарева, Александра. — 30) Бѣляева, Анна.—31) Ваксель. Лидія.—32) Варламова, Раида.—33) Васильева, Марья.—34) Васильковичева, Надежда - 35) Вельтманъ, Елена Ивановна—36) Вельяшева-Волынцева, Анна Ивановна.—37) Вельяшева-Волынцева, Пелагея.—38) Вельяшева, Софья.—39) Вешевотинова А. М., рожд.

гр. Віельгорская.—40) Веревкина, Татьяна. — 41) Викторова. рожд. кн. Макулова—42) Викулина, Наталья — 43) Вилламова Ланская, Е.—44) Виноградова. Елена. — 45) Виноградская, Анна Петровна. рожд. Полторацкая.—46) Винтербергъ, Александра.—47) Вишлинская, Екатерина.—48) Воейкова, А.—49) Воейкова, Екатерина.—50) Воейкова.—51) Волкова, Анна Алексѣевна.—52) Волкова, Ирина.—53) Волконская, княжна Анна Михайловна. — 54) Волконская княжна Елена Михайловна.—55) Волконская, княжна Екатерина Петровна.—56) Волконская, княгиня Зенаида Александровна, рожд. княжна Бѣлосельская. — 57) Воронова, Августа.—58) Вороновская, Е.—59) Гагина, Наталья Михайловна,—60) Ганъ, Елена Андреевна.—61) Гермеръ, Анна.—62) Гладкова, Екатерина.—63) Гладкова. Марья.—64) Глинка, Авдотья Павловна.—65) Голицына, княгиня Амалія Самуиловна.—66) Голицына, княгиня Александра Петровна.—67) Голицына, княгиня Анна Сергѣевна. — 68) Голицына, княгиня Анна Ѳедоровна.—69) Голицына, княгиня Варвара Васильевна.—70) Голицына, кн. Евдокія Ивановна.—71) Голицына, кн. Елисавета Борисовна.—72) Голицына, кн. Марья Григорьевна. — 73) Голицына, кн. Прасковья Андреевна.—74) Голицына, кн. Софья Алексѣевна.—75) Голицына, кн. Татьяна Ивановна.—76) Головина, Вѣра.—77) Головкина, графиня Наталья.—78) Горбунова.—79) Готовцева; Анна Ивановна, въ замужествѣ Крылова.—80) Грень Софья.—81) Дюллень Delicite.—82) Данзасъ, Юлія Васильевна.—83) Дараганъ, Анна.—84) Даргомыжская, Марья Борисовна.—85) Датурова, Анна.—86) Дашкова, кн. Екатерина Романовна.—87) Деламаръ Екатерина.—88) Делессаль, Елисавета Николаевна.—89) Демидова Елисавета Петровна.—90) Деревицкая, Анастасія.—91) Державина, Екатерина Яковлевна.—92) Державина, Ѳекла Андреевна. — 93) Дерлій, Прасковья.—94) Дестунисъ, Надежда.—95) Добродолина, А.—96) Долгорукова, кн. Наталья Борисовна.—97) Домогацкая, Анна.—98) Драшусова, Е. А. — 99) Дурова, Надежда Андреевна.—100) Екатерина II императрица Всероссійская.—101) Ермолова. — 102) Жадовская. Юлія Васильевна. — 103) Жохова.—104) Жукова, Марья Семеновна.—105) Заборовская, Елисавета. — 106) Закревская. Софья А. — 107) Засѣцкая.—108) Звенигородская —109) Звѣрева, Александра.—110) Велинская, Елисавета Григорьевна.—111) Зонтагъ, Анна Петровна.—112) Зражевская, Александра.—113) Зубова, Аделаида А.—114) Зубова, Марья Войновна.—115) Иваненко, Марья—116) Извѣкова. Марья Евграфовна.—117) Икскуль, (—фонъ) баронесса Юлія. — 118) Ишимова, Александра Осиповна. — 119) Кайзеръ, Марья.—120) Калашникова, Надежда.—121) Каменская, Александра Ѳедотовна.—122) Каменская, Марья.—123) Караулова. Варвара Александровна.—124) Кельхенъ, Анна.—125) Клевецкая, Елисавета.—126) Кнорингъ, баронесса.—127) Княжина Екатерина Алексѣевна. — 128) Кобякова, А. Н.—129) Кожевникова, Марья Васильевна. — 130) Кологривова.—131) Колтовская, Анна Алексѣевна. — 132) Кольцова-Масальская.—133) Кони, И. С.. 134) Корнилова.—135) Коростовцева, Людмила.—136) Коростовцева, Любовь.—137) Корсакова, Анна.—138) Корсини,

Марья Антоновна.—139) Косоговская, Надежда.—140) Кохановская (Сохинская) Надежда Степановна. — 141) Кошелевская, Марья — 142) Крестинина, Анна. — 143) Криворотова, Павла. — 144) Кричевская.—145) Кричевская, Любовь.—146) Крутикова, Елена Ивановна.—147) Крылова, Елисавета.—148) Крюденеръ, баронесса. — 149) Крюкова, Ольга.—150) Кузнецова, П. Т. — 151) Кульманъ, Елисавета. — 152) Куракина, княжна Зенаида Алексѣевна.—153) Курманалѣева, Н. — 154) Кусовникова, Вѣра Ивановна.—155) Кусовникова, Надежда Ивановна —156) Кушелева, Елисавета.—157) Лизогубъ, Варвара.—158) Лисицина, Марья.—159) Лихарева, Елисавета.—160) Лихачева, Любовь.— 161) Лобанова, Дарья.—162) Логинова, Марья.—163) Лодыженская, Екатерина Александровна.—164) Лопатьева.—165) Луцъ.—166) Ляликова, Надежда.—167) Магницкія, Александра и Настасья Леонтьевны.—168) Мадатова, княгиня.—169) Майкова, Евгенія Петровна.—170) Макарова, Наталья Алексѣевна. — 171) Макшеева, В.—172) Малиновская. Екатерина Алексѣевна.—173) Мальгина, Марья Тимофѣевна.—174) Манковская, графиня. — 175) Маркле.—176) Мартиновичева, Елена М. — 177) Марченко.—178) Мосалова, Елисавета.—179) Мензелинская, Ироида.—180) Меншикова, княгиня Екатерина Сергѣевна. — 181) Мердеръ, Надежда Ивановна.—182) Мещерская, княгиня Софья Сергѣевна.—183) Миллеръ, дѣвица.—184) Михайлова, А.—185) Михаэлисъ (Каминова).—186) Мишина, Л —187) Москвины (двѣ сестры).—188) Муравьева, Анна.—189) Мурзина Александра.—190) Мухина, Александра Васильевна, въ замуж. Карамзина.—191) Наливкина, Е. — 192) Наумова, Анна А. —193) Неронова, Матрена Васильевна.—194) Нелова.—195) Николева, Е. Ю.—196) Нилова, Елисавета Корниловна.—197) Норова, Софья.—198) Обрютина, Марья.—199) Огарева, Елисавета Сергевна.—200) Одоевская, княжна Варвара Ивановна. — 201) Озерецковская, Анна Николаевна. - 202) Орлова, Марья Григорьевна.—203) Осипова.—204) Павлова, Каролина Карловна.—205) Павлова, Ольга.—206) Панкша, Софья. — 207) Перевицкая, Анна. — 208) Перовская, Марья Алексѣевна, въ замуж. Крыжановская. — 209) Петровская, Бальбина.—210) Плещеева, Наталья. — 211) Плохова, Александра.—212) Побѣдоносцева, Варвара.—213) Погожевы, Вѣра и Надежда.—214) Подлѣсновская, Екатерина.—215) Подшивалова, А.—216) Полозова, Клеопатра.—217) Пономарева, Софья Алексѣевна.—218) Порохова, А.—219) Попова, Екатерина Владимировна.—220) Поспѣлова, Марья Алексѣевна.—221) Пучкова, Екатерина Наумовна.—222) Пчельникова, А. А. 223) Расторгуева, Н.—224) Рединъ, Софья.—225) Родзянка, Вѣра. — 226) Родзянка, Марья Сергѣевна. — 227) Ростовская, Марья Ѳедоровна. — 228) Растопчина, граф. Евдокія Петровна.—229) Растопчина, граф. Екатерина Петровна.—230) Ротчева.—231) Саблукова, Екатерина Александровна.—232) Савельева-Ростиславичъ. Л. А..—233) Сальясъ, граф. Елис. Вас. — 234) Сарафанова, Евгенія (псевдон. Г. П. Д—го). — 235) Сарафова, Клеопатра—236) Сафонова, Ел. Фр.—237) Свиньина, Анна. — 238) Свистунова, Марья.—239) Свѣчина, Елисавета. — 240) Свѣчина, Софья Петровна.—241) Сегюръ, граф.

—242) Селехова, Клавдія.—243) Селецкая, Елисавета Михайловна.—244) Сенковская, Аделаида Александровна.—245) Сентимерова, Е. — 246) Серебякова, Марья.—247) Ситникова, Анна И. — 248) Смирнова. Анна — 249) Соколова, Анастасія Ив., въ замуж. Рибасъ —250) Соколова, Е.—251) Соколова, Таисія. 252) Сошникова, М — 253) Софья Алексѣевна, царевна. — 254) Спиридонова, Маргарита.—255) Степанова, Е. Г. — 256) Строева, Е.—257) Струпская, Маргарита Николаевна.—258) Стуцина, Александра.—259) Сумарокова, Екатерина Александровна, въ замуж. Княжнина.—260) Сушкова, Марья Васильевна.—261) Татищева. А. — 262) Тверская, Н. — 263) Теплова, Надежда Сергѣевна, въ замуж. Терюхина. — 264) Тимашева, Екатерина Александровна. — 265) Титова Елисавета Ивановна.—266) Титова, Наталья Ивановна.—267) Тихомирова Марья. —268) Толстая. граф. Сарра Ѳедоровна. — 269) Толузакова, А. — 270) Трубесска, княжна Елисавета Петровна.—271) Трубецкая, княжна Елисавета Александровна.—272) Турчанинова, Анна Александровна.—273) Тютчева, Елена.—274) Улыбышева, Елисавета Дмитріевна. — 275) Уманова, К. — 276) Урусова, княжна Екатерина Сергѣевна.—277) Фрейтагъ, Марія. — 278) Фуксъ, Александра Андреевна. —279) Харитонова, Авдотья.—280) Хвостова, Александра Петровна.—281) Хвощинская, Надежда Дмитріевна.—282) Хераскова. Елисавета Васильевна.—283) Хлопова, Марья. — 284) Хотяинцева, Екатерина. — 285) Цвѣткова, Александра. — 286) Чурманлѣева, княгиня Вѣра.—287) Шабалина, Варвара.—288) Шаликова, княжна.—289) Шаликова, княгиня Александра Ивановна. 290) Шахова, Елисавета. — 291) Шаховская, княжна Екатерина Александровна. — 292) Шишкина, Олимпіада Петровна.—293) Шлиттеръ, Марья Александровна.—294) Шпилевская, Н.—295) Шубертъ, Фридерика-Луиза.—296) Шумлянская Глафира — 297) Щигровская, Глафира Михайловна.—298) Ярцова, Любовь.—299) Экземплярская, Е.—300) Эльмтъ. Антуанета.—301) Энгельгардъ.

Поправка и дополненіе М. Н. Лонгинова. (12), 1522—1528.

2811. Къ Русскимъ писательницамъ. (Воззваніе о присылкѣ матеріаловъ для изданія Словаря Русскихъ писательницъ). Кн. Н. Голицынъ. **1870**. (11), 2138—2140.

2812. Краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1860—1874 гг. (Изъ Справочнаго словаря о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, составляемаго Г. Геннади). **1864**, (5—6), 641—674; **1865**, I, 115, —128; (4), 561 — 580; **1867**, (5—6), 953 — 981; **1868**, (12); 2001—2026; **1869**, (12), 1985—2017; **1870**, (11), 2013 — 2043; **1871**, (3), 483—510; **1872**, (10), 1985—2023; **1873**, II. (8), 1479—1515; **1874**, II, (12), 1095—1114; **1875**, III, (12), 461—468; **1877**, II, (5), 79—94.

2813. Отвѣтъ на библіографическій вопросъ касающійся „Хронологическаго списка Русскихъ сочинителей и П. А. Плетнева. Я. К. Грота. **1865**. (10—11), 1400—1402. Къ этой статьѣ замѣтка А. Котляревскаго, 1402—1403.

2814. Біографическіе очерки профессоровъ технологіи и технической химіи въ Московскомъ Университетѣ послѣ 1855 г. Н. Н. Любавина **1906**. II, (8), 576—594. 1. Киттары, 2. Архиповъ, Иванъ Павловичъ.—3. Канонниковъ.

2815. Историко-литературныя мелочи. В. К. Каллаша. **1901**. II, (6), 241—244. 1902. I, (4), 738—739. Переводъ „Исторіи Бранденбургской" Фридриха II.—М. В. Зубова.—В. И. Майковъ и М. М. Херасковъ.—Н. И. Новиковъ и женщины-писательницы.—Фонъ-Визинъ о литературныхъ занятіяхъ женщинъ. Доброта Кострова. Родственникъ Радищева въ плѣну у Горцевъ. Карамзинъ о человѣческой злости.

2816. Библіографическія замѣтки. В. В. Каллаша. **1901**. I, (2), 339—346. (4), 699—703. Объ И. И. Дмитріевѣ. — О Грибоѣдовѣ. — О Кольцовѣ.—О Никитинѣ.—Императрица Екатерина II.—Н. М. Карамзинъ.—Княжнинъ.—И. И. Дмитріевъ.—М. Яковлевъ.—В. С. Раевскій.—П. М. Головинъ.—В. И. Козловъ.—И. И. Козловъ.—Восйковъ.—Дельвигъ.

2817. О стихахъ преосвященнаго Августина. Викторъ Гурьевъ **1892**. Ш, (12), 477.

2818. Ученіе Славянофиловъ. **1900**. Ш, (11), 371—409.

2819. Письма Тимоѳ. Степ. и Марьи Никол Аксаковыхъ. Съ предисл. Н. М. Павлова. Съ портретомъ. **1894**, Ш, (9), 99—136. Поправка. (12), 592.

2820. Извѣстіе о кончинѣ И. С. Аксакова. П. Бартенева, листокъ, къ (2-му вып.) за 1886 г. Поправка. **1886**, I, (3), 388.

2821. О письмахъ И. С. Аксакова. **1893**. I, (4), 440—445.

2822. Два письма И. С. Аксакова къ И. Е. Великопольскому, съ предисл. Б. Л. Модзалевскаго. **1902**. I, (4), 571—573.

2823. Письмо И. С. Аксакова къ Г. П. Галагану, съ предисл. А. Степовича. **1902**. I, (2), 362—365.

2824. Изъ писемъ И. С. Аксакова къ Г. П. Галагану. **1902**. II, (7). 492—499.

2825. Переписка И. С. Аксакова съ Н. И. Костомаровымъ о Малороссіи. **1906**, Ш, (12), 537—548.

2826. Два письма И. С. Аксакова къ гр. Д. Е. Остенъ-Сакену. **1903**. I, (4), 608—609.

2827. Изъ переписки съ И. С. Аксаковымъ. Н. М. Павлова. **1887**. II. (8), 469—494.

2828. О бумагахъ А. Н. Попова. Изъ письма И. С. Аксакова къ К. П. Побѣдоносцеву. **1894**. I, (1), 103—104.

2829. Письмо И. С. Аксакова къ К. П. Побѣдоносцеву (о бумагахъ А. Н. Попова). **1905**. II, (8), 591—592.

2830. Изъ писемъ И. С. Аксакова къ А. О. Смирновой. Сообщ. Над. Ник. Соренъ. **1895**. Ш, (12), 423—480. Поправка. **1896**. I, (320), 320.

2831. Воспоминаніе о К. С. Аксаковѣ. Н. Бицына (Н. М. Павлова). **1885**. I, (3), 371—415.

2832. Застольное слово К. С. Аксакова на обѣдѣ гр. Д. Е. Остенъ-Сакену. **1895**. II, (5), 119—120.

2833. Письмо К. С. Аксакова къ С. М. Великопольской. Съ предисл. Б. Л. Модзалевскаго. **1904**. II, (7), 450—452.

2834. Письмо К. С. Аксакова къ Гоголю. **1890**. I, (1), 153—159.

2835. Письмо К. С. Аксакова къ Н. А. Елагину. Сообщ. М. В. Беэръ. **1904**. I, (3), 518.

2836. Стихотворенія К. С. Аксакова. **1879**. I, (2), 215—225.

2837. Urbi (Граду). Стих. К. С. Аксакова. **1879**. I, (4), 521—522.

2838. Стихотв. К. С. Аксакова. А. С. Хомякову („Мы всѣ живемъ, всѣмъ жизнь дана судьбою..."). **1897**. II, (5), 143—144.

2839. 1-е Мая. (А. С. Хомякову). Стих. К. С. Аксакова. **1904**. II, (8), 594—597.

2840. Дѣтскій сонъ К. С. Аксакова. Н. М. Павлова. **1888**. Ш. ( ), 163—164.

2841. О современномъ человѣкѣ. К. С. Аксакова, **1903**. II, (7), 305—355.

2842. С. Т. Аксаковъ какъ цензоръ. Н. М. Павлова. **1898**. II, (5), 81—96.

2843. Письмо С. Т. Аксакова къ Н. А. Елагину. Сообщ. М. В. Безъ. **1904**. I, (3), 517.

2844. Посланіе С. Т. Аксакова къ А. И. Казначееву (въ стихахъ). **1878**. I, (2), 253—254. (Поправки. (3), 380. (4), 496).

2845. Письмо С. Т. Аксакова къ гр. Остенъ-Сакену. **1903**. I, (4), 609.

2846. Изъ переписки С. Т. Аксакова съ П. А. Плетневымъ. (1846), съ предисл. и замѣткою Н. М. Павлова. **1895**. II, (5), 117—119.

2847. Письмо С. Т. Аксакова къ А. О. Смирновой о кончинѣ Гоголя. **1905**. III, (10), 210—211.

2848. „Охотничій Сборникъ“ С. Т. Аксакова. Сообщ. кн. Н. В. Шаховскимъ. **1894**. I, (2), 220—222.

2849. Нравы. Три разсказа С. Т. Аксакова. **1904**. I, (3), 513—515.

2850. Очеркъ помѣщичьяго быта, статья С. Т. Аксакова. **1868**. (3—4), 520—584.

2851. Замѣтка о „Историческомъ словарѣ всѣхъ еретиковъ и раскольниковъ“. **1863**. (12), 929—930.

2852. Памяти Амфилохія, епископа Угличскаго. А. А. Титовъ. **1903**. II, (8), 593—599. Въ мірѣ Пав. Ив. Сергіевскій, также Казанскій.

2853. Острословія А. О. Армфельда. **1885**. I, (3), 464. (4), 661.

2854. Моя богиня стих. О. Армфельда Сообщ. П И. Щукинымъ. **1900**. I, (3), 448.

2855. Письма митрополита Арсенія къ архіеп. Платону. **1892**. I, (2), 200—232.

2856. Изъ воспоминаній А. Н. Аѳанасьева. **1872**. (3—4), 805—851.

2857. Перечень трудовъ А. Н. Аѳанасьева, (имъ составленный). **1871**. (11), 1948—1955.

2858. Стихотворенія и басни А. Я. Бакулина. Съ предисл. В. Я. Брюсова. **1903**. I, (3), 437—444.

2859. Замѣтка о проповѣдяхъ Л. Барановича. Л. Н. Майкова. **1875**. III, (12), 496.

2860. Для біографіи Е. А. Баратынскаго. **1893**. I, (3), 309—313.

2861. И. В. Кирѣевскій о Баратынскомъ. Съ замѣткою Н. А. Елагина. **1874**. II, (9), 633—636.

2862. Еще нѣсколько словъ о Е. А. Баратынскомъ. Петръ Кичеевъ. **1868**. (4—5), 866—872.

2863. Замѣтки на воспоминанія В. И. Панаева о Баратынскомъ. Н. В. Путяты. **1868**. (1), 141—147.

2864. Баратынскій и Сальери. В. Я. Брюсова. **1900**. II, (8), 537—545.

2865. Баратынскій и его сочиненія. М. Н. Лонгинова. **1867**. (2), 248—264.

2866. О собраніяхъ сочиненій Е. А. Баратынскаго. В. Я. Брюсова. **1899**. III, (11), 437—446.

2867. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Баратынскаго. М. Н. Лонгинова. **1864**. (1), 110—118.

2868. Баратынскій. Замѣтки. И. Х(аненко). **1883**. III, (5), 205—208.

2869. Къ столѣтію со дня рожденія Е. А. Баратынскаго. В. Я. Брюсова. **1900**. I, (4), 545—556.

2870. О стихотвореніи Баратынскаго. „Леда“. Н. В. Путяты. **1864**. (5—6), 675—676.

2871. Шесть стихотвореній Е. А. Баратынскаго. **1899**. III, (11), 447—450.

2872. Эпиграммы и пародіи Баратынскаго, съ предисл. В. Я. Б(рюсова). **1901**. I. (2), 347—349.

2873. Антикритика. Статья Баратынскаго (по поводу разбора поэмы „Наложница", писаннаго Надеждинымъ). **1900.** I, (4), 556—566.

2874. Письмо Баратынскаго къ Жуковскому. (Увольненіе изъ Пажескаго Корпуса). **1868.** (1), 147—156.

2875. Письма Е. А. Баратынскаго къ Жуковскому и А. И. Тургеневу. **1871.** (1), 0239—0241.

2876. Два письма Баратынскаго къ А. А. Муханову. **1895.** Ш, (9), 125.

2877. Письмо Баратынскаго къ Н. А. Полевому. Сообщ. А. Ѳ. Бычковымъ. **1872.** (2), 351—352.

2878. Письма Баратынскаго къ Н. В. Путятѣ. **1867.** (2), 263—299. (Поправка. (4), 671—672.

2879. Н. Е. Баратынскій. В. А. **1905.** II, (6), 330—336.

2880. Русскій Паломникъ Барскій. А—ра Гиляревскаго. **1881.** I, (1). 58—136.

2881. Мелочи. **1888.** I, (1), 160. **1900.** I, (2), 318—319. Дочь графа Разумовскаго.—Пушкинъ.—Герцогъ Ноаль про Русскихъ чиновниковъ.—Присловье И. П. Архарова.—А. И. Тургеневъ на обѣдѣ у гр. Румянцова. — Шуточное посланіе М. Н. Лонгинова и С. А. Соболевскаго къ гр. А. Ѳ. Ростопчину

2882. Историческіе анекдоты **1880.** II, 236—240. **1894.** I, (1), 124—125. Рижскій губернаторъ Броунъ и гр. Паленъ. — Тульскій архіерей Амвросій.—Витбергъ. —Гр. Елис. Осип. Ефимовская. —Кн. Г. С. Волконскій.—А. С. Шишковъ.—Н. М. Карамзинъ. —1894. (1). А. Н. Муравьевъ. —Императоръ Александръ Павловичъ.

2883. Объ историческихъ романахъ. Замѣтка издателя „Русскаго Архива". **1881.** Ш, (5), 214.

2884. К. Н. Батюшковъ. Его письма и очерки его жизни **1867.** (10), 1342—1360. (11), 1440—1536 съ портретомъ,

2885. Пушкинъ о Батюшковѣ. Л. Н. Майкова. **1894.** I, (4), 528—555.

2886. Прогулка по Москвѣ Батюшкова. Сообщ. В. А. Олениною. **1869.** (7—8), 1191—1208.

2887. Матеріалы для полнаго изданія сочиненій К. Н. Батюшкова. М. Н. Лонгинова. **1863.** (12), 952—958.

2888. Письмо Батюшкова къ Д. В. Дашкову. **1884.** I, (1), 230—231.

2889. Письмо Батюшкова къ В. А. Жуковскому. **1884.** I, (1), 233—236.

2890. Записочка Батюшкова къ Жуковскому. Съ замѣткою В. Я. Б(рюсова). **1901.** Ш, (10), 253.

2891. А. Н. Бахметева. **1901.** II, (7), 446—448.

2892. Памяти В. П. Безобразова. Р. **1889.** Ш, (12), 502—506.

2893. Острота Н. А. Безобразова. **1884.** Ш, (5), 235.

2894. Бумаги П. П. Бекетова. Съ предисл. А. Н. Корсакова. **1880.** Ш, 327—404.

2895. Н. В. Бергу передъ отъѣздомъ его въ Италію. Стихи С. П. Шевырева. Сообщ. Д. А. Хомяковымъ. **1894.** I, (4), 595—596.

2896. Къ біографіи Бестужева-Марлинскаго. Очеркъ изъ старо-Кавказской жизни. Е. И. Козубскаго. **1905.** Ш, (11), 458—470.

2897. Письмо Бестужева (Марлинскаго) къ К. А. Полевому. **1874.** II, (7), 6—10 и **1905** (Ю) 205.

2898. Письма А. Д. Бестужева-Рюмина. **1896.** II, (7), 386—399. Къ Д. Ѳ. Шумилову,—Цесаревичу Константину Павловичу и Александру Павловичу.

2899. А. Д. Блудова въ письмахъ ея къ Кудрявцеву. Н. И. Субботина. **1901.** I, (4), 646—660.

2900. Черта въ государственной дѣятельности гр. Д. Н. Блудова. Сообщ. бар. Ѳ. Бюлеръ. **1872.** (5), 1013—1021.

2901. Графъ А. А. Бобринскій. Кн. П. А. Вяземскаго. **1868.** (12), 2025—2048.

2902. Гр. А. Г. Бобринскій. **1899.** I, (2), 209—245.

2903. Нѣсколько словъ о Н. Д. Богатиновѣ. А. И. Маркевичъ, **1899.** Ш, (12), 567—569.

2904. Въ память о Н. П. Боголѣповѣ. І. В. Видмана. **1906,** I, (2), 313—322.

2905. Н. П. Боголѣповъ. Е. А. Боголѣповой. Съ портретомъ **1606.** I, (3), 369—394. (4), 625—640. II, (5), 91—112. (7), 449—477. Ш, (11), 358—407.

2906. Рѣчь студентамъ Н. П. Боголѣпова. **1906.** II. (8), 595—601.

2907. Протоіерей М. С. Боголюбскій. **1903.** Ш, (10), 289—290.

2908. Изъ бумагъ О. М. Бодянскаго. Два частныхъ Польскихъ письма во время возсоединенія Малороссіи Сообщ. А. А. Титовъ. **1893.** I, (4). 414—417.

2909. Письма О. М. Бодянскаго къ А. Н. Попову. Сообщ. С. Н. Эверлингомъ. **1904.** I, (3), 443—448.

2910. Заявленіе права на изданіе Записокъ А. Т. Болотова. Н. С. Киселева. **1870.** (12), 3—4.

2911. Къ воспоминаніямъ о С. П. Боткинѣ и Ѳ. И. Иноземцевѣ. С. А. Смирнова. **1890.** Ш, (12), 558—562.

2912. Письмо Булгарина къ И. П. Липранди о Сѣверной Пчелѣ, съ предисл. Н. П. Барсукова. **1869.** (9), 1553—1559.

2913. Письмо Булгарина къ Гречу (о коммерчески - издательскихъ дѣлахъ съ Плюшаромъ). (Изъ бумагъ Н. И. Греча). **1870.** (10), 1943—1944.

2914. О Булгаринѣ. Письмо П. В. Нащокина къ С. Д. Полторацкому. **1884.** Ш, (6), 352—353.

2915. „Иванъ Выжигинъ“ и „Мертвыя Души“. Ю. Ф. **1902,** II, (8), 596—603.

2916. Альбомъ А. П. Буниной. К. Я. Грота. **1902.** I, (4), 500—506.

2917. Записка Бурнашова о книгѣ для кадетскаго чтенія. **1906.** I, (1), 160—165.

2918. Очеркъ жизни гр. Д. П. Бутурлина. Гр. М. Д. Бутурлинъ. **1867.** (3), 376—386.

2919. О библіотекѣ гр. Д. П. Бутурлина. С. А. Соболевскаго. **1867.** (3), 479—480.

2920. Замѣтки о Бѣлинскомъ, Лермонтовѣ, Полежаевѣ и графѣ Потемкинѣ. А. Н. Корсакова. **1881.** Ш, (6), 456—459.

2921. О новомъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго. В. Я. Брюсова. **1900.** Ш, (10), 313—319.

2922. Письмо Бѣлинскаго къ И. И. (Ханенкѣ) **1876.** II, (7), 359—360.

2923. Изъ писемъ И. Д. Бѣляева къ А. Н. Попову. **1886.** Ш, (10), 241—259.

2924. И. И. Введенскій по его письмамъ. В. Я. Б(рюсова). **1901.** II, (5), 95—128.

2925. Къ біографіи Д. В. Веневитинова. М. А. Веневитиновъ. **1885.** I, (1), 113—131. Замѣтка къ этой статьѣ. (4), 662.

2926. Импровизація Д. В. Веневитинова („Не даромъ шампанское пѣной играетъ...“) Сообщ. С. А. Соболевскимъ. **1866.** (2), 259—260.

2927. Ф. Ф. Вигель и А. О. Смирнова. **1897.** II, (8), 631—632.

2928. Письмо Ф. Ф. Вигеля къ Н. В. Гоголю по поводу книги: „Переписка съ друзьями“. **1893.** II, (8), 561—565.

2929. Могила кн. З. А. Волконской. Сообщ. гр. К. А. Хрептовичемъ-Бутеневымъ. **1900.** II, (5), 25.

2930 Пѣснь Невская,. стихи кн. З. А. Волконской. **1872.** (10), 1979—1982.

2931. Къ кн. З. А. В—ой (Волконской). (стихи). **1900.** I, (2), 311.

2932. Замѣтка о стих. З. А. В—й. **1900.** I, (3), 480.

2934. Записка аббата Николая о воспитаніи кн. А. Н. Волконскаго. (Съ послѣсл. Ю. Бартенева). **1895.** I, (4), 486—496.

2935. Біографія Д. А. Валуева. В. А. Панова. **1899.** III, (9), 130—139.

2936. П. А. Валуевъ гр. А. Н. Толстому Сообщ. И. С. Листовскимъ. **1896.** III, (12), 640.

2937. Посланіе графа П. А. Валуева къ гр. Д. Н. Толстому. Сообщено И. С. Листовскимъ. **1897.** II, (6), 285—286.

2938. А. Ѳ. Воейковъ. **1905.** I. (4), 683—686. Показаніе о самомъ себѣ. — Письма къ художнику Фишеру и къ Л. В. Дупельту.

2939. Воспоминанія А. И. Подолинскаго. М. В. Юзефовичъ. **1872** (3—4), 856—865). О Пушкинѣ.

2940. Qui pro quo съ А. И. Подолинскимъ. „Петербургскій Старожилъ" (В. П. Бурнашевъ). **1872.** (7—8), 1604—1606.

2941. Посланіе обратное сирѣчь отвѣтъ Россійскихъ студентовъ Дерптскаго Университета А. Ѳ. Воейкову. Сообщ. А. П. Петерсономъ. **1892,** I, (2), 259—261.

2942. Парнасскій адресъ - календарь, А. Ѳ. Воейкова. **1866.** (5), 760—766.

2943. Письмо А. Ѳ. Воейкова кн. Е. А. Волконской о 14 Декабря 1825 г. **1899.** II, (6), 292—296.

2944. Изъ письма А. Ѳ. Воейкова къ В. М. Перевощикову. Сообщ. В. В. Павловой. **1890.** III, (9), 89—94.

2945. Посланіе А. Ѳ. Воейкова къ Н. Н. Раевскому (старшему), (Стихи). **1871.** 4 — 5, 0945—0948.

2946. Письма А. Ѳ. Воейкова къ А. И. Тургеневу (въ прозѣ и стихахъ). **1872.** (6), 1184—1195.

2947. Письмо А. Х. Востокова смотрителю за домами Румянцовскаго Музеума. **1864.** (11 — 12), 1245—1246.

2948. Николай Ивановичъ Второвъ. М. Ѳ. Де-Пуле. **1877.** II, (6), 136—165. (7), 327—353. (8), 426—469.

2949. Къ біографіи кн. П. А. Вяземскаго. Со словъ супруги его. **1888.** III, (9), 171—173.

1950. Кн. П. А. Вяземскій. Гр. С. Д. Шереметева. **1891.** I, (4), 495—508.

2951. Польская графиня про кн-я П. А. Вяземскаго. Сообщено гр. Е. П. Шереметевой. **1885.** I, (3), 462—464.

2952. Столѣтіе кн. П. А. Вяземскаго. Нѣсколько поминальныхъ словъ. П. И. Бартенева. **1892.** II, (8), 487—488.

2953. Кн. П. А. Вяземскому. (Посланіе въ стихахъ) М. В. Юзефовича. **1877.** I, (2), 233—239.

2954. Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича къ кн. П. А. Вяземскому. Съ предисл. Н. П. Барсукова. С.-Пб. 1901. 8°. **1901.** II, (обл. 5-го вып.).

2955. Изъ старыхъ бумагъ кн. П. А. Вяземскаго. **1872.** (7—8), 1323—1333. Письма Карамзина и Гоголя къ кн. П. А. Вяземскому, Указъ Петра Великаго Архангельскому вице-губерн. Курбатову.

2956. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ К. С. Аксакову. **1879.** III, (11), 0404—0406.

2957. Письма кн. П. А. Вяземскаго къ Ю. Н. Бартеневу. **1897.** III, (10), 283—286.

2958. Изъ писемъ кн. П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову. **1879.** I. (4), 503—520. II, (5), 100—117. (6), 237—257.

2959. Прошеніе кн. П. А. Вяземскаго въ Главное Училищ. Правленіе. Сообщ. П. Н. Тургеневымъ. **1896.** II, (6), 293 — 295. Жалоба на Красовскаго.

2960. Письма кн. П. А. Вяземскаго къ Д. Г. Бибикову. **1906**. III, (9), 134—142.

2961. Посланіе кн. П. А. Вяземскаго къ кн. А. М. Горчакову. **1900**. I, (1), 148.

2962. Пригласительная записка кн. П. А. Вяземскаго Жуковскому (въ стих.) **1906**. III, (9), 132—133.

2963. Изъ писемъ кн. П. А. Вяземскаго къ Жуковскому **1900**. I, (2), 181—208. (3), 355—390.

2964. Письмо кн. П. А. Вяземскаго на островъ Кипръ **1902**. II, (8), 604.

2965. О письмахъ кн. П. А. Вяземскаго къ гр. П. Д. Киселеву. **1897**. I, (1), 117—118.

2966. Дѣла иль пустяки давно минувшихъ лѣтъ. Письмо къ М. Н. Лонгинову. Кн. П. А. Вяземскаго. **1874**. I, (2), 0535—0549.

2967. Изъ письма кн. П. А. Вяземскаго къ Великому Князю Михаилу Павловичу о кончинѣ Пушкина. **1879**, (3), 387—398.

2968. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ гр. Э. К. Мусиной-Пушкиной **1900**, I, (3), 391—399. (Поправка. (4), 655). О кончинѣ Пушкина.

2969. Письма кн. П. А. Вяземскаго къ братьямъ Мухановымъ. **1905**. I, (2), 320—332.

2970. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ Николаю Павловичу. Сообщ. Н. К. Шильдеромъ. **1890**. II, (6), 279.

2971. Письма кн. П. А. Вяземскаго къ А. С. Пушкину. **1879**. II, (8), 470—487.

2972. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. С. Пушкину **1874**. I, (1), 161—174.

2973. Неизданное мѣсто изъ письма кн. Вяземскаго къ Пушкину. **1900**. I. (3), 404. Карамзинъ о „Борисѣ Годуновѣ".

2974. Письма кн. П. А. Вяземскаго, къ А. О. Смирновой. Сообщ. О. Н. Смирновой. **1888**. II, (7), 292—304. О Пушкинѣ.

2975. Пвсьмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу 1895. III, (10), 208—209. О крѣпостномъ правѣ и о Н. М. Карамзинѣ.

2976. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ Елисаветѣ Михаиловнѣ Хитровой. **1895**. II, (5), 110—113. По поводу стиховъ Пушкина. „Клеветникамъ Россіи" и „Бородинская годовщина".

2977. Письма Е. А. Вяземскаго къ С. П. Шевыреву. Сообщ. Бор. Степ. Шевыревымъ. **1885**. II. (6), 305—319.

2978. Изъ замѣтокъ кн. П. А. Вяземскаго. **1901**. III, (10), 254—256.

2979. Замѣтки князя П. А. Вяземскаго на книгахъ Радищева „Путешестіе изъ Петербурга въ Москву" и В. Л. Пушкина „Опасный сосѣдъ"). **1902**. (11), 426—428.

2980. Три послѣднія стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго. **1879**, I, (1), 132—137.

2981. Неизданное стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго. **1896**. I, (1), 141. „Правительствъ пагубой и язвою народовъ".

2982. Стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго. (Зачѣмъ такъ чутки мы на чуждые намъ стоны..."). **1896**. II, (5), 143.

2983. Стихи кн. П. А. Вяземскаго къ А. М. Горчакову. **1900**. I, (2). 307—308.

2984. Письмо кн. П. П. Вяземскаго къ гр. С. Дм. Шереметеву о дѣлахъ Общества любителей Древней Письменности). **1904**. II, (7), 453—456.

2985. О Лермонтовѣ. А. Л. Зиссермана. **1885**. II, (5), 75—81; II, (8), 558—569. по поводу статьи Д. И. Романовскаго.

2986. Письмо В. В. Ганки къ А. С. Норову. Сообщ. М. А. Веневитиновымъ. **1884**. II, (4),462—463.

2987. Архимандритъ Гавріилъ. Его письмо къ В. И. Овчинникову. **1897.** I, (2). 319—321.

2988. Заявленіе Николая Гербеля. **1873.** I, (2), 0221—0224. Объ его однофамильцѣ, участвующемъ въ заграничныхъ Нѣмецкихъ изданіяхъ.

2999. Воспоминаніе о Герценѣ и его похоронахъ. Д. Н. Свербеева. **1870.** (3), 673—686.

2990. Изъ частнаго письма о Герценѣ. Сообщ. И. П. Хрущовымъ. **1885,** III, (9), 96—97.

2891. Письма Герцена къ Д. П. Голохвастову. **1887.** II, (8), 519—522.

3892. Черта изъ жизни Гилярова-Платонова. Ѳ. П. Е(ленева). **1887.** III, (12), 571—575.

2993. Изъ работъ по біографіи Н. П. Гилярова. Кн. Н. В. Шаховскаго. **1893.** II, (7), 427—430.

2994. Изъ бумагъ Н. П. Гилярова. **1889.** III, (10). 263—269. (11). 421—432. **1890.** I. (2), 316—324. Письма къ нему кн. П. А. Вяземскаго о цензурѣ и И. С. Аксакова, о поэтическомъ дарованіи его сына Алексѣя.—Письма Гилярова къ графинѣ NN, къ кн. Ш., И. С. Аксакова; къ *** о произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого „Чѣмъ люди живы", „Исповѣдь", и къ одному изъ его читателей.

2995. Юношеское стихотвореніе М. И. Глинки. В. В. Каллашъ. **1901.** I, (3), 517—519.

2996. Замѣтка о С. Н. Глинкѣ. Кн. В. И. Баюшева. **1875.** III, (12), 495.

2997. С. Н. Глинка. **1899.** II. (5), 83—91. Письма о немъ кн. П. А. Вяземскаго, къ Е. М. Хитровой и къ Д. Г. Бибикову.—Письмо Глинки къ Жуковскому.

2998. С. Н. Глинка П. А. Плетневу. Съ объясненіями К. Я. Грота. **1905.** I, (3), 535—536.

3999. Наканунѣ Святаго Причастія. Стихи Ѳ. Н. Глинки. Сообщ. В. С. Арсеньевымъ. **1892.** I, (4), 539—540.

3000. Матеріалы для полнаго изданія сочиненій П. И. Гнѣдича. М. Н. Лонгинова. **1863.** (10—11), 845—850.

3001. Письмо Н. И. Гнѣдича къ А. П. Зонтагъ. Сообщ. Н. И. Сахаровымъ. **1896.** I. (2), 266—269. Здѣсь и стихи И. А. Крылова: „Про дѣвушку меня идетъ худая слава"...

3002. Письма Н. И. Гнѣдича къ В. В. Измаилову. **1905.** III, (10), 278—280.

3003. Письмо Н. И. Гнѣдича къ И. И. Козлову **1905.** III, (10), 281—282.

3004. Записки М. И. Гоголь, матери Н. В. Гоголя. Сообщ. И. С. Аксаковымъ. **1902.** I, (4), 706—724.

3005. Исторія моего знакомства съ Гоголемъ со включеніемъ всей переписки съ 1832 по 1852 г. С. Т. Аксакова. **1890.** IV+209.

3006. Гоголь и Кукольникъ въ Нѣжинской гимназіи. Разсказы Н. Ю. Артынова, записанные Л. Мацѣевичемъ. **1877.** III, (10), 191—194.

3007. Воспоминаніе о Гоголѣ. Я. К. Грота. **1864.** (2), 177—180.

3008. Изъ воспоминаній княжны В. Н. Репниной о Гоголѣ. **1890.** III, (10), 227—232.

3009. А. О. Смирнова о Гоголѣ. **1895.** I, (4), 537—544.

3011. Гоголь въ Одессѣ. Съ предисл. В. И. Шенрока. **1902.** I, (4), 543—562. Гоголь и Славянофилы. Н. М. Павлова. **1890.** I, (1), 139—152.

3012. О происхожденіи Гоголя. **1902.** I. (4), 705.

3013. Могила Гоголя. **1901.** I, (2), 338.

3014. Миргородъ и Яновщина. В. Горленка. **1893.** I, (3), 298—305.

3015. „Иванъ Выжигинъ" и „Мертвыя Души". Ю. Ф. **1902.** II, (8), 596—603.

3016. Молитва Гоголя. („Къ Тебѣ, о Матерь Пресвятая...“). Сообщ. А. А. Третьяковъ. **1897.** II, (8), 656.

3017. Неизданныя мѣста изъ писемъ Н. В. Гоголя къ друзьямъ. **1866.** (11—12), 1730—1747.

3018. Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ. (Первоначальная редакція) Н. В. Гоголя, сообщ. А. Ѳ. Бычковъ. **1865.** (7), 775—788.

3019. „Тяжба“ Гоголя подъ цензурою Дупельта. В. К. Вульферта. **1887.** II, (6), 256—257.

3020. Письма Гоголя къ Д. Е. Бенардаки, княж. Репниной. гр. В. А. Сологубу, графинѣ Л. К. Сологубъ, графинѣ С. М. Сологубъ. Сообщ. М. А. Веневитиновымъ. **1902.** I, (4), 726—737.

3021. Письмо Н. В. Гоголя къ кн. П. А. Вяземскому. **1865.** (7), 787—790.

3022. Письма Николая Васильевича Гоголя къ В. А. Жуковскому **1871.** (4—5). 946—960+0929—0945.

3023. Два письма Н. В. Гоголя (къ Д. К. Малиновскому). **1865,** (9), 1124—1128.

3024. Письмо Гоголя къ П. В. Нащокину. **1878.** I. (1), 76—80.

3025. Письмо Гоголя къ П. А. Плетневу о „Мертвыхъ Душахъ“. (Сообщ. Я. К. Гротомъ). **1866.** (5), 766—770.

3026. Письмо Гоголя къ М. П. Погодину. **1872.** (12), 2369—2372.

3027. Шуточное письмо Гоголя къ Е. Г. Чертковой. **1867.** (3), 473—475.

3028. Письмо Гоголя къ Русскому путешественнику. **1896.** I, (3), 463.

3029. Записки Гоголя къ К. С. Сербиновичу. **1876.** Ш, (10), 202.

3030. Письмо Гоголя къ одному изъ старцевъ Оптиной пустыни. Сообщ. А—ъ Іеонидъ. **1889.** Ш, (12), 512.

3031. Княгиня Е(вдокія) И(вановна) Голицына. С. Д. **1891.** I, (1), 152—160.

3032. Къ исторіи Московскаго университета. Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ. Д. Д. Голохвастова. **1887.** II, (6), 245—253. Приложены письма К. Д. Кавелина къ Д. П. Голохвастову.

3033. Павелъ Дмитріевичъ Голохвастовъ. (Некрологъ). **1892.** II, (8), 566.

3034. Wahrheit und Dichtung. (По поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ) Д. Д. Голохвастова. **1874.** I, (4), 1053—01095.

3035. Программа газеты „Земскій Голосъ“. (Письмо П. Д. Голохвастова. **1905.** II, (6), 324—329.

3036. Переписка Ѳ. А. Голубинскаго съ Ю. Н. Бартеневымъ. Сообщ. А. З. Зиновьевымъ и Д. Ѳ. Голубинскимъ (съ воспоминаніемъ о Голубинскомъ гр. М. В. Толстаго). **1880.** Ш, 405—430. Въ приложеніи: Просительное письмо о дѣвицахъ Савичевыхъ, сочиненное Ю. Н. Бартеневымъ.

3037. Письмо И. А. Гончарова къ А. С. Норову. Сообщ. Н. П. Поливановымъ. **1899.** I, (1), 192—197.

3038. И. А. Гончаровъ А. А. Фету. Сообщ. П. И. Щукинымъ. **1900.** II, (5), 68—74.

3039. А. В. Горскій. Біографическій очеркъ. Гр. Д. Н. Толстаго. **1875.** Ш, (12), 472—476. Поправка. **1876.** I, (2), 264.

3040. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій кн. Д. П. Горчакова. В. П. Каллаша. **1903.** Ш, (12). 659—664.

3041. Русскій у подошвы Чатырдага. Сочиненіе кн. Д. П. Горчакова. Сообщ. А. И. Казначеевымъ. **1871.** (7—8), 1285—1288.

3042. Къ біографіи Т. Н. Грановскаго. Д. М. Щепкина. **1902.** I, 158—161.

3043. Магистерскій диспутъ Грановскаго. Изъ воспоминаній Ѳ. П.

Еленева. **1889**. II, (8), 564—568.

3044. Т. Н. Грановскій въ пансіонѣ Кистера. Изъ воспоминаній В. В. Селиванова. **1906**. III, (11), 417—430. (Поправка (12), 624).

3045. О Т. Н. Грановскомъ (по поводу новаго изданія его сочиненій). **1901**. I, (2), 350—352.

3046. Письмо Т. Н. Грановскаго къ Д. И. Мейеру. Сообщ. А. И. С. **1900**. II, (6), 264.

3047. О стихотвореніи: „Памяти Грановскаго". **1905**. I, (2), 376.

3048. Письмо В. В. Гречулевича къ архіеп. Анатолію. **1898**. I, (2). 307—309.

3049. Четверостишіе Н. И. Греча: „Я рыцарь пёрышка..." **1885**. I, (3), 464.

3050. „Прошло ужъ двадцать лѣтъ, какъ Гречъ писать грамматику затѣялъ..." (стих.) С. Д. Нечаева. **1893**. I, (4), 446.

3051. Автобіографическ. записки А. М. Грибовскаго. **1899**. I, (1), 166.

3052. А. С. Грибоѣдовъ. С. А. Панчулидзева. **1904**. I, (3). 527—535.

3053. Арестъ Грибоѣдова. Изъ воспоминаній Н. В. Шимановскаго. **1875**. II, (7), 339—344.

3054. Замѣтка о Грибоѣдовѣ. В. В. Каллаша. **1905**. II, (5), 174—176.

3055. Замѣтка о кончинѣ Грибоѣдова. (Н. В. Путяты). **1871**. (7—8), 1299—1302.

3056. О смерти А. С. Грибоѣдова въ Тегеранѣ. П. А. Ефремова. **1872**. (7—8), 1492—1538.

3057. Очеркъ первоначальной исторіи „Горя отъ ума". Алексѣя Веселовскаго. **1874**. I, (6), 1513 1566.

3058. „Горе отъ ума" въ Пермской Межевой Конторѣ. Кн. П. В. Шаховскаго. **1898**. II, (8), 649—651.

3059. Варіанты къ „Горю отъ ума". А. В(еселовскій). **1874**. I, (6), 1566—1576.

3060. Отзывъ Грибоѣдова о „Горе отъ ума". Письмо къ П. А. Катенину. **1886**. III, (11), 287—288.

3061. Къ біографіи Грибоѣдова. Его письма (изъ походовъ) къ П. Н. Ахвердовой. Сообщ. Д. Ѳ. Харламовою. **1881**. II, (3), 177—190.

3062. Письма Грибоѣдова къ К. К. Родофиникину. Сообщены П. А. Ефремовымъ. **1872**. (7—8), 1538—1550.

3063. Изъ писемъ къ Я. К. Гроту. **1906**. II, (6), 272—280. С. П. Шевырева, И. С. Аксакова, Ю. Ѳ. Самарина, С. И. Барановскаго.

3064. Николай Васильевичъ Губерти. Н. Губерти. **1897**. I, (2), 322—326.

3065. О египтологѣ Гульяновѣ. Изъ письма Т. Н. Грановскаго къ Н. В. Станкевичу. Сообщено А. В. Станкевичемъ. **1873**. I, (4), 0479—0480+513.

3066. Объясненія на послужной списокъ Д. В. Давыдова. Сообщ. М. Розановымъ. **1889**. I, (3), 399—403.

3067. Изъ бумагъ Д. В. Давыдова. 1866. (6), 904—916.

3068. Письмо Д. В. Давыдова къ Жуковскому. **1868**. (6), 975.

3069. Письма И. И. Давыдова къ А. А. Прокоповичу. Сообщ. Е. М. Ѳеоктистовымъ. **1889**. III, (12), 542—566.

3070. В. И. Даль. (Некрологъ). **1872**. (10), 2023 2031.

3071. Автобіографическая записка В. И. Даля. Сообщ. О. В. Демидовой. **1872**. (11), 2246—2250.

3072. Поправки и дополненія (о В. П. Далѣ). Л. Стида. **1875**. II, (5), 0115.

3073. Русскіе писатели въ переводѣ на иностранные языки. **1875**. II, (5), 0115—0116.

3074. Изъ письма о Дантесѣ-Геккеренѣ. N. N. **1898**. III, (10), 245–246.

3075. Записка кн. Е. Р. Дашковой къ гр. А. А. Безбородкѣ. **1872**. (6), 1182.

3076. Д. В. Дашковъ. Сообщ. М. А. Дмитріевымъ. **1891**. I, (2), 331—333.

3077. Письмо Д. В. Дашкова къ кн. П. А. Вяземскому. **1905**. II, (8), 589—590.

3078. Письма Д. В. Дашкова къ И. И. Дмитріеву. Сообщ. Ѳ. М. Дмитріевымъ **1906**. I, (1), 128—135.

3079. Письмо Д. В. Дашкова къ Жуковскому. **1894**. III, (9), 142.

3080. Письмо Д. В. Дашкова къ А. А. Прокоповичу-Антонскому. **1892**. I, 91—92. О В. П. Титовѣ.

3081. Письмо Д. В. Давыдова къ Н. Н. Раевскому. Съ послѣсл. В. Д. Давыдова. **1879**. II, (7), 333—338.

3082. Изъ бумагъ барона А. А. Дельвига (хранящихся у дочери поэта, бар. Елис. Ант. Дельвигъ). Съ примѣч. Л. Н. Майкова. **1891**. II, (7), 357—364. Письма Дашкова, Дмитріева, Жуковскаго.

3083. Лицейскія стихотворенія б. Дельвига. **1864**. (10), 1073—1076.

3084. Стихотвореніе б Дельвига („Отъ васъ бы намъ, съ краевъ Востока...). Сообщ. С. Г. Карелиной. **1885**. I, (3), 461.

3085. Письмо б. Дельвига къ П. А. Осиповой. **1894**. III, (9), 143.

3086. Историко-литературная замѣтка. М. Де-Пулэ. **1878**. III, (10), 254—256. (По поводу статей П. В. Быкова и Д. Л. Мордовцева).

3087. Заявленіе объ отказѣ отъ выводовъ о Державинскихъ стихахъ. П. А. Безсонова. **1876**. I, (1), 128.

3088. Державинъ. Записочка въ стихахъ. („По волѣ вашей къ вамъ..."). **1897**. I, (1), 117.

3089. Неизданное двустишіе Державина. **1899**. I, (1), 205.

3090. Письмо Державина къ кн. А. И. Горчакову. Сообщ. С. Д. Муретовъ. **1896**. I, (4), 564.

3091. Письмо Державина къ механику И. П. Кулибину. **1872**. (6), 1182—1183.

3092. Письма Державина къ В. С. Попову. (Сообщ. А. И. Ставровскимъ). **1865**. (3), 349—363.

3093. Письмо Державина коменданту Яицкаго городка Симонову. Сообщ. Н. Ивановъ. **1900**. I, (7), 402.

3094. Письмо Державина къ кн. Н. Б. Юсупову. Сообщ. кн. З. Н. Юсуповой. **1896**. I, (2), 188—189. „Пѣснь на случай помолвки" вел. княжны Александры Павловны съ Шведскимъ королемъ Густавомъ IV.

3095. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій И. И. Дмитріева. М. П. Лонгинова **1863**. (8—9), 710—720. и 1864 (11—12) 1251 1255.

3096. Домъ И. И. Дмитріева. **1893**. II, (11), 395—396.

3097. Шуточныя стихотворенія И. И. Дмитріева. М. Н. Лонгинова **1867**. (5–6), 981—990.

3098. Письма разныхъ лицъ къ И. И. Дмитріеву. (Сообщ. М. А. Дмитріевымъ). **1866**. (11—12), 1616—1730; 1868, (4—5), 583—658. А. С. Шишкова, Жуковскаго, Батюшкова, гр. Д. Н. Блудова, кн. П. А. Вяземскаго, Пушкина, Гоголя. Письма И. И. Дмитріева къ Жуковскому **1871**. (3), 409–430. Письма И. И. Дмитріева къ А. И. Тургеневу. Съ примѣч. В. С. Порошина и М. Н. Лонгинова. **1867**. (7), 1072—1138. Письма И. И. Дмитріева къ Д. И. Языкову. Съ примѣч. А. Ѳ. Бычкова. **1868**. (7—8), 1081—1102.

3099. Эпиграммы М. А. Дмитріева. **1872**. (10), 1983—1984.

4000. Послѣдняя Іереміада Николаевской эпохи. Посланіе М. А. Дмитріева къ С. Т. Аксакову. **1875**. II, (6), 225—228.

4001. Новая Свѣтлана. Пародія баллады Жуковскаго, примѣненная къ Н. А. Полевому. (М. А. Дмитріева). **1885.** I, (4), 649—659.

4002. А. А. Гр. (эпиграмма). М. А. Дмитріева. Сообщ. А. И. Лаксомъ. **1879.** II, (5), 144.

4003. Стихотворная хроника Московскаго университета. (Ѳ. М. Дмитріева). **1885.** (2), 301—304.

4004. Молодому другу. Стихи Ѳ. М. Дмитріева. Сообщ. А. Д. Свербеевымъ. **1894.** III, (10), 250.

4005. Извѣстіе о кончинѣ Ѳ. М. Дмитріева. **1894.** I, 2, 288.

4006. Памяти Ѳедора Михайловича Дмитріева. К. П. Побѣдоносцева. **1894.** I, (4), 634—637.

4007. Хронологія стихотвореній кн. И. М. Долгорукаго. М. Н. Лонгинова. **1865.** (3) 368—372.

4008. Архивная справка. (Ѳ. М. Достоевскій и И. С. Тургеневъ). **1884.** III, (5), 238.

4009. Письмо Ѳ. М. Достоевскаго къ Н. П. Петерсону. **1904.** I, 402—403. О Н. Ѳ. Ѳедоровѣ.

4010. О. М. Достоевскаго къ Е. А. Штакеншнейдеръ (о Пушкинскомъ праздникѣ 1880 года). Сообщ. Н. Н. Страховымъ. **1891,** III, (10), 307—308. Поправка. **1892.** III, (12), 478.

4011. О хранителѣ депо манускриптовъ г. коллежскомъ совѣтникѣ Дубровскомъ. Сообщ. А. А. Васильчиковымъ. **1878.** II, (8) (439—441.

4012. О собирателѣ рукописей Дубровскомъ. Письма Дубровскаго къ А. Н. Оленину. Съ предисл. А. А. В(асильчикова). **1878.** II, (8), 437—439.

4013. Дѣвица кавалеристъ. Изъ письма Н. Дурова, отца Надежды Черновой, отъ 27 Августа 1807 года. Всеподданнѣйшій докладъ Калужскаго совѣтника Дурова, о разысканіи дочери Надежды, по мужу Черновой. Сообщ. Н. Н. Мурзакевичемъ. **1872.**(10), 2043.

4014. Шуточные стихи (чиновника Дьякова) про Екатерининскую больницу. **1903.** I, (3), 435—436.

4015. Педагогъ прошлаго времени А. А. Дюгуровъ. Н. А. Лавровскаго. **1869.** (9), 1541—1553.

4016. Государыня - публицистъ. Е. С. Шумигорскаго. **1890.** I, (1), 5—52. О литературной дѣятельности Екатерины II-й.

4017. Ученая степень Екатерины II-й. М. Ѳ. Шугурова. **1867.** (10), 1262—1263.

4018. Еще о трудахъ Екатерины II-й, по составленію сравнительнаго словаря. (Изъ переписки гр. Безбородки съ Я. И. Булгаковымъ). **1864.** (3), 293 — 295. Письмо гр. А. А. Безбородки къ Я. И. Булгакову.

4019. Генеалогическія занятія императрицы Екатерины II-й. Изъ писемъ В. С. Попова къ Я. И. Булгакову. Сообщено П. С. Киселевымъ. **1875.** I. (1), 5—6.

4020. Филологическія занятія Екатерины II-й.(По поводу кн. Аделунга), съ замѣткою С. А. Соболевскаго. **1863.** (12), 940—942.

4021. Филологическія занятія Екатерины II-й. Я. К. Грота. **1877.** I, (4), 425—442.

4022. Нравственные идеалы Екатерины II. (Ея записка на экземплярѣ Финелонова Телемака). **1863.** (12), 938—339.

4023. Антидотъ (противоядіе). Полемическое сочиненіе Екатерины II-й. Съ Французскаго (пер. С. А. Рачинскаго). **XVIII Вѣкъ.** III, 225 — 463. Разборъ книги аббата Шаппа Д'этероша о Россіи.

4024. Авдотья Петровна Елагина. (Некрологъ). 1877. II, (8), 483—495.

4025. А. П. Елагиной, Стихи И. С. Аксакова **1877.** II, (8), 496.

4026. Письмо А. П. Елагиной къ М. П. Розбергу. Сообщ. Г. А. Тройницкимъ. **1905.** I, (3), 519—520. Изъ писемъ къ А. П. Елагиной. Сообщ. М. В. Безъ. **1904.** I,

(1), 190. И. С. и С. Т. Аксаковыхъ.

4027. Литературные и ученые труды О. П. Еленева. **1902.** II, 160—176.

4028. И. В. Ефимовъ. (Некрологъ). **1904.** II, 6, 312.

4029. Памяти А. К. Жизневскаго. А. О(всянниковъ). **1896.** II, 8, 603.—607.

4030. Черта въ характерѣ Жуковскаго. (А. П. Петерсона). **1868.** (11), 1871—1872.

4031. Разсказъ А. П. Зонтагъ о Жуковскомъ. **1883.** I, (2), 320—323.

4032. П. А. Плетневъ о Жуковскомъ, съ предисл. К. Я. Грота. **1902.** II, (5), 88—94.

4033. Разсказъ Жуковскаго о его представленіи Маріи Ѳедоровнѣ. **1865.** (7), 803—806.

4034. Жуковскій въ Парижѣ. (Съ выдержками изъ Записокъ его). Кн. П. А. Вяземскаго. **1876.** II, (5), 91—101.

4035. Послѣдніе дни жизни Жуковскаго. Письмо изъ Стутгарда. И.И.Базарова. **1869.** (1), 99—111.

4036. Формулярный списокъ Жуковскаго. Сообщ. К. Я. Гротомъ. **1902.** II, (5), 85—87.

4037. Подлинныя черты изъ жизни Жуковскаго. **1864.** (4), 448—469. Письма Жуковскаго къ роднымъ въ Бѣлевъ.

4038. Къ біографіи Жуковскаго. **1883.** I, (2), 308 — 319. Письма Жуковскаго (по поводу предполагавшагося брака его съ М. А. Протасовой) къ А. Н. Арбеневой, М. Н. Свѣчиной, и отвѣтное письмо А. Н. Арбеневой къ Жуковскому.

4039. Для біографіи Жуковскаго. **1883.** I, (1), 207 — 215. Письма къ нему: М. Г. Буниной, А. П. Елагиной, А. П. Зонтагъ, М. П. Офросимовой. Его матери.

4040. Великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, привѣтствіе отъ Русскихъ. Стихи Жуковскаго. Сообщ. протоіер. И. И. Базаровымъ. **1869.** (2), 379—382.

4041. Долбинскія стихотворенія Жуковскаго. **1864.** (10), 1005—1050.

4042. Протоколъ двадцатаго Арзамасскаго засѣданія. Стихи Жуковскаго. Сообщено кн. П. А. Вяземскимъ. **1868.** (4—5), 829—838.

4043. Острота Жуковскаго о 1825 годѣ. **1869.** (10), 1725.

4044. Стихи Жуковскаго А. П. Ермолову. **1870.** (1), 268—270.

4045. Стихи Жуковскаго. Смерть Іисуса. **1870.** (7), 1237 — 1246.

4046. Листокъ изъ бумагъ Жуковскаго (о свободѣ). **1876.** III, (10), 202.

4047. Стихи Жуковскаго. Капитану „Геркулеса". („Тише вѣтеръ, тише волны..."). Сообщ. Шульцомъ. **1877.** II, (7), 368.

4048. Стихотворенія Жуковскаго. Съ прим. И. А. Бычкова. **1900.** III, (10), 190 — 196. Посланіе къ Ал-дру Але-сѣев. Плещееву. Въ день Свѣтлаго Воскресенія.—Посланіе къ неизвѣстному лицу. — Начало поэмы „Вальмира". — Свѣтланѣ.—Обѣтъ.—Рай.

4049. Матеріалы для полнаго изданія сочиненій Жуковскаго. М. Н. Лонгинова. **1864.** (5—6), 627—641 и **1870** (3), 0695—0710.

4050. Къ біографіи Жуковскаго. (Выдержки изъ его бумагъ. — Изъ писемъ А. П. Зонтагъ). Письмо Жуковскаго о сынѣ его крестнаго отца. Изъ писемъ Жуковскаго къ А. А. Прокоповичу Антонскому. **1902.** II, (5), 128—147.

4051. Изъ бумагъ Жуковскаго. **1870.** (8 — 9), 1682 — 1723. Письма Карамзина, Дмитріева, Жуковскаго къ Дмитріеву, Батюшкова, Карамзина къЕ. А. Протасовой.

4052. Изъ бумагъ Жуковскаго. **1873.** II, (8), 1516 — 1529. Письма А. Гумбольдта къ А. И. Тургеневу, короля Фридриха Виль

гельма IV-го къ А. И. Тургеневу.

4053. Изъ бумагъ Жуковскаго. Сообщ. К. С. Сербиновичемъ. **1873**. II, (9), 1693—1705.

4054. Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго. Съ предисл. Н. А. Елагина **1875**. Ш, (11), 317—375. Поправка (къ письму гр. Разумовской). **1876**. II, (2). 411. Записка Гизо къ Жуковскому. Письмо Жуковскаго къ г-жѣ Моро де-ла-Мельтьеръ. Выписка изъ письма Жуковскаго къ А. А. Воейковой. Два письма гр. Генріетты Разумовской къ Жуковскому. Приписка г-на Герке. Письма Петина, Орлова, Нелединскаго, Паскевича, Шевырева.

4055. По поводу бумагъ В. А. Жуковскаго. Письма къ издателю „Русскаго Архива" князя П. А. Вяземскаго. **1876**. I, (2), 248—262. Письмо Жуковскаго къ Николаю Павловичу.—Политическая виновность Н. И. Тургенева. — Жуковскій адвокатъ Н. И. Тургенева.

4056. Изъ бумагъ Жуковскаго. **1896**. I, (1), 109—119. Письма Жуковскаго къ Николаю Павловичу и къ А. Х. Бенкендорфу объ И. В. Кирѣевскомъ.

4057. Изъ бумагъ Жуковскаго. **1896**. I, (3), 456—462. Письма Жуковскаго къ Маріи Ѳедоровнѣ и къ гр. В. А. Сологубу.

4058. Письма къ Жуковскому. **1871**. (2), 0133—0187. А. Ѳ. Мерзлякова, гр. С. С. Уварова. Приписка В. К. Кюхельбекера, А. В. Кольцова, Д. В. Давыдова.

4059. Неизданныя письма Жуковскаго. Съ примѣч. И. А. Бычкова. **1900**. III, (9), 5—54. Къ Д. Н. Блудову, А. М. Соковниной, И. И. Дмитріеву, гр. С. С. Уварову, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, А. Ѳ. Воейкову, Д. А. Кавелину, Е. А. Протасовой, Н. М. Карамзину. Вел. княг. Александрѣ Ѳеодоровнѣ, князю А. Н. Голицыну, Д. П. Сѣверину, князю В. О. Одоевскому.

4060. Изъ писемъ къ Жуковскому. **1902**. II, (6), 335—363. (7), 436—459. Графа Д. Н. Блудова, гр-ни А. Д. Блудовой, гр. Іос. Мих. Вьельгорскаго, гр. М. Ю. Вьельгорскаго, гр-ни С. М. Вьельгорской, гр. В. А. Сологуба, А. Я. Булгакова.

4061. Письма Жуковскаго къ государю императору Александру Николаевичу. **1883**. I, (1). I—XXXII. II, (3), XXXIII—LVI. (4), LVII—CLX. **1885**. I, (1), 7—12. (2), 242—272. (4), 526—540. II, (7), 337—370.

4062. Письмо Жуковскаго о преподавателѣ Польскаго языка покойному государю Александру Николаевичу. **1889**. III, (9), 131—132.

4063. Изъ писемъ Жуковскаго къ импер. Александрѣ Ѳеодоровнѣ **1873**. I, (1). I—XL.

4064. Письма Жуковскаго къ имп. Александрѣ Ѳеодоровнѣ. **1874**. I, (1), 9—94.

4065. Письма Жуковскаго прот. И. И. Базарову. **1869**. (1), 81—100.

4066. Письмо Жуковскаго къ гр. Ю. Ѳ. Барановой. Сообщено гр. А. П. Барановымъ. **1885**. II, (6), 322—323. Поправка къ письму. (7), 457—458.

4067. Письма Жуковскаго къ А. Ѳ. фонъ-деръ-Бриггену. Сообщ. А. И. Львовымъ. **1867**. (5—6), 843—862.

4068. Письма Жуковскаго къ А. Я. Булгакову. Сообщ. П. А. Булгаковымъ. **1868**. (9), 1445—1483.

4069. Записка Жуковскаго Ф. Ф. Вигелю. **1905**. I, (3), 521.

4070. Письмо Жуковскаго къ А. М. Веневитиновой. **1877**. II, (6), 228—229.

4071. Письма Жуковскаго къ гр. Л. К. Віельгорской. **1876**. I, (3), 356—361.

4072. Письмо Жуковскаго къ гр. М. Ю. Вьельгорскому. **1869.** (4), 644—648.

4073. Письмо Жуковскаго къ кн. П. А. Вяземскому, изъ Москвы въ Варшаву. **1896.** Ш, (10), 205—208.

4074. Письмо Жуковскаго къ Гёте. **1870.** (10), 1817—1822.

4075. Шуточная записка Жуковскаго къ Н. И. Гнѣдичу (въ стихахъ). (Сообщ. М. И. Лонгиновымъ). **1867.** (2), 311—312.

4076. Два письма Жуковскаго къ кн. А. Н. Голицину объ Е. А. Баратынскомъ. **1868.** (1), 156—160.

4077. Письмо Жуковскаго къ П. И. Голубкову (о крѣпостныхъ своихъ людяхъ). **1863.** (8—9), 708—709.

4078. Письмо Жуковскаго къ Д. В. Дашкову. Сообщ. Д. Д. Дашковымъ. **1868.** (4—5), 837—843.

4079. Записочка Жуковскаго къ Д. В. Дашкову. Сообщ. П. А. Пушкиною. **1884.** I, (2), 232.

4080. Жуковскаго довѣренность А. П. Елагиной. **1905.** I, (3), 521.

4081. Изъ письма Жуковскаго къ А. П. Елагиной. Сообщ. М. В. Безъ. **1906.** Ш, (12), 595.

4082. Письмо генерала Жомини къ Жуковскому и отвѣтъ. **1871.** I, 255—257.

4083. Дѣтскія письма Жуковскаго къ его матери. Сообщ. К. С. Сербиновичемъ. **1872.** (12), 2363—2366.

4084. Жуковскій и А. И. Козлова. (Письмо Жуковскаго). Сообщ. К. Я. Гротъ. **1904.** I, (2), 283—285.

4085. Письма Жуковскаго къ И. И. Козлову. **1867.** (5—6). 820—842.

4086. Письма Жуковскаго къ Великому князю Константину Николаевичу, съ предисл. кн. П. А. Вяземскаго. **1867.** (11), 1385—1439. (Замѣтка къ этимъ письмамъ). **1868.** (2), 334.

4087. Письма Жуковскаго къ гр. О. П. Литке. Сообщ. графомъ Н. Ѳ. Литке. **1887.** I, (7), 327—340.

4088. Изъ письма Жуковскаго къ принцессѣ Луизѣ Прусской. (О холерномъ возмущеніи въ С.-Петербургѣ). (Сообщ. В. С. Барыковымъ). **1866.** (3), 339—349.

4089. Письмо Жуковскаго о преподаваніи покойному Александру Николаевичу свѣдѣній про бывшую Польшу. **1884.** Ш, (5), 118—119.

4090. Письмо Жуковскаго къ неизвѣстному лицу. **1872.** (12), 2367—2369.

4091. Письмо Жуковскаго къ Ю. А. Нелединскому-Мелецкому (о кончинѣ имп. Маріи Ѳеодоровны). Сообщ. кн. П. А. Вяземскимъ. **1872.** (3—4), 855.

4092. Письмо Жуковскаго императору Николаю Павловичу. **1895.** II, (8), 519—520.

4093. Записка Жуковскаго о Н. И. Тургеневѣ (поданная Николаю Павловичу). **1895.** Ш, (9), 13—29.

4094. Переписка Жуковскаго съ протоіер. Г. П. Павскимъ съ послѣсл. М. С. Боголюбскаго. **1887.** II, (7), 310—326.

4095. Письмо Жуковскаго къ Г. П. Павскому. Сообщ. М. П. Погодинымъ. **1870.** (11), 2127—2129.

4096. Письмо Жуковскаго къ книгопродавцу И. В. Попову (о выкупѣ крѣпостныхъ людей). (Сообщено И. В. Павловымъ). **1865.** (3), 319—322.

4097. Письма Жуковскаго къ А. А. Прокоповичу-Антонскому. **1883.** I, (2), 324—232

4098. Письма Жуковскаго Е. Г. Пушкиной. XIX Вѣкъ. I, 406—425.

4099. Письма Жуковскаго къ А. С. Пушкину. **1889.** Ш, (9), 115—124.

4100. Записочка Жуковскаго къ Пушкину. Сообщ. Н. А. Елагинымъ. **1876.** II, (8), 453.

4101. Письма и шуточныя записочки Жуковскаго къ А. О. Смирновой. **1883.** I, (2), 333—346.

4102. Письма Жуковскаго къ А. О. Смирновой. **1871.** (11), 1856—1868.

4103. Письмо Жуковскаго къ граф. С. М. Сологубъ по кончинѣ дѣтей ея. **1869.** (6), 958—964.

4104. Письмо Жуковскаго къ Сперанскому о воспитаніи государя Александра Николаевича. Сообщ. К. С. Сербиновичемъ. **1883.** I, (2), 333—334.

4105. Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. (Съ примѣч. И. А. Бычкова). Приложеніе къ 1895 г.

4106. Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, съ примѣчаніями В. С. Порошина. **1867.** (5—5), 789—819.

4107. Письмо Жуковскаго къ гр. Д. Н. Шереметеву (объ увольненіи изъ крѣпостной зависимости семьи Никитенокъ) **1883.** I. (2), 347—348.

4108. Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ. П. И. Бартенева. **1892.** III, (12), 479.

4109. Письма къ М. Н. Загоскину. Сообщ. С. М. Загоскинымъ. **1868.** (6), 973—975. А. С. Пушкина, В. А. Жуковскаго.

4110. Канцеляристъ. Неизданный разсказъ М. Н. Загоскина. **1865.** (7), 791—804.

4111. Пятидесятилѣтіе А. Л. Зиссермана. **1896.** I, (3), 473.

4112. А. Л. Зиссерманъ. (Некрологъ). **1897.** III, (10), 312.

4113. Въ память В. А. Золотова. Старушки изъ степи (Е. И. Бибиковой). **1883.** I, (1), 200—206.

4114. Изъ письма А. П. Зонтагъ къ А. М. Павловой. Сообщ. Н. В. Павловымъ. **1878.** I, (2), 207—208.

4115. Путешествіе на луну. Повѣсть А. П. Зонтагъ. **1904.** III, (12), 589—599.

4116. Баснописецъ А. Е. Измайловъ. **1906.** II, (8), 618—619.

4117. Шуточные стихи А. Е. Измайлова. **1900.** III, (11), 437—439.

4118. Письма А. Е. Измайлова къ И. И. Дмитріеву. **1871.** (7—8), 961—1014. Въ приложеніи стихи гр. Хвостова, Дельвига, Рылѣева, эпиграмма на Булгарина.

4119. Историческія замѣтки. В. С. Иконникова. **1886.** III, (12), 522—527. Сынъ ближняго боярина А. Л. Ордина-Нащокина.— Н. С. Арцыбашевъ и Н. Г. Устряловъ.

4120. Извлеченія изъ писемъ А. Д. Илличевскаго къ П. Н. Фуссу. **1864.** (10), 1050—1073.

4121. Отзывъ Германскаго ученаго о руководствахъ по исторіи Д. И. Иловайскаго. **1895.** II, (8), 510.

4122. Письмо И. Н. Инзова къ К. Я. Булгакову (о А. С. Пушкинѣ). **1863.** (12), 900—903.

4123. Воспоминаніе о Ѳ. И. Иноземцовѣ. С. А. Смирнова **1872.** (3—4), 718—737.

4124. Замѣтка къ воспоминанію о Ѳ.И. Иноземцовѣ. Гр. М. Д. Бутурлина. **1872.** (7—8), 1457—1461.

4125. Воспоминаніе о Ѳ. И. Иноземцовѣ. Н. Н. Губерти. **1898.** I, (2), 231 — 238. Поправка. (3), 478.

4126. Отзывъ А. С. Хомякова о К. Д. Кавелинѣ. **1885.** II, (6), 335—336.

4127. Письма К. Д. Кавелина къ Д. А. Валуеву. Съ предисл. Ю. П. Б(артенева). **1900.** I, (4), 567—594.

4128. К. Д. Кавелинъ о грамотности простонародья. **1902.** III, (12), 526.

4129. Александръ Касимовичъ Казембекъ. О. А. Боратынской. **1893.** III, (10), 209—226, (12), 537—5558 и 1894 (6), 165—174. Съ портретомъ.

4130. По поводу біографіи А. К. Казембека. Е. И. Козубскаго. **1894.** II (7), 414—415.

4131. Труды А. К. Казембека. О. А. Боратынской. **1894**. II, (2), 280—284.

4132. А. П. Ермоловъ и А. К. Казембекъ. Е. И. Козубскаго. **1893**. III, (12), 556—560.

4133. О Татарскихъ переводахъ Христіанскихъ книгъ. П. Знаменскаго. **1894**. III, (10), 243—249. По поводу его трудовъ.

4134. Письмо К. Ѳ. Калайдовича къ преосв. Амвросію. Сообщ. П. М. Строевымъ. **1869**. (10), 1715—1717.

4135. Два новонайденныя письма князя Антіоха Кантемира. Сообщ. С. А. Петровскимъ. **1889**. II, (8), 517—518.

4136. Письмо князя Антіоха Кантемира къ Ѳеофану Прокоповичу о пасторѣ Мильярдѣ. Съ предисл. П. И. Григоровича. **1869**. (9), 578—581.

4137. Вновь найденная эпиграма князя А. Д. Кантемира. **1865**. (10—11, 1358.

4138. Письмо В. В. Капниста къ А. А. Прокоповичу-Антонскому. **1892**. II, (8), 486.

4139. Записка В. Н. Каразина объ изданіи „Отечественнаго Архива". Письмо къ М. П. Погодину. **1893**. I, (1), 97—98. В. Н. Каразинъ и господство надъ природою. **1892**. II, (5), 75—90.

4140. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій и переводовъ Карамзина. М. Н. Лонгинова. **1864**. (7—8), 849—870.

4141. О сношеніи Карамзина съ Харьковскимъ университетомъ. Н. А. Лавровскаго. **1869**. (12), 2017—2021.

4142. Сто лѣтъ со дня рожденія Карамзина. М. Н. Лонгинова. **1865**. (12), 1532—1534.

4143. Еще о годѣ рожденія Карамзина. М. Ѳ. Шугурова. **1866**. (10), 1504—1507.

4144. О мѣстѣ рожденія М. Н. Карамзина. М. А. Дмитріева. **1865**. (12), 1534—1536.

4145. Письмо Карамзина къ императору Александру и Записка о дѣлѣ Рябинина. Съ послѣсл. В. И. Саитова. **1897**. II, (5), 110—112.

4146. Два письма Карамзина къ Н. И. Гречу. **1869**. (10), 1723—1724.

4147. Письма Карамзина къ Жуковскому. Съ примѣч. кн. П. А. Вяземскаго. **1868**. (11), 1827—1836.

4148. Два письма Карамзина къ Жуковскому въ Дерптъ. **1869**. (9), 1383—1386.

4149. Два письма Карамзина къ В. В. Измайлову. Сообщ. П. Г. Киченевымъ. **1869**. (3), 599—600.

4150. Письма и записки Карамзина къ Е. Ѳ. Муравьевой. (Сообщ. М. Л. Бибиковымъ). **1867**. (3), 455—466.

4151. Записка Карамзина къ неизвѣстному лицу. **1866**. (11—12), 1765—1766. Столкновеніе съ графомъ Закревскимъ.

4152. Послѣднія сношенія Карамзина съ Н. И. Новиковымъ. **1890**. III, (11), 367—375.

4153. Мое представленіе Карамзину. Изъ Записокъ М. П. Погодина. **1866**. (11—12), 1766—1770.

4154. Карамзинъ и В. Л. Пушкинъ. Изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля. **1863**. 295—298.

4155. Къ біографіи Карамзина. **1895**. III, (12), 493—497. Письма Карамзиной и Жуковскаго.

4156. Письма Карамзина къ гр. С. П. Румянцову. **1869**. (3), 587—599.

4157. Двѣ записки Карамзина къ Д. И. Языкову. **1868**. (7—8), 1103—1104.

4158. Судьба одной книги. Н. П. Барсукова. **1899**. I, (2) 265—268. Бумаги Карамзина.

4159. М. Н. Катковъ. Историческая поминка. Д. И. Иловайскаго. **1897**. I, (1), 119—144.

4160. Письма М. Н. Каткова къ А. П. Попову. **1888**. II, (8). 480—499.

4161. Живописецъ Малороссійской старины. (Г. Ѳ. Квитка). В. Н. Горленка. **1895.** I, (4), 465—473.

4162. Письмо Г. Ѳ. Квитки къ С. Т. Аксакову. **1903.** I, (3), 445—447.

4163. Н. Х. Кетчеръ. Некрологъ. **1886.** III, (12), 531—533.

4164. Н. Х. Кетчеръ. Воспоминанія А. В. Станкевича. **1887.** I, (3), 356—368.

4165. Родъ Кирѣевскихъ, со словъ П. В. Кирѣевскаго. **1877.** II, (8), 482.

4166. Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій. **1894.** II, (7), 325—348.

4167. Черты стариннаго дворянскаго быта. О В. И. Кирѣевскомъ. А. П. Петерсона. **1877.** II, (8), 479—482.

4168. И. В. Кирѣевскій и цензура „Московскаго Сборника". **1897.** III, (10), 287—291.

4169. Стихи И. В. Кирѣевскаго Мицкевичу. **1874.** II, (7), 223—224.

4170. Неизданная рукопись И. В. Кирѣевскаго. **1904.** II, (8), 495—498.

4171. Письма И. В. Кирѣевскаго. Сообщ. М. В. Безъ. **1906.** III, (12), 571—595.

4172. Изъ писемъ И. В. Кирѣевскаго къ Жуковскому. **1870.** (4—5). 959—965.

4173. Письмо И. В. Кирѣевскаго къ А. С. Пушкину. **1896.** II, (8), 574—575.

4174. Письма братьевъ Кирѣевскихъ. **1894.** III (10), 207—224.

4175. Петръ Васильевичъ Кирѣевскій. Его письма. **1905.** II, (5), 113—173.

4176. Къ біографіи комика Княжнина. Копія записки Екатерины II-й. Съ примѣч. Г. Н. Александрова. **1873.** II, (9), 1796.

4177. Поправка о Княжнинѣ. **1873.** II, (11), 02297—02298.

4178. Изъ розыскного дѣла о трагедіи Княжнина „Вадимъ". **1863.** 467—473.

4179. А. Т. Князевъ. Трудолюбецъ прошлаго вѣка. Н. П. Барсукова. **1885.** II, (8), 461—474.

4180. Слагатель акаѳистовъ А. Ѳ. Ковалевскій. Гр. Г. А. Милорадовича. **1902.** I, (4), 740—741.

4181. Памяти Евгр. П. Ковалевскаго и письмо Н. И. Тургенева къ кн. П. А. Вяземскому. Съ предисл. Н. П. Барсукова. **1872.** (6), 1195—1205.

4182. Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій. А. А. Половцова. **1884.** II, (3), 223—224.

4183. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій И. И. Козлова. М. Н. Лонгинова. **1864.** (2), 230—232.

4184. Мое знакомство съ И. И. Козловымъ. И. В. Селиванова. **1903.** III, (12), 665—668.

4185. Изъ бумагъ И. И. Козлова. А. С. Хомутова. **1886.** I, (2), 177—202. (3), 309—319. Письма Жуковскаго, Вяземскаго, Баратынскаго. Гнѣдича, Загоскина, И. П. Мятлева, А. Н. Муравьева, А. П. Голицына, Шатобріана, гр. Е. Е. Комаровскаго, гр. Ал-дры Григ. Лаваль и гр. Маріи Потоцкой.

4186. В. А. Кокоревъ. Некрологъ. П. И. Бартенева. **1889.** II, (5). 160.

4187. Изъ рукописей Кольцова. Сообщено А. З. Зиновьевымъ. **1875.** III, 111. 394—397. Письмо А. В. Кольцова къ Бѣлинскому.

4188. Замѣтка о А. В. Кольцовѣ, Д. Н. Бѣгичевѣ и Н. И. Кривцовѣ. Д. Д. Рябинина. **1874.** II, (9), 725—728.

4189. Неизданныя стихи А. В. Кольцова. М. Ѳ. де-Пуле. **1864.** (9), 990—1001.

4190. Неизданные стихи Кольцова. Сообщ. А. Н. Аѳанасьевымъ. **1871.** (1), 0250.

4191. Письма П. А. Кулеша къ О. М. Бодянскому. **1892.** III, (11). 291—304.

уснащеннымъ иностранными словами (что̀ обличаетъ лѣность мысли, либо желаніе хвастнуть ученостью), Императорская Публичная библіотека и три Московскихъ Музея полны-полнехоньки, если не книгами и предметами, то читателями и посѣтителями.

Музею 1812 года подобаетъ быть не въ Москвѣ только, но и въ Петербургѣ, откуда пошли мѣропріятія, приведшія въ Россію Наполеона, который грозилъ и Петербургу, тревожно ожидавшему его нашествія. Даже памятникъ Петра Великаго готовили къ увозу.

Память у народовъ, сто лѣтъ назадъ, была болѣе тверда и чутка, нежели теперь. Германія, Италія, Франція въ 1812 году находились еще подъ впечатлѣніемъ Суворовскаго похода 1799 года. Австрійскіе Славяне понимали рѣчь Русскихъ солдатъ. Германія помнила наши побѣды въ Семилѣтнюю войну, когда Фридрихъ Великій, поражаемый Русскими войсками, готовъ былъ по собственному сознанію лишить себя жизни; для Французовъ же Русскіе казались выходцами изъ Азіи. Въ 1825 г. въ Парижскомъ театрѣ, къ А. С. Хомякову, выразившему радостное изумленіе звукамъ Русской пѣсни въ одной изъ Моцартовскихъ оперъ, Французъ сидѣвшій подлѣ обратился съ наивнымъ вопросомъ: Chante-t on chez vous? (развѣ у васъ поютъ?); а въ семидесятыхъ годахъ Французы, указывая пишущему эти строки на бывшія тогда Русскія бумажныя деньги съ изображеніями до-Петровскихъ государей, говорили: Ce sont vos Bachkirs. (Это ваши Башкиры). Наполеону не трудно было возбудить Европейское населеніе противъ Россіи, якобы грозившей имъ варварскимъ вторженіемъ, и нашествіе на Россію 1812 года выставлялось дѣломъ спасенія такъ называемой цивилизаціи. Затѣянный въ Петербургѣ, вопреки завѣтамъ Екатерины Великой (при которой не пролито капли Русской крови для выгодъ чужеземныхъ), Итальянскій походъ нашъ 1799 года привелъ къ намъ Европейское нашествіе, на разореніе Россіи и сожженіе Москвы. Но тотъ же Петербургъ великимъ царскимъ словомъ: „не положу оружія“..., произнесеннымъ вопреки моленіямъ матери и брата о мирѣ, спасъ Россію отъ порабощенія.

И такъ слѣдуетъ и Петербургу имѣть военно-историческій Музей 1812 года, лишь бы не для киченія, а въ поученіе, въ успѣхъ народнаго самосознанія, въ благодарную память императору Александру Павловичу и Русскому народу, про котораго нѣкогда Мирабо̀ выразился, что это самый *ковкій* на свѣтѣ народъ (le plus malléable du monde). Въ Московскій Музей могутъ собираться преимущественно книги и вещи, относящіяся до графа Ростопчина, въ Петербургскій—до князя Кутузова. Но какъ библіотеки, такъ и музеи цѣнны не столько обиліемъ книгъ и предметовъ, какъ подборомъ ихъ, а процвѣтаютъ или падаютъ они въ полной зависимости отъ лицъ, которыя завѣдуютъ ими. П. Б.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907 года.

(Годъ 45-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1907 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 50 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Московскіе подписчики 1907 года, покупая вмѣстѣ и весь 1906 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**